



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES



3 3433 07919778 0

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

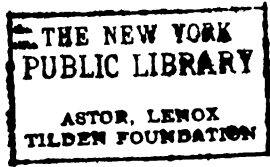
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОИ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

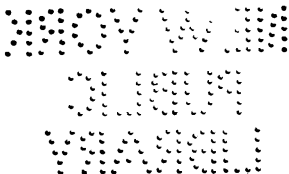
1860



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконоенное число экземпляровъ. Москва, 12-го іюля 1860 года.

Ценсоръ *И. Расковниковъ*



ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА.

ИЮЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	<i>Стр.</i>
Приобрѣтеніе собственности и поземельныя книги. I—V.	
<i>К. П. Побѣдоносцева</i>	5 ✓
Фальшивый аккордъ. Повѣсть. I—XII. <i>Иды Берюнь</i>	40 ✓
Гонъ-Конгъ. I—III. <i>А. В. Вышеславцева</i>	105 ✓
Уголовное право во Франціи. (Изъ <i>Law Magazine and Law Review</i>)	161
Освобожденіе царицы Евдокіи Ѳедоровны. <i>Г. В. Есипова</i> . 182 ✓	182 ✓

ИЮЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Приобрѣтеніе собственности и поземельныя книги. VI—XI (Окончаніе.) <i>К. П. Побѣдоносцева</i>	193
Современное состояніе коннозаводства въ Россіи. <i>Л. Ива- нова</i>	231 ✓
Ж О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. I—II. <i>Г. Ф. Голова- чова</i>	267 ✓
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть первая. I—III. <i>В. Крестовскаго</i>	286 ✓
Очерки животной жизни. Статья <i>Г. Г. Льюиса</i> . I	348

АВГУСТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Разказы изъ русской исторіи. I—III. <i>С. М. Соловьева</i>	369 ✓
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть первая. IV—VI. (Продолженіе.) <i>В. Крестовскаго</i>	403

— О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. III—IV. (Окончаніе.) <i>Г. Ф. Головайчова</i>	457
Английскіе суды. Изъ путевыхъ замѣтокъ. I. <i>М. И. Заруднаго</i>	481
Очерки животной жизни. Статья <i>Г. Г. Льюиса</i> . II.	503

АВГУСТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. <i>Н. Карлофа</i>	517 ✓
Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. IX. Департаменты Марны, Верхней-Марны и Обы. (Прежняя провинція Шампань.) <i>Евгенія Бонмера</i>	551
Одинъ изъ мажиковъ XVIII вѣка. <i>М. Н. Лонгинова</i>	579 ✓
Английскіе суды. Изъ путевыхъ замѣтокъ. II—III. <i>М. И. Заруднаго</i>	604
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть вторая. I — IV. (Продолженіе.) <i>В. Крестовскаго</i>	632
Очерки животной жизни. Статья <i>Г. Г. Льюиса</i> . III.	709

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Въ № 13. Комета. <i>Н. Н. Страхова</i>	191
Въ № 14. «Жарко сохнущей землѣ». <i>Вс. В. Крестовскаго</i>	368
Въ № 15. «Въ тиши моей жизни ничтожной». <i>Н. Н. Страхова</i>	516
Штиль. (Изъ Гёте.) <i>Ө. Э. Ромера</i>	516

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота.

ПРИБРЪТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ

И

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ

I.

Предметомъ права гражданскаго вообще можетъ быть все то, что можетъ подлежать власти лица, служить ему средствомъ для достиженія юридической цѣли. Субъектъ права, *лицо*, въ самомъ себѣ заключаетъ цѣль свою, самъ служить себѣ цѣлю; напротивъ, то, что можетъ быть предметомъ права, не имѣетъ личной самостоятельности, не служитъ само себѣ цѣлю, но служитъ для удовлетворенія потребностей лица. Совокупность всѣхъ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія юридическихъ потребностей одного лица, составляетъ его имущество.

Это имущество состоитъ, во первыхъ, изъ предметовъ матеріальной, внѣшней природы, находящихся во власти лица; во вторыхъ, изъ принадлежащихъ этому лицу правъ на дѣйствія другихъ лицъ. Отсюда главное раздѣленіе всѣхъ предметовъ права по имуществу на *вещи* и *требованія*, обязательства. Тѣ и другія не составляютъ однакоже замкнутыхъ отдѣловъ, но состоятъ въ необходимой взаимной связи. Власть челоуѣка надъ *вещію* содержитъ въ себѣ *право*, основывается на *правѣ*:

требованіе лица къ лицу проистекаетъ также изъ *права* и на правѣ основано; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, интересъ права заключается въ вещи, ибо и требованія гражданскаго права большею частію (то-есть за исключеніемъ требованій семейственнаго права) возникаютъ по поводу *вещи* или имѣютъ цѣлю приобрѣтеніе *вещи*. Но отношеніе лица къ вещи въ томъ и другомъ случаѣ не одинаковое. Хозяинъ вещи имѣетъ прямую и непосредственную власть надъ нею; отношеніе его къ вещи прямое и непосредственное. «Домъ мой, земля моя, книга моя,»—слова эти имѣютъ дѣйствительное, истинное, прямое значеніе; но кто имѣетъ требованіе къ извѣстному лицу по поводу вещи, тотъ состоитъ къ ней въ *посредственномъ*, въ непрямомъ отношеніи, касается ея лишь *посредствомъ* того лица, съ которымъ состоитъ въ обязательствѣ, а *непосредственно* относится лишь къ этому лицу, а не къ вещи. У меня есть деньги. Покуда они въ моей собственности, я могу сказать не ошибаясь: «*мои* деньги, *моя* тысяча рублей»; но какъ скоро я далъ ихъ взаймы, я не могу уже сказать: «*мои* деньги», въ строгомъ смыслѣ слова. *Мое* теперь *требованіе*, мое заемное письмо; деньги перешли во власть моего должника, сдѣлались его *вещію*; вмѣсто того между нимъ и мной образовалось *непосредственное* обязательное отношеніе, а между мной и бывшими моими деньгами отношеніе *посредствомъ* моего должника. Я ожидаю съ большею или меньшею увѣренностію, что онѣ снова возвратятся ко мнѣ, въ число моихъ вещей; но это возвращеніе зависитъ уже не отъ непосредственной власти моей надъ капиталомъ, которой я уже лишился, но отъ власти моей надъ дѣйствіемъ моего должника и отъ этого дѣйствія. Мнѣ принадлежитъ земля въ Саратовской губерніи: хотя бы я жилъ въ Москвѣ, я имѣю право называть эту землю *своею землей*; но когда владѣлецъ земли обязался въ извѣстный срокъ совершить на мое имя купчую на эту землю, я не могу еще назвать эту землю *своею*, хотя бы жилъ на ней, а своимъ могу назвать только право на приобрѣтеніе этой земли, по обязательству ея владѣльца. Имѣя власть надъ *вещію*, я обладаю *вещію приобрѣтенною*, я *приобрѣлъ* самую вещь; имѣя требованіе по поводу вещи, я обладаю только *правомъ* на ея приобрѣтеніе. Первое есть осуществленное право на вещь, второе—осуществимое право на вещь; но и это послѣднее право, хотя существуетъ еще въ видѣ требованія, входитъ тоже въ составъ имущества того лица, кому принадлежитъ.

По этимъ признакамъ всякое право по имуществу признается или вещнымъ или личнымъ правомъ. И тому и другому праву непременно соотвѣтствуетъ обязанность. Вещное право возбуждаетъ всеобщую, безусловную, отрицательную обязанность—относительно къ хозяину вещи не дѣлать ничего, что могло бы нарушить его право. Эта обязанность одинаково лежитъ на всякомъ, кто не хозяинъ вещи. Личное право возбуждаетъ не общую и безусловную, но индивидуальную и относительную обязанность, возлагаемую не на всѣхъ безразлично, а только на опредѣленные лица, состоящія въ опредѣленномъ личномъ отношеніи къ субъекту этого права. Первое право можно противопоставить всѣмъ и каждому; послѣднее, относительно вещи, по поводу которой оно возникло, можно противопоставить только извѣстному лицу.

Различіе это весьма важно, не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ смыслѣ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ цѣлю права служить вещь, отношеніе касается имущества. Но въ первомъ случаѣ право неразрывно связано съ вещію, не отстаетъ отъ нея, переходитъ вмѣстѣ съ нею, въ чьихъ бы рукахъ, въ какомъ бы положеніи вещь ни находилось; оно прикрѣплено къ ней до тѣхъ поръ, пока или вещь не уничтожится, или хозяинъ самъ не захочетъ разорвать свой союзъ съ ней, отказаться отъ нея, уступить ее другому, обмѣнять ее, превратить ее въ другую цѣнность. Въ чей бы власти ни находилась она, хозяинъ ея все-таки въ правѣ говорить объ ней: «*моя вещь*». Мнѣ принадлежитъ право собственности на домъ. Безъ моего вѣдома и согласія посторонній присвоилъ его себѣ и продалъ третьему лицу; этотъ перепродалъ четвертому, и т. д. Сколько бы ни было перепродажъ и переходовъ, я все-таки называю домъ *своимъ*. Послѣдній владѣлецъ противъ моего требованія не въ правѣ сослаться на то, что онъ купилъ домъ по формальному акту, заплатилъ за него деньги; не въ правѣ требовать, чтобъ я принялъ отъ него эти деньги вмѣсто самаго дома. Домъ *мой*; я требую его какъ свой, и кто бы ни владѣлъ имъ, несмотря ни на какія обязательныя отношенія къ другимъ лицамъ, обязанъ возратить мнѣ домъ—мою собственность.

Въ послѣднемъ случаѣ, когда мнѣ принадлежитъ одно *личное* право, по обязательству или договору, право мое связано съ *лицомъ* моего должника или контрагента: лицо обязывается въ отношеніи ко мнѣ. Правда, вѣря на примѣръ лицу должника,

его личной состоятельности, я большею частию вѣрю въ то же время и состоятельности его имущества, разчитываю на его имѣніе. Но право имѣю я только на дѣйствіе должника, а не на имущество его, такъ что если ему вздумается продать все свое имущество, я не въ правѣ въ томъ ему воспрепятствовать, если не могу доказать злаго умысла съ его стороны. Такое право, связанное съ личностію, вмѣстѣ съ нею и переходитъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вообще допускается преемство въ правахъ личныхъ.

Далѣе: съ вещнымъ правомъ связано особенное свойство исключительности, преимущества, предпочтенія. Это значить, что когда я имѣю право на вещь, никому не можетъ въ то же самое время принадлежать то же самое право на ту же самую вещь, и если бы по какому-нибудь случаю такое же право, мимо моей воли, предоставлено было другому лицу, оно само по себѣ ничтожно, недѣйствительно. Сосѣдь продалъ мнѣ домъ. Я приобрѣлъ на этотъ домъ право собственности. Вслѣдъ за тѣмъ, тотъ же продавецъ совершилъ на тотъ же самый домъ купчую другому лицу. Хотя бы этотъ домъ и не находился въ дѣйствительномъ моемъ владѣніи, я въ правѣ почитать его своимъ, и вторая купчая должна считаться недѣйствительною. Мнѣ заложена земля: въ силу залога съ этою землею стало нераздѣльно связано право мое на удовлетвореніе. Затѣмъ, сколько бы на владѣльцѣ этой земли ни было долговъ, при удовлетвореніи ихъ я иду впереди всѣхъ кредиторовъ, хотя бы у должника моего не было ровно никакого имущества кромѣ заложенной мнѣ земли. Напротивъ, въ послѣднемъ случаѣ, когда обязаннымъ въ отношеніи ко мнѣ состоитъ только лицо моего должника, онъ можетъ выдавать еще сколько угодно обязательствъ, хотя бы всѣ они были выданы позже моего по времени, мое не имѣетъ никакого предъ ними преимущества, и, при удовлетвореніи, я долженъ буду войти въ состязаніе со всѣми прочими кредиторами.

Таковы главныя, отличительныя черты вещнаго и личнаго права. Это различіе коренится въ сущности понятія о вещи и о личномъ дѣйствіи; слѣдовательно ни одно положительное право не можетъ обойтись безъ этого различія понятій. Но не во всякомъ законодательствѣ эти свойства правъ одинаково распредѣляются, и различіе ихъ не вездѣ положено въ основаніе системы гражданскаго права. Такъ въ нашей системѣ изъ различія этихъ началъ не создано особой категоріи правъ, но

тѣмъ не менѣе начала эти и у насъ, такъ же какъ вездѣ, являются, въ примѣненіи закона, великое свое значеніе. Что именно должно причислить къ обязательствамъ, и что къ вещнымъ правамъ, вопросъ этотъ въ разныхъ законодательствахъ разрѣшается не одинаково, такъ какъ многія важныя обязательства имѣютъ цѣлю установить право на вещь. По этому въ иныхъ законодательствахъ и право, возникающее по обязательству, причисляется иногда къ вещнымъ правамъ, когда съ нимъ соединено исключительное владѣніе вещью, хотя бы она состояла и въ чужой собственности.

II.

Всякое прибрѣтеніе есть прежде всего—актъ воли прибрѣтающей. Необходимо взять, принять, для того чтобы прибрѣсть, усвоить себѣ. Чего я не хочу взять какъ *право гражданское*, того нельзя дать силой, навязать мнѣ.

Даже: прибрѣтается *нѣчто*, вещь, переходящая въ имущество прибрѣтателя. Что прибрѣтается, то должно быть, *существовать въ дѣйствительности*. Иначе прибрѣтеніе вещнаго права немыслимо. Стало-быть, для того чтобы возникло вещное право, должна существовать *вещь, способная къ прибрѣтенію*,—вещь, способная къ тому, чтобы всею своею природою, или однимъ изъ вещественныхъ качествъ этой природы, перейти въ частное обладаніе. Если такой вещи нѣтъ на лицо, но кто-нибудь обязуется доставить ее мнѣ, внести ее въ составъ моего имущества, тогда я прибрѣтаю только право на это дѣйствіе другаго лица, но еще не прибрѣтаю ни самой вещи, ни вещнаго права въ ней.

Эта вещь могла существовать прежде чѣмъ я прибрѣлъ ее (что, обыкновенно, часто случается). Но можетъ случиться, что бытіе вещи возникаетъ въ самую минуту прибрѣтенія. Могъ я самъ дать ей бытіе, обработавъ сырой матеріалъ своимъ трудомъ или искусствомъ; и съ этой минуты вещь, одолженная мнѣ бытіемъ своимъ, стала моею вещью. Изъ нѣдръ вещи, бывшей моею собственностью, въ необходимой связи съ нею, могла возникнуть новая вещь, дѣйствіемъ природы, труда моего, или силой экономическихъ законовъ общества: возникнувъ,

она становится моею. Таковы плоды, доходы, проценты съ капитала, — приращенія.

Вещь могла быть собственностью, имуществомъ, предметомъ гражданскаго права прежде той минуты, когда я приобрѣлъ ее. Въ такомъ случаѣ мѣняется только субъектъ права, лицо, а предметъ права остается тотъ же, и вещь, переходя къ приобретателю, сохраняетъ то же качество имущества, которое имѣла при переходѣ. Но можетъ случиться, что вещь приобретаемая, хотя и существовала въ дѣйствительности, въ матеріальномъ мірѣ внѣшней природы, однако не была еще, или перестала быть предметомъ гражданскаго права. Я въ первый разъ дѣлаю ее такимъ предметомъ, налагая на нее свою волю, покрывая ее своею личностью, внося ее въ сферу гражданскаго обладанія. Послѣдній признакъ относится къ такъ-называемымъ первоначальнымъ способамъ приобретенія, первый къ производнымъ. Въ случаяхъ перваго рода (весьма рѣдко встрѣчающихся при настоящемъ состояніи общества), нѣтъ и быть не можетъ никакого преемства; въ случаяхъ втораго рода непременно есть смѣна лицъ, обладающихъ правомъ, есть слѣдовательно *преемство*.

Но это преемство, тамъ гдѣ оно есть, бываетъ неодинаковое. Всякое преемство происходитъ изъ соединенія двухъ воль, изъ которыхъ одна намѣренно отступаетъ отъ вещи, другая намѣренно вступаетъ въ обладаніе тою же самою вещью. Соединеніе этихъ воль не всегда одинаково; не одинакова и степень ихъ участія въ переходѣ права на вещь.

Преемство можетъ происходить отъ равномѣрнаго соединенія двухъ воль, находящихся въ равновѣсіи между собою и выражающихся въ одно время. Такова *сдѣлка*, вслѣдствіе коей одна сторона, по предварительному соглашенію съ другою стороною, передаетъ ей имущество. Здѣсь объ воли относятся одна къ другой *длительно*; та и другая воля дѣйствуетъ; ни одна не ограничивается пассивнымъ отношеніемъ *воспринимающей* воли. Сюда относятся: купля, продажа, мѣна, и всѣ вообще договоры и обязательства, въ коихъ господствуетъ условіе (*conditio*).

Преемство происходитъ и отъ неравномѣрнаго соединенія двухъ воль, изъ коихъ одна свободно, самостоятельно, безъ предварительнаго соглашенія передаетъ другой сторонѣ право на имущество, или безусловно, или устанавливая образъ и мѣру обладанія (*modus*); а другая воля относится къ первой пас-

сивно, воспринимая первую, изъясляя согласіе на принятіе права или вещи: здѣсь, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ сдѣлки; здѣсь есть только согласіе, или покрайней мѣрѣ нѣтъ отказа; положительной дѣятельности съ одной стороны не требуется, а возможна дѣятельность отрицательная. Сюда относятся такъ-называемые дарственные способы прибрѣтенія между живыми. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ способѣ, обѣ воли стоятъ въ наличности одна противъ другой; могутъ соединиться, встрѣтиться и разойтись одновременно, имѣютъ возможность взаимно опредѣлиться. Но бываютъ случаи, когда воля дѣйствующая, воля дающаго не имѣетъ возможности одновременно соединиться съ волею другой стороны. Выразившись однажды самостоятельно, она не имѣетъ возможности войти въ сдѣлку или соглашеніе съ другою волей, и сама получаетъ силу только тогда, когда отдѣляется отъ личности, отъ которой получила свое бытіе. Въ ту минуту, когда дѣлается необходимымъ, для прибрѣтенія, пассивное участіе воспринимающей воли, воля дающая стоитъ передъ нею какъ нѣчто безвозвратное, уже не имѣющее возможности измѣнить, вновь опредѣлить себя. Сюда относится преемство *завѣщательное*.

Отдѣльное бытіе лица прекращается смертію, уничтоженіемъ гражданской личности: предметъ права лишается своего субъекта. Но какъ всякій предметъ права, находящійся въ обращеніи, въ сферѣ гражданской жизни и еще существующій въ наличности, непременно требуетъ себя субъекта, а умершій не выразилъ своей воли, потому что не хотѣлъ или не могъ ее выразить, то является *преемство необходимое*. Оно опредѣляется общимъ сознаниемъ, общественною волей, къ которой воля принимающаго относится пассивно. Передающаго лица здѣсь нѣтъ, воля передающаго не выразилась положительно, развѣ только предполагается, такъ что мимо положительнаго ея выраженія, предметъ права не передается, а *самъ собою переходитъ*, вслѣдствіе необходимости общественной и юридической. Это преемство наследственное, наследство по закону.

Такое преемство полное, въ которомъ выражается или равнодѣльное дѣйствіе каждой воли или дѣйствіе воли передающей при содѣйствіи воли принимающей. Но иногда право на имущество образуется, помимо всякаго участія передающей воли, безъ всякой передачи, при участіи одной только личной воли—не принимающаго, ибо принять не откого, но воли берущаго, посредствомъ

случайнаго или намѣреннаго, дѣло даже насильственнаго, односторонняго *овладѣнія*. Право возникаетъ здѣсь, или вслѣдствіе того, что по необходимости приурочить каждую вещь къ лицу, законъ утверждаетъ вещь за тѣмъ, кто является безспорнымъ ея хозяиномъ; или вслѣдствіе такого временнаго и случайнаго состоянія общественнаго, въ которомъ грубая сила при извѣстныхъ условіяхъ освящается закономъ, и нормальныя понятія о *моемъ* и *твоемъ* приостанавливаются въ дѣйствіи; или наконецъ вслѣдствіе законнаго предположенія о томъ, что прежній хозяинъ вещи оставилъ ее и стало-быть необходимо положить предѣлъ неопредѣленному состоянію права. (Находка, добыча, давность; къ недвижимымъ имуществамъ примѣняется только послѣдняя.) Здѣсь искусственно превращается въ право то, что по началу было только фактомъ, одностороннимъ дѣйствіемъ силы и личной воли.

III.

Вопросъ о томъ, съ какого времени и при какихъ условіяхъ можно признать вещь за право окончательно-установившимся, рѣшительно приобрѣтеннымъ, принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ практическихъ вопросовъ юридическаго быта. Съ перваго взгляда, казалось бы, достаточно полнаго, окончательнаго соглашенія сторонъ, для того чтобы право могло считаться приобрѣтеннымъ. Но въ матеріальной природѣ вещей есть такія требованія, которыхъ не можетъ обойти никакая теорія. Какъ бы рѣшительно ни была изъявлена личная воля, одного выраженія этой воли недостаточно для приобрѣтенія вещнаго права, если воля эта не осуществилась еще въ самой вещи, и личность приобрѣтающаго не соединилась съ вещью въ той мѣрѣ, какая нужна для приобрѣтенія.

Поэтому, во всѣхъ тѣхъ способахъ приобрѣтенія права на вещь, въ которыхъ есть преемство, замѣна одного лица другимъ въ существующемъ предметѣ права, необходимо различать два отдѣльные момента, два существенныя условія для приобрѣтенія. Это, во-первыхъ, минута, когда соглашеніе двухъ воль производитъ съ одной стороны право, съ другой стороны—обязанность: такъ образуется *основаніе* права, но право это не выходитъ еще изъ предѣловъ личнаго отношенія; взаимная связь требованія съ обязанностію относится еще къ

известнымъ лицамъ, вступившимъ между собою въ соглашеніе. Въторыхъ, это та минута, въ которую образовавшееся личное право становится правомъ *вещнымъ*, совершается дѣйствительный переходъ вещи изъ власти одного лица во власть другаго, такъ что приобретающій можетъ назвать вещь *своею*.

Это различіе весьма важно: необходимо обратить на него особенное вниманіе. Нѣтъ ни одного законодательства, въ которомъ оно не выразилось бы, потому что различіе это коренится въ самой сущности процесса образованія правъ вотчинныхъ или вещныхъ. Совершается соглашеніе, возникаетъ основаніе права. Съ этой минуты возникаетъ право требовать вещь, но это не значитъ еще, что совершился переходъ вещи, что образовалось новое право собственности. Сторона дающая или обѣщающая становится только въ положеніе лица обязаннаго; принимающая — получаетъ право требовать, но еще не становится собственникомъ вещи; связь лица съ вещью еще посредственная. Я не могу еще назвать вещь *своею*. Стало-быть, если тотъ, кто предоставилъ ее мнѣ, прежде чѣмъ вещь дѣйствительно перешла въ мою собственность, успѣлъ предоставить ее другому, съ полною передачей права собственности, то я не могу непремѣнно требовать самъ же вещи, ибо не могу еще назвать ее *своею*, а чѣмъ право только требовать себѣ вознагражденія за то, что вещь, предоставленная прежде мнѣ, отдана потомъ другому. Для того чтобъ установилась непосредственная связь челоуѣка съ вещью, надобно еще, чтобы принимающее лицо сдѣлалось дѣйствительнымъ собственникомъ, чтобъ оно овладѣло вещью, держало ее за собою, положило на нее свою личность. Только съ этой минуты, съ перехода *самой вещи* изъ одной въ другую сферу частнаго обладанія, возникаетъ дѣйствительное вотчинное или вещное право. Определить минуту этого перехода весьма важно, особенно въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ, и преимущественно въ отношеніи къ поземельной собственности, потому что здѣсь затрудительно распознать по естественному признаку, что кончилось матеріальное обладаніе одного лица и началось матеріальное обладаніе другаго лица: оттого у всѣхъ образованныхъ народовъ признано было необходимо установить искусственные признаки для удостовѣренія перехода недвижимой собственности. Съ этой цѣлю прибрѣтеніе ея совершалось *публично*.

Такъ было и у Римлянъ, къ которымъ, волей или неволей,

должны мы обращаться всякій разъ, когда хотимъ уяснить себѣ понятія объ общихъ началахъ права. Простое изъявленіе воли не считалось у нихъ достаточнымъ для перехода собственности, для пріобрѣтенія вещнаго права. Надлежало еще утвердить его за собою совершеніемъ дѣйствія, соответствовавшего физическому овладѣнію вещью. Для этого употреблялись въ древнемъ періодѣ римскаго права формы судебной передачи, *in jure cessio*, и передачи при свидѣтеляхъ, *mancipatio*. Но значеніе этихъ формъ ослабилось мало-по-малу съ распространеніемъ области римскаго государства; строгая форма квинтискаго права уступила влиянію права общенароднаго: къ землевладѣнію въ провинціяхъ форма эта не примѣнялась, а между тѣмъ это землевладѣніе, съ расширеніемъ провинцій, получало болѣе и болѣе важное значеніе. Такъ, съ теченіемъ времени, въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ установилась новая, болѣе свободная, форма пріобрѣтенія: принято было за правило, что переходъ поземельной собственности такъ же какъ переходъ собственности въ движимыхъ вещахъ совершается посредствомъ простой передачи владѣнія, или традиціи. Въ этой передачѣ личная воля осуществлялась посредствомъ перехода *владѣнія*. Пріобрѣтатель, для того чтобы сдѣлаться собственникомъ, долженъ сдѣлаться владѣльцемъ, такъ что вмѣстѣ съ владѣніемъ, основаннымъ на свободномъ выраженіи способной воли, переходитъ къ нему и право собственности. Форма эта въ Юстиніанову эпоху сдѣлалась господствующею, и понятіе о традиціи перешло вмѣстѣ съ римскимъ правомъ въ сознаніе новыхъ европейскихъ народовъ.

Но и независимо отъ римскихъ понятій въ древнемъ германскомъ правѣ образовалась своеобразная система пріобрѣтенія вещныхъ правъ: понятіе о пріобрѣтеніи получило особенную важность относительно поземельной собственности, такъ какъ земля почиталась важнѣйшимъ предметомъ частнаго обладанія, и на поземельномъ владѣніи основана была система общественнаго управленія и общественныхъ правъ и обязанностей. Изъ памятниковъ средневѣковаго германскаго законодательства видно, что одного соглашенія частныхъ лицъ, и даже передачи владѣнія вслѣдствіе договора, не было еще достаточно для перехода собственности. Для этого считалось необходимымъ торжественное объявленіе передачи публично, съ совершеніемъ символическихъ дѣйствій передъ народнымъ судомъ, или въ крайнихъ случаяхъ, передъ свидѣтелями, слу-

жившими замѣной суда. Дѣйствию этому присвоивалось техническое названіе Sala, Salung, въ послѣдствіи Gerichtliche Auflassung, но его не слѣдуетъ смѣшивать со вводомъ въ дѣйствительное владѣніе имуществомъ (investitura, Gewere); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для полного утвержденія собственности требовалось совершеніе и этого послѣдняго обряда, требовалось, чтобы новый хозяинъ, непрерывнымъ дѣйствительнымъ владѣніемъ въ теченіе трехъ сутокъ, явственно выразилъ начало матеріальной власти своей надъ имуществомъ, на первое дѣйствіе, то-есть публичное объявленіе передачи, во всякомъ случаѣ считалось самымъ важнымъ и безусловно необходимымъ, а послѣдствіи самый вводъ во владѣніе утратилъ значеніе особаго обряда, слившись съ обрядомъ судебного объявленія. Феодалное право придало этому обряду свои особенныя свойства и формы, такъ что для перехода собственности, входившей въ сферу верховнаго частнаго права, требовалось содѣйствіе верховнаго собственника: ленное имущество передавалось съ согласія верховнаго владѣльца, или уполномоченнаго имъ управителя въ ленномъ судѣ; крестьянское имущество—передъ землевладѣльцемъ или вотчиннымъ начальникомъ; аллодіальное имущество—передъ земскимъ судомъ или земскимъ правителемъ, въ присутствіи стороннихъ владѣльцевъ. Переходъ имущества въ городахъ совершался передъ городскимъ судомъ или совѣтомъ съ запиской въ книгу о городскихъ имуществахъ. Подобный же порядокъ существовалъ, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи (1) и въ бельгійскихъ провинціяхъ. Формы эти имѣли важное практическое значеніе и для публичнаго, и для частнаго права: съ соблюденіемъ ихъ связано было обезпеченіе правъ и повинностей феодалныхъ: общинныхъ и государственныхъ. Не ранѣе какъ съ совершеніемъ установленнаго обряда переходило къ новому пріобрѣтателю вещное право: то-есть, къ аллодіальному владѣльцу—собственность, къ ленному—зависимое его владѣніе и пользованіе, къ городскому владѣльцу—право на землю подъ строеніемъ. Право становилось съ этой минуты вещественнымъ, и оттого совершеніе перехода получило техническое назва-

(1) Это были такъ-называемые paus de nantissement. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что французскія формы и обряды перехода собственности были тоже германскаго происхожденія.

ніе *реализаціи*. Она соответствовала римской передачѣ, съ тою разницею, что формальная реализація не требовала безусловно передачи дѣйствительнаго владѣнія. Приобрѣтатель получалъ право самъ собою вступить во владѣніе приобрѣтеннымъ имуществомъ, если не встрѣчалъ сопротивленія; въ противномъ случаѣ могъ требовать отъ судебной власти ввода во владѣніе; но полное, совершенное право на защиту своего владѣнія отъ всѣхъ и каждаго, а не отъ одного только своего контрагента (*Gewere*), новый владѣлецъ получалъ лишь въ такомъ случаѣ, когда владѣніе его, вмѣстѣ съ владѣніемъ того, въ чье право вступилъ онъ по передачѣ, продолжалось не менѣе года со днемъ. Только на этомъ основаніи утверждалась за нимъ безспорная защита владѣнія противъ всякаго притязанія, протіворѣчающаго основанію его собственности, праву его или того лица, отъ котораго по договору перешло къ нему владѣніе. Эта германская давность, которою окончательно утверждалось за владѣльцемъ право собственности на приобрѣтенное имущество, отличалась отъ римской давности тѣмъ, что для дѣйствія ея необходимо было предварительное *совершеніе обряда реализаціи*: одно владѣніе, хотя и безспорное, и добросовѣстное, и основанное на законномъ актѣ частной воли, само по себѣ не могло вести къ признанію за приобрѣтателемъ безспорнаго и безусловнаго права. Правильное совершеніе реализаціи было для этого необходимо, но съ другой стороны и правильно совершенная реализація, и спокойное вслѣдствіе ея владѣніе не утверждали за владѣльцемъ безусловнаго права, если самый договоръ, на которомъ основана была реализація, оказывался въ послѣдствіи не дѣйствительнымъ. Если на одно и то же имущество предъявлялось право со стороны двухъ лицъ по законнымъ актамъ преобрѣтенія, то вотчинное право утверждалось за тѣмъ, кто имѣлъ на своей сторонѣ законную реализацію или успѣлъ исполнить обрядъ ея по своему акту прежде другаго. Такимъ образомъ обрядъ реализаціи получилъ существенное значеніе и сдѣлался такъ-сказать ключевымъ сводомъ германской системы преобрѣтенія и укрѣпленія вотчинныхъ правъ; а со введеніемъ письменнаго производства вошло въ обычай объявленіе перехода совершать передъ судомъ письменно; позднѣе, во многихъ мѣстахъ, особенно по городамъ, заведены даже особыя поземельныя книги, въ которыя вписывались по каждому округу переходы недвижимой собственности.

Но не внесеніе въ книгу само по себѣ служило признакомъ совершившагося перехода, а *публичное объявленіе* передачи передъ судомъ, соответствовавшее римской традиціи. Этому не слѣдуетъ терять изъ виду, когда идетъ рѣчь о старинной германской системѣ. Вотъ въ чемъ состоялъ существенный обрядъ ея. Стороны лично являлись передъ судомъ (или въ городахъ передъ городовымъ совѣтомъ, ратушею) и объявляли: отчуждающій о своемъ желаніи предоставить имѣніе, приобретающій о желаніи принять его; при этомъ продавецъ объявлялъ, что цѣна продажи получена, или покупатель соглашался обезпечить на имѣніи платежъ капитала или ежегодныя уплаты его. Объ этомъ составлялся актъ и записывался въ протоколъ городовымъ писцомъ или секретаремъ; собраніе такихъ протоколовъ называлось поземельною книгой; но сверхъ того, съ XVI столѣтія, вошло въ обычай составлять къ этимъ книгамъ указатели въ систематическомъ порядкѣ, въ видѣ реестровъ имѣніямъ съ отмѣтками о переходахъ, повинностяхъ и закладныхъ правахъ. Передъ запиской въ протоколъ, судъ обыкновенно приступалъ къ повѣркѣ правъ, не только передающаго, но и приобретающаго; право перваго удостоверялось тѣмъ самымъ протоколомъ, который былъ составленъ при переходѣ къ нему имущества, а при недостаткѣ такого протокола, или показаніемъ свидѣтелей старожиловъ, или другимъ несомнительнымъ доказательствомъ о правѣ распорядиться имуществомъ. Относительно приобретателя надлежало удостовѣриться, имѣетъ ли онъ право владѣть имѣніемъ въ предѣлахъ той общины, въ которой находится приобретаемое имѣніе. При такомъ производствѣ личное участіе сторонъ необходимо было для совершенія акта о приобретеніи (1).

Таково было національное германское понятіе о приобретеніи вещнаго права; но прежде чѣмъ оно достигло полнаго своего развитія и утвердилось въ новѣйшихъ законодательствахъ западной Европы, ему пришлось выдержать борьбу съ началами и преданіями римскаго права. Подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ началъ и преданій, ученые германскіе юристы XVI и XVII столѣтій начали распространять и въ су-

(1) Lühsen *Ueber Hypothekengesetzgebung*. (Kritisch. Vierteljahrsschrift für Gesetzgebung etc. 1859.)—Mittermaier *Grundsätze des gem. deutsch. Privatrechts*. Bluntschli *Das deutsche Privatrecht*. Laboulaye *Histoire du droit de propriété foncière en occident*.

дахъ, и въ законахъ другую, римскую теорію пріобрѣтенія и отказывались признавать даже требованія дѣйствительной жизни, если эти требованія не согласовались съ тѣмъ закономъ, который они признавали въ цѣломъ и въ частностяхъ безусловно обязательнымъ. Вопреки стародавнему обычаю, вопреки признанной на практикѣ потребности общественнаго и частнаго права, ученые и судьи стали признавать, на основаніи Юстиніанова права, что и безъ вотчинной записки переходъ вотчиннаго права совершается посредствомъ одной передачи, основанной на законномъ выраженіи воли. Отсюда произошло смѣшеніе римскаго начала съ германскимъ и, вслѣдствіе того, началась вредная и для государственнаго, и для частнаго кредита неопредѣленность вотчинныхъ правъ и вотчиннаго владѣнія. Несмотря на то, во многихъ мѣстностяхъ удержалось на практикѣ обычное германское право; и записка въ книги считалась необходимымъ дѣйствіемъ, хотя символическія дѣйствія давно уже уступили мѣсто письменной формѣ совершенія актовъ (1). Практическій смыслъ взялъ наконецъ верхъ надъ ученымъ преданіемъ и одностороннею теоріей, и XIX столѣтію суждено было снова поднять полузабытое начало вотчинной записки, и основать на немъ цѣлую систему пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ вотчинныхъ. Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія обнаружилось стремленіе законодательствъ придать извѣстность и твердость поземельному владѣнію; въ этомъ стремленіи видны были, конечно, не однѣ цѣли гражданскаго права, а прежде всего цѣли финансовыя и цѣли общественной экономіи. Съ 1760 года (то-есть съ перваго кадастра въ Миланѣ) начинаются рѣшительныя попытки правительствъ привести въ извѣстность поземельную собственность государственнаго и частнаго владѣнія, для равномернаго и правильнаго распредѣленія податей; для этого требовалось прежде всего опредѣлить границы владѣній, и произвести повѣрку основаній каждаго. Оказавшаяся при этомъ неопредѣленность правъ возбудила мысль объ устройствѣ бо-

(1) Во многихъ нѣмецкихъ и италіянскихъ городахъ система вотчинной записки держалась постоянно и развилась въ особенной полнотѣ и опредѣлительности: такова была напримѣръ гамбургская система, отличавшаяся этими качествами еще въ XIII столѣтіи. Около того же времени существовали уже подробныя правила записки въ Венеціи, во многихъ городахъ Далмаціи и пр.

лѣ правильной системы пріобрѣтенія правъ на поземельную собственность. Мысль эта получила дальнѣйшее развитіе въ утрежденіяхъ для общественнаго и поземельнаго кредита, получившихъ начало въ концѣ XVIII столѣтія. Въ сферѣ общественнаго права возродилось изъ государственныхъ и общественныхъ потребностей здравое германское понятіе о пріобрѣтеніи собственности: перейдя въ сферу гражданскаго права, начало это здѣсь окончательно разработалось въ цѣлую систему такъ-называемой транскрипціи вотчинныхъ правъ въ поземельныхъ и ипотечныхъ книгахъ. Изъ числа новыхъ законодательствъ, первый образецъ этой системы явился въ прусскомъ законѣ 1783 года объ ипотечкахъ; примѣру Пруссіи послѣдовали вскорѣ и другія германскія законодательства. Правда, что главною цѣлю прусскаго закона было обезпеченіе и расширеніе закладнаго права, но по естественной связи этого права съ вотчиннымъ, постановленія новаго закона получили важное значеніе и для права собственности, такъ что, по силѣ его, переходъ собственности поставленъ въ зависимость отъ внесенія въ поземельныя ипотечныя книги.

Въ настоящее время не только въ германскихъ законодательствахъ, гдѣ система вотчинной записки достигла полнѣйшаго развитія, но и въ законодательствахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, выражается рѣшительное стремленіе утвердить на прочныхъ основаніяхъ права частной поземельной собственности и привести ихъ въ полную извѣстность посредствомъ постоянного контроля общественной власти. Записка въ поземельныя книги всякаго перехода недвижимой собственности и вещныхъ правъ сдѣлалась новѣйшею формою, въ которой совершается пріобрѣтеніе этихъ правъ.

IV.

Вотъ въ чемъ состоятъ главныя черты новой германской системы.

Основное правило ея слѣдующее: поземельная собственность, по передачѣ при жизни, пріобрѣтается не иначе какъ запиской въ поземельную книгу. Книги эти ведутся или при судахъ или въ центральныхъ мѣстахъ общественнаго управленія, или у особыхъ лицъ, имѣющихъ нотаріальный характеръ.

Въ швейцарскихъ кантонахъ поземельныя книги ведутся большею частію въ каждой общинѣ или въ каждомъ приходѣ. При устройствѣ органовъ записки, главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что не всегда возможно найти достаточное количество опытныхъ и аккуратныхъ людей для этого дѣла; оттого по необходимости приходится довольствоваться крупными центрами записки и составлять ихъ при судебныхъ мѣстахъ, особливо когда нотаріальная часть не получила еще въ государствѣ достаточнаго развитія. Учредить для этого дѣла новый полкъ чиновниковъ, или поручить его выборнымъ городского и сельскаго общества—двѣ крайности одинаково неудобныя. Дѣло хранителя ипотечныхъ и вотчинныхъ книгъ—не просто механическое: для него еще недостаточно тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ простаго регистратора или писца. Отъ него, кромѣ самой добросовѣстной аккуратности, требуются юридическія и экономическія свѣдѣнія вмѣстѣ съ практическою опытностью: ему приходится разсматривать множество разнообразныхъ документовъ и обсуждать довольно сложные юридическіе вопросы. Дѣло это принадлежитъ къ числу такихъ дѣлъ, въ которыхъ малѣйшая ошибка или неточность производятъ много путаницы, а такія ошибки и неточности будутъ встрѣчаться безпрестанно, если дѣло поручать людямъ несвѣдущимъ, неопытнымъ или не аккуратнымъ. Можно сказать, что весь успѣхъ этого учрежденія зависитъ отъ величайшей правильности, точности и быстроты въ его примѣненіи: оттого-то, какъ замѣчено на практикѣ, можетъ быть гораздо болѣе нежели отъ частныхъ недостатковъ той или другой законной системы, учрежденіе это нигдѣ не достигаетъ еще цѣли своей вполнѣ: повсюду ощущается недостатокъ въ способныхъ для дѣла спеціалистахъ, а судебныя мѣста не могутъ выполнять его какъ слѣдуетъ, потому что обременены множествомъ другихъ занятій. Повсюду слышатся жалобы на безпорядокъ въ веденіи книгъ, на ошибки въ описаніяхъ имуществъ, въ означеніи оснований пріобрѣтенія, на медленность и равнодушіе чиновниковъ, которые иногда подолгу держатъ у себя акты, не приступая къ запискѣ, тогда какъ въ теченіи этого времени въ самомъ имуществѣ, или въ лежащихъ на немъ требованіяхъ и повинностяхъ, могутъ произойти перемѣны, невыгодныя для заинтересованныхъ лицъ,—а иногда слѣшатъ кое-какъ записывать акты, не вникнувъ хорошенько въ ихъ значеніе. Этому несовершенству въ людяхъ законодательства ста-

дѣются пособіемъ упрощеніемъ и усовершенствованіемъ самаго механизма записки (1). Всюду считаются необходимыми двѣ книги: одна главная (Hauptbuch), или реестръ, въ которомъ отмѣтки и записки дѣлаются особыми статьями, и другая общая, или журналъ (Tagebuch), въ которомъ отмѣчаются сряду всѣ требованія о запискѣ, по мѣрѣ ихъ вступленія. Реестры эти и выписки изъ нихъ считаются публично-совершенными актами и имѣютъ полную доказательную силу; доступъ къ книгамъ свободенъ для всѣхъ, и всякій, кому есть дѣло до вѣдѣнія, имѣетъ право требовать, чтобъ ему показали книгу, въ которой оно значится записаннымъ.

Всякая поземельная собственность должна быть записана въ поземельной книгѣ того округа, въ которомъ находится. Но для вѣрности кредита и для удобства справокъ очень важно, въ какомъ порядкѣ производится записка, и дѣлаются отмѣтки въ книгѣ. Одинъ хронологическій порядокъ расположенія статей въ главномъ реестрѣ вовсе не удовлетворяетъ цѣли, потому что не основанъ ни на какомъ систематическомъ началѣ, слѣдовательно не облегчаетъ, а затрудняетъ присканіе статей и отмѣтокъ; вообще принято производить записку по отдѣльнымъ статьямъ, но единица, которой должна соотвѣтствовать каждая

(1) Въ иныхъ законодательствахъ господствуетъ система *инскрипціи*, то-есть внесеніе акта выборкой существенныхъ его предметовъ; другіе, менѣе довѣряя опытности чиновниковъ, требуютъ во всѣхъ случаяхъ полной *транскрипціи*, то-есть буквального внесенія актовъ отъ слова до слова. Лучшею инструкціей для веденія книгъ и записки актовъ считается австрійская, изданная въ 1852 году (она напечатана въ *Oesterreich. Gerichtszeitung*. 1852. № 12 — 48). Она отличается полнотой и множествомъ извлеченныхъ изъ практики примѣчаній для руководства исполнителямъ. Въ Австріи не дозволяется вписывать акты цѣликомъ, а предписывается извлекать изъ нихъ все то, что относится къ приобретенію, измѣненію или погашенію правъ. Надобно, сказано въ этой инструкціи, чтобы каждый, посмотрѣвъ въ книгу, могъ тотчасъ же получить полное свѣдѣніе о всѣхъ правахъ *утверждаемыхъ запиской въ книгу*; если же писать въ нее всѣ акты цѣликомъ, то часто очень трудно будетъ разобрать, какое изъ определяемыхъ актомъ правъ принадлежитъ къ вещнымъ, такъ-называемымъ книжнымъ (*bücherliche*) правамъ, какое — просто личное, независящее отъ записки въ книгу. Любопытныя свѣдѣнія и замѣчанія о формѣ книгъ и порядкѣ веденія ихъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Bemerkungen aus der Praxis über Grund und Hypothekenbücher*. Jena, 1846. *Die Grund- und Hypothekenbücher*, v. Richter. Leipzig, 1849; и статья Свободы въ *Haimer's Magazin für Rechts und Staatswissenschaft*. Prag, 1850. I. 13.

статья, не вездѣ одинаковая. Гдѣ статьи располагаются по именамъ владѣльцевъ, тамъ вотчинная записка не вполнѣ достигаетъ цѣли, потому что личность владѣльца измѣняется съ переходомъ имѣнія, а цѣль записки — опредѣлить право лица въ той мѣрѣ, въ какой оно относится къ имуществу, слѣдовательно само это имущество, неизмѣнно остающееся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, должно служить предметомъ изслѣдованія и записки, а не преходящая личность владѣльца (1). Но необходимо опредѣлить и единицы имущества, по которымъ должны быть располагаемы отдѣльныя статьи. Гдѣ принимается за такую единицу участокъ земля, имѣющій только матеріальную или географическую цѣльность (напримѣръ, поле, лугъ, лѣсную дачу и пр.), и для каждаго изъ такихъ участковъ назначается особая статья въ книгѣ, тамъ происходитъ отъ того излишняя дробность статей, умножается переписка и справки становятся затруднительны. Поэтому за единицу принимается обыкновенно владѣніе одного лица, имѣющее экономическую цѣльность, то-есть совокупность участковъ, принадлежащихъ къ одному имѣнію; для каждаго изъ такихъ имѣній назначается въ книгѣ особый листъ, на которомъ означаются въ хронологическомъ порядкѣ всѣ сдѣлки, относящіяся къ этому имѣнію. Если у одного владѣльца нѣсколько подобныхъ имѣній, то для каждаго изъ нихъ отводится отдѣльная статья. Въ случаѣ хозяйственнаго раздѣла въ такомъ имѣніи, прежняя цѣльная исторія его заключается, и открывается въ отдѣльныхъ статьяхъ отдѣльная исторія для каждой вновь-образовавшейся части. Такимъ образомъ, при обзорѣ книгъ, относящейся къ округу,

(1) Расположеніе статей по имуществамъ, а не по именамъ владѣльцевъ, значительно затрудняется тамъ, гдѣ законъ благопріятствуетъ не сосредоточенію собственности въ большихъ имѣніяхъ, а напротивъ раздробленію ея на мелкіе участки между многими владѣльцами, какъ напримѣръ во Франціи и въ Бельгіи. При раздробленіи владѣній и при частомъ переходѣ участковъ изъ рукъ въ руки цѣликомъ и частями, записка по имуществамъ сопряжена со множествомъ ошибокъ и неточностей. На этомъ основаніи французскій и бельгійскій законы удержали расположеніе поземельныхъ книгъ по лицамъ владѣльцевъ. Съ этой же точки зрѣнія многіе доказываютъ, что вовсе невозможно примѣнить во всей точности систему вотчинной и ипотечной записки къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ раздроблена поземельная собственность. Однакоже примѣръ многихъ германскихъ государствъ (напримѣръ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ) показываетъ, что примѣненіе это возможно и при такихъ условіяхъ.

можно тотчасъ составить себѣ ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ и повинностяхъ, лежащихъ на поземельной собственности цѣлаго округа и на каждомъ имѣніи въ особенности. Актъ объ имѣніи можетъ быть совершенъ вдали отъ того мѣста, гдѣ оно находится, но во всякомъ случаѣ долженъ быть записанъ въ книгу по мѣсту имущества. Внесеніе въ книгу по большей части предоставляется на волю заинтересованныхъ лицъ, отчуждающаго, либо приобретающаго; но нѣкоторыя законодательства признають внесеніе въ книгу безусловно необходимымъ. Такъ, напримѣръ, въ Баваріи и въ Солотурнскомъ кантонѣ, всякое должностное лицо, у котораго актъ совершенъ, или до котораго дошло свѣдѣніе о совершенномъ актѣ, обязано сообщить о томъ подлежащему чиновнику того округа, гдѣ лежитъ имущество, для отмѣтки въ книгѣ. Разумѣется, это различіе въ законѣ зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ преимущественно на систему вотчинной записки, и на сколько она связана съ общею государственною системою податей и повинностей. Гдѣ главною цѣлію записки считается твердость гражданскаго права, тамъ законъ предоставляетъ на волю частныхъ лицъ—требовать или не требовать записки.

Запискѣ въ поземельную книгу подлежатъ обыкновенно всѣ сделки между живыми, которыми передается, устанавливается или уступается вещное право въ недвижимомъ имуществѣ, какъ-то: право собственности, повинность, лежащая на имѣніи, непрерывная рента, закладное право, эфитевтическое, суперфициарное и т. под. Транскрипціи подвергаются даже передачи вещныхъ исковъ, раздѣлы наследственныхъ имуществъ, вошедшіе въ законную силу приговоры судебныхъ мѣстъ о вещномъ правѣ и даже договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ на продолжительные сроки или съ полученіемъ наемной платы за нѣсколько лѣтъ впередъ. Права, возникающія по наследству или по завѣщанію, въ иныхъ законодательствахъ (бельгійское, французское) освобождаются отъ записки, потому что права эти, по началу новаго наследственнаго права, переходятъ необходимо въ минуту смерти бывшаго вотчинника, безъ юридическаго промежутка; въ другихъ законодательствахъ и переходящія по наследству вещныя права не освобождаются отъ записки. Это послѣднее правило вполне согласуется съ кореннымъ началомъ вотчинной записки и съ правиломъ

признавать истиннымъ вотчинникомъ только то лицо, которое внесено въ книгу.

Въ такомъ случаѣ запискѣ въ книгу подлежитъ постановленіе судебного мѣста объ утвержденіи наследственнаго права по закону или по завѣщанію, когда истечетъ срокъ, назначаемый для спора противъ завѣщанія или для предъявленія правъ всѣми возможными наследниками:

Для того чтобы придать запискѣ всевозможную вѣрность, почти вездѣ постановлено правиломъ принимать къ запискѣ только акты, удостовѣренные въ подлинности или засвидѣтельствоанные присутственнымъ мѣстомъ либо нотаріусомъ, но никакъ не домашніе акты: правило это необходимо для предупрежденія недоумѣній и споровъ, потому что домашніе акты пишутся безъ всякаго контроля, могутъ содержать въ себѣ условія и распоряженія неясныя и противозаконныя, и самая подлинность подписи подъ домашними актами можетъ быть въ послѣдствіи оспорена. Французское законодательство, въ числѣ немногихъ, отступаетъ отъ этого правила, дозволяя принимать къ запискѣ и безгласные, домашніе акты. Это тѣмъ болѣе странно, что то же французское законодательство требуетъ непременно нотаріальнаго акта для установленія ипотечнаго права (1).

Всякое право при запискѣ въ поземельную книгу подлежитъ особой повѣркѣ со стороны учрежденія или лица, завѣдывающего запиской, и на этой-то повѣркѣ основывается твердость всякаго записаннаго права. Этою повѣркѣ должно быть приведено въ извѣстность: во первыхъ, дѣйствительно ли лицо, которое отчуждаетъ имущество или устанавливаетъ въ немъ вѣчное право, можетъ считаться собственникомъ имущества; во вторыхъ, способно ли это лицо къ отчужденію собственности или къ совершенію юридическаго дѣйствія по имуществу. Не должно думать однакоже, чтобъ эта повѣрка имѣла видъ ревизіи вотчинныхъ правъ; въ такомъ случаѣ она была бы стѣснительна

(1) Во время обсужденія закона въ законодательномъ сословіи, довольно много и жарко спорили именно объ этомъ вопросѣ; но случилось, что ораторъ, который всего горячѣ отстаивалъ необходимость требовать нотаріальнаго удостовѣренія, самъ принадлежалъ къ числу нотаріусовъ. Излишнее увлеченіе его показалось подозрительнымъ, какъ будто онъ отстаиваетъ свои интересы, и это подозрѣніе не мало подѣйствовало на рѣшеніе большинства въ законодательномъ сословіи.

для свободы гражданскихъ сдѣлокъ и замедляла бы передвиженіе собственности между гражданами. Въ этой повѣркѣ основаній права не окажется ничего стѣснительнаго, если вспомнимъ, что готовый матеріалъ для нея находится въ той же поземельной книгѣ: если лицо, отъ имени коего совершается передача собственности, или устанавливается вещное право, записано уже въ книгѣ собственникомъ имущества, то ни въ какой дальнейшей повѣркѣ нѣтъ и нужды: здѣсь собственность, представляемая статьей въ книгѣ, сама говоритъ за себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ становится не возможнымъ установленіе вещнаго права отъ лица мнимаго, или сомнительнаго собственника, если онъ не записанъ въ книгѣ собственникомъ имѣнія. Въ случаѣ отчужденія собственности, отчуждающій, если находится въ живыхъ, долженъ участвовать лично, или чрезъ уполномоченнаго, въ запискѣ, которая дѣлается отъ его имени: какъ бы положительно ни была изъявлена въ актѣ воля его на отчужденіе имущества, какъ бы рѣшительно ни было выражено принятое имъ на себя обязательство, одного этого акта, безъ личнаго содѣйствія, еще недостаточно для записки имѣнія за другимъ лицомъ вслѣдствіе договора. Таково общее правило; но строгое примѣненіе его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повело бы къ несправедливости, потому что давало бы контрагенту возможность отказать въ исполненіи договора, вполнѣ совершившагося. Такъ продавецъ могъ бы изъ сожалѣнія, что взялъ дешево и изъ желанія продать имущество дороже другому, отказать въ передачѣ имѣнія покупщику: на подобный случай необходимо опредѣлить положительно, когда пріобрѣтатель въ правѣ принудить отчуждающее лицо къ передачѣ имущества по договору, и въ какихъ случаяхъ судебная власть можетъ, несмотря на недостатокъ личнаго содѣйствія отчуждающаго лица, признать и записать передачу имущества. Можетъ еще случаться, что для утвержденія передачи необходимо подтвержденіе акта со стороны лицъ, имѣющихъ право спора, напримеръ со стороны наследниковъ умершаго вотчинника, когда онъ не успѣлъ при жизни записать имѣніе за пріобрѣтателемъ. Въ такихъ случаяхъ судъ, по просьбѣ пріобрѣтателя, обыкновенно приглашаетъ заинтересованныя лица къ подачѣ отзыва въ теченіе назначеннаго срока, или вызываетъ ихъ публично, и если въ срокъ не сдѣлано будетъ возраженія, предписываетъ записать имѣніе за пріобрѣтателемъ.

Внесенный въ книгу новый владѣлецъ признается законнымъ собственникомъ имущества. Это не значитъ однакоже, что право его получаетъ значеніе безусловнаго, рѣшительно-безспорнаго права. Это значитъ, что всѣ лица, входящія съ нимъ въ сдѣлки по имуществу, коего собственникомъ онъ значитъ, могутъ спокойно признавать его собственникомъ. Но право собственности его, и послѣ внесенія въ книгу, можетъ подвергнуться спору; актъ, составляющій для него основаніе пріобрѣтенія, можетъ быть опровергнутъ, противъ его права или противъ правъ того лица, отъ котораго передано ему имѣніе, можетъ быть выставлено другое, лучшее, сильнѣйшее право; однакожь, и несмотря на споръ, онъ продолжаетъ значиться собственникомъ, пока противное тому не будетъ признано судебнымъ рѣшеніемъ. Стало-быть и право собственника, записанное въ книгу, только тогда получаетъ значеніе безусловнаго права, когда предъявленіе спора, за истеченіемъ давности, сдѣлается невозможно для третьяго лица. Но послѣ записки въ книгу пріобрѣтеннаго права нѣсколько измѣняются условія владѣнія, подлежащаго давности: владѣніе по необходимости должно быть и добросовѣстное, и основанное на правѣ; но сверхъ того, этому юридическому основанію владѣнія придаетъ особенную твердость самая записка, совершенная подъ наблюденіемъ правительства и съ публичностью, которая всякому имѣющему право спорить облегчаетъ возможность предъявить споръ. По этому многія законодательства, съ установленіемъ системы вотчинной транскрипціи, устанавливаютъ и новые сокращенные сроки давности, придающей праву безусловный характеръ: разумѣется это сокращеніе тѣмъ необходимѣе, чѣмъ живѣе совершается въ государствѣ движеніе общественной жизни, чѣмъ болѣе развита въ немъ гласность публичныхъ дѣйствій, упрощены и облегчены сообщенія, наконецъ, чѣмъ ограниченнѣе самая территорія государства. Такое сокращеніе сроковъ необходимо для того, чтобы не ослабить силы достовѣрнаго доказательства, которая, по цѣли закона, присвоивается запискѣ имѣнія за пріобрѣтателемъ. Изъ новѣйшихъ законодательствъ — въ австрійскомъ и гессенскомъ всего яснѣе выразилось это требованіе, состоящее въ связи со стариннымъ германскимъ понятіемъ о пріобрѣтеніи собственности, съ безусловнымъ правомъ Gewege по истеченіи года со днемъ (Австрійскій законъ назначаетъ для этого трехлѣтній, гессен-

сий—пятилѣтній срокъ). Нѣкоторые думаютъ, что слѣдовало бы до послѣдней возможности сократить сроки для прибрѣтенія записаннымъ владѣльцемъ безусловнаго права, и предлагаютъ возстановить древне-германское правило, по которому въ теченіе года со днемъ прибрѣталось для собственника полное право, *Gewere* (1). Съ другой стороны, и владѣлецъ имѣнія, не записанный въ книгу и не имѣющій правильнаго основанія своему владѣнію, если только онъ владѣлъ добросовѣстно, прибрѣтаетъ, съ истеченіемъ общаго срока давности, право требовать, чтобъ его записали въ поземельную книгу собственникомъ имущества: въ такомъ случаѣ истеченіе давности служитъ для него основаніемъ права.

Такимъ образомъ, транскрипція сама по себѣ нисколько не покрываетъ недостатковъ акта, на которомъ основано прибрѣтеніе, оставляетъ мѣсто спору противъ права. Въ такомъ положеніи лица, вступающія въ сдѣлку по имуществу съ прибрѣтателемъ, не могли бы имѣть достаточнаго обезпеченія въ томъ, что право его достовѣрно, и что кредитъ имущества надеженъ вполнѣ. Для устраненія, или по крайней мѣрѣ для уменьшенія этого неудобства, законъ старается опредѣлить: при какихъ условіяхъ допускается предъявленіе спора противъ правъ записаннаго въ книгу собственника? Въ лучшихъ законодательствахъ принято за правило, что всякій истецъ, желающій предъявить въ судъ споръ противъ вещнаго права, записаннаго въ книгу, обязанъ прежде отмѣтить свое притязаніе въ поземельной книгѣ противъ той статьи, въ которой это право записано: такъ что безъ удостовѣренія о такой отмѣткѣ никакое судебное мѣсто не въ правѣ принять отъ него жалобу. Точно такъ же и рѣшеніе, постановленное судомъ по такой жалобѣ, должно быть отмѣчено въ книгѣ немедленно, и непременно прежде чѣмъ приговоръ облеченъ будетъ въ окончательную форму акта. Такимъ образомъ лицо, имѣющее дѣло съ владѣльцемъ имущества, по одной отмѣткѣ съ боку статьи, можетъ удостовѣриться, въ какой степени твердо и надежно вотчинное право; если же жалоба отвергнута судомъ, то право прибрѣтаетъ отъ того еще болѣе твердости.

Итакъ, во всякомъ случаѣ сохраняетъ свою силу основное правило транскрипціи: собственникомъ недвижимаго имуще-

(1) Миттермайеръ. *Archiv für civilist. Praxis*. Т. 35.

ства, истиннымъ субъектомъ вещнаго права, считается только то лицо, которое въ этомъ качествѣ внесено въ поземельную книгу, — и именно въ главную книгу, а не въ общій журналъ требованій. Случается, что требованіе, заранее внесенное въ общую книгу, въ теченіе нѣкотораго времени остается еще не исполненнымъ, потому что не исполнены еще всѣ условія, необходимыя для окончательной записки; въ такомъ случаѣ актъ можетъ быть отмѣченъ въ главной книгѣ тѣмъ членомъ, которымъ отмѣчено требованіе въ общемъ журналѣ. Но до тѣхъ поръ пока не сдѣлана надлежащая отмѣтка въ главной книгѣ, переходъ права не признается еще совершившимся; продавецъ, напримѣръ, продолжаетъ считаться собственникомъ имущества, хотя бы актъ продажи совершенъ былъ окончательно, хотя бы получены были сполна деньги отъ покупателя, хотя бы даже покупатель вступилъ во владѣніе купленнымъ имуществомъ.

Это правило, вытекающее изъ основнаго понятія о пріобрѣтеніи, кажется просто и ясно: однакожь на немъ еще не останавливается вопросъ о правахъ пріобрѣтателя, владѣльца, не внесеннаго въ книгу. Напротивъ, положеніе такого пріобрѣтателя возбуждаетъ множество важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ, которые не всеми законодательствами разрѣшаются одинаково. Наиболѣ развитыя законодательства опредѣляютъ положеніе такого пріобрѣтателя слѣдующимъ образомъ: новый владѣлецъ имущества, покуда не записанъ въ книгу, не считается собственникомъ, не въ правѣ и передать собственность кому бы то ни было. Право его еще не совершилось окончательно, но получило особый характеръ, и въ этомъ видѣ пользуется даже нѣкоторою защитой закона. Онъ пріобрѣтаетъ владѣніе, и притомъ такое владѣніе, которое само по себѣ можетъ обратиться въ собственность силой общей давности. Въ качествѣ владѣльца онъ имѣетъ право защищать свое владѣніе передъ закономъ отъ вмѣшательства стороннихъ лицъ, но этимъ правомъ пользуется онъ только противъ того лица, отъ котораго получилъ имѣніе на основаніи законной сдѣлки, и противъ такихъ только третьихъ лицъ, которыя не имѣютъ полного, записаннаго въ книгу, вещнаго права на то же самое имущество: въ противномъ случаѣ, право другаго лица, записанное въ книгу, получаетъ преимущество передъ его правомъ, хотя бы актъ, на которомъ оно основано, состоялся гораздо позже чѣмъ его актъ. Такъ, если напримѣръ продавецъ, продавъ имѣ-

не одному лицу, продалъ его потомъ другому, и вторичный актъ продажи записанъ въ книгу прежде чѣмъ могъ быть записанъ актъ перваго покупателя, то одно право втораго покупателя признается вещнымъ правомъ, и первый покупатель не можетъ возражать ему, хотя бы ранѣе вступилъ во владѣніе купленнымъ имѣніемъ, такъ что второй покупатель въ правѣ вытѣснить его изъ владѣнія (1). Первый покупатель, не успѣвъ приобрести вещнаго права, не можетъ удержаться во владѣніи имуществомъ: ему предоставляется только требовать себѣ вознагражденія отъ продавца, въ теченіе общей давности или особо установленнаго срока (нѣкоторыя законодательства значительно сокращаютъ этотъ срокъ, напримѣръ саксонское—до трехъ мѣсяцевъ). Такова строгость права вотчинной записки. Иныя законодательства простираютъ ее до того, что безусловно предоставляютъ право собственности записанному владѣльцу даже въ томъ случаѣ, когда записка совершена неправильно отъ имени лица, которому имѣніе не принадлежало или которое не могло распорядиться имъ: но такая крайность воззрѣнія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдана, потому что противорѣчитъ коренному началу справедливости.

Установляя различіе между правомъ, записаннымъ въ книгу, и правомъ, осуществившимся на дѣлѣ, но въ книгу не записан-

(1) Многія законодательства (напримѣръ саксонское, прусское, французское, бельгійское) изъ опасенія нарушить справедливость отдаютъ преимущество записанному акту передъ не записаннымъ только въ такомъ случаѣ, когда первый записанъ былъ добросовѣстно, когда, напримѣръ, вторичный покупатель при запискѣ своего права не зналъ, что имѣніе прежде уже продано другому. Но другія законодательства, напримѣръ австрійское, рѣшительно отвергаютъ такое ограниченіе; практика оправдываетъ, кажется, послѣднее мнѣніе: оно согласнѣе съ практическими цѣлями вотчинной записки. Правило французскаго закона возбуждаетъ множество процессовъ, и притомъ такихъ процессовъ, въ которыхъ трудно постановить правильное рѣшеніе, по недостатку вышнихъ признаковъ *добросовѣстности*. Притомъ, едва ли можно безусловно признать недобросовѣстнымъ втораго покупателя за то, что онъ, зная о прежней продажѣ, позаботился какъ можно скорѣе записать за собой имѣніе, предупредивъ перваго покупателя, мнѣ дѣятельнаго: едва ли можно обвинить его въ обманѣ, когда самъ законъ объявляетъ, что переходъ собственности совершается посредствомъ записки, и что до записки вещнаго права по договору, нельзя еще признать это право вполнѣ установленнымъ.

ныиъ, историчеки, впрочемъ весьма не многія законодательства, доходятъ до разныхъ крайностей. Такъ наприимѣръ, саксонскій законъ, увлекаясь историческими вѣзрвннми римскаго законодательства, устанавливетъ для того и другаго права особыя категорн, присвоивая одному, записанному, особое свойство и названн гражданской собственности, а другому, незаписанному, хотя и осуществляющемуся во владѣнн, особое свойство и названн натуральной собственности (*bürgerliches und natürliches Eigenthum*). Такое раздѣленн, отвергаемое почти всеи прочими законодательствами, противорѣчитъ коренному началу вотчинной записки и практическии цѣлямъ ея. Такой законъ, стараясь съ одной стороны утверждать вѣрность и прочность вотчиннаго права, съ другой стороны полагаетъ начало неизвѣстности и сомнѣннмъ, потому что устанавливетъ двойное право собственности, тогда какъ право это, по существу своему, должно быть единое. Что-нибудь изъ двухъ: или законъ признаетъ истиннымъ собственникомъ одно только лицо, записанное въ книгу: въ такомъ случаѣ съ этимъ признакомъ должны быть соединены, безъ раздробленн, все права и повинности собственника, и гражданскн, и государственныя (наприимѣръ право участвовать въ выборахъ, право на нѣкоторыя должности, платежъ податей и т. п.); или условн записки не есть существенное условн для прнобрѣтенн права. Отъ единства и послѣдовательности въ прннatomъ однажды началъ зависеть достиженн предполагаемыхъ цѣлей: вѣрности и порядка въ юридическнхъ отношеннхъ, твердости общественнаго и частнаго кредита, предупрежденн недоумѣнн и споровъ и т. под. (1).

V.

Мы имѣли случай выше упомянуть о томъ, что во Францнн издревле существовала двойная система прнобрѣтенн вещныхъ

(1) Подробныя указанн на литературу этого предмета и разборъ всеи новѣйшихъ законодательныхъ уставовъ вотчинной транскрипцнн можно найти въ статьяхъ Миттермайера, помѣщенныхъ въ изданнн его: *Archiv für die civilistische Praxis*. Т. XVIII, XIX, XXVIII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, а также въ етатъяхъ Варкенига, въ *Zeitschrift für deutsches Recht*. 1859.

правъ: въ однихъ провинціяхъ укоренился германскій обычай публичнаго сознанія передачи; въ другихъ, подъ вліяніемъ началъ римскаго права, для прибрѣтенія требовалась простая передача, и переходъ совершался договорнымъ согласіемъ сторонъ. Въ концѣ XVIII столѣтія обнаружилось, какъ извѣстно, съ особенною силой, стремленіе привести къ единству началъ и обрядовъ разнообразіе мѣстнаго права во всей Франціи. Послѣдствіемъ революціи 1789 года было преобразование всего общественнаго порядка на основаніи новыхъ началъ, противоположныхъ началамъ феодальнаго права: этотъ переворотъ не могъ не отразиться и на правѣ собственности. 4 августа 1789 года, вмѣстѣ со всею системою феодальныхъ правъ, разрушены были и патримоніальные суды, передъ которыми совершались главнѣйшіе обряды перехода собственности (*oeuvres de loi*), и установленія закладнаго права: эти суды замѣнены вскорѣ судами окружными; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и прежній обрядъ укрѣпленія правъ въ провинціяхъ, державшихся этого обряда (*paus de pantissement*); мѣсто его заняла записка (*transcription* и *inscriptiön*) договоровъ въ реестры протоколистовъ при окружныхъ судахъ. За тѣмъ, при изданіи въ третьемъ году республики новаго закона объ ипотекахъ, постановлено было вносить въ ипотечныя книги всѣ переходы поземельной собственности; чрезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ VII году республики, законъ объ ипотекахъ подвергся новымъ важнымъ измѣненіямъ, и при этомъ постановлено слѣдующее правило, впервые высказанное во Франціи: акты и переходъ имущества и правъ, подлежащихъ залогу, должны быть записаны въ ипотечныя реестры того округа, въ которомъ находится имущество. Акты, не записанные этимъ порядкомъ, не должны имѣть силу противъ третьихъ лицъ, которыя, войдя въ договоръ съ продавцомъ, исполнять настоящее предписаніе закона. Вслѣдствіе транскрипціи къ прибрѣтателю переходитъ то же самое право собственности на имущество, какое было у продавца, и со всеми долгами и ипотеками, какія лежали на томъ имуществѣ. На основаніи этого правила прибрѣтатель имущества, напри- мѣръ покупатель, по силѣ самаго договора, становился собственникомъ и въ отношеніи къ продавцу, отъ котораго могъ требовать отдачи имущества во владѣніе, и въ отношеніи къ государству, — ибо могъ со дня совершенія договора требовать, чтобы его признавали собственникомъ, — и въ отношеніи ко всемъ третьимъ лицамъ, которыя не могли основывать права свои на

передачѣ отъ того же продавца. Не считался онъ собственникомъ въ отношеніи къ тому, кто могъ пріобрѣсть отъ продавца то же самое имущество прежде чѣмъ онъ внесъ свое право въ книгу. Покуда договоръ покупателя не получилъ для всѣхъ стороннихъ лицъ гласности посредствомъ транскрипціи, въ отношеніи къ нимъ продавецъ продолжаетъ считаться собственникомъ, такъ что новыя дѣлаемые имъ отчужденія того же самаго имущества или части его на имя стороннихъ лицъ, получаютъ силу противъ перваго пріобрѣтателя. Изъ двухъ покупателей одного имущества, тотъ почитается истиннымъ собственникомъ, кто успѣлъ прежде записать свое право.

Такая теорія пріобрѣтенія оставалась въ силѣ до изданія Наполеонова кодекса. Новый кодексъ изданъ былъ, какъ извѣстно, не въ цѣломъ своемъ составѣ, а по частямъ, и по частямъ же обсуждался въ государственномъ совѣтѣ въ законодательномъ сословіи. При обсужденіи третьей книги, о способахъ пріобрѣтенія собственности, положено было оставить въ силѣ правило транскрипціи въ отношеніи къ даренію недвижимыхъ имуществъ: вопросъ о несостоятельности этого правила не былъ еще поднятъ. Но потомъ, при обсужденіи четвертой книги объ обязательствахъ и договорахъ, начались жаркія пренія именно по этому вопросу. Защитники транскрипціи указывали на невыгоды и затрудненія отъ безгласности въ переходахъ собственности, доказывали, что обществу необходимо знать каждое отчужденіе, знать, кто въ какую минуту долженъ считаться собственникомъ. Противники транскрипціи находили ее стѣснительною для частныхъ лицъ, доказывали, что несправедливо ставить пріобрѣтателю въ вину, что онъ по невѣдѣнію или по ошибкѣ не успѣлъ записать за собой имѣнія, оспаривали самую необходимость обряда транскрипціи. Но всѣ эти пренія не привели къ положительному результату, и для того чтобы вышутаться изъ разногласія, положили въ 1140 статьѣ кодекса, что послѣдствія обязательства о недвижимомъ имуществѣ будутъ опредѣлены въ главѣ о продажѣ и объ ипотекахъ. Но когда дошли до главы о продажѣ, прежнія пренія возобновились съ новою силой, и не привели къ яеному рѣшенію: прямой вопросъ снова оставленъ былъ въ сторонѣ. Но такъ какъ всѣ соглашались въ томъ, что одною силой договора достаточно для того, чтобы признать переходъ собственности совершившимся между лицами,

ствующими въ договорѣ, то и постановлено въ 1583 статьѣ кодекса, что продажа сама по себѣ даетъ покупателю право собственности *относительно продавца*. А вопросъ о томъ, какія должны быть послѣдствія продажи относительно третьихъ лицъ,—все-таки остался неразрѣшеннымъ: о немъ не было помину и при разсужденіи о запискѣ правъ ипотечныхъ.

Между тѣмъ, выше приведенное правило транскрипціи, установленное закономъ II брюмера VII года, не было формально отиѣнено, такъ что вслѣдъ за распубликованіемъ новаго кодекса въ судахъ возникли сомнѣнія о томъ, оставленъ ли въ силѣ или уничтоженъ обрядъ вотчинной транскрипціи для перехода недвижимыхъ имуществъ. Кассаціонный судъ рѣшилъ, и всѣ согласились, что формальность эта уже не существуетъ: въ послѣдствіи противъ такого толкованія слышались сильныя голоса со стороны многихъ юристовъ, изслѣдовавшихъ историческую сторону вопроса, но тѣмъ не менѣе транскрипція вотчинныхъ правъ офиціально признана уничтоженною. Такимъ образомъ, съ изданія Наполеонова кодекса до послѣдняго времени, во французскомъ законодательствѣ существовало странное правило, составлявшее рѣзкую его особенность, правило, несогласное съ началами, ни римской, ни германской системы приобрѣтенія. Для такого перехода собственности не требовалось ни римской традиціи, ни германской транскрипціи, не требовалось ровно никакого внѣшняго очевиднаго признака: переходъ не только между контрагентами, но и въ отношеніи ко всѣмъ стороннимъ лицамъ, совершался силой простаго соглашенія. Это правило французскаго закона справедливо осуждалось какъ наукой, такъ и практикой. При дѣйствіи его право собственности не могло имѣть надлежащей твердости, потому что не имѣло извѣстности и опредѣленности: переходъ его совершался безгласно, такъ что никто, входя въ сдѣлку съ владельцемъ имущества, не могъ быть увѣренъ, дѣйствительно ли право его твердо и есть истинное право собственности. Недостатки ипотечной системы во Франціи вошли въ пословицу, но и къ исправленію ея нельзя было приступить при такой неопредѣленности переходовъ вотчиннаго права. Какъ бы ни была совершенна ипотечная система, она не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, если законъ не установилъ опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ всякій могъ бы съ достовѣрностію распознать переходъ права собственности и судить о положеніи

имущества, предлагаемаго ему въ обезпеченіе. Отъ этой неизвѣстности частныя лица въ сдѣлкахъ гражданскихъ подвергались такъ часто обманамъ и разореніямъ, что частная собственность во Франціи вовсе не могла считаться обезпеченною, и знаменитый Дюпенъ имѣлъ полное основаніе сказать въ одной изъ рѣчей своихъ передъ кассационнымъ судомъ: «у насъ кто покупаетъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что у него не отнимутъ купленнаго; кто платитъ, не увѣренъ, что не придется ему заплатить въ другой разъ; кто даетъ деньги взаймы, не увѣренъ, что получить ихъ обратно.»

Съ 1825 года стали громче и громче раздаваться во Франціи жалобы на печальное состояніе поземельнаго кредита, но въ то время главною причиною бѣдствія полагали несовершенство французской ипотечной системы и требовали прежде всего преобразованій въ ней, не обращая вниманія на то, что самая совершенная ипотечная система не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, если положеніе собственности таково, что кредитъ не можетъ на ней опереться, если заимодавецъ не въ состояніи разчитать съ увѣренностію дѣйствительную стоимость имущества, которое предлагается ему въ обезпеченіе, не можетъ даже знать навѣрное, принадлежитъ ли это имущество тому, кто выставляетъ его своею собственностію. Эти требованія и жалобы не остались безъ послѣдствій, и въ 1841 году правительство начало собирать мнѣнія ученыхъ экономистовъ, юристовъ и практиковъ по важному вопросу объ улучшеніи частнаго поземельнаго кредита. Спеціальная коммиссія, учрежденная для этой же цѣли, тщательно обсудила этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, и собрала множество свѣдѣній и матеріаловъ; но работы ея прерваны были февральскою революціей. Новая коммиссія о преобразованіи ипотечнаго кредита учреждена была уже національнымъ собраніемъ; обработанный ею проектъ разсматривался въ національномъ собраніи въ 1850 году; но пренія остались безъ результата. Между тѣмъ г. Воловскій возбудилъ въ національномъ собраніи мысль, которую высказывалъ еще въ 1826 году Казиміръ Перье, мысль о необходимости учрежденія обществъ поземельнаго кредита, и вопросъ объ ипотекахъ получилъ новое направленіе, сталъ вопросомъ второстепеннымъ во Франціи. Оказалось, что усовершенствованіе закона объ ипотекахъ не будетъ имѣть успѣха, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ созданы такія учрежденія, которыя служили бы посредниками въ кредитъ между капиталистомъ и землевла-

дѣльцемъ. Національное собраніе не успѣло дожить до обсу-
жденія составленнаго въ немъ проекта положенія о поземель-
номъ кредитѣ; но этотъ предметъ казался такъ важенъ для
народнаго состоянія и былъ такъ тѣсно связанъ съ политиче-
скими вопросами, стоявшими тогда на очереди, что новый вла-
дыка Франціи, вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ февралѣ
1852 года, издалъ извѣстный декретъ объ обществахъ поземель-
наго кредита. Послѣдствія этого декрета не соотвѣтствовали,
какъ извѣстно, ни пышнымъ обѣщаніямъ правительства, ни об-
щимъ ожиданіямъ (1): новый законъ о кредитныхъ обществахъ
самъ по себѣ не могъ преобразовать и поднять кредитъ, когда
въ прочихъ частяхъ законодательства не доставало постановленій,
необходимыхъ для кредита: надлежало еще частную соб-
ственность въ цѣломъ государствѣ привести въ точную из-
вѣстность посредствомъ кадастровыхъ описаній и поземельныхъ
книгъ, облегчить непомѣрныя тягости и повинности, лежащія

(1) Вообще, французскія учрежденія поземельнаго кредита немного
способствовали утвержденію его во Франціи, несмотря на то, что Фран-
цузцы отличались всегда практическимъ смысломъ въ примѣненіи къ дѣлу
началъ юридическихъ. Многие объясняютъ несовершенство француз-
скихъ учрежденій и законовъ относительно поземельнаго кредита при-
чинами политическими. Говорятъ, что правительство старой и новой
имперіи, вѣрное стремленію сосредоточить въ себѣ всѣ нити управле-
нія, притянуть къ себѣ всѣ силы общественнаго организма, по самому
принципу своему не можетъ стремиться къ сильному развитію и утвер-
жденію поземельнаго кредита. Съ его точки зрѣнія несравненно важнѣе
кредитъ государственный, такъ что для правительства невыгодно вы-
звать сильную свободную конкуренцію этому кредиту въ кредитѣ по-
земельномъ. Дѣйствительно, владѣлецъ государственныхъ бумагъ всегда
будетъ тѣсно связанъ личнымъ интересомъ своимъ съ интересами су-
ществующаго правительства, и всегда будетъ всѣми силами поддержи-
вать его: стало-быть, для правительства выгодно, если для частнаго
лица всего удобнѣе ввѣрить даже маленькій капиталъ свой правитель-
ству, употребивъ его на покупку рентныхъ билетовъ. То же должно
сказать о большихъ капиталистахъ и банкирахъ: для нихъ всего важ-
нѣе кредитъ государственный, а не поземельный; къ послѣднему они
по меньшей мѣрѣ равнодушны. Новое французское правительство вся-
чески желаетъ оградить себя отъ новыхъ политическихъ переворотовъ,
и потому естественно, что оно по крайней мѣрѣ не искренно же-
лаетъ развитія и утвержденія поземельнаго кредита: этимъ соображе-
ніемъ и, кромѣ того, стародавнюю привычку Французовъ къ прави-
тельственной централизаціи можетъ объясниться многое въ новой исто-
ріи французскаго законодательства о поземельной собственности, о по-
земельномъ кредитѣ.

на поземельной собственности, установить правильную систему вотчинной транскрипціи, упростить и усовершенствовать законы о закладномъ правѣ и, въ особенности, сложныя формы и медленное производство публичной продажи имущества для удовлетворенія взысканій. Всего настоятельнѣе требовалось улучшение закона о переходѣ вотчинныхъ и установленія закладныхъ правъ, и на этотъ предметъ прежде всего обратилось вниманіе законодателя. Вслѣдствіе того, въ государственномъ совѣтѣ составленъ былъ проектъ правилъ о возстановленіи транскрипціи недвижимыхъ имуществъ и вещныхъ правъ, получившій силу закона 23 марта 1855 года.

Этимъ закономъ исправленъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ гражданскаго кодекса, выше нами указанный. Всѣ вотчинныя и вещныя права, за исключеніемъ наследственныхъ, всѣ акты и договоры объ этихъ правахъ между частными лицами, признаны подлежащими запискѣ въ реестры у хранителей ипотеки (*registres des conservateurs d'hypothèque*). Право пріобрѣтателя въ отношеніи къ тому лицу, отъ котораго пріобрѣтено, попрежнему не зависитъ отъ этой записки, но для пріобрѣтенія права относительно всѣхъ третьихъ лицъ транскрипція объявлена безусловно-необозидимою, слѣдовательно новый законъ признаетъ положительно, что полное право собственности пріобрѣтается не иначе какъ посредствомъ записки.

Нельзя не видѣть въ этомъ правилѣ существеннаго улучшения, и съ этой стороны законъ 1855 года составляетъ эпоху во французскомъ законодательствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что новый законъ удовлетворяетъ только отчасти потребностямъ кредита. Исторія происхожденія его показываетъ, что, предлагая этотъ законъ, правительство не имѣло въ виду общей цѣли и не держалось общихъ началъ кредита, а желало только удовлетворить потребность настоящей минуты, именно устранить препятствіе къ успѣху любимаго своего созданія—*центрального общества* поземельнаго кредита. Всѣ постановленія закона направлены къ этой односторонней цѣли; естественно, поэтому, что они сами неполны и односторонни. Новый законъ оставляетъ неприкосновеннымъ прежнее правило, по которому собственность пріобрѣтается силой простаго договора, относительно того лица, отъ котораго пріобрѣтена, и его представителей. Но собственность и вообще всякое вещь-

ное право, по сущности своей, не допускаютъ такой двойственности и требуютъ безусловнаго признанія относительно всѣхъ и каждаго; поэтому признаніе права въ одно и то же время совершеннымъ относительно одного лица, и несовершеннымъ относительно прочихъ лицъ, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, несообразное съ понятіемъ о твердости и единствѣ права. Законъ былъ бы послѣдователенъ, когда бы рѣшился признать, что вслѣдствіе договора возникаетъ только право требовать передачи отъ прежняго хозяина, право, еще не имѣющее вещнаго характера. Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ французской транскрипціи состоитъ въ томъ, что ей подлежатъ далеко не всѣ права, имѣющія вотчинное свойство, и что записка хотя совершается по мѣсту нахождения имущества, но относится не къ этому имуществу, а къ лицу владѣльца, такъ что имѣющему надобность войти съ нимъ въ сдѣлку, становится очень затруднительно собрать точныя свѣдѣнія о состояніи имущества и о лежащихъ на немъ долгахъ и повинностяхъ. При обсужденіи закона предлагаемо было расположить транскрипцію не по лицамъ владѣльцевъ, а по имуществамъ, и даже, для большей вѣрности, привести поземельныя книги въ соглашеніе съ системой кадастровыхъ описаній; но предложеніе это отвергнуто. Правда, что чрезвычайное раздробленіе поземельной собственности во Франціи, и частые переходы мелкихъ участковъ изъ рукъ въ руки затрудняютъ примѣненіе чисто-вотчиннаго начала къ запискѣ, и что кадастровая система не доведена еще во Франціи до такой полноты и точности, чтобы можно было съ увѣренностію положиться на свѣдѣнія, собранныя посредствомъ кадастровой повѣрки; но во всякомъ случаѣ затрудненія эти едвали можно назвать непреодолимыми, расположеніе же записныхъ книгъ по именамъ владѣльцевъ, а не по имуществамъ, лишаетъ вотчинную транскрипцію существеннаго качества, необходимаго для успѣшнаго достиженія той цѣли, для которой она установлена.

Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ настоящаго времени, задача, которой разрѣшеніе, безъ сомнѣнія, составитъ важнѣйшую эпоху въ исторіи общественнаго развитія, есть полное примѣненіе кадастра къ поземельной собственности. До сихъ поръ почти вездѣ болѣе высказано желаній и предположеній по этому предмету, чѣмъ сдѣлано въ дѣйствительности, хотя

вопросъ о кадастрѣ далеко не новый, и кадастровая система еще въ XV столѣтїи извѣстна была во многихъ италїанскихъ государствахъ, особенно въ Ломбардіи и Тосканѣ. Довольно удачныя попытки къ примѣненію ея сдѣланы были въ послѣднее время въ Женевѣ, въ Сардинскомъ королевствѣ, въ Баваріи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ, но до сихъ поръ это примѣненіе было одностороннее, съ цѣлю утвердить на прочныхъ основаніяхъ систему податей и повинностей. Вопросъ о примѣненіи кадастра становится теперь несравненно обширнѣе, по крайней мѣрѣ въ литературѣ политической, откуда рано или поздно онъ долженъ будетъ, работавшійся, перейти въ сферу законодательной дѣятельности. Съ помощію кадастра предполагается устроить полное описаніе поземельной собственности цѣлаго края, съ точнымъ означеніемъ по каждому участку пространства, вида, границъ, всѣхъ физическихъ и экономическихъ принадлежностей, свойствъ и особенностей, всѣхъ повинностей и требованій, лежащихъ на имѣніи, всѣхъ правъ, которыя принадлежатъ къ нему или имъ обезпечиваются. Такимъ образомъ, кадастръ, вотчинная записка и установленіе закладнаго права должны слиться въ одно учрежденіе, на столько совершенное, чтобы по каждому имѣнію можно было тотчасъ же съ достовѣрностію опредѣлить матеріальный образъ его, экономическую цѣнность и мѣру кредита, съ нимъ соединеннаго. Каждое замѣтное событіе, измѣняющее матеріальный или юридическій видъ имѣнія, напримѣръ раздѣлъ, постройка, отчужденіе, отдача въ долгосрочную аренду, отдача въ залогъ и т. п. отмѣчалось бы въ одномъ изъ отдѣловъ описательнаго листа, и экземпляръ этого листа просоединялся бы къ каждому акту или сдѣлкѣ объ имѣніи: такимъ образомъ значительно упростилось бы, облегчилось и удостовѣрилось самое совершеніе актовъ. Не трудно себѣ представить, на сколько выигралъ бы отъ этого поземельный кредитъ между частными лицами, и не одинъ только поземельный. Вся бытовая сторона собственности получила бы отъ такого учрежденія характеръ достовѣрности, вся система доказательствъ перемѣнила бы свой видъ, и уменьшилась бы значительно та фактическая неопредѣленность, которая составляетъ теперь главную причину размноженія и запутанности процессовъ. Большая часть ихъ относится къ вопросамъ о собственности и владѣніи, требующимъ продолжительныхъ и

цѣнныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, осмотровъ, свидѣтельскихъ показаній, повѣрки документовъ и т. п., но по свойству признаковъ событія, возстановленіе истины весьма часто и послѣ изслѣдованія или повѣрки оказывается невозможнымъ, такъ что суду приходится жертвовать матеріальною истиною истинѣ формальной. Такія описанія, о которыхъ мы говоримъ, если пріобрѣтутъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, характеръ достовѣрности, послужатъ къ устраненію множества подобныхъ неудобствъ и къ предупрежденію множества тяжбъ между сосѣдями, и пререканій о правѣ собственности.

К. Побѣдоносцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ФАЛЬШИВЫЙ АККОРДЪ

П О В Ъ С Т Ъ

I.

Марья Николаевна только что отобѣдала и вышла на балконъ, выдающійся на большой тѣнистый садъ. Она усѣлась въ мягкія кресла и принялась кушать кофе. Марья Николаевна было лѣтъ за сорокъ, но она хорошо сохранилась, и на ея лицѣ были еще замѣтны слѣды красоты. Легкій, фуляровый пенюаръ обхватывалъ ея еще довольно стройный станъ, а чепчикъ изъ валансіенъ покрывалъ только часть ея густыхъ черныхъ волосъ. Правильныя, хотя и немного рѣзкія черты, могли бы показаться привлекательными, если бы общее выраженіе лица не носило характера нѣсколько жесткаго и недовольнаго. Отъ утомленія ли, или отъ скуки она раза два зѣвнула, потомъ посмотрѣла вокругъ себя на роскошно раскинувшіяся деревья на красивыя, заманчивыя дорожки, тщательно вычищенные и усыпанныя краснымъ пескомъ, на клумбы, испещренныя цвѣтами, на лучи солнца, прорывавшіяся сквозь густую зелень деревьевъ, на лежащую вдали дорогу, по которой отъ времени до времени тащилась крестьянская телѣга, подымая за собой легкое облако пыли. Но эта картина, повидимому, не была

ди нея привлекательна, давно уже надоѣла ей, и все та же скука выражалась въ ея взглядѣ. Взявъ со столика, стоявшаго передъ нею, какой-то французскій журналъ, она стала перелистывать его, разрѣзывать разсѣянно листы и, наконецъ, принялась читать, не то что внимательно, но какъ-то машинально, не останавливаясь.

Да какъ было не скучать Марья Николаевна? Она всегда жила или въ Петербургѣ, или за границей, а теперь проводила лѣто въ своемъ имѣннн совершенно одна. Занятій у нея вовсе не было, потому что Марья Николаевна хотя и пріѣхала на житье въ деревню, чтобы хозяйничать, но о сельскомъ хозяйствѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія, а попрежнему предоставляла все своему управляющему. Она любила цвѣты, но зачѣмъ же самой рыться въ землѣ, пачкать руки, когда садовникъ знаетъ хорошо свое дѣло? Ей оставалось только приказать, чтобы тутъ или тамъ посадили такія-то растенія, здѣсь остригли вѣтки, въ другомъ мѣстѣ проложили новую дорожку, и потомъ любоваться тѣмъ, что сдѣлано. Съ сосѣдями Марья Николаевна не зналась и умѣла избѣжать всякаго знакомства съ этими *rustres*, какъ она ихъ называла. Это была самая богатая помѣщица губерніи К***, и потому внушала всѣмъ сосѣднимъ помѣщикамъ какое-то священное уваженіе. Познакомиться съ нею, похвастать этимъ знакомствомъ было *rium desiderium* каждаго, но къ величайшему ихъ прискорбію, никому это не удавалось. Вслѣдствіе того, конечно, Марья Николаевна Совицкая прослыла гордою, надменною и чуть ли не сумашедшею.

Итакъ, она проводила время однообразно и конечно скучно. Однакожь если бы кто-нибудь спросилъ у нея, скучаетъ ли она, — Марья Николаевна въ этомъ никогда бы не созналась. Люди мыслящіе не скучаютъ, была ея любимая аксіома, и если не всегда повторялась Марьей Николаевной, то все-таки безпрестанно носилась передъ нею, выражалась во всякомъ ея словѣ. Сознаться, что скучаешь, не значитъ ли сознаться въ томъ, что ничѣмъ сильно не интересуешься, а Марья Николаевна морочила себя мыслию, что принимаетъ самое живое участіе и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ искусствахъ, и чуть ли не въ наукѣ, наконецъ во всемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Она выписывала всевозможные журналы, читала по привычкѣ отъ доски до доски, зѣвая подъ часъ самымъ жалкимъ образомъ, и была твердо убѣжде-

на, что хотя живеть въ настоящую минуту далеко отъ городскаго шума, но слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческаго ума.

Непостижимо, какъ эта постоянная комедія съ самой собою даже тогда, когда не было зрителей, не надоѣдала ей; но комедія эта до того превратилась въ привычку, до того вошла въ ея кровь и плоть, что вѣроятно никакіе перевороты земнаго шара не могли бы излѣчить Марью Николаевну.

Въ молодости Совецкая вышла замужъ безъ любви, за чело-вѣка, женившася на ней по разчету. Она никогда не во-ображала, что любила мужа или что любима имъ; но прожи-ла съ нимъ десять лѣтъ очень счастливо, какъ говорила об-щая молва. Когда мужъ умеръ, она конечно поплакала, на сколько было нужно, а потомъ стала жить опять-таки счаст-ливо, посвящая всю жизнь, какъ выражалась, единственному сыну. Марья Николаевна была въ молодости красавицей и вну-шила не одну страсть. Она знала это, но ея сердце никогда не билось сильнѣе обыкновеннаго, воображеніе никогда не разго-ралось; она стояла, опять-таки по ея мнѣнію, выше всѣхъ этихъ мелочей, и никогда никто не могъ бы упрекнуть ее даже въ малѣйшемъ движеніи кокетства. Она принимала весь городъ, читала, говорила, по своему и интересовалась всѣмъ современнымъ (хотя почти во всемъ была совершенная не-вѣжда), и въ этомъ проходила ея жизнь. Безпрестанно пропо-вѣдывала она о пагубныхъ послѣдствіяхъ суетности, о томъ, что должно имѣть серіозное направленіе, серіозный взглядъ на вещи, серіозную цѣль; что каждый обязанъ заботиться о бла-годѣтельномъ вліяніи на общество, что надобно образовать его, помогать бѣднымъ людямъ, страдающимъ отъ общественныхъ недуговъ; но что эта помощь не должна заключаться только въ томъ, чтобы бросать горсти золота направо и налево,—кто этого не можетъ? стоитъ только быть богатымъ,—нѣтъ, гораздо выше, гораздо похвальнѣе развить, на примѣръ, рождающійся талантъ, поощрить его одобреніемъ, помочь ласковымъ словомъ, дать ему почувствовать, что онъ въ состояніи проложить себѣ путь даже въ лучшее общество, что само общество нуждается въ немъ. Чтò можетъ быть лучше, благороднѣе, какъ имѣть нрав-ственное вліяніе на людей, окружающихъ насъ, посвятить себя воспитанію новаго поколѣнія и этимъ принести существенную пользу всей Россіи? Такого рода благодѣянія труднѣе, они до-ступны только избраннымъ. Но странно, несмотря на эти вы-

сокія цѣли и благородныя стремленія, Марья Николаевнѣ не удалось ни развить ни одного таланта, ни ободрить никого, ни проложить никому дороги. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, выслушавъ много пышныхъ изреченій, всѣ ея protégés исчезли, не показывали глазъ и прославляли ее самую скучною женщиной. Марья Николаевна называла это une désertion жаловалась на судьбу, на то, что ей ничто не удается, что силы ея гибнуть напрасно, но, при концѣ грустной рѣчи, бодро приподнимала голову и говорила: «что жь, если и было у меня много неудачъ, если я часто ошибалась, не будемъ отчаиваться въ будущемъ.»

Правду сказать, для многихъ Марья Николаевна была рѣшительно чумой. Tête-à-tête съ ней считался пыткой, но весь городъ стремился на ея вечера, гдѣ собиралось самое избранное общество, и, хотя подшучивали надъ нею тайкомъ, она пользовалась самою выгодною репутаціей.

Марья Николаевна все еще была погружена въ свое чтеніе, какъ вдругъ по большой дорогѣ послышался стукъ. Она подняла глаза и увидѣла окруженный густымъ облакомъ пыли какой-то громадный, неуклюжій экипажъ. Тройка деревенскихъ лошадеенокъ довольно быстро тащила его, и скоро очутился онъ вблизи отъ дома. Экипажъ этотъ былъ старая, длинная, взгромоздившаяся на высокихъ ресорахъ коляска. На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ истертомъ, обливомъ армякѣ, а возлѣ кучера, на мѣсто лакея, усѣлась горничная съ платкомъ на головѣ и въ ситцевой коцавѣйкѣ, кой-гдѣ разорванной, съ клочками грязной ваты, торчавшей изъ дыръ. Кожаный фартукъ коляски совершенно скрывалъ сѣдоковъ экипажа. Перекачиваясь съ боку на бокъ и дрожа вся какъ въ лихорадкѣ, коляска въѣхала на дворъ и остановалась у главнаго подъѣзда. «Боже мой! что это такое,» подумала Марья Николаевна, и не на шутку ужаснулась. Почти въ то же время у дверей, выходящихъ на балконъ, явился человекъ съ докладомъ: «сосѣдка, помѣщица Арина Ивановна Горшкова пріѣхала, прикажете принять?»

— Дома нѣтъ, скажи, что меня дома нѣтъ, проговорила скороговоркой Марья Николаевна.—Сколько разъ было сказано вамъ: не принимать сосѣдей.

— Да я докладывалъ, что Марья Николаевна не у себя-съ, а эта барыня говоритъ: «Что ты батюшка, Марья Николаевна сидитъ на балконѣ, вѣдь я сама видѣла.» Я и пришелъ доложить.

Марья Николаевна невольно улыбнулась.

— Они говорятъ, что по дѣлу пріѣхали, прибавилъ человекъ.

— Что тутъ станешь дѣлать, вдохнула Марья Николаевна:
— ну, проси.

II.

Скоро въ сосѣдней комнатѣ послышался сухой, старческій кашель, и на балконъ вошла старушка маленькая, худенькая, вся сгорбленная; за руку она держала дѣвочку лѣтъ десяти, съ блестящими черными глазами, съ веселымъ, хотя нѣсколько дикимъ и испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ черными кудрями, выбивавшимися изъ-подъ бѣлой коленкоровой шляпки. Старушка была одѣта бѣдно. На ней было черное люстриновое платье, какая-то старая порыжѣлая отъ времени черная же шаль и шляпка огромнаго размѣра изъ темно-зеленаго гроденапля. Сморщенное ея лицо какъ-то добродушно и умильно улыбнулось, когда она подошла къ Марьѣ Николаевнѣ, которая, при появленіи старушки, поднялась съ кресель.

— Ахъ матушка, Марья Николаевна, извините, что я старуха осмѣлилась побезпокоить васъ, сказала она, низко кланяясь, — много наслышалась я о вашей добротѣ и милости, а потому и рѣшилась пріѣхать. Да что же ты, Вѣрочка, стоишь какъ вкопаная, прибавила она, обратившись къ дѣвочкѣ, — что жъ не поклонись Марьѣ Николаевнѣ?

Вѣрочка присѣла довольно не ловко.

— Помилуйте я очень рада, сказала наконецъ Марья Николаевна. — Сядьте пожалуйста, мы съ вами сосѣди, кажется?

— Сосѣди, какъ же сосѣди, матушка, моя деревенька всего двадцать верстъ отсюда.

— Двадцать верстъ! ахъ, да вы вѣрно очень устали. Какъ это вы собрались?

— Устали! ужъ намъ ли уставать, матушка Марья Николаевна, мы не такого поля ягода... У меня, вѣдь, не такія хоромы, всего десять душъ имѣю: такъ сами посудите, можно ли тутъ думать о своемъ спокойствіи.

Марья Николаевна взглянула на Вѣрочку.

— Сядьте, душенька, сказала она ей довольно ласково.

Дѣвочка подумала, что нужно послушаться, и тотъ часъ же

сѣла на кресло, стоявшее возлѣ нея. Гибкія пружины неожиданно для нея уступили легкой тяжести ребенка, и она какъ будто утонула въ креслахъ. Удивленная и немного испуганная, дѣвочка вся покраснѣла.

— Чтò, сказала смѣясь бабушка, — не сиживала еще на такихъ мягкихъ креслахъ? привыкла на моемъ жесткомъ диванѣ. — Дѣвочка еще больше покраснѣла и совсѣмъ потерялась.

— А для того, чтобы вамъ было извѣстно, Марья Николаевна, начала опять говорливая старушка, — почему я осмѣлилась побеспокоить васъ, скажу вамъ прямо, что у меня покорнѣйшая просьба до вашей милости. Не оставьте старуху, — она прослезилась, — заставьте вѣкъ Богу за себя молить!

— Чтò могу я для васъ сдѣлать, Ирина Ивановна, я считаю святою обязанностію помогать всѣмъ, когда только могу.

— Святая обязанность, точно, что святая обязанность, матушка моя, да не всѣ-то такъ думаютъ. Вотъ разкажу я вамъ мое горе, а потомъ и разсудите сами, чтò мнѣ несчастной дѣлать. Маялась-то я маялась на своемъ вѣку, да на старости лѣтъ радости не нажила. Мужъ былъ и дѣти были, всѣхъ похоронила. Ну, что ужъ и жаловаться! на то видно воля Божія. Былъ у меня сынъ, матушка моя, въ военной службѣ служилъ, такой ужъ былъ, что матери не грѣхъ похвастать. Дослужился до капитанскаго чина, женился, вотъ Вѣрочка его дочь. Жена была у него хорошая, жили они счастливо, ужъ какъ счастливо! Радовалась я на нихъ, да долго радоваться не пришлось, обихъ скоронила, матушка моя. — Старуха вынула платокъ изъ ридикюля и отерла глаза. — Сами знаете, чтò такое материнское сердце, у самихъ сынокъ есть. Вотъ и осталась у меня сирота одинокая. Родни больше ни одной души нѣтъ. А посудите сами много ли я старуха наживу, да если и жива-то буду, что могу я сдѣлать для бѣдняжки? Десять душъ не велико состояніе, только и хватаетъ, что на одежду, да на обувь. Бьешься, бьешься, а все толку нѣтъ. А вѣдь дѣвочка-то благородная, по отцу капитанскій чинъ имѣеть, такъ и образованіе должна получить поблагороднѣе. Вотъ я ужъ думала, думала, что мнѣ съ нею дѣлать — ума не приложу, и по ночамъ не сплю, и днемъ-то плачу, ну, да что отъ слезъ проку! И придумала я наконецъ: поѣду, думаю я, къ помѣщицѣ самой богатой во всей губерніи, разкажу я ей мое горе, успокоитъ она можетъ-статься старуху, сжалится надъ дѣвочкой. Матушка Марья Николаевна, не откажите ради самого Бога, похлопочите о Вѣрочкѣ, дайте

ей хоть какое ни на есть воспитаніе, или пристройте куда-нибудь въ казенное заведеніе, полюбите сердечную, а современемъ, Богъ знаетъ,—она у меня такая смазливая,—можетъ и жениха какого найдеть. А то умри я, вѣдь по міру поидеть, не иначе какъ по міру. Будьте благодѣтельницей, Богъ васъ за это не оставитъ.

Марья Николаевна взглянула на Вѣрочку: у бѣдной дѣвочки навернулись слезы на глазахъ, ее пугала мысль о разлукѣ съ бабушкой, но Марья Николаевна иначе поняла эти слезы.

— Не плачь, моя милая, сказала она,—я устрою твою судьбу. Зачѣмъ отдавать ее въ институтъ, Ирина Ивановна, я лучше возьму ее теперь къ себѣ, займусь ею сама, а осенью, когда переѣду въ Москву, помѣщу въ лучшей пансіонъ. Вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ: я рада сдѣлать доброе дѣло.

Ирина Ивановна чуть не бросилась въ ноги къ Марьѣ Николаевнѣ. Та остановила ее.—Ахъ! ради Бога, да за что же вы благодарите меня, я только исполняю свою обязанность. Скажите, училась ваша внучка уже чему-нибудь?

— На мѣдные деньги, матушка Марья Николаевна, но она такая смышленная, читаетъ вѣдь какъ бойко.

— Ну, это хорошо. Успокойтесь же, успокойтесь, это дѣло рѣшенное. Надѣюсь, что ваша внучка будетъ счастлива у меня.

Ирина Ивановна словно вдругъ помолодѣла. Слезы радости заблестали у нея на глазахъ. Она перекрестилась и стала шептать что-то. «Ахъ, матушка-благодѣтельница,» выговорила она, и отъ волненія не могла сказать ничего болѣе. Вѣрочка все плакала, но старушка не замѣчала слезъ внучки. Передъ ея воображеніемъ рисовалась Вѣрочка уже взрослая, хорошенькая собой, говорящая по-французски, настоящая барышня. И вотъ она видѣла ее замужемъ, чуть ли не за генераломъ, важною барыней, принимающею много гостей, разъѣзжающею въ каретѣ. Но вдругъ ей представилась маленькая ея деревня. Снѣгъ хлопьями ударяетъ въ окна, на дворѣ стужа, а она сама больная лежитъ на постели подъ образами, лампадка теплится, бросая слабый свѣтъ на бѣдную комнату, коть сидитъ на лежанкѣ и мурлычить, никто не приходитъ спросить: «какъ вамъ бабушка, не нужно ли вамъ чего?» Нѣтъ никого вокругъ нея, кромѣ растрепанной горничной Акульки, да и ту не докличешься. Слезы хлынули вдругъ изъ глазъ старухи, но она поспѣшно отерла ихъ. «Грѣхъ заботиться только о своихъ прихотяхъ,» по

думала она, «прожила свой вѣкъ, такъ не мѣшай жить молодымъ, благо Богъ счастье посылаетъ.»

— Ахъ, матушка моя благодѣтельница, прошептала она снова.—Такъ какъ же прибавила она, помолчавъ,—скоро ли прикажете прислать вамъ Вѣрочку?

— Да зачѣмъ же вамъ везти ее домой? отвѣчала Марья Николаевна:—оставьте ее теперь у меня.

— Ну, какъ вамъ угодно, какъ вамъ угодно, — и старушка опять задумалась, опять замечталась.

Сцена эта начинала надѣдать Марьѣ Николаевнѣ. Отчего не сдѣлать добраго дѣла? Это обязанность всякаго просвѣщеннаго человѣка, но долго разговаривать съ старухой, какъ Ирина Ивановна, скучно. Совицкая раза два зѣвнула украдкой. Ирина Ивановна замѣтила это; ужь не обезпокоиваетъ ли она свою благодѣтельница своимъ присутствіемъ? пора бы уѣхать домой, надо бы встать да уйти, а силъ нѣтъ. Легко ли проститься съ Вѣрочкой, хотъ немножко поглядѣть еще на нее, и Ирина Ивановна заводила какой-нибудь разговоръ, чтобы только можно было остаться.

— А что вашъ сыночекъ, Владиміръ Федоровичъ, начала она, не зная, что сказать,—здоровъ ли? Въ Петербургѣ должно быть остались?

— Нѣтъ! мой сынъ, окончивъ нынѣшнюю весною курсъ въ университетѣ, отправился за границу.

— А... а который годъ Владиміру Федоровичу?

— Двадцать лѣтъ.

— Такъ стало-быть ученье они совсѣмъ кончили?

— Кончили, отвѣчала Марья Николаевна, слегка улыбаясь.

— Ну, слава Богу.

Наконецъ, Ирина Ивановна приподнялась съ своего мѣста и глубоко вздохнула. Остаться болѣе было невозможно.

— А мнѣ такъ ужь пора, сказала она,—лошадей должно быть покормили, пора во свояси. И она снова принялась благодарить Марью Николаевну. Условились, что Вѣрочка останется у нея, а передъ отъездомъ въ Москву она общала, что придетъ внучку повидаться съ бабушкой. Старуха простилась съ Вѣрочкой, что конечно не обошлось безъ слезъ, и, назвавъ ей строго-на-строго слушаться своей благодѣтельница и молиться за нея Богу утромъ и вечеромъ, усѣлась въ неуклюжую коляску и пустилась въ обратный путь. Вѣрочка посмо-

трѣла ей во слѣдъ. Грусть защемила ея дѣтское сердце. И когда она взглянула на окружавшія ее чужія лица, двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

III.

Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Ирина Ивановна привезла маленькую Вѣрочку къ богатой ссѣдкѣ. Хорошо сдѣлала старуха, что заранѣе позаботилась о судьбѣ внучки, потому что годъ спустя умерла, и Вѣрочка осталась круглою сиротой. Переѣхавъ въ Москву, Марья Николаевна сдержала свое обѣщаніе и помѣстила ее въ лучшей изъ московскихъ пансіоновъ. Вѣрочка стала служить ей неистощимымъ предметомъ для фразъ. Только и было у нея разговора о томъ, какъ она развивается, какъ она просвѣщаетъ свою воспитанницу, какъ надѣется сдѣлать изъ нея une femme essentielle. Между тѣмъ она видѣла Вѣрочку только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, а лѣтомъ брала ее въ деревню. Въ деревнѣ они всегда жили съ глазу на глазъ, потому что Владиміръ Ѳедоровичъ, возвратившійся изъ-за границы, не очень долюблялъ деревню и посѣщалъ мать только на короткое время. Жизнь Вѣрочки въ деревнѣ своей благодѣтельница была не изъ завидныхъ. Въ пансіонѣ ей было веселѣе, тамъ были подруги, дѣвочки ея возраста, и, хотя должно было учиться прилежно, дышалось тамъ какъ-то свободнѣе чѣмъ дома.

Вѣрочка еще дитятей принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ найдтись во всякомъ положеніи и никогда не стоятъ ниже его. Въ самое короткое время она приучилась жить въ богатствѣ, не удивляться всякой бездѣлицѣ, не смотрѣла дикаркой и тотчасъ переняла приемы окружавшихъ ее. Но съ малолѣтства приученная къ полной свободѣ, къ естественности, къ искренней, беззатѣливой нѣжности своей бабушки, она безсознательно страдала отъ искусственной атмосферы, окружавшей Марью Николаевну, хотя не могла еще дать себѣ въ этомъ отчета. Ей скоро сдѣлалось понятно, что, сравнительно съ другими, она совершенная невѣжда. Ея дѣтское самолюбіе сильно страдало, врожденная любознательность и воспріимчивость сдѣлали бы ее очень прилежною, еслибъ она хоть сколько-нибудь была предоставлена самой себѣ. Но когда Марья

Николаевна, по цѣлымъ часамъ, начинала излагать очень краснорѣчиво, что Вѣрочка до тѣхъ поръ, пока не переѣхала къ ней, жила совсѣмъ по крестьянски, что она и понять не можетъ всѣхъ преимуществъ образованія, что только тотъ человѣкъ и хорошъ, на которомъ лежитъ печать цивилизаціи. Вѣрочка вспоминала свою бабушку, ей становилось нестерпимо грустно, у нея опускались руки, она начинала отчаиваться въ своихъ силахъ, и въ ней исчезала даже всякая охота къ занятію. Впрочемъ, она боролась съ этимъ упадкомъ воли и часто давала себѣ обѣщаніе быть прилежною, несмотря на то, что говоритъ Марья Николаевна, но никогда ни одно одобрительное слово не помогало ей въ такихъ случаяхъ. Марья Николаевна или не любила хвалить, или дѣлала попреки своей воспитанницѣ такъ, скуки ради; къ тому же она сама часто мѣшала Вѣрочкѣ.

Лѣтомъ въ деревнѣ, напившись чаю поутру съ Марьей Николаевной, Вѣрочка отправлялась въ свою комнату, чтобы заниматься. Вдругъ Марья Николаевна посылала за ней.

— Что ты дѣлаешь, Вѣрочка? спрашивала она.

— Я съѣла переводить, маман.

— А... да теперь хорошая погода, пойдемъ лучше гулять.

Вѣрочкѣ хотѣлось переводить, но она поспѣшно брала зонтикъ и была готова идти съ Марьей Николаевной. Марья Николаевна выходила на балконъ.

— А вотъ тучка, говорила она вдругъ, — пожалуй дождь пойдетъ. Какъ ты думаешь, Вѣрочка, не лучше ли намъ остаться дома?

— Какъ вамъ угодно.

— Какъ вамъ угодно. *Vous parlez comme une femme de chambre, ma chère.* Я вѣдь тебя спрашиваю, какъ ты думаешь, идти намъ или нѣтъ?

— Пойдемте, отвѣчала проворно Вѣрочка, чтобы только отвѣтить что-нибудь.

— Да вѣдь ты видишь, что туча идетъ, насъ дождь застанетъ.

— Такъ останетесь, говорила Вѣрочка въ недоумѣніи.

— Я это и сама понимаю, что должно или идти или остаться. Ахъ, продолжала она съ явнымъ неудовольствіемъ, — какъ ты равнодушна, Вѣрочка. Другая на твоемъ мѣстѣ сейчасъ бы подумала, вотъ пойдетъ дождь, вы намокнете, пожалуй простудитесь, а тебѣ до этого дѣла нѣтъ. Отъ тебя только и дождешься: да или нѣтъ. Можно подумать, что тебѣ не позво-

ляютъ высказывать своего мнѣнія. Нѣтъ ничего хуже пассивныхъ, флегматическихъ натуръ. Если онѣ зла не дѣлаютъ, то и на хорошее неспособны. А ты, Вѣрочка, рѣшительно во всемъ такая; ничего ты не дѣлаешь съ любовью. Зачѣмъ хотѣла я идти гулять? думаешь ли ты, что это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе? Я хотѣла, чтобы ты подышала чистымъ воздухомъ; въ твои лѣта это необходимо.

Марья Николаевна садилась въ кресло, вопросъ о прогулкѣ оставался не рѣшеннымъ, и Вѣрочка должна была слушать длинную, предлинную рѣчь о томъ, какія страшныя послѣдствія можетъ имѣть равнодушіе. Марья Николаевна не довольствовалась разсужденіями и приводила историческіе факты, чтобъ изложить свою мысль самымъ популярнымъ образомъ. Она представляла Вѣрочкѣ, что на примѣръ Лудовику XVI можетъ-быть и не отрубили бы головы, еслибъ онъ не былъ такъ равнодушенъ и флегматиченъ, еслибы не занимался слесарскимъ искусствомъ и не игралъ цѣлый день въ шахматы, когда вся Франція была въ броженіи. Такимъ образомъ Марья Николаевна не только заботилась о нравственности своей воспитанницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщала ей историческія свѣдѣнія, Богъ знаетъ до какой степени основательныя. Вѣрочка слушала, молча. Она была добрая дѣвочка, и питала безграничное уваженіе къ своей благодѣтельницѣ. Марья Николаевна говорила такъ умно, складно, послѣдовательно! Чтѣ значила она, бѣдная сирота, передъ этою всею уважаемою, умною женщиной? Ужъ конечно Вѣрочка виновата во всемъ. Она бывала тронута до глубины души пышною рѣчью, и слезы одна за другою быстро бѣжали по ея щекамъ. Наконецъ, когда весь запасъ свѣдѣній Марьи Николаевны истощался, Вѣрочка съ трепетомъ осмѣливалась подойти къ ней, поцѣловать ея руку и, всхлипывая, просить прощенія.

Она чувствовала, говорила она, что у ней такъ много недостатковъ, просила Марью Николаевну не отчаиваться въ ней, что можетъ-быть со временемъ она исправится, что, по крайней мѣрѣ, будетъ стараться на сколько есть силъ.

— Ну, хорошо хорошо, отвѣчала Марья Николаевна, — я надѣюсь, что ты разовьешься. Ступай же переводить, если гулять нельзя.

И Вѣрочка, въ надеждѣ на развитіе, уходила въ свою комнату, садилась къ своему маленькому письменному столу, брала

веро я хотѣла опять заниматься, но дѣло не шло на ладъ, слезы все катились изъ глазъ, мысли не вязались.

А между тѣмъ тучка, испугавшая Марью Николаевну, росла и приближалась все болѣе и болѣе. Вотъ она повисла сплошною, густою массою надъ садомъ, заслонивъ свѣтлое небо. Вдругъ какъ будто смерклося. Повѣялъ вѣтеръ, наклоняя съ силой стройную тополь, задрожавшую, какъ отъ вѣсуга, каждымъ листкомъ. Ласточки такъ и ныряли въ воздухъ, то касаясь почти самой земли, то подымаясь высоко надъ деревьями. А вотъ вдали загудѣлъ громъ, и крупныя капли дождя стали стучать въ окна. Вѣрочка уже не плакала, она смотрѣла въ окно, задумавшись и опустивъ голову на руку, но задумавшись не о своемъ переводѣ. Ей представлялась старая деревушка, добрая ея бабушка, которая разбранила ее за то, что она, несмотря на дождь и на грозу, выбѣжала однажды на дворъ и вся промокла; какъ старушка слегка потрепала ее за ухо, назвала проказницей и шалуньей, и какъ она, Вѣрочка, расхохоталась и принялась цѣловать бабушку.

Но не долго могла Вѣрочка предаваться мечтамъ, и горькимъ, и сладостнымъ въ то же время, что-нибудь да непремѣнно помѣшаетъ ей въ этомъ: или Марья Николаевна снова придетъ за ней, чтобы заставить прочесть что-нибудь вслухъ, или сама придетъ. Замечтавшаяся Вѣрочка не услышитъ, какъ подойдетъ къ ней Марья Николаевна, и вздрогнетъ отъ невольнаго страха, когда та заговоритъ. Мгновенно исчезнетъ весь миръ ея фантази, дѣйствительность со всѣми безотчетными страданіями, со всѣми мелкими борьбами вдругъ уничтожитъ его. Вѣрочка взглянетъ на Марью Николаевну тупо, какъ будто проснувшись послѣ глубокаго сна.

— Что ты опять задумалась, спроситъ Марья Николаевна, — о чемъ это ты замечталась? Въ твои дѣта это очень вредно, къ тому же это вѣрный признакъ лѣни. Люди дѣятельные никогда не мечтаютъ, а дѣйствуютъ.

— Я задумалась надъ переводомъ, одна фраза мнѣ не дается, хочеть сказать Вѣрочка, но останавливается: она никогда не дала, а привыкать къ жи такъ трудно.

Вотъ наступило время обѣда. За обѣдомъ обыкновенно завязывается разговоръ. Вѣрочка любознательна и дѣлаетъ какой-нибудь вопросъ. Марья Николаевна любитъ вопросы и начинаетъ разказывать чаще всего о своихъ путешествіяхъ. Вѣрочка слушаетъ съ жадностію, для нея все ново, ново то, что

всѣмъ извѣстно; что въ Римѣ Ватиканъ, что въ Италіи ужа-сно жарко, что Парижъ красивый изящный городъ, и что бе-рега Рейна такъ живописны, что ихъ сравнить ни съ чѣмъ не-возможно. У Вѣрочки блестятъ глаза, она совершенно въ вос-торгѣ, начинаетъ болтать непринужденно, забываетъ даже о томъ, что она глупенькая дѣвочка, которая ничего не по-нимаетъ.

— Ахъ! восклицаетъ она:—поѣдемте, пожалуста, за границу, маман. Боже мой, какъ тамъ должно быть хорошо! Ахъ, какъ бы я была счастлива!

Марья Николаевна вдругъ хмурится.

Я знаю, что тебѣ только и хочется веселиться.—Какая ты не-благодарная, ничѣмъ недовольна. Вспомни, какъ ты жила у ба-бушки, а теперь тебѣ и у меня въ имѣніи не нравится. Можно подумать, что ты Богъ знаетъ къ какимъ причудамъ привыкла. И всему этому причиной моя же доброта. Еслибъ я не обраца-лась съ тобой какъ съ своею дочерью, тебѣ и въ голову бы не пришло говорить такія вещи. Но это уже старая исторія. Меня этимъ не удивишь, я всегда только и встрѣчала одну неблаго-дарность. Боже мой, Боже мой, сколько у меня было неудачъ въ жизни! Сколько растратила я сердечной теплоты, благород-ныхъ порывовъ, и сколько встрѣтила холодности! Но что мнѣ жаловаться?—не мнѣ одной палъ этотъ жребій, не я одна жер-тва хорошихъ побужденій. Исторія полна примѣрами.

За этимъ слѣдуетъ длинная тирада о неблагодарности, до-стается даже немного Владиміру Федоровичу за то, что онъ за-бываетъ мать.

Вѣрочкѣ досадно и на себя и на Владиміра Федоровича. Иногда ей смутно приходитъ мысль, что Марья Николаевна можетъ-быть несправедлива къ ней, но она сама пугается этой мысли, прогоняетъ ее, считаетъ себя извергомъ. Можетъ ли Марья Николаевна, которой она столькимъ обязана, быть ви-новата?

Такъ проходили дни и годы. Вмѣсто того чтобы привык-нуть, Вѣрочка все болѣе и болѣе удалялась отъ Марьи Нико-лаевны. Ей становилось страшно выговорить слово, она при-задумывалась всякій разъ, когда хотѣла сдѣлать малѣйшій во-просъ, или высказать какое бы то ни было мнѣніе. Все по-вело бы къ длиннымъ разсужденіямъ, которыя имѣли цѣлью указать ей на ея ничтожество и на всѣ ея недостатки. Вѣрочка не роптала на Марью Николаевну, она всегда считала ее пра-

вою, и именно потому становилась грустна и чувствовала тяжесть жизни. Полное недоверіе къ себѣ овладѣло ею, и изъ веселой, живой дѣвочки она сдѣлалась вялою, грустною, и постоянно задумчивою. Сперва самолюбіе сильно страдало, вызывая слезы, но наконецъ эти страданія превратились въ хроническую болѣзнь, они уже не приводили ея въ отчаяніе, но точили какъ червь. Такъ прошло шесть лѣтъ. Вѣрочка вышла изъ пансіона и уѣхала съ Марьей Николаевной въ деревню. Въ этотъ годъ Владиміръ Федоровичъ, соскучившись городскою жизнью, пріѣхалъ на два мѣсяца въ имѣніе матери.

IV.

Про Владиміра Федоровича всѣ въ одинъ голосъ твердили, что онъ очень милый молодой человекъ. Онъ былъ и остроумень, и талантливъ, и благороденъ. Но избѣженное, безтолковое воспитаніе, основанное на громкихъ фразахъ, которымъ наградила его мать, укоренило въ немъ много недостатковъ. Онъ такъ привыкъ къ метафорамъ и глубокомысленнымъ изреченіямъ матери, что сталъ считать фразами и то, что заслуживало полного уваженія, и пріобрѣлъ способность смотрѣть на все поверхностно и легко. Но недаромъ наслушался онъ разглагольствованій матери, хотя и считалъ ихъ пустяками: при удобномъ случаѣ, когда оказывалась въ этомъ надобность, онъ впадалъ въ материнскую слабость, умѣлъ кстати пустить пыль въ глаза и доказывать то, что доказать невозможно. Добродушный отъ природы, онъ часто могъ казаться совершеннымъ эгоистомъ. Онъ не былъ способенъ на сильныя страсти, у него не было недостатковъ, происходящихъ отъ нихъ, но не было также и тѣхъ достоинствъ, которыя иногда заставляютъ прощать человекъ даже преступленія. Онъ избѣгалъ пріятелей, когда у тѣхъ было какое-нибудь горе, смѣялся надъ ними и говорилъ: «Что это С. напустилъ на себя такую дурь? Онъ мраченъ и скученъ такъ, что съ нимъ житья нѣтъ. Можетъ ли человекъ лишиться такъ всякой бодрости?» Владиміръ Федоровичъ не понималъ, что его веселость нисколько не бодрость. Онъ не зналъ, что такое упадокъ силъ, но ему также было не извѣстно сильное напряженіе воли. Необходимости трудиться для него не было. Его состояніе было обезпечено, положеніе

въ обществѣ пріобрѣтено уже съ колыбели, а такъ какъ любви къ труду у него никогда не было, онъ сталъ вести жизнь свѣтскаго человѣка, то-есть съ утра до вечера выѣзжалъ. Хотя онъ имѣлъ случай видѣть людей, въ немъ никогда не разви-лась способность узнавать ихъ. Въ разговорѣ ему нисколько не были любопытны мнѣнія другаго, только бы можно было вы-сказать свои. Чтѣ за дѣло интересуеть ли разговоръ собесѣдника, былъ бы онъ занимателенъ для него самого. Такимъ образомъ Владиміръ Ѳедоровичъ прожилъ до двадцати шести лѣтъ, нисколько не скучая отъ пустоты своей жизни, тратя много де-негъ, и оставаясь всегда какъ нельзя болѣе доволенъ самимъ собою. Его отношенія къ матери были всегда хороши. Не-смотря на то, что, по его мнѣнію, онъ имѣлъ независимый ха-рактеръ (и хвасталъ этимъ не мало), она сумѣла сохранить нѣкоторое вліяніе на него тѣмъ, что льстила всѣмъ его слабо-стямъ.

Было прелестное іюньское утро. Мать, сынъ и Вѣрочка со-брались вокругъ чайнаго стола. Владиміръ Ѳедоровичъ лишь нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ въ деревню, и Марья Ни-колаевна еще находилась подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ.

— Чтѣ это вы, маменька, не знаете ли ни съ кѣмъ изъ ва-шихъ сосѣдей, заговорилъ Владиміръ Ѳедоровичъ, закуривая сигарку.—Я не понимаю, какъ вамъ не скучно жить въ такой глуши. Познакомьтесь хоть съ кѣмъ-нибудь.

— Да съ кѣмъ же мнѣ знакомиться, Володя? деревенскіе со-сѣди настоящая чума. Я, къ счастью, имѣла случай видѣть только одну изъ моихъ сосѣдокъ, а именно, бабушку Вѣроч-ки, и знакомство съ ней, Вѣрочка сама въ этомъ сознается, не могло доставить мнѣ большаго удовольствія.

Вѣрочка ничего не отвѣчала, только покраснѣла до ушей и опустила глаза. Владиміръ Ѳедоровичъ этого не замѣтилъ, онъ и не взглянулъ на бѣдную дѣвушку.

— Да есть же у васъ сосѣди, принадлежащіе къ вашему кругу, напримѣръ княгиня Вельскаина. Ея имѣніе въ семи верстахъ отсюда. Я знавалъ ее въ Петербургѣ. Вы вѣрно слы-шали объ ней. Годъ тому назадъ, она была за границей, и въ Неаполѣ ея мужъ умеръ скоропостижно воспаленіемъ въ мозгу. Премилая она женщина. Какая веселая, живая! Я общалъ, прощаясь съ ней въ Петербургѣ, побывать у нея въ имѣніи и на дняхъ какъ-нибудь отправлюсь туда верхомъ.

— Я слышала объ ней. Говорятъ, что она очень хороша

собою, и кое-что еще о княгинѣ дошло до моихъ ушей, но этого при Вѣрочкѣ сказать нельзя.

Владимиръ Федоровичъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Какая осторожность! Впрочемъ, я убѣжденъ, что Вѣрочка уже догадалась, что это можетъ быть за тайна,—и онъ взглянулъ на Вѣрочку такъ, что ей стало какъ-то больно.—Полноте, маменька, продолжалъ Владимиръ Федоровичъ, обратившись снова къ матери,—охота вамъ вѣрить этимъ сплетнямъ. Антонина Александровна свѣтская женщина, за ней многіе ухаживаютъ, и не удивительно, что про нее говорятъ разный вздоръ.

— Если ты желаешь, Володя, я готова познакомиться съ нею. Устрой это. Когда будешь у нея, то скажи, что я собиравсь къ ней.

Марья Николаевна была способна изъ угожденія сыну преодолѣть свои предрассудки, только бы Владимиру Федоровичу не было скучно.

— Непремѣнно устрой. Налейте мнѣ еще чашку чаю, Вѣрочка, прибавилъ онъ,—да что это вы такія скучныя, не стыдно ли въ ваши лѣта?

Вѣрочка снова покраснѣла и робко взглянула на Марью Николаевну. Ей всегда было страшно, когда въ присутствіи Марьи Николаевны кто-нибудь обращалъ на нее вниманіе, или заводилъ о ней рѣчь: того и гляди не обойдется безъ нравоученій. Такъ и случилось.

— Не правда ли, Володя, что это стыдно, подхватила Марья Николаевна.—Какъ я рада, что ты раздѣляешь мое мнѣніе. У Вѣрочки всегда такой видъ, какъ будто она забита, а кажется ужъ ей ли не хорошо жить: съ дочерью я не могла бы обращаться лучше. Какъ я всегда откровенна съ ней, хотя я къ этому ужъ рѣшительно не обязана, а она никогда не скажетъ ни о чемъ своего мнѣнія, не подѣлится впечатлѣніемъ, не развеселитъ меня. Сидитъ всегда молча, какъ будто критикуетъ все, что окружаетъ ее. Про нее ужъ можно точно сказать, что она себя на умѣ.

Владимиръ Федоровичъ опять расхохотался, а Вѣрочка дрожащими руками стала наливать чай и подала ему чашку.

— Merci, mademoiselle, сказалъ Владимиръ Федоровичъ, поклонившись ей съ насмѣшливою улыбкой,—позвольте выразить вамъ всю мою благодарность.

— Да, продолжала Марья Николаевна,—въ Вѣрочкѣ я очень ошиблась. Il n'y a pas de vie en elle. Я надѣялась...

Къ счастью, осталось неизвѣстнымъ, на что надѣялась Марья Николаевна, потому что Владиміръ Ѳедоровичъ перебилъ ее своимъ обыкновеннымъ шутивнымъ тономъ.

— Ну и будетъ, маменька. Ужь не пересоздадимъ же мы ее, такъ что же говорить все объ одномъ. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Если ей всегда скучно и грустно, то ей же хуже. Чтò же намъ? Натуру человѣка не передѣлаешь.

И онъ началъ декламировать комически театральнымъ голосомъ:

И скучно, и грустно, и не кому руку подать.

— Вотъ какія ты вздумалъ проповѣдывать теоріи, начала вновь раскипятившаяся Марья Николаевна.—Натуру человѣка не передѣлаешь. Такъ стало-быть по твоему и воли у человѣка нѣтъ, стало-быть человѣкъ машина, такъ ты думаешь?

— Я думаю все, все, чтò вы хотите, чтобъ я думалъ, только оставимте этотъ разговоръ, и Владиміръ Ѳедоровичъ, смѣясь, бросился обнимать мать.

— Какой ты еще шалунъ, сказала смягчившаяся Марья Николаевна.

Владиміръ Ѳедоровичъ, желая поддержать хорошее расположеніе матери, сталъ болтать безъ умолку, хвастать своими свѣтскими успѣхами и былъ какъ всегда, когда рѣчь шла о немъ, in high spirits. Наконецъ, Марья Николаевна отправилась къ себѣ, чтобъ одѣваться, а Вѣрочка вышла на балконъ. Владиміръ Ѳедоровичъ пошелъ за нею и сѣлъ возлѣ нея на скамейку. Она подняла глаза и съ упрекомъ взглянула на него.

— Вы, кажется, на меня сердитесь? сказалъ онъ улыбаясь.

— Я не сержусь на васъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, но у меня есть просьба до васъ. Оставьте меня какъ можно болѣе въ покоѣ; чтò вамъ за дѣло до моей грусти? Вѣдь я не мѣшаю же вамъ быть веселымъ.

У Вѣрочки задрожали губы, багровыя пятна выступили на лицѣ. Владиміръ Ѳедоровичъ замѣтилъ, что она всѣми силами старается удержаться отъ слезъ.

— Да, да, я понимаю, сказалъ онъ ласково, взглянувъ на нее,—вамъ часто достается отъ маменьки. Но что же дѣлать, у всякаго есть свои слабости. Надобно быть снисходительнымъ. Я знаю, маменька немного капризна.

— Ахъ, перестаньте, Владиміръ Ѳедоровичъ, мнѣ и въ голову не приходило это думать. Я столькимъ обязана татамъ, я

такъ люблю ее. Но мое несчастье, что я сказать этого не умѣю. Да, главное то ужасно, что я такая дурная. Матап бранить меня, желая мнѣ добра, видно я заслуживаю ея попреки... видно я очень дурная... Ахъ! Вѣрочка не вытерпѣла и зарыдала, но скоро оправившись, продолжала:—Ахъ! матап права, всегда права: я такая вялая, сонная, у меня нѣтъ ни ума, ни сердца. Кого я люблю? Рѣшительно никого, а ужь себя какъ я ненавижу!.. И снова потокъ слезъ.

Владиміръ Федоровичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Да знаете ли, Вѣрочка, что вы преоригинальное существо, премилое созданіе. Да я рѣшительно никогда не встрѣчалъ дѣвушки, какъ вы. Какъ вы горько плачете о томъ, что вы дурныя! онъ опять засмѣялся, но добродушно, не насмѣшливо.—Да вы ужасно какъ милы! И онъ отшатнулся немного назадъ, и взглянулъ на нее, какъ смотреть на хорошенькую картинку. Вѣрочка сидѣла, наклонивъ голову и опустивъ глаза, а пальчиками вертѣла конецъ носоваго платка, мокраго отъ слезъ.

— Полноте, Владиміръ Федоровичъ, вы говорите со мной какъ съ ребенкомъ.

Совицкій придвинулся къ ней.

— Знаете, что я вамъ скажу, Вѣрочка? Несмотря на вашу скромность, вы ужасно самолюбивы.

Вѣрочка вдругъ подняла голову и пристально взглянула на него.

— Вы отгадали, Владиміръ Федоровичъ, я ужасно самолюбива, я и сама это чувствую. Мнѣ хотѣлось бы быть маленькимъ совершенствомъ, и она разсмѣялась сквозь слезы своимъ собственнымъ словамъ,—а этого-то и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Да вы рѣшительно маленькое совершенство, какъ вы говорите. Повѣрьте мнѣ, Вѣрочка, не стану же я вамъ льстить. Вы чрезвычайно милы, я объ этомъ и понятія не имѣю. Взгляните же на меня еще разъ, дайте мнѣ вашу ручку и простите мнѣ. Обѣщаю вамъ, что никогда никто не станетъ бранить васъ по моей милости. Дайте же мнѣ вашу ручку, будемте друзья, не такъ ли?

Вѣрочка подала ему свою руку и улыбнулась, хотя слезы все еще бѣжали по ея щекамъ.

— Да не плачьте о томъ, что у васъ нѣтъ сердца, что вы никого не любите. У васъ есть сердце и очень горячее.

И Владиміръ Ѳедоровичъ пожалъ нѣжно, очень нѣжно ручку Вѣрочки.

— Такъ мы друзья, спросилъ онъ еще разъ.

— Друзья.

И Вѣрочка, вскочивъ съ своего мѣста, убѣжала въ свою комнату.

V.

Нѣсколько дней спустя, Марья Николаевна хвастала передъ сыномъ своимъ умѣніемъ воспитывать.

— Вотъ посмотри на Вѣрочку, говорила она.—На дняхъ я пристыдила ее въ твоемъ присутствіи за ея вялость и молчаливость, и она стала гораздо лучше. Замѣтилъ ли ты, какъ она вчера вечеромъ разболталась?

— Конечно, конечно, вы отлично ее воспитываете, отвѣчалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, улыбаясь и, взглянувъ самодовольно въ зеркало, висѣвшее противъ него, онъ запустилъ руку въ свои густые, бѣлокурые волосы.

Марья Николаевна была права. Вѣрочка точно измѣнилась. Она казалась веселѣе, она ободрилась, какъ будто какая-то тяжесть свалилась съ ея груди. Владиміръ Ѳедоровичъ сдѣлался къ ней болѣе внимателенъ. Онъ часто предлагалъ ей прогулки вдвоемъ, и такъ какъ общество Вѣрочки видимо доставляло ему удовольствіе, Марья Николаевна нисколько не препятствовала этимъ *tête-à-tête*. Напротивъ, она часто посылала Вѣрочку къ сыну и говорила, что очень рада, если только Володѣ съ ней весело.

Въ первый разъ въ жизни Вѣрочка стала говорить съ своимъ новымъ другомъ что взбредеть на умъ, и такъ какъ она уже долго все замыкала въ себѣ, то запасъ для разговора не скоро могъ истощиться. А Владиміръ Ѳедоровичъ забылъ даже о своемъ намѣреніи посѣтить княгиню Вельскину: ему было весело и безъ нея.

— Я въ васъ просто нашелъ кладъ, Вѣрочка, сказалъ онъ ей однажды во время прогулки.—Что бы сталъ я дѣлать безъ васъ въ деревнѣ? Я бы умеръ со скуки.

— Такъ я васъ забавляю, Владиміръ Ѳедоровичъ?

— Нѣтъ, но вы наполняете здѣсь мою жизнь. Страшно подумать, что было бы безъ васъ.

— Вы стали бы ѣздить къ сосѣдямъ, замѣтила Вѣрочка съ лукавою улыбкой.

— Вы хотите сказать къ Антонинѣ Александровнѣ. Ахъ, помилуйте, еслибы вы знали, какъ мнѣ надоѣли свѣтскія женщины? Онѣ всѣ похожи одна на другую.

— Пора бы домой, сказала Вѣрочка. — Маменька все одна и соскучится. Пойдемте, Владиміръ Фѣдоровичъ, мы и то уже долго гуляемъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ Владиміръ Фѣдоровичъ, вздохнувъ, — во мнѣ съ вами въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ съ маменькой.

— Перестаньте, пожалуйста, и пойдемте поскорѣй, прибавила она съ явнымъ безпокойствомъ.

Вѣрочка не ошиблась. Марья Николаевна соскучилась. Хотя при началѣ она была очень рада дружескимъ отношеніямъ своего сына и воспитанницы, въ скоромъ времени ей показалось это не совсѣмъ по душѣ. Она не боялась, что дружеское чувство могло принять характеръ болѣе нѣжный, нѣтъ, эта мысль не помѣстилась бы въ ея головѣ. Марья Николаевна сейчасъ бы подумала: «какъ смѣетъ Вѣрочка? И что за охота Володѣ?» Ее стало мучить просто материнское, уязвленное самолюбіе, материнская ревность. Какъ могъ ея сынъ предпочитать ея обществу общество глупенькой, неразвитой дѣвочки? «Почему же ему весело съ ней?» говорила она самой себѣ. «Только потому что она молода, что у нея свѣжій цвѣтъ лица и стройная талія. Ахъ, Боже мой, какая суетность, какая поверхностность! Грустно видѣть такіе недостатки въ своемъ собственномъ сынѣ». И Богъ знаетъ, что не передумала по этому поводу Марья Николаевна; результатъ размышленій былъ тотъ, что когда Владиміръ Фѣдоровичъ и Вѣрочка возвратились домой, они нашли Марью Николаевну въ очень дурномъ настроеніи духа. Она прохаживалась по комнатѣ и внутренно волновалась.

«Что-нибудь да мучить и безпокоить маман, подумала Вѣрочка, надо ее развлечь.» И, подойдя къ столу, она взяла только что полученный журналъ и предложила что-нибудь прочесть вслухъ.

— Ахъ, оставь пожалуйста, сказала съ нетерпѣніемъ Марья Николаевна. — Я еще не довольно стара, чтобы нужно было забавлять меня. Если Владиміру и тебѣ скучно со мною, то ступайте опять гулять, васъ никто не стѣсняетъ, и ничего отъ насъ не требуютъ.

— Да мы ужь нагулялись, перебилъ Владиміръ Ѳедоровичъ, покойно усаживаясь въ кресла,—отчего бы Вѣрочкѣ не почитать что-нибудь вслухъ? Чтѣ дѣлается новаго въ политикѣ? Мнѣ это очень любопытно.

— Нисколько тебѣ это не любопытно, но тебѣ хочется, чтобы читали вслухъ, только потому что я не расположена слушать, потому что я разстроена, а когда я разстроена, ты всегда стараешься замѣть разговоръ.

Воцарилось молчаніе, никто не осмѣливался спросить, чтѣ именно разстроивало Марью Николаевну, но она сама скоро вывела всѣхъ изъ недоумѣнія и разказала все, чтѣ у нея было на душѣ.

— А разстроена я потому, начала она,—что въ самыхъ близкихъ людяхъ не замѣчаю къ себѣ ни малѣйшей привязанности. Никто не думаетъ, никто не заботится обо мнѣ. Каково мнѣ это, мнѣ, которая всю жизнь свою посвятила на то, чтобы приносить пользу другимъ? Про Вѣрочку я ужь не говорю, въ ней не въ первый разъ я замѣчаю неблагодарность, да ее очень винить нельзя, она рѣшительно не способна ни на какое сильное чувство, она слишкомъ флегматична. Но отъ тебя, Владиміръ, я ожидала другаго. Вспомни, чѣмъ я была для тебя. Когда ты родился, я была еще молодая женщина и красавица, всѣ это могутъ тебѣ подтвердить; но жить для себя мнѣ уже не хотѣлось, я только и думала о тебѣ. Помнишь ли ты, какъ я ухаживала за тобой, когда ты бывалъ боленъ, какъ заботилась о твоёмъ воспитаніи? Къ чему повели мои страданія, мое самопожертвованіе? Чтѣ вышло изъ тебя? Ты только живешь для того, чтобы веселиться, чтобы тратить деньги. А мое состояніе уже не такъ велико, чтобы я могла удовлетворять всѣ твои прихоти. Я могла бы поѣхать за границу, проводить время пріятно, и ты видишь, я сижу въ глуши, чтобы экономничать, и если не скучаю, то обязана этимъ своей дѣтельной натурѣ.

— Ахъ, маменька, ужь перестаньте, пожалуста, перебилъ было Владиміръ Ѳедоровичъ, но мать продолжала не обращая вниманія на его слова.

— Да чтѣ ужь объ этомъ говорить? Я готова сдѣлать всевозможныя пожертвованія, только былъ бы ты хорошъ до меня, но отъ тебя никогда не дождешься ни ласки, ни малѣйшаго вниманія. При каждомъ словѣ Марья Николаевна все болѣе и болѣе волновалась и доходила до какой-то болѣзненной экзаль-

тѣмъ. — Ахъ, я чувствую, что ты убьешь меня. И она чуть не зарыдала. — Ты и то безпрестанно вонзаешь ножъ въ мое сердце. Задумайся объ этомъ хоть разъ въ жизни. Когда увидишь меня мертвою у твоихъ ногъ, можетъ-быть сердце повернется въ твоей груди, можетъ-быть оно обольется кровью, но будетъ уже поздно. Впрочемъ, я виновата во всемъ сама, напрасны мои жалобы. Всегда мнѣ приходится раскаиваться въ лучшихъ, въ самыхъ безкорыстныхъ моихъ поступкахъ. Когда центуріонъ, посланный Нерономъ, явился передъ Агриппиной, чтобъ убить ее, она сказала: «feri ventrem». Да, и я повторяю за ней, Владиміръ: «feri ventrem». Чтò ты, Вѣрочка, съ такимъ удивленіемъ уставилась на меня? я это не выдумала. Я не виновата, что ты не читала Тацита, а то бы и ты это знала.

Вѣрочкѣ въ эту минуту нисколько не хотѣлось повѣрять слова Марьи Николаевны и приняться читать *Тацита*. Она была способна возненавидѣть знаменитаго историка, внушившаго такіа жесткіа рѣчи Марьи Николаевнѣ.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ, маменька! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Владиміръ Фодоровичъ и позвонилъ.

— Велите осѣдлатъ мнѣ лошадь, сказалъ онъ человѣку, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Скоро у подъѣзда послышался топотъ лошади, и Вѣрочка подъ какимъ-то предлогомъ выбѣжала на крыльцо. Владиміръ Фодоровичъ, въ фуражкѣ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, стоялъ на верхней ступенькѣ. Вѣрочка слегка, однимъ пальчикомъ, прикоснулась до его рукава. Онъ повернулся къ ней. Она была блѣдна и какъ-то вся дрожала.

— Куда вы ѣдете? спросила она шепотомъ.

— Къ княгинѣ Вельскиной, отвѣчалъ Владиміръ Фодоровичъ, едва взглянувъ на нее. Брови у него были сдвинуты, лицо какъ-то сурово.

— Вы долго останетесь тамъ? спросила Вѣрочка нерѣшительно.

— Не знаю, — и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

Слезы заблестали въ ея глазахъ.

— Прѣзжайте поскорѣй, продолжала она, — не тревожьтесь, я усною вашу мать въ нашемъ отсутствіи. Она была несправедлива, это правда, въ первый разъ я замѣтила, что она можетъ быть несправедлива. Простите ей. Это все скоро пройдетъ. Прѣзжайте только... но скорѣе.

Владиміръ Ѳедоровичъ взялъ руку Вѣрочки и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Вамъ будетъ весело, сказала она едва внятнѣмъ голосомъ и вся покраснѣла, — не забудьте меня, пожалуйста.

Самодовольная улыбка вдругъ пробѣжала по лицу Владиміра Ѳедоровича. Вѣрно какая-то веселая мысль промелькнула въ его умѣ. Онъ крѣпко и какъ-то быстро поцѣловалъ руку у Вѣрочки и, вскочивъ на лошадь, сказалъ, ласково поклонившись ей:

— Я скоро буду.

VI.

Дурное расположеніе духа Марьи Николаевны послѣ сильнаго взрыва всегда скоро проходило, и потому сцена между нею и ея сыномъ осталась безъ всякихъ послѣдствій. Всѣ зажили по старому, не измѣняя привычекъ, и прогулки Владиміра Ѳедоровича съ Вѣрочкой не прекратились.

Однажды шли они вдвоемъ по большой дорогѣ, окаймленной, съ одной стороны, опушкой березовой рощи, съ другой обширными, пожелтѣлыми полями. Вѣрочка рвала васильки, плела себѣ вѣнокъ и робко отвѣчала на вопросы Владиміра Ѳедоровича. Онъ заговорилъ о любви.

— Не правда ли, Вѣрочка, сказалъ онъ: — вы мнѣ признаетесь, когда полюбите въ первый разъ?

— Хорошо, хорошо сказала она, — это будетъ еще не скоро.

— За то будетъ сильно, не такъ ли? Я завидую счастливцу, который внушитъ вамъ первую любовь.

— Развѣ бываетъ и вторая?

— Какъ вы наивны, Вѣрочка, бываетъ и вторая, и третья, и десятая. — И Владиміръ Ѳедоровичъ очень искренно разсмѣялся.

Вѣрочка нахмурила брови. Вдругъ вдали поднялось облако пыли, и появились два всадника. Въ скоромъ времени, въ одномъ изъ нихъ Владиміръ Ѳедоровичъ и Вѣрочка узнали женщину по длинной ея амазонкѣ, которая живописно развѣвалась по вѣтру.

— Знаете ли вы, кто это такой? сказалъ Владиміръ Ѳедоровичъ: — Это княгиня Вельскина. Я тотчасъ узналъ ее, она мастерски ѣздитъ верхомъ. Я сказалъ ей въ послѣдній разъ, когда ее видѣлъ, что моя мать намѣревается пріѣхать къ ней, и она

ѣрно захотѣла предупредить ее, какъ женщина не любящая лишнихъ церемоній.

Владиміръ Ѳедоровичъ едва успѣлъ договорить, какъ княгиня Вельскина, въ сопровожденія берейтора, поравнялась съ ними. Узнавъ Владиміра Ѳедоровича, она вдругъ осадила лошадь и приложивъ два пальца къ краю шляпы, весело крикнула ему.

— Bonjour, monsieur Sovitsky! А я къ вашей матери.

Владиміръ Ѳедоровичъ подошелъ къ ней, а Вѣрочка осталась въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Далеко до вашего дома? спросила княгиня Вельскина. — Не далеко, такъ дойдемте пѣшкомъ.

Бросивъ поводья берейтору и упершись рукой на плечо Совицкаго, она выдернула ногу изъ стремени и спрыгнула съ лошади.

— Кто это молодая дѣвушка? спросила она Владиміра Ѳедоровича вполголоса, но такъ, что Вѣрочка разслышала каждое слово.

— Воспитанница моей матери. Это Вѣрочка: я говорилъ вамъ о ней.

Вельскина, приказавъ берейтору слѣдовать за ними, подошла къ Вѣрочкѣ, протянула ей свою маленькую руку, обтянутую эжшевою перчаткой, и, улыбнувшись, сказала ей:

— Я очень рада познакомиться съ вами, и тотчасъ же отвернулась такъ, что еслибы Вѣрочка вздумала отвѣтить что-нибудь, Антонина Александровна ни слова бы не услышала.

— Какъ у васъ хорошо, Владиміръ Ѳедоровичъ, какъ живописно! воскликнула она, и они втроемъ пошли по дорогѣ, ведущей къ дому. — И какъ умно вы сдѣлали, что побывали у меня. Я просто умираю, сохну отъ скуки. Рѣшительно не знаю, какъ время убить. Только и есть одна отрада, что верховая лошадь, и ее кажется скоро загоняю, такъ что придется купить другую. Неужели вамъ не скучно?

Антонина Александровна, говоря, обращалась только къ Владиміру Ѳедоровичу, и Вѣрочкѣ можно было вдоволь разглядѣть ее: она была высокаго роста, и въ ея поступи проявлялось что-то и граціозное и величественное вмѣстѣ, Черная суконная амазонка, которую Антонина Александровна приподняла еспереди, падала назадъ длиннымъ шлейфомъ, образуя широкія мягкія складки. Изъ-подъ сѣрой, пуховой шляпы, украшенной страусовымъ перомъ такого же цвѣта, выбивались шелковистые, каштановые волосы, противорѣчившіе холодному тону бѣлаго

матоваго лица. Черты не были неправильны, но большіе зеленатовые глаза рѣшительно хороши. Все ея лицо отличалось необыкновенною подвижностію; особенно концы рта и бровей были въ постоянномъ движеніи.

— Offrez moi donc votre bras, M. Sovitsky, сказала она смѣясь,—вы видите, что мнѣ не легко идти, таща за собою этотъ хвостъ. И опустивъ свою руку на руку Владиміра Фёдоровича, она наконецъ обратилась къ Вѣрочкѣ.

— Много вы ходите гулять? спросила она.

— Да, всегда, когда только возможно.

— И вамъ весело въ деревнѣ?

— Я привыкла.

— У васъ нѣтъ родителей?

— Нѣтъ.

— И сестеръ, и братьевъ тоже нѣтъ?

— У меня нѣтъ никого.

— Какъ вамъ должно быть грустно! И Антонина Александровна очень милостиво улыбнулась. Вѣрочкѣ точно стало грустно и больно, но она ни за что не согласилась бы сознаться въ этой грусти.

— Нѣтъ, ничего. Для меня это не ново, отвѣчала она холодно.

«Боже мой, какъ эта дѣвочка глупа, подумала Антонина Александровна, отъ нея ничего не добьешься.»

Они скоро дошли до дому, и встрѣтили Марью Николаевну въ ея кабинетѣ. Марья Николаевна, хотя и привѣтливо, но довольно холодно приняла Антонину Александровну. Ея аналитическій умъ, при видѣ новаго лица, искалъ уже предлога для проповѣдей. Ей хотѣлось подмѣтить въ своей новой знакомой какую-нибудь черту, которая могла бы повести ее къ глубокомысленнымъ умозаключеніямъ, къ выводамъ высокой нравственности; но скоро, не замѣтно для нея самой, разговоръ оживился, потому что предметомъ ему служилъ Владиміръ Фёдоровичъ. Антонина Александровна стала превозносить его до небесъ, называть самымъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ всего Петербурга, и не удивительно, что произвела на Марью Николаевну самое выгодное впечатлѣніе. Повидимому, Владиміру Фёдоровичу этотъ разговоръ нравился: подѣвъ къ книгѣ Вельскиной, онъ сдѣлался болѣе разговорчивъ, болѣе любезенъ, чѣмъ когда-либо. Антонина Александровна могла сильно понравиться. Она была весела, остроумна, оригинальна въ своихъ выраженіяхъ и постоянно производила на всѣхъ электри-

лучшее дѣйствіе. Когда она говорила, ея лицо оживлялось, глаза разгарались; но вдругъ словно грустная мысль мелькала въ ея умѣ, и ея лицо принимало печальное выраженіе, широкія вѣки лѣниво опускались, какъ будто вслѣдствіе сильнаго утомленія, голосъ звучалъ какъ-то уныло, потомъ опять весело глядѣла она, снова продолжала разговоръ попрежнему и смѣялась дѣтскимъ звучнымъ смѣхомъ. Вѣрочка сидѣла у окна за шитьемъ, но работа не мѣшала ей слѣдить за всѣми движеніями Антонины Александровны. Чтѣ-то отталкивало ее отъ этой женщины, ей было неловко въ ея присутствіи, а между тѣмъ не возможно было не сознаться, что она невыразимо мила, что невольно приковываетъ къ себѣ взгляды. Прошло не болѣе часу, и Марья Николаевна находилась уже вполне подъ обаяніемъ пріятнаго общества Антонины Александровны. Веселая болтовня обворожила умную проповѣдницу, и на время заставила ее забыть о привычкѣ клеймить суетность. Антонина Александровна, по свойственной ей подвижности, не умѣла долго сидѣть на одномъ мѣстѣ: то подходила къ окну, любовалась цвѣтами, то разглядывала работу Вѣрочки, то внимательно всматривалась въ какую-нибудь картину, и по поводу всякой бездѣлицы умѣла придумать что-нибудь милое, остроумное, забавное.

— Какой у васъ отличный Виртъ! сказала она, подойдя къ роману и взявъ нѣсколько аккордовъ.

— Не спѣтъ ли вамъ что-нибудь? прибавила она, взглянувъ на Марью Николаевну и улыбувшись добродушною дѣтскою улыбкой.

Предложеніе, конечно, принято было съ восторгомъ. Антонина Александровна спѣла какой-то романсъ, но такъ милою съ такимъ вкусомъ, что всѣ стали просить ее спѣть еще что-нибудь.

— Ужъ поздно, пора мнѣ домой, а то нападуть на меня разбойники, сказала она смѣясь.

— Позвольте моему сыну проводить васъ, перебила Марья Николаевна. — Мы васъ однихъ не отпустимъ.

— Если позволить княгиня, я буду очень счастливъ.

— Позволю, сказала Антонина Александровна, и, взглянувъ на Владиміра Федоровича своимъ самымъ очаровательнымъ взглядомъ, она легко кивнула ему головой. Въ этомъ движеніи было столько насмѣшливаго и ласковаго, столько гордости и вмѣстѣ наивной покорности, что Владиміру Федоровичу не

захотѣлось отвести глазъ отъ этого милого созданья, и чтъ Вѣрочкѣ сдѣлалось жутко.

— Въ такомъ случаѣ я останусь еще полчаса, сказала Антонина Александровна, и начала прелюдировать.—Я спою вам романсъ, любимый романсъ моего покойнаго мужа. Она минуту замолчала, руки у нея какъ будто замерли на аккордѣ взятомъ ею; грустно гудѣлъ звукъ рояля, глаза ея остановились неподвижно на клавишахъ, и въ раздумьи продолжала он тихимъ голосомъ.—Нѣсколько дней до его болѣзни, въ Неаполѣ въ одну дивную лунную ночь, я пѣла ему этотъ романсъ. Она опять замолчала, потомъ, встряхнувъ головой какъ бы отъ того, чтобъ избавиться отъ горькихъ воспоминаній, запѣла веселый мотивъ романса, и въ голосѣ ея уже не было и поминку о грусти.

Для Вѣрочки это стало какъ-то противно, но Марья Николаевна вздохнула и подумала: «какая у ней энергическая натура, какъ она страдаетъ и какъ умѣетъ хорошо побѣждать свои страданія!»

Наконецъ наступило время разставаться. Антонина Александровна съ дѣтскою нѣжностію обняла Марью Николаевну, обѣщавъ бывать у нея часто, надѣвдать ей, и просила ради-Бога не дѣлать ей визита, если это можетъ утомить Марью Николаевну. Съ Вѣрочкой она обошлась также очень мило и снисходительно и даже сказала про нее Владиміру Фѣдоровичу, когда Вѣрочка вышла изъ комнаты: «*Quelle jolie personne!*»

Уже смерклось. Антонина Александровна сѣла на лошадь въ сопровожденіи Владиміра Фѣдоровича отправилась домой. Марья Николаевна и Вѣрочка проводили ихъ до самаго под'ѣзда, и Вѣрочка грустно посмотрѣла имъ въ слѣдъ.

Только что княгиня Вельскіна скрылась за облакомъ пыли Марья Николаевна принялась превозносить ее до небесъ. Марья Николаевна всегда такъ хвалила за глаза, что оскорбляла того, кто долженъ былъ выслушивать эти похвалы. Превознося другаго, она постоянно намекала на недостатки Вѣрочки, и конечно дѣлала это для ея блага. Вообще нѣтъ лучшаго способу говорить колкости, какъ расхваливать въ людяхъ именно то, чего въ насъ нѣтъ, или подразумѣвается, что нѣтъ, а въ комъ жъ есть все? Вѣрочкѣ было какъ-то не по-себѣ. Ее бросало въ жаръ, то въ холодъ. Ей и безъ того не понравилась Антонина Александровна, а слѣдствіемъ этого разговора было то, что Вѣрочка совершенно возненавидѣла ее.

Послѣ долгой бесѣды, Марья Николаевна пошла въ свою спальню, но Вѣрочка чувствовала себя неспособною уснуть, и хотя было уже поздно, а мѣсяцъ высоко поднялся на небѣ, она, какъ только удалилась Марья Николаевна, сбѣжала по лѣстницѣ въ садъ и углубилась въ густыя аллеи.

VII.

Утомленная волненіями, въ которыхъ не умѣла отдать себѣ отчета, и, избавившись, наконецъ, отъ постороннихъ наблюдений, Вѣрочка съ радостью осталась, хоть на короткое время, наединѣ съ собою, и сидѣла, на сколько было возможно, привести въ порядокъ рой мятежныхъ мыслей и чувствъ. Грудь ея стала дышать свободнѣе, прохладная атмосфера освѣжила ее. Она шла скоро, чуть не бѣжала по аллеямъ. Вокругъ все было тихо, небо облачно и мѣсяцъ только отъ времени до времени игралъ изъ-за тучекъ, серебристымъ отблескомъ отражался въ прудѣ, озарялъ на минуту и садъ, и домъ, и отдаленную колокольню, и потомъ утопалъ въ небесной глубинѣ. Легкій вѣтерокъ вдругъ подуетъ, поиграетъ мелкими складками кисейнаго платья Вѣрочки, пошумитъ между деревьевъ, зашевелитъ травой и вновь притаится. Вотъ, вдали защелкалъ соловей, и грустно замерли послѣднія ноты его пѣнія, послышался пронзительный и плачевный крикъ совы, распутившей крылья и съ трудомъ поднимающейся для того, чтобы перелетѣть съ одного дерева на другое, пріютиться въ самомъ темномъ уголкѣ и оставить въ даль свой тупой, бессмысленный взглядъ. И все опять смолкло. Сторожъ ударилъ нѣсколько разъ въ чугунную доску, и тоже отправился на покой.

Вѣрочка шла все дальше и дальше, невольно ускоряя шаги, какъ будто гналась за нею какіе-то страшные призраки. То дрожь пробѣгала по ея тѣлу, то кровь какъ-то сильнѣе приликала къ ея груди. Воспоминанія тѣснились въ ея умѣ. Она думала о Савицкомъ, о прогулкахъ съ нимъ; ея горячая рука чувствовала еще нѣжное пожатіе другой руки, ей грезилась на-то улыбка, чей-то ободряющій взоръ, чей-то взглядъ, отъ котораго дѣлалось и радостно, и какъ-то неловко. Она дрожала, вихлялась отъ счастья, но вдругъ напала на нее грусть, какое-то неизвѣстное, тягостное чувство щемило сердце, и ей

дѣлалось такъ невыносимо тяжело, что хотѣлось убѣжать куда-нибудь подальше. «Вѣрочка, Вѣрочка, дурное пробудилось въ тебѣ чувство!» Она грустно покачала головой, и крупная слеза повисла на ея темныхъ рѣсницахъ. «Все это зависть, не что иное какъ зависть.» И она вновъ призадумалась. «Кто полюбитъ меня,» прошептала она, «меня, бѣдную сироту, и за что меня полюбитъ?» Но вдругъ, какъ будто опомнившись, она приподняла голову и сказала себѣ: «Да что это со мной? не съ ума ли я сошла? вѣдь не влюбилась же я въ Владиміра? мнѣ только досадно, я боюсь, что ему будетъ пріятнѣе, веселѣе съ книжницей Вельскиной чѣмъ со мной.» И Вѣрочка стала какъ будто спокойнѣе, потомъ, вздохнувъ глубоко и прижавъ руки къ груди, прибавила: «Ахъ какое мучительное чувство—зависть!»

Въ то время, какъ Вѣрочка бродила по аллеямъ, задавая себѣ вопросы и боясь отвѣчать на нихъ вполнѣ добросовѣстно, Совицкій приближался съ книжницей Вельскиной къ ея дому. Утомившись отъ скорой ѣзды, она наконецъ пустила лошадь шагомъ. Они находились на красивой лужайкѣ, издали темнѣлъ лѣсъ, а по сторонамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, группы деревьевъ и кустарниковъ, въ самыхъ разнообразныхъ, странныхъ формахъ, будто призраки выступали изъ земли. Легкій, бѣлый туманъ лежалъ пеленой на дальнихъ планахъ, мѣсяцъ ясно сіялъ на небѣ и, освѣщая всадниковъ, бросалъ ихъ длинныя тѣни на темный, бархатный газонъ. Воздухъ былъ тепелъ, вѣтерокъ доносилъ сладкій запахъ кашики, тмина и ночныхъ фіалокъ. Вдругъ такъ и пахнетъ изъ земли влажною теплотой, пройдеши нѣсколько шаговъ, и дѣлается прохладнѣе, дышится свободнѣе.

— Сегодняшняя прогулка, Владиміръ Федоровичъ, напоминаетъ мнѣ наши прогулки въ Петергофѣ. Помните ли вы?

— Еще бы! Какое это было пріятное время! Я помню особенно хорошо одну прогулку; я что-то сказалъ вамъ, что заслужило вашъ гнѣвъ, и вы такъ хлестнули свою лошадь, что она стала на дыбы.

— Да, и вы пресерьіозно воображали, что спасли мнѣ жизнь тѣмъ, что схватили ее подъ устцы, точно я сама не сумѣла бы съ ней справиться.

— Вы рѣшительно, княгиня, никогда не хотите признать во мнѣ ни малѣйшей заслуги.

Антонина Александровна засмѣялась.

— Признаться мнѣ вамъ въ одномъ? сказала она.

— Пожалуста.

— Мнѣ казалось тогда, что вы были въ меня влюблены.

— По-уши, княгиня, по-уши.

Она снова засмѣялась, потомъ слегка вздохнула и сказала: *tempri passati*.

— Я не виновать, что это теперъ *tempri passati*, княгиня: *il ne tiendrait qu' à vous...*

— Вы благовоспитанный человекъ, Владиміръ Федоровичъ, перебила Антонина Александровна съ комическою серіозностію, — вы всегда отвѣчаете, какъ должно. Однакожь становится скучно, надо поскорѣе добраться до дому. И они снова пустились въ галопъ.

Иадали показался домъ Вельскиной. Кое-гдѣ изъ оконъ мелькали огни. Вѣхавъ въ длинную аллею, Совицкій и Антонина Александровна черезъ нѣсколько минутъ очутились у самаго подъезда. Нѣсколько лакеевъ въ ливреяхъ бросились встрѣчать ихъ, и Вельскина, соскочивъ съ лошади, вошла на крыльцо. Совицкій послѣдовалъ за нею.

— Позвольте съ вами проститься, княгиня, сказалъ онъ.

— Прощайте, благодарю васъ, и, сдернувъ перчатку, она протянула ему руку: — я не хочу васъ задерживать, уже поздно. Не забывайте же меня въ моемъ уединеніи.

Совицкій поцѣловалъ протянутую ему руку, не сверху, а въ ладонь. Антонина Александровна улыбнулась.

— Зачѣмъ цѣлуете вы мою ладонь? сказала она. — Знаете ли вы, у кого цѣлуютъ такъ руку?

Владиміръ Федоровичъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— У женщины, въ которую влюблены, прибавила она, лутчео взглянувъ на него. — Вы видите, что не имѣете права цѣловать такъ мою руку.

Владиміръ Федоровичъ хотѣлъ возразить, но вдругъ остановился. Передъ его воображеніемъ промелькнулъ граціозный образъ Вѣрочки, образъ, забытый во время прогулки. Ему показалось, что она смотритъ на него своими черными, блестящими глазами, простодушно улыбается ему. Владиміру Федоровичу стало какъ-то совѣстно солгать, и нѣкоторое смущеніе выразилось на его лицѣ. Вельскина это замѣтила.

— Не смущайтесь и не пугайтесь, Владиміръ Федоровичъ, *cela ne vous oblige à rien*, сказала она смѣясь, и, протянувъ ему еще разъ руку, она исчезла за стеклянною дверью. Совицкій сѣлъ на лошадь и пустился въ обратный путь. Возвратив-

шись домой, онъ хотѣлъ пойти къ матери, но ему сказали, что Марья Николаевна почиваетъ, а что Вѣрочка гуляетъ еще въ саду.

«Уже свѣжо, что это ей вздумалось по саду бѣгать?» подумалъ онъ и пошелъ ее искать. Онъ зналъ ея любимыя мѣста въ саду и отправился въ ту аллею, по которой всего чаще гуляла Вѣрочка. Владиміръ Фѣдоровичъ не ошибся, скоро онъ увидѣлъ ее, сидѣвшую на скамьѣ съ поникшею головой, неподвижно, погруженную въ раздумье. Онъ тихими шагами подошелъ къ ней. Вѣрочка подняла голову и взглянула на него тупо, безъ удивленія, безъ радости. Она какъ будто забыла, что его не было, и что только теперь онъ подошелъ къ ней. Ея лицо было такъ грустно, такъ грустно, что, взглянувъ на него, становилось ея жаль. Глаза потухли, и черныя кудри въ беспорядкѣ, падая на плечи, обрисовывали ея блѣдныя, какъ будто похудѣлыя щеки.

— Вы не удивляетесь, что видите меня, спросилъ Владиміръ Фѣдоровичъ, не понимая холодности Вѣрочки.

— Очень... да... какъ же я очень удивлена, прошептала она, сама не понимая, что говорить, и почему-то вдругъ закрыла лицо руками.

Владиміръ Фѣдоровичъ сѣлъ на скамью, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, молча, смотрѣлъ на нее. Ему точно стало жаль ея.

— Вѣрочка, началъ онъ наконецъ тихо и ласково. Она не посмотрѣла на него и только сильнѣе заплакала. — Вѣрно опять маменька, сказалъ онъ. — Не огорчайтесь, ради Бога; все это скоро пройдетъ.

Вѣрочка взглянула на него съ недоумѣніемъ; потомъ, обрадовавшись, что онъ такъ объясняетъ ея слезы, она поспѣшно сказала:

— Да, маменька меня бранила весь вечеръ, я отъ того и плачу.

— Полноте же! Пора вамъ привыкнуть къ ея характеру. Не мучьте себя: вы молоды, вы созданы для счастья.

Вѣрочку такъ и обдало жаромъ.

— Ахъ! сказала она скороговоркой и съ нѣкоторою досадой:—вы виноваты, что я такъ огорчена. Вы меня все стараетесь увѣрить, что я создана для счастья, что меня можно любить, что у меня есть нѣкоторыя хорошія свойства. Прежде маменька меня тоже бранила не меньше чѣмъ теперь, но я

не переносила терпѣливо; я думала, что она права; мнѣ было грустно, но я все-таки не была такъ несчастна. Теперь же все измѣняется, что она несправедлива. Ахъ, я очень страдаю; какъ мнѣ и разказать все, что меня мучитъ! Словомъ, во мнѣ пробудился ропотъ. Знаете ли вы, что такое ропотъ? прибавила она и взглянула на него вопросительно.

— Какъ не знать? Я самъ то и дѣлаю, что ропщу. Да кто же и не ропщеть на бѣломъ свѣтѣ!

— Значитъ, вы не понимаете, что я хочу сказать. Она молчала.— Ахъ, еслибы вы знали, какъ я устала, какъ ужасно устаю! Мнѣ хотѣлось бы отдохнуть... хотѣлось бы... Она приостановилась.

— Не умирать ли вамъ хочется?

Она грустно кивнула головой.

— Какъ вамъ не стыдно говорить это, Вѣрочка? Желаніе смерти происходитъ всегда отъ слабости характера.

— Владиміръ Ѳедоровичъ, уйдите лучше отъ меня, и не читайте мнѣ этой сухой, скучной, бессмысленной морали. Я не расположена васъ слушать. Уйдите, пожалуйста. У меня сердце рвется на клочки, а вы еще говорите вашимъ равнодушнымъ тономъ: «Полноте, Вѣрочка; какъ вамъ не стыдно, Вѣрочка: вы созданы для счастья, Вѣрочка.» Ахъ, оставьте Вѣрочку въ покоѣ, тѣмъ болѣе что ей совѣсьмъ не стыдно. Она поднялась съ своего мѣста и хотѣла уйти, но вдругъ остановилась въ недоумѣніи: ей стало совѣстно, что она такъ раскпятилась.

Владиміръ Ѳедоровичъ тихо взялъ ея руку и нѣжно взглянулъ на нее.

— Сядьте, сказалъ онъ.

И въ его голосѣ было столько мягкости, столько доброты, что Вѣрочка въ эту минуту была бы способна простить ему всевозможныя преступленія. Она покорно съѣла возлѣ него и опустила глаза на землю. Они оба молчали, молчало и все, что окружало ихъ. Листокъ не шелохнется, не затрепичитъ стрекоза, все какъ будто померло, или притаилось на минуту, чтобы подслушать слово, вздохъ, или какой-то несвязный лепетъ, который долженъ же вырваться изъ ихъ груди. А мѣсяцъ поднялся высоко, какъ нарочно выплылъ изъ-за облака, уставился на молодую чету, посмотрѣлъ на нихъ такъ спокойно, такъ благосклонно, подождалъ немного, потомъ, какъ бы не считая

ихъ достойными своего вниманія, поплылъ дальше и закутался снова въ густое, набѣжавшее на него облако.

Вѣрочка вдругъ задрожала. Она почувствовала вокругъ своей талии руку Владиміра Федоровича. Ея головка опустилась еще больше, румянецъ выступилъ на ея щеки, надо бы встать, но она не въ силахъ была сдѣлать ни одного движенія, и осталась на своемъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая.

— Вѣрочка, прошепталъ Владиміръ Федоровичъ, и еще ближе придвинулся къ ней, — Вѣрочка, вы не будете больше плакать, не такъ ли, не все—горе на свѣтѣ, есть и счастье, есть блаженство, неиспытанное вами, но которое можетъ-быть вы предчувствуете въ эту минуту. Предчувствуете ли вы это счастье? спросилъ онъ, понизивъ еще голосъ и прижавъ еще крѣпче Вѣрочку къ своей груди. Ея голова машинально опустилась на его плечо, и она почувствовала горячій поцѣлуй на своей щекѣ. Онъ шепталъ ей что-то на ухо, и она не перебивала его.

— Ахъ, Владиміръ, промолвила она наконецъ:—неужели это правда, неужели ты любишь меня?

— Скажи же мнѣ теперь, о чемъ ты плакала, когда я подошелъ къ тебѣ?

— Мнѣ совѣстно признаться, я завидовала Антонинѣ Александровнѣ.

Онъ повелъ рукой по ея шелковистымъ кудрямъ и, улынувшись, спросилъ ее:

— Какъ ты думаешь, кого я больше люблю, тебя или ее? Разрѣши-ка мнѣ эту задачу.

— Ужь конечно меня, сказала она, и размѣялась такимъ счастливымъ смѣхомъ, что Владиміръ Федоровичъ страстно прижалъ ея руки къ своимъ губамъ.

VIII.

Владиміру Федоровичу уже не въ первый разъ приходилось влюбиться; но, несмотря на то, страстная и свѣжая любовь Вѣрочки, проявившаяся такъ внезапно, произвела на него сильное впечатлѣніе и зашевелила въ немъ хорошія, почти никогда еще не затронутыя струны сердца. Какъ была она хороша собой, какъ молода, какъ простодушна! Возвратившись домой, Владиміръ Федоровичъ былъ какъ въ чадѣ. Онъ бросился на

постель, но скоро принужденъ былъ встать отъ сильнаго волненія. Скорыми шагами сталъ онъ ходить по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ портретомъ матери, написаннымъ масляными красками и висѣвшимъ на стѣнѣ. Легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу, когда онъ взглянулъ на эти знакомыя, строгія черты. Онъ повелъ рукой по лбу, какъ бы желая опомниться, проснулся отъ глубокаго сна. «Боже мой,» прошепталъ онъ, «что это мы надѣлали, мать моя никогда не согласится на то, чтобы я женился на Вѣрочкѣ. Бѣдная, бѣдная, что я сдѣлалъ? Вѣдь не соблазнить же хочу я ее!» Онъ вздрогнулъ, его природа возмущалась при этой мысли. «Какъ это возможно,» прибавилъ онъ болѣе покойнымъ тономъ, «сдѣлать ее несчастною, и потомъ начнутся попреки. Ужь это всегда такъ бываетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не извергъ. Я благородный человѣкъ,» прибавилъ онъ, и сѣвъ покойно въ кресло, опустилъ голову на руку. Отъ усталости глаза его начали смыкаться, и онъ погрузился въ сладкую дрему. Передъ возбужденнымъ его воображеніемъ выступилъ снова образъ Вѣрочки; она глядѣла ему прямо въ глаза, и отъ этого влажнаго взгляда замирало сердце въ его груди. Ему казалось, что, какъ легкій призракъ, она все болѣе и болѣе приближается къ нему, вотъ рука ея обвилась вокругъ его шеи, свѣжее дыханіе пахнуло ему въ лицо, и вотъ ихъ губы слились въ длинный поцѣлуй. Владиміръ Федоровичъ опять поднялъ голову. Онъ чувствовалъ, что никогда еще не былъ такъ влюбленъ, такъ взволнованъ. «Да что разсуждать о томъ, что будетъ?» подумалъ онъ съ своею обыкновенною легкостію и бодро вскочилъ съ своего мѣста. «Что за дѣло до того, что будетъ завтра, если сегодня такъ хорошо. Влюбленные не размышляютъ. Для чего мучить себя? Любишь потому, что не любить не можешь. Что за предусмотрительность! Развѣ любовь не заключаетъ въ себѣ своей собственной цѣли?» И, очень довольный этимъ умозаключеніемъ, онъ легъ въ постель и крѣпко уснулъ.

Хотя Вѣрочка легла поздно и почти не спала, но на другое утро вскочила съ постели, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ, и что-то мечтательное выражалось въ ея взглядѣ. Она поспѣшно стала одѣваться, какъ будто торопилась куда-то: ей было жаль потерять минуту дорогаго времени, котораго цѣну она постигла теперь только въ первый разъ. Подбѣжавъ къ окну, она проворно отодвинула задвижку, распахнула его настежь и стала впи-

вать утренній воздухъ. Солнце ярке сіяло. Боже мой, какъ все было весело, какъ счастливо! Какъ высоко подымались птички въ воздухъ, чирикавъ и откланиваясь другъ-другу! какъ задумчиво шептали старыя липы, когда вѣтерокъ пробѣгалъ по ихъ листьямъ, а вдали какъ привольно разстилались поля, соединившись съ самымъ горизонтомъ, и какъ, казалось, эта даль отдалена, недостижима, какія сладкія мечты рождала она, какъ гармонировала съ этимъ необъятнымъ чувствомъ счастья, которое наполняло всю душу Вѣрочки! Но Вѣрочка не долго мечтала. Она взглянула, насладилась утромъ и отбѣжала отъ окна, чтобъ окончить поскорѣе свой туалетъ. Подойдя къ зеркалу, она стала расчесывать свои густые, глянцевитые волосы. Взглядъ ея остановился съ удовольствіемъ на хорошенькомъ отраженіи ея образа. Она улыбнулась самодовольно; нельзя было не признаться себѣ въ своей собственной красотѣ. Какъ до сихъ поръ не замѣтила она этого! Едва кончила она одѣваться, какъ пришла дѣвушка сказать, что поданъ самоваръ, и что Марья Николаевна дожидается. Вѣрочка побѣжала въ столовую и подошла къ Марьѣ Николаевнѣ, чтобы поцѣловать у нея руку, какъ обыкновенно, и спросить, хорошо ли она провела ночь. Каждый день она это дѣлала по привычкѣ, по рутинѣ, и вдругъ сегодня это ничтожное обстоятельство произвело на нее какое-то странное впечатлѣніе; исполненіе этой простой формы учтивости сжало болѣзненно ея сердце; она почувствовала себя виноватою, и еслибы послѣдовала своему первому движению, то бросилась бы на шею Марьѣ Николаевнѣ и рассказала бы ей все, все, что было на душѣ.

— Дѣлай же поскорѣе чай, сказала Марья Николаевна. Вѣрочка встрѣтила ея холодный, строгій взглядъ и оробѣла. Какъ было гутъ говорить о любви? Она, молча, поцѣловала протянутую ей руку, извинилась, что заставила ждать, и принялась дѣлать чай.

— Что это Володя неидетъ? сказала Марья Николаевна.

У Вѣрочки задрожали руки. Что будетъ съ ней, когда она его увидитъ? Она испугалась при этой мысли, и почти обрадовалась, когда человекъ пришелъ доложить, что Владиміръ Федоровичъ еще почиваетъ.

— Что это съ Володей? ужъ не захворалъ ли онъ, сказала Марья Николаевна.

— Вѣрно онъ усталъ отъ вчерашней прогулки, возразила Вѣрочка, покраснѣвъ невольно до ушей:—къ книгѣ не близко.

— Как понравилась мнѣ Антонина Александровна, начала шептать Марья Николаевна.— Хотя она, кажется, немного кокетлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть что-то дѣтское, наивное, столько прямоты, откровенности; съ ней не соскучишься и даже ей не полюбить. Вотъ какъ трудно судить о людяхъ по внешности! Мнѣ говорили, что она суетная и пустая женщина. Оказалось, совсѣмъ неправда. У нея, положимъ, нѣтъ глубины въ умѣ, она судить обо всемъ немного легко, да надо же быть иногда снисходительною.

Марья Николаевна точно любила быть иногда снисходительною, особенно съ людьми, которые умѣли польстить ей самолюбю. Она въ этихъ поэтическихъ порывахъ была очень снисходительна.

— Богъ знаетъ, какое Антонина Александровна получила воспитаніе, продолжала Марья Николаевна;— очень естественно, если она любитъ увеселенія, любитъ даже покетничать, и не знаетъ никакихъ наслажденій выше этого. Все зависить отъ воспитанія. Она еще такъ молода, что многое въ ней можетъ измѣниться. Мнѣ надо почаще съ ней видѣться и постараться развить ее. И въ какомъ она восхищеніи отъ Володи, требовала она съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Давно чазу Марья Николаевна предложила прогулку. Вѣроятно была этому рада; ей не сидѣлось на мѣстѣ, а потому, какъ зентикъ, она выбѣжала въ садъ вслѣдъ за Марьею Николаевной. Только что успѣли онѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услышали за собою голосъ Владиміра Федоровича.

— Подождите меня, я пойду съ вами.

Вѣрочка оглянулась и встрѣтила взглядъ Соницына. Онъ пожалъ ей руку, просто, какъ всякое утро, — но она такъ много прочла въ этомъ пожатіи руки! Въ смущеніи она не могла выговорить ни слова и шла молча, боясь поднять глаза. Соницынъ не разделялъ этого смущенія; онъ былъ развязенъ, веселъ и разговорчивъ.

— Довольны ли вы своимъ новымъ знакомствомъ? спросилъ онъ мать.

— Очень. Антонина Александровна чрезвычайно мила.

— А вы, Вѣрочка, скажите мнѣ ваше искреннее мнѣніе о Вальскиной, сказалъ онъ, улыбувшись и обратясь къ Вѣрочкѣ, — только будьте откровенны.

— Охота тебѣ требовать откровенности отъ Вѣрочки; когда же она говорить откровенно?

Во всякое другое время Вѣрочка бы смолчала, но тутъ она съ жаромъ обратилась къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Ахъ, мамап, сказала она, и глаза ея заблестали,—не думайте этого, пожалуста не думайте. Вы не знаете какую я имѣю сильную потребность быть откровенною, высказать все, что у меня на душѣ, подѣлиться всѣмъ, что я чувствую.

Она не вытерпѣла, и, взявъ руку Марьи Николаевны, крѣпко прижала ее къ губамъ. Марья Николаевна съ изумленіемъ взглянула на нее; но на лицѣ Владиміра Фѣдоровича выразилось что-то въ родѣ испуга; онъ прикусилъ губы, прошелъ нѣсколько шаговъ молча, потомъ, какъ будто боясь, что Вѣрочка проговорится, сказалъ:

— Не защищайтесь слишкомъ, Вѣрочка; я не вижу, чтобы откровенность была такая великая добродѣтель. Быть скрытымъ, сосредоточеннымъ не значить быть лицемѣромъ. Ахъ ужъ эта хваленая откровенность, мало въ ней толку!

— Что это за парадоксъ, Волода?

— Совсѣмъ не парадоксъ, маменька; это мое искреннее убѣжденіе, и я стою за него. Впервыхъ, потребность выболтать все, что на душѣ, всегда признакъ пустоты. Высказывать затаенную мысль, задушевное чувство, выставлять на показъ внутренній міръ возможно лишь въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ, если только возможно когда-нибудь. По слабости человѣческой, мы подчасъ поддаемся желанію подѣлиться всѣмъ, что у насъ на сердцѣ, но какъ часто также,—вы довольно опытны, маменька, и вѣроятно въ этомъ сознаетесь,—какъ часто, говорю я, приходится намъ въ этомъ раскаиваться, какъ рѣдко насъ понимаютъ. А есть ли что-нибудь мучительнѣе того чувства, когда мы видимъ, что все, представлявшееся намъ святыней, перетолковано и вкривь, и вкось, не оцѣнено, изуродовано.

— Можетъ-быть я не способна вполне понять васъ, Владиміръ Фѣдоровичъ, перебила его Вѣрочка,—но мнѣ кажется, что есть чувства естественныя, простыя, доступныя всѣмъ, испытанныя каждымъ. Такъ отчего же не признаться въ нихъ, особенно людямъ, съ которыми мы обязаны быть откровенными,—напримѣръ, когда дѣло идетъ о любви? прибавила она покраснѣвъ.

— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь, Вѣрочка. То, что кажется понятно одному, китайская грамота для другаго; а въ особенности, когда дѣло идетъ о любви. Вы этого не испытывали, и потому говорите такъ. Знаете ли вы, что главная принад-

жность любви—тайна. Любовь только потому и свѣжа, потому и восхитительна, что о ней никто не знаетъ, что она составляетъ исключительное достояніе двухъ людей. Третье лицо все портитъ. Въ минуту откровенности, или лучше сказать, слабости, расскажешь все, и потомъ вдругъ почувствуешь, что лишился чего-то неуволнимаго, чему нельзя придумать названія, чего опредѣлить невозможно; увидишь, что оскорбилъ святость чувства своего. Это не всѣ понимаютъ, и потому такъ рѣдко встрѣчаешь людей, умѣющихъ сохранить идеальность въ любви. Чтобы любить, надо много энергіи, много тонкости въ чувствахъ.

Владиміръ Федоровичъ говорилъ съ жаромъ, какъ будто по вдохновенію, такъ что Марья Николаевна тотчасъ же поддавалась ему, какъ поддавалась всякой фразѣ, и сказала:

— Въ этомъ ты правъ. Недостатокъ откровенности можетъ быть извиняемъ, когда дѣло идетъ о любви.

Вѣрочка призадумалась. Какъ было понять все это? Чтѣ было дѣлать? Явно, что Владиміръ Федоровичъ не желалъ еще говорить съ матерью о ихъ взаимной привязанности. Объяснить причину этой таинственности Вѣрочка не умѣла; но Совицкій зналъ же, чего хотѣлъ: онъ желалъ ихъ счастья. Какъ же не подчиниться волѣ любимаго человѣка? Его убѣжденія и понятія не должны ли сдѣлаться ея собственными понятіями и убѣжденіями? Онъ безъ сомнѣнія правъ; но почему же сжимается такъ ея сердце? Неужели счастье всегда такъ не продолжительно, неужели всегда какое-нибудь горькое впечатлѣніе должно примѣшаться къ нему? «Но можетъ-быть, подумала она, тайна точно придаетъ поэзію любви!» Ей показалось это немного дико, странно, но у нея еще такъ мало опытности; какое имѣеть она понятіе о жизни, не лучше ли послушаться другихъ? Рѣшишься на какой-нибудь опрометчивый поступокъ и, пожалуй, утратишь это восторженное счастье, за которое она ухватилась всею силою страстно-любящаго сердца. При этой мысли ей дѣлалось страшно: все, все лучше, только бы не лишиться блаженства, свѣжести своей любви. Къ тому же Марья Николаевна сама соглашалась съ сыномъ; стало-быть онъ не будетъ въ послѣдствіи, когда узнаетъ обо всемъ, обвинять Вѣрочку въ скрытности.

Погруженная въ эти мысли, она не слышала, чтѣ говорили вокругъ нея, и опомнилась только тогда, когда воротилась домой. Марья Николаевна вошла къ себѣ; но Вѣрочка въ на-

деждъ, что Владиміръ Ѳедоровичъ подойдетъ къ ней, осталась въ саду, и нагнувшись къ какому-то цвѣтку, стала внимательно разглядывать его. Она не ошиблась въ своемъ ожиданіи. Владиміръ Ѳедоровичъ подошелъ; она взглянула на него, онъ нѣжно улыбнулся ей.

— Владиміръ, сказала она едва слышно, — ты не хочешь, чтобы твоя мать знала о нашей любви; зачѣмъ это?

Она боялась, что онъ услышитъ попрекъ въ ея словахъ и потому проговорила ихъ почти-умоляющимъ голосомъ.

— Сядемъ сюда, на эту скамейку, въ тѣни, перебилъ онъ. — Какъ тутъ хорошо, какъ я счастливъ съ тобою! чтó сдѣлала ты со мною, Вѣрочка?

Вѣрочка сѣла на скамейку и начала кончикомъ своего зонтика чертить на песокъ какія-то фантастическія фигуры. Съ минутой они оба молчали.

— Отвѣчай же мнѣ, началъ онъ снова. — Скажи мнѣ во первыхъ, вѣришь ли ты мнѣ?

— Ахъ, Владиміръ, чтó за вопросъ!

— А если вѣришь, то о чемъ же ты беспокоишься? Впрочемъ, прибавилъ онъ, — я не хочу дѣйствовать только на твое доброе, любящее сердце; я буду всегда обращаться и къ твоему разуму, потому что уважаю тебя, и знаю, что ты поймешь меня. Мнѣ не хотѣлось говорить тебѣ, почему именно я еще не рѣшаюсь говорить съ моею матерью. Я боялся тебя огорчить. Ты должна понять, милая моя Вѣрочка, что, къ несчастію, мы не стоимъ съ тобой на одной ступени общества. Я принадлежу къ высшему кругу, у меня хорошее состояніе, я, однимъ словомъ, очень выгодный женихъ. Ты же, мой другъ, воспитанница моей матери и больше ничего. Онъ остановился и взглянулъ на нее.

— Ахъ, Владиміръ, я полюбила тебя не размышляя, мнѣ и въ голову не приходило, что между нами есть бездна.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Вотъ, Вѣрочка, чего я боялся, перебилъ ее Савицкій съ жаромъ: — я боялся твоихъ слезъ, я не могу видѣть тебя плачущею. — И онъ схватилъ ея руку, чтобы покрыть ее поцѣлуями. Вѣрочка слегка оттолкнула его и, утеревъ глаза, взглянула на него съ такою рѣшимостію, что ему сдѣлалось неловко.

— Послушай, Владиміръ, сказала она наконецъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ. — Не смотри на меня, какъ на игрушку, я еще очень молода, но уже не ребенокъ. Если ты не мо-

хотѣла жениться на мнѣ, не заслуживъ нареканій твоей матери и общества, если моя любовь только можетъ сдѣлать твое несчастье, то... Она остановилась, какъ будто было ей трудно перевести духъ.—Вчера мы признались другъ другу въ любви, пусть будетъ это въ первый и въ послѣдній разъ.—Она хотѣла встать и уйти. Щеки ея пылали, глаза горѣли какимъ-то страшнымъ огнемъ, ей было очень тяжело.

Владиміръ Федоровичъ остановилъ ее.

— Ахъ, Вѣрочка, Вѣрочка, выслушай же меня. Ты и не знаешь, что я хотѣлъ сказать тебѣ. Я только началъ, и ты не даешь договорить мнѣ. Сядь, умоляю тебя, и слушай меня до конца. Я не хотѣлъ говорить съ моею матерью о нашей любви, потому что предвидѣлъ препятствія. Она объ этомъ и слышать не захочетъ, насъ, пожалуй, еще разлучать, и подумай, какъ буду я несчастливъ. Между тѣмъ я твердо увѣренъ, что наша любовь восторжествуетъ надъ всѣмъ. Мы такъ сильно любимъ другъ друга, мы такъ вѣримъ въ нашу будущность! Какъ же не случится чему-нибудь, какъ не совершится чуду, чтобы соединить насъ на вѣкъ? Эта вѣра во мнѣ сильна, дружка въ тебѣ ея нѣтъ? Подождемъ, и все устроится. Нѣкоторыя вещи взять приступомъ нельзя, воля человека въ такихъ случаяхъ бесполезна, но дѣятельность самой жизни устранивъ все къ лучшему, была бы наша любовь сильна, непоколебима. Можетъ-быть я слишкомъ идеально смотрю на жизнь, можетъ-быть ты не раздѣляешь моихъ надеждъ, но повѣрь мнѣ, я опытнѣе тебя: то, что сегодня кажется невозможнымъ, часто бываетъ доступно завтра. Вѣрься мнѣ, Вѣрочка, пожелаю ли я твоего несчастья, захочу ли употребить во зло твое дѣтское довѣріе, не видишь ли ты, что я считаю тебя святыней? Чего же ты боишься, въ чемъ сомнѣваешься? Не тревожься ни о чемъ, и ты увидишь, что мы будемъ счастливы.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, крѣпко сжимая ея руку; его глаза блистали отъ оживленія, онъ казался такъ счастливымъ и между тѣмъ такъ огорченъ слезами Вѣрочки, что она ласково улыбнулась ему, въ надеждѣ утѣшить его, и проговорила тихлымъ голосомъ:

— Ты любишь меня, Владиміръ. Такъ будь же все по твоему, ты знаешь все лучше меня.

— Ахъ, Вѣрочка, какъ ты мила! Вотъ говори всегда такъ: такъ только говорятъ женщины, которыя сильно любятъ. Будемъ счастливы, будемъ любить другъ друга безъ цѣли, безъ

ожиданій. Эти поэтическія минуты въ жизни не возвращаются, воспользуемся же ими.

Вѣрочка молчала. Что могла отвѣчать она? Она смотрѣла на Владиміра Федоровича, смотрѣла во всё глаза, и было ей какъ-то грустно, а между тѣмъ и отраднo; боялась она чего-то, а все-таки восхитительное спокойствіе наполняло всю ея душу. Была она такъ счастлива, но не весело было это счастье. Казалось, дай только она себѣ волю, то разлилась бы слезами, и слезы эти все-таки не промывала бы ни на какое блаженство.

IX.

Говоря такимъ образомъ съ Вѣрочкой, Владиміръ Федоровичъ убѣдился самъ въ истинѣ своихъ словъ. Ему только не хотѣлось обманывать бѣдную, довѣрчивую дѣвушку, и видя, что она успокоилась, или по крайней мѣрѣ казалась такою, онъ сталъ жить, не муча себя, тѣмъ, что будетъ впереди, и предался вполнѣ счастію безпрестанно видѣть любимую женщину. Вѣрочка была, можетъ-быть, менѣе покойна, особенно когда оставалась наединѣ сама съ собой. Ей часто приходило въ голову положить всему конецъ, объясниться еще разъ съ Владиміромъ Федоровичемъ, но достаточно было его появленія, чтобы лишить ея силъ; внутренняя борьба прекращалась, она упивалась его взглядомъ, малѣйшимъ словомъ, она была какъ въ чадѣ, потому бранила себя за свою слабость, снова впадала въ нее, и наконецъ стала примиряться съ мыслию, что воля Владиміра Федоровича для нея святыня, что она должна подчиняться ей. Между тѣмъ Антонина Александровна часто посѣщала Марью Николаевну, и все болѣе и болѣе брала верхъ надъ ней. Общество Вельскиной, ея тонкая лесть, вкрадчивая преданность, восторженное удивленіе, которое какъ будто внушала ей Марья Николаевна, все это до того обольстило Совицкую, что даже расположеніе духа ея очень измѣнилось; она была веселѣе, только и говорила о своей пріятельницѣ, на которую имѣла, судя по ея словамъ, самое благодѣтельное вліяніе, и нисколько не обращала вниманія на сына и на воспитанницу. Владиміръ Федоровичъ и Вѣрочка, занятые только своею любовью, внутренне благодарили Антонину Александровну за то, что она избавила ихъ отъ многихъ мученій.

Когда Антонина Александровна посѣщала Марью Николаевну, они часто оставались наединѣ. Марья Николаевна тогда давала волю своему краснорѣчію, а Антонина Александровна слушала съ такимъ вниманіемъ и, иногда только, вставляла милое словцо, полное наивности, сопровождая его восхитительнымъ взглядомъ, или нѣжнымъ пожатіемъ руки. Она часто въ свою очередь разказывала Марьѣ Николаевнѣ какіе-нибудь эпизоды изъ своей жизни, и, если ея рѣчь не лилась такою же быстрою, кипучею струей, какъ рѣчь Марьи Николаевны; если въ ней не было ни столько метафоръ, ни столько поэтическихъ сравненій; если не испещрилась она удачными цитатами изъ всевозможныхъ писателей древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, то можно сказать смѣло, что разказы ея отличались талантливостію, какимъ-то необыкновеннымъ искусствомъ изложенія. Въ нихъ не выставлялось на показъ главное дѣйствующее лицо, неизбѣжное и никогда не стояло на первомъ мѣстѣ, оно какъ будто ступовывалось съ дальними планами, а между тѣмъ, благодаря нѣкоторымъ удачнымъ мазкамъ художественной кисти, этотъ поэтическій образъ рѣзко выступалъ изъ темнаго фона, вытѣснялъ всѣ другія лица картины, облекался въ невыразимую прелесть.

Послѣ такого рода бесѣдъ, Марья Николаевна часто говорила сыну и Вѣрочкѣ, что многого ожидаетъ отъ Вельскиной, que c'est une nature d'élite, что она сохранила въ себѣ le feu sacré, что ей не доставало вѣшняго толчка, чтобы сдѣлаться замѣчательною женщиной, но что теперь, когда она, по особенной милости судьбы, напала на Марью Николаевну, всѣ чудныя свойства ея непосредственной природы разберются.

— Что съ вами сегодня? спросила однажды Марья Николаевна Вельскину. — Вы разсѣянно отвѣчаете, вы какъ будто утомлены, здоровы ли вы, мой другъ?

Антонина Александровна точно казалась грустиве обыкновеннаго. Она въ небрежной и граціозной позѣ улеглась въ креслахъ возлѣ открытаго окна, голова ея прислонилась къ мягкой спинкѣ, а взглядъ блуждалъ вдали, то останавливаясь на легкихъ облачкахъ, слѣдя за разнообразнымъ измѣненіемъ ихъ формъ, то проникалъ въ гущу темныхъ, лиловыхъ аллей

— Я здорова, благодарю васъ, сказала она улыбаясь. — Не всегда же можетъ быть весело, приходятъ иногда на умъ грустныя мысли, тревожится иногда сердце надеждами, смутными желаніями. Да о объ этомъ говорить? — Она замолчала и по-

смотрѣла опять изъ окна.—Какая хорошенькая ваша воспитанница! сказала она:—посмотрите вотъ она идетъ по аллеѣ съ Владиміромъ Федоровичемъ. Они кажется большіе друзья.

— Да, Володѣ очень весело съ Вѣрочкой, не понимаю, о чемъ онъ можетъ съ нею говорить. Хоть я и сдѣлала все, что могла для ея образованія, но къ сожалѣнію она очень тупа, и, что касается до меня, то мнѣ съ нею всегда очень скучно.

— Вѣрочка хороша и молода, перебила ее Антонина Александровна:—вотъ почему съ нею и весело молодому человѣку.

Марья Николаевна презрительно улыбнулась, потомъ вздохнула, какъ бы жалѣя о сынѣ. Несмотря на заботливость Марьи Николаевны, Антонина Александровна не повеселѣла, а напротивъ, какъ будто еще больше задумалась.

— Да, продолжала она въ раздумьи,—въ эти лѣта всѣ нравятся. Хорошая вещь—первая молодость, но есть въ ней также много дурнаго, много легкомыслія, много самообольщенія. Вѣришь первому, кто ни заговоритъ съ нами о любви, и воображаешь, что любишь, только потому, что потребность любить еще сильна. Что такое любовь шестнадцатилѣтней дѣвушки? Это какая-то нравственная гимнастика, чувство безъ всякаго сознанія. Вотъ и я, когда была моложе, думала, что любила мужа, а теперь вдругъ глаза у меня открылись, я убѣдилась, что это была не любовь, нѣтъ, нѣтъ, въ моей привязанности не было ничего похожего на любовь.

Голова ея опустилась на грудь и слеза блеснула на рѣсницахъ.

— Боже мой, что съ вами, мой другъ? сказала Марья Николаевна:—вы что-то скрываете отъ меня, у васъ есть какое-то горе... Какъ вамъ не стыдно, Antoinette! отчего не быть со мною откровенною? Вы знаете, что я люблю васъ, какъ мою дочь.

Антонина Александровна вздохнула при этомъ словѣ и прижала руку къ глазамъ.

Марья Николаевна не вытерпѣла. Ея нѣжное сердце не могло видѣть чужихъ страданій, а что Вельскина страдала,—было очевидно. Она бросилась къ ней, обняла ее, поцѣловала ее мокрая отъ слезъ глаза, потомъ, придвинувъ свое кресло поближе къ Антонинѣ Александровнѣ и взявъ ея руки въ свои, стала упрашивать ее высказать тайну.

Антонина Александровна долго боролась, говорила, что у нея слабые нервы, что она плачетъ безъ причины, что

капризничаетъ, просила не обращать на нее вниманія; но между тѣмъ не переставала вздыхать и плакать.

— Я вижу, что вы меня не любите, Antoinette, сказала наконецъ Марья Николаевна. — Неужели я не заслужила вашего довѣрія? Но не говорите, если не хотите, я сама догадываюсь, о чемъ вы плачете, вы любите кого-нибудь, не такъ ли?

Антонина Александровна взглянула на Марью Николаевну, но не отвѣчала.

— Я отгадала, но зачѣмъ эти слезы? Если вы любите, то вѣрно это любовь взаимная, развѣ можно васъ не любить? *Ma pauvre enfant*, утѣштесь, вы будете счастливы. Назовите его, кто онъ такой, достоинъ ли вашей любви?

— Я не могу, прошептала та, но встрѣтивъ строгій взглядъ Марьи Николаевны, она какъ будто испугалась и, обнявъ ее проговорила скороговоркой.

— Ахъ, не сердитесь ради Бога на меня! Я все, все скажу вамъ, но мнѣ такъ трудно, такъ трудно въ этомъ сознаться: я люблю вашего сына.

Марья Николаевна судорожно прижала къ груди свою молодую пріятельницу, и Богъ знаетъ сколько времени они остались въ этой нѣмой, трогательной позѣ. Обѣ были повидимому такъ взволнованы, что ни одно слово не слетѣло съ ихъ языка, только отъ времени до времени вырывались изъ ихъ груди какіе-то звуки, то похожіе на вздохи, то напоминающіе тотъ безсвязный лепетъ, который употребляется матерями для того, чтобъ унять плачь ребенка, и которому одна лишь интонація придаетъ какой-нибудь смыслъ.

Съ этого дня мысль женить сына на Вельскиной упорно поселилась въ головѣ Марьи Николаевны. Ея воображеніе рисовало этотъ бракъ самыми живыми и яркими красками. Антонина Александровна будетъ, конечно, подчиняться ей во всемъ, и такимъ образомъ она сохранитъ прежнюю власть надъ сыномъ. Впрочемъ, не одни чувства играли главную роль въ мечтахъ Марьи Николаевны. Нельзя же жить долго на свѣтѣ и не сознавать необходимости нѣкотораго разчета въ самыхъ важныхъ поступкахъ жизни. Вельскина, если и не была такъ богата, какъ Марья Николаевна, то все-таки имѣла хорошее состояніе; она принадлежала къ хорошей фамилии и могла во всѣхъ отношеніяхъ считаться блистательною партіей. Но, какъ ни превозносила Марья Николаевна всѣ совершенства Антонины Алек-

сандровны, Владиміръ Федоровичъ, казалось, не замѣчалъ намековъ, и, хотя по прежнему былъ очень любезенъ съ Вельскиной, но нисколько не ухаживалъ за нею, и, какъ на зло, въ нее не влюблялся.

X.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ жара и ясной погоды вдругъ завернуло ненастье, хотя осень была еще въ самомъ началѣ. Небо покрылось сѣрою, однообразною пеленой, и мелкій дождь грустно моросилъ съ утра до вечера. Длинные и унылы сдѣлались дни; скука какъ-то ощущалась даже въ атмосферѣ, завыванья вѣтра нагоняли сильную тоску. Дурная погода задерживала Вельскину дома, и Марья Николаевна, избалованная ея обществомъ, страдала одиночествомъ. Скука, какъ всякая другая болѣзнь, проявляется различнымъ образомъ, смотря по человеку, который ею страдаетъ. Иные переносятъ ее тихо, безъ ропота; у иныхъ она обыкновенно превращается въ грусть, въ мизантропію, въ ипохондрію; у другихъ она дѣйствуетъ благотворно на пищеварительную систему, увеличиваетъ аппетитъ, клонитъ ко сну и лучше всякаго наркотическаго средства вылѣчиваетъ отъ бессонницъ; третьихъ она волнуетъ, раздражаетъ имъ нервы, наводитъ безпокойство, дѣятельно возбуждаетъ къ проявленію накопившихся въ душѣ тяжелыхъ впечатлѣній, хотя бы за тѣмъ, чтобы наговорить какихъ-нибудь неприяностей ближнему. Когда скучаешь этою послѣднею скукой, — уже не скучно, а просто досадно. Начинаютъ появляться разныя прихоти, такъ бы и хотѣлось, на примѣръ, стѣну прошибить лбомъ, и, кажется, нѣтъ такихъ жестокихъ стремленій, которыя бы были въ это время непонятны. Одна дама, скучавшая въ деревнѣ, разказывала, что лица разнообразія и какихъ ощущеній, она положила себѣ на руку злѣйшую шпанскую муху. Какая добрая женщина! Другая бы пощадилась свою кожу, за то высорвала сердце на окружающихъ. Такою-то скукой страдала Марья Николаевна.

Съ дурною погодой настали снова мучительные дни для Вѣрочки. Хорошо еще, что она носила въ себѣ огромный запасъ счастья, и потому длинныя, краснорѣчивыя проповѣди

Марья Николаевна уже не наводила на нее прежняго унынія и тоски. «Вѣрочка, слышалось безпрестанно, какая ты недогадливая, какъ мало ты заботишься о другихъ, у тебя нѣтъ понятія о томъ, что такое внимательность; вотъ, напримѣръ, принесли новый номеръ *Revue des Deux Mondes*, что бы тебѣ догадаться разрѣзать листы, ты знаешь, что я люблю этотъ журналъ, что читаю его съ удовольствіемъ. Мнѣ не трудно это сдѣлать самой, но еслибъ я хоть разъ замѣтила въ тебѣ желаніе быть мнѣ въ чемъ-нибудь полезною, какъ бы порадовало это меня! Да гдѣ тебѣ это понять! Отъ тебя ничего не дождешься. А кажется трудно ли разрѣзать нѣсколько листовъ книги?» прибавляла Марья Николаевна съ укоризной во взглядѣ, и затѣмъ слѣдовала сцена. Вѣрочка слушала молча и придумывала, что бы такое сдѣлать, чтобы показаться внимательною. Но предвидѣть, за что разсердится Марья Николаевна, было рѣшительно не возможно: не къ тому, такъ къ другому непременно да придерется.

Однажды Вѣрочка сидѣла въ своей комнатѣ за работою, когда вошелъ къ ней Владиміръ Ѳеодоровичъ. Его лицо было краснѣе обыкновеннаго, и онъ былъ встревоженъ. Онъ подошелъ скорыми шагами къ Вѣрочкѣ, схватилъ стулъ, сѣлъ на него и облокотился на столъ.

— Что это такое? сказалъ онъ съ раздраженіемъ: — просто житья нѣтъ! У маменьки каждый день новая фантазія.

— Ахъ перестань, Владиміръ, перебила его Вѣрочка, — не говори мнѣ никогда такихъ вещей, самъ ты ропщешь и меня научилъ тому же. Лучше не видѣть и не замѣчать многого.

— Да, лучше по твоему жмуриться весь вѣкъ. Я не умѣю быть такъ равнодушнымъ; меня нѣкоторыя вещи возмущаютъ, приводятъ въ негодованіе. Знаешь, что маменька выдумала сегодня отъ скуки? не заступилъ ли ты за нее? Она хочетъ, чтобъ я такъ, для того чтобы сдѣлать ей удовольствіе, женился на Антоннѣ Александровнѣ.

Владиміръ Ѳеодоровичъ засмѣялся, но не веселъ былъ этотъ смѣхъ; въ немъ слышалось вовсе недоброе чувство. Вѣрочка быстро взглянула на него, потомъ тотчасъ же опустила глаза и поблѣднѣла какъ полотно.

— Ты никакъ испугалась, прибавилъ онъ, замѣтя ея блѣдность, — конечно вѣдь я такой ребенокъ, вѣдь у меня нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности; что прикажетъ мамаша, то и сдѣлаю.

— Ты меня пугаешь, начала Вѣрочка послѣ короткаго молчанія.— Чѣмъ же ты такъ встревожился, на что ты сердишься? Ты на Вельскиной не женишься, ты ее не любишь, ты это вѣроятно объяснилъ шапан... въ первую минуту ей будетъ досадно, потомъ все пройдетъ. Я не вижу, почему тебѣ такъ разстроиваться?

— Да я развѣ разстроены? сказалъ Владиміръ Федоровичъ,— громче чѣмъ это бы слѣдовало, въ разговорѣ съ женщиной, и съ нетерпѣніемъ вскопился съ своего мѣста.— Ты, пожалуй, еще скажешь, что я испугался, этого не доставало. Но сцены, безпре- станныя сцены, въ которыхъ материнская привязанность играетъ главную роль, выводятъ меня изъ себя.— Онъ топнулъ ногой и скорыми шагами сталъ прохаживаться по комнатѣ.— Маменька такъ разсердила меня, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія,— что я сдѣлалъ глупость, вспылить и сказалъ ей, что не намѣренъ жениться на Вельскиной, потому что я честный человѣкъ, что люблю другую женщину, и что эта женщина ты. Сказалъ это и ушелъ.

Работа выпала изъ рукъ Вѣрочки, и пристально стала она смотрѣть на Владиміра Федоровича.

— Пусть она теперь подумаетъ объ этомъ, продолжалъ онъ,— пусть убѣдится, что я не мальчишка, что мною распоряжаться нельзя. Можетъ-быть я сдѣлалъ глупость, сказавъ ей правду, не приготовивъ ее. Но нѣтъ, вѣдь надо же было объяснитьсь съ нею когда-нибудь. Я радъ, что дѣло сдѣлано.

— Ты разсердился и сказалъ, что ты меня любишь, прошептала Вѣрочка,— почему же не прежде... почему же теперь... я ничего не понимаю.

Она сидѣла неподвижно и только слѣдила взглядомъ за всѣми движеніями Владиміра Федоровича, который все еще прохаживался по комнатѣ. Языкъ ея онѣмѣлъ, грудь сильно колыхалась, что-то неясное бродило въ ея головѣ. Она точно ничего не понимала, не могла опомниться и придти въ себя. Не мысль о Марьѣ Николаевнѣ, не о согласіи ея, не о Владимірѣ Федоровичѣ, не о томъ, любить ли онъ ее или нѣтъ, тревожила ее; ей только казалось, что совершится съ нею что-то необыкновенное. Физическій страхъ заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, точно отъ предчувствія неиспытанной болѣзни, страшной, предсмертной агоніи. Ей было не грустно, не больно, а просто странно, жутко.

— Ну, Вѣрочка, сказалъ наконецъ Владиміръ Фёдоровичъ,— теперь надо будетъ дѣйствовать, и дѣйствовать энергически.

Онъ подошелъ къ ней, и въ порывѣ нѣжности хотѣлъ поцѣловать ея руку. Она отшатнулась отъ него, но не сказала ни слова. Въ эту минуту вошла горничная, чтобы позвать Вѣрочку къ Марьѣ Николаевнѣ.

XI.

Послѣ страшнаго удара, нанесеннаго ей сыномъ, Марья Николаевна пришла въ такое благородное негодованіе, что довела себя до истерики, и весь гнѣвъ ея обрушился на Вѣрочку, которая вошла къ ней съ замирающимъ сердцемъ. Бѣдной дѣвчкѣ точно было страшно въ первую минуту, но она скоро оправилась и, вооружившись мужествомъ, рѣшилась выслушать спокойно, что бы ей ни сказали, и молчать до тѣхъ поръ, пока утомится Марья Николаевна. Только отъ времени до времени она взглядывала на дверь въ надеждѣ увидѣть Владиміра Фёдоровича. Ей все казалось, что онъ войдетъ, что заступится за нее, но Владиміръ Фёдоровичъ не являлся.

Вѣрочка дѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы успокоить Марью Николаевну. Ей было жаль ея. Что доискиваться думала она, до причинъ страданій, какъ скоро причины эти уже существуютъ? не могутъ же они не внушать участія. Она знала, хотя и не раскаивалась ни въ чемъ, что она виновница этого гнѣва, и потому, какъ ни жестока была до нея Марья Николаевна, она отвѣчала съ кротостію. Правда, мысль, что все это обойдется, что стѣбитъ переждать пароксизмъ, и что тогда все будетъ хорошо, поддерживала ее, но все-таки надо было не только много терпѣнія, но и много самоотверженія, чтобы однимъ неосторожнымъ словомъ не довести Марью Николаевну до совершеннаго бѣшенства. Наконецъ усталость взяла свое, изступленіе стало переходить въ слезы, а слезы напоминали Марьѣ Николаевнѣ ея утраченную молодость, пылъ безкорыстныхъ, благородныхъ порывовъ, жизнь, полную самопожертвованій, людскую неблагодарность, клевету, свое собственное превосходство и располагали ее къ великодушному прощенію врагамъ. Она не любила скрывать своихъ мыслей и потому стала припоминать вслухъ все, что мелькало передъ

ея воображеніемъ. Она стала разказывать, какъ тотъ-то обманулъ ея надежды, какъ этотъ чуть не уморилъ ее, и какъ она, не падая духомъ, бодро перенесла все. Она призналась, что сотворена d'une autre r ate, нежели всѣ прочіе смертныя, и довершила необыкновенно удачно цитатами изъ Библии. Послѣ этого послѣдовало короткое молчаніе.

— Вѣрочка, начала она болѣе спокойнымъ голосомъ, — кончимъ эту сцену, ты знаешь, что я сценъ не люблю, поговоримъ спокойно. Выслушай меня внимательно, пойми и оцѣни меня, если можешь. Другая бы на моемъ мѣстѣ стала бы дѣлать тебѣ упреки, разсердилась бы на тебя, я на это не способна. Я хочу поговорить съ тобою разсудительно, и дай Богъ, чтобы мои слова пошли тебѣ въ прокъ. До сихъ поръ я не замѣтила въ тебѣ ни одной доброй черты, но все-таки мое вѣрующее, любящее сердце хочетъ предположить, что и въ тебѣ есть хорошіе задатки. Бываютъ такіе перевороты въ жизни, что и дурные люди не только исправляются, но достигаютъ до великихъ совершенствъ. Я допускаю, что и ты на это способна, хотя это невѣроятно, трудно, но для меня ничто не трудно, мнѣ все по плечу; я умѣю прощать.

—Марья Николаевна пожала руку Вѣрочки, и такъ утвердительно кивнула головой, что нельзя было усомниться въ ея великодушіи.

Вѣрочка ободрилась, вскочила съ своего мѣста и хотѣла обнять Марью Николаевну, но та остановила ее, и великодушнымъ жестомъ указала на кресло.

— Выслушай меня прежде, сказала она.—Я буду говорить съ тобой, какъ съ женщиной, стоящею на той же ступени нравственнаго развитія, какъ и я. Я или молчу, или со всѣми говорю, какъ съ равными. Ты полюбила моего сына. Я не виню тебя за это: любовь не всегда подчиняется разсудку, особенно у людей слабохарактерныхъ. Ты ни слова не сказала мнѣ о твоей любви, но я и это прощаю тебѣ; что же дѣлать, если нѣтъ у тебя довѣрія ко мнѣ? Я не эгоистка, и на многое смотрю иначе чѣмъ другія. Но не могла же ты серьезно предположить, что ты можешь выйти замужъ за моего сына. Излагать тебѣ всѣ причины, почему это невозможно, было бы совершенно излишне; подумай въ продолженіи пяти минутъ, и ты сама въ этомъ сознаешься. Стало-быть это дѣло рѣшеное и говорить объ этомъ нечего. Но это не главное.

— Это не главное, сказала съ недоумѣніемъ Вѣрочка: — что же послѣ того важно? Если вы не допускаете мысли, что

я могу быть женой Владиміра, если вы считаете это дѣло рѣшеннымъ, такъ о чемъ же мы будемъ говорить?

— Ну, я такъ и думала, что ты не поймешь меня. Ахъ, Вѣрочка, Вѣрочка, что мнѣ дѣлать съ тобою, какъ внушить тебѣ болѣе серьезный взглядъ на жизнь? Ты очень простодушно думаешь, что счастье, наслажденіе, единственная наша цѣль. Нѣтъ, не къ этому должны мы стремиться. По моему мнѣнію, счастливы тотъ, на чью долю выпадаетъ много борьбы, много страданій; они возвышаютъ человѣка, развиваютъ его. Я не только не сержусь на тебя за твою любовь къ Владиміру (Марья Николаевна уже забыла, что нѣсколько минутъ тому назадъ она сердилась и очень сильно), я напротивъ радуюсь ей. Я вижу теперь, что и ты способна на человѣческое чувство, а это очень много, я этого никакъ не ожидала. Но эта любовь должна быть только періодомъ твоего развитія, убѣдись въ этомъ. Теперь насталъ въ твоей жизни рѣшительный моментъ, постарайся стать на всю высоту твоего положенія. Ничто такъ не полезно въ молодости, какъ несчастная любовь; сумѣй извлечь изъ нея пользу. Если у тебя натура пассивная, какъ я всегда предполагала, то ты падешь подъ бременемъ, ты ничего изъ себя не разработаешь, ты состарѣешься, опомлѣешь и только и будешь дѣлать, что плакать надъ погившею любовью, и никогда не отдѣлаешься отъ нея. Въ такомъ случаѣ, признаюсь, ты не заслужишь ни малѣйшаго сочувствія. Если же ты принадлежишь къ числу активныхъ натуръ, ты успокоишься тотчасъ, и если будешь бороться, то эта борьба будетъ заключать въ себѣ много наслажденій. У тебя прибавится много мыслей, которыя безъ этого не пришли бы тебѣ никогда въ голову, и все кончится тѣмъ, что ты благословишь судьбу за то, что послала она тебѣ это горе. Работай же надъ собой, и тогда ты сдѣлаешься женщиной, полезною не только въ тѣсномъ семейномъ кругу, но и въ обществѣ, въ которомъ ты будешь вращаться.

Вѣрочка вдругъ зарыдала, въ ней не было силъ удержаться.

— Неужели все погибло? воскликнула она, и въ ея голосѣ звучало такое горькое отчаяніе:—Боже мой! Ахъ, не раздрайте моего сердца, вѣдь я все-таки ничего не понимаю: скажите, неужели все погибло?

— Ничего не погибло, продолжала Марья Николаевна: — женой Владиміра ты конечно не будешь, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все погибло. Ты плачешь, Вѣрочка, но если бы ты

бость великій недостатокъ, начала она снова,—но отъ не можно исправиться, когда любишь. Я должна ему сказать, что это не хорошо, что онъ не долженъ отказываться отъ меня ему скажу, что онъ долженъ жениться на мнѣ.» Она встала, остановилась, и щеки ея покрылись румянцемъ. «Какъ же это можно? шептала она:—онъ меня любитъ, онъ будетъ счастливо все-таки какъ же это можно? Бѣдныя мы женщины!» Слезы брызнули изъ ея глазъ, она судорожно прижала руки къ груди «Такъ все и терпѣть, терпѣть весь вѣкъ, погубить свою жизнь, потому что неприлично выговорить слова. И что тут дурнаго? Еслибъ онъ меня не любилъ, да, тогда, это другое но я ему вѣрю, ахъ, какъ вѣрю! Пойду я къ нему.» Вѣрочка уже подошла къ двери, но до ея слуха долетѣли звуки голоса Маріи Николаевны. «Она съ нимъ говорить теперь, нѣтъ я не пойду А, какая тоска, какая тоска!» вырвалось раздражающимъ звукомъ изъ ея груди, и она крѣпко прижала руки къ вискамъ. «Я и пишу ему.» Рѣшила она вдругъ, и, подбѣжала къ письменному столу, схватила перо и бумагу, и быстро стѣла писать. Щеки горѣли, рука слегка дрожала.

«Выслушай меня, Владиміръ, писала она: ради Бога, въ слушай. Дочитай это письмо, но прочти его не только глазами а всею душой, прочти его съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ я пишу его. Я пишу потому, что тебѣ вѣрю, вѣрю въ твою любовь, и эта мысль дѣлаетъ меня счастливою. Будемъ ж откровенны другъ съ другомъ. Пусть ни одно недоразумѣніе ни одна скрытная мысль не помрачитъ нашего счастья. Я загадала тебя, въ тебѣ происходитъ борьба, ты любишь меня, между тѣмъ ты боишься идти на перекоръ волѣ матери. Ахъ въ какомъ я ужасномъ положеніи! Пойми, какво мнѣ обвинятъ тебя за это. Не знаю, откуда берется у меня храбрость писать эти строки, но какое-то непреодолимое чувство твердитъ мнѣ что я права. Пишу я, потому что—Богъ мнѣ въ этомъ судья—не объ одномъ моемъ счастьи хлопочу я, Владиміръ; твое счастье для меня дороже жизни. Скажи мнѣ, что ты меня не любишь, брось меня, и ни одного слова ропота не вырвется у меня. Я выплачу всѣ свои слезы и буду надѣяться, что ты найдешь женщину, болѣе способную составить твое счастье. Нѣтъ, ты этого не скажешь, ты любишь меня, а если ты и былъ сегодня ко мнѣ какъ-то страненъ, то я приписываю это чужому вліянію и недостатку энергіи въ тебѣ. Не огорчайся этими словами, я не ропщу на тебя, и если обвиняю въ слабости, т

все-таки прощаю. Умоляю тебя, обдумай что я говорю: если тебе трудно жить безъ меня, то для чего же губить себя и меня добровольно?

«Только сильное убѣжденіе въ томъ, что ты заблуждаешься на свой счетъ, могло заставить меня высказать, что я думаю. Еслибъ я не желала твоего блага, къ чему бы мнѣ говорить такъ? Вѣдь не состояніе же твое, не положеніе твое въ обществѣ плѣнили меня. Зачѣмъ я не могу доказать тебѣ всю силу моей любви! Будь же откровененъ со мною, прошу тебя, рѣшись на что-нибудь, пожертвуй мною или твоею матерью. А главное считай себя совершенно свободнымъ и не бойся за меня, въ томъ и другомъ случаѣ ты сохранишь во мнѣ вѣрнаго друга.»

Запечатвъ письмо, Вѣрочка побѣжала въ комнату Владиміра Федоровича, положила его на письменный столъ, и, задыхаясь отъ страха, какъ бы кто-нибудь не увидалъ ея, возвратилась къ себѣ. Было уже поздно, она почувствовала усталость и легла спать. Мечты счастья опять стали мелькать въ ея воображеніи; молодость взяла свое, и она сладко уснула.

XIII.

На другое утро Вѣрочка вошла къ Марьѣ Николаевнѣ. Марья Николаевна встрѣтила ее съ веселою, торжествующею улыбкой и восплакала ее ласково въ лобъ.

— Я не злопамятна, Вѣрочка, пусть будетъ все забыто, сказала она. — Пойдемъ пить чай, Владиміръ ожидаетъ насъ въ столовой.

Владиміръ Федоровичъ обошелся съ Вѣрочкой какъ обыкновенно, однакожъ ему видимо было неловко, и онъ какъ-то избѣгалъ взгляда Вѣрочки. Послѣ чаю всѣ принялись за какое-нибудь занятіе. Владиміръ Федоровичъ ушелъ къ себѣ, а Вѣрочка стала читать вслухъ Марьѣ Николаевнѣ какую-то статью въ «Вѣстникѣ о кризисѣ». Улыло звучалъ ея голосъ; порой жгучіе слезы брызгали изъ ея глазъ; но Марья Николаевна какъ будто этого не замѣчала и говорила даже съ очень любезною улыбкой.

— Какъ хорошо ты читаешь сегодня, Вѣрочка! И нѣсколько

разъ какъ-то вскользь и очень некстати выразила оригинальную мысль, что жизнь есть борьба.

Настала пора обѣда, всё опять собрались, и все-таки никто не намекнулъ о вчерашнемъ днѣ, какъ будто канулъ онъ въ вѣчность со всѣми своими сладкими надеждами, со всѣми горестными воспоминаніями. Марья Николаевна была необыкновенно оживлена, говорила безъ умолку, и съ большимъ искусствомъ поддерживала разговоръ во время всего обѣда.

День былъ сѣренькій, небо тускло, сырая атмосфера тепла, какъ оранжерейный воздухъ; тополь послѣ продолжительнаго дождя распространялъ пріятный ароматическій запахъ. Вѣрочкѣ было нестерпимо въ четырехъ стѣнахъ, и она вышла въ садъ, удалилась въ свой любимый уголокъ, и на сердцѣ у нея стало легче. «Хоть бы не видѣть ничего, подумала она, убѣжать бына край свѣта, куда-нибудь въ глушь, не видѣть, не слышать, а главное не чувствовать ничего. Были же такіе люди, которые жили въ пустынѣ, питались кореньями, проводили жизнь въ молитвѣ; какъ было имъ хорошо и ужъ какъ покойно! Ахъ! зачѣмъ не могу я жить, какъ они! — А счастье?» шептало что-то. Она приостановилась и слегка прищурясь какъ-то пристально посмотрѣла вдаль. Граціозно вилась тамъ рѣчка, далеко тянулись пожелтѣлыя поля, красиво группировалось нѣсколько деревьевъ на холмѣ, а тамъ, дальше, болѣе ничего, одинъ однообразный грустный горизонтъ. «Счастье, повторила она, ахъ, не надо думать о немъ!.. Гдѣ оно?»

Скрипъ сапоговъ по песку заставилъ ее обернуться. Къ ней подошелъ Владиміръ Ѳеодоровичъ. Оба смутились и съ минуту молчали.

— Походимте, сказала она, и они пошли по аллеѣ. Чѣмъ долѣе продолжалось молчаніе, тѣмъ тягостнѣе становилось оно для Владиміра Ѳеодоровича.

— Ты грустна, Вѣрочка, сказалъ онъ наконецъ тихо и нерѣшительно.

— Ничего, сказала она спокойно, и вновь настало молчаніе.

— Вы прочли мое письмо? начала Вѣрочка, не поднимая глазъ, и сердце въ ней забилось сильнѣе.

— Прочелъ, Вѣрочка, да, да, намъ должно объясниться. Я самъ мученикъ. Ахъ, еслибы ты знала, какъ я страдаю (онъ говорилъ съ жаромъ); добрая, благородная моя Вѣрочка, я знаю, какъ ты меня любишь, знаю, что ты готова для меня всѣмъ пожертвовать. Но и ты напала на благороднаго человѣка.

храни меня Богъ употребить во зло твое довѣріе, ты всегда будешь для меня святыней.—Они остановились, и онъ взялъ ея руки въ свои.—Добрая, добрая Вѣрочка, пойми меня, чтò мнѣ дѣлать? Вѣдь маменьку не уломаешь. (Вѣрочка тихо освободила свою руку и потупилась въ землю.) И знаешь чтò, Вѣрочка... гхъ, Боже мой! да не сердись только на меня, она отчасти права... Мнѣ нельзя будетъ сдѣлать тебя счастливою. Свѣтскія отношенія... потому она этого не желаетъ... наконецъ ты вѣдь понимаешь все, чтò можно тутъ сказать... однимъ словомъ, это не возможно, не возможно. Я заблуждался, я увлекался самъ, но я не обманывалъ тебя; не такъ ли, ты не думаешь, что я тебя обманывалъ?

— Нѣтъ, не думаю, сказала едва внятно Вѣрочка; ноги ея подкашивались, она прислонилась къ дереву и продолжала слушать.

— Да, да, ты понимаешь, я вижу, что ты понимаешь, скажешь онъ скороговоркой.—Вѣдь это правда, что не живи, какъ хочется, а какъ Богъ велить. Есть обязанности, нельзя же этого отвергать. Есть борьба, и когда человѣкъ выходитъ изъ нея торжествующимъ, онъ дѣлается лучше, не такъ ли, Вѣрочка, душа моя, да чтò ты такая грустная, ради самого Бога ободрись, ты лишаешь меня всякой силы. Пойми, какъ я страдаю, я знаю, что счастье возможно, но я не могу пользоваться твоею слабостію, потому что такъ люблю тебя.

Вѣрочка не вытерпѣла:

— Ну и довольно, Владиміръ, сказала она,—не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Да какъ же не говорить? Ахъ, еслибы ты страдала какъ я, ты не сказала бы мнѣ, чтобъ я молчалъ, какъ тутъ молчать? (Владиміръ Федоровичъ былъ точно очень взволнованъ) но я не паду духомъ, продолжалъ онъ,—ты увидишь, Вѣрочка, что я буду достоинъ тебя, я буду работать, я сдѣлаюсь полезнымъ человѣкомъ, это будетъ тебѣ утѣшеніе, не такъ ли? Ахъ, счастье не легко достается! надо брать его съ бою. А чтò я? я никогда ни съ чѣмъ не боролся: достоинъ ли я его, сумѣю ли имъ воспользоваться? Да, да, надо бороться; способенъ же я и на жизненный подвигъ. Вѣрочка, Вѣрочка, чтò съ тобой? отвѣчай же мнѣ.

Она стояла неподвижно, прижавъ руки къ лицу.

— Ахъ, ты должна бы меня поддерживать, началъ онъ, и вдругъ замолчалъ, встрѣтивъ ея раздирающій взглядъ; что-то

защемило его сердце.—Вѣрочка, сказалъ онъ тихо и съ невыразимою нѣжностью,—прости, прости, ахъ, какъ жаль мнѣ тебя!

Услышавъ этотъ знакомый звукъ голоса, Вѣрочка не въ силахъ была удержаться и зарыдала какъ ребенокъ.

— Владимиръ, Богъ тебя проститъ, произнесла она,—ты не виноватъ: каждый мѣряетъ на свой аршинъ.

Владимиръ Федоровичъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Такъ я не правъ? спросилъ онъ.

— Правъ.

— Ты ропщешь на меня... ахъ, да, и есть за что! я такъ виноватъ передъ тобой, прости меня!

Новое рыданіе вырвалось у нея изъ груди.

— Хоть бы ты прощенія не просилъ, Владимиръ, прошептала она раздражающимъ голосомъ. Потомъ оправившись и утеревъ глаза, она протянула ему руку.—Я все-таки твой другъ, Владимиръ.

Онъ хотѣлъ заговорить.—Нѣтъ, нѣтъ, прервала она его съ какимъ-то страхомъ въ голосъ.—Не будемъ больше говорить. Пойдемъ домой.—И она скорыми шагами пошла впередъ.

Нѣсколько дней спустя, Владимиръ Федоровичъ уѣхалъ въ Москву.

Прошло шесть лѣтъ. Легко, весело промчались они для нѣкоторыхъ, грустно и медленно протянулись для другихъ, положивъ свою тяжелую печать на иной умъ, вселивъ горькое чувство въ иное сердце, разрушивъ много священныхъ вѣрованій, но и замѣнивъ ихъ можетъ-быть не менѣе святыми, не менѣе серьезными требованіями и надеждами.

Было лѣто. Марья Николаевна жила въ деревнѣ. Все также, какъ лѣтъ шесть тому назадъ, цвѣты украшали красивые партеры сада, все также пышная зелень улаждала взглядъ, все также было хорошо и прохладно въ темныхъ тѣнистыхъ аллеяхъ, и старыя деревья, раскинувъ свои могучія вѣтви, только дружнѣ сплетали ихъ какъ бы въ знакъ вѣчнаго союза.

Въ концѣ одной изъ этихъ тѣнистыхъ аллей, въ бесѣдѣ изъ вьющихся растений, сидѣла Марья Николаевна. Она постарѣлась. Время и на ея лицѣ наложило свой отпечатокъ къ прежней строгости ея взгляда прибавилось еще что-то горькое; и она узнала страданія, но не тѣ, которыя возвышаютъ человека, а напротивъ, тѣ, которыя ожесточаютъ его противъ всѣхъ и каждаго и отнимаютъ всѣ хорошія, душевныя свойства.

У ногъ ея маленькая четырехлѣтняя дѣвочка сидѣла на табуреткѣ. Множество игрушекъ валялось передъ нею на песокѣ; но повидимому ни одна не была достойна ея вниманія, потому что, прижавъ кулачки къ глазамъ, она хныкала и повторяла безпрерывно: «скучно, мнѣ скучно!» Марья Николаевна волновалась, старалась забавить ребенка, но ничто не дѣйствовало. «Мнѣ скучно», твердила дѣвочка и ничего знать не хотѣла. Наконецъ Марья Николаевна вышла изъ терпѣнія.

— Да перестанешь ли, Нина? сказала она: — какъ тебѣ не стыдно меня такъ беспокоить! Ахъ, какое мученье съ этими дѣтьми! продолжала она про себя.

Богъ знаетъ, сколько времени продолжалась бы эта сцена, еслибы счастливое обстоятельство не превратило скуки Нины въ радость. На противоположномъ концѣ аллеи показалась стройная фигура дѣвушки. Она приближалась къ бесѣдкѣ. Какъ скоро Ниночка увидѣла ее, то вскочила съ своего мѣста, и вскрикнувъ: — А, это тетя Вѣра! — пустилась опростелю объять къ ней навстрѣчу.

Вѣрочкѣ было только двадцать два года, но въ ней трудно было бы узнать прежнюю шестнадцатилѣтнюю дѣвушку. Ея станъ, и тогда стройный, сдѣлался еще тоньше и гибче, румянецъ исчезъ и замѣнился блѣдною матовою бѣлизной, рѣзко отдѣлявшеюся отъ черныхъ глянцевитыхъ волосъ, причесанныхъ гладко на ухо. Строгое спокойствіе выразилось во всѣхъ ея чертахъ и смягчалось только кроткою добродушною улыбкой, которая часто появлялась на ея устахъ. Задумчиво глядѣли ея большіе черные глаза, но иногда какое-то мимолетное беспокойство, какая-то душевная тревога, вдругъ появится въ нихъ, нарушить гармонію лица, и тотчасъ же исчезнетъ, подобно молніи, какъ бы боясь пылаваго взора. Она шла уже не тою дѣтскою неровною поступкой, какъ ходятъ очень молодыя дѣвушки, но плавно, медленно, какъ умѣютъ ходить только очень граціозныя женщины.

Нина подбѣжала къ ней и повисла на ея платьѣ. Вѣрочка, улыбаясь, нагнулась и поцѣловала ее, но не тѣмъ восторженнымъ, беспокойнымъ поцѣлуемъ, которымъ такъ-называемыя охотницы до дѣтей часто награждаютъ своихъ маленькихъ любимцевъ, не обращая вниманія, доставляетъ ли это дѣтямъ великое наслажденіе, а спокойнымъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— Будемъ играть со мной? спросила Нина.

— Прежде пойдемъ къ бабушкѣ, возразила та, — мнѣ надо ей отдать письмо.

И взявъ ребенка за руку, она подошла къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ письмо къ вамъ, татав, сказала она подавая его.

— Отъ Владиміра? съ волненіемъ спросила Марья Николаевна.

— Да, кажется его почеркъ.

Марья Николаевна разорвала конвертъ и быстро стала читать.

— Владиміръ на дняхъ будетъ здѣсь, воскликнула она съ не-притворною радостью.

— А! произнесла Вѣрочка, и потомъ прибавила тихо, обращаясь къ ребенку: — папаша скоро пріѣдетъ.

— Пойдемъ же играть, умоляющимъ голосомъ твердила Нина, дергая ее за платье.

Вѣрочка только спокойно взглянула на нее, и Нина притихла.

— Ну, я очень рада, начала Марья Николаевна, — очень, очень рада. Да что же ты, Вѣрочка, не скажешь ни слова, кажется и ты могла бы изъявить нѣкоторую радость, а если сама не радуешься, такъ могла бы порадоваться за меня. Впрочемъ, можно ли требовать сочувствія отъ такихъ апатичныхъ созданий, какъ ты!

Сказавъ это, Марья Николаевна поднялась съ своего кресла и направилась къ дому.

Нина вдругъ просіяла.

— Ну, тетя Вѣра, сказала она, — теперь мы однѣ, давай дѣлать пироги изъ песку. Какъ это весело! Вѣдь ты это любишь?

— Давай дѣлать пороги, весело сказала Вѣрочка, и съѣвъ на землю, стала усердно всыпать песокъ въ маленькія деревянные формы; Нина захопала въ ладоши отъ радости.

Владиміръ Федоровичъ, сознавъ всю святость долга и вступивъ въ борьбу съ страстями, бросилъ молодую, любимую дѣвушку и отправился въ Москву, и гдѣ женился на Антонинѣ Александровнѣ Вельскійной. Женская хитрость и материнское вліяніе взяли свое. Первое время все шло превосходно. Марья Николаевна была въ восторгъ отъ всего, что дѣлала ее невестка. Но скоро Антонинѣ Александровнѣ надоѣла эта комедія; разыгрывать роль было уже не нужно. Она не пускалась

болше въ дѣланыя бесѣды съ Марьей Николаевной, даже рѣдко постигала ее, совершенно предаваясь сдѣтскимъ удовольствіямъ, стала кокетничать, забавляться, мечтать и разстроила какъ свое, такъ и мужнино состояніе. Мужа она держала въ рукахъ и даже такъ убѣждала его въ своихъ добродѣтеляхъ, что когда и доходили до него невыгодные слухи о женѣ, онъ никогда ничему не вѣрилъ. Марья Николаевна плакала, рая-дражалась, дѣлала упреки, но Антонина Александровна сумѣла подождать этому конецъ, а именно тѣмъ, что перестала бѣдять къ матери мужа. Что касается до Владимира Федоровича, то когда онъ и бывалъ у Марьи Николаевны, то всегда сидѣлъ какъ на иголкахъ. Часто происходили сильныя стычки, послѣ которыхъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они не видѣлись, и дошло наконецъ до того, что съ обѣихъ сторонъ возникло желаніе вовсе прекратить всякія сношенія. Но такъ какъ передъ свѣтомъ должно было маскировать эти семейныя тайны и скрыть на сколько возможно полныи разрывъ, то всегда, когда молодые Совицкіе жили въ Петербургѣ, Марья Николаевна была въ Москвѣ, а какъ скоро являлись они въ Москву, тотчасъ же Марья Николаевна отправлялась въ Петербургъ или въ деревню. Въ послѣдніе два года, состояніе ихъ такъ разстроилось, что Марья Николаевна принуждена была жить безвыѣздно въ деревнѣ, что не помѣшало ей сыну отправиться съ женой за границу. У нихъ была только одна дочь Нина. Путешествовать съ дѣтми скучно, и, сообразивъ это, Антонина Александровна написала очень ласковое письмо Марьѣ Николаевнѣ, въ которомъ просила ее взять къ себѣ на время внучку. Она увѣряла, что только тогда и будетъ она спокойна, когда ребенокъ будетъ у бабушки, что она Марья Николаевна вѣрнѣе болше чѣмъ самой себя и пр. Марья Николаевна не отвѣчала ни слова, но тотчасъ же послала за Ниной. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на Марью Николаевну: она стала было впадать въ хандру, но тутъ ободрилась, придумала гелову, ей можно было опять играть роль великодушія и самоотверженія.

Но что дѣлала Вѣрочка въ то время, какъ одни веселились, другіе сердились и огорчались? Она, какъ всегда, должна была страдать за всѣхъ, на ней срывали сердце, ей пересказывали всѣ несправедливости, дѣлали ее безгласнымъ судьей чужихъ провинностей. Ей бы и хотѣлось не вмешиваться ни во что, не знать ничего, но было ли это возможно? Только и дѣло, что при-

ходилось выслушивать жалобы, не отъ того, такъ отъ другаго; а если и можно было зажать ротъ инымъ, то все-таки же не Марья Николаевна. Надо было слушать, и не только слушать, а сочувствовать. Промучившись весь день, наслушавшись этихъ разговоровъ, она вечеромъ уединялась въ свою комнату, — а что ожидало ея тамъ? не та ли самая пытка, не тѣ же ли страданія? Много выплакала она слезъ, много передумала, и сколько разъ доходя до отчаянія, восклицала она: «Боже мой! что мнѣ дѣлать, какъ жить, когда жизнь не въ моготу? Ахъ, еслибы можно было состарѣться поскорѣй, еслибы можно было улечься въ могилу и забыть все, все, что было!» А на другое утро послѣ бессонной ночи она просыпалась съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ, здоровье ея нисколько не страдало, надежды на смерть не было ни малѣйшей. «Надо разлюбить его, повторяла она себѣ съ утра до вечера, какъ онъ разлюбилъ меня. Неужели не могу я любить кого-нибудь другаго?» Всѣ молодые люди, которыхъ встрѣчала она, были чрезмѣрно пусты, а если и выдавались изъ нихъ болѣе замѣчательныя личности, то не случилось ей сблизиться ни съ однимъ такимъ; неизвѣстно были ли тому виной обстоятельства, или необыкновенная сдержанность Вѣрочки. Часто, отправляясь на вечеръ съ Марьей Николаевной, она твердила себѣ: «Вотъ сегодня я поговорю побольше съ К. или съ С. Онъ мнѣ вѣрно понравится, я его полюблю и тогда позабуду Владиміра. Ахъ, какое это было бы счастье!» Но послѣ нѣсколькихъ словъ съ однимъ изъ этихъ избранныхъ ей становилось неволью тяжко, она чувствовала отвращеніе, пріѣзжала домой не въ духѣ, на нее находила тоска пуще прежней, и досада на себя увеличивала еще болѣе эту тоску. Послѣ нѣсколькихъ такого рода попытокъ, ей стало какъ-то совѣстно передъ самою собою; она поняла, что забыть свою первую любовь никогда не сумѣетъ, что объ этомъ и стараться не должно, и стала опять думать, крѣпко думать, что бы сдѣлать съ своею жизнію, въ чемъ найти себѣ точку опоры, какъ предостеречь себя отъ ожесточенія, какъ быть полезной хоть одному существу въ мірѣ. «Прежде всего надо сладить съ собою, говорила она себѣ, пусть же мои страданія будутъ единственнымъ счастьемъ моей жизни, постараюсь изъ нихъ черпать новыя силы.» И Вѣрочка принялась воспитывать себя не на шутку. Она поняла, что лучшее средство отъ тоски — постоянныя занятія. Она старалась по мѣрѣ силъ ни одну минуту не оставаться праздною, но такъ какъ ежедневное

мытарство по милости Марьи Николаевны часто лишало ее времени, то она до глубокой ночи сживала въ своей комнатѣ, читала, прежде машинально, но потомъ съ возрастающимъ интересомъ и стала заниматься ученьемъ съ любовью. Познакомилась съ литературами нѣсколькихъ языковъ, съ исторіей. Конечно, это не излѣчило ея вполнѣ, грустно бывало часто и плакать приходилось не рѣдко, но все-таки стало полегче.

Вслѣдствіе ли грусти, усиленнаго ли труда, или просто эпидеміи, она заболѣла. У нея сдѣлался тифъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней она была при смерти. Даже Марья Николаевна струсила. Ей стало жаль Вѣрочки; можетъ-быть и ея совѣсть не совсѣмъ заглохла. Она просидѣла нѣсколько ночей у постели больной, и слезы не разъ показывались на ея глазахъ, когда Вѣрочка въ бреду, то съ отчаяніемъ, то съ невыразимую грустью, произносила имя ея сына, а когда наконецъ больная пришла въ себя, открыла глаза и спокойно посмотрѣла на Марью Николаевну, она вскочила съ своего мѣста, бросилась ее обнимать и сказала ей сквозь слезы: «Прости мнѣ, Вѣрочка, но тотчасъ же прибавила: видно ужъ судьба твоя такая горькая.» Въ эту минуту Вѣрочка была такъ слаба, что не могла понять смыслъ этихъ словъ, но въ послѣдствіи она часто припоминала ихъ съ теплою благодарностію. Для нея было достаточно ихъ, чтобы простить Марью Николаевну; хотя, какъ скоро Вѣрочка выздоровѣла, Марья Николаевна стала обращаться съ нею по-старому.

Но судьба и для Вѣрочки приготовила неожиданное утѣшеніе. Это была Нина. Съ перваго же дня, когда малютку привезли къ бабушкѣ, она страстно привязалась къ Вѣрочкѣ. Онѣ сдѣлались неразлучны, спали въ одной комнатѣ и цѣлый день проводили вмѣстѣ. «Я буду воспитывать этого милаго ребенка, говорила себѣ Вѣрочка: вотъ и знанія, которыя я пріобрѣла въ послѣднее время, пойдутъ въ прокъ; ахъ, какъ хорошо, что я не умерла, когда у меня былъ тифъ!»

Между тѣмъ Владиміръ Фѣдоровичъ и жена его были за границей. Онъ писалъ довольно часто, и Вѣрочка отвѣчала ему, пускаясь въ безконечныя подробности: всегда дѣло шло о Нинѣ. Его письма дѣлались все грустнѣе и грустнѣе, и хотя онъ не говорилъ этого прямо, видно было, что не легка и его доля. Наконецъ пришло одно письмо, которое поразило и Марью Николаевну и Вѣрочку. Владиміръ Фѣдоровичъ писалъ, что его жена, овладѣвъ его шкатулкой, отправилась путешествовать куда-

то въ Швейцарію или Италію съ однимъ очень преданнымъ ей другомъ, какимъ-то очень красивымъ графомъ, а что онъ остался въ Парижѣ безъ копѣйки. Онъ просилъ выслать ему денегъ какъ можно скорѣе, чтобы вернуться въ Россію и прѣхать къ матери. Жену онъ отнекивать былъ не привыченъ и говорилъ о ней съ величайшимъ равнодушіемъ. Послѣ первой минуты негодованія Марья Николаевна обрадовалась. Впрочемъ же поступокъ Антонины Александровны не удивилъ. Она этого ожидала. «Теперь-то Нина ужъ совсѣмъ моя,» подумала она и, подойдя къ ребенку, крѣпко обняла ее.

— Такъ вы пожалѣли обо мнѣ, Вѣра Павловна? спросилъ Владиміръ Федоровичъ Вѣрочку.

— Какой вопросъ! Можетъ ли лутъ быть сомнѣніе? тихо отвѣчала она.

Они сидѣли на балконѣ. Владиміръ Федоровичъ лишь нѣсколько дней тому назадъ прѣхалъ въ деревню. Былъ чудный вечеръ. Солнце только что закатилось, оставивъ за собой пурпурный свѣтъ. Все было тихо вокругъ.

— Благодарю васъ за это, продолжалъ онъ, — много я перестрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись.

Вдали раздавалось пѣніе; нѣсколько мужскихъ голосовъ затянули унылую пѣсню; прустно и стройно звучала она, и только порой пискливый сопрано женщины, какъ диссонансъ, вредилъ общему впечатлѣнію и неприятно поражалъ ухо. На селѣ водили хороводы.

— Какъ люблю я это пѣніе, начала Вѣрочка: — помните, какъ часто мы съ вами прислушивались къ нему.

— Да, помню. Такъ вы любите еще хоть что-нибудь изъ того, что любили прежде. Вы такъ измѣнились съ тѣхъ поръ.

— Это правда, я очень измѣнилась.

— И я измѣнился, Вѣра Павловна, я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Судя по наружности, Владиміръ Федоровичъ точно былъ уже не тотъ. Живое выраженіе его лица вовсе исчезло, гибкость стана пострадала, онъ не много горбился и начиналъ уже толстѣть. Что-то вялое, утомленное, выражалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи. Онъ бывалъ и грустенъ, и веселъ, но все выражалось у него какъ-то лѣниво.

— На то и живемъ, чтобы измѣняться, весело перебила его Вѣрочка.

Она, казалось, хотѣла сказать что-то, но слова какъ-то не двинулись ему.

— А хорошо было правде, проговорилъ онъ помалчивая. — Хорошо бы, еслибы можно иногда веревить прошедшее. И неужели это невозможно, Вѣра Павловна?

— Я не понимаю васъ вполнѣ, Владиміръ Фёдоровичъ.

— Вы когда-то любили меня, продолжалъ онъ съ раздумьи. — Вы любили меня такъ, что пожертвовали бы мнѣ всѣмъ, я это знаю.

Она надрагнула, хотѣла что-то сказать, но онъ ей не далъ выговорить ни слова.

— Скажите, что это правда, скажите, что вы любили меня такъ.

— Да, это правда, отвѣчала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ, а стала смотрѣть въ другую сторону.

— А я тогда не умѣлъ оцѣнить васъ... Вы единственная женщина, которую я могъ бы полюбить, которая сдѣлала бы изъ меня человѣка. Когда вы любили меня, я былъ мальчишка, а дорожилъ тогда и свѣтомъ, и мнѣніемъ моей матери, и великими глупостями; теперь я сознаю, что это не правое въ жизни, теперь я дорожилъ бы совсѣмъ другимъ. Однимъ умомъ трудно дойти до какова-нибудь убѣжденія, а жизнь какъ разъ разовьетъ. Я во многихъ отношеніяхъ развился.

— Это хорошо, сказала Вѣрочка покойно, — но не вамъ однимъ это удалось, я тоже развилась, — и она улыбнулась.

— Поймите же меня, полюбите меня теперь, если можете... Я лучше теперь чѣмъ тогда. Поймите, что мой поступокъ съ вами, хотя и можетъ показаться съ перваго взгляда безчестнымъ, былъ не что иное, какъ послѣдствіе одного изъ періодовъ развитія, черезъ который всякій долженъ пройти.

— Ахъ, ради Бога, перебила его Вѣрочка, — наслушалась я довольно о періодахъ развитія, избавьте же меня отъ этого. — Она улыбнулась, но горькое чувство слышалось въ ея голосѣ. — Есть слова, которыя мнѣ такъ надоѣли, продолжала она, — что безъ раздраженія ихъ слышать не могу, такъ какъ-то къ нимъ языкъ приболтался. А вѣдь все слова хорошия, на примѣръ: развитіе, прогрессъ, принципъ, — и Вѣрочка разсмѣялась.

Владиміръ Фёдоровичъ задумался.

— Ну, начала она опять тѣмъ же веселымъ тономъ, — поговорите же о чемъ-нибудь. О развитіи наговорились, кажется, и

будеть. Не потолковать ли намъ теперь о гласности, сказала она вдругъ съ комическою улыбкой;—благо она въ моду вошла.

Владимира Федоровича передернуло.

— Вы издѣваетесь надо мной, грѣхъ вамъ, произнесъ онъ, — вѣдь вы видите, что я несчастливъ.

Вѣрочка покраснѣла, потупила глаза и просидѣла нѣкоторое время молча. Она была недовольна собою и точно боролась противъ чего-то. Наконецъ она приподняла голову, и лицо ея приняло опять свое обычное спокойствіе.

— Помните, Владиміръ Федоровичъ, нашъ первый, искренній разговоръ, сказала она.—Мы сидѣли здѣсь на балконѣ, на этой же скамьѣ. Вы спросили меня: вѣдь мы друзья теперь? и я отвѣчала вамъ утвердительно. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, оба мы пострадали, мы разошлись во многомъ, но я и теперь готова повторить вамъ тѣ же слова. Да, Владиміръ Федоровичъ, мы друзья.

Она протянула ему руку, и ея ласковый, добрый взглядъ остановился на немъ.

— Вѣра Павловна, самоваръ поданъ, доложилъ человѣкъ, показавшійся въ эту минуту у двери.

Вѣрочка быстро встала съ своего мѣста.

— Пойдемте пить чай; на балконѣ становится уже свѣжо, сказала она, и пошла впередъ.

Ида Бергенъ.

ГОНЪ-КОНГЪ¹

I.

23 июля 1858 года мы снялись съ Сингапурскаго рейда, и тихо шума парами, оставляли за собою красивыя клиперы и вмѣстительныя, крутобокія суда купцовъ. Последнее судно было американское: *Lobelia*; рангоутомъ своимъ упиралось оно чуть не въ облака; мы долго любовались имъ. Скоро скрылся изъ виду Сингапуръ, но вдали все еще тянулись острова; наконецъ, выйдя на верхъ еще разъ, я уже ничего не видалъ, кромѣ неба и моря. Въ первые три дня сопровождали насъ безпрестанные шквалы, сильные, продолжительные съ ослѣпляющею молніей и громомъ. Ими угощали насъ Сіамскій заливъ; но когда мы прошли его, вѣтеръ подулъ ровный, зюдь и зюдь-остъ муссонъ. Мы шли среднимъ ходомъ; днемъ парило, къ вечеру небо разрисовывалось чудными узорами, яркими волшебными красками, которыми пышетъ закатъ здѣшняго солнца. Синевя небосклона сіяла изумруднымъ блескомъ; далеко и слабо мерцалъ уже покидавшій насъ Южный Крестъ; увидѣли и новую луну; она какъ будто полулежала. «Ну, слава Богу, говорили нѣкоторые, дойдемъ счастливо: луна стоитъ, матросъ лежитъ.» «Гдѣ же она стоитъ?» возражали другіе. «Конечно больше стоитъ чѣмъ лежитъ». И вотъ возгарается объ этомъ споръ, потому что все уже успѣли переговорить другъ съ другомъ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 6, статью *Малайское море*.

обо всемъ, и подобный спорный пунктъ служить для всѣхъ единственнымъ развлеченіемъ.

Разъ какъ-то солнце, всегда великолѣпное, захотѣло, кажется, пощеголять передъ нами, и разлило по всему небу и облакамъ такой ослѣпительный огненный свѣтъ, что мы смотрѣли на этотъ волшебный закатъ какъ на какое-нибудь особенное явленіе. Долго солнце какъ будто купалось въ пламени и блескѣ. Каждое отдаленное облачко принимало участіе въ этой великолѣпной игрѣ, красясь и пылая каждымъ, чуть замѣтнымъ изгибомъ своимъ, каждымъ очертаніемъ. Небесная лазурь пробивалась сквозь пурпуръ изумрудными полосами; ближайшія къ солнцу облака убирались огненною бахромой. Не передъ ураганомъ ли? У Горстбурга сказано, что часто урагану предшествуетъ какое-нибудь особенное явленіе, странный цвѣтъ неба или воды, или что-нибудь подобное.

Передъ ураганомъ бываетъ всегда такая духота и тоска, что не знаешь куда дѣваться; звѣрь и птица прячутся; а теперь, вопервыхъ, не душно, вовторыхъ я далекъ отъ всякой тоски, когда чѣмъ-нибудь восхищаюсь, и, втретьихъ, ~~моя~~ ~~я~~ ~~не~~ ~~думаю~~ ~~прятаться~~ и забиваться въ норы.

Не прошло и получаса, какъ одинъ ипохондрическій товарищъ уже спрашивалъ меня: не чувствую ли я особенной тоски?

Изъ Тонкинскаго залива идя мы, по Горстбургу же (а Горстбургъ для моряка тоже, что Коранъ для мусульманина), мордь-веста; но и на этотъ разъ Горстбургъ былъ не правъ; попутный вѣтеръ не оставлялъ насъ. На Магелловидовой баннѣ мы дожились въ дрейфъ и бросали лотъ; лотъ показалъ глубину въ 45 саженой (какъ и значилось по картѣ); концемъ свинца вырвалъ онъ кусокъ корала со дна морскаго и вынесъ его на свѣтъ Божій. Подходя къ берегу, мы убавили ходъ до двухъ узловъ, чтобы ночью не проходить между островами. Берегъ показался, какъ всегда, неясными группами, частію теряющимися въ туманъ и облака. Нѣсколько острововъ поднимаются холмами, едва видными. Миль за тридцать до берега встрѣтила насъ китайская джонка съ роговымъ перусомъ, и высадила къ намъ лодмана, курносаго Китайца въ нанжовой курткѣ, съ отвислыми губами, съ рессою, обвивавшею два раза его обриту голову. Тихо пробирались мы между островами; берега были голы, холмисты; едва зеленѣвшая трава покрывала ихъ неровности. Ущелья раздѣлялись оврагами и ручейками.

У самой воды виднѣлись щелеры, шрачныя, глубоки; тѣн-
отенный прахъ или отражался въ плескавшемся подъ нихъ
сводомъ прибоѣ, и это разнесло эти звуки глухими,
тихо прерывающимся шумомъ. На этихъ холмахъ печать ка-
кой-то неоконченности; тѣни и свѣтъ долагаю на нихъ ров-
ными массами, образуя строгій рисунокъ твердой руки, но
рисунокъ безъ оконченныхъ подробностей, безъ отчетливо-
выработанныхъ мелочей. Вотъ солнце освѣтило островъ. Съ одной
стороны доминировала тѣнь, съ другой—равно, гладко, не то что на
какихъ-нибудь изъ Зондскихъ острововъ, гдѣ безчисленныя
неровности, долины, деревья, заливы и бухты не дадутъ про-
стора для тѣни. Тамъ столько отблѣсковъ, переливовъ, слу-
чайностей; тамъ тоже рисунокъ, но рисунокъ минималиста
на аэроерѣ или слововой кости; тамъ каждая ветка, каждая
трава, рельефно выступаютъ своими рѣзко-отчерченными кон-
турами; ни одинъ камень не выйдетъ наружу изъ своей натель,
но кокетливо обернется заванью, и надъ нимъ вырастетъ роскош-
ное вѣтвистое дерево, и нѣжить его подъ своею тѣнью. А
здѣсь, если берегъ оборвался, то и желтый обрывъ такъ
какъ-то есть, не думая прикрыться; выступилъ камень, и ле-
житъ такъ себѣ, грѣясь на солнцѣ и отражаясь въ водѣ тѣмъ же
голымъ, страватымъ кубкомъ. Мѣстами домики, съ немногими
деревьями, сморѣли веселыми оазисами среди этой пустыни.
Мы вошли съ проходомъ, шириной не больше двусотъ саженой,
между островомъ Гонгъ-Конгомъ и нѣсколькими другими остро-
вами. По берегамъ желтые обрывы виднѣлись чаще, мѣстами
они были краснѣе, мѣстами темнѣе; надъ ними была все
тотъ же коверъ тусклой зелени, поднимавшійся на холмы
и вершины. Эти желтые обрывы—каменоломни; во многихъ
мѣстахъ слѣды отдѣланнаго пластами камня (гранита). На остров-
ные вблизи домики и снующія джонки съ своими рогожными
парусами иногда бывають живописны, а иногда очень без-
цвѣтны, смотря по тому, какой мѣстности служать укра-
шеніемъ. Тростниковая хижина, прикрытая пизангомъ и паль-
мой, очень хороша; но поставьте ее у желтой каменоломни, и
она исчезнетъ. Въ одной бухтѣ столпилось болѣе ста джо-
нокъ. Бамбуковые шесты, мачты, паруса, одни въ лохмотьяхъ,
другіе съ лучезобразными древками, разделяющимися нѣтъ на оче-
тыре части; хижины на берегу, песокъ, пламень, плодуглые
Китайцы:— все это рябило, двигалось и отражалось въ тихо-
плескавшемся заливѣ.

Обогнувъ одинъ изъ мысковъ, мы увидали городъ Викторію и лѣсъ мачтъ отъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Городъ расположился амфитеатромъ по склону горы, болѣе возвышенной нежели другія; справа горы, прямо опять горы, сзади то же. Рейдъ смотритъ широкимъ неподвижнымъ озеромъ; туда не залетитъ ни вихрь, ни муссонъ, чтобъ освѣжить эти каменные дикія стѣны. Городъ начинается большими зданіями, точно дворцами. Дворцы же съ портиками и колоннадами возвышаются на выдающихся мѣстахъ, дворцы смотрятся у пристани въ неподвижную гладь рейда, кишатаго тысячью лодокъ и судовъ, всевозможныхъ величинъ и видовъ. Спѣшу сказать: шестнадцать лѣтъ тому назадъ нога Европейца въ первый разъ ступила на этотъ дикій, необитаемый островъ, и вотъ, точно ударомъ волшебнаго жезла, выросли изъ его камней дворцы, готическія башни, сады, обхватившіе роскошною, благоухающею зеленью выступающія террасы, спускаясь густыми массаами въ ущелья и расплетаясь зелеными лентами по веселымъ бульварамъ и скверамъ. Выросли магазины, факторіи; флаги всевозможныхъ націй развѣваются на высокихъ мачтахъ; каменные водопроводы освѣжаютъ и очищаютъ улицы. На рейдѣ есть уже нѣсколько ветерановъ-блокшивовъ, инвалидовъ военныхъ кораблей; подъ деревянными навѣсами, они оканчиваютъ свой вѣкъ, между тѣмъ какъ новое поколѣніе, фрегаты и клиперы, суетятся около нихъ, стучатъ своими винтами, наполняютъ воздухъ черными струями дыма, свистятъ и дѣйствуютъ. Поминутно пристають легкія канонерки; рѣчные пароходы, съ цѣлыми домами на палубѣ, приходятъ и уходятъ; китайскія джонки везутъ грузъ на купеческія суда; между ними мелькаютъ граціозныя гички, *tan-ka*, *sat-pan*, или, какъ мы ихъ называемъ, *шампанки*, точно пловучіе, рогожныя возки. Каждый такойвозокъ — цѣлый домъ. Китаецъ родится въ немъ; младенчество свое проводитъ онъ, привязанный къ спинѣ матери, гребущей кормовымъ весломъ, плачетъ и надоѣдаетъ всѣмъ своимъ крикомъ, потомъ помогаетъ матери, и наконецъ навькаетъ грести самъ и управлять своею ладьей. Въ этихъ *шампанкахъ* все хозяйство Китайца; онъ сдѣланы очень отчетливо и часто изъ очень-хорошаго дерева; палуба, чистая и выполированная будто мебель, мѣстами прикрыта красивою цыновкой. Двѣ-три кибитки, сплетенныя изъ тростника и покрытыя рогожками, составляютъ постоянный навѣсъ; средняя кибитка выше

крайнихъ; въ отверстіе постоянно проходитъ воздухъ, и въ это же отверстіе часто выглядываетъ голова хозяйки, съ самою затѣливой куафюрой, съ узкими, лукавыми глазами,—а иногда на длинномъ бамбуковомъ шестѣ выставляется вымытое бѣлье для просушки. Въ кормовой части горитъ огонекъ и варится рисъ; тамъ же скамеечка, шкафчикъ съ домашними божками, передъ которыми курится *sat-shom* (особенное благоуханіе). Тутъ-то, усѣвшись вокругъ двухъ-трехъ фарфоровыхъ чашечекъ съ варенымъ рисомъ, тыквой, мелкою рыбой или *шримпсами* (креветки), и дѣйствуя двумя палочками, медленно совершаетъ китайская семья свою мирную трапезу. Поѣсть немного и подождать, точь-въ-точь наши извозчики, усѣвшіеся около братскаго котла: захватить ложкою щей, набереть въ ротъ хлѣба и положить ложку на столъ.

На этихъ лодкахъ распоряжаются большею частію женщины. Мужчины работаютъ на берегу, а жены очень ловко управляются весломъ и рулемъ, и исправно ведутъ свои пловучія дѣла. Иногда на такой лодкѣ цѣлая лавка фруктами и всевозможными вещами китайскаго издѣлія, игрушки, вѣрамы и пр. На этихъ же лодкахъ пріѣзжаютъ прачки, которыя всѣ не слишкомъ нравственнаго поведенія, и всѣ очень смѣлы, не прошенныя являются онѣ въ каюту и не прочь отъ самыхъ выразительныхъ жестовъ. Первые Китайки, которыхъ мы видѣли, были прачки, и дальнѣйшія наблюденія подтвердили первое впечатлѣніе. Китайки вообще небольшого роста, съ головами удлинненными назадъ странною прической, не лишенною впрочемъ своего рода *шюка*, въ кофтахъ, съ короткими, но широкими отдувши-иися рукавчиками, въ широкихъ панталонахъ и съ маленькими ножками. Въ общемъ онѣ представляютъ смѣшную, коротенькую фигуру съ огромною головою и съ нетвердою, переваливающеюся поступью. Это также своего рода шикъ: китайская женщина не должна уметь ходить (можетъ-быть для того, чтобы не бѣгать отъ мужа); хотя здѣсь, въ южныхъ провинціяхъ, кажется, не въ употребленіи обычай ломанія ногъ, по крайней мѣрѣ между простымъ народомъ, но все-таки противъ моды не въ силахъ устоять самая либеральная женская партія. Здѣсь женщины смотрятъ совершенно эманципированными; нѣтъ и слѣда стыдливости и женственности. Онѣ корыстолюбивы, большія хозяйки и чистоплотны, ни у одной не увидите не вымытыхъ рукъ или ногъ. Дѣвушки носятъ сзади косы, иногда распущенныя, иногда заплетенныя; спереди прядь

волосъ зачесывается на лобъ и обрѣзывается ровно надъ глазами; перпендикулярный къ нашему проборъ отдѣляетъ эту прядь волосъ отъ косы. Часто дѣвушка сидитъ на носу своей лодки и гребетъ легкимъ весломъ. Поджавъ одну ногу подъ себя, а другую опираясь въ деревянную уключину, обнаживъ круглыя руки, не лишеныя мягкости и благородства въ своихъ формахъ, и закинувъ назадъ свою молодую головку съ распущенною косою, дѣвушка заставляетъ художника невольно засмотрѣться на нее. Сдѣлавшись женщиной, она уничтожаетъ передній вихоръ, дѣлаетъ проборъ по серединѣ и можетъ косу какимъ-то густымъ составомъ, такъ что волосъ можетъ стоять, какъ деревянный; широкимъ кольцомъ сдѣлаетъ она сзади всю массу волосъ, украсивъ ее кольцами, длинною спицей съ бусами и разными другими украшениями. Все это затѣливо, неловко, неудобно и некрасиво, но оригинально; къ некоторымъ лицамъ, пожалуй, и идетъ эта прическа. Но что въ хорошему къ личику не пойдетъ? Красота Китайки такъ оригинальна. Вообразить себѣ красавицу съ выдающимися скулами и узкими глазенками, которыя двумя линиями расходятся въ разные стороны сверху, съ маленькимъ приплюснутымъ носомъ и съ широкимъ, большимъ ртомъ, при корицево-маслянистомъ цвѣтѣ лица. Все это, напротивъ, больше чѣмъ некрасиво; но иногда вы встрѣчаете глаза, которые щурятся съ такимъ ослепительнымъ лукавствомъ, большою рожь смѣется такъ открыто и граціозно, щеки пышутъ свѣжестью, въ движенияхъ природное владство, и вы засмотрите на некрасивую Китайку! Впрочемъ сердце человѣческое какъ острый инструментъ: отъ моря портится, и струны часто издають звуки фальшивые.

Мы бросили якорь; корветъ отсалютовалъ своими двадцатью однимъ выстрѣломъ англійскому флагу и девятью командорскому; наезъ одружили шлюпки; черезъ бортъ полѣзли, какъ тараканы, Китайцы и Китайки; у многихъ были свидетельства отъ бывшихъ прежде здѣсь русскихъ судосъ; пріяни авидисъ даже и въ каютѣ-компаньяхъ, и одна изъ нихъ, маленькая, узкоглазая, съ плутовскимъ взглядомъ, очень бойко распорядилась у насъ: доржала за руки, усаживалась на диванъ, ласково улыбалась, и такъ успѣла всѣхъ опаровать, что мы ей тутъ же, именно ей, отдали свое бѣлье; другая, высокая, въ синей кофѣ, сердито смотрѣла на первую и, казалось, была готова, если не растарать, то по крайней мѣрѣ прибить

ее. Вместе съ Китайцами явился какой-то господинъ въ поношенномъ пальте и съ физиономіей, украшенною уграми и прыщами. Онъ отрекомендовался какъ Русскій, хотя говорилъ не совсемъ правильнымъ русскимъ языкомъ. «Какъ вы попали сюда?» спрашивали мы его. «Это длинная исторія,» уклончиво отвѣчалъ онъ, смотря куда-то въ пространство, какъ будто боясь смотрѣть въ глаза прямо. Въ его взглядѣ было то, что Французы называютъ *louche*. «Я родомъ изъ Тулы, сказалъ онъ, ѣхалъ съ чужими деньгами въ Лебедянь, и у меня эти деньги украли. Заплатить было нечѣмъ, показаться совѣстно, и я бѣжалъ изъ Россіи. Слыхалъ я, что въ Австраліи много золота, что оно тамъ на улицахъ валяется; я отправился туда на англійскомъ суднѣ. Но и тамъ золото не достается даромъ. Теперь я живу здѣсь и занимаюсь часовымъ мастерствомъ.» Вотъ въ короткихъ словахъ его разнасъ. Онъ просилъ, чтобы мы его взяли на Амуръ. Командиръ корвета обѣщалъ; но когда у него спросили, какой онъ покажетъ видъ, если у него спросить въ Николаевскѣ, то онъ куда-то скрылся и больше не явился.

День клонился къ вечеру; было жарко; спертый со вѣвъ сторонъ горами, воздухъ полонъ былъ электричествомъ. По берегу, у города, тянулись цѣлыя вереницы джонковъ; часто раздавался оттуда не гармоническій звукъ гонга, точно палкой колотили по желѣзному листу. Мы съ клинера любовались китайскою флотиліей; иногда мимо кормы проходила тяжелая джонка, народъ толпился на ея палубѣ; на трехъ мачтахъ, смотрящихъ въ разныя стороны и украшенныхъ или флагами, или тоненькими жердями, висѣли вѣровидные рогожные паруса. Отъ каждаго рейка, пришитаго на парусѣ, шли веревки (брасы), и ихъ всѣ вместе держалъ въ рукахъ, какъ опытный кучеръ держитъ вожжи четверни, какой-нибудь полугондоль Китаецъ. А на палубѣ крыша на крышѣ, рогожа на рогожѣ, и множество шалашей. Вся эта тяжелая масса однако ловко дѣйствовала, парусъ послушно поворачивался вокругъ мачты, длинное весло, вмѣсто руля, твердою рукою приводилось въ движеніе съ высокой, поднятой къверху формы. Обыкновенно за такую джонкой слѣдовало нѣсколько маленькихъ додокъ и лодочекъ. Паруса иногда были новы, иногда же дыра на дыръ, заплатата на заплатѣ, такъ что мы невольно удивлялись и спрашивали: во что же вѣтеръ дуетъ?

Смерклося, городъ заблесталъ тысячею огнями; очертанія

зданій исчезли въ общей массѣ горы. Изъ мрака вырывались только яркія звѣздочки и ихъ продолговатыя отраженія въ тихой, спокойной водѣ. По шляпкамъ можно было замѣтить какіе-то летающіе огни и непродолжительный рѣзкій звукъ, точно бѣглый огонь ружейной пальбы; это Китайцы дѣлали чмль-чиль. Но объ этомъ послѣ.

Въ воздухѣ было такъ душно, что надо было ждать грозы; и дѣйствительно, съ наступленіемъ вечера заблестала яркая зарница на горизонтѣ; черныя тучи сходились, сплывались, и грохотали глухимъ громомъ. Около полуночи разразилась настоящая гроза. Но мы были уже коротко знакомы съ здѣшними грозами и не смущались ослѣпительною молніей и страшнымъ громомъ. Одинъ только разъ, когда молнія ударила около нашего клипера, мы на нѣсколько секундъ ослѣпли, точно тысяча орудій залпомъ грянули у самого уха. А мы какъ нарочно расположились спать на верху; дождь промочилъ насъ до костей.

29 августа 1842 года, по Нанкинскому трактату, Китайцы уступили Англичанамъ островъ Гонъ-Конгъ, или *Heang-Keang* (островъ сладкихъ потоковъ). На островѣ, кромѣ небольшой деревеньки, не было ничего. Онъ одинъизъ большихъ острововъ, находящихся при устьѣ Чу-Кіанга, и имѣетъ въ длину восемь миль, въ ширину въ иныхъ мѣстахъ три, а въ иныхъ шесть миль. Берега его изрѣзаны бухтами и мысами. Островъ гористъ и обрывистъ у береговъ, и изборожденъ безчисленными оврагами, которые наполнены громадными обломками; обломки эти или смыты дождевою водой, или упали въ до-историческую эпоху съ вершинъ горъ. Овраги богаты водой, и этому обязанъ островъ своимъ благозвучнымъ именемъ. Во время дождей, потоки, сходя живаемые гранитами, собираются въ озера; озера выступаютъ изъ береговъ, и съ невыразимою быстротой, падаютъ съ горъ и скалъ. Въ 1845 году, одинъ изъ такихъ потоковъ чуть не смылъ города Викторіи, произведя страшныя опустошенія. Самая большая долина на островѣ—*Ванъ-не-Чонъ*, что значитъ Счастливая Долина. Она въ двухъ миляхъ отъ города; въ ней однако меньше десяти десятинъ. Сперва Китайцы воздѣлывали на ней рисъ, но почва, разрыхляясь отъ постоянной ирригаціи, грозила превратиться въ гнѣздо заразительныхъ міазмовъ. Воздѣлываніе риса запрещено на цѣломъ островѣ, всѣ подозрительныя мѣста высушены, чтобы предупредить злокачественную лихорадку, сразившую въ первые годы занятія острова

ного Европейцевъ. Теперь на Счастливой Долинѣ англійскіе спортсмены, при видѣ своихъ скакуновъ, забываютъ о распостранившемся кладбищѣ, выросшемъ въ недавнее время. Тамъ два памятника невольно останавливаютъ вниманіе; на одномъ вырѣзано имя *майоръ Поттингера* (major Pottinger), на другомъ имя *Мориссона*, сына знаменитаго доктора, котораго пшлюли пользуются такимъ почетомъ у нашихъ барынь.

Климатъ Гонъ-Конга не можетъ назваться приятнымъ. Онъ равно нездоровъ, какъ для Европейца, такъ и для Китайца. Въ юль и августъ (самые жаркіе мѣсяцы) maximum температуры +94° по Фаренгейту, и minimum +80. Разница дневной и ночной температуры 10°. Воздухъ такъ сухъ, что едва можно дышать, и вовсе нѣтъ тѣни, которая бы умѣряла силу падающихъ перпендикулярно солнечныхъ лучей. Всѣ путешественники согласны, что даже и подъ экваторомъ лучъ солнца не имѣетъ той силы и проникаемости, какъ здѣсь. Недостатокъ растеній, умѣряющихъ рефлексію солнечнаго сіянія, голыя скалы и горы, закрывающія заливъ отъ всѣхъ муссоновъ, вотъ главные причины нездороваго климата. Ни съ чѣмъ не приходилось Англичанамъ такъ упорно бороться, при занятіи этого острова, какъ съ дурными гигиеническими условіями. Въ 1843 году часть войскъ была переведена въ мѣстечко *Вестъ-Пойнтъ* (West-Point), казавшееся болѣе благопріятнымъ для здоровья; но и оно сдѣлалось могилой для большей части войскъ. Лордъ Сальтонъ (Saltoun), тогдашній губернаторъ, принужденъ былъ перенести казармы въ другое мѣсто, а медики совѣтовали совсѣмъ оставить островъ. Самая убыль гранита, шедшаго на постройку города, усиливала массу неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Совпаденіе эпидемическихъ лихорадокъ съ убылью гранита часто бывало замѣчено. Наконецъ возложили надежды на южную сторону острова, какъ болѣе открытую юго-западнымъ муссонамъ, однако и это оказалось невѣрнымъ: войска, стоявшія въ Абердинѣ, еще болѣе пострадали нежели тѣ, которыя были въ Викторіи.

Но Англичане не останавливались. Порохъ рвалъ гранитныя скалы; обломки ихъ, обточенные и сглаженные, складывались въ капитальныя зданія. Скоро вытянулась улица у самаго моря, и китайскіе домики, какъ мухи, облѣпили ее съ восточной стороны. Двѣ купеческія фамиліи, напоминающія богатствомъ и влияніемъ своимъ прежнихъ венеціанскихъ и генуэзскихъ аристократовъ, *Джардинъ* и *Матесонъ* (Jardine and Matheson), стро-

или городъ съ западнаго конца, прозваннаго по имени своихъ основателей, между тѣмъ какъ весь городъ названъ именемъ королевы. Городъ началъ взбираться на гору, и столько былъ вѣры въ блестящую будущность Гонъ-Конга, что страшная цѣна набивалась конкуренціей на эти песчаные и каменистые клочки земли. Это объясняется удобнымъ положеніемъ острова. Находясь въ семидесяти миляхъ отъ Кантона, Гонъ-Конгъ владѣетъ устьемъ Чу-Кіанга. Правительство не могло избрать лучшаго стратегическаго пункта. Видѣсть съ тѣмъ думали, что англійскіе капиталы привлекутъ сюда и всю торговлю Китая съ Европой; въ этомъ однако ошиблись. Ни одинъ изъ китайскихъ капиталистовъ не хотѣлъ переселиться въ Гонъ-Конгъ, ихъ не соблазняла безграничная свобода торговли; она и теперь шла бы черезъ Кантонъ, еслибы не военное время.

Противъ непріятныхъ гигиеническихъ условій были приняты всѣ мѣры, требуемая и филантропіей, и чистымъ разчетомъ, и результаты оказались удовлетворительными. Я уже упоминалъ о высушкѣ низменныхъ мѣстъ, о запрещеніи на всемъ островѣ воздѣлывать рисъ. Около казармъ и домовъ негодяитовъ разведены обширные сады, которые съ каждымъ годомъ разрастаются. При горныхъ потокахъ устроены сдерживающіе ихъ плотины, а водопроводы уносятъ воду въ море. Наблюденія показали, что болѣзненность была болѣе развита между солдатами нежели между торговымъ народомъ; но генералъ Джервойсъ (Jervois) понялъ, какъ много значитъ занятіе дѣломъ, мало интересующимъ человека. Онъ сдѣлалъ много своимъ гуманнымъ обращеніемъ; далъ солдатамъ больше свободы, смягчилъ, на сколько можно было, дисциплину, улучшилъ пищу, и помѣстилъ ихъ просторнѣе; во время скуки и бездѣятствія, онъ старался, чѣмъ и какъ могъ, занимать ихъ и доставлялъ имъ различныя развлеченія. Вообще теперь, можно сказать, Гонъ-Конгъ съ каждымъ годомъ теряетъ свою репутацію не здороваго мѣста, и становится въ общій уровень съ другими мѣстами, находящимися у тропиковъ.

Въ Гонъ-Конгѣ много дико-растущихъ цвѣтовъ. *Ixora coccinea* и лиловый цвѣтокъ *Chirita chinensis* часто украшаютъ дикіе обрывы; разноцвѣтная *Lagerströmia* пестрятъ берега и долины. Замѣчательно, что красивѣйшія растенія въ Гонъ-Конгѣ растутъ на горахъ, на высотѣ 2.000 фут. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая, равно и въ Чусанѣ, тѣ же растенія, по замѣчанію нѣкоторыхъ ботаниковъ, находятс

гораздо ниже. Многіе виды азалеи покрываютъ обрывы скалъ въ 1.500 ф. вышиной, также какъ и красивѣйшее изъ здѣшнихъ растеній *Euryanthus reticulatus*, такъ любимое Китайцами. Оно цвѣтетъ въ февралѣ и мартѣ, около китайскаго новаго года. Китайцы вѣтвями его украшаютъ свои дома. Сорванные бутоны распускаются въ водѣ и сохраняютъ до двухъ недѣль всю свѣжесть и красоту. Изъ этихъ горныхъ цвѣтовъ дѣти составляютъ красивые букеты и продаютъ ихъ за грошовую цѣну. Впрочемъ съ насъ брали по шиллингу. Изъ деревьевъ самое обыкновенное китайская сосна (*Pinus sinensis*), сальное дерево (плодовъ его ни на что не употребляютъ), различные виды *ficus*, наконецъ всевозможные виды бамбука, легкая зелень котораго составляетъ красоту китайскаго ландшафта. Фруктовые деревья: манго, *leechee*, *longan*, *wangpree*, апельсины, лимоны, гранаты и бананы. Ихъ плодами завалены тѣсныя китайскіе рынки. Но покажется довольно. Послѣ скажу нѣсколько словъ о торговлѣ и другихъ болѣе серіозныхъ сторонахъ этой англійской колоніи, а теперь буду описывать свои впечатлѣнія.

На другой день, когда жаръ нѣсколько спалъ, мы съѣхали на берегъ, я и К. У каменной пристани толпилось нѣсколько шлюпокъ, такъ что надо было проталкиваться. Китайки съ лукавою улыбкой смотрѣли на насъ изъ своихъ пловучихъ кибитокъ. У самаго берега шла широкая улица, вся застроенная громадными купеческими домами. Прямо противъ пристани еще желтѣлъ обдѣлываемый обрывъ, и крутые подъемы вели на холмы и террасы. Часто, вмѣсто поперечныхъ улицъ, шли крутыя каменныя лѣстницы съ безконечнымъ числомъ ступенекъ.

Первая улица была, очевидно, капитальною улицей города; вотъ мы и пошли по ней. Европейскіе дома, необыкновенно высокіе, обнесены со всѣхъ сторонъ каменными верандами; часто тянулись огромныя зданія съ высокими оградами, съ портиками, колоннадами. Около одного изъ такихъ зданій разрастался красивыми деревьями молодой садъ: это казармы, которыхъ здѣсь много; онѣ-то смотрятъ издали великолѣпными дворцами. Вообще, дома здѣсь не прячутся въ зелени, какъ въ Сингапурѣ, а гордо высятся своими сѣрыми, массивными стѣнами на террасахъ и уступахъ. Такъ какъ городъ выстроенъ амфитеатромъ по склону горы, то домъ, кажется, стоитъ надъ домомъ, и виденъ весь съ своимъ фундаментомъ и палисадомъ. Много домовъ еще строится. До закладки фундамента

выводятъ легкое строеніе изъ бамбуковыхъ жердей, какъ будто клѣтку для какой-нибудь баснословной птицы; надъ клѣткой дѣлаютъ высокую тростниковую крышу, дающую постоянную тѣнь рабочимъ, и подъ этимъ импровизированнымъ павильономъ начинаютъ уже правильную стройку. Эти клѣтки служатъ также основаніемъ для дѣсовъ, и приводятъ въ недоумѣніе видающаго ихъ въ первый разъ. Скоро по нашей дорогѣ европейскіе дома прекратились, и потянулся рядъ низкихъ китайскихъ домиковъ съ лавками, мастерскими, цирюльнями, кумирнями, вывѣсками, старухами, Китайцами, словомъ, со всемъ тѣмъ, что мы видѣли въ китайскомъ кварталѣ Сингапура. Одна была разница: въ Сингапурѣ не видно женщинъ, а здѣсь ихъ столько, что ими по русской пословицѣ, хоть заборъ подпирай, или прудъ пруди. Вотъ идетъ ихъ цѣлая толпа; впереди коротконогая фигурка, съ рукавами на отлетѣ, съ косою, изогнувшеюся сзади громаднымъ колесомъ, блистающимъ кольцами и бусами. Она семенитъ своими крохотными ножками, на которыхъ болтаются широкія складки короткихъ панталонъ. Передняя что-то скрипитъ на своемъ мудреномъ нарѣчьи, и, какъ видно, она колонновожатый всей толпы. Почти на всѣхъ ярко-синія кофты. А вотъ другая группа, которая тоже не встрѣчалась въ Сингапурѣ. Шестъ Китайцевъ, съ связанными вмѣстѣ въ одинъ узелъ косами, и при нихъ одинъ полицейскій. Видно не даромъ. Если они что-нибудь украли, то надѣнуть имъ страшно-тяжелыя цѣпи на руки и на ноги и выгонять на тропическое солнце ломать камни, копать землю, и не скоро освободятся они отъ этого безпокойнаго убора. А если сдѣлали что-нибудь похуже,—придушили, на примѣръ, какого-нибудь беззащитнаго негоціанта,—то и съ ними не задумаются сдѣлать то же самое.

Въ Гонъ-Конгѣ всякая вина Китайца виновата, да иначе городу Викторіи нельзя было бы и существовать. Все китайское народонаселеніе состоитъ изъ нищихъ, бродягъ и мелкихъ прожектеровъ: они лавочники, слуги, носильщики; поэтому нигдѣ нѣтъ болѣе строгой и бдительной полиціи. Какъ только начинается смеркаться, на каждомъ углу зажигается фонарь, и безчисленные полисмены, съ заряженными карабинами и пистолетами, являются на улицахъ. Ни одинъ Европеецъ не пойдетъ за городъ безъ оружія. Еще до настоящей войны, какъ Гонъ-Конгъ, такъ и Макао и европейскій кварталъ въ Кантонѣ, не были совершенно безопасны. Либеральные мандарины

важныхъ провинцій Небесной Имперіи не хотятъ знать трактатовъ имперіялистовъ съ Европейцами: въ душѣ ихъ только ненависть и преслѣдованіе. Говорятъ, будто въ эту ненависть они не включаютъ Русскихъ; но этому трудно вѣрить: достаточно быть Европейцемъ, чтобы въ Китаѣ быть отравленнымъ или зарѣзаннымъ, особенно если кто не силенъ и безоруженъ.

Нѣсколько разъ пытались они открытою силой свергнуть власть пришельцевъ; но возстанія ихъ (какъ напримѣръ въ Макао) не удавались. Многіе кровавые эпизоды ясно изобличили враждебное чувство; стѣбитъ только вспомнить убійство Амарая. Бомбардированіе Кантона и занятіе его европейскими войсками еще болѣе возбудили фанатизмъ патріотовъ; скоро 25.000 Китайцевъ (изъ 80.000) удалились изъ Гонь-Конга. Слуга бросалъ своего господина, а если оставался, то конфисковалось его имѣніе, и всѣ его родственники (хотя бы въ десятомъ колѣнѣ), находившіеся внѣ Гонь-Конга, отыщали за него тѣломъ и деньгами. Головы Европейцевъ были оцѣнены; толпы бродили по деревнямъ и старались напасть на беззащитнаго Европейца, чтобы за голову его взять значащую по таксѣ цѣну. Въ одинъ день всѣ Европейцы Гонь-Конга съ своими китайскими слугами были отравлены; но отравленіе не удалось, хотя оставило за собою страшный слѣдъ въ болѣзняхъ. Контрибуцію въ четыре милліона рублей мандарины начисто отказались выплатить. Англичане знаютъ мѣста, гдѣ бываютъ сходки патріотовъ, знаютъ жилища мандариновъ, словомъ и деньгами поддерживающихъ эту страшную народную войну; по временамъ нападаютъ на нихъ и разоряютъ ихъ дома и деревни. Дней за пять до нашего прихода разорена была деревня, въ которой рѣшено было отравленіе Европейцевъ. Недѣли двѣ тому назадъ, Китайцы пытались выгнать Европейцевъ изъ Кантона; они пошли даже на приступъ, но, какъ совершенные дѣти, точь-въ-точь повторили маневры Англичанъ, употребленные ими при штурмѣ. Конечно, эта попытка кончилась ничѣмъ.

Но частныя убійства продолжаютъ. Недавно зарѣзали двухъ англійскихъ офицеровъ и одного французскаго капитана; другой французскій капитанъ съѣхалъ съ вооруженною командой на берегъ, отыскалъ отъ мѣста убійства на всѣ четыре стороны по сту шаговъ, и на этомъ пространствѣ вырѣзалъ все и всѣхъ, не щадя ни возраста, ни пола. Чѣмъ-то все это кончится? Придетъ ли то время, когда Китаецъ скажетъ Европейцу:

Que celui à qui on a fait tort, te salué!

Какъ французскіе, такъ и англійскіе офицеры сочли за нужное предостеречь насъ, чтобы мы не спускали на берегъ команды и сами не ѣздили безъ револьверовъ; по русской безопасности, мы долго не рѣшались на такое воинственное украшеніе и продолжали прогуливаться съ бамбуковыми тросточками въ рукѣ, вмѣсто всякаго оружія.

Восточный конецъ главной улицы сначала занятъ магазинами, а тамъ опять идетъ китайщина; частые переулки лѣстницами поднимаются въ гору и полутемными корридорами сходятъ къ рейду; они часто такъ узки, что, кажется, можно подать другъ другу руку изъ противоположныхъ оконъ; поперекъ этихъ корридоровъ протянуты бамбуковыя жерди съ растопырившимися на нихъ рубашками и синими кофтами. Идетъ по улицѣ китайскій фигаро, цирюльникъ съ коромысломъ на плечѣ; а на коромыслѣ, съ одной стороны, выкрашенный шкапикъ, съ туалетными принадлежностями (на этотъ шкапикъ и сѣсть можно); съ другой, родъ кадучки съ водою. Хотите, остановите его, и онъ вамъ тутъ же обрѣтетъ бороду, голову, вычиститъ уши и будетъ бить васъ въ продолженіе часа по спинѣ, чѣмъ доставитъ, по-китайски, неизяснимое удовольствіе. Этого удовольствія я не испыталъ, а часто видалъ Китайцевъ, подвергавшихся этой операціи. По щурившимся глазамъ и по выраженію какого-то сладостнаго упоенія въ мягкихъ, круглыхъ чертахъ сонливой фizioноміи, можно было заключать, что претерпѣвавшему эту операцію очень пріятно. Встрѣтите еще толпу людей въ длинныхъ халатахъ, въ клеенчатыхъ, высокихъ колпакахъ, формой усѣченного конуса; лица ихъ полны, кожа точно пергамень; большіе черные глаза на выкатѣ, усы растутъ впередъ, и бакенбарды узкою, черною полосой идутъ отъ рта къ ушамъ. Всѣ они смотрятъ откормленными индюками: это Парси или Фарси, то-есть Персіане, купцы, торгующіе большею частію опиумъ.

Едва-едва плетется старушонка, опираясь на высокую палку; но не отъ старости слаба ея походка: взгляните на ноги, — точно коровье копыто... Вотъ онъ настоящія *small feet*, маленькія ножки — первое условіе красоты Китайки! Старушка была когда-то большая модница, а теперь глубокія морщины избородили прежде свѣжее и, можетъ-быть, красивое лицо. Ее окружаютъ мальчишки, шаловливые и шумливые, какъ и вездѣ, и можетъ-быть теперь насмѣхающіеся надъ ея изуродованными ногами. На улицѣ не видно экипажей; кто не хочетъ идти пѣшкомъ, беретъ паланкинъ, и два кулія, какъ двѣ

искутомимыя лошади, носятъ его (за полъ-доллара) съ утра до вечера, съ горы на гору, очень рѣдко останавливаясь для отдыха. Эти паланкины встрѣчаются на каждомъ шагу; иногда они закрыты со всѣхъ сторонъ, и черезъ сквозящія жалюзи можно рассмотреть сидящую тамъ женщину. Другіе совершенно открыты: тамъ сидитъ какой-нибудь длинноногій Англичанинъ, поднимая ноги выше головы. Въ этихъ паланкинахъ очень покойно; упругія, бамбуковыя жерди, на которыхъ ихъ носятъ, имѣютъ пріятную эластичность и слегка покачиваютъ сѣдока. Кули идутъ мѣрнымъ шагомъ, не дѣлая неровныхъ движеній. Въ Гонь-Конгъ попадаютъ и Индусы; что они здѣсь дѣлаютъ, не знаю, но своими костюмами и бронзовыми фигурами они живописно пестрятъ улицу, и съ удовольствіемъ останавливается на нихъ взоръ, утомленный однообразіемъ китайскихъ фигуръ.

Мы долго гуляли, заглядывали въ лавки и въ мастерскія, часто останавливались при видѣ куріозныхъ вещей китайской работы изъ слоновой кости, пахучаго дерева и серебра. Видѣли рисунки на рисовой бумагѣ; ихъ продаютъ цѣлыми альбомами; въ одномъ все птицы, нарисованныя со всевозможною отчетливостію, въ другомъ—цвѣты, въ третьемъ—костюмы; исторія какого-нибудь китайскаго мандарина, начиная съ рожденія его до самой смерти. Есть и такіе альбомы, которыхъ въ присутствіи дамы раскрыть невозможно; здѣсь фантазія Китайцевъ разыгрывается до *pas plus ultra*. Всѣ эти рисунки имѣютъ мало художественнаго достоинства; но въ нихъ нельзя не увидѣться яркости и живости красокъ.

Переулками взобрались мы наверхъ; тутъ уже не было лавокъ, дома смотрѣли пріютами частной жизни; потянулись сады, перебрасывающіе густую зелень вѣтвей черезъ ограды. Мѣстность, расположенная амфитеатромъ, очень способствовала образованію террасъ и площадокъ, которыми пользовались, чтобы насадить деревья и построить домъ. Красивыя виллы столпились у довольно обширнаго оврага, въ которомъ было столько зелени, что ни въ одномъ мѣстѣ не проглядывало изъ-за ней каменистое дно; изъ этого моря густой растительности, какъ острова, выглядывали крыши домовъ своими угловатыми формами. Одно широко-разросшееся, вьющееся растеніе, съ широкими листьями и большими бѣлыми цвѣтами, покрывало своею сѣткой цѣлыя деревья, гирляндами перекидывалось съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на кустарникъ, покрывало каменную ограду, охвативъ ее въ

разныхъ мѣстахъ богатую, зеленою массою. Въ одномъ мѣстѣ красовался китайскій домикъ съ оригинальною крышею, со вадернутыми кверху углами; домикъ смотрѣлъ игрушкой, окруженною со всѣхъ сторонъ цвѣтами и зеленью. По дну оврага шелъ каменный водопроводъ. Проходя обдѣланною дорогою по окраинѣ оврага, мы видѣли большой каменный резервуаръ около котораго рабочіе еще постукивали кирками и молотками. Мы были почти на самой возвышенной точкѣ города; надъ нами стояли горы, съ кусками разбросаннаго гранита и рѣдкою зеленью; кое-гдѣ виднѣлся домикъ, съ окружавшимъ его садомъ; у ногъ нашихъ, лѣстницей, спускались къ водѣ дома террасы и сады; на рейдѣ, между стоящихъ большихъ судовъ двигались сотни лодокъ; за судами тянулись горы, сначала низкія желто-красныя, точно брустверы укрѣпленій; далѣе горы поднимались выше и выше; рѣзкія ихъ очертанія сглаживались и скруглялись; онѣ обхватывали рейдъ со всѣхъ сторонъ, то раздвигаясь, то стѣсняясь; проливъ смотрѣлъ озеромъ, онъ былъ тихъ и невозмутимъ, и въ гладкой его поверхности отражались и столпившіяся около него со всѣхъ сторонъ горы, качавшіяся на немъ суда, и тысячи лодокъ, и небо, освѣщенное теплымъ лучемъ заходящаго солнца.

Обогнувъ небольшой зеленый холмъ, мы увидѣли губернаторскій домъ, стоящій на горѣ, покрытой прекраснымъ англійскимъ садомъ. Громадный домъ смотрѣлъ дворцомъ; на всѣхъ его стороны выходили фронтоны, поддерживаемые десятью или двѣнадцатью іоническими колоннами; плоская крыша, большія окна, высокая, каменная ограда, съ массивными воротами, под аркой которыхъ ходило нѣсколько солдатъ въ красныхъ мундирахъ, съ ружьями. На дворѣ зеленѣлъ обширный скверъ, съ широковетвистымъ деревомъ по срединѣ, съ цвѣтами и клумбами, разбросанными въ живописныхъ группахъ; наконецъ обширная терраса, смотрящая на рейдъ и спускающаяся широкими каменными ступенями, съ тяжелыми балюстрадами, въ густую зелень красиво-разросшагося сада. Не вдалекѣ, на небольшой площадкѣ, рѣзвились дѣти, Англичане, съ своими китайскими нянюшками; нѣкоторыхъ возили въ маленькой колясочкѣ; одна бѣленькая дѣвочка, съ большими голубыми глазами, каталась на ослѣ, и няня ея, небольшого роста Китайка, въ опрятной голубой кофѣ, шла около нея. Между этихъ красиво-разряженныхъ малютокъ, какъ-то замѣшался ребенокъ-Китаецъ; на затылкѣ его болталась миниатюрная коса, и

бѣлая блуза, съ широкими шароварами, дѣлала изъ него пресмѣшную фигурку. Но смѣхъ его также былъ звонокъ, та же невинная прелесть сіяла въ его ясныхъ, хотя немного узкихъ глазахъ. Долго любовались мы дѣтьми, игравшими, прыгавшими и оглашавшими воздухъ своими звонкими голосами, которые такъ живительно дѣйствуютъ на того, кто ихъ долго не слышалъ.

Но пора было идти дальше. Дорога, обогнувъ дворъ губернаторскаго дома, спускалась зигзагами по горѣ. Уступомъ ниже красовалась хорошенькая башня готической церкви, еще не конченной; шпицы ея и стрѣлчатые окна ярко обозначались на однообразномъ фонѣ европейскихъ зданій. Еще уступомъ ниже, и мы были на обширномъ скверѣ, продолжающемся до самаго рейда; аллеи молодыхъ деревьевъ протянулись на немъ въ различныхъ направленіяхъ. Здѣсь на скверѣ бывають гулянья, играетъ полковая музыка, и англійскіе офицеры, въ безукоризненно-чистомъ бѣлѣ и бѣлыхъ панталонахъ, въ красныхъ легкихъ блузахъ и въ шляпахъ съ вентиляторами, чинно двигаются взадъ и впередъ, рисуясь на зеленомъ коврѣ газона.

На другой день я обѣдалъ у губернатора, сэръ-Джона Бауринга. Мы (нашъ капитанъ и я) отправились въ половинѣ седьмаго въ паланкинахъ, по дорожкамъ, обвивающимъ спиралью высокій холмъ, на которомъ возвышается красивый губернаторскій домъ. Внутреннее его расположеніе и убранство вполне соотноѣтствуютъ его внѣшнему виду. Рѣдко случалось мнѣ видѣть большее великолѣпіе, соединенное съ комфортабельностью и вкусомъ. Обыкновенно, великолѣпіе не прельщаетъ: смотришь на пестроту раззолоченныхъ стѣнъ, на аншладу мраморныхъ залъ, всему удивляешься, но чувствуешь себя какъ бы на улицѣ. А здѣсь ощутишь присутствіе жилья, увидишь слѣды личнаго вліянія; увидишь, что эти потолки изъ краснаго дерева съ золочеными арабесками сдѣланы съ цѣлю: они развлекаютъ взглядъ хозяина, утомленный вѣчнымъ видомъ моря и пустыннаго острова; огромныя залы, съ наружными верандами, даютъ постоянную прохладу, массивныя двери, ворота пропускаютъ вольную струю воздуха, и великолѣпный дворецъ становится гораздо пріятнѣе; чувствуешь, что пришелъ къ человѣку, для котораго эта роскошь и великолѣпіе необходимы. У Бауринга одна изъ тѣхъ физіономій, типъ которыхъ теперь довольно рѣдокъ. Тонкія черты его худощаваго, старческаго

лица выражаютъ то самодовольство, которое развивается въ видствіе не даромъ прожитой жизни, вслѣдствіе богатства, высокаго положенія въ обществѣ, и такъ далѣе. Въ молодости своей онъ былъ въ Петербургѣ, занимался русскимъ языкомъ и перевелъ отрывки изъ нашихъ поэтовъ на англійскій языкъ, за что получилъ отъ императора Александра I-го перстень. Послѣ онъ, кажется, былъ представителемъ въ нижней палатѣ мѣстечка Болтонъ, гдѣ поднялись первые вопросы о свободѣ хлѣбной торговли. Гизо говоритъ о немъ: «Баурингъ—остроумный экономистъ, человекъ дѣятельный, говорливый, неутомимый, всегда старавшійся представлять на разсужденіе палаты факты и заключенія, клонящіяся въ пользу свободы торговли, которую онъ ревностно защищалъ. Филантропическій жаръ его находилъ обыкновенно сильную поддержку въ томъ энергическомъ шумѣ, съ какимъ онъ дѣлалъ добро.» Мнѣніе здѣшняго общества почти сходится съ этимъ опредѣленіемъ. Онъ постоянно занятъ науками и древностями, и на дѣла англо-китайскія, съ пріѣздомъ лорда Эльджина, мало имѣетъ вліянія. Между тѣмъ, заключенный имъ трактатъ съ Сіамомъ утвердилъ за нимъ репутацію искуснаго дипломата. Къ обѣду пришли его дочери, три блѣдныя миссъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ признаками пошатнушагося здоровья на исхудалыхъ лицахъ; мнѣ досталось вести одну изъ нихъ къ столу и занимать ее во время обѣда; широкія двери растворились à deux battants, и мы вошли въ обширную столовую, съ портретомъ во весь ростъ Георга IV. На столѣ блестяли серебро и хрусталь. Надъ каждою свѣчой устроенъ былъ хрустальный колпакъ, чтобы не задувало ее качавшимся надъ столомъ вѣтромъ. Вина были въ хрустальныхъ кувшинахъ, завернутыхъ въ мокрыя салфетки. Въ водѣ былъ ледъ, который привозятъ въ Гонъ-Конгъ изъ Америки. Цвѣты и плоды довершили убранство стола. Въ залѣ было почти прохладно. О кушаньяхъ говорить нечего, все au naturel, и все превосходно. Скоро завязался общій разговоръ. Хозяинъ заговорилъ о Россіи. Воспоминанія его перенесли меня ко временамъ *Арзамаскаго общества*. Онъ разказывалъ о *другѣ* своемъ, Карамзинѣ, и говорилъ съ восторгомъ о Державинѣ. О новой русской литературѣ, начиная съ Пушкина, онъ не имѣлъ понятія. Для насъ это былъ человекъ минувшаго, пришедшій послѣ сорокалѣтняго сна разказывать о томъ, что онъ еще видѣлъ засыная,— хотя онъ на эти сорокъ лѣтъ засыпалъ только для русской литературы. Сидѣвшая около меня миссъ пояснила мнѣ причину

бѣдности своего лица: они всѣ, съ домочадцами (несмотря на то, что эти домочадцы были Китайцы), въ одинъ прекрасный день встали отравленными... Не доложили ли отравитель яду, или какимъ-нибудь другимъ образомъ испортилъ дѣло, только, къ счастью, отравленіе не удалось. Жена Бауринга, съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхала въ Англію, дочери выходились. Прабаблю еще по секрету, что злые люди сомнѣваются въ справедливости этой исторіи, будто бы выдуманной богатою фантазіей доктора. Впрочемъ, ничего нѣтъ мудренаго; въ Гонъ-Конгъ все можетъ случиться. Послѣ объѣда собрались въ салонъ, барышни являли свое искусство: одна пѣла, другая играла на клавикордахъ. Часу въ одиннадцатомъ мы возвратились домой. Кули (носильщики) пошли прямою дорогою, по узкой тропинкѣ, подзущей между бамбуками и кустарничками; сходить было довольно круто; задній кули напиралъ на передняго, который, какъ сильная лошадь, сдерживалъ на плечахъ своихъ тяжесть паланкина. Въ травѣ и зелени тысячи стрекозъ и кузнечиковъ трещали и звенѣли, а тамъ, наверху, на безконечномъ небосклонѣ, сіяли міриады звѣздъ разнообразнымъ блескомъ; за горами сверкала зарница, и городъ спалъ въ тишинѣ и спокойствіи; попадались одни полисмены съ заряженными ружьями. Хорошо однако спокойствіе!

Между тѣмъ введеніе въ докъ нашего клиппера было окончательно рѣшено; онъ потекъ еще въ Южномъ Океанѣ. Время и мѣсто благопріятствовали, надо было пользоваться. Въ мѣстечкѣ Вампу, или Вампуа, есть нѣсколько доковъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, а до Вампу 60 миль. Намъ рекомендовали доки Купера, и вотъ самъ Куперъ явился на клипперъ и торопился скорѣе выходить изъ Гонъ-Конга.

Куперъ, маленькій человекъ, съ краснымъ носомъ, рыжеватыми бакенбардами, и глухой отъ солнечнаго удара, принадлежитъ къ разряду людей, составляющихъ себѣ трудомъ, предприимчивостью и энергіей большія состоянія. Эти люди становятся выше случайности, и неудачи только подстрекаютъ ихъ къ большей предприимчивости. Еще отецъ его выстроилъ въ Вампу доки, изъ которыхъ два были каменные; но въ прошломъ году оба дока съ чинившимися въ нихъ двумя фрегатами, были сожжены Китайцами. Банкротство готово было развиться надъ Куперами, но они не унывали. Немедленно заложень былъ новый докъ. Всѣ лучшіе мастеровые оставили ихъ,

потому что мандарины грозили имъ разореніемъ семействъ казнями въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, если они останутся у Купера. Наконецъ, лодка съ двѣнадцатью гребцами подвѣзаетъ къ блокшиву, на которомъ жилъ Куперъ; спрашиваютъ старика хозяина, говорятъ, что имъ нужно видѣть его самого; чтобы передать въ собственныя его руки очень важное письмо. Обманутый старикъ выходитъ, его хватаютъ связываютъ, и лодка быстро уходитъ, сопровождаемая отчаяннымъ крикомъ оставшагося семейства. Съ тѣхъ поръ никакой вѣсти не приходило о старикѣ; убитъ ли онъ, находится ли въ заключеніи, неизвѣстно. Жена его, не смѣя убѣдиться въ чемъ-нибудь рѣшительномъ, мучится неизвѣстностію и тайною обманчивою надеждою. Но сынъ его не унывалъ. Несмотря на то, что голову его оцѣнили въ 4000 піастровъ, онъ кончилъ каменный докъ и вводитъ въ него (ромъ какъ и въ пять земляныхъ доковъ) судно за судномъ; дня не проходитъ праздно. Китайскіе рабочіе, за грошовыя цѣны, копошатся и хлопчутъ съ утра до вечера, таская мачты, работы шпилей, вбивая деревяннымъ молотомъ въ разошедшіеся пазы конопатку и съ изумительною быстротою мѣняютъ мѣдную обшивку судна. Маленькій Куперъ смотритъ между ними главнокомандующимъ. Какъ боятся его клерки, съ какимъ почтеніемъ подходитъ къ нему какой-нибудь старшина плотникъ Китаецъ съ заячьей губой!... Куперъ серьезенъ и не краснорѣчивъ; его боятся, слушаются, а между тѣмъ каждый изъ этихъ Китайцевъ знаетъ, что можетъ взять за его рыжую голову 4000 піастровъ. При такомъ настойчивомъ преслѣдованіи цѣли дѣла Купера поправляются. Сгорѣвшіе доки и фрегаты, за которые ему пришлось платить, отдалила его возвратъ на родину на нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ долженъ погасить долгъ. Онъ недавно женился; но и тутъ ему неудача жена его не доносила перваго ребенка, выкинула и вскорѣ умерла.

Этотъ-то Куперъ, въ бѣлой курткѣ, съ заряженными пистолетами въ карманахъ (безъ нихъ онъ никуда не ѣздитъ) явился къ намъ на клипсеръ, торопя идти, чтобы воспользоваться водою на барѣ и попутнымъ теченіемъ во время прилива. Нашъ компрдоръ (оставщикъ провизіи) Атонъ привезъ своего брата Уошъ, который долженъ былъ идти съ нами въ Вампу и доставлять все, что намъ нужно. Атонъ, при про-

цены, сказалъ, что Вампу—«not good», и пальцемъ провелъ поперекъ горла. Лоцманомъ былъ тоже Китаецъ.

II.

Августа 6-го, часу въ третьемъ по полудни, пары были готовы, и мы снялись съ якоря. Не успѣли отойти нѣсколько саженой, смотримъ догоняетъ насъ шампанка; это были наши прачки, не успѣвшія привезти намъ нашего бѣлья. вмѣстѣ съ бѣльемъ очутилась и вертлявая прачка на клипперѣ, и объявила решительное намѣреніе идти съ нами. Такимъ образомъ Китаецъ расположилось на палубѣ нашего клиппера довольно. Каждый изъ нихъ везъ свои вещи и свою пищу. Въ узелкѣ прачки, который мы развязали, былъ цѣлый новый костюмъ, панталоны, блуза, пара маленькихъ башмаковъ на толстой подошвѣ и довольно большая связка чоховъ (чохи или коши, иди деньги, единственная китайская ходячая монета). «Баба не судитъ не къ добру», вѣроятно подумалъ не одинъ матросъ.

«Ваше благородіе, сказалъ мнѣ таинственно М., вѣдь у всѣхъ этихъ Китаецевъ подъ рубашкой пистолеты.»—Ты хочешь заешь?—«А я нечаянно увидалъ, вотъ у этого, что косу обмоталъ вокругъ своей бритой башки; а у другаго мы тайно приподняли сзади рубашку, и тоже пистолеть висить.» Чѣмъ же это за воинственная сторона Вампу, думалъ я, если и Китаецы вооружаются? Мы шли проливами, между островами.

Низкогда еще машина наша такъ хорошо не дѣйствовала; она какъ будто интересничала съ Куперомъ, желая показаться во всей своей красотѣ. Китаецъ-лоцманъ рукой дѣлалъ знаки рулевому, матросный офицеръ спѣшилъ переводить эту мимику на команду: «справа, одерживай», и пр. Китайка-прачка, въ невинности сердечной, не подозревая всей важности шканецъ, усѣлась подъ баркасъ и принялась кушать свои патентованные пироги, и послѣ этого сарылась за рубкой. Всегда строгаго, военного вида, клипперъ какъ будто разсмѣялся на этотъ разъ. Справа и слѣва тѣсные проливы горы, голыя, однообразныя, холмовидныя, то расходясь, то сближаясь. Изрѣдка виднѣлось жилье, какая-нибудь лачуга съ деревомъ, на водѣ качающаяся джонка съ подобными рогожными парусами и съ краснымъ флагомъ о нѣсколькихъ концахъ. Наконецъ слѣва море расчистилось, съ другой стороны холмистыя громады образовали живописную пер-

спективу, и заходящее солнце не замедлило разлить на все свое теплое, волшебное освѣщеніе. Вдали засинѣло; фіолетовые края горъ подергивались матовою пеленой; и отражавшійся въ тихой глади водъ свѣтъ солнца началъ нестерпимо рвать глаза. Еще мгновение,—и все облилось ровнымъ мягкимъ свѣтомъ; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжбе; отдаленныя горы стали исчезать; на другихъ неровности сглаживались въ ровныя массы; только небо долго еще переливалось безконечными отѣнками волшебныхъ, не имѣющихъ названія цвѣтовъ. Цѣлые ряды бамбуковыхъ мачтъ отъ китайскихъ лодокъ, выѣхавшихъ на рыбную ловлю, въ стройномъ порядкѣ виднѣлись справа и слева. Скоро вошли въ Чу-Кіангъ. Луна должно выказывала очертанія береговъ. Но вотъ у насъ передъ глазами выросла скала, по сторонамъ приблизились къ ней возвысившіеся, крутые берега; по нимъ, какъ бѣлою лентой, обвивались стѣны укрѣпленій. Это знаменитая Тигровая Пастъ (Восса tigris), страшное китайское укрѣпленіе, бойницы котораго впрочемъ нѣсколько разъ были разрушены Англичанами. Никакой флотъ не могъ бы пройти здѣсь, еслибы кто другой, а не Китайцы защищали этотъ проходъ. Въ 1847 году одинъ бригъ и три парохода, съ 900 человекъ команды, разрушили всѣ укрѣпленія и заклепали на нихъ 879 пушекъ! По близости должна быть бухта, въ которой прежде останавливались суда, нагруженныя опиумъ, и гдѣ скрывалась эта китайская контрабанда. Я спрашиваю лоцмана, гдѣ эта бухта, и онъ пальцемъ указываетъ мнѣ направо, гдѣ въ темнотѣ я, конечно, ничего не вижу.

За Тигровую Пастью берега рѣки опять раздвинулись и исчезли во мракѣ. Идемъ, смотримъ, впереди огонекъ. «Рыбакъ!» говорятъ всѣ: «Рыбакъ», подтвердилъ Куперъ и лоцманъ. Идемъ ближе; оказывается идущая навстрѣчу канонирская лодка... «Право на борту!» но уже поздно. «Всѣ люди прочь съ праваго борта!» и вслѣдъ за этимъ трескъ столкновенія. Канонерка не имѣла фонаря на марсѣ, чѣмъ и ввела насъ въ заблужденіе. Съ канонерки послышались выразительныя *тод-демъ*, дали задній ходъ и разошлись благополучно. «Не даромъ баба на суднѣ!» почли долгомъ замѣтить нѣкоторые.

Часу въ 1-мъ пополудни бросили наконецъ якорь близъ Вампу. Вскорѣ на клипперѣ все успокоилось; загушили машину; пропѣли свою извѣстную пѣсню выкачивающія изъ трюма воду паровыя *донки*; подвахтенные захрапѣли на кубрикѣ, и тишина, изрѣдка прерываемая боемъ склянокъ, да ко-

ротыми замѣчаниями вахтеннаго офицера, распространилась по всему клипперу.

На другой день утромъ мы ясно рассмотрѣли мѣстность. Мы стояли въ рѣкѣ, катившей свои желтыя волны между холмистымъ берегомъ съ одной стороны и отлогимъ съ другой; сама рѣка дѣлилась на нѣсколько рукавовъ, такъ что трудно было опредѣлить ея главное ложе. Отлогій берегъ, находившійся у насъ справа, составлялъ довольно большой островъ; широкое водяное пространство отдѣляло его отъ идущихъ въ даль луговъ, озеръ, холмовъ, увѣчаныхъ рѣдко-растущими лѣсами, наконецъ отъ горъ, исчезающихъ въ прозрачной воздушной перспективѣ. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлась островерхая башня, возвышающаяся между зеленыхъ густыхъ деревьевъ, гдѣ можно было разглядѣть довольно большое поселеніе. У подножія отдаленной возвышенности долженъ былъ находиться Кантонъ.

Отлогій берегъ начинался длиннымъ рядомъ сѣрыхъ домиковъ, построенныхъ на сваяхъ, подъ которыми Чу-Кіангъ заплескивалъ свои волны во время прилива. Домики стояли плотно другъ подлѣ друга; не было малѣйшаго пространства, намекашаго на улицу или переулокъ. Въ тѣни навѣсовъ, между сваями, стояли сотни лодокъ, привязанныхъ къ бамбуковымъ шестамъ; можно было сказать навѣрное, что половина народонаселенія жила на водѣ; всѣ эти лодки имѣли до трехъ и четырехъ крышъ, устроенныхъ такъ, что среднія стояли выше крайнихъ: внутри лодокъ цѣлый домъ, съ божками и цѣлымъ хозяйствомъ, съ дѣтьми, привязанными, какъ обезьяны, на веревочкахъ, чтобы не падали въ воду. Всѣ домики были похожи одинъ на другой; отъ каждаго висячая лѣстница, сходящая прямо на воду. Взойдя по лѣстницѣ, вступишь на живой мостикъ изъ нѣсколькихъ дощечекъ, а потомъ опять лѣстница. Во время отлива, кругомъ этихъ лодокъ увидите разную дрянъ, выброшенную вонь, и собакъ, промышляющихъ себѣ пропитаніе; увидите оставшіяся на мели лодки, а иногда Китайнокъ, стоящихъ немного поодаль въ водѣ по грудь, и выжимающихъ изъ своихъ черныхъ косъ прохлаждающую влагу. Между домиками на берегу отличался одинъ своими бѣлыми стѣнами и зеленымъ деревомъ, разросшимся около него. Я вспомнилъ наши длинныя, однообразныя села, и домъ сельской расправы съ вѣчнымъ зеленымъ деревомъ по близости, и это воспоминаніе повлекло за собою вереницу подробностей; припомнился и домикъ подъ вывѣской двуглаваго орла, и какой-нибудь дядя

Акимъ, перебранивающійся черезъ улицу съ теткой Акулиной, и плачущая Матрена, съ перетянутымъ подъ мышками передникомъ, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, наконецъ кучерь, сельскій Донъ-Жуанъ, отмахивающій на балалайкѣ комаринскую... Но эти воспоминанія скоро исчезаютъ: посмотришь направо, — тутъ остроносый клипперъ съ высочайшимъ рангоутомъ; тамъ толпа бритыхъ Китайцевъ, съ крикомъ, о чемъ-то хлопчутъ на длинной, страннаго вида лодкѣ, — и вспомнишь, что находишься въ иномъ мѣрѣ, далеко, далеко отъ нашихъ сельскихъ картинъ. Въместо запаха свѣжаго чернаго хлѣба, слышишь кунжутное масло, аромать, преслѣдующій путешественника въ Китаѣ. Деревня на Чу-Кіангѣ называется New-Town (Новый Городъ), — какъ видите, названіе чисто англійское. Самый Вампу тянется параллельно Нью-Тауну, только по сѣверной сторонѣ острова; отсюда видна зелень его садовъ и высокая башня нѣкогда знаменитой пагоды; далѣе еще пагода какого-то еще болѣе отдаленнаго мѣстечка, и высокая гора близъ Кантона. Впереди насъ было нѣсколько холмообразныхъ острововъ, уходящихъ въ даль своими мысками, съ рѣдкою растительностью. Налѣво отлогія мѣста между холмами и зелеными, рисовыми плантаціями, орошаемыми высокою водою Чу-Кіанга и кромѣ того обширною системою ирригаціи, въ которой Китайцы очень искусны. Никакое поле, никакой лугъ не блеститъ такою изумрудною зеленью, какъ рисовый посѣвъ.

Мѣстность поднималась, восходя искусственно сдѣланными полукруглыми террасами, на которыхъ неутомимый Китаецъ воздѣлывалъ хлѣбъ и зелень. Мѣстами группы деревьевъ бросали густую тѣнь на гряды; проведенные каналы впускали воду, стекающую съ террасы на террасу, и орошающую гряды и борозды и рисовое поле, находящееся на самомъ низу. Эти низменные пространства, раздѣляемые холмами, очень удобны для доковъ, и этимъ-то воспользовались предприимчивые люди, взявъ въ расчетъ постоянные приливы и отливы рѣки. Здѣсь, въ этой мирной, буколической странѣ, часто видишь военный корабль, возвышающійся изъ-за холмовъ своими мачтами; это судно, разлученное съ своею родною стихіей, обнаженное до самыхъ сокровенныхъ частей, и оставленное для починки. Хладнокровный строитель обдираетъ его мѣдъ, стучитъ молотомъ около самага кия, ломаетъ алтеръштевень, точно какъ опытный хирургъ вводитъ исцѣляющій ножъ въ части человѣческаго тѣла. Около такого судна блѣ-

младенки, и разрастается цѣлое мѣстечко; видны высокіе мѣтсы, крытые листомъ латанія; подъ ними копошатся трудъ и нужда, а изъ высокой трубы клубится черный дымъ, паровая машина быстро выкачиваетъ изъ бассейна воду, на отведение которой въ старину нужно было столько рукъ и силій. На самой рѣкѣ цѣлая флотилія, конца которой и не видно. Всѣ эти суда пришли сюда послѣ бурь и океановъ, искать обновленія. Нѣсколько военныхъ судовъ стоятъ здѣсь постоянно на станціи; въ числѣ ихъ были англійскіе фрегаты *Тисбе* и *Эссистансъ* (*Assistance*, госпитальный пароходъ). Всѣ, имѣющіе здѣсь доки, и служащіе при нихъ, живутъ не на берегу, а на блокшивахъ, что и прохладнѣе, и безопаснѣе. Мѣста же, гдѣ находятся доки и прилежація къ нимъ строенія, отдѣлены высокими бамбуковыми изгородами, и постоянные часовые (изъ Китайцевъ), вооруженные пиками и ружьями, наблюдаютъ за общою безопасностію и тишиною.

Въ первый же день сгрузили съ клиппера орудія и всю тяжесть; слѣдующее утро онъ стоялъ съ обнаженною подводною частію, подпертый съ боковъ и съ низу. Не стану описывать подробностей ввѣдки въ докъ; это дѣло специалистовъ.

Мы стали устраиваться на берегу; сначала рѣшили разбить палатку на горѣ, внѣ бамбуковой изгороди; но всѣ мѣстные жители, даже Китайцы, отсовѣтовали. Дѣйствительно, это было бы неблагоразумно: въ одну прекрасную ночь, мы могли бы быть всѣ перерѣзаны. А между тѣмъ на этой горѣ такъ хорошо продувало, и какой видъ былъ оттуда! На всѣ четыре стороны разливы рѣки, которая широкою лентой обвивала пологіе и холмистые острова, съ ихъ лѣсами, рисовыми плантаціями, красиво-обдѣланными полями съ пизангами и бамбуками вокругъ; разливы и заливы, — *загоулины*, какъ говорятъ матросы, — широкой рѣки виднѣлись далеко; то блеснетъ яркая полоса воды, свѣтлымъ озеромъ надъ поверхностію лѣса, то серебряною полосой врѣжется въ долины, зеленѣющія кустарникомъ. Вдали виднѣется клубящійся дымъ: пароходъ спѣшитъ въ Кантонъ. Тамъ возвышаются высокія пагоды, и зелень сгустилась около нихъ развѣсистыми деревьями, рисовыя поля облегли ихъ правильными изумрудными квадратами. А у ногъ нашихъ первый планъ картины: южный склонъ зеленѣющаго холма, на которомъ видны кресты и памятники европейскаго кладбища. Сколько разъ, во время нашего пребыванія, приносили на этотъ холмъ гробъ, прикрытый флагомъ, и толпа товарищей-

матросовъ сопровождала сюда своего брата, на его послѣднемъ жилищѣ! Залпы ружей нарушали тишину, и съ этимъ залпомъ кончалось все земное для отошедшаго въ лучшій міръ! Кладбище растетъ быстро, климатъ въ Вампу очень нездоровъ; англійскія суда, стоящія здѣсь на станціи, много теряютъ команды отъ лихорадокъ и диссентерій.

Отъ этого грустнаго холма направо, въ ложбинѣ, каменный докъ, изъ котораго теперь видны три наклонныя мачты нашего клиппера. Налѣво, влажное рисовое поле врѣзывается въ рѣчку, и часто по его жидкимъ бороздамъ бредетъ буйволъ, глубоко завязая своими мясистыми ногами въ топкомъ грунтѣ или Китаецъ въ конусообразной шляпѣ, какимъ-то инструментомъ, въ родѣ мотыки, разрыхляетъ и безъ того рыхлую землю. Прямо подъ нами разбросанныя группы деревьевъ, и въ ихъ тѣни полукруглыя террасы, на которыхъ воздѣлывается всякая зелень. Мѣстами бѣлѣютъ китайскія гробницы. Извѣстно, какое почтеніе питаютъ Китайцы къ своимъ мертвымъ. Богатые воздвигаютъ по своимъ усопшимъ высокія пагоды; нѣсколько такихъ пагодъ теперь передъ нами. Бѣдные выстилаютъ камнемъ круглую площадку, обнося ее невысокою стѣной; немного отступя, дѣлается другая ниже, съ небольшими арабесками; обѣ стѣнки упираются въ землю, которая нарочно для этого и обкапывается; на гробницахъ надписи. Каллери свидѣтельствуетъ, что пишется только имя умершаго, династія, при которой онъ жилъ, и годъ смерти. На сѣверѣ Китая, гробницы болѣе разнообразны. Подобныя гробницы здѣсь на каждомъ шагу; онѣ не вмѣстѣ, но разбросаны, и преимущественно по склону холмовъ. Окните разомъ весь этотъ пейзажъ, не забывъ отдаленной цѣпи горъ; представьте себѣ, что мы могли бы любоваться имъ и въ ясное утро, и при великолѣпномъ вечернемъ освѣщеніи,—и вы легко поймете, отчего намъ такъ хотѣлось поставить палатки на холмѣ. Нечего было дѣлать,—расположились близъ дока, у канавъ, въ которыхъ сотни лягушекъ каждый вечеръ составляли концертъ. Въ ложбинѣ, стѣсненной съ трехъ сторонъ холмами, свободнаго воздуха было мало; камни дока накалялись, какъ печка, и жаръ былъ нестерпимый. Никогда не страдали мы такъ отъ жара какъ здѣсь; свободно дышать можно было только утромъ, да вечеромъ, когда садилось солнце, и то еслибы притомъ не было мускитосовъ, которые въ первые же дни надѣ-

или насъ воддырями, разнообразно украсившими все наше

Я нѣсколько разъ упомянулъ о рисовыхъ плантаціяхъ, которыхъ очень много по берегамъ и островамъ Чу-Кіанга; скажу теперь нѣсколько подробнѣе объ этомъ полезномъ растеніи, такъ богато вознаграждающемъ упорный трудъ жителя тропическихъ странъ. Тотчасъ же за нашею изгородью тянулось рисовое поле, и часто, среди нестерпимаго зноя, неутомимый пиляръ, по колѣно влачась по грязи, съ своимъ товарищемъ, буйволонгъ, наводилъ насъ на безконечный рядъ мыслей, дѣлавшихъ нестерпимый зной еще нестерпимѣе.

Земледѣіе въ Китаѣ пользуется съ незапамятныхъ временъ особеннымъ уваженіемъ. Императоръ, какъ сынъ неба, или посредникъ между божествомъ и своими подданными, посвящаетъ три дня на принесеніе жертвъ и молитву; потомъ идетъ на поле, проводитъ первую борозду, и собственною рукою бросаетъ нѣсколько сѣменъ рису, чтобы показать, какое значеніе имѣютъ для государства трудъ и обрабатываніе земли.

Много говорили о совершенствѣ китайскаго хозяйства, но много преувеличили, въ чемъ виноваты миссіонеры, которые не имѣли правильнаго понятія о хозяйствѣ. Имъ вѣрили, какъ единственнымъ людямъ, имѣвшимъ случай проникнуть внутрь страны. Китайцы конечно обогнали Индусовъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, но смѣшно сравнивать ихъ рутинную систему съ рациональнымъ европейскимъ хозяйствомъ. Можетъ ли назваться хозяйствомъ то положеніе дѣлъ, въ основаніи котораго лежитъ не свобода труда, а рабство и страшная, неисходная бѣдность рабочаго? Китайскій работникъ хуже невольника южныхъ Американскихъ штатовъ; того по крайней мѣрѣ порядочно кормить, чтобы поддерживать его физическую силу; Китайцу же даютъ гореть проса, которое тяжелымъ камнемъ ложится на желудокъ, и только обманываетъ разыгравшійся аппетитъ въ ожиданіи слѣдующей порціи.

Почва въ южныхъ провинціяхъ гориста и самого дурнаго качества. Вездѣ видишь разбросанные граниты между тощею растительностію, и все богатство земли состоитъ изъ выжженной содищемъ красной глины, перемѣшанной съ раздробленными кусками того же гранита. Горы пустынные и дики. Пользуются уступами, терассовидными площадками, долинами, чтобы разводить рисъ и другія необходимыя растенія. Эти затрудненія породили сложную систему ирригаціи. Хорошо,

если на горѣ находили озеро. Тогда легко было провести изъ него воду на поля, террасами расположенныя. Но озеро не вездѣ; часто надобно было поднимать воду, и вода поднималась гидравлическимъ колесомъ, распространеннымъ въ Китаѣ. Эти колеса приводятся въ движеніе либо рукою рабочего, либо ногою, либо съ помощію буйвола.

Поле для риса готовится съ весны. Буйволъ тащитъ легкій плугъ, какое-то неотесанное, неуклюжее орудіе, но вѣроятно достигающее своей цѣли вѣрнѣе нежели ангайскіе плуги, которые старались ввести здѣсь въ употребленіе. Пашня должна имѣть твердое глинистое дно; на этомъ основаніи, частымъ орошеніемъ и шестикратнымъ мѣшаніемъ (не говорю паханіемъ), производятъ слой грязи, глубиною не мѣнѣе восьми дюймовъ. Плугъ не забираетъ глубже глинянаго дна, и пахары съ его скотиною находятъ для ногъ своихъ твердую опору. Буйволъ, употребляемый на югѣ, очень хорошъ для этой работы, любя наслаждаться въ грязи, а рабочий, убѣжденный что «никакая скотина больше Китайца не вынесетъ», плетется равнодушный ко всему, за своимъ плугомъ. Послѣ заправки боронятъ поле. Борона дѣлается безъ длинныхъ, раздробляющихъ комки, зубцовъ; рабочий просто становится на нее и давить ее своею тяжестью, между тѣмъ какъ буйволъ тащитъ ее по грязи поля. Цѣль плауга и бороны — перемѣшать все вмѣстѣ и когда образуется сплошная жидкая грязь, равномерно распространить ее по твердому дну. Столько трудовъ употребляется для того, чтобы приготовить грунтъ для молодыхъ рисовыхъ отпрысковъ, которые заблаговременно вырастаютъ на грядкахъ рассадою. Ее осторожно переносятъ на поле и садятъ около двѣнадцати побѣговъ на грядкѣ, отстоящей отъ другой на двѣнадцать дюймовъ. Пересадка совершается съ поразительною быстротою. Первая жатва въ концѣ мая или началѣ іюня; вторая въ ноябрѣ. Пока рисъ растетъ, онъ долженъ быть постоянно въ водѣ: понятно, почему у Китайцевъ такъ развилась система орошенія полей. Поспѣвшій рисъ не нуждается въ орошеніи; за то необходимо лѣтомъ нѣсколько разъ выдолоть его. Поспѣвшій рисъ срѣзываютъ ножами, похожими на серпъ: обыкновенно тутъ же его и молотятъ.

Кромѣ риса, близъ Вампу воздѣлывается сахарный тростникъ, но немного. Китайцы выдѣлываютъ изъ него леденецъ и темный песокъ. Рафинировки они не знаютъ. Въ садахъ

на берегу много фруктовых деревьев: гуавы, манго, кокосы (Coccoloba punctata), лещее, longan, апельсины. Из деревьев, украшавших обширный наш ландшафт, назову кипарисы, баньяны и другіе виды *ficus*; также особенный вид сосны, которую Китайцы называют водяною (*Thuja*), бамбукъ и родъ нашей плакучей ивы, которую Китайцы очень поэтически называют «вздыхающею ивой». По берегу рѣки много водяныхъ лилій и лотосовъ; они разводятся какъ для красоты, такъ и для пользы: корни ихъ употребляются въ пищу. Лѣтомъ и осенью эти поля лотосовъ, во время цвѣтенія, дѣйствительно очень красивы.

Потонулся однообразно день за днемъ. Жизнь въ палаткѣ была во всякомъ случаѣ отдыхомъ послѣ жизни на клипперѣ: свободнѣе и просторнѣе. Лежишь себѣ полдня, лѣниво переворачивая страницы туго понимаемой книги; встаешь, чтобы пить, и пьешь, чтобы утолить ничѣмъ неутолимую жажду; сны возвращаются мало-по-малу, когда солнце начнетъ гаснуть, скрываясь за холмомъ и рощей. Тогда пойдешь бродить по ограниченному пространству владѣній, принадлежащихъ дому. Зайдешь въ сарай, гдѣ работаютъ двѣ паровыя машины, и по неволѣ подумаешь, смотря на эти несложныя работы, какъ все просто, если захочешь дѣлать дѣло. Станутъ строить у насъ, въ Европѣ, доки, и начнутъ съ великолѣпныхъ дворцовъ, которые лѣтъ десять прождутъ машинъ и работы; а здѣсь точно конный приводъ какой-нибудь круподерки: сгорожень изъ бамбука, обмазанъ глиной, стбитъ грошъ, а сдѣлаетъ много. Къ выкачивающимъ машинамъ придѣланъ приводъ для точильнаго станка, далѣе кузница, гдѣ выливаютъ мѣдныя вещи, однимъ словомъ сарай удовлетворяетъ почти всѣмъ требованіямъ для починки судна. Зайдешь потомъ и подъ высовый бамбуковый навѣсъ, гдѣ Китайцы-плотники пилать, сверлятъ, строгаютъ, и, когда солнце совсѣмъ уже скроется, укладываютъ въ мѣшки свои плотничьи и всякіе инструменты, и усаживаются около стола ужинать, на скамеечкахъ; передъ каждымъ круглая чашка и двѣ палочки; по срединѣ стола, въ широкой мискѣ, вареный рисъ. Около нихъ собаки и дѣти, ожидающіе скудной подачи. Ужинъ идетъ тихо, безъ шума; поднесетъ Китаецъ свою чашечку къ самому рту и сваливаетъ въ него палочкой надлежащую порцію.

Пойдешь на пристань, гдѣ наша команда купается: плавать, перегоняя другъ друга, матросы, довольные и окончен-

ними работами, и свѣжестью воды, и кратковременною свободой; тутъ же, вблизи, человекъ сто Китайцевъ, воловыхъ рабочихъ, тянуть на берегъ съ разгружающагося французскаго фрегата, *Audacieuse*, мачту. Движенія ихъ тихи, не видать въ ихъ лимфатическихъ мускулахъ усилія и игры, плохо двигается мачта изъ воды на берегъ, точно не хочетъ покинуть свою родную стихію. Да и любо ли ей, привыкшей къ героической пѣснѣ бури и урагана, слушаться заунывной китайской пѣсни, которою бодрятъ себя китайскіе рабочіе? Французскій боцманъ, толстая съ черными бакенбардами фигура, почтенная и уважительная, подозрительно покрикиваетъ: «*mais faites donc jouer la pièce, faites donc jouer la pièce!*» «Ай-я-у, а-ау, и лу-а-у», отвѣчаютъ дребежащими голосами Китайцы, пересмѣиваясь съ нашими матросами... А мачта все не подается! Да и откуда взяться силѣ? посмотрите, что за народъ! Какой-нибудь Лапша показался бы между ними богатыремъ. Патерымъ въ день платять долларъ, и въ этотъ день каждый изъ нихъ долженъ исполнять всякую работу, лошадиную и воловью. Но еслибъ его запрягли въ плугъ, безропотно пошелъ бы онъ пахать, будь только сила. Въ работахъ Китайцы апатичны, не видно никакого участія къ дѣлу, или желанія хотѣ поскорѣе окончить работу. Годились бы они всѣ въ натурщики къ Гаварни: головы бриты, кто весь голый, кто въ куртки; заплата на заплатѣ, даже дыра на дырѣ. Дряблая кожа безмысленнаго лица виситъ въ безконечныхъ складкахъ; иной считаетъ, я думаю, уже восьмой десятокъ своей безцвѣтной жизни... Но почему безцвѣтной?.. Можетъ-быть, это такъ кажется намъ; можетъ-быть, и у этой беззубой фигуры были свои свѣтлые дни... Страшная масса застоявшейся и заплеснѣвшей жизни, забродить ли она когда-нибудь?.. Вѣроятно, Европа разбудить и Китай, какъ разбудила весь остальной міръ. Начало уже положено.

У берега столпились шампанки; на иной старуха, изогнувшись, махаетъ зажженною бумагой надъ готовымъ ужиномъ, и потомъ бросаетъ ее съ огнемъ на воду; зажигаетъ тоненькія свѣчки и ставитъ ихъ во всѣ мѣста, куда только можно поставить; это все различные обряды, которыхъ такъ много у буддистовъ. Бумага для сожиганія должна быть особенная, нарѣзанная квадратами, съ наклееннымъ посерединѣ клочкомъ серебряной бумаги. На другихъ шампанкахъ дѣлають чинъ-чинъ; это родъ фейерверка: нѣсколько картонныхъ трубочекъ; заби-

тътъ передовою макотью и соединенныхъ между собою ставномъ, который зажигается, и трубочки взрываются последовательно одна за другою. Этотъ-то трескъ, подобный батальному огню, поминутно раздается со всѣхъ концовъ, и его-то мы слышали въ Гонгъ-Конгъ, не зная чему приписать его. Чимъ-чимъ (слово въ слово значить: здравствуй) дѣлается и въ честь божества, и въ честь новой луны, и въ честь полной луны; наконецъ, при всякомъ торжественномъ случаѣ. Цѣлыя лавки торгуютъ только тоненькими свѣчами, бумагой и трубочками для чимъ-чима. На одинъ шиллингъ можно сдѣлать такую иллюминацію, что останетесь довольны. Звукъ чимъ-чима заглушается часто звукомъ гонга и мѣдныхъ тарелокъ; эта музыка начинается подъ вечеръ на военныхъ джонкахъ и продолжается часа два; потомъ она возобновляется при всякомъ удобномъ случаѣ; если есть покойникъ, то бьютъ въ тарелки цѣлую ночь, какъ будто, если одинъ уснулъ въ чинимъ сномъ, то другіе не должны спать. Хуже этой музыки трудно гдѣ-нибудь слышать; вообразите десятки мѣдныхъ тарелокъ, въ которые бьютъ немилосердно палками. При описаніи китайскаго вечера можно не жалѣть никакихъ красокъ, только ужъ о гармоническихъ звукахъ слѣдуетъ умалчивать. Всю прелесть зеленѣющей природы въ состояніи отравить подобный концертъ.

Настанетъ вечеръ, сидишь себѣ на пристани до глубокой ночи, смотря на звѣзды, да на летающихъ свѣтящихся насѣкомыхъ, и такъ проходятъ дни. Работы на клипперѣ идутъ успешно. Иногда является хозяинъ, Куперъ. Вдругъ раздается крикъ: «Лови, лови!» Нѣсколько матросовъ бросятся за убѣгающимъ Китайцемъ, вѣроятно стянувшимъ что-нибудь. «Нѣту на нихъ никакого начала; только заглядишься, ужъ стащилъ что-нибудь; ишь, бритый чортъ, какъ удираетъ: люминаторъ укралъ!..» говорить на бѣгу матросъ, и дѣйствительно, бритый Китаецъ, какъ заяцъ, скачетъ черезъ рвы и канавы, и, юркнувъ въ небольшую калитку, сдѣланную въ бамбуковой изгороди, несется по рисовому полю и скоро скрывается изъ глазъ. Эти сцены повторялись почти каждый день; одинъ стащить какую-нибудь желѣзную штуку, другой наполнить всѣ карманы мѣдными гвоздями; терпѣнье истощилось; за каждымъ нужно было ставить надсмотрщика, увѣщевали старшинъ, частнымъ образомъ таскали за косы, ничто не помогало. Поймали наконецъ двухъ, связали имъ руки и посадили на докъ до рѣше-

нія ихъ участи. Одинъ былъ старикъ съ сморщеннымъ лицомъ, съ рѣдкою косичкой на затылкѣ, весь въ лохмотьяхъ. Что принудило его украсть какой-нибудь гвоздь, — нужда или привычка? Другой былъ моложе и съ страшно-плаутовскою физиономіей, испорченною оспой. Ихъ, какъ водится, окружили; между Китайцами замѣтно было движеніе; они толпами собирались около доковъ. «Васъ разстрѣляютъ!» кто-то сказалъ пойманнымъ, и они повѣрили. «Къ Русскимъ хуже попасться, нежели къ Французамъ и Англичанамъ; тѣ побьютъ, высѣкутъ, а вы хотите убить», говорили они потухшими отъ страха и отчаянія голосами. Дождались Купера, которому ихъ и передали. Когда ихъ сводили съ клипера, Китайцы отъѣснили одного и помогли ему бѣжать; остался старикъ. Его повели на дно дока, привязали стоя къ деревяннымъ козламъ, и линекъ, ловко управляемый рукой нашего боцмана, давно острившаго на Китайцевъ зубы и вызвавшагося теперь охотой въ экзекуторы, загулялъ по лохмотьямъ стараго отрепья, покрывавшаго спину арестанта. Сгустившаяся толпа Китайцевъ зашумѣла, Куперъ закричалъ на нихъ, раскраснѣвшійся отъ злости и волненія, и ткнулъ зонтикомъ въ лицо разсуждавшаго и размахивавшаго руками болѣе всѣхъ. Это имѣло магическое дѣйствіе; Китайцы мгновенно разошлись, а старикъ, привязанный къ козламъ, дѣлалъ различныя движенія, желая избѣжать удара; то какъ кошка прискакивалъ онъ кверху, то корчился и ежился, и ни одинъ крикъ, ни одинъ стонъ не вылетѣлъ изъ его старой груди! Сцена была непріятная. Русскій боцманъ съкъ Китайца, а англійскій прожектерь считалъ удары; вотъ что можетъ иногда связать три націи!.. Это своего рода ассоціація. Надобно было разказать эту сцену, какъ имѣющую *couleur locale*, какъ случай, характеризующій мѣсто и обстоятельства. Мы въ Китаѣ, но не въ томъ идеальномъ Китаѣ, который знаемъ по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ и по разказамъ лорда Макартнея, — Китаѣ, съ миніатюрными ножками, мандаринами и торжественными церемоніями, въ которыхъ блестятъ золото и пурпуръ, — мы въ Китаѣ нищихъ, бродягъ, пиратовъ, въ настоящемъ Китаѣ, нѣсколько дѣйствующемъ и шевелящемся.

Въ одно утро, въ командѣ стоявшаго близъ насъ судна, на досчитались двухъ матросовъ и нѣкоторыхъ вещей. Бѣжали; но куда, зачѣмъ, что соблазнило ихъ, неизвѣстно. Объявили Китайцамъ, чтобъ искали, и назначили награду тому, кто омы-

цѣхъ. Прошло недѣля двѣ; начали уже повабивать о бѣжавшихъ, какъ вдругъ является Китаецъ и говорить, что можетъ узнать мѣсто, гдѣ скрываются матросы, если ему заплатятъ обшарпанное и дадутъ въ помощь людей. Назначили офицера съ нѣсколькими вооруженными людьми, и отправили ихъ на лодкѣ съ Китайцемъ. Они подплыли къ пустынному берегу: «зотъ тамъ», показалъ Китаецъ пальцемъ на кустарникъ, и объявилъ намѣреніе ретироваться. — Отчего же ты неидешь съ нами? говорятъ ему. «Ступайте вы, а я боюсь! (Характеристическая черта Китайца.) Ищите въ кустахъ, они тамъ, это вѣрно...» Команда разбрелась; густо поросшіи кустарникъ обносили плотною сѣткою берегъ; искать было трудно; къ кустарнику подступала вода; остатки сгнившихъ человѣческихъ труповъ, и наконецъ трупъ почти свѣжій, на каждомъ шагу попадались искавшимъ; страшный смрадъ наполнялъ воздухъ. Въ этомъ-то вертепѣ скрывались бѣглецы: одинъ залѣвъ по горло въ воду, и, несмотря на крики своихъ, не хотѣлъ откликнуться. Нѣсколько дней они сидѣли здѣсь безъ пищи. Блѣдныхъ худыхъ, покрытыхъ какою-то сыпью, привели ихъ; запахъ трупа такъ и въѣлся въ ихъ платье, выброшенное тутъ же за бортъ. Пока у нихъ были деньги и вещи, ихъ кормили, а тамъ прогнали, можетъ-быть грозили зарѣзать; они скрылись отъ Китайцевъ и боялись вернуться къ своимъ. На вопросы, что

побуждало ихъ бѣжать, они не давали удовлетворительнаго отвѣта, только одинъ изъ нихъ разказывалъ, что его соблазнили Китайцы, звали служить на военную джонку, говорили, что обрѣютъ голову и привяжутъ косу. Все это случилось на нашихъ глазахъ. Мы принимали большое участіе въ бѣжавшихъ, хотя они были съ чужаго судна; разказъ о ихъ страданіяхъ возбуждалъ невольную общую симпатію. Вечеромъ шелъ разговоръ о нихъ; взволнованная дневнымъ солнцемъ, кровь сильно настраивала воображеніе; мы сами стали поддаваться ложному страху и сильному преувеличенію въ ощущеніяхъ. Было уже за полночь, и всѣ спали. Часовой замѣтилъ, что двѣ тѣни крадутся по забору. Ихъ окликнули. Они скрылись, но послѣ опять показались, только ближе къ нашей палаткѣ. По нимъ закричали: «лови, лови!» Крикъ ли этотъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь особенное и въ звукѣ своемъ уже содержалъ ноту паническаго страха, только первый проснувшійся закричалъ страшно-испуганнымъ голосомъ; этотъ второй крикъ еще сильнѣе подѣйствовалъ на остальныхъ спавшихъ, которые всѣ вскочили какъ

уторглые, стали кричать и произвели такой гвалтъ, что вѣр-
ятно слышно было за версту. К. ползъ къ С. подъ подуш-
ку за пистолетомъ; С. принявъ его за Китайца, схватилъ его и г-
товъ былъ вступить въ единоборство. Вся эта сцена остав-
лась неразгаданною, пока не принесли фонарь; тогда все об-
яснилось; тѣни исчезли, хотя еще долго искали ихъ по кан-
вамъ. Попадись въ эту минуту какой-нибудь невинный Китаецъ
его бы навѣрное подстрѣлили. Такъ расходилось воинственное
расположеніе духа въ пробужденномъ отъ сна ополченіи;
долго еще мы не могли уснуть, смѣясь надъ храбростію дру-
друга. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ насъ были *своею*
польскіе зером, мы разыграли сцену сорока жидовъ, испуга-
шихся одного цыгана.

Между тѣмъ стали показываться послѣдствія сильныхъ ж-
ровъ и работъ въ докѣ: лихорадки и диссентеріи. Мы пла-
тили обычную дань климату, и хорошо, что расплатились де-
шево; ни одинъ у насъ не умеръ. Заболѣлъ и я; утомительны
и тяжелы были лѣтніе дни. Меньше 25 градусовъ въ тѣни Ре-
мюръ не показывалъ, а выйдешь на солнце, несмотря на зон-
тикъ, вѣеръ, и другія предохранительныя средства, точи-
огнемъ палить. Бритыя головы Китайцевъ привыкли къ этой
солнцу, однако и изъ нихъ не было ни одного, который б
не имѣлъ вѣера. Вѣера дѣлаются изъ листа латаніи (*latan*
chinensis), которому сама природа дала вѣерообразную форм-
Цѣлые часы проводятъ Китайцы на воздухѣ, изрѣдка прикрыв-
вѣеромъ слишкомъ накалившейся лобъ; другой обернетъ н-
сколько разъ голову косою, которую впрочемъ всегда расп-
ститъ, если говорить съ человѣкомъ выше его званіемъ, какъ
будто снимаетъ шапку.

Когда клипперъ вытянулся изъ дока въ рѣку, я, какъ больно
помѣстился на китайской лодкѣ, на которую сгрузили пару
и другія вещи, мѣшавшія работамъ на суднѣ. Лодка бы-
длинная, съ круглымъ навѣсомъ; наверху родъ палубы, въ ко-
мовой части которой стояло нѣсколько горшковъ съ зелени-
и цвѣтами. Подъ этою оранжереей жили хозяева, цѣлое семе-
ство. Лодка была очень вмѣстительна и чисто содержан-
вездѣ гладко выполированное дерево, тростниковыя плетени
и бамбуковыя перекладины. Если шелъ дождь, то игновены
закрывались вѣз окна тростниковыми покрывками; у ме-
была постоянная тѣнь и сквозной воздухъ. Въ извѣстны
часы дня приходила хозяйка или ея сынъ въ ту часть, г.

и гонгъ, и гдѣ въ угольномъ шкапчикѣ помѣщались домашніе амулеты: кукла изъ сѣряги, обклеенная снаружи фольгой и бумажной, бумага для чимъ-чима и еще какія-то принадлежности; хозяйка зажигала бумагу и, потомъ, помахавъ ею въ различныхъ направленіяхъ, бросала на воду; ставила маленькія свѣчки во все углы, куда только можно было ткнуть ихъ, и уводила. Все это дѣлалось безъ всякой мысли, безъ всякаго религіознаго чувства. Китайцы суевѣрны, и склонность къ религіознымъ церемоніямъ, какъ у всехъ буддистовъ, развита въ нихъ сильно. Нѣтъ дома въ южныхъ провинціяхъ, въ которомъ бы не было домашней часовни, помѣщаемой обыкновенно въ концѣ столовой. Обрядъ исполненъ, и Китаецъ спокоенъ. Во время богослуженія въ храмахъ смѣются и глядятъ по сторонамъ. Значитъ молиться? на это есть бонзы, которые дѣйствительно не развлекаются общимъ шумомъ, и съ торжественностью повторяютъ свои молитвы, держа въ скрещенныхъ на груди рукахъ четки, звоня въ колоколъ и по временамъ ударяя въ гонгъ, чтобы привлечь вниманіе Будды къ молитвѣ. Наибольше буддизмъ распространенъ болѣе ученія Конфуція и секты Тей, или Разума. Кромѣ того, въ Китаѣ есть мусульмане и Буряты.

Кромѣ домашнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, въ Китаѣ въ большомъ ходу приношеніе общественныхъ жертвъ и другія торжественныя церемоніи и процессіи, которыя тянутся иногда на нѣсколько миль. Идоловъ убираютъ въ дорогю одежды, несутъ ихъ на великолѣпныхъ носилкахъ; поклонники тысячами слѣдуютъ за ними, и забѣгаютъ впередъ, разодѣтые въ праздничныя платья. Страшное количество извѣстной бумаги, съ серебряною пластинкой, сжигается подъ конецъ, какъ жертва. Не распространяюсь объ этихъ церемоніяхъ, потому что говорю о нихъ только по слухамъ; мнѣ не удалось видѣть ни одной.

Во время моей болѣзни пріѣхалъ къ намъ докторъ Рамсей съ парохода *Assistance*; онъ уже четыре года въ Китаѣ, и скоро возвращается въ Англію. Онъ молодъ, и лицо его очень располагаетъ въ его пользу. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, не совсѣмъ высказываются и заставляютъ предполагать гораздо больше того, что хотять высказать и выказать. Есть какія-то затаенныя достоинства, скрывающіяся въ этихъ пріятныхъ и умныхъ чертахъ; такихъ людей можно любить, и

привыкнута къ нимъ все больше, по мѣрѣ того какъ узнаешь ихъ. Довѣриться имъ всегда можно; я замѣтилъ, что чаще всего эти физиономіи встрѣчаются между Англичанами. Давидъ Копперфильдъ долженъ былъ имѣть именно такое лицо. Мистеръ Рамзей кончилъ курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ слушалъ Сайма и Симсона, и изъ университета отправился въ Китай. Во время войны онъ былъ на корветѣ *Горнетъ* (*Hornet*), знакомомъ нашимъ де-кастрийскимъ морякамъ. По моему выздоровленіи, я сейчасъ же отправился на *Assistance*. Докторъ водилъ меня по пароходу, который немного меньше *Гималая* видѣннаго нами на Мысѣ Доброй Надежды. Вся жилая палуба отдана подъ больныхъ. Какая чистота и какой просторъ! Есть даже отдѣленіе для акушерскихъ случаевъ. Въ то время, какъ мы сидѣли на пароходѣ, началъ дуть нордъ-вестъ. Опытныя англійскіе офицеры обратили наше вниманіе на этотъ вѣтеръ. Это было въ концѣ августа; все время господствовалъ зюль-остъ-муссонъ; нордъ-вестъ обѣщаль *тайфунъ*, который бываетъ здѣсь преимущественно во время перемѣнныхъ муссоновъ рѣдко одинъ муссонъ уступаетъ мѣсто другому безъ борьбы борьба эта начинается съ іюля и продолжается до декабря. Уже дѣтъ шестьдесятъ дѣлаютъ постоянныя наблюденія надъ тайфонами въ здѣшнихъ моряхъ; всякое судно, попавшее въ тайфонъ и вышедшее благополучно, опрашивается, и отъ него отбираютъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ бывшему случаю. Есть цѣлая система, научающая средствамъ избѣгнуть этого страшнаго врага. Судно, надѣющееся на себя и имѣющее передъ собою свободное мѣсто, должно немедленно уходить на фордевиндъ или богштогъ, опредѣливъ заранее направленіе урагана и свое отъ него разстояніе; а это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ложатся въ дрейфъ,—въ сѣверномъ полушаріи на правый, а въ южномъ на лѣвый галсъ. Если стать спиной къ вѣтру и протянуть руку перпендикулярно къ линіи, означающей направленіе вѣтра, то лѣвая рука укажетъ мѣсто урагана въ сѣверномъ, а правая въ южномъ полушаріи. Своё отъ него разстояніе опредѣляютъ увеличивающагося или уменьшающагося силой вѣтра, быстро падающимъ барометромъ и другими признаками. Ураганъ имѣетъ два движенія: свое—вращательное около центра, и движеніе общее, поступательное. Последнее движеніе совершается по параболической линіи. Скорость вихря равняется отъ 80 до 90

мень въ часъ, тогда какъ скорость самаго сильнаго шторма не превышаетъ 20 миль. Но въ ураганъ сила вѣтра не такъ страшна, какъ ужасное волненіе, воздымаемое безпрестанно-измѣняющимся вѣтромъ, обходящимъ иногда всѣ румбы компаса. Волны отъ противоположно-направленной силы взлетаютъ другъ на друга и вырастаютъ въ колоссальныя пирамиды, при чемъ иногда образуются водовороты. Судно, заливаемое съ различныхъ сторонъ, теряетъ рангоуть, бросаетъ орудія за бортъ и терпѣливо выжидаетъ своей участи. Вѣрнымъ признакомъ приближенія тайфуна служитъ барометръ, который постепенно падаетъ, иногда до 28,00; какъ скоро онъ начнетъ подниматься, значить ураганъ удаляется.

Слово тайфунъ — испорченное китайское *та-фуль* означаетъ сильный вѣтеръ; Китайцы безъ барометра узнаютъ близость тайфуна по слѣдующимъ признакамъ. Вѣтеръ, въ ураганное время дующій отъ SW, переходитъ къ N и NO, постепенно крѣпчая и налетая частыми и сильными порывами; небо становится мрачно; море съ шумомъ катитъ свои волны на берегъ; рыбаки на всѣхъ парусахъ спѣшатъ укрыться въ одну изъ безчисленныхъ бухтъ, которыхъ, по счастью, природа произвела такое количество по всему берегу Китая, какъ бы въ защиту противъ этого всесокрушающаго врага.

Многія суда, стоящія въ Вампу, почувствовавъ злобщій нордъ-вѣсть, спустили стеньги; у насъ былъ приготовленъ третій якорь и вооружены печи. Цѣлый день находили порывы, довольно сильныя; прошла и ночь, шквалистая, но довольно покойная: урагана не было. Но англійскіе офицеры были правы: ураганъ былъ сѣвернѣе, въ широтѣ 30° и къ намъ долетали только его отдаленныя дуновения. Нашъ фрегатъ, *Аскольдъ*, шедшій въ это время изъ Нангасаки въ Шанхай, испыталъ всю силу этого урагана. Время равноденствія также не прошло даромъ: страшный ураганъ пронесся въ сѣверныхъ широтахъ китайскаго моря. Не знаю подробностей, но когда мы пришли опять въ Гонь-Конгъ, то тамъ разказывали, что пять судовъ погибло, и до восемнадцати выброшено на берегъ. Немедленно два парохода снялись съ гонь-конгскаго рейда, чтобъ отыскивать слѣды страшнаго крушенія.

Между тѣмъ какъ стихіи совершали свои обычныя волненія, люди тоже не оставались покойными. Всѣ ожидали совершеннаго окончанія войны съ заключеніемъ трактата въ Тиенцинъ или Тянь-Тзинь; казалось, иначе и быть не могло, но

въ Китаѣ выходятъ все какъ-то на выворотъ. Въ Печели народъ и не воображалъ, что въ Кантонѣ шла кровопролитная война. Почему же въ Кантонѣ не воевать, когда въ Печели заключенъ миръ?.. Изъ Шанхая новости были неблагоприятны. Всѣмъ не нравилась невѣжливость императорскихъ комиссаровъ, медлившихъ своимъ прибытіемъ, для встрѣчи пословъ европейскихъ державъ. Видно было, что пекинскій дворъ крѣпко держитъ руку кантонскихъ инсургентовъ, поощряя ихъ кровавое и настойчивое сопротивление. При такихъ отношеніяхъ середины быть не можетъ: императору китайскому слѣдуетъ или продолжать войну, или отказаться отъ чувства спѣсиваго превосходства, что было до сихъ поръ отличительною чертой международныхъ сношеній Китая, тѣмъ болѣе что какія бы условія ни были выговорены при мирномъ трактатѣ,—безъ войны кантонскіе инсургенты останутся въ ослѣпленіи, очень опасномъ при будущихъ сношеніяхъ съ ними.

А въ Пекинѣ укрѣпляютъ входъ въ Пей-хо. Высшіе комиссары, хотя ихъ ждутъ со дня на день въ Шанхай, говорятъ, до сихъ поръ еще не назначены; а младшіе уже имѣли аудіенцію у императора, какъ будто передъ отправленіемъ. Надѣются, что шанхайскія конференціи откроются въ половинѣ сентября (1). Первые кантонскіе купцы были приглашены въ Шанхай, для обсуживанія подробностей новаго тарифа, но и это распоряженіе было отложено. Все это заставляетъ думать, что Китайцы разчитываютъ на наступающую осень и на невозможность въ этомъ году новаго прибытія соединенныхъ флотовъ къ рѣкѣ Пей-хо.

Дѣла въ самомъ Кантонѣ крайне загадочны. Негоціанты ждутъ открытія торговли и находятся въ сильномъ сомнѣніи, — откроется ли она? Многие пріѣхали изъ сосѣднихъ провинцій, къ чайному времени, и *хонно* (сборщикъ податей) приступилъ къ исправленію своей должности. Совершенное спокойствіе царствуетъ въ городѣ; миръ былъ обнародованъ полномочнымъ Хванги и губернаторомъ Пекии; городскія ворота отворены съ большою церемоніей (о чемъ извѣстилъ насъ капитанъ парохода *Assistance*; народъ сталъ возвращаться къ своимъ занятіямъ, блокада была снята, евро-

(1) Все это писано еще въ 1858 году.

власти объявили амнистію, — кажется, чего бы больше? Спросъ на ввозъ и вывозъ съ каждымъ днемъ увеличивается, а несмотря на это, торговля остается герметически закупоренною, и вмѣстѣ съ этимъ бродячіе слухи и разные неправдоподобные разказы мутятъ общественное расположеніе духа. Удалившимся Китайцамъ позволено возвратиться въ Гонгъ-Конгъ и Макао, безъ всякихъ обязательствъ.

Здѣшніе англійскіе журналы недовольны выжидательною политикою лорда Эльджина. Остановка кантонской торговли должна была бы подвинуть «его милость» на что-нибудь болѣе рѣшительное; говорятъ, что совсѣмъ другой тонъ былъ у китайскаго правительства четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, когда адмиралъ Сейморъ (тотъ самый, который потерялъ одинъ глазъ у Кронштадта) опирался въ своихъ требованіяхъ на войска ея величества; утверждаютъ, что еслибы продолжать военныя дѣйствія еще нѣсколько мѣсяцевъ, то скорѣе и вѣрнѣе пришли бы къ удовлетворительному результату, и что дѣйствія лорда Эльджина могутъ разрушить то, что было сдѣлано Сейморомъ.

Послѣдняя новость, пришедшая при насъ въ Гонгъ-Конгъ, та, что Французы съ Испанцами заняли Туронъ (въ Кохинхинѣ) и французскій адмиралъ Риго-де-Женульи объявилъ всѣ кохинхинскіе порты въ блокадѣ. На это всегда найдется достаточная причина, особенно если замѣшается миссіонеръ. Миссіонерство, въ подобныхъ случаяхъ, такой плодотворный источникъ, что, взявъ его за основаніе, всегда можно найти предлогъ и для войны, и для мира. Да и Французамъ пора найти себѣ рѣдъ въ этихъ моряхъ. Около Китая и Японіи, какъ будто около больныхъ и богатыхъ родственниковъ, увиваются многіе. Англія давно уже основалась здѣсь, и дѣйствуетъ какъ дома; Америка заняла острова Лу-чу (Ликейскіе); Россія дѣйствительно у себя дома; Испанія и Португалія тоже пустились въ сосѣдствѣ глубоки корни; оставалась одна Франція, опиравшаяся всегда на невещественныя основанія, на миссіонерство, и т. п. Теперь вѣрно ощутилась необходимость въ вещественномъ; отыскались въ архивахъ давнія притязанія на Кохинхину, и, кажется, притязанія эти хотятъ поддерживать серьезно. Говорятъ о назначеніи въ будущемъ году въ здѣшнія моря особенной эскадры, подъ командой г. Жюрьень-де-ла-Гравьера.

III.

Мы все стояли въ рѣкѣ; я цѣлые дни скрывался въ своей крытой лодкѣ и только къ вечеру выходилъ на клиперъ. Иногда заглядывали на берегъ; китайская шампанка съ утра до вечера была въ нашихъ услугахъ за полдоллара въ сутки (клиперскія шляпки поправлялись и красились). На кормовомъ веслѣ сидѣла молодая хозяйка Ю-Хау, очень интересная, даже, можно сказать, хорошенъкая; при ней былъ сынъ ея Атомъ, который сначала дичился насъ, а потомъ сдѣлался общимъ нашимъ пріятелемъ. Бывало, крикнешь ему съ клипера: «Атомъ, чинъ-чинъ! «Цинь, цинь!» послышится въ шампанкѣ и вслѣдъ затѣмъ пожелетъ изъ отверстія дѣтская головка, кивающая съ тою безыскусственною улыбкой, которою обладаютъ только дѣти. Наносу лодки сидитъ мужъ Ю-Хау, молодой Китаецъ, съ добрымъ и простоватымъ лицомъ, и братъ его, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; иногда и Атомъ подсаживался на маленькой скамеечкѣ къ дядѣ, обхвативъ весло своими коротенькими ручонками, слѣдовалъ серьезно за греблей, какъ будто онъ былъ тутъ главнымъ работникомъ. Сядешь, или скорѣе ляжешь, на чистыя циновки по серединѣ шампанки, и забудешься подъ тихое качанье лодки; а сзади хорошенъкая Ю-Хау, на глазки которой иногда и засмотришься. Все у нихъ такъ чисто, божики убраны пестрыми цвѣтами и фольгой; смотришь на эту своеобразную жизнь, на этотъ уголокъ, и иногда даже какъ будто позавидуешь, хотя по правдѣ сказать, не завидная перспектива—всю жизнь прокататься на водѣ. Укажешь Ю-Хау пальцемъ, чтобы везла въ Нью-Таунъ, пристань у трактира, который содержитъ какой-то космополитъ, говорящій на всѣхъ языкахъ и ни на одномъ порядочно. Иногда маленькій Атомъ вдругъ закричитъ во всю мочь и мать, привязавъ его на веревочку, сажаетъ около себя, и онъ опять скоро успокаивается. Иногда къ нашей лодочницѣ прѣзжали гости, какая-то старуха, вѣроятно родственница, съ маленькою дочерью съ крысинымъ хвостикомъ на затылкѣ. Атомъ считалъ долгомъ познакомить насъ съ нею; братья каждого изъ насъ за руку, поочередно, и подтягивалъ къ дѣвочкѣ. Гости прохлаждаются чаемъ, пока мы плывемъ. Вотъ и пристань—то-есть небольшая деревянная лѣстница, висящая надъ водою!

а иногда и надъ землей, если отливъ великъ; въ послѣднемъ случаѣ нужно прыгать съ лодки и непременно попасть на ступеньку, рискуя въ противномъ случаѣ завязнуть въ липкой илѣ. Лодка привязывается къ воткнутому тутъ же бамбуковому шесту; домашняя жизнь въ ней не прерывается, а мы идемъ по зыбкимъ перекадинамъ мостика до небольшого двора, изъ котораго два выхода, одинъ на улицу, другой по довольно-крутой лѣстницѣ, на балконъ трактира. Чтобы попасть на улицу, нужно еще пройти нѣсколько темныхъ комнатъ, лавочку съ бутылками различнаго вида, и всегда со спящимъ на прилавкѣ матросомъ; изъ лавочки наконецъ выходишь на улицу.

Здѣшнюю улицу нельзя воображать себѣ въ родѣ европейскихъ, или даже китайскихъ въ европейскомъ городѣ; вся она шириною много три аршина, и длиннымъ корридормъ тянется подъ тѣнью навѣсовъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ домовъ. Часто изъ окна одного дома протягивается жердь до окна противоположнаго, и на этой жерди, съ распростертыми руками, висятъ блузы, рубашки и прочее, различныхъ цвѣтовъ и покроя. Иногда исполинскій паукъ переброситъ свою ткань съ крыши на крышу, а самъ, въ видѣ украшенія, виситъ по срединѣ. Улица вымощена каменными плитами, и на ней постоянная тѣнь; дома смотрятъ на улицу своими каменными половьями, къ рѣкѣ же они оборотились деревянными пристройками. Въ каждомъ домѣ внизу лавка или мастерская окна втораго этажа безмолвны и пусты; изрѣдка только выглянетъ оттуда бронзовая головка черноглазой Китайки, съ уродливою колесообразною куафюрой; по улыбкѣ на ея лицѣ и по крѣпкимъ деревяннымъ рѣшоткамъ нижняго этажа можно догадаться, кто эта черноглазая красавица. При насъ много лавокъ было заперто; однако съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось, по мѣрѣ возвращенія удалившихся Китайцевъ. Открылось нѣсколько чайныхъ лавокъ; ароматическій *пекое*, черные и зеленые чай въ пирамидальныхъ кучахъ стали красоваться на прилавкахъ. Нѣсколько Китайцевъ распиваютъ чай, и увидя насъ, дружески киваютъ головою, приговаривая вѣчный «чинъ-чинъ». Въ сторонѣ кумирня съ божками и фольгой, а далѣе лавка, гдѣ можете достать любого идола *ex ipso fonte*; тутъ же лаковая мебель, рѣзные изъ пахучаго дерева шкафчики и разныя религіозныя принадлежности. Вдругъ чувствуется ужасный запахъ, какъ будто загнившей, залежалой рыбы, вы проходите скорѣе и натываетесь на чисто-сѣлан-

ный котухъ, за рѣшоткой котораго, на гладкомъ, чистомъ покоятся бѣлыя, грузныя свиньи.

Наконецъ улица прерывается площадью. Опять не надо принимать слово площадь въ нашемъ значеніи, не надо думать, ч здѣсь на площади просторнѣе, воздухъ чище и открывается кой-нибудь видъ; ничуть не бывало: на площади еще меньше места, чѣмъ на улицѣ; она вся застроена какими-то павильонами съ соломенными грибообразными крышами, подъ тѣнью которыхъ копошится уличная торговля, мелкая промышленность бѣдность и праздность. Эти крытые рынки составляютъ у Китайцевъ родъ клубовъ; здѣсь, между безчисленными торговцами толкаются люди, желающіе узнать новости, ищущіе рабочихъ пришедшіе совершить свой туалетъ, пообѣдать. Дѣйствительно здѣсь видите всевозможныя кушанья, совсѣмъ готовые, и не совсѣмъ аппетитно смотрящія съ своихъ лотковъ и фарфоровыхъ чашекъ. Въ сосѣдствѣ варенаго риса, этого насущнаго хлѣба Китайцевъ, лежитъ жареная курица, часть свинины, стейкъ, пироги съ зеленью, которые тутъ же бросаютъ на сковороду и подпекаютъ на жаровнѣ, для желающихъ. Нѣкоторые расположились около столика съ низенькими ножками вооружась палочками и чашками. Рядомъ съ ними одутловатый Китаецъ, на лицѣ котораго пристрастіе къ опию проявилось въ рѣзкіе слѣды, подставляетъ свою голую голову искусно бритвѣ бродячаго цирюльника. Очень любопытно остановиться на подобной площади и постоять минутъ пять; непременно доглядишься до какой-нибудь сцены: сочинится драка, и разноразличная толпа, съ различными тѣлодвиженіями, мимо обступитъ поссорившихся; и вотъ предстоить вамъ удовольствіе въ звукахъ незнакомаго языка узнавать и угадывать знакомое: угадаешь и подстрекающаго молодца, и резонера и какого-нибудь дядю Хвоста, сказавшаго свое многозначительное слово. На этой же площади продается всевозможная зелень, плоды, живность, готовое платье, дождевые костюмы сдѣланные изъ травы и дающіе такой оригинальный видъ носящимъ ихъ. Сюда же, на рынокъ, смотритъ фронтонъ буддистскаго храма пестрымъ и разноцвѣтнымъ портикомъ, съ испанскими фонарями, которые раскрашены и убраны всевозможными арабесками. Много фарфоровыхъ драконовъ и другихъ фигурокъ по карнизу и крышѣ. Войдя въ храмъ, въ таинственномъ полумракѣ увидишь все то же, что во всѣхъ китайскихъ храмахъ, то-есть почтенныхъ, толстопузыхъ боговъ, комфорта

бывало сидящихъ въ своихъ нишахъ; на алтаряхъ безчисленныя приношенія, вода въ чашечкахъ, тоненькія свѣчи, фольга и блескъ сусального золота. На потолокъ фонари, которые, выдвываясь на темномъ фонѣ своими причудливыми формами, даютъ всему довольно оригинальный видъ.

За площадью опять та же улица, узкая, пестрящая лавки, навѣсами, Китайцами и пауками. Здѣсь курятъ опій; мѣстѣ съ нимъ продается китайскій табакъ, очень слабый и не вкусный, и папиросная бумага. Китайцы дѣлаютъ папиросы по-испански, то-есть свертываютъ табакъ съ бумагой сейчасъ передъ куреніемъ. Если Китаецъ немного говоритъ по-англійски, то непременно скажетъ вамъ, что — «Russian good, a French, an English not good», и предложитъ на пробу папироску; въ нѣкоторомъ отношеніи онъ и правъ... На дняхъ съ купцомъ одной лавки случилось вотъ какое происшествіе. Гуляя наши матросы по Вампу; разойдтись негдѣ, держатся всѣ въ кучкѣ, и зашли къ этому купцу; взяли табакъ и, заплативъ деньги, побрели домой. Человѣкъ два изъ нихъ напился, какъ водится, порядочно, потому что для русскаго человека слово *гулять* не имѣетъ другаго значенія; другіе, менѣе пьяные, прибрали товарищей на лодку и мирно возвратились на клиперъ. Въ это же время гуляло нѣсколько французскихъ матросовъ по городу; одинъ изъ нихъ зашелъ въ ту же лавку; взялъ себѣ, сколько ему нужно было, табакъ, какъ будто къ своему карману, и, не думая заплатить, преспокойно вышелъ. Купецъ за нимъ, крича и жалуясь на такое явное мошенничество. Скоро къ Китайцу пристали товарищи, толпа стала густѣть, крики увеличиваться; казалось, дорого бы пришлось заплатиться Французу, но онъ оборотился къ толпѣ, крикнувъ свое выразительное «Sacré!» и еще выразительнѣе погрозилъ вулакомъ, и толпа храбрыхъ благоразумно отступила. Французъ, не прибавляя нисколько шагу, пошатываясь, достигъ лодки и уѣхалъ съ своими товарищами. Вотъ вамъ зрѣти зрабности Китайцевъ. Они рѣжутъ Европейцевъ, но для этого имъ нужны особыя условія: главное изъ нихъ, чтобъ Европейецъ былъ совершенно безоруженъ; если они увидятъ пистолетъ, даже не заряженный, то не рѣшаются напасть. Сначала высмотрятъ, обойдутъ нѣсколько разъ, не показывая вида, что замышляютъ что-нибудь, и когда насчитаютъ видать шансовъ противъ одного, то тогда только рѣшаются на нападеніе. Стремительно бросаются они, убиваютъ, и еще

стремительнѣе убѣгають. Нѣсколько подобныхъ случаевъ разказывалъ мнѣ Рамзей, бывшій при войскѣ во время китайско войнѣ. Старшій докторъ, на мѣсто котораго поступилъ онъ былъ зарѣзанъ не далеко отъ Кантона. Онъ ѣхалъ верхомъ задумавшись, и отсталъ отъ своихъ товарищей; нападеніе было такъ быстро, что ѣхавшіе впереди не успѣли оглянуться, какъ ужъ онъ лежалъ съ перерѣзаннымъ горломъ, а убійца и слѣды простылъ. Вотъ какую войну ведутъ Китайцы! Орудіе ихъ измѣна, подлость, расчетъ на числительную силу. Никакая фантазія не въ состояніи создать типъ героя на данныхъ китайскаго характера. По крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ.

Продавецъ табаку былъ очень доволенъ, сказавъ комплиментъ Русскимъ. Симпатія Китайцевъ къ намъ, замѣченна мною прежде, подтверждалась нѣсколько разъ въ послѣдствіи. Китаецъ дружелюбно киваетъ нашему матросу, и мимикой показываетъ, что надуваетъ Англичанина или Француза, заставляющаго его работать. Въ каждой лавкѣ Русскаго ждетъ дружескія *чинь-чинь*, между тѣмъ, какъ недовѣрчиво смотритъ Китаецъ на пришедшаго къ нему Англичанина. Не знаю, поздравлять ли себя съ подобною симпатіей!.. Въ табачной лавкѣ можно рассмотреть весь процессъ куренія опія. На улицѣ часто встрѣчаются фізіономіи, съ выраженіемъ тупоумія въ глазахъ, лишенныхъ всякаго блеска, окруженныхъ дряблыми складками кожи, потерявшей энергію; походка этихъ людей неуверенна. Слѣды преждевременной старости и мазама видны во всѣхъ членахъ; если кого-нибудь изъ нихъ взять за плечо, то даже намекъ на мускулъ не почувствуешь въ рукахъ; лица ихъ всегда можно узнать и отличить въ толпѣ. Какъ извѣстно, куреніе опія—одна изъ самыхъ разрушительныхъ страстей, ни пьянство, ни самый раздражающій развратъ, не въ силахъ такъ разшатать организма. Къ тому же куреніе опія очень дорого, и промотавшійся готовъ на все, чтобы достать себѣ этого запрещеннаго плода, потому что страсть къ нему, развужденную, человекъ ничѣмъ не въ силахъ остановить. Къ намъ на клипшеръ пріѣзжаетъ каждый день маляръ, курящій опій. Сколько разъ съ сокрушеніемъ говорилъ онъ, что поступаетъ не хорошо; что прежде у него было двѣ жены бывшія имъ совершенно довольны, а теперь онъ и съ одною не знаетъ что дѣлать; но что не можетъ заснуть, не затянувшись опіемъ. «А какъ затянешься, пріятно?» спросили мы, онъ въ отвѣтъ зажмурилъ глаза, какъ Маниловъ, и явилъ нѣ

своимъ дрябломъ лицѣ выраженіе такого наслажденія, что, кажется, будь подъ рукой опій, самъ бы накурился!

Большая часть привознаго опія готовится въ Индіи. Англійскіе и американскіе купцы имѣютъ отличныя суда для его перевозки, и, кромѣ того, держатъ во многихъ бухтахъ и гаваняхъ такъ-называемыя *receiving sheeps*, на которыя складываютъ свой товаръ. Последнія извѣщаются быстрыми пароходами о количествѣ везомаго груза. Китайскіе контрабандисты приходятъ изъ ближайшихъ мѣстъ на маленькихъ лодкахъ, хорошо вооруженные и готовые на все, для защиты своего товара, такъ дорого стоящаго. За опіумъ платятъ чистымъ серебромъ (испанскими и американскими талерами); иногда находятъ выгоднымъ мѣнять его на шелкъ сырецъ и чай.

Торговлю опіемъ ведутъ люди, обладающіе большими капиталами и извѣстные за первыхъ негоціантовъ въ свѣтѣ. Торговля эта по наружности даже очень мало похожа на настоящую контрабанду. Правда, что ввозъ опіума и употребленіе его запрещены въ Небесной Имперіи, но запрещеніе это пустой призракъ и на дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Большая часть мандариновъ употребляютъ опіумъ, лавочки съ опіумомъ гнѣздятся въ самомъ императорскомъ дворцѣ, а можетъ-быть и самъ его небесное величество принадлежитъ къ числу потребителей опіума. Китайское правительство само не хочетъ предпринять дѣйствительныхъ мѣръ противъ этой контрабанды, а для формы издаетъ иногда циркуляры, печатаемые въ пекинской газетѣ; но этихъ циркуляровъ какъ-будто и не замѣчаютъ вѣрноподданные.

Бенгальскій опіумъ, котораго два сорта, *Patna* и *Benares*, всегда хорошъ и чистъ; бомбайскій, такъ-называемый *Malwa*, почти всегда смѣшанъ съ другими ингредиентами. Китайцы его не покупаютъ безъ предварительнаго испытанія; берутъ мѣдною ложечкой небольшой кусокъ и подогрѣваютъ на углѣ. Растаявшій кусокъ пропускаютъ черезъ бумажный фильтръ, и если онъ не проходитъ, то его называютъ *Man ling*, имя, означающее самый дурной опіумъ. Этотъ идетъ по самой низкой цѣнѣ. Если же фильтръ пропускаетъ, тогда смотрятъ внимательно, остается ли что-нибудь на бумагѣ, и если окажется песокъ или грязь, то и это понижаетъ цѣну. Процеженную жидкость направляютъ осторожно въ мѣдную чашечку и подогрѣваютъ на медленномъ угольномъ жару, до тѣхъ поръ, пока не испарится сырость; тогда уже получается чистый опіумъ. Его собираютъ въ фарфоровыя банки, и судятъ о его относительномъ

достоинствѣ по цвѣту. Контрабандистъ, размѣшивая и разсматривая его нѣсколько разъ противъ свѣта, называетъ его:

Tung-kow, если онъ густъ и похожъ на желе;

Pak-chat, когда онъ имѣетъ бѣловатый цвѣтъ;

Hong-chat, когда онъ красенъ, и

Kong-see-pak, если онъ перваго сорта и совершенно походить на Benares или Patna.

Для куренія, опиумъ очищаютъ почти такимъ же образомъ. Куритель прислоняетъ свою голову къ подушкѣ, поставивъ передъ собою лампу; довольно длинную иголкой кладетъ онъ не много опиума на огонь и, зажегши его, прикладываетъ къ отверстию трубки. Во все время куренія, трубка держится на огнѣ.

Такъ какъ въ одной трубкѣ не больше двухъ затажекъ, то привыкшіе къ куренію выкуриваютъ нѣсколько трубокъ.

Едва куритель втянетъ въ себя нѣсколько опійнаго дыма, глаза его оживляются, дыханіе становится спокойнѣе, вялость и боли въ членахъ проходятъ, онъ наслаждается! вмѣсто вялости чувствуется свѣжесть, вмѣсто отвращенія отъ пищи — аппетитъ; является разговорчивость и откровенность. Но скоро улыбка опять пропадаетъ съ лица, трубка вываливается изъ рукъ, глаза снова пріобрѣтаютъ свой стеклянный видъ, верхнее вѣко падаетъ, и куритель засыпаетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ. При разрушившемся здоровьи, у курителя развивается равнодушіе ко всему и тупость умственныхъ способностей; онъ становится забывчивъ, и пренебрегаетъ всѣми обязанностями, и наконецъ слабоуміе овладѣваетъ имъ все больше и больше.

Нѣкоторые говорятъ (Smith), что укороченіе жизни, вслѣдствіе куренія опія, преимущественно замѣтно между бѣдными; на богатыхъ вліяніе это не такъ замѣтно. Это очень можетъ быть, вслѣдствіе многихъ различій въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ. При общемъ равнодушіи къ ѣдѣ, курители опія ѣдятъ со вкусомъ только сахаръ и лакомства.

Упреки англійскимъ и американскимъ негодіантамъ за безнравственность этой торговли, конечно, справедливы; но они стали уже общимъ мѣстомъ. Я замѣчу только, что если современемъ Китай будетъ образованнымъ государствомъ будущій историкъ его укажетъ на торговлю опиумъ, какъ на одинъ изъ главныхъ путей, на которомъ Китай столкнулся съ Европой. Только на этомъ пути они поняли другъ друга и Китаецъ, долго противившійся всякому сближенію съ образованнымъ міромъ, не устоялъ противъ приманки торговли. Чемъ

не сдѣлали ни миссіонеры, ни дипломатія, ни посольства, то сдѣлали опиумъ; имъ завязались торговля сношенія Китая, за торговлей идетъ спутникъ ея, образованіе, вмѣстѣ съ силою и смысломъ. Нерѣдко дурными путями достигаются хорошіе результаты. Утѣшительнѣе было бы, еслибы цивилизація пришла въ Китай подъ знаменемъ болѣе гуманнымъ, еслибы направила многочисленное его населеніе, уразумѣвъ истину проповѣди миссіонеровъ, двинулось впередъ съ этимъ животворящимъ началомъ, но, кажется, пора отказаться отъ этой надежды.

Исторія миссіонеровъ въ Китаѣ есть одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи церкви. Съ одной стороны, она представляетъ безграничное самопожертвованіе, настойчивыя, неимовѣрныя усилія, непрерывные труды, несмотря ни на какія препятствія; съ другой, полное равнодушіе къ новому ученію, совершенную неспособность отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ для духовнаго созерцанія, — непониманіе и нежеланіе понимать того, что не составляетъ матеріальной потребности и матеріальнаго интереса.

Первыя усилія распространить христіанство въ центральной и восточной Азіи относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства. Въ V и VI столѣтіи встрѣчаются уже слѣды первыхъ миссіонеровъ, приходившихъ сухимъ путемъ изъ Византіи въ Китай. Эти апостолы шли съ посохомъ въ рукахъ, чрезъ горы и рѣки, чрезъ лѣса и пустыни, терпя нужду и голодь, и несли святое слово неизвѣстнымъ народамъ. Изъ надписи, найденной въ *Синганфу* (Sin-gan-fu), видно, что еще въ 635 году христіанство уже внесено было въ Китай. Сохранилось преданіе о миссіонерѣ *Кю-Тзе-у* (упоминаемомъ и въ этой надписи), герое народныхъ сказокъ и театральныхъ представленій. Онъ былъ «воготъ и зубъ государства, ухо и глазъ арміи; онъ поддиривалъ христіанскія церкви, возвышалъ крышу и двери, и удерживалъ ихъ, такъ что они уподоблялись фазанамъ, распустившимъ для полета свои крылья. Каждый годъ собиралъ онъ по три христіанъ четырехъ церквей и угощалъ ихъ скоромной пищей. Стекались голодные, и онъ ѣлъ съ ними, приходившіе замерзающіе, и онъ одѣвалъ ихъ; онъ погребалъ мертвыхъ, успокоивая ихъ въ послѣднемъ жилищѣ...» и такъ далѣе. Имя христіанство процвѣтало въ VII вѣкѣ въ Китаѣ, когда въ лонѣ своемъ людей, подобныхъ *Кю-Тзе-у*. Въ IX вѣкѣ съ юга началъ распространяться буддизмъ, не требуя умерщвленія плоти во имя духовнаго начала, опре-

дѣляя границу загробнымъ мученіямъ для грѣшныхъ, но не общая вѣчнаго блаженства праведнымъ... По буддѣйскому ученію, со смертію не кончалось все земное, была увѣренность въ переселеніе въ болѣе-высшее существо, была надежда еще разъ насладиться земными благами; а идея самоисчезанія въ безконечномъ была понятнѣе азіатскимъ племенамъ нежели идея безсмертія души. Гдѣ ни сталкивался буддизмъ съ христіанствомъ въ Азіи, онъ всегда оставался побѣдителемъ. Около этого же времени, несторіянцы размножились по всему азіатскому нагорью: въ началѣ IX вѣка, Тимоеей, патриархъ несторіянцевъ, посылалъ монаховъ на Каспійское море для проповѣди. Во время Чингисъ-Хана, миссіонеры ходили въ Татарію и Китай; они брали съ собою церковную утварь, совершали религиозныя процессіи передъ татарскими князьями, которые принимали ихъ въ своихъ палаткахъ, и позволяли устраивать церкви даже на дворахъ своихъ дворцовъ. Объ этомъ, какъ извѣстно, говорятъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ Плато-Карпини и Рубруквисъ. Плато-Карпини, посланный въ 1246 году Иннокентіемъ IV, перешелъ Донъ и Волгу, и сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря проникъ въ Монголію. Почти тѣмъ же путемъ, монахъ Рубруквисъ, посланный Лудовикомъ Святымъ, проникъ въ Татарію. Въ Кара-Харумѣ, столицѣ Монголовъ, не далеко отъ дворца, увидѣлъ онъ строеніе съ крестомъ. «Я былъ, говоритъ онъ, внѣ себя отъ восхищенія, и, сначала нѣсколько сомнѣваясь, христіане ли тутъ, вошелъ съ боязнію, и нашелъ великолѣпно-убранный алтарь. На золотой парчѣ видны были изображенія Спасителя, Св. Дѣвы, Іоанна Крестителя и двухъ ангеловъ; платья ихъ изукрашены были брилліантами. Въ церкви сидѣлъ армянскій монахъ, съ лицомъ, загорѣлымъ отъ солнца, худой, въ грубомъ вретіщѣ.» Рубруквисъ нашелъ тутъ много несторіянъ и православныхъ, отправлявшихъ богослуженіе совершенно свободно. Князья и ханы крестились и защищали проповѣдниковъ вѣры. Въ началѣ XIV столѣтія, папа Климентъ V основалъ въ Пекинѣ архіепископство, въ главѣ котораго стоялъ Іоаннъ Монкорвинъ (de Moncorvin), французскій миссіонеръ, проповѣдывавшій тамъ сорокъ два года и оставившій послѣ себя цвѣтущую общину. Время до XV вѣка можно считать первымъ періодомъ исторіи христіанства въ Китаѣ; христіане находятъ опору въ правительствѣ; имъ не только не мѣшаютъ, а даже способствуютъ.

Въ XV вѣкѣ всѣ сношенія съ Китаемъ прекратились. Вниманіе всѣхъ было обращено на вновь-открытый на западѣ міръ; Китай и Зипангри исчезли изъ виду, пока не обнаружовались открытія благороднаго Венеціанца, Марко Поло.

Нужно было открывать Китай снова, и честь эта принадлежитъ Португальцамъ. Предпримчивые мореплаватели ихъ обогнули мысъ Буръ и направились въ Индію, по пути еще неизвѣстному.

Въ 1517 году, Фернандъ д'Анрада, въ качествѣ посла, явился въ Кантонъ, снискалъ дружбу намѣстника, заключилъ съ нимъ выгодный трактатъ и такимъ образомъ возобновилъ сношенія Китая съ Европою.

Португальцы, истребивъ какого-то страшнаго пирата, опустошавшаго берега Небесной Имперіи, оказали тѣмъ Китаю большую услугу. Въ благодарность за это, императоръ уступилъ имъ одинъ полуостровъ, состоявшій однако лишь изъ нѣсколькихъ дикихъ скалъ. На этихъ скалахъ возникъ Макао, который долгое время былъ единственнымъ торговымъ пунктомъ въ сношеніяхъ съ Небесною Имперіей. Гонъ-Конгъ, возникшій также на дикихъ камняхъ, убилъ Макао, который живетъ теперь только воспоминаніями прежней славы; въ немъ осталось нѣсколько старинныхъ хорошихъ домовъ, которые стоятъ пустыми, и скоро, можетъ-быть, опять европейскія суда, проходя мимо Макао, увидятъ однѣ голыя скалы и рыбака, просушивающаго на нихъ свои сѣти. Но миссіонеръ охотно посѣтитъ эти развалины. Здѣсь былъ краугольный камень созидаемой церкви, отсюда шли новые апостолы на проповѣдь въ Китай, Японію, Кохинхину, Корею, Татарію и Тонкинъ.

Въ концѣ XVI столѣтія, знаменитѣйшій изъ учениковъ Хранциска Ксаверія, возымѣвшаго мысль проповѣди въ Азіи, Матвей Ричи пришелъ въ Китай въ концѣ XVI столѣтія, но миссіонеры не нашли тамъ и слѣдовъ христіанства; посѣянные сѣмена были развѣяны, и даже въ преданіяхъ народа не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о миссіонерахъ!..

Дѣло надо было начинать снова. Отецъ Ричи заключалъ въ себѣ все для этого труднаго предпріятія. «Тотъ долженъ имѣть смѣлое, неутомимое, но мудрое, терпѣливое, медленное и притомъ дѣйствительное рвеніе, кого назначилъ Богъ быть апостоломъ въ странѣ раздражительной и подозрительной. Нужно было имѣть, дѣйствительно, возвышенное сердце, чтобы начать дѣло, совершенно разрушенное и успѣть воспользоваться таки-

ми малыми пособіями. Нужно было имѣть возвышенный духъ, глубокое и рѣдкое знаніе, чтобы пріобрѣсть уваженіе людей, которые привыкли уважать только себя.» Эти слова одного миссіонера даютъ понятіе о подвигѣ Ричи и бросаютъ яркій свѣтъ на самую страну и на тѣ затрудненія, которыя происходили отъ характера ея жителей. Послѣ двадцати лѣтъ терпѣнія и труда, Ричи видѣлъ только преслѣдованія и одно безплодное вниманіе немногихъ слушателей. Наконецъ онъ былъ принятъ при дворѣ; обращенія къ христіанству стали чаще, и во многихъ мѣстахъ начали воздвигаться церкви; умирая, онъ имѣлъ утѣшеніе оставить хорошо-устроенную общину и ревностныхъ миссіонеровъ, взявшихъ подъ защиту науку и искусства, ради успѣха проповѣди.

Въ 1687 году прибыли въ Нинъ-По французскіе миссіонеры, іезуиты, отцы de Fontancy, Tachard, Gerbillon, Le Comte, de Videlou и Bouvet. Они отправились въ Пекинъ, гдѣ скоро пріобрѣли уваженіе и удивленіе народа и высшихъ сословій за добродѣтель и знанія. Императоръ подарилъ имъ домъ въ Желтомъ городѣ, не вдалекѣ отъ своего дворца, чтобы чаще видѣться съ ними. Черезъ нѣсколько времени далъ имъ еще земли для постройки большой церкви, и, въ доказательство своего расположенія, самъ сочинилъ надпись для фронтисписа, въ честь Вѣчнаго Бога.

Императоръ Канъ-Хи объявилъ себя офиціально защитникомъ христіанской религіи; его примѣру слѣдовали князья и мандарины; число обращающихся умножалось быстро по всей имперіи; во многихъ мѣстахъ строили церкви и часовни, и народъ, не боясь преслѣдованій, крестился и свободно исповѣдывалъ новую вѣру.

Но іезуиты не умѣли удержаться на своемъ мѣстѣ, и такое положеніе дѣлъ было не продолжительно. Безпрестанныя ссоры ихъ съ послѣдователями Конфуція, интриги при дворѣ, жалобы, наконецъ исканіе духовнымъ путемъ чисто житейскихъ цѣлей, все это было причиной охлажденія къ нимъ императора. Наслѣдникъ же Канъ-Хи, Юнгъ-Тчинъ, началъ настоящія гоненія. Онъ излилъ на христіанъ всю злобу, накопившуюся въ душѣ его во время послѣдняго царствованія. Церкви снова были разрушены, общины христіанскія разсѣяны, миссіонеры изгнаны.

Черезъ два года де-Малья писалъ во Францію: «Что долженъ я писать къ вамъ въ томъ униженномъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь? Какъ описать вамъ грустныя сцены,

разыгрывающіяся въ глазахъ нашихъ? Чего мы нѣсколько лѣтъ опасались, что часто предсказывали, то наконецъ исполнилось. Наша религія въ Китаѣ преслѣдуется; всѣ миссіонеры, кромѣ двухъ въ Пекинѣ (они были математики и удержаны тамъ какъ ученые), изгнаны изъ государства; церкви разрушены и употребляются для грязныхъ службъ; издають эдикты, въ которыхъ грозятъ строгимъ наказаніемъ Китайцамъ за принятіе крещенія. Вотъ положеніе, достойное жалости, въ которомъ находится миссія, послѣ двухсотлѣтнихъ усилій и столькихъ трудовъ!»

Китайцы, твердые въ своихъ старыхъ преданіяхъ, мало выказали энергіи въ дѣлѣ вѣры; христіанство не пустило корней въ этой безплодной почвѣ.

Долгое царствованіе Кіенъ-Лона (Kien-long) напомнило было времена Канъ-Хи; миссіонеры снова получили значеніе, распространеніе Евангелія продолжалось, иногда только терпимое, иногда защищаемое. Но политическія дѣла Европы снова помѣшали развитію миссіи, и едва совсѣмъ не потухъ свѣтъ вѣры на крайнемъ Востокѣ. Во время революціи о немъ забыли. Миссіонеры умирали и некому было наследовать имъ, а Китайцы-христіане, предоставляемые самимъ себѣ, выказали много слабости при гоненіяхъ, возникшихъ вновь со вступленіемъ на престолъ Киа-Кинга.

Несмотря на такія неудачи и несбывшіяся надежды, католическая миссія не теряла мужества. Едва обстоятельства улучшились, поборники Евангелія снова переплыли моря, разсѣялись по всей странѣ, ревностно отыскивая остатки вѣры, старались возродить въ бывшихъ христіанахъ упавшій духъ и энергію, и продолжали на своемъ апостольскомъ странствованіи новый посѣвъ. Первою ихъ заботой было собрать разрозненныхъ христіанъ, и укрѣпить ихъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Тридцать лѣтъ прошло, и, въ тишинѣ, образовались новыя общины. Изъ восемнадцати провинцій Китая, въ это время каждая имѣла викаріатство, при которомъ основывалось нѣсколько школъ для воспитанія дѣвочекъ и мальчиковъ, семинарія для образованія молодыхъ духовныхъ, и общества для крещенія умирающихъ дѣтей и для приюта оставленныхъ.

Миссіонеры тайно, со всею предосторожностію, проникають внутрь государства; не возбуждая подозрѣнія, ходятъ они отъ общины къ общинѣ, обучая новоизбранныхъ, совершая таинства и всячески поддерживая рвеніе учителей и учениковъ. Каждая община имѣетъ своего главу, который

выбирается изъ болѣе-достойныхъ; онъ имѣетъ непосредственное вліяніе на вѣрующихъ, знакомитъ ихъ съ истинами религіи, и побуждаетъ отказываться отъ суевѣрія буддизма.

Этой системѣ слѣдуютъ католическіе миссіонеры; результаты есть, но очень слабыя, число христіанъ увеличивается медленно. А какъ тверды эти христіане въ своей вѣрѣ, мы это видѣли; небольшое дуновение вѣтра, и все зданіе, на которое употреблено столько усилій, разваливалось, и слѣда отъ него не оставалось. По свидѣтельству миссіонеровъ, въ Китаѣ 800.000 христіанъ,—цифра очень незначительная въ отношеніи къ народонаселенію (300.000.000 жителей), и то, по всему вѣроятію, цифра эта преувеличена.

Протестантскіе миссіонеры ограничивали свою дѣятельность городами Макао и Кантономъ, но послѣ Нанкинскаго трактата они распространили ее нѣсколько далѣе. Миссіонеры-врачи дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними и приносятъ большую пользу, излѣчивая господствующія въ странѣ болѣзни и поучая въ то же время слову Божію. Протестанты распространяютъ въ безчисленныхъ экземплярахъ переведенную на китайскій языкъ Библію, чему особенно содѣйствовалъ Медгерстъ (Medhurst), извѣстный знатокъ китайскаго языка; онъ привезъ въ Шанхай типографію, и самъ печатаетъ проповѣди и Священное Писаніе. Въ Шанхаѣ же славился госпиталь доктора Локкарта (Lockhart, отъ Лондонскаго миссіонерскаго общества), постоянно полный Китайцами, которыхъ лѣчили безденежно и со всевозможнымъ стараніемъ.

Но, несмотря на все это, большинство равнодушно ко всякой религіи.

Естественно возникаетъ вопросъ, отчего такая бесплодность проповѣди? Конечно, неблаговоленіе правительства имѣетъ въ этомъ случаѣ большое вліяніе; боязливые и малодушные Китайцы не смѣютъ нарушить запрещенія; но, кажется, можно было бы убѣдить *Сына Неба* дозволить свободу вѣроисповѣданія, потому что въ сущности онъ равнодушенъ ко всякому вѣрованію; ограничиваясь внѣшними обрядами, онъ, вмѣстѣ съ дворомъ и со всѣмъ народомъ, ни во чтѣ не вѣритъ. Императоръ Тао-Куангъ, при восшествіи на престолъ, объявилъ, что допускаетъ всѣ вѣроисповѣданія, включая и христіанство, прибавивъ, что всѣ религіозныя убѣжденія чистый вздоръ, и что самое лучшее ни во чтѣ не вѣритъ.

Китаецъ можетъ быть про себя послѣдователемъ Будды,

Конфуція, Лао-дзы, или Магомета; запрещаются только секты, извощія политическую цѣль. Къ несчастію, христіанство причисляется къ послѣднимъ, и трудно дать точное и вѣрное понятіе о немъ правительству. На миссіонеровъ смотрѣли какъ на основателей тайныхъ обществъ, и чѣмъ болѣе обнаруживали они рвенія и симпатіи, тѣмъ боязливѣе, недоброжелательнѣе и подозрительнѣе становилось правительство, смотрѣвшее на это съ своей точки зрѣнія, и само не ставившее ни во чтò религіозные интересы. Въ его глазахъ, смѣшно было предпринимать далекое путешествіе и претерпѣвать столько лишеній для того, чтобы безденежно учить молитвамъ и средству спасти свою душу. Оно видѣло, что Европейцы, проповѣдывающіе христіанство, вездѣ владычествуютъ, гдѣ бы ни поселились. Оно видѣло Испанцевъ на Филиппинскихъ островахъ, Голландцевъ на Явѣ и Суматрѣ, Португальцевъ по близости, и Англичанъ вездѣ.

Въ 1724 году, еще императоръ Юнгъ-Тчинъ говорилъ патеру де-Малля (de Mailla) между прочимъ: «Вы говорите, что ваше ученіе истинно; я вѣрю вамъ; еслибъ я его считалъ за ложное, кто бы мнѣ помѣшалъ разрушить ваши церкви и прогнать васъ? Живое ученіе то, которое подъ маской добродѣтели дышитъ духомъ возстаній и бунта, какъ ученіе *Пе-линь-хiao* (секта бѣлыхъ неньфаровъ). Но чтò скажете вы, если я къ вамъ, въ вашу страну пришлю своихъ бонзъ и ламъ проповѣдывать? Какъ вы ихъ примете? Вы хотите, чтобы всѣ Китайцы сдѣлались христіанами? Я знаю, ваше ученіе этого требуетъ; но чтò изъ этого выйдетъ? Они сдѣлаются подданными вашихъ королей. Люди, которые васъ слушаютъ, знаютъ однихъ только васъ. Во время возстанія они будутъ слушать только вашъ голосъ. Я знаю, что теперь нечего бояться; но когда корабли начнутъ приходить изъ-за тысячи миль, тогда безпорядки будутъ большіе...»

Безпрестанныя преслѣдованія конечно были достаточными препятствіями для обращенія Китайцевъ, но это не главное; было время, когда преслѣдованій не было. Канъ-Хи самъ писалъ въ пользу христіанства; строилъ церкви, и проповѣдники могли, снабженные императорскими письмами, разѣзжать по цѣлой странѣ, и даже сами могли оказывать покровительство. Но, несмотря на это, кромѣ холодности и равнодушія, они ничего не нашли въ народѣ.

Въ пяти портахъ, открытыхъ Европейцамъ, существуетъ со-

вершенная свобода вѣроисповѣданій; она поддерживается европейскими консулами и постояннымъ присутствіемъ военныхъ судовъ, и при всемъ томъ число христіанъ не увеличивается больше, нежели во внутреннихъ провинціяхъ. Въ Манильѣ, Сингапурѣ, Батавіи, Пуло-Пенангѣ, гдѣ большинство народонаселенія состоитъ изъ Китайцевъ, конечно, не боятся преслѣдованій, но и здѣсь число прозелитовъ не прибываетъ. Въ Манильѣ, правда, Китаецъ крестится, чтобы жениться на Тагалкѣ, безъ этого вѣнчать не стануть; но онъ, при этомъ условіи, такъ же охотно сдѣлался бы магометаниномъ. Если ему приходится возвращаться въ Китай, то онъ оставляетъ жену, дѣтей и религію, и приходитъ домой такъ, какъ ушелъ оттуда, то-есть безъ вѣры и безъ мысли о душѣ и безсмертіи. Матеріализмъ въ природѣ Китайца, и это, конечно, главная и единственно важная причина медленнаго распространенія христіанства въ Китаѣ. Китаецъ погруженъ въ ежедневные свои интересы; выгода и барышъ—его единственная цѣль, къ которой устремлены всѣ его желанія. Духовному онъ не вѣрить, не занимается и не хочетъ имъ заниматься. Если онъ и читаетъ религіозную книгу, то читаетъ изъ любопытства, для развлечения, чтобы убить время; она служитъ для него такимъ же занятіемъ, какъ куреніе табаку, или питье чаю. Въ своемъ равнодушіи ко всему нематеріальному, Китайцы зашли такъ далеко, что они даже не заботятся, истинно ли ученіе вѣры или нѣтъ, хорошо или дурно; религія у нихъ — мода, которой можно слѣдовать и не слѣдовать. И миссіонеры, послѣ столькихъ усилій и труда, имѣютъ одно утѣшеніе сказать, что гласъ ихъ раздается въ пустынь.

А между тѣмъ дѣла съ опіемъ пошли очень быстро!.. Впрочемъ, этотъ предметъ такъ обширенъ, что можетъ повести слишкомъ далеко; а мы еще не дошли до конца узкой улицы, на которой можетъ-быть натолкнемся на что-нибудь другое.

Вотъ еще лавчонка; слышенъ звукъ серебра, не мѣняло ли? Войдемъ. Въ лавкѣ видно торгуютъ столярными произведеніями. Доски, ящики, весла, запахъ крѣпко-душистаго дерева. Два Китайца, сидя на корточкахъ, близъ горящихъ углей, кладутъ клейма на американскіе и испанскіе доллары; одинъ приложитъ клеймо, другой хватитъ молотомъ, и долларъ летитъ со звономъ въ сторону, гдѣ набросана ихъ уже порядочная куча. Хозяинъ лавки, вѣроятно, банкиръ. Въ Китаѣ, изъ иностранныхъ монетъ ходятъ только серебряныя, преимущественно

американскіе доллары и испанскіе талеры, и только тѣ, которые имѣютъ штемпель какого-нибудь китайскаго банкира, пользующагося кредитомъ. Между ходячею монетой очень много фальшивой, и расплачиваться съ Китайцемъ совершенная мука: всякую монету онъ непремѣнно взвѣситъ на рукѣ, и какъ скоро она покажется ему сомнительною, звякнетъ ею по полу, разсмотреть, подумаетъ, конца нѣтъ!

Улица упирается въ стѣну, некуда идти, нѣтъ исхода изъ этого корридора, нѣтъ простора, гдѣ бы можно было хоть вздохнуть порядочно. Пройдемте черезъ узенькій проходъ, который мы и не замѣтили бы, но намъ указалъ его шедшій сзади насъ лодочникъ. Прошли, но и тамъ, сейчасъ за домами, тянется каналъ, весь покрытый тѣсно-столпившимися лодками и шалалалками; на каждой своя семья, домъ, своя посуда, свое грязное бѣлье, и разная нечистота, несмотря на домовитыя уши хозяекъ, моющихъ и вытирающихъ всѣ углы своего качающагося жилища. Въ этотъ каналъ, дома, смотрящіе на улицу каменными фасадами, упираются деревянными клѣтушками и надстройками на высокихъ сваяхъ. Не заглядывайте въ тѣнь этихъ свай, въ затишье этихъ зеленыхъ водъ... Но по крайней мѣрѣ за каналомъ блеститъ изумрудная зелень рисоваго поля, а за полемъ группы деревьевъ, изъ-за которыхъ поднимаютъ свою остроконечную верхушку высокая пагода. Дальше разливъ и изгибы широкой рѣки, блестящей какъ сталь, или какъ отливъ черныхъ волосъ; еще дальше воздушныя громады рисующихся горъ, съ ихъ легкими контурами, съ переливами и игрой красокъ и тѣней; на нихъ игралъ послѣдній лучъ заходящаго солнца, всеэто было поразительно хорошо и отрадно, по выходѣ изъ смрадной, тѣсной и грязной улицы.

На клипсеръ возвращаться было еще рано, мы зашли посидѣть на балконѣ космополита-трактирщика. У него есть и жена, единственная женщина въ европейскомъ костюмѣ во всемъ Нью-Таунѣ (семейство Купера живетъ на блокшивѣ); но эта единственная представительница европейскаго нѣжнаго пола не можетъ похвалиться ни красотой, ни граціей.

Съ балкона прекрасный видъ; видны почти всѣ суда, стояща по рѣкѣ, противоположный берегъ съ доками и холмами, вдали лѣса и горы. На рѣкѣ движеніе; нѣсколько китайскихъ джонокъ идутъ по теченію, одна за другой, нагруженные до послѣдней возможности; на ставшихъ на якорахъ джонокъхъ началась вечерняя музыка; иногда послы-

шится послѣдовательное лопанье чинъ-чина, носовой крикъ разнощика, что-то продающаго на своей небольшой лодочкѣ; появляющагося только по вечерамъ, а иногда и ночью. «Каа то!» вдругъ раздается среди ночной тишины у самаго клиппера и кто-нибудь, еще не заснувъ, узнаетъ по носовому и дребезжащему звуку знакомаго, но загадочнаго разнощика; во все время нашей стоянки никто не могъ догадаться, чѣмъ торговалъ онъ.

Гдѣ-нибудь на лѣсенкѣ, спустивъ свои ноги въ воду, задумался меланхолическій Китаецъ. Тихо напѣваетъ онъ грустную пѣсню... «Самъ, самъ, амъ, амъ...» напѣваетъ онъ, и можетъ-быть это самыя чувствительныя слова; въ нихъ выражаетъ онъ свои воспоминанія о родинѣ, о далекомъ дѣтствѣ, о первой любви. Точно такъ же непонятенъ и недоступенъ Китайцу самый выразительный мотивъ Россіи! Внезапною ли грустью вдругъ охватило его сердце, накипаютъ ли горячія слезы на взволнованной душѣ его? Или тихую грустью откликнулось прошедшее, уничтоженное счастье? Однообразно идутъ дни его бѣдность давитъ, потребность механической работы сводитъ человѣка на степень животнаго: гдѣ же исходъ, гдѣ утѣшительный свѣтъ вдали, гдѣ спасительное слово? Грустно, если у нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ людей не гнѣздится въ душѣ никакихъ вопросовъ жизни, и если нѣтъ возможности отвѣчать на нихъ хотя сколько-нибудь.

На нашей лодкѣ, привязанной у пристани, идутъ разговоры хозяйка все еще угощаетъ гостью свою чаемъ; мальчикъ помахалъ зажженною бумагой надъ водой, и потомъ, бросивъ ее въ тихоплещущія волны, свернулся калачикомъ и смирно заснулъ. Атомъ и его маленькая гостя давно уже спятъ. Съ противоположнаго берега долетаютъ звуки трубы, играющей вечернюю зорю; съ судовъ свистки, дающіе знать о какомъ-нибудь движеніи; иногда прошумитъ канонерка, спѣшащая зчѣмъ-то въ Кантонъ, и черная полоса дыма далеко стелется за нею. Скоро все успокаивается, кромѣ тазовъ и тарелокъ воинственныхъ джонокъ; онѣ еще не скоро угомонятся, потому что теперь новолуніе, и ему хотятъ воздать подобающую честь.

Такъ проходили дни за днями.

21-го сентября мы оставили наконецъ гонъ-конгскій рейдъ и снова начались штормы, качки, и вся та благодать, которая называется «впечатлѣніями морской жизни».

А. Вышеславцевъ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ВО ФРАНЦИИ

Histoire du Droit Criminel des peuples modernes, considérée dans ses rapports avec les progrès de la civilisation, par Albert du Boys. Paris. Auguste Durand.

Всѣмъ извѣстно, что во французской историко-политической литературѣ замѣчается, въ послѣднее время, стремленіе изслѣдовать источники того начала излишняго администрированія и чрезмѣрной централизаціи, которое, въ послѣднія два столѣтія и особенно со временъ кардинала Ришелье, отравляло политическую жизнь Франціи; но мы не знаемъ, чтобы подобное стремленіе высказывалось, или подобный вопросъ развивался кѣмъ-либо изъ французскихъ юристовъ; между тѣмъ, именно въ судебной сферѣ, болѣе чѣмъ во всякой другой, интересно было бы прослѣдить постепенное возрастаніе централизаціи, которая мало-по-малу парализовала всякое проявленіе индивидуальной дѣятельности въ народѣ. Вообще трудно отдѣлать политическое устройство страны отъ юридическаго. Характеръ правленія всегда отражается болѣе или менѣе на законахъ. Главное зло — и это зло особенно замѣтно и особенно сильно у Французовъ — заключается здѣсь въ томъ, что законъ не проистекаетъ изъ народной жизни, а постановляется извнѣ. Это зло у Французовъ до того укоренилось, что ничего другого они такъ не боятся и ничего такъ не стараются избѣ-

гать, какъ чистаго дѣйствія закона. Этого не отрицаетъ ни одинъ изъ мыслителей ихъ, ни одинъ изъ ихъ писателей. Можно поэтому признать за неоспоримый фактъ слѣдующую характеристическую черту, отличающую франкское племя от племени англо-саксонскаго: въ то время, какъ Англичанинъ уважаетъ свои законы, свято чтить ихъ и повинуется имъ, съ чувствомъ удовольствія, Французъ, напротивъ того, какъ будто полагаетъ, что совершаетъ великую заслугу передъ человечествомъ, когда сопротивляется законамъ. Франція принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ странъ на свѣтѣ, гдѣ законъ считается чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ широкимъ развитіемъ свободы. Замѣчательно, что такой взглядъ составляетъ совершенную противоположность съ англійскою системою: по англійскимъ понятіямъ, законъ есть выраженіе права, тогда какъ по мнѣнію Французовъ законъ не что иное какъ тираннія. Это не наше личное мнѣніе; это простое изложеніе факта, противъ котораго, сколько намъ кажется, никто не станетъ спорить. Французъ не любитъ закона и всякими средствами старается обходить его, сопротивляться ему и даже уничтожать его. Таковъ фактъ французской жизни. Такъ поступали Французы при всякомъ правительствѣ: какъ во время неограниченнаго самодержавія Лудовика XIV, такъ и во время императорскаго деспотизма Наполеона, такъ и въ обѣ революціи, въ ужасную революцію 1789 года и въ сентиментальную и беззаботную революцію 1848 года, такъ наконецъ и во время реставраціи, или во время парламентаризма, при Лудовикѣ-Филиппѣ. Несмотря на различныя политическія формы правительства Французы всегда показывали одно и то же отвращеніе къ своимъ законамъ, одно и то же желаніе—не повиноваться имъ. Когда Англичане считаютъ себя обязанными стать въ сильную и упорную оппозицію противъ какой-либо мѣры исполнительской власти, то прочнѣйшимъ основаніемъ такой оппозиціи служитъ имъ законъ; права Англичанъ заключаются въ законѣ. Когда же Французы увлечены революціей, то они встаютъ прежде всего на законъ и прежде всего стремятся ниспровергнуть законъ. Такое положеніе вещей въ великой странѣ которая живетъ въ нелюбви къ законамъ, нападаая на нихъ отрицая и отмѣняя ихъ всякій разъ, какъ только представляется ей къ тому случай, безспорно заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Мы желали бы также привлечь вниманіе читателей и на дру

той пунктъ. Законъ, уважаемый во Франціи менѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, нигдѣ не отличается такимъ единообразіемъ, какъ въ той же Франціи. Взглянувъ на Англiю, найдемъ, напротивъ, что законъ, уважаемый въ Англiи, быть-можетъ, болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ цивилизованнаго міра, именно характеризуется здѣсь чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Если политическія учрежденія, чтобы быть прочными, должны быть ничѣмъ болѣе, какъ только постепеннымъ и полнымъ развитіемъ народныхъ потребностей и обычаевъ, то и законы, чтобы народъ повиновался имъ и глядѣлъ на нихъ какъ на дѣйствительную свою охрану, должны быть прежде всего освященіемъ обычаевъ, мѣстныхъ и общенародныхъ. Когда законъ освящаетъ собою давно-существующій обычай, онъ имѣетъ право на существованіе преимущественно передъ всѣми законами «ученѣйшихъ докторовъ»; онъ, въ подобныхъ случаяхъ, до такой степени является *дѣломъ самого народа*, что всякій его нарушитель остается одинокимъ и даже возстановляетъ противъ себя все общество. Но гдѣ законы происходятъ изъ разныхъ комбинацій и рѣшеній теоретиковъ, тамъ всякій нарушитель закона можетъ смѣло разчитывать на общественное сочувствіе, и (какъ это постоянно бываетъ во Франціи) законъ страдаетъ въ своемъ достоинствѣ и въ своей способности совершать добро.

Нигдѣ дѣло съ какимъ-либо пунктомъ англійскаго права, французскій *юрисконсультъ* выразитъ прежде всего безграничное удивленіе при видѣ страны, которая терпитъ массу постановленій, такъ безнадежно перемѣшанныхъ и перепутанныхъ. «У васъ нѣтъ *кодекса*, какъ у насъ; у васъ нѣтъ единаго и единообразнаго *кодекса*, равно примѣнимаго ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ проступкамъ!»—вотъ что будетъ у него первымъ крикомъ отчаянія; и онъ сочтетъ знакомъ очевидной отсталости, что съ живыми человѣческими существами не поступаютъ такъ, какъ съ математическими величинами. Онъ не вдругъ даже повѣритъ существованію, напримѣръ, какого-нибудь стариннаго закона Шотландіи: такъ чудовищенъ и дикъ онъ ему покажется; потомъ, когда фактъ этого существованія, продолжающагося и въ нашъ «просвѣщенный вѣкъ», будетъ ему доказанъ, онъ не будетъ знать, что ему подумать объ этой несчастной странѣ; онъ будетъ серіозно удивляться, какъ это можетъ какое бы то ни было общество существовать при такомъ управленіи. А между тѣмъ ни одинъ мыслитель по другую сто-

рону Канада не задумается сказать, какая система практически дѣйствуетъ лучше, и жители Великобританіи находятъ для себя очень пріятнымъ нести на себя всю эту массу запутанныхъ, *нелогичныхъ*, даже нелѣпыхъ законовъ, какими могутъ они казаться ихъ сосѣдямъ, и которые между тѣмъ разрослись такъ сильно и самобытно, что добровольное подчиненіе имъ вызываетъ общее одобреніе, а попытка обойти ихъ дѣйствіе неизбежно становится *непопулярною*.

Во Франціи юридическія учрежденія, точно такъ же какъ и политическія, не возникаютъ изнутри народной жизни, а навязываются народу извне. Законъ дѣйствуетъ тамъ на общество и противъ него, никогда не дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ; во Франціи слишкомъ законодательствуютъ, такъ же точно какъ слишкомъ управляютъ; во Франціи всему покровительствуютъ и всего меньше покровительствуютъ свободѣ Французовъ. Отъ колыбели до могилы, Французы съ великимъ трудомъ пролагаютъ себѣ путь въ какомъ бы то ни было актѣ своей жизни. При рожденіи своемъ, при бракосочетаніи, при смерти, при всякой случайности въ жизни, хотя бы самой ничтожной, Французъ прежде всего имѣетъ дѣло съ *кодексами*; онъ можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности передъ судомъ за совершеніе или несовершеніе формальностей, равно незначительныхъ и въ томъ случаѣ, когда онъ выполняются, и въ томъ, когда онъ не соблюдаются. *La légalité nous tue!* (1) очень справедливо замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ въ правленіе Лудовика-Филиппа. И дѣйствительно, Французы безъ нужды опутаны кругомъ безчисленными нитями обширной законодательной ткани: удивительно ли послѣ того, что они ее ненавидятъ? Но откуда же это чрезмерное законодательствованіе, проистекающее не изъ обычаевъ народныхъ и нисколько имъ не сочувственное? «Нельзя отрицать, что въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, говорить г. Дюбуа, появилась въ европейскомъ обществѣ реакція въ пользу язычества, и вліяніе его болѣе всего сказалось въ образованіи нашихъ общественныхъ учреждений; въ это время германское начало ослаблялось, день за день, вслѣдъ за прогрессомъ цивилизациі! Отъ стариннаго хода дѣлъ осталось намъ теперь одно лишь воспоминаніе о нѣкоторыхъ льготахъ и мѣстныхъ преданіяхъ.» Любопытно прослѣдить, какъ обя-

(1) Законность губить насъ!

тельно дѣйствовало на Французовъ римское начало единообразія и излишней централизаціи, начиная съ семнадцатаго столѣтія; это начало тайно овладѣвало всякимъ, кто только стремился во Франціи сдѣлаться законодателемъ или государственнымъ человѣкомъ. Генрихъ IV, послѣдній король Франціи, понимавшій, что народъ, чтобъ удержать за собою мѣсто въ средѣ другихъ народовъ, долженъ жить самостоятельною жизнію, Генрихъ IV поддерживалъ существованіе всѣхъ истинно-народныхъ преданій, всѣхъ мѣстныхъ обычаевъ; и еслибъ ему и его министру Сюлли подражали въ теченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ другіе государи и государственные люди, то они оставили бы Франціи основы законодательнаго зданія, которымъ не доставало бы, безъ сомнѣнія, совершеннаго единства нынѣшняго кодекса, но которыя уважались бы народомъ и дѣлали бы нарушителей закона непопулярными.

Положительныя законодательства современнаго намъ образованнаго міра имѣютъ два главные источника: преданіе и римское право. Преданіе вдохновляетъ собою законодателя пропорціонально той степени, въ какой страна созрѣла для независимости и самоуправленія; римское право преобладаетъ тамъ, гдѣ государственное начало исключаетъ собою начало народное. Это именно и было прогрессивнымъ явленіемъ во французской исторіи. При династіи Валуа, между Лудовикомъ XII и Генрихомъ III, мы видимъ, что народъ дѣятеленъ и вполне готовъ самъ взяться за свое дѣло, мы видимъ, что роль «правительства» была лишь второстепенною ролью. Нѣтъ сомнѣнія, что Генрихъ IV оставилъ послѣ своей смерти независимую страну, цѣльный организмъ, состоявшій изъ живыхъ, могучихъ и взаимно уравновѣшивавшихся силъ, которыя, вмѣстѣ взятая, образовали національное тѣло, народъ. До смерти Генриха IV французская нація занята была своимъ развитіемъ. Съ кардиналомъ Ришелье мы вдругъ приходимъ къ идеѣ *государства*. Нисколько не желая уменьшать политическое величіе кардинала Ришелье (которое неоспоримо), мы должны, однако, замѣтить, что онъ болѣе, быть-можетъ, чѣмъ кто-либо изъ его преемниковъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что государство будто бы можетъ быть создано, образовано, моделировано, одушевлено личною волей одного какого-либо рѣшительнаго человѣка или меньшаго числа рѣшительныхъ людей, что эта личная воля можетъ заставить его жить и дѣйствовать независимо отъ природныхъ

наклонностей и обычаевъ народонаселенія. Со временъ Ришелье началась эта манія (другаго имени она не заслуживаетъ), до настоящей минуты владѣющая всѣми французскими законодателями и политиками, — та манія, которая во всякой живой народной силѣ видитъ нѣчто отвлеченное, и съ живыми человѣческими существами обращается какъ съ простыми математическими величинами. Лудовикъ XIV объявляетъ, что *государство* олицетворяется въ немъ, и повелительно провозглашаетъ принципъ, что король есть государство. Въ то же время онъ обращается къ Риму, какъ къ источнику всякаго законодательства; при содѣйствіи узкихъ и догматизирующихъ теоретиковъ, въ родѣ Кольбера, Лувуа и немногихъ другихъ, день и ночь сидитъ онъ (этотъ фактъ еще не всѣмъ извѣстенъ) за составленіемъ компактнаго и единообразнаго кодекса, *le Code Louis*, въ которомъ одно только было совершенно забыто — потребности, вкусы, привычки, обычаи и преданія тѣхъ самыхъ людей, которые подлежали управленію и законодательству. Конвентъ продолжаетъ эту самую систему, въ которую вошли всѣ теоретическія понятія *великаго короля* (*le grand roi*); онъ даже еще болѣе пристрастенъ къ идеѣ *государства* (слово, иногда замѣняемое другимъ словомъ — *отечество*, *la patrie*); онъ дѣйствуетъ еще отвлеченнѣе; онъ еще рѣзче примѣняетъ къ людямъ понятіе о математическихъ величинахъ, и обращается къ Риму уже съ такимъ благоговѣніемъ и поклоненіемъ, что, при особенно-торжественныхъ случаяхъ, облачаетъ своихъ самодѣльных *народныхъ трибуновъ* въ одежды римскаго гражданина. Конвентъ боготворитъ классическія преданія; мѣрами, въ которыхъ, по его мнѣнію, осуществлялось либеральное движеніе, онъ водворяетъ господство самаго отвлеченнаго деспотизма, котораго тираннической характеръ не былъ замѣченъ единственно благодаря его безличности. Что касается до консульства и имперіи, то здѣсь уже чистѣйшій Римъ. Въ Наполеонѣ воплощается *государство* столько же, какъ и въ Лудовикѣ XIV; сухіе теоретики, руководимые полномочнымъ архи-теоретикомъ, стоящимъ во главѣ ихъ, болѣе чѣмъ когда-либо задавливаютъ, запугиваютъ, угнетаютъ Францію и лишаютъ ее буквально всякой жизни, избыткомъ управленія и законодательства. Республиканцы, революціонеры, соддаты, имперіалисты, роялисты реставраціи, конституціоналисты юльской монархіи, социалисты 1848 года, декабристы нынѣшняго правительства, всѣ принимаютъ административную и юридическую централизацію за необхо-

димость, за такую вещь, которою Франція можетъ по справедливости гордиться; всё составляютъ свои теории по одному и тому же догматическому рецепту; всё равно стремятся сжать всю страну путями единого кодекса, къ которому сама страна, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражаетъ полное свое отвращеніе.

Главною цѣлю г. Дюбуа, въ его двухъ томахъ, было показать антагонизмъ между народными юридическими преданіями Франціи и духомъ ея нынѣшняго положительнаго законодательства. Г. Дюбуа ясно видитъ и положительно утверждаетъ, что юридическія *преданія* Франціи были германскаго происхожденія, такъ же какъ и англійскія; но такъ какъ децентрализація и сильная *мѣстная* жизнь были въ числѣ неизбѣжныхъ послѣдствій германскаго юридическаго духа, то французскіе правители и государственные люди, принимая систему крайней централизаціи, должны были вытѣснить этотъ духъ и очистить отъ его плевегъ изящное, «совершенно-единообразное», зданіе французскаго права.

Первымъ великимъ законодателемъ Франціи былъ Карлъ Великій, и мы искренно благодарны г. Дюбуа за то, что онъ очень успѣшно и смѣло разсѣялъ недоразумѣнія, окружавшія личность одного изъ основателей французской народности, недоразумѣнія, поддерживаемыя теоретическими увлеченіями людей школы. Поклонники античнаго взгляда на государство ищутъ опоры себѣ въ Карлѣ Великомъ: ничто не можетъ быть такъ далеко отъ истины. Карлъ Великій былъ, напротивъ, такъ глубоко убѣжденъ, что законъ долженъ быть освященіемъ обычая, онъ такъ усердно и бережно хранилъ преданіе, что по мѣрѣ успѣховъ централизаціи, всё слѣды его законодательства были тщательно искореняемы. Между тѣмъ какъ въ Англійи есть законы, существующіе еще со временъ Альфреда, во всей гладкой ткани французскаго законодательства нельзя найти, мы полагаемъ, ни малѣйшаго слѣда мыслей одного изъ самыхъ гуманныхъ, одного изъ самыхъ опытныхъ законодателей и организаторовъ христіанской эры.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова г. Дюбуа о томъ отвращеніи, съ которымъ Карлъ Великій согласился, по требованію папы (1), возстановить внѣшнее подобіе того, что было нѣкогда *имперіей*: «Во франкскомъ королѣ, говоритъ авторъ (и продолжительныя, трудолюбивыя историческія изслѣ-

(1) Льва III.

дованія даютъ его словамъ значительный авторитетъ), во Франскомъ королѣ, въ *либеральномъ* побѣдитель Саксовъ и Ломбардовъ, было какое-то сильное и таинственное предубѣжденіе противъ возобновленія отжившихъ воспоминаній и противъ принятія внѣшнихъ знаковъ того достоинства, которое носили люди, столь мало на него похожіе. Тѣ, которые считаютъ лицемѣрнымъ такое отвращеніе Карла Великаго, доказываютъ тѣмъ или слабость собственныхъ убѣжденій, или свою неспособность понять такой великій и возвышенный политическій характеръ, какимъ былъ Карлъ. Этотъ великій правитель могъ имѣть, сообразно съ духомъ его времени, нѣкоторую склонность къ романизму; какъ христіанинъ, какъ сынъ церкви, онъ былъ папистомъ, да и вѣкъ его не позволилъ бы ему быть чѣмъ бы то ни было другимъ; но какъ человекъ, какъ государь, а особенно какъ законодатель, онъ былъ всегда, сверхъ всего и прежде всего, *Франкомъ и Германцемъ*. Германскій элементъ сказывался у него во всемъ, въ его вкусахъ, привычкахъ, въ его стремленіяхъ, въ духѣ его убѣжденій: онъ никогда, между прочимъ, не устраивалъ себѣ резиденціи въ южныхъ поясахъ своей обширной имперіи, а жилъ большею частію на берегахъ Рейна, гдѣ и до сихъ поръ повсемѣстно хранится о немъ память. Въ то время, какъ Франція Капетингской династіи все болѣе и болѣе удаляется отъ юридическихъ началъ великаго основателя ея могущества, въ то время, какъ Филиппъ-Августъ и Св. Лудовикъ, Бомануаръ и Петръ де-Фонтенъ все и не ссылаются даже на *капитуляріи*, все право Германіи, образованное ея Отонами, Генрихами и Сигизмундами, наполнено принципами, правилами и практическими указаніями одного изъ величайшихъ законодателей новаго времени. Непостижимая ошибка современной Франціи заключается въ изображеніи Карла Великаго нововводителемъ, стремившимся будто бы, опередивъ свой вѣкъ, воскресить цивилизацію классическаго языческаго Рима въ средѣ полуварварскихъ племенъ, которыхъ каждая мысль, каждое чувство и каждый обычай были совершенно противоположны духу этой цивилизаціи.»

Слова, которыми Тацитъ описываетъ законодательство у Германцевъ его времени: «*de minoribus rebus principes consultant, de majoribus—omnes*» (1), совершенно примѣняются къ началамъ

(1) О менѣе-важныхъ дѣлахъ совѣщаются князья, о болѣе-важныхъ—всѣ.

представительства, находящимся въ основаніи всѣхъ юридическихъ учрежденій Карла Великаго. Его *missi dominici*, или *азекты короля*, были только центрами, вокругъ которыхъ вся масса юстиціи скоплась въ рукахъ народныхъ представителей, имѣвшихъ обязанность заботиться о сохраненіи и защитѣ правосудія. Съ одной стороны, *missi dominici* были представителями государя; съ другой, всякій дворянинъ, всякое духовное лицо въ его владѣніяхъ, всѣ тѣ *знатные* люди, которые подходятъ подъ Тацитова названіе *князей* (*principes*), обязывались по крайней мѣрѣ два раза въ годъ собираться и сообщать государю о потребностяхъ народа. А признавъ начало представительства, надобно признать и представляемую силу: сила эта — народъ, *вся нація*, тѣ, кому Тацитъ приписываетъ право судить о *важныхъ дѣлахъ*. Представительство, само по себѣ, не болѣе какъ форма; но съ нимъ всегда неразрывно связано признаніе авторитета избирателей. «Судебное устройство Карла Великаго, справедливо замѣчаетъ г. Дюбуа, поддерживало въ народномъ организмѣ постоянное и здоровое кровообращеніе. Какъ законодатель, Карлъ Великій не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемыми нововводителями. Онъ не составлялъ ни плановъ, ни системъ: онъ только пересматривалъ, исправлялъ, расширялъ, или видоизмѣнялъ юридическіе обычаи, которые онъ нашелъ уже существующими; для улучшенія ихъ онъ пользовался статутами и распоряженіями, уже установившимися по преданію; онъ *компилировалъ*, но очень заботился о томъ, чтобы не *создавать* ничего новаго. Иногда, наблюдая за ходомъ событій и за обстоятельствами, часто повторявшимися, онъ приходилъ къ заключенію, что требуется новое постановленіе; но онъ и тогда поступалъ очень осторожно, и новое свое постановленіе основывалъ главнымъ образомъ на какомъ-либо давно-существовавшемъ обычаѣ, если только находилъ возможнымъ прижѣнить его къ данному случаю. Онъ никогда не старался и не мечталъ даже о томъ, чтобы построить и создать общій и единый для всѣхъ кодексъ, онъ оставилъ каждому племени его національное законодательство, основанное на преданіи и обычаѣ, далъ, по выраженію его историка Эгингарда, *всякому чловѣку его собственный законъ* (*à chaque homme sa loi*).»

Здѣсь есть одно обстоятельство, чрезвычайно для насъ важное. Народное законодательство есть законодательство

развивающееся *изнутри*; по народной германской системѣ само общество должно быть самымъ лучшимъ своимъ защитникомъ и судьей; особенно англо-саксонскія племена очевидно стремятся къ самородному развитію права изъ юридической жизни самого народа, какъ въ политическомъ отношеніи они стремятся къ самоуправленію. Доказательство тому можно отыскать во множествѣ подробностей; но достаточно указать только на англійскихъ безвозмездныхъ судей и на англійскій институтъ великоприсяжныхъ, чтобы подтвердить это положеніе (1). Институтъ великоприсяжныхъ есть не что иное, только въ иной формѣ, какъ то же участіе народа, черезъ своихъ уполномоченныхъ, въ отправленіи общественнаго правосудія. Мы видимъ въ этомъ институтѣ поразительное проявленіе того начала, что общество держитъ свои дѣла въ собственныхъ рукахъ своихъ и непосредственно наблюдаетъ за отправленіемъ правосудія. То же самое слѣдуетъ сказать о безвозмездныхъ судьяхъ, которые, въ сущности, служатъ представителями общества, вынуждающаго уваженіе къ законамъ своей страны, необходимое для того, чтобы правосудіе могло быть отправляемо, и сами заботятся о томъ, чтобы правосудіе было отправляемо. Вся эта система, основанная на томъ, что каждый человѣкъ въ

(1) Авторъ разумѣетъ мировыхъ судей Англій и англійскую *grand-jury*, то-есть тѣхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ вопросъ объ отдачѣ подъ уголовный судъ. Сужденія этой *большой джюри*, или *великоприсяжныхъ*, происходятъ тайно, изъ деликатности къ лицамъ обвиняемымъ. Если они не находятъ достаточными доказательства противъ лица, подозреваемаго въ преступленіи, то подозрѣваемое лицо тотчасъ же освобождается. Публичному суду, то-есть публичному разбирательству передъ судьей и *малою джюри* (малыми присяжными), подлежитъ только тотъ, кого великоприсяжные найдутъ подлежащимъ суду. Такимъ образомъ, въ Англій не только судъ, но и отдача подъ судъ ввѣрены самому обществу. Для поясненія того, что говорится въ текстѣ, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Англій нѣтъ и казенныхъ обвинителей; всякій Англичанинъ имѣетъ право, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязанъ явиться въ судъ обвинителемъ; полицейскіе агенты въ этомъ отношеніи стоятъ на равной ногѣ со всѣми гражданами, съ тѣмъ только различіемъ, что число случаевъ, когда полицейскій агентъ *обязанъ* быть обвинителемъ, гораздо значительнѣе. Издержки по преслѣдованію преступленія возвращаются обвинителю изъ казны, на основаніи приговора суда, и при этомъ не дѣлается никакого различія, полицейскій ли агентъ сдѣлалъ эти издержки или частный обвинитель. *Ред.*

странѣ, по крайней мѣрѣ каждый, кто только владѣеть въ ней ~~земелью~~-либо клочкомъ земли, тѣсно связанъ съ дѣломъ законодательства и съ отправленіемъ правосудія, должна непремѣнно развивать въ большинствѣ глубокое уваженіе къ закону и способствовать тѣмъ самымъ его прочности и могучеству.

Римское законодательство въ той его формѣ, которая имѣла мнѣніе на ново-европейское законодательство, составляетъ совершенную противоположность съ этими началами. Съ точки зрѣнія этого законодательства, все человечество раздѣляется на двѣ, рѣзко разграниченныя части, на преступниковъ и ихъ судей. Централизація есть главный образъ дѣйствій этого законодательства, которое, чтобы дать ему его настоящее ~~высшее~~ имя, назовемъ мы галло-римскимъ законодательствомъ. По этой системѣ, правосудіе отправляется корпусомъ ~~людей~~, которымъ платять за то, что они его отправляютъ, и ~~которые~~, вслѣдствіе множества очевиднѣйшихъ причинъ, утрачиваютъ всякую связь съ своими согражданами. Они уже не ~~граждане~~: они *обвинители*, и весь остальной міръ обращается для нихъ въ *обвиняемыхъ*, или въ людей, которые рано или поздно могутъ стать *обвиняемыми*. Идея *преслѣдованія* неизбежно и постоянно живетъ въ сердцахъ этихъ людей; *человѣческія* существа, ббльшую или меньшую степень виновности которыхъ подлежитъ имъ открыть и подвергнуть своему рѣшенію, обращаются для нихъ въ *добычу*, и въ охотѣ за этою добычей ищутъ они и заслуги, и *удовольствія*. При современномъ состояніи французскаго законодательства, никакія двѣ силы не могутъ быть въ большей борьбѣ между собой, какъ *общество*, съ одной стороны, и тѣ люди, съ другой, которые номинально предназначены охранять это общество отъ всякаго покушенія на его права. Это главнымъ образомъ происходитъ, думаемъ мы, отъ того недостижимаго предпочтенія, которымъ пользуется, у французскихъ правителей и государственныхъ людей, централизирующее начало законодательства, падающаго на общество извнѣ, передъ народнымъ началомъ, возникающимъ изнутри и вводящимъ все общество въ дѣло его собственной охраны и защиты.

Двѣ вещи особенно замѣчательны для всякаго, кто только посвятивъ себя сравнительному изученію французскихъ и англійскихъ учреждений, политическихъ и юридическихъ: широкое развитіе *общественнаго духа* (*public spiritedness*) у Англѣ-

саксовъ и замѣчательный недостатокъ въ чемъ-либо подобномъ у галльской расы. Саксонскій *тамъ* рисковалъ конфискаціей всего своего имущества, если въ продолженіе трехъ послѣдовательныхъ сроковъ не являлся на періодическія собранія нотаблей округа; есть документы, доказывающіе, что между племенами, гдѣ преобладалъ германскій элементъ, законодательная власть вся слагалась изъ членовъ самого общества, бывшаго собственнымъ хранителемъ и судьей, и что были населенія, гдѣ «по одному судѣ приходилось на тысячу, на пятьсотъ, на сто человекъ, и даже менѣе» (1). Въ этомъ устройствѣ суда очевидно стремленіе къ самородному развитію права и крѣпость *общественной жизни* народа. Чтò же мы находимъ у галло-франкскихъ племенъ? Мы видимъ, что народное германское законодательство не могло развиться у нихъ, что общество легко подчинилось централизующему духу Рима, и что между Галлами и Франками совершенно отсутствовалъ тотъ духъ общественности, то желаніе помогать обществу въ самоохраненіи, на которыя мы только что указали.

Когда разсуждаютъ о сравнительно-низкомъ уровнѣ политической и частной нравственности во Франціи, то обыкновенно сваливаютъ вину на ея учрежденія, на ея правительство и на ея законы. Легко придти къ такому заключенію, въ которомъ, безъ сомнѣнія, есть часть правды; но есть правда и въ знаменитомъ словѣ де-Местра: «народъ всегда имѣетъ такое правительство, какого онъ заслуживаетъ»; и еще вопросъ, поэтому, не слѣдуетъ ли недостатки политическихъ и юридическихъ учреждений Франціи приписать прежде всего ничтожному развитію общественнаго духа въ тѣхъ лицахъ, призваніемъ которыхъ было привести въ дѣйствіе эти учрежденія? Мы сказали, что *германизмъ* былъ на высшей точкѣ своего развитія въ юридическихъ учрежденіяхъ Франціи при Карлѣ Великомъ. По его смерти, народный элементъ сталъ постепенно падать, хотя и не было еще явнаго обращенія къ централизующему началу. Чтò же было причиной этого паденія въ такую раннюю эпоху? Узкій эгоизмъ тѣхъ людей, которымъ ввѣрено было отправленіе правосудія въ странѣ, полное отсутствіе въ нихъ того, чтò мы назвали бы *духомъ общественности*, недостатокъ заботливости объ общественномъ благосостояніи, равнодушіе ко всякому общественному дѣлу.

(1) А. Дюбуа, т. I, стр. 353.

«Послѣ того, говоритъ г. Дюбуа, какъ императоръ Карлъ Ликій даровалъ разныя привилегіи своимъ графамъ и дворянамъ, эти лица тотчасъ же стали жаждать еще большаго расширения ихъ личнаго авторитета и власти. Прежде всего они положили руку на пошлины и другіе источники государственныхъ доходовъ, которые имѣли они право собирать только *во имя короля*; а кончили они тѣмъ, что себѣ самимъ присвоили неограниченный юридическій авторитетъ надъ людьми, находящимися въ зависимости отъ нихъ, авторитетъ, которымъ, однако, они имѣли право пользоваться только какъ представители короны. Въ началѣ они не отрицали, что власть ихъ, по сущности, есть власть производная, и что они сами подсудны королевскому судилищу—коронѣ; но на дѣлѣ они не колебались ни въ чемъ, что только могло утвердить ихъ личное преобладаніе: хитрость, вѣроломство, насилие — ко всему прибѣгали эти *знатные люди*; и такъ какъ ихъ дѣйствія были обращены непосредственно на народъ, а дѣйствія короны были отдаленны, то понятно, почему мѣстные юрисдикціи бароновъ скоро стали для народа гораздо чувствительнѣе чѣмъ сила центрального правительства. Такой порядокъ вещей легко объясняетъ великую феодальную революцію въ концѣ десятаго столѣтія при Гуго-Капетъ и введеніе феодальной системы, которая нигдѣ не достигала такого чрезмернаго развитія, какъ во Франціи.»

Мы видимъ здѣсь, что первоначально корона поручила отправление правосудія сколь возможно значительной части народа; мы замѣчаемъ со стороны короны желаніе наиболѣе широкаго участія страны въ правосудіи; и въ то же время видимъ совершенную негодность сословія, призваннаго къ тому короной; видимъ духъ узкаго эгоизма со стороны тѣхъ, кому была довѣрена защита общества, тотъ узкій эгоистическій духъ, по винѣ котораго попытка Франціи достигнуть самоуправления не имѣла успѣха.

Такъ какъ въ рукахъ знатныхъ было гораздо болѣе власти, чѣмъ въ рукахъ самого государя, то мы приходимъ къ учрежденію феодальной системы, какъ естественному послѣдствію неудачъ въ установленіи самоуправления. Но что это былъ за феодализмъ? Мы отсылаемъ читателя ко второму тому сочиненія г. Дюбуа, чтобы ближе ознакомиться съ системой отправления такъ-называемаго правосудія въ средневѣковой Франціи. «Система, воздвигнутая феодализмомъ во Франціи, говоритъ авторъ, никогда, даже въ самыя отдаленныя времена, не

существовала и не могла существовать въ Англіи. Ни прежде, ни послѣ завоеванія ея Норманами, англійскій народъ и понятія даже не имѣлъ о томъ, что повело, въ странахъ континентальныхъ, къ чрезмерной іерархической субординаціи. Сообразно съ духомъ англійской конституціи, начиная даже съ англосаксонскаго періода, государь всегда имѣлъ только характеръ лица, избраннаго и уполномоченнаго народомъ для защиты общественныхъ интересовъ.»

Если внимательно изучить избытокъ феодализма во Франціи, если принять въ разчетъ результаты, произведенные узкимъ эгоизмомъ и полнымъ отсутствіемъ всякаго общественнаго чувства со стороны французскихъ бароновъ, то не трудно будетъ понять ту благосклонность, съ какою было тамъ принято ультра-централизирующее начало. Централизація явилась тамъ обогченіемъ, реакціей противъ вышеизложенныхъ и прочихъ видовъ несправедливости. Она сдѣлалась потомъ худшею и еще болѣе жестокою тиранніей чѣмъ тираннія, ей предшествовавшая: но народъ почувствовалъ это не вдругъ, потому что тираннія феодальная, изгоняемая централизаціей, уносила вмѣстѣ съ собою то, что было всѣми ненавидимо. Однако централизація, замѣняя своимъ отвлеченнымъ, безличнымъ деспотизмомъ несправедливость и произволъ, воплощенные въ лицѣ феодальныхъ господъ и *grand-passant*, не потеряла рядомъ съ собою силы, на дѣлѣ тоже весьма жестокой, но въ принципѣ необходимой для поддержанія постояннаго равновѣсія, изъ котораго могли бы когда-нибудь развиваться конституціонныя формы правленія (а съ ними, какъ ихъ естественное послѣдствіе, и самобытное отправленіе правосудія). Французскіе бароны показали себя недостойными той роли, которая была повѣрена имъ въ дѣлахъ націи; но не было надежды, чтобы эти дѣла пошли къ лучшему, когда бароны вовсе ужь не стояли между деспотическими попопзновеніями короны и страстями народа. Это, повторяемъ, было глубоко почувствовано Генрихомъ IV и Сюлли, людьми, къ чести ихъ сказать, наименѣе *теоретическими* въ мірѣ. Оба, и Генрихъ IV, и Сюлли, какъ въ послѣдствіи Ришелье, сознавали негодность бароновъ; но ни Генрихъ, ни Сюлли, не помышляли объ уничтоженіи или хотъ *умищженіи* всего дворянства страны, дабы про-чистить дорогу учрежденію какой-нибудь диктатуры. Генрихъ IV, подобно Карлу Великому, тоже «пересмотрѣлъ бы, измѣнилъ, расширилъ или передѣлалъ бы существующіе уже обы-

чае, преданія и законы», но рѣшительно удержался бы отъ безумной попытки «создать единый кодексъ», въ которомъ очень немного или же и ровно ничего не могло бы быть при-
иѣнено ко вкусамъ, обычаямъ и преданіямъ различныхъ эле-
ментовъ народонаселенія.

Съ появленіемъ Ришелье, впервые появляется поклоненіе абстракту, появляется идея *юсударства* и упорное желаніе поступать съ людьми какъ съ математическими величинами. Феодализмъ *дворянства* былъ въ высшей степени ненавистенъ вѣсьмъ добрымъ чувствамъ министра - кардинала; все, что въ немъ было лучшаго и возвышеннѣйшаго, благороднѣйшаго и справедливѣйшаго, было оскорблено скандальною и разврат-
ною жизнью высшихъ слоевъ французскаго общества. Но по-
ттенный кардиналъ не видѣлъ, что *никакая сила не должна быть истребляема*, что въ чемъ корень зла, въ томъ же мо-
жетъ быть и корень добра; онъ ничего этого не видѣлъ; онъ былъ теоретикъ, и въ умѣ своемъ онъ рѣшилъ истребленіе французской *noblesse*. Вѣрнымъ опредѣленіемъ того, что было послѣдствіемъ такого истребленія, служить слѣдующее замѣ-
чаніе лодочника у *Pont-Neuf* (обращенное къ одному изъ пер-
вовъ Франціи): «Ну, положимъ, кардиналъ отдѣлся отъ *оасъ*; за то теперь ничто не стоитъ ужъ болѣе между королею и *мами!*» И такъ было на самомъ дѣлѣ. Политическая и юриди-
ческая власть *семьировъ*, употреблявшихъ ее во зло, была уничтожена. Дворянство Франціи дурно дѣйствовало тамъ, гдѣ ему предоставлено было дѣйствовать, и вотъ пришлось ему
вовсе не дѣйствовать. Лудовикъ XIV повелъ дѣло еще далѣе, и закончилъ его уничтоженіемъ дворянства. Сыновья людей, обезглавленныхъ кардиналомъ Ришелье за ихъ крайній феодализмъ, образовали версальское *придворное дворянство*, а по-
томки ихъ были тѣ самые люди, которые оказали такое слабое со-
противленіе крайнимъ централизующимъ стремленіямъ кон-
вента и первой имперіи.

Повторяемъ, со смертію Генриха IV исчезла всякая возмож-
ность ввести во Францію систему самороднаго права; цен-
трализація становится спасеніемъ для невѣжественныхъ на-
селеній, и единообразное римское право покоряетъ себѣ народное начало, основанное на преданіи и на освященіи
обычая.

Разсмотримъ теперь, въ немногихъ словахъ, дѣйствіе, про-
зведенное юридическою централизаціей на духъ французскаго

народа, и приведшее къ тому замѣчательному факту, исклю-
чительно свойственному Франціи, что въ ней законъ непопу-
ляренъ, а популяренъ всякій его нарушитель, что въ ней за-
конъ повидимому несомнѣстимъ со свободою.

Мы уже сказали, что во Франціи законъ не коренится въ
обычаѣ или преданіи, что онъ является силой, дѣйствующей
на общество извне, и что его представители не имѣютъ ни
какой симпатіи съ гражданами, надъ которыми призваны они
производить свой судъ. Мы сказали, что, по нашему мнѣнію
этотъ порядокъ вещей имѣетъ общій источникъ со всѣми
остальнымъ, что есть недостаточнаго во Франціи, и что этотъ
источникъ есть преобладаніе централизирующаго начала и введе-
ніе законодательства, основаннаго не на жизни, а на теоріи.

Какія же послѣдствія всего того, что мы такъ часто повто-
ряли? Однимъ изъ главнѣйшихъ послѣдствій служить особыи
способъ отправлять правосудіе, особыи способъ примѣнять
наказаніе къ преступленію, способъ, который не можетъ не
удивлять и не поражать безпристрастнаго чувства. Легко по-
нять, однако, что, при такомъ порядкѣ вещей, иначе и быть
не можетъ. Законъ, для того чтобы приложеніе его было без-
пристрастно и благотворно, долженъ быть независимъ и дол-
женъ опираться на собственныя свои достоинства. Во Франціи
законъ не имѣетъ ни того, ни другаго характера. Французское
право вырощено вчуждѣ, и самые его представители тоже во
всѣхъ отношеніяхъ чужды народу, къ которому, по обязанно-
сти своей, прилагаютъ они эти законы. Сравните, въ этомъ
отношеніи, мировыхъ судей Англій съ французскимъ, напри-
мѣръ, судебнымъ слѣдователемъ (*juge d'instruction*), которому
предоставлено рѣшать разные запутанные случаи, гдѣ онъ ни-
чего не знаетъ ни о заинтересованныхъ сторонахъ, ни о мѣст-
ныхъ обычаяхъ, и посмотрите, кто изъ этихъ двухъ предста-
вителей закона пользуется бльшимъ довѣріемъ со стороны
народа, въ комъ признаетъ народъ больше способности къ
дѣлу и больше прямоты? Всякій судья во Франціи болѣе или
менѣе чуждъ тому обществу, въ средѣ котораго долженъ онъ
жить по официальному своему назначенію. Уже *a priori* самъ
онъ сознаетъ, что онъ не любимъ, и это сознаніе приводитъ
его къ двумъ діаметрально противоположнымъ дѣйствіямъ: или
представитель закона старается заслужить популяриность, или
онъ платитъ ненавистью за ненависть и, переставая быть
судьею, становится врагомъ. Не бываетъ почти ни одного про-

цесса во Франціи, гдѣ судья не поставилъ бы себя въ одно изъ этихъ двухъ положеній. Большею частью судьи ухаживаютъ за народною любовью и пытаются личнымъ своимъ обращеніемъ ослабить отвращеніе народа къ закону. Согласно тому, какъ высказывается мѣстное общественное мнѣніе,—въ пользу ли *обвиняемаго*, или противъ него, опредѣляетъ свою роль и *обвинитель*, и вы можете уже заранѣе предвидѣть рѣшеніе суда. Но согласно ли это съ достоинствомъ закона и съ пользою, которой можетъ ожидать отъ него общество? Ничуть: и вотъ, французское право, лишенное достоинства, стоитъ на пути къ тому, чтобъ утратить и свою полезность. Приведемъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ то, что мы сказали.

Читатели не забыли еще быть-можетъ процесса, извѣстнаго подъ именемъ процесса госпожи Жефось, *l'affaire Jеufosse* Дама, жившая въ своемъ нормандскомъ помѣстьи, негодовала на вниманіе, которое сосѣдъ ея, человекъ женатый, оказывалъ ея дочери. До сихъ поръ она была въ своемъ правѣ, и была бы права совершенно, еслибы только отправилась къ *императорскому прокурору* и просила его принять мѣры для предупрежденія дальнѣйшихъ нарушеній ея домашняго покоя; это значило бы дѣйствовать совершенно въ духѣ такъ *хорошо управляемаго* французскаго общества. Правда, госпожа Жефось имѣла двухъ взрослыхъ сыновей, и намъ кажется, что было, значить, для охраненія чести дочери, средство сильнѣе обращенія къ покровительству законовъ; но мы все-таки не имѣемъ ничего противъ этого: госпожа Жефось—Французка, и ей естественно было бы обратиться къ *начальству*. Въмѣсто этого, она просто приказываетъ своему сторожу застрѣлить того, кто ей казался опаснымъ для ея мирнаго домашняго крова! Но госпожа Жефось была въ околоткѣ гораздо болѣе значительнымъ лицомъ, чѣмъ тотъ, кто палъ жертвой ея гнѣва: и вотъ общественное мнѣніе, не заходя такъ далеко, чтобъ оправдать ея поступокъ, не требуетъ и того, что мы назвали бы правосудіемъ. Правосудія и точно не было: судъ искалъ популярности. Достоинство закона едва ли поднято было процессомъ Жефось.

А какъ высоко стояло оно въ дѣлѣ дѣвицы Леоніи Шеро, укрывшей ребенка у господъ Гюа? Здѣсь общественное мнѣніе ударило въ сантиментальность и рѣшилось закрыть глаза на преступленіе, дѣйствительно совершенное, и на сознание самой подсудимой: всѣмъ вообразилось, что Леонія Шеро

была предметомъ недостойнаго обращенія съ нею другой особы, достоинство и недостойнство которой не имѣли ничего общаго съ самымъ преступленіемъ. Точно ли Леонія Шерд украдала ребенка г. Гюа? Да, она его украдала. Заслуживала ли Леонія Шерд въ какомъ-либо отношеніи участія публики? Нѣтъ, она его не заслуживала ни въ какомъ отношеніи. Она сама не отрицала, что была женщиной легкаго поведенія еще съ ранняго возраста, и самопроизвольно, а не потому, чтобъ она была кѣмъ-нибудь соблазнена; тѣмъ не менѣе изъ подробностей процесса оказывается, что особа, заслужившая благосклонность Леоніи Шерд, была еще хуже, чѣмъ она сама. Леонія Шерд, украдала ребенка г. Гюа, надѣясь, что того, съ кѣмъ имѣла она кратковременную связь, она заставитъ жениться на себѣ на томъ основаніи, что онъ покинулъ ее будто бы матерью. Извиненіе, во всякомъ случаѣ, очень слабое, и сама подсудимая не рѣшается сначала разыграть изъ себя жертву. Адвокатъ ея, рекомендуя ее снисхожденію суда, основывается на ея слабости здоровья: истерическое состояніе было здѣсь главнымъ средствомъ защиты. Вся публика сразу возмущается противъ Жоржа Пріера, бывшаго косвенною причиною преступления Леоніи. (Но ужъ больше чѣмъ косвенною причиною онъ не могъ быть ни въ какомъ случаѣ: онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что замышляла дѣвица, и на самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ это время никакого съ нею сообщенія.) Искра была брошена, за дверями суда чувство негодованія быстро разгорѣлось въ пламя. Украденный ребенокъ, страданія его родителей, все было забыто. Леонія Шерд не возбуждала противъ себя негодованія, потому что хотя она и могла быть дурнаго поведенія, однако былъ нѣкто и хуже ея, но только въ сантиментальномъ, замѣтѣе, отношеніи, а существеннаго ничего не доказали пренія. Какъ же поступили представители закона? Они покорились внѣшнему вліянію и постановили *популярное рѣшеніе*. Итакъ, *правосудія не было* въ процессѣ Леоніи Шерд: все дѣло со стороны судей заключалось во внесеніи въ протоколъ общаго мнѣнія, сложившагося за дверями суда. Законная очевидность и юридическое рѣшеніе замѣнены были возбужденіемъ потока народной сантиментальности посредствомъ эффектныхъ воззваній къ страстямъ, къ предразсудкамъ, къ романтическимъ идеямъ, къ мелодраматическимъ завязкамъ и т. п.

Возьмемъ еще другой примѣръ—недавній процессъ Анжели-

ны Лемуанъ. Что тутъ происходитъ? Департаментъ Эндрѣ и Луары обыкновенно называется во Франціи *дурно мыслящимъ* департаментомъ (*mal pensant*); онъ наполненъ демагогами и соціалистами, а потому кучеръ Жакъ Фетисъ долженъ былъ встрѣтить снисхожденіе. И точно, въ продолженіи всего процесса, мы замѣчаемъ чрезвычайное послабленіе къ человѣку, который (мы указываемъ еще на меньшее изъ его дурныхъ дѣлъ) спекулировалъ безчестіемъ пятнадцатилѣтней дѣвушки. Преступленіе Анжелины Лемуанъ и ея матери, хотя бы и доказанное, не оправдываетъ Фетиса и не дѣлаетъ его менѣе заслуживающимъ осужденія. Но Фетисъ представляетъ въ лицѣ своемъ партію демагоговъ, и потому казалось неблаго-разумнымъ осуждать его. Общественное мнѣніе обрекло наказанію госпожу Лемуанъ. Это было такъ явно, что она сама, передъ началомъ процесса, совершенно убѣдилась, что ей не избѣжать приговора; а послѣ суда, апеллируя въ высшую инстанцію, она выразила надежду, что, «отстранивъ вліяніе *мысленныхъ* предубѣжденій, ей даруютъ правосудіе». Нужно замѣтить (какъ единогласно утверждаетъ и вся англійская печать), что не было и не могло быть ни одного доказательства противъ госпожи Лемуанъ: единственнымъ противъ нея свидѣтельствомъ было свидѣтельство ея дочери, которая, даже по мнѣнію публичнаго обвинителя, не можетъ быть свидѣтельницей. Есть вѣроятіе, что показаніе госпожи Лемуанъ, по которому ребенокъ ея дочери родился мертвымъ, было правдиво: вопервыхъ, такъ-называемые *эксперты*, призванные изслѣдовать лобовую кость черепа младенца, не могли согласиться между собою въ томъ, былъ онъ или нѣтъ рожденъ преждевременно; а вовторыхъ, отчаянная гимнастика, которою упражнялась Анжелина въ періодъ времени передъ родами, могла привести къ тому результату, котораго желала ея мать. Единственный пунктъ, на которомъ основывается мнѣніе, что госпожа Лемуанъ не только уничтожила остатки мертваго ребенка, чтобы спасти дочь отъ позора, но и сама убила его, опирается лишь на *общественную оцѣнку* ея характера. Одинъ изъ свидѣтелей утверждаетъ, что онъ еще прежде совѣтовалъ г-ну Лемуану *наблюдать за женою*, такъ какъ она, по его мнѣнію (то-есть, по мнѣнію свидѣтеля), «на *кое-что* способна». Это быстро разошлось по сосѣднему населенію, и признаніе за фактъ того, что «госпожа Лемуанъ на *кое-что* способна», уничтожило возможность спокойно и безпристрастно рѣшить,

точно ли она совершила взводимое на нее преступленіе. Мы вовсе не хотимъ защищать госпожу Лемуанъ. Она во всякомъ случаѣ (если и признать правдивымъ ея показаніе) виновата въ поступкѣ незаконномъ, въ самоуправствѣ. Она поступила точно такъ же, какъ и госпожа Жефось, и точно такъ же поставила себя выше законовъ страны, что ни въ какомъ случаѣ не должно быть терпимо. Но ни ея, ни госпожи Жефось за это не преслѣдовали. Обѣихъ судили пристрастно, а не по точному смыслу законовъ. Госпожа Жефось менѣе антипатична мѣстному общественному мнѣнію, нежели жертва ея *беззаконнаго* насилія, и ее судятъ, поэтому, снисходительнѣе. Госпожа Лемуанъ осуждена тѣми, кто живетъ близъ нея, причемъ судьи чуть не задыхаются отъ общихъ увѣреній, что она «на кое-что способна», а слѣдовательно способна и на то, въ чемъ ее обвиняютъ, — и она *должна* быть, поэтому, принесена въ жертву. Но гдѣ же во всемъ этомъ правосудіе? гдѣ величіе закона, самобытнаго, независимаго, стоящаго выше всякихъ внѣшнихъ вліяній и признаваемаго такимъ со стороны всего населенія страны, и ближайшаго, и отдаленнѣйшаго? Правосудія тутъ и не ночевало. Во Франціи ни одинъ судья, если только онъ искрененъ, не рѣшится сказать, что правосудіе можетъ быть отправляемо тамъ съ тѣмъ безпристрастіемъ, съ тою строгою и совершенною чистотою, которая одна отождествляетъ примѣненіе уголовныхъ законовъ съ истиннымъ правосудіемъ и освобождаетъ законъ отъ характера мести. Когда французскіе судьи, къ ихъ досадѣ, поставлены бывають въ необходимость сознаться въ этомъ, тогда они всю вину сваливають на присяжныхъ. Ничто не можетъ превзойти мѣру той нелюбви и того презрѣнія, съ какимъ во Франціи члены магистратуры и адвокатуры постоянно отзываются объ учрежденіи, которое въ Англіи дѣйствуетъ такъ хорошо и приносятъ такія гарантіи безпристрастному дѣйствию закона. Насеріознѣйшаго вниманія заслуживають во Франціи отношенія присяжныхъ къ магистратурѣ и ея вліяніе на нихъ. Нигдѣ такъ не замѣтенъ антагонизмъ между массою отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ *народъ*, и *чиновниками*, поставленными въ сторонѣ отъ народа и получающими содержаніе за отправленіе того, что государству угодно называть *правосудіемъ*. Мы видѣли, изъ какихъ противоположныхъ источниковъ произошли обѣ эти силы; во Франціи, какъ гражданинъ во всемъ уступаетъ

чиновнику, такъ и судья господствуетъ надъ присяжными, а достоинство и *полезность* права обращаются въ ничто.

Еслибы предѣлы этой статьи допускали подробный разборъ книги, лежащей теперь передъ нами, то мы указали бы на добросовѣстное изслѣдованіе сравнительнаго законодательства почти всѣхъ странъ свѣта. Разнообразныя юридическія учрежденія и обычаи Европейцевъ и Азіятцевъ, саксонскихъ, славянскихъ, галльскихъ, мусульманскихъ расъ, съ самымъ точнымъ изслѣдованіемъ отдаленнѣйшихъ эпохъ, разказъ о разнообразномъ дѣйствіи этихъ учреждений на подлежавшее имъ общество, все это вы найдете въ трактатѣ г. Дюбуа о законодательствѣ новыхъ временъ. Но особенную и непосредственную пользу, думаемъ мы, принесетъ читателю ближайшее знакомство съ тѣмъ, что касается, въ этой книгѣ, французскаго законодательства и причинъ его очевиднаго несовершенства.

Нелюбовь народа къ его законамъ показала намъ оригинальнымъ фактомъ (а что она дѣйствительно *фактъ*, въ этомъ съ нами никто, вѣроятно, спорить не станетъ), и мы сочли не лишнимъ взглянуть на причины этого факта. Онъ кроется глубже, мы увѣрены, чѣмъ видно поверхностнымъ наблюдателямъ; рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ Французами, можетъ послужить спасительнымъ урокомъ для другихъ. Между законодательствомъ Франціи и Англіи весь вопросъ состоитъ въ централизаціи и децентрализаціи (то есть мѣстной свободѣ). Англія представляетъ собою этотъ послѣдній принципъ въ его обширнѣйшемъ развитіи; Французы представляютъ собою принципъ централизаціи въ его основномъ смыслѣ. Обѣ эти системы производили и теперь ежедневно производятъ послѣдствія, между коими не трудно отличить тѣ, которыя ведутъ къ общественному благу. Но мы не встрѣчали ни одного спеціальнаго труда, въ которомъ такъ безпристрастно указаны были бы первобытныя причины несовершенства французскаго законодательства, какъ въ книгѣ г. Дюбуа: *Исторія уголовного права у новѣйшихъ народовъ*.

(Изъ *Law Magazine and Law Review*. February, 1860).

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ФЕДОРОВНЫ

(1727¹.)

Разстрига Демидъ съ розыску по казалъ: года съ четьре назадъ Аврамъ Лопухинъ спрашивалъ его: будетъ ли бывшая царица по прежнему царицею съ сыномъ? А буде государь ее не возьметъ, то когда онъ умретъ, будетъ ли царицею и съ сыномъ? Демидъ сказалъ: «будетъ!»

(Суздальскій розыскъ. *Исторія Петра Великаго* Устр. т. III. стр. 218.).

Судьба царицы Евдокіи Федоровны замѣчательна неожиданными, крутыми переворотами. Избранная въ супруги Петру, противъ его желанія, царицею Натальею Кириловною, при пылкомъ, своенравномъ, ревнивомъ характерѣ своемъ, приверженная къ старинѣ, Евдокія не могла ожидать счастья, и это подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Уже около 1697 г. Петръ влюбился въ дѣвицу Монсъ, и искалъ случая разлучиться съ Евдо-

(1) Для соблюденія связи въ разказѣ, мы повторимъ вкратцѣ событія, предшествовавшія освобожденію царицы, подробно извѣстныя читателямъ изъ *Исторіи царствованія Петра В.* г. Устрялова, статьи г. Семейскаго и другихъ монографій.

ію. Вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, подозрѣніе пало на царицу, и Петръ, утомленный ея ревностію, безъ всякаго церковнаго суда и приговора сослалъ жену свою въ Суздальскій Покровскій монастырь и велѣлъ постричь въ монахини. Въ горѣ и нищетѣ жила царица въ монастырь Суздальскомъ; Петръ забылъ о ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея, Лопухины, помогали ей, кто платьемъ, кто съѣстными припасами; царевна Марья Алексѣевна, царица Прасковья Ѳедоровна, изрѣдка вспоминали несчастную своими подарками, и заочнымъ привѣтомъ черезъ приближенныхъ своихъ, а иногда черезъ нищихъ или юродивыхъ. Евдокія, глубоко оскорбленная несправедливостію Петра, не признала его осужденія и, черезъ нѣсколько недѣль послѣ постриженія, скинула монашеское платье и надѣла мирское. Молодое сердце кипѣло еще страстями, и вотъ явился Степанъ Глѣбовъ, страдаетъ ея бѣдствіямъ, ухаживаетъ, льститъ, даритъ ее парчами и соболями, а хитрый духовникъ царицы и корыстолюбивая келейница помогаютъ Глѣбову... преступная связь царицы не была тайной для всѣхъ монастырскихъ жителей... Скоро ревность царицы надѣла и Глѣбову; онъ бросилъ ее, и сосланной царицѣ осталось въ утѣшеніе развѣзжать молитвы по монастырямъ и селамъ, гдѣ отдавали ей почести царскія. Странно и замѣчательно, что, въ эту эпоху изобилія донощиковъ и охотниковъ до подметныхъ писемъ, никто не донесъ Петру о похожденияхъ Евдокіи,— все обнаружилось только съ пріѣздомъ царевича Алексѣя Петровича въ Москву, въ февралѣ 1718 года. Кто сдѣлалъ доносъ Петру, отъ кого онъ узналъ обо всемъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Привезенная Скорняковымъ-Писаревымъ въ Москву, Евдокія доведена была до послѣдней степени униженія какъ царица, какъ женщина. На генеральномъ дворѣ ей дана очная ставка съ бывшимъ ея любовникомъ Глѣбовымъ; она должна была при всѣхъ сознаться въ связи съ нимъ, и подтвердить это сознаніе письменно, собственноручно! Въ манифестѣ 5-го марта, это передано во всеобщее извѣстіе. Петръ не щадилъ ея. Покровскій монастырь оказался неблагонадежнымъ мѣстомъсылки, рѣшили сослать ее подальше, и 20-го марта 1718 года повезли въ Ладожскій Успенскій монастырь; «въ дорогѣ велѣно хранить ее за крѣпкимъ присмотромъ, никого къ ней не допускать, чтобы тайно никто съ нею не разговаривалъ, а говорили бы съ нею вслухъ; ежели будутъ къ ней

присланы отъ кого-нибудь деньги, то не отдавать, а отбирать.» Съ царицею была отправлена изъ прислуги одна только ея карлица. Судьба этой несчастной была неразлучна съ царицыною; она была сослана съ нею и въ Суздальскій монастырь.

19-го апрѣля 1718 г., подпоручикъ Новокщеновъ привезъ Евдокію въ Ладожскій монастырь, и помѣстилъ ее въ кельяхъ игуменни. Монастырь былъ въ жалкомъ положеніи: ни ограды, ни забора; черезъ монастырь даже проходила проезжая дорога. Новокщеновъ не зналъ, какія мѣры принять, чтобы сторожить царицу, и испрашивалъ разрѣшенія; ему приказано дожидаться другаго офицера, который придется на смѣну. Дѣйствительно, 20-го мая 1718 г., посланъ былъ капитанъ Семень Масловъ принять отъ Новокщенова царицу; ему дана была слѣдующая инструкція (1):

«Господину капитану Маслову, будучи въ Старой Ладогѣ, чинить по сему:

1.

«Пріѣхавъ въ Ладогу, пребывающую въ состоящемъ дѣвицьемъ монастырѣ, бывшую царицу у присланнаго при ней изъ Москвы, отъ гвардіи офицера, принять и во всемъ ея содержаніи поступать не оплошно.

2.

«Ради караулу при ней, и около всего монастыря, употребить данныхъ шлютебургскаго гарнизона капрала, и преображенскихъ солдатъ, которые оттуда дадутся, а именно двѣнадцать человекъ.

3.

«Потребные ей припасы, безъ которыхъ пробыть невозможно, безъ излишества, брать отъ ладожскаго ландрата. Подчерткова, о чемъ къ нему указъ посланъ.

4.

«Въ монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состоянія и чина людей, такожъ изъ монастыря, какъ ее бывшую царицу, такъ и прочихъ пребывающихъ въ томъ монастырѣ

(1) Весь послѣдующій разказъ основанъ на документахъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

монахинь, и опредѣленныхъ для отправленія Божіей службы священниковъ, отнюдь не впускать.

5.

«Имѣть доброе око, чтобы какимъ потаеннымъ образомъ ей царицѣ и сущимъ въ монастырѣ монахинямъ, также и она къ монахинямъ никакихъ, ни къ кому, ни о чемъ писемъ отнюдь не имѣли, чего опасаясь подъ потерянїемъ живота, смотрѣть неуспшно и для лучшей въ томъ осторожности велѣть днемъ и ночью вокругъ всего монастыря солдатамъ, сколькимъ чело-вѣкамъ возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайно не учинилъ, смотрѣть накрѣико.

«Во всемъ вышеизложенномъ ея бывшей царицы содержанія поступать не оплошно, и дабы отъ несмотрѣнія чего непотребнаго не учинилось. Данъ въ С.-Петербургѣ мая 20, 1718 года.»
Подписалъ Александръ Меншиковъ.

Инструкція замѣчательная! Ничего положительнаго о содержаніи матеріальномъ, а только боялись переписки царицы и монахинь, и для этого солдаты должны были безпрестанно днемъ и ночью бѣгать около монастыря, который не имѣлъ ни ограда, ни забора!

При отправленіи Маслова, изъ санктъ-петербургской походной канцеляріи, которою управлялъ Меншиковъ, забыли объ одномъ: сообщить ладожскому ландрату, что Маслову велѣно требовать отъ него всѣ припасы, нужные для царицы и монастыря. Черновую бумагу написали, но она осталась при дѣлахъ не подписанною. Въ проектѣ предписанія ландрату велѣно было для покупки всякихъ съѣстныхъ припасовъ опредѣлить нарочнаго добраго и того дѣла достойнаго дворянина, а на покупку оныхъ припасовъ деньги давать изъ наличныхъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. Монаху, священникамъ, дяконамъ, дячкамъ, пономарямъ, монастырской наставницѣ и монахинямъ денежное жалованье и прочіе всякіе съѣстные припасы въ годъ велѣно давать по особому росписанію.

Масловъ, прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладоги, расходовалъ свои деньги, но наконецъ, въ іюль 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ офиціальнымъ требованіемъ къ ландрату и просилъ его прислать: «для совершенія Божіей службы свѣчь, ладону, вина церковнаго, на просфиры муки пшеничной; для нужды и записокъ бумаги да для ея

особы крупъ гречневыхъ, уксусу, соли, икры зернистой или пашеной, луку, стола простаго на поварню, бочекъ, квасныхъ кадокъ, ушатовъ, ведръ, чашъ хлѣбныхъ, блюда деревянныхъ, ставцовъ, сидовъ деревянныхъ, горшковъ большихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ» и пр.

Ландрать Подчертковъ, не имѣя указаго предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 іюля послалъ рапортъ на высочайшее имя въ Санктъ-Петербургъ, испрашивая «указу».

Въ санктъ-петербургской походной канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ іюль, половина августа—канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокіи была тогда ничтожна въ глазахъ даже подъячихъ; каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе! 25 августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ бывшаго подъячаго Федора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меншикова указъ ландрату.

Изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это обстоятельство; вѣроятно былъ посланъ указъ ландрату, и монастырь, и Масловъ вздохнули наконецъ отъ голода и холода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній, какъ жила царица въ Ладожскомъ монастырѣ, какъ сторожилъ ее Масловъ съ полнымъ причтомъ и монахинями. Изъ Старой Ладogi она была переведена въ Шлюссельбургъ, гдѣ ее видѣлъ издали камергеръ Берхгольцъ во время посѣщенія крѣпости герцогомъ голштинскимъ; но когда и почему она переведена въ крѣпость, до сихъ поръ неизвѣстно (1).

Шли годы, и царица томилась въ своемъ заточеніи. Ссылка ея въ Ладожскій монастырь была извѣстна только не многимъ, и въ народѣ не знали гдѣ она; даже были распространены слухи, что она сожжена въ Петербургѣ, во время пожара на Конюшенномъ дворѣ въ 1721 году (2). Въ царствованіе Екате-

(1) Г. Устряловъ говоритъ напротивъ, что царица содержалась въ Ладожскомъ монастырѣ до воцаренія своего внука и жила тамъ до 1728 года. (*Ист. царств. Петра В. Т. VI*, стр. 223). М. Л.

(2) Изъ слѣдственныхъ дѣлъ тайной канцеляріи того времени, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

рины I, участь Евдокіи не измѣнилась; наконецъ 6 мая 1727 года на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича; пророчество Досіея, пострадавшаго за Евдокію въ 1718 году, могло сбыться: «ты будешь царицею, говорилъ онъ ей, или при жизни или послѣ смерти Петра». Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокія вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло, и никто не вспоминалъ о ней! Нетерпѣніе вырваться изъ двадцати-семи-лѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу князю Меншикову. 19 іюля 1727 года она писала къ нему:

«Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

«Нынѣ содержусь я въ Шлютельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оной монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескудное содержаніе въ пищѣ и въ прочемъ, и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье, и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ, и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ не возбраненный.

«Вашей высококняжей свѣтлости богомолица
«монахиня Елена.»

«Іюля 19 дня 1727 года.»

Письмо царицы застало Меншикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукіе дружно вооружали противъ него молодого императора. Въ 1718 году Меншиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ подписать указъ ландрату Подчерткову. Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи и смерти царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки, и спѣшилъ отвѣчать царицѣ:

«Государыня моя святая монахиня!

«Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлютельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ верховный совѣтъ придти, и для того просилъ господъ министровъ, чтобы по-

жаловали ко мнѣ, и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ (1); тогда предложилъ я имъ присланное ко мнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить къ Москвѣ въ Новодѣвичій монастырь, на что изволили всѣ склониться, что отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4.500 руб., и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ; для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали васъ проводить до Москвы бригадиру и комменданту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для приему указу въ Москву къ генераль-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1000 р., о семъ объявляя вашу милость поздравляю, и отъ всего моего сердца желаю дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

«Р. С. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и свояченица наша Варвара Михайловна (2) вашей милости кланяются.»

Письмо отправлено было 25 іюля съ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбардиромъ Владиміромъ Грушецкимъ, а 31 іюля данъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта камеръ-коллегіи отпустить «на нѣкоторую дачу» Шлюссельбургскому коменданту Буженинову 1000 руб. Того жъ числа, за подписаніемъ Меншикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано: отвести ей приличныя кельи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужеска пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ, и четырехъ женскаго пола; на иждивеніе выдавать ей «монахинѣ» по полпяти тысячъ рублей въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствоваться съѣстными припасами и служителями безъ всякой нужды; при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также,

(1) Это было 21 іюля, записано въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта. М. Л.

(2) Арсеньева, сестра княгини Меншиковой.

по желанію ея, бывшей царицы, свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1 августа Меншиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію комманданту Буженинову:

1.

«Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили: бывшую царицу Евдокію Федоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея вась бригадира.

2.

«И господину бригадиру Буженинову, по посланному указу, въ камеръ-коллегіи взять тысячу рублей на уборъ и дорожной проѣздъ, и убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3.

«А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Ромодановскому отдавъ,—въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письмо,—возвратиться паки въ С.-Петербургъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву репортываться.»

Тотъ же Меншиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2 сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близъ святыхъ воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5 сентября Бужениновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меншикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. 8 сентября Меншиковъ уже былъ арестованъ, лишень чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

9 февраля 1728 года въ журналъ верховнаго тайнаго совѣта въ Москвѣ записано:

«Его величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что его величество, по имѣющей своей любви и почтенію къ ея величеству государынѣ

бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержана была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и его величеству донесли. И, объявивъ сіе, изволилъ выдти, а вице-канцлеръ, баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что его величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

«И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено.

«И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ его величеству ходилъ вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, и, пришедъ, объявилъ, что его величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ ея величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василью Лукичу Долгорукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня, притомъ его величеству донести, что ежели еще и сверхъ того изволить чего требовать, то его величество со особливою своей любви и почтенія учинить изволить.»

Такъ сбылось пророчество Досифея!

Г. Есиповъ.

КОМЕТА

Какими яркими лучами
Ночнаго неба сводъ блеститъ!
Межъ помраченными звѣздами,
Ихъ застилая волосами,
Звѣзда косматая горитъ.

Какъ будто, въ бѣшеномъ движеньи
Хвостъ разметавши за собой,
Она, полна недоумѣнья,
Остановилась на мгновенье
Надъ потемнѣвшею землею.

Невольно думаю: Комета!
Увы! Въ былыя времена
Ты, какъ злобѣщая примѣта,
Была бы ужасомъ полсвѣта,
Для мудреца и для поэта
Томящей тайною полна.

И я, средь черныхъ размышленій,
Тебя бы спрашивалъ съ тоской:
«Что ты? Какой грозящій геній,
Властитель дольнихъ поколѣній,
Изъ тьмы небесъ летитъ съ тобой?»

«Или, какъ на стѣнахъ чертога
Незримый нѣкогда писалъ,
Такъ и тебя—не персть ли Бога,
Какъ букву заповѣди строгой,
Огнемъ на небѣ начерталъ?»

Но слава Вышнему! познали
Мы Духъ, которымъ мѣръ хранимъ;
Вѣка проклятыя миновали,
И думы страха и печали
Прошли—и не вернуться имъ!

Передъ сіяньемъ мысли зрѣлой
Распался древній неба сводъ,
И безъ конца, и безъ предѣла
Пространство мрака просвѣтлѣло
И мѣрозданья тайный ходъ.

И нынѣ—съ радостью, комета,
Гляжу я, какъ блистаешь ты!
Ты не грозящая примѣта,
Для взора вѣщаго поэта
Ты искра будущаго свѣта
Среди царящей темноты.

Настанутъ дни—мѣръ обновится;
И челоуѣкъ, согбенный въ прахъ,
Надъ мѣромъ смѣло воцарится
И ничего не устрашится
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Н. СТРАХОВЪ.

ПРИБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ

И

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ¹

VI.

Понятіе о передачѣ имущества, какъ необходимомъ условіи приобрѣтенія, не есть какое-либо искусственное понятіе, соединенное съ тою или другою формою приобрѣтенія, свойственное тому или другому мѣстному племенному воззрѣнію. Оно коренится въ самой сущности понятія о правѣ собственности, соединенномъ съ владѣніемъ. Право собственности, какъ полнѣйшее и простѣйшее изъ правъ гражданскихъ, для того чтобы удержать свойство *единства*, необходимое для права, должно имѣть непременно не только твердое основаніе, но и твердыя границы относительно самой вещи, на которую простирается власть собственника. Въ правѣ собственности на *землю* эта потребность выражается съ наибольшою очевидностію. Полнота господства предполагаетъ не просто-фактическое отношеніе человѣка къ вещи, не одну случайную при-

(1) Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 13.

надлежность вещи человѣку, не одно употребленіе вещи какъ орудія для житейской цѣли, хотя бы это орудіе было исключительно подвластно человѣку. Оно предполагаетъ болѣе—предполагаетъ живую, неразрывную связь человѣка съ вещью, такую связь, вслѣдствіе которой вещь не только механически соединена съ личностью, но вся сливается съ нею и проникается личностью человѣка; не всѣ предметы въ одинаковой степени способны къ такой связи съ личностью. Понятіе о правѣ собственности достигаетъ полнаго своего проявленія только въ недвижимыхъ вещахъ, и особенно въ *землѣ*: изъ всѣхъ предметовъ матеріальнаго міра земля есть самый прочный предметъ гражданскаго обладанія, въ землѣ заключается такъ-сказать матеріальная подкладка права. Ни на чемъ такъ не утверждается человѣкъ какъ на землѣ, ни съ чѣмъ такъ не связываетъ свою личность какъ съ землею. Слѣдя за историческимъ развитіемъ личности, мы замѣчаемъ, что на ряду съ этимъ развитіемъ послѣдовательно развивается и право человѣка на полное и исключительное обладаніе землею. Чѣмъ независимѣе это обладаніе, тѣмъ свободнѣе и независимѣе выступаетъ гражданская личность, и наоборотъ. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ исторія развитія понятій о поземельной собственности идетъ въ параллели съ исторіей развитія публичнаго права. Рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ владѣльца къ землѣ вызывала перемѣну въ общественныхъ отношеніяхъ, и на оборотъ. Личность владѣльца сообщала владѣемой имъ землѣ свойство полнаго или неполнаго владѣнія, и на оборотъ, съ расширеніемъ права на землю, личность владѣльца приобретаетъ болѣе и болѣе самостоятельное значеніе. Сословное право вездѣ сливается съ землевладѣніемъ, повсюду съ правомъ на землю пріобрѣтается свобода личности и всякая гражданская свобода.

Поземельная собственность на Западѣ сложилась подъ вліяніемъ понятій о феодальной зависимости. Полная собственность (аллодъ) могла принадлежать только свободному, и защищалась въ народномъ судѣ. Въ противоположность аллоду поземельные участки, предоставленные вассаламъ, находились въ зависимость, подчиненномъ, хотя и твердомъ, юридическомъ обладаніи ихъ, подъ названіемъ феода, лена. Крестьянская земля подпала подъ совершенную зависимость владѣльца имѣнія, и обложена въ пользу его тяжкими повинностями. Новѣйшая эпоха

европейской исторіи привела съ собой разрушеніе феодальныхъ связей. вмѣстѣ съ тѣмъ ослабилась и та непосредственная связь, которая существовала издревле между правомъ на поземельную собственность и общественнымъ правомъ, и собственность, освобождаясь отъ политическихъ оковъ своихъ, явилась болѣе или менѣе частнымъ предметомъ гражданского права.

И въ нашей исторіи чистое гражданское понятіе о правѣ собственности на землю образовалось не вдругъ и не само по себѣ, а приходило въ сознаніе постепенно, и въ связи съ сознаніемъ личности гражданской. Первоначальное образование и распредѣленіе собственности не зависѣло у насъ, какъ на Западѣ, отъ завоеванія; однако и у насъ въ исторіи собственности можно отыскать черты сходства съ исторіей ея на Западѣ.

Первый періодъ юридическаго быта Россіи представляется періодомъ безсознательнаго владѣнія землею. Мысль о правѣ собственности таится еще въ зародышѣ среди этого владѣнія и не выказывается, доколѣ не приходитъ въ соприкосновеніе съ выяснившимся юридическимъ началомъ. Земли было много, Славяне жили родами: съ такимъ состояніемъ согласуется понятіе о томъ, что кто что воздѣлываетъ, тотъ тѣмъ и владѣеть, что земля общая. Былъ ли въ этомъ состояніи, и какой именно, зародышъ вотчиннаго права,—мы не можемъ заключить съ достовѣрностью. По всей вѣроятности владѣніе принадлежало роду, каждый родъ расселялся по удобству: и владѣніе «по старинѣ» или по первому занятію служило единственнымъ началомъ для разрѣшенія столкновеній.

Съ прибытіемъ князей и дружины должна была произойти перемѣна. Дружина—сословіе военное, а не осѣдлое, земледѣльческое, и цѣли землевладѣнія конечно были у него не прямо земледѣльческія. Нѣтъ основанія предположить, чтобы съ прибытіемъ князей провозглашено было и водворилось правило о томъ, что вся земля на Руси принадлежитъ князю. Такое правило никогда не было провозглашаемо на Руси. Нѣтъ повода думать, что княжеская власть водворилась у насъ посредствомъ завоеванія. Нѣтъ и слѣдовъ дѣленія земли побѣжденныхъ между побѣдителями. На Западѣ германскіе завоеватели, овладѣвъ землею, уже заселенною ихъ племенемъ, находили почти вездѣ утвердившуюся систему римскихъ понятій о землевладѣніи, находили владѣльцевъ, опиравшихся на юри-

дическое понятіе о правѣ и, поставивъ свое племя въ положеніе племени и сословія господствующаго, ввели вмѣсто прежней системы новую. У насъ ничего подобнаго не было. Князья, прежде всего, не были завоевателями земли русской въ томъ смыслѣ, въ какомъ завоеваніе совершилось на Западѣ. На Руси они не нашли юридической системы землевладѣнія и, какъ по всему видно, не принесли съ собою своей собственной. Но они были все-таки князья *земли* русской (а въ народномъ понятіи народъ сливается съ землею), *правили* землею русскою. Какое именно представленіе соединялось тогда съ этимъ словомъ *править*, мы не можемъ теперь вполнѣ уяснить себѣ; но знаемъ, что въ то время не могло быть въ представленіи того рѣзкаго отличія государственнаго права отъ гражданскаго, какое опредѣлилось въ наше время. Границы частной собственности тоже еще не обозначились; слѣдовательно, если частный человекъ не затруднялся въ выборѣ земли для себя, называлъ своею ту, на которой сидѣлъ и которую обрабатывалъ, и могъ свободно переходить съ одной земли на другую, свободную, захватывая столько, на сколько стало бы его экономической силы,—то тѣмъ болѣе князь, правя землею, не возбранно могъ брать сообразно съ своимъ требованіемъ, земли, какія вздумаетъ и на какія не простиралось еще частное владѣніе. Естественно, что требованіе частнаго владѣльца на землю было и неопредѣленно и не обширно, ибо соответствовало неопредѣленной и незначительной экономической силѣ и экономической потребности, а требованіе князя могло быть очень обширно въ соответствіе обширной его силѣ и обширной потребности. Главная потребность могла обнаружиться въ надѣленіи дружины землями. Дружина составляла пришлый элементъ, не принадлежавшій къ составу земли, слѣдовательно члены дружины, пришельцы, не могли на одинаковомъ основаніи съ земскими людьми сѣсть на землѣ, гдѣ и какъ попало, непосредственно: у нихъ не было непосредственной связи съ землею. За землею имъ приходилось обращаться къ князю, который правилъ землею, и князь указываетъ, раздастъ имъ земли.

Съ водвореніемъ князя и дружиннаго элемента начинаются завоеванія, покореніе сосѣднихъ племенъ, обложеніе ихъ данью. Дань платится не на лицо земли, а на лицо князя. Дань указываетъ на подчиненное, зависимое отношеніе покореннаго племени,—не только личное, но и со всею землею этого пле-

мени, отчего и владѣніе землей получаетъ, хотя косвенно, видъ зависящаго владѣнія. Въ землѣ покореннаго племени князь имѣеть еще болѣе свободы раздавать земли своимъ дружинникамъ. Онъ разсылаеть дружину по городамъ, отдаеть дружинникамъ въ управление города и волости. Притомъ и не на однихъ покоренныхъ племена налагаетъ дань: подати и пошрины устанавливаются и для господствующаго племени,—и уже поэтому поземельное владѣніе его получаетъ видъ нѣкоторой зависимости. Князь фактически, даже и безъ нарушенія частныхъ владѣній, входитъ въ распоряженіе землею, по свойству всякой власти. Это распоряженіе болѣе и болѣе расширяется, изъ бессознательной силы развивается въ сознательное или полусознательное право. Замѣтимъ еще, что дружина все болѣе и болѣе сливается съ землею, приобретаетъ осѣдность и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается, пополняется изъ той же земли. Въ составъ ея вступаютъ туземцы, потому что съ положеніемъ дружинника связана особая честь и выгода. Самое поземельное владѣніе дружинника сравнительно съ владѣніемъ земскихъ людей должно было получить характеръ болѣе опредѣленный, и уже поэтому могло казаться привлекательнѣе. Прѣжнее различіе племенъ, состоявшихъ подъ властью князя, равно какъ отличіе земли отъ дружины, мало-по-малу сглаживается, но вмѣсто того возникаетъ, и все явственнѣе становится, различіе по роду занятій, по службѣ, по цѣсти: это различіе должно было отразиться, и дѣйствительно отразилось на землевладѣніи.

Такъ, подъ вліяніемъ дружиннаго начала, *вопервыхъ*, образуется личное владѣніе, усиливаясь все болѣе и болѣе, приходя въ большее и большее сознаніе. По мѣрѣ того, въ тѣхъ слояхъ общества, куда проникло дружинное начало, слабѣеть и теряеть значеніе прежняя форма владѣнія землею всѣмъ родомъ. Однако, въ періодъ Русской Правды, личное владѣніе видно не достигло еще до сознанія о личномъ правѣ собственности на землю, потому что Русская Правда не касается еще вопроса о наслѣдствѣ въ землѣ.

Восторыхъ, возлѣ непосредственнаго свободнаго, бессознательнаго владѣнія землею на свое имя, организуется владѣніе съ опредѣленнымъ характеромъ *права*, болѣе или менѣе зависимаго, производнаго отъ власти и инвеституры княжеской. Право есть органическое произведеніе опредѣлившагося общественнаго союза, и потому естественно, что понятіе о пра-

въ поземельнаго владѣнія и собственности развилось у насъ въ связи съ сознаниемъ о власти княжеской. Съ такимъ именно характеромъ, болѣе или менѣе опредѣленнымъ, является владѣніе дружинниковъ, въ послѣдствіи служилаго класса. Этому то политическому, государственному происхожденію *права* на землю и должно приписать то явленіе, что у насъ вотчинная власть получаетъ свойство власти государственной, и наоборотно, государственная власть проникается вотчиннымъ началомъ. Изъ сліянія того и другаго образовался старинный типъ нашего землевладѣнія: это типъ безспорно государственнаго, а не гражданскаго происхожденія (конечно, въ томъ смыслѣ, въ которомъ теперь понимаются эти выраженія, ибо въ средневѣковую эпоху различіе началъ государственнаго и гражданскаго не было еще создано).

Не удивительно, что когда явилась эта опредѣленная форма съ характеромъ *права*, хотя и зависимаго, но твердаго, тогда при первомъ столкновеніи съ нею, другая, первобытная форма свободнаго, но неопредѣленнаго землевладѣнія, не могла устоять и стала распадаться. Она распалась не переродившись потому что не въ силахъ была изъ себя же самой создать другую свободную гражданскую форму собственности, какую произвелъ когда-то римскій міръ. Свободному землевладѣнію не оставалось уже мѣста, когда сложился и выяснился возлѣ него типъ *права* производнаго, соединеннаго съ исключительною властью. Низшіе разряды населенія, оставаясь внѣ *движенія къ праву* на землю, внѣ круга служебныхъ правъ и обязанностей, не въ силахъ были удержаться при свободномъ землевладѣніи: они остались при одномъ фактическомъ пользованіи землею, на которой жили, но не могли выставить никакого *права* на землю, ибо не откуда было имъ получить его. Земля, на которой они жили, стала чужою, явилась землею князя или людей служилыхъ; а эти послѣдніе или получили ее отъ князя или хотя приобрѣли прямо захватомъ, передачею, покупкою но владѣли ею по праву, связанному съ государственнымъ служебнымъ ихъ положеніемъ. Эти служилые люди были люди свободные и переходили на службу вольно отъ одного князя къ другому, но, переходя, не оставляли за собою вотчинъ своихъ въ земляхъ оставленнаго князя: ясный признакъ того, что право ихъ на землю тѣсно связано было со службой. Это право перехода мѣшало укрѣпиться связи ихъ съ землею, мѣшало имъ вполне укрѣпить ее за собою; а когда право перехода кончи-

лось, то служилый классъ остался на земляхъ, обложенныхъ служебною повинностью. Право на землю все болѣе и болѣе пришыкало къ лицу князя, слѣдовательно яенѣе выказывался болѣе или менѣе зависимый его характеръ (1).

Въ періодъ утвержденія центральной власти московскихъ государей явилось нѣсколько видовъ частнаго землевладѣнія, но ни въ одномъ изъ нихъ не выразился чистый типъ права собственности. Крестьяне въ имѣніяхъ служилыхъ людей сидѣли на пашенныхъ жеребьяхъ, на землѣ, которая не имѣла принадлежала, а помѣщику, на чьей землѣ они сидѣли. Они и не имѣли, по всей вѣроятности, сознанія о какомъ-либо правѣ на опредѣленный участокъ земли какъ собственность, ибо покидали безпрестанно однѣ земли и переходили на другія. Правительство обязывало ихъ быть послушными владѣльцу земли; въ пользу его они обязаны были отправлять натуральныя повинности или платить оброкъ по договору. Они не теряли связи съ землей, по образу жизни своей, не теряли въ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ, потому что привыкли сидѣть на *какой-нибудь* землѣ. Но связи прочной, постоянной, съ опредѣленною мѣстностью, съ извѣстнымъ участкомъ, у нихъ не могло быть,—а право собственности возможно лишь въ отношеніи къ опредѣленному, обособленному предмету. Въ этомъ пользованіи землей не видно ничего твердаго, само собою существующаго, и потому нельзя даже назвать его правомъ на владѣніе: оно продолжалось въ теченіе того срока, пока крестьянинъ сидѣлъ на землѣ по условію. При обиліи земель пользование это могло быть довольно обширное, но въ немъ не было ничего похожего на самостоятельное право. А когда прекратилось право перехода крестьянъ, отъ этого нисколько не опредѣлялось право ихъ на владѣніе, а опредѣлилась весьма рѣзко безусловная зависимость этого владѣнія. Въ подобномъ же отношеніи къ землѣ были крестьяне, сидѣвшіе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, равно черносошные, сидѣв-

(1) Этому, по мнѣнію Неволіна, не мало способствовало и монгольское владычество. «По началамъ монгольскаго государственнаго права, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностью: подданные хана могли быть только владѣльцами земли. Такъ смотрѣли ханы и на русскія земли, а князья были посредниками между своимъ народомъ и ханами, получали отъ хана инвеституру и виѣсть съ тѣмъ становились обладателями въ своей землѣ тѣхъ правъ, которыя ханъ считалъ своею принадлежностью.»

шіе на земляхъ великаго князя. Относительно послѣднихъ, самое слово *черный* указываетъ на зависимость владѣнія отъ повинности; только здѣсь повинность является не служебно-государственной, а вотчинною повинностью передъ вотчинникомъ земли, великимъ княземъ. Прикрѣпленіе къ землѣ коснулось и этого разряда людей, и точно также отразилось на ихъ землевладѣніи. Владѣніе городскихъ обывателей тяглыми участками было тоже несвободное, но подъ условіемъ тягла и оброка, и тяглые участки ихъ не подлежали свободному распоряженію владѣльца. Ни въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ разрядовъ не видимъ самостоятельнаго права собственности на землю. Вотчинное право на нее предоставлялось имъ въ рѣдкихъ случаяхъ по особой милости государя, и въ такомъ случаѣ прежняя черная или тяглая земля ихъ превращалась въ бѣлую. Исключеніе изъ этого порядка встрѣчается только на сѣверѣ Россіи, въ древнихъ новгородскихъ областяхъ; тамъ вотчинное владѣніе землей, какъ право самостоятельное, издавна существовало и для низшихъ разрядовъ свободного населенія: такое владѣніе удержали они за собой и до послѣдняго времени. Это былъ едва ли не самый свободный видъ частнаго землевладѣнія въ Россіи (1).

Право служилыхъ классовъ на земли, образовавшееся подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ княжеской службы и власти княжеской, обозначилось еще явственнѣе въ періодъ жалованныхъ грамотъ (XIV, XV стол.), коими отъ имени князя прямо утверждаются и опредѣляются вотчинныя права владѣльца. Инвеститура, связанная съ этими грамотами, имѣетъ несравненно болѣе государственный чѣмъ гражданскій характеръ; но такой инвеституры конечно домогался каждый вотчинникъ, ибо она давала ему многочисленныя льготы и преимущества, слѣдовательно для него самого выгодно было поставить вотчинное свое владѣніе еще въ болѣшую зависимость отъ великаго князя. Съ одной стороны вотчинникъ, среди своего владѣнія, является намъ самовластнымъ хозяиномъ, какъ бы политическимъ

(1) Явленіе это Невольинъ объясняетъ древнимъ устройствомъ новгородскаго правленія, системой новгородскихъ служебныхъ повинностей, слабостью монгольскаго ига въ Новгородѣ, долговременнымъ уклоненіемъ Новгорода отъ московской централизаціи, наконецъ раннимъ развитіемъ торговой промышленности въ Новгородѣ и ближайшимъ сообщеніемъ его съ иноземными элементами.

владѣнкою, — и съ этой стороны право его твердо; но у этого права нѣтъ самостоятельности: оно принадлежитъ вотчиннику на столько, на сколько онъ служилый человекъ и подручникъ княжескій. Такой взглядъ на поземельную собственность служилыхъ людей болѣе и болѣе становился законнымъ, юридическимъ взглядомъ, по мѣрѣ того какъ усиливалась центральная власть московскихъ государей. Наконецъ, удѣльные князья и потомки ихъ сошли въ одинъ разрядъ съ людьми служилыми. Право отъѣзда кончилось. Повсюду стало «одно его великаго государя государство». На всѣхъ служилыхъ людей распространилась служебная повинность, и вотчинное право на землю поставлено въ тѣсную связь съ исполненіемъ этой повинности, со службой. Развилась помѣстная система: она не была выдумкой Ивана III или кого-нибудь изъ его предковъ. Начало ея существовало издревле; новостью была только правильная, систематическая организація раздачъ. Помѣстное право отличается отъ вотчиннаго и относительно права распоряженія, наследства и т. п., но и въ вотчинномъ правѣ было то же начало—начало служебной зависимости. И съ обладаніемъ вотчинами соединяется обязанность служить государеву службу; за неисполненіе ея и вотчина отбирается на томъ же основаніи какъ помѣстье, или вотчинникъ, нисходя въ разрядъ тяглыхъ людей, если и удерживаетъ при себѣ имѣніе, то уже не въ качествѣ вотчины, а въ качествѣ другаго, не служебнаго, но еще болѣе зависимаго, тяглаго и оброчнаго имущества (1).

(1) Наряду съ этимъ вотчиннымъ правомъ служилаго класса образуется и постепенно возрастаетъ другое, самостоятельное право и *область* землевладѣніе. Это право церквей и монастырей на огромныя ихъ вотчины, право, которое, по происхожденію, по преданію и наконецъ по юридической основѣ, взятой изъ области самостоятельнаго церковнаго канона, могло считать себя независимымъ отъ государства, но пользовалось отъ него всевозможною защитой и льготами. Въ этомъ краткомъ очеркѣ происхожденія русской поземельной собственности, мы не упоминаемъ о правѣ церкви, потому что имѣемъ въ виду только право частныхъ лицъ. Право церкви было однакоже столь самостоятельно, что могло независимо отъ государственной власти выдѣлять изъ себя права подчиненныя. Архіереи и монастыри, имѣя своихъ служилыхъ людей, раздавали имъ помѣстья на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ государь раздавалъ ихъ своимъ служилымъ людямъ, то-есть, подъ условіемъ служебной повинности. Раздача этого рода продолжалась еще и тогда, когда давно уже прекратилось дѣйствіе помѣстной системы въ общемъ государственномъ управленіи. Она прекращена окончательно лишь въ 1754 году.

Такъ образовалось у насъ своеобычное, вотчинное право на землю, такое право, котораго нельзя подвести ни подъ одну изъ римскихъ категорій, но которое можно поставить въ аналогію съ подобнымъ же правомъ верховной и подчиненной собственности, образовавшимся въ западной Европѣ подъ вліяніемъ феодальной системы (Obereigenthum и Nutzeigenthum). Въ бенефициальномъ правѣ нѣтъ ничего похожаго на собственность. Когда вассаль получилъ только право пользованія землею, оказывавшееся съ его смертію или со смертію господина, когда крестьянинъ получалъ участокъ земли въ пользованіе, вполне зависѣвшее отъ воли владѣльца,—здѣсь видимъ только зависящее владѣніе и пользованіе, и ничего болѣе. Иное дѣло ленное владѣніе: здѣсь видно не одно только право въ чужой вещи, здѣсь нѣчто выше зависимаго владѣнія, видны признаки собственности, хотя и зависимой и не самостоятельной. Но въ то же самое время, въ той же самой землѣ существуетъ для другого лица верховная собственность, съ качествомъ самостоятельности. Съ этою собственностію связаны: сознаніе своей самостоятельности, право требовать отъ подчиненнаго собственника сознанія его подчиненности, знаковъ почтенія и зависимости; право возвращать къ себѣ владѣніе, когда оно отдается выморочнымъ, право передавать верховную собственность другому лицу и возвращать къ себѣ имущество когда оно выйдетъ изъ власти подчиненнаго владѣльца. Верховному владѣльцу принадлежитъ *идеальная* сторона собственности; *реальная*, дѣйствительная сторона принадлежитъ владѣльцу подчиненному: сознавая зависимость своего права передъ верховнымъ собственникомъ, онъ владѣетъ и пользуется имуществомъ вполне, передаетъ его по наслѣдству, хотя ограниченнѣе болѣе или менѣе въ правѣ отчужденія; и въ случаѣ выморочности верховной собственности, можетъ зависимое свое право превратить въ независимое (1). Такимъ образомъ собственность въ одной и той же землѣ раздвоилась; въ ней не было полного единства, а такъ какъ всякое право стремится къ единству и это право всячески клонилось туда же. По естественному ходу, реальная сторона права рано или поздно должна была взять верхъ надъ идеальною: расширяясь и укрѣпляясь мало-по-малу, она освободилась наконецъ отъ зависимости, и

(1) Bluntschli, *deutsches Privatrecht*. Laboulaye, *Histoire du droit de propriété foncière*.

подчиненной собственности образовалась собственность полная. Право стало единымъ и возобновленіе прежняго раздвоенія сдѣлалось невозможно.

И у насъ, какъ показано выше, образовалось вотчинное владѣніе служилыхъ классовъ съ характеромъ зависимости; и у насъ оно не было просто пользованіемъ или правомъ въ чужой вещи, но простиралось на цѣлое имущество и вмѣщало въ себѣ реальныя свойства собственности. Только у насъ верховная собственность была не частнымъ правомъ какъ на Западѣ, а собственностію государственной: не дробилась и не подлежала уступкѣ и передачѣ, но отъ начала до конца сосредоточивалась въ единствѣ государственной власти. И у насъ въ постепенномъ развитіи своемъ она стремилась также къ единству, къ полному гражданскому освобожденію. Освобожденіе это совершилось исключительно подѣ влияніемъ того же государственнаго начала, дѣйствіемъ той же власти государственной. Съ одной стороны вотчинное право стремилось къ полной свободѣ распоряженія; съ другой, помѣстное право къ сближенію съ вотчиннымъ: извѣстно, что сліяніе того и другаго почти уже совершилось къ концу XVII столѣтія. Съ измѣненіемъ системы служебной повинности стало уже не нужно формальное отличіе того и другаго права, и указомъ 1714 года помѣстья сравнены съ вотчинами въ общемъ названіи недвижимыхъ имуществъ. Дворы и лавки вошли въ ту же категорію. Различіе между тяглыми и бѣлыми имуществами уничтожилось: подушная подать легла уже на лицо, а не на имущество. Право владѣть землями въ уѣздѣ считалось еще привилегіей служилаго сословія; но владѣніе дворянина все еще не могло считаться полною его собственностію въ смыслѣ гражданского права: оно состояло въ необходимой связи съ государственною обязанностію дворянина служить службу государеву. Стало-быть право собственности было не полное, не приобрѣло еще характера гражданского права, ибо зависѣло отъ исполненія владѣльцемъ государственной повинности дворянскаго сословія. Потому-то, несмотря на сліяніе помѣстій съ вотчинами, вотчинное право проникнуто было сознаніемъ государственнаго происхожденія, государственной зависимости, и страшное слово: отписать вотчины на государя, нисколько не утратило еще того дѣйствительнаго значенія, которое оно имѣло въ XVII столѣтіи. Извѣстно, что въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XVIII столѣтія конфискація частнаго

имущества была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и совершалась подъ всякими предлогами. Понятіе о полномъ правѣ собственности на землю явилось и выразилось только тогда когда служебная повинность снята съ дворянства жалованною грамотой Петра III и Екатерины II, а вслѣдъ за тѣмъ (въ 1785 году) явилось то опредѣленіе полной собственности, которое мы встрѣчаемъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ (420 ст. Гражд. Зак.) Съ этой эпохи, можно сказать только что начинается гражданская исторія русскаго права собственности.

VII.

Но это одна только сторона въ исторіи развитія понятія права собственности, относящаяся къ началу личности. Есть въ этой исторіи и другая сторона, относящаяся къ началу *экономическому*. Съ одной стороны опредѣлилось отношеніе права къ лицу; съ другой, отношеніе права къ предмету; одно касается внутренняго содержанія, внутреннихъ предѣловъ права другое, внѣшнихъ границъ его; только при полномъ, совмѣстномъ развитіи того и другаго начала можетъ установиться полная опредѣленность права собственности, полное согласіе внутренняго содержанія его съ внѣшнимъ проявленіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, право собственности не достигло еще полной своей опредѣленности, покуда остаются въ неизвѣстности матеріальныя его границы, покуда не ясна еще внѣшняя черта за которою оканчивается *мое* и начинается *твое*, неизвѣстна еще въ точности, до какого пространства земли, до какого объема вещи простирается мое владѣніе, и откуда начинается владѣніе моего сосѣда. Въ такомъ положеніи легко можетъ случиться, что и я, и сосѣдъ мой, оба будемъ простираť свое право на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и то же пространство. Таково именно свойство вотчиннаго владѣнія въ первоначальномъ, не развитомъ экономическомъ быту, когда сознаніе о собственности еще не твердо, трудъ дешевъ или имѣетъ только личное, субъективное значеніе, экономическія силы частнаго лица и цѣлаго общества не развиты, не опредѣлены, и употребленіе ихъ просто. Здѣсь большею частію случается, что даже при опредѣлительности основанія, на ко-

тѣмъ утверждено исключительное право, — владѣніе, соединенное съ этимъ правомъ, остается въ неопредѣленности, случается то ни самъ собственникъ, ни прочіе владѣльцы смежныя съ нимъ, ни само общество не имѣютъ яснаго сознанія о томъ, чѣмъ они владѣютъ. Первоначально общество уживается съ такою неопредѣлительностію владѣнія, но приходитъ время, когда съ увеличеніемъ экономическаго значенія земли, возникаетъ для общественной власти потребность установить общую единицу измѣренія, для частнаго права потребность опредѣлить въ возможной точности пространство владѣнія, соотвѣтствующее праву.

Такъ было и у насъ. Первоначальная единица для измѣренія владѣнія была весьма неопредѣлительна, ибо взята была не изъ качествъ земли, а изъ личнаго свойства владѣльца: это былъ личный трудъ; предметъ собственности опредѣлялся указаніемъ на неподвижный центръ владѣнія, на примѣръ на село, деревню, дворъ, названіе дачи и т. п., и въ этомъ отношеніи сомнѣніе устранилось. Но самое владѣніе около этого центра распространялось уже безъ всякой опредѣлительности: «куда плугъ и соха, и топоръ, и коса ходятъ». Такимъ образомъ собственникъ большею частію имѣлъ сознаніе лишь о починномъ пунктѣ своего владѣнія, и отъ этой точки владѣніе его простиралось въ неопредѣленную даль, доколѣ простиралось дѣйствіе труда его, обработка земли, не сталкиваясь съ чужимъ трудомъ и чужимъ владѣніемъ, которое въ свою очередь распространялось по мѣрѣ личнаго труда. Потребность въ болѣе твердыхъ границахъ обнаружилась тамъ, гдѣ вслѣдствіе столкновеній между владѣльцами, появились зачатки идеальнаго понятія о собственности; здѣсь встрѣчаются первыя межи владѣнія, то-есть естественныя урочища, останавливающія дѣйствіе труда, и знаки естественныя либо искусственныя, деревья, ямы, невоздѣланныя поля, откѣтки и т. п. При переходѣ владѣнія вмѣстѣ съ правомъ отъ одного лица къ другому, естественно оказывалась потребность опредѣлить, въ какомъ пространствѣ переходитъ владѣніе, обоимъ предметъ его при самомъ установленіи владѣнія въ пользу пріобрѣтателя. Отсюда произошла и у насъ простѣйшая форма передачи поземельной собственности отъ одного лица къ другому. Олицетвореніемъ такой передачи служило сначала символическое дѣйствіе (слѣды котораго, хотя и довольно слабы, замѣтны въ нашей исторіи), потомъ отводъ межи, совершаемый прежнимъ владѣльцемъ лично или черезъ довѣренное лицо, новому пріобрѣтателю, въ присутствіи свидѣтелей. При

этомъ случаѣ былъ составляемъ особый актъ отвода, или объ отводѣ межи упоминалось въ самомъ актѣ, который служилъ основаніемъ пріобрѣтенія. Такова была у насъ первая историческая форма передачи поземельной собственности (1).

Но эта первоначальная форма имѣла цѣлю опредѣлить только окружность владѣнія, обособить дачу: объ измѣреніи внутренняго ея пространства не было еще помину. Правда, и внутри дачи тотъ же личный трудъ указывалъ столь же грубую единицу для опредѣленія владѣній: пашню и угодые, соху, косу и топорь. Но по времени явилась необходимость опредѣлить яснѣе владѣніе и пашней, и угодыями. Владѣніе внутри дачи стало дробиться; если даже границы дачи были извѣстны, то внутри ея могло образоваться нѣсколько собственниковъ, изъ коихъ каждый, не имѣя яснаго сознанія о своемъ владѣніи, желалъ владѣть чѣмъ ему вадумается. Съ усложненіемъ быта, съ раздробленіемъ владѣнія должно было усилиться экономическое значеніе какъ пашни, такъ и угодыевъ, сѣнокосовъ, водъ, пастбищъ и лѣсовъ. Владѣлецъ, истощивъ однѣ полосы, могъ приниматься за разчыстку и обработку другихъ, которыя могли для той же цѣли понадобится другому владѣльцу. Но не столько потребности частныхъ лицъ указывали на необходимость привести въ извѣстность и опредѣлить границы и внутреннее содержаніе владѣній, сколько потребности московскаго правительства, которое, съ XV вѣка, собравъ подъ собою землю, стремилось притянуть къ себѣ отвсюду нити управленія. Въ концѣ XV столѣтія начала организоваться помѣстная система. Правительство, раздавая незанятые и незаселенные земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже были владѣльцы, должно было указать каждому мѣсто владѣнія, отвесить ему дачу. Установилась система взиманія подати съ поселенныхъ людей по *сохамъ*, то есть по единицамъ не поземельнаго только владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ труда хозяйственнаго. Для той и другой цѣли правительство стало дѣлать хозяйственныя описанія земель и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственныя измѣренія земель. При такихъ измѣреніяхъ означалось и количество земель; для этого вошли въ употребленіе (со времени Ивана IV) новыя единицы, все-таки еще хозяйственныя и ничтожныя для пашни — четверть, для лу-

(1) Неволіна, *Истор. Гражд. Зак.* т. II § 285. Морошкинъ, *О владѣніи*. Энгельманъ, *О пріобрѣтеніи поземельной собственности*. *Акты Юридическіе* XIV и XV в., № 71, VI—XX, 110, I, 139.

говъ—копна, для лѣсовъ—версты и четверти. Такимъ образомъ общественная власть на Руси уже въ средневѣковую эпоху изобрѣла средство для удовлетворенія той существенной потребности, которая въ наше время съ особенною силой повсюду заявляетъ себя, потребности опредѣлить для всего государства со всевозможною точностію внѣшнее пространство и внутреннее хозяйственное значеніе каждаго частнаго владѣнія. Механизмъ писцовой и межевой повѣрки былъ первобытный и грубый, цѣль ея была исключительно финансовая и служебная; но нельзя не признать въ этой системѣ тѣхъ же началъ, которыя лежатъ въ новѣйшемъ устройствѣ генеральнаго межеванія и кадастра. Система этой повѣрки простиралась на все Московское государство для той или другой цѣли. Почти все поземельное владѣніе московскаго служилаго сословія—происхожденія служебнаго, и право на землю первоначально происходило отъ государственной власти. И теперь, въ средней Россіи, почти каждое вотчинное право на землю, по началу и происхожденію своему, примыкаетъ къ жалованью, къ *отводу* отъ правительства.

Въ связи съ этою новою финансовою и служебною системою, съ этимъ стремленіемъ правительства опредѣлить по каждому владѣнію пространство его, равно какъ лицо и повинности владѣльца, установилась мало-по-малу и *новая форма прибрѣтенія* недвижной собственности.

VIII.

Съ XVI столѣтія замѣтно, что акты прибрѣтенія между частными лицами записываются у дьяковъ и по приказамъ въ книги. Къ этой запискѣ присоединяется и собраніе пошлинъ, и повѣрка основаній права того лица, отъ котораго имущество уступается или передается. Эта записка прибрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, и наконецъ въ XVII столѣтіи, въ періодъ Уложенія, занимаетъ уже главное мѣсто въ системѣ прибрѣтенія и укрѣпленія правъ собственности. Она получаетъ характеръ необходимости, обязательности безусловной до того, что съ этою запиской, хотя и не вполне сознательно, соединяется понятіе о переходѣ вещнаго права.

Центральнымъ мѣстомъ этой вотчинной записки былъ по-

мѣстный приказъ, вѣдомству коего подлежали главнымъ образомъ всѣ дѣла о запискѣ недвижимыхъ имѣній, преимущественно земель (1). Акты на дворы записывались въ книги земскаго приказа, а по городамъ у воеводъ.

Первымъ необходимымъ дѣйствіемъ, по совершеніи акта о переходѣ недвижимой собственности, была явка его въ приказъ для записки въ книгу. Приобрѣтатель просилъ справить за нимъ имѣніе и записать въ книгу. Такимъ образомъ предъявлялись и купчія, и данныя, и просроченныя закладныя и т. п. акты: вообще всѣ земли какъ помѣстныя, такъ и вотчинныя, переходившія по наслѣдству, по духовнымъ мѣнамъ, сдачамъ и сдѣлочнымъ актамъ, приобрѣтатель долженъ былъ *справить* за собою. Безъ такой справки приобретене считалось неполнымъ, неправильнымъ. Въ приказѣ дѣлалась *справка* объ имѣніи по дачамъ писцовымъ, по переписнымъ и записнымъ книгамъ разнаго наименованія: изъ этой справки можно было видѣть, состоитъ ли имѣніе въ наличности тамъ, гдѣ по акту значится, какъ велико, сколько въ немъ дачъ, четвертей, дворовъ и пр. въ чьемъ владѣніи состояло прежде и значится ли подлинно за тѣмъ владѣльцемъ, отъ имени коего совершенъ предъявляемый актъ (2). Въ важнѣйшихъ случаяхъ, напримѣръ по поводу продажи и мѣны, производился еще *допросъ* лицу, отчуждавшему имѣніе, покупщику и мѣновщику, закладчику, дарителю: стало-быть, требовалось личное содѣйствіе ихъ; въ другихъ случаяхъ допускались заручныя ихъ челобитныя, вмѣсто допроса. Затѣмъ актъ записывался въ записную вотчинную книгу, а взятыя пошлины въ приходную: это значило, что имѣніе

(1) Въ 1676 году записка о переходѣ имѣній въ Новгородѣ и Псковѣ предоставлена тамошнимъ намѣстникамъ и воеводамъ, но и оттуда вѣдѣно всякій годъ высылать въ Москву книги помѣстнымъ и вотчиннымъ дачамъ.

(2) Не достаточно было для записки, чтобы приобрѣтатель предъявилъ въ приказѣ актъ своего приобретенія и удостовѣрилъ свободное согласіе лица, отъ коего приобреталось имѣніе: требовалось еще, чтобъ это послѣднее лицо, лицо отчуждавшее, значилось тоже законнымъ собственникомъ въ книгахъ помѣстнаго приказа. Если его право не было въ нихъ записано, возникали затрудненія, и въ такомъ случаѣ требовалось, чтобы новый приобрѣтатель предъявилъ крѣпостные акты своего передатчика (auctor) въ доказательство того, что право его распорядиться имѣніемъ несомнѣнно. См. статьи о вотчинахъ 1680 года (*Полное Собраніе Законовъ* № 814, п. 3).

справки за приобретателемъ. Такимъ образомъ центральное кѣно, завѣдывавшее дѣлами этого рода, дѣлалось хранилищемъ документовъ и свѣдѣній о владѣніи недвижимою собственностію.

Несправедливо было бы видѣть одну только финансовую цѣль въ установленіи этого порядка. Безъ сомнѣнія, обрядъ справки и записки имѣлъ важное значеніе для казны государственной; но въ этомъ обрядѣ выражается, и помимо финансовой цѣли, разумное начало порядка и достовѣрности землевладѣнія, выражается желаніе московскаго правительства имѣть всегда въ рукахъ своихъ точныя свѣдѣнія о переходахъ недвижимой собственности и предупредить неизвѣстность о правахъ частныхъ владѣльцевъ. Посредствомъ справки и допроса тотчасъ могло быть приведено въ извѣстность, правильно ли совершился переходъ имѣнія, утверждалось частное право владѣнія, устанавливалось окончательное отношеніе его къ правительству въ качествѣ собственника, владѣльца известной дачи, наконецъ, что весьма важно, предупреждалась возможность двойной продажи одного и того же имѣнія въ разныя руки.

Правила о справкѣ и запискѣ разсѣяны въ памятникахъ стариннаго нашего законодательства безъ систематическаго порядка. О ней упоминается въ разныхъ мѣстахъ, по поводу отдельныхъ вопросовъ о послѣдствіяхъ той или другой сдѣлки или акта; но соображая эти отрывочныя данныя съ тѣмъ понятіемъ о приобретеніи права собственности, которое вытекаетъ изъ сущности этого права, — мы имѣемъ полное основаніе заключить, что въ эпоху Уложения съ справкой и запискою кѣнія соединялось именно понятіе о переходѣ вотчиннаго права. Въ Уложеніи прямо постановлено (XVII. 34), что въ случаѣ продажи одной и той же вотчины въ двой руки, дѣйствительною считается не та купчая, которая прежде совершена или выдана, а та, по которой *прежде* записано за покупщикомъ имѣніе въ книги помѣстнаго приказа (1): другой по-

1) Мы говоримъ: *прежде*, хотя этого слова нѣтъ въ 34 статьѣ XVII главы Уложения. Здѣсь предполагается, что въ помѣстномъ приказѣ можетъ быть только одна записка за однимъ лицомъ: «тою вотчиною владѣти тому, за кѣмъ она въ приказѣ въ книги записана, а первому купцу, владѣти не велѣти для того, что онъ ту вотчину, купивъ ея помѣствомъ приказѣ, за собою въ книги не записалъ.» Но еслибъ

купщикъ, въ этомъ случаѣ лишался имѣнія, хотя бы его купчая была совершена или выдана ранѣе. Онъ получалъ только право искать вознагражденія отъ продавца. Напротивъ, когда объ купчія оказывались незаписанными, то преимущество давалось прежде выданной купчей.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой исторической аналогіи между этимъ обрядомъ и тѣмъ порядкомъ записки, который мы видѣли въ исторіи западныхъ европейскихъ народовъ. Только тамъ порядокъ этотъ развивался въ связи съ сознаниемъ римской идеи о переходѣ вещнаго права. У насъ для такого сознанія не наступила еще въ то время пора, да и не было историческихъ данныхъ; однако, намъ кажется, что нашъ обрядъ безсознательно клонился къ той же цѣли и тавль въ себѣ ту же идею. При историческомъ изслѣдованіи учреждений не слѣдуетъ забывать, что общество, такъ же какъ и отдѣльный членъ, въ развитіи своемъ поступаетъ отъ безсознательнаго къ сознательному, и что въ первоначальномъ проявленіи и употребленіи той или другой формы не слѣдуетъ отыскивать разумнаго сознанія тѣхъ началъ, которымъ суждено въ ней выясниться въ послѣдствіи: довольно, если форма въ самомъ первомъ проявленіи своемъ оказывается разумною относительно дѣйствительности, посреди которой возникла, представляется не чуждою, извнѣ принесенною, произвольно установленною

могло случиться, что объ продажѣ записаны были въ приказѣ, то разумѣется, при одинаковомъ формальномъ достоинствѣ обоихъ актовъ, только первая записка могла считаться дѣйствительною, а вторая необходимо представлялась бы ошибкой или злоупотребленіемъ. Вотъ еще нѣсколько случаевъ, въ которыхъ законъ упоминаетъ о практическомъ значеніи записки: когда измѣнникъ, — бѣглець въ чужую землю изъ Московскаго государства, — до отъѣзда продастъ кому вотчину или заложить или просрочить, но успѣетъ записать ту купчую или кабагу въ книги на имя новаго пріобрѣтателя, въ такомъ случаѣ переходъ вѣчно признавать законнымъ, совершившимся. «А буде, кто учнетъ владѣти измѣнничьей вотчиной» по купчей или закладной, не записанной въ книгу, у того вѣчно брать вотчину на государя, «для того что онъ ту вотчину, купя или взявъ въ закладъ, на срокъ и послѣ срока за собою въ книги не записалъ». Уложеніе XVII. 38, 39. Помѣстья, сданныя по однимъ сдаточнымъ записямъ безъ челобитья государю, вѣчно отнимать и обращать въ раздачу, если они не справлены за пріобрѣтателемъ въ помѣстномъ приказѣ (XVI, 12). Подобное же правило о помѣстьяхъ прожиточныхъ, взятыхъ въ приданое за женой, о прописныхъ помѣстьяхъ, о помѣстьяхъ, самовольно записанныхъ въ вотчину (XVI. 20, 27, 28, 51).

формы, а состоитъ въ связи съ потребностями своего времени и удовлетворяетъ имъ въ практическомъ примѣненіи. Имъ форма, въ началѣ, повидимому грубая, — форма, которая сама по себѣ, отдѣльно отъ исторической и мѣстной обстановки показалась бы пустою обрядностію, развиваясь послѣдительно по мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній, лишь черезъ долгое время достигаетъ того вида, въ которомъ можно узрѣть ея мѣсто въ системѣ права, обнаружить вполне разумное ея значеніе и, прослѣдивъ исторически всѣ ея видоизмѣненія, раскрыть жизненное начало, издавна таившееся въ ней, историческое зерно, изъ котораго суждено было ей вырасти до полноты сознательнаго совершенства. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша ютчинная записка была неполною и несовершенною формою, что она совершалась въ безпорядкѣ и неправильно, и можетъ-быть, въ примѣненіи къ дѣлу слишкомъ часто обращалась въ пустую финансовую обрядность. При всемъ томъ едва ли кто станетъ спорить, что въ сущности этого обряда была практическая мысль, что въ немъ заключалось плодотворное начало, изъ котораго могла бы по времени развиться стройная и правильная система своего рода, еслибы начало это было правильно понято и примѣнено къ новымъ условіямъ преобразованнаго русскаго общества.

Къ сожалѣнію, начало это, кажется, не было понято посредикою лонки старинныхъ формъ и учреждений, которая началась у насъ при Петрѣ. Многое въ то время заимствовали мы отъ Запада, но при этомъ заимствованіи, казавшемся необходимымъ въ тогдашнемъ политическомъ положеніи Россіи, довольствовались по большей части только наружною формою, увлекаясь ею какъ увлекаются всѣ живые, но еще несозрѣвшіе умы, и при быстротѣ заимствованія, конечно, не въ состояніи были вмѣстѣ съ формою усвоить себѣ, перенести на свою почву, и то живое историческое начало, изъ котораго развилась и выросла на западной почвѣ та или другая, прельстившая насъ форма. Такъ иногда, изъ-за перенятой чужой формы, пренебрегая своею собственною, правда грубою на взглядъ, но еще не сошедшею на насъ, — мы вмѣстѣ съ оставленною формою теряли изъ виду и то историческое зерно сознанія, которое непримѣтно при насъ самихъ могло таиться въ этой старообычной формѣ.

Петръ I обратилъ вниманіе на существовавшій безпорядокъ въ положеніи и совершеніи актовъ и сдѣлокъ. Желая уничтожить неопредѣленность и произволъ въ этомъ дѣлѣ, онъ уста-

новиль новыя строгія формы совершенія актовъ крѣпостнымъ порядкомъ, и формы эти сдѣлались безусловно необходимыми для совершенія всякой сдѣлки между частными лицами. Цѣлю новаго обряда было — строгимъ надзоромъ обезпечить законность совершенія актовъ и исправное взысканіе пошлинъ въ пользу казны; но при этомъ вовсе упущено было изъ виду внутреннее значеніе вотчинной записки приобрѣтенія въ поземельную книгу: связанное съ этою запиской начало повѣрки *правъ передатчика*, начало определенное, замѣнилось неопределеннымъ началомъ — повѣрки *акта въ его законности*, и эта повѣрка совпала съ минутой *совершенія акта*. За совершеніемъ акта, правда, должна была слѣдовать явка его въ приказъ, но это была уже не прежняя явка для *сознанія* права, для повѣрки его и утвержденія запиской, а новая явка въ подлежащій приказъ — *ко владѣнію и ко взысканію пошлинъ*, въ установленный срокъ: понятно, что этотъ послѣдній обрядъ долженъ былъ утратить значеніе *существеннаго* обряда, соединеннаго съ повѣркой правъ, и понятіе объ *укрѣпленіи* имущества за приобрѣтателемъ перенесено было на моментъ совершенія самой сдѣлки, тогда какъ въ прежнемъ порядкѣ то и другое различалось. Такимъ образомъ прежній порядокъ приобрѣтенія не только усложнился двойными и обременительными формальностями, но, и это главное, онъ запутался едва ли не болѣе прежняго. Законъ не выразилъ новаго понятія о началѣ приобрѣтенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшившись отъ стараго начала, утратилъ возможность связать съ нимъ новыя формы или усовершенствовать въ связи съ нимъ прежнія формы. Отъ того со времени Петра является разладъ въ общественномъ понятіи и въ законодательствѣ объ этомъ предметѣ. Вмѣсто одного порядка являются два, и становятся рядомъ двѣ системы приобрѣтенія правъ собственности: посредствомъ совершенія акта и посредствомъ явки, справки и записки. Обѣ системы долго боролись между собою, но наконецъ первая, какъ система новаго законодательства, получила перевѣсъ. Справка въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XVIII столѣтія почиталась еще необходимою формальностью. Съ 1720 года дѣла о справкѣ и отказѣ недвижимыхъ имуществъ перешли въ вѣдомство вотчинной конторы, потомъ вотчинной коллегіи, существовавшей до 1786 года. Правительство старалось поддержать силу этого обряда, угрожая преценіями и штрафами неисполнителямъ; но въ этомъ стремленіи выража-

зась уже почти исключительно финансовая цѣль, а не цѣль практическая; это было уже произвольное предписаніе, а не практически разумное правило. А какъ на самомъ дѣлѣ возможно было владѣть имуществомъ, безъ соблюденія сложныхъ формальностей и безъ платежа пошлинъ, то на практикѣ справка имуществомъ почти вышла изъ употребленія.

Въ старинной системѣ вотчиннаго укрѣпленія, справка была главнымъ и существеннымъ дѣломъ, вотчинною запиской. Но за этою запиской слѣдовала еще вотчинная *инвеститура*, слѣдовала такъ-называемый *отказъ*. Система отказа, довольно сложная, направлена была къ тому, чтобъ огласить пріобрѣтеніе собственности на мѣстѣ, а отчасти и къ тому, чтобы пошлины государевы сколько можно болѣе прибывали. Пріобрѣтатель имѣнія послѣ справки обращался въ приказъ съ новою челобитной: вотчина-де записана въ книги, но не дано на нее отказной грамоты. По этому челобитью вновь дѣлалась въ приказѣ справка о прежнемъ производствѣ и посылалась къ мѣстному воеводѣ отказная грамота съ предписаніемъ: «послать на мѣсто кого пригоже, и, велѣвъ ему взять съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старость и цѣловальниковъ, и крестьянъ, велѣть переписать въ той вотчинѣ дворы и въ дворахъ людей по именамъ, и мѣста дворовыя, и пашню, и лѣсъ, и всякія угодыя, и все то написавъ въ книги, прислать въ приказъ, а списокъ оставить въ приказной избѣ впредь для вѣдома и спору.» За присылкой отъ воеводы отказныхъ книгъ слѣдовало иногда новое челобитье пріобрѣтателя, о посылкѣ на мѣсто вводной послушной грамоты крестьянамъ, чтобъ они его слушали, и помѣстный приказъ, сдѣлавъ вновь справку по книгамъ, посылалъ послушную грамоту. Впрочемъ, предписаніе крестьянамъ о послушаніи, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ актамъ, соединялось весьма часто и съ отказомъ. Необходимую принадлежностью всѣхъ этихъ дѣйствій было взиманіе въ помѣстномъ приказѣ пошлины по числу четвертой земли и особо съ крѣпости. Порядокъ этотъ хотя и не былъ отиѣненъ законами Петра и его преемниковъ, однако выходилъ уже изъ употребленія вмѣстѣ съ вотчинною запиской, въ теченіе XVIII столѣтія.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года положено начало новому порядку. Мѣсто прежней справки и прежняго отказа, заняли *сводъ во владѣніи и отказъ* особаго свойства, — формы, тоже оказавшіяся въ послѣдствіи не практичскими. Вмѣсто прежняго госу-

дарственного центра для всѣхъ дѣлъ о поземельной собственности, установлены по всей Россіи мѣстные центры, куда приобретатели недвижимыхъ имѣній должны были предъявлять свои акты для ввода во владѣніе, долженствовавшего служить замѣной справки, вводной, послушной и отказной грамоты. Для ввода надлежитъ предъявить актъ приобретена въ надлежащее присутственное мѣсто, въ вѣдомствѣ коего находится имѣніе. Съ этимъ дѣйствіемъ должны соединяться: 1) Повѣрка представляемаго акта и удостовѣреніе дѣйствительности его въ судѣ. 2) Предписаніе полиціи ввести приобретателя во владѣніе. 3) Оглашеніе этого предписанія, для того чтобы дать возможность оспаривать актъ тѣмъ лицамъ, коихъ права могли быть совершеніемъ его нарушены. Оно состоитъ въ прибитіи къ дверямъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, участвовавшихъ въ процессѣ ввода, объявленій о переходѣ имущества. Сверхъ того, сначала положено было дѣлать особую публикацію о ввводѣ черезъ вѣдомости, но потомъ оставлена одна публикація о совершеніи акта. 4) Приведеніе подвластныхъ людей въ послушаніе новому владѣльцу, посредствомъ временнаго отдѣленія земскаго суда, при стороннихъ людяхъ. 5) Составленіе акта о ввводѣ или вводнаго листа и выдача копій съ него новому владѣльцу. За тѣмъ отказъ въ новомъ своемъ видѣ, по учрежденію о губерніяхъ, представлялся такою формальностью, которой не было въ старинномъ обрядѣ: цѣлю ея было окончательное и безусловное укрѣпленіе имущества за лицомъ, которое безспорно владѣло имъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ формальнаго объявленія о ввводѣ (1).

(1) Этотъ двухгодичный срокъ исчисляется со времени публикаціи объ окончательномъ совершеніи акта, потому что особой публикаціи о ввводѣ теперь уже не дѣлается. Очевидно, что, назначая этотъ срокъ, законъ имѣлъ въ виду установить особенную, кратчайшую давность для утвержденія вотчиннаго права за приобретателемъ имущества, но рѣшительное признаніе этого права все-таки заключалось въ отказѣ. Съ уничтоженіемъ отказа, правило о двухлѣтнемъ срокѣ вовсе исключено изъ раздѣла III, о порядкѣ приобретена и укрѣпленія «правъ вообще», и изъ общей главы «о ввводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ по укрѣпленіямъ», слѣдовательно потеряло силу общаго правила. Оно удержано только для купчихъ крѣпостей (1524 ст. Гражд. Зак.) и для духовныхъ завѣщаній (1098 ст.). Выраженіе закона о дѣйствіи этого срока безусловно («послѣ сего никакого уже спора недопускается», «впредь всякій споръ о купчей не долженъ имѣть мѣста»); но наряду съ этимъ безусловнымъ правиломъ суще-

Это было публичное удостовѣреніе о дѣйствительномъ и безспорномъ владѣніи имѣніемъ въ теченіи такого срока, послѣ

ствуеть столь же безусловный срокъ общей земской десятилѣтней давности, исчисляемый со времени, когда началось безспорное владѣніе имуществомъ или открылось право на искъ. Отношеніе между этимъ общимъ срокомъ давности и спеціальнымъ срокомъ для спора противъ актовъ укрѣпленія вовсе не опредѣлялось и не опредѣляется закономъ: опредѣлять его тѣмъ труднѣе, что начало счисленія того и другаго срока не одинаково (публикація о совершеніи акта въ одномъ случаѣ, въ другомъ — начало безспорнаго владѣнія и открытіе права на искъ). Разграничить дѣйствіе того и другаго срока, опредѣлить какіе или чьи права и притязанія погашаются десятилѣтнимъ и какія двухлѣтнимъ— нѣтъ возможности, потому что законъ не содержитъ въ себѣ никакого начала для подобнаго разграниченія; съ другой стороны, законъ прямо не объявляетъ и того, что десятилѣтняя давность вовсе не примѣняется къ правамъ, зависящимъ отъ крѣпостнаго акта. Поэтому на практикѣ постоянно возникали недоумѣнія о примѣненіи двухлѣтняго срока. Судебная практика рѣдко рѣшалась примѣнять его тамъ, гдѣ онъ приходилъ въ столкновение съ общою давностью. И дѣйствительно, безусловное примѣненіе этого срока, при настоящемъ положеніи нашего законодательства о приобрѣтеніи, было бы несправедливо, несогласно съ практическимъ смысломъ. Сокращеніе срока давности оправдывается, какъ замѣчено выше (IV), публичностью, съ которою совершается переходъ собственности въ недвижимомъ имуществѣ, посредствомъ транскрипціи въ томъ самомъ округѣ, гдѣ состоитъ имущество. Но у насъ публичность совершенія акта не дѣйствительная, а предполагаемая, обманчивая, потому что публикація въ *Сенатскихъ Ведомостяхъ* на самомъ дѣлѣ не ведетъ къ цѣли оглашенія права. Актъ можетъ быть совершенъ въ Москвѣ на имѣніе въ Самарской губерніи; и публикація объ немъ сама по себѣ не придаетъ ни особенной твердости, ни особенной гласности приобрѣтаемому праву. Представимъ себѣ, что продано имѣніе, находящееся въ дѣйствительномъ владѣніи третьяго лица, продано такимъ лицомъ, котораго вотчинное право на это имѣніе весьма сомнительно. Имѣніе—положимъ, въ Саратовской губерніи, а купчая совершена въ Москвѣ. О совершеніи ея своевременно сдѣлана публикація, покупатель съ намѣреніемъ не требуетъ ввода во владѣніе по купчей и ждетъ истеченія двухлѣтняго срока, а по истеченіи его объявляетъ свое право по купчей безусловнымъ. Во все это время дѣйствительный владѣлецъ могъ вовсе не знать о совершившемся переходѣ: никто его не вытѣснялъ изъ владѣнія, никто не оспаривалъ его правъ. Конечно, несправедливо было бы обвинить его, отнять у него право спора и возращенія, только на томъ основаніи, что за два года помѣщена была въ *Сенатскихъ Ведомостяхъ* публикація о продажѣ того самаго имѣнія, которымъ онъ владѣлъ безспорно. Очевидно, въ этомъ случаѣ двухлѣтняя давность для спора противъ акта сталкивается съ общою давностью безспорнаго владѣнія; а подобныхъ столкновеній встрѣчается не мало въ практикѣ.

кого никакой споръ не могъ уже быть допущенъ. Соблюденіе какъ той, такъ и другой формальности, законъ признавалъ необходимымъ для полноты вотчинныхъ правъ; обрядъ ввода во владѣніе удержался до нашего времени, но отказъ уже не существуетъ. Съ отказомъ соединены были новыя формы и взысканіе четвертной пошлыны; а между тѣмъ возможно было владѣть имѣніемъ и безъ отказа; поэтому многіе владѣльцы обходились безъ него. Правительство приглашало всѣхъ къ соблюденію этого обряда, но приглашенія не имѣли успѣха. Манифестомъ 1780 года предоставлено было каждому владѣльцу справить и отказать за собою имѣніе въ теченіе пяти лѣтъ безъ платежа пошлыны; но это не помогло, и въ 1793 году назначенный срокъ былъ продолженъ до 1800 года. Въ 1801 году отмѣнена и четвертная пошлына; правительство объявило, что съ уничтоженіемъ ея, «вѣроятно, каждый изъ помѣщиковъ, потщится имѣніе свое законнымъ порядкомъ за себя справить и отказать.» Несмотря на то, отказъ все болѣе и болѣе выходилъ изъ употребленія, становился мертвою формальностью, о соблюденіи которой помышляли весьма немногіе, тѣмъ болѣе что съ отказомъ, который по указу 1821 года слѣдовало непременно писать на крѣпостной бумагѣ, по цѣнѣ имѣнія, сопряжены были и расходы немаловажныя. Онъ утрачивалъ мало-по-малу и законное свое значеніе на самомъ дѣлѣ: соединенная съ отказомъ двухлѣтняя давность не получила на практикѣ самостоятельнаго значенія и большею частію уступала мѣсто общей земской давности для погашенія исковъ и споровъ, такъ что въ судебныхъ мѣстахъ нерѣдко и послѣ отказа принимаемы были споры противъ владѣнія, къ которому онъ относился. Наконецъ, въ 1857 году; отказъ отмѣненъ окончательно.

Новый порядокъ, введенный Учрежденіемъ о губерніяхъ, представлялъ то удобство для частныхъ лицъ, что всякій могъ, не обращаясь въ столицу, въ ближайшемъ мѣстномъ центрѣ исполнить требуемую формальность. Невыгода новаго порядка состояла въ томъ, во первыхъ, что въ обрядѣ ввода во владѣніе не было практическаго начала; съ нимъ не были связаны важныя практическія послѣдствія: пріобрѣтеніе и утверженіе права вовсе не было поставлено въ прямую отъ него зависимость. Можно было вступить во владѣніе безъ формальнаго ввода, и это владѣніе считалось столь же дѣйствительнымъ, какъ и владѣніе, начавшееся вводомъ. Вводный листъ служилъ только

доказательствомъ того, что владѣніе началось, и что при этомъ спора объявлено не было, но не исключительнымъ, единственно-законнымъ доказательствомъ, а однимъ изъ числа многихъ доказательствъ владѣнія. Со вводомъ соединялась повѣрка представляемаго акта; но эта повѣрка вовсе не касалась правъ передатчика, слѣдовательно не имѣла въ виду означить переходъ, утвердить приобрѣтеніе имущества: это была повѣрка чистовѣщная; актъ слѣдовало признать дѣйствительнымъ, какъ скоро «не оказывалось спора о самомъ актѣ и запрещенія на переходъ имущества къ другому владѣльцу», запрещенія, при существованіи коего самое совершеніе акта, по закону, было невозможно. Отъ этого и вводъ во владѣніе скоро принималъ видъ такой формальности, которая соблюдается не всегда, и притомъ большею частію только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ. Вовторыхъ, такъ какъ со вводомъ не соединялась повѣрка правъ передатчика, и вводъ ни въ какомъ случаѣ не могъ служить удостовѣреніемъ правъ прибрѣтателя, то не было и надобности мѣстнымъ центрамъ, по случаю ввода, собирать и хранить у себя точныя свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи и о законныхъ переходахъ каждаго имущества, тогда какъ при прежней централизаціи вотчинной записки, помѣстный приказъ былъ общимъ центральнымъ мѣстомъ, которое обязано было имѣть у себя всѣ свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи, и безъ этихъ свѣдѣній не могло даже приступить къ запискѣ новопріобрѣтеннаго права по каждому имѣнію. Правительство сознавало этотъ недостатокъ и старалось восполнить его. По намѣренію правительства, гражданскія палаты должны были сдѣлаться центральными хранилищами всѣхъ вотчинныхъ документовъ и свѣдѣній для цѣлой губерніи: сюда, по указу 1780 года, межевыя конторы должны были, по окончаніи межеванья, отсылать копии съ писцовыхъ книгъ, плановъ и другихъ актовъ, собранныя для руководства при межеваніи и при разрѣшеніи межевыхъ споровъ; сюда же и уѣздные суды, по исполненіи вотчиннаго обряда, должны были доставлять полныя свѣдѣнія о переходахъ недвижимыхъ имуществъ. На гражданскія палаты была возложена установленная въ 1765 году для вотчинной коллегіи обязанность вести алфавитныя росписи владѣльцамъ, селеніямъ и землямъ. Но это предписаніе правительства осталось безъ послѣдствій; не удивительно, что оно не имѣло успѣха, потому что оно было правиломъ безъ практической связи съ существенною обязанностію, лежавшею на

присутственныхъ мѣстахъ по поводу ввода во владѣніе. Это было не болѣе какъ предписаніе собирать оффиціально статистическія свѣдѣнія и подверглось участи всѣхъ подобныхъ предписаній, когда они исполняются людьми, не заинтересованными въ дѣлѣ. Естественно, что гражданскія палаты и уѣздные суды, при множествѣ другихъ существенныхъ занятій, оставались равнодушны къ собиранію такихъ свѣдѣній въ которыхъ не видѣли связи съ практическимъ употребленіемъ и которыхъ сами не могли признать за свѣдѣнія безспорныя поэтому дѣло дѣлалось сначала для виду и для очистки, а потомъ и вовсе перестало дѣлаться. Положено было завести въ гражданскихъ палатахъ особыя книги на пергаментѣ для писки вотчинныхъ документовъ и свѣдѣній, и для заготовленія книгъ установленъ особый сборъ съ владѣльцевъ при справкѣ и отказѣ имѣній, по деньгѣ съ четверти. Сборъ этотъ существовалъ до 1821 года, и собираемыя деньги обращались въ гражданскія палаты на покупку пергамена и веденіе книгъ. Пергаментъ былъ заготовленъ въ нѣкоторыхъ палатахъ, но сѣмья росписи не велись, или кое-гдѣ были только что начаты такъ что правительство вынуждено было въ 1821 году отменить сборъ, а въ 1829 году отмѣнено и самое веденіе книгъ. Наличный капиталъ, около 40.000 руб., образовавшійся изъ сборныхъ денегъ, былъ переданъ въ комитетъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, а пергаменные листы, въ недавнее уже время, обращены въ продажу. Подобное же распоряженіе недавно вновь сдѣлано правительствомъ по поводу уничтоженія отказовъ. Временныя отдѣленія земскихъ судовъ по совершеніи ввода, передаютъ вводные листы въ тѣ мѣста откуда послѣдовало предписаніе о вводѣ, а этимъ мѣстамъ вменяется въ обязанность *снимать* эти вводные листы, перепечатать ихъ ежегодно, и сверхъ того, вести алфавитные реестры о всѣхъ вводахъ по названію имѣній, со ссылкой на самыя вводные листы. Трудно представить себѣ, чтобы подобныя сборники, если и будутъ ихъ составлять исправнѣе и добросовѣстнѣе чѣмъ составляются напримѣръ реестры, вѣдомости и алфавиты дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, могли удовлетворить цѣли, которую предполагаетъ законъ. Дѣло, вверженное судамъ, будетъ дѣло чисто-механическое, подобное собиранію статистическихъ свѣдѣній и составленію вѣдомостей для представленія начальству, трудъ, въ которомъ работ-

никъ не видитъ прямой, жизненной связи съ существеннымъ своимъ занятіемъ. Иное было бы дѣло, когда бы записка и отиѣтка, порученная спеціальнымъ людямъ, основана была на повѣркѣ правъ по документамъ и когда бы съ этою запиской или отиѣткой соединено было признаніе права и утвержденіе прибрѣтенія.

Такимъ образомъ, начавшаяся съ XVIII столѣтіемъ борьба между прежнимъ порядкомъ справки и вотчинной записки, и новымъ порядкомъ крѣпостнаго совершенія актовъ и вотчинной инвеституры, окончилась къ XIX столѣтію въ пользу послѣдняго порядка, который и получилъ исключительное господство. Крѣпостной актъ получилъ значеніе совершеннаго, рѣшительнаго титула, на которомъ утверждается и основаніе, и прибрѣтеніе права собственности. Дальнѣйшаго удостовѣренія о прибрѣтеніи уже не требовалось. Вотъ причина, почему графъ Сперанскій, съ свойственною ему проникательностію, поиѣтилъ нашу купчую не въ системѣ договоровъ, къ которымъ она причисляется во всѣхъ западныхъ законодательствахъ, а въ системѣ укрѣпленія правъ по имуществу. Купчая, по словамъ графа Сперанскаго, есть не обязательство, а *traditio symbolica*, и процессъ по ней принадлежитъ не къ исковымъ, но къ вотчиннымъ или крѣпостнымъ. Это мнѣніе совершенно согласно съ общимъ взглядомъ нашего законодательства на прибрѣтеніе вотчиннаго права. Столь же послѣдовательно законъ нашъ считаетъ запродажную записку договоромъ, имѣющимъ личное, а не вещное свойство, ограничиваетъ дѣйствіе его краткимъ срокомъ и не дозволяетъ вводить на основаніи его во владѣніе запродааннымъ имуществомъ. Соображая постановленія нашего законодательства по этому предмету, въ цѣломъ и въ частяхъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что укрѣпленіе считается у насъ началомъ и основаніемъ права собственности. По офиціальному понятію, минута этого укрѣпленія совпадаетъ съ минутой окончательнаго совершенія акта, такъ что, когда въ 1836 году возникъ законодательнымъ порядкомъ вопросъ, разрѣшенный уже, какъ мы видѣли, въ Уложеніи, — вопросъ о томъ, котораго изъ покупателей имущества считать законнымъ собственникомъ, если имущество продано по двумъ купчимъ въ двой руки, вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ совершенно противоположно Уложенію. Вѣрно было считать дѣйствительною ту купчую, которая совершена

прежде (1). Нельзя было иначе и разрѣшить этотъ вопросъ, потому что понятие о необходимой связи пріобрѣтенія со справкой и запиской, существовавшее въ эпоху Уложения, теперь исчезло безъ всякаго слѣда.

IX.

Таково настоящее положеніе въ нашемъ законодательствѣ важнаго вопроса о пріобрѣтеніи вотчиннаго права. Очевидно, что его нельзя признать удовлетворительнымъ. Законъ нашъ вовсе не опредѣляетъ, когда именно совершается пріобрѣтеніе, съ какимъ именно дѣйствіемъ оно связано. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ, передача акта дающею стороною сторонѣ принимающей—все это дѣйствія частныя, негласныя, не опредѣленные во времени, а важно именно то, чтобы минута перехода была опредѣлена точно и ясно. Совершеніе акта крѣпостнымъ порядкомъ еще не даетъ ручательства въ томъ, что вотчинное право дѣйствительно принадлежало передатчику (или закладчику). Съ совершеніемъ акта не соединяется вовсе повѣрка основаній его права: само присутственное мѣстоне имѣетъ въ своемъ распоряженіи точныхъ и вѣрныхъ данныхъ для такой повѣрки, а требовать отъ передатчика, чтобы онъ предъявилъ доказательства о вотчинномъ его правѣ, было бы стѣснительно для свободы гражданскихъ сдѣлокъ; этого не дозволяетъ и законъ, потому что такая повѣрка была бы не *справкою*, а *ревизіей* вотчинныхъ документовъ. Актъ записывается въ книгу, но это слѣдъ только единичнаго соглашенія сторонъ, а не слѣдъ, оставляемый предшествующею исторіей имущества. Купчая можетъ быть совершена въ какой угодно палатѣ, вовсе и не въ той, въ вѣдомствѣ которой находится имущество; центрального мѣста для явки совершенныхъ актовъ тоже нѣтъ, а на самомъ имуществѣ не остается слѣдовъ перехода. Оттого происходитъ у насъ безгласность переходовъ, весьма вредная и въ юридическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Нельзя сказать, что законъ оставилъ вовсе безъ вниманія невыгоды, происходящія отъ такой безгласности: для

(1) 1416, 1509 ст. Зак. Гражд.

отраженія этихъ невыгодъ у насъ установленъ особый обрядъ. Но этотъ обрядъ, въ примѣненіи къ дѣйствительности, не имѣть и не можетъ имѣть практическаго значенія и превратился въ мѣрность, мало кого ограждающую. Обрядъ этотъ—публикація въ сенатскихъ объявленіяхъ о совершеніи каждаго акта, по коему переходитъ недвижимое имущество, и сообщеніе юсти съ сего объявленія въ губернію и уѣздъ, гдѣ находится имущество. Объявленій этихъ никто не читаетъ, да и печатаются они поздно, не своевременно (1). Копія эти приобщаются къ дѣлу.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, у насъ еще въ большей степени чѣмъ было прежде во Франціи, право собственности находится въ неопредѣленности и подвержено случайностямъ и обманамъ, такъ что мы еще съ большею увѣренностію можемъ повторить о себѣ слова, сказанныя Дюпеномъ о Франціи: «У насъ кто покупаетъ имѣніе—хотя бы даже купилъ съ аукціоннаго торга,—не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что у него не отнимутъ купленнаго; кто платитъ за имѣніе, не увѣ-

(1) Чтобы это выраженіе не показалось бездоказательнымъ, беремъ наудачу два нумера с.-петербургскихъ и московскихъ сенатскихъ объявленій. Въ № 46 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ объявленій за 1860 годъ, вышедшемъ 9 іюня, помѣщены публикаціи о крѣпостныхъ актахъ, совершенныхъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1859 года, то-есть болѣе чѣмъ за годъ прежде публикацій. Въ № 47 Московскихъ объявленій, 11-го іюня 1860 года помѣщены публикаціи объ актахъ, совершенныхъ лѣтомъ и осенью 1855 года, то-есть за пять лѣтъ до публикаціи. Спрашивается, къ чему же послѣ этого можетъ служить публикація? Съ 1855 года то же самое имѣніе могло быть продано пять разъ, переходя изъ рукъ въ руки, можетъ теперь состоять за пятымъ прибрѣтателемъ, считая съ 1855 года, а по официальной публикаціи 1860 года оно только что объявлено за первымъ прибрѣтателемъ.

Но предположимъ, что публикація сдѣлана своевременно, черезъ нѣсколько дней по совершеніи акта. Какую связь имѣть она со вводомъ во владѣніе? Публикація отсылаетъ мѣстомъ, совершающимъ крѣпостной актъ, немедленно по совершеніи акта. Особой публикаціи о вводѣ во владѣніе не дѣлается, хотя XXIII разрядъ сенатскихъ объявленій носитъ заглавіе: о совершенныхъ крѣпостныхъ актахъ и о *лекъ сикъ* *слѣдъ* для *свода во владѣніе имѣніемъ*. Если же допускается предположеніе, что публикація о совершеніи акта есть въ то же время и публикація о вводѣ, то это предположеніе будетъ фальшивое, потому что актъ совершенный можетъ быть вовсе не представленъ для ввода, можетъ быть прежде ввода оспоренъ и признанъ недѣйствительнымъ, такъ что самый вводъ не состоится.

ренъ, что ему не придется платить въ другой разъ; кто даетъ деньги въ займы, даже подъ залогъ имѣнія, не можетъ считать себя вполне обезпеченнымъ въ томъ, что получитъ ихъ обратно.» Прекращеніе этой неопредѣленности было бы истиннымъ благодѣяніемъ для общественнаго и для частнаго кредита; намъ кажется даже, что понуда она существуетъ нельзя намъ и надѣяться на утверженіе и развитіе у насъ поземельнаго кредита, къ чему, какъ видно, начало стремиться въ послѣднее время правительство; нельзя надѣяться и на успѣшное примѣненіе къ этому кредиту предполагаемыхъ новыхъ формъ закладнаго права.

Не должно думать однакоже, что исправленіе этого существеннаго недостатка въ нашемъ юридическомъ бытѣ—дѣло простое и легкое; что стоить только перенести въ наше законодательство готовую, хотя бы и совершеннѣйшую форму, организовать учрежденіе, установить правило, для того чтобы изъ неизвѣстности и безпорядка произвести порядокъ и опредѣленность. Неразумно было бы взять прямо сколокъ съ западныхъ учрежденій и по образцу его вводить у себя формы отрѣшенные отъ своей исторической почвы и чуждыя нашей. Этого нельзя сдѣлать такъ же, какъ нельзя представить себѣ настоящую минуту безъ прошедшаго, изъ котораго она вышла и въ которое готова обратиться: безчисленныя ошибки прежнихъ преобразователей должны убѣдить насъ въ томъ, какъ непрочно, какъ опасны подобныя преобразованія. Невозможно намъ исключительно остановиться и на своемъ прошедшемъ и въ немъ съ слѣпою вѣрою искать себѣ готоваго идеала, готоваго образца для подражанія. Эпоха Уложенія далеко ушла отъ насъ: чтò было годно для людей того вѣка, то уже негодно для насъ; наша эпоха предъявляетъ иныя требованія; наша дѣйствительность предлагаетъ иныя, болѣе сложныя условія экономическій бытъ нашъ рѣзко отличается отъ тогдашняго всѣмъ, чтò внесла въ нашу жизнь исторія двухъ столѣтій, всѣмъ, чтò ежеминутно втекаетъ въ нее путемъ общенія, подражанія, привычки, вкуса и знанія. Тѣ условія собственности и владѣнія, при которыхъ тогдашній владѣлецъ могъ считать свое положеніе удобнымъ, давно уже не соответствуютъ нашему понятію о юридическомъ и экономическомъ значеніи собственности. Наконецъ, нашему времени принадлежитъ развитіе вовсе незнакомой тому вѣку идеи о *кредитѣ*, какъ великой

своимъ общественно, великомъ двигателѣ общественнаго и частнаго проуспѣшія.

Личныя права несравненно способны поддаваться опредѣленію, лишь бы эти опредѣленія истекали изъ сущности того юридическаго отношенія, котораго касаются. Но вещины права, и въ особенности поземельная собственность, далеко не такъ поддаются, потому что предметъ ихъ—*вещь*, имѣющая материальную природу, которая не зависитъ отъ опредѣленій и признается ихъ только тогда, когда сама вызываетъ ихъ или ихъ указываетъ. Вещь имѣетъ матеріальный видъ, матеріальныя границы, и отъ опредѣленности этихъ границъ зависитъ и опредѣленность самой вещи, следовательно и опредѣленность права, соединеннаго съ обладаніемъ ею. Свойство это въ особенности принадлежитъ землѣ, потому что земля сама по себѣ не имѣетъ особенности и получаетъ ее лишь посредствомъ искусственнаго обособленія, ограниченія чертой, ограничивающаго пространство, на которое простирается и дѣйствующаго права лица властвующаго; следовательно покуда эта черта не опредѣлена съ несомнительною точностію, до тѣхъ поръ земля не получила еще вполне свойства особенности и индивидуальности, позволяющей опредѣлить право известнаго лица на известное пространство и ясно отличить его отъ права другихъ известныхъ лицъ на другія известныя пространства. Выше мы уже упоминали о двухъ главныхъ дѣятеляхъ въ развитіи поземельной собственности, то-есть о началѣ личномъ и началѣ экономическомъ. Первымъ опредѣляется внутреннее содержаніе права—пространство власти, принадлежащей собственнику надъ вещью, особенность и самостоятельность личности и принадлежность ей права; вторымъ, опредѣляется особенность вещи, ограничивающей предметъ права. Только при совокупномъ дѣйствіи этихъ и другаго начала, право частной собственности достигаетъ полной своей опредѣленности: въ противномъ случаѣ бы ни были рѣшительны опредѣленія закона о владѣніи собственника, какъ бы ни было твердо основаніе его права, потому что это не будетъ еще вполне точное и опредѣленное, покуда не имѣетъ опредѣленныхъ границъ въ самой вещи, на которую простирается.

Для того чтобы какая бы то ни была система вотчиннаго права могла быть съ успѣхомъ примѣнена къ поземельной собственности и служить дѣйствительнымъ средствомъ для охраненія и утвержденія вотчинныхъ правъ, необходимо,

чтобы каждое отдѣльное имѣніе, къ которому относится записка, представляло само по себѣ *цѣльную и извѣстную единицу*; вмѣщало въ себѣ *извѣстное* пространство, могло быть определено съ точностію какъ въ цѣломъ матеріальномъ составѣ *оцѣнки*, такъ и въ отдѣльных частяхъ и принадлежностяхъ, изъ которыхъ составляется цѣлое. Для достиженія совершенства въ приложеніи этой системы, нужно, кромѣ того, чтобы каждое имѣніе имѣло *вполнѣ извѣстную*, въ возможной точности и въ одинаковыхъ началахъ опредѣленную *экономическую цѣнность*; но до такого состоянія нигдѣ еще не достигла повземельная собственность, такъ какъ нигдѣ еще не сдѣлано полной и всесторонней кадастровой оцѣнки, и потому это послѣднее требованіе покуда представляется еще идеаломъ, достиженіе коего будетъ дѣломъ позднѣйшихъ поколѣній. Для насъ покуда рѣчь идетъ не о совершенствѣ системы, а только о возможности практическаго приложенія къ нашей поземельной собственности тѣхъ началъ, на которыхъ эта система основана. Такое приложеніе, если должно быть дѣйствительнымъ приложеніемъ начала практически-плодотворнаго, а не одной только голой и безплодной формы,—едва ли возможно тамъ, гдѣ нѣтъ возможности удовлетворить первое существенное требованіе, выше нами указанное. Если существуетъ неизвѣстность относительно матеріальнаго пространства и матеріальнаго состава каждаго отдѣльнаго имѣнія, то, какъ бы опредѣлительно ни означались переходы этого имущества и лежащихъ на немъ вещныхъ повинностей и обязательствъ,—право, связанное съ обладаніемъ такимъ имуществомъ, все-таки будетъ опредѣлено только на половину: въ немъ все-таки останется еще значительная доля неизвѣстности *матеріальной*: опредѣлительность права будетъ только *формальная*, следовательно односторонняя и не полная. Между тѣмъ извѣстно, что именно въ матеріальной, фактической неизвѣстности заключается главная причина недоумѣній и споровъ, что она большею частію расплываетъ процессы и затрудняетъ скорое ихъ разрѣшеніе, запутывая такіе узлы, которые часто невозможно разрѣшить при помощи самой лучшей системы доказательствъ. Для поясненія вышесказаннаго припомнимъ, что далеко не всѣ дачи у насъ обмежеваны генерально, что во многихъ дачахъ существуетъ еще черезполосное владѣніе разнопомѣстныхъ владѣльцевъ, что виды вотчинныхъ правъ и вотчиннаго владѣнія, исторически образовавшагося, до сихъ поръ чрезвы-

чѣмъ разнообразны, и до сихъ поръ еще судебныя мѣста при-
 судны разрѣшать множество споровъ между казною и част-
 ными лицами о томъ, слѣдуетъ ли землю признать личною
 собственностью по актамъ, или по давности, или землею ка-
 женою, общественною. Въ судахъ лежитъ еще безъ рѣшенія
 цѣлая масса дѣлъ, имѣющихъ величайшую важность для частной
 земельной собственности, въ огромной средней и степной
 частяхъ Россіи,—дѣлъ объ отдѣленіи земель однодворческихъ
 отъ помѣщичьихъ, дѣлъ, произвождающихся съ 1799 года. Въ
 дачахъ, генерально обмежеванныхъ, открываются ошибки пре-
 жнего размежеванія. Въ дачахъ, размежеванныхъ специально, участ-
 ки единственнаго владѣнія непрерывно дробятся по наслед-
 ству и продажамъ; а между тѣмъ при раздѣлахъ и продажахъ
 весьма рѣдко случается, что участки, вновь образовавшіеся,
 немедленно отдѣляются особою межою и переводятся на осо-
 бый шагъ. Покуда владѣніе цѣлою дачей или участками, со-
 стоящими въ разныхъ дачахъ генеральнаго размежеванія, сосре-
 дощено въ однихъ рукахъ, подчинено одному хозяйственному
 распоряженію и вождѣ одного вотчинника, до тѣхъ поръ владѣніе
 остается спокойнымъ, и внутри его пользованіе тѣмъ или
 другимъ участкомъ, тою или другою принадлежностью дачи,
 тѣмъ или другимъ угодьемъ, совершается по старинѣ или по
 вождѣ одного помѣщика; но какъ скоро раздробится это цѣл-
 ное владѣніе на разныя части, и мѣсто одного вотчинника
 займутъ многіе, возникаютъ недоумѣнія и споры о принад-
 лежности той или другой дачи, поднимаются продолжитель-
 ные разсужденія о томъ, къ какой дачѣ изстари тянула такая-
 то пустошь, какіе крестьяне пользовались такимъ-то лугомъ
 и т. д. Эти недоумѣнія усложняются еще весьма обыкновенною
 участію неточности въ означеніи принадлежностей и состав-
 ныхъ частей отчуждаемаго имѣнія по купчимъ и крѣпостнымъ
 актамъ, смѣшеніемъ именъ, безпорядкомъ хозяйственнаго управ-
 ленія въ имѣніяхъ. Подобныхъ споровъ возникаетъ множе-
 ство, какъ извѣстно всякому, кто знакомъ съ практикой на-
 шихъ судовъ. Извѣстно также какъ часты случаи недостатка
 земли по документамъ, оказывающагося уже послѣ приобрѣ-
 тенія и ввода во владѣніе. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ
 участіемъ способовъ приобретенія, есть покупка имѣнія съ пу-
 бличнаго торга. Здѣсь главнымъ основаніемъ торга и глав-
 нымъ указаніемъ для покупщика служитъ опись имѣнія и сви-
 дѣтельство, по коему оно было заложено въ кредитномъ уста-

новленіи. Въ тѣхъ и въ другихъ показывается количество наличнаго владѣнія на основаніи дознанія полиціи; тѣ и другія, къ сожалѣнію, не рѣдко разнорѣчатъ и съ вотчинными актами, и съ дѣйствительнымъ владѣніемъ, такъ что покупщикъ, воображавшій себя владѣльцемъ извѣстнаго и вѣрнаго количества, оказывается владѣльцемъ неизвѣстнаго и невѣрнаго, участковъ, состоящихъ въ чужомъ владѣніи, пустошей, которыя отыскиваются въ чужой дачѣ, или вовсе не отыскиваются; либо, ветупивъ во владѣніе, открываетъ значительный недостатокъ земли въ купленномъ имѣніи. Случаи, подобные вышеприведеннымъ, въ нашемъ юридическомъ бытѣ составляютъ обыкновенныя явленія: они указываютъ намъ на существенный недостатокъ этого быта, на неопредѣленность матеріальную, фактическую. Отрицать этотъ недостатокъ, устранить отъ себя работу объ исправленіи его, или предоставить улучшеніе дѣйствию времени и обстоятельству, и, несмотря ни на что, увѣрывать безусловно въ дѣйствительность новаго законнаго опредѣленія, новой законной формы, новой извѣстной мѣры, которою придется мѣрить величину неизвѣстную,—вотъ одинъ, можетъ-быть самый легкій, но за то и наименѣе надежный путь къ исправленію. Другой путь несравненно труднѣе, гораздо медленнѣе, но за то и надежнѣе. Для того чтобъ истребить зло, необходимо проникнуть до источника его, привести въ извѣстность основныя, и существенныя, а не однѣ только формальныя его причины и бороться съ неизвѣстностью тамъ именно, гдѣ она зарождается. Мы заботимся о приведеніи въ извѣстность и объ утвержденіи правъ поземельной собственности, и на первыхъ шагахъ къ этой цѣли встрѣчаемся съ неизвѣстностью юридическою, формальною,—съ отсутствіемъ или неполнотою юридическаго познанія и опредѣленія: не забудемъ, что корень этой юридической неизвѣстности слѣдуетъ искать въ неизвѣстности матеріальной, фактической, и что только прекращеніе послѣдней укажетъ намъ на истинное средство къ исправленію первой. Много остается еще намъ сдѣлать въ этомъ отношеніи: придется пересмотрѣть и повѣрить не одну только часть гражданскаго права, но всѣ опредѣленія и формы, имѣющія связь съ установленіемъ, обезпеченіемъ и приобрѣтеніемъ права собственности, а главное—необходимо будетъ привести въ извѣстность главнѣйшія основанія права собственности въ Россіи и главные виды землевладѣнія во всѣхъ частяхъ ея. Въ этомъ отношеніи, должно признаться, у насъ еще почти ни-

что не сдѣлано. Государственная область Россіи сложилась въ разное время изъ самыхъ разнородныхъ частей путемъ собиранія, присоединенія и завоеванія: каждая изъ этихъ частей имѣетъ свою исторію и свои мѣстныя особенности вотчиннаго права. Изслѣдованіе этихъ особенностей не просто любопытно для насъ: оно необходимо для практическихъ цѣлей. Не зная ихъ вполнѣ, невозможно привести въ извѣстность поземельныя права частныхъ владѣльцевъ во всѣхъ областяхъ русской имперіи, потому что при разборѣ этихъ правъ всегда придется восходить къ главнымъ историческимъ ихъ основаніямъ, а эти основанія не вездѣ одинаковы. Мы знаемъ, на примѣръ, что въ средней и низовой полосѣ Россіи бѣльшая часть поземельныхъ правъ основаны на писцовыхъ книгахъ, на помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ отъ правительства; въ слободскомъ краю встрѣчаемъ заимочное право; въ западномъ краю разнообразныя виды зависимаго владѣнія, устроившагося по началамъ римскаго и феодальнаго права, виды пользованія королевскими и казенными землями, наконецъ владѣніе урядовое и эмфитевтическое; писцовыхъ книгъ здѣсь нѣтъ, а главнымъ правиломъ къ рѣшенію споровъ о землѣ издавна принята была давность Литовскаго статута; въ Бѣломорскомъ краю—виды самостоятельнаго владѣнія податныхъ сословій; въ Крыму—старинное владѣніе ханскими и мурзинскими землями, владѣніе безоброчное и оброчное, утверждаемое и документами, и свидѣтелями и присягой: въ Новороссійскомъ краю—владѣніе по новѣйшему пожалованію и раздачѣ подѣ поселеніе; въ Малороссіи козачьи земли, и смѣшеніе вотчинныхъ правъ въ пестрыхъ поселеніяхъ людей разнаго чина и званія. Землевладѣніе въ Сибирѣ имѣетъ свой особенный характеръ, тоже мало изслѣдованный. Кавказъ и Закавказье, Бессарабія имѣютъ свою исторію землевладѣнія, свои коренныя историческія основанія вотчиннаго права. Повсюду политическая исторія края, въ эпоху его автономіи, оставила свои глубокіе слѣды въ вотчинномъ правѣ. Изслѣдователя всѣхъ этихъ видовъ землевладѣнія съ перваго раза поражаетъ множество ихъ и разнообразіе; но повсюду замѣчается одно и то же явленіе—постоянное и упорное стремленіе владѣнія слиться съ личностью владѣльца и превратиться для него въ твердое и самостоятельное право личной собственности. Въ переходную и преобразовательную эпоху нашего вотчиннаго права (XVIII столѣтіе), при смѣшеніи старыхъ элементовъ его съ новыми началами и новыми

опредѣленіями и формами закона,—всего сильнѣе выказало это стремленіе, всего дѣятельнѣе совершалась эта глухая борьба личнаго побужденія съ новыиъ, еще не вполне установленными правилами закона. Къ этой эпохѣ относятся безчисленные займки, поселенія, овладѣнія, расчистки, совершаемыя частными людьми въ пустыхъ дачахъ казеннаго и неизвѣстнаго владѣнія, самовольныя превращенія зависимаго владѣнія въ самостоятельное, и распродажи однодворцами помѣстныхъ земель своихъ въ руки стороннихъ людей. Одною изъ главныхъ цѣлей генеральнаго межеванія было—совершить ликвидацію частной поземельной собственности по всей Россіи; это великое дѣло должно было увѣнчаться спеціальнымъ межеваніемъ и понудительнымъ размежеваніемъ разнопомѣстныхъ дачъ. Ликвидация эта, какъ извѣстно, далеко еще не кончена, едва ли суждено ей совершиться въ скоромъ времени. Окончить ея до тѣхъ поръ, пока можно будетъ приступить къ установленію новыхъ формъ передачи вотчинныхъ и вещныхъ правъ едва ли возможно: намъ предстоитъ удовлетворить насущную потребность, прекратить, на сколько возможно въ настоящемъ положеніи, существующаю неопредѣленность и невѣрность вотчиннаго права. По нашему мнѣнію, возможно приступить къ этому немедленно; но прежде введенія новыхъ формъ необходимо построить для нихъ и возможности твердое матеріальное основаніе, то-есть собрать вѣрныя свѣдѣнія о каждой дачѣ частнаго владѣнія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ предполагается ввести новый порядокъ, отдѣливъ дачи окончательно ликвидированныя отъ тѣхъ дачъ, въ которыхъ окончательная ликвидация вотчинныхъ правъ пока еще не возможна. Генеральнымъ межеваніемъ, судебными производствами о дачахъ общаго владѣнія и о спорахъ вотчинныхъ, собрано огромное количество актовъ, могущихъ служить вѣрными данными для разрѣшенія почти по каждой дачѣ вопроса о вѣрности или невѣрности вотчиннаго права въ данную минуту. Въ большей части дачъ можетъ-быть, хотя и съ приблизительною вѣрностію, разрѣшенъ вопросъ и о количествѣ чистаго, не подлежащаго спору владѣнія, соединеннаго съ извѣстнымъ правомъ извѣстнаго владѣльца. Вся масса этихъ документовъ и свѣдѣній находилась до сихъ поръ въ распоряженіи офіціальныхъ дѣлопроизводителей, которые, къ сожалѣнію, не всегда (чтобы не сказать, въ рѣдкихъ случаяхъ) способны были извлечь изъ нея ясныя

образъ вотчиннаго права по каждому имѣнью: къ этимъ документамъ и свѣдѣнiямъ они, по необходимости, должны были относиться лишь съ формальной точки зрѣнiя и въ мѣрѣ того спеціальнаго вопроса, для разрѣшенiя коего надлежало разсмотръть ихъ. Но если бы люди опытные и юридически образованные взяли за пересмотръ этой массы съ общою цѣлю извлечь изъ нея существенныя свѣдѣнiя для опредѣленiя матеріальнаго состава и вотчиннаго права въ дачахъ частнаго владѣнiя, то задача оказалась бы разрѣшимою. Съ перваго взгляда кажется, что для этого потребовался бы огромный трудъ, и что встрѣтились бы непреодолимыя препятствiя; но припомнимъ, что при такомъ изслѣдованiи вовсе нѣтъ нужды ни въ какой ревизii вотчинныхъ документовъ, а достаточно только имѣть въ виду новѣйшiй, послѣднiй актъ, которымъ опредѣляется право владѣльца, какъ-то: окончательное рѣшенiе, безспорную купчую, раздѣльный актъ и т. п.,—собственно для того, чтобы можно было сказать: какое право, какое владѣнiе въ данную минуту представляется опредѣленнымъ или безспорнымъ и какое должно быть причислено къ спорнымъ или неизвестнымъ. Надобно будетъ только указать на фактъ, а не повѣрять и опредѣлять право: точно тоже слѣдуетъ сказать и объ опредѣленiи границъ или количества владѣнiя и составныхъ частей дачи по планамъ и актамъ безспорнымъ. Здѣсь не должно еще быть рѣчи о хозяйственныхъ описанiяхъ или оцѣнкахъ: это задача послѣдующаго времени. На первый разъ собранными свѣдѣнiями обозначится юридическiй титулъ каждаго имѣнiя и степень его безспорности, равно матеріальное пространство вотчиннаго владѣнiя и степень его безспорности. Въ этомъ видѣ слѣдуетъ извлеченныя свѣдѣнiя сдѣлать извѣстными владѣльцамъ и всѣмъ стороннимъ лицамъ чрезъ провозглашенiе и публикацію, для того чтобы всѣ, до кого дѣло касается, могли сообщить свои замѣчанiя и возраженiя, указать на новые документы, споры, требованiя и т. п., не для сужденiя о правѣ, но для того, чтобы собранныя свѣдѣнiя могли имѣть надлежащую полноту. Затѣмъ уже по истеченiи опредѣленнаго срока, свѣдѣнiя эти должны послужить основанiемъ описательныхъ статей или листовъ для каждаго отдѣльнаго имѣнiя. На первый разъ то уже будетъ важно, что безспорное и ясное отдѣлится отъ спорнаго или неяснаго. Потомъ, послѣ нѣкотораго срока, необходимо будетъ произвести одновременную повѣрку всѣхъ листовъ, и наконецъ уже присту-

пить къ приведенію въ дѣйствіе транскрипціонной систем
Не предполагая говорить о томъ, на какихъ началахъ и въ
кой формѣ она должна быть устроена, мы желали только у
зать на предварительную подготовку ко введенію ея, которая
по нашему мнѣнію, необходима.

К. Побѣдоносцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ КОННОЗВОДСТВА

ВЪ РОССІИ

.... Случаясь близъ корней
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.
«Орелъ и Кротъ».
(Крыловъ.)

I.

Россія богаче всѣхъ странъ свѣта лошадьми и разными породами лошадей. Въ этомъ легко удостовѣриться по статистическимъ таблицамъ европейскихъ государствъ, показывающимъ, что отношеніе лошадей къ числу жителей въ Европѣ много слабѣе, нежели у насъ. И дѣйствительно, по сухопутнымъ нашимъ границамъ, начиная съ Хивы, Персіи, Турціи и до границъ Пруссіи, отъ насъ выводится ежегодно множество лошадей.

Въ степяхъ Сибири, въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и на Кавказѣ, «пасутся вольны, не хранимы», табуны, владѣльцы которыхъ часто не знаютъ числа своихъ лошадей; многіе изъ этихъ владѣльцевъ имѣютъ ихъ до тысячи и больше головъ, и содержаніе этого огромнаго числа имъ ничего не стѣбтъ.

При этомъ богатствѣ въ числѣ лошадей мы богаче всѣхъ и разными ихъ породами. У насъ есть нѣсколько породъ, замѣт-

но различающихся одна отъ другой. Мы исчислимъ здѣсь главнѣйшія.

Сибирскія лошади, очень малаго роста, и почти исключительно каурой шерсти, заведены въ Сибирь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, казаками Ермака. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что въ сибирскихъ лошадяхъ нѣтъ ничего общаго съ сосѣдними имъ лошадьми, калмыцкими, киргизскими и татарскими (1). Лошади въ Сибирь находятся, можно сказать, въ дикомъ состояніи; пасутся однѣ, сами по себѣ, на всегдашнемъ подножномъ корму, и употребляются только для почтовой гоньбы, безъ всякой пріѣздки. Приводимыя въ Россію, сибирскія лошади оказывались всѣ очень сносными; о способности же ихъ переносить всѣ непогоды и безкормицу, нечего и говорить; въ Сибирь ихъ погибаетъ ежегодно огромное число отъ суровыхъ зимъ и недостатка корма (также и отъ хищныхъ звѣрей), но лошадь, которая до четырехъ лѣтъ вынесла все это, становится, конечно, несокрушимою. То же можно сказать и о всѣхъ нашихъ табунныхъ лошадяхъ, но всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій больше достается на долю сибирской лошади. Онѣ не дурны собою; по крайней мѣрѣ рѣзкихъ и дурныхъ чертъ въ нихъ нѣтъ, какъ въ калмыцкихъ или казачьихъ лошадяхъ; но порода ихъ не сильна: въ другомъ климатѣ и при другихъ условіяхъ, лошади эти скоро перераждаются и не передаютъ своихъ качествъ потомству; донская или англійская порода въ этомъ отношеніи гораздо сильнѣе.

Обвинскія лошади, замѣчательно малаго роста, въ полтора аршина или немного больше; несмотря на это, онѣ могутъ выносить самую скорую ѣзду вмѣстѣ съ нашими большими лошадьми.

Лошади *вятской* породы отличаются круглыми формами, полнымъ и длиннымъ корпусомъ на короткихъ и сухихъ ногахъ, и сильнымъ и рѣзвымъ бѣгомъ, сравнительно съ нашими простыми лошадьми. Обвинскія и вятскія лошади составлены, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ, который послалъ въ Казань и въ Вятку шведскихъ лошадей и нѣсколько производителей восточной породы. Отъ этой-то смѣси вышли прекрасныя вятскія лошади. Къ сожалѣнію, въ настоящее время чистая порода ихъ почти совершенно исчезла и находится только у весьма

(1) У сибирскихъ лошадей нѣтъ ни зоба на шеѣ, ни такого угловатаго склада.

нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Татарскія лошади восточной Россіи рѣшты отъ вятскихъ нѣкоторыми рѣзкими самобытными чертами; онѣ костистѣе вятскихъ; не такъ круглы, съ большими членами, и много хуже характеромъ.

Одинъ изъ видовъ этой породы находится въ Крыму у тавшскихъ Татаръ. Здѣсь онѣ, отъ многихъ климатическихъ условій горной мѣстности, стали меньше ростомъ, но живѣе, быстрѣе и красивѣе, что можно также отнести и къ примѣсамъ издавна турецкихъ, которыхъ прежніе Крымцы часто выпивали.

Калмыцкія и киргизскія лошади близки между собою по породѣ, однако имѣютъ нѣкоторыя, довольно рѣзкія различія. Калмыцкія, какъ извѣстно, замѣтны своею горбоносою бараньей головою, онѣ крупнѣе киргизскихъ и не имѣютъ такой густой и длинной гривы. И тѣ и другія приближаются складомъ больше другихъ породъ лошадей къ складу дикой козы, или оленя; у нихъ съ небольшимъ зобомъ, низко поставленная, съ высокою холкою; задъ высокій, свислый, но сильно развитый, спина замѣтно наклоняется къ переднимъ лопаткамъ; конструкція эта дѣлаетъ лошадь особенно способною къ сильной и продолжительной скачкѣ. Ту же конструкцію находимы и въ арабскихъ и англійскихъ лошадяхъ, только въ лучшемъ видѣ.

Типъ лошадей калмыцкихъ и киргизскихъ господствуетъ, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, во всей средней Азій, гдѣ вѣроятно онѣ существовали съ начала вѣковъ, потому что во мѣрѣ приближенія къ югу, къ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда существовали Арабы, типъ этотъ слабѣетъ, исчезаетъ и мѣстѣ съ тѣмъ улучшается отъ примѣсы арабской лошади. Имянные туркменскія лошади красивѣе, круглѣе и больше ростомъ киргизскихъ и калмыцкихъ, но еще сохраняютъ многія изъ черты. Бухарскія и персидскія еще ближе къ арабской породѣ, а наконецъ турецкія уже очень близки къ ней во многихъ отношеніяхъ; между тѣмъ всѣ эти лошади еще сохраняютъ свои родовыя черты—kozyю шею и высокій задъ. Порода лошадей средней Азій очень сильна и передаетъ свои отличительныя свойства далекому потомству, что можетъ служить доказательствомъ ея чистоты: сильна только чистая порода. По всему этому типъ лошадей средней Азій должно считать однимъ изъ первобытныхъ, и имѣть въ виду для образованія лошадей сильныхъ и крѣпкихъ.

Донскія казачьи лошади очень близки, по наружному виду и по всѣмъ свойствамъ, къ калмыцкимъ и киргизскимъ и вообще къ лошади средней Азiи; но онѣ крупнѣе и шире ея, что зависитъ, вѣроятно, отъ сочныхъ травъ донской земли. Происходя, безъ сомнѣнiя, отъ среднеазиатской лошади, донская здѣсь улучшилась, какъ отъ болѣе благоприятнаго климата, такъ и отъ примѣси хорошихъ лошадей разныхъ степныхъ породъ, которыхъ казаки имѣли возможность доставать въ дальнихъ странахъ; но форма шеи сохранилась въ донской лошади даже больше нежели у лошадей средней Азiи: изогнутая шея и зобъ отличаютъ кровнаго донца съ перваго взгляда.

Породу донскихъ лошадей должно считать выше всѣхъ другихъ породъ извѣстныхъ намъ табунныхъ степныхъ лошадей; на основанiи многихъ бывшихъ опытовъ, можно, кажется, утвердительно сказать, что послѣ англiйской кровной и полукровной лошади, чистая донская рѣзвѣе и сильнѣе въ скачкѣ всѣхъ другихъ лошадей Европы, а можетъ-быть, и Азiи. Извѣстна скачка донской лошади *Леонида* съ англiйскимъ кровнымъ скакуномъ, *Шарперомъ*, которые проскакали отъ Петербурга до Гатчины и обратно (1) 71 версту въ 2 ч. 48 м. 40 сек. и нимаго отъ этого не пострадали. *Шарперъ* выигралъ; но, конечно, ни одна лошадь другой породы, кромѣ донской, не могла бы вынести подобнаго состязанiя съ *Шарперомъ* и придти такъ близко: въ Лебедяни, на 30-верстныхъ скачкахъ, лучшiя лошади всѣхъ другихъ степныхъ породъ останавливались на двадцатой верстѣ, въ скачкѣ съ англiйскими кровными. Въ Тифлисѣ, на скачкахъ, пять-шесть донскихъ лошадей, худыхъ и измученныхъ службой, часто приходили всѣ вмѣстѣ первыми, оставляя за собою, на четырехъ или пяти верстахъ, толпу карабагскихъ, черкесскихъ и другихъ кавказскихъ лошадей. Непогоды, безкормицу и самую тяжелую ѣзду донская лошадь способна вынести больше всѣхъ другихъ, что извѣстно всѣмъ, кто былъ въ кампанiяхъ; командиры полковъ легкой кавалерiи знаютъ, что, можетъ-быть, треть нѣкоторыхъ полковъ состоитъ изъ полудонскихъ и чистыхъ донскихъ лошадей, и что онѣ-то именно и были годны на всѣ тяжелыя службы во время войны. Донской конь родится и вос-

(2) *С.-Петербургскiя Вѣдомости* 1825 г. 20 августа. Скачка была 15-го авг.

питывается въ степи, на вѣчномъ подножномъ корму, гдѣ долженъ выносить и морозы, и метели, и доставать себѣ кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ, разрывая его копытомъ. Около половины жеребятъ падаютъ зимою и на Дону, хотя здѣсь климатъ далеко не такъ суровъ, какъ въ Сибири; но тѣ, которые останутся живы, становятся крѣпки, какъ бронза.

Но чистая, старинная порода донскихъ лошадей, точно такъ же какъ и вятскихъ, исчезаетъ, и осталась теперь только въ небольшихъ табунахъ отдаленныхъ станицъ. Казаки, сосѣди Воронежской и Тамбовской губерній, начали пускать въ свои заводы русскихъ и даже рысистыхъ лошадей, потому что лошади, происходящія отъ этой смѣси, крупнѣе, круглѣе складомъ и хладнокровнѣе; вслѣдствіе чего расходятся скорѣе и цѣнятся дороже. Можно ожидать, что современемъ донская порода, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, совершенно исчезнетъ. Въ настоящее время она еще сильна и держится, проявляясь многими своими отличительными чертами.

Въ табунахъ гг. Серинова, Иловайскаго, Платова, Конькова и другихъ, родится много лошадей, поступающихъ въ легкую кавалерію; ихъ коннозаводство называется *улучшеннымъ*; но лошади ихъ мѣшаются не съ кровными (1), а съ такими, которыя придаютъ имъ только ростъ и округленныя формы, отнимаемая драгоценныя качества донской породы—силу и быстроту скачки и сносность.

Большая часть донскихъ кровныхъ лошадей имѣютъ, по общему мнѣнію, дурной характеръ; онѣ горячи и бойки до старости, такъ что многіе рѣшаются покупать только выѣзженныхъ, уже усмиранныхъ (укрючныхъ) лошадей; но эти черты характера могутъ быть уничтожены благоразумною, толковою примѣсью своихъ же заводскихъ производителей, отличающихся добрымъ характеромъ; а неблагоразумная примѣсь русскихъ заводскихъ лошадей уничтожить породу невозвратно, между тѣмъ какъ одна эта порода уже составляетъ богатство Россіи лошадьми. Введеніе англійской кровной лошади быстро возвысило бы донскіе заводы, и потому для русскаго коннозаводства было бы чрезвычайно важно увѣрить въ этомъ жителей Дона. Для легкой кавалеріи, и вообще для сильной ѣзды, ка-

(1) Только у немногихъ помѣщиковъ на Дону есть въ заводахъ кровныя лошади; въ ихъ достоинства еще немногіе вѣрятъ на Дону.

жется, нельзя придумать лучшей смѣси, если только она будетъ составлена съ знаніемъ дѣла.

Горскія или черкесскія лошади тоже табунныя, степныя, и пасутся тоже на всегдашнемъ подножномъ корму; но такъ какъ климатъ многихъ мѣстъ Кавказа умѣреннѣе нежели на Дону и въ средней Азіи, то и черкесская лошадь не можетъ вынести такихъ суровыхъ зимъ и столькихъ лишеній, какъ напри- мѣръ донская или калмыцкая, хотя и уступаетъ въ этомъ только имъ. Кавказская линія, и особенно Кабарда, богата табунами лошадей; въ степи, простирающейся на тысячу верстъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря, лошадь также необходима, какъ въ степяхъ Аравіи и сѣверной Африки, и Черкесъ привязанъ и пристрастенъ къ своему коню точно такъ же, какъ и Арабъ. Преданіе Горцевъ о происхожденіи ихъ лошадей отъ арабскихъ очень вѣроятно, какъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда владѣли Арабы, къ Дагестану и Закавказью, такъ и по тому особенно, что черкесская лошадь не имѣетъ тѣхъ угловатыхъ формъ, которыми отличаются всѣ сосѣднія лошади: донскія, калмыцкія, каранагайскія и проч. Черкесская лошадь, говоря вообще, ростомъ нѣсколько меньше донской, но много красивѣе: голова и шея у нея хорошія, часто даже изящныя, складъ круглѣе и не напоминаетъ дикой козы, или верблюда. По замѣчанію нѣкоторыхъ извѣстныхъ нашихъ коннозаводчи- ковъ, особенно хороши собою черкесскія кобылы, которыя замѣтно красивѣе жеребцовъ. Но и тѣ, и другія отличаются самымъ лучшимъ характеромъ; всѣ они почти, безъ исключенія, смиренны и послушны въ три и четыре года, какъ будто старыя, давно служащія, и вмѣстѣ съ тѣмъ живы, рѣзвы и полны огня. Эти нравственные качества можно также считать признакомъ родства ихъ съ арабскою породой. Какъ всѣ табунныя лошади, они одарены большимъ шагомъ, рѣзвы и сильны въ скачкѣ и необыкновенно умны и памятливы. Были примѣры, что черкесскія и донскія лошади приходили домой, бывъ уведены за 400 и 500 верстъ.

Большее число лошадей и лучшіе табуны находятся на правомъ флангѣ кавказской линіи, у Кабардинцевъ, Абазинцевъ и нѣкоторыхъ нагайскихъ узденей и князей. Славилась заводы Трама, Лова, Шелоха, Атажукіна и другихъ; многіе изъ нихъ извѣстны и теперь. Лѣвый флангъ, гдѣ такъ долго была война, сравнительно бѣденъ лошадьми, хотя порода здѣсь все та же. Всѣ черкесскія лошади отличаются необыкновенно прочными

ковчугами и вѣрными ногами, что, конечно, происходитъ отъ каменистаго грунта земли Кавказской линіи; горець никогда, и ни въ какое время года, не куеть своей верховой лошади, и даже не имѣетъ понятія о ковчѣ.

По красивымъ формамъ и по доброму характеру, черкесская юнадь можетъ-быть еще лучше донской для образованія лошадей легкой кавалеріи; но и Черкесы, точно такъ же, какъ жители Дона, желая сбыта своимъ лошадямъ, начали мѣшать ихъ съ русскими заводскими, и точно такъ же портятъ породу. А эта порода не такъ сильна какъ донская. Пока еще есть время, надобно торопиться ввести на Донъ и Кавказскую линію хорошихъ кровныхъ лошадей, чтобъ ими, а не рысистыми, улучшить заводы.

Лошади у *линейныхъ казаковъ*, ближайшихъ сосѣдей черкесскихъ племенъ, происходятъ отъ смѣси черкесскихъ съ простыми крестьянскими, которыя были приведены поселенцами со всѣхъ концовъ Россіи; потому онѣ много уступаютъ черкесскимъ, и по красотѣ формъ, и по силѣ и сносности. Улучшеніе этихъ лошадей было бы очень важно, тѣмъ болѣе что линейный казакъ служить исключительно верхомъ. Онъ, такъ же какъ и Черкесь, можетъ содержать большой косякъ лошадей; средства у него есть; но чтобъ улучшить его лошадь, необходимы лошади кровныя, которыя, по силѣ своей породы, измѣнять лошадей быстро, съ слѣдующаго же поколѣнія, тогда какъ улучшеніе казачьихъ линейныхъ лошадей черкесскими пойдетъ медленно.

На линіи, и даже въ Россіи, извѣстны *черноморскія* лошади, выведенныя, по увѣренію Черноморцевъ, изъ ихъ первой родины—изъ-за Двѣпра. Лошади эти крѣпки и сильны въ ѣздѣ; ростомъ меньше черкесскихъ, но шире ихъ, костистѣе и грубѣе складомъ; въ наружномъ видѣ ихъ нѣтъ рѣзкихъ чертъ, какъ напримѣръ въ казачьихъ, карабагскихъ и другихъ, однако они имѣютъ свой особый типъ, весьма замѣтный для глаза знатоковъ. Сами Черноморцы ѣздятъ только верхомъ; но на линіи и въ горахъ, на станціяхъ, ихъ выѣзжаютъ въ упряжкѣ, для чего онѣ очень способны по своей силѣ и по складу. Въ кавказской артиллеріи тоже очень много черноморокъ; но съ сожалѣнію, онѣ всѣ, почти безъ исключенія, дурнаго характера: злы, норовисты и всегда горячи, такъ что выѣздка и усмиреніе ихъ требуютъ большихъ хлопотъ. Табуны Черноморцевъ не велики, несмотря на богатство луговъ и степей

Черноморіи; сами жители считаютъ у себя не болѣе пятидесяти или шестидесяти тысячъ лошадей.

За Кавказомъ находится нѣсколько извѣстныхъ, различна одна отъ другой, породъ лошадей. Туземцы, Татары, Грузины, Армяне и проч., не столько нуждающіеся въ сильныхъ и сносныхъ лошадяхъ, какъ Черкесы, больше всѣхъ любятъ лошадей *карабагскихъ*, красивыхъ и нарядныхъ. Эти лошади происходятъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ арабскихъ; ихъ можно считать испорченными и переродившимися арабскими, съ которыми онѣ имѣютъ довольно близкое сходство, особенно если смотрѣть на нихъ въ профиль. У хорошей карабагской лошади прямые и короткія уши, широкій лобъ, большіе наклонныя глаза, открытыя ноздри и прямой профиль головы; красивая, гибкая, хотя, большею частію, съ небольшимъ закругленіемъ станъ круглый, короткая и блестящая шерсть, необыкновенно тонкая кожа и красивый отдѣлъ хвоста; все это (за исключеніемъ шеи съ зобомъ) находимъ мы и у арабской лошади, здѣсь и кончается сходство; остальное, самое важное, уже не то: у карабагской лошади, по большей части, почки небольшие, паха велики, крестецъ слабъ, ноги часто не правильны, длинны и не прочны, грудь и задъ необыкновенно узки. Такая лошадь, конечно, не въ состояніи вынести ни сильной и продолжительной ѣзды, ни дурнаго содержанія; огненная съ быстротой и красивыми движеніями, она годится только для азіятскихъ наѣздниковъ, желающихъ погарцовать и покрасоваться на конѣ; быстро принимаетъ она съ мѣста и несется на полномъ рѣвѣ; но на полуверстѣ кончается быстрота ея скака. Конечно, попадаются и карабагскія лошади съ прочными станками, въ заводахъ нѣкоторыхъ хановъ можно найти хорошихъ лошадей, и сильныхъ и сносныхъ, не уступающихъ персидскимъ, но такихъ очень немного, потому именно, что закавказскіе жители цѣнятъ въ лошади больше красоту, нежели силу. Для походовъ, и вообще для тяжелой службы, они стараются покупать лошадей курдинскихъ, черкесскихъ или туркменскихъ.

Карабагскія лошади разводятся въ юго-восточной части кавказскаго края, въ Карабагѣ, тамошними беками, ханами и огаралами; пасутся также большею частію въ табунахъ, всегдашнемъ подножномъ корму, но жаркій климатъ Карабагуетъ лошадь и лишаетъ ее способности переносить жаркія непогоды. Короткая и блестящая шерсть карабагской лошади не есть однако слѣдствіе жаркаго климата, какъ думаютъ

цвете, но прямое наследіе арабской крови, потому что курдскія лошади, живущія въ такомъ же климатѣ, даже еще выше, вовсе не имѣютъ ни такой нарядной шерсти, ни тонкой кожи. То же должно сказать и о большей части персидскихъ лошадей. У Персіанъ лошади не такъ красивы какъ карабагскія, но гораздо прочнѣе и дѣльнѣе ихъ, что происходитъ не отъ благоразумнаго сортированія жеребцовъ и матокъ, но отъ случайной, счастливой примѣси другихъ породъ. Какъ Персіане, такъ и наши закавказскіе коннозаводчики, не имѣютъ никакого понятія о сортированіи.

Нѣкоторые изъ русскихъ заводчиковъ допускали въ свои заводы карабагскихъ и персидскихъ производителей и выводили лошадей хорошихъ; но, какъ лошадь переродившейся, испорченной, а не первообразной и самостоятельной породы, карабагская можетъ быть допускаема въ заводъ съ большою осторожностію, и то развѣ по тому, что у насъ еще много охотниковъ до азійскихъ лошадей.

За Кавказомъ есть *курдискія* лошади, но ихъ нельзя назвать принадлежащими Россіи, потому что Курды кочуютъ за нашими границами, въ Персіи и Турціи, и только въ небольшомъ числѣ, нрѣдка, приходятъ на наши земли. Въ Грузіи, Имеретіи и вообще въ окрестностяхъ горъ, находится еще порода небольшихъ лошадокъ, приспособленныхъ природою въ гористой странѣ; онѣ малы ростомъ, узки, съ длинными тонкими шеями и на тонкихъ ножкахъ; съ виду кажутся очень слабы и ничтожны; но онѣ сухи, крѣпки, сносны и одарены самыми вѣрными ногами, для перехода по горамъ и скаламъ. Туземцы употребляютъ ихъ для верховой ѣзды и для вьюковъ.

Въ Имеретіи есть порода иноходцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *бача*; лошади эти тоже малы ростомъ, но круглы и широки складомъ, довольно красивы, крѣпки и сносны: иноходью бѣгутъ дѣйствительно очень быстро. Для верховой ѣзды онѣ очень способны, — смиренны, послушны и, какъ иноходцы, необыкновенно покойны; поэтому *бача* очень цѣнятся за Кавказомъ и могли бы быть съ выгодой продаваемы и у насъ. Откуда явилась въ Имеретіи эта порода, совершенно отличная отъ всѣхъ сосѣднихъ породъ, — за Кавказомъ узнать трудно; въ Имеретіи столько остатковъ Европы среднихъ вѣковъ, что можетъ быть и иноходцы ея также завезены сюда Европейцами (1).

(1) Въ среднихъ вѣкахъ дамы были охотницы ѣздить на иноходцахъ.

На югѣ Россіи есть такъ-называемая порода *малороссійскихъ* лошадей, рослыхъ, сухихъ и видныхъ. Лошади эти ведутся у многихъ помѣщиковъ Кіевской, Черниговской и Подтавской губерній и не составляютъ особой породы, но произошли отъ лошадей извѣстныхъ бывшихъ заводовъ графа Разумовскаго, Заводовскаго, Гудовича и другихъ. Матри этой породы, при благоразумномъ смѣшеніи ихъ съ кровными лошадьми, могли бы произвести прекрасныхъ каретныхъ, шорныхъ и вярассирскихъ лошадей; потому что въ заводы Разумовскаго, Гудовича и Заводскаго входили лошади не *рысистыя*, не орловскія, но кровныя англійскія, арабскія и датскія. Жаль, что лошадей этихъ нѣтъ, или почти нѣтъ, въ главныхъ русскихъ заводахъ, гдѣ рысистая порода распространяется все больше и больше.

На сѣверѣ Россіи, въ Финляндіи, Эстляндіи и частію въ Петербургской губерніи, извѣстна прекрасная порода финскихъ, или такъ-называемыхъ *шведскихъ* лошадей; онѣ ростомъ не велики, но широки, длинны, съ круглымъ складомъ, на короткихъ ногахъ, съ довольно хорошею головою и шейю. Почти всякая шведская лошадь отлично бѣжитъ рысью на маломъ и не самомъ большомъ разстояніи; нерѣдко случалось, что *шведка* у бѣднаго извозчика, въ Петербургѣ, обгоняла рысью, на верстѣ и на двухъ, такъ-называемыхъ рысаковъ, въ 4 и 5 вершковъ росту. Порода эта—драгоценность для нашего коннозаводства, тѣмъ больше что она очень сильна; и примѣсь къ ней другой хорошей породы улучшаетъ ее.

Въ западной Россіи нѣтъ особой породы лошадей, такъ же какъ и въ Польшѣ, гдѣ хороши лошади только заводскія. (1)

Вотъ главные замѣчательныя породы лошадей въ Россіи, богатство, какъ видимъ необыкновенное, не встрѣчаемое, сколько извѣстно, нигдѣ, и котораго мы, какъ истинные богачи, цѣнить не умѣемъ. Табунной лошади нѣтъ въ Европѣ, за малыми исключеніями; а она, какъ первоначальное произведеніе природы, представляетъ драгоценный матеріалъ, изъ котораго человекъ можетъ произвести многое сообразно своимъ потребностямъ. Табунныя лошади, вслѣдствіе своего воспитанія, перешедшаго уже въ природу, способны выносить всякую непогоду, дурное содержаніе и самую тяжелую службу; онѣ умнѣ заводскихъ воспитанныхъ и выращенныхъ человекомъ, и чувства ихъ тоньше; табунная степная лошадь находитъ дорогу въ метель, въ туманъ, и ночью, когда въ пяти шагахъ

(1) Преимущественно арабскаго и турецкаго происхожденія.

ничего уже не видно; приходитъ домой за 400 и 500 верстъ и защищается смѣло отъ нападенія волковъ и медвѣдей.

Въ настоящее время всѣ наши степныя табунныя лошади составляютъ только патріархальное богатство владѣтелей. Черкесь, Башкиръ и Калмыкъ употребляютъ своихъ лошадей единственно для верховой ѣзды и не догадываются, что эти же лошади, улучшенныя примѣсью другихъ породъ, могутъ замѣнить и верблюда и вола, могутъ возить вьюки, телѣги и кареты, могутъ быть проданы за хорошія деньги въ Россіи и даже въ Европѣ. Табунныя лошади не улучшаются и не удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ челоука, и потому владѣльцы ихъ не могутъ продать ихъ нигдѣ, кромѣ ближайшей русской ярмарки, куда лошадей пригоняется всегда большое число, и гдѣ онѣ продаются всегда за безцѣнокъ. Только не многіе изъ черкесскихъ князей поняли возможность сбыта своего патріархальнаго богатства и начали измѣнять свою лошадь сообразно требованіямъ покупателей, Русскихъ; но Черкесы не имѣютъ ни настоящаго понятія объ улучшеніи лошади, ни средствъ для этого; въ чистую породу своихъ лошадей, какъ я сказалъ выше, они часто пускаютъ испорченныхъ; разслабленныхъ и порочныхъ. И на Кавказѣ, и на Дону введеніе кровной англійской лошади привнесло бы великую, можно сказать даже неисчислимую пользу: улучшенныя черкесскія и казачьи лошади расходились бы во множествѣ въ Россіи и, можетъ-быть, даже въ Европѣ. Донъ и Кавказъ, по трудности сбыта другихъ естественныхъ произведеній, могли бы получать большіе доходы отъ лошадей и при своихъ богатыхъ средствахъ доставлять половину ихъ Россіи, гдѣ коннозаводство уменьшается, вытѣсняемое другими отраслями хозяйства. Но Черкесь, Калмыкъ и казакъ не скоро повѣрятъ достоинству англійской лошади для завода и убѣдить ихъ могутъ только многіе и счеvidные примѣры и доказательства. Для этого образцовыя заводы на Кавказѣ и на Дону, конечно, были бы полезнѣе всякой другой мѣры.

При такомъ богатствѣ конскихъ породъ въ Россіи, можно сказать, что у насъ *породы русской нѣтъ*; по крайней мѣрѣ мы никакъ не можемъ найти ее въ чистотѣ и первообразѣ. Крестьянскихъ лошадей, въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать русскими, потому что между лошадьми южной, сѣверной, восточной Россіи нѣтъ ничего общаго; ни въ тѣхъ ни въ другихъ нѣтъ рѣзкихъ отличительныхъ чертъ и своего особеннаго типа;

на Востокъ онѣ перемѣшаны съ татарскими, камышевскими, на югѣ съ донскими, на сѣверѣ съ финскими, а вездѣ съ лошадами, происшедшими отъ равныхъ заводскихъ.

II.

Всѣхъ русскихъ нетабунныхъ лошадей можно раздѣлить на заводскихъ, крестьянскихъ и смѣшанныхъ, то-есть не имѣющихъ никакой определенной породы. Но въ строгомъ смыслѣ, большая часть лошадей, и заводскихъ, и крестьянскихъ, не отличается чистотою породы (1), какъ увидимъ ниже. Если мы спросимъ себя, для какого употребленія нужны въ Россіи лошади, то окажется само собой, что намъ нужны: 1) крестьянскія, 2) гонныя, 3) возовыя, 4) ремонтныя, и 5) городскія упряжныя.

Крестьянскія лошади, конечно, и теперь исполняютъ свое назначеніе, — пахать, возить, ходить въ обозахъ; но нельзя не пожелать, чтобъ онѣ были лучше и исполняли свое назначеніе съ большею выгодой для крестьянина. Онѣ очень малы ростомъ и потому малосильны, какъ для перевоза тяжестей, такъ и для гоньбы; у нихъ нѣтъ ни рыся, ни шага, ни скака. Больше 2 $\frac{1}{2}$ четверти хлѣба, то-есть 20 и 25 пудъ, за 200 или 150 верстъ, крестьянская лошадь везти не можетъ, тогда какъ всякая другая средняго роста везетъ вдвое, съѣдая то же самое количество корму; лошадь средняго роста не будетъ измучена и не спадетъ съ тѣла, пропахавъ весною въ сохѣ, или возвратясь съ обозомъ, потому что трудъ этотъ для нея не великъ. Еслибъ у нашихъ крестьянъ были, напримѣръ, лошади черкесскія или финскія (побольше ростомъ), то онѣ прекрасно бы бѣжали на почтѣ и во всякомъ экипажѣ, пахали бы больше и съ меньшимъ усиленіемъ, возили бы на продажу хлѣба по 40 и 50 пудовъ, стоя мужику въ дорогѣ то же самое, или немного больше, и не требуя другаго содержанія дома. Попадаются и между крестьянскими лошадьми довольно крѣпкія, сильныя и сносныя въ вѣдѣ; но ихъ очень мало, и почти всѣ онѣ происходятъ отъ смѣси съ татарскими, вятскими, донскими, или отъ лошадей заводскихъ. Между тѣмъ и эти

(1) Я не разумѣю здѣсь заводы кровныхъ лошадей, которые у насъ всѣ на черенѣтъ.

Вѣдь далеко не удовлетворительны, онѣ только лучше простыхъ, допорощенныхъ; онѣ сильны, и сносны только сравнительно съ плохими. Лошади покрупнѣе, встрѣчаемыя у крестьянъ и происшедшія отъ ихъ же лошадей, такъ-называемыя *выкормки*, еще хуже простыхъ, потому что ростъ въ увеличенъ хорошимъ кормомъ въ одномъ, а не въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, и потому потомство ихъ бываетъ чаще хуже потомства простыхъ; по недостатку движенія, приростъ этихъ заводскихъ лошадей бываетъ сыръ и вялъ въ плоти. Въ окрестностяхъ извѣстныхъ заводовъ и у нѣкоторыхъ заводчиковъ, крестьянскія лошади много лучше; по рѣкѣ Битюгу, вблизи бывшаго завода графа Орлова, славятся крестьянскія лошади *битюгскія*; но это капля въ морѣ, хотя и кажется, что ихъ много; подъ именемъ битюгскихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ продаютъ очень часто всякихъ крестьянскихъ коней, у которыхъ потолще шея, станъ подлиннѣе, и крупнѣе ноги и весь складъ.

Всѣмъ вѣроятное большинство нашихъ крестьянскихъ лошадей не двойнѣ, какъ въ сравненіи съ крестьянскими лошадьми въ Европѣ, такъ и сравнительно съ нашими средствами имѣть превосходныхъ лошадей.

Крестьянская лошадь должна пахать, боронить, возить тяжести и хорошо ѡбжать во всякомъ экипажѣ, чтобы крестьянинъ могъ лишнюю лошадь продать и въ возъ, и въ гоньбу, и въ войну. Достигнуть этого, повидимому, не трудно: стобить только увеличить ростъ лошади примѣсью лучшей породы. Но это выходитъ не то: крестьянскую лошадь, въ настоящее время, улучшить не легко. У крестьянъ лошади всѣхъ лѣтъ и годовъ волось пасутся вмѣстѣ, и потому жеребята происходятъ отъ трехлѣтнихъ матокъ и жеребцовъ, или отъ сѣмьилетней родни, и потому, натурально, лошади выходятъ слабыми и слабы. Устранить это зло трудно; потому что у крестьянина нѣтъ времени, и главное, нѣтъ охоты заниматься правильнымъ коноводствомъ; онъ не видитъ большой разницы въ лошадяхъ своей породы, какъ бы аккуратно она была ведена; онъ понимаетъ однако важность примѣси лучшей хорошей породы, и такихъ лошадей онъ бережетъ, и вовсе безъ толку не пуститъ; для нихъ онъ найдетъ бы и охоту. У казаковъ и Чернессовъ больше порядка и вниманія; такъ лошади разбиваются на косяки, въ косяку приго-

слишкомъ молодыхъ матокъ и отъ близкой родни, то лошади степныхъ табуновъ исправляютъ сами себя своею многочисленностию, при которой родству труднѣе встрѣтиться.

Намъ нужна также *возовая* лошадь, могущая перевозить надъ 50 и 60 пудъ на большее разстояніе, на 500 и 1000 верстъ. Такая лошадь, при достаточномъ ростѣ и достаточной силѣ, должна бы суха, съ крѣпкими ногами и способна переносить всякія непогоды; *возовыя же призовыя* лошади, при всей своей гладиаторской силѣ, не въ состояніи вынести ни дальняго перехода, ни непогоды. Огромное пространство Россіи, ея первобытные сообщенія и вообще вся наша внутренняя торговля и всѣ отрасли нашей промышленности, производящей преимущественно грубые и громоздкіе матеріалы, — все это требуетъ множества сильныхъ и вмѣстѣ сухихъ возовыхъ лошадей. Точно такъ нужны намъ лошади, способныя скоро и долго бѣжать по почтой и вообще въ русской ѣздѣ, то-есть *гонныя*, большаго и средняго роста.

Эти три сорта лошадей должны быть выводимы крестами, какъ для ихъ собственной выгоды, такъ и для выгоды общей, потому что онѣ должны быть дешевы, крѣпки, сносны и воспитаны на воргѣ, а не въ конюшнѣ.

Въ *ремонтѣ для кавалеріи* должны поступать лошади легкой живыя, быстрыя и способныя выносить сильную и продолжительную ѣзду, всякую непогоду и безкормицу; всѣ эти условія необходимы для настоящей ремонтной лошади; при этомъ она, конечно, должна быть способна къ выѣздѣ и довола росла. Отъ солдатской лошади, *больше нежели отъ другой* требуется сносности и способности переносить все, тогда также какъ и отъ самого солдата. Между тѣмъ, до сихъ поръ намъ не было обращено вниманія на эти главные условія. Ремонтеръ, при покупкѣ лошадей, не справляется о ихъ породѣ, о чемъ онъ и не имѣетъ понятія; не видитъ, способна ли она къ перенесенію всѣхъ трудностей похода и службы въ время войны; онъ смотритъ только на условныя ея формы скорѣе на то, способна ли она держать тѣло, и будетъ ли у нея *зарѣзъ*, каковы у нея ганаша, ходъ на заду и проч. Вслѣдствіе этого заводчикъ тоже только и хлопочетъ о томъ, чтобы выводить лошадей условныхъ формъ; а такъ какъ рысистоыя лошади имѣютъ и зарѣзъ, и приличную шею съ мягкими ганашами, и кромѣ того, очень способны отъѣдаться, то онѣ вошли во множествѣ въ кавалерію. Поэтому, въ послѣднихъ

кампаніяхъ значительное число кавалеристовъ оставались пѣшими, и если полки не комплектовались резервами, то въ нихъ вмѣсто 1000 или 800 человекъ, оказывалось 300, 400, но не отъ ядеръ и картечи, а отъ безкоршницы, отъ сильныхъ переюдовъ и непогодъ. Казачьи же лошади (1) оставались цѣлыми, и сметливые кавалерійскіе офицеры покупали себѣ на походы, если могли, лошадей донскихъ. Въ крымскую кампанію англійскія кровныя лошади, бывшія у нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ, перенесли всѣ лишения и труды похода и войны наравнѣ съ донскими. Это и должно быть, потому что организація ихъ совершеннѣе и силъ у нихъ больше на все; но для насъ это фактъ замѣчательный.

Лошади для артиллеріи, при всѣхъ тѣхъ же условіяхъ, должны имѣть силу для возки тяжести. Что же касается до лошадей тяжелой кавалеріи, то въ настоящее время, съ изобрѣтеніемъ нарѣзныхъ пушекъ и ружей, тяжелая кавалерія — анахронизмъ. При столкновеніи кавалерійскаго полка съ неприятельскимъ выигрываетъ не тяжелый солдатъ и его неповоротливая лошадь, но единственно мужество его, энергія и хорошее обученіе; для нынѣшней же пѣхоты и артиллеріи совершенно одно и то же — бить кирассиръ или уланъ. Когда солдатскія ружья были плохи, кавалерія могла иногда захватить пѣхоту врасплохъ; но теперь пѣхота начинаетъ стрѣльбу за 1200 сажень и кавалерія должна съ быстротой молніи пролетѣть это пространство, чтобы попытаться врубиться въ ея ряды; что же могутъ сдѣлать здѣсь кирассиры на теперешнихъ своихъ лошадяхъ?

Городская упряжная лошадь, самый дорогой товаръ коннозаводчиковъ, должна быть красива, росла, смирна и снабжена прочными ногами, для перенесенія всегдашней ѣзды по мостовой. Эти лошади, также какъ и ремонтныя, причисляются у насъ къ заводскимъ.

Въ Россіи конныхъ заводовъ удивительное множество; а охотниковъ заводить ихъ еще больше. Но при всемъ этомъ, коннозаводство наше еще не хозяйство, а большею частію одна охота; лошадей разводятъ во множествѣ даже и тамъ, гдѣ онѣ не окупаютъ своего содержанія: въ Московской, Тверской, Ярославской губерніяхъ находится множество конныхъ заводовъ, которые разоряютъ владѣльцевъ. Многіе изъ этихъ вла-

(1) Которыхъ всегда много въ полкахъ легкой кавалеріи.

дѣльцевъ воображаютъ, отъ чистаго сердца, что дѣлаютъ дѣ хозяйничаютъ, разводя лошадей; другіе стараются оправд свою разорительную охоту будто бы разчетомъ, утвержда что продаютъ овесъ, сѣно и солому въ лошади, и что безавода они не могли бы продать ни сѣна, ни соломы. Имъ врать на слово; мы не охотники считать и своихъ приходовъ расходовъ, станемъ ли мы повѣрять чужіе?

Въ Московской или Тверской губерніи лошадь обходитъ ежегодно въ 70, 80, а иногда и въ 100 р. серебр., и стало-быдо четырехъ лѣтъ обойдется въ 280, 300 и 400 р. с. (1), заводчикъ, продавъ ее въ Москвѣ за 500, 600 р. с., воображаетъ, что каждая проданная лошадь принесла ему дохода по или по 60 р. с. въ годъ. Онъ считаетъ притомъ, что, заплативъ за матку 150, 200 р., а за жеребца 500 или 600 р., онъ с капитала въ 700, 800 р. с. получилъ процентовъ восемь и больше, кромѣ того, что лошади дали ему удобреніе. Другіе этого не считаютъ, и не считаютъ ничего, а держатъ заводъ изъ удовольствія имѣть въ бѣдѣ своихъ лошадей и, продавъ изъ нихъ двухъ-трехъ, очень рады получить вдругъ 400, 500 руб. Такъ было у насъ издавна, но и теперь еще немногіе изъ старыхъ хозяевъ смотрятъ на коннозаводство какъ на хозяйство, и не многіе ведутъ его сообразно съ этимъ взглядомъ.

Есть, конечно, коннозаводчики, которые умѣютъ разчитатъ свои выгоды и получаютъ дѣйствительный доходъ; но ихъ не много, и доходъ ихъ ничтоженъ, при разчетѣ всѣхъ расходовъ. По отзыву самыхъ пристрастныхъ заводчиковъ, жителей хлѣбородныхъ губерній, коннозаводство не приноситъ имъ больше 4 % въ десятилѣтней сложности. Кромѣ того, доходы ихъ часто зависятъ отъ случая, удачи, умѣнья продать лошадь, а не отъ положительныхъ достоинствъ ихъ лошадей. У насъ есть достоинства условныя, принятая, которыя цѣнятся выше положительныхъ, у насъ даже не нужно имѣть никакого понятія о лошади, чтобы вести заводъ,—на такомъ ложномъ основаніи держится наше коннозаводство! Мы все знаемъ, что такъ-называемыя рысистыя лошади цѣнятся дороже всѣхъ и покупаются въ городахъ и даже въ деревняхъ, и всякій заводчикъ старается достать матокъ и жеребцовъ съ аттестатами рысистыхъ; если у лошади есть этотъ паспортъ, то

(1) Не считая содержанія людей, жалованья имъ, а считая только одинъ кормъ лошадей.

ничего и не нужно для удовольствія личности лошади. Но дело до вѣрности этого паспорта, до статей лошади, ея свойствъ и достоинствъ? «Товаръ идетъ съ рукъ!» Рысистую лошадь, съ паспортомъ и родословною, довозятъ ее разными невѣдомыми путями до извѣтнаго Смѣльска, покупаютъ и баринъ; и купецъ, и даже мѣщанинъ. Загдѣ же видѣть знаніе лошади, коннаго дѣла, умѣнье сортировать рысистыхъ производителей и вообще всякое знаніе?

Но земля наша велика и обильна. Несмотря на первобытныя знанія нашихъ коннозаводчиковъ, на ихъ малое знакомство съ усовершеннымъ, европейскимъ коннозаводствомъ, по отзывамъ иностранныхъ людей, видѣвшихъ заводы Германіи, Франціи, и Англіи, и въ крайнѣйшей Англіи, нельзя найти столько хорошихъ лошадей, какъ у насъ, и даже столько хорошихъ заводовъ; при этомъ этого—страшное множество и тѣхъ и другихъ.

Всего хорошія лошади попадаютъ у насъ не вслѣдствіе разумнаго, систематическаго веденія заводовъ, а только благодаря счастливой случайности. Доказать это легко. Очень часто бываетъ, что заводчики, выведя разъ довольно хорошихъ лошадей отъ такихъ-то кобылъ и жеребцовъ, и потомъ передавая тѣхъ или другихъ, выводятъ въ слѣдующіе года самыя дурныя лошадей, или безобразныхъ, или ни на что неспособныхъ. Какъ первыя, хорошія, такъ и вторыя, со временемъ были безъ всякаго знанія, безъ разбора, не рачительно, а случайно или только по аттестатамъ (1), что конечно тоже случайность. Исключеній не много; людей, знающихъ, что дѣлать въ коннозаводствѣ, у насъ наперечеть.

Въ разговорѣ о рысистыхъ лошадяхъ, распространяющихся съ годами годомъ, иные покупаютъ и хорошихъ, нерысистыхъ, жеребцовъ и кобылъ; но лошади выходятъ у нихъ плохія, потому что и матки и жеребцы подобраны не къ стати, имѣютъ тѣ же недостатки, которые укореняются въ потомствѣ. Многие знаютъ даже, какую лошадь хотятъ произвести и чего имъ нужно отъ своего завода, упряжныхъ ли лошадей, или ремонтныхъ.

Въ этихъ условіяхъ, для большей части заводчиковъ, какъ я уже говорилъ, конныя заводы не выгодны; четыре процента не даютъ выгоднаго помѣщенія капитала; а многіе далеко не достигаютъ и четырехъ. Если сосчитать весь расходъ на заводъ, то надобно положить въ счетъ сѣно, овесъ, солому, содержа-

(1) Я говорю о нашихъ рысистыхъ аттестатахъ.

ніе людей, ихъ семей, жалованье имъ, поддержаніе строеній, расходъ на ковку, сбрую, лѣченіе; при такомъ счетѣ всякій увидитъ во что обошлась ему лошадь до 4-хъ лѣтняго возраста. Въ Воронежской губерніи, одной изъ самыхъ дешевыхъ, содержаніе лошади до 4-хъ лѣтъ, считая содержаніе ея производителей и всего при заводѣ, обойдется ни какъ не меньше, какъ въ 90, во 100 руб. серебромъ ежегодно, а въ 4 года, около 400 р. е. По чемъ же продаютъ въ Воронежской губерніи лошадь, которая до четырехлѣтняго возраста стоила себѣ до 400 р. сер.? Хорошо, если по 150 р. сер., потому что кругомъ по 200 р. сер. продаютъ въ этихъ мѣстахъ очень немногіе. Въ Тверской или Московской губерніи такую лошадь можно продать по 300, по 350 р. сер., но за то здѣсь, по такому же разчету, лошадь обойдется самому уже не въ 390 р., а въ 500 или въ 600 р. сер.

Многіе возражаютъ, что счетъ этотъ не вѣренъ, что не слѣдуетъ считать сѣна и соломы, которыхъ въ степныхъ мѣстахъ сбыть не куда; но знающіе и безпристрастные люди съ этимъ не согласятся: продать у насъ все можно, особенно по той цѣнѣ, которую мы беремъ въ разчетъ (сѣно мы полагаемъ всего 5 коп.); а если не выгодно продать, напримѣръ, сѣно, то можетъ-быть выгодно вовсе не производить его, отдавъ свои луга или степь внаймы, или разводить на нихъ овецъ, допустить прогонъ скота и пр. Соломѣ порядочный хозяинъ тоже найдетъ мѣсто: въ иные года она продается очень дорого въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

У насъ говорили, а старые хозяева говорятъ и теперь, что не знаютъ куда дѣвать людей, и, желая употребить ихъ въ дѣло, выдумывали имъ работы: заводили ковровыя и разныя фабрики, ткацкія станки, даже кружева и вышиванья; но все это прошло, и говорить объ этомъ нечего; теперь всякій пойметъ, что шесть-семь человѣкъ при заводѣ чего-нибудь стоить. Если скажутъ, что иному заводѣ, съ кобылами, жеребцами и всемъ строеніемъ достался даромъ, по наслѣдству, то это наслѣдство должно считать капиталомъ, который долженъ давать проценты; и строеніе, и лошадей можно продать, и черезъ пять лѣтъ деньги эти возрастутъ. Но этого до сихъ поръ никто не считалъ въ нашемъ патриархальномъ коннозаводствѣ.

Такимъ образомъ счетъ нашъ, кажется, вѣренъ, и коннозаводство наше не хозяйство, а охота. Выгодно оно не многимъ заводчикамъ и въ немногихъ мѣстахъ; выгодно тѣмъ, которые, при дешевомъ содержаніи лошадей, продаютъ ихъ не по 150 р.

сер., но продають ежегодно хотя одну, двѣ лошади по 800 и по 1000 руб.

Когда коннозаводство наше будетъ настоящимъ, разчетливымъ хозяйствомъ и будетъ производиться, какъ въ Англіи, на коммерческой ногѣ, то оно будетъ и выгодно, и лошади у насъ будутъ лучше. Тогда не стануть выводить лошадей кое-какихъ; заводчики познакомятся съ англійскимъ коннозаводствомъ; тогда будутъ и у насъ, какъ въ Англіи, лошади для всякаго назначенія, и рысистыя призовыя, и каретныя, и ремонтныя, и шорныя, и будутъ не случайно, а по волѣ заводчика.

Въ настоящее время мы дошли до того, что намъ не достаеь хорошихъ лошадей ни для какого употребленія. Ремонтеры жалуются на недостатокъ лошадей для кавалеріи и артиллеріи, и вслѣдствіе ихъ жалобъ, въ прошломъ 1859 г., разрѣшено ремонтнированіе на Дону, у казаковъ (1). Щегольскія и вмѣстѣ прочныя, шорныя, лошади выписываются любителями изъ-за границы, потому что если такія лошади и есть у насъ, то ихъ надобно собирать по всей Россіи. Ъзжалыя упражныя состоятъ изъ бракованныхъ рысистыхъ, то-есть самыхъ сырыхъ и не надежныхъ лошадей. Гонныя, лучшія, приводятся съ Дона, съ Кавказа и изъ другихъ степныхъ табуновъ. Крестьянскія слабы, по причинѣ ихъ малаго роста, безкровности и безпорядочнаго ихъ разведенія. Рысистыя городскія, при условныхъ принятыхъ формахъ красоты, хуже всѣхъ остальныхъ по ихъ слабости и непрочности, а формами своими напоминають безобразныхъ коней дѣтскихъ игрушекъ. Хорошія, нерысистыя, лошади продаются у насъ дешево, дурныя дорого; во всемъ хаосъ, неестественный ходъ, ходъ назадъ.

Ходъ назадъ, потому что прежде Россія славилась своими лошадьми, а безъ достаточной причины славиться трудно, и на этотъ разъ старики, хваля все старое и старинныхъ лошадей, совершенно правы: и у крестьянина, и у помѣщикавъ прежде лошади были лучше. Назадъ тому тридцать лѣтъ богатые мужики-охотники пользовались жеребцами помѣщикавъ; но тогда жеребцы эти были не рысистой породы, а сухія и прочныя лошади; отъ этихъ крестьянъ имѣли лошадей другіе, и лошади выходили хорошія, хотя не было ни рысистыхъ, ни возовыхъ и никакихъ призовъ. Теперь точно также, охотники-крестьяне выводятъ лошадей отъ помѣщичьихъ, но въ этихъ

(1) Въ видѣ опыта, сначала для одной дивизіи.

лошадяхъ, во всѣхъ цвѣти безъ исключенія, рысистая кровь. У тѣхъ, которые могли вывести лошадь прямо отъ рысистой или полурысистой, она, конечно, крупна, кругла и видна, и по крайней мѣрѣ способна возить тяжелую кладь; но лошади, происходяшія отъ этой смѣси, теряютъ и ростъ и силу, и становятся безобразны.

Что касается до помѣщичьихъ заводовъ, то увеличивающаяся въ нихъ примѣсь рысистой крови перенертила всѣхъ лошадей; такъ что теперь хорошія лошади находятся только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, куда еще не успѣли проникнуть рысаки. Еще живы люди, которые помнятъ наши заводы до введенія въ нихъ рысистой породы, и всѣ знающіе и безпристрастные люди хвалятъ прежнихъ лошадей и покупаютъ ихъ, гдѣ только могутъ.

Не говорю о старинныхъ аргамакахъ и разныхъ трукменскихъ и персидскихъ лошадяхъ, которыми хвалялись наши бояре. Но и со временъ Петра Великаго коннозаводство наше шло настоящею дорогою и шло успѣшно до настоящаго времени. Петръ выписывалъ заводскихъ жеребцовъ и матокъ и дарилъ ихъ охотникамъ, на которыхъ надѣялся, напримѣръ графу Шереметеву; въ заводѣ гг. Шереметевыхъ до нашего времени велись отличныя лошади. Послѣ Петра Великаго Биронъ, страстный охотникъ и знатокъ, имѣлъ лошадей лучшихъ тогдашнихъ породъ, которыя потомъ разошлись по заводамъ и принесли имъ много пользы. Были и другіе извѣстные охотники, имѣвшіе больше или меньше вліянія на наше коннозаводство, какъ напримѣръ извѣстный Волынской, г. Муравьевъ, графъ Разумовскій, Гудовичъ, Заводскій и наконецъ знаменитый графъ Орловъ.

Всѣ эти заводчики вводили къ намъ хорошія породы, выписывали Англичанъ и учились сами раціональному европейскому коннозаводству. Графъ Орловъ имѣлъ возможность достать арабскихъ лошадей, настоящихъ, хорошей крови; получилъ позволеніе выбирать изъ конюшенъ Бирона, и выписывалъ на огромныя суммы кровныхъ скакуновъ изъ Англій; въ заводѣ его было трое дѣтей знаменитаго *Эклипса* (1). Около этого времени, съ восьмидесятыхъ годовъ, мода на англійскихъ лошадяхъ начала укореняться въ Петербургѣ; многіе богатые

(1) О значеніи кровной англійской лошади въ русскомъ коннозаводствѣ. Соч. Н. С. 1850 г.

люди стали выписывать ихъ для взды и для породы, и лошади замѣтно улучшались въ окрестностяхъ ихъ заводовъ. Но графъ Орловъ, который принесъ столько пользы нашему коннозаводству пріобрѣтеніемъ множества отличныхъ лошадей, былъ и доосвѣною причиною упадка. Можетъ быть знаменитый заводчикъ не былъ знаткомъ, можетъ быть не хотѣлъ слѣдовать методѣ англійскаго коннозаводства и желалъ самъ составить породу лошадей; не только въ заводѣ его, судя по оставшимся спискамъ породъ и ихъ смѣшаній, нельзя не видѣть или множества ошибокъ, если не неананія, или, наконецъ, совершеннаго безпорядка; нельзя не видѣть множества неудачныхъ опытовъ, отсутствія всякой системы, положительнаго убѣжденія и опредѣленной цѣли. Какихъ лошадей желалъ онъ произвести? Кровныхъ скаковыхъ, рысистыхъ, верховыхъ или упряжныхъ? Ничего этого не видно, ни по заводскимъ его книгамъ, ни по свѣдѣнію, составившемуся въ его заводѣ. Что произвела кровь знаменитаго *Эклимса*? отъ смѣси его дѣтей, съ полукровными и безкровными матками произошли скакуны, которые протыгивали на скачкахъ дюжиннымъ лошадямъ другихъ неизвѣстныхъ охотниковъ; тогда какъ навѣрно, что въ кровной лошади французская старинная поговорка «*bon sang ne rend mentir*», оправдывается больше, нежели гдѣ-нибудь, гораздо больше нежели въ людяхъ. Графу Орлову стоило выписать опытнаго тренера и кѣшать дѣтей *Эклимса* съ чистокровными матками, чтобъ обеканивать всѣхъ янудами знаменитой лошади (1). Дѣти *Эклимса*, конечно принесли свою долю пользы, кровь ихъ не потеряла, она улучшила многихъ лошадей; но что же это за польза въ сравненіи съ тою, какую могли бы принести они, еслибъ ихъ держали въ заводѣ съ толкомъ, мѣшали систематически, на основаніи науки и вѣковаго опыта, а не вслѣдствіе фантазіи, ради пробы, или изъ упрямства? И дѣти *Эклимса*, и арабскаго *Сиптанки* и другія были смѣшиваемы съ лошадьми всякихъ породъ, съ датскими, голландскими, мекленбургскими, черкесскими, и пр., и произведенія этой смѣси шли опять въ смѣсь съ арабскими, англійскими... Что могло выйти изъ этой мѣштуры? Вышли многія лошади прекрасныя и много лошадей совершенно безпородныхъ. По мнѣнію многихъ, знавшихъ заводъ графа Орлова, онъ вовсе не составлялъ рысистую породу,

(1) Съ этимъ согласятся, вѣроятно, всѣ заводчики кровныхъ лошадей.

но изъ множества лошадей отбиралъ тѣхъ, которыя лучше бѣжали; тутъ были и полукровныя англійскія, и полуарабскія, смѣшанныя съ датскими; отъ этихъ-то безкровныхъ лошадей заводчики наши стали разводить рысистыхъ.

Порода верховыхъ лошадей графа Орлова исчезла, но упряжная, рысистая, пришлось по вкусу извѣстной публики. Тѣ рысакъ, которыхъ графъ Орловъ *выбиралъ изъ сотней*, такъ-сказать лично, были дѣйствительно прекрасныя лошади; въ нихъ было много англійской и арабской (1) крови; онѣ были и красивы и крѣпки, и сносны, и могли пробѣгать большія пространства даже по смерти графа Орлова въ заводахъ его, до 30-хъ годовъ постоянно примѣшивали кровныхъ лошадей къ породѣ рысакъ, которые только до этого времени и были знамениты и брали призы.

Графъ Орловъ любилъ щеголять своими рысакъ и жилъ въ Москвѣ, гдѣ такъ много богатыхъ купцовъ. Когда, по смерти его, лошади его стали доступнѣе для покупателей, то купцы первые начали маперерывъ покупать рысакъ съ аттестатами завода графа Орлова. Это и было началомъ порчи нашихъ заводовъ. За купцами и дворяне, люди съ особымъ вкусомъ, начали ѣздить на лошадахъ этой породы; спросъ на нее усиливался быстро, и заводчики стали разводить рысакъ. Примѣръ тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли воспользоваться требованіемъ моды, соблазнялъ всѣхъ; покупали въ заводы рысакъ, часто безъ знанія, безъ разбора, по однимъ аттестатамъ, и потому вводили въ породу не только не лучшихъ, испытанныхъ лошадей, но часто порочныхъ и болѣзненныхъ, и, вмѣсто того чтобы слѣдовать графу Орлову, то-есть обновлять кровь своихъ рысакъ примѣсью англійской лошади, покупали голландскихъ, еще болѣе сырыхъ и вялыхъ. Купцы покупали всякую лошадь,—была бы она велика ростомъ, жирна, толстонога, съ большими щетками, и имѣла бы должный паспортъ, то-есть происходила бы отъ какого-нибудь *Лютано* или *Зеврскаяго*. Во всѣ заводы входили рысистыя лошади; а верховыя, сухія, кровныя, переводились, и теперь, можно сказать, перевелись совсѣмъ; порода сырыхъ, малосильныхъ и безобразныхъ коней заглушила всѣ остальные и перепортила всѣ заводы.

Многіе заводчики сознавали, сознаютъ и теперь, всѣ не-

(1) Три четверти завода гр. Орлова состояли изъ англійскихъ кровныхъ лошадей. См. *О значеніи англійской кровной лошади*, Н. С.

дешевки рысистыхъ нашихъ лошадей; но товаръ идетъ съ руть, и они размножаютъ своей товаръ. Это понятно; но удивительно то, что многіе дѣйствительно предпочитаютъ формы этихъ нелѣпныхъ коней формамъ всѣхъ другихъ лошадей и юти, слѣдуя общему мнѣнію, признаютъ арабскую лошадь за идеалъ, но воображаютъ видѣть въ какомъ-нибудь *Лютюль* всѣ арабскія стати!... Это не вѣроятно, однако справедливо.

Таковъ косвенный вредъ, принесенный графомъ Орловымъ русскому коннозаводству; онъ не только испортилъ лошадей большей половины Россіи; но испортилъ даже вкусъ нашъ, въ чемъ, конечно, знаменитый заводчикъ ни мало не виноватъ, потому что зло можетъ выйдти и изъ добраго дѣла. Наша русская рысистая лошадь есть зло, которое слѣдуетъ искоренить, или слѣдуетъ по крайней мѣрѣ принять мѣры противъ ея распространенія, предоставивъ ее закоренѣлымъ любителямъ. Это дѣло трудное, но возможное.

Инымъ покажется страннымъ и непонятнымъ то, какимъ образомъ рысистыя лошади, которыя происходятъ отъ *Эклипса* и *Слитманки*, перепортили наши заводы? Но если кровь хотя бы *Эклипса*, или самой *Эль-боракъ*, кобылицы Магомета, смѣшать съ крестьянскою лошадью, къ этой смѣси прибавить голландскую, потомъ черкесскую и датскую, то въ четвертомъ и пятомъ поколѣніи ни крови *Эклипса* и никакой породы нельзя бы было замѣтить. Такая смѣсь разныхъ несоотвѣтствующихъ породъ, съ прибавленіемъ слабыхъ и порочныхъ лошадей, заключается въ нашихъ рысистыхъ; и потому, кажется, ясно, какимъ образомъ потомки *Эклипса* и *Слитманки* испортили наши заводы.

Какая порода преобладаетъ въ этихъ лошадяхъ? *Породы не существуетъ*, ее не было даже и при графѣ Орловѣ; но существуютъ теперь только сортъ большихъ мясистыхъ, рыхлыхъ, слабыхъ и некрасивыхъ лошадей, которыхъ всѣ стараются погнать въ заводы для произведенія подобныхъ же и мечтаютъ вывести породу рысаковъ, какъ Англичане вывели породу скакуновъ. И теперь, какъ и при графѣ Орловѣ, изъ безчисленнаго множества лошадей этого сорта выходятъ рысаки; но породы рысистой нѣтъ!

Порода передаетъ свои отличительныя свойства и вѣрна себѣ въ отдаленномъ потомствѣ. Арабская порода существуетъ, потому что лошади Аравіи, со всѣми своими отличительными качествами находятся тамъ, можетъ-быть, двадцать вѣковъ. Ан-

англійская порода кровныхъ лошадей существуетъ, потому что отъ первокласснаго кровнаго жеребца и такой же матки выхлѣдѣтъ лошади съ тѣми же достоинствами, отъ *Геприада* или *Женераль-Шассе* родится отличный скакунъ, и это такъ вѣрно, что его записываютъ въ скачку еще до его рожденія. Но отъ *Лютано*, *Бычка*, или *Пролѣки* очень часто рождаются не рысаки. Изъ пятидесяти дѣтей этого *Лютано* бѣжитъ хорошо только *одинъ*; изъ тысячи лошадей рысистаго *порода* бѣгутъ на призы — десять двѣнадцать. Половина этихъ лошадей бѣгутъ не лучше всѣхъ остальныхъ, нерысистыхъ, а некоторые даже хуже, по крайней мѣрѣ на большія дистанціи. Дѣти же *Геприада* или *Женераль-Шассе* скачутъ, *непрѣменно* есть, рѣзвѣ всѣхъ лошадей другой породы.

Англійская чисто-кровая лошадь, въ смѣси хотя бы съ самою простою породой, улучшаетъ ее, проявляется въ третьемъ и четвертомъ поколѣнїи и проявляется своими достоинствами. Рысистая лошадь портитъ другую породу, и способность ей рѣзво бѣжать (если она въ ней есть) совершенно исчезаетъ во второмъ поколѣнїи, и если рысакъ проявляетъ въ потомствѣ свои признаки, то большаю частію одними недостатками своей породы, — сыростию, вялостію, болѣзнями ногъ и проч.

Заводчики знаютъ довольно лошадей замѣчательно-способныхъ и энергическихъ (изъ старыхъ заводовъ); у этихъ лошадей только прадедъ или прабабка были кровныя англійскія; и напротивъ, можно часто встрѣтить большую, узкую и малосильную лошадь, дѣдъ или отецъ которой происходятъ отъ рысистыхъ.

Произвести породу, дать ей силу, самостоятельность и жизнь, — очень можно, хотя бы и рысистую, чему примѣромъ служатъ англійскія лошади, собаки разныхъ породъ, и другія животныя. Но должно сознаться, что мы на это не большіе мастера; напротивъ, мы умѣемъ перемѣшать, испортить и наконецъ уничтожить всякую породу. Притомъ, странно составлять породу изъ лошадей, годныхъ только для купеческой ѣзды, то-есть для проѣздки по рысистому бѣгу, или до гостиннаго двора. Рысистая лошадь, за малыми исключенїями, не способна ни къ сильной ѣздѣ, ни къ перенесенію тяжелой службы, и подвержена частымъ болѣзнямъ, наростажъ, шишкамъ, шпатамъ и проч. А именно эта лошадь и вошла во всѣ заводы и распространяется въ Россїи, съ каждымъ годомъ все дальше и дальше.

За рысистыхъ лошадей, разумѣется, возстанутъ всѣ завод-

чине и покупатели рысаковъ, и доказать, что эти лошади перенесли всѣ наши заводы, можетъ только время; но рано или поздно, вѣроятно, истина возьметъ свое. Ужь и теперь къ породѣ тяжелыхъ рысаковъ свѣтлыя заводчики, для вытравлянія призовъ, начали примѣшивать болѣе легкихъ и сильныхъ, или даже происходящихъ отъ англійскихъ кровныхъ, хотя это послѣднее происхождение и скрывается. Известно, что призы на большія дистанціи въ послѣднее время брали, большею частію, рысакъ, въ которыхъ было больше или меньше англійской крови. Если уже у насъ есть страсть къ рысакамъ, то не лучше ли развести ихъ отъ англійскихъ или американскихъ, которые, не уступая красотой нашимъ *Кроликкамъ* и *Лангхамъ*, пробѣгаютъ не 4 и не 12 верстъ съ однимъ свидкомъ, въ бѣговыхъ дрожжахъ, но пробѣгаютъ *тридцать верстъ съ часомъ*, бѣгутъ на призы въ *шестьдесятъ и семьдесятъ* верстъ? Пока мы успѣемъ составить сами подобныхъ рысаковъ,— у насъ вѣроятно не останется ни одной не рысистой лошади, то-есть всѣ лошади въ Россіи будутъ заражены рысистой кровью.

Распространеніе рысистой лошадей больше всего доказываетъ *излганіе истинно хорошей лошади и отсутствіе излганнаго вкуса*. Можно разводить дурныхъ и безобразныхъ лошадей, если, къ сожалѣнію, на нихъ есть требованіе, но должно смотрѣть на нихъ какъ на товаръ, который хорошо идетъ съ рукъ, а не восхищаться ими, не утверждать, что рысистыя лошади должны быть рассадникомъ нашего коннозаводства, не видѣть въ нихъ арабскихъ статей, и не придавать имъ небывалыхъ достоинствъ.

Рысистыя лошади помѣшали распространенію у насъ кровной англійской лошади, тогда какъ Европа и Америка признаютъ ее главнымъ средствомъ къ улучшенію конныхъ породъ. До распространенія моды на рысаковъ, число кровныхъ лошадей быстро увеличивалось въ заводахъ, и онѣ все больше и больше приобретали цѣны въ глазахъ любителей; около двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ малыми заводами, образовались большіе; Э. С. Мосолову принадлежитъ честь основанія въ Россіи настоящаго *англійскаго коннозаводства*. Онъ первый началъ заводить лошадей не на продажу и не на барыши единственно, но для образованія своихъ заводскихъ производителей, и отъ его завода начинаются *русскія кровныя лошади*. По его же ходатайству основаны первыя англійскія скачки въ

Лебедини, въ 1825 году; за нимъ завели заводы кровныхъ лошадей гг. Воейковы, Петровский и другіе. Они были у насъ передовыми людьми по этой части; учились у Англичанъ этихъ, можно сказать, профессоровъ коннозаводства, много читали англійскихъ стутбуквъ, скаковыхъ календарей, составили сами дѣльныя книги и приобрѣли знанія, которыхъ у насъ до нихъ не было. Но въ это время распространялась мода на рысаковъ, и англійская лошадь скоро потеряла цѣну. Заводчики англійскихъ лошадей должны были переводить заводы, и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, кровныя лошади остались только у четырехъ-пяти человекъ охотниковъ и въ казенныхъ заводахъ; теперь ихъ родятся только десятки на всю Россію, и несмотря на это, они продаются за безцѣнокъ; дѣтей *Берлингама*, *Генриада* и другихъ знаменитыхъ производителей покупаютъ за 100, за 80 р. с.; на кровныхъ лошадяхъ ѣздятъ въ Петербургѣ и Москвѣ самые бѣдные извозчики, а въ недалеенее время ихъ даже начали покупать у насъ Англичане: видно къ рукамъ добро!

Убѣжденія и вкусы перемѣнились вмѣстѣ съ модой на рысистыхъ лошадей; между тѣмъ какъ гласъ заводчиковъ кровныхъ лошадей раздается въ пустынь; рысистые дошли до того, что почти увѣрили всю Россію, будто англійская кровная лошадь не способна на что, кромѣ скачки на призъ. Назадъ тому тридцать лѣтъ у насъ думали не такъ,—ясно, что мы поѣхали на рысакѣхъ назадъ! Но это не все, еще то важно, что гг. заводчики рысистыхъ лошадей не имѣютъ нужды, и не считаютъ нужнымъ учиться европейскому образованному коннозаводству; Англичане не знаютъ ничего о нашей рысистой породѣ и не хотятъ ее знать; не умѣютъ ни разводить, ни набѣгать рысаковъ; присутствіе ихъ при рысистыхъ заводахъ не нужно, англійскія книги тоже ничего не говорятъ о нашихъ рысистыхъ овцахъ, и рысистые коннозаводчики остаются съ прежними понятіями, съ прежними взглядами и убѣжденіями; ихъ учителя и руководители—барышники, кучера и наѣзники, что часто отражается даже въ манерахъ, разговорахъ и образѣ жизни нѣкоторыхъ молодыхъ охотниковъ, исключительно преданныхъ рысакѣмъ и ихъ набѣганію.

Здѣсь не мѣсто доказывать, фактами и умозрѣніями, преимущества англійской кровной лошади передъ всякою другою (тѣмъ болѣе рысистой), также какъ и несомнѣнную пользу ея для коннозаводства. Считаю однако нужнымъ сказать нѣ-

и въ словъ на замѣчанія гг. рысистыхъ заводчиковъ, въ
 нѣтъ многіе утверждаютъ, что ихъ рысистая лошадь
 не бы должна войти во всѣ заводы, для ихъ улучшенія,—
 въ происходящая отъ арабской (!) и приноровленная къ кли-
 му и потребностямъ Россіи, и пр.

Почему же, по мнѣнію Европы, не только не рысистая, но
 и не арабская лошадь должна быть вводимы въ заводы для
 улучшенія, а только англійская? Вопервыхъ потому, что
 англичане считаютъ свою кровную лошадь гораздо выше араб-
 ской, и ни въ одномъ англійскомъ заводѣ нѣтъ теперь другой
 породы кромѣ ихъ, англійской, въ разныхъ степеняхъ ея чи-
 стоты. Если скажутъ, что Англичане ошибаются, что наконецъ
 мы можемъ составить породу, то, къ сожалѣнію, намъ никто
 не поможетъ, потому что до сихъ поръ мы ничего не умѣли
 извѣстными, а умѣли только переводить, портить и уничто-
 жать: юды какъ у Англичанъ лучшія въ Европѣ лошади, лучшія
 породы собакъ, свиней, коровъ, овецъ, куръ и пр. Наконецъ,
 калѣбъ они увлекались своими лошадьми, какъ извѣстные квас-
 ные патриоты, то Европѣ увлекаться ими нечего, а теперь вся
 Европа выписываетъ ихъ съ каждымъ годомъ все больше и боль-
 ше для своихъ заводовъ и платитъ по 20.000 и по 30.000 р. сер.
 за лошадь. Во Франціи думали недавно улучшить заводы лошадей
 арабскими, имѣли случай достать лошадей прекрасныхъ; но
 во всѣхъ испытаніяхъ приплодъ чистой и смѣшанной арабской
 крови оказался далеко ниже англійскаго. У насъ, въ Россіи, съ
 вводомъ графа Ростопчина было то же самое.

Наука въ вся Европа ошибается, и правы одни наши завод-
 чики рысистыхъ лошадей, — сильные вовсе не опытомъ, зна-
 ніемъ и наукой, а развѣ вдохновеніемъ богатой русской на-
 туры. Я не сомнѣваюсь въ богатствѣ нашей природы; но вѣдъ
 заводчики англійскихъ кровныхъ лошадей тоже Русскіе,
 и съ тѣмъ вдохновеніемъ, на которое имѣютъ стало-быть такое
 право, снабжены еще знаніемъ и изученіемъ опытовъ евро-
 пейскаго коннозаводства. Наконецъ *самъ* графъ Орловъ имѣлъ
 въ своихъ заводахъ больше всего англійскихъ кровныхъ ло-
 шадей.

Другихъ доказательствъ преимущества кровной лошади для
 завода приводить здѣсь не мѣсто; кажется, достаточно и
 этого.

III.

Я старался показать съ настоящей точки наше русское коннозаводство, его достоинства и недостатки, силу и слабу. Постараюсь теперь взглянуть на средства къ его улучшенію. Это дѣло очень трудное и на бумагѣ, не только въ исполненіи, но и въ разсужденіи, нелегко, хотя бы мы понимали ее и противъ нея средства. Но трудность не есть невозможность, трудность не должна никого останавливать, и хотя одно значить мало, но изъ единицъ состоитъ самое большое и всякому можно «смѣть свое сужденіе имѣть».

Правительство, которое у насъ привыкло во всемъ быть первымъ и руководителемъ, употребляетъ и теперь огромныя средства и большія старанія для улучшенія нашего коннозаводства, выписываетъ изъ Англіи извѣстныхъ жеребцовъ, платитъ за нихъ по 15.000 и по 20.000 р. сер. Оно держитъ въ своихъ заводахъ сотни лошадей, стоящихъ для заводити по разнымъ губерніямъ земскія (заводскія) конныя имѣетъ большой штатъ чиновниковъ по управленію коннозаводства; издаетъ журналъ, составило комитетъ по коннозаводству, совѣтъ коннозаводства. Но несмотря на все эти старанія, сихъ поръ не видно плодовъ этихъ стараній и расходы на лошади и въ кавалеріи и вездѣ, какъ мы уже сказали, становятся все хуже, доказывая не цвѣтущее состояніе коннозаводства; журнала никто не читаетъ, а дѣти *Бермингемскія Генриады* продаются на казенныхъ аукціонахъ по 80 и по 100 руб. сер. Ихъ ежегодно продается много, но они, если поступаютъ въ заводы, то большею частію безъ толку, безъ пользы; къ маткамъ изъ выродившихся рысистыхъ и къ ихъ плоду примѣшивается снова рысистая кровь, а кровь *минимовъ* и *Генриадовъ* исчезаетъ, какъ рюмка дорогаго вина въ ведрѣ воды.

Между тѣмъ, отъ соперничества этихъ, казенныхъ, лошадей происходящихъ отъ знаменитыхъ производителей, много вѣдетъ заводчики англійскихъ кровныхъ лошадей: они принуждены сбывать своихъ за безцѣнокъ, и уже большая часть ихъ вели свои заводы, и здѣсь опять теряетъ кровная ло

Если бы они не имѣли сильнаго соперничества, то получали бы больше выгодъ и имѣли бы больше средствъ улучшать и увеличивать заводы; а слѣдствіемъ этого, конечно, была бы большая польза.

Вместѣ съ другими распоряженіями для пользы коннозаводства, правительство выдаетъ ежегодно большія деньги на призы русскимъ кровнымъ и русскимъ рысистымъ лошадямъ, поощряя такимъ образомъ разведеніе тѣхъ и другихъ; но тогда и потомки *Эклипса* и *Годольфина* продаются у насъ часто за 80 рублей, рысакъ, выигравшій императорскій призъ, цѣнится въ 5, 8 и 10 тысячъ р. с., цѣна за лошадь, до сихъ поръ небывалая въ Россіи! Цѣна эта неестественная, возвышена модой и тщеславіемъ. Если въ Англіи лошадь, выигравшая извѣстные призы, цѣнится въ 20 и 30 тысячъ р. с., то такъ цѣна эта есть слѣдствіе прямого и вѣрнаго расчета: владелецъ такой лошади знаетъ, что какъ она сама, такъ и приплодъ ея принесутъ ему большіе проценты. Но у насъ купецъ пріобрѣтаетъ «призоваго» рысака единственно изъ тщеславія, потому что въ настоящее время нельзя не быть вѣдущему, что отъ знаменитаго рысака дѣти родятся часто вовсе не знаменитые; дохода за приплодъ отъ него онъ не получаетъ, и стало-быть рысакъ этотъ окупиться никакъ и ничѣмъ не можетъ. *Прекращеніе казенныхъ призовъ для рысистыхъ лошадей* и обращеніе этихъ денегъ на призы для кровныхъ было бы первою полезною мѣрой и хотя сколько-нибудь успѣло бы разведенію лошадей кровныхъ.

Но рысистая лошадь, замѣняющая у насъ въ настоящее время каретную, шорную и вообще нарядную городскую, есть очень дорогой товаръ, и разведеніе ея всего выгоднѣе для заводчиковъ; и такъ какъ страсть къ рысакамъ господствуетъ у насъ издавна, то нынѣшняя *рысистая лошадь должна быть замѣнена лучшею, кровною*. Въ Англіи, въ Америкѣ и во Франціи (1) есть рысаки, уступающіе нашимъ въ быстротѣ только на двухъ и на трехъ верстахъ, а можетъ-быть и вовсе не уступающіе; но эти рысаки (кроме першероновъ) происходятъ отъ кровныхъ лошадей, составлены систематически, разлиты, съ знаніемъ дѣла, а не оцупью въ потемкахъ, и при-

(1) Першероны; порода легкихъ першероновъ употребляется въ дикавсахъ; лошади эти парой, въ тяжеломъ экипажѣ, пробѣгаютъ въ сутки отъ часа, и притомъ очень красивы собою.

мѣсь ихъ къ другой породѣ, для извѣстнаго назначенія, и не можетъ принести вреда; лошадь эта суха, такъ же широкоростова, велика ростомъ, какъ и наши рысаки, и обладаетъ дѣйствительными изящными формами, а не условною красотой во вкусѣ кускомъ. Если въ Европѣ и въ Америкѣ рысаки не существуютъ какъ порода, но выбираются изъ многихъ лошадей, то и у насъ признаеть возможнымъ произвести породу рысаковъ, въ заводѣ лошадей, постоянно отличавшихся рѣзвымъ бѣгомъ.

Выписка рысаковъ изъ Англїи и Америки (также изъ Франціи и Першероновъ) для состязанія съ нашими на разныхъ дистанціяхъ могла бы также принести пользу. Эти рысаки, поступивъ въ бѣговъ въ заводы, дали бы современемъ, можетъ-быть, такъ же рысистое поколѣніе, привлекли бы покупателей, и мода на нихъ рысаковъ скоро осталась бы только между купцами и мѣщанами, и то, вѣроятно, не долго. Этими европейскими рысаками могли бы быть назначены и призы, которые доставляли бы дѣйствительную выгоду заводчикамъ, а не удовлетворяли одному тщеславію. Но такъ какъ казенные заводы, какъ бы ни были велики, не могутъ поставятъ рысистыхъ лошадей на всю Россію, то для распространенія новой породы частныхъ заводахъ могла бы быть назначена аукціонная продажа потомства европейскихъ рысаковъ. Въ первые годы она должна быть послѣ испытанія лошадей на бѣгу, чтобы покупатели знали, что именно они приобретаютъ; только такъ ренность въ породѣ заставитъ покупать. Затѣмъ уже можетъ быть назначена продажа годовиковъ, двухлѣтковъ и трехлѣтковъ.

Далѣе, имѣя въ виду собрать для кавалерїи прочныя, скоростныя и легкія лошадей, правительство можетъ назначить, съ такою же целью, покупать для ремонтвъ исключительно полукровныя лошадей, то-есть такихъ, отецъ или мать которыхъ были чисто кровныя англійскія, въ чемъ легко удостовѣрять рецензента и аттестатъ, и самыя формы лошади; типъ полукровныхъ лошадей бросается въ глаза; обмануться тутъ нельзя. Лошадь легкой кавалерїи, которая въ настоящее время одна полезна въ войнѣ, для артиллерїи и щегольскія для гвардіи, и, кромѣ того, словомъ, весь казенный ремонтъ можетъ быть составленъ изъ полукровныхъ и у насъ, точно такъ же, какъ у Англичанъ. При дешевизнѣ кровныхъ лошадей въ Россіи, заводчикамъ не будетъ трудно приобрести ихъ (жеребцовъ или кобылъ), и черезъ нѣсколько лѣтъ вмѣсто полурисистыхъ и безпородныхъ лошадей, выйдутъ хорошия полукровныя. Замѣчу здѣсь, что съ какою

никогда ни была смѣшана кровная, она производитъ лошадей легкую, сносную, сильную и быструю, то-есть такую, которая необходима для настоящей кавалеріи. А у насъ есть изъ чего выводить такихъ лошадей: примѣсь англійской крови къ породамъ лошадей черкесскихъ, донскихъ, финскихъ (шведокъ), татарскихъ и т. д., производить лошадей превосходныхъ для легкой кавалеріи. Значительное уменьшеніе казенныхъ заводовъ, облегчивъ вслѣдствіе этого покупку кровныхъ производителей, поднять бы и старые заводы кровныхъ лошадей, что также довольно важно для успѣховъ нашего коннозаводства, потому что въ этихъ заводахъ должно искать знанія, опыта и вмѣстѣ развѣтствованія кровной лошади.

Чтобы можно было производить полукровныхъ лошадей, требуется, для ремонта необходимо назначить за нихъ цѣну, которая бы значительно превышала настоящую ремонтную; въ настоящее время, не 100, а 150 и 200 р., для гвардіи же и 300 р. Расходъ этотъ, вѣроятно, покрывался бы уменьшеніемъ казенныхъ заводовъ. Избытокъ полукровныхъ лошадей, оставшихся отъ продажи въ ремонтъ, разоидется такъ же легко, какъ расходится и теперь рысистый и полурысистый безпородный скотъ, и покупатели, теперь вовсе не знакомые съ полукровною лошадию, останутся весьма довольны, потому что, какъ известно, въ Англіи лошадь эта находится во всякомъ употребленіи, начиная съ экипажей королевы и лордовъ до охотничьихъ пивоваровъ и охотниковъ за лисицами и зайцами. При этомъ время, когда и мы выучимся производить ее для всякаго назначенія.

При назначеніи за ремонтную лошадь высшей цѣны, заводчики будутъ производить требуемыхъ лошадей охотно, потому что многіе изъ нихъ, смотря по средствамъ и разнымъ обстоятельствамъ, довольствуются и теперь произведеніемъ лошадей, исключительно ремонтныхъ, не гоняясь за разведеніемъ рысаконъ; тѣмъ болѣе должна поощрять ихъ прибавка ремонтныхъ денегъ. Для большаго ихъ поощренія можно назначить тѣмъ изъ заводчиковъ, у которыхъ куплены будутъ лучшіе полукровныя лошади, преміи *медалями, вещами, деньгами*. Значительное уменьшеніе казенныхъ заводовъ выгодно не только, какъ по сокращенію большихъ расходовъ, такъ и по пользѣ, которую оно принесетъ заводчикамъ кровныхъ и полукровныхъ лошадей; оно установитъ и нормальную цѣну за кровную лошадь, по ея достоинству.

Исторія разныхъ отраслей нашей промышленности можетъ, кажется, убѣдить всякаго, что правительство наше, при всеобщемъ желаніи и стараніи развить какую-либо промышленность, сельскую или фабричную, взявъ на себя занятіе ею, не достигало никогда предположенной цѣли: тратило большія деньги, но промышленность не развивалась до тѣхъ поръ, пока не поступала въ руки частныхъ лицъ. Правительство старалось объ общей пользѣ, но поручало дѣло людямъ, не участвовавшимъ въ этой пользѣ; а частное лицо думаетъ о своей выгодѣ. Кромѣ того, какая возможность, при обширности Россіи, разлить въ ней что-нибудь непосредственно изъ одного источника, какъ бы обилень онъ ни былъ? Такъ напримѣръ, къ шелковымъ заводамъ приписываемы были у насъ цѣлыя села и волости, крестьяне обязаны были выдѣлывать извѣстное количество шелку, посадить столько-то тутовыхъ деревъ, и, несмотря на это, шелководства въ Россіи нѣтъ, и въ теченіи ста лѣтъ его не могли привить къ нашей почвѣ. Но какъ скоро нѣсколько частныхъ лицъ нашли выгоднымъ заняться шелководствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа и Южной Россіи, оно пошло весьма успѣшно, и выдѣлываемый ими шелкъ не уступаетъ хорошимъ сортамъ италіянскаго и французскаго.

Точно то же видимъ мы и въ исторіи многихъ другихъ отраслей промышленности. Великій русскій хозяинъ, Петръ I, пожелавъ завести что-нибудь новое, поручалъ это часто не чиновникамъ, не коллегіямъ и комитетамъ, а выбиралъ способныхъ и благонамѣренныхъ частныхъ людей, давалъ имъ деньги и ввѣрялъ дѣло, и дѣло шло успѣшно. На основаніи этого авторитета, можно желать, чтобы казенные конные заводы были распроданы и обогатили хорошими лошадьми охотниковъ. О пользѣ этой мѣры я говорилъ выше; здѣсь прибавлю, что совершенное уничтоженіе казенныхъ заводовъ было бы тяжело для коннозаводчиковъ, потому что только правительство въ состояніи заплатить 15, 20 т. руб. сер. за заводскихъ производителей въ Англіи, а эти лошади необходимы для поддержанія высокой породы. По мнѣнію многихъ специалистовъ, для казеннаго завода достаточно пяти-шести жеребцовъ и 15-ти или 20-ти матокъ первоклассной породы. Казенный заводъ, состоя изъ немногихъ лучшихъ производителей, будетъ тѣмъ источникомъ, изъ котораго главные заводчики будутъ, по мѣрѣ надобности, покупать потомковъ первоклассныхъ лошадей для поддержанія своихъ породъ, а самое конно-

заводство будетъ находиться въ частныхъ рукахъ. Тогда кровь англійскихъ лошадей не исчезнетъ какъ капля дорогаго вина въ морѣ воды, какъ исчезаетъ она теперь въ заводахъ людей невявщихъ.

Можно прибавить здѣсь, что смотрѣніе за казеннымъ заводомъ можетъ быть поручено Англичанамъ, или кому бы ни было, но сортированіе жеребцовъ и матокъ и назначеніе ихъ къ продажѣ должны быть возложены на особый комитетъ, составленный изъ заводчиковъ кровныхъ лошадей. Смотритель можетъ знать исторію и породу каждой лошади и всѣ ея качества; но въ составленіи лошадей есть много предметовъ, требующихъ другихъ знаній и соображеній.

Земскія конюшни такъ же могли бы быть уничтожены, какъ не приносящія пользы, сравнительно съ расходами, на нихъ употребляемыми.

Когда частныя мелкіе заводы будутъ состоять изъ лошадей лучшей породы, не рысистой, то и крестьянская лошадь улучшится; тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ распространеніемъ лучшихъ европейскихъ понятій о коннозаводствѣ, понятія эти должны будутъ частію перейти и къ крестьянамъ-заводчикамъ.

Вмѣсто многихъ казенныхъ обширныхъ заводовъ полезнымъ дѣломъ было бы основаніе небольшихъ образцовыхъ заводовъ, наряду съ главнымъ казеннымъ заводомъ, о которомъ я говорилъ сей часъ. О цѣли и устройствѣ этихъ образцовыхъ заводовъ теперь скажу нѣсколько словъ, представляя здѣсь только канву для этого учрежденія. Подробности не нужны для читателя и потребовались бы только при исполненіи.

По потребностямъ Россіи, въ образцовомъ заводѣ могли бы находиться слѣдующіе производители:

1. Для произведенія дорогихъ упряжныхъ лошадей: жеребцовъ 2, матокъ 6.

2. Для производства лошадей втораго сорта: жеребцовъ 1, матокъ 3.

3. Ремонтныхъ: жеребцовъ 1, матокъ 3.

4. Для крестьянскихъ, почтовыхъ и другихъ простыхъ лошадей: жеребцовъ 1, матокъ 5.

Всѣхъ лошадей въ заводѣ двадцать двѣ (1), а съ разгонными двадцать пять или даже тридцать. Если всѣхъ образцовыхъ заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи основать пять, то въ нихъ

(1) Большое число жеребцовъ въ сравненіи съ матками полагается въ виду частнаго употребленія за плату.

будетъ только полтора ста лошадей заводскихъ и соответствующій этому числу приплодъ.

Заводы эти пойдутъ успешнѣе, если покупка лошадей, содержаніе ихъ и все производство дѣла поручено будетъ, по примѣру великаго хозяина, охотникамъ и благонадежнымъ людямъ, которые притомъ будутъ на виду у всѣхъ. Положимъ даже, что кто-нибудь изъ нихъ и обманулъ бы довѣріе, истратилъ бы деньги, ничего не сдѣлавъ хорошаго; но и тогда убытокъ имъ принесенный, далеко не такъ великъ, какъ тѣ потери, которыя выносить правительство отъ содержанія своего обширнаго коннозаводства, земскихъ конюшенъ и многочисленнаго штата при заводахъ.

Какая же наконецъ цѣль этихъ образцовыхъ заводовъ, и гдѣ ихъ польза?

Въ заводѣ, какъ видимъ, находились бы разныхъ сортовъ жеребцы и матки. Для произведенія *дорогихъ* лошадей, которыя должны замѣнить нынѣшнихъ рысистыхъ, въ заводѣ находились бы два жеребца англійскихъ или американскихъ и нѣсколько матокъ, выборъ которыхъ долженъ быть возложенъ на начальника завода, такъ какъ удача или неудача произведенія лошадей будетъ относиться къ нему. Для произведенія *ремонтныхъ* лошадей въ заводѣ было бы приобретено нѣсколько донскихъ, черкесскихъ или финскихъ матокъ и кровный жеребецъ; для *крестьянскихъ* взяты хорошія крестьянскія кобылы и пр. Коннозаводчикъ, основавъ заводъ, долженъ подробно описать его составъ и цѣль, и присылать подробныя вѣдомости о воспитаніи, свойствахъ и достоинствахъ новаго разнообразнаго поколѣнія; потомъ водить молодыхъ лошадей на публичныя испытанія, въ Москву, Тулу, Тамбовъ и пр., то-есть туда, гдѣ происходятъ скачки или бѣги. вмѣстѣ съ заводами долженъ быть основанъ *журналъ*, въ которомъ помѣщались бы вѣдомости, опыты и наблюденія, какъ по образцовымъ заводамъ, такъ и вообще по коннозаводству.

Черезъ пять лѣтъ, по основаніи завода, въ журналъ можно будетъ найти примѣрно слѣдующій отчетъ (1) :

1) Отъ пяти шведскихъ кобылъ и англійскаго кровнаго жеребца (такого-то происхожденія и пр.) произведены четыре лошади, для легкой кавалеріи и упряжной ѣзды. Онѣ довольно

(1) Я представляю здѣсь *истинные факты*; лошади именно этой смѣси существуютъ или существовали дѣйствительно, и извѣстны многимъ коннозаводчикамъ.

длины, широки, съ прямыми хорошими шеями; ноги коротки, толсты, но сухи: ростъ ихъ отъ 2 до 2¹/₂ вершковъ. Всѣ четыре лошади довольно красивы, съ большими глазами и широкими коздрями; характеромъ живы, горячи (трехлѣтки), но совершенно послушны, шерстью двѣ рыжихъ и двѣ гнѣдыхъ. Вызжены верхомъ и въ упряжкѣ; на испытаніи оказались замѣчательно сильными и быстрыми; на скачкѣ (тамъ-то) всѣ четыре лошади постоянно оставляли за собою казачьихъ и черкесскихъ лошадей, на разныхъ дистанціяхъ, начиная съ двухъ, четырехъ и до десяти верстъ, уступая только кровнымъ англійскимъ. Можно сказать, что для сильной ѣзды во всякомъ экипажѣ и для легкой кавалеріи лучшихъ лошадей нѣчего желать.

2) Отъ англійскаго кровнаго жеребца (N N) и пяти матокъ, большихъ, сухихъ и широкихъ, купленныхъ въ Малороссіи, въ заводахъ гг. N N вышло три лошади, слишкомъ въ четыре вершка ростомъ, красивыя собой и прочныя, съ сильнымъ бѣгомъ на большихъ дистанціяхъ; онѣ бѣжали нѣсколько разъ весьма легко по пятнадцати верстѣ въ часъ, по тяжелой, грязной дорогѣ, въ большомъ экипажѣ. Лошади эти настоящихъ призовъ, назначаемыхъ для рысистыхъ лошадей, выиграть, вѣроятно, не могутъ, но если пустить ихъ, даже съ хорошими рысакми на двадцать или на тридцать верстъ, то, можетъ быть, побѣда останется на ихъ сторонѣ.

3) Замѣчательны лошади, происшедшія отъ пяти крестьянскихъ кобылъ и кровнаго жеребца N (небольшаго роста). Лошади (числомъ пять) вышли ростомъ нѣсколько выше обыкновенныхъ крестьянскихъ, воспитаны такъ же на воркахъ и на всемъ крестьянскомъ содержаніи и отличаются сносностію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: онѣ переносятъ всѣ непогоды, сильную ѣзду и даже безкормицу; доказательства этого можно видѣть на другихъ лошадяхъ этой же смѣси, находящихся у крестьянъ N N. На нихъ пашутъ, исправляютъ всѣ полевыя работы, ѣздятъ зимою съ хлѣбомъ, накладывая на возъ по три четверти. Всѣ онѣ живы, рѣзвы, отличны для бѣга на почтовыхъ станціяхъ, и хорошаго характера. Къ этому должно прибавить, что всѣ почти онѣ красивы собой; англійскій типъ замѣтенъ въ нихъ даже зимой, когда онѣ обрастаютъ густою и длинною шерстью; есть какая-то грація въ шеѣ, большіе глаза длинныя уши и совершенно правильныя крѣпкія ноги.

Этихъ примѣровъ было бы достаточно. Такіе опыты и по-

дробное описаніе ихъ были бы свѣтомъ для многихъ заводчиковъ и для публики, и потому принесли бы пользу коннозаведству всей Россіи. Запасъ самобытныхъ и сильныхъ породъ лошадей табунныхъ, черкесскихъ, донскихъ и проч. у насъ великъ, надобно только улучшить ихъ и примѣнить къ разнымъ нашимъ потребностямъ.

Произведенія приведенныхъ мною трехъ сортовъ лошадей нельзя назвать даже опытомъ, это опыты только передъ публикой; Англичане и нѣкоторые изъ нашихъ коннозаводчиковъ совершенно увѣрены въ возможности произвести такимъ образомъ требуемую лошадь для всякаго назначенія.

Эти заводы должно было бы основать преимущественно въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Пятигорскѣ, какъ въ центрѣ Кабарды; на Дону, въ одной изъ среднихъ станицъ Донской земли; въ Тамбовской, Орловской или Тульской губерніяхъ; въ Казани или Симбирскѣ и въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ быть назначена распродажа (1) и этихъ образцовыхъ заводовъ; потому что многіе, на основаніи приведенныхъ опытовъ, вѣроятно, будутъ производить такихъ же лошадей. Для заводчиковъ всего важнѣе было бы замѣнить нынѣшнихъ рысистыхъ лошадей, на мѣсто которыхъ надобно стараться произвести красивыхъ и прочныхъ, безъ наливовъ, шпатовъ, наколѣнниковъ и пр. Если удастся вывести нѣсколько десятковъ такихъ рысаковъ, то нынѣшніе будутъ покупаемы, какъ бывало прежде, одними купцами, богатыми мѣщанами и людьми, у которыхъ свой неизмѣнный вкусъ.

Все дѣло, представляемое здѣсь, какъ проектъ, кажется, возможнымъ и полезно. Если не одно, такъ другое или третье, можетъ быть приведено въ исполненіе. Всякое начинаніе должно быть своевременно. Теперь молодые хозяева наши поймутъ и оцѣнятъ всякую полезную для хозяйства мысль и примутся за ея исполненіе съ жаромъ, если она дѣйствительно полезна; вмѣстѣ съ тѣмъ они и не бросятся слѣпо за другими. Они готовы и хотятъ учиться; поняли бы и выгоды настоящаго, европейскаго коннозаводства; но у насъ учиться негдѣ и не у кого.

Поэтому, въ наше время можно надѣяться, что высказанное мнѣніе, если въ немъ есть своя доля правды, не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Л. Ивановъ.

(1) Чтобы промышленность была въ частныхъ рукахъ.

О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

I.

«Все воспитаніе женщины должно клониться къ тому, чтобъ указать ей призваніе ея—быть доброю женой и хорошею матерью.» Такъ или почти такъ говорится во всѣхъ статьяхъ официальныхъ педагоговъ, во всѣхъ велемудрыхъ программахъ казеннаго женскаго воспитанія. Близорукіе педагоги, требующіе отъ женщины исключительныхъ качествъ доброй жены и хорошей матери, приходятъ въ ужасъ, если дѣвица въ учебномъ заведеніи услышитъ какія-нибудь самыя невинныя подробности о будущемъ своемъ назначеніи, и тщательно избѣгаютъ даже слова *любовь*, если дѣло идетъ о чувствѣ мужчины къ женщинѣ и наоборотъ; этотъ ужасъ простирается до такой степени, что невозможно безъ смѣха смотрѣть на всѣ предосторожности, которыя принимаются *quasi*-педагогами, чтобъ обойти щекотливый вопросъ. Такъ напримѣръ въ извѣстной хрестоматіи, составленной извѣстнымъ педагогомъ, въ стихотвореніи: *Торжество побѣдителей*, пропущена строфа:

Счастливъ тотъ, чей дождь украсенъ
Скромной вѣрностью жены:

Жены алчуть новизны,
Постоянный миръ имъ страшень (1).

Педагогъ-хрестомать не дерзнулъ представить на глаза дѣвицъ такую скандалезную строфу; и какъ это, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ узнаеть дѣвица, что «жены алчуть новизны», что имъ «страшень постоянный миръ»? Наши мыслители никакъ не могутъ сообразить, что если дѣвицъ занимають такъ-называемыми *нравственными* книгами, гдѣ восхваляютъ вѣрность жены, нѣжность матери и пр. и пр., то каждая дѣвица, не идиотка, слѣдующая нравственное чтеніе, сама легко дойдетъ до простаго заключенія, что коль скоро есть вѣрныя постоянныя жены, достойныя похвалы, то слѣдовательно, есть и невѣрныя, непостоянныя, заслуживающія порицанія; спросить она не посмѣетъ, потому что получить или уклончивый отвѣтъ (и это еще самое лучшее) или какой-нибудь возгласъ, уничтожающій всякую возможность продолжать разговоръ, а дѣвочки вообще застычивы, особенно въ казенныхъ заведеніяхъ, гдѣ до сихъ поръ тяготѣеть на бѣдныхъ дѣтяхъ странная дисциплина, препятствующая всякому развитію, и безсильная только относительно *обожанія*... И не сдѣлаеть вопроса бѣдная дѣвушка, и начнетъ ломать свою молоденькую головку надъ вещами, которыя объясняются такъ просто, если взяться за дѣло съ умнѣемъ; но вотъ пройдетъ нѣсколько времени, и разрѣшеніе найдется въ какой-нибудь сентиментальной книгѣ, которая контрабандой зайдетъ въ институтъ... Надо имѣть необыкновенно свѣтлую голову, чтобы всю эту путаницу привести въ порядокъ и наконецъ дойти до объясненія простаго понятія. Можно привести множество уморительныхъ подробностей о томъ, что почитается приличнымъ и неприличнымъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ два примѣра, за вѣрность которыхъ ручаемся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во всѣ институты присланы были коллекціи фигуръ животныхъ для нагляднаго изученія зоологіи; воспитатели не осмѣлились представить этихъ животныхъ дѣвицамъ въ томъ неприличномъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ природы, но допустили ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями и улучшеніями! Второй примѣръ еще лучше. Въ одномъ институтѣ начальница не позволила воспи-

(1) Строфа эта пропущена во всѣхъ изданіяхъ хрестоматіи, слѣдовательно не случайно.

танницѣ прочесть на экзаменѣ извѣстный монологъ Бориса Годунова (въ трагедіи Пушкина): «Достигъ я высшей власти», на томъ основаніи, что въ концѣ его говорится: «мальчики кровавые въ глазахъ», а дѣвицѣ должно какъ можно рѣже упоминать о мальчикахъ.

Какой смыслъ можетъ заключаться въ «воспитываніи женъ и матерей?» Женщину воспитывать надо точно такъ же какъ и мужчину. Образуйте ея умъ, сердце, дайте ей воспитаніе, сообразное съ ея наклонностями, истинно нравственное, въ настоящемъ значеніи этого слова (1), однимъ словомъ, сдѣлайте ее *человѣкомъ*, и она будетъ безъ всякаго приготовленія и доброю женой и хорошею матерью; это дѣло не хитрое, не мудреное, если только она получила настоящее образованіе. Назначеніе женщины вовсе не такъ односторонно, какъ вы думаете: при другихъ условіяхъ общества, женщина получаетъ обширный кругъ дѣятельности, и она безспорно можетъ быть такимъ же полезнымъ членомъ общества, какъ и мужчина. Конечно, смѣшно и странно было бы заставлятъ женщину приниматься за дѣло, къ которому она не можетъ быть способна по своимъ физическимъ силамъ, но превосходство физической силы ни въ какомъ случаѣ не составляетъ преимущества, развѣ только посреди дикарей. Мы всѣ признаемъ, что женщина можетъ превосходно царствовать, то-есть занимать съ пользою самый высокій постъ въ обществѣ, и не признать этого нельзя, потому что это историческій фактъ, а между тѣмъ сомнѣваемся, чтобы женщина могла имѣть иное занятіе, кромѣ домашняго хозяйства; на обширномъ поприщѣ челоѣческой дѣятельности мы отмежевываемъ ей самую узкую полосу, доходимъ до того, что, при улучшеніи заведеній, обращаемъ вниманіе прежде всего на кухню и торжественно возглашаемъ (какъ случилось выразиться одному значительному лицу, при посѣщеніи одного учебнаго заведенія), что по выходѣ изъ заведенія съ дѣвицъ не спросятъ, кто «царствовалъ» (sic!) въ Аѳинахъ, а спросятъ, умѣютъ ли онѣ сшить рубашку мужу или сварить ему кашу. Никто не споритъ, что рубашка и каша необходимы, но если весь бытъ челоѣка сосредоточится около этихъ предметовъ, то существованіе его ничѣмъ не будетъ отличаться отъ существованія австраійскаго Папуаза. А гдѣ же религіозное чувство у воспитателей, проно-

(1) Подъ нравственнымъ воспитаніемъ ваши воспитательницы разумѣютъ только безусловное повиновеніе начальству заведенія, не болѣе.

вѣдущихъ подобныя правила и между тѣмъ считающихъ себя людьми высоко-религіозными? Такая религія напоминаетъ намъ превосходное обличительное слово, произнесенное при празднованіи годовщины основанія Казанской духовной академіи 8-го ноября 1858 г. (1).

«Не о хлѣбѣ единомъ живы будемъ», говоритъ Св. Писаніе, и мы повторимъ: воспитайте въ женщинѣ челоуѣка, и она, безъ всякихъ усилій съ вашей стороны, будетъ доброю женою, нѣжною матерью, сошьетъ мужу рубашку и сваритъ ему кашу.

Образцовая кухня, вотъ единственный новый элементъ, введенный въ составъ женскихъ учебныхъ заведеній; но даже и онъ, какъ все прочее, остается наружною формою, выѣскою, и нисколько не приноситъ пользы. Кухня чиста, опрятна, снабжена всѣмъ нужнымъ, на ней готовится кушанье для начальницы, иногда туда является на полчаса дежурная дѣвица или много двѣ, посмотреть съ любопытствомъ, какъ смотрятъ дѣти на все новое, и уйдутъ, узнавши столько же о домашнемъ хозяйствѣ, сколько знали и прежде, то-есть ровно ничего. Да и зачѣмъ это? Вѣдь почетные посѣтители, для представленія которымъ существуютъ заведенія, не обратятъ вниманія, зачѣмъ устроена кухня; было бы чисто и прилично! Часто, при посѣщеніи важнаго лица, разставляются дѣти по ширингамъ: напередъ становятся здоровыхъ и по возможности румяныхъ (которыхъ вообще мало въ институтахъ), а позади блѣдныхъ и болѣзненныхъ; при тѣхъ же случаяхъ надѣвается чистое бѣлье, новые башмаки и пр. Кого же тутъ обманываютъ? Посѣтители большею частію это знаютъ и молчатъ по привычкѣ, точно такъ, какъ молчатъ посѣтители на публичныхъ экзаменахъ, гдѣ дѣвица отвѣчаетъ всегда на назначенный ей заранее вопросъ, вытверженный и сто разъ пересказанный учителю на многочисленныхъ репетиціяхъ. Все это лицемѣріе, никому даже ненужное,—слѣдствіе жалкой и достойной презрѣнія рутинны,—обрушивается на бѣдныхъ дѣтей; юныя, воспримчивыя существа сами начинаютъ лицемѣрять и обманывать; цѣлуютъ ручки у несравненной *tata*, въ душѣ проклиная ее; лгутъ передъ класною дамою, какъ та, по необходимости, лжетъ передъ начальницей... Грустно, тяжело становится на сердцѣ при этомъ печальномъ зрѣлищѣ нравственнаго разврата; а

(1) *Православный Собесѣдникъ*. 1858. Часть 3, стр. 87.

между тѣмъ въ немъ нѣтъ нисколько преувеличенія; что ни толкуеть о материнскихъ заботахъ воспитательницъ, между ними и вѣрными имъ воспитанницами цѣлая пропасть; соединены онѣ волей начальства и необходимостью — и только! Воспитательницамъ дѣти надоѣдаютъ; въ дѣтяхъ начальницы возбуждаютъ чувство близкое къ ненависти! Чего же ожидать отъ ихъ сближенія?

Все воспитаніе дѣвицъ, все нравственное образованіе, и слѣдовательно вся ихъ будущность, то-есть будущность цѣлаго поколѣнія, зависитъ отъ людей, которые находятся постоянно при нихъ и исключительно завѣдываютъ ихъ занятіями, то-есть отъ класныхъ дамъ и учителей. Разсмотримъ положеніе тѣхъ и другихъ, соотвѣтствуетъ ли оно ихъ важному значенію.

Класныя дамы назначаются исключительно начальницей учебнаго заведенія, частію изъ воспитанницъ тѣхъ же заведеній, что очень полезно, хотя, впрочемъ, и не признается за необходимое условіе къ занятію мѣста класной дамы; частію, и очень часто, просто по рекомендаціи сильныхъ міра сего, къ числу которыхъ причисляются и начальницы заведеній. Бѣглая рѣчь на французскомъ языкѣ составляетъ достаточный аттестатъ для поступленія въ должность воспитательницы, а о прочемъ не спрашиваютъ; но даже и это не всегда принимается въ соображеніе, а назначаются класныя дамы просто по протекціи. При такомъ порядкѣ назначенія возможна ли гарантія въ способностяхъ воспитательницы? а между тѣмъ ей вѣрятся десятки молодыхъ существъ, требующихъ материнскихъ попеченій, постоянныхъ заботъ и трудовъ. Обыкновенно въ класѣ бываютъ двѣ дамы, которыя дежурятъ черезъ день и сверхъ того имѣютъ постоянно на своей отвѣтственности половину класа, отъ 15 до 20 дѣвицъ, обязаны слѣдить за ними и повѣрять ихъ занятія; класная дама отвѣчаетъ за каждую изъ своихъ воспитанницъ, если она не приготовила сочиненія, перевода, не переписала тетрадки, не выучила урока, не держится прямо, плохо произноситъ по-французски или запачкала перединку и фартукъ... Все вниманіе воспитательницы обращено на вышесказанные предметы, и у нея одна цѣль въ жизни — избѣгать выговора и удовлетворить требованію начальства. Натурально, должность класныхъ дамъ берутъ на себя особы, которыя лишены всѣхъ средствъ къ существованію, иначе ни одна не рѣшится выдерживать ту нрав-

ственную и физическую пытку, которой класная дама подвергается ежедневно, когда при томъ надъ ней постоянно виситъ Дамоклесовъ мечъ — произволъ начальницы, которая, какъ бы свято ни исполняла свою обязанность класная дама, имѣетъ право отрѣшить ее отъ должности. Чего же ожидать, если въ начальницы учебныхъ заведеній опредѣляются лица *исключительно* по протекціи? И дѣйствительно многія изъ этихъ руководительницъ воспитанія часто не имѣютъ никакого понятія о дѣтяхъ, не говорю уже о нравственномъ развитіи ихъ, но даже о физическомъ воспитаніи; однѣ, одаренныя воинственнымъ характеромъ, хотятъ изъ института сдѣлать нѣчто въ родѣ батальюна и всѣ усилія употребляютъ на выправку дѣвицъ; другія считаютъ институтъ деревнею, и углубляются въ хозяйство, съ цѣлю увеличить доходы. Проведя всю жизнь въ удовольствіяхъ и пустыхъ занятіяхъ, случайная дама, не умѣвшая устроить свою семейную жизнь, дурно воспитавшая собственныхъ дѣтей, диктаторски предписываетъ правила воспитанія и нравственности; не умѣетъ правильно писать порусски и производить экзамены изъ всѣхъ предметовъ преподаванія...

Прибавимъ къ этому, что вознагражденіе класной дамы далеко не соотвѣтствуетъ ея трудамъ: при поступленіи въ заведеніе она получаетъ 200 руб. содержанія, съ прибавкою пятой части по прошествіи пяти лѣтъ, и съ правомъ на пожизненную пенсію въ 400 руб. по истеченіи 25 лѣтъ; изъ этого скуднаго жалованья она должна быть всегда прилично одѣта (въ торжественныхъ случаяхъ, въ шелковомъ платьѣ, непременно), меблировать комнату, платить жалованье горничной. Чтò же останется ей на прихоти, при нынѣшнихъ цѣнахъ на всѣ предметы потребленія, если прихотью можно назвать чашку чаю или кофе, лишнее блюдо въ прибавку къ казенному, чисто-спартанскому обѣду, и выѣздъ къ роднымъ и друзьямъ? Виноватъ, этимъ не ограничивается содержаніе класной дамы: каждая шесть лѣтъ она можетъ надѣяться, если благоугодно будетъ начальницѣ, получить 100 руб. награжденія! Понятно, что при такихъ условіяхъ, мѣста класныхъ дамъ занимаютъ лица, не имѣющія насущнаго хлѣба; нѣтъ сомнѣнія, что между ними встрѣчаются благородныя, достойныя женщины, но едвали хотя одна изъ нихъ, выдерживающая разрушительную, убійственную обязанность свою въ продолженіи 25 лѣтъ, не потеряетъ всей душевной энергіи, всего стремленія къ испол-

невию долга, когда ей ежедневно замѣчаютъ съ горечью и угрозами, что такая-то изъ порученныхъ ей воспитанницъ не при- съла, какъ должно, инспектрисъ или директрисъ, что другая съдѣлала чернильное пятно на бѣлой тетради, третья разорвала платье. Кто имѣлъ случай часто и пристально взглядываться въ лица мученицъ-класныхъ дамъ, тотъ знаетъ, сколько страданій нравственныхъ и физическихъ, сколько униженія должны вынести онѣ, чтобы пронести посланный имъ крестъ въ продолженіи 25 лѣтъ, и достигнуть желанной пенсіи въ 400 руб. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ трудно найти хорошую воспитательницу, и что на бѣдныхъ дѣтей должны обрушиться всѣ недостатки и лишенія ихъ воспитательницъ? Между тѣмъ начальствующія лица никакъ не подозрѣваютъ, что они существуютъ для дѣтей; они дѣйствуютъ на основаніи убѣжденія, что дѣти существуютъ для нихъ, хотя разумѣется никто изъ нихъ и не давалъ себѣ въ этомъ яснаго и сознательнаго отчета; а по ихъ примѣру, то же самое думаютъ (и гораздо съ бѣльшимъ правомъ) класныя дамы. Истины словъ нашихъ не опровергнетъ никто, сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ. Мы, разумѣется, не говоримъ о тѣхъ, которые считаютъ положеніе класныхъ дамъ блистательнымъ, чѣмъ-то въ родѣ синекуры, на томъ основаніи, что класная дама дежуритъ черезъ день и слѣдовательно служитъ только полгода! Это говорится не шутя, съ возмутительнымъ убѣжденіемъ, людьми, которые имѣютъ всѣ средства облегчить участь воспитательницъ и улучшить положеніе воспитанницъ! Чѣмъ же могутъ заняться съ дѣтьми класныя дамы, поставленныя въ такое положеніе, о которомъ мы сказали выше? Онѣ читаютъ, когда есть время, съ воспитанницами французскія книги, спрашиваютъ ихъ уроки, шиваютъ тетради, пересматриваютъ одежду и обувь: чего вамъ больше, если вся задача воспитанія состоитъ въ соблюденіи внѣшней дисциплины, наружнаго порядка и въ бойкихъ отвѣтахъ на экзаменахъ?

Гдѣ же корень зла? какія средства отвратить его? Вотъ вопросы, которые, конечно, задавали себѣ благомыслящіе люди, жаждавшіе переменъ разумныхъ, а не такихъ, какъ напри- мѣръ, чтобы продолжать класы отъ 8½ до 11½ часовъ, вмѣсто 9—12 и отъ 1 до 4 вмѣсто 2—5, чтобы дѣти завтракали въ 12 часовъ, а обѣдали въ 4 и т. д.

Вотъ нѣкоторыя соображенія, которыя могутъ, по нашему

мѣнью, съ пользою быть примѣнены къ избранію воспитательницъ:

1) Назначеніе въ класныя дамы должно происходить по избранію начальницы и ея помощницъ (инспектрисъ), изъ воспитанницъ, окончившихъ съ отличіемъ ученіе въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній, преимущественно въ томъ заведеніи, въ которое опредѣляется, или изъ воспитанницъ Николаевскихъ сиротскихъ институтовъ, спеціально назначенныхъ для приготовления воспитательницъ и учительницъ, съ тѣмъ чтобъ онѣ окончили свое шестилѣтнее пребываніе въ частныхъ домахъ и могли представить одобрительные аттестаты отъ лицъ, которыя довѣряли имъ воспитаніе своихъ дѣтей.

2) До назначенія въ класныя дамы, каждая воспитательница должна пребыть не менѣе трехъ лѣтъ помощницею класной дамы, и доказавъ свои педагогическія способности, поступить на мѣсто класной дамы.

3) Каждая дама должна имѣть въ своемъ завѣдываніи отъ пятнадцати до двадцати дѣвицъ (какъ это и принято во всѣхъ заведеніяхъ) съ тѣмъ, чтобы черезъ день она постоянно дежурила въ класѣ; но такъ какъ постоянное, безотлучное пребываніе въ класѣ въ продолженіи 24 часовъ и добросовѣстный надзоръ надъ 30—40 дѣтьми требуетъ неимовѣрныхъ усилій, которыхъ не выдержитъ никакое здоровье, то каждая класная дама должна имѣть помощницу, которая подъ ея надзоромъ повторяетъ съ дѣтьми уроки, помогаетъ имъ въ приготовленіи ихъ класныхъ занятій и остается съ дѣтьми все время, назначенное класной дамѣ для отдохновенія.

4) Ни одна класная дама не можетъ получить мѣста, не пробывъ три года помощницею.

5) Изъ класныхъ дамъ должны избираться инспектрисы и начальницы.

6) Въ званіе инспектрисы должна поступать класная дама занимавшая мѣсто свое не менѣе десяти лѣтъ; изъ инспектрисъ избираются начальницы.

7) Назначеніе въ инспектрисы и начальницы должно производиться самими класными дамами по общему согласію или по большинству голосовъ; главное начальство института должно утвердить выборъ или представить основательныя причины неутвержденія, и тогда производится новое избраніе.

8) Содержаніе класной дамы должно быть удвоено; суммы на это найти не трудно съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ долж-

ностей и расходовъ. Содержаніе помощницъ класныхъ дамъ должно быть то же, которое получаютъ теперь класныя дамы. Съ назначеніемъ помощницъ натурально уничтожаются пепиньрки, которыя совершенно бесполезны для заведенія; суммы же, отпускаемыя на ихъ содержаніе, могутъ идти на казаніе класнымъ дамамъ и ихъ помощницамъ, равно какъ и суммы, употребляемыя на содержаніе такъ-называемыхъ спеціальныхъ классовъ при Александровскихъ училищахъ; эти спеціальныя классы совершенно бесполезны по самой ихъ организаціи. Въ число воспитанницъ спеціальныхъ классовъ поступаютъ только желающія, по окончаніи общаго институтскаго курса, и всегда оказывается, что даровитыя воспитанницы не желаютъ оставаться въ нихъ (а онѣ-то и могли бы съ успѣхомъ ими пользоваться), и спеціальныя классы наполняются самыми жалкими посредственностями, за исключеніемъ можетъ-быть двухъ-трѣхъ, которыя или слишкѣмъ молоды для поступленія въ гувернантки, или желаютъ усовершенствоваться въ музыкѣ.

Намъ скажутъ, что въ пепиньрки назначаются обыкновенно бѣдныя двѣушки, которыя до полученія мѣста въ частныхъ домахъ, привыкаютъ къ надзору за дѣтьми и пользуются нѣкоторыми уроками для усовершенствованія себя въ наукахъ; мы на это возразимъ, что пепиньрки нисколько не достигаютъ этого назначенія и, выходя изъ института, ровно столько же способны къ званію воспитательницъ, какъ и до пребыванія своего въ пепиньркахъ; въ этомъ согласится со мной всякій, знающій дѣло.

Вотъ, по мнѣнію нашему, тѣ перемѣны, которыя на первый разъ необходимы для того, чтобы воспитаніе дѣтей пошло успѣшнѣе, чтобы воспитательницы, обеспеченныя въ своемъ матеріальномъ существованіи и не обремененныя заботами не по силамъ, могли посвятить себя исключительно образованію дѣтей и слѣдить за развитіемъ ихъ съ материнскою заботливостію. Конечно, все зависитъ отъ личнаго характера воспитательницъ, но мудрое устройство заведенія заключается преимущественно въ гарантіяхъ, которыми обеспечены и воспитанницы и воспитательницы отъ личнаго произвола. При такихъ гарантіяхъ, какія мы предполагаемъ, конечно, вырженіе *класная дама по призванію* не возбудитъ громкаго смѣха, какъ намъ случалось слышать, а примется съ сочувствіемъ. Почему бы также не учредить совѣтовъ, въ которыхъ

класныя дамы и инспектрисы излагали бы свои мнѣнія о ходѣ воспитанія и сообщали свои наблюденія надъ характеромъ и склонностями воспитанницъ. Эти мнѣнія и наблюденія, принимаемыя и разсматриваемыя общими силами, конечно, принесли бы несравненно болѣе пользы, чѣмъ фантазія начальницы, замѣняющая совѣтъ. Инспектрисы и начальницы, сами прошедшія тягостный путь класной дамы, понимали бы, чего можно и должно требовать отъ воспитательницъ, и не стали бы обременять подчиненныхъ требованіями, вынесенными Богъ знаетъ изъ какой сферы.

Переходя къ положенію воспитанницъ, мы не можемъ не коснуться ихъ физическаго состоянія, матеріальнаго быта учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи видно много наружнаго блеска и мало истиннаго желанія добра. Случается, что сильная смертность въ нѣкоторыхъ институтахъ обращаетъ на себя вниманіе начальствующихъ лицъ, которыя громогласно провозглашаютъ, что необходимо изслѣдовать ея причину; тогда составляются комитеты, призываются въ нихъ опытные, то-есть убѣжденные жизнью медики, назначаются глубокомысленныя совѣщанія, и что же открываютъ они и рѣшаютъ? Что обѣдать надо въ четыре часа, завтракать въ двѣнадцать, пить чай въ восемь и не ужинать, и это называется результатомъ изслѣдованій о состояніи здоровья воспитанницъ и объ изысканіи средствъ къ улучшенію ихъ матеріальнаго быта. Неужели всякое доброе предначертаніе должно оставаться у насъ на Руси пустою формальностію? Неужели правило Фамусова: «Подписано и съ рукъ долой», будетъ примѣняться къ такимъ мѣрамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и здоровьи многихъ тысячъ людей? Болѣе вниманія и болѣе любви къ дѣлу, и ларчикъ откроется просто. Вздорныя, бессмысленныя перемѣны не поведутъ ни къ чему, а лучше принять настоящія мѣры: чтобы въ холодное время комнаты были достаточно теплы, чтобы кушанье было свѣжее и питательное, чтобы люди, которымъ порученъ надзоръ за хозяйственною частію, не наживались на счетъ жизни и здоровья дѣтей и не получали за это орденовъ, денежныхъ наградъ и благодарностей... По нашему мнѣнію, нѣтъ на свѣтѣ преступниковъ гнуснѣе этихъ постоянныхъ систематическихъ отравителей. Начальнику они подадутъ пробу кушанья, заранѣе приготовленную, или и вовсе ничего не подадутъ, а наговорять лестныхъ вещей, въ то время какъ бѣдныя дѣти ѣдятъ тухлую говядину

и прогорклое масло. Иногда бываетъ, что въ трескучіе морозы не топятъ по трое сутокъ, потому что распорядитель заведенія закупаетъ лѣса на корню, и рабочіе не успѣютъ вывезти достаточнаго количества дровъ; дѣти мерзнуть, согрѣваютъ комнаты теплотой собственнаго тѣла, и потомъ толпами отправляются въ лазаретъ. Случается также, что для освѣженія воздуха въ комнатахъ (что, конечно, необходимо, если дѣлается вовремя) ревностныя, но неопытныя начальницы приказываютъ зимою или осенью открывать настежь всѣ окна и форточки въ то время, когда дѣти сидятъ въ класахъ или проходятъ по корридорамъ въ однихъ платьяхъ, и тогда начинаются кашли, боли въ горлѣ, воспаленія. Потрудитесь спросить дѣтей въ любомъ заведеніи (можетъ-быть найдутся исключенія, и дай Богъ!), что онѣ ѣдятъ, и вы услышите: жидкій супъ, вываренную въ супѣ говядину, пироги съ дурнымъ масломъ и т. п. За то правители хозяйственной части, или экономы, заводятъ кареты, отличныхъ лошадей, покупаютъ дома и деревни, а члены по хозяйственной части, по безопасности, конечно, не обращаютъ вниманія на это, хотя мы и не слышали, чтобъ они тоже дѣлились съ экономами. Хотите, чтобы дѣти были здоровы? Назначайте честныхъ экономовъ, дѣятельныхъ членовъ по хозяйственной части и умныхъ начальниковъ; теплый, здоровый воздухъ, питательная, свѣжая пища, движеніе—и повѣрьте, не нужно будетъ ни совѣщаній, ни комитетовъ, ни медицинскихъ изслѣдованій. Для движенія заведите гимнастическія упражненія въ дурную погоду (1), прогулки въ хорошую, и матеріальное благосостояніе дѣтей будетъ упрочено.

(1) Гимнастическія упражненія должны производиться непременно подъ руководствомъ медика, а не гимнастами-промышленниками, которые, нисколько не думая о цѣли этихъ упражненій, бессмысленными прыжками, гигантскими шагами и тому подобными штуками не рѣдко уничтожаютъ здоровье слабыхъ дѣтей и уродуютъ ихъ члены. Къ тому же гимнастика въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ заведена въ видѣ какого-то учебнаго предмета по два раза въ недѣлю, и не достааетъ только, чтобы за успѣхи въ гимнастическихъ упражненіяхъ ставили баллы, которые бы имѣли вліяніе на переводъ въ высшіе класы и на самое мѣсто въ класѣ. «У нея большія способности», или «она дѣлаетъ большіе успѣхи», говорить о воспитанницѣ гимнаст-преподавателю съ важностію, и эти похвалы не возбуждаютъ общаго смѣха, — видъ гимнастика учебный предметъ! Такъ приказало начальство!

II.

Взглянемъ теперь на учебную часть. Въ нѣкоторыхъ инсти-
тутахъ ученіе идетъ посредственно, въ другихъ очень дурно
и ни въ одномъ не достигаетъ вполне своей цѣли. Вообще
воспитанницы, даже лучшія, выносятъ изъ заведенія не строй-
ное образованіе, а большею частію массу свѣдѣній, которыя
удерживаются нѣкоторое время въ памяти, но не сживаются
съ ними, не входятъ въ плоть и кровь. Главная причина не-
достаточныхъ успѣховъ по учебной части заключается въ ор-
ганизаціи женскихъ училищъ, а невозможность улучшеній за-
виситъ отъ того же произвола, который такъ губительно дѣй-
ствуетъ на нравственное и физическое воспитаніе дѣтей.
Если кому-нибудь изъ людей, завѣдывающихъ учебною ча-
стію, и придется въ голову сдѣлать перемѣны и улучшенія, то
привести ихъ въ дѣйствіе, стѣбитъ неимоверныхъ усилій; на-
чинается безконечная переписка, собираются члены совѣта,
инспекторы для совѣщаній; проходятъ цѣлые годы, и если
наконецъ желающій перемѣнъ энергическимъ постоянствомъ
достигнетъ своей цѣли, то предположенія его осуществляются
только въ томъ заведеніи, къ которому принадлежитъ онъ
самъ, и никакъ не пойдутъ далѣе. Все то, что мы сказали
выше о произволѣ одного лица въ дѣлѣ нравственнаго воспи-
танія, относится и къ учебной части, съ которою она нахо-
дится въ самой тѣсной связи. Едва ли какой-нибудь благомы-
слящій человекъ возьметъ на себя отвѣтственность дѣйстви-
вать въ дѣлѣ воспитанія по одному личному произволу; онъ
пойметъ, что въ этомъ случаѣ каждая ошибка его, повидимо-
му ничтожная, можетъ имѣть самыя вредныя слѣдствія. «Умъ
хорошо, а два лучше,» говоритъ русская пословица, а мы при-
бавимъ, что въ дѣлѣ образованія одинъ умъ, какъ бы онъ
свѣтелъ ни былъ, никогда ни достигнетъ цѣли.

Прежде всего разсмотримъ раздѣленіе училищъ по разря-
дамъ, и раздѣленіе каждаго училища на классы.

Всѣ женскія учебныя заведенія раздѣлены на четыре раз-
ряда въ слѣдующемъ порядкѣ. Къ первому разряду принадле-

зпъ а) Воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), для котораго существуетъ особое отдѣленіе 1-е, а всѣ прочіе институты 1-го разряда принадлежатъ ко 2-му отдѣленію. б) Екатерининскій институтъ въ Петербургѣ. с) Екатерининскій институтъ въ Москвѣ. д) Патриотическій институтъ. е) Харьковскій институтъ, ф) Одесскій, г) Казанскій, h) Кіевскій, і) Бѣлостокскій, j) Закавказскій, k) Могилевскій, l) Полтавскій, m) Тамбовскій и n) Александринскій въ Пулавахъ (1).

Ко второму разряду принадлежатъ: а) Павловскій институтъ, б) Александровскій институтъ въ Москвѣ, с) Александровскій институтъ въ Петербургѣ, d) Елисаветинскій институтъ въ Москвѣ, е) въ Петербургѣ, f) въ Симбирскѣ, г) Астраханскій и h) Сибирскій.

Къ четвертому разряду принадлежатъ спеціальныя для образованія воспитательницъ Николаевскіе сиротскіе институты въ Москвѣ и Петербургѣ; къ третьему всѣ прочія заведенія.

Цѣль, назначеніе устройство заведеній, 1-го и 2-го разряда совершенно одинаковы; различіе ихъ состоитъ въ томъ только, что въ 1-й разрядъ поступаютъ дочери чиновниковъ, начиная съ 6-го класса по статской службѣ и 8-го по-военной, на казенный счетъ, и дочери потомственныхъ дворянъ пансіонерками, а во 2-й разрядъ дочери чиновниковъ низшихъ классовъ и даже священнослужителей на казенный счетъ и пансіонерками (2); раздѣленіе, какъ видите, аристократическое, а

(1) Для чего Смольный монастырь составляетъ особое отдѣленіе, рѣшить трудно; во всѣ заведенія 1-го разряда принимаются дѣти одного и того же сословія, или потомственныя дворянки пансіонерками, или дѣти чиновниковъ, начиная съ 6-го класса по статской и съ 8-го по военной службѣ. Но разъ придуманы отдѣленія, надо придумать и различіе въ программахъ ученія; въ чемъ же состоитъ это различіе? Таблица программъ обоихъ отдѣленій совершенно одинакова; только для 1-го отдѣленія прибавлено къ преподаванію русской словесности: 1-е о способностяхъ души, объ языкѣ, правила прозы, понятія объ изящномъ, понятія о стихотворствѣ. 2-е, при изученіи французской словесности для 1-го отдѣленія предписано преподавать: взглядъ на литературу древнихъ и среднихъ временъ и исторію французской литературы, а для 2-го краткую исторію французской литературы. 3-е, нѣмецкая словесность для 1-го отдѣленія: общія понятія о словесности и исторіи нѣмецкой литературы, а для 2-го отдѣленія: указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія.

(2) По послѣднимъ постановленіямъ въ Александровскія училища мо-

какъ же аристократкамъ не знать болѣе ихъ сверстницъ, принадлежащихъ къ низшему слою общества или къ низшему разряду чиновничьей іерархіи? и за чѣмъ дочери прапорщика или титулярнаго совѣтника знать подробно исторію литературы, исторію, географію или имѣть нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, что такъ прилично дочери майора и коллежскаго совѣтника? А въ этомъ и состоитъ разница въ преподаваніи въ заведеніяхъ 1-го и 2-го разряда. Вотъ таблица программы:

1-й разрядъ.

2-й разрядъ.

- | | |
|---|---|
| 1. Законъ Божій одно и то же для обоихъ разрядовъ. | |
| 2. Русская Словесность. | 2. Русская словесность. |
| а) Грамматика, б) общія понятія о словесности, с) замѣчанія о литературѣ древнихъ и среднихъ временъ, исторія русской литературы. | а) Грамматика, б) общія понятія о словесности, с) исторія русской литературы. |
| 3. Французская словесность. | 3. Французская словесность. |
| а) Грамматика, б) общія понятія о словесности, с) краткая исторія французской литературы | а) Грамматика, б) указаніе на нѣкоторыхъ великихъ писателей ихъ важнѣйшія творенія. |
| 4. Нѣмецкая словесность одно и то же для обоихъ разрядовъ. | |
| 5. Ариѳметика. | тоже. |
| 6. Нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики. | 6. Севѣмъ не полагается этихъ свѣдѣній. |
| 7. Географія всеобщая сокращенно съ изъятіемъ (?) для нѣкоторыхъ государствъ. | 7. Географія всеобщая сокращенно. |
| 8. Географія Россіи для обоихъ разрядовъ одинаково. | |
| 9. Исторія всеобщая сокращенно, нѣсколько подробно (?) о первенствующихъ въ Европѣ государствахъ. | 9. Исторія важнѣйшихъ событій по хронологическимъ таблицамъ. |
| 10. Исторія Россіи, сокращенно древняя и достаточно (!) подробно съ Іоанна III. | 10. Исторія Россіи. |

гутъ поступать дочери чиновниковъ не ниже 9-го класса и не выше 6-го по статской службѣ; слѣдовательно является (конечно въ видахъ улучшеній) новая средняя іерархическая степень ученицъ; дочери чиновниковъ ниже 9-го класса могутъ поступать въ другія заведенія; при этомъ впрочемъ программа не измѣнена и дочерямъ коллежскихъ регистраторовъ дозволено имѣть тѣ же свѣдѣнія, какъ и дочерямъ титулярныхъ совѣтниковъ.

Изящныя искусства.

Для 1-го разряда.

Для 2-го разряда.

Рисованіе.
 Чистописаніе.
 Пѣніе церковное.
 Пѣніе итальянское.
 Музыка.
 Танцованіе.
 Изящныя рукодѣлія.
 Хозяйственныя рукодѣлія.

Рисованіе.
 Чистописаніе.
 Пѣніе церковное.
 Танцованіе.
 Изящныя рукодѣлія.
 Хозяйственныя рукодѣлія въ обширномъ смыслѣ.

Вотъ все различіе въ преподаваніи наукъ по обоимъ разрядамъ! По всему видно, что при составленіи программъ принята была въ соображеніе аристократическая идея, но проявилась она въ формахъ, довольно странныхъ. Пусть бы дѣвицы-аристократки занимались итальянскимъ пѣніемъ и музыкой (которая допускается въ заведеніяхъ 1 разряда) и хозяйственными рукодѣліями въ тѣсномъ смыслѣ, а дѣвицы не аристократки не занимались бы итальянскимъ пѣніемъ и музыкой, а посвятили бы себя хозяйственнымъ рукодѣліямъ въ *обширномъ смыслѣ* (1), это бы еще можно какъ-нибудь объяснить, но отъ чего дѣвицамъ аристократкамъ нужно знать исторію и географію подробнѣе, чѣмъ дѣвицамъ не аристократкамъ, и первымъ имѣть нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, а вторымъ вовсе ихъ не имѣть? Если первыя, что предполагается само собою, имѣютъ болѣе достаточное состояніе, чѣмъ вторыя, то имъ гораздо менѣе нужны эти подробности и свѣдѣнія, потому что для нихъ они будутъ роскошью (если роскошью можно назвать образованіе), тогда какъ вторымъ они доставятъ насущный кусокъ хлѣба. Впрочемъ, какое дѣло до этого составителямъ программъ? Очевидно, имъ приказано было, чтобы были программы по разрядамъ; они не стали составлять ихъ, а для отличія одной отъ другой придумали еократить программы 2-го разряда! Противъ этого возразить трудно; очевидность предположенія нашего вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ.

Въ заведеніяхъ 3-го разряда программа назначаетъ преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, 4-хъ правилъ ариеметики,

(1) Отчего хозяйственныя рукодѣлія отнесены къ изящнымъ искусствамъ, это также объяснить довольно трудно; вѣроятно за невозможностію отнесги ихъ къ наукамъ.

географіи и исторіи Россіи, рисованія узоровъ, чистописаннаго церковнаго пѣнія и рукодѣлій. Программа не обширная и самая лучшая, если принять въ соображеніе, что въ эти заведенія принимаются дочери бѣдныхъ людей, не получившія какихъ предварительныхъ свѣдѣній; для этихъ дѣтей необходимо образованіе такого рода, чтобъ оно не удаляло ихъ семейства и дало возможность дѣвицѣ быть помощницею матери отставнаго солдата или ремесленника, и потомъ въ очередь стать во главѣ такого же семейства. Тутъ нѣтъ идей аристократическихъ, которыя проводятъ заповѣдную черту между дочерями надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ; заведенія 3-го разряда необходимы для общаго блага; устроить ихъ, то-есть дать разумное воспитаніе бѣднымъ дѣвкамъ низшаго класса, соображаясь съ ихъ состояніемъ, вотъ о чемъ бы стоило подумать нашимъ составителямъ программы! Намъ кажется, что единственное сообразное съ цѣлю раздѣленіе на разряды женскихъ училищъ должно быть следующее:

І РАЗРЯДЪ:

Заведенія спеціальныя, съ цѣлю приготовить воспитательницъ, и учительницъ въ заведенія и частные дома. Сюда относятся нынѣшніе сиротскіе институты.

ІІ РАЗРЯДЪ:

Заведенія, замѣняющія домашнее воспитаніе дѣвицъ низшаго класса; сюда относятся всѣ заведенія 1 и 2 разряда.

ІІІ РАЗРЯДЪ.

Заведенія для дочерей ремесленниковъ, отставныхъ солдатъ и т. п.

Если программы необходимы для того, чтобы дать заведенію училищному комитету, или чтобы вводить въ училища общія формы, какъ въ полкахъ, то о нихъ говорить не стоить; лучше ли предоставить инспектору и учителямъ заведенія выбирать предметы преподаванія съ общаго согласія педагогическаго совѣта, и соображаясь съ средствами и способностями ученицъ? Обязательныя программы то же самое, что слова командира при экзерциціяхъ войска: какъ же преподаваніе, то-есть

ственную дѣятельность человѣка подчинить, желанію составить программу?

Единственная разумная программа должна представлять исчисленіе предметовъ преподаванія. Все остальное необходимо предоставить педагогическому совѣту. Эта мысль тѣмъ вѣрнѣе, что и при существующихъ правилахъ и постановленіяхъ она оправдывается опытомъ; благоразумный инспекторъ всегда предоставляетъ свободу преподавателю, и если дѣло идетъ хорошо, то инспектору и въ голову не придетъ спросить учителя, соображается ли онъ съ программой. Почему бы, кажется, не уничтожить, хотя по учебнымъ заведеніямъ, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ постановленій, которыя существуютъ въ нашей администраціи для того только, чтобы стѣснять бѣдное человѣчество, и которыя соблюдать нѣтъ никакой возможности?

Переходимъ къ раздѣленію училищъ на классы.

Въ большей части институтовъ (сколько намъ извѣстно, за исключеніемъ Николаевскихъ сиротскихъ и Елисаветинскихъ) воспитанницы распредѣляются по возрастамъ, старшему и младшему, и по отдѣленіямъ; въ каждомъ возрастѣ существуетъ (смотря по числу воспитанницъ) два, три и четыре отдѣленія; тамъ размѣщаютъ дѣтей по степени ихъ знаній на лучшихъ, посредственныхъ и дурныхъ, такъ что воспитанницы младшаго возраста, по окончаніи трехлѣтняго курса, переходятъ въ соответствующія отдѣленія старшаго; самое низшее наполняется обыкновенно неполучившими предварительнаго домашняго воспитанія, или лѣнивыми; эти несчастныя отдѣленія отдаются обыкновенно худшимъ класнымъ дамамъ (если только начальница, лично-справедливая, не назначаетъ дамъ поочередно) и худшимъ учителямъ. Намъ случалось слышать, какъ сами воспитательницы называютъ такія отдѣленія *le rebut de l'institut*, и съ какимъ презрѣніемъ отзываются воспитанницы высшихъ отдѣленій о сверстницахъ своихъ, попавшихъ въ отдѣленія низшія! Можетъ ли быть что-нибудь безнравственнѣе подобнаго распредѣленія? Дѣвочка десяти-одиннадцати лѣтъ, не приготовленная дома, болѣзненная, попадаетъ въ этотъ *rebut de l'institut*, и въ продолженіи шести лѣтъ служить предметомъ равнодушія и презрѣнія для начальницъ и соученицъ. При другихъ условіяхъ она могла бы сравняться съ хорошими, догнать сверстницъ, исправиться отъ лѣни, но при такихъ условіяхъ весьма рѣдкія, особенно даровитыя или

по чему-нибудь покровительствуемая начальницей, успѣвая перебраться изъ дурнаго низшаго отдѣленія въ хорошее выше. Мы слышали (и дай Богъ, чтобы этотъ слухъ оправдался) что скоро уничтожено будетъ подобное раздѣленіе на восты и отдѣленія; что во всѣхъ институтахъ устроены будутъ классы, числомъ шесть, въ которые ежегодно будутъ переходить воспитанницы, оказавшія достаточные успѣхи. Такое раздѣленіе на шесть классовъ можетъ быть введено во всѣхъ заведеніяхъ: къ этимъ шести классамъ должно присоединить еще одинъ подготовительный, гдѣ въ теченіе года должны получать элементарныя свѣдѣнія дѣти, нисколько не приготовленные для школы, несмотря на то, что имъ будетъ 9, 10, 11 или 12 лѣтъ; и что за дѣло до лѣтъ въ этомъ возрастѣ? Неужели не случается, что двое дѣтей, одинаково одаренныхъ отъ природы, вследствие разныхъ причинъ развиваются различно, что одно дѣтѣ 9 лѣтъ развито болѣе, чѣмъ другое въ 12? Вѣдь вся бѣда въ томъ только, что одна дѣвица кончитъ ученіе 16-ти лѣтъ, а другая 20-ти, а при настоящей организаціи классовъ, плохо подготовленная, плохо развитая пробудетъ шесть лѣтъ въ дурномъ отдѣленіи и выйдетъ изъ института, не только не кончивъ своего воспитанія, но даже и не начавъ его. Развѣ это лучше?

Если раздѣленіе на шесть классовъ съ присоединеніемъ еще одного элементарнаго, покажется недостаточнымъ по значительному числу воспитательницъ, то почему не раздѣлить многочисленный классъ на параллельныя отдѣленія съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было различія о раздѣленіи воспитанницъ на хорошихъ и дурныхъ, и чтобы въ преподаваніи не было никакого различія?

Въ спеціальныхъ заведеніяхъ, то-есть въ Николаевскихъ сиротскихъ институтахъ, которые должны быть разсадными воспитательницъ, ученіе имѣетъ (что весьма основательно) нѣсколько обширные размѣры и распределено разумно: это едва ли не единственныя заведенія, гдѣ распределеніе классовъ является настоящимъ основаніемъ. Мы бы желали только, чтобы воспитанницы высшихъ классовъ, то-есть кандидатки, имѣли болѣе собственной дѣятельности; почему бы не заниматься имъ продолженіемъ двухъ лѣтъ, а не нѣсколькихъ мѣсяцевъ воспитаніемъ младшихъ классовъ, подъ надзоромъ учителей и матерей?

Намъ возражать, можетъ-быть, что воспитанницы Нико

Сиротскихъ институтовъ также распределены по отдѣленіямъ, которыя мы осуждаемъ въ другихъ заведеніяхъ; да, въ здѣсь распределеніе ихъ имѣеть цѣль; здѣсь въ первомъ и второмъ отдѣленіи идутъ рядъ класовъ, изъ которыхъ ежегодно переходятъ воспитанницы сообразно съ ихъ успѣхами; изъ перваго отдѣленія выходятъ кандидатки, которыя могутъ окончить домашнее воспитаніе; изъ 2-го отдѣленія учительницы, которыя могутъ дать дѣтямъ воспитаніе элементарное; въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ есть сверхъ того 3-е отдѣленіе, куда помѣщаются совершенно бездарныя, которыя могутъ, по приобрѣтеніи простыхъ понятій о воспитаніи, имѣть доступныхъ, опредѣляться къ малолѣтнимъ дѣтямъ въ надзирательницы; такое отдѣленіе (одинъ класъ только) не дурно бы устроить и въ другихъ институтахъ; совершенно бездарныя, теряющія свои послѣднія способности надъ заучиваніемъ уроковъ, которыхъ онѣ все-таки не понимаютъ, могли бы съ успѣхомъ заниматься работами, сообразными съ ихъ способностями, и если онѣ научатся хорошо шить, вышивать въ пяльцахъ и т. п., то приобрѣтутъ средства честно заработать кусокъ хлѣба, тогда какъ при другихъ условіяхъ, бѣдная дѣвушка, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, по выходѣ изъ заведенія, гдѣ она получала, хотя далеко не роскошное, но готовое содержаніе, останется одна посреди чужихъ людей и легко сдѣлается жертвой разврата... Право стоить подумать именно объ этихъ бѣдныхъ существахъ, которыхъ и въ институтѣ презираютъ, которыхъ и по выходѣ изъ института ждетъ самая горькая участь. Нерѣдко начальствующія лица, слыша предложеніе объ устройствѣ руководѣльныхъ класовъ, ссылаются на требованія родителей, но въ такомъ случаѣ, если требованія эти безразсудны, то на нихъ не стоить обращать вниманія; наши понятія о воспитаніи вообще такъ странны, что напри- мѣръ при устройствѣ женской гимназій въ одномъ губернскомъ городѣ (гдѣ плата за ученіе положена по 25 рублей въ годъ) родители приходили къ начальницѣ съ настоятельною просьбой, чтобы дѣти ихъ обучались музыкѣ, танцованію и французскому діалекту! Развѣ возможно удовлетворять подобныя требованія?

Г. Головачовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Въ одномъ изъ узенькихъ извилистыхъ переулковъ, дѣлающихъ изъ Москвы нѣчто въ родѣ лабиринта, стоитъ большой старинный домъ и, что рѣдкость для старинныхъ домовъ, имѣетъ подъѣздъ на улицу. Въ прекрасное утро, въ половинѣ апрѣля 1857 года, двѣ дамы звонили у этого подъѣзда. Дверь не отворялась; на дворѣ было жарко, нетерпѣннѣ посѣтительницъ было велико. Прохожіе, которымъ онѣ заграждали дорогу на избитомъ и изрытомъ кирпичномъ тротуарѣ, уже не разъ задѣвали ихъ и, смѣясь, на нихъ оглядывались. Изъ оконъ ближнихъ домовъ смотрѣли сосѣди, привлеченные звономъ колокольчика; разнощикъ съ рыбой и саячникъ даже положительно остановились среди улицы и ждали чѣмъ это кончится.

Старшая дама выходила изъ себя; ея старенькая черная мантилья поднималась парусомъ, соломенная шляпка спустилась на затылокъ; вѣтеръ путалъ ея волосы, черные съ просѣдью, и безъ того дурно причесанные. Она принялась звонить, не отрываясь.

— Маленька, можетъ-быть, дома нѣтъ, замѣтила ея спутница, бѣлокурая недурная дѣвушка лѣтъ восемнадцать.

— Кого дома нѣтъ? возразила мать.

— Никого, ни княгини, ни Аделаиды Григорьевны.

— Что же такое, что нѣтъ? Что такое Аделаида эта? Развѣ я къ ней хожу? А княгини нѣтъ,—люди должны же отворить, доложить, что дома нѣтъ; и безъ княгини можно, все равно, къ ней въ домъ придти... Точно тебѣ въ первый разъ; вразумить надо...

Въ эту минуту, на новый отчаянный звонокъ, дверь подъѣзда отворилась такъ стремительно,—а она отворилась наружу,—что дамы отскочили. Ихъ впустила маленькая, растрепанная и грязная дѣвочка, одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ барыни привозятъ изъ деревень «пріучаться быть въ горницѣ» и которыя, заключенныя всею дворней, пріучаются прежде всего обманывать и грубить и узнаютъ именно то, чего не нужно знать.

— Съ ногъ сбила! вскричала пожилая дама, поднимаясь на лѣстницу:—гдѣ же всѣ люди, Лушка, что ты отворяешь? развѣ это твое дѣло?

— Для тебя десять дѣловъ справишь... проворчала дѣвочка, исчезая гдѣ-то подъ лѣстницей въ маленькую дверь.

Дама вошла въ переднюю въ сильномъ гнѣвѣ.

— Точно у васъ ушей нѣтъ, обратилась она къ лакеямъ, изъ которыхъ сидѣвшіе не встали при ея входѣ:—хорошо, что лѣто нынче; зимой такъ заставить ждать, можно человѣка заморозить. Что, ужъ укладываетесь, ѣдете?

— Укладываемся.

— Обозъ ужъ отправили? Кто съ обозомъ поѣхалъ?

— Поварь, извѣстно,—его обязанность.

— Кушанье теперъ у кухмистра только на двѣ персоны берутъ, отозвался другой лакей, столько же развязный, сколько первый отвѣчавшій былъ сумраченъ.

Дама не обратила вниманія на это замѣчаніе, сказанное видимо съ какою-то цѣлью, и направилась въ гостиную.

— Ея сятельства дома нѣтъ, изволили къ обѣднѣ поѣхать, а Аделаида Григорьевна еще не вставали.

— Боже мой, какъ важничаетъ! до одиннадцатаго часа!.. Я подожду княгиню. Подайте чаю сюда.

— Когда ея сятельство воротится, такъ подадутъ самоваръ.

Дама вошла въ гостиную, подошла къ зеркалу, сняла шляпку, поправила волосы, поправила мантилью, подошла къ этажеркѣ

и взяла книгу. Садясь съ ногами на диванъ, она обратила вниманіе на дочь. Дѣвушка не снимала шляпки и не садилась.

— Что же ты? сказала съ нетерпѣніемъ мать:— садись. С Богомъ, версты четыре прошли; я думаю, ногъ не слышишь. Смотришь на себя, какая ты блѣдная.

Дѣвушка подошла къ зеркалу; она была блѣдна въ самомъ дѣлѣ, но столько же отъ досады, сколько отъ усталости. Снявъ шляпку, красивую и изящную, она сняла небрежно и бросила на столикъ, какъ особа, привыкшая не дорожить дорогими вещами, за то очень тщательно принялась приглаживать волосы, взбитые кверху. Ей мѣшали перчатки; снимая, изорвала одну изъ нихъ.

— Что, ужь конецъ? сказала мать, оглядываясь на книгу, которую читала будто сидя не въ гостяхъ, а дома.

— Дешевыя перчатки никогда долго не носятя, возразила дочь хладнокровно.

— А! дорогихъ захотѣлось! проговорила мать и обратилась къ книгѣ.

Дѣвушка стала разсматривать рѣзбу маленькаго столика, котораго съела; отъ столика ея вниманіе обратилось на другія богатыя вещи, украсившія комнату. Она встала и пошла разсматривать бюсты и вазы на тумбахъ, картины по стѣнамъ, дагерротипы, миниатюрные и акварельные портреты, разложенные на всѣхъ столахъ и свидѣтельствовавшіе о многочисленности родныхъ и друзей хозяйки. Между ними въ особенности выдавалась пестро-раскрашенная фотографія молодого человѣка въ гусарскомъ мундирѣ, очевидно очень довольнаго собою. Дѣвушка взяла ее со стола и разсматривала пристально, даже улыбнулась, разсматривая, и потомъ, вдругъ съ большою гримаской, поставила ее на мѣсто и принялась за туалетку, флаконы, фарфоровыя куклы, рѣдкости, которыхъ было довольно на столикахъ и этажеркахъ.

Мать смотрѣла на нее съ какимъ-то страннымъ выразеніемъ.

— Поосторожнѣе, не сломай чего-нибудь, сказала она рывисто, когда дѣвушка зацѣпила кружевомъ своего рокаго рукава за одну изъ куколъ и опрокинула ее.

— Какая счастливица эта княгиня! сказала дѣвушка:— я жаю vieux-saxe.

— Какъ ты много его видѣла! возразила мать:— ты не

лучше его отъ корниловской фабрики. Еще когда-нибудь при постороннихъ это скажешь, чтобы надъ тобой смѣялись.

— Я столько же видѣла vieux-saxe, сколько и вы.

— Гдѣ же это?

— У кого же его нѣтъ? У княженъ Ручневыхъ цѣлая горка, у мадамъ Мороновой.

— Тамъ, я думаю, ты не очень смѣешь все брать въ руки, мѣшать. Перестань, сдѣлай милость; еще все переколотишь.

— Точно я ребенокъ, возразила дѣвушка.

— Что за манеры, на все бросаться, всему удивляться...

Дѣвушка оставила и сѣла съ недовольнымъ видомъ.

— Бываешь въ порядочныхъ домахъ, такъ надо и держаться порядочно...

— Что же я сдѣлала непорядочнаго? возразила дочь: — я только въ постороннихъ домахъ и вижу что-нибудь. Дома вѣдь мнѣ разсматривать нечего.

— Господи, да гдѣ же мнѣ взять! вскричала мать съ отчаяніемъ.— Ну, вотъ, ну, возьми мою душу! Тебѣ vieux-saxe понравился, а дома есть ли горшокъ щи сварить, да и сварить нечего...

— Не я же виновата, возразила дѣвушка.

— Не ты, Боже мой, знаю что не ты! Ты меня-то не обвиняй, не говори, что я тебя послѣдняго лишаю, не позволяю и полюбоваться. Ты кажется этихъ проклятыхъ большихъ барынь знаешь: изъ дряни, изъ куклы какой-нибудь, — сами же они ее ломаютъ, готовы исторію сдѣлать, ругательствъ наговорятъ. Развѣ ты человекъ, чтобы они тебя щадить стали? Ты это понимаешь, я думаю, а что ты еще до сихъ поръ не попададась, не сталкивалась съ ними... Скажутъ, впервыхъ, распоряжаешься...

Дѣвушка отвернулась и, вставъ на колѣни на кресло, разсматривала ландшафтъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— У тебя оборка на баскѣ отпоролась, замѣтила мать.

— Знаю; я такъ и надѣла. Что же вы не зашили?

— Когда же мнѣ было? Вели Аделаидиной дѣвкѣ пришить; швыгининымъ не говори: неловки изъ-рукъ-вонъ, ничего не сумѣютъ сдѣлать; чешутъ, того и жди голову оторвутъ. Такой душный народъ набранъ; хуже не знаю.

Дверь изъ внутренней комнаты растворилась съ шумомъ, портьера заволновалась, и въ гостиной явилась высокая дама въ блонъ вышитомъ и необъятно-широкомъ пеньюарѣ. Ея при-

ческа, уже совершенно оконченная, могла бы назваться чудомъ зодчества: толстая коса вѣнкомъ охватывала голову и украшалась съ боку небольшимъ кокетливымъ бантикомъ изъ тѣнноваго пунцоваго съ чернымъ бархата; банто спускалось къ щекамъ волнами въ четыре совершенно симметрическіе правильныя извива; изъ-подъ нихъ блестяли огромныя золотыя серьги гладкія и круглыя какъ пуговицы. Цвѣтъ лица этой дамы былъ восхитителенъ, нѣсколько блѣденъ и небольшая синева въ выпуклостяхъ лба и оконечностяхъ носа и бороды обличалъ употребленіе чего-то менѣе невиннаго нежели рисоваго пудры; брови были слегка подклеены, губы алы и масляно-мягки; вообще эта дама была превосходно расписана. Несмотря на высоту своего роста, она выказывала довольно сильнымъ ступкомъ, что ея вышитыя золотомъ туфли были снабжены каблучками. Этотъ стукъ и мѣрность походки придавали ей особѣ какое-то грозное величіе.

Это была дѣвица Аделаида Григорьевна Мѣстнова, компаньонка старой княгини Десятовой, уже много лѣтъ жившая въ ея домѣ.

Она прошла, не кивнувъ головой на поклонъ молодой дѣвушки и только бѣглымъ недовольнымъ взглядомъ выразивъ вниманіе къ присутствію матери, впрочемъ, не поднавшейся съ мѣста. Послѣ этого взгляда, Аделаида Григорьевна такъ поспѣшно и рѣшительно направилась изъ гостиной въ залу, какъ будто намѣревалась гнѣваться на прислугу, какъ допустили такой безпорядокъ, впустили этихъ особъ въ гостиную княгини.

— А, прахъ тебя возьми! ты не кланяешься и тебѣ не стыднеть кланяться! сказала вслѣдъ пожилая дама, стукнувъ палецъ о столу книгой:—приживалка проклятая, изъ всякой юбки готову княгини ноги лизать! Наушничаетъ, на всю дворню сплетничаетъ, тѣмъ и умна...

Аделаида Григорьевна въ самомъ дѣлѣ гнѣвалась; къ счастью ея слова не долетали до посѣтительницъ, но онѣ легко могли догадываться въ чемъ дѣло.

— Не могли вы имъ отказать?

— Мы полагали, что такъ какъ ихъ всегда принимаютъ...

— На то догадка есть; всякій день таскаются, надоѣли. Ужъ онѣ тамъ и шляпки снимали... Можно понять, что и княгиня, наконецъ, въ тягость. Нечего сказать, занимательныя гости.

— Да, онъ, сударыня, не женируются, сами себя занимають Анна Федоровна ужь вотъ книжку читаетъ...

Аделаида Григорьевна разсмѣялась, и за тѣмъ послышался свѣтъ лакеевъ.

— Право-съ; и барышня тоже, въ зеркало посматривается...

— Давайте же самоваръ, сказала Аделаида Григорьевна, вѣдя, вѣроятно, что посмѣялась довольно:—княгиня, я думаю, сейчасъ прѣдетъ.

Она подошла къ открытому окну, дѣлая италіянскую руладу.

Анна Федоровна, казалось, прилежно занималась своимъ чтеніемъ, потому что не выпускала книги изъ рукъ, но страницы не перевертывались; по временамъ она оглядывалась безпокойно, съ нетерпѣніемъ и злобой, со страхомъ, котораго боялась, чтобы не замѣтили.

— Полина! сказала она наконецъ довольно рѣзко дѣвушкѣ, которая опять начала пересматривать портреты. — Да полно ходить изъ угла въ уголъ, матушка. Точно ты преступленіе какое сдѣлала и не знаешь куда спрятаться. Чего ты все перелюбуужена?

— Нисколько, Боже мой! Съ чего вы взяли? возражала съ досадою дѣвушка.

— Сядь, займись чѣмъ-нибудь. Работа, вѣдь, съ тобой?

— Со мной.

— Ну, и садись къ окошку, шей.

Полина достала изъ кармана крошечный свертокъ батиста, вышитый на клеенку и принялась за англійскій шовъ.

Стукъ кареты у подъѣзда и затѣмъ торопливое движеніе въ прихожей прервали эти занятія. Аделаида Григорьевна побѣжала встрѣчать княгиню.

Княгиня была старуха еще бодрая, хотя уже согнутая, не смотря на корсетъ, постоянно поддерживавшій стройность ея талии; она была когда-то хороша собою, о чемъ въ настоящее время догадывались только особы, желавшія сказать ей комплиментъ; тѣ же, которые не испытывали этого желанія или этой необходимости, находили, что остатки прошлой красоты, орлиный носъ, пристальный взглядъ слегка прищуренныхъ глазъ, гордо и таинственно сжатые губы, придавали фижономин княгини что-то нестерпимо кислое, съ перваго взгляда располагающее не отыскивать болѣе никакихъ красоть княгини, ни физическихъ, ни нравственныхъ. Руки у нея были маленькія, богато украшенныя кольцами, заставлявшими обращать на нихъ

вниманіе; гордясь ихъ милостивостію смолоду, княгиня не думала о дѣйствіи сокрушающаго времени, а всего менѣе о томъ, что нѣтъ ничего противнѣе высохшихъ пальцевъ, на которыхъ морщится и желтѣетъ кожа, что это безобразіе нельзя ничѣмъ ни скрыть, ни исправить, что всякое украшеніе, кружевныя маншеты или дорогія кольца только дѣлаютъ ихъ болѣе похожими на что-то мертвое и чисто приборанное. Княгиня не носила яркихъ цвѣтовъ, но еще не отказалась отъ цвѣтныхъ лентъ; она не скрывала своихъ лѣтъ, но не любила говорить о нихъ, замѣчая, что, пожалуй, есть и молодыя женщины охотницы записываться въ старухи, но что это лѣнницы, неряхи, и въ подтвержденіе этому, княгиня добавляла всегда, что эти женщины несчастны въ семейной жизни и мужья скоро ихъ разлюбили. Была ли счастлива въ своей семейной жизни княгиня, этого никто не помнилъ. Она овдовѣла давно, выросила семью, отдала замужъ двухъ дочерей, женила сына и похоронила всѣхъ. Вдова сына жила съ нею недолго; это была женщина слишкомъ незамѣчательная и совершенно исчезающая передъ своею свекровью; съ ней мало кто говорилъ, встрѣчая ее, и то довольно рѣдко, въ гостиной княгини; когда она, вскорѣ послѣ мужа, переселилась за нимъ въ вѣчность; о ней не говорилъ никто, тѣмъ болѣе потому, что сама княгиня ясно выражала, что эти воспоминанія не приносятъ ей удовольствія, а въ утѣшеніяхъ она не нуждается. Характеръ княгини былъ силенъ и непоколебимъ никакими утратами; ея знакомые, братья, ставили его въ примѣръ всѣмъ страждущимъ и огорченнымъ. «Перенести ничего, говорили они, но не потеряться, не потеряться!» Княгиня никогда не терялась. Впрочемъ, по смерти сына и его жены, у нея осталось утѣшеніе, шестилѣтній внукъ, князь Иванъ Петровичъ, послѣдняя и единственная отрасль князей Десятовыхъ, и еще восемнадцатилѣтняя дочь, княжна Агрипина, которую княгиня тѣмъ же годомъ выдала замужъ. Отъ двухъ старшихъ дочерей не оставалось потомства, одинъ изъ зятей скоро утѣшился и опять женился, другой почему-то никогда не посѣщалъ княгини. Материнское чувство княгини было вполне удовлетворено блистательнымъ супружествомъ княжны Агриппины; правда, графъ Теженецкій былъ немножко старъ, немножко разоренъ, но послѣднее есть несчастье, встрѣчающееся такъ часто, что пора перестать считать его несчастіемъ, а огорченіе имѣть мужа втрое старше себя есть только надежда скорого освобожденія и независимаго

положенія въ свѣтъ. Эта надежда, впрочемъ, не вполне сбылась для графини; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, судьба наградила графа Теженецкаго наследникомъ, Васей. Въ настоящее время, графиня Агриппина уже другой годъ лѣчилась на какихъ-то водахъ за границей; мужъ ея нашелъ необходимымъ посѣтить свое имѣніе, и мальчикъ остался на попеченіе бабушки. Онъ былъ помѣщенъ въ Москвѣ въ блестящемъ пансіонѣ, гдѣ приготовляли его къ поступленію въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ слѣдовало представителю аристократическаго имени. Всѣ знакомые и родные, называвшіе Васю «Веніаминомъ семейства», увѣряли себя и княгиню, что она страстно любитъ этого Веніамина, хотя вся долгая жизнь княгини служила вѣрнѣйшимъ доказательствомъ того, что она никогда и никого страстно не любила. Она даже не считала за нужное пользоваться этою репутаціей любящаго сердца, которую хотѣли ей составить, и очень добросовѣстно не высказывала никакой чувствительности. Она осталась вѣрна этому правду даже въ отношеніи къ князю Ивану Десятову, внуку, носившему ея имя, гвардейскому гусару, о красотѣ котораго твердилъ ей кто, только могъ, полагая доставить ей удовольствіе. Считала ли она красоту и блескъ какъ нѣчто должное, «въ порядкѣ вещей» въ своей фамиліи, желала ли она чего-нибудь большаго, хотя бы, казалось, княгиня Катерина Петровна была не способна создавать себѣ идеалы, но и съ княземъ Иваномъ она была постоянно сосредоточенно-холодна и необщительна. Со всѣмъ тѣмъ, она баловала его и теперь, и въ дѣтствѣ, такъ же какъ Васю, самымъ отвратительнымъ баловствомъ, основаннымъ на приличіи, на «такъ должно». Ни тотъ, ни другой не знали не только лишеній, но ни въ чемъ отказа; ихъ долги платились, ихъ шалости скрывались, объ ихъ дурныхъ свойствахъ не смѣлъ никто заикнуться, словомъ, они были ограждены отъ общественнаго мнѣнія. Княгиня знала все, что они дѣлали дурнаго; она была умная женщина, и понимала, что ея внуки поступаютъ дурно; она даже не оправдывала ихъ, но все, совершаемое въ ея семействѣ и во всей огромной семьѣ аристократіи, къ которой принадлежала она и ея близкіе, княгиня считала за непреложное, неизбежное, такое, чего простые смертные, дерзающіе возводить взоры на такую высоту, не должны были смѣть помыслить даже анализировать, не только осуждать. Это была не гордость, чувство слишкомъ опошленное, не сознаніе своего

достоинства, другое чувство, для котораго нужна работа разбора, трудъ слишкомъ утомительный для аристократической головы, это было что-то перешедшее изъ нравственнаго въ физическое ощущеніе: княгиня чувствовала себя княгиней такъ же просто какъ люди чувствуютъ, что у нихъ есть руки и ноги. Конечно, она не одна изъ всей своей породы такъ ощущала свое превосходство; но у другихъ оно еще не достигало такого совершеннаго развитія. Другіе были обходительны, признавая учтивость добродѣтели; сострадательны, потому что въ дѣтствѣ читали у Беркена о жалости къ животнымъ; способны расчувствоваться хотя нервически. Княгиня вѣрила въ существованіе нервовъ (конечно, только у людей ея породы), но ея постоянно цвѣтущее здоровье оградило ее отъ слабостей этой ложной чувствительности; животныхъ она никакихъ не любила, а потому не имѣла надобности думать объ ихъ страданіяхъ; что же касается до обходительности, княгиня очень справедливо сочла бы ее не нужнымъ лицемѣриемъ, еслибы потрудилась даже подумать о ней. Она не считала, что остальные люди подобны ей, но только поставлены ниже: для нея они, просто, составляли отдѣльный міръ, Богъ его знаетъ какъ устроенный, но съ которымъ ни она, ни существа ея породы не имѣли ничего общаго. Она видѣла и вполне знала, что *тѣ*, другіе смертные, живутъ, трудятся, терпятъ нужды; но вникать въ эту жизнь, обращать вниманіе на этотъ трудъ, прислушиваться къ голосу этой нужды, она сочла бы (еслибы даже потрудилась объ этомъ подумать) совершенно бесполезнымъ безпокойствомъ. Какъ женщина, получившая воспитаніе, хотя читающая только французскіе романы, она знала, что есть ученые, посвятившіе себя изысканіямъ по разнымъ отраслямъ естествознанія, и хотя не знала ни строки ихъ трудовъ, но отзывалась о нихъ съ уваженіемъ; напротивъ, и романы, и политико-экономическія статьи, гдѣ дѣло шло о мелкой породѣ человѣчества, вызывали ея глубокое пренебреженіе; какъ сказки, она еще выносила произведенія иностранной литературы, но свое, отечественное, приводило ее въ негодованіе. Последнее случилось, впрочемъ, всего раза два во всю жизнь княгини, когда кто-то изъ ея московскихъ знакомыхъ навязалъ ей прочесть русскую книгу. Негодованіе княгини было справедливо вызвано и грубостію выраженій, и грубостію изображеній, выставленныхъ, какъ находила она, не только нецеремонно, но навязчиво. Она не удивилась имъ: какъ женщина умная,

опытам и не лицемерная, она не скрывает, что знает существование всѣхъ этихъ золъ и этой грязи, но произнесла какъ олимпийское божество, возмущенное въ своемъ величїи: «Чего же они отъ насъ хотятъ со всѣмъ этимъ?»

Отъ княгини никто не хотѣлъ ничего, то-есть хотѣли очень много и многіе, но всѣ сознавали тщету всякихъ надеждъ и требованій. Въ нихъ упорствовала только одна особа: Анна Федоровна Абарова, жена мелкаго, спившагося съ кругу чиновника, но особа, получившая воспитаніе насчетъ какихъ-то благодѣтелей въ одномъ изъ высшихъ заведеній. Это было, конечно, давно; Анна Федоровна была бѣдная дѣвушка, благодѣтели поспѣшили выдать ее замужъ; хорошо, что плодомъ этого брака была одна только дочь Полина. Беспорядочная жизнь мужа, неумѣнье жены взяться за что-нибудь въ хозяйствѣ сдѣлали нищету неизбѣжной; разница воспитанія, грубый характеръ одного и обидное важничанье другой, сдѣлали семейную жизнь ужасною. Чтобы отдохнуть, Анна Федоровна стала уходить изъ дома и уводить съ собой свою дѣвочку. Ея знакомства всѣ были самыя аристократическія, то бывшіе благодѣтели, то друзья ихъ, то институтскія подружки. Въ этихъ домахъ она находила прїютъ и комфортъ, котораго лишена была дома, слышала свѣтскій разговоръ, толки о пустякахъ, которые давали хотя на время забыть домашнія неприятности. Эти неприятности и нужда казались вдвое тяжелѣе послѣ дня, проведеннаго въ постороннемъ домѣ. Анна Федоровна перестала жить дома; она стала уходить съ утра и возвращаться только къ ночи, не заботясь, что дѣлалъ ея мужъ въ это время. Но возвращеніе въ этотъ грязный, чаще всего нетопленный уголь, было такъ неприятно, что Анна Федоровна стала запаздывать къ гостяхъ и тѣмъ добиваться приглашеній ночевать. Добрые люди, которымъ она разказывала свое положеніе, платили за ея квартиру, дарили ей деньги и платье. Ей совѣтывали брать къ себѣ ученицъ, но присылать дѣтей въ домъ Абаровыхъ было невозможно, а самой ходить давать уроки, Анна Федоровна отказывалась, говоря, что разстроена и не въ состоянїи заниматься даже своею дѣвочкой. Когда Полинѣ минуло девять лѣтъ, Анна Федоровна нашла благодѣтелей, которые помѣстили ее въ пансіонъ. Пока дочь воспитывалась, мать вела свою кочующую жизнь; послѣ выпуска, она взяла дочь къ себѣ и уже болѣе года онѣ вдвоемъ странствовали по аристократическимъ

домамъ, гдѣ Полина находила сверстницъ и совоспитанницъ, какъ прежде ея мать.

Въ это утро, онѣ начинали свой день у княгини Десятовой, еще не зная, гдѣ его кончатъ. Полина не думала объ этомъ положительно, но въ голову Анны Федоровны запали разныя соображенія, вмѣстѣ съ другими тревогами, мѣшавшія ей читать спокойно. Шумъ въ залѣ, возбужденный прїѣздомъ княгини, снова перенесъ ея вниманіе на дочь.

— Не прыгай, сдѣлай милость, не вылетай на встрѣчу; тамъ есть кому подслуживаться, сиди и шей.

— Устали? спросила входившую княгиню Аделаида Григорьевна; рисуясь среди залы въ своихъ бѣлыхъ драпировкахъ.

— Немного, отвѣчала княгиня, входя и развязывая ленты шляпки, которую Аделаида Григорьевна поспѣшила взять и передала приближавшей горничной. — Да я еще вздумала захватить въ пансіонъ за Васенькой, привезла тебѣ гостя.

— Какъ, Базиля отпустили? вскричала Аделаида Григорьевна съ восторгомъ.

— Отпустили, отпустили, ура! закричалъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, внукъ княгини, бѣленькій, худенькій, въ неуклюжей форменной курткѣ, выбѣгая изъ прихожей.

Онъ съ громомъ бросилъ на полъ связку книгъ и кинулся на шею Аделаидѣ Григорьевнѣ.

— Адель, душка, ваканція, ваканція! кричалъ онъ, цѣлуя ее и кружа по залѣ:—ваканція, мы съ вами уѣдемъ, гулять будемъ, *vive la vacances!*

— Вася, да не шуми! сказала княгиня:— Адель, уйми своего баловня. Какъ онъ тебя любитъ, въ самомъ дѣлѣ!

— О, у него золотое сердце! сказала Аделаида Григорьевна.

— Ступай, переодѣнься и приходи завтракать, продолжала княгиня, — Адель, спроси же...

Но ея приказаніе было предупреждено; длиннѣйшій лакей подалъ нѣсколько просвиръ и молитвенникъ въ бархатномъ переплетѣ.

— Ты еще ничего не кушала? спросила княгиня, садясь къ чайному столу.

— Ахъ, какъ можно, я васъ ожидала.

— Вася, ступай же, мой милый, переодѣнься.

— Вы для меня такъ нарядились сегодня? спросилъ Вася Аделаиду Григорьевну: — я могу спросить у вашей субретки что мнѣ нужно, гребни, щетки, бѣлье?

— Кто же объ этомъ говорить, ахъ, Вася! прервала съ негодованіемъ княгиня:—что у тебя за манеры, мой милый!

— Можете, все можете, сказала Аделаида Григорьевна съ очаровательною улыбкой.

— Чему ихъ учать! замѣтила княгиня, когда убѣждалъ Вася.

— О, да вѣдь онъ дитя!

— Дитя, конечно... что касается до понятій, то это конечно, такая невинность...

— Здравствуйте, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна входя.

Полина слѣдовала за нею.

— А, вы уже здѣсь... здравствуйте, отвѣчала княгиня, наливая сливки въ свою чашку.

Аделаида Григорьевна, набожно преглотивъ кусочекъ просвиры, налила себѣ чаю и начала дѣлать тартинку. Здѣсь, во всей красотѣ выказывались ея руки, открытыя до локтявъ рукавахъ пеньюара, украшенныя четками и браслетами и слегка синеватой бѣлизны. Къ величавости своихъ движеній, за хозяйственнымъ занятіемъ, она старалась присоединить и милую, граціозную неловкость, понимая, что за хозяйственнымъ занятіемъ вполнѣ ловки только экономки. Она не могла приняться за завтракъ, безпокоясь о Васѣ, и вышла узнать, все ли, что нужно, дали этому милому мальчику.

Она застала Васю у дверей своей комнаты, гдѣ онъ наступательно приставалъ къ ея горничной.

— Подай, говорю тебѣ, подай мнѣ бѣлила, которыми мажется твоя барышня! она сама велѣла.

— Такъ я пойду, сама у ней спрошу... Василій Васильевичъ! Ваше сіятельство, пустите!

— Что ты раскричалась? что вы спрашиваете, Basile? сказала, появясь, Аделаида Григорьевна.

— Какъ же, Адель, я требую, чтобъ она отворила мнѣ вашу комнату. Я хочу быть въ вашей комнатѣ! я не хочу другаго зеркала какъ ваше, Адель! А она не пускаетъ!..

— Что же вамъ въ моей комнатѣ? спросила Аделаида Григорьевна, безъ гнѣва, съ тонкою улыбкой.

— Ахъ, ничего, но это ваша комната, мнѣ тамъ хорошо...

Аделаида Григорьевна взглянула на горничную.

— Тамъ убрано, отвѣчала она, улыбаясь тоже.

— Ну, идите, шалунъ, сказала Аделаида Григорьевна.

Войдя вслѣдъ за мальчикомъ, она слѣдила за нимъ, какъ онъ бросился перебирать вещи на ея туалетномъ столѣ.

— Чего вы ищете? спросила она.

— Слѣдовъ вашей руки.

Аделаидой Григорьевной овладѣло глубокое чувство; она обняла своего баловня и на глазахъ ея показались слезы... Въ залѣ раздался звонокъ.

— Княгиня васъ просить, проговорилъ сумрачный голосъ лакея за дверью.

Аделаида Григорьевна вышла, вздыхая.

— Милая моя, сказала княгиня, ожидавшая за чайнымъ столомъ:—я хочу чаю.

Она передала ей свою пустую чашку. Аделаида Григорьевна принялась угощать княгиню, выражая на лицѣ нѣчто въ родѣ восторга, который доставляли эти заботы. Княгиня кушала съ аппетитомъ, возбужденнымъ усталостью и раннею утреннею прогулкой.

— Намъ хорошо будетъ ѣхать, если все будетъ такая погода, сказала она Аделаидѣ Григорьевнѣ.

— Вы когда собираетесь выѣхать, княгиня? спросила Анна Ѳедоровна.

Аделаида Григорьевна быстро взглянула на нее, удивленная смѣлостью подобнаго вопроса. Княгиня помедлила отвѣтомъ.

— Дня черезъ три, черезъ четыре. Merci, ma chère, сказала она Полинѣ, угадавшей ея желаніе и передавшей ей тартинки.

Анна Ѳедоровна взглянула на дочь. Онѣ не ужинали наканунѣ, а теперь въ ихъ глазахъ завтракали, не предлагая имъ.

— Дай и мнѣ пирожокъ, Полина, сказала она: — да съѣшь что-нибудь сама; ты голодна, я думаю.

Полина вспыхнула.

— Возьми же, настаивала мать.

— Я не хочу, прошептала она.

— Развѣ вы не пили чаю? спросила княгиня.

— Нѣтъ! отвѣчала Анна Ѳедоровна рѣзко, и также вспыхнувъ.

— Вы бы сказали; вамъ нальютъ, продолжала княгиня равнодушно:—дай имъ чаю, Адель.

Аделаида Григорьевна встала чтобы велѣть подать чашки. Вставая, съ преувеличенною поспѣшностью, съ нетерпѣніемъ, она заставила совершиться нѣсколько несчастій: окунула рукавъ пеньюара въ полоскательную чашку, уронила нѣсколько ложечекъ, что произвело громъ, съ шумомъ откатила свое кресло и зацѣпилась за него юбкой, наконецъ, устремляясь

къ двери, наткнулась на книги Васи, лежавшія на полу. Все это случилось будто ненарочно, но было какъ нельзя болѣе кстати, чтобы дать понятіе о хлопотахъ и затрудненіяхъ, съ которыми было сопряжено обстоятельство, повидному, простое — налить двѣ чашки чая. Тѣ, для кого назначался этотъ чай, должны были понять все, чему онѣ были причиною.

— Ты могла бы позвонить, сказала княгиня, равнодушная къ бѣдамъ и чувствамъ компаніонки и гостей:—прикажи, прикажи прибрать это.

Она показала на книги.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, grand'maman, вскричалъ прибѣгая Вася:—этого безъ меня не сдѣлаютъ. Ничего, grand'maman, если онѣ тутъ одну минуточку...

— Среди комнаты?

— Такъ я отнесу къ себѣ, сейчасъ отнесу... Посмотрите какъ тяжело, вы не поднимете, grand'maman, а я поднимаю. Bonjour, Анна Федоровна... Анна Федоровна, попробуйте, поднимите. Да попробуйте, приставалъ онъ, бросивъ связку опять на полъ и прикатывая ее къ ногамъ Анны Федоровны,—нагнитесь: вѣдь вамъ ничего нагнуть, вѣдь вы безъ корсета, Анна Федоровна...

— Базиль! прервала княгиня.

— Ахъ, grand'maman, я знаю, что я въ своемъ семействѣ, и вы извините; я думаю, что въ моемъ семействѣ я могу что хочу дѣлать, что придетъ въ голову. Вы замѣняете мнѣ мою мать, grand'maman. У васъ нѣтъ скамейки подъ ногами, grand'maman.

И вихремъ промчавшись въ гостинную и назадъ, онъ принесъ скамейку и поставилъ ее подъ ноги княгини.

— Теперь я могу пить чай спокойно.

— Имѣйте терпѣніе, сказала ему тихо Аделаида Григорьевна, выразительно передавая лакею чашки и указывая взглядомъ на Анну Федоровну и Полину.

— Анна Федоровна, вы уже давно здѣсь? спросилъ Вася.

— Давно, отвѣчала она, закусивъ губы.

— Вы пришли обѣдать, Анна Федоровна? Ахъ, grand'maman, я о васъ думалъ вчера. Жена нашего инспектора возвратилась изъ-за границы. Сколько прелестныхъ вещей она навезла; кружева, полотно, des petit riens! Надѣюсь, что маменька тоже много привезетъ, когда возвратится.

— А вы знаете, чего стоить провозъ? сказала Анна Федоровна.

— Ничего не стоить, немножко контрабанды, немножко половчѣе быть въ таможнѣ,—но это совсѣмъ вздоръ. Надо не имѣть ловкости на волосъ, чтобы не умѣть этого сдѣлать.

— А честности надо вовсе не имѣть, возразила Анна Федоровна:—неужели ужъ богатые люди, которые имѣютъ возможность закупать за границей разную дрянъ, совсѣмъ разорятся, если заплатятъ за нее по закону? Постыдились бы, право!

— Да если законъ нелѣпый...

— Вася, я тебя прошу этого не говорить, прервала княгиня, очевидно недовольная споромъ, но не внукомъ:—будь осторожнѣе.

— Grand'maman, да что же, это ничего. Если я дамъ что-нибудь какому-нибудь чиновнику, онъ этому будетъ радъ и провезу что угодно; надо же давать жить маленькимъ людямъ; дать имъ что-нибудь—доброе дѣло; они всѣ воры, вѣдь они чѣмъ же живутъ какъ не этимъ?

— Надо же какъ-нибудь жить, возразила Анна Федоровна, раздраженная:—не догадаются люди помочь, такъ самъ возьмешь, пожалуй, и украдешь.

— Ахъ, Анна Федоровна, такъ вы способны украсть? спросилъ мальчикъ.

Аделаида Григорьевна разсмѣялась. Княгиня слушала невозмутимо и завтракала.

— Украсть не украду, не знаю, отвѣчала Анна Федоровна,—а потеряй кто-нибудь изъ богачей бумажникъ, и случись мнѣ найти, не отдамъ.

— Ура! вскричалъ Вася, хлопая въ ладоши:—но это все равно, кража.

— Все равно, кто потерялъ, такъ потерялъ, продолжала Анна Федоровна:—богатому вздоръ, потерять; такъ только, отъ нечего дѣлать плачутся. А мнѣ что же,—найди я, въ *Поллицейскихъ Вѣдомостяхъ* еще пропечатывать что я нашла? У меня нѣтъ денегъ для типографіи. А тамъ идти, получать три цѣлковыхъ награжденія.

— А кстати о вѣдомостяхъ, прервала княгиня:—ты читала вчера, Адель, о дешевыхъ товарахъ?

— Да, я.

— Гдѣ же это, я не помню?

Аделаида Григорьевна сказала адресъ лавки, въ одномъ изъ самыхъ темныхъ закоулковъ города.

— Это бы надо было посмотреть... Жаль, я велѣла отложить карету.

— Ахъ, княгиня, вамъ самимъ!

— Нѣтъ, ты бы могла.

Аделаида Григорьевна опустила глаза.

— Впрочемъ, продолжала княгиня:— Анна Федоровна, сходите въ городъ; тамъ, вотъ вамъ скажутъ... Мнѣ въ прошломъ году, Адель...

— Нѣтъ, я не покупала, княгиня...

— Такъ это значить, еще въ заврошломъ году, мнѣ M^{lle} Georgette брала тафту, мелкими клѣтками. Не знаю въ какой лавкѣ. Мнѣ не достаетъ нѣсколько аршинъ, и я потому и не дѣлала платье. Найдите и прикупите.

— Еще нужно разныхъ мелочей для деревни, замѣтила Аделаида Григорьевна.

— Ахъ, да, pour les femmes de chambre, на платье имъ и подарки. Ты, кажется, записала, Адель?

— Да; я тоже записала, что нужно изъ мелочи.

— Ты меня съ ума свела всѣми этими спицами, тесемками... Сходите, Анна Федоровна, вамъ Адель дастъ рецептъ.

Княгиня встала и вышла.

— Анна Федоровна лучше поторгуется, найдетъ дешевле, сказала Аделаида Григорьевна, запирая сахарницу.

— А вы сами, развѣ не можете поторговаться? возразила Анна Федоровна.

— Но если это ужъ вашъ талантъ, ваша профессія? вмѣшался Вася.— Для меня, я не знаю, это отвратительно, эти купцы, лавки темныя; васъ тащутъ, кричатъ... Тамъ просто воруютъ изъ кармана, грабятъ... Вы слышали, Анна Федоровна, на дняхъ, тоже на дешевомъ товарѣ, одну барыню задушили до смерти; вы слышали?

— Шалунъ! сказала Аделаида Григорьевна, проходя и щекотая его пальцемъ за шею.

Вася завизжалъ; Аделаида Григорьевна схватила его обѣими руками за голову и принялась цѣловать; она прервала это занятіе, когда послышался голосъ княгини въ гостиной.

— Анна Федоровна!

Княгиня приближалась, держа въ рукахъ нѣсколько развѣнутыхъ ассигнацій.

— Вотъ деньги. Гдѣ же реэстръ, Адель?

— Я возьму извозчика, княгиня, сказала Анна Федоровна—это такая даль.

— Утромъ полезно ходить, замѣтилъ Вася.

— И не донесешь всего, тутъ столько покупокъ.

— Васъ можетъ человекъ проводить, замѣтила княгиня.

— Люди заняты, укладываются, возразила Аделаида Григорьевна.

— Да я и не люблю ходить куда-нибудь съ вашими людьми княгиня, сказала Анна Федоровна:—они такъ у васъ грубы что отъ нихъ ничего кромѣ непріятностей.

— Не сдѣлаютъ же онѣ вамъ непріятностей дорогой, возразила княгиня невозмутимо:—впрочемъ, какъ хотите.

— Но вѣдь съ вами будетъ Полина? вскричала Аделаида Григорьевна, будто обрадовавшись внезапной мысли.

— Довольно, что мнѣ бока натолкаютъ, возразила Анна Федоровна:—моя дочь не хуже кого-нибудь, чтобъ я стала ее водить по толкучкамъ.

— Возьмите извозчика оттуда, прервала княгиня и ушла въ свою комнату.

Анна Федоровна надѣвала шляпку.

— Ты останься здѣсь, сказала она дочери:—чтобы мнѣ знать гдѣ тебя найти... сегодня, вотъ еще неожиданная прогулка. Не уходи никуда.

— Развѣ М-ше Pauline тоже ходитъ по своимъ знакомымъ? спросилъ Вася.

— Я за тобой зайду, продолжала Анна Федоровна дочери:—мнѣ еще одна мысль пришла въ голову.

— Вы деньги, что останутся, мнѣ принесите, сказала ей Аделаида Григорьевна.

— Ахъ Боже мой, конечно, не себѣ возьму! Полина, дай мнѣ твой зонтикъ; въ двѣнадцать часовъ прогуливаться, всю голову пропечетъ...

— Оттого, что вы носите шляпку на затылокъ, ея жесть реэзонне, Анна Федоровна, замѣтилъ Вася.

— Гдѣ же зонтикъ?

— Не знаю... проговорила Полина, ища по угламъ.

— Ахъ, развѣ это вашъ былъ, безъ ручки? сказалъ Вася:—

я не зналъ, я отдаю тамъ, дѣвушка... Но это ужасъ, зонтикъ безъ ручки!

Анна Федоровна вышла въ волненіи.

— Анна Федоровна, закричалъ ей вслѣдъ Вася: — берегитесь, тамъ, я сейчасъ выглянулъ, туча ужасная, гроза будетъ, всю, всю измочить, Анна Федоровна! Я говорю изъ участія къ вамъ, воротитесь, вы такъ боитесь грозы! На васъ не останется нитки сухой, Анна Федоровна, adieu la toilette!

Онъ перевѣсился въ окно и кричалъ на улицу.

— Гдѣ вы видите тучу? гдѣ вы видите тучу? сказала Аделаида Григорьевна, смѣясь и схвативъ его за плечи.

Вася взвизгнувъ, перевернулся и очутился въ объятіяхъ компаніонки. Она остановила его, отбѣжала игриво и остановилась, видя что ея не преслѣдуютъ.

— Куда вы уходите, Адель?

— Одѣваться, сказала она; — вы видите, что я не одѣта; кто же до зари одѣвается?

Хотя никто не спрашивалъ послѣдняго поясненія, но Аделаида Григорьевна сочла нужнымъ прибавить его, взглянувъ на Полину, и вышла.

Вася какъ-то сконфузился, оставшись одинъ съ Полиной. Полина была смущена не менѣе, но смущеніемъ совѣтъ другого рода: ей было неловко отъ всего, что было передъ ея глазами, она чувствовала себя униженною, она была сердита на мать. Все это сильно чувствуется во всякомъ возрастѣ, а Полина была еще въ возрастѣ преувеличенія всякаго чувства. Къ тому же, она думала то, что мать ея, хотя къ ея величайшей досадѣ, выговорила вслухъ: «что она не хуже кого другого». Ея маленькое сердце закипѣло. Ему давно и часто случалось такъ кипѣть всякій разъ, когда мать, или бѣдность, или чужое невниманіе ставили ее въ положеніе подобное положенію этого утра, но Полина была еще слишкомъ молода, чтобы нечавидѣть весь этотъ свѣтъ, гдѣ, иногда, изъ состраданія или изъ прихоти, и ей позволяли брать маленькую долю удовольствія, гдѣ, случалось, ей говорили, что она не дурна: она не тратила своего сердца: а мелочь, на зависть, безпильную, одуряющую и бесполезную; она съ увѣренностію спрашивала себя, почему же и ей не быть тѣмъ же что другіе, не имѣть тѣхъ же средствъ, той же роскоши, этихъ правъ презирать всякаго, кто одѣтъ бѣдно; почему же и ей не блестятъ, когда у ней есть и воспитаніе, и свѣтскія манеры?

Мать много мѣшала ей своими рѣзкостями и жалобами, но онѣ еще лучше учили Полину притворяться и скрывать всякое волненіе; послѣ выходовъ матери передъ посторонними, она смотрѣла такъ спокойно, такъ непроницаемо, иногда такъ насмѣшливо, какъ будто сама вмѣстѣ съ посторонними осуждала эту вѣчно чѣмъ-то недовольную женщину; если она и дозволяла иногда своему лицу выразить утомленіе или страданіе, то ровно на столько, чтобы посторонніе свидѣтели могли назвать ее жертвой не деликатной матери.

Оставшись съ Васей одна, Полина взяла свою работу и сѣла у окна, не обращая вниманія на мальчика, какъ дѣлають всегда молодыя, но взрослые дѣвушки, которыя не терпятъ «подростковъ». «Подростокъ» — это утѣшеніе бабушекъ, забава старыхъ дѣвъ, восхищеніе приживалокъ. Полина занялась своимъ англійскимъ швомъ съ истиннымъ величіемъ.

Вася присмирѣлъ; въ немъ оставалось еще на столько ребячества, чтобы робѣть предъ тѣми, кто оказывалъ ему совершенное равнодушіе. Онѣ еще не умѣлъ понимать тѣхъ, кто не говорилъ съ нимъ и не давалъ ему правъ надъ собою, снисходя къ его шуткамъ или сердясь за нихъ. Какъ маленькій богачъ, онѣ высоко цѣнилъ нарядъ и въ особенности умѣніе носить его. На Полинѣ было старенькое платье, но шелковое и перешитое очень ловко, по модѣ; кружева воротничка и рукавовъ, хотя тканые, были безукоризненно свѣжи; она была къ лицу причесана, о чемъ всегда сильно заботилась, и выказывала кончикъ ножки, маленькой и красиво обутой. Вася разсмотрѣлъ все это, и, какъ человѣкъ, знающій всему цѣну, нашелъ недостойнымъ вниманія; но Полина смотрѣла такъ серьезно, чтобы не сказать презрительно, что онѣ почувствовалъ себя не въ духѣ. Привыкнувъ шалить и дурачиться, когда былъ на свободѣ, онѣ не умѣлъ никакъ держаться, когда надо было держаться порядочно, и только притихалъ и становился будто связанный. Въ настоящую минуту, онѣ выражалъ свое смущеніе тѣмъ, что пересаживался съ одного стула на другой.

Полина, работая, равнодушно подняла на него глаза.

— Вамъ угодно что-нибудь? спросилъ онѣ, вдругъ вскочивъ.

— Ничего, благодарю васъ... Но если вы уже встали, то дайте мнѣ ножницы; я ихъ забыла въ гостиной.

Вася пошелъ и принесъ ихъ очень тихо. Полина поблагодарила, молча. Онѣ сѣлъ противъ нея и молчалъ.

— Какая прелестная работа! сказалъ онъ наконецъ, осмѣлившись.

— Значить, вы незнаюкъ въ работѣ, возразила она.

— Я хотѣлъ сказать другое, но не смѣлъ. Я хотѣлъ сказать: такіа прелестныя ручки.

Полина была совершенно равнодушна, и не сказала ни слова.

— Вамъ много дано уроковъ на вакацію? спросила она черезъ минуту.

— Очень много, отвѣчалъ Вася, краснѣя.

— Значить, вамъ некогда будетъ и бѣгать.

— Я постараюсь найти время... Я буду много ѣздить верхомъ. Мой cousin Жанъ будетъ меня учить. Вы знаете, Жанъ въ годовомъ отпуску; grand'maman надѣется, что онъ пріѣдетъ къ ней въ деревню.

Полина продолжала шить.

— Жанъ отлично ѣздитъ, продолжалъ Вася, — вы его знаете?

— Какъ же не знать! Видала сто разъ.

— Ахъ, что же я спрашиваю! На нынѣшнихъ святкахъ, помните, у Mlle Мороновой былъ вечеръ, и вы тамъ были, и Жанъ еще танцовалъ съ вами. Вы, конечно, помните.

— Этого не помню. Столько было вечеровъ съ тѣхъ поръ, и я столько разъ танцовала!

— Жана нельзя не помнить, сказалъ Вася.

— Почему?

— Онъ такъ хорошъ, et puis, si distingué,

— Ему достанется все сестояніе вашей бабушки? спросила равнодушно Полина.

Вася покраснѣлъ.

— Какъ же она можетъ отдать ему одному все родовое имѣніе, когда есть еще наследница, моя маменька? сказалъ онъ.

— О, но вѣдь часть вашей маменьки бездѣлица какая-нибудь.

— А благопріобрѣтенное, а деньги, а вещи? И родовое — развѣ grand'maman не можетъ дать маменькѣ векселей? Надѣюсь, grand'maman этого себѣ на душу не возьметъ, чтобъ оставить насъ нищими. У насъ тоже аристократическое имя, которое мы должны поддержать. Это будетъ такая несправедливость со стороны grand'maman, которой я ей никогда не прощу. Мнѣ нельзя будетъ жениться порядочно... Конечно, если grand' a-maman станетъ тратить на разныя прихоти за благодѣнія, такъ

у нея немного что останется; впрочемъ, она ужь стара, grand'maman...

— У васъ много сосѣдей въ деревнѣ? спросила Полина.

— Нѣтъ... не знаю, Grand'maman незнакома. Рядомъ деревня Алексинскихъ.

— Катерины Александровны Алексинской, крестницы твоей гини?

— Да. Она тамъ никогда не живетъ.

— Знаю, у нихъ подмосковная.

Въ гостиной послышался шумъ; княгиня, кончивъ туалетъ, вышла изъ своей комнаты и усаживалась въ мягкія кресла, переставившись на столикъ, на который горничная поставила большой самшитовый сундучокъ съ бронзовыми гвоздиками. Княгиня вынула изъ него длинную полосу канвы и клубокъ шерстей, и принялась за работу, прислушиваясь съ минуту къ тому, что говорилось въ залѣ.

— C'est une charmante personne, Mme Алексинская, продолжалъ Вася.

— Да, et si distinguée avec cela, сказала Полина.

— Вася! кликнула княгиня.

Онъ приближался.

— Что вы тамъ дѣлаете, mon cher, одни? Подите сюда. Полина можетъ и здѣсь работать.

Княгиня не соскучилась тѣмъ, что была одна; одиночество никогда не бывало ей тяжело, потому что никогда, никто ничто изъ окружавшаго ее не было ей дорого и не обращало на себя ея вниманіе. Люди ей были нужны для услуги, для перерыва тишины въ комнатѣ, если тишина длилась слишкомъ долго; теперь, ей не были нужны ни Вася, ни Полина, но они должны были сидѣть здѣсь, въ ея гостиной, потому что она сидѣла въ своей гостиной.

Оба явились. Полина погрузилась въ мягкое кресло и шла задумчиво, поглядывая на лучи свѣта, игравшіе на стѣнѣ. Но что другое не удостоивалось ея взгляда, совершенно равнодушнаго.

— Покажите мнѣ, что вы дѣлаете, вдругъ сказала ей княгиня, нѣсколько минутъ смотрѣвшая на нее съ совершеннымъ отсутствіемъ мысли.

— О, это бадѣлица, княгиня! сказала Полина вставая и грубо выпрямляясь: — c'est pour une robe de dessous, прибавила она, понизивъ голосъ.

— Юбка? *c'est très-joli*, сѣла, узоръ; но вы прескверно шьете. Это за продажу?

— Нѣтъ, для себя, отвѣчала Полина серьезно.

— Для себя?.. повторила княгиня, взглянувъ на нее съ недоумѣніемъ: — ваша мать тоже что-то шьетъ, но она прекрасно шьетъ. Она на продажу?

— Нѣтъ, для меня, подтвердила Полина немного нетерпѣливо.

— Для васъ?.. Куда же вамъ шитыя юпки, та *sèpe*? Еще, положимъ, эта путаница,—ее никто не купитъ; а ваша мать могла бы свою работу въ магазинъ отдать.

— Мнѣ хочется имѣть хорошее шитье, сказала Полина вдругъ дѣтски игриво засмѣявшись, будто нечаянно бросивъ лукавый взглядъ на Васю и опять помѣщаясь въ кресло.

Княгиня опять съ недоумѣніемъ посмотрѣла на эту особу, желающую имѣть хорошенькое шитье, и занялась своею канвой.

— Ручьевы вчера уѣхали въ Петербургъ, сказала Полина.

— Кто? спросила княгиня, будто не разслышавъ.

— Княгиня Ручьева съ дочерью. Вѣдь онѣ ѣдутъ за границу.

— Невозможно, чтобъ онѣ уѣхали, возразила княгиня:—онѣ еще не были съ прощальнымъ визитомъ.

— Нѣтъ, уѣхали, увѣряю васъ. Мы провожали ихъ вчера въ дебаркадеръ. Но онѣ торопились; у нихъ уже мѣста взяты на пароскафъ. И притомъ, онѣ ѣдутъ не надолго, на четыре мѣсяца. Нынче вѣдь это такъ скоро, удобно. Онѣ непременно увидятъ графиню Агриппину, княгиня.

— Я не думаю, возразила княгиня, тономъ чѣмъ-то оскорбленнаго достоинства: — дочь моя намѣрена сдѣлать нѣсколько перѣѣздовъ по Германіи, а потомъ ѣхать въ Парижъ.

— Ахъ! онѣ тоже будутъ на Рейнѣ, въ Парижѣ.

— Лѣтомъ, въ Парижѣ пылъ да вонь, сказала княгиня.

— Конечно... вы такъ хорошо знаете Парижъ, княгиня, продолжала Полина:—*mais, toujours, une sorte de petite excursion artistique*, это имѣетъ свою занимательность, — *les musées, les promenades...* Княжны общали мнѣ много, много писать, цѣлыми тетрадами...

— Вы ихъ попросите, чтобъ онѣ афраншировали свои письма, замѣтилъ Вася очень серьезно.

— *Oui, autrement cela vous coûtera les yeux de la tête* ваша дружеская переписка! сказала княгиня разсмѣявшись.

Полина закусила губы; ея зеленые глазки сверкнули.

— Я имъ когда-нибудь заплачу тѣмъ же, возразила смѣясь тоже, и такъ непринужденно, будто отвѣчала шутку.

— Вы собираетесь тоже за границу? спросилъ Вася, котораго присутствіе бабушки возвратило смѣлость.

— Почему же нѣтъ, отвѣчала Полина съ краткимъ и скромнымъ достоинствомъ: — развѣ изъ особъ, которыя такъ добры, что не скучаютъ моимъ обществомъ, не можетъ кто-нибудь взять меня съ собою, чтобы и я могла видѣть то же, что другіе?

— Почему вы не поѣхали съ Ручневыми? спросилъ серьезно Вася.

— Ихъ поѣхало такъ много, отвѣчала Полина краснѣя, что я была бы лишняя.

— Ахъ, тѣмъ больше компанія, тѣмъ лучше, тѣмъ дешовѣе вскричалъ Ваня:—*ouïl y a pous trois, il y a pous quatre*, известная поговорка. Неправда ли, *grand'maman*? И я нахожу, что со стороны княженъ это такой эгоизмъ, такая неделикатность не приглашать *Mlle Pauline* съ собою... Это доказываетъ, что у нихъ нѣтъ истинной дружбы. Истинная дружба—это отгадывать всѣ наши тайныя, малѣйшія желанія. Онѣ, вѣроятно, видѣли, что вамъ хочется ѣхать—ну, чтѣ бы стоило? Дорогой, вы бы могли даже быть имъ полезною... Это бы ихъ нисколько не стѣснило. Еслибъ это были люди, которые значать что-нибудь, которые могутъ принимать, жить открыто, на которыхъ указываютъ однимъ словомъ, *à la princesse Ручневъ*, раззорившаяся, бывшая не-знаю-кто; ее не можетъ компрометировать кого бы ни встрѣтили у нея. Эта княгиня преспокойно могла бы представить васъ какъ свою племянницу...

— Вася! прервала княгиня нетерпѣливо, но ласково, такимъ тономъ, какимъ останавливаютъ ребенка, который ужъ слишкомъ развозился.

— Что же, *grand'maman*, зашумѣлъ Вася:—я нахожу, что совершенно правъ, а тутъ совсѣмъ другое: это, просто, за вистъ. *Mlle Pauline est une charmante personne*, гораздо лучше княженъ, *Mlle Pauline* любезна, умна...

— Вася, развѣ говорятъ въ глаза такія вещи, прервала княгиня, смѣясь.

— Ахъ, *grand'maman*, я такъ друженъ съ *Mme Pauline*, что она, надѣюсь, мнѣ извинить, *Mlle Pauline* прелестна, но у нея нѣтъ состоянія, и потому эта дрянъ, эти полуаристократы...

и позволяютъ себѣ оскорблять... Это ужъ признакъ, отмѣтка нѣрвльскочекъ.

— Vous voilà dans une qelle fureur! Venez m'embrasser, заключивъ княгиня, опуская свою длинную полосу канвы.

Вся не преминулъ запутаться въ ней ногами, цѣлуя ручку княгини, затѣмъ покатались на полъ клубки и произошла суматоха. Среди суматохи раздался звонокъ и докладъ лакея:

— Катерина Александровна Алексинская.

Внѣ бросился вонъ со всѣхъ ногъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Принимать! сказала княгиня:— да подбегите все это ма шѣге, прибавила она съ злымъ нетерпѣніемъ, обратясь къ Полинѣ.

Полина исполнила приказаніе медленно, величаво и хладно; она даже съ небольшимъ пренебреженіемъ бросила на полъ всю спутанную работу княгини и опять, уютно сжавшись въ креслѣ, принялась за свою.

II.

— Bonjour, mon chou, сказала княгиня, вставая навстрѣчу своей гостьѣ.

— Bonjour, chère maman, отвѣчала гостья, наклоняясь и поцѣлуя княгини поцѣлуй въ лобъ, и протянула руку Полинѣ:— Bonjour, chère Mlle Pauline.

Гостья была крестница княгини, очень молодая женщина и чрезвычайно хорошенькая. Она была слишкомъ милостива для себя, чтобы назваться красавицей; черты ея лица, хотя правильныя, были какъ-то особенно нѣжны, мягки; большіе каріе глаза прятались въ густыхъ рѣсницахъ, но эти рѣсницы не были ни ярко черны, ни длинны, и во взглядѣ не было энергіи; маленький ротъ, полныя губы, круглый подбородокъ были совершенно дѣтскіе. Ростъ не много ниже средняго, привычка наклонять талию впередъ, какъ у дѣвочекъ, которыхъ еще учатъ красоваться, нѣсли свою особенную грацію и какъ нельзя лучше шли къ чертамъ лица; но въ этой граціи не было уже нисколько изысканнаго «величія пріемовъ и осанки», cette dignité de maintien, о которомъ такъ сильно хлопочутъ въ воспитаніи дѣвицъ, часто бывая, что при многихъ физическихъ условіяхъ, это «величіе» выходитъ забавно. Какъ-то инстинктивно понявъ, что

была бы забавна, молодая женщина, вопреки гувернанткамъ осталась вѣрна своимъ врожденнымъ привычкамъ. Особу другаго круга осудили бы; о Катеринѣ Александровнѣ говорили что у нея «предестныя манеры котенка», de charmes et piéges de petite chatte. Это было не вѣрно, какъ многія свѣскія опредѣленія. Въ молодой женщинѣ не было ничего игриваго вызывающаго; напротивъ, все, движеніе, голосъ, походка, были тихи, не смѣлы, ровны,—дѣтскіе. Это было такъ оригинально среди ея общества, что заставляло находить ее необыкновенно милою, даже привязываться къ ней, даже искать у нея боги чувства и размышленія, нежели сколько принято имѣть ихъ въ обществѣ...

Въ это утро, маленькая женщина казалась взволнована.

— Что такъ рано, mon enfant? спросила ее княгиня, когда Катерина Александровна сѣла подлѣ нея.

— Я поспѣшила, боялась васъ не застать, отвѣчала она:— вы собираетесь въ деревню; такъ, вѣроятно, выѣзжаете часто.

— Прощаться? о, нѣтъ, моя милая! я нынѣшній годъ избавляю себя отъ этого труда. Не стѣбитъ. Богъ знаетъ, что за общество. Другіе уѣзжаютъ же, не прощаясь со мной.

— Кто это, maman?

— О, многіе. Ручневы уѣхали, ты слышала? у меня и были.

— Mais c'est une indignité!

— Надо быть выше всего этого. Вѣдь я не теряю тутъ конечно.

— Конечно.

— Что ты дѣлаешь?.. Посмотри мое шитье.

— Ахъ, maman, это удивительно! право, только вы можете такъ... у васъ столько вкуса... Это для ковра на столѣ?

— Да, кайма къ сукну. Я еще не рѣшила какого цвѣта сукно marron, или vert-président.

— То и другое будетъ равно хорошо.

— Это для Жана; ему въ кабинетъ.

— Vert président будетъ лучше, maman; это оживитъ комнату.

— Ты думаешь?.. спросила княгиня, глубокомысленно глядя на красные кактусы, которые изображала.

— Я пріѣхала съ вами посоветоваться, maman, сказала Катерина Александровна, садясь опять на свое мѣсто.

— Ты хочешь начать работу для лѣта?

— Нѣтъ... О моемъ положеніи.

Княгиня не отвѣчала, считая узоръ.

— Это невыносимо! Одинъ Богъ знаетъ какъ я несчастна

— Чтò же такое? спросила съ усніемъ княгиня.

— Ахъ, маман, вы знаете... Но я скажу все; это будетъ мое исповѣдь.

Княгиня взглянула на Полинну; Полина собиралась встать, съ фанатичъ дѣстивствомъ, хотя, видимо, безъ малѣйшей охоты. Марьяна Александровна не обратила на это вниманія.

— О, эта исторія извѣстна всему свѣту! сказала она.

Полина сочла эти слова за позволеніе слушать и осталась.

— Вы знаете, маман, продолжала Катерина Александровна, что, когда, четыре года назадъ, я вышла за Nicolas, я не любила его de cet amour immense, этою безмѣрною любовію, которою мы бы должны любить того, кому отдаемъ всю жизнь. J'étais éprise, on m'a mal conseillé. Nicolas молодъ, хорошъ собою, конечно; я ничего не могла сказать противъ этого; можетъ-быть, было увлеченіе съ моей стороны. Но у него были свои пріемы, у меня мои... Помните, маман, всѣ, и вы говорили, что тутъ между нами была бездна?

— Я это всегда говорила, отвѣчала княгиня:— конечно, твой мужъ хорошъ собою, и съ прекраснымъ состояніемъ, и не глупъ, но вы съ нимъ разнаго круга, а сколько тамъ ихъ ни воспитаній... чтò онъ? артиллерійскій офицеръ былъ, армейскій; чтò же онъ видѣлъ? Вышелъ въ отставку, заставили его; только ты вела его куда-нибудь.

— Да, маман, и вы знаете, что это стоило труда. Я должна была выносить это. Вы знаете, какъ трудно сдѣлать что-нибудь такъ, въ семействѣ, между мужемъ и женой, чтобъ одна сторона не замѣчала вліянія другой. Мой мужъ сталъ недоволенъ, что я брала на себя этотъ трудъ...

— Le zoi! прервала княгиня:— чтò же, лучше то общество, въ которомъ онъ таскался, se traitait là, въ провинціи?

— Не знаю, отвѣчала, покраснѣвъ, молодая женщина, —но онъ былъ недоволенъ, онъ даже выражалъ, что это ему непріятно... Я понимаю... я не эгоистка, я понимаю, что его самолюбіе было ранено; но и онъ долженъ былъ понять, что это необходимо... Вы не повѣрите, маман, я выдерживала сцены!.. Онъ страстно любилъ меня, я это знаю, онъ это доказывалъ, но какое упрямство! Онъ сталъ умолять меня избавить его отъ этой «школы приличія»... Вотъ, я даже заучила его фразу! Потомъ! онъ сталъ умолять меня отдалиться отъ моего общества; то

говорилъ, что оно слишкомъ часто насъ разлучаетъ, то оно ему въ тягость, наконецъ, что оно пусто...

Княгиня покачала головой, улыбаясь.

— Что же мнѣ оставалось дѣлать? я сказала ему, въ минуту раздраженія, dans un moment d'irritation, что не могу же я для него бросить кругъ, гдѣ для меня все родное. Я стала выѣзжать одна. До этого времени, я все думала, все вѣрила, что онъ меня любитъ. Онъ ничего не выговаривалъ мнѣ, ни въ чемъ не противорѣчилъ, но сдѣлался такъ несносно скученъ, что, право, раздражалъ мнѣ нервы. Молчить, читать. Я стала просто убѣгать изъ дома. Онъ отыскалъ какихъ-то старыхъ друзей; они начали появляться у него. Это были не оргія, о, нѣтъ! не сбегутся, разговариваютъ, курятъ, все это иногда за полночь. Случалось, я возвращаюсь съ бала и нахожу это общество уже не въ его кабинетѣ, но въ залѣ; на одномъ столѣ ужинъ, на другомъ шахматы, мой рояль открытъ. Его пріятель какой-то пѣвалъ романсы. Онъ вздумалъ представить мнѣ этого пѣвца: страшный, съ длиннѣйшими усами; вы можете вообразить, какъ мало интересовалъ меня его теноръ!.. Я думаю, эти физіономіи сдѣлали тогда на меня такое впечатлѣніе, что... Тогда я была въ такомъ положеніи... Я должна отдать Nicolas эту справедливость: онъ, казалось, былъ самъ готовъ упасть въ обморокъ, если видѣлъ, что я блѣднѣла. Но что же за манера беречь мое здоровье, удерживая меня дома? Я продолжала выѣзжать, *soûte que soûte*. Тогда родилась моя Лили... Мнѣ говорили, что мужъ мой сходилъ съ ума отъ радости, а потомъ отъ горя, когда я едва не умерла. Онъ, говорили мнѣ, десять дней не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, не отходя отъ моей постели. Я не могла этому вѣрить: это слишкомъ много деликатности отъ такого человѣка. Притомъ, я была такъ слаба, такъ нервна. Не знаю... у опасно больныхъ и у выздоравливающихъ бываетъ манія: я не могла его видѣть равнодушно, онъ меня волновалъ. Я не могла видѣть, когда онъ бралъ на руки Лили; не знаю, чего я всегда боялась, ея нѣжное личико и его лицо *вмѣстѣ cela me faisait un effet terrible*. Онъ не далъ мнѣ привязаться къ этому ребенку... впрочемъ, слава Богу, что не далъ: я потеряла Лили такъ скоро, еще не оправясь сама! Тутъ его слезы... Не эгоизмъ ли былъ съ его стороны мучить меня слезами, жалобами? развѣ я не должна быть для него дороже ребенка, котораго и онъ, и я равно лишилась? Тутъ я поняла, какъ, въ два года, мы стали далеки другъ отъ друга. Между

мнѣ все было кончено, въ глубинѣ сердца. Я это чувствовала... Мы побѣжали въ деревню. Онъ оставлялъ меня одну по дѣлымъ днямъ, хозяйничалъ. У меня было только чтеніе, работа. Онъ предлагалъ прогулки... но вѣдь это нестерпимо, когда люди уже не понимаютъ другъ друга! Я имѣла мужество и, право могу сказать это не хвалясь, я имѣла достоинство не обманывать его, не притворяться, не скрывать чувства холода, скуки, которое онъ мнѣ внушалъ...

— Давно пора было дѣлать это, замѣтила княгиня, прилежно работавшая:—надо было начать съ этого. Эти господа способны итъ разъ возгордиться при малѣйшемъ вниманіи женъ. Чтѣ же, онъ дѣлалъ тебѣ сцены?

— О, нѣтъ, никогда. Онъ молчалъ.

— Какъ человекъ ничтожный.

— Но онъ отмстилъ мнѣ, шатап!

— Отмстилъ? какъ? развѣ онъ способенъ?

— Hélas oui, шатап! Едва мы веротылись сюда, онъ возобновилъ свои старыя знакомства, надѣлалъ новыхъ по своему вкусу, сталъ уѣзжать изъ дома такъ же часто, какъ прежде я уѣзжала отъ него, сталъ играть... это продолжается два года... Еп un mot, шатап, il me néglige!

Катерина Александровна прослезилась.

— Чтѣ же такое, та chère? возразила княгиня:—развѣ это измѣняетъ сколько-нибудь твое положеніе въ обществѣ? Nullement. Тѣмъ хуже для *meo*; этотъ выскочка, котораго впустили изъ милости, изъ того, что онъ твой мужъ... Развѣ ты теряешь отъ того, что онъ неглижируетъ прелестною женщиной порядочнаго круга, связывается Богъ знаетъ съ кѣмъ, въ какой компаніи? Ты всегда будешь уважаема, какъ ты того стоишь...

Катерина Александровна не отвѣчала. Княгиня позвонила.

— Гдѣ графъ Василій Васильевичъ? попросить его.

— Я хочу уѣхать, шатап, сказала Катерина Александровна, когда вышелъ лакей:—я вчера объявила это Nicolas. Онъ не хотѣлъ... это была еще сцена, но, по крайней мѣрѣ, я настояла на своемъ. Теперь, еслибъ я и передумала, остаться невозможно; я должна выдержать характеръ. Я уѣду рѣшительно.

— Куда же?

— Я уѣду хотя на лѣто въ деревню.

— Это въ твою? въ моею соседствѣ?

— Да, шатап.

— Это тебя будетъ развлеченіе. Твой мужъ, кажется, что-то устроилъ тамъ по своему?

— Да, онъ завелъ тамъ суконную фабрику.

— На чьи деньги? на свои или на твои?

— Мы не раздѣляемъ денежныхъ счетовъ, поспѣшно возразила молодая женщина.

— Совсѣмъ напрасно; это бы первое слѣдовало раздѣлить, продолжала хладнокровно княгиня.—Поѣзжай, что же! Ты не понимаешь дѣла, но воздухъ, все... У тебя тамъ управляющій?

— Да, Monsieur Неряцкій, знакомый мужа; мужъ пригласилъ его заняться.

— А, знакомый, вѣрно, какъ ни въ чемъ не бывало, крадетъ. Ты будешь иногда бывать у меня, а то я одна. Адель, j'en ai pardessus la tête... Вася, mon cher, venez donc saluer madame. Я беру его къ себѣ на ваканцію.

— Какъ я рада, сказала Катерина Александровна, мило протягивая Васѣ крошечную и пухлую ручку изъ-подъ широкой мантильи и широкихъ кружевъ.—Такъ мы будемъ видѣться, Вася? А что пишетъ твой папан, какъ ея здоровье?

— Мерси, отвѣчалъ Вася, пререконфузаясь, и сѣлъ на кончикъ стула.

— Бѣдная Агриппина все страдаетъ, отвѣчала княгиня:— это, кажется, неизлѣчимо. Вотъ взгляни, тамъ ея портретъ... Достаньте, Mlle Pauline.

Полина встала въ одно время съ Катериной Александровной; обѣ сошлись у стола. Полина, спѣша услужить, ошиблась, и, схвативъ вмѣсто портрета графини Агриппины портретъ гу-сара, подала его молодой женщинѣ.

— Ахъ, какъ я разсѣяна! вскричала она, засмѣявшись:— pardon, madame!

И такъ же скоро и проворно, она всунула ей въ руки Агриппину. Катерина Александровна смутилась отъ такой поспѣшности.

— Не обращай вниманія, что она такъ полна, объясняла княгиня, неподвижная въ своемъ креслѣ, между тѣмъ какъ молодая женщина смотрѣла на портретъ такимъ туманнымъ взглядомъ, что можно было сомнѣваться, видитъ ли она его:—это полнота не натуральная. Нынче это дознано въ медицинѣ: есть фальшивый аппетитъ, фальшивый сонъ; человекъ считаетъ себя здоровымъ, а между тѣмъ боленъ. Elle ne s'est pas assez

сидѣла, Агриппина; впрочемъ, она пользуется чѣмъ можетъ въ своемъ положеніи; не знаю, каковъ ей будетъ парижскій воздухъ. Графъ въ своемъ повѣствѣ, а этого баловня я беру. Жить тоже общалъ прѣхать ко мнѣ въ деревню.

— Хотите свѣтъ здѣсь у окна? я открою его, сказала Полина Катеринѣ Александровнѣ.

— Merci, отвѣчала она, тихо, голосомъ, который звучалъ нѣчто особенно мило и нѣжно:—а вы, *Mlle Pauline*, тоже на гто въ деревню?

Полина глядѣла ей прямо въ глаза съ улыбкой и будто съ недоумѣніемъ.

— У меня нѣтъ деревни, Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ къ знакомымъ, продолжала молодая женщина, торопясь и тѣряясь.

— Хорошо, если короткіе знакомые, а то деревня будетъ стѣснительнѣе города, возразила Полина задумчиво и рисуюсь:—но я не такъ избалована судьбой; у меня нѣтъ друзей, договорилась она со вздохомъ.

— У кого же есть они? сказала Катерина Александровна, поднося къ лицу портретъ Агриппины, будто желая разсмотрѣть его пристальнѣе.

— Есть счастливыцы! отвѣчала Полина:—счастіе бѣжитъ за ними вслѣдъ, предупреждаетъ ихъ желанія... Но какъ вы блѣдны, Катерина Александровна!

— Чтѣ же, какъ ты находишь портретъ? спросила княгиня.

— Поразительно похожъ, отвѣчала Катерина Александровна, ставя его на мѣсто.

Полина предупредительно помогла ей.

— Обратила ли ты вниманіе на ея кружево? продолжала княгиня:—тамъ это стоить восемьсотъ франковъ, здѣсь почти вдвоедороже. Заграницей эти вещи можно имѣть, просто за ничто. Ты должна была бы подумать о себѣ: у тебя нѣтъ цѣнныхъ вещей. Я давно хотѣла тебѣ это сказать.

— Вы очень добры, маман, отвѣчала молодая женщина, сѣвъ и сжавъ свои маленькія ручки; на глазахъ ея набѣжали слезы.

— Право, чтѣ о тебѣ могутъ сказать? Извини меня. У тебя есть состояніе, а ты носишь прошлогоднія платья.

— Ахъ, маман, у меня не то въ головѣ!

— Положимъ, мнѣ, старухѣ, можно дѣлать экономію, продолжала княгиня:—я не могу себѣ многое позволить. Ян очѣ

много выдержала въ этотъ годъ. Праздники были, коронаціи Жанъ переходилъ въ другой полкъ, въ кавалерію; это дорого ты знаешь. Потому, съ сентября, онъ ваялъ отпускъ, чтобъ отдохнуть отъ службы, разеяться; все это военное время...

— Но, grand'maman, выспался Вася:—князь Иванъ видъ не былъ въ сраженіи, онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга.

— Его полкъ берега защищалъ, mon cher, развѣ это ниче не значить? Никто не зналъ, что могло случиться. Ты думаешь это такъ легко, быть наготовѣ.

— Жанъ ничего не готовился, продолжалъ Вася,—онъ жилъ въ Петербургѣ.

Княгиня отвернулась отъ него.

— Жанъ ожидалъ, что будетъ произведенъ, какъ это всегда дѣлается, говорила она Катеринѣ Александровнѣ:—но это такъ оеталось. Другихъ произвели... Онъ предпочелъ перейти въ полкъ. Лѣтомъ въ Петербургѣ неприятно, онъ сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе, пріѣдетъ ко мнѣ.

— Онъ въ деревнѣ соскучится, замѣтилъ Вася.—Если онъ пріѣдетъ, grand'maman, то только чтобы вамъ сдѣлать угожденіе чтобы вы на него не разсердились. Жанъ очень хитеръ.

— Въ деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, для него нѣтъ занятія, сказала тихо Катерина Александровна.

— Конечно, grand'maman, продолжалъ Вася:—онъ будетъ скрывать, что ему скучно, потому что вы его звали, но въ глубинѣ души онъ не будетъ знать какъ скорѣе уѣхать. Видишь это не то, что я, grand'maman, прибавилъ мальчикъ, замѣтилъ, что княгиня смотрѣла на него выразительнѣе нежели дѣлала это обыкновенно:—молодой человекъ... это не то, что мы, дѣти... я, вѣдь, вотъ что хотѣлъ сказать, grand'maman! Мнѣ наслажденіе бывать съ вами, и потомъ, цвѣты, луга, я это страстно люблю... Ахъ, Катерина Александровна, хотите видѣть? я собралъ нѣсколько, а въ деревнѣ это у меня дополнится.

— Ты нанесешь мнѣ лягушекъ въ домъ, прервала княгиня съ нетерпѣніемъ, но съ видимымъ удовольствіемъ перемѣнивъ разговоръ:—нѣтъ мой милый, я не позволю.

— Ахъ, grand'maman! но это для науки. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, grand'maman; если вамъ угодно, я готовъ оставить мои занятія.

— Ты у меня помѣстишь свою коллекцію, сказала Катерина Александровна.

— Ah, madame, vous êtes bien bonne!

— Видишь, какъ тебя балуютъ, сказала княгиня, улыбаясь.

Вася бросился цѣловать ея руки.

— Ахъ, grand'maman! Но все-таки... хотите пари—Жанъ все не прійдетъ! Хотите пари?

— Я хочу; кто держать пари? сказалъ, входя, молодой гусарскій офицеръ:—bonjour, grand'maman.

Онъ подошелъ поцѣловать ея руку.

— Ты такъ шумишь, Вася, что не слышно, когда кто входитъ, замѣтила княгиня.—Здравствуй, Жанъ. Ты не былъ у меня вчера; здоровъ ли?

— Мегсі, я всегда здоровъ. О чемъ здѣсь шло пари? Я вчера проигралъ одно пари; нельзя ли сегодня отыграться?

— Пари о тебѣ, прійдешь ли ты ко мнѣ въ деревню.

— Почему же нѣтъ? сказалъ князь, садясь.

— Я была въ этомъ увѣрена. А нынѣшній годъ у меня будетъ сосѣдка, Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ князь, равнодушно оглядываясь на молодую женщину.

Входя, онъ не обратилъ вниманія ни на нее, ни на Полюну, и сдѣлалъ имъ общій поклонъ, будто не замѣчая кому кланяется. Полина взглянула на него нѣ-за работы, холодно, какъ дѣвица хорошо воспитанная, и улыбнулась довольно игриво, чтобы показать признаки жизни, и довольно сосредоточенно, чтобы остаться непроницаемою. Катерина Александровна не смотрѣла на князя; ее занималъ узерь, который выпивала княгиня, бронзовыя гвоздики рабочаго сундучка, рѣзба столика. Она какъ-то склалась въ креслахъ, въ своемъ пышномъ платьѣ и пышной мантильѣ; темная шляпка рѣзко отъѣняла ея маленькое круглое личико, совсѣмъ поблѣднѣвшее.

Княгиня нѣсколько минутъ хранила молчаніе. Князь, который, какъ почтительный внукъ, явился утромъ узнать о здоровьѣ бабушки и убѣдился, что и въ это утро надежда скорѣйшаго полученія наслѣдства остается такъ же далека, какъ была вчера,—молчалъ, не имѣя что сказать. Вообще никому было говорить нечего. Для занятія, князь звенѣлъ шпорой о свою саблю.

— Какіе дымные эти палани у васъ, замѣтила княгиня.

— Да, вчера, одинъ ловкій баринъ задѣлъ у Mme Морозовой корзинку съ цвѣтами; горшки посыпались, земля, сказалъ князь, вставъ и волоча свою саблю:—а впрочемъ, это красиво, «*traînant son sabre de bataille...*»

Онъ запѣлъ послѣднее.

— Ты видѣлъ портретъ тетки? спросила княгиня.

— А, la tante Agrippine! Все лѣтится?

Онъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, что, Васька, тебя отпустили? сказалъ онъ, вдругъ обратясь къ мальчику.

— Да.

— Какъ же это, раньше вакаціи? Вакація у васъ еще когда?

— Я прѣехала директора, произнесла княгиня:—я ѣду въ деревню, ужъ кстати. Пасха только что кончилась, все равно. Ребенку надо отдохнуть.

— Аделаида Григорьевна чѣмъ же отпразднуетъ такую радость? А гдѣ Аделаида Григорьевна? Вы ее берете съ собой, grand'maman?

— Всегда я вездѣ; необходимое зло, сказала княгиня.

Князь расхототался. Аделаида Григорьевна вошла въ эту минуту. Она была уже въ полномъ блескѣ самаго изысканнаго туалета.

— Князь! сказала она съ пріятственною улыбкой.

Князь подалъ ей руку.

— Вотъ какъ мы проведемъ лѣто, сказала княгиня:—все наше общество.

Полина обвела глазами это общество.

— И первое, что я себѣ обещаю, сказалъ князь:—это прокаутить Аделаиду Григорьевну на тройкѣ, въ тележкѣ.

— Если вы собираетесь проказничать, князь, возразила компаніонка очень любезно, — то не разчитывайте на меня, нѣтъ, я отказываюсь!

— Полноте, Аделаида Григорьевна, не серіозничайте, это къ вамъ и ѣдетъ; здоровьемъ вы не можете отговориться.

— Здоровьемъ, князь? Но вы забыли...

— Но вѣдь вы еще не старуха!

— Ахъ! Но я слабаго здоровья, князь, увѣряю васъ. Я мало берегусь, это правда, рискую, потому что я сумашедшая, я забываю все, если мнѣ пріятно.

— И прекрасно! Стало-быть, вы не прочь, если васъ заставить подурачиться, воспользоваться жизнью, qu'on vous fasse une douce violence.

— Ахъ, князь!

— Чтò же, не откажетесь?

— Нѣтъ, я понимаю, что можетъ быть чрезвычайно приятно, возразила Аделаида Григорьевна:—вѣроятно, вотъ, съ Катериной Александровной вы будете устраивать кавалькады. Не правда ли, Катерина Александровна?

— Я не вѣжу верхомъ, отвѣчала Катерина Александровна.

— Почему? спросилъ князь.

— Я боюсь.

— Какъ это скучно! сказалъ онъ:—я этого не люблю.

Аделаида Григорьевна засмѣялась; княгиня взглянула на нее вопросительно.

— Какъ же, сказала она, отвѣчая на этотъ взглядъ:—слышите, чтó говорятъ они, княгиня? Вы выражаетесь деспотически, князь! вы «не любите!» такъ вы возьметесь насъ перевоспитывать, отучать отъ страха.

— Приучать къ повинновенію, договорилъ онъ.

— Ахъ, ахъ! слышите, Катерина Александровна, чтó насъ ожидаетъ?

— Вы, кажется, отказываетесь отъ моихъ уроковъ, Аделаида Григорьевна, сказалъ князь:—впрочемъ, я не навязываюсь съ ними. Послушайте только, grand'maman, у васъ въ деревнѣ будетъ рождѣ?

— Ты не замѣтилъ, что его нѣтъ въ залѣ: онъ уже отправленъ, сказала княгиня.

— Жаль. Въ такомъ случаѣ, я попрошу Аделаиду Григорьевну не брать своихъ италіянскихъ романсовъ: я не могу ихъ слышать.

— Я буду пѣть русскія пѣсни, отвѣчала Аделаида Григорьевна:—я ихъ пою наизусть.

— Такъ нельзя ли голосъ оставить здѣсь, въ Москвѣ?

— Ахъ, Боже, какъ вы милы! вскричала она, кохоча, но вспыхнувъ сколько позволяла ей блѣдность: — вы, въ самомъ дѣлѣ, деспотъ. Катерина Александровна, мы будемъ защищаться, не правда ли?

Катерина Александровна была такъ молчалива и неподвижна, что сама почувствовала свою неловкость; не отвѣчая компаніонкѣ, она обратилась къ княгинѣ.

— Maman, если прикажете, если вамъ нужны покупки или книги въ деревню, поручите мнѣ, я исполню.

— Merci, ma bonne, отвѣчала княгиня:—я посмотрю. Я просила Анну Федоровну... Адель, продолжала она громче, прерывая смѣхъ и оживленный разговоръ въ полголоса, который Аде-

Аделаида Григорьевна уже успѣла завести съ княземъ: — но узнать, не возвратилась ли Анна Федоровна?

— Но если она возвратилась, доломать... возразила Аделаида Григорьевна.

Княгиня взглянула на нее. Аделаида Григорьевна повинувалась и вышла, обмѣнявшись съ княземъ улыбкой и выразив покорность пожатіемъ плечъ. Съ ея уходомъ на минуту воцарилось приличное молчаніе. Княгиня пожаловалась на головную боль.

— Вы рано выѣхали сегодня, папан, замѣтила Катерина Александровна.

— Можеть-быть. Ты не страдаешь этимъ?

— Нѣтъ.

Князь, чтобы чѣмъ-нибудь заняться, тормозилъ Васю.

— Взгляни на мою работу, это для тебя, сказала княгиня.

— Неужели? вскричалъ онъ:—ахъ, grand'папан, я этого стою!

Онъ поцѣловалъ ея руку:

— Я думаю, что не стоишь, сказала она, пріятно улыбувшись:—я вѣдь вовсе не люблю тебя, шалунъ.

Онъ никогда не сомнѣвался въ этомъ, но еще разъ поцѣловалъ ея ручки и разсматривалъ кантусы, будто рѣдкость.

— Это за то, что ты ко мнѣ приѣдешь, сказала княгиня.

— Grand'папан, вскричалъ Вася:—держу пари, что Жакъ это вовсе не нравится! онъ вамъ льститъ, grand'папан...

— Вася, vous me laissez tranquille, прервала княгиня. Знаешь, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ, — мы съ тобой займемся этимъ ковромъ вѣсть; у тебя въ деревнѣ будетъ много лишняго времени. Тебѣ надо развлекаться. Водухъ деревенскій, конечно, но нечего сидѣть дома одной; бѣдѣшь бывать у меня...

— Вася зовутъ, княгиня, пожалуйста, сказала Аделаида Григорьевна, приподнявъ портьеру.

— Чтò такое? какъ будто безъ меня не могутъ...

— Нѣтъ, это изъ деревни...

Княгиня поднялась и вышла.

Вася убѣжалъ. Князь прохаживался по комнатѣ, напѣвъ сквозь зубы. Катерина Александровна то взглядывала на него, то опять потупляла глаза. Полина работала, также равнодушно какъ прежде, хотя минутами ея быстрые взгляды выказывали, что она удвоила вниманіе.

— Послушайте... сказала нерѣшительно Катерина Александровна, когда князь проходилъ мимо нея.

— Чтò? небрежно спросилъ онъ, не оборачиваясь и разсматривая картину на стѣнѣ.

— Послушайте, мнѣ надо вамъ сказать...

— Чтò же?

Она встала, подошла къ нему; онъ, продолжая прогулку, прошелъ въ залу. Дверь залы была какъ-разъ напротивъ Полины.

— Ну, чтò? спросилъ князь.

— Жанъ, ради Бога, не прѣзжай въ деревню!

Онъ засмѣялся.

— Когда просятъ такія вещи, то уже не говорятъ ты, скажъ онъ:—вамъ, стало-быть, угодно разстаться со мною? Вы отъ меня бѣжите? Прошу не говорить послѣ этого, что я васъ бросилъ!

Катерина Александровна заплакала.

— Я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что терпѣть не могу слезъ, продолжалъ онъ со злостью и въ полголоса:— изъ-за чего ты вздумала бѣжать? Огласки испугалась, репутаціи жаль? А теперь, кто дѣлаетъ сцены? Вотъ та дѣвчонка все видитъ... перестань же, какъ ты глупа!

— Но если ты прѣдешь туда, чтò скажутъ? проговорила Катерина Александровна:—скажутъ, что это для меня...

— Все не то скажутъ, прервалъ онъ, смѣясь:—весь свѣтъ знаетъ, что мнѣ необходимо заискивать расположеніе бабушки, и что я обязанъ исполнять ея капризы: она велитъ прѣѣхать,— я долженъ къ ней прѣѣхать. Скажутъ, что ты для меня бросила мужа и отправилась вслѣдъ за мною.

— Господи!.. Но тѣмъ хуже!

— Кому?

— Ты безжалостный!

— Кричи еще громче, чтобы слышали, а то только глядятъ на тебя.

— Жанъ, но послушай, не уходи... Я буду говорить спокойно; я думала...

— Съ чего ты собралась уѣхать? Вѣдь мужъ ничего не знаетъ? въ обществѣ ничего не говорятъ?

— Нѣтъ, еще ничего...

— Такъ чтò же за фантазія?

— Я думала вотъ что... Жанъ, вѣдь ты меня больше не любишь? Я вѣдь больше не дорога тебѣ, Жанъ?..

— Ну, опять!.. прервалъ онъ, махнувъ рукой, и, оставивъ ее, воротился въ гостиную.

Полина была тамъ одна. Князь взялъ свою фуражку и намеревался уйти, не прощаясь съ бабушкой и не сказавшись, что уходитъ. Полина заставила его обернуться, когда онъ былъ уже въ дверяхъ.

— Ваши перчатки, князь.

Онъ не замѣтилъ, что выронилъ ихъ и, возвращаясь поднимать, былъ уже принужденъ поклониться Полине. Упорный и насмѣшливый взглядъ, съ которымъ она молча отвѣчала на поклонъ, заставилъ князя улыбнуться.

«Смѣшная дѣвчонка!» подумалъ онъ и остановился подлѣ нея, будто за тѣмъ, чтобы надѣть перчатки. — Какъ вы прилежны! сказалъ онъ громко:—примѣръ для насъ, лѣнивцевъ.

— Кто же мѣшаетъ слѣдовать хорошему примѣру? отвѣчала она очень развязно и очень равнодушно.

— Примѣра мало, надо учить; дайте мнѣ лоскутокъ кисеи, я буду вышивать.

— Вотъ идея! сказала Полина, удостоивъ засмѣяться.

— Право. Это должно быть очень весело — шить и только объ этомъ и думать.

— Напротивъ, возразила она:—это именно такое дѣло, которое можно дѣлать, а думать о другомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? О чемъ же вы думаете?

— А, какъ вы скоры!..

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Скажите.

— О тысячѣ вещей. Обо всемъ, что попадется на глаза.

— Слѣдовательно, и обо мнѣ?

— Да, между прочимъ, отвѣчала она небрежно и кокетливо.

— «Между прочимъ!» это мало!

— Вы находите, что мало!

— Конечно: я самолюбивъ.

— Дурной порокъ.

— Но все-таки, я лучше васъ: я откровеннѣе.

— Какъ это?

— Я признаюсь въ моихъ порокахъ, а вы не хотите признаться въ вашихъ мысляхъ.

— Почему знать, можетъ-быть это труднѣе.

— Почему труднѣе?

— Вы любопытны!

— Но я и настойчивъ: я добьюсь, я узнаю. Теперь я спѣшу, grand'maman можетъ задержать меня, но помните, при первой встрѣчѣ я узнаю о чемъ вы думаете! Au revoir, mademoiselle Pauline.

Онъ подалъ ей руку и пожалъ ея руку довольно крѣпко, засмѣявшись, когда она сморщила брови отъ боли настоящей или притворной. Проходя залу, князь не оглянулся на Катерину Александровну. Она ждала этой минуты, ждала, что онъ подойдетъ къ ней проститься. Остановить его не было возможности. Полина слѣдила за ними изъ гостиной, а въ дверяхъ прихожей Вася шумно распоряжался съ людьми, убиравшими вещи. Изъ отвореннаго окна, Катерина Александровна услышала только, какъ князь сказалъ: «подавай», и какъ загремѣлъ его экипажъ. Она хотѣла бы собраться съ мыслями, но не могла; ей было некогда, за нею слѣдили, она была въ чужомъ дѣмѣ. Привычка жить скрываясь и торопясь сдѣлала то, что молодая женщина оправилась скоро. Ея слезы были не замѣтны. Только особы дурно воспитанныя умѣютъ наплакать глаза докрасна и разрушить порядокъ своей прически. Катерина Александровна воротилась въ гостиную почти спокойная, граціозно кутаясь въ свои кружева. Ей только хотѣлось скорѣе уѣхать, но, не простясь съ княгиней, это было невозможно.

Полина встрѣтила ее взглядомъ брошеннымъ вскользь, но этотъ взглядъ смутилъ Катерину Александровну. Она испугалась; ей показалось, что нужно заговорить съ этою дѣвочкой, что почему-то надо быть обходительнѣе съ нею. Катерина Александровна слышала, что князь говорилъ и смѣялся съ Полиной.

«Смѣялся, въ ту минуту какъ я плакала!.. Эта дѣвочка страшная кокетка, подумала молодая женщина, а онъ... Боже мой, неужели ему все равно,—я, или другая?»

Она была готова зарыдать. Но это горе, эта жалость къ самой себѣ, этотъ гнѣвъ на того, кто оскорбилъ, вдругъ заставили ее пожать и объ этой друиой.

«Она молода, продолжала думать Катерина Александровна, ея жизнь не весела!.. Если она и замѣтила что-нибудь, она не поняла... Молодое существо, она не можетъ быть строга, безжалостна какъ другія!..»

Она подошла къ Полинѣ.

— Вы должны очень скучать.

Полина взглянула на нее, улыбаясь по своему. Она тоже размыслила. Она видѣла какъ поблѣднѣла эта нервически со-страдавшая аристократка, вдругъ, теперь, ни съ чего вадумавшая вспомнить, что и одной дѣвушкѣ можетъ быть скучно; она слышала какъ дрожала ея голова, она была убѣждена, что аристократка боится ея, заискиваетъ въ ней. Она знала и не ошибалась, что послѣ двухъ словъ состраданія, другихъ не найдется больше у особы, рѣдко и слабо думающей о комъ-нибудь кромѣ себя.

— Нѣтъ, я не скучаю, возразила Полина:—я занята.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, вы счастливы, у васъ столько талантовъ, продолжала Катерина Александровна:—я слышала, вы прелестно рисуете. Для чего вы оставили живопись? такія художница...

— Вы мнѣ льстите, прервала Полина, съ улыбкой, которая ясно говорила: «я знаю для чего вы это дѣлаете.»

— Нѣтъ... Но я слышала, вы оставили, продолжала Катерина Александровна, испуганная, теряясь и схватываясь еще за одну надежду умиловить ту, которая, можетъ-быть, все видѣла и слышала, и отвергала ее почти презрительно. — Бѣдное дитя! скажите мнѣ откровенно: у васъ нѣтъ средствъ заниматься?

— Я никогда не жалуясь на недостатокъ средствъ, отвѣчала Полина очень гордо.

— Mais, ma bonne amie, таланты... ими не надо негнуживать, это средство къ жизни.

— Ah, madame, прервала Полина, зашевелившись громко:—не такими талантами нынче живутъ на свѣтѣ!

Катерина Александровна не отвѣчала; намекъ этихъ словъ поразилъ ее столько же, сколько сконфузилъ, какъ особу хоряшаго тона, при которой сказали рѣзкую неприличность.

— Вы, вѣрно, дожидаетесь княгини? спросила Полина послѣ минутнаго молчанія.

— Да, мнѣ надо ѣхать.

— Я узнаю, нельзя ли вызвать ее, сказала Полина и вышла.

Въ нѣсколько минутъ, которая Катерина Александровна провела одна, въ ея душѣ столкнулось столько мыслей, чувствъ, мученій, что она не могла ничего разобрать и объяснить себѣ; ей вдругъ вошло въ голову, что даже эта Полина презираетъ ее, торопится избавиться отъ ея общества. Одного сколько-нибудь опредѣленнаго ощущенія было довольно, чтобы заста-

вить ее расплакаться. Она плакала горько, когда воцѣла княгиня одна.

— Мнѣ сказали, что ты хочешь проститься со мною.

— Ah, maman, chère maman! вскричала Катерина Александровна, бросаясь ей на шею:—вы знаете только половину моего несчастія, послушайте...

— Ты очень нервична, ma chère, отвѣчала княгиня величественно и какъ будто брезгливо цѣлуя ее въ лобъ своими сухими и холодными губами: — посоветуйся съ кѣмъ-нибудь, то будетъ всего лучше. Ты нервична. Спроси О., онъ дѣлалъ и Агриппину; на свѣтъ нѣтъ ему подобнаго отъ нервовъ; онъ дастъ тебѣ что-нибудь въ деревню. Здоровье прежде всего. Холодные ванны, можетъ-быть...

Говоря это, княгиня выпроваживала молодую женщину въ залу, и едва та переступила порогъ, княгиня сказала ей:

— Au revoir, и воротилась въ глубину гостиной.

Аделаида Григорьевна была уже тамъ, будто выросла изъ земли.

— Эта Анна Федоровна, вѣрно торгуется тамъ какъ жидовка. и ничѣмъ не кончитъ, сказала княгиня.

— Я вамъ говорила... сказала Аделаида Григорьевна.

Вошла Полина. Княгиня сѣла за свою работу.

— Какъ ужь поздно, сказала она:—а ны ничего не дѣлаешь.

— Угодно, чтобъ я читала? спросила Аделаида Григорьевна, принявъ на себя этотъ упрекъ.

— Читай.

Аделаида Григорьевна взяла тощій томикъ.

— Скажите, ma chère, графу, чтобы тамъ не шумѣли, обратилась княгиня къ Полинь.

Полина исполнила приказаніе.

Аделаида Григорьевна, выждавъ еще нѣсколько минутъ пока въ воздухѣ воцарилась тишина, начала чтеніе. Это былъ французскій романъ изъ русскихъ нравовъ. Она читала описаніе придворнаго бала въ Петербургѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда еще, по увѣренію автора, французскій языкъ былъ не извѣстенъ въ Россіи, и въ балльных залахъ слышалось смѣшеніе языковъ татарскаго, сибирскаго и прочихъ, также какъ представлялось смѣшеніе одеждъ разныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Княгиня, хотя сама бывала въ то время на придворныхъ балахъ, слушала непоколебимо и ничего не возражала, когда Аделаида Григорьевна замѣтила:

— Ахъ, какъ это было забавно!

Память ли измѣнила княгинѣ, заставило ли ее молчать уваженіе къ печатному слову, потому что книга была написана знатнымъ человекомъ, иностранцемъ, и въ ней шла рѣчь все о свѣтлыхъ и сильныхъ міра сего (извѣстно, что къ печатному слову, тракующему о чемъ-либо другомъ, княгиня питала полнѣйшее пренебреженіе), но княгиня не прерывала, не возражала. Вѣрнѣе всего, она ничего не думала; она работала, ей «дѣлали чтеніе», она проводила свое время.

Полина слушала и не слушала, думала и не думала. Она перебирала въ своей головѣ все, что видѣла и слышала этимъ утромъ; въ ея глазахъ вертѣлся князь; ее брала злость на Катерину Александровну; ей очень бы хотѣлось быть на мѣстѣ этой богатой, свободной женщины... Свободной, конечно; потому что, что такое мужъ, когда есть куда отъ него уѣхать?.. Такъ вотъ куда зашло у нихъ съ княземъ! Кто бы могъ подумать—такая смиренница! И мужъ ничего не знаетъ, и въ обществѣ ничего не слышно... Счастливица! ей все прощено, она все можетъ скрыть, потому что богата!.. Что, еслибы вдругъ какъ-нибудь сдѣлаться тоже герцогиней приключенія, быть любимой... хоть не долго; кто нынче долго любитъ и что такое это сентиментальное вздыханіе? Но, быть любимой...

Тутъ воображеніе Полины быстро переносилось далѣе, не останавливаясь на обстоятельствахъ, которые, какъ ни рѣшительно смотрѣла она на вещи, все еще затрудняли ее.—Имѣть хорошенькій-хорошенькій домикъ, un réduit, все имѣть... Кружева, платье à disposition, орѣхового цвѣта, съ чернымъ узоромъ, черная fanchon на головѣ и букетъ живыхъ фіалокъ... это зимой. Она пріѣдетъ, каминъ топится... Восхищеніе!.. У него духи violett de Parme, непременно. Говоримъ разный вздоръ, смѣемся. Обѣдъ вдвоемъ... это въ Петербургѣ. Потомъ опера. У меня абонированный бенуаръ. Меня причешетъ Альберъ. Платье bleu-du-soir... А потомъ ужинъ и гости... И вдругъ, говорятъ:—Вообразите, князь Жанъ Десятковъ женился! «На комъ?» — Но не знаютъ, въ провинціи.—Мы обвѣнчаемся гдѣ-нибудь въ провинціи. А тамъ, свой домъ, я принимаю... «Ah, madame Alexinsky, je suis enchantée de vous voir.» Этой старой ужъ давно нѣтъ... «Надѣюсь, Катерина Александровна, вы сдѣлаете моему мужу и мнѣ удовольствіе, будете посѣщать насъ въ деревнѣ?..»

Панна была готова разсмѣяться одна, когда ея мечтанія были реальны, также какъ и чтеніе.

Вся вбѣжалъ, волоча по полу пучки шнурковъ и тесѣмокъ изъ огромную связку, изъ которой сыпались свертки булава, шпильки, коробочки съ пуговицами, клубки вязальной нити, спицы, мотки цвѣтныхъ шерстей, гребенки, жестянки пивадои; все это терялъ онъ еще съ половины залы, пока лино не уронилъ остальнаго среди гостиной.

— Что это, Вася? произнесла княгиня.

— Ахъ, grand' maman, это Анна Федоровна... Я не виноватъ; тяжело, я не могъ удержать, grand' maman... Я хотѣлъ помочь Аннѣ Федоровнѣ, grand' maman. Она такъ устала, Анна Федоровна...

Анна Федоровна, дѣйствительно, красная какъ ракъ и съ волосами, спутанными до послѣдней невозможности, явилась къ Васеѣ. Она несла узелъ, стяннутый веревкой, въ которомъ казалось около пуда вѣса.

— Что вы дѣлаете, графъ, что вы дѣлаете! кричала она Васѣ.

— Ахъ, какъ это скучно! сказала княгиня:— Вася, подбери это.

Вася долженъ былъ наклониться, помочь Аннѣ Федоровнѣ, тогда, положивъ узелъ на кресло, принялась подбирать мотки. Панна не принимала участія въ этомъ трудѣ, находя, что важно, когда трудится ея мать. Аделаида Григорьевна, совершенно ко всему равнодушная, взялась за узелъ.

— Это покупки? все искупили? спросила она.

— А мое платье? сказала княгиня.

— А, ваше платье, княгиня! отвѣчала Анна Федоровна, разсыпаясь по полу, потому что Вася, помогая ей, рассыпалъ то, что она собирала: — съ вашимъ платьемъ цѣлая горя!

— Что такое?

— Охъ!.. вскричалъ Вася.

— Что съ тобой?

— Мнѣ, такъ, бокъ больно, grand' maman... я не могу наклониться, grand' maman, у меня сейчасъ бокъ...

— Бѣдное дитя, видно, что онъ страдаетъ, поблѣднѣлъ, сказала Аделаида Григорьевна: — это можетъ быть опасно, княгиня; лучше посовѣтоваться...

— Когда зайдетъ докторъ. Что же мое платье, Анна Федоровна?

Аделаида Григорьевна, пользуясь тѣмъ, что приложила руку къ головѣ Васи, чтобъ узнать нѣтъ ли у него жара, тихонько поцѣловала его и прижала къ своей груди.

— Я не нашла тафты какъ ваша, княгиня, отвѣчала ей Анна Федоровна:—я ее перемѣнила, и посмотрите, на какую: настоящая французская, клеймо таможни, и коймы къ ней особенно, и пять аршинъ три четверти больше чѣмъ вашей, и шире вашей, и шелкъ какой, посмотрите...

Она въ эту минуту кончила подбирать мелочи и хотѣла взять узелъ, но Вася уже развязалъ его, разметавъ веревки, обертки и покупки, и, вообще, постаравшись занять какъ можно больше мѣста и надѣлать какъ можно больше сера въ комнату.

— Гдѣ же... да, вотъ! сказала Анна Федоровна, вытаскивая за тафту.

— Ah, comme c'est joli! сказала княгиня:—прелесть! Взгляни, Адель, и какъ порядочно, очень порядочно... А что вы придали за нее, Анна Федоровна?

— Отгадайте! отвѣчала она, торжествуя.

— Нѣтъ, скажите.

— Два рубля.

— Ah, mais c'est pour rien! это, просто, чудо! И какъ вамъ удалось обмѣнить?

— Ничего, отвѣчала въ восторгѣ Анна Федоровна:—потолкали немножко.

— Васѣ вытолкали? вскричалъ Вася.

— Вася! сказала княгиня.

— Grand'maman, но я не дослышалъ; я думалъ, что неприятность вышла тамъ у Анны Федоровны... Можетъ-быть съ полицейскими, grand'maman. Вѣдь тамъ полицейскіе на каждомъ шагу, если что замѣтять...

— Что ты дѣлаешь? прервала княгиня.

Вася драпировалъ кресла и стулья кисеей, ситцами и платками, покупками Анны Федоровны.

— Это ничего, grand'maman, такъ лучше, ваша гостиная теперь совсѣмъ лавка, grand'maman...

— Ah, vous me cassez la tête! сказала княгиня, поднимаясь и подходя къ этимъ ситцамъ:—это для дѣвокъ, Адель?

— Да, отвѣчала компаніонка, перебирая покупки:—вотъ это, Матрешѣ, я думаю, получше.

— За чѣмъ же ей лучше? возразила книгиня, впрочемъ, ничего не думая.

— Ахъ, книгиня, славная дѣвка!.. другимъ обвинить сестрицъ лучше равное дать, а то будутъ завидовать, перебранятъ...

Онъ хозяйственно осмотрѣлъ каждую вещь.

— Охъ, пршевать! сказала Анна Федоровна, садясь.

— А деньги остались у васъ? спросила Аделаида Григорьевна.

Анна Федоровна подала ихъ книгинѣ; книгиня пересчитала, взглядывая въ реестръ покупокъ.

— Прелесть тафта! повторяла она, обирая ее въ складки.

— Ахъ, я забыла, сказала Анна Федоровна, поспѣшно, шаря у себя въ карманѣ: — я ужь рѣшилась, книгиня, купила вамъ мѣть для отдѣлки, подѣ чѣвътъ коемокъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, право, я рада, не знаю какъ я рада тому платью. Мегсі, Анна Федоровна. Адель, убери все и пошла за портнихой; я сейчасъ же велю сшить.

— Вамъ не сошьютъ къ отъѣзду, возразила компаніонка, ночему-то желая омрачить удовольствіе книгини.

— У тебя страсть противорѣчить. Пошли. Да раздай, чѣмъ слѣдуетъ, дѣвкамъ.

Аделаида Григорьевна собирала покупки; ей не помогали никто. Анна Федоровна считала свое дѣло оконченнымъ и, притомъ, торжествовала; она болѣе не находила нужнымъ беспокоиться и вешивала нѣчто въ родѣ наслажденія, глядя, съ какимъ усиліемъ Аделаида Григорьевна, крѣпко стянута въ корсетъ, поднимала и прибирала вещи, валявшіяся у нея изъ рукъ. Вася сидѣлъ на ручкѣ кресла, какъ обезьяна, и посмѣивался. Вдругъ Анна Федоровна довольно строго сказала дочери:

— Ты, кажется, не видишь, чѣмъ кругомъ дѣлается. Помози.

Малыня съ удивленіемъ взглянула на мать, но догадавшись, что приказаніе отдается не даромъ, очень любезно поспѣшила его исполнить. Она сдѣлала болѣе: спасла изъ рукъ прическу Аделаиды Григорьевны, когда та, забывая на руки грамучія, жестоко-накрахмаленныя полосы ситца задѣла ими за свои волосы. Забравъ все, онъ выплянулъ вмѣстѣ.

— Вы вчера перевозили Ручневыхъ въ Петербургъ? спросила книгиня Анну Федоровну.

Вася усталъ шалить и, видя, что бабушка заговорила санинъ, благосклонно, такъ, что шутить было неудобно, вывелъ же. Анна Федоровна проводила его глазами.

— Да, онѣ уѣхали, отвѣчала она княгинѣ: — счастье богатымъ; кто за границу на лѣто, кто въ деревню.

Княгиня ничего не сказала.

— А тутъ, въ Москвѣ, жаръ, духота, ужасъ; умереть можно.

Княгиня не опровергала и этого предположенія.

— Анна Федоровна замолчала. Она смотрѣла передъ собой на богатую комнату, на богатую старуху, на ея бездѣльную, дорого-стоящую, безобразную и никому не нужную работу; на два мѣдные пятака, лежавшіе на столѣ, единственную мѣд, которую Анна Федоровна принесла изъ лавокъ, постаравшись собрать всю сдачу мелкимъ серебромъ, чтобы не затруднять княгиню. Почему казалось ей необходимымъ не затруднять княгиню тяжелою и грубою монетой, — Анна Федоровна сама не знала...

— «Руки ли у нея нѣжнѣ моихъ, подумала она, взглянувъ на нихъ: Господи Боже!»

Потомъ она сосчитала, что тѣхъ денегъ, которыя сейчасъ она истратила на нѣсколько не нужное и прихотное, стало бы ей на цѣлый мѣсяцъ жизни, она вспомнила, зная всѣ мелочи въ домѣ княгини, что у ея горничныхъ полны шкапы платьевъ вѣдкихъ, даже шелковыхъ; она вспомнила, что когда-то прежде, когда княгиня носилась изъ угла въ уголъ съ тѣмъ кускомъ тафты, что Анна Федоровна ей сейчасъ промѣняла, и жаловалась, что ей мало его на платье, Анна Федоровна подумала, что тутъ какъ разъ довольно на платье Полинѣ, и что княгинѣ ничего бы не значило подарить его ей.

«Все-то имъ самимъ нужно!» прибавила она мысленно въ заключеніе. «И неужели не видитъ она, что у насъ ничего нѣтъ? начала снова думать Анна Федоровна: кажется, всѣ мы на лицо, средства наши знаетъ. Все надо просить у нихъ, а каково всегда просить? Они, пожалуй, думаютъ, что это очень легко, что передъ тѣмъ какъ просить ихъ, сердце разъ десять со злости не перевернется. Кланяться нужно, да выбирать минуту. Они, право, думаютъ, что если смолчишь имъ когда, то смолчишь отъ совѣсти или отъ того, что они правы. Не подозреваютъ, что, вотъ, за горло душишь. Такъ хотѣлось бы имъ все высказать, чего они стоятъ, да нельзя. Если молчишь передъ ними, то потому что они нужны, чтобы хотя какой-нибудь клочокъ унести у нихъ для своей нищеты. Совѣститься передъ ними!.. да изъ чего, прости, Господи? Они передо мной не

состоятся, бархаты свои да алансоны разстилають, зная, что у меня нѣтъ рубашки, а я буду совѣститься?.. Душа-то есть ли въ нихъ?»

— Знаете, я хотѣла попросить васъ, княгиня, сказала она громко и довольно рѣшительно.

Княгиня подняла голову и посмотрѣла на нее, безъ ожиданія, спокойно, не ободряя и не отвергая просьбы.

— У меня, вотъ какой планъ, княгиня, продолжала Анна Федоровна, начиная затрудняться въ выраженіяхъ: — я имѣю случай на лѣто сдать свою квартиру; у насъ апрѣль, такъ до сентября... Мнѣ бы это было выгодно; мужъ это время пожить бы у знакомыхъ, а мнѣ бы съ Полиной хотѣлось куда-нибудь уѣхать.

— Что жь, прекрасно.

— Мнѣ дають по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Прекрасно.

— Только, вотъ, куда мнѣ уѣхать?

— Что же вамъ уѣзжать; вы и безъ того дома не живете, возразила спокойно княгиня.

— Не живемъ почти, отвѣчала Анна Федоровна, закусивъ губы, — но все-таки иной разъ ночуемъ, обѣдаемъ дома.

— Вѣдь у васъ деньги будутъ; пятьдесятъ, это сто семьдесятъ пять рублей на ассигнаціи; нынче всѣмъ стали деньги казаться дешевы, прибавила княгиня, улыбаясь безумной людской расточительности.

— Конечно, сказала Анна Федоровна, сама не зная съ чѣмъ соглашалась; — но мнѣ бы хотѣлось эти деньги приберечь къ зимѣ немножко.

— Поинѣ на туалетъ? спросила княгиня равнодушно.

— На дрова, отвѣчала Анна Федоровна.

— Куда же вамъ столько на дрова? Вѣдь вамъ нанимаетъ квартиру графъ Александръ Дмитриевичъ?

— Нанимать онъ нанимаетъ, а топить нечѣмъ, и ѣсть варить тоже надо.

— Ну, ужъ это такая бездѣлица; васъ такъ немного: вы, вашъ мужъ, Полина.

— Да, но все намъ холодно, княгиня.

— Конечно, это вашъ разчетъ.

— Такъ я и хотѣла просить васъ, сказала Анна Федоровна, не давая продолжаться молчанію и рѣшаясь вдругъ: — позвольте намъ провести лѣто у васъ въ деревнѣ.

— У меня?

— Да

— Какъ же это? Вы хотите пріѣхать?

— Нѣтъ, княгиня, ужь если вы будете такъ добры, то доведите насъ какъ-нибудь. Вы знаете, мы не прихотливы, княгиня. Мы вамъ столько обязаны. Доставьте намъ возможность сдѣлать въ нашей ѳбдной жизни какую-нибудь экономію, если наше общество не совѣтъ для васъ неприятно... Вы не имѣете понятія о нашемъ положеніи, княгиня, и не дай вамъ Богъ.. Если васъ не затруднить какъ-нибудь насъ довести... Я готова всячески заслужить вамъ.

Княгиня подумала о таѣтъ.

— Пожалуй, сказала она черезъ минуту, которая показалась очень долга Аннѣ Ѳедоровнѣ:—вы можете пріѣхать. Вотъ я скажу Адели. Послѣ, какъ я пріѣду въ деревню, я пришлю оттуда крестьянскихъ лошадей; здѣсь остается бричка, ее наложить тѣмъ, что здѣсь останется. Вы можете въ ней пріѣхать. Человѣка съ вами не будетъ; это для меня же лучше, что вы поѣдете: вы приглядите, чтобы все было въ цѣлости перевезено. Недѣли черезъ подторы это будетъ; вы до тѣхъ паръ сберетесь.

— Не знаю, какъ васъ благодарить, княгиня... Это на долги, стало-бытъ?

— Да, да, конечно. Крестьянскія лошади, мой крестьянинъ. Они будутъ останавливаться и кормить.

— Вы такъ добры, княгиня... Я и моя дочь постараемся...

Въ эту минуту вошла горничная, поклонилась, поцѣловала руку княгини, вооруженную наперсткомъ и иглой, и пронесла:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Благодарность объяснялась сверткомъ кисеи, которую дѣвушка держала въ рукахъ. Исполнивъ этотъ долгъ, она вышла.

Анна Ѳедоровна, намѣревалась возобновить разговоръ прерванный такъ неожиданно, но едва повторила: «Полина и я постараемся», какъ вошли еще двѣ горничныя, тоже съ полученными подарками, также выразили свою благодарность и поцѣловали пойманную на лету ручку княгини. Княгиня была неподвижна, не обращая нисколько вниманія ни на появленіе этихъ особъ, ни на ихъ поцѣлуй; ее затруднялъ кончикъ персти, который она не могла вдѣтъ въ иглу.

— Это скучно, сказала она наконецъ.

— Позвольте мнѣ, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна, и осо-

было лѣпо закрутить концы, вѣла его разойтѣ. Это было дѣло удачѣ.

— Покажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете, произнесла милостиво княгиня.

Торжествующая Анна Федоровна готовилась учить ее, когда на порогѣ появились трое лакеевъ, преговоривъ, тоже съ полдонами:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Княгиня взглянула на нихъ.

— Вамъ выдали холстъ и нитки? сказала она.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Сполна? ...

— Сполна, ваше сіятельство.

Они удалились.

— Вамъ неприятно, княгиня, самой входить во все подробности хозяйства, замѣтила Анна Федоровна.

— Что же дѣлать? отвѣчала княгиня: — иначе, накого же ждать порядна? Адель, это мокрая курица. Удивляюсь своему терпѣнію..

— У васъ должно неизмовѣрно много выходить всего, княгиня, продолжала Анна Федоровна: — я знаю, изъ вашей ярославской деревни привозится столько холста, неужели онъ весь выходитъ въ годъ?

— Я ужъ и понять не могу! сказала княгиня сумрачно.

— Знаете, княгиня, это много зависитъ и отъ кройки; если съ толкомъ кроить, то всегда... Это все то же, что поручать бѣлье прачкамъ и не надзирать за ними: оно огнемъ горитъ. Положить, оно въ городѣ затруднительно, а въ деревнѣ можно присмотрѣть. А шитье какъ онѣ дерутъ! Между тѣмъ какъ это такъ легко! Вотъ, взгляните, княгиня, на мнѣ рукавички: имъ три года, сто разъ чищены. Въ моемъ положеніи, конечно, я сама занимаюсь, чищу. Мнѣ открыла секретъ Мшѣ Флави.

— Вотъ, вы поучите моихъ, сказала княгиня.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Въ деревнѣ вамъ нечего дѣлать, продолжала княгиня: — я купила полотно; скройте при мнѣ, чтобы безъ обрѣзковъ: оно дорогое. Вы мнѣ сшейте бѣлье; вы хорошо шьете, съ строчкой, какъ должно. Полина ваша умѣетъ шить?

— Нѣтъ, княгиня, ихъ не учили этому въ пансіонѣ; я сама, въ послѣдствіи, ужъ по необходимости...

— Ей бы не мѣшало поучиться, она и вышиваетъ пре-

оказало, ничего не уибежь дѣлать. Я дамъ ей есиа зацщть, вотъ, въ этой коймѣ. Это-то она сумбеть, не испортить?

— Какъ можно, княгиня! Она постарается.

— Я думаю; надо же и ей найти дѣло. Чтѣ же вамъ, все дѣто...

— Мы будемъ очень рады, чтѣмъ можемъ, княгиня.

Аделаида Григорьевна вошла въ сопровожденіи Полины. Она этимъ временемъ занималась укладкой своихъ нарядовъ и доставляла себѣ удовольствіе показывать ихъ молодой дѣвушкѣ, не имѣющей возможности имѣть такіе же. Потому Аделаида Григорьевна была очень весела, а Полина надута.

— Ахъ! княгиня, заговорила компаніонка:—вы всѣхъ одѣлили, но забыли одного: казачка Митрошку; ему ничего не досталось. Но Базиль, ахъ! это, просто, ангелъ, Базиль! У него было въ его туалетѣ кое-что... Ахъ, княгиня, это такъ смѣшно! Базиль ему ихъ отдалъ, и надо видѣть, надо видѣть какъ этотъ мальчикъ теперь счастливъ!

— Сегодня, кажется, всѣ счастливы, сказала княгиня съ величавымъ довольствомъ:—вотъ и Анна Федоровна тоже счастлива: онѣ пріѣдутъ ко мнѣ въ деревню.

— Какъ? вы? спросила Аделаида Григорьевна.

— Да, отвѣчала Анна Федоровна, тоже довольно величественно.

Аделаида Григорьевна выразила совершеннѣйшее равнодушіе, зная, что для Анны Федоровны оно будетъ всего чувствительнѣе.

— Прикажете давать куцать? спросила она княгиню.

— Да, отвѣчала та,—я не держу своего стола, Анна Федоровна, извините.

— Я знаю, княгиня, сказала Анна Федоровна:—я и не считывала остаться у васъ.

Она сдѣлала знакъ Полинѣ взять шляпку. Она не знала, гдѣ найдутъ онѣ обѣдъ, но дѣлать было нечего: чтобы не прогнѣвить покровительницу, милостиво согласившуюся пріютить и кормить ихъ четыре мѣсяца, надо было скрыть и затрудненіе, и обиду.

— Я еще буду имѣть удовольствіе видѣть васъ передъ отъѣдомъ, княгиня, сказала она, — мнѣ надо еще посмотреть, какъ намъ можно будетъ улложиться, узнать, кому вы поручите.

— Хорошо, хорошо, прервала княгиня, вдругъ почему-то утомясь:—изъ чего столько толку?

- Благодарю книжницу, сказала Анна Федоровна Полина.
 — Вы такъ добры... прощентала Полина.
 — Которая это мнѣ благодарность сегодня? сказала книжница, ставая, потому что въ эту минуту доложили объ обѣдѣ.
 Анна Федоровна и Полина раскланялись и ушли.

III.

— Куда же мы пойдѣмъ, маменька? спросила Полина, когда дверь подъезда затворилась за ними.

Анна Федоровна съ минуту остановилась къ нерѣшимости.

— Дѣлать нечего, сказала она: — пойдѣмъ домой. Поѣсть возьмемъ чего-нибудь въ лавочкѣ. Батюшка твой вѣрно давно поѣлъ и его теперь съ собаками не сыщешь. Тамъ отдохнемъ, и пойдѣмъ къ Морозовымъ или къ Гусицкой чай пить; можно у нихъ и почевать, мы давно тамъ не были.

— Повторю благодарю, я не хочу почевать у Гусицкой, возразила Полина: — я у нея на диванѣ вѣчно проваливаюсь.

— Видишь, какія нѣжности! Дома твоиго соломенный развѣ лучше?

— Я устала ходить сегодня, отвѣчала Полина.

— Ну, пожалуй, мнѣ-то что же? Оставайся дома безъ чая, съ отцомъ.

— И вамъ не мѣшало бы остаться дома хоть одинъ день, вы двѣ ночи дома не почевали, сказала Полина: — вы назвались въ деревню ѣхать; надо осмотрѣть, есть ли у насъ съ чѣмъ ѣхать. Хорошо одну ночь, двѣ ночи въ чужомъ домѣ, а на нѣсколько мѣсяцевъ надо подумать о бѣдѣ, обо всемъ. Отправьте меня сейчасъ къ Морозовой, отсюда близко, а сами идите домой да собирайтесь.

— Что ты со мной вѣчно бранишься на улицѣ? почти вскричала Анна Федоровна: — что я тебѣ, горничная, собирать твои тряпки? Сама собирай! Еще не завтра ѣхать. Еще надо квартиру сдать, отца твоего куда-нибудь сунуть. Все я, да я, а ты сама что?

— Прогоните меня, если я вамъ въ тягость, прощентала Полина очень равнодушно.

— Чтò?.. Да ты куда пойдешь?

— Куда-нибудь пойду, найду мѣсто. Для меня на Новостъ бродить изъ дома въ домъ, вы же выучили. Вотъ ходили, мѣрили объѣды, не дождалась, потому пойдемъ чѣмъ покатъ, не отыщется.

— Ну, помни ты это... проговорила Анна Федоровна задыхаясь.

До переулка, гдѣ они жили, имъ надо было пройти едва ли не по лѣво-Москвы. Въ какомъ-то монастырѣ благовѣстили ко всенощной, когда мать и дочь увидѣли наконецъ длинный, некрашеный заборъ и въ концѣ его сѣрый домъ съ мезониномъ въ три окна—ихъ жилище. Полина удвоила шагъ.

— Постой, не бѣги, хуже жутанешь, сказала Анна Федоровна:— еще надо ѣсть купить. Я возьму чаю; чего хочешь еще, колбасы или сыру? Зайдемъ, выбери сама.

И она направилась въ другой переулокъ, гдѣ издали пестрѣла вывѣска мелочной лавочки. Но именно этимъ предложеніемъ, хотя сдѣланнымъ съ заботой и лаской, Анна Федоровна мѣше всего могла удерживать дочь свою. Полина умчалась какъ вихрь, оставя ее одну на перекресткѣ.

— Обвѣщается калачами да колбасами и кочетъ, чтобъ-я съ нею по улицѣ шла! проговорила съ негодованіемъ девушка.

Въ глухощъ переулкѣ съ ней не могъ встрѣтиться никто, передъ кѣмъ можно было бы сконфузиться этой ношѣ: прохожихъ не было ни одного, выбѣжала одна маленькая дворничка, и то хозяйская; которая примчалась къ Полинѣ, неизвѣстно чему обрадовавшись, и неизвѣстно почему получившая за свою радость порядочный ударъ зонтикомъ по головѣ.

Полина вѣбжала по лѣстницѣ на верхъ въ свою квартиру; дверь была занерта. Молодая девушка принялась стучать въ нее изо всей силы, такъ что изорвала въ концѣ свои парчатыя.

— Спать, что ли? проговорила она къ востернѣмъ:— отворите! Эй, папенька, да отворите же! Что это такое! отворите!

— Это вы, барышня? сказала появляясь внизу лѣстницы хозяйка, жбычанка, женщина лѣтъ тридцати, немного кудря, съ блѣднымъ и крѣпкимъ лицомъ.— Вы бы не мѣш (зашла, сударыня, ключъ у меня; вѣдь папеньки вашего нѣтъ, извольте знать).

— Дай же ключъ! закричала Полина.

Хозяйка вышла и воротилась съ ключомъ.

— Извините, милая барышня, если у васъ тамъ не все

убавно, я одна дома, работницу отпустила на праздникъ, мужъ сидитъ въ лавкѣ, а я сегодня все хвораю.

Полина, не дослушавъ, вошла къ себѣ.

Ихъ квартира состояла изъ прихожей и трехъ комнатъ, маленькихъ, но теплыхъ и удобныхъ; онѣ бы могли казаться даже красивыми, еслибъ ихъ жилицы заботились объ этомъ, содержали ихъ въ порядкѣ: еслибы въ нихъ былъ признакъ чистоты и занятія. Но мебель была сдвинута кое-какъ, стекла оконъ потускнѣли отъ пыли и табачной копоти; на полкѣ прихожей валялись корки хлѣба вмѣстѣ съ сальными огарками; чашки и тарелки стояли неубранныя на буфетномъ шкапѣ, въ которомъ должны были помѣщаться; въ самой маленькой комнатѣ, помѣщеніи г. Абарова, не было ничего кромѣ низкой деревянной койки, съ тюфякомъ и подушкой; въ другой комнатѣ, побольше, служившей спальнею дамъ, постели были не убраны, по стульямъ разбросано старое платье и бѣлье, второе, казалось, ничего бы не значило запереть въ прочный шкафъ и шкапъ, поставленные не уютно, не вмѣстѣ.

Полина въбѣжала въ эту комнату, сбросила шляпку и сама упала на постель.

— Боже мой, что за гадость! сказала она, оглядываясь на обнаружившіе ее предметы.

Вдругъ ее что-то поразило. Глазами, помутившимися отъ усталости, смотрѣла она гвозди, вбитые въ стѣну, въ уголъ. На этихъ гвоздяхъ, сколько помнила она, уходя изъ дома три дня назадъ, висѣли шубы и платье; теперь ихъ не было. Полина вскочила и бросилась къ шкапу, онъ былъ пустъ; она почти машинально, хотя стремительно, отодвинула одинъ за другимъ все три ящика комода: тамъ не было бѣлья, оставалось одѣть старыя тряпки, старыя перчатки, сжатые въ клубокъ, и цѣлое облако лентъ да смятыхъ, и выглаженныхъ тюфяковъ рукавовъ и воротничковъ, которые Полина въ смятеньи выкинула на полъ.

— Хозяйка! Авдотья! закричала она стуча ногами и заметавшись по комнатѣ: — хозяйка! повторила она, выбѣжавъ на лестницу.

Хозяйка всходила по ней.

— Что такое, смотри, смотри, воры были! воры были! кричала Полина, вталкивая ее въ комнату: — ничего нѣтъ! Кто унесъ? — шубы, платье, серьги мои, вотъ, тутъ, изъ ящика? Куда все пропало? Да знаешь ли ты, что за прощажу у тебя

въ домъ... знаешь ли, что тебѣ будетъ и мужу твоему? гдѣ онъ? кому все продали?

— Барышня, милая, Господь съ вами! прервала хозяйка, менѣе обиженная нежели удивленная:—за что вы на насъ такъ? Вы сами знаете, что вашъ папенька все извождалъ взять, что же вы спрашиваете?

— Какъ папенька, когда?

— Да еще четвертаго дня, что у насъ сегодня? суббота... Ну, вотъ-съ, въ среду, какъ вы съ маменькой изводили уйдти, вашъ папенька въ должность свою ходилъ, отставку получать...

— Полюбуйтесь, порадитесь! вскричала Полина, увидя Анну Федоровну, входящую съ калачами и покупками:—вотъ, бѣгайте еще изъ дома по цѣлымъ днямъ, насъ обокрали!

Полина убѣжала въ свою комнату, бросилась на постель и принялась рыдать.

— Что такое случилось? спросила Анна Федоровна оторопѣвъ.

— Какъ же матушка, отвѣчала хозяйка:—барышня гнѣвается, пожитковъ своихъ хватилась, что нѣтъ ничего. А вашъ супругъ, въ среду, безъ васъ домой воротились, сказали намъ, что совсѣмъ отставку изъ своей должности получили, бумагу мнѣ съ мужемъ показывали, видъ свой, потомъ приказали позвать оцѣнщика и квартальнаго, взяли тутъ, дай Богъ память, что они взяли... да, взяли двѣ ваши шубки, да три платья шелковыхыя, четвертое муслиновое, сережки, это я помню... шаль еще вашу, сударыня, да сколько-то бѣлья, да еще...

— Ну что же онъ сдѣлалъ съ этимъ, что сдѣлалъ-то? вскричала Анна Федоровна.

— Да вы неизвольте на насъ гнѣваться, сударыня. Мы что же тутъ, люди посторонніе. Супругъ вашъ сказывалъ, что это все съ вашей воли, что вы сами приказывали продать. Они это все оцѣнили, приказали въ узлы связать, мой мужъ самъ къ Сухаревой башнѣ сvezъ, все тамъ и продалъ, а деньги вашему супругу вручилъ. Вашъ супругъ говорилъ, это вамъ больше не нужно. Я, говорить, съѣзжаю; за квартиру вамъ (намъ то-есть) уплачено. Оно и точно, сударыня, какъ вамъ извѣстно, до новаго года впередъ за квартиру мы отъ графа Александра Дмитріевича получили, мы довольны.

— Да мужъ-то мой куда дѣвался? вскричала Анна Федоровна.

— Вы вѣдь знаете, сударыня, они уѣхали.

— Куда уѣхали?

— Они говорили вы знаете, сударыня.

— Ничего я не знаю! Воръ, мошенникъ, онъ меня ограбил да бѣжалъ! Куда онъ бѣжалъ?

— Какъ это мнѣ васъ жаль, сударыня, послѣ этого.

— Что тебѣ жалѣть! вскричала съ неистовствомъ Анна Федоровна:—сами вы съ мужемъ твоимъ ему помогли, небось, руки погрѣли. Да я жаловаться буду! Я сейчасъ къ генераль-губернатору пойду! Мошенники, мерзавцы! безъ рубашки оставили!.. Куда онъ бѣжалъ?

— Говорилъ, я слышала, въ деревню или въ губернію; за нимъ заѣжалъ въ тарантасъ баринъ, съ усами длинными. Онъ тутъ безъ васъ къ супругу вашему хаживалъ.

— Пьянствовали вмѣстѣ? Я къ генераль-губернатору сейчасъ пойду! Вы, голубушка, съ мужемъ вашимъ намъ заплатите! Въ вашемъ домѣ воруютъ, грабятъ, пьянствуютъ! У васъ благородную даму до нитки обобрали... Хорошо, матушка! я къ оберъ-полицеймейстеру пойду, я такъ не оставлю! Вы у меня въ Сибири сгниете!

Анна Федоровна готовилась спуститься съ лѣстницы; по ней въ эту минуту поднимался хозяинъ.

— Дунюшка, сказалъ онъ женѣ:—ты здѣсь? А, вы, сударыня, изволили воротиться. Сожитель вашъ, сударыня, съѣхали.

— Ступай сюда! закричала Анна Федоровна:—какъ ты смѣлъ мои вещи продавать? Какъ ты смѣлъ, мошенникъ, воръ? Ты у себя притонъ резбойничій держишь? а? Какъ ты смѣлъ благородную даму... Вотъ, жена твоя, такая же мерзавка.

Хозяйка давно плакала.

— Чтò вы, сударыня, изволите кричать? возразилъ хозяинъ:—я вамъ ее обижать не позволю. Чтò вы вашу храбрость показываете? Я самъ человекъ свободный, управу найду. Извольте къ генераль-губернатору идти, я къ нему прежде васъ пойду. Здѣсь оцѣнщикъ былъ, здѣсь господинъ квартальный-надзиратель былъ; при немъ вашъ супругъ говорилъ, что вы сами велѣли, а то бы я не взялся. У меня расписка отъ торговца есть, что онъ ваши вещи купилъ; у меня отъ вашего супруга расписка есть, что я ему сполна всю сумму предоставилъ. Мы отъ вашего тряпья не пользовались.

— Тряпье? Какъ ты смѣешь говорить: тряпье? Да знаешь ли ты?

— Я ничего и знать не хочу, возразилъ мѣщанинъ, съ холоднымъ и полнымъ достоинства гнѣвомъ, какой бываетъ у

честныхъ простыхъ людей.—Пойдемъ отсюда, Дунюшка. Е сударыня, ругательница; я сейчасъ, вотъ, пойду къ его с тельству, графу Александру Дмитричу, возвращу ему дене за квартиру — попрошу, чтобы приказали вамъ съѣхать. Мы т кихъ необразованныхъ, какъ вы, держать не намѣрены, суд рыня. Намъ дороги не деньги, дорогъ постоялецъ, а такихъ какъ вы, я еще родясь не видалъ. И повѣрить нельзя пос этого, чтобы въ знатныхъ домахъ знакомства имѣли; такъ, Ба вась знаетъ, гдѣ таскаетесь.

Анна Федоровна задохнулась и не могла выговорить слов. Хозяинъ тяжелымъ шагомъ спускался съ лѣтницы.

— Ступай со мной, Дунюшка. нечего тебѣ въ этой комн нн дѣлать!

— Ахъ, матушка! сказала хозяйка—простите великодушн письмо къ вамъ отъ его сятельства, Александра Дмитр я ужъ испугалась, чуть не забыла; вчера сами изволили ромъ забрать, вамъ отдать приказывали.

— А ты утаить хотѣла, ты утаить хотѣла! воскричала А Федоровна, вырывая у нея изъ рукъ письмо:—мужичье пле Вонъ съ моихъ глазъ! вонъ, покуда я тебя...

— А что ты ей смѣешь сдѣлать? отозвался хозяинъ. лѣтницы:—иди сюда, Дунюшка! Ну-ка, поворожуй, трон Охъ, еще называется барыня!... Иди, что ли, Авдотья!

Хозяйка ушла. Анна Федоровна осталась одна, среди р рушения и зачужденія. Изъ другой комнаты слышались вск киванья Полины, съ которой было что-то въ родѣ истери скаго припадка.

— Матушка, уймись сдѣлай милость, хоть ты-то! сказала мать, въ которой, въ эту минуту, гнѣвъ и затруднительно положенія заглушили всякое другое чувство

Невозможно и не должно полагать, чтобы нервическое р драженіе Полины было вызвано, кромѣ потери нарядовъ, чь нибудь другимъ,—внезапною разлукой съ отцомъ, неизвѣ ностью о его участи, или грубыми словами хозяина. Какъ Д ушка, воспитанная нѣжно, и проводящая большую часть жив въ высшемъ обществѣ, Полина презирала невѣжественный, образованный классъ. Своя собственная бѣдность казалась несправедливостью судьбы, состояніемъ переходнымъ. б ность этого класса — уродствомъ, къ которому невозмож имѣть другаго чувства, кромѣ отвращенія. Хозяинъ и хозя

она ей такъ же противны какъ ихъ дворняшка; ихъ слова имѣли для нея значеніе лая этой дворняшки. Полина слышала, какъ онъ пригрозилъ, что заставитъ ихъ съѣхать съ квартиры, это дѣло маменьки, а не ея; и хотя бы и съѣхать, Полина такъ привыкла къ кочующей жизни, что это ея не тревожило. Она бы сейчасъ ушла къ Мше Мороновой, къ Мше Гущиной, къ Мше Алексинской, чтобы доказать этой дряни-мѣшанинѣ, что не нуждается въ нихъ. Она не понимала, какъ въ ея, въ отвѣтъ на дерзости, сейчасъ не надѣла шляпки, и съ уйдти. Она была сердита, что мать ея, по крайней мѣрѣ, разбранила хозяина за его дерзости. Объ отцѣ она тревожилась еще менѣе: она о немъ вовсе не думала. Господинъ Баровъ считался женой и дочерью не болѣе какъ грязнымъ животнымъ, живущимъ съ ними подъ одною кровлей; онъ нигдѣ не дѣлился съ нимъ ни трапезы, ни бесѣды, и не найдти его въ углу, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ и курилъ молча,—она почти радость. Полинѣ первое пришло въ голову, что теперь не нужно больше провѣтривать мантильи и платья отъ этого табачнаго запаха, который даже замѣтили княжны Ручейскыя, но вспомнивъ о своей исчезнувшей мантильѣ изъ чернаго шу-де-суа съ бахромой, она залилась новыми горькими слезами.

Анна Федоровна машинально собирала съ пола воротнички, а съ стульи старыя платья и бранилась.

— Вотъ, не ждали! что же это будетъ? Извергъ, воръ, мошенникъ! Жену, дочь родную по міру пустилъ!

Его раздраженіе происходило отчасти отъ голода, потому что онъ не ѣлъ съ утра, съ тартиннокъ и чая княгини Десятовова, а ему пришлось бы еще голодать, еслибы хозяйнѣ не исполнила своей хозяйки. Снисходя къ ея просьбамъ, онъ велѣлъ противнейшей работницѣ согрѣть самоваръ и отнести его на кухню, къ постояльцамъ. Стукъ башмаковъ работницы и шипенье самовара въ прихожей какъ-то пріятно слышались среди плача и брани. Анна Федоровна оживилась, и хотя злоба ея продолжала кипѣть, но пробужденіе аппетита и возможность сейчасъ удовлетворить его сдѣлали ее какъ будто чѣмъ-то инымъ.

— Вставай, поди, съѣшь что-нибудь, сказала она безъ ласки, уже безъ злости, являясь передъ Полиной съ ручкой кастрюли, которую отломила, заваривая чай:—мягкій, да никакъ не теплый. Колбаса славная.

Полина встала, молча, и, по привычкѣ благовоспитанной дѣвицы, отправилась къ зеркалу, поправить свои волосы. Ея щетки, гребенки, скляночка бандолины и рисовая пудра съ лебяжею подушечкой остались неприкосновенными въ ящикѣ маленькаго туалета. Мать ѣла, переходя изъ комнаты въ комнату, въ ожиданіи, когда дочь окончитъ свое занятіе.

Полина, наконецъ, вышла изъ своей комнаты и помѣстилась у стола, на которомъ, безъ скатерти и подноса, стояли двѣ чашки и самоваръ и лежали съѣстные припасы, въ оберточной бумагѣ, какъ были принесены изъ лавки.

— Чтò за гадость, сказала Полина:—да вы хоть-бы салфетку подостлали.

— Видно тебѣ ѣсть не хочется, возразила мать:—поди принеси.

— Почемъ же я знаю, гдѣ онѣ лежатъ! Развѣ это мое дѣло? Да тамъ, можетъ-быть, ужъ и нѣтъ ихъ.

Последнее замѣчаніе заставило Анну Федоровну стремительно броситься къ комоду. Салфетки были тамъ, но онѣ были или измяты, или изорваны, или грязны, и почтенная дама долго выбирала, не рѣшаясь, которую взять. Считать ихъ она не думала, потому что никогда не знала имъ счета.

— Дайте же чаю! закричала ей Полина.

— Налей сама, матушка; вѣдь онѣ передъ тобой стоять, отвѣчала Анна Федоровна, соображая предъ открытымъ комодомъ, не должно ли было лежать тамъ еще что-нибудь, о чемъ она не помнила, и чтò также могло быть похищено.

— Ахъ, какая тоска! да идите же, сказала Полина:—чтò я тутъ буду дѣлать? самоваръ брызжетъ, я всѣ руки сожгу.

Анна Федоровна постыдила ее успокоить. Молодая дѣвушка пила и ѣла съ внутреннимъ удовольствіемъ и видимымъ отвращеніемъ. Прекрасный чай, котораго нѣсколько щепотокъ Анна Федоровна купила нарочно дорого, чтобы вознаградить свою Полину за голодъ цѣлаго дня, Полина назвала аптечною травой, а за второю чашкой увѣряла положительно, что это иванъ-чай, который преслѣдуется полиціей.

— На тебя не угодишь. Дурно, такъ не пей, сказала Анна Федоровна съ нетерпѣніемъ.

— Боже мой, Господи! за чтò я такая несчастная? вскричала Полина:—отецъ унесъ послѣднюю юпку, мать...

— Мать чтò? прервала Анна Федоровна:—неблагодарная!

развѣ я за тебя душу свою не отдаю? Для кого я по чуждымъ домамъ побираюсь?

— Для своего удовольствія, сказала Полина.

— Для удовольствія? Ахъ ты злое созданіе! Весело мнѣ, пріятно мнѣ всякому кланяться, чтобы тебя считали за что-нибудь? угождать? Я у *нихъ* на посылкахъ, а ты—барышня! Я горничнымъ, лакеямъ кланяюсь, чтобы тебѣ какую-нибудь тричку твою выгладили, за обѣдомъ тебя блюдами не обносили... Я за тобой сама, какъ дѣвка, не ухаживаю? Для своего удовольствія я это дѣлаю, видите ли! Господи! да если бы для себя, я бы давно бросила все на свѣтъ, въ келью бы какую-нибудь заперлась.

Полина засмѣялась.

— Да, въ какую-нибудь, только не въ монастырскую, прерывала она, отрѣзавъ кусочекъ колбасы и очищая его своими длинными ногтями:—что за гадость! да дайте же салфетку, или у васъ нѣтъ ее? Куда вамъ въ келью; вамъ и ерадашь надобно, и Поль-де-Кока надобно; а на дешевомъ товарѣ кто же безъ васъ будетъ княгинѣ Катеринѣ Петровнѣ доскуты прискивать?

— Послушай, Павла Егоровна, вскричала мать внѣ себя:—ступай куда хочешь!

— Ну, что же? возразила дѣвушка, вспыхнувъ и сверкая своими зелеными глазами:—неужели вы думаете, что я безъ васъ пропаду? У меня есть знакомства, есть друзья; такія хорошенькія, какъ я, не пропадаютъ!

— Господи! Да понимаешь ли ты что говоришь? вскричала Анна Федоровна.

— Понимаю, отвѣчала Полина. Что же мнѣ спину гнуть за пальцами? Вотъ, у Фосса пять рублей мнѣ дали за коврикъ, а я полгода за нимъ сидѣла! Что же, мои сверстницы, потому что онѣ графини, да княжны, безобразныя, глуше меня, ловкія потому только, что на нихъ корсеты Жосслень съ подушками,—онѣ будутъ нарядны, будутъ нѣжиться, веселиться, выѣзжать, а я развѣ этого не стою? Развѣ я этого не хочу? Развѣ я живу? Я должна трудиться день и ночь, чтобы у меня былъ едва хлѣбъ насущный! Да меня не выучили трудиться! Да я не хочу трудиться! Меня никто не смѣетъ заставить трудиться! Довольно мнѣ того, что я хороша!

— Господи Боже мой! повторила Анна Федоровна:—сума-

шедшая, гдѣ ты набралась такихъ понятій, гдѣ ты слышала..

Полина засмѣялась.

— Въ благородныхъ, великосвѣтскихъ, благочестивыхъ мѣстахъ, тамъ, куда вы водили меня, милая маменька, отвѣчала она.—Развѣ я ребенокъ? развѣ я даромъ знаю исторію цѣлой Москвы? Съ вами-то что, что вы сегодня такъ усѣлись на добродѣтель? Хороша добродѣтель! Что, по вашему, тоже добродѣтель, Катерина Александровна Алексинская? А развѣ я хуже Катерины Александровны Алексинской, какъ вы думаете?

— Сумашедшая ты, вотъ итѣ я думаю, отвѣчала мать:— ты меня въ гробъ положишь.

Полина чуть замѣтно улыбнулась по-своему и замолчала. Анна Федоровна замолчала тоже, усѣвшись у окна: она плакала. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же, вы не будете убирать это? спросила Полина, указывая на чашки и прочее.

Анна Федоровна встала молча и стала собирать со стола. Подъ свертками ей попалось письмо графа Александра Дмитріевича Сѣницкаго, забытое среди всѣхъ сценъ и суматохъ. Она распечатала его.

— Поленька, деньги! вскричала она вдругъ, съ неизобразимую радостію.

— Деньги? сколько? вскричала дѣвушка, подбѣгая.

— Постой... двадцать пять рублей... Старый шутъ, чтобы ужъ стояло прислать пятьдесятъ!

Дочь не сказала этого, но схватила ассигнацію. Можно почти навѣрное опредѣлить свойства людей по движениямъ, съ которыми они берутся за деньги.

Графъ Александръ Дмитріевичъ Сѣницкій былъ превосходный человекъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ когда-то очень богатъ, но отдѣливъ состояніе своимъ двумъ сыновьямъ, оставилъ себѣ только третью часть и всю проживалъ ее на добро другимъ. Не было ни одного истинно-полезнаго благотворительнаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ; своими совѣтами, заступничествомъ, помощью, онъ дѣлалъ столько добра, что, наконецъ, стало невозможно скрывать его: шестидесятилѣтняго, уже болѣзненнаго старика, встрѣчали на лѣстницахъ чердаковъ, куда онъ взбирался навѣщать сѣдлыхъ. Его внимательность доходила до мелочей: въ больницы онъ возилъ книги и часто самъ читалъ выздоравливающимъ. Читать вслухъ была его маленькая страсть, достав-

лившая, впрочемъ, другимъ большое удовольствіе: въ молодости, графъ, изящный красавецъ, славился декламаціей, которою учился. Онъ былъ европейски образованъ, и отъ стариннаго склада воспитанія сохранилъ ту особенную мягкость, которая непріятна въ людяхъ отсталыхъ, но придаетъ какую-то граціозность и доброту понятіямъ людей, слѣдующихъ за современнымъ движеніемъ. Графъ, читая много и безпрестанно, безъ привязанности къ старымъ или успокоивающимъ авторитетамъ, знакомый и съ лицевою стороною и съ изнанкой общества, конечно не могъ быть человѣкомъ отсталымъ. Лицевая сторона общества, его «кругъ», находила его человѣкомъ «нѣсколько страннымъ», и объясняла его «филантропическія фантазіи» прихотью старости, или «стараніемъ заслужить свои грѣхи». Этотъ кругъ, однако, почему-то его боялся, хотя отъ графа никто не слышалъ желчнаго или рѣзкаго слова. Сыновья были имъ положительно недовольны, говоря, что онъ сдѣлалъ ихъ нищими.

Въ своемъ письмѣ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, писанномъ по-французски, гладкимъ слогомъ и немного кудрявымъ, но красивымъ, еще твердымъ почеркомъ (этогъ слогъ и почеркъ былъ до такой степени привычками графа, что онъ считалъ ихъ обязанностію), графъ увѣдомлялъ ее, что нашелъ случай устроить Полину: ей предагали мѣсто гувернантки, двухъ дѣвочекъ лѣтъ семи и восьми, съ тремя-стами рублей жалованья — «Я знаю даму, которая желаетъ имѣть нашу милую Полину, писалъ графъ, и увѣренъ, что Полина найдетъ въ ней друга. Къ Полинѣ расположены зрѣнѣе: ея обязанности не будутъ затруднительны и еще менѣе не пріятны; у нея будетъ много свободнаго времени и чтенія, и она можетъ дополнить свое собственное образованіе. Эта дама живетъ въ Киевской губерніи; наша малютка разцвѣтетъ и похорошѣетъ въ прекрасномъ климатѣ. Я знаю, милая Анна Ѳедоровна, какъ вамъ тяжело разстаться съ нею, но принесите эту жертву для нея самой; и притомъ разлука будетъ недолгая: зимой, онѣ прѣдутъ въ Москву непременно. Дайте мнѣ отвѣтъ не позднѣе двухъ дней...»

— Э, старый дуралей! вскричала Анна Ѳедоровна, бросая письмо.

Полина ничего не сказала; онѣ разошлись, каждая къ своему отъ у, и нѣсколько времени не говорили ни слова. Ни та, ни другая, однако, не размышляли; обѣ были взволнованы

и считали себя обиженными, сами не понимая, чѣмъ именно. Для того чтобъ объяснить самимъ себѣ свои чувства, имъ было необходимо заговорить между собою, и, въ разговорѣ, отыскать предлогъ своей досадѣ. Печаль о пропажѣ, устройство Полины, злость на нее, и вдругъ явившаяся возможность разлуки, которой дочь такъ сильно желала, эта возможность разлуки, вдругъ разбудившая въ матери порывистое чувство нѣжности, странно, отчаянно смѣшанное съ злобой,—все это мучило мать... А Полина такъ рада уйдти, такъ рада бросить мать... Чтò съ ней тамъ будетъ?..

— Чтò же, сказала Анна Федоровна, вдругъ прерывая молчаніе, и говоря именно не то, чтò думала, противорѣча себѣ, потому что мучилась.—Ты хотѣла изъ дома бѣжать: вотъ тебѣ случай. И деньги есть; кое-что сошьешь себѣ необходимое на первый разъ. Съ Богомъ.

— Очень вамъ благодарна, отвѣчала сквозь зубы Полина, глядя въ окно.

— Чтò?

— То, чтò я съ ума не сошла и сойдти не желаю, и въ гувернантки не пойду... Боже мой, и теперь ни одной минуты удовольствія, отдыха, свободы, а тамъ мученье съ этими проклятыми дѣтьми, съ маменькой, которая будетъ меня третировать какъ горничную... горничныя будутъ меня звать мамзелью... Итакъ, я лучшіе годы, — пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лѣтъ, просидѣла за книгами... довольно! Разъ пойдти въ гувернантки, это значить на всю жизнь, не развяжешься... Легко говорить тѣмъ, кто обезпеченъ: «une position honorable...» Honorable! Ни уснуть, ни встать покойно... ни смѣха, ни забавы... цѣпь надѣтъ...

Полина зарыдала, почти разорвала свое платье, разстегивая его на груди, выбѣжала въ свою комнату и бросилась на постель.

— Ты сумашедшая, сказала мать, слѣдуя за нею: — кто жъ тебя посылаетъ? Опомнись, Поля, Богъ съ тобой, Поля! полно, милая, ради самаго Бога, полно... Господи, да развѣ я тоже не мать, какъ эти важныя проклятыя дуры! развѣ имѣ мой ребенокъ не дорогъ, что я отдамъ его имъ на мученье?.. Поля, перестань плакать, ты меня уморишь!

Полина встала, шатаясь. Мать раздѣла ее, приготовила постель, и уложила; все это сопровождалось ласками и поцѣлугами, на которые дѣвушка не отвѣчала. Анна Федоровна убрала

комнату, на сколько это было необходимо, чтобы можно было пройти въ ней, зажгла огонь, потому что было уже темно, и спросила Полину, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Ничего, проговорила та первое слово въ теченіе цѣлаго часа, и отвернулась отъ свѣчки.

— Хочешь, я тебѣ почитаю что-нибудь?.. Не плачь, не пу- шу въ гувернантки.

— Я и сама не пойду; я сказала.

— Красота моя!

— Я знаю, что я хороша.

— Не плачь... Ну, что, вздоръ: три платья пропали; лучше будутъ.

— Знаю. И тридцать ихъ будетъ... Примите свѣчку.

— Что жь, почитать тебѣ? Спать еще рано.

— Читайте, если хотите.

Анна Федоровна собрала всѣ огарки, валявшіеся въ прихо- жей, и усѣлась читать дочери французскій романъ, нельзя сказать, чтобы нравственный. Дурное расположеніе духа По- лины разсѣялось, и она посмѣивалась вмѣстѣ съ матерью, лю- буюсь своими бѣлыми ручками, и ихъ граціозною тѣнью на стѣнѣ.

Анна Федоровна глядѣла на эту тѣнь и на эти ручки, и вдругъ задумалась. На ея лицѣ выразился сначала ужасъ, что- то похожее на негодованіе, потомъ какое-то тупое недоумѣ- ніе, безконечное горе... Она оглянулась на всю эту бѣдную, раззоренную комнату, и опять устремила глаза на дочь. Теперь въ ея взглядѣ была рѣшительность, радость похожая на отча- яніе, — и все это постепенно, тихо, среди раздумья, замѣни- лось улыбкой, лукавою, почти веселою, но странною, какъ-будто стыдящеюся самой себя...

— Пора спать, Поля, сказала вдругъ Анна Федоровна загашая свѣчку, и легла.

Но, несмотря на утомленіе, она не спала долго, и часто при- нималась плакать. Полина ничего не слышала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Крестовскій.

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ

Статья Г. Г. Льюиса (1)

I.

Пойдемте со мною, и съ любовью всмотримся въ природу, дышащую, трепещущую, дѣйствующую вокругъ насъ въ мирадахъ органическихъ формъ, не замѣчаемыхъ, не подозрѣваемыхъ, не достаиваемыхъ вниманія большинствомъ людей. Пойдемъ ли мы черезъ лѣса и луга, черезъ сады и поля, черезъ высокіе холмы и широкія равнины, вдоль тихихъ рѣчекъ, выходящихъ въ кустарникахъ, или по опаснымъ рифамъ вдоль бурнаго моря, въ глубокія влажныя пещеры или на скользкія вершины, все равно : вездѣ, и въ воздухѣ надъ нами, и на землѣ у нашихъ ногъ, и въ водахъ подъ землею, мы будемъ окружены жизнью. Отведите на время ваши взоры отъ міра нашей человѣческой жизни, съ его безконечною тревогой, съ его мучительною, но высокою тоской, съ его сознательнымъ несовер-

(1) Г. Льюисъ, авторъ превосходнаго труда о жизни и сочиненіяхъ Гете, равно оцѣненнаго въ Англіи и Германіи, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ натуралистовъ и писателей нынѣшней Англіи. Съ глубокими свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ онъ соединяетъ обширное образованіе и блестящій даръ изложенія. Предлагаемая статья, только что появившаяся въ подлинникѣ, составляетъ особое небольшое цѣлое и будетъ распределена нами на нѣсколько книжекъ нашего журнала.

Ред.

прежвѣнствомъ, стремящимся къ высшимъ предѣламъ, и взгляните въ спокойную дѣятельность этого другаго міра, такъ тѣсно, такъ таинственно связаннаго съ нами.

«Человѣкъ есть достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества!» воскликните вы, и я не стану увѣрять васъ, какъ то готовы сдѣлать нѣкоторые фанатики-натуралисты, что «достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества есть клѣточка»; но, соглашаясь съ вами, что высшая задача для человѣка есть знаніе человѣка, я хотѣлъ бы убѣдить васъ, что рядомъ съ нею есть и другія задачи, и что ихъ разрѣшеніемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Самъ человѣкъ недостаточно извѣданъ потому, что недостаточно извѣданы общіе законы жизни. Его органическая жизнь составляетъ лишь высшую задачу біологіи, наука о жизни, точно такъ же какъ онъ самъ составляетъ лишь вѣнецъ животнаго царства.

Итакъ, мы теперь займемся жизнью вообще, и въ особенности тѣми темными, мелкими проявленіями ея, которыя рѣдко привлекаютъ вниманіе непосвященнаго. Въ воздухѣ, въ которомъ мы дышимъ, въ водѣ, которую пьемъ, въ землѣ, по которой ступаемъ,—ездѣ скрывается жизнь. Природа живетъ. Жизнь бьетъ ключомъ изъ всѣхъ ея поръ, каждая смерть—рожденіе, каждая могила—колыбель. И обо всемъ этомъ мы знаемъ такъ мало, такъ безконечно мало! Вокругъ насъ, надъ нами, подъ нами разыгрывается великая, таинственная драма творенія, и мы даже не потрудимся быть ея зрителями! Какъ только животное не приноситъ намъ ни очевидной пользы, ни явнаго вреда, мы и не смотримъ на него. А между тѣмъ каждое изъ нихъ намъ не чуждо, каждое сродни намъ. Жизнь, кипящая въ насъ, кипитъ и въ нихъ. И мы, и они лишь части всеобъемлющаго цѣлаго. При этой мысли, завѣса падаетъ съ нашихъ глазъ: словно намъ дается новое чувство; мы научаемся смотреть на природу болѣе глубокимъ, болѣе сочувственнымъ взглядомъ.

Жизнь вездѣ! Воздухъ наполненъ птицами, легкими, нѣжными, чуткими птицами, которыхъ жизнь проходитъ въ тревожномъ трепетѣ, трепетѣ любви. Онъ кипитъ насѣкомыми, такими мелкими чудесами созданія. Воды населены безчисленными организмами, начиная отъ инфузорій, до того малыхъ, что сто пятьдесятъ милліоновъ ихъ не вѣсили бы грана, и кончая китомъ, до того великимъ, что онъ кажется островомъ, когда спитъ на волнахъ. Дно морей кишитъ полипами,

раками, морскими звѣздами, безчисленными, какъ песчанки, раковинками. Шероховатая поверхность утесовъ изрыта медленно подтачивающими ихъ мягкотѣлыми животными; она темнѣетъ отъ безчисленныхъ улитокъ и раковинъ.

Жизнь вездѣ! И на землѣ и подъ землею, роятся, ползаютъ, бѣгаютъ, плетутся и копаются живыя существа. Замануть ли насъ свѣжая тишина лѣса въ его подвижную тѣнь, насъ встрѣтитъ звенящее жужжанье насѣкомыхъ, чириканье птицъ, быстрый шорохъ отъ побѣга невидимыхъ звѣрковъ, и скажетъ намъ, какъ населено это уединеніе. Остановимся ли мы передъ деревомъ, кустомъ или травкой, нашему бѣглому, разсѣянному взгляду представится цѣлая колонія разнообразныхъ существъ. Сорвемъ ли мы цвѣтокъ, въ его нѣжной серединкѣ мы увидимъ красивое насѣкомое, занятое своею урочною работою. Поднимемъ ли мы упавшій листокъ, мы почти всегда найдемъ въ немъ личинку какого-нибудь насѣкомаго, ожидающую, подъ покровомъ его тканей, своего полного развитія. Капля росы, дрожащая на этомъ листѣ, вѣроятно также содержитъ животныхъ, которыхъ мы увидимъ подъ микроскопомъ. Тотъ же микроскопъ покажетъ намъ, что такъ-называемый *красавый дождь*, иногда внезапно появляющійся на хлѣбѣ, и возбуждающій суевѣрный страхъ, не что иное, какъ накопленіе мельчайшихъ животныхъ (*Monas prodigiosa*), и что широкія полосы снѣга, иногда въ одну ночь дѣлающіяся багровыми, обязаны своимъ цвѣтомъ мелкому растеньицу (*Protococcus nivalis*). Самая плесень, покрывающая нашъ хлѣбъ, нашъ сыръ, наши чернила, или испещряющая сырыя стѣны, не что иное, какъ накопленіе растеньицъ. Разноцвѣтное пламя, брызжущее изъ волнъ южнаго моря, когда ихъ разсѣкаетъ корабль, или капающее съ весель алмазными нитками, происходитъ отъ миллионовъ живыхъ инфузорій.

И тѣмъ не ограничивается роль жизни. Самая почва, на которой мы стоимъ, произведеніе жизни. Погибшія животныя и растенія участвовали въ постройкѣ этой твердой коры нашей планеты (1). Копающа глубоко, на тысячи футовъ подъ земною поверхностью, мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ кости странныхъ неуклюжихъ животныхъ, бродившихъ по болотамъ и лѣ-

(1) См. Ehrenberg. *Microgeologie: das Erden und Felsen schaffende Wirken des unsichtbar kleinen selbstständigen Lebens auf der Erde*. 1854.

Прежде чѣмъ появился на землѣ человекъ. Наше удивленіе усиливается, когда мы узнаемъ, что самый известнякъ такимъ образомъ состоитъ изъ скелетовъ микроскопическихъ животныхъ; что булыжникъ, скрипящій подъ нашими колесами, — это сростокъ безчисленныхъ скелетовъ. Апеннины и Кордильеры, и меловые утесы, такъ дорогіе взору англійскаго моряка, возвращающагося на родину, — суть мавзолеи погибшихъ недавнихъ поколѣній. Милліоны лѣтъ тому назадъ, эти нѣжные существа слагали тонкія скорлупки, служившія имъ жилищемъ; изъ остатковъ этихъ жилищъ мы строимъ свои Пареноны, свои базилики, свои Лувры. Такъ движется широкій круговоротъ жизни. Поколѣтіе смѣняется поколѣніемъ; настоящее дѣлается матеріаломъ будущаго, какъ прошедшее служило матеріаломъ настоящему. Жизнь каждой эпохи — зачатокъ жизни будущей.

Обозрѣвъ такимъ образомъ воздухъ, землю и воду, и найдя вездѣ избытокъ жизненныхъ формъ, видимыхъ и невидимыхъ, мы могли бы подумать, что обзоръ нашъ полонъ. Но путь-то было. И въ самой жизни гнѣздится жизнь. Тѣла животныхъ суть маленькіе міры, населенные своими собственными животными и растеніями. Одинъ ученый Французъ въ толстомъ томѣ *in octavo*, посвященный описанію и классификаціи растений, развивающихся на человекѣ и на животныхъ (1), и многіе германскіе изслѣдователи занимались описаніемъ бесконечно-разнообразныхъ животныхъ, живущихъ на поверхности человѣческаго и животнаго организма и внутри его, такъ что наука обогатилась цѣлою чужезадною фауной и флорой. Въ жидкостяхъ и въ тканяхъ, въ глазу, въ печени, въ мозгу, въ мышцахъ встрѣчаются паразиты. И эти паразиты нерѣдко питаютъ собою другихъ паразитовъ!

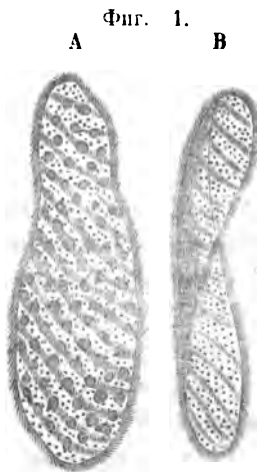
Такимъ образомъ мы оглянули à vol d'oiseau область, въ которой мы будемъ вращаться. Она по истинѣ неисчерпаема. Когда мы бы ни начали, мы никогда не дойдемъ до конца; когда наше любопытство не будетъ обмануто. Кто когда-нибудь

Къ такимъ трудамъ почувствовалъ влеченье
Въ томъ не остынетъ жаръ, пока онъ живъ,
Въ томъ вѣчна жажда, вѣчно наслажденье...

(1) Charles Robin. *Histoire naturelle des végétaux parasites qui croissent sur l'homme et sur les animaux vivants*. 1853.

Прежде всего, достаньте микроскопъ. Если вы не можете занять его, смѣло купите. Врядъ ли какая-нибудь покупка принесетъ вамъ болѣе наслажденія; и если ужъ вы рѣшились на нее, покупайте хорошій микроскопъ. Издержите какъ можно менѣе денегъ на придаточные аппараты и на дорогія вещицы, продающіяся при инструментѣ, но позаботьтесь о томъ, чтобы стекла были хороши, чтобы стativeъ былъ удобенъ. Приобрѣтши инструментъ, не забывайте двухъ важныхъ мелочей: работайте при дневномъ свѣтѣ, никогда или рѣдко при лампѣ и, глядя однимъ глазомъ въ микроскопъ, не закрывайте другого. При этихъ условіяхъ, вы можете работать ежедневно по нѣскольку часовъ, не утомляя вашего зрѣнія.

Съ чего же мы начнемъ? Съ чего бы то ни было. Эта мертвая лягушка, наиримѣръ, которая уже служила къ физиологическимъ опытамъ, можетъ послужить намъ поводомъ къ интереснымъ поученіямъ. Мы вырѣзаемъ частицу ея пищевада. Она муста и повидимому обшцаетъ немного; но вотъ изъ нея вытекаетъ капелъка жидкости, которую мы помѣщаемъ на стеклянную пластинку и прикрываемъ другимъ тонкимъ стеклышкомъ. Посмотрите. Тутъ много предметовъ, которые могли бы привлечь ваше вниманіе. Но не глядите на нихъ теперь, а займитесь этимъ маленькимъ животнымъ, которое плаваетъ между ними. Что это такое? Это одна изъ самыхъ крупныхъ инфузорій, такъ называемая опалина. Называя ее инфузоріей,



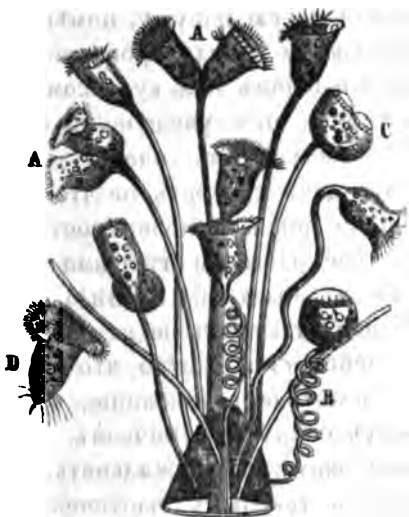
Opalina gaganum,
увеличенная.

А. Спереди
В. Сбоку

я говорю языкомъ учебниковъ. Но зоологи повидимому все болѣе и болѣе склоняются къ мнѣнію, что опалина не инфузорія, а какой-нибудь глистъ (*Distoma*?) въ зародышномъ состояніи. Однако, она не разовьется въ глиста, пока она живетъ въ лягушкѣ. Она ждетъ, чтобы какая-нибудь щука или цапля съѣла лягушку. И тогда, въ желудкѣ своего новаго кормильца, она разовьется въ свою совершеннѣйшую форму. Тогда, и не прежде. Это васъ удивляетъ? И есть чему удивляться. По этому поводу можно бы разказать цѣлую исторію; но это еще впереди; покуда все наше вниманіе принадлежитъ опалинѣ.

Смотрите, какъ она прозрачна, съ какими ловкими, граціозными извивами она плаваеъ по водѣ; а между тѣмъ у этого щипца нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни хвоста, ни костей, которыя могли бы служить точкой опоры для мышцъ; да и самыхъ мышцъ у него нѣтъ. Это существо все состоитъ изъ отрѣзковъ: оно безъ глазъ, безъ зубовъ, безо всего; нѣтъ, не безо всего, потому что, вглядываясь внимательно, мы замѣчаемъ нѣкакія теченія въ окружающей его жидкости, и, вглядываясь еще внимательнѣе, мы видимъ, чѣмъ производятся эти теченія. По всей поверхности опалины расположены нѣжныя волоски, безпрестанно качающіеся; это такъ-называемыя рѣснички;

Фиг. 2.



Группа сувоекъ (*Vorticella nebulifera*), на вѣткѣ воднаго растенія, увеличенная.

- | | | |
|--|---|--|
| A. Произвольное дѣленіе особи. | } | C. Особь, [оттянувшая свои рѣснички. |
| B. Особь, свернувшая свою кожу въ спираль. | | D. Почка, отдѣлившаяся и свободно плавающая въ водѣ. |

или мерцательные волоски (*cilia*). Онѣ бьютъ по водѣ, и животное подвигается ими, какъ галера своими сотнями веселъ. Вы тутъ въ первый разъ видите это качаніе мерцательныхъ волосковъ, о которомъ вы такъ часто читали и которое вы впредь будете встрѣчать почти въ каждомъ животномъ, какъ важное, необходимое отправление. Иногда рѣснички служатъ орудіемъ движенія, иногда орудіемъ дыханія, постоянно возобновляя воду около животнаго; иногда средствомъ для при-

тягиванія пищи, причѣмъ онѣ окружаютъ ротъ и слонятъ б престаннымъ качаніемъ производятъ маленькій водоворотъ втягиивающій въ него пищу. Примѣромъ тому можетъ служить сувойка (фиг. 2).

Изучивши дѣйствіе этихъ рѣсничекъ у микроскопическихъ животныхъ, вы можете отдать себѣ отчетъ въ ихъ роли въ собственнаго вашего организма. Перепонка, выстилающая воздушные проходы, вся покрыта рѣсничками, въ чемъ можно убѣдиться, слѣдуя указаніямъ профессора Шарпи, котораго наука обязана очень обстоятельнымъ описаніемъ этихъ органовъ. «Чтобы видѣть ихъ въ движеніи, слѣдуетъ взять кусочекъ мерцательной слизистой оболочки отъ только что убитаго звѣря. Этотъ кусочекъ долженъ быть сложенъ свободной рѣсничною стороною своею наружу, помѣщенъ на стеклянную пластинку въ капельку воды или кровяной сыворотки, и закрытъ тонкимъ стеклышкомъ или кусочкомъ слюды. Если сматривать его теперь при увеличеніи двухсотъ или трехсотъ разъ въ діаметръ, мы увидимъ очень замѣтное движеніе края складки, и это движеніе есть не что иное, какъ качаніе рѣсничекъ, которыми покрыта поверхность перепонки. Такъ какъ эти волоски расположены тѣсными рядами и качаются одновременно или въ быстрой послѣдовательности, то въ совокупности представляютъ видъ блестящей, прозрачной бахромы, волнуемой такъ быстро, что глазъ не можетъ различить ея отдельныхъ ниточекъ. Движеніе, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ самимъ рѣсничкамъ; но ими приводится также въ движеніе окружающая жидкость, что ясно видно по перемѣщенію мелкихъ твердыхъ частичекъ, случайно попавшихъ въ нее. Чтобы убѣдиться въ томъ, что жидкости и твердія вещества пропихиваются вдоль рѣсничатой поверхности и притомъ въ определенномъ направленіи, мы также можемъ опробовать погруженный въ воду препаратъ мелкимъ порошкомъ, напримѣръ порошкомъ древеснаго угля, и тогда увидимъ, что онъ медленно, но неизмѣнно будетъ подвигаться вдоль перепонки по постоянному направленію» (1).

Замѣчательно то обстоятельство, что между тѣмъ какъ въ одномъ направленіи, по которому рѣснички проводятъ жидкости и твердыя частицы, обыкновенно идетъ внутрь органа, иногда

(1) *Quains Anatomy*. By Shatpey and Ellis. Sixth edition. I, p. LXX. См. также статью *Cilia* въ *Cyclopaedia of Anatomy and Physiology*.

происходить наоборотъ; и вмѣсто того чтобы втягивать въ организмъ твердыя частицы, рѣснички энергически отражаютъ ихъ, когда онѣ пытаются проникнуть въ него. Отсутствие этого механизма повлекло бы за собою роковыя послѣдствія. Наши медушныя проходы не могли бы защитить нашихъ легкихъ отъ песчинокъ, сажи, опилокъ, носящихся въ атмосферѣ. Напротивъ того, качающіеся волоски, покрывающіе эти проходы, захватывали бы всякую твердую частицу и влекли бы ее въ легкія. Къ счастью, рѣснички качаются въ обратномъ направленіи, и онѣ дѣйствуютъ какъ бдительные стражи, строго возбраняющіе твердымъ частицамъ проскользнуть подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ легкія. Напрасно вѣтеръ гонитъ вамъ въ лицо кружащееся облако пыли; напрасно въ наши ноздри врывается воздухъ, пропитанный сажею. Воздухъ впускается, но сажа неумолимо отражается. Не то, какъ бы могли рудокопы, мельники, пыльщики и всѣ современные Тувалы существовать въ отягченной атмосферѣ, окружающей ихъ? Въ нѣсколько дней, ихъ легкія были бы засорены.

Можетъ-быть, вы возразите мнѣ, что такъ оно и выходитъ, что люди, работающіе надъ желѣзомъ и сталью, очень подвержены чахоткѣ; что вскрытія часто обнаруживаютъ у угольковъ особенную блѣдность легкихъ.

Хотя я не медикъ, и не намѣренъ надоѣдать вамъ медицинскими разсужденіями, я однако позволю себѣ обратить ваше вниманіе на три обстоятельства, доказывающія, какъ безосновательно такое мнѣніе. Впервыхъ, какъ бы ни была обыкновенна чахотка между шеффилдскими работниками, это вполне объясняется тою неподвижностію и тѣмъ нездоровымъ помѣщеніемъ, на которое они обречены своими занятіями. Рудокопы и угольщики не страдаютъ отъ чахотки; къ тому же, если бы чахотка происходила отъ опилокъ, ей были бы подвержены всѣ работники, такъ какъ всѣ дышатъ одною атмосферою. Ввторыхъ, хотя дѣйствительно у рудокоповъ была замѣчена блѣдность легкихъ, она была замѣчена далеко не у всѣхъ, даже лишь у немногихъ; между тѣмъ какъ она часто встрѣчается и у людей, не работавшихъ въ рудникахъ, не подвергавшихся вдыханію значительнаго количества угольной пыли. Втретьихъ, и это всего важнѣе, опытъ показалъ, что угольная пыль не можетъ проникать въ легкія. Клодъ Бернаръ, блестящій экспериментаторъ, привязывалъ пузырь, насыпанный мелкимъ угольнымъ порошкомъ, къ мордѣ кролика. Каждый

разъ, какъ животное вдыхало, порошокъ взвивался внутри пузыря. Пузырь снимался только во время кормленія, такъ и кроликъ дышалъ почти исключительно этимъ пыльнымъ веществомъ. Еслибы порошокъ могъ обойти бдительность рѣсничекъ и проникнуть въ легкія, на то не могло бы представиться болѣе удобнаго случая. Но когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, животное убили и вскрыли, въ легкіяхъ и въ дыхательномъ горлѣ не было найдено и слѣдовъ угля; нѣкоторыя изъ поточки его оказались въ ноздряхъ и около зѣва. Но рѣснички сдѣлали свое дѣло, и не допустили его до воздушныхъ путей.

Плавательный аппаратъ опалины отвлекъ насъ далеко отъ этого маленькаго животнаго, а пока мы разсуждали, оно плыло. При мысли о питаніи, вы невольно ищете пищи, и рюю оно поглащаетъ, рта и желудка, куда попадаетъ эта пища. Но я уже намекнулъ о томъ, что это эеирное существо не имѣетъ желудка: это было бы слишкомъ грубо; и оно не имѣетъ утонченность до того, что не имѣетъ рта. Въ сущности оно не имѣетъ никакихъ органовъ, кромѣ занимавшихъ у насъ рѣсничекъ. То же самое мы можемъ сказать о множествѣ инфузорій; натуралисты уже не признаютъ за ними того сложнаго строенія, которое Эренбергъ приписывалъ этимъ многочисленнымъ существамъ. Если вамъ жаль разстаться съ идеальнымъ представленіемъ микроскопической былинки, съ же сложной, какъ слонъ, то васъ вполне вознаграждаетъ другое представляющее его восходящемъ рядѣ органическихъ существъ, начинающемся съ безформенной *Amoeba* и доходящемъ до сложнаго строенія млекопитающихъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что какъ бы ни была велика заслуга Эренберга, какъ наблюдателя, его толкованія видѣнныхъ имъ явленій одно за другимъ были замѣнены толкованіями, болѣе точными. Созданный громадный классъ инфузорій со дня на день уменьшался и продолжаетъ уменьшаться. Многие изъ его членовъ оказались растеніями; многие—зародышами червей; многие изъ нихъ принадлежатъ къ одному классу съ устрицами, или съ мокрицами—есть суть моллюски или раки. Эти послѣдніе, конечно, имѣютъ очень сложное строеніе; но инфузоріи, въ современномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ строеніе чрезвычайно простое. Никто болѣе не считаетъ свѣтлыхъ пространствъ внутри ихъ тѣла за желудки, какъ то дѣлалъ Эренбергъ; и понятіе многожелудочныхъ инфузорійхъ (*infusoria polygastrica*) со-

еще оставлено. Никто не вѣритъ болѣе тому, чтобъ окрашенными пятнышками на этихъ животныхъ были глаза, потому что, не говоря уже о трудности представить себѣ глазъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервной системы, точно такія же пятна были найдены в спорaxъ нѣкоторыхъ растений. А тутъ они уже конечно не глаза. И если мы исключимъ высокосложныхъ ротиферовъ, или вьюратокъ, которыя суть настоящіе раки, то мы можемъ сказать, что всѣ инфузоріи, со включеніемъ молодыхъ червей, представляютъ намъ самую простую организацію.

Все это ведетъ насъ къ тому, чтобы разсмотрѣть; чтó биологиче斯基 разумѣютъ подѣ *органомъ*? Это часть тѣла, обособленная для совершенія опредѣленнаго отправленія. Весь процессъ организаціи есть не что иное, какъ такое обособленіе частей для специальныхъ цѣлей. Исходная точка жизни есть отдѣльная клѣтка, то-есть микроскопическій мѣшочекъ, наполненный жидкостью и твердыми крупинками, и содержащій внутри себя еще болѣе мелкій мѣшочекъ—ядро клѣточки. Пали гдѣ-то говорятъ, что на ранней ступени развитія нѣтъ замѣтной разницы между философомъ и лягушкой. Это совершенно справедливо; справедливѣе чѣмъ онъ самъ думалъ. На самой ранней ступени развитія и лягушка, и философъ не что иное, какъ простая клѣточка, хотя изъ одной клѣточки и суждено развиться Аристотелю или Ньютону, а изъ другой холодному, покрову, квакающему животному, которое мальчишки будутъ лупить, анатомы рѣзать, Французы жарить и ѣсть. Вотъ какимъ путемъ идетъ жизнь отъ исходной точки, отъ первичной клѣтки. Клѣточка дѣлится на двѣ, изъ этихъ двухъ клѣточекъ происходятъ четыре, изъ четырехъ восемь, и такъ далѣе, пока не образуется скопленіе клѣточекъ, формой своею походящее на малиновую ягоду. Эта ягода превращается въ мѣшочекъ съ двойною оболочкой. Внутренняя пластинка этой оболочки, обращенная къ желтку, къ пищѣ, дѣлается *уподобляющею* поверхностью цѣлаго; внѣшняя оболочка, обращенная къ окружающей средѣ, дѣлается тою поверхностью, посредствомъ которой и философъ, и лягушка вступаютъ въ связь и въ сношеніе съ окружающимъ міромъ, съ *поп* его, какъ выразится во времени философъ. Тутъ мы встрѣчаемъ первый важный процессъ обособленія. Зародышъ снабдился *уподобляющею* поверхностію, которой дѣла нѣтъ до внѣшняго міра, и чувствительною, подвижною *внѣшностію*, которой дѣла нѣтъ до переработки и распредѣленія пищи. Зародышъ пересталъ быть

скопленіемъ однородныхъ клѣточекъ; онъ сдѣлался разнороднымъ, онъ распался на внутреннюю и вѣшнюю пластинку. Но каждая изъ этихъ пластинокъ покуда однородна; части каждой изъ нихъ не отличаются между собою. Прослѣдимъ далѣе исторію развитія, и мы увидимъ, что внутренняя пластинка постепенно развивается различно въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, и что рядомъ обособленій изъ нея вырабатываются разнообразныя группы сложныхъ органовъ, служащихъ пищеvarенію, отдѣленію, выдѣленію. Внутренняя пластинка такимъ образомъ изъ простой уподобляющей поверхности дѣлается сложнымъ аппаратомъ, исполняющимъ всѣ отправленія растительной жизни.

Взгляните теперь на вѣшнюю пластинку; изъ нея такъ постепенно выработались разнообразные органы. Она развилась въ мышцы, нервы, кости, органы чувствъ и мозгъ. Въ ней возникло изъ простой, однородной перепонки.

Послѣ этого бѣлаго взгляда на общій ходъ развитія у животныхъ, вы оцѣните вѣрность великаго закона, который впервые въ первый разъ провозгласили Гете и фонъ-Бэръ, какъ законъ животной жизни. Этотъ законъ заключается въ томъ, что развитіе всегда ведетъ отъ общаго къ частному, отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному; и это происходитъ черезъ постепенный рядъ *обособленій*, или, выражаясь словами нашего глубокогоумнаго Теннисона —

Ширѣетъ бытіе. Чѣмъ далѣе, тѣмъ сложнѣе
Становится оно, простое, отживая;
Чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ чаще, мудренѣй,
Тѣмъ разнороднѣй ткань его живая.

Вы теперь освоились съ словами «обособленіе» и «развитіе», такъ часто встрѣчающимися у современныхъ писателей; вы составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что такое органъ: такъ что, слыша о животномъ безъ органовъ, вы тотчасъ поймете, что въ такомъ животномъ не происходитъ обособленія отдѣльныхъ частей тѣла для опредѣленныхъ цѣлей, что въ немъ всѣ части безразлично служатъ всѣмъ отправленіямъ. Вотъ вамъ для примѣра наша опалина, у которой нѣтъ ни рта, ни желудка, ни какого-либо другаго органа. Во всѣхъ своихъ частяхъ она представляетъ намъ уподобляющую поверхность, во всѣхъ поверхность дышащую, чувствительную. Питаясь жидкою пищею, она не нуждается ни во рту для ея поглощенія, ни въ желудкѣ для ея перевариванія. Жидкости и газы проходятъ сквозь нѣжную кожу опалины посредствомъ

...са, который мы называемъ эндосмосомъ. Проникши
 въ тѣла, они служатъ пищей животному, и все отслу-
 ... выдѣляется посредствомъ такого же процесса, кото-
 ... называютъ экзосмосомъ. Этимъ способомъ питаются многія
 ... и всѣ растенія. Клубочки на кончикѣ корней, кото-
 ... растенія пробуравливаютъ землю, не имѣютъ ни рта для
 ... жидкостей, ни сквозныхъ отверстій, пропускаю-
 ... къ; тѣмъ не менѣе жидкость проникаетъ въ клубочку,
 ... нѣжную оболочку, и проникаетъ изъ одной клубочки
 ... и отъ корневой мочки до послѣдней почки. Точно
 ... питается и опалина: она вся—ротъ, и не имѣетъ рта;
 ...—желудокъ, и желудка у нея нѣтъ. Каждая часть ея тѣла
 ... отправленія, которымъ въ болѣе сложныхъ живот-
 ... сумать особые органы. Она питается безъ рта, ды-
 ... безъ легкихъ, движется безъ мышцъ.

Скажутъ вамъ, что опалина—паразитъ. Ее находятъ въ раз-
 ... животныхъ, а въ лягушкѣ—почти всегда. Вы, можетъ-
 ... спросите меня, отчего ее считаютъ паразитомъ; по-
 ... не предположить, что лягушка проглотила ее вмѣстѣ
 ...? Конечно, это очень легко могло бы случиться. Но
 ... высвѣтляя ваши сомнѣнιά, я вскрываю черепъ лягушки и

... вынимаю изъ него капелку
 ... въ которой мы, съ помощію
 ... по всей вѣроятности найдемъ
 ... инфузорій, преимущественно
 ... тѣхъ, которыхъ называютъ монадами.
 ... монады уже, конечно, не были про-
 ... ны. Онѣ живутъ въ мозговой влагѣ,
 ... такъ же какъ опалина въ пищеводѣ.
 ... мы распространимъ еще далѣе
 ... чески, мы найдемъ, что въ разныхъ
 ... живутъ различные паразиты.

... наиримѣръ, паразитный глистъ
 ... этого пузыря лягушки. Помѣстите
 ... микроскопъ съ сильнымъ уве-
 ... мъ, и посмотрите! Его зовутъ Ро-
 ... потому что у него много ртовъ
 ... много сосательныхъ аппа-
 Вглянитесь на нижній кончикъ жи-
 ... , и вы увидите шесть широкихъ
 ... аппаратовъ съ звѣздовид-

Фиг. 8.



Polystomum integerrimum, увеличенное.

ный клапан (e), и роговый органъ (f), которымъ животное пробурываетъ себѣ дорогу. При a находится еще одинъ сосательный аппаратъ, который служитъ также ртомъ; при b видите зачатокъ пищепріемника и при c органы развѣтвленія. Обратите особенное вниманіе на красивыя развѣтвленія жидкой вода (c), пронизывающія все тѣло подобно кровянымъ жиламъ.

Пищеводъ, развитый такимъ образомъ, находится у многихъ животныхъ, и его часто принимали за кровеносную систему. Въ одномъ смыслѣ этотъ взглядъ справедливъ, потому что эти развѣтвленныя трубочки проводятъ питательную жидкость и суть единственные органы сокообращенія въ этихъ животныхъ. Но эта питательная жидкость есть кашлица (chyme), не кровь: эти простые животные еще не досрости до того, чтобы имѣть кровь, которая есть высшая степень метаморфоза пищи, свойственная высшимъ организмамъ.

Итакъ наша лягушка, кромѣ чудеса собственной своей организации, представляетъ намъ цѣлый міръ мелкихъ чудесъ цѣлую колонію живыхъ существъ. Природа и бережлива и расточительна на пространство. Она раскидываетъ по беспрѣдѣльности небесъ солнца и міры, и въ мелкихъ былинкахъ движущихся по поверхности земнаго шара, скучиваетъ ряды бесконечно-малыхъ жильцовъ. Какъ далеко мы ни проникаемъ въ небеса съ помощію нашихъ телескоповъ, передъ нами открываются звѣздныя кучи, словно пески на берегу океана бесконечности; какъ глубоко мы ни проникаемъ въ прахъ и влагу нашей планеты посредствомъ микроскопа, передъ нами открываются живыя формы внутри живыхъ существъ породы внутри породъ, словно безпрѣдѣльность міровъ сликомъ тѣсна для совищенія всѣхъ проявленій жизни!

Не безъ умысла употребили мы выраженіе: породы внутри породъ; оно буквально точно. Возьмите одно изъ этихъ мелкихъ насѣкомыхъ (Aphis), густою толпой покрывающія вѣтки вашихъ розановъ; вскрыйте его, въ растворѣ сахара подъ вашимъ микроскопомъ, и вы внутри его найдете подлинное ему насѣкомое, почти вполне развитое. Вскройте тщательно и это насѣкомое, и вы найдете и въ немъ зачатокъ третьей породы, менѣе развитый, но легко различимый опытнаго глаза; и кромѣ этого зародыша, вы увидите еще сколько яицъ, которыя въ свое время также развѣдись бы въ животныхъ!

Если возьмете эту длинную болотную улитку (*Paludina vivipara*), въ первый разъ научно описанную великимъ Сваммердаммомъ, этимъ воплощеніемъ терпѣнія и точности, и вы въ ней найдете сорокъ или пятьдесятъ молодыхъ улитокъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Рядомъ съ ними вы также найдете, какъ и онъ нашелъ, нѣсколько тонкихъ глистовъ, и если вы взрѣжете ихъ, изъ нихъ выскользнетъ по три или по четыре инфузоріи (1). Гдѣ же конецъ, спросите вы?

Это наблюденіе, сообщенное Сваммердаммомъ, пришло въ обиходъ, какъ и многія другія наблюденія благороднаго труженника. Но новѣйшимъ изслѣдователямъ оно послужило исходною точкой для работъ, въ высшей степени интересныхъ. Глисты, которыхъ онъ нашелъ въ улиткѣ, теперь даютъ названіе *Cercariae* (мѣшки съ церкаріями), потому что они содержатъ церкарій, нѣкогда причислявшихся къ инфузоріямъ, но признанныхъ теперь за низшія ступени развитія паразитовъ, глистовъ, живущихъ въ пищеводе и въ другихъ полостяхъ тела высшихъ животныхъ. Эти церкаріи снабжены сильными хвостами, посредствомъ которыхъ они плаваютъ по водѣ, какъ головастики, и, какъ головастики, они теряютъ хвосты въ позднѣйшій періодъ своей жизни. Но какимъ образомъ, думаете вы, эти мѣшки съ церкаріями попали въ улитокъ? «Посредствомъ произвольнаго зарожденія»; отвѣчали прежде защитники этой гипотезы, и тѣ, которые были противъ гипотезы произвольнаго зарожденія, должны были сознаваться, что не могутъ дать объясненія болѣе удовлетворительнаго. Это была тайна, и они рѣшились скорѣе оставить ее неразгаданною, чѣмъ прибѣгать къ гипотезѣ произвольнаго, или первичнаго зарожденія (то-есть зарожденія, происходящаго само собой, безъ яйца). И въ этомъ они были правы. Тайна наконецъ разъяснилась (2). Я постараюсь собрать передъ вами разбросанныя по разнымъ книгамъ подробности этой интересной исторіи.

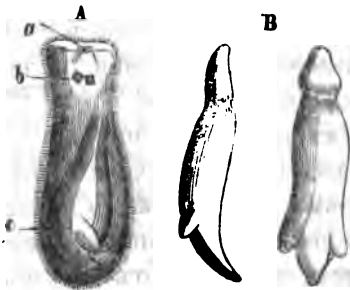
Подъ вѣками гусей и утокъ постоянно находится глисть (изъ порядка Trematoda), котораго натуралисты окрестили именемъ *Monostomum mutabile*. Этотъ глисть производитъ живыхъ дѣтенышей, имѣющихъ видъ подвижныхъ инфузорій, которыя плаваютъ по водѣ посредствомъ рѣсничекъ, покрыва-

(1) Swammerdam *Bibel der Natur*, стр. 75—77.

(2) Стараніями фонъ-Зибольда. См. его интересное сочиненіе: *Ueber die Band und Blasenwürmer*.

ющихъ ихъ тѣло, точно также, какъ опалина. Вотъ портретъ одного изъ нихъ (фиг. 4).

Фиг. 4.



А. Зародышъ *Monostomum mutabile*.
В. Мѣшокъ съ церкариями, только что высвободившійся.

а. Ротъ. б. Окрашенныя точки.
с. Мѣшокъ (увеличено).

бы заключить изъ его названія. Онъ самостоятельное животное и живетъ самостоятельную жизнь. Онъ жадно питается со-

Фиг. 5.



ками улитки и накапливаетъ обильный запасъ для слѣдующаго поколѣнія. Онъ зародился внутри животнаго; отчего ему въ свою очередь не народить дѣтей? Основать поколѣнне, рассыпать по землѣ многочисленное отродье благородное дѣло. Таинственный процессъ размноженія возникаетъ въ мѣшковидномъ животномъ; и вскорѣ внутри его заводится подвижное семейство церкарий. Мѣшокъ развязывается, и молодое племя выходитъ изъ него. Но что это такое? Этихъ дѣтей никоимъ образомъ нельзя назвать «живымъ портретомъ» родителя. Они ужъ не мѣшки, даже ни мало не похожи на мѣшки, какъ вы видите ихъ въ фиг. 6.

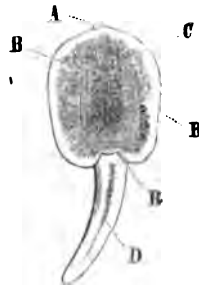
У нихъ есть и хвосты, и сосательные органы, и острия орудія для пробурыванія тканей и другіе органы, которыхъ не было у ихъродителя. Глядя на нихъ, вы также мало повѣрили бы, что они происходятъ отъ мѣшковъ, какъ если бы

Каждое изъ этихъ маленькихъ животныхъ развиваетъ внутри себя мѣшокъ. Этотъ мѣшокъ вы можете видѣть на рисункѣ. Какъ только инфузорія удачно проникнуть въ тѣло улитки ея роль покончена. Она умираетъ, и тѣмъ самымъ освобождаетъ образовавшійся внутри мѣшокъ, который преудобно помѣщается въ улиткѣ и питается ея соками. Если вы посмотрите поподробнѣе этотъ мѣшокъ, вы замѣтите, что онъ имѣетъ ротъ и пищеводе (фиг. 5); что онъ стало-быть представляетъ далеко не простое вмѣстидлице, какъ можно было

мы доказали, что ракъ отродье устрицы. И что еще поразительнее, не только церкарии не походят на своих родителей, но эти послѣдніе также мало похожи на зародышъ. Поэтому, которому они обязаны своимъ существованіемъ. Если мы станемъ преслѣдовать эту фамильную крошку, мы найдемъ, что генеалогія наконецъ выясняется, и что церкарія развивается изъ гильи какой-нибудь водной птицы въ *Stomatium mutabile*, подобный ея прародитель. Такимъ образомъ гилья производитъ инкузорію, въ которой развивается ракъ, производящій церкарію, дѣлающуюся гильею точь-въ-точь похожимъ на своего прадѣда.

Изъ особенностей этой исторіи вытекаетъ въ томъ, что между тѣмъ, какъ моностомъ производитъ дѣтеныша обыкновеннымъ путемъ, два промежуточныхъ поколѣнія возникаютъ способомъ, совершенно отличнымъ отъ обыкновеннаго, а именно: посредствомъ образованію почекъ у животныхъ. Растенія, какъ вы знаете, размножаются двоякимъ образомъ, посредствомъ сѣменъ, и посредствомъ почекъ. Размноженію посредствомъ сѣменъ служатъ особые органы; для размноженія посредствомъ почекъ не нужно такого обособленія. Это простое выростаніе. То же самое можно сказать о многихъ животныхъ. Они вѣтвятся, какъ растенія, и какъ растенія производятъ сѣмена. Я доказывалъ въ другомъ мѣстѣ (1), что оба способа въ сущности тождественны, и что оба суть лишь различныя формы роста. Не пускаясь тутъ въ разборъ этого вопроса, замѣтимъ только, что моностомъ, въ которомъ развивается церкарія, производитъ яйца, изъ которыхъ развиваются дѣтеныши; второе поколѣніе развивается не изъ яицъ, но изъ внутреннихъ почекъ; третье также; но это поколение, достигши зрѣлаго возраста, производитъ яйца. Для того, чтобы церкарія достигла этой зрѣлости, необходимо, чтобы ее проглотила какая-нибудь птица, или какой-нибудь животное. Лишь въ ихъ пищеварительномъ аппаратѣ, она приобретаетъ способность производить яйца. Но какъ попадаетъ она туда? Различными способами. Разсмотримъ одинъ изъ нихъ.

Фиг. 6.



Развитая церкарія.

A. Ротъ. ВВВ. Органъ выдѣленія. С. Окрашенная точка. D. Хвостъ.

1) *Seaside Studies* p. 308. sp. (Недавно вышедшее сочиненіе г. Льюиса. Ред.)

Въ этомъ часовомъ стеклышкѣ плаваютъ нѣсколько церкарий. Присоединимъ къ нимъ два или три изъ этихъ суспензий, толкущихся насѣкомыхъ, которыхъ вы видали въ лужѣ, и которыя суть не что иное, какъ личинки, или доразвитыя формы эемеры. Церкарии перестаютъ бить воду своимъ вертлявымъ хвостомъ, и пристально всматриваются въ прищипцовъ. Когда Одри, въ уморительномъ фарсѣ: *Les Stimbanques*, вдругъ видитъ чемоданъ, онъ восклицаетъ: «*ma malle, se doit être à moi!*» (1) Эту же теорію собственно очевидно руководствуются церкарии. Насѣкомое! должно быть мое! Согласно съ этимъ, каждая изъ церкарій всползаетъ тѣло какой-нибудь эемеры, вопросительно постукивая своимъ хоботкомъ, чтобы проткнуть имъ первое мягкое мѣсто, которое попадется. Между члениками насѣкомаго нашлось кое мягкое, прободаемое мѣсто. Валяй! Разбойники принимаются долбить тѣло эемеры, не останавливаются, пока не долбятъ себѣ прохода, черезъ который они могутъ проскочить, выткнувши свое тѣло. Разъ проникнувъ въ чужое тѣло, онѣ отбрасываютъ хвостъ, который сталъ для нихъ лишнимъ придаткомъ, и съ ними начинается процессъ, который называютъ *энцистаціею*, то-есть онѣ свертываются въ клубокъ, поверхности котораго выдѣляется слизь, отвердѣвающая въ плотную скорлупку. Въ этомъ видѣ они остаются цѣпко построенными въ тѣлѣ насѣкомаго, которое въ свое время развѣвается въ мушку, въ этой новой формѣ летаетъ надъ болотомъ, и наконецъ поѣдается какою-нибудь птицею. Мушка переваривается въ желудкѣ птицы, и освобожденная церкарія очутилась въ удобномъ помѣщеніи, гдѣ она разрываетъ свою скорлупку, и быстро достигаетъ полнаго развитія.

Вы съ интересомъ прочтете также описаніе другой формы переселенія, сообщенное Зибольдомъ. «Долгое время, говорить онъ, происхожденіе волосатика, такъ-называемой *Fila insectorum*, живущаго въ полости тѣла личинокъ и у зрѣлыхъ насѣкомыхъ, не могло быть объяснено. Заключенные въ брюшной полости гусеницъ, кузнечиковъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, эти паразиты считались продуктами произвольнаго зарожденія, обусловленнаго сырою погодой или гнилою пищей. Гельминтологи (ученые, занимающіеся глистами) должны были довольствоваться этимъ объясненіемъ, такъ какъ

(1) Чемоданъ! должно быть онъ мой!

мнѣ найти лучшаго. Тѣ, которые изслѣдовали строеніе этихъ волосатиковъ, не могли, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, видѣти въ нихъ малѣйшаго слѣда половыхъ органовъ, что даже придавало вѣроятіе гипотезѣ произвольнаго зарожде-
 нія. Но, принявшись за изученіе этихъ глистовъ, я убѣдился, что они вовсе не принадлежатъ къ роду *Filaria*, но должны быть отнесены къ тому особенному семейству волосатиковъ, которое обнимаетъ роды *Gordius* и *Mermis*. Далѣе, я убѣдился, что эти паразиты, развившись вполне, выходятъ изъ тѣла питающаго ихъ животнаго, пробуривъ себѣ дорогу сквозь его мягкія части. Паразиты выползаютъ изъ гусеницы не потому, чтобы она была больна, или чтобы имъ въ ней было непри-
 вольно. Нѣтъ, они перемѣщаются вслѣдствіе той же внутрен-
 ней необходимости, которая заставляетъ лошадиного слѣпня, *Oestrus equinus*, оставлять желудокъ лошади, въ которомъ она выросла, заставляетъ овода пробивать себѣ дорогу сквозь кожу скота. Личинки обоихъ этихъ насѣкомыхъ выползаютъ изъ своихъ ульжищъ, чтобы превратиться сперва въ куколки, а потомъ достигнуть полнаго своего развитія. Я показалъ, что взрослые, но безполые волосатики выползаютъ изъ насѣкомыхъ для то-
 го, чтобы вступить въ новый періодъ своего существованія, означивающійся развитіемъ половыхъ органовъ. Оставивъ тѣло насѣкомаго, они падаютъ на землю, и уползаютъ въ болѣе глу-
 бокіе, влажные слои почвы. Мнѣ часто приносили волосати-
 ковъ, найденныхъ въ сырой землѣ, при копаніи грядокъ и канавъ, и ничѣмъ на видѣ не отличавшихся отъ волосатиковъ, находимыхъ въ насѣкомыхъ. Это навело меня на предположе-
 ніе, что волосатики, выползающіе изъ насѣкомыхъ, инстинк-
 тивно зарываются въ землю, и чтобы разъяснить дѣло, я про-
 извелъ рядъ опытовъ, при которыхъ я помѣщалъ только что вылѣзшихъ глистовъ на горшки, наполненные влажною землею. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, что они дѣйствительно стали погружать голову въ землю, и постепенно вползали въ нее. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержалъ я глистовъ въ
 умеренно-влажнѣйшей землѣ, и, рассматривая ихъ отъ времени до
 времени, нашелъ, что они постепенно достигали полнаго поло-
 ваго развитія и клали сотни яицъ. Къ концу зимы, мнѣ уда-
 лось подсмотрѣть въ этихъ яйцахъ начинающееся развитіе
 зародыша. Къ концу весны многіе изъ нихъ оставили скор-
 лупку яйца, и стали ползать по поверхности земли. Я пред-
 положилъ, что инстинктъ молодыхъ глистовъ заставитъ ихъ

сдѣлаться паразитами и искать животнаго, въ которомъ они могли бы поселиться и достичь полнаго роста; и мнѣ казалось вѣроятнымъ, что эти дѣтеныши, какъ и ихъ родители, лучше всего разовьются въ гусеницахъ. Съ этою мыслію, я достала нѣсколько очень малыхъ гусеницъ, только что зародившихся подъ вліяніемъ весенняго солнца. Чтобы произвести опытъ, я наполнилъ часовое стеклышко землей изъ горшковъ, въ которыхъ зимовали волосатики, и помѣстилъ на нее нѣсколько молодыхъ гусеницъ.» (1) Результатъ оправдалъ ожиданія Эмболда. Глисты скоро проникли въ гусеницъ, которыя доставили имъ и пищу, и жилище.

Лягушки и паразиты, глисты и инфузоріи—достойны ли они вниманія серіознаго человѣка? Нѣтъ спору: они на видъ менѣе граціозны, чѣмъ планеты и астероиды; но они ближе къ намъ, по этому мы можемъ точнѣе изучить ихъ, и по этой доступности они важнѣе для насъ. Жизнь, бьющаяся въ насъ, та же жизнь, которою живутъ и они. По этой-то причинѣ, какъ я уже сказалъ въ началѣ, хотя достойнѣйшій предметъ изученія есть человѣкъ, мы не должны считать недостойною эту другую сферу знанія, должны углубляться въ нее, хотя бы только для того, чтобы расширить наши знанія о человѣкѣ. Многіе люди, и не изъ невѣждъ, всегда готовы глумиться надъ тѣмъ, чего они не понимаютъ, презираютъ всякій трудъ, не приносящій прямой или косвенной пользы нравственнымъ или политическимъ интересамъ. Другіе, ослѣпленные широтою задачъ астрономіи и геологіи, или прельщенные непосредственными приложеніями химіи и физики, считаютъ микроскопическія изслѣдованія дѣломъ празднаго дилеттантства. Но я не могу представить себѣ, чтобы какое-нибудь серіозное изслѣдованіе осталось безъ пользы для человѣчества; и я знаю, что великая тайна жизни не будетъ разгадана, пока мы незнакомы съ ея простѣйшими формами. Ничто не можетъ быть безразсуднѣе, какъ ограничивать кругъ ученыхъ изслѣдованій, прилагая къ нимъ мѣрку непосредственной пользы. Всѣ истины связаны между собою; и какъ бы далекою отъ ежедневныхъ нашихъ потребностей ни казалась какая-нибудь частная истина, время придетъ, когда она окажется цѣнною. Большой части Англичанъ, во время ихъ великой революціи, когда образъ дѣйствія короля Якова сосредоточивалъ на себѣ

(1) Von Siebold. *Ueber Bandund Blasenwürmer.*

исобщее вниманіе, показалось бы невыразимо-смѣшнымъ по-мненіе, что только-что изобрѣтенное дифференціальное исчисленіе несравненно важнѣе для Англіи и для всей Европы, чѣмъ судьбы всѣхъ династій, вмѣстѣ взятыхъ; и ничто не казалось неприможимѣе къ полезнымъ цѣлямъ, чѣмъ этотъ новый продуктъ математическаго генія. Но теперь всякому очевидно, до какой степени дѣятельность Якова была маловажна въ сравненіи съ этимъ открытіемъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобы тѣ люди, которые тѣломъ и душой предались дѣлу революціи, были безразсудны; я говорю только, что безразсудно было бы съ ихъ стороны презирать старанія математиковъ.

Пусть всякій, кто чувствуетъ стремленіе къ изученію природы, съ какой бы то ни было изъ ея безчисленныхъ сторонъ, предается своимъ трудамъ, несмотря на насмѣшки и придирки людей, которыхъ вкусы и способности имѣютъ другой складъ. Изъ разъясненія множества частныхъ трудами множества умовъ должна же наконецъ возникнуть истина. Человѣкъ, по прекрасному выраженію Бекона, служитель и толкователь природы; да остерегается же онъ, чтобы служеніе его не перешло въ суевѣріе, чтобы его толкованія не превратились въ догматы. Во всѣ времена, косность и невѣжественные предразсудки побуждали запираить двери храма передъ желающими проникнуть въ него. Будемъ же бдительно преслѣдовать такіа побужденія, чтобы двери храма остались вѣчно открытыми.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Жарко сохнувшей землѣ:
Землю тяжко давить зной.
Красный мѣсяцъ, въ парной мглѣ,
Ходитъ низко надъ землею...

Молить Господа земля:
« Не казни родную дочь!
Спрысни росами поля,
Вышли свѣжую мнѣ ночь! »

— Я люблю родную дочь,
Дочь мнѣ не за что казнить,
Я пошлю ей бурю въ ночь,
Освѣжить и уголить.

« Нѣтъ, не шли мнѣ съ небеси
Ты ни бури, ни грозы,
Лучше тихо принеси
Двѣ жемчужныя слезы, —

« Дай мнѣ тихую росу:
Та, лаская, подойдетъ,
А гроза мою красу
Буйнымъ вѣтромъ взомнетъ! »

Всеволодъ Кресторскій.

РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII ВѢКА

I.

СТО СВАДѢВЪ ВЪ АСТРАХАНИ.

Была страшная для Москвы осень 1698 года: на Красной площади, на зубцахъ городской стѣны, гнили трупы казненныхъ стрѣльцовъ; слышались жалобныя причитанія женщинъ среди изуродованными тѣлами мужевъ, отцовъ и братьевъ. Одна изъ этихъ несчастныхъ, поплакавши надъ трупами мужа и деверя, заходила вмѣстѣ съ сыномъ въ домъ Ѳедора Лопухина, къ человѣку его Терентію Андронову. Тамъ, въ разговорѣ съ женой Терентія, она отводила душу въ жалобахъ, которыми встрѣчала сильное сочувствіе: домъ Ѳедора Лопухина былъ опальный; царь Петръ недавно развелся съ Лопухиной, и послалъ ее въ монастырь. «Жаль стрѣльцовъ, говорила жена Андропова стрѣльчихъ: разослали ихъ съ Москвы, а теперь осталась служба и новая вѣра, велеть носить нѣмецкое платье.» Слышавъ стрѣльчихи, Степанъ, внимательно прислушивался къ жалобамъ женщинъ; у него была одна крѣпкая дума: отомстить отцу и дядю; но какъ отомстить? Въ ухахъ у него раздались слова Андроновой: «Новая вѣра, нѣмецкое платье.»

Въ Москвѣ нечего было дѣлать Степану: здѣсь нельзя бы поднять стрѣльческаго дѣла. Степанъ рѣшился идти въ Астрахань тамъ раздуть мятежь, поднять Поволжье за старую вѣру и старое платье, идти къ Москвѣ, разорять и побивать правителей государственныхъ и офицеровъ, особенно иноземцевъ, мс за то, что стрѣльцы казнены, и бить челомъ государю, чтобъ велѣлъ быть старой вѣрѣ, чтобы нѣмецкаго платья не носить и бородъ не брить. У Степана былъ въ живыхъ еще дядя, вторій жилъ въ Коломнѣ; къ этому-то дядѣ зашелъ онъ на перепутьи и встрѣтилъ полное сочувствіе своему замыслу; стрикъ былъ грамотный, ловкій на разнаго рода дѣла; онъ написалъ племяннику двѣ грамотки: одна была—проѣзжее ворское письмо, въ которомъ говорилось, что Степанъ отпущенъ изъ Коломны въ Астрахань для свиданія съ братомъ; другая—подметное, возмутительное письмо: въ немъ говорилось, что государя на Москвѣ нѣтъ, пошелъ съ полками противъ Шведовъ, и хотятъ российское государство раздѣлить на четыре части.

Пришедши въ Астрахань, Степанъ сталъ сближаться съ людьми, которые были склоннѣе къ старинѣ, которые имѣли причины не любить новаго, сталъ ходить къ раскольникамъ къ стрѣльцамъ и толковать съ ними о новой вѣрѣ, о нѣмецкомъ платьѣ, о владычествѣ Нѣмцевъ надъ Россіей. Иные протакивали ему: «Правда, правда! все это сбудется!» Другіе сомнѣвались, противорѣчили Степану, но тотъ говорилъ все громче и громче, а громкое слово — страшная сила въ обществѣ, подобномъ астраханскому въ началѣ XVIII вѣка, и вотъ около Степана начали собираться люди, вполне ему вѣрившіе. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; Степанъ увидалъ, что дѣло поготовлено, и въ іюнѣ 1705 года пронеслась площадная молва, что государя не стало, и потому воевода Тимошей Ржевскій начальныя люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить. Распустивъ этотъ слухъ, Степанъ ушелъ на задній планъ; впередъ выступили другіе люди, болѣе способные сдѣлать изъ слова дѣло. Четверо посадскихъ: Быковъ, Шелудякъ, Колосъ и Носовъ стали сходиться у церкви Николы, въ Шипиловѣ слободѣ, и разсуждали какъ бы вступить за христіанскую вѣру; заводчикомъ у нихъ былъ Носовъ. Однажды, когда они толковали о своемъ дѣлѣ, вышелъ къ нимъ пономарь никольской церкви, Василій Бесѣдочнъ съ книгой въ рукахъ: «Православные! началъ учены

кукъ: послушайте, что написано въ книгѣ о брадобритіи!» и сталъ читать, какой грѣхъ брить бороду. «Пригоже, говорилъ Бесѣдинъ, за это и постоять, хотя бы и умереть пришлось; вотъ объ этомъ и въ книгѣ написано.» Въ книгѣ написано! дѣло кончено: чего же больше думать? Какая была это книга, никому не пришло въ голову спросить у Бесѣдина.

Съ Ильина дня уже всѣмъ народомъ говорили о брадобритіи и что надобно постоять за христіанскую вѣру. Слухи росли, росли, и однажды на торгу кто-то объявилъ, что будетъ запрещено свадьбы играть семь лѣтъ, а въ это время всѣ будутъ принуждены выдавать дочерей и сестеръ за Нѣмцевъ. «Гдѣ же Нѣмцы?» — «Идутъ изъ Казани». Когда говорилось только о брадобритіи, то можно было еще толковать и ждать; но теперь ждать стало нельзя; у кого дочь была и въ несовершеннолѣтнихъ лѣтахъ, и ту сговорили за перваго попавшагося; не отдавать же за иноземца! И вотъ, въ воскресенье 29 числа, церкви были отперты, вѣнчали свадьбы, въ одинъ день повѣнчали сто паръ. Но въ то самое время, когда одни приготовлялись идти подъ вѣнецъ, Носовъ исповѣдовался у соборнаго попа, Василья Колмогора, и сказалъ ему, что хочетъ съ товарищами постоять за бороду; духовникъ ему этого не похвалилъ.

Свадьбы, хотя сыгранныя второпяхъ, при печальныхъ обстоятельствахъ, не могли однако обойтись безъ пирушекъ; къ ночи гости охмѣли. Надѣясь на этотъ хмѣль и на подготовку толпы, заговорщики въ четвертомъ часу ночи собрались у Никольской церкви въ числѣ трехсотъ человекъ и вломились въ Бѣлый городъ чрезъ Пречистенскія ворота; у воротъ этихъ стоялъ московскаго полка русскій офицеръ: Носовъ схватилъ его и закололъ копьемъ; трое матросовъ иноземцевъ и караульный капитанъ, родомъ Грекъ, имѣли ту же участь. Загудѣлъ набатъ, въ городъ сбѣжались стрѣльцы и толпы разнаго рода людей. Первымъ дѣломъ заговорщиковъ, увидавшихъ успѣхъ замысла, было отыскать воеводу Ржевскаго; но тотъ успѣлъ скрыться: искали его на воеводскомъ дворѣ — не нашли, бросились на архіерейскій — не нашли и тамъ; схватили на архіерейскомъ дворѣ полковника Никиту Пожарскаго и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и всѣхъ перекололи.

Утромъ, въ понедѣльникъ, 30 іюля, шумѣлъ кругъ, выбирали старшину; выбрали въ атаманы Якова Носова; сыскали Ржевскаго, поставили въ кругъ и убили. На третій день присяга: присягали всѣми полками за старую вѣру и другъ за друга

стоять до смерти; уговаривали стрѣльцовъ, обѣщали дать имъ денегъ по десяти рублей на человѣка; посылали подговаривать бурлаковъ, давали имъ деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ; пожитки побитыхъ дѣлили по себѣ; разослали письма на Донъ, Терекъ, Яикъ и Гребени, писали, что воевода и начальныя люди наложили въ Астрахани новыя поборы, велѣли брить бороды, носить нѣмецкое платье и кланяться бодванамъ; для доказательства послали на Терекъ и въ Гребени рѣзной болванъ съ личинкой, съ накладными волосами.

Царь Петръ находился въ Митавѣ, когда получилъ вѣсть изъ Москвы объ астраханскихъ событіяхъ съ дополненіями: Красноярскіе и Черноярскіе стрѣльцы также взбунтовались, къ Царицыну приступили, но были отбиты; встали Терскіе стрѣльцы и Гребенскіе козаки, на Терекъ полковника Некрасова убили; воевода успѣлъ уйти изъ города съ вѣрными людьми, собралъ къ себѣ Татаръ и Черкесъ и усмирилъ бунтовщиковъ, нѣкоторыхъ казнилъ, заводчиковъ послалъ въ Москву. Озабоченный трудною войною шведскою, царь отправилъ въ Астрахань грамоту, писалъ, чтобъ отъ бунта отстали и заводчиковъ прислали въ Москву, не опасаясь гнѣва его величества. Посланный съ этою грамотой, Астраханецъ Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань 3 января 1706 года; собрался кругъ, грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда пришелъ митрополитъ, стали читать грамоту и, выслушавъ, пошли въ церковь молебствовать за здоровье государево, стрѣляли изъ нушекъ. Самсонъ началъ увѣщавать Астраханцевъ, чтобы принесли повинную государю: митрополитъ былъ старикъ дряхлый, но у него былъ хорошій помощникъ, Георгій Дашковъ, строитель Троицкаго монастыря, присланный туда изъ большаго Троицкаго Сергіева монастыря, отъ котораго астраханскій зависѣлъ. Дашковъ «знатную службу показалъ въ увѣщаніи бунтовщиковъ», и 13 января митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ, при чемъ Астраханцы положили: если отъ этого числа кто-нибудь покажетъ какую-нибудь невѣрность, то съ нимъ поступить по указу, чего будетъ достоинъ; выбрали восемь человѣкъ и послали съ Кисельниковымъ къ государю съ повинною.

Между тѣмъ Петръ, не зная, какой оборотъ приметъ дѣло въ Астрахани, отправилъ туда фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева съ войскомъ. 9 марта, когда Шереметевъ стоялъ въ урочищѣ Кичибурскій Яръ, явился къ нему архиман-

дритъ Астраханскаго Спасскаго монастыря Антоній и подалъ письмо отъ митрополита Самсона и отъ Георгія Дашкова, который давно уже находился въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ; теперь Дашковъ писалъ, что въ Астрахани опять смута и несогласіе: одни остаются вѣрны, другіе снова склоняются къ возмущенію, и отъ того между ними идетъ распря; Дашковъ просилъ, чтобы Шереметевъ поскорѣ шелъ въ Астрахань.

Шереметевъ сперва попробовалъ уговорить Астраханцевъ и послалъ къ нимъ для этого Сызранца, посадскаго челоѣка Данила Бородулина. Посланца ввели въ кругъ, гдѣ сидѣлъ за столомъ атаманъ Носовъ, который сказалъ Бородулину: «Здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру, когда-нибудь намъ всѣмъ надобно же будетъ умереть, только бы не совсѣмъ и не такъ бы, какъ теперь нареченный царь; называется онъ царемъ, а христіанскую вѣру порудилъ; онъ уже умеръ душой и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть.» Въ это же время читали въ кругу письмо, присланное изъ Чернаго Яра: Черноярцы просили прислать силы на помощь, потому что на нихъ идетъ съ войскомъ князь Петръ Хованскій. Когда грамоту прочли, Носовъ, опершись локтемъ на коробью, и, наклонясь къ Бородулину, сказалъ ему: «Вѣдь мы не просто зачали; это дѣло великое; есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, и не одно черноярское письмо, что тамъ въ кругу прочитали, есть у насъ письма изъ Московскаго государства, отъ столпа, отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру же христіанскую.» Кто и о чемъ именно писалъ, того Носовъ не сказалъ, а Бородулинъ не спросилъ, боялся, чтобъ его не убили, потому что обступили его кругомъ и разспрашивали съ великимъ крикомъ. Потомъ Носовъ съ товарищами, съ старшинами, челоѣкъ съ сорокъ, принесли въ кругъ хлѣба, вина, пива, и Носовъ поднесъ Бородулину ковшъ вина; тотъ, взявши ковшъ, сказалъ: «Дай Боже благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать!» На это отозвался одинъ изъ старшинъ, Иванъ Луковниковъ, московскій стрѣлецъ: «Какой онъ государь благочестивый, онъ нечестливый, полатынилъ всю нашу христіанскую вѣру.» Бородулинъ замѣтилъ Носову: «Для чего этотъ старшина такіа нечестивыя слова говорить?» Атаманъ разсмѣялся и отвѣчалъ: «Не все перенять, что по Волгѣ плыветъ; мужикъ онъ простой, что видитъ, то и бредитъ.» Но Луковниковъ былъ только запѣвалой; ему начали подтягивать со всѣхъ сторонъ, кричали: «Не сила Божія ему

помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и полатынилъ, обмѣнный онъ царь (1). Идти ли намъ, нѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до Нѣмецкой слободы, и корени его весь вывести; всѣ тѣ ереси отъ еретика Александра Меншикова.» На третій или на четвертый день пришли къ Бородулину на постоялый дворъ Носовъ съ старшинами и подчивали его виномъ; Бородулинъ, взявши ковшъ, опять говорилъ: «Дай, Господи, великому государю на много лѣтъ здравствовать!» и, выпивши, сталъ подносить Носову; но тотъ сказалъ: «Я про его государево здоровье пить не стану; пора вамъ образумиться, вѣдь и вы всѣ пропали, обольстили васъ начальные люди милостию, пропали вы душой и тѣломъ.» Отпуская Бородулина назадъ къ Шереметеву, Носовъ говорилъ ему: «Богъ тебѣ помочь, поѣзжай; вотъ тебѣ подводы, управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами, а на весну и мы къ вамъ будемъ.»

Между тѣмъ фельдмаршалъ приближался къ Астрахани. На Волгѣ противъ урочища Коровьи-Луки, за 30 верстъ отъ города, увидалъ онъ пеструю толпу, идущую къ нему на встрѣчу; впереди шли Воскресенскаго монастыря архимандритъ Рувимъ и Георгій Дашковъ, за ними стрѣльцкіе пятидесятники и десятники, потомъ Армяне, Индѣйцы, Бухарцы, юртовскіе Татары, человекъ съ сорокъ. Шереметевъ объявилъ имъ, что государь ихъ простилъ, но чтобъ они вины свои заслужили. На 11-е марта фельдмаршалъ пришелъ ночевать на Долгій островъ, въ десяти верстахъ отъ Астрахани; сюда ночью прѣехали къ нему бурмистры и донесли, что они ушли изъ Астрахани, гдѣ стрѣльцы волнуются и не хотятъ пускать его въ городъ. Шереметевъ придвинулся еще ближе, сталъ на Балдинскомъ островѣ, въ двухъ верстахъ отъ Астрахани, и послалъ къ ея жителямъ послѣднее увѣщательное письмо. Отвѣта не было, а пришли дворяне съ вѣстію, что Астраханцы зажгли слободы, перебрались въ городъ, разставили и зарядили пушки, собрали гуляющихъ людей, роздали имъ ружья и порохъ и написали между собою письмо, чтобы стоять всѣмъ вмѣстѣ. Шереметевъ немедленно отправилъ полкъ въ Ивановскій монастырь,

(1) Въ это время уже распущенъ былъ слухъ, что тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Петра, не сынъ царя Алексѣя, а подставной иностранецъ. См. мою статью: *Монахъ Самуиль, въ Православномъ Обзорѣннѣ*, за июль.

чтобы спасти отъ пожара его и магазины съ провіантомъ , бывшіе подлѣ монастыря; а 12-го марта пріѣхалъ самъ въ монастырь; Астраханцы осадили его здѣсь, кинули три бомбы, но были отбиты. Между тѣмъ подошли остальные полки и начали строиться. Астраханцы сдѣлали вылазку за рѣку Кутую, но отъ перваго залпа побѣжали, покинувъ пушки и знамена, засѣли въ земляномъ городѣ и начали стрѣлять съ вала. Солдаты взяли валъ приступомъ и гнались за Астраханцами до Каменнаго города къ самымъ Вознесенскимъ воротамъ. Но Астраханцы сильно отстрѣливались изъ Кремля. Шереметевъ, чтобы не тратить людей, велѣлъ полкамъ отступить отъ Кремля, поставилъ ихъ въ земляномъ городѣ по улицамъ, послалъ увѣщаніе къ Астраханцамъ и, для подкрѣпленія его, велѣлъ метать бомбы изъ мортиръ въ Кремль. Увѣщаніе подѣйствовало: вечеромъ же 12-го числа явились пятидесятники и десятники съ повинною, а 13 марта вышли начальники, Яковъ Носовъ, атаманъ изъ Донскихъ козаковъ Елисей Зиновьевъ, и въ винахъ своихъ просили прощенія. Шереметевъ велѣлъ имъ положить оружіе, а печать и ключи городскіе отдать митрополиту. Они все это исполнили и вынесли къ Вознесенскимъ воротамъ топоръ и плаху. 13-го же марта Шереметевъ пошелъ строемъ въ городъ; по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой шло войско, Астраханцы лежали на землѣ, покорно ожидая казни или милости. У Пречистенскихъ воротъ Каменнаго города фельдмаршалъ былъ встрѣченъ митрополитомъ Самсономъ и пошелъ въ церковь къ молебну. Носовъ съ товарищами, 273 человекъ, были посажены за крѣпкій караулъ и потомъ отправлены въ Москву. Усмиреніе бунта стоило Шереметеву 20 человекъ убитыми и 53 ранеными.

II.

БУЛАВИНЪ.

Въ Астрахани смута была задавлена, ибо ее завелъ только одинъ городъ, вставши за старину и приглашая встать за нее и другихъ, приглашая козаковъ безъ указанія на другія, болѣе побудительныя причины. Приглашеніе Астраханцевъ за-

стало всёхъ врасплохъ, не были готовы, а главное, не бы предводителя: обыкновенно смута на окраинахъ разгоралась сильно, когда начиналась у козаковъ, когда извѣстный предводитель, подъ своимъ или вымышленнымъ именемъ, поднималъ знамя за козацкіе интересы. Таково было и Булавинское возстаніе на Дону.

Изъ далекихъ временъ нашей исторіи слышатся намъ о голоски борьбы за право, за возможность ухода. Со сторон людей знатныхъ много было неудовольствій и жалобъ, когда само собой прекращалось право: «Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Прекращалось это право само собою, потому что не къ кому стало переходить боярамъ и слугамъ вольнымъ: одинъ сталъ государь на всемъ государствѣ. Въ другихъ случаяхъ, въ городахъ и селахъ, государство должно было бороться съ тѣмъ же стремленіемъ уходить, переходить, и этимъ уходомъ и переходомъ отбывать отъ исполненія обязанностей налагаемыхъ государствомъ. Громадность государственной власти и бѣдность народонаселенія, бѣдность промышленнаго развитія, бѣдность, ничтожность города и преобладаніе селъ были причиною этой постоянной борьбы. Потребности государственныя росли все болѣе и болѣе, тяжелыя войны истощали казну, доходовъ не доставало; государство стремилось по этому взять какъ можно больше податей съ промышленнаго городского жителя, но посадскимъ, при бѣдности ихъ промысловъ, платить было тяжело, и они бѣжали изъ своихъ городовъ или закладывались за сильныхъ людей, чтобъ отбывать податей, которыя съ большею тяжестью, разумѣется, ложились на оставшихся, не говоря уже о томъ, какъ эта тяжесть увеличивалась еще московскою волокитой и злоупотребленіями воеводъ и приказныхъ людей; а тутъ еще тѣ, которые бѣжали изъ государства въ степи и стали вольными козаками, возвратились въ началѣ XVII вѣка съ самозванцами и Литвой, но явились для жителей Московскаго государства, для людей жившихъ честнымъ трудомъ, «грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ, разоряя все, и муча людей такими муками, о какихъ и въ древнія времена было не слышно.» Государство оправлялось съ трудомъ; оно требовало средствъ, чтобы поправиться, но разоренные городскіе жители разбѣгались или закладывались, чтобъ отбыть отъ податей; нужно было вести продолжительныя и тяжелыя войны, а ратные люди жаловались, что имъ жить и служить нечѣмъ, крестьяне бѣгутъ изъ ихъ помѣстій къ зем-

магдальцамъ, могущимъ дать большія льготы, чѣмъ они. И мы, противъ этого стремленія уйдти, разбрестись розно по тогдашнему выраженію, государство принимаетъ свои мѣры, оно ставитъ заставы, ловить бѣглецовъ, выводитъ ихъ изъ замкнутости, усаживаетъ на однихъ мѣстахъ, прикрѣпляетъ.

Но понятно, что такими средствами нельзя было уничтожить зла, уничтожить побѣговъ; надобно было другое средство; оно состояло въ томъ, чтобы поднять трудъ, обогатить трудящагося человѣка и дать ему черезъ это возможность удовлетворять требованіямъ государства. Но какъ было это сдѣлать? какъ было поднять матеріальное благосостояніе народа, нераздѣльное съ благосостояніемъ нравственнымъ? Передъ глазами были на западѣ Европы государства богатая, государства поморскія; разбогатѣли они отъ торговли, отъ промышленности, отъ моря, отъ городовъ, которые у нихъ такъ сильно развились, въ противоположность государствамъ восточной Европы, государствамъ сельскимъ по преимуществу. Въ настоящее время нѣкоторые писатели западной Европы жалуется на это усиленное развитіе города въ ущербъ селу у нихъ, находятъ здѣсь односторонность, вредную крайность. Мы не будемъ защищать никакой односторонности, никакой крайности, которая всегда вредна; но мы замѣтимъ одно, что если въ западной Европѣ было чрезмерное развитіе города, то въ Европѣ восточной была крайность противоположная, слабое развитіе города и господство села, что крайне вредило народному развитію вообще, производило эту отсталость восточной Европы передъ западною, бѣдность, застой жизни народной. Понятно, что народъ русскій, какъ народъ историческій, способный къ развитію, долженъ былъ чувствовать эту страшно-вредную односторонность въ своей жизни и, чтобы дать ей большую правильность, стремиться къ уравновѣженію началъ. Это стремленіе высказалось уже давно въ лучшихъ людяхъ, высказалось какъ главное стремленіе правительства. Приобрѣсти морской путь и усилить промышленность, торговлю, приобрести то, чего было такъ много на западѣ Европы и не доставало на Востокъ, уничтожить вредную односторонность, отнять у Россіи характеръ чисто-сельскаго государства и дать надлежащее развитіе городскому началу—стало задушевною мыслию историческихъ дѣятелей, задушевною мыслию величайшаго изъ нихъ, котораго по преимуществу называютъ преобразователемъ: въ страстномъ стремленіи Петра къ морю высказалось

стремленіе историческаго народа къ тому, чего именно недоставало ему для продолженія исторической жизни, и что условило такое блестящее развитіе западно-европейскихъ народовъ. Приобрѣсть море, усилить городъ, промышленность, торговлю, сдѣлать свой народъ богатымъ и черезъ то доставить государству средства къ безпрепятственному достиженію своихъ цѣлей, дать народу средства, умѣнье сдѣлаться богатымъ, то умѣнье, которымъ въ этомъ отношеніи отличались западные Европейцы, заставить, выучить народъ работать, промышленяты, торговать такъ, какъ это дѣлали иностранцы—вошь программа дѣятельности Петра Великаго. Но выполненіе этой программы требовало новыхъ тяжкихъ жертвованій со стороны бѣднаго народа, котораго хотѣли сдѣлать богатымъ или выучить какъ сдѣлаться богатымъ. Чтобы приобрести море, прежде всего нужно было вести тяжелую, продолжительную войну. «Денегъ какъ можно болѣе доставать, ибо деньги суть артерію войны», предписывалъ Петръ новоучрежденному своему сенату. Это доставаніе денегъ для войны и доставаніе людей для трудной военной службы тяжело падало на народъ, и вотъ начинается усиленное бѣгство въ степи, къ козакамъ для отбыванія отъ тяжелой службы и податей! Но преобразователь менѣе всякаго другаго былъ способенъ хладнокровно смотрѣть на это отбываніе отъ службы и податей, смотрѣть, какъ у него вырываются изъ рукъ средства для выполненія его программы. Въ концѣ 1707 года онъ отправилъ полковника князя Юрія Владиміровича Долгорукаго съ командою на Донъ отыскивать бѣглецовъ и высылать на прежнія жилища. Долгорукій отыскалъ уже 3000 бѣглыхъ; но въ это время между козаками начала ходить грамота съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукова до исполненія его наказа и бить сыщиковъ. Начались волненія, и бахмутскій старшина Кондратій Булавинъ нечаянно ночью напалъ на отрядъ Долгорукаго и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Въ послѣдствіи братъ убитаго, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, спрошенный о причинахъ мятежа, прямо отвѣчалъ обвиненіемъ старшины Войска Донскаго, атамана Лукьяна Максимова съ товарищами: «Атаманъ Лукьявъ Максимовъ съ товарищи, отправивъ брата моего и давъ ему четырехъ человекъ изъ старшинъ для будто изволенія Его Величества указу, послали помянутые воры указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему Булавину, чтобъ онъ брата убилъ, а ихъ воровской умыселъ для того былъ закрывая свое воров-

ство, что многія тысячи людей бѣглыхъ приняли и умыселъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ и видя въ то время его величество въ войнѣ великой со Шведомъ, разсудили, что за памятную войною оставлено ихъ воровство будетъ.»

Но еслибы даже и Петръ, за войной, хотѣлъ оставить это дѣло, то не хотѣлъ оставить его Булавинъ. Чтобы выгородить себя, старшины хотѣли заковать его и отослать для розыска; но Булавинъ, по привычной для козака дорогѣ, бѣжалъ съ Дона въ Запорожье. Дѣло, казалось, этимъ кончилось; но 8-го февраля 1708 года, кievскій воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ получаетъ отъ ахтырскаго полковника Федора Осипова донесеніе, что Булавинъ, вышедши изъ Сѣчи, съ большою силой стоитъ на рѣкѣ Вороной, ниже Кодака. Гетманъ войска запорожскаго, Иванъ Степановичъ Мазепа, немедленно отправилъ въ Сѣчь запросъ, что это тамъ такое дѣлается? и получилъ успокоительный отвѣтъ, что изъ Коша съ Булавинымъ никто не пошелъ, что его самого въ Сѣчи нѣтъ, и когда приходилъ, то съ безчестіемъ былъ отпущенъ, и если опять придетъ, то его немедленно пришлютъ къ гетману. Но Булавину уже не нужно было опять приходиться въ Сѣчь. Знамя было уже поднято, предводитель явился, и по всей Украинѣ пошли «прелестныя» письма новаго Разина: «отъ Кондратя Булавина и всего съѣзднаго войска, походнаго донскаго, въ русскіе города начальнымъ добрымъ людямъ, также въ села и деревни посадскимъ и всякимъ чернымъ людямъ челобитье: вѣдомо имъ чинять, что они всѣмъ войскомъ единодушно вкупѣ въ томъ, что стоятъ имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіанскую, и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга и умирать за одно; а имъ, всакиимъ начальнымъ добрымъ людямъ и всякимъ чернымъ людямъ всѣмъ также съ ними стоять вкупѣ за одно, и отъ нихъ они обиды никакой ни въ чемъ не опасались бы, а которымъ худымъ людямъ, и княземъ, и бояромъ и прибыльщикомъ и Немщомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ едлинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменными и чудесы прелестными; а между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить,

не грабить и не разорять, и буде кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ выпустить тотчасъ безъ задержанія; да еще имъ вѣдомо чинять, что съ ними козаками запорожскіе козаки и Бѣлогородская Орда и иные многіе орды имъ козакамъ за душами руки задавали въ томъ, что они рады съ ними стать заедино. А съ того ихъ письма списывать списки, а подлиннаго письма отнюдь бы не потерять и не затавать, а будетъ кто то письмо истеряетъ или потантъ, и они того человѣка найдутъ и учинять смертную казнь. У того письма походнаго войсковаго атамана Булавина печать.»

Булавинъ разсылалъ свои грамоты съ Хопра изъ Ѳедосѣвской станицы. 18 марта явился въ Тамбовъ, Тамбовскаго уѣзда, села Княжова, церковный дьячокъ и разказывалъ: «Былъ я въ Пристановскомъ городкѣ; воры говорятъ, чтобъ имъ достать козловскаго воеводу князя Григорія Волконскаго; Булавинъ идетъ къ намъ, Тамбовцамъ, съ силою; при немъ съ 17,000 войска; а съ другой стороны ждуть они Каракалпакъ; намѣреніе воровское—собравшись всѣмъ, идти въ Черкасскъ; воры говорятъ: дѣло намъ до бояръ, да до прибыльщиковъ, да до подъячихъ, чтобы перевести ихъ всѣхъ.» Запорожцы и Калмыки уже начали разорять деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ, грозилась идти къ Тамбову и къ Тулѣ, а у тамбовскаго воеводы Данилова не было и ста человѣкъ войска; онъ послалъ повѣстки, чтобы шли всѣ въ городъ для осаднаго сидѣнья; но никто не пошелъ; между Тамбовцами слышались рѣчи: «Что намъ въ городѣ дѣлать? не наше это дѣло!» Воевода велѣлъ бить въ набатъ, палить изъ пушекъ; по набату пришло въ городъ городскихъ людей съ 300 человѣкъ; воевода обрадовался, роздалъ имъ порохъ и свинецъ; пошли всѣ въ церковь къ молебну; но еще не кончили молебень, какъ въ городѣ не было уже ни одного человѣка изъ получившихъ свинецъ и порохъ.

Около Булавина на Хопрѣ сталпливалось все болѣе и болѣе народу: много приставало къ нему по охотѣ, иныхъ брали неволей; изъ Ѳедосѣвской станицы пристали къ нему человѣкъ съ 30, да товарищъ его Лучка Хохлачъ прибралъ къ себѣ на Бузулукъ человѣкъ съ 300; начались уже и казни подозрительнымъ и непокорнымъ; въ верхнихъ городахъ Булавинъ троимъ велѣлъ отсѣчь головы. Пристановскій городокъ на Хопрѣ

съ 500 козаковъ взялъ сторону вора, который велѣлъ силою идти въ свою шайку рабочихъ, готовившихъ на Хопрѣ дѣлать отпускъ къ Азову; начальныя люди ихъ были побиты. Въ Пристановскомъ городкѣ былъ у козаковъ кругъ: пришелъ Булавинъ, вынулъ саблю и говорилъ: «Если своего намѣренія не исполню, то эту саблей отсѣките мнѣ голову.» Въ хоперскіе городки разослалъ онъ грамоты, чтобы никто не пахалъ и глѣба не сѣялъ и никуда не отлучался, чтобы всѣ были въ собраніи и къ службѣ готовы, а пришлыхъ съ Руси людей принимали безовзяточно. Мятежъ ширился; степная половина Тамбовской области пустыла: волостныя люди съ своими полкатицами убрались въ лѣса за Цну рѣку. Какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, лучшіе люди стояли за правительство, объявляли, что они къ бунту не склоняются, требовали, чтобы воеводы шли съ полками немедленно къ Пристановскому городку, дабы поддержать тѣхъ козаковъ, которые пристали къ Булавиному повелѣнію. Но гдѣ было взять полковъ воеводамъ царскимъ, тогда какъ полки и союзники Булавина увеличивались часъ отъ часу? Жители деревень Тамбовскаго уѣзда, Корочина, Грибановки, склонились къ воровству, выжидали между собою атамановъ и есауловъ расправу чинить по своей обычности. Воры разорили новонаселенныя деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Воронѣ, людей, которые имъ противились, побили, другіе пристали къ нимъ волей и неволей. 30 марта 200 человекъ воровъ прошло на Битюгъ, заняли острогъ, воеводу, попа, подъячихъ и лучшихъ людей разграбили, воеводу держали въ оковахъ и собирались повѣсить. Нашатся Козловскій уѣздъ: воры многихъ здѣсь склонили къ своему согласію, привели къ присягѣ, выбрали атамана и есауловъ.

Наконецъ обнаружилось движеніе и со стороны правительства. Воевода Степанъ Бахметевъ съ одною старинною дворянскою конницею переправился за рѣку Битюгъ, и 28 апрѣля, на рѣкѣ Курлакѣ, встрѣтился съ ворами, которыхъ было 1500 человекъ изъ хоперскихъ, медвѣдицкихъ и бузулуцкихъ городковъ; атаманомъ у нихъ былъ товарищъ Булавина Лукьянъ Тихачъ. Воры толковали: «если побьемъ полки, то пойдемъ въ Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, а судей, жандармовъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ.» Послѣ упорнаго боя, войска правительства разбили воровъ и гнали ихъ на 20 верстахъ, взяли въ плѣнъ 143 человекъ, три знамени. Но даль-

нѣйшихъ успѣховъ ожидать было нельзя: у Бахметева не бы ни драгунъ, ни солдатъ, не было ни пушекъ и никакихъ поковыхъ запасовъ, не было лѣкаря, и раненые гибли безъ помощи. Бахметевъ получилъ «предестное» письмо, въ которомъ уговаривали его быть заодно съ булавинцами, стоять за вѣхристанскую, а имъ, булавинцамъ, нѣтъ дѣла ни до бояръ, ни до торговыхъ людей, ни до черни, ни до солдатъ, только имъ нужны Нѣмцы прибыльщики.

Въ то время какъ Бахметевъ, по печальному состоянію своего отряда, не могъ воспользоваться побѣдой надъ Холмоукомъ, Булавинъ торжествовалъ надъ войсками правительства. Азовскій губернаторъ Толстой выслалъ противъ него полковника Николая Васильева, который, соединившись съ донскимъ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, 8 апрѣля встрѣтилъ Булавина выше Паншина, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, у Красной Дуровы. Полковникъ и атаманъ хотѣли немедленно вступить въ бой; но козаки верховыхъ городовъ стали говорить, что надобно переслаться съ козаками Булавина, надобно разузнать дѣло, доискаться, кто же виноватъ? Атаманъ Лукьянъ Максимовъ говоритъ, что Булавинъ самъ собою затѣялъ бунтъ, Булавинъ клянется, что атаманъ прислалъ ему грамоту, въ которой приказывалось убить князя Долгорукаго; если онъ жется, что Булавинъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ, то пусть онъ заки его выдадутъ, если же виноватъ Лукьянъ Максимовъ, то обоихъ сковать и отослать къ великому государю. На другой день, 9 апрѣля пришелъ отъ Булавина козакъ и говорилъ, что кровопролитія не начинать, а сыскать виноватыхъ между собою, да чтобъ атаманъ Максимовъ отправилъ къ Булавину разговоръ старшину Ефрема Петрова. Петровъ отправился, возвратившись назадъ, созвалъ козаковъ въ кругъ, чтобъ онъ дать отчетъ въ своемъ посольствѣ; но въ то время какъ козаки толковали въ кругу, а царскій полковникъ стоялъ спокойно, и дѣясь, что дѣло кончится безъ битвы, Булавинъ напалъ на войска правительства жестокимъ боемъ, верховые козаки и медленно измѣнили, соединились съ ворами и вмѣстѣ съ ними обратили свои ружья на царскіе полки, которые потерцѣли и раженіе, оставили въ рукахъ Булавина четыре пушки, и прохъ, свинецъ и 8000 рублей денегъ. Лукьянъ Максимовъ ушелъ къ Черкаску, полковникъ Васильевъ къ Азову. Побѣдители дуванили добычу: досталось по два съ гривной на чловѣка.

Но важнѣе добычи было впечатлѣніе, произведенное въ казачьихъ городкахъ вѣстью о побѣдѣ при Лисковаткѣ: весь Хоперь, Бузулукъ и Медвѣдица отложились и начали собираться около Булавина: по Хопру было 26 городковъ, въ нихъ 3670 человекъ козаковъ; по Бузулуку 16 городковъ, въ нихъ 1490 человекъ; по Медвѣдицѣ 14 городковъ, въ нихъ 1480 человекъ; пристали къ Булавиному 10 городковъ отъ Донецкаго городка (на Сѣверномъ Донцѣ) до Голубинскаго, въ нихъ 6900 козаковъ; пристали 33 городка отъ Голубинскаго до Черкаска, въ нихъ 6470 человекъ; за Максимова стоялъ главный городъ Черкасскъ съ 5000 жителей, да по Дону 5 городковъ съ 1780 человекъ. Сѣверный Донецъ съ 12 городками и 1680 человеками жителей весь отложился и началъ собираться около булавинскаго полковника Семена Дранаго.

Послѣ сраженія при Лисковаткѣ, Булавинъ отправился внизъ по Дону къ Черкаску, и походъ его былъ торжественнымъ шествіемъ: сопротивленія нигдѣ не было; охотники приставали къ нему толпами, и число булавинскаго войска дошло до 15.000 человекъ; козаки изъ станицъ вывозили съ каждаго двора по хлѣбу да по чашѣ пшена, а иной привозилъ всякій запасъ и живность. 28 апрѣля Булавинъ осадилъ Черкасскъ; сутокъ съ двое Максимовъ съ своими приверженцами отстрѣливался отъ осаждающихъ, но безуспѣшно: Рыковская, Тютерева и Скородумовскія станицы сдались Булавиному, сдались и на Черкасскомъ острову станицы Дурная и Прибылая, мосты по прежнему сдѣлали, а между тѣмъ изъ Черкаска пріѣзжали въ воровскіе полки для разговоровъ двое братьевъ, Василій Большой да Василій Меньшой Поздѣвы. Разговоры эти кончились тѣмъ, что въ Черкасскъ положили выдать Булавиному атамана Лукьяна Максимова и старшинъ Ефрема Петрова, Абрисима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина. 1-го мая отправился въ Черкасскъ Игнатій Некрасовъ, взялъ Лукьяна Максимова съ товарищами, отвелъ въ Рыковскую станицу и развелъ по избамъ за крѣпкими караулами. Булавинъ стоялъ за Рыковскою станицею на Буграхъ; самъ онъ не двигался съ мѣста, а для всякихъ дѣлъ въ Черкасскъ, Рыково и Скородумову станицу разсылалъ безпрестанно Некрасова и Дранаго; близъ Скородумовой станицы шумѣли круги, толковали объ участіи Максимова съ товарищами и наконецъ рѣшили и приговорили: атамана и старшинъ побить до смерти. Но прежде еще исполненія приговора привели Максимова и Ефрема Пе-

трома въ кругъ, пріѣхалъ Булавинъ и велѣлъ ихъ бить плетью, допрашиваясь денегъ и пожитковъ. 6 мая собрались для казни: атаманъ Максимовъ молча положилъ голову на плаху; но Ефремъ Петровъ сказалъ: «Хотя я отъ васъ и умру, но слава моя не умретъ; вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю островъ знатенъ, рѣку великій государь всю очиститъ и васъ, воровъ, выведетъ.» Булавина не было при казни.

На мѣсто Максимова атаманомъ былъ выбранъ Булавинъ. Новый атаманъ писалъ государю, что собрались козаки по Дону, Донцу, Хопру и Медвѣдицѣ для перемѣны и выбора новыхъ старшинъ, пришли въ Черкасскъ и убили до смерти атамана Лукьяна Максимова и старшину Ефрема Петрова съ товарищи за ихъ неправды, за то что они не давали въ *дуванъ* царскаго годоваго жалованья, не дали 20.000, присланныхъ за астраханскую службу, и 10.000, присланныхъ въ нынѣшнемъ году. Тутъ же Булавинъ билъ челомъ, чтобы жену его и сына изъ Валукѣкъ отпустили къ нему въ Черкасскъ. Козаки послали отъ себя грамоту, въ которой также прописывали вины Максимова съ товарищи: «Царскаго жалованья въ *дуванъ* не давали; множество новопришлыхъ съ Руси людей принимали и о заимкѣ юртовъ безъ нашего войсковаго вѣдома письма давали и за тѣ письма многія взятки себѣ брали; по твоему государеву указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, но множество и старожилыхъ козаковъ, которые пришли лѣтъ двадцать тому назадъ и больше, всѣхъ неволею въ Русь высылали, ради бездѣльныхъ своихъ взятокъ въ воду сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ между колодъ давили и всякое ругательство чинили, городки многіе огнемъ выжгли. Князя Юрія Долгорукаго убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ, убили его съ общаго вѣдома, потому что у розыска поступалъ не по твоему государеву указу; отъ тебя, великаго государя, мы никуда не откладываемся, твоихъ украинскихъ городовъ не разоряли и отнюдь разорять не будемъ; желаемъ тебѣ служить по прежнему всѣмъ войскомъ донскимъ и всѣми рѣками всеусердно. И чтобы твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили, а буде они насильно поступать и какое разоренье учинять, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдѣмъ.»

Понятно, что ни угроза оставить Донъ, ни увѣреніе въ готовности служить послѣ «прелестныхъ» писемъ Булавина и движеній въ степныхъ областяхъ государства не могли произве-

сти выгоднаго для козаковъ впечатлѣнія на правительство. Въ тотъ самый день, какъ Булавинъ осадилъ Черкасскъ, Петръ назначилъ брата убитаго мятежниками Долгорукаго, князя Василія Владиміровича, главнымъ начальникомъ войскъ, отправленныхъ противъ Булавина; предписалъ, чтобы всѣ украинскіе воеводы были ему послушны. Но судьба Булавина рѣшилась еще прежде прибытія Долгорукаго. Какъ всегда, такъ и теперь, козацье общество дѣлилось на двѣ стороны: козаковъ старыхъ, домотыхъ, которые хотѣли сохранять крѣпкую связь съ государствомъ, и козаковъ молодыхъ, новыхъ или *голутвенныхъ* (голи, голытбы), этого сброда со всѣхъ сторонъ, ненасытныхъ искателей зипуновъ, которыхъ самые дѣятельные товарищи Булавина *Голый*, *Драный* были полными представителями по имени и на дѣлѣ. Старые козаки уступили на время толпамъ Булавина, но они были твердо увѣрены, что предсмертное пророчество Ефрема Петрова исполнится. Уже въ первыхъ числахъ мая, козаки начали совѣтоваться, какъ бы схватить Булавина и переслать въ Азовъ. У самого Булавина и его приверженцевъ вовсе не было крѣпкой надежды сладить съ войсками правительства; мы видѣли, что въ грамотѣ къ царю они грозили не сопротивленіемъ, а бѣгствомъ, и дѣйствительно 19 мая получены были вѣсти съ Дона, что Булавинъ хочетъ ѣхать на Кубань, куда отправилъ письмо къ Гуссейнъ-пашѣ, что если государь ихъ не пожалуетъ противъ прежняго, то они отъ него отложатся и станутъ служить султану; а султанъ бы государю не вѣрилъ, что съ нимъ въ мирѣ: государь в во время мира многія земли разорилъ, также и на султана корабли и всякій воинскій снарядъ готовить. Между тѣмъ движенія непріязненныхъ Булавину козаковъ продолжались; къ несчастію, они не успѣли еще хорошенько сговориться и сосредоточиться около одного вождя, а между тѣмъ, полагаясь на свою многочисленность и силу, начали давать волю языку. Однажды, въ концѣ мая, собрался большой кругъ изъ всѣхъ станицъ; Булавинъ пріѣхалъ и началъ говорить многія непристойныя слова; тутъ раздались голоса между козаками верховыхъ городковъ: «Ты много говоришь, а съ повинною къ великому государю не посылаешь; не всѣхъ перекуешь! теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймать.» Булавинъ велѣлъ взять за караулъ крикуновъ и сталъ осторожнѣе, завелъ при себѣ караулъ челоувѣкъ изъ восьми.

Но не караулъ, а только одинъ успѣхъ противъ войскъ цар-

скихъ могъ поддержать Булавина. Узнавъ о приближеніи этихъ войскъ подъ начальствомъ бригадира Шидловскаго и полковника Кропотова, Булавинъ выслалъ противъ нихъ Семена Дранаго съ 5.000 донскихъ и 15.000 запорожскихъ козаковъ. 1-го іюля, въ урочищѣ Кривая Лука, Драный встрѣтился съ войсками правительства, бой продолжался три часа дня и два часа ночи; козаки потерпѣли совершенное пораженіе и потеряли Дранаго. Вслѣдъ за извѣстіемъ о пораженіи и гибели Дранаго пришла къ Булавину другая печальная вѣсть. Онъ отправилъ подъ Азовъ 5.000 человекъ подъ начальствомъ Лунки Хохлача, Карпунки Козанкина, Ивашки Ганкина; противъ нихъ вышелъ уже извѣстный намъ полковникъ Николай Васильичъ, но не имѣлъ успѣха; воры наступали съ *великою наглостію* и пришли къ Матросской слободѣ; тутъ на помощь къ Васильеву явились четыре солдатскихъ роты и поправили дѣло: воры, тѣснимые съ одной стороны войсками Васильева, съ другой обсыпаемые ядрами съ Азовской крѣпости и съ кораблей, обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы до рѣки Коланчи. Эти двѣ неудачи рѣшили участь Булавина. Старые козаки взяли верхъ; 7-го іюля къ куреню, гдѣ жилъ Булавинъ, явились они подъ начальствомъ Ильи Зершикова. Булавинъ заперся и началъ отстрѣливаться, убилъ двухъ человекъ у осаждающихъ, наконецъ, видя невозможность отсидѣться, застрѣлилъ себя изъ пистолета. Хохлачъ, прибѣжавшій изъ-подъ Азова въ Черкасскъ, былъ убитъ; Зершиковъ провозглашенъ атаманомъ. 26-го іюля къ рѣкѣ Аксаю подошелъ главный начальникъ войскъ правительства князь Долгорукій и поставилъ полки свои во фронтъ. Приѣхалъ Илья Зершиковъ съ старшиной и лучшими козаками: всѣ сошли съ лошадей, приклонили знамена и пали на землю, прося милосердія. На другой день царскіе ратные люди вступили въ Черкасскъ; козаки привели въ обозъ къ Долгорукову сына Булавина, Никиту, брата Ивана да Михайлу, сына Семена Дранаго, всего двадцать шесть человекъ близкихъ къ Булавину людей; а на другой день, 28-го іюля, всѣ козаки присягнули впередъ не бунтовать.

Но смертію Булавина и покорностію Черкаска дѣло не кончилось. Мы видѣли, что волненіе начало распространяться въ разныхъ мѣстахъ степныхъ украинскихъ областей Московскаго государства. Еще весной, при жизни Булавина и Хохлача, когда мятежъ былъ силенъ на Дону, возмущались жители Камышинна убили воеводу и десять начальныхъ людей, и приняли къ себѣ

Хохлача; шайки воровскихъ козаковъ и Калмыковъ продолжали разорять села и деревни, разорили Мокшанскъ, убили подъячго, которому былъ приказанъ городъ. Никита Голый разсылалъ прелестныя письма: «Намъ до черни дѣла нѣтъ, намъ дѣло до бояръ и до тѣхъ, которые неправду дѣлаютъ; а вы шлудьба вся идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые, идите, не опасайтесь, будутъ вамъ кони, ружье, платье и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы, за васъ и за всю чернь, чтобъ намъ не впасть въ еллинскую вѣру. А вы, стольники и воеводы и всякіе приказные люди! не держите чернь, по городамъ не хватайте и пропускайте всѣхъ къ намъ въ донскіе городки; а кто будетъ держать чернь и не отпускать, тѣмъ людямъ смертная казнь.» Воры овладѣли было и Царицынымъ, гдѣ казнили воеводу Аванасья Турчанина, но держали городъ только три дня: явились государевы ратные люди, присланные Апраксинымъ изъ Астрахани, и отняли Царицынъ у воровъ. Хохлачъ попытался овладѣть Саратовымъ, но неудачно; отступивъ отъ города, онъ сталъ дожидаться Некрасова; но въ тотъ самый день, какъ Некрасовъ соединился съ Хохлачемъ, явились подъ Саратовъ бузовые Калмыки и начали проситься у Саратовцевъ, чтобы впустили ихъ въ городъ; Саратовцы отказали, тогда Калмыки опрокинулись на козаковъ Хохлача и Некрасова и убили у нихъ человекъ съ сотню; козаки бросились бѣжать. Между тѣмъ по Волгѣ пошла вѣсть, что идутъ царскія войска подъ начальствомъ боярина князя Петра Ивановича Хованскаго. Козаки стали покидать Камышинъ и бѣжать на Донъ, имъ послѣдовали многіе камышинскіе жители; тогда остальные Камышинцы и бурлаки стали говорить козакамъ: «Для чего забунтовали, а теперь бѣжите на Донъ!» Они схватили атамана Кондратя Носова въ кругъ, допросили, гдѣ дѣвалъ порохъ и свинецъ, вынули у него бочку пороха и принесли въ кругъ. Тутъ атаманъ, Иванъ Земинъ, увидавъ, что козакамъ приходится плохо, сталъ сулить бурлакамъ бочку вина и по полтинѣ денегъ; бурлаки не выдержали искушенія, и отправились вмѣстѣ съ козаками, побравши пушки и порохъ; которые Камышинцы не хотѣли съ ними идти, тѣхъ били и грабили.

Пора была бѣжать козакамъ. Хованскій занялъ Саратовъ и отправилъ Саратовцевъ и Калмыковъ къ перекопскому козачьему городку: городокъ былъ взятъ, козаки побиты, дома ихъ выж-

жены и разорены безъ остатка. Услыхавъ объ этомъ, казаки всѣ выбрались изъ Паншина городка съ женами и дѣтьми, но слѣдомъ за ними шель товарищъ Хованскаго, Дмитріевъ-Мамоновъ, и Калмыки. 23-го августа онъ нагналъ бѣглецовъ ниже Паншина, верстахъ въ пяти у Дону: у воровъ было 4.000 человекъ, кромѣ женъ и дѣтей, обозу у нихъ было 1.000 телѣгъ; послѣ великой баталіи воры потерпѣли совершенное поражение, очень мало ушло ихъ въ двухъ полкахъ, жены, дѣти ихъ и пожитки достались царскимъ ратнымъ людямъ и Калмыкамъ. Послѣ этой побѣды, по распоряженію Хованскаго, заплыло восемь городовъ козачьихъ, тридцать девять городковъ добились челомъ и присягнули.

Въ томъ же августѣ поднимались шестнадцать станицъ, казаки укладывали имѣніе на телѣги, женщины и дѣти собирались въ дорогу, и скоро 3.000 козаковъ съ семействами столпились въ Есауловъ городокъ; пришли они сюда по письмамъ Некрасова, который обѣщалъ быть къ нимъ въ Есауловъ съ Ивашкою Павловымъ, Сережкой Безпалымъ, Лоскутомъ и другими предводителями голутвенныхъ. Чтобы не допустить Некрасова къ Есаулову, Долгорукій, бросивъ пѣхоту и обозъ, съ одною конницей пустился къ Есаулову, куда пришелъ 22-го августа; воры сѣли въ осаду, поджидая Некрасова; монахъ раскольникъ Кириллъ пѣлъ молебень о побѣдѣ козаковъ надъ государевыми людьми: этотъ Кириллъ, не будучи попомъ, исправлялъ въ Есауловѣ всѣ священническія требы, исповѣдовалъ, причащалъ, крестилъ. 23-го числа Долгорукій повелъ приступъ, но приступъ не удался. Несмотря на то, осажденные потеряли надежду отсидѣться и дожидаться выручки отъ Некрасова; они прислали повинную къ Долгорукову и присягнули не бунтовать. Началась расправа; атаманъ Васька Тельной и монахъ Кириллъ съ товарищемъ своимъ, другимъ монахомъ-раскольникомъ, были четвертованы; другихъ, съ десятка по человекъ, перевѣшали кругомъ городка; иныхъ, поставя висѣльцы на плотяхъ, пустили внизъ по Дону. Такимъ образомъ казнено было больше двухъ сотъ человекъ. Тогда, отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, Некрасовъ, съ 2.000 козаковъ, побѣжалъ на Кубань и поддался султану.

Но не отчаявался Голый. По письму донецкаго атамана Кольцова, 18-го сентября онъ пришелъ въ Донецкую станицу: войска съ нимъ было тысячи съ четыре; и здѣсь, какъ въ Есауловѣ, казаки были съ женами, дѣтьми и скотиной. Недѣли

съ волторы послѣ прихода Голаго въ Донецкую станицу, поехали на Дону будары: то шелъ провіантъ въ Азовъ, проважалъ его полковникъ Илья Бильсъ съ солдатскимъ полкомъ. Когда будары пристали къ станицѣ, Голый и Колычовъ явились съ хлѣбомъ и солью на поклонъ къ Бильсу; Нѣмецъ, не подозревая, что за люди передъ нимъ, отплатилъ честью за честь, подчивалъ ихъ и какъ добрымъ подданнымъ царскимъ, позволялъ ходить по бударамъ и осмотрѣть пушки, свинець, казну. Давши Бильсу провожатыхъ, воровскіе атаманы отпустили его Дономъ внизъ, а сами пошли за бударами слѣдомъ по берегу, чтобы воспользоваться первымъ случаемъ и захватить лакомую добычу. Случай не заставилъ себя долго ждать: въ урочищѣ за бурунами поднялась погода, будары разнесло, многія сѣли на мель; Голый и Колычовъ были тутъ: Голый закричалъ съ берегу, чтобъ Бильсъ приставалъ съ своею бударой слушать государевъ указъ; полковникъ послушался, присталъ, воры бросились на будару, схватили Бильса, офицеровъ перевязали и посадили въ воду, солдатъ забрали къ себѣ въ таборы, государеву казну и солдатскія пожитки *раздували* между собою.

Воры ликовали, тѣмъ болѣе что пришла вѣсть, что Долгорукій, считая дѣло конченнымъ въ Черкасскѣ и Есауловѣ, распустилъ войско и стоитъ въ малолѣдствѣ. Козаки рѣшили: жень и дѣтей развести по городкамъ, а самимъ идти подъ украинные города. «Если Долгорукаго разобьемъ, говорили они, то въ городахъ чернь къ намъ пристанетъ, пойдемъ прямо къ Москвѣ, побьемъ бояръ, Нѣмцевъ и прибыльщиковъ.» Но не долго они радовались: Долгорукій зналъ уже обо всемъ, что случилось съ Бильсомъ, и двинулся изъ Острогожска въ Коротоякъ, куда пришелъ 15-го октября, и 26-го стоялъ подъ Донецкою станицей. Голый и Колычовъ выбѣжали на устье Хопра еще до прихода Долгорукаго; но 1.000 человекъ козаковъ и бурлаковъ рѣшились остаться и отстрѣливались безъ умолку часа съ полтора, но не спасли городка: скоро на его мѣстѣ чернѣлись однѣ обгорѣлыя развалины и возвышалось сто пятьдесятъ висѣлицъ. Голый и тутъ еще не хотѣлъ уступить: около него собрались послѣднія силы мятежа, 7.500 козаковъ, съ которыми онъ засѣлъ въ Рѣшотовой станицѣ. 4-го ноября Долгорукій явился и сюда; воры вышли на бой, но не выдержали натиска царскихъ войскъ и обратились назадъ въ городокъ; побѣдители ворвались и туда по пятамъ, выбили козаковъ изъ городка, гнали до Дона, рубя безъ милосердія: 3.000

человѣкъ пало трупомъ, много потонуло, иныхъ на плаву пристрѣливали, а которымъ и удалось переплыть, то померзли. Голый ушелъ самъ-третей; Рѣшотова станица запылала, но это былъ уже послѣдній пожаръ. Донъ стихнулъ.

III.

МАЗЕПА.

Въ то время какъ на Дону Булавинъ и товарищи его открыто схватились съ государствомъ въ интересахъ *голутбы*, поднявши раскольничье знамя,—въ козачествѣ малороссійскомъ гетманъ и старшины, безъ спросу съ большинствомъ народонаселенія, тайкомъ задумали отложиться отъ Московскаго государства, чтобъ уйти отъ неприятныхъ для нихъ преобразованій, замышляемыхъ Петромъ. Несмотря на видимое сходство цѣлей въ томъ и другомъ предпріятіи, различіе въ интересахъ, взглядахъ и приемахъ главныхъ дѣятелей огромное. На Дону чисто козацкіе интересы, взгляды и приемы, прямое обращеніе къ голутбѣ, открытое дѣйствіе въ шумныхъ кругахъ, открытое употребленіе силы; начальники предпріятія—отчаянные бойцы, полные представители голутвенныхъ людей, для которыхъ, по народному выраженію, жизнь копѣйка. Въ Малороссіи, наоборотъ, дѣло дѣлается въ глубочайшей тайнѣ, въ темнотѣ, ночью; долго тянутся совѣщанія, пересылки; начальникъ предпріятія—колеблющійся старикъ, который ждетъ успѣха только отъ хитрости, тайны, соображенія обстоятельствъ, который хвалится не храбростію своею, не отвагой впереди полковъ, но тѣмъ, что онъ «искусная, *ношенная* птица».

Ни одинъ гетманъ малороссійскій не пользовался такою довѣренностію московскаго правительства, какъ умный, образованный, любезный старикъ, Иванъ Степановичъ Мазепа. Царь Петръ вполне полагался на его приверженность къ себѣ, не вѣрилъ доносамъ на него, и дѣйствительно, по свидѣтельству самыхъ близкихъ къ гетману людей, онъ былъ вѣренъ царю. Въ 1705 году Мазепа стоялъ обозомъ подъ Замостьемъ; сюда тайкомъ пробирается къ нему изъ Варшавы Францишекъ Вольскій съ секретными *прелестными* предложеніями отъ поль-

скаго короля Станислава Лещинскаго. Мазепа спокойно выслушиваетъ Вольскаго, но, выслушавъ, немедленно сдаетъ его подъ караулъ царскому чиновнику Анненкову, велитъ подвергнуть пыткѣ, потомъ въ оковахъ отправляетъ въ Кіевъ, къ тамошнему воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а письма пересылаетъ къ царю. Но вотъ вѣрность гетмана подвергается искушенію: въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ, получаетъ онъ длинное письмо отъ наказнаго гетмана, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, стоявшаго съ своимъ и Кіевскимъ полками подъ Гродно на службѣ царской; гетманъ кличетъ писаря Орлика и велитъ читать ему письмо; Орликъ читаетъ горькія жалобы: подробно описывалъ Горленко обиды, поношенія, уничтоженія, досады, коней разграбленіе и смертныя побои козакамъ отъ великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей: «меня, наказнаго гетмана, пишетъ Горленко, съ коня спихнули, изъ-подъ меня и изъ-подъ прочіихъ начальныхъ людей кони на подводы забраны!» Тотъ же курьеръ, который привезъ письмо отъ Горленка, подалъ другое отъ полковника Ивана Черныша, также находившагося въ Гроднѣ; Орликъ распечаталъ и нашелъ копію съ царскаго указа, которымъ будто бы приказывалось Кіевскому и Прилуцкому полкамъ идти въ Пруссію для наученія и устроенія ихъ въ драгунскіе регулярные полки. Выслушавъ письма, Мазепа сказалъ: «Какого же намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы, и кто жь былъ бы такой дуракъ, какъ я, чтобы до сихъ поръ не приклонился къ противной сторонѣ на такія предложенія, какія прислалъ ко мнѣ Станиславъ Лещинскій?» Скоро послѣ этого пріѣзжаетъ самъ Горленко въ Дубну къ Мазепѣ и объявляетъ, что притворился больнымъ изъ страха, чтобъ его не послали съ полками въ Пруссію и не устроили въ драгуны: «Я бы вѣдь этимъ возбудилъ противъ себя ненависть цѣлаго войска, говорилъ Горленко, всѣ бы стали говорить, что отъ меня пошло начало регулярнаго строя у насъ; вотъ я и притворился больнымъ и отпросился у генерала Рена въ отпускъ будто домой, подарилъ ему за это коней добрыхъ да 300 ефимковъ.»

Въ то время какъ гетманъ емущенъ былъ разказами и жалобами Горленка, краковскій воевода, князь Вишневецкій, прислалъ звать его къ себѣ въ Бѣлую Криницу, просилъ быть крестнымъ отцомъ у его дочери; крестною матерью была мать князя, княгиня Дольская. Нѣсколько дней пировалъ Мазепа на

крестинахъ, и, возвратившись въ Дубну, велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ Дольской и послать къ ней ключъ цифирный для будущей переписки. Отвѣтъ не замедлилъ: черезъ нѣсколько дней приносятъ отъ княгини маленькое письмецо, написанное цифрами: «я уже послала куда слѣдуетъ съ извѣстіемъ о истинной пріязни вашей милости», писала княгиня. Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ отъ Дольской другое маленькое письмо цифирью съ извѣстіемъ, что какой-то король посылаетъ къ нему письмо. Когда Орликъ разобралъ письмо, то Мазепа засмѣялся и сказалъ: «Глупая баба! хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя отъ короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава, и помогъ ему утвердиться на польскомъ престолѣ, а онъ обѣщаетъ помочь государю въ войнѣ шведской; я объ этомъ ея дурачествѣ уже говорилъ государю, и его величество посмѣялся.» Но долго притворяться было нельзя передъ Орликомъ; въ Кіевъ пришло третье письмо отъ Дольской: княгиня писала прямо, чтобы Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло и былъ бы надеженъ на скорую помощь отъ цѣлаго шведскаго войска; былъ бы также увѣренъ, что всѣ желанія его исполнятся, на что присланы будутъ къ нему ручательства королей шведскаго и польскаго. Когда Орликъ разобралъ письмо, Мазепа вскочилъ съ постели въ страшномъ гнѣвѣ и началъ кричать: «Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобы царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь другое пишетъ, обзвуется баба, хочетъ меня, искусную и ношенную птицу, обмануть; погубила бы меня баба, еслибъ я далъ ей прельстия себя; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертвого и, отплывая отъ одного берега, другаго не достигнуть. Станиславъ и самъ не надѣется царствовать въ Польшѣ, республика польская раздвоена; какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній этой бабы? Состарѣлся я, служа вѣрно царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу его, и брату; не прельстили меня ни король польскій Янъ, ни ханъ крымскій, ни донскіе козаки; а теперь, при концѣ вѣка моего, баба хочетъ меня обмануть.» Мазепа сжегъ письмо Дольской и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: «Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и субстанціи; не надѣйся, не помышлай о томъ, чтобъ я, при старости моей, вѣрность мою царскому ве-

лечеству повредилъ.» Дольская дѣйствительно пріостановила переписку на цѣлый годъ.

Но въ 1706 году случилось много событій, которыя возобновили переписку между кумомъ и кумою. Пріѣхалъ царь Петръ въ Кіевъ. Гетманъ задалъ въ честь его большой пиръ; вино развязало языкъ царскому любимцу, Меншикову, который послѣ стола взялъ гетмана за руку, посадилъ подлѣ себя на лавку и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что стоявшая подлѣ старшина могла все слышать: «Гетманъ Иванъ Степанычъ! пора теперь приниматься за этихъ враговъ.» Старшина и полковники, видя, что любимецъ царскій хочетъ вести тайный разговоръ съ гетманомъ, хотѣли было отойти прочь, но Мазепа далъ имъ знакъ рукой, чтобъ остались, и отвѣчалъ Меншикову также на ухо, но громко, чтобы всѣ могли слышать: «Не пора!» Меншиковъ сказалъ на это: «Не можетъ быть лучшей поры, когда здѣсь самъ царское величество съ главною своею арміею». — «Опасно будетъ, отвѣчалъ Мазепа, не кончивъ одной войны съ непріятелемъ, начинать другую внутреннюю». «Ихъ ли враговъ опасаться и щадить, продолжалъ шумный Меншиковъ: какая въ нихъ польза царскому величеству? Ты прямо вѣрнень государю, но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи знали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ.» Въ это время государь поднялся съ своего мѣста и пресѣкъ разговоръ. Проводивши царя, Мазепа отвелъ старшину и полковниковъ во внутреннюю комнату и спросилъ: «Слышали все? вотъ всегда мнѣ эту пѣсню поютъ, и на Москвѣ, и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ только, Боже, исполнить то, что думаютъ.» Между полковниками начался сильный ропотъ.

До сихъ поръ самъ гетманъ лично еще не былъ задѣтъ; но вотъ опять является та же искусительница, княгиня Дольская; приходитъ письмо изъ Львова цифирью; княгиня описываетъ, какъ она была у кого-то воспріемницей вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, за столомъ сидѣла между нимъ и генераломъ Реномъ, и въ разговорѣ съ послѣднимъ случайно упомянула имя Мазепы съ похвалою. Рень на ея слова отозвался такъ же хорошо о гетманѣ и прибавилъ: «Сжался, Боже, надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ! Онъ бѣдный не знаетъ, что князь Александръ Да-

ниловичъ Меншиковъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ быть гетманомъ въ Украинѣ.» Шереметевъ будто бы подтвердилъ слова Рена; Дольская спросила: «Для чего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предупредить гетмана?» «Нельзя, отвѣчалъ Шереметевъ: мы и сами много терпимъ, да, дѣлать нечего, молчимъ.» Когда Орликъ кончилъ разборъ этой цѣпири, Мазепа сказалъ: «Знаю я и самъ очень хорошо, что они о васъ и обо мнѣ думаютъ: хотятъ меня уcontentовать княженіемъ Римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а когда бы воспротивились, за Волгу перегнуть и своими людьми Украину населить. Сами вы слышали, какъ Меншиковъ мнѣ на ухо говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приняться! Слышали вы и то, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично просилъ себя Черниговскаго княжества, а чрезъ это стелеть онъ путь къ гетманству.» Соединивъ такимъ образомъ свое дѣло съ общимъ, перекинувши свой страхъ на всю старшину, Мазепа распространился о собственныхъ обидахъ: «Вотъ, говорилъ онъ: царь послалъ Меншикова съ кавалеріей на Волынь, а мнѣ приказалъ идти за нимъ слѣдомъ и что его свѣтлость повелить—исполнять. Не обидно бы еще мнѣ было, еслибы меня отдали подъ команду Шереметеву или другому какому-нибудь великоименитому и отъ предковъ заслуженному человѣку, а то Меншикову! Тотъ же Александръ Даниловичъ уговорился выдать за племянника моего Войнаровскаго сестру свою; я нѣсколько лѣтъ дождался, не сваталъ невѣсты племяннику, а когда наконецъ напомнилъ Меншикову объ уговорѣ, то онъ отвѣчалъ: теперь уже нельзя, потому что царское величество самъ хочетъ жениться на моей сестрѣ.» Во сколько все это было справедливо? во сколько самъ царь входилъ въ планы своего честолюбиваго любимца и во сколько былъ способенъ подчиняться его желаніямъ? Этихъ вопросовъ не задалъ ни Мазепа, ни Орликъ; никто изъ нихъ не предложилъ вопроса: «Что же, развѣ Меншиковъ получилъ Черниговское княжество? развѣ царь женился на его сестрѣ?» «Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства», покончилъ Мазепа свои жалобы и велѣлъ Орлику написать Дольской отвѣтъ съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

А между тѣмъ для Малороссіи наступила тяжелая пора: страшный врагъ былъ близко; началось сильное движеніе,

шли партіи рекрутъ, мчались начальные люди, тянулись длинные обозы, въ Кіевѣ спѣшили укрѣпленіями. Полковники безпрестанно приходили къ гетману съ жалобами: приставы у крѣпостнаго строенія козаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шагами обсѣкаютъ; козаки, оставивши дома свои, сѣнокосы и хитво, терпятъ на службѣ царской зной и всякаго рода лишенія, а тамъ великороссійскіе люди дома ихъ грабятъ, разбираютъ и палатъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Сильнѣе всѣхъ раздавались голоса полковниковъ миргородскаго Апостола и прилуцкаго Горленка: «Очи всѣхъ на ти уповають, говорилъ миргородскій Мазепѣ: не дай, Боже, надъ тобою смерти! тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ.» Прилуцкій говорилъ еще сильнѣе: «Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядскаго освободилъ: такъ, напротивъ, и мы и дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь.»

Въ 1707 году царь созвалъ въ Жолквѣ военный совѣтъ; гетманъ войска запорожскаго былъ на совѣтѣ и возвратился мрачнѣе тучи: къ царю на обѣдъ не поѣхалъ, дома цѣлый день не ѣлъ; что такое тамъ было на совѣтѣ, никто не зналъ; Мазепа никому ничего не разказывалъ, сказалъ только: «Еслибъ я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее издвоздааніе, а здѣсь хотя бы въ ангела премѣнился, не могъ бы за службу и вѣрность мою никакой получить благодарности.» На другой или на третій день приносятъ къ Мазепѣ бумагу: то былъ приказъ отъ Меншикова къ полковнику компанейскому Танскому, чтобы тотъ шелъ къ нему съ полкомъ. Мазепа въ бѣшенствѣ вскочилъ съ мѣста и закричалъ: «Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничтоженіе моей особѣ: всякій день князь Меншиковъ со мною видится, всякій часъ со мною разговариваетъ, и, не сказавши мнѣ объ этомъ ни одного слова, безъ моего вѣдома и согласія, посылаетъ приказанія людямъ, мнѣ подчиненнымъ! И кто же тамъ, Танскому, безъ моего указа, выдастъ мѣсячныя деньги и провіантъ? и какъ онъ можетъ безъ моей воли идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу жалованье? А еслибы пошелъ, то я бы его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и уничтоженіе!» Въ это

время, какъ нарочно, является іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейти на сторону непобѣдимаго короля шведскаго; Мазепа начинаетъ съ нимъ тайныя совѣщанія; искусная, пошленная птица, гетманъ недоволенъ Москвой, но боится Петра, боится въ то же время и Карла, не надѣется, чтобы Петръ сладилъ съ нимъ, и хочетъ пробраться между двухъ огней, не обжегшись.

А между тѣмъ ропотъ полковниковъ усиливался все больше и больше. Возвратившись въ Кіевъ, Мазепа получилъ царскій указъ объ устройствѣ козаковъ въ пятаки, на подобіе слободскихъ полковъ; между полковниками только и было разговору, что выборъ пятаковъ—ступень къ преобразованію козаковъ въ драгуны и солдаты; начался сильный ропотъ; недовольные собирались у обознаго Ломиковского, особенно же у полковника миргородскаго, и совѣтовались, какъ бы предупредить бѣду, защитить свои вольности. Мазепа не принималъ никакого участія въ этихъ совѣщаніяхъ. 16 сентября 1707 года, поздно вечеромъ, къ нему принесли письмо отъ Дольской и вмѣстѣ письмо отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Прочтя это письмо, Мазепа отъ страха выронилъ его изъ рукъ и закричалъ: «Проклятая баба! погубить меня!» Долго сидѣлъ онъ послѣ того молча, въ глубокомъ раздумьи; наконецъ началъ говорить Орлику: «Съ умомъ борюсь, посылать ли это письмо къ царю, или нѣтъ? завтра объ этомъ посовѣтуемся, а теперь ступай въ свою квартиру и молись Богу, да яко же хочетъ устроить вещь; можетъ, твоя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ моя, потому что ты по-христіански живешь. Богъ знаетъ, что я не для себя дѣлаю, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ.» Мазепа и Орликъ жили въ Печерскомъ монастырѣ. Орликъ, возвратившись на свою квартиру, взялъ два рубля денегъ и вышелъ, чтобы раздать старцамъ и старицамъ, нищимъ и калѣкамъ, которые лежали въ куцахъ на улицѣ и жили въ богадѣльняхъ печерскихъ: писарь надѣялся этимъ добрымъ дѣломъ умилостивить Бога, чтобъ Онъ спасъ его отъ страшной бѣды и отвратилъ сердце Мазепы отъ лукаваго предпріятія. Старцы и старицы сначала поднимали брань, когда онъ толкался въ ихъ кущи: они вовсе не надѣялись получить милостыни въ такое позднее время, а скорѣе боялись воровства; но потомъ успокаивались, слыша ласковыя, не воровскія слова, отворяли двери и принимали милостыню. На другой день рано поутру Орликъ пришелъ къ Мазепѣ и засталъ его сидящимъ въ концѣ

стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ; увидавши Орлика, гетманъ сталъ говорить: «Такъ какъ вчера дню мое черезъ присылку письма отъ Лещинскаго открылось передъ тобою, то передъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для бѣльшаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска запорожскаго и народа малороссійскаго, для повышенія и разширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу, при помощи Божией, такъ сдѣлать, чтобы вы ни отъ московской, ни отъ шведской стороны не погибли. А еслибъ я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей дерзнулъ это сдѣлать, то побей меня, Боже, и невинная страсть Христова на душѣ и на тѣлѣ.» Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ, и потомъ опять обратился къ Орлику: «Крѣпко я надѣюсь, что ни совѣсть твоя, ни добродѣтель, ни природная кровь шляхетская не допустятъ тебя измѣнить мнѣ, пану своему и благодѣтелю. однако, для лучшей конфиденціи, присягни.» Орликъ присягнулъ, но не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Если вѣкторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ будемъ счастливы; если же при царѣ, то и мы пропадемъ, а народъ погубимъ.»—«Яица курицу не учать, отвѣчалъ Мазепа: или я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды? тогда передамся Шведамъ, когда увижу, что царское войско не будетъ въ состояннн оборонять не только Украйны, но и своего государства отъ шведской потенціи. Я говорилъ въ Жолквѣ царю: если король шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украйну, то мы не можемъ обороняться нашимъ войскомъ слабымъ, истощеннымъ частыми походами; я просилъ царя, чтобъ оставилъ намъ на помощь хоть 10.000 своего регулярнаго войска; что жъ мнѣ онъ отвѣчалъ? не только десяти тысячъ, и десяти человекъ не могу дать, обороняйтесь сами какъ можете! Это меня и заставило послать ксенза тринитара, капеллана княгини Дольской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя какую ни есть мою къ себѣ инклинацію, по-непріятельски съ нами не поступали. Однако же вѣрность мою къ царскому величеству буду продолжать до тѣхъ поръ, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ ураинскимъ придетъ, и какіе будутъ прогрессы швед-

скихъ войскъ въ государствѣ Московскомъ, и если не въ силахъ будемъ защищать Украины и себя, то зачѣмъ же сами погибель полѣземъ и отчизну погубимъ?»

Согласно съ этимъ планомъ дѣйствій, Мазепа отвѣчалъ королю Станиславу 18-го сентября, что указа его не можетъ исполнить и никакихъ дѣлъ не можетъ начинать по слѣдующимъ причинамъ: 1) Кіевъ и другіе крѣпости въ Украинѣ осажены великими гарнизонами, подъ которыми козаки, какъ перепелъ подъ ястребами, не могутъ головъ поднять. 2) Всѣ силы ужъ сосредоточены въ Польшѣ, не далеко отъ Украины. 3) Въ Украинѣ начальныя и подначальныя, духовныя и мірскія, какъ разныя колеса, не въ единомышленномъ находятся согласіи: однимъ хорошо въ протекціи московской, другіе склонны къ протекціи турецкой, третьи любятъ побратимство татарское по природной къ Полякамъ антипатіи. 4) Самусь съ прочими полковниками, по недавнихъ бунтахъ, опасаясь отъ войскъ польскихъ мести, наврядъ склонятся къ Рѣчи Посполитой, потому надобно сперва стараться войско и цѣлый народъ къ единомыслію приклонить по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. 5) Онтъ Мазепа, имѣетъ постоянно подлѣ себя нѣсколько тысячъ регулярнаго великороссійскаго войска, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всѣ его поступки. 6) Республика польская раздвоена еще. Мазепа обѣщалъ только не вредить ни въ чемъ интересамъ короля Станислава и войскамъ шведскимъ.

Мысль, что сношенія его съ непріателемъ, по неосторожности Станислава, извѣстны хотя одному человѣку на Украинѣ, Орлику, тревожила Мазепу; на присягу послѣдняго онъ не вполне полагался, и потому хотѣлъ еще дѣйствовать угрозами: «Смотри, Орликъ, говорилъ онъ генеральному писарю: удержи мнѣ вѣрность; знаешь ты, въ какой я милости у царя, не промѣняютъ тамъ меня на тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь.» Угроза дѣйствовала на Орлика; съ другой стороны связывала данная Мазепѣ клятва; постоянно приходилъ также на мысль повойный Мокріевичъ, который, будучи, подобно Орлику, генеральнымъ писаремъ, обвинилъ гетмана Демьяна Многогрішнаго въ измѣнѣ, и какую потомъ за это получилъ честь? Гетманъ Самойловичъ лишилъ его писарской должности, его вытѣснили изъ Украины, и вездѣ, во все продолженіе жизни, былъ онъ укоряемъ и поносимъ отъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, особенно отъ архіепископа черниговскаго, Лазаря Бара-

воинча, который гдѣ бы ни встрѣтилъ Мокріевича, въ церкви или въ гостяхъ, прямо въ лицо ему и всѣмъ вслухъ называлъ Іудю, предателемъ пана своего, ехиднинымъ порожденіемъ, а когда антидоръ ему давалъ, то обыкновенно говорилъ: «и Христось Іудѣ хлѣбъ далъ и по хлѣбѣ видне въ онъ сатана». Наконецъ Орлику приходило въ голову и то, что, по великороссійскому уложенію, донощику первый кнутъ. Въ то время, какъ онъ колебался такимъ образомъ, рѣшилось дѣло Кочубея, и Мазепа получилъ сначала въ царскомъ письмѣ къ нему, а потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое обнадеживаніе, что не будетъ дано вѣры никакимъ клеветамъ на непорочную вѣрность гетмана, и всякій клеветникъ восприметь достойную казнь. Это царское обнадеживаніе окончательно отвратило Орлика отъ мысли о доносѣ.

Мазепа полагалъ свое спасеніе въ хитрости, тайнѣ, выжиданіи; но старшина не давала ему покою, торопя къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Въ Бѣлой Церкви пришли къ нему обозный ломиковскій, полковники миргородскій, прилудскій и лубенскій, и объявили, чтобъ онъ промышлялъ о своей и общей безопасности, обѣщая стоять до крови за него и за свои права и вольности, въ чемъ и клятву дали; Мазепа, съ своей стороны, присягнувъ имъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ присягнувъ Орлику въ Печерскомъ монастырѣ. Вотъ почему, когда царь требовалъ нѣсколько разъ, чтобы гетманъ арестовалъ давно уже подозрительнаго ему полковника миргородскаго, Мазепа не исполнялъ этого требованія, всячески защищая полковника. Мазепа все еще надѣялся, что туча пройдетъ мимо, Украина останется внѣ военныхъ дѣйствій, и ему не нужно будетъ рѣшиться на страшный шагъ прежде чѣмъ успѣхъ ясно обозначится на той или другой сторонѣ; но вотъ приходитъ вѣсть, что Карлъ XII отъ Смоленска повернулъ къ Украинѣ: «Дьяволь его сюда несетъ! сказалъ при этомъ Мазепа: всѣ мои интересы перевернетъ, войска великороссійскія за собою внутрь Украины впровадитъ на послѣднюю ея руину и на погибель нашу». Ожиданія сбылись: приходитъ царскій указъ, чтобы гетманъ шелъ съ войскомъ для соединенія съ генераломъ Инюлянтомъ, посланнымъ для пожженія въ Стародубскомъ полку некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и мельницъ. Но Мазепа, и безъ того подозрительный, а теперь знавшій за собою страшное дѣло, понялъ указъ иначе: онъ подумалъ, что его хотятъ приманить къ Инюлянту и прибрать къ

рукамъ. Онъ велѣлъ полковникамъ миргородскому, прилучному и лубенскому собраться къ обозному ломиковскому, и послалъ къ нимъ Орлика съ вопросомъ: какъ думаютъ, идти ли ему на соединеніе съ Инюлянтъ? Всѣ отвѣчали единогласно, что не йдти; напротивъ, пусть немедленно же посылаетъ къ шведскому королю съ прошеніемъ о протекціи и старается соединиться съ нимъ на границахъ, чтобы не допустить войскъ великороссійскихъ въ Украину; притомъ они просили гетмана объявить имъ, чего имъ надѣяться отъ шведской протекціи, и на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ всю эту машину? Мазепа осердился за эту просьбу, и при первомъ свиданіи сказалъ имъ: «Зачѣмъ вамъ объ этомъ прежде времени знать? положитесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, не бойтесь, онъ васъ не сведетъ съ хорошей дороги; у меня одного, по милости Божіей, больше разума, чѣмъ у васъ всѣхъ; у тебя, ломиковскій, разумъ уже устарѣлъ, а у тебя, Орликъ, онъ еще молодъ; а къ королю шведскому самъ знаю когда посылать». Потомъ вынулъ изъ шкапулки универсалъ короля Станислава, принесенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику читать; всѣ были довольны обѣщаніями королевскими.

Между тѣмъ положеніе гетмана, вслѣдствіе его выжиданій, затруднялось все больше и больше. Изъ Глухова, гдѣ находился дворъ, приходило къ нему письмо за письмомъ, чтобы, сдавъ команду надъ войскомъ какому-нибудь вѣрному челоуѣку, самъ пріѣзжалъ въ Глуховъ; но эти призывы Мазепа считалъ западней, тѣмъ болѣе что изъ Польши дали ему знать, что тамъ всѣмъ извѣстно о его сношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ. Чтобы не ѣхать въ Глуховъ, онъ притворился больнымъ. Однажды вечеромъ, осенью 1708 года, онъ послалъ Орлика къ ломиковскому, у котораго собрались полковники, спросить, посылать ли къ шведскому королю или не посылать? Ломиковскій, отъ имени всѣхъ, отвѣчалъ жалобами на медленность и нерадѣніе гетмана: «Несмотря на наши частыя предложенія и просьбы, говоритъ обозный, онъ не снесся съ королемъ на границахъ и этою своею медленностію впровадилъ всѣ силы Россійскія въ Украину на разореніе и всенародное кровопролитіе; а теперь, когда уже Шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ». Самолюбивый Мазепа, считавшій себя умнѣе всѣхъ, сильно разсердился на эти нареканія: «Знаю я, что все это переговариваетъ лысый чортъ ломиковскій», сказалъ онъ возвратившемуся Орлику: «позови ихъ ко мнѣ!» Старшины

кричали: «Вы не совѣтуете, встрѣтилъ ихъ Мазепа, а только обо мѣ переговариваете; чортъ васъ побери! Я, взявши Орлу, побѣду ко двору царскаго величества, а вы хоть пропадите.» Старшины молчали; Мазепа поуспокоился и спросилъ: «Посылать къ королю или нѣтъ?»—«Какъ же не посылать! Отчали всѣ:—нечего откладывать!» Мазепа тутъ же велѣлъ звать Быстрицкаго, заставилъ его при всѣхъ присягнуть на верность, Орлику велѣлъ написать ему инструкцію къ графу Липперу на латинскомъ языкѣ, аптекаръ гетманскій перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, и съ этимъ переводомъ, безъ подписи, безъ печати, Быстрицкій отправился на другой день въ шведскій лагерь. Въ инструкціи Мазепа изъявлялъ великую радость о прибытіи королевскаго величества въ Украину, просилъ протекціи себѣ, войску Запорожскому и всему народу освобожденнаго отъ тяжкаго ига московскаго, объяснялъ стѣсненное свое положеніе и просилъ скорой присылки войска на помощь, для переправы котораго обѣщалъ приготовить поромы на Деснѣ, у пристани Макошинской. Быстрицкій возвратился съ усталымъ отвѣтомъ, что самъ король обѣщалъ поспѣшить къ этой пристани въ будущую пятницу, то-есть 22 октября. Мазепа, въ тревожномъ ожиданіи, стоялъ въ Борзнѣ, откуда послалъ въ Глуховъ войсковаго канцеляриста Болбота какъ будто съ письмами, а въ самомъ дѣлѣ навѣдаться, какъ о немъ тамъ разухотятъ? Когда Болботъ возвратился, то Мазепа объявилъ всей старшинѣ, что одинъ изъ министровъ царскихъ, а другой изъ канцеляріи, истинные его пріятели, предостерегли его, чтобы не ѣздить ко двору, а старался бы о безопасности собственной и всего народа малороссійскаго, ибо царь, видя шаткость на Украинѣ, задумалъ о гетманѣ и о всемъ народѣ что-то недоброе. Но это была ложь: послѣ, въ Бухарестѣ, Болботъ, готовясь постричься въ монахи, объявилъ Орлику, что онъ въ Глуховѣ ничего подобнаго не слышалъ, напротивъ, князь Григорій Федоровичъ Долгорукій велѣлъ сказать Мазепѣ, чтобы ничего не опасался, и какъ можно скорѣе пріѣзжалъ въ Глуховъ, предлагая и душу, и совѣсть свою въ закладъ, что царь никакого сомнѣнія въ его вѣрности не имѣетъ и не слушаетъ никого, кто на него наноситъ.

Прошло 22 октября: о королѣ шведскомъ не было слуха. 23-го пріѣзжаетъ въ Борзну Войнаровскій и объявляетъ, что ушелъ тайкомъ отъ Меншикова, который завтра будетъ въ Борзнѣ къ объѣду, и что, какой-то нѣмецкій офицеръ говорилъ

другому въ квартирѣ его, Войнаровскаго: «Сжался Боже въ этими людьми: завтра они будутъ въ кандалахъ.» Мазепа «пудился какъ вихрь»; въ тотъ же день поздно вечеромъ былъ у въ Батуриныхъ; на другой день рано переправился черезъ Сѣвѣ вечеромъ прибылъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ, и на другой день, 24 числа, раннимъ утромъ переправился черезъ Десну а ночью, за Орловкой, достигъ перваго шведскаго полка, стоящаго въ деревнѣ на квартирахъ. Отсюда отправилъ къ королю Ломиковскаго и Орлика, а за ними отправился и самъ.

Мы видѣли, какъ не охотно рѣшился Мазепа объявить себѣ въ пользу Шведовъ прежде рѣшительнаго перевѣса на ихъ сторонѣ. Когда онъ узналъ о взятіи и сожженіи Батуриныхъ Меншиковымъ, то сказалъ: «Злые и несчастливые наши вѣщанья! Знаю, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; теперь всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина, уstraшенная Батуринымъ, будетъ бояться стать съ нами за одно.»

Предвидѣнія «искусной, ношенной птицы» сбылись: Украина, уstraшенная не Батуринымъ, но мыслию о союзѣ съ Іезуитами и Шведами, не стала за одно съ Мазепою, и при Царствѣ Карла XII проигралъ первенствующее значеніе Швеція на сѣверѣ, а Мазепа гетманство малороссійское.

С. Соловьевъ.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО

Р О М А Н Ъ (1)

IV.

Полина проспала поздно на слѣдующій день ; напротивъ, Анна Федоровна встала очень рано. Она заботливо осмотрѣла и оправила вчерашнее платье дочери, подняла войну съ работницей за утюги, которыхъ та не умѣла нагрѣть въ пору, отчего, при своей поспѣшности и еще большемъ неумѣньи, Анна Федоровна спалила два воротничка съ приличнымъ количествомъ рукавовъ. Хвалясь передъ княгиней своимъ искусствомъ чистить и гладить, Анна Федоровна, просто, хвасталась, потому что всѣ услуги подобнаго рода оказывались ей и ея дочери горничными домовъ, по которымъ онѣ странствовали. Неудачи и неловкость работницы, получившей не разъ названіе «необразованной бабы», прогнѣвали Анну Федоровну, но не лишили ея бодрости духа и даже нѣкоторой веселости, хотя и трудно предположить, чтобы можно было проснуться бодрою и веселою послѣ всего, что случилось съ нею наканунѣ. Но у Анны

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

Федоровны были деньги, почему она и считала позволительнымъ себѣ предаваться гордости людей обезпеченныхъ. Намѣреваясь послать за булками, она потребовала, чтобы хозяинъ размѣнялъ ей ея единственную двадцати-пяти-рублевую булку, и когда хозяинъ сказалъ, что у него нѣтъ столько денегъ, а нѣтъ ли у нея помельче, она вскричала, почти съ убѣжденіемъ, что говоритъ правду, что у нея, пожалуй, есть еще крупнѣе, и на шумѣвъ вдоволь, что «эта дрянъ торгашимѣщане всѣ нищіе», отправилась сама мѣнять свой капиталъ. Она слетала на Кузнецкій мостъ за перчатками и ботинками для Полины. Походъ былъ невѣроятный, но Анна Федоровна успѣла воротиться къ тому времени, какъ Полина, накинувъ вышитый пеньюаръ, укрѣпляла сверхъ своей косы черный бархатный бантъ съ длиннѣйшими концами. Куски рисовой пудры еще лежали на лбу молодой дѣвицы; на ея разутыхъ ножкахъ были туфли съ розовыми лентами.

— Ну, вотъ вы, наконецъ! вскричала Полина: — скажите, пожалуста, что вы это дѣлаете съ утра? Нитки, иголки ваши тутъ; я думала, вы мнѣ зашьете хоть одну пару тонкихъ чулокъ: надѣтъ нечего.

— Я не знала, не посмотрѣла, отвѣчала Анна Федоровна, запыхавшись: — я тебѣ платье оправила.

— Какое?

— Вчерашнее.

— Я видѣла, что вы этотъ вздоръ сдѣлали. Развѣ я надѣну эту дрянъ столько дней сряду? Будемъ у Мороновой сегодня; что же, я опять, какъ была третьяго дня, будто не раздѣваюсь?

— Какъ же быть? вѣдь нѣтъ, возразила Анна Федоровна.

— Чего нѣтъ? Вы бы оглянулись: вотъ бѣлое кисейное. Дайте сейчасъ работницѣ на извозчика, пусть свезетъ къ прачкѣ и дожидается тамъ, пока выгладятъ. Сейчасъ. Я другаго не хочу, не надѣну. Вотъ картонка.

Полина стащила большую картонку, опрокинула ее, какъ чашку, на постель, вытряхнула изъ нея чепцы своей матери, положила въ нее платье и всунула все въ руки Анны Федоровны. Та, еще растерявшись отъ только-что совершеннаго путешествія, отправилась вести переговоры съ работницей и вела ихъ довольно бурно: у работницы и безъ этого дѣла было много; наконецъ, она согласилась.

— А чахлы? закричала съ лѣстницы Полина: — право, маменька, вы ничего не помните!

И двѣ накрахмаленныя юпки полетѣли черезъ перила на мову работницѣ.

— Заверни ихъ въ скатерть, продолжала Полина:—не изойни ничего, сохрани тебя Богъ!

Возвратясь въ свои комнаты, Анна Ѳедоровна нашла дочь нѣсколько успокоенную.

— Помѣрай ботинки, сказала она:—я принесла твой номеръ.

— Вы на Кузнецкомъ были? вскричала Полина, схвативъ это миловидное и дорогое произведеніе:—ну, что же вы не сказали? Хоть бы взглянули, право: у меня ни *poudre dentifrice* нѣтъ, ни духовъ нѣтъ. Вчера, третьяго дня, мы всю Москву выходили; я, какъ цыганка, загорѣла; могли бы вы догадаться взять чего-нибудь въ косметическомъ магазинѣ. Куда я такъ покажусь, вѣдь это ужасъ!

Анна Ѳедоровна успокоила ее, подавъ какую-то эссенцію съ десятью пломбами «для избѣжанія контрафакціи». Материнское сердце все предвидѣло. Эссенція, въ объявленіи называемая «возсоздательницею красоты», вмѣстѣ съ перчатками и ботинками стоила половины капитала, которымъ такъ гордилась Анна Ѳедоровна. Тревожная мысль объ этомъ побудила Анну Ѳедоровну аккуратно пересчитать остатки этого капитала, пока Полина мазалась эссенціей, по всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи, которою былъ обернуть драгоценный флаконъ.

По мѣрѣ того какъ Анна Ѳедоровна считала и раздумывалась, въ душѣ ея, вмѣстѣ съ заботой, поднималась злость. Сжавъ въ кулакъ мелкія ассигнаціи, она смотрѣла передъ собою на оборванную мебель, на крошки и остатки вчерашняго подника, на дочь, вертѣвшуюся передъ зеркаломъ. Маленькій хвостикъ колбасы, невинно лежавшій на смятой бумагѣ, привалъ Анну Ѳедоровну въ неистовство. Она схватила его и выкинула за окно; она бы выбросила туда и очень многое, еслибы все это не было необходимо. Принужденіе сдерживать себя, ради бѣдности и необходимости, раздражаетъ челоѣка болѣе всего можетъ-быть. Но чего нельзя исполнить на дѣлѣ, то можно выразить словами. Анна Ѳедоровна принялась убирать, то-есть приводить въ еще большій безпорядокъ комнату, передвигая столы и стулья и произнося отрывочные монологи, въ которыхъ посылала далѣе нежели за окно предметы неодушевленные и одушевленные и, вопервыхъ, своего мужа.

Повозившись, она вздумала тоже заняться своимъ туалетомъ; ей вдругъ показалось, что надо поспѣшить, что она куда-то опоздаетъ, что у нея много дѣла.

— Кончила ты? спросила она, когда Полина, выйдя изъ спальни въ гостиную, усаживалась въ углу, въ полутьмѣ, «далеко отъ вліянія свѣжаго воздуха», какъ было сказано въ инструкціи, для того чтобы дѣйствіе эссенціи было несомнѣнно.

— Не трогайте моихъ щетокъ! вскричала Полина, услыша, что мать, которая ушла въ спальню, стукнула ящикомъ туалета.

Анна Федоровна перенесла порывы гнѣва на самое себя и не причесывала, но немилосердно драла свои и безъ того не густые волосы. Физическая боль укротила ея нравственное волненіе; ея мысли стали складываться отчетливѣе. Она почувствовала необходимость заговорить съ дочерью.

— Какой сегодня праздникъ? сказала она, услыша ударъ большаго колокола въ Кремлѣ.

Полина не отвѣчала, погружаясь въ полудремоту и полулежа въ креслѣ.

— Ты надѣнешь голубой кушакъ? спросила черезъ минуту Анна Федоровна, безошибочно предполагая, что этотъ вопросъ вызоветъ болѣе вниманія.

— Блондинка, въ бѣломъ платьѣ и *des rubans bleus flottants!* сказала Полина:—какъ это интересно! Вотъ ужь совершенно гувернантка въ воскресный день! Какъ много у васъ вкуса, а главное такта! Если я такъ покажусь, меня всѣ сейчасъ поздравятъ съ мѣстомъ.

— Почему же ты это думаешь?

— Потому что вашъ графъ, вѣрно, лучше этого большаго колокола разблаговѣстилъ, что «устраиваетъ» меня. Я знаю, что я ужь компрометирована.

— Чѣмъ же ты компрометирована?

— Вы не понимаете, что гувернантка и горничная—одно и то же? Поздравляю васъ.

— Знаешь, чтѣ я думаю, Поленька? сказала черезъ минуту Анна Федоровна:—намъ бы сейчасъ съ тобой надо сходить къ Гусицкой. Пораньше лучше, пока у нея нѣтъ никого.

— Зачѣмъ?

— Сказать ей, чтѣ съ нами случилось... Вѣдь намъ надѣтъ нечего.

— Что же, ступайте однѣ, сказала равнодушно Полина:—

не хочу мать своего платья съ утра, да его еще не при-
весли.

— Надѣнь вчерашнее, воротисься, переодѣнешься.

— Двадцать разъ одѣваться, и съ утра, съ десяти часовъ въ
корсетъ? Я Богъ знаетъ чего не возьму. Ступайте однѣ. Мо-
жете и не къ одной Гусицкой зайти, а тамъ, придите за мной,
возьмемъ дрожки и поѣдемъ обѣдать къ Мороновой.

— Да лучше какъ ты со мной, Поленька.

— Нѣтъ, пожалуста, ужъ вы однѣ разказывайте сколько у
насъ юпокъ украли; вы это лучше умѣете.

— Знаешь, Поленька, продолжала Анна Федоровна, одѣваясь:
—эти дамы лѣтомъ всегда мѣняютъ свой гардеробъ; на прош-
лой недѣлѣ, Гусицкая показывала мнѣ три прелестныя платья,
говорила, что хочетъ ихъ сбыть; она привезла ихъ изъ Петер-
бурга и не надѣвала здѣсь; ихъ никто здѣсь и не знаетъ.

Полина ничего не возразила, хотя слушала въ видомъ вели-
чайшаго пренебреженія.

— Эхъ, Господи! продолжала Анна Федоровна, разглядѣвъ на
свѣтъ свою мантилью и начавъ, скрѣпя сердце, на скорую руку
зашивать на ней кружево:—чего имъ стоить, богачкамъ! Ты-
сячи у нихъ летать на вѣтеръ, только глаза сорять бѣднымъ
людямъ! Право, попросить у нихъ, взять у нихъ, не стыдно.
Право, этимъ хоть насильно заставляешь ихъ сдѣлать доброе
дѣло: сами, вѣдь, не догадаются!.. Зимю нынѣшней, шубу цѣ-
лую княгиня Ельникова на муфту промѣняла, и еще обманули
ее: муфта вышла не соболя. Какъ я смѣялася!.. А графу я
скажу о шубахъ. Это, онъ какъ себѣ хочетъ, намъ въ одномъ
платьѣ не ходить.

— Было бы вамъ извѣстно, что я бѣличьей не надѣну, ска-
зала Полина, не измѣняя, впрочемъ, своей презрительной
улыбки.

Анна Федоровна продолжала свой туалетъ, молча и часто
вздыхая. Наконецъ, совсѣмъ одѣтая, она вышла въ гостиную.

— Какая у васъ жалкая мина! сказала Полина, взглянувъ на
нее и разсмѣявшись.—Скажите, пожалуста, какъ вы умѣете
страпать себѣ такую физиономію?

— Ты съ ума сошла, возразила мать съ досадой.

— Нѣтъ, я съ ума не сошла, а это ни на что не похоже,
продолжала дѣвушка:—это, значить, недостатокъ такта. Какъ
вы не понимаете, что компрометируете меня этими ужимками?
Точно вы, въ самомъ дѣлѣ, идете побираться. Будто вы не

знаете, что кислыхъ минъ никто терпѣть не можетъ и за нихъ никто гроша не дастъ.

— Правда твоя... проговорила Анна Федоровна въ раздумьи: —прощай же, моя красавица.

— Не трогайте меня, не цѣлуйте, пожалуста; лицо горить. Оставьте мнѣ денегъ.

— На что?

— Какъ на что? Вы забыли, что я ничего не ѣла, а у Морновыхъ обѣдъ въ четыре часа.

Анна Федоровна дала ей денегъ и ушла.

Полинѣ стало особенно весело, когда она ушла; это было какое-то дѣтское чувство, хотя въ основаніи его не было ничего дѣтскаго. Убѣдившись, при взглядѣ въ зеркало, что эссенція сдѣлала чудеса, что прическа къ лицу, что улыбка и взглядъ изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ умѣютъ принимать безконечныя оттѣнки выраженія, Полина сказала себѣ, что красота Катерины Александровны Алексинской очень не замѣчательная, чтобы не сказать — пошлая красота. Полина смѣялась, думая о Катеринѣ Александровнѣ и о вчерашнемъ днѣ. Эта мысль не оставляла ея со вчерашняго дня, но она не подѣлилась ею съ матерью...

«Такъ Катерина Александровна влюблена въ князя не на шутку? Вотъ открытіе! Это не просто такъ, ухаживанье, какъ всякій день бываетъ, это серіозная страсть!... «Жанъ, ты меня больше не любишь!...» Ты... стало-быть, онъ много любилъ прежде?... Ну, можетъ-быть, еще и теперь любить немножко... а интересно было бы взять у нея ея князя! Интересно было бы разказать кому-нибудь эту сцену. Разказать-то надо непременно. Дамы большаго свѣта называютъ ее «примѣрною женщиной, несчастною женщиной, осужденною влачить свои дни съ мужемъ, который ея не понимаетъ...» Примѣрная женщина, право, недурно утѣшается, и какъ хитро, какъ скрытно! Въ обществѣ ничего не говорили; онъ, кажется, бывалъ у нея не особенно часто, не показывалъ ей особеннаго вниманія; напротивъ, онъ бывалъ меньше любезенъ съ нею, чѣмъ съ другими... Скорѣе можно было подумать, что она влюблена въ него, и что это взаимно... Видно, когда взаимно, то это такъ и скрывается, будто холодностью, а между тѣмъ... Какъ она должна быть зла, если, въ самомъ дѣлѣ, онъ ее бросилъ! Да, вотъ, бросилъ же, однако, сказала почти громко Полина, съ какою-то злостью:—а не бросилъ еще, такъ бросить.»

На что́ это казалось ей такъ необходимо, Полина не разчитывала; или вѣрнѣе, она была слишкомъ молода, и сама не понимала, что разчитываетъ: расчетъ былъ въ ней безсознательно, онъ былъ въ ея натурѣ. Она еще ничего не испытала въ жизни, но, казалось, была рождена опытною. У этой молодой дѣвушки, почти ребенка, не было дѣтства: оно прошло въ скитальчествѣ по чужимъ домамъ, гдѣ многіе, и даже сама ея мать, нерѣдко употребляли ее на подслушивание у дверей; въ роскошныхъ классахъ, гдѣ потомъ она учплась, ей была необходима наблюдательность для того, чтобы заслуживать милости своихъ класныхъ дамъ и пріобрѣсти нѣкоторый вѣсъ и значеніе между богатыми подругами. Полина развила въ себѣ эту наблюдательность до степени таланта. Талантъ этотъ пригодился ей позднѣе въ послѣдніе полтора года, когда ей пришлось узнать и свѣтскую, и домашнюю жизнь многихъ знатныхъ семействъ. Съ такими мелкими людьми, какъ Анна Федоровна и дочь ея, не церемонятся, но за то передъ ними и не стѣсняются... Полина выросла безъ мечтаній, безъ очарованій, безъ заблужденій; по необходимости и по влеченію, она изучала всѣ непривлекательныя стороны людскихъ характеровъ; изъ любопытства и оттого, что при ней не стѣснялись, она узнала всѣ двусмысленныя исторіи, которыхъ много вездѣ, и особенно много въ высшемъ обществѣ. Усвоивъ себѣ въ совершенствѣ внѣшнія манеры этого общества, Полина усвоила и его привычку не разбирать много, не привязываться ни къ кому, не дорожить ничѣмъ, кромѣ собственныхъ интересевъ. Было бы забавно даже предположить, чтобъ она могла когда-нибудь влюбиться. Правда, въ глазахъ ея, свѣтскія дѣвушки любили, случалось, даже искренно, но эти же самыя дѣвушки, если и не хладнокровно, за то и не отчаянно «жертвовали» своею любовью выгодному замужству. Полина также слишкомъ хорошо знала и молодыхъ людей, зная, какъ нерѣдко одинъ и тотъ же молодой человекъ увѣрялъ въ любви своей двухъ-трехъ дѣвушекъ разомъ, а эти дѣвушки, свѣтскія пріятельницы Полины, довѣряли ей это, каждая порознь. Это не огорчало Полину и не приводило въ негодованіе; напротивъ, ей было смѣшно и даже весело: какъ будто судьба оплачивала за нее этимъ свѣтскимъ счастливицамъ, за нее, которую онѣ удостаивали роли наперстницы, не заботясь никогда—весела ли она, счастлива ли она...

«Что, еслибы теперь, когда представляется случай превести нѣсколько мѣсяцевъ съ княземъ Десятовымъ, въ деревнѣ, въ глуши, гдѣ такъ свободно, что, еслибъ отбить его у «непонятой, примѣрной женщины», и доказать всему свѣту, что бѣдная дѣвушка, у которой нѣтъ своего платья...

«Онъ, вѣрно, дѣлалъ ей сотни подарковъ, вдругъ преврала себя Полина:—безъ этого невозможно...

«Что, еслибы доказать всему свѣту... продолжала она раздумывать: но что? Выйти за него замужъ? Не женится!.. А такъ, не дать ему ни на комъ жениться!...»

Полина не разбирала себя, но съ вчерашняго дня она очень переѣнилась. Неожиданное открытіе того, что было для всѣхъ тайной натолкнуло ее на мысль, что не все же узнается въ свѣтъ: такъ почему же и ей не имѣть тайны? Вчера, какъ-то особенно сталъ ей противенъ этотъ «свѣтъ» за его гордость и унижительную ласку. Молодая аристократка, которая стала льстить и выказывать непрошеное участіе бѣдной, презираемой дѣвушкѣ, потому что во власти этой дѣвушки была ея тайна, ея доброе имя, эта женщина внушала не состраданіе, а насмѣшку. А эта женщина—еще лучшая изъ своего круга...

Полина, впрочемъ, такъ долго и сильно не думала. Она со вчерашняго дня почувствовала только сильнѣйшее желаніе жить и веселиться, а за одно съ этимъ и отплатить цѣлому свѣту...

«Запрятать меня въ гувернантки! сказала она: какъ же!...»

Она прохаживалась по комнатамъ, напѣвала и посматривалась въ зеркало. «Жить, такъ не надо терять времени. Князь былъ очень милъ вчера. Сегодня вечеромъ, онъ, навѣрное, будетъ у Мороновой. Сестра мужа Мше Мороновой, Додо, недурна, но давно не молода и страшно хочетъ выйти замужъ. Князь ухаживаетъ и за Додо, и за Мороновой; belles-voeux влюблены въ него обѣ и ужъ не разъ за него ссорились. Что, еслибы вдругъ, подъ носомъ у обѣихъ, онъ занялся мною сегодня? Что бы такое сдѣлать, чтобы заинтересовать его? И нельзя ли заранѣе?... Написать ему?»

Полина почти испугалась своей выдумки, хотя очень ей обрадовалась.

«Написать. Что написать?... Отнести самой записку на городскую почту. Онъ будетъ придумывать—отъ кого? Но къ нему, вѣрно, тысячи этихъ записокъ летали по городской почтѣ: не удивишь. Надо такъ написать, чтобъ обратить его вниманіе... Э, онъ такъ глупъ! ему все годится, всякая новость

интересна... А если онъ догадается отъ кого? Но такъ и нужно, чтобы догадался.»

Размышляя и смѣясь, Полина достала флаконъ съ чернилами, изящную бумагу, тонкую какъ кисея, конвертъ и предметную облатку въ видѣ каменя; все это было парижское, подаренъ одной великосвѣтской подруги. Полина еще въ классахъ зналась своимъ красивымъ почеркомъ, хотя потомъ ей не что случалось выказывать этотъ талантъ. Нѣсколько минутъ она просидѣла въ задумчивости, соображая письмо, чтобы написать его прямо набѣло, хотя бы и съ небольшими помарками, такъ, чтобы можно было видѣть, что оно не переписано. Уверенная себѣ, что князь глупъ, Полина, однако, много заботилась какъ показаться ему умнѣе. Наконецъ, она написала, конечно, по-французски:

«Вы такъ охотно признаетесь въ вашихъ порокахъ, что дружить невольно приходитъ охота отыскивать ихъ, въ свободныя минуты, когда думать больше не о чемъ. Знайте, что ихъ найденоу же довольно, и особу, которая этимъ занимается, затрудняетъ только одинъ: постоянство... Постоянны вы, или нѣтъ?... Если постоянны, то какая жалость! Тогда, несмотря на всѣ остальные пороки, вы становитесь стары и — увя! скучны какъ неподвижность...»

«Довольно съ него, сказала себѣ Полина, подчеркивая слова: *когда думать больше не о чемъ*. Онъ долженъ помнить о чемъ вчера говорилъ со мной и все что было вчера...»

Отнести записку надо было самой. Полина одѣлась, закуталась въ длинную черную мантилью, покрыла шляпку чернымъ вуалемъ и вообще придала себѣ самый интересно-тайнственный видъ. Она интересничала сама передъ собой: отнести безымянное письмо на городскую почту—приключеніе, которое было необходимо изъяснить обстановку. У Полины даже немножко дрожало сердце: это было ея первое приключеніе въ этомъ родѣ. До сихъ поръ она держалась и поступала какъ благовоспитанная дѣвица высшаго круга; этою записочкой она начинала новое поприще отношеній и поступковъ. Бѣшеное сердце, небольшой страхъ и какое-то особенное, еще никогда не испытанное веселье, заставляли находить этотъ новый родъ писать гораздо пріятнѣе прежняго.

Какъ безпрестанно случается въ Москвѣ, безлюдный переулокъ, гдѣ жили Абаровы, былъ недалеко отъ самыхъ населенныхъ улицъ. Полина примѣтила на Арбатѣ, гдѣ отдавались

письма. Она еще никогда не отдавала писемъ, и процессъ эдѣйствія показался ей очень непріятнымъ. Она была приведена войти въ темную лавочку, гдѣ пахло капустой, разгивать съ сидѣльцемъ въ красной рубашкѣ; онъ очень долго не давалъ сдачи съ мелкой монеты, которую она подала ему, наконецъ, наградилъ ее множествомъ мѣди. Личико Полина еще носило слѣдъ изящнаго неудовольствія, когда она вышла изъ лавочки. На тротуарѣ стоялъ молодой человекъ, отъ франтомъ, съ прекрасной тростью и съ лорнетомъ глазу. Онъ взглянулъ на Полину. Отъ этого взгляда, мѣдъ, готившая ея ручки, показалась ей какъ-то еще тяжелѣе, и Полина поспѣшно высыпала ее въ колѣми нищаго, сидѣвшаго тумбы. Молодой человекъ взглянулъ еще пристальнѣе и улыбнулся. Полина взглянула тоже, улыбнулась, поправила ву съ замѣтною поспѣшностью и сдѣлала нѣсколько шаговъ вольно скоро, но потомъ пошла очень тихо и еще оглянувшись. Для чего она сдѣлала все это, что было у нея въ головѣ, не могла бы объяснить: ей было весело. Она чего-то ждала, чего-то боялась; она наслаждалась своимъ волненіемъ.

«Ахъ, еслибы онъ пошелъ за мной!» подумала она.

Но за ней уже слышались шаги, а чрезъ минуту, рядомъ нею, незнакомый голосъ произнесъ:

— Еслибы та записочка, что сейчасъ отдана на почту, значалась мнѣ...

Полина испугалась, почти не хотѣла оглядываться, но, одна оглянулась: то былъ хорошенькій франтъ. Она почти не хотѣла говорить, но сказала:

— Что вамъ угодно?

— Ничего, извините. Я размышляю вслухъ, отвѣчалъ франтъ идя рядомъ и продолжая улыбаться.

— А!... сказала Полина и улыбнулась тоже.

— Размышлять не запрещается? спросилъ франтъ.

— Этого нельзя запретить.

— А идти подлѣ васъ, позволяется?

Полина еще робѣла, но удовольствіе было такъ велико, что она не произнесла грозныхъ словъ, предписываемыхъ при чемъ, а, напротивъ, засмѣялась.

— Молчаніе—знакъ согласія, продолжалъ франтъ. — Какъ досада, что такой грубый вуаль скрываетъ такое нѣжное личико.

— Какъ вы смѣете... прервала Полина.

— Я размышляю вслухъ, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Потрудитесь перейти на тотъ тротуаръ, сказала она.

— Тамъ солнце, возразилъ онъ, смѣясь.

— Вы меня очень обижете, продолжала Полина, смѣясь тоже.

Смѣхъ спутника, видимо, дѣйствовалъ на нее заразительно.

— Подите же, повторила она.

— Можеть ли жестокое сердце скрываться подъ такую прелестную наружность! возразилъ франтъ, смѣясь громко.

— Вы не знаете моей наружности, возразила Полина, стараясь выразить досаду и желая выразить ее неудачно.

— Нѣтъ, знаю довольноно.

— Вы меня не видали.

— Я догадываюсь.

— Догадка ничего не значить.

— Чтò жь дѣлать, если надо этимъ довольствоваться? Поднимите вуаль, я буду судить вѣрнѣе.

— Ни за что!

— Будто бы и ни за что?...

— Нѣтъ!

— Я и такъ вижу. У васъ прелестныя ручки, прелестныя ножки, а вотъ тутъ, изъ-подъ шляпки, видна такая очаровательная шейка...

Полина испугалась не шутя, потому что спутникъ взялъ конецъ ея вуаля, и еще болѣе потому, что въ нѣсколькихъ шагахъ увидѣла господина стараго и безобразнаго, но аристократически великолѣпнаго, выходящаго изъ кондитерской. Этотъ господинъ былъ знакомъ Полины и, конечно, узналъ ее, потому что обладалъ способностью видѣть все, а въ особенности молодыхъ женщинъ на улицѣ.

— Ахъ, *monsieur* Пехлецовъ, заговорила по-французски Полина, поспѣшно оставивъ своего спутника и приближаясь къ старичку,—избавьте меня отъ этого навязчиваго незнакомца...

— *Qui donc? qui donc?* повторялъ г. Пехлецовъ, оглядываясь, повертываясь и особенно любезно предлагая свой локоть молодой дѣвушкѣ.

Но молодой франтъ перешелъ уже на другую сторону улицы, откуда спокойно, смѣясь, наблюдалъ за этою сценой.

— Васъ должно удивить, что я одна, продолжала Полина, не находя нужнымъ поощрять г-на Пехлецова на преслѣдованіе «навязчиваго незнакомца»,—но я была принуждена выйти одна... есть тысячи заботъ, моя мать не всегда можетъ...

Она говорила это съ восхитительною робостью и достоин-

ствомъ существа вышшаго, поставленнаго несправедливою судьбой въ необходимость одиноко подвергаться уличнымъ не-приятностямъ. Пехлецовъ съ свойственною ему любезностью не далъ ей кончить.

— Позвольте предложить вамъ мои услуги, сказалъ онъ, — вотъ мой экипажъ.

— Я въ двухъ шагахъ отъ моего дома, но боюсь...

— Конечно, конечно, повторялъ Пехлецовъ, топчась на одномъ мѣстѣ, — я совершенно счастливъ, что могу... Вот моя карета... Молодая особа какъ вы, *une personne aussi charmante*... *Oserai-je vous offrir des bonbons, mademoiselle?*

Онъ предлагалъ ей бонбоньерку. Полина взяла ее и подала руку старичку.

— Но, чтобъ это осталось между нами, сказала она.

— На жизнь и смерть! отвѣчалъ Пехлецовъ, пожимая ея ручку съ трепетомъ.

— Потому что моя мать... она будетъ такъ встревожена сказала Полина, стараясь поправить свою просьбу, которая могла бы показаться и неловкою.

— О, конечно, *madame votre mère*... подтвердилъ Пехлецовъ, усаживая ее въ свою карету.

— *Au revoir!* сказала ему Полина, почему-то почувствовавъ себя будто въ своей собственной каретѣ, когда затворились дверцы.

Въ самомъ дѣлѣ, мягкія подушки изъ дорогой шелковой матеріи располагали къ нѣгѣ и къ мечтамъ. Старый аристократъ такъ умильно расшаркивался на тротуарѣ... Одно неприятно; надѣясь выйти у воротъ мѣщанскаго домишка, отослать эту карету...

— Да неужели у меня никогда не будетъ кареты? сказала громко Полина.

Не доѣзжая до своего переулка, она велѣла остановиться у какого-то большаго каменнаго дома и, отославъ экипажъ, дошла пѣшкомъ до своего жилища. По крайней мѣрѣ, люди Пехлецова не видѣли, въ какой берлогѣ живетъ она...

V.

Анна Федоровна печально шла по улицамъ, прячась, гдѣ было возможно, подъ тѣнь палисадниковъ и бульваровъ, и до-

шла безъ приключеній дома г-жи Гусицкой. Было еще рано; свѣтская дама еще не кончила своего перваго туалета, но приличной было приказано допустить Анну Федоровну въ спальню.

— Pardon, chère Анна Федоровна, сказала г-жа Гусицкая, занятая въ эту минуту передъ рукомойникомъ. — Да затворите же дверь, Богъ мой! обратилась она къ горничной:—развѣ ты не чувствуешь какъ здѣсь сквозить?.. Pardon, что я васъ такъ принимаю. Я вчера не ложилаь до двухъ часовъ и вся изломана; спинная кость болить нестерпимо. Nous avons fait une partie de ерадашъ, мсьё Пехлецовъ, старая княжна Шабельская, я и маленькій Собакинъ. C'était à perir d'ennui, какъ вы можете вообразить, и я еще поплатилась.

— Гдѣ же вы играли? спросила Анна Федоровна.

— У мачихи моего мужа. Но снимите же вашу шляпку. Мой мужъ уѣзжаетъ завтра въ деревню; вы знаете?

— Нѣтъ, не знала. А вы?

— Я не поѣду совсѣмъ. Ахъ, въ какое время мы живемъ! En un mot... Да скажи, сдѣлай милость, что съ тобой? продолжала г-жа Гусицкая своей субреткѣ: — ты, видишь, мнѣ полотенце надо... Pardon, Анна Федоровна... Гдѣ мои кольца? Ну, теперь не найдешь ихъ, ну!.. Здѣсь, матушка, у меня подъ рукой! Ты ничего не видишь... Ces gens, vraiment... Сюда дайте мнѣ чаю. Сядемте здѣсь, къ столику, Анна Федоровна. Я сегодня не расположена хозяйничать; у меня все изъ рукъ падаетъ; можно сказать, что я нервна.

Г-жа Гусицкая засмѣялась съ нетерпѣнiемъ.

— А можетъ-быть и нервны, въ самомъ дѣлѣ, замѣтила Анна Федоровна.

— Не время нервовъ, ma chère amie, возразила г-жа Гусицкая: — наши матери могли страдать нервами, elles avaient du loisir pour cela. Право, онѣ были очень счастливы, ни о чемъ не заботились, только намъ предоставили заботы... Вы знаете, я беру моего Поля изъ школы.

— Берете?

— Конечно. Mais c'est une infamie! Исторiя у нихъ тамъ вышла. Какъ будто мой сынъ одинъ виноватъ, и, вдругъ, говорятъ, чтобъ я взяла его. Я бы и безъ того взяла его; хотя я и не заражена предрасудками о правахъ, о сословiяхъ, не знаю о чемъ... вы, кажется, можете засвидѣтельствовать, Анна Федоровна, что я нисколько не горда!

Но, что же это? мой сынъ, и рядомъ съ нимъ всякій и одни права! Я давно говорила мужу: это онъ настаивалъ держать тамъ Поля. Но теперь, все это такъ некстати... Такія неприятности въ деревнѣ; мужъ, нечего дѣлать, принужденъ туда поѣхать... Денегъ нѣтъ... Однимъ словомъ, не знаю что со мной, вы не повѣрите.

— Ахъ, очень вѣрю!

— Кушайте масло, Анна Ѳедоровна, это еще деревенское масло... понимаете? Буду ли я угощать васъ имъ будущее лѣто, это еще неизвѣстно. Богъ одинъ знаетъ что будетъ... Вчера, Пехлецовъ говорить... Ахъ, презабавникъ этотъ Пехлецовъ! Предлагаетъ мнѣ, en vrai chevalier, въ случаѣ чего-нибудь... свою защиту и покровительство. Я ему говорю, будто понимаю другое, что для защиты у меня есть мужъ... А впрочемъ онъ очень милъ, Пехлецовъ, — знаете?

— Хорошій человекъ, сказала Анна Ѳедоровна.

— Хорошій ли человекъ, какое намъ дѣло? продолжала, смѣявшись, г-жа Гусицкая: — между нами, онъ очень боится, знаете... по случаю всѣхъ этихъ нынѣшнихъ толковъ?.. Хочетъ тоже ѣхать къ себѣ въ деревню, въ Н—скую губернію, conjuger l'ogage. Это тамъ, онъ вчера говорилъ, въ сосѣдствѣ княгини Десятовой. Вчера, молодой князь Иванъ явился къ моей belle-mère вечеромъ, неожиданно, какъ бомба. Что за фата, этотъ князь! Бабушка везетъ его съ собой въ деревню, вѣрно для того, чтобы поумнѣлъ.

— Въ компаніи бабушки? это сомнительно! сказала Анна Ѳедоровна, смѣясь.

— Ah, ma chère! vous êtes imprayable! сказала г-жа Гусицкая, смѣясь тоже: — только вы умѣете меня оживить, когда я такъ... Намъ нужно было бы вѣчно не расставаться.

— А знаете, сказала Анна Ѳедоровна: — я тоже ѣду на все лѣто къ княгинѣ, она меня пригласила.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это ей пришло въ голову? И Полина ѣдетъ?

— Да, и Полина.

— Это значитъ, что княгиня заранѣе въ отчаяніи отъ скуки; вѣдь тамъ глушь!

— Катерина Александровна Алексинская ѣдетъ туда же, то-есть въ свою деревню, въ сосѣдствѣ княгини, отвѣчала Анна Ѳедоровна, зная эту новость отъ дочери.

Эта новость, казалось, поразила г-жу Гусицкую.

— Какъ, что? почти вскричала она: — Алексинская? Не узнали? И вы знаете навѣрное?

— Вчера слышала у княгини.

— А не знаете, не княгиня ли дала ей совѣтъ туда ѣхать? спросила очень странно г-жа Гусицкая.

— Княгиня? что же? спросила Анна Федоровна, досадуя на свое незнаніе, или на свою недогадливость.

— Какъ «что»? Но вѣдь княгиня извѣстная интригантка... но, пожалуста, чтобъ это было между нами. *Se n'est qu'une supposition...* впрочемъ, очень основательное предположеніе, продолжала г-жа Гусицкая по-французски, оглядываясь на свою горничную и, вѣроятно, забывая, что эта горничная, ея крѣпостная дѣвушка, жила нѣсколько лѣтъ у одной иностранки и знала французскій языкъ лучше госпожи своей, почему именно, можетъ-быть, запрещалось и ей говорить и читать на этомъ языкѣ: — Алексинская — глупенькая; князь ухаживалъ за ней нынѣшней зимою; не думаю, чтобъ у нихъ пошло далеко, но старая княгиня, конечно, замѣчала, что онъ занимается ею. Она такая интригантка! Теперь, она везетъ внука къ себѣ, и, повѣрьте, хочетъ сдѣлать изъ Алексинской (она ей крестница) приманку, чтобъ удержать внука въ повиновеніи. Повѣрьте, это княгиня велѣла ей туда ѣхать! Она черезъ Алексинскую хочетъ имѣть больше вліянія на князя. Она сама ихъ сблизитъ и все скроетъ, безъ скандала; мужъ ничего не узнаетъ, *il est sot*; въ обществѣ, когда нѣтъ явнаго предлога, *tout doit rester sacré*. Повѣрьте, княгиня это замышляетъ. И притомъ, вѣдь это страшная скряга, княгиня! Она знаетъ кого выбрать. Еслибъ ея внукъ увлекся другою, или дѣвушкой безъ состоянія, на которой было бы непростительно жениться, или женщиной изъ такихъ, которыя дорого стоятъ, княгиня бы не допустила, *elle aurait jetté feu et flamme*. Но Алексинская очень богата, робка, княгиня надѣется, что она не разоритъ ея внука, по-совѣстится... ну, она и надѣется, что, вотъ, будетъ ей помощница... Но она ебочлась, старая княгиня! Она не слѣдитъ за *событіями*, какъ нынче говорить...

— А, что? спросила Анна Федоровна, трепеща отъ какого-то восторга.

— Ахъ, та снѣга, вы невинны какъ новорожденный ребенокъ! То, что князю, конечно, ужъ надоѣло ухаживать за М^{ме} Алексинской; вѣдь въ этихъ вещахъ пріятно разнообразіе. Она особа довольно-скучная, а вдругъ, бабушка броситъ ему ее на

голову, среди всей остальной деревенской скуки: это не средство сблизить. Да князь соскучился даже и любезничать съ Алексинской, а эти вещи, одинъ разъ расклевываясь, не склеиваются!..

— Ахъ, Боже мой, что вы мнѣ сказали, что вы сказали! повторяла Анна Федоровна, чувствуя себя приятно, какъ должно быть рыбѣ въ водѣ, въ своей родной стихіи, среди светской исторіи, да еще такой отвратительной.

— Да, поздравляю васъ, сказала г-жа Гусицкая:— вы прекрасныя вещи увидите въ деревнѣ у нихъ. Mais, de grâce, que cela geste entre nous! это предположеніе, и я такъ не хочу, чтобы меня запутали!

— Ah, madame, возразила Анна Федоровна:— неужели вы во мнѣ не увѣрены!..

Г-жа Гусицкая встала, поднимая руки и охая отъ боли въ спинной кости; лицо ея выражало, впрочемъ, не боль, а улыбку.

— Если что и случится, сказала она зѣвая:— то Алексинская въ мѣсяцъ такъ надоѣстъ князю, что онъ будетъ готовъ заняться, не знаю кѣмъ, первую встрѣчной, лишь бы кончить. Будь у меня дочь, я бы его женила на ней: такъ это будетъ легко. За такую тайну, меня поблагодарили бы многія маманьки... Но, можетъ-быть, старая княгиня разочла и это, и тогда подвернетъ ему невѣсту, какую захочетъ... Quelle intrigante!.. Ну, что же? вдругъ обратилась она къ горничной:— ты видишь, я встала; что же одѣваться?.. Pardon, Анна Федоровна.

Г-жа Гусицкая переменяла нѣсколько паръ туфель и ботинокъ, изорвала двѣ манишки и бросила о полъ три платья, покуда, наконецъ, надѣла четвертое. Все это дѣлалось, конечно, безъ шума.

— C'est une infamie! повторила она передъ зеркаломъ:— не знаю, что на мнѣ надѣто!.. Взгляни, матушка, что это виситъ? мои волосы... кажется ты ихъ чесала!

— Вы сейчасъ лежали на диванѣ, хладнокровно замѣтила горничная, подкалывая шпильки.

— Я лежала?.. Ну, да! но вѣдь я встала, что же это виситъ?.. Что за дрянъ это платье! У меня, право, надѣтъ нечего, Анна Федоровна, вы не повѣрите. Право, я скоро буду, какъ Чеканьева, красить или выворачивать мои платья. Сколько ихъ ни дѣлай, такой безпорядокъ... Ахъ, покажу вамъ! я себя подарила... принеси... une belle soirie, mais de toute beau-

тѣ. И не стану шить до зимы, какъ уѣду въ Петербургъ. Посмотрите, какъ цвѣтъ хорошъ, отливы крупною волной.

— Удивительно, отвѣчала Анна Федоровна, съ трудомъ подерживая тяжелый кусокъ шелковой матеріи, который г-жа Гусицкая тинула за конецъ и развертывала:—а дорого?

— Н... нѣтъ. Знаете, въ самомъ дѣлѣ не дорого: такой шелкъ и на мой ростъ! я не мала. Это стоить сто двадцать восемь рублей... два рубля уступили.

— Ассигнаціями?

— Ей, та сѣге, будто можно? вы знаете цѣну вещей... Да смотри же, сложи какъ должно въ картонку! сказала она горничной, которая уже дѣлала это хладнокровно и ловко, какъ садѣлецъ магазина: — Ну, вынеси это, спрячь и не приходи больше. Веди карету мнѣ заложить.

Горничная вышла.

— Вы ѣдете? спросила Анна Федоровна, которая, увидя какъ много прошло времени, живѣе вспомнила причину и цѣль своего посѣщенія, впрочемъ и безъ того памятна и не разъ хватавшія ее за сердце.

— Да... Я не унываю, та сѣге Анна Федоровна, какъ видите!.. Ah, mon Dieu, mon Dieu! какъ гадко все въ жизни!.. Вы меня хорошо понимаете. Платье это, все это... Mon Dieu, еслибъ я могла оторваться отъ всего, жить немногимъ, но успокоиться...

— Ахъ, какъ это мудрено! замѣтила со вздохомъ Анна Федоровна.

— Чтѣ? успокоиться?

— Нѣтъ, жить немногимъ... Напримѣръ, знаете ли въ какомъ я теперь положеніи?

— О, я очень хорошо знаю ваше положеніе, сѣге Анна Федоровна! Но я васъ увѣряю, вамъ не такъ тяжело, какъ кажется. Вы не имѣете понятія о томъ стѣсненіи, которое приходится испытывать, когда... toute cette présentation... Я должна имѣть экипажъ, содержать людей, знаете, чего это стоить? Нынче все такъ дорого, le pain seul est à deux sous la livre. Тутъ, какъ хотите, экономничайте. Я отказываю себѣ рѣшительно во всемъ, но когда ужъ люди такъ поставлены въ свѣтъ, что имъ нельзя прятаться, жить какъ-нибудь,—я должна же принимать. Я не могу пренебрегать приличіями, ѣздить въ взаимной каретѣ, которая можетъ подо мною разсыпаться, въ театръ ходить куда-нибудь подъ небеса, носить вывороченныя

платья. Вы поймите, что это для меня невозможно: я рождена не такъ... Вамъ гораздо легче, я вамъ завидую. Вы спокойны, вамъ ничего не надо, вашъ столъ вамъ ничего не стоить, для васъ куда-нибудь придти пѣшкомъ не унизительно.

— А вы какъ думаете, неустойчиво? прервала Анна Федорвна, потерявъ терпѣніе.

— Ah, ma chèrre! также нетерпѣливо возразила г-жа Гусицкая:—но это вамъ ничего не стоить!

— А какъ, напимѣрь, обокрадутъ?... проговорила Анна Федорвна, задохнувшись.

— Обокрадутъ? Но... что же могутъ украсть? спросила г-жа Гусицкая съ совершенно-наивнымъ недоумѣніемъ.

— Конечно, казалось бы нечего, но меня кругомъ обокрали.

— Ахъ, ma chèrre, такъ надо было присматривать хорошенько за вашими людьми! возразила г-жа Гусицкая: — за чѣмъ же вы держали воровъ?

Анна Федорвна разсмѣялась такимъ смѣхомъ, который неприятно взволновалъ нервы свѣтской дамы и привелъ ее въ нетерпѣніе.

— Я собаки не держу, не только людей, отвѣчала она рѣзко:—меня обокралъ мой мужъ; безъ меня унесъ все, бѣлье, платье мое и дочери, продалъ, навѣрное пропилъ и уѣхалъ... прахъ его знаетъ куда!

— Ah, quelle infamie! вскричала г-жа Гусицкая:—но, знаете, это для васъ большое счастье, что онъ уѣхалъ. Вамъ бы давно надо было съ нимъ разстаться...

— Да, еслибъ я была богата, сказала Анна Федорвна: — а бѣдные люди, что тамъ ни дѣлайся между ними, живи вмѣстѣ!

— Ma chèrre, законъ для всѣхъ, сухо возразила Гусицкая: — и теперь, вы можете сдѣлать ему процессъ, чтобъ онъ возвратилъ вамъ деньги, если не самыя вещи.

Анна Федорвна разсмѣялась опять.

— Представить въ полицію реестръ моихъ юпокъ? сказала она:—а откуда надѣтъ нечего.

Гусицкая оглянула ее съ головы до ногъ: Анна Федорвна была одѣта.

— Только это и осталось, договорила Анна Федорвна, злясь на себя за то, что слезы подступали ей къ горлу.

— Это большое несчастіе, chèrre amie, сказала съ чувствомъ г-жа Гусицкая: — но какая миленькая эта матерія на васъ; un rien du tout, mais c'est charmant. Откуда у васъ это?

— Это, въ прошломъ году, подарила мнѣ книгиня Ручнева, отпчала Анна Федоровна, у которой туманило въ глазахъ: — а теперь... помогите вы... дайте мнѣ что-нибудь.

И слезы, которыхъ больше удержать она не могла, закапали ей на руки.

— Ah, chère amie, отъ всего сердца! отвѣчала г-жа Гусицкая: — я обыщу мои сундуки, и не дальше какъ сейчасъ... Ольга!

Она позвонила, вошла горничная.

— Принеси... что мы на прошлой недѣлѣ разбирали... я велѣла тебѣ отложить... платья... Но успокойтесь, ma chère, обратилась она къ Аннѣ Федоровнѣ: — если только за этимъ дѣло. Я на этомъ не остановлюсь: я буду сегодня у моей belle-mère; на нее, впрочемъ, надежда плоха, она такъ скупа... Figurez-vous: мнѣ было нужно послать Полю, я была въ самомъ критическомъ положеніи, она и тутъ мнѣ отказала. Сколько разъ мой мужъ предлагалъ ей жить съ нами вмѣстѣ! Это было бы, конечно, мученіе для меня, но я покорялась, потому что это поправило бы наши финансы: все же, старуха должна была бы взять на себя половину расходовъ; такъ вы представьте себѣ, что—нѣтъ!.. Семейныя исторіи, — вы объ этомъ не имѣете понятія, voici encore un de vos privilèges! сколько тутъ тонкихъ, да и грубыхъ не деликатностей... en un mot...

Горничная принесла нѣсколько платьевъ; это были именно тѣ, о которыхъ Анна Федоровна говорила Полинь, питая надежды. У нея разбѣжались и заблестѣли глаза, особенно, когда Гусицкая, протягивая руку, произнесла:

— Voici, ma chère... Да что же это ты? крикнула она горничной: — развѣ это то? Богъ мой, какъ ты глупа! Пойдемъ со мною... Pardon, Анна Федоровна.

Гусицкая удалилась, въ сопровожденіи горничной, въ уборную, рядомъ съ спальней. Анна Федоровна слышала, какъ горничная сказала, входя туда:

— Я думала, то уже никуда не годится.

Анна Федоровна сжала руки на колѣняхъ и смотрѣла, безсознательно считая цвѣточки на обояхъ. Въ такомъ занятіи провела она нѣсколько минутъ, пока Гусицкая воротилась, въ шляпкѣ и бурнусѣ. Горничная несла ее подарки.

— Возьмите, душа моя, я дѣлаю начало доброму дѣлу, кладу первый камень. Это вамъ пригодится для дома, un pégligé (она указывала на что-то пестрое, довольно запачканное

и даже заштопанное), а это... смотрите, это можетъ быть прелестное платье для Полины.

Горничная, по приказанію госпожи, развернула полосы газа, вышитыя золотомъ, весьма почернѣлыя.

— Не могу увѣрить васъ, что это настоящее золото, продолжала Гусицкая: — по крайней мѣрѣ, всѣ принимали его за настоящее; если не выйдетъ платье, вы можете продать. Заверни, Ольга; вотъ, свяжи въ платокъ. Батистовый, Анна Федоровна; вы его немного поправите, онъ годится Полинѣ. А я сейчасъ ѣду. У старой княжны Шабельской я возьму для васъ штурмомъ цѣлыя сокровища, et puis, des fleurs, je fouillerai ses cartons... Карета готова; adieu, Анна Федоровна, ne me remerciez pas, chère...

Анна Федоровна съ своимъ узелкомъ вышла вслѣдъ за свѣтскою дамой, и хотя путь Гусицкой былъ тотъ же, который предстоялъ Аннѣ Федоровнѣ, но она не предложила подвести къ дому свою гостью.

VI.

Вечеромъ этого дня, у г-жи Мороновой собралось общество. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ ея вечеровъ передъ отъѣздомъ на дачу, и потому слѣдовало бы ожидать, что знакомые посѣщать воспользоваться временемъ, которое еще могутъ провести вмѣстѣ, и гостиная г-жи Мороновой будетъ полна, но вышло иначе. Изъ тѣхъ, которые еще не разъѣхались на дачи, явились весьма не многіе; другіе предпочли слушать оркестръ публичнаго гулянья и любоваться на незатѣйливый фейерверкъ, громадными буквами возвѣщенный въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*; что касается до дамъ, онѣ давно рѣшили, что «всѣ эти вечера смертельная скука.» Онѣ усаживались за карты, сдѣлавъ себѣ изъ этого занятія нѣчто въ родѣ возбуждительнаго средства, чтобы не зѣвать, и успокоительнаго, чтобы не злословить.

Въ гостиной Мороновой играли въ карты: старуха, свекровь хозяйки, съ ней еще другая старуха, впрочемъ съ большими претензіями на туалетъ, на любезность, на хороший тонъ и придирчивая въ игрѣ; она безпрестанно спорила. Другіе партнеры были какой-то худой господинъ, довольно желч-

вый, тоже нерѣдко спорившій, и Анна Федоровна. Зато другой столъ играющихъ былъ совершенною противоположною зерноту: тамъ занимались сама г-жа Морозова, хорошенькая молодая блондинка, нарядная какъ бабочка; другая дама, тоже недурная собою и молодая, и господинъ Собакинъ, вноша лѣтъ восемнадцати, но для компаніи своего возраста слишкомъ серьезный и положительный, котораго не называли иначе, какъ прибавляя къ его имени «маленькій», для отличія его отъ милліона его братьевъ, дядей, кузеновъ и прочихъ родственниковъ. Последний партнеръ былъ господинъ Пехлецовъ, который своею мягкою и кокетливою любезностью одушевлялъ это общество. Довольно странно назвать одушевленіемъ легкія улыбки, пробѣгавшія на лицахъ молодыхъ дамъ, ихъ восклицанія «mon Dieu!» ихъ жалобы съ дѣтскими ужимками: «Но это ужасъ, я заплачу: у меня однѣ двойки!» и т. п., ихъ разговоръ съ примѣсью тѣхъ французскихъ фразъ, которыя называются «непереводимыми», вѣроятно потому, что еслибы перевести ихъ (что очень возможно и даже выраженіями равносильными)—отъ нихъ бы отказались утонченно-нѣжныя дамы. Въ этомъ состояло все ихъ одушевленіе. Господинъ Пехлецовъ старался его поддерживать; не видя себѣ соперника въ юномъ Собакинѣ, онъ былъ счастливъ, наслаждаясь два часа тѣмъ, что смотрѣлъ на хорошенькія лица и могъ говорить разныя пріятности, шутки, даже каламбуры, очень устарѣлыя, но льстящія молодости и красотѣ,—устарѣлыя,—но что же дѣлать, когда скучное новое время ничего не придумало и не создало въ этомъ родѣ, когда приходится повторяться? Господинъ Пехлецовъ, натурально, тысячу разъ повторялся, но въ увлеченіи самъ не замѣчалъ этого; присутствіе молодости и красоты, взиравшихъ на него благосклонно, повергало его въ сладостный трепетъ и самозабвеніе; тогда онъ говорилъ себѣ, что нынѣшней молодежи не перещеголять его. Но выходя изъ этого блаженнаго состоянія, замѣчая какими быстрыми шагами опережали его грубые, но молодые люди, онъ съезживался, погружался въ себя и, чтобы поддержать свой кредитъ у женщинъ, пускался въ «маленькія услуги». Онъ хлопоталъ для молодыхъ дамъ какъ приживалка: исполнялъ ихъ коммисіи, доставалъ имъ билеты въ спектакли, на выставки и тому подобное; случалось, для этихъ услугъ, онъ жертвовалъ полами шубы или пальто, которое ему обрывали въ толпѣ; отыскивалъ квартиры для тѣхъ, которые хотѣли перемѣнить домъ,

справлялся обо всѣхъ удобствахъ этихъ квартиръ, торговался, тормошилъ хозяевъ, хлопоталъ о перевозкахъ, чуть ли не самъ нанималъ подводы, но, конечно, самъ и не одинъ разъ являлся въ домъ во время перевозки. Его люди были несчастные, служившіе не одному своему господину, но всѣмъ молодымъ дамамъ, которымъ прислуживалъ Пехлецовъ. Услужливость была его добродѣтель, и ее, какъ всякую добродѣтель, эксплуатировали. У Гусицкой, напримѣръ, не доставало денегъ, она посылала за Пехлецовымъ. «Ахъ, мсьё Пехлецовъ, вы обяжете меня выше всякой идеи» и проч. Мсьё Пехлецовъ обязывалъ, поручаясь и занимая, гдѣ могъ. У другой не было собачки,—говорили Пехлецову; нуженъ былъ провожатый въ маскарадъ,—брали Пехлецова, и онъ мерзъ на подъѣздѣ торопя карету, между тѣмъ какъ неблагодарное домино, просившее покровительства его, продолжало разговоръ съ тѣми, кто былъ занимательнѣе его. Въ квартирѣ, выбранной Пехлецовымъ, дымили печи,—посылали не за печникомъ, а за Пехлецовымъ, и такъ далѣе. Пехлецовъ былъ богатъ, не женатъ и не проживался, имѣлъ важный чинъ, не служилъ больше и считался человѣкомъ очень порядочнымъ. За него тотчасъ бы отдали дѣвушку, которой бы онъ вздумалъ предложить руку и сердце, и можетъ-быть именно потому, что могъ надѣяться только на бракъ по расчету, Пехлецовъ никому не дѣлалъ предложенія. Конечно, онъ не могъ разчитывать на взаимность, но и увѣренность, что пойдутъ за его деньги, была ужъ какъ-то не слишкомъ весела. Къ тому же, у него ужъ были свои маленькія привычки, маленькій старческій эгоизмъ. Разсыпаясь и волнуясь охотно для «маленькихъ услугъ», Пехлецовъ не могъ безъ нѣкотораго страха думать, что, женись, у него могутъ быть и серьезныя огорченія, серьезныя заботы. Онъ возилъ конфеты «прелестнымъ» чужимъ малюткамъ, если у этихъ малютокъ были хорошенькія маменьки, но мысль, что его собственныя малютки будутъ шумѣть по комнатамъ, лазить по столамъ и стульямъ, навела на него нисколько не пріятное смятеніе. Онъ отыскивалъ и переманивалъ гувернантокъ, но теперь это былъ случай любезничать, а тогда была бы забота самая затруднительная. Къ тому же, несмотря на свои почтенныя лѣта, а можетъ-быть, даже именно вслѣдствіе этихъ лѣтъ и долговременной практики, Пехлецовъ усвоилъ себѣ свойство бабочки—беззаботность и непостоянство: онъ не могъ рѣшиться въ выборѣ, съ тѣмъ чтобы надѣть навѣчно оковы од-

ной женщины. Какъ человекъ богатый, онъ не нуждался въ хозяйкѣ; почти не живя дома, не желалъ имѣть своей «гостиной»; о старости и необходимыхъ ей попеченiяхъ онъ не думалъ, давно привыкнувъ къ попеченiямъ своего камердинера и къ какой-то *rommade-philosome*, сообщавшей его съдымъ волосамъ желто-каштановый, нѣсколько спаленный цвѣтъ. Впрочемъ, Пехлецовъ былъ такъ остороженъ, что берегъ про себя свои противосупружескія идеи: обнаруживъ ихъ, онъ лишился бы милостей многихъ матушекъ и прiятливости многихъ дѣвицъ; это было бы скучно: лишаась общества женщинъ, пришлось бы обратиться къ обществу мужчинъ, а Пехлецовъ не привыкъ къ нему. Онъ не любилъ ни политики, ни серьезныхъ толковъ, ни сильной игры,—игры потому, что былъ скупъ; онъ не былъ образованъ, чтобъ имѣть значеніе между людьми учеными, а люди, образованные еще менѣе его, довольно неутчиво скучали имъ. Пехлецовъ понялъ свое назначеніе: онъ годился только для дамъ.

Къ сожалѣнію, онъ былъ правъ. Женщины не только довольствуются обществомъ подобныхъ людей, но находятъ въ немъ удовольствіе. Сильное мнѣніе напоминаетъ о существованіи жизни менѣе пустой, заставляетъ искать чего-то и быть чѣмъ-то недовольнымъ, выдвигаетъ на свѣтъ поступки, и заставляетъ убѣдиться, что они предосудительны, тогда какъ въ тѣни, нетронутые, неразобранные, они казались почти мелочами, которыхъ и трогать не стоило. Это сильное мнѣніе тревожить, заставляя оглядываться и размышлять. Образованность, ученость... но женщинамъ такъ крѣпко натолковали съ дѣтства, что ученость рѣдко обходится безъ педантства; дѣльные учителя, если они бывали у нихъ, казались въ самомъ дѣлѣ такими скучными педантами, требовали прилежанiя и знанiя; учителя-угодники, не желавшіе обременять «эти прелестныя головки» «сушью науки» (*par une science sèide*), толковавшіе обо всемъ слегка, такъ хорошо убѣдили, что наука страшный звѣрь и женщинамъ ея не надо, что большая часть женщинъ навѣчно осталась при этихъ убѣжденiяхъ. Онѣ доказываютъ это воспитанiемъ своихъ дочерей; ихъ сыновьямъ, будь они даже не болѣе какъ гимназисты, стѣбитъ только пересчитать предметы своего курса, чтобы привести маменокъ въ благоговѣйный ужасъ. On exige tant aujourd'hui, повторяютъ маменьки. Образованные люди не запугиваютъ, конечно, но они также (и весьма справедливо) разборчивы, и не могутъ находить насла-

жденія въ обществѣ этихъ дамъ; а для этихъ дамъ покойнѣе и пріятнѣе люди менѣе требовательные, съ свѣдѣніями общезвѣстными, выражаемыми большею частію шутовско, съ наукой такою же какъ добродѣтель этихъ людей: нѣжною, любезною, смѣющеюся. Эти дамы, въ жизни какъ и въ исторіи, останавливаютъ свое вниманіе только на предметахъ нѣжныхъ, любезныхъ и смѣющихся, не заботясь, конечно, о неудобствахъ, принесенныхъ и приносимыхъ на свѣтъ подобною добродѣтелью. Едва ли когда-нибудь какая-нибудь изъ свѣтскихъ женщинъ подумала о несчастіяхъ, которымъ можетъ быть причиною безцвѣтная посредственность; вѣрнѣе — не многія изъ этихъ женщинъ повѣрили бы, еслибы сказать имъ, что отъ посредственности могутъ быть несчастія. Увѣрить ихъ, доказать имъ, значило бы разрушить очарованіе, въ которомъ онѣ родились, выросли и показать имъ жизнь въ иномъ свѣтѣ и въ этой жизни такія вещи, которыхъ онѣ никогда не трудились подозрѣвать. Потому имъ и легко и пріятно съ «пріятными» людьми; имъ бываетъ, можетъ-быть, скучно до одурѣнія, но эти бѣдныя женщины принимаютъ скуку за наследственную болѣзнь, переходящую въ ихъ кружкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе: онѣ покоряются ей. Исходъ, излѣченіе, можетъ-быть, были бы и отрадны, но это стоило бы труда, уклоненія отъ приличій, можетъ-быть боли сердца и, во всякомъ случаѣ перемѣны привычекъ, забвенія свѣтской рутинны, въ которой одно поколѣніе за другимъ такъ безмятежно погрязаетъ и засыпаетъ. Въ этой рутинѣ погрязаютъ не однѣ женщины. Случается, что живой человѣкъ является и въ ихъ кружкѣ; развитый умъ, сильный страстный характеръ; такой человѣкъ привлекаетъ невольно, къ нему привязываются, его даже полюбятъ, но не надолго: онъ утомляетъ, онъ мучитъ, а свѣтская женщина привыкла чувствовать лишь сколько дозволено, она любитъ больше всего свой покой и боится мученій. Она скоро возненавидитъ свою истинную привязанность, и недостойно, мелочно, своекорыстно измѣнитъ ей, найдетъ себѣ оправданіе, обвиняя въ неделикатности и требовательности того, кому измѣнила. Она предпочтетъ все, что встрѣтится мелкаго, лишь бы не волноваться; она выслушаетъ сто разъ однѣ и тѣ же бальныя пошлости, лишь бы не трудить своей головы, потому что истинная любовь любить, думая; она скомпрометируется сто разъ по мелочи, но чинно и прилично, и будетъ хвалиться твердостію, что устояла противъ того, что, говоритъ она, «составило бы ея несчастіе».

Пехлецовъ, въ самомъ дѣлѣ, годился для этого кружка. Въ тотъ вечеръ онъ посвящалъ свои чувства г-жѣ Мороновой, дляя этимъ удачное уклоненіе отъ оковъ супружества, которыя начинали грозить ему: въ этомъ семействѣ была дѣвица, Додо, или Авдотья Николаевна, сестра мужа г-жи Мороновой. Г-нъ Мороновъ былъ человекъ тихій, скромный, умеренно любезный и неумѣренно игравшій въ карты; остальная жизнь его шла весьма обыкновенно, какъ жизнь большаго числа смертныхъ, о которыхъ трудно сказать что-нибудь, если въ теченіи ихъ существованія не случится какое-нибудь особенное обстоятельство, которое заставитъ ихъ какъ-нибудь особенно выказаться. Такъ какъ большаго частію обстоятельства посылаются самыя обыкновенныя, общія всѣмъ, то большою частію эти люди и умираютъ не выказавшись. Мороновъ имѣлъ приятную наружность, что доставило ему возможность жениться очень выгодно; онъ былъ добрый сынъ, потому что умѣлъ устроить, что его мать и жена жили въ согласіи. Этому причиной могло быть и то, что старуха читла богатую невѣстку и старалась почти исчезать передъ нею. Старуха была почти всегда въ какомъ-то ненастномъ расположеніи духа; не шкалась, не была ничѣмъ недовольна, но умѣла настроить не только свое лицо на постоянно-плачевную ужимку, а даже свой голосъ на постоянно-дребезжащія ноты. Съ непривычки, постороннему, встрѣчавшему Моронову-мать, казалось, что съ нею сейчасъ была «сцена» или «исторія». Но къ этому привыкли скоро; посторонніе мало ею занимались. Старуха проводила большую часть времени невидимо, въ своей комнатѣ, и являлась вечеромъ только тогда, когда могла составить для нея партія по маленькой. Ея постоянная озабоченность была, впрочемъ, не совсѣмъ напрасна: у нея на рукахъ оставалась еще Додо, вступившая въ свою тридцатую весну,— Додо, пристроить которую никто не думалъ, какъ выражалась мать, забывая, что безъ состоянія это довольно трудное дѣло всегда, а въ нынѣшнее время въ особенности.

Додо была «красавица». Замѣчательно, что этого никогда не говорили о ней люди съ эстетическимъ понятіемъ. Она была очень высока ростомъ, полна, стройна, ея черты были крупны и правильны, глаза синіе, волосы черны до синевы, цвѣтъ лица свѣжъ и румянецъ ярокъ. Тѣ, кто находилъ ее красавицей, говорили, что сознаніе красоты положило на нее «нѣкоторую печать величія» (*un certain cachet de grandeur*), но

именно эта «печать» и отняла у всего послѣдній смыслъ. Додо рано начала появляться въ свѣтъ. У нея было нѣсколько бабушекъ, тетюшекъ, кузинъ, бравшихъ ее подъ свое покровительство. Въ то время въ Москвѣ ни одинъ балъ не обходился безъ живыхъ картинъ, шарадъ въ дѣйстви и тому подобнаго; эти выставки обходились дорого, но за то доставляли жениховъ, и многія маленькія еще до сихъ поръ грустятъ объ этомъ невозвратномъ прошедшемъ. Были, конечно, конкурренціи, неприятности, ссоры, но что прошло, то мило, если не воспоминаніемъ торжества, то воспоминаніемъ шумно проведеннаго времени. Додо было тогда лѣтъ пятнадцать; она была слишкомъ молода и не богата, ее не считали соперницей, и потому ее допустили исполнить въ одной живой картинѣ роль дѣвочки какой-то княжны Милолики, которую князь Звениславъ избираетъ своею супругой. Картина удалась въ совершенствѣ; князь Звениславъ былъ такъ доволенъ собою, какъ былъ въ шлемѣ и кольчугѣ, такъ и снялъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ свой дагерротипный портретъ, и даже оставилъ одинъ экземпляръ на выставкѣ, въ мастерской художника. Но сѣнная дѣвочка Додо совершенно затмила худую и желтѣющую княжну Милолику, никогда потомъ не простившую ей этого торжества. Додо съ этого дня сознала свое назначеніе. Она стала являться во всѣхъ картинахъ; бездѣтныя бабушки и незамужнія тетюшки доставляли ей средства; прежде нежели ее офиціально привезли на первый балъ, она уже наполнила невѣроятное число Цереръ, боярынь, гербовъ разныхъ губерній и уѣздовъ, роскошныхъ временъ года, патристическихъ кадрили, сценъ изъ отечественной исторіи и прочаго. Ея комоды были полны лоскутовъ газета, вышитыхъ покрывалъ, кокошниковъ, золотыхъ вѣнцовъ, татарскихъ туфель, картонныхъ вооруженій; она проводила дни изучая позы, ночитанцуя; зимой, она кружилась въ Москвѣ, у какой-нибудь бабушки или тетюшки; на лѣто поступала на дачу къ другой, подъ покровительство которой кружилась слѣдующую зиму и такъ далѣе, тринадцать зимъ и тринадцать лѣтъ, пока невымерла бабушки, тетюшки непереселились кто въ какую-нибудь пустыню, кто для спокойствія духа и поправленія обстоятельствъ въ такой переулочекъ, что дальше пустыни, пока не переѣхали изъ губерній въ Москву ея мать, постоянно жившая съ братомъ, самъ братъ, только что женившійся на богатой и хорошенькой провинціалкѣ. Тогда Додо перенесла въ его домъ остатки сво-

ого величія и величія своей красоты, вмѣстѣ съ баночками при-
травлѣннѣйшими, сдѣлавшимися необходимыми послѣ столькихъ тор-
жествъ. Торжества миновали; Додо еще явилась однажды, за-
литая брилліантами своей насмѣшницы - невѣстки въ роли
супруги Трувора, принимающей вмѣстѣ съ нимъ покорность
Чуди или Кривичей, но это была уже послѣдняя пѣснь ле-
беди, и не совсѣмъ удавшаяся, хотя для нея потрудились оты-
скать тему древнѣйшую и вмѣстѣ казавшуюся почему-то бли-
жайшею намъ по духу; учености положили много, исполните-
лей собирали полгода, едва нашли Трувора, и то весьма не-
врачнаго; сама Москва уже не умѣла и не хотѣла наряжаться...

Въ богатомъ и открытомъ домѣ, семейная жизнь не стѣсни-
тельна; одна старуха Моронова, по провинціальной привычкѣ
и вслѣдствіе разныхъ благочестивыхъ понятій, еще считала
обязанностію заботиться о мирѣ, тишинѣ въ домѣ, о любви су-
пружеской, о согласіи всѣхъ. Хотя для нея было ясно, что весь
день идетъ для всѣхъ въ розницу, но она все еще вѣрила въ
«тѣсный кружокъ», въ «родственныя совѣщанія», и тому подоб-
ное. Она, напримѣръ, все еще не переставала удивляться каждый
день, что Марья Платоновна, проснувшись въ полдень, выходитъ
въ гостиную только къ двумъ часамъ, когда Евграфа Никола-
евича уже нѣтъ дома, а выходитъ почти всегда въ шляпкѣ,
готовая тоже уѣхать, или, если не уѣзжаетъ, то къ ней наѣзжа-
ютъ столько гостей, что непонятно, какъ силъ достааетъ каж-
дый день видѣть столько народа. Старуха удивлялась, почему
Додо находила, что пусто и скучно, хотя, казалось, тормоши-
лась столько же, сколько и всѣ, и мать видѣла ее не больше,
если даже не меньше, чѣмъ невѣстку. Додо была недовольна:
невѣстка сосредоточивала на себѣ угожденія и ухаживанье; до-
рого стоило соперничать съ ней и по крайней мѣрѣ не со-
всѣмъ уступать ей въ свѣжести нарядовъ, въ этомъ предметѣ бу-
лавочнаго раздора, доходящаго до истинной вражды. Додо рѣ-
шила, что Магіе—провинціалка до конца пальцевъ, и только
эта мысль дала ей силу и мужество. Вслѣдствіе этой мысли,
Додо усвоила себѣ равнодушно-гордый взглядъ на всѣ наряды
невѣстки и ужимку состраданія при всѣхъ ея словахъ и по-
ступкахъ. Моронова отлично понимала чувства Додо и, зная
какъ они безвредны, принимала ихъ съ легкою насмѣшкой.
Онѣ, конечно, никогда не доходили до разъясненія своихъ
чувствъ одна къ другой, съ вида держались между собою пре-
красно и постоянно говорили другъ другу «chère amie».

Моронова, воспитанная въ провинціи, гдѣ «свѣтъ» еще требуетъ отъ женщины талантовъ, мило пѣла, была немножко музыкантша, читала кое-что. Замѣтивъ, что все это, послѣднее въ особенности, не считается необходимымъ тамъ, гдѣ хотѣть только веселья, гдѣ нужно только блескъ и ловкость и какъ можно меньше думы, она съ совершенно-свѣтскимъ тактомъ отложила въ сторону всякую думу и заботилась только о томъ, чтобы казаться какъ можно болѣе пустою. Артистическіе и патріотическіе маскарады, въ которыхъ когда-то участвовала Додо, конечно, не требовали учености, но въ тѣ времена дамы много о ней толковали, для того чтобы вѣрнѣе составить свой костюмъ, выбрать роль по характеру и «жанру» красоты, и вникнуть въ роль; нѣкоторыя даже щеголяли ученостію и любили окружать себя «людьми мыслящими». Юноши время Додо всѣ болѣе или менѣе «мыслили»; сдѣлать себѣ специальность изъ игры въ ералашъ, какъ сдѣлалъ это маленькій Собакинъ, рѣдко кому тогда приходило въ голову. Додо собрала въ своей головѣ остатки и обрывки этихъ воспоминаній и воображала себя женщиной «развитою». Этимъ она составила себѣ положеніе среди ни о чемъ не говорящаго общества, которое окружало ее теперь. Догадавшись, что не можетъ больше ни первенствовать, ни блистать, она рѣшилась отличиться нѣкоторою особенностью. Она устраивала себѣ прически въ подражаніе древнимъ камеямъ и говорила о стѣснительныхъ пріличіяхъ условіяхъ, если удавалось поймать на разговоръ какого-нибудь очень юнаго студента изъ говорящихъ объ этихъ вещахъ; въ подруги она избирала себѣ самыхъ молоденькихъ дѣвушекъ; взрослые, занятые своими собственными интересами, не сближались съ нею; съ молоденькими она говорила о любви тономъ особы опытной и искушенной, затрогивая любопытство и волнуя невинныя души. Взрослыя разказывали о Додо разные анекдоты, дали ей нѣсколько прозваній, придумали, что она сочиняетъ стихи. Додо доставляла имъ занятіе. Она сама была вѣчно занята; у нея были постоянно какія-нибудь тревоги съ модистками и планы на завоеваніе чьего-нибудь сердца. Въ настоящее время она признавала необходимость плѣнить г-на Пехлецова, но ея собственное сердце не могло безъ нѣ котораго трепета выносить присутствія князя Ивана Деслятова, тѣмъ болѣе потому, что блестящая невѣстка, казалось, безъ малѣйшей заботы привлекала того и другаго...

Въ этотъ вечеръ, князя не было, Пехлецовъ любезничалъ

за ералашемъ. Додо уже разъ десять прошла мимо карточныхъ столовъ, влача свои необъятныя оборки и концы пестрой вали, распущенной въ родѣ классической или цыганской драшровки, въ которую она куталась подъ предлогомъ вечерняго холода. Она величаво занимала очень много мѣста въ комнатѣ; тревога на челѣ ея, украшенномъ короной изъ волосъ, придавала ей видъ разгнѣванной царицы. Полина, въ свѣжемъ бѣломъ платьѣ, перетянутая, «воздушная», подошла вслѣдъ за красавицей къ играющимъ, оперлась на спинку кресла Морозовой и тоже смотрѣла, vis-à-vis, на Пехлецова.

— Можетъ-быть, наконецъ счастье улыбнется мнѣ, сказалъ Пехлецовъ, возводя взоры на дѣвицу.

Додо поспѣшила улыбнуться, что, при ея пухлыхъ щекахъ и неподвижномъ взглядѣ выпуклыхъ глазъ, всегда выходило очень странно. Полина улыбнулась тоже, но не прежде какъ взглянувъ на Додо, и потомъ принялась смотрѣть на Пехлецова, упорно и очень серьезно. Молчаливая сцена была разыграна прекрасно. Взоры Полины спрашивали какъ нельзя яснѣе: «Неужели вы, свободный старикъ, не шутя любезничаєте съ этою глупою куклой? Подумайте, что она не молода, бѣдна, и васъ какъ разъ могутъ поймать!»

Понялъ ли это Пехлецовъ, но онъ сконфузился, и Додо, еще нѣсколько минутъ напрасно ожидая новой любезности, рѣшилась отойти съ очень понятною досадою.

Полина послѣдовала за ней, и обѣ усѣлись на маленькомъ диванчикѣ у окна. Кромѣ играющихъ не было другихъ гостей, дѣвицамъ оставалось заниматься между собою; скука была, въ самомъ дѣлѣ, одуряющая; нужна вся привычка свѣтскихъ особъ, чтобы выносить частое повтореніе этихъ «пріятныхъ» вечеровъ.

— Такъ вы на лѣто въ деревню? въ двадцатый разъ спросила Додо Полину.

— Да... и мнѣ такъ не хочется, повторила Полина.

— Отчего же нѣтъ, та сѣге? Все равно вездѣ.

— Ахъ, нѣтъ; тоска, глушь. Когда княгиня предложила маленькѣ, она долго отказывалась; но М^{ше} Алексинская просто умолила. Вы не повѣрите, М^{ше} Алексинская такъ стоитъ за то, чтобъ я ѣхала. Не понимаю, что ей вдругъ такъ понравилось мое общество.

— Отчего же нѣтъ, та сѣге?

— Но, нѣтъ, я полагаю, тутъ другія причины, продолжала

Полина, убѣждаясь, что затронуть любопытство Додо не такъ легко, какъ ей казалось.

— Mais, comme de raison. Она одна.

— Вотъ этого я и боюсь... Ah, chère, еслибъ я могла столько разчитывать на вашу дружбу, продолжала Полина,—чтобъ я могла спросить васъ... посоветуйте мнѣ, вы знаете свѣтъ. Вчера утормъ... чтобы только насъ не услышалъ кто-нибудь... j'ai appris une chose... Князь Жанъ влюбленъ въ М^{ме} Алексинскую.

— Что вы мнѣ говорите! почти вскрикнула Додо.

Новость была такъ чувствительна для ея сердца, что при ней не устояла даже ея царственная неподвижность.

— Hélas, oui! я убѣдилась сама... нечаянно, я была свидетельницей такой сцены... Это ужасъ. Эта несчастная женщина. Я не знаю какъ мнѣ быть. Она ѣдетъ въ деревню потому, что онъ тамъ будетъ. Посудите, чтò обо мнѣ скажутъ...

— Это ужасъ! повторила Додо, понимая, что съ той минуты какъ князь «занять» другою, на него уже нечего разчитывать какъ на жениха.

— Это ужасный человекъ, сказала Полина:—вы не повѣрите, j'étais toute saisie. Первое, чтò я подумала, это... мушны... ахъ, правду говорятъ намъ, молодымъ дѣвушкамъ, что они страшны! Какое коварство!.. И еслибъ я сама не видѣла... Онъ ей говорить ты, figurez-vous!

— Какая гадкая женщина! сказала Додо:—чтò онъ нашелъ въ ней? Marie! кликнула она свою невестку, вставшую на минуту изъ-за картъ.—Подите, послушайте!

Моронова подошла, и великое извѣстіе было ей сообщено. Она расхохоталась; она была находчивѣе Додо и сейчасъ нашла какъ скрыть досаду, что сама лишается поклонника.

— Merci, сказала она Полинѣ:—я вамъ очень благодарна за это извѣстіе. Видите, Додо, я была права. Представьте, M^{lle} Pauline, вы должны знать это, когда вы были такъ добры, что предупредили насъ. Въ нашемъ семействѣ всѣ, исключая меня, полагали, что князь можетъ быть партиєю для Додо; представьте же, какъ это показалось бы смѣшно постороннимъ. А чтò касается до M^{ме} Алексинской... я, признаюсь, давно думала, что тутъ есть что-нибудь... Она совсѣмъ оставляетъ своего мужа?

— Не знаю... отвѣчала Полина, затрудняясь такимъ рѣши-
мымъ вопросомъ.

— Вѣроятно. Ахъ, моя бѣдная Додо! прибавила Mme Моро-
новъ опять расхохотавшись.—Извините, mesdames, это очень
важно, но мое отсутствіе приводитъ въ ажитацію monsieur
Мороновъ... Мы его кругомъ обыграли! договорила она, тихо
встала, и ушла.

— Ахъ, chère, заговорила Полина, оставшись опять съ со-
бою-одуменною красавицей:—я тоже думала, я была почти
счастлива... Бывали минуты, когда я была готова поздравить васъ!
какимъ человѣкомъ! онъ не пропускаетъ вашихъ jounées fixes,
и танцовалъ съ вами, и вдругъ... Я понимаю негодованіе
вашей belle-soeur...

— Моя belle soeur сама отъ него съ ума сходила, прервала Додо
съ улыбкой.

— Ахъ, я такъ жалѣю Mme Алексинскую! замѣтила Полина
въ минуту, послѣ краснорѣчиваго молчанія.

— Что вы нашли жалѣть о ней, та chère? возразила Додо:
— да, вы очень добры. Эти дамы не довольствуются, что ужь
они замужъ, онъ беретъ у насъ молодыхъ людей.

— Правда, сказала Полина:—никто не женится; столько ста-
нось дѣвушекъ!

Этого было ужь слишкомъ довольно, чтобы привести кра-
сивую въ окончательное разстройство. Она опять встала и
начала прохаживаться, развѣвая пестрыя ленты, укрѣпленные на
рукахъ и влася свои драпировки. Полина пошла взглянуть въ
дверь къ столу, гдѣ играла мать ея. Старая Моронова горестно
взирала на нее глаза, а другая нарядная старуха, игравшая
съ пожилымъ господиномъ, прижала къ своей груди
руки, которыя держала распущенные вѣеромъ.

— Пасъ, сказала она съ сдержаннымъ негодованіемъ.

Анна Федоровна объявила большую игру.

— Вы принесли счастье вашей маменькѣ, замѣтилъ госпо-
динъ, злобно сжавъ въ кулакъ свои карты и выбрасывая двойку,
такъ что она завертѣлась, упавъ на столъ.

Анна поняла, что она лишняя.

«Сюта маменькѣ играть...» подумала она отходя.

Не было времени раздуматься дальше; къ тому же ей са-
мому показалась неприятна мать ея, играющая на свой послед-
ствіе въ угоду богачкамъ, Богъ знаетъ изъ какаго удо-

вольствія, какъ-то мелко, жадко, чего-то надѣясь, не то въ рыша, не то милости, чуть не молясь, чтобы выиграть...

«Что я буду съ нею дѣлать...» подумала почему-то Полина, чему-то улыбувшись.

Молодые дамы кончили свою партію и встали. Маленькій Собакинъ перешелъ отъ одного стола къ другому, сѣлъ по старухи Мороновой и наблюдалъ за ея игрой въ спокойномъ молчаніи. Пехлецовъ расплачивался, уже затрудняясь въ безнотыяхъ, потому что въ этотъ вечеръ онъ стоялъ дорогою красавицы только забавлялись его затрудненіями. Г-жа Шаро гостя, мило напомнила ему, что онъ проигралъ ей пакеты конфетъ. Г-жа Моророва увела ее въ залу. Полина, улыбаясь, глядѣла на старичка. Старичокъ уже усталъ отъ улыбокъ, смотрѣлъ на столъ, на которомъ дамы, всегда плохо знавшія ариметику, невинно обсчитали его, чему онъ, отъ удивленія, покорился. Взглянувъ на Полину, онъ припомнилъ, утромъ поднесъ и ей бонбоньерку; это его почему-то озабочило. Съ М^{ше} Полиной можно не церемониться, и Пехлецовъ, сказавъ ни слова, сѣлъ у стола, выражая желаніе отдохнуть.

Полина граціозно опустила на другое кресло у того стола.

— Вы устали? мило спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Такъ вамъ скучно, шепнула она, глядя пристально.

— Отчего же? нисколько, отвѣчалъ Пехлецовъ, слегка смущаясь, и взглянувъ какъ она опиралась своими бѣлыми руками въ темное сукно стола.

— Эти дамы ушли... сказала она, оглядываясь кругомъ, и бы желая яснае доказать Пехлецову, что его оставили одного игра кончена; какъ будто ужъ и все кончено... Я по себѣ сумасшедшая Je suis folle! я бы хотѣла больше благодарности, еслибы ставила кому-нибудь удовольствіе.

— Это удовольствіе было такъ не велико... сказалъ Пехлецовъ съ легкой задумчивостію.

— Я этого не понимаю, проговорила тихо Полина:—можетъ быть потому, что я такъ молода, на меня все дѣлаетъ впечатлѣніе... Эти дамы говорятъ, что я экзальтирована...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ... Теперъ, М. Пехлецовъ, я вамъ признаться, я сегодня не могу смотрѣть на васъ безъ нѣкотораго сожалѣнія, не знаю, какъ это назвать... Эти дамы такъ равнодушно пр...

вашъ свои вечера съ вами, а я... я чувствую, что я вамъ обязана, и это чувство мнѣ такъ пріятно, такъ священно... вы будете смѣяться!

— Отчего же? возразилъ очень любезно Пехлецовъ:—но какъ же я могъ заслужить?

— Ахъ! а приключеніе нынѣшняго утра, этотъ незнакомый молодой человекъ? заговорила Полина скоро и шопотомъ:— вы не повѣрите, j'étais toute saisie; я сказала себѣ, что не знаю чѣмъ выразить, чѣмъ доказать мою благодарность; я желала бы, чтобы представилось самоотверженіе, пожертвованіе...

— Mais, mon Dieu, сказалъ, растаявъ, Пехлецовъ.

Ручка Полины очутилась въ его рукѣ; онъ пожалъ ее.

— Эта дерзкая молодежь! продолжала она въ волненіи.

— Чтò же онъ могъ сказать вамъ? спросилъ Пехлецовъ встревоженный.

— Ah, mon Dieu, voyez, il m'a dit que je suis belle! Но онъ не могъ меня видѣть: я была закутана. Онъ сказалъ, будто это угадывается въ движеніяхъ, въ походкѣ, будто мой голосъ... Ахъ, это ужасъ!

— Calmez-vous, прошепталъ Пехлецовъ.

Онъ любовался какъ отъ негодованія вспыхнули ея щеки и засверкали ея зеленые глазки. Она скромно опустила ихъ, зашла его взглядъ, и вдругъ засмѣялась.

— Какой я ребенокъ! сказала она:—вы надо мной смѣетесь.

— О, прошу васъ вѣрить...

— Да я вамъ вѣрю! прервала она съ игривымъ, дѣтскимъ умеченіемъ:—вы ужь сами не можете сдѣлать, чтобъ я вамъ не вѣрила; конечно! это впечатлѣніе глубоко, вѣчно; оно остается во мнѣ, чтò бы ни случилось, гдѣ бы я ни была!.. Вотъ, а, можетъ-быть, уѣду далеко... вспомните, когда-нибудь, среди этихъ прекрасныхъ дамъ, что умѣли внушить однимъ вашимъ поступкомъ...

— Для чего же вамъ уѣзжать? прервалъ Пехлецовъ.

— Для чего? грустно повторила она:—въ гувернантки... о, не заставляйте меня высказываться! Такъ нужно! Бѣдная дѣвушка... Надо забыть, что есть у насъ сердце, что обязанность женщины составить чье-нибудь счастье, украсить жизнь... Ah, mon Dieu!

Полина покачала головой и на минуту зажала пальчиками свои глазки.

— Право, я совсѣмъ дитя! такъ хотѣлось бы заботиться о комъ-нибудь, смѣяться, чтобъ это кого-нибудь веселило! Я не принадлежу къ этому обществу, не требую въ немъ никакихъ правъ, такъ бы охотно не знала его! Жить въ неизвѣстности, только бы у жизни была цѣль... Эти прекрасныя дамы... *Je vous dirai tout!* меня такъ пугаетъ ихъ насмѣшливость, ихъ холодное, разчитанное кокетство... Онѣ ничѣмъ не дорожатъ, не правды ли? Скажите, вы ихъ знаете?

— Это такой вопросъ... сказалъ Пехлецовъ, никогда не занимавшійся философией, но задѣтый за живое.

— Право, я ихъ боюсь, продолжала Полина:—онѣ безпощадны; дружбы у нихъ нѣтъ, и даже это... *les affections*—ничего искренняго. Отойдите только—онѣ ужь смѣются.

Пехлецовъ поморщился и невольно обернулся въ сторону залы, куда ушли молодыя дамы. Въ драпированную дверь было видно, какъ стояли онѣ у рояля, занятая, казалось, сообщаніемъ, и время отъ времени смѣялись. Додо была съ ними, но не принимала участія въ смѣхѣ, напротивъ, казалась отчаянною до безсмыслія.

Полина догадывалась, о чемъ шло у нихъ дѣло.

— Бранить кого-нибудь, шепнула она доврѣчиво.—Ахъ, что еще и смѣшить меня и приводить въ негодованіе, такъ это занятіе этихъ дамъ: ловля жениховъ...

Она разсмѣялась самымъ милымъ, звонкимъ и прилично сдержаннымъ смѣхомъ.

— Ахъ, право, я не могу не смѣяться, потому что мнѣ такъ искренно весело, хорошо съ вами!

— Право, я не смѣю вѣрить, сказалъ Пехлецовъ.

— Не вѣрьте! сказала она кокетливо.—Впрочемъ, можетъ-быть, моя откровенность... можетъ-быть, то, что говорятъ здѣсь, правда, и *mademoiselle Dodo*...

— О, нѣтъ, я васъ увѣряю, неправда! воскликнулъ, испугавшись, Пехлецовъ:—между *mademoiselle* Мороновой и мною одни отношенія глубокаго уваженія.

— *Ah, quelle inadvertance!* воскликнула Полина, рассыпавъ, будто бы нечаянно свои королевскыя четки, которые нѣсколько минутъ назадъ разорвала не замѣтно и нарочно.

Пехлецовъ бросился-было собирать ихъ, она встала.

— *Non, c'est fini*, оставьте, оставьте, они всѣ рассыпались. Я не хочу собирать ихъ; такъ и быть.

— Почему же такъ и быть? спросилъ Пехлецовъ, слѣдуя за нею.

— Не хочу. Это будетъ память нынѣшняго вечера.

Полина отошла и присоединилась къ молодымъ дамамъ. г-жа Морозова и М^{ме} Шарова были пріятельницы, откровенны между собою, и потому, какъ догадывалась Полина, брали г-жа Алексинскую.

— Въ какое положеніе она насъ ставитъ, скажите? говорила М^{ме} Шарова:—не принимать ея—нельзя; принимать... Что намъ дѣлать?

— О, только не терпѣть подобныхъ вещей! возразила г-жа Морозова, еще сохранившая въ своихъ убѣжденіяхъ строгость провинціи:—наше общество, благодаря Бога, еще до этого не доросло; мы по горло въ разныхъ эманципаціяхъ; но пройдетъ еще много времени, пока мы дойдемъ до этой... Женщина, которая уважаетъ себя...

— Но ея мужъ—такъ скука! замѣтила пріятельница.

— *Chère amie*, я вовсе не *grude*. Я ни слова не говорю: Алексинская не понята въ своемъ супружествѣ, но должна была бы помнить, что это можетъ лишить ее мѣста въ обществѣ. Скажите, ради Бога, неужели вы одинаково примете меня, другую и ее? *La morale est quelque chose, après tout.*

Прекрасная хозяйка была разгнѣвана, гостя смѣялась.

— Это такъ часто случается! сказала она.

— Ахъ, тѣмъ хуже! вскричала г-жа Морозова:—мы должны взять наши мѣры, чтобы насъ не смѣшивали... при первомъ скандалѣ, я обязана, для чести имени моего мужа, отдалиться отъ этой женщины, разорвать съ нею всѣ сношенія...

— Неужели вы рѣшились? прервала г-жа Шарова.

— Я запрю для нея мою дверь! отвѣчала г-жа Морозова, гордо и съ очень граціознымъ энергическимъ жестомъ.

— А князь? спросила г-жа Шарова.

— Князь?.. Но что же я могу имѣть противъ него? какое мнѣ дѣло? онъ хорошъ съ моимъ мужемъ. Я могу разрывать мои знакомства, но не смѣю касаться знакомствъ моего мужа.

— *Votre mari doit vous adorer*, сказала гостя съ улыбкой.

Г-жа Морозова улыбнулась тоже.

— *Et puis*, продолжала она:—вѣдь въ этой исторіи все кончается для М^{ме} Алексинской, а не для князя. Изъ него можетъ выдти и добрый мужъ, заключила она съ новою улыбкой.

Полина въ эту минуту взяла подъ руку неподвижную и безмолвную Додо и повела ее пройтись по залѣ.

— Вотъ, напримѣръ, продолжала г-жа Моророва тихо, да имъ отойдти подальше:—*mademoiselle Eudoxie* имѣеть великую страсть къ князю Десятову, такъ какъ же я могу не принимать его? Моя свекровь и она скажутъ, что я хочу разстроить партію этой дѣвицы для какихъ-нибудь моихъ дѣлей...

Ихъ прервали. Вошли еще гости, дамы, мужчины; появили и хозяинъ, Мороровъ, возвратившійся съ фейерверка. Въ ожиданіи картъ, дамы говорили о веснѣ; мужчины, кромѣ Пехлецова, не подходили къ нимъ и были сумрачны. Одинъ изъ нихъ пріѣзжій, разказывалъ разные слухи и предположенія, озабтившія всѣхъ. Не менѣе непріятное впечатлѣніе произвелъ разказъ г-на Гусицкаго о причинахъ, заставлявшихъ его завѣрять въ деревню. Между дамами слышались тоже вопросы о планахъ на лѣто: болѣшая часть нанимали дачи около Москвы

— Это вѣрнѣе, сказала одна изъ нихъ.

— Я рѣшаюсь экономничать, говорила другая:—беру съ собою только необходимое.

— Но лучшая экономія, это—за границу... *On la des rob à dix francs que l'on porte:*

— Да, и столько ѣдутъ, столько ѣдутъ!

— Эмиграція, сказалъ Пехлецовъ.

— Чтò же? въ самомъ дѣлѣ эмиграція, серьезно подтвердила гостья.

— Дойдемъ и до этого! продолжалъ Пехлецовъ, будто шутилъ для удовольствія дамъ.

— О, у васъ самого сердце непокойно, *monsieur* Пехлецовъ возразила другая гостья, тоже будто въ шутку.

— Можетъ-быть, только не отъ того, чтò вы предполагаете отвѣчать Пехлецовъ, начиная любезничать.

— *Ah, mon Dieu*, мы другому не вѣримъ! прервала дама.

— А *тому*, я, признаюсь, не вѣрю, продолжалъ Пехлецовъ слегка понижая голосъ:—*Une aussi étrange mesure...* вѣдь эмиграція! только надоѣдаютъ намъ толками.

— А вы, однако, ѣдете въ деревню?

— Да... Я увѣренъ, что еще десятокъ лѣтъ буду туда ѣздить.

— Не ручайтесь!

— *Chère Mme Mororof*, повѣрьте мнѣ, сказала другая дама:—продайте скорѣе ваше имѣніе; это такое время...

— О, я ничего въ этомъ не понимаю! возразила г-жа Моророва.

— Ахъ, какъ же, неужели вы не знаете?.. Но, напримѣръ, кто ближе, исторія съ Гусицкимъ?

— Hélas, oui! сказалъ Пехлецовъ.

— И вы увидите, если только, какъ говорятъ, это вздумаютъ сдѣлать, il ne restera pas pierre sur pierre dans nos campagnes.

— Надо брать предосторожности заранѣе, продолжала другая дама:—нужно продавать или закладывать. Деньги—это живѣйшее.

— Конечно, а то... cela c'est donc vu! мы будемъ доведены сами доставать себѣ хлѣбъ, работать...

— Обязанность насъ, мужчинъ, прервалъ Пехлецовъ съ любезнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ поклономъ:—не допустить до труда такіа прекрасныя руки.

— А, вы сами, messieurs, берегите ваши головы.

— Полноте, вы меня пугаете, прервала М^{ше} Моронова:—неудобно ли лучше?

Она предлагала карты.

Партія составила. Старуха Моронова, которую невѣстка убѣждала участвовать въ большой игрѣ, сѣла опять за столъ съ видомъ совсѣмъ закланной жертвы. Анна Федоровна была изгнана изъ игры безъ большихъ церемоній: ей и не предложили больше играть. Впрочемъ, она и безъ того была сильно взволнована: она совсѣмъ проигралась.

— Пора домой, шепнула она дочери, вертѣвшейся между дамами, которыя тѣснили ее и не замѣчали.

Полина отрицательно покачала головой. Мать слегка оттащила ее за рукавъ и отвела.

— Чтò вамъ, Богъ мой!

— Пора домой, повторила Анна Федоровна:—извозчика не найдешь теперь, идти однимъ темно. Возьмемъ чей-нибудь экипажъ; я гривенникъ дамъ кучеру.

Полина вспыхнула.

— Нѣтъ! сказала она громко.

— Въ чемъ вы не соглашаетесь съ вашею маменькой? спросилъ, подходя, Пехлецовъ.

— Меня увезти хотятъ! отвѣчала Полина, надувъ губки:—нигдѣ нынче все несчастье: четки потеряла, домой уводятъ...

— Для чего же спѣшить? возразилъ Пехлецовъ:—когда вамъ будетъ угодно, моя карета...

— Два раза въ одинъ день? шепнула ему Полина:—не слишкомъ ли часто?

— Нѣтъ, право нѣтъ! прошептала старичокъ.

— Видите, маман, заговорила дѣтски-нѣжнымъ голоском Полина, будто нечаянно, за спиной матери, бросивъ свою ручку Пехлецову:—право, monsieur Пехлецовъ добрѣе васъ, онъ больше васъ заботится, чтобы мнѣ было весело... Ah, pardon, маман.

Она поцѣловала ее въ щеку, чему Анна Федоровна была очень удивлена, и на чтѣ Пехлецовъ посмотрѣлъ съ большимъ чувствомъ. Полина очень ловко втокнула Анну Федоровну въ кружокъ гостей и, оставшись одна подлѣ Пехлецова, сама не зная почему, немного оробѣла. Робость была непритворна, но въ ту же минуту Полина сообразила, что это можетъ служить ей успѣху. Она потупила глаза, потомъ медленно оглянулась кругомъ, будто ища къ кому пріютиться.

— Вы очень любите вашу маменьку, сказалъ ей Пехлецовъ, смотрѣвшій на нее все это время, тоже не зная съ чего начать.

— Да... прошептала Полина.

— Любить, это признакъ превосходнаго сердца.

— Merci, что хорошо обо мнѣ думаете, тихо отвѣчала Полина.

— Счастливъ тотъ, кто будетъ владѣть этимъ сердцемъ нераздѣльно, продолжалъ Пехлецовъ.

Полина покраснѣла отъ удовольствія и обратила къ старичку такой взоръ и такую улыбку, какимъ еще цѣны не знала. Она совершенствовалась инстинктивно и потому еще не соблюдала послѣдовательности, давала много однимъ разомъ. Выраженіе лица Пехлецова привело ее въ смущеніе, котораго она еще не испытывала.

— Бѣдные мои четки! сказала она, увидя на столѣ нѣсколько разбросанныхъ зеренъ.

— Вы жалѣете? спросилъ Пехлецовъ.

— Нѣтъ... Когда я счастлива, я ни о чемъ не жалѣю, проговорила она и поспѣшила отойти, тѣмъ болѣе потому, что ея сердце упало еще разъ отъ какого-то испуга, ожиданія чего-то новаго: въ залѣ, гдѣ уже играли мужчины, послышался звонъ шпоръ и голосъ князя Ивана Десятова.

Полина прицѣпилась къ Додо.

— Это онъ! шепнула она ей, дрожа сама не зная отчего.

— J'en fais fi! отвѣчала величественно красавица.

Она даже слегка отвернулась, когда князь кланялся ей.

— Какой гнѣвъ! сказалъ онъ:—что съ вами, Авдотья Николаевна?

— Ничего, отвѣчала Додо.

Князь очень равнодушно прошелъ мимо, къ хозяйкѣ.

— Что такъ поздно? привѣтливо спросила его г-жа Морозова.

— Я только недавно воротился; обѣдалъ у знакомыхъ на дачѣ. Послѣ обѣда посадили за карты, проигрался; возвращаясь, сломалась коляска, едва доѣхалъ.

— Стало-быть, день не удаченъ?

— Какіе дни бываютъ удачны?

— Seriez-vous blasé? вмѣшалась г-жа Шарова.

— Все одно и то же, сказалъ князь.—Вы поселитесь на лѣто въ Паркъ?

— Да. Говорятъ, и вы въ деревню?

— Да, къ бабушкѣ. Я погребаюсь.

— На долго.

— Сколько вынесу.

— И вдругъ вамъ понравится, сказала г-жа Шарова:—и вы не воротитесь до глубокой осени.

— Счастье въ привычкѣ, прибавила г-жа Морозова.

— Нѣтъ, я не человѣкъ привычки, возразилъ князь:—мнѣ и счастье надоѣсть, если оно долго одно и то же.

Поднявъ глаза на пестрый бантъ, поразившій его въ прическѣ Додо, князь встрѣтилъ взглядъ Полины. Она покраенѣла; князь посмотрѣлъ на нее пристальнѣе.

— Вамъ надоѣсть счастье, какъ бы хорошо оно ни было? продолжала г-жа Шарова.

— Да, и даже чѣмъ оно лучше, тѣмъ скорѣе надоѣсть.

— Ахъ, вотъ оригинальность! сказали обѣ дамы.

— Такая оригинальность, что можно попросить объяснить ее, прибавила г-жа Шарова.

— Извольте, отвѣчалъ князь:—но прежде надо объясниться въ словахъ. Когда говорятъ счастье, то понимаютъ любовь, такъ ли?

— Не совѣмъ, возразила г-жа Шарова.

— Положимъ такъ, сказала г-жа Морозова.

— Чѣмъ любовь лучше, то-есть, чѣмъ она полнѣе, чѣмъ больше она даетъ, тѣмъ больше сама дѣлается взыскательна, следовательно наскучаетъ...

— А, это неблагодарность!

— Нѣтъ, отвѣчая князь: — самосохраненіе. Взыскательность—это горькая капля на днѣ чаши...

— О, вы становитесь поэтомъ!

— И я бѣгу скуки, какъ только чувствую, что... становится горько, договорилъ онъ.

— Это не комплиментъ женщинамъ, сказала г-жа Морозова.

— Нѣтъ, это просто, *amende honorable*, признаніе въ нетерпѣливости своего собственного характера, сказала, смѣясь, г-жа Шарова:—оправданіе своего непостоянства.

— Непостоянства? будто у князя есть этотъ недостатокъ? спросила г-жа Морозова.

— Почему же не быть? спросилъ онъ, вдругъ обратясь къ ней.

Князь вспомнилъ записку, полученную утромъ. Та, которая написала ее, должна была быть тутъ; она выкажется, когда услышитъ свои выраженія.

— За что, продолжалъ князь, обращаясь къ г-жѣ Морозовой:—вы воображаете меня старцемъ, Нѣмцемъ, привыкшимъ къ мѣсту? Я громко признаюсь: я непостояненъ. Во мнѣ, можетъ-быть, только и есть хорошаго, что это. Постоянство, это неподвижность, скука, старость...

Дамы смѣялись, восклицая: «*mon Dieu!*» Додо отвернулась съ благороднымъ негодованіемъ. Князь встрѣтилъ развѣсившееся личико и глазки Полины, сверкавшіе радостнымъ огнемъ. Она торжествовала.

«Такъ эта дѣвчонка?..» подумалъ князь и прибавилъ громко:—мнѣ, кажется, не вѣрять?

Онъ взглянулъ прямо на Полину, получилъ въ отвѣтъ улыбку, на которую тоже улыбнулся. Полина сама не знала, чего испугалась.

— Пойдемте ходить, *сѣге*, шепнула она Додо.

Додо едва влачила ноги отъ ходьбы, но пошла; больше дѣлать было нечего. Отойдя, Полина почувствовала себя легче, смѣлѣе, и оглянулась на князя. Ихъ взгляды опять встрѣтились.

«Кокетничаетъ тоже!» подумалъ онъ, оглянувъ ея платье и кончикъ прелестной ботинки, которую, въ этотъ великій опытами день, Полина, сама не зная какъ, выучилась показывать.

Это развлекло князя. Ему ужъ становилось скучно съ дамами; это было, по крайней мѣрѣ, что-нибудь новое. Онъ

всѣ всталъ и прошелъ въ залу. Дамы, не находя больше что дѣлать, вздумали играть, позвавъ Пехлецова.

— Bonne chance! сказала ему Полина, проходя съ Додо и идущая.

— Кому это такое доброе желаніе? спросилъ князь.

Г-жа Морозова, г-жа Шарова и третья ея пріятельница усаживались за столъ. Пехлецовъ ужъ топтался предъ столомъ съ сумильною миной. Въ гостиную вошла Катерина Александровна Алексинская. Она подошла къ хозяйкѣ, которая нѣсколько сконфузилась.

— Вы меня извините, я играю, сказала она послѣ первыхъ словъ.

Всѣ играли, кромѣ Собакина, замиравшаго подлѣ картъ и Анны Федоровны, не смѣвшей подходить къ столамъ, потому что играющіе, не церемонясь, прятали отъ нея свои карты. Катерина Александровна смутилась, увидя, что осталась одна, и слегка теряясь, подошла къ старухѣ Морозовой. Та была до того озабочена большою игрою, что ей было не до гости: она едва подняла на молодую женщину свой постоянно страдаческій, а теперь окончательно оступѣлый взоръ. Другая вредная старуха спросила Катерину Александровну объ ея отъѣздѣ въ деревню и, особенно выразительно сжавъ губы, переспросила два раза, одна ли она ѣдетъ.

Катеринѣ Александровнѣ показалось, что она мѣшаетъ общему занятію. Она отошла, смутясь еще больше: ей показалось, что ее нарочно оставили одну. Испугавшись, она старалась разуверить себя, что это только ей показалось, и подошла къ молодой хозяйкѣ, весело смѣявшейся съ Пехлецовымъ и своими двумя пріятельницами. Но одна изъ пріятельницъ, г-жа Шарова, была уже посвящена въ тайну, а другая, хотя не знала въ чемъ дѣло, но соображалась съ обращеніемъ своихъ друзей, увѣренная, что оно непогрѣшительно. Она только не могла удержаться отъ любопытнаго взгляда на Катерину Александровну, когда пріятельницы слегка отвернулись при ея приближеніи.

Катерина Александровна стояла мило, сложа свои крошечныя ручки въ пышныхъ рукавахъ и бантахъ. Бантовъ было вообще много въ ея нарядѣ; они завѣшивали ея плеча и талию, придавая ей какую-то особенную, дѣтскую грацію, какую-то мягкость. Маленькая женщина казалась вся сверткомъ лентъ и кружева, изъ котораго выглядывала ея кругленькая головка

съ нѣжно-блѣднымъ личикомъ и туманными глазками. Это было что-то восхитительное, наивное, какъ-то жалкое и непремѣнно вызывающее ласку. Это было что-то покорное и беззащитное, что не могло не вызвать энергическаго протеста свѣтской добродѣтели.

— Какъ давно мы не видались, *chère Mme Charof*, сказала она:—*et votre santé?*

— *Merci, madame*, отвѣчала та, не поднимая глазъ.

— Я посылала къ вамъ вчера, продолжала Катерина Александровна:—я думала, что вы доставите удовольствіе поѣхать со мною въ театръ. Предъ закрытіемъ даютъ хорошенькія вещи. Какъ жаль: васъ не нашли дома.

Ей не отвѣчали: ея любезность затрудняла г-жу Шарову. Г-жа Шарова переглянулась съ г-жой Мороновой, предоставляя ей, какъ хозяйкѣ и провинціалкѣ, честь бросить первый камень. Г-жа Моророва считала, что уже сдѣлала это, не предложивъ партіи г-жѣ Алексинской, а потому слегка улыбнулась на нерѣшительность или ненаходчивость пріятельницы.

Катеринѣ Александровнѣ стало какъ-то холодно, у нея упало сердце, но она еще выдерживала и продолжала:

— Садовскій былъ удивителенъ; этотъ спектакль повторять завтра. Надѣюсь, *chère Mme Charof*, *chère Mme Moronof*, вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, проведете со мной вечеръ; я оставила за собою ложу...

— *Merci, madame*, прервала г-жа Моророва очень твердо, вступаясь, потому что коснулись ее:—*Monsieur Пехлецовъ*, достаньте мнѣ на завтра ложу, я давно хотѣла просить этихъ дамъ. Мы поѣдемъ трое, нашимъ обществомъ; не такъ ли, *mesdames?*

Она обратилась къ своимъ пріятельницамъ.

— Съ удовольствіемъ, вскричала та, которая ничего не знала и именно потому, боясь отстать въ чемъ-нибудь, выказывала больше увлеченія.

Г-жа Шарова смутилась и смотрѣла на тѣнь кандебра по столу, чтобы не смотрѣть на Катерину Александровну.

— Ah, madame! вскричалъ Пехлецовъ, спохватясь, что давно пора подать кресла Катеринѣ Александровнѣ: — я всю жизнь буду оплакивать мою неловкость!

Онъ бросился за кресломъ.

— *Merci*, не трудитесь, проговорила Катерина Александровна, отворачиваясь, отходя машинально и ничего не видя.

— Vous en êtes pour vos frais, напрасно растратили любовь, сказала пріятельница, смѣясь, Пехлецову.

Г-жа Моронава смѣялась тоже.

— Я желалъ услужить... отвѣчалъ Пехлецовъ, засмѣявшись изъугожденія, самъ не зная чему, и самъ не зная почему старался смѣяться ѣдко и насмѣшливо.

— Чтобы была завтра ложа, смотрите! сказала г-жа Моронава.

Мше Шарова была задумчива и прислушивалась, пока продолжали играть.

— Мше Алексинская уѣхала? сказала она черезъ минуту.

— Она разговариваетъ въ залѣ, отвѣчала хозяйка спокойно, безъ улыбки.

Въ залѣ, между тѣмъ, Полина, совершенно завладѣвшая Додо, не покидала ея руки и не спрашивая больше, утомилась ли она, водила ее изъ конца въ конецъ. Для Полины это было самое удобное положеніе, потому что на ходу ловче можно прерывать разговоръ или давать ему другое направленіе, и самая удобная подруга: хозяйка и бессмысленная. Князь ходилъ съ ними.

— У Хмѣлевскихъ будетъ спектакль на дачѣ, лѣтомъ, сказалъ онъ:— вотъ вамъ занятіе, Авдотья Николаевна.

— Водевиль какой-нибудь, сказала она, не выдержавъ характера и заговоривъ, хотя рѣшилась молчать, но предметъ былъ ужъ слишкомъ близокъ ея сердцу.

— Водевиль. Такъ чтѣ же?

— Водевиль!.. И конечно французскій?

— Вѣроятно.

Додо пожала плечами.

— Не понимаю! еказала она.

— Чего не понимаете? по-французски?

— Не понимаю этого вкуса, возразила она съ достоинствомъ.

— А васъ хотѣли просить участвовать. Я даже навелъ Мше Хмѣлевскую на эту мысль.

— Мше Хмѣлевскую? Это она распоряжается?

— Она.

— Спектакль будетъ прекрасный, поздравляю васъ. Она ничего не устроить.

— Ну, какъ-нибудь

— А, какъ-нибудь!.. Я этого не понимаю. Впервыхъ, я откажусь.

— Ахъ, для чего же, снѣге аміе? вмѣшалась Полина: — это должно быть такъ весело! Вы должны быть такъ хороши на сценѣ.

— Я никогда не играла комедіи, отвѣчала Додо: — живыя картины, праздники въ честь кого-нибудь, это другое дѣло. Но такъ, французскіе фарсы...

— Ахъ, это должно быть весело! повторила игриво Полина: —я была бы такъ счастлива...

— Вы бы хотѣли играть? спросилъ ее князь: — вы прежде когда-нибудь играли комедіи?

— Гдѣ же? никогда! отвѣчала за нее съ величіемъ Додо.

— Всякій день, сказала Полина, у которой это величіе вызвало кошачью ужимку и лукавый взглядъ на князя.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, разсмѣявшись: — съ кѣмъ же это?

— Съ кѣмъ случится, отвѣчала Полина, смѣясь въ волненіи.

— И удачно? продолжалъ князь, глядя на нее.

— Какъ случится, отвѣчала она кокетливо, хотя оробѣла и потупила глаза, но чувствуя, что это кстати, въ ту же минуту подняла ихъ прямо на князя.

— Такъ у васъ талантъ? сказалъ онъ, уже не смѣясь, а только глядя на нее пристально.

— Большой!

— И давно? спросилъ онъ съ разстановкой.

— Нѣтъ, недавно, отвѣчала она рѣзко и спокойно.

Князь глядѣлъ на нее, едва замѣтно улыбаясь изъ-подъ своихъ красивыхъ усовъ. Она выдержала взглядъ холодно и будто ожидая.

— Какже вы такъ легко признаетесь въ такомъ талантѣ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Въ томъ, что умѣю играть комедію? возразила рѣзко Полина: —но для чего же мнѣ скрывать это? кого нынче можно обмануть? Никто ничему не вѣритъ; я, по крайней мѣрѣ, говорю заранѣе: не вѣрьте мнѣ. Это оригинальнѣе, договорила она и захохотала.

Додо посмотрѣла на нее вопросительно и, удовлетворившись этимъ, отвернулась.

— Славно! сказалъ протяжно князь, и прибавилъ, вдругъ взглянувъ на Полину: —а для чего вы это дѣлаете?

— Для чего всѣ это дѣлаютъ? возразила она.

— Для чего? Для чего-нибудь!

— Для того чтобъ было весело? продолжала Полина: —ну,

и мнѣ весело, и другимъ со мною не скучно; а станеть скучно ииъ или другимъ—и довольно.

Князь глядѣлъ на нее задумавшись. Она задумалась тоже.

— Вы прійдете въ деревню къ бабушкѣ? спросилъ онъ другъ.

— Прійду, отвѣчала она, чего-то испугавшись, отчего вздрогнулъ ея голосъ.

Князь засмѣялся.

— Я нынче утромъ получилъ письмецо, сказалъ онъ.

— Отъ бабушки? спросила Полина, засмѣявшись нервически.

— Но бабушка князя живетъ здѣсь же, въ Москвѣ, возразила Додо, удивленная, что забывали такую великую истину.

— Отъ бабушки, отвѣчалъ равнодушно князь.

— Чтò вамъ пишетъ бабушка? спросила Полина, смѣясь и дрожа.

— Чтò она пишетъ?.. сказалъ князь протяжно.

— Вы что-нибудь выдумаете, прервала серьезно Додо.

— Это не мудрено и отгадать, продолжала Полина: — бабушка выговариваетъ вамъ за ваши шалости.

— Не совсѣмъ такъ, возразилъ князь.

— Такъ за ваши добродѣтели! вскричала Полина, смѣясь громко.

— Vous êtes inconséquentе, ma chère, сказала ей Додо.

— Я отгадала? продолжала Полина.

— Отгадали, отвѣчалъ князь.

— Чтò же вы ей на это скажете?

— А чтò я могу сказать, по вашему?

— Чтò вы не виноваты, если добродѣтель сама васъ преслѣдуетъ, когда вы отъ нея бѣжите!

Князь засмѣялся, она тоже.

Еслибы кто-нибудь наблюдалъ за нею, тотъ замѣтилъ бы какъ постепенно измѣнялась эта дѣвушка съ мягкими свѣтскими манерами, лицемѣрно скромная, улыбающаяся рѣдко и граціозно, возвышавшая голосъ только младенчески звонко, какъ милый, веселый ребенокъ. Въ ея движеніяхъ явилась тревога; ея голова закидывалась назадъ съ жестомъ не то повелительнымъ, не то вызывающимъ; она чувствовала, что портить свою прическу и не заботилась объ этомъ; ей почему-то нравилось, что ея прическа портилась; ей нравилось, что концы чернаго бархата, падая беспорядочно, шелестили у ней по

плечамъ, которымъ становилось холодно подъ бѣлою кисеей; ей нравилось, что, волнуясь, обминалось ея платье. У ней какъ-то вдругъ измѣнился годось: онъ сдѣлался тверже, гуще, но минутами обрывался и вздрагивалъ; ея смѣхъ былъ рѣзокъ, у нея захватывало дыханіе. При послѣднихъ словахъ ей стало легче: въ ней кончилась какая-то, ей самой непонятная борьба. Эти послѣднія слова были намекъ: выговоривъ его, видя, что онъ понять, она почувствовала себя сильнѣе и смѣлѣе: она сдѣлала рѣшительный шагъ, послѣ котораго идти было уже легче. Ей стало совсѣмъ весело, хотя все еще какъ-то непривычно, хотя все еще пристальные взгляды князя придавали ея веселью что-то похожее на отчаянность...

— А вѣдь прескучная вещь — добродѣтель! сказала она, хохоча.

Додо такъ вытаращила глаза, что можно было опасаться, что они такъ и останутся.

Всѣ трое въ эту минуту подходили къ гостиной, изъ которой, навстрѣчу имъ, выходила Катерина Александровна. Это было для «красавицы» новою причиною смятенія: Додо не знала чѣмъ дѣлать съ собою при приближеніи этой женщины, «похитившей ея счастье». Полина нашлась тотчасъ.

— Мы думали, что у васъ тамъ партія, сказала она по-французски, изысканно-учтиво давая дорогу молодой женщинѣ: — какое счастье для нашей маленькой компаніи, что вы не заняты! Не угодно ли къ намъ? Князь морить насъ со смѣху.

— Чѣмъ же? спросила Катерина Александровна, измученная тѣмъ, чѣмъ вынесла въ гостиной, и ловя взглядъ князя, который отвернулся.

— Такъ, бездѣлицами, отвѣчала Полина: — есть люди, которые имѣютъ даръ говорить эти веселыя бездѣлицы; нужно только хорошее расположеніе духа.

— А князь въ такомъ расположеніи духа? сказала Катерина Александровна.

— Да; сейчасъ былъ, по крайней мѣрѣ.

— О чемъ же шло дѣло? обратилась Катерина Александровна къ Додо.

— Je n'étais pas de la conversation, madame, отвѣчала красавица, съ гордостью разгнѣванной Медеи.

— О тысячѣ вещахъ! сказала Полина и, смѣясь, обратилась къ князю: — что же вы будете дѣлать въ деревнѣ?

Она спросила это, особенно выразительно и особенно смѣло мшувъ ему въ глаза.

— Не знаю. Помогите не умереть со скуки, отвѣчалъ съ досадою князь.

Отъ оглянулся вскользь на Катерину Александровну; его вниманіе и этотъ холодный взглядъ ясно доказывали ей, что она лишняя, что ея не нужно, что она мѣшаетъ. Смущенная, сторопѣлая, она ничего не понимала. Предчувствіе чего-то, или страхъ, это постоянное мученіе существа слабого, страхъ мѣхъ, страхъ за все, при сознаніи, что есть чего бояться и отъ чего смущаться,—все вмѣстѣ заставило ее потеряться совершенно. Она не могла связать двухъ мыслей. Она даже неловко держалась: какъ-то робко, точно пансіонерка, съ какими-то странными осторожными движеніями, будто въ первый разъ видѣла людей, или изъ милости была принята въ кругъ выше ея. Казалось, она забыла даже простую привычку общества. Она замѣтила это за собою, увидя себя въ зеркалѣ и думая отрывками.

«Она въ тысячу разъ ловче меня,» подумала она, взглянувъ на Полину, и досада сдѣлала то, что Катерина Александровна не знала какъ сложить свои руки.

Ей смутно показалось (не говоря себѣ этой мысли, потому что тогда, она не знала, что бы сдѣлалось съ нею), ей смутно показалось: «не за князя ли все это?..» И она дѣтски-необдуманно, глупо, пошла къ князю; ей показалось необходимо быть подлѣ него, потому что «онъ, онъ одинъ для нея на свѣтѣ...»

Въ эту минуту, тѣсняясь, чтобъ идти рядомъ съ Полиной, Катерина Александровна молила Бога только о томъ, чтобы не заплакать.

Князь, говоря съ Полиной, забывшись, нецеремонно отсторонилъ Катерину Александровну, даже наступилъ на ея длинное платье и не извинился.

Она вынесла это, стараясь только, чтобы не замѣтили другіе. Но Полина все замѣтила, хотя въ эту минуту смотрѣла въ полъ, потупивъ голову, и говорила князю:

— Я бы очень рада выучиться ѣздить верхомъ.

— Для этого нужно сдѣлать амазонку, сказала Додо.

— Это бездѣлица, возразила равнодушно Полина: — а шляпу... я напишу къ Надинѣ Горянской, въ Петербургъ, она вышлетъ... Какую, черную или сѣрую? спросила она князя.

— Конечно, сърую *mousquetaire*, съ сърымъ перомъ, отвѣчалъ князь: — къ вамъ пойдетъ *mousquetaire*, у васъ ротъ хорошенькій.

— Развѣ это необходимо? спросила съ негодованіемъ Додо.

— Первое условіе, отвѣчалъ спокойно князь.

— Ah, mon Dieu! сказала Катерина Александровна и разсмѣялась, какъ будто это было очень забавно.

— О сѣдлѣ не беспокойтесь; сѣдло будетъ, продолжалъ князь, обращаясь къ Полинѣ.

— Вы хотите баловать меня?

— И баловать, и учить; почему же нѣтъ?

— А вы будете добрый учитель?

— Если вы будете послушная ученица.

— Mais, chère mademoiselle Pauline, вмѣшалась Катерина Александровна:—я слышала сегодня отъ графа Сѣницкаго, что вамъ предлагаютъ мѣсто наставницы...

Додо въ изумленіи посмотрѣла на нихъ обѣихъ, стараясь сообразить, что же говорила Полина, будто сама г-жа Алексинская убѣждала ее пріѣхать въ деревню княгини? Успѣлія понять это были безплодны, и потому Додо оставила такой тягостный умственный трудъ и покорилась своему положенію, еще разъ показавъ обществу свои широко-раскрытые синіе глаза. Эти глаза были, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпны. Впрочемъ, и они могли бы позавидовать яркости взгляда, который бросили на Катерину Александровну маленькіе глазки Полины.

— Ah, madame, вскричала она:—идея сдѣлать меня наставницей могла придти только графу Сѣницкому!

— Почему же? спросила Катерина Александровна.

— Графъ—энтузіастъ, онъ не знаетъ людей, возразила Полина:—у него всѣ ангелы. Въ своей добротѣ, онъ забываетъ, что отнимаетъ меня у моей матери, и предлагаетъ отправить... не знаю къ кому!

— Онъ знаетъ эту даму, сказала осторожно Катерина Александровна.

— Тѣмъ лучше для него! прервала Полина: — такъ онъ долженъ знать, что я не ангелъ.

— Будто бы? спросилъ, засмѣявшись, князь: — что же вы такое?

— Что хотите, отвѣчала она тихо, смѣясь тоже.

— Вы не годитесь учить дѣтей?

— Я ихъ научу добру!

— Вы премило откровенны.

— Скажите, для чего лицемѣрить? Изъ чего я стану представлять себя прилежною, смиренницею, когда занятіе для меня выказаніе, а веселье я люблю? Я могла бы, конечно, еще притвориться, сказать, что мнѣ тяжело разстаться съ моею маленькою... знаете, напутать на себя печаль долга, какъ другіе ее на себя напутываютъ, вы видали?

— Печаль долга? повторилъ князь, смѣясь, и занятый Полиной, повернулся спиной къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Да, печаль долга, все то же лицемѣріе,— будто вы его не видали! Эти: «ахъ, я не должна! ахъ, я обязана!» Чего плакать, когда въ душѣ мы уже не ахаемъ? Кого мы обманемъ этимъ?.. Лицемѣріе я ненавижу; а вы?

— Я тоже, отвѣчалъ князь.

— Знаете, ужимки, слезы? Вѣдь это тоска!

— Смертельная! отвѣчалъ онъ.

Она разсмѣялась громко.

— У васъ прелестный характеръ, сказалъ ей князь.

— Берите каковъ онъ есть, отвѣчала она: — я сама боюсь слезъ, и потому не хочу никому наскучить.

— Да вы никогда не наскучите.

— Будто бы? спросила она кокетливо.

— Вы въ этомъ сами увѣрены, отвѣчалъ онъ.

Катерина Александровна задыхалась. У нея въ глазахъ вертелись стѣны, свѣчи, люди, она не знала куда дѣваться. Она сдѣлала шагъ, чтобъ отойти.

— Вы хотите ѣхать? спросила ее Додо.

— Не знаю, проговорила она.

— Это будетъ лучше всего, шепнулъ ей князь.

Катерина Александровна отошла и направилась къ гостиной, — зачѣмъ, она не понимала. Хозяйка оглянулась на нее черезъ плечо, когда она входила. Ей хотѣлось съѣсть отдохнуть, и она сѣла на маленькій диванчикъ, подлѣ всѣми оставленной Анны Федоровны. Анна Федоровна смѣрила ее глазами и отодвинула свое платье. Это платье, уцѣлѣвшее отъ вчерашней покражи, потому что оставалось у швеи, было подарено ей Катериной Александровной, не въ обноску, а свѣжей штучкой изъ магазина. Подарокъ былъ сдѣланъ деликатно: принять его просили какъ одолженія... Катерина Александровна, конечно, и не помнила этого: она едва видѣла кто подлѣ нея.

Но Анна Федоровна видѣла, что отъ этой женщины съ старонятся, и послѣ новаго презрительнаго взгляда, нѣтерпѣливо встала и отошла къ столу молодой хозяйки.

Катерина Александровна взглянула ей вслѣдъ; ей дѣлалось дурно. Сбирая послѣднія силы, она заставила себя встать и выйти.

«Сейчасъ уѣду, сейчасъ уѣду,» повторяла она сама себя, уходя въ залу.

Тамъ Додо и Полина сидѣли у рояля, князь стоялъ передъ ними; группа была красива и оживлена. Они спорили.

— Подержимъ пари, говорилъ князь.

— Не хочу, потому что знаю, что выиграю, возражала Полина.

— Я проиграю вамъ хлыстикъ, хотите?

— Я вамъ сказала, что нѣтъ.

— Съ коралловой ручкой?

— Не хочу. Это значитъ взять даромъ.

— Но если вамъ хотѣть дать, вмѣшалась Додо:— тѣмъ лучше для васъ.

— Если я хочу вамъ проиграть? сказалъ князь.

— Но я не хочу выиграть, понимаете ли? возразила Полина съ досадою: — я терпѣть не могу подарковъ!

Князь смотрѣлъ на нее улыбаясь; она постаралась придать своему лицу выраженіе сильнаго гнѣва и успѣла въ этомъ.

— Помиримся, сказалъ онъ.

— *Allez vous conduire madame*, холодно отвѣчала она, указывая на проходящую Катерину Александровну, и встала ей навстрѣчу.

Додо сдѣлала тоже.

— Вы нездоровы? сказала Полина съ нѣжнымъ участіемъ Катеринѣ Александровнѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Катерина Александровна, тронутая первымъ пріятливымъ словомъ, которое услышала.

— *Dieu veuille qu'il n'en soit rien, madame; n'allez pas vous désolez*, договорила Полина серьезно и трогательно-ласково.

Полина была развязна какъ хозяйка дома; безцеремонно опередивъ Додо, она проводила молодую женщину до двери залы, и отсторонилась такъ ловко, что князь, безъ явной неучтивости, не могъ не пройти въ переднюю, вслѣдъ за Катериной Александровной.

— Чтò такое дѣлается съ вами? сказалъ онъ ей по-фран

между тѣмъ какъ лакей накинулъ на нее бурнусъ и началъ звать карету.

— Жанъ, мнѣ показалось, мнѣ показалось...

— Что такое?

— Что они узнали...

— Вздоръ!

— По крайней мѣрѣ, скажи мнѣ хоть слово! какъ, въ цѣ-
лый вечеръ...

— Ты глупа, отвѣчалъ онъ:— ступай же, чего стоять? не
обниматься же тутъ, при лакеяхъ. Ступай, сдѣлай милость!

Она уѣхала, онъ воротился въ залу, но тамъ уже не было
Алины. Полина поняла, что на первый разъ довольно, и
въ первый разъ слишкомъ взволновалъ ее. Она была въ го-
стиной, подлѣ матери.

— Вдѣньте сейчасъ, шепнула она ей:— сейчасъ. Ступайте,
спрайтесь, берите вашу шляпку; моей не нужно, велите мнѣ
послѣ бурнусъ въ переднюю. Ступайте же, Богъ мой!

Анна Федоровна глядѣла на нее въ изумленіи.

— Да что съ тобой?

— Дѣлайте, что вамъ велятъ. Еще узнаете. Это не ваше
дело.

Анна Федоровна прошла во внутреннія комнаты, гдѣ знала
закоулки, отыскивать сначала дремлющую горничную, по-
томъ, при проклятіяхъ этой горничной, огарокъ свѣчки. При
исканіи этого огарка, одна, потому что горничная улеглась и
уже заснула, Анна Федоровна нашла, гдѣ-то въ темномъ углу,
разрѣнно заброшенные свои бурнусы и шляпки, на кото-
рыхъ тоже, должно-быть, кто-нибудь выпался.

— Хамово племя проклятое! ворчала Анна Федоровна:— не
ли равно имъ побережь свое господское, или чужое гос-
подское? Не все равно передъ ними господа, что я, что ихъ
барыня? Не все равно дороги— ея барынь ея тысяча-
рублевая тряпка, или мнѣ мой?.. да еще не подороже ли?... Отродье!
они съ мякиной хлѣбъ ѣдятъ, а кто бѣденъ, тотъ для нихъ
баринъ...

Она между тѣмъ обшарила въ своемъ карманѣ унылый гри-
венникъ, оставшійся отъ проигрыша, и навьюченная бурнусами,
пошла окольнымъ путемъ въ переднюю. Она разчитывала:
отдать этотъ гривенникъ, лакею Мороновыхъ, чтобы кли-
кнуть карету, или кучеру Пехлецова?.. Лакею, а то кареты не
назовешься, а кучеръ и такъ довезетъ: баринъ велѣлъ.

— Петра Гаврилыча Пехлецова экипажъ, мой любезный; шепнула она, вкладывая свой гривенникъ въ бѣлую перчатку лакея.

Пока мать занималась этими прозаическими заботами, Полина искала проститься съ Пехлецовымъ. Пехлецовъ играть.

— *Chère amie*, сказала она Додо:—надо было бы извѣстить вашу *belle-soeur*, что М^{ше} Алексинская уѣхала.

Додо не знала, для чего это надо. Полина, хотя и совѣтовала, но не видѣла никакой необходимости. Она разчитывала только, что имя Алексинской, произнесенное между дамами, отвлечетъ на минуту ихъ вниманіе отъ Пехлецова.

Такъ и случилось.

— М^{ше} Алексинская уѣхала, сказала Додо, подходя къ столу.

— А, тѣмъ лучше! отвѣчала г-жа Моророва довольно громко и довольно грозно.

Г-жа Шарова подумала, что для такой смѣлости въ произнесеніи приговоромъ нужно быть провинціалкой, какъ г-жа Моророва, но, однако, позавидовала этой смѣлости.

— *Sans indiscretion*, обратилась къ хозяйкѣ другая дама:—что такое между вами и М^{ше} Алексинской?

— Рѣшительно ничего, отвѣчала г-жа Моророва:—то-есть между нами нѣтъ ничего общаго!

— А, но это цѣлая исторія!

— Въ двухъ словахъ.

— Вы можете мнѣ сказать?

— Могу... Мсьё Пехлецовъ, зажмите уши.

Мсьё Пехлецовъ только-что было намѣревался навестить ихъ. Старичокъ жилъ женскими сплетнями, а тутъ такая интересная размолвка между двумя хорошенькими женщинами, даже не размолвка, а война, начатая такъ открыто и рѣшительно! И ему не велѣли слушать! Изъ учтивости, онъ нѣсколько отодвинулъ свое кресло, а на бѣду еще онъ былъ глухъ, что скрывалъ тщательно... Но онъ былъ вознагражденъ. Пока пересказывалась эта исторія, состоявшая въ самомъ дѣлѣ въ двухъ словахъ, Полина бросила ему тоже два слова:

— Я увѣжаю... Прощайте.

И ея ручка, вытянутая, чтобы придержать пышное платье, какъ-то вскользь коснулась его руки, свѣщенной съ кресла и полной картъ. Въ одну и ту же минуту и г-жа Моророва кончала свой разказъ, и Полина исчезла въ дверяхъ залы...

Пехлецовъ, обыгранный безъ милосердія и забываемый любезными дамами, подумалъ, что эта молоденькая дѣвушка гораздо лучше ихъ сердцемъ и привлекательнѣе.

— А гдѣ же mademoiselle Pauline? спросилъ князь, встрѣчая одинокую Додо.

— Ушла, отвѣчала величественно Додо.

— А, ушла!..

Князь ушелъ играть въ карты.

И вечеръ г-жа Мороновой тянулся еще часа два заведеннымъ порядкомъ всѣхъ вечеровъ.

Полина вѣхала въ каретъ Пехлецова, закрывая глазки, нѣжась на подушкахъ и находя какое-то наслажденіе въ томъ, что эти подушки ей уже знакомы. Было поздно, и потому она допустила довести себя до воротъ своего дома. Анна Федоровна дремала.

— Дайте же ему вашъ гривенникъ, сказала ей Полина, выходя изъ кареты.

— Да нѣтъ, Поленька...

— Какъ, нѣтъ?

— Нѣтъ, не осталось...

— Ахъ, Создатель мой, вскричала дѣвушка:—кланяйся, обратилась она къ кучеру:—и скажи, что я приказала благодарить Петра Гавриловича, я, слышишь ли? Такъ и скажи: *барышня*. Я узнаю, спрошу его при свиданіи.

Она взбѣжала на свою лѣстницу. Мать спросила ключъ у хозяйки и вошла тоже.

— Огня! вскричала Полина изъ своей комнаты.

Анна Федоровна принесла свѣчку и стала раздѣвать дочь. Это дѣлалось скоро и не говоря ни слова.

— Возьмите прочь свѣчку, сказала Полина, ложась въ постель:—холодно, покройте мнѣ ноги шалью.

Анна Федоровна повиновалась. Она не противорѣчила отъ усталости и отъ заботы: у нея не было ни гроша на завтрашній день. Оставя дочь въ постели, она пошла въ свою гостиную, прибиралась, молилась Богу, стояла въ раздумьи передъ огнями...

— Послушайте, сказала Полина, когда мать, наконецъ, пришла ложиться:—если вы будете всякій день проигрывать по двадцати пяти цѣлковыхъ, на васъ денегъ не напасешься.

— Какіе же двадцать пять? Тебѣ куплены перчатки, ботинки, духи, притиранье...

— Румяны, бѣлила, сурмила,—еще что?.. Ложитесь лучше.

На другой день, поздно, хотя Полина еще не вставала, работница подала Аннѣ Ѳедоровнѣ запечатанный ящичекъ, на имя дочери. Анна Ѳедоровна хотѣла открыть, но оробѣла, когда Полина, услышала шумъ и, проснувшись, окликнула:

— Кто тамъ?

— Это тебѣ, отъ Пехлецова, Поленька. Человѣкъ дожидается.

Полина открыла ящичекъ: въ немъ былъ золотой браслетъ, съ жемчугомъ и гранатами, можетъ-быть поддѣльными, не очень дорогой, но красивый. При немъ лежала записка:

«Въ замѣнъ вашихъ четокъ, если позволите.»

Она съ дѣтскою радостію схватила браслетъ и надѣла. Прикосновеніе холоднаго золота къ влажной рукѣ заставило ее вздрогнуть. Полина смотрѣла на подарокъ въ какомъ-то раздумьи и недоумѣніи. Ей стало какъ-то непривычно, странно, мучительно, тяжело; хотѣлось плакать, хотѣлось призвать Бога; казалось, что-то ушло или уходило, но жалкое, невозвратное... Она сбросила браслетъ на подушку и отвернулась.

Анна Ѳедоровна вертѣлась кругомъ, веселая, хотя оторопѣлая, и ждала позволенія и очереди посмотреть.

— О-о, хорошенькій! сказала она, взявъ браслетъ въ руки: —у стараго вкусъ еще есть... Что же ему приказать, Поленька? прибавила она дрожащимъ голосомъ.

— Кланяться, ничего больше... Возьмите, заложите это, да пошлите за чаемъ...

В. КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ¹

III.

Класныя занятія въ институтахъ продолжаются шесть часовъ, кромѣ уроковъ музыки и танцевъ. Прежде во всѣхъ заведеніяхъ утренніе классы начинались въ 9 часовъ и оканчивались въ 12, а послѣобѣденные начинались въ два и оканчивались въ 5, что сохранилось до сихъ поръ въ московскихъ институтахъ, за исключеніемъ Елизаветинскаго; начальства московскихъ институтовъ, какъ видно, нашли неудобнымъ новое распредѣленіе учебныхъ часовъ, принятое въ институтахъ петербургскихъ, гдѣ въ видахъ облегченія дѣтей и сохраненія ихъ здоровья, уроки назначены отъ 8½ до 10, и отъ 10 до 11½, утромъ, и потомъ, послѣ завтрака, отъ часу до 2½ часовъ и отъ 2½ до 4-хъ; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ и послѣ обѣда музыка и танцы. Распоряженія начальства московскихъ институтовъ подтверждаютъ наше мнѣніе, что въ подобной перемѣнѣ нѣтъ ничего

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

рѣшительно-необходимаго; и въ самомъ дѣлѣ, полдень—естественный часъ обѣда для дѣтей, которыя встаютъ въ 6 или 6½ часовъ утра, и переносить его на четыре часа нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что экономіи во времени не оказывается никакой, а въ гигиеническомъ отношеніи едва ли кто-нибудь изъ опытныхъ и дѣльныхъ врачей одобритъ подобную перемѣну. Мы полагаемъ, что для облегченія дѣтей, особенно малолѣтнихъ, давно бы пора сократить время учебныхъ занятій; въ этомъ отношеніи не худо бы взять въ примѣръ заведенія министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ полутораčasовые уроки замѣнены уроками въ часъ съ четвертью. По нашему мнѣнію, часоваго урока совершенно достаточно для дѣвицъ всѣхъ возрастовъ: въ продолженіе часа дѣти внимательны, и преподаваніе приноситъ имъ существенную пользу; потомъ вниманіе утомляется, дѣти начинаютъ скучать, особенно если за однимъ полутораčasовымъ урокомъ тотчасъ же слѣдуетъ такой же другой, а по прошествіи полутора или двухъ часовъ, третій и вслѣдъ за нимъ четвертый; послѣдній урокъ, особенно въ маленькихъ классахъ, тяжелъ до крайности, и дѣти оставляютъ его, утомленные до такой степени, что невозможно смотрѣть на нихъ безъ сожалѣнія. Но тѣмъ дѣло не кончается, — слѣдуютъ музыка, танцы: когда же, скажите, ради Бога, готовить уроки бѣднымъ дѣвочкамъ, и что удивительнаго, если всѣ онѣ большею частію бѣдны и худы? Не лучше ли распределить учебные часы такъ, чтобы не было никогда болѣе трехъ уроковъ въ день, особенно въ маленькихъ классахъ? 1-й урокъ могъ бы продолжаться отъ 9-ти часовъ до 10-ти, затѣмъ ½ часа времени на отдыхъ; 2-й урокъ—отъ 10½ до 11½, за тѣмъ на обѣдъ и отдыхъ два часа съ половиной; 3-й урокъ—отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ, за тѣмъ полчаса на отдыхъ и наконецъ 4-й урокъ, назначенный преимущественно для приготовленій къ слѣдующему дню,—отъ 3½ до 4½. Посмотримъ, достаточно ли положенныхъ нами часовъ для всѣхъ уроковъ. По нашему предположенію, въ каждомъ заведеніи должно быть шесть классовъ; эти шесть классовъ необходимо распределить на два возраста: старшій и младшій, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ младшемъ возрастѣ занятія были какъ можно менѣе обременительны; въ младшемъ возрастѣ въ трехъ первыхъ классахъ число уроковъ въ недѣлю могло бы быть слѣдующее:

Законъ Божій.	1	урокъ.
Русскій языкъ.	2	—
Французскій языкъ.	2	—
Нѣмецкій языкъ.	2	—
Ариѳметика.	1	—
Географія.	1	—
Исторія (кромя перваго класса).	1	—
Чистописаніе.	3	—

Всего 13 уроковъ. (1)

Слѣдовательно, изъ назначенныхъ нами 18-ти уроковъ въ недѣлю остаются свободными еще 5 для 2-го и 3-го класса, и 6 для перваго; эти пять-шесть уроковъ можно употребить на рисованье, музыку и танцы; во всякомъ случаѣ дѣтямъ останется достаточно времени для приготовленія и для прогулокъ. Въ старшемъ возрастѣ занятій больше; но и тамъ, какъ намъ кажется, будетъ достаточно назначенныхъ нами часовъ, если распредѣлить ихъ такъ:

Законъ Божій. - - - - -	1	урокъ.
Русскій языкъ. - - - - -	3	—
Французскій языкъ. - - - - -	3	—
Нѣмецкій — - - - -	3	—
Географія. - - - - -	1	—
Исторія. - - - - -	2	—
Ариѳметика. - - - - -	1	—
Естественная исторія. - - - - -	1	—
Физика. - - - - -	1	—

16 уроковъ.

Такимъ образомъ, изъ числа назначенныхъ нами уроковъ, два остаются для рисованья. Рисованье и музыка, конечно, ни въ какомъ случаѣ не должны быть обязательны для всѣхъ дѣвицъ, но занятіе ими должно опредѣлять сообразно съ способностію каждой; къ сожалѣнію, правило это не всегда соблюдается, что ведетъ къ бесполезной тратѣ времени. Спрашиваемъ всѣхъ, серьезно занимавшихся женскимъ воспитаніемъ, не совершенно ли достаточно будетъ назначенныхъ нами уроковъ? Можетъ-быть въ заведеніяхъ спеціальныхъ, каковы Николаевскіе институты, потребуется усилить нѣкоторые предметы преподаванія; впрочемъ мы думаемъ, что такое усиленіе

(1) Для занятій иностранными языками учителямъ необходимо должны помогать класныя дамы и ихъ помощницы, которыя должны занимать дѣтей разговорами, заучиваніемъ вокабулъ и т. п. Безъ этого, конечно, не только двухъ, но даже трехъ и четырехъ уроковъ въ недѣлю будетъ недостаточно.

вообще должно быть незначительно, и что то же распределеніе часовъ при шести-лѣтнемъ курсѣ будетъ и тамъ вполне удое-летворительно; тѣмъ болѣе, что дѣвицы, окончившія ученіе въ общихъ классахъ, поступаютъ въ классы кандидатокъ, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ занимаются всѣмъ, что необходимо для будущаго назначенія ихъ—быть наставницами и воспитательницами дѣтей; что же касается до приготовительныхъ классовъ, о необходимости которыхъ мы упомянули выше, то потребность въ нихъ болѣе ощутительна въ Николаевскихъ институтахъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что туда поступаютъ исключительно бѣдныя дѣти, которыя не рѣдко не имѣли случая научиться дома ни читать, ни писать; такіе приготовительные классы существуютъ давно и приносятъ свою пользу, но намъ кажется, что преподаваніе въ нихъ слѣдуетъ нѣсколько ограничить: чтеніе, письмо (и то не на трехъ языкахъ вдругъ) священная исторія въ разказахъ и четыре правила ариметики вотъ все, чѣмъ должно занимать дѣтей въ приготовительныхъ классахъ, которыхъ можно устроить два съ подраздѣленіями, какія окажутся необходимыми по усмотрѣнію инспектора. Намъ спросятъ, можетъ-быть, не пострадаетъ ли объемъ преподаванія при такомъ сокращеніи часовъ? Смѣло отвѣчаемъ—нисколько. Число уроковъ остается почти то же, которое существуетъ и теперь. При этомъ, конечно, необходимо, чтобы преподаватели добросовѣстно исполняли свою обязанность, чтобы они, вполне обезпеченные въ своемъ содержаніи, не проводили класнаго времени въ пустыхъ разговорахъ, или въ диктованіи билетовъ къ экзамену (что часто дѣлается теперь), чтобы они думали о своемъ дѣлѣ, а не о желанномъ звонкѣ, который дастъ имъ возможность бѣжать безъ оглядки изъ класса, чтобы не опоздать на другой урокъ гдѣ-нибудь на противоположномъ концѣ города, чтобы они не занимали бѣдныхъ дѣтей безконечнымъ переписываніемъ тетрадокъ. Считаемою своею обязанностію обратить особенное вниманіе на это переписываніе тетрадокъ, которое чрезвычайно какъ любятъ многіе учителя, особенно иностранцы, преподаватели языковъ французскаго и нѣмецкаго. Каждый изъ нихъ, проживши въ Россіи нѣсколько времени, считаетъ своею обязанностію напечатать книжку собственнаго издѣлія, грамматику, руководство къ правописанію, синтаксису, еравнительную методу, хрестоматію и проч. и проч.; до тѣхъ поръ они довольствуются тетрадками, выписанными изъ разныхъ учебниковъ и потомъ уже, при удоб-

номъ случаѣ, обращаютъ свои тетрадки въ книжку (1). Мы думки отъ того, чтобы стѣснять преподавателя обязательными учебниками, но долгомъ считаемъ заявить наше мнѣніе, что въ высшей степени безчеловѣчно занимать дѣтей перепиской тетрадей, особенно такихъ дѣтей, для которыхъ, по ихъ возрасту, переписыванье составляетъ величайшій трудъ и дѣйствуетъ разрушительно на здоровье; объ этомъ не мѣшало бы серьезно подумать тѣмъ наставникамъ и наставницамъ, которые такъ много говорятъ о любви своей къ дѣтямъ. Представляемъ для образца выписки изъ тетрадей, которыя намъ случалось видѣть. Все это обязаны переписывать дѣти 10 и 11 лѣтъ.

1) По предмету географіи:

Большія массы суши называются *материками* или *матерою землей*, а малыя суши *островами*. Материковъ три: Старый Свѣтъ: *Европа, Азія* и *Африка*; Новый Свѣтъ—*Америка*, и новѣйшій—*Австралія*.

Большія массы воды, раздѣляющія материки, называются *океанами*, но для лучшаго обзора надо раздѣлить его на четыре части: *Сѣверный, Южный, Восточный* и *Западный*.

Вся масса воздуха на поверхности земли называется *атмосферою*.

Море называется часть океана, болѣе и менѣе окруженная островами или берегами. Въ сѣверномъ океанѣ моря: *Карское* на сѣверѣ Азіи, *Бѣлое* на сѣверѣ Европы, *Баффиново* и *Берингово* на сѣверѣ Америки. Въ южномъ океанѣ нѣтъ морей, потому что острововъ очень мало, и они не населены. Въ восточномъ океанѣ особенной важности шесть морей: *Панамское, Берингово, Охотское, Желтов, Китайское* и *Индійское*. Въ западномъ океанѣ шесть морей: *Гвинейское, Средиземное, Черное, Нѣмецкое, Балтійское* и *Колумбское*.

Острова Сѣвернаго океана:

Новая Сибирь, на сѣверѣ Азіи.

Новая Земля, на сѣверѣ отъ Карскаго моря.

Шпицбергенъ на сѣверѣ отъ Бѣлаго моря.

Гренландія, на западѣ отъ Гренландскаго моря.

Баффинова земля, на западѣ отъ Баффинова моря.

Острова Западнаго океана:

Островъ Св. Елены и Вознесенія на юго-западѣ отъ Гвинейскаго моря.

Зеленаго мыса, на западѣ отъ Африки.

Азорскіе и Канарскіе, на сѣверозападѣ отъ Африки.

Терри-Невъ, на востокѣ отъ Сѣверной Америки.

(1) Подобныхъ книгъ и книжекъ безчисленное множество, и всѣ оныя мало отличаются одна отъ другой.

Большіе Актилы, на сѣверъ отъ средней Америки.

Сицилія, въ срединѣ Средиземнаго моря.

Сардинія и *Корсика* на западѣ.

Критъ и *Кипръ* на востокѣ.

Великобританія и *Ирландія*, на востокъ отъ Атлантическаго океана.

Шетлендскіе, на сѣверовостокъ отъ Атлантическаго океана.

2) По предмету французскаго языка.

Qu'est ce que *l'adjectif*?

L'adjectif est la partie du discours, qui sert à marquer la qualité du substantif: un bon homme, un gros livre, une grosse pomme.

L'adjectif peut comme l'article et à la place de l'article faire prendre le substantif dans un sens déterminé: Un cheval, mon cheval, ce cheval.

Comment se divise *l'adjectif*?

Il y a deux sortes d'adjectifs.

1. *L'adjectif qualificatif*, qui ajoute au substantif une qualité qui lui convient une femme *prudente*.

2. *L'adjectif déterminatif*, qui ajoute au substantif une détermination particulière et fait que le substantif n'a pas besoin d'article. Une classe, ton livre, cette croisée.

Вотъ нѣчто изъ правописанія:

№ 1. Quelle est l'orthographe des substantifs terminés par *eur*? Dites les exceptions.

Les substantifs terminés par *eur* ne prennent jamais d'e muet à la fin: la fleur, la peur etc. excepté: heure, beurre, demeure.

№ 2. Quelle est l'orthographe des substantifs terminés par *our*? Dites les exceptions.

Les substantifs terminés par *our* ne prennent pas d'e muet: le jour, la cour, la tour, excepté bourre et bravoure.

И такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

3) По предмету нѣмецкаго языка дѣти переписываютъ слѣдующіе разговоры:

Was lernen Sie jetzt? Что вы теперь учите?

Womit sind Sie jetzt beschäftigt? Чѣмъ вы теперь занимаетесь?

Worin nehmen sie Unterricht? Какой у васъ урокъ?

Wir nehmen jetzt in der deutschen Sprache Unterricht. Мы теперь беремъ урокъ нѣмецкаго языка.

Вотъ по предмету того же языка отрывки изъ грамматики, переписываемой дѣвцами старшихъ классовъ:

Der Satz ist ein ausgesprochener oder niedergeschriebener Gedanke; er ist also die sprachliche Form der Mittheilung. Die Syntax oder Satzlehre ist die Darstellung der Gesetze (der grammatischen Regeln), nach

welchen die Formen der Sprache zum Behufe der Mittheilung angewendet werden. Der Gedanke kann ausgedrückt sein, entweder in Form eines *Urtheils* (Reichthum vergeht, Kunst besteht), oder einer *Frage* (Welcher Mensch ist fehler-frei?), oder eines *Wunsches* (Wäre ich doch fleissig gewesen!), oder eines *Befehls* (Komm und sieh!)

4) По предмету французской литературы, преподаваемой въ старшихъ классахъ:

Le XVI siècle est une époque de transition: c'est le passage entre la période confuse du moyen age et le XVII siècle.

Le nom de *Renaissance* que l'on donne aussi à ce temps, indique bien la transformation qui s'opère dans les arts et les lettres. François I est en France le centre du mouvement littéraire. Si les guerres d'Italie furent ruineuses pour la France, elles contribuèrent à la polir et à la civiliser.

Или:

Molière. La comédie où Molière se montre vraiment original est celle des *Précieuses ridicules*, petite comédie des mœurs, où il sût persiffler avec autant de bonheur que d'esprit l'exagération de langage et les manières affectées de l'Hôtel de Rambouillet.

La verve comique de Molière aimait à s'épancher dans les farces parfois un peu grossières. Au dessus de ces pièces il faut placer les comédies des mœurs où Molière se montra vraiment philosophe et créateur: *L'École des Maris*, *L'École des femmes*, *Le bourgeois gentilhomme*, *Don Juan* et *les Femmes savantes* sont de ce genre. *Le Misanthrope*, *l'Avare* et *le Tartufe* sont des types immortels qui n'ont jamais été surpassés dans aucune langue. Ces pièces appartiennent à ce qu'on appelle la haute comédie ou comédie de caractère.

5) По предмету ариѳметики:

Что называется дробью?

Дробью называется одна или нѣсколько равныхъ долей единицы.

Сколькими числами должна быть изображена дробь и почему?

Дробь должна быть изображена двумя числами, потому что одно изъ нихъ должно показывать, на сколько равныхъ долей раздѣлена единица, а другое—сколько разъ одна такая доля должна быть повторена.

Въ какихъ же учебникахъ не найдется всего этого? Чѣмъ эти выписанные нами образцы лучше и понятнѣе того, что мы читаемъ во всевозможныхъ руководствахъ? и какая цѣль занимать дѣтей пустымъ переписываньемъ? Всѣ толкуютъ о томъ, что время дорого, и не по мѣрѣ тратятъ его по пустому. Доказательствомъ тому служить болѣе всего приготовленіе къ экзаменамъ вообще и къ публичнымъ въ особенности. Мы не отрицаемъ пользы экзаменовъ, но полагаемъ, что начинать ихъ

надо не съ маленькихъ классовъ, и не надо придавать имъ того грознаго значенія, которое они имѣютъ у насъ. Намъ случалось бывать на экзаменахъ частныхъ, домашнихъ, гдѣ, кромѣ инспектора, присутствовали членъ по учебной части, начальница и инспектриса. Чрезвычайно-важныя, озабоченныя лица и праздничная одежда начальствующихъ приготовляли уже воспитанницъ къ чему-то необыкновенному; для вящаго же внушенія имъ страха и благоговѣнія, на столѣ, завѣшанный краснымъ сукномъ, ставились двѣ урны, изъ которыхъ, какъ роковые жребіи, вынимались билетки съ именами воспитанницъ и съ вопросами. На дѣтяхъ отъ одной обстановки уже лица не было; блѣднѣя и краснѣя, подходили они къ роковымъ урнамъ, и не рѣдко отличныя путались, говорили вздоръ; нѣкоторыя горько плакали отъ своей неудачи, другія, съ видомъ совершеннаго отчаянія, возвращались на свое мѣсто. Къ чему же служить вся эта пытка? Неужели экзамены нельзя производить просто, не прибѣгая ни къ какой особенной обстановкѣ? Мы не отрицаемъ, что экзамены полезны до нѣкоторой степени: приготовляясь къ нимъ, дѣти повторяютъ все ими пройденное, но для этого нисколько не нужно, чтобъ эти испытанія имѣли форму вопроса, за которымъ слѣдуютъ разговоры, замѣчанія (1)... Намъ кажется, что экзамены должно начинать не ранѣе третьяго года, при переходѣ въ старшій возрастъ, а до тѣхъ поръ инспекторъ и его помощникъ, посѣщая классы, могутъ слѣдить за успѣхомъ дѣтей и переводить ихъ въ слѣдующій классъ, разумѣется, съ общаго согласія учителей; къ сожалѣнію, при экзаменахъ, мнѣніе учителя часто не ставится ни во что, хотя по всей справедливости, оно бы должно имѣть преимущество передъ всѣми прочими мнѣніями. Намъ возразятъ, можетъ-быть, что если учитель обнаруживаетъ пристрастіе и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь постороннихъ побужденій, то контроль необходимъ; мы скажемъ на это, что пристрастіе и вліяніе постороннихъ побужденій менѣе всего бываютъ замѣтны въ дѣйствіяхъ учителя, который уже по своему положенію находится внѣ сферы соблазновъ и

(1) По мнѣнію нѣкоторыхъ, подобныя приемы на экзаменахъ составляютъ необходимую принадлежность институтской дисциплины, а она въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ доходитъ до того, что воспитанницамъ запрещаютъ разговаривать съ учителями; мудро ли послѣ этого, что институтки сохраняютъ во всю жизнь особый отпечатокъ?

можетъ поддаться развѣ только личному увлеченію. Конечно, есть заведенія (и мы сами знаемъ ихъ), гдѣ инспекторъ, принимающій дѣло, полный хозяинъ экзамена: тамъ отмѣтка учителя почитается неприкосновенною; оттого и ученіе идетъ лучше тѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, а несправедливостей бываетъ гораздо меньше. По уставу, инспекторъ, его помощникъ и учитель должны быть единственными экзаминаторами и судьями успѣховъ, оказанныхъ воспитанницами; такъ и должно быть, но на дѣлѣ оказывается часто совершенно иное.

Когда, при окончаніи курса ученія, воспитанницы пройдутъ всѣ частные экзамены, то ихъ начинаютъ *примотовлять* къ публичному экзамену. Мѣсяца за два, за три, а иногда и болѣе до публичнаго экзамена, каждой воспитанницѣ раздаются вопросы, назначенные заранѣе; самихъ воспитанницъ ставятъ по ранжиру, распредѣляютъ по вызовамъ; воспитанницы, назначенныя къ отвѣчанію заученаго, разсаживаются въ большой залѣ, и въ присутствіи властей проговариваютъ свои *кусочки*, какъ онѣ называютъ заданные имъ вопросы. Наконецъ наступаетъ день публичнаго экзамена; собираются почетные посѣтители, и начинается повтореніе тѣхъ же *кусочковъ* для назиданія посѣтителей, а тѣ преспокойно предаются разговорамъ, почти никогда не слушая отвѣтовъ... Какъ-то странно и дико слышать похвалы, рассыпаемыя инспектору и преподавателямъ за успѣшный экзаменъ, когда нѣтъ никакой возможности, чтобъ онѣ не были успѣшны. Какая бесплодная трата времени! А подумаешь, какъ начальствующія лица дорожатъ временемъ; опоздаетъ учитель, — замѣчаніе и грозный циркуляръ; придетъ праздникъ, хотя и законный, но покажется кому-нибудь сомнительнымъ, — начинаются толки, учиться ли дѣтямъ или нѣтъ. А тѣ же самыя лица нисколько не стѣсняются нарушать спокойствіе учащихся и учащихъ, приходятъ въ классы, иногда въ сопровожденіи постороннихъ посѣтителей, ведутъ одушевленную бесѣду между собою, изъ-за стеклянныхъ дверей дѣлаютъ угрожающіе жесты воспитанницамъ, выводятъ ихъ изъ классовъ для перемѣны фартуковъ и прочихъ принадлежностей туалета; а если воспитанница провинится, то выгоняютъ ее изъ класса или отправляютъ совершенно здоровую въ больницу, иногда на нѣсколько дней (1). Никто изъ нихъ не хочетъ понять,

(1) Вообще не мѣшало бы измѣнить систему наказаній, которая иногда

что не въ праздникъ дѣло, не въ опаздываніи учителя, а въ томъ, что должна быть соблюдаема святыня ученія, что оно не форма только, а живительная струя, которая благотворнымъ сѣменемъ проникаетъ въ молодыя души и приноситъ плоды въ продолженіи всей жизни.

На учебныя пособія, какъ то на руководства, книги для чтенія, коллекціи предметовъ естественной исторіи, физическіе инструменты и класныя принадлежности, то-есть бумагу, перья, карандаши и пр., отпускается ежегодно положенная сумма; слѣдую вышепоказанному раздѣленію заведеній на разряды, сумма, отпускаемая на учебныя пособія, гораздо значительнѣе въ заведеніяхъ перваго разряда чѣмъ въ заведеніяхъ втораго, гдѣ она иногда недостаточна до крайности. Посмотримъ же въ какомъ положеніи находятся учебныя пособія. Разумѣется, прежде всего покупаются необходимыя класныя принадлежности, потомъ значительная часть отпускаемой на учебныя пособія суммы употребляется на покупку и починку фортеціанъ, на рисунки и пр., а затѣмъ на пополненіе бібліотеки остается денегъ весьма немного. Сверхъ того, по всемъ заведеніямъ рассылаются, въ большомъ числѣ экземпляровъ, разныя книги, которыя ни на что не употребляются и по годамъ лежатъ не распечатанными въ тюкахъ или занимаютъ только мѣсто въ бібліотекахъ; намъ случалось видѣть по нѣсколькимъ экземпляровъ романа *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопимъ-Шуйскій*, безчисленное количество экземпляровъ журнала *Лучи и Звѣздочка*. На эти книги, высылаемые въ институты безъ всякаго желанія съ ихъ стороны, выходятъ значительныя суммы, что ослабляетъ и безъ того скудныя средства заведеній. За чѣмъ бы кажется ослаблять ихъ такимъ образомъ? Бібліотеки въ институтахъ составлены безъ всякаго порядка тамъ случайно вы найдете и классическія сочиненія, и современные журналы, но нерѣдко не отыщете ни Пушкина, ни Гоголя, ни Лермонтова, ни даже *Исторіи Карамзина* (1), такъ

совершенно безсмысленны: такъ, напримѣръ, въ одномъ заведеніи въ видѣ наказанія прикалываютъ булавками одинъ къ другому фартуки двухъ воспитанницъ, и онѣ въ продолженіе положеннаго времени представляютъ нѣчто въ родѣ сіамскихъ близнецовъ.

(1) Недавно намъ случилось слышать жалобу одного лица, завѣдывающаго учебною частію въ одномъ изъ институтовъ, что бібліотека заведенія состоитъ изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ книгъ французскихъ и одной нѣмецкой!

что учитель русской словесности, если ему нужно прочесть или дать прочесть воспитанницамъ что-нибудь изъ сочиненій русскихъ писателей, долженъ приносить свои книги. Учителя же иностранныхъ языковъ почти никогда не заботятся о томъ, чтобы воспитанницы знали что-нибудь, кромѣ именъ важнѣйшихъ писателей. Иногда книги пожалуй и найдутся, но какъ дать ихъ дѣтямъ? Вѣдь дѣти ихъ испортятъ или изорвутъ, а библіотека стоить денегъ и должна содержаться въ порядкѣ. Въ исполненіе такого правила, во многихъ заведеніяхъ библіотека совершенно недоступна для дѣтей, въ другихъ книги выдаются имъ весьма рѣдко и то съ равными предосторожностями; что же удивительнаго, если дѣвѣицы во время вакацій или въ другое свободное время, тайно отъ начальства, абонируются въ книжной лавкѣ или инымъ путемъ добываютъ себѣ разнаго рода книги, выборъ которыхъ зависитъ отъ случая? Форма убиваетъ самое лучшее, самое полезное учрежденіе; многія начальствующія лица воображаютъ, что библіотека существуетъ въ институтахъ только для порядка, и книги въ ней лежатъ тоже для порядка, а вовсе не для чтенія; завѣдываетъ библіотекой кто попало, и помощникъ инспектора, и инспектриса, и даже иногда пепиньерка; всѣ обязаны наблюдать, чтобы книги были цѣлы. Почему бы, кажется, не отворить этого святилища воспитанницамъ и не выдавать имъ книгъ, приличныхъ ихъ возрасту? Почему бы не устроить въ каждомъ классѣ особой класной библіотеки и не поручить ея помощницѣ класной дамы или старшей воспитанницѣ? Денегъ, которыя отпускаются ежегодно на учебныя пособія, достаточно было бы на пополненіе этихъ библіотекъ, еслибы не было обязательныхъ покупокъ, о которыхъ мы упомянули выше; а тамъ, гдѣ въ деньгахъ чувствуется недостатокъ, можно бы и усилить средства заведенія, принимая на видъ, что чтеніе вовсе не роскошь, а существенная необходимость для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Библіотека должна пополняться книгами и журналами, съ одобренія общаго совѣта учителей, и тогда въ ней появятся классическія сочиненія писателей русскихъ и иностранныхъ; теперь же спросите въ любомъ заведеніи воспитанницъ, хотя старшаго класса, читали ли онѣ Пушкина, и вы услышите отрицательный отвѣтъ, потому что книгъ у нихъ нѣтъ, и если учитель не сжалится и не принесетъ имъ прочесть что-нибудь, то онѣ окончатъ ученіе, составивъ себѣ понятіе о писателяхъ по класнымъ те-

традкамъ, по хрестоматіямъ или по тѣмъ отрывкамъ, которые заучивались ими къ экзамену. Вообще на чтеніе дѣвицъ меньше всего обращаютъ вниманія.

То же можно сказать и о прочихъ учебныхъ пособіяхъ, о коллекціяхъ натуральной исторіи и физическихъ инструментовъ; гдѣ они есть (то-есть въ заведеніяхъ 1-го разряда и спеціальныхъ), тамъ для нихъ устроены красивые шкапы со стеклами, и воспитанницамъ позволено любоваться ими издали, но отнюдь не разсматривать близко и особенно не брать ничего въ руки; а такъ какъ для иныхъ коллекцій отведены комнаты довольно далеко отъ класовъ, то случается, что дѣти въ нихъ и не заглядываютъ; а то дай только имъ въ руки что-нибудь, какъ разъ изломаютъ или испортятъ. При недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на учебныя пособія (на что такъ часто жалуются въ институтахъ), должна соблюдаться строгая и разумная экономія, а она едва ли возможна тамъ, гдѣ все зависитъ отъ произвола двухъ-трехъ лицъ; вздумалось какой-нибудь начальницѣ истратить сто-двѣсти рублей на руководѣля изъ класныхъ суммъ,—она истрачиваетъ ихъ; вздумается кому-нибудь изъ начальствующихъ лицъ купить великолѣпный глобусъ, цѣною въ 350—400 рублей серебромъ, и поставить его подъ стекляннымъ колпакомъ, гдѣ-нибудь въ залѣ, вдали отъ воспитанницъ,—онъ прикажетъ купить и поставить; а потомъ понадобятся учебныя книги, ихъ не раздадутъ, а если и раздаютъ, то по экземпляру на двухъ, трехъ и болѣе воспитанницъ.

Обязательные учебники стали выходить изъ употребленія, и слава Богу! а то, бывало, предпишутъ принять въ руководство такую-то книгу и, какъ бы она плоха ни была, ее принимаютъ; при этомъ намъ всегда приходится въ голову возгласъ строгаго начальника: « Не разсуждать, а дѣлать, какъ приказываютъ!» Теперь мы смѣемся надъ такимъ требованіемъ, а если и случается, что учитель по неволѣ принимаетъ какое-нибудь руководство, которое кому-нибудь показалось очень полезнымъ, то все-таки преподавателю предоставляютъ свободу дополнять и измѣнять его по своему усмотрѣнію.

По всѣмъ предметамъ высланы отъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній программы, которыми обязаны руководствоваться преподаватели. Мы нисколько не противъ программъ, почему и не быть имъ, почему не подчинить общей

вормѣ преподаваніе въ заведеніяхъ однородныхъ? Но для составленія этихъ программъ необходимо согласіе спеціалистовъ; программу должны составить всѣ преподаватели какого-нибудь предмета, по общему соглашенію, иначе она будетъ тѣмъ же обязательнымъ учебникомъ и стѣснить преподавателей, не принося ни малѣйшей пользы воспитанницамъ. Вышедшія до сихъ поръ и присланныя въ руководство программы не имѣютъ дѣйствительнаго значенія на практикѣ; объ нихъ толковали десятки лѣтъ, для составленія ихъ вызывались въ Петербургъ инспекторы, ихъ наконецъ напечатали, и что же вышло? Напечатанныя, онѣ лежатъ въ числѣ ненужныхъ книгъ въ кабинетахъ членовъ по учебной части и инспекторовъ; случайно ихъ видѣлъ какой-нибудь учитель; можетъ-быть, по личному желанію какого-нибудь инспектора, написалъ о нихъ свое мнѣніе,—я только. Программа же, составленная спеціалистами и одобренная совѣтомъ инспекторовъ, могла бы служить общимъ руководствомъ, которое, конечно, было бы полезно.

IV.

Переходимъ въ заключеніе къ вопросу о назначеніи инспектора и учителей.

Учебная часть въ полномъ ея составѣ находится въ распоряженіи инспектора классовъ: онъ завѣдываетъ распредѣленіемъ занятій, назначеніемъ учителей наукъ и искусствъ, и слѣдить за дѣятельностію учащихся и учащихъ. Слѣдовательно, онъ долженъ быть педагогомъ въ обширномъ значеніи слова и человѣкомъ многосторонне-образованнымъ; чѣмъ же гарантируется избраніе такого человѣка, отъ котораго зависитъ образованіе многихъ сотенъ дѣтей, и который, вслѣдствіе этого, имѣетъ прямое вліяніе на значительную часть молодаго поколѣнія? Постановленіе гласитъ, что членъ совѣта учебнаго заведенія по учебной части избираетъ инспектора классовъ изъ лицъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ и педагогическими способностями. Но сенаторы и почетные опекуны, которые, по существующимъ правиламъ и обычаямъ, избираются въ члены совѣта по учебной части, какъ бы ни была почтенна и полезна ихъ дѣятельность, не могутъ быть настоящими судьями въ дѣлѣ, совершенно для нихъ чуждомъ и незнакомомъ.

Какъ бы они умны и способны ни были, они не всегда въ сѣрѣ прежней случайной ихъ дѣятельности, имѣли возможность приобрести вѣрный взглядъ на воспитаніе, необходимый для избранія инспектора классовъ и наблюденія за его дѣятельностію, взглядъ, приобретаемый постоянными спеціальными занятіями въ продолженіи цѣлой жизни. Они не имѣютъ его, да и требовать этого отъ нихъ невозможно. Поэтому нѣкоторые изъ членовъ по учебной части предоставляютъ всѣ распоряженія начальницъ института и инспектору, а сами играютъ роль чисто пассивную. Но другіе считаютъ своею обязанностію, въ качествѣ начальниковъ, вмѣшиваться во все, обозначать свое присутствіе распоряженіями собственнаго изобрѣтенія, замѣчаніями и выговорами; они стѣсняють преподавателей своими невозможными требованіями, смущаютъ дѣтей своими неумѣстными замѣчаніями, а инспектору классовъ, если онъ человѣкъ благородный и добросовѣстный, приходится составлять непрерывную оппозицію своему прямому и единственному начальнику—члену по учебной части. Согласитесь, что надо много энергіи, много любви къ своему дѣлу, чтобы выдерживать такую борьбу. Ясно и понятно, что такой членъ по учебной части постарается выбрать въ инспекторы человѣка, который будетъ безпрекословно исполнять его требованія, какъ бы странны они ни были, и что пострадаетъ отъ того заведеніе. Членъ по учебной части, ни во что не вмѣшивающійся, при назначеніи инспектора обратится, конечно, къ попечителю университета съ просьбой указать ему кого-нибудь изъ профессоровъ, кто бы способенъ былъ занять мѣсто инспектора; по взгляду своему на вещи, онъ никакъ не рѣшится назначить въ инспекторы одного изъ подчиненныхъ ему учителей; они представляются ему какими-то наемниками, которые за извѣстную плату даютъ уроки и у него въ домѣ и въ домахъ его знакомыхъ. То ли дѣло профессоръ! И мы скажемъ, что членъ по учебной части будетъ правъ до нѣкоторой степени, потому что профессоръ университета, принявъ на себя должность инспектора, будетъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ какой-нибудь полуграмотный иностранецъ, который умѣетъ только бѣгло говорить по-французски и низко кланяться, и который добивается мѣста, чтобы получать значительное инспекторское жалованье и захватить побольше уроковъ (разумѣется за особую плату) въ томъ же заведеніи, не подвергаясь ни контролю, ни ответственности; а такого ино-

странца очень легко можетъ назначить въ инспекторы членъ по учебной части, во все вмѣшивающійся. Какимъ же образомъ назначать инспектора классовъ, какимъ образомъ гарантировать его состоятельность и обезпечить учебную часть?

Мы полагаемъ, что лучше всего предоставить избраніе инспектора классовъ самимъ преподавателямъ, какъ избирали прежде профессора университетовъ ректора и какъ они до сихъ поръ избираютъ себѣ декановъ. Всѣ преподаватели институтовъ окончили курсъ въ университетѣ или выдержали тамъ же экзаменъ на званіе старшаго учителя (кроме учителей иностранныхъ языковъ); почему же не предоставить имъ права избирать начальника изъ своей среды? То же правило избранія можно примѣнить и къ должности помощника инспектора. Опытъ доказалъ, что такое управленіе въ ученомъ мирѣ есть единственно возможное и естественное. Ученыхъ начальниковъ должно избирать цѣлое общество, и тогда оно будетъ отвѣчать за нихъ; конечно, оно можетъ ошибиться иногда, но уже, конечно, не такъ скоро, какъ человѣкъ, не имѣющій ни ученаго, ни педагогическаго образованія; послѣдній можетъ не ошибиться только случайно. Власть инспектора классовъ должна быть ограничена; при заведеніи необходимъ хотя разъ въ недѣлю педагогическій совѣтъ, въ которомъ должны участвовать всѣ преподаватели, подѣ предѣдательствомъ инспектора; на этомъ совѣтѣ рѣшаются всѣ перемѣны въ распредѣленіи учебнаго времени, въ допущеніи учебниковъ и прочихъ пособій; на этомъ совѣтѣ утверждаются программы экзаменовъ, награды воспитанницамъ (1); причемъ необходимо принимается въ соображеніе аттестація начальницы о поведеніи каждой изъ нихъ; такъ напримѣръ совершенно равныя по своимъ успѣхамъ воспитанницы получаютъ высшія или низшія награды, соображаясь съ аттестаціею начальницы. Начальница же ни въ какомъ случаѣ не должна вмѣшиваться въ учебную часть, а если сочтетъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе учителю въ какомъ бы то ни было отношеніи, то обязана сообщить о томъ

(1) Какъ и за что раздаются награды воспитанницамъ институтовъ, это составляетъ совершенную загадку для преподавателей и большую частію зависитъ отъ одной начальницы, иногда при участіи инспектора классовъ. Если учителю попадаетъ случайно аттестатъ которой-нибудь изъ его ученицъ, то онъ съ изумленіемъ видитъ въ немъ со-всѣмъ не свою аттестацію.

инспектору, который замѣчаніе это, смотря по важности его, или передаетъ прямо учителю или представляетъ въ педагогическій совѣтъ. При такомъ устройствѣ учебнаго управленія, должность члена по учебной части становится излишнею. А если, даже при правильномъ опредѣленіи обязанностей начальницы и инспектора, все-таки покажется не удобнымъ не имѣть еще высшаго начальства, то желательно бы было, чтобы назначенъ былъ попечитель на правахъ попечителя учебнаго округа, который болѣе всего долженъ будетъ обращать вниманіе на хозяйственную часть (причемъ, конечно, должна быть упразднена и должность члена совѣта по хозяйственной части), чтобъ и въ этомъ отношеніи исправить недостатки, о которыхъ мы упомянули выше, то-есть чтобы содержаніе и пища дѣтей соотвѣтствовали ихъ возрасту и здоровью; тотъ же самый попечитель можетъ утверждать избраніе и рѣшеніе педагогическаго совѣта, если это рѣшеніе потребуетъ еще дальнѣйшаго утвержденія. Во всякомъ случаѣ вліяніе попечителя на утвержденіе въ должности инспектора мы допускаемъ какъ мѣру переходную. Когда педагогическій совѣтъ пойметъ свое высокое значеніе, когда преподаватели убѣдятся, что они не чиновники и не писцы, когда преподаваніе пріобрѣтетъ надлежащую стройность, то рѣшенія педагогическаго совѣта могутъ имѣть окончательную силу. Вмѣшательство начальницы и члена по учебной части въ дѣло преподаванія, не всегда приноситъ желаемую пользу, а иногда даже парализируетъ опытную дѣятельность инспектора и учителей; изъ слѣдующихъ разказовъ лучше всего можно заключить о справедливости нашихъ словъ.

Говорятъ, что въ одномъ институтѣ, членъ по учебной части считалъ своею обязанностию держать себя по-начальнически, то есть дѣлать замѣчанія и выговоры учителямъ, класнымъ дамамъ и воспитанницамъ, чѣмъ разумѣется заслужилъ всеобщее нерасположеніе, тѣмъ болѣе что эти замѣчанія и выговоры возникали вдругъ, вслѣдствіе минутной его фантазіи. Разъ, въ классѣ русскаго языка, членъ по учебной части засталъ учителя, который что-то диктовалъ воспитанницамъ; въ отрывкѣ, продиктованномъ учителемъ, два раза встрѣтилось слово *генераль*, въ одномъ мѣстѣ воспитанница поставила въ началѣ прописную букву, *Г*, въ другомъ строчную *г*. Его превосходительство спросилъ воспитанницу *весьма* сурово, почему она поступила такъ. Вопросаемая отвѣчала, что въ хрестоматіи г. Галахова въ иныхъ мѣстахъ въ словѣ

генераль встрѣчается большая буква, въ другихъ маленькая, а почему это, она не знаетъ, тѣмъ болѣе, что слово *генераль* имя нарицательное, а не собственное. На это учитель сказалъ, что прежде писали слово «генераль» большою буквою, а теперь пишутъ строчною. «Позвольте», строгимъ голосомъ возразилъ членъ по учебной части, которому слово *генераль* было такъ близко къ сердцу. «Это требуетъ вниманія. Отчего, продолжалъ онъ, обратясь къ воспитанницѣ, прежде въ словѣ *генераль* писалась большая буква, а теперь не пишется?» Скофуженная грознымъ голосомъ генерала, воспитанница молчала; онъ обратился къ другой, къ третьей, четвертой,—отвѣта не было. Тогда разгнѣванный членъ всталъ, и выходя изъ класса и никому не кланяясь, произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «А это оттого, что въ наше время исчезаетъ уваженіе къ старшимъ, почтеніе къ начальникамъ!» Въ другой разъ тотъ же начальникъ посѣтилъ классъ исторіи: воспитанница отвѣчала изъ французской исторіи и упомянула о томъ, что парламентъ потерялъ свое значеніе, когда было созвано національное собраніе. Членъ по учебной части, ежедневно читавшій газету *Le Nord*, и слѣдовательно имѣвшій понятіе о современныхъ парламентахъ, замѣтилъ, по обыкновенію, сурово и грозно, что воспитанница дѣлаетъ различіе тамъ, гдѣ его дѣлать не слѣдуетъ, и что національное собраніе и парламентъ одно и то же. Изумленная воспитанница смотрѣла то на учителя, то на генерала въ какомъ-то странномъ недоумѣніи; самъ учитель сконфузился: поправить его превосходительство неловко, оставить воспитанницу въ непріятномъ положеніи недобросовѣстно; наконецъ онъ рѣшился принять сторону послѣдней и объяснилъ, обращаясь, разумѣется, къ воспитанницѣ, значеніе парламента во Франціи до 1789 года и значеніе національнаго собранія. Воспитанницы невольно переглянулись съ улыбкой, а членъ, бросивъ юпитеровскій взглядъ на сконфуженнаго учителя, долженъ былъ выйти изъ класса.

Въ другомъ институтѣ, членъ по учебной части приписалъ оду *Бою Ломоносову* и сдѣлалъ строгое замѣчаніе воспитанницамъ за то, что онѣ этого не знаютъ. Отъ учителя арифметики онъ требовалъ «не выпихъ взглядовъ, но *утилитарной пользы*»; въ классѣ физики, гдѣ рѣчь шла о явленіяхъ *газообразныхъ*, онъ не разслушалъ послѣдняго слова и сталъ грозно допрашивать воспитанницу, «что такое явленіе *безобразное*», и гнѣвался, что ему не отвѣчаютъ, до тѣхъ поръ, пока учитель

не объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Чтò же мудренаго, что инспекторы, избранные такими членами по учебной части, свою очередь спрашиваютъ воспитанницъ на экзаменѣ, въ какомъ римскомъ императорѣ жилъ Лукуллъ, или торжественно провозглашаютъ Гоголя писателемъ безнравственнымъ.

Положеніе инспектора должно быть самостоятельное; приводить въ исполненіе всѣ распоряженія педагогическаго совѣта и служить представителемъ учителей передъ начальствомъ. Личнаго произвола и фантазіи предположить въ немъ нельзя; вышедшій изъ сословія учителей, съ перспективой возвратиться снова въ прежнее званіе, онъ будетъ дѣйствовать умѣренно и благоразумно, подъ контролемъ своихъ товарищей. Назначеніе новыхъ учителей принадлежитъ ему, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта; предварительное испытаніе необходимо для каждаго, и мы думаемъ, что вообще предложеніе Галярина (1) относительно учителей гимназій могутъ быть приняты съ успѣхомъ и въ институтахъ. До сихъ поръ учителя въ институтахъ получаютъ плату за каждый урокъ, такъ одному учителю случается получать до 1500 руб., другому 100 руб., и все это зависитъ отъ произвола начальникова, угодно члену по учебной части, начальницѣ, инспектору, нять, по какимъ-нибудь соображеніямъ, нѣсколько часовъ урока учителя и отдать ихъ другому, они это дѣлаютъ безосновочно: какъ, почему?—это остается тайной и для воспитанницъ и для самихъ учителей.

Положеніе учителя далеко не обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, и чтò же удивительнаго, что учитель, обремененный семействомъ, цѣлый день ѣздитъ по урокамъ, и едва ли дается звонокъ, опрометью бѣжитъ изъ института? Возможны ли существовать иначе учителю при нынѣшней страшной дороговизнѣ на жизненныя потребности? Ужь не послушаться ему одного великаго педагога и не обречь ли себя на бездѣйствіе (2)? Не гораздо ли лучше и проще обезпечить учителя, не заставляя его работать черезъ силу? Повѣрьте, что большая часть учителей, получая достаточное обезпеченіе и обременяя себя трудомъ сверхъ силъ, совершенно посвящаютъ себя заведенію, особенно если у нихъ будетъ въ виду по

(1) *Русскій Вѣстникъ*. 1858 года № 22.

(2) *Атеней*, 1858 г., часть 5. стр. 470 и 471. Полагаемъ, что такъ смыслъ укора, заключающійся въ намекѣ г. Некрасова.

денна пенсія, то-есть кусокъ хлѣба подѣ старость. Право, пенсіи на это не такъ велики, и положеніе преподавателя стоить того, чтобы подумать о немъ серьезно. Отъ числа уроковъ зависитъ пенсія, то-есть предметъ всѣхъ желаній учителя, мимо котораго мелькаютъ, не касаясь его, повышенія, награды, которыя падаютъ на долю болѣе счастливыхъ (учитель можетъ получить награду по прошествіи трехъ лѣтъ отъ 80 до 150 руб. сер.), и эта пенсія не опредѣлена и зависитъ также отъ произвола (1). При томъ увольненіе стараго учителя и опредѣленіе новаго считается дѣломъ до такой степени ничтожнымъ, что на это почти никто не обращаетъ вниманія. Жалованье учителей, какъ мы сказали выше, зависитъ отъ числа уроковъ; уроки продолжаются 1½ часа и ихъ бываетъ по 4 въ классѣ; слѣдовательно *maximim* уроковъ 24; цѣнятся они, смотря по классамъ, отъ 50 до 80 руб. сер. въ годъ; послѣдняя плата такая, такъ что общею нормой можно принять 60 руб.; по этому учитель, занимающій 24 урока въ недѣлю или шесть уроковъ въ день, можетъ получать 1440 руб. въ годъ, и это жалованье, по прошествіи 25 лѣтъ, обращается въ пенсію. Неужели же хотѣть больше? скажутъ многіе; но я попрошу при-
 нять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: 1) 24 урока въ недѣлю едва ли возможны для преподавателя добросовѣстнаго; они занимаютъ у него лучшее время дня, отъ 9 до 12 часовъ и отъ 2 до 5 по старому положенію, или отъ 8½ до 11½ утра и отъ 1 часа до 4 по новому, такъ что ему не остается времени для серьезнаго занятія дома; каждый преподаватель знаетъ, къ чему человѣкъ становится способенъ послѣ вырехъ уроковъ въ день. 2) 24 уроковъ въ недѣлю постоянно въ продолженіи 25 лѣтъ въ одномъ заведеніи до сихъ поръ не получалъ еще никто, сколько намъ извѣстно, если же кто-нибудь избранникъ и достигъ этой обѣтованной цифры, то конечно не ранѣе половины своей учительской карьеры, а такъ какъ пенсія дается по расчету за всѣ года, то и получить онъ можетъ отъ 600 до 1000, и то только избранникъ! Большинство учителей имѣетъ по 10 уроковъ, по 6, по 4, и даже по 2 въ разныхъ заведеніяхъ; какова же должна быть ихъ пен-

1) Пенсія учителю назначалась прежде по числу уроковъ, которые онъ занималъ въ послѣднія пять лѣтъ; теперь она назначается по среднему выводу изъ общей сложности этихъ уроковъ, въ продолженіи всей его службы.

сія? Мнѣ кажется, если требовать отъ учителя добросовѣстнаго исполненія, свидѣтельство о болѣзни при манкировкѣ, вычитать за эту манкировку безъ свидѣтельства пеню изъ его скуднаго жалованья, то не худо было бы и позаботиться о его будущности. Положимъ, что два учителя занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по 10 уроковъ; выбываетъ одинъ, почему бы не предложить вакантныхъ уроковъ остающемуся, который считается достойнымъ? Нѣтъ надобности будетъ назначать новаго, этотъ остающійся учитель нисколько не обремененъ этимъ; извѣстно, что у остающагося учителя въ другихъ заведеніяхъ есть уроки, и новаго приглашаютъ также изъ другаго заведенія (1). Отъ этого никогда учитель не бываетъ привязанъ къ заведенію, и старается занять мѣста въ двухъ-трехъ институтахъ и вѣдомствахъ: откажутъ въ одномъ, останется другое.

Повторимъ еще, единственное средство возвысить званіе учителей и слѣдовательно учебную часть состоитъ въ томъ, чтобъ ограничить вліяніе членовъ по учебной части и начальницъ. Въ главѣ учебной части должны стоять педагогическій совѣтъ и инспекторъ, избираемый учителями; учителя должны пользоваться всѣми преимуществами служащихъ по заведеніямъ, получать штатное жалованье, имѣть право на пятилѣтія, однимъ словомъ не представлять собою какихъ-то наемниковъ, которые сегодня получаютъ 100 руб., завтра 1000, послѣзавтра опять 100 (2). Мы предполагаемъ полезнымъ слѣдующее распределеніе дѣятельности, правъ и обязанностей преподавателей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1) Учителя назначаются преимущественно изъ окончившихъ

(1) Обыкновенно, въ оправданіе подобныхъ распоряженій, начальствующія лица опираются на то, что въ случаѣ болѣзни учителя (если онъ одинъ), всѣ классы будутъ пусты въ часы, назначенные для его уроковъ; эта нелѣпая причина не требуетъ опроверженія: какъ будто классы будутъ идти успѣшнѣе, если изъ двухъ учителей одинъ занеможетъ сегодня, а другой завтра!

(2) Мы далеки отъ того, чтобы видѣть что-нибудь предосудительное въ платѣ за уроки; каждый добросовѣстный трудъ заслуживаетъ сочувствія и уваженія, тѣмъ болѣе трудъ педагогическій, но долго еще у насъ не установится это мнѣніе, принятое во всѣхъ образованныхъ странахъ. Предполагаемое нами измѣненіе учительскаго содержанія оградить учителей отъ произвола и подниметь ихъ въ глазахъ тѣхъ, которые до сихъ поръ говорятъ: «нанять учителя», «прогнать учителя».

при воспитанниковъ университета, съ тѣмъ однако же, чтобы представляли въ педагогическій совѣтъ института сочиненія, статьи, разсужденія (писанныя или печатныя) о предметѣ своего преподаванія.

2) Учителя раздѣляются на старшихъ и младшихъ; при поступленіи преподавателемъ въ заведеніе, учитель получаетъ званіе младшаго, въ которомъ остается не менѣе пяти лѣтъ; по прошествіи этого срока, совѣтъ найдетъ его достойнымъ повышенія, то онъ получаетъ званіе старшаго, посредствомъ баллотировки, если есть вакансія (число младшихъ и старшихъ учителей должно быть опредѣлено).

3) Каждый учитель долженъ занимать не болѣе двѣнадцати часовъ въ недѣлю и служить исключительно въ одномъ заведеніи; содержаніе младшему учителю необходимо положить 700 руб., старшему 1000 руб. Но принимая въ соображеніе назначеніе пенсін черезъ каждое пятилѣтіе, не все это содержаніе должно считать жалованьемъ, по которому идутъ пятилѣтніе пенсін, а одну часть этого содержанія (напримѣръ 200 р. для младшаго и 250 для старшаго учителя) слѣдуетъ назвать старыми деньгами, съ которыми не сопряжены пенсін. Съ того, старшій учитель, удостоенный избранія въ инспекторы, получаетъ добавочнаго содержанія 500 руб.; половина этой суммы присоединяется навсегда къ его жалованью, по окончаніи имъ инспекторскаго служенія, и обращается ему въ пенсію; прослужившій два выбора получаетъ еще прибавокъ къ жалованью. Старшій учитель, избранный помощникомъ инспектора, получаетъ добавочныхъ 300 р. съ тѣми же правами. Если потребуетъ необходимость, чтобы число уроковъ котораго-нибудь учителя было временно увеличено, то онъ долженъ получать добавочную плату по разчету, эта добавочная плата ни въ какомъ случаѣ не должна обращаться въ пенсію.

Обеспеченіе учителей въ ихъ содержаніи доставить имъ возможность посвящать себя исключительно одному заведенію. Каждый учитель долженъ, по порученію совѣта, исполнять все, что необходимо по его части; заниматься составленіемъ рукописей, учебныхъ пособій, и слѣдить по возможности за развитіемъ своей науки. Библіотека заведенія, поручаемая поочередно какому изъ учителей, должна обогащаться книгами и журналами, существенно полезными для заведенія; никто изъ профессорныхъ не долженъ вмѣшиваться въ распоряженіе совѣта;

каждый изъ учителей обязанъ, съ одобренія совѣта, выбирать книги для чтенія воспитанницамъ, сообразныя съ ихъ возрастомъ и степенью развитія.

Такое устройство учебной части, какъ видите, очень просто и нисколько не сложно. При самостоятельности педагогическаго совѣта, исчезнуть притязанія членовъ по учебной части, инспекторовъ и начальницъ, которые всѣ вмѣстѣ стѣсняють преподавателей и поселяють въ нихъ охлажденіе къ своему дѣлу. Ничто не дѣйствуетъ такъ раздражительно на нервы, какъ присутствіе въ классѣ такихъ лицъ, которыя, ничего не понимая, ловятъ слова учителя и воспитанницы, для того, чтобы потомъ показать свое могущество выговорами или одобреніемъ. Сколько умныхъ и даровитыхъ преподавателей оставляють институты именно вслѣдствіе этого безполезнаго контроля! Намъ часто случалось слышать жалобы, что трудно найти хорошихъ преподавателей, — да, дѣйствительно трудно, по выше-сказаннымъ причинамъ; молодой человекъ, окончившій университетскій курсъ, поступаетъ въ званіе учителя, какъ въ состояніе переходное, и, при первомъ удобномъ случаѣ, оставляетъ его для университетской кафедры или для поступленія въ гражданскую службу; остаются только тѣ, которые или неспособны ни къ чему, или въ ранней молодости завелись семействомъ и должны давать уроки съ утра до ночи, для того чтобы жена и дѣти не умерли съ голоду; какъ же тутъ требовать энергіи, любви къ дѣлу, добросовѣстности занятій?

При настоящихъ условіяхъ не только трудно, но даже не возможно найти хорошихъ преподавателей, и если учителя, окончившіе курсъ въ университетахъ, не удовлетворяють всѣмъ требованіямъ, то еще менѣе удовлетворяють имъ иностранцы, — учителя языковъ нѣмецкаго и французскаго. Мы не понимаемъ, съ какою цѣлю избирають преподавателями иностранныхъ языковъ непременно иностранцевъ, тогда какъ опытъ доказываетъ, что они-то самые плохіе преподаватели. Это дѣлается для того, конечно, чтобы воспитанницы пріобрѣтали хорошій выговоръ, — это главное, а остальное все считаютъ второстепеннымъ (1). Замѣтимъ при томъ, что учителями Французами дорожать гораздо больше чѣмъ учителями Нѣмцами. (Послѣднихъ много у

(1) Замѣтимъ, что даже и эта цѣль не достигается: если дѣвица не успѣла пріобрѣсти хорошаго выговора дома, то въ институтѣ никогда не пріобрѣтаетъ его.

въ Остзейскихъ губерніяхъ!) Далекъ отъ насъ то время, когда Фонтъ-Визинъ выставилъ въ своемъ *Недоросль* иностранца, попавшаго изъ кучеровъ въ учителя, и предавалъ своимъ невѣжествомъ своихъ современниковъ, поручавшихъ имъ такимъ наставникамъ; такъ говоримъ мы очень часто, и между тѣмъ поручаемъ классы нашихъ заведеній Французамъ, которые можетъ-быть и не были кучерами, но изумляютъ насъ своимъ невѣжествомъ (1); мало этого, имъ даже поручаютъ должности инспекторовъ.

Можетъ-быть намъ скажутъ, что нѣтъ суммъ, на которыя можно было увеличить жалованье учителей; мы скажемъ, что, сокративъ излишніе расходы, не трудно найти небольшую сумму, которая потребуетъ для добавочнаго жалованья. Не нашла ли же сумма несравненно бѣльшая для прибавки жалованья по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія? Было бы значительно найти такую же и для женскихъ учебныхъ заведеній. Жалованье инспектора и его помощника можетъ быть распределено на учителей; жалованье учителей искусствъ можетъ быть значительно сокращено; званіе наблюдателей или инспекторовъ музыки совершенно упразднено. Есть институты, въ которыхъ танцмейстеръ получаетъ 140 и 150 руб. годовый урокъ, тогда какъ въ томъ же заведеніи всѣ учителя получаютъ за такой же урокъ 50, 60 и никакъ не болѣе 70 рублей! Неужели же танцы составляютъ самый важный предметъ въ дѣлѣ воспитанія? А расходы на публичные экзамены, — повтореніе затверженныхъ отвѣтовъ передъ лицомъ посѣтителей, а экстренные объѣды, а большія суммы, выдаваемые членамъ по учебной части, инспекторамъ и даже старшимъ врачамъ, командирѣемымъ для осмотра заведеній и поѣздокъ за границу?

Всѣ эти деньги, конечно, могли бы покрыть издержки на добавочное жалованье учителямъ.

Вотъ предположенія, которыя мы сочли долгомъ своимъ высказать на первый разъ; не выдаемъ ихъ за непогрѣшительныя, но полагаемъ, что они будутъ не бесполезны, если на нихъ

(1) Эти учителя иностранцы замѣчательны своею алчностью къ пріобрѣтенію; нѣкоторые изъ нихъ безъ всякой необходимости даютъ своимъ ученикамъ съ восьми часовъ утра до десяти вечера; на вопросъ, сдѣланный одному изъ нихъ, «когда же онъ обѣдаетъ?» иностранецъ учитель отвѣчалъ: *Parbleu! je mange chemin faisant un saïka, et je dine à 10 heures du soir!*

остановить вниманіе кто-нибудь, принимающій близко къ сердцу состояніе женскихъ учебныхъ заведеній и имѣющій возможность содѣйствовать улучшенію быта дѣтей, которыя получаютъ въ нихъ свое образованіе. Можетъ-быть статья наша вызоветъ возраженія и замѣчанія, — дай Богъ! Пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе; польза будетъ несомнѣнная, уже потому одному, что

Du choc des opinions jaillit la vérité.

Г. Головачовъ.

АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ половинѣ мая настоящаго года, я старался проѣхать какъ можно скорѣе черезъ Германію, чтобы не опоздать къ лондонскому лѣтнему сезону. Вопреки обычаю русскихъ путешественниковъ, отправляющихся въ первый разъ за границу, я рѣшился даже не заѣзжать въ Парижъ и избралъ прямой путь въ Англію черезъ Бельгію. Въ Брюссель я познакомился съ Англичаниномъ, который посоветовалъ мнѣ ѣхать на одномъ изъ пароходовъ вновь устроенной частной компаніи, отправляющихся изъ Антверпена прямо въ Лондонъ.

Благодаря этому совѣту, я совершилъ самое пріятное и самое удобное морское путешествіе, какого только можно пожелать.

Удобство состоитъ въ томъ, что пароходъ приходитъ прямо въ Лондонъ, и такимъ образомъ путешественникъ избавляется отъ непріятной необходимости переходить изъ корабля въ вагонъ и подвергать свои вещи таможенному осмотру въ Дувръ. Притомъ путешествіе на пароходѣ изъ Антверпена стбать всего 40 франковъ, почти вдвое дешевле всякаго другаго переѣзда. Хотя переѣздъ изъ Антверпена въ Лондонъ требуетъ 18 часовъ времени, но морское путешествіе

продолжается только 9 часовъ, такъ какъ остальные 9 часовъ проходятъ въ чрезвычайно-пріятной прогулкѣ въ началѣ по Шельдѣ, а въ концѣ по Темзѣ. Пароходы частной компаніи очень-велики и чрезвычайно-удобны. Этому удобству я вѣроятно обязанъ тѣмъ, что, будучи въ первый разъ въ морѣ, я нисколько не страдалъ морскою болѣзнію, которая, какъ извѣстно, сильно свирѣпствуетъ въ бурномъ Ла-Маншѣ. Проснувшись въ 5 часовъ утра, я поспѣшилъ на палубу, надѣясь полюбоваться берегами Темзы и видомъ Лондона. Но къ сожалѣнію, я не могъ видѣть ничего, кромѣ густаго тумана. Лондонъ представлялся въ видѣ огромнаго чернаго пятна; мелкій дождь и холодный вѣтеръ увеличивали непріятное ощущеніе, производимое туманомъ. Будучи напуганъ въ Бельгій дороговизною лондонскихъ гостиницъ, я остановился въ квартирѣ со столомъ (boarding house), въ одной изъ лучшихъ улицъ города. Эти boarding houses отличаются своею дешевизной и необыкновенною чистотой. Хотя они и напоминаютъ нѣсколько времени дѣтства и пансіонской жизни, но за то они даютъ возможность короче узнать нравы и обычаи Англичанъ.

Я былъ пораженъ необыкновеннымъ движеніемъ въ западной части Лондона, гдѣ я остановился. Кареты, коляски, омнибусы, телеги съ тяжестями, экипажи всевозможнаго вида, все это смѣняется одно другимъ съ необыкновенною быстротой и шумомъ, производящимъ совершенно новое и довольно тяжелое впечатлѣніе. Но это движеніе почти ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое продолжается съ утра до ночи въ Сити (City), торговой части Лондона. Такое движеніе возможно только въ Лондонѣ, гдѣ, какъ извѣстно, числится въ настоящее время болѣе 2½ милліоновъ жителей (то-есть народонаселеніе, чуть ли не превосходящее число жителей Парижа, Петербурга, Берлина и Вѣны, взятыхъ вмѣстѣ), тринадцать тысячъ улицъ и до трехъ сотъ тысячъ домовъ.

Иностранецъ, пріѣзжающій сюда на короткое время, какъ обыкновенно случается съ большею частію русскихъ путешественниковъ, не можетъ вынести вѣрнаго понятія о Лондонѣ, и такимъ образомъ лишаетъ себя большаго наслажденія, доставляемаго лондонскою жизнью, когда съ нею свыкнешься. Описать Лондонъ во всѣхъ его подробностяхъ нѣтъ никакой возможности. Хотя въ нашихъ журналахъ нерѣдко печатались письма изъ Лондона, но письма эти, конечно, не могутъ дать полнаго и вѣрнаго понятія объ оригинальной столицѣ Англіи.

Каждый путешественник описывает Лондонъ съ своей точки зрѣнія и останавливается преимущественно на тѣхъ частяхъ, которыя болѣе занимаютъ его.

Лондонъ прежде всего поражаетъ необыкновенною солидностью и серіозностію, если можно такъ выразится, своихъ громаднѣхъ зданій. Въ этихъ зданіяхъ выражается, какъ мнѣ кажется, общій характеръ народа, презирающаго внѣшность и форму и заботящагося только о сущности. Въ наружной отдѣлкѣ домовъ не замѣтно ни малѣйшей изысканности; все просто, естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Съ перваго взгляда кажется, что зданіе мрачно и некрасиво, но тѣмъ болѣе всматриваешься въ него, тѣмъ болѣе находишь прелести въ этой гордой безыскусственности и простотѣ. Самое красивое зданіе въ Лондонѣ и, вѣроятно, одно изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ есть, конечно, парламентъ, возобновленный, какъ извѣстно, послѣ пожара въ 1836 году. Но самое величественное зданіе, по моему мнѣнію, Вестминстерское аббатство. Въ числѣ благодѣтельныхъ особенностей Лондона нельзя не обратить вниманіе на обиліе парковъ и окруженныхъ рѣшетками садиковъ, находящихся на многочисленныхъ площадяхъ города (square), которыхъ здѣсь считается болѣе ста. Такимъ образомъ очищается воздухъ во всемъ вообще городѣ, и бѣдные жители, не имѣющіе средствъ ѣхать за городъ, имѣютъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ, пользуясь свободнымъ входомъ во все парки. Въ Гайдъ-Паркѣ гуляетъ большею частію высшее общество въ великолѣпныхъ экипажахъ и разѣзжаютъ кавалькады дамъ и мужчинъ. Тамъ въ хорошую погоду можете встрѣтить до тысячи amazonsъ, изъ которыхъ почти половина красавицы. Вообще красота составляетъ отличительное свойство Англичанокъ всѣхъ классовъ общества. Въ паркахъ, въ театрахъ, на улицахъ, вездѣ непрерывно встрѣчаешь женщинъ чрезвычайно красивыхъ, что при лондонскомъ уличномъ движеніи сопряжено съ большою опасностію. Случаи давки людей на улицахъ бываютъ здѣсь довольно часто, и потому надо стараться не засматриваться на хорошенькихъ леди. Я самъ былъ свидетелемъ какъ въ Гайдъ-Паркѣ двѣ дамы, ѣхавшія въ коляскѣ и сами правившія лошадьми, задавили женщину съ груднымъ ребенкомъ въ то время, какъ она переходила аллею. Передъ тѣмъ, какъ это случилось, около того мѣста не было видно никого изъ полицейскихъ; но какъ только женщина упала и

выронила ребенка, полисменъ какъ будто выросъ мгновенно изъ земли и остановилъ лошадей. Записавъ фамилію и мѣсто-жительство неосторожныхъ леди, онъ попросилъ ихъ выѣхать изъ круга, а ребенка отнесъ въ ближайшую больницу. При этомъ случаѣ не могу не упомянуть о лондонской полиціи. Отличительное свойство ея состоитъ въ томъ, что она не притѣсняетъ и не пугаетъ жителей, а дѣйствительно охраняетъ ихъ. Полисменъ является всюду какъ защитникъ притѣсняемаго или помощникъ нуждающемуся, и только въ случаѣ дѣйствительной необходимости. Дѣятельность полисменовъ доходить до баснословныхъ размѣровъ; мнѣ кажется, что трудно придумать вознагражденія за такую неутомимую службу, но безъ сомнѣнія, главнымъ двигателемъ въ дѣятельности полисменовъ является не жалованье, довольно скромное, которое они получаютъ, но сознаніе долга и доброе имя, которое они стараются приобрести. Послѣ Гайдъ-Парка замѣчательнѣе другихъ Сентъ-Джемскій паркъ и Реджентсъ-Паркъ. Тутъ во множествѣ встрѣтите рабочихъ и бѣдныхъ людей съ женами и дѣтьми; публика пользуется полною свободой гулять по всѣмъ лугамъ парка, которые очень велики и роскошны. Стада овецъ, разсыпанныя по полямъ парка, придаютъ ему еще болѣе прелести. Тотчасъ за Реджентсъ-Паркомъ находится зоологическій садъ со всевозможными звѣрами, рыбами и птицами. Садъ этотъ, какъ извѣстно, по устройству и богатству содержанія лучше всѣхъ другихъ европейскихъ садовъ этого рода. Загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, подобныхъ нашимъ Monde Brillant, Излеру и пр., здѣсь относительно количества жителей очень мало. Чаше всего бываетъ музыка и гулянье въ знаменитомъ Кристалльномъ Дворцѣ, который, какъ извѣстно, былъ выстроенъ въ Гайдъ-Паркѣ для всемірной выставки, но потомъ перенесенъ за двадцать верстъ отъ города. Кромѣ Кристалнаго Дворца, гулянья бываютъ въ ботаническомъ саду (Kew garden) и въ Виндзорѣ (Windsor), гдѣ находится знаменитый древній замокъ, мѣстопробываніе королевы въ извѣстное время года. Люди недостаточные, рабочіе, торговцы и служащіе собираются большею частію въ Креморнскомъ саду (Cremorn garden), единственномъ увеселительномъ мѣстѣ, въ Лондонѣ, которое напоминаетъ петербургскія загородныя гулянья. Здѣсь бываютъ каждый вечеръ, кромѣ, конечно, воскресенія (1), увеселитель-

(1) Въ воскресеніе всякаго рода общественныя увеселенія строго запрещены. Въ церквахъ богослуженіе бываетъ три раза въ день.

ные вечера съ музыкою, танцами и фейерверкомъ. За входъ платится шиллингъ, то-есть 30 коп. сер., освѣщеніе великолѣпное, оркестръ очень порядочный, фейерверкъ превосходный. Публики собирается очень много. Дамы большею частію легкаго поведенія, то же что наши камелии высшаго разряда. Отъ такого общества, казалось бы, можно было бы ожидать различныхъ неприличныхъ выходокъ и непріятныхъ исторій. Но Англичане всегда и вездѣ приличны и вѣжливы. Дамы такъ хорошо держатъ себя, что вновь пріѣзжающій иностранецъ, конечно, ни какъ бы не могъ догадаться, къ какому разряду общества онѣ принадлежатъ. Въ Креморнскомъ саду нельзя увидѣть даже такіе танцы, какіе допускаются у насъ на Михайловскомъ театрѣ; Англичане сочли бы это слишкомъ *shocking* и несообразнымъ съ достоинствомъ женщины. Легкіе танцы допускаются только въ такихъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ зрителями бываютъ одни мужчины. Такихъ мѣстъ здѣсь довольно много; они большею частію находятся на Лестерскомъ скверѣ (Leicester square), населенномъ преимущественно иностранцами. Въ огромной залѣ устроена сцена и мѣсто для зрителей; оркестръ всегда бываетъ очень порядочный; въ иныхъ мѣстахъ только фортепьяно. Представленія большею частію состоятъ изъ легкихъ танцевъ, комическихъ пѣсенъ, живыхъ картинъ и фокусовъ. Замѣчательнѣе другихъ London Eldorado, Музыкальная зала и Савильская зала, (Saville Hall). Входъ вездѣ бесплатный, но нужно спросить пѣва или вообще доставить какую бы то ни было прибыль содержателю кофейни, чѣмъ выручаются всѣ расходы по содержанию увеселительнаго заведенія. Дамы бываютъ только на хорахъ за занавѣсью, и потому увеселеніе принимаетъ такой характеръ, какъ будто бы ихъ вовсе не было въ залѣ. Впрочемъ, и въ этихъ мѣстахъ Англичане соблюдаютъ полное приличіе. Глубокое уваженіе къ личности другаго выражается здѣсь такъ же какъ и въ великолѣпныхъ залахъ Ковентгарденскаго и Королевскаго театровъ. Въ Савильской залѣ я видѣлъ господина, который въ прежнее время располагалъ миллионами. Онъ промотался, и теперь съ удивительнымъ искусствомъ подражаетъ пѣнію птицъ.

Говоря о лондонскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, нельзя не упомянуть о тавернахъ, которыя лучше всего знакомятъ иностранца съ низшими общественными разрядами. Такихъ тавернъ очень много. Увеселенія приспособлены къ наклонно-

стямъ обычной публики. Въ иныхъ тавернахъ, какъ напримѣръ Коль-Голь (Coal въ Hole-Tavern), знаменитый буфъ Никольсонъ играетъ роль президента суда, а различные любители принимаютъ на себя роль присяжныхъ и адвокатовъ. Вымышленные процессы бываютъ почти всегда самаго скандальнаго содержанія: невѣрность жены, несостоятельность мужа—обыкновенный предметъ уголовного дѣла (1). Въ другихъ тавернахъ бываютъ разныя серіозныя пренія. Изъ такихъ тавернъ лучшія: Discussion Hall и Jerusalem-Tavern. Здѣсь образуются молодые ораторы, которые иногда играютъ въ послѣдствіи важную роль на дѣйствительныхъ митингахъ.

Для лицъ высшаго общества существуетъ множество другихъ, болѣе роскошныхъ увеселительныхъ заведеній. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, театры и музыкальныя залы, которыхъ здѣсь очень много. Главныхъ театровъ двѣнадцать, а изъ залъ больше всѣхъ Сентъ-Джемская (St. James Hall). Опера бываетъ только во время лѣтняго сезона и состоитъ изъ артистовъ, заслужившихъ всемірную извѣстность. Англичане не отличаются, какъ извѣстно, особеннымъ музыкальнымъ слухомъ, и потому не имѣютъ довѣрія къ молодымъ талантамъ. Этимъ и объясняется причина постоянного присутствія Маріо на лондонской сценѣ, хотя онъ давно уже потерялъ голосъ, въ чемъ я недавно убѣдился, слышавши его въ *Гуенотахъ*. Въ знаменитомъ септуорѣ втораго акта, Маріо не перешелъ Рубикона партіи Рауля и издалъ такую неприятную ноту, что даже Англичане, забывъ уваженіе къ музыкальному авторитету, ошибались своего любимца. Грива до сихъ поръ хороша, хотя также значительно утратила голосъ; ее здѣсь очень любятъ; въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, дилеттанты Ковентгарденскаго театра поднесли ей множество букетовъ. Изъ другихъ артистовъ Ковентгарденскаго театра не могу не упомянуть о Форѣ (я никогда не слышалъ такого звучнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого мягкаго, пріятнаго голоса), и о Міоланъ-Корвало, отлично исполнившей партію королевы.

Въ Сентъ-Джемской залѣ бываютъ концерты итальянскихъ и англійскихъ артистовъ; послѣдніе поютъ обыкновенно довольно

(1) Я былъ при этомъ пораженъ тѣмъ, что на шуточныхъ представленіяхъ свидѣтели *присягаютъ*, что кажется мнѣ несообразнымъ съ тою строгостію, которая здѣсь соблюдается относительно внѣшнихъ правилъ религіи.

пью, но публика всегда очень многочисленна, потому что Англичане считают долгомъ покровительствовать таланту своихъ соотечественниковъ. На одномъ изъ такихъ посредственныхъ концертовъ, гдѣ присутствовали многія лица высшаго общества, мнѣ невольно пришла въ голову мысль, почему у насъ высшее общество не снисходитъ до покровительства нашимъ молодымъ артистамъ. Наше высшее общество, какъ извѣстно, почти никогда не удостоиваетъ своего посѣщенія даже оперы русской, мало интересуется бессмертною музыкою Глинки и нашими артистами, которые, конечно, не хуже англійскихъ. Спрашивается, каковъ былъ бы въ Петербургѣ успѣхъ концерта, составленнаго изъ малоизвѣстныхъ русскихъ талантовъ? Можно смѣло отвѣчать, что зала тамога концерта была бы почти совершенно пуста. Отчего происходитъ такое равнодушіе къ національнымъ талантамъ, къ національной музыкѣ, при полныхъ средствахъ и возможности содѣйствовать ихъ развитію?

Я ѣхалъ въ Англію въ полной увѣренности встрѣтить тамъ эгоизмъ, холодность и чуть не грубость въ обращеніи съ иностранцами. Но вскорѣ по прибытіи, я совершенно разубѣдился въ этомъ. Англичане кажутся эгоистами и холодными только потому, что они не сообщительны и избѣгаютъ излишнихъ разговоровъ. Они не тратятъ времени попустому. Всякій ѣдетъ или идетъ по городу съ извѣстною цѣлю и съ заранѣе-составленнымъ планомъ на цѣлый день. Вслѣдствіе того, у нихъ, конечно, нѣтъ охоты пускаться въ безплодные разговоры о погодѣ и увеселеніяхъ. Потому иностранцы сами должны избѣгать всякихъ излишнихъ вопросовъ. Но всякій разъ, когда случалось мнѣ обращаться съ разпросами на улицѣ, я всегда получалъ удовлетворительные и обязательные отвѣты. Конечно, на дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ, нужно ограничиваться просьбой дать билетъ, и, заплативши деньги, поспѣшно удалиться отъ кассы. Кассиру нѣтъ возможности объяснять каждому, чтѣ стоитъ билетъ, сколько разъ въ день идетъ поѣздъ, и т. д. Еслибъ онъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы, то половина пассажировъ опоздала бы къ поѣзду. Смотри на быстроту, съ которою англійскій кассиръ раздаетъ билеты, я невольно вспоминалъ разговоры, которые мнѣ случалось слышать на Царско-сельской желѣзной дорогѣ между кассиромъ и пассажирами. Помню, какъ одна дама, съ тремя мѣшками и двумя дѣтьми, спрашивала у кассира, въ которомъ часу идетъ поѣздъ прямо въ Павловскъ? «Сію минуту,» отвѣчаетъ кассиръ.—«Я

не могу ѣхать сію минуту, продолжаетъ дама:—я должна прежде получить свои остальные вещи. Когда идетъ слѣдующій поѣздъ?»—«Въ половинѣ девятаго,» отвѣчаетъ кассиръ.—«А раньше не идетъ?» съ упорствомъ продолжаетъ дама. Спрашивается, какое земное существо, обреченное на должность кассира, не выйдетъ изъ себя отъ подобныхъ вопросовъ? Чтò же было бы, еслибы дама, о которой я говорю, ѣхала изъ Лондона, хотя напримѣръ, въ Кристалльный дворецъ въ числѣ тридцати тысячъ пассажировъ, и обратилась бы къ кассиру съ подобными вопросами? Вообще, въ Англіи надо какъ можно скорѣе отучиться отъ подобныхъ привычекъ, возимыхъ изъ Россіи и происходящихъ отъ постоянной опеки, которую мы надъ собою чувствуемъ во всѣхъ отношеніяхъ общественной жизни. На Московской желѣзной дорогѣ, напримѣръ, кондукторы говорятъ пассажирамъ, когда надо сѣсть, обѣдать, пить чай; съ отеческою заботливостію объясняютъ, сколько времени поѣздъ простоятъ на такой-то станціи, послѣ какого звонка надо непременно садиться и т. д. Въ Англіи такой опеки нѣтъ, и быть не можетъ. Здѣсь масса пассажировъ слишкомъ велика; нѣтъ никакой возможности учить каждаго, чтò, гдѣ, какъ и когда надо дѣлать, чего не дѣлать.

Вообще можно утвердительно сказать, что Англичане всегда обязательны въ случаѣ дѣйствительной нужды въ нихъ, и напротивъ не любезны, когда ихъ тревожатъ попустому. Въ подтвержденіе этого, я могу привести визитъ, сдѣланный мною одному лондонскому адвокату. Сперва онъ принялъ меня довольно холодно, несмотря на то, что я былъ рекомендованъ ему короткимъ его знакомымъ. Онъ очевидно думалъ, что я ищущу во всемъ преимущественно удовольствія и желаю побывать въ судахъ, какъ на какомъ-нибудь театральномъ представленіи. Но когда я объяснилъ ему, что самъ служу по судебной части въ Россіи, и что часть эта меня болѣе всего интересуетъ, то онъ принялъ во мнѣ большое участіе, указалъ на всѣ лучшія сочиненія объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ и поручилъ одному изъ своихъ клерковъ показать мнѣ всѣ лондонскіе суды. Эта любезность со стороны адвоката принесла мнѣ большую пользу и значительно облегчила мнѣ дальнѣйшія изслѣдованія по судебной части въ Англіи.

I.

Изученіе системы англійскаго судопроизводства сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ много времени. Посѣщая постоянно въ теченіи трехъ недѣль лондонскіе суды и просматривая ежедневно нѣкоторыя книги, относящіяся къ этому предмету, я теперь только, кажется, начинаю понимать механизмъ устройства и внутренней смыслъ англійскихъ судовъ. Но основательное изученіе англійскихъ судебныхъ учрежденій не возможно безъ предварительнаго изученія всей вообще конституціи Англій. Англійская конституція есть сердце англійскихъ учрежденій, дающее каждому изъ нихъ жизнь и смыслъ; безъ изученія этого сердца, конечно, нельзя вполнѣ понять и свойства остальныхъ составовъ Англій. Мнѣ неоднократно случилось прежде слышать отзывы объ англійскомъ судѣ, какъ о самомъ сложномъ и даже недѣломъ изъ всѣхъ судовъ, существующихъ въ Европѣ. Отзывы эти, безъ сомнѣнія, основываются на сочиненіяхъ иностранныхъ писателей, не изучившихъ конституціи Англій, и разсматривавшихъ ея судебныя учрежденія съ своей односторонней точки зрѣнія. Достаточно прочесть сочиненіе французскаго юриста Рея объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ (Rey, *Institutions judiciaires de l'Angleterre*), чтобы видѣть, въ какой степени иностранцы преувеличиваютъ все, что кажется имъ дурною стороною и искажаютъ хорошую сторону англійскаго суда. Пользуясь полною гласностію англійскихъ журналовъ, изобличающихъ во всей подробности малѣйшіе недостатки всѣхъ вообще учрежденій Англій, иностранные писатели спѣшатъ распространять подобныя свѣдѣнія съ прибавленіемъ, конечно, своихъ собственныхъ соображеній. Такимъ-то образомъ и составляется совершенно несправедливое понятіе объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Англійскія судебныя учрежденія, дѣйствительно, сложны; но эта сложность объясняется сильнымъ развитіемъ жизни, торговли и промышленности. При ежедневномъ столкновеніи интересовъ между милліонами лицъ, занимающихся торговлей и разными промыслами въ Англій, не можетъ быть такого простаго суда, который существовалъ въ блаженной Аркадіи, подъ сѣнію дуба. Конечно, и въ англійскихъ учрежденіяхъ, по несовершенству человѣческой природы, не можетъ не быть недостатковъ. Эти недостатки сознаются и самими Англичанами; но будучи по преимуществу народомъ практическимъ, они не рѣшаются дѣлать измѣненія путемъ теорій, тѣмъ болѣе что всякая насильственная перемѣна въ какой бы то ни было отрасли учрежденій могла бы поколебать цѣлое устройство. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, чтобы въ учрежденіяхъ Англій не совершалось съ теченіемъ времени никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Такая неподвижность была бы не сообразна съ движеніемъ цивилизаціи. Представители народа имѣютъ законодательную власть и слѣдовательно полную возможность дѣлать измѣненія въ законахъ сообразно съ нуждами народа; но они пользуются этою властію только въ необходимыхъ случаяхъ, подчиняясь требованію общественнаго мнѣнія. Въ Англій нѣтъ, какъ извѣстно, свода законовъ или кодекса; но законодательство этой страны идетъ постоянно впередъ, въ чемъ можно убѣдиться при одномъ обзорѣ журналовъ. Поэтому знаменитыя комментаріи англійскаго юриста Блэкстона, бывшіе прежде единственнымъ источникомъ для изученія законовъ, употребляются въ настоящее время въ университетахъ не иначе какъ съ дополнительными комментаріями новѣйшихъ англійскихъ юристовъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что новое постановленіе парламента обыкновенно служитъ только дальнѣйшимъ развитіемъ прежняго постановленія по тому же предмету, разъясненіемъ его смысла или дополненіемъ, сообразнымъ съ новымъ порядкомъ вещей.

Отсюда проистекаетъ та необыкновенная трудность изученія англійскаго законодательства, которая неизвѣстна юристамъ другихъ странъ Европы. Англійскій юристъ, стремящійся къ достиженію званія судьи, долженъ изучить безчисленныя постановленія парламента съ самыхъ древнихъ временъ, и потому приходитъ къ своей цѣли только послѣ многихъ лѣтъ, посвящен-

вать тяжелому труду. Этимъ, конечно только отчасти, объясняется ограниченность числа судей въ Англии и то огромное содержаніе, которое они получаютъ отъ правительства. Кромѣ того, они пользуются всеобщимъ уваженіемъ и неограниченными правами рѣшать по своему усмотрѣнію, какое изъ безчисленныхъ парламентскихъ постановленій должно быть приложено къ данному случаю. Такой порядокъ вещей возможенъ, конечно, только въ Англии, гдѣ сознание долга всасывается съ молокомъ матери, и гдѣ цѣлая страна слѣдитъ за всеми дѣйствіями какъ правительства, такъ и суда. Во всякомъ другомъ государствѣ отсутствіе правильной рамки, ограждающей власть судьи, повлекло бы за собою большія злоупотребленія. Поэтому не удивительно, что иностранные писатели, мысленно примѣняя англійскія учрежденія къ своимъ странамъ, находятъ ихъ нелѣпыми.

Въ настоящее время я ограничусь только самымъ краткимъ объясненіемъ на основной характеръ и оригинальную сторону англійскихъ судебныхъ учрежденій.

Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Англии судъ раздѣляется на два главные вида: во-первыхъ, судъ общему закону (*common law*), и 2) судъ по справедливости (*equity*). Причина такого оригинальнаго раздѣленія суда и время его учрежденія скрываются въ туманѣ эпохи Нормановъ и Саксовъ. На практикѣ подсудность дѣлъ суду общаго закона и суду справедливости подвергалась въ теченіи вѣковъ различнымъ и весьма значительнымъ измѣненіямъ. Самое понятіе объ *equity* было объяснено въ разные времена совершенно различно. Собственно говоря, *equity* въ юридическомъ смыслѣ означаетъ дополненіе закона общимъ правиломъ справедливости, такъ какъ законъ строгій и не можетъ разрѣшить всѣхъ случаевъ, возникающихъ на практикѣ (*rectification or correction of justice*). Можно замѣтить, что нѣтъ такого закона подъ небомъ, который бы не нуждался въ дополненіи его справедливостію (*equity*). «Если примешь все, присвокупилъ Беконъ, что дала тебѣ всѣ буквы закона, то и тутъ иногда поступишь противъ закона.» Въ настоящее время *equity* принимается въ болѣе частномъ смыслѣ и означаетъ тѣ правила и бывшіе примѣры, которыми должны руководствоваться суды справедливости (*courts of equity*). Различіе между этими судами и судами общаго закона (*courts of common law*) можно въ общихъ чертахъ опредѣ-

лить такъ, что суду *закона* подлежатъ всѣ дѣла, по которымъ имѣются какія-либо формальныя доказательства къ отысканію или огражденію извѣстнаго права, а суду *справедливости* тѣ дѣла, по которымъ формальныхъ доказательствъ не существуетъ. При этомъ есть еще то особенное различіе, что въ судахъ *общаго закона* вопросъ о фактѣ разрѣшается присяжными, а въ судахъ *справедливости* всегда однимъ судьей безъ присяжныхъ. Участіе присяжныхъ не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ составляетъ отличительное свойство англійскаго законодательства, постоянно отдѣляющаго *вопросъ факта* отъ *вопроса права* (Law and Fact). Правило это существуетъ съ древнихъ временъ и подтверждено статутами 1836, 1852—1856 г.

Другое, не менѣ оригинальное, раздѣленіе судовъ въ Англии заключается въ различіи суда съ *записью* (of record) отъ суда безъ *записи* (not of record). Въ первыхъ рѣшеніе суда вносится въ акты для вѣчной памяти и примѣра, во вторыхъ актовъ этихъ не существуетъ. Впрочемъ, не надо думать, чтобы съ этимъ было сопряжено различіе въ степени власти суда. Нѣкоторые суды безъ *записи* пользуются большею властію чѣмъ суды съ *записью*, и обратно.

Далѣе, всѣ вообще суды раздѣляются на *высшіе* и *низшіе*. Подъ *высшими судами общаго закона* (Superior Courts of Common Law) разумѣется три суда, находящіеся въ Вестминстерѣ: Королевина Скамья, или Королевина Лава, судъ Тяжебъ, судъ Казначейства (Queen's Bench, Common Pleas и Exchequer Court), и потому называемые обыкновенно общимъ именемъ *вестминстерскихъ судовъ*.

Трудно опредѣлить различіе между этими тремя высшими судами относительно предмета вѣдомства cadaго изъ нихъ. Со времени незапамятнаго учрежденія судовъ въ Вестминстерѣ, въ отправленіи общаго закона произошли безчисленныя перемѣны сообразно съ требованіемъ времени и съ увеличеніемъ торговыхъ и другихъ отношеній между частными лицами. Въ настоящемъ столѣтіи возникли такого рода дѣла, которыя не могли быть предусмотрѣны при учрежденіи вестминстерскихъ судовъ. Такъ напримѣръ дѣла о претензіяхъ частныхъ лицъ къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и пр. Для точнаго опредѣленія предмета вѣдомства cadaго изъ трехъ высшихъ судовъ необходимо не только

званіе теоріи англійскаго законодательства, но и ближайшее знакомство съ практическою стороною судебныхъ учрежденій Англійи. Иначе говоря, точное и вѣрное опредѣленіе предметовъ вѣдомства каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ можетъ быть сдѣлано только англійскимъ юристомъ или судьей. А между тѣмъ иностранные писатели, съ особенною настойчивостію, останавливаются на этомъ темномъ пути англійскаго судоустройства, и основываясь на допотопныхъ сочиненіяхъ своихъ соотечественниковъ или другихъ, чуждыхъ Англійи писателей, слятся опредѣлить въ точности предметъ вѣдомства каждаго изъ судовъ Англійи. Достаточно пробѣжать статью, помѣщенную въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ юридическихъ журналовъ и имѣющую цѣлю изобразить очеркъ судоустройства въ Англійи, чтобы видѣть, до какой странной и бесполезной подробности доходятъ иностранные писатели, говоря о теоретическомъ устройствѣ въ высшей степени пракческаго суда Англійи. Посѣщая постоянно въ теченіи мѣсяца здѣшніе суды и читая спеціальныя сочиненія по этой части, я до сихъ поръ не беру на себя опредѣлить предметъ вѣдомства каждаго изъ нихъ. Скажу болѣе: клерки и адвокаты, къ авторитету которыхъ я обращался, не могли удовлетворить въ точности моему любопытству по этому предмету. При мнѣ неоднократно разрѣшались въ двухъ высшихъ судахъ дѣла совершенно однородныя. Такъ, напримеръ, въ Common Pleas и Exchequer Court рѣшались дѣла о претензіяхъ къ компаніи желѣзныхъ дорогъ и пр. При такомъ отсутствіи положительныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія предмета вѣдомства каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ, я думаю, можно безъ ущерба остановиться на самомъ общемъ опредѣленіи. Я считаю совершенно достаточнымъ, и во всякомъ случаѣ болѣе вѣрнымъ, опредѣлить предметъ вѣдомства высшихъ судовъ такъ, что судамъ этимъ подлежатъ всѣ вообще тяжёбныя гражданскія дѣла по претензіямъ частныхъ лицъ между собою, а также между ними и обществами или компаніями и казною. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что судъ Королевской Скамьи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій уголовный судъ въ Англійи, и этимъ существенно отличается отъ двухъ другихъ судовъ.

На рѣшенія каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ допускается въ извѣстныхъ случаяхъ аппелляція (appeal, или writ in error)

въ *Exchequer Chamber* (составляемую изъ судей двухъ остальныхъ судовъ) и въ высшій судъ палаты лордовъ (*Judicial Court of the House of Lords*). Каждый изъ трехъ высшихъ судовъ состоитъ изъ одного предсѣдателя (*Chief Justice* или *Chief Baron*) и четырехъ судей (*puisne judges*), то-есть всего выходитъ пятнадцать судей.

Засѣданіе суда въ полномъ составѣ (*in banco*) бываетъ весьма рѣдко. На практикѣ дѣла разрѣшаются обыкновенно въ судахъ *Низи-Приусъ* (*Nisi-Prius*), которые состоятъ изъ одного судьи и присяжныхъ. Присяжные бываютъ или *спеціальные* (*special jury*) или *обыкновенные* (*common jury*), смотря по роду дѣла и желанію тяжущихся сторонъ. Засѣданія судовъ *Низи-приусъ* бываютъ или въ Вестминстерѣ или въ Сити, въ зданіи, называемомъ Гилдгалъ (*Guildhall*). Время перехода судей изъ Вестминстера въ Сити опредѣляется каждый годъ различно. Кромѣ того судьи, какъ извѣстно, объѣзжаютъ два раза въ годъ всю Англію, которая раздѣляется въ этомъ отношеніи на восемь округовъ. Эти объѣзды называются *circuits*, а судьи, совершающіе объѣздъ *судьями ассизовъ* (*judges of assize*) или *Nisi-Prius*. Въ то время, когда четырнадцать судей совершаютъ объѣзды (1), одинъ судья остается въ Лондонѣ для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Судьи ассизовъ наблюдаютъ за опростаніемъ тюремъ (*delivery of the gaols*), и разсматриваютъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, и притомъ какъ по апелляціи на низшіе суды (*county courts*, которыхъ всего шестьдесятъ въ Англіи), такъ и въ качествѣ суда первой степени (*at Nisi-Prius*). Хотя съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ потребность въ объѣздныхъ судахъ сдѣлалась менѣе ощутительною, но это учрежденіе, признанное Блэкстономъ за одно изъ драгоценнѣйшихъ правъ народа, остается до настоящаго времени въ полной силѣ. Въ настоящемъ году лѣтній объѣздъ начнется 28 іюня (10 іюля). Я намѣренъ отправиться въ ближайшій округъ, въ городъ Гертфордъ, гдѣ будетъ извѣстнѣйшій изъ здѣшнихъ судей, президентъ Королевиной Лавы, лордъ Кокъ

(1) Надо замѣтить, что всѣ округи объѣзжаются судомъ *nisi-prius* одновременно, а не постепенно. Обыкновенно въ каждый округъ отправляются по два судьи, за исключеніемъ двухъ округовъ графства Валлійскаго, куда отправляется по одному судьи.

борнъ. По этому я отлагаю болѣе подробное описаніе этихъ интересныхъ и оригинальныхъ судовъ до слѣдующаго письма.

Суды справедливости также раздѣляются, какъ я выше сказалъ, на высшій (*high court of chancery*) и семь низшихъ (*courts of chancery*), въ числѣ которыхъ суды Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ. Предсѣдатель высшаго суда справедливости есть лордъ канцлеръ, верховный судья и администраторъ юстиціи во всей странѣ. Такъ какъ онъ по званію своему министръ, то служба его прекращается вмѣстѣ съ переменной министерства. Отъ него между прочимъ зависить назначеніе мировыхъ судей по всей странѣ.

Кромѣ поименованныхъ, въ Англіи существуютъ еще многіе другіе спеціальныя суды, какъ напримѣръ *court of probate*, учрежденный въ 1858 году и рассматривающій исключительно дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ; *court of divorce*, рассматривающій дѣла о разводѣ брака; *court of bankruptcy*—дѣла о банкротствѣ; *court of insolvency*—несостоятельности; *court of admiralty*, суда адмиралтейства,—дѣла, явствующія изъ названія.

Уголовныя дѣла подлежатъ рассмотрѣнію *суда ассизовъ* и *центрального уголовного суда*, учрежденнаго въ Сити Лондона (*Central Criminal Court*). Апелляціи на эти суды допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ, тѣкъ же какъ и *writ of error* въ судъ Королевской Скамьи, или въ *уголовный апелляціонный судъ* (*Court of Criminal Appeal*), составляемый изъ судей трехъ высшихъ судовъ. Верховный уголовный апелляціонный судъ принадлежитъ *палатѣ лордовъ*.

Скажу теперь нѣсколько словъ о внѣшней обстановкѣ трехъ высшихъ судовъ. Я упомянулъ выше, что засѣданія этихъ судовъ бывають или въ Вестминстерѣ, или въ Гилдгалѣ.

Въ Вестминстерѣ суды помѣщаются въ отдѣльныхъ камерахъ, смежно съ знаменитою Вестминстерскою залой. Въ этой залѣ Карлъ I былъ приговоренъ къ смертной казни, а Кромвель украшенъ пурпуровою мантией, и возведенъ въ званіе лорда-протектора Англіи. Вестминстерская зала, по своей древности и величинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Построенная въ XI столѣтіи, она была возобновлена въ царствованіе Ричарда II, то-есть въ началѣ XIV столѣтія, и имѣетъ теперь 290 футовъ длины, 68 ширины и 110 высоты,—величина тѣмъ болѣе замѣчательная, что зала вовсе не поддерживается колоннами.

Самыя комнаты судовъ, по своему внѣшнему виду, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Въ Гилдгалѣ суды помѣщены въ комнатахъ, окружающихъ великолѣпную залу, въ которой бываетъ 9 ноября ежегодно объѣдъ въ честь лорда мера, стоящій Городу (City) обыкновенно не менѣе 2200 фунтовъ (то-есть около 16.000 т. р. сер.) Комнаты для судовъ въ Гилдгалѣ обширнѣе и оригинальнѣе чѣмъ въ Вестминстерѣ. Каеэдра для судьи устроена на возвышеніи, подѣ огромнымъ балдахиномъ краснаго сукна, съ гербомъ Англій. Входъ допускается во всѣ суды безъ изыятія всѣмъ лицамъ обоего пола, и количество публики ограничивается только возможностью помѣщенія.

Впрочемъ въ гражданскихъ судахъ, за исключеніемъ суда по завѣщаніямъ, *Court of Probate*, публики бываетъ очень мало. Напротивъ, въ уголовныхъ судахъ публики бываетъ такъ много, что надо приходиться часа за два до начала засѣданія, чтобы имѣть удобное мѣсто.

Въ гражданскихъ судахъ присутствуютъ большею частью только тѣ лица, которыя имѣютъ какое-нибудь участіе въ разсматриваемомъ дѣлѣ, и лица, изучающія судопроизводство, какъ напримѣръ клерки и студенты. При этомъ случаѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ англійскихъ университетахъ нѣтъ особенной каеэдры судопроизводства; этотъ предметъ изучается здѣсь исключительно на практикѣ. Засѣданія судовъ имѣютъ весьма оригинальный и торжественный видъ. Судьи и адвокаты сохранили одежду древнихъ временъ, которая такъ поражаетъ иностранцевъ. Въ Англій сохранилось преданіе о посѣщеніи вестминстерскихъ судовъ Петромъ Великимъ. Войдя въ одинъ изъ судовъ, онъ освѣдомился о томъ, кто были эти занятые люди въ напудренныхъ парикахъ и черныхъ мантияхъ. Ему отвѣчали, что это законовѣдцы. «Законовѣдцы! воскликнулъ удивленный императоръ. Зачѣмъ же ихъ такъ много? Я имѣю только двухъ законовѣдцевъ во всемъ моемъ обширномъ царствѣ, и то я думаю повѣсить одного изъ нихъ по возвращеніи домой.» Парикъ и мантия, поразившіе Петра Великаго, сохранились до настоящаго времени. Присяжные носятъ обыкновенную одежду, и засѣдаютъ въ особо-устроенной для нихъ ложѣ между судьей и адвокатами. Несмотря на торжественный видъ, засѣданіе производится, если можно такъ выразиться, домашнимъ порядкомъ. У двѣ-

рей суда не замѣтно никакихъ административныхъ властей (въ Пруссіи и даже Бельгіи власти эти очень замѣтны). Всякій входитъ и уходитъ когда вздумается. Такъ какъ любопытные большею частію приходятъ только для того, чтобы полюбоваться обстановкою суда, и поспѣшно исчезаютъ, то двери безпрестанно отворяются и затворяются, но это нисколько не мѣшаетъ засѣданію, потому что дверь отворяется безъ всякаго шума и на обѣ стороны.

Я упомянулъ прежде, что я осматривалъ въ первый разъ суды вмѣстѣ съ клеркомъ знакомаго адвоката. Послѣ того я отправился въ вестминстерскіе суды одинъ. Потерявшись въ безчисленныхъ корридорахъ Вестминстера, я наконецъ увидѣлъ передъ собою маленькую затворенную дверь. Не видя другаго исхода, я рѣшился отворить эту дверь, и очутился внезапно у самой каеэдры судьи и противъ ложи присяжныхъ. Не видя никого возлѣ себя, и приученный съ дѣтства къ соблюденію всѣхъ административныхъ правилъ, я почувствовалъ такой страхъ, что едва не лишился чувствъ. Закрывъ глаза, я съ ужасомъ ожидалъ, что какая-нибудь мощная рука схватитъ и отведетъ меня въ мрачную темницу, гдѣ томятся разнаго рода ослушники. Но, къ величайшему удивленію, ко мнѣ никто не подошелъ, и никто меня изъ суда не вывелъ. Ободраемый этимъ невниманіемъ администраціи къ моей особѣ, я забылся даже до того, что простоявъ часа полтора и почувствовавъ усталость, рѣшился присѣсть на находившейся возлѣ меня маленькій столикъ и оставался въ этой выгодной позиціи до конца засѣданія. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельстве для того, чтобы показать, до какой степени допускается въ Англіи свобода дѣйствій каждаго до тѣхъ поръ, пока дѣйствія эти безвредны. Та же свобода ощущается и при осмотрѣ церкви, парламента, музея, галлерей, дворцовъ и другихъ учреждений. Но при этомъ не надо забывать, что зоркій глазъ полиціи постоянно наблюдаетъ за порядкомъ, и въ случаѣ надобности десять полиціеменовъ явятся внезапно и неизвѣстно откуда и какимъ образомъ.

Описавъ такимъ образомъ внѣшнюю обстановку судовъ, скажу теперь нѣсколько словъ о засѣданіяхъ, на которыхъ мнѣ случалось присутствовать, и о порядкѣ дѣлопроизводства въ судахъ Англіи.

Засѣданіе начинается клятвой присяжныхъ постановить при говорѣ по совѣсти и справедливости. Затѣмъ, послѣ изложеніи адвокатомъ истца (plaintiff) сущности иска, а адвокатомъ отвѣтника (defendant) сущности возраженія, начинается допросъ свидѣтелей, а иногда и самихъ тяжущихся. Каждый свидѣтель присягаетъ въ томъ, что будетъ говорить полную правду. Допросъ производится сперва адвокатомъ истца (examination), потомъ адвокатомъ отвѣтника (cross-examination). Это повтореніе допроса, или переспросъ свидѣтелей, имѣетъ то значеніе что каждый адвокатъ старается дѣлать вопросы сообразно съ данными, которыя представляются въ пользу его доверителя. Адвокатъ отвѣтника старается, обыкновенно, сбивать свидѣтеля, то-есть заставляеть его дѣлать такіа показанія, которыя находятся въ прямомъ противорѣчій съ его прежнимъ показаніемъ. Если прежнее показаніе свидѣтеля неправильно, то ему трудно бороться съ опытнымъ адвокатомъ, который, по своимъ даннымъ, непремѣнно доведетъ свидѣтеля до показанія истины. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ процессовъ, при которыхъ присутствовалъ, свидѣтель, говорившій въ пользу истца, показывалъ между прочимъ, что онъ самъ не имѣлъ съ истцомъ никакихъ денежныхъ сдѣлокъ. На передопросѣ адвокатъ отвѣтника заставилъ свидѣтеля сознаться въ противномъ. Сперва этотъ свидѣтель долго колебался; адвокатъ нѣсколько разъ просилъ его подтвердить хорошенько о томъ, имѣлъ ли онъ съ истцомъ денежные сдѣлки. Наконецъ свидѣтель *припомнилъ*, что онъ действительно имѣлъ сдѣлку съ истцомъ. Тогда адвокатъ показалъ ему собственноручную его записку, которая обнаруживала истину (1). Въ умѣнны предлагать вопросы состоитъ едва ли не самая трудная обязанность адвоката. Я неоднократно замѣчалъ, какъ не полны и не тверды вопросы, предлагаемые свидѣтелямъ молодыми адвокатами. Они затрудняются иногда въ приисканіи вопроса и допускаютъ паузы, могущія привести судью и присяжныхъ въ нетерпѣніе. Напротивъ, опытные бойцы съ удивительнымъ искусствомъ и быстротой закидываютъ свидѣтеля допросами и почти всегда достигаютъ своей цѣли, то-есть доводятъ его до сознанія истины.

Такъ напримѣръ одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ адвокатовъ

(1) Изъ этого видно какъ остороженъ долженъ быть свидѣтель при своихъ показаніяхъ, тѣмъ болѣе что наказаніе за клятвопреступленіе чрезвычайно строго.

Сидисъ поражалъ меня своимъ искусствомъ дѣлать вопросы и умѣнемъ говорить въ высшей степени кратко, быстро и ясно. вмѣстѣ съ тѣмъ Гокинсъ обнаруживаетъ очень много тотъ пріятный и остроумный юморъ, который свойственъ только Англичанамъ. Это не французская блестящая и не немецкая гиря. Въ англійскомъ юморѣ почти всегда скрывается или-нибудь серьезная мысль, выраженная въ игривой формѣ. Иностранецъ, не привыкшій ко всѣмъ тонкостямъ англійскаго юмора и характеру Англичанъ, не всегда можетъ понять смыслъ англійской остроты. Я самъ очень часто оставался въ недоумѣніи при веселіи, возбуждаемомъ въ публикѣ какимъ-нибудь замѣчаніемъ англійскаго адвоката. Я слышалъ Гокинса въ многихъ случаяхъ, и по всѣмъ изъ нихъ онъ выигралъ дѣло своего доверителя. Впрочемъ, изъ этого нельзя заключить, чтобы искусство адвоката имѣло большое вліяніе на приговоръ принятыя и постановленіе суда. По одному изъ упомянутыхъ случаевъ, противникомъ Гокинса былъ не менѣе искусный и болѣе его знаменитый адвокатъ Эдвинъ Гемсъ (1), въ особенности прославившійся, какъ извѣстно, дѣломъ Бернара. Вообще, какъ это можно видѣть изъ *Times*, часто бываетъ, что мало извѣстный адвокатъ побѣждаетъ своего знаменитаго противника.

Послѣ допроса и переспроса свидѣтелей, адвокатъ излагаетъ въ подробности обстоятельства дѣла и показанія свидѣтелей и вообще представляетъ различные доводы въ подтвержденіе иска. Адвокатъ отвѣтчика возражаетъ ему, опровергаетъ обстоятельства дѣла и объясняетъ показанія свидѣтелей съ своей точки зрѣнія, въ огражденіе правъ своего доверителя. Затѣмъ судья дѣлаетъ краткій выводъ изъ всего (the judge sums up) и объясняетъ присяжнымъ въ чемъ дѣло заключается и какъ долженъ быть, по его мнѣнію, постановленъ вопросъ о фактѣ. Послѣ того присяжные объявляютъ свой вердиктъ (verdict), и дѣло окончательно разрѣшается заключеніемъ суда, то-есть примѣненіемъ закона къ факту (judgment). Въ этомъ краткомъ очеркѣ заключается сущность системы

(1) Говоря о Гемсѣ, не могу не упомянуть, что недавно французскіе дипломаты, сдѣлавшіе, по выраженію *Times*, высадку въ Англію, осматривали между прочими достопримѣчательностями Лондона зданіе Гилд-холла. Увидѣвъ тамъ Гемса, они выразили восторгъ и сочувствіе, говоря, что онъ былъ очень тронутъ.

дѣлопроизводства въ высшихъ судахъ общаго закона (*common law courts*).

Предметъ большей части дѣлъ, при разрѣшеніи которыхъ я присутствовалъ до сихъ поръ, заключался въ претензіяхъ частныхъ лицъ къ различнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ одинъ старикъ изъ торговаго класса, фамилію котораго я забылъ, предъявилъ искъ къ одной изъ компаній желѣзныхъ дорогъ, на томъ основаніи, что онъ подвергся ушибу (*injury*) вслѣдствіе неосторожности машиниста, внезапно остановившаго поѣздъ. Представляя, что онъ издержалъ деньги на леченіе и потерпѣлъ убытки отъ приостановки занятій по торговлѣ, истецъ требовалъ отъ компаніи вознагражденіе на сумму 800 фунтовъ. Адвокатъ отвѣтчика доказывалъ, что компанія не можетъ отвѣчать за подобные случаи, которые, при множествѣ поѣздовъ, могутъ встрѣчаться очень часто, и что ушибъ былъ не важенъ. Тѣмъ не менѣе присяжные объявили приговоръ въ пользу истца, и судъ присудилъ компанію желѣзныхъ дорогъ къ уплатѣ ему 400 фунтовъ вознагражденія. Дѣло это разсматривалось судомъ съ 10 часовъ утра до 6 вечера. При этомъ я былъ пораженъ показаніемъ доктора, лѣчившаго истца. Онъ объявилъ, что истецъ долженъ былъ заплатить ему за все время болѣзни, продолжавшейся двѣ недѣли, около 200 фунтовъ, то-есть около 1.300 р. с. Показаніе доктора было совершенно неправдоподобно. Адвокатъ отвѣтчика употреблялъ все усиліе, чтобы заставить доктора сбавить цѣну, но онъ остался при своемъ показаніи, съ тѣмъ впрочемъ важнымъ присовокупленіемъ, что онъ денегъ отъ истца не получилъ.

Самыя интересныя гражданскія дѣла, привлекающія всегда большую публику, производятся, какъ я прежде сказалъ, въ судѣ по дѣламъ о завѣщаніяхъ (*Court of Probate*) и въ судѣ по дѣламъ о разводѣ (*Court of Divorce*). Въ первомъ разсматривалось ²⁵/₄ іюля очень интересное дѣло о двухъ духовныхъ завѣщаніяхъ, оставшихся послѣ смерти г-жи Миллеръ. Истцы основывали права свои на духовномъ завѣщаніи, совершенномъ умершею въ іюлѣ 1858 года, а отвѣтчикъ оспаривалъ права свои послѣдующимъ духовнымъ завѣщаніемъ, совершеннымъ въ сентябрѣ того же года. Подлежащій разрѣшенію присяжныхъ вопросъ заключался главнымъ образомъ въ томъ, находилась ли завѣщательница при совершеніи втораго духовнаго завѣщанія въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. По выслушаніи адвокатовъ обѣихъ сторонъ и вывода, сдѣланнаго

судей, присяжные удалились для совѣщанія около 4-хъ часовъ послѣдней. Въ пять часовъ я ушелъ домой, не дождавшись ихъ возвращенія. На другой день я прочелъ въ *Times*, что присяжные вернулись только въ 10 часовъ вечера, то-есть послѣ шестичасоваго совѣщанія, и не пришли къ единогласному заключенію. Вслѣдствіе этого, судья распустилъ присяжныхъ (*the judge discharged the jury*) и объявилъ, что дѣло будетъ разсмотрѣно при посредствѣ новыхъ присяжныхъ. Мнѣ было очень любопытно узнать, какимъ образомъ разрѣшать это дѣло новые присяжные. Но, къ сожалѣнію, при всемъ моемъ стараніи, я никакъ не могъ узнать, когда оно будетъ разсмотрѣно вторично. Проглядывая ежедневно *Times*, я до сихъ поръ этого дѣла не замѣтилъ. Можетъ-быть я пропустилъ его, но при обиліи процессовъ, помѣщаемыхъ въ *Times*, не удивительно, а можетъ-быть оно еще не было разсмотрѣно.

Говоря о судахъ Англій, не могу не упомянуть о главномъ полицейскомъ судѣ Города (*City Police Court*). Судъ этотъ находится въ центрѣ Сити, въ зданіи, называемомъ *Mansion House*, расположенъ подъ предсѣдательствомъ лорда-мера. Суду лорда-мера принадлежатъ всѣ полицейскіе проступки, совершенныя въ чертѣ Сити. Онъ разрѣшаетъ этого рода дѣла собственною властію, империально, и пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ и авторитетомъ. Судъ его сохранилъ всю оригинальность старинныхъ судовъ, и отличается своею назидательностію; лордъ-меръ не только опредѣляетъ наказаніе, но и дѣлаетъ виновному наставленія, внушаетъ понятія о добрѣ и злѣ. Я былъ въ Маншонтъ-Кортъ скоро послѣ смотра, дѣланнаго королевой волонтерамъ въ Виндзоръ-Паркъ. Поэтому предметъ большей части дѣлъ заключенъ въ этотъ день въ кражѣ, совершенной во время смотра (1). Впрочемъ были и нѣкоторыя другія дѣла объ обидахъ, несправедливости къ женщинамъ, пьянствѣ и т. п. Процедура въ этомъ судѣ самая простая, и потому я о ней распространяться не буду. Скажу только, что наказаніе, опредѣляемое лордомъ-меромъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ, состоитъ обыкновенно въ трехмѣсячномъ тюремномъ заключеніи, при тяжелой работѣ (*hard labour*), и что публика въ этомъ судѣ бываетъ огромная.

(1) Полицейскіе суды были всѣ заняты въ послѣднее время дѣлами объ кражахъ, совершенныхъ во время смотра.

Послѣ первоначальнаго осмотра судовъ и парламента, я отправился осматривать знаменитѣйшія лондонскія тюрьмы: Пентонвильскую и Ньюгетскую.

Объ устройствѣ тюремъ и системѣ обращенія съ преступниками я буду говорить въ послѣдствіи. Теперь скажу только, что Англія обязана настоящимъ, христіанскимъ и благотѣльнымъ устройствомъ тюремъ великимъ преобразователямъ тюремной системы, Блэкстону и Говарду. Въ давнее время здѣшнія тюрьмы представляли возмутительныя сцены разврата и физическихъ страданій. Актъ парламента 1779 года положилъ этому предѣлъ введеніемъ пенитенціарной системы и учрежденіемъ новыхъ тюремъ.

Въ настоящее время англійскія тюрьмы производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Нельзя не удивляться величію цивилизаціи, проявляющей торжество духа надъ матеріальною стороною человѣческой жизни. Въ устройствѣ лондонскихъ тюремъ ясно выражается та мысль, что сущность тюремнаго заключенія, какъ наказанія, состоитъ не въ матеріальныхъ страданіяхъ, причиняемыхъ преступнику голодомъ, холодомъ, сыростию и грязью. Такое наказаніе можетъ быть примѣнимо только къ неразумнымъ тварямъ, но не сообразно съ достоинствомъ человѣка, для котораго ограниченіе его высшаго блага, его самой драгоценной, жизненной потребности—свободы, составляетъ само по себѣ самое жестокое и самое чувствительное страданіе. Увеличеніе этого страданія посредствомъ лишенія преступника ежедневныхъ потребностей, можетъ только раздражить его, вселить въ него ненависть къ людямъ и жажду мщенія, и такимъ образомъ отклонить другую великую цѣль наказанія, исправленіе преступника. Эта цѣль, вполнѣ соответствующая духу христіанской религіи и общимъ понятіямъ о вѣчной правдѣ, составляетъ отличительный характеръ настоящей системы устройства лондонскихъ тюремъ.

Лондонъ, 5-го юля 1860 года.

М. Зарудный.

(До слѣд. №)

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ ¹

II.

Блещет ясное осеннее солнце. Небо расчистило свѣжимъ осеннимъ вѣтромъ, и отъ его живительнаго дуновенія быстрѣе обращается кровь, возбуждая нашу мысль къ усиленной дѣятельности. Вимбледонскіе луга не вдалекѣ; пять тысячъ акровъ волнующагося папортника и вереска соблазняютъ насъ пуститься по нимъ, и мы съ каждымъ шагомъ вдыхаемъ здоровье вмѣстѣ съ свѣжимъ осеннимъ воздухомъ. Насъ подмываетъ также взять съ собою сѣтку и широкую склянку, чтобы добыть изъ многочисленныхъ лужъ ихъ видимыя и невидимыя чудеса.

Лужи, конечно, не такъ богаты и привлекательны, какъ морскіе заливы; равнины, покрытыя верескомъ, не такъ заманчивы, какъ береговые утѣсы, омываемые таинственнымъ моремъ, съ ихъ наносными песками, съ ихъ рифами, съ ихъ влажными пещерами; но вѣдь берегъ моря далекъ, а луга — тутъ, подъ рукой. Еслибъ не это обстоятельство, мы, конечно, предпочли бы морской берегъ. Большая часть нашихъ ближнихъ грѣшитъ тѣмъ, что пренебрегаетъ тѣми прекрасными вещами, которыя находятъ близко, потому только, что гдѣ-то, въ дали, можно найти нѣчто еще лучшее. Это признакъ особенной мелочности ума. Мы не тамъ, а здѣсь; мы должны

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

извлечь все, что можно, изъ того, что намъ доступно. Нашъ вѣкъ не вѣкъ Елисаветы. Должны ли мы поэтому отказывать въ своемъ уваженіи нашимъ великимъ людямъ, и сберечь его для Шекспира, Бекона, Ралея, и за ихъ славою забывать заслуги нашихъ современниковъ? Конечно, нѣтъ. Каждому вѣку его слава. Будемъ благодарны за все великое, современное и прошлое, почтимъ всякое благородное дѣло, всякое честное начинаніе, нужды нѣтъ, равно ли оно или неравно, по нашему мнѣнію, другимъ дѣламъ, другимъ начинаніямъ. Итакъ, пожалуйста, оставимъ сравненія. Если бы я сказала, что лужи лучшихъ морскихъ заливовъ, вы могли бы возражать; но я только говорю, что лужи вещь хорошая,—давайте же копаться въ нихъ; лужи богаты чудесами,—давайте же наслаждаться ими.

Прежде всего, запасемся необходимыми вооруженіемъ. Оно чрезвычайно просто. Кисейная сѣтка на палочкѣ, широкая банка, хоть въ футъ вышиной, и шириной въ шесть дюймовъ, съ бичевкой, обвязанной вокругъ горлышка, и петлей изъ той же бичевки, посредствомъ которой мы можемъ качать ее на рукѣ, не раплескивая воды; кисточка изъ верблюжьей шерсти, какая-нибудь широкогорлая склянка для червей и другихъ нѣжныхъ животныхъ, которыхъ вы захотите уберечь отъ толкотни и опасностей большой банки; если вы къ этому прибавите карманную лупу, намъ больше ничего не нужно.

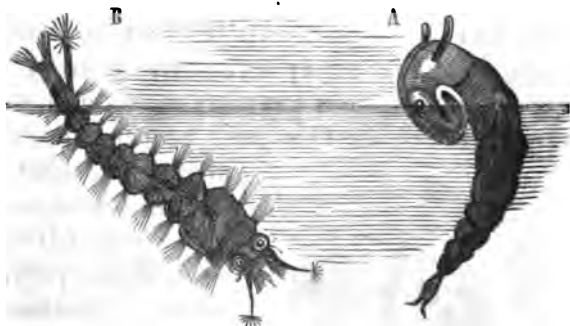
Вотъ мы вышли въ луга, и шагаемъ по упругому вереску. Какой славный вѣтеръ дуетъ намъ въ глаза и румянитъ намъ щеки! Какая широкая даль передъ нами! Богатая пестрота осени, ея прощальное великолѣпіе, придають простому виду задумчивую прелесть. Папортники гармонически сливаются свое бурое золото съ темною зеленью вереска, уже лишеннаго яркихъ лѣтнихъ тинтовъ, но все еще красиваго. Высокая мельница на пригоркѣ раскидываетъ на синемъ небѣ свои неподвижныя крылья. Она служитъ маякомъ пѣшеходу; на ней останавливается его блуждающій взоръ; на ней останавливаются и наши блуждающія мысли, переходя неволью къ сладкимъ воспоминаніямъ о томъ раннемъ, темномъ времени дѣтства, когда мы со страхомъ смотрѣли на нее, и прислушивались къ шороху ея крыльевъ. Да, съ упорною грустью останавливается нашъ умъ на этомъ времени, какъ бы желая убѣдиться, что не совсѣмъ исчезло это невозвратное прошлое изъ нашей жизни, слишкомъ быстро, какъ напоминаетъ намъ осеннее

узданіе, несущейся мимо, не исполнивъ нашихъ лучшихъ надеждъ, не давъ высказаться нашимъ лучшимъ чувствамъ. Летучія видѣнія прошлой жизни будятъ въ насъ думы, слишкомъ глубокія для слезъ; и эта мельница вызвала такія видѣнія по таинственному закону сочетаній. Такъ подойдемъ же къ ней, пріютимся еще разъ въ ея тѣни. Вотъ умный, кучій песъ съ грознымъ лаемъ выскочилъ намъ на встрѣчу; но онъ тотчасъ смекнулъ, что мы не бродяги и не воры, онъ умолкъ и принялся обмѣниваться собачьими любезностями съ нашимъ Погомъ, который съ своей стороны непрочь отъ дружескаго разговора. Пока псы изливаютъ другъ другу душу, сядемъ на эту лавку на солнышкѣ, и взглянемъ вдоль потемнѣвшей равнины, окаймленной гипсовыми скалами, на краснѣющіеся холмы Соррея, на пестрѣющія деревья Комбвуда и Ричмондъ-парка. Такихъ видовъ подъ Лондономъ мало. Но, несмотря на солнце, намъ здѣсь засиживаться нечего. Вѣтеръ становится назойливъ; да къ тому же, мы вышли охотиться.

Вотъ лужа, затянутая много-общающею зеленью. Погрузите въ нее банку. Подержите ее теперь на свѣтъ, и вы увидите, что въ ней плаваетъ огромное количество мелкихъ животныхъ.

Фиг. 7.

Ныня такъ крупны, что можно разсмотрѣть ихъ невооруженнымъ глазомъ, другія требуютъ лупы, если привычка не научила васъ угадывать формы, не совершенно ясно видима. Вотъ (фиг. 7) двѣ ларвы, или личинки,

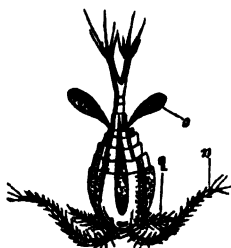


Личинки комара въ двухъ различныхъ степеняхъ развитія (увеличено).

обыкновеннаго комара. Головастый молодецъ (А), такъ смѣшно изворачивающійся въ водѣ, очень близокъ къ послѣднему своему превращенію: завтра, или послѣ завтра, онъ сброситъ съ себя личину (ларва значитъ личина) и явится крылатымъ насѣкомымъ. Другой (В) еще далекъ отъ этого стадія развитія, и ведетъ жизнь дѣятельнаго хищника, шмыгая подъ водой, и прикрѣпляясь къ травамъ и къ стѣнкамъ сосуда посредствомъ крючковъ, на концѣ хвоста. Волосистый

придатокъ около хвоста не есть другой хвостъ, но дыхательный аппаратъ.

Фиг. 8.



Суслоръ. а. Большая щупальцы; б. малая; с. мѣшки съ яйцами (увеличено).

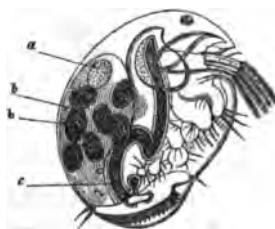
Фиг. 9.



Дарфнія. а. Бьющійся мѣшокъ, или сердце; б. лица; с. пищеводъ (увеличено).

Обратите также вниманіе на этихъ причудливыхъ *энтомостраковъ* (1), или водяныхъ блохъ, какъ называютъ ихъ въ народѣ, хотя, какъ вы видите, они мало похожи на этихъ слишкомъ знакомыхъ намъ насакомыхъ. Это (фиг. 8) *циклопъ*, съ однимъ только глазомъ посерединѣ лба, таскающій съ собою два мѣшка, наполненные яйцами. Вы замѣчаете, что у него нѣтъ ногъ, или точнѣе, — всѣ его ноги скучены около головы, и приняли форму щупалецъ, усиковъ. А вотъ это (фиг. 9) *дафнія*, также очень смѣшная съ своими растопыренными лапками, съ своими ножками, собранными подъ панциремъ, и

Фиг. 10.



Еурисегсусъ. а. Сердце; б. яйца; с. пищеводъ (увеличено.)

постоянно движущимися тамъ въ качествѣ дыхательныхъ органовъ. Далѣе, вотъ (фиг. 10) *еврицеркусъ* (*Eurytemora*), менѣе рогатой формы и съ крошечнымъ глазкомъ. Кстати о глазахъ: у одного изъ этихъ энтомостраковъ, *Polyphemus*, вся голова въ глазахъ; у другого, *Caligus*, вовсе нѣтъ головы. И мало ли еще чудныхъ и парадоксальныхъ явленій представляютъ эти животныя! Но всѣ они ничтожны въ сравненіи съ парадоксальнымъ свойствомъ *ануса* — этой амазонки между раками, обходящейся безъ самцовъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ ея породѣ!

(1) Энтомостраки (отъ *entomos* — насакомое и *ostracon* — ракъ) не насакомыя, а принадлежатъ къ классу раковъ.

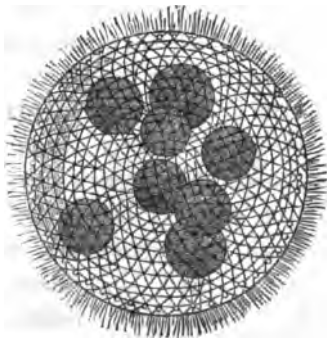
Я очень хорошо помню тотъ прекрасный вечеръ, когда я въ первый разъ познакомился съ этою удивительною амазонкой. Это было въ Мюнхенѣ, въ домѣ знаменитаго профессора; въ его саду собралось пріятное общество писателей, ученыхъ и ихъ женъ, и весело болтало, то разсыпаясь мелкими кучками, то собираясь въ тѣсный кружокъ. Мы пили кофе педъ свѣжимъ навѣсомъ вѣтвей и въ ожиданіи ранняго ужина бродили по дорожкамъ. Нашъ хозяинъ только что вернулся съ экскурсіи. Онъ ѣздилъ миль за пятьдесятъ осматривать болото, извѣстное тѣмъ, что въ немъ водятся апусы. Онъ не побоялся этого длиннаго путешествія, потому что эта порода, хотя очень плодovitая, рѣдка, и ее не вездѣ найдешь. Три года съ ряду посѣщалъ онъ это самое болото, отыскивая самцовъ; но онъ не нашелъ ни одного между тысячами самокъ, изъ которыхъ нѣсколько онъ привезъ съ собою, и тутъ же показалъ намъ. Насъ не мало забавляли ихъ быстрыя, порывистыя движенія, ихъ плаваніе на спинѣ, и постоянное качаніе ихъ дыхательныхъ ножекъ; дамы въ особенности были въ восторгѣ отъ этого животнаго, обходящагося безъ мужескаго пола, этого очевидно лишняго звена въ организмѣ природы.

Не одинъ апусъ представляетъ намъ интересный фактъ отсутствія самцовъ. Знаменитый энтомологъ Леонъ Дюфуръ говорить, что онъ никогда не встрѣчалъ самца насѣкомаго *Diplolepis gallae tinctoriae*, хотя онъ и разсматривалъ тысячи недѣльныхъ. Всѣ они были самки. Въ двухъ другихъ видахъ (*Cynips divisa* и *Cynips folii*), Гартигъ никогда не могъ найти самца; а онъ разсматривалъ до тринадцати тысячъ экземпляровъ этихъ насѣкомыхъ. Броньяръ не могъ отыскать самца эвмострака *Limnadia gigas*, Жюринъ — самца нашего *полмфема*. Эти отрицательныя данныя доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что если и существуютъ самцы этихъ видовъ, они должны быть чрезвычайно рѣдки, и что самки могутъ обойтись и безъ нихъ — заключеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что, какъ намъ извѣстно, самки пчелъ, моли, и нашей знакомки дафніи кладутъ яйца, которыя, будучи защищены отъ всякихъ постороннихъ вліяній, развиваются въ самокъ, и эти послѣднія въ свою очередь кладутъ яйца, развивающіяся въ новыхъ самокъ, и такъ далѣе, черезъ длинный рядъ поколѣній, хотя бы каждое животное содержалось совершенно отдѣльно.

Коснувшись этого предмета, не могу не сдѣлать слѣдую-

цаго замѣчанія. Надо признаться, что нашъ полъ играетъ лишь жалкую роль во многихъ семействахъ животнаго царства. Если въ нѣкоторыхъ классахъ самецъ крупнѣе, сильнѣе, красивѣе, вообще болѣе развитъ чѣмъ самка, то это случайное превосходство болѣе чѣмъ взвѣшивается несравненно значительнѣйшимъ превосходствомъ самокъ въ другихъ группахъ животныхъ. Самецъ часто лишь жалкій приживалецъ, малый ростомъ, слабый силами, лишенный даже полнаго комплекта органовъ. Если павлинь и фазанъ затмеваютъ своихъ самокъ блескомъ своихъ перьевъ, что за жалкое существо, напротивъ того, соколъ-самецъ! Охотникъ и посмотрѣть на него не захочетъ. И что такое трутень въ сравненіи съ маткой или даже съ пчелами-работницами? Какъ пауку сравниться съ своею крупною и сердитою самкою, нерѣдко поѣдающею его? Что и говорить о самцахъ коловратки, анатифы, лернеи, джентльменахъ, не могущихъ похвастаться даже полнымъ пищеварительнымъ аппаратомъ, подчасъ и вовсе лишенныхъ органовъ пищеваренія? И не въ одномъ пищеварительномъ аппаратѣ выражается это несовершенство самцовъ. Есть случаи (напримѣръ у нѣкоторыхъ коловратокъ), что у нихъ исчезаютъ также органы чувствъ и движенія (1), и у одной чужелюдной лернеи, физическое униженіе идетъ объ руку съ униженіемъ нравственнымъ. Самка живетъ въ жабрахъ рыбы, питаясь ея соками, а ея-недостойный супругъ живетъ на ней паразитомъ.

Фиг. 11.



Volvox globator, содержащій
восемь молодыхъ вольвок-
совъ (увеличено).

Но это отступленіе становится обиднымъ для насъ, а наши руки между тѣмъ коченьютъ отъ холода. Несмотря на это, я поднимаю банку на свѣтъ, и держу руку за нею, чтобы вы могли на этомъ фонѣ рассмотреть еще нѣкоторыхъ прозрачныхъ животныхъ. Взгляните на эти прозрачные, свѣтло-зеленые шарики, медленно плывущіе и въ то же время обращающіеся въ пространство, только по болѣе эксцентрическимъ орбитамъ. Каждый изъ этихъ шариковъ есть *Volvox globator*.

(1) См. Gegenbaur: *Grundzüge der vergleichenden Anatomie* 1859, pp. 229, 269; и Leydig, *Ueber Hydraena senta* (Müllers Archiv. 1857. p. 411.)

Подъ микроскопомъ они являются хрустальными шарами и усыпаны ярко-зелеными пятнышками, и на каждомъ пятнышкѣ сидятъ двѣ рѣснички, служащія животному веслами при его движеніяхъ по водѣ. Пятнышки соединены между собою сѣтью нѣжныхъ линій, впрочемъ, не всегда видимыхъ. Внутри шара находится жидкость, въ которой нѣсколько мелкихъ, темно-зеленыхъ шариковъ обращаются точно такъ же, какъ шаръ-мать обращается въ водѣ. Осторожно сожмите *вольвокса* между двумя стеклянными пластинками, и вы, при усиленномъ увеличеніи, увидите, что внутренніе шарики имѣютъ точно такое же строеніе какъ шаръ, содержащій ихъ, и что внутри ихъ уже можно различить третье поколѣніе шариковъ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ жизни внутри жизни, о которой была рѣчь въ прошлой главѣ.

И это не все. Ярко-зеленые пятна, покрывающія поверхность *вольвокса*, если разсмотрѣть ихъ при усиленномъ увеличеніи, окажутся не пятнами, а животными, и даже, по мнѣнію Эренберга (мнѣнію, впрочемъ, раздѣляемому лишь немногими), высокоразвитыми животными, обладающими ртомъ, многими желудками и глазомъ. Спѣшимъ прибавить, что не только многіе микроскописты не соглашались съ Эренбергомъ касательно строенія этихъ зеленыхъ пятенъ, но бѣльшая часть изъ нихъ и самаго *вольвокса* не признаютъ за животное. Фонъ-Зибольдъ въ Германіи и профессора Джорджъ Боскъ и Уильямсонъ въ Англии, такъ сильно оспаривали, животную природу *вольвокса*, причисляя его къ растеніямъ, что въ большей части новѣйшихъ сочиненій принято это мнѣніе. Но одинъ изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ по части инфузорій, въ только что вышедшемъ своемъ великолѣпномъ сочиненіи, возвращается къ прежнему взгляду, по которому *вольвоксъ* считается за животное, хотя и очень простое (1).

Это разногласіе можетъ-быть удивить васъ. Васъ приводитъ въ недоумѣніе мысль, что растеніе (если это растеніе) движется, плаваетъ съ ловкостію животнаго, и посредствомъ такихъ же органовъ, какъ и животное, посредствомъ рѣсничекъ. Но все затрудненіе произошло по собственной нашей винѣ. Мы сперва употребили слово «растеніе», чтобъ обозначить обширную группу организмовъ, лишенныхъ самодвиженія, а потомъ самодовольно восклицаемъ: развѣ растеніе можетъ

(1) Stein: *Der Organismus der Infusionsthier* 1859, pp. 36—38.

двигаться? Но стѣбитъ только осмотрѣться въ растительномъ царствѣ, чтобъ убѣдиться, что способность самодвиженія вовсе не чужда ему; что многія изъ простѣйшихъ растений, а именно *нитянки*, и вообще водоросли, могутъ двигаться, и движутся въ ранніе стадіи своего развитія; они отдѣляются отъ своихъ родителей въ видѣ свободныхъ скитальцевъ, и лишь современемъ осѣдаютъ для степенной, неподвижной жизни. Во время ихъ странствованій, ихъ называютъ, довольно не точно, *зооспорами* (1), и когда-то было высказано мнѣніе, что они дѣйствительно въ молодости суть животныя, и лишь въ послѣдствіи нисходятъ на степень растенія. Но самодвиженіе не есть необходимый признакъ животнаго, точно такъ же, какъ прикрѣпленіе къ опредѣленному мѣсту не есть исключительный признакъ растеній. Многія животныя (полипы, моллюски, губки), послѣ бродячей юности, осѣдаютъ развѣ навсегда и остаются прикрѣпленными къ одному мѣсту такъ же, какъ и растенія. Да не замѣчаемъ ли мы подобныхъ превращеній и у людей? Сколько изъ нихъ искупаютъ безумную непосидчивость ранней молодости дѣловою и сидячею жизнію въ томъ возрастѣ, когда почтенная лысина и солидная тучность обнаруживаютъ происшедшія въ нихъ физическія измѣненія!

Можно еще поспорить о томъ, слѣдуетъ ли считать за регрессъ такой переходъ растенія или животнаго къ сидячей жизни, но встрѣчаются интересные примѣры дѣйствительно нисходящаго превращенія у нѣкоторыхъ животныхъ. Такъ великолѣпный морской червь *Terebella*, выдѣляющій изъ своего тѣла трубочку, въ которой онъ и живетъ, прикрѣпленный къ скалѣ, или къ устричной раковинѣ, въ молодости имѣетъ явственную голову, глаза и щупальцы, но достигая зрѣлаго возраста, онъ утрачиваетъ всякіе слѣды головы, глазъ, и даже щупалецъ, развѣ можно считать за подобіе послѣднихъ органовъ великолѣпный султанъ изъ волнистыхъ колосковъ, который онъ распускаетъ въ водѣ. Точно также и *анатифы* въ ранній періодъ своего развитія снабжены тремя парами ногъ, однимъ очень простымъ глазомъ и ртомъ съ хоботкомъ; во второмъ періодѣ своего развитія, они имѣютъ шесть паръ ногъ, два сложные глаза, двое щупалецъ, но не имѣютъ рта; въ третьей и окончательной стадіи ихъ жизни, ноги у нихъ превращены въ органы хватанія, у нихъ снова появился ротъ, но за то исчезли

(1) Отъ греческаго *зоон*—животное, и *спорос*—сѣмя.

щупальцы, и сложные глаза замѣнены одною простою главною точкой.

Но прервемъ эти отступленія и закинемъ въ воду нашу сѣтку. Мы водимъ ею по поверхности лужи, и вытаскиваемъ

большое количество зеленыхъ рясокъ, гнилыхъ листьевъ и вѣточекъ, и запутанные комки тонкихъ ниточекъ, которыя ботаники называютъ нитяниками. Вода стекаетъ, и мы роемся въ этой густой массѣ. Вотъ красивый водный жукъ, *Dytiscus*, и

Фиг. 12.



Водный жукъ и его личинка.

личинка того же жука, прозванная *воднымъ тигромъ* за свою хищность (Фиг. 12). Вы бы никакъ не подумали, что стройный, голо-

вастый, длиннохвостый водный тигръ превратится въ коренастаго мелкоголоваго, безхвостаго жука; вы еще менѣе ожидаете, что онъ простираетъ причудливость до того, что дышитъ хвостомъ. Но вы можете убѣдиться и въ томъ и въ другомъ, если станете наблюдать за нимъ въ своемъ акваріи.

Фиг. 13.

Продолжая наши поиски, мы попадаемъ на жирную, неуклюжую, лѣнивую личинку блестящей и стройной стрекозы, этого сокола между насѣкомыми. Она пригодится намъ для вскрытій—такъ въ банку же ее. Между гнилыми листьями вы видите нѣсколько медкихъ пѣвочекъ и плоскихъ, овальныхъ *планарій*, коричневыхъ и бѣлыхъ: вотъ также бѣдножелтая студенистая масса, въ которой мы узнаемъ кучу

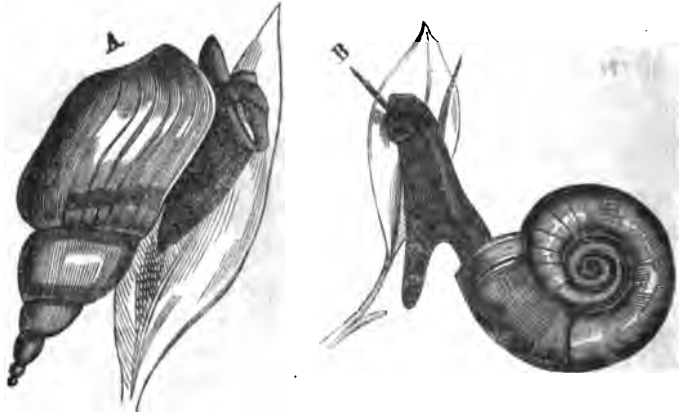


Личинки стрекозы. А. Въ обыкновенномъ видѣ. В. Съ вытянутою челюстью.

лицъ, положенныхъ какою-нибудь улиткой, и такъ какъ развивающееся яйцо принадлежитъ къ самымъ интереснымъ предме-

тамъ, мы беремъ съ собою этотъ студень. Вотъ (Фиг. 14) два моллюска, *Limnaeus* и *Planorbis*, изъ которыхъ одинъ вѣроятно по

Фиг. 14.

A. *Limnaeus stagnalis*B. *Planorbis*

ложилъ эти яйца. А вотъ моллюскъ, который не кладетъ яицъ, производитъ живыхъ дѣтенышей. Эта *Paludina vivipara*, о которой мы уже имѣли случай говорить. На поверхности сѣтки и гни

Фиг. 15.

*Paludina vivipara*.

лыхъ листьевъ разсыяны маленькія кучки грязновато-бурого студня, а нѣкоторыя изъ нихъ не бурого, а кроваваго цвѣта. Опытъ научаетъ меня, что эти бурья кучки непременно состоятъ изъ полиповъ, изъ *Hudga fusca* систематиковъ. Я не могу объяснить вамъ, почему я узнаю ихъ, и почему вы можете ихъ узнать. Способность распознаванія пріобрѣтается лишь близкимъ знакомствомъ. Потому именно, что нельзя начать съ *близкаго* знакомства, а безъ него нельзя признать полипа: такъ мало есть людей, которые бы его видѣли. Но близкаго знакомства можно достигнуть очень простымъ способомъ. Возьмите себѣ за правило опускать всякій неизвѣстный вамъ предметъ въ вашу склянку съ водой. Въ водѣ онъ, вѣроятно, тотчасъ обнаружитъ свою природу; если это полипъ, онъ немедленно распустилъ свои щупальцы; если нѣтъ, вы можете на досугѣ рассмотреть его дома, и узнать, какое это суще-

ство, съ помощію описаній и рисунковъ. Взгляните, вотъ я погрузилъ въ воду одну изъ этихъ студенистыхъ частицъ, и она тотчасъ приняла знакомую намъ форму полипа. А теперь посмотримъ, что такое эти красныя кучки. Несмотря на ихъ цвѣтъ, я не могу удержаться отъ подозрѣнія, что это также полипы. Дайте мнѣ кисточку. Вотъ мы потихоньку подобрали ея красную кучку и опустили ее въ воду. Транблей (1) свидѣтель! Это полипъ! Неужели это открытіе не тронетъ васъ, даже если я скажу вамъ, что это видъ, еще нигдѣ неописанный? Не будьте же такъ обидно равнодушны! Хоть слегка придите въ восторгъ, порадитесь открытію новаго вида, докажите, что и въ вашихъ жилахъ играетъ кровь натуралиста! Вы не знали, что это видъ еще неописанный? Это объясняетъ ваше равнодушіе. Знайте же, что до сихъ поръ были извѣстны только три вида прѣсноводныхъ полиновъ: *Hydra fusca*, *Hydra viridis* и *Hydra grisea*. Мы можемъ прибавить четвертый видъ къ этому списку; мы окрестимъ его *Hydra rubra*, и стараемся не слишкомъ возгордиться. Если кто-нибудь спроситъ насъ, неужели мы въ самомъ дѣлѣ придаемъ важность такимъ пустякамъ, каковы видовыя различія, основанныя только на величинѣ и на цвѣтѣ, мы, какъ вы знаете, можемъ принять глубокомысленный видъ и отнѣкиваться. Но это дѣлается только офиціально, для приличія. Въ сущности мы, презирая видовыя различія, установленныя другими, питаемъ нѣкоторое пристрастіе къ собственнымъ нашимъ подвигамъ въ этомъ родѣ (2).

Я однажды показалъ слянку съ полипами одному философу, который посмотрѣлъ на нихъ очень равнодушно. Они показались ему на столько же неинтересными, какъ еслибъ это были обыкновенныя ряски; чтобы вы не остались такъ безучастными, какъ онъ, я тутъ же скажу вамъ, что эти малень-

(1) Транблей (Trembley) въ своемъ великолѣпномъ сочиненіи: *Mémoires pour servir à l'histoire d'un genre de Polypes d'eau douce, 1744*, обогатилъ науку самымъ полнымъ и точнымъ описаніемъ прѣсноводнаго полипа; но не ему принадлежитъ честь перваго открытія этого животнаго, а старику Левенгуку.

(2) Издатели *Annals of Natural History*, въ замѣткѣ къ посланному мною описанію этого новаго полипа, сообщаютъ, что мистеръ Грей нашелъ тотъ же самый видъ, и вѣроятно въ той же мѣстности, тридцать лѣтъ тому назадъ. Но послѣднее классическое руководство (Van der Boeven *Handbuch der Zoologie*) исчисляетъ только три вида.

кія существа принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ жителей нашихъ болотъ. Стоитъ только посвятить нѣсколько вниманія на ихъ изученіе, и вы увидите, что если ихъ разрѣзать на куски, изъ каждаго куска выростетъ новый полипъ, что если ихъ раздражать или уколотъ, изъ раздраженной точки выростетъ молодой полипъ, какъ почка изъ вѣтви растенія; что ихъ можно выворачивать наизнанку, и что при этомъ ихъ кожа сдѣлается желудкомъ, а желудокъ кожей. Они очень чувствительны къ свѣту, къ которому они постоянно движутся, и къ малѣйшему прикосновенію; а въ нихъ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда нервной ткани. Они могутъ двигаться и передвигаться, но ихъ мышцы представляютъ намъ лишь сотканіе крупныхъ сокращающихся клѣточекъ. Если вода, въ которой ихъ держать, не совершенно чиста, на нихъ заведется множество паразитовъ; и еще недавно, я замѣтилъ чужеродное растеніе (или животное, право, не знаю), образовавшее красивую бахрому на щупальцахъ полипа: пучки коническихъ сопочковъ, такъ прозрачныхъ, что въ нихъ нельзя было рассмотреть какое-нибудь строеніе, постоянно движущихся какъ листья на вѣткѣ.

Еще разъ и еще разъ мы погружаемъ сѣтку въ воду и вытаскиваемъ грязь, камни, вѣточки, а съ ними рыбку, червей, моллюсковъ, тритоновъ. Рыбку стѣдуетъ сохранить для акварія, это колюшка замѣчательная тѣмъ, что строить себѣ гнѣзда. Васъ удивляетъ обстоятельство, что рыба вьетъ гнѣздо и заботится о своихъ дѣтенышахъ, не хуже любой птицы (и есть еще другія рыбы, одаренныя тѣмъ же инстинктомъ)? Но почему бы рыбѣ не быть такою же заботливою, какъ птица! Есть рыба (catfish), которая плаваетъ, окруженная своими дѣтенышами, какъ утка съ своими утятами; другая (sunfish, *Orthogoriscus mola*) цѣлыми мѣсяцами суетится около своихъ яицъ, предохраняя ихъ отъ всякой опасности.

Вѣтеръ такъ пронзителенъ, и мои пальцы такъ застыли, что я едва держу кисточку. Спина разболѣлась отъ постоянного нагибанія надъ водой; давно бы, кажется, пора перестать намъ закидывать сѣтку. Но все какъ-то не оторвешься. То ничего не вытацишь, и хочется попробовать еще, то закинешь такъ удачно, что опять разохотишься и снова закидываешь. Все это совершенно непонятно проходимъ, которые окидываютъ насъ презрительнымъ взглядомъ, замѣтивъ, что мы не рыбу ловимъ, а собираемъ въ банку какую-то едва видимую дрянъ. Однажды

русскій пахарь остановился подлѣ меня и спросилъ, рыбу ли я ловлю. Я спокойно отвѣчалъ ему: да. Онъ подошелъ ко мнѣ. Я продолжалъ перебирать илѣ и травы, отъ времени до времени перекладывая въ банку какую-нибудь невидимую медузу. Наконецъ, мнѣ попался большой желтобрюхій тритонъ. Онъ захотѣлъ разсмотрѣть его, и замѣтивши тутъ, какъ вода кишитъ мелкими животными, былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ и сталъ спрашивать. Я продолжалъ свою ловлю. Его любопытство возрастало. Посыпались новые вопросы: онъ предложилъ мнѣ свою помощь и остался со мною, пока я не обратился домой, и тогда онъ сказалъ серьезно: «что и говорить, хорошее дѣло знать имена всѣхъ Божьихъ твореній». Презрѣніе замѣнилось благоговѣніемъ; то же было бы и со многими другими, еслибъ они сумѣли побороть въ себѣ наклонность къ глумленію надъ вещами, которыхъ они не понимаютъ, и захотѣли терпѣливо взглянуть въ тѣ чудеса, которыми природа населила каждую канаву около дороги.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Въ тиши моей жизни ничтожной,
Въ досадѣ пустыхъ огорченій
И въ шумѣ пустаго веселья
Дремлю я душою тревожной.

По полный тяжелой дремоты,
Я чувствую, сердце тоскуетъ;
И снится, и грезится вѣчно
Ему—непонятное что-то.

Какіе-то дни золотые,
Какія-то дивныя рѣчи,
Какія-то крѣпкія силы,
И мысли, и чувства святые.

И мѣсяцъ, и звѣзды, и розы...
Какая-то грусть безъ предѣла,
И ласки, безумныя ласки...
И слезы, горячія слезы....

Н. СТРАХОВЪ.

Ш Т И Л Ь

(Изъ Гёте.)

Тишь глубокая на водахъ;
Недвижимо море спитъ;
На морскую гладь уныло
Мореплаватель глядитъ.

Ни откуда не повѣетъ!
Мертвый шталь! и ни одна
Въ безконечномъ океанѣ
Не вздымается волна.

Ө. РОМЕРЪ.



О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ

ЧЕРКЕССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,

НАСЕЛЯЮЩИХЪ

СЪВЕРОВО-ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

авказъ представляетъ много любопытныхъ образцовъ устрой-
ства человеческихъ обществъ. Тщательное изученіе этихъ
образцовъ можетъ пояснить темныя и загадочныя сто-
лпы въ исторіи первыхъ временъ образованія государствъ. Ро-
бертсонъ, напримѣръ, для подтвержденія историческихъ выводовъ
о древнихъ германскихъ племенахъ, сравнивалъ полити-
ческое ихъ состояніе съ тѣмъ, въ которомъ находятся нынѣш-
ніе дикари Сѣверной Америки, и находилъ, что разительное
подобіе между ними сходство подтверждаетъ вѣрность его выводовъ
еще болѣе, чѣмъ свидѣтельства Цезаря и Тацита. Но еслибы,
вместо этого бѣднаго матеріала, извѣстны были Робертсону и
другимъ знаменитымъ историческимъ изслѣдователямъ кавказ-
скія племена, которыхъ политическое устройство не соста-
вляетъ исключительной особенности ихъ, а принадлежитъ всѣмъ
родственнымъ народамъ, то они нашли бы у этихъ пле-
менъ много данныхъ для новыхъ выводовъ и даже для перера-
ботки первоначальной исторіи новѣйшихъ европейскихъ госу-
дарствъ.

Предметомъ нашей статьи будетъ политическое устройство черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. Главныя основанія этого первобытнаго устройства сохранились и во всѣхъ другихъ обществахъ кавказскихъ племенъ, съ тою только разницею, что нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ его на дальнѣйшихъ степеняхъ его развитія.

Въ статьѣ этой мы слегка коснемся общественнаго устройства и другихъ сосѣдственныхъ Черкесамъ племенъ, сколько это будетъ необходимо для объясненія предмета нашей статьи и изложимъ происходившія въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ черкесскомъ обществѣ неудачныя попытки къ переворотамъ. Для полноты и ясности описанія, необходимо начать его съ топографическаго и этнографическаго обзоренія края.

I.

Пространство земли, населенное черкесскими племенами на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, ограничивается съ сѣвера рѣкой Кубанью, отъ устья ея до впаденія въ нее Лабы, и нижнею частію теченія послѣдней; съ востока Лабой, притоками ея Ходзь и Губсъ, и хребтомъ, отдѣляющимъ рѣку Ходзь отъ рѣки Бѣлой; съ юго-запада Чернымъ моремъ.

Пространство это пересѣкается по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, который, начинаясь въ углу между устьемъ Кубани и Чернымъ моремъ, прилегаетъ къ самому морскому берегу до укрѣпленія Гагры; далѣе, сохраняя то же направленіе, хребетъ входитъ внутрь Кавказскаго перешейка, а морской берегъ, описывая дугу къ югу, постепенно отходитъ и наконецъ совсѣмъ удаляется отъ горъ.

При началѣ своемъ, въ углу между низовьями Кубани и моремъ, Кавказскій хребетъ имѣетъ еще незначительную высоту, но обнаженные каменные и остроконечные гребни его и рѣзкія очертанія боковъ, изломанныхъ угловатыми ребрами, представляютъ уже общій характеръ этой первозданной цѣпи горъ. Далѣе онъ постепенно увеличивается въ ширину и высоту, и, не доходя еще до укрѣпленія Гагры, превышаетъ мѣстами черту вѣчныхъ снѣговъ.

Опускаясь отъ гребня въ обѣ стороны террасами и потоками

расыма въѣтъ къ Кубани и къ морю, Кавказскій хребтъ имѣетъ, кромѣ главнаго, параллельные ему, пониженные гребни, между которыми находится высокія населенныя долины. Южная покатость хребта понижается къ Кубани довольно быстро, и наконецъ сливается съ обширными прикубанскими равнинами. Напротивъ того, южная покатость падаетъ къ морю скалистыми обрывами, а короткія, высокія и массивныя вѣтви, упираясь въ морской берегъ, оканчиваются при немъ отлогими крутизнами.

Со стороны моря Кавказскій хребтъ имѣетъ видъ дикой и почти необитаемой мѣстности. Вѣковые лѣса покрываютъ его крутые скаты, и мало гдѣ видна воздѣланная земля. На сѣверной сторонѣ хребта лѣсная полоса оканчивается у подошвы послѣднихъ его уступовъ; равнины же, разстилающіяся отъ подошвы горъ до Кубани, представляютъ большую частію мѣстность открытую съ небольшими кое-гдѣ перелѣсками.

Изъ рѣкъ значительныя протекаютъ только на сѣверной сторонѣ главнаго хребта, а именно: Кубань и лѣвые притоки ея: Урупъ, Большая и Малая Лаба, Бѣлая, Пишишъ, Псекупсъ, Сулсъ, Адогумъ и многія другія, изъ которыхъ только одна Кубань судоходна. По южную же сторону хребта отъ Анапы до предѣловъ Абхазіи, рѣки, сбѣгающія съ короткой и крутой покатости по каменистому ложу, имѣютъ характеръ стремительныхъ горныхъ потоковъ, непроходимыхъ послѣ дождей и во время весенняго и осенняго полноводій, и вездѣ представляющихъ удобные броды въ обыкновенное время; однако нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ при устьѣ достаточную глубину, такъ что по нимъ могутъ подниматься плоскодонныя турецкія кочеры на 3 или на 4 версты отъ берега. Таковы: Пшава, Джуба, Шапсуго, Туапсе, Мокупсе, Псезуапсе, Субаши, Шахе, Вордана (или Сухпсе), Сочи (или Саше), Мзымта и нѣкоторыя другія. При устьяхъ этихъ рѣкъ, кромѣ Джубы, Мокупсе и Вордана, построены были русскія укрѣпленія, которыя разрушены нами во время минувшей войны и по окончаніи ея не возобновлены.

Колесныя сообщенія черезъ главный Кавказскій хребтъ, съ сѣверо-восточнаго берега моря на равнины Кубани, существуютъ только на сѣверной его оконечности до бывшаго укрѣпленія Геленджика; къ югу же отъ послѣдняго пункта есть только горныя тропы, едва проходимыя для конныхъ.

Черное море, омывая Кавказскій перешеекъ у самой поде-

швы главнаго Кавказскаго хребта на протяженіи отъ Гагры во
 тчи до Геленджика, отмыло оконечности упирающихся въ нас
 горныхъ вѣтвей, но нигдѣ не могло вторгнуться внутрь на
 терика. На этомъ протяженіи берегъ имѣетъ очертаніе почти
 прямое и только въ немногихъ мѣстахъ выдается въ море
 короткими и тупыми мысами, или, уступивъ дѣйствию моря
 изгибается внутрь пологими дугами. Между утесами отъ
 мытыхъ моремъ оконечностей горныхъ вѣтвей и морскимъ
 бассейномъ, находится узкая полоса изъ песку, щебня и камня
 набросанная морскимъ прибоемъ, шириной отъ 5 до 10 са-
 жень, которая, при тихой погодѣ въ морѣ, составляетъ един-
 ственный удобный путь для сообщенія жителей прибрежныхъ
 долинъ, раздѣленныхъ между собою отбрасываемыми отъ глав-
 наго хребта къ морю высокими и малодоступными горными
 вѣтвями; во время же морскихъ прибоевъ, волны, ударяясь къ
 самое подножіе береговыхъ скалъ, прекращаютъ прибрежное
 сообщеніе. Къ сѣверу отъ устья рѣки Пшады, море вдаётся
 въ берегъ двумя бухтами: Геленджикскою и Суджукскою, удоб-
 ными для якорной стоянки во время восьми мѣсяцевъ въ году
 но весьма опасными, особенно первая, для судовъ въ зимніе че-
 тыре мѣсяца, по причинѣ береговаго вѣтра, извѣстнаго подъ на-
 званіемъ *боры*, который срывается съ горнаго хребта съ силой
 урагана. Внѣ предѣловъ описываемаго нами пространства, гдѣ
 Кавказскій хребетъ уже расходится съ морскимъ берегомъ
 море образуетъ еще одну хорошую бухту, Сухумскую; хотя
 она и открыта со стороны моря на полукруга, но обсту-
 пающія ее со всѣхъ сторонъ высокія горы останавливаютъ
 теченіе воздуха, и потому ни одинъ морской вѣтеръ не до-
 деть въ бухту. То же явленіе замѣчается при укрѣпленіи Гагры
 высокій хребетъ поднимается стѣной у самаго берега.

Кромѣ трехъ описанныхъ бухтъ и рейда при Пицундѣ, при-
 крытаго отъ сѣверныхъ вѣтровъ выдающимся въ море самымъ
 значительнымъ изъ мысовъ этого берега, нигдѣ открытыя рей-
 ды не представляютъ никакого убѣжища судамъ.

Черное море отъ устья Кубани до устья Кодора имѣетъ
 берегъ приглубый, безъ отмелей и рифовъ, позволяющій су-
 дамъ близко подходить къ берегу; къ югу же, отъ впаденія
 Кодора, то-есть внѣ предѣловъ описываемаго нами простран-
 ства, плоская и болотистая мѣстность, нечувствительно пона-
 жаясь въ море, образуетъ на значительное разстояніе отъ бе-
 рега мель, которая увеличивается еще наносами рѣкъ.

Тамъ мѣстность; что касается до обитателей, то народъ, который населяетъ большую часть этого пространства, известенъ подъ названіемъ Черкесовъ и раздѣляется на такое число племенъ, имѣющихъ разныя наименованія. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ племенъ:

1) Натухайцы (Нодкуаджъ) населяютъ уголь между Чернымъ моремъ и низовьемъ Кубани, на сѣверной покатости Кавказскаго хребта до рѣки Адогума и на южной, нѣсколько далѣе Пшады (1).

2) Шапсуги, сосѣдственные Натухайцамъ, живутъ по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта, занимая на сѣверной его сторонѣ пространство отъ Адогума до рѣки Супсы (2) и на южной сторонѣ отъ Пшады до рѣки Шахе. Къ востоку племя распространяется не вездѣ до самой Кубани.

3) Бжедухи примыкаютъ къ Шапсугамъ съ востока и занимаютъ на лѣвомъ берегу Кубани земли отъ рѣки Шиши до Пшады.

4) Абадзехи населяютъ земли только по сѣверную сторону Кавказскаго хребта сопредѣльно съ Шапсугами и Бжедухами до рѣки Бѣлой, включительно.

5) Кабардинцы (Кабертай) населяютъ край внѣ предѣловъ занимаемаго нами пространства близъ военно-грузинской долины, между рѣками Малкою и Терекомъ и землями Осетинскихъ племенъ. Они составляютъ особый отдѣлъ народа Адиге, не входятъ въ наше описаніе, по различію общественнаго устройства отъ черкесскихъ племенъ, населяющихъ земли между Кубанью и Чернымъ моремъ.

На востоку отъ Бжедуховъ и Абадзеховъ, примыкаютъ къ

(1) Г. Льюе, жившій у Черкесовъ 8 лѣтъ (съ 1820 по 1828 годъ) въ качествѣ комиссара русскаго правительства, въ миссиіи г. Скарси, издалъ изданіемъ черкесскаго словаря и грамматики того же языка, также и нѣкоторыми статьями о Черкесахъ, въ статьѣ своей, напечатанной въ IV книжкѣ *Кавказскаго отдѣла географическаго общества* (1827 г.), подъ названіемъ: «Общій взглядъ на страны, занимаемыя разными народами и пр.», причисляетъ къ Натухайскому племени всѣхъ жителей южной покатости Кавказскаго хребта отъ Анапы до рѣки Шахе, нѣсколько далѣе къ югу. Не отвергая справедливости его предположенія, мы придерживаемся здѣсь общепринятаго раздѣленія племенъ. Рѣка Супса не показана на дорожной картѣ Кавказа, изданной въ 1828 году и поступившей во всеобщую продажу; рѣка эта впадаетъ въ Кубань между Афипсомъ и Псекупсомъ.

нимъ небольшія черкесскія племена: Хатукай и Темиргой, живущія въ углу между Лабой и Бѣлой; Махошъ и Бесленей, населяющіе пространство южнѣ предыдущихъ двухъ племенъ также между Лабой и Бѣлою.

Кромѣ того, мы причисляемъ еще къ нашему описанію племя Убыховъ, которые хотя, по происхожденію и языку, вовсе не принадлежатъ къ народу Адиге, но по нравамъ, обычаямъ, общественному устройству и по всеобщему употребленію у нихъ черкесскаго языка наравнѣ съ природнымъ ихъ языкомъ, могутъ быть причислены къ группѣ черкесскихъ племенъ. Они живутъ на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта между рѣками Шахе и Хамышъ (1).

Къ черкесскимъ племенамъ примыкаетъ Абхазское племя, отличающееся отъ нихъ и отъ Убыховъ происхожденіемъ, языкомъ и общественнымъ устройствомъ. На южной покато-сти хребта живутъ подлѣ Убыховъ на берегу моря Джигеты и, выше, въ горахъ Медовѣвцы (Медозюэ), а на сѣверной покато-сти Багъ, Баракай, Шагирей, и далѣ къ востоку Тамъ, Казильбекъ, Башилбай и Басхогъ, распространяясь до самаго Карачая, населеннаго Ногайскимъ племенемъ. Къ Джигетамъ и Медовѣвцамъ примыкаютъ на южной покато-сти хребта владѣніе Абхазское и Цебельда, также обитаемыя Абхазскимъ племенемъ.

Всѣ исчисленныя нами племена черкесскія и абхазскія, кромѣ Шапсуговъ, Убыховъ и Джигетовъ, покорны русскому правительству; но управляются по ихъ народнымъ обычаямъ.

Трудно опредѣлить даже приблизительно народонаселеніе описываемаго нами края, но, кажется, мы не много ошибемъ, сказавъ, что число жителей обоюга пола въ черкесскихъ племенахъ на восточномъ берегу Чернаго моря не превышаетъ 300 тысячъ душъ мужскаго пола.

Черкесское общество основано на слѣдующихъ началахъ:

- 1) Семейство.
- 2) Право собственности.
- 3) Право употребленія оружія для всякаго свободнаго чело-
вѣка,
- и 4) Родовые союзы со взаимною обязанностію всѣхъ и
каждаго защищать другъ друга, мстить за смерть, оскорбленіе

(1) Хамышъ также не показана на означенной картѣ; она впадаетъ въ Черное море между Сочей и Мзымтою.

и нарушение правъ собственности всѣмъ за cadaго, и отвѣтствовать передъ чужими родовыми союзами за всѣхъ своихъ.

Эти коренныя начала, которыя мы рассмотримъ ниже, составляли искони основаніе общественнаго устройства у Черкесовъ; но самое общество не оставалось неподвижнымъ, а постепенно измѣнялось, не нарушая этихъ началъ, и достигло вышшняго своего состоянія послѣ переворота въ значеніи и правахъ общественныхъ сословій.

Черкесское общество раздѣляется на слѣдующія сословія: 1) шши (князь), 2) воркъ (дворянинъ), 3) тхвохотль (среднее сословіе свободныхъ людей), 4) обь (кліенты, состоящіе въ зависимости отъ покровителей), 5) пшитль (подвластный хлѣбопашецъ, обрабатывающій землю своего господина) и 6) ясырь (рабъ, дворовый человекъ).

Князья и дворяне пользовались въ прежнія времена нѣкоторою властію надъ народомъ въ дѣлахъ общественныхъ и въ икрахъ общей безопасности, а также нѣкоторыми личными преимуществами передъ другими сословіями; но около половины прошедшаго столѣтія произошелъ у Черкесовъ общественный переворотъ, въ которомъ оба означенныя сословія лишились всѣхъ своихъ преимуществъ и уравнились въ правахъ съ тхвохотльями, сдѣлавшимися послѣ того, по своей многочисленности, первенствующимъ классомъ въ народѣ. Однако князья и дворяне помнятъ свое происхожденіе, ведутъ свой родъ и, сохраняя многія понятія своихъ сословій, избѣгаютъ икшаться браками съ людьми другихъ сословій.

Такимъ образомъ у Черкесовъ существуютъ теперь три свободныя, равныя между собою, и три подвластныя сословія. Три низшія сословія состоятъ въ зависимости отъ своихъ владѣльцевъ на различныхъ правахъ. Сословіе *обь* можно считать почти свободнымъ, потому что оно пользуется правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, хотя для собственной безопасности своей, какъ мы увидимъ ниже, люди этого сословія не могутъ жить въ краѣ въ совершенной независимости. Сословіе *пшитль* вполне подчинено владѣльцамъ, которые имѣютъ право продавать принадлежащихъ къ нему людей, но не иначе, какъ за преступленіе и притомъ цѣлыми семействами; *ясыри* же, къ которымъ принадлежатъ плѣнные и потомки ихъ, не имѣютъ никакихъ человѣческихъ правъ; господинъ можетъ продавать ихъ по одиночкѣ, подвергать жестокимъ наказаніямъ и даже убивать, не отвѣтствуя ни передъ

къмъ. Кромѣ того, *обы* и *ишитли* пользуются правами собственности, но обязаны своимъ владѣльцамъ разными натуральными повинностями, какъ работою, такъ и внесомъ определенной части земныхъ произведеній и приплода отъ скота въ положенные сроки. Ясыри, напротивъ, не имѣютъ никакой собственности, и весь трудъ ихъ принадлежитъ владѣльцамъ.

Переходя за тѣмъ къ началамъ, на которыхъ устроено черкесское общество, рассмотримъ прежде всего черкесское семейство. Отецъ семейства есть полновластный господинъ надъ своими женами и несовершеннолѣтними дѣтьми; онъ можетъ поступать съ ними совершенно по своему произволу; жизнь и свобода ихъ въ его власти; но если онъ безъ вины убьетъ или продастъ свою жену, то подвергается мщенію съ стороны ея родственниковъ. По магометанскому закону, каждый можетъ имѣть четырехъ женъ, но однако не многие изъ Черкесовъ пользуются этимъ правомъ; по коренному народному обычаю принято имѣть только по одной женѣ. У Черкесовъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, женихъ долженъ платить за женщину, которую беретъ въ замужество, родственникамъ ея условную плату, которая называется *калымъ*. Разводы позволительны и обыкновенно исполняются простею отсылкой жены къ ея родственникамъ; но если она ни въ чемъ не виновата, то мужъ не имѣетъ права требовать возврата *калыма*, и сверхъ того можетъ еще подвергнуться мщенію съ стороны ея родственниковъ. Если женщина овдовѣетъ, то на ней обязанъ жениться одинъ изъ братьевъ покойнаго ея мужа, но, по согласію обѣихъ сторонъ, бракъ можетъ и не состояться. Черкесы вообще очень обходительны съ женщинами, и хотя на долю женщинъ падаютъ всѣ тяжелыя домашнія работы, но это принадлежитъ къ народнымъ обычаямъ, а не происходитъ отъ жестокости нравовъ. Случаи суроваго обращенія съ женщинами бываютъ весьма рѣдки, и гдѣ они встрѣчаются тамъ всегда виной тому бываютъ женщины. Незамужнія женщины пользуются свободой и могутъ показываться постороннимъ людямъ; замужнія же по восточному обычаю закрываютъ свои лица и ведутъ жизнь затворническую. У горцевъ, по суровымъ воинственнымъ нравамъ ихъ, считается неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женой внѣ своего дома и отцу ласкать своихъ дѣтей въ присутствіи постороннихъ. Достаточные люди отдають своихъ дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства до совершеннолѣтія, и этотъ взаимный обихъ

дѣтей составляетъ одно изъ средствъ къ поддержанію между разными семействами связей и дружбы, столько необходимыхъ въ народѣ, не имѣющемъ надъ собою никакихъ властей. Дѣти, воспитанныя въ чужихъ семействахъ, имѣютъ такія же обязанности къ своимъ воспитателямъ, называемымъ *атамыкаж*, какъ и къ родителямъ; они часто привязываются къ *атамыку* даже болѣе, чѣмъ къ своему отцу, который, побуждая въ себя чувство природы, избѣгаетъ видѣть своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, потому что родительская нѣжность признается слабостію, недостойною мушчины и воина. Продажа отцами собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей обоюго пола въ Турцію составляетъ у Черкесовъ явленіе весьма обыкновенное. Хотя ихъ побуждаетъ къ тому нужда и корыстолюбіе, но въ извиненіе имъ можно сказать, что они надѣются на счастливую будущность своихъ дѣтей, зная много примѣровъ, что проданные въ Турцію мальчики, по врожденной ихъ смѣтливости и ловкости, резко отличающей ихъ отъ природныхъ Турокъ, выслуживались тамъ до высокихъ степеней государственной службы, а дѣвочки попадали въ гаремы султана и пашей.

Права собственности у Черкесовъ распространяются на имущество движимое, изъ котораго главное богатство составляетъ скотъ, а также и на такое недвижимое имущество, которое находится въ *дѣйствительномъ и непосредственномъ* обладаніи частныхъ лицъ и требовало отъ нихъ собственнаго труда, какъ то на дома и другія постройки, и на поля, постоянно обрабатываемыя; земля же, лежащая впустѣ, пастбищныя и луговые мѣста, равно какъ и лѣса, не составляютъ частной собственности.

Земли состоятъ въ нераздѣльномъ владѣніи обществъ и фамилій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои земли, переходившія изъ рода въ родъ, но правильнаго раздѣла и яснаго обозначенія границъ никогда между ними не было. Частныя лица пользуются землей своихъ фамилій или обществъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Продажа земель не существуетъ въ народныхъ обычаяхъ; отдача въ наемъ тоже; не за пастьбу скота на чужой землѣ платится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ условный процентъ приплода.

Естественное право человека защищать себя, свое семейство и свое имущество и даже предупреждать противниковъ нападеніемъ, если отъ этой мѣры зависитъ его спасеніе, замѣняется въ благоустроенныхъ народахъ попеченіемъ прави-

тельства объ охраненіи народа извнѣ и о поддержаніи у него общей безопасности и спокойствія внутри, посредствомъ вооруженной силы и власти закона, приводимаго въ дѣйствіе административными и судебными властями и учреждениями. Но разсматриваемое нами общество не развилось еще до степени учрежденія правительства, а потому политическое право употребленія оружія нигдѣ не сосредоточилось, не могло уступить въ народѣ мѣста праву гражданскому, и остается во власти каждаго семейства первыхъ трехъ свободныхъ сословій. Чтò же касается до трехъ низшихъ сословій, то они раздѣлены между семействами высшихъ и вмѣстѣ съ ними должны основывать свою безопасность на употребленіи оружія. Такимъ образомъ, первый элементъ общества составляетъ *свободное семейство съ его подвластными и рабами*, въ которомъ всѣ люди различнаго происхожденія, связанные между собою общимъ интересомъ безопасности, обязаны взаимною защитою.

Въ обществѣ, раздробленномъ на такія мелкія самостоятельныя части, по естественному порядку вещей, должны были образоваться союзы, и они составились на родовомъ началѣ.

Семейства одного родоваго происхожденія или одной фамиліи, освобожденные ими семейства низшихъ сословій и посторонніе люди, отдавшіеся подъ покровительство фамиліи, съ потомствами ихъ, составляютъ родовою союзъ на подобіе прежнихъ шотландскихъ клановъ. Всѣ люди, принадлежащіе къ одному союзу, имѣютъ обязанности взаимныя между собою и къ цѣлому обществу, также какъ и общество имѣетъ обязанности къ каждому человѣку порознь.

Взаимныя обязанности людей, принадлежащихъ къ одному родовому союзу, заключаются въ защитѣ другъ друга противъ набѣговъ и насилій людей постороннихъ. Люди, принадлежащіе къ одному семейству, подвластные и рабы ихъ, обязаны не только одинъ другаго защищать, но и мстить чужимъ семействамъ, хотя бы и принадлежащимъ къ той же фамиліи, за нарушеніе личной неприкосновенности и правъ собственности каждаго изъ своихъ.

Личная обязанность каждаго человѣка къ своей общинѣ состоитъ въ томъ, что онъ долженъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ своего родоваго союза, по внутреннимъ интересамъ и по столкновеніямъ ихъ съ посторонними союзами, и являться по общему требованію или на тревогу съ оружіемъ.

Цѣлое общество родового союза покровительствуетъ каждому изъ принадлежащихъ къ нему людей, защищаетъ своихъ и мститъ за каждого постороннимъ обществамъ.

Многочисленныя фамиліи раздѣляются по происхожденію на отрасли, изъ которыхъ каждая составляетъ свой родовый союзъ, являющій то же значеніе относительно другихъ отраслей, какое имѣетъ цѣлый союзъ къ постороннимъ.

Хотя по кореннымъ условіямъ родовыхъ союзовъ злоупотребленіе свободы оружія ограничивается съ одной стороны ответственностію, а съ другой местию, но, опираясь на одно только оружіе, общество не могло бы продолжительно существовать. Для избѣжанія непрерывной и истребительной войны, которая не разлучна съ полною свободой употребленія оружія, должны были возникнуть и другія начала, ограничивающія право оружія общепринятыми, условными понятіями и постановленіями. Эти начала у Черкесовъ состоятъ: 1) во всеобщей ответственности каждого союза передъ другими за дѣйствія и поведеніе всѣхъ принадлежащихъ къ нему людей, 2) въ уплатѣ виновною стороною пеней и 3) въ судѣ посредниковъ.

По народнымъ понятіямъ, уплата пеней удовлетворяетъ честь обиженной фамиліи или семейства и обязываетъ къ прекращенію дальнѣйшей вражды. Пени уплачиваютъ людьми, скотомъ, оружіемъ, товарами и другимъ имуществомъ. Пени обыкновенно бываетъ такъ значительна, особенно за кровь, что одинъ виновный не въ состояніи уплатить ее, и потому она разлагается на цѣлую фамилію. Это установленіе, касаясь до матеріальныхъ интересовъ цѣлаго общества, поставяетъ его въ необходимость наблюдать за дѣйствіями каждого и удерживать безпокойныхъ людей. Виновный не подвергается другому взысканію, кромѣ уплаты части пени по своему состоянію, но если кто-нибудь часто вводитъ свою фамилію въ ответственность передъ другими фамиліями, то противъ такихъ нарушителей общественнаго спокойствія существуетъ народный обычай: исключать ихъ изъ фамиліи. Въ народѣ, въ которомъ личная безопасность и неприкосновенность имущества основаны на покровительствѣ общинъ, исключеніе изъ фамиліи имѣетъ одинаковое значеніе съ объявленіемъ въ Европѣ преступниковъ вне покровительства законовъ. Человѣка, исключеннаго изъ фамиліи, всякій можетъ оскорбить, ограбить, убить, или взять въ рабство, не навлекая на себя ни чьей мести, если виновный

не найдеть покровительства въ какой-либо другой фамиліи. Покровительство, оказываемое фамиліями людямъ постороннимъ, прибѣгающимъ подъ ихъ защиту, принадлежитъ къ обычаямъ гостепрѣимства, которое всегда составляло отличительную черту народовъ первобытныхъ, и происходитъ отъ общей потребности людей оказывать другъ другу услуги въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ общественной безопасности; отъ услугъ же, требующихъ взаимности, рождаются обязанности. Къ числу обычаевъ гостепрѣимства принадлежитъ и право убъжища, которое избавляетъ людей, исключенныхъ изъ фамиліи, отъ тяжкой участи ихъ положенія. Прибѣгнувшій подъ покровительство фамиліи дѣлается ея гостемъ, и пока находится на ея землѣ, до тѣхъ поръ вся фамилія обязана, по долгу гостепрѣимства, охранять его. По народнымъ понятіямъ, обязанность эта такъ священна, что хозяинъ дома готовъ пожертвовать своею жизнію за безопасность гостя, и даже личный врагъ его пользуется у него безопасностію, если былъ принятъ къмъ-нибудь изъ его семейства.

Всякая кровавая вражда оканчивается примиреніемъ враждующихъ сторонъ судомъ посредниковъ. Старики, пользующіеся уваженіемъ народа, вмѣшиваются въ распри и уговариваютъ обѣ стороны рѣшить дѣло посредниками. Каждая сторона избираетъ своихъ посредниковъ, но нужно согласіе противной стороны для утвержденія выбора. Въ назначенномъ мѣстѣ сходятся обѣ стороны съ своими свидѣтелями. Судъ происходитъ подъ открытымъ небомъ гласно и публично; чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ болѣе собирается любопытныхъ. Враждующія стороны садятся въ разныхъ мѣстахъ въ отдаленіи одна отъ другой, чтобъ избѣгнуть столкновеній, къ которымъ обязываетъ ихъ понятіе о чести, до тѣхъ поръ пока виновная сторона не удовлетворитъ другую. Судьи садятся въ срединѣ и по очереди выслушиваютъ показаніе избраннаго съ каждой стороны депутата и свидѣтелей, а потомъ, по еовѣщаніи между собою, объявляютъ рѣшеніе, которое обѣ стороны обязаны выполнить безпрекословно.

Въ коренныхъ народныхъ установленіяхъ Черкесовъ нѣтъ другаго суда, кромѣ суда посредниковъ: общество не развилось до степени учрежденія постоянныхъ судей. Мусульманская вѣра внесла къ нимъ еще духовной судъ, *шариату*, но къ нему прибѣгаютъ Черкесы только въ маловажныхъ дѣлахъ. Предпочитая народныя постановленія *шариату*, по привязанно-

съ къ своимъ обычаямъ, съ которыми *шариатъ* во многомъ не сходенъ, а также и потому, что мусульманскій судъ допускаетъ произвольное толкованіе муллами Корана, который мало извѣстенъ Черкесамъ, они во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ разбираются по народнымъ обычаямъ; въ мелкихъ же дѣлахъ враждующія стороны обращаются къ мулламъ, для избѣжанія медленности и затрудненій въ присканіи посредничества, по обоюдному согласію, тѣмъ болѣе что не всякій охотно принимаетъ на себя эту обязанность, могущую навлечь вражду съ стороны, недовольной рѣшеніемъ дѣла.

Судъ посредниковъ опредѣляетъ пени не произвольно, а по установленнымъ правиламъ, въ которыхъ на каждый случай опредѣлена особая пеня. Собраніе всѣхъ народныхъ постановленій, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому изустно, въ незначительную письменности на черкесскомъ языкѣ, называется *адатомъ*.

Адатъ не остается неподвижнымъ. По естественному ходу вещей, съ постепеннымъ, хотя и медленнымъ, развитіемъ народа являются у него новыя потребности и новые интересы, которыми усложняются взаимныя отношенія между людьми. Судъ посредниковъ, не находя въ *адатѣ* установленій на новые случаи, долженъ произносить рѣшенія еще не бывалыя, хотя и прирѣзняющіяся къ общему духу *адата*. Для рѣшеній подобнаго рода обыкновенно приглашаются люди, свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ, и старики, которые могли сохранить въ своей памяти какіе-нибудь случаи, похожіе на разбираемый. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе называется *маславатомъ*. *Маславатъ*, повторенный потомъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, присоединяется къ общей массѣ народныхъ обычаевъ и окончательно обращается въ *адатъ*.

Взаимныя отношенія родовыхъ союзовъ показываютъ, что они основаны на началахъ политическихъ, а не гражданскихъ. Право употребленія оружія и мести есть право войны, предоставленное у Черкесовъ каждому свободному человѣку; судъ посредниковъ не есть въ собственномъ смыслѣ тотъ судъ, котораго рѣшенія въ обществахъ, имѣющихъ гражданское благоустройство, опираются на власть исполнительную и бываютъ обязательны, а есть только мировое соглашеніе, поддерживаемое страхомъ оружія. Въ дѣлахъ мести не ищутъ непременно убійцу или нарушителя чести, спокойствія или правъ собственности, а обращаютъ оружіе на того, кто первый попа-

дется подъ руку изъ родственниковъ, однофамильцевъ или даже рабовъ начинщика; въ мировыхъ соглашеніяхъ не домогаются наказанія послѣдняго, а только требуютъ, чтобы семейство или тотъ родовой союзъ, къ которому онъ принадлежитъ, удовлетворили честь обиженной стороны уплатой пени. Въ коренныхъ народныхъ понятіяхъ Черкесовъ не только нѣтъ того раздѣленія преступленій, которое извѣстно у насъ подъ названіемъ уголовныхъ и гражданскихъ, но даже и ббольшая часть тѣхъ дѣйствій, которыя называемъ мы преступленіями, принадлежитъ къ праву войны. Подъ названіемъ преступленій мы понимаемъ совершеніе воспрещенныхъ закономъ дѣяній, за которыя виновный подвергается отвѣтственности передъ общественными властями или по крайней мѣрѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Разсматривая въ этомъ смыслѣ дѣйствія, которыя, по понятіямъ Черкесовъ, называются преступленіями и проступками, мы находимъ, что къ нимъ принадлежать:

1. Измѣна народу.
2. Отцеубійство.
3. Кровосмѣшеніе.
4. Нарушеніе супружеской вѣрности женщинами.
5. Поступки трусости.
6. Нарушеніе гостепріимства.
7. Воровство у своей семьи и у ближнихъ сосѣдей (1). и
8. Возстаніе раба противъ своего господина, неповиновеніе и бѣгство его.

Всѣ прочія дѣйствія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, до нарушенія правъ собственности и общественного спокойствія, не подходятъ у нихъ подъ понятіе о преступленіяхъ, а принадлежать къ праву сильнаго и встрѣчаютъ препятствіе только въ силѣ оружія противника. Человѣкъ, причинившій другому какой-либо вредъ, можетъ подвергнуться возмездію или долженъ примириться, но у него нѣтъ судьи, передъ которымъ онъ былъ бы обязанъ стать въ положеніе отвѣтника, и онъ

(1) По нашимъ законамъ воровство раздѣляется на два разряда: воровство-кража и воровство-мошенничество; у кавказскихъ же горцевъ есть еще третій видъ этого дѣйствія: воровство-удальство, предпринимаемое съ опасностію жизни, съ отвагой и ловкостію; оно, по ихъ понятіямъ, не составляетъ преступленія, а принадлежитъ къ военнымъ подвигамъ.

въ правѣ, не подвергаясь обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ. Власть охранительная и власть правосудія замѣняется у нихъ страхомъ оружія, возмездіемъ и мирнымъ соглашеніемъ, а *адамъ* ближе подходитъ къ разряду международныхъ правъ, чѣмъ гражданскихъ законовъ.

Въ дѣлахъ общественныхъ, относящихся до нѣсколькихъ семействъ или до цѣлыхъ племенъ, созываются *народныя собранія*. Если бы каждая семья жила нераздѣльно на особомъ участкѣ земли, то безъ сомнѣнія народныя собранія составались бы изъ депутатовъ отъ семействъ; но всѣ семьи живутъ такъ разбросанно по разнымъ мѣстамъ, частію значительно удаленнымъ одно отъ другаго, что удобнѣе и скорѣе собирать депутатовъ и передавать рѣшенія народныхъ собраній по мѣстному раздѣленію края. Въ этой горной странѣ народонаселеніе расположено по долинамъ, раздѣленнымъ между собою отраслями Кавказскаго хребта. Ни одна семья не живетъ вѣсть въ одной долинѣ, также какъ въ каждой долинѣ живутъ семейства разныхъ семействъ или родовыхъ союзовъ. Жители одной долины, разбираясь въ своихъ *внутреннихъ дѣлахъ* по условіямъ родовыхъ союзовъ, имѣютъ общій мѣстный интересъ по *внѣшнимъ дѣламъ*: такъ, напримѣръ, они должны принимать общія мѣры предосторожности противъ воровства на пастбищахъ скота, противъ набѣговъ хищническихъ партій другихъ племенъ, противъ нашихъ наступательныхъ дѣйствій и т. п. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ опасность угрожаетъ жителямъ всей долины, а не той или другой семьи, и занятіе какихъ-нибудь мѣстъ постоянными караулами, укрѣпленіе какой-нибудь тѣснины завалами, и другія мѣстныя предосторожности одинаково приносятъ пользу всѣмъ жителямъ. Народныя собранія созываются преимущественно для общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ мѣстные интересы имѣютъ преимущество передъ семейными, а потому и депутаты посылаются отъ долинъ, а не отъ семействъ.

Народныя собранія имѣютъ характеръ сходбищъ совѣщательныхъ и не облечены никакою властію; но если мѣры, предложенныя въ совѣщаніяхъ, соответствуютъ желанію значительнаго большинства народа или по крайней мѣрѣ сильной, дѣятельной и безпокойной партіи, преимущественно религіозной, то могутъ сдѣлаться обязательными и для всего народа. Иногда народныя собранія судятъ измѣнниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія. Сходбища эти не имѣютъ ни

постояннаго мѣста, ни опредѣленнаго времени; для созванія ихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ властей; они собираются по общему голосу народа, который, по большому практическому навыку въ политикѣ своего края, самъ чувствуетъ, въ какое время настаетъ надобность въ общихъ совѣщаніяхъ. Для выбора депутатовъ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ и формальностей; обыкновенно посылаются въ собранія старики изъ каждой долины, давно извѣстные народу и внушившіе къ себѣ полное его довѣріе.

На изложенныхъ выше началахъ общество существуетъ безъ всякихъ общественныхъ властей. Въ цѣпи союзовъ, составляющихъ общій родовой союзъ, который въ свою очередь развѣтвляется до отдѣльныхъ свободныхъ семействъ, нѣтъ другихъ признанныхъ властей, кромѣ отца и мужа въ семействѣ и власти господина надъ рабомъ. Люди, которыхъ мы привыкли называть старшинами, пользуются только уваженіемъ народа но прежнимъ заслугамъ, по благоразумнымъ совѣтамъ и по дознанной на опытѣ вѣрности ихъ, но имъ не присвоено никакой власти. Возможность продолжительнаго существованія такого общества объясняется тѣмъ, что простота образа жизни народа, ограниченность нуждъ его, малосложность взаимныхъ отношеній жителей и большой просторъ въ земляхъ, которыхъ соразмѣрность съ народонаселеніемъ искони поддерживалась торговлей людьми, отвращаютъ столкновеніе частныхъ интересовъ. Единство происхожденія, языка, вѣры, нравовъ и обычаевъ, связываютъ этотъ народъ въ одно цѣлое, а общая опасность извнѣ, отъ нашего оружія, установившееся временомъ равновѣсіе родовыхъ союзовъ, взаимный страхъ оружія, спасеніе подвергнуться платежу большихъ пеней и наконецъ привычка къ этому порядку вещей, отвращаютъ внутренніе раздоры. Уваженіе къ старикамъ, передъ которыми молодые люди не садятся, и съ которыми безъ ихъ вопроса не начинаютъ разговора, обычай гостепріимства и условныя формы вѣжливости, смягчая ихъ нравы, много способствуютъ къ сохраненію у нихъ общественнаго спокойствія.

Однако, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе началъ готовиться у Черкесовъ коренной переворотъ въ общественномъ устройствѣ, который не состоялся только вслѣдствіе важныхъ событій, окончившихся покореніемъ русскою державою всего восточнаго Кавказа и большей части независимыхъ племенъ въ западной его части. Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію

внутреннихъ потрясеній въ черкесскомъ обществѣ, считаемъ не лишнимъ дать краткое понятіе о религіи, промышленности, торговлѣ и образованности горцевъ, чтобы можно было судить, на какой высотѣ нравственнаго и матеріальнаго развитія стоитъ черкесское общество, а также разсмотримъ абхазское общество, которое объяснить намъ политическое состояніе черкесскихъ племенъ до переворота, лишившаго князей и дворянъ прежнихъ правъ ихъ.

II.

Черкесы и Убыки считаются мусульманами, но настоящіе мусульмане составляютъ незначительную часть народонаселенія; это преимущественно люди, находящіеся въ сношеніяхъ съ Турками по торговымъ дѣламъ и семейнымъ связямъ; въ большей же части народа, особенно въ низшихъ сословіяхъ, религіозныя вѣрованія состоятъ изъ смѣси остатковъ христіанства и язычества съ малымъ прибавленіемъ исламизма. Отъ христіанства осталось у нихъ поклоненіе крестамъ, чествованіе нѣкоторыхъ праздниковъ, совпадающихъ съ христіанскими по времени и напоминающихъ ихъ по способу празднованія, и наконецъ, обряды, совершенно сходные съ обрядами св. причастія, въ которыхъ деревянная чаша, имѣющая одинаковую форму съ потиромъ церковной утвари, наполненная бузой (крѣпкій напитокъ) вмѣсто вина, съ кусками гоміи (родъ пшена, который въ видѣ каши употребляется горцами вмѣсто хлѣба), обходитъ всѣхъ присутствующихъ у подножія креста, и всѣ изъ ней вкушаютъ. Отъ язычества осталось у Черкесовъ поклоненіе священнымъ роцамъ, жертвоприношенія и разныя языческія празднества. Мы не будемъ ихъ описывать, предоставляя читателямъ ознакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ изъ приготовляемаго къ печати труда г. Люлье, и обратимся къ торговлѣ.

Жители сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря вели съ доисторическихъ временъ обширную торговлю людьми. Греческія колоніи, покрывавшія этотъ берегъ, обязаны были этой торговлѣ цвѣтущимъ своимъ состояніемъ. Купленныхъ тамъ невольниковъ они отправляли въ большіе города и крѣпости, гдѣ частью употребляли на публичныя работы и частью продавали для домашней прислуги. Послѣ паденія Греческой имперіи и

утвержденія на берегахъ Чернаго моря владычества мусульманъ, а особенно когда Турки овладѣли Гуріей, Мингреліей и Абхазіей и потомъ основали на сѣверной оконечности сѣверо-восточнаго берега крѣпости Анапу и Сухумъ, торговля значительно усилалась; гаремы наполнялись Черкешенками, преувеличенная слава о красотѣ ихъ далеко разносилась на востокъ и поддерживала сбытъ живаго товара. Вывозъ женщинъ въ Турцію производился въ такомъ большомъ числѣ, что Черкешенкамъ приписываютъ улучшение турецкой породы.

При такой давней и обширной торговлѣ людьми, не только не могла развиться въ народѣ никакая промышленность, но даже самое общество не могло выйти изъ первобытнаго полуднаго состоянія. Легко удовлетворяя нуждамъ человѣка, торговля эта не требуетъ никакого труда; поражаетъ праздность, тунеядство и духъ хищничества; нарушаетъ внутреннее спокойствіе общества, поощряя къ междуусобіямъ и набѣгамъ для пріобрѣтенія плѣнныхъ; ослабляетъ священное родительское чувство, пріучая смотрѣть на дѣтей, какъ на товаръ, и наконецъ оскорбляетъ человѣческое достоинство. При такомъ положеніи общества не можетъ быть въ немъ никакихъ успѣховъ въ гражданскомъ бытѣ народа; мужчины должны быть вѣчно вооружены и насторожь, а на долю женщинъ падаетъ тяжелый трудъ.

Послѣ присоединенія Анапы къ Россійской имперіи, правительство тотчасъ же приняло, посредствомъ крейсерства, мѣры къ прекращенію торговли невольниками; но такъ какъ эти мѣры оказались недостаточными, то постепенно заняты были весь берегъ рядомъ укрѣпленій, между которыми открылась вторая линія крейсерства, ближайшая къ берегу, изъ гребной флотиліи эвксинскихъ казачьихъ баркасовъ. Мало-по-малу торговля невольниками была прекращена, и жители по необходимости должны были обратиться къ труду и промышленности; но невоздѣланный край, котораго богатства еще не раскрыты, представляетъ мало къ тому способствъ. Гарнизоны укрѣпленій покупали у мѣстныхъ жителей скоть, домашнюю птицу, масло, яйца и сало, а вольно-промышленники—кожи, медь, воскъ, шивки, дерево букъ, похожее въ выдѣлкѣ на пальму, въ небольшомъ количествѣ гомію (родъ пшена) и кукурузу. По малому количеству луговъ, прибрежные жители не имѣютъ обширнаго скотоводства; скоть ихъ мелокъ и не отличается хорошими качествами; на сѣверной же покатоности обширныя равнины достав-

имѣть жителямъ возможность держать большіе табуны лошадей и значительное количество рогатаго скота и овецъ. Лошади лучшихъ породъ, употребляемая только для верховой ѣзды, замѣчательны по крѣпости и способности переносить большіе тяжести въ горахъ, но не отличаются красотою. Главное богатство ихъ составляетъ строевой лѣсъ, растущій въ горныхъ мѣстахъ, а горцы никогда не занимались лѣсною промышленностію въ обширѣ, соответствующемъ обилію матеріала. Ближайшіе къ нимъ поселенія жители привозятъ къ намъ на продажу деревянной лѣсъ и въ небольшомъ количествѣ строевой; но послѣдній, добываемый не въ горной полосѣ, а въ тѣхъ лѣсныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ вывозъ не требуетъ большаго труда, принадлежитъ не къ лучшимъ породамъ, мелокъ и кривъ. По привычкѣ къ труду, горцы не пользуются хорошимъ строевымъ лѣсомъ даже и для собственныхъ надобностей, предпочитая прочимъ деревяннымъ постройкамъ, требующимъ затруднительнаго вывоза лѣса изъ горъ, легкую постройку плетеныхъ изъ хвороста и обмазанныхъ глиной сакель, состоящихъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, мужской и женской половины.

Изъ внутренней промышленности горцевъ, для собственнаго ихъ потребленія, замѣчательнѣйшіе предметы: оружіе, съ рукояткой его серебряною оправой съ чернедью, женской работы серебряные позументы для поясовъ и для обшивки праздничной одежды мужчинъ и пр. Женщины также ткуютъ грубую ткань для мужской одежды и шерстяныя матеріи для себя. Между оружейниковъ, горцы не имѣютъ у себя другихъ ремесленниковъ.

Во время занятія сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря русскими племенами, жители не имѣли никакого понятія о монетахъ и знали только мѣновую торговлю. Во внутреннихъ торговыхъ сношеніяхъ цѣнность вещей опредѣлялась у нихъ людьми различныхъ возрастовъ, скотомъ и числомъ штукъ матеріи. Предметы равнялись у нихъ монету, означая различныя цѣнности; напримѣръ, человекъ равнялся, смотря по возрасту, извѣстному числу рогатаго скота, лошадей и овецъ; рогатый скотъ приравнялся къ извѣстному числу штукъ матеріи, не смотря какой именно; штука скота представляла собою какъ бы такую мысленную монету, подобно фунту стерлингъ въ Англии. Въ этой грубой монетной системѣ курсъ никогда не колебался; сравнительная цѣнность предметовъ, замѣнявшихъ монету, оставалась постоянно одинаковою. Въ послѣдствіи тор-

говля съ русскими промышленниками въ укрѣпленіяхъ ввела у горцевъ въ обращеніе нашу монету, и серебряный рубль, извѣстный у горцевъ подъ названіемъ: «монеть», сдѣлался основною единицей для опредѣленія цѣнности предметовъ.

Изъ привозныхъ предметовъ горцы болѣе всего нуждаются въ соли и въ мануфактурныхъ произведеніяхъ для одежды. Соль они добываютъ у себя только посредствомъ выварки изъ морской воды, но не умѣя очищать ее отъ постороннихъ составныхъ частей морскаго раствора, получаютъ всегда горькую. Что же касается до предметовъ одежды, то хотя женщины и удовлетворяютъ этой потребности своими работами, но въ недостаточномъ количествѣ и дурнаго качества. Изъ привозныхъ мануфактурныхъ товаровъ наибольшій сбытъ имѣютъ: американъ, зонъ, кисей, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи для архадуковъ и частію для женскихъ платьевъ, одѣяла, ковры и кованые сундуки.

Торговое сословіе въ горахъ состоитъ изъ живущихъ тамъ Армянъ, которые не причисляются къ народу, а считаются гостями, хотя бблшая часть изъ нихъ составляетъ потомство людей, поселившихся въ горахъ за много поколѣній назадъ. Въ понятіяхъ народа занятіе торговлей считается презрительнымъ.

По степени развитія общественнаго ихъ быта, Черкесы не могли еще попасть на путь умственнаго образованія. Языкъ ихъ, не обработанный и не имѣющей письменности, стоитъ на ряду варварскихъ; всѣ сношенія и сдѣлки между жителями производятся изустно, и никакихъ письменныхъ актовъ у нихъ не существуетъ. Для внѣшнихъ письменныхъ сношеній они употребляютъ языкъ турецкій, на которомъ говорятъ многіе изъ прибрежныхъ жителей, ведущихъ съ Турками торговые сношенія. Муллы, кромѣ того, знаютъ еще арабскій языкъ, но онъ рѣдко употребляется для письменныхъ сношеній. Изученіе турецкаго языка и догматовъ магометанской вѣры составляетъ исключительный предметъ образованія того класса людей, который сколько-нибудь заботится о воспитаніи дѣтей.

Впрочемъ Черкесы довольно развиты въ умственномъ отношеніи, къ чему способствуетъ политическое ихъ устройство. Въ народѣ, не имѣющемъ надъ собою никакихъ властей, каждый долженъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія

своихъ интересовъ. Это общественное положеніе производитъ въ народѣ навѣкъ къ политикѣ своего края, изощряетъ умственные способности, развиваетъ предусмотрительность и приучаетъ къ ораторскому искусству, особенно необходимому въ народныхъ собраніяхъ. И дѣйствительно, между Черкесами есть много людей, говорящихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ длинныя рѣчи, замѣчательныя по составу, логическому порядку выводовъ и силѣ убѣжденій.

Теперешнее раздѣленіе черкесскихъ племенъ, живущихъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, на сословія, показываетъ, что нынѣшнее общественное ихъ устройство произошло вслѣдствіе развитія демократическихъ началъ, взявшихъ верхъ надъ аристократическимъ элементомъ, нѣкогда господствовавшимъ въ краѣ. По неимѣнію у Черкесовъ никакихъ письменныхъ памятниковъ и по запутанности и сбивчивости изустныхъ преданій, трудно съ какою-либо достовѣрностію опредѣлить время этого общественнаго переворота, но по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ можно полагать, что онъ произошелъ, какъ выше сказано, около половины прошлаго столѣтія. Какимъ образомъ были устроены черкесскія племена до этой революціи, можно судить по общественному устройству абхазскихъ племенъ, которыя, сохранивъ въ полной силѣ аристократическій элементъ, составляютъ общества, устроенныя во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и черкесскія.

Въ абхазскомъ племени есть двѣ различныя системы политическаго устройства: 1) Абхазское владѣніе составляетъ смѣсь феодальной системы съ удѣльною; 2) прочія общества абхазскаго племени, независимыя отъ владѣтеля Абхазіи, составляютъ средину между устройствомъ владѣнія Абхазскаго и черкесскихъ обществъ. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Въ абхазскихъ племенахъ, независимыхъ отъ владѣтеля Абхазіи, существуютъ тѣ же родовые союзы и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ черкесскихъ племенахъ, но съ тою значительною разницей, что союзы эти состоятъ только изъ двухъ свободныхъ сословій: князей и самостоятельныхъ дворянъ; средняго сословія, многочисленнаго и сильнаго, подобнаго черкесскимъ тхвохотлямъ, у нихъ нѣтъ; прочія же сословія, и въ томъ числѣ несамостоятельныя дворяне, зависящія отъ князей, не пользуются политическими правами. *Адамъ* даетъ князьямъ такое высокое значеніе, что не только при-

знаетъ ихъ неприкосновенными для людей низшихъ сословій, но даже не опредѣляетъ и пени за ихъ кровь, какъ бы не допуская и мысли о возможности посягательства на ихъ жизнь. Въ случаѣ убійства князя человѣкомъ низшаго сословія, хотя бы онъ былъ убитъ и нечаянно отъ неосторожнаго случая или при сопротивленіи князю совершить какое-либо преступленіе, *адать* осуждаетъ на истребленіе весь родъ убійцы. Конечно, это жестокое установленіе теперь уже не исполняется, но оно существуетъ какъ право князей, котораго у нихъ никто не оспариваетъ. Подвластные обязаны защищать своего князя, выходить, по его требованію, съ оружіемъ, наносить вредъ его врагамъ и мстить за него. Въ свою очередь князь обязанъ имъ покровительствовать, защищать ихъ отъ обидъ, насилій и отъ нарушенія правъ ихъ собственности, за которыя требуетъ удовлетворенія отъ другихъ фамилій или родовыхъ союзовъ, но и самъ обязанъ отвѣтствовать передъ послѣдними за проступки своихъ подвластныхъ и уплачивать за нихъ пени. Въ раздорахъ и тяжбахъ между своими подвластными онъ есть натуральный посредникъ, разбираетъ дѣло вмѣстѣ съ другими посредниками, избранными отъ тяжущихся сторонъ и получаетъ въ свою пользу особую пеню, независимо отъ пени, при- суждаемой обиженной сторонѣ. Подвластные обязаны ему разнаго рода повинностями. Несамостоятельные дворяне имѣютъ право, хотя и оспариваемое въ нѣкоторыхъ племенахъ, свободного перехода отъ одного князя къ другому, но они непременно должны состоять подъ властію какого-либо князя, чего требуетъ и собственная ихъ безопасность. Самостоятельные дворяне, уступая князьямъ въ нѣкоторыхъ личныхъ преимуществахъ, пользуются политическими правами наравнѣ съ ними.

Во владѣніи Абхазскомъ, кромѣ того же порядка, который существуетъ и въ другихъ абхазскихъ племенахъ, аристократія имѣетъ главу въ лицѣ наследственнаго владѣтеля изъ фамиліи князей Шервашидзе. Права владѣтеля сходны съ тѣми, которыя имѣли въ Европѣ въ средніе вѣка феодальные владѣтели. Отношенія его къ князьямъ суть только личныя, безъ права вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе. На обязанности владѣтеля лежитъ попеченіе о безопасности всего края отъ внѣшняго непріятеля, о внутреннемъ его спокойствіи и принятіи необходимыхъ къ тому мѣръ. Во внутреннихъ раздорахъ онъ есть натуральный посредникъ; по требованію его,

враждующія стороны должны прекратить раздоръ, избрать своихъ посредниковъ и идти къ нему съ ними на разбирательство. Князья обязаны выставять, по требованію владѣтеля, въ определенномъ числѣ и на назначенномъ мѣстѣ, милиціи съ обезпеченнымъ продовольствіемъ; во время поѣздокъ его по краю продовольствовать его со свитою и съ тѣлохранителями его, составляющими особое сословіе въ народѣ; не щадя своей жизни и своего достоянія, защищать владѣтеля, мстить за него и выручать его изъ плѣна, еслибъ онъ впалъ во власть непріятели. Владѣтельскій домъ имѣетъ свои родовыя владѣнія, которыми управляетъ наравнѣ съ прочими князьями. До сихъ поръ права и обязанности владѣтеля ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыми пользовались феодальные владѣтели среднихъ вѣковъ въ Европѣ, но вотъ и особенность: владѣтельный домъ, со всѣми побочными линиями своей фамиліи, составляетъ общій родовой союзъ, имѣющій тѣ же права и обязанности относительно другихъ княжескихъ фамилій, какія они имѣютъ между собою. Къ этому общему очерку политическаго устройства Абхазіи остается еще прибавить, что двѣ боковыя линіи владѣтельной фамиліи передаютъ наследственно въ видѣ удѣловъ управляемые ими округа Абхазскій и Абживскій.

Мы не можемъ положительно сказать, которая изъ двухъ формъ политическаго устройства абхазскихъ племенъ составляетъ первоначальную, то-есть мелкія ли абхазскія племена отторглись отъ зависимости владѣтелей, нѣкогда можетъ-быть общей во всемъ абхазскомъ народѣ, или устройство владѣнія Абхазскаго есть развитіе абхазскаго общества; образовалось ли оно въ послѣднемъ случаѣ самобытно или произошло отъ присвоенія наследственной власти однимъ изъ правителей народа, поставленнымъ грузинскими царями. Самое древнее сказаніе о князьяхъ Шервашидзе относится къ исходу XII столѣтія, въ которомъ, между иженами эриставовъ (старшинъ или правителей народа) царицы Тамары, встрѣчается имя Дотаго Шервашидзе. Сами князья Шервашидзе считаютъ свою фамилію вышедшею изъ Ширвана. Однако нельзя, основываясь даже на этомъ свидѣтельствѣ, утверждать, чтобы въ абхазскомъ народѣ не было и прежде того же феодальнаго устройства подъ управленіемъ владѣтелей изъ другой фамиліи.

Мы выше видѣли, что развитіе черкесскаго общества пошло въ противоположную сторону въ сравненіи съ абхазскимъ. Малочисленность княжескихъ и дворянскихъ фамилій, особенно

первыхъ, и могущество сословія тхвохотлей было тому причиною. Революція, произведенная послѣдними, уравнила ихъ съ князьями и дворянами, дала имъ политическія права и поставила въ народѣ, вмѣсто двухъ сословіи, три, какъ господствующія. Но въ этомъ еще не заключается вся равница между нынѣшними черкесскими и мелкими абхазскими обществами. Послѣ освобожденія отъ власти князей и дворянъ, тхвохотли, продолжая болѣе и болѣе уравнивать свои права съ княжескими и дворянскими, не присваивали себѣ прежнихъ ихъ преимуществъ, а напротивъ уравнивали оба сословія съ собою. Такъ они уничтожили различіе въ уплатѣ пени за кровь, положивъ ту же плату за княжескую и дворянскую кровь, кака полагается *адамомъ* за кровь тхвохотлей, и хотя понятіе о личной неприкосновенности князей еще живетъ въ народѣ, однако *адамъ* уже не признаетъ его.

III.

Въ продолженіи нынѣшняго столѣтія три элемента въ черкесскомъ обществѣ, населяющемъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, аристократія, среднее сословіе и духовенство, усиливались произвести въ немъ переворотъ.

Партія аристократическая, слабая и отжившая у Черкесовъ (исключая Кабардинцевъ, у которыхъ она еще въ полной силѣ) свое значеніе, не оставляетъ своего желанія и надежды возстановить утраченныя свои права. Нѣсколько разъ она обращалась къ намъ съ просьбой помочь ей, общая признать надъ собою власть русскаго правительства, но двухсмысленное ея поведеніе, шаткость ея правилъ и трудность самаго дѣла не дозволяли намъ принять участіе въ ея замыслахъ. Уличенная среднимъ сословіемъ въ тайныхъ переговорахъ съ нами, партія эта одинъ разъ была призвана на судъ народнаго собранія и обложена большими пенями, и послѣ того уже не отваживалась составлять общіе заговоры.

Среднее сословіе, продолжая уничтожать /остатки правъ князей и дворянъ, и видя опасность, угрожающую народной независимости отъ успѣховъ нашего оружія, замышляло соединить всѣ племена въ одно благоустроенное политическое тѣло.

Мирдизмъ, проникнувъ къ Черкесамъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, стремился, до самаго паденія своего, къ утвержденію у нихъ владычества *шаріата* и къ устройству общества на подобіе того, которое устроилъ Шамиль въ Дагестанѣ. Но, по несходству своему съ *адатомъ*, *шаріатъ* не могъ одновременно съ нимъ существовать въ полной своей силѣ; Черкесы же, какъ выше сказано, прибѣгали къ шаріатскому суду только въ маловажныхъ случаяхъ, предпочитая ему свои народныя установленія, то-есть *адаты*.

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія черкескія племена, утраченные перенесеніемъ нашей военной передовой линіи съ Кубани на Лабу и устройствомъ другой военной линіи по кавказскому берегу Чернаго моря, заключили между собою тѣсный союзъ, въ условіяхъ котораго было постановлено: прекратить всѣ междуусобныя распри, не входить съ нами ни въ какія сношенія, ни въ торговыя, ни въ какія-либо другія, и не вести ни одному обществу отдѣльныхъ съ нами переговоровъ безъ согласія всѣхъ племенъ. Однако союзъ этотъ, опиравшійся только на общественное мнѣніе и не имѣвшій никакихъ твердыхъ основаній въ народныхъ учрежденіяхъ, не долго оставался ненарушимымъ. Ближайшіе къ нашимъ укрѣпленіямъ и станицамъ жители вошли съ нами въ сношенія и мало-по-малу начали вести въ занятыхъ нами мѣстахъ торговлю, которая скоро ихъ обогатила. Примѣръ этотъ неволью увлекъ другихъ, и наконецъ въ народѣ образовалась партія, желавшая сближенія съ нами. Всѣ подтвержденія народныхъ собраній о соблюденіи въ точности условій общаго союза племенъ оставались недѣйствительными, несмотря на то, что значительное большинство народа было противъ насъ.

Народныя собранія, какъ сходбища совѣщательныя, не располагали никакими средствами для понужденія многочисленныхъ приверженцевъ торговыхъ сношеній съ нами къ выполненію своихъ постановленій. Какъ скоро собранія эти расходились, то, по неимѣнію въ народѣ никакой исполнительной власти, ни на комъ не лежала обязанность и никто не былъ въ правѣ наблюдать за исполненіемъ мнѣнія, одобреннаго большинствомъ народнаго собранія. Въ подобныхъ случаяхъ только употребленіе силы съ единодушіемъ и настойчивостію со стороны той партіи, которой мнѣніе было господствующимъ въ народномъ собраніи, могло бы заставить уважать требованіе большинства. Однако враждебная намъ партія, разсыпанная по всему

краю, не могла принудить партію нашихъ приверженцевъ, хотя и значительно слабѣйшую, но соединенную вмѣстѣ на пространствѣ ближайшемъ къ нашимъ поселеніямъ, къ выполнению своего требованія; для того надобно было бы постоянно содержать у нихъ вооруженную силу, достаточную для удержанія ихъ въ повиновеніи. Въ народѣ, не организованномъ въ одно цѣлое, такое постоянное напряженіе силъ, требующее устройства и порядка, было невозможно. Высылая иногда вооруженныя партіи въ окрестности нашихъ поселеній, противники наши временно успѣвали прекращать торговлю съ нами ближайшихъ къ намъ жителей, но, истощивъ свое продовольствіе и соскучась, партіи расходились, и тогда все опять входило въ прежній порядокъ.

Это безсидіе большинства показывало, что одного политическаго союза племенъ было недостаточно для единодушнаго дѣйствія всего народа, и что необходимо было для достиженія этой цѣли дать народу другое устройство, которое связало бы раздробленное общество въ одно цѣлое. Кромѣ того, въ народномъ устройствѣ Черкесовъ есть еще одинъ коренной недостатокъ: это—двойственность раздѣленія его на родовые союзы и на мѣстныя общины. Хотя отъ этихъ двухъ различныхъ организацій народа, ничѣмъ между собою не связанныхъ, не происходило еще никакихъ невыгодъ, но позднѣйшее образованіе мѣстныхъ общинъ показывало уже устарѣлость формы прежняго общественнаго устройства, основаннаго на родовыхъ союзахъ, и необходимость введенія новаго порядка, сообразнаго съ обстоятельствами времени. Рѣшеніе этой задачи было потребностію времени, и прежде всего предложилъ свои услуги народу нѣкто Бесней-Абатъ, родомъ Шапсугъ, имѣвшій случай расширить кругъ своихъ понятій въ поѣздкахъ своихъ въ Турцію и Египетъ. Мысль Бесней-Абата, которую мы изложимъ ниже, не была принята, и скоро самъ онъ подвергся преслѣдованію народа, вышелъ къ намъ и умеръ въ одной изъ казачьихъ станицъ. Послѣ него явились съ новою системою организаціи народа проповѣдники мюридизма.

Религіозная сторона ученія мюридизма состояла въ обновленіи мусульманства, посредствомъ строгаго слѣдованія уставамъ его, и въ возстановленіи дѣятельной войны противъ невірныхъ; но возбуждая фанатизмъ, проповѣдники этого ученія употребляли его только какъ орудіе для властолюбивыхъ своихъ видовъ. Въ мюридизмъ заключалась цѣлая политическая

система, которая выдавалась за средство къ очищенію и утверженію религіи, а на самомъ дѣлѣ составляла настоящую цѣль преобразователей. Основанія этой системы состояли въ томъ, чтобы ввѣрить неограниченную власть надъ народомъ духовному лицу; ввести въ народъ правильную администрацію раздѣленіемъ края на округа и учрежденіемъ въ каждомъ округѣ управленія изъ кадіевъ и муллъ; опереть всѣ власти на вѣрную, избранную стражу изъ такихъ людей, которые, не имѣя ни достатка, ни правилъ, находили бы для себя полезнымъ быть соучастниками тайныхъ замысловъ преобразователей; установить *шариатъ* единственнымъ закономъ, стараться всѣми силами искоренить *адатъ* и всѣ его учрежденія, на которыхъ основано общество; уравнять права всѣхъ народныхъ сословій; уничтожить значеніе каждаго частнаго лица, заимствованное отъ настоящаго порядка вещей; разъединить такимъ образомъ народъ и составивъ изъ него толпу безъ связи, руководителей, силы и общественнаго духа, довести его до того, чтобы у него осталась только одна возможная и необходимая власть, духовная. Средства къ достиженію этой цѣли состояли, кромѣ избранной стражи, носившей у Черкесовъ названіе *мутазаювъ*, возбужденіе религіознаго фанатизма и основаніе духовныхъ училищъ для воспитанія будущаго поколѣнія въ правилахъ *шариата* и новаго порядка вещей. Такимъ образомъ, политическая система мюридизма состояла собственно въ деспотизмѣ духовнаго правителя и въ развитіи демократическихъ началъ въ народѣ до уравниванія правъ всѣхъ сословій.

Первый появившійся у Черкесовъ, въ 1842 году, проповѣдникъ мюридизма, Хаджи-Магометъ, имѣлъ большой успѣхъ, но когда онъ коснулся вопроса объ освобожденіи подвластныхъ и рабовъ, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе не только въ ~~казахъ~~ и дворянахъ, но и въ тхвохотляхъ, также владѣющихъ крестьянами. Въ концѣ 1844 года Хаджи-Магометъ умеръ, и тогда Шамиль прислалъ вмѣсто него Солеймана-эффенди. Этотъ ученый мулла принятъ былъ Черкесами уже не съ такою довѣренностію, какъ его предшественникъ. Проживъ два года въ ихъ краѣ и не успѣвъ подчинить себѣ народъ, Солейманъ-эффенди возвратился къ Шамилю, и въ скоромъ времени, поссорившись съ своимъ повелителемъ, вышелъ къ намъ и началъ возмущать противъ его власти, ученія и системы управленія.

Послѣ двухъ опытовъ примѣненія политической системы

юримизма къ преобразованію народныхъ установленій, Черкесы, вообще не имѣющіе религіознаго фанатизма, охладѣли къ этому ученію. Не оставляя, однако, намѣренія ввести у себя твердое и связанное общественное устройство, они обратились къ мысли Беснея-Абота, уже достаточно созрѣвшей въ народѣ. Въ 1847 году, по его предположеніямъ, черкесскія племена, живущія на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, согласились между собою предоставить народному собранію власть надъ народомъ и ввести у себя то, чего у нихъ не достааетъ для установленія единства и порядка, а именно: учредить администрацію и земскую полицію. Для выполнения этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры:

1) Признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній.

2) Для доставленія народному собранію матеріальныхъ средствъ къ тому, чтобы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа.

3) Раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ. Для поддержанія власти старшинъ назначить въ распоряженіе ихъ нѣкоторое число *мутазаговъ*.

Честь этихъ разумныхъ постановленій принадлежитъ тхвохотлямъ. Въ 1848 году они начали уже приводиться въ исполненіе. Постоянное ополченіе набиралось и располагалось отрядами на избранныхъ мѣстахъ. Жителей, ближайшихъ къ нашимъ укрѣпленіямъ, Анапѣ и Новороссійску, и жителей прибрежной полосы, которые не соглашались ввести у себя новый порядокъ, принудили къ тому силою.

Между тѣмъ въ народномъ собраніи происходили горячіе споры о важномъ вопросѣ: въ какое положеніе долженъ поставить себя народъ въ отношеніи къ намъ. Первая мысль собранія, какъ и первоначальная цѣль преобразованій, были относительно насъ враждебны. Противники наши предложили употребить всѣ усилія, чтобы вытѣснить насъ съ берега моря и изо всего Закубанскаго края. Однако люди умѣренные взяли въ

этихъ спорахъ верхъ. Они убѣждали собраніе не начинать бесполезнаго кровопролитія и предлагали ограничиться охраненіемъ народной независимости, не предпринимая на наши укрѣпленія и станицы нападений, не общающихся ни одного успѣха. Они говорили, что мы по необходимости дѣйствовали противъ нихъ враждебно, чтобъ унять ихъ хищничества и набѣги, но что мы оставимъ ихъ въ покоѣ и не будемъ двогаться покоренія ихъ, если они введутъ у себя строгій порядокъ. Въ этихъ видахъ они предлагали заключить съ нами мирныя условія; опредѣлить взаимную границу, отдѣливъ для укрѣпленій и станицъ, находящихся въ ихъ краѣ, достаточное количество пахатныхъ полей, луговъ и лѣсовъ; разрѣшить народу свободную торговлю и сношенія съ нами, и строго воспретить самовольный наборъ партій хищниковъ (1) для набѣ-

(1) Партіи хищниковъ собирались у Черкесовъ изъ охотниковъ по вкусу людей, получившихъ военную славу прежними подвигами удаливши и вѣрными военными соображеніями. Вызывающій приводилъ къ себѣ явившихся къ нему охотниковъ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, и принималъ на себя предводительство партій. Эти партіи были не что иное, какъ частныя предпріятія для добычи, не встречаемыя народными постановленіями, однако и не служившія выразителемъ политическаго дѣйствія всего народа; каждый человѣкъ, имѣвшій право употребленія оружія внутри края по своему произволу, могъ болѣе имѣть право обратитъ его противъ непріятеля. Только большія народныя предпріятія, рѣшаемыя въ народныхъ собраніяхъ, какъ нападенія на наши укрѣпленія и станицы, составляли въ истинномъ смыслѣ проявленія общей народной воли и дѣйствія политическаго права войны. Въ нападеніяхъ древнихъ германскихъ народовъ въ провинціи Западной Римской Имперіи можно также отличить предпріятія партій охотниковъ отъ большихъ народныхъ предпріятій. Когда варвары, почувствовавъ свою силу, начали, вмѣсто нападеній мелкими партіями для добычи, предпринимать большія вторженія многочисленными массами для завоеваній, то они должны были для успѣха улучшить свою военную организацію учрежденіемъ іерархіи командъ и предоставить предводителямъ болѣе обширныя права, которые обратясь въ наследственныя, дали начало феодальному государственному устройству. Препрежее феодальное устройство черкесскихъ племенъ и нынѣшнее абхазское устройство служатъ признакомъ завоеваннаго утвержденія ихъ въ занимаемомъ ими краѣ. Историческія событія поставили эти племена въ такое положеніе, что у одной части абхазскаго народа феодальныя учрежденія развились вполне, у другой части не дозрѣли или пришли въ упадокъ, а у черкесскихъ племенъ совершенно рушились.

говъ въ наши предѣлы. Они желали, чтобы право употребленія противъ насъ оружія было предоставлено только народному собранію, какъ правительству, при объявленіи намъ войны, и чтобы за каждый самовольный выстрѣлъ налагались на виновныхъ тяжкія пени, исключая тѣхъ случаевъ, когда мы сами вынудимъ жителей взяться за оружіе для собственной ихъ обороны. Наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія и отвѣтственность они полагали возложить на старшинъ.

Предположеніямъ этимъ, однако, не суждено было осуществиться. Народъ, привыкшій къ необузданной свободѣ и хищничеству, не стерпѣлъ, съ самаго начала, повелительнаго тона *мутазазовъ*, которые присылались съ приказаніями отъ народнаго собранія; скоро произошли между ими и народомъ драки, оканчивавшіяся по большей части не въ пользу *мутазазовъ*, и, послѣ нѣсколькихъ такого рода столкновеній, нововведенія окончательно рушились.

Около того же времени прибылъ къ Абадзехамъ отъ Шамиля Магометь-Аминъ. Медленно и съ величайшимъ терпѣніемъ распространялъ онъ свою власть въ народѣ, не пада духомъ ни отъ какихъ неудачъ. Когда онъ наконецъ утвердился въ землѣ Абадзеховъ и ввелъ у нихъ управленіе, основанное на политической системѣ мюридизма, онъ началъ подчинять себѣ другія племена отчасти убѣжденіемъ и отчасти силою. Дробное описаніе дѣйствій Магометь-Амина не относится къ предмету этой статьи, которая имѣетъ цѣлю только рассмотреть основанія народнаго устройства Черкесовъ и элементы, приготовлявшіе въ немъ внутренній переворотъ. Довольно сказать, что съ 1848 года до начала восточной войны — то-есть въ продолженіи пяти лѣтъ, Магометь-Аминъ два раза съ быстротой подчинялъ себѣ всѣ черкесскія племена, живущія сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, и столѣтъ скоро терялъ свою власть. Когда же началась восточная война, то Магометь-Аминъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ сильнаго противника въ лицѣ Сеферъ-бея.

Сеферъ-бей происходитъ отъ княжеской фамиліи Занъ, которая прежде властвовала надъ цѣлымъ племенемъ черкесовъ происхожденія, Хеаки, жившимъ въ окрестностяхъ Ама-Племя это нынѣ разсѣялось, и слабыя остатки его находятся въ разныхъ мѣстахъ земли Натухайцевъ и Шапсуговъ. Фамилія Занъ потеряла свою власть при общемъ политическомъ

проротѣ, совершившимся у Черкесовъ около половины про-
 шлаго столѣтія, но она еще пользуется большимъ уваженіемъ
 народа. При взятіи нами Анапы, въ 1807 году, Сеферъ-
 бей въ то время еще несовершеннолѣтній, былъ отданъ намъ
 частными жителями въ видѣ заложника и отправленъ въ
 Одессу для воспитанія въ Ришельевскомъ лицей, но оставал-
 ся тамъ не долго и мало чему выучился. Послѣ того онъ
 назначенъ былъ юнкеромъ въ полкъ, находившійся въ Анапѣ,
 и жилъ въ домѣ полковаго командира Рудзевича, въ послѣд-
 ствіи бывшаго корпуснымъ командиромъ. Не задолго передъ
 возвращеніемъ этой крѣпости Турціи, Сеферъ-бей бѣжалъ въ
 Турцію и потомъ поступилъ въ турецкую службу. Въ 1828 году,
 во время осады княземъ Меншиковымъ Анапы, Сеферъ-бей
 былъ уже въ чинѣ полковника и состоялъ при анапскомъ пашѣ
 въ качествѣ его помощника; по взятіи же этой крѣпости, былъ
 отправленъ военно-плѣннымъ въ Одессу, гдѣ оставался до за-
 ключенія мира, а потомъ дозволено было ему возвратиться на
 родину. Поселясь между Натухайцами, онъ сталъ въ го-
 ловѣ черкесскаго возстанія противъ насъ и въ 1830 году от-
 правился на контрабандномъ суднѣ въ Константинополь съ
 просьбой отъ народа просить султана о присылкѣ къ
 нему войскъ для овладѣнія Анапой и освобожденія ихъ
 отъ нашего владычества. Открыто отвергнутый, но
 тайно обласканный Портой, онъ остался въ Турціи; нѣ-
 сколько времени жилъ въ Анатолиі; посылалъ оттуда къ Чер-
 кесамъ порохъ и оружіе и волновалъ народъ обѣщаніями
 о помощи отъ Турціи. Наконецъ, по настоянію нашей
 Порты въ Константинополь, Сеферъ-бей былъ отправленъ въ
 Константинополь съ воспрещеніемъ выѣзда и жилъ тамъ до по-
 чатка войны подъ надзоромъ Порты, получая отъ ней до-
 стойное содержаніе и не переставая время отъ времени по-
 слать къ своимъ единоплеменникамъ письма, которыми въ
 возмущенія 22-хъ лѣтъ поддерживалъ въ нихъ духъ вражды
 къ Россіи и надежду на помощь Турціи. Въ послѣднюю
 войну онъ прибылъ сначала въ Сухумъ, съ званіемъ паши,
 и съ всякой власти надъ небольшимъ десантнымъ отря-
 домъ, который былъ тамъ высаженъ; а потомъ, спустя годъ,
 когда мы уже оставили Новороссійскъ и Анапу, переѣхалъ къ
 Сухуму. Порта поручила ему набрать изъ горцевъ опол-
 ченіе для усиленія Батумскаго корпуса, но, несмотря на всѣ

свои старанія, онъ не успѣлъ склонить къ тому горцевъ. Привыкнувъ въ своей землѣ къ непродолжительнымъ военнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ предоставляется произволу каждаго оставаться въ полѣ столько времени, сколько пожелаетъ, и возвращаться домой, когда вздумается, горцы утрачивали мысли оставить родину, отправиться въ отдаленный край и попасть въ полную зависимость отъ турецкихъ начальниковъ, которые могли продержать ихъ у себя долгое время и даже записать ихъ въ регулярныя войска. Эта неудача подала первый поводъ къ столкновению между Сеферъ-беемъ и Магометомъ Аминомъ, хотя и безъ того, представляя собою два противоположныя начала,—одинъ аристократію, другой религиозно-демократическое ученіе,—они не могли ужиться между собою въ мирѣ. Увѣривъ Порту, что все черкесское народонаселеніе поднимется поголовно по одному его слову и послѣдуетъ за нимъ всюду, Сеферъ-бей чувствовалъ себя униженнымъ, что обѣщанія его не оправдались на дѣлѣ, и старался отнести всю вину къ Магометъ-Амину, обвиняя его въ томъ, что онъ ввелъ въ заблужденіе Порту ложными донесеніями о введеніи у Черкесовъ порядка и повиновенія. Вынужденный оправдываться, Магометъ-Аминъ ѣздилъ въ Константинополь и былъ тамъ обласканъ Портой, но, воротясь безъ всякаго полномочія, удалился на нѣсколько времени отъ всякихъ дѣлъ; когда же Сеферъ-бей, пользуясь умышленнымъ его бездѣйствіемъ, старался распространить свое вліяніе на всѣ закубанскія племена, то Магометъ-Аминъ, снова призванный на политическое поприще, вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу. Съ того времени Черкесы раздѣлились на два враждебныхъ стана: Натухайцы стали на сторонѣ Сеферъ-бея, Абадзехи поддерживали Магометъ-Амина, Шапсуги по большей части оставались нейтральными, принимая по временамъ сторону то одного, то другаго. Нѣсколько разъ дѣла между обоими противниками доходили до схватокъ съ оружіемъ въ рукахъ, но по нерѣшительности ихъ дѣйствій оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Сеферъ-бею не была предоставлена народомъ никакая власть; онъ пользовался только вліяніемъ, основаннымъ на закоренѣлой враждѣ его къ Россіи и на убѣжденіи народа, что онъ имѣлъ большую силу у правительствъ турецкаго и западныхъ европейскіихъ державъ. Однако, одного личнаго значенія, относящагося преимущественно къ дѣламъ внѣшней политики,

было для Сеферъ-бея недостаточно, для того чтобъ обезопасить себя отъ такого могучаго противника, какимъ былъ Магометъ-Аминъ. Во внутреннихъ дѣлахъ ему необходимо было найти себѣ опору въ народныхъ партіяхъ, противныхъ мюридизму. Представитель аристократическаго сословія, онъ не могъ однако же опереться на одну эту слабую партію. Главныя причины медленнаго успѣха мюридизма въ Закубанскомъ краѣ заключались въ неукротимомъ характерѣ жителей свободныхъ сословій, не терпящихъ надъ собою никакихъ властей, и въ твердомъ намѣреніи ихъ сохранить свою власть надъ низшими сословіями, а особливо надъ рабами. Общіе интересы эти соединили среднее сословіе съ аристократическимъ, но у нихъ не доставало предводителя, которымъ и явился Сеферъ-бей.

Въ противоположность этой безсвязной партіи съ случайнымъ предводителемъ, не облеченнымъ никакою властію, послѣдователи мюридизма составляли общество правильно-организованное и управляемое іерархіей властей, во главѣ которыхъ стоялъ общій начальникъ, съ званіемъ наиба, дѣйствовавшій полновластно во имя религіи.

Борьба Сеферъ-бея съ Магометъ-Аминомъ была не что иное, какъ борьба *адата* съ *шариатомъ*, изъ которыхъ первый, оставаясь въ прежнихъ формахъ, не могъ соединить общество въ связанное и сильное политическое тѣло, а послѣдній, организованный мюридизмомъ, предлагалъ обществу такія начала, которыя могли придать ему единство, порядокъ и твердость. Всѣ выгоды были на сторонѣ мюридизма, и хотя, по всей вѣроятности, долго еще усилія религіозной секты оставались бы безуспѣшными при столкновеніяхъ съ духомъ личной независимости жителей и съ родовыми ихъ союзами; но наконецъ исходъ борьбы долженъ былъ обратиться на сторону единства и порядка, то-есть мюридизма, еслибы партія *адата* въ свою очередь не устроилась. Это было весьма сомнительно. Но знаменитый въ лѣтописяхъ Кавказа 1859 годъ разомъ окончилъ эту борьбу неожиданною развязкой: мюридизмъ палъ, Магометъ-Аминъ съ Абадзехами покорился Россіи, Натухайцы послѣдовали ихъ примѣру; Бжедухи и всѣ мелкія племена, живущія между Бѣлой и Лабой покорились еще прежде, Сеферъ-бей умеръ, и въ покорившихся племенахъ окончательно вос-

торжествовалъ *адатъ*, на основаніяхъ котораго и на избирательныхъ началахъ частію ввелось и частію вводится русское управленіе. Остаются еще въ неопредѣленномъ положеніи только Шапсуги и Убыхи, которые продолжаютъ отстаивать свою независимость, но у нихъ политическія партіи смолкли, а въ народѣ, не имѣющемъ предводителей, появилась страшная неурядица.

Николай Карлгофъ.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛЦИ

ВО ФРАНЦІИ (1)

IX.

ДЕПАРТАМЕНТЫ МАРНЫ, ВЕРХНЕЙ-МАРНЫ И ОБЫ.

Прежняя провинція Шампань.

Нѣтъ путешественника, который бы не услышалъ, проѣзжая Шампани, старинной поговорки, «*Quatre vingts dix neuf millions et un Champenois font cent bêtes*». (Девяносто девять миллионов да одинъ Шампанецъ и того сотня скотовъ.)

Я прибавлю къ этому, что изъ всѣхъ пословицъ и поговорокъ, нѣтъ ни одной менѣе справедливой: возможно ли упрекнуть недостатокъ ума благородную Шампань, производящую тѣ превосходныя вина, за которыми присылаетъ къ намъ Европа и цѣлый міръ, которыя одушевляють на мгновеніе самые тяжелые умы, развязываютъ самые непереводимые языки и согрѣваютъ самыя холодныя головы? И не Шампань дала намъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей,

(1) См. Русскій Вѣстникъ №№ 9 и 12.

Дидро, которому Екатерина II оказывала такое уваженіе и почетъ, тогда какъ отечество награждало его только преслѣдованіями и тюрьмою?

Впрочемъ, происхожденіе этой поговорки столько же говоритъ въ пользу смыслености шампанскаго крестьянина, сколько свидѣтельствуешь о грубости и недобросовѣстности того, кто пустилъ ее въ ходъ.

Возникла она въ средніе вѣка, когда рабство тяготѣло надъ рабочимъ людомъ, когда каждый сеньйоръ, полновластный распорядитель въ своихъ земляхъ, предписывалъ законы по своему произволу и приводилъ ихъ въ исполненіе по своей прихоти. Одинъ изъ этихъ сеньйоровъ обложилъ тяжелыми поборами стада овецъ, пригоняемыя въ столицу его владѣній; желая однакоже поразить только самыхъ богатыхъ овцеводовъ и пощадить недостаточныхъ, онъ постановилъ, чтобы налогъ падалъ исключительно на стада, состоявшія изъ ста головъ и болѣе. Съ этого времени ни въ одномъ стадѣ не оказывалось болѣе девяности девяти головъ. Раздраженный неуспѣхомъ придуманнаго имъ побора, сеньйоръ сдѣлался самъ сборщикомъ податей, выжидалъ стада на дорогѣ, и не находя иного средства удовлетворить своей алчности и въ то же время оказать уваженіе къ установленному имъ закону, онъ прибѣгъ къ грубой и злой шуткѣ; указывая своимъ вооруженнымъ спутникамъ на пастуха, онъ присчитывалъ и его къ числу головъ скота и говорилъ: «Сбирайте налогъ; девяности девять барановъ да одинъ Шампанецъ и того сто скотовъ».

Феодализмъ отжилъ свой вѣкъ, рабство уступило мѣсто свободѣ, но поговорка проживетъ еще долго.

Помнится, я говорилъ уже о томъ, что еще до 1789 года освобожденіе крѣпостныхъ было часто возвѣщаемо у насъ королевскими указами; но эти указы были безсильны противъ своеволія коронныхъ чиновниковъ и сеньйоровъ, которые обязаны были приводить ихъ въ исполненіе на своихъ земляхъ; послѣдніе злились на королей, и громко вопіяли, что ихъ хотятъ раззорить въ конецъ и отнять у нихъ ихъ законную собственность. Въ этомъ-то и заключалось недоразумѣніе: эманципация лишала ихъ только права владѣнія людьми, но земля оставалась по прежнему ихъ собственностью, и они продавали или отдавали ее внаймы этимъ отпущенникамъ, возвышая цѣну ея по мѣрѣ возвышенія ихъ благосостоянія, а такъ

же и приглашали ихъ обрабатывать ее въ свою пользу за установленную плату. А такъ какъ чувство собственности придаетъ необыкновенную энергію человѣческой дѣятельности, и свободный трудъ безконечно производительнѣе труда крѣпостнаго, то помѣщики вскорѣ разбогатѣли вслѣдствіе той же самой хѣры, которую проклинали, которую останавливали и задерживали всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Сверхъ того, злоба ихъ противъ королей была несправедлива въ томъ смыслѣ, что рабство уничтожается собственно не королевскими указами, а прогрессомъ, усовершенствованіемъ работы, разумною организаціей средствъ, которая, при меньшихъ издержкахъ, даетъ въ результатъ болшую сумму полезныхъ предметовъ. Указъ государя только свидѣтельствуетъ, что наступило время обратиться въ фактъ то улучшеніе, котораго желаютъ всѣ честные и благоразумные люди.

Во всѣ времена Шампань оказывала большія услуги Франціи. Она никогда не колебалась, если ей нужно было стать на защиту общаго отечества; и если опустошенныя равнины ея остались безплодными, то уже конечно не отъ того, чтобъ онѣ не были удобрены человѣческою кровью. Нѣтъ возможности исчислить всѣ великія битвы, на нихъ происходившія. Здѣсь Галлія въ послѣдній разъ сразилась съ Римлянами, и должна была имъ уступить. Вителлій и Веспасіанъ спорили здѣсь объ обладаніи міромъ. Въ Шампани же, въ V вѣкѣ, страшный Аттила, бичъ Божій, нашелъ предѣлъ своему могуществу: передъ воротами Шалона на Марнѣ, онъ похоронилъ сто шестьдесятъ тысячъ своихъ воиновъ. Тамъ же, въ 1792 г., вторженіе Прусакъ остановлено было мечами Дюмурье и Келлермана. Тамъ же наконецъ, въ 1814 г., Франція, истощенная кровавыми капризами Наполеона, отбивалась со всею энергіей отчаянія отъ союзныхъ войскъ. Фуражъ, провіантъ, повозки, скотъ—все, чѣмъ могли располагать поселяне, предоставлено было въ полное распоряженіе защитникамъ отечества. Крови своей они не щадили и прежде наступленія этого послѣдняго часа: люди, годные къ военной службѣ, давно уже были въ рядахъ арміи; а теперь женщины и раненые, дѣти и старики вступали въ борьбу, обращая каждую деревню въ укрѣпленіе, каждый кустарникъ въ ретраншаментъ. Но увѣ! не возвратились славные дни 1792 года. Въ 1814 году все дѣло касалось одного Наполеона, а Франція утомлена была Наполеономъ.

Итакъ Шампань издавна служила щитомъ Франціи и устроилась такимъ образомъ, чтобы соответствовать своему назначенію. Вы не встрѣтите тамъ сельскихъ жилищъ, разбѣянныхъ посреди полей и окруженныхъ землями, составляющими ферму, какъ напримѣръ въ Вандеѣ. Въ Шампани хорошо знаютъ, что одинъ членъ вѣкъ ничего не значитъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Св. Писанія братъ, получающій помощь отъ брата, составляетъ «градъ силенъ», и потому всѣ стараются жить поближе другъ къ другу, чтобы въ случаѣ нужды подавать другъ другу помощь, и отъ того вездѣ встрѣчаются болѣе или менѣе значительныя деревни. Въ сельскихъ постройкахъ ежедневно совершаются много численныя и важныя улучшенія. Тамъ поняли, наконецъ, что вовсе недостаточно покрывать строеніями обширныя пространства; необходимо, чтобы каждая постройка была на своемъ мѣстѣ, чтобы приняты были во вниманіе потребности всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей, чтобы животныя имѣли не только достаточное количество воздуха, необходимое для ихъ существованія, но чтобы они и размѣщены были въ лучшемъ порядкѣ и получали кормъ, сообразно съ требованіями рациональнаго хозяйства и благоразумной экономіи, наконецъ, чтобы навозъ сберегался въ ямахъ, не теряя нисколько своихъ качествъ.

О жилищахъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые сами занимаются обработкой и улучшеніемъ своихъ владѣній, гдѣ они проводятъ часть своей жизни, замѣтимъ, что не рѣдко замокъ, окруженный параднымъ дворомъ и обширными садами, расположенными въ видѣ амфитеатра, имѣетъ только одну кухню, общую для господъ и тѣхъ служителей, которыхъ они обязаны кормить, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка тянутся конюшни, хлѣва, овчарни, амбары, голубятни, сараи, курятники и пр.; обыкновенно все это расположено по тремъ сторонамъ прямоугольнаго двора, и отдѣлено отъ господскаго двора только однимъ заборомъ, такъ что хозяинъ можетъ видѣть все, что тамъ дѣлается, и изъ самыхъ оконъ своего кабинета наблюдать за всѣми подробностями своего хозяйства. Господскій домъ строится изъ камня и покрывается асфальтными плитами. Что же касается до сельскихъ построекъ, то по недостатку въ строевомъ камнѣ, онѣ большею частію возводятся изъ деревянныхъ досокъ, наполненныхъ въ промежуткахъ земляными кирпичами, высушенными на воздухѣ; укрѣп-

лѣтъ ихъ набутъ изъ щебня, который достаточно возвышаютъ надъ уровнемъ почвы, чтобы предохранить строеніе отъ дѣйствія сырости и морозовъ. Зданія эти обыкновенно покрываются соломою или камышомъ, а потому не рѣдко подвергаются страшнымъ пожарамъ. Наводненія не менѣе опасны для этихъ непрочныхъ жилищъ, вода часто разрушаетъ ихъ до основанія и даже разноситъ ихъ обломки.

Въ сельскихъ жилищахъ, при среднемъ хозяйствѣ, владѣлецъ имѣетъ очень тѣсное помѣщеніе, между улицей и дворомъ, гдѣ складывается удобреніе, и гдѣ расположены всѣ необходимыя хозяйственныя постройки. Поселянинъ, впрочемъ, не слишкомъ страдаетъ отъ миазмовъ, распространяемыхъ въ воздухѣ навозомъ, помѣстивъ который на далекомъ разстояніи онъ не умѣетъ; постоянное движеніе и чистый воздухъ полей, гдѣ онъ проводитъ большую часть своего времени, уничтожаютъ вредное вліяніе того воздуха, которымъ онъ дышитъ у себя дома.

Что же касается до мелкаго земледѣльца, то-есть до такого, который владѣетъ одною или двумя лошадьми, такимъ же числомъ коровъ и десятками двумя овецъ, то, конечно, въ жилищѣ его встрѣчаются вмѣстѣ всѣ неудобства, замѣтныя поодначкѣ у поселянъ болѣе достаточныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ старается соблюдать всевозможную чистоту; грязный дворъ свой онъ поднимаетъ и моститъ туземнымъ мѣломъ, который, будучи вытесанъ и плотно убитъ, пріобрѣтаетъ твердость камня. По срединѣ устроены ямы для стока тучной воды, содѣявшагося улучшенію навоза, а чтобъ излишекъ влаги не затопилъ двора въ дождливое время года, устраивается жолобъ, въ которому эти плодотворныя воды стекаютъ въ ровъ, вырытый гдѣ-нибудь въ углу сада или огорода, закрытый кустарникомъ и наполненный соломой или жесткою травой, скоро обращающимися въ массу, пригодную для удобрения полей. На этотъ дворъ почти всегда ведутъ крытыя ворота, подъ которыми находятъ убѣжище возы съ хлѣбомъ и сѣномъ, всегда вечеромъ во время грозы нужно гдѣ-нибудь пріютить ихъ наскоро.

Крестьяне этого послѣдняго класса живутъ преимущественно своею работою, или нанимаясь поденно, или принимая на себя исполненіе какого-нибудь сельскаго труда за плату,—способъ, вообще предпочитаемый хорошими работниками,

которые могутъ тогда приобрести значительныя выгоды. Поденщикъ косить сѣно и овесъ, молотить хлѣбъ въ сараѣ, вывозить удобреніе, а когда земледѣльческихъ работъ нѣтъ, то онъ починиваетъ дороги, выдѣлываетъ кирпичи изъ мѣловой земли, употребляемой на постройку за недостаткомъ камня. Нѣкоторыя старинныя льготы даютъ ему еще одно средство прокормить свою семью. Такъ, на примѣръ, молотильщику на гумнѣ дозволяется брать себѣ связки обмолоченныхъ сноповъ. Собираніе колосьевъ дозволено вездѣ; семья поселянина пользуется этимъ правомъ и набираетъ ежегодно понѣскольку мѣръ зернов. хлѣба. Она собираетъ также траву, растущую на придорожныхъ рвахъ и прокармливаетъ ею корову или по крайнѣму мѣру кроликовъ, которыхъ множество разводится по всей провинціи.

Пища поселянъ умеренная, но сытная. Она состоитъ изъ хлѣба (одна треть пшеницы и двѣ трети ржи), изъ небольшого куска соленой свинины, плохой баранины, картофеля, и пусты, бобовъ и чечевицы. Они пьютъ мало вина, но болѣе всего употребляютъ воду съ уксусомъ и еще охотнѣе воду съ водкой. Впрочемъ, потребленіе водки принимаетъ въ настоящее время ужасающіе размѣры. Даже женщины привыкаютъ къ ней; нанимаясь на день, онѣ выговариваютъ себѣ *рюмочку*, прачки, по старинному обычаю, давно уже приобрѣли на нея право.

Природа очень мало сдѣлала для Шампани, и несмотря на всѣ разумныя и дѣятельныя усилія туземныхъ агрономовъ, Шампаня осталась бы въ нищетѣ, еслибы виноградники не обратили самыя дурныя ея земли, самыя обнаженные холмы, въ золотыя рудники, которые гораздо вѣрнѣе и неистощимѣе рудниковъ Калифорніи. Страна эта служитъ превосходнымъ примѣромъ того, что въ состояніи совершить геній человека для возбужденія плодородія въ почвѣ. Не такъ далека еще отъ нашего времени та эпоха, когда равнины Шампани, по справедливости, славились своею скудостію и представляли печальное зрѣлище безотрадной пустыни. Путешественникъ, проѣзжавшій по нимъ, встрѣчалъ только однѣ мѣловыя вершины, усеяныя рѣдкими пучками тощей травы или низкорослаго можжевельника. Почва, разстилаясь длинными волнистыми полосами, повсюду представляется бѣдною и бесплодною. На вершинахъ холмовъ и по склонамъ ихъ она исключительно состоитъ изъ мѣла; въ долинахъ, мѣлъ перемѣшанъ съ извест-

нимъ хрящомъ, который часто покрываетъ его совершенно. Земля повсюду легкая, вбирающая въ себя много воды, которой всегда недостаточно, чтобы напитать ее. Мѣстами тамъ встрѣчались бѣдныя деревушки, влачившія бѣдственное существованіе. Небольшое количество хлѣбныхъ растений, составлявшихъ обычную пищу жителей, родилось на этой сухой и тощей почвѣ, да и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха. Случалось, что грозовыя тучи извергали цѣлый потопъ, но воды послылись громадными массами, нисколько не наполняя обнаженной почвы, а только смывая жатву и обрабатывая поля; голодный земледѣлецъ никогда не былъ уверенъ: что соберетъ хлѣбъ, выроставшій у него на глазахъ. Въ другой годъ лишеныя растительности равнины выгорали отъ солнечныхъ лучей, и хлѣбныя колосья высыхали на корню, не достигая своего полного роста. Въ это-то время, еще не очень отдаленное отъ насъ, поселянинъ топилъ печь соломой своей жатвы; однимъ словомъ, все соединялось, чтобъ обратить эту провинцію въ пустыню. Она и была почти необитаема, а жители сосѣднихъ областей дали ей совершенно заслуженное прозвище: *Champagne pouilleuse* (вшивая Шампань). Старинная поговорка гласитъ, что десятина земли, когда на ней встрѣчался заяцъ, стоила тамъ два франка; то-есть ровно столько, сколько стобитъ заяцъ. Но даже зайцы попадались такъ рѣдко: имъ негдѣ было пріютить свою семью, нечѣмъ протереть ее.

Пусть тотъ, кто пробѣжалъ по этой несчастной странѣ лѣтъ 25 или 30 назадъ, пробѣдетъ по ней теперь,—его поразитъ блистательное превращеніе, совершенно ее измѣнившее, благодаря наступленію эпохи мира и безопасности, которая, какъ мы знаемъ, водворилась окончательно во Франціи послѣ паденія первой имперіи. Тамъ, гдѣ едва пробивалась тощая трава, теперь сочной люцерны покрываетъ богатую и плодоносную почву; кольза растетъ рядомъ съ пшеницею въ той самой странѣ, гдѣ не такъ давно еще ославили бы безумцемъ всякого, кто вздумалъ бы приняться за посѣвъ этихъ растений, и дружногласно приговорили бы его къ заключенію въ домъ умалишенныхъ. Главнымъ источникомъ этихъ чудесъ было завезеніе сосновыхъ плантацій на самыхъ скудныхъ земляхъ и обрывистыхъ склонахъ. Разведеніе лѣсовъ измѣнило вообще климатъ страны. Сосны доставили жителямъ дрова, оградили поля отъ наводненій, предохранили жатвы отъ ярости вѣтра,

который прежде разгуливалъ на свободѣ. Ежегодное паденіе хвои постепенно покрывало почву слоемъ чернозема, котораго ей не доставало, и спасительная свѣжесть стала вѣять изъ этихъ дѣсовъ во время лѣтняго зноя. Солома, жадное топливо прошедшаго времени, теперь, при размноженіи сосноваго дѣса, возвращается въ землю удобреніемъ, и обогащаетъ ее новыми составными частицами, оплодотворяющими почву.

Прежде и слуха не было о правильномъ сѣвооборотѣ; онъ былъ рѣшительно невозможенъ тамъ, гдѣ едва существовало земледѣіе. Но теперь, тѣ же самыя земли, которыя въ шесть лѣтъ одинъ разъ давали скудную жатву ржи или овса, доведены до того, что въ семь лѣтъ даютъ жатву шесть разъ. Самый употребительный сѣвооборотъ есть слѣдующій:

1-я годъ. Пшеница съ удобреніемъ.

2-я годъ. Ячмень или рожь пополамъ съ искусственными лугами, клеверомъ и дятлиной.

3-я годъ. Искусственные луга.

4-я годъ. Искусственные луга.

5-я годъ. Пшеница на поднятомъ искусственномъ лугу, съ полуудобреніемъ.

6-я годъ. Овесъ.

7-я годъ. Паръ.

Такъ какъ почва Шампани вообще не плодородна, то удобреніе въ ней болѣе чѣмъ гдѣ-либо составляетъ существенный элементъ земледѣльческаго благосостоянія, и обитатели самыхъ промышленныхъ общинъ, въ полной надеждѣ на непосредственное и прочное улучшеніе своего хозяйства, не рѣдко отправляются добывать удобреніе за 25 вашихъ верстъ. Эта скудная и неплодная почва имѣетъ два неоцѣненные качества: она долго сохраняетъ свою свѣжесть и сберегаетъ навозъ. Сверхъ того, ее до такой степени легко обрабатывать, что одна лошадь можетъ справиться съ плугомъ, и женщины охотно принимаются за пашню. Да и всѣ отрасли земледѣлія возможны на этой мѣловой почвѣ: кольза, пшеница, люцерна, дятлина, свекловица и картофель, даже конопля, рожь одинаково хорошо, преимущественно вблизи селеній. Къ сожалѣнію, жители этихъ селеній, слишкомъ малочисленные сравнительно съ пространствомъ принадлежащихъ имъ земель, часто терпятъ недостатокъ въ капиталахъ, отчего и посвящаютъ всѣ труды свои полямъ, лежащимъ

около нихъ жалища, получая съ прочихъ участковъ только скромную жатву овса, но прежнему послѣ пятилѣтняго отдыха земля подъ паромъ, жатву, исключительно зависящую отъ атмосферическихъ переѣнъ, удовлетворительную въ дождливые годы и почти ничтожную во время засухи. Поля, въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ мертваго пара, служатъ пастбищами; они покрываются медленною и скудною растительностію обыкновенныхъ травъ, между которыми неприхотливая овца отыскиваетъ себѣ кормъ.

Но великое дѣло этой страны, любимая отрасль земледѣлія, прославившая Шампань по всему міру, есть разведеніе виноградниковъ. Поговоримъ же объ этихъ знаменитыхъ винахъ Шампани, объ этомъ продуктѣ, національномъ до такой степени, что въ немъ частію отражается французскій характеръ, подобно ему—веселый, буйный, игривый и легкій, и подобно ему не уживающійся съ затворничествомъ и непрерывно угрожающій взрывомъ; поговоримъ о виноградникахъ, занимающихъ 55 тысячъ десятинъ земли въ четырехъ департаментахъ Марны, Верхней Марны, Обы и Арденны, и возвысившихъ цѣнность нѣкоторыхъ земель до громадной цифры 20 тысячъ франковъ за гектаръ (1)!

Надо сказать правду, что шампанское можно назвать скорее промышленнымъ чѣмъ естественнымъ произведеніемъ. Существуютъ шампанскія бѣлыя, красныя, розовыя, и между первыми есть игристыя и неигристыя. Игристыя вина получаютъ оттого, что выдавленный виноградный сокъ не допускается до броженія въ кубъ, а передливается въ засмоленные бочки, гдѣ онъ начинаетъ свое броженіе, но не оканчиваетъ его, и потому сохраняетъ въ себѣ значительную часть угольной кислоты. Въ мартѣ мѣсяцѣ вино разливаютъ въ бутылки, очистивъ его еще въ декабрѣ отъ гущи, и придавъ ему прозрачность посредствомъ рыбаго клея. Бутылки закупориваютъ крѣпко-на-крѣпко, потомъ постепенно наклоняютъ ихъ и оставляютъ на нѣкоторое время горлышкомъ внизъ, для отдѣленія вина отъ слизи. По прошествіи нѣкотораго времени, каждую бутылку тщательно откупориваютъ и отнимаютъ слизистый осадокъ, держа ее попрежнему горлышкомъ внизъ. Когда производится это очищеніе, въ вино

(1) Около 5,500 р. за десятину русской казенной мѣры.

подбавляютъ такъ-называемый ликеръ, состоящій изъ леденца распущеннаго въ коньякъ. Потомъ бутылки окончательно закупориваютъ, пробки прикрѣпляютъ желѣзною проволокой и прикладываютъ къ нимъ печати, или (какъ то вошло въ употребленіе въ послѣднее время по большому удобству) обертываютъ ихъ листовою жестию; послѣ чего всѣ бутылки раскладываются горизонтально на деревянные подмости, подъ которыми разставлены каменные желоба, куда должно стекать вино въ томъ случаѣ, если донетъ которая-нибудь изъ этихъ бутылокъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ пѣнятся вина, несовершенно окончившія свое броженіе. Въ ту минуту, когда откупориваютъ бутылку, внѣшній воздухъ врывается въ нее; броженіе, задержанное до той минуты, начинается снова и углекислый газъ, со всею свойственною ему энергіей, выталкиваетъ жидкость изъ пріемника.

Торговля шампанскимъ обнимаетъ весь міръ, и департаментъ Марны высылаетъ ежегодно отъ семи до восьми милліоновъ бутылокъ. Около трети этого количества потребляется во Франціи. Но несмотря на то, что въ послѣднее время производство шампанскаго удвоилось, оно не въ состояніи было удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Удовлетворить имъ могли только многочисленныя поддѣлки. Искусственное шампанское изготовляютъ изъ смѣси сахара, грушовки, смородиннаго соку и березовицы съ легкими винами другаго происхожденія. Можно смѣло сказать, что двѣ двѣ трети того, что выпивается подъ именемъ шампанскаго, какъ во Франціи, такъ и въ чужихъ краяхъ, состоитъ изъ химическихъ смѣсей, безъ сомнѣнія отлично составленныхъ, въ которыя искусство вводитъ углекислый газъ, придающій имъ при своемъ освобожденіи игристый видъ шампанскаго, но въ производство которыхъ не входитъ ни одной капли винограднаго сока шампанскихъ лозъ.

Впрочемъ, въ настоящее время *шампанизируютъ* (*on champagne*),—слово это вошло въ употребленіе и самое производство допущено—большую часть винъ, добываемыхъ въ Бургундіи, на берегахъ Роны и Луары. Но такъ какъ вина эти добываются посредствомъ того же процесса, который употребляется въ Шампани, и отличаются всѣми свойствами вина, названіе котораго они принимаютъ, то нѣтъ никакой причины упрекать въ чемъ-либо эту промышленность.

Въ окрестностяхъ Реймса и Эперне преимущественно встрѣ-

чатся тѣ знаменитые холмы, продуктами которыхъ такъ дрожать повсюду. Эперне расположенъ въ самомъ центрѣ лучшихъ виноградниковъ, и на почвѣ, самой благопріятной для устройства хорошихъ погребовъ; прорытые въ туфовыхъ утесахъ, они обширны, очень удобны для сбереженія и улучшенія винъ, и такъ прочны, какъ будто бы ихъ поддерживали каменные своды. Они особенно замѣчательны своею обширностію и образуютъ родъ лабиринтовъ, въ которыхъ трудно найти дорогу безъ помощи проводника. Стѣны на два метра въ вышину уставлены бутылками, артистически расположенными и разсортированными по времени сбора. Рѣдкій путешественникъ, проѣзжая Эперне, не осмотришь ихъ. Эти посѣщенія не всегда безопасны, особенно въ юнѣ мѣсяцѣ, когда начинается наливать виноградъ. Въ это время владѣльцы испытываютъ наибольшую потерю отъ разрыва бутылокъ. Тогда не благоразумно было бы идти по погребу, не запасшись проволочною маскою, и не рѣдко случалось, что работники, забывшіе эту предосторожность, получали тяжелыя раны отъ осколковъ стекла.

Изъ всѣхъ Шампанцевъ, занятыхъ обработкой земли, винодѣлы, постоянно согбенные почти до земли при окапываніи, расаживаніи, выпалываніи виноградныхъ лозъ, при подвязкѣ, очисткѣ гроздій и при сборѣ винограда, рѣдко пользуются довольствомъ и ѣдятъ хуже всѣхъ другихъ работниковъ, хотя и пьютъ вино. Оттого они вообще малорослы, дурно сложены, истощены работой и рано старѣются. Постоянная неувѣренность въ успѣхъ сбора, всегда причудливый и ненадежный ростъ виноградной лозы, непрерывно угрожающій имъ цѣлыми годами бѣдности и страданій, отнимаютъ у нихъ возможность дать дѣтямъ своимъ какое-нибудь воспитаніе; въ школу они посылаютъ ихъ рѣдко и съ ранней поры употребляютъ ихъ на тяжкія работы, которыя хотя и нравятся дѣтямъ больше ученья, но становятся для нихъ гибельны по слабости ихъ возраста.

Еслибы жена винодѣла могла заниматься только хозяйственными заботами, и безъ того очень тягостными, все бы шло хорошо, но она непрерывно раздѣляетъ всѣ труды своего мужа и гораздо менѣе его имѣетъ времени для отдыха.

Перемѣны, произведенныя въ сѣвооборотѣ, въ разведеніи животныхъ, и особенно овецъ, удобство путей сообщенія,

умноженіе искусственныхъ луговъ, распространившійся между землевладѣльцами обычай жить въ помѣстьяхъ, большее число земледѣльцевъ, сдѣлавшихся собственниками и потому интересующихся улучшениями, все это вмѣстѣ содѣйствовало развитію крупнаго хозяйства. Оно было бы еще ощутительнѣе, еслибы не были такъ кратки условія найма, и еслибы земледѣльцы имѣли болѣе средствъ устроить всѣ принадлежности своего хозяйства. По обыкновению, на значительной фермѣ находится отъ трехъ до шести плуговъ. Что же касается до участковъ ниже 25—30 гектаровъ, то ихъ не считаютъ фермами въ настоящемъ значеніи слова, и хотя онѣ встрѣчаются довольно часто, но состоятъ обыкновенно изъ земель, обрабатываемыхъ самими собственниками. Есть также много извозчиковъ, мельниковъ, и пр., которые хотя и не принадлежатъ къ числу земледѣльцевъ, но обрабатываютъ за условленную плату большее или меньшее количество чужой земли лошадьми, которыхъ держать для своихъ постоенныхъ промысловъ.

Земли отдаются внаймы или цѣлыми фермами съ хозяйственными принадлежностями и постройками, или участками безъ построекъ. Наемные сроки измѣняются, смотря по мѣстностямъ, отъ трехъ, шести и девяти лѣтъ до восемнадцати, а иногда и до двадцати семи. Условія найма менѣе стѣснительны и болѣе разумны чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; они предоставляютъ земледѣльцу свободу дѣйствій, и даютъ ему возможность перемѣнять посѣвы въ теченіи наемнаго времени, обязывая его только возстановить сѣвооборотъ, при окончаніи сроковъ, въ прежнемъ порядкѣ. Наймы на долгіе сроки заключаются почти всегда вслѣдствіе особыхъ соображеній. Вопервыхъ, ферма, занимающая большое пространство, и вслѣдствіе этого требующая употребленія значительнаго капитала, не охотно нанимается на шесть и даже на девять лѣтъ, потому что фермеръ опасается, что ему откажутъ по окончаніи наемнаго срока, и онъ принужденъ будетъ искать себѣ другую ферму или продавать по низкой цѣнѣ свои хозяйственные орудія. Вовторыхъ, собственникъ можетъ обязать фермера разводить виноградныя лозы, а равно и другія растенія, или удабривать землю мергелемъ, дѣйствіе котораго ощутительно по прошествіи нѣкотораго времени. Втретьихъ, когда земли были въ залежи или дурно воздѣланы, новый фермеръ по необходимости долженъ обрабатывать ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ

лѣтъ, не получая обыкновеннаго вознагражденія, и капиталъ свой можетъ выручить только въ послѣдніе годы. Наконецъ, продолжительный наемный срокъ даетъ фермеру большую возможность заводить и поддерживать искусственные дуга.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ, къ обыкновеннымъ условіямъ найма, о которыхъ я уже сообщалъ, присоединяютъ еще статью, обязывающую фермера размежевать всѣ обрабатываемыя имъ земли и составить имъ планъ, что весьма полезно для собственника, на случай споровъ съ наемщикомъ. Наемщикъ, обязанный по окончаніи наемнаго срока уплатить за всѣ неокказавшіеся на лицо участки, долженъ въ собственныхъ интересахъ защищать ихъ отъ притязаній сосѣдей, и не принимаетъ фермы, не провѣривъ послѣдняго плана и не сдѣлавъ на немъ необходимыхъ исправленій.

Три департамента, о которыхъ идетъ рѣчь, раздроблены до безконечности, потому что участки земли имѣютъ среднимъ числомъ не болѣе десяти аръ (1). Это неудобное распредѣленіе земель причиняетъ большую трату времени и ведетъ за собою неизбѣжные взаимные сервитуты (разныя права въ чужой вещи), весьма вредныя для земледѣлія. Еслибы правительство захотѣло отступить отъ своихъ фискальныхъ притязаній и отказаться отъ взимаемыхъ имъ пошлинъ, въ случаѣ обмѣна или продажи, то оно облегчило бы обмѣнъ смежныхъ участковъ между собственниками, и каждый изъ нихъ могъ бы собрать въ одно цѣлое разныя мелкія полоски, составляющія его владѣнія и разбросанныя по всѣмъ четыремъ угламъ общины, или даже лежащія въ сосѣднихъ общинахъ. На хорошей землѣ пшеница даетъ отъ десяти до двѣнадцати гектолитровъ съ гектара. Рожью засѣваются всѣ участки низшаго качества, такъ часто встрѣчаемые въ Шампани. Впрочемъ, съ упадкомъ цѣны на зерновой хлѣбъ, начинаютъ сѣять много кользы, и съ большею выгодой. Несмотря на сильное раздробленіе земель, до сихъ поръ встрѣчаются обширныя и превосходныя помѣстья, преимущественно тамъ, гдѣ много лѣсовъ и необработанныхъ полей.

Расчистка лѣса подъ пашню есть старинный обычай, распространенный во всей странѣ, хотя многіе и возстаютъ

(1) Одной десятой доли гектара; въ гектарѣ 100 аръ, въ арѣ безъ малаго 92 квадратныхъ сажени.

противъ него. Когда вырубаютъ лѣсъ или срѣзываютъ кустарникъ, то зажигаютъ листья, мелкія вѣтки и траву, покрывающую землю. Потомъ распаиваютъ очищенный такимъ образомъ участокъ, не обращая вниманія на остающіеся корни, и получаютъ двѣ-три жатвы ржи, овса и гречи. Нѣкоторые увѣряютъ, что кустарникъ вырастаетъ еще лучше на землѣ, приподнятой такимъ образомъ; другіе же напротивъ, утверждаютъ, что такая расчистка повела къ уничтоженію множества прекрасныхъ лѣсовъ и кустарниковъ. *Sub judice lis est.*

Обширныя равнины Шампани весьма благопріятствуютъ разведенію овецъ, племени умѣреннаго, которое безропотно живетъ тамъ, гдѣ быкъ и корова мерли бы съ голода, и пьютъ только тогда, когда представляется случай. Разведеніе мериносовъ составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности Шампани и поддерживаетъ тамъ существованіе множества фабрикъ сукна, казимира, одѣялъ и другихъ шерстяныхъ тканей, обозначаемыхъ общимъ именемъ *реймскихъ товаровъ*. Но въ вознагражденіе за свою умѣренность и за свою драгоценную способность находить пищу на поляхъ почти обнаженныхъ, овцатребуетъ полной свободы и протестуетъ противъ заключенія въ хлѣвахъ. Она хочетъ жить на свободѣ, на чистомъ воздухѣ, и не обращаетъ большаго вниманія на перемѣну погоды. Впрочемъ, стойка значительно уменьшила бы качество руна, а тонкіе и средніе сорта шерсти перевелись бы во Франціи, еслибы кому-нибудь пришло въ голову стѣснять привычки этого мирнаго животнаго. Эта потребность движенія, необходимая для овецъ породила такъ-называемое право «пустаго пастбища», *vaine pâture*, составляющее важное ограниченіе собственности, несмотря на то, что полнотою права собственности такъ ревниво дорожатъ у насъ во всѣхъ случаяхъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ Шампани, какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ занимаются овцеводствомъ въ большихъ размѣрахъ, существуетъ два рода стада: стада, принадлежащія порознь богатымъ собственникамъ, и стада сборныя или общинныя, составляющіяся изъ соединенія животныхъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ мелкимъ собственникамъ, которые довѣряютъ ихъ надзору одного пастуха, носящаго названіе общиннаго пастуха (*berger communal*). Такъ какъ овцы рѣдко пасутся на тучныхъ пастбищахъ, предоставленныхъ быкамъ и коровамъ, но умѣютъ отыскивать себѣ на ходу скудную пищу, разсыпанную

на большомъ пространствѣ, то понятно, что одни только богатые собственники въ состояніи разводить овецъ на своихъ обширныхъ земляхъ. Впрочемъ, почва раздроблена до такой степени, что даже и богатые помѣщики не всегда могутъ удовлетворять потребностямъ овцеводства. Чтобы дать вамъ понятіе объ этой черезполосности владѣній, доведенной до крайности, я укажу вамъ на одно изъ самыхъ обширныхъ помѣстій въ департаментѣ Марны, которое занимаетъ около двухсотъ гектаровъ (1). Это помѣстье заключаетъ въ себѣ самое большое количество значительныхъ участковъ земли, и привсемъ томъ онъ состоитъ изъ 140 частицъ, разбѣянныхъ на огромномъ пространствѣ. Возможно ли допустить, чтобы при такомъ порядкѣ вещей, собственникъ, земли котораго разбѣяны во всѣхъ направленіяхъ, перемѣшаны съ другими, и только отчасти примыкаютъ къ дорогамъ, достаточно широкимъ для прогона скота, былъ въ состояніи выгонять стада на свои собственныя земли, не касаясь по необходимости чужихъ владѣній, которыя окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ? И однакожь въ этомъ департаментѣ круглымъ числомъ считается 980 общинныхъ стадъ, по 400 головъ въ каждомъ, и 400 отдѣльныхъ стадъ по 150 головъ.

Для устраненія этихъ неудобствъ, и для соблюденія обоюдныхъ интересовъ богачей и бѣдняковъ, законъ предоставилъ всѣмъ жителямъ одной и той же общины право выгонять скотъ свой на пастбище во всѣ поля, кому бы они ни принадлежали, если только убрана жатва и на нихъ нѣтъ ни сѣмянъ, ни плодовъ. Это и называется правомъ *пустого пастбища*; пользу и выгоды этого права многіе оспариваютъ: одни, поставляя на видъ уваженіе къ собственности, говорятъ что ее должно бы избавить отъ такого вреднаго принужденія; другіе, защищая дѣло общаго интереса, утверждаютъ, что съ уничтоженіемъ *пустого пастбища*, по всѣмъ вѣроятностямъ переведутся всѣ сборныя стада и по крайней мѣрѣ двѣ трети отдѣльныхъ. Такъ и не рѣшили этого вопроса, вразрѣшимаго при существующей у насъ черезполосности угодій.

Между овцеводами существуетъ рѣзкое разногласіе относительно той породы, которой слѣдуетъ давать преимуще-

(1) Гектаръ равняется 0,915 казенной десятины.

ство. Одни, поставляя выше всего производство шерсти, предпочитаютъ породу мериносовъ и добываютъ себѣ животныхъ, которыя одарены цилиндрическимъ туловищемъ, полною грудью, круглыми плечами, горизонтальною спиной, короткими оконечностями, и которыя даютъ шерсть тонкую, мягкую, шелковистую, прочную и упругую; другіе, желая добыть болѣе мяса, прибѣгаютъ къ англійскимъ породамъ, къ дишлеамъ и нью-кентамъ, или ихъ помѣсамъ, и заботятся преимущественно о томъ, чтобъ овца имѣла туловище круглое, плотное, толстое, шею короткую, хребетъ горизонтальный и широкій, плечи сильныя, грудь полную, брюхо круглое, тазъ сильно развитый, утробу короткую, ноги короткія, тонкія и сухія, и шерсть тонкую, гладкую и очень длинную. Третьи наконецъ избирая средній путь, стараются приобрести животныхъ здоровыхъ, сильныхъ, хорошо сложенныхъ, которыя бы въ одно и то же время доставляли и много мяса на бойню, и руно тонкое и длинное, хотя бы мясо и не было отличнаго качества.

Какъ бы то ни было, благодаря овцѣ, животному до чрезвычайности умѣренному, и виноградной лозѣ, любящей обрывистые холмы и даже обнаженные утесы, Шампань, повидимому столь обиженная природой, сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ провинцій. Вся заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ нѣсколькимъ умнымъ и преданнымъ своему дѣлу людямъ, которые при ученыхъ обществахъ главныхъ городовъ трехъ департаментовъ, описываемыхъ нами, устроили земледѣльческія собранія, называемыя *комиціями* (*comices*), и, несмотря на недостаточность средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, сдѣлали все, что человѣчески возможно было сдѣлать для устройства конкурсовъ, земледѣльческихъ состязаній, для поощренія всякаго опыта, всякаго начинанія, всякаго прогресса, для вознагражденія многочисленнаго и необходимаго класса сельскихъ работниковъ, употребляемыхъ собственниками и земледѣльцами. Эти земледѣльческіе работники чрезвычайно многочисленны въ Шампани; во главѣ ихъ стоятъ пастухи, которымъ преимущественно порученъ надзоръ за овцами. Для участія въ наградахъ, ежегодно назначаемыхъ комиціями, необходимо, чтобы работникъ прослужилъ много лѣтъ въ одномъ помѣстьѣ, а если онъ пастухъ, то въ одной общинѣ, чтобъ онъ былъ чловѣкъ безукоризненной нравственности и честности, чтобъ онъ никогда не подвергался никакому наказанію.

Что же касается до воздѣлыванія виноградниковъ, то они требуютъ тщательнаго ухода; не возможно оставить виноградникъ въ пренебреженіи ни на одну минуту, не подвергаясь значительнымъ убыткамъ. Есть впрочемъ обычай отдавать съ торга нѣкоторое количество виноградниковъ подрядчикамъ, то-есть людямъ, которые подражаются на обработку, подрѣзку, разведеніе отводковъ, охраненіе и пр. извѣстнаго количества виноградныхъ лозъ.

Поденщики приносятъ также большую пользу при всякомъ сколько-нибудь значительномъ хозяйствѣ, потому что безъ ихъ содѣйствія большое помѣстье не могло бы быть обработано съ выгодой собственникомъ и даже фермеромъ. Ихъ бродячій и непривычный къ повиновенію характеръ, ихъ кочевыя привычки, пагубная легкость, съ которою они нарушаютъ свои условія, не рѣдко приводятъ въ отчаяніе хозяевъ. Поговариваютъ о подчиненіи ихъ, подобно городскимъ служителямъ, формальности *книжекъ*, въ которыя вписывается время пребыванія ихъ въ услуженіи у различныхъ фермеровъ. Но подобная мѣра сопряжена съ большими затрудненіями. Въ деревнѣ, на фермѣ, служитель, по рожденію своему, воспитанію, привычкамъ, равенъ тому, кто его нанимаетъ. Оба исправляютъ однѣ и тѣ же работы, оба садятся за одинъ и тотъ же столъ и живутъ совершенно одинаковою жизнью; они гораздо болѣе похожи на товарищѣ чѣмъ на господина и слугу, и хотя одинъ приказываетъ, а другой повинуется, но все-таки разстояніе между ними очень слабое. Не рѣдко даже въ самомъ достаткѣ ихъ нѣтъ никакой разницы, потому что сынъ фермера, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, поступаетъ иногда въ услуженіе къ другому фермеру, хотя на время, пока возрастъ не позволитъ ему самому нанять ферму. Въ городѣ, услуженіе, почти исключительно личное, принимаетъ характеръ подданства. Разстояніе между господиномъ и слугой въ городѣ усиливается и тѣмъ различіемъ, которое полагаетъ между людьми образованіе, и такое неравенство ни сколько не зависитъ отъ предразсудковъ. Въ деревнѣ совсѣмъ другое дѣло. Впрочемъ, мнѣ кажется, что жалобы фермеровъ и землевладѣльцевъ часто неосновательны, и они нѣсколько поздно вздумали жаловаться на зло, которое вовсе не такъ ново, какъ они представляютъ его себѣ: если оно было неизвѣстно во время потопа, то по крайней мѣрѣ современно царю

Давиду, ибо при немъ уже говорили: *Днесь умножили суть рабы отходяще кѣждо отъ лица господина своего* (1).

Простые работники, помогающіе фермерамъ, каковы косцы, молотильщики, винодѣлы и различные поденщики не забыты при распредѣленіи наградъ на земледѣльческихъ комиціяхъ, и особенно тѣ имѣютъ на нихъ право, которые долго служили у одного хозяина. Такимъ же образомъ и за тѣ же отличія награждаются и служанки на фермахъ. Эта мѣра мнѣ кажется дѣйствительнѣе такъ-называемыхъ *книжекъ*.

Нѣсколько времени тому назадъ, земледѣльческое собраніе въ Шампани присудило золотую медаль управителю, который, въ продолженіи тридцати лѣтъ, тщательно исполнялъ свою обязанность и значительно улучшилъ обширное помѣстье въ 1424 гектара, ввѣренное его попеченіямъ. Такія отличія даются на рѣдко, и всегда по заслугамъ. Образцовыя постройки, хорошее расположеніе хлѣбовъ, изобильное производство кормовыхъ травъ, введеніе новыхъ отраслей земледѣлія или новыхъ удобрений, машинъ, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, осушеніе земли, дренажъ, орошеніе, хорошія уходъ за домашними животными, начиная отъ рогатаго скота до куръ, голубей и пчелъ, однимъ словомъ, все, что содѣйствуетъ улучшенію сельскаго хозяйства, принимается въ соображеніе при распредѣленіи земледѣльческихъ наградъ.

Заботливость земледѣльческихъ сѣздовъ, или комицій о награжденіяхъ простирается даже на полевыхъ сторожей, этихъ правительственныхъ агентовъ, которымъ поручено охраненіе сельской собственности. Мнѣ слѣдуетъ здѣсь кстати упомянуть объ этихъ полезныхъ служителяхъ, самое названіе которыхъ ясно обозначаетъ возложенную на нихъ обязанность. Законъ облагаетъ ихъ властью чиновниковъ судебной полиціи; на этомъ основаніи онъ вмѣняетъ имъ въ обязанность приводить въ извѣстность, въ мѣстахъ ввѣренныхъ ихъ попеченію, проступки и провинности, наносящія ущербъ собственности, и составлять о нихъ акты. Они слѣдятъ за похищенными предметами, караютъ на нихъ секвестръ, не имѣя впрочемъ права входить въ дома и другія затворенныя мѣста иначе, какъ въ присутствіи кантоннаго мирового судьи или его помощника, мѣстнаго маршала его товарища, или полицейскаго комиссара, которые подписы-

(1) Книга *Царствъ* XXV, 10.

завѣтъ актъ, *procès verbaux*, составленные этими сторожами. Они задерживаютъ и отводятъ къ мировому судѣ или меру тѣхъ людей, которые захвачены на мѣстѣ преступленія или оглашены общественной молвой въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заслуживаетъ тюремнаго заключенія или еще сильнѣйшаго наказанія. Для этой цѣли они могутъ требовать помощи отъ мера или его помощника, и тѣ не въ правѣ отказать имъ. Они сообщаютъ мерамъ, а равно и жандармскимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, обо всякомъ доходящемъ до свѣдѣнія ихъ нарушеніи порядка и общественнаго спокойствія; они увѣдомляютъ ихъ о преступленіяхъ, совершенныхъ на землѣ, ввѣренной ихъ надзору, и предупреждаютъ ихъ, когда поселяются въ общинѣ неизвѣстные люди. Сверхъ того, въ силу декрета 1852 года, военное начальство можетъ призывать ихъ на подкрѣпленіе войску, если того потребуетъ необходимость.

Въ каждой общинѣ есть по крайней мѣрѣ одинъ полевой сторожъ, назначаемый обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ. Избираются они мерами съ одобренія муниципальных совѣтовъ; въ должности ихъ утверждаетъ подъ-префектъ округа, который одинъ имѣетъ право смѣщать ихъ, по требованію мера и муниципального совѣта и съ разрѣшенія префекта. Такъ какъ они состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ императорскихъ прокуроровъ, жандармскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, то ихъ *procès verbaux*, рапорты и объявленія служатъ основаніемъ судопроизводства по всѣмъ сельскимъ преступленіямъ, если только они не опровергнуты ясными доказательствами.

Обязанности полевого сторожа трудны и щекотливы. Никакое соображеніе не должно останавливать его, когда дѣло идетъ о засвидѣтельствованіи какого-нибудь проступка или нарушенія закона, никакое посредничество, вознагражденіе, никакое объявленіе обиженныхъ, что они не хотятъ преслѣдовать обидчиковъ, не могутъ удержать его отъ составленія акта, *procès verbal*. Онъ не можетъ также не объявить о преступленіи, на томъ основаніи, что виновники ему неизвѣстны. Въ силу закона 6-го октября 1791 года, онъ отвѣчаетъ за всѣ поправки въ поляхъ, если только не донесетъ о нихъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ. Потерпѣвшіе убытокъ могутъ въ такомъ случаѣ начать противъ него жалбу, и полевой сторожъ обязанъ будетъ вознаграждать ихъ, если не сумѣетъ взыскать съ виновныхъ за протори и убытки.

Въ теоріи, устройство полевыхъ стражей можетъ-быть и пре-восходно, но на практикѣ оно никуда негодится, что уже давно и признано всѣми. Полевой сторожъ избирается обыкновенно изъ уроженцевъ общины, съ которою онъ связанъ всѣми своими отношеніями, всѣми интересами, въ которой почти всѣ жители—его родственники или свойственники. Такія тѣсныя связи дружбы и интересовъ препятствуютъ ему добросовѣстно и строго вы-полнять свои многочисленныя и трудныя обязанности. Даже и въ такомъ случаѣ, если нарушители закона, проступки кото-рыхъ онъ долженъ обнаруживать, не связаны съ нимъ узами крови или дружбы, они бываютъ или родственники, или друзья меран муниципальныхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ зависятъ и мѣсто его, и жалованье. Оттого онъ не что иное, какъ коммиссіонеръ муниципальнаго управленія, и долженъ смотрѣть сквозь пальцы своихъ повелителей; а такъ какъ не ловко преслѣдовать только нѣкоторыхъ беззащитныхъ со всею строгостію закона, то онъ не заботится объ охраненіи имущества, и жатвы предостав-ляетъ на жертву потравамъ. Прибавимъ къ этому, что содер-жаніе полеваго сторожа лежитъ на общинѣ, и общинный совѣтъ назначаетъ всегда въ эту должность того, кто согла-шается исполнять ее за самое ничтожное жалованье. Въ об-щинѣ, гдѣ я живу, сторожу слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; онъ совершенно глухъ, кривъ и страдаетъ грыжей, которая мѣ-шаетъ ему ходить. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, кого онъ за-держиваетъ, повинуются ему не иначе, какъ по доброй волѣ.

При подобномъ устройствѣ сельской полиціи, всѣ богатые собственники считаютъ необходимымъ держать особыхъ сторо-жей, которые исполняютъ почти ту же должность, но только исключительно на землѣ своихъ владѣльцевъ, что впрочемъ не избавляетъ послѣднихъ отъ участія въ сборѣ на содержаніе полевыхъ сторожей. Есть проектъ, чтобъ изъ этихъ сторожей составлены были отряды, или команды въ родѣ жандармскихъ; но тогда возникла бы еще новая сѣть чиновниковъ, которая опу-тала бы нашу бѣдную Францію, и безъ того изнемогающую подъ этимъ бременемъ; тогда бы новое орудіе появилось бы въ рукахъ центральной власти, между тѣмъ какъ не мѣшало бы предоста-вить намъ самимъ нѣсколько свободы при устройствѣ нашихъ собственныхъ дѣлъ. Не команды сторожей, а частные сторожа лучше всего могутъ охранять наши поля отъ потравъ; теперь уже развелось много частныхъ сторожей, и ихъ было бы еще больше, еслибъ были уничтожены официальные полевые сторожа,

а частные сторожа получили право являться передъ судомъ обвинителями.

Для полученія желанныхъ результатовъ, необходимо, чтобъ усилія правительства соотвѣтствовали усиліямъ департаментскихъ комицій, а этого у насъ никогда не бываетъ. У насъ не скупаются на прекрасныя рѣчи и прекрасныя слова, которыя ничего не стоятъ и ничего не приносятъ, но когда нужно дѣйствовать, то въ итогѣ оказывается рядъ нулей. Надо сказать правду, верховная власть, относительно сельскаго управленія имѣетъ въ виду только одно: возложить на поземельную собственность какъ можно болѣе налоговъ, вмѣсто того, чтобы распределить ихъ въ соразмѣрности на города, на капиталы, на промышленныя богатства и на государственныя фонды, избирать ежегодно въ солдаты самыхъ лучшихъ молодыхъ людей, чтобы непрерывно увеличивать цифру арміи и держать всю Европу въ постоянной тревогѣ....

Несмотря на всѣ усилія этихъ комицій и этихъ ученыхъ обществъ, земледѣльческая Франція теряетъ свое населеніе, и 30-го іюля 1856 года префектъ департамента Марны писалъ въ земледѣльческую комицію города Шалона на Марнѣ, предлагая слѣдующіе четыре вопроса:

«1) Правда ли, что земледѣльческое населеніе департамента Марны недостаточно для обрабатыванія всего пространства его земель, и что въ эту минуту не достаетъ рукъ для полевыхъ работъ?

«2) Если такъ, то какимъ причинамъ слѣдуетъ приписать подобное положеніе дѣла? Причины эти постоянныя или просто случайныя и временныя?

3) Какія самыя дѣйствительныя средства для исправленія подобнаго положенія и для извлеченія изъ почвы департамента наибольшаго количества продуктовъ?

«4) Могутъ ли землевладѣльцы собственными средствами дать прогрессивное и болѣе значительное расширеніе своему настоящему хозяйству или необходима для достиженія этой цѣли помощь правительства? Какимъ путемъ и въ какихъ размѣрахъ это содѣйствіе правительства можетъ быть полезно?»

Слишкомъ сильная власть, подобная той, которая въ настоящее время правитъ Франціей, не имѣя противодѣйствія въ которой свободѣ печати и трибуны, обречена на обманы и на невѣдѣніе истины, которую знать ей необходимо. Исчис-

ливъ множество второстепенныхъ причинъ бѣдствія, коица благоразумно умолчала о настоящей.

«... Возможно ли исправить подобное положеніе дѣлъ, о вѣчала она, мы не смѣемъ отвѣчать утвердительно. До сих поръ употребленіе военныхъ на земледѣльческія работы далеко не вполне оправдало надежды земледѣльцевъ...

«... Мы почитаемъ за счастье, что можемъ засвидѣтельствовать, что миръ, недавно заключенный, положилъ конецъ чрезвычайнымъ рекрутскимъ наборамъ, которые лишали земледѣліе самыхъ сильныхъ рукъ.»

Но если фермерамъ даютъ въ работники солдатъ, то это значитъ, что въ солдатахъ не нуждаются, и что ихъ слишкомъ много: въ такомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе и экономнѣе вовсе не отрывать ихъ отъ земледѣлія, для того чтобы только частью возвратитъ ихъ къ нему снова. Что же касается другаго соображенія, до надежды на миръ, которую питала комитія въ концѣ 1856 г., то надежда эта потеряла всякое значеніе по прошествіи двухъ лѣтъ.

Но предметъ этотъ такъ серіозенъ, что нельзя говорить о немъ поверхностно. Я откладываю его до слѣдующаго письма въ которомъ изложу вамъ, какимъ образомъ производится рекрутскій наборъ, какова организація французской арміи, до какой степени гибельна система постоянного войска, введенная во Франціи, и какъ чрезмѣрное развитіе этой системы съ каждымъ годомъ истощаетъ наши селенія, ослабляетъ государство и разстраиваетъ наши финансы.

Несмотря на огромные успѣхи свои въ дѣлѣ развитія, Шампань, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ бѣдствій, которыми поразило ее воинственное безуміе Наполеона I, благословеніемъ своимъ обязана гораздо болѣе мануфактурной промышленности чѣмъ земледѣлію, и Реймсъ, Ретель, Седанъ, Санъ Дизье, по справедливости, поставлены въ числѣ великихъ промышленныхъ центровъ страны. Мы находимся въ мѣстности гдѣ болѣе всего процвѣтаетъ овцеводство, и потому очевидно, что мѣстная промышленность занимается шерстянымъ производствомъ, что почти всѣ жители красятъ и прядутъ шерсть, ткуть и изготавливаютъ разныя шерстяныя матеріи. Одинъ Реймсъ занимаетъ около шестидесяти тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ три четверти разсѣяны по окрестнымъ деревнямъ. Большая часть ихъ работаетъ на фабрику толма въ продолженіи полугода, а остальное время посвящаетъ за

мѣлю. Къ этому надо прибавить, что крестьяне, мужчины и женщины, расчесываютъ, прядутъ и ткутъ шерсть только въ часы, свободные отъ полевыхъ работъ. О нихъ собственно слѣдовало бы говорить мнѣ; но такъ какъ это двойственное занятіе, промышленное и земледѣльческое, не вноситъ никакой ощутительной перемены въ ихъ положеніе, то я предпочитаю сказать нѣсколько словъ о рабочихъ Реймса: между промышленными городами Шампани онъ самый богатый, но работники тамъ находятся въ самомъ не блестящемъ положеніи.

Жилище большей части рабочихъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, или изъ комнаты и чулана, или изъ комнаты и чердака. Постель и ткацкіе станы, или постель и маленькая печь для нагрѣванія гребней, употребляемыхъ при расческѣ шерсти, помѣщаются очень часто въ одной и той же комнатѣ. Впрочемъ, хотя квартиры рабочихъ и расположены въ нижнемъ этажѣ, но не ниже уровня почвы, а такъ какъ улицы вообще очень широки, дома не высоки и за ними, въ частяхъ города, наиболѣе обитаемыхъ рабочими, тянутся сады, то въ жилищахъ этихъ нѣтъ недостатка въ воздухѣ и свѣтѣ; за то они слишкомъ дороги и не соответствуютъ невысокой заработной платѣ, получаемой ихъ обитателями.

Жилища эти чисты и удобны; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о домахъ, удаленныхъ отъ центра города и служащихъ пріютомъ для самыхъ бѣдныхъ рабочихъ; это какія-то полуразрушенныя хижины, съ комнатами грязными и сырими, хотя всегда хорошо освѣщенными, а комната съ печью, гдѣ только и можно жить, обыкновенно мала до такой степени, что въ ней съ трудомъ можно уставить ткацкій станъ и провать. Что же касается до чердака, то несчастные обитатели нижняго этажа отдають его внаймы тѣмъ, кто еще бѣднѣе. Эти жалкія убѣжища, окруженныя немощеными и покрытыми всякою нечистотой дворами, отдаются внаймы отъ 60 до 90 фр. въ годъ. Ветхій матрацъ, покрытый грязною дырявою простыней, а часто и ничѣмъ не покрытый, служитъ постелью для семьи; рядомъ съ нимъ разостлана солома, на которой спятъ дѣти. Наконецъ, въ этихъ жилищахъ очень рѣдко можно встрѣтить ткацкіе станы или даже жаровни для нагрѣванія гребней; постояльцы такъ бѣдны, что не въ состояніи завестись ими, и большею частію берутъ ихъ напрокатъ.

Департаментъ Обы, наименѣе промышленный изъ всѣхъ департаментовъ Шампани, хотя городъ Труа и составляетъ центръ значительной торговли вязальныхъ издѣлій, шерстяныхъ тканей и суконъ. Но за то близость Парижа доставляетъ ему большія средства для сбыта своихъ продуктовъ. Земледѣлецъ здѣсь часто собственникъ, и нѣкоторые изъ поселянъ имѣютъ въ своемъ владѣніи до 150 и 200 гектаровъ земли, скупленныхъ ими понемногу, благодаря тѣмъ чудесамъ экономіи и труда, которыя одно только чувство собственности развиваетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Со всѣмъ тѣмъ цѣнность земель учетверилась, и онѣ продаются иногда изъ разчета на одинъ процентъ дохода, то-есть крестьянинъ покупаетъ и уплачиваетъ, не задумываясь, сто франковъ за частичку земли, отдаваемую владѣльцемъ въ наѣмъ за одинъ франкъ.

Все населеніе Шампани можно обозначить тремя отличительными отдѣлами: населеніе равнинъ и полей, населеніе виноградныхъ округовъ, и наконецъ, промышленное городское населеніе. Последне—эподвижное, затерянное въ чуждыхъ элементахъ, почти совершенно лишено своеобразнаго шампанскаго типа. Житель равнины, отчужденный отъ прочаго міра, среди своихъ полей, обнаженныхъ, безплодныхъ, обширныхъ, какъ море, лицомъ къ лицу съ однообразнымъ горизонтомъ, въ постоянной борьбѣ съ неблагоприятною природою, сохранилъ гораздо болѣе той мечтательной, грустной физиономіи, той склонности къ простодушному суевѣрію, къ быстрой восторженности, которыя составляли основаніе первобытнаго характера. Въ виноградарѣ замѣтно соединеніе обоихъ типовъ; въ немъ вы не видите еще ни городского работника, проникнутаго скептицизмомъ и собственными идеями, ни веселаго собесѣдника Бургундіи, ни остроумнаго и хитраго разкащика Жиронды, но вы не найдете уже въ немъ простодушнаго и довѣрливаго уроженца старой Шампани. Почти совершенный индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи характеризуетъ большую часть шампанскихъ селеній, въ которыхъ часто нѣтъ вовсе священника. Богослуженіе отправляется тамъ изрѣдка, да и то жители не обнаруживаютъ къ нему большаго усердія. Впрочемъ всѣ подчиняются внѣшнимъ обрядамъ, составляющимъ обязанность христіанина. Но дѣтей заставляютъ приступать къ исповѣди въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, что о нихъ можно повторить слова Іисуса Христа: «Отче! отпусти имъ, не вѣдаютъ бо чтò творятъ!» На приготовленіе къ

этому великому дѣлу жизни, родители смотрять какъ на тяжкую повинность, и если священникъ приходитъ въ недоумѣніе передъ совершеннымъ невѣжествомъ дѣтей и намекаетъ на то, что не худо бы подождать, пока дѣти хорошенько выучатся и приготовятся, то они угрожаютъ взять дѣтей своихъ назадъ, если онъ тотчасъ же не освободитъ ихъ отъ этой церемоніи. Прибавимъ къ этому, что школы посѣщаются гораздо усерднѣе чѣмъ церкви, и что учебныя заведенія встрѣчаются и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ священниковъ.

Въ настоящее время, нравы сельскихъ жителей не имѣютъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго. Мы встрѣтили бы съ вами совершенно иное, еслибы вздумали углубиться въ прошедшее этой провинціи. Мнѣ бы стоило только выбрать что-нибудь изъ тѣхъ сатурналій прежняго времени, которыя, умирающее язычество завѣщало христіанству, когда христіанство, при водвореніи своемъ, не чувствовало въ себѣ еще довольно силы, чтобъ отвергнуть это нечистое наслѣдіе, и къ которымъ самое духовенство наконецъ привыкло, предоставивъ себѣ только право присутствовать бесплатно при народныхъ праздникахъ. Нигдѣ, впрочемъ, они не имѣли такой торжественности, какъ въ Шампани. Здѣсь, напримѣръ, торжествовали праздникъ дураковъ (*la Fête des Fous*), въ которомъ королевское достоинство предоставлялось тому, кто умѣлъ состроить самую отвратительную гримасу, или кто былъ удрученъ отъ природы самымъ ужаснымъ физическимъ недостаткомъ. Вы знаете, какъ искусно умѣлъ воспользоваться имъ Викторъ Гюго, нашъ изгнанный Дантъ, въ своемъ превосходномъ романѣ *Notre Dame de Paris*. Также торжественно возили на ослахъ, посадивъ лицомъ къ хвосту, добряковъ-мужей, которыхъ водили за носъ и даже били ихъ жены. Въ другомъ мѣстѣ отправлялась ослиная обѣдня (*la messe de l'âne*)... Неуклюжее животное, замѣнявшее нѣкогда коня Санчо-Пансѣ, приближалось къ подножію алтаря, облеченное въ священническія ризы. Въ честь его запѣвался слѣдующій антифонъ:

Orientis partibus
Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus,
Sarcinis aptissimus,
Hé! sire ane! hé!...

И всѣ присутствующіе повторяли, подражая реву осла:

Hihan, hihan, hihan!

Далѣе совершалось празднество въ честь Св. Киріаса (*Saint Omigias*), происходившее въ день Рождества Богородицы. Безсѣнный викарій избиралъ одну изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ своемъ приходѣ; одѣтая вся въ бѣломъ, она занимала почетное мѣсто въ церкви. Викарій привѣтствовалъ ее пѣніемъ антифона «Ave Regina!» По окончаніи антифона, онъ бралъ ее за руку, и, облеченный въ церковную мантию, выводилъ ее передъ церковныя двери, и тамъ начиналъ танцовать съ нею. Это было сигналомъ, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ: церковные своды оглашались новыми пѣснями; многочисленный хоръ потрясалъ стѣны, и сильно звучали стекла отъ дикихъ и неистовыхъ кликовъ толпы. Посторонитесь, и пусть каждый займетъ свое мѣсто между колоннами! Начинается пляска, пляска неистовая, въ которой принимаютъ участіе всѣ возрасты, всѣ полы, всѣ сословія, страшный хаосъ, живой образъ той пляски мертвыхъ, о которой и не снилось Гольбейну.

Появилась революція и смела послѣдніе слѣды этихъ грубыхъ средневѣковыхъ праздниковъ, и ужь конечно нельзя прицать ее за это. Жалко только, что она не замѣнила ихъ другими удовольствіями, болѣе чистыми и не менѣе живыми: въ настоящее время въ деревняхъ все однообразно, скучно, печально, и городъ остается единственнымъ мѣстомъ народныхъ увеселеній. Въ Шампани, какъ и всадѣ почти, три великія эпохи жизни—рожденіе, бракъ и смерть—остались единственными предлогами къ многочисленнымъ собраніямъ, и даже единственными семейными праздниками.

Къ счастью своему, крестьянинъ не предается философическимъ умствованіямъ: ему даютъ только эти три дня, и онъ пользуется ими, какъ можетъ. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, ни одно крещеніе не обходится безъ раздачи лакомствъ. Потомъ, молодые люди, алчные до удовольствій всякаго рода, отправляются въ шинокъ прославлять щедрость кумы и кума. Ружейные и пистолетные выстрѣлы смѣшиваются съ шумомъ откупориваемыхъ бутылокъ и звономъ стакановъ. Свадьбы служатъ также предлогомъ къ шумнымъ изъясненіямъ веселья. Занедѣлю до назначеннаго дня, женихъ посылаетъ всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ своей деревни по метру шелковыхъ или газовыхъ лентъ, въ живость, на которую онъ отвѣчаютъ присылкой невѣстѣ

или дюжины яицъ, или дышленка, или масла, запасовъ, которые пойдутъ на свадебное угощеніе. При наступленіи великаго дня, съ двухъ или трехъ часовъ утра, онѣ приносятъ цвѣточныя гирлянды и ленты, которыми молодые люди убираютъ брачную дверь, что сопровождается громкими ударами молота и оглушительными криками, и никто въ домѣ не жалуется на этотъ шумъ и трескъ, почитая ихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Въ 10 часовъ, всѣ родственники и друзья отправляются въ стройномъ порядкѣ, предшествуемые музыкантами, къ дому общины, гдѣ мѣръ долженъ совершить гражданскій обрядъ супружества, за чѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ и благословеніе священника въ церкви, при грохотѣ ружейныхъ залповъ, раздающихся прежде, послѣ и во время церемоніи, и колокольный звонъ возвѣщаетъ на далекое пространство, что на свѣтѣ прибавилась новая чета супруговъ.

По совершеніи вѣнчанія, супруги выходятъ изъ церкви и останавливаются на кладбищѣ, которое почти всегда окружаетъ сельскій храмъ. Туда имъ приносятъ большую чашу съ похлебкой. Они первые начинаютъ кушать; гости слѣдуютъ ихъ примѣру, и шествіе къ дому, гдѣ приготовлено брачное пиршество, открывается снова тогда только, когда вся похlebка уничтожена. Обряду этому, угощенію молодыхъ похлебкою на кладбищѣ, приписываютъ большую важность; что касается до меня, то я не знаю, имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ подобная тризна на могилахъ предковъ. Кортельжъ возвращается домой въ томъ же порядкѣ, и тамъ подвязка новобрачной разрѣзывается на мелкія части, которыми украшаются всѣ молодые люди. Во многихъ общинахъ, невѣста въ день свадьбы одѣвается въ черное платье; но по большей части, она надѣваетъ этотъ костюмъ только на другой день и тогда же присутствуетъ при заупокойной обѣднѣ. Все это не очень весело, но что же дѣлать? Шампанскій крестьянинъ не за тѣмъ появился на свѣтѣ, чтобы веселиться.

Новобрачные только подчуютъ гостей, хотя имъ самимъ необходимо было бы принять участіе въ общей трапезѣ, потому что они, слѣдуя старинному обычаю, вѣнчаются натошакъ, а мы уже видѣли, что ихъ будятъ до зари. Послѣ брачнаго пира, молодымъ людямъ, присутствовавшимъ на свадьбѣ, дарятъ обыкновенно пару перчатокъ, въ которыя кладутъ болѣе или менѣе значительную сумму денегъ, и деньги эти поступаютъ въ награду самому искусному всаднику или лучшему скоро-

ходу. А такъ какъ побѣдитель обязанъ угощать товарищей, то не рѣдко выигравшій остается въ проигрышѣ. Иногда къ длинному шесту прицѣпляютъ пироги и другія лакомства, и самые ловкіе прыгаютъ или карабкаются, чтобы добыть ихъ. Все это поѣдается въ шинкѣ, и побѣдители орошаютъ виномъ свою побѣду.

Свадебное торжество продолжается и на слѣдующій день; всѣ стараются тогда какъ можно болѣе веселиться или по крайней мѣрѣ шумѣть какъ можно болѣе. Молодыхъ сажаютъ въ повозку, которую везутъ молодыя дѣвушки-невысты. Это принесетъ имъ счастье, и онѣ добудутъ себѣ жениховъ въ теченіи года.

Если свадьба ставитъ на ноги цѣлую деревню, то и похороны возбуждаютъ общее сочувствіе; въ деревняхъ, гдѣ развлеченія рѣдки, каждое новое событіе становится желаннымъ зрѣлищемъ. Оттого ручной медвѣдь, ученая обезьяна, прохожій шарлатанъ, все встрѣчается съ радостію и служитъ предметомъ толковъ и разговоровъ. Случается, что на свадьбу или похороны собирается до полутора ста и до двухъ сотъ гостей, и при этомъ случаѣ издерживаются такія суммы, которыя бы очень могли пригодиться новобрачнымъ или ихъ дѣтямъ, но нѣтъ ничего сильнѣе стариннаго обычая: это самый деспотическій законъ.

Евгеній Бонмеръ.

ОДИНЪ ИЗЪ МАГИКОВЪ

XVIII ВѢКА

Обманъ сей въ свѣтъ, чаю, не есть новый, но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные; сіе отдаю я вамъ на размышленіе.

Комедія Обманщикъ, дѣйствіе V, явленіе 7.

Въ статьяхъ нашихъ о Новиковѣ и друзьяхъ его мартинистахъ мы сообщили свѣдѣнія о той пользѣ, которую они принесли въ свое время дѣлу воспитанія юношества, распространенія просвѣщенія, помощи страждущимъ и благотворной реакціи противъ сильнаго тогда ученія энциклопедистовъ. Читателямъ извѣстны подозрѣнія и преслѣдованія, которымъ подверглись московскіе мартинисты, и открыты отчасти причины, возбудившія эти гоненія. Въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ должно считать таинственность, облакавшую ихъ ученіе, при которой не легко могли разъясниться его истинныя основанія и цѣли. Благонамѣренность Новикова и его товарищей, доказанная очевидностію, не могла защитить ихъ отъ обвиненій въ преступныхъ замыслахъ, потому что эта таинственность мѣшала отличенію ихъ общества отъ разнаго рода братствъ, существовавшихъ тогда въ Европѣ съ цѣлями противозаконными, химерическими, корыстными. Мы считаемъ неизлишнимъ познакомить публику съ однимъ эпизодомъ изъ

исторіи подобнаго рода союзовъ, относящихся до известной степени и къ Россіи. Намъ достался любопытный документъ, повѣствующій о похожденияхъ человѣка, въ началѣ поддававшегося обману, и вскорѣ доведеннаго обстоятельствами и связями съ плутами до той печальной роли, которую онъ игралъ уже до конца своей жизни.

Въ семидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, жилъ въ Польшѣ графъ Фаддей Грабіенка, староста литовскій. Онъ происходилъ отъ известной фамиліи, имѣлъ хорошее состояніе, былъ уже не очень молодымъ человѣкомъ и былъ женатъ. Грабіенка былъ человѣкъ умный, довольно образованный, но совершенно невѣжественный въ дѣлѣ религіи, такъ что ему не были известны нѣкоторые изъ самыхъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры.

Однажды Грабіенка пріѣхалъ по дѣламъ въ Варшаву и встрѣтился тамъ между прочимъ съ однимъ стариннымъ знакомымъ, который прежде былъ известенъ своимъ распутнымъ поведеніемъ. Къ удивленію своему, онъ нашелъ, что этотъ знакомецъ исправился совершенно отъ своихъ пороковъ. Грабіенка сталъ разспрашивать его, какимъ образомъ онъ успѣлъ побѣдить въ себѣ дурныя наклонности? Пріятель его, искренно или лицемерно перемѣнившій образъ своей жизни, открылъ ему, что исправленіемъ своимъ онъ обязанъ тому, что имѣлъ счастье быть посвященнымъ въ таинственныя науки (*sciences occultes*).

Грабіенка былъ пораженъ такимъ открытіемъ, и знакомецъ его повидимому пріобрѣлъ на него большое вліяніе, при чемъ познакомилъ его съ разными адептами тайнаго ученія. Связи эти такъ подѣйствовали на Грабіенку, чуждаго до того времени всякимъ религіознымъ понятіямъ и духовнымъ интересамъ, что онъ совершенно предался новымъ для него открытіямъ и рѣшился посвятить себя изученію той премудрости, которой познаніе сулило ему новые друзья, уже успѣвшіе воспользоваться его деньгами. Грабіенка предпринялъ путешествіе, чтобы найти мудреца, одареннаго вдохновеніемъ свыше, который могъ бы открыть ему великія тайны.

Грабіенка началъ свои странствія съ посѣщенія Берлина,

гдѣ тогда жили многіе упражнявшіеся въ изученіи тайныхъ наукъ. Онъ сошелся тамъ съ бібліотекаремъ Фридриха II аббатомъ Пернетти, алхимикомъ и авторомъ книги *Les fables égyptiennes et grecques*. Грабіенка, не зараженный корыстолюбіемъ, не искалъ въ то время тайны дѣлать золото, а жаждалъ высшей мудрости, и, не найдя у Пернетти ни совѣтовъ, ни указаній какимъ образомъ найдти истиннаго мудреца, рѣшился, послѣ тщетныхъ попытокъ, уѣхать изъ Берлина. Пернетти пожалѣлъ выпустить изъ рукъ человѣка, котораго, ради его богатства, не худо было привязать къ себѣ. Поэтому онъ явился къ Грабіенкѣ, назначившему уже день своего отъѣзда, и открылъ ему, что нашелъ наконецъ мудреца, какого онъ ищетъ, «имѣющаго голосъ» посредствомъ науки чиселъ, или каббалы. Мудрецъ этотъ назывался Брюмеромъ. Грабіенка съ восторгомъ полетѣлъ къ нему.

Брюмеръ принялъ Грабіенку съ торжественностію и объявилъ ему, что уже два года, повинуюсь высшему велѣнію, ожидаетъ въ Берлинѣ странника, котораго Небо хочетъ возвеличить, и что этотъ избранникъ—именно онъ, Грабіенка. Легковѣрный графъ остался въ Берлинѣ и предался съ Брюмеромъ изученію каббалы. По выкладкамъ оказалось, что Грабіенкѣ предстоитъ семь лѣтъ уразумѣть, семь лѣтъ повелѣвать и дважды семь лѣтъ царствовать. Подъ послѣднимъ разумѣлось обладаніе польскимъ престоломъ, достигнуть котораго дѣйствительно могъ надѣяться всякій знатный Полякъ при тогдашнихъ законахъ Польши и царствовавшей тамъ неурядицѣ.

Грабіенка былъ окончательно ослѣпленъ познаніями Брюмера, а честолюбіе его возгорѣлось донельзя сдѣланными ему предсказаніями. При такомъ расположеніи его ума, не требовалось уже слишкомъ большихъ усилій со стороны его учителя, чтобъ окончательно вскружить ему голову и заставить его повѣрить высокому избранію, которое должно было сдѣлаться его удѣломъ. Графа увѣрили, что само Небо повелѣваетъ ему и его товарищамъ посвятить себя Богу, и что ему исключительно дана власть посвящать и другихъ въ новое братство.

Однако алхимическія работы были главною цѣлью, къ которой обманщики старались привлечь графа. Извѣстно, что нѣтъ лучшаго средства, чтобъ обирать избранную жертву, а около Грабіенки тогда еще было чѣмъ попользоваться. Удовлетворивъ его по возможности открытіемъ тайнъ науки чиселъ и

распаливши его воображеніе перспективой великаго будущаго, Брюмеръ и Пернетти приступили къ обольщенію графа алхимическими трудами, вѣроятно побѣдивши его равнодушіе къ дѣланію золота увѣреніями въ необходимости располагать обширными денежными средствами для достиженія высокой цѣли, которая ему предназначена. Съ этимъ намѣреніемъ свели они Грабіенку съ какимъ-то алхимикомъ, котораго имя утрачено. Алхимика этого посвятили въ братство, и онъ принесъ свою лепту общему дѣлу, открывъ графу тайну «философскаго дѣла» и увѣривъ его въ несомнѣнности своихъ рецептовъ. Послѣ этого обманщики успѣли выманить у графа значительную сумму денегъ для производства алхимическихъ работъ и перестали препятствовать временному возвращенію его въ Польшу, позаботившись впрочемъ снабдить его особыми наставленіями.

Наставленія эти заключались въ слѣдующемъ: Грабіенка долженъ былъ прилежно читать Библию, и изучая ее, ожидать пониманія высшей магіи, которое обѣщано ему было каббалистическими выкладками. Съ этимъ вмѣстѣ ему было предсказано, что онъ узнаетъ эти магическія тайны не въ томъ мѣстѣ и не отъ того лица, гдѣ и отъ кого онъ ожидаетъ.

Возвратившись въ Польшу, Грабіенка сталъ исполнять данныя ему наставленія и вмѣстѣ съ тѣмъ работать надъ отысканіемъ философскаго камня, что, конечно, быстро разстраивало его состояніе. Тѣмъ же занялись жена Грабіенки и пріятель его, графъ Роникеръ. Берлинскіе адепты посѣщали своихъ польскихъ товарищей, и самъ Брюмеръ пріѣзжалъ къ нимъ. Алхимическіе опыты, произведенные ими вмѣстѣ, разумѣется, были неудачны. Послѣ нихъ остались одни огарки, которые Брюмеръ приказалъ бережно хранить.

Между тѣмъ дѣла Грабіенки пришли въ страшное разстройство; но онъ все-таки упорствовалъ въ продолженіи своихъ раззорительныхъ занятій. Жена его, вовлеченная одно время въ обманъ, образумилась, увидѣвши съ ужасомъ огромные долги, которые грозили погубить будущее достояніе ея дѣтей. Она отдѣлила свое состояніе отъ мужа и оставила прежнія алхимическія химеры. Грабіенка, котораго имѣніе уже не могло покрыть сдѣланныхъ имъ долговъ, пришелъ въ гнѣвъ и негодованіе. Онъ навсегда разстался съ женой и уѣхалъ съ Брюмеромъ и Роникеромъ въ Варшаву, чтобъ отыскать новыя

средства для довершенія «святаго дѣла», какъ называлъ онъ отыскиваніе философскаго камня.

Въ Варшавѣ Грабіенка получилъ нѣсколько денегъ отъ сестры своей, госпожи Тарновской, и отправился путешествовать. Но средства его были такъ ограниченны, что уже въ Эльбингѣ камердинеръ его Лейманъ заплатилъ за него въ трактирѣ 80 червонцевъ. Однако онъ продолжалъ свои странствія. Въ Лондонѣ онъ видѣлся неоднократно съ фанатическимъ послѣдователемъ Сведенборга, Бестомъ, выдававшимъ себя за пророка. Бестъ предсказалъ ему великое счастье, но говорилъ, что Грабіенка достигнетъ его не иначе, какъ путемъ тяжкихъ испытаній и коловратностей судьбы. Онъ же ввелъ несчастнаго графа въ новую область тайныхъ наукъ, познакомивъ его съ магіей и открывъ ему средства сношенія земли съ невидимымъ міромъ, посредствомъ видѣнія духовъ.

Грабіенка жилъ продажей разныхъ оставшихся у него вещей, подарками знакомыхъ и деньгами, получавшимися имъ отъ сестры. Изъ Англіи онъ проѣхалъ черезъ Голландію во Францію, и въ Парижѣ получилъ тысячу франковъ отъ князя Любомирскаго. Жена прислала ему свои свадебные подарки; онъ заложилъ ихъ и запасся въ долгъ платьемъ у стараго знакомаго, портнаго Мейснера, который кромѣ того одолжилъ ему двое часовъ. Послѣ этого онъ отправился на югъ, въ Авиньонъ, куда уже давно порывался. Это было въ 1786 году.

Въ Авиньонѣ, принадлежавшемъ тогда папскому престолу, Грабіенку уже давно поджидали Пернетти и Брюмеръ. Первый отправился туда изъ Берлина, а второй изъ Польши, еще во время послѣдней поѣздки Грабіенки въ Варшаву. Изъ Авиньона Брюмеръ ѣздилъ въ Римъ и былъ въ отсутствіи, когда пріѣхалъ Грабіенка, для котораго вмѣстѣ съ товарищами былъ нанятъ особый домикъ. Грабіенка нашелъ въ Авиньонѣ нѣсколько ново-посвященныхъ его сообщниками адептовъ. Въ числѣ ихъ были докторъ де-ла-Ришардьеръ, Деломъ, Ферьеръ, инженеръ Ларозьеръ и др.

Въ Авиньонѣ окончательно устроилось таинственное братство. Грабіенка повѣдалъ, что началомъ своего обращенія обязанъ какому-то чудесному сну, обѣщавшему ему благодать и видѣнному имъ еще до первой поѣздки въ Варшаву, гдѣ онъ встрѣтилъ исправившагося развратника, который первый волею его въ обманъ. Къ этому онъ присовокуплялъ, что въ послѣдствіи ему снились еще болѣе чудесныя сны. Въ Авиньо-

онѣ новое братство стало именоваться уже «Народомъ Божиимъ» и «Новымъ Израилемъ», а Грабиенка царемъ его.

Грабиенка, пріѣхавши въ Авиньонъ, получилъ опять нѣкую сумму денегъ отъ г-жи Тарновской, и общество этимъ поддержалось. Начались прорицанія, о которыхъ вѣсти распространялись въ городѣ и возбуждали общее любопытство и участіе. Оракулы братства относились къ предметамъ разнаго рода, судя по вопросамъ, которые ему предлагались. Они толковали сны, давали объясненія по разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ, иногда даже очень неблагопріистойнымъ, и т. д.

Но главнѣйшія прорицанія относились къ дѣламъ политическимъ и религіознымъ. Они предвѣщали, что царь Новаго Израиля, Грабиенка, сдѣлается королемъ польскимъ; что междуусобія погубятъ Россію и Екатерину II, и тогда онъ завладѣетъ Турецкою имперіей, истребивъ всѣхъ Турокъ; что онъ покоритъ Азію и часть Африки и перенесетъ столицу свою въ Іерусалимъ, куда придутъ къ нему на поклоненіе цари земные и будутъ учиться у него премудрости, какъ у новаго Соломона, а главные его послѣдователи сдѣлаются владыками самихъ царей и будутъ осыпаны всѣми благами міра. Новые сектаторы хотѣли фанатическою проповѣдью распалить умы и воображеніе людей и увлечь ихъ, чтобы самими достигнуть власти. Что же касается до исповѣданія, обрядовъ и морали ихъ ученія, все это повидимому было только средствомъ и личиною для достиженія цѣли ихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Управленіе дѣлами авиньонскаго братства находилось въ рукахъ царя Новаго Израиля, Грабиенки, и совѣта изъ семи лицъ, которыя образовали первоначально секту. Они дѣлали заклинанія, вызывали сатану, и пр. Всѣмъ этимъ занятіямъ велись реестры или журналы.

Вначалѣ дѣйствія братства были довольно темны и мало извѣстны. Но въ 1788 году оно вошло въ моду; въ него поступили между прочимъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ (ум. 1802 года) и какой-то Деравинъ. Также приняты были въ братство многіе богатые жители Авиньона разныхъ классовъ и принцъ Фердинандъ Виртембергскій съ своею супругой. Нѣкоторые Англичане и Шведы даже перемѣняли вѣру, чтобы быть посвященными въ общество.

Все это не могло не обратить на него вниманія. 8 марта 1788 года инквизиція посѣтила обиталище главныхъ лицъ; бумаги ихъ были забраны. Но черезъ десять дней не только была

признана невинность членовъ, но передъ ними извинялись въ напрасно-причиненномъ безпокойствѣ. Полагаютъ, что они откупились деньгами, которыхъ у нихъ тогда было много, благодаря усердію новообращенныхъ. Какъ бы то ни было, происшествіе съ инквизиціей, кончившееся такъ счастливо, придало братству новый блескъ и вѣсь. Вообще оно процвѣтало и издерживало много денегъ, которыя получались отъ богатыхъ простаковъ, завлеченныхъ въ него и раззорившихся въ конецъ на его содержаніе.

Приближеніе французской революціи и начало ея, отзывавшееся такъ сильно въ Авиньонѣ, придавали Грабиенкѣ и его товарищамъ болѣе и болѣе смѣлости. Оракулы ихъ стали ясно предсказывать политическіе перевороты, паденіе династій и другія событія, благопріятныя для химерической цѣли преобладанія на землѣ Новаго Израила и его царя. Братство могло бы играть значительную роль въ дѣлахъ революціи, еслибъ имѣло опредѣленную и сбыточную цѣль и еслибы между членами его сохранилось доброе согласіе.

Но раздоръ не замедлилъ поселиться между главными дѣятелями авиньонскаго общества.

Брюмеръ, во время пребыванія своего въ Римѣ, посвятилъ въ члены нѣкоего Октавіо Капелли, который выдавалъ себя за потомка знатной фамилии, но былъ, какъ говорятъ, какой-то бродяга, жившій долго въ Луккѣ. Войдя посредствомъ общества въ сношеніе съ нѣкоторыми вліятельными людьми, Капелли черезъ принца Виртембергскаго досталъ патенты на офицерскіе чины французской арміи себѣ, сыну своему Чербони и Ферьеру. С. Н. Плещеевъ помогъ ему выхлопотать и въ Россіи патентъ на званіе русскаго офицера. Но все это, какъ увидимъ, не спасло его отъ бѣды.

Октавіо Капелли сдѣлался въ скоромъ времени пророкомъ въ братствѣ, и съ нимъ вмѣстѣ нѣкто Бужъ. До того времени элементъ религіозный не имѣлъ почти никакого значенія въ обществѣ, гдѣ главное лицо—Грабиенка былъ такъ невѣжественъ въ знаніи догматовъ христіанской религіи, что, странствуя по Европѣ, удивлялся при извѣстіи, что христіане знаютъ о будущемъ, второмъ пришествіи на землю Сына Божія, которое онъ считалъ тайной, извѣстною немногимъ избраннымъ въ родѣ его самого. Другіе были не ученѣе его, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Пернетти, были просто атеисты. Капелли сталъ увѣщевать своихъ собратьевъ и убѣждалъ ихъ признать

правило евангельское и апостольское о повиновеніи предрѣжающимъ властямъ. Въ 1791 году постановленіе о признаніи этого закона было многими изъ общества принято. Разумѣется, оно встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Грабіенки, котораго власть, какъ царя Новаго Израиля, тѣмъ унижалась. Онъ объявилъ Капелли ложнымъ пророкомъ, а Капелли провозгласилъ его же-царемъ, сталъ уличать его въ порокахъ, проповѣдывать истину католическаго вѣроисповѣданія и подчиненіе папѣ. Грабіенка отвѣчалъ съ своей стороны пророчаніями, направленными противъ Капелли.

Послѣдователи авиньонской секты раздѣлились на двѣ партіи. Пернетти и Бужъ остались вѣрными Грабіенкѣ, а Ла-Ришардьеръ, Деломъ, Ферьеръ и Ларозьеръ присоединились къ Капелли. Однако Капелли почему-то былъ заподозрѣнъ и арестованъ инквизиціей. Его отвезли въ Римъ, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ тюрьму. Грозящая опасность не остановила его въ дѣлѣ обличенія Грабіенки и его честолюбія; Капелли въ цѣпяхъ, изъ тюрьмы, находилъ средства громить противника своими обличеніями. Наконецъ, черезъ нѣсколько уже лѣтъ, судъ обвинилъ Капелли, и онъ былъ повѣшенъ въ Римѣ. Такъ какъ онъ числился офицеромъ русской службы, то русское правительство вступилось въ это дѣло, слѣдствіемъ чего была высылка изъ Петербурга папскаго нунція, аккредитованнаго при русскомъ дворѣ. Сынъ Капелли, Чербони, продолжалъ служить во французской арміи, въ которой былъ потомъ генераломъ.

Подобные раздоры не могли не повредить репутаціи Грабіенки и его общества. Этому не мало способствовали разказы одной госпожи, именовъ Флюмель, бывшей съ нимъ въ сношеніяхъ. Госпожа Флюмель имѣла состояніе, которое она нажила, торгуя своими прелестями и потомъ помогая любовнымъ интригамъ богатыхъ людей. Вѣроятно, въ надеждѣ увеличить свой капиталъ, госпожа Флюмель передавала авиньонскимъ алхимикамъ много денегъ на ихъ опыты, но, увидя ихъ безуспѣшность и узнавши разныя неблаговидныя тайны, расказалась въ своей опрометчивости и стала мстить Грабіенкѣ и его сообщникамъ, разказывая насмѣшливо и остро объ ихъ похожденияхъ. Она говорила, что въ ихъ обществѣ мушцины и женщины живутъ всѣ безразлично одни съ другими, на что она никогда не соглашалась; что члены его водятъ за носъ идіотовъ и обираютъ ихъ; что ей извѣстны всѣ секреты адептовъ, и пр.

Эти колкія асмѣшки удержали многихъ отъ вступленія въ общество, а нѣкоторыхъ заставили даже оставить его. Въ числѣ послѣднихъ былъ и С. И. Плещеевъ, который отослалъ изъ Россіи въ Авиньонъ прежнія письма къ нему членовъ и прекратилъ съ ними всякія сношенія.

Распри членовъ общества принимали все болѣе и болѣе обширныя размѣры. Ла-Ришардьеръ торжественно отрекся отъ него. Желая удержать отъ такого же отреченія тѣхъ братьевъ, которые еще оставались вѣрными, Грабіенка сталъ принимать на себя личину набожности и занимать своихъ товарищей чтеніемъ Сведенборга и другихъ мистиковъ. Онъ обратилъ особое вниманіе на сношенія съ духовнымъ міромъ, предпочитая магію алхиміи, въ которой не могъ упражняться такъ успѣшно, потому что не имѣлъ свѣдѣній въ химіи и другихъ наукахъ, необходимыхъ въ извѣстной степени для занятій по этой части. Притомъ, безъ надежды получать откровенія свыше, члены не остались бы въ обществѣ, и Грабіенка лишился бы возможности быть главой секты.

Въ знакъ гнѣва своего на раздоры, происшедшіе въ братствѣ, Грабіенка изрекъ повелѣніе, внушенное ему свыше, закрыть храмъ, называемый «горня» (les hauts lieux). Посвященія дѣлались дѣйствительно на высотахъ, при чемъ исполнялись магическіе обряды: проводились на землѣ черты и фигуры, разводились огни, производились куренія, дѣлались заклинанія, и т. п. Отпадшіе члены общества стали уличать его въ идолопоклонствѣ, приводя въ доказательство мѣста изъ Библии, гдѣ говорится о гнѣвѣ Господнемъ на Израиля за жертвы, приносимыя Ваалу на высокихъ мѣстахъ, и кажденіе ему въ дубравахъ. Грабіенка оправдывался, объясняя, что подѣ словомъ «горня» разумѣлъ иносказательно понятіе святыни; но ему возражали, указывая на самые обряды посвященія, придававшіе этому слову другой, прямой смыслъ. Несмотря на то, Грабіенка успѣлъ привлечь въ общество свое еще другихъ легковѣрныхъ, изъ числа которыхъ извѣстны: баронъ Лефортъ, г. Пармантье и марсельскій купецъ Блассьеръ. Всѣ они раззорились въ-конецъ, поддерживая существованіе Грабіенки и его братства, которое продолжало находиться въ довольно-цвѣтущемъ состояніи.

Между тѣмъ политическій горизонтъ Франціи омрачался болѣе и болѣе. Авиньонъ, издавна тянувшій къ Франціи, былъ присоединенъ къ ней декретомъ учредительнаго собра-

нія, 14 сентября 1791 года. Въ немъ образовались двѣ враждовавшія на смерть партіи: патріотовъ, бывшихъ сторонниками революціоннаго движенія, и приверженцевъ прежняго папскаго правительства. Извѣстны, страшныя сцены убійствъ и междоусобій, не разъ ознаменовавшихъ эту борьбу. Анархія торжествовала во Франціи. 10 августа 1792 года, Лудовикъ XVI былъ свергнутъ съ престола, а 21 сентября власть перешла въ руки кровавой памяти національнаго конвента и анархической коммюны Парижа. Въ январѣ 1793 года начался судъ надъ бывшимъ королемъ.

Января 23, Грабіенка изрекъ въ Авиньонѣ оракулъ, предвѣщавшій освобожденіе короля при покровительствѣ Неба и будущее его торжество. Между тѣмъ несчастный Лудовикъ XVI былъ уже казненъ въ Парижѣ 21 числа. Вѣсть о томъ пришла въ Авиньонъ 26 числа, и доказала нелѣпость прорицаній Грабіенки. Вслѣдствіе этого, многіе члены втихомолку удалились отъ общества.

Но Грабіенка не унывалъ и, надѣясь, что, будучи иностранцемъ, можетъ разчитывать на нѣкоторую безопасность со стороны правительства французской республики, сталъ заниматься политическими интригами. Одно время онъ надѣялся привлечь къ себѣ жителей графства Авиньонскаго и возбудить въ нихъ стремленіе къ восстановленію его старинной автономіи. Во время террора Грабіенка успѣлъ скрыть и спасти многихъ Авиньонцевъ, бывшихъ приверженцами стараго порядка вещей, также монаховъ и другихъ духовныхъ. У него производилось богослуженіе, за чтѣ Пернетти былъ арестованъ; но самъ Грабіенка успѣлъ избавиться отъ ареста. Желая пріобрѣсти въ странѣ совершенную популярность, онъ прокормилъ множество семей, пострадавшихъ отъ наводненія во время разлитія Роны. Это заставило Грабіенку войти въ долги, которыхъ сумма простиралась до пятисотъ тысячъ ливровъ. Оракулы его предсказывали успѣхъ его предпріятію, но враги, собственный недостатокъ энергіи и опредѣлительности плана дѣйствій, помѣшали ему въ достиженіи цѣли, исполненія которой онъ при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ могъ бы до нѣкоторой степени надѣяться. Дурная слава братства не была забыта, несмотря на дѣйствія Грабіенки въ пользу угнетенныхъ и страждущихъ, и сообщники оставляли его мало-помалу. Самъ Пернетти сталъ почему-то менѣе ревностно заниматься дѣлами общества. Грабіенка не имѣлъ уже въ немъ

опасныхъ соперниковъ. Онъ занялся сочиненіемъ трактата объ ангелахъ и далъ окончательное образованіе своей сектѣ, которое и сохранялось въ ней потомъ постоянно. Въ этой новой системѣ уже почти не имѣли мѣста алхимическія работы и даже каббала, а главнымъ основаніемъ служила ей магія, или сношенія съ невидимымъ міромъ.

Секта лишилась въ 1795 году своего великаго пророка, Бужа, который оставилъ ее. Надобно было найти ему преемника, преданнаго Грабенкѣ, и онъ отыскалъ для этой роли Альера, сына трактирщика, который былъ немедленно посвященъ и наименованъ великимъ пророкомъ. Черезъ годъ умеръ Пернетти, бывший первосвященникомъ; тогда Альерь заступилъ его мѣсто.

Между тѣмъ прошла эпоха террора, и, при относительномъ возстановленіи благоустройства и безопасности, мечты о возрожденіи Авиньйонскаго графства дѣлались болѣе и болѣе несбыточными. Прегніе адепты или раззорились, или оставили общество, въ которомъ находились уже только люди незначительные и небогатые. Еще съ 1794 года дѣла его становились все хуже и хуже, и наконецъ средства его совсѣмъ истощились.

Однако оракуды, несмотря на оскудѣніе средствъ общества, продолжали предвѣщать, что претерпѣваемая имъ неудача скоро вознаградится сторицей, что всѣ блага посыплются на вѣрныхъ ему, и что недалеко славное владычество царя, премудраго какъ Соломонъ, сильнаго какъ Давидъ, то-есть Грабенки, который самъ внушалъ Альеру эти пророчества. Альерь дошелъ до самыхъ нелѣпыхъ крайностей и наконецъ самъ сталъ вѣрить въ свой необыкновенный даръ прорицанія. Онъ не только разказывалъ про свои чудесные сны и про вдохновенія, посѣщавшія его свыше, но и про видѣнія, которыя бывали у него наяву, напримѣръ, о превращеніи человѣка въ звѣря, а звѣря въ чертога. Иногда онъ говорилъ, что облака превращались въ человѣческія фигуры, разговаривавшія съ нимъ; въ другой разъ онъ бесѣдовалъ съ дьяволомъ или слушалъ голоса невидимыхъ существъ. Словомъ, Альерь нерѣдко показывалъ знаки совершеннаго помѣшательства.

Представляемъ теперъ основанія, на которыхъ была создана секта Грабенки; онъ самъ, такъ-сказать, диктовалъ ихъ, а потому и придалъ званію царя Новаго Израіля, которое

носилъ, огромную власть и силу. Учрежденіе общества и догматы его дополнялись разными оракулами до 1800 года.

Царь Новаго Израиля—особа духовная и выше всякаго лица въ народѣ; только первосвященникъ въ храмѣ равенъ ему. Царь есть глава пророковъ общества, и предвѣщанія ихъ не имѣютъ силы безъ его подтвержденія, потому что у него одного даръ отличать истинные оракулы отъ ложныхъ, и только тотъ изъ нихъ непреложенъ, который заключаетъ въ себѣ что-либо полезное или наставительное для царя. Оракулу, какъ глаголу Неба, обязанъ былъ всякій покоряться безусловно и не разсуждая; но никто безъ позволенія царя не смѣлъ требовать отвѣтовъ оракула. Всѣ прихоти царя должны были приниматься братствомъ какъ законъ, и членамъ строго запрещалось не только явно, но и тайно осуждать его пороки или думать о немъ неблагопріятно. Онъ выше закона, какъ божество; онъ не можетъ сдѣлать зла, и власть его ничѣмъ не можетъ ограничиться. Многія постановленія прямо называютъ его богомъ, и невозможно найти болѣе фанатическаго ученія въ пользу главы какой-либо секты. Грабленка признавался царемъ въ истинномъ смыслѣ словъ «гоі» и «топагге», какъ его величали адепты, которые подписывались его вѣрноподданными, «*fidèles sujets*». Духовное царство впрочемъ не слишкомъ пльняло его, и онъ преимущественно добивался дѣйствительнаго царства, польской короны, которой искалъ еще въ началѣ своего поприща. Онъ не имѣлъ никакой вѣры, а хлопоталъ о достиженіи земныхъ благъ посредствомъ собственнаго лицемерія и фанатизированія своихъ сообщниковъ. Для этого-то и предписывались имъ правила безпрекословнаго повиновенія и поклоненія, по которымъ передъ нимъ, при совершеніи обрядовъ, кланялись въ землю, служили ему на колѣняхъ, принимали его благословеніе и т. п. Нелѣпость этого обожанія доходила до того, что его признавали непогрѣшимымъ во всѣхъ отношеніяхъ, называли возлюбленнымъ первенцемъ Бога и Маріи, сыномъ ученицы Вышняго, отцомъ премудрости, въ которомъ живетъ гласъ Божій, наконецъ приписывали ему даръ чудотворенія.

Первосвященникъ всегда выбирался изъ пророковъ и былъ начальникомъ всего относившагося до духовныхъ дѣлъ братства; онъ учреждалъ чинъ богослуженія, наказывалъ тѣхъ, которые преступали законы, данные оракулами, отлучая ихъ отъ храма и очищая ихъ покаяніемъ.

Великій пророкъ преимущественно изрекалъ оракулы.

Канцлеръ занимался гражданскими дѣлами братства и считался великимъ судьей народа.

Повелѣніе, изреченное оракуломъ, строго предписывало, чтобы никто, кромѣ лицъ священнаго чина, не смѣлъ принимать на себя исполненіе какихъ бы то ни было должностей гражданскихъ или дипломатическихъ по дѣламъ братства.

Кромѣ того, въ сектѣ было первенствующее лицо женскаго пола—великая мать, представлявшая Бого родицу, такъ какъ царь представлялъ божеское лицо. Она была равна первосвященнику и сама считалась первосвященницей, отправляя богослуженіе въ извѣстное время. Годъ, по календарю секты, раздѣлялся на тринадцать лунныхъ мѣсяцевъ, и въ послѣдній изъ нихъ она служила вмѣсто первосвященника. Ея надзору поручены были всѣ дѣла, касающіяся женщинъ, и воспитаніе дѣвицъ.

Первосвященникъ, великая мать, великій пророкъ, канцлеръ, толкователь сновъ и еще двое нарочно избранныхъ братьевъ составляли верховный совѣтъ семи. Въ послѣднее время личный составъ этого совѣта былъ слѣдующій: первосвященникъ—Альберъ; великая мать—г-жа Доттинья; великій пророкъ—Деравинъ; толкователь сновъ—Симоненъ; канцлеръ—баронъ Лефортъ; члены совѣта—Пармантье и Муратори.

Грабіенка, какъ царь Новаго Израиля, считался выше совѣта. Онъ засѣдалъ въ немъ только сначала, а потомъ вакансію его заняла великая мать, которой должность была тогда учреждена. Въ послѣдствіи, при царѣ учрежденъ былъ тайный совѣтъ, «*conseil des intimes*»; но онъ почти не собирался, будучи основанъ уже при концѣ существованія секты въ Авиньонѣ.

Члены братства были раздѣлены на четыре класса или ордена, изъ которыхъ первый былъ низшимъ; они слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

1. Орденъ Св. Духа; онъ имѣлъ ленту цвѣта зари, на которой висѣлъ голубь. Начальникомъ его былъ великій пророкъ.
2. Орденъ Троицы, или святаго пріятія, «*adoption sainte*»; онъ находился подъ начальствомъ первосвященника.
3. Орденъ Слова воплощеннаго; онъ имѣлъ ленту красную.
4. Орденъ святаго дома Божія; лента его была зеленая, обозначая надежду совершенства. Онъ состоялъ подъ начальствомъ великой матери, и считался подъ особеннымъ покрови-

тельствомъ Дѣвы Маріи. Въ него поступали только избранные, которые признавались близкими къ совершенству.

Члены совѣта, при посвященіи ихъ къ должности и миропомазаніи, которое при этомъ совершалось, принимали четыре особыя присяги: общую, царю, первосвященнику и братству.

Храмъ окончательно образовавшейся секты былъ открытъ въ 1798 году. Богослуженіе въ немъ началось по новому календарю, расчисленному на основаніи тринадцати лунныхъ мѣсяцевъ, въ которыхъ и были расположены особеннымъ образомъ праздники. Храмъ былъ устроенъ на подобіе Соломонова, и въ святилищѣ, куда входили только главные лица, находился престоль, на которомъ было четыре креста: три для Св. Троицы и четвертый для Богородицы. Тамъ же стоялъ свѣтильникъ съ семью свѣчами. Въ храмъ приносили жертву: хлѣбъ и вино, при чемъ служили католическую обѣдню и причащались. Водосвятіе производилось погруженіемъ креста и обмакиваніемъ пальца въ сосудъ съ виномъ, изображавшимъ кровь Христову. Кропленіе и кажденіе производились обыкновеннымъ порядкомъ.

Особенною торжественностію отличался обрядъ царской вечери. Въ день, когда она совершалась, служили особаго рода обѣдню, за которою отпускались всѣ грѣхи. Вечеромъ въ храмъ садились за столъ. Грабіенка изображалъ собою Христа, всѣ были въ стихаряхъ и клобукахъ, а первосвященникъ въ нарамникѣ, подобномъ Ааронову. Грабіенкѣ прислуживали на колѣняхъ, ходили кругомъ стола, прогоняли сатану, жгли ѡмїамъ по обрядамъ іудейскимъ, стоя съ жезлами въ рукахъ и подпоясавшись. Наконецъ тутъ ѣли пасху, то-есть жаренаго ягненка, не оставляя отъ него ничего, послѣ чего кости его сожигали.

Недѣльное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ обрядовъ въ этой сектѣ можетъ дать понятіе о чудовищности самой вѣры, которую она исповѣдывала. Послѣдователи ея перемѣшали божественные христіанскіе догматы съ еретическими бреднями и языческими вѣрованіями. Изъ Св. Троицы они создали четверицу, причисливъ къ тремъ ея лицамъ Пресвятую Дѣву Марію, которой вмѣстѣ съ тѣмъ приписали качества языческихъ богинь. Она называлась великою матерью боговъ, ночью породившею свѣтъ и современною хаосу, царицей неба и ада съ полумѣсяцемъ, отворяющимъ врата востока святому народу;

ею заклинали адскихъ духовъ, и въ ней соединялись: Діана, Геката и Сибилла сирская. Полагають, что эта нелѣпая смѣсь повятій могла быть почерпнута изъ языческаго вѣрованія о великой матери, сопричтенной на Олимпѣ къ лику трехъ первыхъ боговъ: Юпитера, Нептуна и Плутона. Но вѣроятнѣе всего, что невѣжественное шарлатанство было главною причиною изобрѣтенія подобныхъ догматовъ.

Правила секты предписывали черезъ оракулы послѣдователямъ ея наружно исполнять обряды католической церкви, къ которой они и причисляли себя лицемѣрно. Въ сущности же они признавали ее отпадшею, приносящею жертву сатанѣ, источающею кровь, порокъ и беззаконіе, и презирали ея служителей.

Ученіе секты относительно гражданскихъ обязанностей запрещало членамъ службу какому-либо правительству. Бужь, преступившій это правило, долженъ былъ оставить полученное имъ мѣсто, несмотря на то, что, по особымъ обстоятельствамъ, рисковалъ жизнь, повинуваясь въ этомъ случаѣ Грабіенкѣ. Вѣроятно, государственная служба запрещалась сектаторамъ оттого, что они должны были совершенно подчиняться одному царю Новаго Израиля, и даже не смѣть помышлять безъ его вѣдома и велѣнія, подъ опасеніемъ вѣчныхъ мученій. Грабіенка былъ настоящій деспотъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, онъ три года не пускалъ на глаза любимаго своего камердинера Леймана за то, что онъ женился безъ его согласія.

Таковы были основанія авиньонскаго братства, которому оракулы его судили всевозможныя блага, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ прошенія его Небу о дарованіи помощи и неизбежныя жалобы обманутыхъ, разумѣется, оставались тщетными.

Однако Грабіенка не могъ не слѣдить и за перемѣнами политическихъ обстоятельствъ Франціи. Они продолжали быть ему не совсѣмъ неблагоприятны до самаго 1799 года. Даже во время бурнаго конвента, среди анархіи общественной и религіозной, существовали во мракѣ разныя секты, и каковы бы ни были ихъ химерическія начала, они все-таки свидѣтельствовали о потребности нѣкоторыхъ составить себѣ какую-либо систему вѣрованій въ странѣ, провозгласившей атеизмъ. Извѣстно, что герой этой ужасной эпохи, Робеспьеръ, боролся съ нимъ; онъ погубилъ партіи Дантона и Гебера, *безнравственныхъ и безбожныхъ*, а «богиню разума» замѣнилъ «высшимъ суще-

ствомъ», въ честь котораго учредилъ торжество. Въ послѣдствіи онъ оказался въ сношеніяхъ съ сектой Катерины Теосъ, прозванной матерью бога. Старый атеистъ Вадье не побоялся набросить тѣнь смѣшнаго на страшнаго деспота, когда въ конвентѣ шла рѣчь объ этой сектѣ, что и было какъ бы прелюдіей, пробой силъ для сверженія Робеспьера, которое и осуществилось вскорѣ. При директоріи, во время общаго броженія общественныхъ стихій, искавшихъ правильнаго уравновѣшенія послѣ недавнихъ бурь, въ эпоху, когда люди, разорванные со всякими преданіями прошедшаго, старались связывать убѣжденія и вѣрованія съ нѣкоторыми забытыми принципами гражданского порядка, Франція видѣла рядомъ съ чудовищами разврата и разныя, хотя по большей части безплодныя, исканія людей создать себѣ религіозныя убѣжденія. Одинъ изъ членовъ директоріи, Ларевельеръ-Лепо, сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ, а потомъ главой секты теофилантроповъ. Какъ ни смѣялись надъ подобными братствами, однако они продолжали существовать, благодаря равнодушію большинства и отсутствію прочнаго религіознаго центра въ обществѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ авиньонская секта не должна была опасаться преслѣдованій, и могла спокойно предаваться оракуламъ и прочимъ своимъ нелѣпостямъ.

Но въ 1799 году внутренняя неурядица и слабость правительства Франціи дошли уже до крайнихъ предѣловъ. Не возможно было вѣрить въ продолженіе существованія такого растлѣннаго политическаго тѣла. Бонапартъ изъ Египта слѣдидъ за его разложеніемъ, и вида, что рѣшительная минута для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ наступила, бросилъ начальство надъ арміей и явился во Франціи. Извѣстно, что, не имѣя еще никакихъ признанныхъ правъ, онъ сталъ немедленно распоряжаться государственными дѣлами, какъ господинъ. Всѣ узнали въ немъ владыку, которому предстоитъ въ скоромъ времени овладѣть кормиломъ правленія и, водворяя новые порядки, унять броженіе общественныхъ элементовъ желѣзною рукой, и освѣтить темныя стороны быта, въ которыхъ зародились и жили разныя антисоціальныя инстинкты.

Возвращеніе Бонапарта изъ Египта и роль, которую онъ сталъ играть въ правительствѣ, отозвались въ авиньонской сектѣ. Грабленка былъ довольно проникателенъ, чтобы увидѣть, что Бонапартъ скоро будетъ хозяиномъ страны, гдѣ уже

не легко будетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, а напротивъ не трудно будетъ попасться въ большія неприятности, и даже подвергнуться опасностямъ. Поэтому царь Новаго Израила почелъ необходимымъ принять мѣры осторожности и скрыть по возможности удилки, которыя могли его компрометировать. Онъ изрекъ оракуль, повелѣвавшій закрыть храмъ. Многіе члены братства, уже убѣдившіеся въ обманѣ, но не оставлявшие его, совѣстясь открыто признаться въ своемъ легковѣріи, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться изъ общества. Оставшіеся вѣрными были созданы въ храмъ на 28 октября 1799 года. Ихъ ввелъ туда первосвященникъ, и тамъ Грабиенка объявилъ своему народу, что всѣ его члены за грѣхи свои отдаляются отъ храма на годъ, и немедленно должны выйти, потому что въ храмъ явится Господь во всей своей славѣ и можетъ поразить ихъ. Всѣ присутствовавшіе сложили у ногъ его знаки своего достоинства и, принявши его благословеніе, удалились. Грабиенка остался одинъ, и черезъ нѣсколько времени тоже вышелъ, не достигнувъ исполненія своего предсказанія. Онъ успѣлъ вовремя закрыть свой храмъ. Черезъ двѣнадцать дней, 9 ноября (18 брюмера), Бонапартъ произвелъ извѣстный переворотъ и овладѣлъ властью. Послѣ этого, авиньонскій храмъ никогда уже не отворялся.

Въ 1800 году братство дошло до нищеты, несмотря на оракулы, продолжавшіе обѣщать ему процвѣтаніе. Если не ошибаемся, въ этомъ году кончился процессъ Октавіо Капелли, тянувшійся нѣсколько лѣтъ, и въ Римѣ былъ повѣшенъ этотъ непримиримый врагъ Грабиенки, съ которымъ онъ долго велъ споры изъ самыхъ тюремъ инквизиціи. Грабиенка былъ радъ, что избавился наконецъ отъ такого безпкойнаго противника; но другаго рода заботы тревожили его. Средства къ жизни у него истощались, а кредиторы неотступно требовали уплаты долговъ. Для успокоенія ихъ, хотя на время, выдуманъ былъ оракуль, повелѣвавшій Альеру и Лейману ѣхать за деньгами въ Польшу. Совѣтъ утвердилъ это рѣшеніе, и далъ притомъ Альеру тайное порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ изыскать по дорогѣ новые пути для распространенія авиньонскаго ученія. Однако кредиторы не иначе соглашались на отсрочку и посылку Альера и Леймана, какъ подъ условіемъ, чтобы съ ними поѣхалъ общій повѣренный всѣхъ займодавцевъ Грабиенки. Это затрудняло его планы, потому что онъ очень хорошо

зналъ, что изъ Польши ему нечего получать. Отъ этого выданъ былъ новый оракулъ, по которому нужно было открыть съ Польшей письменныя сношенія, а уже по полученіи отвѣта отправить туда того, кто для этого будетъ назначенъ. Адвокатъ Вержье согласилъ займодавцевъ ждать этого отвѣта, и Грабиенка при немъ написалъ письмо въ Польшу, въ которомъ возвѣщалъ скорое свое торжество и вступленіе на польскій престолъ. Впрочемъ кредиторы желали имѣть болѣе положительныя свѣдѣнія о своемъ должникѣ. По ихъ просьбѣ, французское правительство вошло въ сношеніе съ прусскимъ и получило самый неутѣшительный для кредиторовъ отвѣтъ. Изъ него узнали они, что Грабиенка не имѣетъ кредита ни на десять червонцевъ, что у него нѣтъ никакого состоянія, что у родныхъ его имѣніе не велико и платить они за него не могутъ и не захотятъ; наконецъ, что въ Варшавѣ онъ не пользуется хорошею репутаціей, и вообще его должно опасаться.

Это извѣстіе окончательно погубило Грабиенку въ общемъ мнѣніи. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ вести въ Авиньонѣ самую несчастную жизнь, скрываясь отъ кредиторовъ, кочуя гдѣ день, гдѣ ночь, находя кое-гдѣ убѣжище и кусокъ хлѣба изъ состраданія. Дурная слава его распространилась, и самые духовные, которыхъ онъ когда-то спасалъ, возстали на него, какъ на расколоучителя. Госпожа Доттиньи также перебивалась кое-какъ. Баронъ Лефортъ попалъ за долги въ тюрьму, изъ которой впрочемъ вскорѣ выкупили его родственники.

Наконецъ, въ 1804 году, Грабиенка успѣлъ выпросить у своихъ кредиторовъ позволеніе отправиться въ Польшу. Онъ получилъ какимъ-то образомъ векселей на сумму 7900 ливровъ, наскоро собрался, и потихоньку уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ прожилъ онъ полгода, и получилъ еще денегъ отъ стараго собрата воего Пармантье, который для этого заложилъ свой домъ въ ондонѣ, бывшій послѣднимъ его имуществомъ. Съ такими средствами возвратился наконецъ Грабиенка въ отечество послѣ отсутствія, продолжавшагося почти двадцать лѣтъ.

Грабиенка имѣлъ не одну причину надѣяться, что дѣла его, съ возвращеніемъ въ Польшу и приближеніемъ къ Россіи, могутъ принять нѣсколько благопріятный оборотъ. Еще въ Авиньонѣ получилъ онъ письмо отъ Лефорта, который увѣдомлялъ его, что собирается ѣхать на сѣверъ, вооружась рекомендаціями отъ члена ихъ общества, принца Виртембергскаго. Перво-

священница секты, госпожа Доттинья, жила еще прежде въ Россіи, и увѣряла своихъ товарищей, что пребываніе ихъ тамъ можетъ быть для нихъ чрезвычайно выгодно. Она опять отправилась туда, выписанная въ гувернантку или компаньонки Натальею Федотовною Пещеевою, вдовой бывшаго члена авиньйонскаго братства Сергѣя Ивановича, отставшаго отъ него уже давно, и умершаго въ 1802 году. Госпожа Пещеева, вѣроятно, не знала подробностей авиньйонскихъ происшествій, и пригласила Доттинью по старымъ отношеніямъ покойнаго мужа. Впрочемъ Доттинья не долго оставалась въ ея домѣ и перешла къ Нарыцкіну (если не ошибаемся, къ Александру Львовичу). Дефортъ же, пріѣхавши въ Петербургъ, успѣлъ сблизиться съ г-жой Пещеевою и поселиться у нея. Не доставало въ Петербургъ только Грабіенки.

Тѣмъ временемъ онъ хлопоталъ въ Польшѣ объ устройствѣ своихъ дѣлъ. Онъ поѣхалъ къ известному богачу, генералу русской службы, графу Станиславу Францовичу Потоцкому, и успѣлъ убѣдить его помочь ему въ выкупѣ имѣнія; но эта дѣлка не состоялась, по случаю скорой кончины Потоцкаго, умершаго 14-го марта 1805 года. Но Грабіенка все-таки успѣлъ завлечь цолязу изъ помѣстій Потоцкаго. У него онъ сошелся съ сенаторомъ, графомъ Августомъ Ивановичемъ Ильинскимъ (родился 1760, умеръ 1844), который въ то время имѣлъ сильную склонность къ мистицизму, духовидѣнію и т. п. Грабіенка успѣлъ совершенно очаровать Ильинскаго, который навязалъ его другомъ своего сердца, и, чтобы помочь его стѣсненнымъ обстоятельствамъ, назначилъ ему 300 червонцевъ ежегоднаго пособія. Что касается семейныхъ обстоятельствъ Грабіенки, то, известно только, что онъ хотѣлъ сойтись съ женою, но она на это не согласилась и стала хлопотать о разводной. Грабіенка былъ въ Кіевѣ, совершилъ разныя поѣздки и находился въ постоянной перепискѣ съ Дефортомъ, бывшимъ уже въ Петербургѣ. Наконецъ онъ и самъ туда отправился подъ предлогомъ хлопотъ по дѣлу съ своею женою, которая, впрочемъ, скоро умерла.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Грабіенка прежде всего хотѣлъ сблизиться съ г-жой Пещеевою, надѣясь поддѣлаться къ ней къ стариннымъ связямъ съ ея покойнымъ мужемъ. Но онъ шель ее очень предубѣжденною противъ него. Ему удалось однако черезъ Дефорта сойтись съ довѣреннымъ лицомъ къ Пещеевой, г. Александромъ Лѣнивцевымъ, и коротко

съ нимъ сблизиться. Лѣнивцевъ былъ въ связи съ старыми масонами. Онъ успѣлъ привлечь многихъ изъ нихъ въ секту Грабіенки, очаровавшаго ихъ своими разказами о сношеніяхъ своихъ съ небомъ, бесѣдахъ съ ангелами и пр. Все это стоило ему большихъ трудовъ, но мало-по-малу онъ обольстил многихъ этими откровеніями и предсказаніями о скорой кончинѣ міра и второмъ пришествіи. Онъ увѣрялъ, что антихристу уже четырнадцать лѣтъ отъ роду, и что конецъ міра будетъ въ 1835 году. Опредѣленіе этого срока было сдѣлано въ подражаніе предсказаніямъ, которыя выводили изъ Апокалипсиса пасторъ Бенгель и Штиллингъ. Лефортъ и Доттиньи не мало способствовали распространенію въ Петербургѣ ученія Грабіенки, имѣя сношенія со многими знатными домами. Они помогали ему поддерживать въ обманутыхъ ими людяхъ вѣру въ будущее величіе Грабіенки, первымъ ознаменованіемъ котораго будетъ полученіе имъ польскаго престола, предсказанное оракулами.

Грабіенка дѣлалъ все это довольно осторожно; онъ открывалъ свое ученіе мало-по-малу, и только отуманеннымъ уже умамъ сообщалъ о догматѣ божественной четверицы и прочихъ важныхъ тайнахъ. Русскіе члены раскола не были посвящены въ братство вполнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что храмъ запертъ и должно ожидать благопріятнаго времени; ихъ только *присоединяли*. Впрочемъ актъ присоединенія заключалъ въ себѣ настоящую присягу, подтвержденную призываніемъ имени Божія и чтеніемъ его въ присутствіи трехъ членовъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ; присоединенный обязывался приобщаться всѣмъ молитвамъ и обрядамъ братства, признавать его установленіемъ Божескимъ, покоряться его законамъ и оракуламъ и т. п. Такимъ образомъ это былъ обѣтъ, имѣвшій въ сущности значеніе отреченія отъ церкви и правительства въ пользу таинственнаго учрежденія, основаннаго на произвольныхъ законахъ, духовныхъ и свѣтскихъ.

Каждый изъ присоединенныхъ дѣлалъ въ пользу братства денежный ванозъ, который поступалъ въ полное и безотчетное распоряженіе главныхъ лицъ общества. Этими средствами Грабіенка могъ жить прилично и посылать во Францію суммы, которыя шли на уплату долговъ, сдѣланныхъ имъ во время пребыванія въ Авиньонѣ.

Кредитъ начальниковъ авиньонской секты въ Петербургѣ долженъ былъ отчасти поддерживаться разказами ихъ о сноше-

низъ съ русскими масонами, которые давно уже прервали эти сношенія и умерли, слѣдовательно можно было скрывать отъ новообращаемыхъ истину, неблагоприятную для братства. Мы знаемъ уже, что С. И. Плещеевъ, умершій въ 1802 году, удалился отъ него совершенно года черезъ два послѣ своего вступленія. То же самое сдѣлалъ знаменитый фельдмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, умершій еще годомъ раньше Плещеева.

По домогательствамъ Грабенки получить польскую корону, онъ долженъ былъ привлечь въ свое общество много своихъ соотечественниковъ. Но подробности объ ихъ умыслахъ и сношеніяхъ утрачены. Отъ Русскихъ же, какъ кажется, по возможности скрывали политическіе замыслы этого рода.

Въ дѣлахъ однако сохранилась такъ-называемая «прокламація», которая заключала въ себѣ основныя правила братства, и была сообщаемая новообращаемымъ. Вотъ ея содержаніе.

«1) Общество носить имя народа Божія, или Новаго Израіля. Оно учредилось въ 1778 году, сперва въ Берлинѣ, а потомъ утвердилось въ Авиныйонѣ.

«2) Цѣль его возвѣстити, по повелѣнію Божию, второе и близкое цршество Господа Иисуса Христа и славнаго царствія Его на землѣ.

«3) Наименованіе свое приняло оно отъ самаго учрежденія своего, ибо оно учреждено не человѣками, а самимъ Богомъ, благоволившимъ открыть изволенія и планы свои о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ людямъ, наименѣе ожидавшимъ такъ милостей и даровъ, коими безпредѣльное милосердіе Его благодѣтельствовало ихъ. Такимъ образомъ, бывъ учреждены, они не могутъ иначе почитать себя, какъ его народомъ, Новымъ Израилемъ, и само Небо ихъ такъ называть.

«4) Подъ словомъ «небо» разумѣютъ они все царство небесное, всѣ посредствующія существа между человѣкомъ и Богомъ: ангеловъ, архангеловъ и святыхъ (кроме стихійныхъ и страстныхъ духовъ, которые сюда не входятъ), которые находятся въ сношеніяхъ съ ними и сообщаютъ имъ опредѣленія небесныя.

«5) Сіе сношеніе или сообщеніе называютъ они корреспондиціей съ небомъ, которая состоитъ въ словѣ или голосѣ, слышимомъ и внѣшномъ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, въ видѣніяхъ и откровеніяхъ пророческихъ. При семъ не только

ангелы и святые и отъ міра отшедшія блаженныя души, но и самъ Господь иногда является и говоритъ съ ними, въ чемъ объявляющій сіе увѣряетъ честію, вѣрой и совѣстью своею, яко самъ то испытывшій.

«6) Сія корреспонденція посредствомъ правилъ и наставленій, данныхъ о томъ самимъ небомъ, такъ для нихъ удобна, что они могутъ дѣлать вопросы и получать отвѣты о самыхъ даже маловажнѣйшихъ повидимому вопросахъ, имѣя къ тому такъ-называемыя малыя и большія средства и ключи высшей науки.

«7) Общество сіе, будучи нечеловѣческое изобрѣтеніе, управляется не человѣками, а оною корреспонденціей. Ни одинъ членъ ни вступить въ оное, ни остаться въ немъ не можетъ безъ явнаго на то соизволенія небесъ. Но безконечная благодать Господа, хотящаго всемія спасти и учредившаго сей новый свой народъ для блага всего человѣческаго рода, не отказывается въ сей милости никому, приходящему съ чистымъ и прямымъ желаніемъ истины и твердою рѣшимостью служить Богу и ближнему. Придетъ время, что и все добрыя сообщества и добрые люди присоединятся къ сему новому Израилю, когда именно надобно будетъ рѣшиться изъ двухъ на одно: или стать подъ знамена Иисусовы, или пристать къ сторонѣ его противника.

«8) Но какъ всякій человѣкъ безъ высшей помощи подверженъ заблужденіямъ и обману, можетъ иногда ангела лжи принять за ангела истины, то милосердіе Божіе похлохъ и о семъ и, дабы соблюсти ихъ отъ ошибокъ, оградило ихъ особенными способами къ испытанію духовъ и всякаго слова, видѣнія и откровенія, такъ что имъ вовсе невозможно погрѣшить въ семъ случаѣ, если не нарушены будутъ правила, данныя имъ на то самимъ небомъ, за строгимъ наблюденіемъ которыхъ, составляющимъ главнѣйшее преимущество общества, начальники общества бдѣтъ неусыпно.

«9) На сей конецъ учреждено у нихъ особое отдѣленіе или департаментъ, называемый «Соборъ пророковъ», состоящій изъ людей, избранныхъ и утвержденныхъ самимъ небомъ, черезъ который непременно должно пройти всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго испытано и очищено отъ всякаго чуждаго примѣненія темперамента, или частнаго свойства, объявляющаго оное члена. Сверхъ сего, рѣшеніе самаго собора представляется еще на утверженіе небу, и по утверженіи уже

сего небомъ, видѣнiе, откровенiе или слово объявляется въ народъ Божию за справедливое и вѣрное.

(10) При сихъ предохранительныхъ средствахъ и при томъ вѣрномъ руководствѣ, общество сие безъ всякой хвастливости или надменности можетъ сказать о себѣ, что оно обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженiю истины, какъ въ отношенiи духовномъ и нравственномъ, такъ и физическомъ. Всѣ знанiя шивеличайшiя, всѣ таинства несовершеннѣйшiя оному открыты и легко открыты быть могутъ. Оно есть действительнѣйшее орудiе въ рукахъ Провидѣнiя къ уготовленiю смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося наконецъ царствiя Божiя.

(11) Члены сего общества нынѣ разсыяны по разнымъ землямъ, по повелѣнiю Небесъ, для положенiя основанiя народу Божию вездѣ, гдѣ найдутся души, возбужденныя благодатию. Объявляющiй сие получилъ повелѣнiе ѣхать для сего въ Россiю и именно въ Петербургъ.

(12) Сiя свѣдѣнiя даются вамъ (новообращаемому), яко любителю истины, ищущему ея съ чистымъ намѣренiемъ. Дальнѣйшiя подробности принадлежатъ уже членамъ народа Божiя, Новаго Израиля, и тѣмъ, которые прямо и надлежащимъ образомъ присоединены къ оному будутъ, въ чемъ не должно сомнѣваться о всякомъ истинномъ почитателѣ Богочеловѣка Иисуса, которые всѣ рано или поздно непременно соединятся съ симъ народомъ, дабы составить одно стадо подъ однимъ пастыремъ.

Предоставляемъ читателямъ произнести сужденiе объ этомъ любопытномъ документѣ, который еще ярче характеризуется, когда вспомнишь похождения учредителей общества. Замѣтимъ только, что главные религиозна и политическiя химеры секты вовсе не упоминаются въ этой прокламацiи, изъ которой новообращаемый ничего не узнавалъ о четверицѣ, е видахъ Грабiенки на польскую корону и прочихъ главныхъ цѣляхъ и догматахъ братства.

Намъ неизвѣстно, сколько именно времени продолжали Грабiенка и его товарищи распространять въ Петербургъ свою секту. Если не ошибаемся, она была открыта около 1808 или 1809 года. Дѣйствiя Грабiенки не могли остаться тайной, и уже нѣсколько времени подозрѣвали и слѣдили. Можетъ быть, какой-нибудь неудачно выбранный адептъ выдалъ тайну съ умысломъ или по легкомыслию. Говорятъ, что Грабiенка

догадывался, что за нимъ присматриваютъ, и успѣлъ обратить въ свою секту агента, которому порученъ былъ надзоръ за нимъ. Этому онъ былъ обязанъ тѣмъ, что успѣлъ истребить многія неблагопріятныя для него бумаги, когда велѣно было его арестовать. Нѣкоторые другіе документы были сожжены имъ еще въ Авиньонѣ, будто бы по повелѣнію оракула.

При изслѣдованіи, Грабленка ссылался преимущественно на свою прокламацію, отрицалъ то, чтобы слово «царь» имѣло прямое значеніе, и заирался въ исканіи польскаго престола; онъ также не признавался въ изреченіи враждебныхъ для Россіи оракуловъ и называлъ себя ревностнымъ католикомъ. Все это было несправедливо, что доказывалось оставшимися у него бумагами.

Грабленка умеръ подъ стражей. Дѣло о его сообщникахъ, кажется, потушили, и для большей части ихъ оно не имѣло послѣдствій.

Мы видѣли, что тѣ изъ мартинистовъ школы Новикова, которые случайно вошли въ сношенія съ авиньонскимъ братствомъ, немедленно отстали отъ него, видя нелѣпости, которыми постепенно обогащалось его ученіе. Это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ насъ въ мысли, что общество Новикова было чуждо тѣхъ незаконныхъ стремленій, которые господствовали въ нѣкоторыхъ европейскихъ братствахъ того времени, извратившихъ масонское ученіе въ самыя безобразныя системы. Стоитъ впрочемъ только сравнить дѣйствія московскаго «дружескаго ученаго общества» и «типографической компаніи» съ исторіей «Новаго Израиля», чтобы увидѣть эту разницу. Въ первомъ—глубокая религіозность, чистая нравственность, любовь къ человечеству и истинному просвѣщенію, и все это обращено въ дѣло. Во второмъ—корыстолюбіе, безнравственность, невѣжество, отсутствіе религіозныхъ понятій, и одни слова и пустые обряды для привлеченія протекторовъ, которыхъ избираютъ для личныхъ выгодъ.

Ничего не можетъ быть опаснѣе страсти проникнуть въ тѣ тайны, которыя не доступны пытливому уму человѣка. Кто увлекается ею, тотъ уже подготовленъ къ подчиненію себя первому авторитету, который встрѣчается ему на этомъ пути,

и, разумеется, почти всегда попадаетъ на ловкаго шарлатана и безсовѣстнаго обманщика. Легковѣрный втягивается въ дѣло, вѣра его успѣху; онъ очнется только тогда, когда зашелъ уже слишкомъ далеко. Понятія его объ истинѣ и джи смутываются, отстать отъ начатаго не имѣетъ онъ силы, а иногда даже и возможности, и самъ становится такимъ, что прежде его устрашила бы одна мысль о такой метаморфозѣ своей личности.

Дѣла, въ родѣ дѣла Грабѣнки, обыкновенно бываютъ тайной для современниковъ; многіе и не подозрѣваютъ о союзахъ подобнаго рода, которые существуютъ однако, такъ-сказать, бока-о-бокъ съ обществомъ, въ которомъ они живутъ. Слова Екатерины II, выставленныя эпиграфомъ къ нашей статьѣ, совершенно вѣрны. Мы будемъ счастливы, если чтеніе нашего разказа остановить хоть одинъ молодой, неопытный умъ отъ опасныхъ обольщеній и напомнить ему ту границу, которая поставлена разуму человѣка самимъ Провидѣніемъ, и которую преступить не дано никому, не взирая на вѣковыя усилія многихъ людей.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.

17 мая, 1860 года.

АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ¹

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

II.

The knowledge of the criminal law is indisputably one of the most important subjects which can engage the human understanding; for no one, no elevation in life, no upright heart, no prudence or circumspection of conduct, should tempt a man to conclude that he may not, at some time or other, be deeply interested in these researches (2).

(Sir Michael Foster.)

Upon the wise formation and structure, the enlightened interpretation and the upright execution of the criminal laws — depend the liberty of the nation, as well as the safety and happiness of each individual (3).

(M. Justice Day).

Въ последнемъ письмѣ своемъ изъ Лондона, я представилъ краткій очеркъ судоустройства въ Англии вообще и устрой-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

(2) Изученіе уголовныхъ законовъ есть конечно одинъ изъ главныхъ предметовъ, который долженъ занимать собою человѣческое разуміе; потому что никакое положеніе или званіе, никакая чистота сердца, никакая осторожность или предусмотрительность въ поведеніи, не должны обольщать человѣка увѣренностію, что рано или поздно онъ не будетъ глубоко заинтересованъ въ этихъ изслѣдованіяхъ.

(3) Отъ мудраго устройства, просвѣщеннаго истолкованія и правнаго исполненія уголовныхъ законовъ, зависятъ свобода націи и благополучіе каждаго отдѣльнаго лица.

ства *высшихъ судовъ общаго закона* въ особенности. Такъ какъ суды эти разсматриваютъ преимущественно судебныя гражданскія дѣла, то я ограничился описаніемъ преній лишь по дѣламъ этого рода.

Въ настоящемъ письмѣ я постараюсь представить очеркъ *странствующихъ судовъ* (circuits) и *низшихъ судовъ* (inferior courts of common law) Англии и укажу на способъ производства *уголовныхъ дѣлъ*.

Въ последнемъ письмѣ я имѣлъ случай замѣтить, что низшихъ судовъ въ Англии считается шестьдесятъ (county courts). Ведомству этихъ судовъ подлежатъ исключительно судебныя гражданскія дѣла, въ коихъ предметъ иска не свыше 50 фунтовъ стерлинговъ (320 р. с.). Если предметъ иска не превышаетъ 20 фунтовъ, то рѣшеніе суда бываетъ *окончательное*. Въ противномъ случаѣ недовольная сторона имѣетъ право обжаловать рѣшеніе суда одному изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона, или суду *низи-приусъ* (Nisi Prius), временно засѣдающему въ округахъ Англии. Судьи низшихъ судовъ назначаются лордомъ-канцлеромъ, и могутъ быть отставляемы отъ должности по неспособности и другимъ причинамъ.

Уголовныя дѣла, возникающія въ округахъ Англии и имѣющія предметомъ проступокъ, или маловажное преступленіе (misdemeanor) подлежатъ разсмотрѣнію суда *генеральныхъ четвертныхъ засѣданій*, составляемаго изъ мировыхъ судей и собирающагося въ каждомъ округѣ четыре раза въ годъ.

Мировой судья округа назначается королевой по предствленію лорда-канцлера (writ under the great seal) и можетъ быть смѣненъ или оставить свою должность не иначе какъ по confirmации королевы. Мировой судья долженъ имѣть не менѣе 100 фунтовъ годоваго дохода съ чистой поземельной собственности, и не можетъ исправлять притомъ никакихъ другихъ общественныхъ обязанностей. Обязанности мирового судьи весьма разнообразны, но главная изъ нихъ опредѣляется его названіемъ и состоитъ въ наблюденіи за спокойствіемъ или миромъ въ округѣ (conservation of the peace in the county).

Рѣшеніе суда четвертныхъ засѣданій приводится въ исполненіе или немедленно, или можетъ быть отложено, *по усмотрѣнію суда*, въ сомнительныхъ случаяхъ, или по другимъ причинамъ (as the Court think fit).

Уголовныя дѣла, возникающія въ округѣ и имѣющія предметомъ преступленіе большей важности (*felony, crime, treason*), подлежатъ разсмотрѣнію суда ассизовъ, объѣзжающаго всѣ округи Англіи два или три раза въ годъ.

Въ Лондонѣ дѣла этого рода разсматриваются, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ *центральному уголовному суду*.

На приговоры всѣхъ вышеозначенныхъ судовъ допускается въ извѣстныхъ случаяхъ аппелляція, или *writ of error, аппелляціонному уголовному суду*, учрежденному въ 1848 (*Court of Criminal Appeal*), или одному изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона (*Королевской Скамьи*), или наконецъ верховному суду, то-есть палатѣ лордовъ (1).

Способъ разсмотрѣнія или производства уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ судахъ Англіи совершенно одинаковъ, и имѣетъ очень много общаго со способомъ разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ.

Въ центральномъ уголовномъ судѣ Лондона и въ странствующемъ, или ассизномъ судѣ, уголовное дѣло разсматривается всегда *однимъ судьей и присяжными*.

При открытіи ежемѣсячныхъ засѣданій центральнаго суда присутствуютъ лордъ-меръ, шерифъ и алдермены, но они выслушиваютъ только отчетъ о ходѣ уголовныхъ дѣлъ въ Лондонѣ и не принимаютъ участія въ разрѣшеніи существа дѣла.

Я находился при открытіи этого суда, 9 іюля настоящаго года.

Лордъ-меръ и алдермены въ красныхъ мантияхъ съ бобровыми обшлагами, и шерифъ въ парадной формѣ, придавали засѣданію чрезвычайно торжественный видъ; но процессъ о воровствѣ, которымъ началось засѣданіе, не представлялъ ни

(1) *Writ of error, или аппелляцію* по уголовнымъ дѣламъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ *аппелляціей*, допускаемою въ гражданскихъ дѣлахъ. Аппелляція приносится на рѣшеніе гражданского суда и касается большею частію существа рѣшенія; тогда какъ *writ of error* приносится исключительно на нарушеніе формъ или обрядовъ судопроизводства, или въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый имѣетъ доказательства тому, что факты, принятые судомъ, не соотвѣтствуютъ истинѣ; такъ напримѣръ, если обвиненный въ преступленіи (*felony*) представить доказательство, что онъ совершилъ только проступокъ (*misdemeanor*), то-есть еслибы напримѣръ обвиненный въ убійствѣ представлялъ доказательство, что онъ совершилъ воровство.

наибольшаго интереса. Притомъ, черезъ два часа послѣ начала процесса, обнаружилась ошибка въ названіи одного изъ присяжныхъ, почему судья объявилъ, что все дѣло должно быть пересмотрѣно вновь. Я не имѣлъ достаточно терпѣнія, чтобы выслушать вторично показанія спрошенныхъ уже свидѣтелей, и потому вышелъ изъ суда, не дождавшись другихъ процессовъ.

На другой день я уѣхалъ изъ Лондона въ Гертфордъ, и такимъ образомъ пропустилъ остальные засѣданія центральнаго суда.

Впрочемъ, въ іюльскихъ засѣданіяхъ этого суда не было, какъ видно изъ *Times*, ни одного интереснаго дѣла и напротивъ того самыя важныя уголовныя дѣла какъ будто нарочно приготовлены были, во всѣхъ округахъ Англій, для странствующихъ судовъ.

Я упомянулъ еще въ предыдущемъ письмѣ, что въ Англійи восемь главныхъ судебныхъ округовъ, которые называются *Circuits* (*Home, Norfolk, Midland, Northern, N. Wales, S. Wales, Western* и *Oxford*): Я былъ только въ двухъ округахъ, именно: въ *Home Circuit*, въ городѣ Гертфордѣ, и въ *Оксфордскомъ* округѣ, въ городѣ Оксфордѣ, и имѣлъ случай присутствовать при разрѣшеніи нѣсколькихъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ.

Но прежде описанія этихъ процессовъ и устройства странствующихъ судовъ, считаю необходимымъ представить самый краткій очеркъ судебной процедуры въ Англійи по уголовнымъ дѣламъ.

Я выше замѣтилъ, что уголовныя дѣла разсматриваются во всѣхъ судахъ почти въ томъ же порядкѣ, какъ и гражданскія, но дѣйствія, предшествующія сужденію уголовного процесса, имѣютъ свой особенный, оригинальный характеръ.

Уголовный процессъ въ Англійи раздѣляется на пять главныхъ частей:

1. *Арестъ* лица, подозрѣваемаго въ преступленіи (*Arrest of the person of the delinquent*). Арестъ производится въ округахъ Англійи по предписанію (*warrant*) мирового судьи. Приказаніе арестовать, исходящее отъ главнаго судьи (*Lord Chief Justice*), или другаго судьи вышшаго суда, Королевской Скамьи, распространяется на всю Англійю.

Но приказаніе мирового судьи одного округа арестовать лицо, находящееся въ другомъ округѣ, не можетъ быть

дѣйствительно, если актъ объ арестѣ не подписанъ мировымъ судьей этого послѣдняго округа.

Впрочемъ *шерифъ* (*sheriff*), *коронеръ* (*coroner*) (1), и даже частныя лица имѣютъ не только право, но и обязаны подъ опасеніемъ строжайшей ответственности арестовать преступника, уличеннаго на мѣстѣ преступленія, не дожидаясь особаго приказанія или разрѣшенія.

Немедленно послѣ ареста, мировой судья или шерифъ обязаны допросить обвиняемаго и рассмотреть сущность обвиненія. Если обвиненіе покажется имъ неосновательнымъ, *groundless*, то обвиняемый долженъ быть немедленно освобожденъ отъ ареста. Въ противномъ случаѣ, обвиняемый долженъ быть заключенъ въ тюрьму, *committed*, или обязанъ представить поручительство, *give bail*, въ томъ, что явится къ первому засѣданію уголовного суда. Обвиняемый подвергается тюремному заключенію или отдается на поруку, смотря по роду обвиненія и большей или меньшей достовѣрности въ совершеніи преступленія. Ответственность въ случаѣ несправедливаго ареста, или неправильнаго освобожденія виновнаго, лежитъ исключительно на лицѣ, по приказанію котораго арестъ совершенъ или обвиняемый освобожденъ.

II. Вторую часть, уголовнаго процесса въ Англии составляетъ *письменное обвиненіе* противъ подозрѣваемаго лица, представляемое большому джюри, *indictment or written accusation*

(1) Въ послѣдствіи я надѣюсь поговорить подробнѣе о муниципальномъ учрежденіи Англии. Теперь же я ограничусь только замѣчаніемъ, что *шерифъ* есть учрежденіе глубокой древности, и возникъ прежде народомъ. Но злоупотребленія, совершенныя шерифами, принудили правительство къ назначенію этихъ лицъ собственною властію. Шерифъ есть высшее административное учрежденіе въ округѣ. Онъ исправляетъ свою должность только одинъ годъ, и можетъ опять занять ее не прежде какъ черезъ два года послѣ перваго срока. На шерифѣ лежитъ обязанность собирать большой присяжный судъ (*grand jury*) и приводить въ исполненіе судебныя приговоры. Въ Лондонѣ, по особой привилегіи, шерифы избираются городомъ (въ Сити два и въ Миддлсексѣ—одинъ). Въ помощь шерифу назначается *under-sheriff*.

Коронеръ (*coroner*) избирается мѣстными жителями и отправляетъ должность *пожизненно* (*for life*), но можетъ быть отставленъ правительствомъ по неспособности и другимъ причинамъ. Число коронеровъ въ каждомъ округѣ неопредѣленно; въ некоторыхъ округахъ бываетъ шесть коронеровъ, а въ другихъ только три. Обязанности коронера состоятъ почти исключительно въ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ и производствѣ слѣдствій по всѣмъ случаямъ скоростипижной смерти.

against the accused to the grand jury. Большое джюри собирается в каждом округѣ шерифомъ и состоитъ не менѣе какъ изъ 12 и не болѣе 23 почтенныхъ гражданъ (*good and lawful men*). Если большое джюри находитъ обвиненіе неосновательнымъ, то дѣлаетъ на актѣ обвиненія надпись: «*несправедливый актъ*» (*not a true bill* или *not found*). Въ противномъ случаѣ дѣлается надпись: «*справедливый актъ*» (*a true bill*), но для этого надо согласіе не менѣе двѣнадцати присяжныхъ. Такимъ образомъ въ Англіи никто не можетъ быть обвиненъ въ капитальномъ преступленіи, *capital charge*, безъ приговора 24 его согражданъ, то-есть большинства большого джюри, признающаго обвиненіе основательнымъ и единственнымъ заключеніемъ малаго джюри (12 человекъ), признающаго обвиняемаго виновнымъ, или невиннымъ (1).

III. Третья часть уголовного процесса заключается *въ допросъ обвиняемаго въ судѣ* (*arraignment of the prisoner, or calling him to the bar of the court*).

IV) Четвертая часть процесса состоитъ въ *приговорѣ суда* (*judgment*).

Эти двѣ части уголовного процесса почти совершенно совпадаютъ со способомъ разсмотрѣнія гражданского процесса, о чемъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Въ этомъ отношеніи существенное различіе между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ состоитъ въ томъ, что мѣсто истца (*plaintiff*) въ уголовномъ дѣлѣ занимаетъ *адвокатъ, преслѣдующій преступленіе и защищающій интересы общества* (*counsel for the prosecution*) или *генеральный атторней* (*attorney general*).

Обвиняемаго приводятъ въ судъ безъ оковъ и цѣпей, и застѣнувъ отпрысывается чтеніемъ обвинительнаго акта. После того клеркъ спрашиваетъ обвиняемаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, или нѣтъ. Если обвиняемый признаетъ себя виновнымъ, то суду не остается болѣе ничего дѣлать, какъ примѣнить законъ къ факту. Но на практикѣ этого никогда не бываетъ, и вопросъ, предлагаемый подсудимому, составляетъ только остатокъ древней формальности, которою начинаются сѣнны.

(1) Въ последнее время были, какъ извѣстно, предпринимаемы попытки къ уничтоженію большого джюри, какъ излишней формальности. Попытки эти, признанныя посягательствомъ на одно изъ священнѣйшихъ конституційныхъ правъ народа, были отвергнуты общественнымъ мнѣніемъ и парламентомъ.

Послѣ объявленія подсудимаго о своей невинности, его спрашиваютъ, имѣеть ли онъ причины къ отводу кого-нибудь изъ присяжныхъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, клеркъ приводитъ каждого изъ присяжныхъ поочереднѣ къ присягѣ. Онъ обращается къ каждому изъ присяжныхъ, и къ каждому свидѣтелю, съ вопросомъ, который я такъ часто слышала, что помню его наизусть: «*Will you swear, спрашиваетъ клеркъ присяжнаго, truly to try and true delivery make, between our Sovereign Lady the Queen and the prisoner at the bar, and a true verdict to give, according to the evidences?*» (Клянетесь ли вы вѣрно разобратъ и вѣрно порѣшить между нашею государынею королевою и арестантомъ и дать вѣрный приговоръ, согласно съ доказательствами?) Обращаясь къ свидѣтелю, клеркъ говоритъ: *Will you swear between our Sovereign Lady the Queen and the prisoner at the bar to tell the truth, the whole truth, and nothing but truth and so help you God?* (Клянетесь ли вы въ дѣлѣ между нашею государынею королевою и арестантомъ, сказать истину, всю истину, и только истину, и такъ да поможетъ вамъ Богъ?) Затѣмъ присяжный или свидѣтель молча цѣлуетъ Евангеліе, и этимъ заключается обрядъ присяги.

Система *допроса* (examination) и *передопроса свидѣтелей* (cross examination) совершенно одинакова, какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ процессѣ.

Адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, предлагаетъ вопросы сообразно съ данными, которыя онъ имѣеть для обвиненія, а, напротивъ, адвокатъ подсудимаго, дѣйствуетъ конечно въ видахъ его оправданія.

Послѣ допроса, адвокатъ подсудимаго говоритъ защитительную рѣчь, а адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, въ иныхъ случаяхъ возражаетъ ему. Но послѣднее слово принадлежитъ всегда подсудимому, то-есть его адвокату, который приводитъ доказательства хорошаго поведенія, доброй нравственности, или вообще какія-нибудь смягчающія, вину подсудимаго обстоятельства.

Затѣмъ судья дѣлаетъ *высрѣдъ* изъ всего предыдущаго, *the judge sits up*, какъ и въ гражданскомъ процессѣ, объясняетъ присяжнымъ въ чемъ состоитъ, по его мнѣнію, вопросъ факта, и какой законъ долженъ быть къ нему примѣненъ.

По выслушаніи судьи, присяжные удаляются для совѣщанія, и возвращаются послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени съ приговоромъ, о *виновности* (guilty) или *невинов-*

ности (not guilty) подсудимаго. Приговоръ присяжныхъ долженъ быть непременно *единогласный*, иначе, то-есть въ случаѣ разныхъ мнѣній, присяжные распускаются (the jury is discharged), и дѣло разсматривается вновь, съ другими присяжными.

Если присяжные признають обвиняемаго невиновнымъ, то онъ немедленно освобождается отъ заключенія. Въ противномъ случаѣ обвиняемый признается *преступникомъ* (convicted), и судья примѣняетъ, по своему усмотрѣнію, законъ къ факту (judgment). Хотя присяжные, признавая подсудимаго виновнымъ, и объявляютъ иногда притомъ смягчающія вину обстоятельства, или просятъ оказать ему милосердіе (recommend to mercy), но судья этимъ нисколько не стѣсняется и можетъ примѣнить наказаніе исключительно по своему усмотрѣнію. Въ этомъ заключается, между прочимъ, одно изъ существенныхъ различій между французскимъ и английскимъ судомъ присяжныхъ.

У. Наконецъ послѣднюю ступень въ уголовномъ процессѣ Англіи составляетъ *исполненіе* приговора суда (execution), которое совершается, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, шерифомъ или его помощникомъ.

Право помилованія принадлежитъ исключительно королевской власти и объявляется или по собственному усмотрѣнію королевы или ея совѣтниковъ (pardon), или по особому ходатайству судьи (reprieve).

Изъ этого краткаго очерка уголовного процесса Англіи легко можно вывести заключеніе, до какой степени обезпечены въ этой странѣ права каждаго члена общества на личное спокойствіе и независимость, и какія существенныя гарантіи принимаются для того, чтобы по какому-нибудь несчастному случаю не обвинить въ преступленіи лицо невиновное.

Поэтому въ Англіи едва ли возможенъ случай приговора къ казанію лица невиннаго вмѣсто дѣйствительнаго виновника преступленія, какъ это было недавно въ одномъ изъ городовъ Франціи (1).

Послѣ первоначальнаго изслѣдованія мирового судьи и шерифа, послѣ признанія большимъ джюри обвиненія основательнымъ,

(1) Случай этотъ подробно описанъ въ *Журналѣ Министерства Юстиціи* за май 1860 года.

и наконецъ послѣ единогласнаго приговора двѣнадцати присяжныхъ малаго джюри, кажется, что послѣ всего этого, при всемъ несовершенствѣ человѣческой природы, едва ли возможна грубая и страшная ошибка въ приговорѣ.

Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что въ Англии слѣдуютъ тому гуманному правилу, которое выражено было нашею великою законодательницей: лучше десять виновныхъ освободить чѣмъ одного невиннаго приговорить къ наказанію.

Притомъ въ Англии во все время процесса, до самаго приговора, на подсудимаго смотрятъ болѣе какъ на человѣка невиннаго, и этимъ объясняется необыкновенная снисходительность въ обращеніи судьи и полицейскихъ властей съ подсудимымъ. Подсудимый, утрачивая временно драгоценное право свободы, не теряетъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ правъ на уваженіе его человѣческаго достоинства. Права эти пресѣкаются только съ приговоромъ, отдѣляющимъ преступника отъ общества и лишаящимъ его не тольکو чести и свободы, но въ иныхъ случаяхъ и самой жизни.

Въ прежнее время мнѣ очень часто случалось слышать и читать отзывы иностранцевъ о необыкновенномъ вліяніи, которое имѣетъ въ Англии судья на присяжныхъ. Я едва не усвоилъ себѣ понятія, что англійскій судья нѣчто въ родѣ турецкаго султана, а присяжные—покорные его рабы. Но къ счастью я еще вовремя пріѣхалъ въ Англию и имѣлъ случай лично убѣдиться въ томъ, до какой степени мнѣніе это несправедливо.

Судья въ Англии дѣйствительно пользуется, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить въ предыдущемъ письмѣ, огромною властью, но власть эта выражается исключительно въ примѣненіи закона къ факту и, конечно, не распространяется на присяжныхъ. Онъ дѣлаетъ только выводъ изъ обстоятельствъ дѣла, и выражая косвеннымъ образомъ мнѣніе свое по вопросу факта, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣшую или меньшую степень вѣроятія въ совершеніи подсудимымъ преступленія.

Но въ какой степени присяжные стѣсняются мнѣніемъ судьи, можно будетъ видѣть изъ того замѣчательнаго процесса, въ которомъ я присутствовалъ въ Гертфордѣ, и который будетъ описанъ мною въ послѣдствіи. Можно положительно сказать, что англійскіе присяжные дѣйствуютъ безусловно по собственному убѣжденію, не стѣняясь ни мнѣніемъ судьи, ни рѣчами адвокатовъ.

Самая цѣль дѣлаемаго судьей вывода состоитъ вовсе не въ

томъ, чтобъ убѣдить присяжныхъ въ извѣстномъ мнѣніи, но единственно въ томъ, чтобы разъяснить имъ темную сторону дѣла и показать, какой законъ долженъ быть примѣненъ къ преступленію, въ случаѣ если они признають его дѣйствительностью.

Между присяжными, выбираемыми по жребію, могутъ встрѣтятся люди или вовсе не знакомые или по крайней мѣрѣ мало знакомые съ законами страны своей. За нѣкоторыя, повидимому весьма незначительныя преступленія, законъ опредѣляетъ иногда весьма строгое наказаніе, почему судья обязанъ разъяснить присяжнымъ, какой результатъ долженъ или можетъ произойти вслѣдствіе признанія или отрицанія ими дѣйствительности извѣстнаго факта.

Въ подтвержденіе выраженнаго мною мнѣнія о сущности дѣлаемаго судьей вывода, сошлюсь на авторитетъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Англіи. Будучи защитникомъ двухъ подсудимыхъ по одному весьма важному процессу, Эрскинъ (1), въ заключеніе защитительной рѣчи, обратился къ присяжнымъ съ слѣдующими замѣчательными словами: «Присяжные, сказалъ онъ, должны всегда со вниманіемъ и уваженіемъ выслушивать мнѣніе судьи, но они обязаны разсмотрѣть это мнѣніе такъ же строго, какъ и мнѣніе адвоката. Присяжные не могутъ и не должны забывать, что судья такой же человѣкъ, какъ и они сами, и потому, конечно, не изъять отъ несовершенствъ человѣческой природы. Я говорю это не для того, заключилъ Эрскинъ, чтобы внушить вамъ недоувѣріе къ тому объясненію, которое будетъ дано вамъ благороднымъ и ученымъ судьей, отличающимся своимъ безпристрастіемъ (2), но для того, чтобы предохранить васъ отъ всякаго увлеченія.»

Независимо отъ всего, что я сказалъ о характерѣ англійскаго уголовнаго суда, нельзя не замѣтить, что въ Англіи нѣтъ той постоянной и упорной борьбы, которая существуетъ въ другихъ странахъ Европы между обвинителемъ и защитникомъ подеудимаго. Я былъ свидѣтелемъ подобной борьбы въ Пруссіи и Бельгіи, и знаю по журналамъ о ея существованіи во Франціи.

(1) Erskine's defence of Perry and Lambert.

(2) Лордъ Кеніонъ (Lord Kenyon).

Въ этихъ государствахъ, прокуроръ и защитникъ подсудимаго большею частію находятся въ отношеніяхъ личной неприязни. Причина этой неприязни весьма понятна. Прокуроръ обязанъ по закону непременно доказывать виновность подсудимаго, хотя онъ иногда и не имѣетъ такого убѣжденія.

Въ случаѣ оправданія подсудимаго, прокуроръ *прожигается дѣло*, и если это случается часто, то самолюбіе его страдаетъ, и кромѣ того онъ можетъ утратить довѣріе къ нему правительства.

Между тѣмъ въ Англіи представитель государства, то-есть *attorney, general* или адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, *counsel for the prosecution*, обнаруживаютъ только тѣ обстоятельства, которыя, по ихъ мнѣнію, служатъ бѣльшимъ или меньшимъ доказательствомъ совершенія преступленія, и настаиваютъ на обвиненіи только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ убѣжденіе въ виновности подсудимаго.

Затѣмъ судья дѣлаетъ выводъ всѣмъ вообще обстоятельствамъ дѣла, и такимъ образомъ присяжные имѣютъ передъ собою возможно-полную истину.

Въ Англіи судья пользуется всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и потому общество считаетъ совершенно излишнимъ учреждать особаго опекуна, извѣстнаго въ другихъ странахъ Европы подъ названіемъ *прокурора*.

Наконецъ въ англійскомъ уголовномъ процессѣ нѣтъ той возмутительной инквизиціи, которая производится во Франціи судьей надъ обвиняемымъ. Допросъ подсудимаго не допускается въ Англіи. Только въ случаѣ крайней необходимости судья обращается съ вопросомъ къ самому подсудимому, но большею частію онъ не только не заставляетъ его говорить, а даже приглашаетъ хранить молчаніе, если подсудимый собственнымъ показаніемъ некстати содѣйствуетъ обвиненію.

Законъ предоставляетъ всю тяжесть доказательствъ обвинителямъ и не допускаетъ подсудимаго безсознательно налагать на себя руку.

Эта система предотвращаетъ возможность вызвать подсудимаго на разнорѣчивыя показанія, которыя могутъ погубить его, несмотря на его невинность.

IV.

To the ambulatory administration of justice we have owed the uniformity of our common law, which would otherwise have been split into a multitude of local customs; and we still owe to it the assurance, which is felt by the poorest and most remote inhabitant of England that his right is weighed by the same incorrupt and acute understanding, upon which the decision of the highest questions is reposed (1). (*Hallam.*)

Я выше замѣтилъ, что въ судебномъ отношеніи Англія раздѣлена на 8 главныхъ округовъ. Обѣзды совершаются предсѣдателями (Lords Chief Justices, Chief Baron) и судьями (Judges) 3-хъ высшихъ судовъ общаго закона, за исключеніемъ одного судьи, остающагося въ Лондонѣ для разрѣшенія дѣлъ текущихъ, то-есть всего четырнадцатью судьями.

Въ каждый округъ отправляются двое судей за исключеніемъ двухъ округовъ герцогства Валлійскаго, для которыхъ одинъ судья считается достаточнымъ.

Въ остальныхъ шести округахъ оба судьи засѣдаютъ одновременно: одинъ въ уголовномъ судѣ (Court of Assizes) и другой въ гражданскомъ судѣ (Court at Nisi Prius).

Судья, предсѣдательствовавшій въ уголовномъ судѣ одного города округа, засѣдаетъ въ слѣдующемъ городѣ въ гражданскомъ судѣ, и обратно.

(1) Учрежденію странствующаго суда мы обязаны единствомъ нашихъ законовъ, которые въ противномъ случаѣ раздробились бы на множество мѣстныхъ правилъ; этому учрежденію мы также обязаны тѣмъ, что самый бѣдный и самый отдаленный житель Англіи ободренъ увѣренностію, что его права взвѣшиваются на тѣхъ же точныхъ и неподкупныхъ вѣсахъ, на которыхъ зиждется разрѣшеніе самыхъ важныхъ судебныхъ вопросовъ. *Hallam*, авторъ сочиненія: *History constitution of England 2 Middle Ages*, p. 463 (5-th edit.).

Судья, председательствующій въ уголовномъ судѣ, облачается въ пурпуровую мантию, но въ гражданскомъ трибуналѣ суды сохраняютъ свою обыкновенную одежду.

Обыкновенно объезды продолжаются не болѣе одного мѣсяца. Въ настоящемъ году они начались 4 іюля и должны кончиться 11 августа.

Я выше замѣтилъ, что я былъ только въ двухъ судебныхъ округахъ, именно сперва въ ближайшемъ къ Лондону округѣ (*Home Circuit*), въ городѣ Гертфордѣ, и потомъ въ Оксфордскомъ округѣ, въ городѣ Оксфордѣ.

Въ печатномъ листкѣ о времени и мѣстахъ объезда было означено, что судъ ассизовъ будетъ открытъ въ Гертфордѣ 10 іюля. Поэтому я выѣхалъ изъ Лондона 10-го іюля съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги и пріѣхалъ въ Гертфордъ въ 11 часовъ утра.

Гертфордъ маленькій, но хорошенькій городокъ, отличается необыкновенною чистотой и имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти улицъ. Въ этотъ день городъ имѣлъ совершенно праздничный видъ. Толпы народа бродили по улицамъ; мужчины въ черныхъ костюмахъ и дамы въ нарядныхъ платьяхъ. Близъ дома шерифа огромная толпа мальчишекъ ожидала повидимому съ большимъ нетерпѣніемъ чего-то необычайнаго. Я долго не могъ придумать, что изъ всего этого выйдетъ, потому что не имѣлъ понятія о встрѣчѣ судьи въ маленькихъ городахъ Англій. Наконецъ недоразумѣніе мое разъяснилось.

Въ 1½, по-полудни къ дому шерифа подъѣхала великолѣпная четырехмѣстная карета, украшенная гербами города и запряженная четверкою превосходныхъ сѣрыхъ лошадей. Темныя гривы лошадей были убраны бѣлыми и алыми атласными лентами. Кучеръ и два лакея на запяткахъ одѣты были въ торжественные средневѣковые костюмы.

Черезъ четверть часа шерифъ и начальникъ городской тюрьмы (*Governor of the prison*) въ парадной формѣ сѣли въ карету и отправились встрѣчать судью на станціи желѣзной дороги. Впереди кареты шли два трубача, съ обѣихъ сторонъ ея по пятнадцати полицменовъ въ полной формѣ.

Въ другой, менѣе парадной каретѣ ѣхали помощникъ шерифа и прочія власти города.

Я думалъ, что оба судьи, назначенные въ ближайшій округъ, пріѣдутъ въ Гертфордъ вмѣстѣ. Но оказалось, что въ этотъ день пріѣхалъ только судья Блэкборнъ (*Blackburn*), назначен-

ный для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, а предсѣдатель суда Королевиной Скамьи, лордъ Кокборнъ, разсматривавшій гражданскіе процессы, пріѣхалъ только на другой день.

Блакборнъ былъ облаченъ въ пурпуровую мантию и имѣлъ на головѣ огромный напудренный парикъ.

При встрѣчѣ его, шерифъ, всѣ власти города и народъ, въ числѣ котораго находился и я, всѣ сняли шляпы, то-есть оказали ему честь, которая отдается въ Англіи только королевѣ.

Блакборнъ сѣлъ въ карету съ шерифомъ и начальникомъ тюрьмы, и торжественная процессія продолжалась въ томъ же порядкѣ до городского суда. Въ судѣ Блакборнъ пробылъ не долго. Клеркъ прочелъ только списокъ подсудимыхъ и свидетелей, и объявилъ, что засѣданіе начнется завтра въ 9 часовъ утра. Затѣмъ судья уѣхалъ въ назначенную для него въ домъ шерифа квартиру; толпы народа скоро разошлись, и городъ принялъ свой обычный, тихій и спокойный видъ.

При встрѣчѣ судьи въ Гертфордѣ, я былъ пораженъ страннымъ сочетаніемъ древней торжественности съ простотой нашего времени.

Вѣшняя торжественность въ судебныхъ процессахъ выражаетъ только уваженіе къ древнимъ обычаямъ и прошедшему времени, съ которымъ такъ тѣсно связаны всѣ учрежденія современной Англіи.

Несмотря на великолѣпіе экипажа и костюмовъ, несмотря на конвой полицменовъ, окружавшихъ карету, и величественный видъ судьи, въ торжественной встрѣчѣ Блакборна ясно обнаруживался тотъ домашній порядокъ, о которомъ я упоминалъ, описывая засѣданіе одного изъ высшихъ судовъ. Толпы мальчишекъ окружали карету, и, пробираясь между полицменами, ласкали лошадей, поправляли безъ всякой надобности упряжь, и вообще наслаждались отъ души праздникомъ, который доставался на ихъ долю въ день вѣзда ассизнаго суда.

Гертфордская процессія окончилась мирно, тихо и спокойно.

Это, повидимому, ничтожное обстоятельство тѣмъ не менѣе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Но впечатлѣніе это было скоро изглажено невольнымъ воспоминаніемъ о торжественныхъ процессіяхъ, которыя мнѣ случалось видѣть въ другихъ мѣстахъ. Въ воображеніи моемъ воскресли возмутительныя сцены брани и побоевъ, наносимыхъ полицейскими въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ отверженцамъ, кото-

рые слывуть въ кругу извѣстной свѣтской молодежи подъ французскимъ именемъ de la canaille. Впрочемъ я не долго находился подъ вліяніемъ этихъ философскихъ идей. Физическое чувство голода заставило меня обратиться изъ темной области философіи къ ясной дѣйствительности, и чрезъ вѣсколько времени я совершенно успокоился, остановившись на той положительной мысли, что все дѣлается такъ какъ слѣдуетъ, сообразно съ нравами и понятіями жителей.

На другой день послѣ вѣзда судьи зала гертфордскаго уголовного суда была наполнена зрителями и адвокатами, собравшимися въ 9 часовъ утра. Множество клерковъ и свидѣтелей помѣщены были предъ каедрой судьи, въ центрѣ залы. Галлерей были до такой степени наполнены публикою, что, опоздавши четверть часа, я никакъ не могъ найти себѣ тамъ мѣста. Я начиналъ тревожиться мыслию, что поѣздка моя въ Гертфордъ ограничится зрѣлищемъ вѣзда судьи въ городъ. Наконецъ я придумалъ весьма простое средство, которое доставило мнѣ возможность пробраться въ судъ. Я показалъ полицмену свою визитную карточку, обозначавшую мою профессію. Полицменъ отправился съ этою карточкой къ помощнику шерифа, и черезъ нѣскольکو минутъ я получилъ отличное мѣсто между адвокатами и свидѣтелями.

Въ первый день засѣданія рѣшены были четыре дѣла, не отличавшіяся особеннымъ интересомъ. Четверо подсудимыхъ обвинены были въ различнаго рода кражѣ. Такъ одинъ былъ обвиненъ въ похищеніи мѣшка съ шерстью, а другой въ кражѣ двухъ ножей и вилки. По всѣмъ этимъ дѣламъ присяжные признали подсудимыхъ виновными (guilty), и судья объявилъ приговоры, поразившіе меня своею строгостію. Скольکو я помню, самое легкое наказаніе заключалось въ годичномъ тюремномъ заключеніи съ тяжелою работою (hard labour). Впрочемъ я не имѣлъ терпѣнія вынести жара и давки и пробылъ въ судѣ не болѣе двухъ часовъ, почему и не имѣю полного понятія объ упомянутыхъ процессахъ. Весьма можетъ быть, что при подробномъ разсмотрѣніи дѣла обнаружались такія обстоятельства, которыя значительно увеличивали вину преступниковъ.

Выйдя изъ суда, я отправился обозрѣвать городъ, который успѣлъ уже впрочемъ осмотрѣть наканунѣ. Когда я проходилъ мимо городской тюрьмы, мнѣ внезапно пришла въ голову мысль осмотрѣть ее, чтобъ имѣть понятіе о тюрьмахъ въ маленькихъ

городахъ Англїи. Но вспомнивъ, съ какою трудностію я досталъ позволеніе осмотрѣть лондонскія тюрьмы, я имѣлъ весьма слабую надежду на успѣхъ своего предпрїятія. Тѣмъ не менѣе, ободряемый простодушіемъ англїйскихъ нравовъ, съ которыми успѣлъ отчасти свыкнуться, и обольщаемый видомъ ручки колокольчика у воротъ тюрьмы, я рѣшился позвонить. Тюремный сторожъ, отворившій дверь, объявилъ мнѣ, что безъ дозволенія начальника осмотрѣть тюрьму невозможно. Начальникъ тюрьмы, котораго я отыскалъ въ судѣ, принялъ меня очень любезно, извинился, что по случаю засѣданія суда ассизовъ не можетъ самъ показать мнѣ тюрьму, и далъ мнѣ немедленно разрѣшеніе осмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ.

Тюрьму я осматривалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и былъ пораженъ необыкновенною чистотой, удобствомъ и порядкомъ, которыми она отличается. Такъ какъ тюрьма эта устроена по всѣмъ правиламъ пенитенціарной системы, то я поговорю о ней въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ описаніемъ устройства Пентонвильской и Ньюгетской тюремъ въ Лондонѣ.

На слѣдующій день, то-есть 12-го іюля, зала гертфордскаго суда была еще болѣе наполнена публикой, чѣмъ наканунѣ. Въ этотъ день судились три земледѣльца, по обвиненію въ незаконной охотѣ ночью въ чужомъ лѣсу, въ убійствѣ лѣснаго сторожа Сибрука и нанесеніи ранъ его помощнику Куку.

Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же процессѣ соединены были два преступленія, совершенныя тѣми же самыми лицами.

Но при этомъ конечно разумѣлось, что, въ случаѣ признанія подсудимыхъ виновными въ главномъ преступленіи, второе обвиненіе должно было уничтожиться само собою, такъ какъ главное преступленіе влекло за собою смертную казнь.

Подробное изложеніе этого интереснаго и сложнаго процесса потребовало бы слишкомъ много времени и не соответствовало бы цѣли моихъ замѣтокъ. Я ограничусь только указаніемъ на сущность дѣла и на способъ его разрѣшенія, который служитъ довольно сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнія моего о характерѣ суда присяжныхъ въ Англїи.

Въ этомъ дѣлѣ обстоятельство о совершеніи убійства не подлежало никакому сомнѣнію. Въ лѣсу найдено было тѣло убитаго сторожа (*corpus delicti*), и ружье, изъ котораго послѣдовалъ выстрѣлъ, палка и платокъ, принадлежавшіе подсудимымъ.

Но такъ какъ убійцы не были пойманы на мѣстѣ преступленія, то слѣдовало прежде всего убѣдиться въ тождествѣ подсудимыхъ съ виновниками преступленія, и потомъ разъяснить, кто былъ главный виновникъ, и находились ли всѣ трое подсудимыхъ въ сообществѣ для совершенія преступленія.

Адвокатъ, преслѣдовавшій обвиняемыхъ, доказывалъ, что убійство Сибрука было умышенное, а не случайное; что нѣкоторыя вещи, какъ напримѣръ ружье и палка, найденныя на мѣстѣ преступленія, оказались принадлежащими двумъ изъ обвиняемыхъ; по показанію окольныхъ жителей, обвиняемые находились въ день совершенія преступленія въ лѣсу, куда они отправились съ ружьями; и наконецъ, по обстоятельствамъ дѣла вообще можно заключить, что земледѣлецъ Кенъ (Cain) былъ главнымъ виновникомъ, а два другіе сообщниками въ совершеніи убійства Сибрука. Послѣ обычнаго допроса (examination) и передопроса (cross examination) свидѣтелей, адвокатъ подсудимыхъ, г. Вуллетъ (1), обратился къ присяжнымъ съ защитительною рѣчью, произнесенною съ замѣчательнымъ чувствомъ и краснорѣчіемъ. Онъ прежде всего замѣтилъ, что обвиняемые могутъ-быть дѣйствительно виновны въ ночной недозволенной охотѣ въ чужомъ лѣсу и должны подлежать за это взысканію; но были ли они виновны въ умышенномъ совершеніи убійства—это другой вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ на совѣсти присяжныхъ. По мнѣнію г. Вуллета, въ дѣлѣ не было никакихъ положительныхъ доказательствъ умышеннаго совершенія убійства. Напротивъ можно съ большею достовѣрностію заключить, что одинъ изъ обвиняемыхъ выстрѣлилъ для того, чтобы защититься отъ выпущенныхъ на нихъ лѣсными сторожемъ собакъ, но выстрѣлъ, по случаю темноты ночи, вмѣсто собакъ поразилъ смертельнымъ ударомъ Сибрука и ранилъ другаго сторожа. Затѣмъ г. Вуллетъ, представляя присяжнымъ отсутствіе всякихъ доказательствъ въ сообщничествѣ подсудимыхъ для совершенія убійства, умолялъ ихъ произнести приговоръ не иначе какъ послѣ строжайшаго обсужденія всей темной стороны дѣла. Онъ напомнилъ имъ, что приговоръ о виновности повлечетъ за собою смертную казнь трехъ не-

(1) Адвокатовъ было трое, то-есть по одному для каждого подсудимаго; я упоминаю только о лучшемъ изъ нихъ.

счетовъ подсудимыхъ, находящихся еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. «Я молю Бога, заключилъ г. Вуллетъ, направить васъ къ милостивому и справедливому приговору.»

Послѣ этой рѣчи адвоката, судья по обыкновенію сдѣлалъ выводъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла (sumed up) и выразилъ притомъ довольно ясно мнѣніе свое по вопросу факта. Онъ заиѣтилъ присяжнымъ, что имъ предстоитъ тяжелая обязанность, отъ исполненія которой не должны удерживать ихъ никакія мягкія чувства. Если, по ихъ убѣжденію, всѣ трое подсудимые или одинъ изъ нихъ совершилъ убійство, то они обязаны предъ своею страной прямо и положительно объявить приговоръ о виновности, не заботясь о послѣдствіяхъ такого приговора. Отвѣтственность за послѣдствія приговора будетъ лежать не на совѣсти присяжныхъ, но на законахъ страны. Представляя присяжнымъ всю важность на-стоящаго процесса, судья Блакборнъ убѣждалъ ихъ не избѣгать неприятной обязанности, которая на нихъ лежала. «Единственная забота ваша, заключилъ онъ, должна состоять въ томъ, чтобы придти къ дѣйствительному и правильному убѣжденію.»

Затѣмъ, послѣ вывода судьи, присяжнымъ вручили ружье и палку, найденныя на мѣстѣ преступленія, и они удалились для совѣщанія.

Во все время процесса, всѣ трое подсудимые обнаруживали необыкновенное спокойствіе, но послѣ вывода судьи двое изъ нихъ видимо измѣнились въ лицѣ и потеряли присутствіе духа. Только одинъ изъ подсудимыхъ, который предполагался главнымъ виновникомъ и былъ гораздо моложе другихъ, сохранилъ до самаго конца засѣданія замѣчательное хладнокровіе.

По выходѣ присяжныхъ, въ судѣ воцарилось то роковое молчаніе, которое обыкновенно наступаетъ въ эту торжественную минуту. Кажется, что каждый посторонній зритель невольно переноситъ себя въ то время на мѣсто самого подсудимаго и раздѣляетъ отчасти томительное мученіе, раздражающее душу обвиняемаго при неизвѣстности о будущей судьбѣ его.

Въ настоящемъ случаѣ всеобщее безпокойство было еще болѣе возбуждено, потому что, послѣ заключенія судьи, всѣ были заранѣе убѣждены въ приговорѣ о виновности всѣхъ или по

крайней мѣрѣ одного изъ подсудимыхъ. Многие, вѣроятно, думали уже о томъ, какъ бы не упустить минуты, когда судья надѣнетъ черную шапку и объявитъ страшный приговоръ.

Наконецъ чрезъ полчаса присяжные возвратились и объявили приговоръ о *невинности* всѣхъ трехъ подсудимыхъ (not guilty).

Ропотъ удивленія раздался во всѣхъ концахъ залы суда при этомъ неожиданномъ объявленіи.

Затѣмъ судья объявилъ, что хотя подсудимые и признаны невинными въ убійствѣ Сибрука, но они должны быть еще судимы по обвиненію въ ночномъ разбоѣ.

На это первый изъ присяжныхъ (Foreman of the jury) возразилъ, что присяжные пришли уже къ убѣжденію и по этому послѣднему обвиненію.

Но судья замѣтилъ, что можетъ-быть подсудимые изъявлять желаніе быть судимы по обвиненію въ разбоѣ другими присяжными.

Подсудимые дѣйствительно изъявили это желаніе, и дѣло было отложено до слѣдующаго дня.

Перемѣна присяжныхъ не послужила однако въ пользу подсудимыхъ, и на другой день новые присяжные послѣ самаго краткаго совѣщанія признали ихъ виновными (guilty).

Тогда г. Блакборнъ обратился къ обвиненнымъ съ рѣчью, въ которой обнаружилась огромная власть, предоставленная въ Англіи судѣ въ примѣненіи закона къ факту.

«Подсудимые, сказалъ г. Блакборнъ, вчера вы были судимы здѣсь по обвиненію въ убійствѣ дѣснаго сторожа Сибрука. Присяжные признали справедливымъ оправдать васъ, и я не имѣю права судить о томъ, имѣли ли они основаніе для такого приговора. Скажу только, что я не раздѣляю ихъ убѣжденія. Напротивъ, я убѣжденъ въ томъ, что одинъ изъ васъ убилъ Сибрука, а другой ранилъ Кука, съ заранѣе-обдуманымъ намѣреніемъ, и что кровь перваго изъ нихъ лежитъ на душахъ вашихъ. Еслибы вы были признаны виновными, то я не задумывался ни на одну минуту приговорить бы васъ къ смертной казни. Одинъ только изъ васъ троихъ не имѣлъ, по моему убѣжденію, непосредственнаго участія въ совершенномъ вами злодѣяніи. Теперь вы всѣ трое обвинены въ нарушеніи законовъ объ охотѣ и въ ночномъ разбоѣ, но я, конечно, не подвергну всѣхъ васъ равному наказанію. Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, я считаю священ-

нымъ долгомъ приговорить двухъ изъ васъ къ строгому наказанію, къ строжайшему изъ всѣхъ, какія только допускаются закономъ за подобнаго рода преступленія, а третьяго къ легчайшему.»

Затѣмъ судья объявилъ приговоръ, по которому Кенъ и Блисъ присуждаются въ каторжную работу (penal servitude) на четырнадцать лѣтъ, а Корвудъ подвергается тюремному заключенію на одинъ годъ.

Этимъ процессомъ заключилось засѣданіе суда ассизовъ въ Гертфордѣ.

Возвратившись изъ Гертфорда 12 іюля вечеромъ, я на другой день утромъ отправился съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Оксфордъ.

Въ этотъ день судьба мнѣ особенно благопріятствовала. Въ судѣ ассизовъ, который былъ открытъ наканунѣ моего пріѣзда, я засталъ чрезвычайно интересный процессъ о покушеніи на дѣтубійство. По окончаніи процесса, я успѣлъ осмотрѣть всѣ знаменитыя оксфордскія коллегіи, и по возвращеніи съ послѣднимъ поѣздомъ въ 11 часовъ вечера въ Лондонъ, нашелъ дома присланный мнѣ билетъ для входа въ нижнюю палату парламента. Я, конечно, воспользовался этимъ случаемъ и до двухъ часовъ ночи просидѣлъ въ парламентѣ, гдѣ въ тотъ вечеръ разсматривался вопросъ объ отношеніяхъ къ Китаю, и говорили всѣ знаменитые ораторы (1).

Процессъ, на которомъ я присутствовалъ въ Оксфордѣ, по своему содержанію и обстановкѣ удивительно походилъ на процессъ, описанный знаменитымъ авторомъ *Адама Биды*. Мнѣ казалось, что предъ судомъ стоитъ несчастная Гетти Соррель, и что въ числѣ зрителей находится нравственно убитый ея любовникъ.

Для тѣхъ, кто читалъ *Адама Биды*, слѣдовательно для большинства нашихъ читателей, процессъ этотъ представляетъ мало новаго. Потому я ограничусь только указаніемъ на характеристическую сторону оксфордскаго процесса.

Подсудимая, молодая служанка двадцати лѣтъ, *Анна Баркерсъ*, была обвинена въ покушеніи на убійство своего незаконнорож-

(1) Оксфордъ находится, какъ извѣстно, въ полутора часа верстахъ отъ Лондона, и потому я успѣлъ сдѣлать все сказанное только благодаря экспрессамъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

деннаго ребенка, котораго она бросила въ колодезь. Колодезь былъ 134 фута глубины, но высохшій, и ребенокъ, пробывшій въ немъ около 38 часовъ, спасенъ былъ по какому-то особому чуду.

Обстоятельства, побудившія несчастную женщину къ такому ужасному злодѣянію, и способъ совершенія преступленія почти однородны съ обстоятельствами, описанными Эліотомъ.

Баркерсъ сказала своей теткѣ, что она идетъ въ другую деревню съ тѣмъ, чтобъ отдать ребенка кормилицѣ и поискать себѣ другаго мѣста.

Проходя чрезъ Берринскій лѣсъ (Berrin's wood), она увидѣла упомянутый колодезь, устроенный, какъ полагаютъ, еще во времена Римлянъ и отличающійся своею глубиной. 18-го истекшаго апрѣля вечеромъ подсудимая бросила въ него ребенка, и, возвратясь на другой день къ своей теткѣ, объявила ей, что ребенокъ отданъ ею кормилицѣ. Затѣмъ она отправилась опять, подъ предлогомъ искать себѣ мѣста, въ другую сосѣднюю деревню и тамъ говорила нѣкоторымъ знакомымъ, что ребенокъ ея нѣсколько дней тому назадъ умеръ. Такимъ образомъ о ребенкѣ ничего не было слышно въ теченіи почти двухъ сутокъ, когда 20 апрѣля, передъ вечеромъ, онъ былъ найденъ въ колодезѣ, по слѣдующему счастливому стеченію обстоятельствъ. Какой-то путешественникъ, незнакомый съ мѣстностію, проходя чрезъ Берринскій лѣсъ, встрѣтилъ тамъ одного изъ околныхъ жителей, и вступивъ съ нимъ въ разговоръ, узналъ, что въ лѣсу этомъ есть знаменитый по своей древности колодезь. Путешественникъ изъявилъ желаніе осмотрѣть его, и они отправились туда вмѣстѣ.

Придя къ колодезю, они стали бросать въ него камушки, чтобъ измѣрить глубину его. Сперва они не слышали ничего кромѣ шума, происходившаго отъ паденія камушковъ. Но чрезъ нѣсколько времени они вдругъ услышали слабый крикъ, напоминавшій голосъ младенца.

Ни мало не медля, они возвратились въ деревню, и, взявши съ собою фонарь и веревку, въ скоромъ времени успѣли вытащить изъ колодезя несчастнаго ребенка Баркерсъ. Ребенокъ пролежалъ тамъ, какъ я уже сказалъ, около 38 часовъ и оказывалъ весьма слабые признаки жизни. Но благодаря заботамъ своихъ спасителей, онъ скоро ожилъ и сталъ понемногу пить молоко. На другой день онъ обнаружилъ необыкновенный голодъ

и жанду, которые едва могли быть удовлетворены, и въ скоромъ времени совершенно оправился.

Необыкновенный случай спасенія ребенка произвелъ на мѣстныхъ жителей потрясающее впечатлѣніе.

Ребенокъ Баркерсъ на рукахъ кормилицы присутствовалъ въ судѣ ассизовъ и былъ безсознательнымъ свидѣтелемъ ужаснаго позора своей матери. При чтеніи обвинительнаго акта, несчастная женщина упала въ обморокъ. Черезъ четверть часа она пришла въ себя, и засѣданіе продолжалось въ обычномъ порядкѣ. Всѣ спрошенные свидѣтели показали во всемъ согласно съ обвинительнымъ актомъ. Адвокатъ подсудимой, г. Гиль, въ оправданіе ея приводилъ, что она въ потемкахъ наткнулась на колодезь и нечаянно уронила въ него ребенка. Затѣмъ судья Байльзъ сдѣлалъ выводъ обстоятельствамъ дѣла.

Онъ говорилъ такъ тихо и такимъ слабымъ голосомъ, что едва можно было слышать. Онъ очевидно находился въ борьбѣ между состраданіемъ къ подсудимой и сознаніемъ долга.

Присяжные, послѣ самаго краткаго совѣщанія (минутъ пять), признали подсудимую виновною.

Тогда судья объявилъ ей, что, не желая увеличивать ея страданій, онъ скажетъ ей теперь же, что капитальное наказаніе не будетъ примѣнено къ ея преступленію; преступница не будетъ лишена жизни; но о томъ, какому наказанію она должна быть подвергнута, судья подумаетъ, и объявитъ приговоръ въ послѣдствіи времени.

Этимъ послѣднимъ процессомъ заключились мои судебныя наблюденія.

Различныя неудобства, сопряженныя съ путешествіемъ по округамъ Англіи, и желаніе познакомиться съ другими учрежденіями этой оригинальной страны, заставляютъ меня прекратить занятіе судебною частію.

Притомъ, черезъ десять дней объѣзды кончатся въ Англіи, наступятъ самыя длинныя судебныя вакаціи, продолжающіяся до ноября мѣсяца.

Настоящее письмо мое вышло гораздо длиннѣе чѣмъ я предполагалъ, и потому я рѣшаюсь отложить описаніе Пентонвильской, Ньюгетской и гертфордской тюремъ до будущаго времени.

Независимо отъ того, я надѣюсь въ послѣдствіи представить статистическія свѣдѣнія о ходѣ уголовныхъ дѣлъ и очеркъ муниципальнаго устройства Англіи.

Теперь я позволю себѣ, въ заключеніе настоящаго письма, сдѣлать общій выводъ о характерѣ англійскаго суда, какъ я его понимаю, и какъ понимаетъ его, вѣроятно, бѣльшая часть лицъ, имѣвшихъ случай познакомиться на практикѣ съ судебными учрежденіями Англій.

При первоначальномъ обзорѣни англійскаго законодательства, иностранецъ невольно поражается необыкновенною его сложностію и запутанностію, выражающимися во множествѣ муниципальных и судебныхъ учреждений, въ безчисленномъ количествѣ парламентскихъ и судебныхъ постановленій.

Приступая къ изученію какой бы то ни было отрасли англійскаго законодательства, иностранецъ входитъ, повидимому, въ темный лѣсъ, выросшій изъ земли безъ всякой системы и порядка. Основательное изученіе и правильное пониманіе англійскаго законодательства бываетъ плодомъ цѣлой жизни, посвященной неусыпнымъ трудамъ и занятіямъ. А потому смѣшонъ тотъ иностранецъ, который льститъ себя надеждой изучить безъ долговременнаго труда, во всѣхъ подробностяхъ, всѣ разнообразныя особенности англійскихъ учреждений. Еще болѣе смѣшонъ долженъ казаться тотъ, кто, не проникшись духомъ основныхъ законовъ Англій, имѣетъ достаточно самоуверенности, чтобы порицать законодательство этой страны, основываясь на его сложности и запутанности.

Иностранецъ, приступающій къ изученію англійскаго законодательства, долженъ стараться какъ можно менѣе останавливаться на его сбивчивыхъ подробностяхъ. Трудъ его долженъ стремиться исключительно къ тому, чтобы скорѣе выбраться изъ этого тумана и найти ту исходную точку, которая непременно находится въ основаніи всякой отрасли учреждений Англій, и распространяетъ свѣтъ на всѣ остальные вѣтви этого учреждения.

При всей вышней неурядицѣ и запутанности, въ основаніи всякаго учрежденія Англій лежитъ глубокая мысль, поражающая своимъ величіемъ и своею безукоризненною логичностію. Этимиъ объясняется древность и постоянство всѣхъ учреждений Англій. Странность формы совершенно вознаграждается достоинствомъ содержанія. Вышняя оболочка не останавливаетъ вѣчнаго движенія мысли, и современное поколѣніе Англій, управляемое вѣковыми учреждениями своихъ предковъ, справедливо гордится тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, ко-

торое оно занимает въ ряду остальныхъ націй образованнаго міра. Отсюда ясно, что націи, развивавшіяся подъ иными условіями и подъ вліяніемъ непреложныхъ законовъ исторіи отставшія отъ передовой страны міра, не могутъ и не должны заимствоватьъ внѣшнія и часто безобразныя формы безчисленныхъ учрежденій Англіи, не имѣя основъ, дающихъ смыслъ этимъ формамъ.

Всѣ приведенныя мною соображенія преимущественно относятся къ устройству и характеру англійскаго суда.

При описаніи судебныхъ учрежденій Англіи, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ чиновнической привычки отыскивать раздѣленія суда на инстанціи, департаменты, отдѣленія и канцеляріи. Такія подробности только запутываютъ и безъ того уже слишкомъ сложное устройство англійскаго суда и не приводятъ ни къ какому результату. При такихъ подробностяхъ англійскій судъ кажется, какъ я уже замѣтилъ, темнымъ и громаднымъ лабиринтомъ. А между тѣмъ въ сущности онъ отличается необыкновенными *простотою* и *единствомъ*.

Для того чтобъ убѣдиться въ *простотѣ* англійскаго суда, надо прежде всего усвоить себѣ мысль, что въ Англіи, собственно говоря, нѣтъ присутственныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ мы ихъ понимаемъ, но есть только *судья* и *присяжные*.

Эти два учрежденія, тѣсно связанные между собою, составляютъ коренной и единственный судъ Англіи.

Этотъ судъ рѣшаетъ всѣ вопросы о правахъ *собственности, свободы* и *жизни* всякаго гражданина.

Этотъ судъ, основанія котораго теряются въ отдаленной древности, представляетъ собою величественное учрежденіе, обязанное своимъ существованіемъ не снисхожденію просвѣщеннаго правителя и не завоеванію кровавой революціи, но исключительно творческой силѣ исторіи.

Всѣ остальные подраздѣленія суда представляютъ только внѣшнюю форму и не имѣютъ существеннаго значенія.

Хотя въ Англіи и существуетъ раздѣленіе суда на высшій и низшій, на судъ закона и справедливости, но въ сущности обязанности и значеніе судьи совершенно одинаковы.

Въ Англіи всѣ судьи безъ исключенія имѣютъ значеніе *блюстителейъ міра, justices of the peace*. Лордъ-канцлеръ, трое высшихъ судей, и всѣ вообще судьи представляются *мировыми* судьями въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Даже, чтобъ убѣдиться въ *единствѣ* англійскаго суда, стоить

только обратить вниманіе на устройство и характеръ объѣздовъ, или странствующаго суда.

Вся Англія подлѣжитъ суду однихъ и тѣхъ же судей, связанныхъ между собою возможно-одинаковыми понятіями, наукою и взаимнымъ довѣріемъ. Въ Англіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ мѣстныхъ законовъ. Законъ одинъ и тотъ же, для всѣхъ равный, безъ различія мѣста жительства, званія и состоянія. Судьи, совершающіе объѣзды, въ затруднительныхъ случаяхъ совѣщаются между собою, и, будучи членами высшихъ судебныхъ мѣстъ, могутъ, въ качествѣ апелляціоннаго суда, взаимно разсматривать обжалованное рѣшеніе одного изъ нихъ.

Кромѣ простоты и единства, англійскій судъ отличается своею *относительною справедливостію*.

Англійскій юристъ, удостоившійся званія судьи, отличается, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ предыдущемъ письмѣ, высокимъ юридическимъ образованіемъ и безкорыстіемъ. Глубокое знаніе законовъ предохраняетъ его по возможности отъ ошибки, которая впрочемъ, по несовершенству человеческой природы, можетъ случиться вездѣ и всегда. Глубокое сознаніе долга и полная гласность, выражающаяся въ присутствіи публики при сужденіи дѣла и въ полной свободѣ печати, не дозволяютъ судѣ злоупотребленія властію. Огромное содержаніе, получаемое отъ казны, обезпечиваетъ независимость судьи, а постоянная подвижность не допускаетъ его до связей съ мѣстными жителями. Англійскій судья, получающій до пятидесяти тысячъ рублей серебромъ годичнаго жалованья и переѣзжающій изъ одной части громадной столицы въ другую (изъ Вестминстера въ Гильдголь) и потомъ путешествующій по всей Англіи, не доступенъ для подкупа и не имѣетъ тѣхъ связей, которыя обыкновенно образуются въ случаѣ постоянного пребыванія судьи въ какомъ-нибудь небольшомъ округѣ или городѣ.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, англійскій судъ отличается своею *независимостію*.

Судъ составляетъ совершенно самостоятельное, независимое учрежденіе и пользуется въ своей области тѣми же правами, какъ власть законодательная или власть исполнительная.

Такимъ образомъ судья, отличаясь спеціальнымъ образованіемъ и строгою честностію, и пользуясь матеріальнымъ благосостояніемъ и полною независимостію, имѣетъ всѣ данныя для осуществленія *возможно-справедливаго суда*.

Наконецъ глубокое, всеобщее уваженіе, какимъ пользуется англійскій судья, даетъ ему ту нравственную силу, которая составляетъ основную гарантію для правильнаго и безкорыстнаго исполненія священныя его обязанностей.

Въ заключеніе, я приведу замѣчаніе знаменитѣйшаго изъ англійскихъ юристовъ, о которомъ я такъ часто имѣлъ случай упоминать. Англійское законодательство, говоритъ Блэкстонъ, прежде всего отличается своимъ христіанскимъ характеромъ.

Я не берусь доказывать вѣрность этихъ словъ. Блэкстону лучше того другаго былъ извѣстенъ характеръ англійскаго законодательства; притомъ высокое юридическое образованіе давало ему возможность судить о законахъ своей страны сравнительно съ другими и съ возможнымъ безпристрастіемъ. Англичане вообще не страдаютъ тѣмъ болѣзненнымъ патріотизмомъ, который выражается въ безсознательномъ восхваленіи всего своего потому только, что оно свое. Тѣмъ менѣе подвержены этой болѣзни передовые люди Англіи, къ числу которыхъ принадлежалъ безъ сомнѣнія и Блэкстонъ. Отдавая справедливость хорошей сторонѣ учреждений страны своей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ безпощадною подробностію обличаетъ и дурную ихъ сторону. Онъ писалъ свои комментаріи не для предъщенія иностранцевъ, но для просвѣщенія собственной страны своей. Всякое излишнее восхваленіе, всякое сокрытіе малѣйшаго недостатка въ учрежденіяхъ Англіи, были бы не сообразны съ этою цѣлію.

Но, кто не имѣетъ довѣрія къ авторитету Блэкстона и кто презрительно улыбнется при бѣгломъ чтеніи моихъ слабыхъ соображеній, тотъ можетъ по крайней мѣрѣ повѣрить положительнымъ фактамъ, извлеченнымъ мною изъ англійской судебной практики.

Я приводилъ довольно много фактовъ безъ всякихъ замѣчаній, находя ихъ совершеннымъ плеоназмомъ. Никто не станетъ доказывать, что бѣлый цвѣтъ дѣйствительно бѣлый, и что дерево дѣйствительно дерево. Фактъ говоритъ самъ за себя, и истина не можетъ быть отвергнута.

Я убѣжденъ въ томъ, что большинство читателей не назоветъ меня англоманомъ и пойметъ мысль мою относительно характера англійскихъ судебныхъ учреждений. Я, конечно, не отвергаю, что и въ англійскомъ законодательствѣ, въ особенности въ гражданскихъ законахъ, есть свои, и даже

очень важные недостатки. Всемъ извѣстно, что, по не совершенству человеческой природы, полная справедности не осуществима на землѣ. Самый ярый англomanъ не станетъ, конечно, отвергать ту горькую истину, что въ Англіи, какъ и вездѣ, есть сильные и слабые, богатые и бѣдные, добрые и злые. Я не скрываю и того, что, говоря о судебныхъ учрежденіяхъ Англіи, я останавливался преимущественно на хорошихъ сторонахъ. Я принялъ эту систему, какъ потому, что, по моему мнѣнію, знакомство съ хорошею стороною какого бы то ни было учрежденія всегда полезнѣе знакомства съ дурною стороною его, такъ и въ особенности потому, что статья моя имѣетъ преимущественно характеръ возраженія противъ того неправильнаго и уродливаго понятія объ англійскомъ судѣ, которое распространяется иными иностранными писателями подъ вліяніемъ зависти или непониманія основныхъ законовъ Англіи.

Въ последнее время въ нашей литературѣ было такъ много замѣчательныхъ статей объ Англіи и ея учрежденіяхъ, что большинство русскихъ читателей, конечно, хорошо знакомо съ основнымъ характеромъ учреждений этой оригинальной страны. Въ англійскихъ учрежденіяхъ есть огромныя достоинства, передъ которыми ничтожно все, что можетъ-быть найдется въ нихъ дурнаго, и которыя возбуждаютъ справедливое удивленіе большинства образованныхъ людей всего міра.

Жалки тѣ умы, которые, во тѣмъ своего невѣжества или въ туманѣ своихъ разнообразныхъ предрассудковъ, рѣшаются порицать величественное законодательство Англіи, и не умѣютъ отличить въ немъ тѣхъ безсмертныхъ признаковъ, которые составляютъ славу и могущество современнаго христіанскаго общества!

М. Зарудный.

Лондонъ,
11/22 іюля 1860 года.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО

Р О М А Н Ъ (1)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Черезъ нѣсколько недѣль, въ половинѣ мая, Катерина Александровна Алексинская вѣзжала въ свое помѣстье, въ двухъ сѣтяхъ верстахъ отъ Москвы, село Вознесенское, довольно живописно расположенное на берегу большого пруда, почти озера, въ полугорѣ, и окруженное рощей, какъ слѣдуетъ, чтобы скрадывать какъ-нибудь некрасивость избъ вообще и избъ среднихъ губерній въ особенности. Катерина Александровна, впрочемъ, и не смотрѣла на свое помѣстье, подвѣзжая къ нему; она спала въ глубинѣ кареты, подставляя свое нѣжное личико въ батистовомъ чепчикѣ подъ струи теплаго и влажнаго ночнаго вѣтра. Туманная окрестность, поля, голубящія въ полусвѣтѣ, странныя формы, которыя сумракъ придалъ всякому кусту, шалашу, дереву, сѣрая неясная тѣнь, скользкая между колесами кареты и краемъ дороги, за которою тихо шелестили посѣвы и въ нихъ вскрикивали птицы,—

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 14 и 15.

все это привлекало вниманіе горничной Насти, петербургской уроженки, видѣвшей деревню въ первый разъ въ жизни. Но это также скоро ей надоѣло и очень не понравилось. Она съ большою радостью увидѣла вдали мелькавшіе огоньки и узнала, что это Вознесенское. Оно не понравилось ей тоже кромѣ большого двухъ-этажнаго строенія, суконной фабрики, — именно самаго безобразнаго, какъ вообще все строенія фабрикъ. Въ этомъ темномъ домѣ, съ длинными трубами и частыми окнами, столичная жительница нашла что-то родное.

Катерина Александровна не нашла и не искала ничего роднаго. Она проснулась только у крыльца, когда остановилась карета, вошла ничего не видя отъ огня, и сказала только, что ее закачало. Комнаты были убраны и освѣщены; ея спальня готова, потому что ее ждали. Настя проворно достала что было нужно изъ дорожныхъ мѣшковъ, и уложила въ постель госпожу свою.

Катерина Александровна не замѣтила, что ее высадилъ, почти вынулъ изъ кареты очень презентабельный господинъ, что онъ взвелъ ее на крыльцо и проводилъ въ комнаты, что она пожаловалась ему на свою усталость. Она не замѣтила ни его, ни своей разсѣянности, сколько отъ дорожной дремоты, столько и отъ невнимательности, общей почти всѣмъ свѣтскимъ женщинамъ, которыя внѣ своего кружка уже не считаютъ обязанностью на что-нибудь обращать вниманіе и съ кѣмъ-нибудь церемониться. Этотъ господинъ былъ Неринцкій ея управляющій. Онъ воспитывался, служилъ прежде и былъ друженъ съ мужемъ Катерины Александровны, — но все-таки онъ былъ не болѣе какъ управляющій. Встрѣтивъ помѣщичью онъ расплатился съ ямщиками, приказалъ убрать экипажъ, спросилъ объ ужинѣ для Насти и лакея, распорядился, чтобы вездѣ былъ вовремя погашенъ огонь, и ушелъ спать къ себѣ во флигель.

На другой день, Катерина Александровна встала очень поздно. Это произошло и отъ того, что, проснувшись, она спросила себя, что же будетъ она дѣлать весь день? Тишина и что-то нежилое кругомъ, несмотря на то, что все было красиво даже роскошно, навели на нее тоску. Она рѣшила не вставать какъ можно долѣе, чтобы сократить день; но, спрятавъ голову въ подушку, она вспомнила, что такъ придется прожить много дней, и заплакала.

На деревнѣ мужики давно отобѣдали, когда Катерина Але

испировна, скончивъ первый туалетъ, вышла въ маленькую пинную, рядомъ съ уборной. Туда, чѣмъ свѣтъ, нанесли изъ финскерей цвѣтовъ и деревьевъ и разставили ихъ съ такимъ искусствомъ, что хоть бы для столичной дачи. Дверь съ балкона въ садъ была отверена; въ воздухѣ пахло померанцевыми цвѣтами, бабочки кружились надъ кистями этихъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Какое-то вьющееся растеніе, дикій виноградъ или иль, поднялось ужъ довольно высоко отъ земли и заплело до половины рѣшетку балконной лѣстницы. Катерина Александровна вспомнила, что два года назадъ, когда она съ мужемъ провела здѣсь лѣто, ей понравилась эта комната, но тогда она не была убрана, потому что заняться ею было некогда. Съ горькою улыбкой припомнила она это «некогда» и другую отговорку, что «время военное, ополченіе; денегъ нѣтъ,»—все, что имѣлъ духу выговорить ей Николай Васильевичъ, сопровождая, впрочемъ, отговорки извиненіемъ и ласками. Теперь, гостиная была премило отдѣлана бѣлыми деревомъ и драпирована суровою и розовою матеріей; въ ней даже былъ прелестный маленькій рояль, треугольникъ, хотя музыкальнаго познанія Катерины Александровны никакъ не шли далье транскрипцій Бейера и Гюнтена...

«Онъ убралъ мнѣ келью... на вѣкъ!» подумала она, садясь, съ намѣреніемъ заплакать, на покойнѣйшій изъ диванчиковъ, когда-либо сотворенныхъ руками обойщика.

Ей пошѣшалъ плакать завтракъ и чай, и Настя, безпрестанно входившая съ вопросами о помѣщеніи всѣхъ навезенныхъ изъ Москвы нарядовъ, принадлежностей предполагаемыхъ работъ, связки книгъ, которыя предполагалось прочесть въ деревнѣ. Катерина Александровна приказала положить все «покуда здѣсь, на глазахъ,» обѣщая все это разсмотрѣть и всѣмъ этимъ заняться.

— Да еще, сказала Настя, заваливъ рояль кружевами и лентами, и не зная куда дѣвать оставшуюся въ рукахъ картонку:— Михаилъ Никаноровичъ спрашиваетъ, угодно ли вамъ его принять.

— Кто это?.. Поставь, просто, на полъ, разберемъ послѣ... Кто это спрашиваетъ?

— Михаилъ Никаноровичъ. Мнѣ такъ сказали... Управляющій должно-быть.

— Ахъ, да! управляющій, Нерацкій. Чтò ему нужно?

— Я не знаю.

— Вели узнать. Гдѣ онъ?

— Не знаю; въ залѣ должно-быть дожидается.

— Вели спросить, что ему нужно.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда Катерина Александровна, уступая деревенскому воздуху и забывъ слезы, разбивала яйцо въ сметку, Настя явилась съ отвѣтомъ, что управляющему ничего не нужно, а что онъ, просто, желалъ бы видѣть Катерину Александровну.

— Чѣмъ свѣтъ! сказала она, оглядываясь на часы, которые, не заведенные, давно стали: — это онъ поздравить съ пріѣздомъ... Я не одѣта... впрочемъ, все равно. Скажи, что можетъ придти.

Пока выходила Настя, Катерина Александровна накинула что-то широкое, бѣлое, кашемировое сверхъ своего бѣлаго пеньюара и продолжала кушать. Отворилась дверь изъ другихъ комнатъ, и вошелъ Неряцкій.

Неряцкій былъ одѣтъ безукоризненно, высокъ ростомъ, держался прямо по военной привычкѣ и казался старѣ своихъ тридцати шести лѣтъ, отъ просѣди, которая проглядывала въ его густыхъ черныхъ волосахъ, и загара, отъ котораго удѣлялъ только его лобъ. Катеринѣ Александровнѣ почему-то показалось, что эта большая фигура затѣснила комнату.

— Monsieur Неряцкій, je suis charmée, сказала она, приподнявшись и садясь опять.

— Извините, я васъ обезпокоилъ, сказалъ онъ, вставъ стулъ и садясь безъ приглашенія.—Вы устали съ дороги? какъ ваше здоровье?

— Я всегда здорова, merci.

— Нѣтъ, два года назадъ, когда вы жили здѣсь, вамъ надо было хорошенько поправиться. Я и теперь удивился, когда Николай написалъ, что вы намѣрены пріѣхать сюда на лѣто, я думалъ, вы за границу. Нынче всѣ разъѣздились.

— Ахъ, да! Mais, c'est qu'il y a tant de personnes souffrantes, всѣ спѣшать хотя немного воспользоваться, поправить здоровье.

— Кромѣ здоровья, есть еще много что поправлять, возразилъ вскользь Неряцкій: — зачѣмъ Николай къ намъ не пріѣхалъ? Я ему писалъ, и еще два раза. Станный человекъ вашъ мужъ. Что такое его служба? Какой-токой его московскій департаментъ, что ужъ нельзя ему взять отпуска, сюда заглянуть? Гдѣ онъ будетъ прохлаждаться лѣтомъ?

— Въ подмосковной, я думаю, отвѣчала Катерина Александровна.

— Ну, вотъ, извольте: чтò за заботы о подмосковной? Тамъ довольно и старосты.

— Но здѣсь онъ ужь совершенно покоенъ, потому что здѣсь—вы, сказала Катерина Александровна.

— Положимъ, я исправный староста, возразилъ Неряцкій:— но теперь время подумать о вещахъ какъ-нибудь посерьознѣе. Онъ завѣтреничалъ, Николай. Попалъ въ эту аристократію, которая въ деревнѣ видитъ только доходъ и ничего дальше, и самъ, кажется, набрался такихъ понятій. Онъ, можетъ-быть, и не пріѣхалъ потому, что я общался все это отпѣтъ ему при свиданіи.

Катерина Александровна смутилась немного.

— Не знаю, сказала она: — онъ ничего не говорилъ объ этомъ. Я придумала поѣздку и... даже не звала его съ собою... *Mais ne désirez-vous pas manger un morceau, Mг. Неряцкій? faites-moi compagnie.*

Неряцкій улыбнулся.

— Да мнѣ скоро пора обѣдать, отвѣчалъ онъ, взглянувъ на свои часы: — половина втораго.

— Неужели!

— Что неужели? Вамъ показалось поздно или слишкомъ рано?

— Но когда же начинается у васъ день?

— Со свѣтомъ. Вы напомнили мнѣ, что я въ самомъ дѣлѣ голоденъ.

Онъ подвинулъ къ себѣ блюдо котлетъ. Катерина Александровна, какъ хозяйка, поспѣшила съ маленькими услугами, хлопотливо протягивая свои кругленькія ручки, бѣленькія и точно подрисованныя карминомъ. Она невольно взглянула, когда Неряцкій снялъ перчатки, на его сильныя, загорѣлыя, рабочія руки. Онъ ѣлъ какъ человекъ порядочный, но еще болѣе какъ здоровый рабочій. Ея аппетитъ не пропалъ, но ей показалось какъ-то неловко завтракать въ такомъ обществѣ.

— Какъ это вы придумали сюда пріѣхать? спросилъ Неряцкій:—чтò же, будете хозяйничать?

— Я не умѣю.

— Я знаю. А жаль; я бы предложилъ вамъ много перемѣнъ. Деревня—ваша; вы бы прекрасно могли распорядиться и безъ Николая.

— Oh, non, je ne m'emêle de rien, de rien, de rien, absolument! вскричала Катерина Александровна:—puisqu'une fois j'ai tout remis entre les mains de mon mari, convenez que c'est une chose si délicate...

— Извините, я никогда не говорю по-французски, прервалъ Неряцкій, улыбувшись, какъ улыбался на всѣ ея французскія фразы.—Но, еслибы вы и вмѣшались во что-нибудь,—не хорошо вмѣшаться и помѣшать, а вмѣшаться и помочь—очень хорошо.

— Нѣтъ, я хочу отдохнуть. Въ Москвѣ такъ скучно!

— Пусто, всѣ разъѣзжаются, сказалъ очень серьезно Неряцкій.

— Да, можетъ-быть, и отъ этого.

— Конечно. Отъ чего же больше? танцовать негдѣ—и скучно. До тѣхъ поръ всѣ были довольны.

— Нѣтъ, и зима была не оживлена.

— Николай писалъ мнѣ, что вы безпрестанно выѣзжали.

Катерина Александровна покраснѣла.

— Ah! vous êtes donc au courant... начала она.

— Да, я на-слуху всѣхъ московскихъ новостей, отвѣчалъ Неряцкій:—потому-то, зная, какъ вы веселились, я и не могу придумать, чѣмъ вы замѣните это лѣтомъ.

— Нѣтъ, я рада пожить тихо. Но вотъ, княгиня Катерина Петровна въ моемъ сосѣдствѣ; она такая добрая... Она ужъ давно пріѣхала.

Неряцкій разсмѣялся безъ церемоніи.

— Давно-съ, отвѣчалъ онъ:—три недѣли слишкомъ, какъ все княжее семейство, съ юродивыми и приживалками, поселилось въ селѣ Бубновѣ, и я даже имѣлъ счастье всѣхъ видѣть. Межеванье у нихъ, такъ княгиня вызвала меня на совѣтъ. Ея сіятельство возсѣдаетъ цѣлый день на этаблисманѣ и вышивааетъ; приживалки, сколько я успѣлъ замѣтить, ужъ перегрызлись; юродивый внучекъ, юный графъ, набираетъ собою юныхъ дворовыхъ опричниковъ, пробуетъ боярскую удачу. Скоро, какъ я слышалъ, для дополненія коллекціи, ждуть еще внука, кавалериста и идиота, послѣдняго въ родѣ князей Десятовыхъ:

Катерина Александровна поблѣднѣла. Неряцкій не замѣталъ и продолжалъ:

— Не поздравляю васъ съ этимъ обществомъ. Они, впрочемъ, кажется, разчитываютъ на ваше снисхожденіе. Вчера,

графъ Васюка приношалъ сюда подводу за деревьями и цвѣтами изъ оранжерей. Своихъ нѣтъ, а онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ бабушкѣ, уставить ея этаблисманъ, чтобы скорѣе задыхался: онъ ждетъ отъ нея наслѣдства. Сегодня рожденіе этой бабушки.

— Ея рожденіе! вскричала Катерина Александровна:— надо послать поздравить ее! Чтò же, какъ же вы сдѣлали съ цвѣтами?

— Конечно, не датъ. Если князя и графы хотятъ имѣть цвѣты, пусть сами ихъ заводятъ.

— Но княгиня мнѣ крестная мать! прервала Катерина Александровна.

— Я не зналъ этого, извините, возразилъ спокойно Неряцкій:— я не смѣю распоряжаться вашими оранжерейми.

— Такъ распорядитесь теперь, пошлите сейчасъ лучшее; я напишу записку, а вечеромъ поѣду сама... Ведите, чтобы карета была готова.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Неряцкій, и прибавилъ улыбаясь:— мнѣ очень жаль вашихъ цвѣтовъ. Позвольте просить васъ: не обирайте сами себя съ перваго дня; оіятельныя особы очень любятъ чужое, рады взять. Для васъ заготовлены у садовника прелести, но только для васъ. Право, за цвѣты обидно, что ихъ будутъ нюхать безобразныя носы... Сжальтесь!

— Но это значитъ манкировать княгинѣ, возразила Катерина Александровна, недовольная шутками управляющаго.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Неряцкій.— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь написать вашу записку, а я пойду, распоряджусь, чтобъ ея оіятельство получила подводу съ букетомъ раньше своего обѣда.

Онъ поклонился и ушелъ.

Катеринѣ Александровнѣ стало досадно; она была убѣждена, что ее обидѣли. Она вспомнила, что очень мало знаетъ Неряцкаго, хотя два года назадъ прожила здѣсь все лѣто, и ея мужъ не разставался съ Неряцкимъ. Правда, тогда она уже мало видѣла и мужа: они были уже «чужіе другъ-другу». А Неряцкій—человѣкъ совершенно въ томъ же родѣ, de la même trempe, только грубѣе, рѣяче; у Николая Васильевича по крайней мѣрѣ порядочныя манеры. Она припомнила чтò сейчасъ говорилъ Неряцкій о оіятельномъ семействѣ, и ее будто чтò укололо въ сердце.

— Неряцкій дерзокъ, проговорила она, даже покраснѣвъ:— какая скука, однако!

И она заплакала, сама не зная о чѣмъ. Причиной были воспоминанія то прошлой зимы, то недавняго вечера М^{ше} Мороновой, то послѣднихъ трехъ недѣль въ Москвѣ.

Вечеръ М^{ше} Мороновой, обѣщавшій, казалось, грозу, не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Свѣтскія дамы были свѣлы только на одинъ разъ, а потомъ каждая изъ нихъ рѣшила, что разрывать знакомство съ М^{ше} Алексинской, значить выставляться на показъ, что это слишкомъ отважно, что это ни къ чему не поведетъ, что М^{ше} Моророва взяла на себя лишнее, не въ мѣру, какъ провинціалка. Къ тому же, князь зтотъ временемъ увѣжалъ въ Петербургъ, М^{ше} Алексинская вездѣ и безпрестанно показывалась съ мужемъ, il n'y avait aucune arragence... М^{ше} Шарова выразила мысль, что неловко дѣлать заключенія изъ словъ «d'une Анна Федоровна» (сѣмшавая въ своемъ презрѣннйи мать съ дочерью), и что послѣ этого никто не безопасенъ отъ осужденій, ни на чѣмъ не основанныхъ.

— Скажутъ, chère amie, говорила она М^{ше} Мороновой:— что вы сами распускаете эту клевету, потому что ревнуете князя къ М^{ше} Алексинской.

М^{ше} Моророва была побѣждена этимъ доводомъ и, боясь провинциально отстать въ терпимости, изъ первыхъ поѣхала къ Катеринѣ Александровнѣ. Ей всѣ отдали прощальные визиты, и даже еще разъ, нечаянно для нея, собралась у нея предъ отъѣздомъ, чтобъ еще разъ проститься...

Катерина Александровна отдѣлалась страхомъ; она узнала что такое судъ ея общества. Было чего испугаться, но она уже успокоилась, а успокоившись, почти сочла себя правую.

— Чтѣ я имъ сдѣлала, въ чѣмъ я виновата? говорила она сама себѣ:— я удалилась отъ нихъ, я имъ не мѣшаю; qu'on me laisse jouir ici... Его ждутъ сюда; онъ прѣдетъ...

Она упала на подушки дивана и спрятала въ нихъ свое лицо, она ужъ больше не плакала.

— Господи, Господи!.. повторила она черезъ минуту, приподнявшись, сжимая свои крошечныя ручки и обращая къ голубому небу, свѣтившему въ балконъ сивозъ померанцевыя вѣтки, прелестнѣйшіе кроткіе глаза, полныя мольбы, радостныя...

Она звала Бога, сама не зная зачѣмъ, молила о какомъ-то спасеніи и вмѣстѣ благодарила за что-то. Она говорила себѣ, что сдѣлала все,—убѣжала, и вотъ, гибель ее преслѣдуетъ, она назвала себя преступницей, поблѣднѣла,—и вдругъ какъ-то странно ей бросилась въ глаза, ее заняла эта уютная, уединенная комната, ея свѣжія драпировки, ея маленькая дверь въ садъ, въ глухую сторону сада.

Катерина Александровна выбѣжала на балконъ; она стояла и смотрѣла... ей казалось, что она ждетъ...

— Извините, сказалъ Неряцкій, вдругъ появившійся внизу, на дорожкѣ:—ваша записка?

Катерина Александровна вдрогнула отъ испуга.

— Если готова, потрудитесь мнѣ ее бросить, продолжалъ Неряцкій.

— Нѣтъ еще, я пришло, отвѣчала она, бросаюсь въ комнату.—Этотъ человѣкъ мой тюремщикъ! проговорила она, прислушиваясь, какъ его шаги скрипѣли на пескѣ и удалялись.

Записка почему-то затруднила ее; она искала выраженій и изорвала множество листовъ бумаги съ своимъ вензелемъ. Наконецъ, поздравивъ свою крестную маменьку и отправивъ посланіе къ Неряцкому, Катерина Александровна успокоилась отъ заботъ. Она такъ устала, что на вопросы Настя, какъ убрать вещи, сказала, что ей все надобно, что Настя можетъ убирать все какъ хочетъ, гдѣ хочетъ, одѣлась наскоро, взяла первый попавшійся романъ изъ связки, легла на диванъ и читала до еще-большей скуки. Она бродила по комнатамъ, пустота и длинный день сводили ее съ ума. Обѣдать одной было еще скучнѣе. Она вышла въ садъ, закрываясь зонтикомъ и подумавъ, по-французски, что въ деревнѣ позволительно загорѣть. Садъ былъ въ отличномъ порядкѣ; цвѣтовъ еще не много, но куртины были густо разсажены и расположены съ большимъ вкусомъ. Катерина Александровна встрѣтила садовника, который что-то убиралъ и подвязывалъ.

— Ты, вѣрно, самъ большой охотникъ до цвѣтовъ, сказала она, затрудняясь какъ говорить съ нимъ, думая, что ему жарко оставаться передъ нею безъ картуза на солнцѣ, и не находя возможнымъ сказать ему, чтобъ онъ накрылся.

— Какже-съ! отвѣчалъ садовникъ:—А больше Михаилъ Никаноровичъ охотникъ, это его первая забота: сѣмена, луковички выписываетъ. Нынѣшній годъ, какъ узнали, что вы изволите сюда быть, вновь по ихъ плану клумбы разбивали.

Въ англійскомъ саду, извольте пескотрѣть, около озера, одно мѣсто совсѣмъ вновь отлично убрано.

Катерина Александровна почему-то подумала, что не пойдеть туда; ей вдругъ все перестало нравиться. Она пошла самыми незанимательными аллеями, тѣми, которыя окружали садъ со стороны двора. Ей послышался голосъ Неряцкаго; онъ что-то приказывалъ громко, кажется, даже бранился. Все это показалось Катеринѣ Александровнѣ очень непріятно и какъ-то ее запугало. Она поспѣшила воротиться въ комнату, какъ птица въ гнѣздо, и сѣла въ уголкѣ у окна; не зная чѣмъ дѣлать, не имѣя желанія дѣлать что-нибудь отъ страннаго страха и ожиданія, что вѣтъ сейчасъ случится съ нею что-нибудь не хорошее. Неряцкій прислалъ узнать; въ которомъ часу угодно ей ѣхать къ княгинѣ и не прикажетъ ли она запрягать карету. Катеринѣ Александровнѣ ничего уже было не нужно, ни общества, ни занятія; она отерпѣлась въ своей скукѣ и хотѣла сказать, что никуда не поѣдетъ, но Настя, вмѣстѣ съ вопросомъ отъ Неряцкаго, принесла два чепчика, два маленькія кружевные облачка, и спрашивала который надѣнетъ Катерина Александровна.

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, грустно обращая на него глазки:— скажите, чтобы закладывали.

Когда она выходила садиться въ карету, пышная и нарядная, на крыльцѣ встрѣтилъ ее Неряцкій, также переживавшій свой утренній, изящный костюмъ на парусинное пальто, съ сигарой въ зубахъ и безъ перчатокъ. На его волосахъ были замѣтны слѣды недавняго купанья.

— Желаю вамъ удовольствія, сказалъ онъ Катеринѣ Александровнѣ:— а не хотите ли лучше съ нами? Мы отправляемся на рѣку, версты за двѣ, ловить рыбу. Поведемте; право, это дѣло вѣрное.

На дверѣ стояла запряженная телѣга. Люди, о которыхъ Неряцкій говорилъ «мы», дворовые и два крестьянскіе парня, складывали въ нее бредень, ушаты, принадлежности рыбной ловли.

— Мерси, сказала Катерина Александровна, улыбувшись:— желаю вамъ тоже удовольствія.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ Неряцкій, и она увидѣла, опуская стекло кареты, какъ онъ вскочилъ на облучокъ телѣги, на которую уже наѣла вся его компанія.

Домъ въ селѣ Бубновѣ былъ настоящій замокъ, трехъ-этаж

ный, съ крутыми лѣстницами, корридорами, темными закоулками и цѣлымъ рядомъ парадныхъ комнатъ, нежилыхъ и смотрѣвшихъ мрачно. Такъ какъ княгиня и въ деревнѣ не оставила привычки бодрствовать неизвѣстно зачѣмъ до двухъ часовъ ночи, то эти комнаты уныло освѣщались лампочками, привѣшенными на стѣнахъ. Лампочки были дешеваго вида, скудно снабжались масломъ и плохо управлялись деревенскою непривычною прислугой, такъ что княгиня разъ двадцать въ вечеръ произносила съ ужасомъ: «Quelle puanteur!» а Аделаида Григорьевна еще съ большимъ ужасомъ летѣла наводить ужасъ на лакейскія.

Майскіе дни длинны, солнце еще только склонилось къ западу, когда Катерина Александровна всходила на парадную лѣстницу бубновскаго дема, настоящую барскую лѣстницу, съ почернѣлыми статуями, зимними рамами, прислоненными къ стѣнамъ и грудками сора въ углахъ ступенекъ. По срединѣ лѣстницы, однако, вился тощій шерстяной половикъ домашняго крашенья и производства, съ яркими кактусами, по всей вѣроятности, любимыми цвѣтами княгини, если только княгиня удостоивала избрать себѣ въ природѣ что-нибудь любимое.

Графъ Василій Васильевичъ Теженецкій, въ красной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ штанахъ, заткнутыхъ въ личные сапоги, собирался скатить кого-то съ верху этой лѣстницы, когда въ низу показалась Катерина Александровна. Дзвочка, которой предстояло удовольствіе лѣтней масляницы, спаслась бѣгствомъ, тоже намѣревался было сдѣлать и юный графъ, но Катерина Александровна сказала ему:

— Bonjour, Вася, comme vous voilà beau!

— Ah, madame, закричалъ онъ, сбѣгая къ ней:—а не правда ли, это мило? Нашъ національный костюмъ; я упросилъ grand' papa. Вѣдь мы Русскіе, Катерина Александровна, не правда ли? Я побѣгу, скажу grand' papa, что вы пріѣхали. Comme je suis content, Катерина Александровна, что вы пріѣхали!

Катерина Александровна взошла одна и проходила залу, столовую, гостиную, пустыя комнаты, гдѣ солнце еще горѣло маленькими блестящими на карнизахъ и рамахъ темныхъ картинъ. Очень немногія окна были открыты, отчего воздухъ былъ душный, точно больничный.

Во второй гостиной, княгиня сидѣла за марточнымъ столомъ; ей партію составляли Аделаида Григорьевна, Анна Федоровна и Пехлецовъ. Въ гаубинѣ, у окна было устроено возвыше-

ніе; на немъ стояло кресло съ подушкой—то и другая мягкія до того, что лѣтнимъ вечеромъ одинъ видъ ихъ бросать въ жаръ; на маленькомъ столикѣ былъ рабочій сундучокъ, огромный свертокъ канвы, а подъ столомъ плетеная корзинка съ клубками шерстей. Все это показывало, что это было всеневное жилище княгини, знаменитый этаблисманъ, съ котораго она низошла сегодня, потому что сегодня день ея рожденія и работать нельзя. Для этого дня, Пехлецовъ, столько же вѣрный деревенскій сосѣдъ, сколько безответно-услужливый городской знакомый, пріѣхалъ сдѣлать ей партію.

Спиной къ окну, ничего не дѣлая, ни къ кому не подходя и не обращая рѣчи, ни на кого не глядя, сидѣлъ молодой человекъ въ сюртукѣ, застегнутомъ, безъ признаковъ бѣлы. Онъ казался въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, впрочемъ совершенно напрасно, потому что никто не только не замѣчалъ его, но и не помнилъ о его существованіи. Отъ страха, столько же сколько отъ жара стеколъ, къ которымъ онъ сидѣлъ затылкомъ, горѣли его уши, торчавшіе изъ-подъ торчавшихъ, слегка рыжеватыхъ волосъ. Этотъ молодой человекъ назывался Гусевъ, получилъ воспитаніе въ уѣздномъ училищѣ и былъ мелкій чиновникъ ближняго уѣзднаго города, допущенный въ домъ княгини для переписки бумагъ по межеванію, сильно ее заботившему. Въ теченіе трехъ часовъ, съ тѣхъ поръ какъ были окончены его занятія, онъ не всталъ съ своего мѣста. Онъ позволялъ себѣ только посматривать на графа Василія Васильевича, когда тотъ мелькалъ мимо его; можетъ-быть, быстрая походка графа и заставляла Гусева крѣпче подвертывать ноги подъ стулъ, чтобы какъ-нибудь не зацѣпился за нихъ графъ, но и это совершалось безсознательно.

Полина сидѣла не въ комнатѣ, а на балконѣ, на ступенькахъ, гдѣ было брошено нѣсколько вышитыхъ гарусомъ подушекъ, полинялыхъ приношеній крестницъ и родственницъ, желавшихъ пробудить о себѣ память княгини. Бѣдныя труженицы, слѣпившія глаза за этимъ point gothique и point gobelet, не хотѣли понимать, что несли свои жертвы всепринимавшему, всепоглощающему, вѣчно-жаждущему приношеній, вѣчно недовольному, глухому, слѣпому и сейчасъ забывающему идолу. Еслибы Полина была охотница философствовать вообще, и въ особенности о ничетѣ всего въ мірѣ, ей доставили бы богатый предметъ для размышленій эти поблекшія, зеленоголубыя шерстяныя небеса, черныя полуруги и черныя точки, остатки

бровей и глазъ на лицахъ Турчанокъ и пастушекъ, заржавѣлая сталь и окислѣвшая бронза бисеровъ. Но Полина не размышляла, въ особенности на такую скучную тему, какъ скоротечность всего земнаго и несбыточность надеждъ: она не питала никакихъ надеждъ на княгиню, хотя сама занималась, по ея приказанію, зашиваньемъ фона въ ея каймъ. Полинѣ была дана эта работа съ самаго прѣзда; ей было до смерти скучно цѣлые божьи дни, и теперь, въ пышной пестрой юпкѣ и бѣленькомъ канзу, рисуясь на подушкахъ, дѣлая видъ, что вышиваетъ и засматривается на природу, она кляла все на свѣтѣ, и, для развлечения, читала грязный романъ, который, маленький, изящнаго изданія, очень ловко и незамѣтно прятался у нея на колыняхъ.

Этотъ романъ Анна Федоровна достала на послѣднихъ дняхъ въ Москвѣ и привезла для Аделанды Григорьевны, чтобы снискать ея милостивое расположеніе, но это не удалось.

Въ настоящую минуту, Анна Федоровна проигралась какъ всегда и, какъ всегда, не могла оставаться равнодушною къ своему несчастію. Пехлецовъ, считавшій обязанностію быть игривымъ для праздника и оживлять общество, острилъ надъ несчастіемъ Анны Федоровны и дѣлалъ противъ нея, вмѣстѣ съ Аделандою Григорьевной, маленькія игорныя мерзости, которымъ княгиня снисходительно улыбалась.

— Вы не осторожны, Анна Федоровна, говорилъ Пехлецовъ: — неосторожность надо оставить юности. *Du calme, du calme!*

— Вамъ воды не подать ли? спросила Аделанда Григорьевна.

— Ахъ, ты, Господи! вскричала Анна Федоровна: — это играть нельзя!

— Никто не принуждаетъ васъ, замѣтила княгиня.

— Вѣдь это нарочно, сговорясь, такъ играютъ! продолжала Анна Федоровна, не обращаясь собственно ни къ кому, но бросивъ въ сторону компаньонки мѣлъ, съ такою силой, что онъ переломился; обломки скатились на колѣни Аделанды Григорьевны и запачкали ея шелковое платье.

— Вы хоть рукамъ воли не давайте, возразила Аделанда Григорьевна, покраснѣвъ сколько было возможно изъ-подъ бѣлизны, вскочивъ и обтирая свои оборки.

— Да, да, будемъ сражаться позволеннымъ оружіемъ, словомъ: нынче кстати оно свободно, сказалъ Пехлецовъ, любезно смѣясь.

— Все, вотъ, такъ-то свободно, возразила Анна Федоровна:

— Довольно вамъ трясти ваши оборки, чисто, ничего нѣтъ не сдѣлалось.

— Не угодно ли вамъ видѣть? вскричала Аделаида Григорьевна, подставляя ей подъ носъ свое платье.

— Давно ли вы мѣлу бонтесь?

— Что такое-съ?

— Ничего-съ?

— Вамъ ничего! вскричала Аделаида Григорьевна, стараясь удержаться въ границахъ достоинства:— васъ хоть съ головы до ногъ мѣломъ засыпъ; черное бѣлымъ не сдѣлаешь.

— Княгиня, какъ вы позволяете въ вашемъ домѣ... начала Анна Федоровна.

— Ah, ah, la guerre des femmes, la guerre des déesses, сказала, поемъиваясь, Пехлецовъ.

— Онъ нестерпимы, эти дѣвссы, сказала княгиня, о которую и не такія волненія могли разбиваться, какъ о неизбѣмый утесъ.— Аделъ, играемъ мы, или нѣтъ?

— Grand'maman, вскричалъ, вбѣгая, Вася:— Катерина Александровна пріѣхала, ура!

— Какъ ты кричишь, мой милый, сказала княгиня:— что же такое? Я знала, что она пріѣдетъ. Eh bien?

— Eh bien, grand'maman, я очень радъ, отвѣчалъ Вася, много-много присмирѣвъ:— я закричалъ отъ радости, grand'maman... Я не зналъ, что моя радость будетъ вамъ неприятна.

— Bonjour, ma belle, сказала княгиня, приподнявшись, входящей Катеринѣ Александровнѣ.

Пока она привѣтствовала ее своимъ мертвымъ поцѣлуемъ въ лобъ, Аделаида Григорьевна обняла и поцѣловала Васю, съ нѣжнымъ выраженіемъ любви и горести.

— Несчастный ребенокъ! прошептала она Пехлецову, между тѣмъ какъ мальчикъ тихо и скромно отоинелъ и заботливо поправилъ мантилью бабушки, упавшую на кресло.— Старика деспоты, продолжала Аделаида Григорьевна попрежнему тихо и по прежнему адресу.

— Не всё, произнесъ Пехлецовъ, ослабляясь.

Анна Федоровна, слышавшая это, стукнула талией картъ по столу и тоже встала.

— Такъ ты вчера пріѣхала, моя милая? спросила княгиня Катерину Александровну.

— Да, maman, и, простите, утромъ еще такъ устала, что была не въ состояніи пріѣхать васъ поздравить.

— Я не претендую, моя милая, у меня никто не обѣдалъ; вотъ, и Петръ Григорьевичъ пріѣхалъ вечеромъ. Мы играемъ, пивни.

Княгиня усмалась опять за столъ, что сдѣлали и другіе.

— Ты мнѣ прислала цвѣты; они тамъ. Я велѣла на балконъ вынести, пахнуть сильно.

— Это не мой букетъ, татап. Это Вася хотѣлъ еще вчера, но не успѣли.

— Вася? Такъ за тобой будетъ другое... Что же, мы будемъ играть?.. за тобой другое. У тебя есть въ оранжереѣ земляника, пришли мнѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, татап, все, что прикажете, если поспѣло.

— Должно поспѣть. У тебя прекрасный управляющій, очень старательный... Мнѣ сдавать, однако?.. Онъ былъ здѣсь по моему дѣлу и очень хорошо понялъ. Скажи ему, чтобъ онъ бывалъ у меня; онъ мнѣ еще нуженъ.

— Это изъ рукъ вонъ! воскричала Анна Федоровна, швырнувъ карты.

— Qu'y-a-t-il donc? спросила княгиня.

Она не играла этой игры и, разговаривая съ Катериной Александровной, не замѣтила, что Аделаида Григорьевна показала свои карты Пехлецову, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Анну Федоровну безъ трехъ.

— Это изъ рукъ вонъ! я ремиза не ставлю! продолжала Анна Федоровна:—мы не въ щепки играемъ!

— Анна Федоровна, adieu des économies! сказалъ Вася, закресломъ бабушки.

— Это не знаю что, безсовѣстно!

— Какъ вы смѣете это говорить? вступилась Аделаида Григорьевна.

— Что съ вами церемониться, когда вы мошенничаєте!

— Calmez-vous, calmez-vous, шепталъ ей Пехлецовъ:—это была шутка. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, эти дамы! обратился онъ съ сладкою улыбкой къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Elles sont folles, сказала величественно княгиня:—это скучно, однако.

— Grand'tataп, но Анна Федоровна совсѣмъ проигралась, зашумѣлъ Вася:—elle n'a donc plus rien, Анна Федоровна; войдите въ ея положеніе, grand'tataп!

— Не хочешь ли ты, спросила няня Катерину Александровну:—замѣни намъ Анну Федоровну.

— Хотите? спросила ее Катерина Александровна.

— Мнѣ-то что же? отвѣчала Анна Федоровна: — со мной играть не хотѣть, такъ и безъ того выйдешь.

Она встала.

— Прежде расплатитесь, сказала ей Аделаида Григорьевна.

— Нечѣмъ, нечѣмъ, нечѣмъ, пропѣлъ тихонько Вася.

— Позвольте, я приму на себя вашъ проигрышъ, сочтемся послѣ, сказала ей Катерина Александровна.

— Пожалуй, отвѣчала Анна Федоровна, и ушла на балкъ.

— Освѣжитесь, сѣге Анна Федоровна, закричалъ ей воякъ Вася.

На балконѣ Анна Федоровна увидѣла свою дочь.

— Что ты не выйдешь туда? спросила она.

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ? Алексинская прѣехала; поздороваться.

— Еще успѣю на нее насмотрѣться. На что она мнѣ?

— На что тебѣ всѣ! сказала съ раздраженіемъ мать:—тебѣ никого не нужно, только мать за тебя кланяться.

— Чтѣ вамъ за меня кланяться? Мной не брезгають. Мени еще изъ-за картъ не выгоняли.

Полина равнодушно опустила глаза на романъ.

— Вонъ, вашъ Пехлецовъ, продолжала черезъ минуту Анна Федоровна:—связался съ Аделькой и знать вась не хочеть.

— Ну, и пусть его. Съ Адельной, съ Фиделькой, мнѣ все равно.

— Право, подумаешь, ты принцесса! А вотъ, онъ женится на Аделькѣ, ты и посмотришь.

Полина захохотала.

— Онъ отъ тебя съ однимъ браслетомъ отъѣхалъ, да ужъ и не подходитъ.

— Когда же и подойдти, Богъ мой! вскричала Полина:—развѣ есть у меня одна минута? Шью эту дрянъ цѣлый день, всѣ тутъ вертятся, все подъ носомъ у старухи, козырять цѣлый день, гдѣ же тутъ слово сказать? Я отъ тоски одурѣла! Въдѣ двѣ недѣли слишкомъ. Срамъ одинъ, везли насъ сюда, какъ гусей въ кашокѣ, въ бричкѣ съ тюфяками! Вы выдумали экономію сводить, лѣто прожить даромъ, а того не разочи, что здѣсь умереть можно.

— А въ Москвѣ, ты бы съ голоду не умерла? спросила Анна Федоровна.

— Не умерла бы. Вы здѣсь всё деньги, что за квартиру взяли, проиграете. Много ихъ осталось?

— Амазонку кому сшили, мнѣ что ли? спросила мать.

— Еще бы этого-то не сдѣлали! Вѣдь браслетъ мой такъ и не выкупленъ, чего-нибудь онъ стоить, а я въ тряпкахъ хожу.

— Мало я тебѣ набрала!

— Старой дряни, обносковъ? Благодарю покорно! Опять срамъ одинъ перешивать ихъ, дѣвки хохочутъ. Вы бы, чѣмъ тутъ кезырать, пошли на верхъ да шили. Скучно, видно. А вы прислуживаетесь княгинѣ, бѣзье ей строчите; лучше бы своимъ занялись.

— Поленька, знаешь что? Алексинской дѣвка мастерица, можно ее попросить; она что хочешь сошьетъ, услужливая.

— Ну, поклонитесь ей.

— А ты сама поговори съ Катериной Александровной; она добрая.

— А вы хорошо съ ней обоились на вечерѣ у Морозовой? нечего сказать, умно. Гдѣ совѣсть у васъ подходить къ ней послѣ этого?

— Да вѣдь всё тогда такъ обоились, теперь опять всё помиримся.

— Помирились!.. Веѣ!.. эти «вѣ» не вы, возразила Полина.

— Что же мнѣ было тогда дѣлать?

— Что я дѣлала? Я сумѣла же держаться. А я лучше всѣхъ знала въ чемъ дѣло: сама видѣла и слышала.

— Да вѣдь ты, Поленька, дѣвушка, ты хоть бы и видѣла и слышала, тебѣ вступаться нечего въ эти вещи. Конечно, мы знаемъ, что она такое, а она все-таки права осталась. Пожалуй, вотъ и теперь, она сюда прилетѣла, а князь явится за нею слѣдомъ, тебѣ что до этого!

Полина улыбнулась.

А вамъ еще меньше до чего-нибудь дѣла, возразила она:— садитесь себѣ на верху да шейте.

Анна Федоровна задумалась; впрочемъ, не слова дочери навели на нее раздумье. Мимеходожъ она заглянула въ книгу, лежавшую на козьяхъ Полины.

— Что ты все мерзости читаешь! сказала она.

— Зачѣмъ вы ихъ привезли? возразила Полина, перевертывая страницу.

— Я, вѣтъ, такъ и жду, сказала Анна Федоровна, послѣ минутнаго молчанія:—что эта чертовка женить на себѣ Пехлецова.

— Вы помѣшаетесь, отвѣчала Полина, продолжая читать.

— Помѣшаешься, матушка! Она, смотри, какія штуки выдѣлываетъ; то косою своею накладною къ нему повернется, то ножку свою ему покажетъ.

— У нея не ноги, а слоновыя копыта, замѣтила равнодушно Полина.

— Да онъ, дуракъ, въ первый разъ видитъ, что ему стараются понравиться, и, смотри, попадется; Адельгъ во всемъ счастье. Что бы ему на тебѣ жениться?

— На мнѣ? сказала Полина, вдругъ поднявъ голову.

— Ну, на тебѣ. Чѣмъ ты хуже кого? Молоденькая, красавица...

— На мнѣ? повторила Полина:—этому старикашкѣ?

— Ахъ, матушка, да и получше тебя ему обрадуются!

Полина тихо покачала головой и наклонилась къ книгѣ.

— Богатъ, чиновенъ, умереть скоро. Жила бы барыней. А то что такъ-то. Или изъ дома въ домъ слоняться, покуда оstarѣешь, да къ какой-нибудь, въ родѣ княгини, попадешь въ компаньйонки, какъ эта Аделаида? И то еще слава Богу.

— Ну, тогда и можно помышлять о Пехлецовыхъ, время не уйдетъ, слава Богу! возразила, смѣясь, Полина.

— Не уйдеть! А до тѣхъ поръ?

— А до тѣхъ поръ... повторила Полина:—не мѣшайте мнѣ читать, сдѣлайте милость. Право, подите лучше, дошейте мнѣ юпку къ завтраму. Гораздо больше бѣда, что у меня шляпы нѣтъ; князь прѣдетъ, не въ чемъ ѣздить верхомъ. Несносная эта Горянская не присылаетъ, не пишетъ.

— Картузикъ можно, маленькій, соломенный.

— Да, на базарѣ купить, въ уѣздномъ городѣ! Вотъ, поручите комиссіонеру вашему, этому рыжему болванчику, что тамъ сидитъ!

Она поспѣшно спрятала книгу въ карманъ, на балконъ входили Вася и Катерина Александровна. Игра была прервана, княгиня вышла въ свою комнату; Аделаида Григорьевна, уходя въ столовую дѣлать чай, увела съ собой и Пехлецова. Анна Федоровна, предвидя это, поспѣшила тоже въ столовую.

— Какое здѣсь прелестное мѣсто, сказала, входя, Катерина

Александровна, по-французски, своимъ пѣвучимъ голосомъ.—
Bonjour, chère M^{lle} Pauline.

— Bonjour, chère madame, отвѣчала Полина, почти бросаясь ей навстрѣчу, съ такою радостію и привѣтомъ, что молодая женщина была нѣсколько удивлена и, по добротѣ сердца, обрадована.—Наконецъ и вы здѣсь, какое счастье! Я не знала какъ дожидаться вашего приѣзда!

— Merci de toute votre affection, chère M^{lle} Pauline; право, меня встрѣчаютъ здѣсь всѣ съ такою добротой. Я этого не заслуживаю.

— Ахъ, какъ это можно!

— Чтò вы дѣлаете, chère M^{lle} Pauline, чѣмъ занимаетесь?

— Ахъ, очень скучными вещами! отвѣчала Полина, серьезно и съ искренностію особы, понимающей свое положеніе, и прибавила шепотомъ:—я все работаю. Вотъ только вечеръ мой, пройдись немного, и то недалеко, въ саду. Здѣсь никто не гуляетъ. Княгиня не позволяетъ здравья (Полина выговорила это съ благоговѣніемъ передъ здравьемъ той, которой считала себя обязанною), Аделаида Григорьевна занята, моя маманъ гнѣва.

— А этòтъ шалунъ? спросила Катерина Александровна, показывая на Васю.

— Мы съ нимъ не ладимъ, отвѣчала кокетливо Полина.

● — За чтò же?

— Или, вѣрнѣе, графу не нравится мое общество.

— Знаете, это всегда, сказала Катерина Александровна, серьезно какъ старуха:—мальчики его дѣтъ—дикари.

Катеринѣ Александровнѣ показалось, что вокругъ нея очень оживлено, что ей очень весело. Люди подчасъ бываютъ неприхотливы, или ужь въ самомъ дѣлѣ жизнь ихъ идетъ хотя нарядно, но до того однообразно и тошно, что имъ можетъ показаться весельемъ всякая малость и ангеломъ всякій, кто немножко менѣе чопорно протянетъ имъ руку. Послѣ своего скучнаго дня, Катерина Александровна вообразила, что отдыхаетъ; она прошлась по цвѣтнику съ Полиной, слушая рассказы какъ она проводитъ время. Рассказывать собственно было нечего, но Полина выказывалась милою, рѣзвою дѣвочкой, готовою всему смѣяться, объясняя и оправдывая этимъ свой, слишкомъ памятный для Катерины Александровны смѣхъ на вечеръ M^{me} Мороновой.

«Доброе дитя, счастливый характеръ», подумала Катерина Александровна.

— Знаете, князь Иванъ Петровичъ скоро прїѣдетъ, сказала ей въ эту минуту Полина.

— Да, знаю, выговорила Катерина Александровна.

— Я ужасно рада. Вы будете бывать часто, не правда ли? Между нами... здѣсь довольно скучно; весь день карты, или толки о хозяйствѣ, о дѣлахъ, вотъ съ этимъ, *se petit bonhomme, que vous voyez là*. Не правда ли, какъ онъ забавенъ?... Вы будете часто прїѣзжать, для меня это такое счастье. Будете гулять... Знаете, князь хотѣлъ поучить меня верховой ѣздѣ?

— Да, знаю, повторила Катерина Александровна.

— Для меня это праздники! Я такъ люблю лошадокъ, точно мальчикъ. Если это только какъ-нибудь устроится, я общаю себѣ удовольствіе ѣздить далеко, одна, непременно одна, на своей волѣ. Маменька будетъ сердиться, а вы спасите меня, позвольте прискакать къ вамъ.

— *Mais avec plaisir*, отвѣчала Катерина Александровна, чѣмъ-то довольная.

— *Savez-vous, madame, que je suis folle?* Я такъ люблю шалить, я бы на деревья вальсала, не хуже Вася, сказала, хохоча, Полина.

— Вы счастливица, отвѣчала со вздохомъ Катерина Александровна:—вы такъ молоды.

— А вы не молоды? спросила Полина нѣжно и весело.

— Мнѣ ужъ двадцать два года...

— А знаете ли, какъ вы хороши? прервала Полина настойчиво, съ томъ рѣзвостью, которая, ловко скрывая ласку, даетъ ей вдругъ безцеремонныя права дружбы:—знаете ли, какъ вамъ завидуютъ? знаете ли, какъ васъ не любятъ именно за то, что вы хороши, потому что не находятъ другаго порока? Подурнѣйте, вы увидите, сколько у васъ прибавится прїятельницъ.

— *Ah, chère amie!* проговорила Катерина Александровна, слабо и грустно разсмѣявшись.

— Я знаю, что это такъ, продолжала Полина:—я вижу общество, слышу разговоры. И съ такою красотою считать свои года, воображать себя старухой...

— *Ah, ma belle enfant,* возразила Катерина Александровна:—въ моемъ положеніи ужъ не бываютъ молодцы!

— Въ вашемъ положеніи... *Mais, pardon, madame! je puis être indiscrete...*

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчала Катерина Александровна, вспоминая, что при ней разказала княгинѣ свои отношенія къ мужу, и встревожась мыслию, не замѣтила ли тогда эта дѣвочка еще чего-нибудь другаго.

— Monsieur Алексинскій не правъ передъ вами, продолжала Полина нѣсколько восторженно, какъ чистый духъ, утѣшающій печальнаго смертнаго:—но, повѣрьте, онъ не можетъ быть долго неправъ; въ разлукѣ съ вами онъ оцѣнитъ какъ много вы его любите. Потому что вы его любите! Вамъ кажется, будто вы его разлюбили, а вы только сердиты на него... какъ онъ заслуживаетъ!

— Ah, chère enfant! прервала Катерина Александровна, улыбаясь ея ласковою наивностью.

— Посмотрите, онъ покажется, и... regions, madame! раньше половины лѣта онъ сюда прискачетъ, прямо къ вашимъ ногамъ!

Полина поввѣдила себѣ, въ совершенно-дѣтскомъ восторгѣ, объять Катерину Александровну. Та была успокоена и отвѣчала нѣжнымъ понѣмуемъ.

Чай былъ выпитъ официально, въ столовой, въ кругу за самоваромъ, подъ предсѣдательствомъ Аделаиды Григорьевны, среди идиллическихъ восхваленій, расточаемыхъ Пехлецовымъ довольно-жиденькимъ сливкамъ. Послѣ сливокъ восхвалялася природа, на которую, впрочемъ, никто изъ присутствующихъ въ теченіи дня не обратилъ вниманія,—а послѣ природы деревня. При этомъ имени, встали, раздавались и вздохи.

— Tout est-il tranquille chez vous? спросила княгиня Пехлецова, прервавъ свое долгое молчаніе.

Пехлецовъ, находя, что и французскій языкъ еще недостаточно таинственъ для окружавшей прислуги, отвѣчалъ только наклоненіемъ головы съ потупленіемъ глазъ.

— У Петра Гавриловича не можетъ быть безпорядковъ: онъ настоящій бояринъ старыхъ временъ! воскликнулъ Вася

Княгиня устремила взоръ въ даль, въ конецъ стола, въ упоръ на лицо маленькаго чдновника, и изрела внуку:

— Soyez discret.

Чдновникъ не расслышалъ, но, подумавъ, что его подчуютъ еще ташдой неопредѣленной жидкости, какую обыкновенно называла Аделаида Григорьевна существомъ низшаго разряда, придвинулъ ближе къ себѣ свою пустую чашку и сказалъ громко:

— Доволенъ.

— Что такое? вскричалъ Вася.

— Не хочу больше, доволенъ, повторилъ чиновникъ, не конфузясь, почти съ достоинствомъ, какъ существа низшаго разряда, которыя не стѣняются въ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей.

Вася фыркнулъ и расхохотался, или, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что хохочетъ и не можетъ удержаться, несмотря на равнодушный взоръ бабушки. Аделаида Григорьевна, нисколько не желая смѣяться, но желая выказать, что сочувствуетъ Васѣ, смѣялась, граціозно кивая носомъ надъ чашками. Пехлецовъ осклабился снисходительно и самодовольно покачивался. Катерина Александровна, ничего не понимая, подняла глазки. Полина оглянулась презрительно на все общество, не исключая княгини и кончая своею матерью, которая сначала вспыхнула, обиженная въ лицѣ обиженнаго бѣдняка, а потомъ бросила на него взглядъ обиднѣе всего аристократическаго смѣха.

Это небольшое обстоятельство нѣсколько разбудило общество. Общество если и дремало, то скрывало это, потому что еще не насталъ приличный часъ, но оно видимо коченѣло отъ однообразія, отъ картъ, отъ солнца, отъ періодической ѣды, всего, что наполняло безконечный день. Княгиня почувствовала себя дурно, выходя изъ-за чайнаго стола, и сказала, что играть больше не желаетъ. Надѣвъ предварительно бурнусъ, она удостоила балконъ своего минутнаго присутствія, даже взглянула на сирени, темнѣвшія въ цвѣтникѣ, и пожелала имѣть вѣтку цвѣтовъ.

— Сейчасъ, grand'maman, отвѣчалъ Вася, готовясь сбѣжать.

— Ахъ, роса! сыро! холодно! вскрикнула Аделаида Григорьевна, ущипая за его красные рукава.

— Для чего бѣгать? замѣтила княгиня, возвращаясь въ комнату:—прикажи человѣку.

— Я позвоню, сказалъ Пехлецовъ.

Княгиня поблагодарила. Лакей явился.

— Вѣтку сирени для ея сіятельства, объяснилъ ему Пехлецовъ.

— Я полагаю, пора закрывать окна, замѣтила княгиня.

Лампочки уже мерцали въ залахъ, а на оставленномъ карточномъ столѣ горѣли свѣчи. Лакей, посланный за сиренью, воротился отъ балкона.

— Какой прикажете, ваше сіятельство, — синей или белой?

Княгиня помедлила отвѣтомъ.

— Бѣлой, я думаю, сказала она наконецъ.

Рослые служители запирали на задвижки послѣднія отверстія, пропускавшія свѣжій воздухъ, и спускали сторы. Въ комнатѣ стало жарко, какъ въ печкѣ. Княгинѣ принесли букетъ безъ зелени, вѣникъ, наломанный безъ вкуса и безъ радости. Упругя кисти цвѣтовъ были полны росы; роса осталась на столѣ, гдѣ ихъ положили.

— Какъ я ихъ люблю! сказала Катерина Александровна.

— Сырость, произнесла княгиня, отодвигая ихъ отъ себя:— Аделъ возьми ихъ. У меня голова кружится; отъ этого запаха еще хуже.

— Въ самомъ дѣлѣ, подтвердила Аделаида Григорьевна:— слышкомъ сильный запахъ. Надо приказать выбросить, чтобъ я въ домъ не было.

Лакей, явившійся по новому звонку, исполнилъ это.

— Вамъ лучше успокоиться, сказалъ Пехлецовъ, замѣчая, что лицо княгини, отъ жара, пошло въ пятнахъ.

— Ахъ, grand'maman, какъ вы вдругъ измѣнились! вскричалъ Вася:— что съ вами, grand'maman? вамъ дурно, grand'maman? Что будетъ со мной!

— Mais qu'avez-vous donc? произнесла величественно княгиня:— ты съ ума сошелъ, мой милый. Ничего со мною. Я спать хочу, только. Adieu, mon enfant, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ:— прощайте, Петръ Гавриловичъ, до свиданія.— Ты говорила, Аделъ, что желала бы ѣхать съ Катериной Александровной, ночевать у нея; можешь ѣхать; ты мнѣ не нужна, я здорова, но завтра утромъ, пожалуйста, чтобы къ завтраку ты здѣсь была.

— Bénissez-moi, grand'maman, сказалъ нѣжно Вася.

Княгиня дала ему руку, но отказала въ поцѣлуѣ и благословеніи, и торжественно вышла. Вася очень плачевно остался одинъ среди комнаты, гдѣ, по уходѣ бабушки, его приняли объятія Аделаиды Григорьевны.

— Это ничего, пройдетъ, grand'maman здорова, сказалъ ему Пехлецовъ.

Вася понемногу сталъ хныкать и заставилъ себя заплакать.

— Ахъ, Петръ Гавриловичъ, ахъ... я не могу подуматъ если ни маменька, ни папа, не будутъ при кончинѣ бабушки? что же это будетъ? nous n'aurons donc rien; que deviendrons-nous?

— Конечно, Базиль ребенокъ, но въ наше время надѣ детямъ думать о своей будущности, сивзала выравительно Аделаида Григорьевна.

Анна Федоровна во все время спокойно сидѣла у карточнаго стола, глядя на окружающихъ; свѣчи свѣтили прямо на ея злые глаза и вспутанные волосы. Полина тихо говорила съ Катериной Александровной, которой не оставала.

— Вы пригласили къ себѣ Аделаиду Григорьевну? спросила она.

— Нѣтъ, она вызвалась сама. *C'est une si bonne personne!*

— *Oui, admirable, excellente!* отвѣчала Полина.

Аделаида Григорьевна вышла, чтобы собраться ѣхать, Вася убѣжалъ. Полина взглянула на Пехлецова, уже взявшаго шляпу. Пехлецовъ обрадовался ея вниманію и подошелъ.

— Деревенскій воздухъ благодѣтеленъ, сказалъ онъ:— вы похорошѣли.

— Это болѣе нежели благодѣніе, это чудо, отвѣчала серьезно Полина.

— Чудо, потому что, казалось бы, невозможно...

— Невозможно, чтобы я когда-нибудь могла похорошѣть?

— *Ah, quelle idée!* Невозможно, казалось бы, что-нибудь прибавить къ вашей красотѣ!

— Я когда-то просила васъ, возравила она скрепно и серьезно до строгости:— не говорить мнѣ этихъ милыхъ неправдъ.

— Это не неправда, а справедливая оцѣнка.

— Красоту цѣнить послѣ, прежде цѣнить чувство, сказал Полина и отвернулась.

Пехлецова будто уколода булавкой. Аделаида Григорьевна вошла, закутанная въ бурнусъ, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ; она обиралась на одну ночь въ гости, будто въ дальній путь. Пехлецову какъ-то пришло въ голову, что въ этомъ мѣшиѣ должны быть притираны, эмлякомы в прочее, что было такъ хорошо знакомо ему, передъ которымъ уже не перешлились. Онъ взглянулъ на миленькое молодое личико Катерины Александровны, спрятавшееся въ красный кашпомень, на яркіе глазки Полины,—и ему стало скучно. Съ стѣсненными шагохонъ проводилъ онъ дамъ въ карету, принявъ рукопожатіе Аделаиды Григорьевны, сѣлъ въ фаязонтъ и покатилъ въ свою усадьбу.

II.

Катерина Александровна очень устала, но ее гостья была до такой степени любезна и говорлива, что было бы неучтиво жаловаться на усталость. Аделаида Григорьевна начала ахать съ крыльца, веселящаясь мыслью что видѣла.

— Какъ у васъ хорошо, повторила она: — скажите! вѣдь не меньше состояніе у другихъ, у княгини, а не то. Что ахать порядкомъ; за это, престо, надо Бога благодарить.

— Или моего мужа, сказала Катерина Александровна.

— Нѣтъ! гдѣ вашему Николаю Васильичу! нѣтъ, это не то.

Катерина Александровна могла бы замѣтить, что, войдя подъ ее кровлю, Аделаида Григорьевна будто просвѣтлѣла душой, перемѣнилась въ обращеніи, оставила свое величіе, даже нѣсколько тормошнулась. Грозная повелительница двѣтихъ поцѣловалась, здороваясь съ Настей, назвала прѣбывающаго изъ Москвы лакея: «милый Семенъ», освѣдомилась, радъ ли онъ повидаться съ женой и дѣтьми, которые оставались въ Вознесенскомъ. Катеринѣ Александровнѣ она, просто, прислуживала, вынесла ей бурнусъ, подобрала ей перчатки, подала ей туфель.

— Ради Бога, не беспокойтесь, повторила, конюшая, молодая женщина.

— Полноте, что за беспокойство, я человѣкъ привычный, а у васъ еще отдомысливъ, ей-Богу! ни шуму, ни крику въ домѣ. Вы знаете мою жданы: только съ виду я госпожа, а въ самомъ дѣлѣ хуже всякой дѣвчонки, — все на мнѣ спрашивается. Конечно; я еще молода, но вѣдь и молодой человѣкъ устанетъ, какъ на немъ станути все возмущать. У княгини характеръ вовсе не ангельскій, а мнѣ и двадцати лѣтъ не было, какъ я къ ней вошла.

Катеринѣ Александровнѣ повздалось, что это было едва ли не до ее рожденія, что она еще младенкомъ встрѣчалась съ Аделаидой Григорьевной у своей престной матери, но ей такъ хотѣлось почивать, что она не стала вспоминать дальше.

— Вы такъ благородны, Катерина Александровна, продол-

жала компаньйонка, усаживаясь подлѣ молодой женщины, которой съ этой минуты показалось невозможнымъ прервать разговоръ предложеніемъ идти ложиться:—съ вами я могу быть откровенна. Подчасъ силъ не достаетъ. Скупость, вы знаете, естественная; я отвѣчаю за всякую посуду, которую дѣвчонка разобьетъ. Я, конечно, получаю жалованье, да велико ли? вѣдь надо одѣться, прїѣздъ большой, какъ-нибудь нельзя; она же попрекаетъ да конфузится. Ну, подарил... дрянную какую-нибудь... Еще еслибы дарила съ толкомъ. Репсу, напримѣръ, мнѣ на Святой на платье подарила. Скажите на милость, куда я этотъ репсъ надѣну? Да лѣтомъ еще, добро бы къ зимѣ! А это потому, что матерія тяжелая, въ лавкахъ стала дешева къ лѣту, вотъ она покупаетъ и даритъ,—а что репса зимой, можетъ, никто и носить не станетъ,—это ей нужды нѣтъ. Все такъ-то. И за все я должна въ глаза глядѣть. Ужасно это тяжело, Катерина Александровна, благородной дѣвушкѣ обязываться изъ-за какой-нибудь тряпки, когда бы я могла свой кусокъ имѣть...

— Это очень тяжело, повторила Катерина Александровна, слегка затрудняясь слезами, которыя набѣжали въ глаза гостьи.

— Конечно, я сирота, родители не могли мнѣ дать такого образованія... да что жъ эти образованныя, развѣ лучше? Вотъ, Абаровы, Анна Федоровна съ дочерью, по домамъ таскаются, выпрашиваютъ да переносятъ. А я этого никогда не дѣлала и не сдѣлаю. Я простая дѣвушка, но я уже въ обществѣ была, видѣла и сумѣю себя поддержать не хуже кого другого. Матери у меня,—вы знаете, я имѣю; могла бы, кажется... А все-то деньги!

— Да... тихо проговорила Катерина Александровна.

— А чего я натерпѣлась, вы возьмите, отъ княгини, отъ ея дочерей покойныхъ, отъ графини Агриппины Ивановны!.. А отъ покойницы молодой княгини, матери князя Ивана Петровича!... Господи, что это была за женщина! А еще все о ней говорятъ, что была смиренница... ужъ эти смиренницы! Престо, адскій характеръ! Не знаю, видно самъ Господь сжалился, что князь Иванъ Петровичъ не въ нее;—должно-быть въ отца или въ дѣдушку. Такой ангелъ, веселый, привѣтливый; только съ нимъ душой и отдыхаешь, когда онъ бываетъ. Красавецъ! Я его, просто, жду сюда, не дождусь. Шутки его милыя... такъ бы, кажется, взялъ его да разцѣловать...

Катерина Александровна не замѣчала, что собесѣдница наблюдала какъ ея головка отдѣлилась отъ подушки, къ которой прилонилась; пушистыя рѣсницы, тяжелыя отъ сна, на секунду совсѣмъ закрыли глазки, но когда поднялись, сна въ глазкахъ уже совсѣмъ не было.

— Милый, милый, повторяла Аделаида Григорьевна:—просто, ангелъ, душка, красавецъ, благородное существо... Вотъ, ужь, не дай Богъ, если онъ женится...

— Женится? повторила Катерина Александровна.

— Помилуйте, бабушка его драгоценная затѣваетъ; развѣ мало она толкуетъ? Все «потомства нѣтъ», да, главное, остепенить его хочетъ. Нынѣшнею зимой всѣ уши ему прожужжала. И Хитлевскую сватала, и Торковскую, и не знаю кого. Онъ, бѣдный, придетъ ко мнѣ въ отчаяніи: «Адель, что мнѣ дѣлать? вы знаете, я жениться не могу.»—Что дѣлать? я говорю:—вѣдь вамъ и такъ хорошо? «Ахъ, говорить,—Адель, очень хорошо, я совсѣмъ счастливъ!»—Ну, говорю:—что же вамъ мѣнять вѣрное на невѣрное? Счастливы, и благодарите Бога, не женитесь и оставайтесь при томъ. Вотъ, не женился и не женится. Покуда онъ меня еще слушаетъ, я не допущу, чтобъ онъ связалъ себя навѣкъ.

— Милая Аделаида Григорьевна! сказала Катерина Александровна.

— Право, Катерина Александровна... я ему такъ желаю добра, по благородству его души... Пожалуй, на меня говорятъ, что я передъ старухой все стараюсь за Васю, чтобъ она для него больше сдѣлала. Это совсѣмъ неправда, Катерина Александровна. Если я и ласкаю Васю, то я вѣдь знаю, что это пропащій мальчишка, изъ котораго пути не будетъ; отецъ его промотался до послѣдней нитки, мишурный графъ этотъ, Богъ его знаетъ откуда; Агриппина Ивановна—гордячка, не приведи Богъ, я отъ нея всякія униженія выносила... Что мнѣ за нихъ стараться? я, просто, изъ жалости его ласкаю, да чтобъ еще не напалъ онъ чего,—себя берегу. Еслибъ я могла независимо себя устроить какъ-нибудь,—а! тогда другое дѣло! а теперь, что я?

— Да, ужасное положеніе, сказала Катерина Александровна.

— Вотъ, право, рѣзко сказала компаньонка:—еслибъ я случилась, какъ другія, тысячи наложить себѣ въ карманъ, я была бы покойна. Поклонилась бы княгинѣ, жила бы какъ цѣлый.

свѣтъ живетъ; знала бы изъ вѣкъ изъ никъ одного князя Ивана Петровича... А теперы!... Замужъ развѣ пойдти?

— А что же? сказала, мило улыбувшись, Катерина Александровна:—знаете, это было бы очень хорошо.

— Ахъ, вы точно князь Иванъ Петровичъ! Онъ мнѣ все твердитъ: «Идите, Аделъ, замужъ; у васъ будетъ дождь пріятный.» Я бы пошла...

— Ну, что же? повторила Катерина Александровна.

— Да и женихъ есть! вскричала Аделаида Григорьевна, вдругъ разсмѣявшись.

— Право? Хорошій?

— Хорошій! Дурной на что?

— Кто же это? Pardon, сѣге Аделаида Григорьевна.

— Что вамъ извиняться, помилуйте; я съ вами готова быть совершенно откровенна; я даже васъ попрошу... Пахлоцовъ.

— Неужели? вскричала молодая женщина, не разсмѣявшись, что сдѣлала бы другая на ея мѣстѣ, всеобразивъ эту чепу.

— Онъ! Влюбился въ меня, старый.

— И дѣлаетъ предложеніе?

— Предложеніе... Нѣтъ, не то чтобы предложеніе жениться... а я ему говорю: женись!

— Это прекрасная партія, замѣтила Катерина Александровна.

— То-то я и говорю: женись! А то, что же мнѣ биться изъ ничего? Помилуйте, и скажутъ... ну, да положимъ, это все равно,—а скука, опять тоже, вѣтъ пробудеть въ экономикѣ: боленъ онъ—ходи за нимъ, сиди съ нимъ, вотъ все утѣшеніе. Вѣдь онъ тогда ужъ не станетъ любезничать, какъ съ посторонними. Одва надежда, авось умретъ скоро...

— Ахъ! сказала Катерина Александровна.

— Да, право, продолжала, увлекаясь, Аделаида Григорьевна:—умретъ—не Богъ знаетъ что: деньги развѣ капи... такъ ихъ, неравно, вовремя не успѣешь оплатить; билеты у насъ все именныя. Да хоть бы и женился, не велика благодать—седьмая часть: дунгъ семьдесятъ достанется, — есть нѣтъ, что хлопотать! Потому я и сказала: «защипи мнѣ заранѣе сто душъ да перепиши билетъ въ сорокъ тысячъ на мое имя»,—у него есть таковой билетъ. Такъ нѣтъ, отговаривается, шутъ противный!

— Но какъ же заранѣе? проговорила Катерина Александровна.

— Какъ? Да мнѣ-то какъ же быть, Катерина Александровна.

ни? при чемъ же я останусь? Ходить за нимъ, капризы его сносить, терпѣть нареканія—и ничего за это? Нѣтъ, я такъ не хоту! Госпожа я, такъ госпожа,—не деревню мнѣ запишеть, такъ пусть домъ на мое имя купить, да билетъ въ сорокъ тысячъ,—заранѣе, заранѣе! А женится—такъ еще я статская-совѣтница. Было бы изъ чего, въ самомъ дѣлѣ, переворачивать его, когда издыхать станеть.

Катерина Александровна смотрѣла на нее со страхомъ; Аделаида Григорьевна замѣтила это, и перемѣнивъ тонъ, продолжала рѣзко, будто съ отчаяніемъ.

— А все вздоръ это! что затѣвать!... Я часто думаю: лучше уговорю князя Ивана Петровича, пусть женится поскорѣе, возьметъ меня къ себѣ въ домъ. Успокоилъ бы меня; я бы свой вѣкъ дождала съ его женой, дѣтей бы его нянчила.

— Нѣтъ, ужъ лучше жить въ своемъ домѣ, возразила Катерина Александровна, у которой поблѣднѣли губы:—лучше, въ самомъ дѣлѣ, устройтесь съ Пехлецовымъ.

— А вы помогите!

— Я?... Mais que puis-je faire?

— Просто, скажите ему, что «вотъ, чего вамъ лучше Адели? она васъ любитъ, будетъ васъ поконть (отъ кого онъ этого, старый шутъ, дождется?), но положеніе Адели такое, что ваши родственники могутъ, въ послѣдствіи, надѣлать ей непріятностей, обидѣть ее. Это не потому говорится, чтобы вы были близки къ смерти (чѣмъ ближе-то, тѣмъ лучше, чортъ его возьми),—а для того, чтобы въ свѣтѣ не могли сказать, что вы оставили бѣдную жену, да не позаботились о ней. Покажите ваше великодушіе.» Ну, тамъ, наговорите ему побольше. Ему что скажетъ хорошенькая женщина, то свято, а на васъ онъ заглядывается... Знаете... смѣхъ каной, право!... знаете, мнѣ нѣсколько разъ говорилъ князь Иванъ Петровичъ:—«Видѣть не могу, говорить, какъ этотъ Пехлецовъ глазъ не сводить съ Catherine Алексинской; такъ бы и побилъ его.»

Катерина Александровна смѣялась.

— Полюбезничайте съ нимъ; онъ по вашему приказу тотчасъ женится... И какъ ново это: молоденькая сваха за старую дѣвку... А старая дѣвка, право, рада за васъ жизнь отдать! заключила Аделаида Григорьевна, наклоняясь цѣловать щечки Катерины Александровны.

— Пойдемте спать, la nuit porte conseil, сказала Катерина Александровна, поднимаясь съ диванчика.

— Какая прелесть здѣсь все у васъ! продолжала Аделаида Григорьевна, снимая свою подвязную косу передъ зеркаломъ подъ розовою драпировкой:—насилу догадался Николай Васильичъ мебель купить; у васъ въ Москвѣ, право, какъ не хорошо. Настойте вы, чтобы къ зимѣ было все новое. Цвѣтовъ у васъ много; это его же охота?

— Нѣтъ, управляющаго, отвѣчала Катерина Александровна изъ спальни.

— Николай Васильичъ недогадливъ, не заведетъ, говорилъ компаньонка въ видѣ à parte:— а управляющій, честный у васъ?

— Очень хорошій человекъ.

— Да и житье ему не дурное, продолжала Аделаида Григорьевна, заглянувъ въ спальню, видя, что Катерина Александровна начала молиться, и потому обращаясь къ Настѣ:—вѣдь онъ живетъ на всемъ готовомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Настя:— люди говорятъ, онъ ничего не беретъ изъ хозяйства; курицу къ столу, и ту покупаетъ у нашихъ же мужиковъ.

— О, правда ли? сказала недоувѣрчиво Аделаида Григорьевна:— у него, говорятъ, сколько затѣй во флигелѣ; это, ты думаешь, онъ все на свое жалованье?

— Конечно. Онъ Николаю Васильичу представляетъ счета.

— Счета? Милая, счета бываютъ всякія. Еще отъ сотворенія міра не было управляющаго безъ грѣха.

— Ахъ, вотъ, я во время вспомнила! прервала Настя.— Простите, Катерина Александровна, Михаилъ Никаноровичъ приказалъ передать вамъ журналы и письмо съ почты, а я забыла. Вотъ они.

— Письмо? сказала Катерина Александровна, и ея ручки слегка вдрогнули, взявшись за конвертъ: она узнала почеркъ мужа.

Письмо было въ пять строкъ, писано вслѣдъ за нею, на другой день ея отъѣзда,—ничего больше, какъ извѣстіе, что двадцать четыре часа безъ нея были очень долги. Катерина Александровна смотрѣла на эти пять строкъ, и онѣ начали какъ-то ребѣть и мелькать въ ея глазахъ; Аделаида Григорьевна тоже вошла въ спальню и разсматривала книги русскихъ журналовъ, разпечатанныя, но не разрѣзанныя.

— Это вы получаете? спросила она.

— Нѣтъ, управляющій, отвѣчала Настя.

— И ты думаешь, это тоже на свои деньги? Глупенькая... Эго онъ хочетъ угодить барынь, прислалъ; прислуживается ей еще добромъ.

Катерина Александровна тихонько положила письмо на столикъ у своей постели, потомъ раздумала, велѣла отнестъ его «туда, въ ту комнату»,—и улеглась. Она, однако, напрасно рассчитывала успокоиться: Аделаида Григорьевна еще два часа сообщала ей свои планы и наставленія, какъ дѣйствовать на Пехлецова. Было почти свѣтло, когда онъ заснули.

Аделаиду Григорьевну подняли рано, по ея приказанію: ей надо было успѣть сдѣлать свой туалетъ передъ тѣмъ какъ ѣхать домой; это заняло много времени. Катерина Александровна встала тоже, усталая,—на что были причины,—и скучная,—чему она сама не находила причинъ. Предоставивъ свой туалетный столикъ Аделаидѣ Григорьевнѣ, кутаясь въ бѣлый кашемиръ, она пріютилась на диванчикѣ, грустно глядя передъ собою. Это была уже не одна ежука отъ ожиданія пустаго и скучнаго дня; тутъ было что-то въ родѣ раскаянія, потомъ тяжелое до слезъ сожалѣніе о себѣ,—*des larmes sur une existence brisée*, и среди его какъ будто жалость къ другому человеку, къ тому, чье письмо такъ и бросалось въ глаза своею яркою печатью... а кажется, и Настя было приказано убрать его, и сама Катерина Александровна, съ тѣхъ поръ какъ встала, уже два раза перебросила его съ одного мѣста на другое... Она сидѣла задумавшись и ничего не думая.

— Подушиться, немножко... сказала Аделаида Григорьевна, наконецъ, вставая, Настя, которой насмѣшливые глаза начинали беспокоить ее, отражаясь изъ-за ея плечъ въ зеркалѣ.

Настя подала флаконъ.

— А, вотъ онъ! вскричала Аделаида Григорьевна: — откуда это у васъ?

— Что?

— Флакончикъ этотъ?

— Купленъ, я думаю, отвѣчала Настя.

— Катерина Александровна, откуда у васъ этотъ флакончикъ? спросила Аделаида Григорьевна, не удовлетворяясь этимъ отвѣтомъ.

— Купленъ... сказала Катерина Александровна, машинально повторяя отвѣтъ горничной, и сама чувствуя, что краснѣетъ.

— Гдѣ? когда?

— Право, не помню. Въ *magazin des nouveautés*, кажется.

— Странно, право, до чего похожъ!.. продолжала Аделаида Григорьевна, рассматривая хорошенькую бездѣлку передъ молодою женщиной, на которую тоже успѣвала смотреть. — Настя, матушка, тамъ мой чахолъ, принеси; да осмотри его, пожалуста... Вѣдь до чего похожъ! обратилась она опять къ Катеринѣ Александровнѣ, выславъ горничную: — я вамъ скажу, это исторія. Наканунѣ самаго Нового года, прѣзжаетъ къ намъ князь Иванъ Петровичъ, тащить меня:—«Адель, поѣдьте, мнѣ нужно покупку сдѣлать; чтобы никто не зналъ.» — Какую? — «Подарокъ, говоритъ, миленькій подарокъ.» Я надъ нимъ смѣюсь. Завозилъ онъ меня по *городу*, по магазинамъ; выбираетъ, ничего не выберетъ: все ему не хорошо. Я пристаю: кому подарокъ? потому что надо же, чтобъ и особа стояла такихъ хлопотъ! Не говорить. Надоѣлъ наконецъ. Я говорю:—Ну, купите вещь дорогую, серьги, брошку.—«Нельзя, говоритъ, не возьмутъ.» Все утро мыкались, я съ голоду умираю. Наконецъ, нашли мы, ужъ и не помню гдѣ, между старьемъ, флаконъ этотъ... то-есть не этотъ, все равно! но вотъ точно этотъ: старый саксъ, съ канареечкой на верху. Онъ такъ и схватился. «Это-то, говоритъ, мнѣ и нужно, она сама канареечка!» Заплатилъ въ-три-дорога, страхъ чтѣ... Кому ужъ онъ это, не знаю. Я бывала потомъ въ уборныхъ, вотъ, у Мороновой, у Шаровой; гляжу бывало нарочно, нѣтъ... Такъ, вотъ, сейчасъ и подумала, что это вамъ досталось.

— Зачѣмъ же мнѣ? возразила Катерина Александровна, вся блѣдная: — для чего князю дѣлать мнѣ подарки?

— Ахъ, да что же не дѣлать? Всѣ дѣлаютъ. Другіе, знаете, какъ дарятъ. И въ магазинахъ ужъ наметались: тотчасъ догадываются, что для подарка, и дерутъ вдесятеро. Старички, особенно, попадаютъ. А взять... да что же такое? Вотъ эта, Чекальева, ма что рожа, и тоже смиренничаетъ, а я, одинъ разъ, ее въ магазинѣ у башмачницы встрѣтила; ей эта мадамъ говоритъ: «Я сейчасъ поддюжины туфель *monsieur* Касутину отправила; *comme je sais*, говоритъ, *que c'est pour vous*, я ихъ всѣ, даже которыя и не нужно было, широкимъ кружевомъ отдѣлала...» *Chantilly*, представьте себѣ!..—«Это вамъ, говоритъ, на чепчики годится, а *monsieur* Касутинъ довольно богать, заплатить можетъ.» — Вотъ, и извольте!.. А вамъ, почему не взять отъ князя Ивана Петровича? Онъ богать... Я

такъ и думала, это отъ него, заключила компаньонка, засмѣившись и взглянувъ на Катерину Александровну.

— Нѣтъ, повторила та чуть слышно.

— Такъ я у него добьюсь, кому онъ отдалъ. Этакимъ шалунъ! Бабушка узнаетъ, не скажетъ спасибо. Она часто повторяетъ, что этихъ вещей не потерпитъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ справедливо, Катерина Александровна, согласитесь: какая будущность для молодаго человѣка, если онъ свяжетъ себя страстію, да еще сохрани Богъ, къ замужней женщинѣ? Ему-то еще ничего, но ей-то, если откроется? Исторія, мужъ, въ свѣтѣ знать не захотятъ... Я всегда думала, что это или Морозова, или Шарова. Вы не знаете?

— Не знаю, отвѣчала Катерина Александровна, едва живая.

— Ну-съ, вотъ я и готова, сказала Аделаида Григорьевна, застегивая послѣднюю брошку.—Пора мнѣ вѣхать. Настя, скажи объ экипажѣ, чтобы подавали.

— А чай? спросила Настя, выходя.

— Чтò ты! я еще дома за нимъ три часа высижу... Такъ-то, прелесть моя, обратилась она довольно нецеремонно къ Катеринѣ Александровнѣ, когда ушла Настя: — я вамъ напомню нашъ вчерашній разговоръ о Пехлецовѣ. Онъ у васъ, вѣрно, скоро будетъ, не утерпитъ. Вы его хорошенько. Такъ и скажите: «женись, а прежде все какъ слѣдуетъ устрой.» Я вамъ говорила, вы припомните. А я вамъ сама пригожусь, я это знаю. Видите, какія вы нервныя, ничего скрыть не можете: вся помертвѣла... А вы будьте увѣрены, что, какъ я съ вами, такъ и вы со мной можете быть откровенны; только не довѣряйтесь всякой дряни, — вонъ, дѣвчонкѣ этой; она къ вамъ вчера все лѣзла. На чтò онъ вамъ? Держитесь такихъ людей, которые къ вамъ истинно расположены... До пріятнаго свиданія.

Настя вошла съ докладомъ о каретѣ, и Аделаида Григорьевна уѣхала. Ея послѣднія предостереженія не заставили Катерину Александровну отмѣнить приказаніе, отданное Настѣ еще съ вечера: уложить въ картонку круглую сѣрую шляпу съ широкими полями, настоящую парижскую, которую мужъ поднесъ Катеринѣ Александровнѣ наканунѣ ея отъѣзда въ деревню, и прелестную штучку синяго барежа, тоже его подарокъ, — оба почему-то ненавистные. Эти вещи было приказано передать М^{ше} Полинѣ и извиниться, что Катерина Александровна не успѣла притомъ написать записки. Аделаида

Григорьевна не подозрѣвала, что везетъ подарокъ «дѣвчонкѣ», и всю дорогу провела въ размышленіяхъ, отъ которыхъ ея фizioномія возвратилось величіе, а ея глазамъ — ихъ яркій блескъ и неопредѣленное смѣшеніе рѣшительности и «себѣ-на-умѣ».

Едва ушла она, Катерина Александровна отворила свой балконъ и сошла въ садъ. Ей было тяжело, страшно, совѣстно; она, казалось, не видѣла свѣта передъ собою. Ея ножки были мокры отъ росы, полурасплетенные волосы поднимались подъ вѣтромъ; ей хотѣлось все идти, бѣжать... но куда же?

Въ аллеяхъ было тепло, влажно, и пахло свѣжею листвою; тѣнь отъ стволовъ деревьевъ ложилась на дорогу, будто тѣнь отъ колоннады; между деревьями мелькали лужайки съ желтыми, голубыми, бѣлыми цвѣтами, пчелы жужжали, бѣлыя бабочки такъ и вертѣлись цѣлыми стаями. Катерина Александровна остановилась и смотрѣла. Она подумала, по-французски, что въ деревнѣ очень хорошо.

— Здравствуйте, Катерина Александровна, сказалъ Неряцкій, такъ неожиданно, что она испугалась.

Онъ проходилъ не одинъ; за нимъ дворовый мальчикъ катилъ тачку съ дерномъ, другой несъ скребки и лопаты. Катерина Александровна тутъ только замѣтила, что она уже въ «англійскомъ» саду, и дошла до того мѣста около озера, гдѣ Неряцкій затѣялъ убраться что-то вновь, куда ей, накануне, казалось непріятно идти.

— Не хотите ли посмотреть, что здѣсь дѣлается? продолжалъ Неряцкій:— видъ отсюда прехорошенькій. Въ полу-горѣ разбили цвѣтникъ, а впрочемъ остальная природа только вычищена, а не украшена. Я васъ сведу.

— Нѣтъ, сыро, возразила Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ... кто жъ такъ выходитъ? сказалъ онъ:— поневолѣ никуда не пройдетѣ, а будете только кружить по цвѣтникамъ. Проводили вашу гостью?

— Да; она торопилась.

— Какая красавица! продолжалъ Неряцкій, идя съ Катериной Александровной:— глядя на нее, убѣждаешься, какъ совершенны могутъ быть дѣла рукъ человѣческихъ, когда царь-человѣкъ возьметъ природу, да подмажетъ ее хорошенько;— своя рука владыка!.. Куда же она торопилась?

— Домой. Она необходима княгинѣ, отвѣчала Катерина Але-

Александровна съ небольшою досадою на его безцеремонный тонъ и шутки.

— Хорошо, что вы договорили кому она необходима, продолжалъ невозмутимо Неряцкій.— Княгиня! Это дѣло другое. А то, признаюсь, я бы никакъ не догадался. Княгиня, конечно. Ея сѣятельство дремать хочеть, да не дремлетъ; эта расписанная особа... что бѣ ужъ ей татуироваться? одинъ разъ на всегда, безъ хлопотъ!.. она ей разкажетъ сплетню, убаюкаетъ. Княгиня обругаетъ ея отца роднаго; она примолвить: «да-съ, точно такъ, покорно благодарю.» Княгиня ничего дѣлать не дѣлаетъ, вотъ ей товарищъ... И какъ весело ничего не дѣлать! сыта, покойна. Конечно, только при такихъ особахъ, какъ ея сѣятельство, могутъ процвѣтать подобныя этой особы. Потому-то я и удивился, что вы ее съ собой привезли; на что она вамъ понадобилась?

— Я была еще ребенкомъ, когда ее знала, возразила Катерина Александровна.

— А теперь, неужели вамъ съ ней... по крайней мѣрѣ, не скучно?

— Почему же скучно? Какъ со всѣми. Elle a donc de l'éducation.

— Право? Вы шутите, возразилъ онъ, разсмѣявшись:—я понимаю вашу доброту, но ужъ такой неприхотливости отъ роду не видывалъ! Вы шутите.

— Я не имѣю права быть прихотливою, отвѣчала Катерина Александровна, обидясь:—я получила не больше воспитанія. Я моложе, я богата, но это не даетъ мнѣ права быть невнимательною, это значило бы оскорбить.

Неряцкій опустилъ голову и шелъ молча. Катерина Александровна ободрилась, воображая, что своими, какъ ей казалось, грозными словами поставила на мѣсто этого неучтивца.

— Ничто такъ не тяжело для бѣдныхъ людей, продолжала она въ совершенной увѣренности, что говорить неоспоримыя истины и защищаетъ чьи-то права:—какъ пренебреженіе со стороны тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Надо быть, я не знаю какъ, неделикатнымъ, чтобы допустить ихъ даже подозрѣвать такое пренебреженіе.

Неряцкій улыбнулся.

— Вы ангель доброты! сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Нѣтъ, право, продолжала Катерина Александровна, только услышавъ слова, но не замѣтя ни жеста, ни улыбки:—со-

гласитесь, эта дѣвушка бѣдна; шатап... княгиня, какъ многія старухи, часто бываетъ... взыскательна. Не обязана ли я... Но я и по сердцу готова сблизиться съ этимъ бѣднымъ, благороднымъ существомъ!

Нерацкій безцеремонно расхохотался.

— Нѣтъ, ужъ позвольте! прервалъ онъ:—вы сами сказали, ваша крестная маменька взыскательна. Похуже! Она въ величїи своемъ и загадочности уподобилась сфинксу; міры падутъ вокругъ нея и не сдвинуть ее съ этаблисмана; сломи себѣ голову Васька, или прострѣли себѣ голову тотъ, кутила,—она не спроситъ почему это случилось, и воздохнетъ только о родѣ Десятовыхъ,—гдѣ же ей и помыслить о прочихъ смертныхъ? Она не человѣкъ, она нѣчто безплотное, «ея сіятельство», а если уступаетъ и соглашается, что и она сотворена изъ костей и тѣла, то это, по ея понятіямъ, нѣчто иное чѣмъ у другихъ, нѣчто, если еще не совсѣмъ безсмертное, то просвѣтленное; по ея понятіямъ, даже ея гадкая старость и драблосность не должны никому казаться гадкими,—вотъ вапа княгиня! а у такой особы, бѣдной приживалкѣ...

— Должно быть очень тяжело, прервала Катерина Александровна, разсерженная, но озадаченная до того, что не умѣла даже выразить своего гнѣва.

— Да, еслибъ эта приживалка была человѣкъ. Но будь она человѣкъ, она не стала бы жить при княгинѣ, а такъ какъ она хуже того, что заводится въ гнили, она и живетъ, и покойна, и довольна, и независима. А вы воображаете, что она зависитъ отъ васъ? Вы отъ нея, Катерина Александровна! Вамъ не войдетъ въ голову, что можетъ сдѣлать противъ васъ эта дрянь, потому что добра онѣ не дѣлаютъ, не умѣютъ, не въ ихъ натурѣ!

— Я думаю, въ натурѣ всякаго человѣка быть благодарнымъ за добро, или за вниманіе, которое ему оказываютъ, возразила молодая женщина, вспыхнувъ и въ смущенїи.

— Повторяю вамъ: эта приживалка не человѣкъ. Бѣдный человѣкъ, если въ немъ есть на волосъ достоинства, трудится, зарабатываетъ свой хлѣбъ,—пожалуй, живетъ въ чужомъ дождѣ, но несетъ тамъ обязанность, ходитъ за больными, учитъ дѣтей... цыплятъ считаетъ, наконецъ! Но эта живетъ даромъ, ни для чего, а потому что привыкла къ пирожнымъ, къ тушамъ на каблучкахъ. Она готова полъ лизать вслѣдъ за ея сіятельствомъ, лишь бы ея сіятельство осчастливила, подачку дала за это.

Она не цѣнить, потому что не опособна понять истинное добро; не надо ей вашего вниманія. Ей вдвое ненавистенъ тотъ, кто обращаетъ на нее такое вниманіе, потому что тотъ человѣкъ разбираетъ ея настоящее положеніе и, слѣдовательно, можетъ догадаться какъ она унижаетъ себя. Разкажите ей ваше горе, она продастъ его кому оно годится, а подарите ей это (Неряцкій, забывшійся, схватилъ конецъ ея кашемира), выгоните ее изъ дома и плюньте ей вслѣдъ, она поблагодаритъ васъ... Извините, прибавилъ онъ, встрѣтивъ ея испуганный и разгнѣванный взглядъ.

Катерина Александровна подумала, что этотъ человѣкъ ужасно дурно воспитанъ, и въ деревнѣ, съ мужиками, потерялъ послѣднія привычки приличія. Не находя что сказать, она только пошла скорѣе, удивляясь какъ ещедалеко до дома и не замѣтивъ, по не знанію мѣста, что, разговаривая, Неряцкій повернулъ въ противоположную сторону рощи и теперь приходилось дѣлать длинный обходъ. Она оглянулась; кругомъ все было тихо, только перекликались и пѣли птицы; роща казалась пустыньѣе, дорога уже не была отдѣлана и усыпана пескомъ; по ней проросла трава и лежали прошлогодніе листья.

— Какъ далеко, сказала она съ нетерпѣніемъ.

— Вы устали? что значить непривычка! Вотъ сейчасъ будетъ большое срубленное дерево; можете отдохнуть, отвѣчалъ Неряцкій.

— Куда же это я зашла? На край свѣта! продолжала Катерина Александровна, не скрывая досады.

— Только на край вашихъ владѣній, отвѣчалъ Неряцкій:— помѣщикъ Магѣвъ, сосѣдъ вашъ, затѣялъ оттягать у васъ половину этой рощи, какъ разъ до этого мѣста.

— Mais c'est une indignité! вскричала Катерина Александровна.

— Я думаю, что indignité, повторилъ, улыбаясь, Неряцкій:— но по силѣ довѣренности, которою вы почтили меня и предоставили мнѣ право, при случаѣ, защищать ваши интересы, я могу вести процессъ, а въ N. нашлось чудо: председатель гражданской палаты и его товарищъ не берущіе взятокъ. Роща останется за вами. Пока, это воображаемая граница двухъ враждующихъ державъ.

— Это очень скучно, сказала Катерина Александровна:— пожалуйста, чтобъ этого не было.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Неряцкій:— садитесь и отдыхайте.

— Ахъ, ландыши! вскричала Катерина Александровна, бросаясь къ цвѣтамъ, которые бѣжали подъ тѣнью большого дерева:—миленькіе, я еще ихъ не видала!

— Отдыхайте, я вамъ нарву, сказалъ Неряцкій.

— Миленькіе, повторила она, нюхая цвѣты, которые онъ ей подалъ:—довольно, не мучьте ихъ больше. Всякій день буду сама ходить въ рощу; нарву себѣ сама полную комнату ландышей, фіалокъ, всего...

— А голова у васъ не разболится? спросилъ Неряцкій, глядя на нее серьезно.

— Oh, mais je ne suis pas peureuse!

— Что жъ это вы? сказалъ онъ, улыбнувшись:—какъ же вы живете въ свѣтѣ? это, пожалуй, годится намъ, деревенщину, крѣпкіе нервы...

— Vous êtes injuste, начала она, ласково глядя на свой прелестный букетъ:—вы не справедливы... За что вы браните свѣтъ?

— Развѣ я его браню? Я только говорю, что въ немъ дѣлается.

— Нѣтъ... Но сейчасъ за что вы бранили эту бѣдную Аделаиду Григорьевну, княгиню?.. продолжала Катерина Александровна, повеселѣвъ какъ ребенокъ, котораго раздражали и утѣшали:—право, это не хорошо.

— То-есть, онъ не хороши, сказалъ Неряцкій, глядя какъ она пресерьозно считала четъ или нечетъ цвѣтковъ на одной былинкѣ, вѣроятно, гадая, и, кончивъ, улынулась и покраснѣла.

— Но вѣдь онъ вамъ ничего не сдѣлалъ? Весь свѣтъ таковъ.

— Да-съ, и я, къ счастью, не имѣю съ нимъ никакого дѣла, отвѣчалъ Неряцкій:—но вотъ вы въ немъ живете; что же, хорошо вамъ?

Катерина Александровна встрепенулась.

— Что же, сказала она, испугавшись:—свѣтъ, въ отношеніи ко мнѣ...

— То-есть, онъ еще не злословилъ васъ, не клеветалъ на васъ, прервалъ Неряцкій:—онъ еще понимаетъ, что это не всегда можно дѣлать, что за это, пожалуй, и шею свернуть, кто попадется. Но вамъ тошно отъ него не бывало?

— Какъ это? спросила она, вздохнувъ свободно.

— Такъ, просто тошно, физически тошно.

— Да!.. Вы хотите сказать, что однообразно...

— Итъ, итъ, помилуйте! и хорошее бываетъ однообразно; вотъ, роща очень хороша, а все дерево да дерево.

— Je ne vous comprends pas. Стало-быть, тамъ все дурно? Вы, въ самомъ дѣлѣ, несправедливы. Тамъ, гдѣ... (Катерина Александровна затруднилась говорить по-русски) тамъ, гдѣ воспитаніе, приличія, средства, образъ жизни, les traditions... en un mot, tout! все это располагаетъ, чтобы люди лучше были... и они въ самомъ дѣлѣ лучше, мягче, благороднѣе... вы хотите искать зло...

— Конечно, это все равно, что искать воды въ рѣкѣ, замѣтять Неряцкій, идя опустивъ голову.

— Vous plaisantez!

— Общество это до конца прогнило, а все еще на себя радуется! «Education,» какже! французско-замоскворяцкое нарѣчіе! Женщины... Которая и поумнѣе, та боится думать, насильно себя одуряетъ изъ приличія: «думать неприлично...» Да никто ничего и не думаетъ. Какъ думать? Тронешь одну—сто бѣдъ на голову валится; шевельнешь одинъ рѣхъ—за нимъ сотня ползетъ... Что тутъ думать? закрыть глаза, да дожидать какъ-нибудь!.. Эта безтѣлестная княгиня, эти барыни привередницы, эта молодежь недоучка, носъ поднимать, по уши въ долгахъ, за плечами скверныя исторіи, ни Бога не знаетъ, ни здраваго смысла... Ни въ комъ правды, ни въ комъ достоинства; другъ передъ другомъ до конца унизились, ненавидятъ другъ друга, какъ разбойники другъ друга ненавидятъ...

Катерина Александровна похолодѣла отъ страха; у нея мелькало въ головѣ только то, что она одна въ лѣсу съ этимъ человѣкомъ.

— И вѣдь какъ глупы!.. Сжалится кто-нибудь надъ ихъ дурью, станеть имъ вотъ такъ говорить: «опомнитесь,» куда! прогнѣваются: «ажитаторъ, опасный человѣкъ»... Да ну ихъ!

Катерина Александровна молила Бога только о томъ, чтобы скорѣе достичь дома.

— Между ними есть и хорошіе люди, продолжалъ Неряцкій: какъ не быть исключеній. Исключенія самыя блестящія: люди образованные, съ теплымъ сердцемъ, готовые на добро, способные на дѣло. Они видятъ, что тѣ дурны, но эти дурные люди—сеом; они не только не оставляютъ ихъ, но отстаиваютъ, грѣшатъ потворствомъ, поддерживаютъ: сеом, видите, солидар-

ность!.. И изъ этой солидарности, изъ этого потворства, дѣльные, превосходные люди мельчаютъ, теряютъ свою энергiю, портятъ самихъ себя, портятъ дѣло.

Катерина Александровна шла молча.

— Если вы не раздумывались объ этомъ, не выжидали, продолжалъ Неряцкій, помолчавъ тоже и глядя на нее:— то невозможно, чтобы хотя смутно не чувствовали. Вашъ мужъ человекъ честный и хорошій, но онъ не изъ вашего круга, ему круто съ вашимъ антуражемъ, вы сами знаете. До сихъ поръ, онъ влюбленъ въ васъ какъ въ медовый мѣсяцъ, стало-быть, и въ мнѣнiяхъ вы согласны; конечно, какъ женщина, и молодая, вы не можете чувствовать рѣзко, какъ мы, но все-таки вамъ въ самомъ должно быть и тошно, и противно. Мнѣ жаль васъ, зачѣмъ редились вы среди этого *сельта*. Скажу вамъ лучше всякаго доктора: этотъ свѣтъ виноватъ, что вы заскучали въ Москвѣ... Надо же въ самомъ дѣлѣ, чтобы и здѣсь вы отъ него не избавились, чтобы нечистая сила прислала сюда нынѣшній годъ эту сiятельную сволочу! Она вамъ покоя не дастъ; вы же, на бѣду, добры. Позвольте мнѣ распорядиться, если вы сами не въ силахъ: я велю запереть ворота, и какъ явится кто: приживалка, сiятельный отрокъ, сама матушка, кавалеристъ,—безъ различiя пола и возраста, всѣхъ гнать... Прикажете?

Онъ смѣялся.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, проговорила Катерина Александровна нетерпѣливо и съ неописанною радостiю, завидя свой балконъ.

— О-о, какъ вы устали! сказалъ Неряцкій, когда она прибавила шагу:—и, можетъ-быть, еще ничего не ѣли съ утра?

— Ничего.

— Прекрасно, покушаете съ удовольствiемъ. Какъ вы поздоровѣете, увидите сами. До свиданiя. Я вчера прислалъ вамъ журналы.

— Да, я видѣла, мерси. Я вамъ отошлю ихъ.

— Вамъ не угодно ихъ читать?

— Нѣтъ... я думала, вамъ нужно...

— Я могу подождать.

— Пожалуста, сказала она, остановясь у своей гѣстицы:— въ оранжерейхъ есть земляника?

— Вамъ угодно ее къ завтраку, со сливочками? Какъ не быть, отвѣчалъ онъ весело.

— Нѣтъ... но, видите что... велите обобратъ и пошлите... съ верховымъ. Я обѣщала маман.

— Ея сѣятельству?

— Да, отвѣчала она, некогда.

— Слушаю-съ.

Онъ не трогался съ мѣста, пока она всходила. Она остано-
вилась на верху, подумала, и, сконфуженная, обратилась къ
нему.

— Monsieur Неряцкій!

— Что прикажете?

— Вчера, княгиня Катерина Петровна говорила мнѣ, что
хочетъ, что хочеть... qu'elle aurait besoin de vous voir chez
elle.

Неряцкій поклонился, не отвѣчая. Катерина Александровна
ушла въ комнату.

Онъ пошелъ скоро къ своему флигелю, неровною, сильною
погодкой, по которой жители Вознесенскаго примѣчали, что
уравляющій сердить. Неряцкій былъ не сердить, но два года,
съ того лѣта, которое Катерина Александровна прожила въ
деревнѣ вмѣстѣ съ мужемъ,—до сумашествія влюбленъ въ
Катерину Александровну. Утренняя прогулка его встревожила,
взволновала... впрочемъ, и разсердила.

III.

Прошло недѣли двѣ. Деревня все хорошѣла, хотя ландыши
замѣнились незабудками, поля изъ синеватозеленыхъ перешли
въ бурый золотистый цвѣтъ, въ рощахъ рѣдкій прозрачный
лѣсъ сдѣлался темнѣе, и носился запахъ уже не одной ожив-
шей земли, но и свѣжаго гриба, который поднималъ красную
шапочку изъ побѣлѣвшаго моха. Становилось ужь очень жарко
къ полднямъ, рябина цвѣла, и ночи бывали грозныя. Цвѣтники
начинали пестрѣть; розы были великолѣпны, крупныя, яркія,
бѣльныя; онѣ замѣтно веселѣли и улыбались, когда ихъ освѣ-
щали водой изъ лейки. И въ господскихъ домахъ прибавлялся
рискодъ на ледъ и воду.

Въ княжескомъ домѣ села Бубнова, въ десять часовъ утра,
творили по одному окну въ комнатѣ, въ избѣжаніе сквознаго
лѣта; въ одиннадцатъ спускали маринизъ надъ балкономъ. Изъ-

подъ маркиза, въ цвѣтникѣ, видѣлись только желтыя лиліи-сальчкм и желтыя лиліи-тириды, подобіе кактусовъ, изображаемыхъ на канвѣ княгиней. Другихъ цвѣтовъ не было, но и этихъ было достаточно, потому что княгиня однажды удостоилась произнести, взглянувъ въ окно съ вершины своего эстатблсмана:

— Ces fleurs éclairent comme une illumination, un kiaking.

Аделаида Григорьевна три дня повторяла «kiaking». Это повторялъ и Пехлецовъ, являвшійся аккуратно каждый день, когда вставали изъ-за обѣда, для партіи ералаша, за который принимались тотчасъ. Въ десять часовъ вечера гости понли чашкой легкаго чая и сажали опять козырять до часа ночи. Если случалось княгинѣ, въ увлеченіи выигрыша, проговориться: «J'ai une faim canipe,» то являлась какая-нибудь omelette, lait caillé, или остовъ вчера зажаренной птицы, всегда грустнаго вида и малаго размѣра. Какимъ бы собачьимъ голодомъ ни страдали присутствующія, онѣ были обязаны только улыбнуться княжеской фантазіи покушать, и отказаться отъ всего, что онѣ и дѣлали, компаньонка, Анна Федоровна и Полина, кромѣ Пехлецова, который, всегда съ милою шуткой надъ своимъ невоздержаніемъ, отваживался взять часть изъ этого, казалось бы, недѣлимаго.

Несмотря на предположенія частыхъ свиданій, lectures, longues promenades и прочаго, жители Бубнова почти не видались съ Катериной Александровной. Все какъ-то «не удавалось», какъ всегда бываетъ у людей, не умѣющихъ ни сблизаться, ни поселиться. Конечно, веселье было бы не велико и отъ сближенія. Катерина Александровна пріѣхала одинъ разъ провести день, потомъ вечеръ. Утромъ она вышла по кисеѣ два естона, подъ руководствомъ Анны Федоровны, слушая французское чтеніе Аделаиды Григорьевны; потомъ ее посадили за карты, до ночи, въ замѣнъ Пехлецова, котораго не явился, что избавило ее отъ затрудненія, «une soirée», переговорить съ нимъ объ Аделаидѣ Григорьевнѣ, какъ она обѣщала.

Потомъ ей показалось неловко, бывая «такъ часто» у maman, не пригласить ее къ себѣ. И Катерина Александровна пригласила всѣхъ passer une soirée, просила передать это приглашеніе и Пехлецову и устроила свой вечеръ такъ парадно, какъ будто давала его для самыхъ церемонныхъ знакомыхъ. Она даже одѣлась къ этому вечеру, приказала Неряцкому, чтобы комнаты были освѣщены и цвѣты вынесены, потому что у maman

отъ нихъ голова кружится, и кстатъ, пригласила Неряцкаго. Она увидѣлась, что онъ не придетъ. Неряцкій пришелъ, однако, и, въ удивленію Катерины Александровны, постоянно ожидавшей что-то, все обошлось благополучно. Княгиня увидѣла Неряцкаго необыкновенно дружелюбно и тотчасъ заговорила съ нимъ о своемъ межеваніи. Неряцкій слушалъ внимательно и серьезно, объяснилъ что-то, что-то посовѣтовалъ. Когда она сказала, что пришлетъ къ нему юнаго Гусева, чтобъ онъ его наставилъ какъ написать какую-то бумагу, Неряцкій, хладнокровно, но очень учтиво, сказалъ: «Извольте, пришлите; я сдѣлаю, что нужно.» Княгиня сдѣлалась съ нимъ изумительно любезна, даже безъ покровительственнаго тона, даже выказывая ему предпочтеніе передъ Пехлецовымъ, и сама предложила ему играть съ нею. Они засѣли: Неряцкій, княгиня, Анна Федоровна и Пехлецовъ. Аделаида Григорьевна сама выразила желаніе остаться съ Катериной Александровной и, открывъ рояль въ маленькой гостиной, огласила окрестныя рощи трелями *Травиаты*. Неряцкій поднималъ голову отъ картъ и послушалъ. Пехлецовъ умильно усмѣхнулся. Полина дѣтски игриво побѣжала на звуки, напѣвая то же. Неряцкій еще разъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. За трелями, Аделаида Григорьевна начала издавать патетическій кашель, и княгиня объяснила Неряцкому, впрочемъ, ни взоромъ, ни движеніемъ не требовавшему объясненія:

— *Cela est dans l'орéga.*

— Ахъ, *Травиата!* вздохнулъ Пехлецовъ: — *Mlle Pauline, Травиата!*..

— *Plait-il?* спросила Полина.

— *Травиата!* Какъ хорошо! Вы знаете?

— Знаю, отвѣчала она и ушла.

Анна Федоровна посмотрѣла на старичка своимъ ястребинымъ взглядомъ и въ волненіи спутала игру.

— *Вася, mon ami,* будьте какъ дома, сказала ему Катерина Александровна.

Но Вася велъ себя безукоризненно скромно; онъ не отошелъ отъ креселъ бабушки, иногда подавая свое мнѣніе насчетъ игры и выказывая рѣдкую сообразительность. Бабушка была два раза спасена его совѣтомъ. Въ промежуткахъ игры, если слышалъ что-нибудь, Вася слушалъ съ почтительнымъ вниманіемъ и дѣлалъ нѣкоторыя, несмѣлыя съ вида, но очень рѣшительныя замѣчанія...

Катерина Александровна съ компаньйонкой и Полиной общались цѣвѣтники и оранжереи, и вообще провели время d'une manière charmante. Игра продолжалась, по обыкновенію, за полночь. Неряцкій обыгралъ всѣхъ, равнодушно счелся, положилъ деньги въ карманъ и ушелъ домой.

— Человѣкъ, привычный къ счетамъ, къ большимъ суммамъ, сказалъ ему вслѣдъ Пехлецовъ: — въ одинъ мигъ кончилъ; не то, что вы, Анна Федоровна, всякую четверть копѣйки во всѣхъ углахъ записываете, пересчитываете...

— За то, я думаю, онъ и обсчитываетъ лихо, возразила Анна Федоровна, какъ всегда, пунцовая отъ отчаянія.

— Нѣтъ, я не жалю маленькой суммы, что ему проиграла, произнесла по-французски княгиня, кушая съ большимъ аппетитомъ что-то модное, дорогое и хитро приправленное, поданное въ раковинахъ за ужиномъ, сервированнымъ великолѣпно, на серебрянѣ, хрусталѣ, фарфорѣ, съ канделябрами въ цвѣтахъ, съ такимъ множествомъ блюдъ, съ такимъ роскошнымъ десертомъ, что можно было подумать, будто Катерина Александровна намѣрена откормить несчастныхъ, найденныхъ послѣ кораблекрушенія. — Я не жалю моей маленькой суммы, повторила княгиня: — все равно, мнѣ надо было бы дать ему что-нибудь за консультацію по моему дѣлу. Эти люди все считаютъ; вѣдь это ихъ доходъ.

Такимъ образомъ всѣ остались довольны. Пехлецовъ обѣлся, хотя скрывалъ это, и не явившись дня три козырять съ княгиней, отговорился разными дѣлами. Катерина Александровна, пріѣхавъ благодарить свою крестную татап за честь, сдѣланную ей посѣщеніемъ, нашла татап тоже слегка разстроенную и потому извинявшую отсутствіе Пехлецова. Аделаида Григорьевна потеряла голосъ, утѣшая княгиню французскими романами. Княгиня похвалилась, что онѣ *сдѣлали много чтенія*, и что это помогло ей подвинуть работу, коверъ для Жана, который на дняхъ пріѣдетъ. Катеринѣ Александровнѣ предложили посмотреть комнату, назначенную для Жана.

— Проводите ее, ма сѣге, сказала княгиня Полинь.

Покуда Катерина Александровна стояла среди этой комнаты, оглядывая ее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потому что смотрѣть въ ней было нечего — комната какъ комната, — но все таки воскликнувъ при входѣ и повторивъ потомъ «c'est charmant!» потому что нельзя же не сказать чего-нибудь; покуда

отушилось въ созерцаніи, она начинала находить, что тутъ, въ этомъ дѣлѣ, есть что-то особенное, а въ душѣ ея какой-то мось началъ повторять настойчиво, тревожно, что это комната Жана, что онъ будетъ жить въ ней; покуда молодая женщина стояла неподвижная, красиво сложа ручки и немного поднимъ головку, какъ на модной картинкѣ, а взглядъ ея туманился, лицо блѣднѣло,—Полина бросилась на кушетку, закинувъ руки на подушку.

— Славная кушетка, сказала она.

Лежа, она наблюдала за Катериной Александровной, потомъ вдругъ вскочила.

— Mille pardons, madame! но вы такъ добры! Тамъ все такъ чинно, шитье этого ковра для князя мнѣ такъ надоѣло,— я не могла вытерпѣть не пошалить...

Вся вбѣжалъ, увидя отворенную дверь.

— А, вы смотрите комнаты, Катерина Александровна! Жанъ прекрасно помѣщенъ. Тутъ еще рядомъ une chambre de toilette я еще для камердинера. Grand' maman очень заботится. Здесь, посмотрите, можно принимать... Я надѣялся, когда къ сюда, что у меня будетъ свой уголокъ, гдѣ бы я тоже могъ принять; я надѣялся, что вотъ вы, Катерина Александровна, сделаете мнѣ честь, придете ко мнѣ. Mais ce n'est pas présentable, ce n'est pas habitable, les meubles sont atroces. Одно, что стараюсь нѣсколько собрать у себя, это наши старинные фамильные памятники. Вы знаете, Катерина Александровна, Десятовы,—вѣдь они прямо отъ Рюрика. У меня за постелью виситъ волчья шкура; мой прадѣдъ, князь Данило Десятовъ, самъ убилъ этого волка; on dit qu'il l'a lui-même écorché, Катерина Александровна, c'est donc un souvenir! И вдругъ, это заброшено. Я выпросилъ у grand' maman. Потомъ, у меня стопа... Vous savez ce que c'est «стопа», Катерина Александровна? Это боевые медь пили. У grand' maman много этихъ кубковъ, золотые, серебряные; надѣюсь, она ихъ бережетъ не одному Жану; маменька имѣетъ такое же право... Стопа у меня хрустальная, граненая, съ мѣдной крышкой на цѣпочкѣ. Figurez-vous, c'était dans l'office, этою драгоценностью кучера квасъ пили! а это древность, какой нѣтъ ни у одного археолога... Mais venez plutôt voir vous-même, madame, vous verrez aussi comme je suis logé...

Онъ повелъ Катерину Александровну этажемъ выше, въ свое жилище, на непрезентабельность котораго жаловался совѣмъ

напрасно. Напротивъ, юный графъ Теженецкій самъ затромядилъ и засорилъ большую свѣтлую комнату, собравъ въ нее кипы старыхъ календарей, старыя географическія карты, нежные планы, записи съ печатами и безъ печатей, битую посуду, помятыя табатерки, ржавыя охотничьи ножи, позеленѣлыя охотничьи рога, казацкія пики, нагайки, сѣдла, звѣринныя шкуры, облупившіеся портреты, черныя картины, строзовыя пряжки, изломанные орденскіе знаки, сабли, туши, оловянные блюда, — весь скарбъ и хламъ, какой нашелся на чердакахъ бубновскихъ.

Катерина Александровна ахнула.

— Mon cher, какое множество вещей! сказала она стараясь пересилить брезгливое чувство, которое поднялось у ней при видѣ этой пыльной дряни.

— Voulez-vous prendre place, madame? сказалъ Вася, предлагая ей старинное кожаное кресло. — Знаете, это кресло прабабушки княгини Степаниды Юрьевны. Она, говорятъ, жила въ этой комнатѣ. Говорятъ, она до самой смерти была увѣрена, что ея старшую внучку (мою тетку, покойную сестру изменьки) звали Степанидой, и только, когда она, умирая, стала благословлять внучатъ, ей сказали, что тетушку зовутъ Лиди. Она, говорятъ, страшно разсердилась... Mais un peu si drole, Степанида, — вѣдь это невозможно! Говорятъ, дѣдушка князь Иванъ Даниловичъ и хотѣлъ было такъ назвать дочь, но grand-papa не согласилась.

— Да, эта женщина съ большимъ характеромъ, сказала Катерина Александровна.

— Не всегда, возразилъ Вася: — бабушкой можно управлять, только надо умѣть это дѣлать. Вотъ, я, напримѣръ, знаю, что никогда не успѣю ни въ чемъ, потому что у меня открытый характеръ, а мой кузенъ, князь Иванъ Петровичъ, всѣмъ воспользуется, потому что хитеръ и не постыдится даже прислушиваться, въ родѣ Анны Федоровны. Вотъ, онъ сюда ѣдетъ. Я откровенно говорилъ grand-papa, и шутя, и серьезно, что это дѣлается изъ расчета, а вовсе не изъ любви къ ней. Я своими ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ Адель (да спросите Адель!), что ѣхать сюда ему — каторга (его собственныя слова), что онъ ѣдетъ единственно изъ того, чтобы grand-papa при жизни своей отдала ему Бубново... вообразите, — Бубново!! когда это имѣние, c'était toujours l'apanage des filles, изъ рода въ родъ отдавалось дочерямъ до самаго прадѣдушки,

князя Данилы Десятова, который завладѣлъ имъ у сестры, и его за это громомъ убило! А у дѣдушки князя Ивана Даниловича не было сестеръ. Такъ что же, grand' maman хочетъ, чтобы Жана тоже громомъ убило? Въдъ семейными преданіями не шутятъ, Катерина Александровна! Grand' maman должна отдать Бубново моей маменькѣ, а мы прибавимъ къ нашей фамиліи *Бубновы*. Графъ Василій Теженецкій-Бубновъ. . . *De-Vombnowo*, понимаете? какъ иностранные аристократы-владельцы. . . А если, вдругъ, она сдѣлаетъ эту глупость, запишетъ своему Жану Бубново,—да онъ не доѣдетъ до Царскаго села, гдѣ его полкъ стоитъ, какъ Бубново будетъ въ карты проиграно! *Pa donc rage de jeu*, Катерина Александровна, и столько исторій, которыхъ я вамъ разказать не смѣю, но которыя не дѣлаютъ чести его имени. . .

— А какъ жарко здѣсь у васъ, сказала Катерина Александровна.

— Я утомилъ васъ, сказалъ почтительно Вася: — простите мою откровенность; можетъ-быть, вамъ не пріятно. . .

— Нѣтъ, мой милый, прервала она, испугавшись его лицемерной скромности: — если хотите, мы будемъ продолжать разговоръ, но сойдемъ отсюда.

Вася учтиво подаль ей руку.

— Внизу нельзя продолжать этого разговора, возразилъ онъ тихо и выразительно: — тамъ сама grand' maman и ея приживалки, и, по вашему утомленію, Катерина Александровна, я вижу, что напрасно надѣялся найти сочувствіе даже въ васъ: оно все принадлежитъ Жану.

Катерина Александровна сконфузилась, не думая, что своимъ смущеніемъ можетъ навести хитраго мальчика на догадки, которыхъ до этой минуты у него еще не было. Еще неловче, все изъ той же неразчетливой робости, она постаралась сдѣлать удовольствіе Васѣ, выпросила для него у бабушки какую-то старую чашку. Вася притворился внѣ себя отъ восхищенія и, подѣлтивъ какъ повесельца Катерина Александровна отъ выраженій его благодарности, безъ труда сообразилъ, что она хочетъ его задобрить. Онъ замѣтилъ еще, что Аделаида Григорьевна была нѣсколько холодна съ Катериной Александровной. На это было много причинъ: Катерина Александровна до сихъ поръ еще ничего не сдѣлала для устройства дѣлъ Аделаиды Григорьевны, даже какъ будто была довольна, что не представлялось случая переговорить съ Пехлецовымъ, болѣе

того, — какъ будто избѣгала такого случая. Дарки были — подарки, которыя Катерина Александровна, и ея внимательность къ ней и ея материнская любовь, правда, съ нѣкоторою, вообще свойственною ей, принимала эту внимательность, но тѣмъ не менѣе постоянно пользовалась ею. Анна Федоровна была добрая, Княгиня, не желая, чтобы у нея жили дарки, ей шить двѣ дюжины бѣлья, и всякій день освѣщать работу. Полина не сумѣла бы помочь матери ея долю досталось довольно фоновъ къ коймамъ, подушкамъ, сонеткамъ и прочему. Съ своимъ Федоровнѣ было некогда справиться. Горничная Александровны, Настя, провела у нея день, перенесла старыя вещи, и увезла ихъ домой, передѣлывая дневный Настею въ Бубновѣ, стоилъ Аннѣ Федоровнѣ тревогъ. Она сначала скрыла отъ княгини, что домъ постороннюю, но Вася вывелъ это наружу съ громомъ объявить M^{lle} Полинѣ, что ея дождитъ Княгиня, потревоженная за утреннимъ чтеніемъ, что это значитъ. Анна Федоровна не знала какъ признаться съ великимъ страхомъ; Полина была на мать. Княгиня, конечно, не обратила ни малѣйшаго на заботы этихъ особъ; ее, безъ сомнѣнія, боится присутствіе лишняго комара нежели лишняго мушкетера, если этотъ человѣкъ не стоилъ лишняго труда Григорьевна подражала этому безстрастию этого, Настя рисковала остаться безъ обѣда, кокетничала слезно, выпросила для нея Анна Федоровна каго...

Таковы были бури, разнообразившія существование бубновскаго дома, до того вечера, когда стукъ копытъ почтовыхъ лошадей возвѣстилъ о пріѣздѣ Десятова. Выйдя изъ экипажа, князь отправился въ свою комнату переодѣваться, а длиннѣйшій лаконикъ голосомъ доложилъ княгинѣ, что его сиятельство княгиня не шевельнулась на этаблисманѣ. Аделаида ахнула, въ легкомъ восхищеніи. Вася хотѣлъ бѣжать къ братцу.

— Оставь же его въ покоѣ, произнесла княгиня.

— Ахъ, grand' maman, я думалъ, вамъ будетъ приятно, мы дружны! вѣдь мы другъ для друга единственныя.

нки, grand' papa... Конечно, если вамъ не угодно видѣть между нами короткость отношеній... или вы, можетъ-быть, думаете, что я еще ребенокъ, а Жанъ уже успѣлъ пожить, и примѣры...

— Ты, мой милый, съ ума сошелъ, замѣтила хладнокровно княгиня.

Такъ же недвижно, какъ она, Полина сидѣла и зашивала каемку ковра. Она почувствовала только, что у нея будто отнялись руки, что сердце нѣсколько разъ стукнуло такъ крѣпко, будто хотѣло разбить стальные полосы корсета, и разомъ остановилось, точно сжатое этими холодными полосами. Она почувствовала, что поблѣднѣла, и не смѣла оглянуться на себя въ зеркало. Ея матери не было въ комнатѣ; Полинѣ почему-то хотѣлось видѣть ее въ эту минуту; еще страннѣе: ей почему-то хотѣлось заплакать...

— Вамъ кланяются, сказала ей рѣзко Аделаида Григорьевна.

Полина подняла голову; въ разсѣянности, она не замѣтила, что пришелъ Пехлецовъ и, расшаркиваясь поочереды, въ эту минуту шаркалъ передъ нею. Аделаида Григорьевна смѣялась со злостью. Этого было довольно, чтобы прервать у Полины и разсѣянность, и размышленія, еслибы дѣло дошло до нихъ.

— Вы не хотѣли меня замѣтить, сказалъ ей Пехлецовъ, любезничая.

— Я хотѣла, чтобы вы замѣтили мое прилежаніе; я работала, отвѣчала она.

— Я знаю, что вы прилежны, возразилъ Пехлецовъ.

— Нѣтъ, я знаю, что вы считаете меня вѣтренымъ ребенкомъ...

— За что вамъ угодно такъ думать? чѣмъ я заслужилъ?..

Она терялась, не знала что говорить, но ей удалось то, что было ей нужно: удержать его при себѣ до прихода князя. Князь засталъ старичка въ полномъ блескѣ любезностей...

Дня черезъ три, вечеромъ Нерацкій встрѣтилъ въ цвѣтникѣ Катерину Александровну.

— Я шелъ къ вамъ спросить приказанія, сказалъ онъ.—Изъ Бубнова являлась сегодня утромъ подвода съ чиновникомъ ко мнѣ. Черезъ него передано—не знаю, какъ это назвать,—приказаніе, просьба или просто повѣстка, прислать завтра въ Бубново ваше сѣдло; вы верхомъ не ѣздите, вамъ оно не нужно,—такъ мнѣ объяснили. Прикажете послать?

— Сѣдло... проговорила Катерина Александровна.

— Да-съ. Его сіятельство, Иванъ Десятовъ, князь и лейб-гусаръ, изволилъ прїѣхать и желаетъ занять свои досуги ма-нежнымъ ученьемъ. Учить есть кого. Жаль, что сѣдло всего одно, такъ, вѣроятно, это будетъ производиться поодиначкѣ. Полагаю, онъ начнетъ съ бабушки.

— Когда онъ прїѣхалъ? спросила Катерина Александровна.

— Дня три или четыре.

— Вы пошлите завтра сѣдло, сказала она и поспѣшила уйдти отъ Неряцкаго. Ей хотѣлось быть одной.

«Четыре дня! думала она:—и ужь устраиваетъ свои ка-валькады...»

На другой день она долго заботилась о своемъ туалетѣ, и одѣлась особенно мило и къ лицу. День прошелъ, какъ и прежніе, въ совершенномъ уединеніи. На завтра тѣ же заботы и то же уединеніе. Вечеромъ, Катерина Александровна долго плакала, а на третьи сутки, едва проснувшись, занялась опять своимъ нарядомъ. Нарядъ и ожиданія были напрасны.

«Онъ не хочетъ меня видѣть,» подумала она.

Еслибъ у нея былъ сколько-нибудь твердый характеръ, или еслибы нашлось у нея сколько-нибудь мужества оглннуться и разобрать, кому она пожертвовала своею любовью,—она бы легче перенесла мысль, что ее не хотятъ видѣть. Она бы возненавидѣла, презрѣла бы того, кого любила, и стыдъ своей жертвы придалъ бы ей силы. Но Катерина Александровна только покорялась и плакала. Она стала искать, не виновата ли она сама въ чемъ-нибудь, не оскорбила ли чѣмъ-нибудь своего любезнаго, не слишкомъ ли наскучала она своею привязчивою страстью,—страстью безъ притворства, безъ кокетства, преступною и вмѣстѣ дѣтски-наивною, дѣтски-восторженною,—тою страстью, которая возможна только при странномъ воспитаніи, гдѣ боятся прямыхъ словъ и прячуть дѣло за фразы, гдѣ экзальтація называется молитвой, а исполненіе обрядовъ—благочестіемъ, гдѣ долгъ обусловленъ свѣтскимъ положеніемъ, гдѣ нервическіе припадки считаются борьбой за жизнь. Только при этомъ воспитаніи, только въ этомъ кругу могла родиться и созрѣть такая любовь, какъ любовь Катерины Александровны... Въ этой любви, менѣе нежели во всякой другой, можно было искать какой-нибудь логики.

Катерина Александровна вздумала уѣхать изъ Москвы, отъ князя, потому что въ теченіе великаго поста, въ концертное

время, князь обращалъ слишкомъ много вниманія на хорошенькій голосъ М^{ше} Мороновой. Катеринѣ Александровнѣ стало грустно.

«Къ тому же,» подумала она по-французски, послѣ того какъ нѣсколько, отчасти нервическихъ, слезъ упало изъ ея прекрасныхъ глазъ на прекрасный молитвенникъ изъ темнаго бархата съ украшеніями изъ чистаго золота: — «къ тому же, мы отдадимъ Богу отчетъ во всѣхъ нашихъ поступкахъ!».. На Святой недѣль, она хотѣла «примириться» съ мужемъ — и не могла: это было выше ея силъ, тѣмъ болѣе, что Алексинскій, обрадовавшись ея внезапной переменѣ, возбуждалъ своею радостью какое-то неприятное чувство недовольства собою, и, слѣдовательно, ничѣмъ непобѣдимой досады. Отъ этого, извѣстно, одно спасеніе, предлагаемое вообще всѣми романами: уѣхать. Катерина Александровна еще разъ подумала, уже совершенно искренно, горько, что князь не пожелаетъ объ ея отъѣздѣ, какъ можетъ-быть не пожелалъ бы о ея смерти...

Кто подсказалъ ей такую страшную правду? ея присутствіе, ея существованіе не были для князя ни необходимы ни дороги; ему было все равно съ той минуты, какъ характеръ, любовь, красота этой женщины вошли у него въ рядъ привычекъ... Но какъ, предположивъ это равнодушіе, она все еще продолжала любить его — это могутъ объяснить только женщины. Катерина Александровна сказала себѣ, что будетъ любить князя, хотя бы безъ отвѣта, quand même: это самоотверженіе; что тогда любовь ея будетъ безгрѣшна, прощена ей, que se sera une expiation... и за тѣмъ слезы. Затѣмъ она узнала, что онъ пріѣдетъ въ деревню, испугалась, потомъ обрадовалась: ей вообразилось, что онъ дѣлаетъ эт о изъ любви къ ней, что воля бабушки только предлогъ, что онъ отговаривается ею только такъ, изъ мужскаго самолюбія... .

«Мущины самолюбивѣе насъ, это ихъ докетство,» рѣшила, она, можетъ-быть придумавъ, а можетъ-быть и припомнивъ эту фразу.

Пріѣхавъ въ деревню, она стала ждать князя. Узнавъ, что онъ тутъ, въ двухъ шагахъ, она истерзлась, призывая его, исплакалась, похудѣла, занемогла. Она стала любить съ страстью, такой еще въ себѣ не знала...

«Лишь бы увидѣть его одну минуту!»

Казалось бы, что проще — поѣхать къ княгинѣ Александровнѣ это казалось невозможно.

«Я и безъ того часто бываю. (Она не была въ комъ.) Чтò скажутъ? Аделаида Григорьевна такъ воритъ и безъ того... Я не сумѣю держать себя. Если онъ будетъ холоденъ, если я замѣчу, что меня видѣть? договаривала она въ слезахъ.—Но о радъ меня видѣть, онъ не хочетъ меня видѣть, онъ глазъ, онъ разсердится, если я туда прїѣду!..»

Оставалось не спать ночи, бродить по ро смерти.

Неряцкій не былъ у нея нѣсколько дней; онъ, нию, приходилъ только за приказаніями и не старая этихъ церемонныхъ отношеній, потому что сама Александровна ничѣмъ не давала понять, что желать нить ихъ. Онъ видѣлъ ее только издали, въ с издали и не подходилъ. Въ одно горестное утро тились.

— Des siècles que je ne vous ai vu, сказала она отъ печали.

Онъ посмотрѣлъ въ ея туманные глазки.

— Вы очень соскучились, сказалъ онъ.—это

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она торопливо.

— Какже, отвѣчалъ Неряцкій, засмѣявшись: — даже, что давно не видѣли меня!

— Я васъ, въ самомъ дѣлѣ, очень рѣдко видѣла Катерина Александровна: — живя въ одномъ домѣ это не хорошо; такъ не дѣлаютъ.

Ей было такъ скучно, что хотѣлось отъ кого-то слышать доброе слово, а въ ея сердцѣ было столько хотѣлось кому-нибудь передать ее. Неряцкій не подушно выслушалъ ея упрекъ, очень похожіи голубки, и отвѣчалъ, слегка поклонясь и, какъ и сопровождая свои слова усмѣшкой.

— Рабочему человѣку часто некогда, Катерина Александровна, извините. Чѣмъ свѣтъ—въ поле, а тамъ вечеръ тоже дѣла, счеты. Едва есть время пробыть, да вотъ обойдти садъ. Вы его, кажется, хо

— Да.

— Чѣмъ вы занимаетесь дома? продолжалъ онъ нея.

— Третьяго дня, я начала большую работу, отвѣчала она:— для вашей церкви, пелену. У меня много *des perles-bourguignons, des chefs-en-or*, знаете?

— Нѣтъ, ничего не знаю, отвѣчалъ Неряцкій: — это не по моей части. Должно быть хорошо.

— *Des choses charmantes*. Я разобралась и теперь вышиваю. Я упрекаю себя, что не начала раньше, впрочемъ, постараюсь успѣть дѣломъ... Придите посмотрѣть, прибавила она нервъшательно.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ онъ: — но не сидите долго за пальцами, не утомляйте себя.

— Все равно, отвѣчала она тихо.

— Какъ, все равно? Здоровье-то?

— Когда мы дѣлаемъ такую работу... возразила она серьезно.

— Да!.. сказалъ онъ протяжно. — Ну, что жъ, вы отъ этого дѣла найдите себѣ тоже какое-нибудь полезное развлеченіе.

— Я хотѣла... Вотъ видите... *Je voudrais avoir quelques pauvres, quelques malades, auxquels je puisse aller moi-même porter secours*.

Говоря это, она потупляла глаза, полные слезъ отъ скрываемой и каждую минуту памятной печали. Она думала, что, вотъ, такъ, она скроется отъ свѣта, ее будутъ знать только по ея благотвореніямъ, она скоронится, скоронитъ свою любовь... Она не замѣчала, что Неряцкій смотрѣлъ на нее задумавшись и пристально.

— На что вамъ эти *pauvres et malades*? проговорилъ онъ съ сдержанною насмѣшкой и злостью.

— Я бы ходила къ нимъ.

— Развлеченіе!.. Этого добра вы здѣсь не найдете. Бѣдныхъ въ Вознесенскомъ положительно нѣтъ, а для больныхъ — такая больница, какую дай Богъ въ иномъ городѣ. Посмотрѣть ее вы можете, но дѣлать вамъ тамъ нечего.

Катерина Александровна не отвѣчала; ее занимала мысль, какъ бы она скоронилась отъ свѣта, отчего ея личико сдѣлалось еще печальнѣе.

— Вамъ жаль, что нѣтъ этого ничего? продолжалъ, смѣясь, Неряцкій. — Скажите, пожалуста, какое развлеченіе можно находить въ спектаклѣ болѣзни и нищеты? Я не говорю о томъ что доброе сердце радо помочь, — это другое дѣло; но всту-

питься какъ должно, возиться съ этимъ—не легкѣ Свѣтскія женщины на этомъ помѣшаны: les raides. Не лучше ли, не короче ли, вмѣсто того себѣ разныхъ блондъ, отдать деньги бѣдномъ котораго вы къ нему пошлете? Вѣдь ваша забота что вы на шумите шелковыми юпками у оборванной ручкой въ перчаткѣ поправите можетъ-быть еще есть оно!), а до войлока вы ужь ни за что не сѣдете. Ваши попеченія — что вы скажете: «се увидя ребятъ на полатахъ, а если у анжа рыльцо его къ себѣ не подпустите... Вѣдь такъ? Что когда вы и не умѣете и брезгливы? Переломить можете, такъ ужь и не беритесь. Доживайте въ никуда, а хотите быть полезны—давайте вашъ гимъ не мѣшайте...

— Вы несправедливы, возразила Катерина поднявъ на него глазки.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечи.

— Вы несправедливы. Я хотѣла бы отъ всего.

— Очень жалко, что не могу удовлетворить васъ, не здѣсь, а подальше, найдется поприще христіанскаго милосердія: въ Бубновѣ и въ деревнѣ Пехлецова двѣ трети народа побираются, а сквернаго помѣщенія, то и дѣло гнилыя горячечныя съзидать туда...

— Est-il possible, à Boubnowo! прервала Катерина.

— Чтò жь тутъ удивительнаго? Имѣніе князя это непреложно..... Положимъ, она не кутить, мужиковъ большіе, и все въ ломбардъ, да въ черный день... Я былъ у нея третьяго дня, у князя.

— Въ Бубновѣ?... повторила Катерина Алѣксандровнѣ.

— Да-съ. Дѣла ея—все межеваніе. Хлопотъ дѣлать, все устроится, если сдѣлають, какъ я говорю.

— Вы совѣтовали?

— Я-съ. Чтò же? Васъ удивляетъ, что я за интересахъ княгини? Во первыхъ, я забочусь не о новскихъ мужикахъ, которымъ принадлежитъ двадцать лѣтъ назадъ купили на свои деньги, остаться. А во вторыхъ, по долгу справедливо

валъ бы и чорта, не только княгиню, еслибъ онъ предъявилъ законные документы на право владѣнія.

— Вы долго пробыли тамъ? спросила Катерина Александровна.

— Меня оставили обѣдать, а послѣ обѣда предложили карточку.

— И вы остались?

— Остался, отвѣчалъ, улыбнувшись, Неряцкій: — я вѣдѣю вести себя прилично и, кажется, доказалъ это на вашемъ вечерѣ; *оми всѣ* дрянъ, «да что же стулья-то ломать!» Я ругаюсь, когда къ слову придется, а иногда даже думаю, что можно оставить этихъ полумертвыхъ умирать спокойно. Я человѣкъ кроткій.

Катерина Александровна молчала, въ раздумьи, не зная спросить ли ей то, что такъ хотѣлось знать, или благоразумнѣе удержаться. На ея счастье, передъ ней былъ человѣкъ, которому никогда въ голову не входило подозрѣвать и объяснять молчаніе, который никакъ не воображалъ, что на этомъ свѣтѣ можетъ найдтись порядочная женщина, способная любить князя Ивана Десятова. Тѣмъ дальше былъ Неряцкій отъ мысли, что до такой нелѣпости, до такого отвратительнаго увлеченія унизилась женщина, которую онъ любилъ...

Конечно, Неряцкій любилъ ее не потому, чтобы признавалъ въ ней какія-нибудь нравственные достоинства: въ нравственномъ отношеніи, онъ считалъ ее только ребенкомъ, правда, уже достаточно испорченнымъ, но ребенкомъ, еще не безнадежнымъ. Онъ любилъ ея красоту, и любилъ ее страстно. Ежеминутно сознавая пустоту этой женщины, сердясь за ея пустыя слова, онъ чувствовалъ наслажденіе, слушая голосъ, который ихъ выговаривалъ, слѣдя за движеніями этой ничего не думающей головки... Неряцкій былъ друженъ съ Алексинскимъ, искренно любилъ и уважалъ его, и зналъ, что онъ любить свою жену до обожанія. Объясняя холодность Катерины Александровны къ мужу глупымъ капризомъ свѣтской женщины, Неряцкій говорилъ себѣ, что этотъ капризъ долженъ пройти, и со всею честностью дружбы желалъ, чтобъ онъ скорѣе прошелъ. Часто, въ минуты самой сильной страсти, говоря съ молодою женщиной о постороннихъ, онъ нарочно бывалъ безпощаднѣе, грубѣе на словахъ, облегчая сердце и будто исполняя свой долгъ, доводя свое волненіе до ненависти... Правда, у него ненависть была рядомъ съ любовью

смѣшивалась иногда такъ странно, что онъ самъ брать гдѣ кончалось одно, гдѣ начиналось другое. Ему было жаль, что эта хорошенькая женщина было жаль ее мучить, браня ее въ лицѣ ея общо мучилъ ее съ наслажденіемъ. Между тѣмъ какъ видѣть рукъ Катерины Александровны безъ же если ужь не поцѣловать ихъ,—въ его умѣ вѣчн нуты мелькало слово «бѣлоручка», и въ сердцѣ за Онъ любовался на ея нарядъ и разказывалъ, в кружевницы и умирають въ чахоткѣ швеи... Е село, что она его боится.

Въ настоящую минуту, она уколола его сама ская женщина спросила, какъ остался онъ въ д презираетъ, съ людьми, которыхъ знать не хочет бей, стало-быть, обрадовался милостивому пригла бытъ, онъ кричитъ много, а при случаѣ, и самъ с клониться?...

«Вѣдь ничего не смыслить, подумалъ Неря тонкій проборъ, ниточкой бѣлѣвшій въ ея нѣ сахъ:—а обидное подумать умѣеть... Какіе скот тываютъ?..»

— Тамъ былъ monsieur Пехлецовъ? спросила К Александровна.

— Пріѣхалъ играть, когда вставали изъ-за обѣ онъ никогда не является, какъ сказалъ мнѣ. Я деликатность: онъ по себѣ судить. Въ деревню ляются для погашенія долговъ и питаются кое- ностями животныхъ, лишь бы только какъ-ни остаться. На этой діэтѣ похудѣетъ и князь Иван слава Богу.

— Вы его видѣли?

— Какже-съ.

— Онъ, я думаю, очень скучаетъ, сказала К Александровна.

— О чемъ?

— Такъ, деревня... все...

— Онъ, можетъ-быть, скучаетъ о томъ, что даетъ ему качнуть по-боку эту деревню, пока жеская, а больше, кажется, ему скучать не о чемъ да развѣ князь Иванъ изъ такихъ людей, котор тельно скучать? гдѣ его права на скуку? Онъ гварде

проживающій пятнадцать тысячъ въ годъ, кромѣ обмундировки и долговъ. Радости, необходимыя ему, такъ извѣстны, что говорить о нихъ не считается приличнымъ; а покуда есть денежки, мы еще держится кредитъ,—благодареніе Создателю, эти радости у него будутъ!.. Вотъ, что теперь онъ покушаетъ пискарей, да позабавится съ приживалочкой въ чужомъ платѣ,—то жъ бываетъ и великій постъ, не все масляница!

Онъ засмѣялся.

— Ah, mon Dieu! сказала Катерина Александровна, похолодѣвъ, собравъ всѣ силы и засмѣявшись, чтобы не зарыдать.

— Знаете, продолжалъ Неряцкій;—этому и смѣяться больно. Можно смѣяться надъ княгиней,—она скоро истлѣетъ, и всѣ ея приживалки уплывутъ за ней; не станеть старыхъ хоромъ, не будетъ мѣста и крысамъ. Пехлецовъ ужъ вовсе не смѣшонтъ; онъ и теперь мало вредитъ: такая кислая, грязненькая дрянь, что никто съ него не возьметъ примѣра. Пехлецовъ вотъ чтѣ! (Неряцкій сбиль концомъ сапога пластъ грибовъ, выросшій на корнѣ дерева.) Но князь Иванъ,—это молодое, это долго проживетъ; если не дадутъ этому тяготѣть надъ безответными, то надъ обществомъ это еще долго будетъ тяготѣть: лѣнь, деморализація, презрѣніе къ честному труду—примѣръ скверный,—и, на горе наше, красивый, блестящій.

Неряцкій могъ бы говорить долго, Катерина Александровна его не слышала; блѣдная и едва дыша, она шла, закрываясь отъ него зонтикомъ. Забываясь, она выговорила вслухъ то, чтѣ думала:

— Чтѣ же онъ дѣлаетъ здѣсь?

— Кто? спросилъ Неряцкій.

— Князь Иванъ Петровичъ.

— Кто же его знаетъ? При мнѣ пилъ, ѣлъ, игралъ въ карты. Вы давно тамъ не были; съѣздите, посмотрите, если это васъ занимаетъ.

— Нѣтъ, довольно, проговорила она.

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вамъ довольно бубновскихъ удовольствій?

— Чтѣ же за удовольствія? возразила Катерина Александровна, стараясь смѣяться какъ онъ:—цѣлый день карты, Пехлецовъ?

— Ну вотъ, теперь князь Иванъ.

— Нѣтъ, довольно, повторила она и прибавила поспѣшно:—

дома лучше. Буду читать, шить свою пелену; тихо, по койно... знаете, это на монастырь похоже.

Ея голосъ зазвенѣлъ; онъ шевельнулъ въ Нерацкомъ какунто жалость.

— Ужь и монастырь! сказалъ онъ:—положимъ уединеніи родъ занятія—это еще такъ, похоже; но читаете вы романъ и одни мои перипатетическія лекціи о большомъ свѣтѣ ужъ вовсе не монастырскія. Познакомьтесь съ кѣмъ-нибудь въ сосѣдству; есть барыни не глупыя.

— Нѣтъ, не надо... Зайдите же ко мнѣ, прибавила она приглашая его отъ страха, отъ тоски, сама не зная отъ чего.

— Хорошо; вечеромъ.

— Знаете, мнѣ кажется, я больна, продолжала Катерина Александровна, остановясь у своего крылечка.

— Въ самомъ дѣлѣ? Чтò вы чувствуете?

— Не знаю... Такъ.

— Капризь?

— Не думаю...

— Здѣсь есть докторъ, но онъ вамъ не годится, сказалъ Нерацкій.

— Почему?

— Онъ умѣетъ лѣчить только больныхъ. Свѣтскихъ недуговъ не изучали на его курсѣ.

— Кто это?

— Юный человекъ, Елеонскій.

— *Quel nom étrange.* Кто онъ такой?

— Сынъ здѣшняго дьячка. Два года какъ изъ университета, былъ безъ мѣста; нынѣшней зимой, вашъ мужъ отыскалъ его въ Москвѣ и прислалъ сюда въ больницу. Онъ и живетъ у своего отца. Мы съ нимъ большіе пріятели. Непрезентабеленъ нѣсколько, да чтò же дѣлать.

— Нѣтъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть ничего не пойметъ.

— Я такъ и докладывалъ, что онъ вамъ не годится, отвѣчалъ очень серіозно Нерацкій.

— Такъ вы придете вечеромъ?

— Приду-съ.

Онъ откланялся, по обыкновенію, церемонно, и они разошлись.

IV.

На третьемъ этажѣ княжескаго дома была комната подъ самою крышей; она граничила съ чердакомъ и имѣла одно квадратное небольшое окно, почти до половины закрытое выступомъ другой стѣны, что, впрочемъ, было не неудобство, а скорѣе спасеніе отъ солнца, жарившаго въ другую половину стекло отъ подня до заката. Замавъски не было. Комната была оклеена остатками разныхъ обоей; еслибъ ея жительницамъ приходило въ голову пошутить, онѣ могли бы сказать, что находятъ на своихъ стѣнахъ сувениры всѣхъ бубновскихъ залъ и гостиныхъ болѣе нежели за четверть вѣка. Но жилицы были Полина и Анна Федоровна, которымъ, послѣдней въ особенности, было вовсе не до шутокъ.

Завѣсивъ окно своею черною шелковою мантильей, сквозь которую дневное свѣтило пропустило сотни золотыхъ нитокъ и нарисовало на стѣнахъ сотни золотыхъ круглыхъ пятенъ, безпощадно выказывая чуждость матеріи, выдержавшей много испытаній,—Анна Федоровна, распустивъ блузу, засучивъ рукава, не причесанная, прилаживала гладильную доску однимъ концомъ на спинку единственнаго стула, а другимъ на крошечный коммодъ, кое-какъ лѣпившійся въ углу съ помощью двухъ кирпичей, которые замѣняли ему переднія ножки. Анна Федоровна только что совершила тридцатый походъ внизъ, въ кухню, за утюгомъ. О трудѣ ея свидѣтельствовали воротнички, мокнушіе въ чашкѣ съ крахмаломъ, другіе, разложенные парами по узенькой и короткой постели, и чудовищная крахмальная юбка, привѣшенная на булавахъ къ стѣнѣ надъ низенькимъ диванчикомъ, когда-то украшеннымъ шитьемъ по канвѣ, нынѣ жилищемъ моли, лишеннымъ цвѣта, волоса, даже стѣна, отчего онъ былъ жестокъ какъ камень.

Анна Федоровна подвизалась, въ физическомъ мученіи забывая мученія нравственныя, или вѣрнѣе, не жалуясь, потому что жалобы ея услышали бы только воробьи, чирикавшіе на крышѣ. Былъ третій часъ жаркаго іюньскаго дня; въ полѣ было сине отъ зноя.

— Хоть бы вы дверь на лѣстницѣ отворили; въ потьмахъ голову разобьешь! вскричала, входя, Полина: — дайте мнѣ переодѣться.

— Создатель мой, въ который разъ сегодня! вскричала Анна Федоровна: — да что съ тобой сотворилось? развѣ ты не одѣта?

— Одѣта, конечно, да я сейчасъ въ воланъ играла, рукавъ вырвала, отвѣчала Полина хладнокровно. — Куда тутъ пройти у васъ? Боже, что за гадость!

Она стала раздѣваться, сбрасывая вещи какъ попало.

— Утромъ одѣлась, верхомъ ѣхать — еще одѣлась, теперь еще, говорила Анна Федоровна: — да, развѣ у меня десять рукъ? Не мни, матушка, не швырай, — ты этихъ воротничковъ всякій день по нѣскольку паръ мѣняешь, не наготовишься.

— Дайте мнѣ подушку съ постели! сказала Полина: — я отдохну покуда.

Анна Федоровна черезъ доску и утюгъ дала ей подушку; Полина легла на диванъ

— Устала до смерти, сказала она: — это мнѣ на носъ не свалится?

Она указала на юпку.

— Не свалится, отвѣчала мать, стукнувъ утюгомъ и вскринула.

— Что вы?

— Руку... ой! отвѣчала Анна Федоровна, махая обожженной рукой.

— Сколько не возиться.... сказала Полина: — Да дѣвки-то что же?

— Дѣвки? повторила Анна Федоровна, сердясь отъ боли: — ты бы сама съ ними поговорила. Я сказала Аделаидной Матренѣ, она рожу отвернула, а теперь, слышишь, храпиль. Покои ей тутъ отведены; насъ сбили въ чуланъ; а у Матрешки двѣ комнаты. Кабы не княгинина Лизавета, воды бы умыться не допросились, да хорошо племянникъ съ поваренкомъ, такъ утюговъ съ плиты не скинули.

— Не попадитесь кому-нибудь на глаза, какъ за утюгами бѣгаете, замѣтила серьезно Полина.

— Кому это «не попадитесь?»

— Кому случится.

— Княгинѣ, что ли? А пускай она, старая, видитъ, какъ у нея благородные люди живутъ! Она воображаетъ, что великое

одолженіе сдѣлала, пригласила! да я ей въ карты за все наше содержаніе проиграла, расплатилась съ ней, да что рубашекъ ей спшила! Мнѣ хоть сейчасъ назадъ въ Москву, — и дай-то Богъ!

— Что жь, уѣзжайте, сказала Полина: — я и безъ васъ здѣсь проживу; я въ карты не проигрываюсь; у меня дѣвки станутъ гладить, какъ я прикажу.

— Видишь, какая бойкая! ну, приказывай.

— При васъ что я сдѣлаю? Вы ужь до того всемъ кланяетесь, что всехъ перебаловали; меня изъ-за васъ слушать не станутъ.

— Я тебѣ помѣха... проговорила Анна Федоровна, наклоняясь опять къ своей работѣ.

Полина усмѣхнулась и лежала, закрывъ глаза.

— Достаньте мнѣ, проговорила она въ полудремотѣ:—тамъ, въ верхнемъ комодѣ, пахитоски, да спичку зажгите.

— Да съ чего это ты взяла еще приучаться къ глупости? вскричала Анна Федоровна: — курить выдумала! это еще что? цѣлый день бѣгаетъ, валается да курить! къ чему ты себя готовишь?

— Въ гувернантки, отвѣчала Полина засмѣявшись: — давайте огня.

— Нѣтъ у меня спички.

— Ну, мнѣ самой, раздѣтой, не бѣжать за ними. Я вамъ говорю, я курить хочу, — а спички у васъ на окнѣ, я знаю. Поднимите занавѣску, такъ увидите... Это вы вашу мантилью дерете? прекрасно! много ихъ у васъ!

— На! закричала Анна Федоровна, бросая ей пахитосы и спички.

Онѣ разсыпались. Полина подняла то, что было поближе, и дернула спичкой о стѣну.

— Вотъ, я подожгу вамъ юпку, сказала она, смѣясь.

— Что изъ тебя будетъ? сказала мать.

— Что-нибудь да будетъ, отвѣчала Полина: — знаете что? лучше не приставайте. Вѣдь еслибы вы говорили мнѣ дѣло, а вы только бранитесь...

— Какое я тебѣ дѣло скажу?

— То-то же; вы и сами не знаете. Ну, нарядите меня, сдѣлайте, чтобъ я въ обществѣ была не хуже другихъ, наживите себѣ домъ, деревню, чтобы вамъ лакеямъ не кланяться... Вѣдь вы этого ничего не можете? что, не можете?

— Не могу! отвѣчала Анна Федоровна, залившись слезами.

— А нарядиться я хочу, веселья я хочу, пить-ѣсть вкусно вы хотите, ералашь вамъ милѣе вашего супруга, а моего ба-тюшки... Что жъ тутъ и толковать! не приставайте ко мнѣ! Вы работать не умѣли, да и меня не выучили... да что въ ней, и въ работѣ-то.

Полина обратила къ потолку свой носикъ и струи душистаго дыма. Анна Федоровна расправляла кружево, смачивая его слезами.

— Прелестъ эти пахитоски, сказала Полина:—и не чувствуешь, какъ привыкаешь. Пехлецовъ какъ хочеть, а выпипши мнѣ ихъ,—всѣми неправдами заставлю, на пари выиграю, при князѣ, а то еще отвертится, скряга.

— Ужъ и правда, что скряга, сказала Анна Федоровна.

— Еще какой! вскричала Полина, повернувшись къ ней:—помните, я третьяго дня хотѣла навести его на рѣчь о браслетѣ. Я и навела. Растаялъ и «*pourquoi vous ne voulez pas porter mon souvenir?*» Я говорю, что носила бы охотно, но, нужда... Хоть бы поморщился. Вѣдь обязанность его была (я даже сказала за сколько заложила) достать деньги, сказать: «вотъ, выкупите и носите.»..

— Скверный старичишка! сказала Анна Федоровна.

— Дайте же мнѣ одѣться, надо успѣть къ обѣду.

— И мнѣ надо. Полежи еще покуда, Поленька, я приберусь и уберу тебя.

Полина зажгла другой пахитосъ, и задумалась; она думала что-то серьезно и не весело, между тѣмъ какъ волненіе и печаль Анны Федоровны нѣсколько приутихли. Убравъ свое дѣло и принимаясь расчесывать волосы, Анна Федоровна спросила почти весело:

— Не пожалуетъ ли наконецъ сегодня сюда эта особа?

— Кто? спросила Полина, будто не своимъ голосомъ, такъ онъ былъ рѣзокъ и выраженіе его странно.

— Алексинская. Глазъ не кажетъ. Видно совѣсть замучила.

— Просто, потому сюда не ѣдетъ, что ей здѣсь дѣлать не-его, возразила равнодушно Полина.

— Какъ дѣлать нечего?

— Нечего, коротко повторила Полина.

— Да хоть бы изъ приличія! Вѣдь это всякому въ глаза бросится, всякій въ правѣ сказать, что она отъ него прячется, и въ правѣ подумать не знаю чтò. Вѣдь это хуже всякаго

скандала, помилуй! Онъ прѣхалъ, а она какъ въ воду канула. Вѣдь другая недѣля!

Полина не отвѣчала.

— Развѣ онъ, можетъ-быть, къ ней ѣздить? продолжала Анна Федоровна:—ты не знаешь?

— Не знаю. Можетъ-быть и ѣздить. Миѣ-то что же?

— Аделька къ ней собирается, навѣститъ ее, я слышала. Тутъ безъ Аделькиныхъ штукъ не обойдется.

— У Аделаиды Григорьевны своя забота, возразила Полина равнодушно, и, повернувшись, стала смотрѣть на мать задумчиво и насмѣшливо.

— Вотъ, онъ еще завербуютъ къ себѣ Пехлецова. Онъ тогда отъ Адельки не вывернется.

— Я думаю, сказала Полина также холодно и насмѣшливо.

Анна Федоровна оглянулась на нее и сконфузилась.

— Вставай, я одѣну, сказала она.

Полина поднялась молча и одѣвалась также молча, принимая услуги матери равнодушно, но безъ капризовъ. Когда туалетъ былъ конченъ, мать поцѣловала ее, на что она не обратила вниманія.

— Достать черную бархатку на шею? спросила Анна Федоровна.

— Зачѣмъ?

— Бѣлье будешь...

Полина взглянула ей прямо въ глаза, расхохоталась и вышла.

Можетъ-быть въ цѣломъ свѣтѣ не было особы больше озбоченной, какъ Аделаида Григорьевна въ эти послѣдніе дни. Желаніе сдѣлаться супругою господина Пехлецова или устроить съ нимъ выгодную сдѣлку, приняло въ ея душѣ такіе огромные размѣры, воображеніе уже нарисовало столько заманчивыхъ картинъ, что отказаться отъ своихъ плановъ, сказать себѣ, что сорокъ тысячъ въ ломбардѣ, домъ въ Москвѣ, шуба крытая ліонскимъ бархатомъ, вечера съ карточною игрою «какъ у людей», оброки, высылаемые старостами, полки дворни и прочее—только мечта, сонъ или даже бредъ сумашествія, было уже совершенно невозможно. Аделаида Григорьевна изнывала; ея дѣло начало даже расклеиваться. Пехлецовъ какъ-то усталъ отъ любезностей и больше занимался ералашемъ. Любовь его не только уже остановилась, что вообще дурной признакъ, но начинала идти назадъ. Аделаида Григорьевна пробовала пѣть для него, но старость брала верхъ надъ эстетическимъ востор-

гомъ: въ сумерки, подъ музыку, Пехлецовъ дремалъ; съ про- сонковъ онъ выражался одними междометіями и былъ не спо- собенъ на толковый разговоръ. У Аделаиды Григорьевны были надежды на Катерину Александровну,—эти надежды ей измѣ- няли; въ негодованіи, Аделаида Григорьевна рѣшила было, что обойдется и безъ чужой помощи, но въ послѣдніе дни дѣла пошли еще хуже: Пехлецову случилось заговариваться съ По- линой. Аделаида Григорьевна рѣшилась на сильное средство.

— Чтò за манеры у этой Полины! сказала она въ видѣ бы- лаго замѣчанія, оставшись одна съ княгиней, и глядя, какъ По- лина на балконѣ обрывала маргаритки съ Пехлецовымъ.

Княгиня опустила очи долу съ своего этаблисмана и взгля- нула туда же.

— Чтò это нынче дѣвушки! продолжала Аделаида Григорь- евна.—Знаете, княгиня, когда я вспомню, какъ воспитывали... даже меня... на что я выросла въ бѣдности, не зная высшаго общества, покуда не поступила въ вашъ домъ... я ужасаюсь! Такая свобода! Это, просто, упадокъ общества. Въ нравахъ, замѣтите, какая перемѣна. Всякая нынче, въ чужомъ платьѣ, все смѣетъ... Имъ ничего, въ какомъ бы онъ домѣ не были...

Лицо княгини выразило безпокойство. Аделаида Григорьевна продолжала съ увлеченіемъ:

— Рѣшительно всѣмъ бравируютъ, все себѣ позволяютъ, безъ малѣйшаго уваженія, воображаютъ, что всякая можетъ войдти въ порядочный кругъ, не обращая вниманія, кто выше...

— Тамъ, въ мезонинѣ, должно-быть, форточку открыли, ска- зала княгиня:—я чувствую; поди, прикажи закрыть.

Аделаида Григорьевна убѣдилась, что ея сильное средство не дѣйствительно. Въ самомъ дѣлѣ, съ ея стороны было про- сто ребячество—пугать княгиню упадкомъ общества отъ того, что въ немъ шевелятся особы въ чужихъ платьяхъ: княгиня брезгала насѣкомыми, но не боялась ихъ. Аделаида Григорьев- на убѣдилась, что этимъ не избавишься отъ дѣвчонки. Она заводила нарочно ссоры съ Анной Федоровной, чтобы вызвать «исторію»; ссоры дѣлались за книгу, переложенную на дру- гое мѣсто; за горничную Матрешу, которой тайно приказывалось пожаловаться въ присутствіи Анны Федоровны на не- досугъ и работы, которыми озабочиваетъ ее Анна Федоровна; за котенка, котораго вздумала лелѣять Аделаида Григорьевна, и который по этой причинѣ получалъ пинки отъ Анны Федо-

рѣвны; за кусокъ сахара, который Анна Федоровна желала положить въ чай, наливаемый ей постоянно безъ сахару; за пропавшую иголку со спуткомъ шелка.

— Шелкъ послѣ войны сталъ восемь копѣекъ золотникъ, говорила въ видѣ замѣчанія Аделаида Григорьевна:—покупать его не по карману, кому нужно часто тряпки чинить.

Изъ этихъ замѣчаній выходило, что благородныя особы ругались и, входя въ азартъ, забывали, что уже не губятъ одна другую, но каждая сама по себѣ рискуетъ лишиться милостей княгини. Но княгиня возсѣдала непоколебимая, невозмутимая, и произносила только въ экстренныхъ случаяхъ:

— Вы мнѣ голову прошумѣли.

Если отваживалась одна изъ спорящихъ обратиться къ ней, она говорила также спокойно, мало раскрывая ротъ, и величественно дѣливо:

— Идите къ себѣ въ комнату браниться.

Это напоминало каждой изъ приживалокъ ея собственный интересъ и заставляло умолкнуть. Такъ какъ для сраженій избиралось всегда утро, то ихъ не знали князь и Полина, по обыкновенію въ это время гулявшіе верхомъ, и Вася, подъ предлогомъ занятій ботаникой, уходившій повѣсничать на деревню. За обѣдомъ княгиня, въ видѣ любезности, для оживленія разговора, спрашивала, не относясь ни къ кому въ особенності:

— Ну, чтѣ жь, помирились?

— *Est-ce qu'on s'est querellé, grand'maman? on s'est pris par les cheveux, grand'maman?* восклицалъ Вася.

— У меня здѣсь Севастополь былъ, говорила княгиня съ разстановкой князю Ивану.

— Вася побили? вы ранены; Анна Федоровна? спрашивалъ Вася.

Полинѣ хотѣлось задушить всѣхъ. Она блѣднѣла и краснѣла, пряча глаза отъ князя, который всегда взглядывалъ на нее, посмѣиваясь.

— Очень не пріятно... сказалъ ей однажды Пехлецовъ, бывший свидѣтелемъ этихъ послѣдствій битвы.

— Я несчастная! отвѣчала она, отходя стремительно:—еслибы кто видѣлъ, понялъ, какъ я страдаю! еслибы кто-нибудь вырвалъ меня изъ этого!.. Клянусь, всю мою жизнь, всю мою любовь...

Она убѣждала, завидя Аделаиду Григорьевну. Но Пехлецовъ былъ взволнованъ, разсѣянъ, не любезенъ, и Аделаида Григорьевна убѣдилась, что и гоненія не помогутъ, пожалуй еще хуже испортятъ дѣло.

«Нѣтъ, сказала она сама себѣ, видно безъ этой слезливой фигурки не обойдешься. Она его скорѣе образумитъ, посоветуетъ. У него и ревматизмы, и подагра, надо ему имѣть при себѣ кого-нибудь надежнаго; возьметъ молодую, она ему тѣла, на чемъ околѣтъ, не оставитъ. Я все-таки по-христіански примусь. Пусть онъ это пойметъ... Да гдѣ ее взять, Катерину Александровну? глазъ не кажетъ!»

Аделаида Григорьевна тотчасъ поняла, а это было такъ не трудно, отчего Катерина Александровна глазъ некажетъ.

«Вѣдь умираетъ, я думаю, хочетъ видѣть своего Жана, размышляла она, а нельзя не поважничать: пусть онъ самъ прежде пріѣдетъ! Эхъ, чего ужъ онъ важничаетъ!.. Сослужить ей службу, послѣ этого ужъ и она служи мнѣ.»

И, вслѣдствіе этого размышленія, Аделаида Григорьевна постаралась на другой же день раньше всѣхъ встрѣтить князя. Книгиня еще не выходила изъ своей комнаты. Князь возвращался изъ конюшенъ очень не въ духѣ.

— Вы хотите прельстить меня? сказала ему Аделаида Григорьевна, стоя на балконѣ, пока онъ приближался.

— Чтò такое?

— Такъ, пунцовая фуражка эта...

— Э, дуралей Васька! сказалъ князь, бросая фуражку на скамейку:—дали ему лошадь, онъ ее испортилъ.

— Какъ, Базиль?

— Базиль вашъ. Вчера скакалъ на мельницу, что ли, въ самый жаръ; вогналъ лошадь въ воду, да напоилъ ее. Удивляюсь, какъ позволять, какъ давать мальчишкѣ волю! Избаловался со всѣмъ, сокровище это, фаворитъ бабушкинъ!

— Будьте снисходительны, вы сами были хуже, возразила Аделаида Григорьевна.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю! Тутъ бьешься, бьешься, съ тоски умираешь, угрождаешь ей, а всякій мальчишка смѣетъ брать то, чтò намъ принадлежитъ, и портить!

— Чтò такое лошадь? ублажала его Аделаида Григорьевна:—и съ какой тоски вы умираете? Вы преувеличиваете, князь. Вы хотите быть интересны.

— Въ самомъ дѣлѣ? какже, передъ вами!

— Ну, не передо мной, возразила она, смѣясь лукаво и съ ужимкой:—а я знаю передъ кѣмъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, передъ одною особою. Я ея не назову.

— Вы остроумны, какъ маска, Аделаида Григорьевна.

— Ахъ, нѣтъ, вы шутите!.. Но вы жестоки съ ней; вы не хотите удовлетворить желанію ея сердца, дать ей васъ видѣть.

— Къ кому это я такъ жестокъ? спросилъ князь, нахмуривъ брови.

— О-о!.. (Аделаида Григорьевна погрозила ему пальцемъ.) Вы меня понимаете... Послушайте, князь, я такъ давно привязана ко всему вашему дому и цѣню ваше дружеское расположеніе, я могу пользоваться вашею довѣренностію. За чтò вы хотите компрометировать молодую женщину, которая пріѣхала для васъ, оставила своего мужа...

— Это вы откуда провѣдали? прервалъ князь, захохотавъ:— bravo, Адель! вы въ самомъ дѣлѣ должны быть ловки въ ма-скарадахъ. Ну, какъ же еще дальше...

— Дальше... Знаете, князь, это такъ деликатно, что въ моемъ положеніи...

— И она поручила вамъ позвать меня? Такъ? И вы приняли порученіе, драгоценная моя Адель?

— Скажите ей, что я его исполнила, отвѣчала Аделаида Григорьевна, потупивъ глазаи.

— Скажите ей сами, что я къ ней не поѣду, отвѣчалъ князь.

— Князь!..

— Чтò же, чего вы испугались? Не поѣду.

— Но, наконецъ...

— Но, наконецъ, я не хочу ввязываться въ исторію, поймите это. Довольно и зимы.

— Нѣтъ, князь, я этого не понимаю! Я не понимаю, какъ можно любить, и вдругъ, и вдругъ...

— И вдругъ забыть?... Какъ-нибудь поймете.

— Но это жестокость, это неблагодарность...

— А, такъ она намѣрена еще дѣлать мнѣ сцены, укорять въ неблагодарности? Слуга покорный! Вы неловки, Адель; это дѣлаетъ честь вашей неопытности; но впередъ помните, что такъ не уговариваютъ.

— Я не понимаю, возразила Аделаида Григорьевна:—какъ вы жалуетесь, что вамъ тоска смертная,—вамъ эта тоска еще

на цѣлый мѣсяць и больше,—и вдругъ развлеченіе, а вы не пользуетесь.

— Вотъ это еще похоже на что-нибудь, сказалъ князь, засмѣявшись.

Аделаида Григорьевна помолчала съ минуту и подумала.

— Знаете, князь, сказала она, рѣшаясь:—я хотѣла васъ просить, просто, по вашему дружескому расположенію ко мнѣ, съѣздить туда. Мнѣ очень нужно.

— Вамъ-то что? вскричалъ князь, смѣясь.

— Мнѣ нужно... У меня свои дѣла, князь. Это, можно сказать, такія обстоятельства, отъ которыхъ мое все будущее зависитъ. Вамъ это ничего не стѣбитъ, вамъ будутъ рады, вы исполните долгъ простой вѣжливости.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, что вамъ обѣщали за это, сказалъ князь.

— Вы очень знаете, что въ моихъ правилахъ... что я никогда не имѣла корыстныхъ цѣлей, возразила Аделаида Григорьевна:—кромя моей привязанности ко всему вашему семейству вообще, и моей, можно сказать, рабской преданности къ княгинѣ... Послѣ нея, вся моя надежда на васъ, князь, вы это знаете... А отъ этого моя участь, можетъ-быть, зависить.

— Это презабавно, сказалъ князь:—что такое?

— Вотъ, узнаете.

— Я спрошу Катерину Александровну.

Аделаида Григорьевна расцвѣла. Ихъ прервали, но часу въ первомъ, она имѣла наслажденіе услышать, что князь сказалъ бабушкѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Вознесенское и велѣлъ заложить экипажъ. Дѣло въ томъ, что князь вздумалъ взглянуть на Катерину Александровну, которой имя ему напомнилъ.

Катерина Александровна не замѣчала (иначе не знала бы, какъ объяснить), что вовсе не скучно проводить утро. Она рано проснулась и сѣла за пальцы, въ припадкѣ пріемжанія, какіе иногда бываютъ у женщинъ, ничего не дѣлающихъ. Она задала себѣ урокъ, сколько вышить до такого-то часа, и разчитывала, во сколько дней будетъ готова пелена, если каждый день такъ трудиться. Всего только одинъ разъ она вышла на балконъ поправить цвѣты, и, отдыхая, постояла тамъ, глядя въ садъ. Ей показалось что-то весело, такъ что хотѣлось даже шалить, и свѣтская женщина сдѣлала великое отступленіе отъ приличій, своихъ привычекъ и характера. Увидя вдаль, въ аллеѣ, ухаживающаго, она закричала ему:

— Bonjour, monsieur Неряцкій!

Надо было имѣть очень чуткій слухъ, чтобъ это услышать, однако Неряцкій слышалъ. Онъ, хотя немного, но прибавилъ шагу, и подошелъ къ балкону.

— Вы не гуляете? спросилъ онъ:—что это значитъ? не больны?

— Нѣтъ, я работаю.

Онъ вошелъ безъ приглашенія. Въ послѣднюю недѣлю, онъ былъ въ этой гостиной два раза, по приглашенію.

— Посмотрите, сколько подвинулось, сказала Катерина Александровна, открывая пальцы.

— Великолѣпно, отвѣчалъ Неряцкій:—но неужели вы не могли выдумать ничего другаго, кромѣ голубаго съ бусами и золотомъ?

— Что же больше съ голубымъ? Ужь это всегда такъ. Вамъ не нравится?

— Какъ не нравится, если это ужъ «всегда такъ». Если и не нравится, то слѣдуетъ привыкнуть.

— Vous êtes un ennemi juré de nos ouvrages de femmes.

— Человѣкъ положительный. Ни къ чему эти работы.

— Время занято.

— Это-то и жалко.

— Но что же больше дѣлать, согласитесь...

— Я согласенъ; вамъ больше дѣлать нечего, то-есть вы не хотите.

— О, вы всегда противъ насъ!

— Я даже не противъ и такихъ работъ, возразилъ Неряцкій:—еслибъ въ нихъ было искусство, желаніе сдѣлать что-нибудь особенно-изящное, выбиться изъ общей колеи... Но, что жъ? вотъ, вы сейчасъ говорите, напримѣръ, что голубое съ золотомъ непреложно...

— Mais on n'est pas artiste pour créer...

— Знаете, Катерина Александровна, еслибы всѣ такъ думали, артистовъ-то и вовсе бы не было.

— Надо слишкомъ много взять на себя, возразила она.

— Что жъ, возьмите, попробуйте.

— Нѣтъ.

— А знаете, какъ далеко заходитъ ваше «нѣтъ»?

— Не дальше моихъ пальцевъ, я думаю.

— Подальше. Вы ими связываете всю вашу жизнь. Ужь если вы не смѣете (Неряцкій засмѣялся на этомъ словѣ), если

вы не смѣете сами составить себѣ узоръ для какого-нибудь шитья, перемѣнить это холодное голубое съ бѣлымъ, указанное какимъ-то закономъ, что же вы еще осмѣлитесь? чему же еще вы не покоритесь? Вѣдь въ жизни есть другія рѣшенія, позатруднительнѣе, и другіе законы, тяжелѣе этого; передъ ними вы уже совсѣмъ потеряетесь и наклоните голову...

— Зачѣмъ же? возразила она:—vous aimez à faire de la philosophie. Я не потеряюсь, а поступлю какъ всѣ.

— А *всѣ* хорошо поступаютъ?

— Мы чужихъ поступковъ судить не можемъ и не должны.

Неряцкій взглянулъ на нее и улыбнулся; можетъ-быть еще никогда она не была такъ похожа на запуганнаго ребенка.

— Вы ужасно робки, Катерина Александровна, сказалъ онъ.

— Ахъ, ужасно! повторила она.

— Скажите же, продолжалъ онъ, смѣясь:—какъ вы проживете на свѣтѣ? «Какъ всѣ», но многіе злы, а вы неспособны на зло, это невозможно: вы для этого и честны, и добры. Ну, а не такъ какъ всѣ... Извините меня, впрочемъ; я ужъ позволяю себѣ философствовать о васъ...

— Можете, отвѣчала она, улыбувшись тоже:—мнѣ любопытно слышать, что можно подуматъ обо мнѣ, о моемъ характерѣ.

— Это-то и жаль, что ничего подуматъ нельзя: у васъ нѣтъ никакого характера. Вы отъ природы честны и добры, но вы боитесь быть тѣмъ и другимъ. Вѣдь страшно сказать: если васъ запугать хорошенько... вы не можете поручиться, что васъ не заставятъ насильно, конечно, измучивъ васъ, конечно, поступивъ даже противъ вашихъ природныхъ наклонностей...

— Je suis donc une sotte, сказала, обидясь, Катерина Александровна.

— Ну, вотъ, вскричалъ Неряцкій, засмѣявшись громко:—видите ли! вы считаете долгомъ обидѣться, хотя и сознаете, что я говорилъ правду; но въ правилахъ вашихъ изображено, въ писаніи у васъ гдѣ-то сказано, что не должно позволять говорить себѣ правду. Но будьте безпристрастны, удостойте быть откровенны... Впрочемъ, не нужно, я увѣренъ въ этомъ и безъ вашей откровенности! Вы слишкомъ чисты душой, слишкомъ благородны, чтобы не возмущаться тѣмъ, что дѣлается и говорится тамъ, въ свѣтѣ вашемъ; скажите же, сдѣлайте милость, почему тамъ вы безотвѣтны передъ глупостію, передъ зломъ, которое дерзко бросается вамъ въ глаза, а тутъ

вамъ больно, вы оскорбляетесь первымъ искреннимъ словомъ оскорбляете того, кто вамъ скажетъ его?

— Я оскорбила васъ? спросила она, удивленная:—чѣмъ же?

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ, съ улыбкой, но уже измѣнившію свое выраженіе:—вы не могли предположить, чтобы шe nature aussi rude, какъ моя, могла чѣмъ-нибудь оскорбиться. Извиняюсь и беру назадъ мою жалобу; я былъ не правъ.

Катерина Александровна не въ шутку приняла его извиненіе; она была даже рада, что извиняются передъ нею. Она боялась Неряцкаго какъ чего-то грубаго, низшаго, такого, съ чѣмъ съ дѣтства ее учили быть обходительною и чѣмъ во всѣхъ правоучительныхъ повѣстяхъ приказывалось не пренебрегать. Съ низшими, какъ извѣстно, лучшее средство—нѣсколько прибавившихъ словъ; найти эти слова очень трудно, но низшіе могутъ довольствоваться чѣмъ случится, потому что, по грубости своей, конечно, не знаютъ толку въ словахъ.

— J'espère que nous resterons toujours bons amis, сказала Катерина Александровна кротко Неряцкому. Онъ поклонился молча. Ему было глупо тяжело, что онъ рѣдко позволялъ себѣ. Онъ понималъ всѣ ея помысленія; у него не было ни охоты смѣяться надъ нею, ни даже охоты срывать сердце, браня другихъ. Катерина Александровна была вполне убѣждена, что онъ сконфуженъ.

— Вы имѣете много знакомыхъ, здѣсь, въ сосѣдствѣ? спросила она, чтобы ободрить его.

— Всѣ знакомы, отвѣчалъ онъ:—я здѣсь три года.

— Да?.. И вы часто ѣздите ихъ видѣть?

— Напротивъ, очень рѣдко.

— Почему же?

— Некогда.

Катерина Александровна чувствовала, что скоро не найдетъ больше предмета для разговора.

— Но между ними есть люди порядочно воспитанные... порядочнаго круга?

— Выше нѣтъ княгини Десятовой, отвѣчалъ серьезно Неряцкій.

— Да... княгиня... А который часъ, monsieur Неряцкій? мои часы стали.

— Мои тоже

— Потрудитесь взглянуть на солнечные.

Неряцкій сошелъ съ балкона къ столбу съ часами.

— Четверть второго, отвѣчалъ онъ еще изъ цѣвника:—а къ вамъ гости въ дворъ вѣзжають,—княжеская коляска, и въ ней самъ его сіятельство, князь Иванъ.

На счастье Катерины Александровны, онъ повѣрялъ свои часы и замѣшкаль воротиться.

— Кто? вскричала она, блѣдная, вскочивъ съ мѣста.

— Послѣдній изъ Десятовыхъ, отвѣчалъ Неряцкій, встоди на балконъ:—а мнѣ позвольте имѣть честь откланяться.

— Нѣтъ, не уходите, прошу васъ, останьтесь, сказала она поспѣшно:—я такъ не люблю этихъ визитовъ... *on me dérange...*

Она сама не знала что говорила. Неряцкій объяснилъ это естественнымъ неудовольствіемъ принимать такого гостя. Онъ разсмѣялся на этотъ разъ искренно, и сѣлъ опять на свое мѣсто у палецъ Катерины Александровны.

Доложили о князѣ, и черезъ минуту онъ вошелъ.

Еслибы Неряцкій подозрѣвалъ что-нибудь, то, несмотря на свое полнѣйшее убѣжденіе въ способности женщинъ притворяться, онъ бы изумился твердости, съ которою Катерина Александровна овладѣла собою. Конечно, эту силу придалъ ей страхъ, мысль, что за нею наблюдаетъ человекъ, четверть часа назадъ сказавшій, что она чиста и благородна, и женское самолюбіе, которому въ первый разъ въ теченіе несчастной любви своей она дала волю: ея не хотѣли видѣть двѣ недѣли, она не покажетъ, что обрадовалась свиданію... Жалкая женщина не воображала какъ бываетъ иногда выгодно это притворство самолюбія.

— Здравствуйте, сказалъ князь, развязно подавая ей руку и кланяясь съ Неряцкимъ.

— Какъ здоровье татан? спросила Катерина Александровна.

— Она всегда здорова. Я привезъ вамъ тысячи упрековъ въ томъ, что вы забыли, разлюбили насъ всѣхъ, похоронились здѣсь, не хотите прѣхать. Grand'tatan безъ васъ все проигрывается.

— А я тоже какъ проигралась, какъ была у нея въ послѣдній разъ... Что новаго въ Москвѣ?

— Я цѣлый вѣкъ изъ Москвы, ничего не знаю.

— Все жъ позднѣе меня, возразила Катерина Александровна:— что Хмѣлевскіе? Еglé ничего мнѣ не пишетъ, забывчивая!

— Но вѣдь вы сами хотите, чтобы васъ забыли,—уѣхали въ эту глушь.

— Нѣтъ, но я не хотѣла бы, чтобы друзья меня забывали.

— А, такъ дѣлаются исключенія?

— Конечно.

— Мнѣ бы хотѣлось знать для кого?

— Вотъ, для Eglé.

— И еще для кого же?

— Но... право не знаю, отвѣчала Катерина Александровна:— я чувствую себя здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, что не знаю, желаю ли я еще чего-нибудь.

— Поздравляю васъ. Чтò же вы дѣлаете?

— Вотъ, работаю. Monsieur Неряцкій такъ добръ, что доставляетъ мнѣ много чтенія. Pardon, monsieur Неряцкій, я все еще держу ваши журналы...

Князь оглянулся на Неряцкаго.

— Поторопитесь, сказалъ Неряцкій:— скоро будутъ новыя.

— А я такъ запоздала у меня нѣтъ привычки читать скоро. Но мнѣ пришла идея: если у васъ будетъ свободное время, М. Неряцкій, vous m'obligerez infiniment, прочтите мнѣ сами...

— Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Неряцкій.

— Я такъ люблю работать, когда читаютъ, прибавила она.

— Это замѣняетъ разговоръ, сказалъ Неряцкій.

— Non... mais on peut causer de ce qu'on a lu, возразила Катерина Александровна, испугавшись его сухаго отвѣта и пристальнаго взгляда князя. Она соображала, не слишкомъ ли долго и исключительно, противъ приличій, занялась однимъ гостемъ забывъ другаго, и не даетъ ли это право предполагать... она сама не знала, чтò; начала теряться и обратилась къ князю:

— Изъ деревни вы прямо въ Петербургъ?

— Я думаю.

— И Москва васъ больше не увидитъ?

— А, довольно мнѣ вашей Москвы! Скука. Я проигрался. Мнѣ въ Москвѣ и жизнь обходится дороже, и кромѣ того приходится подумать, какъ сократить расходы... Не правда ли?

Онъ договорилъ это Неряцкому.

— Да, слѣдуетъ подумать, сказалъ Неряцкій.

— Порядочные люди, продолжалъ князь, — будутъ не въ состояніи поддержать себя въ обществѣ, и оно все составитъ изъ портныхъ и сапожниковъ.

— Жалѣть нечего, сказалъ хладнокровно Неряцкій:— тѣ, которые держатся въ обществѣ только деньгами, хуже портныхъ и сапожниковъ.

Князь быстро оглянулся на него; Катерина Александровна,

испуганная, не смѣла шевельнуться. Неряцкій сидѣлъ, опираясь локтемъ на пальцы, и глядѣлъ равнодушно, будто говорилъ о погодѣ. Была секунда совершеннаго молчанія.

— Вы занимаетесь и музыкой? спросилъ князь Катерину Александровну, показавъ на рояль.

— Oh, mais je ne joue donc rien! отвѣчала она.

— Аделаида Григорьевна поетъ каждый вечеръ.

— У нея большой голосъ.

— Вкуса нѣтъ. Взвизгиваетъ.

— Oui, des sons aigus.

— Хорошій концертъ состоялся на дачѣ у Мороновыхъ, вотъ послѣднее время какъ я еще оставался въ Москвѣ, продолжалъ князь.

Онъ началъ разказывать подробности концерта. Неряцкій всталъ.

— Вы уходите? спросила Катерина Александровна, потерявшись не зная отъ чего, — отъ страха, въ который бросили ее его слова, или отъ страха, что она останется одна съ княземъ.

Князь посмотрѣлъ на него какъ на человѣка, который бѣжить.

— Куда же вы уходите? повторила Катерина Александровна.

— Къ себѣ домой, отвѣчалъ онъ, — и дома до вечера.

Онъ поклонился ей. Князь ожидалъ его поклона, чтобъ вернуться, но Неряцкій и не взглянулъ на него уходя.

Катерина Александровна обратилась къ своимъ пальцамъ и смотрѣла, потупивъ голову, на узоръ. Портьера, спускавшаяся за Неряцкимъ, улеглась и перестала волноваться, шаги его давно затихли, въ воздухѣ замеръ всякій шумъ, изъ знойнаго сада не приносилось никакого звука, и понемногу все слышнѣе и слышнѣе становилось чиканье миниатюрныхъ часовъ въ углу на этажеркѣ.

— Ну-съ, Mme Alexinski? сказалъ князь.

— Чтò вамъ угодно? спросила она, не оглядываясь.

— Для чего вамъ было угодно, чтобъ я къ вамъ пріѣхалъ?

— Мнѣ?

— Ну да, вамъ. Для чего вы меня звали?

— Я звала васъ?

— Да чтò, мы въ вопросы играемъ, что ли? сказалъ князь: — вы велѣли Адели прислать меня, — вотъ я.

— Я ничего не велѣла Адели, отвѣчала она, испугавшись.

— Какъ же она увѣряетъ? Она говоритъ, что, «пользуясь вашею довѣренностью...»

— У меня нѣтъ повѣренныхъ, возразила Катерина Александровна тихо, и еще ниже наклоняя голову.

— Съ чего же это она взяла? сказалъ князь.

— Кто?

— Адель. Какъ пристала, чтобъ я ѣхалъ! У нея планы какіе-нибудь. У этихъ особъ бываютъ исторіи, иногда презапутанныя; сплетня на сплетнѣ, и вдругъ что-нибудь изъ этого извлекутъ, воспользуются крошкой... а иногда и не крошкой; я, вотъ, двѣ недѣли наблюдаю...

Катерина Александровна подняла глаза и смотрѣла на него пристально. Она думала: если этотъ человѣкъ и не хотѣлъ ее видѣть, если его въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь сплетней прислали къ ней... Какою сплетней?—она не останавливалась на этой мысли, пугаясь ея, за другимъ мученьемъ не имѣя времени разбирать ее... Если его и прислали противъ его воли, то все же неужели въ немъ нѣтъ ни тѣни памяти прошедшаго, что онъ можетъ такъ равнодушно видѣть женщину, когда-то любимую, можетъ въ первыя минуты свиданія заниматься не ею, а вздоромъ,—интригой какой-нибудь приживалки?.. Это даже не учтиво, еслибъ они были и посторонніе! Но они не посторонніе: онъ не церемонится... Не свои, однако, не близкіе! для близкихъ есть ласка, а не ласка, такъ слово участія... А еслибъ это была любовь, она бы, конечно, не такъ встрѣтила первую свободную минуту безъ чужихъ людей!

— Чтѣ вы такъ смотрите? спросилъ князь съ разстановкой, лѣтливо-насмѣшливымъ тономъ, который принялъ какъ только они остались одни.

— Ничего, отвѣчала она, и голосъ ея задрожалъ: — я рада, что вы веселы.

— О чемъ же мнѣ горевать? отвѣчалъ онъ, снимая и бросая свои перчатки:—усталъ я очень, жарко. Курятъ здѣсь у васъ? дайте огня.

Катерина Александровна позвонила.

— Вотъ какъ, съ церемоніями! Развѣ нѣтъ у васъ гдѣ-нибудь поблизости спички или лампы въ вашей комнатѣ?

Вошла Настя.

— Свѣчку князю, сказала ей Катерина Александровна.

Настя принесла и вышла. Князь усѣлся спокойно на диванчикѣ, подвинувъ себѣ подъ локоть подушку, и курилъ, посматривая то въ потолокъ, то на стѣны.

— Не дурно убрано, сказалъ онъ, — это кто выбираетъ драпировку?

— Не знаю; я какъ пріѣхала, нашла все готовое.

— Милая внимательность вашего мужа... Ну-съ, а что же monsieur Неряцкій?

— Что monsieur Неряцкій?

— Часто бываетъ? Однимъ словомъ, это пріятное общество?

— Вы его видѣли.

— Очень онъ влюбленъ въ васъ, очень нѣженъ? Мы довольно дружны съ вами, M^{me} Alexinski, вы можете мнѣ признаться.

Катерина Александровна не выдержала больше; она зажала слезами, рыдая и зажимая лицо платкомъ, чтобы въ ближней комнатѣ кто-нибудь не услышалъ ея рыданій.

— Что это? сказалъ князь: — э, вздоръ какой! съ вами и говорить нельзя.

Катерина Александровна встала и вышла на балконъ. Она плакала, повторяя себѣ, что «все кончено», что «должно все сейчасъ кончить.» Она спрашивала, за что Богъ такъ жестоко ее наказываетъ; она не помнила себя въ отчаяніи.

— Catherine! раздался голосъ князя.

Она не отвѣчала.

— Catherine! повторилъ онъ, не двигаясь съ диванчика, и продолжалъ по-французски: — воротитесь же. Какую вы тамъ комедию играете? Кто-нибудь пройдетъ по саду и увидитъ васъ.

Она воротилась въ комнату; покуда она, въ слезахъ, все забывала, князь, посмѣиваясь про себя, многое передумалъ. Она остановилась среди комнаты, не зная куда дѣваться: уйти къ себѣ въ спальню было невозможно, тамъ могла быть Настя.

— Сядьте здѣсь поближе, сказалъ князь, показывая ей мѣсто подлѣ себя: — ну, что это за слезы? будто забыла, что я утѣшать и не мастеръ, и не охотникъ.

Она сѣла, но заплакала опять, закрывая свое личико.

— Еще? продолжалъ князь: — проливной дождь! скоро ли прояснить? Madame, vous êtes folle, и если вы намѣрены всегда такъ меня принимать, то я, пожалуй, и самъ примусь плакать. Изъ чего столько хлопотъ?

— Ты меня не любишь! проговорила она.

— Чѣмъ это доказывается? Изъ чего же я ѣхалъ сюда? Надѣюсь, не за бабкой ухаживать, она еще неизвѣстно когда отправится; меня переживетъ...

— Ужь двѣ недѣли! двѣ недѣли! повторяла Катерина Александровна.

— Двѣ недѣли я въ Бубновѣ? Что жь, такъ и скакать сюда, въ первый же день, чтобъ о васъ заговорили? Ее же берегутъ, о ней же думаютъ, а она упрекаетъ!

— Что за разговоры, что за вопросы!...

— Ахъ, и шутить нельзя! Вотъ характеры!... Что же такого въ моемъ разговорѣ, чѣмъ я провинился? Пріѣзжаю—она сидитъ богомолкой, въ недоступностяхъ; животное это, управитель, тутъ... Я на него не обращаю вниманія, я къ нему спиной верчусь, а она съ нимъ въ разговоры, «куда вы идете, зачѣмъ вы уходите...»

— Онъ полчаса какъ ушелъ, вскричала Катерина Александровна,—а развѣ я услышала хоть одно слово?..

— А я слышалъ ли хоть слово? Я усталъ, я думалъ быть, просто, какъ дома... Право, смѣшно требовать любезностей, что ли, учтивостей... Точно вы дитя, точно мы со вчерашняго дня знакомы.

Князь отвернулся. Катерина Александровна отирала слезы. Она подумала, что, въ самомъ дѣлѣ, виновата тѣмъ, что не дорожить каждою минутой его присутствія и тратитъ ее на слезы и упреки.

— Жанъ, сказала она тихонько.

— Что?

— Пожалуста не сердись.

— Сердиться? Что за вздоръ!... Я не сержусь, а мнѣ скучно.

— Жанъ, ради Бога... Я буду плакать, что тебя огорчила.

— Опять плакать?...

— Я не буду, Жанъ... Скажи мнѣ хоть «здравствуй».

— Глупая! сказалъ онъ смѣясь.

— Ты меня любишь?

— Это еще глупѣе; чего тутъ спрашивать?

— Нѣтъ, скажи, ты охотно... охотно меня видишь?

— Ахъ, что за сумашедшая! Еслибы не хотѣлъ видѣть, кто бы меня притянулъ?

— Я такъ по тебѣ скучала!

— Зачѣмъ же ты не была этими днями у бабушки? Отчего ты прячешься? Въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать не знаю что. Бади по прежнему, ни часто, ни рѣдко.

— А ты?...

— А то засѣла здѣсь, и все общество—управляющій, чело-

вѣкъ, котораго стѣбитъ побить, ничего больше. Онъ когда-нибудь наскочитъ на исторію. Прошлый разъ у насъ, за картами, сказала Пехлецову, что тотъ счета не знаетъ. Пехлецовъ, дуракъ, ему смолчалъ. А ты съ нимъ держисься, не знаю, какъ съ равней...

— Богъ съ нимъ... Ты на долго здѣсь?

— Какъ тебѣ сказать?... Ты сама должна понять, что мнѣ нѣтъ ни удовольствія, ни выгоды здѣсь кичнуть.

У Катерины Александровны сжалось сердце.

— Какъ же ты сказала... начала она.

— Тетка Тяженецкая то и дѣло пишеть, ласкается къ матери. Тяженецкій, мужъ ея, янтарей какихъ-то наслалъ; бабушка обвѣшалась ими какъ дикарка, и похаживаетъ: «l'odeur de l'ambre, cela me reconforte...»

— Ахъ, Жанъ, какой ты смѣшной, милый мой!

— Право? Весело? Ну, о чемъ плакала?... Тяженецкіе бабку скрутятъ, вытянутъ у нея денегъ пропасть. Я вчера узналъ, что она двѣ тысячи послала на банкира въ Парижъ, Агриппинѣ. Двѣ тысячи серебромъ, не шути! Такъ тутъ будешь поневолѣ ручки у нея цѣловать, чтобы хоть имѣніе отдала, вотъ это...

Онъ замолчалъ, брося съ досадою пахитоску.

— Да, Жанъ, тебѣ затруднительно, сказала Катерина Александровна.

— Я и сижу, и питаюсь воздухомъ и надеждами. Чтѣ жъ дѣлать!... Развѣ Мше Alexinski позволитъ мнѣ почаще пріѣзжать lui rendre mes respectueux devoirs...

— Какъ я люблю тебя, жизнь моя!

— Ну-съ, а пока, прощайте. Нельзя, нельзя на первый разъ засиживаться. Пора домой...

— Жанъ, я завтра пріѣду.

— Нѣтъ, скоро очень. Вы слишкомъ торопитесь отдавать мнѣ визитъ, Мше Alexinski. Послѣ завтра вечеромъ пріѣзжай, а оттуда уѣзжай раньше, я провожу тебя домой. J'ai l'honneur, madame...

Онъ перемонно расшаркался и прибавилъ, выходя изъ гостиной и опуская портьеру:

— Какая пустота у васъ во всемъ домѣ! Au revoir.

В. КРЕСТОВСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ ¹

III.

Отраднo и для души и для взора глядѣть на старую садовую ограду, потемнѣвшую отъ времени, облѣпленную сырыми листьями, обросшую мхами, богатыми роскошнымъ разнообразіемъ зелени и нѣжными, причудливыми формами; на ограду, защищающую уютное жилище, далекое отъ шума большихъ городовъ; жилище, гдѣ намъ мечтается тихое счастье, незнакомое ни съ трагедіями, ни съ дразгами жизни. Мы идемъ мимо ограды, глядимъ на перевѣсившіяся вѣтви, и воображеніе рисуетъ намъ прелестный уголокъ, скрытый за нею; или наши мысли останавливаются на самой оградѣ и на томъ, какъ часто пригрѣвало ее солнышко, какъ часто мочилъ ее дождь, и снова высушивалъ вѣтеръ; какъ измѣнилась она отъ всего этого съ тѣхъ поръ, какъ каменщикъ сложилъ ея кирпичи. У этой старой ограды есть прошлое, есть жизнь, есть исторія. Она, какъ Вордсвортъ говорить о горахъ, «дружна съ забытыми годами». Не только на ней остались явные слѣды времени въ треснувшихъ кирпичахъ и рассыпающейся извести; есть на ней и тайные, доступные лишь умственному взору, слѣды каждой дождевой капли, cadaго солнечнаго луча, cadaго вѣтра. Ничто не пропадаетъ. Въ дивномъ строѣ превращеній,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 14 и 15.

постоянно происходящемъ вокругъ насъ, все мѣняется, но ничто не теряется.

Чтобы вы приняли это за поэтической оборотъ, а не за аксіому науки, позвольте мнѣ доказать вамъ примѣромъ, что всякій лучъ свѣта, всякое дуновение вѣтра, коснувшись предмета, навсегда измѣнили его. Фотографія очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ такое вліяніе свѣта; вы можете однако возразить, что это доказываетъ только чувствительность іода къ дѣйствию свѣта. Но въ сущности, свѣтъ точно такъ же дѣйствуетъ на каждое тѣло, на которое онъ падаетъ и измѣняетъ его въ большей или меньшей степени. И не одинъ свѣтъ. Если мы положимъ облатку на полированную металлическую поверхность, и потомъ дохнемъ на нее, то, давъ влагѣ нашего дыханія испариться, и сбросивъ облатку, мы можемъ убѣдиться, что вся полированная поверхность измѣнилась, хотя чувства наши прямо не даютъ намъ замѣтить никакого измѣненія; а именно, если мы снова дохнемъ на металлъ, вся его поверхность тотчасъ сдѣлается влажною, за исключеніемъ той части, которая прежде была защищена облаткой, и которая теперь является на ней въ видѣ тѣни. Дохнемъ опять, дохнемъ еще разъ: каждый разъ появится тѣнь облатки. Этотъ опытъ удался намъ и по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, если мы тщательно отложимъ металлъ въ такое мѣсто, гдѣ ничто не можетъ коснуться его поверхности. Если подвергнуть лучамъ солнца листъ бумаги, на который положенъ ключъ, и тотчасъ потомъ взглянуть на него въ темнотѣ, снявши съ него ключъ, то на немъ окажется быстро исчезающая тѣнь ключа. Положимъ на долгое время этотъ листъ бумаги въ такое мѣсто, гдѣ ничто не можетъ подействовать на него, и если потомъ мы поместимъ его въ темнотѣ на горячую металлическую пластинку, то увидимъ, что на немъ снова явится тѣнь ключа. На тѣлахъ болѣе фосфорическихъ чѣмъ бумага, тѣни многихъ предметовъ могутъ являться въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ клали ихъ одинъ за другимъ на поверхность этихъ тѣлъ (1).

Все это точно такъ же относится и къ нашему тѣлу, и къ нашей душѣ. Мы также участвуемъ въ этомъ постоянномъ всемірномъ метаморфозѣ. Никакая вещь не оставляетъ насъ вполне такими, какими она нашла насъ. Всякій человекъ, ко

(1) Draper, *Human. Physiologie*, 289.

того мы встрѣчаемъ, всякая книга, которую читаемъ, всякая картина, которую видимъ, всякое слово, всякій звукъ, который слышимъ, проникаетъ въ наше существо и видоизмѣняетъ его. Бывали случаи, что неученыя женщины, при умственномъ поврежденіи, проносили греческія и еврейскія фразы, когда-нибудь слышанныя, но конечно не понятыя ими. Эти звуки были давно забыты; слѣдъ, оставленный ими, былъ такъ слабъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ онъ былъ совершенно нечувствителенъ; но слѣдъ все-таки существовалъ, и при яркомъ пламени сумашествія онъ обнаруживался точно такъ же, какъ тѣнь ключа появилась при дѣйствіи жара: такъ и со всѣми вліяніями, которымъ мы подвергаемся.

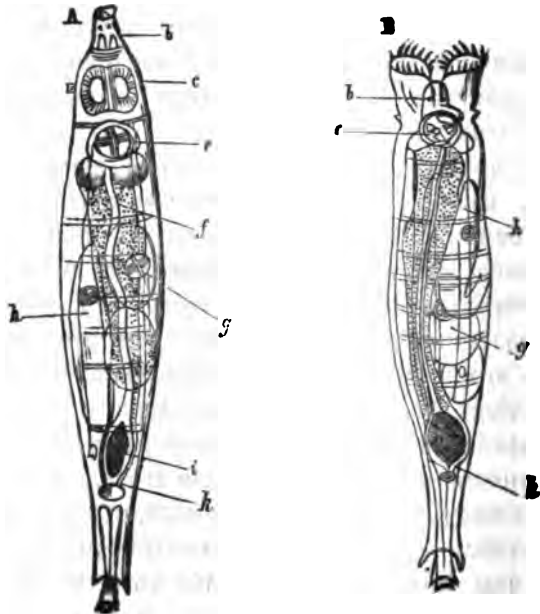
Если садовая ограда навела наши бродячія мысли на такія умозрѣнія, то она, конечно, представить намъ матеріалъ и для нашихъ занятій животной жизнью. Эти комочки мха должны содержать колонію живыхъ существъ. Не разсмотрѣть ли намъ ихъ? Я вырываю одинъ изъ нихъ; онъ такъ сухъ, что разсыпается въ пыль при малѣйшемъ прикосновеніи; мы завернемъ его въ бумажку, съ его пылью и грязью, и отнесемъ его домой. Приготовьте микроскопъ, и будьте внимательны.

Я обмакиваю частицу этого мха въ перегнанную воду. Всякая вода точно также годилась бы для этого, но я употребляю перегнанную воду, чтобы вы не подумали, что животныя, которыхъ вы тотчасъ увидите, принадлежать водѣ, а не мху. Я теперь сжимаю мохъ въ моихъ пальцахъ, и капля воды, нѣсколько намутненной грязью, падаетъ на стеклышко, которое мы помещаемъ подъ микроскопъ. Быстрый обзоръ убѣждаетъ насъ, что тутъ нѣтъ животныхъ. Мы снова выжимаемъ мохъ, и на этотъ разъ видимъ между частицами мха и грязи маленькія желтоватыя тѣла неправильной овальной формы. Взгляните въ одно изъ нихъ, и вы увидите, что сперва одинъ конецъ, потомъ и другой начинаетъ медленно удлиняться. Овальное тѣло вытянулось въ нѣчто похожее на жирную гусеницу, съ тою только разницей, что одинъ изъ кончиковъ заостренъ. Вотъ показался вилообразный хвостъ; онъ прицѣпляется къ стеклу, и все тѣло качается изъ стороны въ сторону. Вотъ голова втянулась, словно животное проглотило ее, и на ея мѣстѣ внезапно распустились двѣ широкія лопасти, снабженныя каждая кружкомъ качающихся рѣсничекъ. Безжизненное овальное тѣло сдѣлалось живымъ животнымъ. Вы присутствовали при воскрешеніи, при воскрешеніи посредствомъ потопленія!

Распушенные лопасти, съ ихъ рѣсничками, до того похожи на колеса, что этихъ животныхъ назвали *ротиферами* (*Rotifera*), то-есть колесноносцами.

Ротиферы (правильнѣе *ротаторіи*—*Rotatoria*) или *колосратки* представляютъ очень интересный предметъ для изслѣдованія. Познакомимся съ ихъ организаціею.

Фиг. 16.



Rotifer vulgaris. А, съ колесами, втянутыми внутрь (при с). В, съ колесами распушенными; в глазныя точки; е челюсти и зубы; f пищеводе; g зародышь; h зародышь болѣе развитой; i система водяныхъ сосудовъ. k задній проходъ.

Существуетъ много видовъ колосратокъ, различающихся между собою величиной и формой; при чемъ, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, самцы постоянно менѣе развиты чѣмъ самки. Вы можете видѣть ихъ либо быстро плавающими подъ водой поередствомъ кольцообразно-расположенныхъ рѣсничекъ, которыя называются колесами, потому что при движеніи онѣ представляютъ точь-въ-точь видъ зубчатого колеса либо ползающими по стеклышку; при чемъ онѣ прицѣпляются головою, потомъ сгибаютъ тѣло, пока хвостъ не коснется головы, и тогда, прицѣпившись хвостомъ, протягиваютъ голову впередъ. Не рѣдко также они прикрѣпляются хвостомъ къ сте-

цу, или къ какой-нибудь травѣ, а тѣломъ качаются туда и сюда, или же вытягиваютъ его прямо, и быстро дѣйствуютъ своими колесами. При этомъ положеніи, ихъ жвалы представляютъ поразительное зрѣлище. Левенгукъ принялъ ихъ за сердце, и дѣйствительно, ихъ безпрестанное, мѣрное движеніе напоминаетъ біеніе этого органа. Хвостъ и передняя часть тѣла въ замѣчательной степени обладаютъ способностью втягиваться и вытягиваться наподобіе подзорной трубы. Тѣло иногда защищено панциремъ, или скорлупкой, но часто оно покрыто только гладкою, твердою кожей, которая однакожь представляетъ явныя указанія на членистое раздѣленіе.

Первый описалъ этихъ коловратокъ несравненный старикъ Левенгукъ, добывшій ихъ изъ дождеваго желоба. Съ тѣхъ поръ, ихъ тщательнo изучали, и доказали, что онѣ не инфузоріи, какъ думалъ Эренбергъ, но ракообразныя животныя. Прошу васъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, которое больше всего придало извѣстности этимъ существамъ—именно, на ихъ способность воскресать. Левенгукъ описалъ то, что вы сейчасъ видѣли, именно — медленное оживленіе коловратокъ (сухихъ какъ пыль, и переносимыхъ, подобно пыли, каждымъ вѣтеркомъ) при погруженіи ихъ въ воду. Спалланцани удивилъ ученый міръ извѣстіемъ, что этотъ процессъ сушенія и размоченія, умерщвленія и воскрешенія, можетъ быть повторенъ пятнадцать разъ сряду; такъ что коловратка, говоритъ онъ, которой нормальная жизнь продолжается около восемнадцати дней, можетъ быть засушена и сохраняется нѣсколько лѣтъ, и оживлена потомъ по произволу. То, что намъ кажется теперь пылинкой, можетъ вдругъ оживиться жизнію сложнаго организма, и снова уподобиться пыли по испареніи воды.

Все это очень чудесно; до того чудесно, что умъ, воспитанный въ привычкахъ научной осторожности, требуетъ всему этому непреложныхъ доказательствъ. Два мѣсяца тому назадъ я отвѣчалъ бы сомнѣвающимся, что непреложныя доказательства налицо, что фактъ неоспоримъ; ибо фактъ не только подтверждается свидѣтельствомъ многихъ ученыхъ,—онъ вынесъ пробу очень строгихъ опытовъ. Такъ, въ 1842 году, г. Дойеръ обнаружилъ опыты, противъ которыхъ, казалось, не могъ бы устоять никакой скептицизмъ. Онъ помѣщалъ частицы мха подъ воздушный нососъ, вмѣстѣ съ сосудами, наполненными сѣрною кислотой, которая должна была поглотить вся-

кій слѣдъ влаги. Продержавъ мохъ въ этихъ условіяхъ въ продолженіи цѣлой недѣли, онъ помѣщалъ его въ печь, въ которой температура возвышалась до 300 градусовъ по Фаренгейту. Но и эти операціи не помѣщали колловраткамъ воскреснуть, какъ только мохъ погружался въ воду.

При такомъ свидѣтельствѣ, сомнѣніе становится почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, собственные мои опыты ставятъ меня въ необходимость сомнѣваться. Я не присутствовалъ при опытахъ г. Дойера, и, поэтому, не могу сказать, въ чемъ состояла его ошибка, но что тутъ была ошибка, это, кажется, можетъ быть положительно доказано. Въ новомъ сочиненіи г. Пуше (1), я въ первый разъ встрѣтилъ рѣшительное отрицаніе такъ-называемаго воскрешенія колловратокъ; отрицаніе это тѣмъ болѣе поразило меня, что я самъ не разъ видѣлъ оживаніе этихъ высушенныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всякое законное сомнѣніе не можетъ быть разрѣшено иначе, какъ путемъ опыта, я прибѣгнулъ къ опыту и скоро попалъ на то обстоятельство, которое повидимому и есть источникъ всѣхъ разногласій по этому предмету. День за днемъ мои опыты повторялись, видоизмѣнялись, повѣрялись, и съ такими тождественными результатами, что всѣ мои сомнѣнія разсѣялись; и такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ опытовъ чрезвычайно просты, вы можете повторить ихъ безъ большаго затрудненія. Выжмите каплю изъ мха и постарайтесь, чтобы въ ней не было грязи, и убѣдившись, что въ ней есть живыя колловратки, или тардиграды (2), помѣстите стеклышко съ этою каплей подъ стеклянный колпакъ, чтобы защитить его отъ воздушныхъ теченій, и дайте водѣ испариться медленно, но вполнѣ, при помощи хлорной извести, или сѣрной кислоты. помѣщенной подъ колпакъ; или, что еще проще, помѣстите стеклышко съ животными на топящуюся печку. Если на другой день, вы разсмотрите вполнѣ высохшее стеклышко, вы увидите съезжившіяся тѣла колловратокъ, принявшія форму овальныхъ желтоватыхъ зернышекъ. Но попробуйте оживить ихъ каплей свѣжей воды, и вы увидите, что онѣ

(1) Pouchet, *Hétérogénie ou Traité de la Génération spontanée*, 1859, p. 453.

(2) Тардиграды принадлежатъ къ порядку паукообразныхъ (арахнидовъ) ихъ находятъ иногда во мхѣ, въ стоячей водѣ.

ва оживутъ, подобно тому какъ оживаютъ, когда были высушены вмѣстѣ со мхомъ; иногда онѣ нѣсколько раздуваются и немного удлиняются, и вы подумаете, что это начало пробужденія къ жизни; но продолжайте наблюдать за ними въ теченіе двухъ или трехъ дней, и вы увидите, что дѣло не подвигается. Никогда эти овальные зерна не превращаются въ живыхъ, ползающихъ колوراتокъ, никогда они не распускаютъ юлезь, не приводятъ въ движеніе своего пищевода. Нѣтъ, разъ смеушенная колوراتка умерла, и умерла навсегда.

Но если, какъ осторожный экспериментаторъ, вы станете измѣнять и повѣрять ваши опыты, и около вашего стеклышка помѣстите еще другое, содержащее колوراتокъ, а вмѣстѣ съ ними грязь или частицы мха, вы найдете, что, при прибавленіи воды къ содержимому втораго стеклышка, животныя иногда (но не всегда) оживутъ. То, чего не могли вы достигнуть на стеклянной пластинкѣ безъ грязи или съ малымъ количествомъ ея, легко удастся вамъ въ часовомъ стеклышкѣ, содержащемъ грязь или мохъ. И при нѣкоторомъ вниманіи, вы убѣдитесь, что и во всякомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ количества грязи. А это ведетъ къ простому разрѣшенію всей загадки; это соглашается противорѣчащія показанія. Причина, по которой оживаютъ колوراتки, заключается въ томъ, что онѣ не были вполне высушены, что онѣ не потеряли того малаго количества воды, которое составляетъ существенный элементъ ихъ тканей; этому полному высыханію препятствуетъ присутствіе грязи или мха. Никто, конечно, не предполагаетъ, чтобы колوراتки въ самомъ дѣлѣ оживали послѣ окончательной смерти. Если онѣ обладаютъ способностію пребывать нѣкоторое время въ состояніи приостановленной жизни, подобно замерзшей лягушкѣ, то только при условіи, чтобъ ихъ организмъ не былъ разрушенъ; а онъ былъ бы разрушенъ, еслибы вся вода была удалена изъ его тканей; потому что, какъ бы странно это ни казалось, вода есть не случайная, но существенная составная часть всякой живой ткани; она не можетъ быть возобновлена въ ней механически, а только посредствомъ жизненнаго процесса. Всякій, кто дѣлалъ микроскопическіе препараты, знаетъ, что какъ только ткань высохла—она тѣмъ самымъ испорчена: она отъ соприкосновенія съ водой не приобретаетъ вновь своихъ прежнихъ свойствъ; потому что вода первоначально проникла въ нее не механически, какъ она проникаетъ въ губку, но черезъ молекулярный процессъ упо-

добленія, какъ бѣловина въ мышцу. Поэтому, я утверждаю, что полное высыханіе необходимо сопряжено съ смертію, что оживающая коловратка не была высушена вполне. Допустивъ это, мы невольно спрашиваемъ: что же можетъ помѣшать коловраткѣ высохнуть вполне? Опытъ показываетъ, что такое дѣйствіе имѣетъ присутствіе грязи или мха. Итакъ, все чудо воскрешенія коловратокъ сводится на слѣдующее: если вода, въ которой онѣ живутъ, испарится, то жизнь приостанавливается въ животномъ, но не прекращается вполне, пока вода *самого животного* защищена отъ испаренія.

Я соглашаюсь, что это объясненіе трудно приложить къ опытамъ г-на Дойера, такъ какъ температура 300 градусовъ по Фаренгейту (около ста градусовъ выше точки кипѣнія воды), конечно, должна была бы совершенно высушить животныхъ, сколько бы ни было при нихъ защищающей грязи. Очень можетъ быть, что г-нъ Дойеръ принялъ упомянутое нами разбуханіе труповъ за начало оживанія. Если нѣтъ, я рѣшительно не знаю, гдѣ искать объясненія; потому что въ моихъ опытахъ сушка гораздо болѣе умѣренная, именно простое испареніе на плиткѣ камина, или подъ стекляннымъ колпакомъ, рѣшительно всегда убивала животныхъ, если грязи при нихъ не было, или было лишь очень мало.

Г. Давенъ недавно представилъ Парижской академіи свои опыты объ этомъ предметѣ (1) и изъ нихъ слѣдуетъ, что тѣ коловратки, которыя обыкновенно живутъ въ лужахъ, не оживаютъ послѣ сушки, а тѣ, которыя живутъ на мхахъ, постоянно оживаютъ. Это, мнѣ кажется, можно объяснить такъ: коловратки, живущія въ лужахъ, подвергаются сушкѣ не защищенныя грязью или мхомъ: это-то и есть причина, по которой онѣ не оживаютъ.

Выяснивъ себѣ этотъ пунктъ, я сдѣлалъ то, что очень облегчило бы мнѣ дѣло, еслибъ я подумалъ объ этомъ прежде. Я взялъ съ полки Спалланцани, и прочелъ описаніе его знаменитыхъ опытовъ. Къ немалому моему удивленію и удовольствію, я удостовѣрился, что онъ съ большою точностію передаетъ тѣ же факты, которые видѣлъ и я, но страннымъ образомъ ошибается въ ихъ объясненіи. Ничто не можетъ быть яснѣе слѣдующаго мѣста: «Воскрешеніе коловратокъ удается лишь

(1) *Annales des Sciences Naturelles*. 1853 X., p. 353.

при одномъ условіи: необходимо, чтобы при нихъ былъ песокъ; безъ этого онѣ не оживаютъ. Однажды я наблюдалъ за колوراتками, плавающими въ испаряющейся каплѣ воды, въ которой было очень мало песку. Три четверти часа по испареніи воды, онѣ были сухи и неподвижны. Я помочилъ ихъ водою, чтобъ оживить ихъ; но напрасно, хотя я держалъ ихъ въ водѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Ихъ члены раздулись и приняли размѣры втрое чѣмъ первоначальные, но остались неподвижны. Чтобъ узнать, не зависитъ ли это обстоятельство отъ случая, я рассыпалъ щепотку песку, содержащаго колوراتокъ на стеклянную пластинку, подождалъ, чтобъ онѣ высохъ, и тогда снова помочилъ его. Песокъ былъ неправильно рассыпанъ по стеклу, такъ что въ иныхъ мѣстахъ накрывалъ его тонкимъ слоемъ, въ другихъ же его было очень мало: тутъ животныя не ожили; но вездѣ, гдѣ было много песку, они ожили.» Далѣе онъ говоритъ, что если густо насыпать песокъ въ одномъ мѣстѣ, рѣже въ другомъ и очень рѣдко въ третьемъ, то, при подбавкѣ воды, на первомъ мѣстѣ оживетъ всего болѣе животныхъ, на второмъ менѣе, а на третьемъ не оживетъ ни одного.

Нельзя не удивляться тому, что такія точныя наблюденія такъ долго были оставлены безъ вниманія и не привели къ правильному разрѣшенію всей загадки. Можетъ-быть прирожденная склонность къ чудесному заставила многихъ охотно принять за доказанный фактъ воскрешеніе колوراتокъ, и уклоняться отъ всякаго объясненія этого факта. Попытка самого Спалланцани объяснить дѣло, конечно, не можетъ считаться счастливою. Онъ полагаетъ, что пыль не позволяетъ воздуху раздражать и разрушать животныхъ.

Послѣ того, какъ предыдущія строки были отданы въ печать, г. Гаваре (*Annales des Sciences Naturelles*, 1859. XI., p. 315) обнародовалъ отчетъ о своихъ опытахъ надъ колوراتками и тардырадами, при которыхъ онъ нашелъ, что, подвергнувъ мохъ сушкѣ такой полной, какой можно достигнуть при доступныхъ намъ средствахъ, можно оживить находящихся на немъ животныхъ, погрузивъ мохъ въ воду на сутки. Этотъ результатъ, повидимому, прямо противорѣчитъ тому, котораго достигъ я, но только повидимому; потому что въ моихъ опытахъ сушкѣ подвергались самыя животныя, а не мохъ. Тѣмъ не менѣе, признаюсь, моя увѣренность поколебалась отъ опы-

товъ, до такой степени точныхъ и произведенныхъ самимъ искуснымъ изслѣдователемъ, и я еще разъ принялся за свои опыты, въ убѣжденіи, что открытіе ошибки, на которой бы сторонѣ она ни была, стоить всевозможныхъ хлопотъ. Мѣсто позволяетъ мнѣ сообщить здѣсь только одни результаты этихъ повѣряющихъ опытовъ: *Каждый разъ, какъ животные были совершенно отдѣлены отъ грязи, они погибали.* Въ двухъ случаяхъ, въ часовомъ стеклышкѣ было мало грязи, лишь незначительная мутность, и этого малаго количества было достаточно, чтобы спасти двухъ изъ восьми, и трехъ изъ десяти коловратокъ, которыя ожили на другой день; остальные не ожили и въ третій день по погруженіи ихъ въ воду. Въ одномъ случаѣ вода была прикрыта тонкимъ стеклышкомъ, и хотя испареніе ея казалось полнымъ, этого стеклышка было достаточно, чтобы защитить одну коловратку, которая и ожила по прошествіи трехъ часовъ.

Если сравнить эти результаты съ результатами, полученными г-мъ Давеномъ, нельзя не придти къ заключенію, что коловратки оживаютъ при погруженіи въ воду лишь тогда, когда полному высыханію ихъ препятствуетъ присутствіе малаго количества мха или грязи, между частицами которой онѣ нашли защиту. И даже при строго-обдуманыхъ опытахъ гг. Дойера и Гаварре, нѣкоторыя животныя, безъ сомнѣнія, пользовались такою защитой; особеннаго вниманія при этихъ опытахъ заслуживаетъ то обстоятельство, что хотя нѣкоторыя коловратки выживали, другія постоянно погибали. Еслибъ организація коловратки, или тардиграда, была такова, что могла бы противостоять сушкѣ, если достаточно подать воды, чтобы снова возбудить въ коловраткѣ жизненную дѣятельность,—то всѣ, или почти всѣ эти животныя, подвергнутыя опыту, должны были бы выживать: но обстоятельство, что выживаютъ лишь нѣкоторыя, заставляетъ насъ предполагать, что эти-то именно не были высушены—предположеніе, подтверждаемое опытомъ. Я думаю, что всѣ противорѣчія по этому предмету могутъ быть приведены къ слѣдующему: изслѣдователи, подвергавшіе сушкѣ мохъ, содержащій животныя, находили, что, при погруженіи въ воду, нѣкоторыя изъ нихъ оживаютъ; тѣ же, которые сушатъ однихъ животныхъ, найдутъ, что при этихъ условіяхъ они не оживаютъ.

Время, которое мы употребили на этихъ коловратокъ, не будетъ временемъ потеряннымъ, если оно научило насъ

той осторожности, которая необходима при всякомъ опытномъ изслѣдованіи. Хотя опытъ драгоцѣнное и необходимое средство познанія, онъ можетъ однако вводить насъ въ заблужденіе; мы можемъ ошибочно воображать, что правильно спросили природу и правильно истолковали ея отвѣтъ. И эта опасность происходитъ отъ сложности явленій, съ которыми мы имѣемъ дѣло, отъ нашей склонности проглядѣть или оставить безъ вниманія какое-нибудь, повидимому ничтожное условіе,—ничтожность, которая можетъ оказаться обстоятельствомъ первостатейной важности. Одна изъ причинъ, по которымъ изученіе естественныхъ наукъ драгоцѣнно какъ средство развитія, независимо отъ непосредственныхъ своихъ цѣлей, заключается въ томъ, что оно приучаетъ умъ покоряться дѣйствительности, вмѣсто того чтобы замѣнять ее собственными изобрѣтеніями, стремиться къ познанію природы, какъ она есть, а не какъ она могла бы или должна бы быть. Одна изъ причинъ, по которымъ, изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, біологія представляетъ самое лучшее средство образованія, заключается въ томъ, что, благодаря чрезвычайной сложности разбираемыхъ ею процессовъ, она приучаетъ насъ къ необходимости принимать въ соображеніе всѣ условія, и такимъ образомъ постоянно держать умъ насторожѣ. Она развиваетъ осторожность, которая, при склонности человѣческаго ума заходить впередъ своихъ знаній, есть неоцѣненное укрѣпительное средство для мысли. Я далекъ отъ того, чтобы утверждать, что біологи разсуждаютъ болѣе здраво чѣмъ прочіе смертные; противъ этого говорить та масса грубыхъ гипотезъ, которую они принимаютъ, не смущаясь. Но какъ бы ни мало многіе пользовались выгодами біологіи, нѣтъ сомнѣнія, что она, по сложности своихъ задачъ, представляетъ болѣе средствъ для умственного развитія чѣмъ всякая другая отрасль естественныхъ наукъ.

Разъ или два я употреблялъ уже выраженія: моллюски и раковидное животное, съ которыми читатель, незнакомый съ языкомъ естественныхъ наукъ, могъ соединять лишь неясныя понятія. Теперь я хочу воспользоваться случаемъ, и завершить эту главу указаніями о пяти типахъ, или классахъ организаціи, подъ одинъ изъ которыхъ можно подвести каждое животное. Не занимавшись физическими науками, вы тотчасъ можете опредѣлить какого содержанія лежащая передъ вами книга,—математическаго, физическаго, химическаго, ботаническаго, или физиологическаго. Точно также, не занимавшись

науками естественными, вы все-таки должны выучиться распознавать, принадлежит ли находящееся передъ вами животное къ позвоночнымъ, мягкотѣлымъ, членистымъ, лучистымъ или къ протозоямъ.

Взглядъ на содержимое нашихъ банокъ снабдить насъ примѣрами каждаго изъ этихъ пяти отдѣловъ животнаго царства. Начнемъ съ этого тритона. Онъ представитель отдѣла, или

Фиг. 17.



Тритонъ самецъ.

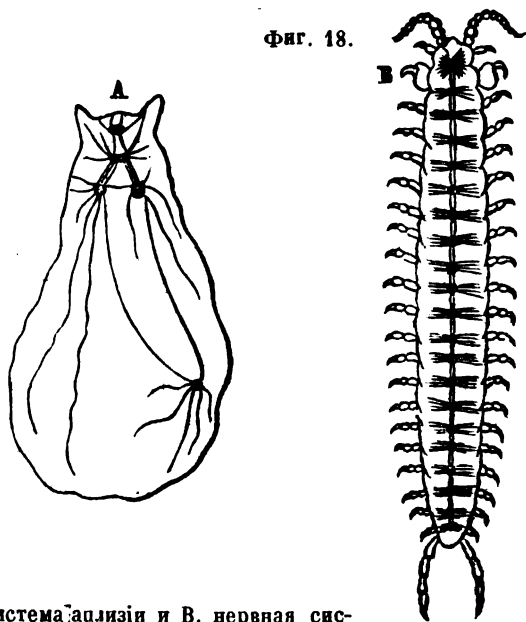
подцарства позвоночныхъ. Забѣйте только, что онъ обладаетъ спинною костью и внутреннимъ скелетомъ, и вамъ будетъ ясенъ главный признакъ, по которому тритонъ принадлежитъ къ одному разряду существъ съ человекомъ, слономъ, китомъ, птицами, гадами, рыбами. Всѣ они, несмотря на всѣ ихъ различія, сходятся въ слѣдующихъ чертахъ: всѣ они имѣютъ спинную кость; всѣ имѣютъ внутреннй скелетъ; всѣ построены по одному типу. Во всѣхъ позвоночныхъ животныхъ скелетъ устроенъ по одному плану. Каждая кость въ тѣлѣ тритона соотвѣтствуетъ какой-нибудь кости въ тѣлѣ человека или мыши; и каждая кость сохраняетъ то же отношеніе къ другимъ костямъ, какъ бы ни были не схожи между собою тѣ члены, въ которыхъ мы ее находимъ. Такъ, напримѣръ, какъ ни велико различіе между рукой человека и плавникомъ кита или крыломъ птицы, крыломъ летучей мыши, но-

той лошади, въ каждомъ изъ этихъ органовъ мы находимъ одинаковое число костей, соединенныхъ между собой одинаковымъ образомъ. Плавникъ есть одно изъ видоизмѣненій тѣлеснаго члена; крыло—другое; рука—третье. То, что мы сказали о членахъ, можетъ быть приложено и къ прочимъ органамъ; и на этомъ-то основаніи мы говоримъ о *типи* позвоночныхъ. Отъ рыбы до человѣка господствуетъ одинъ планъ организаціи; и указаніемъ на это единство служитъ намъ присутствіе позвоночнаго столба.

Тритонъ отчаянно вертѣлся у насъ въ рукѣ, пока мы рассуждали надъ нимъ, и теперь, какъ мы опускаемъ его въ банку, онъ съ видимымъ удовольствіемъ ныряетъ на дно. Эта водная улитка, медленно ползущая по стѣнкѣ банки и очищающая ее отъ зеленого налета микроскопическихъ растений, которыми это животное питается, послужитъ намъ представителемъ втораго большаго отдѣла животныхъ—отдѣла мягкотѣлыхъ или моллюсковъ. Я не могу указать вамъ на признакъ, столь же характеристическій какъ присутствіе позвоночнаго столба, чтобы помочь вамъ соединить съ этимъ названіемъ определенное представленіе о типѣ этой группы. Назвать ихъ животными съ раковинами было бы не точно, потому что многіе моллюски не имѣютъ раковинъ, а многія животныя, снабженныя раковиной, не суть моллюски. Названіе моллюсковъ первоначально дано имъ по причинѣ мягкости ихъ тѣла. Но они не мягче червей и гораздо менѣе мягки чѣмъ медузы. Вы, можетъ-быть, уже знаете, что улитки и устрицы—моллюски; но если вы хотите запомнить какой-нибудь признакъ, связанный съ типомъ ихъ организаціи, то остановите ваше вниманіе на неполныхъ симметрияхъ ихъ тѣла. Я говорю, неполная симметрія, потому что ошибочно, то мнѣніе, хотя и весьма распространенное, будто тѣло моллюсковъ не двухстороннее, будто оно не состоитъ изъ двухъ симметрическихъ половинъ. Позвоночное животное можно раздѣлить вдоль, и каждая половина будетъ близко подходить на другую, причемъ позвоночный столбъ представляеть какъ бы ось, по обѣимъ сторонамъ которой расположены всѣ органы; про моллюсковъ же говорятъ, что ихъ тѣло не представляеть такой оси, такой симметріи. Я согласенъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ оси, но я отвергаю совершенное отсутствіе симметріи. Многіе изъ его органовъ расположены такъ же симметрично, какъ органы позвоночныхъ, напримѣръ

глаза, щупальцы, челюсти, даѣе, жабры у еолидовъ и птероподовъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны многіе органы позвоночныхъ животныхъ столько же не симметричны, какъ и органы моллюсковъ, напр., печень, селезенка, поджелудочная железа, желудокъ и кишки. Итакъ, относительно симметріи, тутъ вся разница лишь въ степени. Позвоночныя животныя не вполнѣ симметричны, моллюски не вполнѣ несимметричны. Но моллюски отличаются особеннымъ расположеніемъ нервной системы. Она не образуетъ ни оси тѣла, какъ у позвоночныхъ и членистыхъ, ни центра еѣ, какъ у лучиныхъ, но совершенно не правильна и не симметрична. Это явствуетъ изъ приложеннаго изображенія нервной системы моллюска и насѣкомаго (фиг. 18), съ которымъ прошу васъ сравнить рисунокъ нервной системы морской звѣзды (фиг. 19). Вы тутъ увидите, какъ нервные центры и выходящія изъ нихъ вервы расположены неправильно у моллюска, и симметрично у насѣкомаго.

Фиг. 18.



А. Нервная система моллюска и В. нервная система тысяченожки.

Но вамъ легче будетъ узнать моллюска, когда вы научитесь отличать его отъ представителей третьяго большаго отдѣла животнаго царства, третьяго типа, типа членистыхъ животныхъ. Наша банка представляетъ намъ множество живот-

ныхъ этого типа: жуковъ, водныхъ пауковъ, личинокъ, энтометраховъ, червей. Они представляютъ одинъ очень явный общій признакъ: у всѣхъ тѣло составлено изъ многочисленныхъ члениковъ, ихъ оконечности также членисты, и они большею частью имѣютъ *внѣшній* скелетъ, къ которому прикрѣплены ихъ оконечности. Иногда членики ихъ тѣла очень многочисленны, какъ у тысячножки, у морскаго рака, и т. д.; иногда нѣкоторые членики слиты воедино, какъ у крапа; иногда, какъ у червей, ихъ присутствие обнаруживается лишь слабыми бороздками или углубленными полосками, расположенными поперекъ тѣла на кожѣ, что придаетъ ей видъ ряда колецъ, почему червей и называютъ кольчатыми животными (*annulata, annelida*). Въ последнемъ случаѣ членистый типъ обнаруживается тѣмъ, что черви, вырастая, развиваютъ членики за членикомъ; и тѣмъ, что у многихъ изъ нихъ всякій членикъ имѣетъ свои отдѣльные нервы, сердце, желудокъ, и т. д.

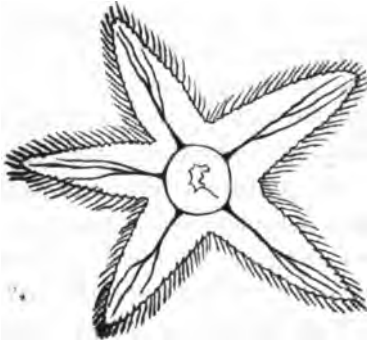
Точно такъ же, какъ мы узнаемъ позвоночное животное по присутствію позвоночнаго столба и внутренняго скелета, мы узнаемъ животное членистое по членистому тѣлу и по внѣшнему скелету. И у того и у другаго, нервная система образуетъ ось тѣла. Моллюски, напротивъ, не имѣютъ ни внѣшняго, ни внутренняго скелета (1), и ихъ нервная система не занимаетъ въ тѣлѣ мѣста оси. Вообще говоря, животныя позвоночныя и членистыя имѣютъ оконечности, хотя и есть исключенія въ классахъ змѣй, рыбъ, червей. Моллюски же не имѣютъ оконечностей. Итакъ, вотъ три главныя отличительныя черты этихъ трехъ типовъ: присутствіе позвоночнаго столба, членистое тѣло, отсутствіе членовъ.

Бросимъ теперь взглядъ на четвертый отдѣлъ животнаго царства, на животныхъ *лучистыхъ*, названныхъ такъ потому, что ихъ органы расположены вокругъ центра, въ которомъ находится ротъ. Въ нашихъ банкахъ есть только одинъ представитель этого типа, гидра, или прѣсноводный полипъ, о которомъ ужъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Не странно ли, что изъ лучистыхъ, которыя всѣ суть животныя водныя, только одинъ родъ находится въ прѣсной водѣ? Вспомните богатство морей, съ ихъ міриадами полиповъ, актиній, медузъ

(1) У сепия есть начатокъ внутренняго скелета въ хлящевыхъ пластинкахъ, защищающихъ головной мозгъ.

морскихъ звѣздъ, голотурій, морскихъ перьевъ (*Pennatula*) и морскихъ лилій (*Comatula*), и сравните съ нимъ бѣдность нашихъ рѣкъ, озеръ и болотъ, въ которыхъ только и водится,

Фиг. 19.



Нервная система морской звѣзды.

что гидра. Расположеніе органовъ у лучистыхъ животныхъ вы поймете всего лучше, взглянувъ на приложенный рисунокъ нервной системы морской звѣзды (фиг. 19).

Кювье, которому мы обязаны этимъ распределеніемъ животнаго царства на четыре большіе отдѣла, конечно первый сознался бы, что его четвертый отдѣлъ представляетъ хаотическое скопленіе разнородныхъ формъ, и согласился бы на отдѣленіе отъ него типа *Протозоевъ* (1), установленнаго послѣ его смерти. Этотъ пятый отдѣлъ содержитъ большую часть микроскопическихъ животныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *инфузорій*, и получилъ свое названіе отъ того, что эти простѣйшія животныя представляютъ, такъ-сказать, начало жизни.

Но распределеніе, сдѣланное Кювье, даетъ поводъ къ болѣе-серіозному возраженію. Состояніе науки при его жизни извѣщаетъ ошибочное подведеніе инфузорій и паразитовъ подъ отдѣлъ лучистыхъ; но лицъ его нефилософическимъ взглядомъ на морфологію можно объяснить то обстоятельство, что онъ помѣстилъ моллюсковъ, а не членистыхъ, тотчасъ за позвоночными. При этомъ, имъ втайнѣ руководило желаніе показать, что существуетъ четыре рѣзко разграниченные типа, или плана организаціи, и что между ними нѣтъ переходовъ, которые бы позволяли подвести ихъ подъ одинъ общій законъ развитія. Ламаркъ и Жоффруа-Сентъ-Илеръ защищали мысль о единствѣ плана во всемъ животномъ царствѣ, или, другими словами, о возникновеніи всѣхъ разнообразныхъ животныхъ формъ черезъ послѣдовательныя измѣненія, и многіе германскіе натуралисты утверждали, что позвоночныя въ зародышномъ состояніи проходятъ черезъ формы, которыя соотвѣт-

(1) *Протозом*—первоживотныя, по смыслу этого греческаго термина.

ступать постояннымъ формамъ низшихъ отдѣловъ. Кювье всегда настаивалъ противъ этой идеи. Онъ считалъ свои четыре отдѣла за совершенно отличные типы; и при его распредѣленіи ихъ типовъ, ихъ отличія, конечно, выказываются рѣзче чѣмъ при всякомъ другомъ распредѣленіи. Но не входя въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, укажемъ только на огромное превосходство насѣкомыхъ и пауковъ надъ моллюсками относительно инстинкта, общественности и сложности животныхъ отправленій, чтобъ оправдать сведеніе этихъ послѣднихъ со второй ступени животной лѣствицы, и помѣщеніе на нее членистыхъ. Если мы раздѣлимъ животныхъ на четыре группы, они естественно расположатся въ двѣ болѣе обширныя группы, изъ которыхъ первая, обнимающая позвоночныхъ и членистыхъ, характеризуется нервной осью и скелетомъ; вторая, обнимающая моллюсковъ и лучистыхъ, отсутствиемъ нервной оси и скелета. Очевидно, что пчела болѣе похожа на птицу, чѣмъ какой-либо моллюскъ на какое-либо позвоночное. Если есть много важныхъ различій между позвоночнымъ и членистымъ типомъ, то за то есть и много важныхъ аналогій: хотя нервная ось у позвоночныхъ находится надъ внутренностями и принадлежитъ спинной сторонѣ, у членистыхъ же расположена подъ внутренностями, на брюшной сторонѣ, она тѣмъ не менѣе въ обоихъ отдѣлахъ составляетъ ось тѣла, посылаетъ нервныя нити къ симметрическимъ оконечностямъ, и въ обоихъ служитъ однороднымъ отправленіямъ. И между тѣмъ, какъ членистыя такимъ образомъ приближаются въ своемъ строеніи къ позвоночнымъ, моллюски не только удалены многими особенностями отъ этого послѣдняго типа, но многіе изъ нихъ обнаруживаютъ такое сродство съ типомъ лучистыхъ, что лишь въ новѣйшее время весь классъ Poluzoa (или Vguzoa), былъ отдѣленъ отъ лучистыхъ, и причисленъ къ моллюскамъ.

Но вернемся къ нашимъ пяти отдѣламъ. Мы до сихъ поръ набросали лишь самыя общія черты, которыми отличаются одинъ отъ другихъ позвоночныя, членистыя, моллюски, лучистыя и протозои; но опираясь на это начало, мы можемъ перейти къ дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ. Каждое изъ пяти подцарствъ распадается на классы; эти классы на порядки, порядки на семейства: семейства на роды; роды на виды; и наконецъ виды на разновидности. Предположимъ напримѣръ,

что передъ нами левретка, и что мы должны исчислить всѣ ея титулы по классификаціонной іерархіи. Мы начинаемъ съ того, что называемъ это животное позвоночнымъ; далѣе, мы относимъ его къ классу млекопитающихъ; оно очевидно принадлежитъ къ порядку хищниковъ; оно изъ одного семейства съ лисицей, шакаломъ, волкомъ, и т. д., изъ семейства *canidæ*; родъ, къ которому оно принадлежитъ, разумѣется родъ *canis*, собака; видъ—собака борзая; разновидность—левретка.

Такъ какъ всѣ эти опредѣленія истекаютъ изъ научныхъ изслѣдованій, а отнюдь не изъ произвола или фантазіи, то они предполагаютъ огромную сумму труда и остроумія; и когда мы вспомнимъ, что натуралисты распредѣлили такимъ образомъ болѣе полумилліона видовъ, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: «Гдѣ руководящее начало этихъ успѣшныхъ трудовъ? На какомъ основаніи возведено это обширное зданіе?» На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать въ слѣдующей главѣ.

(До слѣд. №.)

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го іюля 1860 года.

Ценсоръ *Н. Гиллро въ-Платоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА.

ІЮЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ

Туринское правительство и Італія. Письмо изъ Турина. <i>М. Н. Капустина</i>	3
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. <i>І. М. С.</i>	16 ✓
Штурмъ Варшавы въ 1831 году и нѣкоторыя замѣчанія о польской войнѣ. По поводу статьи генераль-лейтенанта Ушакова. <i>А. И. Вершина</i>	24 ✓
Новая поэма Виктора Гюго. <i>Н. Н.</i>	35 ✓
Гибель парохода <i>Малабаръ</i>	45 ✗
Политическое обозрѣніе и замѣтки:	
I. Положеніе дѣлъ въ Европѣ	51
II. Восточный вопросъ	81 ✓
III. Неаполь и Сицилія	102
IV. Г. Маттеучи о децентрализаціи въ Італіи	121
V. Гражданскія права иностранцевъ въ Россіи	129

ІЮЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О грамотности. <i>В. Г. Высотскаго</i>	133 ✓
Новый уставъ академіи художествъ. <i>К. К. Герца</i>	149
Отъ Флоренціи до Венеціи. Кн. <i>Д. Д—аго</i>	158
Изъ Самары. <i>А. А. Самойлова</i>	181
Письмо къ редактору. <i>А. Р.</i>	183
Политическое обозрѣніе и замѣтки:	
I. Положеніе европейскихъ дѣлъ и французская политика	186
II. Сицилійскія дѣла	204
III. Пріемъ студентовъ въ университетъ.	214

АВГУСТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Письмо къ редактору <i>Русскаго Вѣстника</i> . <i>Густава де-Молнари</i>	227
Экономическая дѣятельность и законодательство. <i>С. Н. Цвѣта</i>	236
Мысли объ улучшеніи паспортной системы въ Россіи. <i>К. А. Буха</i>	268
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. II. <i>М. С—каго</i>	281
Отъ Венеціи до Карльсбада. Кн. <i>Д. Д—аго</i>	303
Московскія скачки 1860 года. <i>А. В—ва</i>	316
Политическое обозрѣніе и замѣтки:	
I. Сирійскія дѣла	328
II. Австрійскій государственный совѣтъ	345
III. Высадка въ Калабрию	361
IV. Переселеніе Татаръ и черкесскихъ Ногайцевъ	371
V. Замѣтка	371

АВГУСТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О податныхъ сословіяхъ и круговой порукѣ. По поводу вопроса о паспортахъ. <i>И. Сальникова</i>	375
Исторія русской литературы. <i>Лѣтописи русской литературы и древности</i> . <i>А. Д. Галахова</i>	388
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. III. <i>М. Се—вскаго</i>	406
На пути въ Италію. <i>Н. П. Лыжина</i>	433
Политическое обозрѣніе и замѣтки:	
I. Последнія событія и общее положеніе дѣлъ	443
II. Венгерскій вопросъ	475
III. Итальянское движеніе	484

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ТУРИНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ИТАЛІЯ.

Письмо изъ Турина.

Туринъ, 30 іюня.

24-го іюня сѣверная Италія праздновала первую годовщину своей новой политической жизни. Это день сольферинской битвы, какъ называютъ ее Французы, или сраженія при Санъ-Мартино, какъ обыкновенно говорятъ въ Италіи. Въ этотъ день я покинулъ Венецію, миновалъ грозную Верону, видѣлъ вновь возводимыя сильныя укрѣпленія Пескьеры и около нихъ вдали развалины Сольферино, а въ Дезенцано нашелъ уже сардинскую таможеню. Но стоило взглянуть на все окружающее, чтобъ и безъ этого финансово-полицейскаго указателя почувствовать, что мы перѣѣхали границу, что начинается новая страна, хотя слышится тотъ же языкъ, и нисколько не измѣнился народный типъ. Праздничнымъ весельемъ, довольствомъ вѣло съ равнинъ Ломбардіи; въ глазахъ не рябили больше бѣлые австрійскіе солдаты, молчаливо, тупо бродящіе попарно, словно на поискахъ чего-то; освѣжился воздухъ послѣ душной атмосферы подозрительности, сдержанности, недобврія, которая виситъ теперъ надъ Венеціанскою областію. Въ этотъ самый день полиція схватила нѣсколькихъ Италіанокъ, которыя пришли въ церковь въ черныхъ платьяхъ и служили панихиды въ память погибшихъ за свободу Италіи; тупыя власти изливають свой гнѣвъ на женщинъ и юношей, потому что взрослые научились осторожности горькимъ опытомъ. *La rovea Venezia*, говорятъ Италіанцы, и ждутъ-недождутся того времени, когда грозный четверугольникъ очистится отъ австрійскихъ пушекъ. Теперъ, сквозь эти крѣпостныя стѣны доносится гулъ торжества и отраднй говоръ свободы, которыми полна освобожденная часть Италіи. Этотъ говоръ и это торжество особенно сильно проявляются въ Миланѣ, который совершенно преобразился въ теченіи одного года. Я пріѣхалъ туда около трехъ часовъ дня; народъ толпами шелъ смотрѣть разводъ національной гвардіи; въ великолѣпномъ соборѣ служили благодарственный

молебень; на всѣхъ лицахъ было видно нѣчто праздничное; въ театрахъ давались пьесы, напоминавшія о Сольферино: въ одномъ объявлено: *Battaglia di Varese*, въ другомъ: *La partenza del volontario per la redenzione della patria*, въ третьемъ: *I ladroni di Germania*, въ четвертомъ: *Magengo*. Вечеромъ гулянье въ *giardino publico* было одно изъ самыхъ блестящихъ; всѣ богатые Миланцы, бывшіе долго въ изгнаніи, возвратились теперь въ свое отечество, безпредѣльная радость господствовала всюду, на пьемонтскій военный мундиръ всѣ смотрѣли съ уваженіемъ, солдатъ шель дружно подъ руку съ работникомъ. Юные Миланцы надѣваютъ этотъ мундиръ съ гордостью и съ восторгомъ становятся въ ряды арміи, которой предстоитъ борьба за независимость. Всѣ увѣрены, что черезъ годъ, 24 іюня будетъ праздноваться и за Минчіо. *Il Pungolo*, мѣстный миланскій журналъ, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, говоритъ между прочимъ: «Италія разчитываетъ, что если одного года было достаточно, чтобы проложить дорогу отъ С.-Мартино до Палермо, то будетъ довольно одного года, чтобы пройти отъ Палермо до Рима и до Венеціи. Il 24 giugno 1861 terrà la promessa (1).» Миланцы еще полъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прошедшаго; не болѣе часа ѣзды отъ Милана, еще не успѣли вырости новыя деревья на маджентскомъ полѣ; на станціи еще продаются сабли и значки, найденные на мѣстѣ, *la memoria della guerra*; въ самой Маджентѣ на домахъ остались еще слѣды ядеръ, и буффалорскій мостъ еще не отстроенъ, такъ что желѣзная дорога переходитъ черезъ Тичино по временному деревянному мосту. Но уже нѣтъ и признаковъ австрійскаго владычества въ городѣ; не слышно ни одного нѣмецкаго слова, не видно ни одной нѣмецкой вывѣски, которыя красовались здѣсь въ былое время; кажется, будто Миланъ никогда и не былъ подъ чужимъ игомъ; стоило вывести австрійскую полицію и солдатъ,—и не осталось слѣда иноземнаго владычества. Вся эта толпа, весело наполнявшая улицы до поздней ночи 24 іюня, весело чувствовала свою независимость, съ довѣріемъ смотрѣла въ будущее и готовилась къ новымъ подвигамъ; наученные долгимъ страданіемъ, Миланцы чувствуютъ особенно сильно страданія остальной Италіи, и въ случаѣ надобности не остановятся передъ жертвами. «Праздниками, сказалъ графъ Кавуръ, не достигнешь единства Италіи; нужно платить и платить много,—*pagare e pagar molto*.» И Миланцы съ готовностію платятъ, нисколько не ропшутъ на увеличеніе податей, сверхъ того собираютъ пожертванія на общее дѣло Италіи и безусловно ввѣряются пьемонтскому правительству, зная, что оно ведетъ ихъ

(1) «24-го іюня 1861 свержить обѣщаніе.»

къ одной великой цѣли. О муниципальной зависти и враждѣ нѣтъ и помину; миланскіе депутаты не противились назначенію четырнадцати милліоновъ франковъ для украшенія Турина; они сознаютъ очень хорошо, что Туринъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, есть столица Италіи, и что всякое мѣстное соперничество было бы преступленіемъ. Ломбардія приняла безпрекословно пиемонтскую администрацію и законы, сдѣлалась провинціей общей Италіи, которая еще въ будущемъ, но которая непременно осуществится. Миланъ празднуетъ 24 іюня и становится подъ знамя Пиемонта. Въ Туринѣ не было праздниковъ; болѣе спокойные и холодные Пиемонтцы несутъ на себѣ отвѣтственность за всю Италію и обязаны работать, не теряя времени.

А работы предстоитъ много.

Юное королевство сѣверной Италіи не получило до сихъ поръ своего имени. Дипломатія сохранила прежнее названіе Сардиніи, и должна будетъ переимѣнить его на дняхъ, потому что графъ Кавуръ послалъ ко всѣмъ дворамъ официальное извѣщеніе о соединеніи герцогствъ съ Пиемонтомъ. Туринскія палаты называются внутри Италіи *Parlamento nazionale*; въ заглавіи официального журнала, вмѣсто *Gazzetta Piemontese*, стоитъ теперь *Gazzetta del Regno*, и въ самомъ Туринѣ употребляется это нарицательное имя.

И въ самомъ дѣлѣ, это уже не Пиемонтъ, но еще не Италія. «Королевство Виктора-Эммануила» находится на временной станціи; процессъ его образованія задержанъ разными обстоятельствами, но онъ неотразимъ; онъ совершится немного позже или немного раньше, вслѣдствіе «логики событій», о которой такъ удачно выразился императоръ Французовъ въ письмѣ своемъ къ папѣ. Стоитъ только взглянуть на нынѣшнюю Италію, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся она находится въ ожиданіи чего-то, что всѣхъ преслѣдуетъ одна мысль: скоро ли страна приметъ названіе *Il Regno d'Italia*? Вопросы внутренніе, большой заемъ, преобразование администраціи, новый гражданскій кодексъ—все это отодвигается на второй планъ, обсуживается наскоро. Впереди всего стоитъ общеталіанское дѣло, которое въ настоящую минуту сосредоточивается около Сициліи и Неаполя. За Неаполемъ должна слѣдовать Венеція, затѣмъ очередь дойдетъ до Папской области, и, только порѣшивши этотъ настоятельный вопросъ, страна успокоится и въ состояніи будетъ внимательно заняться внутренними реформами. Сосѣди чувствуютъ это: Австрія собираетъ запасы оружія и продовольствія въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо, воздвигаетъ новыя укрѣпленія, которыя придется отнимать у нея съ большимъ трудомъ; король неаполитанскій воздвигаетъ для своей защиты конституцію, которой

никто не вѣритъ, потому что королю не будетъ стоять никакого труда отнять ее у народа. Всѣ вѣрятъ только въ единую Италію, которая наконецъ займетъ свое мѣсто въ Европѣ для блага самой Европы.

Подобное положеніе страны представляетъ собою критическую эпоху въ ея жизни. Внезапное возрастаніе государства не чуждо многихъ опасностей; нужно въ одно и то же время на новой дорогѣ разрушать и созидать, не заходить слишкомъ далеко и не терять напрасно времени. Люди осторожные желали бы остановиться, дать возможность Пиемонту претворить, сплотить недавнія приобрѣтенія, остановиться передъ новыми, выжидать и различивать; люди нетерпѣливые боятся остановки, хотя бы быстро идти къ послѣдней цѣли, остерегаться политической Капуи. До сихъ поръ эти двѣ струи италіанской жизни шли дружно, умѣряя и поддерживая одна другую. Болѣе десяти лѣтъ Пиемонтъ воспитывался свободой для порядка и сложился въ такую организующую силу, что ея достанетъ на нѣсколько новыхъ провинцій, нравственно распущенныхъ вслѣдствіе австрійскаго деспотизма. Графу Кавуру, въ которомъ олицетворяется этотъ организующій элементъ, стоило большаго труда сдерживать преждевременныя попытки къ разрушенію старыхъ политическихъ формъ Италіи; и теперь еще, можетъ-быть, первый министръ Виктор-Эммануила желалъ бы умѣрить ходъ событій, но онъ не можетъ противостоять напору разрушающей силы, олицетворенной въ Гарибальди.

Графъ Кавуръ и Гарибальди—это два самыя популярныя имени въ Италіи; при личной ненависти обонхъ, они дополняютъ другъ друга: графъ Кавуръ—италіанскій министръ, съ пиемонтскимъ оттѣнкомъ; Савойяръ родомъ, онъ хладнокровно отдалъ Савойю, готовъ отдать островъ Сардинію, чтобы при помощи Франціи выгнать Австрійцевъ изъ Италіи, образовать королевство Виктор-Эммануила изъ 25 милліоновъ жителей, съ Туринномъ, какъ столицею. Гарибальди—Италіанецъ безъ всякаго мѣстнаго оттѣнка, не хотѣлъ и слышать объ уступкѣ Ниццы, вѣрить въ возможность единой Италіи безъ чужой помощи, не способенъ ни на какую сдѣлку. Графъ Кавуръ идетъ вѣрно къ своей цѣли и постоянно стоитъ во главѣ правительства и Италіи, Гарибальди падалъ и возвышался, и постоянно былъ только орудіемъ въ рукахъ перваго министра. Но какъ представитель извѣстнаго начала, онъ пользуется огромною силой, съ которою необходимо считаться. Въ настоящую минуту популярность Гарибальди достигла высшей степени. Въ Миланѣ, во всей сѣверной Италіи, нѣтъ того дома, гдѣ бы не красовался портретъ смѣлаго предводителя *sassiatori degli Alpi* (альпійскихъ стрѣлковъ); повсюду,

за исключеніемъ Турина, выставлены ящики, куда каждый Итальянецъ бросаетъ свою лепту на помощь Гарибальди: на улицахъ Милана прибито воззваніе къ Итальянцамъ отъ имени особаго комитета въ пользу Сициліи; въ Ломбардіи Гарибальди избранъ депутатомъ почти во всѣхъ общинахъ; университеты опустѣли, потому что студенты отправились подъ его знамена; подъ тѣ же знамена спѣшатъ всѣ Неаполитанцы, нашедшіе пріютъ въ Пиемонтѣ, покидая свои семейства и должности. Даже въ Туринѣ, когда одна улица названа именемъ графа Кавура, общество потребовало, чтобы лучшая улица, Dogagrossa, носила имя Гарибальди; въ палатѣ произносятся ему похвальные слова; поэты пишутъ въ честь его сонеты и оды; его имя звучитъ теперь всюду. Нужно быть на мѣстѣ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ всеобщемъ восторгѣ, который возбуждаетъ Гарибальди, или скорѣе дѣло, находящееся теперь въ его рукахъ.

Останавливать этотъ восторгъ или идти ему наперекоръ было бы верхомъ неблагоразумія, и графъ Кавуръ принужденъ уступить на время первую роль своему сопернику. Его министерство потеряло бы всякую популярность, всякое довѣріе и слѣдовательно всякую силу, еслибы показало себя слишкомъ консервативнымъ и вздумало помѣшать предпріятію Гарибальди. Трудно представить себѣ, чтобы правительство Виктора-Эммануила не знало о намѣреніяхъ генерала: Генуя недалеко отъ Турина, и приготовленія не могли дѣлаться скрытно. Есть даже основанія думать, что предпріятіе было совершено даже съвѣдома и по совѣту императора Французовъ. Посланникъ, конечно не officialный, отъ графа Кавура, г. Лафарина тотчасъ же явился въ Сицилію; посланникъ отъ Гарибальди находится въ настоящее время въ Парижѣ. Это продолженіе итальянскаго вопроса, задержаннаго въ Виллафранкѣ и все-таки подходящаго къ Венеціи. Безспорно, графъ Кавуръ имѣлъ физическую возможность задержать отрядъ сассіатогі въ Генуѣ, но нельзя было требовать отъ него подобнаго самоотверженія во имя порядка. Сардинское правительство обязано пользоваться теперешнимъ настроеніемъ Италіи, которая вся проникнута одною идеей. Націей овладѣлъ фанатизмъ единства. Едва только гдѣ-либо отброшена старая правительственная форма, какъ уже выступаетъ новая, совершенно готовая—соединеніе съ Сардиніей: въ началѣ іюня, Гарибальди сдѣлалъ высадку въ Сицилію, 18 іюля, какъ говорятъ, Сицилійцы станутъ подавать голоса о присоединеніи къ Пиемонту, и можно сказать напередъ, что отрицательнаго отвѣта не послѣдуетъ. Это не революція, въ которой главные дѣятели часто добиваются власти; это движеніе, напередъ разчитанное и потому пользующееся вѣрнымъ успѣхомъ. Самъ Гарибальди не имѣетъ

характера революціонера; онъ считаетъ себя призваннымъ соединить Италію, помимо существующаго порядка. Одинъ изъ друзей генерала, профессоръ Манчини, почти наканунѣ его отъѣзда, представлялъ ему все безразсудство предпріятія: какимъ образомъ съ 1800 сассіатогі бросаться въ страну, въ которой 100.000 регулярнаго войска? «Я вѣрю, отвѣчалъ Гарибальди, что король Викторъ-Эммануэль посланъ Провидѣніемъ для единства Италіи. Изъ глубокой любви и преданности къ моему государю, я обязанъ идти въ Сицилію; я дѣлаю это безъ вѣдома короля, потому что онъ окруженъ слишкомъ благоразумными совѣтниками.» Гарибальди, какъ меня увѣрялъ г. Манчини, всегда съ благоговѣніемъ говоритъ о королѣ; это одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ его подданныхъ. Онъ выраженіе и орудіе той силы, которая существуетъ въ современномъ италіанскомъ обществѣ. Дѣло изгнанія Австріи и очищенія Италіи отъ всего австрійскаго далеко еще не кончено; до тѣхъ поръ, пока процессъ этого очищенія не совершится, ни Италія, ни Европа не будутъ спокойны, до тѣхъ поръ будутъ постоянно являться люди, подобные Гарибальди. Предводитель сассіатогі явился въ Сицилію не со знаменемъ революціи, а со знаменемъ италіанскаго единства, съ именемъ Викторъ-Эммануэля: *Italia e Vittore Emmanuele* — стоитъ въ главѣ всѣхъ его прокламацій. Гарибальди даже отдѣляетъ короля отъ Піемонта: «Я пришелъ сражаться не ради Піемонта, а ради Италіи», говорилъ онъ палермской депутаціи. Повидимому, диктаторъ Сициліи хотѣлъ по возможности долѣе оставаться внѣ вліянія слишкомъ благоразумныхъ совѣтниковъ короля; онъ устроилъ въ Сициліи временное министерство, обратилъ церковныя имущества въ національныя и объявилъ плаваніе у береговъ Сициліи свободнымъ для всѣхъ кораблей подъ флагомъ Викторъ-Эммануэля. Гарибальди покинулъ Піемонтъ въ гнѣвъ на графа Кавура, Лафарина рѣшительно не успѣлъ въ своемъ порученіи; но дальновидный министръ знаетъ очень хорошо, что какъ скоро дѣло пойдетъ объ организаціи, необходимо обратиться къ Піемонту. Оппозиціи хотѣлось бы, чтобы Піемонтъ получилъ Италію изъ рукъ Гарибальди; въ засѣданіи палаты 27 іюня, г. Гверраци сказалъ министрамъ: «Вы вырвали изъ короны сардинской жемчужину Ниццы, вы обязаны замѣнить ее жемчужиной сицилійскою... Я увѣренъ, что Гарибальди скоро пришлетъ пословъ, чтобы предложить Сицилію Викторъ-Эммануэлю, котораго нужно будетъ назвать королемъ Италіи.» Блестящій ораторъ оппозиціи торопилъ министерство. «Не забывайте, сказалъ онъ, что въ политикѣ, какъ и въ геометріи, прямая линія есть самая короткая... Неаполь ждетъ насъ, Римъ и Венеція ждутъ насъ. Мы боимся, чтобы министерство не испугалось смѣлыхъ рѣшеній, которыя въ известнѣмъ

случаяхъ суть самыя благоразумныя. Но медлительность есть нашъ величайшій врагъ: смотрите, Австрія интригуетъ въ Римѣ, знаменитый генералъ провозглашаетъ крестовый походъ во имя италицизма, король неаполитанскій ищетъ союза, папа отлучаетъ отъ церкви... Если хотите создать Италію, создавайте ее, но скоро (*Volete far l'Italia, fatela, ma presto.*) Отъ Капитолія до Тарпей только одинъ шагъ. Графъ Кавуръ понимаетъ это очень хорошо; но онъ хочетъ получить Сицилію не изъ рукъ Гарибальди, а вслѣдствіе общей подачи голосовъ; недавній опытъ Франціи доказалъ, что это орудіе, которымъ легко управлять: извѣстно, что въ Ниццѣ каждый житель получалъ за свой голосъ по таксъ два франка и одну сигару. Сардиніи не придется дѣлать и этихъ расходовъ; но, приобрѣтая Сицилію, такимъ образомъ, графъ Кавуръ освобождаетъ себя отъ обязательствъ съ крайнею партией, сохраняетъ свою независимость.

Неаполитанскій король употребляетъ всѣ усилія, чтобъ удержать Сицилію въ своей власти. Сначала онъ искалъ спасенія у императора Французовъ, но послѣ неудавшагося посольства де-Мартино, онъ рѣшился на крайнія для него мѣры. «Желая дать нашимъ любезнымъ подданнымъ свидѣтельство нашего монаршаго благоволенія, мы рѣшились, говорить королевскій актъ 25 іюня, учредить конституціонные и представительные порядки (*ordini*) въ королевствѣ»; объявлена всеобщая амнистія политическимъ преступникамъ; г-ну Спинелли поручено составить новое министерство; обѣщанъ союзъ съ Пиемонтомъ; принято трехцвѣтное національное знамя; Сициліи предлагаются всѣ льготы и особый вице-король. Неаполь своимъ гробовымъ молчаніемъ отвѣчалъ на королевское воззваніе: *è troppo tardi* (1). Пиемонту предстоитъ отвѣчать *да* или *нѣтъ* на предлагаемый ему союзъ.

Положеніе затруднительное. Сказать *да*—значитъ оттолкнуть отъ себя Сицилію, по крайней мѣрѣ надолго; сказать *нѣтъ*—значитъ открыто передъ всею Европой заявить политику присоединенія, открыто стать противъ существующей власти. Засѣданія палаты 27, 28 и 29 іюня показали ясно министерству, какой путь ему слѣдуетъ избрать. Эти засѣданія въ высшей степени интересны; дѣло шло о займѣ въ сто пятьдесятъ милліоновъ франковъ, но о самомъ займѣ никто не говорилъ ни слова, всѣ напередъ согласились вотировать его, и въ послѣдній день изъ 218 голосовъ только три оказались зелеными или, по нашему, черными (въ пиемонтскихъ палатахъ голоса подають тайно). Всѣ ораторы говорили о виѣшной политикѣ и говорили единодушно; рѣчь шла о Сициліи и о союзѣ съ Неаполемъ. «Если Неаполь, сказалъ

(1) «Ужь слишкомъ поздно.»

г. Гверрацци, протянетъ вамъ свою руку, еще теплую отъ палермской крови, — оттолкните ее.» (*Рукоплекскія*.) Въ засѣданіи 29 іюня г. Манчини говорилъ: «Наши отношенія къ Неаполю должны быть выражены однимъ словомъ, — отчужденіе. Намъ стануть совѣтовать другое. Но намъ уже совѣтовали отказаться отъ центральной Италіи, и у министерства достало мужества не послѣдовать этимъ совѣтамъ. Пусть на темную корону опозореннаго правительства не падетъ лучъ свѣта, который блеститъ на коронѣ Виктора-Эммануила.» (*Рукоплекскія*.) Наконецъ г. Поззіо, извѣстный своими страданіями въ Неаполѣ и до сихъ поръ вѣрившій въ возможность династіи Бурбоновъ, въ первый разъ заговорилъ другимъ языкомъ. «Въ преданіяхъ неаполитанскаго правительства лежитъ клятвopреступничество (*громъ рукоплекскія*). Но правительство короля не протянетъ руки ему (*bene*). Неаполитанскіе Бурбоны — самые отвѣренные враги Италіи. Какъ членъ этого парламента, который есть зерно будущей Италіи, я съ полнымъ довѣріемъ къ правительству подалъ мой голосъ въ пользу занимающаго что, этотъ заемъ послужитъ для блага націи (*сильныя рукоплекскія*).» Журналы повторяли то же самое, что говорилось въ палатѣ, и не было ни одного человѣка въ Италіи, который вѣрилъ бы неаполитанскому королю.

Все ждали, что графъ Кавуръ объяснится съ палатой по вопросу о неаполитанскомъ союзѣ. Но первый министръ молчалъ и предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ, г-ну Фарини, объяснить палатѣ политику министерства. Г. Фарини сдѣлалъ очеркъ всей внѣшней дѣятельности графа Кавура. Онъ указалъ на то, что піемонтское правительство поддерживало конституціонныя начала въ эпоху всеобщей реакціи. «Вспомните, сказалъ онъ, что мы противились Австріи въ то время, когда она господствовала въ Германіи и находила поддержку въ сѣверныхъ державахъ. Наша политика не была боязлива, когда мы перенесли наше знамя въ Крымъ, для того чтобы пріобрѣсти право говорить въ полуму Италіи; мы заговорили громко на парижскомъ конгрессѣ противъ Австріи и потомъ начали войну съ нею. Послѣ непредвидѣннаго виллафранкскаго мира, наша политика не измѣнилась. Нынѣшнее правительство не отвѣчаетъ за то, что происходило въ эту эпоху; но я могу засвидѣтельствовать, что было сдѣлано все возможное въ пользу мантуанскаго народонаселенія. Правительство съ гордостію можетъ сказать, что послѣ виллафранкскаго мира оно не послѣдовало совѣтамъ, которые даны были ему относительно присоединенія. Мы просимъ палату судить о будущемъ на основаніи прошедшаго (*bravo*). Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы разчитывали на союзъ съ Франціей, а не на революцію. Если

подъ революціей вы разумѣете принципы, то кто изъ насъ не революціонеръ? Но если подъ нею вы разумѣете насиліе, то мы не можемъ и не хотимъ вступать въ союзъ съ революціей. Что же касается до національнаго чувства, то правительство сдѣлало все, чтобы поддержать его, организовать и дисциплинировать (*bravo*). Если вы олицетворяете революцію въ системахъ, партияхъ или лицахъ, то мы не можемъ быть революціонерами. Мы отвѣчаемъ за судьбы народа, за имущество и кровь Италіи. Эта отвѣтственность даетъ намъ право останавливать тѣхъ, кто съ добрыми намѣреніями хотѣлъ бы насъ привести туда, куда мы не можемъ идти при теперешнихъ условіяхъ Европы. Мы не хотимъ подчиниться партіи, которая хочетъ поставить свои страсти и свою волю вмѣсто воли народа. Полагаютъ, что мы не способны противиться совѣтамъ союзной державы, и говорятъ, что Франція, приходя въ Италію, нуждалась гораздо болѣе въ насъ чѣмъ мы въ ней: Франція хотѣла разорвать готовившуюся коалицію и увѣрится въ союзникахъ. Можетъ-быть, въ этомъ есть своя доля правды. Но я никогда не повѣрю, чтобы Франція нуждалась въ насъ болѣе чѣмъ мы въ ней. Депутатъ Манчини можетъ быть увѣренъ, что министерство не измѣнитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ своимъ обязанностямъ въ отношеніи къ коронѣ и странѣ. Но для блага государства опасно говорить объ этомъ больше, и я прошу не предлагать намъ другихъ запросовъ. Мы начинатели (*iniziatori*) народнаго движенія. Мы стоимъ въ главѣ части народа, но отвѣчаемъ передъ всею націею. Мы не хотимъ быть завоевателями Италіи, — мы защитники народа, который ищетъ своего освобожденія. Мы соединители (*unificatori*), а не завоеватели. Но мы должны идти къ цѣли вѣрнымъ шагомъ, какъ представители желаній народныхъ, а не страстей той или другой партіи. Такова была наша политика въ прошедшемъ: мы увѣрены, что будущее увѣнчаетъ наше дѣло, если палата сохранитъ къ намъ свое довѣріе (*рукоплесканія*).

Эта рѣчь цѣлая программа правительства; графъ Кавуръ зналъ, что ее будетъ слушать не одинъ италіанскій парламентъ, но вся Европа, а потому долженъ былъ посоветовать г-ну Фарини крайнюю осторожность. При всемъ томъ, въ прощальной рѣчи министерства (палаты закроется на будущей недѣлѣ и не общаются больше интересныхъ преній) затронуто два вопроса внѣшней политики, въ которой италіанскія партіи не совершенно сходятся между собою: союзъ съ Франціей и отношеніе къ остальной Италіи.

Союзъ съ Франціей остается еще необходимостію для Пьемонта. Правительство того и другаго государства основывается на томъ, что въ старину называли революціоннымъ началомъ, и

что теперь приняло общественную форму народнаго начала, выражающагося во всеобщей подачѣ голосовъ цѣлыми провинціями и даже государствомъ. Графъ Кавуръ постоянно доказывалъ императору Французовъ, что онъ и король всей Италіи навсегда останутся лучшими союзниками, потому что выражаютъ одинъ и тотъ же принципъ власти. Г. Абу, въ своей послѣдней брошюрѣ: *Le Prusse en 1860*, говоритъ то же самое; онъ предлагаетъ принцу Прусскому найти опору своей власти въ томъ же началѣ, въ которомъ нашли ее Наполеонъ III и Викторъ-Эммануилъ. Оппозиціонные депутаты въ Туринѣ доказываютъ также, что король владѣеть Ломбардіей не на основаніи передачи ея отъ Франціи, а въ силу желаній страны, выраженныхъ въ 1848 году; что вѣсть съ Ломбардіей участвовала тогда Венеція, и что слѣдовательно *de jure* она уже принадлежитъ Виктору-Эммануилу. Кромѣ этой внутренней связи, между Пиемонтомъ и Франціей существуетъ еще другая связь; грозныя австрійскія крѣпости на Милчіо могутъ быть разрушены только силой, а изъ четырехъ большихъ державъ одна Франція въ состояніи дать эту силу. Англія будетъ всегда ограничиваться только выраженіемъ своего сочувствія; отдѣльныя лица, какъ напримѣръ недавно англійскій капитанъ въ Палермо, могутъ дѣйствовать за Италію, но правительство не станетъ жертвовать кровью и деньгами Англіи на помощь Пиемонту. Пруссія не будетъ воевать съ Австріей, которая все-таки считается германскимъ государствомъ, для освобожденія чужой народности. Наконецъ для Россіи, конечно, выгодно образованіе на югѣ сильнаго государства, которое служило бы противодѣйствіемъ Австріи и Франціи; но по своему географическому положенію и по другимъ причинамъ, Россія не можетъ подать непосредственную помощь. Остается одна Франція, которая, какъ видно, станетъ продолжать дѣло, такъ несчастно остановленное въ Виллафранкѣ. Есть мнѣніе, что императоръ Французовъ при свиданіи въ Баденѣ имѣлъ въ виду обезпечить себѣ нейтральность Германіи на случай новой войны, а въ Туринѣ всѣ съ увѣренностію говорятъ о договорѣ, подписанномъ недавно маршаломъ Вальяномъ, по которому 80.000 Французовъ готовы на помощь Италіи при первомъ столкновеніи ея съ Австріей. Когда выступаетъ наружу новая сила, то выигрываетъ тотъ, кто за нее, а не тотъ, кто противъ нея, и, конечно, Франція извлечетъ больше выгоды изъ соединенія Венеціи съ Сардиніей чѣмъ извлекла она отъ соединенія стариннаго Аллоброгскаго царства. Конечно, отъ остальныхъ государствъ зависитъ не уступать монополіи Франціи: за исключеніемъ Австріи, для всѣхъ желательно умиротвореніе полуострова и его развитіе; но развѣ могутъ имѣть какую-либо цѣну интересы Австріи въ общей суммѣ интересовъ всей

Европы? Опытъ показалъ достаточно, что всѣ, кто только под-держиваѣтъ эту драхлющую державу, поплатился за подобную ошибку дорогою цѣною.

Какъ бы то ни было, союзъ съ Франціей *до времени* есть насущная потребность Сардиніи; большинство, вмѣстѣ съ графомъ Кавуромъ, не считаетъ большою жертвою уступку Савоин и Ниццы ради этого союза, особенно если она окупится Сициліей и Неаполемъ. Въ послѣдствіи обстоятельства могутъ перемениться, и говорятъ, что недавно графъ Кавуръ повторилъ извѣстное выраженіе Шварценберга: «мы въ состояніи удивить весь свѣтъ своею неблагодарностію.» Но пока нельзя не согласиться съ г-мъ Фарини, что Піемонту Франція мужиѣ чѣмъ Піемонтъ Франціи. Намѣренія императора Французовъ покрыты непроницаемою тайной; но вопросъ о Рейнѣ еще не созрѣлъ, и французской арміи трудно найти лучшую дѣятельность, какъ на Минчіо.

Другой вопросъ: какъ будетъ дѣйствовать Піемонтъ относительно не соединенной части Италіи? Siamo unificatori, говоритъ министерство и этимъ показываетъ, что оно считаетъ себя обязаннымъ удовлетворить стремленіямъ Италіянцевъ къ единству; министерство, по выраженію г-на Фарини, управляетъ только частью Италіи, но оно отвѣтственно передъ всѣми Италіянцами, подѣ чью бы властію они ни были. Неаполитанскій король, объявивши конституцію, предложилъ союзъ Піемонту; графъ Кавуръ не отвергъ прямо союза, но отвѣчалъ, что сардинскому королю необходима гарантія, что Неаполь дѣйствительно усвоилъ себѣ италіянскую политику, и что первымъ доказательствомъ этого будетъ признаніе соединенія герцогствъ съ Піемонтомъ. Невѣстно, согласится ли на это неаполитанское правительство. Но если оно согласится, то тѣмъ самымъ признаетъ законность подачи голосовъ въ Сицилію и даже въ самомъ Неаполѣ. Графъ Кавуръ прямо разчитываетъ на отказъ, чтобы подѣ благовиднымъ предлогомъ отдѣлаться отъ союза и выждать окончательнаго паденія Бурбоновъ; онъ можетъ представить тогда Европѣ, что господство Піемонта есть единственный исходъ изъ анархіи и революціи въ Неаполѣ; путь уже знакомый, и нѣтъ никакой опасности сбиться съ него. Но кто способствовалъ проложенію этого пути? Конечно, тупыя полуавстрійскія правительства помогли въ этомъ дѣлѣ Піемонту какъ нельзя болѣе. Человѣчества не переѣлаешь; оно всегда будетъ стремиться къ свѣту и свободѣ, а вѣчное тюремное заключеніе не назначается даже самымъ упорнымъ преступникамъ. Въ Піемонтѣ есть притягивающая сила, которой всѣ готовы подчиниться съ радостію. Еще на дняхъ, все мыслящее народонаселеніе Савоин и Ниццы приняло сардинское владеніе; просьбы объ этомъ поступали даже отъ тѣхъ, кто

агитировалъ въ пользу соединенія съ Франціей, и журналы требовали, чтобы хоть этимъ агитаторамъ дана была возможность насладиться прелестями французской системы; называютъ именно гг. Любонисъ и Чезолесъ, которые принесли актъ покаянія, 26 іюня. Оппозиція требуетъ войны, предлагаетъ назначить поголовное ополченіе (рѣчи гг. Макки и Синео, 27 іюня), идти на Венецію; всѣ ораторы соглашались на заемъ подъ условіемъ, чтобы построена была сильная крѣпость въ Брешии, и чтобы всѣ военныя силы были сосредоточены около Минчіо. Правительство считаетъ преждевременнымъ такой рѣшительный шагъ; графъ Кавуръ предпочитаетъ оставить Венецію подъ конецъ соединенія Италіи. Около Минчіо сосредоточено до 200.000 Австрійцевъ, тогда какъ общее число піемонтско-италіянскаго войска доходить до 150.000. Графъ Кавуръ ждетъ, чтобы Венеція истощила послѣднія денежныя средства Австріи, и хочетъ прежде сдѣлать пріобрѣтенія, не стоящія крови. Онъ самъ назвалъ свою политику воинственною (*politica militante*), но не вызывающею; министерство открыто приходитъ въ страну уже тогда, когда въ ней развивается піемонтское знамя, хотя тайно оно первое посылаетъ туда это знамя. Въ этомъ состоитъ разница въ словахъ оппозиціи и министерства; на дѣлѣ они согласны между собою. Правительство, какъ правительство, обязано быть осторожнѣе; оппозиція смѣло высказываетъ свои мысли.

Собственно говоря, въ сардинскихъ палатахъ нѣтъ даже оппозиціи. Есть челоѣкъ двадцать личныхъ друзей г. Ратацци, которые подаютъ голосъ иногда за министерство, иногда противъ него, иногда же воздерживаются вовсе отъ подачи голоса, какъ напримѣръ въ дѣлѣ о присоединеніи Савоии и Ниццы. Страна не обращаетъ вниманія на эти личные счеты, она довѣряетъ вполне графу Кавуру, какъ уже испытанному исполнителю ея желаній и требованій. Это довѣріе распространяется и на другихъ членовъ министерства; такъ напримѣръ, графъ Маміани, министръ народнаго просвѣщенія, по прежнему сохраняетъ свой портфель, несмотря на то, что нѣсколько законодательныхъ проектовъ его отвергнуто палатою. Да и въ самомъ дѣлѣ, время ли теперь дѣлать министерскимъ вопросомъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли уничтожить преподаваніе философіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда воспитанники толпами идутъ въ Сицилію? «Намъ нѣтъ дѣла до личной вражды графа Кавура съ Ратацци, говоритъ мнѣ г. Манчини; мы знаемъ хорошо, что будь Ратацци первымъ министромъ, онъ поступалъ бы такъ же, какъ и графъ Кавуръ; зачѣмъ же намъ перемѣнять лица?» Поэтому, всѣ вліятельныя лица изъ новыхъ депутатовъ ломбардскихъ и тосканскихъ присоединились къ министерской партіи, между ними и г. Канту.

Выборы еще не все окончены, а уже теперешнее здание палаты оказывается тѣснымъ. Предполагается построить новое, въ которомъ помѣщались бы сенатъ и обширный общенациональскій парламентъ; между ними поставлена будетъ статуя Карла-Альберта. Изъ новыхъ кандидатовъ, вѣроятно, поступитъ г. Галленга, корреспондентъ *Times*, хотя многіе журналы, какъ напримѣръ *Les Nationalités*, вооружаются противъ его избранія.

Дѣло соединенія идетъ очень успѣшно, хотя еще многое предстоитъ совершить министерству. Последний административный законъ г. Ратацци, вѣроятно, будетъ измѣненъ: по этому закону назначены губернаторы съ *политическою* властію не только въ Миланѣ, Пармѣ, Болоньи, но даже въ Новарѣ, что не имѣетъ смысла. Г. Ратацци думалъ удержать власть въ своихъ рукахъ, раздавая своимъ друзьямъ высшія административныя мѣста; графъ Кавуръ не имѣетъ въ этомъ надобности, и потому не станетъ поддерживать политическихъ губернаторовъ. Въ новыхъ провинціяхъ народъ переноситъ безъ ропота увеличеніе податей, которыя возвышены противъ прежняго на десять процентовъ. Эта прибавка съ лихвой вознаграждается отѣной таможенъ и свободой личнаго движенія. «Прежде, говорилъ мнѣ одинъ Италіанецъ, у насъ на каждомъ шагу была застава, вездѣ требовали паспортъ и брали за него деньги. О, Австрія съѣдала много денегъ! у нея же двѣ головы и значить два рта: то однимъ сожреть, то другимъ.» Думаютъ, что рекрутскій уставъ Сардиніи возбудитъ неудовольствіе въ провинціяхъ. Въ Сардиніи существуетъ жеребьевая система, тогда какъ въ Тосканѣ брались солдаты только изъ семействъ, въ которыхъ три или четыре сына. Но при теперешнемъ расположеніи умовъ въ Италіи едва ли можно опасаться ропота: армія Гарибальди рекрутируется постоянно изъ волонтеровъ, и въ нихъ нѣтъ недостатка. Гораздо серьезнѣе опасенія за дисциплину военную. Зерномъ правильно-устроеннаго войска служатъ піемонтскіе солдаты; отпаденіе Савойи лишило армію 12.000 лучшаго войска; мѣсто его заступили 60.000 солдатъ, не привыкшихъ къ порядку. Они размѣщены между Піемонтцами, но плохо свыкаются съ дисциплиною. Побѣги Ломбардцевъ и Тосканцевъ довольно часты. Правительство строго преслѣдуетъ іезуитовъ и священниковъ, подстрекающихъ къ неповиновенію; на дняхъ суды произнесли приговоры надъ многими изъ нихъ. Но можно опасаться, что причина побѣговъ не въ однихъ подстреканіяхъ, а въ деморализаціи войскъ и народа, который привыкъ смотрѣть на военную службу съ отвращеніемъ, а на полицію съ ненавистью. Это еще остатки австрійскаго владычества, слѣды котораго сгладятся лишь современемъ. По крайней мѣрѣ теперъ въ Болоньѣ можно ѣздить безопасно,

благодаря піемонтской администраціи. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ скоро воспитается для порядка въ школахъ свободы; много уже то, что провинціи поняли значеніе Піемонта для всей Италіи и ждутъ отъ него организующей силы. Съ такими задатками королевство Виктора-Эммануила можетъ смѣло смотрѣть въ будущее и вѣрными шагами идти къ своей цѣли, къ единой Италіи.

Понятно, что при всеобщемъ политическомъ настроеніи, въ литературѣ не появилось почти ни одного замѣчательнаго сочиненія; за то политическія брошюры выходятъ массами почти ежедневно. Импровизаторы и поэты говорятъ и поютъ только о политикѣ, объ единой Италіи, о Гарибальди. Особая коммиссія составлена для изданія новаго гражданскаго кодекса; она приняла въ образецъ Code Napoléon, впрочемъ съ значительными измѣненіями. Въ концѣ прошлаго года изданъ новый уставъ для университетовъ; но о немъ слѣдуетъ говорить подробнѣе.

М. Клаустинъ.

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

«Ужъ какъ внизъ было, по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ!»
(Пѣсня.)

I.

Тверь, 27 іюня 1860 г.

Я только что вернулся изъ загородной поѣздки, былъ въ Желтиковскомъ монастырѣ; видѣлъ темницу царевича Алексѣя, толстыя стѣны ея, надежныя рѣшотки, узкій входъ, изразцовыя старинныя печи и проч. И эта поѣзка, и этотъ осмотръ произвели на меня сильное впечатлѣніе; подъ вліяніемъ его, берусь за перо, съ цѣлю передать и видѣнное, и слышанное.

Дорога въ монастырь идетъ лугомъ, мимо фабрикъ и заводовъ, наконецъ пролегаетъ черезъ прекрасную рощу громадныхъ сосенъ. Роща эта историческая: въ ней заключенъ былъ миръ между московскими и тверскими великими князьями.

«Да вѣдь и какая была роща, замѣтилъ между прочимъ извощикъ, такая роща, что теперь и званія того нѣтъ! вишь рѣдены какая, вездѣ сквозитъ небо-то, и мудрено ль дѣло? Есть запретъ: отнюдь-молъ не рубить, да сунулъ штофъ водки, вотъ-те и валитъ дерево... Какъ подъ вечеръ иной ѣдешь, такъ справа, да слева такъ и постукиваютъ топоры...»

При выѣздѣ изъ рощи показался монастырь... Небольшія церкви его обнесены толстою и высокою стѣной, у подошвы прокизаетъ рѣчка Тьмака, кругомъ зеленѣютъ луга, да чащи кустарниковъ; мѣсто живописное. Мой спутникъ Р. Н. Н—нъ, человекъ весьма образованный, пользующійся дружескимъ расположеніемъ настоятеля монастыря, повелъ меня въ его келью, несмотря на поздній вечеръ, и представилъ отцу Платону. Семидесятилѣтній старецъ встрѣтилъ насъ въ длинной и мрачной залѣ: по стѣнамъ висѣли большіе портреты тверскихъ архипастырей, въ углахъ образа, изъ коихъ нѣкоторые принадлежатъ кисти весьма хорошихъ художниковъ; на одномъ изъ столовъ сосѣдней комнаты, между множествомъ священныхъ книгъ, подлѣ портрета сына отца Платона, стоялъ портретъ Н. И. Новикова... Я изумился и обрадовался, неожиданно встрѣтивъ въ стѣнахъ уединенной обители такое почтеніе къ памяти великаго человѣка.

Человѣка этого искренно и глубоко я уважаю, говорилъ отецъ Платонъ, очаровавшій меня и пріемомъ, и бесѣдою,—человѣкъ этотъ былъ истинный поборникъ христіанства, подвижникъ евангельскихъ истинъ, онъ понималъ духъ религіи, и въ самый разрушительный для нея вѣкъ, своими сочиненіями, своею неутомимою дѣятельностію, многихъ, и многихъ, спасъ отъ паденія, многихъ просвѣтилъ и наставилъ на путь истины и добра! Не могу не вспомнить слѣдующаго преданія, слышаннаго мною отъ весьма близкихъ лицъ къ Новикову. Незадолго до ареста, онъ иррино проживалъ въ своемъ Авдотьино. Онъ предчувствовалъ наступающія для него бѣдствія. Однажды, слышится ему голосъ: «Готовъ ли ты, готовъ ли, рабъ Николай?» Новиковъ оглядывается на всѣ стороны, не можетъ понять, откуда слышится ему вопросъ; но вотъ вновь раздается голосъ: «Готовъ ли ты?» И послѣ третьяго вопроса Новиковъ съ теплою молитвой отвѣтилъ: «Готовъ, Господи!» Въ это время вбѣжалъ кто-то: «Николай Ивановичъ, гости, кажется, изъ Москвы ѣдутъ?» — «Я знаю, что это за гости, и готовъ ихъ принять.» Дѣйствительно, гостями оказались жандармы, и Новиковъ былъ арестованъ.

«Слышалъ я, говорилъ отецъ Платонъ, и другое преданіе: къ заключенному явился въ Шлюссельбургъ адъютантъ съ вопросомъ отъ государыни, не нужно ли ему чего: «А вы передадите то, что я вамъ скажу?» спросилъ посланнаго Новиковъ. Тотъ обѣщалъ это сдѣлать. «Такъ слушайте жъ: я не имѣю ни въ чемъ чужды, но спрашиваю монархиню: какъ могла та рука, которая зачертила безсмертныя слова: «лучше простить десять виновныхъ нежели наказать одного невиннаго,» — по ложнымъ извѣстямъ, утвердить приговоръ несправедный, обрекшій меня на страданія?» Посланнныи отказался передать вопросъ.

• Мы находимся на зарѣ возникающей, на зарѣ Христова царствованія, говорилъ достопочтенный старецъ Платонъ;—это царствованіе близко: въ немъ не будетъ злыхъ, будутъ добрые люди, будутъ единственно подвижники добра, будутъ любить ближняго какъ самого себя, разсытятся предрасудки, суевѣрія, поймется духъ ученія Божественнаго Спасителя!.. Всѣ политическія событія, всѣ перевороты, такъ или иначе, положительно или отрицательно, но способствуютъ тому, торопятъ наступленіе еего времени... »

Я съ любопытствомъ слушалъ немного мистическую бесѣду старца, достойно чтимаго за его умъ, многостороннее образованіе и безупречную жизнь. Дивился въ немъ многому такому, что крайне отрадно видѣть въ нашемъ монахѣ... Очень и очень хотѣлось бы намъ подѣлиться бесѣдой отца Платона, но мы не имѣли права, да притомъ боимся оскорбить его скромность... Скажу одно, что увлеченный разговоромъ, я забылъ про главную причину своей поѣздки. Р. Н. Н.—нѣ напомнилъ о ней, указавъ въ оконѣ разноцвѣтную старинную стѣну Алексѣевского терема. Дождь былъ въ окна, небо заволочено тучами, и только изрѣдка изъ-за него выглядывала луна и фантастическимъ свѣтомъ обливала и обливала, и окна темницы.

Отецъ Платонъ повелъ насъ самъ, вопреки убѣдительной просьбѣ не рисковать здоровьемъ: впереди шелъ мальчикъ-служка съ «онаремъ» въ рукахъ. Мы вышли на монастырскій дворъ, покрытый могильными памятниками и усаженный талстыми, коротко и красиво обстриженными елками. Этихъ деревьевъ болѣе ста лѣтъ, разказалъ настоятель; самые давніе старожилы видѣли и слышали о нихъ отъ отцовъ, что деревья эти всегда были такія, такъ какъ постригъ мѣшалъ имъ множить разрастаться. Самый монастырь основанъ Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ, въ 1394 году, при великомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ. Дальнѣйшую исторію монастыря можно найти въ особо-изданной книгѣ (1). Въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, болѣзнь царевича Алексѣя побудила его отца, по обѣту, построить въ Желтиковѣ каменную церковь, во имя Алексѣя Божьяго человека (2). Церковь была выстроена. Тогда же ли, или

(1) Она напечатана архимандритомъ Платономъ въ 1852 году: *Историческое и статистическое описаніе Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря*. Тверь, 8 д., стр. 64. Въ этой обстоятельной брошюрѣ при подробномъ разказѣ о жизни основателя монастыря, описи вкладовъ и рукописей духовнаго содержанія XIV, XV и другихъ вѣковъ, сдѣлана весьма незначительная замѣтка о теремѣ Алексѣя.

(2) *Исторія Росс. Іерарх.* Москва, 1812, ч. IV, стр. 106. *Письма Алексѣя*, изданіе 1849. Примѣчаніе 1. № 4. Кромѣ вышеозначеннаго сочиненія архи-

в другое время выстроено *жилье* для Алексія — это неизвѣстно.

Жилье состоитъ изъ двухъ этажей. Нижній съ маленькими подвальными окнами заключалъ въ себѣ кухню и службы. Подлѣ стола, какъ запомнятъ еще старики, гауптвахта для караула. Стѣны дома раскрашены на подобіе шахматной доски. Узкая лѣсенка, ведшая во второй этажъ, лѣтъ тридцать назадъ замѣнена широкою, свѣтлою лѣстницей; она ведетъ въ большую комнату, родъ паперти *домашней* церкви во имя Св. Алексія. Съ этой площадки, паперти, или комнаты, окна выходятъ въ наружную сторону монастыря. Изъ небольшого коридора въ толстой стѣнѣ продѣланъ низенькій ходъ; дверь деревянная, петровскаго времени, очень прочная; на ней еще видны слѣды какихъ-то рисунковъ, которыми разукрашена была она въ свое время; сохранились желѣзные скобки — того же времени. Первая комната, въ которую мы вошли, видимо замѣняла переднюю; она безъ оконъ, очень не велика, съ правой стороны большая печь, старинная, съ зелеными изразцами; прямо дверь съ прежними рисунками; она ведетъ въ залъ. Правая стѣна имѣла дверь — нынѣ замураванную, это былъ ходъ въ церковь; какъ кажется, въ этой же стѣнѣ сдѣлано было окно на церковную паперть; окно, разумѣется, съ рѣшетками. Подобныя два окна съ крѣпкими затѣйливо-сдѣланными рѣшетками находятся на западной стѣнѣ комнаты и выходятъ *снаружь двора* монастырскаго.

Изъ зала другой ходъ съ старинною дверью, на которой, кромѣ слѣдовъ рисунка и скобокъ, сохранился еще лоскутокъ краснаго сукна, — ведетъ въ сосѣдній, подобный первому, небольшой покой. На западной сторонѣ четыре, на боковой два окна съ рѣшетками. Наконецъ третья и послѣдняя комната, въ одно окно, была, какъ видно по всему, спальнею царевича. Здѣсь находится лежанка позднѣйшей работы, вмѣсто бывшей здѣсь современной лежанки, и отсюда же сдѣланъ выходъ въ коридоръ; но этотъ ходъ, по всѣмъ признакамъ и по словамъ отца Платона, сдѣланъ уже послѣ Петра. Стѣны во всѣхъ комнатахъ чисто выбѣлены, разумѣется, уже въ позднѣйшее время, причемъ и перебѣлывались не разъ, но въ низу ихъ до оконъ въ предохраненіе отъ сырости, по тогдашнему обыкновенію, стѣны остаются обтянутыми деревянною панелью, на которой видны слѣды красокъ, можетъ

видна Платона, намъ извѣстно: *Собраніе словъ и бесѣдъ*, изданное имъ въ 1859 году. Тверь, 8 д., стр. 399. Всѣ они написаны лѣткою простымъ, непонятнымъ, и оставляютъ за собой громады рѣчей нашихъ духовныхъ иторовъ. Впрочемъ, чего-нибудь *особеннаго* въ изданіи архимандрита Платона нѣтъ ничего; но стоить обратить вниманіе на два цѣлосорскія разрѣшенія.

быть рисунковъ; полъ обыкновенный, деревянный. Жилье это не всегда оставалось пусто, какъ пусто оно теперь. Здѣсь временно жилъ настоятель, жили пѣвчіе—и такимъ образомъ старинная мебель постепенно уничтожилась и отъ времени, и отъ употребленія. Впрочемъ, мнѣ говорили, что еще сохранилось будто бы кресло да изъ вещей одна чернилица.

Когда жилъ въ этихъ покояхъ Алексѣй, жилъ ли онъ здѣсь по долгу, было ли это мѣсто его временныхъ остановокъ при проѣздахъ въ Москву: вотъ вопросы, невольно возникшіе по осмотру жилья. Но на наши вопросы мы не нашли вполне определенныхъ и точныхъ отвѣтовъ. Въ монастырскихъ бумагахъ, по свидѣтельству отца Платона, не сохранилось никакихъ о томъ извѣстій. Р. Н. Н.—нъ, какъ самъ сообщилъ намъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слышалъ отъ одного изъ монаховъ здѣшней обители (нынѣ умершаго), что была рукопись, въ ней же разказывалось о пребываніи царевича въ монастырѣ; рукопись была интересна, да проѣзжій какой-то путешественникъ съ ученою цѣлію выпросилъ у него тетрадь и увезъ ее въ Петербургъ; что же касается до мѣстныхъ преданій, то въ нихъ именно сохранилось сказаніе, что покои эти служили *тюрьмою* для царевича; мало того, одно изъ подобныхъ устныхъ сказаній передаетъ слѣдующій эпизодъ: Петръ пріѣхалъ однажды къ сыну, заперъ за собой дверь и долго объяснялся съ заключеннымъ. Наконецъ монаръ вышелъ въ величайшемъ гнѣвѣ; вошедшіе въ покои увидѣли на слѣдника престола поверженнымъ на землю. Онъ лежалъ безъ чувствъ, изъ носа и ушей его — текла кровь.

Кто знаетъ отношенія Петра къ его первенцу-сыну, характеръ государя, его пристрастіе къ собственноручной расправѣ, наконецъ кому изъ множества историческихъ разказовъ известна сила руки великаго преобразователя, тотъ ничего не найдетъ невѣроятнаго въ преданіи Желтиковской обители.

Мы не имѣемъ подъ рукой ни нашей библіотеки, ни какихъ другихъ книгъ, гдѣ бы могли навести справки: какъ часто, и по скольку времени жилъ въ этомъ монастырѣ Петръ и его сынъ. Но имѣя въ виду: а) мѣстные преданія о приведенномъ эпизодѣ о присутствіи *караульки* и проч. б) устройство жилья, видныя приготовленнаго по особо-задуманному плану для долгаго, постояннаго здѣсь житья; в) то обстоятельство, что Петръ, далеко не прихотливый на помѣщенія, для временныхъ остановокъ не сталъ бы отводить службы именно внизу, въ окна вѣдывающія рѣшотки, прорубать окна внутрь двора, дѣлать внутренній ходъ въ церковь и проч. и проч. г) наконецъ, очень хорошаго зная, что Алексѣй *по долгу* не жилъ въ этомъ монастырѣ, мы дѣлаемъ, какъ кажется, совершенно безошибочное заключеніе такого рода:

Петръ имѣлъ въ виду сперва ограничиться строжайшимъ заключеніемъ сына, и въ ожиданіи окончательнаго повода къ тому приготовилъ вполнѣ удобную, удовлетворяющую всѣмъ строгимъ требованіямъ заточенія, темницу. Темница эта описана нами и всегда останется предметомъ тщательнаго осмотра каждаго, заступающагося отечественною исторіей.

Въ покояхъ настоятеля виситъ, между другими портретами, портретъ Петра Великаго. Онъ рисованъ масляными красками; Петръ, въ красномъ кафтанѣ, стоитъ бокомъ, обращенный въ правую сторону; какъ кажется, работа современная государю, и въ какомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что портретъ висѣлъ въ тюрьмѣ Іексъя. Кстати о портретахъ: между изображеніями тверскихъ архіереевъ, мы обратимъ вниманіе на портретъ Иннокентія тверскаго. Онъ былъ учителемъ реторики въ Казани, въ царствованіе царицы Ивановны. Ректоръ относился и къ ученикамъ, и къ учителямъ довольно оригинально: въ видахъ внушенія учитель былъ исцѣпенъ нещадно лозами. Подобное, немножко сильное, но по тогдашнему времени вполнѣ духовное поощреніе къ продолженію педагогическихъ занятій, не совсѣмъ понравилось Иннокентію. Онъ бѣжалъ въ Москву, саживалъ и горевалъ у часовни Иверской, молился въ церкви Казанской Божіей Матери, и тутъ-то вызвалъ вниманіе и участіе двухъ учениковъ Московской духовной академіи, Григорія и Платона, въ послѣдствіи двухъ архипастырей. Иннокентій былъ опредѣленъ учителемъ же въ ихъ академію, избравъ черезъ учениковъ покровительство ректора. Императрица Елизавета обратила вниманіе на Иннокентія. Предъ нимъ открылась дорога къ повышеніямъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II онъ былъ уже въ числѣ главнѣйшихъ членовъ синода. Въ это-то время преданъ былъ суду духовенства митрополитъ ростовскій Іосифъ Мацѣвичъ, смѣло и рѣзко писавшій противъ указа объ участіи у монастырей имѣній. Преподобные отцы, ревнуя въ извѣщеніи своей преданности, присудили Арсенія къ смертной казни; казнь, какъ извѣстно, была всемилостивѣйше смягчена въ вѣчное заключеніе въ Шлюссельбургъ (1). Послѣ произнесенія приговора, Мацѣвичъ, вдохновенный какимъ-то пророческимъ предвѣденіемъ, едсказалъ первенствующему члену синода (Дм. Съченову?) мучительную смерть, задохнуться собственнымъ языкомъ; второму по чину—Амвросію Каменскому—смерть отъ мясника. «А тебѣ, скажи онъ, обращаясь къ Иннокентію, архіерею молодому и не

(1) Въ казематѣ этой крѣпости Мацѣвичъ умеръ въ 1787 г. Портретъ вполнѣщенъ Бекетовымъ въ *Пантеонѣ русскихъ авторовъ*. 1801 г. Нѣкоторыя рукописныя сочиненія его находятся въ Публичной Библиотекѣ. Когда-нибудь мы дождемся біографіи и этой интересной личности.

опытному, не подавшему однако голоса за меня, предсказывая что ты не увидишь своей епархіи.» Дѣйствительно, первенствующій членъ синода вскорѣ умеръ въ мукахъ, распухшій языкъ задушилъ его. Каменскій погибъ въ 1771 году въ московскомъ мятежѣ, а Иннокентій скончался на дорогѣ въ Тверь.

Било часъ по полуночи, когда мы оставили Желтиковскую обитель. «А что братъ, заговорилъ я, усаживаясь въ дрожки, ты бы, извозчикъ, повезъ насъ кругомъ рощи, а то неравно, въ лѣсу... — Чаго въ лѣсу? Не извольте беспокоиться, успокоительно отвѣтилъ извозчикъ и отправился черезъ лѣсъ.— О шалостяхъ дѣйствительно ничего не слыхать, заговорилъ спутникъ мой; благодаръ распорядительности начальства ихъ нѣтъ, и я сколько могу поминать, знаю только одинъ случай: лѣтъ двѣнадцать тому назадъ позднею ночью ѣхалъ мой знакомый черезъ желтиковскую рощу. Раздается обыкновенный крикъ: стой, затѣмъ ударъ дубиной по груди кучера; къ счастью, за пазухой его была берринова банка съ вареньемъ, лошади подхватили и вынесли благополучно и перепуганнаго барина, и кучера съ разбитою банкой.»

При выѣздѣ изъ лѣса, намъ бросились въ глаза двѣ новыя, громадныя бумагопрядильныя фабрики; окна четырехъ этажей ярко горѣли газовымъ освѣщеніемъ.

«Вотъ, чтò ни говори о суровости Петра и нѣкоторыхъ его недостаткахъ, а кто не вспомнить его имя при взглядѣ на эти фабрики!.. Не онъ ли положилъ основу, не онъ ли!..»

«А вѣдь какая жъ анаемская жисть на этихъ фабрикахъ, вѣтъ шался въ наши разсужденія извозчикъ:—вѣрьте слову, хуже каторжной работы: плата малая, народу по три и болѣе тысячъ работы не приведи Богъ сколько, дѣти малыя, и тѣхъ съ этикъ лѣтъ запрягаютъ въ эту лямку, страсть да и только.»

Мы заговорили между собой объ улучшеніяхъ, которыя вѣроятъ предвидятся и для фабричнаго класса людей.

«Нѣтъ, уже сперва порѣшили бы что-нибудь, снова вѣтъ шался извозчикъ, порѣшили бы о крестьянствѣ...»

Июня 28-го.

Тверь мнѣ чрезвычайно понравилась. Широкія улицы, множество хорошей каменной постройки, городской и губернаторскій садъ, красивое зданіе дворянскаго собранія, бывшее мѣстомъ недавнихъ сѣздовъ, преній и совѣщаній, 38 церквей красивая набережная, дворецъ съ садомъ, прелестный видъ и Волгу и на противоположный берегъ,—все это вмѣстѣ составляетъ чрезвычайно пріятный ансамбль. Твери предстоитъ большае будущее. Значеніе ея, ради Волги, пароходства, желѣзной до-

роги, положенія между двумя столицами, быстро возрастаетъ, съ каждымъ годомъ.

Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на тверскую гимназію. Зданіе это огромно, очень красиво, какъ кажется, съ большими удобствами для учащихся; не беремся судить только, въ какой степени оно прочно, хотя и знаемъ, что домъ строился шестнадцать лѣтъ и обошелся дворянству до 300 тысячъ руб. сер. Благодаря услужливости почтеннаго Р. Н. Н.—на, которому мы очень обязаны при знакомствѣ нашемъ съ Тверью, мы обошли всѣ помѣщенія гимназій; обратили вниманіе на ея бібліотеку, для начала весьма порядочную, на физическій кабинетъ, на громадное собраніе минераловъ, пожертвованное гимназіи ея почетнымъ попечителемъ, извѣстнымъ писателемъ нашимъ, Э. Н. Глинкою. Въ одной изъ залъ прекрасно устроена гимнастика. Какъ видно, ничто не забыто для надлежащаго развитія мальчиковъ; а что это развитіе вполнѣ правильно, чуждо всякой рутинны, формалистики, *тѣлесныхъ* поощреній и прочихъ *непреклонныхъ* условій воспитанія во многихъ нашихъ заведеніяхъ (какъ напримѣръ далеко было не чуждо оно въ тверской семинаріи), можно видѣть изъ того, что число учениковъ увеличивается каждый годъ, что наконецъ нѣкоторые прибываютъ изъ городовъ, имѣющихъ свои гимназій; напримѣръ есть ученики изъ Курска.

Привѣтствуя открытіе и освященіе новаго дома тверской гимназій 15 августа 1859 г., Р. Н. Н.—нъ писалъ въ мѣстной газетѣ: «Дай Богъ этому дому видѣть въ стѣнахъ своихъ какъ можно болѣе юношей, жаждущихъ знанія и добра для блага и славы отечества!»

Этимъ искреннимъ желаніемъ заключимъ мы настоящую записку.

М. С.

ШТУРМЪ ВАРШАВЫ ВЪ 1831 ГОДУ И НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПОЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

По поводу статьи генералъ-лейтенанта Ушакова (1).

Прочитавъ статью г. Ушакова о варшавскомъ штурмѣ, я невольно берусь за перо, для разъясненія тѣхъ событій, которыхъ мнѣ пришлось быть довольно близкимъ очевидцемъ по службѣ моей въ 1831 году. Не стану входить въ разборъ полемическаго пренія, происходившаго на страницахъ *Русскаго Вѣстника* между гг. Ушаковымъ и Сушковымъ; кто правъ и виноватъ изъ нихъ, рѣшить будущая военная исторія, а для нея нужна истина, которая можетъ только разъясниться разказами и словами людей, принимавшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ.

Въ 1831 году находился я при войскахъ дѣйствующей арміи въ чинѣ штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба (2) съ первыхъ дней зимняго похода нашего въ Польшу. Но выпиской изъ моего формуляра я не буду утомлять вниманія читателей и ограничусь словами, что, прослуживъ всю польскую кампанію, я состоялъ во второй день штурма подъ Варшавой, съ утра и до поздней ночи, безотлучно при графѣ Толѣ, исполняя различныя порученія его, подъ огнемъ непріятеля.

Переданныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* генералъ-лейтенантомъ Ушаковымъ подробности о первомъ днѣ приступа, то-есть 25 августа, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о переговорахъ съ польскими генералами Прондзинскимъ и Круковецкимъ, совершенно точны. Ко всему разказанному имъ, я позволю себѣ только добавить, что когда въ первый день войска наши отняли у непріятеля сильно укрѣпленную Волю и всю переднюю линію редутовъ, и когда, не позже трехъ часовъ пополудни, собранъ былъ фельдмаршаломъ военный совѣтъ въ Волѣ, графъ Толъ, съ свойственною ему рѣшимостью, предлагалъ не прекращать, но продолжать штурмъ другихъ укрѣпленій, въ тотъ же день. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы доказать то важное вліяніе, которое мнѣніе графа Толя могло имѣть при штурмѣ Варшавы въ первый день сраженія,—и пускай люди, участвовавшіе въ бою,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 4.

(2) Нынѣ генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба и начальникъ управленія иррегулярныхъ войскъ. Ред.

рѣшатъ , могла ли быть Варшава взята въ тотъ же день или нѣтъ.

Другую подробность о графѣ Толѣ, хотя меньшей важности, считаю также не излишнимъ оговорить. Она состоитъ въ томъ, что во время переговоровъ съ Круковецкимъ въ девять часовъ утра, въ корчмѣ впереди Воли, въ нихъ положительно участвовалъ графъ Толъ, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

За тѣмъ разказъ г. Ушакова о томъ, что происходило во второй день штурма, 26 августа, мало касается боевыхъ подробностей; а сдѣланныя имъ нѣкоторыя замѣчанія, какъ объяснено будетъ ниже, ведутъ даже къ невыгодному заключенію о распоряженіяхъ графа Толя. Я дозволю себѣ думать, что если подобное сужденіе могло быть произнесено генераль-лейтенантомъ Ушаковымъ, то вѣроятно потому только, что ему не вполне извѣстны подробности боя, и полагаю, что, по обязанности его въ качествѣ адъютанта при фельдмаршалѣ, онъ находился въ это время въ Воли, куда отвезенъ былъ раненый графъ Паскевичъ въ коляскѣ съ мѣста, гдѣ загорѣлось сраженіе 26 числа. Для болѣе точнаго обсужденія дѣла, я разкажу все то, чему былъ близкимъ очевидцемъ, и начну съ той минуты, когда, послѣ прерванныхъ съ Круковецкимъ переговоровъ, загремѣли орудія съ обѣихъ сторонъ, я роковое ядро, въ первыя же минуты огня, лишило фельдмаршала возможности продолжать командованіе войсками.

Былъ часъ пополудни. Графъ Толъ, принявъ командованіе надъ арміей, взошелъ, для лучшаго обозрѣнія поля сраженія, на брустверь укрѣпленія № 54 и отправилъ адъютантовъ, чтобы немедленно призвать къ себѣ всѣхъ корпусныхъ командировъ.

Но прежде чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ втораго дня, должно вкратцѣ объяснить, что было сдѣлано нами въ первый день штурма, и что оставалось еще сдѣлать для овладѣнія городомъ. Въ теченіи дня 25 августа, мы овладѣли Волей и первою линіей редутовъ. Но Поляки имѣли другой болѣе сильный рядъ укрѣпленій, опоясывавшихъ все открытое пространство передъ Варшавой, затѣмъ сады и огороды, окружавшіе ее, и наконецъ самый городской валъ, усиленный передовыми флешами и люнетами, съ нѣсколькими укрѣпленными каменными заставами.

Предводители польскихъ войскъ съ выгодой употребили выигранное ими черезъ переговоры почти суточное время. Зная настоящій пунктъ нашей атаки, они сосредоточили главную часть войскъ своихъ между Вольскою и Іерусалимскою заставами. Число ихъ, несмотря на понесенныя потери 25 числа, простиралось до 35.000 чел., не включая 4000 собранной въ Варшавѣ національной стражи, для обороны внутренней части города.

Первымъ предпріятіемъ графа Толя было усилить дѣйствіе артиллеріи для обстрѣливанія непріятельскихъ укрѣпленій. 120 орудій сосредоточили огонь своей преимущественно противъ Чистенскихъ садовъ и укрѣпленій впереди деревни Раковецъ. Графъ Толь наблюдалъ эти дѣйствія лично, осыпавъ ядрами со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ 1-й и 2-й корпуса графа Палена и барона Крейца, назначенные по диспозиціи фельдмаршала для штурмованія укрѣпленій по правую и лѣвую стороны калишскаго шоссе, ведущаго къ Волю, получили въ подкрѣпленіе по одной гренадерскій дивизіи. Гвардейскій же корпусъ, какъ главный резервъ, приближенъ къ мѣсту боя почти на высоту Воли.

Отрядъ генерала Муравьева на правомъ флангѣ, для большаго единства въ дѣйствіяхъ, подчиненъ непосредственному распоряженію графа Витта, съ тѣмъ чтобы при содѣйствіи кавалеріи графа Ностица и кирасиръ, рѣшительнымъ нападеніемъ между Мокотовскою и Іерусалимскою заставами привлечь на себя вниманіе непріятеля.

Всѣ эти распоряженія были подтверждены и истолкованы корпуснымъ командирамъ лично графомъ Толемъ среди продолжавшаго артиллерійскаго огня, еще до движенія штурмовыхъ колоннъ.

Въ диспозиціи, отданной фельдмаршаломъ, было сказано, что артиллерія обстрѣливаетъ укрѣпленія не менѣе двухъ часовъ, и потомъ уже пѣхота должна двинуться на приступъ.

Поляки мѣткимъ, сосредоточеннымъ огнемъ изъ редутовъ и полевой артиллеріи, отвѣчали на наши выстрѣлы изъ 112 орудій и, пользуясь удобною мѣстностію на высотѣ около укрѣпленій, окружающихъ деревню Раковецъ, успѣли устроить у себя на флангѣ сильную батарею изъ 30 полевыхъ орудій, которая продольными боковыми выстрѣлами сильно вредила нашей артиллеріи. Желая положить этому конецъ, графъ Толь далъ тотчасъ же приказаніе генералу Муравьеву начать наступательное движеніе, прикрываясь справа кавалеріей графа Ностица, а слѣва кирасирами. Такимъ образомъ, въ отгнѣну отданной диспозиціи, войска Муравьева первыя вступили въ дѣло, а потомъ уже постепенно графъ Крейцъ и наконецъ графъ Паленъ.

Быстрое наступленіе генерала Муравьева и кавалеріи графа Ностица вынудило непріятельскую артиллерію отступить за укрѣпленія свои. Было три часа пополудни, когда началась атака эта. Раздѣливъ войска свои на двѣ колонны, изъ коихъ одна была подъ начальствомъ полковника Лукаша, другая же подъ начальствомъ полковника Рота, Муравьевъ устремился на непріятельскіе окопы, и въ то время, какъ Луцкіе гренадеры ворвались уже въ укрѣпленіе № 81, сильная польская колонна бросилась отбивать его. Генералъ Уминскій, командовавшій всѣмъ лѣвымъ флангомъ польской

арміи, зорко слѣдилъ за движеніемъ Муравьева и тотчасъ же направилъ сильныя подкрѣпленія изъ пѣхоты и кавалеріи; здѣсь вскорѣ завязалось жаркое кровопролитное дѣло, которое сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ, пока наконецъ успѣшныя кавалерійскія атаки графа Ностица и прибывшая въ подкрѣпленіе гвардейская егерская бригада генерала Полешко вынудили непріятеля къ отступленію, при чемъ онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ, послѣ часового боя, деревню Раковецъ, съ окружающими ее окопами и впереди лежавшимъ люнетомъ, въ которомъ утвердился Несвижскій карабинерный полкъ.

Къ этой части сраженія относится генералъ-лейтенантъ Ушаковъ свой несправедливый упрекъ, говоря: *мы были очевидцами, что приказанія, передаваемыя графомъ Толемъ, исполнялись въ первое время довольно вяло, и поэтому скоро замѣтили отсутствіе настоящаго главнокомандующаго*. На чемъ основано столь невыгодное заключеніе, трудно понять; представленный выше краткій очеркъ начала варшавскаго штурма во второй день и всѣхъ распоряженій графа Толя достаточно его опровергаетъ.

Далѣе же, обращаясь къ атакѣ Новгородскаго кирасирскаго полка, г. Ушаковъ прибавляетъ, что полкъ замедлил и былъ заведенъ въ такое мѣсто между редутами, гдѣ отъ перекрестнаго картечнаго огня понесъ чувствительную потерю, безъ всякой пользы.

Здѣсь хотя и есть отчасти справедливость, но это объясняется слѣдующими причинами. Кирасирская бригада была расположена въ довольно дальнемъ разстояніи отъ поля сраженія (1), чему доказательствомъ служитъ то, что первый посланный отъ графа Толя офицеръ (2) нашелъ ее всю спѣшную, по правую сторону, и не ближе какъ въ 1½ версты разстоянія, отъ краковскаго шоссе.

Двинувъ Новгородскій кирасирскій полкъ на полныхъ рысяхъ, надлежало перевести его черезъ шоссе и черезъ двѣ окружавшія его канавы, по двумъ не большимъ мостикамъ, гдѣ полкъ могъ проходить только справа по три. Все это, разумѣется, замедлило движеніе, такъ что когда полкъ, переведенный черезъ шоссе, успѣлъ выстроиться къ бою, польская пѣхота, высланная противъ Луцкихъ гренадеръ нашихъ, была уже опрокинута подошедшими на помощь другими войсками г. Муравьева, и удобная минута для кавалерійской атаки съ этой стороны была потеряна. Въ этомъ положеніи, Новгородскій кирасирскій полкъ, при кото-

(1) Даже въ трудъ г. Шмидта вкралась ошибка въ расположеніи и движеніи кирасирь.

(2) Офицеръ этотъ былъ пишущій эти строки.

ромъ не было вовсе артиллеріи, слѣдовало бы, конечно, остановить; но въ это время дѣйствительно было прислано графомъ Толемъ новое приказаніе атаковать польскую артиллерійскую батарею, выдвинувшуюся будто бы слишкомъ впередъ, тогда какъ она въ дѣйствительности была подъ прикрытіемъ перекрестнаго огня непріятельскихъ укрѣпленій. Полковые командиры, Гринвальдъ и баронъ Мейендорфъ, колебались, что дѣлать, и наконецъ рѣшились пустить въ атаку два дивизиона, которые были отражены картечнымъ огнемъ.

Но если даже и назовемъ мы это нѣкоторою ошибкой или лучше сказать обманомъ глаза среди порохового дыма и огня, то она нисколько не должна и не можетъ уменьшить достоинствъ графа Толя, смѣло и рѣшительно распорядившагося боемъ 26 августа.

Затѣмъ будемъ продолжать прерванный разказъ. Между тѣмъ какъ войска Муравьева, въ совокупности съ кавалеріей графа Ностица, преодолевали усилія польскаго генерала Уминскаго удержать наше наступленіе, а сосредоточенный огонь артиллеріи нашей, направляемой княземъ Горчаковымъ и барономъ Корфомъ, бралъ постепенный перевѣсъ, штурмовыя колонны корпусовъ барона Крейца и графа Палена, вправо и влево стѣ Волю, стояли въ полной готовности двинуться по первому приказанію. Въ это время явился для переговоровъ выѣхавшій изъ Варшавы генералъ Прондзинскій къ графу Толю, подъѣзжавшему къ колоннамъ барона Крейца, и просилъ прекратить огонь. Толь, вмѣсто отвѣта, приказалъ усилить огонь нашей артиллеріи, а Прондзинскаго поручилъ генералу Бергу отвести къ фельдмаршалу въ Волю.

Пока велись переговоры съ Прондзинскимъ, съ коимъ отправленъ въ Варшаву и графъ Бергъ, графъ Толь, стремясь къ одной цѣли, въ пылу жаркаго боя думалъ только о побѣдѣ. Уже въ четыре часа пополудни хотѣлъ онъ начать штурмъ укрѣпленій по всей линіи, дабы овладѣть городскимъ валомъ до наступленія ночи; но присланное отъ фельдмаршала повелѣніе остановило общее движеніе еще на три четверти часа. Наконецъ наступила ожидаемая минута, и колонна корпуса барона Крейца, гдѣ лично находился и графъ Толь, двинулась впередъ по направленію къ Чистенскимъ садамъ и Иерусалимской заставѣ, а вскорѣ за тѣмъ и колонна Палена, съ главною частію гренадерскаго корпуса, въ направленіи къ Вольской заставѣ и укрѣпленіямъ, передъ нею устроеннымъ.

Я не буду слѣдить за всѣми успѣхами этихъ храбрыхъ и отлично вѣданныхъ войскъ, передъ которыми сдавалось одно укрѣпленіе за другимъ. Не болѣе какъ въ полчаса взяты укрѣпленія №№ 21, 22 и 23, несмотря на стойкое сопротивленіе непріятеля.

Затѣмъ войска устремлены къ достиженію городскаго вала и

заставъ, гдѣ по причинѣ садовъ, оградъ и кладбищъ, ожидала ихъ самая упорная защита. Въ это время прїѣзжали отъ фельд-маршала и великаго князя нѣсколько посланныхъ къ графу Толю, дабы передать ему свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ Круковецкимъ и Прондзинскимъ; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и, продолжая дѣйствовать безостановочно, рѣшимостью своею, въ столь важную минуту, безспорно содѣйствовалъ къ безусловной сдачѣ Варшавы. Желаящіе ближе ознакомиться со всѣми дѣйствіями войскъ въ этотъ день, могутъ обратиться къ сочиненію г. Шмидта, на нѣмецкомъ языкѣ, составленному самымъ добросовѣстнымъ образомъ и основанному на достовѣрныхъ источникахъ.

Я же, какъ очевидецъ, передамъ въ заключеніе только то, что было подъ глазами моими въ послѣдніе часы штурма, и гдѣ по роду службы моей, я принималъ даже личное участіе.

Около семи часовъ вечера, всѣ передовые люнеты и редуты были уже въ нашихъ рукахъ; но валъ, со всѣми прикрывающими его наружными укрѣпленіями, и двѣ каменные заставы, Вольская и Іерусалимская, были еще упорно защищаемы Поляками.

Графъ Толь, бдительно слѣдя за ходомъ штурма, остановился на взятомъ лишь передѣ тѣмъ укрѣпленіи № 22. Ряды тѣмъ лежали передъ рвомъ укрѣпленія. Адъютантъ за адъютантомъ привозили и отвозили приказанія во всѣ стороны.

На лѣво отъ этого мѣста пылали загорѣвшіяся мельницы, горѣли и другія строенія и съ наступавшею болѣе и болѣе темною ночью, освѣщали грозную картину послѣднихъ часовъ штурма Варшавы. Громъ орудій, ружейная стрѣльба, шумъ барабановъ и крики войскъ, все слылось въ общій гулъ и переносило мысли и чувства въ какой-то новый міръ, страшный, но торжественный.

Въ эту минуту подскакавшій ко рву укрѣпленія адъютантъ отъ князя Горчакова, которому графъ Толь ввѣрилъ общее начальство надъ войсками, отдѣленными для овладѣнія Іерусалимскою заставой, громко доносилъ графу Толю, стоявшему на брустверѣ укрѣпленія, что Поляки крѣпко держатся за эту заставой, что два приступа уже отбиты и необходимо подкрѣпленіе. Едва успѣлъ этотъ присланный повернуть лошадь, какъ новый посланный отъ князя Горчакова, бывшій адъютантъ графа Дибича Мухановъ, привезъ извѣстіе, что самъ князь Горчаковъ раненъ, и что необходимо подкрѣпить войска, которыя дерутся у Іерусалимской заставы.

Графъ Толь повернулся къ окружающимъ и, подозвавъ меня, сказалъ: *«Скачите къ гвардейской егерской бригадѣ генерала Полешко и ведите ее; не возвращайтесь ко мнѣ прежде чѣмъ будетъ окончательно взята заставка, и вы введете артиллерию въ ородскую улицу. Дальше же—ни шагу.»*

Въ минуту былъ я вновь на конѣ. Начиало уже смеркаться.

Я скакалъ мимо Чистенскихъ садовъ, гдѣ передъ тѣмъ происходила жаркая перестрѣлка съ храбрыми войсками 2-го корпуса. Среди свѣжихъ слѣдовъ рукопашнаго боя и груды тѣлъ, и при наступившей уже темнотѣ ночи, достигъ я поля между краковскимъ шоссе и Чистенскими садами, гдѣ вскорѣ увидѣлъ движущуюся темную толпу и на вопросъ: «какія войска?» мнѣ отвѣчали солдаты: «Финляндскій полкъ.» Отыскавъ генерала Поleshко и передавъ ему приказаніе графа Толя, я повелъ полкъ прямо къ Іерусалимской заставѣ. Храбрый генералъ Поleshко ожидалъ только указанія, куда направить батальйоны.

Передъ нами кипѣла сильная ружейная пальба, и чтобы ближе осмотрѣться, я попросилъ генерала Поleshко остановить Финляндскій полкъ, а самъ поскакалъ впередъ. Приблизясь къ заставѣ, я нашелъ, что отдѣльное передъ нею укрѣпленіе было уже оставлено Поляками; но немного далѣе съ городского вала непріятель производилъ еще сильный огонь. Егеря наши овладѣли нѣкоторою частью вала съ правой стороны, и съ ними перестрѣливался непріятель; какихъ полковъ и какія это были войска, ночью различить было невозможно.

Проѣхавъ отъ укрѣпленія вѣво, я увидѣлъ, что входъ въ заставу прикрытъ высокими палисадами, и изъ прорѣзанныхъ бойницъ сверкали выстрѣлы. Медлить было нечего.

Тотчасъ же направлены были оба батальйона Финляндскаго полка вѣво отъ укрѣпленія; съ крикомъ *ура*, бросились они на валъ и, овладѣвъ имъ, ударили во флангъ защищавшимъ самую заставу. Въ то же время, одинъ батальйонъ 3-го карабинернаго полка, подошедшій на помощь и оставленный сначала за укрѣпленіемъ, былъ двинутъ генераломъ Поleshко прямо на заставу и довершилъ пораженіе непріятелей, конкъ захвачено было въ плѣнъ до 100 человекъ. Палисады были успѣшно вырваны; съ открытіемъ входа я тотчасъ же ввелъ два орудія, приведенныя генераломъ Фрейгангомъ, и поставилъ ихъ на шоссе, между тѣмъ какъ финляндскіе и карабинерные стрѣлки заняли близъ лежащія дома, уже въ самомъ городѣ.

Что происходило въ то время при штурмѣ другихъ пунктовъ городского вала, я, за темнотою, не могъ видѣть, и передаю только дѣйствія Финляндскаго полка и 3-го карабинернаго батальйона, съ которыми мнѣ довелось раздѣлять честь этого боеваго дня.

Исполнивъ такимъ образомъ въ точности порученіе графа Толя, я возвратился къ нему уже въ одиннадцатомъ часу вечера. Перестрѣлка умогла на протяженіи почти всей линіи, и только къ сторонѣ Вольскаго предмѣстія изрѣдка раздавались еще перекаты частой ружейной стрѣльбы, — гдѣ, какъ извѣстно, на

кладбищахъ такъ молодецки дѣйствовали отважные гренадеры князя Шаховскаго и Набокова.

Передавъ въ достаточной подробности видѣнное мною во время штурма подъ Варшавой, я не могу пройти молчаніемъ обвиненій г. Ушакова на дѣйствія графа Толя въ первую часть польской кампаніи, съ января и до половины іюля 1831 года.

Чтобы судить объ этой части войны, нужно знать всѣ ближайшія обстоятельства. Къ сожалѣнію, большая часть критиковъ безпощадно порицають графа Дибича и сподвижниковъ его, графа Толя и Нейдгарта. Но далъ ли кто себѣ трудъ выикнуть въ тѣ современныя событія, которыми сопровождалось возгорѣвшееся въ 1830 году въ Польшѣ возстаніе? Едва успѣли мы окончить трудный двухъ-лѣтній походъ въ Европейской Турціи, какъ внезапно вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, съ начала казавшееся ничтожнымъ, а въ послѣдствіи охватившее вою западную часть Россіи. Армія, возвратившаяся изъ Турціи, была однимъ пункти остовомъ. Запасы продовольственныя, медицинскіе и комиссаріатскіе были истощены, и ничего не было подготовлено. Графу Дибичу дано было нѣсколько милліоновъ въ руки, съ приказаніемъ устроить все и подавить мятежъ, поддержанный 40 тысячами отлично - образованнаго боеваго войска и такимъ же числомъ, если не болѣе, собиравшагося народнаго ополченія.

Быстрота, съ которою новая армія была собрана и двинута къ границамъ Польши, дѣлаеть честь распорядителямъ.

Дальнѣйшія дѣйствія были не менѣе успѣшны. Не болѣе какъ въ двѣ недѣли, графъ Дибичъ былъ уже подъ стѣнами Варшавы и, разгромивъ польскія войска подъ Ваверомъ и Гроховымъ, ожидалъ сдачи города. Здѣсь-то и порицають его г. Ушаковъ, говоря что *не умѣли воспользоваться кресопротитными побѣдами, что при Гроховѣ должно было завладѣть Прагой и мостомъ для бомбардированія Варшавы*. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Удержаться въ самой Прагѣ подъ выстрѣлами сильно-командующаго лѣваго берега Вислы, гдѣ Поляки имѣли уже заранѣе - устроенныя батареи - было рѣшительно невозможно. Послѣ побѣды на Гроховскомъ полѣ, мы могли только на плечахъ непріятеля ворваться черезъ Прагу и мостъ въ Варшаву, и тогда, въ случаѣ успѣха, городъ конечно взлетѣлъ бы на воздухъ. Такъ понималъ и графъ Толь, который, послѣ блистательной кавалерійской атаки кирасирскаго принца Альберта полка, опрокинувшей всю польскую линію, настойчиво предлагалъ преслѣдовать непріятеля въ Прагѣ и штурмовать предмостное укрѣпленіе, въ тотъ же вечеръ. Всѣ видѣли, какъ онъ подвигалъ уже впередъ артиллерію и устанавливалъ батареи. Гренадерскому

корпусу, прибывшему къ концу сраженія, вѣрно было снѣть ранцы и готовиться къ приступу. Но графъ Дибичъ полагалъ, что войска слишкомъ утомлены для новаго нападенія.

Восемь часовъ сряду продолжался неумолкаемый бой и не болѣе часа оставалось уже до наступленія ночи. На это возразилъ графъ Толъ, что гренадеры, а также 1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи не были въ жаркомъ дѣлѣ, и что должно всѣми мѣрами стараться воспользоваться нашимъ успѣхомъ и разстройствомъ польской арміи.

Къ сожалѣнію, графъ Дибичъ послѣдовалъ совѣту другихъ генераловъ. Войска получили приказаніе остановиться и провести ночь на отбитомъ у Поляковъ полѣ сраженія.

Стало-быть, если послѣдовала отміна въ распоряженіяхъ, то она сдѣлалась вопреки мнѣнію и желанію графа Толя, и упрекъ, дѣлаемый г. Ушаковымъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ къ нему относиться.

Разкажу другой случай изъ той же войны, который даетъ понятіе о смѣлой рѣшимости графа Толя. Послѣ гроховскаго сраженія и безуспѣшныхъ переговоровъ съ Поляками, сдача Варшавы отклонилась. Для избѣжанія затрудненія въ продовольствіи, а также для нѣкотораго отдохновенія войскъ послѣ быстрого четырнадцатидневнаго похода изъ Россіи, армія расположилась на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ мѣстечка Шеницы, оставивъ корпусъ барона Розена для наблюденія за польскою арміею передъ Варшавой. Здѣсь войска должны были освѣжиться и приготовиться къ новымъ дѣйствіямъ. Составлено было предположеніе двинуться къ верхней части Вислы, при впаденіи въ нее рѣчки Вепржъ и, по совершеніи въ этомъ мѣстѣ переправы, дѣйствовать уже лѣвымъ берегомъ противъ Варшавы.

Въ концѣ марта мѣсяца состояніе дорогъ позволило наконецъ начать предположенное движеніе (1). Войска, выступившія изъ тѣсныхъ кантониръ-квартиръ, сосредоточились у Тирчина. Мосты были готовы, и въ ночи съ 24 на 25 марта должна была начаться переправа черезъ Вислу, когда внезапно получена была отъ барона Розена вѣсть, что Скржинецкій выступилъ со всею польскою арміею изъ Варшавы, атаковалъ его въ превосходныхъ силахъ и вынудилъ его, съ значительною потерей, отступить, по брестскому шоссе, къ с. Седлецу.

Эта неожиданная вѣсть поразила всю главную квартиру. Фельдмаршалъ собралъ въ ту же ночь военный совѣтъ для обсужде-

(1) Дороги по Царству Польскому въ раннюю весну почти не проходимы, и извѣстны слова самого Наполеона о существованіи въ этомъ краѣ «пять стихій».

на положенія арміи. Послѣ разсмотрѣнія различныхъ мнѣній, всѣ пришли къ одному убѣжденію, что не остается другого средства, какъ сжечь мосты и отступить для соединенія съ разбитымъ корпусомъ барона Розена. Одинъ Толь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Сначала предложилъ онъ, не уничтожая мостовъ, присоединить къ себѣ войска барона Крейца изъ Люблина и гвардейскій корпусъ, бывшій уже на пути въ Царство Польское, что составило бы 85-тысячную армію, при 360 орудіяхъ, съ которою можно было бы съ увѣренностію перейти черезъ Вислу и идти противъ Варшавы, между тѣмъ какъ корпусъ барона Розена былъ бы подкрѣпленъ войсками 2-го пѣхотнаго корпуса,шедшаго уже изъ Бреста къ Седлецу. Но эта превосходная мысль, вполне одобренная графомъ Дибичемъ, встрѣтила препятствіе въ томъ, что для исполненія ея требовалось не менѣе двухъ недѣль, а истощенное положеніе края не представляло никакихъ способовъ къ продовольствію войскъ на той мѣстности, гдѣ они находились (1). Тогда графъ Толь, убѣжденный справедливыми доводами, рѣшился подать другое и самое смѣлое мнѣніе. «Если уже такъ», сказалъ онъ съ увлеченіемъ, «то я предлагаю, съ тѣми войсками, которыя унасъ подъ рукою (2), идти прямо противъ Скржинецкаго, къ брестскому шоссе, и атаковать его во флангъ и тылъ.» Когда же генераль-интендантъ представилъ ему, что при войскахъ не болѣе какъ на четыре дня продовольствія, что конечно было недостаточно, чтобы предпринять движеніе до шоссе, Толь отвѣчалъ: «Продовольствія достаточно, чтобы дойти до непріятеля. Побѣдивъ, мы овладѣемъ его запасами. Впрочемъ, русскій солдатъ не думаетъ о сухаряхъ, когда сражается.»

Нѣтъ почти сомнѣнія, что предложенное графомъ Толемъ рѣшительное движеніе могло бы увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ. Разстроенный корпусъ барона Розена, какъ доказали и самыя послѣдствія, былъ своевременно подкрѣпленъ подосланными изъ Бреста войсками 2-го пѣхотнаго корпуса, что и остановило жаркое преслѣдованіе Скржинецкаго. Появленіе же главныхъ силъ нашей арміи на флангъ и сообщенія польской арміи съ Варшавой поставило бы ее въ самое затруднительное положеніе и могло даже дать войнѣ совершенно другой оборотъ.

Въ послѣдующихъ военныхъ распоряженіяхъ нельзя также обвинять графа Толя. Г. Ушаковъ говоритъ, что онъ двѣ недѣли

(1) Въ это время ожидаемые изъ Литвы транспорты съ провіантомъ были захвачены и уничтожены мятежниками.

(2) Число собранныхъ у переправы войскъ простиралось до 42 тысячъ человѣкъ. У Скржинецкаго, при нападеніи на Розена, было почти то же число.

начальствовалъ надъ арміей до пріѣзда новаго главнокомандующаго, и однакоже эти двѣ недѣли прошли въ совершенномъ бездѣйствіи.

Могъ ли графъ Толь предпринять что-либо рѣшительное, когда не только въ день смерти, но даже еще при жизни покойнаго графа Дибича было положительно извѣстно, что государь вызвалъ уже фельдмаршала Паскевича съ Кавказа, дабы поручить ему окончаніе войны въ Польшѣ? Г. Сушковъ, въ отвѣтъ своемъ на статью г. Ушакова (въ № 6 *Русскаго Вѣстника*), весьма логично это доказываетъ. Всѣ безпристрастные очевидцы и знающіе тогдашнее положеніе арміи отдадутъ напротивъ того полную справедливость графу Толю, имѣя въ виду, какъ дѣлательно и успѣшно сдѣланы были имъ всѣ распоряженія для движенія къ переправѣ черезъ нижнюю Вислу. Продовольствіе, въ которомъ столько представлялось препятствій, заготовлено; суда для наведенія моста на Вислѣ закуплены въ Пруссіи; пунктъ для переправы избранъ, и даже дороги, къ нему ведущія, заблаговременно осмотрѣны. Кромѣ того всѣ парки и запасы, которые съ переменною нашей операціонной линіи были оставлены около брестскаго шоссе и на Бугѣ, заблаговременно присоединены къ арміи, и къ довершенію всего ожидалось, по распоряженію графа Толя, подкрѣпленіе изъ 14 тысячъ человекъ при 70 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Муравьева, съ которыми число всѣхъ войскъ около Пултуска, къ пріѣзду фельдмаршала Паскевича, простиралось до 60 тысячъ человекъ. Иначе могъ ли бы графъ Паскевичъ такъ скоро по пріѣздѣ своемъ начать наступательныя движенія изъ Пултуска и совершить безпрепятственно переправу черезъ такую рѣку, какъ нижняя Висла, неподалеку отъ города Торна?

Не унижая нисколько военныхъ заслугъ и славы фельдмаршала Паскевича въ войнахъ прошедшаго царствованія, я, въ заключеніе послѣ всѣхъ представленныхъ доказательствъ, скажу однакоже съ откровенностію солдата, что въ Польшѣ слава и заслуга эти неразрывно соединены съ именемъ графа Толя. Можетъ-быть и не согласится со мною г. Ушаковъ; но по строгой справедливости оно такъ. Ученикъ еще при Суворовѣ и уже правая рука Кутузова въ 1812 году, Толь соединялъ въ себѣ всѣ качества истиннаго военнаго человѣка. Твердый и спокойный въ минуты опасности, рѣшительный въ бою и военныхъ совѣтахъ, онъ зналъ и понималъ войну въ полномъ значеніи слова. Одаренный отъ природы вѣрностію взгляда, онъ умѣлъ пользоваться вѣрностію и примѣнять ее къ войскамъ, какъ немногіе изъ современныя ему генераловъ. Въ особенности на полѣ сраженія рѣзко выказывались его достоинства. Здѣсь не было уже ни отъѣмныхъ приказаній, ни малѣйшаго колебанія. Личное его присутствіе

неволью одушевляло войска и вселяло общее довѣріе. Во время сраженія не должно было искать графа Толя тамъ, гдѣ дѣло шло успѣшно; напротивъ того, онъ являлся всегда на тѣхъ пунктахъ, гдѣ непріятель бралъ перевѣсъ, и тамъ присутствіемъ своимъ онъ возстановлялъ успѣхъ.

Нѣмецъ по имени, графъ Толь былъ однакоже истиннымъ Русскимъ по душѣ и сердцу. Обладая знаніемъ иностранныхъ языковъ, онъ не допускалъ въ служебныхъ дѣлахъ другаго разговора и объясненія, какъ по-русски. Не разъ были мы свидѣтелями, какъ, во время войны, получая отъ авангардныхъ генераловъ спѣшныя донесенія и записки съ поля сраженія, онъ всегда сердился, если онѣ были писаны на иностранныхъ языкахъ.

Основательныя познанія, обширная военная опытность и отличительныя свойства характера дѣлали графа Толя однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ генераловъ нынѣшняго столѣтія, и хотя онъ не достигъ званія фельдмаршала, но имя его займетъ неоспоримо почетнѣйшее мѣсто на страницахъ русскихъ военныхъ лѣтописей.

Вообще же нельзя не пожелать, чтобы въ нашемъ русскомъ военномъ сословіи было болѣе готовности справедливо цѣнить полководцевъ по ихъ дѣйствительнымъ заслугамъ.

А ВЕРГИНЬ.

С.-Петербургъ.
Іюня 3-го 1860 года.

НОВАЯ ПОЭМА ВИКТОРА ГЮГО.

La Légende des Siècles. Première série: Histotre, les Petites Epopées. 2 vol.; 1859; Paris, Michel Lévy frères.

Что бы ни говорили, какъ бы ни нападали на Виктора Гюго наши «строгіе цѣнители и судьи», писателю этому никакъ нельзя отказать въ замѣчательномъ лирическомъ талантѣ. Онъ любитъ парадоксъ, онъ пристрастенъ къ пышной фразѣ; для какого-нибудь оборота, который ему покажется почему-либо счастливымъ, Гюго готовъ пожертвовать и смысломъ, и истинною поэзіей; грамматическая правильность, логическая точность рѣчи ему ни по чемъ, лишь бы звучна вышла рима и эффектна фигура. Все это правда. Но рядомъ съ этими недостатками, съ нестройностью и преувеличенною пышностью внѣшней формы, съ излишнею идеализаціей и увлеченіемъ, вредящими истинѣ и поэзіи, причѣмъ авторъ восторгается отъ мелочей и муху обращаетъ въ слона,

рядомъ съ этими недостатками стоятъ и неоспоримыя красоты: умѣнье набросать величественную и поразительную картину, представить какой-нибудь оригинальный, сильный и отлично выдержанный характеръ; умѣнье разшевелить въ читателѣ тѣ же ощущенія, какія волновали душу самого автора, магически приковать къ своему слову вниманіе читателя. Минутами Гюго становится истиннымъ поэтомъ, истиннымъ художникомъ; но и всегда, когда Гюго и не поэтъ (въ истинномъ смыслѣ слова), а только прекрасный стихотворецъ, произведенія его все-таки читаются съ наслажденіемъ. И это оттого, что у Виктора Гюго на первомъ планѣ стоитъ идея, всегда свѣтлая, благородная, смѣлая: ея проникнуто каждое произведеніе Виктора Гюго, а теплымъ чувствомъ общественной любви оно всегда согрѣто. Поэтъ, своимъ всегда звучнымъ и очень часто могучимъ словомъ, указываетъ читателямъ на все благое и прекрасное, возжигаетъ въ нихъ благородную жажду почувствовать страданія угнетенныхъ, жить не для себя одного, ратовать и на общую пользу, жить жизнью ума и сердца. Каждое новое произведеніе В. Гюго, лирическая ли пѣснь, драма или эпопея, служитъ непременно отголоскомъ общественной мысли, сохраняя въ то же время характеръ, такъ сказать, общечеловѣчскій, а не мѣстный только, не обличительный. Характеръ поэзіи В. Гюго чисто лирической, и не ищите поэтому въ его поэмахъ и драмахъ существенныхъ свойствъ этихъ двухъ родовъ поэзіи, ни олимпическаго спокойнаго созерцанія и разказа, отличающаго эпопею, ни живой борьбы между свободными началами, между самобытными личностями, безъ прикосновенія личной мысли и личнаго чувства поэта: въ драмахъ и поэмахъ Гюго все-таки преобладаетъ лиризмъ и субъективность. Каждое произведеніе Гюго есть протестъ противъ всего мрачнаго, злаго, неправаго, самопроизвольнаго, грязнаго, пошлаго; этотъ протестъ, это живое слово — хотя бѣ и не обладалъ его подъ часъ высоко-художественная форма — есть вѣсть съ тѣмъ живое дѣло автора, какъ гражданина, какъ члена общества.

Въ настоящее время Гюго задумалъ громадное дѣло, великий трудъ: представить въ живыхъ образахъ все развитіе человечества, съ первой минуты созданія до современной намъ минуты и даже далѣе — въ безконечность, въ грядущее. Предпріятіе дѣйствительно громадное и новое въ нашъ вѣкъ, то-есть совершенно новое, а возобновленное, подогрѣтое, если можно такъ выразиться. Усовершенствованіе человѣческаго рода въ вѣкъ въ вѣкъ, возшествіе челоѵка отъ мрака къ свѣту, къ идеалу, стремленіе земнаго ада обратиться постепенно въ рай, медленное и величественное возникновеніе свободы, право на здѣшнюю жизнь, ответственность въ будущей; религиозный гимнъ въ ти-

сачу строю, великая драма созданія, освѣщенная ликомъ Со-
 зидателя: вотъ, по словамъ самого автора, планъ и задача его
 произведенія. *Легендой Вѣковъ* не заключается еще весь трудъ,
 въ ней найдеть мѣсто одно человѣчество, одно только прогрес-
 сивное начало видимой природы; за нею послѣдуютъ другія гро-
 здныя части—зло или относительное начало, безконечность или
 начало безусловное. Такимъ образомъ вся эпопея обвинеть со-
 бою тройное проявленіе бытія и распадется на три части, на
 три пѣсни: Легенда Вѣковъ, Смерть Діавола, Богъ. Такое желаніе
 обнять въ своемъ поэтическомъ созданіи всю жизнь природы и
 такое раздѣленіе его на три пѣсни, напоминаетъ собою другую
 подобную же эпопею великаго итальянскаго поэта — Божествен-
 ную Комедию. Задуманное Викторомъ Гюго произведеніе имѣеть
 съ нею много общаго, подобно тому, какъ много общаго имѣютъ
 между собою и личности обоихъ поэтовъ: та же страстная лю-
 бовь къ отечеству, желаніе ему свободы и благосостоянія, то же
 изгнаніе, тотъ же благородно-энергическій протестъ. Обѣ поэмы
 носятъ на себѣ характеръ лирической, почему поэма Данта и от-
 несена къ числу поэмъ лирическихъ, поэмъ, которыя перевелись
 теперь, пора которыхъ миновала и которыя уступили мѣсто иному
 этическому воспроизведенію человѣческой жизни—исторической
 поэмѣ и роману. Безсмертный Алигieri, несмотря на всю глу-
 бину идей своихъ, на чудную художественность всего созданія
 и на разнообразіе выведенныхъ имъ личностей, нѣсколько одно-
 сторонень: онъ не проводитъ передъ глазами читателя всей жизни
 человѣка и природы, ограничиваясь только проявленіями этой
 жизни. Викторъ же Гюго именно задумалъ полную и всесторон-
 нюю картину природы и человѣчества въ ихъ постепенномъ и
 окончательномъ развитіи: замыселъ смѣлый и даже, признаемъ,
 дерзкій. На сколько Гюго выполнить его, на сколько дорастеть
 онъ до Данта въ силѣ творчества (хотя онъ и превзошелъ уже
 его въ силѣ желанія) — это вопросъ, который никакъ не можетъ
 быть рѣшенъ теперь даже и приблизительно, хотя и можно пред-
 полагать, что онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ быть
 рѣшенъ въ пользу французскаго поэта. Изданные теперь два
 золотобюжные тома *Легенды Вѣковъ* служатъ только слабымъ
 и блѣднымъ обращеніемъ всего труда: по нимъ никакъ еще не-
 мала судить о томъ, что будетъ, то-есть о цѣломъ ходѣ и по-
 степенномъ развитіи произведенія. Въ первыхъ двухъ томахъ
 нѣтъ этого развитія, нѣтъ постепенности и внутренней логиче-
 ской связи между отдѣльными маленькими поэмами, хотя и есть
 нѣкая связь между ними послѣдовательность. Эти поэмы не разви-
 ваются сами собою одна изъ другой, а расположены только въ
 хронологическомъ порядкѣ. Итакъ, о цѣломъ мы еще пока не мо-

жемъ имѣть понятія. Отдѣльныя же части и теперь обличаютъ въ авторѣ яркій талантъ изящнаго воспроизведенія мыслей, чувствъ, событій, энергическое стремленіе къ свѣту и добру, широкій полетъ мысли и глубину ощущеній. Авторъ беретъ какъ-то беспорядочно какое-нибудь событіе изъ того или другаго вѣка и тотчасъ освѣщаетъ его своею собственною мыслию, вездѣ добираясь до «медленнаго и величественнаго возникновенія свободы», и энергически преслѣдуя сатирой или просто гнѣвнымъ словомъ поэта все гнетущее человѣка и его жизнь. Свободу понимаетъ авторъ въ самомъ ея обширномъ и возвышенномъ смыслѣ: свобода мыслить, свобода дѣйствовать (1), свобода отъ всѣхъ стѣсненій нравственныхъ и матеріальныхъ, свобода политическая, гражданская, семейная, свобода естественная, разумія подъ послѣднюю побѣду человѣка надъ грубыми силами природы и совершенную его независимость отъ всѣхъ внѣшнихъ космическихъ вліяній, — вотъ идеалъ В. Гюго! Такая всесторонняя свобода не иначе можетъ быть достигнута, какъ путемъ просвѣщенія и науки — и вотъ гимнъ свободѣ слышается у автора съ гимномъ истинной и разумной цивилизаціи...

При созданіи своихъ «маленькихъ поэмъ», авторъ держался легендъ, преданій, отчасти исторіи, Ветхаго Завета и Евангелія. О содержаніи большей части своихъ поэмъ авторъ самъ выражается, что это исторія, подслушанная у дверей легенды — «*c'est de l'histoire écoutée aux portes de la légende*». Первое проявленіе свободы человѣчества видитъ авторъ въ созданіи первой женщины, и этому созданію посвящаетъ первую свою пѣснь: *le Sacre de la femme* (т. I, стр. 3). Далѣе, съ необыкновенною энергіей отыскиваетъ онъ въ исторіи человѣчества все доблестное, прекрасное, свободное и ставитъ его въ вѣчную и упорную борьбу со зломъ, съ мракомъ, съ гнетомъ деспотизма. Необыкновенно сильными и даже страшными образами очертилъ, напрымѣръ, поэтъ упадокъ Рима и почти невѣроятный развратъ его, и въ концѣ произведенія (*Décadence de Rome*, стр. 51), однимъ только почти стихомъ упомянулъ о томъ львѣ, который не тронулъ Андрокла: отсюда рождается сильный и поразительный эффектъ свободы мысли, свободы убѣжденій, преслѣдуемой варварскими остатками прошедшаго. Борьба свѣта съ тьмою, общій правъ человѣчества съ дикою самопроизвольностью отдѣльных личностей, стремленія къ свободѣ, какъ естественному праву всякаго человѣка, съ деспотизмомъ, опирающимся на силу, а не

(1) Дѣйствовать, безъ сомнѣнія, разумно и гуманно, потому что свобода неразумно и не гуманно дѣйствовать почти никогда и почти нигдѣ не стѣнялась.

на право, — эта борьба особенно рельефно выражена въ поэмѣ, взятой изъ средне-вѣковыхъ рыцарскихъ романовъ и носящей имя *Эвираднуса*, могучаго богатыря, преслѣдующаго вездѣ зло и преступленія, христіанскаго Геркулеса и Самсона (т. I, стр. 160). Германскій императоръ Сигизмундъ и польскій король Владиславъ задумали раздѣлить между собою смежный съ ихъ владѣніями маркизатъ Лужицкій. Рѣшивъ для этого убить молодую маркизу Маго, оба вѣнценосца, подъ вымышленными именами, пробрались къ ея двору и вкрались къ ней въ довѣренность. Въ ту минуту, однако, когда они готовы были привести въ исполненіе свой преступный замыселъ, чудеснымъ образомъ явился предъ ними Эвираднусъ, представитель свободы, который, прежде чѣмъ убить ихъ, топчетъ ихъ ногами и держитъ къ нимъ страшную обличительную рѣчь.

Несмотря на то, что рѣчь эта отнесена къ среднимъ вѣкамъ, читатель невольно чувствуетъ въ самомъ себѣ всѣ ощущенія Эвираднуса — такъ здѣсь много силы въ мысли и въ словѣ...

Въ классической поэмѣ *Сатиръ*, взятой изъ эпохи возрожденія (т. II, стр. 73), В. Гюго съ цѣлымъ Олимпомъ могучихъ, безсмертныхъ и самовластныхъ боговъ ставитъ лицомъ къ лицу Сатира, который сначала возбуждаетъ всеобщій смѣхъ и пренебреженіе своимъ безобразнымъ видомъ и безмѣрнымъ сластолюбіемъ, а потомъ становится прекрасенъ, великъ и ужасенъ, приводитъ въ трепетъ боговъ и самого Зевеса своею могучею пѣснью о будущемъ вселенной и челоуѣка, предрекая этому послѣднему, что онъ силой ума, свободы и науки, низвергнетъ всякую грубую силу, чтобы начать новую жизнь, независимую и свободную. Въ слѣдующей за тѣмъ пѣснѣ, въ *Розѣ Инфакты* (стр. 113), поэтъ поразительными чертами обрисовываетъ портретъ Филиппа II, этого деспота изъ деспотовъ, и въ концѣ тонкимъ намекомъ даетъ предчувствовать страшный ударъ властолюбію и гордости тирана — пораженіе Армады. Инквизиція, въ свою очередь, становится передъ судъ поэта и получаетъ достойную кару гнѣва, причѣмъ Гюго, словами кратера Момотомбо (въ Америкѣ), говоритъ, что богъ инквизиціи ничѣмъ не лучше языческихъ кровожадныхъ боговъ американскихъ туземцевъ (стр. 127)...

Оставивъ прошедшее, поэтъ обращается къ настоящему. Можно было бы подивиться, что настоящему, которое такъ близко душѣ поэта и которымъ онъ и болѣетъ, и наслаждается, что настоящему посвящаетъ авторъ только три небольшія произведенія (*Maintenani*, т. II, стр. 173). Но, собственно говоря, вся книга автора дышетъ этимъ духомъ настоящаго: и картины прошлаго, и гаданія о будущемъ возникаютъ изъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыми движется и современность. Осуждая какое-

либо явленіе въ прошедшемъ, поэтъ какъ бы невольно приравниваетъ его къ одному изъ явленій современной жизни; восторгаясь чѣмъ-либо въ грядущемъ, онъ тѣмъ самымъ осуждаетъ настоящее. Живое чувство дѣйствительности проникаетъ собою всѣ поэмы автора, и о чемъ бы онъ ни говорилъ въ нихъ, какое бы ни было ихъ содержаніе, идея ихъ все-таки приводится къ современности: о ней думаетъ поэтъ, рисуя намъ рыцарскій образъ Эвираднуса; ея вопросами занятъ, когда, устами Сатира, передаетъ проклятію Олимпійцевъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя всетаки не сдѣлать замѣчанія, что поэтъ выбралъ неудачные сюжеты для характеристики настоящаго времени. Да и вообще сюжеты выбраны очень не удачно. Изъ всей исторіи человечества авторъ остановился на самыхъ незначительныхъ явленіяхъ. Опъ ихъ, правда, освѣщаетъ всякій разъ своею идеей; но это освѣщеніе кажется слишкомъ произвольнымъ и натянутымъ; лирическое настроеніе автора неумѣренно преобладаетъ надъ его объективнымъ творчествомъ. Поэтъ какъ бы спѣшитъ высказать свою мысль, свое чувство, и ужъ не заботится о томъ, чтобы мысль эта художественно сочеталась съ достойною ея внѣшнею формою, чтобы богатый сюжетъ соответствовалъ богатой идее. В. Гюго слѣдитъ за постепеннымъ возникновеніемъ свободы въ человечествѣ: неужели онъ не нашелъ въ его исторіи болѣе яркихъ ея проявленій, чѣмъ эти сказочные Эвираднусы, романтическіе Роланды (въ *le Petit Roi de Cabice*) и мифологическіе Сатиры? Неприятно такъ же поражаетъ отрывочность всѣхъ этихъ поэмъ, отсутствіе всякой связи между ними: такое громадное и серьезное произведеніе, какъ то, которое задумалъ авторъ, требовало бы болѣе единства и стройности. Впрочемъ, теперь, повторяемъ, и нельзя еще дѣлать никакого заключенія о цѣломъ трудѣ автора, такъ какъ намъ теперь предлагаются только одни обрашки будущихъ поэмъ. Мы можемъ только замѣтить, что въ настоящемъ своемъ видѣ, въ первыхъ своихъ двухъ томахъ, *Легенда Вльковъ* является произведеніемъ не стройнымъ и беспорядочнымъ. А въ цѣломъ она, можетъ-статься, будетъ и стройною, и порядочною, и строго послѣдовательною. Qui vivra, verra.

Какъ бы то ни было, *настоящее* (*le Maintenant*) вышло очень блѣдно у автора. Начать съ того, что первое произведеніе въ этой рубрике нисколько не характеризуетъ настоящаго времени: переданная въ ней черта великодушія, какъ отдѣльный, исключительный случай, очень легко могла бы быть отнесена и къ прошедшему. Судите сами; піеса называется: «*Après la bataille*»; вотъ она вся цѣликомъ:

Mon père, ce héros au sourire si doux,
Suivi d'un seul housard qu'il aimait entre tous

Pour sa grande bravoure et pour sa haute taille,
 Parcourait à cheval, le soir d'une bataille,
 Le champ couvert de morts sur qui tombait la nuit.
 Il lui sembla dans l'ombre entendre un faible bruit.
 C'était un Espagnol de l'armée en déroute
 Qui se trainait sanglant sur le bord de la route,
 Râlant, brisé, livide, et mort plus qu'à moitié,
 Et qui disait: -A boire! à boire par pitié! -
 Mon père, ému, tendit à son housard fidèle
 Une gourde de rhum qui pendait à sa selle,
 Et dit: -Tiens, donne à boire à ce pauvre blessé.-
 Tout à coup, au moment où le housard baissé
 Se penchait vers lui, l'homme, une espèce de Maure,
 Saisit un pistolet qu'il etreignait encore,
 Et vise au front mon père en criant: -Caramba! -
 Le coup passa si près, que le chapeau tomba
 Et que le cheval fit un écart en arrière.
 -Donne lui tout de même à boire!» dit mon père (1).

Изъ двухъ другихъ поэмъ «Настоящаго» первая (стр. 175) названа неблагозвучнымъ именемъ *Жабы* (le Crapaud). Въ ней передана незатѣйливая повѣсть о томъ, какъ дѣти терзали жабу (кто отрывалъ лапу, кто выкалывалъ глазъ) и забавлялись ея страданіями, а осель, едва переступавшій съ ноги на ногу подъ градомъ ударовъ погонщика, изнеможенный, разбитый, страдающій, осель... но будемъ продолжать словами автора:

L'âne vit le crapaud, et, triste,—hélas! penché
 Sur un plus triste,—lourd, rompu, morne, écorché,
 Il semble le flairer avec sa tête basse;
 Ce forçat, ce damné, ce patient—fit grâce;
 Il rassembla sa force éteinte, et, roidissant
 Sa chaîne et son licou sur ses muscles en sang,
 Résistant à l'ânier qui lui criait: Avance!
 Maltrisant du fardeau l'affreuse connivence,
 Avec sa lassitude acceptant le combat,
 Tirant le chariot et soulevant le bât,

(1) Отецъ мой, герой съ кроткою улыбкой, въ сопровожденіи одного только гусара, котораго онъ любилъ болѣе другихъ за храбрость и высокой ростъ, проѣзжалъ на лошади однажды вечеромъ, послѣ сраженія, по полю покрытому трупами. Въ сумракъ ему показался слабый шумъ: Испанецъ пораженной арміи, хрипя тащился на окраину дороги, окровавленный, разбитый, умирающій и говорилъ: «Пить, жальтесь, дайте пить!» Отца моего это тронуло, и онъ протянулъ гусару бутылку съ ромомъ, которая висѣла у него на сѣдлѣ и сказалъ: «Возьми и дай пить этому раненому!» Но въ ту самую минуту, какъ гусаръ наклонялся, чтобъ дать пить, раненый съ крикомъ: «Карамба!» прицѣливается пистолетомъ, который онъ сжималъ въ рукѣ, въ лобъ моему отцу. Выстрѣлъ прошелъ такъ близко, что шляпа упала и лошадь отскочила назадъ. «Дай ему все-таки напиться!» сказалъ мой отецъ.

Hagard, il détourna la roue inexorable,
Laisant derrière lui vivre ce misérable. (1)

Еслибъ не такая низкая, какъ бы басенная и даже нѣсколько смѣшная сфера (кого же заинтересуютъ жаба и осель?), еслибъ не риторика восклицаній, по которой презрѣнный осель (l'âne abject) становится у поэта святѣ Сократа и выше Платона (plus saint que Socrate et plus grand que Platon), тогда это произведе-
ніе было бы очень трогательно:

Bonté de l'idiot! diamant du charbon!
Ah! les funèbres, groupe aveugle et châtié,
Songent, et n'ayant pas la joie, ont la pitié.
O spectacle sacré! l'ombre secourant l'ombre,
L'âme obscure venant en aide à l'âme sombre,
Le stupide, attendri, sur l'affreux se penchant;
Le damné bon faisant rêver l'élû méchant!..
..... O sage,
La bonté qui du monde éclaire le visage,
La bonté, ce regard du matin ingénu,
La bonté, pur rayon qui chauffe l'inconnu,
Instinct qui dans la nuit et dans la souffrance aime,
Est le trait d'union ineffable et suprême
Qui joint, dans l'ombre, hélas! si lugubre souvent,
Le grand ignorant, l'âne, à Dieu, le grand savant. (2)

Идея эта, о сочувствіи и невольной духовной связи между «труждающимися и угнетенными», еще яснѣе выражена в поэтичнѣе развитая въ другой поэмѣ, *les Pauvres Gens* (стр. 183). Ночь; бѣдная хижина рыбака. Мужъ въ морѣ на своей ежедневной опасной ловлѣ, отъ которой зависитъ существованіе всего семейства, но которая грозитъ ему ежеминутно смертью. Жена,

(1) Осель увидѣлъ жабу, жалкій нагнулся къ болѣе жалкому, избитому, изтерзанному; каторжникъ, осужденный на вѣчное страданіе — помилуй! онъ собралъ свои угасающія силы и, крѣпко натягивая цѣпь и узду на свои окровавленные мускулы, не повинаясь болѣе хозяину, который ему кричалъ: «Впередъ!», дернулъ телѣгу, преодолевъ свою усталость и, осиливъ свое страшное бремя, онъ отвратилъ неумолимое колесо, оставляя за собой въ живыхъ этого несчастнаго.

(2) Милосердіе глупца! алмазъ, кроющійся въ углѣ! А! мрачная толпа слѣпыхъ и гонимыхъ задумывается и, не имѣя радостей, имѣетъ состраданіе! О, зрѣлище священное! тѣнь помогаетъ другой тѣни; темное существо отзывается на страданія другого, такого жъ темнаго существа; глупецъ (осель), тронутый, склоняется надъ отвратительнымъ (надъ жабою); добрый изгнанникъ заставляетъ задуматься злаго избранника!... О, мудрецъ! доброта, освѣщающая ликъ вселенной, доброта, благодушный взглядъ разсвѣта, доброта, чистый лучъ, согревающій собою невѣдомое, доброта, инстинктъ любви во мракѣ и страданіяхъ, доброта служитъ возвышеннымъ и неизреченнымъ союзомъ, связующимъ (въ тѣни, такъ еще, увы, плачевной) великаго невѣжду, осла, съ великимъ всевѣдцемъ, Богомъ.

зачинивъ старые паруса и уложивъ спать пятерыхъ дѣтей своихъ, молить Бога о спасеніи мужа. Онъ, среди безбрежнаго, мрачнаго и холоднаго моря, думаетъ о своей подругѣ; она съ плачемъ призываетъ его имя, «*et leurs pensées se croisent dans la nuit, divins oiseaux du cœur*». Наступаетъ часъ его возвращенія; жена беретъ фонарь и выходитъ. На морѣ нѣтъ еще и признака рыбацкѣй лодки—мужъ еще далеко. Но вотъ хижина; дверь слабо колышется отъ вѣтра; мракъ и тишина. Здѣсь живетъ больная сосѣдка, вдова, мать двухъ маленькихъ дѣтей. Жаннета стучится — нѣтъ отвѣта. Она входитъ и содрогается отъ ужаса: сосѣдка обратилась уже въ бездушный трупъ, болѣзнь ее сломила. Ничего не подозрѣвая и не понимая даже, дѣти спать въ колыбели, у смертнаго одра, покрытыя одеждами матери, которая, предъ смертью (чувствуя уже ея приближеніе), снала ихъ съ себя, чтобы согрѣть дѣтей. Хижина не топлена, пищи нигдѣ ни слѣда, и дѣти должны скоро послѣдовать за матерью. Жаннета, повинувшись чувству состраданія и забывъ собственную бѣдность, переноситъ малютокъ въ свою хижину. Но тутъ овладѣваетъ ею боязнь и борьба: чтò-то скажетъ мужъ? его силъ едва хватаетъ на прокормленіе и собственнаго семейства, а тутъ еще чужіе!.. Вотъ, наконецъ, и мужъ, холодный, мокрый, усталый:

Quel temps a-t-il fait?—Dur.—Et la pêche?—Mauvaise.
 Mais, vois-tu, je t'embrasse, et me voilà bien aise.
 Je n'ai rien pris du tout.....
 Qu'a tu fait, toi, pendant ce temps-là? (1)

Этотъ вопросъ смущаетъ Жаннету, и она, дрожащимъ голосомъ, какъ будто мимоходомъ, передаетъ мужу, что вотъ сосѣдка умерла и двухъ сиротъ оставила, Вильгельма и Магдалину—l'un qui ne marche pas, l'autre qui parle à reine. Мужа беретъ раздумье: какъ быть? сиротокъ жаль, но и своихъ дѣтей много. Состраданіе и доброта берутъ верхъ надъ всѣми другими чувствами, и онъ рѣшается принять дѣтей, смѣшать ихъ съ своими, спасти ихъ (онъ еще не зналъ, что они ужь тутъ): когда Богъ увидитъ необходимость вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми прокормить еще этихъ двухъ, онъ станетъ больше посылать имъ рыбы.

C'est dit. Va les chercher. Mais qu'as tu? Ça te fache?
 D'ordinaire, tu cours plus vite que cela.
 — Tiens, dit-elle en ouvrant les rideaux, les voilà! (2)

(1) Чтò, какая погода?—Суровая.—А ловля? — Дурная. Видишь, я ничего не поймалъ, но, обнявша тебя, я счастливъ. Ну, а ты чтò подѣлывала въ это время?

(2) Довольно. Поди, принеси ихъ сюда. Но чтò съ тобой? ты не довольна?

Кромѣ послѣдней, приведенной нами, очень эффектной сцены между мужемъ и женой, въ произведеніи есть нѣсколько другихъ мѣстъ, прелестныхъ по своей поэтической граціи. Вотъ, напримеръ, одна изъ нихъ: жена тревожится о мужѣ; море такъ бурно, ночь такъ темна, а онъ одинъ!

Pas d'aide. Ses enfans sont trop petits. O mère!
 Tu dis: «S'ils étaient grands! Leur père est seul.» Chimère!
 Plus tard, quand'ils seront près du père, et partis,
 Tu diras en pleurant: «Oh! s'ils étaient petits! (1)

Вообще автору иногда очень удаются такіе *traits*. Въ *Сатирѣ*, напримеръ, появленіе Фавна прѣдстуется на Олимпѣ гомерическимъ хохотомъ всѣхъ безсмертныхъ, всѣхъ властелиновъ неба и земли:

L'éclat de rire fou monta jusqu'aux étoiles,
 Si joyeux, qu'un géant enchaîné sous le mont
 Leva la tête et dit: «Quel crime font-il donc? (2)

Но хохотъ еще усилился, когда безобразный Сатиръ, подойдя къ Венерѣ, шепнулъ ей съ сладострастною усмѣшкой: «Viens-nous-en!» Венера съ отвращеніемъ оттолкнула его; но потомъ, когда Фавнъ, потрясши весь Олимпъ чудными аккордами своей пѣсни, охвати- вавшей всю видимую природу, выросъ, выпрямился и взялъ у Феба его лиру, тогда —

«Il est beau!» murmura Vénus épouvantée. (3)

Не довольствуясь настоящимъ, В. Гюго, какъ мы и сказали, глядитъ въ даль, въ грядущее — и проводитъ величественную, хотя парадоксальную параллель между отжившимъ и рожда- ющимся. Въ одномъ произведеніи — *Pleine Mer* (стр. 207), мы видимъ мракъ, ужасъ, безбрежный, волнующійся океанъ и чудовищные обломки послѣдняго гигантскаго созданія человека, когда онъ еще не освободился отъ вліяній стихій природы и всего гнетущаго и подавляющаго жизнь, — обломки парохода *Great-Eastern*. Въ другой поэмѣ — *Plein Ciel* (стр. 219), повсюду свѣтъ,

обыкновенно ты ходишь скорѣе. — Вотъ они! сказала она, откидывая зна- вѣски.

(1) Одинъ, безъ помощи. Дѣти его слишкомъ малы. О маты! ты говоришь: «Зачѣмъ они еще не велики? ихъ отецъ одинъ!» Химера! Позднѣе, когда они отправятся съ отцемъ, ты скажешь съ плачемъ: «Ахъ, зачѣмъ они такъ малы!»

(2) Порывъ бѣшенаго смѣха поднялся до звѣздъ такъ шумно, что великанъ, прикованный подъ горой, поднявъ голову, сказалъ: «Что за преступленіе они тамъ совершаютъ!»

(3) «Онъ прекрасенъ!» прошептала, испугавшись, Венера.

свобода, независимость; для человѣка нѣтъ пространства, нѣтъ матеріи, нѣтъ никакихъ узъ; воля его всемогуща и постоянно направлена къ свѣту и добру; онъ такъ же свѣтелъ, свободенъ и смѣлъ, какъ гигантскій аэроплатъ, носящійся въ безпредѣльныхъ пространствахъ и служащій автору символомъ возрожденія человѣчества.

Гюго не останавливается даже и на этомъ 20-мъ столѣтіи: онъ идетъ еще далѣе, онъ воспаряетъ мыслью къ безконечно отдаленному времени, вѣнъ вѣковъ — *Hors les Temps* (стр. 249), и захватываетъ минуту трубнаго звука, минуту страшнаго суда...

Еще разъ: по изданнымъ нынѣ двумъ томамъ нельзя еще никакъ судить о цѣломъ произведеніи и его общемъ характерѣ. Но свое собственное значеніе имѣютъ и эти томы: ихъ проникаетъ идея свѣта, добра, свободы, разума, знанія и благородной борьбы со всѣмъ гнетущимъ и подавляющимъ естественное развитіе человѣчества. Новую мысль автора, его титаническое желаніе подарить намъ поэтическою картиною вселенной и ея жизни, космосомъ въ поэзіи, мы попытаемся серьезно прослѣдить тогда, когда она серьезно выскажется.

Н. Н.

ГИБЕЛЬ ПАРОВОДА МАЛАБАРЬ.

Извлекаемъ изъ письма *спеціальнаго* корреспондента газеты *Times*, отъ 26 мая изъ *Point-de-Galle* (1) слѣдующія подробности о крушеніи корабля *Малабарь*, на которомъ англійскій и французскій послы, лордъ Эльджинъ и баронъ Гро, должны были отправиться въ Китай:

«Къ острову Цейлону прибыли послы (а съ ними и корреспондентъ) на *Симль*, и 22 мая въ два часа пополудни долженъ былъ сняться съ якоря *Малабарь*. Нѣсколько недѣль передъ тѣмъ стояли въ Цейлонѣ безпримѣрные жары. Изобильныя травы и роскошныя растенія были всѣ выжжены. Въ воздухѣ было душно и парило. Все предвѣщало близость юго-западнаго муссона. Роковой вторникъ (22) начался темнымъ, пасмурнымъ, грознымъ утромъ. Тяжелыя массы облаковъ неслись съ юго-запада, и вскорѣ послѣ разсвѣта порывы вѣтра стали необыкновенно сильны и дождь полилъ какъ изъ ведра. Кто не былъ свидѣтелемъ перваго

(1) Городъ на южной оконечности остр. Цейлона, на Ю. В. отъ Коломбо

удара муссона, тотъ не можетъ себѣ составить ни малѣйшаго понятія объ его ужасной силѣ. Вѣтеръ несея отдѣльными порывами, цѣлыми *букетами* шквала. На минуту наступала тишина. За каждымъ такимъ интерваломъ шкваль удваивалъ свою силу, а дождь падалъ такими массами, что казалось небеса разверзлись въ одинъ общій, громадный шлюзь. Гремѣлъ оглушительный громъ и сверкала ослѣпительная молнія.

Незадолго до полудня салютъ съ береговыхъ батарей возвѣстилъ отплытіе сэра Гега (Hugh) Роза, который прибылъ изъ Бомбея на *Малабаръ* и отправлялся на *Симль* въ Калькутту смѣнить лорда Клайда (Clyde) въ должности главнокомандующаго. На *Симль* раздалась труба, и мы привѣтствовали троекратными восклицаніями благородное судно, сдѣлавшее съ нами столько тысячъ миль и такъ храбро выступавшее теперь изъ бухты въ самую сильную бурю. Выгадывая время, послы покинули Галльскій молъ въ началѣ перваго, и тридцать восемь пушечныхъ выстрѣловъ салютовали уполномоченнымъ Англии и Франціи. Ясно было, однако, что раньше трехъ, четырехъ часовъ мы не будемъ въ состояніи выйти въ море.

Галльская бухта имѣетъ три мили въ устьи. Восточная часть берега защищаетъ корабли отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и оставляетъ ихъ безъ защиты противъ юго-западныхъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются каменные глыбы, о которыхъ высоко надъ моремъ разбиваются буруны, да еще множество подводныхъ камней. Въ юго-западномъ углу якорной стоянки держался *Малабаръ*, желѣзный пароходъ въ 1080 тоннъ, спущенный только два года тому назадъ. Онъ раздѣленъ былъ на пять отдѣленій, по два сзади и спереди средняго, машиннаго отдѣленія. Онъ держался носомъ къ югу, на прекрасномъ носовикѣ въ 30 центнеровъ и на обыкновенномъ швартовомъ якорѣ съ 10 дюймовымъ кабельтовомъ. Корабль погружался въ воду на 15 ф. 6 д. кормовую частью и на 13 ф. 6 д. носовую.

Около половины втораго капитанъ *Малабара*, Гренджеръ (Grainger) пошелъ въ свою каюту переодѣться. Едва онъ скрылся, какъ внезапно поднялся ужасный шкваль съ сѣверо-востока. Онъ пронесся надъ бухтой и страшно накренилъ пароходъ на лѣвый бокъ. Швартовый кабельтѣвъ лопнулъ, и *Малабаръ*, повернувшись на носовикъ, совершенно переиѣнилъ свое направленіе носомъ къ вѣтру. Новый порывъ далъ кораблю сильный продольный толчекъ, отъ форштевена къ кормѣ; слѣдующій разбилъ стекла въ каютныхъ люкахъ. Еще ударъ, еще и еще! Мы пошли на рифъ, и подводные камни ударялись въ наши вантпутени. Капитанъ на палубѣ, машинистъ у своего мѣста; но пары не разведены, и корабль трещитъ и крехтитъ при каждомъ

новомъ порывѣ. Бросаютъ лотъ: 3½ ф. воды въ заднемъ отдѣленіи, а пятью минутами позже 5 ф. Наше положеніе становится въ высшей степени критическимъ: ни одного судна по близости, ни одна изъ шлюпокъ не готова къ спуску. Впереди ревущая бухта, позади фортъ и море, которое, разбиваясь объ утесы, выдавшіеся въ воду, обдаетъ грозными брызгами паранеты. Вѣтеръ все дуетъ съ сѣвера; если онъ еще только пять минутъ не переимѣнитъ направленія, мы погибли. Намъ грозитъ двойная бѣда: или задохнуться отъ охладанія паровиковъ, или погрузиться въ буруны и къ акуламъ. Но якорь держать крѣпко. Шквалъ вдругъ утихаетъ, и вѣтеръ измѣняется на южный. Корабль поворачивается. Но тутъ рождается новая опасность. Заднія отдѣленія быстро наполняются водой, и корабль видимо погружается кормою. Въ трюмѣ 7 ф. Не только нельзя развести пары, но черезъ нѣсколько минутъ мы должны совсѣмъ опуститься въ море, кормой впередъ. Паническій страхъ овладѣваетъ нѣкоторыми изъ пассажировъ...

Покойно сидя на ютѣ, лордъ Эльджинъ разговариваетъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ. Незадолго до нашего прибытія сюда, онъ замѣтилъ мнѣ, что Галль для него неблагополученъ, что здѣсь услышалъ онъ первую вѣсть объ индійскомъ возстаніи 1857. «Absit omen!» былъ мой отвѣтъ. Но теперь, при страшномъ трескѣ корабля, среди воющаго вѣтра и шипящаго моря, онъ напомнилъ мнѣ свои слова. Баронъ Гро не уступаетъ своему собрату въ неустрашимости: онъ такъ же спокоенъ, какъ еслибы гулялъ по бульвару. Ихъ примѣръ дѣйствуетъ и на другихъ. Страхъ пропадаетъ, и недавніе трусы стыдятся при видѣ неустрашимости высшихъ лицъ. Проходитъ двадцать пять минутъ. Пары разводятся. Машинистъ безпрестанно поливаетъ угли масломъ, чтобъ усилить жаръ огня. Разносится слухъ, что капитанъ хочетъ выйти въ море. И точно, такова была его первая мысль. При кораблѣ имѣются превосходныя помпы, которыя, однако, могутъ дѣйствовать только тогда, когда дѣйствуетъ машина. Въ бухтѣ нѣтъ ни одного заливчика, куда бы можно было пойти переднимъ ходомъ, и капитанъ надѣется, повернувъ корабль на ходу и дѣйствуя помпами, спасти его. Надежда эта разсѣивается въ виду ужасной быстроты, съ какою прибываетъ вода. Главный машинистъ бросается къ капитану:

— Ради Бога, не выходите въ море! Мы тонемъ. Держите къ берегу.

Но слухи о выходѣ въ море не прекращаются, и нѣкоторые изъ пассажировъ надобѣдаютъ лорду Эльджину пустыми просьбами:

— Не прикажетъ ли лордъ спустить шлюпки?

— Неужели вы позволите выйти въ море?

— Уговорите капитана.

Лордъ Эльджинъ не хочетъ вступать въ переговоры съ капитаномъ во время отправленія имъ своихъ обязанностей и посылаетъ только къ нему полковника Крилока, съ слѣдующими словами:

— Лордъ Эльджинъ, свидѣтельству вамъ свое почтеніе, желаетъ знать, не идемъ ли мы въ море.

— Въ море? Мы идемъ ко дну!

И точно, мы тонули. Ни одного судна все еще не было видно у берега. Квартирмейстеры не покидали руля ни на минуту, даже во время самой страшной сумятицы.

— Къ якорю!

— Живо, ребята, живо!

Команда работаетъ, и при первомъ движеніи машины мнѣ подвигаетъ корабль впередъ. Работаютъ въ подводной части судна; но вода прибываетъ съ необыкновенною быстротой. Онъ поднимается къ кормовымъ портамъ. Общая зала и каюта залиты водою. Корабль быстро погружается. Можно ли будетъ провести его, поперекъ бухты, до песчанаго взморья?..

Мистеръ Локъ, домашній секретарь лорда Эльджина, служилъ прежде во флотѣ. Онъ проситъ у капитана позволенія приготовить къ спуску кормовыя шлюпки. Если мы потонемъ при переходѣ черезъ бухту, то можно будетъ, по крайней мѣрѣ, спасти женщинъ. Позволеніе дано, и мистеръ Локъ съ полковникомъ Крилокомъ и съ немногими другими быстро готовятъ шлюпки къ спуску. Мы трогаемся. Корма все больше затопаетъ.

— Взгляните на мачту, спокойно замѣчаетъ мнѣ одинъ старый морякъ:—мы, кажется, не перейдемъ бухты, и если потонемъ, то среди глубокой воды.

Мы достигаемъ однако песчанаго взморья. Забрасываютъ якорь. Корабль снова поворачивается. Машинъ даютъ задній ходъ, но корабль не трогается съ мѣста: порвавшійся кабельтоузъ обвился вокругъ винта. Обвейся онъ въ другую сторону, ни прежде не могли бы тронуться съ мѣста (переднимъ ходомъ). Мы отдаемъ канатъ, и корабль въѣзжаетъ въ песчаную отмель, кормою впередъ. Давно пора. Еще немного, и вода залила бы нашинное отдѣленіе. Шлюпки спущены. Волненіе такъ сильно, что онѣ едва могутъ держаться на водѣ. Двадцать кораблей въ бухтѣ, но только два корабля выслали намъ шлюпки. Одна (англійская) завязла въ бурунѣ; другая (французская) попала подъ трапъ и стала наполняться водою, но команда не дремлетъ и живо выкачиваетъ изъ нея воду.

Во все это время дамы держали себя прекрасно. Не было слышно ни одного крика, и если прорывались тихія слезы, то

все-таки не было ни большаго смущенія, ни большаго страха. Посадить ихъ на суда было дѣломъ не легкимъ; но, къ счастью, все кончилось благополучно: одна шлюпка принимала со штир-борда, другая съ порта кормовой части. Мы свели ихъ, усадили, и опять на корабль. Но тутъ двое мужчинъ со шкафута на штир-бордѣ старались тоже попасть на шлюпки, и безъ того переполненныя. Вахтенный офицеръ тащилъ ихъ назадъ, но они не уступали, и, проскользнувъ мимо него, кинулись—одинъ на корму, съ которой успѣлъ достигнуть шлюпки, а другой—на носъ, но промахнулся и упалъ въ воду. Матросы были сострадательны и вытащили его вонъ, промокшимъ до костей и полумертвымъ отъ страха. Одинъ изъ этихъ трусовъ былъ американскій шкиперъ, другой—голландскій инженеръ. Появились наконецъ шлюпки съ берега, и между ними губернаторская баржа. Но лордъ Эльджинъ не хочетъ сойти съ корабля, прежде чѣмъ спасутся всѣ пассажиры. Онъ слѣдитъ ихъ одного за другимъ, какъ они выходятъ на берегъ, и наконецъ садится въ баржу съ барономъ Гро, съ находящимися при обоихъ посольствахъ и съ авторомъ этого письма. Мы гребемъ къ молу, и посланники сходятъ на берегъ, безъ церемоніала, но за то являя собою рѣдкій примѣръ стойкости и мужества, посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Мы осмотрѣлись и старались привести въ ясность наши потери. Оба посланника потеряли свои кредитивныя грамоты, свои инструкции и другія важныя бумаги. Лордъ Эльджинъ не доискивался, кромѣ того, своихъ орденовъ Волчца (1) и Бани. У барона Гро не достаетъ значительной суммы, взятой имъ съ собою въ звонкой монетѣ на издержки посольства, а также и всей его богатой серебряной посуды. Двѣ четы новобрачныхъ потеряли приданое, подарки и разные сувениры, которыми были надѣлены дамы передъ ихъ отправленіемъ въ это дальнее путешествіе. Чтò касается лично до меня, то я былъ въ чужихъ панталонахъ и рубашкѣ, потому что успѣлъ передъ тѣмъ промокнуть до костей. Всѣ мои книги, бумаги, письма, карты, платье, бѣлье, постель—все пошло ко дну.

На Малабарѣ было 1080 ларцовъ со слитками, суммой на 300 тысячъ ф. ст.; 725 ящиковъ съ опиумомъ, на 100 тысячъ ф. ст.; изъ нихъ 216 было вытащено (изъ передней части корабля). Самъ корабль стóитъ не менѣе 60 тысячъ ф. ст. Съ пассажирскимъ багажемъ все вмѣстѣ составитъ полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Слитки вѣроятно будутъ спасены, но извлеченіе ихъ изъ воды будетъ стóить не дешево. •

(1) Шотландскій орденъ.

Во второмъ письмѣ своемъ изъ Point de Galles, отъ 5-го июня, корреспондентъ говоритъ о послѣдствіяхъ крушенія *Малабара* и очень строго осуждаетъ за многія упущенія компанію, которой принадлежалъ пароходъ (1). На митингѣ изъ всѣхъ пассажировъ единодушно положено было энергически протестовать противъ компаніи и ея агентовъ, такъ какъ несмотря на близость Мадраса, Бомбея, Калькутты, несмотря на то, что эти мѣста соединены между собою телеграфическимъ сообщеніемъ, компанія не могла представить ни одного корабля въ замѣну *Малабара* и продержала посланниковъ и пассажировъ съ 22 мая по 5 июня. Лордъ Эльджинъ, баронъ Гро и графъ де-Батаръ подають сверхъ того особый протестъ, и пассажиры, вѣроятно, будутъ вознаграждены за свои вынужденныя траты.

Тотчасъ по крушеніи парохода, водолазы предложили свои услуги. Но ими спасено было немногое, 100 ларцовъ со слитками да еще очень небольшая часть багажа, а именно: шкатулки съ автографнымъ письмомъ королевы Викторіи къ императору китайскому, съ кредитивными грамотами и инструкціями лорда Эльджина и съ его орденами. Письмо прочесть можно, но оно очень выцвѣло; кредитивы же прекрасно сохранились. Нашлись также и *бумаги* барона Гро; но это слово, говоритъ корреспондентъ, должно быть понято буквально, такъ какъ чернилъ нѣтъ на нихъ почти и слѣда; автографное письмо императора Французовъ обратилось въ листъ бѣлой бумаги. Скоро, однако, водолазы должны были прекратить свои работы, потому что поднялась опять непогода, и *Малабаръ* совсѣмъ уже погрузился въ море, однѣ только мачты его виднѣлись на поверхности.

Разставаясь съ Цейлономъ, корреспондентъ выставляетъ за услуги нынѣшняго губернатора, сэръ Генри Уарда, въ шесть лѣтъ удвоившаго доходы острова (въ 1854 году колонія дала 408.000 фунт. ст. ежегодно), и набрасываетъ, въ заключеніе, очеркъ роскошной природы острова Цейлона, этой прекраснѣйшей изъ англійскихъ колоній. Корреспондентъ слѣдующими словами описываетъ мѣстность между городами Пойнтъ-де-Галль и Коломбо и далѣе за Коломбо: «На пространствѣ цѣлыхъ семидесяти миль сбѣгаетъ дорога прямо къ морю, пролегая черезъ непрерывный рядъ рошъ кокосоваго дерева и индѣйской смоковницы, ананаснаго дерева и райской смоковницы (*banuan*), коричневаго лавра (*cinnamon*) и бамбука, съ переплетающимися и въощающимися по этимъ деревьямъ роскошными паразитами тропической растительности. Все разнообразіе, всѣ тѣни зелени найдете вы здѣсь.

(1) Общество пароходства Полуострова и Востока, Peninsular and Oriental Office.

вѣся отъѣздки, начиная съ нѣжно-зеленаго цвѣта индѣйской смолчанницы до длиннаго темнаго стебля кокоса. За Коломбо декорация перемѣняется. Приближаясь къ Канди, дорога проходитъ черезъ ущелье Кадугенаву и на пространствѣ трехъ миль подымается на 2.000 ф. Мы въ области кофе. Холмъ возвышается за холмомъ; равнинъ почти не видно. Уютныя жилища плантаторовъ видѣются со всѣхъ сторонъ, а на заднемъ планѣ подымается рядъ горъ. Удобство и благосостояніе на каждомъ шагѣ. Здѣсь нѣтъ нищихъ; климатъ великолѣпный, и пища въ общи́нѣ для незатѣпливыхъ потребностей туземца. Кокосовое дерево служитъ ему и пищей, и питьемъ, и жилищемъ. Дома покрываются здѣсь листьями кокоса, плодъ его обращается на ежедневную пищу, а волокно продается въ обмѣнъ на скудную одежду, и обитатели острова живутъ себѣ въ роскошной безопасности, такъ какъ большая часть работъ по дорогамъ производится здѣсь южными Индѣйцами и Малабарцами.»

5-го іюня къ вечеру посланники и всѣ пассажиры *Малабара* отправились въ Китай на пароходѣ *Пекинъ* (изъ Бомбея).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Нѣвчера ли италіискій вопросъ и сицилійское возстаніе занимались умы и тревожили Европу опасеніями и надеждами? Теперь эти событія отодвинулись вдругъ на второй планъ, а на первомъ, снова со всею силой, возникъ восточный вопросъ. Вся Европа читаетъ объ ужасахъ, происходящихъ въ Сиріи; со всѣхъ сторонъ заявляется необходимость принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры для прекращенія этихъ ужасныхъ событій, для предупрежденія по-

добныхъ кровавыхъ катастрофъ, и снова всё спрашиваютъ, возможно ли дальнѣйшее существованіе этой вопіющей аномаліи, которая зовется Турецкою имперіей? Неужели долго еще не расчлѣняется роковой узелъ, въ которомъ заключена необходимость этого полудикаго мусульманскаго государства, властвующаго надъ столькими племенами и странами, надъ столькими христіанскими народностями и надъ мѣстами, самыми драгоценными для христіанъ? Не разъ приходилось намъ замѣчать, что Турція представляетъ собою видимое выраженіе того зла, которымъ страдаетъ еще христіанскій міръ. Турція утратила свою прежнюю силу; мусульманскій фанатизмъ уже не страшень Европѣ; это когда-то такъ могущественное, завоевательное государство есть теперь только тѣнь, только призракъ; но этотъ призракъ существуетъ, хотя существуетъ не собственною силой, а гальванизмомъ внѣшней необходимости, и эта внѣшняя необходимость заключается въ антагонизмѣ тѣхъ самыхъ силъ, между которыми расторгнуть христіанскій міръ и даже сама христіанская церковь. Существованіемъ Турціи видимо выражается этотъ антагонизмъ, оно — продуктъ его, и въ то же время оно служитъ его обозначеніемъ и мѣриломъ. Нашъ кабинетъ еще такъ недавно заявлялъ необходимость совокупнаго участія европейскихъ державъ для устройства внутреннихъ дѣлъ Турціи. Предложеніе это не имѣло успѣха, и вотъ теперь сама собою выступаетъ эта необходимость во всей силѣ, и европейскія державы спѣшатъ согласиться для совокупнаго дѣйствія. Всѣ согласны въ признаніи этой необходимости, но никто не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, которыя неминуемо должны произойти на Востокъ. Какъ уладится этотъ великій вопросъ, особенно въ нынѣшнее столь смутное время, когда всѣ основы европейскаго равновѣсія подвергаются сомнѣнію, когда все исполнено недоувѣрія и опасеній, когда все ждетъ какого-нибудь потрясающаго взрыва, когда у всѣхъ на умѣ близкая возможность всеобщей войны? Италия проходитъ эпоху кризиса, когда каждый день приноситъ какую-либо новую неожиданную катастрофу; Германія съ часу на часъ ждетъ великой борьбы за свою независимость, за свою территорию, и не знаетъ, какъ уладить свои внутреннія затрудненія, какъ побѣдить неудобства своего политическаго разъединенія; Англія продолжаетъ свои громадные вооруженія; Франція окончательно отдалась роковому движенію, которое овладѣло ею, и которое становится все неудержимѣе и безотчетнѣе. Сколько горючихъ веществъ, сколько хаотическаго броженія, сколько вопросовъ, сколько событій, сколько катастрофъ, непрерывно возникающихъ и непрерывно ожидаемыхъ!

Это броженіе началось съ той самой минуты, когда Европа

узнала о рѣшеніи Франціи присоединить къ себѣ части того италіанскаго государства, которому она вызвалась оказать безкорыстную помощь во имя идеи. Этимъ дѣйствіемъ Франція сразу воставила себя въ новое положеніе, которое измѣнило ея отношеніе къ другимъ державамъ и безвозвратно опредѣлило политику ея правительства. Этотъ роковой шагъ былъ совершенъ въ ту самую минуту, когда повидимому союзъ между Франціей и Англійей долженъ былъ получить новую крѣпость вслѣдствіе торговаго трактата, который выводилъ Францію на путь экономической свободы и долженъ былъ окончательно слить экономическіе интересы обѣихъ сторонъ. Несмотря на все сочувствіе, какому былъ встрѣченъ въ Англійи этотъ трактатъ, несмотря на всѣ выгоды, какихъ можно было ожидать отъ него, мысль объ естественныхъ границахъ, заявленная Франціей, первая ошціальная вѣсть о присоединеніи Савойи и Ниццы смутила общественное мнѣніе, подорвали надежды и смѣнили ихъ опасеніями. Правда, эти опасенія существовали и прежде; общественное мнѣніе было чутко и знало уже многое, знало почти все, что замышлялось и предполагалось; въ Англійи, еще въ прошломъ году, сами собою и почти незамѣтно начинали составляться дружины волонтеровъ, и еще задолго прежде принимались дѣятельныя мѣры для усиленія флота; но пока фактъ не совершился, взаимныя отношенія, по крайней мѣрѣ по наружности, оставались безъ перемѣны, а торговый трактатъ обѣщалъ даже возстановить ихъ внутреннее исчезавшее значеніе. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось съ неимоверною быстротой. Бюджетъ г. Гледстона, основанный главнымъ образомъ на новомъ трактатѣ съ Франціей и принятый съ такимъ энтузіазмомъ цѣлою страной, утратилъ теперь свое очарованіе; смѣлая мысль, которая такъ искусно проводилась въ немъ черезъ всѣ подробности, сильно пострадала и потеряла кредитъ, равно какъ и ея виновникъ вдругъ утратилъ свою популярность. Все это великолѣпное финансовое зданіе, построенное такъ изящно и по такимъ превосходнымъ началамъ, пошатнулось и обвалилось, потому что поколебалась подъ нимъ почва. Въ г. Гледстонѣ, при многихъ необыкновенныхъ достоинствахъ его ума, всегда замѣчался одинъ существенный недостатокъ, о которомъ упоминали мы ксати, говоря объ его бюджетѣ. Широтѣ и глубинѣ пониманія не всегда соответствуетъ въ немъ вѣрность и точность сужденія. Онъ превосходно понимаетъ дѣло, но не всегда удачно прилагаетъ понятіе, и при ясномъ, зрѣломъ понятіи не рѣдко выходятъ у него невѣрныя дѣйствія. Финансовый планъ г. Гледстона былъ превосходенъ; въ краснорѣчьи, съ какимъ онъ изложилъ его, не было пустой реторики, которая и не могла бы подѣйствовать въ англійскомъ парламентѣ; все въ

этомъ планѣ было основательно, все было зрѣло обдуманно, все вытекало изъ ясно понятыхъ великихъ экономическихъ началъ. Но г. Гледстонъ недостаточно сообразилъ обстоятельства времени, не обсудилъ съ должною вѣрностью тѣхъ условій, на которыя былъ разчитанъ его планъ; онъ слишкомъ много основалъ его на новомъ трактатѣ съ Франціей, онъ слишкомъ крѣпко положился на этотъ трактатъ, слишкомъ прельстился тѣми благотворными послѣдствіями, которыхъ дѣйствительно можно было ожидать отъ него, но которыя въ то же время зависятъ отъ многихъ причинъ, могущихъ нарушить ихъ правильное развитіе. Г. Гледстонъ слишкомъ увлекся экономической стороною дѣла, что и сблизило его съ людьми манчестерской школы, которая ничего другаго не видитъ, кромѣ экономическихъ интересовъ, великихъ и почтенныхъ, но существующихъ совмѣстно съ другими интересами, имѣющими не меньшую силу и непрерывно заявляющими себя въ мѣрѣ. Г. Гледстонъ не довольно разчиталъ нынѣшнее положеніе европейскихъ дѣлъ, слишкомъ отвлекъ свое вниманіе отъ тѣхъ причинъ, которыя, къ несчастію, слишкомъ часто возмущаютъ правильный ходъ экономическаго развитія. Онъ слишкомъ много въ своемъ бюджетѣ основалъ на торговомъ договорѣ съ Франціей, и какъ только эта ненадежная основа поколебалась, пошатнулся и бюджетъ. Посреди обстоятельствъ, слишкомъ смутныхъ, при дефицитѣ, слишкомъ значительномъ, при опасности еще большаго дефицита въ будущемъ финансовомъ году, накануне сѣбытій, которыя можетъ-быть потребуютъ всѣхъ силъ страны, канцлеръ казначейства, какъ оказалось, слишкомъ круто и слишкомъ неблагоприятно принялся за реформу финансовой системы. Но дѣло было сдѣлано; палата общинъ и вся страна раздѣлили увлеченіе канцлера казначейства; система предложенныхъ имъ мѣръ была принята палатой общинъ при рукоплесканіяхъ цѣлой страны, и эти мѣры, каковы бы ни были заботы настоящей минуты, оказались плодотворными въ своихъ послѣдствіяхъ. Онѣ, развѣ навсегда, покончили съ остатками покровительственной системы; онѣ облегчили потребленіе и сообщили новую силу производству. Все это принято, и все это осталось, несмотря на нѣкоторые разочарованія и новыя серьезныя заботы, овладѣвшія общественнымъ мнѣніемъ. Всѣ эти мѣры, при другихъ обстоятельствахъ, при лучшихъ условіяхъ, могли бы дѣйствовать плодотворнѣе и обширнѣе; но они достаточно хороши сами по себѣ и, съ перемѣною обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависятъ и которыя ихъ стѣсняють, будутъ дѣйствовать и обширно, и плодотворно.

Одною изъ этихъ мѣръ измѣнялся давній источникъ государственнаго дохода, пошлина на бумагу. Эта отмѣна была бы

сама по себѣ благотвительною мѣрой; она давно требовалась общественнымъ мнѣніемъ, она была уже осуждена въ самой палатѣ; но при новыхъ, непрерывно возрастающихъ затрудненіяхъ для государственнаго казначейства, все болѣе и болѣе становилась сомнительною благовременность этой отмѣны. Слѣдовало ли отказываться отъ существующаго съ давняго времени источника дохода, посреди обстоятельствъ, которыя вынуждаютъ казначейство искать новыхъ источниковъ дохода? Не слѣдовало ли въ такой трудный финансовый годъ, повременить эту мѣру и отложить ее до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ? Палата общинъ, двукратно одобривъ эту мѣру, начала колебаться подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, настроеніе котораго сильно измѣнилось въ послѣдніе три-четыре мѣсяца. Но отвергнуть билль, особенно когда онъ прошелъ уже два чтенія, было бы шагомъ слишкомъ рѣшительнымъ и имѣло бы своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ министерскій кризисъ. Палата колебалась, мнѣнія ея раздѣлились почти равносильно, и билль былъ принятъ большинствомъ только девяти голосовъ. Девять голосовъ рѣшили дѣло, которое возбудило сомнѣніе и ропотъ цѣлой страны. Но тутъ палата лордовъ очень кстати обнаружила свое существованіе. Билль долженъ былъ пройти черезъ палату лордовъ, чтобы получить силу закона, и палата лордовъ отвергла его. Это произвело впечатлѣніе, возникъ важный конституціонный вопросъ. Палатой общинъ наряжена была коммиссія для розысканія, въ какой мѣрѣ этотъ случай оправдывается или не оправдывается примѣрами прежнихъ временъ. Наконецъ коммиссія кончила свое дѣло; лордъ Пальмерстонъ представлялъ палатѣ общинъ, въ засѣданіи 5-го іюля, три резолюціи, какъ результатъ, на которомъ сошлись члены коммиссіи.

Дѣло это имѣетъ особенную важность, не столько по своему непосредственному поводу, сколько по конституціонному вопросу, который былъ въ немъ поднятъ, о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ двухъ великихъ вѣтвей законодательства, палаты общинъ и палаты лордовъ.

Одно изъ самыхъ главныхъ отличій, или можетъ-быть, самое главное отличіе англійскаго устройства, состоитъ въ томъ, что сила этого устройства заключается не въ буквѣ какого-нибудь уложенія, а въ исторіи. Для того чтобы рѣшить какой-нибудь вопросъ, относящійся до взаимныхъ отношеній властей въ Англии, обращаются прямо къ исторіи. Историческими прецедентами измѣряются права, ими подтверждаются или опровергаются возникающія притязанія. Вспомнимъ, какъ создавались французскія конституціи. Созывалось учредительное собраніе, которое обсуждало по пунктамъ проектъ новой конституціи; каждое слово вызывало множество рѣчей; каждый параграфъ подвергался всякаго рода

логическимъ и грамматическимъ поправкамъ; каждая фраза, съ щегольской опредѣленностію, устанавливалась на свое мѣсто; съ математическою точностію описывались права и обязанности; но все это происходило на бумагѣ, а дѣла шли своимъ порядкомъ, и конституція, съ своими красивыми, отчетливыми математическими опредѣленіями, рвалась и уничтожалась. Въ Англіи мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Здѣсь конституція есть фактъ, который сложился исторіей, и существуетъ потому, что существуетъ. Корона, палата лордовъ, палата общинъ, находятся между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ не по буквѣ хартіи, а по силѣ живыхъ вещей, и принимаютъ тотъ характеръ, какого требуетъ эта сила. Издревле, палата общинъ, состоящая изъ выборныхъ представителей націй, пользуется, какъ своею исключительною принадлежностію, назначать налоги и вообще принимать финансовыя мѣры; это ея специальное дѣло. Ни корона, ни палата лордовъ не имѣетъ права инициативы въ законахъ этого рода; но тѣмъ не менѣе финансовый билль, какъ и всякій другой, долженъ быть принятъ и лордами, и короной, для того чтобы пріобрѣсти силу закона. Всякій билль, финансовый или не финансовый, окончательно принятый палатой общинъ, получаетъ силу закона не прежде, какъ по принятіи его всѣми тремя великими властями конституціи. Палата лордовъ не можетъ поправлять финансовый билль, поступившій въ нее изъ палаты общинъ: это очевидно, потому что право измѣнить билль было бы равносильно праву составить свой собственный билль, праву, котораго не имѣетъ палата лордовъ относительно финансовыхъ вопросовъ. Передѣлать или какъ-нибудь измѣнить финансовый билль, значило бы со стороны палаты лордовъ внести въ другую палату новый билль и значило бы во всякомъ случаѣ трудиться понапрасну, потому что палата общинъ могла бы тотчасъ уничтожить возвратившійся къ ней передѣланный билль. Но, спрашивается, имѣетъ ли палата лордовъ право просто не согласиться на принятіе билля и такимъ образомъ пресѣчь его дальнѣйшій ходъ и не допустить его до силы закона? Билль, отвергнутый тою ли или другою изъ двухъ палатъ, не возвращается уже туда, откуда онъ вышелъ, и считается уничтоженнымъ, хотя ничто не мѣшаетъ ему снова возникнуть въ слѣдующую парламентскую сессію. Если финансовый билль поступаетъ въ верхнюю палату и требуетъ ея согласія, для того чтобы обратиться въ законъ, то очевидно, что она имѣетъ право и не согласиться на принятіе билля. Если бы конституція предоставляла палатѣ общинъ исключительное законодательство въ дѣлахъ финансовыхъ, то финансовымъ биллямъ вовсе не слѣдовало бы переходить черезъ палату лор-

довъ. Но англійская конституція не предоставляетъ ни одной изъ трехъ великихъ властей исключительнаго законодательства по какимъ бы то ни было предметамъ, и каждый законъ безъ исключенія долженъ имѣть на себѣ санкцію всѣхъ трехъ властей. Тѣмъ не менѣе могъ возникнуть вопросъ объ установившемся обычаѣ, о томъ, какъ велось издавна это дѣло. Дѣйствительно, согласіе лордовъ на финансовыя мѣры, предлагаемыя палатой общинъ, представляется не болѣе какъ простою формальностію. Но нѣтъ однако причинъ, почему бы эта формальность не могла стать дѣйствительностію, еслибы того потребовали обстоятельства, почему бы скрытая сила не могла обнаружиться. Въ теченіи времени бывали случаи, когда лорды отвергали финансовыя биллы, и коммиссія насчитала 36 случаевъ, сходственныхъ съ тѣмъ, о которомъ возникла теперь рѣчь. Правда, при тщательномъ разсмотрѣніи этихъ случаевъ, оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такихъ финансовыхъ размѣровъ, какъ нынѣшній, и во всѣхъ заключались, въ большей или меньшей степени, кромѣ финансовыхъ, другіе элементы общаго политическаго свойства. Но на этомъ обстоятельствѣ ничего нельзя основать, и въ нынѣшнемъ случаѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы сдѣлать его исключеніемъ изъ правила. Лорды не пользовались или рѣдко пользовались тѣмъ правомъ, которое само собою вытекаетъ изъ сущности конституціи, потому что не представлялся или рѣдко представлялся къ тому случай. Еслибы они позволили себѣ вмѣшательство въ финансовое дѣло, которое палата общинъ была бы въ полномъ правѣ отстаивать; еслибы они задержали такой биллъ, котораго бы дѣйствительно требовали обстоятельства, котораго бы требовало общественное мнѣніе, то они только повредили бы самимъ себѣ: нашлась бы тысяча средствъ парализировать ихъ рѣшеніе, заставить ихъ одуматься, побудить ихъ къ согласію. Такого рода коллизіи возникали не разъ, и притомъ не по случаю финансовыхъ мѣръ, а по поводу мѣръ другаго рода, имѣвшихъ общее значеніе. Такъ побѣждено было противодѣйствіе палаты лордовъ по дѣлу парламентской реформы; такъ недавно лорды принуждены были къ сдѣлкѣ по вопросу о допущеніи евреевъ въ парламентъ. Но въ настоящемъ случаѣ лорды могли отвергнуть и чисто-финансовый биллъ, потому что они были сильны общественнымъ мнѣніемъ, и потому что сама палата общинъ ожидала отъ лордовъ этой услуги,

Засѣданія 5 и 6 іюля, въ которыхъ шли пренія о трехъ резолюціяхъ, представленныхъ лордомъ Пальмерстономъ, были очень интересны. Одинъ французскій публицистъ, присутствовавшій на этихъ преніяхъ и сообщившій свои впечатлѣнія въ

газетъ *Ami de la religion*, разказываетъ о нихъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, и очень живо характеризуетъ ораторовъ. Засѣданіе въ среду кончилось въ три часа утра, говоритъ корреспондентъ: уже разсвѣтало, когда я вышелъ, посреди занимающагося дня. Громадное Вестминстерское аббатство бросало единственную тѣнь; единственный ропотъ поднимался съ Темзы, которая текла подъ грузомъ громадныхъ богатствъ, собравшихся на ея водахъ. Повѣрьте мнѣ, ни въ природѣ, ни въ исторіи нѣтъ величія, которое можно было бы сравнить съ величіемъ только что видѣнной мною сцены. Да, нѣтъ ничего величественнѣе зрѣлища страны, страстно привязанной къ своей свободѣ, страны, оживленной великимъ политическимъ духомъ, живущей публичною жизнію, ввѣряющей свое достоинство благороднѣйшей изъ всѣхъ силъ, — силъ человеческой мысли, свободно выражаемой человеческимъ словомъ.»

Лордъ Пальмерстонъ сопровождалъ представленныя имъ резолюціи ловкою рѣчью, въ которой очень искусно умѣлъ согласить всѣ затронутые интересы. Резолюціи сами по себѣ не отличаются ни особенною ясностію, ни особенною отчетливостію; видно, что редакція ихъ была дѣломъ многихъ лицъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія; они разчитаны только для возникшаго недоразумѣнія и высказаны такъ, что не могутъ служить непреложною нормою для будущихъ временъ. Вотъ эти резолюціи:

1) Право давать субсидіи коронѣ принадлежитъ палатѣ общинъ, какъ существенная часть ея конституціи, и лишь отъ ней зависитъ опредѣленіе всѣхъ этихъ пособій, относительно предмета, способа, мѣры и времени. 2) Хотя лорды пользовались правомъ отвергать билли разнаго рода, относящіяся къ налогамъ, уничтожая ихъ вовсе, но они пользовались такимъ правомъ рѣдко, и оно всегда было предметомъ особой ревности со стороны палаты общинъ, ибо нарушало ея право давать пособія и снабжать государственную службу текущаго года необходимыми средствами. 3) Для предотвращенія на будущее время неправильнаго употребленія этой власти со стороны лордовъ, и для обезпеченія за общинами принадлежащаго имъ по праву контроля надъ налогами и субсидіями, палата общинъ имѣетъ въ своихъ рукахъ власть такъ назначать и отмигать налоги и составлять финансовыя билли, что право общинъ, относительно назначенія предметовъ, способа мѣры, и времени финансовыхъ распоряженій, можетъ быть защищено отъ всякихъ нарушеній.»

Изъ послѣдней резолюціи, очень запутанной и темной, выходитъ собственно то, что право палаты общинъ можетъ быть поддержано лишь въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ составлять

удовлетворительные биллы,—такъ назначать и отиѣнять налоги, такъ составлять финансовыя биллы, чтобы право палаты могло быть защищаемо отъ всякихъ нарушеній.

«Наша конституція, говорилъ лордъ Пальмерстонъ, состоитъ изъ властей отдѣльныхъ и независимыхъ одна отъ другой, обладающихъ каждая своими правами и силами. Такъ было съ давнихъ поръ нашей исторіи. Если мы обратимся къ самымъ отдаленнымъ ея періодамъ, мы увидимъ, что лорды, то-есть бароны, были достаточно сильны для того, чтобы ограничить корону, и своими усиліями, своимъ мужествомъ, своею настойчивостью, своимъ духомъ, своимъ патріотизмомъ, они стяжали для насъ великую основную хартію нашихъ льготъ. Но потомъ возникла борьба между короной и баронами, и длилась эта борьба долгое время. Наконецъ корона одержала верхъ и учредила произвольную власть, которая пригнула подъ свой контроль всѣ льготы народа и наконецъ превратилась въ невыносимое бремя. Излишнее употребленіе чрезмѣрной власти вызвало сопротивленіе. Народъ возсталъ противъ короны и, ниспровергая ея произвольную власть, онъ не только ниспровергъ самую корону, но подвергъ одной съ нею гибели и всѣ другія власти государства. Однако духъ страны не могъ долго довольствоваться такимъ положеніемъ дѣлъ. Власть короны была восстановлена, но, восстановленная, она снова была употреблена во зло. Это злоупотребленіе власти снова сопрождалось своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, и корона снова была ниспровергнута, или, лучше сказать, не корона, а тѣ, кто держалъ въ своихъ рукахъ власть короны, были изложены самимъ излишествомъ этой власти, своимъ ничѣмъ не сдержаннымъ и безответственнымъ употребленіемъ ея; наконецъ наступилъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ наша страна процвѣтаетъ доселѣ (*одобрение*), при которомъ нашъ народъ пользуется такою суммой гражданской, политической, общественной и религіозной свободы, какая никогда можетъ-быть не доставалась на долю другому народу въ мірѣ (*одобрение*). Но какимъ образомъ былъ достигнутъ этотъ результатъ? Не господствомъ одной изъ трехъ властей, — короны, лордовъ или общинъ, — надъ другими. Напротивъ, результатъ этотъ былъ достигнутъ тѣмъ, что каждая изъ нихъ получила свое особое и независимое назначеніе, и что всѣ три составляютъ тѣмъ не менѣе одно цѣлое, стараясь путемъ соглашенія избѣгать столкновеній и смутъ, которыя могутъ возникать при независимомъ дѣйствіи каждой власти въ отдѣльности или всѣхъ вмѣстѣ... Каждая изъ трехъ властей имѣетъ право зачинать законы и каждая имѣетъ силу, совокупно съ двумя остальными, отвергать законы, предложенные ей для принятія. Обыкновенно думаютъ, что

власть короны отвергать законы, прекратила свое существованіе; это капитальное заблужденіе. Власть эта живетъ и теперь, но она проявляется не такъ какъ прежде. Она не проявляется прямо въ отверженіи законовъ, представляемыхъ короно́ на утвержденіе; она проявляется предварительнымъ образомъ въ преніяхъ и движеніяхъ, принимаемыхъ дѣломъ въ обѣихъ палатахъ парламента. Эта сила перенесена на лица, служащія отвѣтственными совѣтниками короны; и невозможно, чтобы законъ, прошедшій черезъ обѣ палаты и представленный короно́, былъ потомъ отвергнутъ ею. Почему это? А потому, что нельзя себѣ представить, чтобы законъ, принятый въ обѣихъ палатахъ, гдѣ засѣдаютъ отвѣтственные министры короны, былъ принятъ безъ ихъ соучастія... А еслибы законъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ противъ воли и мнѣнія министровъ, тогда естественно они должны отказаться отъ своей должности и быть замѣнены другими, которые пользуются бѣльшимъ довѣріемъ парламента; въ противномъ случаѣ обѣ палаты весьма легко нашли бы возможность заявить короно́ свое мнѣніе относительно ея совѣтниковъ, и она должна была бы возложить свое полномочіе на другія лица...»

Впрочемъ, нельзя такъ рѣшительно сказать, чтобы корона не могла и прямо отвергнуть законъ, прошедшій черезъ обѣ палаты. Она не пользуется этимъ правомъ; но право это существуетъ какъ дремлющая возможность, и хранится на всякій случай въ политическомъ сознаніи народа. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда лордъ Пальмерстонъ покусился было провести бѣль о заговорщикахъ, внушенный ему императоромъ Французовъ, и тѣмъ возбудилъ противъ себя общественное мнѣніе страны, — повсюду собирались митинги, протестовавшіе противъ этого бѣлла и изъяслявшіе опасенія, чтобы вліяніе кабинета не превозмогло оппозиціи въ обѣихъ палатахъ; тогда намѣревались подать прошеніе королево́, чтобы она отвергла этотъ недостойный законъ, если онъ поступитъ на ея утвержденіе. Но общественное мнѣніе высказалось тогда такъ сильно, что дѣло не дошло до этой крайности. Кабинетъ лорда Пальмерстона потерпѣлъ, какъ извѣстно, поражение въ самой палатѣ общинъ.

Коснувшись особыхъ правъ, которыя принадлежатъ палатѣ общинъ по дѣламъ финансовымъ, лордъ Пальмерстонъ опредѣлилъ значеніе примѣровъ, представляемыхъ исторіей парламента въ отношеніи къ поднятому вопросу. «Еслибъ эта палата, сказалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ рѣшила отменить какой-либо налогъ и послала бѣль въ палату лордовъ съ этимъ намѣреніемъ, то я не думаю, чтобы палата лордовъ рѣшилась отвергнуть его. Еслибъ было доказано *(слухай-*

те! *слушайте*), что какой-нибудь налогъ слишкомъ тяжело гнететъ некоторые интересы страны, что доходъ, получаемый отъ него, не составляетъ необходимости, или что бремя могло бы быть переложено на какіе-нибудь другіе интересы, которымъ легче вносить его, то я никакъ не думаю, чтобы лорды рѣшились поступить такъ, какъ они поступили теперь (*одобреніе со стороны оппозиціи*). Мы знаемъ какая громадная сумма налоговъ была отиѣнена обѣими палатами парламента по окончаніи войны въ 1815 году, и ни разу, сколько мнѣ извѣстно, лорды не противорѣчили рѣшенію общинъ, имѣвшему цѣлю изъавить страну отъ бремени, которое было признано ненужнымъ. Вотъ почему я никакъ не могу думать, чтобы лорды нынѣшнимъ своимъ поступкомъ хотѣли выйдти на такой путь, гдѣ мы должны были бы всеми законными средствами воспротивиться имъ. Я никакъ не могу думать, чтобы палата лордовъ замыслила вступить въ сотоварищество съ палатой общинъ по составленію годичнаго бюджета, по назначенію мѣры, способа, времени или суммы субсидій, опредѣленіе чего составляетъ исключительную принадлежность этой палаты. Еслибы дѣйствительно таково было ихъ намѣреніе, еслибы послѣдній случай былъ только первымъ шагомъ на этомъ пути, то намъ непременно слѣдовало бы принять все находящіяся въ нашей власти средства, чтобы заставить ихъ отказаться отъ этого намѣренія; но пока у насъ нѣтъ рѣшительнаго доказательства, что такое намѣреніе существуетъ, я закливаю палату довольствоваться тѣмъ объявленіемъ, которое высказано въ представленныхъ мною резолюціяхъ, и безъ явной необходимости не вступать въ формальное столкновеніе съ другою палатой парламента (*одобреніе*). Но, сэръ, развѣ лорды не были поощрены самою палатой общинъ къ сдѣланному ими шагу? (*Одобреніе оппозиціи.*) Билль былъ внесенъ въ эту палату при обстоятельствахъ, которыя существенно и явно измѣнились къ тому времени, когда билль этотъ былъ отвергнутъ. При второмъ чтеніи онъ встрѣтилъ сильную оппозицію, хотя и былъ вынесенъ большинствомъ 53 голосовъ. Еслибъ онъ былъ отпращенъ къ лордамъ, получивъ, при третьемъ чтеніи по крайней мѣрѣ такое же большинство, я увѣренъ, что они пропустили бы его. Но они видѣли, что въ продолженіи втораго и третьаго чтенія мнѣніе палаты общинъ подверглось значительному измѣненію (*одобреніе на скамьяхъ оппозиціи*), и что большинство 53-хъ голосовъ превратилось въ большинство девяти. Не виѣли ли они право думать, что мнѣніе палаты общинъ въ пользу билля было уже не такъ сильно, какъ въ началѣ? Руководствуясь общественнымъ мнѣніемъ, они могли совершенно правильно заключать о новыхъ потребностяхъ казначейства, тѣмъ

болѣе, что эти потребности и дѣйствительно заявлены въ той смѣтѣ, которую достопочтенный другъ мой, канцлеръ казначейства, выложилъ на столъ. Случились событія, которыхъ имъ не могли ожидать вначалѣ, и лорды сочли благоразумнымъ дѣломъ дать палатѣ общинъ время еще разъ сообразить обстоятельства и размыслить, не будетъ ли полезно удержать еще на годъ тотъ источникъ дохода, который казался намъ прежде ненужнымъ, и слѣдуетъ ли переносить на другія вѣтви промышленности бремя, которое до сихъ поръ несло на себѣ интересы, постигнутое пошлivityю на бумагу.» (*Одобрение на скамьяхъ оппозиціи.*)

Оппозиція изъявляла одобреніе при этихъ словахъ главы кабинета, а положеніе нѣкоторыхъ членовъ кабинета было очень ловко. «Стояло посмотрѣть тогда, пишеть вышеупомянутый французскій корреспондентъ, на лицо канцлера казначейства; онъ сидѣлъ, по обыкновенію, откинувшись на спинку скамьи; его блѣдное лицо и тонкія черты, его голова, покоившаяся на спинкѣ сѣдалища, его закрытые глаза, его тонкія губы, все какъ будто говорило, что онъ, въ продолженіи часа, съ усиленіемъ выносилъ пытку, какъ вдругъ эта парейская стрѣла его искуснаго товарища прямо попала ему въ сердце. Неудовима тѣмъ пролетѣла по его выразительному лицу, чуть замѣтное содроганіе пробѣжало по всему его тѣлу: видно было, что нанесена одна изъ тѣхъ ранъ, которыя не забываются...»

Въ слѣдующее засѣданіе пренія продолжались, и между ними произвела особенное впечатлѣніе рѣчь г. Горсмана, заключавшая въ себѣ апологію палаты лордовъ, которая въ послѣднее время подвергалась столькимъ нападкамъ со стороны радикальныхъ реформистовъ. «Благородный виконтъ, говорилъ онъ,—переносилъ вчера наше воображеніе въ тѣ феодальныя времена, когда бароны сидѣли, окруженные своими вооруженными слугами, властвуя, судя и рѣдя отъ своего имени и не признавая никакихъ законовъ, кромѣ установленныхъ ими самими. Есть люди, готовые утверждать, что лорды и теперь составляютъ гордое и господствующее сословіе, противъ котораго народъ долженъ принимать мѣры, какъ противъ общественнаго врага. Но одного здраваго смысла достаточно, чтобы понять въ истинномъ свѣтѣ нынѣшній характеръ лордовъ. Мы знаемъ, что они простые люди съ тою же кровью въ жилахъ, какъ и у другихъ людей, что они платятъ тѣ же самыя подати, повинуются тѣмъ же самымъ законамъ, управляются тѣми же самыми интересами, и не имѣютъ никакой исключительной привилегіи. Каждый изъ нихъ, по своему личному положенію, есть сельскій джентльменъ; въ своихъ округахъ, они своимъ вліяніемъ и въсомъ обязаны тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и другіе землевладѣльцы: не титуламъ, а собственности. Въ своемъ соби-

рательномъ значеніи, какъ одно изъ законодательныхъ сословій, они составляютъ національное учрежденіе, созданное мнѣніемъ, существующее мнѣніемъ и не представляющее собою исключительнаго интереса перства, какъ корона не представляетъ собою исключительнаго интереса королевской фамиліи; они отправляютъ государственную власть не въ свое имя, но во имя народа и по праву, отъ него данному; точно также какъ и мы, они часть этого народа, и, точно также какъ и мы, представляютъ его собою... Лорды, продолжалъ онъ, не менѣе общинъ, являются представителями національныхъ интересовъ. Перы Англии—не то, что перы другихъ странъ, которые, держась единственно своихъ титуловъ, сметаются вихремъ первой бури; великая сила ихъ основана на томъ, что они принадлежатъ къ разряду землевладельцевъ, что богатства ихъ происходятъ изъ самой главной промышленности въ этой странѣ. Ихъ богатства и доходы тѣсно связаны съ благосостояніемъ той промышленности, которая даетъ занятіе и способы для жизни наибольшему числу народа и составляетъ одинъ изъ самыхъ производительныхъ интересовъ страны. Вотъ что отождествляетъ ихъ интересы съ прогрессомъ и благосостояніемъ народа. Всякій, кто будетъ сравнивать перство Англии съ другими перствами, не можетъ не увидѣть, что у насъ перство отличается навыкомъ къ дѣламъ, знаніемъ сельскаго хозяйства, дѣятельностью въ управленіи и улучшеніи мнѣній, знакомствомъ съ фермерами и пахарями, наконецъ общинъ экономическимъ интересомъ и чувствомъ. Они пользуются величайшимъ уваженіемъ въ массахъ народа, а потому было бы совершенно ошибочно утверждать, что они не будучи людьми выборными, не служатъ ни въ какомъ смыслѣ представителями народа. Они въ значительной степени представляютъ собою чувства и интересы народа этой страны, и вслѣдствіе того совершенно способны составлять совѣтъ изъ четырехсотъ или пятисотъ членовъ, имѣющій свое особое назначеніе и совершенно необходимый для парламентарнаго образа правленія. Никакая конституція не можетъ быть прочна безъ такого корпуса. Еслибы не было палаты перовъ, было бы необходимо создать нѣчто въ этомъ родѣ. Ихъ власть, какъ и власть короны, происходитъ отъ народа. Вамъ извѣстно, что законодательная сила перовъ въ послѣднее время ограничена до того, что они могутъ имѣть лишь самое малое вліяніе. Они уже потеряли инициативу великихъ законодательныхъ мѣръ. Они посылаютъ намъ иногда нѣсколько биллей, по предметамъ, входящимъ въ ихъ спеціальность; иногда, ради экономіи времени, предоставляется имъ вносить и другіе билли; но въ настоящее время, только палата общинъ руководствуетъ правительствомъ Англии. Палата общинъ постановляетъ начала и даетъ

направленіе общей политикѣ. Корона и лорды уже болѣе не управляютъ, они только сдерживаютъ и регулируютъ государственную жизнь, но не сообщаютъ ей движенія, и это-то сдерживающее, умиротворяющее вліяніе спасаетъ Англію отъ деспотизма безконтрольнаго народнаго собранія. Они уже утратили свое косвенное вліяніе на палату общинъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо обезпечить ихъ прямое, законное вліяніе, ибо при всѣхъ формахъ конституціоннаго правленія, во всѣ времена, отъ древнихъ Аѳинъ до новой Америки, мы видимъ, какъ вездѣ чувствуется необходимость такого вліянія, которое было бы сильно само въ себѣ и замыкалось бы въ своихъ предѣлахъ, вліяніе, которое контролировало бы власть, которое подвергало бы ревизіи законодательство, не сообщая ему движенія, которое имѣло бы силу потребовать пересмотра, могло заставить движущую силу дважды подумать объ одномъ и томъ же и апеллировать отъ минуты увлеченія къ другой болѣе спокойной, болѣе трезвой минутѣ, которое заявляло бы постоянный, твердый, руководящій, практическій элементъ въ каждой политической организаціи; съ другой стороны требуется, чтобы вліяніе это не достигало такой силы, которая могла бы противиться прогрессу и препятствовать усовершенствованію. Это начало проникаетъ собою всю британскую конституцію, которая содержитъ въ себѣ всякаго рода политическія пружины для того, чтобы комбинировать государственную силу, предупредить законодательное неблагоразуміе, обезпечивая въ то же время свободный путь для нововведеній, но такъ, что всякое нововведеніе можетъ осуществиться не прежде, какъ по тщательномъ изученіи предмета... Совершенно ошибочно думать, что лорды, образуя постоянный и независимый корпусъ, не подлежатъ по этому самому никакой отвѣтственности. Напротивъ, я думаю, что и въ во всей странѣ корпуса болѣе отвѣтственнаго. Это единственный важный государственный корпусъ, держащій власть не иначе, какъ на условіи добраго поведенія. Весьма немногіе промахи, даже при отсутствіи всякаго притязанія противодѣйствовать народной волѣ, могутъ подвергнуть опасности положеніе лордовъ. Въ 1832 году, защищая гнилыя мѣстечки, они отделились отъ народа въ борьбѣ, которая была столько же борьбой въ интересъ собственности, сколько и власти; они тогда сильно повредили себѣ, и имъ нужно было много времени, чтобы поправить свое положеніе. Теперь они поправили его, и изъ рѣчей, которыя мы слышали въ прошлую ночь, мы можемъ заключать, что они пользуются большою популярностію. Но они глубоко сознаютъ ту истину, что съ успѣхомъ противодѣйствовать палатѣ общинъ могутъ они только въ одномъ смыслѣ: именно въ томъ, чтобы дать

время для болѣе рѣшительнаго и болѣе зрѣлаго проявленія національной воли. Они знаютъ, что въ этомъ состоитъ вся ихъ власть, и что коль скоро народная воля выразится несомнѣнно и съ полною ясностію, тогда нужно безотлагательно повиноваться ей.» Высказавшись относительно пункта, вызвавшаго конституціонный вопросъ, ораторъ продолжаетъ: «Настоящій случай служить превосходною иллюстраціей практическаго механизма нашей англійской конституціи. Палата общинъ непрерывно растетъ въ силѣ и движется впередъ: объ этомъ нечего сожалѣть, этому такъ и слѣдуетъ быть, но это не должно оставаться безъ противовѣсія. Равновѣсіе должно быть сохранено, если должна быть сохранена конституція, если должна быть сохранена снѣжанная форма правленія. Многие измѣнилось и многое должно еще измѣниться. Но должна ли переменна происходить только въ одномъ направленіи абсолютной власти, сосредоточенной въ общинахъ, или переменна должна касаться и лордовъ, для того чтобъ они могли сохранять свое относительное положеніе?.. Лорды, въ настоящее время, являются хранителями національных интересовъ, и все ихъ дѣло заключается въ томъ, чтобы сторожить эти интересы. Въ настоящемъ случаѣ они вѣрно сослужили свою службу. Они ударили тревогу и пробудили націю, которая остановила васъ въ вашемъ опасномъ эрратическомъ бѣгѣ. Если эта задержка незаконна, такъ почему же не апеллируете вы къ судѣ за дверями парламента? Но вы знаете, что судья подтвердитъ рѣшеніе палаты лордовъ, и окажется, что палата лордовъ дѣйствительно представляетъ теперь націю, между тѣмъ какъ палата общинъ представляла только министерское большинство (*слушайте, слушайте!*) весьма двусмысленнаго свойства. (*Смѣхъ.*)»

Резолюціи, предложенныя главою кабинета, были приняты, и конституціонный вопросъ былъ благополучно улаженъ. Самъ г. Гледстонъ, протестовавшій довольно сильно противъ рѣшенія лордовъ, удовольворился однако этими резолюціями, принявъ часть государственнаго дохода, возвращеннаго лордами казні, и даже отказался поддерживать четвертую, болѣе энергическую резолюцію, предложенную либеральнымъ представителемъ Мерилебона, лордомъ Фермоємъ. По случаю возвысившихся требованій со стороны военнаго министерства для китайской войны канцлеръ казначейства долженъ былъ внести въ палату дополнительный бюджетъ, которымъ ассигнуется на эту войну 3.800.000 фунтовъ стерл. Г. Гледстонъ предложилъ, для покрытія этой суммы, возвысить налогъ на спиртъ, который долженъ дать около половины этой суммы; остальную же, большую половину, онъ нашелъ возможнымъ покрыть посредствомъ разныхъ балансовъ своего бюджета.

Вообще, можно сказать, перипетіи европейской политики много ослабили нынѣшній кабинетъ лорда Пальмерстона. Между главными членами его должны были возникнуть довольно напряженные отношенія. По случаю конституціоннаго вопроса, возникшаго между обѣими палатами, какъ въ комиссіи, разбиравшей этотъ вопросъ, такъ и въ парламентскихъ преніяхъ, вызванныхъ имъ, сторону г. Гледстона дѣятельно поддерживалъ лордъ Джонъ Россель. Хотя г. Гледстонъ не вышелъ изъ кабинета, потому что въ настоящее время едва ли бы кто-нибудь другой рѣшился взять въ свои руки финансы страны; однако не думаютъ, чтобъ онъ согласился оставаться на занимаемомъ посту по инованіи крайней необходимости. Въ послѣднее время, къ г. Гледстону примкнули манчестерскіе реформеры, которые готовы уже привѣтствовать въ немъ своего вождя. Но, несмотря на сближеніе, въ нѣкоторыхъ экономическихъ видахъ, между представителемъ Оксфордскаго университета и г. Брайтомъ есть еще большее различіе, и едва ли могли бы они долго идти однимъ путемъ. Экономическая свобода есть великое начало, и нельзя никакими предлогами отдавать ея полное торжество; она преодолеваетъ всѣ препятствія, и поскольку партіи дѣйствуютъ въ чистомъ интересѣ этой свободы, они правы, и успѣхъ ихъ несомнѣненъ. Но все ли то требуется экономической свободой, что выставляютъ манчестерскіе реформеры на своемъ знамени? Даже агитація въ пользу преобразованій финансовой системы, съ цѣлію замѣнить косвенные налоги прямыми, вовсе не вытекаетъ изъ требованій экономической свободы. Она требуетъ только того, чтобъ интересъ фиска не соединялся ни съ какими покровительственными и поощрительными видами; что же касается до превосходства той или другой системы налоговъ, то вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшаемъ абсолютно въ пользу одной; требуется лишь правильное равновѣсіе между ними и вообще желательно, чтобы какъ прямыя, такъ и косвенные налоги возрастали съ меньшею быстротою чѣмъ общее благосостояніе страны.

Но къ сожалѣнію, въ настоящее время государственные расходы вездѣ возрастаютъ въ необыкновенной пропорціи. Причиной тому смутное положеніе европейскихъ дѣлъ. Всѣ вооружаются и затрачиваютъ силы самымъ непроизводительнымъ образомъ. Французская политика была недавно предметомъ рѣзкихъ обсужденій въ англійскомъ парламентѣ. Г. Кинглекъ поднялъ снова вопросъ о присоединеніи Савойи къ Франціи и объ отношеніи этой послѣдней къ Италіи. Г. Кинглекъ зорко слѣдитъ за этою политикою; онъ знаетъ источники, изъ которыхъ получаетъ очень интересныя свѣдѣнія. Онъ первый извѣстилъ парламентъ

о тайномъ договорѣ, заключенномъ между Франціей и Сардиніей относительно присоединенія Савойи и Ниццы. Теперь, въ свиданіи 12-го іюля, онъ высказался съ большою энергіей противъ французской политики и сообщилъ между прочимъ очень характеристическое свидѣніе объ одной подробности вилафранкскихъ переговоровъ, оставшееся доселѣ тайной для публики. «Всѣмъ извѣстное дѣло, говорилъ г. Кинглекъ, что французское правительство, съ 1857 года, постоянно старалось внушить принцу Прусскому мысль захватить нѣкоторые изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, а Франціи въ награду за то, что она допуститъ это сдѣлать, уступить рейнскія провинціи. Повидимому, императоръ питалъ еще эти надежды, когда недавно отправлялся въ Баденъ на свиданіе съ принцемъ-регентомъ. Но тамъ онъ встрѣтилъ великое и, надобно надѣяться, непобѣдимое препятствіе, именно — честнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, едвали бы принцъ могъ поступить иначе, какъ согласно съ своимъ почтеннымъ и прямодушнымъ характеромъ. Къ тому же принцъ зналъ фактъ, который я хочу теперь сообщить палатѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ въ его достовѣрности, — именно то, что императоръ Французовъ, при второмъ свиданіи съ императоромъ австрійскимъ въ Виллафранкѣ, предлагалъ ему возвратитъ Ломбардію подъ условіемъ, чтобъ Австрія не мѣшала ему дѣйствовать на Рейнѣ.

Фактъ этотъ поразилъ палату. На другой день нѣкоторые изъ членовъ возобновили этотъ разговоръ и потребовали отъ министра иностранныхъ дѣлъ объясненія. Лордъ Джонъ Россель сказалъ, что онъ не получалъ никакого официальнаго извѣстія относительно предложенія, сдѣланнаго императоромъ Французовъ въ Виллафранкѣ, но что однако до него доходили еще прежде смутныя слухи объ этой исторіи.

«По всей восточной границѣ Франціи, продолжалъ г. Кинглекъ, работаютъ французскіе агитаторы. Очень недавно сообщено мнѣ письмо отъ одного джентльмена, заслуживающаго полнаго довѣрія и уваженія; имя его я считаю неудобнымъ назвать публично, но охотно сообщу его каждому джентльмену частнымъ образомъ. Онъ живетъ въ одномъ изъ государствъ, угрожаемыхъ со стороны Франціи, и въ письмѣ своемъ сообщаетъ разговоръ, происходившій у него съ однимъ изъ тѣхъ французскихъ эмиссаровъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ. — Нѣтъ ни одного государства, говорилъ ему этотъ эмиссаръ, — котораго Франція не держала бы въ своихъ рукахъ, нѣтъ государства, не имѣющаго какого-нибудь внутренняго вопроса, которымъ Франція не могла бы воспользоваться отличнымъ образомъ для своихъ цѣлей.

Въ Пруссіи—Данія и меклія нѣмецкія гесударства; въ Австріи.—Венгрія; въ Россіи—крѣпостное право; въ Англіи... (Здѣсь ораторъ остановился, но раздался голоса, требовающія, чтобъ онъ продолжалъ.) Палата удивляется, что я пріостановился; но французскій эмиссаръ, указывая, на чѣмъ французское правительство можетъ основать свои надежды въ Англіи, назвалъ имя одного почтеннаго члена этой палаты, который теперь отсутствуетъ и не можетъ защитить себя (*голоса: мм! мм!*) и потому, по всей справедливости, я не могу назвать его по имени. (Всѣ поняли, что рѣчь шла о г. Брайтъ.) Впрочемъ, я не считаю нужнымъ увѣрить, что французскій эмиссаръ вовсе не хотѣлъ сказать, чтобъ этотъ джентльменъ былъ замѣшанъ въ какой-нибудь заговоръ или въ какую-нибудь дурную интригу; онъ хотѣлъ сказать только то, что императоръ Французовъ изъ политики этого почтеннаго члена черпаетъ для себя надежды и ободренія. Еще разъ спрашиваю я, почему Европа находится теперь въ такомъ тревожномъ состояніи? Вотъ отвѣтъ на это: положеніе дѣлъ внутри Франціи таково, что для ея властителя стало совершенною необходимою отвлекать вниманіе своего народа отъ внутреннихъ дѣлъ и обращать его на внѣшнія. Г. Прево-Парадолъ осужденъ на тюремное заключеніе за то, что написалъ брешюру, которая въ другихъ странахъ показала бы весьма умѣренною, и мѣсто; за которое онъ между прочимъ осужденъ, высказываетъ взглядъ, раздѣляемый, безъ сомнѣнія, многими Французами. «Франція, говоритъ г. Прево-Парадолъ, уходитъ на челоуѣка, который стоитъ у окна и до такой степени углубленъ въ то, что происходитъ на улицѣ, что становится неспособенъ замѣчать происходящее въ собственномъ дѣлѣ.» И чтобы поддерживать во Франціи такое положеніе дѣлъ, вслѣдствіе котораго Французъ за подобныя слова можетъ быть судимъ и приговориваемъ къ наказанію, для этого надобно непрерывно тревожить Европу войнами, воинными слухами и жалкими присоединеніями то тамъ, то тутъ. Внѣшняя политика Франціи превратилась теперь въ цѣль мелкихъ интригъ и заговоровъ. Франція находится въ непрерывномъ ожиданіи какой-нибудь внѣшней войны, сама не зная съ кѣмъ. Напрасно думаютъ, что императоръ Французовъ, въ качествѣ какаго-то провидѣнія, управляетъ судьбами Европы... Хотя и собственная наша внѣшняя политика находится теперь въ какомъ-то лабиринтѣ, но въ этомъ лабиринтѣ есть по крайней мѣрѣ нить, и нить эта дана въ тѣхъ утѣшительныхъ словахъ, которыя благородный секретарь иностранныхъ дѣлъ сказалъ 6 марта: — Мы желаемъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Франціей, но если возник-

кнутъ политическія вопросы, то мы, смотря по обстоятельствамъ, должны быть готовы дѣйствовать въ союзѣ и съ другими державами.—Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается для насъ здравая политика на будущее время.»

Вопросъ о присоединеніи Савойи и Ниццы еще не совсѣмъ оконченъ. Дѣло теперь стало за европейскою конференціей, которая должна утвердить присоединеніе и согласить 92 статью вѣнскаго трактата со 2-ю статью туринскаго, то-есть рѣшить вопросъ о нейтральности двухъ савойскихъ провинцій, прилегающихъ къ Швейцаріи. Европейскія державы еще не изъявили о-фициальнаго согласія на конференцію; но ея продолжаетъ требовать Швейцарія, которая не можетъ успокоиться, пока вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ, пока не будетъ прирѣзана къ ней нѣкоторая часть нейтральной территоріи, непосредственно прилегающая къ Женевскому озеру.

Что касается до Германіи, то предполагаемые замыслы французской политики произвели наконецъ свое естественное дѣйствіе; они послужили къ сближенію между Австріей и Пруссіей, которая долго колебалась, не зная какъ подать другъ другу руку. 7 іюля между императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ происходило свиданіе въ Теплицѣ. Трудно еще теперь судить о результатахъ этого свиданія, но надобно думать, что обѣ главныя германскія державы постарались приискать какой-нибудь средній терминъ, чтобы поладить между собою по крайней мѣрѣ на время, въ виду общей опасности.

Другая, сосѣдняя съ Франціей страна, нейтральная Бельгія воспользовалась 29 годовщиною своей независимости (21 іюля), чтобъ общественными праздниками и адресами королю сдѣлать передъ лицомъ Европы торжественную манифестацію во имя этой дорого-купленной независимости, во имя своихъ свободныхъ учрежденій и высокаго развитія своей промышленности, которою она обязана своей свободѣ. Адресы исполнены выраженіями этого чувства и того убѣжденія, что независимость Бельгіи есть дѣло цѣлой Европы. Въ нихъ ясно отражается то тревожное положеніе, въ которомъ находится теперь европейская политика. «Съ тѣхъ поръ какъ Бельгія завоевала свою независимость, сказано въ адресѣ брабантскаго провинціального совѣта, она показывала себя всегда достойною того мѣста, которое занято ею посреди народовъ. Торжественные трактаты освятили ея права: ей нечего опасаться ненавистнаго покушенія на свою независимость, она должна считать невозможною самую мысль подобнаго покушенія.»

«Государь, сказано еще яснѣе въ антверпенскомъ адресѣ, когда событія великой важности спѣшатъ одно за другимъ въ Европѣ, и когда передъ Европой возникаютъ самыя грозныя задачи, наступила для насъ минута заявить нашу непоколебимую вѣру въ независимость страны, нашу полную безусловную преданность всѣмъ нашимъ льготамъ. Нація провозглашаетъ передъ цѣлою Европой, что она гордится своими учреждениями и своимъ королемъ, что она хочетъ сохранить ихъ во что бы то ни стало, и что она заранѣе протестуетъ противъ всякаго покушенія на ея независимость. Бельгія, величіе которой не измѣряется ея тѣсными предѣлами, заслужила уваженіе Европы и можетъ не страшиться подобной опасности. Всеобщій крикъ негодованія призоветъ кару всего образованнаго міра на того, кто покусился бы на нашу независимость.» «Пусть восклицанія, раздающіяся изъ всѣхъ словъ нашего народа, раздаются далеко за нашими предѣлами, сказано въ адресѣ западной Фландріи, и пусть докажутъ они иностранцамъ, что ни угрозами, ни обольщеніями не поколеблется наша преданность нашей династіи, нашимъ свободнымъ учреждениямъ. Доказать передъ лицомъ цѣлаго міра, что уваженіе вашего народа есть самый вѣрный оплотъ нашей династіи, что въ часъ опасности мы всѣ, безъ различія партій, соберемся вокругъ трона, подъ знаменемъ нашей національности,—вотъ, государь, священное значеніе этого дня. Мы хотимъ только, чтобы подѣльнью конституціонной монархіи, этого общаго нашего палладиума, мы продолжали, какъ прежде, въ собственныхъ нашихъ вѣдрахъ, въ нашемъ единеніи, составляющемъ нашу силу, черпать ту энергію, которая развила у насъ въ столь высокой степени всѣ отрасли общественнаго благосостоянія.»

Бельгійскіе праздники 21-го іюля, какъ описываютъ ихъ, дѣйствительно были очень торжественны; но лучшимъ украшеніемъ ихъ было то, что въ этотъ торжественный день впервые приведена была въ исполненіе мѣра, рѣшенная законодательною властію страны, мѣра, отмѣняющая одно изъ самыхъ грубыхъ экономическихъ стѣсненій—внутреннія таможи, взимавшія пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ черту городовъ, такъ-называемые *octrois*. Народъ, съ громкими изъявленіями радости, торжествовалъ эту важную экономическую реформу. «Пусть бы тѣ, говорить по этому случаю *L'indépendance Belge*, которые три мѣсяца тому назадъ утверждали, что мелкіе потребители немного выиграютъ вслѣдствіе отмѣны таможенныхъ заставъ, пусть бы они посмотрѣли на народныя манифестаціи, которыя происходили въ эту ночь, и посреди которыхъ были сняты рѣшотки, отдѣлявшія предмѣстія отъ столицы: они бы узнали тогда, что объ этомъ

думаютъ тѣ, въ чью пользу совершена эта реформа. Вся ночь на 21 июля была непрерывнымъ пѣніемъ веселья и торжества.»

Мы уже видѣли, какое настроеніе приняло теперь общественное мнѣніе въ Англіи. Комиссія, назначенная для изученія вопроса объ укрѣпленіи Лондона и береговъ, окончила свой трудъ. Корпусъ волонтеровъ продолжаетъ расти, и уже теперь составляетъ силу, которою Англія можетъ по справедливости гордиться. Волонтеровъ считается теперь уже 130.000. Нѣсколько недѣль тому назадъ газеты были наполнены описаніями смотра, произведеннаго королевой въ Гайдъ-Паркъ двадцати тысячному корпусу волонтеровъ, и стрѣльбы въ цѣль, которая была торжественно открыта самою королевой. Понятенъ энтузіазмъ, съ какимъ Англичане говорятъ объ этой силѣ, которая сама собою возникла въ тревожное время изъ свободной земли. Но еще интереснѣе отзывы иностранцевъ объ этихъ импровизованныхъ войнахъ. Всѣ эти отзывы исполнены похвалъ и удивленія. Французскіе офицеры, присутствовавшіе на смотре, должны были сознаться, что это войско, сформировавшееся въ нѣсколько мѣсяцевъ не только безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ со стороны правительства, но и безъ всякаго вызова съ его стороны, по собственному побужденію и собственными средствами, ничѣмъ не уступаетъ регулярной, хорошо дисциплинированной арміи. Благодаря этой самородной силѣ, которая, въ случаѣ опасности, легко можетъ утроиться и учетвериться, Англія можетъ свободно распоряжаться всѣми своими регулярными войсками въ случаѣ европейской войны. Одинъ изъ французскихъ корреспондентовъ особенно былъ удивленъ внезапнымъ превращеніемъ клерковъ изъ Сити, казавшихся совершенными антиподами воиновъ, въ отличныхъ солдатъ, которые какъ будто никогда не выпускали ружья изъ рукъ.

Официальные французскіе органы сваливаютъ всю отвѣтственность за тревожное состояніе Европы на *старыя партіи*. Недавно, въ полуофициальной газетѣ *Constitutionnel*, напечатана статья, въ которой опасенія, распространяемая въ Европѣ французскою политикою, приписываются проискамъ этихъ партій, сохранившихъ воспоминанія о прошедшемъ и не утратившихъ надежды на будущее. Статья эта вызвала въ самой французской журналистикѣ, особенно въ *Journal des Débats*, очень остроумные ироническіе комментаріи. Франція дѣйствительно чувствуетъ себя теперь въ неловкомъ положеніи, и лишь только рѣшительнымъ поворотомъ въ другую сторону могла бы она освободиться отъ этой неловкости. Правду говорятъ, что присоединеніе Савойи и Ниццы гораздо болѣе ослабило нежели укрѣпило вліяніе Франціи въ Европѣ; что же касается до предпола-

гаемыхъ маневровъ со стороны ~~старыхъ~~ партій, то всё ихъ усилія возстановить свое значеніе были бы безплодны, еслибы французское правительство нашло возможнымъ отнять у нихъ то, что составляетъ крѣпкую силу ихъ доводовъ и справедливость ихъ оппозиціи. Но г. Бильйо, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, иначе смотритъ на дѣло. Онъ считаетъ опасными тѣ лица и тѣ стремленія, которыя не желаютъ выходить изъ предѣловъ смысла и справедливости. Недавно г-ну Лемари отказано было въ правѣ издавать журналъ, который былъ купленъ имъ за значительную сумму, и отказано именно потому, что, по соображеніямъ г. Бильйо и государственнаго совѣтника г. Лагероньера, которому специально поручено завѣдываніе дѣлами журналистики, вокругъ этого заданія должны сгруппироваться лучшіе таланты Франціи: эти лица не позволяютъ себѣ никакихъ нелѣпостей и сумазбродствъ, а потому самому и могутъ быть безпокойны и вредны. Замѣчательная тактика! Дѣйствительно люди, ясно и зрѣло сознающие чего они хотятъ и къ чему стремятся, должны неминуемо приобрести вліяніе на лучшія части общества, тогда какъ пустозвоны и врали, у которыхъ свистить въ головѣ, которые сами не знаютъ что говорятъ, серіознаго значенія приобрести не могутъ; они могутъ только опозорить и уронить дѣло, которое возмущаетъ защищать, и всегда оказываются болѣе пригодными для противоположной стороны; сверхъ того, не имѣя ничего опредѣленнаго въ головѣ и обладая очень легкою совѣстью, эти люди очень способны мѣнять цвѣта, и смотря по надобности, защищать то, на что нападали вчера. Самъ г. Бильйо былъ, во времена оны, однимъ изъ такъ-называемыхъ крайнихъ людей; онъ и теперь остается вѣренъ себѣ, дѣйствуя тоже въ крайнемъ смыслѣ. Но жаль, что правительство хочетъ поставить себя такъ, чтобы лучшіе таланты страны, люди сознанія и мысли, могли казаться ему опасными и безпокойными. Трудно отдѣлаться отъ такой оппозиціи. Можно конфисковать брошюры, можно предавать ихъ авторовъ суду, какъ недавно г. Прево Парадоля, написавшаго брошюру *Les anciens partis*, который былъ приговоренъ къ денежной пени въ 3000 франковъ и къ тюремному заключенію на три мѣсяца; можно распоряжаться и безъ суда, посредствомъ предостереженій и запрещеній, но все это не исправитъ общества, въ томъ, что оно считаетъ разумнымъ и справедливымъ, что вызываетъ сочувствіе и защиту со стороны лучшихъ его представителей. Гораздо вѣрнѣе было бы дѣйствовать такъ, чтобы эти люди не имѣли разумной причины принадлежать къ старымъ партіямъ и составлять враждебную оппозицію господствующему правительству. Точное исполненіе программы, высказанной императоромъ

при его вступлении на престолъ, и обѣщанное имъ завершеше общественнаго зданія, гораздо вѣрнѣе достигло бы той цѣли, къ которой съ такимъ усиленіемъ стремится г. Бильйо. Не довольствуясь собственно политическимъ контролемъ надъ обществомъ, онъ хочетъ вести надъ нимъ и нравственный контроль посредствомъ административнаго механизма. По префектамъ разославъ недавно циркуляръ, которымъ предписывается, чтобы каждый изъ нихъ въ своемъ департаментѣ тщательно смотрѣлъ за нравственностью газетныхъ фельетоновъ и старался сообщить этой отрасли литературы направленіе доброкачественное. Префектамъ трудно будетъ это дѣлать, развѣ они сами примутся писать фельетоны, романы и повѣсти. Все безнравственное, пошлое и вздорное развивается по необходимости, пользуясь если не прямымъ, то косвеннымъ покровительствомъ, уже потому одному, что на все даровитое, на все мыслящее наложено молчаніе. Если лучшіе таланты страны, если благороднѣйшіе элементы общества осуждены на бездѣйствіе какъ элементы безпокойные и вредные, то этимъ самымъ открывается полный просторъ для людей и мнѣній противоположнаго свойства. Распоряженія префектовъ по части литературы, какъ причина и вмѣстѣ слѣдствіе нравственной апатіи общества, являются также причиной и слѣдствіемъ безнравственнаго направленія литературы, столько возмущающаго душу г. Бильйо.

Около того же времени, когда г. Бильйо выпустилъ вышеупомянутый циркуляръ къ префектамъ, было издано англійскою королевой религіозное воззваніе къ націи, съ увѣщаніемъ соблюдать святыню воскреснаго дня, не предаваться мірскимъ занятіямъ и забавамъ и посвящать этотъ день Богу. Намъ случилось слышать людей, которые сближали этотъ манифестъ королевы съ административными мѣрами, принимаемыми въ интересъ нравственности во Франціи. Такое сближеніе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Воцпервыхъ, англійская королева не есть только глава государства, но почитается также и представительницей церковнаго начала. Въ Англии признается такъ называемая учрежденная, національная церковь; но она не исключаетъ и не стѣсняетъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій, которыя могутъ быть изъяты и распространяемы своими приверженцами совершенно свободно. Всякому образу мыслей предоставлена полнѣйшая свобода высказываться, независимо отъ правительственнаго контроля; всякій можетъ мыслить, говорить и жить какъ хочетъ, и если встрѣтитъ себѣ противодѣйствіе, то не въ префектахъ, не въ министрахъ, а развѣ въ общественномъ мнѣніи. Смотра по силѣ своихъ убѣжденій, по энергіи своего характера, каждый можетъ всту-

пять въ явную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ; борьбу эту никакой констабль запретить не можетъ. Въ то самое время, какъ королева издавала этотъ манифестъ, въ которомъ она только выражала господствующій въ самомъ обществѣ образъ мыслей, въ обѣ палаты парламента поступали съ разныхъ сторонъ петиціи объ отмѣнѣ закона, запрещающаго общественныя увеселенія, торговою и работы по воскреснымъ днямъ. Никому не запрещается критиковать самымъ рѣшительнымъ образомъ этотъ давній обычай, внесенный въ народную жизнь духомъ протестантизма и вошедшій въ силу закона. Стѣснительнаго въ этомъ законѣ собственно только то, что въ седьмой день недѣли дѣйствительно запираются всѣ лавки (что начинаютъ уже съ полудня въ субботу), прекращается работа во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и на фабрикахъ, закрываются театры и т. п. Но кто не считаетъ грѣхомъ занятіе практическими дѣлами и увеселеніями въ этотъ день, тотъ легко можетъ слѣдовать своимъ наклонностямъ, не опасаясь, что въ окно или въ дверь къ нему заглянетъ администраторъ, ведущій контроль надъ его совѣстью. Человѣкъ, живущій не такъ какъ всѣ живутъ, можетъ потерять въ Англіи уваженіе своихъ сосѣдей; но государству не будетъ ни малѣйшаго дѣла ни до его образа мыслей, ни до его образа жизни; если только онъ не нарушитъ свободы другихъ, не вызоветъ противъ себя законныхъ жалобъ передъ судомъ. Государство знаетъ, что религіозный, нравственный и даже политическій контроль надъ мыслями, чувствами и дѣйствіями людей можетъ вести только живое, самосознательное, самостоятельное общество, что всякое вмѣшательство съ его стороны было бы не только безуспѣшно, но и равно вредно какъ для общества, религіи и нравственности, такъ и для самаго государства. Великую и плодотворную силу имѣетъ духъ, живущій въ самомъ обществѣ, та внутренняя дисциплина, которая управляетъ умами и побуждаетъ ихъ двигаться въ извѣстномъ направленіи. Не всѣ люди достигаютъ яснаго и полнаго сознанія истинныхъ нормъ человѣческой нравственности; напротивъ, такихъ людей бываетъ всегда немного во всякомъ обществѣ, да и тѣ не всегда могутъ ручаться за себя, не всегда могутъ положиться на свои силы; всякому человѣку нужна нравственная поддержка другихъ людей, и хорошо, когда въ цѣломъ обществѣ живетъ сильный обычай, служащій не внѣшнею полицейскою, а внутреннею нормою для людей, отъ которой однакожь ничто не помѣшаетъ имъ отступать, если они слышатъ призывъ высшаго велѣнія.

Въ то время, какъ осуждаются на молчаніе лучшіе таланты и мыслящіе люди Франціи, фирма книгопродавца Дантю непрерывно вы-

пускаетъ въ свѣтъ политическія брошюры, которыя не только не преслѣдуются, но напротивъ пользуются очевиднымъ поощреніемъ, и даже, какъ утверждаютъ свѣдущіе люди, многія изъ этихъ брошюръ пишутся по вдохновенію свыше. Невозможно исчислить этой массы брошюръ, выходящихъ почти ежедневно. Какіе вопросы не затрогиваются въ нихъ! Какія не предлагаются въ нихъ перемѣны! Какіе не забрасываются намеки, какія не проводятся инсинуаціи! Особенно имѣютъ онѣ въ виду Англію, которую эти таинственные публицисты то наивно застрачиваютъ, то наивно искушаютъ разными приманками, чтобъ упрочить ея содѣйствіе или бездѣйствіе. Одна изъ послѣднихъ брошюръ, подъ заглавіемъ: *La politique anglaise*, представляетъ съ одной стороны блестящую перспективу союза съ Франціей и идти съ ней рука объ руку по всякому пути, какой вздумается ей избрать; съ другой стороны доказывается, что Франція можетъ легко вступить въ другіе союзы и пойдти съ другою державой по пути торжествъ и славы, оставивъ въ сторонѣ свою прежнюю союзницу, которая вслѣдствіе того потеряетъ все свое значеніе и сдѣлается державой второстепенною. Эти публицисты вздумали даже поднять вопросъ объ Ирландіи. Вышли двѣ брошюры, одна подъ заглавіемъ: *La question irlandaise* (Ирландскій вопросъ), другая, подъ заглавіемъ: *MacMahon roi d'Irlande* (Макъ Магонъ, король ирландскій). Этотъ Макъ-Магонъ, будущій король Ирландіи, есть никто иной какъ извѣстный французскій маршалъ, носящій это шотландское имя, бывшій у насъ въ Крыму и отличавшійся недавно на поляхъ Ломбардіи. Нѣтъ ничего забавнѣе аргументовъ, приводимыхъ этими памфлетистами въ пользу Ирландіи, которая, во многихъ отношеніяхъ, находится безспорно въ лучшемъ положеніи нежели сама Франція. Выходки эти встрѣтили энергическія возраженія въ самой французской литературѣ. Считаемо не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сказанныхъ по поводу этихъ брошюръ въ политической хроникѣ журнала *Revue Contemporaine*:

«Если есть какой-нибудь ирландскій вопросъ, то это, конечно, не вопросъ политическій. Тридцать лѣтъ тому назадъ политика дала Ирландіи все, что только могла Ирландія требовать. Ирландецъ пользуется совершенно тѣми же гражданскими и политическими правами, какъ и Англичане, а права эти, кажется, очень обширны, и теперь немного насчитается народовъ, которые обладаютъ такими правами. Личная свобода, свобода совѣсти и религіи, неограниченная свобода печати, свобода завѣщаній, свобода сходовъ и ассоціацій, судъ присяжныхъ, національное представительство; нѣтъ ни одной гарантіи, ни одной выгоды англій-

ской конституціи, которою Ирландецъ не пользовался бы вѣдѣть и вездѣло. Ирландецъ, католикъ или протестантъ, можетъ занимать всякое государственное мѣсто. Нынѣшній первый министръ королевы Викторіи родомъ Ирландецъ; онъ протестантъ, — это правда, — истый протестантъ, но въ департаментахъ ирландскаго правительства находится много католиковъ. Достаточно раскрыть любой изъ ирландскихъ журналовъ, въ которыхъ правительство королевы часто подвергается поруганію, — достаточно прочесть отчетъ о какомъ-нибудь митингѣ, гдѣ самыя основы англійскаго правительства подвергаются сильнымъ нападеніямъ, гдѣ открыто призывается иноземное вторженіе, — достаточно, чтобы убѣдиться, какъ свобода мнѣнія уважается въ Ирландіи, даже въ самыхъ крайнихъ изліяшествахъ. Если Ирландецъ видитъ, что Англичане обнаруживаютъ сочувствіе къ дѣлу, для него ненавистному, то онъ съ полною свободой можетъ поднять свой голосъ въ пользу противоположнаго дѣла; если въ Лондонѣ открыта подписка для Гарибальди и Сицилійцевъ, то граждане Дублина могутъ также свободно подписываться въ пользу папы или короля неанглійскаго; если имъ не нравится слышать какъ одинъ изъ министровъ королевы восхваляетъ Гарибальди, то они могутъ доставить себѣ удовольствіе съечь этого Гарибальди in effigie на публичныхъ площадяхъ, какъ они уже и сдѣлали. За бездѣлицу они могутъ точно такимъ же образомъ съечь чучелу самого министра. А эти господа толкуютъ о тиранніи англійскаго правительства въ Ирландіи! Было время, когда такія обвиненія могли имѣть основаніе. Было время, когда исключительные законы тяготѣли надъ Ирландіей, когда католики кесвеннымъ образомъ были исключены изъ публичныхъ должностей о-язанностью присяги, которую запрещала имъ совѣсть. Но даже и въ то время Ирландія, хотя менѣе счастливая чѣмъ Англія, пользовалась учрежденіями, которымъ многіе европейскіе народы могли бы позавидовать. Она имѣла судъ присяжныхъ, она имѣла парламентъ, и, хотя члены его не были католики, но католики были въ числѣ избирателей, они составляли большинство ихъ, что конечно не оставалось безъ вліянія на выборы. Сверхъ того, мы желали бы знать, было ли въ этотъ періодъ, то-есть въ XVIII столѣтіе, положеніе протестантовъ во Франціи и во многихъ странахъ материка лучше чѣмъ тогдашнее положеніе ирландскихъ католиковъ? Въ настоящее же время всякое неравенство между католиками и протестантами исчезло какъ на практикѣ, такъ и въ законодательствѣ, и англійское правительство нельзя упрекнуть ни за одинъ актъ несправедливости въ этомъ отношеніи. Правда, въ Ирландіи остается еще одно неравенство, неравенство имущественное, на которое не могутъ

имѣть вліяніе ни министры, ни парламентъ: тамъ, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Это уже зависитъ отъ Бога, отъ нравственныхъ и физическихъ условій, среди которыхъ живетъ человечество, отъ неравенства силы, отъ различія характера, отъ измѣненія временъ года, отъ случайностей счастья. Но у насъ обыкновенно предпочитаютъ возлагать вину на правительство тамъ, гдѣ оно ничего не можетъ сдѣлать. Мы касаемся здѣсь одной изъ слабыхъ сторонъ нашего народа, слабости обращаться во всѣхъ случаяхъ за помощью къ правительству. Плохъ ли урожай, дорогъ ли хлѣбъ, высоки ли ренты, за все про все должно отвѣчать правительство. Но правительство никакъ не можетъ быть обязано свести дождь съ облакъ небесныхъ, предотвратить градъ, предписать изобильный урожай или регулировать ренты. Обязанность правительства управлять хорошо, то есть управлять какъ можно менѣе; уважать свободу всякаго лица, пока оно не покушается на свободу другаго; предоставлять индивидуальной дѣятельности ея свободное развитіе. Англійское правительство исполняетъ какъ нельзя лучше эту обязанность въ Ирландіи, и болѣе ничего нельзя требовать отъ него. Говорятъ, что въ Ирландіи есть землевладѣльцы, которые сгоняютъ съ своей земли фермеровъ. А развѣ это не случается каждый день во Франціи? Какъ будетъ жаловаться фермеръ или постоялецъ на то, что нанимаемая ими земля или квартира отдается другому фермеру или другому постояльцу, которые предлагаютъ лучшія условія? если даже землевладѣлецъ будетъ слишкомъ сурово пользоваться своимъ правомъ,—что иногда случается столько же во Франціи, сколько въ Ирландіи,—то какъ правительству въ это вмѣшиваться? Можетъ ли правительство вмѣшиваться въ частные контракты, нарушать одно изъ самыхъ необходимыхъ правъ, право собственности, и можетъ ли оно предпринимать человеколюбивыя административныя мѣры? Плакуютъ ирландскую эмиграцію, но развѣ Ирландцы одни выселяются? Англичане, Нѣмцы, Швейцарцы переселяются также ежедневно. Нѣкоторые племена имѣютъ особую склонность къ колонизаціи; переселеніе становится необходимою для народа, который быстро размножается. Вмѣсто того чтобы любовознательно разсматривать спицу въ глазу нашего ближняго, не лучше ли намъ заняться бревномъ въ своемъ собственномъ? Прилично ли намъ проповѣдывать свободу тѣмъ, кто ею изавна пользуется, въ то время, какъ мы утрачиваемъ лучшую долю той, которую имѣли сами, а оставленную намъ долей не знаемъ даже какъ пользоваться?

Парижскій корреспондентъ газеты *Times*, сообщая объ этихъ брошюрахъ, разказываетъ между прочимъ интересный случай, характеризующій ту правительственную систему, которою могъ

бы осчастливитъ Ирландію французскій маршалъ Магъ-Магонъ. Два или три года тому назадъ, нѣкто по имени Абу—конечно не тотъ, что написалъ брошюру, надѣлавшую столько шума,—былъ приговоренъ за какой-то не очень важный проступокъ къ тюремному заключенію и къ полицейскому надзору по выходѣ изъ тюрьмы. Онъ былъ обязанъ жить въ назначенной мѣстности, а въ случаѣ, еслибъ онъ оставилъ ее и совершилъ что называется *rapture du ban*, онъ подвергался новому заключенію въ тюрьму отъ одного года до пяти лѣтъ. Въ случаѣ этой *rapture du ban*, судебный процессъ не считается уже необходимою; достаточно разъ увидѣть человѣка за предѣлами того мѣста, гдѣ ему назначено жить, для того чтобы прямо подвергнуть его этому наказанію. Абу именно попался въ такое положеніе; онъ отлучился изъ того департамента, куда сосланъ былъ на житье, былъ арестованъ и посаженъ на годъ въ тюрьму. Впрочемъ, согласно съ существующимъ во Франціи закономъ, противъ этого возражать нечего. Но вотъ въ началѣ текущаго мѣсяца истекъ срокъ его тюремнаго заключенія, и по закону его слѣдовало освободить, какъ человѣка, уже потерпѣвшаго наказаніе за свой проступокъ. Онъ дѣйствительно взятъ изъ нансійскаго тюремъ, гдѣ сидѣлъ, но не затѣмъ, чтобы возвратиться домой, а затѣмъ, чтобы отправиться на десять лѣтъ въ Кайенну.

«Ирландскій патріотъ, говоритъ корреспондентъ, могъ бы спросить, какое совершилъ этотъ Абу преступленіе, намекающее на него столь тяжкую кару? Преступленіе состояло въ слѣдующемъ: префектъ того департамента, гдѣ Абу сидѣлъ въ тюрьмѣ, извѣстился, что онъ употребилъ какое-то оскорбительное выраженіе, говоря объ императорѣ. Никто не можетъ сказать, было ли это обвиненіе основательно или нѣтъ, потому что Абу не былъ за это судимъ. Простой доносъ полицейскаго агента былъ принятъ за достаточное доказательство вины. Но слова, приписываемыя ему, если онъ дѣйствительно ихъ употребилъ, не содержатъ въ себѣ и двадцатой доли того, что высказывается нѣкоторыми ораторами и писателями въ Ирландіи противъ англійскаго правительства. Исторія будетъ не полна, если я не добавлю, что префектъ департамента былъ десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ самымъ крайнимъ республиканцемъ и однимъ изъ комиссаровъ г. Ледрю-Роллена.»

Впрочемъ, все имѣетъ свою хорошую сторону, и политическое положеніе, въ которомъ находится теперь Франція, не останется безъ своего рода добрыхъ послѣдствій. Общественная мысль, сжатая въ себѣ, становится все зрѣлѣе и все болѣе и болѣе приспособляется къ разумнѣйшей дѣятельности. Срав-

ниже пустую фразеологию либеральных эпохъ Франціи съ тѣмъ исполненнымъ смысла языкомъ, какимъ начинаютъ теперь говорить во Франціи люди различныхъ партій, и посмотрите какъ мало-по-малу всѣ партіи сближаются между собою въ возникающемъ сознаниі истинныхъ потребностей общества. Кстати замѣтить, что французское законодательное сословіе оживляется иногда свободнымъ и сильнымъ словомъ. Хотя члены этой палаты выбираются обыкновенно по назначенію префектовъ, такъ что на скамьяхъ ея сидятъ собственно не представители общества, а представители администраціи, однако случайно поступаютъ въ нее иногда и дѣйствительно выборные люди. Такихъ независимыхъ членовъ немного, три-четыре человѣка, и къ числу ихъ принадлежитъ г. Жюль-Фавръ, знаменитый адвокатъ. По случаю преній о бюджетѣ, онъ недавно высказалъ много полезныхъ истинъ, и голосъ его раздавался свободно, несмотря на всѣ усилія президента замать дѣло или дать другое направленіе рѣчи оратора. Г. Жюль-Фавръ коснулся многого, онъ говорилъ объ униженномъ положеніи французской мысли и слова, и даже нашелъ случай сказать слово о епопѳіи, которой подверглась орлеанская фамилія.

Французскія газеты подробно описывали церемоніаль похороновъ принца Іеронима, скончавшагося въ началѣ текущаго мѣсяца послѣ непродолжительной болѣзни, и сообщали біографическія свѣдѣнія о покойномъ. Какъ ни полны были эти свѣдѣнія, однако въ нихъ былъ замѣченъ одинъ довольно знаменательный пропускъ. Никто не упомянулъ о томъ, какъ въ 1847 году правительство Лудовика-Филиппа разрѣшило принцу Іерониму жить въ Парижѣ. Говорятъ, было дано приказаніе не упоминать этого факта, хотя пребываніе принца Іеронима въ Парижѣ не мало содѣйствовало тому, что племянникъ его въ послѣдствіи возведенъ былъ на степень президента республики. Принцу не только было дозволено пребываніе въ Парижѣ, но онъ былъ принятъ Лудовикомъ-Филиппомъ въ Сень-Клу съ такимъ почетомъ, съ какимъ принимались только коронованныя особы. Этого мало: ему назначена была королемъ ежегодная пенсія въ 150.000 франковъ, и назначеніе это ожидало лишь одобренія палаты депутатовъ, чего не послѣдовало потому только, что февральская революція испровергла тогда и тронъ Лудовика-Филиппа, и палату депутатовъ.

Сейчасъ только получены газеты съ отчетомъ о заведеніи палаты общинъ 23 іюля, въ которое лордъ Пальмерстонъ изложилъ причины, заставляющія правительство требовать, чтобъ ему разрѣшенъ былъ кредитъ на 11.000.000 фун. ст. для предположенныхъ укрѣпленій страны. Рѣчь перваго лорда казначейства очень обширна по своему объему и очень сильна по своему содержанию. Изложивъ сначала общія основанія предположеннаго плана, лордъ Пальмерстонъ сказалъ: «Что касается до необходимости этихъ работъ, то всякій, кто только броситъ взглядъ на положеніе Европы, всякій, кто слышитъ и видитъ все происходящее, не можетъ не быть убѣжденъ, что будущее не безопасно. Трудно предвидѣть, гдѣ разразится гроза; но горизонтъ покрытъ облаками, предвѣщающими бурю. Безъ сомнѣнія, палата знаетъ, что я говорю теперь преимущественно о нашемъ сосѣдѣ по ту сторону Британскаго канала; мнѣ нѣтъ надобности маскировать мою мысль. Я говорю не во враждебномъ духѣ, и никто не имѣетъ права оскорбляться заключеніями и соображеніями, не имѣющими другаго источника, кромѣ принципа самообороны. Правда, мы заключили недавно торговый трактатъ съ Франціей. Этотъ трактатъ имѣетъ большую цѣну. Доказано опытомъ, что народы, находящіеся между собою въ двѣдательныхъ торговыхъ сношеніяхъ, побуждаемые собственными своими интересами къ сохраненію мира, труднѣе приходятъ во враждебное столкновеніе чѣмъ народы, между которыми такихъ связей нѣтъ. Но все это не можетъ осуществиться вдругъ. Великій народъ, энергія котораго не была до сихъ поръ направлена въ смыслѣ экономическихъ интересовъ, народъ, которому его слава и подвиги сообщили воинственные склонности и вкусы, не можетъ вдругъ отказаться отъ своихъ старыхъ навыковъ и съ перваго раза понять всѣ выгоды и благодѣанія, прорастающія изъ торговыхъ и мирныхъ сношеній... Было бы безуміемъ съ нашей стороны разчитывать на будущія дѣйствія торговаго трактата, когда мы знаемъ, что у насъ есть уязвимые пункты, есть также средства оградить ихъ... Мы видимъ во Франціи армію, состоящую изъ 600.000 человекъ; 400.000 находятся подъ ружьемъ, остальные въ отпуску, но черезъ двѣ недѣли могутъ быть всѣ собраны на службу. Армія эта гораздо сильнѣе чѣмъ сколько требуетъ безопасность Франціи. Никакой народъ въ Европѣ не будетъ замышлять нападенія на Францію, если только не будетъ къ тому вызванъ. Никто не пытается надежды отнять у Франціи ея владѣнія, и тому пришлось бы плохо, кто напалъ бы на нее, не будучи вынужденъ къ тому ею же самою. Слѣдовательно, можно заключать, что эта армія не составляетъ необходимости для обороны Франціи. Я не хочу сказать, чтобъ эта армія содержалась преднамѣренно

съ завоевательными цѣлями. Пѣтъ, я этого не думаю. Но возможностью произвести нападеніе часто внушается желаніе произвести его (*слушайте! слушайте!*), и вы не можете, вы не должны разчитывать на воздержность и умѣренность сосѣда, обладающаго бѣльшими военными силами чѣмъ вы; вашъ долгъ уравнивать ваши оборонительныя средства съ его наступательными средствами...»

Рѣчь эта имѣла силу демонстраціи и произвела большое впечатлѣніе. Телеграмма отъ 30 іюля извѣщаетъ, что англійское правительство получило депешу, которую Франція предлагаетъ Англіи общую политику въ Сиріи и Италіи, на основаніи сохраненія Турціи и невмѣшательства въ Италію. Это что-то похоже на возрожденіе уже оплаканной вѣтми *entente cordiale*. Но было бы лучше, еслибы вмѣсто сохраненія Турецкой имперіи въ ея нынѣшнемъ видѣ нашлась какая-нибудь возможность обезпечить иначе положеніе дѣлъ на Востокѣ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ послѣднее время нельзя было не замѣтить, что на мусульманскомъ Востокѣ происходитъ или готовится какое-то обширное движеніе. Еще недавно исламъ показывалъ признаки жизни только въ пунктахъ своего сопрякосновенія съ христіанами, въ Алжирѣ, на Кавказѣ, въ Индіи. Пораженный на всѣхъ этихъ пунктахъ, онъ, повидимому, готовится теперь вступить въ послѣдній бой съ христіанствомъ. Число мусульманскихъ богомольцевъ, посѣщающихъ Мекку, возрастаетъ съ каждымъ годомъ, чему не малымъ пособіемъ служило соперничество между парходными компаниями, которыя, какъ кажется, пользуются вспомошествованіями своихъ правительствъ всего болѣе для оказанія услугъ народонаселенію Турецкой имперіи, странствующему въ Мекку. Быстрота и дешевизна сообщеній, стоющая милліоновъ христіанскимъ правительствамъ, шокровительствуетъ такимъ образомъ мусульманскому фанатизму, и, можно даже сказать, искусственно возбуждаетъ его: значительная часть издержекъ передвиженія хаджівъ падаетъ на плательщиковъ податей въ тѣхъ христіанскихъ государствахъ, которыя даютъ черезъбранныя субсидіи парходнымъ компаниямъ Средиземнаго моря;

въ сущности, это—субсидіи, выдаваемыя отчасти въ пользу мусульманскаго движенія. Какъ сильно это движеніе, мы можемъ видѣть на нашихъ крымскихъ Татарахъ, которые всѣ, какъ одинъ человекъ, вздумали нынѣшнею весной переселиться въ Малую Азію. Мы отнюдь не сожалѣемъ объ этомъ переселеніи; крымскіе Татары ничѣмъ не могли такъ угодить Россіи, такъ услужить истиннымъ интересамъ Новороссійскаго края, какъ этимъ рѣшеніемъ, но нельзя не придавать значенія этому движенію, и нельзя не обратить вниманія на слухи, распространенные въ Крыму, что по убѣжденію тамошнихъ Татаръ, въ ихъ содѣйствіи должна скоро оказаться надобность на Востокъ. Такое же убѣжденіе, говорятъ, раздѣляютъ и мусульманскіе горцы, выселяющіеся съ Кавказа. Центръ, изъ котораго распространяются подобныя убѣжденія, конечно, не Константинополь и не та Блистательная Порта, которая принята теперь въ европейскій международный союзъ; этотъ центръ долженъ находиться гдѣ-нибудь дальше отъ Европы гдѣ-нибудь ближе къ странамъ, породившимъ магометанство. Блистательной Портѣ это движеніе можетъ-быть столько же враждебно, сколько враждебно оно христіанскимъ державамъ; къ тому же оно, очевидно, не ограничивается одною Турціей. Между тѣмъ какъ магометане-сунниты сотнями тысячъ стекаются въ Мекку и, воспламеняясь тамъ религіознымъ фанатизмомъ, составляютъ планы для общаго дѣйствія, магометане-шииты не менѣе прилежно посѣщаютъ свои святыя мѣста на Евфратѣ, и въ Персідіи, повидимому, тоже готовится какой-то взрывъ. Персидскій шахъ переѣзжаетъ теперь изъ дворца во дворецъ не для того только, чтобы наслаждаться лѣтомъ; по прямымъ извѣстіямъ изъ Тегерана, помѣщеннымъ въ газетѣ *Кавказъ*, шахъ укрывается отъ секты бабьевъ еще болѣе чѣмъ отъ зноя. Едва только Испанія, поощряемая французскимъ правительствомъ въ своихъ чувствахъ христіанскаго патріотизма, успѣла благополучно покончить распрю съ Марокскимъ султаномъ, какъ въ африканскомъ Триполисѣ начинаются беспорядки, которые могутъ подать поводъ уже къ собственному вмѣшательству Франціи; они угрожаютъ алжирской торговлѣ, которая хотя и не очень дѣятельна въ своихъ операціяхъ, однако же, какъ всѣмъ извѣстно, очень дѣятельно поощряется французскимъ правительствомъ. Есть какая-то таинственная симпатическая связь между мусульманскимъ движеніемъ и воинственными наклонностями той христіанской державы, которая была въ Европѣ старѣйшею и вѣрнѣйшею союзницею мусульманской Турціи. Франціи, видно, судьба постоянно сражаться, постоянно быть вынужденной сражаться, а кому какъ не фаталистическому Востоку всего приличнѣе быть орудіемъ судьбы? И вотъ Франція считаетъ себя теперь

вынужденною вмѣшаться не только въ дѣла Триполиса, но и въ дѣла Сиріи, связанной съ Франціей самыми священными узами давняго протектората и давнихъ властолюбивыхъ интригъ. Вѣрная своему безкорыстному героизму, Франція забываетъ на время о Триполисѣ и Алжирѣ и спѣшить на Ливанскія горы, оставаясь въ этомъ спѣшномъ стремленіи только необходимою получить полномочіе отъ главныхъ державъ Европы, требуемое парижскимъ трактатомъ. Дѣло въ томъ, что знаменитая секта Друзовъ, о которой такъ много сказано было блистательныхъ рѣчей во французскихъ палатахъ 40-хъ годовъ, опять принялась за оружіе, и хотя это движеніе теперь, повидимому, уже прекращено мировою сдѣлкой между Маронитами и Друзами, хотя оно очевидно не находится въ тѣсной связи съ упомянутымъ нами общимъ настроеніемъ мусульманъ, но опустошенія, произведенныя Друзами въ горахъ Ливана, послужили, какъ кажется, сигналомъ къ возстанію настоящихъ правовѣрныхъ во всей западной Сиріи, и теперь сирійскіе христіане имѣютъ дѣло уже не съ сектой Друзовъ, ненавидящей мусульманъ еще болѣе нежели христіанъ, а со всѣми магометанскими фанатиками Сиріи. Кровавое пролитіе распространилось теперь за тѣсныя предѣлы Ливанскихъ горъ; движеніе приняло общій мусульманскій характеръ. Опасность угрожаетъ теперь не однимъ Маронитамъ, а всѣмъ христіанамъ и всѣмъ Европейцамъ, живущимъ въ Сиріи.

Европейское общество всѣхъ вѣроисповѣданій обнаружило, по поводу этихъ событій, истинно-христіанскій духъ сочувствія къ судьбѣ сирійскихъ христіанъ, туземцевъ и Европейцевъ. Повсюду собираются теперь подписки въ пользу пострадавшихъ, и что заслуживаетъ особеннаго упоминанія, одинъ изъ первыхъ голосовъ о подпискѣ былъ поданъ евреями Лондона и Парижа, вслѣдствіе вызова, съ которымъ гг. Монтефиоре и Кремье обратились къ своимъ единовѣрцамъ. «Мы пользуемся христіанскимъ гостепріимствомъ, говорили эти почтенные евреи, мы живемъ среди христіанскаго общества, подъ его либеральными законами; мы обязаны быть челоуѣколюбивы къ единовѣрцамъ тѣхъ людей, которое показало относительно насъ такое челоуѣколюбіе.» Если евреи, живущіе въ христіанской Европѣ, настолько освободились отъ того отчужденія, въ которое поставлена вся исторія ихъ племена, если они не хотятъ уже стоять, какъ стояли прежде, особнякомъ среди «языковъ челоуѣческихъ», то могутъ ли христіане оставаться чуждыми страданіямъ христіанъ и смотрѣть безучастно на ихъ судьбу? Нѣтъ сомнѣнія, что это невозможно, что въ европейскомъ обществѣ достаточно силъ и для христіанскаго сочувствія, и для энергическаго дѣйствія въ христіанскомъ духѣ на защиту страждущихъ единовѣрцевъ. И дѣйстви-

тельно, европейское общество высказывается единодушно. Во всей Европѣ слышенъ теперь одинъ голосъ о ливанскихъ дѣлахъ, голосъ живаго соболѣзнованія бѣдствіямъ, которымъ подверглись сирійскіе христіане. Всѣ настоятельно требуютъ быстрого прекращенія ужасовъ, отъ которыхъ раздирается сердце каждаго христіанина; всѣ готовы перенести свое сочувствіе на тѣхъ людей, которые посылаютъ на помощь нечастнымъ страдальцамъ. Всѣ согласны въ томъ, что одно прекращеніе кровопролитія, даже одно наказаніе виновныхъ теперь недостаточно, что надобно положить конецъ тому порядку дѣлъ, который дѣлаетъ возможными подобныя явленія. Французская высадка на берега Сиріи теперь рѣшена почти окончательно, лишь бы только Франція дѣйствовала не отъ одного своего имени, а въ силу полномочія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 года. Никто не протестуетъ противъ дѣятельнаго вмѣшательства въ дѣла Сиріи, и сама Турція, по послѣднимъ вѣстіямъ, изъявила на то свое согласие. Европа поступила въ этомъ дѣлѣ такъ, что французское правительство не можетъ на этотъ разъ обвинять ее въ недостаткѣ довѣрія къ благородству его намѣреній. Политическія соображенія совершенно замолкли передъ чувствами, понятными въ каждомъ христіанскомъ обществѣ. Органы общественнаго мнѣнія Англіи, наиболѣе враждебныя французской политикѣ, громко возставали противъ несвоевременнаго благоумія тѣхъ людей, которые указывали на возможность вредныхъ политическихъ послѣдствій французскаго вмѣшательства. Только газета *Morning Post* говорила уклончиво, *pour sauver les apparences*, о необходимости вмѣшательства и высказывала надежду, что турецкое правительство само будетъ въ силахъ прекратить безпорядки. Другія газеты, и во главѣ ихъ *Times*, вѣрнѣйшій отголосокъ лондонскаго общественнаго мнѣнія, сильно напали на политику выжиданія и переговоровъ, на политику гамлетизма, какъ выразился *Times*. Нужно дѣйствовать, а не переписываться; всѣ христіанскія державы должны дѣйствовать единодушно и отложить взаимные счеты: таковъ былъ до послѣдней минуты общій голосъ въ Англіи и можно сказать во всей Европѣ.

«Нужно дѣйствовать»; таковъ былъ бы и нашъ искренній кликъ, если бы нашъ голосъ могъ имѣть вліяніе на дѣйствіе или бездѣйствіе тѣхъ, кто можетъ дѣйствовать. Но мы живемъ въ скромной столицѣ Востока Европы, среди общества (снѣвощаго) очень мало вліянія на всемірный ходъ дѣлъ, и пишемъ для этого скромнаго общества. Какъ ни велико наше сочувствіе къ нашимъ братьямъ по вѣрѣ, живущимъ въ Левантѣ, какъ ни сильна наша скорбь о ихъ бѣдствіяхъ, наше слово сочувствія и поруганія не можетъ, къ сожалѣнію, имѣть большого

практическаго дѣйствія. Мы не повредимъ успѣху французской экспедиціи, которая въ настоящую минуту, вѣроятно, уже отправилась изъ Тулона, мы ни на каплю не уменьшимъ ни силы французскаго оружія, ни славы, которая несомнѣнно ожидаетъ его на высотахъ Ливана, мы ни на волосъ не ослабимъ убѣжденія, столь нужнаго французскому войску, что оно будетъ сражаться за святое дѣло челоѣколюбія, не внесемъ диссонансовъ въ общій строй теперешнихъ чувствъ христіанской Европы, если позволимъ себѣ взглянуть на современную намъ фазу восточнаго вопроса съ той точки зрѣнія, свободной отъ вліянія недавнихъ тяжкихъ впечатлѣній, которая возможна для насъ и для нашей публики, благодаря нашей отдаленности отъ театра событій. Наше общество, для котораго мы пишемъ, не призвано дѣйствовать; намъ нечего опасаться, что мы окажемъ въ немъ жаръ, необходимый для дѣйствія, что заразимъ нашихъ читателей гамлетизмомъ. На насъ не лежитъ нравственнаго долга умалчивать о нашихъ сомнѣніяхъ, воздерживаться отъ анализа чувства, дабы не препятствовать ему перейти въ дѣло; мы не обязаны брать это чувство какъ оно есть, со всеми его элементами, и вторить ему ради ожидаемыхъ или желаемыхъ результатовъ предстоящаго дѣла. Въ виду общества, котораго голосъ, теперь еще мало слышимый, рано или поздно будетъ имѣть надлежащее вліяніе на разрѣшеніе восточнаго вопроса, мы даже обязаны не воздерживаться отъ анализа правительственными чувствованіями державы; желавшій взять на себя инициативу въ дѣйствіяхъ Европы по сирийскимъ дѣламъ, мы обязаны не умалчивать сомнѣній, возбуждаемыхъ этимъ анализомъ, особенно если принятое выраженіе этихъ сомнѣній можетъ содѣйствовать очищенію того христіанскаго чувства челоѣколюбія, которое, безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе живо въ нашемъ обществѣ, не дѣйствующимъ, нежели въ націи, готовящейся дѣйствовать. Намъ кажется, что ближе всмотрѣться въ подробности и элементы этого дѣла полезно намъ потому, что это должно повести къ очищенію, а следовательно и укрѣпленію въ насъ самихъ христіанскаго чувства челоѣколюбія къ нашимъ ограждающимъ братьямъ, подданнымъ Турецкой имперіи.

Чтобы судить о роли, которую играютъ европейскія державы въ дѣлахъ Ливана, надобно припомнить себѣ прежнія событія и участіе въ нихъ Европы. Мы уже упомянули, что Друзовъ нельзя считать за настоящихъ мусульманъ. Эта оригинальная секта примыкаетъ, правда, къ мусульманству; Коранъ пользуется у Друзовъ нѣкоторымъ уваженіемъ; но въ Мекку они не ходятъ, и питаютъ ненависть къ поклонникамъ Магомета за частыя преслѣдованія съ ихъ стороны. Вѣрованія Друзовъ составляютъ смѣсь первобытнаго язычества Ливанскихъ горъ, отличавшагося

сладострастными обрядами, съ нѣкоторыми чертами магометанскаго, еврейскаго и даже христіанскаго ученія. Они называютъ себя поклонниками единого Бога, но вѣрять въ его воплощеніе въ Хакимѣ, одномъ изъ фатимитскихъ калифовъ Египта; Хакимъ, по ихъ понятіямъ, скрылся теперь съ лица земли, но нѣкогда явится снова и будетъ царствовать надъ всею землею. Они вѣрятъ въ переселеніе душъ и полагаютъ, что души добрыхъ людей переселяются опять въ людей, а души злыхъ—въ животныхъ: бракъ не имѣетъ у нихъ прочности; они допускаютъ кровосмѣшеніе, хотя и не допускаютъ многоженства; они не признаютъ запрещенія пить вино и ѣдятъ свиное мясо. Религіозное ученіе у нихъ составляетъ тайну для простаго народа; оно извѣстно только посвященнымъ, *оккалямъ*, которые пользуются у народа большимъ уваженіемъ; особенно чтутся посвященные, ведущіе отшельническую жизнь, постящіеся каждыи вечеръ, вовсе не вкушающіе мяса. Впрочемъ всѣ *оккалы* обязаны жить воздержно, никогда не говорить громко, никогда не ѣсть пища изъ дома князей или ихъ служителей, потому что, говорятъ они, пища эта улитана потомъ бѣдныхъ людей. Свѣтскою властію *оккалы* не пользуются; дѣлами народа управляютъ непосвященные. Нѣкоторые путешественники свидѣтельствуютъ, что у Друзовъ сохранились еще слѣды древняго языческаго поклоненія Адонису, подъ образомъ тельца. Языкъ Друзовъ—арабскій.

Марониты говорятъ также арабскимъ языкомъ, но священнымъ считается у нихъ сирскій, котораго впрочемъ они не разумѣютъ за немногими исключеніями. По мнѣнію ученаго историка христіанской церкви Неандера, они потомки секты моноеелетовъ, признававшей въ Спасителѣ одну волю. Подвергшись преслѣдованію въ предѣлахъ Римской имперіи, секта моноеелетовъ еще тогда нашла себѣ убѣжище въ горахъ Ливана и Антиливана, куда занесъ ее члѣкъ Маронъ; по его-то имени всѣ послѣдователи этой секты называются Маронитами. Во время крестовыхъ походовъ Марониты присоединились къ римско-католической церкви. Виллермъ Тирскій свидѣтельствуетъ, что въ 1180 году они отреклись отъ ученія Маронова, подчинились латинскому патріарху и сражались подъ знаменами короля Балдуина IV. За гостепрѣимство, оказанное ими Франкамъ, папы дали ихъ патріарху титулъ патріарха Антиохійскаго, который и доселѣ признается католиками за патріархомъ Маронитовъ. По всѣмъ свидѣтельствамъ согласны въ томъ, что подчиненіе папѣ было со стороны Маронитовъ политическою мѣрой, что они имѣли въ виду обезпечить себѣ покровительство папы и французскаго короля противъ ненавистныхъ имъ Друзовъ, Мельхитовъ и Мета-

влей (1); а въ сущности они вовсе не католики. Они продолжают поклоняться своему патрону Марону, котораго чтутъ какъ святаго; ихъ духовные вступаютъ въ бракъ (однократный); служба совершается у насъ на древне-сирскомъ языкѣ, за исключеніемъ чтенія Евангелія, происходящаго на арабскомъ языкѣ; причастіе принимается подъ двумя видами. Число духовенства, какъ благаго, такъ и чернаго, у нихъ огромное; еще знаменитый Вольней замѣтилъ, что во всей Италіи нѣтъ столько епископовъ, сколько въ небольшой странѣ Казраванъ, обитаемой Маронитами (она лежитъ по западному склону Ливана на сѣверъ отъ Бейрута). Патріархъ, или по-маронитски *батракъ*, выбирается всѣми епископами; епископовъ выбираетъ народъ епархіи; священниковъ—народъ каждаго прихода.

Французскіе путешественники, вообще доброжелательные къ Маронитамъ, сознаются, что высшее духовенство, которому они совершенно послушны, развиваетъ въ нихъ ненависть къ людямъ, не исповѣдующимъ ихъ «католической», какъ величаютъ они ее, религіи. «Когда Марониты одерживали верхъ, говорить Французъ Корансе, бывшій въ этихъ странахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, то ихъ иго бывало тяжеле нежели всякое другое.» Въ низшемъ духовенствѣ и монашествѣ у Маронитовъ путешественники видѣли много истиннаго благочестія, напоминающаго, какъ говорятъ они, апостольскія времена, но высшее духовенство, по общему свидѣтельству всѣхъ, одержимо самымъ безпокойнымъ духомъ, и огромное вліяніе, которымъ оно пользуется въ своемъ народѣ, было всегда главною причиною безпокойствъ, происходившихъ въ Ливанскихъ горахъ. Подъ этимъ вліяніемъ, во всѣ времена, Марониты показывали самое живое расположеніе къ разнымъ переворотамъ. Не было ничего легче, какъ возбудить ихъ къ возстанію, и потому они всегда были удобнымъ орудіемъ въ рукахъ иностранной политики. Лудовикъ XIV пытался съ ихъ помощію подчинить Сирію своему формальному протекторству (1649); Наполеонъ I посылалъ къ нимъ своего секретаря Амедея Жобера изъ С.-Жанъ д'Акры; на нихъ же опиралась сирійская политика Лудовика-Филиппа и г. Тьера.

(1) Метавилы или Метуэлы называются мусульмане секты шитовъ, довольно многочисленныя въ Ливанскихъ горахъ. Мельхитами называются православныя; ихъ немного въ этихъ мѣстахъ; они принадлежатъ къ округу православнаго патріарха Антіохіи, живущаго теперь въ Дамаскѣ; по языку, они отчасти Арабы, отчасти Славяне; какъ вездѣ въ Турціи, они много терпятъ не только отъ Турокъ, но и отъ католиковъ, и отъ Маронитовъ, и отъ своего высшаго духовенства, состоящаго изъ Грековъ, которые даже не трудятся узнать мѣстныя нарѣчія своей паствы. (См. Ritter *Erkunde*, XVII, I, стр. 196, 755, 801.)

Ливанскія племена подпали владычеству Турокъ въ концѣ XVI столѣтія, но даже и послѣ этого времени сохранили въ значительной степени свою независимость. Турки пользовались взаимною враждой этихъ племенъ, но когда удавалось какому-нибудь эмиру возвыситься надъ другими, то турецкое вліяніе тогчасъ же ослабѣвало. Одна эпоха исторіи Ливана особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи. Это—эпоха верховнаго эмира Друзовъ, Фахреддина (1695—1634). Совершенно нейтральный относительно релігіозныхъ партій своей страны, этотъ эмиръ показывалъ особенное расположеніе къ христіанамъ. Онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Европейцами, имѣлъ случай побывать въ Италіи и лично вступить въ связи съ тосканскимъ и неаполитанскимъ дворомъ, ознакомился съ христіанскою цивилизаціей и самъ приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ и торговомъ дѣлѣ. Слава Фахреддина распространилась по всей Европѣ; безопасность, которую онъ предоставилъ торговлѣ, привлекла Европѣцвъ въ гавани Ливана, преимущественно въ Сайду, древній Сидонъ, гдѣ онъ устроилъ для Европѣцвъ три *хапы*, или караванъ-сарая (1). По горамъ онъ проложилъ дороги; черезъ рѣку въ Бейрутъ и Сайдѣ тосканскіе архитекторы построили ему очень красивые мосты, которые и теперь еще цѣлы; онъ первый ввелъ въ Ливанѣ шелководство, составляющее до сихъ поръ главный источникъ богатства этой страны. Маронитамъ онъ дозволялъ свободное отправленіе ихъ богослуженія, разрѣшилъ имъ всадъ, гдѣ хотятъ они, строить церкви и монастыри, и далъ имъ право звонить въ колокола, право, котораго были лишены христіане въ предѣлахъ турецкаго владычества. Даже послѣ того какъ Фахреддинъ былъ низложенъ Турками, европейская торговля въ Сайдѣ была такъ значительна, что доставляла турецкому правительству ежегодныхъ пошлинъ оного 200.000 кронталеровъ. Турки щадили поэтому европейскую торговлю, но съ неистовствомъ преслѣдовали потомковъ Фахреддина и искоренили весь родъ его. Друзы тѣмъ не менѣе не покорялись; чтобы совершенно обездѣчить власть свою въ Ливанѣ, Порта поручила начальнику Сайды самому храброму и хитрому, но въ то же время самому жестокому изъ слугъ своихъ, прославившемуся подъ именемъ Джезаръ-паши, то-есть Живодера-паши. Этотъ искатель приключеній успѣлъ покорить Друзовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разорилъ

(1) Эти хапы называются по италіянски *сапрі*, по французски *les сапрі*, они упоминаются въ повѣствованіяхъ о недавнихъ событіяхъ Сиріи. Захвативъ мимоходомъ, что нѣкоторые изъ нашихъ газетъ неправильно понимаютъ это слово, говоря о *французскомъ лагерѣ*, тогда какъ французской высадкѣ еще не было, а слѣдовательно не можетъ быть и французскаго лагеря въ этихъ мѣстахъ.

Ливанъ. Съ тѣхъ поръ городъ Сайда, древній Сидонъ, превратился въ незначительную деревушку. Между тѣмъ все-таки сохранилось еще верховное эмирство Друзовъ; но искорененіи цюколтннѣ Фахрединова, оно перешло въ колыно Шехабитовъ, которое пользовалось въ горахъ большнхъ уваженіемъ; первоначально оно исповѣдывало чистую магометанскую вѣру, но путешественники, посѣщавшіе Ливанъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, высказываютъ мнѣніе, что большая часть Шехабитовъ втайнѣ приняли крещеніе. Изъ Шехабитовъ особенно замѣчательнъ былъ эмиръ Веширъ, управлявшій Ливаномъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ былъ очень расположенъ къ Англичанамъ и вообще къ Европейцамъ; дѣти его были крещены и воспитаны по-европейски; одна изъ дочерей его вышла замужъ за Друза; но не прежде какъ онъ принялъ христіанскую религію. Въ дворцѣ эмира Бешира были мальчики-рабы изъ негровъ и Грековъ; негровъ онъ воспитывалъ въ магометанской, Грековъ — въ католической вѣрѣ. Самъ онъ не признавался открыто въ христіанствѣ, но держалъ при себѣ духовника, одного священника-Итальянца. Одного маронитскаго епископа, Іоанна Маруна, онъ назначилъ кадїемъ въ Казраванъ; этотъ епископъ судилъ по Корану, утѣря Европейцевъ, что право Корана въ сущности не мусульманское, а заимствовано Магометомъ изъ Юстиніанова кодекса. Таковъ хаосъ, господствующій въ понятіяхъ ливанскихъ жителей, но все-таки подобные факты ясно доказываютъ, что ливанскіе Друзы были уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія довольно свободны отъ вражды къ христіанству.

Изъ христіанскихъ миссій на Ливанѣ съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствовала протестантская американская миссія. Дѣятельность ея началась въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и усилилась въ 1837 году, когда соединенныя протестантскія церкви Сѣверной Америки послали въ Бейрутъ 15 миссіонеровъ, которые ревностно принялись за изученіе туземныхъ нарѣчій и за переводъ Священнаго Писанія на арабскій языкъ. Бейрутская американская миссія завела нѣсколько школъ и типографій, какъ въ Бейрутѣ, такъ и въ горахъ, и скоро туземные ученики, получившіе воспитаніе у миссіонеровъ, начали подкрѣплять миссію своими бодрыми силами. Усилія миссіи были направлены не на презелитизмъ, а на устраненіе препятствій и предубѣжденій, задерживающихъ распространеніе христіанства: христіанскіе врачи были приглашены миссіей, чтобы лѣчить людей всѣхъ вѣроисповѣданій и племенъ безъ различія; по городамъ и селамъ были заведены школы, въ которыхъ учились дѣти разныхъ религій; главное вниманіе было обращено на распространеніе Священнаго Писанія между Друзами и Маронитами, и это послѣднее обсто-

ительство, повидимому, возбудило наибольшую вражду къ миссіи въ маронитскомъ патріархѣ. Маронитское духовенство испугалось успѣха протестантской миссіи; оно видѣло ея чрезвычайную популярность между Друзами, не ослабѣвшую послѣ многихъ испытаній, не потрясенную даже тою страшною ненавистью, которую возымѣли Друзы къ Маронитамъ и вообще къ христіянамъ, вслѣдствіе разныхъ вмѣшательствъ европейской политики въ дѣла Ливана. Друзы, Метавиліи, даже магометане изъ отдаленныхъ частей Сиріи стекались въ школы миссіонеровъ, и Марониты съ ревностію принялись читать Св. Писаніе, несмотря на запрещеніе своего духовенства. Между Маронитами составились даже тайныя общества для чтенія Библии; заключались союзы, которыхъ члены давали клятвенное обязательство защищать другъ друга въ случаѣ преслѣдованій за чтеніе Библии. Тогда маронитскій *батракъ* рѣшился дѣйствовать. Съ помощію денегъ, которыя онъ получалъ изъ христіанской Европы, какъ католической, такъ и протестантской, онъ сталъ вооружать Друзовъ противъ протестантской миссіи и противъ тѣхъ изъ ихъ соплеменниковъ, которые учились у христіанъ; въ то же время, съ помощію тѣхъ же денегъ, онъ добился въ Константинополѣ того, что американской миссіи было приказано закрыть основанное ею высшее училище въ Дейръ-эль-Камарѣ. Таковъ былъ одинъ изъ поводовъ къ волненію, происшедшему между Друзами въ 1841 году.

Но возвратимся къ эмиру Бешіру. Онъ былъ человекъ алчный до денегъ и къ тому же принужденъ былъ откупаться отъ турецкихъ пашей. Поэтому онъ бралъ съ Друзовъ и Маронитовъ очень тяжкія подати, но все-таки страна чувствовала себя хорошо подъ его управленіемъ, благодаря личной безопасности и отсутствію личныхъ преслѣдованій. Не было никакого сравненія между управленіемъ верховнаго эмира Друзовъ и управленіемъ турецкихъ пашей. Ливанъ, можно сказать, процвѣталъ сравнительно съ сосѣдними областями Турціи. Очень большую важность имѣло, впрочемъ, здѣсь, какъ и вездѣ, болѣе рациональное устройство землевладѣнія. Между тѣмъ какъ почти всѣ равнины Сиріи и Палестины, съ ихъ плодородными землями, были собственностію правительства, ливанскіе горы владѣли своею землей на правѣ собственности. Жители равнинъ, отъ природы очень богатыхъ, остаются въ бѣдности; большая часть земель ихъ лежитъ впустѣ. На ливанскихъ горахъ, напротивъ, каждый клочокъ земли обработанъ; въ каждое мѣстечко проведена вода. «Нѣтъ можетъ-быть страны въ Сиріи менѣе удобной для воздѣлыванія нежели многіе округи на Ливанскихъ горахъ, говорятъ путешественникъ Буркгардтъ, но тѣмъ не менѣе они населены очень густо.» И христіяне и мусульмане издавна искали на Ли-

ванскихъ горахъ убѣжища отъ преслѣдованія турецкихъ пашей; этимъ объясняется то, что народонаселеніе Ливана такъ возросло. Эмиръ Беширъ, который много поплатился пашамъ, постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы находиться въ непосредственномъ подчиненіи Портъ, но хлопоты его не повели ни къ чему. Это побудило его искать дружбы Мегмета-Али египетскаго и содѣйствовать соединенію Сиріи съ Египтомъ. Извѣстно, что египетскій паша въ продолженіе почти десяти лѣтъ господствовалъ въ Сиріи, и хотя этому господству былъ положенъ конецъ волей Европы, но теперь всѣ согласны въ томъ, что время египетскаго управленія было лучшимъ временемъ для Сиріи. Самъ лордъ Страффордъ де-Редклифъ, такъ хорошо знающій дѣла Востока, высказалъ это недавно въ палатѣ лордовъ, дѣлая запросъ правительству по поводу сирійскихъ дѣлъ. Личная безопасность была вполне обезпечена; разбои прекратились; оружіе было отобрано у ливанскихъ горцевъ. Этому времени обязанъ своимъ процвѣтаніемъ Бейрутъ (древній Беритъ, знаменитый въ древности школой своихъ юристовъ, цѣнимый теперь Европейцами за свой умѣренный и здоровый климатъ), и къ этому же времени относится учрежденіе американской миссіи въ Бейрутъ. Но европейская полетика рѣшила, чтобы Сирія принадлежала султану. Англійскія и австрійскія силы выгнали Египтянъ изъ Сиріи въ 1840 году, и Сирія опять подпала безалаберной власти турецкихъ пашей. Эмиръ Беширъ остался вѣренъ Египтянамъ; онъ былъ отвезенъ на островъ Мальту (1). Друзамъ, между которыми было много людей враждебныхъ египетскому господству, Англичане роздали ружья для возстанія противъ Египтянъ, и этими ружьями Друзы скоро воспользовались противъ Маронитовъ.

Мы уже упоминали объ интригахъ маронитскаго патріарха, подавшихъ поводъ къ волненію между Друзами. Египетское господство также оставило по себѣ слѣдъ во взаимныхъ чувствахъ Друзовъ и Маронитовъ. Ибрагимъ-паша, при содѣйствіи эмира Бешира, отобралъ у Друзовъ оружіе, чтобы обезпечить спокойствіе Ливана. Это было въ 1835 году. Друзы были, разумѣется, озлоблены этою мѣрой, и когда вскорѣ послѣ того вспыхнуло возстаніе противъ Ибрагима-паши въ восточной Сиріи, въ Гавранѣ, Друзы приняли угрожающее положеніе. Тогда Ибрагимъ-паша вздумалъ сдѣлать диверсію, онъ роздалъ оружіе Маронитамъ и старался возбудить ихъ противъ Друзовъ. Понятно, какую ненависть къ Маронитамъ должна была породить эта мѣра въ Друзахъ, и какое дѣйствіе должна была произвести между Друзами вторичная раздача имъ оружія въ 1840 году Англичанами. Турки тотъ-

(1) Онъ умеръ въ Брюссѣ, въ 1851 году, девяноста лѣтъ отъ роду.

часть же воспользовались этимъ настроеніемъ; они предложили Друзамъ свою помощь, если Друзы сдѣлаются настоящими мусульманами и заведутъ мусульманскія школы, а школы миссіонеровъ закроютъ. Нѣкоторые шейхи приняли это предложеніе, но за то другіе шейхи отвергли его. Маронитамъ угрожала кровавая месть. Междуусобная война уже начиналась, когда европейскія державы принудили Порту согласиться на мѣры, предназначавшіяся къ замрвенію Ливана. Въ 1843 году, съ утвержденія Порты, введено новое устройство, на основаніи котораго Ливанъ раздѣленъ на два намѣстничества (каймаканства) подъ верховною властію Порты. Въ одномъ намѣстничествѣ каймаканъ Маронитъ, выбранный Маронитами а помощникъ его—Друзъ; въ другомъ намѣстничествѣ каймаканъ—Друзъ, выбираемый Друзами, а помощникъ его—Маронитъ. Оба подчинены турецкому пашѣ, живущему въ Сайдѣ. Но и эти широты, изобрѣтенныя европейскою дипломатіей, мало помогли Ливану. Турецкіе порядки разорили страну; о личной безопасности нѣтъ уже и помину; плантаціи кофе, каменноугольныя копи, устроенныя Ибрагимомъ-пашей, заброшены; даже швелковство пошло назадъ. Турецкіе паша постоянно слѣдуютъ одной напяти: сорвать Друзовъ съ Маронитами, чтобы держать ихъ и другіхъ въ своихъ рукахъ. Въ 1845 году вспыхнуло возстаніе Друзовъ противъ Маронитовъ, опустошившее большую часть Ливана; турецкія власти поджигали Друзовъ и открыто вращали ихъ сторону, когда счастье начинало склоняться на сторону Маронитовъ; турецкія войска разграбили нѣсколько христіанскихъ деревень. Весною 1846 года, Порта нашла нужнымъ еще разъ преобразовать устройство страны; при каймаканахъ учреждены совѣты изъ представителей разныхъ исповѣданій (2 Маронита, 2 Друза, 2 уніата, 2 православныхъ, 1 Метавилій), но и это устройство не оказалось удовлетворительнымъ. Въ 1847 году опять возникли смуты, побудившія европейскую дипломатію къ новымъ примирительнымъ попыткамъ, тоже не достигшимъ цѣли. Благодаря безопасности или недобросовѣстности турецкихъ пашей. Въ нынѣшнемъ году, когда вражда достигла небывалыхъ прежде размѣровъ, турецкія власти опять показали самое преступное недоброжелательство къ Маронитамъ. Пока Турки будутъ имѣть вліяніе на дѣла Ливана, нельзя ожидать, чтобы прекратились тамъ междуусобныя войны, чтобы Друзы возвратились къ той терпимости въ религіозныхъ дѣлахъ, которою они всегда выгодно отличались отъ Турокъ.

Съ чьей стороны было сдѣлано въ этотъ разъ первое наведеніе, со стороны ли Друзовъ или со стороны Маронитовъ, нельзя еще сказать на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя мы имѣемъ. Извѣстія эти исполнены противорѣчіями; во многихъ французскихъ извѣстіяхъ есть намеки на то, что Марониты первые

начала вражду; бейрутскій корреспондентъ *Times* прямо говоритъ, что Марониты сначала были не правы, что у Маронитовъ былъ устроенъ формальный комитетъ для приготовления ихъ къ войнѣ съ Друзами; турецкое правительство еще въ апрѣлѣ жаловалось на подвозъ оружія къ Маронитамъ изъ Европы, и дѣйствительно съ начала междуусобія Друзы были вооружены старинными ружьями, а у Маронитовъ были ударныя ружья. Но какъ бы то ни было, достоверно одно: вызовъ къ бою шелъ не исключитель- но со стороны Друзовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Марониты пер- вые взяли за оружіе, большая часть неистовствъ была произ- ведена не ливанскими Друзами, а пришельцами изъ Гаврана. Главною причиною бѣдствій, обрушившихся на христіанъ Сиріи, было поведеніе турецкихъ властей. Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Турки и на этотъ разъ не только поощряли, но даже поджигали Друзовъ, что турецкіе солдаты совершенно хладнокровно производили неистовства, нисколько не уступав- шія тѣмъ, которыя были совершены Друзами въ пылу ярости, и что Куршидъ-паша, турецкій чиновникъ, оказался самымъ ярост- нымъ фанатикомъ изъ всехъ фанатиковъ Ливана. Съ другой сто- роны, есть указанія на то, что Друзы считаютъ французскихъ агентовъ виновниками кровопролитія; нѣсколько разъ Друзы обна- руживали свою ненависть именно къ представителямъ Франціи. Такъ, напримѣръ въ одной изъ корреспонденцій газеты *Ami de la religion* разказывается случай, что Друзы зажгли одну бумаго- прядильную фабрику, принявъ флагъ ея за французскій, но потомъ они узнали, что ошиблись, что флагъ, развѣвавшійся надъ фаб- рикою, былъ не французскій, а сардинскій, и сами принялись гнѣшить фабрику. Въ той же корреспонденціи сказано, что одинъ изъ иезуитъ былъ убитъ Друзами не какъ иезуитъ, а какъ Французъ. Въ Бейрутѣ два раза была занесена обнаженная сабля надъ го- ловой французскаго консула. *Ami de la religion*, газета, получаю- щая свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ и въ большомъ количествѣ, прямо утверждаетъ, что Друзы, взявшись за оружіе, являли цѣлю уничто- жить французское вліяніе, и эта газета прибавляетъ, что французское вліяніе можно считать уничтоженнымъ, даже между христіанами, если Франція не подастъ имъ скорой помощи.

Мы не будемъ комментировать всѣхъ этихъ показаній; для этого еще не настало время. Обвиненіе въ поджигательствѣ къ между- усобной войнѣ—не къ возстанію противъ турецкихъ пашей, а къ разнѣ съ сосѣдями—есть тяжкое обвиненіе, даже еслибы оно было и не на христіанъ и не на Европейцевъ. Мы не находимъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы дѣлать заключеніе о тай- ныхъ причинахъ кровопролитія, происходящаго теперь въ Си- ріи. Мы можемъ говорить объ этомъ кровопролитіи только какъ

о фактѣ, въ которомъ отражается общее состояніе Ливана, и судить только объ общихъ причинахъ этого факта. Съ этой общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія всей новѣйшей исторіи Ливана, мы принуждены придти къ прискорбному для Европѣйца заключенію, что отвѣтственность за потоки крови, льющейся теперь въ Ливанѣ и его окрестностяхъ, лежитъ далеко не столько на Друзахъ, издавна дававшихъ у себя убѣжище христіанамъ, сколько на христіанскихъ державахъ Европы, навязавшихъ Ливану турецкое владычество, несмотря на то, что вся исторія свидѣтельствовала, какъ оно было пагубно для Ливана.

Кто не знаетъ, какимъ образомъ двадцать лѣтъ тому назадъ составила знаменитая коалиція четырехъ державъ противъ Франціи, какимъ образомъ произошелъ знаменитый актъ 15-го іюля 1840 года, поразившій Парижъ отчаяніемъ, которое было тѣмъ сильнѣе, что никто въ Парижѣ не зналъ настоящаго повода къ оскорбленію, нанесенному Франціи, а министръ Тьеръ, виновникъ всего этого дѣла, тщательно хранилъ свой секретъ? Никогда, можетъ-быть, предводители конституціонныхъ партій Франціи не вели себя хуже чѣмъ въ 1838 и 1839 годахъ. Г. Гизо, Берье, Тьеръ, Адилонъ Барро, Гарнье-Пажесъ соединились противъ министерства графа Моле, котораго вина состояла въ томъ, что онъ былъ уже два года министромъ; этого терпѣть было нельзя, это казалось тираніей. Но когда министерство просилось въ отставку, никто не брался за составленіе кабинета. Король распустилъ палаты, но и новые выборы депутатовъ не поправили дѣла: противъ министерства Моле была сильнѣйшая оппозиція, а новое министерство не составлялось, и нѣсколько времени Франція, еще не республика, а монархія, была управляема провизорнымъ правительствомъ. Вскорѣ послѣ этихъ постыдныхъ исторій, парламентская хитрость доставила г-ну Тьеру президентство въ кабинетѣ. Тогда г-ну Тьеру надобно было придумать что-нибудь новое, дабы упрочить за собой фортѣль; надобно было обезпечить себя отъ партій, вызвавъ въ большинствѣ націи сочувствіе къ себѣ, и съ этою цѣлью пущенъ былъ въ ходъ наполеонизмъ. Франція занялась перевозкой Наполеонова праха, а французская внѣшняя политика приняла воинственный характеръ. Въ 1839 году состоялось общее европейское соглашеніе по восточнымъ дѣламъ: г. Тьеръ былъ недоволенъ этимъ соглашеніемъ; ему хотѣлось дать дѣлу новый оборотъ, въ исключительномъ интересѣ французскаго вліянія на Востокъ; онъ послалъ къ Мегмету-Али тайнаго агента, и совѣтовалъ покончить распрю съ султаномъ, не соблюдая обязательствъ относительно пяти европейскихъ державъ, то-есть дѣйствуя безъ ихъ вѣдома. Россія изобличила тогда Францію, и англо-французскій союзъ былъ разорванъ. Актъ 15-го іюля 1840 года

былъ подписанъ въ Лондонѣ безъ вѣдома Франціи, и приняты рѣшительныя мѣры къ прекращенію распри между султаномъ и его вассаломъ. Англо-австрійская экспедиція бомбардировала сирійскія гавани, чтобы выгнать оттуда Египтянъ и возвратить Сирію султану. На Мегмета-Али смотрѣли какъ на вѣроломнаго Азіатца; онъ былъ жестоко наказанъ за то, что поддался-было внушеніямъ г. Тьера и сдѣлался-было орудіемъ для утвержденія на Востока вліянія Франціи. Франція была тоже наказана очень строго; въ продолженіе года она не считалась въ ряду великихъ державъ. Былъ наказанъ и г. Тьеръ; сначала онъ настаивалъ на значительныхъ вооруженіяхъ, онъ хотѣлъ поднять перчатку, брошенную Франціи, но Лудовикъ-Филиппъ согласился только на укрѣпленіе Парижа, и скоро г. Тьеръ принужденъ былъ уступить власть г-ну Гизо, призванному возстановить *entente cordiale* между Англійей и Франціей.

Но отъ этой исторіи, вызванной наполеоновскимъ пыломъ г-на Тьера, потерпѣли не только Мегметъ-Али, Лудовикъ-Филиппъ и г. Тьеръ; отъ нея еще болѣе потерпѣла Сирія, невинная во всемъ этомъ дѣлѣ. « Единственнаго благодѣтеля имѣла Сирія, Ибрагимъ-пашу, писалъ въ 1842 году г. Вильденбрухъ, консулъ Пруссіи, державы, подписавшей актъ 15-го іюля, и его теперь выгнали изъ Сиріи.» Лучшіе города Сиріи были разрушены европейскими эскадрами; страна отдана на произволъ турецкимъ пашамъ; искусственно возбуждена ненависть между Друзами и Маронитами. Не въ правѣ ли мы были сказать, что на европейскихъ державахъ лежитъ отвѣтственность за кровь, которая льется теперь въ Сиріи?

Связи Французовъ съ Сиріей восходятъ къ отдаленнымъ временамъ. Купцы и мореходцы Массиліи продолжали посѣщать Левантъ еще во время Григорія Турскаго, вскорѣ послѣ паденія Римской Имперіи. Франкскіе рыцари въ эпоху крестовыхъ походовъ укрѣпили эту связь, и первымъ иностраннымъ консуломъ въ Сайдѣ былъ французскій консулъ, получившій тамъ право юрисдикціи еще въ XV столѣтіи. Французы и до сихъ поръ продолжаютъ торговать въ Сиріи, но торговля ихъ уже далеко не такъ значительна какъ прежде. Французская политика стремится не столько къ огражденію французскихъ подданныхъ, живущихъ въ Левантѣ, — это было бы совершенно естественно и безукоризненно, — сколько къ распространенію своего вліянія не въ интересъ своихъ подданныхъ, а просто въ интересъ власти. Орудіемъ для этихъ стремленій служатъ Марониты; они считаются французскими *protégés*; между ними распространяютъ мнѣніе, что они должны возлагать всѣ свои надежды на могущественную Францію, что могущественная Франція поддержитъ ихъ, заступится

за нихъ, отогонятъ ихъ. Понятно, что такія надежды могутъ вести къ заносчивости со стороны Маронитовъ, питать раздоръ между ними и ихъ сосѣдами. Понятно, что посѣвать раздоръ есть дѣло недостойное христіанской державы, и что Европа не могла сочувствовать такому дѣлу. Понятно также, что Европа обязана охранять свое внутреннее равновѣсіе и не допускать властолюбивыхъ начинаній ни въ какомъ случаѣ, и что эти властолюбивыя начинанія еще болѣе антипатичны, когда лицемерно выступаютъ подъ священнымъ именемъ христіанства. Съ этой точки зрѣнія четыре европейскія державы были совершенно правы, когда возстали противъ г-на Тьера и рѣшились обрѣзать французское вліяніе въ Сиріи, не составлявшее никакой потребности для Франціи, и только льстившее ея властолюбію. Но правы ли были европейскія державы, когда для этой доброй цѣли онѣ избрали такія средства, отъ которыхъ, какъ не могли не знать онѣ, должна была пострадать Сирія? Развѣ не было средства устроить дѣла Сиріи, не подчиняя ея Портѣ? Еще можно было бы оправдать образъ дѣйствія европейскихъ державъ, еслибы все народонаселеніе Сиріи состояло изъ магометанъ и признавало турецкаго султана своимъ духовнымъ главою. Но насильственно подчинять султану страну, въ которой цѣлая треть народонаселенія исповѣдуетъ христіанство, а нѣкоторые округа населены исключительно христіанами, подчинять такую страну султану силой христіанскаго оружія, это было дѣло вопіющее, дѣло, которое никакъ не могло бы состояться, еслибы державы, подписавшія актъ 15-го іюля 1840 года, не питали взаимно между собой такого же недоверія, какое выказали онѣ къ Франціи. Поступивъ такимъ образомъ, европейскія державы избрали путь, недостойный христіанскихъ державъ. Своимъ внутреннимъ раздвоглядіемъ, своей взаимной ревности и зависти онѣ принесли въ жертву христіанъ Сиріи.

Какой же путь предстоитъ Европѣ теперь, чтобы поправить ошибку, сдѣланную въ 1840 году? Общество вездѣ въ Европѣ, конечно, желаетъ, чтобы дѣло, предстоящее теперь Европѣ, было ведено и кончено въ истинномъ христіанскомъ духѣ, чтобы рѣшеніе дѣла было внушено не властолюбіемъ той или другой державы, не взаимнымъ недоверіемъ ихъ между собой, посрамляющимъ христіанскую цивилизацію, а чистымъ сочувствіемъ къ христіанамъ Сиріи и миролюбивымъ доброжелательствомъ къ людямъ, исповѣдующимъ другія религіи. Что же нужно для того, чтобы образъ дѣйствія европейскихъ державъ соответствовалъ этимъ желаніямъ общественнаго мнѣнія?

Прежде всего нужно не терять времени. Никто не знаетъ, что можетъ принести съ собой каждый день бездѣйствія со стороны

Европы. Когда христіанъ, выдавшихъ свое оружіе, вырѣзываютъ тысячами, когда старцевъ, не принимавшихъ участія въ войнѣ, рубятъ на части съ звѣрскою яростью, когда на рукахъ матерей крошатъ въ куски грудныхъ младенцевъ, а потомъ обезчещиваютъ этихъ несчастныхъ матерей и, обезчестивъ, въ свою очередь умерщвляютъ, когда половина христіанскаго населенія укрывается въ горныхъ ущеліяхъ отъ яростнаго преслѣдованія и можетъ-быть обречена погибнуть голодною смертію, тогда надобно дѣйствовать, а не совѣщаться, тогда не время соблюдать въ точности всѣ формальности, установленныя парижскимъ трактатомъ (1856 года), который, какъ извѣстно, допускаетъ въ Турціи лишь совокупное дѣйствіе всѣхъ участвовавшихъ въ его подписаніи державъ Европы и не иначе, какъ вслѣдствіе предварительнаго соглашенія ихъ между собой и съ Турціей. Но если не слѣдуетъ останавливаться за этими формальностями, то необходимою спѣшнаго дѣйствія нельзя пользоваться для какой-нибудь другой цѣли, кромѣ помощи страждущимъ, и всякая примѣсь эгонстическаго чувства, въ чемъ бы оно ни заключалось, въ славолюбіи ли или въ властолюбіи, можетъ только испортить дѣло, показать необходимость соблюденія формальностей, причинить проволочку и отсрочить подачу помощи. Къ сожалѣнію, мы видимъ, что это уже начинаетъ сбываться, вслѣдствіе образа дѣйствій французской полуофициальной журналистики.

«Нравственное потрясеніе, произведенное въ Европѣ скрытскими событіями, достигло высшей своей степени: всѣ политическіе интересы исчезаютъ на время передъ интересомъ чело-вѣчества, страстно овладѣвшимъ всею Франціей. Конецъ разсужденіямъ! Надобно дѣйствовать какъ можно скорѣе; вотъ общее чувство, котораго смыслъ такъ благородно поняло правительство императора, и котораго великодушному нетерпѣнію оно спѣшитъ удовлетворить... Отложимъ же всякое политическое преніе; когда сердца понимаютъ другъ друга, преніямъ нѣтъ мѣста.» Такъ говоритъ парижская газета *Patrie*, выражая собой общее настроеніе французской печати. «Перестанемъ разсуждать, отложимъ пренія» — эти воззванія относятся, очевидно, къ Европѣ. Европа не можетъ разсуждать, потому что теперь въ Европѣ заговорилъ языкъ сердець; а отсюда прямое заключеніе, что дѣйствовать должна Франція, которой правительство умѣло такъ благородно понять смыслъ общаго чувства, Франція, которая страстно предалась интересу чело-вѣчества, возобла-давшему надъ всѣми политическими интересами, а стало-быть и надъ интересами, обеспеченными парижскимъ трактатомъ 1856 года; если можно, то Франція должна дѣйствовать одна; въ виду своей исторіи она даже обязана дѣйствовать

отдѣльно отъ Европы. Таковъ приблизительно смыслъ великаго множества статей, появившихся въ французскихъ журналахъ за послѣднія двѣ недѣли, статей, подписанныхъ, впрочемъ, иногда не редакторами, а секретарями редакцій (такъ напримѣръ въ *Journal des Débats*), что указываетъ на небольшое правительственное содѣйствіе распространенію чувства, которое «страстно овладѣло всею Франціей». И не только въ журналахъ, но даже въ законодательномъ сословіи высказывалось безъ обиняковъ желаніе, чтобы Франція дѣйствовала одна, и министры спокойно выслушивали заявленіе такого желанія.

Полуофиціальная Франція пришла въ совершенное упоеніе отъ мысли о французской гегемоніи въ дѣлахъ Востока, о возстановленіи на Востокъ французскаго вліянія, о воспріятіи старой нити французской исторіи. «Франція, сказано было въ *Constitutionnel*, къ которой Востокъ обращаетъ свои взоры, очень хорошо знаетъ, что это страна увлеченій героическихъ и великодушныхъ, Франція найдетъ въ своихъ историческихъ преданіяхъ вдохновеніе для инициативы, которую на нее возлагаетъ ея вѣковое величіе. Императоръ, принимая такимъ образомъ на себя, въ виду настоятельной необходимости, продолженіе нашей исторіи, соединитъ вокругъ этого дѣла, одного изъ тѣхъ дѣлъ, которые наибольше дороги для новѣйшей цивилизаціи, единодушныя сліянія народовъ и правительствъ.» Упоеніе будущею славой было такъ велико, что восторженные писатели газетныхъ статей стали забывать уже объ интересѣ челоѣчества, а равно и о геройскомъ великодушіи Франціи; на первомъ планѣ стояли уже историческія воспоминанія Франціи и ея всемірная слава. Нельзя было читать эти наивныя изліянія національнаго чувства, эти торжественныя варіаціи на императорскую тему, безъ сожалѣнія, что въ Европѣ, среди которой, въ XIX вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, могутъ такъ громко, такъ безцеремонно и вмѣстѣ такъ торжественно заявлять себѣ чувства, чуждыя духу истинно-христіанской цивилизаціи и цѣлкомъ заимствованныя отъ древняго Рима. Какія же могло имѣть послѣдствія такое сочувствіе къ страждущимъ христіанамъ, сейчасъ же превращающееся въ мысль о славѣ, о первенствѣ Франціи, кромѣ замедленія дѣла, кромѣ отсрочки экспедиціи до формальнаго подписанія протокола конференціи иностранныхъ посланниковъ въ Парижѣ?

Телеграфическое извѣстіе сообщаетъ намъ, что Франція теперь принуждена совершенно отказаться отъ мысли о гегемоніи: Французскія войска отправятся въ Сирію въ силу конвенціи державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года. Франція будетъ исполнительницей воли Европы; она будетъ дѣйствовать въ совершенномъ согласіи съ Англійей. Весь шумъ былъ надѣланъ по шу-

стому. Не историческія преданія, а рѣшенія конференціи будутъ вдохновлять Францію; она не будетъ продолжать на Востокаъ свою исторію; если она будетъ продолжать что-нибудь, то всего вѣроятнѣе она будетъ продолжать исторію Турціи. Телеграммы говорятъ, что совѣщанія конференціи идутъ очень быстро, что всѣ державы содѣйствуютъ ускоренію рѣшенія, но что европейское вмѣшательство будетъ имѣть цѣлю сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи.

Цѣлость Турецкой имперіи! Не хуже ли это французскаго властолюбія? Мы позволимъ себѣ отвѣтить прямо: да, это хуже нежели французское властолюбіе. Общее европейское вмѣшательство въ дѣла Ливана, вызванное неимоверными неистовствами, которымъ подверглись и можетъ-быть еще подвергнутся христіане, и имѣющее цѣлю — сохраненіе Турецкой имперіи, благодаря которой всѣ эти неистовства и были, и навѣрное будутъ возможны! Неужели опытъ двадцати лѣтъ не принесетъ Сиріи никакой пользы, неужели несчастные жители ея будутъ обречены опять страдать вслѣдствіе того, что европейскія державы подозрѣваютъ другъ друга въ коварныхъ замыслахъ и не могутъ ни на чемъ сойтись? Трудно вѣрить, чтобы дѣла находились въ такомъ дурномъ положеніи, и утѣшаемъ себя мыслию, что не истинныя намѣренія великихъ державъ; а только въжливость къ турецкому посланнику скрывается въ постановленіи конференціи о цѣлости Турецкой имперіи. Намъ кажется даже, что сохраненіе этого сокровища, слишкомъ долго оберегаемаго Европой, теперь рѣшительно невозможно. Безъ вмѣшательства дѣло не обойдется, а какъ скоро произойдетъ вмѣшательство, то о неприкосновенности Турціи и о цѣлости ея не можетъ быть и рѣчи. Неужели и теперешнія событія не освободятъ наконецъ по крайней мѣрѣ Ливана изъ-подъ власти турецкихъ пашей?

Мы не можемъ не привести здѣсь словъ изъ одного письма, которое недавно было помѣщено въ *Times*. Оно написано человекомъ, повидимому, очень знакомымъ съ дѣлами Ливана и насколько не пристрастнымъ къ христіанскому или полухристіанскому населенію, враждующему съ Друзами. Авторъ письма прямо укоряетъ Маронитовъ, сообщаетъ множество подробностей о ихъ заговорѣ противъ Друзовъ, вообще показываетъ даже нѣкоторое предубѣжденіе противъ Маронитовъ. Но вотъ что говоритъ этотъ самый корреспондентъ о турецкомъ образѣ дѣйствій и о пагубныхъ послѣдствіяхъ турецкаго владычества:

«Ничего не можетъ быть отвратительнѣе поведенія Турокъ въ Дейръ-эль-Камарѣ, и я полагаю, что Куршидъ-паша долженъ быть признанъ умышленнымъ душегубцемъ христіанъ, избіен-

ныхъ въ Дейръ-эль-Камаръ, а равно и въ другихъ мѣстахъ. Онъ архифанатикъ. Онъ былъ нарочно посланъ своимъ правительствомъ, чтобы противодействовать европейскому вліанію на народонаселеніе Ливана; онъ показывалъ неуклонную ревность и постоянную ненависть къ франкамъ или христіянамъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибылъ въ Бейрутъ. Порты, когда поднимается негодованіе, отпирается отъ дѣлъ своихъ креатуръ, но правительство, которое можетъ пользоваться службой такихъ людей для своихъ цѣлей и прикидывается ничего не знающимъ, когда они проявляютъ свою безбожную злобу, не имѣетъ права на существованіе. Англія до сихъ поръ защищала Турокъ. Я надѣюсь, что народъ Англіи не позволитъ болѣе своему правительству поддерживать Турокъ. Въ нихъ нѣтъ правдивости; они ни въ чемъ не исполнили обѣщаній, данныхъ имъ во время крымской войны. Гдѣ теперь ихъ гатти-гумаюнъ? Въ ихъ природѣ есть что-то влекущее ихъ къ гибели. Они никогда не исправятся; тщетно ожидать этого, и если Англія будетъ опять стараться о томъ, чтобы отвратить отъ Турціи судьбу ея, послѣ всѣхъ уроковъ, которые получены Англіей, я страшусь, что она навлечетъ на себя гнѣвъ Всемогущаго. Обязанность каждаго Англичанина состоитъ теперь въ томъ, чтобы удалить свою страну отъ зла, какъ равно его право и его привилегія состоитъ въ томъ, чтобы свободно выражать свои мнѣнія. Если вы думаете, что я правъ, дѣлайте все возможное, чтобы Турки отправились къ чорту. Пусть Россія, или Франція, или кто-нибудь другой ѣдетъ Турцію, если угодно,—ничто не можетъ быть хуже самой Турціи.»

Что касается до Ливана, то вся исторія противъ того, чтобы онъ оставался во власти турецкихъ пашей. Ливанъ составляетъ совершенно отдѣльную область; во всѣхъ отношеніяхъ онъ рѣзко отличается отъ окрестныхъ странъ; онъ и теперь процвѣтаетъ, между тѣмъ какъ другія части Азіатской Турціи бѣдствуютъ; для благосостоянія его ничего болѣе не нужно кромѣ независимости отъ Порты и свободы отъ европейскихъ поджигательствъ къ междуусобіямъ. Христіанство уже дѣлало большіе успѣхи между Друзами; еслибы вражда съ Маронитами не остановила этихъ успѣховъ, то они шли бы быстро впередъ. Самимъ Маронитамъ было на Ливанѣ привольнѣе нежели христіянамъ въ другихъ частяхъ Турціи; Марониты легко ужились бы съ Друзами. Къ тому же Марониты сѣвернаго Ливана имѣютъ управленіе совершенно независимое отъ Друзовъ, и слѣдовательно уживаться съ Друзами пришлось бы только незначительному маронитскому населенію южнаго Ливана; въ крайнемъ случаѣ это населеніе могло бы перейти на сѣверъ, обмѣняться своими землями съ Друзами, о

чемъ была уже рѣчь въ предположеніяхъ европейской дипломатіи 1843 года. Неужели европейская дипломатія не найдетъ средствъ предоставить Ливану независимость отъ Турціи и отъ частнаго вмѣшательства отдѣльныхъ державъ Европы? Неужели Европа опять приметъ на себя отвѣтственность за повтореніе такихъ актовъ неистовства, какіе совершились на Ливанѣ нынѣшнимъ лѣтомъ? Неужели англійская политика, отъ которой преимущественно зависитъ разрѣшеніе восточнаго вопроса, и которою одной оно замедляется, не найдетъ возможности оградить Ливанъ отъ европейскаго властолюбія, не отдавая его на жертову Турціи?

Судя по ордену Почетнаго Легіона, посланному къ Абдель-Кадегу, и по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ, можно думать, что Франція была бы не прочь сдѣлать Абдель-Кадера правителемъ Сиріи. Абдель-Кадеръ дѣйствовалъ очень благородно во время послѣднихъ смуть въ Дамаскѣ. Къ издателю арабскаго журнала въ Парижѣ онъ написалъ письмо, показывающее, что онъ очень вѣрно смотритъ на недостатки восточнаго управленія. Императоръ Наполеонъ III надѣется, и конечно не безъ основанія, найти въ немъ человека, преданнаго Франціи. Но тѣмъ не менѣе едвали можно было бы одобрить подчиненіе Ливана Абдель-Кадеру. Каковы бы ни были достоинства бывшаго эмира алжирскаго, христіанскимъ державамъ не прилично и не позволительно отдавать мусульманину власть надъ страной, въ которой живетъ такъ много христіанъ. Другое дѣло было бы, еслибъ Абдель-Кадеръ самъ достигъ этой власти, какъ достигъ ея тридцать лѣтъ тому назадъ египетскій паша: тогда Европа могла бы признать существующій фактъ. Но создавать новую власть надъ христіанами и вручать ее магометанину, это противно и приличію, и нравственности. Ливанъ долженъ быть освобожденъ изъ-подъ турецкой власти не для того, чтобы подпасть власти Абдель-Кадера, хотя бы Абдель-Кадеръ и призналъ надъ собой верховность Европы. Христіане Ливана уже довольно пострадали; они заслужили того, чтобы сама Европа приняла ихъ подъ свое непосредственное завѣдываніе. Такимъ актомъ Европа лучше всего обезпечитъ Сирію и отъ французскаго властолюбія, которое можетъ найти пищу для себя въ возвышеніи Абдель-Кадера.

Таковы тѣ желанія, которыя мы позволяемъ себѣ высказать относительно будущаго устройства дѣлъ на Ливанскихъ горахъ. Мы поговоримъ въ послѣдствіи о восточномъ вопросѣ во всемъ его обширномъ значеніи. Рѣзня Друзовъ съ Маронитами была мѣстною вспышкой, за которою, повидимому, долженъ послѣдовать общій пожаръ. Уже теперешнее движеніе въ Сиріи успѣло

принять общій мусульманскій характеръ. Уже теперь фанатизмъ мусульманъ направленъ противъ всѣхъ христіанъ и всѣхъ Европейцевъ. Въ числѣ жертвъ, павшихъ въ Дамаскъ, былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, голландскій консулъ. Письма изъ Сиріи согласны въ томъ, что всѣмъ христіанамъ угрожаетъ опасность. Европейское вмѣшательство должно будетъ принять значительные размѣры, и тогда не только частный ливанскій вопросъ, но общій вопросъ о Турціи потребуетъ немедленнаго разрѣшенія.

НЕАПОЛЬ И СИЦИЛІЯ.

На Апеннинскомъ полуостровѣ народное движеніе не теряетъ ни важности своей, ни энергіи. Сущность италіянскаго движенія и значеніе личностей, принимающихъ въ немъ участіе, прекрасно опредѣляетъ англійская газета *Times* въ одной изъ передовыхъ статей своихъ отъ 13 іюля: «Два года тому назадъ, италіянское единство казалось чудовищною грезой разстроеннаго воображенія. Оно было тогда въ связи съ тайными обществами, кинжалами и убійствами. Теперь оно такъ быстро перешло изъ области фантазіи въ область дѣйствительности, что общественное мнѣніе едва успѣваетъ слѣдить за его движеніемъ. Припомнимъ, что все началось только 1-го января 1859 года, что теперь едва миновала годовщина сольферинской битвы, что лишь двѣнадцать мѣсяцевъ отдѣляютъ насъ отъ виллафранкскаго мира, что присоединеніе Ломбардіи, герцогства, Тосканы и доброй части Папской области къ Пиемонту, совершилось чуть ли не вчера. Шагъ громадный! Мы желали бы остановиться на минуту, осмотрѣться кругомъ и вывести свои заключенія; но намъ не даютъ отдыха. Сицилія пристаётъ къ общей пляскѣ. Трудно рѣшить, чѣмъ особенно привлекаетъ къ себѣ Викторъ-Эммануилъ. Никто не скажетъ, чтобъ онъ весь состоялъ, подобно Синдбадовой скалѣ, изъ цѣльнаго магнита, и чтобы къ нему невольно стремился всякій человѣкъ желѣзнаго сложенія. Онъ храбрый воинъ, онъ показалъ себя способнымъ удержать за собою то, что удастся ему приобрѣсть, и отказаться отъ небольшого родоваго имѣнія, чтобъ обезпечить себѣ владѣніе большимъ благо-

пріобрѣтеннымъ; но онъ не можетъ быть главнымъ предметомъ поклоненія всѣхъ сыновъ Италіи. Династія Савоіи — той самой Савоіи, отъ которой отступилась Италія, — столь же мало имѣетъ право даровать странѣ императоровъ, какъ и Туринъ не можетъ замѣнить собою царственного Рима. Не Викторъ-Эммануилъ и не Туринъ, а сама идея италіянскаго единства побудила нынѣ къ движенію спокойныхъ Ломбардцевъ, легкомысленныхъ Тосканцевъ, задавленныхъ тиранніей Римлянъ, безпечныхъ (*rosso sanguini*) Неаполитанцевъ, суровыхъ Сицилійцевъ, и заставила ихъ всѣхъ кричать, составлять заговоры, сражаться и стремиться вступить въ подданство Виктору-Эммануилу. Но къ чему же вестъ все это? Къ тому ли, чтобы Викторъ-Эммануилъ сталъ дѣйствительно императоромъ Италіи, имѣя Римъ своею столицею, Ватиканъ дворцомъ своимъ, а папу придворнымъ духовникомъ? Или все это движеніе допущено и разрѣшено только на время, а когда все доселѣ прочное разшатается и станетъ непрочнымъ, тогда возникнетъ съ задняго плана таинственная сила и совершитъ собственное дѣло въ удобную для того минуту? Г. Кинглекъ говоритъ, что въ Виллафранкѣ императоръ Французовъ предложилъ возвратитъ Ломбардію австрійскому императору, если только этотъ послѣдній согласится способствовать его видамъ на прирейнскія провинціи. Мы оставляемъ г. Кинглеку отвѣтственность за это показаніе. Тѣмъ не менѣе оно было горжественно высказано въ парламентѣ государственнымъ человѣкомъ серьезнаго характера и подтверждается позднѣйшимъ извѣстіемъ, что самъ принцъ-регентъ зналъ объ этомъ предложеніи, когда въ Баденъ-Баденѣ видѣлся онъ съ Лудовикомъ-Наполеономъ. Если это такъ, то намъ понятенъ страхъ, выраженный сэръ-Робертъомъ Пилемъ въ палатѣ общинъ, что ходъ событій не такъ прямо вестъ къ италіянскому единству, какъ это кажется нѣкоторымъ поверхностнымъ и восторженнымъ наблюдателямъ. Сэръ-Робертъ Пилъ и г. Кинглекъ набрасываютъ очень непривлекательный образъ этой силы, обходящей всѣхъ кругомъ и искушающей сначала Пиемонтъ, чтобы прозвести всеобщее смущеніе, потомъ Австрію, обѣщая ей возвратитъ потеряныя провинціи цѣною матеріальной обиды для другой стороны, и наконецъ Пруссію, выманивая у нея рейнскія провинціи и обѣщая ей за то подавить всѣ мелкія германскія государства и сдѣлать ее главой Германской имперіи. Предоставляемъ людямъ, высоко поставленнымъ, рѣшить, на сколько справедливо такое описаніе. Но если оно дѣйствительно справедливо, то нельзя будетъ сомнѣваться, что италіянскому *возсоединенію* дано слѣдовать своему теченію лишь для того, чтобы прикрыть имъ разныя предпріятія, развитіе которыхъ теперь ужъ не далеко.»

Очень понятно равнодушіе вилла-франкискаго побѣдителя къ ита-
 лянскому движенію, и очень естественно допустить, что онъ намеренъ воспользоваться этимъ въ сущности враждебнымъ ему
 явленіемъ для своихъ выгодъ. Что же касается до короля Виктора-
 Эммануила, то онъ, какъ кажется, искренно со увѣствуетъ обще-
 италянскому движенію въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему
 своими дѣйствіями сицилійскій диктаторъ: на мѣсто удаленнаго
 Ла-арини, онъ послалъ къ Гарибальди человѣка совсѣмъ иного
 образа мыслей, Депретиса, и снабдилъ его изустными инструк-
 ціями и собственноручнымъ письмомъ къ диктатору, а когда
 неаполитанскіе полномочные послы, гг. Манна и Винспиръ (Win-
 spire), появились наконецъ въ Туринѣ съ предложеніемъ дру-
 жескаго союза, король даже удаллся изъ столицы на воды
 въ Винадіо и очень долго не давалъ имъ аудіенціи. Во вся-
 комъ случаѣ, и самого графа Кавура никакъ нельзя винить въ
 томъ, что онъ не кидается въ объятія къ неаполитанскому пра-
 вительству (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые журналы), и вина его
 скорѣе въ томъ, что онъ недостаточно энергически отвергаетъ
 искательство Неаполя и недостаточно искренно держитъ руку
 Гарибальди, хотя, можетъ-быть, какъ мы замѣтили въ послѣдней
 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, разладъ между Гарибальди и Каву-
 ромъ только кажущійся, а въ самомъ дѣлѣ они стремятся къ
 одной цѣли, только разными путями и не всегда понимая одинъ
 другаго. Говорятъ, что графъ Кавуръ, въ отвѣтъ на заискиванія
 Неаполя, постановилъ такіа условія, на которыя никакъ нельзя
 было бы согласиться (признаніе конституціи будущимъ неапо-
 литанскимъ парламентомъ, предоставленіе Сициліи устроиться
 самой, какъ она знаетъ, и т. п.), но правительство неаполитан-
 ское согласилось на все безусловно (1). Можно ли повѣрить ис-
 кренности этого согласія? Не та ли же здѣсь двуличность и уловка,
 какъ и въ дарованіи либеральныхъ учрежденій неаполитанскому
 народу? Придетъ удобная минута, малѣйшій перевѣсъ на сторо-
 нѣ реакціи, и всѣ эти учрежденія снова должны будутъ бѣ-
 жать и прятаться. Мы уже говорили, что извѣстіе о неапо-
 литанской конституціи встрѣчено было въ британской палатѣ об-
 щинъ дружнымъ смѣхомъ всѣхъ ея членовъ. Взглядъ англійскаго
 общества и государственннхъ людей Великобританіи на эту кон-
 ституцію, а равно и на личность героя италянскаго движенія,
 Гарибальди, съ тѣхъ поръ не измѣнился. Лучшимъ выраженіемъ

(1) Говорятъ, что предложены были туринскимъ кабинетомъ и другія
 условія союза съ Неаполемъ: вступленіе въ министерство Позеріо, Сеттем-
 брини и др.; регентство графа Сиракузскаго на время отсутствія короля
 Франциска, который отправится въ *универсальное путешествіе*, и пр.

этого взгляда служить рѣчь лорда Брума, произнесенная имъ противъ маркиза Норменби въ палатѣ лордовъ, іюля 9-го.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ маркизь Норменби обвинялъ Гарибальди въ беспорядкахъ, произведенныхъ въ Сициліи ея народонаселеніемъ, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ выражалъ надежду, что посланникъ *авантюриста*, вѣроятно, не будетъ оиціально принятъ сентджемскимъ кабинетомъ. Защиту Гарибальди приняли на себя, къ общему удовольствію палаты, сами министры, а лордъ Брумъ выразилъ, сверхъ того, нѣкоторое сомнѣніе въ достовѣрности полученныхъ маркизомъ свѣдѣній о дѣлахъ на островѣ. Въ засѣданіи 9 іюля маркизь Норменби счелъ нужнымъ выразить свое неудовольствіе за то, что подвергнута была сомнѣнію его корреспонденція. На это лордъ Брумъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Я увѣренъ, что благородный другъ мой (лордъ Норменби) и вся палата не подумаютъ, чтобъ я хотѣлъ сколько-нибудь оскорбить моего благороднаго друга. Подъ словомъ: корреспонденція, разумѣются, безъ сомнѣнія, какъ получаемыя, такъ и отправляемыя письма, и когда я выражалъ сомнѣніе въ достовѣрности корреспонденціи моего благороднаго друга, я имѣлъ въ виду только полученныя имъ письма, а никакъ не имъ самимъ писанныя. Объ этихъ послѣднихъ я не могу судить, а достоинство тѣхъ, которыя получены были моимъ благороднымъ другомъ, дѣйствительно стоитъ довольно низко въ моемъ мнѣніи, и ничто сказанное благороднымъ маркизомъ не можетъ поставить его выше. Свѣдѣнія, полученныя мною изъ Флоренціи, діаметрально противоположны свѣдѣніямъ моего благороднаго друга (*одобреніе*), хотя я и увѣренъ, что онъ столько мало дастъ значенія моей корреспонденціи, какъ я мало цѣнилъ его письмамъ. Я увѣренъ, что флорентійское правительство не заслуживаетъ упрековъ, расточаемыхъ ему корреспонденціями моего благороднаго друга, и что оно совершенно чисто отъ изводимыхъ на него обвиненій. Что же касается до прославленнаго челоуѣка—менѣе еще прославленнаго, чѣмъ онъ того заслуживаетъ (*слушайте, слушайте!*)—то-есть до генерала Гарибальди, то мнѣ очень пріятно слышать, что благородный маркизь не гавитъ ему въ личную вину беспорядковъ, совершенныхъ, по моему мнѣнію, въ Сициліи во время тамошняго революціоннаго движенія. Я прежде не такъ понималъ моего благороднаго друга и думалъ, что если онъ не совершенно обвиняетъ Гарибальди въ этихъ беспорядкахъ, то все-таки дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за нихъ. Я полагаю, что мой благородный другъ думаетъ, будто бы всякій челоуѣкъ, пользующійся высшею властью, отвѣчаетъ за все, что совершается во время его диктаторства; но генералъ Гарибальди никакъ не можетъ отвѣчать за все то, что

здѣсь упоминалось. (*Слушайте, слушайте!*) Мой благородный другъ находится подъ вліяніемъ того, что государственный секретарь допустилъ въ другой палатѣ возможность существованія этихъ беспорядковъ; и что Гарибальди имѣлъ будто бы нѣчто общее съ ними; но я убѣжденъ, что онъ положительно отрицалъ это (*слушайте, слушайте!*), и самъ тоже отрицаю, основываясь какъ на его собственномъ авторитетѣ, такъ и на авторитетѣ всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ дѣло. (*Слушайте, слушайте!*) Въ исторіи нѣтъ примѣра, который можно было бы поставить на ряду съ всеобщимъ сочувствіемъ къ возстанію Сицилійцевъ (*одобренію*), подъ предводительствомъ Гарибальди, противъ деспотизма, подавлявшаго Сицилію, и его эмиссаровъ, въ лицѣ ли сборовъ или солдатъ, солдатъ,—которые, я увѣренъ, не долго останутся вѣрны своему автократу. Теперь хотятъ навязать конституцію, не Сициліи—о ней не можетъ быть и рѣчи,—а Неаполку: по моему глубокому убѣжденію и пламеннѣйшимъ надеждамъ и желанію, этой конституціи не удастся спасти неаполитанскій деспотизмъ. (*Одобреніе.*) Послѣ небольшого возраженія маркиза Норменби, лордъ Брумъ дополнилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Мой благородный другъ говоритъ, что генералъ Гарибальди занялъ свое положеніе въ противность международному праву. Я замѣчу на это одно только: если международное право производитъ постоянное порабощеніе и страданія народа, то чѣмъ скорѣе перестанемъ мы слышать объ этомъ правѣ, тѣмъ лучше.» (*Слушайте, слушайте!*) Слова лорда Брума подкрѣпили своимъ авторитетомъ и одинъ изъ членовъ министерства, лордъ Водгаузъ, сказавшій, что Гарибальди заслуживаетъ большаго уваженія за великодушіе и умѣренность, имъ обнаруженныя, и что беспорядки, произведенные Сицилійцами, не могутъ никакъ стати наравнѣ съ буйными поступками солдатъ неаполитанскаго короля.

Король Францискъ поставленъ теперь въ самое затруднительное положеніе. Онъ видитъ, что зашелъ очень далеко изъ своего заколдованнаго круга; онъ боится и вернуться назадъ, и идти дальше впередъ. Каждый день приступаютъ къ нему министры и народъ съ новыми требованіями, каждый день король упирается и каждый день бываетъ вынужденъ уступить имъ же самимъ вынужденной, непріязненной ему силѣ новаго порядка вещей. Многіе изъ новыхъ учрежденій ставятъ въ рѣшительную опасность политическое существованіе Бурбоновъ. Национальная гвардія, на примѣръ, силой обстоятельствъ учреждается теперь въ Неаполѣ изъ лицъ, проникнутыхъ ненавистью къ правительству и преслѣдованія, которыхъ они были жертвой, и вліяніемъ своимъ безопасно опасныхъ королевской фамилии. Дворъ слышитъ воен-

ные клики, видятъ народное движеніе и экспедиціи, и спрашиваютъ: Гдѣ же польза отъ сдѣланныхъ уступокъ? Народъ, наученный подозрительности долгимъ страданіемъ, не довѣряетъ тому, что уже сдѣлано, и жалуется на то, что еще не сдѣлано. По словамъ неаполитанскаго корреспондента *Times*, вотъ каково теперь дѣйствительное положеніе дѣлъ въ королевствѣ: «Принятая мѣры признаются сами по себѣ хорошими и широкими мѣрами; министровъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, считаютъ людьми способными и честными. На де-Мартино, министра иностранныхъ дѣлъ, и на Романо, префекта полиціи (а теперь и министра внутреннихъ дѣлъ), смотрятъ съ уваженіемъ и довѣренностью. Но все-таки надъ всѣмъ господствуетъ одна въпросъ: *Изыдетъ ли отсюда благое?*» Вообще правительство сдѣлало все, что только можно было сдѣлать въ короткое время. Полиціа совершенно преобразована; производство слѣдствій, кромѣ перваго дознанія на мѣстѣ преступленія, отдѣлено отъ полицейской власти и передано вѣдѣнію власти судебной. Королева-мать удалена изъ королевства. Швейцарская стража въ Портичи замѣнена національнымъ войскомъ. Политическіе преступники выпущены изъ темницъ. Изгнанникамъ дарована амнистія и разрѣшено возвращеніе въ отечество. Многие изъ нихъ воспользовались этою амнистіей и ѣдутъ въ Неаполь, съ тѣмъ ли, чтобы примириться съ настоящимъ порядкомъ вещей, или чтобы способствовать революціи. Изъ Турина отправились Салуццо, князь далл'Еквиле, Караччиоло, Пизакане, Каррано, Каморотто, герцогъ Санъ-Донатто и многіе другіе; Поэріо, до сихъ поръ еще не совсемъ оправившійся отъ мукъ десятилѣтняго заключенія, поѣдетъ нѣсколько позже; не отправились еще и другіе неаполитанскіе изгнанники, члены сардинскаго парламента, Манчини, Массари и др.; изъ Флоренціи и Пизы отправились баронъ Белетти, Мариано д'Айала, Паоло Эмилио Имбриани, зять Поэріо; изъ Болонніи—братья Спавента, Сеттембрини и др.

Нация вздохнула, но свобода ея дыханія пренятствуютъ сомнѣніе и боязнь за будущее: недовѣріе не уменьшается, а напротивъ еще растетъ. Беспорядковъ, однако, со стороны народа нѣтъ въ городѣ; въ немъ царствуетъ глухое броженіе и выжиданіе грядущихъ событій. Осадное положеніе снято, и въ городѣ спокойно. Но правительство сильно ошибается, если думаетъ, что можетъ успокоить и покорить себѣ народъ притворными ласками и вынужденными уступками. Общее недовольство династіей господствуетъ повсемѣстно, и изъ провинцій доходятъ грозныя вѣсти: въ Торре дель-Анунціата убитое трое полицейскихъ; въ Каstellамаре отъ пяти до шести; въ Салерно два.

Изъ обнаруженныхъ актовъ новаго неаполитанскаго прави-

тельства видно, что мысль о возстановленіи конституціи 1848 года принадлежит не королю, а министерству Спинелли. Король, въ своемъ верховномъ актѣ, предложилъ министерству поспѣшить составленіемъ статута, а министерство, сваливая съ себя эту тяжелую работу, объявило королю, что не зачѣмъ составлять новый статутъ, когда есть готовая законная конституція, хотя и не дѣйствующая. Другими мѣрами новаго правительства, о которыхъ мы отчасти уже упоминали, были слѣдующія: 1) созваніе народнаго парламента къ 10 сентября, а избирательныхъ коллегій къ 19 августа 1860; 2) свобода печати, съ временнымъ подчиненіемъ ея декретамъ 25 мая 1848, 27 марта и 6 ноября 1849; 3) образованіе комиссій для приготовленія проектовъ избирательнаго закона, закона національной гвардіи, закона административной организаціи, учрежденія государственнаго совѣта, закона объ отвѣтственности министровъ, закона о печати; 4) пересмотръ таможеннаго тарифа, закона о пошлинахъ, составленіе новаго закона о контрабандѣ, вообще облегченіе торговли и т. п. Само собою разумѣется, что національная гвардія, созданная уже теперь въ Неаполѣ, есть только временное, а не окончательное учрежденіе. Иезуиты, самые близкіе люди къ прежнему правительству, изгоняются изъ королевства, и самъ король не можетъ защитить ихъ: «Нужно слушаться министерства!» отвѣчалъ онъ имъ на ихъ жалобы. Но Францискъ еще и далѣе простираетъ свое смиреніе: въ прокламаціяхъ своихъ къ народу, вызванныхъ реакціоннымъ движеніемъ въ Неаполѣ (15 и 16 іюля), онъ торжественно объявляетъ, что онъ еще очень молодъ и неопытенъ, но что онъ будетъ учиться и постарается привыкнуть къ порядкамъ конституціоннаго правленія.

Но главная забота, главная мысль нынѣшнихъ государственныхъ людей Неаполя—союзъ съ Пиемонтомъ. Туринскій кабинетъ едва ли поддастся на эту уловку, вся выгода которой достанется не Италіи и не Пиемонту, а только Неаполю, да еще Франціи. «Дуализмъ, говоритъ туринскій корреспондентъ *Times*, то-есть образованіе южнаго королевства, номинально союзнаго, а въ сущности необходимо враждебнаго королевству сѣверному, лелѣтся не однимъ де-Мартини, но составляетъ чуть ли не любимую мечту скрытнаго, хотя иногда не рѣшительнаго и всегда мудренаго властителя Франціи. При малѣйшей безпечности или нерѣшительности со стороны Италіи, и апатіи со стороны европейскихъ державъ, Франція тотчасъ возьметъ преобладаніе и даже безусловное вліяніе на нижнюю половину Италіи, чѣмъ подвергнется серіозной опасности независимость и самое существованіе сѣвернаго королевства.» Должно надѣяться, что этого не случится, и что гг. Манна и Винспиръ не успѣ-

ютъ въ своемъ посольствѣ, хотя имъ и пособляютъ при туринскомъ кабинетѣ разные европейскіе дипломаты.

Не удовлетворяя и не успокоивая либераловъ, новая конституція только раздражаетъ партизановъ прежняго порядка вещей. Камарилья волнуется и интригуетъ; королева-мать управляетъ движеніемъ, и часть войска объявляетъ себя противъ конституціи и въ пользу новаго короля, графа де-Трани; гренадеры ходятъ по улицамъ и предаются разнымъ неистовствамъ, убиваютъ, жгутъ, грабятъ; ихъ едва загоняютъ въ казармы; король не знаетъ, на что рѣшиться, министры подаютъ въ отставку и тѣмъ заставляютъ его принять рѣшительныя мѣры для возстановленія порядка, подвергнуть наказанію виновныхъ, прочесть энергическую рѣчь въ казармахъ, удалить королеву-мать и графа Трани, выдать около сорока паспортовъ членамъ придворной камарильи и, наконецъ, распустить королевскую гвардію, которая расходится при громкихъ крикахъ: «Долой конституцію!» Какъ ни тяжело было королю разстаться съ своими прежними совѣтниками и друзьями, а онъ долженъ былъ отправить ихъ въ изгнаніе, чтобы самому не предпринимать путешествія. Вообще вокругъ короля рѣшительная анархія: съ одной стороны реакціонная партія, столь дорогая сердцу монарха, своими вспышками компрометируетъ его и ставитъ въ весьма затруднительное положеніе; съ другой стороны, возвращающихся политическихъ изгнанниковъ встрѣчаютъ блистательными оваціями, и сами министры дѣлаютъ имъ визиты; наконецъ, чѣ городъ открыто приклеиваются къ стѣнамъ и раздаются самыя зажигательныя революціонныя воззванія (между которыми замѣчательно письмо Лунджи Сеттембрини, предлагающаго въ италіянскіе диктаторы на переходное время извѣстнаго Фарини), и король не смѣетъ принять противъ этого какія-либо мѣры. Реакціонное движеніе имѣло весь характеръ заговора. Кромѣ Неаполя, въ Санта Маріи, въ Капуѣ, въ Авеллино, въ Гаэтѣ, раздавались крики: «Да здравствуетъ Марія Терезія!»

Изъ числа наиболѣ преступныхъ членовъ прежней неаполитанской полиціи, подлежавшихъ суду за свои дѣйствія, двое, Кампанья и Меренда, пробрались на французскій пароходъ, отплывшій въ Мальту. Неаполитанскій корреспондентъ, передающій намъ этотъ фактъ, удивляется, какимъ образомъ Франція, затруднявшаяся въ маѣ мѣсяцѣ принять подъ свою защиту жертвъ бурбонской жестокости, не затруднилась въ июлѣ покровительствовать этимъ людямъ.

Со стороны лучіанскихъ и кіайскихъ лаззарони (Luciani e Chiajese) была сдѣлана безуспѣшная попытка освободить Манетту и его сына.

Выдущенные на волю, политическіе преступники разказываютъ ужасы о томъ, какъ съ ними поступали во время ихъ заключенія, не вызваннаго ничѣмъ, кромѣ трусливой подозрительности. Ихъ хватали, не слушая ихъ протестацій, не объяснивъ причинъ такого насилія; перевозили ихъ изъ города въ городъ безъ всякой видимой надобности; бросали въ сырые вонючія темницы, кишѣвшія червями и разными гадами; подвергали истязаніямъ и пыткамъ; привязывали руки къ ногамъ и вывертывали тѣло до тѣхъ поръ, пока трещали кости; обливали сцапшихъ холодною водою и пр. Когда неаполитанскій корреспондентъ газеты *Times* изъяснилъ ужасъ при видѣ одного изъ такихъ мучениковъ и содрогаясь выслушалъ почти сказочный разказъ его, ему замѣтилъ одинъ изъ его друзей: «Вы удивляетесь? а я видѣлъ сотни подобныхъ зрѣлищъ!»

Какъ бы то ни было, положеніе дѣлъ въ Неаполѣ ужасно, и посланникъ неаполитанскаго правительства при парижскомъ кабинетѣ г. делла-Грека, нынѣ отправившійся въ Лондонъ, не скрываетъ этого. Говорятъ, будто бы и императоръ Французскій выводитъ, что какъ неаполитанскій Бурбоновъ, такъ и римскій перосвященникъ должны покинуть свои сѣдалища. Папа могъ бы поселиться на островѣ Сардиніи и мирно получать бы ежегодно отъ европейскихъ католическихъ державъ 10.000.000 фр., изъ коихъ 3.000.000 фр. Франція взяла бы на себя. «Домъ Бурбоновъ, говорятъ одинъ корреспондентъ, выстроенъ изъ картъ,—одного дуновения зефира было бы довольно, чтобы разрушить его, а теперь свирѣпствуетъ буря!»

Арестованіе Лафарины въ Палермо, о которомъ мы не имѣемъ еще обстоятельныхъ подробностей, начинаетъ разъясняться. Сардинскій уполномоченный комиссаръ, не ограничиваясь ролью совѣтника, отъ словъ рѣшился перейти къ дѣйствию, и, недовольный нерасположеніемъ Гарибальди и его новаго министерства Криспи (вступившаго послѣ отставки министерства Торреарса) къ немедленному присоединенію, сталъ вести интриги противъ диктатора и возстановлять Палермитянъ противъ его правительства. Подъ его вліяніемъ и по его наущенію, толпы народа наводнили улицы, сосѣднія съ мѣстопребываніемъ Гарибальди, оглашая воздухъ восклицаніями: «Да здравствуетъ Гарибальди!» и «долой министровъ!» Одинъ изъ министровъ, думавшій было уговорить народъ, былъ освистанъ и чуть не прибитъ. Толпы стремились прямо ко дворцу диктатора, и только самъ же Лафарина, испугавшись послѣдствій, могъ убѣдить ихъ разойтись и послать къ Гарибальди депутацію съ просительнымъ адресомъ о смѣщеніи министровъ. Диктаторъ былъ очень раздраженъ этимъ событіемъ и потребовалъ списка министровъ, которыми народъ

думалъ захватить кабинетъ Криспи. Списокъ былъ составленъ и поданъ, но не заслужилъ одобренія диктатора. Составили новый списокъ, и Гарibaldi на этотъ разъ уступилъ передъ народною волей; новое министерство изъ друзей Лафарина и присоединенія заняло портфели. Криспи остался домашнимъ совѣтникомъ Гарibaldi. Сардинскій комиссаръ торжествовалъ, думалъ управлять судьбою всего острова и строилъ новые ковъ. Но диктаторъ, уступивъ желанію народа, не хотѣлъ быть игрушкой дипломатическаго представителя туринскаго кабинета, и призвавъ къ себѣ Лафарину, вѣжливо посовѣтовалъ ему оставить островъ. Лафарина отвѣчалъ положительнымъ отказомъ, удалился, и въ ту же ночь (съ 7 на 8 іюля), по повелѣнію Гарibaldi, былъ арестованъ, причѣмъ ему не дали ни съ кѣмъ видѣться, не позволили написать ни къ кому, и былъ тотчасъ же свезенъ на пароходъ для отправленія въ Туринъ.

Изъ этого видно, что со стороны Гарibaldi была тутъ обыкновенная и очень понятная мѣра предосторожности противъ возможнаго раздвоенія власти, и что, изгоняя Лафарину, который изъ посланника обратился въ заговорщика, диктаторъ не дѣлалъ еще действительнаго разрыва съ сардинскимъ правительствомъ, хотя и прямо выразилъ тѣмъ свое нерасположеніе къ немедленному присоединенію. Это нерасположеніе выразилось еще и во вторичной отставкѣ министерства аннексіонистовъ, и въ статьѣ *Официальной Журнала*, торжественно объявляющей, что только въ Венеціи останутся Гарibaldi и подыметъ вопросъ объ итальянской организаціи; это нерасположеніе выразилось также и въ томъ, что диктаторъ, если вѣрить слухамъ, запретилъ помѣщеніе въ *Официальномъ Журналь* адресовъ 350 общинъ, просившихъ о немедленномъ присоединеніи.

Графъ Кавуръ, хотя лично и очень былъ раздраженъ противъ Гарibaldi, — такъ какъ Лафарина принадлежитъ къ ближайшимъ друзьямъ Кавура, — однако, понимая очень хорошо силу времени и высокое значеніе сицилійскаго диктатора въ настоящемъ итальянскомъ движеніи, рѣшился на уступку, и въ Сицилію посланъ былъ, какъ мы сказали, г. Депретисъ съ инструкціями и собственноручнымъ письмомъ короля.

Между тѣмъ подкрѣпленія идутъ своимъ чередомъ. 2-го іюля, на пароходахъ *Вашингтонъ*, *Кальери* и *Орлеанъ*, отправилась въ Сицилію третья экспедиція, экспедиція полковника Козенца, съ 3.500 волонтеровъ, которая уже теперь въ Сициліи и принимаетъ участіе въ воинскихъ дѣйствіяхъ. На томъ самомъ пароходѣ, гдѣ былъ Депретисъ, отправилось тоже много волонтеровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ формируется для Гарibaldi отрядъ Итальянцевъ и Американцевъ, который будетъ носить имя Ва-

шингтонскаго отряда. Неаполитанскій пароходъ *Быстрый* (Veloce), называвшійся прежде *Сицилійская Независимость* и захваченный въ 1849 году неаполитанскимъ крейсеромъ, добровольно передался на сторону Гарибальди; онъ названъ теперь *Желаннымъ* (Benvenuto) и дѣятельно крейсеруетъ въ водахъ острова; имъ взяты уже два небольшіе неаполитанскіе парохода, *Эльба* и *Герцогъ Калабрскій*, на которыхъ найдены были значительныя суммы, около 100.000 дукатовъ; диктаторъ тотчасъ же объявилъ, что частная собственность будетъ вся возвращена по принадлежности.

О займѣ Бертани нѣтъ еще новыхъ извѣстій. Посланикъ Гарибальди въ Парижѣ, Санъ-Катальдо, былъ неофициально принятъ принцемъ Наполеономъ. Другъ диктатора и замѣчательный по уму и образованію человекъ, Ла-Маза, посланъ во Францію, Германію и Англію собирать деньги и волонтеровъ, а также и объяснять Европѣ истинную цѣль всей дѣятельности Гарибальди, заключающуюся въ томъ, чтобъ освободить всю Италію и предоставить ей самой политически устроиться на началахъ конституціонной монархіи и на мѣстномъ самоуправленіи (1). *Morning Post* увѣряетъ, что сардинское правительство согласилось всячески склонять Гарибальди на шестимѣсячное перемиріе съ Неаполитанцами.

По послѣднимъ извѣстіямъ, неаполитанскія войска очистили Мессину (городъ) и сосредоточились въ цитадели. Медичи занялъ Мелаццо (въ виду Мессины) и требовалъ подкрѣпленій. Гарибальди, для избавленія войска отъ труднаго и болѣе продолжительнаго сухопутнаго похода по гористой мѣстности, а также и для сбереженія времени, посадилъ на суда до 5000 волонтеровъ, и самъ отправился съ ними для соединенія съ Медичи, оставивъ г. Сиртори намѣстникомъ своимъ въ Палермо. При Мелаццо; 26 іюля, или нѣсколько ранѣе, произошла битва, и гарибальдійцы, говоритъ телеграмма, понесли большія потери, причѣмъ самъ диктаторъ былъ раненъ въ ногу. Депеша не говоритъ, кто остался побѣдителемъ. Начальникомъ мессинскаго неаполитанскаго гарнизона былъ генералъ Кларі; авангардъ командовалъ полковникъ Боско, уже сражавшійся съ Гарибальди въ стѣнахъ Палермо. По другой телеграммѣ изъ Неаполя (отъ 30 іюля) черезъ Парижъ, между Гарибальди и Кларі заключена военная конвенція на слѣдующихъ условіяхъ: 1) неаполитанскія войска остаются въ «портахъ Сиракузъ, Агосты и Мессины; 2) самые города доступны равно гарибальдійцамъ и королевскимъ войскамъ; 3) плаваніе около береговъ Сициліи и по мессинскому

(1) См. *Вѣстникъ*, статью Маттеуччи.

проливу объявляется свободнымъ для всѣхъ флаговъ; 4) суда, подъ какимъ бы флагомъ ни были, пользуются одинакими правами. Трудно рѣшить, чѣмъ вызвана эта конвенція: вліяніемъ ли дипломатіи, или желаніемъ диктатора не тратить времени и войска на бесплодныя битвы, а организовать болѣе сильную армию и предпринять болѣе серіозное дѣло. Впрочемъ, и самому извѣстію о конвенціи нельзя вполнѣ довѣряться, такъ какъ оно идетъ изъ Неаполя. Замѣчательно, что въ самое почти время, какъ вспомогательный отрядъ Гарибальди садился на суда, въ Неаполѣ происходили беспорядки 15 и 16 числа, и общій голосъ былъ, что диктаторъ высадится на континентъ; его даже готовы были встрѣтить, и революція вспыхнула бы въ королевствѣ непременно. Но благоприятная минута была упущена....

Сицилійскій корреспондентъ газеты *Times* въ письмахъ своихъ, изъ Аліи отъ 29 іюня и изъ Кальтанисетты отъ 3, 6 и 8 іюля сообщаетъ подробности объ экспедиціи Тюрра, о которой упомянули мы въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Полковникъ, а потомъ генераль-адъютантъ и генераль-инспекторъ, Тюрръ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было сформированіе первой дивизіи, командовалъ одною только среднею колонною экспедиціи. Всѣхъ же колоннъ было три: одна (вѣроятно подъ начальствомъ Медичи) слѣвала берегомъ моря къ Мессинѣ; вторая (подъ начальствомъ Тюрра) проникала внутрь страны, въ Катанію, черезъ Кальтанисетту; третья направилась къ югу, на Джирдженти, съ тѣмъ чтобы потомъ присоединиться ко второй колоннѣ. Цель экспедиціи была вмѣстѣ и военною и политическою: диверсія на Мессину, приученіе солдатъ къ походу, сформированіе войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ организація внутреннихъ политическихъ центровъ страны, испытаніе духа населенія, поддержаніе связи между столицей и областями, — вотъ что было тутъ мыслью и желаніемъ диктатора. «Гарибальди, говоритъ корреспондентъ, не зная самъ покоя, торопилъ скорѣйшимъ выступленіемъ, увѣренный, что солдатъ не нуждается во многомъ, если только проникнуть хорошимъ настроеніемъ духа. Гарибальди терпѣть не можетъ тѣхъ, кто допускаетъ невозможности. Кромѣ того, что онъ не любитъ терять время, главная вещь, по его мнѣнію, начало всякаго дѣла. Ступай съ тѣмъ, что успеешь захватить съ собою, а объ остальномъ позаботишься въ дорогѣ. Таково его правило, подкрѣпленное еще и соображеніемъ о необходимости спасти солдатъ отъ празднои жизни (ozio) въ Палермо.»

Но мѣръ удаленія отъ Палермо, волонтеры все менѣе и менѣе оглядывались назадъ; имъ понравился походъ въ роскошной и живописной странѣ; ихъ вездѣ прекрасно принимали, и скоро всѣ

стали смотрѣть ужь не назадъ, а только впередъ. Первою станціей колонны былъ городъ Мизильмери: здѣсь приемъ былъ холоденъ, продовольствіе и помѣщеніе не приготовлено, жители напуганы предстоящими наборами. Но трехъ дней стоянки было достаточно, чтобы переменить эти холодныя отношенія на самыя дружескія, и уже въ Виллафрате приемъ былъ несравненно радушиѣе, постоя и продовольствіе заранѣе приготовлено. Но за то въ Виллафрате опасно занемогъ генералъ Тюрръ, такъ что даже долженъ былъ оставить колонну и вернуться въ Палермо. Страдая отъ раны, полученной имъ на равнинахъ Ломбардіи, Тюрръ послѣдовалъ первому призыву Гарибальди, первымъ ступилъ на почву Сициліи, первымъ былъ во всѣхъ сраженіяхъ, дѣлательно помогалъ диктатору въ предпринятой имъ организаціи арміи, былъ его правою рукою въ этомъ отношеніи, не отступалъ ни на шагъ отъ того, что считалъ своею священною обязанностью, и сформировалъ первую дивизію въ ущербъ своему здоровью. Солдаты плакали, когда ихъ генерала сажали въ экипажъ, и со слезами на глазахъ слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ въ направленіи къ Палермо.

Дальнѣйшее слѣдованіе колонны, черезъ Роккапалумбо, Алію, Валлелунгу, Фондако ди Лондро, Реддугано, Санта-Катерину, въ столицу внутренности Сициліи, Кальтанисетту, было радомъ блистательнѣйшихъ торжествъ и овацій: обильное продовольствіе, угощеніе, національная гвардія съ національнымъ знаменемъ, музыка, цвѣты, которыми буквально засыпали и людей и лошадей, женщины, которыя, въ противность восточному обычаю Сициліи, во множествѣ толпились по улицамъ и по балконамъ, всеобщій неудержимый энтузіазмъ, восторженные крики: «да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Италия!»—вотъ что встрѣчала на пути своемъ экспедиціонная колонна, при которой слѣдовалъ и Александръ Дюма (съ своею собственною палаткой) въ качествѣ *исторіографа* и *перваго повара* (*grand-cuisinier*) главнаго штаба колонны.

Природа страны восхитительна, *божественна*, по словамъ корреспондента: непрерывный рядъ великолѣпныхъ и цвѣтущихъ долинъ, обрамленныхъ высокими горами; свѣтлыя ручьи и рѣчки; зеленые пригорки, чудный воздухъ, роскошная растительность; кактусы, алоэ, виноградникъ, міндалныя деревья, съ цвѣтами, которыхъ не выраститъ никакая теплица, розы и олеандры въ полномъ цвѣту, не кустами, а цѣлыми деревьями; и среди живописной мѣстности, какъ орлиныя гнѣзда, бѣлѣются въ роцахъ и садахъ города и села. Богатство почвы изумительное, и корреспондентъ невольно понялъ, что Сицилія могла быть названа житницей Рима. Вообще провинція представляетъ рѣзкую про-

тивоположность по довольству жителей со столицей, ея окрестностями и большими приморскими городами. «Въ Мизильмери, говоритъ корреспондентъ, 11.000 жителей, а дома немного чѣмъ лучше хижинъ, грязны и лишены всѣхъ удобствъ; пища груба и недостаточна. Въ Виллафратъ съ 3000 жит. уже замѣтно лучше, а въ Роккапалумбо, гдѣ всего 1800 жит., нашлось для всѣхъ прекрасное помѣщеніе, сытная и вкусная пища и все, чего только можно было пожелать. Народонаселеніе провинцій не только дѣятельнѣе, способнѣе на трудъ и богаче, но даже просвѣщеннѣе. Покинувъ Мизильмери, мы напризмѣрь, не встрѣчали болѣе почти ни одного нищаго: сословіе это, искусственный продуктъ дурнаго управленія, очень мало извѣстно во внутренности острова.»

При выступленіи изъ Реццутано, всѣ были поражены одною изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ на всемъ земномъ шарѣ. «Трудно было сперва остановить взоръ свой въ какомъ-либо одномъ направленіи посреди цѣлаго моря горныхъ возвышенностей; наконецъ взоры всѣхъ устремились на востокъ, гдѣ высилась гигантская масса горы Этны, далеко воздымавшаяся надъ всѣми прочими горами и величаво выказывавшая свои шероховатые бока, правильно перехваченные снѣговыми поясами. Мы были въ 3000 ф. надъ уровнемъ моря. По среднѣ мѣстности подымались горы Мадонія на 5000 и на 6000 ф. надъ уровнемъ моря: вдали на заднемъ планѣ воздымался огнедышащій гигантъ; направо красовались двѣ другія высокія горы, также отдѣлявшіяся отъ прочихъ, но только какъ бы скошенные и покрытыя колокольными и башнями: то были Кальтанисетта и замокъ Джіованни, называемый въ народѣ луномъ Сициліи.»

Кальтанисетта отстоитъ на равномъ разстояніи отъ Палермо, Катанін и Джирдженти. Несмотря на прежнюю репутацію Кальтанисетты, какъ города консервативнаго, приѣмъ колонны былъ здѣсь самый радушный, самый пламенный; у входа въ городъ сооружена была триумфальная арка; все народонаселеніе, мужчины и женщины, высыпали навстрѣчу войску; цвѣтовъ была цѣлая туча; городскія власти, національная гвардія были въ полномъ составѣ, съ музыкой и знаменами; обѣдъ, угощеніе, вечеромъ балъ. Что касается до другой своей репутаціи, какъ города, въ высшей степени исполненаго предрасудковъ, то Кальтанисетта выдержала въ этомъ отношеніи свой характеръ и угостила отрядъ гарибальдійцевъ процессіей безобразной, но за то чудотворной статуи патрона своего, Св. Михаила, процессіей, представлявшей оригинальную смѣсь язычества и христіанской набожности.

Удивляясь богатству сицилійской почвы и справедливо находя,

что жители внутреннихъ провинцій богаче и вообще лучше жителей прибрежныхъ странъ, корреспондентъ сознается, однако, что и внутренность острова далеко не находится въ томъ цѣтущемъ положеніи, въ какомъ бы она могла быть, благодаря своимъ природнымъ богатствамъ. Если и уцѣлело нѣкоторое довольство во внутреннихъ областяхъ Сициліи, то именно потому, что до нихъ не такъ легко достигала рука Бурбоновъ. Тѣмъ не менѣе, вы не найдете на островѣ ни путей сообщенія, ни какаго другаго слѣда цивилизующаго прогресса: «Плодоноснѣйшая изъ всѣхъ почти странъ въ мірѣ, страна, наполнившая три послѣдовательные историческіе періода блескомъ своей цивилизаціи, теперь чуть ли не самая отсталая изъ всѣхъ странъ Европы и едва населена тѣмъ числомъ жителей, какое нѣкогда заключалъ въ стѣнахъ своихъ одинъ городъ Палермо.» Нравственное состояніе самого народа еще ужаснѣе, и оно лучше всего опредѣляетъ истинный характеръ неаполитанскаго управленія. Управленіе это, по словамъ корреспондента, было преступленіемъ противъ всего человѣческаго рода. «Другіе деспоты убивали только тѣло человѣка и разрушали одно благосостояніе своихъ подданныхъ: неаполитанскіе же убивали духъ и развращали новіи цѣлаго народа, отъ природы склоннаго къ добру и развитію. Черезъ нѣсколько лѣтъ хорошаго правленія вышшее благосостояніе страны легко можетъ быть возстановлено; но много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ изгладятся слѣды униженія и рабства, и снова подымется народный характеръ. Къ счастью для Сицилійцевъ, у нихъ есть сила, которой не можетъ превозмочь никакое злое ухищреніе; сила эта—горячій темпераментъ сицилійской крови, сдѣлавшій невозможнымъ для этого народа постоянный застои и омертвеніе. По временамъ этотъ темпераментъ энергически прорывался. Но именно на этихъ-то энергическихъ порывахъ и замѣтны болѣе всего слѣды неаполитанскаго управленія. Самымъ сильнымъ средствомъ противъ возможной самобытности народа служила нищета, невѣжество, развращеніе нравственнаго духа, ужасъ — словомъ, ванъ-амбурговъ рецептъ укрощенія дикихъ звѣрей.» Голодъ стоялъ первымъ въ спискѣ, и несмотря на все природное богатство страны, несмотря на освобожденіе крестьянъ (1811), масса недостаточныхъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ была доведена почти до нищеты и до полной зависимости отъ фермеровъ. Этому способствовали остатки феодализма, нигдѣ столь не сильныя какъ въ Сициліи и всячески поощряемыя правительствомъ. Въ рукахъ древней аристократіи скопились почти всѣ земли, между 1600 дворянами распределены цѣле $\frac{2}{3}$ поземельной собственности; остальная $\frac{1}{3}$ принадлежитъ духовенству и монашествующимъ орденамъ. Собственно земле-

дѣльцы раздѣляются въ Сициліи на *agricoli*, имѣющихъ нѣкоторый капиталъ и *простыхъ работниковъ*, живущихъ изо дня въ день, безо всякаго обезпеченія въ будущемъ. Недостатокъ дорогъ въ Сициліи обратился почти въ пословицу. Правительство не только вовсе не заботилось само о путяхъ сообщенія, но и противодѣйствовало всякой инициативѣ со стороны общества, хотя и взиало большіе дорожные сборы. «Обыкновенною системою въ этомъ отношеніи была та самая, которая господствуетъ въ Турціи. Общины подавали просьбу, что онѣ желали бы имѣть у себя дорогу, и что онѣ готовы заплатить деньги и провести дорогу на свой счетъ. Неизмѣннымъ отвѣтомъ на эту просьбу было приказаніе собрать деньги. Потомъ правительство прислало инженеровъ, которые брали деньги, разставляли вѣхи, сочиняли планы—а затѣмъ ничего ужъ не слышно было ни одорогахъ, ни о деньгахъ.» Для того, чтобы держать въ рукахъ народонаселеніе острова, неаполитанское правительство не гнушалось братья за самыя грязныя аферы и спекулировать сицилійскимъ хлѣбомъ, закупая его на мѣстѣ черезъ своихъ агентовъ по дешевымъ цѣнамъ и перепродавая его тѣмъ же Сицилійцамъ, уже по цѣнѣ, значительно вѣсшей. Высокій тарифъ изгналъ съ острова дешевые иностранные товары, а мѣстная промышленность, разными мѣрами, была совсѣмъ задавлена и принесена въ жертву неаполитанской промышленности. Нищія наводнили Сицилію, и монастыри, имъ естественно покровительствующіе, были всячески поощряемы правительствомъ. «Каждый день монастыри и общества благотворительности раздаютъ своимъ бѣднымъ хлѣбъ и варено, поощряя праздность и нищенство. Путешественники, которые удивляются множеству нищихъ въ Сициліи и ихъ неотвязчивости, не должны забывать, что пауперизмъ поставленъ тамъ на степень государственнаго учрежденія, что нищенство—единственное конституціонное право, оставленное Сицилійцамъ.» Нищенство и невѣжество обыкновенно идутъ рука объ руку, взаимно поддерживаясь одно другимъ. Дѣятельнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ орудіемъ неаполитанскаго правительства въ этихъ видахъ было сицилійское духовенство, проникнутое патриотизмомъ, но въ то же время и исполненное страшныхъ предрасудковъ. Духовенство острова почти совершенно независимо отъ римскаго первосвященника, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отторгнуто, изолировано отъ всякаго сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ и совершенно невѣжественно. Все образованіе находится тѣмъ не менѣе въ рукахъ духовенства, и непроходимое невѣжество вмѣстѣ съ неограниченнымъ суевѣріемъ господствуютъ поэтому во всѣхъ классахъ обществъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ. Правительство, съ своей стороны, тщательно устраняло все, что

только могло бы сколько-нибудь разсѣять этотъ мракъ. Самыя первыя начала общественнаго устройства чужды Сицилійцамъ, которые привыкли къ тому, чтобы правительство все дѣлало за нихъ (или, вѣрнѣе, ничего не дѣлало), сами не способны ни на какое дѣло и даже не понимаютъ возможности самостоятельной дѣятельности. Предупреждая взрывы народнаго неудовольствія и истощеннаго дурнымъ управленіемъ терпѣнія, правительство покрыло островъ сѣтью шпионствъ и гнуснѣйшей въ мірѣ полиціи. «Однимъ словомъ, говоритъ корреспондентъ, неаполитанское правительство словно выпустило на Сицилію всѣхъ злыхъ духовъ изъ ковчега Пандоры, и нужно только удивляться не ярости такъ долго притѣсняемаго народа, а его умѣренности, такъ какъ поведеніе Сицилійцевъ, за весьма небольшими исключеніями, было, съ самой первой минуты возстанія, рѣшительно образцовымъ.»

Эта глубокая ненависть служитъ уже, безъ сомнѣнія, наекнымъ ручательствомъ, что народный духъ Сицилійцевъ можетъ быть только временно *подавленъ*, но не *задавленъ* совершенно и навсегда, и что родовыя особенности племени, все еще живы, но только смолкшія на время передъ напоромъ внѣшняго наслія, рано или поздно проложатъ себѣ широкую и открытую дорогу и дадутъ характеръ всей послѣдующей исторіи острова. Но что же это за племенные особенности, почему онѣ такъ живучи и въ чемъ заключается ихъ отличительный характеръ? На эти вопросы тотъ же корреспондентъ отвѣчаетъ разсужденіемъ, можетъ-быть парадоксальнымъ, но очень оригинальнымъ и остроумнымъ: пуская въ ходъ и физиологію и филологію, онъ прѣбуетъ доказать одноплеменность туземныхъ обитателей Сициліи съ Арабами. Читатели наши не безъ интереса, вѣроятно, прочтутъ это разсужденіе, которое мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Въ смѣшанныхъ народностяхъ любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ онѣ сложены, борются между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не станетъ преобладать надъ другими и не сообщитъ своего собственнаго характера цѣлому народу. Такое преобладаніе не бываетъ непремѣннымъ результатомъ ни численнаго превосходства, ни преимущества господствующаго племени, и можно скорѣе допустить здѣсь какое-то органическое соотвѣтствіе племенъ съ климатомъ и почвой, подобно тому, какъ при одной и той же обстановкѣ, одно дерево или растеніе принимается свободнѣе и пышнѣе, чѣмъ другое. Сицилія представляетъ тому одинъ изъ разительнѣйшихъ примѣровъ. Ни по одной другой странѣ не проходило столько различныхъ народностей. Не говоря уже о доисторическихъ племенахъ, оставившихъ слѣды своего существованія въ пещерахъ, изсѣченныхъ въ известковыхъ горахъ, Сицилію наводили

Греки, Римляне, Византійцы, Сарацины, Норманы, Испанцы, Неаполитанцы. Почти всѣ они оставили слѣды свои только изъ камня—Греки своими разрушенными храмами, Римляне слабыми остатками мощенныхъ дорогъ, Византійцы квадратными церквями съ куполами и мозаикой, Норманы своими башнями, Испанцы монастырями, Неаполитанцы тюрьмами и крѣпостями. Кромѣ того, они дале острову по нѣсколькку словъ изъ своихъ нарѣчій и нѣсколькку характеристическихъ учреждений,—Норманы феодализмъ, Испанцы титулы и монашествующіе ордена, Неаполитанцы шпионовъ и разбойниковъ. Но всмотритесь въ смуглую наружность Сицилійца, въ рѣзкія черты его лица, обратите вниманіе на малый ростъ его, вслушайтесь въ его суровый горловой выговоръ, замѣтьте выразительность его жестовъ, изучите его обычаи и нравы, и все это невольно напомнитъ вамъ, подобно иглистой грушѣ и алоэ, сосѣдство Африки и Сарациновъ. Только два кроткія столѣтія продолжалось ихъ господство; многіе изъ проходившихъ по острову покинули его послѣ норманскаго завоеванія; лицемѣрные монахи и идиотическіе короли дѣлали все, что только было въ ихъ власти, чтобъ извести это живучее племя; и вотъ искаженное, униженное, подавленное, забитое, оно все еще существуетъ и на всемъ народѣ запечатлѣваетъ свой характеръ, не боясь ни тюремъ, ни огня, ни меча. Каждый шагъ вашъ напоминаетъ вамъ это племя; больше чѣмъ половина городовъ сохранили свои арабскія имена, хотя и переименованы нѣсколькко, Марсала, Калатафими, Алькамо, Кальтанисетта и др. Всякій фермеръ или мало-мальски достаточный человѣкъ въ городахъ и селахъ любитъ выѣзжать на своей кобылицѣ съ ружьемъ у сѣдла, точь-въ-точь такъ, какъ и на Востокѣ; погонщикъ муловъ, сопровождающій транспортъ съ сѣрой, погоняетъ своихъ животныхъ весьма извѣстнымъ «Бъ!» погонщика ословъ въ Египтѣ. Сицилиецъ такой же искусникъ въ сладостяхъ и такъ же любитъ ихъ, какъ и его африканскіе соплеменники, и не одно еще сохранилось у него кушанье, которое слѣдуетъ ѣсть только подъ фиговымъ деревомъ или подъ дикою смоковницей (сикоморомъ). Когда вы встрѣтите Сицилианку на улицѣ, она такъ же поспѣшно закроетъ себѣ лицо, какъ и восточная женщина, а можетъ-быть и еще поспѣшнѣе; такую же ведетъ она здѣсь домашнюю, запертую жизнь, какъ и на Востокѣ. Въ Сицилии встрѣтите вы въ то же почтеніе передъ происхожденіемъ и родословною кровью, какъ и между Арабами, ту же крѣпость рода, готовую на ссору и полагающую побѣду въ томъ, чтобы сказать послѣднее слово или нанести послѣдній ударъ. Та же здѣсь слабость къ формѣ и внѣшностямъ, та же преувеличенная учтивость, та же склонность къ бурнымъ демонстраціямъ. Но за то—увъ!—множество

иностранныхъ ногъ, торопливыхъ, непосѣдныхъ, какъ бы обу-
тыхъ въ дорожные сапоги, потоптало въ землю прежнее госте-
примство, рыцарство, промышленную изобрѣтательность, арти-
стическій вкусъ, склонность къ наукамъ и искусствамъ, доказа-
тельства чего разбѣяны по многимъ странамъ Востока и Запада. •

Выводы корреспондента объ арабскомъ происхожденіи Сици-
лійцевъ нѣсколько фантастичны, филологическія сближенія очень
блѣдны и основаны только на звукѣ *ба* и на горловомъ произно-
шеніи языка, ни въ чемъ другомъ нисколько не похожаго на араб-
скій; первобытное населеніе острова и преобладаніе въ немъ
греческихъ колоній, не только до подчиненія его владычеству
Аглабидовъ и потомъ Фатимитовъ (827 и слѣд.), но и до самаго
норманскаго завоеванія (1058), корреспондентъ оставилъ почти
безъ вниманія.

Кальтанізетская провинція, расположенная въ самомъ, такъ
сказать, сердцѣ страны, сохранила, по словамъ корреспондента,
гораздо болѣе характеристическихъ особенностей, которыя въ
приморскихъ городахъ, отъ частыхъ сношеній съ иностранцами,
значительно сгладились. Кальтанізетская аристократія богата и
вліятельна; никто изъ ея членовъ не заѣзжалъ далѣе Палермо, а
большая часть не доѣзжала даже и до этого города. Всѣ они, за
весьма рѣдкими исключеніями, либеральны, правда, по своему:
Неаполитанцевъ ненавидятъ они какъ и всѣ, но они тоже любятъ
свои дукаты. Между этою ненавистью и этою любовію возго-
рается борьба при всякомъ критическомъ обстоятельстве, и лю-
бовь всегда одолеваетъ. «Ни что не могло бы быть легче, напри-
мѣръ, разказываетъ корреспондентъ, какъ отрѣзать двѣ королев-
скія колонны, слѣдовавшія по весьма дурной дорогѣ, отъ Джирд-
женти и Кальтанізетты на Мессину, и многія изъ общинъ были
ужь готовы и всѣ мѣры приняты, какъ вдругъ изъ Кальтанізетты
пришелъ приказъ остановить движеніе: колонны могли возвра-
титься, сжечь нѣсколько домовъ и отнять нѣсколько монеть.»

Источникомъ богатства кальтанізетской аристократіи служатъ
неистощимыя сѣрные копи, снабжающія всю Европу этимъ ме-
таллоидомъ. Добываніе сѣры на мѣстѣ необыкновенно просто,
легко и дешево; этому способствуютъ крѣпкіе пласты туфа, гипса
и нористаго известняка, почти не требующіе постороннихъ сводо-
образныхъ поддержекъ, а также и отсутствіе подземныхъ водъ,
всегда мѣшающихъ рудокопнымъ работамъ. За то доставка сѣры
въ приморскіе города, производимая насчетъ самихъ владѣльцевъ,
обходится, по отсутствію путей сообщенія, очень дорого. Тѣмъ не
менѣе производство это чрезвычайно выгодно, и акціи общества
въ самыя критическія минуты не продавались менѣе какъ на 15
или 16% выше нарицательной цѣны. Эти богатства, дающія гро-

мадное вліаніе мѣстной аристократіи и скопляющія всю массу провинціальной власти въ ея рукахъ, даютъ особый оттѣнокъ и политическому характеру этой области. Во главѣ управленія всегда стоитъ особенно богатый владѣтельный родъ (1), и не разъ кальтанізетская аристократія со своими приверженцами выступала противъ революціоннаго движенія (the clique) въ городѣ. «Настоящій случай, говоритъ корреспондентъ составляетъ исключеніе, какъ и вообще онъ исключителенъ для всей Італіи. Но мы посмотримъ, что́ станется съ этимъ движеніемъ, когда придетъ время для жертвъ.»

Г. МАТТЕУЧИ О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЪ ИТАЛИИ.

Въ первой июльской книжкѣ *Revue des deux Mondes*, одинъ изъ извѣстныхъ италіанскихъ патріотовъ, г. Маттеучи, высказалъ въ интересной статейкѣ свое мнѣніе о необходимости административной децентрализаціи въ будущемъ устройствѣ соединенной Італіи. Считаю не лишнимъ привести въ дополненіе къ очерку текущихъ дѣлъ въ Італіи, эту статейку, имѣющую общій интересъ.

«Съ той минуты, когда такъ измѣнилось положеніе Італіи, въ ней возникло множество вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ самая будущность ея, и мы необходимо должны изучить и опредѣлить ихъ, на сколько это возможно сдѣлать въ томъ круговоротѣ, въ которомъ мы живемъ теперь. Постановить эти вопросы, которыми заняты впрочемъ многіе умы, лежитъ на обязанности тѣхъ, кто любитъ свое отечество, кто вѣритъ въ силу общественнаго мнѣнія, кто не хочетъ, чтобы главнѣйшія условія нашего возрожденія были искажены и дурно понимаемы. Я тоже питаю себя одною только мыслию, стремлюсь къ одной цѣли—помогать общему дѣлу, раскрывая истину передъ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, съ которымъ всякое правительство необходимо должно теперь сообразоваться. Многіе скажутъ, а многіе ужъ и говорятъ намъ, что Італіи нужно теперь только дѣйствовать, и что прежде чѣмъ основывать учрежденія и издавать законы, надобно образовать націю и поставить ее на ноги. Я не отрицаю нѣкоторой доли справедливости въ этомъ взглядѣ на вещи, я согласенъ, что, несмо-

(1) Теперь этою привилегіей пользуется семейство герцоговъ Санъ-Копальдо, владѣющихъ копами того же имени.

тря на совѣты благоразумія, трудно бываетъ остановиться въ шествіи, такъ счастливо и такъ блистательно начатомъ. Средства обороны и финансы становятся въ подобныхъ обстоятельствахъ главнымъ предметомъ общественной дѣятельности. Но не менѣе справедливо и то, что было бы чрезвычайною неосторожностію пренебречь немедленною организаціей гражданскаго быта, которая одна только способна упрочить за нами благодѣянія свободы и независимости.

До сихъ поръ, подъ влияніемъ одной заботы о защитѣ или завоеваніи себѣ независимости, господствующею у насъ идеей была идея воссоединенія. Но остережемся, чтобы соединенія не смѣшались съ централизаціей и не установитъ образа правленія, который противорѣчилъ бы всѣмъ нашимъ преданіямъ, всѣмъ вкусамъ нашимъ и инстинктамъ. Единство во внѣшней и внутренней политикѣ, въ организаціи войска, дѣйствительно необходимо, въ видахъ безопасности всего государства и какъ гарантія независимости народа. Въ всякаго спора лежатъ и тѣ основные законы, тѣ принципы права, которыми управляется всякая страна, вслѣдствіе гражданства, всякая старинная и новая область. Опаснымъ воссоединеніемъ, или, точнѣе, опасною централизаціей была бы та, которая подчинила бы себѣ собственно администрацію страны, ея благотворительныя учрежденія, ея народное просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ.

Подумайте хорошенько; большой административный центръ самъ собою предполагаетъ уже средоточіе народонаселенія и богатства, однимъ словомъ, большую столицу. Достаточно имѣть самое поверхностное понятіе объ Италіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что у насъ такая столица могла бы возникнуть только въ ущербъ мѣстной жизни, создавшей себѣ въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ множество небольшихъ отдѣльныхъ центровъ. Большая столица и административная централизація, необходимо связанная между собою тонкими узами, убили бы современемъ всякое различіе во взглядахъ, въ привычкахъ и самомъ трудѣ,—различіе, равно замѣтное во всѣхъ классахъ общества и имѣющее въ Италіи такой рѣзкій характеръ. Политическая система, основанная на уничтоженіи этихъ различій, на желаніи отлить въ одну форму всѣ племена полуострова, не только лишила бы народъ издавна пріобрѣтенныхъ имъ силъ, полезныхъ его духовному и матеріальному прогрессу, но заставила бы даже эти силы измѣнить свой характеръ и принять новое направленіе въ средѣ, имъ неблагоприятной.

Административная централизація имѣла бы собственно для насъ еще и другія непріятныя послѣдствія. Такая система можетъ существовать только при огромномъ сословіи чиновниковъ, живу-

щихъ на счетъ государства и вносящихъ въ управленіе дѣлами весьма узкіе взгляды, или вѣрнѣе, узкія правила, при которыхъ нѣтъ ужъ надобности во взглядахъ и идеяхъ, да еще медленную, безжизненную и всегда очень слабо освѣщенную рутину. Никто не сомнѣвается теперь, что тѣ самые, которыхъ такъ соблазняютъ государственныя должности, были бы безконечно полезнѣе для величія и свободы своего отечества, еслибы составили себѣ въ торговомъ мірѣ, въ промышленности, въ сферѣ наукъ, искусствъ или словесности, независимое существованіе, достойное свободнаго гражданина. Извѣстно, что чиновники поглащаютъ огромныя денежныя средства, которыя были бы несравненно полезнѣе во всякомъ другомъ мѣстѣ, и которыхъ можно было бы даже вовсе не собирать въ видѣ налога на народъ (1). Величайшимъ государственнымъ открытіемъ нашего времени было упрощеніе административнаго механизма, а равно болѣе легкое и экономическое собираніе налоговъ. Уменьшеніе государственныхъ должностей, необходимое послѣдствіе децентрализаціи, служить однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ уменьшенію непроезводительныхъ расходовъ государства. Въ предметахъ для занятія не могло бы быть недостатка этимъ лицамъ, прозябающимъ теперь въ ничтожныхъ и темныхъ должностяхъ. Во всякомъ случаѣ, облегчая себя отъ безплодныхъ тратъ, государство могло бы облегчать и самый переходъ уступкой земель, весьма удобною въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, какъ то въ Сардиніи, въ Мареммахъ (2), гдѣ много еще обширныхъ пространствъ, требующихъ только ума и свободныхъ рукъ. Всѣ бы тутъ выиграли, и государство, которое сдѣлало бы значительную экономію, и народное богатство, и новые землевладѣльцы изъ чиновниковъ. Я могъ бы указать на многихъ значительныхъ собственниковъ въ окрестностяхъ Пизы, нынѣшнее богатство которыхъ началось съ крошечныхъ клочковъ земли, уступленныхъ имъ, подѣ известными условіями, правительствомъ Леопольда I. Вопросъ этотъ стоилъ бы серьезнаго вниманія со стороны нашихъ государственныхъ людей.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что большой административный центръ и большая столица притягиваютъ къ себѣ множество лицъ, расточающихъ въ роскоши огромныя состоянія. Я нисколько не ополчаюсь противъ большихъ столицъ тамъ, гдѣ онѣ уже существуютъ. Уже по одному тому, что онѣ образовались и даже процвѣтаютъ, слѣдуетъ допустить, что ихъ существованіе имѣетъ

(1) И несмотря на огромную цифру административныхъ расходовъ, чиновники рѣдко бываютъ обезпечены въ самомъ ихъ существованіи.

Прим. г. Маттеучи.

(2) Приморская область Тосканы.

разумную причину, и что выгоды, съ ними сопряженныя, смягчаютъ или превосходятъ собою ихъ невыгоды. Въ Италиі не то: подобная столица убила бы большую часть городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ такія же права стать этою столицей. Отстраняя образованіе одного изъ такихъ центровъ, мы остаемся вѣрными нашимъ преданіямъ, вкусамъ и интересамъ, хорошо понятнымъ; мы удерживаемъ множество лицъ отъ растраты ихъ существованія на пустое и бесплодное волненіе; мы повсемѣстно способствуемъ равному и одновременному развитію просвѣщенія, земледѣлія, промышленности и торговли, которыя могутъ много пострадать отъ истощенія народныхъ силъ столицею.

Я здѣсь кратко высказываю нѣсколько мыслей, и главный смыслъ ихъ — децентрализація, децентрализація во всѣхъ видахъ и прежде всего въ администраціи, которая тогда бы дѣйствовала безъ complicationъ, безъ потери времени, свободно и съ малыми средствами. Я не говорю о томъ, что возможно въ другихъ странахъ, но я увѣренъ, что всѣ мои просвѣщенные сограждане, всѣ люди, заседающіе теперь въ національномъ парламентѣ, не задумываясь ни минуты, согласятся, что во всѣхъ провинціяхъ Ломбардіи, Пиемонта, Тосканы и Эмиліи было бы возможно устроить мѣстные совѣты, подъ какимъ бы то ни было именемъ, которые управляли бы сами собою, съ пользою для государства, и представляли бы всѣ нужныя для того гарантіи. До сихъ поръ мы видѣли въ дѣйствіи двѣ системы, противоположныя повидимому, но съ одними и тѣми же пороками на самомъ дѣлѣ: или большое административное сосредоточеніе, или распаденіе государства на множество мелкихъ центровъ, неспособныхъ къ самоуправленію и которымъ безъ видимой опасности нельзя довѣрить полную свободу. По моему мнѣнію, децентрализація, хорошо понятая, находится между этихъ двухъ крайностей. Въ странѣ, подобной Италиі, гдѣ мѣстная жизнь всегда была такъ сильна, и не утратила своего значенія еще и до сихъ поръ, легко себѣ представить существованіе множества административныхъ центровъ, второстепенныхъ, но все-таки важныхъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы такъ-сказать свое собственное управленіе. Если я не ошибаюсь, то вмѣстѣ съ распространеніемъ началъ либеральнаго образа правленія, для государства не было бы никакой опасности вручить безъ ограниченій всю администрацію провинціи совѣту, избранному народомъ. Новая система правленія, которую я себѣ представляю, не была бы ни административнымъ центромъ большаго государства, ни слабою властію слишкомъ маленькой мѣстности, а была бы правленіемъ людей образованныхъ, независимыхъ, уважаемыхъ всею страной, и которые, слѣдовательно, имѣли бы полное право дѣйствовать свободно и управлять самими нужнѣйшими дѣлами провинціи, какъ то: поли-

цій, благотворительными учреждениями, народнымъ просвѣщеніемъ и техническимъ образованіемъ, путями сообщенія, публичными зданіями, собираніемъ податей и проч. Всѣ эти вѣтви администраціи были бы вручены безъ вознагражденія цѣлому представительству людей спеціально-способныхъ.

«Я знаю заранѣе, какое возраженіе сдѣлаютъ люди, привыкшіе къ административной рутинѣ: они скажутъ, что мѣстныя власти, когда имъ предоставлялось слишкомъ много свободы дѣйствія, дѣлали только безумныя траты и входили въ разорительныя предпріятія, дѣйствуя подъ вліяніемъ мѣстной вражды и мѣстнаго честолюбія.

«Благодаря Бога, мы имѣемъ въ настоящее время могущественное средство противъ этихъ злоупотребленій — свободу со всѣми изъ нея проистекающими учреждениями. Повторяю, въ главныхъ городахъ Италіи есть или скоро будутъ журналы, литературныя кружки, общества сельскаго хозяйства и политической экономіи, школы искусствъ и ремеслъ, выставки промышленности и проч. При такихъ элементахъ, можетъ ли быть опасность въ томъ, что вся мѣстная администрація будетъ находиться въ рукахъ лицъ, избранныхъ провинціей? Напротивъ ясно, что провинціальная власть соединитъ всѣ условія умной и хорошей администраціи.

«Я не представляю никакого проекта, тѣмъ болѣе я не требую быстро измѣненія всей нашей административной системы; я прошу только моихъ согражданъ и товарищей по парламенту принять эти мысли къ соображенію и имѣть ихъ постоянно передъ глазами при составленіи органическихъ законовъ государства. Не трудно, впрочемъ, придумать гарантіи противъ злоупотребленій этой системы. Выборъ старшаго правителя между избранными изъ народа могъ бы быть предоставленъ королю. Въмѣсто губернатора и нынѣшняго намѣстника можно было бы назначить чиновника, который былъ бы обязанъ отдавать отчетъ правительству обо всѣхъ дѣйствіяхъ провинціальной власти, наблюдать, чтобъ эти дѣйствія не противорѣчили никогда основному закону; онъ былъ бы облеченъ нѣкоторымъ правомъ *вето* въ отношеніи новыхъ налоговъ. Если я не ошибаюсь, эта система повлекла бы за собою много благодѣяній; почти всѣ должности, уступленныя государствомъ провинціальной власти, были бы безвозмездны; дѣла провинціи, совершенно переданныя жителямъ провинціи, шли бы лучше, или по крайней мѣрѣ исполнялись бы скорѣе и съ меньшими издержками; своевременность и справедливость административныхъ мѣръ легче были бы поняты обществомъ; система эта была бы въ то же время открытою школой администраторовъ и государственныхъ людей. Однимъ словомъ, эта система удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ свободнаго образа правленія, то-есть да-

еть обществу возможную свободу, упрощаетъ правительственный механизмъ, дѣлая его менѣе дорогимъ, и, заставляетъ всѣхъ гражданъ, смотря по степени ихъ образования и способностей, принимать участіе въ новомъ порядкѣ вещей.

«Я прошу позволенія прибавить нѣсколько общихъ взглядовъ, на весь составъ нашей организаціи. Даже при самомъ широкомъ развитіи самоуправленія, въ главѣ правительства должны были бы стоять: государственный совѣтъ, обязанный готовить законы и постановления, и известное число министровъ соответственно различнымъ категоріямъ общихъ интересовъ; кромѣ того, король могъ бы удостоивать титуломъ государственнаго министра достойныхъ политиковъ, которые отличились важными услугами, оказанными государству, и къ которымъ, въ важныхъ случаяхъ, король могъ бы обращаться за совѣтомъ: это пришлось бы на долю политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Что касается до торговли, промышленности, публичныхъ работъ и просвѣщенія, то они могли бы управляться совѣтомъ, составленнымъ изъ специалистовъ, пользующихся известностію, и которые не отказали бы въ безвозмездномъ участіи. Народное просвѣщеніе должно быть предметомъ особеннаго вниманія и получить новое устройство. Часть преподаванія досталась бы, какъ я уже сказалъ, провинціальной администраціи. Тѣмъ не менѣе нужна была бы высшая власть, обязанная наблюдать за исполненіемъ законовъ и общественныхъ постановленій и управлять ходомъ высшаго образованія и постановленная во главѣ университетскаго сословія. Какая была бы эта власть, и откуда бы она происходила? Всѣ университеты государства, то-есть всѣ профессора этихъ университетовъ, составили бы избирательную коллегію, обязанную составить листъ кандидатовъ, изъ которыхъ король избралъ бы *великаго ректора* народнаго просвѣщенія. Что же касается до назначенія профессоровъ, оно тоже производилось бы королемъ по представленію великаго ректора, которому списки представлялись бы особыми отдѣленіями ученаго института, основаннаго по образцу Италіянскаго Общества, графа Лорнѣя, болѣе известнаго подъ названіемъ Общества Сорока, причемъ введены были бы въ уставъ этого Общества только незначительныя измѣненія. Члены Италіянскаго Общества наукъ собирались бы одинъ разъ въ годъ въ одномъ изъ главныхъ городовъ государства, и во время этого собранія, великій ректоръ представлялъ бы имъ списокъ вакантныхъ профессорскихъ мѣстъ, а они предлагали бы кандидатовъ. Я съ намѣреніемъ ни слова не говорю объ искусствахъ въ этой избирательной организаціи для народнаго просвѣщенія; нынче признано, что въ этомъ отношеніи правительство ничего не можетъ сдѣлать: все его вмѣшательство должно ограничиться предоставленіемъ королю оцѣнки произведеній высшаго достоинства.

«Я могъ бы продолжать свой разборъ и представить другія значительныя выгоды, которыя нашло бы государство, сбросивъ съ себя многія работы и предоставивъ ихъ свободной инициативѣ гражданъ, мѣстнымъ и личнымъ интересамъ. Особенно это ясно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о промышленныхъ предпріятіяхъ и о публичныхъ работахъ. Весьма сомнительно, чтобы государство могло находить пользу, оставивъ за собою разработку минъ, большихъ фермъ, желѣзныхъ дорогъ, вмѣсто того чтобы предоставить это частной промышленности. Однимъ словомъ, я желаю, какъ видите, чтобы администрація и общественные интересы были совершенно децентрализованы.

«Но, скажутъ, наступила ли минута замѣнить этою системою повсемѣстной свободы административную организацію, которую неограниченное правительство оставило послѣ себя въ разныхъ провинціяхъ? Пока новое государство еще едва сформировывается, пока оно должно еще вынести столько борьбы, чтобы окончательно основать національное устройство, не опасно ли вступить на дорогу, которая можетъ привести къ распаденію государства на мелкія республики? Это возраженіе представляется само собою, и я уже объ немъ упоминалъ. Я отвѣчу, что свобода скорѣе всего приводитъ къ дѣйствительной силѣ и единству истинному и искреннему. Провинціи первыя поймутъ необходимость удержать за собою управленіе своими собственными дѣлами, предоставивъ королю и парламенту управленіе всѣмъ тѣмъ, что обезпечиваетъ независимость государства и народную конституцію. Если мы хотимъ основать что-нибудь крѣпкое и прочное, охраненное отъ реакцій, къ которымъ всегда такъ склонны южные народы по мннованіи минуты опасности, мы должны нынѣ же показать, что мы способны принять всѣ условія образа правленія, дѣйствительно-либеральнаго, что наша окончательная организація должна быть основана не на порабощеніи силъ и духа различныхъ племенъ полуострова, но на полномъ и свободномъ развитіи этихъ самыхъ силъ и этого самаго духа.

«Нечего бояться, что самоуправленіе можетъ воскресить маленькія провинціальныя и городскія республики. Начать съ того, что, мечта о республикѣ, желаютъ обыкновенно республики всеобщей, то есть совершеннаго низверженія всей нашей нынѣшней политической системы. Провинціи, которыя свободно управляются и которымъ предоставленъ свободный выборъ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ, основанный на избирательномъ законѣ, не могутъ завладѣть правами главныхъ властей государства; онѣ не будутъ республиками, но составятъ массу силъ свободныхъ и разумныхъ, сгруппированныхъ вокругъ парламента и короля, какъ вокругъ живаго и славнаго символа всей націи. Допуская возможность

возрожденія средневѣковой Италіи въ половинѣ XIX вѣка, нужно предполагать, что мы идемъ противъ вѣхъ новѣйшихъ идей, что мы не понимаемъ великихъ интересовъ времени, что опытъ прошедшаго и предвѣстія будущаго не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на наши мнѣнія и поступки. Всѣ событія въ Центральной Италіи, послѣ виллафранкскаго мира, представляютъ, напротивъ того, совсѣмъ другое зрѣлище и служатъ доказательствомъ благоумія, такъ же какъ и гарантіей успѣха.

«Съ другой стороны, должны ли мы бояться вѣйшихъ вліяній, которыя старались бы повредить нашему политическому устройству? Главною выгодой въ настоящее время служить намъ то, что вся Европа смотритъ на все происходящее въ Италіи, какъ на дѣло, касающееся лично однихъ Италіянцевъ. Принципъ невмѣшательства насъ обезпечиваетъ. Итакъ, нѣтъ серіознаго повода думать, что политическія международныя соображенія могутъ вредить нашему внутреннему развитію. Мы думаемъ, напротивъ, что общее мнѣніе намъ благопріятствуетъ и ободряетъ насъ приступить къ началу этого долгаго и труднаго дѣла, которое состоитъ въ организациіи государства, сложеннаго изъ разныхъ провинцій, въ которыхъ должно непремѣнно сохранить свойственный имъ духъ, такъ какъ сила и величіе націи нисколько не могутъ огъ того пострадать. Важные результаты, пріобрѣтенные нами въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, суть плодъ терпѣнія, храбрости, твердости Италіянцевъ и помощи нашихъ союзниковъ. Тѣ же условія обезпечиваютъ намъ и будущее. Въ парламентѣ, въ муниципальныхъ совѣтахъ, въ печати, всякій изъ насъ, по мѣрѣ своего вліянія, долженъ исполнять одну обязанность—помогать правительству и подкрѣплять его въ устройствѣ государства Виктора-Эммануила, которое есть ядро нашей національности. Останемся же вѣрны этому направленію, не забывая, что въ странѣ, подобной Италіи, гдѣ столько различныхъ интересовъ, главная задача для разрѣшенія есть умѣнье согласить высшія права народа съ свободнымъ развитіемъ вкусовъ, нравовъ и духа различныхъ племенъ, составляющихъ полуостровъ. Въ этомъ наша сила, въ этомъ наше будущее.»

ГРАЖДАНСКІЯ ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССИИ

По дѣйствовавшимъ законамъ, между русскими подданными и иностранцами было существенное различіе въ правахъ по имуществу. Иностранцы, хотя бы принадлежали къ дворянству иностранному и состояли въ русской службѣ, не въ правѣ были пріобрѣтать дворянское имѣніе въ Россіи, если не пріобрѣли правъ русскаго дворянства службой или пожалованіемъ. Даже земли ненаселенныя могли они пріобрѣтать или брать во владѣніе только въ городахъ, а не внѣ городовъ; исключеніе изъ этого правила допускалось только для нѣкоторыхъ мѣстностей, и для поощренія нѣкоторыхъ видовъ промышленности. Иностранцамъ разрѣшалось записываться временно въ ремесленные цехи, наниматься въ работы и въ услуженіе; но, не принявъ русскаго подданства, иностранецъ не имѣлъ права записываться въ гильдію, производить всякую оптовую или розничную торговлю, участвовать въ биржевыхъ дѣлахъ, и входить въ обязательства и договоры съ казною. Только тѣмъ изъ нихъ, которые желали заняться въ Россіи фабричною промышленностію съ устройствомъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ, дозволялось записываться въ гильдію на 10 лѣтъ и на этотъ срокъ покупать себѣ земельные участки не болѣе 300 десятинъ въ уѣздахъ, для устройства заведеній; но по истеченіи 10 лѣтъ они обязывались или вступить въ русское подданство, или продать землю съ заведеніемъ лицу, имѣющему право владѣть ими. Свободную торговлю, безъ записки въ гильдію, иностранцы могли производить лишь нѣкоторыми товарами, какъ-то: скотомъ, лошадьми, машинами, фабричными аппаратами и химическими издѣліями, при собственныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ эти издѣлія производятся. Сверхъ того художникамъ разрѣшалось продавать собственныя произведенія по части изящныхъ искусствъ. Болѣе обширныя права торговли предоставлены были иностраннымъ гостямъ (то-есть купцамъ, для оптоваго торга вступающимъ въ неполное гражданство приморскаго или пограничнаго мѣста) и, вообще, заѣзжимъ иностраннымъ купцамъ, занимающимся оптовымъ торгомъ въ Россіи; но этотъ торгъ оптомъ могли они производить только съ русскими купцами первыхъ двухъ гильдій и торгующими крестьянами, но никакъ не съ иностранцами, находящимися въ Россіи. Иностраннымъ гостямъ разрѣшалось пріобрѣтать дома во всѣхъ городахъ Россійской

имперіи, также заводить и содержать, съ высочайшаго разрѣшенія, всякія фабрики и мануфактуры.

Всѣ эти ограниченія, главнѣйше основанныя на указѣ 1807 года, изданномъ подѣ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, отмѣнены высочайшимъ указомъ отъ 7 іюня текущаго года. При усовершенствованіи путей сообщенія и при быстромъ развитіи международныхъ сношеній, ограниченія эти признаны уже несоотвѣтствующими потребностямъ времени, тѣмъ болѣе, что въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ всѣмъ иностранцамъ, въ томъ числѣ и русскимъ подданнымъ, предоставляется заниматься коммерческими дѣлами на правахъ, одинаковыхъ съ мѣстными жителями. Вслѣдствіе того, для преуспѣянія торговли, земледѣлія и промышленности въ Россіи и для развитія народнаго богатства, при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ, мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ, дозволено иностранцамъ вступать во всѣ купеческія гильдіи наравнѣ съ русскими подданными и пользоваться всѣми правами русскаго купечества. Жилища и магазины иностранцевъ со всѣми принадлежащими землями охраняются покровительствомъ общихъ законовъ. Къ обыску ихъ домовъ и къ разсмотрѣнію торговыхъ книгъ приступать вѣдно на основаніи тѣхъ же правилъ, какія постановлены для русскихъ подданныхъ одного съ ними сословія. Иностранцамъ вообще разрѣшается свободно приобрѣтать всѣми возможными для русскихъ подданныхъ способами всякаго рода недвижимыя и движимыя имущества, слѣдовательно дворянскимъ имѣніемъ могутъ владѣть только иностранцы, получившіе право русскаго потомственнаго дворянства. По довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, иностранцы, кромѣ евреевъ, могутъ управлять такими имѣніями на правѣ прикащиковъ, могутъ нанимать и содержать въ арендѣ, possessіи и по всякимъ законнымъ обязательствамъ, недвижимыя населенныя и не населенныя имущества, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ условій и ограниченій, какія установлены для русскихъ подданныхъ.

Новый законъ уравниваетъ иностранцевъ съ русскими подданными въ правахъ на приобрѣтеніе имущества. Несмотря на то, едвали можно съ полною увѣренностію утверждать, что положеніе русскихъ подданныхъ въ этомъ отношеніи совершенно одинаково съ положеніемъ иностранцевъ. Иностранецъ, въ качествѣ заѣзжаго человѣка, проживая въ Россіи, можетъ не принадлежать ни къ какому сословію, и пользуется въ качествѣ иностранца всѣми правами, которыя предоставляетъ ему новый законъ; правда, если онъ занимается торговыми дѣлами, то обязанъ приписаться къ купечеству; но купечество есть не сословіе, а временное состояніе торгоющаго человѣка; права купечества не переходятъ

отъ родителей къ дѣтямъ, а зависать отъ вноса опредѣленной пошлины съ капитала или отъ принадлежности нѣкоторыхъ членовъ къ семейству лица торгующаго, покуда это лицо считается въ купеческомъ званіи. Напротивъ, русскій подданный непремѣнно долженъ принадлежать къ тому или другому государственному сословію, или по рожденію или по припискѣ; всякій, чье сословіе неизвѣстно, еще не опредѣлилось, обязанъ избрать себѣ родъ жизни, то-есть приписаться къ одному изъ податныхъ сословій; сословія неподатныя, пользуются какъ извѣстно, обширными правами въ приобрѣтеніи собственности; но права податныхъ сословій въ этомъ отношеніи ограничены. Такъ напримѣръ, мѣщане и свободные сельскіе обыватели имѣютъ право владѣть въ городахъ домами, цѣной не выше 7.500 р.; въ противномъ случаѣ обязаны приписываться къ купечеству или брать торговыя свидѣтельства. (541, 657 ст. IX т. Св. Зак.) Приведенныя статьи относятся исключительно къ поименованнымъ въ нихъ сословіямъ; слѣдовательно иностранецъ, не принадлежащій ни къ одному изъ русскихъ сословій, едва ли не въ правѣ будетъ думать, что дѣйствіе этихъ статей къ нему не относится, ибо новый законъ не упоминаетъ о примѣненіи къ иностранцамъ *сословныхъ* ограниченій, кромѣ ограниченія въ правѣ владѣть населеннымъ недвижимымъ имѣніемъ. Въ тако мѣ случаѣ положеніе иностранца, относительно правъ на приобрѣтеніе недвижимой собственности, будетъ выгоднѣе, чѣмъ положеніе русскихъ подданныхъ, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ. Все зависить, конечно, отъ болѣе или менѣе обширнаго толкованія словъ новаго закона: «иностранцамъ разрѣшается приобрѣтать *всеми возможными для русскихъ подданныхъ* способами всякаго рода недвижимыя и движимыя имущества»; впрочемъ, сословныя ограниченія правъ гражданскихъ едва ли входятъ въ составъ понятія о способахъ приобрѣтенія собственности.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Присланныя изъ Шуи отъ неизвѣстнаго 5 р. с. на постройку православныхъ церквей въ Турціи и изъ Кирсанова отъ г. полковника М. Козловскаго 5 р. с. въ пользу задунайскихъ юго-восточныхъ Славянъ переданы Алексѣю Николаевичу Бахметеву, для отправленія по принадлежности.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

О ГРАМОТНОСТИ.

Вопросъ о распространеніи грамотности всегда былъ, хотя по весьма разнымъ отношеніямъ, вопросомъ живаго интереса въ нашемъ обществѣ. Въ послѣднее время занялись имъ еще съ большимъ вниманіемъ. Много было высказано мнѣній, почему грамотность слабо развивается. Одни утверждали, что простой народъ не охотно учится грамотѣ. Другіе полагали, что распространенію грамотности въ народѣ мѣшаютъ тѣ власти, которыя имѣютъ ближайшее вліаніе на поселянъ. Иные указывали на недостатокъ учителей, на ихъ плохое образованіе, на негодность методъ, какъ на причины, препятствующія успѣху. Намъ кажется, что всего важнѣе здѣсь два обстоятельства: во-первыхъ, самый порядокъ устройства школъ и ихъ управленія, и во-вторыхъ, недостатокъ вещественныхъ средствъ.

Низшія сельскія училища состоятъ въ завѣдываніи или министерства народнаго просвѣщенія, или епархіальнаго начальства. Для устройства тѣхъ и другихъ опредѣлены особыя правила. Постановленія объ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, существовавшія доселѣ, конечно скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали развитію просвѣщенія въ народѣ. По силѣ тѣхъ постановленій, школы грамотности не могли иначе открываться и закрываться, какъ съ разрѣшенія учебнаго начальства, и состояли въ непосредственномъ завѣдываніи штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Учители въ школахъ допускались опредѣленныхъ званій и достоинствъ; обученіе производилось по программамъ; о ходѣ обученія возлагалась обязанность на учащихся подавать разные отчеты и вѣдомости. Всякій, кто пожелалъ бы вести такую школу, разумеется, долженъ былъ выполнить всѣ эти правила; всякая другая, не согласная съ правилами организація школы уже была бы не легальна. Но безъ какой-нибудь кровной нужды, на дѣйствиіе не легальное естественно никто не хотѣлъ рѣшиться, а выполнять всѣ установленныя формальности было и затрудни-

тельно, и непріятно. Вообще не только поселяне, но и помѣщики, какъ извѣстно, весьма не охотно вступаютъ въ сношенія со всякими уѣздными властями, а здѣсь за свои собственныя пожертвованія надо было подвергнуться начальственному вліанію и различной и многосложной отчетности. тогда какъ переучить ребятъ грамотѣ дѣло не очень мудреное. Вотъ главная основная причина, почему весьма рѣдкіе помѣщики предпринимали учрежденіе крестьянскихъ школъ. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ владѣлецъ не жалѣлъ ни хлопотъ, ни издержекъ на постройку училища, на содержаніе учителей, на покупку учебныхъ принадлежностей и проч., но не жилъ самъ, ученіе не шло часто отъ продѣлокъ управляющихъ, прикащиковъ и старостъ, скучающихъ отчетностію и смотрителями, какъ лишнею обузой. Обыкновенно доносилось владѣльцу: желающихъ учиться нѣтъ; двери красиваго училищнаго домика запирались навсегда, а между тѣмъ, гдѣ-нибудь въ лачужкѣ, на концѣ селенія, какая-нибудь грамотная старуха втихомолку долбила ребяткишкѣмъ *арцы азра* и получала по четвертаку съ головы на выучку. Какова выходила выучка, — спрашивать нечего, но потребность учиться все-таки очевидна.

У поселянъ свободныхъ вѣдомствъ желаніе заводить училища этого рода встрѣчалось еще рѣже. Съ заведеніемъ училища прибавилось бы, кромѣ многихъ бывшихъ, еще новое начальство, не говоря уже о новыхъ расходахъ. Вѣдь и до сихъ поръ крестьянинъ, особенно должностной, и въ штатномъ смотрителѣ видѣть, и иногда не безъ основанія, не лишнюю сильнаго вліанія власть.

Безъ сомнѣнія такой порядокъ не могъ оставаться долѣе. Министерство народнаго просвѣщенія озаботилось нынѣ преобразованіемъ законовъ относительно низшихъ и среднихъ школъ. Составленъ проектъ новаго устава, открывающей возможность заводить училища безъ прежнихъ формальностей. Одна вѣсть о новомъ направленіи законодательства тотчасъ вызвала многихъ дѣятелей на труды благотѣльные, и въ городахъ уже предпринимается заводить воскресныя школы. Но образованію сельскихъ жителей пока еще не данъ желаемый ходъ. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ подѣйствуютъ на успѣшность этого хода правила, изложенныя въ проектѣ новаго устава.

Въ §§ 8 и 11 дозволяется какъ частнымъ лицамъ, такъ и городскимъ и сельскимъ обществамъ, открывать и закрывать школы грамотности, не испрашивая на то разрѣшенія, а заявляя только ближайшему училищному начальству. Это освобожденіе отъ прежнихъ формальностей при зведеніи школъ принесетъ величайшую пользу. Но и проектъ новаго устава отмѣняетъ регламентацію только относительно открытія и закрытія школъ грамотности, оставляя

довольно много регламентаціи по другимъ частямъ устройства сельскихъ школъ. Такъ въ § 6 значится: «учить писать и четыремъ дѣйствіямъ ариметики, а также заводить съ этою цѣлю школы грамотности имѣть право всякій, не подвергавшійся особому испытанію.» Стало быть, примѣняясь къ точному смыслу § 6, въ школахъ грамотности нельзя объяснять дѣтямъ именннаны числа и дроби, нельзя ознакомить ихъ хотя съ нѣкоторыми правилами отечественнаго языка, съ нѣкоторыми понятіями о человекѣ и природѣ, не дозволяется сказать, хотя сколько-нибудь, черченіе и рисованіе. такъ полезныя не только всякому мастеровому, но и крестьянину; и все такое стѣсненіе истекаетъ единственно изъ того, что учредитель школы, или общество, ее учреждающее, или учитель, въ ней преподающій, не подвергнуты ученому испытанію. Но еслибы даже безграмотный мужикъ или купецъ возымѣлъ благое намѣреніе завести училище и удѣлить на него, часть своихъ прибытковъ, то, по всей справедливости, слѣдовало бы, кажется, присудить ему за то награду, а не мѣшать правилами, подобными правилу, установленному въ § 6. О степени знанія учащихся и объ ограниченіи предметовъ обученія по мѣрѣ того знанія тоже, кажется, забота совершенно лишняя. Иногда непатентованный преподаватель смышленѣе патентованнаго; здѣсь главную силу имѣетъ не патентъ, а выборъ и наблюденіе учредителей школы. Неспособнаго учителя, хоть бы онъ былъ геттингенскій докторъ, никто держать не станетъ; даромъ денегъ не дастъ самый необразованный учредитель школы. А потому было бы благотѣльно регламентацію § 6 не дѣлать обязательною, допустивъ въ школахъ грамотности тѣ предметы преподаванія, какіе будутъ доступны по средствамъ учредителей и признаны по ихъ усмотрѣнію для жителей той мѣстности полезными.

Въ § 7 наставленіе дѣтей въ истинахъ вѣры присвоивается мѣстнымъ сельскимъ священникамъ, даже съ указаніемъ, что они должны дѣлать. Но если на бѣду приходскій попъ не захочетъ заняться преподаваніемъ, или потребуетъ вознагражденія, превышающаго его труды? Приневолить его нельзя и не справедливо; тогда, или въ школахъ не было бы обученія Закону Божію, или школу пришлось бы закрыть. Кажется, здѣсь нужно ограниченіе въ томъ только смыслѣ, чтобы преподаватель имѣлъ удостовѣренныя мѣстомъ его образованія доказательства въ знаніи того, чему учить берется. Здѣсь патентъ имѣетъ свое разумное примѣненіе, потому что преподаватель, не учившійся богословію специально, можетъ развитъ въ головѣ ребенка не точныя понятія, а завѣдывающему школой прослѣдить это вовсе не такъ легко, какъ замѣтить худое чтаніе, писаніе, счита-

ніе и т. п.

Затѣмъ § 10 возлагаетъ на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія общій за школами надзоръ въ слѣдующихъ формахъ: «Училищное начальство (§ 12) при обзорѣннн училищъ имѣетъ право производить испытаніе дѣтямъ, при чемъ даетъ учителямъ полезныя совѣты и наставленія, и въ случаѣ нужды служить посредникомъ между ими и родителями.» Кто же это училищное начальство? Опять неотразимый штатный смотритель, хотя и переменованный въ инспекторы. Но если непременно нуженъ надзоръ за школами грамотности, если нужна повѣрка обученія въ нихъ, то неужели директоръ училищъ не могъ бы послать одну разъ въ годъ какое-либо довѣренное лицо, хотя изъ учителей гимназій, узнать, что дѣлается въ школахъ грамотности, избавивъ эти школы отъ безполезнаго и часто вреднаго вліянія штатныхъ смотрителей? Въ такомъ случаѣ производство экзаменовъ слѣдовало бы, кажется, вѣнчить посылаемому въ обязанность, а не предоставлять право, какъ сказано въ § 12, дѣлать ихъ или не дѣлать. Намъ кажется, впрочемъ, что такіе ревизоры едва ли нужны. Пусть народъ учится чему хочетъ и чему можетъ, только лишь бы учился, потому что только при этихъ условіяхъ могутъ развиваться умы и дарованія, которыми у насъ и простой народъ не обдѣленъ отъ природы. Другое право, даваемое по § 12 училищному начальству, право служить посредниками между учителями и родителями, поражаетъ своею неясностію. Въ чемъ же можетъ быть нужно такое посредничество? Развѣ предположить какіи-нибудь ссоры, вражду у учителя съ родителями? Здѣсь, кажется, забыто, что при школѣ есть либо лицо, завѣдывающее школою ближе училищнаго начальства, либо общество съ его властями; что въ случаѣ указанныхъ происшествій этимъ лицамъ и властямъ, заинтересованнымъ вполне дѣломъ образованія дѣтей и коротко знающимъ обѣ стороны, подлежитъ разбирательство, а никакъ не штатному смотрителю, пріѣзжающему на полчаса въ селеніе.

По § 13, «училищное начальство имѣетъ обязанность, по сношеніи съ мѣстной полиціей, воспрещать первоначальное (а дальнѣйшее воспрещать не имѣетъ обязанности?) обученіе дѣтей въ школахъ такимъ лицамъ, которые пріобрѣли невыгодную о себѣ извѣстность порочною жизнію или доказанною на дѣлѣ неспособностію обучать.»

Это постановленіе уже даетъ полный произволъ *штатнымъ* валь-участію школьныхъ учителей. За малѣйшую провинность въ высокопочтаніи къ своей особѣ смотритель, при содѣйствіи становаго, потуритъ учителя съ мѣста. Это возможно, потому что, по смыслу постановленія, извѣстность о порочности учителя или дознаніе о его неспособности принадлежать штатному смотрителю; а вѣроятно общій духъ приказнаго чина не могъ обойти

и штатныхъ смотрителей, людей большею частію безъ средствъ и состоянія. Очень легко и имъ соблазниться и разчитывать на нѣкоторыя дружескія изъявленія со стороны учителей, нанимаемыхъ въ школы по добровольному договору. Но каково тому, кто хлопоталъ, искалъ, нанялъ учителя, дорожить имъ, какъ исправнымъ исполнителемъ своей обязанности, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, безъ вѣдома и согласія хозяина, становой приставъ, по настоянію штатнаго, гонитъ этого учителя вонъ. Очевидно, что хорошій преподаватель не пойдетъ въ школу грамотности при такихъ усиліяхъ, а если согласится, то съ такимъ усиленіемъ содержанія, чтобы было чѣмъ позавтракать съ приказными. Постановленіе, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ всѣ вредныя стороны и, какъ намъ кажется, не достигнетъ никакой доброй цѣли.

Если въ немъ выразилась заботливость учебнаго вѣдомства о пользахъ училища, учащихся и содержателей, то это совершенно напрасно. Если учитель пороченъ или не способенъ, его выгнать прежде, чѣмъ смотритель узнаетъ о его порочности и неспособности. Не предполагать даже этой распорядительности въ завѣдывающихъ училищемъ, значитъ ихъ самихъ считать малолѣтними, подлежащими опецѣ, а подобныя мнѣнія о комъ бы то ни было и подобныя опеки пора бы отставить. Неужели и до сихъ поръ непременно должно наблюдать, чтобы кучеръ у меня былъ не безрукій, конторщикъ не слѣпой, или не глухонѣмой дьячокъ въ приходской церкви? А порочный и не способный учитель едва ли не то же самое. Кажется, сужденіе о годности или негодности учителя должно составлять прямое непосредственное и неотъемлемое право того, кто завелъ школу и о ней заботится. Другое дѣло—очевидная безнравственность, лишаящая права учить дѣтей чему бы то ни было. Человѣкъ, совершившій преступленіе или важный проступокъ и подвергающійся за то наказанію, хотя бы и исправительному, не можетъ оставаться учителемъ; но для этого нужно законное дознаніе и законное постановленіе приговора судебнымъ или судебно-полицейскимъ порядкомъ.

Изъ сказаннаго видно, что проектомъ новаго устава сдѣланъ шагъ и очень важный, къ развитію народнаго образованія, но на второмъ шагу, котораго надо было ожидать, вышла запинка. Школы грамотности разрѣшены безусловно, а образованіе въ нихъ стѣснено въ узкую рамку. Выходъ изъ этой рамки тѣмъ же проектомъ устава въ § 19 указанъ только вотъ какой: «въ тѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ школы грамотности не удовлетворяютъ потребностямъ мѣстнаго населенія, учреждаются низшія народныя училища», что по § 28 разрѣшается частнымъ лицамъ и обществамъ, съ

обязанностию во всемъ подчиняться правиламъ, въ уставѣ заключающимся. Въ § 20 опредѣлены предметы преподаванія: этихъ предметовъ почти было бы достаточно для удовлетворительнаго развитія головы простолюдина, еслибы не были забыты хотя элементарныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Кажется, чего же бы лучше? На дѣлѣ же оказывается, что легче вельблуду войти въ игольныя уши, чѣмъ школѣ грамотности преобразиться въ низшее народное училище. Правила, которымъ учредители обязаны подчиняться, такъ многочисленны, многосложны и подробны, что взять на себя такую тягость съ пожертвованіемъ собственныхъ капиталовъ, вѣрно ни одного храбреца не выщется. Кромѣ ограниченія предметовъ преподаванія, въ уставѣ опредѣляется: (§ 21) число учащихся; (§§ 23 и 24) продолженіе курса; (§ 25) продолженіе времени ежедневныхъ занятій и число часовъ въ недѣлю для каждаго предмета; (§ 26) замѣщеніе одного преподавателя другимъ на случай законнаго отсутствія; (§ 28) испрашиваніе разрѣшенія начальствъ на открытіе и (§ 30) на закрытіе училища по причинамъ, особенно уважительнымъ; (§ 29) размѣръ жалованья; (§ 31) лѣта дѣтей для вступленія въ училище; (§ 33) ученое достоинство учителя; (§ 36) указаніе, чѣмъ руководствоваться учителю, и что дѣлать; (§ 37) подробная отчетность; (§ 38) время и форма экзаменовъ и виды наградъ за усѣхи; (§ 39) книги, по которымъ учить должно; (§ 41) непремѣнное назначеніе блюстителя училища; (§ 49) веденіе инвентаря училищныхъ принадлежностей и повѣрка ихъ. Вся эта регламентація разумна и справедлива, если училище устраивается самимъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія и на счетъ суммъ министерства. Тогда вѣдомство есть полный хозяинъ училища и, безъ сомнѣнія, должно дать принимающимъ у него служебныя обязанности точныя въ тѣхъ обязанностяхъ указанія и въ правѣ требовать точнаго исполненія данныхъ указаній; способъ организаціи училища тоже вполне долженъ завѣсть отъ усмотрѣнія вѣдомства. Но за чѣмъ же стѣснять какою бы ни было регламентаціей и подчинять всякимъ властямъ общество и частное лицо, когда они на собственные капиталы, по усердію къ общей пользѣ, заводятъ какія бы то ни было училища? Вредъ отъ того, при наблюденіи лишь за нераспространеніемъ вредныхъ свѣдѣній, никакого нѣтъ и быть не можетъ, а польза можетъ быть огромная. Съ полною достовѣрностию можно сказать, что министерство народнаго просвѣщенія далеко не будетъ имѣть такихъ огромныхъ капиталовъ, чтобы завести народныя училища вездѣ, гдѣ въ этомъ настоятъ надобность, слѣдовательно необходимо всѣми мѣрами поощрять къ тому общества и частныя лица и устранять всякія стѣсненія. Что же касается до содѣйствій, на-

примѣръ назначеннаго въ § 13 или какого другаго, то и въ немъ не представляется существенной надобности. Кто захочетъ завести училище, не хуже штатнаго смотрителя придумаетъ, что нужно.

Весьма жаль, что при составленіи проекта устава о низшихъ училищахъ выпущено изъ виду одно очень важное обстоятельство. На содержаніе училищъ прежде всего нужны деньги, а между тѣмъ обученіе въ школахъ и училищахъ *должно быть безъ платы*. Потому, кромѣ стѣснительной регламентація еще оказывается большое затрудненіе въ средствахъ. Въ селеніяхъ владѣльческихъ богатый помѣщикъ можетъ дать нѣсколько сотъ или тысячу рублей въ годъ на училище; собственники имѣній меньшаго размѣра не въ состояніи. Если устроить особую школу для пяти-шести крестьянскихъ дѣтей, ихъ обученіе обошлось бы немалымъ дорого. Хорошо, если сосѣди захотятъ принять участіе въ издержкахъ съ тѣмъ, чтобы и ихъ крестьянъ дѣти тутъ же обучались. Да развѣ легко достигчь этого? То сосѣди живутъ въ другомъ мѣстѣ, то селенія разбросаны на дальнее разстояніе. Отнести расходы по школамъ на самихъ крестьянъ помѣщичьихъ или другихъ вѣдомствъ еще труднѣе. Добровольнаго вызова на эти расходы ожидать нельзя, потому что крестьянинъ, у котораго вовсе нѣтъ дѣтей, или они еще малы, или уросли, не сочтетъ себя обязаннымъ платить что-нибудь для пользы чужихъ семействъ. Если ввести вносъ обязательный, то образуется новый налогъ, которымъ неминуемо поссорившъ простолюдина съ грамотою. Стало-быть организація сельскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и по новому уставу не совсѣмъ применима къ быту и средствамъ той среды, для которой эти школы предназначены.

Взглянемъ теперь на народныя училища другаго вѣдомства.

Училища, подвѣдомныя епархіальному начальству, носятъ названіе «домашнихъ приходскихъ». Заводить ихъ дано право всѣмъ священникамъ, съ обязанностию доставлять также нѣкоторыя свѣдѣнія своему начальству, но здѣсь нѣтъ такихъ многочисленныхъ и сложныхъ формальностей. Учредитель, надзиратель, законоучитель, наставникъ соединены здѣсь въ одномъ лицѣ,—въ лицѣ священника. Какъ бы ни были дурны методы семинарскаго образованія, какъ бы ни плохо обучались деревенскіе священники, все-таки знанія ихъ для безграмотныхъ крестьянскихъ дѣтей очень достаточны. Что же касается до поведенія священниковъ, то оно не смѣтъ ихъ главныхъ, несравненно болѣе важныхъ обязанностей, всегда менѣе сомнительно, чѣмъ поведеніе лица, назначаемаго только въ деревенскіе учителя. Безспорно есть исключенія, къ сожалѣнію, очень рѣзкія, да худаго свойства попъ и не станетъ

хлопотать о заведеніи школы. До новыхъ ли ему заботъ, когда въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ онъ несправенъ? Другое удобство то, что кромѣ священника въ приходѣ находятся постоянно причетники. Изъ нихъ нерѣдко можетъ найдтись хорошій помощникъ священнику. Въ вещественномъ отношеніи приходскія училища имѣютъ ту выгоду, что могутъ помѣщаться, гдѣ есть, въ церковныхъ принадлежностяхъ, а гдѣ церковныхъ принадлежностей нѣтъ, въ домахъ самыхъ учредителей (1). Села относительно почти всегда многолюднѣе деревень, а приходы составлены такъ, что въ нихъ приписываются селенія къ селу или погосту ближайшія. Всѣ эти условія даютъ въ дѣйствительности домашнимъ приходскимъ училищамъ перевѣсъ передъ прочими, да и вообще мнѣніе, между прочимъ высказанное въ литературѣ, о томъ, что образованіе простаго народа полезнѣе вѣрить попеченію дрховенства, весьма справедливо. Однакожъ, отъ доброй воли священника зависитъ только половина успѣха; другая опредѣляется и здѣсь неминуемымъ условіемъ — средствами осуществить проявленіе доброй воли. Священникамъ дано право заводить училища, но строго наблюдается основное правило: за обученіе не брать никакой платы, а для учениковъ нужны книги, перья, бумага, доски и проч. Нашъ простой народъ любитъ читать и по славянски и по русски, — потому книги нужны и той и другой печати, а спросите, что стоитъ псалтырь или часовникъ, безъ которыхъ обойтись нельзя, потому что крестьянинъ считаетъ ихъ главными пособіями для своего просвѣщенія. Извѣстно также, какъ ограничены во многихъ приходахъ суммы, коими дозволено пользоваться училищамъ изъ церковныхъ доходовъ. Вслѣдствіе этого священникъ, кромѣ труда и попеченій, долженъ удѣлять на училище часть денегъ, обеспечивающихъ его существованіе. Но такихъ пожертвованій ни отъ священника, ни отъ кого бы то ни было требовать несправедливо, а потому и домашнія приходскія училища не получили у насъ того развитія, какого бы можно было ожидать отъ соревнованія духовенства, при устраненіи вещественныхъ затрудненій. Я вовсе не разумѣю однакожъ, чтобы нужно было опредѣлить закономъ какую-нибудь плату за обученіе дѣтей въ школахъ: это никуда не годится. Какъ дурно и безуспѣшно заставить

(1) Намъ кажется, что можно было бы дозволить (что впрочемъ гдѣ-то и дѣлается, особенно на югѣ Россіи) обученіе въ трапезахъ самихъ церковей, гдѣ церкви топятся зимой. Трапеза могла бы отдѣляться отъ прѣдѣловъ ширмами, которыя можно было бы убирать въ воскресные дни, когда въ церкви бываетъ за обѣдней много народа. Уваженіе къ церкви отъ этого не пострадаетъ, а увеличится; школа будетъ стоять выше въ глазахъ народа, и устранится главное препятствіе къ заведенію у насъ народныхъ школъ — недостатокъ помѣщенія. *Ред.*

учиться противъ воли,—такъ же нераціонально чѣмъ бы то ни было стѣснять хотя сколько-нибудь охоту къ грамотѣ; взносъ и небольшой суммы, особенно у кого не одинъ ребенокъ, для бѣднаго крестьянина всегда обременителенъ, а бѣдныхъ вездѣ больше, чѣмъ богатыхъ. Я веду рѣчь къ тому, что нужно искать средствъ не у поселянъ и не у духовенства, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. На содѣйствіе однихъ помѣщиковъ въ будущемъ разчитывать много нельзя. Но неужели во всѣхъ слояхъ нашего общества такъ мало сочувствія къ добродѣлю просвѣтить бѣднаго, что не проявится желанія—не одними словами поддержать и усилить сельскія школы? Это тѣмъ легче, что ежегодные расходы на каждую школу, недоступные одному, да еще такому небогатому лицу, какъ священникъ, весьма не велики (1).

Укажу для примѣра на одно домашнее приходское училище со всѣми подробностями его организаціи, ходомъ обученія, успѣхами, неудачами и ежегодными издержками. Для лучшаго уразумѣнія значенія этого училища и ближайшей цѣли его учрежденія скажу нѣсколько словъ и о мѣстности, гдѣ оно существуетъ.

Въ восточной части Богородскаго уѣзда (Московской губерніи) протянулась длинною полосой многочисленная группа селеній вслѣдствіе вѣдомствъ, извѣстная по народному названію подъ именемъ *Гуслицъ*. Эта мѣстность не значится ни на географическихъ картахъ, ни въ учебныхъ и ученыхъ землеописаніяхъ, однакожь составляетъ огромную общину, крѣпко сплотненную, въ родѣ братства, и рѣзко отличающуюся своими вѣрованіями, нравами, занятіями и образомъ жизни. Члены этой общины раскольники. Извѣстна ихъ упрямая привязанность къ ихъ вѣрованіямъ. Но нужно вспомнить, что эта привязанность могла образоваться только при знаніи и изученіи того, во что вѣруешь. Кажется, по-

(1) Это прямая обязанность благотворительныхъ обществъ, и нѣтъ сомнѣнія, что благотворительныя общества не будутъ уклоняться отъ этой обязанности и найдутъ средства для исполненія ея. У насъ уже учреждаются общества для распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ и званій. Эти общества поспѣшатъ, вѣроятно, объявить, что всякій священникъ, имѣющій домашнюю приходскую школу, можетъ получать по уменьшенной цѣнѣ нужное количество книгъ для чтенія, прописей и бумаги. Такъ какъ духовное начальство уже начало озабочиваться о дешевизнѣ священныхъ книгъ и азбукъ, и такъ какъ эти пособия, по закону покупаемыя на церковныя деньги, становятся теперь доступны средствамъ сельскихъ церквей, то съ облегченіемъ способовъ приобрѣтенія книгъ для чтенія, прописей и бумаги, ожидаемымъ нами отъ частныхъ обществъ, и съ дозволеніемъ учить дѣтей въ церквахъ устранились бы главнѣйшія затрудненія, препятствовавшія учрежденію у насъ домашнихъ приходскихъ школъ. Ред.

требность такого знанія присуща всему Русскому народу, да едва ли не цѣлому человѣчеству. А чтобы достигъ знанія, надо или самому читать, или слушать, какъ читаютъ другіе. Здѣсь грамотность является необходимымъ орудіемъ. Потому раскольники большею частію грамотѣи, а тѣмъ изъ нихъ, кому не далась грамота, передаютъ ученіе секты живымъ голосомъ начетчики. Такая хотя ложно направленная, но значительная развитость, служила раскольникамъ могучимъ средствомъ дѣйствовать на умы и православныхъ поселянъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ, но усердно желающихъ просвѣтиться ученіемъ вѣры. Расколъ постепенно распространялся, распространяя и грамотность. А такъ какъ въ послѣдствіи потребность въ знаніи грамоты стала ощущаться поселянами уже и не по одному религиозному побужденію, то раскольники воспользовались и этою потребностію: прилежно распространяли грамотность, вводя черезъ нее и свое ученіе. Такимъ образомъ расколъ постепенно обнялъ почти всю половину уѣзда по ту сторону Богородска. Нравственное положеніе жителей другой половины уѣзда, конечно, было извѣстно всякому, знавшему тотъ край, но безъ сомнѣнія гораздо лучше знали его мѣстные священники. Чтобы укрѣпить и осуществить въ поселянахъ возникавшее желаніе учиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ, внушеніемъ правилъ истинной вѣры, удержать напоръ развивающагося раскола, священникъ Петропавловскаго погоста, отецъ Колычевъ, предпринялъ въ 1839 году завести домашнее приходское училище. Приходъ Петропавловскаго погоста одною стороною версты на четыре не доходитъ до города, а другою отстоятъ отъ него версты на двѣнадцать и заключаетъ, по изстари принятому способу счисленія, до 1800 муж. пола душъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ разныхъ вѣдомствъ. Въ 1840 году получено формальное разрѣшеніе, и 1-го ноября школа открыта въ домѣ основателя. Учениковъ набралось уже 28 человѣкъ, а съ наступленіемъ 1841 года пришло еще 8 человѣкъ. Не трудно понять, каково было усердіе добраго священника къ доброму дѣлу, когда онъ, несмотря на весьма скромные размѣры своего жилища, не поколебался стѣснить себя помѣщеніемъ училища, хотя у самого было порядочное семейство. Въ обученіи дѣтей большую долю онъ взялъ на себя, но такъ какъзанятія его по приходу были многочисленны и требовали частыхъ и иногда долговременныхъ отлучекъ, то преподаваніе нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ предметовъ онъ поручилъ дьячку и пономарю. Дьяконъ способнымъ не оказался. Однакожь, видно и помощники не сильно были проникнуты идеей прогресса. За свой трудъ они брали съ священника, изъ его собственныхъ денегъ, по 100 р.

асс. въ годъ, каждый. Выносить отцу Колычеву на однихъ плечахъ своихъ предпринятое имъ дѣло безъ сомнѣнія было тяжело; за то его усердіе привлекло общее сочувствіе. Къ приходу погоста принадлежитъ мое имѣніе съ сотней душъ крестьянъ, гдѣ я проводилъ обыкновенно лѣто. И мнѣ надо было по силамъ помочь священнику. Въ 1841 году выстроены мною на церковной землѣ домъ и отданъ въ собственность училища. Дѣло пошло хорошо. Число учениковъ прибавлялось. Дьячокъ былъ старателенъ, священникъ положилъ ему въ годъ 150 р. асс. Пономаря отставили. Въ 1849 году на бѣду дьячокъ умеръ. Надо было взять сторонняго помощника. По разрѣшенію начальства назначенъ въ учителя семинаристъ. Тутъ еще не было бы большаго горя, потому что подъ надзоромъ и руководствомъ такого начальника, какъ отецъ Колычевъ, чело-вѣкъ мало-мальски способный принесъ бы пользу, но новому помощнику надо было дать жалованья 60 р. сер. въ годъ, да прокормить его. По положенію о домашнихъ приходскихъ училищахъ на отопленіе и починку помѣщенія и на покупку учебныхъ книгъ употребляется церковная сумма. Но книги, нужныя для чтенія, прописи, бумагу, перья и проч. священникъ долженъ былъ покупать на свои деньги. Возвышеніе жалованья учителю и его содержаніе значительно увеличивало эти издержки. К. П. Н., у котораго въ Петропавловскомъ приходѣ тоже есть имѣніе, опредѣлилъ отпускать изъ вотчинной своей конторы въ счетъ жалованья семинаристу ежегодно по 100 р. асс.; продовольствіе ему стало доставляться отъ меня. Опять дѣло пошло своимъ чередомъ. Между тѣмъ стали поступать кой-какія пожертвованія; средства церковныя усилились. Разумный учредитель училища умѣлъ беречь копейку на черный день тѣмъ болѣе, что зданіе школы начало приходить въ ветхость. Въ 1854 г. старый домъ совершенно передѣланъ заново, изъ 16 аршиннаго выросъ въ 18 аршинъ, поднялся на каменный этажъ и накрылся желѣзною крышею. Какъ и откуда взялось все это, говорить я не считаю себя въ правѣ. Довольно замѣтить, какъ неутомимо преслѣдовалъ мысль свою священникъ Колычевъ. И теперь живетъ училище въ новомъ домѣ, и разливаешь свѣтъ образованія между жителями не только того прихода, но и другихъ сосѣднихъ селеній. Произошла только одна перемѣна, и къ лучшему: сынъ отца Колычева, кончившій курсъ въ семинаріи, до опредѣленія въ священники, взялъ на себя обязанность помогать отцу и, разумѣется, безъ всякаго отъ кого бы то ни было возмездія. Преподаваніе въ Петропавловской школѣ заведено не сложное, не мудреное; всѣ дѣти учатся читать по-русски и по-славянски, писать по-русски, выкладывать на счетахъ; заповѣди, символъ вѣры

и разныя молитвы выучиваютъ на память; объявленіе же заповѣдей, священной исторіи и пророка дѣлается имъ живымъ голосомъ. Писать и читать цифры должны умѣть всѣ, пѣть молитвы тоже; но до изученія четырехъ правилъ ариметики достигаютъ только способные, а еще болѣе способные учатся дробямъ и именованнымъ числамъ; немногимъ передаются понятія о квадратахъ, кубахъ и пропорціяхъ. Конечно, такой курсъ не дѣлаетъ поселянъ учеными; но если взять во вниманіе, что учащихъ было: въ 1841 году однихъ мальчиковъ 36; въ 1842 мальчиковъ 43, дѣвочекъ, 4, въ 1843 мал. 46, дѣв. 7; въ 1844 мал. 44, дѣв. 5; въ 1845 мал. 30, дѣв. 5; въ 1846 мал. 57, дѣв. 27; въ 1847 мал. 26, дѣв. 7; въ 1848 мал. 24, дѣв. 5; въ 1849 мал. 28, дѣв. 4; въ 1850 мал. 19, дѣв. 5; въ 1851 мал. 71, дѣв. 15; въ 1852 мал. 68, дѣв. 7; въ 1853 мал. 62, дѣв. 15; въ 1854 мал. 73, дѣв. 20, въ 1855 мал. 56, дѣв. 24; въ 1856 мал. 61, дѣв. 28; въ 1857 мал. 58, дѣв. 25; въ 1858 мал. 54, дѣв. 25; въ 1859 мал. 58, дѣв. 22; въ 1860 году мальчиковъ 81, дѣвочекъ 23; итого въ теченіи 20 лѣтъ мальчиковъ 995 и дѣвочекъ 273; то вѣрно никто не скажетъ, чтобы Петропавловская школа не внесла своей посильной доли въ капиталъ общественной пользы. Замѣчательно, что съ 1851 г. число дѣвочекъ увеличилось вдругъ втрое и возрастало постепенно. Опытъ, въ 1856 году выяснившійся лучше всѣхъ толкованій, доказалъ народу, что обучать дочерей грамотѣ такъ же важно, какъ и сыновей. Не нужно, думаю, объяснять, что помѣщенный здѣсь учетъ учившихся сдѣланъ не по слухамъ. Хотя цифры взяты не изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія; но онѣ тѣ самыя, которыя выведены изъ подлинныхъ списковъ училища и показаны въ отчетахъ церковному начальству, слѣдовательно это цифры точныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ, если угодно, и оффиціальныя. Заходя въ школу, когда случалось быть не далеко, я имѣлъ возможность видѣть и порядокъ обученія, и степень способности дѣтей усваивать передаваемыя свѣдѣнія. Правда, что ни тѣмъ, ни другимъ похвалиться нельзя; и существующая метода, в учебныя книги для дѣтей далеко неудовлетворительны. Съ другой стороны и дѣти крестьянскія не такъ понятливы, какъ дѣти семействъ, гдѣ училось цѣлое поколѣніе. Еще замѣчается одно постоянное и общее явленіе: дѣвочки относительно всѣ понятливѣе мальчиковъ, и успѣваютъ несравненно лучше, такъ что если раздѣлить всѣхъ учащихся, по возрасту и по времени поступленія, на ряды, то во всякомъ разрядѣ первыми были бы дѣвочки. Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого заключенія, я пробовалъ толковать что-нибудь незнакомое тѣмъ и другимъ; почти всегда оказывалось, что дѣвочки поймутъ первыя. Въ особенности пишутъ онѣ гораздо лучше мальчиковъ, послѣдніе видно по природѣ неуклю-

жѣ. Въ отношеніи желанія учиться, крестьянскихъ дѣтей вообще укорить нельзя. Часто повторяемое мнѣніе, что русскій человѣкъ лѣнивъ по своей натурѣ, къ этому случаю не пригодно. Не должно однакожъ думать, что всѣ ученики одинаково прилежны и ходятъ въ школу по своей волѣ. Ихъ посылаютъ отцы и матери и, смотря по надобности, строго наблюдаютъ, чтобы дѣти не прогуливали класовъ. Нерѣдко, впрочемъ, встрѣчаются примѣры замѣчательной склонности учиться; въ прошломъ году явился въ школу мальчикъ изъ чужаго прихода, одинъ. Отецъ, какъ узнали потомъ, не пускалъ было его въ училище, разчитывая засадить за шпультъ; ребенокъ ушелъ почти насильно. За то и въ ученіи показалъ онъ необыкновенную способность; въ три-четыре дня выучилъ азбуку и на складахъ догналъ тѣхъ, которые долбили ихъ съ мѣсяцъ. Какъ выраженіе общей наклонности къ образованію можетъ служить слѣдующій, позднѣйшій фактъ: въ Обуховской подгородной слободѣ, принадлежащей также къ Петропавловскому приходу, на недавно заведенной фабрикѣ работаетъ до сотни ребятишекъ изъ разныхъ селеній. Въ свободное отъ занятій время имъ совершенно нечего дѣлать, а домой ходитъ многимъ далеко. Отецъ Колычевъ, узнавъ, что между ними есть грамотные, попробовалъ спросить прочихъ, не хочетъ ли кто изъ нихъ тоже учиться грамотѣ? Охотниковъ выискалось только трое или четверо. Онъ роздалъ имъ азбуки и поручилъ ихъ руководству и попеченію грамотниковъ. Къ концу мѣсяца обучилось другъ отъ друга уже 28 мальчиковъ. Надо было нарочно посылать для нихъ за азбуками. Разумѣется, учить ихъ писать въ помѣщеніяхъ фабрики невозможно.

Развивать и поддерживать въ крестьянскихъ дѣтяхъ охоту къ ученію, кажется, можно тѣми же средствами, какъ во всякихъ другихъ; плетка и здѣсь не годится. Нужно пробудить соревнованіе и умѣть вѣрно цѣнить усилія каждаго. Основатель Петропавловскаго училища вѣрно понимаетъ эту важную обязанность наставника. Кромѣ предварительныхъ экзаменовъ учреждены два, quasi-публичные, къ декабрѣ и въ концѣ іюня. Послѣ декабрьскаго экзамена дѣти отдыхаютъ всѣ святки, а лѣтомъ гуляютъ или, лучше сказать, помогаютъ старшимъ въ полевыхъ работахъ до половины сентября. На испытанія приглашаются разные чины и власти. Здѣсь это не пустая формальность, не надобность показать передъ высшими свои заслуги, потому что начальниковъ относительно начальника школы не бываетъ. Присутствіе на экзаменѣ всякаго сторонняго лица, по понятію дѣтей, очень важнаго, приноситъ пользу имъ самимъ. Каждый ученикъ заранѣе думаетъ какъ бы получше отвѣчать и показать свои знанія и успѣхи. Для бѣльшаго усиленія этихъ желаній, отличив-

шіеся награждаются книгами и похвальными листами; но такъ какъ подобныя награды не могутъ служить видными для всѣхъ знаками отличія, то тотчасъ послѣ экзамена раздаются лучшимъ ученикамъ картузы, а ученицамъ платки и ленты. Это само-по-себѣ ничтожное средство оказалось очень дѣйствительнымъ. Ребенокъ, надѣвъ заслуженный нарядъ, смотритъ иначе; онъ сознаетъ свое достоинство, дорожитъ имъ, стыдится шалить, дѣлается какъ-то степеннѣе, и на него уже всѣ смотрятъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Для мальчиковъ даже составилось особое названіе: *картузники*. Забавно смотрѣть какъ какой-нибудь картузникъ, приходя въ церковь, бережетъ чтобы не помять и не запачкать своего картуза. Народъ въ церкви кладетъ шапки и шляпы обыкновенно куда-нибудь къ сторонѣ въ кучу; картузникъ держитъ свою непременно въ рукахъ.

Мелкія подробности, переданныя мною здѣсь объ учрежденіи и организациі Петропавловскаго училища, инымъ покажутся можетъ-быть не любопытными и мелочными. Но мнѣ кажется, что для дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія неминуемо нужны положительныя данныя, описанія точныя и полныя. Чтобы идти впередъ нужно знать откуда пойдешь; потому пусть о всякой такой школѣ, кто знаетъ и можетъ, передастъ въ общую извѣстность подробныя свѣдѣнія; тогда составилась бы сколько-нибудь удовлетворительная статистика народной образованности.

Объяснимся примѣромъ. По хозяйственнымъ свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ Богородскаго уѣзда видно, что на 16.448 душъ мужескаго пола, показанныхъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, съ отмѣткой о степени развитія грамотности, причитается грамотныхъ 2.417 человекъ однихъ мужчинъ. Сюда не вошло при собираніи свѣдѣній, какъ съ достовѣрностію полагать должно, весьма значительное число грамотныхъ раскольниковъ, которые обыкновенно скрываютъ отъ всякихъ своихъ начальствъ свое знаніе. Но уже означенное въ свѣдѣніяхъ отношеніе числа грамотныхъ крестьянъ къ числу неграмотныхъ показываетъ, что обученіе грамотѣ въ той мѣстности составляетъ не случайныя и не отдѣльныя явленія, почему и приводитъ къ заключенію, что тамъ есть или были училища тѣхъ или другихъ видовъ и разрядовъ, а о нихъ въ официальныхъ, публикуемыхъ отчетахъ, пожалуй, ничего и не значится.

Теперь спросимъ, годятся ли для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія въ Богородскомъ уѣздѣ тѣ приемы, какіе нужны въ такой мѣстности, гдѣ никто не знаетъ грамоты? Думаю нѣтъ. Кто умѣетъ читать, того учить читать, кажется, нечего.

Извѣстія о заведеніи и существованіи сельскихъ училищъ показали бы также, что образованіе народа не вездѣ одинаково

остаётся, какъ иные думаютъ, въ плачевномъ состояніи, что есть на Руси дѣятели, которые, какъ священникъ Колычевъ, отдають весь свой свободный трудъ и часто послѣднюю копѣйку на святое дѣло просвѣщенія; что эти жертвы не остаются безплодными, а вѣрно и разумно достигаютъ цѣли своей. Можетъ-быть, такихъ дѣятелей отыскалось бы и не мало.

Простота организаціи домашнихъ приходскихъ училищъ, несложность установленныхъ для того формальностей, которыя и еще бы можно сократить, назначеніе училищъ для жителей не одного вѣдомства или не одного селенія, чѣмъ облегчается приобрѣтеніе самыхъ средствъ къ содержанію, наконецъ маловажность денежныхъ пособій, для того потребныхъ, и многія другія удобства заставляютъ въ настоящее время предпочесть этотъ путь образованія народа всѣмъ прочимъ. Въ покровительствѣ и содѣйствіи высшаго духовнаго начальства сомнѣваться, конечно, нечего. Еслибы составилось, предположимъ, какое-нибудь общество, или другое учрежденіе съ цѣлю распространенія грамотности, — не такое, какихъ было до сихъ поръ нѣсколько, и гдѣ все еще спорятъ, и до сихъ поръ не рѣшено, религіозное, техническое или гуманное образованіе нужно дать народу, — нѣтъ, а общество съ желаніемъ не разсуждать только, но и дѣлать, то, кажется, всего полезнѣе было бы, *не мудрствуя лукаво*, прежде всего обратиться къ сельскимъ священникамъ, просить ихъ о заведеніи училищъ, какъ они сумѣютъ, и предложить нужныя пособія какъ для устройства, гдѣ нѣтъ, помѣщеній, такъ и для прочихъ училищныхъ надобностей. Во многихъ случаяхъ участіе въ этихъ расходахъ не откажутся принять и тѣ изъ прихожанъ, которые по достатку своему могутъ удѣлить какую-нибудь сумму на пользу общую. Нужно только положить, какъ видно изъ сказаннаго выше, доброе начало. Безъ сомнѣнія, не всѣ пастыри церковныя вызовутся на безмездный трудъ. Знаю это изъ собственнаго опыта: въ двухъ другихъ приходяхъ мнѣ хотѣлось построить дома для школъ и снабжать ихъ чѣмъ нужно; согласія не послѣдовало. Но пусть въ трети приходоѡ по губерніи изъясвятъ желаніе имѣть училища, — и грамотность сдѣлала бы успѣхъ громадный.

Далѣе трудъ сподвижниковъ просвѣщенія, составляющихъ предполагаемое общество, долженъ быть преимущественно обращенъ на правильное употребленіе суммъ, на возможно дешовое и удобное устройство училищъ. А за тѣмъ ограничиться пока нѣкоторымъ наблюденіемъ за ходомъ самаго обученія и за нелицепріятнымъ распредѣленіемъ награды учащимся (1).

(1) Намъ кажется, что отъ благотворительныхъ обществъ нельзя ожидать

Кстати укажу на двѣ помѣхи къ возможно лучшему успѣху грамотности. Въ сельскіе священники принято почему-то опредѣлять худшихъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Другая помѣха: помощниковъ священникамъ, если способныхъ изъ причта не окажется, назначаютъ непременно изъ семинаристовъ. Если попадется кончившій курсъ студентъ, онъ смотритъ на свою обязанность, какъ на переходное положеніе, какъ на средство не остаться безъ дѣла до полученія постоянного мѣста. Если же и хорошо примется за занятія по училищу, то кидаетъ ихъ при

удовлетворительнаго содѣйствія низшему народному просвѣщенію. Благотворительныя общества, еслибъ ихъ даже образовалось болѣе сотни на всю Россію, едва ли возьмутся за устройство училищъ грамотности въ приходкахъ; они могутъ помогать этимъ училищамъ присылкой книгъ, матеріаловъ и т. п., но ни заводятъ училищъ, ни наблюдаютъ за ними они не будутъ въ состояніи. Съ другой стороны нельзя разчитывать и на одни частныя пожертвованія прихожанъ. Намъ кажется, что при настоящемъ положеніи дѣлъ государство должно принять на себя известную долю издержекъ. Государство содержитъ у насъ среднія и высшія учебныя заведенія; пока этотъ порядокъ существуетъ, до тѣхъ поръ справедливость требуетъ, чтобы низшія училища, предназначенныя для классовъ народа, наиболѣе обремененныхъ казенными податями, не были лишены казеннаго пособія. Мы не думаемъ впрочемъ, чтобы учрежденіе многихъ тысячъ казенныхъ низшихъ училищъ было возможно; для этого не достанетъ средствъ надзора, еслибъ и достало денежныхъ средствъ казны. Но мы полагаемъ, что казна должна участвовать въ матеріальныхъ издержкахъ на заведеніе низшихъ сельскихъ школъ въ равной долѣ съ жертвователями. Можетъ быть объявлено, что если частныя жертвователи или частныя благотворительныя общества дадутъ на школу одинъ рубль, то другой рубль даетъ съ своей стороны государство. Кроме того, намъ кажется, что нельзя требовать отъ священниковъ совершенно безвозмезднаго преподаванія, а такъ какъ при множествѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, платимыхъ у насъ крестьянами, нельзя ожидать, чтобы они платили за обученіе своихъ дѣтей деньги, достаточныя для вознагражденія за трудъ преподаванія, то и въ этомъ отношеніи государство обязано принять на себя некоторую тягость. Мы предоставляемъ себѣ поговорить въ послѣдствіи объ этомъ важномъ вопросѣ, а теперь только замѣтимъ, что какъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія, такъ и для улучшенія быта нашего сельскаго духовенства было бы очень полезно опредѣлять священникамъ и ихъ помощникамъ изъ священно-и-церковно-служителей пожизненную пенсію, соразмѣрно съ числомъ обученныхъ ими крестьянскихъ дѣтей. Если бы напримѣръ всякому священнику, обучившему 500 дѣтей, было назначено пенсія по 50 р., и всякому помощнику священника—по 25 р., и еслибъ эта пенсія увеличивалась потомъ за каждый 100 человѣкъ дѣтей по 6 р. для священника и по 3 р. для его помощника, то издержки казны были бы не значительны, а на бытъ сельскаго духовенства и сельскаго населенія эта мѣра оказала бы самое благотвѣтельное вліяніе. Экзамены могли бы производиться въ уѣздномъ городѣ, въ присутствіи благочинныхъ и помѣщиковъ уѣзда; дѣтей, выдержавшихъ экзаменъ, можно было бы освободить отъ такъ-называемыхъ исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній, а самыя лучшіе изъ этихъ учениковъ могли бы быть принимаемы въ высшія народныя училища на казенный или общественный счетъ для продолженія своего образованія. *Ред.*

первой возможности. Иногда присылают семинариста, не кончившаго курсъ; такой студентъ естественно не можетъ быть хорошимъ наставникомъ, когда не былъ хорошимъ ученикомъ. Кажется было бы очень полезно имѣть позволеніе опредѣлять въ домашнія приходскія училища, по выбору и усмотрѣнію священниковъ, помощниками ихъ людей всякаго званія. Иной, и при небогатомъ учительскомъ содержаніи, былъ бы радъ на всю жизнь остаться при своей должности.

Нужно ли объяснять, принесла ли грамотность пользу жителямъ Петропавловскаго прихода? Думаю, это было бы больше, чѣмъ лишнее. Достаточно сказать, въ успокоеніе боящихся грамотности простаго народа, что въ моемъ имѣніи, въ теченіи двадцати лѣтъ, какъ я имъ владѣю, не случилось *ни одного* преступленія, не было *ни одного* уголовного слѣдствія, которое бы относилось къ крестьянамъ моего селенія. А въ доказательство того, какъ велика и крѣпка сила образованія, приведу тотъ разительный фактъ, что расколъ сосѣднихъ жителей не могъ проникнуть въ селенія Петропавловскаго прихода; знаніе грамоты и свѣтлыя понятія о законѣ Божіемъ не даютъ расколу никакого хода. Что же случилось бы съ расколами при повсемѣстномъ болѣе широкомъ развитіи образованія?

В. Высотскій.

НОВЫЙ УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Къ числу отрядныхъ преобразованій, которымъ въ послѣдніе годы подверглись многія вѣтви общественнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, принадлежитъ и новое устройство, данное императорской академіи художествъ. Новый ея уставъ болѣе соответствуетъ строгимъ современнымъ требованіямъ относительно художественнаго образованія воспитывающихся въ этомъ заведеніи юношей, и потому былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ. Въ реформѣ, которымъ нынѣ подверглась академія художествъ, безъ сомнѣнія, самая замѣчательная есть введеніе, или лучше

сказать возстановленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ отиѣвшаго лѣтъ двадцать тому назадъ преподаванія вспомогательныхъ наукъ, столь необходимыхъ для полнаго образованія художниковъ. Въ этомъ нельзя не видѣть новаго торжества науки надъ предрасудками людей, которые не хотѣли согласиться, что образованіе нужно и художнику. Что ни одинъ изъ художниковъ, сколь бы даровитъ онъ ни былъ, не внесетъ ни одного новаго элемента въ искусство или не воспроизведетъ съ новымъ содержаніемъ давно завѣщанныхъ идей, если не обладаетъ глубокимъ и разностороннимъ образованіемъ, было у насъ совершенно забыто, хотя наши меценаты и наши чиновные художники и шли передъ глазами такихъ современныхъ дѣятелей, каковы: Корнеліусъ, Поль Деларошъ, Каульбахъ, Раухъ и др. По привычкѣ къ рутинѣ, наше академическое художество шло давно продолженною избитою дорогою, довольствовалося гладкою техникой и, главное, не задавало себѣ трудныхъ задачъ, да и не смотрѣло вдалѣе... Не удивительно, если, въ этомъ состояніи самодовольства и самообольщенія, мы не сдѣлали не только блестящихъ успѣховъ въ серьезныхъ родахъ искусства, но даже, въ общихъ результатахъ, отстали отъ современнаго искусства на Западѣ. Новое начальство академіи художествъ, проникнутое убѣжденіемъ въ необходимости многочисленныхъ улучшеній во внутреннемъ ея устройствѣ, поняло, что лишь двумя средствами можно возвести это заведеніе на уровень съ современными требованіями: оно усилило требованія при преподаваніи самаго искусства и при испытаніяхъ на разныхъ академическихъ степеняхъ, и ввело курсъ вспомогательныхъ наукъ, имѣющій въ виду общее и специальное образованіе художниковъ. Результаты новаго устава академіи художествъ, безъ сомнѣнія, не могутъ обнаружиться на произведеніяхъ художниковъ, нынѣ оканчивающихъ свое образованіе, но, вѣроятно, они не замедлятъ проявиться.

Но каждый уставъ подлежитъ дальнѣйшему развитію, а потому позволительно желать, чтобъ и академія художествъ не оставалась на теперешнемъ преобразованіи ея. Намъ кажется, что уставъ каждаго учебнаго заведенія долженъ не только соответствовать современнымъ требованіямъ, но даже предвидѣть и будущія. Рамка его должна оглячаться такою эластичностью, чтобы въ нее съ легкостью могли войти даже тѣ измѣненія, которыя связаны съ весьма затруднительными у насъ финансовыми, то-есть штатными измѣненіями, каковы напримѣръ, учрежденіе новой кафедры, увеличеніе числа преподавателей по кафедрѣ уже существующей и т. п. Новый уставъ академіи художествъ вводитъ преподаваніе вспомогательныхъ наукъ, но, вѣроятно вслѣдствіе новости дѣла, вслѣдствіе невозможности ра-

зѣмь достигнуть всего того, что желательно, программа этихъ наукъ не отличается ни тою полнотою, которая приличествуетъ заведенію, стоящему во главѣ всѣхъ подобнаго рода учрежденій въ Россіи, ни даже тою, которой образованная публика имѣетъ полное право отъ него требовать. Кромѣ того, она не примѣнена спеціально къ потребностямъ художниковъ, посвящающихъ себя различнымъ вѣтвямъ искусства.

Въ числѣ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи художествъ, первая, по своему значенію въ образованіи художниковъ, есть *исторія изящныхъ искусствъ*, и тѣсно соединенныя съ нею *эстетика* и *археологія*, но, къ сожалѣнію, эта кафедра остается и единственною, внесенною въ новый уставъ. Она поручена одному преподавателю, и эти три науки преподаются во второмъ и третьемъ (высшемъ) отдѣленіи. Слушаніе этихъ лекцій обязательно для всѣхъ художниковъ. Вотъ все, что сказано объ этой кафедрѣ въ новомъ уставѣ.

Преподаваніе трехъ довольно различныхъ одна отъ другой наукъ, соединенное въ одномъ лицѣ, едва ли можетъ быть согласно на практикѣ съ теперешнимъ значеніемъ и объемомъ этихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе будетъ проведено между исторіей изящныхъ искусствъ и археологіей? Если вторая есть извѣстная подъ этимъ именемъ весьма обширная наука, то на сколько и въ какомъ объемѣ необходима она для художниковъ, и если необходима, то какимъ образомъ въ состояніи взять на себя ея преподаваніе лицо, въ то же время излагающее въ двухъ отдѣленіяхъ эстетику и исторію изящныхъ искусствъ? Не должно ли разумѣть подъ этимъ названіемъ въ новомъ уставѣ одну *археологію искусства*, для которой напримѣръ Отфридъ Мюллеръ и Отто издали свои учебники, одинъ античнаго, другой — средневѣковаго искусства? Такая неопредѣленность и неточность выраженія въ программѣ наукъ академіи художествъ должна непремѣнно отразиться и въ направленіи самого курса. На всѣ эти вопросы уставъ не даетъ отвѣта.

Одинъ и тотъ же преподаватель (которому, какъ я уже замѣтилъ, поручено изложеніе археологіи) излагаетъ эстетику и исторію изящныхъ искусствъ. Нельзя не порадоваться этому соединенію въ одномъ лицѣ обязанности преподавать теорію искусства и въ то же время прилагать въ историческомъ обзорѣ искусства теоретическія воззрѣнія къ славнѣйшимъ произведеніямъ искусства прошлыхъ временъ. Такимъ образомъ академія художествъ счастливо избѣгла разладицы, которая могла бы произойти, еслибъ изложеніе этихъ двухъ наукъ было ввѣрено двумъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ, напримѣръ, по своимъ эстети-

ческимъ убѣжденіямъ, могъ бы принадлежать къ давно устарѣлой школѣ, а другой держался бы болѣе современныхъ воззрѣній, или наоборотъ. Преподаваніе этихъ двухъ, тѣсно между собою связанныхъ наукъ, соединенное въ одномъ лицѣ, должно наложить на все воззрѣніе на искусство, какъ прошлое, такъ и современное, печать строгаго единства и гармоніи. Но что возможно въ небольшомъ пригготовительномъ заведеніи, гдѣ науки, необходимыя для образованія художниковъ, преподаются только въ высшемъ отдѣленіи, то едвали исполнимо въ такомъ обширномъ учрежденіи, какова академія художествъ. Одинъ и тотъ же преподаватель, въ двухъ отдѣленіяхъ уже читающій, въ сложности, не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю, археологію, обязанъ непременно посвятить въ каждомъ отдѣленіи двѣ, если не три лекціи въ недѣлю исторіи искусства, предмету весьма обширному, если онъ желаетъ его пройти въ два года, что почти невозможно, и сверхъ всего наконецъ двѣ лекціи въ недѣлю эстетики. Не забудемъ, что на нашемъ языкѣ не существуетъ ни учебниковъ, ни другихъ какихъ-либо сочиненій, которыя могли бы служить пособіемъ при слушаніи лекцій этихъ трехъ наукъ, и что преподаватель долженъ самъ создать для своихъ лекцій терминологію, которой у насъ тоже нѣтъ и которая весьма развита на Западѣ во всѣхъ вѣтвяхъ искусства. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ преподаваніе исторіи искусства, эстетики и археологіи однимъ лицомъ, безъ сомнѣнія, возлагаетъ на это лицо крайне тяжелую, едвали исполнимую обязанность, въ особенности, если имѣется въ виду прочное образованіе художниковъ и добросовѣстное исполненіе устава со стороны преподавателя, что, конечно выше всякаго сомнѣнія.

Далѣе если изложеніе эстетики или философіи изящныхъ искусствъ, и преимущественно философіи архитектуры, скульптуры и живописи, въ высшей степени необходимо для всѣхъ художниковъ, то едва ли преподаваніе этой науки можетъ имѣть полезныя результаты для учениковъ втораго отдѣленія академіи художествъ (первое отдѣленіе есть низшее или пригготовительное, въ которомъ изъ наукъ преподается только Законъ Божій, русскій языкъ и основанія математики). Ученики, поступающіе во второе отдѣленіе, лишены еще пригготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ не только для слушанія съ пользою, но даже для пониманія лекцій эстетики: они не знакомы еще съ главнѣйшими фактами географіи и политической исторіи, а имъ уже предписано погружаться въ философію изящнаго. Но что главное, они совершенно еще не знакомы съ важнѣйшими фактами исторіи искусствъ; не знаютъ, какое мѣсто занимаютъ въ искусствѣ Лаокоонъ и Аполлонъ Бельведерскій, и между тѣмъ должны выслушивать параллели между этими произведеніями и

скульптурами Фидіа, имъ тоже неизвѣстными. Ученику первоначально должно быть дано полное фактическое знаніе, и только послѣ усвоенія его онъ будетъ въ состояніи перейти къ общимъ законамъ изящнаго. Еще не знакомаго съ теоріей изящнаго, преподаватель исторіи искусства, долженъ провести передъ нимъ въ исторической послѣдовательности знаменитѣйшія произведенія искусства, анализируя напримѣръ Лаокоона и Аполлона Бельведерскаго или Страшный Судъ Микель-Анджело, и постепенно приготовить его къ знакомству съ философіей искусства. Иначе эстетика превратитъ молодаго человѣка, не знакомаго съ фактами, и слѣдовательно не опирающагося на нихъ, въ пустаго фразера, явленіе, къ сожалѣнію, и безъ того у насъ слишкомъ обыкновенное.

Я не стану говорить о мѣстѣ, которое занимаетъ въ научномъ образованіи художника исторія искусства. Если вообще образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, въ числѣ другихъ своихъ свѣдѣній, обладаетъ непремѣнно и знаніемъ прошлыхъ судебъ человѣчества, то не ясно ли, что и каждый художникъ долженъ быть коротко знакомъ съ судьбами искусства, которому посвящена вся его жизнь? Важность вліянія этой науки даже на общее образованіе признана у насъ недавно введеніемъ ея въ университетское преподаваніе. Сколь отраденъ этотъ фактъ, столь же грустенъ другой: бѣлая часть нашихъ художниковъ, вслѣдствіе тяжелыхъ оковъ, лежавшихъ прежде на преподаваніи въ академіи художествъ, рѣшительно не знакомы съ исторіей искусства. Грустно подумать, что для многихъ нашихъ историческихъ живописцевъ (а это классъ художниковъ, долженствующій принадлежать къ самымъ образованнымъ), глубочайшія созданія христіанскаго искусства въ Италіи, лежація нѣсколько въ сторонѣ отъ общихъ дорогъ, — terra incognita. Но еще грустнѣе то обстоятельство, что многіе художники даже не желаютъ убѣдиться въ необходимости обширныхъ свѣдѣній въ исторіи искусства. Вѣроятно, сладко пребывать въ состояніи невѣдѣнія.

Новый уставъ академіи художествъ достойно оцѣнилъ важность этой науки въ научномъ образованіи художниковъ. Она обязательна для всѣхъ художниковъ и излагается во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ. Усмотрѣнію преподавателя, вѣроятно, предоставлено излагать всю науку въ краткихъ очеркахъ, въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ, во второмъ отдѣленіи, а въ пространномъ видѣ въ третьемъ отдѣленіи. Но успешное слушаніе лекцій исторіи искусства, даже въ видѣ очерковъ, обуславливается предварительными свѣдѣніями изъ политической географіи и всеобщей исторіи, а, какъ мы видѣли выше, изложеніе этихъ двухъ послѣднихъ наукъ начинается только со втораго же от-

дѣленія. Первоначальное преподаваніе ихъ полезно было бы перенести въ первое отдѣленіе, что вѣроятно не произошло бы въ уронъ художественному образованію и совершенно согласовалось бы съ возрастомъ находящихся въ этомъ отдѣленіи юношей. Одновременное занятіе науками, изъ которыхъ одна служитъ подготовленіемъ для пониманія и слушанія другой, невозможно.

Я сказалъ уже, что программа преподаванія вспомогательныхъ наукъ въ академіи художествъ не довольно развита и не примѣнена специально къ потребностямъ художниковъ, посвящающихъ себя различнымъ вѣтвямъ искусства. Въ самомъ дѣлѣ, академія художествъ не приготовительное заведеніе; напротивъ, вслѣдствіе данныхъ ей правъ, это есть заведеніе высшаго рода, въ которомъ получаютъ окончательное и высшее образованіе не только художники, занимающіеся живописью, но и архитекторы, ваятели, граверы и медальеры. Она соединяетъ въ себѣ все, что преподается въ Берлинѣ въ двухъ королевскихъ академіяхъ: въ Kunst-Academie и Bau-Academie. Первое заведеніе основано для спеціальнаго образованія скульпторовъ и живописцевъ, второе — для архитекторовъ. Сообразуясь съ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ, исторія искусства преподается въ этихъ двухъ берлинскихъ академіяхъ согласно съ потребностями учащагося въ нихъ юношества. Архитекторъ можетъ довольствоваться общими свѣдѣніями изъ исторіи живописи, а живописецъ изъ исторіи архитектуры, но каждый изъ нихъ обязанъ обладать спеціальными свѣдѣніями въ исторіи своего искусства. Вотъ почему въ берлинской архитектурной академіи эта наука всегда излагается спеціалистомъ-архитекторомъ, а въ академіи живописи преподаватель обращаетъ преимущественное вниманіе на тѣ ея части, на которыхъ сосредоточенъ интересъ его спеціальныхъ слушателей. Онъ входитъ въ тонкій анализъ идеи, композиціи, колорита, исполненія и т. д. каждаго замѣчательнаго произведенія живописи, и всѣ его замѣчанія съ живѣйшимъ любопытствомъ принимаются его слушателями. Профессоръ исторіи архитектуры точно также основательно характеризуетъ стиль различнѣйшихъ славныхъ построекъ, и его слушатели-спеціалисты никогда не потребуютъ отъ него столь же подробныхъ характеристикъ произведеній живописи, какія предлагаетъ преподаватель исторіи искусства въ академіи скульптуры и живописи. Исторія искусства столь обширна, что преподаватель можетъ читать ее съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія: онъ можетъ развивать или ея философскій элементъ, или обращать главное вниманіе на ея культурно-историческое содержаніе, или выбирать чисто археологическіе вопросы или, если онъ архитекторъ, упирать преимущественно на вполне ему знакомую исторію архитектуры, а если живописецъ или страст-

ный любитель живописи, тѣ на исторію живописи. Такъ какъ по новому уставу академіи художествъ слушаніе лекцій исторіи искусства равно обязательно для всѣхъ художниковъ, то преподавателю ея, если онъ даже не впадетъ въ одну изъ выше названныхъ крайностей, и будетъ держаться того стройнаго распредѣленія разнообразнаго матеріала этой науки, безъ перевѣса одной части надъ другою, котораго образецъ представилъ Куглеръ въ своемъ учебникѣ, все-таки будетъ трудно удовлетворить потребностямъ своихъ разнохарактерныхъ слушателей, соединенныхъ въ его аудиторіи, и, главное, требованіямъ знатоковъ-спеціалистовъ, заявляемымъ во имя той высокой степени развитія, на которой находится въ настоящее время эта наука. Въ самомъ дѣлѣ послѣдніе имѣютъ право требовать, чтобы художникъ-архитекторъ, окончившій свое воспитаніе въ академіи художествъ, владалъ въ исторіи архитектуры совершенно иными свѣдѣніями, чѣмъ художникъ-живописецъ, и наоборотъ. Какъ одинъ долженъ быть основательно знакомъ со всѣми памятниками, напримѣръ, магометанской или византійской архитектуры и знать, въ какия времена, въ какихъ странахъ и на какихъ памятникахъ обнаружилось вліяніе той или другой системы архитектуры, и можетъ удовольствоваться общими свѣдѣніями о характерѣ и главныхъ дѣятеляхъ сіенской или венеціанской школы живописи, такъ и наоборотъ, если только преподаваніе исторіи искусства въ академіи художествъ должно соответствовать высокому значенію этого заведенія. Польза означенныхъ специальныхъ курсовъ въ академіи художествъ очевидна.

Одна изъ причинъ неразвитаго состоянія современнаго русскаго искусства есть, безъ сомнѣнія, его незнакомство съ современнымъ европейскимъ искусствомъ. Какія его цѣли, его главныя стремленія? Какія новыя стороны въ человѣческомъ духѣ развиваетъ оно? А между тѣмъ короткое знакомство съ современнымъ искусствомъ на Западѣ открыло бы русскому искусству новыя пути, указало бы на совершенно новыя задачи, познакомило бы съ новымъ пониманіемъ завѣщанныхъ идей, даже было бы въ высшей степени любопытно для нашихъ художниковъ просто съ технической стороны. На академіи художествъ лежитъ непремѣнная обязанность ввести въ кругъ преподаванія специальный курсъ исторіи современнаго искусства, тѣмъ болѣе, что она составляетъ отдѣльное характеристическое цѣлое, и въ этомъ видѣ излагается уже много лѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ. Художнику нельзя довольствоваться однимъ знаніемъ прошлаго, сколь бы прочно ни было это знаніе и сколь бы велико ни было это прошлое. Это поведетъ къ архаическимъ реставраціямъ, столь же гибельнымъ въ литературѣ и искусствѣ, какъ и въ политикѣ.

Скажу еще нѣсколько словъ о наукѣ, которая введена въ Берлинскую академію художествъ, и которую можно было бы съ большою пользою ввести у насъ: я разумѣю *исторію костюма*, въ томъ смыслѣ, какъ означаетъ эту науку профессоръ Вейссъ. Важность ея съ перваго взгляда понятна каждому мыслящему художнику. Это не есть одна простая исторія внѣшнихъ измѣненій покроя человѣческой одежды, но исторія религіозныхъ и общественныхъ учрежденій, народныхъ обрядовъ и обычаевъ, домашней жизни и ея предметовъ, устройства морскаго и сухопутнаго войска, изукрашенія храмовъ, дворцовъ, частныхъ жилищъ и т. д. Изъ одного этого исчисления предметовъ, входящихъ въ ея составъ, скульпторы и живописцы поймутъ, что въ ней одной найдутъ они прочныя указанія на правильную обстановку для своихъ произведеній. Изученіе ея должно устранить многочисленныя ошибки, въ которыя такъ легко и часто впадаютъ, напримѣръ, историческіе живописцы, и вмѣстѣ оживить историческую живопись, обогативъ ее характеристическими подробностями. Возразятъ, пожалуй, что изложеніе исторіи костюма въ академіи художествъ можетъ быть слито съ кафедрой политической исторіи. Но преподаватель послѣдней, преподающій вмѣстѣ и географію, имѣетъ столько занятій въ двухъ отдѣленіяхъ, что едва ли успѣетъ удѣлить безконечно разнообразнымъ деталямъ исторіи костюма частицу назначеннаго ему времени. Не долженъ ли онъ познакомить своихъ слушателей съ физическою и политическою характеристикою земнаго шара, съ политическимъ, религіознымъ и умственнымъ развитіемъ челоѣческаго рода, съ судьбами главнѣйшихъ его дѣятелей? Скажутъ еще, что у насъ въ настоящее время нѣтъ лица, способнаго занять предлагаемую кафедру. Но уставъ долженъ предвидѣть возможность его появленія. Оно можетъ явиться черезъ два года, черезъ пять лѣтъ. Еслибъ кафедра внесена была въ уставъ, то въ комъ-нибудь непременно родилась бы мысль приготовить себя къ ней. А теперь кандидатъ на эту кафедру долженъ будетъ много хлопотать объ ея открытіи, и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ долгое время ожидать.

Въ московскомъ училищѣ ваиія и живописи, гдѣ преподаваніе вспомогательныхъ наукъ введено ранѣе, чѣмъ въ академіи художествъ въ Петербургѣ, учреждена и кафедра мифологіи. И эта наука, столь необходимая для правильнаго воспроизведенія типовъ античныхъ боговъ живописцами и скульпторами, совершенно отсутствуетъ въ новомъ уставѣ. Но если въ московскомъ училищѣ въ программу наукъ внесена была только одна мифологія, то это происходитъ отъ неполнаго воззрѣнія на искусство. Правда, что въ классическомъ мірѣ главною, а въ новѣйшемъ искусствѣ со временъ эпохи возрожденія (*Renaissance*) одною изъ

главныхъ темъ искусства были вѣрованія, боги и герои античнаго міра. Но содержаніе самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ созданій новаго искусства заимствовано изъ нашихъ вѣрованій, изъ сказаній ветхозавѣтныхъ, событій евангельскихъ и легендъ о житіяхъ святыхъ. Поэтому ясно, что академія художествъ должна расширить рамку этой каеедры, и за античною идеологіей должно слѣдовать изложеніе христіанской иконографіи. Последняя, благодаря трудамъ новѣйшихъ ученыхъ, является уже какъ наука; излагаемая съ постояннымъ поясненіемъ знаменитѣйшихъ произведеній съ этой точки зрѣнія Николо Пизано, Джіотто, Микель-Анджело, Мурильо, она полна безконечнаго интереса для каждаго живописца и скульптора.

Новый уставъ академіи художествъ вводитъ преподаваніе рускаго языка и словесности, но въ немъ отсутствуетъ преподаваніе одного или двухъ иностранныхъ языковъ и исторіи европейской словесности вообще. Можно согласиться, что не слѣдуетъ *требовать* отъ художника, чтобъ онъ учился новымъ языкамъ; но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что знаніе одного или двухъ изъ главныхъ европейскихъ языковъ необходимо каждому художнику по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, у насъ нѣтъ книгъ по части искусства, писанныхъ порусски, или переведенныхъ на русскій языкъ, съ которыми долженъ быть знакомъ каждый художникъ. На русскомъ языкѣ нѣтъ ни одной порядочной эстетики, нѣтъ Вазари, нѣтъ сочиненій Куглера, Шнаазе, Ваагена. Русская художественная литература, это — *tabula rasa*. Вовторыхъ, художники не только расширяютъ свой умственный горизонтъ, но даже черпаютъ свои лучшія вдохновенія изъ великихъ писателей всѣхъ временъ, а сколько у насъ переведено послѣднихъ? Еслибы въ академіи художествъ, для желающихъ, преподавался нѣмецкій или французскій языкъ, то они могли бы познакомиться отчасти со всемірною литературою. При затруднительныхъ обстоятельствахъ большей части учениковъ академіи художествъ понятны причины ихъ неразвитости. Каеедра исторіи европейской литературы могла бы отчасти пособить этому пробѣлу: хорошій преподаватель могъ бы собственными переводами и извлеченіями изъ иностранныхъ писателей познакомить своихъ слушателей съ великими умственными дѣятелями прошлыхъ временъ. Наконецъ, третья причина: по окончаніи курса, достойнѣйшіе ученики академіи художествъ, на счетъ правительства, отправляются за границу: можно вообразить себѣ, какова тамъ участь молодыхъ людей, осужденныхъ разыгрывать роль глухо-нѣмыхъ, которые не въ состояніи понять замѣчаній или наставленій великихъ современныхъ европейскихъ художниковъ.

Я не касаюсь художественнаго образованія академій художествъ: его направленіе, различныя методы преподаванія искусства, не излагаются въ уставѣ, не могутъ быть его дѣломъ, но судятся по результатамъ. До насъ даже не дошло эхо споровъ, поднятыхъ на Западѣ по вопросу о пользѣ существованія академій художествъ вообще... Но если допустить существованіе этихъ заведеній, то нельзя не пожелать, чтобъ и они шли на ряду съ современнымъ направленіемъ искусства, а не продолжали отжившихъ преданій...

К. Герцъ.

ОТЪ ФЛОРЕНЦІИ ДО ВЕНЕЦІИ.

Большое затрудненіе добраться изъ Флоренціи до Венеціи. На пути въ Карльсбадъ изъ Ливорно, мы хотѣли ѣхать на Венецію, Вѣну и Прагу; но доѣхать до Венеціи оказалось не совсѣмъ легкимъ дѣломъ. Въ прежнее время, во времена granduca, и благодаря его преданности австрійскому правительству, эта дорога была очень протѣжамъ; корреспонденція тосканскихъ дилижансовъ съ австрійскимъ маль-постомъ была постоянная; и изъ Флоренціи ѣздили въ Венецію, на Болонью, Феррару и Падую, въ 30 часовъ и безъ всякихъ хлопотъ. Теперь, когда послѣ кампаніи 1859 года, Австрія отодвинулась отъ Италіи, а освобожденные Эмілія и Тоскана притягиваются болѣе и болѣе къ Турину, національному центру Италіи, нежели къ Вѣнѣ, *pium desiderium ex-granduc'овъ*, кодинонь и ихъ приверженцевъ; теперь почти нѣтъ никакихъ сношеній между центральной Италіей и Австріей. Въ доказательство моихъ словъ могу привести то, что телеграфическая депеша изъ Венеціи во Флоренцію стоить 19 съ чѣмъ-то франковъ, тогда какъ изъ Флоренціи въ Москву она стоить 24 франка (за 20 словъ). Страннаго въ этомъ ничего нѣтъ, когда подумаешь, что депеша, отправленная изъ Венеціи, чтобы дойти до Флоренціи, должна идти на Миланъ, Алессандрію, Піаченцу, Парму, Модену и Болонью. Намъ совѣгвали ѣхать на Ливорно, Геную; оттуда черезъ Миланъ. Австрійское правительство, съ цѣлію должно быть уменьшить число прѣѣзжающихъ въ Венецію, дозволило только двумъ поѣздамъ на

границъ Ломбардіи брать путешественниковъ, пріѣхавшихъ изъ Милана; остальные, отправляясь изъ Милана, останавливаются въ Дезенцано. Мы рѣшились ѣхать другимъ путемъ, который представляетъ то удобство, что хотя по немъ въ Венецію пріѣзжаете болѣе чѣмъ въ 48 часовъ, но за то можно ночевать два раза въ дорогѣ.

Въ четвергъ, $\frac{1}{2}$ іюня, въ 5 часовъ утра, мы сѣли въ вагоны лукской желѣзной дороги и въ полтора часа были уже въ Пистой, гдѣ насъ ожидалъ веттуринъ съ коляской, уже запряженою. Отъ Пистой начинаются Апеннины. Проѣхавъ версты двѣ отъ города, вы вѣзжаете въ горы, и несмотря на пять маленькихъ лошаденокъ, которыя были впряжены въ нашу легкую коляску, и которыхъ веттуринъ, не щадя рукъ, угощалъ бичомъ довольно часто, мы тащились шагомъ. Солнце припекало порядкомъ, несмотря на ранній часъ. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались выше и выше, открывавшаяся со всѣхъ сторонъ панорама расширялась болѣе и болѣе. Дорога идетъ зигзагомъ, по склону горы, и каждый разъ, на поворотѣ, Пистой снова показывалась, но въ меньшемъ объемѣ и въ большей рамкѣ. Окружающія горы покрыты роскошною зеленью; на первомъ планѣ, за ними выдвигались ихъ собраты болѣе высокіе, но зато лысыя вершины ихъ выказывали сѣрыя и желтоватыя скалы. Грунтъ земли приводитъ въ отчаяніе инженеровъ, которые проводятъ желѣзную дорогу отъ Болоньи до Пистой (1). Въ большей части тоннелей, а ихъ много, земля обсыпается, и необходимо строить галлерей со сводами изъ кирпича.

Наконецъ, Пистой и тосканская равнина скрылись совершенно, и горы обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Нигдѣ не встрѣчаешь такого разнообразія видовъ, какъ въ горахъ: на каждомъ шагу открывается вамъ то новая долина между двухъ вершинъ, которая вы издали принимали за одну сплошную массу; то домъ выступить изъ-за поворота; то наконецъ, то же самое мѣсто, на которое вы сейчасъ смотрѣли, показывается съ другой стороны, и совершенно иначе. А какое разнообразіе освѣщенія: то лучъ солнца скользитъ, дробясь по листьямъ деревьевъ, стоящихъ на уступахъ, какъ на громадной лѣстницѣ, то замираетъ, какъ будто впивается въ зеленое поле кукурузы въ котловинѣ; то отпрыгиваетъ и весело отражается отъ желтоватой скалы. Да и не перечисливъ никогда всего разнообразія.

Часовъ около 11 мы остановились у какого-то несчастнаго домика.

— Чтò такое? спросилъ я у веттурина.

(1) Говорятъ ова будетъ готова черезъ три года.

— Ничего, вотъ я отпрягу среднюю лошадь, отвѣчалъ онъ. Впередѣ было запряжено три лошади, а въ дышло двѣ. Дѣйствительно, средняя изъ переднихъ трехъ не только совсѣмъ не везла, но даже и мѣшала другимъ дѣлать свое дѣло. Скоро отпрягли сего коня, и снова веттуринъ забралъ въ лѣвую руку свои четыре вожжи, а правой заработалъ бичомъ, и мы покатались гораздо скорѣе.

— Какъ зовутъ это мѣсто, гдѣ мы останавливались? спросилъ я веттурина.

— Какое мѣсто, *esselenza*?

— Да то, гдѣ вы оставили лошадь.

— Да его никакъ не зовутъ. Это просто ферма Джузеппа, больше ничего; названія нѣтъ никакого.

Несмотря на отсутствіе имени, эта ферма имѣла нѣкоторое значеніе. Отъ нея дорога совершенно мѣняется, и до самой Болоньи нѣтъ ниодного возвышенія на дорогѣ. Вокругъ грозятся горы, подхода иногда своими обрывами очень близко; но шоссе огибаешь ихъ и отъ Поретты (1) идетъ постоянно по берегу рѣчки Рено, слѣдя за всѣми ея извилинами. Эта рѣчка, какъ и тѣ рѣчки и потоки, которые мнѣ случалось видѣть на Корнишѣ, изобилуетъ болѣе камнемъ и готовымъ щебнемъ для кельзныхъ дорогъ и шоссе, чѣмъ водой. Мѣстами нѣтъ ни капли воды; но ширина ея весьма значительная. Говорятъ, весной и когда бываютъ продолжительные дожди, ничтожный Рено превращается въ яростную рѣчку, которая уноситъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути.

Въ пять часовъ вечера мы въѣхали въ ворота *Hôtel Brun*, въ Болонью. Оставалось около трехъ часовъ свѣта, мы взяли коляску и поѣхали смотрѣть столицу Романш. Городъ не красивъ и грязноватъ, такъ что даже въ Италіи, гдѣ чистота рѣдко встрѣчается, и гдѣ къ грязи привыкаешь глазъ, Болонья изумляетъ неопытностію. Успѣли видѣть* мы довольно много. Обошли *Campo Santo*, *San Pietro*, *San Petronio*, но главнаго не видали, драгоценности Болоньи, *Св. Цециліи Рафаэля*. Мнѣ кажется виной въ томъ чичероне, котораго мы взяли. Еслибы мы поѣхали безъ всякаго вожатаго, то навѣрно добились бы, что намъ отворятъ *Academia delle belle arti*, гдѣ хранится эта картина; но мы повѣрили чичероне, что успѣемъ, прокатились въ *Campo-Santo*, когда же возвратились, было уже поздно.

(1) Поретта первый городокъ Папской области. До присоединенія Эмиліи, версты за три до Поретты была таможня; теперь остался только домъ и родъ сарая, въ который въѣзжали экипажи для осмотра. Таможни же больше не существуетъ.

На другой день, съ первымъ поѣздомъ отправились мы въ Парму; оттуда съ веттуриномъ въ Мантую. До австрійской границы все окружающее носить тотъ же характеръ, какъ Тоскана. Въ Пармѣ и Гвасталлѣ, гдѣ мы перемѣнили лошадей, точно такъ же какъ во всѣхъ деревняхъ и фермахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, всюду на стѣнахъ пригиплены портреты съ словами: «Viva Vittorio Emmanuele nostro eletto re!» (1) Разница состояла въ томъ, что слова эти были иногда помѣщены подъ портретомъ, иногда же особо; иной портретъ раскрашенъ, иной нѣтъ; часто только одна лента черезъ плечо, на королевскомъ мундирѣ выведена тремя сардинскими цвѣтами, а зачастую юный художникъ не пожалѣлъ краски, такъ что и мундиръ, и даже окружающія облака обхвачены громадною лентой. Всюду видѣлись знакомые бюсты, савойскій крестъ, трехцвѣтное знамя, которое иной разъ осыпало какой-нибудь скромный кабачокъ въ Апенниннахъ, точно такъ же какъ развѣвалось надъ домами Пармы и Модены. Ближе къ границѣ, все это еще чаще попадаетъ на глаза. Должно-быть авторамъ этихъ постоянныхъ манифестацій до сихъ поръ еще не вѣрится, что они могутъ безнаказанно выражать такъ открыто свои политическія убѣжденія, въ такомъ близкомъ соседствѣ съ австрійскими пушками. Наконецъ мы подъѣхали къ пограничной таможенѣ. По разказахъ Италіянцевъ, я приготовился къ самому строгому осмотру. Говорили, что большею частію таможенныя смотрятъ даже карманы, и даже разсматриваютъ очень подробно во что обернуты вещи: нѣтъ ли прокламацій Гарибальди, запрещенныхъ журналовъ и тому подобныхъ вредныхъ для правительства вещей. Къ моему крайнему удивленію, насъ очень скоро пропустили; записали наши паспорта, багажъ даже не безпокоили; въ пять минутъ все было окончено, и съ необычайною учтивостію намъ пожелали счастливаго пути. Я началъ думать что все, что мнѣ говорили Италіянце про проклятыхъ Тедесковъ, не совсѣмъ вѣрно. Дѣйствительно, дорога шла совершенно по такимъ же полямъ, какъ до границы; ни малѣйшаго признака бѣдности, оставленныхъ полей, пустыхъ домовъ, о которыхъ мнѣ столько говорили. Но самая дорога была пустыньѣ; до По, отъ границы, мы встрѣтили только двѣ пустыя телѣги, а это верстъ десять; впрочемъ это можетъ быть чистая случайность. Деревень намъ не попалось ни одной; за то шоссе было протянуто прямою линіей, обсажено деревьями, и имѣло такой приличный видъ, что пари можно было подержать, что проводилъ его Нѣмецъ, и онымъ остался какъ самъ, такъ и высшій начальникъ, совершенно доволенъ. Близъ

(1) Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, избранный король нашъ!

По, прямая линия шоссе перерывается, надо ѣхать объездомъ, еще не укатаннымъ. Причиной тому воздвигаемое укрѣпленіе поперекъ шоссе по самому берегу рѣки. До полсотни рабочихъ возили кирпичъ съ барокъ въ тачкахъ, съ сотню копали землю на довольно большомъ пространствѣ. Съ того мѣста, гдѣ остановилась наша коляска, въ ожиданіи порома, который какъ на зло, былъ на той сторонѣ, открывалась вся окружающая мѣстность. По сую сторону рѣки бесконечно тянулись по равнинѣ поля пшеницы и кукурузы, съ насаженными по межамъ деревьями, перемежанными виноградною лозой, которая отъ одного къ другому тянулась бесконечною зеленою гирляндой; нѣсколько разбросанныхъ домовъ выглядывали изъ земли своими черепичными крышами. По ту сторону то же самое, только вдаль снѣжались Альпы. Быстро несся По съ своею мутною, желтоватою водою въ песчаныхъ берегахъ. Все это было красиво, но не доставало чего-то, безъ чего особенно такой видъ производить тяжелое, грустное впечатлѣніе, не доставало—оживленія. Этотъ недостатокъ такъ странно встрѣтить въ Италіи, въ которой напротивъ видишь за частую ужъ слишкомъ много оживленія всюду, гдѣ столпится съ десятковъ человекъ. Здѣсь совсѣмъ не то. Несмотря на 150 человекъ рабочихъ, на поромъ, медленно ползшій къ тому берегу, нагруженный людьми и телегами, на челоикъ съ пятокъ крестьянъ, которые такъ же какъ и мы ожидали порома,— все было мертвенно тихо. Я подошелъ къ кучкѣ крестьянъ, они о чемъ-то тихо разговаривали, при моемъ появленіи они замолчали, и недověрчиво на меня посмотрѣли, я отошелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоялъ австрійскій солдатъ на часахъ у полосатой будки (темножелтое съ чернымъ), и задумчиво смотрѣлъ на насъ. За будкой сидѣлъ на травѣ другой, и покуривалъ изъ маленькой трубочки. Отъ нечего дѣлать, я подошелъ къ нему и попросилъ огня закурить папироску. Солдатъ очень учтиво всталъ, и ни за что не хотѣлъ давать огня изъ своей трубки; но съ помощью кивера зажегъ спичку. Я поблагодарилъ, и чтобы сказать что-нибудь, спросилъ его, какой онъ націи. Онъ оказался Нѣмцемъ, и мы заговорили по-нѣмецки, чѣмъ онъ повидимому былъ очень доволенъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и часовой, въ коротенькомъ парусинномъ сюртукѣ и синихъ панталонахъ, въ обтяжку, съ отдѣлкой изъ желтаго смурка, какъ прежде носили наши лейбъ-гусары; на ногахъ были ботинки. Поговоривъ о погодѣ, о дорогѣ и прочихъ тому подобныхъ вещахъ, я спросилъ его, вся ли австрійская пѣхота имѣетъ такіе красивые панталоны.

— O! nein, mein Herr! это особенная привилегія венгерской пѣхоты. Она одна имѣетъ право на такіе панталоны, и одна ихъ только и носить.

Опять подумалъ я, еще другое предубѣжденіе, разсѣенное. Всюду говорятъ и шипугъ, что австрійское правительство отняло всякія права и привилегіи у Венгріи. Венгрія, говорятъ, вынуждена, и отношенія между нею и правительствомъ такъ напуганы, что не будучи пророкомъ, можно предсказать, что не сегодня, завтра тамъ будетъ что-нибудь, и что на этотъ разъ по всему вѣроятію, русскіе штыки не помогутъ раздавить Венгрію. Оказывается, что все это вздоръ. Венгрія довольна, счастлива, совершенно удовлетворена сохраненіемъ этой высокой привилегіи носить панталоны въ національномъ вкусѣ, и съ сердечною благодарностію высылаетъ своихъ сыновъ помогать благодѣтельному правительству при введеніи нѣмецкаго порядка, спокойствія и тишины между строптивыми Италіанцами, которые позволяютъ себѣ думать о независимости, и не хотятъ понять того счастья, что о нихъ заботится укомплектованный государственный совѣтъ, предназначенный навѣрно современемъ приготовить имъ какую-нибудь привилегію, если они будутъ умны, будутъ хорошо себя вести, и ихъ нѣмецкіе гувернеры дадутъ имъ хорошія отзѣвки о поведеніи. По всей справедливости Италіанцы не могутъ надѣяться, что имъ удастся сразу отличиться наравнѣ съ Венгерцами. Венгрія хотя не такъ давно пользуется благодѣяніями потери своей самостоятельности; но за то такъ давно приютила у себя нѣмецкую бюрократію, что ей принадлежитъ тамъ поправу первое мѣсто. Но я оптимистъ, и, какъ блаженной памяти докторъ Панглоссъ, думаю, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, а потому и надѣюсь, что укомплектованный государственный совѣтъ, котораго задача—соединить возможную автономію съ полною централизаціей, въ скоромъ времени введетъ какую-нибудь значительную реформу, то-есть отличить какими-нибудь шнурочкомъ, или формой сюртуковъ и панталомъ, Италіанцевъ въ войскахъ его императорскаго величества, императора австрійскаго. И тогда, о чудо! моему воображенію представляется картина счастья небывалаго въ италіанскихъ его величества провинціяхъ; потекутъ рѣки меда и млека, и послѣдній козацкій будетъ отъ избытка чувства по-нѣмецки возносить къ Богу, въ рукахъ котораго, какъ извѣстно, сердца царей, гимнъ благодарности, написанный какимъ-нибудь гофшталтъ-ратъ-генералъ-оберъ-инспекторомъ фонъ-музикъ, съ приличнымъ изображеніемъ императорскаго герба, и напечатанный въ Staatsbuchdruckerei in Wien.

Поромъ медленно шелъ. Кромѣ нашей коляски, на цоромъ стояла телѣга, запряженная осломъ, тачка съ хворостомъ, на которой сидѣлъ исхудалый ея хозяинъ и жокакъ вмѣстѣ, оселъ на веревкѣ, за которую его держалъ босоногий мальчикъ, да человекъ

съ десять крестьянъ. Вотъ, подумалъ я, пойдетъ разговоръ, сѣтъ. Не тутъ-то было; ни слова не было слышно. Угрюмо смотрѣли крестьяне; а если и перекидывались словечкомъ другъ съ другомъ, то какъ-то нехотя, тоскливо и шепотомъ. На той сторонѣ стояла такая же полосатая будка съ обыкновеннымъ своимъ дополненіемъ, часовымъ, принадлежавшимъ къ венгерской, привилегированной пѣхотѣ. Уныло смотрѣла дорога, вытянутая по линейкѣ; еще грустнѣе было все окружающее. Набѣжали тучи, поднялся довольно сильный вѣтеръ, и закапалъ дождикъ. Сердце сжалось, какъ передъ грустнымъ предчувствіемъ, и грустно стало на душѣ. Задумался я о нѣмецкихъ порядкахъ, о мертвящей формальности, и отъ Австріи перешелъ далѣе и далѣе... Я также занялся разрѣшеніемъ того вопроса, отъ чего въ характерѣ у Нѣмцевъ уживаются такія совершенныя противоположности: чтеніе Шиллера, какой-то золотушный лиризмъ при видѣ нерваго пригорка, у котораго остановится нѣмецкая чета, идущая погулять in's Grüne, съ тѣмъ узкимъ позитивизмомъ, которымъ отличается нѣмецкая вседневная жизнь. Кажется, Нѣмецъ, надѣвая свой новый сюртукъ, и взявъ подъ руку свою Frau Gemahlin, чтобы погулять послѣ дневныхъ трудовъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ надѣваетъ свой лиризмъ, свои приторныя восклицанія, всѣ идеальныя побрякушки, которыя, во время своей дневной работы, онъ положилъ въ коммодъ, заперъ, и ключъ отъ ящика отдалъ на храненіе своей Маргаритѣ или Гертрудѣ. И въ то время когда весь его арсеналъ условнаго лиризма покоился, онъ думалъ только о своемъ дѣлѣ тѣломъ и душой. Веселиться, думать о постороннемъ можно послѣ. Случалось и вамъ присутствовать, когда Нѣмцы восхищаются картиной, идомъ, статуей, — мнѣ кажется, нѣтъ ничего, что бы могло такъ разстроить нервы, какъ подобное зрѣлище. Въ Венеціи мнѣ случилось это несчастіе. Я стоялъ передъ великолѣпною картиною Тиціана: *Успеніе Бородицы*, въ академіи delle belle Arti. Въ залѣ никого не было. Вдругъ ввалилось нѣмецкое семейство, которое въ то же утро отравило мнѣ своимъ присутствіемъ песчаный берегъ Лидо. Семейство состояло изъ сѣдмасага, румянаго папеньки, полной, малиново-красной маменьки, съ наивно-кокетливою улыбкой на ея сорокапяти-лѣтнихъ устахъ, трехъ дѣвицъ въ круглыхъ шляпахъ (moussquetaire) и двухъ ребятъ, золотушно бѣлыхъ, съ таковыми же власами. Я съ ухомъ посматрѣлъ на нихъ; но они въ припадкѣ восхищенія меня не замѣтили, и въ припрыжку подлетѣли къ картинѣ:

— Ach, das muss Titian sein, защебетали писаливо дѣвы, и всѣ возможныя междометія полились рѣкой, при чемъ происходили какія-то странныя ужимки, глаза прищуривались, расширялись,

рогъ также принималъ самыя разнообразныя очертанія. Одинъ изъ мальчиковъ воспользовался минутой семейнаго восторга, угостилъ своего брата толчкомъ. Должно быть это была по-вѣрка старыхъ счетовъ. Мальчикъ разревѣлся. Вслѣдствіе сего глава семейства сталъ разбирать семейную распрю. Прочіе члены тоже отложили восторгъ до болѣе удобнаго времени и внимательно слѣдили за ходомъ дѣла. Наконецъ приговоръ былъ произнесенъ торжественно, при чемъ папенька сказалъ краткую назидательную рѣчь, въ которой пятнадцать разъ было повторено междометіе: «уй». Всѣ слушали съ приличною обстоятельствомъ физиономіей. По окончаніи, всхлипываніе восторга, пискъ восхищенія снова полился. Меня морозъ по кожѣ поддралъ, я убѣжалъ; а благочестивое семейство перемѣстилось, по указанію *Herr Papa*, на другой пунктъ, съ котораго снова начало восторгаться. А какъ Нѣмцы произносятъ французскія слова въ своей нѣмецкой рѣчи! Мнѣ всегда это напоминаетъ нашего Нѣмца гувернера въ школѣ, который всегда грозилъ, что пойдетъ жаловаться директору, жившему внизу, въ однихъ и тѣхъ же постоянно выраженіяхъ: *Wenn ich werde en bas gehen, dass wird nicht en vain sein*. Этотъ способъ выраженія считается элегантнымъ, и многіе Нѣмцы злоупотребляютъ имъ до омерзѣнія.

Но къ дѣлу. Проѣхали мы верстъ пятнадцать, даже больше, я думаю, и объѣхали, по неукатанному объѣзду, три земляныхъ укрѣпленія, изъ которыхъ среднее не было еще окончено, другія же два были уже вооружены, и наконецъ добрались до Минчіо, на островѣ, котораго находится Мантуя. Шоссе обрывалось на самомъ берегу озера (1). По прямой линіи до города оставалось съ версту. Годъ тому назадъ, шоссе шло по плотинѣ отъ мѣста, гдѣ оно теперь поворачиваетъ влѣво, прямою линіей до города. Послѣ сольфѣринскаго сраженія, это шоссе и еще другое взорвали по всему протяженію и уничтожили всякое сообщеніе. Слѣды стараго пути еще замѣтны, какъ на этомъ, такъ и на противоположномъ берегу. Оставлено только два пути, чтобы добраться до Мантуи: искусственная насыпь, перерѣзанная тройнымъ рядомъ укрѣпленій, и натуральная полоса земли, которая связываетъ Мантую съ твердою землей или правильнѣе сказать съ окружающимъ болотомъ. Станція Веронской желѣзной дороги находится у послѣдняго пути, мы же были у перуаго, такъ что намъ приходилось ѣхать верстъ пять по берегу Минчіо, потомъ проѣхать по Мантуѣ, и снова огибать Минчіо, до станціи. Нѣтъ ничего грустнѣе береговъ этого озера, обра-зуемаго рѣкой Минчіо. Такая пустошь; ни деревьевъ, ни полей,

(1) Минчіо вокругъ Мантуи образуетъ довольно обширное озеро.

ни фермъ, ничего нѣтъ верстъ на пять кругомъ (1)! Уныло, пусто, и даже сама Мантуя, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, какъ она ни смотрѣлась въ гладкой поверхности озера, но мало оживляла картину. Барабанъ трещалъ гдѣ-то безъ умолку въ городѣ, и эта трескотня долетала до насъ; не думаю, чтобы подобная музыка могла придать прелесть какому-нибудь виду.

Проѣхавъ какими-то извилинами черезъ два ряда земляныхъ укрѣпленій, украшенныхъ палисадами и пушками, разставленными въ разныхъ направленіяхъ, наконецъ, перебравшись черезъ два подъемныхъ моста, мы вѣхали въ ворота, каменной стѣны сажени въ четыре шириной. Здѣсь насъ остановили, и человекъ пять солдатъ обступили нашу коляску. Вокругъ же, мнѣ кажется, былъ цѣлый батальйонъ. И въ самыхъ воротахъ, и на гауптвахтахъ до и по, солдатъ было пропасть. Нѣчто въ родѣ офицера потребовало наши паспорта. Я вручилъ ихъ. Офицеръ тотчасъ куда-то скрылся, и мы остались въ ожиданіи. Я началъ разсматривать солдатъ. Караулъ состоялъ изъ венгерской пѣхоты; кромѣ того расхаживало нѣсколько солдатъ въ зеленыхъ мундирахъ съ малиновою выпушкой, съ ружьями за плечами. Это городская (urbana) гвардія, военно-полицейское учрежденіе во всѣхъ итальянскихъ городахъ, принадлежащихъ Австріи. По закону, она должна состоять изъ однихъ Итальянцевъ; но въ ней на половину Нѣмцы и всякій сбродъ. Послышался какой-то крикъ изъ-за воротъ, на него кто-то отвѣчалъ около насъ, коляска тронулась и, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, остановилась у одного дома направо отъ городскихъ воротъ; налѣво была гауптвахта, съ двумя пушками, которыхъ жерла были обращены вдоль по улицѣ, разстѣлавшейся передъ нами. Опять ожиданіе. Съ козель, гдѣ я сидѣлъ, я видѣлъ очень хорошо, какъ два барина въ мундирахъ писали, посматривая на наши паспорта. Потомъ эти несчастные паспорта ушли въ другую комнату, и исчезли. Я начиналъ терять терпѣніе. Было уже шесть часовъ, послѣдній поѣздъ въ Верону отправляется въ семь; по разнымъ причинамъ, мнѣ никакъ не хотѣлось остаться ночевать въ Мантуѣ. Это очень легко могло случиться, потому что до станціи желѣзной дороги оставалось верстъ пять; а тутъ, повидимому, наѣтрены были такъ близко съ нами познакомиться, что на это требовалось болѣе времени, чѣмъ то, которымъ мы могли располагать. Видя одного изъ стоявшихъ около коляски военныхъ съ какими-то отличіями, то-есть съ штыремъ на воротникѣ и рукавахъ, я обратился къ нему съ рѣчью, смыслъ которой былъ, что мы-де мирные

(1) Въ прошломъ году послѣдніе дома и мельницы на Мичіо, которые были въ районѣ Мантуи, были сломаны по приказанію австрійскаго правительства.

путешественники, за первоклассной крѣпости Мантуѣ не желаемъ, спѣшимъ въ Верону, а черезъ Мантую намѣрены только проѣхать и то какъ можно скорѣе, посему просимъ покорнѣйше благодѣтельное австрійское начальство отпустить насъ скорѣе и перестать перекидывать наши паспорта отъ одного военного къ другому и изъ одной комнаты въ другую. Рѣчь подѣйствовала, а можетъ-быть и обрядъ съ паспортами былъ поконченъ. Какой-то офицеръ вынесъ ихъ, подозвалъ одного изъ солдатъ городской гвардіи и вручилъ ихъ ему съ наставленіемъ, которое онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать тихомолкомъ. Солдатъ поправилъ ружье за лѣвымъ плечомъ, влѣзъ къ кучеру и усѣлся около него. По истинѣ я такой чести не ожидалъ. Коляска покатилась.— А мои паспорта? закричалъ я офицеру.

— Вы получите ихъ отъ комманданта, прокричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

«Отъ комманданта», подумалъ я, и какое-то непріятное чувство вдругъ залѣзло въ меня. Богъ знаетъ, отчего я вспомнилъ исторію побѣга несчастнаго Орсини изъ мантуанской крѣпости, которую я еще въ Россіи читалъ въ *Revue des deux Mondes*. Слово коммандантъ звучало такъ непріятно въ ушахъ, что я какъ ни смотрѣлъ на чинно-гулявшихъ австрійскихъ солдатъ, на офицеровъ, которые сидѣли, разваливъ передъ кофейнями, мнѣ все мерещилось: казематы, тюремные корридоры, звукъ ключей, цѣпей, все это тускло освѣщенное факелами. Странное впечатлѣніе производятъ улицы Мантуи. Кромѣ военныхъ никого не видать; да и военные-то всѣ такъ смотрятъ хорошо выправленными, что отъ нихъ такъ и вѣетъ казарменной атмосферой. Все такъ тихо, такъ прилично, такъ вяло, такъ скучно, что невольно себя спросишь: да что, наконецъ, это люди, или автоматы?

Подѣхавъ къ какому-то зданію, которое составляло уголь площади, мы остановились, и нашъ вооруженный вожатый пригласилъ меня сойдти и послѣдовать за нимъ; пройдя довольно длинному корридору, мы вошли въ комнату, раздѣленную рѣшеткой на нѣсколько кѣлокъ. Это смотрѣло канцеляріей. Повидимому то былъ часъ отдыха, потому что за столами было много пустыхъ мѣстъ; только двое, одѣтыхъ по военному, въ картузахъ, что-то бѣгло писали за однимъ столомъ. Къ старшему изъ нихъ подошелъ сопровождавшій меня солдатъ и отдалъ паспортъ. Они пошептались. Солдатъ ушелъ, а чиновникъ началъ пристально разсматривать паспортъ. Я далъ себѣ слово быть терпѣливымъ и стоялъ молча передъ нимъ. Наконецъ чиновникъ обратился ко мнѣ съ вопросами:

— Вы Русскій?

— Да.

- Изъ какой части Россіи?
- Изъ Москвы, да позвольте, прибавилъ я,—это все вѣдь написано въ моемъ паспортѣ, который у васъ въ рукахъ. Зачѣмъ же вы меня спрашиваете?
- Не совсѣмъ хорошо написано, а съ трудомъ могъ разобратъ.
- Вы говорите по-нѣмецки? спросилъ я.
- Да, я Нѣмецъ.
- Ну такъ вотъ на этой сторонѣ, сказалъ я, указывая ему,—написано по-нѣмецки. Запишите пожалуйста поскорѣй, потому что я спѣшу.
- Нѣмецъ усѣлся, и усердно сталъ скрипѣть перомъ.
- Вы ѣдете въ Верону? спросилъ онъ по-нѣмецки.
- Да.
- Вы говорите по-нѣмецки, wie angenehm! Зачѣмъ вы ѣдете въ Верону?
- Такъ.
- Долго намѣрены тамъ оставаться?
- Право не знаю, отвѣчалъ я съ возможною наивностью.
- Нѣмецъ приподнялъ голову и пристально на меня посмотрѣлъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія, и слышенъ было только скрипъ двухъ перьевъ. Товарищъ моего собесѣдника ни разу не приподнялъ головы и все писалъ, какъ будто вокругъ него ничего не происходило. Я посмотрѣлъ на часы: оставалось ровно полчаса до отправленія послѣдняго поѣзда. Не шутя, мы могли остаться въ Мантуѣ. Я обратился съ подобною же рѣчью, какъ у воротъ, къ моему любознательному Нѣмцу, указывая ему на часы.
- Ваши идутъ немного впередъ, отвѣчалъ онъ, пріятно улыбаясь;—не безпокойтесь, успеете; я сейчасъ кончу. А скажите пожалуйста, прибавилъ онъ какъ будто къ слову,—отчего это вы такъ спѣшите въ Верону?
- Такъ, очень нужно, отвѣчалъ я, насилу удерживаясь, чтобы не разсмѣяться.
- Что жъ у васъ тамъ знакомые, друзья? или такъ, времени нѣтъ, всѣ дни рассчитаны для вашего путешествія?
- Нѣтъ, отвѣчалъ я, и чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ:—а что можно здѣсь закурить папирску?
- О! да, теперь здѣсь нѣтъ присутствія. Хотите огня?
- Не безпокойтесь, у меня все съ собою,—и я сталъ закуривать, слѣдя за Нѣмцемъ. Онъ раза два подозрительно посмотрѣлъ на меня; наконецъ, какъ будто придумавъ что-то такое, схватилъ толстую книгу, формы нашихъ канцелярскихъ алфавитовъ и, перелистывая, что-то внимательно прочитывалъ, посма-

тривая на меня. Мнѣ пришло въ голову, ну какъ онъ въ сей книгѣ прочтетъ, что вотъ какой-нибудь изъ заклятыхъ враговъ австрійскаго правительства похожъ на меня. Ихъ такъ много, что сходство очень возможно. Возьмутъ меня, раба Божія, — тамъ объясняйся потомъ; притомъ представители Россіи — лица очень любезныя, но, къ несчастію, такъ серіозно занятыя, что не имѣютъ, должно-быть, времени заняться своими соотечественниками. Мнѣ случилось видѣть столько примѣровъ за границей, что обращаться въ иное посольство можно развѣ только *in articulo mortis*. Во всѣхъ другихъ случаяхъ васъ только запутають; а то и такъ отойдешь, увидавъ съ самаго начала, что нельзя никакого толку добратся, а уже подавно чести видѣться съ глазу на глазъ съ начальникомъ и самому объяснить свое дѣло. Впрочемъ, это лучше еще, когда убѣдишься въ началѣ, что такая попытка ни къ чему не поведетъ. Сбережено время, и крови не столько испортится. Кстати бы уже разказать, какъ одинъ великій посолъ, кажется, необычайный (*extraordinaire*), въ точности не знаю всего титула, распекалъ одного молодого человека, что тотъ потерялъ свой паспортъ и осмѣлился его о томъ безпокоить. Подробности этого свиданія очень интересны и полны драматизма, но это насъ поведетъ слишкомъ далеко, не дай Богъ куда. Поскорѣ прибавлю въ очистку совѣсти, что есть исключенія, которыя намъ случалось даже видѣть, а теперь возвратимся къ моему усатому *офицеру*. Чтеніе въ фоліантѣ повидимому нисколько не удовлетворило его; онъ, кажется, даже со вздохомъ затворилъ свою книгу, и, собравъ наши паспорта съ другими бумагами, всталъ, и пошелъ въ другую комнату. Я успокоился и началъ думать, что несмотря на всѣ преграды австрійской полиціи, мнѣ наконецъ удастся добратся въ тотъ же день въ Верону. А день-то пятница; ну, какъ этотъ пользующійся на Руси дурною репутаціей день сыграетъ со мной шутку, и я засяду въ Мантуѣ? Въ Венецію пріѣдешь только завтра къ вечеру и хлопотъ-то сколько будетъ! а тамъ ждуть... Просто зло начинало разбираться; рыжіе усы *геръ-офицера* все не показывались; а другой съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ пописывалъ, что мнѣ даже противно стало смотрѣть на него; я отвернулся.

Наконецъ наши паспорта, сопровождаемые рыжими усами, показали въ дверяхъ.

— Ну, наконецъ отпустите вы меня? спросилъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Еще минуту, и вы совсѣмъ свободны, проговорилъ Нѣмецъ, вынимая большой листъ бѣлой бумаги. — Вы будете такъ добры отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы, и все кончено.

— Пожалуста поскорѣй, отвѣчалъ я, — право мы опоздаемъ. Да какіе же вопросы? вы, кажется, все у меня спросили, что надо. Что жь еще?

— О! не все, улыбаясь отвѣчалъ Нѣмецъ.

Батюшки! что за улыбка! Это было выраженіе довольства, сердечнаго спокойствія отъ исполненія священнаго долга службы и присяги, невозмутимаго состоянія души и какой-то наивной, сухой тупости. Мнѣ бы хотѣлось однимъ словомъ очертить эту улыбку, да нѣтъ! развѣ назвать ее бюрократическою? Другаго слова не нахожу.

— Какой вы вѣры? спросилъ Нѣмецъ.

— Желалъ бы я знать зачѣмъ это вамъ? спросилъ я невольно.

— Это такъ ужь принято.

— Принято, а, это дѣло другое. Греко-россійской.

— Который вамъ годъ?

— Ну это уже нескромно, прибавилъ я къ исчисленію своихъ годовъ.

— А вашей супругѣ и сестрицѣ который годъ?

— Ну, позвольте, кто жь спрашиваетъ женскіе года?

Нѣмецъ расхохотался. Эта выходка ему понравилась. Мнѣ самому понравилось, что въ канцеляріи комманданта Мантуи есть люди, которые смѣются. Впрочемъ, я думаю это случается не часто.

— Ну, я эту статью пропущу, добродушно сказалъ Нѣмецъ, — куда вы ѣдете?

— Я уже вамъ сказалъ, въ Верону.

— Тамъ долго останетесь?

— Нѣтъ, только переночуемъ.

— А оттуда, куда вы ѣдете?

— Въ Венецію!

— Въ Венецію? повторилъ Нѣмецъ и задумался: — что жь долго тамъ останетесь? спросилъ онъ, пристально смотря на меня.

— Право, не знаю... какъ успѣемъ осмотрѣть городъ, отвѣчалъ я.

— Ну, значитъ вы еще дальше ѣдете.

— Да! въ Карльсбадъ.

— Что же вы прежде мнѣ этого не сказали? съ живостью вставая, сказалъ Нѣмецъ.

— Оттого, что вы меня не спрашивали, отвѣчалъ я.

— Вотъ ваши паспорта, возьмите, вотъ они всѣ. Сказали бы вы прежде, такъ давно бы дѣло кончилось, а то все, Верона, Верона, — и онъ покачалъ головой.

Я собралъ паспорта, и уложилъ ихъ въ карманъ, а смѣлъ

такъ и разбиралъ меня, когда я смотрѣлъ на радующееся лицо моего Нѣмца. Какія все рѣдкія явленія встрѣчаешь въ путешествіяхъ! Инквизиторы съ улыбающимися лицами. Просто, еслибы самъ не видѣлъ, такъ не повѣрилъ бы. Чтобы сказать что-нибудь, я спросилъ:

— А сколько я долженъ заплатить за прописку паспорта?

— О! ничего. Это gratis.

— Какъ! это удовольствіе даромъ?

— Совершенно.

Мы раскланялись, и я побѣжалъ къ коляскѣ. Опять потянулись улицы съ солдатами и офицерами въ бѣлыхъ туникахъ. Форма ихъ фуражекъ напоминаетъ французскіе кепи, но они какъ-то выше и шире, чѣмъ далеко не красиво. Впрочемъ, въ саксонской арміи еще болѣе сумѣли испортить одну изъ красивѣйшихъ французскихъ формъ. Солдаты въ Саксоніи носятъ, вмѣсто фуражки, *bonnet de police*; только къ нему пришить козырекъ. Изъ красиваго вышло что-то весьма неуклюжее. На этотъ счетъ ужь Нѣмецъ молодець. Свое, самобытное у него совсѣмъ не дурно; но какъ только онъ вздумаетъ подражать, онъ непременно что-нибудь прибавитъ, и дѣло выйдетъ дрянъ дрянью. Однакожь надо замѣтить, что даже въ Англіи я не встрѣчалъ такой опрятности, даже элегантности въ солдатской одеждѣ, какъ у Австрійцевъ. И народъ болѣею частію молодцы, особенно между Венгерцами. Офицеры, по правдѣ сказать, на видъ хуже солдатъ. Впрочемъ, то же можно сказать и про Пруссію и Баварію. Это довольно даже странное явленіе, а по истинѣ такъ; зачастую въ Германіи, смотря на солдата на часахъ у гауптвахты и на офицера, важно расхаживающаго около, невольно подумаешь, что для виду—я нисколько не вхожу въ разборъ ихъ внутренняго отношенительнаго достоинства.— Имъ бы слѣдовало помѣняться своими мѣстами.

Опять ворота, и мы снова остановились; я уже сталъ вынимать паспорта. Нѣтъ, оказалось, что остановка произошла отъ роты солдатъ, которая проходила черезъ улицу. Я опять посмотрѣлъ,— народъ молодцы, и форма эта, которую мнѣ столько разъ случалось видѣть на маленькихъ театрахъ Генуи и Флоренціи въ каррикатурномъ видѣ, совсѣмъ не дурна, даже красива. Прошелъ еще взводъ егерей въ престранныхъ шляпахъ. Высокія трехугольныя, съ перьями; на походѣ, перья снимаются, и на шляпу надѣвается клеенчатый чахолъ. Видъ странный, а не дурно.

Проѣхали крытый мостъ, съ правой стороны котораго мельницы, наконецъ опять два ряда земляныхъ укрѣпленій, палисадъ, пушекъ, подъемныхъ мостовъ,—и ѣдешь все такими извилинами. Наконецъ очутились мы въ полѣ.

Люди компетентные въ Италіи говорятъ, что Мантуя далеко не такая сильная крѣпость, какъ въ этомъ были увѣрены во время войны перваго Наполеона. Теперь, съ наръзными пушками и канонирскими лодками, она далеко не имѣетъ такого значенія, какъ прежде. До какой степени это справедливо, не знаю; но Австрійцы ставятъ Мантую наравнѣ съ Вероной, которая съ своими трехъярусными укрѣпленіями всѣми признается за одну изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ мірѣ. Для Австріи Мантуя имѣетъ еще значеніе большаго склада политическихъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи климатъ болотистой мѣстности, окружающей Мантую, много помогаетъ быстрому рѣшенію многихъ военно-судныхъ дѣлъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ.

Мы подѣхали къ станціи желѣзной дороги, и оказалось, что намъ еще остается 20 минутъ времени. Взявъ билеты и сдавъ вещи, надо было разсчитываться съ веттуриномъ. Это вещь не легкая. Большую частію ихъ берутъ при короткихъ дистанціяхъ на часы, то-есть если въ столько-то часовъ доставить, то дается такая-то сумма, если же скорѣе, то плата возвышается. При этомъ необходимо взять себѣ за правило въ Италіи: всякое условіе, хоть бы оно было на 30 верстѣ, дѣлать письменно и тщательно отмѣтить время отправленія. Хотя все это у меня было подробно написано, подписано и даже скрѣплено подписью содержателя отеля въ Пармѣ, однако вышло недоразумѣніе. Пармезанскій веттурино въ Гвасталлѣ сдалъ насъ другому, условіе наше было прочитано въ Гвасталлѣ новымъ и имъ подписано. Къ несчастію въ этомъ важномъ актѣ было написано доставить въ Мантую, а не на мантуанскую станцію желѣзной дороги. Отъ станціи же до города считается 2 мили слишкомъ, почти 3. Пармезанскому веттуруину я говорилъ, чтобъ написать: на станцію. Онъ увѣрилъ, что это все равно, и спора не будетъ; этотъ же предъявилъ претензію. Нечего дѣлать, надо было подѣ-маренго отдать. Кстати, наполеондоры вокругъ Мантуи, а также и въ Пармѣ и Моденѣ, называются маренго. Довольно странное названіе, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ австрійское правительство не запретить употребленія такого не лестнаго для себя воспоминанія.

Въ Верону мы пріѣхали около 9 часовъ вечера. Было уже темно. У воротъ, какъ водится, у насъ отобрали паспорта и выдали контрамарки, съ которыми изъ отеля спеціально для сего вмѣющійся человекъ ходитъ брать паспорта обратно въ управленіе комманданта. Мы подумали, что этимъ дѣломъ ограничится. Не тутъ-то было; въ воротахъ потребовали осмотрѣть весь нашъ багажъ: нѣтъ ли-де у насъ военной контрабанды. Вотъ ужъ такихъ вещей я даже и не слыхивалъ. Да, позвольте, что же составляетъ

военную контрабанду? спросилъ я у чиновника. Чиновникъ на меня посмотрѣлъ съ удивленіемъ и потомъ сказалъ: пожалуйста ключи отъ вашихъ ящичковъ. Какъ на бѣду, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ были эти ключи. Какъ мы ни шарили, никакъ не могли найти. Перспектива была ужасная. Напившись только кофею въ Пармѣ въ 9 часовъ утра, и съ тѣхъ поръ, кромѣ разговоровъ съ австрійскими чиновниками, не вкушая ничего, мы съ ужасомъ видѣли удаленіе нашего ужина, необходимость котораго была очень ощутительна, и даже просто приближеніе голодной смерти. Человѣкъ голодный готовъ на все.

— Ключи мы потеряли, удержите багажъ у себя, мы завтра ѣдемъ, значитъ намъ довольно этихъ двухъ мѣшковъ, которые осмотрите; а насъ, ради Бога, пустите скорѣй поужинать, сказалъ я съ воплемъ отчаянія.

Хладнокровный чиновникъ вошелъ на гауптвахту и скоро вернулъся съ тремя другими. Они пошептались немного, смотря на насъ, и махнули рукой. Мы съ шумомъ проѣхали подъ сводами воротъ. Слѣдовательно, даже и между австрійскими чиновниками есть души, сострадательныя къ страждущему человѣчеству.

Верона мнѣ показалась гораздо оживленнѣе, чѣмъ Мантуя, и—рѣдкое явленіе—я насчиталъ на дорогѣ отъ городскихъ воротъ, до гостиницы de la Tour de Londres, шесть человѣкъ одѣтыхъ въ партикулярномъ платьѣ. Процентъ, если вы хотите, ничтожный, относительно военнаго населенія, встрѣчающагося въ такомъ изобиліи; но все какъ-то утѣшительно видѣть, что есть люди, которые изъята отъ удовольствія носить мундиръ, не имѣютъ никакой официальной обязанности, не составляютъ никакой части, какъ бы мала она ни была, правительства, и живутъ такъ-себѣ. Въ Мантуѣ мнѣ не случилось видѣть такихъ яко бы свободныхъ лицъ, даже блузъ я не видалъ. Здѣсь ихъ было много, такъ что я пересталъ считать. *Лондонская башня* оказалась гостиницей не хуже многихъ другихъ, второкласныхъ въ Италіи. Намъ дали даже чаю, который очень можно было пить. Въ видѣ разговора, я спросилъ у хозяина: нельзя ли завтра осмотрѣть крѣпость? Хозяинъ такъ испугался этого вопроса, что, вмѣсто отвѣта, сталъ сначала озираться кругомъ, а потомъ заговорилъ, что отъ Местре до Венеціи желѣзная дорога идетъ непрерывнымъ мостомъ длиною 4 мили, что по обѣимъ сторонамъ лагуна, берега едва виднѣются, а напротивъ Венеція какъ будто выходитъ изъ моря, и что эта картина чрезвычайно любопытна.

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ?—Я повторилъ:—Можно ли видѣть веронскую крѣпость, и можете ли вы выхлопотать мнѣ позволеніе отъ комманданта, или тамъ отъ кого это слѣдуетъ?

— Снѣйоръ, если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, отвѣчалъ онъ снова робко озираясь,—я вижу, вы спѣшите, и эти дамы желаютъ поскорѣй увидать la bella Venezia, такъ лучше и не спрашивайте видѣть крѣпость. Позволеніе врядъ ли дадутъ; а разспросы пойдутъ такіе, что вамъ будетъ неприятно... оттого, что это васъ задержитъ, поспѣшно прибавилъ онъ.

Я поблагодарилъ за совѣтъ, и мы рѣшили ѣхать завтра съ первымъ же поѣздомъ въ Венецію. Желая осмотрѣть древній римскій амфитеатръ, который выходитъ одною изъ своихъ сторонъ на самую площадь, и который считается первымъ послѣ римскаго Колизея, мы этимъ чуть не опоздали на желѣзную дорогу. Едва имѣли мы время войти въ вагонъ, какъ поѣздъ двинулся, а нашъ багажъ остался на станціи, и только поздно вечеромъ прислали намъ его въ Венецію.

Въ вагонѣ, къ величайшему удивленію, мы нашли одного знакомаго Венеціанца G**. Кромѣ его и насъ никого не было въ отдѣленіи. Разговоръ сдѣлался весьма откровеннымъ. G** разспрашивалъ о Флоренціи, о празднествахъ въ честь короля во время его пребыванія, о Гарибальди, о сицилійскихъ эмигрантахъ, которыхъ еще недавно было такъ много во Флоренціи; наконецъ о флорентинскихъ сплетняхъ, о кодинахъ и проч. А мы жаждали знать подробности о мѣрахъ кротости гг. Тогенбурга и К°, о состояніи умовъ въ Венеціи и о впечатлѣніи, которое тамъ произвела баснословная экспедиція Гарибальди. Кстати, можетъ быть, инымъ читателямъ *Русскаго Вѣстника* не извѣстно значеніе слова *кодина* (1). Codino отъ cauda, coda, хвостъ,—значитъ приверженецъ стараго австрійскаго порядка, заклятый противникъ италіянскаго единства. Кодины величаютъ себя легитимистами, особенно во Флоренціи. Тамъ они составляютъ малочисленную партію, сильную только числомъ своихъ убѣжденій и преданностію бывшему granduca. Эта партія состоитъ единственно изъ лицъ, которыя или по службѣ, или такъ, были близки великогерцогскому двору. Слушать ихъ иногда весьма интересно. Въ ихъ кружкахъ распускаются и принимаются за непреложную истину самыя нелѣпыя слухи обо всѣхъ лицахъ, которыя теперь стоятъ во главѣ національнаго движенія въ Италіи. Меня всегда очень занимало слушать ихъ, а особенно во время пребыванія короля во Флоренціи. Высадка Гарибальди въ Сицилію сначала смѣшила ихъ, и нѣсколько разъ между ними ходили слухи, что

(1) Слово кодина употребляется во всей Италіи. Оно произошло во времена первой французской революціи, и имъ тогда назывались аристократы, потому что носили прическу съ хвостомъ. Съ тѣхъ поръ это названіе сохранилось.

Гарибальди схваченъ и отвезенъ въ Неаполь. Успѣхъ его сначала встрѣтилъ въ нихъ совершенное невѣріе; но потомъ, когда сомнѣніе было уже невозможно, не было достаточно сильнаго слова, которымъ они бы не клеймили въ своихъ разговорахъ этого разбойника, нарушителя всѣхъ правъ. При этомъ всегда прибавлялось: какъ Европа позволяетъ такого рода поступки? Все это нисколько не мѣшаетъ кодинамъ быть очень порядочными людьми. Малочисленность ихъ партій дѣлаетъ всѣ ихъ собранія и разговоры не только не опасными для настоящаго порядка вещей, но скорѣе забавными. Сначала я никакъ не могъ понять, почему либералы такъ ненавидятъ кодиновъ. Болѣе близкое знакомство открыло мнѣ причину этой ненависти. Всякій кодино не только приверженецъ стараго порядка вещей, но также преданъ душой и тѣломъ Австріи, и вѣруеть, что безъ прямаго и первенствующаго вліянія вѣнскаго кабинета въ Италіи нѣтъ для нея счастья, спокойствія и благоденствія. Сольферино для кодина несчастіе, горе, которое онъ сильно чувствуетъ, и мечтаетъ только о томъ, какъ силой обстоятельствъ и дѣйствіемъ уклончивой вѣнской политики возвратится блаженное время, когда снова Австріяцы будутъ распоряжаться всѣмъ и всѣми въ Италіи. Очень понятно, что всякій Италианецъ, любящій сколько-нибудь свое отечество, смотритъ съ негодованіемъ на людей, которыхъ всѣ желанія направлены къ возвращенію иностраннаго ига. Счастье кодиновъ, что они такъ малочисленны и такъ ничтожны; это одно спасаетъ ихъ и даетъ имъ свободу открыто высказывать свою преданность Вѣнѣ. На нихъ смотрятъ и смѣются. Будь они многочисленнѣе и дѣятельнѣе, врядъ ли можно было бы предотвратить столкновеніе между ними и большинствомъ. Какъ бы либерально ни было правительство, какъ бы ни была полна терпимости господствующая партія, опирающаяся на сильное большинство, не думаю, чтобъ она снесла сосѣдство дѣятельной партіи, которую почти можно упрекнуть въ измѣнѣ отечеству. Повторяю, ничтожество; охраняетъ кодиновъ. Они ничего не дѣлаютъ, сидятъ смиренно и только; собравшись вечеромъ, за чашкой чаю, бранятъ настоящее, плачутъ по прошедшему, и строятъ испанскіе замки о будущемъ. Вся оппозиція состоитъ въ томъ: не бывать у властей на балахъ и вечерахъ. Чтобъ окончить портретъ кодина, надо прибавить, что онъ ярый поборникъ клерикализма, и спокойное обладаніе его святѣйшества, съ помощію австрійскихъ или французскихъ штыковъ, всѣмъ наслѣдіемъ св. Петра есть первый догматъ вѣры кодина.

Странная вещь: во Флоренціи самыя жаркія кодины—двѣ иностранки, и что страннѣе, двѣ Англичанки. Видно, лордъ Норменби, уѣзжая, оставилъ своихъ представителей.

Но къ дѣлу. Объ этихъ двухъ дамахъ говорили мы съ G**, и мой разказъ о любви ихъ къ Австрійцамъ привелъ его въ такое ожесточеніе, что онъ началъ разказывать о дѣйствіяхъ австрійскаго правительства въ Венеціи. Не думаю, чтобы все мною слышанное можно было написать здѣсь; во всякомъ случаѣ трудно передать то выраженіе, съ которымъ G** говорилъ о несчастіяхъ своей обожаемой родины. Слезы были на глазахъ, голосъ дрожалъ, и когда, увлеченный, онъ схватывалъ меня за руку, прибавляя: «скажите сами, ну можно ли эго вынести?»—по чести, невозможно было не быть тронуту. А нельзя обвинить G** въ увлеченіи. Онъ не молодъ, старшему его сыну уже минуло 19 лѣтъ. Пора ни на чемъ не основанныхъ увлеченій для него давно прошла. Стало-быть это истина. Я зналъ уже почти все, что онъ мнѣ разказывалъ, за исключеніемъ самыхъ свѣжихъ фактовъ и нѣкоторыхъ подробностей. Я былъ знакомъ во Флоренціи съ венеціанскими эмигрантами, которые въ постоянной перепискѣ съ родиной; впрочемъ, достаточно получать *Naxione*, чтобы, по ежедневнымъ корреспонденціямъ изъ Венеціи, имѣть возможность судить, что австрійское владычество доживаетъ свои послѣдніе дни въ Венеціанской области. Тѣмъ не менѣе интересно было слышать все это на мѣстѣ отъ очевидца.

Въ нѣсколькихъ словахъ я постараюсь передать все сказанное G**. Повидимому, настоящая задача австрійской политики въ Венеціанской области состоитъ въ томъ, чтобы выжать какъ можно болѣе денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякими средствами добиться возстанія, пока еще помощь извнѣ далека. При 150 тысячахъ (1) войска на мѣстѣ, преждевременное возстаніе, не поддержанное извнѣ, послужило бы только въ пользу Австріи. Она тогда поступитъ съ Венеціей какъ съ покоренною страной; обложить еще высшими налогами, военными контрибуціями взбунтовавшіеся города и села, и будетъ имѣть причину сылать еще больше народа въ Петервардейнъ, Іозефштадтъ, Темешваръ, Терезіенштадтъ и другія тому подобныя успокоительныя мѣста. Венеціанцы очень хорошо понимаютъ, что безъ оружія, безъ организаціи, они ничего не могутъ сдѣлать противъ 150-тысячной арміи, опирающейся на перво-классныя крѣпости, снабженныя всѣмъ. Они терпѣливо сносятъ все и ждутъ, какъ они выражаются, чтобы пришелъ ихъ чередъ, когда Гарибальди окончатъ южныя дѣла. Допустятъ ли до этого, будетъ ли соблюденъ въ отношеніи ихъ, какъ въ отношеніи Сициліянцевъ, принципъ невмѣшательства, покажетъ будущее,

(1) Увѣряютъ, что войскъ болѣе чѣмъ 200.000 всего, и что только въ одномъ четвероугольникѣ, то-есть между Мантуей и Вероной, Пескьерой и Пичигетоне, болѣе 100.000; но это врядъ ли вѣрно.

но во всякомъ случаѣ, будущее не отдаленное, потому что это положеніе рѣшительно продолжаться не можетъ.

G** высчитывалъ мнѣ, что съ своего имѣнія подѣ Тревизою онъ платитъ налогами всякаго рода немного болѣе 100% чистаго дохода. И такъ живутъ всѣ землевладѣльцы. Они живутъ въ настоящее время всѣ въ капиталъ; живутъ бѣдно, даже самые богатые, лишая себя во всемъ, но терпѣливо ждутъ.

— А ваши депутаты наконецъ въ государственномъ совѣтѣ, что же они не похлопочутъ объ облегченіи вашего положенія? сказалъ я.

— Наши депутаты! возразилъ G**. — Это вѣдь кукольная комедія. Впервыхъ, они оба страшные кодины. Вовторыхъ, я удивляюсь, какъ они приняли эти мѣста. Разсужденіе въ совѣтѣ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, котораго они оба не понимаютъ. Передъ собраніемъ голосовъ, одинъ изъ секретарей дѣлаетъ имъ краткій переводъ сказаннаго, и они вотируютъ. Вы понимаете, каковы должны быть люди, которые согласились играть такую жалкую роль. Сидѣть, слушать, чего не понимаешь, и потомъ подписываться тамъ, гдѣ укажутъ. Не правда ли, удивительно, какъ такихъ отыскали?

• Я чуть-чуть было не сказалъ: нисколько не удивительно; но спохватился и не сказалъ ни слова. Что жъ въ самомъ дѣлѣ удивительнаго, что въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ есть люди, которые слушаютъ, не понимаютъ, и подписываются, гдѣ имъ укажутъ? Можно представить такіе примѣры, гдѣ извиненія даже нѣтъ въ непониманіи языка; по крайней мѣрѣ, мнѣ о такихъ случаяхъ приходилось въ былое время часто слышать, а иногда приходилось и видѣть подобные случаи.

Придирки австрійскаго правительства доходятъ до смѣшнаго. Изъ многихъ фактовъ, доказывающихъ это, я выберу одинъ, тѣмъ болѣе что онъ касается одного русскаго барина, который давно живетъ въ Италіи и у котораго въ Венеціи нѣсколько домовъ. Надо сперва сказать, что благотѣльное нѣмецкое правленіе часто производитъ домовые обыски. Присутствіе хозяина не считается при томъ необходимостію, и когда вздумается начальству, то по назначенію полиція, въ одну прекрасную ночь (это всегда, въ видахъ должно-быть поэтической обстановки, дѣлается ночью — охъ, ужъ эти Нѣмцы! все у нихъ *romantisch*), окружаетъ домъ, всламываетъ комоды, сундуки, шкапы, столы, копается, и если отыщетъ что-нибудь противозаконное, какъ-то: номеръ какой-нибудь запрещенной газеты, пистолетъ, шпагу, портретъ Гарибальди, письмо изъ Турина съ подозрительными выраженіями, то все это забирается, а хозяина, если онъ на лицо, арестуютъ.

Если онъ не докажетъ ясно, какъ солнце, что всѣ эти вещи самаго невиннаго свойства, его препроводить въ forte San Giorgio, (около Венеціи): это первый привалъ и вмѣстѣ депо итальянскихъ политическихъ преступниковъ. Оттуда они уже распределяются по крѣпостямъ имперіи. Съ препровожденіемъ въ Санъ-Джорджіо, человѣкъ совершенно пропадаетъ съ лица земли; ни родственники, ни друзья, ничего о немъ не знаютъ, и не имѣютъ права снабдить узника ни деньгами, ни бѣльемъ, ни книгами, ничѣмъ. Нѣмцы извѣстны какъ строгіе блюстители законовъ. Должно-быть по этому, или можетъ-быть по тому, что заражено немного демократизмомъ, австрійское правительство, въ своей заботливости объ арестантахъ, уравнило ихъ совершенно. Въд между ними есть и бѣдные: какъ же пріятно будетъ имъ знать, что вотъ богатый арестантъ и ѣсть лучше, и спать лучше, и читать у него есть что; тогда какъ у нихъ этого ничего нѣтъ, и они должны довольствоваться самою скудною порціей, спать почти на деревѣ и утѣшать себя размышленіями о неудобствѣ думать иначе, какъ правительство. Руководствуясь этою философскою истиною, что человѣкъ при несчастіи спокойнѣе, когда видитъ другихъ въ такомъ же положеніи и столько же несчастными, правительство провозгласило между арестантами полное равенство и строго его соблюдаетъ.

Но возвратимся къ нашему Русскому. Однажды г. Тогенбургу захотѣлось узнать что у этого Русскаго въ домѣ, въ которомъ онъ живетъ обыкновенно въ Венеціи. Хозяинъ съ семействомъ былъ въ Парижѣ; это еще болѣе подстрекнуло любопытство г. Тогенбурга. Было приказано сдѣлать обыскъ, и въ ту же ночь весь домъ нашего соотечественника былъ осмотрѣнъ до малѣйшей подробности. Какъ ни рылись сбирь, ничего не нашли, кромѣ коротенькаго, дѣтскаго ружья. Но и этого было достаточно, любознательность была вознаграждена, ружье было отобрано. Хозяинъ дома, узнавъ объ этой нескромности австрійской полиціи, написалъ г. Тогенбургу письмо, въ которомъ объявилъ ему, что конфискованное ружье принадлежитъ его малолѣтнему сыну, который стрѣляетъ изъ него голубей, значитъ вещь невинная и не могущая подвергнуться опасности цѣлости Австрійской имперіи; поему просить ачалство возвратитъ ему эту игрушку. Г. Тогенбургъ отвѣчалъ, что очень былъ бы счастливъ удовлетворить просьбѣ отца, но законъ неумолимъ. Онъ запрещаетъ существованіе огнестрѣльнаго оружія въ Венеціанской области у мирныхъ жителей. Дозволено оно только служащимъ въ арміи его величества. И потому, по чувству долга, онъ находитъ себя въ непріятной обязанности отказать. Я во всемъ

этомъ всего болѣе цѣню чувство долга справедливаго начальника.

По разказамъ G**, въ настоящее время, то-есть за послѣднюю зиму, до 500 человекъ арестовано въ Венеціанской области, но арестаціи непрекращаются, а учащаются. Всѣ эти арестанты—люди образованные, богатые, изъ высшаго и средняго сословія. Довольно быть адвокатомъ, медикомъ или дворяниномъ и достаточнымъ человекомъ, чтобы знать, что за полученное вами письмо изъ свободной Италіи, или за письмо, туда посланное, или за слово подслушанное, васъ возьмутъ и продержатъ долго. Простой народъ также берутъ, но обыкновенно, продержавъ съ недѣлю, или угостивъ палками, отпускаютъ. Недавно арестовали гондольера у G** за то, что тотъ, возвращаясь вечеромъ на гондолѣ, насвистывалъ польку изъ миланскихъ пѣсень, которая признана опасною для общественнаго спокойствія съ тѣхъ поръ, какъ ее стали играть всюду въ свободной Италіи. Его продержали три дня, и отпустили; а его самъ разспрашивалъ: не было приличнаго, полицейскаго внушенія. Увѣреть, что не было. Можеть-быть и правда.

За Виенной, на одной изъ слѣдующихъ станцій, къ намъ посадили въ вагонъ какого-то высокаго, пожилаго человека, съ маленькимъ бѣлымъ крестикомъ на черной лентѣ въ петлицѣ. Посмотрѣвъ на него, G** тотчасъ указалъ мнѣ на него глазами, и приложилъ палецъ ко рту. Я понялъ; и разговоръ отъ Венеціи, Гарибальди и полиціи, перешелъ къ театру, оперѣ и музыкѣ. Одна изъ моихъ дамъ не выдержала и стала бранить австрійскую полицію, припоминая, какъ въ Мантуѣ насъ долго держали и проч. G** не на шутку испугался и сталъ разсматривать виды изъ окошка. Высокій же баринъ вдругъ закрылъ глаза и притворился спящимъ. Это было такъ неожиданно, что нельзя было не понять, къ какому разряду людей онъ принадлежалъ. Я приостановилъ рвеніе моихъ барынь, потому что къ бѣдному G** могли придаться и пожалуй арестовать за то, что онъ разговаривалъ въ вагонѣ съ людьми, которые такъ искренно выражались о полиціи; мы сказали еще нѣсколько словъ о томъ, какъ гадко и скверно быть шпиономъ, и снова начали толковать о неопасныхъ вещахъ. Пожилой баринъ съ крестомъ не замедливъ проснуться и уже болѣе не засыпалъ, а напротивъ все старался вмѣшиваться въ разговоръ и любезничалъ на пропалую.

Въ Венеціи такихъ господъ пропасть; ихъ встрѣчаешь всюду въ публичныхъ мѣстахъ; есть такіе, которые сами начинаютъ бранить Австрію въ разговорѣ; выдаютъ себя за приверженцевъ

Гарибальди, даже за посланныхъ отъ него, и тѣмъ ловятъ. Но Венеціанцы такъ привыкли къ приѣмамъ австрійской полиціи, что ихъ трудно поймать; они осторожны до крайности и всѣхъ таковыхъ шпионовъ мигомъ узнаютъ и тотчасъ укажутъ всѣмъ.

Дѣйствительно, хозяинъ Лондонской Башни былъ правъ. Рѣдко можно вообразить себѣ что-нибудь великолѣпнѣе картины, которая мало-по-малу открывается на дорогѣ отъ Местре до Венеціи. Дорога идетъ по виадуку на кирпичныхъ аркахъ, по самой лагунаѣ. Справа лагуна расширяется, и видѣется уже Адриатика. Налѣво берега отступаютъ болѣе и болѣе, тонуть и сливаются съ очертаніемъ далеко виднѣющихся горъ. Впереди Венеція съ своими церквами, дворцами и островами выплываетъ изъ моря. Не вѣришь глазамъ, когда видишь эту группу домовъ и церковныхъ куполовъ, все яснѣе и яснѣе обрисовывающуюся, и выходящую прямо изъ воды. Прибавьте къ этому освѣщеніе яркаго итальянскаго солнца, безоблачное, синее небо и гладкую, зеркальную поверхность водъ, лодки, ежеминутно встрѣчающіяся по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ; невольно думаешь, что это сонъ, какое-то очарованіе, миражъ, который сейчасъ разлетится, и что машина увлекаетъ васъ во что-то невѣдомое, не человѣческое, волшебное. Описать Венецію невозможно; надо ее видѣть. Всякое описаніе выйдетъ или выпиской изъ любого *Handbuck für Reisende*, или восторженною маниловщиной, непонятнымъ и скучнымъ пафосомъ для того, кто самъ не былъ въ Венеціи. Я столько читалъ и слышалъ о Венеціи, что былъ совершенно увѣренъ, что найду все точно такъ, какъ я себѣ прежде воображалъ; и потому занятый мыслию увидать на мѣстѣ ненависть Итальянцевъ къ ихъ притѣснителямъ, я былъ далекъ отъ мысли восхищаться и удивляться; но видѣнное превосходитъ все, что можно вообразить, и я просто замеръ, въ окошкѣ нашего вагона.

Кн. Д. Д.—вій.

ИЗЪ САМАРЫ.

Прѣзжая въ концѣ мая на пароходѣ отъ Твери до Самары, я замѣтилъ въ числѣ пассажировъ до десятка людей, рѣзко отличающихся по своему наряду отъ прочихъ: поповскія шляпы, какія-то куртки, или короткія полукафтаны, и узкіе штаны; самая наружность ихъ,—волосы, похожіе на ленъ, бритыя бороды, особый, нерусскій отпечатокъ въ лицахъ, — все это невольно бросалось въ глаза. Эти люди были уполномоченные отъ разныхъ сельскихъ обществъ изъ остзейскаго края, посланные осмотрѣть и выбрать земли въ Самарской губерніи, для переселенія. Всѣ они помѣщались на палубѣ, постоянно толковали между собою на никому неизвѣстномъ языкѣ; только одинъ изъ нихъ, почтенной наружности старикъ, говорилъ по-русски и по-нѣмецки, довольно, впрочемъ, плохо. Во всю дорогу ни одинъ изъ нихъ не напился пива, даже въ пищѣ они были умѣренны, пробавляясь большею частію рыбой и сыромъ, которые они взяли съ собою еще изъ дома. Всю дорогу они интересовались мѣстностію и любовались невиданнымъ ими зрѣлищемъ огромной рѣки. Волга, какъ нарочно, была въ полномъ разливѣ, вода только что начала убывать, слѣдовательно зрѣлище было чудное. Въ особенности ихъ поражало то, что по выѣздѣ ихъ изъ Петербурга, даже изъ Твери повсюду лѣса еще были голы, а на Волгѣ около Нижняго Новгорода уже покрыты зеленью, которая становилась все ярче и ярче по мѣрѣ движенія парохода. Всякая рѣка, впадающая въ Волгу, обращала на себя ихъ вниманіе. Когда мы были на устьѣ Камы, то старикъ-переводчикъ спросилъ меня: «Что это такое?»—Рѣка Кама, отвѣчалъ я. «Большая рѣка?»—Такая же какъ эта, сказалъ я. Затѣмъ мой пріятель Чухонецъ выразилъ только изумленіе и уже весь обратился въ зрѣніе.

Само собою разумѣется, что въ разспросахъ ихъ самую важную статью составляла Самарская губернія. Они говорили, что намѣрены поселиться тамъ на свободныхъ земляхъ, что не прочь бы даже купить себѣ земли. Когда мы уже прѣехали Симбирскъ, разъ я замѣтилъ, что всѣ они, собравшись въ кучкѣ, сидѣли на палубѣ, и между ними тотъ старикъ что-то показывалъ имъ и толковалъ. Это невольно заставило меня подойти, и я увидѣлъ, что старикъ держалъ въ рукахъ маленькую карту Европы, величиной въ почтовый листъ бумаги, и силлся по ней объяснить мѣстность

Чухонцамъ. Онъ засыпалъ меня вопросами, гдѣ Самара, какъ велика Самарская губернія, какія въ ней рѣки, есть ли лѣсъ, каковы земли? и т. п. Всего этого объяснить не было ни какой возможности по такой маленькой картѣ, гдѣ даже и Самары не было, и Волга была едва замѣтна. Въѣздно, карта попала къ нимъ изъ какого-нибудь грошоваго нѣмецкаго учебника. Тогда я на листѣ бумагѣ, на память, начертилъ имъ карандашомъ одну Самарскую губернію въ большомъ видѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ главныхъ рѣкъ и городовъ, съ раздѣленіемъ уѣздовъ, и могъ имъ хоть что-нибудь объяснить. По пріѣздѣ въ Самару, я нѣсколько разъ видѣлъ ихъ на улицахъ, гдѣ они цѣлою толпою занимались *гожеденіамъ по ихъ дѣлу*, оказавшемуся сверхъ ихъ ожиданій довольно многосложнымъ. Имъ приходилось ходить то въ палату государственныхъ имуществъ, то къ управляющему, то къ совѣтнику, то къ чиновнику, командированному изъ министерства для наблюденія за сельскимъ хозяйствомъ въ юговосточной Россіи (живущему въ имѣніи графини Паниной, въ селѣ Рожественнѣ, напротивъ Самары), и все это по нѣскольку разъ. Разочарованій имъ испытано не мало, сколько можно судить изъ ихъ объясненій съ начальствующими лицами, при которыхъ иногда мнѣ случалось бывать.

Начать съ того, что въ продажѣ имъ земли отказано наотрѣвъ, а сказано, что землю отвѣдутъ имъ изъ участковъ, назначенныхъ для переселенцевъ, которую они могутъ предварительно осмотрѣть. «А если мы займемъ землю и потомъ она намъ не понравится, можемъ ли мы ее продать и перейти на новую?» Имъ сказали, что этого нельзя, что они будутъ обязаны жить на землѣ, которую имъ отвѣдутъ, и гдѣ они будутъ зачислены. «Стало-быть мы потеряемъ свободу?» говорили безтолковые Чухонцы: «по крайней мѣрѣ, дайте намъ льготы отъ податей и рекрутства.» На всѣ эти наивныя требованія имъ отвѣчали только, что иначе нельзя, что привилегіи и льготы даются только колонистамъ иностраннымъ и крестьянамъ, переселяемымъ по распоряженію правительства, а они русскіе подданные и переселяются по собственному желанію. Въ послѣдствіи я узналъ, что мои знакомые выбрали себѣ землю въ Новоузенскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ своими земляками, поселившимися тамъ въ прошломъ году и основавшими деревню Лифландку.

Не знаю, какъ смотрятъ на это въ Москвѣ, а въ Остзейскихъ губерніяхъ помѣщики не совсѣмъ довольны, такъ что сюда пріѣхали два тамошніе барона съ порученіемъ узнать о причинахъ переселенія ихъ крестьянъ въ Самарскую губернію. Въѣздно, остзейскіе помѣщики хлопчутъ въ Петербургъ о томъ, чтобы задержать начинающееся переселеніе. Мы же, самарскіе

жители, не можем не желать, чтобы переселение шло своимъ чередомъ, и чтобы постепенно устранялись обстоятельства, затрудняющія его. Изъ того, что теперь у насъ въ глазахъ, можно догадаться, какъ скоро заселялись бы наши пустыни, еслибы была возможность приобретать землю въ собственность, или по крайней мѣрѣ въ догосрочное владѣнiе (например на 99 лѣтъ).

Александръ Самойловъ.

Самара

14-го июля 1860 года.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Не найдете ли вы возможнымъ помѣстить въ вашемъ журналѣ нижеслѣдующія бѣглыя замѣтки на помѣщенную въ № 43 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* статью, подъ заглавiемъ: *Современная эпоха, письма къ сестрѣ* Г. Р — го. Сами посудите, не должна ли она вызвать пламенныхъ выражений благодарности со стороны *прекрасныхъ читателейъ*, какъ называютъ насъ снисходительные фельетонисты, когда, въ припадкѣ состраданiя къ нашему невѣжеству и обращаясь къ намъ, они считаютъ долгомъ переимѣнить серьезный тонъ своего повѣствованiя, и говорить съ нами какимъ-то особеннымъ языкомъ, напоминающимъ любезность прежнихъ вѣковъ, когда женщины считали, пожалуй, богинями, и чѣмъ угодно, только не мыслящими, разумными существами.

Г. Р — й открываетъ тремя письмами къ сестрѣ цѣлый курсъ современной политики, приспособленной къ женскому пониманiю, или, говоря яснѣе, къ женскому *тупоумiю*, и снисходительно берется популяризировать для насъ современные вопросы, посредствомъ давно отжившей методы, той самой методы, по которой авторъ *Печатной правды* популяризировалъ крестьянскiй вопросъ для православныхъ мужичковъ, съ помощiю прибаутокъ и народныхъ поговорокъ. Эта метода состоитъ въ старанiи примѣняться къ понятiямъ толпы, въ которой проповѣдникъ долгомъ считаетъ видѣть собранiе идиотовъ. Такъ воступаетъ г. Р — й, сжалившiйся надъ участiю бѣдныхъ женщинъ. По его понятiю, намъ недоступенъ языкъ современныхъ периодическихъ изданiй, а между тѣмъ мы алчемъ знать что такое *тори*, *виги*, *фритредеры* и т. п., умираемъ отъ любопытства познакомиться съ личностью императрицы Евгении, королевы

Викторіи, и вотъ, поддавшись подъ невинный лепетъ младенца, г. Ф. Р.—й такъ, напримѣръ, толкуетъ вопросъ, затронутый брешюрой: *Мама и компрессы*. «Согласись сама, цинготъ онъ своей сестрѣ, уже замушкой женщиной, согласиись сама, еслибъ интересующійся тобою молодой человекъ сказалъ маменькѣ, что повязанный на тебѣ платочекъ только портитъ твою шею, что такую старую и полинялую тряпку не слѣдовало бы носить, маменька вѣрно не нашла бы это замѣчаніе неумѣстнымъ, но она же назвала бы безумцемъ всякаго, кто бы предложилъ сдернуть съ твоей шеи этотъ платокъ, такъ чтобы часть его осталась у него въ рукахъ, а другая, крошечная, на тебѣ.» Не правда ли, какое тонкое, остроумное толкованіе римскаго вопроса! какъ ясенъ становится онъ бѣднымъ, бессмысленнымъ младенцамъ-женщинамъ, благодаря этому прелестному уподобленію, этому полинялому платочку, шейкѣ, маменькѣ, молодому человѣку, всеі этой невинной басенкѣ? И неужели еще ни одинъ женскій голосъ не возвысился, чтобы выразить г. Ф. Р.—му нашу благодарность за принятый имъ на себя трудъ толковать намъ, посредствомъ такихъ остроумныхъ аллегорій, недоступныя для насъ тонкости европейской дипломатіи? Онъ простираетъ свою доброту до того, что указываетъ намъ, какія изъ ежедневныхъ русскихъ газетъ заслуживаютъ наше вниманіе, какія не заслуживаютъ; вѣдь, безъ этихъ попечительныхъ указаній, чего доброго, русскія читательницы не умѣли бы отличить хорошей газеты отъ дурной!

Письма г. Ф. Р.—го живо напоминали мнѣ одного моего знакомаго, проникнутаго такимъ же снисходительнымъ чувствомъ къ отношенію къ нашему полу, какъ и г. Р.—й. Бывало, когда къ присутствію дамъ ему случалось заговорить объ абсолютной пустотѣ въ небесныхъ пространствахъ (это была любимая его тема),—онъ вдругъ, замѣтивъ ихъ присутствіе, прерывалъ свои глубокомысленныя изреченія и, любезно обращаясь къ дамамъ, говорилъ имъ съ улыбкой: «извините, mesdames, что я говорю о такихъ скучныхъ для васъ предметахъ, давайте лучше рассуждать о розахъ.» Впрочемъ не одинъ этотъ господинъ полагааетъ, что съ женщиной *неумѣно* говорить о серьезныхъ предметахъ и въ серьезномъ тонѣ. Увы! многіе разделяютъ это мнѣніе. Неужели же въ глазахъ своихъ современниковъ, русская женщина всегда была, есть и будетъ пустое, бессмысленное существо, способное только наряжаться, кокетничать, сплетничать, вздыхать надъ романами и задумываться надъ бантиками? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ женщинъ мыслящихъ, готовыхъ къ умственному развитію, сочувствующихъ современнымъ интересамъ? неужели на впечатлительной женской натурѣ нисколько-

но не отразилось благотворное влияние того горячего протеста, который слышится теперь во всех концах нашей родины, против нравственной испорченности и пустоты общества? Какъ знать? быть-можетъ, въ то самое время, когда блестящій, саркастическій мужской умъ, увлекаемый одною отрицательною стороною протеста, негодуешь, гонить, преслѣдуешь, ломаешь старое и еще не рѣшается ничего создавать, быть-можетъ, въ тайной глубинѣ женской души, посреди пребудившихся сомнѣній, тихо зрѣютъ свѣтлыя убѣжденія, возстаютъ чистый, строгій идеалъ, готовится новая дѣятельность. Женщина, по природѣ своей, не можетъ остановиться на одномъ отрицаніи; укажите ей на недугъ, и первымъ движеніемъ души ея будетъ искать средство къ его исцѣленію; укажите ей на зло, и она инстинктивно станетъ искать, какъ замѣнить его добромъ; ей нуженъ нравственный идеалъ, въ который она хочетъ вѣрять, къ которому бы она могла стремиться всѣми силами чуткой, пробудившейся души. Правда, женщину съ колыбели обрекаютъ у насъ на пустоту, боятся для нея умственного развитія, какъ чумы, обращаются съ ней какъ съ ребенкомъ, и между тѣмъ, господа, несмотря на все это, оглянитесь, и вы встрѣтите много мыслящихъ существованій, много скромныхъ подвиговъ женской любви; не ищите ихъ ни на Невскомъ проспектѣ, посреди тѣхъ двухсмысленныхъ личностей, которыя такъ завладѣли вашимъ вниманіемъ, что вы готовы забыть, что есть и другаго рода женщины на свѣтѣ, не ищите ихъ въ такъ-называемомъ свѣтѣ, гдѣ все обрекаетъ женщину на пустоту: вы найдете ее только въ недоступной, для скептическаго и равнодушнаго взгляда, семейной святынѣ; какъ ни безнравственно наше общество, какъ ни плачевно наше воспитаніе, все же вы встрѣтите много женщинъ, которыхъ душа открыта для всехъ благородныхъ и чистыхъ впечатлѣній, которыхъ умъ готовъ вступить на путь умственного, серьезнаго развитія, но не басенками, господа, не снисходительнымъ лепетомъ, не гордымъ сожалѣніемъ о нашемъ невѣжествѣ удастся вамъ повести насъ по этому пути. Говорите съ нами общечеловѣческимъ языкомъ; мы поймемъ его лучше чѣмъ толкованія о полинялыхъ платочкахъ, потому что все-таки мы не такія идиотки, какими бы дѣйствительно стали, если бы были приговорены проходить курсъ современныхъ вопросовъ по методу г. Э. Р—го, противъ которой я возстаю не отъ своего только лица, но отъ лица многихъ женщинъ, возмущенныхъ заблужденіемъ о насъ автора *Писемъ къ сестрѣ*.

А. Р.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДѢЛЪ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА.

• Засѣданіе 23 іюля въ палатѣ общинъ британскаго парламента было событіемъ европейской важности. Оно пришлось почти въ самую годовщину сольферинской битвы, происходившей 24 іюля. Это была своего рода битва, своего рода побѣда. Рѣчь, которою первенствующій министръ сопровождалъ внесенныя въ парламентъ резолюціи объ укрѣпленіяхъ, должна была имѣть дѣйствіе могущественнаго заклинанія. Слова, въ этомъ случаѣ, имѣли необыкновенную силу, и положеніе европейскихъ дѣлъ за одинъ день сильно измѣнилось. Начинаетъ сбываться все то, что общественное мнѣніе и политическіе люди Англіи предсказывали французскому правительству въ то самое время, когда оно считало себя на верху успѣха и славы. Савоія и Ницца начинаютъ истить за себя; нити интригъ перепутались, пружины ловко придуманныхъ махинацій лопаются или производятъ обратное дѣйствіе. Тайственная мгла облаковъ разсѣялась, и то, что считало себя или наивно считалось другими за Провидѣніе, управляющее ходомъ всемірныхъ событій, оказывается само не болѣе какъ игрушкою случая; могущественный рокъ оборвался, и теперь жалостливо и смиренно озирается вокругъ, на кого бы опереться. Мнимое величіе исчезло, и французское правительство почувствовало теперь свое дѣйствительное положеніе. Громъ побѣды, зуавы и тюрко, офинціальная журналистика, съ ея пышными фразами, назидательные циркуляры г. Бильйо, все это, и многое другое въ этомъ родѣ, оказывается недостаточнымъ. Это гдѣ хуже,

что сама Франція, кажется, начинаетъ чувствовать свое положеніе и перестаетъ обольщать себя вышесказанными титулами на величіе и славу. Правительство 2 декабря, послѣ столькихъ подвиговъ славы во внутреннихъ и вѣнскихъ дѣлахъ, послѣ перестроеннаго Парижа и присоединенной Савойи, находится теперь въ положеніи очень неловкомъ; оно чувствуетъ свою слабость и ищетъ оныри; еще одинъ неблагоразумный шагъ, и оно можетъ очутиться въ такомъ же униженномъ положеніи, въ такомъ же разобщеніи и безсміи, какъ нѣкогда правительство Лудовика-Филиппа.

Что было въ Европѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ? Германія была исполнена броженія; между Пруссіей и Австріей былъ полный разрывъ; правительства мелкихъ государствъ пугливо жались другъ къ другу, томимыя чувствомъ само-сохраненія; все разлагалось, все смогрѣло другъ на друга съ недоверіемъ и ревностію; старыя преданія, закоренѣлыя порядки, либеральныя учрежденія, національное чувство, старыя счеты и новыя стремленія, все хаотически смѣшивалось, все представляло собою начало возникающей внутренней борьбы, которой исхода нельзя было предвидѣть. Чѣмъ болѣе смуть и броженія было съ этой стороны, тѣмъ могущественнѣе казалось сосѣднее государство. Священный союзъ давно уже расторгнутъ, а италіанскій вопросъ ослабилъ связи между Австріей и Англійей, которая явно благопріятствовала дѣлу независимости и единству Италіи. Австрія чувствовала себя ближе къ недавнему врагу своему чѣмъ къ Англии, и готова была раг дѣрп жить и дѣйствовать въ дружбѣ съ Франціей; высказывались даже опасенія, чтобы между обѣими имперіями не образовался тѣсный союзъ, столько же противуестественный, сколько и враждебный благосостоянію и прогрессу Европы. Европа была разъединена, и Франція, кавалось, располагала ея судьбами, потому что отъ ея присоединенія къ той или другой сторонѣ, отъ союза ея съ тою или другою державой, могло зависѣть политическое равновѣсіе Европы. Союзъ ея съ Англійей слабѣлъ все болѣе и болѣе, и наконецъ, съ присоединеніемъ піемонтскихъ провинцій, исчезло между обѣими западными державами ихъ сердечное согласіе, и политическія стремленія ихъ сильно разрознились. Франція должна была отказаться отъ своихъ видовъ на устройство Италіи посредствомъ конфедераціи привилегій; она должна была согласиться на присоединеніе средней Италіи къ Піемонту, вознаградивъ себя однако Савойей и Ниццою; она должна была отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дальнѣйшій ходъ италіанскаго дѣла въ Сициліи и Неаполѣ, хотя, какъ ходятъ смутныя слухи, она будто бы ужъ заключила съ Піемонтомъ новое

тайное условіе, по которому, въ случаѣ соединенія всей Италіи подъ скипетромъ савойской династіи, Франція должна пріобрести острова Сардинію и Эльбу, и даже будто бы Геную. Властолюбивыя затѣи, замышляемыя подъ личиною безкорыстныхъ идей, произвели наконецъ свое дѣйствіе. Мысль о Рейнѣ заставила Германію забыть на время свои внутреннія распри. За баденскимъ свиданіемъ вскорѣ послѣдовало свиданіе теплицкое, которое, конечно, не было въ планахъ императора Французовъ, когда онъ изъявлялъ желаніе лично объясниться съ принцемъ прусскимъ. До сихъ поръ еще неизвѣстны въ точности результаты свиданія между императоромъ австрійскимъ и принцемъ регентомъ. Очень вѣроятно, что на этомъ свиданіи не рѣшено какихъ-либо опредѣленныхъ мѣръ, но, какъ кажется, главы обитъ великихъ державъ Германіи, разстались между собою самымъ дружескимъ образомъ; дипломаты обѣихъ сторонъ, какъ слывають, были очень довольны другъ другомъ, и графъ Рекбергъ, несмотря на все свое дипломатическое самообладаніе, едва могъ скрывать свою радость. Обѣ державы нашли возможность дѣйствовать заодно въ случаѣ опасности со стороны Франціи и этого уже достаточно, чтобъ уничтожить здѣсь всякое вліяніе этой державы. Отношеніе вдругъ измѣнилось, и Франція мгновенно утратила то обаяніе могущества, съ которымъ возвышалась она надъ Германіей, изнемогавшей въ разладѣ своихъ внутреннихъ стремленій.

Италія съ недоувѣріемъ смотритъ на французскую политику, и каждый новый шагъ, совершаемый единствомъ Италіи, ставится проигрышемъ Франціи. Гарибальди, представляющій къ своему лицѣ инстинкты Италіи, стремящейся къ національному единству и независимости, самымъ недвусмысленнымъ образомъ протестуетъ противъ французскаго преобладанія и выражаетъ антипатію къ этой силѣ, прикрывающей себя личиною великодушныхъ идей. Мыслящіе люди всѣхъ странъ очень хорошо понимаютъ что значать эти идеи, и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ дѣйствительности; они очень хорошо понимаютъ, что сама исторія, что дѣйствительная сила вещей можетъ давать благоприятный оборотъ всякому движенію, можетъ изыскать добрыя послѣдствія изъ всякаго дѣйствія, но они не смѣшиваютъ источниковъ этого движенія съ тою силой, которая овладѣваетъ имъ и направляетъ къ цѣлямъ, чуждымъ этимъ источникамъ. Если, послѣ пожара, возникаютъ новыя, лучшія постройки, то никто однако не доходитъ до того, чтобы благословлять поджигателей. Можетъ-быть, вслѣдствіе страшнаго кровопролитія, котораго сегоднѣ была недавно Сирія, образуется тамъ лучшій порядокъ вещей, но никому не придетъ въ голову выразить сочувствіе

дикимъ виновникамъ этихъ ужасовъ. Народы и отдельные люди должны быть готовы ко всякимъ катастрофамъ, ко всякимъ движениямъ, какъ бы ни назались они случаи, или какъ бы ни были презрѣнны и вмутны ихъ источники; ходъ движеній и ихъ послѣдствія опредѣляются тою средой, гдѣ они разыгрываются, тѣми элементами, на которыхъ они простираются, тѣми началами, которыя ими овладѣваютъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франція не могла желать и не желала, чтобъ образовалось сильное италянское государство; во всякомъ случаѣ, подобное желаніе было бы безплодно, еслибы, неожиданно для всей Европы, дѣла въ Италіи не оказались, *post actum*, вполне созрѣвшими для образованія могущественнаго политическаго единства. Франціи нужно было заявить свою силу, ей нужно было уничтожить Австрію, а не содѣйствовать организаціи сильной и свободной Италіи; Франція была готова обратно отдать Австріи завоеванныя области, чтобы пріобрѣсти ея покорное содѣйствіе для другихъ своихъ цѣлей; Виллафранкскій миръ давалъ Италіи положеніе чуть ли не хуже того, изъ котораго она старалась вырваться. Но возбужденное движеніе продолжало свое дѣло, и встрѣченные имъ элементы поражаютъ теперь неожиданностью явленій. Движеніе совершается не только независимо отъ той руки, которая повидимому первая возбудила его, но и вопреки ей; не смотря на всѣ ея старанія остановить его, или дать ему другой оборотъ, оно неудержимо, и ходъ его уже зависитъ отъ другихъ причинъ.

Наконецъ оказалось, что торговый трактатъ, заключенный съ Англіей, не служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ союза съ этою державой. Французская политика слишкомъ много разчитывала на манчестерскую школу. Французская политика была убѣждена, что теорія мира во что бы то ни стало, проповѣдуемая г. Брайтомъ и его единомышленниками, пріобрѣла большую силу надъ умами въ Англіи и можетъ властвовать надъ общественнымъ мнѣніемъ. Офиціальныя органы французскаго правительства вдругъ превратились въ рьяныхъ приверженцевъ манчестерскаго ученія и принялись наперерывъ высказывать свое сочувствіе г. Брайту. Но все это не пошло въ прокъ. Никогда еще быть-можетъ не было такъ сильно противодѣйствіе въ общественномъ мнѣніи противъ манчестерской школы, какъ въ настоящее время. Все, и дурное и хорошее, и нелѣпое и здравое, подверглось общему осужденію. Самое дѣло внутреннихъ реформъ пріостановилось на время, покинутое общественнымъ мнѣніемъ, которое поглощено теперь другими интересами. Торговый договоръ, еще такъ недавно сосредоточивавшій въ себѣ столько добрыхъ ожиданій, такъ занимавшій цѣлую страну, уналь

въ цѣнѣ далеко ниже своей действительной стоимости. Когда лордъ Пальмерстонъ, въ засѣданіи 23 числа, возбудилъ этого трактата, въ палатѣ раздался смѣхъ, и первому министру пришлось доказывать, что трактатъ этотъ въ сущности все-таки имѣетъ большое значеніе и цѣнность, что оцѣниться надъ нимъ не слѣдуетъ, хотя это значеніе и эта цѣнность могутъ обнаружиться лишь съ теченіемъ времени. Итакъ, несмотря на всѣ уступки, дѣланныя Франціею для сохраненія добраго согласія съ Англіею, несмотря на этотъ торговый трактатъ, который былъ брошенъ ей какъ кость, чтобъ она могла занять имъ и ослабить на время своей донучный контроль надъ европейскими дѣлами, доброе согласіе нечуждо и зацвѣтало отношеніями самыми напряженными. Несмотря на неисчислимыя обоюдныя выгоды тѣснаго союза между Франціею и Англіею, оказалось, что малѣйшаго зова будетъ достаточно для того, чтобы поставить ихъ одну противъ другой. Безъ всякаго сомнѣнія, частной войны между Франціею и Англіею ни въ какомъ случаѣ ожидать не возможно; вопросъ заключается только въ томъ, какъ опредѣлились бы отношенія между этими двумя державами въ случаѣ какой-либо европейской войны. Вооруженія, производимыя Англіею, предпринимаемыя ею укрѣпленія для защиты ея доковъ имѣютъ дѣйствительною цѣлью не столько предупредить вторженіе, которое въ всякомъ случаѣ было бы безуміемъ, сколько обезопасить могущество и совершенно независимый образъ дѣйствій Англіи, на случай всеобщей войны. Сильное укрѣпленіе доковъ, въ которыхъ заключается корень морской силы Англіи, даетъ ей возможность свободнѣе располагать своими военными силами, какъ сухопутными, такъ и морскими. Если приморскія мѣста будутъ въ состояніи сами обороняться отъ всякаго нападенія, то значительная тяжесть этой обороны будетъ снята съ морскихъ кораблей, которые вслѣдствіе того будутъ свободнѣе для наступательныхъ дѣйствій; сила ихъ, и безъ того громадная, значительно увеличится вслѣдствіе этой свободы. Къ концу текущаго года, Англія будетъ имѣть 60 однихъ линейныхъ паролоднихъ кораблей; эта громадная сила, которая будетъ возрастать еще съ каждымъ годомъ, пріобрѣтетъ новое значеніе, когда съ нея будетъ снята обуза спорозитъ и оберегать тѣ самыя мѣста, гдѣ вырабатывается эта сила, гдѣ строятся эти корабли, гдѣ ирѣнятся самыя матеріалы для этихъ построекъ. Съ другой стороны, не будетъ надобности сосредоточивать въ опасныхъ мѣстахъ значительныя сухопутныя силы; возводимыя укрѣпленія дадутъ возможность защищать эти мѣста, при помощи меньшаго количества живыхъ силъ. Корпуса волонтеровъ съ своей стороны дадутъ возможность свободно располагаться линейною арміею и

направлять, куда понадобится, значительными части ея. При огромномъ флотѣ, при предвѣдѣваемой системѣ укрѣпленій, при организации волонтеровъ, Англія, безъ бодрѣннѣ усовій, была бы въ состояніи высадить на театръ войны значительную армію.

Очень естественно, что всѣ эти мѣры національной обороны, принимаемыя Англіей, наконецъ это послѣднее рѣшеніе относительно береговыхъ укрѣпленій, котормя должны стоить отъ 11 до 12 милліоновъ фунт. стерл., все это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія, а рѣчь лорда Пальмерстона, 23 іюля, которою онъ сопровождалъ внесеніе этой послѣдней мѣры въ парламентъ, должна была имѣть всю силу политическаго событія. Народъ, подобный англійскому, не будетъ бросать напрасно огромныя суммы; каждый шиллингъ будетъ употребленъ въ дѣло, и каждый шиллингъ будетъ оцутительнымъ элементомъ того могущества, котораго развитіе было вызвано обстоятельствами. Вооруженія Франціи имѣли своимъ непосредственнымъ результатомъ вооруженія Англіи. Кончилось тѣмъ, что можно было предвидѣть въ началѣ: возвысился общій уровень военныхъ силъ, но въ этой борьбѣ приготовленій, въ этомъ составленіи вооруженій и сбора силъ, страна, обладающая болѣею свободою и болѣеимъ богатствомъ, должна будетъ приобрести значительный перевѣсъ. При всѣхъ усиліяхъ, французское правительство не можетъ, безъ окончательнаго подрыва всѣхъ силъ страны, продолжать эту гонимую; въ немъ, весьма естественно, должно возникнуть побужденіе снова сблизиться съ своею соперницей и возстановить, по возможности, прежнія дружескія отношенія. Но шагъ уже сдѣланъ и прошлаго воротить нельзя. Затраченныя суммы не могутъ быть возвращены, выстроенные корабли не будутъ брошены, начатыя работы не будутъ остановлены, и патріотическій духъ, овладѣвшій цѣлою страной и организовавшій внутреннюю силу самообороны, есть фактъ, котормъ нельзя возвратитъ въ небытіе.

Мы приводимъ въ послѣдней книжкѣ нашего журнала тѣ мѣста изъ рѣчи лорда Пальмерстона, котормя имѣютъ силу демонстраціи относительно Франціи. Одиннадцать милліоновъ, котормыхъ требуетъ правительство для осуществленія составленнаго комиссіей плана укрѣпленій, не увеличатъ собою консолидированнаго долга, а составятъ аннуитеты (annuities), котормые должны быть погашены въ теченіе тридцати лѣтъ. Правительство руководствовалось въ настоящемъ случаѣ тѣмъ важнымъ началомъ, которое утверждалось въ англійской финансовой системѣ: не обременять потомство долгами предковъ. То, что называется аннуитетомъ есть долгъ, котормый въ опредѣленный срокъ погашается постепенно вѣсть съ уплатою процента. Для настоящихъ пе-

когда, такого рода долгъ обременителемъ, потому что ежегодно, вѣсть съ процентомъ, уплачивается и доля капитала, но за то, по истеченіи опредѣленнаго срока, страна окончательно освобождается отъ бремени долга. Съ другой стороны, правительство получаетъ разомъ сумму, необходимую для осуществленія своихъ плановъ, и надѣется окончить дѣло въ два-три года. На первый годъ потребуется не болѣе двухъ милліоневъ, которыхъ, вѣсть съ суммой, уже прежде ассигнованною въ бюджетѣ на этотъ предметъ, будетъ достаточно для усиленія работъ. При тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ всякаго рода механическое производство въ Англіи, работы должны найдти съ необыкновенною быстротой. Не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ новыя укрѣпленія Портсмута, Плимута и другихъ мѣстъ, послужатъ достаточнымъ возмездіемъ за Шербургъ. Правда, съ экономической точки зрѣнія, всѣ эти суммы, назначаемыя на укрѣпленія или на постройку военныхъ кораблей, будутъ потрачены непроизводительнымъ образомъ; нельзя не пожалѣть о нихъ какъ о чистомъ проигрышѣ, какъ о невозвратной растратѣ народнаго капитала. Какое могущественное дѣйствіе могли бы произвести эти суммы на развитіе благосостоянія, если бы онѣ пошли на питаніе производительнаго труда! Но во всѣхъ ли отношеніяхъ эти траты можно назвать невозвратными? Точно ли эти деньги—брошенные деньги? Когда коммиссія работала надъ своимъ планомъ, она обращалась за совѣтомъ къ одному изъ первыхъ знатоковъ финансоваго дѣла въ Англіи, къ авторитету всѣми признанному, лорду Оверстону, который возведенъ въ перы изъ торговыхъ людей, который изучилъ на практикѣ всю организацію коммерческихъ интересовъ, и обладая несметнымъ богатствомъ, господствовалъ надъ биржей. Лордъ Оверстонъ, отозвался, что даже тѣнь опасности, которой можетъ подвергнуться Лондонъ, подѣйствовала бы самымъ бѣдственнымъ образомъ на всю торговлю и промышленность, на весь кредитъ Англіи. Очень естественно, что когда устранится и самая тѣнь опасности, когда Англія будетъ въ состояніи располагать своими средствами и дѣйствовать вблизи и вдали, не опасаясь за берега свои, не основывая своей безопасности на добромъ расположеніи сосѣда или на благопріятныхъ случайностяхъ, тогда, вѣсть съ безопасностью и увѣренностью, возвысится и сама производительность всѣхъ отраслей экономической жизни.

Мы извѣщали также, что вскорѣ послѣ заведенія 23 июля, англійское правительство получило отъ г. де-Тувенеля депешу съ выраженіемъ желанія дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Англіей какъ по италіанскому, такъ и по турецкому вопросамъ. Дѣло не ограничилось официальнымъ объясненіемъ; вскорѣ послѣдовали дружескія и задушевыя бесѣды. Самъ императоръ

высказавъ свои чувствованія въ письмѣ къ графу Персиньи, французскому посланнику при Сентъ-Джемскомъ дворѣ и дозволивъ ему дать этому письму гласность. Оно появилось сначала въ *Times* и *Morning Chronicle*, а потомъ разошлось по всѣмъ газетамъ міра. Не ограничиваясь этимъ, императоръ Наполеонъ сѣвшилъ высказаться въ частныхъ письмахъ къ нѣкоторымъ изъ лицъ, составляющихъ нынѣшнее правительство Англии. Письма эти не получили гласности, и намъ остается познакомиться ближе только съ интереснымъ содержаніемъ письма императора къ его посланнику.

«Любезный Персиньи,—такъ начинается императоръ свое письмо отъ 29 іюля, спустя шесть дней послѣ многознаменательныхъ преній въ англійской палатѣ общинъ,—благодаря недовѣрью, которое сѣялось повсюду послѣ италіанской войны, дѣла, какъ мнѣ кажется, очень запутались, и я пишу къ вамъ въ надеждѣ, что чистосердечный и откровенный разговоръ съ лордомъ Пальмерстономъ поможетъ этому злу. Лордъ Пальмерстонъ знаетъ меня, и онъ повѣритъ моему слову. Вы можете сказать ему отъ меня самымъ положительнымъ образомъ, что послѣ виллафранкского міра у меня была только одна мысль, одна цѣль—начать новую эру міру и жить въ добромъ согласіи со всѣми сосѣдями, а главное съ Англіей. Я отказался было отъ Савои и Ниццы, и лишь чрезмѣрное увеличеніе Піемонта побудило меня снова желать присоединенія къ Франціи этихъ чисто-французскихъ провинцій.»

Недовѣріе дѣйствительно распространилось повсюду послѣ италіанской войны, и европейскія дѣла крайне запутались. Но что было виной тому? Откуда взялось это недоверіе и отчего запутались дѣла? Зачѣмъ помощь, оказанная Піемонту, выдавалась за безкорыстное дѣйствіе идеи, между тѣмъ какъ былъ заключенъ тайный трактатъ о Савои и Ниццѣ? Одинъ народъ не оказываетъ другому идеальныхъ услугъ: это фактъ природы и исторіи; зачѣмъ же было пускать въ свѣтъ или поддерживать понятія, противорѣчащія дѣйствительности? Императоръ Французъ отказался отъ Савои и Ниццы, выговоренныхъ въ тайномъ трактатѣ, но онъ отказался потому, что главное условіе трактата было не выполнено, война, предпринятая по дѣлу Піемонта, была прекращена, безъ согласія Піемонта, и Венеціанская область осталась за Австріей. Присоединеніе Тосканы и Эмилии къ Піемонту, присоединеніе, происшедшее по соблазнительному побужденію этихъ областей, безъ всякаго содѣйствія со стороны французскаго оружія, не могло придать ужасающихъ размѣровъ королевству Виктора-Эмануила и оправдать энергическія заботы

Франція объ огражденіи своей территоріи и объ округленіи своихъ границъ со стороны этого королевства. Къ тому же Савойю и Ниццу никакъ нельзя назвать чисто-французскими провинціями, особенно Ниццу, гдѣ народъ говоритъ по итальянски, и гдѣ до сихъ поръ французская полиція должна прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ для убѣжденія жителей въ пользахъ и выгодахъ французскаго гражданства. Присоединеніе этихъ провинцій было главною виною повсемѣстнаго недовѣрія; это, какъ извѣстно, возмутило доброе согласіе, въ которомъ императоръ Французовъ желаетъ жить со всѣми сосѣдями, и преимущественно съ Англіей.

• Но, возражать нѣтъ, вы хотите мира, а безъ мира увеличиваете военныя силы Франціи. *Я рѣшительно отрицаю это утвержденіе.* Моя армія и мой флотъ не представляютъ ничего угрожающаго для кого бы то ни было. Мои парходныя морскія силы еще далеко недостаточны даже для удовлетворенія нашихъ потребностей, и цѣна парходныхъ кораблей еще далеко не равняется числу парусныхъ судовъ, которыми считались необходимы во времена Людовика-Филиппа. Я имѣю 400.000 человекъ подъ ружьемъ, но вычтите изъ этой цѣфы 60.000 человекъ въ Алжирѣ, 6000 въ Римѣ, 8000 въ Китаѣ, 20.000 жандармовъ, больницъ, немобранцевъ, и вы увидите то, что есть на самомъ дѣлѣ, именно то, что въ строю у меня нѣтъ людей чѣмъ было въ предыдущее царствованіе. Единственнымъ увеличеніемъ имровъ было образованіе императорской гвардіи. Впрочемъ, если мира, а желаю также организовать свою страну возможно лучшимъ образомъ: если иностранцы въ послѣднихъ войнахъ и дѣла только блестящую сторону, то я видѣлъ вблизи стороны не достаточныя, и хочу исправить ихъ. Вотъ все, и затѣмъ я съ самой Виллафранки ничего не дѣлалъ, ничего не думалъ, что могло бы встревожить кого-нибудь. Когда Лавалеттъ отправился въ Константинополь, даныя ему мною инструкціи ограничивались только слѣдующими: «Употребите все стараніе, чтобы поддержать *status quo*; интересъ Франціи требуетъ, чтобы Турція жила какъ можно долѣе.»

• Новая эра мира была обѣщана уже давно. Она была обѣщана еще въ самомъ началѣ второй имперіи, въ знаменитой бордосской рѣчи, и однако дѣйствительныхъ признаковъ этой эры не замѣчаетъ никто. Можетъ-быть Европа была бы спокойнѣе, если бы мыше повторили ей объ этой эрѣ мира, но крайней мѣрѣ дѣло было бы яснѣе, не было бы тѣхъ смутныхъ и неопредѣленныхъ оцѣнокъ, которыя часто гораздо хуже неопредѣленности, какъ бы ни была она неприятна. Къ тому же Европа знаетъ внутреннее положеніе Французской имперіи, видѣтъ, что

она основана чисто на военномъ началѣ и не замѣчаетъ внутри Франціи залоговъ новаго, нормальнаго порядка вещей; господство диктатуры продолжается въ ней попрежнему, и не предвидится ему конца. Европа, а можетъ-быть и сама Франція, не могутъ не замѣтить нѣкоторыхъ противорѣчій во французской политикѣ. Глава могущественнаго государства, котораго политика должна быть ясна и опредѣлена, куда бы ни клонилась она, увѣрять теперь, что онъ не дѣломъ, ни даже мысленно не виноватъ въ тѣхъ опасностяхъ, которыя почему-то овладѣли Европой.

Императоръ приводитъ даже то, что было сказано имъ г. де-Лавалетту, когда тотъ отправился въ Константинополь. Ему поручено пуще всего быстра нѣмѣннее положеніе Турціи, сохраненіе котораго требуется интересамъ Франціи. Это очень условительно относительно частныхъ видовъ французской политики; это свидѣтельствуетъ, что Франція въ этомъ случаѣ согласна съ большинствомъ великихъ европейскихъ государствъ, и самъ лордъ Пальмерстонъ не сказалъ ничего сильнѣе для огражденія Турціи. Около того времени, когда письмо императора появилось въ газетахъ, въ нижней палатѣ происходилъ оживленный разговоръ между нѣрымъ министромъ и г. Брайтомъ объ этой же самой Турціи. Г. Брайтъ наводилъ, — и очень справедливо, — что никакія усилія не могутъ спасти это мертвое тѣло отъ разрушенія, и присовокупилъ, что европейскимъ державамъ, вместо безплодной траты силъ для поддержанія Турціи, было бы лучше заблаговременно озаботиться распредѣленіемъ ея наследства. Лордъ Пальмерстонъ опровергалъ на это увѣрненіемъ, что положеніе Турціи все же такъ безнадѣжно, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не произошло столько переменъ къ лучшему, какъ въ Турціи съ восшествіемъ на престолъ нынѣшняго султана; что она и теперь была бы способна къ значительному прогрессу, еслибы только не ослѣпительное внимательство другія державы въ ея дѣла. Лордъ Пальмерстонъ сомлекается на свою государственную опытность, онъ опирается на данныя, почерпнутыя имъ изъ источниковъ, на всѣхъ дослушавшихъ; онъ ловко отблуживаетъ г. Брайта. Но едвали общественное мнѣніе будетъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ министра; несмотря на весь авторитетъ свой, едвали онъ увѣритъ кого-нибудь, что Турція способна къ самостоятельному существованію; и что она обладаетъ внутренними источниками жизни и развитія. Можетъ-быть онъ и правъ утверждая, что паденіе Турціи должно сопровождаться страшными потрясеніями, что бѣдствія, къ которымъ оно можетъ подать поводъ, будутъ еще ужаснѣе чѣмъ всѣ тѣ злоупотребленія, всѣ тѣ кровавыя катастрофы, которыя случаются теперь

подъ управленіемъ блистательной Порты. Можно понять эту безразличную осторожность относительно турецкаго вопроса; можно, понять побужденія этого крайняго консерватизма, смотрящаго сквозь пальцы на настоящія бѣдствія изъ опасенія еще большихъ золъ; но никакъ нельзя понять, чтобы государство, въ которое всѣ другія державы могутъ проникать своими частными и корыстными интересами, чтобы государство, основанное на алкоранѣ, на варварской исключительности и нетерпимости магометанства, чтобы это государство могло жить и процвѣтать многія дѣла, какъ думаетъ лордъ Пальмерстонъ, — и чтобы стоило употреблять всѣ старанія и усилія для поддержанія того *status quo*, которое представляетъ теперь Турція, какъ пишетъ императоръ Наполеонъ III своему посланнику въ Лондонѣ. Никто не можетъ сомнѣваться въ основательности свидѣній лорда Пальмерстона относительно турецкихъ дѣлъ; но есть авторитеты не менѣе сильные, которые свидѣтельствуютъ противное. Въ то самое время, когда глава кабинета объяснялся вышесказаннымъ образомъ въ нижней палатѣ, лордъ Стратфордъ де-Редклиффъ, которому положеніе Турціи должно быть извѣстно не менѣе, и даже немного болѣе, чѣмъ лорду Пальмерстону, велъ совсѣмъ иную рѣчь въ верхней палатѣ. Изъ словъ этого знаменитаго дипломата, дѣятельность котораго преимущественно была посвящена устройству дѣлъ на Востокѣ и поддержанію Турціи, можно скорѣе заключать, что Турція дѣйствительно находится въ безнадѣжномъ положеніи. А въ *Times* не замедлила появиться руководящая статья, которая служитъ прямымъ отвѣтомъ на апологію Турціи, высказанную лордомъ Пальмерстономъ, и ничего не можетъ быть сильнѣе этого отвѣта, который, какъ надобно думать, отражаетъ въ себѣ общественное мнѣніе. Въ этой статьѣ доказывается вся невозможность сохранить Турцію въ ея настоящемъ видѣ, и все безуміе усилій поддержать ея существованіе. Возвратимся однако къ письму императора Французовъ.

«Но вотъ совершаются убійства въ Сиріи, и уже пишутъ, что я радуюсь новому случаю начать маленькую войну или играть новую роль. Право, мнѣ почти совсѣмъ отказываютъ въ здравомъ смыслѣ. Если я немедленно предложилъ отправить туда войска, такъ это потому, что я радѣю чувствованія народа, поставившаго меня въ главѣ своей, что извѣстія изъ Сиріи переполнили меня негодованіемъ. Тѣмъ не менѣе первую мысль моею было условиться съ Англіею. Какой другой интересъ, кромѣ интереса челоѣчества, побудилъ бы меня послать войска въ эту страну? Или обладаніе ею можетъ увеличить мои силы? Или я не сознаю, что Алжирія, несмотря на свои выгоды въ будущемъ, служить только къ ослаб-

ленію Франціи, которая, въ продолженіи тридцати лѣтъ, давала ей лучшія силы свои какъ кровью, такъ и золотомъ. Я сказалъ въ 1852 году, въ Бордо, и мнѣніе мое осталось то же самое, что мнѣ предстоитъ совершить великія завоеванія въ самой Франціи. Ея внутренняя организація, ея нравственное развитіе, умноженіе ея богатствъ—всему этому предстоитъ еще неизмѣримый путь. Тутъ для моего честолюбія открывается довольно обширное поприще, достаточное для его удовлетворенія.»

Можно думать, что эти послѣднія слова должны были произвести не совсѣмъ благопріятное дѣйствіе на общественное мнѣніе. Какія европейскія державы мѣшали до сихъ подъ французскому правительству совершать тѣ великія завоеванія внутри Франціи, о которыхъ говорится здѣсь? А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы нравственное развитіе Франціи, чтобы раскрытіе внутреннихъ силъ ея, совершили большіе успѣхи съ 1852 года. Можно сказать, что вся внутренняя жизнь этой страны приостановлена, и ея геній могъ бы быть изображенъ символически не иначе какъ съ опущеннымъ факеломъ, подобно геніямъ надгробныхъ памятниковъ. Франція дошла до того, что ея литература, ея наука, самые источники ея мысли, находятся подъ надзоромъ полиціи. Страшный матеріализмъ и апатія овладѣли умами какъ можетъ-быть никогда прежде. Много ли, въ продолженіи всего этого періода времени, представила умственная и общественная жизнь Франціи сколько-нибудь замѣчательнаго? А если что и являлось, то случайно и робко, будто незаванный гость на чужомъ пирѣ. Гдѣ начатки этой новой внутренней организаціи? Вездѣ чувствуется одно томительное переходное состояніе. Биржевая игра, фальшивый кредитъ, искусственное занятіе рабочихъ рукъ, напоминающее раздачу хлѣба во времена Римской имперіи, вотъ что до сихъ поръ представляетъ внутренняя организація Франціи, между тѣмъ какъ внѣшняя политика, войны и вооруженія поглощаютъ безплодно силы страны, и государственный долгъ ея растетъ непрерывно и непомирно. Самое лучшее, что было сдѣлано въ экономическомъ быту Франціи, есть освобожденіе ея отъ запретительной системы, которое совершилось въ нынѣшнемъ году, благодаря торговому трактату съ Англіей; но и это произошло болѣе по внѣшнимъ побужденіямъ, изъ постороннихъ видовъ, какъ будто нехотя, да и самая сила этого трактата, уже на первыхъ порахъ, вездѣ подверглась сомнѣнію.

Императоръ далѣе желаетъ показать въ своемъ письмѣ, что онъ всячески старался согласовать свою политику съ англійскою, и только вслѣдствіе рѣшительной невозможности отказывался иногда идти однимъ путемъ съ ней. «Мнѣ трудно было дѣйствовать заодно съ Англіей относительно центральной Ита-

ліи, потому что я заручился виллафранкскимъ миромъ; что же касается до южной Италіи, то я свободенъ отъ обязательства и ничего лучшаго не желаю, какъ дѣйствовать согласно съ Англіей по этому пункту, равно какъ и по другимъ; но пусть, ради Бога, знаменитыя лица, стоящія во главѣ англійскаго правительства, отбросятъ всякую мелкую ревность и всякое незаслуженное недоверіе.»

Дѣйствительно лица, стоящія во главѣ англійскаго правительства, могутъ быть довольны этою смиренною исповѣдью могущественнаго сосѣда, этимъ *pater resseroi*, какъ замѣчаетъ одна нѣмецкая газета, наконецъ этими обѣщаніями впредь не отступать ни на шагъ отъ ихъ политики. Но, принявъ къ свѣдѣнію эти обѣщанія, они, какъ увидимъ ниже, не отложили въ сторону ни мелкой ревности, ни несправедливаго недоверія. Императоръ продолжаетъ: «Объяснимся же добросовѣстно, имъ честные люди, какими мы себя считаемъ, а не какъ разбойники, которые хотятъ обмануть другъ друга. Вотъ вкратцѣ сущность моей мысли. Я желаю, чтобъ Италія умиротворилась какимъ бы то ни было образомъ, но безъ иностраннаго вмѣшательства, и чтобы мои войска могли оставить Римъ безопасно для пави. Я очень желаю бы также не быть въ необходимости предпринимать сирійскую экспедицію, и во всякомъ случаѣ я желаю бы предпринять ее не одинъ, вопервыхъ потому, что это потребуетъ большихъ издержекъ, вовторыхъ изъ опасенія, чтобъ этимъ вмѣшательствомъ не возбудитъ восточнаго вопроса; а съ другой стороны я не вижу возможности противиться общественному мнѣнію моей страны, которая никогда не пойметъ, чтобы могли оставаться безнаказанными не только убіеніе христіянъ, но сожженіе нашихъ консулатовъ, растерзаніе нашего знамени, и расхищеніе монастырей, находившихся подъ нашимъ покровительствомъ.»

Программа очень удовлетворительная, противъ которой едва ли что могутъ возразить государственные люди Англіи, въ виду которыхъ она писана, хотя по поводу этой программы упоминается объ одномъ обстоятельстве, очень мало известномъ Европѣ, именно объ общественномъ мнѣніи во Франціи, по внушенію котораго должно дѣйствовать ея правительство. До сихъ поръ думали наоборотъ, что общественное мнѣніе тамъ получаетъ внушенія отъ правительства или, лучше сказать, создается трудами министерства внутреннихъ дѣлъ и его агентовъ. Но во всякомъ случаѣ программа удовлетворительна, и нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Наполеонъ III искренно желаетъ держаться союза съ Англіей.

Тѣмъ не менѣе, надобно сознаться, письмо императора Французевъ не произвело большаго дѣйствія и не сопровождалось зна-

чительными результатами. Въ газетахъ встрѣтили его довольно равнодушно и даже не очень много толковали о немъ, а въ палатѣ общинъ, какъ нарочно, вслѣдъ за его появленіемъ, въ засѣданіи 2-го августа, громаднымъ большинствомъ, почти единогласно, принять былъ проектъ объ укрѣпленіяхъ. Это было очень сильно и, какъ сказываютъ, произвело грустное впечатлѣніе по другую сторону Канала.

Дѣйствительно, внѣшній видъ европейскихъ дѣлъ чрезвычайно измѣнился въ самое короткое время. Въ то время, когда пришло въ Европу первое извѣстіе о сирійскихъ событіяхъ, Франція, казалось, стояла во главѣ ея и готовилась немедленно дѣйствовать какъ первенствующая держава, по собственному побужденію и плану. Теперь она дѣйствительно отправляетъ свои войска въ Сирію, но является уже съ инымъ характеромъ. Теперь она ограничивается ролью простой исполнительницы рѣшеній Европы, и будетъ дѣйствовать по данной программѣ.

Дѣло шло такъ: правительство султана попытало протестовать противъ кровавыхъ смутъ, происходившихъ въ Сиріи, а равно и противъ посторонняго вмѣшательства въ его дѣла. Оно вызывалось само умиротворить страну и подвергнуть справедливой карѣ виновныхъ. Султанъ писалъ и къ императору Французовъ, и къ королеви Викторіи. Но наконецъ устроились конференціи великихъ державъ въ Парижѣ съ допущеніемъ въ нихъ Турціи, и дѣлу былъ данъ почти такой видъ, какъ будто эти совѣщанія устроились по собственному желанію Порты. Первый протоколъ этихъ конференцій именно начинается съ того, что его императорское величество султанъ, желая пресѣчь быстрыми и рѣшительными мѣрами пролитіе крови въ Сиріи и засвидѣтельствовать свою твердую рѣшимость обезпечить порядокъ и спокойствіе между народами, находящимися подъ его властію, принялъ предложенное ему содѣйствіе великихъ державъ. Представители этихъ державъ, вмѣстѣ съ представителемъ Турціи, постановили отправить въ Сирію корпусъ европейскихъ войскъ, котораго численность можетъ доходить до 12 тысячъ человекъ. Половину этого числа соглашается выставить императоръ Французовъ. Главнокомандующій этою экспедиціей долженъ немедленно войти въ сношенія съ чрезвычайнымъ комиссаромъ Порты, отправленнымъ въ Сирію (Фуаль-пашой), чтобы согласовать требуемыя обстоятельства мѣры. Сверхъ того европейскія державы обѣщаютъ выслать морскія силы, достаточныя для содѣйствія успѣху общихъ усилій къ возстановленію спокойствія въ прибрежныхъ мѣстахъ Сиріи. Срокъ занятія Сиріи европейскими войсками полагается не болѣе шести мѣсяцевъ, въ убѣжденіи, что срокъ этотъ достаточенъ для достиженія предположенной цѣли, а

Порта, съ своей стороны, обязывается продовольствовать все это время экспедиціонныя войска. Второй протоколъ опредѣляетъ характеръ содѣйствія, оказываемаго Блистательной Портѣ. Уполномоченные объявляютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что договаривающіяся державы не имѣютъ и не будутъ имѣть въ виду, при исполненіи своихъ обязательствъ, никакой территоріальной выгоды, никакого исключительнаго вліянія, никакой коммерческой привилегіи, которая не могла бы быть распространена на подданныхъ всѣхъ другихъ державъ. Но несмотря на консервативный духъ этихъ протоколовъ, уполномоченные европейскихъ державъ не могли не заявить справедливыхъ требованій относительно серьезныхъ реформъ, лежащихъ на обязанности турецкаго правительства. «Уполномоченные, сказано въ протоколѣ, припоминаая акты, изданные его величествомъ султаномъ, высокое значеніе которыхъ было заявлено 9 статьею трактата 30 марта, 1856 года, не могутъ удержаться, чтобы не выразить какую цѣну дворя ихъ придаютъ тому, чтобы согласно съ торжественными обѣщаніями Блистательной Порты, были приняты серьезныя административныя мѣры для улучшенія участи христіанскихъ жителей Турецкой имперіи всѣхъ исповѣданій.»

Этотъ важный пунктъ протокола международной конференціи выражаетъ въ сущности то же самое, что такъ недавно и такъ убѣдительно князь Горчаковъ представлялъ на видъ турецкому правительству. Порта должна совершить тѣ реформы, которыя были обѣщаны ею и которыя признаны Европой за необходимыя. Но неизбѣжно возвращается старый вопросъ: хотя бы Порта и искренно желала этихъ реформъ, въ силахъ ли она одна совершить ихъ? Не будетъ ли необходимъ постоянный надзоръ Европы? И какъ согласить съ нимъ самостоятельность этой имперіи, какъ оградить ее отъ разнородныхъ постороннихъ интересовъ, которые сталкиваются на ея почвѣ?

Одна изъ самыхъ важныхъ complicацій турецкаго вопроса состоитъ въ томъ, что христіанскія народонаселенія, обитающія въ Турціи, принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя здѣсь, въ этой атмосферѣ фанатизма, при общей грубости нравовъ, ненавидятъ другъ друга столько же, сколько и господствующее могометанство. Соперничество европейскихъ вліаній могутъ только усиливать и ожесточать междуусобную вражду христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, въ Сиріи, Марониты, причисляющіе себя къ латинской церкви, отличались всегда большою нетерпимостью относительно православныхъ. Еще путешественникъ Бурхардъ разказывалъ много поразительныхъ примѣровъ этой нетерпимости. И вотъ, недавно, въ англійской палатѣ перовъ, лордъ Шаттесбери, поднялъ вопросъ о религіозной свободѣ въ

Турціи. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы войска, отправляемая въ Сирію, были употреблены единственно только на умиротвореніе страны, и чтобы военныя власти отнюдь не вмѣшивались въ релігіозныя и гражданскія дѣла обитателей Турціи. Онъ находитъ, что дѣятельность французскихъ агентовъ, съ давнихъ поръ, значительно развилась въ нѣкоторыхъ частяхъ Турціи. Онъ указываетъ преимущественно на антагонизмъ между католиками и православными, и ссылаясь на показанія старожиловъ сирійскихъ, утверждаетъ, что французскіе агенты открыто увѣряютъ, что если члены греческой церкви перейдутъ въ латинскую, то они будутъ пользоваться покровительствомъ императора Французовъ. Лордъ Шафесбери припомнилъ при этомъ замѣчательный фактъ, происшедшій на островѣ Кандіи, гдѣ 40.000 человекъ обратились въ латинство: тогда открыто высказывалось, что это обращеніе было слѣдствіемъ французской агитаціи. По мнѣнію лорда Шафесбери, обѣщанія французскаго покровительства получать теперь новую силу, въ виду шести тысячъ французскихъ войскъ.

Впрочемъ, развѣ только одни внѣшніе виды могутъ еще способствовать католическому прозелитизму въ настоящее время, когда папскій престолъ, составляющій главную отличительную принадлежность католицизма, являетъ изъ себя такую жалкую фигуру. Недавно папа Пій IX бросалъ слабою рукою перуны отлученія на своихъ враговъ; потомъ въ своей аллокуціи проклиналъ Гарибальди, какъ исчадіе ада; теперь шлетъ онъ къ антиохійскому (то-есть маронитскому) патріарху и епископамъ Ливана грамоту для изъявленія своего соболѣзнованія, по случаю бѣдствій, постигшихъ христіанъ въ Сиріи. Справедливо гдѣ-то замѣчено, что его святѣйшество, чертя эту грамоту, не такъ живо чувствовалъ отдаленныя бѣдствія христіанъ Востока, какъ непріятность собственнаго положенія. Письмо его къ паствѣ, посѣщенной страшными бѣдствіями, наполнено сѣтованіями и жалобами на итальянскихъ возмутителей и на англійскій парламентъ, «гдѣ, какъ онъ выражается, восхваляютъ человека (то-есть Гарибальди), который, презирая всякое право и всякую справедливость, старается повсюду поколебать релігію и государство.» «Да содѣлаетъ вѣчный Богъ, въ десницѣ котораго находятся сердца царей, восклицаетъ папа, чтобы могущественнѣйшіе государи христіанскіе воспламенились ревностію подавить усилія невѣрныхъ, дабы невѣрные не воодушевились и не устремились съ большею силой на гибель христіанскаго имени. Да поймутъ, наконецъ, эти самые государи также и то, какая важная, или лучше сказать, какая крайняя опасность угрожаетъ цѣлому обществу, если они не соединягъ своихъ вліяній и своихъ силъ для укрощенія здѣсь, въ Европѣ, дерзости

злыхъ, для сокрушенія попытокъ этихъ людей, которые, какъ бы одержимые новымъ бѣшенствомъ, только и помышляютъ, только и стараются о томъ, чтобы погасить всякое религіозное чувствованіе въ душахъ, испровергнуть всё права божескія и человѣческія, и уничтожая всякое понятіе о справедливомъ и несправедливомъ, сдѣлать изъ человѣческаго общества вертепъ бѣшенныхъ звѣрей.» Эти грозныя слова, сказанныя въ назиданіе маронитскаго патріарха и сирійскихъ христіанъ, очевидно направлены противъ Гарибальди, графа Кавура, короля Виктора-Эммануила, противъ національнаго чувства, овладѣвшаго Италіей, противъ стремленій независимости и свободы, противъ великихъ реформъ, измѣняющихъ человѣческое общество и приближающихъ устройство его къ требованіямъ христіанской справедливости. Если дѣло религіи дѣйствительно страдаетъ, то виной тому, конечно, не эти стремленія, а тотъ духъ, изъ котораго вытекаютъ пакскія сѣтованія, жалобы и проклятія. Напрасно римскій первосвященникъ, считающій себя намѣстникомъ Христа, ожидаетъ торжества для религіи отъ соединенныхъ усилій правительствъ и молить объ этомъ Бога. Зачѣмъ такой косвенный путь? Отчего бы ему не молить Бога прямо о томъ, чтобы дѣло истины, справедливости и любви, то-есть дѣло христіанства, не нуждалось во внѣшнихъ пособіяхъ, которыя иногда могутъ быть ему болѣе враждебны чѣмъ открытая вражда? Отчего онъ не молить, чтобъ это дѣло держалось и шло своею внутреннею силой, въ которой только и можетъ заключаться его торжество?

Вмѣшательство въ турецкія дѣла не ограничивается впрочемъ одною военною экспедиціей. Положено составить международную комиссію, которая займется разсмотрѣніемъ мѣръ для лучшаго устройства Сиріи. Отъ англійскаго правительства назначенъ въ эту комиссію лордъ Дофферинъ, членъ палаты пэровъ, молодой человѣкъ, хорошо, какъ говорятъ, знакомый съ восточными дѣлами. Но задача этой комиссіи строго ограничена лишь одною Сиріей; она не будетъ входить въ устройство дѣлъ другихъ областей Турціи, которыя продолжаетъ обозрѣвать великій визирь, Мегметъ Киприсли-паша.

А между тѣмъ, по многимъ извѣстіямъ кровавое возстаніе готово вспыхнуть въ разныхъ частяхъ Турецкой имперіи. Опасаются даже, что экспедиціонный корпусъ, отправленный Европой въ Сирію, только сильнѣе возбудитъ мусульманскій духъ и ускоритъ взрывъ. Даже папа, посреди своихъ сѣтованій на богомерзкіе замыслы Гарибальди, довольно вѣрно замѣтилъ, что магометанскій фанатизмъ и ненависть къ христіанамъ должны были усиливаться «вслѣдствіе мысли о раз-

дыѣ Оттоманской имперіи, такъ часто повторявшейся въ послѣднее время въ журналахъ. Несмотря на всѣ старанія, едва ли удастся залѣчить этотъ турецкій вопросъ новыми патентами: такъ много повсюду горючихъ матеріаловъ, такъ много разнородныхъ элементовъ, которыхъ нельзя рассчитать, не только подчинить какому-нибудь контролю. Мы отлагаемъ до слѣдующей книжки обзоръ тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ теперь восточный вопросъ. Была между прочимъ высказана мысль о федеральномъ устройствѣ разнородныхъ частей Турецкой имперіи. Мысль о федеральномъ устройствѣ развивается теперь и въ Австріи. При сообщеніи относящихся сюда фактовъ, мы постараемся рассмотреть ихъ съ этой точки зрѣнія.

Только что полученная телеграмма извѣщаетъ насъ о смерти черногорскаго князя Данила, отъ шули какого-то Черногорца, по имени Кадича. Деша ничего не сообщаетъ о поводахъ къ этому убійству.

Заключимъ эту статью извѣстіемъ о торжествѣ правительственной партіи въ англійскомъ парламентѣ, по вопросу объ отмѣнѣ протекціонной пошлины съ привозной бумаги. Дѣло было очень серьезное, и оппозиція, въ палатѣ общинъ, собрала все свои силы, чтобы дать на этомъ пунктѣ битву. Съ своей стороны правительство приняло также не менѣе рѣшительныя мѣры. У лорда Пальмерстона собиралась вся либеральная партія; первый министръ сильною рѣчью убѣждалъ членовъ держаться какъ можно дружиѣе. 6-го іюля произошла эта битва; правительство, какъ мы сказали, одержало побѣду. Изъ всѣхъ членовъ кабинета эта побѣда преимущественно была торжествомъ для г. Гледстона. Когда лорды отвергли отмѣну акциза на бумагу, остался еще вопросъ о протекціонной пошлинѣ съ иностранной бумаги. Канцлеръ казначейства составилъ новый билль, которымъ отмѣняется протекціонный излишекъ пошлины съ иностранной бумаги, и иностранная бумага такимъ образомъ становится въ положеніе свободной конкуренціи съ внутреннимъ производствомъ. Канцлеръ казначейства опирался главнымъ образомъ на обязательство, заключающееся въ торговомъ договорѣ съ Франціей. *Поправка* г. Пуллера, имѣвшая цѣлю убить этотъ билль, была отвергнута большинствомъ 30 голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ, канцлеръ казначейства предложилъ распространить эту отмѣну протекціонной пошлины на бумагу, привозимую не изъ одной только Франціи, но изъ всѣхъ прочихъ странъ безъ различія, и снова побѣда осталась на сторонѣ министерства. вмѣстѣ съ г. Гледстономъ торжествовало въ этомъ дѣлѣ новую маленькую побѣду—начало свободной торговли. Съ отмѣной протекціонной пошлины съ бумаги падаетъ послѣдній

остатокъ протекціонизма. Хотя акцизъ на бумагу остался въ прежней силѣ, но облегченный ввозъ иностранной бумаги непременно долженъ понизить ея цѣну, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ускорить въ послѣдствіи отміну самаго акциза, лежащаго на этомъ производствѣ.

СИЦИЛИЙСКІЯ ДѢЛА.

Провозглашеніе конституціи въ Неаполѣ послужило новою complicationей въ дѣлѣ итальянскаго освобожденія. Общественное мнѣніе въ Европѣ, или, вѣрнѣе, при европейскихъ дворахъ, нѣсколько поколебалось: глядя сквозь пальцы и даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ на борьбу гарибальдійцевъ противъ деспотизма, многіе дворы считали своею обязанностію глядѣть уже гораздо строже на продолженіе этой борьбы противъ *конституціоннаго монарха*. Послѣ неудачнаго посольства де-Мартини (до конституціи) послѣдовало болѣе серьезное посольство г. дельа-Грека (уже въ то время, какъ Гарибальди былъ вблизи Мессины). Англию и Францію просили *подѣйствовать* на Гарибальди и вынудить у него шестимѣсячное перемиріе. Англія отвѣчала на это предложеніе категорическимъ отказомъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Италіи. Франція же колебалась. Мы знаемъ, что мыслию Лудовика-Наполеона въ итальянскомъ вопросѣ была конфедерация правительствъ, дававшая полный просторъ нравственному преобладанію Франціи на Полуостровѣ. Въ ея интересахъ, значитъ, было поддержать тронъ Бурбоновъ въ Италіи; къ тому представлялся удобный случай кажущимся выступленіемъ неаполитанскаго правительства на путь реформъ, уже давно указанный ему тюльерійскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами; и вотъ Франція начала было колебаться, хотя повелитель ея произносилъ разныя, не то шутивыя, не то энергическія рѣчи. «Императоръ Наполеонъ, по словамъ газеты *Times* (отъ 30 іюля), государь съ головы до ногъ, не могъ равнодушно видѣть возстаніе народа и низверженіе престола; онъ не могъ съ удовольствіемъ видѣть будущаго расширенія владѣній Виктора-Эммануила. Возвысивъ свой военный геній и увеличивъ еще болѣе власть свою прошлагоднею итальянскою войной, онъ сталъ теперь совершеннымъ консерваторомъ, и ему все равно, подъ какимъ бы скипетромъ Италійцы ни управлялись, габсбургскимъ или бурбонскимъ, лишь бы они молчали и были покорны.»

Съ другой стороны, сардинское правительство было поставлено въ очень затруднительное положеніе неожиданнымъ-негаданнымъ либерализмомъ неаполитанскаго правительства, и чрезвычайнымъ посольствомъ гг. Манни и Винспира къ туринскому двору. Посланники эти соглашались, какъ мы говорили, на всѣ самыя неограниченныя требованія Сардиніи; они, говорятъ, вызывались даже на условія, превосходившія самыя смѣлыя ожиданія противной партіи, предлагая, на примѣръ, обмѣнять двадцати тысячный неаполитанскій корпусъ на таковой же сардинскій, или въ случаѣ надобности выслать въ Сардинію противъ Австріи вспомогательный отрядъ въ 50.000 человекъ. Графъ Кавуръ, казался, склонялся уже на такой выгодный союзъ. Дипломатія, всегда склонная къ примирительнымъ средствамъ, поддерживала его въ этомъ намѣреніи; французская партія торжествовала; близорукая журналистика, увѣровавшая въ искренность реформы короля Франциска, и до сихъ поръ энергически защищающая его *quand même*, удивлялась нерѣшительности гр. Кавура, пристать тотчасъ же къ Неаполю, думала видѣть въ этой нерѣшительности будущія бѣдствія Италіи, и самого министра обвиняла за нее въ недостаткѣ патриотизма. Самъ рыцарскій Викторъ-Эммануилъ какъ будто побоялся за послѣдствія континентальныхъ замысловъ Гарибальди и, уступая окружавшимъ его вліяніямъ, написалъ къ диктатору письмо, гдѣ убѣждалъ его (довольно слабо, должно сознаться) не переносить войны на континентъ, и ограничить свою дѣятельность устройствомъ дѣлъ на островѣ. Письмо это отвезъ къ Гарибальди адъютантъ короля, г. Литта-Мадиньяни. Но Гарибальди остался непреклоненъ. Онъ арестовалъ и выслалъ Лаварину, почти вытребовалъ себѣ Депретиса, которому и поручилъ продиктаторство, то-есть верховную, гражданскую администрацію острова (Сиртори былъ только временнымъ намѣстникомъ диктатора); присоединился, какъ мы сказали, къ корпусу Медици при Мелаццо, одержалъ надъ Неаполитанцами блистательную побѣду, бывшую результатомъ упорной и стойкой многихъ потерь битвы, побѣдоносно вступилъ въ Мессину при общемъ энтузіазмѣ ея жителей, и въ отвѣтъ своемъ на письмо короля (съ гѣмъ же г. Литта), въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ замѣтилъ, что онъ очень уважаетъ совѣты его величества, но что интересы всей Италіи не позволяютъ ему на этотъ разъ послѣдовать этимъ совѣтамъ; народы зовутъ Гарибальди, и онъ повинуется ихъ зову. И точно, соединяя слово съ дѣломъ, Гарибальди заключилъ съ побѣжденными военную конвенцію, обезпечившую плаваніе по Мессинскому проливу, и самъ съ главными силами направился къ континенту; первая высадка гарибальдійцевъ произведена уже, какъ пишутъ, въ Калабріи, подъ начальствомъ капитана Стокко, занявшаго отрядомъ своимъ королевскій фортъ Сциллу.

Во всемъ этомъ Гарибальди обнаружилъ не только непоколебимый патріотизмъ, но и замѣчательный военный геній, замѣчательныя стратегическія способности. Диверсія на Мелаццо и Мессину относится къ числу удачнѣйшихъ дѣлъ военнаго искусства. Быстрое и почти чудесное занятіе Палермо вслѣдъ за калабрийской побѣдою не вскружило головы герою *Италіи*; онъ не бросился тотчасъ же за новыми (быть-можетъ еще сомнительными) побѣдами; съ ничтожною горстью храбрецовъ своихъ не рисковалъ новыми встрѣчами съ несравненно многочислѣннѣйшимъ непріателемъ, зная очень хорошо, что малѣйшая удача на сторонѣ Неаполитанцевъ необходимо ободритъ королевскихъ солдатъ, уронитъ духъ Сицилійцевъ и тѣмъ повредитъ предпріятію. Гарибальди счелъ за лучшее осмотрѣться, упрочить масть свою на островѣ, организовать армію, выждать новыя и довольно значительныя подрѣзненія, приучить войска къ походу и тогда уже предпринять серьезныя дѣйствія. Необыкновенно искуснымъ маневромъ стлынулъ онъ къ Мелаццо слѣдовавшія въ разныхъ направленіяхъ внутрь острова колонны, въ томъ числѣ и колонну генерала Тюрра (1), перешедшую изъ Кальтанізетты черезъ Кастро-Джованни въ Катанію; общемою массою силъ своихъ произвелъ на королевцевъ нападеніе и одержалъ, какъ мы сказали, блистательную надъ ними побѣду. Послѣ мелацкой битвы Гарибальди нечего было дѣлать на островѣ, и мы были правы, когда въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* объясняли конвенцію, заключенную съ генераломъ Кларк, въ смыслѣ серьезныхъ имѣреній диктатора на континентъ. Неаполитанскій тайный революціонный комитетъ далъ знать Гарибальди, что все уже готово въ Неаполѣ къ низверженію царствующей династіи, и герои *Италіи* ждутъ теперь со дня на день въ столицѣ бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій.

Къ высокому патріотизму и тонкимъ стратегическимъ соображеніямъ Гарибальди присоединяетъ еще замѣчательныя способности администратора и геройскую храбрость простаго воина. Овладевъ Палермо, генералъ остановился, но не успокоился прежде, чѣмъ продолжать военныя операціи, ему предстояло совершить еще очень многое, согласить политическіе раздоры, частное соперничество, подавить незначительную, но не безсильную неаполитанскую партію, странѣ, совершенно разстроенной и подавленной, дать либеральное устройство, не раждая беспорядковъ и не потворствуя безначалію. Гарибальди, несмотря на

(1) Вслѣдствіе очень серьезной болѣзни, Тюрръ оставилъ колонну тотчасъ почти по ея выступленіи, оставилъ даже и островъ, провелъ нѣкоторое время въ Туринѣ, былъ во Франціи, и теперь возвращается въ Сицилію.

совсѣмъ янкую подготовку, несмотря на главный характеръ своей дѣятельности, чисто военной, совершилъ все это въ очень-скорое время, и совершилъ не одною силой своего имени, но и силой своего генія, своей проницательности, своего необыкновеннаго такта. Онъ впадалъ, безъ сомнѣнія, въ ошибки, но очень легко исправлялъ ихъ, и теперь Сицилія организована, духъ народа поднятъ, порядокъ упроченъ, и стража приготовлена къ принатію либеральныхъ началъ самоуправленія. А это было дѣломъ не легкимъ, потому что Гарибальди, по словамъ газеты *Times* (1), засталъ на островѣ народонаселеніе, хотя и расположенное въ его пользу, но дѣтски капризное, съ узкимъ умственнымъ горизонтомъ, съ испорченною, благодаря неаполитанскому правительству, нравственностію, не способное къ самоуправленію и какой бы то ни было инициативѣ. Депретису остается только поддерживать тотъ порядокъ, основа котораго положена была катанжскимъ побѣдителемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ Сициліи провозглашенъ продиктаторомъ сардинскій статуть.

Гарибальди переносятъ теперь войну на континентъ. Все кратковременное пребываніе его на островѣ ознаменовано рядомъ блестящихъ, почти чудесныхъ побѣдъ и замѣчательныхъ политическихъ и административныхъ мѣръ. Почти непосредственно послѣдовавшій за общимъ возстаніемъ Сицилійцевъ, которое, какъ извѣстно, вызвано было нападеніемъ королевскихъ войскъ на монастырь Гандіо (5 апрѣля), весь походъ Гарибальди кажется эпопеей или какимъ-то рыцарскимъ романомъ, и самое крупное событіе въ этомъ романѣ—блестящая побѣда при Мелаццо. «Эта битва, по словамъ сицилійскаго корреспондента газеты *Times*, должна быть отнесена къ числу тѣхъ рѣдкихъ битвъ, гдѣ блескъ великой побѣды по правиламъ новѣйшаго искусства, чудеснымъ образомъ сочетается съ эпизодами героическихъ битвъ древности.» Въ мелацкой битвѣ Гарибальди развернулъ необыкновенныя тактическія способности, при чемъ, не отступая ни на шагъ отъ предполагаемаго плана, умѣлъ воспользоваться всеми ошибками непріятеля и обратить ихъ въ свою пользу. «Ни одинъ полководецъ нашего времени, говоритъ *Times*, въ такой степени не соединяетъ въ себѣ высокаго духа отважности, способной рождать великія предпріятія, съ тѣмъ глубокимъ соображеніемъ, которое ведетъ ихъ къ успѣху.» Подробности этой битвы, продолжавшейся цѣлыхъ четырнадцать часовъ, обстоятельно переданныя намъ сицилійскимъ корреспондентомъ *Times* (2), такъ интересны, что мы въ свою очередь намѣрены представить,

(1) Отъ 4 августа.

(2) Отъ июля 24, 26 и 29 изъ Мелаццо и Мессины.

слѣдуя разказу этого корреспондента, очеркъ мелацкаго сраженія.

Мы уже говорили о стратегической важности диверсіи на Мелаццо. Въ направленіи, данномъ различнымъ колоннамъ гарибальдійцевъ, виденъ былъ со стороны Гарибальди строго обдуманый, серіозный планъ. Тѣмъ не менѣ мелацкая битва вызвана была самими королевцами. Очистивъ почти всѣ другіе пункты острова и стянувъ всѣ свои силы въ Мессину, они видимо желали вознаградить свои прежнія потери, дѣйствуя сосредоточенною массою войскъ. Генералъ Медичи, слѣдуя съ своею колонною въ 2.500 человекъ берегомъ моря къ Мелаццо, и занявъ позицію при Мири, вовремя узналъ (благодаря народной полиціи самихъ жителей), что противъ него выслана вдвое сильнѣйшая колонна подъ предводительствомъ храбраго и непреклоннаго Боско. Неаполитанцы имѣли намѣреніе отбросить Медичи въ море и уничтожить прикрываемую имъ Барчелону, какъ главное пребываніе революціоннаго комитета мессинской провинціи. Но цѣли они не достигли: Боско былъ отбитъ (17 числа) и поставленъ въ необходимость просить помощи. Но генералъ Кларк не могъ подать эту помощь своему товарищу, потому что на Мессину изъ Катапи сдѣлана была демонстрація бывшею колонною генерала Тюрра Гарибальди, узнавъ о происходившемъ, принималъ одно изъ тѣхъ вѣдновенныхъ рѣшеній, которыя болѣе всего говорятъ въ пользу его генія: желая нанести непріятелю неожиданный ударъ, онъ съѣлъ на британскій пароходъ *Городъ Абердинъ* и сопровождаемый своимъ штабомъ и отрядомъ войскъ въ 1.200 чел., 19 числа высадился въ Патти, откуда немедленно пошелъ на Мири. Появленіе вспомогательнаго отряда, а въ особенности присутствіе самого Гарибальди, дало всему дѣлу совершенно иной характеръ, обративъ частную битву въ генеральное сраженіе. Неаполитанцы сосредоточили тогда свои силы на полуостровѣ, образуемомъ мелацкимъ берегомъ, на оконечности котораго стоитъ цитадель Мелаццо, напоминающая собою и выдавшимся въ море утесомъ, Гибралтаръ. Позиція, занятая Неаполитанцами у сего перешейка полуострова, очень сильная по естественному своему положенію, служила съ тѣмъ вмѣстѣ самымъ надежнымъ прикрытіемъ непріятельской арміи; вся мѣстность передъ фронтомъ Неаполитанцевъ была покрыта густыми рощами и садами виноградника, оливковыхъ и разныхъ другихъ фруктовыхъ деревьевъ, а также густымъ тростникомъ. Неаполитанцы унизали батареями стѣны и заборы садовъ, а въ садахъ и кустарникахъ разсыпали стрѣлковъ.

Лѣвымъ крыломъ арміи Гарибальди командовалъ 20 числа, то-есть въ день битвы, полковникъ Маланкини, центромъ Медичи,

правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ Сицилійцевъ, командовалъ полковникъ Фабрици, занимавшій мѣстечко Арели, съ тѣмъ чтобы не допускать движенія Неаполитанцевъ изъ Джессо на Мелацио; во второй линіи и въ резервѣ были войска, пришедшія съ Гарибальди, и войска экспедиціи Козенца.

Дѣло открылось на лѣвомъ флангѣ, направленными на него выстрѣлами неаполитанской артиллеріи, которой положеніе морскаго берега давало возможность дѣйствовать на этотъ пунктъ успѣшнѣе чѣмъ на всякій другой. Въ то время какъ лѣвое крыло, не имѣя артиллеріи, старалось выдержать сколько возможно неравный бой, войска центра тронулись и повели сами атаку на непріятеля. Но выбить его изъ его естественныхъ прикрытій было дѣломъ не легкимъ. Невидимый для взоровъ непріятель гибельно дѣйствовалъ своими штуцерами на атакующихъ, вырывая у нихъ ряды за рядами и оставаясь самъ совершенно и вреднымъ. Часто камышь былъ такъ густъ, что невидно было даже клубовъ дыма, и гарибальдійцамъ было ужасно трудно дѣйствовать противъ этого призрачнаго и недоступнаго непріятеля. Всякое общее распоряженіе стало невозможнымъ: солдаты, почти не видя другъ друга, могли дѣйствовать только порознь. Большія потери, наносимыя непріятельскими выстрѣлами, и необходимость воспрепятствовать какому-либо фланговому движенію, которое легко могли исполнить Неаполитанцы, почти не давъ себя замѣтить, истощили резервы Гарибальди. Тѣмъ не менѣе гарибальдійцы, ободренные присутствіемъ самого генерала, подвигались все впередъ и впередъ, несмотря ни на какія препятствія. Но тутъ пришла вѣсть, что лѣвый флангъ не можетъ долѣе держаться противъ превосходныхъ силъ непріятеля, и что всей линіи грозитъ обходное движеніе. Тогда Гарибальди взялъ послѣдніе остатки резерва, т-есть батальонъ сѣверныхъ Италіянцевъ и Палермитянъ подъ начальствомъ подполковника Дюнна и поспѣшилъ на лѣвый флангъ, остановить атаку Неаполитанцевъ. Его присутствіе ободрило войско, и гарибальдійцы сами пошли противъ непріятельскихъ батарей; очень скоро одно изъ орудій было взято и съ торжествомъ увезено съ укрѣпленной стѣны. Въ эту самую минуту раздались крики: «кавалерія, кавалерія» и произошло общее смятеніе. Напрасны были старанія Гарибальди и другихъ офицеровъ: молодая войска, изъ которыхъ состояло лѣвое крыло, въ испугѣ бросились къ садовымъ заборамъ и, разступившись, дали дорогу небольшой дружинѣ храбрыхъ егерей, которые кинулись въ атаку, чтобы снова овладѣть орудіемъ. Всадники быстро неслись, рубя направо и налево. Но торжество ихъ было непродолжительно; цѣхота Гарибальди скоро оправдалась отъ перваго испуга, и встрѣ-

тивъ конницу перекрестнымъ огнемъ, выбила почти всѣхъ изъ сѣдла. Ротмистръ, унтеръ-офицеръ и рядовой хотѣли ускользнуть, и успѣли бы въ этомъ мнѣнрѣвно, еслибы не остановили ихъ лично самъ Гарибальди. Онъ бросился на средину дороги и, выхвативъ саблю (такъ какъ револьверы оставлены были имъ въ чухнахъ сѣдла въ то время, какъ онъ спѣшивался), выпалъ на ротмистра. При генералѣ былъ только капитанъ Миссори, изъ отряда колонновожатыхъ, тоже пѣшкомъ, но съ револьверомъ въ рукѣ. Первымъ выстрѣломъ онъ ранилъ подлѣ ротмистромъ лошадь, которая упала на него. Гарибальди схватилъ лошадь за уздцы и предложилъ ротмистру сдаться. Въ отвѣтъ на это ротмистръ замахнулся саблей на Гарибальди: ударъ былъ отраженъ, и самъ ротмистръ поверженъ мертвый на землю. Въ это время капитанъ Миссори вторымъ выстрѣломъ убилъ сержанта, третьимъ ранилъ лошадь рядового и, когда этотъ послѣдній не хотѣлъ сдаться, онъ убилъ наповалъ и его четвертымъ выстрѣломъ изъ револьвера. «Этотъ блистательный эпизодъ даетъ редакціи газеты *Times* поводъ сравнить Гарибальди по личной отвагѣ съ паладинами древнихъ временъ. Но суровая поэзія ручной схватки Гарибальди и Миссори съ тремя неаполитанскими всадниками, напоминаетъ намъ еще живѣе безпощадные подвиги, воспроизведенные Шекспиромъ въ его историческихъ драмахъ.

Тѣмъ временемъ, несмотря на зной дня и съ утра не приличная пища, альпійскіе стрѣлки безстрашно подвигались все впередъ и отгѣсняли непріятеля къ перешейку полуострова, гдѣ и завязалась самая отчаянная, самая упорная рукопашная битва. Много пало здѣсь храбрыхъ, въ томъ числѣ майоръ Малиампи. Генералъ Козенцъ раненъ былъ въ шею вязанною картечью, а подлѣ Медичи была убита лошадь. «Чтобы выбить непріятеля изъ укрѣпленій, рота генуэзскихъ стрѣлковъ была послана въ обходъ позиціи. Тростникъ былъ такъ частъ, что едва можно было слѣдовать по одиночкѣ, между тѣмъ какъ повсюду здѣсь раскиданы были неаполитанскіе стрѣлки. Не помни себя отъ ярости. Генуэзцы искали встрѣтиться съ непріятелемъ, окружившимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и воннѣ за воннѣмъ падали рядами, не успѣвая даже пустить въ дѣло свои превосходные штуцера. Единодушнымъ крикомъ потребовали Генуэзцы атаки, и капитанъ напрасно старался удержать ихъ. Общимъ штыкомъ рота смела тростникъ и почти наткнулась на стѣну съ амбразурами, откуда они были встрѣчены залпомъ. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, Генуэзцы искали какого-нибудь прохода черезъ стѣну и почти уже достигли Неаполитанцевъ, когда тѣ, слѣдуя своей обычной тактикѣ и избѣгая атаки штыкомъ, оставили укрѣпленія и отступили. Рота Генуэзцевъ изъ 85 чел. потеряла 32.

Общее движеніе впередъ облегчено было взятіемъ этой позиціи. За мостомъ, который велъ къ горжѣ, открывается ровное мѣсто съ моремъ по правую сторону и съ садами по лѣвую. За этимъ ровнымъ мѣстомъ начинается рядъ домовъ, служащихъ какъ бы преддверіемъ города. Здѣсь употреблены были Неаполитанцами послѣднія усилія, чтобъ удержаться: занимая дома, укрывалась за широкими судами, встакенными на взморье, и прикрытые, какъ полевой артиллеріей, такъ и крѣпостными орудіями цитадели, они нѣкоторое время удерживали натискъ гарибальдійцевъ. Но обходное движеніе одной колонны черезъ садъ на ихъ лѣвое крыло и прибытіе къ западному берегу пароходнаго фрегата *Тюкери* (бывшаго *Veloc* и потомъ *Бенвенуто*) изменили дѣло. Гарибальди увидѣлъ приближеніе парохода, бросился на взморье, сѣлъ въ лодку и присталъ къ пароходу. Его появленіе на палубѣ оживило все. Нѣсколько хорошо направленныхъ дальнихъ выстрѣловъ съ фрегата, ружейный огонь колонны, обошедшихъ лѣвое крыло непріятеля, и жаркая атака въ штыки съ фронта уничтожили послѣднее сопротивленіе Неаполитанцевъ и заставили ихъ искать спасенія въ цитадели; Неаполитанцы оставили на полѣ битвы двѣ пушки, которыя вмѣстѣ съ тремя прежде взятыми составили всего пять орудій.»

Эта побѣда стоила однако Гарибальди дорого: изъ 5000 убито и ранено было 750; раины, впрочемъ, большею частію легкія. Потеря непріятеля должна быть гораздо меньше, вслѣдствіе его необыкновенно выгодной позиціи.

Отряду Боско, который заперся въ цитадели, предложено было сдаться на капитуляцію, выйти изъ крѣпости, оставивъ тамъ лошадей, орудія и снаряды. Предложеніе было отвергнуто, и Гарибальди прини́мъ намѣреніе силою принудить войско къ сдачѣ. Неаполитанцамъ приходилось плохо; телеграммы перелетали изъ Меладцо въ Мессину, изъ Мессины въ Неаполь, испрашивая разрѣшенія на капитуляцію. Наконецъ 24 числа прибыли 4 неаполитанскіе фрегата, и полковникъ генеральнаго штаба Анезапо былъ уполномоченъ вступить въ переговоры. Гарибальди не отступилъ отъ своихъ требованій и заставилъ отрядъ полковника Боско выступить изъ цитадели на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя были уже предложены ему. Выступленіе Неаполитанцевъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ благовидныхъ поступковъ: несмотря на капитуляцію, королевскія войска, уходя изъ крѣпости, заклепали нѣсколько орудій и хотѣли было взорвать на воздухъ укрѣпленія, но по счастью приготовленныя для этого мины были во время замѣчены.

50 орудій, 139 лошадей, 100.000 снарядовъ были матеріальнымъ результатомъ меладской побѣды. Затѣмъ послѣдовала не-

вѣстнаѣ читателю конвенція, ограничившая число неаполитанскихъ войскъ въ Сициліи незначительными гарнизонами трехъ (теперь двухъ только) цитаделей, установившая свободное плаваніе вокругъ всего острова и развязавшая руки Гарибальди для новыхъ подвиговъ на континентѣ.

Вступленіе Гарибальди послѣ мелацкой битвы въ Мессину превосходитъ восторгомъ жителей все доселѣ бывшее на островѣ: народъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ его какъ давножданнаго освободителя; всѣ сердца бились за челоуѣка, который самъ живетъ и чувствуетъ жизнью и чувствомъ массы. «Всѣ видѣли въ немъ, говоритъ корреспондентъ, челоуѣка, который ихъ понимаетъ, любитъ ихъ, несмотря на ихъ слабости и недостатки, и посвятилъ всю жизнь свою на ихъ освобожденіе.» Мессина совершенно преобразовалась: мрачное отчаяніе и гробовая апатія замѣнились шумными восторгами и порывами патріотизма. «Два мѣсяца тому назадъ я оставилъ городъ мертвымъ, говоритъ корреспондентъ, — и теперь засталъ его живымъ.»

Послѣ мелацкой битвы и конвенціи, Гарибальди, не теряя ни минуты, посадилъ свои войска на множество мелкихъ судовъ (числомъ до 300, говорятъ) и направился, какъ мы сказали, къ континенту.

Невольно повинуюсь силѣ вещей, видѣнія препятствія рзступаются и даютъ широкій ходъ событіямъ. Несмотря на всю уступчивость неаполитанскаго двора и его представителей, гг. Манни и Винспира, посольство этихъ господъ не удалось, и они удаляются со сцены. Мало того, при извѣстии, что генералъ Ламорисьеръ предложилъ королю Франциску ввести въ его владѣнія папскія войска для защиты королевства отъ гарибальдійцевъ, сардинское правительство вышло наконецъ изъ страдательнаго положенія; рѣшительно объявивъ, что оно не потерпитъ восторонняго вмѣшательства и что, въ случаѣ успѣха попытки Ламорисьера, немедленно займетъ своими войсками Папскую Область. Даже великій вилафранкскій миротворецъ, встревоженный демонстраціей лорда Пальмерстона въ англійскомъ парламентѣ, поспѣшилъ, между прочимъ, увѣрить британскую націю, посредствомъ письма къ г. Персиньи, что, оцъ, согласно съ политикою сентъ-джемскаго кабинета, будетъ держаться въ италіанскомъ вопросѣ принципа невмѣшательства.

Въ то же время, въ Генуѣ, агентъ и правая рука Гарибальди, г. Бертани, приготовилъ было другую экспедицію въ Марію и Умбрию. Но бывшій диктаторъ Эмилии и нынѣшній сардинскій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Фарини, тотъ самый, кого мандатомъ Сеттембрини прочтѣть въ южно-италианскіе диктаторы, пріѣхавъ въ городъ, успѣлъ отговорить Бертани (но оконча-

тельно ли?) отъ этого предпріятія, которое легко могло бы, по словамъ Фарини, повредить дѣлу Гарибальди, такъ какъ на Римъ нужно идти только ужъ изъ Неаполя. Этотъ же Фарини ѣдетъ, говорить, въ Неаполь для того, чтобы, въ случаѣ оставленія столицы королемъ Францискомъ, принять управленіе въ свои руки на правахъ Депретиса въ Сициліи, то-есть на правахъ про-диктатора.

А бѣгство короля изъ Неаполя дѣйствительно становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Король, какъ главный виновникъ настоящей борьбы, такъ какъ его деспотическое правленіе, по справедливому замѣчанію Джона Лемуана въ *Journal des Débats*, было истинно революціоннымъ элементомъ въ Европѣ, а противное движеніе служитъ наоборотъ, какъ бы естественною реставраціей, король не можетъ долго держаться въ Неаполѣ. Онъ чуждъ народу, такъ же точно, какъ народъ чуждъ ему, а силы держать его въ повиновеніи король теперь уже не имѣетъ. Король Францискъ и борется, если хотите, но онъ продолжаетъ еще бороться за старое, противъ того порядка вещей, который вызванъ его же собственною добровольною уступкою. Министры дѣлаютъ все, что могутъ, но ихъ добросовѣстныхъ усилія не ведутъ ни къ чему, встрѣчая, съ одной стороны, очень часто упорство короля, а съ другой, недовѣріе общества, нетерпѣливо ожидающаго новыхъ лицъ и новыхъ событій. Городъ наполненъ гарибальдійцами, фаринистами, мадзинистами, вернувшимися изгнанниками, освобожденными политическими арестантами (1). Все это знать не хочетъ ни короля, ни его правительства, шумно провозглашаетъ Гарибальди при всякомъ удобномъ случаѣ и ждетъ его съ постоянно возрастающимъ нетерпѣніемъ. 19 іюля, какъ день рожденія сицилійскаго диктатора, было торжественно отпраздновано всѣмъ населеніемъ Неаполя; городъ былъ иллюминированъ, въ томъ числѣ и дома министровъ и самого папскаго нунція, хотя они и прикрыли праздничное освѣщеніе домовъ своихъ другимъ предлогомъ — учрежденіемъ національной гвардіи и установленіемъ новаго порядка вещей. Первое появленіе національной гвардіи на улицахъ города встрѣчено было необыкновеннымъ восторгомъ, въ кото-

(1) Неаполитанскому корреспонденту газеты *Times* удалось видѣть казематы, въ которыхъ томилась эти несчастные, и онъ описываетъ ихъ какъ страшныя коюры безъ воздуха и свѣта, сырыя и зловонныя, пригодныя для какого-нибудь звѣря, а не для человѣка; жестокаго эта тѣмъ менѣе извѣстна со стороны христіанскаго и очень набожнаго правительства, что въ казематы сажались люди безъ суда, безъ приговора, ни въ чемъ часто виновные и ни въ чемъ не обвиняемые, по одной только подозрительности полиціи.

ромъ, впрочемъ, нисколько не было видно благодарности къ правительству, несмотря даже на очень удачное именованіе въ его составѣ, причемъ г. Либерио Романо сдѣлать министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Антонио Ланцелли министромъ юстиціи, г. Сакки префектомъ полиціи.

ПРИЕМЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Въ настоящую минуту производятся въ Московскомъ университетѣ приемные экзамены на основаніи новыхъ правилъ, значительно отступающихъ отъ прежняго обычая. Испытанія идутъ, сколько намъ извѣстно, довольно стройно, благодаря опыту прошлаго года, когда, по ходатайству Московскаго университета, были допущены нѣкоторыя существенныя видоизмѣненія въ прежнемъ порядкѣ вступительныхъ испытаній. Многія изъ этихъ видоизмѣненій вошли въ новыя правила, и такимъ образомъ распространены на всѣ русскіе университеты, кромѣ привилегированныхъ университетовъ Дерптскаго и Гельсингфорскаго, которымъ вообще дано право жить своею особою жизнью и дѣлать измѣненія въ своей организаціи согласно съ собственными своими потребностями и условіями, а не по общему плану. Другія видоизмѣненія, допущенныя въ Москвѣ въ прошломъ году, отчасти устранены, отчасти переработаны въ новыхъ правилахъ; сверхъ того, новыя правила заключаютъ въ себѣ нѣсколько жѣръ совершенно новыхъ, могущихъ имѣть большое вліяніе не только на отношеніе гимназій къ университетамъ, но и вообще на дальнѣйшій ходъ учебной части въ Россіи. Мы считаемъ своевременнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ очень важномъ пунктѣ вопроса о приемѣ студентовъ въ университетъ, именно о приемѣ гимназистовъ безъ экзамена и по такъ-называемому сокращенному испытанію.

Начнемъ съ общезвѣстной и всѣми признаваемой истины, что нововведенія хороши только тогда, когда ими устраняется какой-нибудь существенный, очевидный недостатокъ прежняго устройства. Разумный консерватизмъ состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны ничего не ломать безъ крайней нужды, а съ другой стороны, не поддерживать внѣшними искусственными средствами ничего такого, что само собою ломается и требуетъ серіознаго исправленія. Какой-нибудь проектъ, выработанный въ кабинетѣ

или канцеляріи, можетъ имѣть очень привлекательную наружность, можетъ обшчатъ очень много хорошаго, можетъ даже приводить своихъ авторовъ въ восторгъ; онъ можетъ быть совершенно чистъ отъ противорѣчій и несообразностей, которыя довольно часто встрѣчаются въ проектахъ, составляемыхъ подъ вліяніемъ увлеченій теоретическими соображеніями; онъ можетъ быть такъ осмотрительно выработанъ, что въ немъ, какъ говорится, нельзя поддѣть ни булавочной головки, и тѣмъ не менше онъ можетъ оказывать очень мало благотворнаго вліянія на живую дѣятельность вслѣдствіе той упругости, которую отличается всякая дѣятельная жизнь. Поэтому-то разумный консерватизмъ такъ дорожитъ частными и мѣстными постепенными преобразованіями, вызываемыми голосомъ самой жизни, и чувствуетъ такую антипатію къ уставамъ, систематически предписывающимъ новыя формы и новыя нормы для всѣхъ проявленій общественной или государственной жизни въ какой-нибудь отдѣльной сферѣ. Тѣмъ менше можно ожидать успѣха отъ общихъ, все исчерпывающихъ или по крайней мѣрѣ желающихъ все исчерпать постановленій, чѣмъ обширнѣйшій кругъ имѣютъ эти постановленія, чѣмъ больше страна, для которой они предназначаются. Россія однообразна, говорятъ всѣ почти въ одинъ голосъ, но мы готовы подозрѣвать, не опирается ли это мнѣніе лишь на недостаточное знакомство съ Россіей. Что касается до насъ, то намъ кажется, что Россія очень разнообразна, во всѣхъ отношеніяхъ, а если идетъ рѣчь о народномъ просвѣщеніи, то, по нашему мнѣнію, нельзя даже оспаривать тотъ фактъ, что уровень просвѣщенія въ разныхъ краяхъ Россіи очень не одинаковъ. Есть центры, около которыхъ, вслѣдствіе разныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, народное просвѣщеніе развивалось успѣшнѣе нежели вдали отъ этихъ центровъ. Москва была несомнѣнно однимъ изъ такихъ центровъ, и это имѣло несомнѣнное вліяніе на учебныя заведенія Москвы и ея ближайшихъ окрестностей. Въ послѣднія десять лѣтъ многія изъ обстоятельствъ, благоприятствовавшихъ московскому учебному округу, исчезли. Недавно одинъ изъ нашихъ друзей имѣлъ случай объѣхать почти всѣ подмосковныя губерніи; онъ былъ пораженъ тѣмъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ Московскому университету, которое онъ замѣтилъ въ отзывахъ разныхъ лицъ въ подмосковныхъ губерніяхъ, но, говоритъ онъ, нигдѣ уже не тайна, что Московскій университетъ теперь далеко не то, что былъ прежде. Это измѣненіе къ худшему произошло однакоже не вслѣдствіе какого-нибудь кореннаго измѣненія въ общественномъ бытѣ Москвы и окрестныхъ губерній. Москва вовсе не падаетъ; напротивъ, ея значеніе, какъ экономическое, такъ и умственное, съ каждымъ годомъ растетъ и не-

сомнѣнно будетъ расти. Было бы странно думать, что центральная Великороссія отживаетъ свой вѣкъ, когда очевидно, что она обновляется и расширяетъ свою дѣятельность. Поэтому нѣтъ причины ожидать, что учебныя заведенія Москвы пребудутъ въ теперешнемъ своемъ состояніи; если казенныя заведенія не усовершенствуются, то могутъ возникнуть частныя заведенія, которыя будутъ находиться въ болѣе тѣсной связи съ жизнію общества и менѣе подлежать приливу и отливу благопріятныхъ обстоятельствъ; если университетъ будетъ дѣйствовать вяло, то литература можетъ развить усиленную энергію. Но какъ бы то ни было, вѣрно то, что умственная жизнь Москвы не пойдетъ назадъ: это невозможно, если Россіи предстоитъ будущность. А когда такъ, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что не должно подводить Москву и ея учебныя учрежденія подъ одинъ уровень съ остальными частями Россіи, что не должно, напримѣръ, искусственно понижать уровень московскаго студенчества, соотнобщаясь съ состояніемъ самыхъ неустроенныхъ гимназій въ отдаленныхъ краяхъ имперіи? Къ чему могла бы повести такая нивеллировка, какъ не къ упадку и Московскаго университета, и гимназій, какъ московскихъ, такъ и подмосковныхъ?

Если мѣстныя обстоятельства благопріятны Московскому университету, то надобно, кажется намъ, желать, чтобы Московскій университетъ могъ пользоваться ими. Если въ Москвѣ есть средства разборчивѣе набирать студентовъ нежели въ другихъ университетскихъ городахъ Россіи, то благоразуміе требуетъ не препятствовать этой разборчивости, не противодействовать тому, чтобы уровень образованія московскихъ студентовъ стоялъ на той степени, которая возможна въ Москвѣ, чтобы Московскій университетъ не наполнялся людьми, вносящими въ него элементы, отъ которыхъ онъ былъ и можетъ еще быть свободенъ. Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ желательнымъ, чтобы приемъ студентовъ въ Московскій университетъ не былъ подчиненъ одной нормѣ, общей для всѣхъ университетовъ Россіи, а производился на основаніи правилъ, указываемыхъ местными обстоятельствами. Все значеніе университета зависитъ отъ личнаго состава его, то-есть отъ выбора профессоровъ и студентовъ. Мы не говоримъ теперь о выборѣ профессоровъ. Это вопросъ сложный и трудный, требующій тщательной обработки и издавна составляющій предметъ нашихъ размышленій, которыми мы не замедлимъ подѣлиться съ публикой. Теперь мы намѣрены вести рѣчь о выборѣ студентовъ, то-есть о приемѣ въ число студентовъ, и не можемъ не высказаться противъ крайне-ошибочнаго мнѣнія, будто бы для университета все равно кѣмъ ни наполняются его аудиторіи. Такое мнѣніе могло

возникнуть изъ самаго поверхностнаго, изъ самаго формальнаго взгляда на университетъ, изъ взгляда, отвергающаго живое взаимодействие между преподавателями и слушателями. Взглядъ этотъ превращаетъ профессора въ машину, студента въ куклу; это взглядъ механическій, мертвящій. Г. Ржевскій, въ статьѣ, которая напечатана нами въ № 12 *Русскаго Вѣстника*, очень хорошо показалъ несостоятельность этого взгляда въ педагогическомъ отношеніи. Мы съ своей стороны прибавимъ, что въ живой дѣятельности не только направленіе преподаванія, но и направленіе всей ученой дѣятельности профессоровъ во многомъ зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго состоянія студентовъ, что корпусъ профессоровъ не можетъ сохранить свое достоинство, когда духъ студенчества искажается и падаетъ. Выборъ студентовъ есть великое дѣло для благосостоянія университета, и если Московскому университету суждено подняться, онъ долженъ получить средства для энергическаго вліянія на это условіе своего благосостоянія.

Въ литературѣ много было говорено о правѣ гимназій давать своимъ ученикамъ аттестаты для поступленія въ университетъ безъ экзамена. Мы долго воздерживались отъ дѣятельнаго участія въ этомъ спорѣ. Мы не высказывались рѣшительно, потому что хотѣли собрать больше данныхъ. Безпристрастное, продолжительное наблюденіе привело насъ наконецъ къ убѣжденію, что это право гимназій есть пагуба и для гимназій, и для университета, и что оно особенно пагубно для университета Московскаго. Право поступленія безъ экзамена въ Московскій университетъ было даваемо въ послѣднія двадцать лѣтъ воспитанникамъ нѣкоторыхъ гимназій. Въ московскомъ округѣ оно было распространяемо съ большою осмотрительностію, и притомъ въ видѣ временной мѣры; лишь недавно получили его всѣ гимназій московскаго округа, такъ недавно, что эта мѣра уже не относится къ хорошему старому времени. Начальство округа, полагаясь на всѣ бдительный надзоръ за гимназіями, было увѣрено, что не ставить этого права за гимназіей, которая не была бы вполне остойна этого отличія. Можетъ-быть тутъ былъ излишекъ самоувѣренности, но во всякомъ случаѣ на это отличіе смотрѣли какъ на награду, а не какъ на право, принадлежащее каждой гимназіи московскаго округа только потому, что она принадлежитъ къ московскому округу. За гимназіями другихъ округовъ это право не признавалось до нынѣшняго года. Такимъ образомъ, въ этой сторонѣ, благосостояніе Московскаго университета до нынѣшняго года было поставлено въ зависимость только отъ благосостоянія гимназій московскаго округа. Распространеніе этого права на всѣ гимназій, сколько ихъ ни есть въ Россіи

должно произвести совершенную инвентаризацию въ студенчества всѣхъ русскихъ университетовъ, и легко понять, что всего болѣзненнѣе отзовется оно на университетъ Московскій. Какое же дѣйствіе произведетъ это право на гимназіи? Нѣтъ сомнѣнія, что оно затруднитъ положеніе частныхъ пансіоновъ въ губерніяхъ и стѣснитъ домашнее воспитаніе. Если увеличится число гимназистовъ, то это будетъ въ ущербъ частнаго воспитанія. Но чѣмъ слабѣе будетъ конкуренція частнаго воспитанія, тѣмъ менѣе будутъ имѣть гимназіи побужденій заботиться о своемъ благоустройствѣ. Надзоръ со стороны округа не можетъ быть такъ бдителенъ, чтобы замѣнить собой благотворное вліяніе конкуренціи. Частный пансіонъ, находящійся въ одномъ городѣ съ гимназіей, будетъ гораздо полезнѣе для гимназіи нежели всѣ возможныя ревизіи, объѣзды и повѣрки бланковъ со стороны попечителя, его канцеляріи и инспектора казенныхъ училищъ. Но еще болѣе конкуренціи частныхъ пансіоновъ можетъ оживлять гимназію та проба ея педагогической дѣятельности, которая производилась прежде на приемныхъ экзаменахъ въ русскихъ университетахъ. Ежегодно подвергаясь этой пробѣ, гимназіи никакъ не могли вести свое дѣло кое-какъ и рассчитывать на авось. Еслибы случилось хоть однажды, что учени какой-нибудь гимназіи не выдержали бы приемаго экзамена въ университетахъ Россіи, то общаго вопля родителей было бы достаточно для того, чтобы вынудить необходимыя улучшенія. Мы далеки отъ мысли низко цѣнить труды учительскаго сословія, а равно и отъ желанія ставить это почтенное сословіе въ замѣнность отъ профессоровъ университета; мы напротивъ ничего такъ не желаемъ, какъ самостоятельности учительскаго сословія. Но человѣческія дѣла не могутъ идти успѣшно безъ ответственности и контроля, и усиліе легко овладѣваетъ всякимъ челоукомъ и всякимъ челоуческимъ учрежденіемъ, когда силы челоука или учрежденія не возбуждаются ответственностію и контролемъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что право гимназистовъ на поступленіе въ университетъ безъ экзамена, ставя частнымъ учебнымъ заведеніямъ въ невозможность конкурировать съ гимназіями и освобождая гимназіи отъ самой естественной и нисколько не стѣснительной для нихъ повѣрки ихъ дѣйствій, будетъ являться слѣдствіемъ безпечности гимназій, безпечности, которая отягачается на всемъ русскомъ просвѣщеніи, потому что наряду съ гимназіями, пользующимися такою привилегіей, можетъ почти въ возможно существовать частнымъ учебнымъ заведеніямъ, и гдѣ въ Россіи, кромѣ развѣ столицъ и очень большихъ городовъ.

Чтобы не брать примѣровъ изъ близкой намъ среды, мы укажемъ на страну, съ которою никому не можетъ быть стыда

сравненіе. Мы хотимъ говорить о Шотландіи и не о средних учебныхъ заведеніяхъ Шотландіи, а о шотландскихъ университетахъ, издавна пользовавшихся хорошою и, можно даже сказать, громною извѣстностію. Система, тамъ господствующая, во многомъ сходна съ нашею системою и рѣзко отличается отъ системы, принятой въ английскихъ университетахъ. Между тѣмъ какъ въ Англии университетская жизнь основана на такъ-называемомъ туторствѣ (tutoring system), и профессорскія лекціи составляютъ лишь второстепенное пособіе для университетскаго ученія, въ шотландскихъ университетахъ на первомъ планѣ стоятъ лекціи, вслѣдствіе чего шотландскую систему Англичане зовутъ лекціонною системою (lecturing system). Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ каждый студентъ находится подъ наблюденіемъ одного изъ туторовъ; этотъ туторъ обязанъ слѣдить за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, за его занятіями и образомъ жизни. Такая строгая опека можетъ показаться для поверхностнаго взгляда чѣмъ-то страннымъ, несообразнымъ съ духомъ новаго времени и теперешнимъ английскимъ бытомъ. Французскіе писатели дѣйствительно находятъ въ туторствѣ остатки средневѣковой грубости, но Англичане тѣмъ не менѣе очень дорожатъ туторствомъ, Англичане, которые такъ любятъ свободу и такъ высоко цѣнятъ ее. Если самобытность лица есть характеръ английской націи, то английскіе университеты, безспорно, не мало содѣйствовали и теперь содѣйствуютъ полнѣйшему раскрытію этого національнаго характера. Англичане не терпятъ либеральничанія тамъ, гдѣ оно не на мѣстѣ, гдѣ въ немъ можетъ заключаться только фальшь; английскіе университеты стараются о томъ, чтобы сдѣлать студентовъ самостоятельными людьми, а не о томъ, чтобы объявить ихъ самостоятельными людьми и предоставить ихъ самимъ себѣ, лишивъ ихъ помощи и опоры, въ которой они нуждаются именно для пріобрѣтенія самостоятельности. Английскіе университеты — не только учебныя, но еще болѣе воспитательныя заведенія. Молодой человекъ привыкаетъ въ нихъ къ самостоятельному труду подъ надзоромъ людей зрѣлыхъ и опытныхъ, избираемыхъ въ туторы. Благодаря туторству, ошибки и увлеченія, неизбѣжныя при юношеской неопытности, могутъ быть поправляемы, безъ растраты силъ и времени. Самостоятельныя занятія науками идутъ, не хромая, и знанія пріобрѣтаются методически, безъ скачковъ и блужданій по окольнымъ путямъ; студенты пользуются тою помощію, которая драгоцѣннѣе всего въ ихъ возрастѣ, — постоянными совѣтами людей доброжелательныхъ и коротко знакомыхъ съ познаніями и личнымъ характеромъ cadaго изъ нихъ; молодые люди трудятся, развиваются и созрѣваютъ подъ строгою дисциплиною, не подъ тою внѣшнею, полицейскою дисциплиною, которая въ

сущности противоположна истинной дисциплинѣ и исключаетъ ее собой, а подъ дисциплиной, сдерживающею челоуѣка и сосредоточивающею его силы, укрѣпляющею его умъ и его волю, приучающею его серьезно браться за каждое дѣло, дѣлающею его способнымъ стоять на своихъ ногахъ и ходить безъ помочей, не отступаясь. Ни одна страна не можетъ поравняться съ Англїей въ дисциплинѣ, которая держится въ англїйскомъ обществѣ сама собою и составляетъ основу англїйской свободы; нигдѣ университетское образованіе не проникнуто въ такой степени живительнымъ духомъ этой такъ-сказать внутренней дисциплины, какъ въ Англїи. Этотъ духъ, закаляющій англїйское университетское юношество, выработанъ всею англїйскою жизнію, всею англїйскою исторїей; его нельзя ввести въ другую страну никакимъ уставомъ; все достоинство уставовъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобъ они не препятствовали развиваться задаткамъ этого духа, гдѣ они есть. Русскіе университеты долго еще будутъ страдать послѣдствіями формальной дисциплины, обращенной только наружу и оставляющей совершенный хаосъ внутри, который не можетъ не проступать по временамъ и наружу, и потому нельзя не радоваться извѣстію, что при Кембриджскомъ университетѣ предполагается учредить особую коллегію для русскіхъ студентовъ; нельзя не ожидать отъ этой коллегіи самыхъ благихъ плодовъ для русскаго образованія. Говорятъ, что православная церковь уже заложена въ Кембриджъ, и что значительныя суммы для устройства коллегіи уже собраны по подпискѣ; если это дѣло состоится, то высшіе классы русскаго общества будутъ имѣть такія средства для серьезнаго образованія, какихъ нельзя видѣти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но какъ ни высоки достоинства англїйскаго университетскаго образованія, оно имѣетъ важныя недостатки. Недостатки эти заключаются не въ томъ, что профессоры въ Англїи читаютъ мало лекцій (на этотъ недостатокъ обыкновенно указываютъ, когда сравниваютъ англїйскіе университеты съ нѣмецкими), а преимущественно въ томъ, что англїйское университетское образованіе очень дорого и потому было бы почти недоступно для недостаточныхъ людей безъ существованія множество стипендій. Этотъ недостатокъ выводится въ тѣсной связи съ системой тьюторства, и едва ли можетъ быть устраненъ при существованіи этой системы, а между тѣмъ съ другой стороны на системѣ тьюторства основано все устройство старыхъ англїйскихъ университетовъ, и отъ нея зависитъ ихъ великое педагогическое значеніе. Дороговизна высшаго образованія есть, кажется, такая принадлежность Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, отъ которой едва ли имъ будетъ возможно когда-нибудь освободиться. Совершенною противоположною Оксфорду и Кембриджу составляютъ въ этомъ отношеніи уни-

верситеты шотландскіе. Въмѣсто тамошней дороговизны, мы встрѣчаемся здѣсь съ такою дешевизной, которая поражаетъ насъ удивленіемъ. Въ шотландскихъ университетахъ не мало студентовъ, истрачивающихъ менѣе 100 р. въ годъ; есть и такіе, которые, будучи студентами, живутъ работою своихъ рукъ; они нанимаются у мастеровыхъ и обязываются работать не десять часовъ въ день, какъ обыкновенные рабочіе, а пять часовъ; получая за этотъ половинный трудъ половинное жалованье, они находятъ возможность быть студентами, напримѣръ, Эдинбургскаго университета и посвящаютъ наукамъ свободное отъ работы время. Разумѣется, что тутъ о тѣхъ о тѣхъ не можетъ быть рѣчи, и все образованіе пріобрѣтается исключительно черезъ слушаніе лекцій. Мы уже сказали, что въ шотландскихъ университетахъ развилась такъ-называемая лекціонная система, *lecturing system*. Студенты предоставлены самимъ себѣ; ихъ университетскія занятія заключаются преимущественно въ пассивномъ слушаніи лекцій. Принимаются они въ университетъ мало-приготовленные; никто не слѣдитъ за ихъ познаніями, за ихъ развитіемъ, за тѣмъ, какъ они употребляютъ свое время. Они пользуются совершенною самостоятельностью, но за то и не достигаютъ настоящей самостоятельности. Они должны сами заботиться о себѣ, но такъ какъ они еще не умѣютъ заботиться о себѣ какъ слѣдуетъ, то нерѣдко имъ приходится дѣлать промахи, заниматься не тѣмъ, чѣмъ нужно, и упускать необходимое. Прослушавъ цѣлый рядъ профессорскихъ курсовъ, они иногда не знаютъ самыхъ простыхъ вещей и выходятъ изъ университета безъ основательнаго образованія. Много разъ замѣчательнѣйшіе изъ шотландскихъ профессоровъ указывали на это зло, говорили о вредныхъ послѣдствіяхъ дурнаго приготовленія къ университету и пассивнаго слушанія университетскихъ лекцій, но дѣло шло по прежнему, и общественное мнѣніе, которое въ Великобританіи значитъ все, не обращало вниманія на эти почтенные голоса. Духъ шотландскаго студентства падалъ. Студенты, не имѣя необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній, не могли съ успѣхомъ заниматься науками, и все болѣе и болѣе отставали отъ занятій. Университетъ не связывалъ ихъ въ одно цѣлое; они жили врознь, безъ живительнаго взаимодѣйствія; ихъ нельзя уже было назвать *cives reipublicae*, гражданами академическаго государства; они проводили годы своего студенчества какъ граждане того города, гдѣ они жили, перемѣшанные съ обывателями и неотличимые отъ нихъ. Нельзя сказать, какъ долго продолжалось бы это состояніе шотландскихъ университетовъ, приносившее студентамъ мало пользы и почти вовсе не дѣйствовавшее на выработку ихъ ума и характера, еслибы не заставило Шотландію встрепенуться обстоя-

ательство, повидимому очень незначительное, но на практикѣ оказавшееся очень важнымъ и очень благотѣльнымъ для всей будущности шотландскихъ университетовъ. Шотландцы издавна привыкли посылать своихъ дѣтей на службу въ Индію; эта служба была однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія многихъ семействъ Шотландіи, страны, крайне-бѣдной отъ природы. Дипломы шотландскихъ университетовъ признавались достаточнымъ ручательствомъ въ способности молодыхъ людей къ службѣ; Шотландцы очень гордились этимъ значеніемъ дипломовъ, очень дорожили имъ и видѣли въ немъ важное право шотландскихъ университетовъ. Казалось, что это право поднимаетъ университеты, привлекаетъ къ нимъ юношество, составляетъ главное условіе ихъ существованія. Но вотъ года три тому назадъ остъ-индская компанія нашла нужнымъ учредить экзаминаціонную комиссію, въ которой всѣ молодые люди, кандидаты для индійской службы, должны были подвергаться испытанію. Комиссія эта засѣдала въ Лондонѣ и начала экзаменовать шотландскихъ студентовъ. Такъ какъ дѣло было въ Англіи, то само собой разумѣется, что комиссія требовала основательнаго классическаго образованія и очень строго экзаменовала изъ древнихъ языковъ. Въ первый же годъ почти всѣ шотландскіе студенты провалились на экзаменѣ. Тогда поднялся въ Шотландіи общій вопль негодованія, — негодованія не на комиссію, а на шотландскіе университеты. Во всей Шотландіи только и было рѣчи, что о необходимости университетской реформы; мгновенно явилась готовность оцѣнить голосомъ, раздававшимся прежде безъ результата среди равнодушнаго общества, и парламентъ, который имѣетъ мудрый обычай предпринимать только реформы, настоятельно требуемыя общественнымъ мнѣніемъ, на другой же годъ преобразовалъ университетское законодательство Шотландіи. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ новомъ законодательствѣ. Мы только хотѣли указать на примѣръ Шотландіи въ подтвержденіе мысли, что даже благопріятно поставленныя учрежденія могутъ долго оставаться безъ необходимыхъ улучшеній, а иногда и идти назадъ, если нѣтъ сильнаго побужденія къ бодрой дѣятельности и своевременному принятію нужныхъ мѣръ. Русскія гимназій, конечно, не оскорбятся тѣмъ, что мы сравнимъ ихъ съ шотландскими университетами. Какъ благотворно подѣйствовала на шотландскіе университеты лондонская экзаминаціонная комиссія остъ-индской компаніи, такъ, по нашему мнѣнію, благотворно должно подѣйствовать и на русскія гимназій подчиненіе гимназистовъ испытанію при поступленіи въ университеты. Хорошимъ гимназіямъ эта мѣра должна быть желательна; она выставитъ достоинства этихъ заведеній и въ глазахъ публики, и въ глазахъ

начальства; репутація заведенія будетъ основываться не на определенномъ говорѣ публики, не на говорливости и ловкости лицъ, служащихъ въ гимназіи, не на поддержаніи внѣшняго порядка или внѣшняго блеска, а на несомнѣнныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о внутреннемъ достоинствѣ заведенія. Положеніе плохихъ гимназій будетъ не пріятно; имъ будетъ не ловко и передъ публикой, и передъ начальствомъ, которое узнаетъ о ихъ недостаткахъ, но и плохія гимназіи тотчасъ же выиграютъ, потому что будутъ принуждены серьезно взяться за дѣло и поспѣшить устраненіемъ причинъ своей слабости. Спать въ тишину или идти назадъ, показывая видъ, что идешь впередъ, будетъ неудобно. И хорошія и дурныя гимназіи будутъ застрахованы отъ безвѣчнаго самодовольства.

Само собой разумѣется, что наставляя на подчиненіи гимназій повѣрки ихъ дѣйствій посредствомъ пріемнаго экзамена, и утверждая, что эта повѣрка составляетъ крайнюю необходимость и самое существенное условіе благосостоянія гимназій, мы не отрицаемъ необходимости оградить ихъ отъ произвола университетскихъ экзаминаторовъ. Мы не станемъ ссылаться на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ Москвѣ вовсе не слышно о какихъ-нибудь противозаконныхъ дѣйствіяхъ или злоупотребленіяхъ со стороны университетскихъ экзаминаторовъ. Не скрывая ни отъ себя ни отъ публики теперешняго состоянія Московскаго университета, считая своею обязанностию говорить во всеуслышаніе о необходимости серьезныхъ улучшеній въ Московскомъ университетѣ, мы не можемъ не засвидѣтельствовать съ другой стороны, что несмотря на всѣ ошибки, которыя могли встрѣчаться при вступительныхъ испытаніяхъ, добросовѣстность университетскихъ экзаминаторовъ давно уже не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію. Но тѣмъ не менѣе было бы неблагоразумно отрицать, что производство пріемныхъ экзаменовъ должно быть окружено гарантіями. Намъ очень пріятно замѣтить, что новое устройство экзаминаціонной комиссіи и новый распорядокъ экзаменовъ заключаютъ въ себѣ значительныя гарантіи противъ произвола. Экзаминаціонная комиссія состоитъ лишь на одну треть изъ профессоровъ университета; остальные двѣ трети ея представляютъ собой московскія гимназіи. Она подраздѣляется на семь отдѣленій для семи группъ предметовъ: 1) для закона Божія, 2) для русскаго и славянскаго языковъ, 3) для исторіи и географіи, 4) для математики и физики, 5) для древнихъ языковъ, 6) для нѣмецкаго языка, 7) для французскаго языка. Отдѣленіе закона Божія состоитъ изъ трехъ членовъ (профессора богословія и двухъ законоучителей). Остальные отдѣленія раздѣляются каждое на два стола, по три члена въ каждомъ (преподаватель

университета и два учителя). Экзаменующіеся распределяются между двумя столами въ самый день экзамена; намъ кажется, что было бы полезно производить это распределеніе по жребію, дабы совершенно оградить экзаменъ отъ предварительныхъ ходатайствъ и соглашеній. Отмѣтки ставятся членами каждаго стола съ общаго согласія; на случай разногласія предполагается, что испытаніе должно быть повторено въ присутствіи всѣхъ шести членовъ обоихъ столовъ, и отмѣтка назначена большинствомъ голосовъ; на случай равнаго раздѣленія голосовъ предполагается, что долженъ быть приглашенъ предсѣдатель общаго собранія экзаменаціонной комиссіи. Тотъ же самый порядокъ предполагается и на случай жалобы экзаменующагося. Такимъ образомъ экзаменаторы поставлены въ положеніе, значительно ограничивающее ихъ произволь. По языкамъ, русскому, дрезнимъ и новымъ иностраннымъ, произволь экзаменаторовъ еще болѣе стѣсненъ тѣмъ, что новыя правила предписываютъ письменное испытаніе въ языкахъ. Это предписаніе несомнѣнно составляетъ важный шагъ впередъ противъ прежняго порядка: письменное испытаніе уравниваетъ положеніе экзаменующихся; робкій и смѣлый, привыкшій и непривыкшій къ публичнымъ экзаменамъ, стоятъ при письменномъ испытаніи наравнѣ; письменный отвѣтъ есть документъ, ограждающій экзаменующагося отъ несправедливости, а экзаменатора отъ несправедливыхъ обвиненій въ излишней строгости или излишней снисходительности. Но дабы всѣ эти очевидныя достоинства письменнаго испытанія оправдались на дѣлѣ, необходимо строгое соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, повидимому мелочныхъ и придирчивыхъ, но въ сущности очень важныхъ. Необходимо, чтобы при письменномъ испытаніи экзаменующіеся были размѣщены такъ, какъ принято въ тѣхъ странахъ, гдѣ письменныя испытанія производятся издавна. Въ Кембриджѣ, напримѣръ, экзаменующихся сажаютъ за отдѣльныя столики, которые размѣщаются въ экзаменаціонной комнатѣ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго; величина столиковъ и разстояніе между ними въ точности опредѣлены правилами, строго соблюдаемыми; экзаменующіеся разсаживаются по столикамъ по жребію; никто изъ нихъ не имѣетъ права встать съ мѣста, пока не подастъ отвѣта; если кто встанетъ съ мѣста, обязанъ выйти и подвергается письменному испытанію уже на другой день. Намъ случалось слышать возраженія, что подобныя правила слишкомъ мелочны и отзываются педантизмомъ, что они оскорбительны для молодыхъ людей и не достойны университета. Мы скажемъ на это, что въ Англіи, гдѣ личность человѣка пользуется такимъ уваженіемъ, думаютъ иначе; молодые люди не оскорбляются этимъ правиломъ, какъ при-

сильные не оскорбляются тѣмъ, что ихъ запирають на ключъ и не позволяютъ никому говорить съ ними. Если выскнуть въ дѣло, то окажется, что и съ достоинствомъ университета согласіе эта повидному педантская формалистика нежели порядокъ, вводящій молодыхъ людей въ искушеніе, которому подпасть очень извинительно, хотя тѣмъ не менѣе безразравственно. Коль скоро мы вводимъ письменныя испытанія, необходимо принять мѣры, чтобъ они производились серьезно, чтобы внѣшній порядокъ, соблюдаемый при нихъ, не заключалъ въ себѣ поводовъ къ соблазну, а подавать поводъ къ соблазну, конечно, всего менѣе согласно съ достоинствомъ университета. Письменное испытаніе, производимое какъ слѣдуетъ, есть самая безупречная форма испытанія. Наше мнѣніе таково, что не изъ однихъ языковъ, а изъ всѣхъ предметовъ было бы полезно производить письменное испытаніе; изустный экзаменъ долженъ служить только дополненіемъ письменнаго, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда по письменному отвѣту нельзя составить себѣ сужденія о познаніяхъ экзаменующагося. Но всякое дѣло имѣетъ свои условія, и письменное испытаніе не можетъ оправдать себя, если не соблюдаются необходимыя формальности, требуемая свойствомъ письменнаго экзамена.

Возвратимся къ гимназистамъ. Теперь лучшіе ученики гимназій получаютъ отъ гимназій аттестатъ, по которому они поступаютъ въ университетъ безъ испытанія. Университетъ обязанъ принять ихъ въ число студентовъ; онъ не имѣетъ права отказать въ студенчествѣ даже такому молодому человѣку, который въ прошеніи о принятіи въ университетъ собственноручно напишетъ, что представляетъ *аттестатъ* о восьмилѣтнемъ обученіи въ гимназій и *свидѣтельство* мещанскаго общества объ увольненіи. Этотъ случай не составляетъ невозможности, а если онъ возможенъ, то что слѣдуетъ изъ того?... Правомъ поступленія въ университетъ безъ испытанія пользуются только лучшіе изъ воспитанниковъ гимназій; слабѣйшіе, но удостоенные аттестата объ окончаніи курса, пользуются передъ воспитанниками частныхъ учебныхъ заведеній и передъ молодыми людьми, воспитывавшимися дома, тѣмъ преимуществомъ, что подвергаются не полному испытанію изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, а сокращенному испытанію изъ немногихъ предметовъ, смотря по тому, на какой факультетъ они поступаютъ. Выбираютъ математическій факультетъ освобождаются, напримѣръ, отъ экзамена изъ латинскаго языка; избирающіе остальные факультеты освобождаются отъ экзамена изъ математики. Такимъ образомъ вносится въ пріемный экзаменъ нѣчто въ родѣ факультетскаго раздѣленія. Мы опасаемся, чтобы право на сокращенный экзаменъ

не поощрало учениковъ высшихъ классовъ гимназій къ пренебреженію тѣми предметами, въ которыхъ они не дѣлаютъ успѣховъ, но которые, по общему убѣжденію образованныхъ народовъ, составляютъ существенную часть гимназическаго курса. Мальчикъ, плохо учащійся математикѣ, будетъ утѣшать себя, уже начиная съ IV класса гимназій, тѣмъ, что не поступитъ на математическій факультетъ. Но можно ли желать, чтобы тринадцатилѣтніе мальчики выбирали для себя факультетъ? Не заключается ли одно изъ главныхъ достоинствъ гимназическаго образованія въ томъ, что оно старается равномѣрно развивать всѣ способности воспитанника и воздерживаетъ его отъ избранія спеціальности до того возраста, когда дѣйствительно опредѣляется его наклонности? Каково будетъ положеніе молодаго человѣка, который, имѣя отъ роду тринадцать лѣтъ, предназначилъ себя къ математикѣ, а достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, замѣтитъ свою ошибку? Намъ кажется, что если обще-человѣческое образованіе должно составлять основное начало устройства гимназій, то и пріемный экзаменъ въ университетъ долженъ быть основанъ на томъ же началѣ. Главное преимущество новыхъ правилъ для полнаго испытанія передъ прежнимъ порядкомъ вступительныхъ экзаменовъ бесспорно состоитъ въ томъ, что новыми правилами установлена одна экзаминаціонная коммиссія для испытанія всѣхъ вступающихъ въ университеты. Прежде вступительный экзаменъ производился по факультетамъ; это придавало ему факультетскій характеръ. По новымъ правиламъ, всѣ поступающіе подвергаются одному и тому же испытанію. Нѣтъ сомнѣнія, что это измѣненіе принесетъ добрые плоды и возвыситъ уровень общаго образованія между нашими студентами, что составляетъ весьма существенную потребность. Но мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе, вызываемое въ насъ сокращенными испытаніями. Мы опасаемся, чтобы сокращенными испытаніями не повели къ результатамъ, прямо противоположнымъ тому, чего старались достигнуть новыя правила учрежденіемъ общей экзаминаціонной коммиссіи и отміной прежнихъ экзаменовъ по факультетамъ. Какъ эта послѣдняя мѣра кажется намъ несомнѣнно полезною, такъ сомнительны, по нашему понятію, послѣдствія права гимназистовъ на поступленіе въ университетъ или вовсе безъ экзамена или по сокращенному испытанію.

О ПЕЧАТКА.

Въ нѣсколькихъ экземплярахъ № 13 въ стихотвореніи Н. Н. Стрхова стр. 192, стихъ 7 снизу ошибочно напечатанъ такъ :

Для взора вѣщаго свѣта

Слѣдуетъ быть:

Для взора вѣщаго поэта

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Брюссель, 5-го августа 1860 г.

Я только что возвратился въ Бельгію изъ своего экономическаго путешествія; по моему предположенію, оно должно былъ окончиться въ два мѣсяца, но радушное гостепрѣимство и сочувствіе, встрѣченныя мною въ Россіи, продлили его слѣшкомъ пять мѣсяцевъ. Позвольте мнѣ, при этомъ случаѣ, засвидѣтельствовать мою искреннюю благодарность просвѣщенной публикѣ, которая удостоила меня своей благосклонности. Я зналъ уже, что политическая экономія пользуется уваженіемъ въ Россіи, но не ожидалъ никакъ, чтобъ она распространена была до такой степени. Въ этомъ отношеніи—говорю безъ лести—воспитаніе образованныхъ классовъ у васъ не только гораздо полнѣе чѣмъ во Франціи, гдѣ политической экономіи нѣтъ въ программѣ университетскаго преподаванія, но даже полнѣе чѣмъ въ Бельгіи. Нельзя не замѣтить, что науки имѣютъ одинаковую участь со всеми произведеніями человеческой дѣятельности. Онѣ создаются и распространяются по мѣрѣ того какъ чувствуется въ нихъ потребность, и сообразно съ спросомъ, возбуждаемымъ этою потребностію. И ужь конечно, въ эту минуту, нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ бы потребность политической экономіи чувствовалась такъ сильно, какъ въ Россіи. Вамъ предстоитъ провести значительную часть вашего населенія изъ крѣпостнаго состоянія къ свободѣ труда; вамъ предстоитъ совершить разныя административныя и судебныя реформы вамъ предстоитъ, наконецъ, установить на твердомъ основаніи вашу монетную систему, устроить кредитныя установленія, чтобъ они соответствовали потребностямъ производства, и притомъ преобразовать систему налоговъ. Однимъ словомъ, Россія похожа на мануфактуру, которая отстала отъ своихъ

конкурентовъ, и которой необходимо возобновить свои инструменты. Очевидно, что начальники такой мануфактуры должны почувствовать потребность въ пособіи людей специальныхъ, должны обратиться къ механикамъ для совершенія дѣла, отъ котораго зависитъ все ихъ состояніе, и что въ случаѣ нужды они даже сами должны приняться за изученіе механики. Не то ли же самое предстоитъ народу, постановленію котораго вступили на путь преобразованій? Не нужны ли ему помощь и содѣйствіе людей, которые посвятили себя специальному изученію общества, и не нужно ли ему приняться немедленно за тщательное изученіе социальнаго механизма?

Все это очень хорошо поняли высшіе классы въ Россіи, и вотъ чему я обязанъ, что, несмотря на слабыя дарованія мои, какъ ученаго и оратора, я нашелъ въ Москвѣ, въ С.-Петербургѣ и въ Одессѣ столько внимательныхъ и благосклонныхъ слушателей. Несмотря на всѣ затрудненія, неразлучныя со всякимъ преобразованиемъ экономическаго и административнаго механизмовъ въ обществѣ, я по всему видѣнному мной ожидаю благой результатовъ. Возьмите на удачу во Франціи десять человѣкъ, получившихъ нѣкоторое образованіе, разберите ихъ, и конечно найдете, что девять изъ десяти принимаютъ за основныя истины необходимость централизаціи и правительственнаго пособія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Сдѣлайте то же самое въ Россіи, даже устранивъ людей, получившихъ лучшее экономическое образованіе, и я увѣренъ, что вы получите обратную пропорцію, и что чрезмѣрная администрація, даже социализмъ, уничтожающій всякую свободу индивидуальной дѣятельности, не найдетъ себѣ и одного сторонника изъ десяти человѣкъ. Повторяю, что я сужу по своему личному опыту. Я проѣхалъ Россію отъ Финскаго залива до Чернаго моря, вѣстивъ и степи, и большіе города, и вездѣ слышалъ выраженіе однихъ и тѣхъ же убѣжденій, однихъ и тѣхъ же желаній; вездѣ высказывалась потребность дѣятельности, нигдѣ не изъявлялось желаніе, чтобы за все про все отвѣчала центральная администрація. Тутъ желаютъ права исправлять улицу, не испрашивая на то разрѣшенія за двѣ тысячи верстъ; тамъ желаютъ свободно и безпрепятственно мѣнять зерновой хлѣбъ на желѣзо, на сахаръ или чай, производимые по болѣе дешевой цѣнѣ, откуда бы они ни привозились; однимъ словомъ, вездѣ желаютъ частицы того драгоценнаго товара, важность котораго такъ вѣрно оцѣнилъ Монтескье, сказавшій, что цвѣтущее состояніе страны зависитъ отъ плодородія ея, а отъ того количества свободы, которое пользуются ея обитатели.

По возвращеніи въ Бельгію, я нашелъ у насъ народъ въ волненіи

вслѣдствіе возобновленія *аннексионизма*. Вы знаете, что присоединеніе Савойи и Ниццы возбудило аппетитъ нашихъ южныхъ сосѣдей, и съ нѣкотораго времени толпа производителей брошюръ, съ г. Луи-Журданомъ во главѣ, громко требуютъ *естественныхъ границъ*, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Возникли даже два новые журнала: *Le Propagateur du Nord et du Pas de Calais* въ Лиллѣ и *L'Espérance* въ Женевѣ, съ спеціальною цѣлю доказать намъ всю выгоду присоединенія къ Франціи. А такъ какъ брошюры и журналы не печатаются во Франціи безъ разрѣшенія правительства, то эти изданія имѣли свою важность и тревожили наше правительство. Въ рѣчи, произнесенной въ Гентѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, король намекнулъ на опасенія, составлявшія предметъ общей тревоги. Тотчасъ же, со всѣхъ концовъ государства, были отправлены къ нему адреса отъ провинціальныхъ и общинныхъ совѣтовъ, и рѣшено было воспользоваться 29-ю годовщиной его вступленія на престолъ, чтобы выразить громогласно общественное желаніе поддержать національность. Манифестація эта произошла дѣйствительно; она была такъ жива и сильна, что невозможно было ничего пожелать болѣе. Я знаю, что вообще не должно слишкомъ много полагаться на манифестаціи такого рода; я помню, и слышалъ самъ, какъ въ Парижѣ національные гвардейцы кричали разъ за разомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ императоръ!» Но нашъ народъ по природѣ своей очень холоденъ; онъ и вообще не щедръ на демонстраціи, а особенно фламандская часть его, такъ что на его демонстраціи можно положиться до нѣкоторой степени.

Какъ вамъ извѣстно, Бельгія состоитъ изъ двухъ элементовъ, совершенно различныхъ, изъ населенія фламандскаго, принадлежащаго къ германскому племени и говорящаго однимъ языкомъ съ нашими сосѣдями-Голландцами (съ нѣкоторыми измѣненіями въ правописаніи и произношеніи), и изъ населенія валлонскаго, принадлежащаго къ романскому племени. Фламандцы, въ числѣ почти 2¹/₂ миллионѣвъ, занимаютъ восточную часть государства, обѣ Фландріи, Антверпенъ и большую часть Брабанта. Валлонцы, въ числѣ 2.100.000, занимаютъ провинціи Литтихъ, Лимбургъ, Геннегау, Намуръ и Люксембургъ. Фламандцы во все время были враждебны Франціи, и присоединеніе встрѣчаетъ у нихъ рѣшительное сопротивленіе во всѣхъ классахъ народа безъ различія. Прежде всего это дѣло чувства. Не совсѣмъ то мы заботимся въ валлонской части населенія. Тамъ присоединеніе къ Франціи нѣкогда пользовалось популярностью; во время первой французской республики оно совершилось при громкомъ одобре-

нѣ народѣ, и то же бы самое было въ 1830 году, еслибы не воспротивилась тому Европа. Но въ послѣднія 30 лѣтъ и въ этомъ отношеніи произошла большая перемена. Средніе классы крѣпко привязались къ конституціонному правленію, и, какъ кажется, Франція потеряла свою популярность даже въ низшихъ классахъ, хотя имя Наполеона еще сохранило тамъ нѣкоторое обаяніе. Въ Геннегау, гдѣ торговля дѣла производится преимущественно съ Франціей, куда эта провинція отправляетъ ежегодно до трехъ милліоновъ тоннъ каменнаго угля, промышленные интересы побуждаютъ жителей къ присоединенію, которое бы уничтожило таможенную преграду, стѣсняющую ихъ ежеминутно. Оттого-то на эту провинцію и направлены свои батареи пропагандисты присоединенія. Впрочемъ, надобно сказать къ чести населенія Геннегау, оно поняло, повидимому, что выгоды, которыя оно пріобрѣтетъ отъ уничтоженія таможенъ между Франціей и Геннегау, недостаточно вознаграждать за утрату политической свободы, и оно, съ живостію, ему свойственной, присоединилось къ манифестаціи 21-го іюля.

Во всѣхъ отношеніяхъ присоединеніе къ Франціи было бы для Бельгіи дѣломъ самымъ невыгоднымъ. Съ точки зрѣнія политической и нравственной, мы бы потеряли отъ этого свободу трибуны и печати. Безъ сомнѣнія, нельзя сказать, что мы уже извлекли слишкомъ много пользы для себя изъ этихъ плодотворныхъ правъ. Относительно развитія печати, ассоціацій и митинговъ, мы далеко еще отстали отъ Англіи. Но мы на столько же оставили за собою Францію въ этомъ отношеніи. Журналы, свободные отъ всякихъ политическихъ и фискальных стѣсненій, значительно размножились. За 10 или 12 франковъ въ годъ, въ Бельгіи, можно имѣть ежедневную газету, порядочно издаваемую и сообщающую достоверныя извѣстія, а изъ этого видно, что низшіе классы читаютъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Съ другой стороны, *кружки* и *общества*, открывающіеся ежедневно безъ всякаго разрѣшенія, сильно содѣйствуютъ, въ соединеніи съ дешевою печатью, распространенію общественнаго образованія. Поэтому, присоединеніе, которое бы лишило насъ свободы печати и ассоціацій, совершенно задержало бы умственное и нравственное развитіе нашего народонаселенія.

Наши матеріальные интересы выиграли бы также немного. Правда, мы пріобрѣли бы обширный рынокъ, куда до сихъ поръ не допускались наши мануфактурныя произведенія, вслѣдствіе запретительной системы; можетъ-быть этотъ рынокъ будетъ еще закрытъ для насъ нѣкоторое время, потому что французское правительство не расположено повидимому доставить намъ тѣ же выгоды, которыя оно упрочило за Англіей. Переговоры

объ этомъ остановились и нисколько не двигаются впередъ. Но, съ другой стороны, мы бы вступили въ коммерческую общину, постановленія которой, несмотря на торговый договоръ съ Англіей, долго еще останутся менѣе либеральными чѣмъ наши. Лучше ли за то будутъ управлять нами? Сомнительно. Извѣстно, что достоинство и дѣятельность администраціи въ дѣйствительности не всегда возрастаютъ съ расширеніемъ государства. Другое неудобство состоитъ въ томъ, что наша администрація, въ которую войдетъ въ большомъ количествѣ французскій элементъ, нисколько не улучшится; публичныя должности будутъ исправляться не лучше, а платить за нихъ мы будемъ гораздо дороже. Французское правительство ежегодно требуетъ отъ населенія въ 36.205.000 человекъ, сумму въ 1.825.000.000 фр. или по 50.42 фр. налога на душу, между тѣмъ какъ въ Бельгіи правительство требуетъ только 149.188.000 фр. отъ населенія въ 4.623.000 человекъ или по 32.27 фр. налога на душу. Стало-быть, присоединеніе увеличило бы общественныя повинности на цѣлую треть, а если принять въ соображеніе богатство нашей страны и превосходство ея потребленія, то дѣйствительное увеличеніе повинностей будетъ на цѣлую половину. Замѣтьте притомъ, что это увеличеніе нашихъ повинностей не доставитъ намъ никакихъ излишнихъ удобствъ. Нѣтъ, оно просто заставитъ насъ уплачивать проценты за долгъ, который вдвое болѣе нашего. Сумма французскаго долга, по словамъ г. Горна (1), простирается до 9.113.000.000 фр., между тѣмъ какъ сумма нашего не превышаетъ 599.700.000; другими словами, каждый Французъ долженъ среднимъ числомъ государственнымъ кредиторамъ 250 фр., тогда какъ долгъ, лежащій на каждомъ Бельгійцѣ, не превышаетъ 130 фр. Къ этому надо прибавить, что французскій долгъ возрастаетъ безпрерывно, что онъ, въ теченіе 10 лѣтъ, увеличился на три миллиарда, между тѣмъ какъ нашъ, благодаря Бога, идетъ впередъ несравненно медленнѣе.

Итакъ вы видите, что присоединеніе было бы для Бельгіи дѣломъ невыгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и наше населеніе понимаетъ это все яснѣе и яснѣе. Въ 1830 году присоединеніе къ Франціи встрѣтило бы очень мало сопротивленія въ фламандскихъ провинціяхъ и было бы принято съ восторгомъ въ провинціяхъ валлонскихъ. Въ 1860 году оно встрѣтило бы энергическое сопротивленіе въ провинціяхъ фламандскихъ и нашло бы немногихъ и нерѣшительныхъ партизановъ между образованными классами валлонскихъ провинцій. Еслибы наше правительство, вмѣсто того чтобы такъ часто влачиться по финансовой и

административной колѣ Франціи, старалось преимущественно подражать Англіи, еслибы, напримѣръ, оно имѣло мужество отказаться отъ несправедливой и отяготительной системы конскрипціи, и замѣнить ее англійскою системою добровольной вербовки, еслибы оно уничтожило налогъ на соль, поддерживающій успѣхи нашего земледѣлія, и падающій всею жестію своею на бѣдные классы, еслибы оно повизило наш таможенный тарифъ, то чувство національности развилось бы еще болѣе, высказалось бы еще сильнѣе, и тогда конечно было бы такъ же трудно, такъ же невозможно присоединить къ Франціи Бельгію, какъ и графства Кентское и Соссекское.

Уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ весьма удачно совпало съ празднованіемъ 29-й годовщины вступленія на престолъ корол. Это уничтоженіе преградъ, стѣснявшихъ еще 78 общинъ и почти треть населенія, произвело настоящій взрывъ восторга. Внутреннія пошлины были въ высшей степени стѣснительны для массъ. Не простирали ли чиновники строгости своей до того, что взимали акцизъ съ куска говядины, назначеннаго на похлебку работника? Къ несчастію система, принятая въ замѣнъ внутреннихъ пошлинъ, заключаетъ въ себѣ существенный недостатокъ: она разлагаетъ на деревни часть расходовъ, идущихъ и спеціальныя потребности однихъ городовъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность закона, который г. Фреръ-Орбанъ, министръ финансовъ, успѣлъ провести въ палатахъ. Наши 78 общинъ, гдѣ платились внутреннія пошлины, получали отъ этого налога ежегодный доходъ въ 10.876.000 фр. Эту сумму слѣдовало пріискать изъ другихъ источниковъ, если не возможно было нѣсколько уменьшить общинные расходы. Проще всего было пополнить дефицитъ увеличеніемъ прямыхъ мѣстныхъ налоговъ, какъ то дѣлается въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Но эти налоги пали бы преимущественно на городскую буржуазію, составляющую господствующій классъ въ законодательномъ собраніи и главную опору либеральной партіи, глава которой г. Фреръ-Орбанъ. Значитъ, они бы приняты были очень дурно. Что же вслѣдствіе этого сдѣлалъ г. Фреръ-Орбанъ? Вмѣсто того чтобы сумму, необходимую для пополненія дефицита, происшедшаго отъ уничтоженія внутреннихъ пошлинъ, замѣнить прямыми налогами, падающими на одинъ города, онъ испросилъ у палаты разрѣшеніе увеличить косвенные налоги, падающіе на все государство. Онъ составилъ общинный фондъ слѣдующимъ образомъ:

1-е. Изъ чистаго почтоваго дохода	1.500.000 фр.
2-е. Изъ трехъ четвертей чистаго дохода съ налога на кофе	2.000.000 —
3-е. Изъ 810.000 фр. прибавочнаго налога на вино	810.000 —
4-е. Изъ 700.000 фр. на производство сахару	700.000 —

5-е. Изъ 2.840.000 фр. прибавочнаго акциза на джинъ, обложенный налогомъ отъ 1 ф. 50 с. до 2 ф. 45 с. на гектолитръ	2.840.000	—
6-е. Изъ 50.000 фр. прибавочныхъ пошлинъ на иностранную водку	50.000	—
7-е. Изъ 6.100.000 фр. добытыхъ удвоеніемъ акциза на пиво, который съ 2 фр. 6 сант. на гектолитръ возвышенъ до 4 фр.	6.100.000	—
Всего .	14.000.000	—

Такимъ образомъ общинный фондъ будетъ состоять изъ 14 милліоновъ, взимаемыхъ со всѣхъ жителей вообще. Потомъ эта сумма будетъ распределена между различными общинами государства, чтобы дать имъ возможность покрыть ихъ мѣстные расходы. Еслибъ это распределеніе производилось справедливымъ образомъ, то-есть по оцѣнкѣ каждой части, приблизительно доставленной каждой общиной въ общинный фондъ, то можно бы пожаловаться только на сложность проекта г. Фреръ-Орбана, и по крайней мѣрѣ справедливость бы не пострадала. Къ несчастію, дѣло выходитъ иначе. Министръ заглушаетъ въ себѣ великій принципъ справедливости передъ необходимостью упрочить за городами, гдѣ платились внутреннія пошлины, сумму, равную налогамъ, которые ихъ заставили уничтожить. На этомъ основаніи онъ опредѣляетъ на 78 общинъ 11.600.000 фр. (включая въ то число суммы, необходимыя для вознагражденія уволенныхъ чиновниковъ и пр.), или около $\frac{3}{4}$ общиннаго фонда, хотя эти общины имѣютъ только 1.200.000 жителей, тогда какъ 2.446 общинъ, между которыми распределена будетъ послѣдняя четверть, имѣютъ 3.400.000 жителей. Безъ сомнѣнія, 1.200.000 городскихъ жителей участвуютъ въ налогахъ, которые идутъ на составленіе общиннаго фонда, въ пропорціи болѣе сильной, чѣмъ цифра ихъ населенія, но разница эта далеко не оправдываетъ распределенія, произведеннаго министромъ. Исчислено, напримѣръ, что городъ Брюссель, долженъ бы получить на этомъ основаніи около милліона или $\frac{1}{14}$ общиннаго фонда, тогда какъ онъ получитъ изъ него 3 милліона. Относительно Литтиха, гдѣ родился и избранъ министръ финансовъ, несоразмѣрность еще значительнѣе. Такимъ образомъ это будетъ настоящая подать, которую должны уплачивать жители всего государства известному числу городовъ, чтобы помогать имъ въ ихъ мѣстныхъ расходахъ. Конечно, нельзя себѣ и вообразить что-нибудь несправедливѣе.

Со всѣмъ тѣмъ этотъ проектъ, приносящій въ жертву интересы деревень интересамъ небольшого числа городовъ, политическихъ центровъ либерализма, былъ принятъ сильнымъ большинствомъ въ палатахъ и возбудилъ весьма слабую оппозицію со стороны тѣхъ, чьи интересы были принесены въ жертву. Что же это доказываетъ? Это доказываетъ, вопервыхъ, общую непо-

пулярность внутреннихъ пошлинъ и тѣхъ расходовъ и стѣсненій, которымъ онѣ подвергали поселянъ столько же, сколько и горожанъ, воторыхъ — отсутствіе экономическихъ понятій въ нашей странѣ, особенно въ деревняхъ. Нѣкоторые католическіе представители протестовали, но такъ какъ ихъ недостаточно поддержали тѣ, за интересы которыхъ они вступились, то ихъ безъ труда заставило замолчать огромное большинство, руководимое министромъ. Впрочемъ, какъ кажется, самое это большинство не совсѣмъ было убѣждено въ справедливости своего рѣшенія: оно постановило, что по истеченіи четырехъ лѣтъ рпнятый проектъ можетъ подвергнуться пересмотру и перемѣнамъ, если окажется неудовлетворительнымъ на опытѣ.

Конечно, внутреннія пошлины не что иное, какъ остатокъ варварства и уничтоженіе ихъ должно возбудить общую радость, но надо признаться, что способъ, принятый для прекращенія ихъ, нисколько не лучше и никакъ не дастъ иностранцу высокаго понятія о политической нравственности и экономическихъ понятіяхъ нашей страны. Тѣмъ не менѣе уничтоженіе пошлинъ, при совпаденіи своемъ съ 29-ю годовщиной воцаренія нашего короля, произвело самое счастливое впечатлѣніе и удвоило восторгъ народный; но это благо только временное, а легко можетъ быть, что распредѣленіе, очевидно несправедливое, общиннаго фонда, возбудивъ къ городамъ ненависть деревень, произведетъ зло продолжительное, потому что ничто благое не можетъ имѣть источникомъ своимъ несправедливость.

Таковы были два великія событія, которыя занимали страну нашу въ послѣднее время. Я прибавлю къ этому, пожалуй, еще маленькій крестовый походъ свекло-сахарныхъ фабрикантовъ на поддержаніе ихъ покровительственныхъ правъ, которыя уничтожилъ проектъ министра. Благодаря вліянію, которымъ они пользуются въ палатахъ, эти господа успѣли поддержать свою привилегію, самымъ яснымъ результатомъ которой будетъ искусственное повышеніе цѣны на сахаръ для увеличенія дохода владельцевъ земель, на которыхъ воздѣлывается свекловица. Это большаа неудача для приверженцевъ свободной торговли. Вотъ другая, которую потеряли приверженцы свободы преподаванія. Правительство устроило на обширныхъ и цѣнныхъ основаніяхъ воспитаніе земледѣльческое. Оно учредило въ каждой изъ нашихъ провинцій земледѣльческія школы, въ которыхъ не доставало только учениковъ, а между тѣмъ вычислено было, что въ одной изъ этихъ школъ въ Шиме, каждый воспитанникъ, получающій дипломъ, обойдется государству въ 16 тыс. фр. Не правда ли, что такіе земледѣльцы не много дороги? отъ того и кончили тѣмъ, что закрыли эти школы, за исключеніемъ одной, въ Туру, гдѣ воспитанники, получающіе дипломъ, обойдутся государству без-

дѣлду — по 2.700 фр. за челоуѣка. Въ настоящую же минуту утверждено основаніе (все-таки на счетъ государства) высшаго земледѣльческаго института, несмотря на горячія, хотя и безполезныя возраженія малаго числа противниковъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія.

Въ заключеніе посылаю вамъ постановленіе общиннаго совета города Брюгге, имѣющее цѣлю прекращеніе пьянства.

«Ст. 1. Если кто-нибудь будетъ найденъ или встрѣченъ на улицахъ, площадяхъ, гуляньяхъ, въ публичныхъ зданіяхъ, трактирахъ, шинкахъ, лавкахъ, питейныхъ магазинахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ въ состояніи опьяненія, которое бы могло повести къ безпорядку, непристойности и опасности какъ для него самого, такъ и для другихъ, то таковой будетъ немедленно задержанъ и отведенъ на его счетъ, смотря по обстоятельствамъ, или въ его домъ, или въ полицейское управленіе, гдѣ и останется до тѣхъ поръ, пока не придетъ въ полное сознаніе. На его счетъ будетъ составленъ протоколъ и переданъ немедленно въ коллегію бургомистра и эшевенювъ.»

«Ст. 2. Въ силу этой статьи, и если только не будетъ доказано виновнымъ, что опьяненіе его было чисто невольное и случайное, онъ будетъ отведенъ передъ судъ обыкновенной полиціи, и наказанъ, смотря по важности обстоятельствъ, или пеней отъ трехъ до 15 фр., или тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 5 дней, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, не исключая другихъ взысканій, которыя могутъ быть основаны на его дѣйствіяхъ. Сверхъ того онъ будетъ осужденъ на судебныя издержки, независимо отъ расходовъ, которые повлечетъ за собою его арестъ, перевозъ и заключеніе. Присуждая къ пенѣ и расходамъ, судья опредѣлитъ добавочное тюремное заключеніе и срокъ его, сообразно съ распоряженіями 41 ст. закона 21 марта 1859 г.»

«Означенное распоряженіе имѣетъ силу, если даже виновный и не былъ предварительно арестованъ.»

«Ст. 3. Всякій содержатель шинка или иной продавецъ напитковъ, который продастъ или доставитъ инымъ способомъ опьяняющіе напитки виновному, когда уже ясно, что онъ пьянъ, будетъ почитаемъ его сообщникомъ, и подверженъ, смотря по важности случая, тѣмъ же наказаніямъ.»

Прочія общины, говорятъ, намѣрены послѣдовать примѣру Брюгге. Можетъ-быть такое запрещеніе и будетъ дѣйствительно Я сомнѣваюсь однакоже, чтобы муниципальныя постановленія достаточны были для исправленія отъ такого порока. Еслибы въ самомъ дѣлѣ они были достаточны, то излѣченіе совершалось бы слишкомъ легко! Надо сдѣлать еще-что-нибудь. Надо сдѣлать образованіе полною рукой, создать въ работающемъ классѣ мнѣніе, враждебное пьянству, по примѣру того, какъ совершилось

это въ высшихъ классахъ. Не болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда еще въ нашихъ высшихъ и среднихъ классахъ считалось достоинствомъ пить много, пить до крайности. Теперь пьянство почитается между нами порокомъ самымъ унизительнымъ, и никто уже не тщеславится способностію своею поглащать болѣе или менѣе значительное количество крѣпкихъ напитковъ. Вотъ прогрессъ, происходящій отъ воспитанія. Итакъ, если хотать, чтобы такой же прогрессъ совершился между низшими классами, то надо прибѣгнуть къ такому же средству, надо лучше образовать ихъ умъ и дать имъ болѣе совершенныя нравственныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ. Тогда они устыдятся порока, который низводитъ человѣка на степенъ животнаго, и излѣчатся гораздо лучше и радикальнѣе, сами собою, чѣмъ при помощи полицейскихъ мѣръ.

Г. де-Моллиари.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самого человѣка. Въ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго существеніе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства.

Экономическая дѣятельность и законодательство. Современникъ 1859 г., февраль, стр. 348.

Тупицынъ. Къ водворенію на землѣ вѣчной правды можно достигнуть только однимъ административнымъ путемъ.

Крикунъ въ. Какимъ образомъ?

Тупицынъ. Написать объ этомъ проектъ и написать потомъ—его исполнить.

Экономистъ, сцена изъ современной жизни. Отеч. Зап. 1859 года, апрѣль, стр. 61.

Крестьянскій и другіе вопросы нашей общественной и государственной жизни, сдѣлавшіеся наконецъ предметомъ гласнаго обсужденія, вызвали въ нашей литературѣ много статей политико-экономическаго содержанія, хотя застали у насъ весьма ограни-

ченное число людей, специально посвятившихъ себя политической экономіи. Не удивительно, особенно если принять въ соображеніе гениальную способность русской природы съ одинаковою легкостію командовать арміей и управлять юстиціей, писать фельетоны и рѣшать вѣковые вопросы науки, не удивительно, говоримъ, что послѣ долгаго молчанія, за рѣшеніе нашихъ общественныхъ вопросовъ взялись прежде другихъ многие изъ такихъ господъ, у которыхъ ничто въ головѣ не мѣшало развитію върванію въ глубокую мудрость собственныхъ фантазій, которымъ ничто не мѣшало считать оригинальнымъ давно извѣстное, истертое и брошенное, для которыхъ лучшимъ признакомъ современности и послѣдняго рѣшенія науки служить еще не испарившійся запахъ типографскихъ чернилъ.

Но —

...der Berg ist heute zaubertoll,
Und wenn ein Irrlicht Euch die Wege weisen soll,
So müsst ihr's so genau nicht nehmen.

Нельзя однакоже не удивляться возможности появленія ошибочныхъ и недостаточныхъ сужденій въ такой формѣ, какую имѣютъ помѣщенные въ *Современникъ* статьи г. Чернышевскаго по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Какъ общую характеристику всѣхъ этихъ статей, мы рѣшились представить на судъ общественнаго мнѣнія разборъ статьи г. Чернышевскаго: «Экономическая дѣятельность и законодательство». Отношеніе этихъ двухъ отправленій общественной жизни составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной науки, — вопросъ, хотя и совершенно рѣшенный по принципу, но далеко еще не вполне уясненный въ подробностяхъ, несмотря на всю свою насущную, жизненную важность. Печатаемая нашу статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, читатели котораго коротко знакомы съ этимъ вопросомъ въ его современной формѣ, мы можемъ освободить себя отъ обязанности обстоятельно излагать его. Мы только напомнимъ сущность теоріи экономистовъ. Государство облагаетъ экономическую дѣятельность народа податями, но должно имѣть при этомъ въ виду финансовыя потребности, а не покровительство тѣмъ или другимъ отраслямъ промышленности; подати же должны быть употребляемы для охраненія свободы общества и лицъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ посягательствъ. Раціональное вмѣшательство государства въ частныя дѣла должно имѣть главнымъ образомъ лишь отрицательный характеръ. Государство запрещаетъ каждому изъ своихъ подданныхъ мѣшать свободѣ согражданъ и нарушать ихъ права. Въ то же время государство устраняетъ всѣ тѣ стѣсненія и монополіи, которыя были внесены въ жизнь самимъ же государствомъ въ различныя фазы его развитія,

и отмѣна которыхъ составляетъ рядъ благодѣтельныхъ реформъ, лежащихъ на обязанности законодательства, понимающаго свое назначеніе. Въ этихъ реформахъ заключается великая, многоплодная дѣятельность, которая тѣмъ не менѣе въ сущности есть только устраненіе того, что стѣсняетъ жизнь, а не положительное развитіе жизни. Въ этомъ состоитъ сущность теоріи невмѣшательства, выражаемая, но не вполне, девизомъ: laissez faire, laissez passer. Посмотримъ же какъ третируетъ эту теорію нашъ soi-disant представитель современной науки, какъ онъ третируетъ ее, а съ нею вмѣстѣ и всѣхъ *блѣднѣежскъ, узколобыхъ послѣдователей отсталой науки*, признающей принципъ свободы въ экономической дѣятельности частныхъ лицъ.

Г. Чернышевскій освобождаетъ себя отъ труда приводитъ подлинныя слова своихъ *узколобыхъ противниковъ*; онъ излагаетъ ихъ теорію отъ себя, своими словами, придаетъ ей тотъ смыслъ, какой ему угодно, и потомъ глумится надъ этимъ смысломъ. Нѣкоторыя положенія онъ искажаетъ, другія вырываетъ изъ связи системы; изъ тѣхъ и другихъ дѣлаетъ выводы, совершенно бессмысленные и безумные, и караетъ за эти выводы теорію невмѣшательства. Онъ начинаетъ свой разборъ теоріи невмѣшательства съ правила, что «экономической дѣятельности ~~отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода~~». Чтобы показать, какъ онъ выражается, *нелѣпную невозможность этого правила*, г. Чернышевскій беретъ въ примѣръ челоуѣка, который свою экономическую дѣятельность желаетъ обратить на торговлю стекломъ, въ то время какъ другое лицо законтрактовало уже у фабриканта все, что онъ выдѣлываетъ его фабрика. Ну что же, скажетъ читатель, предоставьте этому господину полную свободу исполнить свое желаніе всякими законными средствами, а если естественныя причины, лежащія въ самой натурѣ свободной экономической дѣятельности, рѣшительно не позволяютъ его желаніямъ осуществиться, предоставьте ему свободу поискать другаго дѣла: laissez faire, laissez passer. Но г. Чернышевскій хочетъ, чтобы читатели *Современника* иначе рассуждали: по его мнѣнію, изъ этого правила слѣдуетъ, что государство обязано принять дѣятельныя мѣры, чтобы желаніе мое завести торговлю стекломъ непременно осуществилось, что государство обязано тѣми или другими средствами доставить мнѣ возможность открыть лавку стеклян-ной посуды! Наши читатели, вѣроятно, такъ озадачены этимъ неожиданнымъ выводомъ, что навѣрное скажутъ намъ: пожауйста объясните, что же это такое наконецъ, за кого же принимаетъ публику г. Чернышевскій? или, если онъ говоритъ это не шутя, то какимъ процессомъ у него самого могло родиться подобное умозаключеніе? Мы всячески старались извинить г. Чернышев-

снаго въ нашихъ глазахъ. Всегда лучше предполагать меньшую вину, и потому мы пришли къ догадкѣ, что г. Чернышевскій впалъ въ то, что называется паралогизмомъ, въ неумышленную фальшь умозаключенія: вѣдь это во всякомъ случаѣ извинительнѣе, нежели намѣренно кормить почтенную публику грязью софизмовъ. Паралогизмъ г. Чернышевскаго возникъ очень просто, — вслѣдствие неяснаго пониманія слова *свобода*. Человѣкъ, неопытный по части мышленія и привыкшій къ поспѣшнымъ заключеніямъ, можетъ самымъ невиннымъ образомъ придти къ силлогизму въ родѣ слѣдующаго: «Государство предоставило мнѣ свободу строить себѣ домъ, слѣдовательно оно обязано доставить мнѣ и возможность его выстроить; иначе его позволеніе будетъ совершенно бесплодно: у меня средствъ нѣтъ, нужда мнѣ большая въ его позволеніи! Уже если ты позволяешь, такъ дай и возможность воспользоваться твоимъ позволеніемъ.» Бездарные Французики (какъ выражается г. Чернышевскій), въ родѣ Бастіа, достаточно уяснили намъ смыслъ этихъ паралогизмовъ. Но все-таки мы хотѣли бы думать, что это паралогизмы, не болѣе. Мы совершенно простили бы ихъ г. Чернышевскому и приписали бы ихъ нетвердости его въ элементарныхъ понятіяхъ, еслибъ онъ выдавалъ все это за продукты своего мышленія. Но онъ утверждаетъ, что это естественные выводы изъ теоріи невмѣшательства; онъ прикидывается увѣреннымъ, что всѣ экономисты принуждены принять ихъ, и съ поспѣшностію, уже менѣе невинною, приходитъ тотчасъ же къ заключенію, что стало-быть *они сами не знаютъ, что говорятъ, что у нихъ нѣтъ прочнаго образа мыслей*. Поэтому, онъ не только не обращаетъ, но и не имѣетъ права обращать речью никакого вниманія на ихъ мнѣнія.

Послѣ этой грозы, г. Чернышевскій приступаетъ къ разбору втораго положенія теоріи невмѣшательства: «Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій». Прежде всего онъ старается успокоить читателя. «Вы не думайте, говорить онъ, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ». Послушайте же, чѣмъ угощаетъ г. Чернышевскій своихъ читателей на слѣдующихъ за этими увѣреніями страницахъ (319—321). Положеніе: «Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій», онъ пополняетъ отъ имени экономистовъ слѣдующею прибавкой: «Кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій.» Г. Чернышевскій вѣрнѣе выразилъ бы сущность дѣла и освободилъ бы себя отъ многихъ разглагольствій, еслибъ изложилъ эту прибавку такъ: «Кромѣ стѣсненій,

дѣйствительно нужныхъ для огражденія правъ другихъ лицъ. Но ему нужна была формула, допускающая нелѣпое толкованіе, и онъ навязываетъ всѣмъ экономистамъ крайне-нелѣпую прибавку о стѣсненіяхъ, допускаемыхъ для избѣжанія другихъ, болѣе неприятныхъ стѣсненій. Пользуясь этою самодѣльною прибавкою, онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ самое положеніе, и для выясненія послѣдствій, къ которымъ ведетъ теорія невмѣстательства, избираетъ слѣдующіе примѣры:

1) Общество, руководясь теоріей невмѣстательства, можетъ постановить правиломъ, *чтобы люди по улицамъ не могли ходить (не ходили?) иначе, какъ заложивъ руки за спину.*

2) Общество можетъ узаконить отрѣзываніе указательнаго пальца.

3) Общество можетъ повелѣть выкалывать одинъ глазъ.

Всѣ эти стѣсненія, говоритъ г. Чернышевскій, могутъ быть предписаны для устраненія другихъ, болѣе неприятныхъ стѣсненій,—замѣтите, экономической дѣятельности. Всѣ они оправдываются теоріей невмѣстательства. Г. Чернышевскій, какъ видите, остался вѣренъ своему обѣщанію; онъ не хочетъ придавать этой теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ умѣ своихъ послѣдователей.

Вотъ еще одна изъ остроумныхъ притчъ, которыми любитъ изъясняться г. Чернышевскій. Одинъ изъ членовъ общества идетъ по улицѣ, входитъ въ чужой огородъ, беретъ заступъ, и не говоря никому ни слова, начинаетъ копать землю; разумѣется, его принимаютъ за помѣшаннаго и арестуютъ. Онъ и г. Чернышевскій въ крайнемъ негодованіи, протестуютъ противъ такого *стѣсненія экономической дѣятельности*, и требуютъ, чтобы общество нашло для нихъ средство заниматься огородничествомъ, чтобы оно устроило имъ общественный огородъ, *въ которомъ бы каждый работалъ, когда захочетъ и сколько хочетъ*, или не воспрещало ихъ экономической дѣятельности упражняться на чужихъ огородахъ, также когда и сколько имъ пожелается. Г. Чернышевскій не предлагаетъ средства, которое многими предлагалось въ подобномъ случаѣ: отнять у тѣхъ, кто имѣетъ, и отдать тѣмъ, у кого нѣтъ. Г. Чернышевскій не хочетъ идти такъ далеко; онъ даже вовсе не врагъ политической экономіи. Ему только не хочется допустить, что политическая экономія имѣетъ дѣло съ человѣческими обществами, въ которыхъ по крайней мѣрѣ большинство находится въ здоровомъ умѣ; вѣроятно, изъ черемѣрнаго уваженія къ этой наукѣ, онъ предполагаетъ въ ней всеобщую примѣнимость, примѣнимость даже къ обществамъ звѣрей и сумашедшихъ. Но онъ недоволенъ тѣмъ, что *узколюбые послѣдователи теоріи невмѣстательства* страшно упрямы

и непослѣдовательны: для людей у нихъ и *laissez faire*, и *laissez passer*, а чуть коснется дѣло до такихъ господъ, какихъ приводить въ примѣръ г. Чернышевскій, они безъ обиняковъ говорятъ: посадите ихъ на цѣпь! Ну какая же тутъ правда и послѣдовательность? За то и вся *теорія ихъ разлетается въ пыль* (стр. 321). Ужь не пыль-то ли и намѣренъ былъ г. Чернышевскій бросить въ глаза своимъ читателямъ въ этомъ отдѣлѣ своихъ изслѣдованій? Иначе мы не можемъ объяснить процессъ его умозаключеній; здѣсь ужъ нельзя предположить безсознательной фальши въ умозаключеніи. Протремъ же глаза, и посмотримъ, что будетъ дальше.

Послѣдователи теоріи невмѣшательства говорятъ: «Государство существуетъ для огражденія безопасности отдѣльныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію индивидуальной дѣятельности.» Что должно разумѣть здѣсь подъ именемъ государства, о какихъ стѣсненіяхъ и о какихъ мѣрахъ государственной власти здѣсь можетъ идти рѣчь, до этого г. Чернышевскому нѣтъ дѣла; требуется доказать, что и это положеніе не выдерживаетъ тонкой ученой критики, и г. Чернышевскій начинаетъ свою ученую операцію. Вотъ на поддержку его умозаключенія:

№ 1) Воровствомъ занимаются обыкновенно люди, дошедшіе до нищеты; государство обязано хранить общественную безопасность: слѣдовательно, оно обязано озаботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты, чтобы каждый гражданинъ былъ собственникомъ.

№ 2) Безопасность нарушается преступленіями. Расточительность служить одною изъ причинъ преступленій. Государство обязано принимать мѣры для отстраненія фактовъ, вредныхъ для безопасности. Слѣдовательно, государство обязано принимать всѣ мѣры для прекращенія расточительности, для уменьшенія числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньгами, для прекращенія чванства именами, и притомъ, въ смлу теоріи отсталыхъ экономистовъ, оно обязано принимать *всѣ какія бы то ни было мѣры, благоразумныя и глупыя, человѣчныя и безчеловѣчныя*, не соображаясь съ правами здраваго смысла и человѣческой личности.

Какъ видите, у г. Чернышевскаго цѣль оправдываетъ средства. Правило это легло у него основой всѣхъ умозаключеній, да едва ли не было руководящимъ и для всѣхъ статей объ общинномъ владѣніи.

Общинное начало благотѣльно.

Цѣль оправдываетъ средства.

Слѣдовательно, г. Чернышевскій имѣетъ полное право употреб-

Лгать всё средства, какія бы они ни были, для доставленія торжества этому началу. Софизмы, извращеніе чужихъ мыслей, все дозволено. Но допустимъ даже, что вѣра въ общинное начало освятила для г. Чернышевскаго всё эти средства; все же, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ нимъ, не мѣшало бы подумать, нуждается ли защита общиннаго начала въ такихъ средствахъ, достигаютъ ли они своей цѣли? Ложь и софизмы не потому только дурны, что безнравственны, но уже и потому, что они никогда не достигаютъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ науки.

Сбившись выше на понятіи о свободѣ, г. Чернышевскій перепутываетъ понятія: *общество* и *государство*, и самъ потомъ радуется, что поймалъ читателя въ этой путаницѣ. Вы согласились съ нимъ, довърчивый читатель, что общество нравственно обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые сами не могутъ охранять свои интересы; вы не успѣли еще изъяснить ваше одобреніе этимъ безспорнымъ истинамъ, какъ г. Чернышевскій кричитъ вамъ: вы согласились, что дважды два четыре, ну такъ я же вамъ докажу, что дважды три семь, что дважды четыре—стеариновая свѣчка, что общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ внимательства общества, что если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недѣлительнымъ. Но даже и этого мало: г. Чернышевскому опять наскучаетъ слово: *общество*; онъ снова преспокойно замѣщаетъ его словомъ: *государство*; и вотъ у него теорія невмѣшательства обязываетъ государство исправлять общество, притомъ, не забывайте, всѣми средствами: человѣчными и безчеловѣчными, благоразумными и самыми безмысленными, какія только придутъ въ голову тѣмъ господамъ, которымъ экономисты будто бы поручаютъ постоянную опеку надъ человѣческимъ обществомъ, состоящимъ по мнѣнію г. Чернышевскаго, какъ мы видѣли, изъ дикихъ звѣрей, помѣшанныхъ и идиотовъ. Послѣ всего этого г. Чернышевскій восклицаетъ: «*Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства! Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчащія.*» Но кто, гдѣ, когда излагалъ подобнымъ образомъ эту теорію, г. Чернышевскій умалчиваетъ; молчитъ объ этомъ и вся литература политической экономіи, если не включать сюда такихъ объяснителей этой теоріи, какъ авторъ *des idées napoléoniennes*.

Но возвратимся къ примѣрамъ, которые избралъ г. Чернышевскій для опроверженія теоріи невмѣшательства, и въ доказательство того, что сама эта теорія необходимо ведетъ къ признанію государственнаго вмѣшательства не только въ экономическую, но и во всякую дѣятельность частныхъ лицъ. Изъ этихъ примѣровъ

г. Чернышевскій вывелъ заключеніе, что государство должно дать всѣмъ гражданамъ не только возможность, но и средства къ безбѣдной жизни, что оно должно прекратить расточительность, что оно обязано оказывать защиту каждому, чьи интересы пострадали бы безъ его вмѣшательства, и при томъ, какія бы ни предприняло государство мѣры для достиженія этихъ цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности. Москва, вишь, виновата! Да кто же вамъ давалъ право, г. Чернышевскій, самому присочинять дополненія теоріи, которая никогда и въ голову не приходила ея послѣдователямъ? Вѣдь отъ вашихъ статей еще не сгинетъ вся литература политической экономіи; если вы не знаете, то всякій образованный человѣкъ долженъ знать, что послѣдователи теоріи невмѣшательства не «физиократы», и что кодексъ ихъ не *code de la nature* аббата Марли. Еслибы г. Чернышевскій, при всей слабости своего мышленія, при всей недостаточности своихъ познаній, добросовѣстно желалъ объяснить себѣ и другимъ этотъ жизненный для цѣлаго міра вопросъ, онъ долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ взять на себя трудъ заглянуть въ Смита, или еще ближе, въ Бастіа, особенно непріязненнаго г. Чернышевскому, но тамъ не найдется ничего, что хоть сколько-нибудь могло бы оправдать выводы, дѣлаемые г. Чернышевскимъ, сражающимся съ созданными собственною фантазіей мельницами. Говорить ли о томъ, что человѣку, предъявляющему претензіи на современность своихъ понятій, слѣдовало бы справиться, какая разница между обществомъ и государствомъ, разница, сознаніе которой дѣйствительно составляетъ одно изъ важнѣйшихъ завоеваній современной науки, какъ справедливо замѣчаетъ Риль въ своей *Naturgeschichte des Volkes* (т. II, стр. 4), разница, о которой Адамъ Смитъ дѣйствительно не имѣлъ еще яснаго понятія, когда къ числу признаваемыхъ имъ обязанностей государства, внѣшней защитѣ и правосудію внутри, онъ присовокуплялъ еще заботу (и то только заботу, а не всѣ безразличныя мѣры) о такихъ общепольныхъ учрежденіяхъ, которыя не доступны средствамъ отдѣльныхъ лицъ (1). Г. Чернышевскій не въ состояніи былъ даже подумать, какое множество вопросовъ необходимо еще разрѣшить, прежде нежели дѣлать, въ приведенныхъ имъ примѣрахъ, тѣ заключенія, которыя онъ вытянулъ изъ нихъ всѣми исчисляемыми въ логикѣ орудіями фальшивыхъ умозаключеній.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы судить, какъ г. Чернышев-

(1) *Wealth of the Nations*. V. Ch. 1, 2.

скій понимаетъ мнѣнія экономистовъ. Мы полагаемъ, что недоразумѣніе его можно характеризовать въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: По его мнѣнію, правило: *laissez faire, laissez passer*, значитъ: предоставьте всѣмъ явленіямъ общественной жизни (изъ приведенныхъ имъ примѣровъ видно, что онъ не ограничивается одною экономическою сферою) развиваться, безъ всякаго вмѣшательства государственной власти, изъ того *statu quo*, въ которомъ находится общество въ моментъ явившагося сознанія этого правила. Въ то же время, по странной непослѣдовательности понатій, условно допускаемое *содѣйствіе* государства успѣхамъ тѣхъ цѣлей, которыя не могутъ быть достигнуты средствами отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ, г. Чернышевскій понимаетъ какъ *обязательства непосредственно осуществленія* этихъ цѣлей всѣми средствами государственной силы. Нужно ли объяснять, какъ превратно подобное толкованіе? Изъ любого руководства политической экономіи легко убѣдиться, что девизъ: *laissez faire, laissez passer*, выражаетъ только запрещеніе вмѣшиваться *силой* въ то, что можетъ быть создано одною *свободою*, и нисколько не заключаетъ въ себѣ запрещенія этой *силой* уничтожать то, что создано *силой* во вредъ *свободѣ*. Мы не только имѣемъ право, но даже обязаны, чтобы не предполагать худшаго, предположить, что г. Чернышевскій и не заглядывалъ никогда въ сочиненія писателей, о которыхъ онъ позволяетъ себѣ отзываться съ такимъ презрѣніемъ. Иначе, какъ же могъ онъ забыть слова Бастиа: «Ne nous accusez donc pas quand nous disons *laissez faire*; car nous n'entendons pas dire par là: laissez faire les hommes, alors même qu'ils font le mal. Nous entendons dire: étudiez les lois providentielles, admirez-les et laissez les agir. Dégagez les obstacles qu'elles rencontrent dans les abus de la force et de la ruse, et vous verrez s'accomplir au sein de l'humanité cette double manifestation du progrès: l'égalisation dans l'amélioration» (1)?

Еще легче убѣдиться, что, по теоріи экономистовъ, содѣйствіе государственной силы какимъ бы то ни было цѣлямъ въ сферѣ свободной дѣятельности общества должно заключаться только въ уничтоженіи всѣхъ препятствій, созданныхъ *силой* и не даю-

(1) - Не обвиняйте же насъ, когда мы говоримъ: *laissez faire*. Говорятъ: «предоставляйте людямъ свободу», мы никакъ не хотимъ сказать: «предоставляйте людямъ свободу дѣлать зло.» Мы хотимъ сказать: Изучайте законы, установленные Провидѣніемъ, удивляйтесь этимъ законамъ и не вмѣшайте ихъ дѣйствию. Освободите ихъ отъ препятствій, которыя они встречаютъ въ злоупотребленіяхъ силы и хитрости, и вы увидите двойное проявленіе прогресса въ средѣ человѣчества: уравниваніе въ совершенствованіи. *Harm. écon.* p. 512.

щихъ этой дѣятельности совершать нормально свои отправленія. Напрасно г. Чернышевскій старается всемірно-человѣческія основы этой теоріи вдавить въ узенькую рамку реакціи средневѣковымъ регламентаціямъ. Ея идея есть идея свободы. Эпоха ея возникновенія есть эпоха сознанія, что общество человѣческое не стадо барановъ, которому отвѣшивается полезная доля свободы, и которое дубиной погоняется по пути прогресса (см. *Les idées napoléoniennes*), что общественная жизнь управляется такими же вѣчными законами, какъ жизнь цѣлой вселенной. Не мѣсто здѣсь объяснять, какимъ путемъ, ^Xсквозь какія препятствія, пробивалась эта идея, и какъ мало-по-малу воплощалась въ научное сознаніе. Ея значеніе, ея тѣсная связь съ идеей свободы, ясно сознаны уже въ XVII столѣтіи, въ прекрасномъ выраженіи Буагильбера: *il n'y avait qu'à laisser faire la nature et la liberté qui est le commissionnaire de cette même nature* (1). Несмотря на такое давнишнее сознаніе идеи свободы и гармоніи экономическихъ отправленій общественной жизни, полное развитіе этой идеи долго замедлялось неяснымъ пониманіемъ идеи государства. Давно ли было время, ^Xкогда государство обоготворялось какъ единственное конкретное проявленіе всей полноты человѣческаго духа? Еще не всѣ мы успѣли выработаться изъ этого страшнаго промаха германскаго философа. (Недаромъ его и назвали королевско-прусскимъ философомъ!) Но время это миновало: «Каждая эпоха, говоритъ Риль, вырабатываетъ нѣсколько великихъ истинъ, нѣсколько общихъ идей, съ помощію которыхъ создаетъ свой собственный міръ. Такою идеей можно назвать для нашей эпохи богатое по послѣдствіямъ сознаніе, что *гражданское общество* нѣсколько не совпадаетъ съ *обществомъ политическимъ*, что [▷]понятіе *общества*, въ тѣсномъ смыслѣ, и часто въ обыкновенномъ употребленіи смѣшиваемое съ нимъ понятіе *государства*, существенно различаются между собою. Эманципація идеи общества [▷]отъ деспотизма идеи государства составляетъ неотъемлемую задачу нашего времени.»

Но мы отвлеклись отъ нашего разбора. Посмотримъ теперь, какими доводами и средствами г. Чернышевскій имѣетъ претензію опровергнуть теорію своихъ *узколобыхъ* противниковъ. Мы уже видѣли, что для доказательства ея неосновательности, приведена была несообразность выводовъ, которые будто бы вытекаютъ изъ самаго существа этой теоріи. Теперь рассмотримъ тѣ практическія послѣдствія, которыя г. Чернышевскому угодно

(1) «Стоило только предоставить дѣло самой природѣ и свободѣ, которая есть повѣренный природы.»

приписывать этой теоріи и приводить въ доказательство ея недостаточности, несовременности и вреда для народнаго блага.

Главное практическое неудобство г. Чернышевскій находитъ въ томъ, что она, *ограничивая дѣятельность государственной власти одними заботами о безопасности, ослабляетъ инициативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи*, и все количество правительственной силы и административнаго вѣдѣнія переноситъ на одинъ пунктъ. Тутъ ужъ выходитъ, изволите видѣть, такая неприятность: у государства силъ-то больно много («количество ея зависитъ не отъ теоріи, а отъ нравовъ народныхъ, а теорія указываетъ только, куда ее приложить»), а дѣвать ее некуда, вотъ оно и придумываетъ, на чемъ бы такъ злость сорвать! Тутъ ужъ, разумѣется, какое житье, какая свобода! А намъ еще кричатъ: laissez faire. Чѣмъ бы развлекать государство, подсовывать ему кучу разныхъ дѣлъ, навязывать ему побольше занятій и какъ-нибудь уговорить его, придумали разграничивать дѣло государства отъ дѣла общества, стѣснять, на примѣръ, инициативу народа въ дѣлахъ судебныхъ, инициативу, которая и безъ того хила! Теперь посмотрите: «какой-нибудь величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсывается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадетъ въ руки полиціи какимъ-нибудь неловкимъ поступкомъ», да и тутъ еще станутъ тянуть дѣло, судить, а онъ еще, пожалуй, уйдетъ! То ли дѣло, когда весь народъ одушевленъ заботой о своей безопасности, *когда не подавлена и безъ того хилая инициатива частной дѣятельности въ полицейскомъ, административномъ и судебномъ отношеніи*? Примѣрно сказать, что за расправа была хоть бы у насъ у Раstopчинскаго балкона! Быстро, безъ всякихъ крючковъ и проволочекъ, и должно-быть по сущей справедливости: вѣдь гласъ народа—гласъ Божій! Это только мы, хилые люди Стараго Свѣта, не цѣнимъ такой полицейской, административной и судебной дѣятельности du peuple souverain. То ли дѣло въ Новомъ Свѣтѣ! Чувствуете ли вы, какъ сохранилась тамъ инициатива частной дѣятельности, какъ громко раздается тамъ черезъ XVIII вѣковъ голосъ народа-судьи: «распни, распни его!»

Но, впрочемъ, объ этомъ не для чего намъ распространяться, такъ какъ идеи эти не составляютъ оригинальной собственности г. Чернышевскаго. Его геній заблагоразсудилъ обогатить науку новыми, совершенно оригинальными взглядами. Какая, на примѣръ, великая мысль изложена на стр. 329—332! Понимаете ли вы, *отсталые, узколобые экономисты, питающіеся одною еженощною дребеденью чужихъ мыслей*, не вкусившіе божескаго наслажденія творить, творить хотя бы даже самую страшную чепуху, понимаете ли вы, что здѣсь, на двухъ страницахъ, положены основы дѣлой,

совершенно новой науки: *статика правительственной силы*? Вы, привыкшіе питаться чужою дребеденью, ловите скорѣе геніальную мысль и стройте новое зданіе. Вотъ вамъ его основы: *Фактическая сила правительства надъ обществомъ опредѣляется правами общества и его потребностями*, слѣдовательно величина ея въ данное время есть нѣчто опредѣленное, не зависящее отъ теорій, которыя могутъ измѣнять только направленіе этой силы. Слѣдовательно, отношеніе человѣка къ силѣ правительства ничѣмъ не отличается отъ отношенія человѣка къ любой физической силѣ, данной въ опредѣленномъ размѣрѣ. Къ опредѣленной такимъ образомъ силѣ можно смѣло приложить всѣ законы механики; но г. Чернышевскій не входитъ въ эти подробности; онъ ограничивается пока только однимъ примѣромъ приложенія этихъ законовъ. Извѣстно, что на сколько бы слагающихъ вы ни раздѣлили данную силу, величина ея, равная величинѣ равнодѣйствующей всѣхъ этихъ слагающихъ, останется неизмѣнною, и слѣдовательно чѣмъ на меньшее число слагающихъ будетъ раздѣлена сила, тѣмъ больше будетъ дѣйствіе въ каждой изъ нихъ. Поэтому, ограничивая все дѣйствіе правительственной силы *одною судебною, административною и полицейскою дѣятельностію*, теорія невмѣшательства слишкомъ сосредоточиваетъ ее на одномъ предметѣ, и тѣмъ нарушаетъ общественный балансъ! Отсюда-то всѣ бѣдствія, которыя вы видите въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ: подавленіе личности, замѣненіе законнаго порядка произвольными мѣрами и т. д.! Неправда ли, какъ это ново и самобытно? Мы не говоримъ уже о томъ, какая геніальная смѣлость нужна для того, чтобы подмѣнить выраженія и вмѣсто государства заговорить о правительствѣ. Кто не знаетъ, что теорія невмѣшательства говорить не о правительствѣ, а о государствѣ, что она далека отъ намѣренія отождествлять государство съ правительствомъ, то есть съ администраціей, и предоставлять администраціи, напримеръ, судебную дѣятельность? О томъ, что г. Чернышевскій постоянно смѣшиваетъ эти два выраженія: *правительство и государство*, несмотря на очевидную простоту и совершенную популярность этого различія, — объ этомъ намъ еще придется говорить. Но что значитъ этотъ невинный и простодушный подлогъ, передъ блистательною отвагою совѣта, подаваемого г. Чернышевскимъ человѣческому обществу? Г-ну Чернышевскому, чудится, что передъ обществомъ стоитъ великій богатырь-завоеватель, у котораго зудитъ въ рукахъ отъ богатырской силы. Общество въ страхѣ и трепетѣ, да и какъ не быть въ страхѣ? Вѣдь сила богатыря—сила чисто-физическая. Общество трепещетъ передъ этою силой и готово боготворить ее, какъ древніе люди боготворили раз-

ныя силы природы. Общество трепещетъ и падаетъ ницъ, только одинъ г. Чернышевскій не потерялъ присутствія духа и даже хлопочетъ, о свободѣ. «Общество, покоряйся, вопиетъ онъ, если хочешь свободы.» Прешполненный отваги, г. Чернышевскій дерзаетъ приблизиться и къ богатырю, и подать ему мудрый совѣтъ: «Гни, говоритъ онъ, не на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, а на ту, отъ которой онъ уклонился». Зачѣмъ же непременно гнуть-то? Ему бы напротивъ попросить богатыря не гнуть деревца, а дать ему самому выпрямиться. Г. Чернышевскій серьезно увѣренъ, что всѣ насильственныя мѣры реакціоннаго движенія послѣ 1848 года произошли отъ недогадливости правительства слѣдовать его совѣту.

Въ подтвержденіе новозобрѣтенной статистики правительственной силы, г. Чернышевскій ссылается на примѣръ Англіи, въ которой правительство будто бы оставило за собою гораздо больше власти нежели правительства материка Европы. Онъ заключаетъ это между прочимъ изъ того, что въ Англіи существуетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, основанный, по мнѣнію г. Чернышевскаго, на томъ принципѣ, что *государство должно давать средства къ жизни каждому изъ своихъ членовъ*. Вообще г. Чернышевскій слишкомъ ужъ нѣженъ къ Англіи. Яростно нападая на *узколобыхъ Французиковъ*, онъ не подозреваетъ того, что нѣтъ англійской или французской политической экономіи, что наука эта одна вездѣ, и что *узколобые Французики* гонятъ въ сущности то же самое, что и широколобые Англичане, и торымъ почему-то г. Чернышевскій началъ ужъ чересмѣрно льстить. Г. Чернышевскій ссылается между прочимъ на Джона Стюарта Милля и готовъ выдать этого замѣчательнаго мыслителя за то, что въ родѣ социалиста *in spe*. Никого, кто сколько-нибудь знакомъ съ направлениемъ Джона Стюарта Милля, не ослѣпитъ приводимая г. Чернышевскимъ тирада изъ его *Principles*, въ подтвержденіе его, будто бы, социалистическаго направленія. Все, что Милль говоритъ въ этой тирадѣ, относится только къ тѣмъ формамъ ассоціаціи или даже общины, которыя могутъ развиваться свободно среди самаго общества, безъ всякаго участія со стороны государства.

Чтобъ избѣгнуть повтореній, мы этимъ ограничимъ разборъ доводовъ, представленныхъ г. Чернышевскимъ въ опроверженіе теоріи невмѣшательства, такъ какъ эти доводы обозначатся сами собою при разборѣ собственнаго взгляда г. Чернышевскаго на отношенія экономической дѣятельности и законодательства къ чему мы и перейдемъ теперь. Начнемъ со взгляда г. Чернышевскаго вообще на задачу государства и цѣль правительственной дѣятельности. Не долго разсуждая, г. Чернышевскій говоритъ, что, по его мнѣнію, государство существуетъ только для

благе частных лиц, точь-въ-точь какъ объ этомъ думаетъ знаменитый авторъ *des idées napoléoniennes*, пользовавшійся, какъ извѣстно, большимъ сочувствіемъ извѣстнаго поборника идеи *организации труда*; отсюда-то, никакъ не изъ Милля, г. Чернышевскій и черпаетъ цѣлкомъ свои глубокомысленные взгляды, разводя ихъ въ мутной водичѣ своихъ разлагольствій, конечно, вслѣдствіе своего невыгоднаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ читателей. Но авторитеты, изъ которыхъ черпаетъ г. Чернышевскій, кажется, и не подозреваютъ, что они ровно ничего не сказали своимъ опредѣленіемъ. Кто же когда сомнѣвался въ томъ, что государство существуетъ не для вреда частнымъ лицамъ? Такое опредѣленіе нисколько не разъясняетъ намъ значенія государства въ жизни человѣческихъ обществъ; оно оставляетъ наше понятіе о государствѣ также неопредѣленнымъ какъ и прежде; оно годно развѣ только для того, чтобы не стѣснять произвола говорить объ этихъ предметахъ все, что заблагоразсудится. Но не доверяя въ вопросахъ науки ничьимъ вдохновеннымъ импровизациямъ, мы будемъ лучше держаться анализа дѣйствительной жизни. Правительство можетъ быть хорошо и дурно, существовать на благо или во вредъ народа, но въ томъ и другомъ случаѣ оно не перестаетъ быть правительствомъ; сущность его, въ томъ и другомъ случаѣ, есть сила. Государственная сила исполняетъ свое назначеніе, когда служитъ къ освобожденію человѣческой жизни отъ всякаго рода тиранній. Освобожденіе это достигается сообщеніемъ, посредствомъ государственной силы, незыблагаго существованія порядку, основанному на законѣ. Безъ сомнѣнія, государственное устройство всѣхъ народовъ далеко еще отъ осуществленія такого опредѣленія; но въ наукѣ мы не можемъ уже возвратиться вспять къ старымъ, несостоятельнымъ взглядамъ, отказавшись отъ началъ, которыя въ политической области имѣютъ такое же значеніе, какъ христіанская нравственность въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, ясное пониманіе существеннаго значенія государства затемняется болѣе или менѣе обширною сферою административной дѣятельности, частію насильственно присвоиваемой себѣ правительствами, частію возлагаемой на нихъ самимъ обществомъ, по неразвитости, недостатку органовъ, по апатіи или испорченности. Впрочемъ нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе правительствомъ отправленій, составляющихъ собственно предметъ свободной дѣятельности самого общества, можетъ быть весьма удобно, если при этомъ приняты мѣры, обезпечивающія отъ насилія. Въ этихъ случаяхъ общество пользуется правительственнымъ механизмомъ, какъ готовымъ средствомъ для выгоднаго,

скорого и вѣрнаго достиженія своей цѣли, но необходимо различать въ строгости эту дѣятельность отъ той, которая принадлежитъ собственно правительству, и вообще, какъ замѣчаетъ Милль, «прежде нежели принимать на себя подобное дѣло, правительство должно каждый разъ обсудить, нѣтъ ли основательнаго вѣроятія, что предпріятіе можетъ исполниться и безъ его вмѣшательства свободно дѣятельностію самого общества.» Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы разсуждать съ авторомъ *des idées napoléoniennes*, когда народу можно дать свободу, мы скажемъ, что только тотъ народъ достоинъ свободы и можетъ быть свободнымъ, который не унижаетъ своего правительства до служенія чему-нибудь, кромѣ неуклоннаго охраненія права, какъ единственнаго условія истинной свободы. Ограничивая такимъ образомъ сферу правительственной дѣятельности, мы нисколько не думаемъ устранять то естественное вліяніе, которое законы могутъ имѣть на экономическія отправления общества, и рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ г. Чернышевскій могъ вообразить себѣ, что послѣдователи теоріи невмѣшательства отрицаютъ неизбежность этого вліянія. Нѣсколько страницъ наполнены у него доказательствами большаго или меньшаго вліянія административныхъ мѣръ и всякой перемѣны въ юридическихъ отношеніяхъ на отношенія экономическія. Кто же, когда, сомнѣвался въ этомъ? Но безъ сомнѣнія, никому, кромѣ г. Чернышевскаго, не приходило въ голову видѣть въ этомъ вліяніи *иниціативу со стороны государства въ экономической сферѣ*. Только совершеннымъ презрѣніемъ къ публикѣ, основаннымъ на томъ побужденіи, которое мы привели въ эпиграфъ нашей статьи изъ словъ самого г. Чернышевскаго, можно объяснить себѣ это разглагольствіе на нѣсколькихъ страницахъ, какъ о чемъ-то никому неизвѣстномъ, о фактѣ, который у каждаго передъ глазами. И добро бы еще г. Чернышевскій ограничился примѣрами тѣсной связи вопросовъ юридическихъ и экономическихъ, и разсуждалъ о томъ, какимъ путемъ могутъ и должны быть согласованы требованія, основанныя на положительномъ законодательствѣ, съ требованіями абсолютнаго права; объ этомъ можно бы дѣйствительно сказать еще много новаго и идущаго къ дѣлу;—но какимъ образомъ г. Чернышевскій рѣшился приводить въ доказательство неизбежности правительственной иниціативы въ экономической дѣятельности—случай, въ которыхъ оно дѣйствуетъ какъ частное лицо (казенные подряды, поставки и т. п.), этого мы рѣшительно не постигаемъ. Не мало удивляемся мы также глубокомыслию разсужденія о томъ, что *государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почитетъ удобнымъ* (стр. 341). Къ такому убѣжде-

нию г. Чернышевскій приходитъ посредствомъ слѣдующаго разсужденія: государство имѣетъ право обложить мою землю податью, слѣдовательно, оно имѣетъ безпрекословное право и капитализировать этотъ налогъ, и соответственную часть имущества присвоить себѣ! Легко и скоро! Но мы принадлежимъ къ «отсталой» школѣ послѣдователей теоріи laissez faire, laissez passer, и лучше отстанемъ отъ г. Чернышевскаго: скачокъ не по нашимъ силамъ.

И благо мы пріудержались вовремя; увлекшись примѣромъ г. Чернышевскаго, мы едва не перескочили черезъ одно замѣчательное мѣсто (стр. 330): «Экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ устанавливающий эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеей налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла въ своемъ распоряженіи бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи *все равно, монархическій ли монархъ или конституціонный парламентъ, или собраніе всего народа называется государственною властью.*» Какъ вамъ нравится это? Притомъ не забудьте, что слово *государство* употребляется только въ теченіи доказательства, а въ самомъ положеніи, которое доказывается, дѣло идетъ о *правительствѣ*. («Экономическая сторона частной дѣятельности не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства.») Неужели г. Чернышевскій, несмотря на всю легкость свою въ далеко уносящихъ прыжкахъ, ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ знаменитой формулы Лудовика XIV? Неужели нужно объяснять ему, что парламентъ органъ не правительства, а государства, что одна изъ существеннѣйшихъ принадлежностей государства есть право устанавливать налоги и подати, что только тѣ причины, о которыхъ толковалъ еще старикъ la Voetie, да тѣ, о которыхъ мы выше упомянули, приводятъ народы къ смѣшенію понятій государства и правительства? Намъ пришлось бы писать много, еслибы мы признали своею обязанностію излагать здѣсь всю азбуку государственной науки; для читателей, которыхъ мы предполагаемъ для нашей статьи, это будетъ совершенно излишне, а г. Чернышевскій, мы думаемъ, избѣгнулъ бы такихъ кровавыхъ промаховъ, еслибы, не заходя далеко, прочелъ со вниманіемъ и должнымъ уваженіемъ хоть статью г. Каченовскаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 и 1857 года: *Очеркъ исторіи политическихъ наукъ.*

Не слѣдуетъ забывать, что г. Чернышевскій въ статьѣ своей, какъ онъ самъ объявляетъ (стр. 315 и 316), имѣетъ въ виду *не отдельные практическіе случаи*, не изображеніе горькой дѣйствительности, а *самый принципъ, законное начало*, по которому не только дѣйствуетъ, но и должна дѣйствовать государственная власть. По мнѣнію его, *есть имуущественныя отношенія частных лицъ будутъ зависть, какъ всегда зависть, отъ этой власти* (4), и эта зависимость—не печальный фактъ торжества грубаго насилія, отъ котораго должна избавить насъ истинная цивилизація, а вѣчный и нереложный законъ, который съ успѣхами ея долженъ болѣе и болѣе развертываться въ примѣненіи! Впрочем, мы обязаны прибавить, что признаніе этого убійственнаго принципа за непремѣнный законъ природы человѣческаго общества страшно только для насъ, «бѣдняжекъ, послѣдователей отсталой школы»; для г-на же Чернышевскаго это вовсе не такъ опасно. Онъ во всякое время можетъ передѣлать этотъ законъ, какъ ему понадобится, для согласованія его съ *благомъ индивидуальной личности*. Вѣдь это только экономисты отсталой школы считаютъ *невозможнымъ и вреднымъ передѣлывать натуру вещей*, и для г. Чернышевскаго это самое обыкновенное дѣло. По мнѣнію его, въ этомъ и заключается вся экономическая дѣятельность человѣка. Приведа примѣры того, какъ человѣкъ, для удовлетворенія своихъ потребностей, пользуется законами природы, натурой вещей, онъ заключаетъ, что пахать землю, строить жилища, улучшать породы домашнихъ животныхъ,—все это значитъ *передѣлывать натуру вещей!* Терпѣніе, многотерпѣливый читатель! приготовьтесь услышать еще и не такія вещи. Времена чудесъ миновали: бумага лежитъ спокойно, перо не вырывается изъ рукъ, стѣны не вопіютъ, и г. Чернышевскій спокойно пишетъ: «Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенныя законы: *есть правила, опредѣляющія семейную жизнь, есть правила для развитія умственной жизни, и пр.* Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенныя законы, *устанавливаемые разсудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно пережъ обстоятельствъ*: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушился бы основной принципъ существованія общества, который одно и то же съ существованіемъ этихъ законовъ. Мы видѣли, что *для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но и мѣста должны существовать спеціальныя законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей.*» Какъ видите, вся эта мудрость основана на игрѣ словъ, или лучше сказать, в

смысленіи двухъ значеній одного и того же слова: *законъ* (въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляется въ физикѣ), какъ выраженіе самаго существа предмета и образа проявленія его природы, и *законъ* (въ смыслѣ положительнаго законодательства), какъ опредѣленіе юридической стороны какой-либо дѣятельности. Г. Чернышевскій, кажется, и не подозрѣваетъ, что только эта сторона подлежитъ опредѣленіямъ государственной власти, что только формулированіе *права* во всѣхъ сферахъ общественной жизни составляетъ задачу законодательства. А между тѣмъ только при этомъ ограниченіи, только при сохраненіи совершеннаго невмѣшательства въ законы природы человеческого общества, возможна свобода общества и отдѣльной личности, и въ сознаніи этой-то истины и заключается весь смыслъ выраженія: *laissez faire, laissez passer*.

Мы едва было не пропустили глубокомысленныхъ разсужденій г. Чернышевскаго о томъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ *для принесенія людямъ наибольшей выгоды*. Предполагая, что эта выгода составляетъ единственную и непосредственную цѣль законодательства, г. Чернышевскій разсуждаетъ такъ образомъ:

—Предполагаемъ, что существуетъ десять человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 руб. дохода, предположимъ, что есть дѣло, дающее 800 руб. дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе нежели вдвое (онъ имѣлъ 550 руб., теперь будетъ имѣть 1050 руб.). если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по 105 $\frac{1}{9}$ р.). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе нежели чѣмъ вдвое; ясно, значить, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участію всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ.»

Примѣръ этотъ, какъ легко усмотрѣть, можно примѣнить непосредственно только къ распоряженіямъ частнаго лица, и притомъ не промышленника, а благотворителя, напримѣръ, для раздачи работъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ или рабочемъ домѣ. Чтобы примѣнить его къ государству, необходимо признать правительствомъ не распорядителемъ только, но и собственникомъ находящихся въ его распоряженіи средствъ. Мы видѣли, что г. Чернышевскій не находитъ въ этомъ никакого затрудненія. Но,

кромѣ этого, необходимо предположить, что этотъ собственный нѣчто въ родѣ какого-нибудь благотворительнаго ордена, каждое предпріятіе котораго не имѣетъ само въ себѣ никакой самостоятельной цѣли, для котораго нѣтъ заботы, успѣшно или неуспѣшно, выгодно или убыточно идетъ его дѣло, лишь бы досталась возможно большая выгода трудящимся за нимъ. Въ какой мѣрѣ такое предположеніе соответствуетъ понятію государства, предлагаемъ рѣшить самому г-ну Чернышевскому. Мы же думаемъ, что двухъ дѣлъ нельзя смѣшивать въ одно, по русской пословицѣ: «дружба дружбой, а служба службой». Благотворительность можетъ составлять весьма почтенную отрасль общественной дѣятельности, она можетъ производиться съ помощью правительственнаго механизма, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководящею цѣлію въ какомъ бы то ни было экономическомъ дѣлѣ, особенно если оно предпринимается правительствомъ, потому что правительство само по себѣ ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть, потому что оно не болѣе какъ доверенный распорядитель общественныхъ средствъ, обязанный прежде всего соблюдать въ нихъ всевозможную экономію. Противное этому пониманію государства и характера экономическихъ отправленій правительственной власти могло явиться только вслѣдствіе фальшиваго взгляда на нихъ, возникшаго въ свою очередь изъ ложнаго пониманія самой науки политической экономіи, въ такъ-называемаго практическаго направленія ея. Кажется, еще въ сороковыхъ годахъ, критикъ *Современника*, разбирая появившійся тогда *Опытъ о народномъ богатствѣ* г. Бутовскаго, высказалъ взглядъ на политическую экономію, какъ на науку, которой главное назначеніе состоитъ въ открытіи средствъ для облегченія страданій человѣчества, для уничтоженія нищеты и для развитія матеріальнаго благосостоянія, и выразилъ съ сочувствіемъ философскимъ началамъ, въ основаніе которыхъ положена мысль о *единствѣ идеи права съ идеей пользы*. Такой взглядъ на науку политической экономіи сильно напоминаетъ намъ ея старинное камеральное опредѣленіе (см. Roscher, *Handb. der N. O.* § 19); основой его былъ взглядъ на народъ, какъ на дойную корову, которую необходимо и выгодно кормить и холить, для того чтобъ она не бодалась и давала побольше молока. Разница только въ томъ, что эта старинная гнусность передѣлана въ новомъ опредѣленіи на современные демократическіе нравы. «Въ старинныхъ добродушно-филантропическихъ мечтаніяхъ», говоритъ г. Юліанъ Шмидтъ въ своей *Исторіи нѣмецкой литературы*, «идеаломъ являлся мудрый монархъ, объѣзжающій никогондо, подобно каліфу багдадскому, свое государство, наказывающій богатыхъ тирановъ и покровительствующій несчастной добродѣтели; теперь, при

болѣ конкретномъ и матеріальномъ взглядѣ на вещи, упованіе возложилось на механическое устройство государства, и въ немъ ожидали спасенія отъ всѣхъ бѣдъ и страданій человѣческаго общества. Но черезъ эту перемѣну, ученія эти не перестали быть такою же ложью, какою они были во времена Горнековъ и Шредеровъ. Долго ли еще будутъ угощать насъ своими заботливыми и чувствительными наставленіями эти политическіе Беквелии человѣческой породы, долго ли будутъ они своимъ плаксивымъ крикомъ и аханьями заглушать вѣчный голосъ, изъ развалинъ всѣхъ ихъ построеній взывающій намъ: *только правда и мстна освободятъ васъ!* Зачѣмъ вы придумываете особая науки для открытія какихъ-то средствъ помочь страждущему человечеству, и тщательно избѣгаете единственнаго, дѣйствительнаго средства спасти его?

Брось свои иносказанья и гипотезы пустыя!

На проклятые вопросы дай отвѣты намъ прямые.

Отчего подъ ношей крестной, весь въ крови, влечется правый?

Отчего вездѣ безчестный встрѣченъ почестью и славой?

Вглядитесь ближе во всѣ придуманныя вами средства, и вы сами убѣдитесь, что все то, что есть дѣйствительнаго въ нихъ, сводится на одинъ и тотъ же простой и единственно-истинный принципъ *свободы и права*, а все остальное ложь и обманъ, облегченіе на минуту и новая цѣпь на сотни лѣтъ. Мы сказали уже, что рѣшительно отвергаемъ такъ-называемое практическое направленіе въ политической экономіи. Исторія политической экономіи и экономическаго развитія государствъ представляетъ безчисленное множество примѣровъ, какъ трудно различать явленія собственно-экономическія отъ тѣхъ, которыя обусловлены вліяніемъ постороннихъ причинъ, какъ легко принять за свободный экономическій законъ то, что составляетъ только слѣдствіе вмѣшательства насильственныхъ распоряженій власти. И нельзя отрицать, что власть имѣетъ большое искушеніе примѣнять къ дѣлу, во имя народнаго блага, всѣ эти кажущіеся законы экономической жизни, искушеніе, тѣмъ болѣе извинительное, что оно опирается на авторитетъ самой науки политической экономіи въ ея, такъ-называемомъ, *практическомъ* направленіи. Но, да проститъ насъ г. Чернышевскій и всѣ его единомышленники, всѣ *maxima et minima* міра сего,—эти средства, эти воображаемые законы, на которыхъ они основываются, кажутся намъ только бесполезными побрякушками, заглушающими (съ цѣлю и безъ цѣли) одинъ вѣчный законъ, вопіющій намъ изъ всей экономической науки: *свободы! свободы! свободы!* Это тотъ вѣчно-истинный трузизмъ, который читаемъ мы во всѣхъ добросовѣст-

ныхъ изслѣдованіяхъ и вѣрно-представленныхъ явленіяхъ экономической жизни. Это—и больше ничего. Ничего для тѣхъ, кто ищетъ «на проклятые вопросы прямыхъ отвѣтовъ». Но для тѣхъ, чей умъ подкупленъ слабонервнымъ упованіемъ на всемогущество власти и, что еще хуже, подавленъ внушеніями минуты и личныхъ интересовъ,—для тѣхъ экономическая наука, какъ перламутръ подъ извѣстнымъ угломъ, ирризируетъ безчисленнымъ множествомъ радужныхъ обѣщаній.

При этомъ направленіи, приписывающемъ какому-либо экономическому факту болѣе значенія и силы, чѣмъ сколько онъ имѣетъ, часто случается, что противная сторона, увлекаемая тѣмъ же заблужденіемъ, приписываетъ тому же факту и то зло, и которомъ онъ нисколько не виноватъ. Какъ на одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ этого, мы укажемъ только на тѣ обвиненія, которыя возводимы было на право собственности многими писателями, искавшими въ политической экономіи средствъ для облегченія страданій народа. Но начало свободной собственности не было осуществлено съ строгою послѣдовательностію еще и въ одномъ государствѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Милль. Первоначальное распредѣленіе ея, и вообще общественныхъ отношеній, совершилось почти вездѣ подъ вліяніемъ силы, и слѣды этого сохранились до настоящаго времени. Собственностію дѣлались часто многія такія вещи, которыя вовсе не могутъ быть предметомъ собственности (1). Къ такимъ предметамъ въ нѣкоторой степени принадлежитъ именно земля.

Сознаніе, или, вѣрнѣе сказать, инстинктивное чувство существеннаго различія между поземельною и движимою собственностію, замѣтно въ первобытныхъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ; оно проявляется то въ формѣ общиннаго владѣнія, то въ формѣ различныхъ ограниченій и повинностей, возлагаемыхъ на поземельную собственность. Выставляя это на видъ, Вильгельмъ Рошеръ не находитъ другаго оправданія для права поземельной собственности кромѣ общей пользы. «*Каждому очевидно, и говоритъ онъ, исключительное право собственности на произведенія собственнаго труда и бережливости; напротивъ тому право своею первоначальнымъ, неразрушимымъ смѣсъ природы основывается собственно не на правѣ, а на видахъ общей пользы.*» (2). Ту же мысль и то же оправданіе находимъ мы у Ад. Смита, Рикардо, Макъ-Коллоха, Сеніора, Сея; всѣ они не находятъ другаго основанія для права поземельной собственности, кромѣ необходимости и общей пользы. Не менѣе очевидно и то, что право

(1) См. *Principles* II, Ch. I, 3.

) 2) Grundlag. d. N. O. § 88.

собственности коллективной единицы на какой-либо предметъ, означаетъ не что иное, какъ право извлекать возможно-большую пользу изъ этого предмета, и право равномернаго участія въ этой пользѣ всѣхъ членовъ коллективной единицы. Владѣніе обща или передѣлъ земли можетъ быть прямымъ нарушеніемъ первой части этого права, присвоеніе части земли въ собственность одного лица можетъ быть въ прямой ущербъ права другихъ. Изъ этого очевидна вся несостоятельность *общиннаго владѣнія*, которое впрочемъ и является только на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, какъ первое, отдаленный намекъ на истинное опредѣленіе права *общинной собственности* (1).

Предложенное Гоббсомъ оправданіе поземельной собственности, какъ факта, признаннаго государственною властью, или закономъ, какъ выражается Монтескье, объясняетъ только происхождение и существованіе поземельной собственности, какъ положительнаго права. Столько же мало примѣнимо къ разъясненію поземельныхъ отношеній объясненіе права собственности выраженнымъ или только подразумеваемымъ соглашеніемъ, какъ предлагалъ Гуго Гротъ. Такое соглашеніе можно допустить развѣ только при свободномъ распредѣленіи поземельнаго владѣнія въ данный моментъ, но имъ никакъ нельзя объяснять переходъ владѣнія въ собственность, подъ вліяніемъ принудительной власти. Да и въ первомъ случаѣ, объясненіе это можно допустить только съ тѣмъ ограниченіемъ, на которое указываетъ Джонъ Стюартъ Милль, говоря, что причины, могущія служить оправданіемъ поземельной собственности съ экономической точки зрѣнія, имѣютъ значеніе только при предположеніи, что собственникъ земли и ея воздѣлыватель одно и то же лицо (2).

Экономическое объясненіе права собственности, производящее его изъ права cadaго человѣка на произведенія своего труда, примѣнимо непосредственно только къ тому, что можетъ быть произведено трудомъ человѣка. Но по теоріи Рикардо, стоящей твердо, несмотря на всѣ возраженія, поземельная рента составляетъ именно ту часть поземельнаго дохода, которая нисколько не зависитъ отъ труда или капитала землевладѣльца, и образуется вслѣдствіе естественныхъ условій и гражданственнаго развитія страны. Слѣдовательно, если человѣкъ имѣетъ право собственности только на произведенія собственнаго труда, то нѣтъ причины, чтобы поземельная рента, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая земля, приносящая эту ренту, непременно были предметами частной собственности. Чтobъ избѣжать этого безпристрастнаго приго-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 17, статья: *Русская сельская община*.

(2) *Principles*, I, p. 26, §

вора экономической науки, нужно или отказаться отъ единственнаго удовлетворительнаго объясненія права собственности, или отъ теоріи поземельной ренты Рикардо. Къ послѣднему средству и прибѣгли нѣкоторые экономисты въ борьбѣ противъ коммунистическихъ и социалистическихъ теорій. Такъ поступили Каре, Бастіа, Банфильдъ и нѣкоторые другіе. Каре думаетъ опровергнуть законъ Рикардо, приводя въ примѣръ случаи, которые только показываютъ, что культура начинается обыкновенно съ земель, не только могущихъ дать наибольшій доходъ по своему плодородію, но и дѣйствительно дающихъ наибольшій доходъ при употребленіи наименьшаго капитала (1). Бастіа хочетъ видѣть въ поземельной рентѣ не болѣе какъ процентъ съ капитала, употребленнаго на улучшеніе почвы. Онъ впалъ, по мнѣнію нашему, въ ошибку, не обративъ достаточно вниманія на особенности земли въ ряду прочихъ даровыхъ силъ природы; въ цѣнѣ хлѣба дѣйствительно не заключается платы за даровыя силы природы; она для земель, наименѣ производительныхъ,—плата за трудъ, капиталъ, рискъ, для земель же, дающихъ чистую ренту, кромѣ того,—плата, какъ выражается самъ Бастіа, не за *reine prise*, а за *reine érapgnée*; но дѣло въ томъ, что экономическая основа права собственности, какъ послѣдствія права на трудъ, не можетъ служить полнымъ объясненіемъ права поземельной собственности. «Гармоничны только законные интересы». Наконецъ, Банфильдъ (2) видитъ противорѣчіе закону Рикардо въ случаяхъ, когда дешевизна хлѣба вмѣстѣ съ увеличившимся требованіемъ на другія высшія произведенія сельскаго хозяйства, какъ напримѣръ мясо, молоко, овощи и т. п., даетъ возможность употреблять въ дѣло такія земли, которыя прежде, при высшей цѣнѣ хлѣба, лежали впустѣ. Но всѣ эти примѣры вполне объясняются теоріей Рикардо, и могутъ служить не опроверженіемъ, а скорѣе подтвержденіемъ ея очевидной и несомнѣнной истины.

Мы дозволили себѣ это длинное отступленіе отъ нашего непосредственнаго предмета, потому что вопросъ о допущеніи или недопущеніи общинной поземельной собственности лучше всего можетъ показать характеръ послѣдствій защищаемаго г. Чернышевскимъ начала *единства права и пользы*. Допустите только смѣшеніе пользы и права, и вы должны будете допустить, что государство, въ интересахъ общей пользы должно вводить частную поземельную собственность законодательными мѣрами даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ у насъ, при существованіи общиннаго

(1) См. *The past, the present and the future*, Ch. I.

(2) *Organisation of industry*, p. 48 и слѣд.

землевлѣдѣнія, право вѣдетъ къ общинной собственности; вы должны будете допустить вообще вмѣшательство государства въ экономическую дѣятельность частныхъ лицъ.

Но пора возвратиться къ нашему автору. Мы оставили его за указаніемъ, какъ правительство должно благотворительствовать на счетъ вѣрноподданническихъ кармановъ. Послѣ этого г. Чернышевскій опредѣляетъ, по скольку оно должно брать изъ cadaго кармана, для того чтобы «выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ вынести ихъ». Выходя изъ предположенія, что правительство имѣетъ право брать съ богатаго и бѣднаго въ какой ему угодно пропорціи, г. Чернышевскій заключаетъ, что, по справедливости, оно должно брать пропорціонально доходамъ того и другаго. Нужно ли говорить, что это такъ же много значитъ, какъ и сентенція, что государство существуетъ для общаго блага, даже еще менѣе, потому что здѣсь нужно еще предварительно объяснить, для какихъ издержекъ назначается налогъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ доходъ, и мало ли еще чего? Г. Чернышевскій съ презрѣніемъ отзывается о Гарнье, а между тѣмъ у этого же Гарнье онъ могъ бы найти безконечно разумнѣйшую формулу для общей характеристики размѣра государственныхъ налоговъ. «Налогъ, говоритъ Гарнье, не долженъ превосходить премію застрахованія, то-есть опредѣленную долю необходимыхъ расходовъ на обезпеченіе личности и собственности гражданина.» И здѣсь, если хотите, сказано не много, но все же по крайней мѣрѣ въ этой формулѣ заключается хотя намекъ на ту великую мысль, въ осуществленіи которой единственная надежда на освобожденіе общества отъ несправедливой раскладки налоговъ и отъ фискальныхъ пріемовъ ихъ взиманія.

Но послѣдуемъ снова за нашимъ авторомъ. Г. Чернышевскій убѣжденъ, что «необходимость законовъ возникаетъ изъ несоизмѣрности человѣческихъ потребностей съ средствами удовлетворенія», или, другими словами, что цѣль законодательства—возможно равномѣрное распредѣленіе скудной добычи между двуногими животными единственной фамиліи порядка *Mammalia erecta*. Изъ такого взгляда на значеніе законодательства естественно слѣдуетъ, что когда дѣлежъ совершится съ соблюденіемъ общей пользы, тогда задача законодательства будетъ выполнена, оно сдѣлается вѣнужнымъ, и тогда только думаетъ г. Чернышевскій наступить пора для осуществленія теоріи, проповѣдующей свободу экономической дѣятельности.

Тогда, тогда... впрочемъ, тогда люди вѣроятно и не замѣтятъ этой радости среди пресыщенія счастьемъ и радостями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мечтаетъ медвѣдь въ сказкѣ Музеуса.

—Тогда, говорить г. Чернышевскій, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условия, и между прочимъ прекратится нужда въ существовавшихъ законахъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физиологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственной работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принужденію, а просто потому, что эта для васъ занимательно, и что было бы для васъ скучно не посвящать чтенію каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго превращенія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворена досыта, и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ умств. творенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства, и распределеніе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ экономическихъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ званіе водами океана: плыви, кто хочеть—мѣста всѣмъ доставеть.

Жаль, что г. Чернышевскій не добавилъ къ этому проекту сдѣланнаго однимъ мыслителемъ обѣщанія, что и волею въ океанѣ изъ горько-соленой (какова она пребудетъ все время) пока будутъ существовать ученія экономистовъ и здраваго смысла въ человечествѣ) превратится во вкусный лимонъ. Въ Сибири будутъ расти апельсины, и пр.; все это послѣдуетъ тотчасъ, какъ только человечество промѣняетъ здравый смыслъ на ученія *нового міра*. Но г. Чернышевскій надѣется, что человечество не долго будетъ раздумывать объ этомъ обѣщаніи *сто или полтора ста лѣтъ*; за двѣсти г. Чернышевскій не ручается. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ручаться? можно ли предсказать нескончаемый трудъ и борьбу, которые остаются у экономистовъ въ перспективѣ, сладкой игрѣ *d'une passion papillonne*, *d'une passion cabaliste*, etc? Въ этомъ отношеніи, г. Чернышевскій решительно идетъ впереди своего вѣка: статьи, которыми онъ наполняетъ *Современникъ*, которыя онъ украшаетъ такими красивыми названіями, носятъ яркій отпечатокъ вдохновенія *d'une passion papillonne*. По законамъ ея, какъ извѣстно, каждый долженъ развлекаться (отнюдь не трудиться), развлекаться всевозможными дѣлами, но каждымъ дѣломъ—не болѣе двухъ часовъ въ день. Что-то будетъ тогда, лѣтъ черезъ полтора ста, когда всѣ будутъ примѣру г. Чернышевскаго! Каково будетъ критическое Имѣ-то ужъ вѣрно будетъ не до развлеченія: нѣтъ тяжелѣе труда, какъ распутывать произвольныя, ни на чемъ не основанныя системы. Здѣсь рѣшительно лопнетъ всякое терпѣніе. Сознаемъ, что наше почтеніе уже истощается, и потому спѣшимъ закончить нашу статью, указавъ только наиболѣе выдающіяся идеи нашего автора. Какъ образецъ *дильныхъ законовъ*, непосредственно вливающихъ въ область экономической дѣятельности, г. Чернышевскій

скій приводитъ правило, по которому запрещено въ питейныхъ заведеніяхъ принимать въ залогъ вещи. Нужно ли доказывать всю бесплодность этого правила? А между тѣмъ г. Чернышевскій, основываясь на томъ, что «подобныхъ законовъ, которые заслуживаютъ въ настоящее время имени дѣльныхъ (!), можно набрать множество примѣровъ», заключаетъ, что внимательство правительства въ экономическую дѣятельность частныхъ лицъ необходимо. Внимательство это считаетъ г. Чернышевскій въ особенности необходимымъ для обузданія конкуренціи, которой онъ приписываетъ всѣ бѣдствія общественной жизни нашего времени и общаетъ, что *со временемъ конкуренціи не будетъ!* «Гдѣ нѣтъ закона», кричитъ г. Чернышевскій, «тамъ произволъ!» «Къ водворенію вѣчной правды», кричитъ г. Тупицынъ, «можно достигнуть только однимъ административнымъ путемъ, нужно написать объ этомъ проектъ и предписать потомъ его исполнить!» «Политическая наука, говоритъ намъ свободный голосъ истины, должна состоять въ распознаніи того, что должно, или что не должно входить въ вѣдомство государства; при этомъ не должно упускать изъ виду, что государство должно дѣйствовать всегда черезъ посредство силы. Оно принуждаетъ принимать оказываемыя имъ услуги, оно также принуждаетъ общество оплачивать ему услугами въ формѣ контрибуцій. Вопросъ получаетъ слѣдовательно такой видъ: чего люди могутъ силой требовать другъ отъ друга? На это можно отвѣчать: только справедливости. Я не имѣю права вынуждать другаго силой религіознымъ, милосерднымъ, образованнымъ, трудолюбивымъ, но я имѣю право принудить его быть справедливымъ; это дѣло законной защиты. Но въ обществѣ лицъ не можетъ существовать никакого права, которое не предсуществовало бы въ самихъ лицахъ. Итакъ, если употребленіе личной силы можетъ быть оправдано только въ случаѣ законной защиты, ао признавая, что правительственное дѣйствіе обнаруживается всегда посредствомъ силы, мы необходимо заключаемъ, что дѣйствіе это должно существенно ограничиваться только сохраненіемъ порядка, безопасности и справедливости. Всякое правительственное дѣйствіе внѣ этихъ предѣловъ будетъ нарушеніемъ правъ совѣсти, разумія, труда, словомъ человѣческой свободы» (1).

Довольно. Повторять и разбирать избитыя разглагольствія о пользѣ общиннаго землевладѣнія мы не станемъ, также какъ и глубокомысленныя изреченія на всѣ буквы латинскаго алфавита.

(1) Bastiat, *Harmonies économiques*, p. 17.

Мы не успѣли еще отправить по назначенію эту статью, какъ получили февральскую книжку *Современника*, съ вачаломъ перевода сочиненія Милля, украшеннымъ примѣчаніями г-на Чернышевскаго. Отъ всей души мы привѣтствовали вѣсть объ этомъ трудѣ и напередъ благодарили за него г. Чернышевскаго. Но мы никакъ не ожидали, что будемъ одолжены ему не одною, а двумя, даже тремя благодарностями: Первая,—мы ужъ сказали,—за переводъ хорошей книги. Вторая—за нѣсколько часовъ самаго веселаго расположенія духа. Мы давно уже не хохотали такъ отъ души, давно съ того времени, какъ видѣли *Заколдованнаго Принца* и читали велемудраго Даумера-магометнина. Только въ этомъ мудромъ толкователѣ гуманнаго правленія der Esel Ochsen und Kalbs-Propheten, находимъ мы что подобное несравненной комической важности, съ которою г. Чернышевскій, можетъ-быть внемля жалобамъ покойнаго *Сельчака*, «что земля наша велика и обильна, а смѣху въ ней нѣтъ», рѣшился потѣшить русскую публику въ своихъ примѣчаніяхъ къ Миллю. Наконецъ третья, самая большая привѣтливость наша г. Чернышевскому, должна быть за его действительно-неоцѣнимую заслугу предъ русскою публикой: упоеніи самоувѣренности онъ первый рѣшился высказать, самую наивною откровенностію, тотъ знаменитый *современный* взглядъ на экономическіе вопросы, котораго предствительство въ русской литературѣ взялъ на себя *Современникъ*. Эта заслуга неоцѣнима не только въ ученомъ, но даже въ экономическомъ отношеніи. Все пустословіе и вся ребяческая несостоятельность этого пресловутаго взгляда обнаружены Чернышевскимъ съ такою откровенностію, что дальнѣйшее опроверженіе его становится совершенно излишнимъ: экономія времени критиковъ, экономія времени читателей, да можетъ-быть и у самого г. Чернышевскаго откроются наконецъ глаза, и онъ употребитъ на что-нибудь лучшее свою дѣятельность. Однако мы боимся: что, если онъ, въ припадкѣ самоотверженія, имѣетъ дать русской публикѣ послѣдній рѣшительный урочъ по слѣдамъ Даумера, вдругъ пересѣдлаетъ изъ политическо-экономическаго ислама въ таковой же католицизмъ? Дай Богъ, чтобъ этого не было. Но по пословицѣ: *на Бога надьялся, самъ не плошай*, мы постараемся, по мѣрѣ силъ нашихъ, предупредить это жертвоприношеніе, сдѣлавъ его ненужнымъ. Въ своемъ предисловіи къ переводу Милля, г. Чернышевскій говоритъ, что *Современникъ*, «будучи въ русской литературѣ представителемъ взгляда на экономическіе вопросы, во многомъ отличающагося отъ теоріи французскихъ такъ-называемыхъ экономистовъ, часто чувствовалъ недостатокъ на русскомъ языкѣ трактатовъ о политической экономіи, излагающихъ науку въ духѣ

теоріи, раздѣляемой *Современникомъ*, и потому, чтобы помочь этому недостатку, рѣшился перевести книгу Милля и прибавить къ ней замѣчанія.» Послѣ этихъ словъ, читатель вполнѣ убѣжденъ, что Милль—отъявленный врагъ «такъ-называемыхъ экономистовъ», и что взглядъ *Современника* опирается на его систему. Каково же изумленіе его, когда чрезъ нѣсколько строкъ, г. Чернышевскій объявляетъ ему, что система *Современника* далеко не система Милля, «мыслителя, ищущаго только истины, сочиненія котораго признаны всеми экономистами за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ!» Къ чему же было, имѣя намѣреніе пополнить въ русской литературѣ недостатокъ сочиненій о политической экономіи въ духѣ системы, представляемой *Современникомъ*, избирать для этого Милля? Или «умысль другой тутъ былъ», и *Современнику*, чтобы, по примѣру Руссо, *entraîner sans violence et persuader sans convaincre*, нужно было только почтенное имя Джона Стюарта Милля, для того чтобы подъ авторитетомъ его имени провести въ русскую публику давно осмѣянную дребедень? Въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ г. Чернышевскаго, Милль представляется не только не глубокомысленнымъ и добросовѣстнымъ писателемъ, какъ признаютъ его всѣ экономисты и какъ приласкалъ его въ предисловіи и самъ г. Чернышевскій, а совершеннымъ идиотомъ, который не можетъ различить двухъ смысловъ одного слова, который не въ состояніи отдѣлаться отъ простодушія меркантильной системы, и наконецъ онъ представляется лицемѣромъ или по крайней мѣрѣ схоластикомъ, когорый въ своемъ изслѣдованіи дозволяетъ себѣ то, что, по мнѣнію г. Чернышевскаго, значить *приступать къ наукѣ съ намѣреніями не пригодными для науки, дѣлать ее служительницей не истины, а личныхъ нашихъ желаній или гипотезъ*, за что и получаетъ онъ отъ г. Чернышевскаго родительское наставленіе: «это-де не годится.» Да чего же лучшаго и ожидать отъ писателя, который, упомянувъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ есть классы, находящіеся въ состояніи столь же незавидномъ какъ дякари, тотчасъ же не впалъ въ припадокъ бѣшенствъ и съ пѣной у рта не понесъ чепухи? Не явное ли это доказательство «равнодушія къ факту, ставшему повсюду главнымъ двигателемъ исторіи»? Не явное ли это доказательство, что, по мнѣнію такого равнодушнаго господина, фактъ этотъ «не важенъ, не занимателенъ и не стоить, видно, чтобы и говорить о немъ»? Вотъ вамъ и глубокомысленный, по общему мнѣнію, писатель, ищущій только истины! Да онъ еще лучший изъ экономистовъ смитовской школы. Каковы же остальные! Но перестанемъ сердиться, читатель; лучше посмѣемся; вѣдь мы присутствуемъ при самомъ комическомъ процессѣ самоуничтоженія безобразныхъ претензій. «Das Komische

говорятъ Нѣмцы, ist die Auflösung des Hässlichen, in dem es sich selbst vernichtet»: въ комическомъ разрѣшается отвратительное, уничтожая само себя. Полюбуетесь же, какъ потѣеть г. Чернышевскій надъ книгой Милля, вертитъ ее и такъ и сякъ: ничто не выходитъ. А между тѣмъ, дѣло вѣдь не шуточное: ну представить по крайней мѣрѣ какое-нибудь оправданіе, почему система Милля, несмотря на то, что она признается всѣми и глумоусленною и добросовѣстною, все-таки не система *Современника*. Да что долго надъ этимъ ломать голову? вѣдь, по опредѣленію *временника* (въ разборѣ книги г. Бутовскаго), политическая экономія есть наука, занимающіяся изысканіемъ средствъ къ уменьшенію нищеты и всѣхъ общественныхъ страданій (замѣтьте, нужное сердце имѣетъ *Современникъ*), а по опредѣленію Милля она—наука о богатствѣ. Чего же больше? Не явное ли это доказательство, что Милль поставляетъ цѣлю политической экономіи «изысканіе объ увеличеніи числа богачей, людей, принадлежащихъ массу своихъ согражданъ количествомъ имущества, объ увеличеніи богатства каждаго изъ этихъ людей, то-есть увеличеніи размѣра разницы между его имуществомъ и состояніемъ массы»? Вотъ она-то ахиллова пята Смитовской школы. Благо, что она открыта наконецъ, г. Чернышевскій мечетъ на нее однимъ духомъ пять страницъ замѣчаній. Меркнетъ перомъ взоромъ нашимъ свѣтлый образъ *мыслителя, ищущаго истины*; между нимъ и нами вырастаютъ какія-то сумрачныя тѣни, и сквозь ихъ смутныя, туманныя линіи, г. Чернышевскій зываетъ намъ отвратительное ожирѣвшее чудовище, служащія мамоны, влекущее науку на служеніе *не истины, а личнымъ своимъ желаніямъ и гипотезамъ*. Но не пугайтесь, читатель; эти сумрачныя тѣни—порожденіе невѣжества; при первомъ свободномъ новеніи здраваго смысла онѣ исчезнутъ, оставивъ своимъ домъ, въ доказательство своего ничтожества, одно только слово не опредѣляющее опредѣленіе, что «политическая экономія—наука о матеріальномъ благосостояніи человѣка, на которомъ зависитъ отъ вещей и *положеній* (!), производимыхъ трудомъ». Какіхъ читателей предполагалъ г. Чернышевскій для своихъ замѣчаній, если онъ могъ думать, что они примутъ за *содержаніе науки* обвиненіе Милля и всей Смитовской школы, то, что они принимаютъ предметомъ политической экономіи богатство, въ *разговорномъ* смыслѣ этого слова? Мы даже не можемъ повѣрить, чтобы г. Чернышевскій самъ приписывалъ какому-нибудь значеніе подобному обвиненію. Ссылаемся на его собственные слова. Онъ говоритъ (ст. 39), что «задача науки—опредѣлять условій, при которыхъ увеличивается количество полезныхъ вещей, принадлежащихъ людямъ». По простому здравому смыслу

го увеличение называется на всѣхъ языкахъ обогащеніемъ, а оно увеличенное количество вещей—богатствомъ относительно режяго количества, все равно былъ ли въ немъ недостатокъ и избытокъ. Для политической экономіи это совершенно безразлично, и слово *богатство* ни въ какомъ случаѣ не можетъ поужить къ превращенію ея въ науку, трактующую объ увеличеніи богатства однихъ богачей; по крайней мѣрѣ эта опасность существуетъ для экономической школы съ девизомъ: *laissez faire, laissez passer*, такъ какъ, по ученію этой школы, распределение богатствъ должно происходить не по началу такъ или иначе понимаемой *пользы*, а единственно по началу *права*. Опасеніе г. Чернышевскаго можетъ относиться только къ ученію той школы, въ основаніи которой лежитъ отрицаніе самостоятельныхъ интересовъ *права*, и потому мы бы совѣтовали г. Чернышевскому прибегнуть это опасеніе для соображенія послѣдователей *временника*, которому, по убѣжденію въ единствѣ *пользы* и *права*, постоянно предстоитъ искушеніе считать свою *пользу* за *право*, а потому дѣлать и науку—*служительницей не истины, личныхъ своихъ желаній и гипотезъ*. Милля же обвинять въ этомъ не годится.

Второе обвиненіе, придуманное г. Чернышевскимъ на Джона Кюарта Милля, еще куріознѣе. Во введеніи своемъ Милль довольно обстоятельно объясняетъ ложность меркантильной системы, гдѣ, по русской пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ о томъ говорить.» Посредствомъ такого несложнаго аппарата умозаключеній г. Чернышевскій добываетъ еще цѣлыхъ четыре страшицы дополненій, долженствующихъ обогатить (мы употребляемъ то слово въ его самомъ простонародномъ смыслѣ) науку *Современника*, и обвиняетъ Милля въ томъ, что онъ потому-де такъ много и говорить о меркантильной системѣ, потому такъ и *пытается поразить эту нелѣпость*, что самъ еще не окончательно отдѣлался отъ заблужденія, и что *вся Смитовская школа страдаетъ меркантильнымъ недугомъ, заспавшимъ въ ея костяхъ!* Какъ видите, г. Чернышевскій въ попыткахъ придумыванія замѣчаній и обвиненій, не замѣтилъ самой простой причины, заставившей Милля распространяться о меркантильной системѣ. Намѣреніе Милля было написать, какъ онъ самъ говоритъ, книгу сколько возможно популярную; какъ же ему было не войти въ подробное разсужденіе ошибочности той теоріи, которая, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ и до тѣхъ поръ пока будутъ существовать деньги, составляетъ, составляетъ и будетъ составлять сущность непосредственнаго взгляда каждаго простаго человѣка на богатство? *Selon le gros bon sens*, мы всѣ меркантилисты, такъ же точно, какъ въ астрономіи всѣ мы естественные птоломеисты, хотя ни кому ни-

когда не приходило на мысль обвинять какого-нибудь автора популярной астрономіи въ пустомъ «словозверженіи» и въ пристрастіи къ Птоломеевой системѣ за то, что онъ пускается въ объясненіе ложности представленія, что земля средоточіе вселенной, и что солнце вокругъ земли ходитъ. Именно *разговорное* значеніе слова: *богатство*, и слѣдовало устранить въ самомъ началѣ трактата о богатствѣ.

Скажемъ теперь два слова объ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ, которыми г. Чернышевскій увѣковѣчилъ свое имя на страницахъ перевода творенія Джона Стюарта Милля. На стр. 69 Милль, ссылаясь на Сея, говоритъ, что мы создаемъ и употребляемъ не самые предметы, а только полезности. Не будь здѣсь несчастнаго имени Сея, г. Чернышевскій миновалъ бы спокойно это мѣсто и не нашелъ бы въ немъ ровно ничего, къ чему бы можно было придраться. Но Милль упомянулъ о Сеѣ, сослался на его ненавистное мнѣніе, — конечно! смерть имъ обоемъ: примѣчанія сыплются одно за другимъ, такъ что бѣдный Милль въ страхѣ съеживается на полстраницы. Г. Чернышевскій гремитъ: «Милль нарушаетъ строгую точность терминологіи. Надобно было сказать: не предметы, а матерія, составляющая предметы. Предметы мы создаемъ. Предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества. Точно также мы и разрушаемъ предметы. Трудъ, давая желѣзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь.» На слѣдующей страницѣ: «Опять та же неточность. Сами предметы могутъ быть потребляемы, самыя частицы матеріи потребляются.» На той же страницѣ: «Нѣтъ, эти выраженія неправоильны: мы производимъ и потребляемъ не только полезности, а самыя предметы, и надобно сказать, что *производитъ полезности мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ, потреблять ее не иначе, какъ только потребляя предметъ.*» Что это такое? что было съ вами, г. Чернышевскій, когда вы рѣшились въ 1860 году представить русской публикѣ это непостижимое «словозверженіе», въ которомъ каждая фраза или совершенное непониманіе автора, или непростительная ошибка противъ смысла и натуръ вещей, вызванная претензіей учить другихъ тому, чего мы сами не знаемъ? Да извинитъ насъ г. Чернышевскій за строгость сужденія. Кто же нибудь обязанъ высказать его, не дожидаясь, пока намъ скажутъ, что мы еще «не дозрѣли», не доросли для того, чтобы самимъ защищать свой здравый смыслъ. Г. Чернышевскій началъ съ того, что не понималъ, что Милль и Сея слово «предметъ» употребляютъ чисто въ объективномъ смыслѣ. А г. Чернышевскій понимаетъ это слово въ субъективномъ смыслѣ, вслѣдствіе этого и говоритъ, что «предметы мы создаемъ.» Но развѣ растеніе, дерево, кусокъ руды, не предметы? Вы можете назвать

ихъ предметами и въ томъ и въ другомъ смыслѣ, и если г. Чернышевскому угодно признать законность объективнаго смысла, то онъ будетъ имѣть оправданіе и для своего, субъективнаго: какъ *предметы внѣшняго міра*, и растеніе, и руда созданы природой; какъ *предметы нашего сознанія*, они созданы нами, хотя созданіе это и ограничивается только обособленіемъ этихъ предметовъ, матеріальнымъ или мысленнымъ. Итакъ выраженіе г. Чернышевскаго: *мы создаемъ предметы*, можно еще кое-какъ оправдать. Но какой смыслъ прикажете дать выраженію: *предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества*? Самъ же г. Чернышевскій обвиняетъ Милля и Сея въ томъ, что у нихъ *фальшивое понятіе о качествахъ матеріи, какъ о чемъ-то различномъ отъ матеріи*, и преспокойно говорить о матеріи, принимающей извѣстныя качества! О чемъ думалъ г. Чернышевскій, говоря, что *производитъ полезность мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ* и т. д.? неужели водовозъ производитъ воду, перевоза ее отъ рѣки въ городъ? или вода не предметъ, и трудъ водовоза не сообщаетъ ей полезности? Въдь не возможно же довольствоваться и здѣсь узенькимъ представленіемъ, какъ въ выраженіи: *мы создаемъ предметы*. Откуда наконецъ взялъ г. Чернышевскій, будтобы *жельзо, какъ жельзо, какъ особый предметъ, не существуетъ въ природѣ*? Чтобы знать, что это вовсе не такъ, далеко не нужно быть такимъ многостороннимъ, глубокимъ ученымъ, какимъ имѣеть претензію быть г. Чернышевскій: стоило только имѣть въ рукахъ *Исторію земной коры* г. С. Куторги, а еслибы г. Чернышевскій поставилъ себѣ за правило, прежде нежели говорить о предметѣ, основательно узнать его, то изъ элементарной минералогіи Бедана могъ бы легко почерпнуть свѣдѣніе, что чистое желѣзо находится не только, какъ говоритъ г. Куторга, въ однихъ аэролитахъ, но и въ эрратическихъ камняхъ, а въ небольшомъ количествѣ—въ каменномъ углѣ и въ другихъ слояхъ. Но все это еще не такъ куріозно, какъ замѣчательное открытіе г. Чернышевскаго, что *трудъ, давая жельзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ жельзо въ сталь*! Здѣсь ненужно было читать и книгу г. Куторги, чтобы не сказать такой страшной бессмыслицы; стоило подумать только, что желѣзо, пропитываясь кислородомъ, превращается не въ сталь, а въ ржавчину. Неужели русская публика не заслуживаетъ даже и того, чтобы хоть немножко подумать о томъ, чѣмъ мы наѣбренны угощать ее?

Саратовъ.

С. Цвѣтъ.

23 апрѣля 1860 г.

раженія, общаа воспользоваться указаніями людей, спеціально знающихъ разсматриваемый предметъ. Это подаетъ намъ надежду, что комиссія готова принять въ основаніе своихъ положеній болѣе либеральныя начала, и что тѣсная рамка, въ которую она заключила свои предположенія, можетъ быть расширена.

Каждый членъ податнаго общества, постановляетъ комиссія, подлежащій платежу податей и повинностей и желающій отлучиться изъ общества болѣе чѣмъ на одинъ годъ, входитъ съ нимъ въ соглашеніе, сколько онъ долженъ ежегодно платить на покрытие податей и повинностей. Отлучающіеся на годъ и менѣе получаютъ паспорта только на то время, за которое ими уже уплачены подати и другіе сборы. Паспорта выдаются двухъ разрядовъ: а) для лицъ, подлежащихъ рекрутской повинности, и б) для лицъ свободныхъ отъ этой повинности. Разряды эти отличаются форматомъ, цвѣтомъ бумаги или другими внѣшними признаками. Лица податныхъ сословій, не обязанныя платежомъ податей и отправленіемъ повинностей, а равно лица не податныхъ сословій и женскаго пола, могутъ вездѣ проживать и перѣзжать съ мѣста на мѣсто безъ паспортовъ; но для представленія имъ возможности къ удостовѣренію своей личности и въ видахъ отстраненія недоразумѣній насчетъ ихъ настоящаго званія, устанавлиются особые срочные и безсрочные билеты, какъ на жительство, такъ и на отлучки. Никто не долженъ подъ страхомъ опредѣленнаго взысканія держать у себя въ домѣ, въ работѣ или въ услуженіи, податное лицо, на паспортѣ котораго нѣтъ штемпельназначейства объ уплатѣ податей и повинностей за текущій годъ или полугодіе. Полиція равнымъ образомъ имѣетъ за этимъ наблюденіе.

Изъ этого видно, что паспорта не только не отмѣняются, но число паспортовъ разныхъ видовъ еще увеличивается, и что для полученія паспорта лицо, обязанное платить подати, должно войти въ соглашеніе съ обществомъ, которое для этого всякій разъ должно собираться. Это сопряжено для общества съ безпрестанною тревогой, а для отлучающагося съ весьма тяжкими, хотя не гласными, тратами: нужно будетъ подарить писарю, чтобы созвалъ сходъ, нужно угостить стариковъ, чтобы склонить ихъ на возможно выгодное соглашеніе. Наконецъ для домовладѣльцевъ, для лицъ, принимающихъ людей въ услуженіе и въ работы, и для полиціи увеличиваются хлопоты: теперь достаточно паспорта, и никому нѣтъ дѣла до податей; тогда лица, принимающія людей въ услуженіе, и полиціи обязаны будутъ слѣдить, заплачены ли подати, приложены ли штемпеля, и такъ далѣе.

Далѣе, комиссія постановляетъ, что отлучающіеся члены об-

щества, имѣющіе отъ роду болѣе шестидесяти и менѣе шестнадцати лѣтъ, а также подвергшіеся увѣчью, препятствующему имъ снискивать пропитаніе своими трудами, освобождаются вовсе отъ платежа податей. Но при этомъ не выражено, освобождаются ли эти лица обществами или правительствомъ. Освобожденіе такихъ лицъ отъ платежа податей на счетъ правительства было бы сопряжено съ такою путаницей въ счетахъ, что невозможно предполагать, чтобы въ намѣреніи комиссіи было ввести такой порядокъ, или, лучше сказать, такой непорядокъ въ нашу финансовую систему. Очевидно, что освобождаетъ ихъ общество. Но при такомъ освобожденіи всѣхъ этихъ лицъ отъ платежа податей **подразумѣвается** принятіе платежа обществами на своей счетъ. Тутъ рождаются своего рода путаница въ счетѣ общественныхъ суммъ; неопредѣленность суммы, которая будетъ подлежать сложению, и неодновременность отлучекъ потребуютъ безпрестанныхъ дополнительныхъ раскладокъ для пополненія суммъ общаго сбора новыми раскладками на остающихся членовъ общества. Этотъ способъ упрощенія паспортной системы, имѣющей на своей сторонѣ плѣнительную наружность филантропическаго начала, въ самомъ своемъ основаніи совершенно несправедливъ. Шестидесятилѣтніе старики, дѣти моложе шестнадцати лѣтъ, увѣчные, могутъ принадлежать семействамъ достаточнымъ и даже богатымъ, которыя въ состояніи уплачивать за нихъ подати. За что же плату податей съ такихъ лицъ слагать на обязанность людей, терпящихъ нужду? Въ этомъ случаѣ надо предоставить обществамъ право опредѣлять, кого освобождать отъ податей и кто долженъ платить самъ, какъ это и теперь уже исполняется. Надо отдать справедливость крестьянамъ, что они всегда безропотно **освобождаютъ** отъ податей лицъ, дѣйствительно того заслуживающихъ.

Объяснивъ неудобства принятыхъ комиссіей началъ для упрощенія паспортной системы, мы приступаемъ къ изложенію нашихъ мыслей по этому предмету. Но предварительно считаемъ нужнымъ сказать, что существующее въ настоящее время разнообразіе въ способахъ отправленія повинностей чрезвычайно затрудняетъ дѣло. Такъ напримѣръ жеребьевая система отбыванія рекрутской повинности, имѣющая столько очевидныхъ преимуществъ (1) передъ очередною, могла бы быть распространена на всѣ сословія, безъ исключенія. Натуральныя повинности необходимо было бы обратить въ денежный сборъ; это уравнило бы не только крестьянъ разныхъ волостей и уѣздовъ, но могло бы

(1) Объ этомъ предметѣ мы намѣреваемся въ скоромъ времени поговорить особо.

уравнять отправленіе этихъ повинностей между всѣми имперіи, безъ исключенія. Содержаніе въ исправн²⁷¹ общенія, охраненіе внутренней и внѣшней безоп^ррства и пр. равно необходимы для всѣхъ сос^тіями ихъ страну; уравнительное участіе всѣхъ въ этой во^лолнѣ справедливо.

Обратимся къ изложенію предполагаемаго нами способа отъны настоящей паспортной системы.

Представимъ себѣ, что въ каждомъ обществѣ (1), которое обязано платежомъ податей и повинностей, ежегодно будутъ собираться, въ опредѣленное время, молодые люди, достигшіе шестнадцатилѣтняго возраста. Къ этому же времени соберется полный сходъ домохозяевъ. Всѣ эти молодые люди запишутся въ особую *по* *служную книгу* (2) въ слѣдующемъ порядкѣ: имя, отчество, фамилія; время и мѣсто рожденія и крещенія, собственноручно вписываемыя священникомъ изъ метрическихъ книгъ; мѣсто обученія; грамотенъ или нѣтъ; гдѣ и чему именно обучался, и если перешелъ къ испытанію, то когда и откуда выданъ аттестатъ; и наконецъ, какое знаетъ ремесло. Сперва запишутся всѣ молодые люди одного селенія, по порядку дворовъ; потомъ другаго, въ слѣдующемъ же порядкѣ и т. д.

Послужная книга устлавливается съ цѣлію выдачи желающимъ *всѣхъ безсрочныхъ пропускныхъ видовъ*, которые, въ случаѣ нужды, могли бы служить на всѣ встрѣчающіяся въ жизни надобности. Каждое лицо, внесенное въ эту книгу, имѣетъ право получить безсрочный пропускной видъ, въ который вписываются всѣ свѣдѣнія, помѣщенные въ послужной книгѣ; сверхъ того, въ пропускномъ видѣ оставляются пробѣлы для отмѣтки послѣдующихъ временъ и для дополненій. Этотъ видъ, подписанный мѣстнымъ властнымъ управленіемъ, можетъ служить документомъ при вступленіи въ бракъ внѣ своего прихода, и тогда священникъ, совершающій обрядъ, обязанъ собственноручно внести въ пропускной видъ, на комъ предъявитель женился, и объ этомъ дать отмѣтку мѣстному волостному управленію, для отмѣтки въ послужной книгѣ. Такимъ же точно образомъ могутъ вноситься въ этотъ

(1) Мѣщане—въ своемъ городѣ; государственные крестьяне—въ волостяхъ, которыя составляютъ по закону отдѣльный рекрутскій участокъ и, съ предполагаемымъ упраздненіемъ сельскихъ управленій, будутъ составлять особый участокъ по всѣмъ интересамъ общества; удѣльные крестьяне—въ своихъ рекрутскихъ участкахъ.

(2) Название *послужной книги* неприятно напоминаетъ формулярные служебные списки чиновниковъ; но мы не могли придумать другаго болѣе своправнаго названія. Впрочемъ дѣло не въ названіи и книгу эту можно будетъ называть какъ угодно.

рожденные въ своего прихода дѣти, и исключаться умерше, съ уведомленіемъ каждый разъ подлежащихъ волостныхъ правленій. Но полученіе подобныхъ безсрочныхъ пропускныхъ видовъ отнюдь не должно быть обязательнымъ, ибо каждому предоставляется доказывать и охранять свою личность и заботиться о доказательствахъ законности или незаконности рожденных дѣтей по своему усмотрѣнію, подвергаясь однако, въ свою очередь, тѣмъ неудобствамъ, которыя можетъ вызвать при извѣстныхъ обстоятельствахъ недостатокъ доказательствъ своей личности.

Копіи съ этихъ книгъ представляются въ *губернскія сословныя управленія* (1), которыя наблюдаютъ, чтобы подлинныя книги постоянно на мѣстахъ повѣрялись, дополнялись, и всѣ происходяшія перемѣны немедленно отмѣчались, и заботятся, чтобы о каждой перемѣнѣ и о каждомъ дополненіи тотчасъ же доносилось для такой же отмѣтки въ копіяхъ съ этихъ книгъ, хранящихся въ губернскихъ сословныхъ управленіяхъ.

За тѣмъ всѣ эти молодые люди, принадлежащіе къ одному рекрутскому участку, а на первый разъ и всѣ тѣ, которые старѣе 16 лѣтъ, и моложе возраста, освобождающаго отъ рекрутской повинности, и не брали еще жеребьевъ, берутъ (за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые изъяты отъ рекрутства по послугамъ или другимъ законнымъ правамъ) жеребьи въ порядкѣ, указанномъ законами. Но при этомъ, для cadaго возраста готовится особо, по числу молодыхъ людей, нужное число нумеровъ, такъ что нумера жеребьевъ, для cadaго призываемаго возраста, будутъ свои.

По порядку вынутыхъ нумеровъ, всѣ молодые люди записываются въ особые, для cadaго возраста, жеребьевые списки, и нумера эти выставляются въ послужной книгѣ противъ cadaго изъ призванныхъ молодыхъ людей. Въ этой книгѣ означается, кто изъ молодыхъ людей, по послугамъ или другимъ законнымъ правамъ, изъятъ отъ призыва, съ объясненіемъ причины.

Въ настоящее время, при вынутіи жеребьевъ, отличаютя многоработчія отъ двойниковыхъ семействъ (2); такъ какъ пер-

(1) Подъ наименованіемъ *губернскихъ сословныхъ управленій* мы разиѣмъ казенныя палаты для мѣщанъ и помѣщичьихъ крестьянъ, палаты государственныхъ имуществъ для государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; удѣльныя конторы (учрежденныя впрочемъ и въ удѣльныхъ городахъ) для удѣльныхъ крестьянъ, и пр.

(2) Уст. рекр., ст. 911 и 912, т. IV Св. Зак. гр. Одиночки, не имѣющіе домохозяйства или промышленности, обычной въ участкѣ, причисляются къ первому разряду и сдаютя вмѣстѣ съ молодыми людьми многоработчихъ се-

вы предпочтительно передъ послѣдними должны исполнять рекрутскую повинность, то молодымъ людямъ изъ многорабочихъ семействъ даются номера особья отъ двойниковъ (1). При предполагаемомъ же нами способѣ, жеребьи даются только по возрастамъ, не различая ни семейнаго положенія, ни физическихъ качествъ призванныхъ къ жеребью молодыхъ людей. Это происходитъ отъ того, что при нашемъ способѣ, жеребья даются молодымъ людямъ не во время набора, а за нѣсколько лѣтъ впередъ, такъ что въ промежутокъ времени, отъ дачи жеребьевъ до сдачи рекрута, можетъ измѣниться семейное положеніе (составъ семейства).

Но это нисколько не уменьшаетъ достоинства предлагаемаго нами способа. Мы увѣрены, что, напротивъ, въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда еще далеко до набора, вынутіе жеребьевъ будетъ производиться гораздо правильнѣе, и много устранится злоупотребленій; съ другой стороны, отцы молодыхъ людей, получившихъ заблаговременно близкіе номера, не станутъ женить такихъ сыновей, тотчасъ по вступленіи въ узаконенный для того возрастъ, и будутъ выжидать результата набора, отъ чего уменьшится въ селеніяхъ число солдатокъ, которыя распутною своею жизнію растлѣваютъ нравственность молодаго поколѣнія.

Распределеніе молодыхъ людей, получившихъ жеребьи въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ, на разряды: а) многорабочихъ и б) двойниковъ, можетъ быть сдѣлано весьма удобно, по объявленіи набора. Тогда по семейнымъ спискамъ легко отдѣлать многорабочихъ въ особый списокъ, съ сохраненіемъ номеровъ, доставшихся каждому при вынутіи жеребья; причемъ молодые люди, принадлежащіе къ многорабочимъ семействамъ, будутъ поставлены между собою въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они были записаны при вынутіи жеребьевъ; а двойники будутъ включены въ другой списокъ, съ своими номерами, въ такомъ же послѣдовательномъ между собою порядкѣ.

Тутъ мѣсто упомянуть, что сроки, назначаемые обыкновенно

мействъ. Въ противномъ случаѣ, они освобождаются отъ призыва. Двойниками называются такія семейства, въ которыхъ два работника.

(1) Въ извѣстіи о трудахъ комиссіи совершенно превратно 'объяснено различіе отправленія рекрутской повинности по жеребьевому порядку между многорабочими семействами и одиночками и двойниками. Различіе состоитъ не въ призываемыхъ къ жеребью возрастѣхъ, —возрасты для обоихъ разрядовъ одни и тѣ же, —а въ послѣдовательности отдача въ рекруты. Двойники сдаются только за недостаткомъ молодыхъ людей изъ многорабочихъ семействъ, что при обыкновенныхъ и даже при усиленныхъ наборахъ весьма рѣдко случается.

для исполненія рекрутскихъ наборовъ, чрезвычайно коротки. Въ одинъ мѣсяцъ исполнить все то, что по наборамъ требуется совершенно невозможно, и хотя каждый разъборы исполнялись въ опредѣленный срокъ и даже ранѣе, что поставилось въ особенную заслугу исполнителей, и потому лица, поставленыя во главѣ разныхъ сословныхъ управленій, употребляли другъ передъ другомъ всѣ усилія, чтобы кончить наборъ прежде срока при поспѣшности, съ которою наборъ производился, бы всегда недосмотры и неправильныя отдачи, такъ что послѣ наборовъ обыкновенно начинался рядъ дѣлъ о неправильныхъ отдачахъ, и несправедливо отданные рекруты возвращались къ тому, послѣ многолѣтней и весьма сложной переписки, въ теченіе пяти и болѣе послѣдующихъ лѣтъ.

Мы не видимъ необходимости ограничивать срокъ исполненія рекрутскаго набора однимъ мѣсяцемъ, и намъ кажется, что такая поспѣшность можетъ быть нужна развѣ только въ исключительномъ случаѣ, когда отечеству угрожаетъ опасность. Обыкновенные же наборы могутъ быть совершаемы въ три и даже четыре мѣсяца, тогда наборъ будетъ производиться несравненно правильнѣе.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ наборъ можетъ быть исполненъ безъ созыва въ рекрутскіе участки людей, по возрастамъ своимъ подлежащихъ рекрутству.

По полученіи манифеста о наборѣ, въ которомъ объявлено между прочимъ, въ какой срокъ (трехъ или четырехъ мѣсяцевъ) наборъ долженъ быть исполненъ, и что желающіе исполнить рекрутскую повинность въ своихъ рекрутскихъ участкахъ должны явиться въ свои общества *въ теченіе перваго мѣсяца для подписанія манифеста о наборѣ*, всѣ молодые люди отъ двадцати до тридцати-пяти-лѣтняго возраста, отлучившіеся изъ общества, не желающіе или затрудняющіеся прибыть для исполненія этой повинности, въ свои рекрутскіе участки, въ опредѣленное время, обязаны тотчасъ же, и не позже семи дней послѣ полученія въ мѣстныхъ уѣздныхъ присутствіяхъ манифеста о наборѣ, явиться въ ближайшую городскую полицію и представить свой видъ или, предъявивъ за недостаткомъ вида, свою личную объявить нумеръ своего жеребья. Не исполнившіе этого требованія подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ за уклоненіе отъ рекрутства.

Городскія полиціи записываютъ немедленно всѣхъ явившихся людей, и по разсмотрѣніи представленныхъ видовъ, немедленно отпускаютъ, съ обратной выдачей видовъ, тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ зачетныя рекрутскія квитанціи, а также у которыхъ въ видахъ означено, что предъявитель рекрутству не по-

лежить (1). Затѣмъ у всѣхъ прочихъ, явившихся для исполненія рекрутской повинности, полиціи удерживаютъ предъявленные виды или, со словъ людей, являющихся безъ видовъ, записываютъ тѣ же самыя свѣдѣнія, которыя помѣщены въ послужной книгѣ, и сверхъ того адреса настоящаго жительства. Полиціи выдаютъ всѣмъ явившимся лицамъ удостовѣренія въ своевременной явкѣ, въ теченіе первыхъ семи дней, въ полицію и, въ самый день явки, увѣдомляютъ подлежащія губернскія сословныя управления о мѣстопребываніи всѣхъ людей, записанныхъ въ теченіе каждаго дня.

Всѣ записанныя лица, подлежащія отправленію рекрутской повинности въ объявленный наборъ или, по предшедшимъ наборамъ, подлежащія представленію для свидѣтельствованія въ годности, тотчасъ же представляются въ мѣстныя рекрутскія присутствія для предварительнаго освидѣтельствованія въ годности къ военной службѣ. Оказавшимся неспособными возвращаются предъявленные виды съ надписью, что предъявитель въ объявленный наборъ рекрутству не подлежитъ; тѣмъ же, которые явились безъ видовъ, выдаются особыя о томъ же свидѣтельства.

Рекрутскія присутствія обо всѣхъ людяхъ, представленныхъ къ освидѣтельствованію, съ первою почтой сообщаютъ въ подлежащія губернскія сословныя управления о результатѣ освидѣтельствованія съ тѣмъ, чтобы сіи управления могли безошибочно опредѣлить, какіе нумера жеребьевъ, въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ, подлежатъ сдачѣ въ рекруты и, въ случаѣ истощенія нумеровъ многорабочихъ семействъ, могли назначить къ сдачѣ двойниковъ. По полученіи отъ губернскихъ сословныхъ управленій извѣщеній о лицахъ, подлежащихъ къ сдачѣ въ рекруты, эти лица, состоявшія до того времени подъ наблюденіемъ полицій, немедленно, по новомъ освидѣльствованіи, сдаются въ рекруты.

По полученіи въ рекрутскомъ участкѣ манифеста о наборѣ, мѣстныя сословныя управления тотчасъ же представляютъ въ такыя же губернскія управления именныя списки лицамъ, подлежащимъ рекрутству и находящимся въ отлучкѣ, съ объясненіемъ перемѣнъ въ семейномъ составѣ и съ означеніемъ, по показаніямъ односельчанъ, мѣста пребыванія отлучившихся.

Губернскія сословныя управления, на основаніи этихъ свѣдѣній, еще до полученія донесеній отъ полицій и рекрутскихъ присутствій, сообщаютъ въ подлежащія городскія и земскія полиціи о лицахъ, которыя должны быть представлены въ рекрутскія присутствія. По полученіи же отъ полицій списковъ людей, нахо-

(1) См. выше о порядкѣ веденія послужной книги.

дящихся въ отлучкѣ, равно извѣщеній отъ рекрутскихъ присутствій о результатѣ освидѣтельствованія, губернскія сословныя управления распоряжаются подобнымъ же порядкомъ относительно тѣхъ лицъ, мѣстопробываніе которыхъ волостными управлениями было показано не вѣрно, а также о замѣнѣ, по свѣдѣнію съ мѣстными сословными управлениями, тѣхъ отсутствующихъ людей, которые, по свѣдѣтельству рекрутскихъ присутствій, оказались къ службѣ негодными; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны знать о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ мѣстнымъ сословнымъ управлениямъ, для соответственнаго распоряженія, отбитыя послужныхъ книгахъ и семейныхъ и жеребьевыхъ рекрутскихъ спискахъ и для объявленія односельчанамъ отлучившихся.

Такъ какъ при этомъ порядкѣ невозможно, въ положенный срокъ, сдать именно то число рекрутъ, какое по исчисленію въ каждый наборъ, будетъ назначено, потому что послѣдствіемъ перемѣнъ нумеровъ, люди могутъ быть въ отлучкѣ, и, по истеченіи о сдачѣ ихъ дойдетъ въ подлежащее рекрутское присутствіе, они могутъ сдѣлаться неспособными, по увѣчьямъ, умереть,—и слѣдовательно встрѣтится необходимость замѣнить ихъ другими, тоже, быть-можетъ, отлучившимися, то надлежитъ постановить правиломъ, что въ срокъ, назначенный министромъ о наборѣ, должно быть сдано не менѣе 90% всѣхъ требующихся съ каждаго участка; остальные рекруты, 10% въкъ на сто, могутъ быть сданы въ слѣдующіе, по окончаніи опредѣленнаго для набора срока, два мѣсяца.

Уѣздныя рекрутскія присутствія закрываются по окончаніи сдачи всѣхъ рекрутъ, требующихся съ уѣзда. Это необходимо установить потому, что отсылка рекрутъ, съ запасными, освидѣтельствованія ихъ въ годности, въ губернскія рекрутскія присутствія обходится весьма дорого и вообще сопряжена съ большими неудобствами.

Съ такими облегченіями сдача рекрутъ по жеребью исполняется безъ всякаго затрудненія. Опасенія, что отсутствіемъ паспортовъ будетъ много скрывающихся отъ службы, не основательны. Наказаніе, постигающее скрывающихся отъ этой повинности, чрезвычайно тяжело; по статьѣ 90 рекрутскаго, скрывающійся отъ своего жеребья есть *мажоръ рекрутъ*, даже до 36 лѣтнаго возраста; онъ лишается права изыятіе, наказывается тѣлесно и получаетъ отставку какъ по правиламъ о штрафованныхъ нижнихъ военныхъ чинахъ. Въ виду такой грустной перспективы, миновать которую въ чинѣ 16-ти лѣтъ весьма трудно, едва ли много людей съкрасоваться. Наконецъ, если это необходимо, въ чемъ мы сомнѣваемся, можно установить правиломъ, чтобы чрезъ

сяцъ по объявленіи набора до совершеннаго его окончанія, всѣ отлучившіеся изъ своихъ жительствовавшихъ мѣлъ при себѣ устанавливаемые безсрочные пропускные виды, предостава заботу о снабженіи себя такими видами лицамъ, пребывающимъ въ отлучкѣ. Въ теченіи одного мѣсяца всѣ успѣютъ получить виды, съ помощью которыхъ повѣрка возможна. Все это только съ виду представляется труднымъ; въ дѣйствительности же будетъ легко, потому что отлучающіеся въ дальнія стороны, для собственнаго спокойствія, будутъ запасаться пропускными видами, которые не требуютъ возобновленія и представляютъ вообще большія удобства для отлучающихся.

Обратимся теперь къ мѣрамъ обезпеченія платежа податей, при отсутствіи паспортовъ.

Мы не станемъ доказывать, что работники въ семействахъ суть главные источники средствъ къ жизни и къ платежу податей. Чѣмъ болѣе работниковъ въ семействѣ, тѣмъ оно въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ къ довольству. Это истина всѣмъ извѣстная. Поэтому, выражаемое многими крестьянами желаніе дѣлать раскладку податей не по числу душъ, а по числу работниковъ, очень естественно. Если подобный способъ раскладки податей не введенъ въ дѣйствіе, то причиной тому служить коренившійся между крестьянами обычай дѣлить землю, по числу душъ, отъ ревизіи до ревизіи; обычай, завѣщанный предками, и отступить отъ котораго крестьяне не рѣшаются.

Изъ этого однако можно заключить, что небольшая надбавка податей на работниковъ не встрѣтитъ никакого затрудненія; напротивъ, она будетъ, въ большей части случаевъ, вполне справедлива, потому что излишекъ, налагаемый на работниковъ, можетъ облегчить тѣ семейства, которыя бѣдны работниками, а богаты, какъ говорятъ крестьяне, «ѣдоками», и потому мало имѣть средствъ къ платежу податей.

Предоставить крестьянскимъ обществамъ право опредѣлять произвольно размѣръ надбавки на работниковъ было бы неудобно, потому что ежегодныя измѣненія и неравномѣрность накладныхъ платежей, которые непременно будутъ при этомъ случаться, необычайно затруднятъ платежъ податей по мѣстамъ жительства, который долженъ замѣнить нынѣшній обязательный платежъ податей по мѣстамъ причисленія.

Поспѣшаемъ заявить, что все сказанное нами въ этой статьѣ носитъ преимущественно до крестьянскихъ обществъ. Быть мѣщанъ и существующіе между ними обычаи, при отправленіи повинностей, намъ мало знакомы, и мы не рѣшаемся писать разсужденіе объ удобоприимности того или другаго способа раскладки податей между мѣщанами. Однако, не разъ намъ слу-

чалось слышать жалобы мѣщанъ на тягость общественной раскладки, въ силу которой не рѣдко бѣднякъ облагается тройною податью, безъ права апелляціи.

Крестьянскія общества, если и налагаютъ на семейства тяжесть податей, за одну или двѣ лишнія души, оставшіяся на шесть (выморочныя), то предоставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и званіе земель, которою надѣлены эти души. Поэтому было бы удобнѣе и безобиднѣе установить правиломъ, что работникъ долженъ платить, кромѣ сборовъ, положенныхъ закономъ, и своихъ сборовъ по послѣдней раскладкѣ, въ которой онъ участвовалъ, по одному рублю серебромъ въ пользу общества которому принадлежить. Такая надбавка вполне обезпечитъ общество въ отношеніи бездонимочной уплаты лежащихъ на податей и повинностей. Уплачивая сборы въ этомъ разѣ платажнымъ книжкамъ за все число душъ, состоящее въ обществѣ, а по отдѣленіямъ платажныхъ книжекъ (1) за то число душъ, которое въ этихъ отдѣленіяхъ книжекъ означено, и въ томъ же точно порядкѣ хлѣбный сборъ, для образованія изъ продовольствія (переложенный на деньги, по цѣнамъ нѣсколько выше среднихъ), отсутствующіе крестьяне отлучкой едва ли могутъ обременить общества, къ составу которыхъ принадлежатъ.

Производя раскладку податей и повинностей по общему способу, то-есть какъ будто всѣ крестьяне находились на одномъ лицѣ, и не принимая въ расчетъ тѣхъ излишковъ, которыми поступить отъ отлучившихся работниковъ, по одному рублю съ cadaго, общества будутъ имѣть полную возможность помогать малорабочія нуждающіяся семейства на счетъ тѣхъ излишковъ, которые поступаютъ отъ наличныхъ работниковъ, по одному рублю съ cadaго; сверхъ того, изъ остатковъ отъ денегъ и изъ излишковъ, которые поступаютъ съ работниковъ отсутствующихъ, образуется современемъ значительный капиталъ, которымъ крестьяне могутъ располагать.

(1) Крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ выдаются платажныя книжки, въ которыхъ означены оклады всѣхъ сборовъ, какъ денежныхъ такъ и хлѣбныхъ. Въ эти же книжки вносятся сборщиками платежи и ихъ поступления. Глава крестьянскаго семейства, или членъ общества, обыкновенно принимаетъ на себя уплату части податей, а для прочимъ членамъ своего семейства заплатить остальную часть. Было бы весьма удобно установить отдѣленія семейныхъ платажныхъ книжекъ, которыя можно заносить окладъ, принятый на себя отлучающимся, представляя, впрочемъ, ему уплачивать по этой книжкѣ и болѣе, въ зачетъ обществу.

зу разныхъ хозяйственныхъ устройствъ, и изъ котораго, въ случаѣ надобности, можно будетъ пополнять непредвидѣнные недочеты въ податяхъ.

Само собою разумѣется, что излишки, принадлежащія обществамъ и поступающія въ разные казначейства, зачисляются обществамъ, по сношенію тѣхъ казначействъ, куда они поступили, съ мѣстными казначействами, которыя на столько принимаютъ меньше отъ сборщиковъ; а сборщики сдаютъ оставшіяся у нихъ на рукахъ деньги въ общественный мірской капиталъ. Деньги, поступающія въ казначейства за разные общества въ хлѣбный запасный капиталъ, также переводятся въ мѣстныя казначейства посредствомъ трансферта и сдаются въ подлежащія общества.

Такой порядокъ взысканія податей, по мѣстамъ пребыванія, будетъ вполне удовлетворителенъ, если принять строгія мѣры противъ отсутствующихъ неплательщиковъ. Въ этомъ отношеніи, мы полагали бы установить слѣдующія правила. Крестьянинъ, не уплатившій податей въ теченіе двухъ лѣтъ, или допустившій на себя какую бы ни было недоимку въ теченіе трехъ лѣтъ сряду или, наконецъ, хотя и не послѣдовательно, допустившій въ теченіе пяти лѣтъ недоимку, павшую на общество, можетъ быть лишенъ права, по приговору общества, на отлучку изъ общества въ теченіе отъ двухъ до пяти лѣтъ, и въ это время отдается подъ надзоръ мѣстнаго сельскаго начальства, которое обязывается принять мѣры къ пополненію суммы, затраченной обществомъ на уплату за него податей, употребленіемъ виновнаго на общественныя работы или инымъ способомъ. Если отлучившійся, вслѣдствіе приговора общества, не явится къ мѣсту причисленія, то онъ требуется и доставляется по пересылкѣ, въ видѣ арестанта; а въ случаѣ неизвѣстности его пребыванія дѣлается розыскъ обыкновеннымъ порядкомъ. По высылкѣ его, тѣмъ или другимъ способомъ, общество присуждаетъ его къ наказанію, которое, въ случаѣ накопленія недоимки болѣе двухъ-годоваго оклада, можетъ состоять въ сдачѣ, въ зачетъ за общество, въ рекруты, если онъ годенъ, и нѣтъ другихъ препятствующихъ причинъ; въ случаѣ же негодности, виновный ссылается въ Сибирь на водвореніе.

Такое тяжкое наказаніе необходимо; оно одно въ состояніи удержать нерадивыхъ и безпечныхъ крестьянъ, — которыхъ впрочемъ немного, — отъ уклончивости въ исправномъ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей. Впрочемъ, обществамъ, отвѣтствующимъ за исправное поступленіе въ казну податей круговымъ ручательствомъ, должно предоставить право дѣлать при этомъ такія снисхожденія, какія они заблагоразсудятъ.

Намъ остается прибавить къ мыслямъ, выраженнымъ въ статьѣ, два замѣчанія: одно, касающееся гербового сбора, кое, относящееся до уѣздныхъ казначействъ.

Мы предположили установить плату работниками въ обществѣ, по одному рублю серебромъ. Размѣръ этотъ при намъ въ увѣренности, что онъ не будетъ обременителенъ, впрочемъ мы не стоимъ именно за него. Но насъ руководила другая мысль. Принимая въ основаніе, что въ настоящее время паспортный гербовый сборъ оплачивается преимущественно работниками, и что, при существующемъ порядкѣ, крестьянскимъ работникамъ паспорта обходятся ежегодно около пятидесяти копѣекъ съ души (1), мы полагаемъ, что если правительствомъ будетъ признано необходимымъ не отступаться отъ дохода, выручаемаго за паспорта, то половина предполагаемаго сбора, то-есть рубль съ работника, могла бы поступать въ казну, въ замѣнъ гербового сбора; а другая въ пользу общества; этой послѣдней частью бы еще слишкомъ достаточно на покрытіе случайныхъ расходовъ въ податяхъ и на составленіе мірскихъ капиталовъ. Это говоримъ изъ опасенія, чтобы вопросъ о паспортахъ, разсмотрѣннй его съ финансовой точки зрѣнія, не встрѣтилъ сопротивленія.

Предположеніе наше, съ другой стороны, не мало усложнено въ этомъ откровенно сознаемъ, переписку и отчетность въ уѣздныхъ казначействахъ, которыя для того необходимы только усилить счетчиками, но обезпечить хорошимъ контролемъ. Увеличеніе состава и содержанія чиновниковъ въ казначействахъ на счетъ всѣхъ сословій, для которыхъ учрежденія созданы, не составитъ народу никакого разчета. Мѣра эта необходима даже теперь, когда еще не введена плата сборовъ мѣстамъ пребыванія; въ томъ, конечно, убѣжденъ всякій, кто видѣлъ дѣло съ казначействами. Надо удивляться, какъ Богъ знаетъ огромныя суммы, которыя бьвають у нихъ въ оборотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, служа въ частномъ предпріятіи, нашъ казначей бы вчетверо или впятеро болѣе того, что онъ получаетъ теперь. Ужели въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ, есть люди, которые думаютъ, что эфемерныя преимущества коронной службы могутъ привлекать бѣдныхъ, но способныхъ и честныхъ людей въ должности, которыя не даютъ средствъ для жизни?

26 іюля 1860
г. Уфа.

К. Бухъ.

(1) За полугодовые плакатные паспорта (Уст. о пасп. ст. 187) взимается восемьдесятъ пять коп., за годовые 1 р. 45 к.; если половина работниковъ отлучаются на годъ, другіе на полгода и на кратчайшіе сроки, то за нихъ расчетъ будетъ приблизительно вѣрнѣе.

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ (1).

(Посвящается В. И. Водовозову.)

II.

Тверь, іюня 28 и 29 1860 г.

Зайдемте въ публичную библіотеку. Мѣсто выбрано для нея очень удачно, на углу площади и главной улицы, въ первомъ этажѣ, входъ съ улицы. Шинельная, за ней большая комната, уставленная шкапами, тутъ же устроена выставка продажныхъ книгъ; слѣдующая комната—читальная зала; она очень не велика, и судя по числу читателей, которые съ каждымъ днемъ хоть понемногу, но прибываютъ, можно предвидѣть, что скоро придется увеличить библіотеку еще на одну комнату. Въ читальной лежатъ на столѣ всѣ газеты и главнѣйшіе изъ журналовъ, въ числѣ которыхъ есть и спеціальныя. Въ шкапахъ первой комнаты помѣщается 3320 книгъ, въ томъ числѣ 1190 французскихъ. Честь основанія библіотеки и постоянныхъ заботъ о ней принадлежать графу Баранову. Почетнымъ попечителемъ библіотеки г. Головинскимъ пожертвовано 3000 руб.; ржевскимъ купцомъ г. Образцовымъ 1000 руб. (2); вотъ основной капиталъ библіотеки. Съ составомъ ея можно познакомиться изъ печатнаго каталога: изъ него видно, что библіотекой приобрѣтены преимущественно новѣйшія изданія духовнаго содержанія и по части естественныхъ наукъ, правовѣдѣнія, политической экономіи, исторіи и путешествій; отдѣлъ словесности заключаетъ въ себѣ произведенія всѣхъ лучшихъ, преимущественно современныхъ, русскихъ авторовъ; затѣмъ слѣдуютъ французскія книги; въ книгахъ на другихъ языкахъ не представляется еще потребность (3).

Мы давно уже привыкли къ газетнымъ и журнальнымъ статейкамъ, въ которыхъ, въ былые и давніе годы, громко возвѣщали о просвѣщенныхъ градоначальникахъ, ревнителяхъ образованія, основателяхъ мѣстныхъ публичныхъ библіотекъ, и что же осталось отъ этихъ библіотекъ? Статейка въ вѣдомостяхъ, да

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 13.

(2) При обратномъ проѣздѣ черезъ Тверь въ концѣ іюля мы узнали, что на двѣхъ пожертвовалъ на библіотеку г. Савинъ, оставиковскій голова, 500 р.

(3) Списки книгъ, вновь приобрѣтаемыхъ, печатаются отдѣльными листами ежемѣсячно.

два-три шкапа съ разорванными и разрозненными томами; причины подобныхъ, столь грустныхъ событій въ исторіи нашихъ губернскихъ книгохранилищъ надо искать въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ неудачномъ планѣ основаніи бібліотеки, въ неумѣнн удовлетворить потребности общества, въ неумѣнн вызвать эту потребность... Тверской бібліотекѣ, кажется, не предстоитъ такая грустная судьба, и выпала, напримѣръ, на долю вятской, владимірской и нѣкоторыхъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ правилъ тверской бібліотеки видно, что входъ въ нее бесплатный; каждый приходившій можетъ пользоваться всѣми журналами и находящимися въ ней книгами; за отпущекъ на домъ книгъ, новыхъ и старыхъ журналовъ вносится 10 руб. за весь годъ, за мѣсяць 1 руб. 25 коп.; за отпущекъ журналовъ и книгъ, спустя три мѣсяца, по ихъ полугодію за полгода 5 руб., за мѣсяць 60 коп. *Для бѣдныхъ востановленіи учебныхъ заведеній, для бѣдныхъ чиновниковъ, канцелярскихъ служителей, наконецъ для мѣщанъ абонементъ 30 коп. въ мѣсяць.* Всѣ лица этихъ сословіи не вносятъ даже залога платежей, взимаемыхъ съ остальныхъ лицъ; бібліотека довольствуется предъявленіемъ съ ихъ стороны поручительства, со стороны чужаковъ, либо извѣстныхъ лицъ, впрочемъ безъ всякихъ строгихъ формальностей. Все это чрезвычайно важно придаетъ большую честь основателямъ бібліотеки и служитъ нѣкимъ ручательствомъ, что читатели всегда найдутся, и что ихъ будетъ возрастать. А между тѣмъ, узнаемъ о числѣ приходившихъ. Со дня открытія бібліотеки, съ 11 мая, записывается число приходившихъ читателей. Изъ этихъ списковъ видно, что ежедневно, среднимъ числомъ, читаетъ въ бібліотекѣ 25 человекъ; наименьшее число было — 11, наибольшее — 51. Всѣхъ подписчиковъ на домъ было 196; изъ нихъ: генералъ штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 10 (2), юнкеровъ 3, капитановъ 2, помѣщиковъ 4, дамъ 6, купцовъ 7 (изъ нихъ только 2 тверскихъ), мѣщанъ 2 (оба не здѣшніе), студентовъ 2, священниковъ 1, учениковъ гимназій 4.

Всѣ эти цифры далеко еще не представляютъ окончательныхъ результатовъ, но кто знаетъ провинціальный бытъ и привычки?

(1) Библиотека открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ вечера; въ воскресные и табельные дни отъ 12 часовъ пополудни. Безсѣнный дежурный въ бібліотекѣ получаетъ въ мѣсяць 300 руб. жалованья, что не вполне соответствуетъ его довольно значительной службѣ.

(2) Въ Твери стоитъ всегда нѣсколько полковъ, и мы не сомнѣваемся, что съ приходомъ на зимнія квартиры число читателей изъ военныхъ увеличится.

общество, тотъ не подвигнется этимъ цифрамъ, напротивъ, съ надеждой на будущій прогрессъ помирится съ ними, когда узнаетъ, что тверская библіотека насчитываетъ болѣе 150 человекъ читателей изъ чиновниковъ; это для начала довольно.

«Что вы хотите отъ насъ, сказалъ намъ одинъ изъ священниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе о ничтожномъ числѣ читателей изъ духовныхъ; въ нашемъ городѣ дѣйствительно десятка три церквей наберется, слѣдовательно довольно и духовенства; я не стану укорять его въ невѣжество, но скажу, что между нами есть еще чрезвычайно странный предрасудокъ: какъ моль я, духовное лицо, зайду въ библіотеку; вѣдь это мѣсто *публичное*, какъ еще взглянуть на это другіе читатели? Короче, сказать, если нѣкоторымъ и приходитъ мысль зайти прочесть газету или журналъ, то его удерживаетъ какой-то ложный стыдъ.»

Ну, а тверскіе купцы, что жъ бы имъ почитать? Или трехъ *выборныхъ* изъ трехъ сотъ человекъ купцовъ совершенно достаточно? Надо думать, что покамѣстъ довольно. И здѣшніе купчики, замѣтилъ намъ одинъ изъ знакомыхъ, не болѣе какъ *русскіе* купчики: домъ, лавки, загроможденные товарами; жирныя лошади, жирныя жены, жирныя обѣды, бесплодныя пожертвованія на вещи и зданія, не приносящія существенной пользы; пышный обѣдъ, стоющій десятка тысячъ, ради именитаго гостя; трактиръ и кутежъ въ *вольномъ* домѣ, на какой-нибудь нижегородской, либо другой ярмаркѣ, вдали отъ зоркаго взгляда жены и коллекціи сродственниковъ, — вотъ все, что составляетъ насущныя ихъ потребности. Все что можетъ ожидать отъ нихъ библіотека—это пожертвованія деньгами, и то если найдется сановникъ, господинъ съ *значеніемъ*, вызовъ котораго на *добровольныя* пожертвованія принять будетъ ими (какъ всегда это и принимается) за приказаніе. Итакъ можно еще ожидать денегъ изъ туго-набитыхъ кармановъ этихъ подвижниковъ пищеваренія, но читателей изъ ихъ рядовъ мы дождемся не скоро.

Въ кучѣ газетъ, разложенныхъ по столамъ читальной залы, мы обратили вниманіе на мѣстныя *Тверскія Вѣдомости*. Въ городѣ, гдѣ такъ успѣшно основана публичная библіотека, гдѣ видны мѣры къ развитію просвѣщенія, можно и отъ мѣстной газеты требовать какихъ-либо улучшеній; но нѣтъ, она не только не выдѣляется изъ общаго ряда нашихъ губернскихъ вѣдомостей, болшею частію негодныхъ на обертку, но даже хуже многихъ изъ нихъ. Изъ просмотрѣнныхъ нами нумеровъ, мы не нашли почти ни одной статьи, имѣющей хоть мѣстный интересъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ-трехъ статей Р. Н. Н.—на, да статей о Калязинѣ и Калязинскомъ уѣздѣ (перепечатка изъ *Московскихъ Вѣдомостей*); попадаются вирши, впро-

чемъ 1853, 1854 годовъ, то-есть тѣхъ временъ и событій, которыя вдохновляли многихъ безвѣстныхъ писовъ; за тѣмъ (въ неофициальномъ дѣлѣ) слѣдуютъ перепечатки изъ газетъ и журналовъ; причѣмъ выборъ статей показываетъ, что редакция не хочетъ, либо не имѣетъ возможности (послѣднее вѣрнѣе) слѣдить за журналами и газетами. Раскроемъ наудачу, ну хоть 1857 годъ: *Нѣсколько словъ о мочичкахъ, Предохраненіе картинъ отъ мухъ, Предохраненіе*—или нѣтъ, виновать, *Приготовленіе салмыхъ свѣчей, Болѣзнь молочница, Лѣченіе водяной болѣзни лимонами* (что особенно полезно для крестьянъ, жителей дальнихъ деревень; не на ихъ ли огородахъ предполагается отыскивать лимоны?), *Стѣклянная полва или жидкое стекло, его польза и приложенія*; въ статьяхъ совѣтуется для сохраненія отъ пожаровъ покрывать дома стекломъ и пр. въ такомъ же родѣ.

Любопытно было бы знать, задавала ли себѣ вопросъ редакция *Тверскихъ* и подобныхъ ей вѣдомостей; для кого и для чего она перепечатываетъ столь назидательныя вещи? Нашелся ли хоть одинъ человѣкъ, воспользовавшійся чѣмъ-нибудь изъ напечатаннаго въ издаваемой ими газетѣ, что-нибудь *вычитавшій* изъ ея неофициальнаго отдѣла (1)? А между-тѣмъ, и наши губернскія вѣдомости могли быть органомъ своеобразнымъ, полнымъ мѣстнаго интереса; вѣдь какая-нибудь Тверь не на Чукотскомъ носу, вѣдь и въ ней, и въ ея губерніи найдутся священники, учителя, помѣщики, купцы (найдутся?), которые бы присылали незатѣливыя статейки историческія, этнографическія, промышленныя, хозяйственныя и пр.

Что же нужно для этого? Выборъ въ редакторы человѣка свѣдущаго; назначеніе ему приличнаго содержанія; освобожденіе его отъ другихъ служебныхъ обязанностей; болѣе или менѣе удовлетворительная плата сотрудникамъ за доставленныя статьи... Вѣдь одна *честь* напечатанія статьи, не только въ столбцахъ *Тверскихъ вѣдомостей*, но и въ другомъ журналѣ, — болѣе приличномъ по содержанію и формѣ, — едва ли кого соблазнятъ въ настоящее время (2). Наконецъ, надо освободить газету отъ того нескончаемаго ряда просмотровъ и всевозможныхъ

(1) До какой степени интересна тверская газета можно судить изъ того, что мы не нашли въ редакціи и въ губернскомъ правленіи ни одного гондо до 1845 г. (а газета издается съ 1838 года). Ужъ не зачитали ли эти гонды любознательные сторожа?

(2) *Исковскія Вѣдомости* объявляли въ вышнѣмъ году (№ 22, 23, 24), что они будутъ платить за помѣщаемыя въ нихъ статьи отъ 19-ти до 25-ти рублей сереб. съ печатнаго листа. Любопытно знать, многія ли изъ губернскихъ вѣдомостей послѣдуютъ этому благому примѣру?

иѣстныхъ онекъ, которымъ она неминуемо подвергается — вовсе не по закону, а по простому обычаю, если только приметъ какой-нибудь литературный оттѣнокъ.

Зачитавшись *Тверскими Вѣдомостями*, мы едва не забыли заглянуть въ семинарскую библіотеку; а заглянуть въ нее стоить и поглядѣть въ ней есть на что... Книгохранилище это болѣе полувѣка находится въ среднемъ ярусѣ соборной колокольни; гдѣ прежде была церковь Ивана Предтечи. Въ нее ведетъ узкая, обившаяся лѣстница, внизу васъ обдаетъ какой-то сильный, непріятный запахъ; наверху заскрипѣла желѣзная дверь на ржавыхъ петляхъ... Входите, вотъ толстая рѣшотка, за которою должны семинаристы скромно выждать, когда просимая книга, либо рукопись будетъ имъ выдана... Въ большой, круглой, никогда не топленной комнатѣ, съ двумя рѣшотчатыми окнами — пахнетъ сыростью... книги и рукописи предоставлены дѣйствіямъ стихій всѣхъ временъ года. Вы съ сожалѣніемъ смотрите и на эти старинные, временъ Теофилакта Лопатинскаго, шкапы, и на помѣщенное въ нихъ сокровище; а есть дѣйствительно сокровища: печатныя книги временъ Михаила Федоровича, старинныя рукописи и акты, семинарскія лекціи съ истлѣвшими, либо обгрызенными углами (матеріалъ для исторіи семинарскаго быта, а вѣдь когда-нибудь и о немъ мы прочтемъ правдивое и печатное слово?). Глядя на груды этихъ замасленныхъ, мелко-исписанныхъ тетрадокъ, я какъ бы видѣлъ предъ собой цѣлыя поколѣнія учившихся, цѣлыя фаланги отцовъ ректоровъ, инспекторовъ, добрыхъ наставниковъ, свѣже-промоченныя лозы; въ шелестѣ переворачиваемыхъ листовъ слышались вопли, плачь, моленія о пощадѣ... Все это вѣдь исчезло? Остались только однѣ тетради, безмолвныя свидѣтельницы старинныхъ поученій и наставленій.

Впрочемъ и до этихъ свидѣтельницъ мы должны были дотрогиваться крайне осторожно; почтенный библіотекаръ весьма вѣжливо бралъ у насъ въ рукъ рукопись, объяснялъ, что ни прочесть, ни сдѣлать изъ нея выписки, и ужь, разумѣется, взять къ себѣ на домъ, хотя бы и за поручительствомъ лица, насъ сопровождавшаго, — онъ никакъ не можетъ дозволить, безъ особыхъ формальныхъ разрѣшеній... И мы вполне вѣрнимъ г. библіотекаря; болѣе того, мы даже опасаемся, чтобы настоящія строки не вызвали противъ него строгое замѣчаніе: по какому праву онъ впустилъ въ библіотеку любопытнаго, не огнесшись къ ближайшему начальнику особою бумагой, за такимъ-то №, отъ такого-то числа? а тотъ долженъ былъ бы *ходатайствовать* у высшаго, а высшій за новымъ номеромъ писать... Но позвольте, вотъ съ нижней полки шкапа, изъ-за толстаго фоліанта, высовы-

вается какая-то исписанная тетрадь. Мы получили дозволеніе заглянуть въ нее. Это рукопись въ листъ, на сѣрой, замасленнѣй бумагѣ, въ двѣнадцать полулистовъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ и предисловіемъ:

«*Каталогъ біографическій тверскихъ архіереевъ.* Благочестивому читателю по Господѣ радоватися. Церковь торжествующая и свободна суца всякаго премѣненія, ибо безконечна и совершенна вѣчна есть; обаче, по свидѣтельству Священнаго Писанія, имѣеть своя войны написаны въ книзѣ живота.

«Много паче церковь воюющая, различнымъ премѣнамъ подлежащая имѣти должна, и имѣеть, да подвизающія за ню добродѣтели написаны бывають въ книзѣ воинствы Ея.

«Тѣмъ намѣреніемъ и азъ, благочестивый читателю, списавъ сей каталогъ преосвященныхъ архіереевъ тверскихъ, дабы добродѣтели святыхъ мужей не окончалися съ жизнію нашею, и распространялися бы до самыхъ позднѣйшихъ потомковъ, и прочитающіе подвиги ихъ, воспоминающе, ублажають, и съ нѣкую пользу воспріемлють. Аще же гдѣ погрѣшихъ, раскаянію святая церковь, вручаюся любви твоей, благочестивый читателю, временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель греческой школы учитель Иванъ Евдокимовъ. Іуліа 30. 1757 года. Тверь.»

Это предисловіе характеризуетъ все сочиненіе Евдокимова: оно состоитъ изъ небольшихъ біографическихъ замѣчаній о каждомъ изъ архіереевъ съ начала тверской епархіи до второй половины XVIII вѣка; но половина рукописи занята біографіей Феодосія Лопатинскаго (умеръ 1741 г.). Евдокимовъ былъ человекъ, обязанъ гонимымъ Лопатинскимъ, человекъ ему преданный, вся біографія, имъ составленная, есть слово похвальное, слово о страданіяхъ этой жертвы не столько тиранніи Бирона, сколько честолюбивыхъ замысловъ Феодосія Прокоповича.

Сочиненіе Евдокимова намъ было извѣстно только по краткой ссылкѣ митрополита Евгенія (*Слов. дух. писателей* 1827 ч. 1 стр. 328); какъ онъ, такъ и Бантышъ-Каменскій при составленіи краткой біографіи Лопатинскаго не воспользовались драгоценными подробностями разказа Евдокимова (1). Разказъ этотъ не былъ напечатанъ, но онъ весьма важенъ, какъ для біографіи Лопатинскаго, такъ и для ближайшаго знакомства съ Феодосіемъ Прокоповичемъ, къ которому Евдокимовъ, какъ видно, вместе съ другими лицами тогдашняго духовенства, чувствовалъ нестерпимую ненависть. Видѣнная нами рукопись писана рукой Евдокимова.

(1) Еще страннѣе, что упустилъ изъ виду этотъ источникъ протоиерей Косма Чередѣевъ при изданіи въ свѣтъ біографій тверскихъ іерарховъ 1859 г., стр. 103—112.

кимова; рукой другаго современника сдѣланы на поляхъ замѣчанія: показано число пытокъ, которымъ былъ подвергнутъ Теофилактъ и проч.

Имѣя копию съ этого интереснаго историческаго документа отъ Р. Н. Н.—на, мы предоставляемъ себѣ въ другой разъ подробнѣе поговорить и о страдальцѣ Лопатинскомъ и о его жизнеописателѣ; теперь же и некогда, пора выбираться изъ Твери и тверскихъ библиотекъ; пароходъ свиститъ, надо ѣхать; на обратномъ пути заглянемъ еще разъ въ Тверь-городокъ — Москвы уголокъ (1).

Калезинъ, часъ пополудни.

Я оставилъ Тверь въ 8 часовъ утра... На палубѣ сидѣли и лежали въ разныхъ положеніяхъ мужички, мѣщане, купчики, бабы, монахины.... Служители бѣгали изъ конца въ конецъ съ чайниками кипяточка и чая. Солнышко начинало припекать; на пароходѣ было тихо, лишь на одной изъ скамеекъ ораторствовалъ чиновникъ изъ семинаристовъ:

«Вѣдь вотъ-съ и по книгамъ видно, и изъ путешествій читаемъ, какъ за-границей пекутся о всемъ, что служить къ развитію промышленности, торговли, образованія... Будь у нихъ такая рѣчка-съ Волга, шутка сказать, вѣдь рѣчка хоть куда-съ, да они бѣ ее въ золотую рамку вставили, а у насъ?.. Вотъ и пароходовъ годъ отъ году прибываетъ, вѣдь въ десять съ небольшимъ лѣтъ изъ 5 судовъ пароходныхъ составилось болѣе 300, вѣдь флотъ, какъ есть флотъ, а позаботились ли о томъ, какъ и почему ходить этому флоту? что сдѣлали для фарватера Волги? Вотъ какъ метается нашъ пароходъ отъ берега къ другому, да пока онъ добѣжитъ до Ниж-

(1) Объ этомъ уголкѣ писано и печатано довольно много. Укажу на вѣкторыя, мнѣ извѣстныя описанія: *Военно-статистическое обозрѣніе Тверской губерніи*, сост. Усларъ и фонъ-Минстеръ Спб. 1849 г. Программа довольно обширна, собственно о Твери, см. стр. 248—260. Планъ Твери наданъ военнымъ топографическомъ депо. «Тверь» въ *Словарь* Щекатова 1801 г. т. 81 стр. 138—155. *Межевое описаніе Тверской губерніи*. Спб. 1855. 1 т. *Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи* Преображенскаго. Спб. 1854, 1 т. О монастыряхъ и церквяхъ Тверской епархіи писано было очень много: *Историческая записка о Ниловой пустыни*, 1 т. *О селѣ Никулъинь-Городицѣ*. 1852 г. 1 т. *О Троицкой церквѣ въ Твери*. Тверь. 1851. 1 т. *О древней церквѣ въ селѣ Куталинѣ Тверскаго уѣзда*. Тверь. 1851. 1 т. *Описаніе Тверскаго Желтиковскаго монастыря* арх. Платона. Тверь. 1852. *Описаніе Троицкаго Калезина монастыря*. 1853. *Орциный монастырь, сказаніе о найденныхъ древностяхъ*. 1847. М. *О Вознесенской церквѣ въ городѣ Торжокѣ*. Кратк. описан. Рождество. *Девичьяго монастыря въ Твери*, сост. Дранницынъ М. 1852. *Монастырь дѣвич. Воскресенской церквѣ въ г. Торжокѣ*. Тверь 1853. *Историческая записка о Тверскомъ Николаевско-Малицкомъ монастырѣ*. Тверь 1855.; о томъ же монастырѣ другое описаніе изд. Виноградскимъ. Тверь 1. 1859. и проч.

него, такъ, благодаря этимъ извѣстнымъ прогулкамъ, сдѣлаетъ не 1000, а 3000 верстъ!.. Разказываютъ, Богъ вѣсть правда ли, что какая-то компанія вздумала было приняться за расчистку одной части линіи (давно ужъ это было); дѣло пошло скоро и хорошо, какъ вдругъ провѣдали о томъ, да и шлютъ запросъ къ береговому начальству; какъ молъ вы безъ сношеній, предписаній и инструкцій допустили эту расчистку, это ваше дѣло, у васъ есть люди, отпускаются и средства... Ну, а какъ велики эти средства, и много ли народу для пользованія ими, можете судить по этимъ мелямъ и камнямъ, да по крику парня, что стоитъ на носу.»

На носу парохода дѣйствительно стоялъ парень въ рубахѣ, съ шестомъ въ рукахъ; онъ флегматически опускалъ его въ воду справа и слѣва и сильнымъ голосомъ оглашалъ береговую окрестность: «четыре!» «пять!» «пять съ половиной!» «четыре съ половиной!» «три съ половиной!» «три!» Всѣ эти цифры, столь громко возвѣщаемыя, означали фута, и лишь только число ихъ доходило до $3\frac{1}{2}$, пароходъ, пыхтя и сопя, какъ горячій конь, уменьшалъ свой бѣгъ; при двухъ съ половиной футахъ глубины онъ долженъ былъ съѣсть на мель.

— Ну и случается это?

— Какъ не бывать, отвѣчалъ мѣшанинъ, набожно крестившійся на видѣвшуюся вдали церковь,—бываетъ, да только что благополучно сойдетъ съ мели заднимъ ходомъ, ну, а коли его нѣтъ, такъ и якоремъ завожнымъ сволокутъ, задержка бываетъ не мала, а случаемъ бываетъ и то: набѣжить на камень, да такъ себѣ дно и раскроить, и капитана винить нельзя, на всякій вѣдь часъ не нанесешься. А опречь мелей, да камней, случаются препятствія отъ барокъ да плотовъ; послѣдній разъ, какъ довелось мнѣ ѣхать, этакъ подъ вечеръ, пароходъ сталъ на ночлегъ, сверху гнали плоты, вдругъ оторвись одинъ, да такъ прямо и летитъ на пароходъ; всѣ какъ были на немъ, такъ и ахнули, да спасибо рабочій одинъ съ парохода бросился въ лодку, да на плотъ, перерубилъ топоромъ связи, бревна такъ и расплылись вокругъ парохода... Такъ вѣдь лѣсопромышленникъ подалъ жалобу на компанію пароходную—лѣсъ молъ разогнанъ...

Справа и слѣва вновь показались церкви, и разказчикъ, вѣстѣ со всѣми бывшими на пароходѣ бородами, зипунами и армяками, скинули фуражки и стали креститься.

По обомъ берегамъ Волги вообще церквей чрезвычайно много, всѣ каменные, красивой постройки; остается сзади одна церковь, а ужъ впереди показывается другая.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я священника съ магистерскимъ крестомъ,—всѣ эти церкви древнія; много въ нихъ старинныхъ образовъ, вещей? Можетъ-быть есть книги и рукописи?

— Церкви действительно старинныя, но мнѣ очень хорошо извѣстно, что книги старинныя попадаются здѣсь весьма рѣдко, а рукописей положительно нѣтъ. На этотъ счетъ невѣжество наше выше всякаго описанія.

— А вѣдь дивныя виды по Волгѣ, вмѣшался студентъ, подошедшій къ намъ при послѣднихъ словахъ;—эти нескончаемые луга, обрывы и камни съ другой стороны, отмели, лѣсъ, овраги, длинныя деревни, боязливо отодвинувшіяся отъ береговъ Волги, страшась ея разлива; церкви, монастыри, посады, а далѣе города—воля ваша, все это вмѣстѣ чрезвычайно привлекательно; наконецъ пароходы, барки, бурлаки съ бичевой, плоты нескончаемые еще болѣе оживляютъ матушку Волгу; вѣдь чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше и лучше она! Помнится мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Павловскѣ, показывали громадную картину рѣки Миссисипи; картина, при звукахъ музыки, двигалась, и передъ толпами любопытныхъ зрителей текла роскошная рѣка съ ея великолѣпною обстановкой. Обстановка Волги, разумѣется, не можетъ сравниться съ американскою природой,—но кто не согласится, что картина, подобная той, о которой я говорю, но картина не чуждой намъ Миссисипи, а родной матушки Волги привлекла бы не мало зрителей? только надо составить картину умно: опустить всѣ мѣста незамѣчательныя, передать на полотнѣ мѣста живописныя; города, села, церкви, лѣса, овраги, пароходы въ ходу, пароходъ на мели; громадныя барки, черепашинымъ ходомъ подвигающіяся вверхъ заводными якорями и табуномъ лошадей, которыя накручиваютъ канатъ и проч. и проч. А вотъ увидите, пройдутъ десятки лѣтъ, обтянется Волга фабриками, заводами, селами свободныхъ хлѣбопашцевъ и промышленниковъ, и мысль представить нашу красавицу въ громаднѣйшей, безконечной картинѣ придетъ кому-нибудь въ голову.

— Не пойдете ли въ Калязинъ, прервалъ рѣчь восторженнаго студента учитель уѣзднаго училища, подходя ко мнѣ;—пароходъ сейчасъ станетъ у Сергіевска на ночлегъ, а Калязинъ всего отсюда пять или шесть верстъ.

Черезъ полчаса мы шли не берегомъ Волги, а *прямыкомъ*, дорогой на Калязинъ. По бокамъ колосилась рожь, Богъ далъ годъ урожайный; вдали раздавались пѣсни, изъ-за рожи показались хоръ дѣвушекъ въ ситцевыхъ платьяхъ, цвѣтныхъ платкахъ,—они шли изъ деревни въ деревню, празднуя *Петровки*; а вотъ и деревня: на главномъ перекресткѣ стоитъ пять-шесть парней, въ сапогахъ, цвѣтныхъ рубахахъ и жилетахъ; у нѣкоторыхъ видны стальные цѣпочки. Все это народъ промышленный, знающій Питеръ и Москву вдоль и поперекъ; одинъ подыгрываетъ на балалайкѣ, другой на гармоникѣ, третій подсвистываетъ—всѣ

утомленъ і... они только-что кончили отплясывать самаго жаркаго трепанья...

— Вотъ вы спрашиваете, говорить между прочимъ мой чичероне (1), — почему мы, уѣздные учителя, все жалуемся на недостатокъ содержанія; оно, конечно, въ настоящее время значительно увеличено, говорю значительно относительно прежняго жалованья, но и эта прибавка, давая средство къ жизни, далеко еще не даетъ возможности слѣдить за наукой, выплывать одинъ-два журнала, покупать книги... Почему мы не работаемъ сами въ журналахъ, не пишемъ?.. Да вѣдь не всякому Богъ далъ талантъ для этого, да притомъ, положимъ я напишу, и напишу что-нибудь порядочное... Такъ его и нанечатаютъ? Какъ не такъ! Пошлешь въ редакцію, а тамъ тоже нужна протекція. Известное имя, либо рекомендація какого-нибудь генерала въ литературѣ, такъ и читать не будутъ, прямо въ типографію шлютъ, а безъ протекціи литературнаго вельможи, проваливается рукопись въ кучѣ *неудобныхъ*...

— Да откуда вы это слышали, ничего подобнаго не бываетъ.

— Чего не бываетъ? заговорилъ мужичокъ, выравниваясь съ нами; онъ пріѣхалъ на пароходѣ и шелъ къ себѣ въ деревню: — воровства што-ль не бываетъ? не, воровства здѣсь довольно! На дняхъ еще, сказывалъ мнѣ землякъ, задавили здѣсь сторожа церковнаго въ уѣздѣ, изъ ундеровъ отставныхъ; такъ думали поживиться, да два рубля и вынули...

Была полночь, когда мы вошли въ Калязинъ по громаднымъ камнямъ, которые громоздятся на берегу, вмѣсто тротуара. Вотъ высокій соборъ, освѣщенный луной; пыльная, неровная площадь, иногда затопляемая Волгой, поднимающеюся изъ-за крутаго берега; деревянныя лавчонки, нѣсколько каменныхъ домовъ... Пусто, грязно; изъ боковыхъ переулковъ раздается лай стаи псовъ и дворняшекъ.

Какимъ-то ссыльнымъ городомъ показался мнѣ Калязинъ; этотъ лай, — Богъ знаетъ по какому-то сочетанію идей, — напомнилъ мнѣ читанное о Березовѣ, мѣстѣ ссылки нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Въ этомъ отдаленномъ городкѣ, по словамъ Миллера, собаки громадными, голодными стадами съ утра до вечера бродятъ межъ домовъ, поднимая страшный вой, и только надо, чтобъ одна стая завyla, то другая завьтъ не упуститъ.

(1) Учитель калязинскаго уѣзднаго училища. Имъ издана въ прошломъ году *Русская азбука*, хорошо приспособленная къ легчайшему изученію учениковъ. Авторъ объясняетъ въ предисловіи, какимъ образомъ учитель долженъ облегчить дѣтя при знакомствѣ его съ азбукой и спасти отъ тѣхъ безсмысленныхъ упражненій, какія считались необходимыми при прежнихъ методахъ обученія.

ужали еще въ этомъ городѣ, думалъ я о Калазинѣ; можно
 аться чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ циты, бѣды, сна и прее-
 ? А между тѣмъ здѣсь живетъ и трудится въ теченіи нѣ-
 ныхъ лѣтъ замѣчательный русскій писатель, И. С. Б.—нѣ.
 живъ Степановичъ дома? спросилъ мой чичероне, постучавъ
 ю подвального этажа небольшого домика; вверху растворен-
 окно, и самъ хозяинъ, оторванный не отъ постели, а отъ
 и письма, радушно пригласилъ меня зайти къ нему по-
 овать...

ище уже поднялось довольно высоко, а я все еще слу-
 увлекательныя разказы И. С. Б. Онъ много говорилъ лю-
 бного о бытѣ своего сословія, о своихъ трудахъ и розы-
 нхъ, о городѣ и его жителяхъ и проч. и проч. Незамѣтно
 въ часъ, когда пароходъ изъ Сергіевска долженъ былъ
 нуть въ Калазинъ; И. С. Б. проводилъ меня до пристани,
 нива по дорогѣ о замѣчательностяхъ городскихъ церквей
 тыхъ древностяхъ; обо всемъ этомъ имъ не разъ печатались
 цованія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ журналахъ.
 ристани мы простились.

Что ваше благородіе, вы у Ивана Степановича въ гостяхъ
 спросилъ меня сторожъ пристани, отставной морякъ-боц-

нѣчалъ утвердительно.

Добрѣйшей души человекъ, продолжалъ старикъ,—по всему
 и извѣстны-сь по добротѣ своей; всякому готовъ все сдѣ-
 ла то и уваженіе къ нимъ наикажнѣй питаетъ. Опять же
 въ ума коли говорить, такъ во всей имперіи другого не
 нхъ; это ужъ вѣрно, не извольте въ томъ беспокоиться:
 ниво здѣсь живу, а много про Ивана Степановича прослы-
 и хорошаго; ему бы не здѣсь, да не промежъ бородъ-то

Угличь, 30 іюня.

рушится и валится въ этомъ старинномъ, извѣстномъ го-
 Вотъ домикъ, высокій, обнесенный каменною оградой, съ
 нною крышей, толстѣйшими стѣнами, рѣшотчатыми ок-
 ныхъ уцѣлѣли обломки слюды, встарину замѣнявшей
 Этотъ домикъ вы вѣрно знаете, или по крайней мѣрѣ не
 нарисункахъ? Это домъ царевича Дмитрія Ивановича.
 ту крыльца звякнулъ на караулъ. Онъ оберегаетъ стари-
 нн, не старину, а походную церковь Угличскаго ополченія,
 временно помѣщается въ домѣ. Старина же сохраняется,
 только странно: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ ея
 никовъ, богатый крестьянинъ, сдѣлалъ каменную ограду

вокругъ дома (для чего?), возобновилъ крыльцо по новому плану, намалевалъ внутри по стѣнамъ разные портреты любовались этою намалевкою окъвъ стеклянныя двери. Вѣжнемъ этажѣ дворца царевича, работники-каменьщики изъ жайшихъ мѣстъ, кладутъ на храненіе лопаты, кирпичи, запертачки, носилки, кадки съ известкою.

— Скажи пожалуйста, можно войти внутрь дома?

— Да ключъ отъ двери, ваше благородіе, отвѣчать часомъ у Х., а онъ живетъ въ городѣ, да не знаю, застанете ли его.

Вспомнилъ я прошлогоднюю прогулку по французскимъ виціямъ. Куда ни пріѣдешь во Франціи, въ какой ни зайдешь кабакъ, библиотеку, общественное зданіе—ведь найдешь какаго-нибудь *gardien* съ ключами, съ подробными свѣдѣніями о томъ, въѣрено его храненію, съ полною готовностью за какихъ-нибудь 10 су показать и разказать вамъ о всѣхъ достопримѣчательностяхъ. У насъ же—но нѣтъ, позвольте—и у насъ находится кто-то, которые и въ уединенномъ Угличѣ блеснутъ передъ вами гатствомъ историческихъ свѣдѣній. Поищемъ этихъ людей въ городскомъ саду. Онъ не великъ, запущенъ, грязенъ, видны гроты, обломанныя бесѣдки—все это слѣды послѣдородничаго, заботившагося о городскомъ общественномъ бытѣ; нынѣ страшно заглянуть въ эти гроты, и вы, обходя ихъ, прямо идете въ палатку: это ресторанъ.

Въ немъ, какъ и ожидалъ, я нашелъ трехъ-четырехъ дѣлъ людей; одинъ былъ провіантскій или коммиссаріатскій новникъ, командированный для закупки какихъ-то матерій; другой юнкеръ, третій штатскій. На столѣ видѣлось нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ: это разгулялся коммиссаріатскій съда была шумная. По поводу вопроса моего о ключѣ отъ царевича, разговоръ принялъ ученое направленіе.

— А вѣдь садъ-то этотъ времени царевича Дмитрія жительно замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Такъ отчего-жь деревья такіа тонкіа? скептически замъ другой.

— Какъ отъ чего; надо думать, что и почва скудная, сплетаясь одинъ съ другимъ, мѣшаютъ расти этой чащѣ.

Коммиссаріатскому возразилъ юнкеръ, что едвали садъ при Дмитріи, что съ его времени прошло четыре года. Возникъ горячій споръ; на столѣ явилась новая бутылка; лица диспутантовъ засвѣтились новымъ румянцемъ; коммиссаріатскій помахивалъ хлыстомъ... Страшась, чтобъ истинный диспутъ не принялъ исхода болѣе трагическаго, споръ 19-го марта о Варягахъ и Жмудѣ, я поспѣшилъ въ мѣстнаго просвѣщенія—въ угличское уѣздное училище.

Я думалъ, что встрѣчу грязь, запустѣніе, лачугу. Напротивъ, въ классы были вычищены, стѣны выбѣлены, покрыты ландртами, рисунками животныхъ, чертежами; въ простѣнкахъ висѣли портреты, далеко впрочемъ не прихотливой работы.

— Откуда у васъ такое множество этихъ портретовъ?

— Да что прикажете дѣлать, въ прежнее время, у какого-нибудь помѣщика очутится завалившійся портретъ, либо дворовый мальчикъ для пробы красокъ намалюетъ его, а баринъ и шлетъ губернiю, не надо ли молъ для уѣзднаго училища портрета? насъ не сочтутъ нужнымъ спросить, пришлютъ, да 40 рублей вычтутъ. А средства училища самыя ничтожныя, да и тѣмъ, мало, трудненько располагать. Какъ теперь помню, прѣхалъ къ намъ новый смотритель; видитъ, известка обвалилась, печки дымятъ, заслонокъ нѣтъ, сырость, холодъ, грязь; домъ старинный, знаетъ съ какого времени не исправлявшійся. Смотритель идетъ сюда; сталъ ѣздить по городскимъ жителямъ, да помѣщикамъ: порадыйте, да пожертвуйте на училище! Собралъ, наконецъ, 400 рублей. Ну, радость; теперь-то все можно исправить, пишетъ о томъ директору, непосредственному своему начальнику. Тотъ отвѣчаетъ, что деньги эти надо записать, во избѣжаніе ответственности, въ шнуровую книгу, въ приходъ. Ничего дѣлать не записалъ; да цѣлый годъ и переписывался съ властями, прося разрѣшенія употребить эти деньги; печки тѣмъ временемъ валятся, ученики мерзнуть; въ классахъ, что въ деревнѣ, заниматься нельзя. Одолбываетъ насъ этотъ формализмъ, переписка. Велико ли учрежденіе—уѣздное училище, а по-прежнему, вотъ цѣлый шкапъ его архива съ 1787 года.

Уѣздныхъ же жителей участіе и пособие для училища выдѣлать не легко; дѣлаешь экзамены—ничто, въ родѣ торжественнаго акта, рассылаешь пригласительные билеты; вотъ получаетъ, имѣетъ, особа билетъ. Какъ-молъ съветъ смотритель присылать ко мнѣ билетъ, а отчего самъ не явится съ приглашеніемъ, да отъ него, да онъ у меня... а въ билетѣ приглашеніе не отъ смотрителя, а отъ всего уѣзднаго училища. Ну-съ, а теперь напечатать въ статеекъ въ газетахъ; вздумай-ка ихъ напечатать,—да тогда увиду наживешь, что просто житья не будетъ. Училище, видите, имѣетъ очень хорошенькую библиотечку (дѣйствительно; въ ней до 1240 томовъ), получаютъ журналы; смотритель попытался за самую ничтожную плату, въ пользу училища выкупать книги на домъ, жителей много, стоятъ постоянно полдень. Что жъ? до сихъ поръ два подписчика! Въ началѣ 1859 года на одномъ обѣдѣ рѣчь объ основаніи женской гимназіи; рѣчь рѣшительно уперлась: «еще дочки наши да племянницы выучатся записки писать офицерамъ.» А онъ и безъ за-

писокъ... да что и говорить, въ такомъ маленькомъ городѣ какъ Угличъ, вы встрѣтите чуть не на каждой улицѣ солдабушку; изучая нравы мѣстныхъ жителей, и не находя болпріятныхъ занятій, офицеры, какъ сами видите, цѣлые веча съ ними прогуливаются.»

Впрочемъ разказчикъ нашъ, кажется, былъ немного стркъ своимъ землякамъ и землячкамъ; по крайней мѣрѣ и въ Углимы нашли заведеніе, на которое взглянули съ полнымъ удовольвіемъ; это богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ, основаная В. А. Пивоваровымъ. Богадѣльня на 20 кроватей помѣщася въ нижнемъ этажѣ отличнаго каменнаго дома, вверху живетъ самъ основатель съ женой; оба дѣятельно занимаются своимъ учрежденіемъ. Старушки всѣ одѣты весьма опрятно; кроватная посуда, бѣлье, шкапы для платья, мебель, помѣщеніе, все еще замѣчательно чисто, удобно и хорошо; у дома разбитъ красивый садикъ съ множествомъ цвѣтовъ. При всемъ этомъ, и зрѣваемыя, пока не привыкли къ этой обстановкѣ и къ установленнымъ порядкамъ, были положительно недовольны; мало то онѣ бѣгали изъ богадѣльни: такъ трудно было имъ помириться съ употребленіемъ носоваго платка, съ строгими требованіями опрятности, отвыкнуть отъ бродяжничества и попрошайства и ластыни.

Меня увѣрили, что почтенный старецъ, В. А. Пивоваровъ, ищетъ основать приютъ для приема незаконнорожденныхъ младенцевъ, которыхъ много погибаетъ зачастую отъ убійствъ матерями, наконецъ женскую гимназію; говорятъ, что основатель богадѣльни жалѣетъ, что мысль о гимназіи не пришла ему прежде въ голову; да тогда о нихъ и вопроса не было поминимъ въ литературѣ, ни въ обществѣ.

А куда бы не дурно было основаніе подобной гимназіи? И жеть-быть число училищъ Угличанокъ уменьшилось бы; распространеніи также мужскихъ училищъ распространится и грамотность.

Въ настоящемъ, напримѣръ, годѣ, въ Угличскомъ училищѣ было 63 ученика; въ 1-мъ приходскомъ—62, во 2-мъ—43. Окончило курсъ въ уѣздномъ училищѣ съ аттестатами цифра большая, потому что нѣжные родители обыкновенно вырываютъ дѣтей своихъ изъ 4-го, 3-го, не рѣдко 1-го класса, и такъ что умѣе отца сыну не гадится быть, что къ торговлѣ и ремеслу чимъ замѣтливъ онъ долженъ привыкать съ-измалства, и не владѣть грамотой, въ родѣ полового, который меня просилъ передать въ Рыбинскъ слѣдующую невапечатанную записку; она показалась мамѣ столь интересна, что мы не удались отъ соблазна списать ее:

«Милый братецъ Вадимъ дмитречъ посылаю вамъ пачпортьтъ и уведомляю васъ Слава Богу все живы и здаровы кланнемся и цѣлуемъ заачно Петруши писемъ мнѣ чтопъ вы чересъ полъ-года выслали аброкъ желаемъ душичкии вамъ шастны и благополучны и прошу тебе види пожалусто веди поукуратнѣ богъ дасъ будемъ вольные тогда денешки нужны будутъ. я живу на прежнемъ мѣстѣ. напиши нинадумашь ехать въ питръ-буръ-хъ то, нужно заехать къ татинкѣ и взеть благословенее остаюся любящей твой братъ Василей. 1860 г. Юня 30 чи.»

Все рушится и валится, сказали мы, начиная нашу замѣтку объ Угличѣ. Дѣйствительно, нигдѣ я не видалъ (за исключеніемъ впрочемъ Гжатска) такъ много развалинъ, какъ въ Угличѣ. По мѣрѣ того, какъ возвышался сосѣдній городъ Рыбинскъ, Угличъ постепенно терлѣ и торговое, и промышленное значеніе; множество церквей въ запусѣтнѣи, число жителей уменьшается, дома разваливаются; два-три корпуса нѣкогда обширнаго гостиннаго двора представляютъ кучу кирпича и мусора; остальные корпуса поддерживаются бревнами. Одинъ изъ корпусовъ развалился недавно. Губернскій архитекторъ давнымъ-давно пророчествовалъ: «повалются, братцы, лавки, передавать они васъ, перепортятъ товаръ.» Но въ надеждѣ на *авось*, на незыблемый русскій *авось*, купцы подставляли новыя подпорки; наконецъ, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный вечеръ—ибо купцы всѣ заперли лавки и, ушли домой—весь корпусъ рухнулъ, перепортилъ товаръ, громомъ и громаднымъ столбомъ пыли возвѣстилъ о своемъ паденіи. «А вѣдь и впрямь, подпорки-то не выдержали, говорили въ недоумѣннѣи Угличане, вѣдь рухнуло; а съ чего бы и рушиться? вѣдь ужъ кои вѣки стоитъ!» (1)

Рыбинскъ, 1 и 2 іюля.

— Не пожалуете ли въ театръ? епросилъ меня корридорный въ гостинницѣ, обязательно обчищая платье.

— Развѣ къ вамъ кто-нибудь изъ хорошихъ актеровъ пріѣхалъ?

— Какъ же-съ; Степановъ здѣсь, что при трагедии состоить въ Петербургѣ; здѣсь монѣ арманка, такъ она прѣхадши; удовольствие не малое доставляютъ.

(1) Кромѣ отдѣльныхъ статей и статейкъ (напр. у Щекатова, ч. VI, стр. 539) о городѣ Угличѣ написана бла цѣлая книга: *Исторія города Углича* сочиненная Угличскаго уѣднаго училища учителемъ историческихъ наукъ, Фѣдоромъ Киссель. Ярославль, 80, 1844 г. Это витіеватая компиляція по Карамзину и другимъ извѣстнымъ источникамъ, впрочемъ книга не безполезна при знакомствѣ съ достопамятностями Углича.

Рыбинскій театръ не болѣе какъ деревянный, довольно большой балаганъ; впрочемъ сидѣть въ немъ, въ лѣтнюю пору, можно. Когда я вошелъ, ложи были пусты, только въ верхней галлерей да въ креслахъ сидѣло съ полсотни купчиковъ и мѣщанъ. Шла одна изъ ужаснѣйшихъ трагедій: *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*; станъ мятежниковъ, прощенье и приговоръ, тайный заговоръ, предсказаніе, ядъ, и прочіе и прочіе ужасы возбѣщались афишкой, напечатанною (кстати замѣтимъ) въ частной рыбинской типографіи Левикова и К°. Мы давно знаемъ *драматическаго артиста* петербургскаго театра г. Степанова; въ Петербургѣ онъ еще сдерживаетъ себя, страшась свистковъ зрителей, свистковъ-критиковъ; но въ Рыбинскѣ онъ даетъ полный просторъ своему таланту: артистъ не игралъ, а выкрикивалъ и безъ него уже безобразную роль Прокопія Ляпунова. Скажемъ прямо: трудно представить себѣ что-нибудь оглушительнѣе крика г. Степанова на провинціальной сценѣ; онъ неистовствуетъ, рветъ волосы, бьетъ себя въ грудь, машетъ руками, дѣлаетъ самые страшные жесты.

— Послѣдній разъ, замѣтилъ мнѣ сосѣдъ мѣщанинъ, увидавъ съ какимъ участіемъ слѣжу я за игрой г. Степанова, — онъ тоже игралъ съ трагедію; какъ гаркнуть, такъ отъ подѣзда лошади купца М. такъ и шарахнулись, чуть-было кучера не сшибли... Отъ души играютъ, опять же и лошади породистыя, славныя.

Мы убѣждены, что заѣзжіе артисты, подобные г. Степанову, наносятъ большой вредъ провинціальнымъ актерамъ. Между ними, хотя рѣдко, но попадаются люди не безъ дарованій; при хорошихъ примѣрахъ, дарованія эти могли бы развиваться, а тутъ пріѣзжаетъ какой-нибудь петербургскій Степановъ, ему первая роль, ему большая плата, онъ реветъ благимъ матомъ, и провинціальный актеръ смотритъ на него, какъ на авторитетъ, учится, беретъ съ него примѣръ.

А вѣдь на петербургской сценѣ есть нѣсколько артистовъ, подобныхъ г. Степанову. И это главный театръ въ необязательной Россіи! Съ заведеніемъ частныхъ театровъ въ столицѣ, съ возвращеніемъ конкуренціи, съ увеличеніемъ жалованья артистамъ и платя въ драматическимъ авторамъ, театры русскіе освободились бы и отъ бездарныхъ актеровъ, и отъ поставщиковъ плохихъ ролей.

Рыбинскъ представляетъ довольно привлекательный видъ города, живописнаго по мѣстоположенію, на крутомъ берегу Волги, богатаго по постройкамъ, люднаго, по причинѣ сотни тысячъ работниковъ-бурлаковъ, стекающихся сюда на баркахъ со всѣхъ низовыхъ городовъ.

Бурлаки, лоцмана, прикащики и разные промышленники тол-

пятся на площади у гостиннаго двора; купцы стоятъ, толкуютъ и спорятъ на перекресткѣ отдѣльнымъ кружкомъ.

— Да чтобъ имъ не собираться въ биржѣ? или нѣтъ у васъ биржи?

— Какъ не бытъ! Вонъ на берегу каменный домъ, это биржа для купцовъ, а подлѣ для лодмановъ и бурлаковъ. Оба дома-то, продолжалъ торговецъ, — выстроены давнымъ давно, а народъ все собирается на площади. Потому, первое — привычка, а второе — то, что нашъ братъ купецъ, коли ведетъ какое дѣло, такъ одинъ на одинъ, а не въ компаніи, въ трактирѣ, за парой чая; супротивъ же другихъ норовятъ какъ бы надуть, да перебить барышъ у другаго, а не то, чтобы въ соглашеніе входить; такъ биржа-то выходитъ ему и не нужна... Одначе, прежній городничій хотѣлъ было приучить купечество къ биржевымъ сходкамъ; «вы, господа, говоритъ онъ, поступайте, какъ поступаютъ въ образованныхъ государствахъ!» А они собрались опять на улицѣ. — Городничій выслалъ пожарныхъ съ метлами, стали мести; пыль столбомъ, такъ и слѣпить очи. — Что за оказія? — А это, господа-купцы, васъ городничій приглашаетъ въ биржевой домъ. Не захотѣли ссориться, городничій-то былъ человекъ хорошій; пошли на биржу; разъ собрались тамъ; въ другой — опять высыпали на площадь, сызнава приказано замести ихъ въ биржу; побился, побился городничій, насчетъ образованія купцовъ, да такъ и бросилъ.

Недалеко отъ биржи, близъ волжскаго перевоза, содержитъ овощную лавку 3-й гильдіи купецъ Н. Д. Ульяновъ, рыбінскій поэтъ-самоучка (1).

Мы далеки отъ того, чтобы, подобно блаженной памяти патриоту П. И. Свиныну, восторгаться передъ каждымъ самоучкой, пѣть панегирики богатой русской натурѣ, способной выбиться изъ-подъ гнета самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ и горькой нужды, напротивъ, съ уваженіемъ пожимая руку самоучкѣ, мы слушаемъ и смотримъ на него съ глубокимъ и искреннимъ сожалѣніемъ: природа надѣлила этого человека, думаемъ мы, и умомъ, и способностями, и жаждой образованія. Какихъ усилій стоило ему мало-мальски выдѣлиться изъ невѣжественной толпы, сколько силъ и времени потрачено, а будь у насъ средства къ образованію доступнѣе, не было бы этой траты времени, силъ, здоровья, не было бы и неполнаго, либо неправильнаго развитія...

Н. Д. Ульяновъ родился въ 1818 году въ Рыбінскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Золотуха-Подсельная; отецъ его былъ умный и толковый государственный крестьянинъ; жилъ безъ большаго до,

(1) Сочиненія Ульянова, въ частяхъ, съ 16 картинами. Спб. 1856 г. 8 д.

статка, но и безъ нужды, впрочемъ отдать сына въ училище находилъ нужнымъ; сельскій дьячокъ открылъ Ульянову науку, *Псалтырь* была первая книга, имъ прочтенная; онъ говоритъ:

Подъ сельской кровлею рожденный
Со скромнымъ званьемъ мужичка,
Въ премудрость книжну посвященный
Усердемъ сельскаго дьячка:
Борясь съ враждебною судьбою,
Съ трудомъ, съ житейскою нуждою... и т. д.

Шестнадцати лѣтъ Николай Дмитриевичъ поступилъ оцемъ въ лавку рыбинскаго купца, здѣсь изрѣдка удосуживался читать церковныя книги; съ 1837 года онъ поселился прочкомъ въ Петербургъ, и, не получивъ никакого образованія, былъ всякаго направленія въ дѣлѣ собственнаго просвѣщенія одною жаждой его, онъ сталъ читать безъ разбору, что попалось подъ руку, но читать много и постоянно. Такимъ образомъ первыя книги, имъ прочтенныя, были: *Духъ ученія Платона*, *сочиненій И. Златоуста*; сказка *Бова Королевичъ*; *Ерусалимъ заревичъ*; *Тысяча и одна ночь*; *Торжество Св. Евангелія*; *Путь спасенію*; *Хромой Бьсь*; *Немтовый Роландъ*; *Влюбленный ландръ*; *Путешествіе Кука*; *Царство мертвыхъ* т. п. Н. Д. Ульяновъ пристрастился къ чтенію и умственнымъ занятіямъ: онъ въ собственнымъ словамъ, спасли его отъ пьянства, отъ развора пороковъ, присущихъ нашему купечеству. Мало того, чтеніемъ обязанъ Н. Д. Ульяновъ честнымъ взглядомъ на жизнь, на каждаго человѣка. Грамматика однако не далась ему; онъ можетъ говорить, что пишетъ съ ошибками, но пишетъ гдѣ-то толково, какъ стихами, такъ и прозой, и въ томъ и въ другомъ не выдерживая строгой критики. Г. Ульяновъ, торгуя сахаромъ, табакомъ и прочимъ мелочнымъ товаромъ, имѣетъ порядную бібліотеку русскихъ романовъ и журналовъ, въ 40-хъ годовъ; онъ даетъ читать за извѣстную плату, но чуждымъ, разумѣется, немного, и онъ едва выручаетъ 100 руб. въ годъ...

Въ Рыбинскѣ есть лавка книгъ для продажи Холмушоваго выбора книгъ въ ней не затѣйливъ: первое мѣсто занято произведеніемъ Рафаила Зотова съ К°. На мѣстѣ ярмарки (1) всегда здѣсь продолжается отъ Петровокъ дня четыре), и

(1) Ярмарочный гостивый деревянный дворъ давно уже обрѣтается въ опасности паденія; лѣтъ пятнадцать тому назадъ, подана была въ правительствѣ просьба о перестройкѣ, составлены планы, сдѣланы сметы, тянулось нѣсколько лѣтъ, и когда вышло недавно разрѣшеніе, киршъ явился вдвое въ цѣнѣ. Нужны новыя сметы, новыя представленія и т. д.

шли четыре-пять книжныхъ лавочекъ; интереснаго въ нихъ не много; книги духовнаго содержанія, учебники, сказки и романы; груды лубочныхъ картинъ новѣйшаго издѣлія (старинныхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ продажѣ); изъ нихъ мы выбрали довольно характеристическую картинку: *Петръ Великій беретъ отъ князя Меншикова Екатерину*. Эта сдача съ рукъ на руки красавицы Марты происходитъ за обѣденнымъ столомъ; на немъ и подлѣ него бездна бутылокъ, Меншиковъ сидитъ не совсѣмъ съ довольнымъ видомъ, Петръ вскочилъ: правая рука жметъ руку Меншикова, лѣвая указываетъ на служанку-фаворитку; та въ русскомъ платьѣ откидываетъ длинный вуаль, кругомъ въ разныхъ позахъ четыре женскія фигуры и проч. (Рисов. Уткинъ. Литогр. издат. Логиновъ). На одномъ прилавкѣ мы нашли довольно большое собраніе старинныхъ кошелевъ, четокъ, монетъ, запястьевъ и другихъ мелкихъ вещей; но все это довольно дорого, доказательство, что цѣнность старинныхъ вещей дѣлается извѣстною, а число покупателей возрастаетъ; такъ напримѣръ, за цѣлковый 1741 г. (экземпляръ очень хорошій) съ изображеніемъ императора Ивана Антоновича, съ насъ запросили 6 рубл. и едва, едва отдали за 4 рубля. Какъ въ здѣшнихъ лавкахъ, такъ и въ единственной лавочкѣ въ Тверскомъ гостиномъ дворѣ, намъ удалось приобрѣсть нѣсколько Петровскихъ и Елисаветинскихъ изданій, какъ напр. *Книга уставъ воискій*. Въ листъ изд. 1719 г.; *Уставъ морской* изд. 1720 г. съ русскимъ и голландскимъ текстами; *Морской пошлинный регламентъ*, изд. 1731 года; *Алфавитъ духовный*, изд. 1751 г.; *Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи*, пер. Волчкова, изд. 1747 г. съ пышнымъ посвященіемъ Елисаветѣ Петровнѣ; *Нѣкоторыя проповѣди*, изданіе 1740 годовъ; изъ рукописей: *Крюковылъ пльчія старинныя ноты*, *Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго*, Списокъ уставцемъ 1725 года; *Исторія о стрѣльцкомъ бунтѣ*, старинная рукопись въ 4 д. и проч.

Изданія первой половины XVIII вѣка напоминаютъ намъ о большомъ трудѣ П. П. Пекарскаго: *Библіографія книгъ Петровскаго вѣка*; мы съ нетерпѣніемъ ждемъ напечатанія этого сочиненія, и увѣрены, что было бы чрезвычайно полезно какъ для русской исторіи вообще, такъ для исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности, еслибы составители историческихъ монографій объ XVIII вѣкѣ, взяли на себя трудъ исподволь разсмотрѣть отдѣльно все напечатанное въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Елисаветы Петровны, Петра Федоровича до Екатерины II, съ царствованіемъ которой начинается совершенно новый періодъ въ русской исторіи и исторіи русской литературы. Подобная работа при без-

спорной пользы своей не такъ трудна, какъ кажется, но и труднѣе несравненно легче составленія библиографіи книгъ Пискарева того времени; сколько, напримѣръ, намъ извѣстно изъ Соловьевыхъ и другихъ старинныхъ и позднѣйшихъ каталоговъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны вышло въ свѣтъ русской греческой печати не болѣе 1000 сочиненій и переводовъ, что немного для двадцати лѣтъ и для эпохи основанія Московскаго университета (1).

Ярославль, 7-го іюля.

Пароходъ общества *Самолетъ* быстро подвезъ меня въ Ярославлю... Сколько замѣчательныхъ представило въ моемъ умѣ, при этомъ имени: Биронъ, вѣдшій здѣсь двадцать лѣтъ въ ссылкѣ; Арсеній Мацѣевъ, трополитъ ростовскій (Ростовъ нынѣ въ Ярославской губерніи), разстрѣленный въ 1764 году; А. П. Мельгуновъ, человекъ меншій въ исторіи Ярославля, который ему очень много обязанъ, членъ масонскихъ ложъ, освободитель дѣтей Антоновича... обо всѣхъ ихъ, вѣроятно, удастся собрать кой-какія свѣдѣнія (2).

Указъ о возвращеніи Бирона изъ Сибири опубликованъ въ началѣ января 1742 года, наканунѣ ссылки Миниха, Остермана и другихъ; въ концѣ марта мѣсяца, 1742 года, онъ прибылъ съ женой, двумя дѣтьми, пасторомъ и слугами въ Ярославль. Ему дозволено было писать письма, чѣмъ онъ и воспользовался. Бывшій канцлеръ Россіи написалъ къ Елисаветѣ льстивую и живую записку, оправдывая себя въ назначеніи наследникомъ престола Антоновича (3). Съ перѣзломъ въ Ярославль, здоровье Бирона поправилось; изъ двѣнадцати гнойныхъ ранъ, покрывавшихъ его тѣло, болѣшая часть закрылась; онъ имѣлъ возможность заниматься изъ Москвы лѣкарствами.

Биронъ съ женой и тремя дѣтьми, какъ видно изъ документовъ, оставшихся отъ царскаго резидента Пецольда, отъ 5-го ноября 1742 года, находился на новомъ мѣстѣ своей ссылки въ скверномъ деревенскомъ домишкѣ. Вмѣстѣ съ нимъ жили 40 человекъ караульных солдатъ; они спали съ герцогомъ въ однихъ комнатахъ, и въ

(1) О Рыбинскѣ см. статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ* Сивина, № 78 и 79; также *Описаніе города Рыбинска* Тюменева, изд. 1831 г. Слб. и друг.

(2) Въ Ярославлѣ же была заточена Марина Минихенъ; въ Ярославлѣ находился въ 1684 году Никонъ, патриархъ московскій. Ярославль славился въ старину Дмитревскимъ и многими другими именами.

(3) Записка эта напечатана Бюшвигомъ; переведена и на русскій языкъ. См. *Царствованіе Елисаветы Петровны*, глав. IX. въ *Русскомъ Историческомъ Обществѣ*, 1859, № 6.

боялись дерзко, что тотъ находился вынужденнымъ надѣлать къ пищѣ, питьемъ, дарить деньгами, чтобы только ихъ уместить; такимъ образомъ у него выходило на солдатъ ежедневно до 16 рублей, ничего не оставалось на собственное обвѣденіе, и, по свидѣтельству Пецоляда, ни на комъ изъ семьи ирона не оставалось цѣльной сорочки.

Не только освобожденію, но и облегченію ссылки Бирона, зятельно противились князя А. М. Черкасскій и Н. Ю. Трущкой; тотъ и другой руководствовались своими расчетами; но гарантіями Лестока, положеніе Бирона было значительно облегчено въ концѣ перваго же года его ярославской жизни. Здѣсь устлалъ его самъ Лестокъ, сообщивъ пріятную вѣсть, что государыня назначила ему 5000 рублей ежегоднаго содержанія, вѣдь же и зятя освободила совершенно...

Съ этого времени жизнь Бирона потекла спокойно; ярославскій мѣсто, Бобрещевъ-Пушкинъ, былъ къ нему ласковъ, принималъ его у себя, не мѣшалъ ему забавляться лошадьми, собаками, охотой; все это составляло сферу жизни изгнанника Бирона. Мѣждъ ему на охоту, говоритъ мѣстное преданіе, былъ разрѣшенъ только на десять верстъ отъ города; домъ, имъ занимаемый, какъ видно выше, былъ деревянный; но, безъ сомнѣнія, это было только первоначальное помѣщеніе Бирона; въ послѣдствіи его перевели въ каменный, старинный двухъ-этажный домъ на берегу, не далеко отъ главнаго волжскаго перевоза.

Въ 1761 году Биронъ возвращенъ въ Петербургъ, и въ опусломъ домѣ устроили острогъ, самое приличное употребленіе въ жилища могучаго злодѣя; въ 1820-хъ годахъ, изъ кирпичей обшталаго острога, сложили на томъ же мѣстѣ 1-ю полицейскую стѣну. Я осмотрѣлъ это зданіе; изъ-за обвалившейся по угламъ вѣстки видны старинные толстые, длинные, прекрасно обожженные кирпичи, но домъ за старостью обреченъ на сломку и редѣлку.

Въ Ярославлѣ указываютъ на другой домъ, также будто бы бывший мѣстомъ жительства Бирона; это домъ г. Карновича, на углу Дворянской улицы; нижній этажъ дома очень древень, неужли ли онъ фундаментомъ тому деревянному домику, въ которомъ водворенъ былъ Биронъ первое время по пріѣздѣ изъ бери?

Наклонности и характеръ ссыльнаго герцога скоро проявились въ единенномъ Ярославлѣ. Недалеко отъ его дома находилась и сихъ поръ находится Старо-Надѣинская церковь (постр. въ 20 году); колокола на ней чрезвычайно звонки, отличной голландской отливки, что видно изъ голландскихъ надписей. Звонъ колоколовъ беспокоилъ его сіятельство; Биронъ нѣсколько разъ

такъ разказывалъ намъ старикъ-священникъ со словъ по старухи бабушки своей, просилъ пономаря и приказывалъ не такъ усердно отзванивать, что-де ему спать немалому пономарю не выполнялъ, да и не могъ выполнить ни при какихъ приказаніяхъ сосѣда. Тогда тотъ поднялся на остроумную дѣлку: рѣшился проучить безпокойнаго звонаря; ради этого герцогъ призвалъ его къ себѣ во дворецъ для чего приказалъ раздѣть до нага и вымазать всего сметаной. Собственноручно спустилъ собакъ своей отборной псарни сердечнымъ наслажденіемъ любовался на корчи звонаря, и метавшагося подъ языками лизавшихъ его собакъ.

Но ни сметана, ни собаки не помогли; колокола Старо-Биронской церкви звонять и гудять какъ встарь, такъ и теперь, и громко.

Для присмотра надъ Бирономъ, въ силу высочайшаго повелѣнія браны были изъ ярославскихъ жителей трое достойнѣйшихъ князь-попечителей. Это были: князь Шайдаковъ, Филатьевъ и Петровичъ Меркуровъ. Биронъ, такъ разказывалъ намъ А. Меркуровъ, внукъ одного изъ попечителей, въ особенностъ друженъ съ княземъ Шайдаковымъ; главная причина друженства стояла въ томъ, что Шайдаковъ былъ записной охотничьей знатокъ въ собакахъ; Биронъ между прочими подарилъ Шайдакову драгоцѣнныя вещи: ружье *Роза*, подаренное имъ, въ свою очередь, отъ императрицы Анны Ивановны, пистолетовъ и табакерку; эти вещи, по семейнымъ традиціямъ Шайдаковыми, перешли въ родъ Меркуровыхъ. Помню, говорилъ А. Н. Меркуровъ, что гдѣ-то и когда-то я читалъ замѣтку о бироновскомъ ружьѣ *Роза*; что же касается до моего дѣда, то онъ былъ сынъ архангельскаго воеводы Ивановича Меркурова. Петръ Петровичъ былъ человекомъ и вѣдалъ при Биронѣ казначейскою частію. Въ моемъ семейномъ архивѣ въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, сельцѣ Алексѣевѣ (у Богоявленскаго острова), между другими бумагами (была тамъ напримѣръ Петромъ флота на воронежской верфи, гдѣ за командиромъ бригадиръ Меркуровъ), хранится рукопись, въ которой онъ вписывалъ за нѣсколько лѣтъ попечитель Биронъ расходъ денегъ, отпускавшихся на содержаніе герцога; въ ней того уцѣлѣли письма приставовъ-попечителей; онъ былъ болѣе или менѣе съ этими личностями.»

Любопытно, что Биронъ, по словамъ А. Н. Меркуровыхъ, призвалъ его дѣду двухъ прекрасныхъ неаполитанскихъ собакъ.

(1) При свиданіи нашемъ въ Москвѣ, Арестъ Николаевичъ Меркуровъ такъ добръ, что обѣщавалъ намъ доставить эту любопытную рукопись.

торые еще въ то время стоили 300 рублей. Отъ нихъ пошла прекрасная порода лошадей, которая была долго извѣстна въ рославской губерніи.

Слушая преданія о Биронѣ, мы долгомъ почли заглянуть въ городской архивъ, не уцѣло ли тамъ какого документа? Въ то время, когда вы будете просматривать наши замѣтки, мы на до-дугъ покопаемся въ старинныхъ описяхъ и дѣлахъ.

М. С — кій.

ОТЪ ВЕНЕЦІИ ДО КАРЛЬСБАДА (1).

Съ перваго шага васъ поражаетъ въ Венеціи отсутствіе уличнаго шума; тишина, прерываемая изрѣдка крикомъ гондольеровъ при встрѣчѣ гондолы, и таинственный, грустный плескъ воды на лѣстницахъ старинныхъ дворцовъ. На желѣзной дорогѣ, по окончаніи скучной, но все той же комедіи съ паспортами, вы садитесь въ гондолу, и прямо вступаете въ главную улицу Венеціи, Canale Grande. Пока наша гондола скользила по водѣ, гондольеры называли намъ дворцы, мимо которыхъ мы плыли. И такія имена: Contarini, Pisani, Foscarini (въ немъ теперь казармы), Mocenigo, Manin! Все это исторія, все это такъ знакомоцѣлому міру. А теперь всѣ эти имена, которые напоминаютъ прежнее величіе наместной республики, только грусть наводятъ, и даже зло раздражаетъ, когда увидишь на балконѣ Palazzo Foscarini различныя части уалета австрійскихъ солдатъ, развѣшенные для провѣтриванія, или росушки, какъ намъ посчастливилось это видѣть. А Ріальто съ своею смѣлою аркой, а выходъ изъ Canale Grande къ таможенѣ съ вломъ на St-a Maria della Salute, на портъ, на дальній Медо,—это какое очарованіе, для описанія котораго требуется болѣе иску-ое, чѣмъ мое, перо. Отказываюсь говорить про bella Venezia, только позволю себѣ разказать то, что слышалъ и видѣлъ между обими классами ея обитателей.

Въ 12 часовъ мы пріѣхали въ Hôtel de l'Europe, а черезъ полчаса, въ сопровожденіи проводника, отправились въ гондолѣ осматривать Венецію. До обѣда мы успѣли побывать во дворцѣ дожей, спуститься въ казематы Совѣта Десяти, пройти по Ponte dei Sospiri. Проводникъ, показывая въ помѣщеніи дожа единственное мѣсто,

(1) См. Русскій Вѣстникъ № 14.

гдѣ ему позволялось имѣть свой гербъ, прибавилъ шепотомъ озираясь кругомъ: «и теперь здѣсь гербъ настоящаго дожа.» Дѣйствительно, двухглавый австрійскій орелъ красовался на мѣстѣ, украшенномъ прежде гербами избранниковъ народа. Не знаю почему, передъ нимъ поставлена древняя географическая карта, которая своею рамой на подставкахъ немного маскируетъ это непріятное напоминаніе. Ежели это случайность, нельзя не найти ее весьма остроумною. Мы потребовали, чтобы намъ показали знаменитые *riombi*. Но увѣ! они болѣе не существуютъ. Въ передѣлкѣ, которая произошла во дворцѣ дождей, для приготовления его къ принатію эрцгерцога Максимилиана, *riombi* были превращены въ комнаты для дворцовыхъ служителей. Нельзя не подивиться этому варварству и неуваженію къ остаткамъ старины. Это мнѣ напомнило, что на островѣ *Ste Marguerite*, противъ Канна, недавно заново очистили и обѣли стѣны каземата, въ которомъ такъ долго прожилъ знаменитый узникъ, желѣзная маска. Когда я былъ тамъ въ февралѣ сего года, солдатъ, который былъ монше вожатымъ, съ самодевольствіемъ выставилъ заботливость императорскаго французскаго правительства, которое не хотѣло оставить мѣсто заточенія такого извѣстнаго лица въ прежнемъ историческомъ безпорядкѣ. Оба поступка равно похвальны; но тѣмъ не менѣе жаль похвобъ.

Выходя изъ собора Св. Марка, мы встрѣтились съ G***, который насъ ожидалъ подъ аркадами *Piazza di San Marco*.

— Я только что былъ у васъ; но вы уже уѣхали, сказалъ онъ и вмѣстѣ объявилъ пріятную новость, что ему обѣщали непремѣнно доставить оставленный нами въ Веронѣ багажъ сегодня же вечеромъ.

Я просилъ G*** показать кофейную, которой содержатель имѣлъ непріятности съ австрійскою полиціей по поводу журналовъ, въ которые полиція заставила его подписаться. Дѣло доходило до того, что содержателю былъ предоставленъ выборъ или закрыть свое заведеніе, или получать одобренные начальствомъ журналы. Не обошлось и безъ того, что хозяинъ съ сыномъ продержали дней 10 въ тюрьмѣ. Эта кофейная находится напротивъ собора на противоположномъ концѣ площади. Гуляя подъ арками, я ишелъ къ Флоріану (единственная кондитерская на площади, посѣщаемая Венеціанцами), и мимоходомъ посмотрѣлъ *Иллюстрацію*. Случайно, только что я развернулъ, я попалъ на картинку, представляющую свиданіе Гарибальди съ генераломъ Ланца. Надъ головой Гарибальди, былъ сдѣланъ карандашемъ вѣщичекъ со звѣздой въ серединѣ. Я показалъ G***. Онъ улыбнулся сначала, а потомъ прибавилъ:—Попадется это кому-нибудь изъ Австрійцевъ, достанется хозяину кондитерской.

— Неужто это может быть сочтено за преступление? спросил я.

— Еще бы! есть люди, которые уже пострадали за меньшее. G*** обещался заказать на завтра обѣдъ въ ресторанѣ S. Gallo, и мы разстались; мнѣ хотѣлось до вечера осмотрѣть нѣскольکو церквей.

— Какъ же мы увидимся вечеромъ? спросилъ я его прощаюсь. — Вы ходите на Piazza?

— Да, сегодня суббота, значить военной музыки не будетъ, отъѣчалъ онъ:— такъ мнѣ можно; непременно приду.

Надо сказать, что въ тѣ дни, когда военная музыка играетъ на площади Св. Марка, ни одинъ Венеціанецъ ни за что туда не покажется. Не такъ давно, все италіянское общество во время музыки гуляло въ Jardini (1). Остроумный г. Тогенбургъ догадался и велѣлъ поставить два золоченые двухглавые орлана надъ воротами Jardini, и въ томъ же духѣ украсилъ рѣшетку, выходящую къ каналу. Послѣ такого украшения никто изъ Венеціанцевъ не вышелъ въ садъ; но тѣмъ не менѣе это ихъ не привлекло на площадь Св. Марка, къ слушанію военной музыки. Во время музыки, они теперь гуляютъ по Piazzetta, и только по окончаніи концерта переходятъ на площадь.

Я успѣлъ осмотрѣть до обѣда только четыре церкви: S. Giovanni e Paolo; S. Maria dei Frari, S. Maria della Salute, и церковь іезуитовъ, замѣчательную по своей оригинальной отдѣлкѣ; инкрустациі зеленого и бѣлаго мрамора на стѣнахъ и колоннахъ сдѣланы такъ отчетливо, что даже вблизи кажется, будто стѣны обтянуты шелковою матеріей. Особенно замѣчательна кафедра. Я ничего не говорю о памятникахъ, картинахъ, убранствѣ и богатствѣ этихъ церквей; это столько разъ было описано, что, какъ я уже сказалъ, любой гидъ полнѣе и лучше меня все это разкажетъ. Притомъ послѣ великолѣпнаго описанія Венеціи Жоржъ-Сандомъ, грѣшно нашему брату и думать объ этомъ.

Пообѣдавъ, мы отправились въ гондолѣ гулять по Canal Grande. Въ прежнія времена, лѣтомъ часовъ около 7, весь каналъ былъ запруженъ гондолами. Все венеціанское общество, обыкновенно, каждый вечеръ посвящало часъ и болѣе времени гулянію въ гондолѣ по каналу; потомъ всѣ отправлялись на площадь Св. Марка, гдѣ вокругъ столиковъ въ кофейныхъ проводили весь остатокъ вечера до полуночи и позже. Тамъ молодые люди переходили отъ одного кружка къ другому, что считается за визитъ, за посѣщеніе, точно какъ во Флоренціи, въ ками-

(1) Jardini—маленькій садикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Piazzetta.

насъ (или, какъ Флорентинцы произносятъ, *зашимазъ*). Вес этого гулянья прежняго времени по каналу и сидѣнія на площ было велико, какъ говорятъ. Я этого не видалъ. Во время ѣзда по каналу, мы удостоились счастья увидать г. Тогенга, фельдмаршалоу Туна и Ньюжента, и потомъ всѣхъ германскихъ и военныхъ чиновниковъ австрійскихъ. Достоверно что всѣмъ имъ высшее начальство вѣнчало въ обязанность същать ежедневно въ извѣстный часъ *Canale Grande*, въ голлахъ, съ женами и дѣтьми, потомъ просидѣть определенное чальствомъ время на площади Св. Марка. Говорятъ, гг. чиновники этимъ очень тяготятся; одно чувство исполненія службы поддерживаетъ ихъ. Если къ этому прибавить дѣтскія гондолы съ Англичанками, то вотъ все, что мы видѣли на площади. Впрочемъ о нихъ нечего и упоминать; англійское мейство — необходимое дополненіе ко всякому мѣсту въ Венеціи и Швейцаріи. Безъ этого нельзя обойтись. Во Флоренціи четыре раза былъ въ галлерей Питти и пять въ Оффіцахъ, и ни разу мнѣ не случилось быть лишена удовольствія видѣть крайней мѣрѣ два англійскія семейства. Впрочемъ, они не такъ карикатурны, какъ ихъ представляетъ французскія литература; надо отдать справедливость, что если дѣлать группировку ственниковъ на группы по національности, то англійская группа самая многочисленная, вмѣстѣ самая респектабельная, *gentlemanlike*. Это чувство собственнаго достоинства, которое не покидаетъ Англичанъ ни на глетчерахъ Швейцаріи, ни на галлерейхъ и церквахъ Италіи, и надъ которымъ привѣтливо смѣяться, по истинѣ гораздо лучше навязчивости французовъ, многословнаго и шумнаго очарованія Нѣмцевъ и тщеславія нашихъ Русскихъ. Гдѣ бы вы ни встрѣтились съ англичаниномъ, хоть бы въ какомъ-нибудь швейцарскомъ мѣстѣ, куда васъ загонитъ неожиданный дождь, вы можете быть уверены, что онъ не позволитъ себѣ ничего неприличнаго; нельзя сказать ни про Французовъ, ни про Нѣмцевъ, ни про насъ Русскихъ. Ихъ укоряютъ въ необщительности, вѣжливости, а этого особенно не замѣчалъ. Когда въ прошломъ году изъ Бельгіи я ѣхалъ въ Англію, мнѣ столько объ этомъ говорили, что первое время, въ Лондонѣ, бывало, чтобы сѣсть на улицѣ, куда, какъ пройти, я иначе не обращался къ полиціеменамъ. Но проживъ съ полгода въ Англіи, я убѣдился, что на континентѣ клеветаютъ на Англичанъ и не знаютъ ихъ.

Итакъ, я могъ убѣдиться вполне, что Венеціанцы никому не показываются, гдѣ могутъ встрѣтиться съ ненавистными имъ Австрійцами и всѣмъ, что къ нимъ принадлежитъ. Ни од

изъ нихъ не было на каналѣ. Въ это время, если какому-нибудь Венеціанцу необходимо проѣхать по Корсо, онъ тщательно объѣзжаетъ маленькими каналами, и дѣлаетъ какой-угодно кругъ, чтобы не участвовать хоть на нѣсколько минутъ въ гулянья своихъ притѣснителей. Впрочемъ справедливость требуетъ упомянуть, что одна Венеціанка была на Корсо; это графиня Бальби, и даже съ австрійскими офицерами въ своей гондолѣ. Но графиня Бальби страшная *кодмилка*, и такихъ, какъ она, къ счастью, очень мало въ Венеціи.

Около часа катались мы отъ Ріальто до Цѣпнаго моста и обратно, и все тѣ же лица попадались. Оставалось еще нѣсколько времени до полной темноты; мы этимъ воспользовались, и велѣли ѣхать въ лагуну. Когда мы очутились вдали отъ домовъ, я началъ разспрашивать нашихъ гондольеровъ о томъ, что они думаютъ о Гарибальди и Сициліи. Сначала *signori Verro e Giorgio* отвѣчали очень уклончиво, и только перемигивались между собою. Когда же я имъ объяснилъ, что я изъ свободной Италіи, видѣлъ короля во Флоренціи, — они совсѣмъ перемѣнились въ обращеніи. Беппо, смуглый, высокій, съ маленькою бородкой, снялъ шапку и обратился ко мнѣ.

— Вы оттуда *есселенжа*, ну скажите, что *postro ge*, что *rovego vecchio* (1) *Giuseppe*. Что они, милые, дѣлаютъ? Мы здѣсь мало о нихъ знаемъ.

— Какой вашъ король? возразилъ я:— у васъ императоръ, который живетъ въ Вѣнѣ; а *Vittorio*— тотъ король свободныхъ Италіанцевъ по ту сторону Гарда и По.

Беппо серьезно раеходился и съ такимъ жаромъ началъ мнѣ разказывать осаду Венеціи, и какъ они сдались только потому, что не было ни пороху, ничего, и что Венеціи грозилъ голодъ, такъ что я сталъ сожалѣть о своей шуткѣ. При своей оживленной рѣчи, онъ весломъ такъ судорожно работалъ, и притомъ все смотря на меня, что я такъ и ждалъ, что онъ задѣнетъ о сваи, нѣмнѣ которыхъ мы ѣхали.

— Говорятъ, что мы не хотимъ, прибавилъ онъ,— Венеція доказала, что она хочетъ; но безъ помощи, насъ эти поганые *Дстріаки* раздавать. Видите ли, — и онъ сталъ показывать рукой,— вотъ фортъ по ту сторону желѣзной дороги, направо отъ танціи, вотъ тамъ другой; на Лидо сдѣлали также *фортеццу*

(1) Выраженіе *rovego vecchio* въ Венеціи употребляется простонародьемъ въ видѣ любезности, дружескаго обращенія. *Novro ge* — нашъ король. *Giuseppe* — Іосифъ Гарибальди.

Только тронься мы, они насъ и городъ весь въ пыль тятъ.

— Тамъ въ Италіи говорятъ, сказалъ я,—что вы всё реликанцы, и если освободитесь, то объявите республику, роля не приметъ.

— Per Dio! съ жаромъ возразилъ Беппо: — это все те проклятые распускаютъ такіе слухи. Не вѣрьте, не вѣрьте! Начнись только что-нибудь поближе къ намъ, насъ теперь не удержатъ, мы сумѣемъ показать, что и мы per l'Italia la Croce (1).

Невозможно передать чувство ненависти, съ которымъ говорилъ про Австрійцевъ. Это такое ожесточеніе, такая жестокость, которой нельзя себя представить. И Беппо не исключаетъ отъ патриція до послѣдняго работника, раздѣляютъ имущество. Грустно становится, когда подумаешь, сколько чуждой крови прольется, пожалуй, въ скоромъ времени въ очаровательномъ уголкѣ Италіи.

Когда мы уже подъѣхали къ Пицеттѣ — прежде чѣмъ выходить,—Беппо остановилъ меня и сказалъ мнѣ шепотомъ:

— Garibaldi, signor, primo uomo del mondo (2), мы его не забудемъ, мы его ждемъ; но теперь надо... приложилъ палецъ къ губамъ,—споро, скоро вы увидите, махнулъ рукой.

У Флоріана мы нашли G***. Занявъ мѣсто у одного изъ кошевъ на площади, мы просидѣли съ часъ, толкуя и болтая. Яркое освѣщеніе народа, сидящаго и гуляющаго, даетъ этой площади оригинальный и оживленный видъ. Нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ и играли, переходя отъ одной кофейной къ другой. Промелькнули торговцевъ навязывали всѣмъ, и особенно иностранцамъ свой товаръ, разные вещи, сдѣланныя изъ раковинъ, миски, гондолы, бусы и всякую дрянь. Но признаться, что-то тяжелое висѣло надъ собранною публикой. Не слышно смѣху, ни шуму, ни громкаго разговора. Все было какъ-то натянато, принужденно. Насупротивъ Флоріана, Саботтѣ гдѣ однако сидѣло множество офицеровъ, также смотрѣли и бездушно. Положеніе австрійскихъ офицеровъ въ Италіи выносимое; далѣе общества своихъ товарищей они не сдѣлаютъ шагу. Куда бы они ни показались, всё отъ нихъ гудитъ какъ отъ зачумленныхъ. Стоитъ войдти офицеру въ комнату, сейчасъ вокругъ него образуется пустота, и черезъ нѣ-

(1) За Италію и за Крестъ (Піемонтъ).

(2) Гарибальди, сивѣторъ, первый человекъ въ мірѣ.

времени всё уйдутъ изъ комнаты. И нѣтъ возможности измѣнить это. Мнѣ говорили послѣ въ Вѣнѣ, что нѣтъ почти офицера, который, проживши въ Италіи съ полгода, не просилъ бы перевода или отпуска. Многіе Италіянцы и съ G*** сказывали мнѣ, что они душевно сожалеютъ объ этой несчастной молодежи. Достаточно Италіянцу принять въ свой домъ какого-нибудь Австрійца, военнаго или статскаго, все рано,—какъ отъ него тотчасъ откажутся всё знакомые, даже родные, и его самого подвергнуть остракизму.

Со всѣми возможными предосторожностями, и нѣсколько разъ осмотрѣвшись вокругъ себя, G*** объявилъ намъ, что военная музыка даетъ серенаду фельдмаршалу Туну, который живётъ на Canale Grande, по тому случаю, что завтра его именины.—А завтра, вы знаете, какой день, спросилъ онъ,—завтра Ивановъ день, 24 іюня, день сраженія подъ Сольферино; эти дураки Австрійцы празднуютъ именины своихъ генераловъ. Нашли когда сценарій давать. Около васъ также будетъ серенада, потому что Нюженгъ, который живетъ почти у самой Еурога, также Илья.

По правдѣ сказать, день сольферинскаго сраженія не осѣмь удачный выборъ, чтобы праздновать именины генерала австрійской службы.

— Мы вотъ что приготовляемъ, прибавилъ G***, еще съ большими предосторожностями, — завтра около семи часовъ вечера, если только не будетъ грозы, какъ всегда бываетъ въ этотъ день,—мы всё пойдемъ на Корсо; это будетъ манифестация. Если же вздумаютъ послать музыку на Каналь, то мы всё преѣдемъ на Пиацетту и тамъ будемъ гулять. Такъ не забудьте, и заспорядитесь и вашу гондолой.

— Что же Тоггенбургъ скажетъ, не увидавъ всей Венеціи завтра на Корсо? спросилъ я смѣясь.

— Что же онъ можетъ сказать? Мы не выходимъ изъ легальности. Никто намъ не можетъ запретить гулять, гдѣ угодно. Но онъ навѣрно что-нибудь сдѣлаетъ.

Мы разстались у дверей нашего отеля, до котораго онъ насъ проводилъ. Проходя подъ арками площади, на противоположномъ концѣ отъ собора Св. Марка, я замѣтилъ гауптвахту, устроенную передъ однимъ домомъ, выходящимъ на переулочекъ, который идетъ параллельно площади; она меня удивила тѣмъ, что часовые и солдаты были отдѣлены отъ переулка. Я спросилъ отъ чего эта рѣшетка? G*** мнѣ объяснилъ, что не такъ давно, во время карнавала, маски зарѣзали книжалами часовыхъ и весь караулъ, овладѣли оружіемъ, и нѣкоторое время вся площадь была въ рукахъ бунтовщиковъ. Бунтъ былъ усмирень, и съ

тѣхъ поръ эта вышка защищаетъ отъ внезапнаго нападенія довольно значительный караулъ.

На другой день, въ воскресенье, все утро бѣгалъ по горѣ утромъ рано пался на Лидо, въ моръ. Прежде тамъ были отъ хорошія купанія; но въ прошломъ году, австрійское начальство, боясь джанта, приказало сломать это зданіе, которое ходило въ районѣ укрѣпленій на Лидо. Съ тѣхъ поръ тамъ лены только на лѣто временные бараки, крытые парусиною, раздѣляются, и оттуда надо идти шаговъ двадцать до моря весьма легкомъ костюмѣ. Жарко было чрезвычайно; тѣмъ же я съ яснаго утра до самаго обѣда продержалъ моихъ гондольеровъ Бепи и Джорджіо; но они, послѣ вчерашняго разговора, выжили ко мнѣ такую симпатію, что, несмотря на усталость и жаръ, такой прогулки, какъ на Лидо, ни за что не хотѣли, такъ взялъ другую гондолу, и даже оскорбились, когда я началъ приближая, что имъ все-таки заплатятъ за цѣлый день.

Къ бѣду G*** зашелъ за нами, и мы отправились въ ресторанъ S. Gallo. Мы были пріятно удивлены, найдя столь нарядно по-русски, то-есть съ закуской. Но всего пріятнѣе было видѣть черный, ржаной хлѣбъ. Этого давно не случалось у насъ имѣть и мы такъ обрадовались черному хлѣбу, что и съ нельзя. Видѣть съ лѣнивыми щами со сметаной, явился самъ зяинъ, теся блюдо каши, и объяснилъ на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, что сожалѣетъ, что обѣдъ не заказали раньше онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что ему хотѣлось. Мы благодушно разболтались такъ, что и забыли G***, который ничего не сказалъ въ этомъ разговорѣ на невѣдомомъ языкѣ. Потомъ я кулебямъ. Вообще обѣдъ былъ нѣкоторымъ образомъ: «ни сердца»

Хозяинъ S. Gallo жилъ долго въ Россіи и тамъ научился русскому кухнѣ. Онъ былъ дворецкимъ или курьеромъ у князя Репнина. Рекомендую его моимъ соотечественникамъ, которые найдутъ у него (онъ меня весьма убѣдительно увѣрилъ) салаты, огурцы и даже квасъ, вещь невѣдомую за границей.

Манифестация въ память Сольферино не совсѣмъ удалась. Помѣшалъ ея полному успѣху; тѣмъ не менѣе было много народу на Курсо. Между ними отличалась одна; въ ней сидѣла Англичанка съ букетомъ въ рукахъ. Букетъ представлялъ рядъ цвѣтовъ: бѣлый, красный и зеленый (1). Венеціанка даже и тѣ, которые съ ней не были знакомы, скромно кланялись ей; а она махала букетомъ каждому балкону, на которомъ сидѣли Италіянцы. Я зашелъ къ G*** и нашелъ у него довольно

(1) Цвѣта сардинскіе.

енное общество родных и друзей. Предметомъ разговора и аресты, сдѣланные въ ночь съ боты на воскресенье въ вѣнцѣ. Восемь молодыхъ людей изъ дѣхъ фамилій были взяты; частью, трое какъ-то успѣли бѣжать и скрыться; но пять и въ рукахъ полиціи. Всею больше раздражалъ всѣхъ графини Кальви, сдѣланный ту же ночь, также въ Венеціи. Графиня—молодая женщина пяти-двухъ лѣтъ; она сама шла полуугодоваго ребенка. Австрійская полиція оказала вѣжливыя, нераздѣлила матери съ ребенкомъ, и взяла обоихъ. Но за причина этихъ арестовъ? Все общество намѣрено было идти панихиду по Итальянцамъ въ этотъ годъ тому назадъ; и эта была достаточна, чтобы лишить свободы девять членовъ. Нельзя не понять, послѣ этого, ненависти Венеціанцевъ къ Австрійцамъ.

Сѣлъ около кузины Г*** на бѣнѣ, и мы смотрѣли на Корсо. У ней была бѣлая шляпка съ злыми лентами и съпучкомъ розановъ. Я спросилъ ее:

— Вы не боитесь, что вамъ жетъ достаться за эти три года?

— Пускай себѣ, отвѣчала она, въ день Сольферино рѣшило показать Итальянкѣмъ безъ этихъ дорогихъ трехъ лѣтъ.

Молочная, дѣятельная, постоянно неутомимая оппозиція, которую теперь оказываютъ Венеціи передъ военно-полицейскимъ австрійскимъ начальствомъ,—это условимая оппозиція привсичьство Австрійцевъ, которые пытаются прекратить такую оппозицію, что не можетъ подлежать силе оттого постоянные аресты по различнымъ поводамъ, несправедливые, жестокие аресты, которые еще болѣе возстановятъ общественное мнѣніе противъ нихъ; кроме того, такая дѣятельная оппозиція, занимаясь направляя ихъ постоянно одной цѣли, даетъ болѣе единство, силы и единства партия патриотовъ, приучаетъ ихъ къ строгой дисциплинѣ, къ совѣнному дѣйствію. Я нашелъ, что Венеціи современемъ будетъ изана благодарностію Австріи. Какъ не Австрія произведетъ Венеціи соединеніе аристократіи съ народомъ, этихъ двухъ классовъ, которые такъ долго жили явномъ и въ скрытомъ тагонизмѣ? Припоминая исторію Швейцарской республики, удивишься, какъ скоро, подъ владычествомъ Австріи, исчезнетъ антагонизмъ между патриціями и народомъ, антагонизмъ, существовавший такъ долго и причинившій столько вреда. Въ случаѣ освобожденія отъ нѣмецкаго владычества, мирной, свободной атмосферы разовьются быстро и совершенно силы общественныя, ценныя тяжелымъ опытомъ пятилѣтняго порабощенія.

Вечеромъ мы уже ладывались, такъ какъ на завтра рано утромъ должны были ѣхать изъ Венеціи. Въ это время гондольеры, собравшіеся къ балкономъ отеля, начали распѣвать хоромъ. Тенора были много плоховаты; но басы отличны. Одна изъ моихъ барыньла за фортепіано, и сыграла миланскую польку: *Daghela chi un passo*; какъ только услышали эту запрещенную музыку, гондольеры стали аплодировать, и кричать *buona musica, buonissim*.

Насъ это забавляло; хотомъ, желая прекратить это пѣніе, я позвалъ съ балкона оло изъ поющихъ, чтобъ ему дать что-нибудь. Вошелъ молодецъ и ему вручилъ монету. Онъ сталъ благодарить; я приостановъ порывъ благодарности, говоря ему: «Да вы посмотрите, что эта монета!» Монета была пиемонтская, съ портретомъ короля. Тѣ что разсмотрѣлъ молодецъ; какъ тотчасъ бросился бѣжать товарищамъ. Мы всѣ пошли на балконъ смтрѣть, что будетъ гондольеръ выбѣжалъ, и съ самаго крылецъ закричалъ товарищамъ: *Ecco il ritratto del nostro re*. И тотчасъ всѣ подхватили: *Dela avanti un passo*.

G*** черезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ намъ съ ряспросми, что такое у васъ. Помилуйте, во все горло, хоромъ поютъ миланскую польку, еще въ день сольшеринскаго сраженія. Да ихъ сегодня же къ возьмутъ, и, пожалуй, передерутъ: Я поѣхалъ въ гондолѣ Пиаццеты, и не вѣрилъ своимъ ушамъ.»

Дѣйствительно G*** былъ правъ; этимъ бѣднымъ людямъ моею достаться, и мы то съ стали ихъ унимать. Но это было не легко. Молодцы такъ расходились, что чуть не запыли королевскій маршъ. Однако корь все утихло. Примѣръ гондольеровъ такъ оказался щипчивымъ, что G*** захотѣлъ дѣть канцону своего сочине. Счастье, или можетъ-быть иныя двухъ фельдмаршаловъ: расположили приязненно Австрійцевъ, и это прошло даромъ **: въ другое время ему за это и миновать бы Forte S. Giorgio.

На завтра, въ 7 часовъ ра, мы были на станціи желтой дороги. Беппо уже на пѣтани, прощаясь, отвелъ меня въ сторону, и на ухо сказалъ: «Изжайте черезъ полгода, я васъ покатаю въ нашей гондолѣ, и а тогда будетъ окрашена въ три цвѣта. Вы понимаете? До свиданія,» прибавилъ онъ и сбѣжалъ въ лѣстницѣ.

Дай-то Богъ, подумалъ я, шевно желалъ бы, чтобы твои надежды сбылись.

Венеція—porto-франко, и поѣу, при выѣздѣ багажъ осматриваютъ, и даже насъ предупреди, что очень строго. Благодаря однако заступничеству G*** и двѣ-трѣмъ гульденамъ, дѣло обо-

шлось очень скоро. Когда скучная исторія билетовъ, багажа, паспортовъ кончилась, мы усѣлись въ вагонъ; а я ходилъ съ G*** по платформѣ.

— Вы знаете, сказалъ онъ, — въ эту ночь двѣнадцать человѣкъ арестованы въ Падуѣ.

— Почему же?

— Опять все то же Сольферино, также какъ и въ Виченцѣ. Между ними одинъ мой родственникъ. Скажите это во Флоренціи кодинамъ, когда они при васъ начнутъ восхвалять Австрію. Вы пробыли здѣсь два дня, и при васъ взяли двадцать одного человѣка, изъ которыхъ только трое могли спастись.

Не только что кодинамъ, подумалъ я, но мнѣ бы хотѣлось прокричать всему свѣту объ этихъ постоянныхъ, произвольныхъ арестахъ. Неужели еще помѣшаютъ и въ этотъ разъ освобожденію Венеціи?

Зазвенѣлъ послѣдній колокольчикъ; мы простились, и снова поехали по лагунѣ. Видъ былъ такъ же великолѣпенъ, солнце такъ же блестяло на безоблачномъ небѣ, какъ и третьяго дня. Однако грустно какъ-то было при невольной мысли, что ожидаетъ Венецію въ близкомъ будущемъ. Освободится ли Венеція, и какъ? Вопросъ, который необходимо долженъ рѣшиться скоро. Австрія при своихъ финансахъ не можетъ долго поддерживать такую значительную военную силу, которая тѣмъ не менѣе ей едва достаточна, чтобы сохранить спокойствіе въ итальянскихъ ея владѣніяхъ; а Венеція физически не можетъ долго выносить эту постоянную пытку. Говорили одно время, что Австрія почти согласна на выкупъ Венеціи. Не вѣрю я этому соображенію. Оно слишкомъ благоразумно.

Въ Казарсу мы пріѣхали въ 11 часовъ. Почтовая карета ожидала насъ на станціи; мы тотчасъ пересѣли и отправились на почтовыхъ до Набрезины, второй станціи на вѣнской желѣзной дорогѣ отъ Триеста. До маленькой крѣпости Palma Nuova, мы на всей дорогѣ встрѣчали поминутно австрійскіе зарядные ящики, которые тянулись почти непрерывными обозами. До Monfalcone, послѣдней станціи къ Набрезинѣ, дорога идетъ равниной, которая своей культурой и видомъ совершенно похожа на ломбардскую равнину: тѣ же почти поля кукурузы и пшеницы, окаймленные безконечною гирляндой виноградной лозы. Отъ Монфальконе пейзажъ мѣняется, начинаются обнаженные каменные горы, по поверхности которыхъ разбросаны еще довольно крупныя каменья. Адриатическое море и Триестъ виднѣются вдали, мѣстами дорога подходитъ близко къ морю. Самый характеръ селъ и деревень мѣняется, и не слышишь больше звучнаго венеціанскаго діалекта, чаще случается услышать нѣмецкій языкъ, и вывѣски написаны уже

на немъ. Видъ на заливъ Триеста великолѣпенъ, особенно когда дорога сворачиваетъ въ горы; та мѣстность, которую обнимаешь глазомъ, удивляетъ своими контрастами. Вправо, вдали, Триестъ у берега синяго моря, оживленнаго парусами, бѣлющимися на горизонтѣ. За нимъ, на той сторонѣ залива, берега лѣсисты, и самыя окрестности города полны растительности. Передъ глазами на первомъ планѣ сжимаются голыя, каменныя горы, кое-какія жалкія мелкія деревья разсыпаны между каменьями; окрестность пустынна и грустна. Назъво смѣлый, красивый виадукъ перекинутъ между двумя горами. Но вотъ мы повернули еще лѣвѣе, море скрылось за горою, еще верстъ на пять, и за виадукомъ виднѣются уже желтыя дома Набрзины.

Вѣно-триестская желѣзная дорога одно изъ великолѣпнѣйшихъ сооруженій всего міра. Особенно замѣчательнъ переѣздъ черезъ Земмерингъ и потомъ, когда съ него спускаешься, быстрый переходъ отъ горъ къ богатой Дунайской равнинѣ. Эта дорога была такъ вѣрно и изящно описана покойникомъ Кудрявцевымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что мнѣ не остается сказать ничего болѣе. Одно только, что всѣ Нѣмцы такъ восхищаются и хвалятся переѣздомъ черезъ Земмерингъ, что это отнимаетъ много у него цѣны. Въ сущности нахожу дорогу отъ Экзетера до Плимута въ Девонширѣ, въ Англии, несравненно живописнѣе. Одинъ Ivy Bridge стоить того, чтобы нарочно съѣздить на него посмотришь.

Въ Вѣну мы пріѣхали во вторникъ, въ шесть часовъ вечера. Несмотря на усталость послѣ 36-часоваго путешествія, я тотчасъ отправился гулять по городу и зашелъ въ Volksgarten послушать Штрауса. Этотъ садъ не можетъ сравниться съ нашимъ московскимъ Эрмитажемъ. Грязно, и притомъ это не садъ, а садикъ. Отгороженное мѣсто, гдѣ даетъ концерты Штраусъ, могло бы все помѣститься на эспланадѣ Эрмитажа. Офицеровъ пропасть, и гусарскіе такъ похожи на нашихъ формой мундировъ, что я даже съ удовольствіемъ на нихъ смотрѣлъ. Посидѣвъ немного у Штрауса, я пошелъ въ Hofburgtheater; давали *Заговоръ Фіеско*. Народу въ театрѣ было пропасть и жара нестерпимая. Исполненіе этой великолѣпной драмы Шиллера, по моему, было ниже всякой притики. Фіеско и графиня Дорія были до того натянuty, ненатуральны и манерны, что изъ рукъ вонъ. Надо отдать справедливость, что у Нѣмцевъ постановка піесъ всегда весьма тщательна. Я уже это замѣтилъ прежде въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ и Бременѣ, годъ тому назадъ; то же самое можно сказать и про постановку *Заговора Фіеско*. Последній актъ, несмотря на слишкомъ малую сцену, былъ слаженъ отлично въ отношеніи декораций, постановки и движеній народа и воиновъ. На другой день я началъ съ Мадонны Рафаэля и Св. Стефана, и потомъ ѣздилъ по городу.

Вообще Вѣна производит странное впечатлѣніе. Она смотритъ какимъ-то недостроеннымъ, недоконченнымъ городомъ. Имѣя почти около самаго центра города пустыри, она расплылась своими предместьями очень широко.

Дорога отъ Вѣны до Праги идетъ сначала по историческимъ мѣстамъ: Лобау, Ваграмъ, имена такія извѣстныя, что объяснить не надо. Выѣхавъ въ шесть часовъ вечера изъ Вѣны, мы пріѣхали на другой день въ Прагу въ шесть часовъ утра; тамъ насъ ожидала почтовая карета, и мы, позавтракавъ, тотчасъ уѣхали въ Карльсбадъ. Пустыннѣе и скуднѣе нѣтъ дороги, мнѣ кажется, какъ между Прагой и Карльсбадомъ. Виды очень похожи на наши русскіе. Округленные холмы тянутся безпрерывно, покрыты рощами и обширными полями ржи и яроваго. Къ сѣверу холмы принимали размѣры болѣе значительные. Хлѣба еще были зелены; а въ Италиі, во многихъ мѣстахъ уже начинали жать пшеницу.

Въ Вѣнѣ и на дорогѣ до самаго Карльсбада, кого ни спросишь, будь это почтальионъ, почтмейстеръ или какой-нибудь баринъ, всякій безъ всякихъ оговорокъ, какъ въ Венеціи, жалуется на правительство. Бумажныя деньги затрудняютъ жителей повсемѣстно. Неудовольствіе, ропотъ, недовѣріе къ правительству и его политикѣ, встрѣчаешь всюду. Я пробовалъ нѣсколько разъ заговорить объ Италиі, Венеціи; почти всѣ Австрійцы выказывали скорѣе сочувствіе дѣлу освобожденія Италиі нежели желаніе сохранить италянскія владѣнія австрійской коронѣ. Въ Богеміи нищета, чрезмѣрно возвышенные налоги, приводятъ въ отчаяніе народъ. На этотъ счетъ всѣ свидѣтельства единодушны и единогласны. А правительство глухо ко всему этому, вооружаетъ, укомплектовываетъ войска, усиливаетъ и снабжаетъ всѣмъ крѣпости. Ей Богу, я ничего не понимаю! Да я думаю, врядъ ли кто пойметъ причину такого ослѣпленія.

Въ Карльсбадъ мы пріѣхали поздно вечеромъ. Ужь все спало въ мирномъ городкѣ. Насилу добудились мы въ Goldener Schild, и насилу пустили насъ, несмотря на то, что наши нумера ждали насъ уже два дня. И вѣдь не поздно было; но въ Карльсбадѣ, куда пріѣзжаютъ поправлять здоровье со всѣхъ концовъ міра, живутъ не по-италиянски. Въ девять часовъ вечера уже все спитъ.

Кн. Д. Д — ой.

МОСКОВСКІЯ СКАЧКИ 1860 ГОДА.

Что такое скачки? зрѣлище ли для публики, какъ фейерверкъ, вольтижоры цирка, травля зайцевъ? или онѣ имѣютъ интересъ высшій, значеніе серіозное? Нельзя думать, чтобы скачки были только зрѣлищемъ, хотя бы и съ благою цѣлію доставить публикѣ, какъ въ театрѣ, эстетическое наслажденіе, — въ нихъ эстетическаго слишкомъ мало. А между тѣмъ правительства всей Европы поощряютъ скачки, выписываютъ скаковыхъ лошадей, назначаютъ большіе призы, короче сказать, смотрятъ на скачки какъ на дѣло серіозное. Что же такое скачки, на что онѣ нужны?... Вопросъ этотъ въ нашей публикѣ повторяется очень часто. Всѣ мы понимаемъ значеніе рысистыхъ бѣговъ; знаемъ, что лошадь, выигравшая на бѣгу призъ, дѣнится дорого, покупается въ заводъ; и потомство ея продается съ выгодой; стало-быть рысистые бѣги — дѣло хозяйства, а такъ какъ на бѣгу узнается лошадь, то бѣги дѣло полезное. Но какая польза изъ того, что какой-нибудь *Сатурнъ*, *Маньфикъ*, или *Эскобаръ* выигрываетъ на скачкахъ много призовъ? Онъ никому не нуженъ, его никто не купитъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ скаковыхъ лошадей и разводятъ ихъ для скачекъ, а такихъ покупателей только 6, 7 человекъ въ Россіи. Что же мы, всѣ остальные заводчики, станемъ дѣлать съ *Маньфиломъ* и *Сатурномъ*, или хотя бы съ ихъ потомствомъ? Скакать на нихъ выигрывать призы? — но самый большой призъ не превышаетъ двухъ тысячъ рублей. А какъ получить его? окупать ли призы расходы на содержаніе завода англійскихъ лошадей?... Конечно нѣтъ; мы по своимъ (рысистымъ) заводамъ знаемъ, что нельзя разводить лошадей собственно для призовъ, и не понимаемъ, что побуждаетъ гг. заводчиковъ кровныхъ англійскихъ лошадей разводить своихъ скакуновъ! Можетъ-быть гдѣ-нибудь въ Англіи, во Франціи они и нужны, а у насъ ихъ никому, право, и даромъ не надо. Если скачки, такъ же какъ и бѣги, считать испытаніемъ лошадей, то на что нужно это испытаніе, когда ни перваго, ни втораго, ни третьяго скакуна никто не купитъ?.. Такъ думаетъ и говоритъ большинство нашей публики; другая, значительная масса ея ничего не думаетъ, и считаетъ скачки моднымъ увеселеніемъ, англоманіею, англійскимъ шикомъ, какъ травлю крысъ, бой пѣтуховъ и всякій англійскій *спортъ*, который хорошъ только на своей почвѣ, а пересаженный на другую, становится каррикатурою.

Къ сожалѣнію, всѣ эти замѣчанія справедливы. Кровныя лошади никому у насъ не нужны и скачки для насъ — увеселеніе, зрѣлище. Цѣль скачекъ, испытаніе лошадей, бесплодна; призы не могутъ окупить издержекъ на содержаніе кровныхъ лошадей, сбыта имъ нѣтъ... Можно подумать, что заводчики разводятъ ихъ только по безкорыстному убѣжденію въ ихъ превосходствѣ для улучшенія другихъ породъ, или изъ патріотизма, — желая сохранить для потомства кладъ... Отвѣтовъ на все это нашлось бы слишкомъ много, и хотя разъясненіе дѣла о скачкахъ, бѣгахъ, рысачахъ, англійскихъ скакунахъ и проч. предметъ очень важный для русскаго коннозаводства; но понятно, что вопросъ этотъ не можетъ помѣститься въ рамкѣ статьи о московскихъ скачкахъ. Согласившись, что скачки, вмѣстѣ съ бѣгами, полезны какъ испытаніе лошадей и породъ ихъ, можно нѣсколько понять и важность значенія ихъ для коннозаводства, слѣдовательно можно даже и писать о нихъ, не подвергаясь неприємности прослыть писателемъ о разныхъ увеселительныхъ зрѣлищахъ.

Нынѣшнія московскія скачки были особенно замѣчательны въ скаковой хроникѣ; на скачки явилось семь казенныхъ лошадей, выбранныхъ въ обширныхъ заводахъ Чесменскомъ и Хрѣновскомъ, и происходящихъ отъ знаменитыхъ производителей—*Вантромна* и *Женераль-Шассе*. Назадъ тому около 20-ти лѣтъ казенныя лошади скакали съ лошадьми частныхъ заводчиковъ съ переменнымъ успѣхомъ, но тогда онѣ были прямо выписаны изъ Англіи, а Англія не легко отпускаетъ отъ себя хорошихъ молодыхъ лошадей. Теперь же лошади разведены у насъ, въ нашихъ казенныхъ заводахъ, отъ лошадей, за которыхъ казна платила по 12 и 15-ти тысячъ рублей серебромъ. Съ ними должны были состязаться лошади нашихъ заводчиковъ, происходящія большею частію вовсе не отъ знаменитыхъ жеребцовъ и матокъ. Поэтому скачки представляли много любопытнаго.

Кромѣ казенныхъ, къ нынѣшнимъ скачкамъ приведено нѣсколько лошадей изъ Англіи, тоже происходящихъ отъ извѣстныхъ производителей—отъ *Стоквилля*, *Аларма*, *Козака* и проч. Такимъ образомъ интересъ долженъ былъ увеличиться; но по какому-о рѣдкому стеченію обстоятельствъ интересъ былъ много меньше тѣмъ, что именно въ нынѣшнемъ году, какъ арочно, всѣ лучшія наши лошади, за самымъ малымъ исключеніемъ, сошли съ скаковаго круга и поступили въ заводъ. Иныя были испорчены приготавленіемъ (выдержкой), другія по бѣзніи и по разнымъ другимъ причинамъ; соперничество съ казенными и съ англійскими лошадьми должно было ослабѣть значительно.

Скачки начались 10-го іюля, въ воскресенье, при большомъ стеченіи народа.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СКАЧЕКЪ.

1) Призь управленія государственнаго коннозаводства для жеребцовъ и кобылъ 4-хъ лѣтъ, 1100 р., изъ конкъ второй и третьей 200 р. Дистанція 3 версты. Вѣсъ на жереб. 3 п. 20 ф., на кобыл. 3 п. 15 ф. (1)

ЗАПИСАНЫ:

1. Н. М. Пашкова, вор. коб. *Дафне*, отъ *Юриелл* и *Десдемона*. Гець.
2. И. П. Петровскаго, гнѣд. коб. *Кокетка*, отъ *Козака* и *Ариадны* (*верпула*). Ыздокъ Паршиковъ.
3. Кн. П. В. Голицына, сѣр. коб. *Леди-Сара*, отъ *Сквейера* и *Леди-Сара*. Ызд. Доккери.
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. ж. *Нобль*, отъ *Йонъ-Аргуса* и *Нордъ-Фордъ*.
5. А. А. Мосолова, гн. жер. *Каптенъ-Кандидъ*, отъ *Ратника* и *Роскошн*. Оксвиль.
6. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. съ черн. пятнами коб. *Женераль-Шассе* и *Героини*, дочери *Генриада* и *Амы*.—Версобиъ.

Нобль, прославившійся прошлаго года въ трехъ-лѣтнемъ возрастѣ, пришелъ и теперь первымъ, очень легко; вторымъ *Каптенъ-Кандидъ*; потомъ *Женева*, *Кокетка* и *Дафне*; *Леди-Сара* осталась за флагомъ; скакали 3 минуты 52 секунды.

2) Призь 600 руб. (Н. М. Пашкова 500 руб. и А. А. Мосолова 100 р.), данный съ 1858 года на 10 лѣтъ, для лошадей 4-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи, выписанныхъ изъ Англіи и другихъ странъ, всѣхъ породъ. Дистанція 2 вер. 133 саж.

ЗАПИСАНЫ:

1. А. А. Марка, рыж. коб. *Травиата*, отъ *Стоксилл* и *Пломъ*.—Гець.
2. Н. М. Пашкова, темно-гнѣд. жер. *Дженераль*, отъ *Юриелл* и *Десдемона*. Гець.
3. П. П. Воейкова, гн. коб. *Щеголиха*, отъ *Вайнота* и *Индустри*.
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. коб. *Рояль-Принцесса* отъ *Фламман* и *Индустри*.

Призь этотъ, такъ-называемый Пашковскій, считается самымъ важнымъ, и лошадь, выигравшая его,—лучшимъ трехлѣтнимъ по крайней мѣрѣ однимъ изъ лучшихъ.

Травиата куплена г. Маркомъ въ Англіи, за большаго цѣна и молва о ея скачкѣ въ Тулѣ распространилась въ сѣверную Россію.

(1) Подробности условій призовъ смотри въ аеншахъ скачекъ.

тѣ. Она оправдала молву,—выиграла легко, далеко опережала остальных лошадей; только *Щеоломха* г. Воейкова пришла к ней въ 5-ти, 6-ти саженьяхъ. Скакали 2 м. 55 сек. (1).

Призъ общества для продажныхъ лошадей 300 руб. сер. цѣна 2 вер. 100 саж. Въсь на жер. 3-хъ лѣтъ 2 п. 35 ф., лѣтъ 3 п. 16 ф., 5-ти лѣтъ 3 п. 26 ф., 6-ти лѣтъ 3 п. 32 ф., 1. и старѣе 3 п. 36 ф., на коб. 4 ф. менѣе.

З а п и с а н ы :

А. Мосолова, гн. жер. *Каламбургъ* отъ *Гемриада* и *Загадки* 6 л., цѣна въсь 3 п. 17 ф.—Оксвилъ.

И. Карачарова, гн. коб. *Армада*, отъ *Браво* и *Аталанты*, 5 лѣтъ, 60 р., въсь 3 п. 12 ф.—Вудъ.

П. Воейкова, гн. коб. *Весталка*, отъ *Короктакоса* и *Импрувментъ*, 400 р., въсь 3 п. 2 ф.—Робертъ.

П. В. Голицына, рыж. коб. *Минута*, отъ *Голантуса* и *Мери*, 5 л., р., въсь 3 п. 7 ф.—Доккери.

Знали, какъ должно думать, худшія изъ лошадей, но скакали 100 саж. только 3 мин. Первою пришла *Армада*, второю *бургъ*, потомъ *Весталка*. *Минута*, по болѣзни ногъ, на первомъ верстѣ упала и сильно убила ѣздока.

2-й день скачекъ, 13 июля.

Призъ управления государственнаго коннозаводства для жер. не моложе 4 лѣтъ 1,000 р., изъ коней второй лошади, дистанція 2 вер.

З а п и с а н ы :

М. Пашкова, гн. жер. *Бельково*, отъ *Айтуртеля* и *Дианы*, 6 л.—Гецъ.
И. Петровскаго, гн. коб. *Лапша*, отъ *Гранита* и *Ламы*, 4 лѣтъ.—Иль.

Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Йонгъ-Аргуса* и *Нарбонъ*, 4 Фордъ.

И. И. Воронцова-Дашкова, гн. коб. *Форетминотъ*, отъ *Гришона* и 4 л.—Дьяковъ.

Государственнаго Чесменскаго завода, кар. коб. *Вижьонъ*, отъ *Ванъ* и *Фшизъ-Фокъ*, 4. л.—Варсобианъ.

Эта была очень интересна: скакалъ *Нобль* и *Лапша*, жившіяся прошлаго года, казенная прекрасная лошадь и приведенная изъ Англіи *Форетминотъ*. *Вижьонъ* выигралъ легко, за нею близко пришла *Лапша*, съ которою горячо шла *Форетминотъ*, уступившая ей однако на лошадь; а *Нобль*, въ поръ не побѣжденный, пришелъ четвертымъ, въ 5, 6 и *Форетминотъ*. Скакали 2 м. 30 сек.

Лапша, на основаніи условій приза, продана съ аукціоннаго торга въ скачки за 1425 р.

2) Призъ общества для жер. и коб. 3 лѣтъ, 300 р., дистанція $1\frac{1}{2}$ вер., вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф., на коб. 3 п. 10 ф.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, темно-рыж. жер. *Моментъ*, отъ *Фарентоша* и *Минервы*.—Паршиковъ.
2. А. А. Мосолова, гн. жер. *Волонтеръ*, отъ *Лондона* и *Сельтлани*.—Оксиль.
3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Кондукторъ*, отъ *Ненпра* и *Стразы*.—Робертъ.

Моментъ, сынъ извѣстной въ свое время *Минервы*, блистательно оправдалъ свое происхождение; онъ такъ далеко оставилъ за собою *Волонтера* и *Кондуктора*, что ѣздокъ еще отъ флажной бесѣдки началъ его сдерживать и прискакалъ не большимъ галопомъ. Скак. 1 м. 57 сек.

3) Призъ общества для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ 300 р., дистанція 2 вер. 100 саж., ѣздки русскіе, выигравшему изъ нихъ выдается изъ общества листъ и 15 р.

ЗАПИСАНЫ:

1. Н. М. Пашкова, рыж. коб. *Сюрпрайсъ*, отъ *Юриела* и *Сирин*, 4 л.—Гладковъ.
2. И. П. Петровскаго, гн. жер. *Здравстуй*, отъ *Ловца* и *Зинаиды*, 4 л.—Маршинъ.
3. Н. Я. Трегубова, рыж. коб. *Жинже*, отъ *Женераль-Шассе* и *Крала*, 4 л.—Погребъ.
4. А. А. Мосолова, гн. коб. *Супплементъ*, отъ *Рубини* и *Газети*.—Коктиновъ.

Почти также легко, какъ *Моментъ*, выигралъ *Здравстуй*, и нимъ, далеко сзади, пришли *Сюрпрайсъ* и потомъ *Супплементъ*; *Жинже*, отъ *Женераль-Шассе*, остался еще дальше, почти и полверсты. Г. Трегубовъ, говорятъ, запрягалъ ее на пристижъ и несмотря на это не побоялся записать ее вмѣстѣ съ хорошии и хорошо выдержанными лошадьми. Скакали 2 м. 48 сек.

3-й день скачекъ, 15 юля.

1) Императорскій призъ для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ 2.000 р. изъ коней второй лошади 300 р., дистанція 4 вер. 100 саж. Лошадь, выигравшая призъ управленія государственнаго коннозаводства въ Тулѣ или Москвѣ, въ теченіи года несетъ лишняго вѣса 5 ф. Лошади, въ теченіи года скакавшія, но нигдѣ не выигравшія и не пришедшія вторыми, несутъ 5 ф. менѣе.

ЗАПИСАНЫ:

1. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. коб. *Клара*, отъ *Чантклира* и матери *Кларисы*, 4 л.—Фордъ.
2. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Вльцій*, отъ *Силала* и *Вльсти*, 6 л. несетъ лишняго вѣса 5 ф.—Гець.
3. Государственнаго Чесменскаго зав., т.—гн. коб. *Венжонсъ*, отъ *Веншромпа* и *Матильды*, 5 л.—Варсобиный.

Венжонсъ поскакала впереди, за нею *Въщій*, потомъ *Клара*; у влажной бесѣдки *Клара* обошла *Въщаго*, ѣздокъ ея употребилъ всѣ побудительныя средства, но *Клара* могла только приблизиться на лошадь къ *Венжонсъ*, которая скакала легко, безъ принужденія. *Клара* приведена изъ Англіи прошлаго года, обскакала лучшихъ нашихъ трехлѣтокъ, поэтому *Венжонсъ* должно считать первокласною лошадью. Скакали 5 м. 30 сек.

2) Призъ управленія государственнаго коннозаводства для кровныхъ жер. и коб. 3 лѣтъ 1.000 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., дистанція 2 вер.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, гн. коб. *Эхъ-ма*, отъ *Аларма* и *Эпирь*.—Паршиковъ.
2. А. А. Марка, вор. коб. *Смулланка*, отъ *Конфессора* и *Корнукопи*.—Оксвиль.

Эхъ-ма, лошадь съ довольно страннымъ названіемъ, приведена изъ Англіи, *Смулланка* тоже. *Эхъ-ма*, небольшая лошадка, быстро пошла впереди и пришла впереди, на поводьяхъ, тогда какъ *Смулланку* понуждали сильно. Скакали 2 м. 35 сек.

3) Призъ общества для жер. и коб. не моложе 3 лѣтъ 800 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., дистанція 2 вер.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, гн. жер. *Ливень*, отъ *Генриада* и *Любы*, 4 л.—Паршиковъ.
2. К. И. Карачарова, гн. коб. *Предестинъ*, отъ *Сквейера* и *Рулетъ* 4 л.—Вудъ.
3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Бостонъ*, отъ *Вайнота* и *Бодрой*, 6 л.—Робертъ.
4. Кн. П. В. Голицына, гн. коб. *Альма*, отъ *Голантуса* и *Альвы*, 6 л.—Бильтонъ.
5. А. А. Мосолова, гн. жер. *Каптенъ-Кандидъ*, отъ *Ратника* и *Рапирь*, 4 л.—Оксвиль.
6. Госуд. Чесменскаго звзда, рыж. коб. *Женева*, отъ *Женераль-Шассе* и *Геронни*, 4 л.—Эльвайнсъ.

Ливень легко обошелъ остальныхъ лошадей и былъ уже саженьяхъ въ пятнадцати отъ выигрышнаго столба; за нимъ скакала *Предестинъ*; ѣздокъ ея, употребивъ и хлысть, и поводья, подошелъ на полъ-лошади къ Паршикову, который, съ горяча, гоже ударилъ *Ливня*; *Ливень* кинулся въ сторону, и Вудъ успѣлъ доскакать въ это время до выигрышнаго столба, опередивъ *Ливня* за шею, то-есть аршина на полтора; за ними пришли: *Альма*, *Каптенъ-Кандидъ* и *Женева*; *Бостонъ* захромалъ и остановился далеко. *Альма* очень рѣзвая лошадь; за нее всѣ держали пари, она нѣсколько разъ закидывалась, заносила ѣздока и отставала; иначе, вѣроятно, призъ достался бы ей. Скакали 3 м. 55 сек.

4-й ДЕНЬ СКАЧЕКЪ, 17 ІЮЛЯ.

1) Призъ управленія государственнаго коннозаводства для жер. и коб. 4 и 5 лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи, и жер. и коб. заграничныхъ, не моложе 4 лѣтъ 1.100 р., изъ нихъ второй лошади 200 р., дистанція 4 вер.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, кар. коб. *Свѣтлина*, отъ *Фаренгоша* и *Семла* 4 л.—Паршиковъ.

2. Ѳ. Ѳ. Мосолова, гн. жер. *Мастеръ*, отъ *Генриада* и *Мелодіи*, 4 л.—Оксивиль.

3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Концертъ*, отъ *Нептра* и *Кумицы*, 6 л.—Паршиковъ.

4. Госуд. Чесменскаго завода, кар. жер. *Венисонъ*, отъ *Вантроля* и *Сессо*, 4 л.—Варсобины.

5. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Йонъ-Артуса* и *Нарба* 4 л.—Фордъ.

Венисонъ выигралъ легко, за нимъ въ нѣсколькихъ скачкахъ пришелъ *Нобль* и *Свѣтлина* и далеко сзади *Мастеръ* и *Концертъ*. Скакали 5 м. 20 сек.

2) Призъ общества, учрежденный въ память признателя свѣтлѣйшему князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, 1.000 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ, дистанція 6 вер.; лошади, рожденные въ Англіи, не считаются.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Востунъ*, отъ *Сигнала* и *Востокъ*, Паршиковъ.

2. Ѳ. Ѳ. Мосолова, гн. коб. *Бозіо*, отъ *Генриада* и *Жизель*, 4 л.—Паршиковъ.

3. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. жер. *Джентельменъ*, отъ *Женераль-Шассе* и *Леди*, 5 л.—Варсобины.

Большая часть охотниковъ до закладовъ держала *Джентельмена*, какъ за сына *Женераль-Шассе*; кроме того, въ виду своего росту и складу, онъ обѣщалъ много силы. Но охотниковъ, не боясь этого, пошелъ впередъ, проскакавъ постепенно прибавляя ходу и выигралъ очень легко, *Джентельмена* на корпусъ; *Бозіо* пришла далеко сзади. Скакали 8 м. 50 сек.

3) Подписка (продіусъ) на 10 лѣтъ (съ 1853 года). Выдается 600 р. (отъ кн. П. В. и А. В. Голицыныхъ, Д. А. Лыпина и Н. М. Пашкова, по 150 р. отъ cadaго). Скачки начинаются 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ, въ 4-й день московскихъ скачекъ. Подписка по 75 р., неустойки 25 р. Дистанція 1½ версты.

ЗАПИСАНЫ:

Н. М. Пашкова гн. жер. *Баронъ*, отъ *Юриэля* и *Десдемоны*.—Взд. Гець.
Кн. П. В. Голицына, сѣр. коб. *Миссъ-Джулія* отъ *Сквейера* и *Мери*.—
Вгонъ.

Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Форестеръ* отъ *Флагмана* и *Фероны*.—
Вдъ.

Баронъ выигралъ легко; *Миссъ-Джулія* и *Форестеръ* прискакали
нимъ саженьхъ въ трехъ при сильныхъ побужденіяхъ. Ска-
и 2 м. 3 сек.

5-й день скачекъ 20-го іюля.

) Призь общества для коб. 3-хъ лѣтъ 500 р., съ подпиской
50 р. Неустойки половина за годъ впередъ при запискѣ ло-
дей во время іюньскихъ засѣданій общества; остальные деньги
осяза на канунѣ скачки. Дистанція 2 версты 100 саж. (10
пешниковъ).

ЗАПИСАНЫ:

А. А. Марка рыж. коб. *Травіата*, отъ *Стокемля* и *Плошь* (несетъ лиш-
теса 7 ф.).—Оксвилъ.

Кн. П. В. Голицына, карак. *Артлесъ* отъ *Сквейера* и *Альвы*.—Билтонъ.
Его же, сѣр. *Миссъ-Джулія* отъ *Сквейера* и *Мери*.—Эльвайнсъ.

И. П. Петровскаго, гн. *Губительница* отъ *Фарентоша* и *Гитары*.—
Ичевъ.

Д. П. Воейкова, гн. *Щеголиха* отъ *Вайнота* и *Индюстри*.—Герисонъ.

Травіата и въ этотъ разъ выиграла легко, несмотря на то,
два ѣздока кн. Голицына думали замучить ее, для чего одинъ
изъ долго скакалъ съ нею рядомъ и горячилъ ее (1). За
послѣднюю опять пришла *Щеголиха*, потомъ *Артлесъ*, *Миссъ*
Джулія и *Губительница*. Скакали 2 м. 50 сек.

Призь 1000 р. стипельчезъ (А. И. Кошелева 200 р., А. А.
на 150 р., Г. А. Черткова, В. А. Алсуѣева, Ф. В. Караба-
на 100 р. отъ каждого и К. В. Короткова 50 р.), данный съ 1860
года 5 лѣтъ для лошадей всѣхъ лѣтъ и породъ на скачку съ
препятствіями. Дистанція 4 вер. 100 саж., на которой препят-
ствіемъ 6 живыхъ заборовъ, вышиной въ 4½ фута каждый, и двѣ
шириной каждая по 14-ти футовъ. Записка на канунѣ
скачки, съ подпиской по 25 руб. съ лошади. Второй лошади изъ
каждой группы по 250 руб. и своя подписка; прочія подписныя деньги при-
числяются къ призу первой лошади. Если явится на скачку
только лошадь, то скачки нѣтъ, и призь присоединяется къ
призу слѣдующаго года.

) При томъ же она несла 7 ф. лишняго вѣса.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. И. Союзъ, гн. коб. *Маджизъ* отъ *Мельбарна* и *Прескрипментъ*, 9 лѣтъ.—Эливайнсъ.
2. Гр. И. И. Воронцова-Дашкова, гн. коб. *Лекибардъ*, отъ *Чантмилъ* и *Пектификсъ*, мать *Блюбокеть*, 7 лѣтъ.—Дей.
3. П. П. Воейкова, гн. мер. *Артистъ* отъ *Вайнота* и *Армиды*, 6 лѣтъ.—Цыгановъ.
4. Его же гн. жер. *Концертъ* отъ *Непира* и *Кунци*, 6 л.—Герсонъ.

Скачка эта была очень интересна, какъ новость для москвитскихъ зрителей, но вмѣстѣ и довольно опасна, потому что лошади не были достаточно приготовлены ни ѣздоки, ни лошади. Лошади г. Воейкова падали въ ровъ; Дей на *Лекибардъ* перепрыгивая черезъ заборъ, потому что у сѣдла оборотъ стремля; *Артистъ* г. Воейкова вовсе не поскакалъ на кругъ,—короче сказать, скачка была не блистательная, но лошади, *Лекибардъ* и *Маджизъ*, очень хороши и легко прѣлѣвали всѣ препятствія. *Лекибардъ* выиграла легко, за ней скакала въ 8-ми или 10-ти саженьяхъ *Маджизъ* и далеко следовалъ *Концертъ*. Герсонъ на *Концертъ* упалъ съ лошадыю въ и переломилъ себѣ ключицу. Скакали 6 м. 15 сек.

6-й день скачекъ 22-го іюля.

1) Призъ управленія государственнаго коннозаводства 1 реб. и коб. не моложе 4-хъ л., 1200 р., изъ которыхъ лошади 200 р. Дистанція 6 верстъ.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Вльцъ* отъ *Сигмала* и *Влети*, 6 лѣтъ.—Паршиковъ.
2. Кн. П. В. Голицына, гн. коб. *Альма* отъ *Голантуса* и *Альма*, 4 лѣтъ.—Эливайнсъ.
3. Государственнаго Чесменскаго завода, гн. жер. *Велосипедъ* отъ *Тромпа* и *Матильды*, 4-хъ лѣтъ.—Эливайнсъ.

Появленіе *Вльцаго* на скачку въ 6 верстъ, послѣ старшаго сына на 4-хъ верстахъ, многимъ показалось довольно страннымъ болѣе, что теперь противъ него былъ сынъ *Вльцъ* и быстрая *Альма*. Только ѣздокъ на *Вльцъ* былъ другой, ѣздокъ, Паршиковъ, которому лошадь была коротко запряжена и поскакалъ совершенно иначе; онъ шелъ впередъ весело и горячо, тогда какъ въ первый разъ скакалъ мѣтливо и стивъ голову. Противъ общаго ожиданія, онъ выигралъ совершенно легко, на поводьяхъ; сынъ *Вантрома* остался за въ 10-15 шагахъ, несмотря на хлысты и шпоры. *Альма* успѣла войти во флагъ, то-есть пройти флажную бесѣдку.

калѣ 8 м. 9 сек., то-есть на 41 секунду быстрее скачки *Вльщуна*,—разница огромная.

2) Призъ общества для жер. и коб. 3-хъ лѣтъ, 500 р., съ подпиской по 25 р. Неустойки половина, за годъ впередъ, при запискѣ лошадей; остальные деньги вносятся наканунѣ скачки. Дистанція 2 вер. 100 саж. (15 подпизчиковъ).

ЗАПИСАНЫ:

1. И. И. Петровскаго, гн. жер. *Хватъ*, отъ *Гранита* и *Хетуры*.—Паршиковъ.

2. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Форестеръ*, отъ *Флазмана* и *Фероны*.—Фордъ.

Хватъ считается въ нынѣшнемъ году первымъ трехлѣткомъ; въ Тулѣ онъ выигралъ пашковскій призъ и легко обскакалъ *Травіату*. Теперь же ему пришлось скакать съ однимъ изъ худшихъ трехлѣтковъ. Скачка была однако довольно любопытна, тѣмъ, что *Хватъ*, идя тихимъ шагомъ, все дальше и дальше уходилъ отъ *Форестера*, такъ что Паршиковъ, чтобы не оставить его за флагомъ, долженъ былъ почти остановить *Хвата* еще на половинѣ круга. Это была скачка замѣчательной лошади съ плохую; скакали конечно очень тихо,—3 м. 4 сек.

3) Призъ, учрежденный обществомъ въ честь почетнаго члена своего, Дм. Петр. Воейкова, 800 р., изъ которыхъ второй лошади 200 р., для жер. и коб., не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 4 версты.

ЗАПИСАНЫ:

1. И. П. Петровскаго рыж. жер. *Лодарь*, отъ *Сигнала* и *Лоттерви*, 5 лѣтъ.—Паршиковъ.

2. П. П. Воейкова, гн. жер. *Сигналъ*, отъ *Антика* и *Стразы*, 6 л.—Эльвайвнсъ.

3. К. И. Карачарова, гн. коб. *Предстине*, отъ *Сквейера* и *Рулетъ*, 4 л.—Вудъ.

4. А. А. Мосолова, гн. жер. *Каламбуръ*, отъ *Генріада* и *Заадки*, 6 л. (несъ 4 ф. лишн. вѣса).—Горбуновъ.

5. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. жер. *Джентльменъ*, отъ *Женера-ль-Шаессе* и *Леди*, 5 л.—Варсовинъ.

Джентльменъ, проигравшій *Вѣстуну*, выигралъ у этихъ лошадей довольно легко. Близко за нимъ пришли *Лодарь* и потомъ *Предстине*, горячо оспаривавшіе другъ у друга второе мѣсто вторыя деньги; дальше были *Каламбуръ* и *Сигналъ*. Скакали м. 12 сек.

7-й ДЕНЬ СКАЧЕКЪ, 24-го ЮЛЯ.

1) Призъ Ивана Алексѣевича Яковлева 1.500 р., для лошадей трехъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи и за границей. Вѣсь на 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 16 ф. Дистанція 2 вер. 133 саж. писка по 150 р. съ лошади за годъ впередъ; неустойки 100 р. канунъ скачки; если же неустойка будетъ объявлена наканунѣ ваго дня скачекъ, то платится только 75 р. Число записанныхъ и скачущихъ лошадей одного владѣльца не ограничивается (подпищиковъ).

ЗАПИСАНЫ:

1. А. А. Марка, рыж. коб. *Травиата*, отъ *Стокселла* и *Пломъ*.—*Оксфордъ*.
2. И. П. Петровскаго, т.-рыж. жер. *Моментъ*, отъ *Фарентоша* и *Милъ Паршиковъ*.
3. Его же, гн. жер. *Айда-Кара-ла-лапъ*, отъ *Фарентоша* и *Дирна-мичевъ*.
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Вимродъ*, отъ *Флазмана* и *Нарболъ*.—*Фарентоша*.

Скачка эта была интересна вдвойнѣ; вопервыхъ интересна въ буквальномъ смыслѣ, потому что призъ г. Яковлева изъ 1.500 р. возвысился въ нынѣшнемъ году слишкомъ до трехъ тысячъ, съ *Травиатою* долженъ былъ скакать *Моментъ*, который такъ блистательно выигралъ на прошлой недѣлѣ въ борьбѣ. Дѣйствительно, къ концу круга одинъ *Моментъ* за *Травиатою* въ двухъ-трехъ шагахъ, остальные лошади далеко и едва успѣли войти во флагъ. Передъ выиграніемъ столбомъ началась борьба, открытая со стороны *Паршиковъ*, который нѣсколько разъ ударилъ *Моментъ*, но тайная сила *Осквиля*; онъ держалъ руки смирно, *Травиата* скакала, и вѣсь свободно; но бока ея были въ крови отъ шпоръ... Она шла впередъ *Моментъ* болѣе нежели на лошадей. Скакали 21 м.

2) Призъ 900 р. (г. Ладыженскаго 300 р., гг. Стокселла, Воейкова, кн. Салтыкова и Дирина по 100 р. отъ каждаго) для лошадей 4-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи. Подписка по 50 р., неустойки 15 р. канунъ скачки. Вторая лошадь получаетъ изъ приза 100 р., а первая свою подписку. Дистанція 4 вер. (23 подпищика).

ЗАПИСАНЫ:

1. О. О. Мосолова, гн. коб. *Бозіо*, отъ *Генриада* и *Жизель*.—*Оксфордъ*.
2. Н. М. Пашкова, вор. жер. *Отелло*, отъ *Юриелла* и *Олифа-Бранчъ*.—*Оксфордъ*.
3. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Ионъ-Аргуса* и *Нарболъ*.—*Фарентоша*.

бы выигралъ легко; за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ пришла
и потомъ *Отелло*, который былъ очень утомленъ. Ска-
5 м. 31 сек.

Привъ общества 300 р. для лошадей всѣхъ лѣтъ, не при-
ихъ первыми въ Москвѣ на скачкахъ 1860 года. Дистанція
сты 100 саж.

Записаны:

П. Петровскаго, гн. коб. *Лапша*, отъ *Гранита* и *Лизы*, 4 л.—Парши-
в. Голицина, гн. коб. *Альма*, отъ *Голантуса* и *Альвы*, 6 л.—Вудъ.

мъ призомъ кончилисъ московскія скачки; онъ достался
гровскому. *Лапша* прискакала на поводьяхъ; *Альма*, не-
на понужденія, отстала отъ нея на полкорпуса. Скакали
7 сек.

ь кончилисъ московскія скачки, обещающія охотникамъ и
сменамъ много любопытнаго и разные важные выводы.
у тѣмъ на нихъ не могли выказаться вполнѣ ни казенныя
и, ни приведенныя изъ Англіи. Дѣтямъ *Вантромна* и *Же-*
-Шассе пришлось состязаться только съ второкласными
и лошадьми, потому что первокласныя въ нынѣшнемъ
не явились на скачки; не было: *Белладоны*, *Баллады*,
еса, *Каткана*, *Цапли* и *Вьшуна*, которые всегда легко об-
вали нынѣшнихъ лошадей. Двѣ лошади, приведенныя изъ
Эль-ма и *Смулляка*, скакали вмѣстѣ, и только *Травіата*
и выказать себя, можно сказать, вполнѣ. Петербургскія
и, которыя начнутся 14 августа, едвали опредѣлятъ полнѣе
ство казенныхъ, англійскихъ и нашихъ лошадей, потому
и лошади пойдутъ туда все тѣ же, и скачки въ Петербургѣ
и только продолженіемъ московскихъ. Остается ждать бу-
о года.

А. В—въ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

СИРІЙСКІЯ ДѢЛА.

Никогда, можетъ-быть, международныя затрудненія не чувствовались такъ сильно, никогда политическія задачи не являлись съ такою настоятельностью, какъ теперь. Около Италіи и Турціи группируются теперь всѣ европейскіе интересы. Не нынче, завтра получимъ мы извѣстіе объ окончательномъ торжествѣ Гарібальди въ Неаполѣ; нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что часы и минуты бурбонской династіи сочтены въ этомъ королевствѣ. Но всѣ съ опасеніемъ и тревогой спрашиваютъ, что будетъ далѣе? Итальянское національное движеніе не остановится на соединеніи бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій съ королевствомъ Виктор-Эммануила, тѣмъ болѣе что между этими обоими королевствами лежатъ области, еще принадлежащія папскому престолу. А тамъ Венеція, а тамъ Австрія, а тамъ Германія и Франція. Австрія дѣлаетъ приготовленія къ борьбѣ и грозно предостерегаетъ римское правительство, которое, въ свою очередь, спѣшитъ приготовленіями, насильно увлекаемое неудержимымъ потокомъ событій. Пока все это совершается на Западѣ, восточный вопросъ служитъ крестомъ для дипломатіи, для общественнаго мнѣнія, для публицистовъ. Необходимость придти къ какому-нибудь рѣшенію чувствуется всѣми съ особенною силой. Самые робкіе умы и наиболѣе замѣшанные въ этомъ вопросѣ интересы, сознаютъ, что дѣло не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ и что пора дипломатическихъ отсрочекъ и палліативныхъ мѣръ приближается къ концу. Сирійскія событія послужили нечуждымъ доказательствомъ настоятельности совѣтовъ, которые предлагались нашимъ правительствомъ Европѣ. Даже въ англійскомъ парламентѣ должны были отдать справедливость и

лѣткѣ русскаго кабинета и пожалѣть, что представленія князя Горчакова были слишкомъ легко приняты Европой. Напрасно лордъ Пальмерстонъ старается прикрыть наготу Турціи, напрасно усиливаетъ онъ тонъ, говоря о страшныхъ трудностяхъ, препятствующихъ удовлетворительному рѣшенію этого вопроса, общественное мнѣніе въ Англіи все болѣе и болѣе высказывается противъ Турціи. Въ журналахъ появляются статьи и корреспонденціи, изобличающія съ крайнею рѣзкостью безысходное положеніе дѣлъ въ этой несчастной странѣ или, лучше сказать, въ цѣлыхъ странахъ, въ цѣлыхъ народностяхъ, сжатыхъ и сдавленныхъ, подъ владычествомъ варварскаго племени, лишеннаго всякой будущности и духа жизни. Недавно сэръ-Чарльзъ Непиръ, посреди парламента, и стало-былъ передъ лицомъ цѣлаго міра, горько сѣтовалъ, что рокъ велѣлъ ему быть орудіемъ политики, которая принесла теперь такіе горькіе плоды; покоритель Сенъ-Жанъ д'Акра, сокрушившій въ Сиріи могущество Ибрагимъ-паши, готовъ чувствовать себя почти виновникомъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя совершились теперь въ этой странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, краткое время владычества Ибрагимъ-паши въ Сиріи было счастливою эпохой для тамошнихъ христіанъ. Онъ наложилъ сильную и безошадную руку на буйныя и изувѣрныя племена. Въ городахъ устроилъ онъ общинныя совѣты, въ которыхъ принимали участіе христіане, и вообще христіане были не только уравнены въ правахъ съ магометанами, но даже получили надъ ними нѣкоторыя преимущества. Магометане, не находившіеся на службѣ, не имѣли права носить оружіе; между тѣмъ какъ Европейцы, проживавшіе въ Сиріи, имѣли это право, да и туземные христіане легко получали дозволеніе носить оружіе. Впрочемъ, по свидѣтельству путешественниковъ, въ странѣ возстановилась такая безопасность, что не было надобности прибѣгать къ оружію; путешественники могли разѣзжаться по Ливану не только безъ всякаго конвоя или безъ проводниковъ, но даже безъ прислуги; этого мало, увлекаемые духомъ радикальныхъ реформъ, которыя совершалъ Ибрагимъ-паша, его чиновники и агенты доводили можетъ-быть до излишества презрѣніе къ мѣстнымъ обычаямъ, къ племеннымъ и религіознымъ мусульманскимъ предрасудкамъ, а потому, какъ свидѣлствуютъ путешественники того времени, когда же еще скопилось много ожесточенной вражды къ христіанскому имени. Англичанинъ Монро, описывавшій хорошія дѣйствія реформъ Ибрагимъ-паши, призывавшій христіанскихъ миссіонеровъ пользоваться этимъ благоприятнымъ временемъ, замѣчаетъ однако, что съ покоренія Сиріи, тамъ начала господствовать страшная напряженность, и что магометане съ

озлобленіемъ ожидали уже тогда минуты возмездія. Какъ бы то ни было, цвѣтущее время Сиріи миновалось, когда пало тамъ, въ 1840 году, владычество Ибрагимъ-паши. Вотъ почему сэръ-Чарльзъ Непиръ съ сожалѣніемъ и даже въ негодованіемъ вспоминалъ теперь о томъ, что онъ былъ орудіемъ этого дѣла. Лордъ Пальмерстонъ, въ рукахъ котораго находилась тогда политика Англіи, главный виновникъ того положенія, въ какомъ остается до сихъ поръ восточный вопросъ, оказался однако нераскаяннымъ грѣшникомъ; онъ старался утѣшить храбраго адмирала и доказать, что одержанныя имъ побѣды и трактатъ, заключенный съ египетскимъ пашой были дѣломъ напротивъ весьма полезнымъ. Дѣйствительно, по наружности, порядокъ, установленный въ Сиріи, по изгнаніи оттуда Ибрагимъ-паши, можетъ показаться весьма удовлетворительнымъ. Друзамъ и Маронитамъ предоставлено управляться собственными старшинами, независимо другъ отъ друга, и только подъ верховнымъ надзоромъ турецкаго правительства или намѣстника султана. Но послѣствія свидѣтельствуютъ, какъ не проченъ былъ этотъ порядокъ. Въ сирійскихъ народонаселеніяхъ, не только языческихъ и магометанскихъ, но и христіанскихъ, возбуждено столько нетерпимости и фанатизма, столько вражды и ревности, что столкновения между ними стали неизбѣжны, а турецкія власти, какъ мы видимъ, всею мѣною не могутъ способствовать къ умиротворенію страстей. Положеніе дѣлъ въ Сиріи совсѣмъ иное чѣмъ въ Сербіи или въ Молдо-Валлахіи. Тутъ народонаселенія однородныя, сплошь христіанскія, они имѣютъ собственное, правильно организованное правительство, обладаютъ собственными средствами защиты и внутренней безопасности; турецкія власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не имѣютъ надобности наблюдать за ними; отношеніе къ султану имѣетъ характеръ вассальности строго опредѣленнаго, обезпеченнаго Европой и во многихъ отношеніяхъ только номинальнаго. Не таково было положеніе каймакановъ ливанскихъ. Тамъ Друзы и Марониты перемѣшаны между собою, и единственнымъ хранителемъ порядка и безопасности является тамъ турецкій паша съ турецкими войсками, безвѣстный для добра, но могущественный органъ всякаго зла. Не будь въ Сиріи Куршидъ-паши и Ахметъ-паши, событія можетъ быть не дошли бы до такой крайности; турецкія власти не только способствовали грабежу и убійству, а даже были главными ихъ виновниками. Всѣ свѣдѣнія о сирійскихъ дѣлахъ подтверждаютъ, что главная причина тѣхъ размѣровъ, какіе приняли сирійскія побойща, заключалась въ турецкихъ властяхъ, такъ что сами Друзы нерѣдко являлись защитниками и охранителями христіанъ отъ магометанскихъ изувѣровъ. Съ другой

стороны, христіянскія племена, какъ мы уже замѣчали, исполнены здѣсь сами духомъ страшной нетерпимости, и лордъ Пальмерстонъ свидѣтельствовалъ въ парламентѣ, что зачинщиками были не Друзы, а Марониты.

Одинъ миссіонеръ писалъ недавно изъ Дамаска, въ *Revue des Deux Mondes*, о томъ фанатизмѣ, который развивался и поддерживался въ городѣ Захле, такъ страшно пострадавшемъ среди послѣднихъ смуть. «Нетерпимость, пишетъ онъ,—имѣла здѣсь свою главную квартиру. Съ нѣкоторыхъ поръ, Захле вышелъ изъ-подъ власти турецкаго правительства и образовалъ изъ себя нѣчто въ родѣ теократической республики, подъ управленіемъ отцовъ іезуитовъ. Не только протестантскіе миссіонеры были оттуда неоднократно изгоняемы самымъ грубымъ образомъ, но даже Греки, живущіе и владѣющіе тамъ съ незапамятныхъ поръ собственностью, не могли перестроить свою церковь, возобновить свою школу.» Корреспондентъ разказываетъ, какъ іезуиты выгнали отсюда православнаго епископа Мееодія, который остановился тамъ переночевать. Мусульманскій путешественникъ, который проѣзжалъ черезъ городъ не задолго до послѣднихъ событій, долженъ былъ слѣзть съ лошади и пройти городъ пѣшкомъ, какъ принуждены бывали дѣлать христіане въ Дамаскѣ до Ибрагимъ-паша. «Захлюты, пишетъ миссіонеръ,—бывъ въ продолженіи многихъ лѣтъ бичомъ другихъ христіанъ, даже католическихъ, вовлекли тѣмъ не менѣе всѣхъ въ ссору съ Друзами. Война началась, но вмѣсто того, чтобы помочь своимъ единосѣрцамъ, они заперлись въ свои стѣны.» Маронитамъ, въ послѣднюю войну ихъ съ Друзами, много повредило то, что они въ настоящее время лишены всякой политической организаціи. Ирежде племена эти представляли видъ нѣкотораго аристократическаго устройства; судъ и расправу чинили землевладѣльцы, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они были защитниками и вождями. Но съ теченіемъ времени духовенство подорвало вліяніе эмировъ, не умѣвъ создать ничего въ замѣнъ, и Марониты остались безъ вождей и безъ всякой политической организаціи. Интересныя подробности объ этомъ предметѣ сообщалъ недавно въ письмѣ, появившемся во французскихъ журналахъ, Ленорманъ, долго жившій въ тѣхъ мѣстахъ.

Утвержденіемъ лорда Пальмерстона, что зачинщиками были арабиты, вызвано было новое объясненіе въ палатѣ общинъ; иному изъ членовъ г. Монселу показалось это страннымъ. Изъ-ля опасенія, чтобы такое важное показаніе, сдѣланное англійскимъ первенствующимъ министромъ, не подало повода думать, о англійское правительство въ этомъ случаѣ хочетъ держать оронку Друзовъ, онъ утверждалъ противное и находилъ, что сирій-

ская трагедія чисто была слѣдствіемъ релігіознаго саваган-
 рокъ. «Какъ бы ни желалъ благородный лордъ, говорилъ г.
 селъ,—поддержать тронъ султана, надобно однако надѣяться
 онъ не хочетъ, во что бы то ни стало, охранять систему
 которой возможны подобные ужасы. Съ чувствомъ прис-
 я вспоминаю теперь объ участи, которое принималъ я
 и въ 1856 годахъ, вмѣстѣ съ большинствомъ палаты, въ
 ментскихъ усиліяхъ поддержать Турцію. Я вижу теперь,
 ціональный характеръ Турокъ неисправимъ.» Г. Монселъ
 чилъ выраженіемъ надежды, что лордъ Пальмерстонъ,
 дующій принципъ національности въ одной части Евро-
 захочетъ попить его въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Турокъ хри-
 стіанинъ. Лордъ Пальмерстонъ началъ отвѣтъ свой
 говоря, что высокопочтенный джентльменъ разсудилъ
 перенести раздоръ между Друзами и Маронитами въ па-
 щинъ. Но скоро тонъ его принялъ серьезный характеръ.
 лить царство Османовъ? Но какой же державѣ предоста-
 ладаніе Сиріей? Конечно не Англіи,—а интересы Англіи,
 какъ и общіе интересы Европы, продолжалъ лордъ Па-
 лмерстонъ,—не потерпятъ, чтобы другія державы дѣлили ме-
 бою Турцію. «Не изъ пристрастія къ турецкой породѣ
 я, говорилъ онъ, сохраненія этой имперіи. Всякій,
 сколько-нибудь посвящавъ вниманіе этому предмету, не
 не понять, что Турцію нельзя раздѣлить безъ всеобщей
 пейской войны.» Лордъ Пальмерстонъ опровергаетъ мнѣ-
 бы Друзы и Марониты находились подъ властію турецкаго
 напротивъ, всѣ эти прискорбныя столкновенія племенъ
 всегда своею причиною слабость турецкой власти въ Сиріи
 нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что турецкія власти въ Сиріи
 какъ и турецкіе солдаты, вели себя, въ послѣднихъ
 самымъ позорнымъ и отвратительнымъ образомъ. «Не
 назвалъ Маронитовъ зачинщиками, — этой темы касаюсь
 неохотно. За нѣсколько мѣсяцевъ, до начатія непри-
 дѣйствій между Маронитами и Друзами, война эта
 сказывалась турецкими христіанами.» «Извѣстно,
 лордъ Пальмерстонъ, что Марониты получили во
 европейское оружіе, не извѣстно впрочемъ откуда. Ко-
 Коулей, въ бесѣдѣ съ г. Тувенелемъ, коснулся этого
 мета, послѣдній со своей стороны выразился, что и
 нію Марониты были возбуждены къ нападенію своимъ
 ствомъ. Но это, заключилъ лордъ Пальмерстонъ, не
 оправдываетъ Друзовъ въ совершенныхъ ими ужасныхъ
 Въ *Times* отъ 20 августа напечатаны интересныя до-
 англійскихъ агенто́въ, составляющія полную картину сирі-

гь. Первая и самая обширная есть донесеніе г. Грама Дофферину, уполномоченному комиссару по сирійскимъ, который побывалъ уже въ Сиріи, возвратился въ Константинополь, и теперь снова отправился въ Бейрутъ. Г. Грамъ былъ центръ событій и, по его собственнымъ словамъ, никто изъ юдейцевъ, бывшихъ въ Сиріи, не имѣлъ случая такъ близъ подойти за ними, какъ онъ. Онъ прямо говоритъ, что Друзы зачинщиками. Но вотъ какъ онъ рассказываетъ дѣло: юный монашрѣ, на полпути между Бейрутомъ и Дерт-Каммаромъ, еще въ началѣ мая мѣсяца, былъ найденъ въ монастырѣ. Подозрѣнія, весьма естественно, пали на Друзы, потому, говоритъ г. Грамъ, что никакой христіанинъ не смѣлъ бы наложить руку на монаха. Марониты въ возмездіе первого попавшагося Друза. За тѣмъ два христіанина убиты Друзами, а родственники убитыхъ, въ свою очередь, убили двухъ Друзовъ, по закону кровомщенія.

Вѣчная старая исторія, испоконъ вѣка повторяющаяся мѣстами Востока. Но почему въ настоящее время приняты такіе страшные размѣры? То, что рассказываетъ г. Грамъ о случаяхъ кровомщенія, безъ сомнѣнія, происходили въ горахъ Ливана, но почему теперь повели они къ такъ жестокой войнѣ между Друзами и Маронитами, которые, несмотря на религиозныя различія и на неизбѣжные случаи кровомщенія, уживались однако вмѣстѣ, часто въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, въ сирійскихъ населеніяхъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, много горючаго матеріала воспламенился при первой искрѣ. Съ одной стороны христіане могли стать самонадѣяннѣе, разчитывая на поддержку Европы; съ другой, мусульманскія части населенія могли быть увлечены чувствомъ природнаго инстинкта, опасеніями и местию.

Газета *Times* отправила въ Сирію особаго корреспондента, который прислалъ уже изъ Бейрута, отъ 8 августа, письмо, помещенное въ послѣднемъ № этой газеты. Онъ много хлопоталъ, чтобы разузнать истинныя причины этой плачевной исторіи. Но это было бы легко, говоритъ онъ, во всякой другой странѣ, только не на Востокѣ. Здѣсь мы находимся въ странѣ, гдѣ только путешественникъ поставитъ ногу на здѣшнюю землю, онъ очутится посреди призраковъ... Вымыселъ, или фантазія возведена здѣсь въ систему и обезображиваетъ всѣ случайности ежедневной жизни. Я говорилъ съ однимъ изъ старцевъ, жившимъ долго въ Ливанѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что Друзы были зачинщиками, а Марониты старались только поддерживать такъ, чтобъ одержать надъ ними верхъ; но на

другой день этотъ же самый авторитетъ утверждаетъ, что ниты начали войну, хотя, будто бы по трусости, они не выдержали бой, несмотря на свой численный перевѣсъ. Турокъ, занимающій высокій административный постъ, и что монсеньоръ Тобія, епископъ бейрутскій, дѣйстви- интересъ Франціи и замышлялъ отложеніе Сиріи, въ до- ство чего приводились какія-то два письма. Другой Ту- нимающій еще болѣе важный постъ, извѣщалъ меня, е- скопъ Тобія самымъ рѣшительнымъ образомъ проти- валъ французскому вліянію, что эти письма не что и подлогъ какого-то Друза, и что наконецъ турецкое в- ство имѣетъ обильныя доказательства совершенной пре- епископа, ибо онъ извѣщалъ правительство о заговора- искахъ противъ владычества султана въ Сиріи. Консул- данные иностранныхъ державъ, всѣ самыхъ различныя о причинѣ возникшей вражды между Друзами и Ма- Даже сами Турки противорѣчатъ другъ другу, хотя они берутъ на себя трудъ высказать какое-нибудь мнѣніе- каждаго вѣроисповѣданія имѣютъ свои особыя воззрѣнія- респондентъ рѣшительно затрудняется добыть какія- положительныхъ доказательства по этому дѣлу. Но, съ различныя мнѣнія, повѣряя ихъ фактами, и выводы и средній результатъ, онъ высказываетъ слѣдующее: « правительство всегда было недовольно тѣмъ устройствомъ которое было создано европейскою дипломатіей по вѣ- туда Ибрагимъ-паши; учрежденіе двухъ каймакановъ для Друзовъ, другаго для Маронитовъ, значительно власть Порты. Паши, зная это, надѣялись выслужиться, одно племя противъ другаго, одну религію противъ другаго, и въ видахъ ихъ взаимнаго разрушенія. Политика, имѣющая девизомъ *divide et impera* и находящая приверженцевъ ропъ, есть единственная политика понятная и сподручная кому уму. Франція всегда была противъ системы двухъ кановъ, установленныхъ въ 1840 году четырьмя великими державами. По разказу корреспондента, французскіе агенты распространяли въ христіанскомъ народонаселеніи мнѣніе, что Ливанъ долженъ находиться подъ властію одного и притомъ христіанина. Особенно указываетъ онъ на Г. де-Лессепа, который былъ французскимъ консуломъ въ Ливанѣ два или три года тому назадъ. Г. де-Лессепъ вслѣдствіе своего успѣха распространить здѣсь вліяніе Франціи, возбуждалъ Маронитовъ на ея покровительство, такъ что Марониты не знали вовсе знать турецкихъ властей. Общество, называющееся *туземной христіанскою ассоціаціей*, получило отъ него

время новое обширное развитие под председательством епископа Тобии. Общество это обвиняют, не представляя впрочем положительных доказательств, в том, что оно запасалось оружием и амуницией для раздачи между Маронитами. Четыре члена этого маронитского комитета, в Бейрутѣ, скрылись изъ Сиріи. Турецкія власти обвиняются в томъ, что они извѣстили Друзовъ о маронитскомъ заговорѣ противъ нихъ, и в томъ, что они снабжали ихъ оружиемъ и амуницией изъ константинопольскаго арсенала. « Не мудрено, продолжаетъ корреспондентъ, что при такомъ положеніи дѣлъ, когда соперничающія племена и религіи приведены во взаимное раздраженіе и возбуждены политическими европейскими интригами, не мудрено, что долженъ былъ произойти взрывъ, и что взрывъ этотъ принялъ небывающіе размѣры, покрывъ страну огнемъ и кровію. Но нельзя ни на минуту допустить мысль, чтобы люди, замышлявшіе какіе-либо планы, воображали, что слѣдствіемъ ихъ будетъ происшествіе, поразившее негодованіемъ и ужасомъ весь христіанскій міръ. Боже сохрани, чтобы какаѣ-либо политика, или какое-либо фронсповѣданіе могли навлечь на себя такую страшную отвѣтственность! Но пора теперь людямъ узнать, что если революціи не дѣлаются à l'eau de rose, то равно племенные и религіозныя интриги не могутъ быть возбуждаемы безнаказанно. »

Вотъ какимъ образомъ началась война между Маронитами и рузумами по справкамъ и розыскамъ корреспондента газеты *Times*: въ продолженіе нѣкотораго времени совершались убійства обиды между двумя племенами; но такого рода случаи такъ быкновенны, что могли быть считаемы за нормальное общегвенное положеніе въ Ливанѣ. Въ началѣ этого года Марониты производили вооруженныя прогулки, promenades militaires, во гадѣніяхъ Друзовъ, похваляясь въ скоромъ времени изгнать рузовъ или истребить ихъ. Мусульмане засылали просить милости. Въ Бейтъ-мари они отдавали даже своихъ дѣтей знакомымъ маронитамъ въ видѣ аманатовъ; но они были отправлены надъ съ вѣстію, что война неизбежна. Восемнадцать Друзовъ шли вслѣдствіе этого изъ Бейтъ-мари; ихъ проводили вырѣлами; они стали отвѣчать, но были побѣждены. Въ послѣднихъ возвратились они съ подрѣпленіемъ, и уже одержали оръхъ. « Вотъ говорить корреспондентъ, самое вѣрное, какого гь я добиться, показаніе о началѣ этого дѣла. »

Такъ или иначе, несомнѣнно только то, что главная причина заключается въ самомъ устройствѣ Сиріи. Турецкій паша незначительными средствами, безъ определенныхъ обязанностей, не несая на себя должной отвѣтственности, пріѣзжающій сюда только покормиться, можетъ дѣйствовать только интригами и усил-

вать смуты. Въ *Times*, отъ 16 августа, въ руководящей статьѣ сказано очень много сильнаго противъ Турціи противъ паша, которой слѣдовало англійское правительство. «Сирія, въ этой статьѣ, нуждается въ правительствѣ достаточно номъ для того, чтобы справляться съ варварскими паша Горы и Пустыни, и противодѣйствовать фанатизму, котораго составляетъ природное свойство тамошней почвы. Теперь должна поразить мысль, что еслибы мы оставили Мехмедъ управлять Сиріей, не произошло бы всѣхъ этихъ ужасовъ. Всѣ попытки управлять Сиріей черезъ Порту, и оградить отъ ихъ многочисленныхъ враговъ, требуя чистоту танъ посылалъ туда хорошихъ правителей, будучи пустынь. Турецкіе администраторы покупаютъ долги вознаграждаютъ себя продажей всего, что только можно дать, начиная отъ подчиненныхъ административныхъ и судебныхъ рѣшеній, отъ контрактовъ до человѣческихъ душъ. Это несправимая система несправимаго правительства ствующаго надъ несправимыми племенами. Всего болѣе жагаетъ насъ старый знакомый типъ этихъ новыхъ ужасовъ избіеніе младенцевъ—это древнее событіе—повторилось во многихъ городахъ Сиріи. Все тамъ такъ, какъ было тысячи лѣтъ назадъ. Если необходимо сохранить прецѣдента верховенства (*suzerainty*) въ Сиріи, то выставляемыхъ сюда изъ Константинополя пашей кормиться должны двухъ-трехъ лѣтъ, съ тѣмъ чтобы потомъ мѣсто другимъ, столь же голоднымъ и столь же невиннымъ правителямъ, необходимо поставить здѣсь бы ена мѣстника. Европейскія державы, если только исключительно движимы заботами о религіи и человечествѣ, должны султана уступить кому-либо управление Сиріей, но, какъ уступлено управление Египтомъ, если позволено правительства. Это будетъ полезно для финансовъ, и для Турецкой имперіи чѣмъ притязаніе управлять Сиріей, и ющимъ теперь способомъ. Международное право, заботясь о себѣ великіе интересы человечества, позволяетъ вмешательство съ этою цѣлію...

Повидимому Франція была бы не прочь, какъ мы знаемъ, сдѣлать такимъ мѣстникомъ въ Сиріи Абдель-Кадри, который дѣйствительно велъ себя хорошо въ Дамаскѣ во время войны. Но французскіе публицисты находятъ, что Абдель-Кадри не можетъ точно отдать только Дамаскъ, а остальную Сирію передать какой-либо изъ европейскихъ державъ. Впрочемъ, предположенія, съ которыми неизбѣжно была бы соединена эта идея, Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, писавшій недавно объ этомъ пр...

Journal des Débats, предлагаетъ новый, довольно странный планъ — занять Сирію войсками нейтральныхъ европейскихъ державъ какъ Швейцарія и Бельгія, или вообще второстепенныхъ государствъ. Мысль эта отличается по крайней мѣрѣ оригинальностью.

При первыхъ извѣстіяхъ изъ Сиріи, въ одной изъ прошедшихъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* мы представили читателямъ характеристику этой страны, основываясь на самыхъ достовѣрныхъ источникахъ. Мы видѣли, что отношенія между Друзами и Маронитами не заключали въ себѣ необходимости кровавыхъ раздоровъ; мемена эти могли уживаться мирно между собою, тѣмъ болѣе что въ некоторыхъ частяхъ Ливана они живутъ отдѣльно и не имѣютъ повода къ столкновеніямъ. Ни въ одной странѣ, подлежащей турецкому владычеству, не было столько благосостоянія и достатка, какъ тамъ. Европейская торговля, промышленность и цивилизація непрерывно пролагали тамъ пути, люди всѣхъ европейскихъ націй селились тамъ и основывали разные промышленныя предпріятія. Благодѣянія христіанской цивилизаціи отзывались и на Друзахъ Ливана, которые много разнятся отъ своихъ дикихъ соплеменниковъ изъ Гаврана. Даже во время этой ужаснейшей войны, исполненной столько ужасныхъ дѣлъ, самыя жестокія былія совершены не ливанскими Друзами, а гавранскими и другими дикарями, приходившими къ нимъ на подмогу, да еще туцкими баша-бузуками. Не будь Турокъ, и не будь также никакихъ стороннихъ возбужденій, надъ христіанскими народонаселеніями Ливана не разразилось бы теперь столько бѣдствій. Всего лучше было бы, конечно, вовсе уничтожить преданіе турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ... И географическая конфигурація страны, и горія показываютъ, что обитатели этихъ мѣстъ могутъ жить управляться отдѣльными общинами, составляя болѣе или менѣе тѣсно организованное цѣлое. Такъ жили здѣсь въ древнія времена Финикіяне, которые составляли федерацію отдѣльных племенъ, и успѣли достигнуть высокой степени благосостоянія, культуры и цивилизаціи; такъ жили и теперешнія племена и народы, если бы надъ ними не тяготѣла роковая необходимость поддерживать собою существованіе Турецкой имперіи. Пользуясь донесеніемъ англійскихъ агентовъ, мы считаемъ не лишнимъ представить читателямъ краткій очеркъ печальныхъ событій, совершившихся въ Сиріи, о которыхъ такъ много было сказано въ отрывочныхъ и сбивчивыхъ, и часто противорѣчивыхъ разказахъ.

Война во всей своей ярости открылась 28 мая. Вечеру этого дня изъ Бейрута можно было видѣть пожаръ тридцати двухъ домовъ, и къ утру 29 мая нѣкоторые изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Ливана представляли собою или развалины, или необи-

таемыя жилища. Друзы находились уже въ сераѣ на пути отъ Бейрута. Куршидъ-паша вышелъ съ своимъ изъ города подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы пресѣчь войну, вался спокойнымъ зрителемъ пожара, грабежа и убій селенія Хададъ. Впрочемъ турецкіе солдаты, какъ сообщаютъ Грамъ, не оставались безъ дѣла; они стрѣляли въ бѣгущихъ христіанъ. 29 мая Друзы напали на Гасбею, значительную докъ подъ горою Гермонъ. Въ этихъ мѣстахъ особеннымъ образомъ пользовался одинъ эмиръ изъ фамиліи Шехабоу, былъ мусульманинъ, но дамаскій паша не терпѣлъ его жёночності и власти, которыми онъ пользовался. Ахметъ-паша послалъ туда съ войскомъ Отманъ-бека. Онъ убѣдилъ пашу, что присланъ для нихъ защиты, и обещалъ имъ ее, если дадутъ ему оружіе, грозя имъ въ противномъ случаѣ казнёю отъ правительства. Онъ собралъ христіанъ въ сераѣ и держалъ ихъ подъ слабымъ прикрытіемъ отправилъ изъ города въ Дамаскъ, такъ что Друзы немедленно замечать не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ солдатъ, собранные въ сераѣ, провели тамъ нѣсколько дней при возможныхъ лишеніяхъ и въ большомъ страхѣ, который испытали, когда они увидѣли приготовленія къ отъѣзду губернскаго выступленію войска; они поняли обманъ и бросились въ дворъ сераѣ. Тогда, по данному сигналу, ворвались, ворвались Друзы, и началась рѣзня. Турецкіе помогали убійцамъ. Пока тѣ убивали мужчинъ, Турки дѣлали неистовства надъ женщинами. Г. Грамъ самъ видѣлъ, какъ на оставшихся въ живыхъ, такъ и на мертвыхъ, тельствуешь о систематической жестокости, съ которою носились. 10, 12, 14 глубокихъ ранъ на одномъ тѣлѣ рѣдкость. Только 40 или 50 человекъ успѣли спастись, и то большею частію только потому, что были сочтены за мертвыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли Бейрута, и тамъ была буквально пропитана кровію отъ тѣлъ, когда они лежали притаившись. Женщинъ, говоритъ г. Грамъ, не убивали и даже не оскорбляли. Это предоставлено было камъ и мусульманамъ. Четырехъ- и пяти-лѣтнія дѣти держали передъ глазами матерей, а если онѣ слышали крикъ, держали ихъ, то убивались на груди ихъ. 6-го іюня осталось уже почти ни одного мужскаго обитателя изъ города и цвѣтущаго народонаселенія подъ горою Гермонъ, что въ этотъ же самый день и въ другомъ тамошнемъ мѣстѣ, христіане были такимъ же точно образомъ убиты. Грамъ разказываетъ извѣстный уже изъ газетъ подвѣдъ одного изъ главныхъ вождей Друзовъ, которая спасла

ь и сама проводила ихъ до Сидона, гдѣ приняли ихъ ан-корабли. Замѣчательно, что Друзы убили въ Гасбей эмиба, со всѣмъ его семействомъ и домочадцами, несмотря, что всѣ они были мусульмане; замѣчательно это по Друзы вообще не касались мусульманъ, не только захъ такое почетное положеніе какъ эмиръ Шехабъ, но и мелкихъ бѣдняковъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, они и съ разрѣшенія, или, лучше сказать, по желанію дамашни, который былъ въ личной неприязни съ эмиромъ ь.

того же времени, 1-го іюня, баши-бузуки и другіе мусосадили Сидонъ. Всякій христіанинъ, вышедшій изъ подвергался опасности: мущина или ребенокъ мужа-ла былъ убиваемъ, женщина подвергалась гнусному нно. За баши-бузуками послѣдовали Друзы, которые монастырь близъ Сидона и перебили монаховъ. Нѣ-режде того толпы христіанъ, спасавшіяся изъ горныхъ и пути въ Бейрутъ, были перерѣзаны Друзами и баши-

ня произведено было первое нападеніе на Дейръ-эль-прежнюю столицу Ливана. На этотъ разъ христіане гбится и, благодаря усиліямъ американскаго миссіо-ерда, вожди Друзовъ согласились пощадить жизнь жи-чько ограбили городъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ ограбленъ ьгородъ Захле. Здѣсь, вмѣстѣ съ ливанскими Друзами, дѣй-двие Друзы изъ Гаврана и другіе кочевые Арабы, къ-присоединились Курды отъ Дамаска и Метавилы отъ-почувавъ кровь и добычу. Европейскіе консулы въ Бей-ль о грозѣ, подступавшей къ этому цвѣтущему городу, требовали, чтобы паши вышли наконецъ изъ своего и и приняли какія-нибудь мѣры для спасенія Захле-щенія опасности. Куршидъ-паша дѣйствительно по-отрядъ своихъ войскъ, но это послужило только къ-роченнаго на жертву города. Едва только ливанскіе-равшіеся въ бездѣйствіи послѣ дейръ-эль-камарскаго-али движеніе турецкихъ войскъ, какъ тотчасъ же-рой военный кликъ и, предводимые однимъ изъ своихъ-шейховъ, числящихся въ турецкой службѣ въ каче-ударили на Захле. 19-го іюня, къ городу подступи-тими силы, съ одной стороны толпища степняковъ,-оттоманскія войска и ливанскіе Друзы. Христіане-и очистить городъ и, взобрались на крутую гору съ тѣмъ,-сидти ливанскихъ Друзовъ и напасть на нихъ съ тылу.-е тѣмъ они успѣли достигнуть горы, обѣ враждебныя

силы соединились и со всѣхъ концовъ заняли городъ оставшіеся въ немъ погибли, въ томъ числѣ два французскихъ зариста. Турецкія войска дѣйствовали здѣсь совершенно и даже стрѣляли по городу изъ взятой ими съ собою пушечки. Друзы, не задолго передъ тѣмъ пощадившіе жителей Дейръ-эль-Камара, снова появились теперь на этотъ городъ. Губернаторъ имѣлъ здѣсь въ своемъ распоряженіи отрядъ изъ 400 человекъ, который могъ легко увеличиться до 600 человекъ, но онъ поступилъ точно такъ же какъ Отманъ-бегъ. Онъ убѣдилъ жителей сдать ему оружіе, снести во дворѣ свои драгоцѣнности и помѣстилъ въ немъ большую часть своего родонаселенія. Утромъ, 21-го іюня, Друзы собрались въ городъ. Одинъ изъ ихъ вождей прибылъ въ сарай для тайныхъ переговоровъ съ губернаторомъ, послѣ которыхъ были отворены, въ нихъ ворвались Друзы и начали убивать солдатъ, избіеніе несчастныхъ. Повторилось то же, что и въ Гасбеѣ, только еще въ большихъ размѣрахъ. Изъ жителей, которые находились внѣ сарая, было не лучше, а тѣ, которые переправлялись черезъ канавы, дѣлались спасаться въ мѣстечкѣ Бледдинъ, гдѣ стояли турецкіе солдаты, были побиты ими. Уцѣлѣвшіе отъ избіенія спрятались въ канавы. «Я слышалъ, говоритъ г. Грамъ, живой и здоровый, всей этой сценѣ отъ женщины, прибывшихъ отсюда, какъ она разказывала мнѣ, какъ передъ ихъ глазами рублены въ куски мужа, отцы, братья и сыновья, стараясь спасти жизнь, онѣ были повергаемы на землю, ребенокъ выхватывался изъ рукъ матери, и изрубленъ бросался ей въ лицо; какъ подвергались онѣ насилию турецкихъ солдатъ; какъ на пути ихъ къ морю, Друзы у нихъ все, что онѣ успѣли захватить съ собою. Въ этомъ сказанъ, что въ Дейръ-эль-Камарѣ было много богатыхъ, жившихъ въ хорошо-выстроенныхъ и удобныхъ домахъ, получившихъ воспитаніе и привыкшихъ къ жизни, теперь принужденныхъ просить пощады.» Число убитыхъ въ этотъ день въ Дейръ-эль-Камарѣ г. Грамъ оцениваетъ въ 1.000 до 1.200 лицъ мужескаго пола. Друзы зажгли городъ. «Дымъ, облачнымъ столбомъ, проходилъ надъ городомъ», говоритъ г. Грамъ, и извѣщалъ насъ о совершившемся. Я самъ могу свидѣтельствовать, что всѣ разказы объ этомъ дѣлѣ не слишкомъ преувеличены; еще до окончанія путешествія проѣхалъ большую часть открытой страны, и былъ въ Дейръ-эль-Камарѣ, нѣсколько дней спустя послѣ избіенія. Почти ни одного дома, улицы были наполнены трупами,

енными. Путь мой лежалъ черезъ городъ; на нѣкоторыхъ лошадей моя не могла ступить, потому что онѣ буквально завалены тѣлами... Посреди этого позорища смерти, когдѣ ставило бы всякаго содрогнуться, нѣсколько Друзевъ также жилищъ остатни добычи, смѣясь и шутя между собою. Имъ мой ужасъ, возбужденный такимъ звѣрскимъ поведенію главному вождю Друзевъ и наставлялъ, чтобы они пренебрегли тѣла убитыхъ. Онъ засмѣялся и спросилъ меня: за- . Въ Бейрутѣ ужасъ и негодованіе были неизобразимы. Мы привыкли къ подобнымъ ужасамъ, продолжаетъ онъ, но это превосходило все и обнаруживало со стороны такое вѣроломство, такое европейскіе государственные отчуждены совершенно невѣроятнымъ въ лицѣ, занимающемъ званіе вѣдѣніе правителя обширной провинціи.»

Въ Бейрутѣ пришли тревожныя извѣстія изъ Сидона. Снова окружили этотъ городъ, а муфтіи въ мечети, и даже въ синагогахъ, проповѣдывалъ смерть христіанамъ. Вооруженныхъ христіанъ выпустили на ночлегъ въ городъ, а мусульмане, запасшись всякаго рода оружіемъ, провели ночь въ мечети, готовые еже-минутно присоединиться къ Друзамъ, когда бы тѣ начали рѣзню. Къ счастію, два англійскіе и два французскіе корабли успѣли выдти изъ Бейрута, и кровопролитіе было предотвращено. Командиры этихъ кораблей потребовали отъ сидонскаго губернатора отчета, зачѣмъ онъ обезоружилъ христіанъ; губернаторъ сказалъ, что долженъ былъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, по случаю смутнаго времени. Но обезоруживъ христіанъ, онъ дозволялъ Друзамъ и мусульманамъ войти въ городъ и оставаться тамъ съ оружіемъ. На оффиціальныя запросы, такъ ли это было, губернаторъ отпирался, но сказалъ, что впредь онъ будетъ отбирать оружіе отъ той, такъ и отъ другой стороны; но когда потребовали, чтобы онъ далъ письменное обязательство въ этомъ, онъ отказался, говоря, что не имѣетъ достаточно силъ воспрепятствовать Друзамъ войти въ Сидонъ съ оружіемъ. Даже въ Сидонѣ христіане не чувствовали себя безопасными; многіе изъ нихъ ушли въ Александрію; городъ былъ спасенъ только благодаря присутствію европейскіхъ кораблей, въ томъ числѣ русскаго фрегата *Илья Муромецъ*. Европейскіе командиры потерявъ всякое довѣріе къ Куршидъ-пашѣ, рѣшились сами справиться съ враждебными Друзами, убѣждая ихъ прекратить кровопролитіе. Вожди дали уклончивыя отвѣты, изъ которыхъ можно было видѣть, что не они были главными двигателями войны. Паша, узнавъ объ этихъ переговорахъ, испугался, что вѣроломство не была открыто, и настаивалъ на заключеніи мира. Это было кстати, потому что въ это время замшлялось

нападеніе на Казраванъ, страну обитаемую однимъ Маронитамъ куда паша собирался уже послать свои войска « для сохрѣнія порядка и для защиты христіанъ ». Итакъ послѣдовало ошійное провозглашеніе мира въ Ливанъ, на томъ условіи, чтобы христіане передали забвенію прошедшее. « Паша, пишетъ г. Грамъ, рандарсъ, собравъ для заключенія мира представителей обѣихъ сторонъ въ равномъ числѣ. Бѣдный, несчастный народъ! Преданію прошлое! Сколько тысячъ людей лишены хлѣба и крова. Шестьдесятъ городовъ и селеній въ Ливанѣ погибли въ пожаръ и эта цвѣтущая гора превратилась въ черную пустыню. Считаютъ, что 75.000 человекъ остались безъ крова. Число убитыхъ не можетъ быть огромнымъ, но можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о пустыннѣ Ливана, если я скажу, что одинъ англійскій военный корабль доставилъ въ Бейрутъ отъ Сидона и отъ рѣки Дарданеллъ 2.300 выходцевъ, изъ которыхъ 2.100 были только женщины и дѣти женскаго пола. Всѣ только и смотрятъ какъ бы бѣжать отсюда. Бѣдный народъ находится въ паническомъ страхѣ, и только всѣ они имѣли возможность убраться отсюда, если бы кто-нибудь изъ христіанъ остался долѣе часа подъ турецкимъ правительствомъ. Но здѣсь обнаружилась еще другаго рода жестокость, обнаружилась замысль до конца истребить христіанскія племена. Эти бѣдные люди, которые за нѣсколько мѣсяцевъ желали оставить Дамаскъ и другіе города изъ опасенія за свою жизнь, не отпускались пашами, которые отказывали имъ въ паспортѣ, хотя они не имѣли на то ни малѣйшаго права, что всѣмъ подданнымъ Оттоманской имперіи предоставляется полная свобода движенія. »

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Грамомъ, число убитыхъ христіанъ простиралось до 4000 человекъ мужскаго пола.

Когда повидимому все уже было кончено въ Ливанѣ, въ Европу дошло торжественное извѣстіе о заключеніи мира между Маронитами и Друзами, произошло новое страшное извѣстіе о разбитіи христіанъ въ Дамаскъ, гдѣ уже дѣйствовали не Друзы, а мусульмане. Мусульманъ въ этомъ городѣ считается до 15.000, а христіанъ не болѣе 15.000. Къ первымъ присоединились въ это время побойца Курды и Арабы, пришедшіе изъ пустыни. 9 іюля произошло страшное извѣстіе. « Европа, пишетъ въ официальном извѣщеніи лорду Джону Росселю англійскій консулъ Брантъ, что при извѣстіи, что христіанское общество подверглось истребленію, что третья часть мужскаго народонаселенія его погибла, и что завѣтъ почти никакой попытки къ сопротивленію, между христіанами со стороны властей сдѣланы были слишкомъ ничтожныя попытки предостановить или остановить эти ужасныя дѣйствія. Но это не уменьшится оттого, когда будетъ сказано, что »

случилось безъ всякаго вызова со стороны христіанъ, въ мирное время, не вълѣдствіе вторженія какихъ-либо враждебныхъ племенъ, но согражданами, возбужденными только «фанатическою ненавистью къ христіанамъ и страстью къ грабежу.» Консулъ свидѣтельствуєтъ, что лучшая часть народонаселенія употребила повидимому свое вліяніе и силу для сохраненія спокойствія; пришельцы и люди изъ селеній и равнинъ были замѣшаны тутъ въ небольшомъ количествѣ, а главными дѣателями зла была многочисленная часть дурно-расположеннаго народонаселенія Дамаска. Военная сила была не велика; но еслибы паша захотѣлъ распорядиться какъ слѣдуетъ, то ея было бы достаточно для предупрежденія бѣдствій. Важныя подозрѣнія, говоритъ консулъ, падаютъ на пашу, хотя консулъ съ своей стороны не рѣшается опредѣлить, былъ ли его образъ дѣйствій слѣдствіемъ трусости или измѣны. «Христіанскій кварталъ, пишетъ г. Брантъ, былъ зажженъ 9 юля, и онъ еще горѣлъ въ ночь 15 числа; всѣ церкви и монастыри были ограблены и потомъ подожжены; нѣкоторые изъ нихъ обладали большимъ количествомъ серебряныхъ украшеній и церковныхъ сосудовъ; богаче всѣхъ былъ греческій патріархатъ; всѣ эти драгоценности не были однако преданы на расхищеніе, но были вынесены оттуда солдатами. Алжирцы эмира Абдель-Кадера спасли изъ развалинъ многія сотни людей, прежде чѣмъ паша подумалъ сдѣлать это. Онъ не подумалъ даже убрать или схоронить тѣла, пока я не присталъ къ нему съ убѣжденіемъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это для предотвращенія заразы, но если онъ и приказывалъ что-нибудь сдѣлать, то все это было такъ ничтожно, что не могло принести никакой пользы. Онъ обѣщалъ, по моему совѣту, поставить стражу у городскихъ воротъ и не впускать въ городъ пришлецовъ; но распорядился этимъ уже поздно, и то самымъ недѣйствительнымъ образомъ. Въ то время какъ христіанскій кварталъ былъ преданъ расхищенію, ни еврейскій кварталъ, ни Мейданъ, откуда грабители сыпались роями, не подвергались никакой опасности, — дѣло странное, требующее слѣдствія и разъясненія. Я знаю куда обратиться за разъясненіемъ, когда наступитъ время слѣдствія. Но слѣдователи должны быть вооружены силой и быть въ состояніи защитить свидѣтелей.» Въ заключеніе своего донесенія, консулъ проситъ вспоможенія для 200 несчастныхъ, которыхъ онъ спасъ и приютилъ у себя въ домѣ. По показанію капитана Пентера, доносившаго изъ Бейрута о дамасскомъ бѣдствіи вице-адмиралу Мартину, потеря, вслѣдствіе пожара и грабежа, простирается до 1.200.000 «унт. стерл.; число всѣхъ убитыхъ, по соображенію консула Бранта, простирается отъ 3.000 до 5.000 человекъ.

Наконецъ прибылъ въ Дамаскъ, 28-го іюля, судья и каратель, Фуадъ-паша, въ сопровожденіи 3000 войска. Спокойствіе возстановилось, и султанскій «ирманъ» былъ прочтенъ. «Для черезъ два по прибытіи, пишетъ сирійскій корреспондентъ газеты *Times*, Фуадъ-паша получилъ изъ Константинополя депешу, извѣщающую о предполагаемой экспедиціи французскихъ войскъ. Онъ тотчасъ же выпустилъ прокламаціи, которыя были розданы во всѣхъ городахъ и по всему морскому берегу, извѣщавшія, что французскія войска идутъ съ согласія султана; сдѣлано это было изъ опасенія, чтобы при возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились мусульмане, вѣсть о христіанской экспедиціи не вызвала «аватиковъ» на новыя избиенія. Въ Дамаскѣ «аватики» хвалились даже, что съ помощію Друзовъ, Курдовъ и Арабовъ они въ состояніи будутъ защититься отъ султана и его союзниковъ.» Фуадъ-паша не тотчасъ началъ слѣдствіе, а прежде вызвалъ къ себѣ два новые батальона изъ Бейрута. Наконецъ, 3-го августа, Фуадъ-паша созвалъ городской совѣтъ и сказалъ слѣдующее его членамъ: «Вы совершили три дѣла: нарушили законъ религіи, попрали ногами гражданскій законъ имперіи, привели султана и его министровъ въ такое положеніе, что они не знаютъ какъ выпутаться изъ него. Слушайте же, чтобы каждый изъ васъ доставилъ мнѣ списокъ виновныхъ, какъ руководителей, такъ и исполнителей этого дѣла; каждаго изъ васъ, кто не доставитъ мнѣ такого списка, я буду считать однимъ изъ виновниковъ побойща. Теперь ступайте!» Къ 4-му іюля 400 человекъ было арестовано, а по письмамъ, полученнымъ въ Бейрутъ 7 числа, уже до 1800 человекъ находились въ тюрьмахъ. Куршидъ-паша, отправившійся, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Константинополь, былъ отправленъ обратно въ Бейрутъ, для произведенія надъ нимъ суда. Ахметъ-паша лишень своего званія, арестованъ и находится подъ слѣдствіемъ.

Впрочемъ самое тяжкое обвиненіе, противъ турецкихъ властей въ Дамаскѣ и мусульманской части населенія этого города сдѣлано однимъ магометанскимъ *джемалямакомъ*, письмо котораго сообщаетъ корреспондентъ газеты *Times*. Этотъ почтенный магометанинъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ объ ужасахъ, происходившихъ въ Дамаскѣ. По его показаніямъ, главныя виновниками были власти и члены городского совѣта: это былъ заговоръ въ полномъ смыслѣ слова. Съ умысломъ были набраны отъявленные негодяи изъ черни, которымъ была поручена полицейская охрана христіанскаго квартала, и они-то, при первомъ сигналь, начали избиеніе и грабежъ. Въ грабежѣ, по показаніямъ автора этого письма, участвовали самыя вліятельныя лица и члены совѣта, переодевшись въ простонародный костюмъ;

даже старыя бабы, пишетъ онъ, тащили изъ христіанскихъ домовъ, что попадалось имъ подъ-руку. Онъ приываетъ кару возмездія на виновниковъ. И вотъ день кары наступилъ: посмотримъ, что послѣдуетъ. Къ счастью, іерусалимскій паша былъ добросовѣстнѣ своихъ товарищей, и туда, слава Богу, не достигли бѣдствія, поразившія Сирію.

Пусть виновныхъ постигнетъ должная кара,—это дѣло возможное и не трудное. Но какія мѣры будутъ окончательно приняты для предотвращенія подобныхъ бѣдствій? Какое устройство получить Сирію? Въ какую фазу вступить вопросъ о существованіи самой Турціи? Одна ли Сирія заслуживаетъ вниманіе и заботы со стороны европейскихъ державъ? Страны, составляющія Европейскую Турцію, находятся также въ критическомъ положеніи. Полуварварская система управленія, расстройство финансовъ, отсутствіе всякаго правильнаго законодательства, служатъ недостаточными причинами опасенія, если даже и не брать въ расчетъ мусульманскаго фанатизма. Нѣтъ однако признаковъ, чтобы въ настоящее время турецкій вопросъ подвинулся къ своему рѣшенію, развѣ случится что-либо непредвидѣнное. Вопросъ этотъ постараются обойти, какъ столько разъ обходили прежде. Да и не возможно ожидать, чтобы дипломатія взяла на себя какія-либо рѣшительныя мѣры. Слепой фактъ измѣняется слѣпымъ фактомъ. Событія приготавливаются во мракѣ, внѣ контроля сознанія; фактъ и сознаніе—двѣ независимыя области, никакъ не замѣняющія одна другую, и даже не всегда одна другой соответствующія.

АВСТРІЙСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Мы говорили въ № 10 *Русскаго Вѣстника* о преобразованіи австрійскаго государственнаго совѣта и объ открытіи его засѣданій. Съ тѣхъ поръ эта корпорація приобрѣтала все болѣе и болѣе права на вниманіе; интересъ, возбуждаемый преніями общаго собранія совѣта и трудами его комитетовъ, особенно бюджетнаго комитета, постоянно возрастаетъ. Въ Австріи всѣ, даже прежніе недоброжелатели этого учрежденія, согласны въ томъ, что ходъ дѣла въ преобразованномъ государственномъ совѣтѣ будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбы имперіи,—а что на материкѣ Европы не связано въ судьбамъ Австрійской имперіи? Поэтому вся Европа, можно сказать, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ

ожидаетъ окончанія трудовъ бюджетнаго комитета, которое должно послѣдовать на дняхъ и которое раскроетъ въ главныхъ чертахъ направленіе, принятое большинствомъ этого комитета, состоящаго изъ замѣчательныхъ политическихъ людей Австріи. Не кажется теперь своевременнымъ сдѣлать обзоръ того, что происходило въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ со дня открытія, 31-го мая, до настоящей минуты.

Изъ партій, которыя до сихъ поръ уже достаточно обрисовались въ этомъ собраніи, первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ такъ-называемой консервативной или аристократической партіи. Ядро этой партіи составляютъ венгерскіе члены, она состоитъ въ своихъ рядахъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ независимыхъ членовъ государственнаго совѣта и дѣйствуетъ съ самымъ поразительнымъ въ собраніи, такъ недавно составившемся, притомъ составившемся изъ такихъ разнородныхъ элементовъ. Этой партіи государственный совѣтъ обязанъ тѣмъ значеніемъ, которое онъ получилъ въ глазахъ всей Европы. Благородный, откровенный, умѣренный и въ то же время непоколебимый образъ дѣйствій соединившихся аристократовъ Австрійской имперіи заслуживаетъ самаго почетнаго отзыва. Какъ ни странно направленіе, которое избрала Австрія послѣ вѣнскаго гресса, какъ ни велико разложеніе, которому она подверглась въ слѣдствіе того, что ея внутренняя политика сознательно шла наперекоръ всему живому, всему имѣющему будущаго, искала себѣ поддержки въ отжившихъ свой вѣкъ учрежденіяхъ, въ надеждѣ на безсиліе жизни и могущество коварства и коварно все-таки въ Австріи есть историческая почва, есть слѣды исторической жизни, а это очень много значитъ для будущаго. Стоя на твердой почвѣ историческаго права и въ то же время признавая духъ и требованія новаго времени, члены государственнаго совѣта, принадлежащіе къ такъ-называемой консервативной партіи, могли найти ту должную мѣру для своихъ дѣйствій, которой мы къ сожалѣнію не замѣчаемъ у членовъ такъ-называемой либеральной партіи, запутавшейся въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ и въ сочувствіяхъ, очень часто вовсе не либеральныхъ. Консервативная партія поставила себя очень скромно, она не умалетъ, но и не преувеличиваетъ значенія государственнаго совѣта; она охраняетъ государственный совѣтъ отъ превращенія въ какое-нибудь правительственное учрежденіе, какъ по словамъ г. Майлата, и такъ уже слишкомъ много въ Австріи, но съ другой стороны она не позволяетъ себѣ смотрѣть на государственный совѣтъ какъ на представительное собраніе, забываетъ, что государственный совѣтъ не имѣетъ права заботиться о себѣ націю. Противники консервативной партіи, называ-

щіе себя либералами, далеко не такъ послѣдовательны. Изъ слабости къ своимъ любимымъ теоріямъ, изъ нетерпѣливаго желанія видѣть ихъ осуществленіе, они не прочь сегодня превысить свою власть и дѣйствовать въ качествѣ представительной палаты, а завтра стѣснять свободу дѣйствій государственнаго совѣта ссылками на волю императора.

Такъ напримѣръ въ преніяхъ по поводу проекта закона о поземельныхъ книгахъ, консервативное большинство держалось того мнѣнія, что этотъ законъ долженъ подлежать разсмотрѣнію будущихъ провинціальныхъ сеймовъ, и что поэтому государственннй совѣтъ не долженъ высказывать о немъ окончательнаго сужденія. За этимъ мнѣніемъ, открыто выраженнымъ, очевидно скрывалось убѣжденіе, что государственннй совѣтъ не долженъ браться за разсмотрѣніе отдѣльныхъ законовъ, пока не будетъ рѣшенъ общій главный вопросъ о конституціи и объ отношеніи органовъ центральной власти къ органамъ самоуправления отдѣльныхъ земель монархіи. Многие члены государственнаго совѣта вступили въ это собраніе, руководимые сознаніемъ, что на нихъ лежитъ долгъ подать коронѣ чистосердечный совѣтъ въ настоящее трудное время; но они далеки отъ намѣренія воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ, чтобы захватить въ свои руки власть, принадлежащую, по ихъ убѣжденію, съ одной стороны законнымъ представителямъ цѣлой націи, а съ другой стороны законнымъ представителямъ отдѣльныхъ частей имперіи; консервативные члены государственнаго совѣта не хотятъ предвѣрять ни тѣхъ, ни другихъ въ ихъ будущей дѣятельности; хотя они и принадлежатъ націи и высказываютъ ея желанія и потребности, но не считаютъ и не имѣютъ права считать себя ея представителями. Такой строго-юридическій и чисто-либеральный взглядъ на значеніе государственнаго совѣта не нравится такъ-называемымъ либераламъ, и они сильно возставали противъ консерваторовъ по закону о поземельныхъ книгахъ. «Когда императоръ требуетъ нашего мнѣнія, говорили они, то, значить, мы имѣемъ право подать его. Мы не имѣемъ права ссылаться на будущіе сеймы, мы не имѣемъ права отказывать императору въ совѣтѣ.» Имъ отвѣчали на это, что если императоръ созвалъ государственннй совѣтъ, то изъ этого уже слѣдуетъ, что государственннй совѣтъ долженъ откровенно высказывать свое мнѣніе обо всемъ, а слѣдовательно и о своемъ положеніи въ государствѣ, но и этотъ доводъ оказался не убѣдительнымъ, и пренія о проектѣ упомянутаго нами закона заняли цѣлыхъ два засѣданія. Они не касались существа дѣла и вертѣлись только на томъ, слѣдуетъ ли разсматривать законъ о поземельныхъ книгахъ, или отложить его разсмотрѣніе до окончанія главнаго дѣла, порученнаго государственному совѣту, то-

есть дѣла о бюджетѣ, которое должно дать поводъ къ преніямъ о поренныхъ пунктахъ австрійскаго государственнаго устройства. «Мы не отказываемся, говорили консерваторы, отъ исполненія нашего долга передъ императоромъ; мы готовы высказывать ему наше мнѣніе о всѣхъ вопросахъ, которые ему было угодно вѣрнуть нашему разсмотрѣнію; но именно эта готовность должна побудить насъ заняться прежде всего самымъ важнымъ изъ предложенныхъ намъ дѣлъ, дѣломъ о бюджетѣ, и не терять покаместъ нашихъ силъ на пренія о предметахъ второстепенной важности.»

Этотъ маленькій эпизодъ о поземельныхъ книгахъ можетъ уже показывать, на чьей сторонѣ настоящій либерализмъ, на сторонѣ ли такъ-называемыхъ консерваторовъ или на сторонѣ членовъ, называющихъ себя либералами. Намъ кажется, что эти названія слѣдовало бы обмѣнить и консерваторовъ называть либералами, а такъ-называемые либералы, по нашему мнѣнію, всего болѣе заслуживаютъ названія централизаторовъ, съ прибавкой, пожалуй, что они централизаторы просвѣщенные, éclairés. Большинство государственнаго совѣта имѣло множество причинъ уклоняться отъ преній по вопросу о поземельныхъ книгахъ. Одна изъ важнѣйшихъ заключается между прочимъ въ томъ, что пріезикъ преній невозможно избѣжать горячаго вопроса о національности, а касаться этого вопроса теперь не разчетъ австрійскому государственному совѣту. Этотъ вопросъ неизбежно возбудилъ бы страсти, какъ показало уже засѣданіе 8-го іюня, а теперь государственному совѣту всего болѣе слѣдуетъ заботиться о единодушій, безъ котораго общій вопросъ о бюджетѣ и будущемъ политическомъ устройствѣ Австріи вовсе не можетъ быть рѣшенъ. Поэтому было совершенно благоразумно, что большинство членовъ совѣта положило не касаться сущности проекта закона о поземельныхъ книгахъ и избрать комитетъ изъ семи членовъ для предварительнаго изученія этого проекта.

Комитетъ этотъ былъ избранъ, но въ числѣ 7 членовъ былъ венгерскій членъ, графъ Баркоцъ, и онъ не поладилъ съ большинствомъ комитета. Товарищи его опредѣлили приступить къ законодательному разсмотрѣнію проекта по параграфамъ, въ исполненіе высочайшей воли. Графъ Баркоцъ, увѣренный, что проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи совѣта, и что разсматривать его по параграфамъ значитъ терять драгоценное время, рѣшился сложить съ себя званіе члена комитета. Въ засѣданіи 21-го іюня онъ объяснилъ свои мотивы. «Проектъ закона о поземельныхъ книгахъ, говорилъ онъ, стремится къ однообразію администраціи, но административное однообразіе уже теперь есть главное препятствіе къ тому политическому един-

ству монархіи, которое благотвительно для всѣхъ насъ, котораго искренно желаетъ и къ которому стремится каждый патріотъ. А въ будущемъ административное однообразіе будетъ еще большимъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Такова первая причина моего выхода изъ комитета. Вотъ торыхъ, я вижу въ этомъ проектѣ болѣзненное произведеніе теоретическихъ взглядовъ и той формалистики, которая съ нѣкоторыхъ поръ роскошно разрослась во всѣхъ вѣтвяхъ государственнаго управленія. Далѣе я нахожу, что совѣщанія объ этомъ проектѣ закона всего лучше могутъ происходить въ будущихъ представительныхъ сеймахъ отдѣльныхъ частей монархіи... Я отнюдь не врагъ нѣмецкаго элемента; никто въ Европѣ лучше Венгерцевъ не цѣнитъ и не чувствуетъ живѣе безконечно великихъ заслугъ нѣмецкой націи, высокихъ достоинствъ нѣмецкой литературы, нѣмецкой науки и нѣмецкаго искусства; въ политическомъ отношеніи мы тоже сочувствуемъ Нѣмцамъ, совершившимъ великіе успѣхи на конституціонномъ поприщѣ и умѣвшимъ достигнуть чрезвычайныхъ результатовъ на поприщѣ экономическомъ. Я принадлежу поэтому къ самымъ воодушевленнымъ почитателямъ нѣмецкаго элемента. Но здѣсь дѣло идетъ о другомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ мы видимъ, что нѣмецкій элементъ представляли у насъ собой полчища чиновниковъ, которые вводили нѣмецкій языкъ въ кадестрѣ, въ поземельныхъ книгахъ, во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Эти операціи стоили милліоновъ, и онѣ оскорбляли венгерскую націю; онѣ не могли не оскорбить ея, потому что производились съ обычнымъ неограниченнымъ произволомъ. Антипатія и отвращеніе, проявившіяся по этому поводу, не имѣютъ никакого отношенія къ нѣмецкому элементу; они относятся лишь къ тому, что появилось въ Венгріи вслѣдъ за чиновниками, къ гнету матеріальному и умственному, къ произволу во всѣхъ его видахъ. И эта антипатія не будетъ ослабѣвать; она будетъ усиливаться съ каждымъ годомъ. Бюрократическіе либералы были крайне-озлоблены рѣчью графа Баркоца, и все засѣданіе 21-го іюня было наполнено преніями, къ которымъ подали поводъ его рѣчь. Кончилось дѣло тѣмъ, что все-таки государственный совѣтъ настоялъ на своемъ и не приступилъ къ разсмотрѣнію сущности вопроса о поземельныхъ книгахъ. Въ комитетъ семи членовъ былъ избранъ новый членъ на мѣсто графа Баркоца, и комитету предоставленъ произволъ дѣлать покаместъ что ему угодно съ проектомъ закона о поземельныхъ книгахъ.

Другой проектъ закона, предложенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, относится къ дѣлопроизводству по мировымъ сдѣлкамъ (*Vergleichs-Verfahren*); онъ также порученъ особому комитету изъ семи членовъ. Намѣненія въ проектѣ сдѣланы

незначительныя; одно изъ нихъ имѣетъ цѣль указать на провизорный характеръ этого закона и на необходимость въ общемъ конкурсномъ уставѣ. Замѣтимъ кстати, что австрійскіе юристы, по поводу сужденій объ этомъ проектѣ особенно выставили достоинства ганноверскаго устава о конкурсахъ и мировыхъ сдѣлкахъ. Этотъ уставъ отличается ясностію и краткостію; онъ заслуживаетъ вниманія и русскихъ юристовъ, которые будутъ заниматься вопросомъ о конкурсахъ, безспорно стоящимъ у насъ на очереди.

Но оба эти закона имѣютъ совершенно второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о бюджетѣ. Эрцгерцогъ Райеръ, президентъ совѣта, въ рѣчи, которою онъ открылъ засѣданія, указалъ на этотъ вопросъ какъ на первоклассный вопросъ; отъ счастливаго разрѣшенія его, сказалъ эрцгерцогъ, зависитъ будущность Австріи. На этомъ вопросѣ сосредоточилось все вниманіе государственнаго совѣта; на немъ сосредоточивается весь интересъ европейской публики, слѣдящей за трудами австрійскаго государственнаго совѣта. Онъ былъ главнымъ предметомъ сужденій и на предварительныхъ частныхъ совѣщаніяхъ, которыя устроены членами государственнаго совѣта для облегченія и лучшаго направленія хода преній. Эти предварительныя совѣщанія происходятъ въ двухъ мѣстахъ. Либералы, то-есть меньшинство, собираются въ частномъ домѣ одного изъ членовъ своего кружка; большинство, то-есть аристократы, наняли для своихъ собраній отель Муншъ. Уже на этихъ совѣщаніяхъ, рассуждая о предстоящемъ разсмотрѣніи бюджета, партія большинства пришла къ заключенію, что бюджетъ нельзя разсматривать въ полномъ собраніи совѣта, что его надобно разсматривать въ комитетѣ, избранномъ изъ среды совѣта и на столько многочисленномъ, чтобы разныя мнѣнія разныхъ имперскія страны имѣли въ немъ своихъ представителей, но что этотъ комитетъ долженъ быть менѣе многочисленъ нежели государственный совѣтъ, заключающій въ полномъ своемъ составѣ около 60 членовъ. Тутъ встрѣтилось препятствіе регламенту, который предписываетъ, чтобы комитеты совѣта состояли не болѣе какъ изъ семи членовъ. Регламентъ этотъ составленъ министерствомъ и предписанъ къ исполненію. При составленіи его была, кажется, мысль ограничить свободу дѣйствій государственнаго совѣта; предполагалось даже придать этому регламенту характеръ священнаго неприкосновенности и требовать отъ членовъ совѣта присяги въ вѣрности регламенту. Но эта странная мысль была оставлена; присяги регламенту не было; государственный совѣтъ устранилъ стѣсненія, которыми замыслили затруднить ему его дѣло, въ ущербъ той цѣли, для которой именованъ онъ былъ созданъ. Коль скоро всѣ члены собрались въ Вѣнѣ

правительство яви уступчивость и стало въ доброжелательныя отношенія къ новоорганизованной корпораціи. Поэтому, прежде всего должно было показаться въ государственномъ совѣтѣ желаніе освободиться отъ стѣснительныхъ пунктовъ регламента и просить императора о ихъ отмиѣнѣ. Эта просьба была естественна, но большинство государственнаго совѣта показало по этому вопросу большое благоразуміе. Помня примѣръ Вѣнскаго сейма 1848 года, который потерялъ лучшее время на пренія о порядкѣ своихъ занятій, большинство государственнаго совѣта согласилось удовольствоваться фактическимъ измѣненіемъ во взглядѣ правительства на регламентъ и приступить прямо къ существеннымъ своимъ занятіямъ, предоставляя себѣ просить императора объ отмиѣнѣ той или другой статьи въ регламентѣ каждый разъ, какъ въ томъ окажется настоятельная надобность. На этомъ основаніи члены, собирающіеся въ отелѣ Муншъ, условились между собою поддерживать предложеніе о томъ, чтобы при выборѣ бюджетнаго комитета было дозволено государственному совѣту отступить отъ регламента и выбрать комитетъ не изъ семи членовъ, а изъ 21 члена. Это предложеніе было сдѣлано въ засѣданіи 4-го іюня графомъ Кламъ-Мартиницемъ, богемскимъ членомъ, въ превосходной рѣчи, которая затронула общее состояніе вѣстрии и была первымъ примѣромъ того тона, въ которомъ намѣнены были говорить члены государственнаго совѣта. Графу Кламу выражали нѣмецкіе члены, гг. Герингеръ, Гартигъ и Лихтенъльсъ; его поддерживалъ г. Майлагъ, графъ Баркоцъ, графъ Анлащъ, графъ Ностицъ, епископъ Коризмичъ (Венгрія), князь уэршергъ и др. Пренія касались многихъ принципиальныхъ вопросовъ и въ особенности вопроса о децентрализаціи. «Если, азаль г. Майлагъ, самое дорогое правительство бываетъ то, которое управляетъ недовольными, то самымъ выгоднымъ и дешевымъ должно быть то правительство, которое производитъ довольство и встрѣчаетъ сочувствіе въ массахъ подданныхъ, а для этого необходимо примѣняться къ разнообразію потребностей. Бюджетный комитетъ только тогда достигнетъ цѣли, когда будетъ выраженіемъ всѣхъ частей имперіи, всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія». Собраніе приняло значительнымъ большинствомъ предложеніе графа Клама, и эрцгерцогъ объявилъ, что представитъ о томъ императору. Монаршее соизволеніе послѣдовало въ тотъ же день, и 6-го числа былъ избранъ бюджетный комитетъ изъ 21-го числа. Наибольшее число голосовъ получилъ г. Краинскій; въ Меркандинъ избранъ предсѣдателемъ комитета.

Пренія, происходящія въ комитетахъ австрійскаго государственнаго совѣта, не публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Газеты атаютъ только слухи о ходѣ дѣлъ, слухи, иногда неоснова-

тельные и вызывающіе протесты со стороны членовъ. Но не менѣе достоверно, что съ самыхъ первыхъ засѣданій с бюджетный комитетъ вступилъ на широкій путь преи австрійской правительственной системѣ. Комитетъ положи основу своихъ работъ ту мысль, что по вопросу о бюджет сударственный совѣтъ имѣетъ передъ собой двойную и обсудить бюджетъ на 1861 годъ и установить общія основ сударственного хозяйства. Тщательное разсмотрѣніе под стей бюджета было поручено отдѣльнымъ комиссиямъ, и митетъ высказалъ мнѣніе, что мелкими сокращеніями и нельзя достигнуть цѣли, тѣмъ болѣе что само правительств заботилось о возможной бережливости. Задача совѣта состо въ одномъ только изученіи подробностей бюджета, а въ нии общихъ средствъ, которыя дали бы Австріи возн продолжать свое существованіе.

Частныя комиссіи бюджетнаго комитета начали свои съ половины іюня и работали по мѣрѣ того, какъ мство доставляло имъ отдѣлы бюджета. Къ началу работы комиссій были скончены, и дѣло поступило щее собраніе бюджетнаго комитета. Между тѣмъ па общество приняли живое участіе въ дѣлѣ реформ. лось множество брошюръ, трактующихъ болѣе или менѣ но о потребностяхъ Австріи, и надобно сказать, что духъ если не всѣхъ этихъ брошюръ, то по крайней мѣрѣ ства ихъ удовлетворителенъ. Особеннаго упоминанія за етъ брошюра *Palingenesis* (возрожденіе), или, какъ см ней, записка о правительственныхъ реформахъ Австріи цая къ разрѣшенію вопроса о томъ, какъ можно согла чало государственнаго единства съ требованіями самоуп и возстановить равновѣсіе въ государственномъ хозяйств въ 1851 году, говорить авторъ, императоръ возложилъ стровъ порученіе обсудить мѣры, необходимыя для возста равновѣсія между доходами и расходами государства. ченіе это было понято неправильно, и потому исполне имѣло желаемого успѣха. Не прикасаясь къ цѣлой сист рались скаредничать въ необходимыхъ расходахъ, об ту или другую статью, но не предвидѣли, что экспанси исполнскаго административнаго тѣла будетъ оказыват одолжимыя сопротивленія притязаніямъ бережливости. сается до политическаго устройства, то авторъ брошюр полагаетъ провинціальныя сеймы и общій имперскій взглядъ его на государственный совѣтъ виденъ изъ при имъ словъ Гнейста, что государственный совѣтъ, устро томъ родѣ какъ австрійскій, есть уже по своему составу

днное ядро верхней палаты. Предполагается стало-быть, что государственный совѣтъ превратится въ верхнюю палату, а коль скоро будетъ верхняя палата, то нельзя не быть и нижней палатѣ, то-есть имперскому сейму (Reichstag).

Что дѣла примутъ такой или приблизительно такой ходъ, можно заключать и по внутреннимъ обстоятельствамъ Австріи, и по ея вѣнскимъ отношеніямъ. Французская политика, клонящаяся къ разьединенію Германіи, произвела, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, совершенно обратное дѣйствіе и сблизила Пруссію съ Австріей, а необходимымъ слѣдствіемъ этого должно было быть сближеніе австрійской внутренней политики съ тѣми либеральными началами, которымъ слѣдуетъ теперь правительству принца-регента. Этою необходимостію объясняется тотъ неожиданный шагъ австрійскаго правительства, который былъ сдѣланъ такъ-сказать наканунѣ теплицкаго свиданія. Никто не только въ вѣнскомъ обществѣ, но даже никто изъ членовъ государственнаго совѣта не зналъ о содержаніи императорскаго рескрипта на имя эрцгерцога Райнера отъ 17 іюля, прежде нежели этотъ рескриптъ былъ прочтенъ въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта 19-го іюля. Вотъ слова этого рескрипта:

«Любезный братъ, эрцгерцогъ Райнеръ! Я положилъ впредь устанавливать не иначе какъ съ согласія моего усиленнаго государственнаго совѣта введеніе новыхъ пошлинъ и налоговъ, возвышеніе существующихъ сборовъ по части прямыхъ налоговъ, алога на потребление и пошлины съ актовъ, документовъ и олжностныхъ дѣйствій, наконецъ заключеніе новыхъ займовъ, предоставить себѣ отступленіе отъ этого правила лишь въ случаѣ военной опасности, если, во вниманіи къ обстоятельствамъ, я не опредѣлю созвать государственный совѣтъ въ чрезвычайное собраніе.»

Засѣданіе государственнаго совѣта 19-го іюля продолжалось нѣсколько минутъ. По прочтеніи вышеприведеннаго рескрипта, эрцгерцогъ-президентъ сказалъ: «Въ убѣжденіи, что общеніе о такомъ высочайшемъ довѣрїи не подаетъ повода совѣщаніямъ, я объявляю сегодняшнее засѣданіе закрытымъ. Но я убѣжденъ, что всѣ вы, господа, соединитесь со мной въ кликъ: да здравствуетъ его величество императоръ!» Браніе отвѣтило троекратнымъ восклицаніемъ, и государственный совѣтъ разошелся, неожиданно ставъ политическою владою въ государствѣ на ряду съ короной. Учрежденный, какъ содательное собраніе, онъ становится теперь законодательнымъ раниемъ по части финансовъ. Патентъ 5-го марта возложилъ ювѣтъ тройкую обязанность: вопервыхъ, разсматривать бюд-

жетъ, въ вторыхъ обсуждать проекты законовъ, и въ третьихъ давать мнѣнія о постановленіяхъ и просьбахъ будущихъ нѣхъ сеймовъ. Теперь государственный совѣтъ стану по первому пункту собраніемъ, ограничивающимъ власть ны, сохраняя по остальнымъ двумъ пунктамъ значение щательнаго собранія. Но уже то право, которое теперь ставлено ему, даетъ совершенно иной видъ всѣмъ дѣя его и совершенно измѣняетъ положеніе его, относительно стерства и администраціи. «Вся финансовая система и говорить *Times*, поставлена теперь подъ контроль собране которое будетъ отправлять обязанности палаты общинъ. дѣйствительно можно сказать это: хотя услаженный государ ный совѣтъ еще не палата общинъ, но онъ есть корн имѣющая большой вѣсъ, заключающая въ себѣ нѣскольк чательныхъ и высокопоставленныхъ людей, и если онъ нить долгъ, онъ можетъ сдѣлать Австрію монархіей, въ будутъ господствовать свобода и законъ. Въ этомъ со составленномъ изъ аристократовъ, епископовъ и землед цевъ, будутъ, вѣроятно, происходить такіа же энерг пренія, какія когда-либо были слышаны въ Вестминстер Австріи, вслѣдствіе дурнаго хода дѣлъ, люди сдѣлались чувствительны и раздражительны, а опасенія за гбе цию наполнили тревогой сердца всѣхъ. Разныя племена и бытъ смотреть косо другъ на друга, но люди всѣ менъ и всѣхъ исповѣданій соединятся въ вопль проти говъ, конфискующихъ всѣ плоды труда, противъ конс омрачающей каждое семейство, противъ церковной систо вающей духъ, и противъ бюрократіи, которая умѣетъ ливать и искажать даже самую природу. Государственн вѣту предстоить работа; но когда онъ совершитъ ея, будетъ стоять въ Европѣ какъ совершенно новое гос и уповательно займетъ то мѣсто, которое будетъ слу шимъ обезпеченіемъ всеобщаго спокойствія.»

Естественно, что австрійское правительство еще и рѣшается идти по новому для него пути. Недавно, и оно запретило чиновникамъ принимать участіе въ и обсужденіи политическихъ вопросовъ, на томъ основ и литература, повидимому, сговорилась навязывать и ству конституціонныя идеи, отъ которыхъ оно соверше бодно. Австрійскіе министры или, по крайней мѣрѣ, и изъ нихъ издають циркуляры, увѣряющіе, что прав отнюдь не намѣрено идти далѣе августовской пр и, допуская частныя сеймы, отнюдь не намѣрено ве стрію къ конституціонному устройству. Журналы д

рестаннныя затрудненія въ обсужденіи мнѣній, высказываемыя въ бюджетномъ комитетѣ государственнаго совѣта. Но всѣ циркуляры и собственныя увѣренія въ своей твердости не няютъ положенія дѣлъ, и молчаніе журналистики имѣетъ послѣдствіемъ только то, что, съ одной стороны, значеніе государственнаго совѣта увеличивается, а съ другой стороны роstrаняются въ обществѣ слухи, которые усиливаютъ волненіе. Вѣнская журналистика представляетъ собою нѣмецкій элементъ, который въ Австріи преданъ началу централизаціи и съвѣстно враждебенъ направленію, преобладающему въ государственномъ совѣтѣ. Стѣсняя вѣнскую журналистику, правительство такимъ образомъ содѣйствуетъ большинству государственнаго совѣта и облегчаетъ ему его дѣло. Неудержимый въ увлекаетъ австрійское правительство на тотъ путь, который одинъ можетъ спасти Австрію. Полгода тому никто не могъ и думать о томъ, чтобы австрійское правительство приняло программу преобразованія Австріи, сочиненную барономъ Этвешемъ, а теперь эта программа близка къ своему осуществленію, и защитники ея не только жалуются на стѣсненія со стороны властей, сколько ея противники, такъ-называемые либералы, настаивающіе на необходимости централизаціи. Въ бюджетномъ комитетѣ, графъ Сестъ согласія венгерскихъ и чешскихъ членовъ, предложилъ программу, которая, судя по всѣмъ извѣстіямъ, совершенно сходна съ программой барона Этвеша, и огромное большинство бюджетнаго комитета (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, около 3) приняло эту программу; она встрѣчаетъ сопротивленіе только между Нѣмцами; всѣ другіе, какъ аристократы, епископы, примкнули теперь къ венгерскимъ членамъ; они просили для другихъ земель имперіи того, что требуютъ себѣ Венгерцы.

Сущность программы барона Этвеша состоитъ въ томъ, чтобы дѣятельность центральнаго управленія ограничивалась иностранными дѣлами, военными силами, финансами и таможенными сборами, а чтобы все остальное было предоставлено, относительно Венгрии, венгерскому сейму. Такое разграниченіе вѣдомствъ, по плану барона Этвеша, примирило бы потребность единства, существующую въ Австріи всѣми благоразумными людьми, съ потребностями мѣстной автономіи, опирающимися на исторію и на всю совокупность мѣстныхъ и племенныхъ особенностей этого королевства. Вся внутренняя администрація, почта, телеграфъ и всѣ учрежденія народнаго просвѣщенія и духовенства должны быть въ Венгрии самостоятельны и независимы отъ Вѣны. Во всѣхъ этихъ частяхъ должно быть возстано-

влено право, имѣвшее силу до 1848 года, не съ тѣмъ однакожъ, чтобы Венгрія возвратилась къ прежнему положенію дѣлъ, а съ тѣмъ, чтобы реформы, необходимость которыхъ признается всѣми, были введены законнымъ порядкомъ. Содержаніе этой программы, по мысли барона Этвеша, не должно имѣть форму уступки, произвольно дѣлаемой вѣнскимъ правительствомъ, а форму постановленія, принятаго на венгерскомъ сеймѣ и утвержденного королемъ-императоромъ; баронъ Этвешъ настаиваетъ на томъ, чтобы была соблюдена историческая и юридическая непрерывность между старымъ и новымъ порядкомъ, и чтобы все время между 1848 и 1860 годомъ разсматривалось только какъ междуцарствіе, въ продолженіи котораго дѣйствіе законныхъ властей было приостановлено чрезвычайными событіями этихъ лѣтъ. Порицатели этой программы рѣшительно не правы, когда видятъ въ ней возстановленіе прежняго порядка, и когда главнымъ мотивомъ ея считаютъ или по крайней мѣрѣ провозглашаютъ желаніе возвратиться къ феодальнымъ порядкамъ и господству аристократіи и духовенства. Въ такихъ симпатіяхъ къ отжившей старинѣ нельзя упрекать барона Этвеша, а всеобщее сочувствіе, которое выказываютъ теперь венгерскіе журналы, самые либеральныя, равно какъ и самые демократическія, программѣ графа Сецена, достаточно свидѣтельствуеетъ, что и эта программа свободна отъ ретроградныхъ тенденцій. Венгерская журналистика стала относительно государственнаго совѣта въ положеніе очень оригинальное. Мы уже говорили, что многіе изъ лучшихъ людей Венгріи отказались отъ участія въ этомъ собраніи. Въ другихъ провинціяхъ такъ не ожидали многого отъ государственнаго совѣта, преобразованнаго патентомъ 5 марта, и патентъ этотъ былъ встрѣченъ всеобщою апатіей. Но когда совѣтъ, наконецъ, составилъ, и открылись его засѣданія, когда послышался въ немъ такой голосъ какого никогда еще не слыхивали въ Вѣнѣ, голосъ воздержаннаго, но непреклоннаго и откровеннаго либерализма, тогда общественное мнѣніе измѣнилось,—измѣнилось вездѣ, кромѣ Венгріи. Даже англійскія газеты отзывались одобрительно о преніяхъ государственнаго совѣта, а журналистика въ Пештѣ хранила упорное молчаніе и какъ бы не хотѣла знать, что въ Вѣнѣ созванъ услаженный государственный совѣтъ. Нельзя было не видѣть въ этомъ молчаніи систематическаго плана; можно было догадываться, что была какая-нибудь причина, побуждавшая къ этому образу дѣйствій, но нельзя было не признать, что Венгерцы несправедливо къ австрійскому государственному совѣту. Знаменитый Венгерецъ, г. Шомшичъ, самъ отказавшійся отъ званія члена въ государственномъ совѣтѣ, счелъ однакоже нужнымъ написать изъ

всабада, гдѣ онъ находился для леченія, письмо къ издателю
 го пештскаго журнала (Pesthi Hirnök) и выразить ему свое
 лѣніе о такомъ образѣ дѣйствій венгерской печати. Но
 скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что венгерскіе члены госу-
 веннаго совѣта приняли программу барона Этвеша, тотчасъ же
 зался языкъ у пештскихъ газетъ, и онѣ заговорили съ сочув-
 вѣмъ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ. Какъ видно,
 венгрии не вполне довѣряли тѣмъ лицамъ, которыя согласи-
 засѣдать въ государственномъ совѣтѣ; ихъ подозрѣвали въ
 статкѣ твердости съ одной стороны и въ излишнемъ аристо-
 вѣмъ съ другой стороны. Съ 1848 года, либеральная партія
 шла въ Венгрію рѣшительный перевѣсъ. Магнаты жили въ
 бѣ съ ней, но они не имѣли случая доказать на дѣлѣ, что
 взгляды измѣнились, и что они отказались отъ исключитель-
 аристократизма и феодальныхъ предрасудковъ. Отсюда это
 бріе, которое позволяло смотрѣть на графовъ Аппони, Ан-
 ь, Сецена, Сегени какъ на отщепенцевъ. Но совѣщанія,
 ходившія въ бюджетномъ комитетѣ, показали, что это недо-
 было неосновательно, что магнаты, вступившіе въ госу-
 венный совѣтъ, остались вѣрны и Венгріи, и либераль-
 направленію, и съ тѣхъ поръ, какъ мы сказали, Венгерцы
 иначе смотрѣть на австрійскій государственный совѣтъ.
 е это одно служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ,
 программа графа Сецена не есть стратагема, придуманная
 мѣреніемъ возстановить въ Венгріи старинные порядки.
 ѣвья обвиненія высказываются теперь только Нѣмца-
 нельзя сомнѣваться, что они несправедливы. Венгерская
 ѣ дѣйствующая теперь согласно и въ Вѣнѣ, и въ Пештѣ,
 ѣ въ возстановленія венгерскаго сейма очевидно только съ
 чтобы сохранить самостоятельность венгерскаго законо-
 иства и облечь реформы законнымъ характеромъ сеймо-
 постановленій. Она не хочетъ, чтобы реформы имѣли видъ
 ѣвныхъ, произвольныхъ мѣръ вѣнскаго правительства; она
 ѣваетъ на томъ, чтобъ онѣ были не *октроированы*, а утвер-
 ѣ законными властями, венгерскимъ королемъ-императоромъ
 ѣвскимъ сеймомъ. Теперь оказывается, что таково было
 ѣвнѣ венгерскихъ членовъ совѣта уже съ самыхъ первыхъ
 ѣвнѣй его; только этимъ объясняется упорное сопротивление
 ѣвну, чтобы проекты законовъ о поземельныхъ книгахъ и
 ѣвнѣхъ сдѣлкахъ были обсуждаемы въ государственномъ совѣтѣ:
 ѣвны относятся къ такимъ вѣдомствамъ, которыя, по про-
 ѣвнѣ барона Этвеша, не должны подлежать центральной вѣн-
 ѣвности. Бюджетъ, напротивъ того, есть дѣло центральной
 ѣвнѣ; онъ подлежитъ разсмотрѣнію ея органовъ, и вотъ почему

государственный совѣтъ тотчасъ же принялся за его разсмотрѣніе. Равнымъ образомъ государственный совѣтъ принялъ съ благодарностію расширеніе своихъ правъ, дарованное рескриптомъ 17-го іюля; въ центральномъ законодательствѣ, по его мнѣнію, можетъ быть допущено *октроированіе*, потому что въ центральномъ законодательствѣ нѣтъ тѣхъ историческихъ основъ конституціоннаго права, которыя имѣетъ и о которыхъ не хочетъ забыть Венгрія. Въ Вѣнѣ расширеніе правъ государственнаго совѣта принимается какъ монаршая милость; въ Пештѣ на возстановленіе существовавшихъ правъ не хотятъ смотрѣть какъ на милость. Вотъ, если мы не ошибаемся, ключъ къ объясненію того образа дѣйствій, которому слѣдуютъ венгерскіе члены австрійскаго государственнаго совѣта.

Программа венгерскихъ членовъ изложена въ запискѣ, составленной графомъ Сеценомъ и еще не обнародованной. *Ostdeutsche Post* говоритъ, что этотъ документъ написанъ превосходно, и что его обнародованіе произведетъ огромное впечатлѣніе во всей имперіи. Въ государственномъ совѣтѣ записка графа Сецена имѣла большой успѣхъ; по словамъ *Ostdeutsche Post*, многіе члены совѣта, высказавшіеся въ первыхъ засѣданіяхъ совершенно въ другомъ духѣ, теперь примкнули къ венгерской партіи. Но почти всѣ нѣмецкія газеты встрѣтили эту программу враждебно и говорятъ, что принятіе ея поведетъ къ распаденію Австріи. Главный аргументъ ихъ состоитъ въ томъ, что центральная власть, то-есть императоръ въ соединеніи съ будущимъ парламентомъ, должна имѣть гораздо болѣе обширный кругъ дѣйствія нежели какія предоставляетъ ей программа барона Этвеша, что она должна простираться и на юстицію, и на вѣдомство народнаго просвѣщенія. Въ Австріи, говорятъ они, должно быть одно законодательство; этого требуетъ будто бы и духъ времени, и интересъ отдѣльныхъ областей. Эти централизаторы, желающіе ввести единообразіе въ область права и въ отправленіе юстиціи, совсѣмъ забываютъ, что политическое единство очень можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ напрямѣръ въ Великобританіи при разнообразіи мѣстныхъ правъ. Шотландія и Ирландія посылаютъ своихъ членовъ въ парламентъ Соединеннаго Королевства и тѣмъ не менѣе сохраняютъ свое историческое законодательство, да и въ самой Англіи господствуютъ разные законы, и Уэльсъ есть свое право, въ граствѣ Кентскомъ свое, и это нисколько не мѣшаетъ ни политическому единству, ни могуществу Великобританіи; это только содѣйствуетъ тому, что каждая часть Соединеннаго Королевства живетъ по законамъ, къ которымъ она привыкла, и которые пользуются въ ней популярностью. Если же въ дѣлѣ юстиціи нѣтъ никакой надобности въ централизаціи, а

ить, централизация только разрушает живую связь между го-
момъ и его законами, то въ духовныхъ дѣлахъ и народномъ
щеніи еще менѣе можетъ чувствоваться потребность въ
равніи. За всѣми этими нѣмецкими возгласами о духѣ вре-
объ эпохѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, сближающей
очевидно скрываются виды на національное преоблада-
нелзя удивляться тому, что этимъ мнимо-либеральнымъ
гъ противодѣйствуютъ изъ всѣхъ силъ приверженцы рав-
ности народностей и самобытности главныхъ составныхъ
Австріи, такъ-называемыхъ коронныхъ земель ея. Австрія
гъ изъ такого множества враждебныхъ элементовъ, что
вѣрнѣе въ возможность примиренія ихъ, но если Ав-
уждено существовать, то спасти ее отъ распаденія мо-
олько устройство, основанное на началахъ, за которыя
теперь большинство членовъ австрійскаго государствен-
вѣта.

я собранія бюджетнаго комитета начались съ 6-го авгу-
дѣльными комиссіи излагали свои доклады по разнымъ
бюджета. Публика, ожидавшая, что бюджетный коми-
окажетъ враждебность къ правительству, совершенно
сь въ своихъ ожиданіяхъ. Въ бюджетѣ двора и иностран-
аль не предложено никакихъ сокращеній; на бюджетъ
дѣлано нѣсколько замѣчаній, но въ комитетѣ не наставали
мщеніи этой части государственныхъ расходовъ, а къ
у морскихъ силъ даже прибавили миллионъ гульденовъ
; того, что было назначено правительствомъ. Все это по-
тъ, что въ комитетѣ нѣтъ ни тѣни зложелательства къ
или враждебнаго чувства къ австрійской династіи, что
етъ не распаденія Австріи, а изысканія средствъ про-
распаденія. Эти средства комитетъ находитъ въ широ-
звитіи самоуправленія коронныхъ земель, въ огра-
централизации тою областію, гдѣ она нужна и полез-
у устраненія ея изъ тѣхъ сферъ, гдѣ она причиняетъ
неудовольствіе подданныхъ, замедляя успѣхи
и противодѣйствуя самобытному проявленію
силъ общества. Въ развитіи самоуправленія коми-
одитъ единственное средство разомъ возстановить равно-
жду государственными доходами и расходами и устра-
нчить, который въ 1860 году доходитъ до 80-ти слиш-
милліоновъ гульденовъ и при всѣхъ усиліяхъ правитель-
въ всѣхъ заботахъ его о бережливости, послѣ трудовъ
комиссій, долженъ былъ составлять, по разчету бюд-
менѣе 40 милліоновъ въ 1861 финансовомъ году.
съ была высказана мысль, что финансы составляютъ

естественное ограниченіе власти всякаго правительства и гають предѣлы развитію всякой противоестественной правительственной системы. Самое неограниченное правительство всегда ограничено финансовыми средствами своей страны; состоятельность всякой противоестественной системы должна или поздно оказаться на финансахъ, а финансовое разстройство-неволею приводитъ къ необходимости отказаться отъ противоестественной системы, какъ бы она ни была необходима. Поэтому-то мы видимъ въ исторіи, что серьезныя политическія улучшенія по большей части начинаются съ реформъ финансовъ и вызываются финансовыми затрудненіями. Изъ замѣтимъ кстати, можно заключить объ ошибочности мнѣнія будто бы финансовыя вопросы слишкомъ сухи для большаго образованной публики и могутъ интересовать только счетовъ и техниковъ. Въ финансовыхъ вопросахъ безспорно поэзія: всѣ они—чистѣйшая проза, но отъ нихъ зависятъ интересы человѣческой жизни, потому что отъ нихъ зависитъ все политическое устройство каждой страны, а потому очевидно и случается, что политическія стремленія не имѣютъ области поэзія, если не бывають основаны на личномъ знакомствѣ съ прозаическими финансовыми вопросами. Можно сказать наоборотъ, что политическая зрѣлость общества проявляется интересомъ, который оно принимаетъ въ финансовыя вопросы своей страны, а вѣроятность успѣха всеобщей политической реформы—ея необходимою связью съ финансовыми потребностями того государства, гдѣ такая всеобщая реформа происходитъ. Поговорку *a Jove principium* въ сферѣ финансовъ можно перевести такъ: дѣло начинается съ финансовъ. Австрія дѣло начинается теперь съ финансовъ, въ этомъ не видѣть сильнаго ручательства за серьезность того, что теперь тамъ происходитъ.

Телеграмма, полученная сейчасъ, извѣщаетъ, что австрийское правительство намѣрено предупредить пренія государственнаго совѣта обнаруженіемъ важныхъ политическихъ мѣръ. Тамъ же сообщали изъ Вѣны, что венгерскіе члены государственнаго совѣта намѣрены выйти изъ совѣта, если программа реформъ не будетъ одобрена правительствомъ. На этотъ случай австрийцамъ предстоитъ оказать вѣнскому правительству сильное сопротивление, которое начнется отказомъ въ платежъ податей. Между Пештѣ господствуетъ волненіе; г. Бенедекъ, генерал-фельдмаршалъ Венгріи, говорятъ, не видитъ средствъ сдерживать ихъ и просится въ отставку. Дѣла дошли до крайняго напруги, на дняхъ можно ожидать очень важныхъ извѣстій изъ Пешта.

ВЫСАДКА ВЪ КАЛАБРИЮ.

Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, говоря о высадкѣ гарибальдійцевъ въ Калабрию, мы сдѣлали нѣсколько мелкихъ ошибокъ, неизбежныхъ при передачѣ извѣстій на основаніи днѣхъ телеграммъ или слишкомъ поспѣшныхъ корреспонденцій: какъ напримѣръ мы сказали, что первая высадка гарибальдійцевъ дѣлана была подъ начальствомъ Стокки, тогда какъ ею управлялъ майоръ Миссори, тотъ самый, который, подъ Мелатто, участвовалъ въ битвѣ Гарибальди съ неаполитанскими кавалеріями; сверхъ того первымъ занятымъ на калабрійскомъ берегу пунктомъ была не Сцилла, а другая крѣпость — на косѣ ди-Пеццо (Punta di Pezzo). Теперь мы получили самыя обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ калабрійской высадкѣ о первыхъ ея успѣхахъ, въ спеціальныхъ корреспонденціяхъ газеты *Times*. Письма спеціальнаго южно-италіянскаго корреспондента этой газеты имѣютъ, по нашему мнѣнію, всю силу и значеніе политическаго авторитета. Ни разу ни одно изъ сообщеній имъ извѣстій не было опровергнуто другими достоверными извѣстіями; слова его, напротивъ, всегда объясняли истолковывали истинный смыслъ событий. Почти неотлучно ходясь при штабѣ диктатора, корреспондентъ знаетъ, не только, что есть, но и то, что будетъ, и еще ни одно изъ ожиданій и заключеній его не оказывалось неосновательнымъ или ложнымъ. Онъ отлично понимаетъ духъ всѣхъ предпріятій Гарибальди, отлично понимаетъ и его самого, его личный характеръ, его дѣянія и способности.

Война за италіянское единство и независимость, говоритъ онъ всюду прочимъ, въ письмѣ своемъ отъ 30 іюля изъ Мессины, ушла въ новую фазу. Я самъ, находясь тутъ, на мѣстѣ всѣхъ ихъ событий, нисколько не сомнѣваясь ни въ силѣ народныхъ жений, ни въ гениі Гарибальди, думаю подчасъ, что я грежу, — въ чудесенъ этотъ процессъ воскрешенія цѣлаго народа. Я могу вникать это только съ алоэ, которое всю жизнь свою смиренно летитъ по землѣ, а когда придетъ пора, вдругъ выпускаетъ изъ дны своихъ колючихъ листьевъ длинный и могучій стебель; одну ночь стебель этотъ распускается въ великолѣпный цвѣтъ и наполняетъ весь окружающій воздухъ сильнымъ ароматомъ. Когда корабль за кораблемъ, нагруженные десантомъ, отвалили отъ Палермо и скрывались за мысомъ Зафарано, всѣ

предвидѣли въ этомъ будущую упорную борьбу подъ стѣнами Мессины. А тутъ ужь дѣло шло не о крутыхъ, но за то о высокихъ высотахъ Калатафими и не о баррикадахъ Палермо; пришлось бы встрѣтить непріятеля подъ стѣной чугуныи въ сильно защищенной и хорошо снабженной крѣпости. Только Гарибальди смѣлся надъ всѣми нашими опасеніями: скай они идутъ, говорилъ онъ, куда хотятъ; тѣмъ лучше, тѣмъ ближе съ ними въ Сициліи; не надобно будетъ далеко отъ нихъ. Такъ отвѣчалъ онъ на нашъ ропотъ противъ его мѣрнаго, какъ намъ казалось, великодушнаго, и отвѣтъ свой сопровождалъ тою неизмѣнною улыбкой, противъ которой трудно устоять самымъ врагамъ его.»

Послѣ мелацкой побѣды всѣ боялись бомбардировки Мессины, и генералъ Кларкъ принималъ дѣйствительно всѣ мѣры этого мѣры, извѣстивъ иностранныхъ консуловъ, чтобы они брались изъ города, и иностранные корабли, чтобы они не входили въ гавани. Но изъ Неаполя вдругъ пришелъ приказъ не начинать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а даже очистить родъ и самые форты, если это будетъ нужно; генералъ получилъ, сверхъ того, строгій выговоръ за воинственныя ренія, съ замѣчаніемъ, что онъ очень дурно служитъ своему вѣдѣтельству. «Положеніе неаполитанскихъ генераловъ очень не завидно, замѣчаетъ корреспондентъ. Они должны удивляться напоръ революціоннаго потока и въ то же время не приходить къ одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя внушено имъ было считать дѣйствительными. Они привыкли глядѣть на бомбардировку, какъ на единственное средство противъ революціи; теперь имъ говорятъ, что неаполитанское правительство отвращеніе къ подобному лѣченію. Чтобы развивать въ войскахъ вкусъ къ сраженіямъ, они поощряли въ нихъ хищническія наклонности,—теперь имъ говорятъ, что войско существуетъ для защиты частной собственности, а не для разоренія ея. Они привыкли смотрѣть на трехцвѣтное знамя съ непритворнымъ сомнѣніемъ, а на патриотовъ Италіи, какъ на окаяннѣйшихъ людей на всемъ земномъ шарѣ,—теперь они должны сражаться за это самое знаменемъ и присутствовать при перемѣнѣ своего правительства о дружескомъ и покровительственномъ союзѣ съ Викторомъ-Эммануиломъ!»

Утромъ 31 іюля четыре парохода *Городъ Абердинъ*, *Медя* и *Франклинъ* высадили у мыса Маяка (Гаго), входящаго въ Мессинскій проливъ, 1600 человекъ бригады Палермо и привезли оттуда очень много орудій и снарядовъ. «Крайности сходятся, и Гарибальди кажется, за правду эту поговорку, говорить корреспондентъ»

почти совершенную невозможность, при томъ войскѣ, ко-
ль онъ командуетъ, хранить во всемъ глубокую тайну, обык-
но признаваемую за необходимое условіе военныхъ успѣ-
Гарибальди принялъ диаметрально противоположную си-
и дѣлаеть все открыто, при дневномъ свѣтѣ. Онъ заранее
летъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, утомляетъ вообра-
тревожнымъ ожиданіемъ и потомъ дѣлаеть именно то
что объявлялъ, но только тогда, когда наименѣе того
отъ. Эта необыкновенная смѣлость и дѣйствительное
твие всякой тайны не разъ смущали его враговъ. Такъ
числа: цѣлая флотилія неаполитанскихъ пароходовъ, изъ
зы, Реджіо, Вилла Санъ-Джованни и Сциллы, крейсеровъ
входа въ проливъ и присутствовала, не болѣе какъ въ
женяхъ, при всемъ процессѣ высадки и разгрузки.
могла слѣдить за каждымъ высаживаемымъ солдатомъ,
каждымъ выгружаемымъ орудіемъ, могла видѣть калибръ
и различить ихъ порядокъ, счесть пирамиды ядеръ
и т. д. Все совершалось при полномъ дневномъ свѣтѣ.

Было видѣть и самого Гарибальди (присутствовавшего
высадкѣ), слѣдить за его движеніями, догадываться о его
намѣреніяхъ. Можно было и по многимъ другимъ при-
знакамъ узнать очень достовѣрно, для чего привезены сюда
пушки. Нѣсколько сотъ работниковъ таскали землю,
пескомъ, брусья, доски и такъ распорядились со
всеми матеріалами, что и слѣпой даже догадался бы, что
здвигаются баттарей. Слѣдя за этими работами, Неапо-
литанцы легко могли понять, что Гарибальди строитъ укрѣпле-
ніе командовать надъ проливомъ и прервать сообщения
Неаполя и пунктами острова, гдѣ еще оставались Неа-
политанцы. Чтобы понять всю важность командованія Мессин-
скимъ проливомъ, продолжаетъ корреспондентъ, нужно припо-
мнить, что Неаполь и Гаэта единственный базисъ военныхъ опера-
цій неаполитанцевъ, что на южномъ и восточныхъ берегахъ кон-
чается ни одного порта, который дѣйствительно заслуживалъ
этого званія, и что дороги въ Калабрию и черезъ Апеннины еще
не открыты въ Сицилію. Всѣ сообщения между Неаполемъ и югово-
сточной стороной совершаются моремъ и большею частью черезъ
Мессину. Если мы успѣемъ укрѣпиться у Маака, мы тѣмъ самымъ
можемъ перекинуть мостъ черезъ каналъ, отдѣляющій насъ
отъ Сициліи и пріобрѣтемъ базисъ, опираясь на который мы
можемъ пристать къ любому пункту на южномъ или
восточномъ берегахъ. Укрѣпленіе этой позиціи, вмѣсто осады и
Мессины, принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ вѣдѣ-
ній Гарибальди, которыми такъ богата сицилійская экспеди-

ція. Когда проливъ будетъ защищенъ, въ мессинскихъ фортахъ и безъ того нельзя будетъ держаться. Изъ Неаполя дѣйствительно было приказаніе очистить всѣ форты, если Гарибальди не настаивать; но Гарибальди не настаивалъ: пускай себѣ вредные гарнизоны занимаютъ лучше нѣкоторые пункты Сициліи чѣмъ усилить собою континентальную неаполитанскую армию.

Высадка въ Калабрию была подготовлена народнымъ движеніемъ страны. «Какъ только слышали въ Калабріи о воле Гарибальди перенести войну на материкъ, тотчасъ депутаты всѣхъ городовъ страны послали въ Аспромонте представителей уполномоченныхъ, чтобы согласиться въ образѣ дѣйствій. Подушнымъ рѣшеніемъ положено было послать къ Гарибальди депутацию съ просьбой сдѣлать для остальной части Неаполитанскаго королевства то, что онъ сдѣлалъ для Сициліи.» Эта депутация изъ 40 человекъ представлялась Гарибальди. Представители калабрійскихъ городовъ высказали диктатору готовность народа слѣдовать за нимъ и просили только одного: «Гарибальди въ отвѣтъ своему депутатіи выразилъ всю радость свою, что новый членъ великаго итальянскаго семейства вѣнчается подъ общее знамя великой и сильной Италіи, независимой отъ иностранцевъ, свободной отъ притѣснителей. Диктаторъ обѣщавъ скоро быть въ Калабріи и прислать оружіе еще до своего прибытія. Въ одинъ голосъ спросили депутацию: «Въ отвѣтъ на это Гарибальди улыбнулся и повторилъ слово, которое возбудило восторженныя рукоплесканія всѣхъ присутвавшихъ.»

Въ то же утро диктаторъ пріѣхалъ въ городъ Катану, вступившей тогда въ городъ катанской колонны, которая имѣла диверсіей своею на Мессину лишила генерала Боско просить помощи генерала Клари въ битвѣ при Мелаццо помощи (1). Всѣ эти принадлежали къ первой, марсальской экспедиціи Гарибальди и были особенно дороги его сердцу. «Во все время своей кампаніи, рассказываетъ корреспондентъ, я во второй разъ слышалъ диктатора такъ глубоко тронутымъ. Въ первый разъ это было тогда, когда освобожденные изъ палермской цитадели и окруженные своими семействами, пришли благодарить диктатора. Диктатору не достало тогда его природнаго рѣчья, и онъ былъ безмолвенъ, такъ же точно, какъ и въ Катану. Онъ обводилъ взорами хорошо знакомыя ему лица»

(1) Боско жаловался даже въ Неаполь на то, что ему не оказано помощи между обоими начальниками помощи, и Клари требовали помощи въ отвѣтъ.

такъ дружно, съ такою вѣрой и отвагой отвѣчавшихъ на его призывъ, и опять переглядывалъ, какъ бы припоминая, что нѣкоторыхъ не достаесть здѣсь, что они легли на скалахъ Калатафими, или въ развалинахъ Палермо. Наконецъ уже, бросивъ на нихъ долгій взглядъ любви изъ глубокихъ глазъ своихъ, столь полныхъ души, онъ сказалъ имъ:

« Мои старые вѣрные товарищи! ваше присутствіе волнуетъ меня и лишаетъ способности выразить вамъ всю мою радость, что я вижу васъ... Васъ было мало, а мы сдѣлали много; теперь же насъ будетъ много, чтобы сдѣлать уже очень немногое. Изъ участниковъ первой экспедиціи нѣкоторые еще не офицеры, и дѣхъ здѣсь нѣтъ съ вами: привѣтствуйте ихъ отъ меня и скажите имъ, что съ такими людьми, какъ мои товарищи по первой экспедиціи, нѣтъ ничего невозможнаго. Низкій, низкій имъ отъ меня поклонъ!»

Военная конвенція, какъ послѣдствіе мелацкой битвы, была заключена съ генераломъ Клари не самимъ Гарибальди, а генераломъ Медичи, который собственно и былъ начальникомъ гарибальдскихъ войскъ при Мелаццо. Гарибальди былъ въ резервѣ и появлялся, какъ всегда онъ дѣлаетъ въ битвахъ, всюду, гдѣ требовалась скорая помощь, одушевляя солдатъ своимъ присутствіемъ и исправляя ошибки военачальниковъ. Вообще, по словамъ корреспондента, Гарибальди, въ своихъ гениальныхъ распоряженіяхъ, указываетъ только главныя начала, предоставляя исполненіе подробностей усердію и догадливости частныхъ начальниковъ. По вышеупомянутой конвенціи, Неаполитанцы удержали за собою крѣпости Мессины, Сиракузъ и Агосты. 1-го августа послѣдовало свиданіе генерала Клари съ диктаторомъ, результатомъ котораго было очищеніе фортовъ Агосты и Сиракузъ.

1-го же августа, мессинскій банкъ далъ знать Гарибальди, что онъ имѣетъ 250.000 дукатовъ (слишкомъ 300.000 рублей сер.) съ его услугамъ, но что еще 400.000 дукатовъ Неаполитанцы взяли изъ банка. Вслѣдствіе этого посланъ былъ въ Неаполь чиновникъ, чтобы взять обратно эту сумму. Деньги банка приплыли какъ нельзя болѣе кстати; деньги уходятъ у сицилійскаго правительства несравненно скорѣе чѣмъ прибываютъ. Иностраннй заемъ Бертани не удался: онъ только по добровольной подпискѣ собралъ нѣсколько милліоновъ франковъ (около пяти) и отвезъ ихъ диктатору (1). Къ финансовымъ трудностямъ правительства Гарибальди присоединяется еще и то обстоятель-

(1) Александръ Дюма тоже привезъ (послѣ мелацкой битвы) оружіе и взвѣгъ.

ство, что подати и налоги собираются съ жителей острова съ необыкновенною трудностью. Нѣкоторые налоги прежняго правительства, самые прибыльные, но ненавистные для народа (какъ напримѣръ, мельничная такса), нужно было отменить; другіе же, въ томъ числѣ и поземельные сборы (самые значительные въ бюджетѣ), выплачивались очень туго. «Идея свободы равняется въ мнѣніи низшихъ классовъ всего человѣческаго рода, отсутствію всякихъ податей и сборовъ, справедливо замѣчаетъ корреспондентъ. Въ Сициліи, говоритъ онъ, и высшіе классы готовы, кажется, раздѣлять этотъ взглядъ.»

Съ Маяка, на мысъ того же имени, открывается, по словамъ корреспондента, превосходный видъ на проливъ. «Почти прямо черезъ проливъ и городъ Спалла, тутъ же Торре-ди-Валло съ каменною батареей. Внизу тянется по берегу естественная колесная дорога Калабрин. Нѣсколько влѣво отъ шадиной Башни (Torre di Cavallo) развѣтывается на полуостровѣ довольно обширная площадка — Лагерь (il Campo), такъ названная потому, что во время занятія Французами Неаполя они устроили здѣсь укрѣпленный лагерь, изъ котораго грозилъ Сициліи высадкой. Этотъ лагерь можетъ служить отличною точкою опоры военныхъ операцій въ Калабрин. Нѣсколько миль далѣе виднѣтся селеніе Кармителло, а на мысъ Пеццо (Punta di Pezzo) за Кармителло расположена другая батарея.»

6-го августа, Гарибальди подписалъ слѣдующую прокламацію къ народонаселенію неаполитанскаго континента (мы заимствуемъ ее изъ письма генуэзскаго корреспондента *Indépendance Belge*:

«Противодѣйствіе иностранцевъ, заинтересованныхъ въ нашемъ униженіи, и внутренніе раздоры не давали до сихъ поръ Италіи времени организоваться.

«Нынѣ Провидѣніе положило, кажется, предѣлъ нашимъ невостановленнымъ... Примѣрное единодушіе всѣхъ областей, побѣды, слѣдующія за оружіемъ сыновъ свободы, доказываютъ, что суданія этого отечества деніевъ приходятъ къ концу.

«Остается еще одинъ шагъ!.. Но онъ не пугаетъ меня. Сравнить слабыя средства, которыя довели горсть храбрыхъ до Мессинскаго пролива, съ огромными средствами, которыми теперь располагаемъ, то нельзя не видѣть, что предпріятіе наше совсѣмъ не трудно.

«Мнѣ хотѣлось бы, однако, избѣжать пролитія крови неаполитанцами, и вотъ почему я обращаюсь къ вамъ, сыны неаполитанскаго континента!

«Я успѣлъ оцѣнить вашу храбрость и достоинства и не хотѣю вновь подвергать ихъ испытанію. Пускай кровь наша прольется вмѣстѣ на трупы враговъ Италіи... но миръ да будетъ между нами!

протягиваю къ вамъ руку, которая никогда не служила вамъ, но которая загрузѣла на службѣ народамъ: прими ее, инокдушное неаполитанское населеніе!.. Я прошу васъ позвать мнѣ создать Италію, не жертвуя дѣтьми ея, и служить вами, или умереть за нее.

« Мессина, 6 августа 1860.

« Дж. Гарibaldi. »

Тотъ же день начаты были дѣятельныя приготовленія къ въ Калабрію. На низкомъ, песчаномъ полуостровѣ, который заканчивается мысомъ Маяка, находятся два озера со воды. Узкимъ, но довольно глубокимъ каналомъ, ихъ соединяетъ съ моремъ, и черезъ это образовалась очень хорошая военная бухта для кораблей небольшого размѣра. Въ ней-готовлены были суда для калабрійскаго десанта: 20 большихъ барокъ, могущихъ вмѣстить въ себѣ каждая 20 лошадей и 80 до 100 человекъ; около 150 мелкихъ рыбацкихъ судовъ, на 10 и на 20 человекъ; сверхъ того, для высадки должны служить и три парохода—*Городъ Абердинъ, Калабрія* и *Городъ Альба* (два послѣдніе взяты были, какъ извѣстно, нами *Тюкери*, бывшимъ *Велоче*): на нихъ могло помѣститься человекъ десанту.

Прежде чѣмъ приступить къ высадкѣ, нужно было предварительно рѣшить, на какой именно пунктъ повести ее. Колебались между фортами Фіумара и Сцилла. Майоръ Миссори ѣздилъ на Сциллу и осматривалъ фортъ Сциллу. «Фортъ этотъ, говоритъ корреспондентъ *Times*, изсѣченный, такъ-сказать, на отдѣльномъ островѣ, соединенъ съ городомъ посредствомъ подъемнаго моста, мостуаго черезъ пропасть. Возлѣ форта находится церковь, отивъ—открытое мѣсто для рынка. Отъ одного изъ угловъ рынка узкій переходъ ведетъ къ мосту. До сихъ поръ часовая стояла у моста, а другой у воротъ; гарнизонъ состоялъ всего изъ 30 человекъ. Теперь, въ ожиданіи, вѣроятно, гарнизонъ доведенъ былъ до 120 человекъ, карауль стояла у церкви и двое часовыхъ стерегли переходъ къ

Майоръ Миссори, продолжаетъ корреспондентъ, составилъ подробный планъ завладѣнія фортами: Около ста человекъ, одѣтыхъ крестьянски и вооруженныхъ револьверами, должны помѣститься по пяти и шести человекъ на берегъ и потомъ выдвинуться въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ. Соединившись, они должны были двинуться утромъ, когда опущенъ мостъ, выдвинуться въ толпу передъ церковью. По данному знаку, часовая должна была снять и одной части отряда овладѣть

мостомъ , а другой — не допускать солдатъ подать помощь къ товарищамъ.

« Но планъ этотъ , несмотря на свои достоинства , не былъ принятъ между прочимъ и потому , что высадку десанта , по занятіи форта , пришлось бы произвести днемъ , въ виду неаполитанскихъ крейсеровъ , тогда какъ атака на Фіумару могла быть произведена ночью и немедленно сопровождаться высадкой болѣе значительныхъ силъ гарибальдійцевъ . Рѣшено было поэтому произвести атаку на Фіумару , и для исполненія предпріятія избранъ былъ Миссори . »

Съ этой минуты разказъ корреспондента о высадкѣ въ Калабрию представляетъ самый высокій драматическій интересъ .

« Майору Миссори дали отрядъ въ 40 колонновожатыхъ , болѣею частію людей молодыхъ и испытанныхъ , 100 человекъ изъ бригады Сакки и около 50 человекъ , выбранныхъ изъ разныхъ корпусовъ подъ начальствомъ полковника Лефлота . Барки съ этимъ десантомъ должны были переплыть проливъ прямо къ Фіумарѣ ; люди снабжены были лѣстницами и всѣмъ нужнымъ для штурма . Три пушечныхъ выстрѣла , въ случаѣ успѣха , должны были послужить сигналомъ для начатія главной высадки . Дивизія Козенца (правой руки Гарибальди) должна была быть готова . Около 2.000 человекъ должны были быть посажены на три парохода ; остальные должны были быть готовы сѣсть на барки , въ которыхъ перевезены были бы пушки и лошади , и которые были бы буксированы пароходами . Высадивъ своихъ людей , пароходы отправились бы за новымъ десантомъ .

« Начало было довольно успѣшно . 32 барки съ первымъ , такъ сказать , пробнымъ десантомъ въ данную минуту отправились при весьма благопріятныхъ условіяхъ . Ночь была темна и неаполитанскіе пароходы далеко . Еще три барки вышли нѣсколько позже , будучи задержаны нагрузкой снарядовъ . Полчаса прошло въ ожиданіи событій . Глубокая тишина господствовала вслѣдствіе всѣхъ надѣялись , все шло хорошо . . . какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ и за нимъ ружейный огонь разбѣжалъ иллюзіи , и вслѣдствіе уступила мѣсто страху и тревогѣ . То была тяжелая минута . Шумъ веселья вывелъ насъ изъ оцѣпенѣнія . Всѣ бросились въ бухтѣ , куда скоро , одна вслѣдъ за другою , собрались всѣ 32 барки . Экипажъ ихъ говорилъ , что онѣ благополучно высадили своихъ людей , и что тревога поднялась уже тогда , когда они отплывали . Вслѣдъ за тѣмъ прибыли и запоздавшія три барки , но съ десантомъ ; пушечный выстрѣлъ , возвѣстившій тревогу , раздался прежде чѣмъ онѣ успѣли посадить своихъ людей . Тревога распространилась , должно-быть , далеко , потому что эти три барки пытались пристать во многихъ мѣстахъ , но

каждый разъ должны были удалиться, слышавъ барабанный бой на берегу.

«Томительные часы ночи миновали, и все-таки не было условленныхъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ. Ужь передъ утромъ пущены были съ берега двѣ ракеты. Какъ только разсвѣло, всѣ трубки были наведены на мѣсто высадки. Около десяти часовъ замѣчена была на берегу рота пѣхоты, эскадронъ уланъ и два орудія, которыя бросались во всѣ стороны, какъ бы ища кого-то, кто, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть тутъ непременно...

«Проведя безсонную ночь, всѣ искали мѣста, чтобъ отдохнуть немного. Самъ генералъ сошелъ въ каюту, и старая зала *Абердина* наполнилась живописными группами. Въ одномъ углу торчала длинная тощая фигура Козенца, у котораго на шеѣ видны еще слѣды мелацкой раны; возлѣ него были его неразлучныя очки, а на немъ мундиръ бригаднаго генерала пиемонтской арміи. Въ другомъ углу растянулся начальникъ штаба Гарибальди, генералъ Сиртори. Тутъ же видѣлась и сѣдая голова Гузмароли, вѣрнаго товарища Гарибальди, какъ на островѣ Капрерѣ и въ Ломбардіи, такъ и въ Римѣ и Сициліи. Множество было и другихъ, совершенно незнакомыхъ лицъ, привлеченныхъ блескомъ предстоявшей высадки въ Калабрию: Италійцевъ и не-Италійцевъ, солдатъ и не-солдатъ, священниковъ, монаховъ, публицистовъ, журнальныхъ корреспондентовъ, артистовъ, саперовъ, мисеровъ, навигаторовъ, кочегаровъ, механиковъ... были даже двѣ ямы. Берегъ усыпанъ былъ солдатами, которые ѣли, пили, спали, курили, бродили, говорили, смѣялись, спорили; офицеры, апыхавшись, шныряли между ними; артиллерія окаймляла бухту. Въ отдаленіи неаполитанскій пароходъ, съ любопытствомъ слѣившій за нашими движеніями. Картина, достойная кисти лучшихъ художниковъ.»

«Лишь около полудня получено было извѣстіе, что высадившійся грядъ находился въ безопасности у Сант'-Анджело, въ горахъ. На другой день, 10-го августа, войска, находившіяся на пароходахъ, выжжены были на берегъ, и самъ Гарибальди перенесъ свою главную квартиру въ башню Маяка, помѣстившись въ маленькой комнатѣ корожа. Въ ночь съ 10 на 11 сдѣланы были наконецъ три вѣщія пушечные выстрѣла, въ равныхъ промежуткахъ времени одинъ отъ другаго, и пущено нѣсколько ракетъ. Днемъ 11-го замѣтны были сильныя неаполитанскія подкрѣпленія, слѣдовавшія къ Фигарѣ. 12-го, утромъ неаполитанскіе корабли обстрѣливали часть берега и преимущественно мысъ Пеццо, батареей или фортамъ котораго овладѣли, безъ сомнѣнія, гарибальдійцы и мѣстные иргенты, присоединившіеся къ десантному отряду.

Главная высадка была такимъ образомъ немного отдалена.

Гарибальди успѣлъ сдѣлать нѣсколько рейсовъ вдоль берега Сициліи, видѣться съ Бергани, отложить высадку приготовленныхъ имъ войскъ въ Папской области и осмотрѣть лично рега неаполитанскаго материка. 16-го августа Гарибальди, слѣ довольно продолжительнаго отсутствія, посѣтилъ Палермо, про который онъ могъ, по словамъ одной туринской газетѣ, сказать: *Мой добрый городъ Палермо*, подобно тому, какъ Карлъ IV говорилъ: *Мой добрый городъ Парижъ* (Ma ville de Paris). Восторгъ былъ неизобразимый, безумный. В Палермо начались было волненія партій, опять была манифестация противъ Криспи; но при видѣ Гарибальди все смирилось, сгладилось, потухло, все слилось въ одномъ кликѣ, въ одномъ чувствѣ, въ одной страсти — въ поклоненіи человеку, для нихъ не великій полководецъ, не избавитель только, а Провидѣніе.

На континентѣ между тѣмъ возстаніе слѣдовало за нимъ. Поднялось движеніе въ Фоджин, столицѣ Каппиганатской политанской адриатической провинціи, близъ Пульи, при двѣ бригады перешли на сторону гарибальдійцевъ. Въ Палермо, въ главномъ городѣ Базилкаты, Гарибальди объявленъ диктаторомъ. Возсталъ также Беневентъ.

Прологомъ къ высадкѣ главныхъ силъ гарибальдійцевъ была важная попытка парохода *Тюкери* овладѣть 90-пушечнымъ кораблемъ неаполитанскимъ пароходомъ *Монарка*. Нападеніе совершено было въ Каstellамаре при полномъ составѣ всей королевской гвельфской эскадры и было ведено такъ искусно, что многіе подозрѣвали въ участіи на пароходѣ самого Гарибальди. Предпріятіе не удалось изъ-за недостатка большихъ якорей, чтобы перешилтъ якорями *Тюкери* былъ открытъ и спасся только благодаря быстрому лавированію между французскими, англійскими и испанскими гвельфскими судами.

О порядкѣ и подробностяхъ главной гарибальдійской экспедиціи мы знаемъ еще очень немного: 14 числа возвратившіяся эскадры вновь направлены были по разнымъ дорогамъ для сосредоточенія въ пунктахъ, съ которыхъ должна была быть произведена главная высадка въ Калабрію; высадка, судя по приготовлениямъ, грозила разомъ южному, восточному и западному берегамъ Калабріи; но казалось, что главная высадка произведена будетъ на западный берегъ, и все вниманіе Неаполитанцевъ было обращено именно туда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, главная экспедиція была ведена на южный и восточный берега; въ Аспиндзелью (близъ Таормины), откуда должна была тронуться эскадра, посланы были и прибыли въ ночь съ 17 на 18 число 1848 года на пароходахъ 6.000 человекъ, приготовленные были для

Бертани для высадки въ Папскую Область; вся экспедиція вышла въ море 19 августа, въ семь часовъ вечера. На континентѣ блистательный успѣхъ сопровождаетъ Гарибальди; число всѣхъ войскъ его въ Калабріи достигаетъ 8.000; очень важный, стратегическій пунктъ, городъ Реджіо взятъ гарибальдійцами, и начато уже наступательное движеніе на сѣверъ.

Столица бывшаго королевства Обѣихъ-Сицилій нетерпѣливо ждетъ освободителя Италіи. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ королевства царствуетъ смятеніе и ужасъ. Сами министры растерялись и, вопреки прежней своей системѣ, прибѣгли, въ виду тайно-разрастающагося революціоннаго движенія, къ двумъ весьма непопулярнымъ и совершенно безпознымъ мѣрамъ: министерскими декретами они запретили всѣ журналы, за исключеніемъ только одного, требуя отъ нихъ политическихъ залоговъ, и объявили городъ въ осадномъ положеніи. Всѣ журналисты подали сообща протестъ противъ постигшаго ихъ распоряженія, а осадное положеніе держится почти только на бумагѣ. Сверхъ того, по послѣдне-полученной телеграммѣ, въ Неаполѣ собирався въ чрезвычайное засѣданіе весь генералитетъ обращался къ королю съ просьбою оставить столицу: но Франкскъ II отвѣчалъ, что онъ станетъ во главѣ войска и до послѣднго солдата, до послѣдней капли крови будетъ защищать права юна (1).

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ТАТАРЪ И ЧЕРКЕССКИХЪ НОГАЙЦЕВЪ.

Одесскій Вѣстникъ и многія другія газеты, какъ русскія, такъ иностранныя, напримѣръ *Allgemeine Zeitung*, сообщаютъ свѣдѣнія о переселеніи Татаръ изъ Крыма въ Турцію. По Константинополю разгуливаютъ огромными толпами Черкесы, которымъ іюнь мѣсяцъ было временно позволено пребываніе въ столицѣ рты. Ихъ не пускали прежде въ Константинополь и отправляли часть же въ Азію. Но съ іюня мѣсяца турецкіе пароходы заняты перевозкой войскъ въ Сирію, и Черкесовъ пришлось выпустить

) Но есть уже телеграмма, по которой король уложилъ свои позитки и въѣхалъ изъ Неаполя, вслѣдъ за изгнаннымъ имъ по требованію министерства дядею своимъ, графомъ Аквиліою.

на берегъ въ Стамбулъ; это произвело не малый страхъ между жителями, боящимися такихъ гостей. Черкесы эти, какъ надобно полагать, судя по извѣстіямъ № 140 *Петербургскихъ Вѣдомостей*, кавказскіе Ногайцы. Часть изъ нихъ, по распоряженіямъ турецкаго правительства, должна быть поселена во внутренности Сиріи, другая въ Ангорской провинціи. Съ іюня же въ Константинополь появились (*Allgemeine Zeitung* № 170) многіе старшины крымскихъ Татаръ для того, чтобы вступить въ переговоры съ правительствомъ насчетъ переселенія ихъ единоземцевъ, и Порта изъявила согласіе на принятіе 300,000 переселенцевъ кромѣ тѣхъ, которые пришли прежде. Въ концѣ іюня изъ Константинополь прибыли значительныя передовыя партіи этихъ выходцевъ изъ Крыма (не многіе изъ нихъ прошли черезъ Одессу). *Одесскій Вѣстникъ*, напечатавшій особую статью объ этомъ предметѣ, съ цѣлю показать вредъ этого переселенія для судьбы земледѣлія въ Крыму, сообщилъ было еще и о томъ, что переселеніе, если не совершенно еще прекратилось, то вскорѣ прекратится. Но письмо изъ Симферополя, отъ 2-го іюня въ № 174 *Сѣверной Пчелы*, ясно указывало на противное. Изъ письма этому—драхмы старики давно не припомнятъ ни такихъ роскошныхъ травъ, ни такихъ чудныхъ хлѣбовъ, какими славился 1860 годъ, но совершенный недостатокъ рабочихъ рукъ лишилъ хозяевъ возможности сдѣлать запасы корма на многіе годы. Что же касается Татаръ, то они почти не заботились о сѣна для своего скота: тѣ изъ нихъ, кто не успѣлъ продать свой озимый хлѣбъ на корню, спѣшили убирать его и выбирать. Самъ *Одесскій Вѣстникъ* сообщилъ въ № 85, письмо изъ Керчи отъ 26 іюля, увѣдомляющее, что въ этотъ день ушелъ изъ Керчи пароходъ *Веста*, съ 900-ми кавказскихъ переселенцевъ, и Татары не перестаютъ сбывать за что ни пошло свое имущество и по уборкѣ хлѣба, надѣются тронуться за границу. Изъ письма прибавляетъ: «Мнѣ положительно извѣстно, что жители уѣзда Татаръ Феодосійскаго уѣзда и Керчи съ окрестностей ждутъ только выдачи имъ паспортовъ для переселенія». Наконецъ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ (*Сѣверная Пчела*, № 100, августа 8), выселеніе крымскихъ Татаръ и кавказскихъ горцевъ въ турецкіе предѣлы продолжается, и крымскіе Татары переселяются въ Европейской Турціи, въ Добруджѣ, а кавказскіе горцы въ Малой Азіи. Поговариваютъ, что въ замѣнъ этого, между Добруджскими Болгарами явилась мысль о переселеніи въ Крымъ.

Вовсякомъ случаѣ, переселеніе Татаръ изъ Крыма принадлежитъ къ событіямъ, почти совершившимся, и неминуемыя временныя и мѣстныя невыгоды, уже происходящія или имѣющія произойти въ слѣдствіе выселенія значительной части крымскаго населенія.

рось въ томъ только, каковы будутъ въ послѣдствіи результаты дѣла и не окупятся ли временныя и мѣстныя невы- постоянными и общими выгодами. Желѣзныя дороги и оженіе крѣпостнаго быта ставятъ на очередь вопросъ о изаціи. Сѣверныя племена Россіи должны будутъ по не- имости устремиться къ югу. Это передвиженіе легко пред- . Тогда не откроется ли Крыму новая будущность вслѣд- выселенія Татаръ? Но для этого необходимо, чтобы законо- ство устранило тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ у насъ иженіе народонаселенія въ паспортной системѣ, въ при- нии податныхъ къ обществамъ и въ круговой порукѣ. Въ нии этихъ затрудненій заключается, по нашему мнѣнію, з будущаго благосостоянія Крыма, а не въ противодѣйствіи иенію Татаръ. Задерживать на нашей почвѣ племя, которое ить жить съ нами и будетъ только въ тягость намъ, зна- и хлопотать о томъ, что и невозможно и невыгодно.

Замѣтка.

№ 179 *Петербуржскихъ Вѣдомостей* напечатано слѣдующее:

Русскому Вѣстнику сообщается «извѣстіе, что при кембриджскомъ иетѣ, въ Англіи, предполагается учредить особую коллегію для студентовъ. Нельзя не ожидать отъ этой коллегіи самыхъ-благихъ для русскаго образованія. Устройство кембриджскаго университета, окажетъ сильное вліяніе на внутреннюю жизнь нашихъ универ- вовсе не въ такой степени чуждыхъ этому устройству, какъ это иво думаютъ. Говорятъ, что православная церковь уже заложена аджъ, и что значительныя суммы для устройства коллегіи уже о подпискѣ. Если это дѣло состоится, то богатые классы рус- ства будутъ имѣть такія средства для серьезнаго образованія, ильзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.»

Слѣдуетъ нужнымъ замѣтить, что мы не говорили и не могли иногаго, что отмѣчено въ этомъ извѣстіи вносными зна- дьдовательно приписывается *Русскому Вѣстнику*. Мы игдѣ не говорили, что русскіе университеты «вовсе не и степени чужды кембриджскому устройству, какъ это иво думаютъ»; мы не брались предсказывать, что «ус- Кембриджскаго университета окажетъ сильное вліяніе инюю жизнь нашихъ университетовъ». Мы не имѣли основанія говорить что-либо подобное. Наши универси- оены по образцу германскихъ университетовъ; въ те- своемъ состояніи они совершенно чужды кембридж- роюству; они чужды ему даже гораздо болѣе нежели и университеты, наши образцы, отъ которыхъ мы уда- енно въ томъ, что у нихъ есть общаго съ англійскими итетами.

ВЪ КОНТОРЪ
ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Свѣрной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криница. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Кривой. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. демика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА . ЧИНОВНИКЪ. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. съ пер. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубинѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ между народами. проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или МАНЕРЫ оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и решетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и т. п. изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для владельцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, для чего безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисункахъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. съ пер. 1 р. 30 к. сер.

ОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПОДАТНЫХЪ СОСЛОВІЯХЪ И КРУГОВОЙ ПОРУКЪ.

(По поводу вопроса о паспортахъ.)

отношенію къ податямъ, всё вообще состоянія въ государствѣ раздѣляются—какъ говоритъ 4-я статья устава о податнахъ на податныя и неподатныя. Податными называются тѣ общины, которыя подлежатъ подушной, оброчной или другимъ, амбняющимъ податямъ; неподатныя тѣ, которыя отъ всѣхъ ей свободны. На этомъ основаніи къ числу первыхъ при- казатъ купцы, мѣщане и цеховые ремесленники въ городахъ, арственныя, удѣльныя и владѣльческія крестьяне въ селахъ; слу вторыхъ, дворяне, духовенство христіанскихъ исповѣ- шатныя духовныя вѣрѣ мухамеданской и ламайской, по- е граждане, лица, служащія въ государственной службѣ, нныя нижніе чины и нѣкоторые другіе лица и классы лицъ, юбымъ привилегіямъ. На обязанности исключительно од- жодатныхъ состояній лежатъ, кромѣ денежныхъ податей, и атуральныя повинности, въ томъ числѣ и рекрутская по- сть. Для обезпеченія правильности въ отбываніи всѣхъ этихъ шностей, податныя приписаны къ обществамъ, въ обще- ~~ь учреждена круговая порука и для отлучающихся введены~~ рты, а отъ выходящихъ изъ общества требуется увольни- ~~е~~ свидѣтельство отъ общества.

нимъ образомъ для податныхъ принадлежность къ своему ~~ству~~ есть тягость. Напротивъ, для неподатныхъ принадле- ~~тъ~~ къ обществу есть право, свободное передвиженіе ихъ ~~ста~~ на мѣсто не сопряжено ни съ какими препятствіями, ~~ста~~ паспортовъ неподатнымъ выдаются безсрочныя виды, ~~тельствующіе~~ о ихъ личности и званіи. Такъ какъ система ~~рочныхъ~~ видовъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе ~~емы~~ срочныхъ паспортовъ, и слѣдовательно вопросъ о пас- ~~ахъ~~ есть собственно вопросъ о замѣнѣ паспортовъ безсроч-

ными пожизненными видами, то разрѣшеніе этого вопроса сѣсть въ тѣснѣйшей связи съ разрѣшеніемъ вопроса о податяхъ сословіяхъ и о круговой поруцѣ, установленной между ними видахъ обезпеченія интересовъ государства. Мы намерены сказать по этому послѣднему вопросу нѣсколько мыслей, въ надеждѣ, что онѣ будутъ пригодны при разрѣшеніи вопроса о портахъ.

I.

Купечество наше раздѣляется на три гильдіи: первую, вторую и третью. Различіе гильдій заключается, какъ говорится въ количествѣ объявленныхъ капиталовъ, въ количествѣ государственной пошлнны, въ гильдейскихъ преимуществахъ и правахъ торговлѣ. Вступленіе въ гильдіи дозволяется всѣмъ русскимъ подданнымъ свободнаго состоянія, но податныя состоянія не могутъ записываться въ гильдіи, лишь получивъ увольненіе отъ своихъ обществъ. Впрочемъ вступленіе въ гильдіи дозволяется не только торговли дозволяется и безъ увольненія отъ обществъ, но въ такомъ случаѣ лицо, заплатившее гильдейскія подати, пользуется личными правами купца, и оставаясь въ предѣлахъ званія, отбываетъ всѣ повинности по оному.

Купецъ первой гильдіи, обязанный предъявить при запискѣ въ гильдію капиталъ въ 15 тысячъ рублей, платитъ гильдейскія податей, разныхъ повинностей на устройствѣ путей сообщенія на городскія, земскія и другія нужды, за паспортъ и расходы по званію, до 900 рублей въ годъ. Заплативъ эти подати, онъ можетъ производить оптовой, какъ внутренней, такъ и заграничный торгъ, вступать въ подряды и поставки, какъ государственной, такъ и съ частными лицами, и производить базисъ для повсемѣстно и на всякія суммы; розничный же торгъ можетъ производить только купцы остальныхъ двухъ гильдій, можетъ производить торгъ только въ трехъ лавокахъ, состоящихъ въ томъ городѣ, въ которомъ записанъ, или въ его уѣздѣ. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ въ гильдіи, купецъ, если онъ христіанинъ, а также и дѣти его, могутъ вступать въ гражданскую службу на правахъ гражданъ, а въ военную на правахъ военнообязанныхъ. Купцы первой гильдіи и ихъ семейства избавлены отъ телесныхъ наказаній и не несутъ рекрутской и никакихъ другихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ службы въ высшихъ городскихъ должностяхъ по выбору городского общества и кромѣ постоянной военной службы.

Купецъ второй гильдіи, обязанный объявить капиталъ въ 10 тысячъ рублей, платитъ гильдейскихъ податей и всѣхъ повинностей около 380 рублей въ годъ. Онъ можетъ производить

внутреннюю оптовую торговлю на всякія суммы, заграничную же только на сумму до 90 тысячъ рублей, и то съ ограниченіемъ, чтобы не было адресуемо ему изъ-за границы и отправляемо имъ за границу въ одномъ транспортѣ товаровъ болѣе какъ на 15 тысячъ рублей; можетъ вступать въ договоры и обязательства какъ съ частными лицами, такъ и съ казной, въ суммѣ по одному контракту до 15 тысячъ рублей. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ во второй гильдіи, купецъ и его дѣти могутъ быть приняты въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, но въ гражданскую принимать ихъ воспрещено. Подобно купцу первой гильдіи, и купецъ второй гильдіи избавленъ отъ тѣснаго наказанія, не несетъ рекрутской и никакихъ другихъ натуральныхъ повинностей.

Купецъ третьей гильдіи, обязанный объявить капиталъ въ 2.400 рублей, платитъ гильдейскихъ податей и всѣхъ другихъ повинностей съ расходами на полученіе документовъ, въ столицахъ, губернскихъ и портовыхъ городахъ, отъ 100 до 115 рублей, въ прочихъ городахъ около 70 рублей въ годъ; кромѣ того какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ городахъ купецъ третьей гильдіи, какъ равно и купцы высшихъ двухъ гильдій, если имѣютъ лавки и въ нихъ надѣльцевъ не изъ купцовъ, должны брать ежегодно по одному прикащичьему свидѣтельству для старшаго прикащика въ каждой лавкѣ, платя за эти свидѣтельства въ годъ, за каждое по 15 рублей. Купецъ третьей гильдіи можетъ производить въ городѣ, дѣ онъ записанъ, и въ уѣздѣ его, розничную торговлю, изъ рехъ открытыхъ лавокъ, имѣть всякаго рода фабрики и заводы, вѣать закупку отечественныхъ произведеній повсемѣстно, безъ граниченія въ суммѣ, и доставлять ихъ къ пристанямъ, ярмаркамъ и базарамъ; входитъ въ казенные подряды и поставки, а также и заключать по торговлѣ частные контракты на сумму до 1.000 рублей по одному контракту; производить вывозъ, по всей европейской сухопутной границѣ, всякаго рода тарифомъ не запрещенныхъ товаровъ, на сумму до 36 тысячъ рублей въ годъ, и привозъ товаровъ изъ-за границы ему воспрещенъ. Купецъ третьей гильдіи свободенъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ службы по городу и постоянной повинности, но не избавленъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Мы не будемъ говорить объ освобожденіи купцовъ первыхъ двухъ гильдій, ихъ дѣтей и другихъ семьянъ, отъ тѣлесныхъ наказаній, между тѣмъ какъ лица всѣхъ другихъ податныхъ состояній, яговариваются къ этимъ наказаніямъ. Мы не будемъ говорить о допущеніи къ государственной службѣ сыновей купцовъ первой гильдіи, тогда какъ люди образованные и способные изъ другихъ податныхъ состояній не имѣютъ права служить государству. Нашей спеціальной точки зрѣнія скажемъ только, что если при-

нять все наше купечество за одно цѣлое, счесть выгоды, какія оно получаетъ отъ своихъ торговыхъ оборотовъ, и оцѣнить его гильдейскія преимущества, то, конечно, нельзя будетъ сказать, чтобы платимыя имъ подати были для него отяготительны. Но переходя отъ цѣлаго сословія къ отдѣльнымъ его членамъ, мы уже не можемъ не сказать, что распределение податей до чрезвычайности не равномерно по отношенію къ капиталамъ плательщиковъ. Человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ другихъ средствъ къ пропитанію семейства, кромѣ лавчонки, сбывающей въ годъ на полторы или на двѣ тысячи рублей товаровъ, быть-можетъ въ долгъ взятыхъ, человѣкъ, который нуждается въ запискѣ въ гильдію потому только, что ему нужно заключить съ кѣмъ-либо контрактъ по торговлѣ въ суммѣ немного выше 1200 рублей,—что не купцу не дозволяется,—наконецъ, человѣкъ, который не занимается никакою торговлей и не имѣетъ никакого имущества, но записывается въ гильдію для того только, чтобы избавить свое семейство отъ обязанности отбывать рекрутскую повинность,—платить въ годъ податей и повинностей по третьей гильдіи отъ 8 до 115 рублей, и столько же платитъ купецъ, который изъ трехъ богатыхъ лавокъ сбываетъ въ годъ на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ рублей товаровъ, имѣетъ большія фабрики и разныя заведенія, производитъ значительную оптовую торговлю, и сверхъ того отпускаетъ ежегодно черезъ сухопутныя границы товаровъ на 36 тысячъ рублей. Человѣкъ, которому можно выписать изъ-за границы незначительную партію товаровъ или заключить съ кѣмъ-либо контрактъ, въ суммѣ свыше 6000 рублей, долженъ заплатить по второй гильдіи податей и повинностей до 380 рублей; то же самое платитъ капиталистъ обороты котораго, ограниченные закономъ по заграничной торговлѣ, простираются до 90 тысячъ рублей, а по внутренней свободной для него на всякія суммы, на сотни тысячъ и миллионы. Торговецъ, который вздумаетъ выписать изъ-за границы партію товаровъ на сумму выше 15 тысячъ рублей, или заключить съ кѣмъ-либо контрактъ на сумму большую этой, долженъ заплатить гильдейскихъ повинностей до 900 рублей,—и то же платитъ миллионеръ, обороты котораго, по всѣмъ родамъ торговли, простираются на нѣсколько миллионовъ рублей. Бѣднѣе, который не всегда можетъ заработать столько, сколько необходимо для самыхъ первыхъ, самыхъ неизбѣжныхъ потребностей его семейства, платитъ за свои полторы тысячи рублей оборота 115 рублей, слѣдовательно $7\frac{1}{2}\%$ съ рубля—миллионеръ за 10 миллионовъ рублей оборота своей торговлей платитъ 900 рублей, слѣдовательно менѣе одной сотой процентъ съ рубля оборота.

∟ Переходимъ къ другимъ податнымъ состояніямъ. Мѣщане и це

ховые платять у насъ подушной подати и накладныхъ на устройство путей сообщенія по 2 руб. 38 коп. съ души мужскаго пола. Такъ какъ по 23, 24, 25 статьямъ устава о податяхъ плата подушной подати производится не за работниковъ только и притомъ не отъ каждаго лица отдѣльно, но всею общиной въ совокупности за все число душъ, по ревизіи въ ней записанныхъ, и такъ какъ число дѣтей, больныхъ, калѣкъ, стариковъ, послѣ ревизіи умершихъ или по другимъ случаямъ изъ общины выбывшихъ лицъ, едва ли не будетъ вдвое болѣе числа мужчинъ, къ работѣ способныхъ, то въ сложности каждому человѣку, къ работѣ способному, приходится платить подати за три души, слѣдовательно по 7 р. 14 к. Эта подать увеличивается, смотря по времени и мѣсту, на 80% и болѣе, иногда даже на 150% сборами на земскія, постоянныя, подводныя, дорожныя и многія другія повинности. Сборы эти тѣмъ болѣе чувствительны для людей бѣдныхъ, что въ обычаѣ нашихъ обществъ разлагать ихъ не по доходамъ съ имущества и промысловъ, но по душамъ. Если же при этихъ раскладкахъ и дѣлаются снисхожденія тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ семейства состоятъ не изъ работниковъ, а изъ хлѣбниковъ, то эти снисхожденія незначительны, такъ что не рѣдко глава семейства, у котораго нѣтъ никакихъ другихъ средствъ для снисканія пропитанія себѣ и своему семейству, кромѣ пары собственныхъ, и то можетъ-быть не всегда здоровыхъ, рукъ, и у котораго на хлѣбахъ пять-шесть душъ дѣтей или немощныхъ стариковъ, платитъ въ годъ податей и разныхъ сборовъ отъ 10 до 15 руб., тогда какъ трудами своими онъ въ состояніи выработать лишь нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, и то только тогда, когда здоровъ и сумѣетъ всегда находить себѣ работу.

Впрочемъ нельзя строго обвинять мѣщанскія общества за то, что они не освобождаютъ вовсе или по крайней мѣрѣ въ значительной степени неимущихъ своихъ однообщниковъ отъ тяжести государственныхъ и общинныхъ налоговъ. Можетъ ли, ишennyй великаго образованія, мѣщанинъ, выручающій при усердномъ личномъ трудѣ изъ своихъ промысловъ и имущества акую-нибудь сотню-другую рублей дохода, прияти къ тому бѣжденію, что подати должны быть разлагаемы не по душамъ, по доходамъ, тогда какъ онъ видитъ, что образованный боачъ, доходы котораго простираются на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, не платитъ никому никакихъ податей, кромѣ дани своимъ рихотямъ? Но и независимо отъ того, мѣщанскія общества не могутъ сдѣлать въ пользу неимущихъ своихъ сочленовъ. богачей среди нихъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что каждый разжившійся мѣщанинъ спѣшитъ выйти въ купеческое содовіе; это ему необходимо, если онъ, разжившись, задумаетъ расширить свою торговлю, а еще болѣе побуждаетъ его къ тому жела-

нѣ избавить семью свою отъ рекрутской и всѣхъ другихъ натуральныхъ повинностей. Но если среди мѣщанскихъ обществъ и богачей, то во многихъ изъ нихъ найдется не малое число кихъ ревизскихъ душъ, которыя не только не въ состояніи платить какіе-либо налоги, но и должны были бы сами кормиться на счетъ обществъ, еслибы только законы о престѣченіи имущества соблюдались строго; во всѣхъ обществахъ, найдется половина такихъ мѣщанъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе службой или поденною работою; изъ остальныхъ наибольшую часть такихъ, состояніе которыхъ не превышаетъ двухъ тысячъ рублей, и лишь самое незначительное число бывшихъ состояніемъ, доходящимъ до тысячи рублей капитала. Еслибы которое-либо изъ подобныхъ мѣщанскихъ обществъ вздумало разложить всѣ подати, сборы и натуральныя повинности исключительно на доходы съ имущества своихъ членовъ, то налоги не только поглотили бы всѣ эти доходы, но непременно стали бы поглатить ежегодно и часть самыхъ капиталовъ, результатомъ былъ бы тотъ, что всѣ члены общества обратились въ батраковъ и поденщиковъ.

Если къ податямъ и повинностямъ, какія платятъ бѣдные мѣщане, присоединить то, что они приплачиваютъ за предметы для нихъ совершенно необходимые, но не возвращенные регалиямъ, акцизамъ или пошлинамъ, то окажется, что слуга, получающій въ годъ отъ 40 до 60 рублей жалованья, поденщикъ-чернорабочій, съ трудомъ зарабатывающій отъ 80 рублей въ годъ, платитъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ отъ 20 до 25 рублей, то-есть отъ 25 до 40% съ своихъ заработковъ (1). Въ тѣхъ изъ нашихъ городовъ, въ которыхъ городскія управленія стремятся достигнуть справедливаго раздѣленія квартирной и другихъ падающихъ на домохозяевъ повинностей, есть обычай исключать изъ доходовъ, какія получаютъ домохозяева отъ своихъ домовъ, всѣ расходы, особенно на ремонтъ зданій, и за тѣмъ уже на чистый доходъ класть повинности. Если справедливость требуетъ, чтобы та часть доходовъ отъ имущества, которая истрачена на ихъ ремонтноеваніе, была освобождена отъ налоговъ, конечно не менѣе того справедливость требуетъ, чтобы была освобождена отъ налоговъ та часть заработковъ рабочаго, которая истрачивается на поддержаніе своей жизни и жизни своего семейства. Это справедливо уже и по тому одному, въ этомъ классѣ жизнь составляетъ тотъ капиталъ, то иму-

(1) Въ Англіи, по наиболее-достовернымъ изслѣдованіямъ, люди съ самымъ достаткомъ отдають публичной власти 11%, а люди достаточнаго своего дохода въ качествѣ всякаго рода прямыхъ и косвенныхъ налоговъ

го, съ котораго онъ получаетъ свой доходъ въ видѣ заработа-
 тыхъ. Если мы положимъ, что для семейства, состоящаго изъ
 работника, одной работницы, одного старика или одной
 и двухъ малютокъ-дѣтей, нужно въ годъ: на наемъ
 о-ншбудь сносной квартиры 12 руб., на покупку 60 пудъ
 и муки, по 40 коп. за пудъ, 24 рубля, на приварокъ, какъ-
 нь, крупу, капусту, зелень, сало, постное масло, и на говья-
 нь одни лишь воскресные дни и большіе праздники, 20 руб.,
 лигіозныхъ требъ 2 рубля, и на одежду всему семейству
 блей, а всего 100 рублей, то всякій согласится, что этого
 мь немного для семейства, состоящаго и изъ меньшаго
 душъ. Заработать же поденною работою такое семейство,
 лены его не знаютъ никакого ремесла, — а такихъ большин-
 ежду безкапитальными мѣщанами, — едва ли можетъ, даже
 ыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, болѣе ста рублей
 ь. Съ какихъ же доходовъ, спрашиваемъ мы, платитъ это се-
 о государственныя и общественныя повинности? чѣмъ из-
 вается оно въ случаѣ недостатка работы, семейныхъ несча-
 олѣзни своего кормильца?

дарственные крестьяне платятъ подушной подати и наклад-
 на устройство путей сообщенія по 95 коп., оброчныхъ, за
 щую въ ихъ надѣлѣ казенную землю, отъ 2 руб. 30 коп.
 уб. съ души мужескаго пола въ годъ. Кромѣ того, они на-
 съ другими податными состояніями участвуютъ въ складкѣ
 на земскія повинности, отбываютъ натуральныя повин-
 какъ-то рекрутскую, подводную, постоянную, дорожную
 ѳя.

женіе государственныхъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи
 ненно лучше положенія мѣщанъ и цеховыхъ. Денежныя
 ральныя повинности, какія отбываютъ крестьяне, считая
 лѣ повинностей и оброкъ, платимый ими за землю, не
 е тѣхъ, какія отбываютъ мѣщане, а между тѣмъ крестьяне
 ются такимъ количествомъ казенныхъ земель, какое они за
 отбываемыхъ ими повинностей не всегда могли бы получить
 стныхъ лицъ. Но въ частности распределеніе повинностей
 цины далеко неравномѣрно по отношенію къ выгодамъ, по-
 ымъ каждую общиною отъ казенныхъ земель и угодій.
 ь одной общинѣ, гдѣ земля богатый черноземъ, гдѣ община
 пся вблизи лучшаго порта и имѣетъ земли по 15 деся-
 ма душу, платятъ оброка и подушной подати по 3¹/₂ руб.
 ши, что составитъ по 23 коп. съ десятины; въ другой, гдѣ
 ѣхъ выгодъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, гдѣ
 гораздо менѣе производительна, и надѣлъ ея едва доходитъ
 есятинъ на душу, крестьяне платятъ подати и оброка по
 . съ души, или по 1 руб. съ десятины.

II.

Экономисты учатъ, что государственные налоги должны распределяемы на гражданъ пропорціонально пользѣ, какую носятъ каждому гражданину тѣ учрежденія, на содержаніе которыхъ истрачиваются суммы, собираемыя посредствомъ налоговъ, и что потребность въ учрежденіяхъ, которыя бы но ограждали честь и безопасность государства извнѣ, ея койствіе внутри, и способствовали развитію нравственнаго матеріальнаго благосостоянія народа, чувствуется каждымъ гражданиномъ въ той степени, въ какой онъ обладаетъ матеріальными благами жизни. Эти два незамысловатыхъ, но тѣмъ не менѣе вѣдливыхъ положенія, вмѣстѣ съ нравственно-религіознымъ вѣломъ, по которому имущій долженъ пособлять немощнымъ, могутъ убѣдить всякаго, кто только въ состояніи думать о справедливости, что государственныя и земскія налоги должны быть распределяемы на гражданъ не по числу душъ въ семействѣ, но по количеству его средствъ, и что отъ соразмѣрнаго участія въ несеніи этихъ тягостей никто не имѣетъ право уклоняться. Мы думаемъ, мы даже увѣрены, что и собственнаго здраво-понятія выгоды зажиточныхъ гражданъ требуютъ, чтобъ они не только не старались уклоняться отъ соразмѣрнаго участія въ несеніи государственныхъ тягостей, но чтобъ они не только не старались долю тягостей взваливать на плечи бѣдняка, но чтобъ, напротивъ, они охотно брали на себя посильную часть изъ его ноши. Такъ думаемъ потому, что если человѣкъ, семья котораго печена въ насущномъ хлѣбѣ, въ первыхъ потребностяхъ не можетъ заботиться ни о чемъ иномъ, какъ только о томъ, какъ добыть пропитаніе, чтобъ отстранить матеріальныя нужды своей семьи,—если человѣкъ, угнетенный нуждой, не можетъ думать объ удовлетвореніи своего честолюбія, если у него нѣтъ средствъ, ни охоты для того, чтобы выдвинуться впередъ, заслужить ея уваженіе и пріобрѣсть на нее вліяніе; если, изъ-за недостатка, онъ самъ старается стать въ тѣни, то ему не мѣшали въ его заботахъ о насущномъ хлѣбѣ пріискать участію въ общественныхъ дѣлахъ: то человѣкъ, матеріальныя нужды котораго удовлетворены, который не постигаетъ въ необходимость думать о томъ, чѣмъ накормить и во что одѣть завтра свою семью, словомъ, человѣкъ зажиточный,

онъ не разбл... зственнымъ параличомъ, не можетъ не овать потребно ти выдвинуться изъ среды согражданъ, на виду общества, добиться почтенія, любви и уваженія юихъ однообщниковъ, приобрести голосъ въ обществен- совѣтахъ и вліаніе на дѣла общины. А достигнуть всего достаточный гражданинъ можетъ тѣмъ скорѣе и тѣмъ удач- вѣе болѣе онъ будетъ радѣть о пользахъ общества и чѣмъ юю долю изъ лежащихъ на обществѣ тягостей онъ при- а себя.

бы только было возможно опредѣлить съ точностью и безъ мѣ- большихъ затрудненій, безъ вмѣшательства публичной въ частныя дѣла гражданъ, вмѣшательства, не могущаго овершенно безвреднымъ и тогда, когда оно случается не и производится черезъ людей совершенно добросовѣст- еслибы было возможно, говоримъ, опредѣлить, съ соблю- ь этихъ условій, количество доходовъ, получаемыхъ, ка- ы то ни было путями, каждымъ гражданиномъ отдѣльно и въ совокупности, то было бы всего справедливѣе замѣ- одатью съ доходовъ не только личныя подати, но и всѣ ые налоги, собираемые посредствомъ регалій, акцизовъ иивъ, потому что и косвенные налоги, которые можно бы азвать податю съ расходовъ, въ противоположность по- ь доходовъ, и которые главною своею тяжестью падаютъ венно на предметы потребленія, болѣе или менѣе необ- е для каждаго человѣка, въ конечномъ своемъ резуль- плачиваются не пропорціонально суммѣ средствъ граж- , а пропорціонально числу душъ, составляющихъ его го, и вся разница между этими налогами и личною о, впрочемъ разница довольно значительная, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, отказавшись отъ употребленія того угаго продукта, подверженнаго регаліямъ, пошдинамъ или гь, избѣгаетъ уплаты налога, которымъ обложенъ этотъ гь. Но такъ какъ едва ли когда-нибудь будетъ возможно гуть этого, а въ близкомъ будущемъ достигнуть такого ьнаго распредѣленія налоговъ сообразно доходамъ каждаго ина, очевидно, невозможно, то для настоящаго времени я только пожелать, чтобы были отмѣнены по крайней мѣрѣ скія и подушныя подати, и земскія повинности, платимыя у душъ, какъ налоги, наиболѣе неравномѣрно падающіе на и притомъ падающіе наиболѣе тягостно на людей бѣд- ьтого желать и надѣяться мы тѣмъ болѣе въ правѣ, что эти я обсуждаются уже въ числѣ другихъ финансовыхъ во- ь въ комиссіяхъ, правительствомъ для того учрежден- ьснѣшное окончаніе податною комиссіею возложенныхъ

на нее работъ есть, по нашему мнѣнію, самая настоятельная потребность всего нашего государственнаго быта, а вѣсть съ тѣмъ и необходимое условіе для успѣшнаго окончанія трудовъ паспортной комиссіи.

При нынѣшнихъ нуждахъ государства, когда если и можно благоразумною бережливостію сократить расходы по инымъ отраслямъ государственнаго управленія, то для необходимаго улучшенія другихъ потребуется значительно увеличить расходы, такъ что въ итогъ государственнаго бюджета необходимо окажется не уменьшеніе, а увеличеніе расходовъ, — при нынѣшнихъ нуждахъ государства, говоримъ, только та финансовая реформа можетъ быть признана вполне удовлетворительною, которая вмѣстѣ съ облегченіемъ тягостей, лежащихъ на народѣ, доставитъ государственнымъ финансамъ виды на неотяготительное для гражданъ увеличеніе государственныхъ доходовъ противъ того, сколько получалось до реформы. Необходимо также имѣть въ виду, что налогъ, какъ бы онъ ни былъ справедливъ по принципу, какъ бы онъ ни былъ разуменъ по теоріи, можетъ оказаться тягостнымъ для народа и невыгоднымъ для казны, если взиманіе его сопряжено съ важными затрудненіями. Такъ, напримѣръ, если и нельзя отвергать того, что наиболѣе справедливый способъ распределенія налоговъ есть равномерное распределеніе ихъ по действительнымъ доходамъ всѣхъ гражданъ, то нельзя не сослаться и съ тѣмъ, что для того чтобы знать, сколько каждаго гражданина получилъ въ извѣстный періодъ времени доходъ отъ своего труда, имущества и промысловъ, необходимо было бы требовать отъ всѣхъ гражданъ, чтобы они давали финансовымъ чиновникамъ подробный отчетъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, а для надзора за правильностію этихъ отчетовъ было бы необходимо имѣть множество совершенно неподкупныхъ и дѣятельныхъ смотрщиковъ, которымъ также необходимо предоставить право вникать во всѣ дѣла, во всѣ предпріятія каждаго гражданина, следить за каждымъ его шагомъ, словомъ сказать, было бы необходимо дать казеннымъ чиновникамъ право имѣть такой надзоръ за дѣятельностію гражданъ по ихъ частнымъ дѣламъ, который можетъ отнять у гражданина всякую самостоятельность и поставить всѣ его экономическія соображенія въ зависимость отъ сборщика податей. Но такая зависимость гражданъ отъ чиновниковъ была бы для народа неотяготительна, и казна не много бы могла имѣть выгоды, такъ что расходы на собраніе податей и недобросовѣстность чиновниковъ поглотили бы значительную ихъ часть. Поэтому не отказавшись отъ мысли о замѣнѣ всѣхъ налоговъ одною данью съ дохода.

Статьи, съ которыхъ, по мнѣнію нашему, можетъ быть со-

подать безъ большихъ затрудненій для казны и для плательщиковъ, суть: торговля, фабричная и заводская промышленно-ремесленные и другіе мелочные промыслы, капиталы, со- вѣщанія въ обращеніи въ процентовъ, и наконецъ недвижимыя имуществва. Личный трудъ рабочаго человѣка и личный наемъ бытъ, по нашему мнѣнію, освобождены отъ налоговъ.

Мы не знаемъ въ точности, какъ велики суммы, собираемыя у насъ посредствомъ гильдейскихъ и подушныхъ податей, и еще не знаемъ того, что мы знаемъ о суммѣ доходовъ, собираемыхъ государственнымъ казначействомъ посредствомъ гильдейской и личной податей, знаемъ мы, да едва ли и кто другой знаетъ велики ли доходы, извлекаемые торговцами отъ торговли, промышленниками отъ промысловъ и собственниками отъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ; но по нѣкоторымъ, доступнымъ намъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что отъ двухъ до трехъ процентовъ съ рубля доходовъ въ пользу казны, и отъ одного до двухъ процентовъ въ пользу губернскихъ и мѣстныхъ общинъ, взимать достаточно для того, чтобы съ значительнымъ избыткомъ возмѣстятъ всѣ доходы, собираемые казной и общинами посредствомъ гильдейской и личныхъ податей.

Итакъ это, мы не думаемъ утверждать, что сумма теперешнихъ гильдейскихъ и подушныхъ податей и повинностей можетъ и должна быть распредѣляема во всякомъ случаѣ по доходамъ, дѣйствительно извлекаемымъ плательщиками податей изъ своихъ торговыхъ оборотовъ, промысловъ, недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ; противъ, во многихъ случаяхъ это совершенно невозможно, и единственно будетъ взимать подать лишь по доходамъ, приближенно определеннымъ. Такъ напримѣръ мелочная торговля, которая вѣроятно къ затраченнымъ въ нее капиталамъ, доставляетъ только барыши, но торговцы этого разряда рѣдко гдѣ ведутъ бухгалтерскіе счета по своей торговлѣ, и потому чаще всего не знаютъ ни суммы своихъ торговыхъ оборотовъ, ни количества получаемыхъ ими отъ торговли, слѣдовательно и не могутъ облагаться податю ни по доходамъ, ни даже по суммѣ торговыхъ оборотовъ. Единственный способъ для общины узнать ихъ податями, это патентный сборъ, разчитанный на разныя виды къ видамъ торговли. То же самое слѣдуетъ сказать и о мелочныхъ промышленникахъ и ремесленникахъ. Розничные и оптовые ведутъ счета по своей торговлѣ довольно аккуратно, такъ что не можетъ предстоить никакаго затрудненія въ познаніи суммъ торговыхъ оборотовъ, произведенныхъ въ известный періодъ времени тѣмъ или другимъ торговцемъ. Для этого было бы достаточно, чтобы каждый такой торговецъ былъ обязанъ, по истеченіи каждаго своего торговаго

года, объявлять надлежащему мѣсту или агенту о суммѣ съ торговыхъ оборотовъ, и чтобы, въ случаѣ сомнѣнія, это имѣло право требовать къ повѣркѣ передъ судомъ его торговыя книги. Неотяготительность налога, значительный штрафъ, налагаемый по суду на того торговца, который, для избѣжанія какой-либо части слѣдующихъ съ него податей, предвѣдно вздумалъ бы вести неправильно свои торговныя книги, опубликованіе его имени, могли бы служить ручательствомъ, что это случалось бы лишь какъ рѣдкое исключеніе. опредѣлить съ точностію количество выгодъ, приобретаемыхъ въ данное время отъ торговли, не всегда можетъ и сама вещь, и уже по этому одному, не говоря о возможныхъ недобросовѣстности торговцевъ, нельзя полагаться на то, какія бы сообщали торговцы установленнымъ мѣстамъ и лицамъ; подробная же повѣрка всѣхъ купеческихъ торговыхъ операций была бы невыносимымъ для торговыхъ людей бременемъ въ ихъ дѣла и была бы крайне затруднительна для самихъ ревизующихъ. Поэтому подать съ торговли, какъ розничной, такъ и оптовой, а также съ фабричной и заводской промышленности, можетъ быть опредѣлена только приблизительно по оборотамъ. Розничная торговля, какъ извѣстно, даетъ значительнѣе большіе барыши съ затраченныхъ въ нее капиталовъ, нежели торговля оптовая. Средній барышъ въ розничной торговлѣ можно считать не менѣе 10, въ оптовой не болѣе 6% съ оборотовъ. Сообразно съ этою разностию выгодъ должна быть опредѣляема и подать на обороты. Далѣе, распредѣленіе налоговъ на недвижимыя имущества по доходамъ, дѣйствительно извлекаемымъ, было бы также слишкомъ затруднительно, такъ какъ значительной части имущества и совершенно невозможно дать на эти имущества можетъ быть опредѣляема не по суммѣ доходовъ (rente), какіе получаются или могли бы получаемы владѣльцами отъ сдачи своихъ имущества въ аренду, а по такому условію, чтобъ имущества эти были ремонтируемы и содержимы арендаторовъ. Что касается наконецъ до акціонерныхъ обществъ и вообще такихъ товариществъ, которыя обязаны периодически отчитываться значительному числу своихъ участниковъ, то справедливо дѣлится между ними приобретаемая выгода, то сумма годовъ, извлекаемыхъ этими товариществами изъ ихъ владѣнія, не можетъ быть тайной, а потому и не можетъ быть затрудненія въ обложеніи ихъ податями по доходамъ, такъ какъ только извлекаемымъ ими изъ ихъ предпріятій.

Но имѣя въ виду уже отчасти упомянутую нами трудность извести черезъ чиновниковъ оцѣнку имущества, опредѣленіе суммы доходовъ, какіе съ какого имущества могутъ быть извлечены,

лить, какого разряда патенты долженъ брать, по роду торговли, промысловъ или ремеслъ, каждый мелочной ещѣ, промышленникъ или ремесленникъ, мы полагаемъ, въ эти обязанности и, наконецъ, сборъ всѣхъ вообще съ налоговъ должны лежать не на казенныхъ, а на мѣстныхъ общинныхъ учрежденіяхъ. На первый разъ достаточно бы возложить на обязанность мѣстныхъ обществъ плащей суммы теперешнихъ гильдейскихъ и подушныхъ пость предоставленіемъ каждому обществу права раскладыу сумму на своихъ членовъ на основаніяхъ, подобныхъ ымъ нами, при надлежащемъ, законами опредѣленномъ казенныхъ чиновниковъ, которые при этомъ должны иваться ролью блюстителей закона и интересовъ казны, ть не являться полновластными распорядителями судебъ

системъ, по которой государственные и земскіе налоги бѣлялись бы не по душамъ, а по доходамъ и имуществу, имность круговой поруки однообщниковъ, а слѣдовательно имность податнаго человѣка отъ общины въ его передви съ одного мѣста на другое, сама собою уничтожится. о держится на подушномъ окладѣ, и съ переложеніемъ имущества сдѣлается не нужнымъ (1). А кто, въ настоя емя, не сознаетъ, что эта зависимость свободнаго че отъ общины, зависимость, совершенно теперь не ая, есть одна изъ наиболее-важныхъ причинъ, мѣша успѣшному ходу развитія народнаго благосостоянія? только вспомнить, какъ не легко бѣдному человѣку ь паспортъ, какъ не легко и не дешево обходится ему ствовать съ нимъ по кварталамъ, частямъ и полиціямъ, шваюсь и временемъ и четвертаками за явку паспортовъ, которая, если и имѣетъ какой результатъ, такъ только о перелагаетъ четвертаки изъ кармана рабочаго въ чу ананы; стѣять вспомнить только, съ какими страшными зніями сопряжено теперь перечисленіе изъ одного обще другое; стѣять только вспомнить все это человѣку, из му такіа неудобства собственнымъ опытомъ, или видѣв а другихъ, чтобы пожелать отъ всей души приближе минуты, когда свобода передвиженія каждаго гражда

ская повинность можетъ быть отправляема и безъ круговой пору показываетъ примѣръ всѣхъ европейскихъ государствъ, а потому читаемъ нужнымъ говорить о рекрутской повинности. Наша пас система, основанная на круговой порукѣ, условливается лишь су нѣемъ у насъ подушныхъ окладовъ.

нина могла бы быть ограничиваема только властію суда, и преступленія или по гражданскимъ искамъ. Но кровъ этого такъ-сказать, непосредственнаго облегченія бремени, лежащаго на бѣднѣйшихъ классахъ людей, такая система можетъ представить еще одну важную выгоду. Зажиточные граждане, которые теперь, не платя вовсе податей, или платя разъ навсегда опредѣленную подать (каковы: гильдейская и всѣ личныя подати равнодушны къ интересамъ казны, всѣ эти зажиточные граждане убѣдившись на дѣлѣ, что размѣры податей, какія они обязаны будутъ платить, вполне зависятъ отъ суммы денегъ, испрашиваемыхъ на государственныя и земскія нужды, по необходимости придутъ къ тому убѣжденію, что ихъ личные интересы тѣсно связаны съ интересами казны и земства; а отъ этого, какъ извѣстно, можно ожидать самыхъ отраднѣйшихъ послѣдствій для роднаго благосостоянія.

И. Сальниковъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемые Николаемъ Тихонравовымъ. Москва, 1859. Книжки 1—4.

По отношенію къ отечественной словесности, *Лѣтописи русской литературы и древности* имѣютъ такое же значеніе, какъ и нѣмецкой литературы, которую Гаупта, *Zeitschrift für deutsches Alterthum*, а относительно французской и англійской—журналъ Эберта, *Jahrbuch für germanische und englische Literatur*. Если изданіе г. Тихонравова не поспоритъ съ соответственнымъ его достоинству успѣхомъ, то этотъ фактъ свидѣтельствуетъ только, что для русской литературы не наступила еще пора серьезныхъ спеціальныхъ трудовъ. Даже бѣглый обзоръ четырехъ вышедшихъ книжекъ даетъ каждому, что всѣ три отдѣла *Лѣтописей* наполняются самыми дѣльными, и что въ нихъ вовсе нѣтъ такъ-называемаго «малта». Отдѣлъ «ислѣдованій» заключаетъ въ себя самыя интересные труды многихъ нашихъ ученыхъ, преимущественно г. Буслаева; отдѣлъ «матеріаловъ» даетъ любопытнѣйшія матеріалы древне-русской литературы, народной и письменной; наконецъ отдѣлъ, означенный скромнымъ именемъ «списокъ библиографіи», предлагаетъ критическія статьи, которыя

характеръ самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій. Въ участіе участвуютъ многіе ученые, и давно пользующіеся славою извѣстностію: гг. Буслаевъ, С. Соловьевъ, И. Забѣлинъ, Н. Поповъ, Иловайскій, Ундольскій, и вновь выходящіе тайнымъ ручательствомъ въ своихъ талантахъ и знаніяхъ, Ларевскій, И. Некрасовъ, Дювернуа и другіе. Кажется, есть что-то зависить внутренняя цѣнность періодическаго изданія, что должно было бы упрочить за нимъ успѣхъ. Обвиненіе запоздаломъ выходѣ книжекъ справедливо, но въ приложеніи къ спеціально-ученому журналу—маловажно. Аккуратность и своевременность—необходимое условіе въ журналѣ, чуждомъ «полюбопытнаго обзорія», «хроникъ внутреннихъ событій» и «беллетристики», этой оброчной статьи, налагаемой на издателя и подписчиковъ: при отсутствіи положительныхъ результатовъ, пунктуально-своевременное появленіе номеровъ не можетъ его ни на волосъ. Наконецъ, нельзя назвать *Летопись* спеціальнымъ изданіемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова: это не литература, какъ и вообще русская исторія, предметъ ея не менѣе общій; сочувствіе къ ней измѣряется не одною «легкостью чтенія, къ увеселенію служащаго», но и потребностію ознакомиться съ ея историческимъ ходомъ, съ ея прошлымъ и современнымъ состояніемъ. Сколько притомъ любителей исторіи, сколько любителей русскою словесностію по обязанности, не говоря уже о дилеттантствѣ! Каждый изъ нихъ, отъ профессора до студента, нашелъ бы въ *Летописяхъ* много полезнаго и любопытнаго: какъ для самого себя, такъ и для своего преподаванія. Но въ то же время надобно сознаться, что для успѣха самыхъ полезныхъ изданій и теперь еще необходимо прибѣгать къ внѣшнимъ способамъ; что и теперь еще наука рѣдко пользуется привилегіею свободно захватывать добровольное вниманіе, а должна искать опоры въ понудительныхъ мѣрахъ; что расхожденію ея иногда всего менѣе способствуетъ внутреннее, а всего болѣе какіе-нибудь сюрпризы, лотерейные билеты.

Въ особенности занимаютъ древне-русскою словесностію по крайней мѣрѣ большая часть статей, напечатанныхъ въ первыхъ четырехъ книжкахъ, посвящена стариннымъ памятникамъ. Кто ясно представляетъ себѣ настоящее состояніе исторіи русской словесности, какъ науки, тотъ только не удивитъ такое предпочтеніе, выказываемое ей. Литература новаго періода нашей исторіи, если не отъ Петра, служила давнишнимъ и любимымъ предметомъ разысканій. Въ ней уже не мало утвержденныхъ положеній, при дальнѣйшей ея разработкѣ, могутъ болѣе и

болѣе выясняться, но отъ которыхъ она не откажется, какъ ложныхъ. Другое дѣло въ древней нашей словесности. Здѣсь требуется и пересмотръ известнаго, и открытіе неизвѣстнаго. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа литературныхъ фактовъ строится самая о нихъ наука, въ которой много еще пробѣловъ, одностороннихъ взглядовъ и ложныхъ положеній. Прегнія занятія были неприкосновенными самые видные ея пункты. Наряду поэзія долго разсматривалась безъ всякой мысли о послѣдствіяхъ ея развитіи, о выраженіи въ ней существенныхъ чертъ народнаго быта: все вниманіе обращено было на изученіе поэтическихъ и стилистическихъ ея особенностей (и даже большею частію не имѣли значенія особенностей) и на различеніе ихъ по родамъ и видамъ (которое даже не вытекало изъ логическихъ требованій). О вліяніи византійскаго голаго словоисловія, безъ сличенія памятниковъ нашей словесности съ памятниками южно-славянскими и греческими. Что касалось вліянія польскаго, то о немъ или вовсе не упоминалось, или упоминалось вскользь, какъ будто оно существовало въ ничтожныхъ размѣрахъ. Г. Пыпинъ первый ступилъ на эту нетронутую почву. Его *Очеркъ литературной исторіи русской прозы и сказокъ русскихъ* открылъ новую область литературныхъ произведеній, безъ которыхъ систематическое изученіе исторіи словесности было бы очень неполно.

Особенное значеніе и вмѣстѣ важная заслуга *Летописей* состоятъ въ двухъ предметахъ: 1) въ помѣщеніи такихъ фактовъ, которые не только пополняютъ численное богатство русскихъ литературныхъ произведеній, но и даютъ материалъ для надлежащей разработкѣ исторіи русской словесности; 2) въ помѣщеніи такихъ изслѣдованій, которыя служатъ данными для разработки. Съ этихъ точекъ зрѣнія мы и будемъ разсуждать въ вышедшія книжки журнала.

Начнемъ съ того, что *Летописи* вводятъ исторію русской словесности въ надлежащія границы: выборъ «материала» указываетъ, какіе именно памятники слова относятся къ исторіи русской словесности, а «изслѣдованія» означаютъ, какія именно стороны памятниковъ подлежатъ историко-литературному изученію. Разборъ *Православнаго Собесѣдника* на 1858 годъ, по помѣщеніи въ немъ духовныхъ словъ и поученій, г. Пыпинъ говоритъ слѣдующее:

«Отдавая полную справедливость этому обширному отдѣлу нашей письменности въ высокомъ его значеніи для исторіи церковнаго просвѣщенія, мы думаемъ, что собственно въ литературномъ отношеніи должны заслуживать вниманія только тѣ изъ словъ духовной письменности, которыя или характеризуютъ народный бытъ эпохи

рѣнія, въ которыхъ религіозныя убѣжденія принимаютъ художественному извѣстнаго направленія или стиля своего времени. При этихъ тѣ, все витиеватое и напыщенное, всякая излишняя сентименталь-ское многословіе и плодovitость, разбавленная выписками изъ ви-нихъ источниковъ и распространеніями или варіаціями одной и той-ди,—все это, при посредствѣ строгой филологической и эстетической, должно быть изъято изъ области собственно такъ-называемой исто-ратуры. Только тогда мы будемъ имѣть настоящую исторію рус-родной литературы, какую имѣютъ Нѣмцы, Французы и Англичане, е станемъ выдавать за великіе образцы древне-русской литератур-тельности витиеватыя и многословныя передѣлки чужихъ фразъ. е эта наука, опредѣленная въ своихъ границахъ, не будетъ уже-мъ сборникомъ разныхъ назидательныхъ статей по части полити-церковной исторіи древней Руси, какъ обыкновенно разумѣютъ русской литературы теперь.» (Книжка 1, «Смѣсь и библиографія», стр.

авляемъ на видъ эти слова, какъ примѣръ разумнаго огра-науки. Они очищаютъ исторію русской словесности отъ-ихъ элементовъ, и съ этимъ вмѣстѣ стягиваютъ въ ея-обственное ея достояніе. Г. Буслаевъ сортируетъ про-ія духовнаго краснорѣчія: только тѣ изъ нихъ допускаютъ-въ литературную область, котормя или характеризуютъ-ий быть эпохи (согласно тому положенію, что «литера-ть выраженіе общества»), или излагаютъ такія воззрѣнія,-орыхъ религіозныя убѣжденія приняли художественную-звѣстнаго направленія или стиля своего времени (со-тому положенію, что содержаніе литературныхъ произве-олжно быть облечено въ болѣе или менѣе изящную-Указавъ на одинъ изъ положительныхъ предметовъ исто-жой словесности, критикъ, подъ видомъ упрека совре-пониманію науки, угрожающему обратитъ ее въ сбор-инородныхъ познаній, указываетъ, что должно быть изъ-пчено: въ ней не должны имѣть мѣста «ни политиче-церковная исторія Руси».

съ одной стороны, для надлежащаго ограниченія науки, имо стѣснить ея объемъ, отсѣкая отъ него захваты чу-, съ другой стороны, слѣдуетъ водворить ее въ точныхъ-къ посредствомъ расширенія, возвращая неправильно у-ятое или наполняя ея пробѣлы изслѣдованіемъ ново-хъ памятниковъ.

я русская литература, говоритъ г. Тихонравовъ, при вниматель-дробномъ изученія, не представляетъ того безотраднато безобра-ому обрели ея невольныя люди, ограничившіе себя бесплоднымъ-къ религіозному направленію ея, и витъ произведеній церковной сло-не искавшие пищи своему изслѣдованію. Какъ ни тяжелы были-ити, наложенныя церковно-византійскою письменностію на наву,-а же народная фантазія сдержаться тѣми монотонными поуче-

ніями, которыми награждала ее Византія, не могла же удовлетворяться этою оціяальною литературой. Односторонности и сухости ея съ давнихъ поръ противодействовали апокрифическія произведенія свѣтскаго, повѣстательнаго, легендарнаго характера, переходившія часто изъ той же Византіи. Въ XVI вѣкѣ къ нимъ присоединились литературныя произведенія латинскаго запада.

Апокрифы, или книги отреченныя (то-есть запрещенныя) — своего рода новооткрытая земля въ пространствахъ отечественной словесности. Г. Пыпинъ сдѣлалъ краткій обзоръ этого литературнаго отдѣла въ статьѣ: «Древняя русская литература» (*Отеч. Зап.* 1857, № XI). Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ стали печататься апокрифическія сказанія. *Лѣтописи помѣстнаго цѣдаріуса*», появившіяся у насъ въ XVI вѣкѣ. Предисловіе г. Пыпина объясняетъ значеніе его вообще и въ русской литературѣ въ особенности.

Несмотря на всю свою важность, собственно-духовная жизнь составляла исключительную область, которая имѣла въ виду одну сторону народной жизни, хотя и самую существенную — религиозную. Но у народа, при возбужденной охотѣ къ чтенію, являюся другія внутреннія потребности, для удовлетворенія которыхъ недостаточно одного и того же матеріала. Умъ и таланта естественно стремятся къ движенію, къ многообразному развитію. Любознательность требуетъ новой пищи, выходящей изъ одного, строго-очерченнаго круга, чтобы познакомиться съ предметами другихъ наукъ: астрономіи, физики, математики, исторіи человѣчества, исторіи естественной. У предковъ нашихъ были пѣсни и сказки, соотвѣтствующія интересамъ ихъ мысли, настроенію ихъ творческой способности. Люди грамотные, кромѣ произведеній народной словесности, имѣли еще и другія книги, имѣли эстетическое ихъ чувство, имѣли потребность въ книгахъ, которыя возбуждаютъ умственную пытливость и насыщаютъ этимъ тѣшатъ воображеніе поэтическими вымыслами. Какъ пытливость устремлялась преимущественно на науку, такъ въ литературу, то понятно, что литературныя произведенія тѣмъ больше могли выиграть, чѣмъ больше имѣли характеръ легендарнаго, то-есть излагались въ формѣ священныя вымышленныя сказанія и преданій. Такими повѣствованіями, отвѣчавшими современному состоянію образованія, были апокрифы.

Понятно, почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги: оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію, и просвѣщенію. Въ апокрифахъ темныя богословскія понятія затемнялись ложными толкованіями, разказами священной исторіи примѣшивались вымышленныя подробности, вмѣсто истинныхъ научныхъ свѣдѣній выступали

антастическія представленія. Отсюда между людьми грамотными развивалось «двоевѣріе», въ которомъ христіанскія убѣжденія были перепутаны съ языческими вѣрованіями, и которое исходило къ народу, а отъ него поступало опять въ книжный оборотъ съ новыми элементами, въ болѣе усложненномъ видѣ. Вотъ почему, начиная съ XIII и до XVIII вѣка, духовная власть не переставала обличать ложныя, «богоотметныя» сказанія; и какъ еще «слово на соборъ архангела Михаила», приписываемое Филаретомъ, авторомъ «*Исторіи Русской Церкви*», митрополиту Кириллу II, запрещало читать отреченныя книги, которыя возвращаютъ съ праваго пути, такъ *Духовный Регламентъ* (1720) предписываетъ духовенству строго смотрѣть за исторіями, противными православному ученію, разказывающими то, чего не было, достойными смѣху за свое «бездѣльное» содержаніе.

Но это двоевѣріе, противное правому ученію вообще и ученію равной вѣры въ частности, дало многіе элементы поэтическому юрчеству. Если исторія русской церкви, наравнѣ съ исторіей усскаго просвѣщенія, находятъ достаточныя причины осуждать то; то исторія поэзіи, имѣющей свою собственную область, состоящей на особыхъ правахъ и условіяхъ, видитъ въ апокрихъ такія произведенія, которыми оживлялся однообразный токъ ключительной литературы. Они поставляли и своеобразно развѣщали религиозные вопросы; распространяли вымышленными подробностями краткій и сухой историческій разказъ; обрали любовзвательность на другія отрасли знаній, не на одну гматикку; да и въ сферѣ одного и того же знанія давали утвержденнымъ понятіямъ извѣстный просторъ и движеніе. Но высій интересъ ихъ—поэтический, возбуждавшій фантазію и чувство читателя. Въ нихъ много художественныхъ образовъ, и они съма часто проникнуты искреннимъ одушевленіемъ, хотя это ушевленіе выходило изъ источниковъ, признаваемыхъ за мутные. Чтобъ ясно представить себѣ, какъ и почему вымышленныя азанія нравились грамотнымъ людямъ, достаточно привести ннѣ примѣръ. Священная исторія говоритъ о жизни первыхъ *лювѣковъ* лишь то, что находитъ въ книгѣ *Бытія*. Но любовзательность не довольствуется библейскимъ повѣствованіемъ: а желала бы развѣдать многія обстоятельства въ судьбѣ Адама Евы, особенно послѣ изгнанія ихъ изъ рая. Это естественное ланіе выражено въ такъ-называемомъ *Разговорѣ о Адамовыхъ малѣхъ, какѣ жили* (Лѣтоп., книжка 3): «Пришло мнѣ на мысль *воригъ* неизвѣстный сочинитель «Разговора») помянуть вкратцѣ *тіе* *прадѣда* нашего Адама, какое онъ имѣлъ по изгнаніи изъ *і* за свое преступленіе. Не малая диковина подумать, какъ онъ *одъ* свой заводилъ—хоромное строеніе, хлѣбную пашню, рыб-

ную ловлю, сѣнные покосы и прочее! Сталь окъ шбу стрѣ гдѣ бревна сметаны и не сѣчены. Чѣмъ сѣчь? топоромъ? но поръ не кованъ, и топорщице не сдѣлано. Ахъ, бѣда! при избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выка да и копать нечѣмъ, уголья не жжены, да и жечь не умѣ. Лѣсъ стоитъ еще на корню: что тутъ завезть въ началѣ- лѣзные заводы, или рубку лѣсовъ? Пашню ли копать, или бороны дѣлать? плотники не рождены, кузнецы не зачатъ, мастера еще на свѣтъ не успѣли и хитрецы не вышли. Любезный нашъ праотецъ! Сколько слезъ ты пролилъ о несчастіи! сколькими плачевными гласами наполнилъ мою горькомъ житіемъ! Чрево пищи просить, а пища не съима. Божіимъ повелѣніемъ рожь растеть, но еще не жата: рее съ корнемъ, того бѣдный не знаетъ. Сорветъ колосъ, другой: надобно молотить, а какъ молотить — и не слыши. Обмолотивши, надобно молоть, а какъ молоть? гдѣ жернова, огонь? гдѣ квашня? гдѣ мутовка? и печь не сладаена. И надобно жить, да не тужить. Дождь съ неба пошелъ, не укрыться; стужа стала, надобно одѣться: кафтанъ не шитъ, не кроена. А ножницы да игла гдѣ? того и не бывало. И вечное слово о томъ, да пора кончить: видно намъ безъ Божіей ничего не сдѣлать.

«Разговоръ» только перечисляетъ вопросы, естественно кавшіе въ умѣ любознательнаго человѣка. Отвѣтъ на нихъ и тотъ же: «видно намъ безъ власти Божіей ничего не сдѣлать». Другими словами: все сдѣлалъ, всему научилъ первый Богъ. Но могло бы выйти и другое, болѣе обстоятельное: могъ бы, напримѣръ, какой-нибудь книжникъ, со своимъ таланту и образованію, разказать, какъ прародители, предоставленные собственнымъ силамъ, хотя и постоянно зираемые Провидѣніемъ, переходили отъ однихъ изобрѣтеній другимъ; какъ они мало-по-малу выпутывались изъ безпомощности и достигали извѣстныхъ обезпеченій жизни; потомъ они и дѣти ихъ съ своими семействами составили рода общину, нуждавшуюся въ какихъ-нибудь постановкахъ. Передъ читателемъ раскрылось бы наглядно возникошеніе данскаго общества, по вѣншей и внутренней потребностямъ вѣческой природы. Это была бы любопытная картина историческаго характера связей и отношеній между людьми, изъ которыхъ въ послѣдствіи развивается характеръ высшихъ степеней данскаго быта; это была бы своего рода «мелософія» историческая, женная въ повѣствовательной формѣ. Достоинство рѣчи конечно, соответствовало бы состоянію времени, въ которомъ явилось, и личнымъ качествамъ автора. При благоприятныхъ

ахъ, въ эпоху развитой образованности, и при высокой степени дожественнаго таланта, предполагаемый разказъ могъ бы имѣть такой же несомнѣнный, общій для всѣхъ возрастовъ интересъ, какой имѣеть знаменитый романъ: *Робинзонъ Крузо*.

И дѣйствительно, опыты означеннаго рѣшенія предложены нѣ-
 юлькими апокрифическими сказаніями о судьбѣ Адама, до и послѣ
 о паденія. Сюда относятся: «Изъ сколькихъ частей созданъ
 члвкъ», «О главѣ Адамовой», «О имени Адамовомъ», «О нареченіи
 гъ именъ не только животнымъ, но и ангеламъ», «Адамовъ завѣтъ»,
 «Молева молитва», «О погребеніи Авела» и другія. (*Описание рукоп.*
ум. музея, стр. 510, 546, 566, 725.) Сюда же относится духовный
 родной стихъ: «Адамовъ плачь». Какимъ образомъ апокрифиче-
 ское сказаніе объясняетъ нареченіе перваго чловѣка Адамомъ?
 а этого имени, говоритъ онъ, Богъ повелѣлъ ангеламъ взять
 на востокъ, д на западъ, ж на югъ и з на сѣверъ. Объясненіе
 своемъ родѣ замысловатое и удовлетворительное для людей
 вѣстнаго образованія. Кто научилъ Адама погребсти убитаго
 еля, тѣло котораго, по апокрифу, лежало негнѣннымъ трид-
 ть лѣтъ? Его научила птичка, закопавшая другую мертвую
 ичку въ песокъ (*Лит.*, кн. I, смѣсь, стр. 151). Всѣ подобные
 дѣльные разказы, по мнѣнію г. Буслаява, суть эпизоды об-
 рной средневѣковой поэмы о началѣ міра и судьбѣ первыхъ
 чловѣковъ. («Повѣсть о Горѣ-Злочастіи» *Русскій Вѣстникъ* 1856
 14.)

По отношенію къ исторіи образованія, книги, получившія на-
 иеніе отреченныхъ, замѣчательны тѣмъ, что даютъ знать о пред-
 гахъ, которыми интересовались грамотные люди въ ту или
 угую эпоху. Конечно, напрасны были бы попытки искать въ
 ихъ книгахъ безукоризненнаго соответствія наукѣ; однакожъ
 ъ любви къ наукѣ, изъ желанія узнать что-либо новое, неиз-
 стное, а не изъ другихъ побужденій, онѣ списывались и чи-
 сь. По нимъ видно то, хотя и небольшое, движеніе, которое
 ершалось въ мысли читающаго класса; по нимъ видно, что
 игіе изъ грамотныхъ предковъ нашихъ не обрекали себя на
 той, а, напротивъ, съ жаднымъ любопытствомъ встрѣчали мно-
 нныя научныя новости. Максимъ Грекъ счелъ даже своею обя-
 ностію противодѣйствовать увлеченію. Онъ указывалъ на-
 ящую точку зрѣнія на то, что *Стоглазъ* именовалъ «составами
 гудростями еретическими». Какъ христіанинъ и вмѣстѣ уче-
 ѣ, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на отреченныя книги:
 долгу христіанина, онъ ревностно оберегалъ чистоту право-
 вія; по долгу ученаго, твердо стоялъ за непркосновенность
 ки. Отсюда его полемика, имѣвшая цѣлю дать торжество вѣрѣ
 съ суевѣріемъ, просвѣщенію надъ невѣжествомъ.

Чтобы какимъ-нибудь примѣромъ пояснить интересъ странныхъ книгъ относительно исторіи образования, сдѣлаемъ сколько замѣтокъ на альманахи, осуждаемые *Домостроемъ Стоглавомъ*. Альманахи, то-есть календари, явившіеся у насъ у Аравитянъ (самое слово *альманахъ* — арабское), содержатъ въ себѣ, по суевѣрной наклонности тогдашняго времени, и астрологическихъ и метеорологическихъ наблюденій, предсказанія разныхъ событій. *Луцидарій* (*Elucidarius*, просвѣтитель) содержитъ въ себѣ многое изъ этого источника, какъ доказываютъ слѣдующимъ мѣстомъ о свойствахъ планетъ и звѣздъ, и о вліяніи на свойства людей: «Какая планета ближе къ душѣ человѣка (*долженствующаю явиться въ селѣ*), отъ той оныя происходятъ рожденіе. Однѣ планеты и звѣзды — студенаго естества, другія влажнаго, третьи сухаго: тѣ же самыя естества производятъ звѣздъ и человѣкъ. Человѣкъ студенаго и сухаго естества бываетъ молчаливъ и невѣренъ; человѣкъ естества студенаго и влажнаго — разговорчивъ и скоро высказывается; человѣкъ естества горячаго — дерзокъ, храбръ, влюбчивъ и неженъ въ любви. И потому планета Марсъ, будучи горячаго естества, производитъ брани и нестроенія,» и пр.

Понятія объ астрономіи, выродившейся въ астрологію, въ чужды нашимъ предкамъ и до XVI в., то-есть до времени явленія у насъ альманаховъ. Еще въ XIV в., подъ именами крифовъ и суевѣрій, упоминаются: *Звѣздоцетъе*, *Острономія*, *почитанье* (ученіе о родѣ, то-есть о судьбѣ). Существующіе же календари, или мѣсяцословы, какъ видно изъ списка ценныхъ книгъ: *Громики*, или *Громовники* (время, когда бываетъ громъ), *Молніи* (время, когда бываетъ молнія?), *и* *и*. На концѣ одного списка *Синодальной Библии* (въ помѣщенъ мѣсяцословъ, въ которомъ, сверхъ означенія солнца вступаетъ въ знакъ зодіака, находятся другія замѣчанія, напримѣръ о времени бросанія крови. Это означеніе не существуетъ ни въ индексѣ апокрифическихъ сказаній, «Зодіакъ» «Зодио»? Въ томъ же мѣсяцословѣ, послѣ таблицы лунныхъ поговѣй, упомянутъ «*Шестокрыль*» (хронологическія таблицы въ числѣ шести), тоже показанный *Стоглавомъ* въ еретическихъ писаніяхъ. Жидовствующіе, въ Новгородѣ, свой *Шестокрыль*, расположенный по 19-ти-лѣтнимъ, и по 19-ти-лѣтнимъ періодамъ. Архіепископъ новгородскій Геннадій такъ писалъ немъ ростовскому архіепископу Іоасафу: «Жидовствующіе члени *Шестокрыль* и прельщаютъ тѣмъ христіанство, что знаменіе съ небесъ сводятъ; но это не ими собою. *Шестокрыль* взять отъ астрономіи, какъ капля отъ моря.» *рукоп. Синод. Библ.*, кн. I, стр. 160—162.) Можетъ-быть, е

о и того же памятника, напримѣръ календаря, вошли въ апокрифъ, какъ разныя книги: указаніе солнечныхъ и лунныхъ затмѣній произвело «стѣнамъ знаменье» или, по выраженіи Гешнадія, «сведеніе знаменій съ небесъ»; замѣтки о врекогда бываетъ гроза (громъ и молнія), породили *Громъ и Молніямикъ*; о *Зодіаки* сказано выше. Можетъ-быть, что статьи, взятая изъ календаря и пополненныя друзамѣтками, писались особыми списками и такимъ образомъ имъ видъ отдѣльныхъ книгъ.

XVI вѣкъ астрологическія понятія у насъ усмиваются: ихъ остраиваютъ иностранцы, преимущественно посредствомъ заговѣвъ, имѣвшихъ въ то время большое значеніе на Западѣ Европы. Пятнадцатый вѣкъ въ Италіи былъ временемъ суевѣрности къ астрологіи. Тогда думали, что все въ мірѣ отъ судьбы царствъ до судьбы человѣка, управляется движеніемъ и вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ. Франція раздѣляла это мнѣніе. Максимъ Грекъ, личный свидѣтель господства астрологіи въ свое время своего пребыванія въ Италіи, пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «есть нѣкоторые, совершенно погибшіе, въ безбожіе вѣрившіеся; сколько въ италійскихъ училищахъ и въ книгахъ болятъ этимъ недугомъ» (то-есть вѣрой въ астрологію)! Не говоря уже, что альманахи ежегодно въ великомъ множествѣ списываются въ Венеціи и вездѣ въ Италіи на торжищахъ продаются народу.

Въ виду иноземца, распространившаго у насъ въ XVI в. астрологическое ученіе, извѣстенъ Николай Нѣмчинъ. Г. Строгановъ думаетъ, что подъ этимъ именемъ предки наши разумеютъ Николая Коперника, такъ какъ общепринятая нынѣ симирица казалась имъ богопротивною ересью (*Предисл. къ рукоп. гр. Толстаго*, стр. L и LI). Едва ли справедливо предположеніе: во первыхъ, ученый Максимъ Грекъ очень мало понималъ различіе между астрологіей и астрономіей, и открытія последней не могъ смѣшивать съ богопротивными ересями; во вторыхъ, твореніе Коперника, излагающее новую систему міра (*De revolutionibus orbium coelestium*), явилось въ 1543 г., тогда какъ полемика Максима Грека противъ астрологіи относится къ двадцатымъ годамъ XVI столѣтія. Поэтому неизвѣстнымъ, кто именно былъ Николай Нѣмчинъ: или самый папскій легатъ Николай Шомбергъ или Шенбергеръ (*Nicolaus de Alemania*), «родомъ Нѣмчинъ, а вѣрою латинскій», который долго жилъ въ Россіи и котораго богословствія подвергались также критикѣ со стороны Максима Грека, или какое-либо другое лицо. Вѣрно только то, что, живъ въ Россіи, онъ успѣшно передавалъ нѣкоторымъ Русскимъ

астрологическую науку, которой, между прочими, подалъ Мисюръ Мунехинъ, дьякъ великаго князя, бывшій псковскій намѣстникомъ, бояринъ Федоръ Ивановичъ Карповъ, какъ Георгій, по мнѣнію г. Тихонравова Георгій Ивановичъ Тихоновъ, переводчикъ *Луидаріуса*, и какой-то игуменъ. Къ тому изъ нихъ Николай Нѣмчинъ писалъ, что въ 7032 г. (созданія міра (1524 по Р. Х.) будетъ несомнѣнное преимущество всѣмъ странамъ и царствамъ, областямъ и градамъ, обычаямъ, достоинствамъ, скотамъ и бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ роднымъ, ибо въ то лѣто не узрится солнце (*Русскій старобранство*, Щанова, стр. 158). Другое посланіе къ нему дьяку отъ инока псковскаго Елеазарова монастыря, наоборотъ, опровергаетъ вѣру въ могущество небесныхъ свѣтилъ.

Но преимущественно ратовалъ противъ Нѣмчина Максимъ Грекъ, основательно различавшій астрологию «естественную» или астрономическую, занятіе которою, какъ дѣльною наукою, онъ не воспрещаетъ, и «предсказательную», или собственно астрологию, которую онъ называетъ «художествомъ зримымъ», «преlestью звѣздохетноу». Понятія его объ астрологіи, изложенныя во многихъ словахъ и посланіяхъ, называютъ, что онъ былъ знакомъ и съ исторіей науки, и съ современнымъ ея состояніемъ, и съ ея содержаніемъ. Такъ называетъ астрологию преданіями «халдейскими», указывая, что это знаніе возникло въ Халдеѣ, почему древніе астрологи имѣли имя «Халдеевъ». Къ Халдеямъ присоединяетъ Италіянцевъ и Нѣмцевъ «прегордыхъ», такъ какъ у этихъ народовъ въ его время астрологія пользовалась особымъ почетомъ. Одно изъ важнѣйшихъ астрологическихъ дѣйствій — составленіе гороскопа означено у Максима двумя словами: «родозрительное упражненіе», то-есть начертаніе судьбы (рода) человека по мѣнѣ его рожденія. Ложныя предсказанія и намѣренныя подвигали правительства на строгія мѣры противъ астрологовъ или «математиковъ» (такъ называли ихъ за производимыя вычисленія): поэтому, въ одномъ посланіи, Максимъ замѣчаетъ, что цари гражданскимъ закономъ запрещали учить «математикѣ», и эту науку отдѣляетъ отъ «геометріи», преподаваніе которой не возбранялось. Но съ другой стороны, многія выдающіяся особы безусловно вѣрили во вліяніе планетъ и звѣздъ, и при себѣ астрономовъ, постоянно имъ покровительствовали, и Максимъ Грекъ приводитъ въ примѣръ миланскаго папа Лудовика Мора, какъ онъ, обольщенный предсказаніемъ астролога Амвросія Розады, возмечталъ о всемірномъ владыкѣ, произвелъ движеніе въ Италію, но принужденъ былъ

къ императору Максимилиану и потомъ умеръ во Франціи инциѣ. Бояринъ Карповъ ссылался на отцовъ церкви, изучающихъ астрологию: Максимъ Грекъ отвѣчаетъ, что это изученіе относится къ первому періоду ихъ образованія; когда же достигли высшаго вѣдѣнія истины, тогда презрѣли не только астрологию, какъ науку живую, набивающую умъ множествомъ неправыхъ мыслей, но и другія лишнія знанія.

поемики съ Нѣмчиномъ, Максимъ Грекъ противопоставляетъ югимъ религиозное и просвѣщенное ученіе. Астрологія (такъ какъ онъ) признаетъ неизбежность звѣздной силы, коничѣмъ не разнится отъ слѣпой судьбы и ведетъ къ фата-

Христіанскій разумъ допустить этого не можетъ: онъ въ во главу угла божественное законоположеніе, промыслъ; бытія объясняетъ не звѣздными перемѣнами, а дѣйствіемъ ной воли челоуѣка, его добродѣтельнымъ произволеніемъ обнымъ самовластіемъ. Астрологи говорятъ: все зависитъ ванетъ; онъ направляютъ нашу жизнь къ добру или злу, стію или несчастію; рожденіемъ и нареченною при рождсудьбой опредѣляется наша земная доля. Колесо счастья ится въ движеніе звѣздами: однихъ возводитъ оно на выочестей и власти, другихъ повергаетъ въ крайнія бѣды и тіе. Все даютъ звѣзды: богатство и убожество, славу и віе, санъ и позоръ. Максимъ Грекъ опровергаетъ эти поа догматами богословскими. Еслибы дѣла творились пому «обношенію», то они, слѣдовательно, творились бы поидности, безъ всякаго участія и сознанія челоуѣка, неимы ни добрыми, ни злыми, не заслуживали бы ни похвалы, ржденія. Богъ, сотворившій звѣзды и давшій имъ такоеество надъ порочными явленіями въ мірѣ, оказался бы виомъ зла. Нѣтъ, возвышеніе людей и царствъ служитъ на-

благу, ихъ паденіе—наказаніемъ за грѣхи. Три предметааютъ челоуѣка на недоброе: страсти, бѣсы и злое изволен предмета подвигаютъ его на доброе: естественныя сѣзватыя силы и благое изволеніе. Не колесомъ счастья, алемъ всяческихъ, Саулъ приведенъ былъ къ Самуилу; неогическимъ предвѣдніемъ, а доблественнымъ мудрованіципціонъ совершилъ великія дѣла; не наблюденіемъ плаи время, а силой души, искусствомъ военачальника и одствомъ ирава, Юлій Цезарь одержалъ верхъ надъ Галдмитріей Донской, погубившій войство Мамая, развѣ дѣйгъ по звѣзднымъ гаданіямъ? Онъ вооружился и побѣдилъвенною вѣрой.

идномъ изъ посланій Максима Грека, живость астрологиы предсказаній обнаруживается тѣмъ, что они обѣщали

Константинополю только 626 лѣтъ существованія, тогда какъ этотъ городъ, при однихъ христіанскихъ государяхъ, стоить 1150 лѣтъ, а съ присоединеніемъ дальнѣйшаго времени, по вѣтви его Турками, всѣхъ лѣтъ его выходитъ 1214. Въ писаніи Нѣмчинъ *О началѣ Турковъ*, предрекается сокрушеніе турецкаго мачичества въ Константинополѣ дѣйствіемъ планетъ, возстанокіе Софійскаго собора, преобразование царства. Максимъ Грекъ сопоставляетъ это писаніе съ одною альманачною (астрологическою) книгой, назначавшею второй всемірній потопъ въ опредѣленное время и чрезъ то надѣлавшею много шуму, который кончился ничѣмъ. Когда тотъ же Нѣмчинъ подвергся какому-то внезапному несчастію, Максимъ Грекъ беретъ несчастный случай въ обличеніе живой науки. Повинуясь звѣздамъ, писалъ онъ Нѣмчину, ты спѣшилъ возвѣститъ преставленіе міра, и не могъ предречь разореніе твоего житія, угадать твое собственное безчастіе.

Этимъ прекращаемъ наши замѣтки, собранныя преимущественно изъ самыхъ сочиненій Максима Грека, которыя печатаются въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, начиная съ февральской его книги 1859 г., и изъ превосходнаго ихъ обзора въ третьей книгѣ *Описанія Славянскихъ рукописей Синодальной Библиотеки*. По нимъ можно судить о значеніи такъ-называемыхъ запрещенныхъ или еретическихъ книгъ для исторіи русскаго образованія. Какъ ни скудны матеріалы, касательно развитія у насъ астрологии въ XVI вѣкѣ, какъ ни нелѣпы, пожалуй, попятія, изъ нея вытекающія или съ нею связанныя, но все же они, вмѣстѣ съ серьезнымъ ихъ отверженіемъ въ трудахъ Максима Грека, займутъ надлежащее мѣсто на страницахъ будущей исторіи астрономіи въ Россіи.

Возвращаемся къ содержанію *Лѣтописей*. Кромѣ апокрифовъ онѣ сообщили читателямъ другіе, не менѣе любопытные памятники древне-русской словесности—повѣсти, сказанія и легенды *Объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ, О преніи живота со смертію, О Савѣ Грудцынѣ, Объ индійскомъ царствѣ, О пришествіи французскаго царя Василія подъ градъ Василонъ, О милосердіи князя, О Ѳеодорѣ Жидовинѣ, Повѣсть града Іерусалима*, и другія. Дѣло редакціи не ограничилось помѣщеніемъ такихъ произведеній, которыя, по ея взгляду, составляютъ прямую собственность литературы: она занимается ихъ исторіею. Важнѣйшій пунктъ историко-литературнаго изслѣдованія заключается въ разложеніи памятника на составныя части, при чемъ должны быть указаны какъ его начальный видъ, такъ и вошедшіе въ него, съ теченіемъ времени, разнообразныя элементы. Вліяніе однихъ словесныхъ произведеній на другія, ихъ взаимнодѣйствіе

есть предметъ первой важности. Особенно важна *обозависимость народной и письменной литературы*, оста-
 ясь виѣ ученыхъ наблюденій почти до настоящаго времени.
 ь раскрыто, что въ отреченныхъ книгахъ много общихъ
 ъ съ представленіями народной мысли и фантазіи. Если
 и апокрифовъ переходили въ народныя пѣсни и сказки,
 апокрифы одолжены пѣснямъ и сказкамъ многими худо-
 занными элементами. Такъ на нѣкоторыхъ духовныхъ пѣс-
 или стихахъ (о Голубиной книгѣ, о Георгіи храбромъ, о
 ѣ Тиронѣ и др.), видимо вліяніе ложныхъ сказаній; и на-
 гь: *Слово отъ видѣнія Апостола Павла*, напечатанное въ
 овской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* на 1858 г., об-
 представляющее слова апостола Павла о совоздыханіи и
 внованіи всей твари челоуѣку (1), находитъ частію свой
 никъ въ народномъ стихѣ: *Плачь земли*. Равнымъ образомъ,
 твовало взаимодѣйствіе между произведеніями народнаго
 ества и письменными повѣстями. Послѣднія переплетались
 рвыми, или даже становились простонародными разказами.
 италянскій романъ XIII—XIV вѣковъ превратился въ рус-
 сказку о *Бояѣ Королевичѣ*, которая вмѣстѣ съ другими,
 пришедшими повѣстями: о *Петрѣ златыхъ ключахъ*, о
 ѣ *Адольфѣ Лападійскомѣ*, сдѣлалась достояніемъ дубоч-
 изданій. Простонародныя преданія, въ свою очередь, под-
 лись вліянію чуждыхъ намъ разказовъ: въ былинахъ явился
 шенно обрусѣвшій *Полканъ-богатырь*.

ательныя разысканія не только нападаютъ на слѣды прямой
 юности изустной литературы отъ письменной, и наобо-
 но могутъ открывать и *посредствующіе, переходные члены*
воріи этой зависимости. Примѣръ такого перехода г. Бу-
 ѣ видитъ въ *Повѣсти града Іерусалима* (книжка 3). По е-
 ю, она предлагаетъ первообразъ народнаго стиха о *Голу-*
и книгѣ, источниками которой послужили большею частію
 ичическія сказанія, и преимущественно *Беспѣда трехъ свя-*
лей. Не доставало, говоритъ онъ, переходнаго, средняго тер-
 между этими источниками и самымъ стихомъ: *Повѣсть*
Іерусалима составляетъ именно этотъ любопытный пе-
 гь.

утая задача исторіи литературы — *разсмотрѣть послѣдо-*
ельные слѣски одного и того же словеснаго памятника, ко-
и вмѣстѣ съ тѣмъ бывають нерѣдко и разными редакціями,
ставляющими значительные варіанты внѣшніе и внутренніе.

Вся тварь съ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже до нынѣ. Посл.
 тл. VIII, 22. (*Правосл. Соб.* 1838, августъ, стр. 599—604.)

Чѣмъ долговременнѣе обращалось какое-либо сочиненіе въ кругу читателей и чѣмъ обширнѣе былъ этотъ кругъ, тѣмъ больше текстъ его подвергался преобразованіямъ. Поэтому отступленія отъ подлинника въ позднѣйшихъ стихахъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ старинныхъ. Основное содержаніе оставалось неприкосновеннымъ, но переводчикъ или переписчикъ, по неизбежному стремленію претворять заимствованное въ свое собственное, безсознательно и ненамѣренно, не подчиняясь извѣстному возрѣнію и не имѣя въ виду особой дѣли, какъ это дѣлается въ новой литературѣ, прибавлялъ отъ себя кой-какія замѣтки, въ которыхъ обозначаются новыя черты быта и новыя понятія. Соответственно такому закону претворенія, списки разныхъ эпохъ представляютъ особенное направленіе каждой, служатъ болѣе или мѣнѣе виднымъ ея отраженіемъ. Эти списки, по отношенію однихъ къ другимъ въ хронологическомъ порядкѣ, то же, что современныя сочиненія новой литературы, выходящія изъ типографскихъ станковъ, тѣсно связанныя съ эпохой ихъ появленія, которая отражается въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Если въ вошедшихъ литературныхъ явленіяхъ изслѣдователь показываетъ ихъ внутреннюю зависимость отъ времени, въ которое они возникли, то этотъ же самый методъ прилагается и къ вариантамъ древняго литературнаго памятника: варианты, внесенные въ текстъ въ то или другое время, свидѣтельствуютъ нѣкоторымъ образомъ о характерѣ этого времени. Примѣры всего лучше объясняютъ сказанное. Памятникъ апокрифической литературы XIV вѣка: *Херувимскіе Богородицы по мукамъ ада*, въ разныхъ своихъ редакціяхъ выводитъ не одни и тѣ же преступленія мучимыхъ: новыя редакціи имѣютъ дѣло съ новыми, современными имъ грѣшниками, следовательно отражаютъ въ себѣ господствующіе недостатки эпохи. Въ параллель этимъ редакціямъ мы можемъ поставить сатирическія произведенія русской литературы, въ разные времена написанныя: позднѣйшіе молчатъ о многихъ недостаткахъ бывшихъ предметомъ прежней сатиры, и вооружаются противъ новыхъ, имъ современныхъ, которыхъ не вѣдала сатира предшествовавшихъ эпохъ. Другой примѣръ даетъ переводная *Сказка объ Акирѣ премудромъ* (XV вѣка). Уже въ старинной ея редакціи, несмотря на всю близость къ подлиннику, служители цѣраона названы *тисунами*. Позднѣйшіе списки заключаютъ въ себѣ гораздо больше примѣненій къ русской жизни: Акиръ умѣетъ грамотъ «русской»; освободившись изъ заключенія, идетъ «рѣзаться въ банѣ»; дружина его называется «отроками»; «араванцы» окружаютъ «посадники», и т. д. А въ одномъ спискѣ XVII вѣка Акиръ и ближайшія къ нему лица получили даже значеніе угодниковъ Божіихъ. (*Древняя русская литература*, г. Пыпина, *Относительно*

Jan. 1857, № XI; его же *Очеркъ исторіи рус. пов. и сказокъ; дступительная лекція* г. Тихонравова, *Московскія Вѣдомости* 859, № 232.)

За исследованиемъ отдѣльнаго литературнаго памятника, которое разлагаетъ его на составные элементы, опредѣляетъ какъ ачальный видъ, такъ и послѣдующія измѣненія, показываетъ взаимодѣйствіе между ними и другими памятниками, слѣдуетъ ишая работа—*распредѣленіе однородныхъ словесныхъ произведеній по направленіямъ, которыя соотвѣтствуютъ моментамъ историческаго развитія рода*. Превосходнымъ образцомъ такой работы служитъ статья г. Буслаева: *Смоленская легенда о Св. Меркуріи* (кн. 3). Небольшая изъ нея выписка познакомитъ читателя какъ съ самыми требованіями историко-литературнаго ученія, такъ и съ результатами, отсюда добываемыми. Результаты относятся къ характеру легендарныхъ произведеній, составнымъ ихъ элементамъ и относительному достоинству каждаго изъ ихъ для науки.

•Въ изученіи духовныхъ повѣствованій надобно отличать три важнѣйшія охи: во первыхъ, эпоху самаго событія или лица, послужившихъ предметомъ повѣствованія; во вторыхъ, время когда составились народныя преданія объ этомъ предметѣ; и наконецъ эпоху литературной обработки и помы переработки преданія.

«Самый фактъ не составляетъ предмета исторіи литературы. Она имѣетъ до только съ двумя послѣдними эпохами повѣствованія. Помощію историко-филологической и эстетической критики довольно легко и почти безъисочно можно отдѣлить народныя преданія и безыскусственные разказы въ витиеватыхъ передѣлкахъ, вставокъ и всякаго многословія нашихъ ставныхъ книжниковъ. Само собою разумѣется, что народный элементъ сканія или легенды не только несравненно важнѣе всѣхъ риторическихъ перѣлокъ, но и по преимуществу онъ одинъ составляетъ то существенное тояніе литературы, въ которомъ выражается жизнь народа. Книжная перѣлка витиеватаго свойства даетъ понятіе только о степени развитія граднаго просвѣщенія въ извѣстную эпоху, о личныхъ взглядахъ и пристрахъ автора; между тѣмъ какъ народное сказаніе или, по крайней мѣрѣ, родныя преданія, вошедшія въ книжныя передѣлки, ставятъ исследованія лицомъ къ лицу въ прямые отношенія съ вѣрованіями, убѣжденіями и зрѣніями всего народа. Эти преданія и сказанія, хотя бы и не во всемъ юванныя на дѣйствительно-происходившемъ историческомъ событіи, все должны быть разсматриваемы, какъ историческій фактъ, потому что они жать выраженіемъ духовной жизни народа въ извѣстную эпоху и въ извѣстной мѣстности.

Въ исторіи нашей литературы обыкновенно принято опредѣлять время совленія житія или какаго другаго духовнаго повѣствованія тою эпохой, да эти произведенія получили литературную обработку трудами извѣсто, поименованнаго автора. Конечно, это хронологическое указаніе очень но для опредѣленія послѣдней изъ трехъ принятыхъ нами эпохъ. Но го-до труднѣе опредѣлить хронологію второй эпохи, то-есть времени, когда гавились народныя преданія, вошедшія въ повѣствованіе. Иныя преданія гими вѣками могли предшествовать историческому существованію са-

мага предмета народныхъ сказаній. Таковъ именно мнѣстскій элементъ многихъ преданій. Другія сказанія, по своему, очевидно вымышленному фантастическому характеру, могли составиться только спустя много, даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ дѣйствительнаго существованія того котораго они касаются. Другія же, хотя и баснословныя, могли возникнуть одновременно съ историческою эпохой лицъ и событій, о которыхъ ствуются, какъ напримѣръ и въ наше время въ народѣ возникаютъ новыя басни и эпическіе разказы о текущихъ событіяхъ. Такимъ образомъ народные преданія, вошедшія въ легенды, точно такъ же составили значеніе многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ столѣтій, какъ и народнымъ эпосомъ вообще эпизоды народнаго эпоса.

Важнѣйшимъ переходнымъ пунктомъ между народнымъ преданіемъ и литературною передѣлкой служитъ составленіе похвалы святому или цѣнній въ честь его. И похвала, и эти стихи обыкновенно отличаются своимъ риторическимъ характеромъ, какой замѣчается и въ литературной передѣлкѣ сказанія.

Со времени составленія пѣснопѣвнн сказаніе получаетъ въ глазахъ народа высшее значеніе, освящается авторитетомъ церкви, и изъ области историческаго эпоса переходитъ къ духовной лирикѣ, сопровождаемой церковною или цѣнней. Такимъ образомъ за эпическимъ періодомъ народнаго эпоса наступаетъ новый періодъ, лирическій, въ пѣснопѣвннхъ или прозаическихъ, въ литературной отдѣлкѣ преданія.

По этой выпискѣ легко видѣть, что сочувствіе автора гласно, почти исключительно, клонится на сторону народнаго эпоса. Въ памятникахъ литературы, что для него единственно ценно, въ чемъ выражается жизнь народа, въ чемъ открыты источники вдохновенія, убѣжденія и воззрѣнія народа. Отсюда само собою вытекаетъ, какимъ сочувствіемъ нашего ученаго должна быть проникнута литература собственно-народная, чуждая всякимъ чуждымъ вліаніямъ (1). Г. Буслаевъ посвятилъ ей двѣ статьи: *Словіе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ г. И. С. Сухомъ* (книжка 2), и *Русская поэзія XI и начала XII вѣка* (книжка 1). Первая часть *Предисловія* обличаетъ односторонность историческихъ воззрѣній на народную поэзію; вторая часть историко-литературная, указанныя нами понятія автора историческимъ пѣснямъ и духовнымъ стихамъ, сличаетъ ихъ съ апокрифами, разлагаетъ ихъ на составные элементы, выясняетъ, какъ одно и то же лицо, воспѣваемое стихомъ, мало различные образы, въ силу преобладанія того или иного элемента, или въ силу примѣненія стиха къ національному элементу. Въ статьѣ: *Русская поэзія начала XI и начала XII вѣка*, въ предисловіи *Слова о Полку Игоревѣ*, дѣлаются выводы, касательно этого памятника, такъ и относительно предшествовавшего ему состоянія историческаго эпоса на Руси. Къ

(1) Мы надѣемся поговорить о дѣйствительномъ значеніи сочувствія къ народной литературѣ и о тѣхъ ошибочныхъ заключеніяхъ, къ которымъ можетъ подавать поводъ. А. Г.

ыводы стоятъ въ срединѣ между твердыми заключеніями и подобными догадками: въ нихъ нѣтъ еще характера неопытности, потому что они даютъ поводъ къ возраженіямъ, но назвать ихъ и чистыми гипотезами, потому что они имѣютъ собою много достовѣрности. Самъ авторъ сознается, что онъ не имѣетъ опыта кое-что, можетъ-быть, и не выдержитъ строгой критики. Важнѣйшій фактъ, извлекаемый изъ *Слова о Полку Игоревѣ*, для русской поэзіи XI вѣка, есть тотъ, что поэзія эта, подобно своимъ первобытнымъ мнѣшескимъ основамъ, являясь, носитъ на себѣ характеръ уже исторической. Какъ по отношению къ какому-нибудь факту, *Слово* представляетъ двѣ стороны: историческую и поэтическую. Въ поэтическомъ различаются двѣ части: то, что принадлежитъ его автору, то внесено имъ въ пѣснь изъ прежнихъ поэтическихъ преданій.

Прежнія поэтическія преданія являются въ *Словѣ*, какъ «слова», какъ «замышленія Бояна», Святославова пѣснопѣвца. Къ старымъ словамъ относятся, во первыхъ, краткіе намеки на языческія вѣрованія, которыми указывается отношеніе исторической поэзіи къ мнѣшескому эпосу, и которые могли принадлежать или самому автору *Слова*, или войти въ его пѣснь изъ преданій Бояна. Вторыхъ, къ нимъ относятся собственно замышленія, то-есть тѣ мѣста, которыя заимствованы у пѣвцовъ, и между которыми самъ авторъ *Слова* указываетъ на пѣвца, имѣющія характеръ притчи или пословицы. Г. Бураковъ приписываетъ Бояну еще три другія. Основываясь на данныхъ, г. Булаевъ позволяетъ себѣ предположить, что *Слово о Полку Игоревѣ* именно въ XI вѣкѣ, возникла историческая поэзія, смѣнившая мнѣшескій и богатырскій и имѣвшая предметомъ княжескіе подвиги; что, кромѣ Бояна, существовали, можетъ-быть, и другіе пѣвцы, которыхъ не знаемъ, но и самыя имена для насъ утрачены. Чтобы получить содержаніе *Летописей* по народной словесности, мы еще на *Сказаніе о нѣкоемъ славномъ богатырѣ Уруслани Задаревичѣ*, составлявшее часть сборника повѣстей (XV вѣка), который принадлежалъ некогда Каріону Истомину, находимъ *Стиха о Голубиной книгѣ*, напечатанный по рукописи Уварова, XVII и XVIII вѣка, и на *Заговоры на оружіе* изъ рукописи 1769—74 г.

А. ГАЛАХОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ (1).

(Посвящается В. И. Водовозову.)

III.

Ярославль, отъ 3 до 7 іюля, 1860 г.

«Безграмотность и невѣжество обитаютъ въ Ярославль, съзаль мнѣ одинъ изъ достопочтенныхъ обитателей города; я не повѣрилъ, гдѣ молъ безграмотность: въ *Путеводитель по Ярославской губерніи*, прямо сказано, что въ городѣ находится четырнадцать разнородныхъ училищъ, начиная отъ лица и кончи училищемъ дѣтей канцелярскихъ служителей! Въ размышленіи о Ярославль и ярославской безграмотности я, съ разрѣшеніемъ Н. П. М., отправился въ архивъ губернскаго правленія. Путь я жаль по громадной Ильинской площади, окаймленной каменными преимущественно казенными зданіями да церквами, обставомъ эту одинъ изъ описателей Ярославля назвалъ *великолѣпномъ*, ради ея всю площадь отнесъ къ числу красвѣйшихъ площадей въ Россіи; впрочемъ, красоты въ ней немного. Представьте себѣ неправильный пустырь, очищенный пожарами и губернаторскою властію (А. П. Мельгунова) отъ лавокъ и торговыхъ заведеній; пустырь, кой гдѣ вымощенный по краямъ, въ срединѣ же представляющій весной и осенью великолѣпный бассейнъ для озера зимой хранилище непроходимаго снѣга, а лѣтомъ песчаную пыльную степь. Всѣ эти недостатки до того присущи площади, что военный человекъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ бы о неудобствѣ сдѣлать даже изъ этого пустыря мѣсто для развода и т. д. упражненій; негодование его возрасло бы до высшей степени, еслибы внимательно присмотрѣвшись къ тумбамъ передъ приставенными мѣстами, онъ отличилъ среди ихъ нѣсколько штукъ, безславно вкопанныхъ въ землю, вмѣсто столбовъ; впрочемъ, орудія смерти должны преклониться передъ храмомъ божьимъ. Впередѣ какой-то монументъ. Это бронзовая колонна на мраморномъ пьедесталѣ, верхъ увѣнчанъ географическою сферой и вызолоченнымъ двуглавымъ орломъ.

— Чей это памятникъ? спросилъ я проходившаго мѣшчанъ, повидимому подрядчика; онъ съ жаромъ что-то говорилъ являвшимся его работникамъ.

(1) См *Русскій Вѣстникъ* № X. 13 и 15.

А Богъ его вѣсть чей онъ, надо быть кому-нибудь да поенъ, отвѣчалъ мѣщанинъ, небрежно вскинувъ глазами на афическую сферу и на орла, дѣйствительно, Богъ знаетъ его туда взмоствившагося.

А вы не здѣшній?

Нѣтъ-съ, здѣшній, да только что годовъ семь какъ живу, а то все въ Питерѣ жилъ-съ; а вы поинтите, чай надпись на быть.

сторонамъ пьедестала видны какія-то блѣдныя черты, мѣля винтиковъ, буквъ никакихъ.

Должно-быть мальчишки баловались, да повыдергивали ли-замѣтилъ Питерець, обходя со мной памятникъ и забывъ зугу рабочихъ:—надо бы часоваго поставить, а то у насъ готъ счетъ сызмала народъ вороватый: либо напакостить, украдетъ; да оно, пожалуй, и караулить скоро нечего будетъ внизу камни-то какъ поразъхались, а бока вѣдь только бѣянуты тонкими дощечками мраморными; глядите, какъ по-то поотстало; либо отвалится доска, либо украдутъ.

Безпремѣнно украдутъ, серьезно замѣтилъ одинъ изъ калыковъ. Группа удалилась, говоръ замолкъ; я глянулъ крупнѣе прохожаго для новаго вопроса, направо изъ-за собора коленъ стыдливо выглядываетъ лицей, едва-едва замѣтный. карманѣ случилось: *Обозрѣніе 50-лѣтняго существованія яросскаго лицейя*, брошюра одного изъ здѣшнихъ профессоровъ; ну ее перелистывать, наконецъ читаю:

обенно замѣчательно въ лѣтописяхъ Демидовскаго училища сѣе въ 1829 году, сооруженнаго на Ильинской площади, юдѣ Ярославль, на иждивеніе благороднаго ярославскаго ства, памятника Павлу Григорьевичу Демидову.» По чety-сторонамъ памятника изображено (надо бы сказать *было жено*) слѣдующее: на западной: «Ярославское дворянство Григорьевичу Демидову»; на восточной: «Покровителю провія и основателю Демидовскаго высшаго наукъ училища»; верной, бронзовый вызолоченный гербъ фамилии Демидо-на южной: «1824 г.»

не почитать чувствомъ истиннаго благоговѣнія, восклицаніемъ исторіографъ лицейя, памятникъ этотъ, свидѣтельствующій цимъ поколѣніямъ о благородномъ чувствѣ ярославскаго ства къ тому, кто пожертвовалъ значительную часть своего состоянія для воспитанія его юнаго поколѣнія и, наконецъ, ну, который удостоенъ такого знаменитаго знака отличія, нутаго рвеніемъ и усердіемъ его согражданъ?» (1)

текущемъ столѣтіи, недалеко отъ лицейя, въ оврагѣ, стоялъ камен-

Честь и слава этимъ согражданамъ, ихъ рвенію и въ особенности ихъ усердію, съ которыми они пекутся о сохраненіи и двигнутаго ими монумента; глядя на него, кто не поминеть согражданъ словомъ...

Въ затрудненіи подобрать это слово, я вошелъ въ архивъ, помѣщается въ нижнемъ этажѣ, за толстыми стѣнами и рѣками екатерининскаго зданія; архивъ занимаетъ нѣсколькочисленную; достопочтенный старецъ услужливо предложилъ показать старые бумаги, впрочемъ не старѣ екатерининскаго времени.

Не находя ничего о Биронѣ, я обратился съ вопросомъ старику, не случилось ли ему что-нибудь найти о немъ, дневно перекапывая эту грудю бумагъ.

— Да онъ кто такой былъ?

Я ему отвѣтилъ.

— Нѣтъ, такого Биронова не знаю, не слыхалъ, былъ въ архивѣ NN, а передъ нимъ NN, да я годовъ съ тридцать здѣсь, а Биронова не зналъ.

Я замѣтилъ, что Биронъ не могъ служить въ архивѣ, по его званію и причину пребыванія въ Ярославлѣ.

— Развѣ что можетъ-быть до меня что было, отвѣчалъ думи старикъ,—а то не слыхалъ, да оно, знаете, какъ своимъ дѣломъ, такъ насчетъ всего этого и въ интересъ не идешь. Я въ 1794 году только родился, однакожъ старину помню, какъ за мѣсто нынѣшнихъ будочниковъ по улицамъ раулили посадскіе, это помню, а о Бироновѣ... нѣтъ, о впервой и слышу.

Старичокъ потащилъ охапку бумагъ съ полки на первомъ только крестикъ Св. Анны 3-й ст. въ петлицѣ, качаясь въправо и влево, показывая, съ какимъ усердіемъ выполнялъ свои почтенный архивариусъ.

Въ страшномъ пожарѣ 1768 года, какъ значитса въ началѣ сего года, за подписью Аѳанасія Хрустова и Ивана Тарасова сгорѣлъ весь архивъ до послѣдней бумаги; если что и осталось, такъ нѣкоторыя описи дѣлъ съ 1713 года, и то потому, что случились на это время вѣи архива. Мы внимательно просмотрѣли эти связки, особенно интереснаго ничего нѣтъ; для образца сдѣлаемъ двѣ-три выписки:

«1732 г. мѣсяць сентябрь: Дѣло по челобитію лейб-камернаго Семеновскаго полка отставнаго солдата Якова Мартынова»

Въ честь основателя города, во дворѣ разобранъ, по волю императора Николая I, какъ не соответствующее своему назначенію (*Путевод.*, стр. 208).

крестьянъ Семена да Александра Ивановыхъ дѣтей, въ бою ими въ увѣчьи дворовыхъ его людей, и объ осмотрѣ битья на нихъ аконъ; на 10 листахъ. Посылка чинена, точію въ домъ не сысканы и за тѣмъ не рѣшено.

13 сентября: Дѣло по челобитью Волской волости вдовы Девшиной на крестьянина Кондратьева, въ бою смертномъ и въ бѣбѣ и впротчемъ; на 5 листахъ. За показаннымъ крестьяниномъ посылка чинена, точію въ домъ не сысканъ и затѣмъ оное рѣшено.

1737 г. ноября 9: Дѣло по челобитью помѣщика поручика ексѣя Яковлева сына Шубина на жену его Анну Лукину, въ жальномъ завладѣніи пахотною землею и сѣбными покосами и въ осмотрѣ того скошеннаго сѣна; на 2 листахъ. По сему челобію, производства по дѣламъ не значитса.

1746 г. октября 8: Дѣло по челобитью помѣщика Ахматова о жу крестьянина его Григорьева, и о учиненіи съ нимъ за недрушаніе по законамъ; на 18 лист. За несысканіемъ онаго стьянина, рѣшенія по дѣлу его не значитса.

1749 г. октября 25: По челобитью помѣщицы Ивановой о слыслушныхъ ее крестьянъ и о учиненіи по законамъ. Сысканы спрашиваемы были, токмо рѣшительнаго опредѣленія по дѣлу не значитса; на 18 лист.

1749 г. ноября 4: По челобитью прапорщицы Дѣвой о сыску слыслушныхъ ее крестьянъ и о учиненіи съ ними по законамъ. Искожденіемъ ее, оныя сысканы не были; на 16 листахъ.

1751 г. марта 11: По челобитью гвардіи отставнаго капитанаря Григорія Кафтырева въ пріѣздѣ въ домъ его вотчины майора на Малыгина прикащика Василья Иванова со многолюдствомъ, въ увозѣ имъ прикащикомъ господскихъ и крестьянскихъ поговъ и человека его Матвѣя Гурьянова, да крестьянина Гавриила Степанова съ женами и съ дѣтьми.

1755 г. декабря 3: Дѣло, по доношенію сотскаго Семенова, о званіи попомъ Ивановъ *слова и дѣла*; на 34 л. и т. д.

Въ сему дѣлѣ замѣчанія, что всѣ эти оголовки, которыя мы выпишемъ безъ всякаго выбора, принадлежатъ дѣламъ нерѣшеннымъ; шенныхъ дѣлъ вообще была бездна, какъ значитса по описанію, да и рѣшать-то всѣ дѣла было невозможно, именно потому, старь сутяжничество въ здѣшнихъ мѣстахъ было развито нервно; на этомъ поприщѣ преимущественно отличались помѣ-

Помехонскаго уѣзда, большая часть которыхъ были жалованые лейбъ-кампанцы; роды ихъ и до сихъ поръ владѣютъ многими мѣстами Помехонскаго уѣзда.

Извѣстно, что годовщина восшествія на престолъ Елисаветы, въ январѣ 1742 года, была ознаменована пожалованіемъ пре-

ображенскихъ гренадеръ людьми и землями въ вѣчное собственное владѣніе. Гренштейну подарено 1.000 человекъ мужскаго пола; Зотову 682 чел.; семи сержантамъ, каждому отъ до 560 чел.; шесть вице-сержантовъ получили по 500 чел.; подпрапорщика по 90 душъ; между двѣнадцатью капраналами дѣлены 480 душъ; двѣнадцать вице-капраловъ получили и даго по 35 душъ; двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ прапорщиковъ, герои 25 ноября, получили каждый по 29 душъ; отдѣлялось каждому соответственно числу подаренныхъ земель. Такимъ образомъ, прибавилось 300 новыхъ помѣщичьихъ (изъ числа гренадеръ до пожалованія только немногіе были владѣльцами) и 14.000 душъ мужскаго пола, съ ихъ раздарены въ вѣчное владѣніе новымъ помѣщикамъ. (Собр. Зак., т. XI, № 8666; въ этомъ указѣ напечатанъ списокъ лейбъ-кампанцевъ.) Многие изъ помѣщиковъ послѣ разбора, то-есть изъ тѣхъ, которые получили по 29—31 душъ, поселились въ Ярославской губерніи и преимущественно въ пошехонскомъ углу ея. Пошехонскій помѣщикъ до сихъ поръ зачастую именуется лейбъ-кампанцемъ (1). Въ здѣшнихъ документахъ сохранилось (вѣроятно изъ вымершихъ фамилій) нѣсколько грамотъ, жалованныхъ гренадерамъ на потомственное владѣніе. Всѣ онѣ писаны на громадныхъ листахъ синихъ пергаментахъ съ золотомъ; при грамотахъ большія печати въ восковыхъ напечаткахъ на шелковыхъ шнурахъ. Кромѣ грамотъ сохранилось нѣсколько патентовъ, на чины преображенскимъ героямъ экспедиціи 25 ноября 1741 года; патенты напечатаны на большихъ листахъ толстой, сильно провощенной бумаги, на которой изображены съ правой стороны женщины въ выхъ доспѣхахъ съ указательнымъ перстомъ, показывающимъ на небо, а съ лѣвой рыцарь въ уборѣ, съ опущеннымъ мечомъ вверху и внизу: барабаны, знамена, трубы, рожки и пр. Печатались всѣ по одной формѣ, почему достаточно взглянуть на одинъ экземпляръ.

«Божіею милостію мы Елисаветъ Первая,

Императрица и Самодержица Всероссійская,

«И прочая, И прочая, И прочая.

«Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Греница
Жевникова, которой Намъ лейбгвардіи въ Преображенскомъ полку»

(1) Разказываютъ, что встарь словомъ *Пошехонецъ* съ соединеніемъ *кампанецъ* означалъ нечеловѣкъ грубомъ и невѣжественномъ, какими и были пресловутые *кампанцы*.

ранадеромъ служилъ: для особливо оказанной его въ Намъ и къ Нашей Имперіи, при благополучномъ Нашемъ на родительскій ашъ наследный Престолъ, съ помощію Всевышняго вступленіи, въ службу ревности и прилжности, Нашей Лейбкомпаніи въ вице-капрала (которой чинъ равно съ Капитаномъ Поручникомъ союгъ и старшинствомъ считается имѣть), минувшаго седмь иъ четыредесять перваго года, Декабря тридесять перваго дня, семилостивѣйше пожаловали и учредили, якоже Мы силою сего муемъ и учреждаемъ, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ его Григорья жевникова, за нашего Лейбкомпаніи Вице Капрала надлежащимъ разомъ признавать и почитать: Напротивъ чего и Мы надѣмся, о онъ въ томъ ему пожалованномъ отъ Насъ новомъ чинѣ, къ вѣрно и прилжно поступать будетъ, какъ то вѣрному рабу храброму солдату надлежитъ. Во свидѣтельство же сего Мы , собственною Нашею рукою подписали, и Государственною шею печатью укрѣпиль повелѣли: (Приписано) Данъ в Санктъ-тере Бургъ лѣта 1743. марта 23 дня. Елисаветъ (1).

Внизу патента приложена печать, вытиснутая на бѣлой бумагѣ приклеенная сургучемъ; на оборотѣ: «при запечатаніи в колеиностранныхъ дѣлъ № 85».

— Скажите, пожалуста, спросилъ я архиваріуса, снявъ копію патента и начиная рыться въ кучѣ бумагъ,—почему всѣ эти зки 1768, 69, 70 годовъ брошены въ безпорядкѣ, въ то время въ все остальное въ порядкѣ?

— Ихъ будутъ жечь скоро, ужъ и разрѣшеніе получено, такъ матеріалець-то для сожженія и приготовили.

— Не знаю какъ теперь, замѣтилъ на это мой спутникъ,—но арь разрѣшеніе на эти ауто-да-фе выходили послѣ оригинальной переписки. Какъ сами видите, архивъ загроможденъ дѣи, новыя вязки поступаютъ время отъ времени и еще больше омождають полки. За недостаткомъ мѣста, начальство дѣлале, кновенно куда слѣдуетъ, представленіе о необходимости проили сжечь нѣкоторыя связки; на это выходилъ запросъ: нѣтъ чего интереснаго, либо нужнаго въ этихъ бумагахъ? Прикалось составить комиссію изъ мѣстныхъ чиновниковъ, разгрѣть эти бумаги и донести о результатѣ. Въ результатѣ былъ итъ, что ни важнаго, ни интереснаго въ бумагахъ ничего не дено. Резолюція: жечь бумаги, либо продать съ вѣсу. И азя внимать чиновниковъ: первое, они имѣютъ множество сво-служебныхъ обязанностей, отъ которыхъ оторваться имъ

Очень часто въ подписяхъ государыни, какъ и въ настоящемъ случаѣ, о русскаго е, французское w; оно писалось съ небольшимъ росчеркомъ , другой росчеркъ большой дѣлался послѣ т.

нельзя, а тутъ совершенно безкорыстно должны они переписать нѣсколько пудовъ бумаги, на одну разборку которыхъ получалось бы нѣсколько недѣль; второе и то, что чиновники, не хваля архивной пыли и подписывая бумагу о томъ, что ученые на сожженіе дѣлахъ нѣтъ ничего интереснаго, нужнаго, подписываютъ совершенно искренно: въ этой рѣчь для нихъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія. А отсюда выводъ: всякій трудъ долженъ вознаграждаться, на всякій трудъ долженъ посылаться человекъ свѣдущій, специалистъ въ томъ на которое его посылають, и тогда и будетъ оно исполнено на одной бумагѣ.

Бумагъ, относящихся до Бирона, либо до Арсенія Митрополита ростовскаго, намъ положительно не попалось: либо сгорѣли, либо расхищены *учеными путешественниками* (предположеніе, сообщенное намъ старикомъ-сыкомъ), либо наконецъ тлѣютъ въ какой-нибудь кипѣ бумаждающей своей очереди быть брошенной въ огонь. О томъ какъ о ссыльномъ, не могло быть большой переписки, но вѣдь заявивъ свое пребываніе въ ростовско-ярославской епархіи большою и долговременною дѣятельностію; перешедши въ здѣшнюю епархію изъ Сибири, въ 1742 году, онъ прожилъ въ ней 20 лѣтъ, и низложенъ въ 1763 году. Ему обманомъ переселеніемъ изъ Ростова ярославская семинарія въ 1764 году; въ этомъ заведеніи, въ его еще время, воспитывалось 500 человекъ; Арсеній отмѣнилъ (неизвѣстно почему) съ на основаніи котораго въ недѣлю православія каждаго ярославская церковь за вечерней соборнѣ совершала панихиду ярославскимъ удѣльнымъ князьямъ... При немъ, въ 1764 году, 20 февраля, въ ярославскомъ соборѣ случился пожаръ. Съ по окончаніи богослуженія, погасивъ свѣчи, сложили олящикъ, стоявшій близь раки чудотворцевъ, и заперли Огарки, такъ разказываетъ протоіерей Троицкій (*Историческія* стр. 77), худо утушенные, загорѣлись и вспыхнули; и нулось стоявшей надъ ракою деревянной стѣнѣ; дошли раки, и, къ безутѣшной горести всѣхъ истинныхъ ярославской церкви, св. мощи князей Василія и Константина, бывшія открыто 243 года, сгорѣли. По резолюціи Арсенія печный ключарь лишенъ за это священства. Со старикомъ митрополитъ соединялъ умъ ученый и просвѣщенный, и съ набожностію и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Съ него и осужденіи, постигшихъ его въ 1763 году, сохранилось нѣсколько преданій,—одно изъ нихъ относится до его смерти.

Гдѣ умеръ Арсеній, разказывалъ намъ старикъ-іерей, положительно неизвѣстно,—одни говорятъ, что онъ скончался

1779 г.) и погребенъ въ Ревелѣ, при церкви Св. Николая; въ Сибири же многіе вѣрятъ, что страдалецъ опочилъ на пути изъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря въ Селенгинскій Троицкій, и въ городъ Верхнеудинскъ, при тамошней кладбищенской церкви, до сихъ поръ указываютъ его могилу; какъ бы то ни было, но приставъ его, офицеръ, обращался съ нимъ крайне грубо; Арсеній, истомленный долговременными страданіями, слегъ наконецъ на смертный одръ и попросилъ позвать священника для исполненія послѣдняго долга; Арсеній лежалъ въ сермягѣ арестанта, на соломѣ, въ тѣсной кельѣ темницы. Приставу привели священника: «ступайте исповѣдуйте и причастите государственнаго преступника». Священникъ пошелъ, но, нѣсколько минутъ спустя, выбѣжалъ въ смущеніи: «Вы мнѣ говорили, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ приставу, что надо причастить преступника, а предо мной, на колѣняхъ, стоитъ архипастыръ въ полномъ облаченіи и въ саккоѣ! Это не преступникъ!»

Приставъ былъ изумленъ видѣніемъ; когда онъ вошелъ самъ съ священникомъ, видѣніе исчезло; предъ ними лежалъ страдалецъ и прерывающимся голосомъ просилъ исповѣди и причастія. «Сынъ мой, сказалъ онъ трепещущему духовнику, передъ тобой не митрополитъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать Господу Богу отчетъ въ своей жизни. Видѣнное же тобой чудо есть знаменіе Господне, неизреченной милости: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла». Духовникъ причастилъ его, и вмѣстѣ съ смущеннымъ приставомъ испросилъ благословенія страдальца...

Съ воспоминаніемъ объ Арсеніи и его заботахъ объ образованіи ярославскаго юношества, отправился я въ Демидовскій лицей. Онъ основанъ 6-го іюня 1803 года... Просвѣщенный основатель его родился... впрочемъ, ни объ немъ, ни о событіяхъ, сопровождавшихъ основаніе лицея, мы не станемъ компилировать извѣстій; они находятся въ *Museum Demidoff*, Moscou, 1807, préface, pages VII—XI, въ *Словъ* профессора Покровскаго на смерть П. Г. Демидова, 10-го ноября 1821 года; въ краткомъ обзорѣнн важнѣйшихъ происшествій, случившихся въ двадцатипятилѣтіе демидовскаго, училища 1830 года; наконецъ въ обстоятельной брошюрѣ: *Обзоръніе пятидесяти-лѣтія существованія Демидовскаго лицея*, 1853 г. Ярославль.

Авторъ брошюры весьма обстоятельно перечисляетъ всѣ мѣры и заботы, которыя вызываетъ на себя лицей въ періодъ своего существованія до 1845 года.

Несмотря однако на всѣ попеченія и заботы о лицей, онъ, по словамъ его же исторіографа, не приходилъ въ цвѣтущее состо-

яніе. До новаго измѣненія его въ 1845, дѣятельность заведенія болѣе и болѣе упадала. Видимыя причины сего упадка авторъ брошюры находитъ въ слѣдующемъ: 1) разнообразныя преподаваемые въ лицей, не были подчинены единой цѣли, было спеціальнаго образованія. 2) Близость Московскаго университета и другихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній вызывала дворянъ ко всевозможнымъ удобствамъ своимъ дѣтей туда, ибо тамъ они получали по курсу права, который не могъ предоставить лицей. 3) Дѣла, чайныя обстоятельства много вредили постоянно заведенію, профессоръ часто выбывали, такъ что кафедра политической экономіи и финансовъ—важнѣйшихъ изъ камеральныхъ наукъ—оказалась вакантною съ 1837 до 1846 года. Вслѣдствіе всего вмѣсто 100 студентовъ, бывшихъ налицо въ 1835 году, въ 1845, мы уже встрѣчаемъ здѣсь 35! Эти краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ лицей! Періодъ времени 1845 года самъ историкъ лицей называетъ болѣзненнымъ состояніемъ: больной начинаетъ выздоравливать (впрочемъ плохъ 1845 года; въ это время обновленъ порядокъ вещей въ лицей. Главною цѣлью для него постановлено: распространеніе свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ, въ свѣтъ отечественнымъ законодѣніемъ (понятно?). *Сообразно съ назначеніемъ лицейскаго образованія, въ курсы его вошли слѣдующіе предметы:* богословіе, церковная исторія, русская исторія, естественная исторія, чистая математика, языки: нѣмецкій, французскій, итальянскій, латинскій, греческій, древне-русскій, физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія, энциклопедія, законодѣніе, сельское хозяйство, технологія, лѣсоводство, земледѣліе, политическая экономія, статистика, наука о торговлѣ, казеннаго управленія, финансы, политическая арифметика, галтерія, государственные законы и учрежденія государственнаго благоустройства и благочинія, гражданскіе и уголовные законы съ ихъ судопроизводствомъ, наконецъ фронтонъ права.

Такимъ образомъ воспитанникъ Демидовскаго лицей долженъ былъ осадить въ три года 29 предметовъ! Какова должна быть голова, которая въ состояніи переварить весь этотъ выскочекъ! Каковы должны быть всеобъемлюція способности, чтобы, выслушавъ лекцію о богословіи, студентъ могъ съ должнымъ вниманіемъ выслушать лекцію политической экономіи? И чѣмъ же въ концѣ все это? Александровскій лицеистъ получаетъ по выходѣ даже IX классъ; студентъ университета—X классъ; воспитанникъ прaporщика гвардіи, либо поручика арміи, не кончивъ курса—XIV классъ; воспитанникъ же Демидовскаго лицей, изучивъ 29 предметовъ, получаетъ XIV-й классъ, и только изъредѣчными, съ медалями, достигаютъ XII-го класса!

Съ любопытствомъ обошли мы здание лицея; оно очень красиво, даже роскошно, и, по ничтожному числу студентовъ, въ немъ чрезвычайно просторно; кабинеты физическій, технологическій, сельскаго хозяйства, минералогическій, зоологическій, очень не велики, да и средствами для своего пополненія они располагаютъ небольшими; кромѣ библіотеки и физическаго кабинета, на которые отпускается по 285 руб., на остальные выдается по 100 рублей. Вообще, все содержаніе лицея обходится 6.373 руб. Шестъ профессоровъ должны вмѣщать въ себѣ массу еловѣческихъ познаній и быть ихъ проводниками для лицействъ.

«А эти послѣдніе смотрятъ, говорилъ намъ одинъ изъ служащихъ, а и мы сами невольно смотримъ на лицей, какъ на лазейку; не ринали юношу въ Московскій университетъ, прямо въ лицей. Ёбыль годъ и маршь, впрочемъ не въ Москву, тамъ уже входъ аперли, такъ въ Петербургъ. Преобразование лицейства въ студента дѣлается быстро; весьма не многіе кончаютъ курсъ и полнѣ и хорошо; нынѣшній годъ кончили два брата, прекрасные олодые люди, оба получили медали, оба идутъ продолжать читаться въ университетъ; ну, а еслибы не было въ нихъ столько энергій и характера, куда дѣться? Послѣ трехгодичныхъ усилій, идти въ здѣшнія присутственныя мѣста? карьера не завидная! начальство очень хорошо видѣло, что лицей нашъ безцвѣтенъ, не имѣетъ ни характера, ни значенія, ни цѣли, при современномъ состояніи его средствъ и устава; мало того, въ Москвѣ одному изъ извѣстныхъ профессоровъ поручено составить проектъ преобразования; проектъ, какъ слышно, уже составленъ, за достоинства его ручается имя составителя, да ездѣлицы нѣтъ, чтобы привести его въ исполненіе, — денегъ! е достааетъ, помимо этого, кой-чего другаго; да не тратя времени, ѡйдемте посмотримъ нашу библіотеку — она очень недурна...

Библіотека дѣйствительно богата роскошными изданіями и классическими книгами; она въ большемъ порядкѣ и украшаетъ драгоцѣннымъ подаркомъ М. С. Щепкина: прекрасно выполненнымъ портретомъ Ѡ. Г. Волкова.

Книги наводятъ меня на мысль перечислить хоть часть того, что было печатано объ Ярославль и Ярославской губерніи, и что намъ болѣе или менѣе извѣстно. Исторія губернскаго города Ярославля весьма отчетливо составлена И. Д. Троицкимъ. 1853 г., Ярославль 8 д. *Обозрѣніе пятидесяти-лѣтія существованія елидовскаго лицея*, — напечатано въ 1853 году. — *Хронологическій указатель іерарховъ ростовскія и ярославскія епархій отъ рожденія ея*. Спб. 1859 г. — Въ этомъ перечнѣ, кромѣ Мацѣеича, вызываетъ наше вниманіе Доснѣей 2-й, епископъ ростовскій съ 1710 года; онъ былъ вызванъ на эту кафедру изъ архи-

мандритовъ Новоспасскаго монастыря; правилъ семь лѣтъ и именованъ Демида замученъ на Красной площади, въ Москвѣ, марта 1718 года. Въ алтарѣ соборнаго храма въ Ростовѣ нѣхъ въ серебряныхъ ковчегахъ части мощей ростовскихъ тителей, благовѣрныхъ князей ярославскихъ и Св. Лазаря тверодневнаго; кромѣ того сотня частицъ другихъ угодниковъ Божіихъ; всѣ эти частицы собраны были стараніемъ архіепископа Доскеея въ 1717 году, почти наканунѣ постигого пытокъ и лютой казни. Этотъ-то архіепископъ, про себя какъ человекъ съ необыкновенной фантазіей. Онъ ренъ былъ способностью слагать цѣлыя поэмы; такъ напр. весьма живописно рисовалъ передъ простодушною царшею дочерью Федоровной, какъ отецъ ея Федоръ Лопухинъ на своемъ тяжкія глубоко сидитъ въ аду, какъ постепенно, ради стательства у алтаря Всевышняго чудотворцевъ, Лопухинъ ходитъ изъ ада по плечи, черезъ годъ по поясъ, черезъ годъ по колѣна и т. д. (1). Нынѣшній архіепископъ ярославскій переведенъ на эту кафедру въ 1854 году по шестнадцатилѣтнемъ управленіи иркутскою паствою; архіепископу Нилу принадлежало известное сочиненіе: *Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири*, Спб. 1853 г. и другіе труды.

Что же касается до статей и книгъ объ Ярославлѣ, то жемъ на статью о немъ въ словарь Щекатова (ч. VII, стр. 396). Далѣе: *Военно-статистическое описаніе Ярославской губерніи*, состав. Воронцевъ-Вельяминовъ. Спб. 1751 г.—*Топографическое описаніе Ярославской губерніи* 1803 г.—*Статистическое описаніе Ярославской губерніи*, Карла Германа.—*Великій князь Александръ I-й на берегахъ Волги, или повѣствованіе о построеніи города Ярославля*, соч. П. Львова. 1820 г.—*Очеркъ церквей города Ярославля*, статья С. Серебренникова, въ *Яросл. Губ. Вѣд.* 1843 года, № 14. Вообще въ здѣшней мѣстной газетѣ, 1843, 1850, 1851, 1853 и другихъ годовъ, помѣщено много любознательныхъ статей о монастыряхъ и церквяхъ Ярославля, объ уѣздныхъ родахъ Ярославской губерніи и проч. С. Н. Серебренникова.

(1) Въ первомъ письмѣ нашемъ (*Русск. Вѣстн.*, № 13) мы сдѣлали весьма видныхъ ошибокъ: стр. 6, строка 13: Иннокентій тверской—деонъ (Криновскій) тсковской; строка 15: Ректоръ относился и проч. Тогдашній архіерей казанскій Лука Конашевичъ относился и проч. 23: Григорія и Платона—чит. Гавриила и Платона; стр. 7, строка 15: тій скончался по дорогѣ въ Тверь—чит. Гедеонъ скончался на Псковъ.—Указаніемъ ошибокъ мы обязаны архимандриту Желудковскому, Тверской обители, отцу Платону, которому и заявляемъ нашу признательность.

льно трудится надъ исторіей своего края и, судя по его пѣлымъ трудамъ, большой знатокъ ярославской старины. Большая часть историческихъ статей объ Ярославль, въ здѣшнихъ мѣстахъ, принадлежитъ С. Н. Серебренникову, г. Трехлѣтову, І. Никольскому и И. Д. Троицкому. Последняго мы видѣли нѣкоторые фоліанты рукописныхъ изслѣдованій о здѣшнемъ. Вотъ его труды: Исторія *всѣхъ* ярославскихъ церквей, приложеніями любопытныхъ грамотъ и другихъ подлинныхъ документовъ, надписи колоколовъ; ярославская епархія въ статистическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ; біографіи ярославскихъ архипастырей. По словамъ Троицагоу, него много собрано любопытнаго объ Арсеніи Мазичѣ, и вообще до 800 листовъ занято трудами, имѣющими въ виду только Ярославль и Ярославскую губернію. Сколько людей ищется у насъ по городамъ на поприщахъ историческихъ и этнографическихъ разысканій, и какъ мало исходу имѣютъ они для своихъ, какъ рѣдко встрѣчаютъ поощренія, какъ рѣдко ищется для нихъ поле работъ, дается возможность рабо-

... Ярославль, кромѣ исторіи, написанной И. Д. Троицкимъ, имѣетъ *руководитель по Ярославской губерніи*, составленный Э. Н. Ольскимъ. Ярославль. 1859 г., 8 д., стр. 380. Путеводитель имѣетъ недостатки, которые мы не станемъ здѣсь указывать (единственный недостатокъ, что онъ шить на живую нитку); для начала, для перваго изданія онъ весьма удовлетворителен и программа его обширна: авторъ представляетъ историческій очеркъ Ярославской губерніи, обозрѣваетъ физическую географію, статистику, города и уѣзды, наконецъ прилагаетъ удобный указатель по главнѣйшимъ трактамъ. Самое заглавіе этой книги для насъ дорого потому, что даетъ слабую надежду, мы когда-нибудь да увидимъ *путеводителя* по всѣмъ губерніямъ... Какъ бы хорошо было, еслибы у насъ явилось изданіе *юль Guide classique du voyageur en France et en Belgique*, par Card, выдержавшій болѣе *тридцати изданій!* Всякому путешественнику онъ очень хорошо извѣстенъ; извѣстно также то, съ какою тактомъ и умомъ онъ составленъ. Помилуй Богъ, зачѣмъ намъ такого рода изданія? Есть у насъ путешественники и путешественницы—въ Павловскъ, въ Петергофъ, наконецъ на ярмарку въ глушь, въ деревню; такъ всѣ эти путешественники нуждаются въ *путеводителѣхъ*...

Но если не для путешественниковъ, которые у насъ на Руси иномъ своеобразны и въ книгахъ рѣдко нуждаются, то для того читающаго, хотя бы и не странствующаго русскаго люда,

изданіе, подобное Ришардовскому иду, только въ большихъ размѣрахъ, было бы чрезвычайно полезно; оно служило бы настоящею книгой; оно было бы ручнымъ словаремъ о Россіи въ ея историческомъ, статистическомъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Въ 1858 году, не помню вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ составлено было много *путеводителей* по сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ губерніямъ; многіе изъ этихъ трудовъ (большіе) были напечатаны, но въ тридцати, сорока, не болѣе, экземплярахъ такъ что съ перваго же дня изданія сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Что за секретъ? А если нѣтъ секрета, что за осторожность со стороны тѣхъ вѣдомствъ, изъ среды которыхъ выданы были составители подобныхъ путеводителей? или были такъ плохи, что страшились ихъ печатать въ большомъ числѣ экземпляровъ?..

Ярославль между другими городами издавна отличается болѣе развитостью; въ немъ всегда находились люди пишущіе, занимающіеся историческими изслѣдованіями и вообще литературными работами; еще въ 1784 году здѣсь заведена была типографія; первая книга, вышедшая изъ нея, была: *Сокращенная Псалтирь Св. священнаго Августина*, переложенная стихами. 1785 г. (У Сопикова, если не ошибаюсь, не означено это изданіе.) (1) Въ слѣдующемъ году сталъ выходить въ Ярославлѣ журналъ: *Уединенный Пешехонецъ*; онъ издавался два года, 1786 и 1787 г. (Ярославль 8 д.). Въ журналѣ этомъ помѣщалось довольно много замѣчательныхъ и любопытныхъ статей; въ немъ, между прочимъ, принималъ участіе тогдашній архіепископъ ярославскій Арсеній рещагинъ; мысль же изданія и руководство его принадлежали знаменитому А. П. Мельгунову (2).

Еще въ недавнее время литературное направленіе Ярославля выразилось изданіемъ *Ярославскаго Литературнаго Сборника*. стр. 179 и 180. Изданіе продолжалось два года 1849 и 1850 и вышло двѣ книги.

Ярославскій Сборникъ, говорили издатели, ни въ чемъ не долженъ творить своему названію; онъ истинно ярославскій, чисто ярославскаго въ немъ ничего нѣтъ. Всѣ статьи принадлежатъ *особамъ*, живущимъ въ городѣ Ярославлѣ, или Ярославской губерніи; мѣстомъ печатанія его была ярославская типографія.

(1) Еще въ 1731 году былъ выгравированъ на мѣди на фабрикѣ Пезнова въ Ярославлѣ видъ города Ярославля; онъ хранится въ архивѣ статистическомъ комитета; въ Петербургѣ я его видѣлъ въ библиотекѣ Академіи Наукъ. Что бы кому-нибудь изъ Ярославцевъ издать его вновь?

(2) У Сопикова: *Уединенный Пешехонецъ*, на 1786 г. Ярославль, 8 д. № 3869.

се бумага куплена съ фабрики князя Гагарина, находящейся въ Ярославскомъ уѣздѣ.

Несмотря на такой, слишкомъ уже яркій мѣстный колоритъ, аніе не нашло, какъ кажется, большаго сочувствія и прекраснось на двухъ выпускахъ, а жаль, потому что уже въ этихъ жкахъ есть статьи любопытныя: «Письма Екатерины II къ угунову»; статьи С. Н. Серебренникова: «Исслѣдованіе объ основаніи Ярославля»; «О разореніяхъ города Углича» (обѣ статьи съ гинами); «Екатерина II въ Ярославской губерніи. Пожарскій интъ въ Ярославлѣ, наконецъ любопытный очеркъ его же:

Г. Волковъ»; къ сожалѣнію, въ этой статьѣ, составленной по итнмъ источникамъ, почти нѣтъ ни новыхъ преданій, ни менныхъ документовъ (1). Весьма интересна также статья слѣтова: «Свободные обычаи села Давыдкава». Кромѣ названъ статей, въ *Ярославскомъ Сборникѣ* помѣщена была повѣсть, только стихотвореній Ю. Жадовской, и пр. (2).

Гранно, что Ярославль не только не имѣетъ публичной бибекки, но даже не обзавелся порядочною книжною лавкой; по иней мѣрѣ *книжный магазинъ* Щепетилова, изъ котораго отпуться книги на домъ, очень и очень не заведемъ; это лавкаыхъ галантерейныхъ товаровъ, обоевъ, игрушекъ, съ нѣькими полками, отведенными подъ сотни двѣ-три книгъ; логъ этой коллекціи книгъ, громко названной библіотекой, читанъ въ 1851 году.

ы слышали однако, что при здѣшнемъ клубѣ устраивается личная библіотека, что собраны для этого 2000 рублей, выть *директоръ* библіотеки или дежурный чиновникъ, отведены ре комнаты, скупаются книги... Затрудненіе довольно больбыло отъ одного достопочтеннаго ученаго, который заинялся между двумя заглавіями: *уставъ* и *правила* ярославі библіотеки; наконецъ послѣ многихъ размысленій, прокавшихся нѣсколько недѣль, заключилъ, что частное учреждене имѣетъ права составлять *уставы*, что въ этомъ выражается е-то посползновеніе на власть чуждую и проч.; однимъ сломъ, ученый мужъ провидѣлъ въ словѣ *уставъ* что-то опасное гражданскаго спокойствія Ярославля, и въ мѣстной газетѣ я не уставъ, а скромныя *правила* для желающихъ пользоься сокровищами новаго книгохранилища (3)...

1) Въ Николо-Надвинской церкви, сосѣдней бывшему Биронову дому, нѣстасъ вырѣзанъ Ѳ. Г. Волковымъ—основателемъ русскаго театра.

2) Достоинно замѣчанія, что первый списокъ *Слова о Полку Игоревомъ* цеть въ ризницѣ архіерейскаго дома.

3) Не знаемъ, каковы будутъ эти сокровища, но изъ частныхъ ярославьхъ хранилищъ поистинѣ богата библіотека Евгенія Ивановича Якушкина;

Однако довольно возиться съ книгами и говорить о книгахъ выйду на бульваръ, прогуляемся... Подъ тѣнью хорошо разрезавшихся лицъ гуляетъ нѣсколько чиновниковъ, въ боковой аллѣ прохаживаются нѣсколько *гулящихъ* Ярославскъ въ платочкѣ, которая въ шляпкахъ, отправились на Нижегородскую марку... вотъ канцеляристъ, робко оглядываясь по сторонамъ подходитъ къ красавицѣ... слѣва поэтически блестятъ слѣдствія, за барьеромъ, зеркальная поверхность... огромной любознательный путешественникъ спрашиваетъ: «ловятъ ли рыбу?»

— Какая жь рыба туточка, отвѣчаетъ проходящая баба, — какъ есть лужа; мѣсто больно низко, такъ лужа-лужей и слѣдуетъ на улицѣ, а чай и пересохнетъ когда-нибудь...

Справа бесѣдка, впереди бѣдется небольшое каменное зданіе—это ярославскій театр; но артисты въ настоящее время разбрелись по ярмаркамъ, ярмарочнымъ театрамъ, трактирамъ и другимъ заведеніямъ. Вотъ, за бульваромъ, громадное зданіе гостиница Ярославль; оно устроено на петербургскій манеръ: парадная лѣстница, швейцаръ, большая обѣденная зала, комнаты, большія цѣны на все... одно чтò въ ней провинціальнаго—это нечистота нумеровъ, а чисто народнаго—необыкновенная селенность постели извѣстными животными; о нихъ, какъ извѣстно, много писано русскими путешественниками, со временъ незапамятныхъ...

— Послушай, братецъ, говоритъ путешественникъ, со страхомъ и трепетомъ приготавливаясь лечь спать, и пригласивъ къ себѣ объясненія корридорнаго:—есть клопы и блохи?

— Помилуйте, какъ можно-съ! успокоительно отвѣчаетъ тотъ у насъ вѣдь хозяинъ купецъ извѣстный, и въ Питерѣ, и въ Москвѣ жили-съ; насчетъ чистоты всегда порядокъ требуется, будьте покойны.

Черезъ часъ спокойствіе нарушается; вы вскакиваете: полъ ка, одеяло, постель, все покрыто самыми размоколиберными сѣкомыми...

Спать нельзя. Я сѣлъ къ окну и сталъ писать письмо; двора слышится говоръ кучеровъ, извозчиковъ; тарантасы, бѣлки въѣзжаютъ и выѣзжаютъ со двора; вотъ какой-то армякъ сидитъ у телеги, монотонно тянетъ пѣсню, Богъ знаетъ какъ

мы нашли въ ней много и много интереснаго; много библиографическаго рѣдкостей, отличное собраніе русскихъ старинныхъ журналовъ, альбомовъ, древнихъ дубочныхъ картинъ, портретовъ русскихъ героев и знаменитѣльныхъ людей, живописный прекрасный портретъ Н. И. Новикова (онъ напечатанъ), наконецъ собранія любопытнѣйшихъ рукописей.

гетъшую въ Ярославль, Богъ знаетъ кѣмъ и о чемъ сложенную...

— Послушай, братъ, вѣдь я не могъ ни на минуту прилечь; клопы да блохи одолѣли меня. Вѣдь ни на что не похоже!.. берете полтора рубля за номеръ, и такая мерзость!

— Неужли, клопы-съ? заботливо и съ удивленіемъ спрашиваетъ корридорный, какъ бы впервые слыша подобное интересное извѣстіе.— Кажись, не должны бы быть. Вотъ, насчетъ блохъ, то вѣрно, на томъ не стоимъ—есть-съ, потому, изволите знать, время жаркое, какъ же имъ и не быть? А вотъ клопы... насъ хозяинъ человѣкъ извѣстный... богатый... Не должны бы быть...

Оставивъ корридорнаго въ раздумьи по поводу осадившихъ его слову вопросовъ, я поспѣшилъ на пароходъ, въ Кострому.

Кострома, 7—10 іюля 1860.

Пароходъ прибѣжалъ въ Кострому вечеромъ. Еще издали родъ плѣнилъ меня прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Каменная анія его, прекрасный соборъ, зеленѣющій скатъ *Муравьевки* (такъ называется высокая набережная, устроенная бывшимъ гувернаторомъ Муравьевымъ), красивое зданіе гимназіи на горѣ, на другомъ концѣ города громадная постройка Григоровской женской гимназіи, далѣе Ипатіевскій монастырь, все это вмѣстѣ, и заходящемъ солнцѣ, при движеніи судовъ и пароходовъ по рѣкѣ, при отраженіи города въ зеркальной поверхности широкой рѣки, составляетъ картину, достойную кисти лучшихъ живописцевъ. А на лѣвомъ берегу—деревни, зеленѣющія рощи, выдѣльные крутые холмы; на одномъ изъ нихъ, противъ самаго города, этеранъ, нѣсколько бесѣдокъ.

Тереодѣвшись, я поспѣшилъ въ городской садъ, разбитый у впаго кремля, нынѣшней площадки, украшенной величественнымъ соборомъ.

Въ саду никого, кромѣ канцелярскихъ чиновниковъ, и тѣ плеска на любимѣйшее мѣсто гулянки, на бульваръ, идущій къ берегу. Дѣтей Марса я почти не встрѣчалъ ни въ Ярославлѣ, ни въ Костромѣ, всѣ они заняты своимъ дѣломъ внѣ городовъ. Колоколь гудить. Костромичи и Костромитянки стекаются въ городъ ко всенощной службѣ; у входа нѣсколько монахинь съ елочками.

— Не хотите ли зайти въ семинарію? спросилъ насъ чичеевъ.

— Какъ не зайти? кстати она отперта. При входѣ, насъ обдало много пыли; то служка мелъ опорожнившіеся классы. Досчаплохая дверь и небольшая деревянная лѣстница вели на

верхъ. Полы не крашены, кривые, штукатурка на стѣнахъ облупилась, стѣны надъ скамейками вычернены и насажены запками семинаристовъ. Классы состоятъ изъ узкихъ покоевъ, бокамъ въ два ряда скамьи, въ концѣ комнаты кафедра, въ углахъ громадныя, безобразныя печи, въ окнахъ ветхія рамы.

— По сколько человѣкъ сидитъ въ этихъ небольшихъ классахъ?

— Да неравно, отвѣчалъ послушникъ:—человѣкъ шестьдесятъ, а иной годъ и сотня наберется.

— Гдѣ жъ, скажите пожалуйста, помѣщаются они? Въ этихъ много-много что человѣкъ тридцать, либо сорокъ можетъ помѣститься?

— Ништо, помѣщаются! положительно замѣтилъ служитель, такъ и больше помѣстятся, теплѣй сидѣть-то по сравнению другъ къ другѣ.

— Ну, и карцеръ есть?

— Какъ не быть, часомъ кто проштрафится, такъ чтобы куда посадить.

Заговорившись съ спутникомъ своимъ, я и забылъ заглянуть въ карцеръ.

— Вы, вѣроятно, думаете, что нынѣшняя семинарія то же, была встарь, говорилъ между прочимъ мой чичероне:—я самъ воспитывался въ семинаріи, самъ себя вынесъ живѣйшія и совсѣмъ отрадныя воспоминанія о семинарскомъ образованіи. Не знаю, какъ въ другихъ, но у насъ уже почти забыли и забыли грубость и кулачную расправу наставниковъ, семинаристы сдѣлались свободнѣе, развязнѣе, живѣе; съ ними и говорить можно, да они и сами не дичатся общества... Кроме этого движенія впередъ, много имѣетъ вліянія на улучшение этой семинаріи ректоръ, человѣкъ уважаемый и образованный.

Мы пришли на паперть соборную. Стѣны раскрашены краской, право отъ лѣстницы, громаднѣйшая старинная картина съ изображеніемъ суда: въ адскомъ пламени гибнуть всевозможные грѣшники, на каждомъ ярлычокъ съ надписью, за что обреченъ онъ на вечныя муки; живопись, какъ кажется, подновлена. Впрочемъ, о ней я не скажу ни слова; о немъ смотри два изданія *Описанія Костромскаго Успенскаго собора* тоіерея *Арсеньева*, 1829 и 1837 года; наконецъ, смотри *Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго собора*, съ хорошимъ рисункомъ собора, составленное его священникомъ, П. Островскимъ. (Москва 1855 г., стр. 100.)

— Позвольте узнать, батюшка, обратился я къ столяру паперти священнику:—можно мнѣ будетъ завтра зайти въ карцеръ, во время классовъ?

— Отчего жъ? я думаю можно, да что вамъ тамъ любопытно?

А впрочемъ, хотите, я васъ проведу къ ректору? съ нимъ и переговорите.

Приведенный священникомъ къ ректору, я повторилъ просьбу, обавивъ, что слышалъ уже, что костромская семинарія въ ходѣ бразованія обновилась, и тѣмъ интереснѣ зайти въ нее.

— Не все хорошо въ современномъ воспитаніи, очень люезно замѣтилъ мнѣ ректоръ:—много было хорошаго въ прежней егодѣ, многое бы не мѣшало сохранить изъ прежняго... Да что ась интересуеть въ семинаріи? Я, право, не знаю... Завтра раздникъ, классовъ не будетъ.

— Такъ будьте столь добры, позвольте послѣ завтра.

— А послѣ завтра... да я, право, не знаю... вѣдь у нихъ теперь уроковъ нѣтъ... теперь у нихъ экзамены.

Я объяснилъ, что тѣмъ интереснѣ, тѣмъ скорѣ можно поакомиться съ степенью развитости семинаристовъ.

— Да-съ, однако... но нѣтъ... разрѣшить я все-таки не имѣю ава... надо обратиться къ преосвященному. Семинарія заведее закрытое, туда посторонніе не могутъ... а вы, милости ошу, заходите ко мнѣ послѣ.

— Ваша воля, отвѣчалъ я, раскланиваясь съ любезнымъ и ажаемымъ ректоромъ; отказа я не ожидалъ и былъ пораженъ ѣвстіемъ, совершенно новымъ (по крайней мѣрѣ для меня,—ви-сь въ томъ), что семинарія заведеніе закрытое, запертое, оступное ни чуждому взгляду, ни...

То какъ же служба, служба, а? Какъ онъ рѣшился впустить а въ сію хранину *тайную* образованія 300—400 юношей, цущихъ пастырей? Какъ онъ не выждалъ отношенія на-ьства за № такимъ-то, отвѣта начальства опять-таки за №, дставленія и ходатайства за новымъ №, цѣлой кипы пениски о разрѣшеніи гг. N N лицезрѣть аобтертыя и облупив-ся стѣны, некрашенные полы да грязныя комнаты?..

ь цѣлю разсѣяться отъ неприятныхъ впечатлѣній и неприят-о объясненія, я отправился на лѣвый берегъ Волги. На кру-ь скатъ высокаго холма, покрытаго зеленѣющими кустами и ѣвьями, стоитъ ресторанъ, недавно открытый, раскидано нѣ-ько бесѣдокъ. Сюда костромская знать ѣздитъ гулять, ды-ь чистымъ воздухомъ, любоваться прекраснымъ видомъ на одѣ. По Волгѣ тянутся суда. Вотъ, отъ берега отдѣлился ѣтъ; гребцы въ красныхъ рубахахъ, въ высокихъ съ цвѣтами какахъ, мѣрно ударяють веслами, Волга-матушка не шелохнет-а доль ея далеко и далеко понеслось звучное пѣніе гребцовъ го и говорить, что пѣсня та была: «Внизъ по матушкѣ по ѣ!» Въ яликѣ сидѣло семейство одного изъ городскихъ са-иковъ. Слава Богу, хоть не за зеленымъ сукномъ и не пре-исомъ тратать эти чудные вечера...

— Ну, не только вечера, успѣшилъ замѣтить мой спутникъ:— а и ночи, даже, какъ вы говорите, чудныя ночи, сплошь да рядомъ козыряютъ. Вотъ, напримѣръ, за садикомъ, на верхушкѣ горы домикъ... онъ пусть, но рѣдкая недѣля проходитъ безъ посетителей. Всѣ эти господа, люди именитые, стекаются сюда не восхищаться заходящимъ солнцемъ, либо прелестями картинъ, а опорожнить дюжины двѣ-три бутылкокъ, да перевести изъ кармана въ карманъ пачки бумажекъ. Здѣсь любятъ повеселиться.

За домикомъ небольшая церковь, подлѣ него деревенское кладбище; я вошелъ за обвалившійся заборъ; небольшія насмыкнута прикрытыя кой-гдѣ камышками, дерномъ, кустами, обломками деревянныхъ крестовъ, двумя вѣтками, накрестъ сложенными, тянутся направо и налѣво, спускаются по горѣ, все это могилы земледѣльцевъ-труженниковъ; по томъ и кровью оросили они эту землю, и она приняла ихъ на отдыхъ отъ честной, трудовой жизни...

— Отсюда, замѣтилъ чичероне,—прекраснѣйшій видъ! Господа помѣщики да чиновники, какъ пораспарятся за картами да за винномъ, такъ и выйдутъ изъ домика сюда освѣжиться и отдохнуть въ объятіяхъ природы... У другаго жиѣніе-то пораззорено, въ долгу, какъ въ шелку, а, какъ человекъ образованный, страсти преданъ! Въ картишки ночи дуется, да продувается, сидитъ злѣна на могилкѣ какого-нибудь Сидора да Шакома...

На другой день, съ восходомъ солнца, мы были снова за Волгою, бродили по полямъ, холмамъ, по песчаной отмели лѣваго берега Волги, зашли наконецъ въ деревню отдохнуть и выпить молока.

Деревня раскинулась на большое пространство, кой-гдѣ стояли избушки порядочныя, кой-гдѣ виднѣлись совершенныя лавочки въ общемъ же видѣ, все это представляло безотрадную картину бѣдности, бѣдности тѣмъ болѣе странной, что почти подъ окнами течетъ кормилица миллионовъ народа, а за ней красуется губерскій городъ. Недоумѣніе мое тотчасъ исчезло, когда я узналъ, что деревня принадлежитъ нѣсколькимъ помѣщикамъ, не богатымъ, а за такими душевладѣльцами, какъ извѣстно, жить горше труднѣе, нежели за богатымъ.

Мы едва достали молока и улеглись подъ стогомъ сѣна въ лугу рѣзвились дѣти, передъ нами стояла хозяйка, загорѣлая, ботающая баба, босикомъ, въ послѣднемъ періодѣ беременности.

— Что, батюшка, говорила хозяйка на наши вопросы:— биринь-то нашъ человекъ небогатый, опять же семейство большое—шестеро дѣтей, такъ оброкъ-то дюжій навалень... По ступенямъ лей (ассигнаціями) съ тягла, да еще барщину справляй, да пятьдесятъ яиць, да холста....

Однако и пьянство мѣшаетъ вашему достатку?

Вѣстимо, тоже и пьянство прибыли не даетъ, а въ раззолотитъ; пьютъ, да и какъ не пить? достатковъ большихъ, а ужъ малое и не берегутъ, того и гляди, замѣтятъ достатокъ—тяготы прибавятъ... А вонъ, въ нашей же деревнѣ, одинъ Мях... вонъ что дворы-то новые стоятъ, это его гяне, семьдесятъ пять рублей (ассигнац.) всего оброку, да ины вовсе нѣтути, и достатки у крестьянъ, и пьютъ меньше! рстахъ въ трехъ за деревней и рядомъ съ колосающимися полями барское село. Господь нѣтъ, они въ отлучкѣ, или имѣние нехъ; при въѣздѣ въ село, двѣ каменные, полуразвалившіяся миды (то барская затѣя), домъ запертъ, ставни закрыты, на ни малѣйшаго движенія. Мы вошли въ садъ.

Облю я гулять по запущенному саду: тѣнистыя аллеи не расчистаны, не подстрижены, не въ парадной формѣ, дорожки заросли колючею травой, тамъ и сямъ видны развалины бесѣдокъ, полусгнившія скамьи, далѣе заброшенныя оранжереи, съ выбитыми стеклами и полуразобранными стѣнами.

Малько поэтическихъ и непоэтическихъ думъ наводятъ на васъ эти слѣды запущенія и разрушенія; какъ живо рисуется въ васъ помѣщичій бытъ добраго стараго времени! Вспомните о безвиномъ убиваніи времени, о толпахъ празднаго народа, о коллекціи приживалокъ, о сытныхъ несконченныхъ обѣдахъ и ужинахъ, о деревенскихъ банкетахъ, о дѣтскихъ Марса, герояхъ тѣхъ банкетовъ и плѣнителяхъ сердецъ почтенныхъ дочекъ, о патриархальныхъ распоряженіяхъ владѣльца... вотъ повѣяло свѣжимъ, живительнымъ, отраднымъ воздухомъ, вращая взглядъ отъ старца, изможденнаго бѣдностію и трудомъ съ удовольствіемъ ласкаемъ розовыхъ малютокъ... Счастья!—для васъ настаеъ заря прекраснаго будущаго!..

Мальчикъ, придержи, голубчикъ, собакъ! закричалъ мой спутникъ выведенный изъ терпѣнія лаемъ дворняшекъ.

Дай копѣечку, такъ придержу! бойко отвѣтилъ тотъ.

Ого! молодое поколѣніе ужъ съ этихъ лѣтъ требуетъ вознагражденія за трудъ! сказалъ чичероне, отворяя ворота.

Въ 11 часовъ утра, когда мы, переплывъ Волгу, стали подходить къ Ипатьевской обители; близъ моста, брошеннаго черезъ Кострому, стоитъ сумашедшій домъ.

Учтившійся у воротъ солдатъ объяснилъ, что въ домъ войдти нельзя, что сумашедшихъ одиннадцать человекъ, содержатъ въ чистотѣ и хорошо, помѣщаются они въ 2 этажъ, а внизу содержатъ арестантовъ.

Что же, лѣчить кто-нибудь сумашедшихъ?

Если кто заболѣетъ, такъ докторъ пріѣзжаетъ пользоваться

а чтобы насчетъ разсудка... такъ этого лѣченіи нѣту... А считается, какъ посидитъ годъ, два, такъ и отойдетъ самъ отъ мажествія... Крестьянинъ одинъ три года сидѣлъ, вѣдь отъ дѣлся-таки отъ болѣзни, пришелъ въ себя, его и выпустили.

Зной непомятый. Въ монастырѣ ни души. На дворѣ сложены груды камня, кирпичу, извести, глины; вправо стоитъ двухэтажный домъ, то терема царя Михаила. Крышка снята, доски вынуты, домъ этотъ реставрируютъ, по высочайшему повелѣнію; передѣлка идетъ живо, и при чисткѣ стѣнъ найдены старинныхъ оконъ, дверей, закладенныхъ при позднѣйшихъ постройкахъ; всѣ остатки старины будутъ реставрированы.

Посреди двора стоитъ каменный столбъ; на четырехъ углахъ его прибиты мѣдныя доски, на нихъ изображена лѣтопись замѣчательныхъ событій въ исторіи монастыря; подобные указники чрезвычайно полезны, давая возможность каждому грамотному богомольцу-простолюдину ознакомиться съ исторіей и ценной имъ обители (1).

Отыскивая проводника, который могъ бы показать намъ нищу и прочія достопримѣчательности, мы увидѣли монаха шедшаго на дворъ.

Мы стали спрашивать о памятникахъ старины, монахъ началъ неохотно; онъ видимо былъ утомленъ продолжительнымъ сномъ; вдругъ лицо его оживилось: «Смотри-ка, смотри, зачалъ онъ другому отшельнику, шедшему по корридору, — а пришла; и съ дѣтками пришла, повторялъ онъ радостно. Увѣя на цыгарку-курицу съ цыпятами:—и гдѣ она пропадала си-ка хлѣба, покормимъ!»

Почтенные отцы занялись кормленіемъ; къ намъ между подошелъ отецъ-ризиичій, въ рукахъ его гремѣла связка шнуръ ключей.

Исполняя нашу просьбу, отецъ-ризиичій показалъ всѣ достопримѣчательности собора, *Годуновскія рукописныя Евангелія* начала XVII вѣка, въ высшей степени замѣчательныя по своему камъ и письму (эти рукописи съ особеннымъ любопытствомъ разсматривала Государыня Императрица при высочайшемъ повелѣніи своемъ монастыря въ 1858 году), многія рукописи, вазы, сосуды, вклады, старинные образа, царское мѣсто, и прочія замѣчательныя подробности печатныя описанія.

Ризица впрочемъ относительно очень бѣдна; она не разоблачена при разныхъ смутныхъ обстоятельствахъ; 1764

(1) О Ипатьевскомъ монастырѣ вышло нѣсколько книгъ: намъ извѣстно П. Свинына, въ *Отеч. Зап.* 1820 г. № 1; за тѣмъ книга, вышедшая въ М.; наконецъ *Историческое описаніе*, соч. Дісва. М. 1858 г.

о-есть учрежденіе штатовъ, причинилъ монастырю гораздо больше золь, нежели всѣ гибельные пожары и нашествія непріятелей; до этого злополучнаго для него года, онъ владѣлъ домами въ обѣихъ столицахъ, въ Ярославлѣ, Костромѣ, Новгородѣ... Въ яду всѣхъ русскихъ монастырей, Ипатьевская обитель была одна изъ богатѣйшихъ; за ней считалось до 12.000 душъ крестьянъ, двадцать восемь селъ принадлежало монастырю, а деревень и угодій было неисчислимое множество; всѣ онѣ были раскиданы въ разныхъ провинціяхъ... Екатерина II нашла нужнымъ освободить иноковъ отъ тягостныхъ заботъ и попеченій о тѣлнныхъ, земныхъ благахъ, предоставляя имъ совершенную свободу проводить время въ постѣ и молитвѣ.

Поблагодаривъ ризничаго, мы пошли отыскивать отца-казнаря, чтобы купить описаніе монастыря. Въ длинномъ корридорѣ тянутся направо и налево братскія кельи; куда ни заходимъ мы, и братія, и служки-кедейники безмятежно спали, то былъ дыхъ послѣ утреннихъ трудовъ, выполненіе давнишняго завѣта царя Михаила Мономаха: «спанье есть отъ Бога присуждено полудне, якъ чинъ опочиваетъ, и звѣрь, и птицы, и человекъ!»

Особенно хорошо сохранились въ Ипатьевской обители колокольня съ живописными стѣнами и Годуновскимъ колоколомъ высокая стѣна, возобновленная при царѣ Алексѣѣ; въ этой стѣнѣ поддерживается деревянная галлерей, прямая и косвенная бойницы, входы въ башни и проч. Какъ извѣстно, подобнаго стѣнъ уже не найти въ другихъ монастыряхъ, галлерей чти нигдѣ нѣтъ...

Изъ мирной обители, мы пошли въ бібліотеку публичную. Она заведена очень недавно, оставнымъ инженернымъ офицеромъ, иностранцемъ, служившимъ еще при Бетанкурѣ въ 1820 годахъ, вместе съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ).

Бібліотека заведена очень недавно, стоила владѣльцу до 4000 бл., заключаетъ въ себѣ до 1500 сочиненій русскихъ и французскихъ (1), всѣ новѣйшія періодическія изданія, собраніе нотъ; и бібліотекѣ же фотографическое заведеніе, для снятія портретовъ.

Подписавшіеся на чтеніе книгъ платятъ умѣренные цѣны и пользуются разными правами: такъ, напримѣръ, могутъ получать отклеты по уменьшенной цѣнѣ и т. п.

А абониравшихся всего 35 человекъ! Учредитель бібліотины разчитывалъ на Ярославль и Кострому, два города, столь близко расположенные другъ отъ друга, и долженъ разочаро-

1) Каталогъ напечатанъ въ 1859 г. 8 д. Въ тип. Вольфа. Спб.

ваться въ надеждахъ своихъ. «Заведите у себя собраніе нотъ, васъ будутъ абонироваться многія дамы,» говорили нѣкоторыя аристократки; ноты выписаны по дамскимъ выборамъ, но нѣкоторые изъ нихъ не пользуются ими; а между тѣмъ какой-нибудь романъ Поль-де-Кока, даже въ безобразномъ русскомъ переводѣ, покупается довольно часто. «Чѣмъ руководствуется публика костромская при выборѣ книгъ, рѣшить трудно, говорилъ намъ библіотекарь, — *Фрэнкъ Паллада* долго лежалъ у меня, его почти никто не спрашивалъ, вдругъ прочитала одна аристократка французская, и на *Палладу* явилось много требованій, ради особаго интереса прочитавшей (а не вслѣдствіе прекраснаго разказа); на *Палладу* настала мода, и я долженъ былъ выписать другой экземпляръ...»

При посѣщеніи гимназій, зданія очень красиваго и содержимаго, я былъ пораженъ расположеніемъ комнатъ; большая зала очень велика, квартиры начальства (судя по издѣлкамъ торской) громадна, а классы (бездѣлица!) скромно тѣснѣе въ небольшомъ корридорчикѣ, и занимаютъ самую незначительную долю громаднаго зданія. Наши строители общественныхъ зданій, въ этомъ случаѣ, дѣйствовали вовсе не по заграничнымъ образцамъ: тамъ простота, наибольшія удобства, полное соответствие той цѣли, для которой строится зданіе; у насъ же съ наружною внѣшностью, блескъ, парадная лѣстница, актовая зала, квартиры начальниковъ, а тамъ и тѣ помѣщенія, ради которыхъ строится зданіе.

Но такъ дѣйствовали встарь, нынѣ и этотъ недостатокъ бѣдетъ; въ самомъ дѣлѣ, зайдите въ строящееся зданіе костромской женской гимназій, и вы увидите противное; этотъ прекрасный домъ воздвигнутъ на берегу Волги, состоитъ изъ двухъ большихъ каменныхъ корпусовъ... Основатель гимназій, Григоровъ, какъ намъ говорили, человекъ пожилыхъ лѣтъ, питанникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ; до милліона денегъ, 1000 десятинъ земли, 240 душъ крестьянъ пожертвованное просвѣщеннымъ основателемъ костромской женской гимназій, онъ самъ лично надзираетъ за работами, и употребляетъ средства, чтобъ учрежденіе, которое вѣроятно обезсмертитъ его имя, было блестящее во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, основатель не чуждъ и роскоши; такъ напримѣръ актовая зала имѣетъ два свѣта съ колоннами, хоть бы и не для Костромской гимназій; квартиры директрисы и двухъ начальницъ довольно велики; за то каждый изъ шести классовъ просторенъ, свѣтлы, высоки, имѣютъ по пяти оконъ въ каждомъ изъ нихъ; въ верхнемъ этажѣ имѣется спальня въ 30 оконъ. Изъ дортуара входить въ церковь, и тамъ будетъ классъ для воскресной школы; вся постройка

ется, какъ мы слышали, изъ самыхъ лучшихъ матеріа ловъ гимназіи разводятся садъ, устраиваются всѣ хозяйственныя ойки и принадлежности, берегъ Волги обтанется каменною ой, и передъ гимназіей на берегу разобьется другой садъ, танами и цвѣтниками...

іе постоянное костромскаго театра почему-то заперто, актали разыгрываются въ гарнизонномъ манежѣ за горо-

Вечеромъ 10 іюня, я рѣшился ѣхать въ Нижній, но на кѣ заманчиво объявлялось, что настоящій спектакль будетъ днимъ, и я отправился на утреннюю репетицію, чтобы хоть эй имѣть понятіе о костромской группѣ.

чего и говорить, что во времена Волкова костромская групп (если только она могла быть) была не хуже нынѣшней. Глав- римадонна, лѣтъ тридцати пяти, красуется въ кринолинѣ не- тныхъ размѣровъ; едва ли Волга въ своемъ весеннемъ раз- такъ широка, какъ широкъ ея костюмъ... Другая среди логовъ возилась съ щепками, какіе-то юноши, состоявшіе въ кѣ первыхъ любовниковъ и героевъ, кривлялись, стучали но- , взмахивали руками; заѣзжіи актеръ, имя котораго красо- рь большими буквами на афишкѣ — *геніальничалъ*, то-естъ э не игралъ, считая для себя унизительнымъ играть, какъ уеть, на репетиціи. Вообще надо замѣтить, что только без- ые актеры, да неспособные любители, появившіеся на спе- такъ-называемыхъ *благородныхъ спектаклей*, пренебрега- репетиціями, истинный же талантъ почти всегда одинаково етъ и на репетиціи, и на спектаклѣ...

любовавшись на залу костромскаго дворянскаго собранія (слушавши отъ старика-сторожа, отставнаго унтеръ-офи- , длинную повѣсть о томъ, какъ удалось ему, лѣтъ десять назадъ, получить изъ четырехъ сыновей-кантонистовъ од- для поддержки себя на старости лѣтъ, я поспѣшилъ на ходъ, прощаясь съ чистенькою и красивою Костромой, съ прямыми улицами, прекраснымъ памятникомъ Сусанину, на- цѣ съ Григоровскою женскою гимназіей... Одинъ видъ этого денія заставилъ меня забыть семинарію (1).

Плесъ. Два часа ночи, 11-го іюля.

штатный, небольшой Плесъ-городокъ, куда прибѣжалъ нашъ оходъ на ночлегъ, жметя между рѣкой и высокою, крутою ой. Мѣстоположеніе города чрезвычайно оригинально: пред-

) О Костромѣ см. описаніе въ *Словарь Щекатова*, т. III, стр. 773—783. — *Лѣтъ на исторію Костромы*, соч. князя Козловскаго. М. 1840. — Статья Ар- ева, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1820 г., № 2. — *Исторія костромской рѣки*, Красовскаго. — *Кострома*, брошюра 1858 г. — *Описаніе костромскаго*

ставьте себѣ узкую площадку со стороны рѣки, обшитую не дежною деревянною набережною, съ противоположной же роны опирающеюся на гору; на этомъ доскуткѣ земли набросъ какъ грибы, двухъ-этажные и одно-этажные деревянные до каменныхъ между ними не много. Весной и осенью городъ мывааетъ снизу Волгой, сверху горы дождевые потоки; зимою заноситъ непроходимыми глыбами снѣга, такъ что ѣзда и родѣ прерывается на нѣсколько недѣль, и только дѣтомъ оставляютъ его въ покоѣ; а между тѣмъ, поднявшись на гору, рѣшились взобраться два-три домика да городской соборъ видите передъ собой обширный лугъ, прекрасное мѣсто города.

— Почему жъ вы въ самомъ дѣлѣ тамъ не строитесь?

— Первое дѣло потому, что привычки этой нѣтъ, отъ мужикъ, лишенный ногъ отъ простуды,—изстари строятся не хотятъ и перебираться наверхъ; второе же то, что здѣ пристани ближе, хлѣбъ нагружаютъ на суда, сгружаютъ с рока, опять же проѣзжающіе на судахъ останавливаются и родѣ... А неудобства и впрямь много; здѣсь внизу, напри сажень земли 30 рублей а сверху 15 копѣекъ.

Въ трактирѣ, у лавокъ городскихъ гудитъ шарманка; а за съ мужичкомъ, проковылявшимъ за мной на костыляхъ; уо пить чай. Мужичокъ разказалъ, что есть у нихъ въ город рень лѣтъ двадцати, по фамиліи Плагинъ, сынъ простаго ку сызмада бойкій и смысленный паренекъ любовался паромъ наконецъ рѣшился сдѣлать самъ маленькій пароходикъ... тая никогда ничего о пароходахъ, не имѣя совѣтниковъ и р дителей, онъ послѣ долгаго усидчиваго труда сдѣлалъ ма пароходъ съ переднимъ и заднимъ ходомъ, съ свисткомъ лемъ, съ мельчайшими и необходимѣйшими частями па судна. Въ Кинешмѣ на выставкѣ сельскихъ произведеній, в бомъ бассейнѣ, къ величайшему восторгу всѣхъ посѣтителей пароходикъ этотъ ходилъ... Молодой мастеръ получилъ награ изъ Петербурга сдѣланъ былъ запросъ, гдѣ воспитывался и чему былъ обученъ Плагинъ-механикъ?

— Народъ-то у насъ на всѣ руки гораздъ, вмѣшался по да только что не у всѣхъ руки-то вольны заниматься тѣ

Крестовоздвиженскаго двѣичьяго монастыря, 1835 г.—Восникъ-стат ской обзорнѣ Костромской губерніи, соч. Воронцова-Вельяминова. Спб.—Императоръ Александръ II въ костромской сторонѣ. Сост. П. никовъ, печатано въ его же типографіи, въ Костромѣ. 1859 г.—Завѣскъ любопытныя) о костромскомъ ополченіи въ Вѣстникѣ Европы въ № 6.—Извѣстія о костромскомъ Боголюбленскомъ монастырѣ. Спб. и проч.

юбо, а у него и вовсе связаны. Вотъ хоша бы у нашего баина, вѣдь сколько народу — до 4.000 наберегся; сынокъ ихъ гаршій, въ нивирсигетѣ воспитывался, отъ чахотки умиралъ. Панашенька, говоритъ, я не умру спокойно, пока вы не обѣцаете отпустить на волю хоть однихъ дворовыхъ людей! Отецъ навѣтъ обѣщалъ, а умеръ сынокъ, пересталъ жалѣть о немъ, талъ жалѣть людей, отпущать ихъ не хочется, а дворовыхъ по отчинамъ до двухъ сотъ наберегся.

Нижній-Новгородъ, 12-го іюля.

Въ четыре часа утра, пароходъ далеко оставилъ за собой десь-городокъ. По мѣрѣ того какъ солнце подымалось все выше выше, мужички, прикащики, солдаты, монахи, бабы, торговы—пассажиры третьяго класса—стали потягиваться на скамейкахъ, подъ скамейками, на полу; все подымались, одинъ за другимъ, съ неприхотливаго ложа. Изъ каютъ выползать стали заннныя лица второкласниковъ; то были купцы, помѣщики, чиновники, два три учителя губернскихъ гимназій, офицеръ, ѣдущій въ отпускъ, и др.

На одной изъ скамеекъ, послѣ утренняго чая, усѣлось двое: одинъ, какъ кажется, помѣщикъ, другой, какъ оказалось, учитель исторіи изъ какой-то гимназіи, ѣдущій въ Симбирскъ.

Оживленный разговоръ шелъ о современномъ направленіи лирагуры, о политикѣ, о поэзіи и тому подобной матеріи.

— Вотъ вѣдь у насъ пошла теперь мода, говорить помѣщикъ,— историческія монографіи; какъ ни любопытны нѣкоторыя изъ ихъ, а нельзя не замѣтить, что въ большей части изъ нихъ не остается, что называется, того... *взгляда*... все это компіляции, рупшировка фактовъ — и все онѣ мертвы, ибо не оживлены *глядомъ*... То ли дѣло...

— Нѣтъ-съ, позвольте, замѣчаетъ учитель,—что такое *взглядъ*, го вы называете *взглядомъ*?

Помѣщикъ пускается въ длинное объясненіе (онъ много читалъ), начинаегъ толковать о Маколетѣ, переходитъ (Богъ знаетъ, какому сочетанію идей), къ Карамзину, Полевому и др.

— Все такъ, возражаетъ собесѣдникъ, да все эти господа не угъ къ дѣлу, когда рѣчь касается журнальныхъ историческихъ монографій, а тѣмъ болѣе изъ русской исторіи XVIII вѣка. Вотъ столь интересный періодъ нашей исторіи до сихъ поръ вызывалъ вниманія русскихъ писателей. Не хотѣли или не могли они имъ заняться—это все равно. Какъ бы то ни было, ни во царствованіе съ эпохи преобразователя Россіи, у насъ извѣстно, ни одно событіе не разъяснено надлежащимъ образомъ; все, что прежде печаталось на русскомъ языкѣ о вре-

менахъ Анны, Елисаветѣ, Петрѣ III, Екатеринѣ II — все это, почти все, были громкія фразы, все были *взгляды*. Неужже и теперъ наши писатели должны разбавлять свои изслѣдія разсужденіями, *взглядами*? Помилуйте, да пусть они только отыскиваютъ факты, факты, до сихъ поръ не явившіяся въ печати; пусть эти факты группируются въ смѣлыя разказы, пусть этотъ разказъ будетъ исполненъ одной идеей и вѣрьте, что безъ фразъ пышныхъ, безъ высказанныхъ афоризмовъ — въ самой связи его разказа, въ подборѣ данныхъ, въ впечатлѣніи, которое производитъ его разказъ на читателя — выразится *взглядъ* автора... Охъ, ужъ мнѣ эти *взгляды* доводится мнѣ много говорить о нихъ съ учениками, иной разъ кажется фразъ изъ учебника, и пошелъ отвѣчать *взглядами*, ими гораздо легче щеголять чѣмъ фактами...

— Ну ужъ хороши и факты въ нашихъ журнальныхъ монографіяхъ! замѣтилъ противникъ: — каждый изъ всѣхъ силъ старается что-нибудь выкопать почернѣе, погрязнѣе?... Не одностороннее ли это, не полное ли отсутствіе *взгляда*?..

— Опять вы со *взглядами*! оставимте ихъ: вспомните только что настоящія журнальныя монографіи — не больше какъ въ односторонности ихъ авторовъ нельзя обвинять; они берутъ одинъ эпизодъ, одну черту; одно лицо знакомятъ на столько сколько позволяютъ рамки очерка... Вы говорите, что они капываютъ грязь; да вѣдь у насъ такъ много писали, кричали объ одной сторонѣ, что, право, пора взглянуть и на другую. Нѣтъ, не въ отсутствіи *взгляда*, не въ односторонности нужно обвинять нашихъ писателей о XVIII вѣкѣ; если въ чемъ и упрекнуть ихъ, то...

— Вы въ Костромѣ, кажется, сѣли на пароходъ? спрашиваетъ меня священникъ, усаживаясь подлѣ и обязательно прикрывая меня зонтикомъ:

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Какъ вамъ нравится Кострома?

Замѣтивъ, что бесѣдующіе о литературѣ отправились въ путь, и что слушать некого, я вступилъ въ бесѣду съ соседомъ, передалъ свои костромскія впечатлѣнія, наконецъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что ректоръ не пустилъ меня въ семинарію; это болѣе странно, что онъ, какъ говорятъ, очень умный человекъ.

— Да, потому-то онъ и не пустилъ васъ, отвѣчалъ священникъ, — что умный человекъ... Ему хорошо извѣстно, въ какомъ положеніи находятся наши семинаріи; несмотря на всѣ улучшения — хвастать-то вѣдь нечѣмъ! Старое зло не такъ уничтожается; такъ напримѣръ, знаете ли вы какъ называли учителя въ семинаріи? Кончившимъ курсъ и выдержавшимъ

мены назначали предметы для преподаванія, безъ спроса — любить ли онъ этотъ предметъ, желаетъ ли его преподавать, имѣетъ ли къ нему способности? Такимъ образомъ, сплошь да домъ, математикъ ѣхалъ преподавать богословіе, богословъ — геометрію, учитель исторіи-русскую грамматику и т. д. Чтò жь въ этого выходило? Профессора смотрѣли (а пожалуй многіе до сихъ поръ смотрятъ) на свое дѣло съ отвращеніемъ, вовсе не занимаются; мало того, зачастую не знаютъ предмета... такъ, придетъ посторонній въ семинарію, онъ всѣхъ перекозытитъ; не знающій и не приготовившійся профессоръ не станетъ читать передъ посѣтителемъ лекціи, а станетъ спрашивать еника, ученикъ будетъ путать, врать... Нечего и говорить, что все это въ настоящее время улучшается, но старыя прорѣхи не такъ скоро зачиниваются, и умный ректоръ, разумѣется, не хотѣтъ, чтобъ этими прорѣхами любовался взглядъ незнакомца... Однако, какъ солнце-то припекать начинаетъ,—отправимтесь въ югу.

Михаилъ Се — вскій.

НА ПУТИ ПО ИТАЛИИ.

Поселившись на нѣсколько времени въ Ниццѣ, я сначала не зналъ, куда дѣваться отъ скуки. «Одна природа, думалъ я, не овлетворитъ вполне человека, а тутъ только и есть, что природа.» Знакомыхъ нѣтъ, труппа еще не пріѣхала, даже *café* подочнаго не встрѣтишь: какіе-то темные, словно у насъ на Руси въ нибудь въ уѣздномъ городѣ. Мнѣ уже жаль стало провинціальныя городовъ Франціи съ ихъ неизмѣннымъ, хотя подчасъ весьма плохенькимъ театромъ, съ *café chantant*, вѣчно пляшущими гриветками и горничными. Вскорѣ однако меня выручила бібліотека Висконти. Мнѣ рѣдко случалось встрѣчать въ небольшихъ городахъ Франціи и даже Германіи что-нибудь подобное. Представьте себѣ: нѣсколько тысячъ томовъ въ кабинетъ для чтенія, для продажи всѣ французскія, италіянскія, англійскія, даже которыя русскія новости, газетъ на четырехъ языкахъ множество, въ томъ числѣ три или четыре русскія. Однако нельзя все читать, да читать, и потому я благодарилъ судьбу, показавшую меня съ нѣсколькими Италіянцами, съ которыми приятно было поговорить о ихъ надеждахъ на будущее. Наконецъ, прошелъ мѣсяць, другой, и городокъ нашъ оживился, а

скукъ не стало мѣста. Когда я пріѣхалъ въ Ниццу, никто не рилъ въ уступку Ниццы Франціи. Только два главные хурки вели упорный споръ, но на нихъ никто не обращалъ вниманія, несмотря на то, что частенько между ними доходило чуть до брани. Правительство играло какую-то ужь слишкомъ пассивную роль, карабинеры (не французскіе, а особый родъ пьемонтцев въ альпавивахъ и треугольныхъ шляпахъ, смиренные и безмолвные какъ бараны), прохаживаясь съ обычною легкостью по городу, обращали вниманія ни на того, кто кричалъ: *give Napoli*, ни на того, кто изъявлялъ сочувствіе королю. Но вотъ появились въ газетахъ рѣчь императора, и страсти вспыхнули. Въ первую послѣ нея воскресенья, были назначены двѣ первыя манифестаціи: одна по утру, другая днемъ. Онѣ были не слишкомъ многочисленны. Гораздо значительнѣе показались мнѣ послѣдующія. Онѣ обыкновенно начинались на Корсо и потомъ направлялись по всѣмъ узкимъ, населеннѣйшимъ улицамъ. Впереди несли знамя, за которымъ шло человекъ пять молодыхъ людей, громко пѣвшихъ народныя гимны. Часто повторяемыя слова: «Italia libera» и «Viva» какъ-то могуче и свободно вылетали изъ ихъ груди. За ними тянулась нескончаемая процессія. Сознаюсь, я не могъ успѣть выступить противъ обаянія, которымъ были исполнены эти манифестаціи. Я слѣдилъ за ними по цѣлымъ часамъ. Часто гдѣ-нибудь, въ верхнемъ этажѣ, изъ окна показывалась женская головка, а за нею и рука, привѣтно махавшая платкомъ. Тутъ всѣ останавливались, и громко раздавалось безпрестанно повторяемое: *evviva, evviva!* Потомъ, часовъ въ одиннадцать всѣ расходились по домамъ. Однажды, въ такой процессіи, рѣшился я пройти куда-нибудь подальше, чувствуя, что не скоро засну. Въ одной изъ отдаленнѣйшихъ улицъ, обратило на себя мое вниманіе пѣніе нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ. Я подошелъ къ нимъ и долго слушалъ ихъ. Всѣмъ мнѣ поразило меня какое-то воззваніе, пропѣтое ими. На вопросъ, что они пѣли, они подали мнѣ измятую, запачканную бумагу, на которой были напечатаны стихи, сочиненные, какъ говорятъ, самимъ человекомъ, безъ котораго теперь ничего не творится въ Италіи. Я говорю о Гарибальди. Стихи эти называются: *Il grido d'Italia, Parole di Garibaldi*. Я прошу васъ представить себѣ картину пѣтими на родинѣ этого великаго человекъ, въ самый критическій для нея моментъ, подъ безграничнымъ сводомъ устьяннаго неба, въ зимній вечеръ Ниццы, когда пробираетъ васъ дрожь, придающая вамъ нѣсколько лихорадочное состояніе. Первая строфа этихъ стиховъ, характеризующая самого Гарибальди, если справедливо, что авторъ песни самъ Гарибальди, и другіе показались бы хвастовствомъ, то въ его устахъ это истина.

Là nel cuor dell Italia giurando
 Garibaldi ci strinse le mani
 E correndo dai monti su i piani
 Sprona all'armi provincie e città.

мъ, въ сердцѣ Италіи, произнеся клятву, Гарибальди по-
 намъ руки и, стремясь съ горъ въ долины, увлекаетъ къ
 о провинціи и города.»

рѣ, мнѣ удалось увидѣть въ Италіи и самого Гарибальди.
 робылъ въ Ниццѣ не долго. Манифестаціи повторялись чаще
 е. Два французскіе фрегата, появившіеся на вилафранк-
 рейдѣ, не остановили ихъ. Не прошло и двухъ дней послѣ
 рибытія, какъ во французскомъ театрѣ была манифестація,
 е кончившаяся весьма дурно. Французскій консулъ поса-
 гь раекъ матросовъ съ прибывшихъ кораблей и велѣлъ имъ
 ь: «Vive Napoléon! vive l'Empereur!» Противная партія
 лаба; голосъ ея былъ заглушаемъ голосомъ большинства,
 вшаго изъ Французовъ. Наконецъ они стали требовать, чтобъ
 г пропѣли гимнъ, сочиненный однимъ изъ редакторовъ
 : «Les vœux des Niçois». Актеры изъявили согласіе, объ-
 впрочемъ, что предварительно слѣдуетъ получить разрѣ-
 начальства «Il n'y a point d'autorité ici! nous sommes chez
 произнесъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Не успѣлъ окон-
 нъ этихъ словъ, какъ вошелъ піемонтскій офицеръ съ
 ой карабинеровъ. Въ то же время изъ райка спустились
 узскіе матросы. Одинъ изъ нихъ, самый маленькій, при-
 къ длиннѣйшему изъ карабинеровъ и, принявъ позу, въ
 ю становятся люди, собирающіеся фехтовать, кричалъ:
 , grande asperge, viens!» Это не помѣшало однако караби-
 ь свести кого слѣдовало въ полицію. Можно себѣ предста-
 егодованіе матросовъ, и еслибы не ихъ офицеры, то не обо-
 бы безъ драки, которая могла бы имѣть плохія послѣд-
 твѣмъ болѣе что у главнаго зачинщика нашли кинжалъ и
 иеты. На другой день только и рѣчи было, что объ исто-
 театрѣ. *L'Avenir* при этомъ осмѣлился наговорить дерзо-
 сей піемонтской арміи. Это, конечно, не осталось безъ на-
 1. Пробираясь вечеромъ, по одной изъ главныхъ улицъ,
 я замѣтилъ необыкновенное стеченіе народа. На вопросъ
 гѣ отвѣчали, что офицеры всего гарнизона вызываютъ ре-
 а газеты *Avenir* на дуэль, и дѣйствительно ее назна-
 а другой же день. Въ назначенный часъ противники отпра-
 къ границъ Франціи. Тутъ редакторъ, отставной воен-
 Французъ, предложилъ перейти черезъ мостъ, чтобы стрѣ-
 въ Франціи. Ему отказали, зная, что таможенные отни-
 пистолеты. Послѣ долгихъ колебаній, обидчикъ рѣшился

наконецъ печатно извиниться передъ Piemontцами. Окинувъ родъ встрѣтилъ у входа въ городъ и просто несть его нару. Вечеромъ, въ одиннадцать часовъ, рѣшено было устроить серенаду. Я отправился туда съ своимъ знакомымъ, полкомъ національной гвардіи, который, какъ живо помню, зывая объ участіи, готовившейся его родинѣ, проливалъ кія слезы. Чтобы понять вполнѣ великія событія, случившіяся въ настоящее время въ Италіи, слѣдуетъ познать хоть съ однимъ изъ такихъ людей, каковъ былъ мой знакомый. Пользуясь независимымъ положеніемъ и происходя изъ кратической фамиліи, онъ, тѣмъ не менѣе, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ къ своему товарищу по службѣ. Последняго я также не забуду, какъ еще не забуду кучера, ежедневно пріѣзжавшаго покалякать съ однимъ изъ кеевъ нашего отеля. Смуглый, высокій ростомъ, съ отличнымъ чудною бородой, онъ могъ служить лучшимъ типомъ Итальянца. Онъ принималъ участіе въ защитѣ Венеціи, гдѣ родился въ венгерской войнѣ; изгнанный изъ Франціи, онъ выжидалъ случая снова употребить въ дѣло свою руку. Длительное время онъ служилъ газетой, а когда въ Ниццу вошли французы, онъ оставилъ своихъ лошадей, и я частенько видѣлъ его другимъ во главѣ манифестацій. Теперь, конечно, онъ въ Ниццѣ. Но возвращаюсь къ серенадѣ. Передъ окномъ собралась толпа, появилась музыка. Проиграли въ честь національный гимнъ, что-то пропѣли, потомъ вызвали его. Онъ появился, снялъ фуражку, произнесъ, запынчался, началъ говорить и удалился, чувствуя неловкость своего положенія. Другой день Французы посмѣивались надъ всею исторіей, зывая, какъ поддѣли Итальянцевъ. Редакторъ газеты Assolombard задалъ въ извиненіи не: «je fais excuse», а: «je demande pardon» что означаетъ совсѣмъ другое.

Но вотъ уже приближился роковой день. Вечеромъ, наканунѣ дня выборовъ, собралась передъ окнами Піетри толпа. Выйдя на балконъ, онъ кричалъ имъ: vive la France, vive le peuple, mes enfants; а они вторили ему. Не правда ли, отчаянно? На другой день, выйдя рано утромъ на улицу, встрѣтилъ, какъ изъ Франціи, изъ-за Вара, тянулся народъ—собиравъ государя для Ниццы. Могъ бы разказать десятки историйъ объ этихъ выборахъ и къ этому прибавить кое-какія новости о свистѣ, съ которымъ были приняты французскіе кандидаты при вступленіи въ Ниццу, о стычкахъ на улицѣ, иногда случавшихся довольно плачевно, и т. д. Но все это, быть-можетъ, уже разказано уже раньше, и потому лучше оставимъ Ниццу въ томъ, какою она была, и отправимся вмѣстѣ въ Италію.

писна и интересна la Corniche, черезъ которую привелось
 ать въ Геную, великолѣпнѣйшій этотъ городъ, особен-
 да смотришь на него съ моря. Но все это извѣстно, и по-
 прошу читателя перенестись со мною прямо во Флорен-
 мѣ видѣлъ я короля. Представьте себѣ человека рыжаго,
 о, небольшого роста, съ вздернутымъ носомъ, и вы со-
 себѣ понятіе о Викторѣ-Эммануилѣ. Въ окнахъ многихъ
 овъ, во Флоренціи, вѣшана картинка, изображающая
 трехъ различныхъ костюмахъ, съ слѣдующими надписями:
 liano, il primo soldato italiano, il carogale-zuavo. Всего
 идетъ къ его лицу зуавскій костюмъ. Кромѣ портрета
 вездѣ встрѣчается портретъ Риказоли. Онъ стоитъ прямо
 голбъ, упираясь одною рукой на столъ; внизу подпись
 та:

Sta come torre fermo, chè non crolla
 Giammai la cima per soffiare di vento (1).

наю города, который былъ бы въ настоящую минуту
 е Флоренціи для жительства; настроеніе умовъ, мѣстопо-
 ; климатъ, искусство—все влечетъ сюда. Впрочемъ Фло-
 издавна носить названіе итальянскихъ Афинъ, и имя это
 е время принадлежитъ ей тѣмъ болѣе по праву, что въ
 скихъ поръ процвѣтаетъ знаменитый кабинетъ для чте-
issements. Дѣйствительно, гдѣ нѣтъ духовной пищи, будь при-
 оръ знаетъ какъ прекрасна, человекъ мыслящій едва ли
 тся.

вечно посѣщалъ замѣчательный кабинетъ г. Віессе и ди-
 изобилію собранныхъ въ немъ журналовъ и книгъ. При
 томъ, предпочитаю сообщить о немъ выписку изъ недав-
 ледшей во Франціи книги Монье: *L'Italie est-elle la terre
 ris?*

вы желаете увидѣть цѣлую генерацию поэтовъ и литераторовъ, въ
 твѣ съ эмигрантами и изгнанниками, ищите онъ, то перенесемъ
 центръ города, на площадь Santa Trinita, во дворецъ Буонделмонти.
 войдемте. Въ первомъ этажѣ, во время оно находилась типографія,
 торой вышло столько замѣчательныхъ ученыхъ и литературныхъ
 дѣній, что они одни могли бы прославить Италію. Не знаю, существуетъ
 ихъ поръ эта типографія (2): но еслибы вы спросили во время оно,
 основалъ, вамъ бы назвали Петра Віессе. Подымитесь въ первый
 и вы очутитесь въ библиотекѣ для чтенія, какой я не видывалъ ни-
 убы Швейцаріи и Германіи могли бы дать о ней понятіе, но они до-
 лишь избраннымъ, тогда какъ кабинетъ Віессе открытъ для всѣхъ.
 дите туда, какъ въ свою квартиру, прогуливаетесь по ряду комнатъ

тонитъ твердо какъ башня, которой верхушка никогда не сокрушится
 ровеній вѣтра.

уществуетъ, такъ какъ я былъ въ ней мѣсяца три тому назадъ.

наполненныхъ книгами, садитесь къ столамъ, покрытымъ журналами: тамъ найдете вы журналы на всѣхъ языкахъ; одна маленькая Женева доставляетъ три изданія: *Женевскую Библиотеку*, *Обозрѣніе* и *Газету*. Найдя во Флоренціи коллекцію періодическихъ изданій, болѣе полную чѣмъ гдѣ бы то было въ Парижѣ, вы спросите, кто собралъ ее? Ответъ будетъ отъ Петра Віессе.

-Войдемте въ послѣдній этажъ, тутъ контора журнала. Опять столы, покрытые журналами, связки писемъ, манускрипты, корректурные листы, всѣ принадлежности конторы журнала. Тутъ-то возмѣнилось поддерживались въ теченіи сорока лѣтъ самыя серіозныя журналы острова. На одной изъ стѣнъ этого кабинета вѣсятъ портреты знаменитыхъ итальянцевъ нашего времени; тутъ ихъ изображенія, здѣсь же всѣ они бывали лично, и многіе являлись еще сюда попрежнему. Разъ въ недѣлю эта контора превращается въ гостиную, гдѣ лучшіе литераторы принимаютъ знаменитыхъ иностранцевъ: здѣсь Фениморъ Куперъ былъ представленъ Никколони. Кто разказалъ бы исторію этого итальянскаго исходившаго въ немъ въ теченіи 40 лѣтъ парламентскія или академическія засѣданія, тотъ представилъ бы весьма интересную страницу великаго диковинъ. Когда бы вы ни пришли въ эту контору, вы застанете тамъ старика съ сѣдою бородою, съ глазами, покраснѣвшими отъ труда; онъ будетъ участвовать въ этихъ ученыхъ собраніяхъ, занимается редакціей, занимается зрѣніемъ, которыя онъ же основалъ, или трудится съ перомъ въ своей рукѣ; спросите имя этого старика, и вамъ опять назовутъ Петра Віессе... Чтобы найти нѣчто подобное ему во Франціи, слѣдуетъ спросить въ одно: г-жу Рекамье, г-жу Телоръ и г-на Булоза.-

Уже по этой выпискѣ, мнѣ кажется, можно составить нѣкоторое понятіе о книгѣ г. Марка Монье. Обращаю къ вамъ вниманіе читателей. Авторъ ея человекъ весьма образованный, знающій хорошо не одну Италію и потому обладающій нѣкими данными для сравненія. Онъ лично знакомъ съ Кавуромъ и многими писателями Италіи. При томъ, онъ успѣлъ обзрѣть въ книгѣ умственную жизнь всего полуострова въ послѣднее время и даже итальянская литература въ этомъ отношеніи не представляетъ ничего подобнаго его труду. Чтобы вполне узнать и полюбить новѣйшую Флоренцію не съ одной только внѣшней стороны, слѣдуетъ познакомиться съ отдѣлами книги г. Монье о Флоренціи въ тринадцатыхъ. Довольно вспомнить фалангу Віессе, состоявшую изъ Маміани, Гвераци, Монтанелли, Томазео, Никколони, Леопольди, чтобы понять значеніе Флоренціи новѣйшаго времени для Италіи.

Изъ Флоренціи я отправился въ Римъ,—до Сиены по железной дорогѣ, далѣе въ дилижансѣ. Погода была дождливая, и предстояла скучная, кучера бьютъ лошадей, какъ у насъ въ Руси, и меня снова ужъ начала разбирать скука. Къ счастію, противъ меня расположился человекъ, который сильно и сильно далъ мое любопытство. Кто бы онъ былъ? спрашивалъ я его. Онъ одѣтъ довольно неопрятно, въ пальто въ накидку, куритъ весьма дурную сигару и безпрестанно слезывавшій, онъ

не имѣлъ видъ человѣка, не совсѣмъ обыкновеннаго. Тонкія черты лица, маленькіе, хитренькіе, бойкіе глаза, все это вызывало на попытку познакомиться съ нимъ. Разговоръ долго не клеился. Наконецъ, не помню по какому-то случаю, онъ замѣтилъ, что служилъ въ уавахъ и участвовалъ въ африканскихъ походахъ. «А въ итальянскомъ походѣ вы не были?»—«Нѣтъ, былъ, и знаю всѣхъ, Фанти, Гарибальди и т. д. Императоръ послалъ меня въ Тоскану, я сформировалъ тамъ полкъ, а наградили какого-то барича. Можете себя представить, что это не совсѣмъ пріятно. Я написалъ Фанти рѣзкое письмо; онъ извинился тѣмъ, что баричъ, отступая на службу, покинулъ свой château. Я не привыкъ переносить обиды, вышелъ въ отставку и послалъ ихъ всѣхъ къ оргу. Я Корсиканецъ, у насъ вендетта еще во всей силѣ, и по-вѣрьте, попадись мнѣ гдѣ-нибудь этотъ Фанти, я бы убилъ его за мѣстѣ. Да и пустой народъ эти Итальянцы. Имъ бы только пивать въ кафе.»—«Куда же вы ѣдете?» спросилъ я. «Въ Римъ, зачѣмъ?—скажу, когда перейдемъ границу.» Оказалось, что я ѣхалъ для поступленія въ армію Ламорисьера. «Значитъ, вы очень преданы папѣ?».. спросилъ я.—«Какъ вамъ сказать? такъ любѣ; я прошусь къ Ламорисьеру потому, что война моя страсть мое ремесло. Будучи въ уавахъ, я сошелся съ приверженцами Консидерана, изучилъ его взгляды, и въ 1848 году принималъ участие въ журналахъ, раздѣлявшихъ его мнѣнія. Потомъ вышелъ въ отставку, посѣщалъ лекціи въ Туринѣ, занимался медициной, исторіей, однимъ словомъ всѣмъ возможнымъ. Вдругъ началась война. Я все бросилъ и поступилъ къ Вилльямсу—славный генералъ и человѣкъ очень набожный. Разомъ далъ мнѣ два чина, слыханное дѣло. Потомъ я просился къ Англичанамъ въ Индію, Испанцамъ въ Африку, и вотъ снова въ дорогѣ—ѣду къ Ламорисьеру?»—«Да значитъ, вамъ все равно, за чтѣ вы деретесь? Значитъ, у васъ нѣтъ убѣжденія?»—«Ну да, нѣтъ. Послушайте: вамъ такъ кажется, а въ войскахъ папы право не менѣе любѣ съ убѣжденіемъ чѣмъ между Сардинцами. Но этихъ-то любѣ вообще немного, мое же дѣло ремесло, вотъ и все тутъ. Убогихъ капиталовъ нѣтъ, а запасъ подъ старость будетъ.» Въ Римѣ меня просто преслѣдовали католическіе священники. Мнѣ съ Лионъ присутствовалъ при table d'hôte въ гостиницѣ, въ которой я остановился. Конечно, рѣчь шла преимущественно о reliques и reliquaires. Тутъ я научился многому и поохотался за сволью. Трудно представить себѣ, какъ велика ихъ преданность императору и ненависть къ Наполеону, котораго они не называютъ императоромъ. Одинъ изъ нихъ разказалъ мнѣ разговоръ Вельйо съ Вельйо. Императоръ требовалъ, чтобы Вельйо не читалъ папской буллы въ *Univers*. Въ свѣтскихъ дѣлахъ вы

имѣете надо мною власть, въ духовныхъ же нисколько, и потому я ее напечатала. «Mais savez-vous, qu'avec des gens comme vous on ferait tous pendre?» «Vous pouvez me faire pendre, monsieur Vellyo, mais n'oubliez pas que la corde cassera dans vos mains». Вечеромъ была появилась, и, какъ извѣстно, журналъ былъ прещенъ.

Изъ Рима я поѣхалъ снова черезъ Флоренцію въ Болонью потомъ въ Миланъ и Венецію. Кто не видѣлъ Флорентинскія горы, по которымъ пролегають дороги въ Романью, тотъ имѣетъ никакого понятія о томъ, какъ живописно разложена она. На полдорогѣ есть пунктъ, съ котораго видна ясная погодѣ Средиземное и Адриатическое моря, а въдали Альпы. Почти всю дорогу мнѣ привелось ѣхать съ юга въ Пьемонтъ. Они не довѣряютъ современнымъ событіямъ основаніи вынесенныхъ изъ исторіи убѣжденій. Замѣчаютъ какъ сильны историческія преданія въ Италіи. До сихъ поръ на ряду съ Дантомъ и Рафаэлемъ вы встрѣтите память о какомъ-нибудь мѣстномъ второстепенномъ героѣ, и часто между прочимъ и народомъ. Такъ, въ одной изъ отдаленныхъ долинъ Апеннинъ, дѣла въ небольшой остеріи на ряду съ бюстомъ Гарибальди, бюстъ Castraccio Castracani, прославившагося въ первой четверти столѣтія. Замѣчательно, что на одни и тѣ же преданія часто опираются убѣжденія и Гарибальди, который, какъ извѣстно, говорилъ передъ прошедшимъ Италіи, и какого-нибудь ренессансера. Однимъ этимъ объясняется развитіе историческихъ предубѣжденій въ Италіи. Чтобы дать читателямъ возможность составить себѣ понятіе о степени энергіи, съ которою Италійцы относятся своею исторіей, обращаю опять вниманіе на вышедшую книгу Монье. «Французы, прибавляетъ онъ, обвиняютъ Италійцевъ, что они слишкомъ много занимаются своею исторіей, не знаютъ сами, что говорятъ. Это укоръ выскочки, не идущій къ странѣ, имѣющей тридцать вѣковъ славы. Но Италіи еще не написана, и собирающіе матеріалы для этой исторіи готовятъ второй періодъ возрожденія, который крестится и досоздается прошедшее.» Изъ Рима до самой Болоньи, я ѣхалъ съ богатымъ Тосканцемъ, полнымъ самымъ наглымъ негодованіемъ на установившійся порядокъ. Онъ утверждалъ, что контръ-революція неизбежна, что баронъ Риказоли приключитъ рою Пьемонта, единственно съ цѣлю поправить свои дѣла. Этотъ человѣкъ безсовѣстный, готовъ на все. Куда онъ дѣвалъ свое золото, которое нашелъ въ казнѣ? Увѣряетъ, что переселился въ Англию? За чѣмъ назначилъ министромъ своего учителя дѣтей своихъ, Біанки? Дольши ставилъ ему хлѣбъ, и потому посредствомъ его онъ успѣлъ обработать всѣхъ и

Выборы происходили нисколько не лучше чѣмъ въ Ниццѣ. Заслуга, которую оказалъ Тосканѣ Риказоли, только тогда итса вполнѣ понятна, когда поговоришь съ людьми, по- моему моему незнакомцу. Въ Болоньѣ я посѣтилъ Сапро по которому водилъ меня мальчикъ, приставленный къ Интересно наблюдать кладбища у различныхъ народовъ. рманинъ кладбище—садъ, въ Италіи—музей. Тутъ стоять изъ мрамора, подающій деньги бѣднымъ; здѣсь—часовня, трой священникъ, также изъ мрамора, молится передъ нмъ образомъ за душу усопшей; тутъ наконецъ обсту- бти ложе умирающей матери. «А это что?» спросила дама, пая со мной, указывая на вѣнокъ, висѣвшій на стѣнѣ.—«Уго» сказалъ мальчикъ. Замѣтивъ, какъ подѣйствовало это на незнакомку, я спросилъ, кто былъ Уго Басси?—«Свя- къ, его Австрійцы разстрѣляли, вотъ тутъ напротивъ, за оиъ призывалъ народъ къ возстанію, ему тутъ будетъ й монументъ,» былъ отвѣтъ.—«*Infami, infami*», произнесла вымъ голосомъ женщина. Это послужило поводомъ къ раз- въ которомъ обнаружилось, что мальчикъ думаетъ лишь бѣ любимому королю, котораго имѣлъ счастье водить по Santo. По дорогѣ изъ Болоньи въ Миланъ я сходилъ съ людьми, глубоко преданными новому порядку вещей. общили мнѣ, что король въ Пармѣ, и что сами они ѣдутъ е на иллюминацію. По дорогѣ на всѣхъ холмахъ были ы огни. На одной изъ станцій раздалось громкое: *evviva!* о привѣтствіе генералу Чіальдини, вышедшему на мн- гь вагона. Въ Пармѣ иллюминація была дѣйствительно ве- пна. Въ окошкахъ многихъ домовъ красовались транспа- е портреты Гарибальди, Фарини, Кавура, короля. Тутъ ображенъ солдатомъ, тамъ скачетъ на конѣ, здѣсь стоитъ нный своими приверженцами. По всему городу направля- роцессіи. Большимъ подражали малые: цѣлыя ватаги ихъ, цкъ, со знаменами, ходили по городу и пѣли пѣсни. Сколько и удовольствія было написано на всѣхъ лицахъ! Король ь театрѣ, куда я впрочемъ не пошелъ. Неожиданнаго празд- котораго я былъ свидѣтелемъ въ Пармѣ, не забуду ни- Въ дни первой молодости, богатой грезами, можетъ-быть случалось, читатель, замечтавшись, вообразить фантасти- , ночную прогулку съ студентами-товарищами, куда-то въ лѣсъ. Вы долго блуждали, заходили въ болото, падали пившись, долго и тщетно искали пристанища. Вдругъ гла- шимъ является домъ, освѣщенный огнями; вы входите, и ете на балъ. Пробравшись, вы смѣшиваетесь съ осталь- жстами; дамы восхищены вашимъ неожиданнымъ приходомъ

вась и друзей вашихъ всѣ ласкають; беззаботные, молодые, преданы одному веселью. Гуляя по Пармѣ съ своими оживленными любезными незнакомцами, я думалъ, что переживаю одну изъ добныхъ грезъ молодости. Если такъ чувствовалъ я, иностранецъ каково же было Итальянцамъ? Желая сохранить въ памяти Пампано въ томъ волшебномъ видѣ, въ какомъ явилась она мнѣ въ теченіи проведенныхъ въ ней двухъ часовъ, я въ ту же ночь отъехалъ далѣе, и днемъ уже былъ въ Ломбардіи. На одной станціи ко мнѣ съѣли два весьма не нарядно одѣтые чело-вѣка. Кто бы это были? подумалъ я, и завелъ съ ними разговоръ. Оказалось, что они оба мясники изъ Вальтеллины и вѣрныя послѣдныя Гарибальди побѣждали Австрійцевъ. Я сталъ разспрашивать ихъ на счетъ несчастной женитьбы Гарибальди. Они мнѣ рассказали, что баронъ имъ знакомъ. Незаконнорожденная дочь вышла за Гарибальди, имѣя любовникомъ одного графа. Кто же они теперь? спросилъ я. Старикъ живеть еще въ Миланѣ, гдѣ на него впрочемъ никто не смотритъ, былъ отвѣтъ. Мы уѣхали въ Парижъ, а графъ «stiletto» (1), съ видимымъ удивленіемъ, замѣтилъ разказчикъ. «Кѣмъ же?» «Однимъ изъ сыновъ Гарибальди.» Долго разказывалъ онъ мнѣ потомъ, какъ дѣлались у нихъ Гарибальди. «Мы почти не стрѣляли, прѣдпочтя онъ, а все шли на рукопашный бой.»

Въ Миланѣ только и рѣчи было, что объ удавшейся женитьбѣ Гарибальди въ Сициліи. Въ Брешии мнѣ вздумалось спросить содержателя гостиницы, гдѣ бы достать «шакръ»? «А я вамъ сейчасъ велю заложить», сказалъ онъ. Гарибальди, заложивъ шакръ.—Что вы сказали? Гарибальди? «Да, это нашъ шакръ.» Когда всѣ бѣжали за Гарибальди, онъ также ушелъ, такъ и называемъ.» Забавно мнѣ было потомъ смотрѣть на маленькаго косолапаго возницу, носившаго такое громкое имя.

Н. Лыжневъ

(1) Убить кинжаломъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ И ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ.

Королевство Обѣихъ Сицилій исчезло какъ призракъ, бурбонская династія въ Неаполѣ пала, король Францискъ удалился изъ Неаполя, Гарибальди вступилъ въ Неаполь безъ битвы, безъ убѣды, и уже изъявляетъ намѣреніе провозгласить единство италіянъ, — *horribile dictum*, — съ высоты Квиринала, въ самомъ сердцѣ Италіи, въ Римѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, оберегающія и свидѣтельствующія о невѣжествѣ Франціи въ Италіи. А между тѣмъ, въ папскихъ провинціяхъ, въ Маркѣ и Умбріи, вспыхнули возстанія, несмотря на наемныя дружины и энергическія угрозы генерала Ламорисьера; сардинскія войска успѣли вступить въ эти провинціи, отдѣляющія сардинское королевство отъ южнаго, то-есть отъ бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій; папскія дружины разбиты; города Маркѣ и Умбріи заняты піемонтскими войсками. Анкона осаждена французами и суши. Французскій посланникъ выѣхалъ изъ Турина, дипломатическія сношенія между обѣими странами, повидимому, остаются вѣчными, между тѣмъ какъ лордъ Ляноверъ съ порученіями англійскаго правительства прибылъ въ Неаполь для переговоровъ съ диктаторомъ Обѣихъ Сицилій, въ рукахъ котораго сосредоточились силы движенія.

Событія слѣдуютъ одно за другимъ съ поразительною быстротою, но нельзя сказать, чтобы все въ этихъ событіяхъ поразительною неожиданностію. Еще прежде чѣмъ Гарибальди высадился въ Неаполь, уже никто не могъ сомнѣваться въ паденіи Неаполскаго королевства и въ успѣхахъ національнаго движенія. Паденіе бурбонской династіи совершилось дѣйствительно съ поразительною быстротою и съ изумительною легкостію; это его могущество рушилось само собою, не оказавъ и тѣни

жизненнаго сопротивленія, безъ борьбы, почти безъ выстрѣла, всѣ давно уже чувствовали, что дни его были сочтены, и Европѣ давно уже предсказывали неаполитанскому правительству ожидавшую его участь. Дѣйствительно, все совершилось необыкновенною энергіей и какъ-будто само собою, и въ время, все совершается какъ-будто по программѣ, все какъ-будто по писанному. Сила національнаго движенія овладѣла Италіей, что нѣтъ движенія, нѣтъ страсти, которая повиновалась бы ему, не служила бы ему органомъ, не крайней мѣрѣ, не содѣйствовала ему, хотя бы только степеневолью. Даже Мадзини, взявшій себя лозунгомъ великаго «Богъ и народъ», протестуя противъ недоверія, оказаннаго ему сардинскимъ правительствомъ, которое помѣшалось слѣдовать примѣру Гарибальди и снарядить дружинниковъ для высадки въ Римскую область, даже Мадзини освобождается отъ всѣхъ своихъ политическихъ видовъ и имѣетъ только одно желаніе—видѣть Италію соединенною и единою.

Но всѣ невольно спрашиваютъ, что же будетъ далѣе? Дѣйствительно ли Италія въ состояніи будетъ организоваться въ великое и цѣльное политическое тѣло, дѣйствительно ли національное движеніе возникаетъ изъ глубокихъ источниковъ, это только мгновенная вспышка, которая погаснетъ или не погаситъ, и эфемерное единство подвергнется новому и, быть, худшему разложенію? Не будетъ ли все это, спрашиваютъ многіе, только перемѣной династій, и вмѣсто Бурбонскаго царитъ ли въ Неаполѣ бонапартовская отрасль въ лицѣ та? Не даромъ, говорятъ, среди грома всѣхъ этихъ соборныхъ слышался, правда очень тихо и даже робко, голосъ престола, не даромъ, говорятъ, появилось въ газетахъ письмо правительства, успокоивающее Италію въ томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ властолюбивыхъ замысловъ, и въ томъ также, что откажется слѣдовать призыву Италіи, если призывъ сдѣланъ. Правда, въ *Монитеръ* было объявлено по поводу письма, что всякое предположеніе о возстановленіи монархической династіи въ Неаполѣ совершенно чуждо политикѣ и народу, несмотря на то, современная политическая литература гатилась еще однимъ памфлетомъ,—памфлетомъ мюрата, только что вышедшимъ въ Парижѣ,—въ Парижѣ, въ недавнихъ поръ, вопреки жалобамъ на стѣсненія возвращеннаго въ неистощимую лабораторію политическихъ бракъ, касающихся всего на свѣтѣ, рѣшающихъ всѣ вопросы, и выстилающихъ карту Европы, созидающихъ и разрушающихъ сударства. Тѣмъ не менѣе, никто въ Италію не будетъ

ать безъ негодованія или смѣха о какихъ-либо притязаніи-возлагающихъ надежды на нынѣшнее національное движеніе-владевшее этою страной. Итальянское движеніе крѣпко-но въ себѣ и не сомнѣвается въ возможности единой Ита-Оно можетъ-быть даже слишкомъ увѣрено въ своихъ си-

Оно распространяетъ свои вѣтви за предѣлы Италіи и-тъ сочувственные себѣ элементы въ другихъ мѣстахъ; оно, думаютъ, связано круговою порукой съ національными-ніями, которыя начинаются или готовятся въ самой Ав-и даже Турціи — этихъ двухъ больныхъ организмахъ въ-гѣ. Уже давно было говорено, что Гарibaldi, окончивъ-цѣло въ южной и средней Италіи, ударить прямо на Австрію, въ Венеціи, а прежде въ Венгріи, гдѣ, будто, все уже го-кѣ возстанію. Не даромъ, говорятъ, въ его штабѣ такъ много-рскихъ офицеровъ, не даромъ Венгерцы Тюрръ и Тюке-икъ близки къ нему и играютъ такую значительную роль-галіанскомъ движеніи, не даромъ также самъ Кошутъ по-а въ Италіи. Говорятъ также, что между Венгерцами и Сла-и, равно какъ и Румынами, возникло соглашеніе, что пре-соперничества и антипатіи умолкли, и разнородные эле-и наши общую почву и возможность дѣйствовать за одно, удто габсбургской династіи грозитъ такая же участь, ка-остигла бурбонскую въ Неаполѣ, и что будто съ тѣмъ вмѣ-можетъ неожиданно и какъ бы самъ собою разрѣшиться-чный вопросъ...

что будетъ, то будетъ, а теперь спрашивается: чѣмъ кон-римскій вопросъ? Серіозно ли Франція прервала свои ди-итическія сношенія съ Піемонтомъ? Будетъ ли Франція, во-ы то ни стало, гарантировать за папой такъ-называемую-имонію Св. Петра, то-есть Римъ, съ непосредственно-при-ощею къ нему территоріей, съ Чивита-Веккіей и Витербо?ли піемонтское правительство, которое не задумалось вве-свои войска въ Умбрію, дѣйствительно намѣрено уважить-имонію Св. Петра, то будетъ ли оно въ силахъ совладѣть съ-нальнымъ движеніемъ, которое, переходя отъ торжества къ-еству, и все болѣе и болѣе увлекаясь своею растущею си-не можетъ не чувствовать, что истиннымъ центромъ единой-иш можетъ быть только Римъ? А между тѣмъ французское-ительство не только не выводитъ своихъ войскъ изъ Рима, впротивъ, шлетъ туда еще новыя для усиленія гарнизона, и-поручаетъ начальство надъ нимъ генералу Гойону. Не-и надобно ожидать столкновенія между возникающею Ита-и Франціей...

августа, съ обычнымъ церемоніаломъ, закрылись засѣданія

то быть въ готовности отказаться рано или поздно отъ Три- и Далмаціи? Гдѣ положить здѣсь предѣлъ движенію? И Три- и восточный берегъ Адриатики были всегда въ тѣсной связи съ Венеціей и до сихъ поръ сильно италиянизированы. говоритъ въ Германіи партія, желающая сохраненія силы и притома германской Австріи. Дѣйствительно, нельзя сказать чтобы вопросъ этотъ не заключалъ въ себѣ для Германіи огромной важности, но съ другой стороны правда и то, что до сихъ поръ и сила Австріи, и политическое значеніе Германіи еще были чѣмъ-то очень искусственнымъ и покоились на основахъ очень непрочныхъ. Германія должна искать болѣе существенныхъ условий для своей политической организаціи; ей предлежитъ еще провѣрить свои національные инстинкты, вывести ихъ изъ бесплодныхъ и изнурительныхъ направленій, сосредоточить ихъ въ должныхъ предѣлахъ, гдѣ они могутъ служить основой дѣйствительному, а не фантастическому могуществу австріи. Весь вопросъ теперь состоитъ въ томъ, какъ осуществится стремленіе Германіи къ политическому единству? Такое наемое Национальное Германское Общество (*Nationalverein*), послѣднему засѣданію своему въ Кобургѣ, послѣ многихъ сессій, приняло основою своей программы федеративное единство Германіи; но, вмѣсто сейма, который представляетъ собою коалицію правительствъ, оно требуетъ учрежденія общенациональной власти и обще-германскаго парламента. Центральная исполнительная власть должна имѣть въ своихъ рукахъ управленіе всею военною частію Союза и всею внѣшнею политикою. Национальное Общество считаетъ необходимымъ немедленное осуществленіе такого единства, не ожидая, могутъ ли приступить къ этому германскія области Австріи. Оно обращается преимущественно къ Пруссіи и призываетъ къ патриотическому чувству населенія всѣхъ германскихъ государствъ, предоставляя имъ и времени рѣшить, въ какой мѣрѣ Австрія можетъ считаться членомъ германскаго единства. Относительно текущей политики Национальное Общество постановило слѣдующіе четыре пункта: 1) первый долгъ германской политики охранять неприкосновенность союзной территоріи во всемъ ея протяженіи; 2) пока германская не обязана, въ случаѣ войны между Австріей и ея за обладаніе Венеціей, принимать сторону Австріи; 3) другой стороны, германская политика обязана противиться съ всею энергіей всякому вмѣшательству, которое, въ случаѣ войны, можетъ дать новую силу завоевательнымъ стремленіямъ Франціи и подвергнуть опасности интересы и независимость національное развитіе Германіи; 4) въ равной мѣрѣ долгъ германско-германской политики требуетъ блюсти, чтобы въ этой

войнѣ не было употреблено во зло германское оружіе для насилъ порабощенія итальянскаго народа, который поднимается тогда исполненный энтузіазма.

Въ Англіи, сочувствіе итальянскому движенію растетъ, не сказать, съ каждымъ днёмъ и не ограничивается одною государственною поддержкой. Имя Гарибальди пріобрѣло тамъ громадную популярность. Дележныя и всякаго рода матеріальныя собія непрерывно посылаются въ Италію. Комитетъ, составленный изъ дамъ высшихъ круговъ общества, заготовляетъ въ Лондонѣ всѣ нужные припасы для больныхъ и раненыхъ сподвижниковъ итальянскаго героя, который недавно въ восторженномъ изъясненіи извѣщалъ комитету живую признательность за себя и за своихъ. Капитанъ Стайлсъ и другіе агенты вербуютъ въ Англіи волонтеровъ для Гарибальди, и уже довольно значительныя отряды, вооруженныя, съ обильными запасами всякаго рода съ пушками, отправляются изъ Лондона, изъ Ливерпуля, изъ Бирмингемъ. Большею частію, это люди изъ зажиточныхъ семействъ, и числятся въ спискахъ волонтеровъ Англіи. Важно то, что они идутъ не съ пустыми руками, и не только сами не будутъ тягосты скуднымъ финансамъ, которыми располагаетъ итальянское движеніе, а напротивъ усилить его средства. Вопросъ этой вербовкѣ волонтеровъ для Гарибальди былъ поднятъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ парламентѣ. Нѣкоторые члены спрашивали у правительства, почему оно дозволяетъ противность международному праву, эту вербовку въ Англіи между тѣмъ какъ оно же, не задолго передъ тѣмъ, находило дозволеннымъ вербовать волонтеровъ для папы въ Ирландіи. Но правительство въ Англіи не можетъ воспрепятствовать имъ поданнымъ отправляться куда имъ вздумается; оно не можетъ стѣснять ихъ свободу, контролировать ихъ занятія, дупреждать ихъ намѣренія, предугадывать ихъ дѣйствія. Вмѣшательство его въ этомъ случаѣ можетъ ограничиваться только тѣмъ, чтобъ офиціальнымъ образомъ не допускать объявленной вербовки. Только этого не допускало оно въ Ирландіи; но и тамъ точно также не могло оно воспрепятствовать отправленію цѣлыхъ дружинъ подъ знамена Ламорисера; не можетъ воспрепятствовать отправленію волонтеровъ всаго рода изъ портовъ самой Англіи. Бѣдные Ирландцы плаваютъ на службѣ папы, подъ знаменами генерала Ламорисера; они бѣжали оттуда цѣлыми толпами обратно въ свою Ирландію — и не вслѣдствіе какихъ-либо мѣръ правительства, а только въ силу разказами этихъ блудныхъ символь, возвратившихся оттуда; охладилось усердіе ирландскихъ католиковъ отъ стѣсненія въ Италіи свѣтскую власть папы. Англійскіе охотники, охотники

ся на подмогу вождю итальянскаго движенія, зовутся *экскурсіонами*; вербовщики приглашаютъ желающихъ прогуляться въ нѣю, и охотники съ боевыми запасами отправляются на прогулку, кетъ-быть посмотрѣть изверженіе Этны», какъ выразился лордъ мерстонъ. Впрочемъ, сколько бы молодыхъ бойцевъ ни отшлось изъ Англіи для *экскурсіи* въ Италію, это не произведетъ никакого ущерба въ рядахъ той самородной арміи, которая образовалась для обороны самой Англіи, и растетъ безпрерывно. Теперь, въ этой арміи волонтеровъ, числится уже болѣе 000 человекъ. Нельзя надивиться этой самоорганизующейся, которою бываетъ одаренъ свободный народъ. Всѣ эти гуса волонтеровъ состоятъ главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей высшихъ и среднихъ классовъ. Это не сплошная масса, а живыя индивидуальныя силы, которыя сами собою собираются, собираются, организуются въ батальоны, полки и гуса, сами избираютъ изъ своей среды офицеровъ, добронно подвергаются нешуточнымъ тягостямъ службы и дисциплины, жертвуютъ своимъ временемъ и средствами. Ревностные участники этого необыкновеннаго патріотическаго дѣла, и въ числѣ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ, лордъ Элько, хлопоталъ въ послѣднее время о томъ, какъ облегчить участіе въ этомъ дѣлѣ для людей изъ рабочихъ классовъ, которые также хотятъ участвовать въ національной оборонѣ, но не могутъ располагать всѣми необходимыми для того матеріальными средствами. Задача состояла въ томъ, чтобъ облегченія и пособія волонтеровъ изъ рабочихъ не были оскорбительны для ихъ національнаго чувства, и чтобы въ этой арміи волонтеровъ они были поставлены въ особое положеніе, которое заставляло ихъ чувствовать себя какъ отдѣльный классъ въ ея рядахъ. Кажется, дѣло улаживается успѣшно, и численная сила волонтеровъ значительно прибавится и съ этой стороны. Англійскіе газеты съ гордостію говорятъ о своихъ волонтерахъ и со всѣми подробностями описываютъ непрерывно происходящіе смотры отдельныхъ дружинъ въ разныхъ частяхъ Англіи и Шотландіи. Говорятъ въ Англіи и Шотландіи, потому что хотя народонаселеніе Ирландіи также желаніе составить свое ополченіе, но правительство не сочло возможнымъ дать оружіе народонаселенію, которое до сихъ поръ глубоко раздѣлено религіей и племенными предубѣжденіями на враждебныя стороны, и безъ того слишкомъ склонно къ вооруженнымъ схваткамъ между собою. Недавно волонтеры графства, того самаго графства, гдѣ стоитъ Манчестеръ, тотъ же графство, отъ котораго прозвалась цѣлая школа, проповѣдующая въ то что бы то ни стало и имѣющая въ главѣ своей г. Брайтонъ, недавно эти ланкастерскіе волонтеры въ числѣ 11.000 слыш-

комъ человекѣ собирались въ великолѣпномъ паркѣ дравъ Нозлейскаго замка, принадлежащаго графу Дерби, который присутствовалъ при этомъ смотрѣ и угощалъ потомъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ гостей съ радушіемъ старыхъ временъ. Оценіе публики было несмѣтное; около 200.000 человекъ собралось въ Нозлейскомъ паркѣ полюбоваться зрѣлищемъ стройной эволюціи этого самороднаго войска. Иностранные корреспонденты описываютъ съ восторгомъ этотъ смотръ и съ удивленіемъ говорятъ о строгомъ порядкѣ, который самъ собою соблюдался не только въ рядахъ волонтеровъ, но и въ толпахъ этой народной массы людей, собравшихся на зрѣлище. Въ числѣ зрителей былъ и тринадцатилѣтній сынъ Гарибальди, который находится въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Англіи. Онъ былъ въ мѣчехъ, и графиня Дерби посѣщила пригласить его къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ былъ предметомъ живаго и сочувственнаго разговора.

Въ англійскихъ газетахъ, и особенно въ *Times*, было много рѣзкихъ укоровъ членамъ парламента за истекшую плоднующую сессию. Журналистика, служа органомъ общественнаго мнѣнія, не считаетъ нужнымъ приписывать мягкія выраженія своимъ отзывамъ о членахъ правительства и законодательнаго парламента. Восхваленія считаются излишними, а порицанія, слишкомъ рѣзкія и слишкомъ придирчивыя, считаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе полезными. Пусть другіе указываютъ на недостатки, а намъ самимъ, будетъ ли то отдѣльный человекъ или цѣлый народъ, и приличнѣе и полезнѣе обращать вниманіе на свои недостатки и даже преувеличивать ихъ въ интересѣ общаго улучшенія. Минувшая законодательная сессія англійскаго парламента дѣйствительно не была обильна положительными результатами, новыми законами, новыми реформами, и это гнѣвно замѣчается теперь по ея заключеніи, чѣмъ болѣе возбуждаются ожиданія при своемъ открытіи. Избирательная реформа, которая должна была произвести такое существенное измѣненіе въ устройствѣ политическомъ устройствѣ страны, послѣ многосрочнаго была отложена; были отложены и другіе, болѣе важные законы, также послѣ продолжительныхъ преній, имѣвшихъ положительными результатами. Но важны не только положительные результаты; бываютъ также важны отрицательные. Кто-то справедливо замѣтилъ, говоря о недавнихъ засѣданіяхъ англійскаго парламента, что заслуга можетъ быть въ томъ только, что *сдѣлано*, а также и въ томъ, что *не сдѣлано*, что приостановлено для большей зрѣлости. Избирательная реформа отсрочена, но блестящія пренія, возбужденныя въ парламентахъ, не останутся безъ пользы; всѣ элементныя

и взвѣшены и оцѣнены, что не можетъ остаться безъ вліянія будущаго рѣшенія этого важнаго вопроса. Законъ о банкротствѣ, который также остановился на полу-пути, не замедлитъ затѣяться, и безъ сомнѣнія возвратится въ видѣ болѣе обдуманнаго и упрощеннаго. Скороспѣлыя рѣшенія приносятъ собою большую пользу, а вредъ причиняютъ несомнѣнный. Дѣло не въ томъ, чтобы рѣшить какъ-нибудь, а въ томъ, чтобы рѣшить конструктивно; дѣло не въ томъ, чтобы потѣшить себя улучшеніемъ снаружи, производя смуту и порчу внутри, а въ томъ, чтобы положить начало дѣйствительному улучшенію. Минувшая парламентская сессія была не слишкомъ прогрессивна во внутреннемъ законодательствѣ; результаты ограничиваются только важными экономическими измѣненіями, которыя сопряжены съ торговымъ трактатомъ, и другими далеко не такъ важными, какъ бы не менѣе дѣйствительными законодательными мѣрами. Мало ли, мало ли было сдѣлано, все сдѣланное было дѣйствительнымъ шагомъ впередъ и составляетъ положительную прибавку къ суммѣ народнаго благосостоянія, не причинивъ ему ни малѣйшаго ущерба. Впрочемъ, не парламентъ виноватъ за скудость своей законодательной дѣятельности. Если дѣйствительно слѣдовало упрекнуть ее въ скудости внутренней законодательства, есть еще другая область, ресущая общественное мнѣніе и требующая вниманія нашихъ представителей великой державы, — область международныхъ отношеній, вопросы мира и войны. А едва ли когда-либо положение Европы возбуждало болѣе вниманія, болѣе интересовъ и опасеній, болѣе надеждъ и тревогъ, какъ въ настоящее время. Въ англійскомъ парламентѣ, какъ главномъ представительствѣ общественнаго мнѣнія и общественныхъ интересовъ, не могли не отзываться осы внѣшней политики. Они-то стѣснили внутреннюю законодательную дѣятельность; они-то отняли и время, и вниманіе, и интересъ у внутреннихъ реформъ. Но за то, кто можетъ сказать, что засѣданія англійскаго парламента были безплодны относительно всѣхъ вопросовъ? Эти засѣданія имѣли огромное вліяніе на Европу, они были предметомъ всеобщаго и напряженнаго вниманія. Парламентъ представляетъ собою общественное мнѣніе Англій, а сама Англія въ свою очередь служитъ представительницей общественнаго мнѣнія всей остальной Европы, потому что теперь только въ Англій общественное мнѣніе пользуется полною свободой и составляетъ дѣйствительную силу. Интересы и мнѣнія, возбуждаемые политическими вопросами, отзывались въ преніяхъ англійскаго парламента, — все, начиная отъ Брайтовскаго: *пропадай Саваойя!* до Кинглековскихъ измѣненій, начиная отъ протестацій со стороны ирландскихъ чле-

новъ противъ италіанскаго движенія и въ пользу свѣтской власти папы или въ защиту неаполитанскаго Бурбона, до... до рѣчи лорда Джона Росселя и самого *премьера*, пріивѣтствованіи возстаніе и возрожденіе Италіи, превозносившихъ вождя національнаго движенія какъ великаго героя новыхъ временъ. Принципъ невмѣшательства, перипетіи въ отношеніяхъ къ Франціи, другія международныя связи, Германія и Востокъ, оборона нынѣ вооруженія Англіи, поразившія Европу своею громадностью и энергіей, возрастающая сила англійскаго вліянія,—все это являлось, обсуждалось и рѣшалось, и минувшая сессія оказалась одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ англійскаго парламента.

Около того времени, когда приходили къ концу парламентскія засѣданія, и на послѣднемъ изъ нихъ г. Кинглекъ договариваясь о изблеченіи, доказывала, что въ сирійскомъ дѣлѣ будто бы такимъ образомъ замѣшана рука Франціи,—повелитель этой страны, съ своею супругой и наследникомъ, предпринялъ государственное путешествіе на югъ имперіи, чтобы собрать дружелюбнаго энтузіазма и вступить лично во владѣніе новополученными отъ Пиемонта провинціями. Официальныя изъясненія дружелюбнаго энтузіазма со стороны чиновниковъ и журнальных корреспондентовъ превышаютъ, если можно, все, что въ подобныхъ случаяхъ происходило прежде во Франціи. Никакія фигуры не являются слишкомъ смѣлыми. Самое солнце должно было участвовать въ изъясненіи энтузіазма, «какъ ловкій передворецъ», по выраженію корреспондента одной изъ полуофициальныхъ газетъ. Одинъ изъ ораторовъ, при встрѣчѣ императора, въ порывѣ восторга провозгласилъ его прямымъ наследникомъ не только Леона, но и Карла Великаго, и наследникомъ не только по праву, но даже и по крови. Шумъ торжества, сопровождающій императорское путешествіе, слился съ громомъ рѣчей, которыми въ то же самое время произносились по всей Франціи различными чиновниками имперіи въ генеральныхъ совѣтахъ, гдѣ они и председательствуютъ. Всѣ эти сановники принадлежали во Франціи къ самымъ разнороднымъ партіямъ, къ легитимистамъ, монархистамъ и республиканцамъ, и теперь всѣ они въ равной степени и въ одинаковомъ смыслѣ выражали свои чувства, и всѣ они одобряли миролюбивую политику императора, благоденствіе, славу Франціи. «Было бы клеветою, сказано по этому случаю въ *Times*, сравнивать способнаго и бодрого императора Франціи съ заклеяменными исторіею римскими цезарями, но его предшественники, его префекты, его сенаторы и журналисты безпрерывно сменяютъ собою времена, изображенныя Ювеналомъ. *Самый Монитеръ* наполняется теперь адресами на имя импера-

департаментских генеральных совѣтовъ... Каждый изъ провинціальныхъ и муниципальных говоруновъ во Франціи служитъ органомъ внушеній со стороны министерства ея дѣлъ. Частнымъ лицамъ и массѣ народонаселенія нивается даже въ удовольствіи своеобразно изъяслять свою волю. Журналы получаютъ наставленія отъ министровъ и отъ частнаго секретаря, префекты—признанные органы власти, краснорѣчивые президенты генеральныхъ совѣтовъ—инновники. Даже меры, изліянія которыхъ пріивѣтствуютъ и авляютъ императорское шествіе, посажены властями на кони, которыхъ чувствованія они такъ охотно берутся изъяслять.... Монотонность въ рѣчахъ разнородныхъ ораторовъ, въ-быть, всего лучше объясняется общимъ источникомъ ихъ вдохновенія. Императоръ вознесъ славу Франціи на безпримѣрную высоту; онъ внушаетъ Европѣ соединенное чувство довѣрія и уваженія; онъ покровитель промышленности или освободитель торговли по особымъ интересамъ департамента; сверхъ всего, онъ учитъ и почитаетъ превозносить его умѣренность и гений. Не такъ легко восхвалять достоинство особы, не находящейся въ связи съ общими дѣлами, и потому императрица должно-быть очень бережлива, слыша поминутно изъ устъ префектовъ и меровъ одно и то же, — именно то, что она «ангелъ прелести и доброты». Единственное слово, которое можетъ быть сказано, что она чувствуетъ пламенную любовь къ отпрыску обожаемой династии, которой она такъ глубоко предана въ продолженіи почти восьми или девяти лѣтъ.

Во время своего путешествія, императоръ достигалъ береговъ Женеви и озера. Правительство Швейцарской республики отказалось выслать депутатовъ для пріивѣтствія властителя великой державы. Отношенія между Швейцаріею и Франціею далеко не уладились. Швейцарія не считаетъ вопроса о Швейцаріи и Фосиньи дѣломъ конченнымъ. Впрочемъ, не одна Швейцарія, но и Европа еще только ожидаетъ его окончательнаго рѣшенія. «Предположенныя конференціи по поводу присоединенія Савойи и Ниццы къ Франціи, сказано въ королевской рѣчи, произнесенной на заведеніи англійскаго парламента, еще не собраны. Но ея величество увѣрена, что вслѣдствіе какихъ бы то ни было переговоровъ, будутъ сдѣланы удовлетворительныя распоряженія для того, чтобъ обезпечить, согласно духу и буквѣмъ трактата 1815 года, нейтральность и независимость кантонской конфедераціи. Всѣ державы, участвовавшія въ вѣнскомъ трактатѣ, придавали этой нейтральности и независимости особую важность, и въ настоящее время онѣ не менѣе чѣмъ важны для общихъ интересовъ Европы.» Намекъ на трак-

татъ 1815 года въ королевской рѣчи произвелъ во Франціи чрезвычайно непріятное впечатлѣніе, что французская журналистика и поспѣшила заявить.

Какъ бы то ни было, за миролюбивое направленіе французской политики ручается одинъ изъ ближайшихъ друзей императора, одинъ изъ лучшихъ его сановниковъ, служащій съ усерднымъ посредникомъ между дворами парижскимъ и лондонскимъ, графъ Персиньи. Посланникъ императора Французомъ Лондонѣ пріѣзжалъ во Францію открыть засѣданія генерал-совѣта своего департамента; онъ также произнесъ рѣчь, и не самую обширную изъ всѣхъ, которыми огласилась въ это время Франція, рѣчь, столько же разчитанную для Франціи, сколько и для Англіи. Графъ Персиньи говорилъ съ своимъ обаятельнымъ искусствомъ, настаивая на томъ, что между Франціею и Англіею не можетъ быть никакихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, между обѣими націями и обѣими правительствами не прервано самое искреннее согласіе, несмотря на возгласы недоброжелательныхъ людей и партій. Онъ утверждаетъ, что политика императора остается вѣрною провозглашенною имъ въ Бордо, и что имперія, по прежнему, значитъ не что иное какъ имперія. Она значитъ это именно въ томъ смыслѣ, что императоръ не имѣлъ и не имѣетъ въ виду должать преданія первой имперіи, или мстить за нее. Этоими словами значитъ, что императоръ Французовъ всегда далъ и постоянно желаетъ оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ Англіею. Г. де-Персиньи заключаетъ свою рѣчь увѣреніемъ, теперь наконецъ дѣйствительно наступаетъ новая эра, эра, и что Франція будетъ отнынѣ исключительно занята своимъ развитіемъ и благосостояніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ рѣчь г. де-Персиньи не произвела большаго впечатлѣнія въ Европу; Европа выслушала ее очень равнодушно, безъ восторжсканій, которыми сопровождалось ея произнесеніе въ *Journal des Débats*, да еще въ нѣкоторыхъ сколько-нибудь влиятельныхъ органахъ французской журналистики, кое-какія критики свое существованіе, выразились даже сътованіемъ императора, говорившій такъ много обо всемъ, и говорившій такъ много успокоительныхъ и утѣшительныхъ словъ, и имѣющей наступить эпохѣ мира и благоденствія, не выходящаго изъ чего сказать о свободѣ, которой ожидаетъ Франція.

Впрочемъ, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, — старая поговорка. Императоръ Французовъ желаетъ добра для своей страны и для Европы эру мира, — желаніе доброе, сомнѣнія искреннее, но можетъ ли онъ поручиться за имперію, можетъ ли онъ заранѣе быть увѣренъ въ исходе

съ миролюбивыхъ желаній? Человѣку и за самого себя ружья трудно, а какъ ручаться за цѣлую Европу, особенно въ ящее время?

анцузскія войска уже высадились въ Бейрутѣ. А въ Дамаскѣ паша, безъ пощады, сотнями вѣшаетъ, разстрѣливаетъ, сажаетъ на колъ, и тысячами ссылаетъ на каторгу и отдаетъ въ руки убійцъ и грабителей (хороши будутъ солдаты!) Надъ упными папашами дѣятельно производится слѣдствіе, и бывшаго дамаскаго губернатора Ахмета уже постигла кара правды.

Онъ разстрѣлянъ съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ, но и тѣ два турецкіе полковника, которые такъ вѣроломно ли христіанъ въ Гасбеѣ и Дейръ-эль-Каммарѣ. Куршидъ-пашу, сомнѣнія, ожидаетъ такая же участь. Мы подождемъ болѣе точныхъ и подробныхъ извѣстій, чтобы представить читателямъ картину настоящаго положенія дѣлъ въ Сиріи. Но какъ бы ни справедливы эти кровавыя возмездія, они не воротятъ назадъ, да едва ли могутъ и послужить обезпеченіемъ на будущее время. Вопросъ о самомъ существованіи Турецкой имперіи извратится. Но вопросъ этотъ рѣшится, конечно, не въ Сиріи. Другой вопросъ есть, по преимуществу, вопросъ славянскій, и связанъ съ австрійскимъ вопросомъ. Права этихъ національностей, живучихъ и крѣпкихъ, хотя и подавленныхъ, забытыхъ, но теперь напоминающихъ о себѣ, начинаютъ уже мало-по-малу обращать на себя вниманіе общественнаго мнѣнія и правды Европы. Что и какъ выйдетъ изъ этого хаоса, нельзя сказать даже гадательно; но какой-нибудь конецъ должно быть это броженіе, какой-нибудь порядокъ долженъ же выйдти изъ этого хаоса.

Мы можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на одну важную статью, которая появилась мѣсяца два тому назадъ, самое время, когда Россія снова подняла вопросъ о христіанскихъ національностяхъ, населяющихъ Европейскую Турцію. Мы разумѣемъ статью г. Сень-Маркъ-Жирандена: *La question de la Turquie en 1860*, помѣщенную въ журналѣ *Correspondant*. Г. Маркъ-Жиранденъ отдаетъ должную справедливость русской правдѣ на Востокѣ, и, что еще замѣчательнѣе, является адвокатомъ за единовѣрныхъ и соплеменныхъ намъ народности. «Христіанская національность Востока, говоритъ онъ, должна быть признана всякому христіанскому сердцу и всякой независимой душѣ. Она на Востокѣ укрѣпила народность. Народность поддержала. Говорятъ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ наслѣдіемъ, но у Турціи есть свои наслѣдники, они живутъ на самой чужбѣ, которую она захватила и раззорила: это всѣ христіанскія народонаселенія: Греки, Болгары, Славяне, Албанцы, Армяне,

у которыхъ не могла она отнять вѣры и народности.» За доброе слово и за сочувствіе мы можемъ извинить французскому публицисту его неточности. Говоря о наследникахъ Турціи и истинныхъ христіанскія племена, живущія на захваченной ею почвѣ, онъ отдѣляетъ Болгаръ отъ Славянъ и смотритъ на нихъ какъ на двѣ особыя народности, не подозревая, что Болгаре относятся къ Славянамъ какъ дубъ или береза къ дереву. Французскіе публицисты, впрочемъ, приобрѣли привилегію изъяслять и симпатію и антипатію тому, что бываетъ имъ мало извѣстно, а иногда и вовсе неизвѣстно; тѣмъ не менѣе, намъ пріятно было встрѣтить въ католической странѣ, и притомъ въ журналѣ, который главнымъ образомъ отличается католическимъ направленіемъ, хотя и весьма либеральнымъ, слово глубокаго уваженія о восточной церкви, в которой преимущественно принадлежатъ христіанскія народности Турціи.

«Мы мало удивляемся, говоритъ г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, что христіанской вѣры, сохранившейся на Востокѣ, несмотря на турецкія преслѣдованія. Католическая церковь Запада великолѣпна съ своимъ верховнымъ главой, съ своими, вездѣ зависящими отъ своего главы епископами, съ своими конгрегаціями, которыя являются вмѣстѣ и организмами живущими особою жизнію, и членами многочисленными церкви: но, наконецъ, наша церковь организована искусно и сильно; она также терпѣла бѣдствія, но уже въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ она не знаетъ ни гнета, ни гонимій. Ея жизнь есть законъ Провидѣнія, она не является чуждою Бога: но греческая церковь, кто поддерживалъ ее, кто укрѣпляетъ ее, кто возбуждалъ ея жизнь? Сколько вѣншихъ причинъ смерти и гибели! Нищета, гоненія, искушенія: она жила однако. Вѣра каждого вѣрующаго, вѣра подъ игомъ угнетенія, вѣра въ чудеса, — вотъ что составляло связь восточной церкви; вотъ что придавало силу организаціи и іерархіи. «Ты еси Петръ, и на семь земляхъ созижду церковь Мою»: вотъ божественная причина силы и прочности римско-католической церкви. «Гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ»: вотъ божественная причина силы и прочности восточной церкви. Христіане Востока оказались собранными во имя Христа, и Христосъ пребывалъ посреди ихъ: Христомъ сохранили они свою особую народность. Кто осмѣлится покушаться на гибель того, что спасено Богомъ, разрушать то, что Онъ устроилъ? Парижскій трактатъ призналъ существованіе восточныхъ христіанъ: они составляютъ государство. Конечно, на основаніи дипломатическаго права, это христіанское государство содержится въ государствѣ мусульманскомъ, и не обладаетъ собственною не гибнущею, ибо христіанскою, жизнію. Нѣтъ сомнѣнія, что христіанскимъ племенамъ Турціи, какъ вообще всѣмъ этимъ народностямъ, раздробленнымъ и разрознен-

ь, близкимъ къ намъ по происхожденію и языку, живу-
ь между предѣлами нашего отечества и остальною Европой,
сомнѣнія, что имъ суждена будущность, и что рано или
но должна же здѣсь найдтись формула, примиряющая законныя
язанія каждой живучей особенности на самостоятельное су-
гвование съ потребностію общаго единства.

дникій визирь Мегметъ-Киприсли-паша еще не возвратился изъ
го объѣзда. Несмотря на его добрыя намѣренія, на восхва-
ую образованность, замѣчательную въ турецкомъ сановникѣ,
о не ожидаетъ удовлетворительныхъ и прочныхъ результатовъ
производимой имъ ревизіи. Говорятъ, Киприсли-паша нужне-
рь въ самомъ Константинополѣ, между тѣмъ какъ ревизион-
пѣздка его длится гораздо болѣе чѣмъ предполагалось, и
ить въ проволочку въ не терпящемъ отлагательства дѣлѣ.
перъ постараемся познакомить нашихъ читателей съ подро-
ями положенія дѣла въ Австріи, гдѣ все рѣшительнѣе и яв-
нѣе поднимается вопросъ о народностяхъ, а затѣмъ пред-
имъ характеристическія подробности, относящіяся къ послѣд-
азѣ итальянскаго движенія.

ВЕНГЕРСКИЙ ВОПРОСЪ.

видимому, ни одна война въ исторіи Европы не была чре-
такими великими послѣдствіями, какъ двухмѣсячная война
года между Франціей и Австріей. Быстро прекращенная
ціей не столько вслѣдствіе истощенія ея силъ или по какой-
внѣшней необходимости, сколько вслѣдствіе сокровенныхъ
товъ побѣдителя, война 1859 года съ неизвѣрною бы-
ой породила изъ себя цѣлый рядъ событій, тяжеловѣс-
для всего будущаго Европы и неожиданныхъ для само-
обѣдителя. Раны европейскаго политическаго тѣла, кото-
были затѣчиваемы тщательнымъ употребленіемъ палліа-
ихъ средствъ, раскрылись и зіяютъ, ожидая или ради-
аго врачеванія или радикальнаго кризиса, если самой
ь суждено произвести реакцію. Франція, повидимому
ительница и при Сольферино и въ Виллафранкѣ, оста-
при одной славѣ побѣды; съ тѣхъ поръ какъ она на-
ла свой героизмъ въ войнѣ за идею расширеніемъ сво-
предѣловъ, обаяніе ея могущества начало исчезать, и

теперешнее значеніе Франціи далеко не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ значеніемъ, которое она имѣла до послѣдней побѣдоносной войны. Франція стоитъ теперь одна, или почти одна въ Европѣ, и принуждена уже переносить униженіе и Лондонѣ, и даже въ Теплицѣ. Но если завоевательныя стремленія оказались Ахиллесовою пятою Франціи, причиной послѣдствій даннаго поворота событій въ ущербъ ея международному положенію, то великодушная пощада, дарованная ею Австріи, еще болѣе обнажила Ахиллесову пятую великой дунайской перемѣны, а воздержность въ симпатизированіи съ національнымъ движеніемъ Италіи и готовность покровительствовать стремившимъ итальянскимъ династіямъ не остановили ни итальянскія движенія, ни паденія династій. Вслѣдъ за лотарингскою династіею подпала удару Немезиды династія Бурбоновъ, и грозныя силы уже подрываютъ подножіе ватиканскаго престола папы и свѣтскаго государя. Но чтобы вслѣдъ за Римомъ задрожала и Неаполь, для этого триумфаторъ Гарибальди, имѣющій въ своихъ рукахъ лучшихъ своихъ помощниковъ, не преминетъ, чтобы вспомнить о Фіуме, адриатическомъ портѣ бывшей венгерской «Короны». Еще до прибытія Кошута въ Италію, нельзя было видѣть, что итальянское движеніе стоитъ въ связи съ венгерскимъ движеніемъ, и что развязка всего этого дѣла должна совершиться разомъ въ Римѣ и въ Вѣнѣ. Венгерское движеніе возрало, несмотря на господствующую теперь въ Вѣнѣ уступчивую прокламацію венгро-кroatскаго соединеннаго революціоннаго комитета распространяются изъ Варашдина по городамъ и селамъ Венгріи въ несмѣтномъ количествѣ, совѣтуютъ хранить спокойствіе и вѣрность Фердинанду V, королю Венгріи. Есть несомнѣнные признаки, что Венгерцы, наученные недавнимъ горькимъ опытомъ, повсюду набираютъ себѣ союзниковъ. Они дѣйствуютъ въ лагерь Гарибальди, на западѣ, и среди своихъ восточныхъ сосѣдей. Въ Букарестѣ выходитъ мадьярская газета; мадьярскіе актеры собираютъ рукоплесканія на тамошней сценѣ; въ началѣ іюля Букарестъ видѣлъ большое празднество, на которомъ венгерцы братались съ Румынами; графъ Телеки, въ Трансильваніи успокоилъ тамошнихъ Румыновъ насчетъ замысловъ венгерскихъ партій, и они принимаютъ съ царскими почестями барона Эдмунда, который въ настоящую минуту путешествуетъ въ этой странѣ, и шутятъ и Клапка намѣрены, говорятъ, посѣтить Букарестъ, чтобы познакомиться въблизи Венгріи, а въ Фокшанахъ уже прежде жили венгерскіе агенты въ значительномъ числѣ. Что касается до Галиціи, то въ ней извѣстно старинное взаимное сочувствіе, располагающее въ пользу Венгерцевъ. Новая венгерская политика, основанная на знаніи славянской народности, еще болѣе сблизитъ Галицію съ Венгріей, и съ другой стороны встрѣтитъ сочувствіе въ Сербіи.

мъ княжествѣ, которое соединено тѣсными узами съ австрійскими Сербами. А далеко ли отъ Бѣлграда до Тернова, древнейшицы Болгарскаго царства, и отъ Фіуме до Черной-горы, цеговинны и Босніи? Но если австрійскій вопросъ о національностяхъ никакъ не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о національностяхъ въ Турціи и вообще отъ восточнаго вопроса, еще очевиднѣе, что онъ не можетъ быть отдѣленъ отъ германскаго національнаго вопроса... Нельзя будетъ удивляться, что Европа скоро будетъ въ огнѣ вслѣдствіе двухмѣсячной войны 1859 года.

Австріи эта кратковременная война произвела самыя большія чудеса. Мы не станемъ говорить о временахъ болѣе отдаленныхъ, но вѣдь не далѣе какъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія Австрія вела четыре великія войны съ Франціей; цузскія арміи, подъ предводительствомъ величайшаго военнаго гения новыхъ временъ, одерживали побѣду за побѣдой; побѣдитель два раза предписывалъ Австріи миръ изъ ея столицы, и каждый мирный трактатъ велъ за собой для Австріи утрату какой-нибудь провинціи. Почти невѣроятно, какъ это происходило тогда, но Австрія умѣла вставать послѣ cadaго пораженія. Въ эту неизвѣрно-тяжкую эпоху она болѣе нежели когда-либо оправдала свой старинный эпитетъ: *Austria felix*, «счастливая Австрія». Обрѣзанная со всѣхъ концовъ, побѣжденная повсюду, она оставалась великою европейскою державою и дѣятельно участвовала въ низложеніи Наполеона. То ли мы видимъ теперь? Теперь дѣлалось это историческое австрійское счастье? Эдакая война, едва непріятель занялъ одну изъ многочисленныхъ провинцій великой имперіи, какъ силы ея были уже совершенно истощены. Можно было еще видѣть австрійское счастье въ послѣднемъ и неожиданномъ рѣшеніи побѣдителя даровать выгодный миръ, но тотчасъ же оказалось, что и это счастье не съ легкой руки. Послѣ виллафранкскаго мира положеніе Австріи становилось все хуже и хуже; она не только не развивалась, но съ каждымъ днемъ, можно сказать, принужденно была все болѣе и болѣе трепетать новой войны. Финансы разстраивались, всеобщее недовольство распространялось по Франціи, и официальные акты свидѣтельствуютъ, что оно коснулось солдатъ и даже офицеровъ. Теперь нѣтъ челоука въ Австріи, который бы не сознавалъ, что Австрія не можетъ существовать, не перемѣнивъ основъ своего существованія. Смертельный ударъ, нанесенный Австріи кратковременною войною 1859 года, несмотря на то, что она окончилась сравнительно очень выгоднымъ виллафранкскимъ миромъ. Слѣдствіемъ этого удивительнаго явленія заключается въ томъ,

что войны Австріи съ старшимъ Наполеономъ имѣли характеръ отечественныхъ войнъ, а на послѣднюю войну, большую часть подданныхъ Австріи смотрѣло какъ на чужое для себя дѣло. Тогда подданные Австріи были преданы своей династии и шли на бой за императора и страну; теперь подданные казываютъ отчасти равнодушіе, отчасти злорадство; война была дѣлана не націю, а правительствомъ. Но, что еще хуже, и болѣе объясняетъ упадокъ силъ Австріи, правительство было развертывать свои военныя силы противъ внутреннихъ враговъ даже болѣе чѣмъ противъ внѣшнихъ. Еще до войны года внутренняя оборона поглащала большую часть военныхъ и финансовыхъ силъ Австріи; это положеніе осталось и послѣ того, какъ внѣшняя война окончилась скорымъ миромъ. Съ Франціей былъ заключенъ миръ, но въ дѣлѣ внутренней войны самая отдаленная перспектива не показывала никакого мира; не предвидѣлось конца изнурительнымъ усиліямъ австрийскаго правительства, тратившимся на то, чтобы поддерживать враждебную всѣмъ интересамъ подданныхъ. Эта такъ-сказать таенная междуусобная война, происходящая въ нѣдрахъ государства и поглащающая всѣ его силы, продолжается вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, и въ этой-то потаенной внутренней войнѣ заключена загадка того, что силы австрийскаго правительства совершенно истощились. Въ двѣнадцатилѣтній промежутокъ времени, дѣла дошли до такого положенія, что враждебная направленность между правительствомъ и націей обратилась въ предельную ненависть, и правительства. Австрийскимъ подданнымъ стала понятна возможность смотрѣть на дѣло Австріи какъ на чужое дѣло, а правительство потеряло способность доверять дѣлу Австріи дѣло Австріи. Деморализація проникла въ самую государственную жизнь; начался такой процессъ разложения, котораго повидимому никакая сила и никакая хитрость не могутъ остановить. Война 1859 года только ускорила развитіе этого процесса, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что и безъ этой войны Австрія должна была придти въ непродолжительномъ времени къ тому же безпомощному положенію, въ которомъ она теперь находится.

Загадку этого положенія, еще не бывалаго въ исторіи, тоже найти не трудно. Нынешній австрийскій императоръ, какъ извѣстно, своимъ девизомъ прекрасную *divis unis*, соединенными силами. Этотъ новый девизъ замѣнитъ собой прежнее правило австрийской политики *et impera*, разведи и властвуй, правило злое, которое коже домъ Габсбурговъ обязанъ почти всѣми успѣхами шестисотлѣтней исторіи. Но, такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ зла и зла безъ добра, то подлежитъ большому сомнѣнію,

ьше ли хорошихъ послѣдствій, имѣло злое правило: *divide et impera*, чѣмъ добрый повидимому девизъ: *viribus unitis*. Повиди-
ду, что могло быть лучше этой замѣны? На дѣлѣ же новый де-
лѣ уничтожалъ самостоятельность составныхъ частей Австріи
да какъ старое правило, хотя съ коварными замыслами, но
такимъ терпѣло эту самостоятельность. До 1848 года, австрій-
скіе императоры охраняли отдѣльность областей своей имперіи;
вѣрному старинному преданію, они короновались не только въ
Вѣнѣ, но и въ Пресбургѣ и Миланѣ; они любили видѣть источ-
никъ своей силы въ томъ, что, кромѣ императорской короны,
сажали на свое чело *жальзную* корону Милана и *святую* ко-
рону Венгерскаго королевства. Въ этомъ преданіи заключалась
австрійская система, и этой системѣ Австрія была обязана своею си-
лою, Австрія хранила въ себѣ сѣмена децентрализаціи, и хотя
дѣйствовала въ этомъ смыслѣ макіавеллистически, но она
не могла доволно лавировать и была въ состояніи подавлять недоволь-
ство однихъ провинцій силами другихъ земель своихъ. Къ Вен-
гріи австрійскіе императоры были особенно снисходительны и
цѣна искали въ ней опору на случай колебанія другихъ корон-
ныхъ земель.

Исторія дома Габсбурговъ показываетъ, что дѣйствительно глав-
ною опорой его могущества была всегда Венгрія. Рудольфъ Габс-
бургъ былъ обязанъ венгерскому оружію императорскимъ престо-
ломъ, Венгрія же обязана Маріи Терезіи возстановленіемъ своихъ
государственныхъ правъ. Вѣрность Венгрії поддерживала Австрію
въ ея войнахъ съ Наполеономъ; значительная часть военныхъ из-
держекъ этого времени была покрываема средствами, которыми
Будный венгерскій сеймъ щедро снабжалъ правительство
австрійскаго императора. По пространству, Венгрія занимаетъ
одину всю Австрійскую имперію; по числу жителей, Венгрія
занимаетъ третью часть ея. Уже эти цифры показываютъ, какъ
важна Венгрія для Австріи, но на ряду съ этими цифрами надо
считать въ разчетъ политическій бытъ Венгрії, который ста-
лъ ея внѣ всякаго сравненія съ другими частями имперіи и
составляетъ тѣ силы, которыя Венгрія приносила на служеніе
Габсбургамъ. Австрійскіе императоры очень хорошо знали это. Вла-
дѣльцы почти неограниченно въ другихъ областяхъ, они шарили
венгерскія вольности и оставляли за Венгріей привилегирован-
ное положеніе, чтобы тѣмъ тверже сидѣть на тронѣ другихъ
земель своего составнаго государства. Венгрія жила отдѣльною
жизнью и была одною изъ самыхъ свободныхъ странъ на мате-
рической Европѣ. Перезѣжая въ двухъ шагахъ отъ Вѣны венгер-
скую границу, путешественникъ вступалъ какъ бы въ особое
государство. Онъ встрѣчалъ на пути венгерскую таможенную, гдѣ
платилъ пошлину за австрійскіе товары, и затѣмъ могъ спо-

койно положить паспорта въ свой карманъ и быть увѣренъ, что у него нигдѣ ихъ не спросятъ. Онъ могъ чувствовать себя свободной землѣ и вездѣ находить или слѣды или зародки быта, сроднаго скорѣе быту Англіи, нежели всему тому, что видѣлъ въ странахъ, сосѣднихъ Венгріи. Венгерцы очень гордятся такою особенностію, и какъ ни велики были уродливости политическаго устройства, какія преграды ни поставила стрія его дальнѣйшему развитію, нельзя сказать, чтобы они извлекали значительной пользы для своего благосостоянія этой особенностію. Положеніе венгерскихъ дѣлъ было таково, нигдѣ ничего нельзя было улучшать, но сохранять было можно. Венгерцы поневолѣ сдѣлались самымъ консервативнымъ народомъ въ Европѣ. Они упорно держались своихъ старинныхъ мнѣній, тѣмъ болѣе дорожили ими, что изъ всѣхъ подданныхъ дома Габсбурговъ они одни пользовались серіозными политическими правами. Правда, что ихъ патріотизмъ и ихъ національное самобіе приняли, среди этихъ обстоятельствъ, направленіе исключительное и неестественное; всѣ ихъ усилія клонились къ тому, чтобы оставаться привилегированною страной въ Австрійской имперіи; они не хотѣли ничего знать о другихъ подданныхъ австрійскаго императора и не хотѣли допустить даже мысли, чтобы другія области имперіи поравнялись съ Венгріей: но они действительно были привилегированными подданными габсбургскаго дома, дѣйствительно пользовались значительными политическими правами и потому дѣйствительно были вѣрны Габсбургамъ, а Габсбурги находили въ нихъ твердую опору. Принципъ *divide et impera* обращалось въ пользу Венгріи. А такъ какъ этотъ девизъ: *virescunt univrsae* повелъ за собой нарушеніе правъ Венгріи, то онъ не могъ не возстановить ея противъ самодержавной Австріи, не могъ не поколебать ея вѣрности къ Габсбургамъ.

Венгерское государственное устройство есть одно изъ старѣйшихъ въ Европѣ. Первыми начатками своими оно восходитъ къ девятому вѣку, къ тому времени, когда мадыарское племя вошло и подѣлило между собой тучную страну по обѣимъ берегамъ Тисы. Положеніе побѣдителей, отношеніе короля къ своимъ вождямъ, права, которыя они себѣ выговорили, и видимое съ военной точки зрѣнія могущество короля, было очень сходно съ тѣмъ, что было въ Англіи въ эпоху норманскаго завоеванія. Дальнѣйшая исторія этихъ двухъ странъ также представляетъ нѣкоторые пункты сходства. Какъ въ Англіи, такъ и въ Венгріи короли мало-по-малу допускали побѣжденных къ пользованію правами побѣдителей; какъ въ Англіи, такъ и въ Венгріи короли успѣли усилить свою власть, пользуясь условіями своего положенія, и какъ тамъ, такъ и въ Венгріи

ограниченіе власти королей могло произойти лишь на томъ словѣ, что сильные люди явились заступниками правъ всей націи. Золотая Булла Венгріи была подписана только семью годами позднѣе подписанія англійской Великой Хартіи (1), и можетъ быть сравниваема съ основнымъ актомъ англійскаго политическаго устройства безъ тѣхъ натяжекъ, которыя нужны намъ, когда они сравниваютъ съ Великою Хартіей Англии свою такую Золотую Буллу 1356 года, натяжекъ, которыя ведутъ только къ тому, чтобы представить въ комическомъ видѣ эту буллу Священной Римской имперіи, заботящуюся исключительно о правахъ курфирстовъ и объ этикетѣ избранія. Въ Венгріи уже во все то время, когда корону Св. Стефана носили его потомки (1000—1301), мы видимъ дѣятельное участіе сейма въ венгерской исторіи, участіе, распространявшееся не только на законодательныя и финансовыя, но и на духовныя дѣла. Тяжкія войны съ урками, отъ которыхъ Венгрія спасала западную Европу, какъ и Русь спасала ее отъ наплыва Монголовъ и другихъ азіатскихъ кочевниковъ, побудили венгерскій сеймъ предложить корону Св. Стефана Фердинанду Габсбургскому (1826), но прежде ежели Фердинандъ I надѣл на себя эту корону, онъ долженъ былъ присягнуть, что будетъ сохранять права и привилегіи венгерской націи, и эту присягу повторяли всѣ его преемники изъ дома Габсбурговъ, за единственнымъ исключеніемъ Иосифа II и внука Иосифа, которые не короновались въ Венгріи, и чьи имена не вписаны въ книгу венгерскихъ королей. Царствованіе императоровъ, не короновавшихся въ Пресбургѣ, итается въ Венгріи междуцарствіемъ. Иосифъ II, тотъ самый, кто Марія-Терезія, явившись на знаменитомъ пресбургскомъ сеймѣ, держала на своихъ рукахъ, задумалъ было ниспровергнуть венгерское политическое устройство, но ранняя смерть его предотвратила вспышку всеобщаго мятежа, а его преемникъ, Леопольдъ, успѣвши заключить съ націей торжественный договоръ на сеймѣ 1790—1791 года, договоръ, который оставался въ силѣ до реформъ, предложенныхъ сеймомъ и утвержденныхъ императоромъ Фердинандомъ въ мартѣ 1848 года. Францъ-Иосифъ обратилъ къ политикѣ Иосифа II относительно Венгріи. Подавивъ венгерское возстаніе, онъ взялъ дѣло реформы въ свои руки, и ввѣрилъ его исключительно вѣдѣнію своихъ министровъ, поручившихъ ему сдѣлать изъ Австріи могущественное централизованное государство по французскому образцу. Такъ-называемое возрожденіе Австрійской имперіи (Oesterreichs Neubau, Oesterreichs Neugestaltung), обнявшее собой и Венгрію, было производимо вскими экспериментаторами безъ соучастія венгерскаго сейма.

(1) Великая Хартія подписана въ 1215 году, Золотая Булла въ 1222.

Теперь наступила историческая минута, которая произведетъ судъ надъ этими политическими экспериментами, и дальнѣйшій ходъ дѣлъ покажетъ, къ чему поведетъ этотъ судъ.

Чтобъ облегчить нашимъ читателямъ пониманіе того, что теперь происходитъ или имѣетъ происходить въ Венгріи, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о венгерскомъ устройствѣ, какъ оно было до 1848 года, и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произвела въ немъ новая правительственная система Франца Иосифа.

Политическое дѣленіе Венгріи составляли графства, или комитаты, которыхъ числомъ было пятьдесятъ два. Въ каждомъ графствѣ была своя комитатская конгрегація, или провинціальное собраніе, состоявшее изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ дворянъ графства. Подобно четвертнымъ засѣданіямъ англійскихъ мировыхъ судей, эти комитатскія конгрегаціи собирались по четыре раза въ годъ, но такъ какъ онѣ состояли изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ дворянъ, жившихъ въ графствѣ, то характеръ ихъ долженъ былъ значительно отличаться отъ характера англійскихъ четвертныхъ засѣданій, въ которыхъ участвуютъ только мировые судьи — то-есть отборные члены сельскаго *джентри* въ каждомъ графствѣ. Въ Венгріи не было двухъ существенныхъ условій англійскаго самоуправленія: во-первыхъ, не было уравниенія сословій, второе одно даетъ мѣстному самоуправленію общій земскій характеръ; во-вторыхъ, участие въ комитатскихъ конгрегаціяхъ было ограничено никакими правилами, которыя бы обезпечили удовлетворительность личнаго состава конгрегацій и положили предѣлы ихъ многолюдности. Число дворянъ въ Венгріи очень велико; крестьяне составляютъ тамъ приблизительно не болѣе одну третей всего населенія. Это обстоятельство имѣло очень большое политическое значеніе, потому что кругъ людей, пользовавшихся политическими правами, былъ обширенъ; но съ другой стороны многолюдность конгрегацій, принадлежность всѣхъ членовъ къ дворянскому сословію и слѣдовательно совершенная чуждость состава ихъ отъ одного только рожденія, дѣлали изъ нихъ удобными и неудовлетворительными органами самоуправления. Собраніе, такимъ образомъ составленное, не могло непосредственно управлять дѣлами комитата; оно могло только постановлять разныя опредѣленія, а для приведенія ихъ въ исполненіе были нужны особые лица. Поэтому конгрегація, въ своихъ мѣсячныхъ собраніяхъ, вела общій надзоръ за дѣлами графства, распределяла подати, которыхъ цифра была назначена сверху, наблюдала за публичными работами и т. д., но для непосредственнаго отправленія юстиціи и администраціи она выбирала изъ своей среды нѣсколько лицъ, которымъ и поручалась вся ис-

вительная часть. Такимъ образомъ являлась служба по выборамъ, со всеми послѣдствіями сословной выборной службы. Всѣ мѣстные чиновники и судьи избирались конгрегацией, обыкновенно на трехлѣтній срокъ, и такимъ образомъ были поставлены въ зависимое положеніе относительно вліятельныхъ людей комитета. Должной самостоятельности эти лица имѣть не могли, а равно не могли они смотрѣть на свою службу иначе какъ на временное занятіе; секретаря ихъ, или дьяки, занимавшіеся своимъ дѣломъ постоянно и имѣвшие возможность приобрести въ немъ опытность, легко захватывали въ свои руки ту долю власти, которую оставляли выборнымъ чиновникамъ вліятельныя лица комитета, заправлявшія выборами. Настоящаго корпоративнаго характера не было ни у конгрегациі, имѣвшей сословный характеръ, ни у выборныхъ чиновниковъ, находившихся въ двойной зависимости отъ своихъ дьяковъ и отъ своихъ избирателей. Серьезное самоуправленіе, клонящееся къ выгодамъ всего земства, при этомъ порядкѣ было невозможно. Вся сила этого устройства заключалась въ способности оказывать сопротивление произвольнымъ притязаніямъ правительства. Такъ какъ всѣ предписанія шли черезъ конгрегацию и приводились въ исполненіе выборными конгрегациі, то не было никакой возможности настоять на исполненіи какого-нибудь предписанія, не одобреннаго сеймомъ или противорѣчащаго постановленіямъ сейма. Такія предписанія, по обычаю, издавна установившемуся, конгрегациі имѣли право «власть почтительно на полку» (буквальный переводъ венгерскаго выраженія).

Каждый комитатъ посылалъ двухъ депутатовъ въ сеймъ и имѣлъ право давать имъ инструкцію, право, котораго англійское законодательство благоразумно не предоставляетъ избирателямъ. Между тѣмъ какъ въ Англіи каждый членъ парламента дѣйствуетъ самостоятельно, называется не представителемъ графства или бурга, а членомъ за графство или бургъ, и имѣетъ право подавать свободно свой голосъ на основаніи своихъ убѣжденій о благой страны, венгерскіе депутаты были связаны своими инструкціями и могли говорить только отъ лица своихъ избирателей, не отъ имени всего королевства. Въ силу такого положенія само оба депутата каждаго графства имѣли на сеймѣ одинъ только голосъ, и если случалось несогласіе между ними, то голосъ ихъ считался недѣйствительнымъ. Этою же зависимою положенія депутатовъ объясняется, что избирателямъ было предоставлено право отзываться своихъ депутатовъ въ случаѣ неудовольствія ихъ образомъ дѣйствій. Такимъ образомъ, члены сейма были чѣмъ также лишены самостоятельности и инициативы, какъ и выборные чиновники мѣстнаго управленія комитета.

Депутаты комитатовъ, вмѣстѣ съ депутатами королевскихъ городовъ и духовенства, составляли нижнюю палату, или *нижній столъ* сейма, собиравшагося въ Пресбургѣ. Верхняя палата, или *срѣдній столъ*, состояла изъ магнатовъ и прелатовъ. Главное значеніе сейма заключалось въ томъ, что онъ былъ хранителемъ вольности Венгріи; въ этомъ отношеніи онъ былъ непобѣдимъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ поставленъ въ стѣсненное положеніе. Какъ устройство комитатовъ придавало конгрегациямъ и всему комитатскому самоуправленію характеръ искусственнаго и крайняго консерватизма, такъ и политическое положеніе сейма вело по необходимости къ тому, что въ венгерскомъ законодательствѣ господствовала противоестественная, напряженная неподвижность. Сеймъ постановлялъ законы; право утвердить или отсрѣгнуть ихъ, естественно, принадлежало королю-императору, и министерство, подававшее императору совѣты, находилось въ Вѣнѣ и было внѣ всякаго вліянія со стороны сейма. Какъ бы велико ни было несогласіе между министерствомъ и сеймомъ, министерство — такъ-называвшаяся венгерская канцелярія — сохраняло свою власть. Императоръ не могъ ввести ничего новаго безъ согласія сейма; сеймъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія императора, а такъ какъ совѣтники императора, въ случаѣ сильнаго разногласія съ сеймомъ, оставались на своихъ мѣстахъ въ венгерской канцеляріи, то случалось очень рѣдко, чтобъ императорское правительство и сеймъ были согласны, а потому новые законы почти никогда не проходили, и все изъ вѣка въ вѣкъ оставалось по старому.

Кроатія (Хорватія) и Славонія составляли нераздѣльную часть Венгерской Короны и пользовались такими же льготами какъ Венгрія. Кроатія, кромѣ того, сама выбирала своего бана. Трансильванія была первоначально тоже нераздѣльною принадлежностію Венгерской Короны, но отдѣлилась отъ нея, когда престолъ Венгріи перешелъ къ Габсбургамъ. По окончательномъ изгнаніи Турковъ изъ Седмиградскаго княжества, императоры не допустили установленія прежнихъ тѣсныхъ связей его съ Венгріей. Местными какъ кроатскіе и славонскіе депутаты засѣдали на сеймѣ въ Пресбургѣ, Трансильванія имѣла свой отдѣльный сеймъ. Впрочемъ Трансильванія почти не отличалась отъ Венгріи въ политическомъ отношеніи, и изъ всѣхъ областей, соединенныхъ съ Короной, только Военная Граница была лишена политическихъ льготъ. Граничары были первоначально не что иное какъ стрійскіе линейные казаки; ихъ обязанность состояла въ защите границы; съ этою цѣлію они были подчинены военной организаціи и были поставлены въ прямую зависимость отъ императора. Это устройство имѣло смыслъ, когда угрожала опасность со сто-

оны Турокъ, но, какъ извѣстно, эта опасность уже давнымъ-давно исчезла, и теперь австрійская Граница, съ ея военнымъ устройствомъ, гнетущимъ гражданскій бытъ и экономическую извѣстность жителей, составляетъ анахронизмъ, поддерживаемый австрійскимъ правительствомъ лишь изъ желанія имѣть какъ можно болѣе войска. Область Граничаровъ едва ли не самая старая въ цѣлой Австріи. Граничары извѣстны своею дикою дурбостію, и въ этой дурной славѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Ихъ бытъ ихъ основанъ на самой противоестественной системѣ. Известно, что они занимались исключительно войной, когда необходимо было защищаться отъ Турокъ: тогда военное дѣло было ихъ единственною потребностію; поле войны было по необходимости единственнымъ поприщемъ, на которомъ могли проявляться ихъ родныя силы, и мы знаемъ, что ихъ силы нерѣдко проявились въ блистательныхъ подвигахъ отваги. Они не марали славы своего славянскаго имени, какъ мараютъ его теперь, благодаря жестокосердому австрійскому эгоизму, который доселѣ рекаетъ ихъ на исключительно-военный бытъ, несмотря на то, что имъ ужь не съ кѣмъ воевать, что поля ихъ уже не поле битвы и требуютъ отъ нихъ искусствъ мира. Для того чтобъ имѣть больше войска, Австрія оставляла эту вопиющую фальшь упорно отказывая въ своемъ согласіи на постоянныя представленія венгерскаго сейма о дарованіи Граничарамъ гражданскихъ правъ. Военная Граница есть одно изъ немногихъ политическихъ учрежденій Австріи, которыя пережили 1848 годъ, и до сихъ поръ еще несчастные Граничары прозябаютъ подъ закономъ пролетарскаго естественнаго социализма, благодаря которому ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ себѣ; все ихъ племя поставлено въ невозможность жить человѣческою гражданскою жизнью и обречено искусственно-поддерживаемое варварство.

Каково было политическое состояніе Венгріи и соединенныхъ нею странъ, когда Австрія вступила въ роковой 1848 годъ. Венгрія свято хранила вѣрность Габсбургскому дѣлу среди всеобщаго революціоннаго волненія. Въна строила баррикады; итацкія провинціи были въ открытомъ возстаніи; въ Галиціи лилась кровь; Богемія и даже нѣмецкія наслѣдственные земли повиновались враждебное настроеніе: одна только Венгрія стояла твердо на почвѣ закона и законнымъ путемъ испрашивала рещенія и уступокъ. Уступки эти не были сдѣланы. Распадающаяся Австрія, противъ всякаго ожиданія, пережила бурю. Она пала благодаря героической рѣшительности князя Шварценберга, министра, который заслужилъ бы имя человѣка гениальнаго и великаго, еслибы совершилъ свой подвигъ менѣе странно и средствами. Уступить Венгріи значило бы предварительное огласиться на то, чтобъ и другія коронныя земли Австріи

получили современныя тѣ же права, значило бы рѣшиться на то, на что только теперь рѣшается Австрія, только теперь, когда по всему вѣроятію ходъ событій скажетъ ей роковое: «слишкомъ поздно». Въ 1848 году было настоящее время для совершенія реформъ законнымъ порядкомъ; тогда эти необходимыя реформы не встрѣтили бы тѣхъ непреодолимыхъ повидному трудностей, которыя онѣ встрѣяли теперь, по истеченіи злобныхъ двѣнадцати лѣтъ той внутренней скрытой междуусобной войны, о которой мы говорили выше. Но Австрія упустила счастливыя минуты. Она вступила тогда на путь реформъ, но на путь противуположный всей предшествовавшей исторіи Австріи, на путь централизующаго и нивелирующаго цезаризма на французскомъ образцѣ. Революція была подавлена, и вслѣдъ за тѣмъ началась нещадная ломка всего завѣщаннаго и выработаннаго исторіей лѣтми, ничуть не лучше той, которую могла бы произвести самая ослабленная, самая надменная революція. Все стараніе смести австрійскіе теоретики, чтобъ очистить поле для своихъ политическихъ экспериментовъ; все, что только показывало признаки самостоятельной исторической жизни. Вѣсть съ историческими правами и учрежденіями подверглись преслѣдованію, самыя національности. Австрійское государство сдѣлалось кою-то лабораторіей, въ которой готовились растворы и дозы. Вмѣсто того чтобъ блюсти законъ, ограждать права и даннаго, охранять между ними миръ, государство приостановило дѣйствіе закона и ставило на его мѣсто несмѣтное множество административныхъ распоряженій; оно не признавало ни одного изъ твердыхъ, возбуждало вражду между народностями. Все это дѣлалось для достиженія утопической цѣли, овладѣвшей умами вѣнскихъ политиковъ, все это дѣлалось для соединенія Австрійской имперіи въ одно могущественное, какъ они говорили, тѣло и для подчиненія всѣхъ народностей цивилизующему нѣмецкому духу. Опытъ былъ смѣлый и колоссальный, но онъ только послужилъ полезнымъ доказательствомъ того, какъ опасны опыты въ дѣлѣ политики. Вмѣсто могущества, онъ принесъ Австріи слабость, ту слабость, какой она еще никогда не знавала; вмѣсто торжества нѣмецкаго элемента, онъ породилъ вражду къ всему нѣмецкому такую ожесточенную вражду, что она сдѣлалась теперь главнымъ препятствіемъ къ продолженію существованія Австрійской имперіи.

Но возвратимся къ Венгріи. Собственноручнымъ писемъ послѣдняго числа декабря 1851 года, Францъ-Иосифъ положилъ основаніе новой централизационной системѣ управленія въ владѣніяхъ. Древнее политическое раздѣленіе Венгріи было брошено, какъ несообразное съ этою системою. Слѣдствіемъ мѣру французской революціи, не потерявшей существованія

исторических провинцій Франціи и переломавшей страну на департаменты, обюбленная Австрія признала нужнымъ переройть Венгрію по вѣснымъ выкройкамъ. Большая часть Венгріи составила одно намѣстничество и была раздѣлена на пять круговъ, при разграниченіи которыхъ не было обращено вниманія ни на историческое раздѣленіе страны, ни на національность жителей. Значительная область, отрѣзанная отъ Венгріи, бравовала отдѣльную «коронную землю» подъ именемъ Сербской Вейводины, потому что политическія соображенія совпали а этотъ разъ съ признаніемъ національности. Въ этикъ же вѣкахъ адриатическое побережье, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшее Венгріи, раздѣлено между Кроатіей и Славоніей. Трансильванія сдѣлана также особою провинціей. Въ каждой уронной землѣ былъ поставленъ во главѣ управленія губернаторъ, или намѣстникъ, и ему предоставлена была такая громадная власть, что онъ являлся начальникомъ не только чиновниковъ и учреждений, подчиненныхъ ему, но цѣлой провинціи и всѣхъ ея жителей. Въ Венгріи такое положеніе губернатора было нѣчто небывалое и непонятное. Венгерцы привыкли считать на своего короля какъ на главу націи, но не считали даже его начальникомъ всѣхъ Венгерцевъ вмѣстѣ и каждого порознь. Теперь они очутились подъ начальствомъ разныхъ генераловъ, фельдмаршалъ-лейтенантовъ, которыхъ безъ ихъ вѣдома пригласило къ нимъ вѣсное министерство, и эти подчиненные вѣслаго министерства получили надъ ними болѣе власти нежели только имѣлъ прежде самъ король Венгріи. Но еще чувствительнее всѣмъ и каждому было то, что для поддержанія этой огромной власти въ странѣ, привыкшей къ своимъ политическимъ правамъ, надобно было совершенно уничтожить мѣстное самоуправленіе, до чрезмѣрности размножить чиновничество и снабдить это чиновничество полномочіемъ при исполненіи воли начальва. Система сосредоточенія власти въ однихъ рукахъ распорядилась такимъ образомъ на самыхъ мелкихъ чиновниковъ, торые, находясь въ совершенной зависимости отъ своихъ начальниковъ, были господами страны. Къ довершенію всего, болшинство этихъ чиновниковъ было взято изъ Иѣмцевъ, не знающихъ ни языка, ни обычаевъ населенія, отданнаго на ихъ провозъ, и не связанныхъ никакими общими интересами съ мѣстными обывателями. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что для раненія арміи чиновниковъ понадобилась еще другая армія пдармевъ. Когда Венгрія управлялась сама собой, полиція каждаго комитата была въ рукахъ комитатскихъ чиновниковъ, выанныхъ изъ среды мѣстныхъ жителей и лично заинтересованныхъ въ охраненіи мира и порядка. Эта мѣстная полиція была уничтожена, когда Венгрія была объявлена въ военномъ поло-

женіи; охраненіе спокойствія было поручено военнымъ властямъ. Но такой порядокъ не могъ оставаться въ силѣ долгое время. Выше суды надобно было когда-нибудь замѣнить гражданскими судами, военныхъ командировъ и военную полицію—гражданскими властями и гражданской полиціей. Тогда оказалось нужнымъ устроить корпусъ жандармовъ, стоявшій Австріи громадныхъ издержекъ и продлившій на дѣлѣ военное положеніе подлѣ мирнаго гражданского устройства. Такъ какъ жандармовъ было предоставлено военнымъ командирамъ во время войны, то ни было по подозрѣнію, а для того чтобы жандармы не пользовались этимъ правомъ, существованію котораго не вѣрить будущія поколѣнія, было постановлено, что за арестованнаго жандарма получаетъ награду отъ 4 до 60 деноевъ, смотря по наказанію, къ которому будетъ приговоренъ арестованный. Такимъ образомъ жандармы, кромѣ жалованья, получаютъ въ обновленной Австріи еще сдѣльные деньги, комбинированная система вознагражденія за службу, заимствованная у ремесленнаго промысла, не замедлила, конечно, нести тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидали. Офиціальныя, общепризнанныя, обнаруженныя самимъ австрійскимъ правительствомъ казываютъ, что въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ сравнительно очень спокойнаго времени (отъ 1-го ноября 1856 до 1-го января 1857 года) было произведено 341.990 арестовъ и обвиненій со стороны жандармеріи въ Австрійской имперіи, а такъ какъ жандармы учреждены уже слишкомъ шесть лѣтъ тому назадъ, то можно полагать, что всѣхъ арестовъ и обвиненій произведено за это время не менѣе восьми съ половиною мѣсяцевъ. Вотъ до какихъ чудовищныхъ послѣдствій довела насъ не хотѣвшая знать исторіи и твердо идущая къ однажды заданной фантастической цѣли! Послѣ того мудрено ли, что силы Австрійской имперіи, къ которому стремились вѣнскіе теоретики, сейчасъ теперь гораздо труднѣе чѣмъ до 1848 года, когда еще не начались ихъ политическіе эксперименты?

За политическими преобразованіями должны были послѣдовать и судебныя. Все древнее венгерское законодательство и старинныя судилища Венгріи были снесены стремительнымъ гонимомъ реформы. Введенъ австрійскій кодексъ, составленный въ времена Маріи-Терезіи и очень мало извѣстный даже венгерскимъ адвокатамъ, не только публикѣ; учреждены новые суды, члены подлежатъ увольненію по волѣ вѣнскаго правительства, состоятъ по большей части изъ Нѣмцевъ. Дѣла, начавшіяся

на 29 ноября 1852 года, позволено рѣшать по старымъ законамъ Венгріи, но новыя судьи не знаютъ старыхъ законовъ. съ, происшедшій отсюда, еще увеличивается безпрестанными и измѣненіями въ судопроизводствѣ. Вѣнскіе теоретики, какъ уже не однократно замѣчали, имѣютъ страсть производить. Они считаютъ себя гораздо выше публики и потому спрашиваютъ ея мнѣнія. Исторію они презираютъ. Они грядутъ въ будущее, въ великое будущее Австріи. Но такъ само это великое будущее оказывается теперь призракъ, очень естественно, что всѣ попытки теоретиковъ идти, какъ зрять они, твердымъ шагомъ къ этому великому будущему, бывались неудачными на опытѣ. За уставомъ, введшимся въ опытѣ, являлся другой уставъ, тоже введшійся въ опытѣ, за другимъ третій и т. д. По части судопроизводства было такъ много уставовъ и измѣненій въ уставахъ, что, по цѣльному свидѣтельству вѣнскихъ адвокатовъ, теперь никто не знаетъ дѣйствующихъ правилъ, и судья едва прочитываетъ новодѣянція распоряженія министерства. Мѣсяца три тому назадъ вѣнская камера адвокатовъ вошла къ австрійскому министру юстиціи, графу Надашдю, съ офиціальнымъ представленіемъ, которое произвело большое впечатлѣніе. Подвергнувъ безпошадно критикѣ уставъ уголовного судопроизводства, изданный министромъ юстиціи Крауссомъ, предшественникомъ графа Надада, камера адвокатовъ прямо порицаетъ нынѣшняго министра то, что онъ беретъ на себя неблагодарный трудъ вычинить этотъ негодный уставъ мелкими заплатками, которыя еще боле затрудняютъ дѣло судей и адвокатовъ. Вѣнскіе адвокаты открыто высказываются противъ половинныхъ мѣръ, многогисанных и пренебреженія практическимъ опытомъ; они указываютъ министру на пагубныя послѣдствія теперешней путаницы для общественной нравственности и для достоинства судьи. Они заключаютъ свое представленіе просьбой, чтобы министръ лучше совсѣмъ держался отъ новыхъ мѣръ, если нельзя ему сдѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное и цѣльное: «эти хлопоты, говорятъ они, клонящіяся къ тому, чтобы какъ-нибудь и на нѣсколькихъ поддержать порядокъ, оказывающійся несостоятельнымъ, причиняютъ только безконечное колебаніе и поражаютъ апатію въ сословіи судей и адвокатовъ и неудовольствіе въ публикѣ; раны раздражаются, а не залѣчиваются; дѣло запутывается, не приводится въ порядокъ; законы не изучаются, ихъ едва читаютъ, и никто ихъ не уважаетъ.» Вѣнскіе адвокаты конедуютъ для уголовного процесса австрійскій уставъ 1850 года (министра Шмерлинга), для гражданского процесса—новый баварскій уставъ. Въ австрійскихъ газетахъ было высказано

единодушное сочувствіе представленію вѣнскаго камеръ адъютантовъ и единодушное порицаніе порядка, при которомъ, вслѣдствіе канцелярскаго и кабинетнаго изобрѣтательства, число формъ гражданскаго процесса возрасло до невѣроятной цѣны 16, чѣмъ *шестьдесятъ*. Но если въ Вѣнѣ такъ велико недовольство этими порядками, то каково же должно быть недовольство Венгріи, привыкшей жить подъ своими національными законами и гордиться своими національными судьями? Въ другихъ странахъ Австріи эпоха возрожденія измѣнила многое и оставила непринятыми нѣкоторыя постановленія, крайне стѣснительныя для общества и удобныя лишь для администраціи, отдѣляющей себѣ дѣло отъ дѣла общества. Таково напримѣръ правило, что дѣла выигранное во всѣхъ инстанціяхъ суда, зависить еще отъ приговора министра внутреннихъ дѣлъ, потому что судебныя рѣшенія публикуются не иначе какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и не имѣютъ законной силы до своего опубликованія. Но въ другихъ частяхъ Австріи это постановленіе и другія подобныя ему были уже въ силѣ до 1848 года, публика могла желать или ожидать ихъ отмены и жаловаться на то, что отмена не состоялась, несмотря на наступившую эпоху возрожденія и обновленія Австріи. Въ Венгріи какого рода стѣснительныя постановленія никогда не существовали; они были введены въ Венгрію для однообразія съ другими провинціями, для утвержденія австрійскаго государственнаго единства. Какое же чувство должно было возбуждаться въ венгерскихъ сердцахъ къ обновленной Австріи, когда австрійское единство нуждалось въ такихъ средствахъ для своего осуществленія?

Посмотримъ теперь на финансы. До 1848 года Венгрія была подъ самымъ дешевымъ изъ всѣхъ правительствъ Европы, исключеніемъ развѣ Швейцаріи, которая могла спорить съ Венгріей въ отношеніи дешевизны своей администраціи. Доходы Венгріи составляли около 15 милліоновъ рублей серебромъ, изъ этой суммы только двѣ трети, то есть, около 10 милліоновъ шло на венгерскія издержки, а около 5 милліоновъ поступало въ казну императора. То, что собственно называется администраціей, обходилось, благодаря самоуправленію, менѣе чѣмъ въ 2 милліона рублей; такъ что администрація стоила около 15 копѣекъ съ души венгерскихъ подданныхъ. Большая часть издержекъ шла на 17 полковъ пѣхоты и 12 полковъ гусаровъ, которые Венгрія выставяла на службу императору. Тамошняя система была стѣснительна, но къ чести Венгріи можно сказать, что еще на сеймѣ 1809 года было высказано желаніе началу свободной торговли. Вѣнское правительство во-

стоянно противилось реформамъ венгерскаго тарифа, и дѣла оставались по старому до 1850 года, когда таможенная граница между Венгріей и другими землями Австріи была уничтожена, и Венгрія вмѣстѣ съ ними была подчинена общему австрійскому тарифу, преобразовавшемуся правда въ 1851 году изъ запретительнаго въ покровительственный, но еще далекому отъ признанія благодѣтельнаго начала свободной торговли. Венгрія могла бы впрочемъ выиграть отъ таможеннаго соединенія съ Австріей; она могла бы найти на югѣ обширный сбытъ для своихъ земледѣльческихъ продуктовъ и получать оттуда мануфактурныя произведенія по выгоднымъ цѣнамъ. Но и тутъ замѣшалась хитрая политика вѣнскаго унитаріевъ. Дабы содѣйствовать сближенію Венгріи съ нѣмецкими землями, вѣнское правительство старалось направить венгерскую торговлю на сѣверъ, и съ этою дѣлю затрудняло сношенія Венгріи съ югомъ. Желѣзныя дороги строились сообразно съ этими видами, и сообразно съ этими же видами ничего не дѣлалось для улучшенія порта въ Фіуме и для облегченія сообщеній между нимъ и Пештою. Рѣшившись такимъ образомъ гнуть экономическую жизнь Венгріи въ ту сторону, на которую указывали централизационныя виды германизирующей политики, вѣнскіе министры облагали экономическую жизнь Венгріи все большими и большими податями. Въ 1848 году подати Австрійской имперіи составляли 120 милліоновъ гульденовъ; теперь они дошли до 280 милліоновъ, и сѣтя Венгрію шадилъ въ Вѣнѣ болѣе нежели Богемію и италіанскія провинціи, но возвышеніе налоговъ все-таки всего сильнѣе чувствовалось въ Венгріи, потому что съ 1848 года по настоящее время они почти *учетверились*. Трудно перечислить всѣ виды налоговъ, которые придунывала въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ изобрѣтательность австрійскихъ министровъ. Сначала введенъ былъ налогъ на доходы, потомъ явилась табачная монополія, какъ подаюкъ политики, скрѣпляющей связи Венгріи съ Австріей; за тѣмъ лѣдовалъ акцизъ съ вина и спирта; далѣе подушная подать, слышанная въ Венгріи, наконецъ еще налоги на дома, на дороги и мосты и, какъ вѣнецъ всего, государственная лоттерей, учрежденіе, дающее государству монополію на азартную игру, которую законъ вездѣ преслѣдуетъ между частными лицами. Въ обавокъ, многія изъ этихъ податей взимались не иначе какъ звоню монетой, которая ходила съ большимъ лажемъ, и взыскивались не въ опредѣленные сроки, а когда чиновники находили на себя удобнымъ требовать ихъ взноса. При громадной величинѣ податей это правило необходимо, потому что надобно пользоваться минутой, когда плательщики имѣютъ въ своихъ рукахъ деньги. Но съ другой стороны предоставленіе такого про-

извола чиновникамъ подавало поводъ къ безчисленнымъ прижимкамъ и вымогательствомъ. Венгерскіе помѣщики почти не получали дохода съ своихъ имѣній; они жили по большей части тѣмъ деньгами, которыя приходились на ихъ долю въ вознагражденіе за выкупъ крестьянскихъ земель, но и эти деньги выдавались помѣщикамъ бумажками, тогда какъ подати, какъ мы знаемъ, взыскивались по большей части звонкою монетою. Словомъ, нельзя придумать признаковъ недоброжелательства болѣе явныхъ и разительныхъ, чѣмъ тѣ, которые видѣла венгерская нація въ дѣйствіяхъ вѣнскаго правительства.

Таково было состояніе Венгріи лѣтомъ прошлаго года. Ни одинъ наблюдатель, конечно, не могъ не удивляться тому, что Венгрія смотрѣла спокойно на національное движеніе Италіи. Она вступила во время италіанской войны. Она даже ничѣмъ не явила о своемъ недовольствѣ; она не жаловалась, она молчала. Но вслѣдъ за окончаніемъ италіанской войны произошла страшная и самая неожиданная перемѣна. Если, нельзя было удивляться наружному спокойствію Венгріи въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, если при поверхностномъ взглядѣ на Венгрію нельзя было не подумать, что это страна совершенно давленная и покорившаяся своей судьбѣ, то тѣмъ болѣе удивительно неожиданное превращеніе, которое совершилось съ Венгріей въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ, отъ іюля 1859 года до іюля 1860 года. Какимъ образомъ объяснить, что страна показавшая нынѣшнимъ лѣтомъ такую слабую пассивную сопротивленію, такую непоколебимую вѣру въ свое будущее и такое небывалое прежде единодушіе въ своихъ ожиданіяхъ и требованіяхъ, могла такъ долго оставаться спокойною и покорному совершенно подчиняться ходу дѣлъ, противъ котораго теперь протестуетъ какъ одинъ человѣкъ? Намъ кажется, много объясненій и того обманчиваго усыпленія и этого запянаго пробужденія Венгріи. Прежде всего надобно имѣть въ виду, что Венгрія, благодаря своей продолжительной политической жизни, считала въ средѣ своей значительное число умѣющихъ политическую опытность и умѣющихъ вѣрно судить о возможности или невозможности того или другаго политическаго предпріятія. Политическій смыслъ настолько распространенъ въ среднихъ и высшихъ классахъ венгерскаго общества, что Венгрія не могла не обладать искусствомъ выжиданія, великимъ орудіемъ успѣха на политическомъ поприщѣ. Адаптаніе на этотъ разъ было необходимо по многимъ причинамъ. Наполеоновская поговорка: *война имитаетъ войну*, отчасти вѣдлива и относительно той внутренней потаенной войны, которую правительство и народомъ, которая происходила въ Венгріи. Военное положеніе, жандармы, разливъ бюрократіи, все это

la longue должно было истощить силы Австріи, но вновь все это должно было усилить средства австрийскаго правительства, и было бы не разчетливо возставать противъ этой системы, не давъ ей совершить свой естественный циклъ, который не могъ не привести ея къ совершенной несостоятельности. Но возставать противъ этой системы было не только неразчетливо, пока силы Австріи еще не успѣли истощиться; возставать было и невозможно въ Венгріи, прежде нежели произошло примиреніе ея политическихъ партій, и прежде нежели враждебныя національности, живущія въ предѣлахъ старинной Венгерской Короны, возымѣли наклонность къ взаимному сближенію для совокупнаго отпора притязаніямъ вѣнской германизирующей централизаціи. Нужно было продолжительное дѣйствіе новой австрийской системы, чтобы расчистилась почва, на которой возможно это сближеніе. Взаимная національная ненависть была сильно возбуждена событіями 1848 года и многочисленными ошибками тогдашнихъ венгерскихъ вождей. Возстановленіе Австріи было дѣломъ этой взаимной ненависти, и подавить эту взаимную ненависть могла только сильнѣйшая ненависть къ тому, что выходило изъ Вѣны. Славяне, поддержавшіе подавѣннѣй габсбургскій тронъ, должны были испытать цѣлый рядъ дѣйствій, внушенныхъ презрѣніемъ къ славянской народности, они должны были увидѣть, что и обновленная Австрія ставила ихъ, спасителей всѣхъ, ниже Венгерцевъ, своихъ враговъ. Надобно было Славянамъ пережить все это, чтобы они могли забыть мадьярское зло и подать руку прежнимъ своимъ угнетателямъ. Событія показали между тѣмъ, что Венгрія безсильна противъ Австріи, если имѣетъ противъ себя Славянъ, а потому предводители венгерской оппозиціи должны были выжидать медленныхъ успѣховъ процесса примиренія Венгріи съ Славянами. Наконецъ, нельзя отрицать и того, что венгерское движеніе находится въ очевидной связи съ итальянскимъ движеніемъ. Если событія, теперь происходящія, совершаются какъ бы по велѣнію какой-то невидимой силы, то все заставляетъ думать, что эта невидимая сила отнюдь не принадлежитъ къ области чудеснаго, что есть хорошо разчитанный планъ въ теперешнемъ народномъ движеніи. Все идетъ словно по маслу, со стройностію и легкостію, какой еще никогда не имѣли народныя движенія. Можно ли полагать, что то простой случай?

Первый поводъ къ волненіямъ въ Венгріи подало впрочемъ само австрийское правительство. 15-го іюля 1859 года, тотчасъ же о окончаніи войны, императоръ издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ своимъ народамъ, что господствовавшая доселѣ въ Австріи провизорная форма правленія будетъ въ скоромъ времени замѣнена постоянными законами, и что при составленіи

этихъ законовъ будутъ приняты во вниманіе законныя желанія народовъ Австрійской имперіи. Эта прокламація возбудила надежды, и отъ новыхъ законовъ всѣ ожидали децентрализаціи Венгрія въ особенности должна была смотрѣть въ этомъ смыслѣ на обѣщанныя реформы. Она переносила существовавшій въ ней порядокъ какъ нѣчто временное, переходное, но отъ постоянныхъ законовъ она считала себя въ правѣ требовать, чтобы они были издаваемы въ законной формѣ, то-есть съ согласія венгерскаго сейма. Для Венгрии не могло быть и рѣчи о постоянныхъ законахъ безъ возстановленія сейма. Само австрійское правительство признавало это, и всѣ указы императора Франца начинались словами: «Императоръ временно повелѣваетъ». Несмотря на то, австрійскій кабинетъ рѣшился предпринять изданіе постоянныхъ законовъ для всей имперіи, не возстановив венгерскаго сейма, такъ что все новое законодательство должно было истекать изъ полноты власти императора. Для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ были учреждены коммисіи изъ доверенныхъ лицъ, *Vertrauensmänner*, назначавшихся правительствомъ. Между тѣмъ какъ въ другихъ австрійскихъ земляхъ эти коммисіи собирались и обсуждали проектъ закона объ устройствѣ общины, въ Венгрии нельзя было найти доверенныхъ лицъ, которые бы гласились бы взять на себя обсужденіе этого закона. Лица, которыхъ правительство имѣло въ виду, объявили, что право сматривать проекты постоянныхъ законовъ принадлежитъ исключительно сейму. Такимъ образомъ не оставалось ничего какъ издавать законы, не подвергая ихъ предварительному сужденію. Этимъ порядкомъ былъ дѣйствительно изданъ чрезвычайно важный законъ о протестантахъ. Онъ явился 1-го сентября 1859 года въ видѣ императорскаго патента и послужилъ первымъ поводомъ ко всеобщему волненію въ Венгрии.

Надобно сказать, что въ Венгрии протестанты издавна пользовались религіозною свободою. Протестантизмъ сдѣлалъ первоначально огромные успѣхи. При Фердинандѣ I, были ко три фамиліи магнатовъ, которыя исповѣдывали католичество, все дворянство и значительная часть народа были протестантами, а вѣрнопослѣдніе католики принадлежали къ ордену св. іезуитовъ, и ихъ появленіе повело за собой извѣстныя смуты. Протестанты нѣсколько разъ прибѣгали къ оружію, въ началѣ, которое еще въ XVI вѣкѣ было превознесено въ седмиградскомъ сеймѣ,—начала, что никто не подлежитъ пресѣдованію за свои религіозныя убѣжденія. Такъ при Фердинандѣ I князь Стефанъ Бочкай велъ съ императорскими войсками войну, окончившуюся въ 1606 году вѣнскимъ миромъ, который и составляетъ основаніе правъ венгерскаго протестантизма. Католики

скому духовенству и иезуитамъ удалось однакожь одержать верхъ при Фердинандѣ III. Тридцать фамилій магнатовъ перешли тогда въ католицизмъ и явились исполнителями плановъ Леопольда I, клонившихся къ искорененію протестантизма въ Венгріи. Въ числѣ этихъ фамилій была фамилія Эстергази, которая обязана своимъ громаднымъ богатствомъ милостямъ императоровъ, награждавшихъ ея членовъ за вѣрную службу дѣлу католицизма. Впрочемъ не Венгрія произвела самаго жестокаго преслѣдователя венгерскихъ протестантовъ: самымъ злобнымъ гонителемъ протестантизма, какого только знала Венгрія, былъ Италіанецъ Караѳа. По его доносамъ и слѣдствіямъ Леопольдъ I четвертовалъ венгерскихъ дворянъ-протестантовъ. Но что особенно характеризуетъ Венгрію, главнымъ защитникомъ протестантовъ явился въ это время набожный католикъ Францъ Ракоцъ, князь седмиградскій. Два раза Трансильванія вела войну, сначала съ Фердинандомъ III, потомъ съ Леопольдомъ I и его преемникомъ Іосифомъ I. Первая изъ этихъ войнъ окончилась линцкимъ миромъ 1645 года; вторая, девятилѣтняя, знаменитымъ Сатмарскимъ миромъ. Этими мирными трактатами были утверждены права протестантовъ. Но и послѣ того императоры не всегда соблюдали букву трактатовъ, хотя и признавали ихъ на словахъ. Преслѣдованія протестантовъ продолжались даже при Маріи-Терезіи: протестанты подвергались многимъ тяжкимъ и невѣроятнымъ стѣсненіямъ; они должны были соблюдать католическіе праздники, имъ не позволяли строить новыя церкви и т. п. Но внутреннее управленіе церковными дѣлами всегда принадлежало самимъ протестантамъ, и правительство никогда не вмѣшивалось въ дѣла ихъ юрисдикціи, ограничиваясь верховнымъ надзоромъ, такъ-называемымъ *jus suprerae inspectionis regiae*.

Церковное устройство, бывшее въ смѣхъ у венгерскихъ протестантовъ до 1848 года, установлено протестантскимъ синодомъ, обравшимся въ 1790 и 1791 годахъ, при императорѣ Леопольдѣ II. Оно опирается на мирные трактаты 1606 и 1645 года и слѣдовательно принадлежитъ не только къ внутреннему австрійскому, но и къ международному праву, а потому не удивительно, что венгерскіе протестанты не считаютъ за императоромъ Францомъ-Іосифомъ права измѣнять это устройство безъ ихъ вѣдома. Главныя черты его состоятъ въ слѣдующемъ:

Каждый приходъ самъ выбираетъ своего пастора и свѣтскаго инспектора, или попечителя прихода. Кромѣ того, въ каждомъ приходѣ есть совѣтъ старшинъ, также избираемыхъ прихожанами. Этотъ совѣтъ называется *пресбитериумомъ*, или *consilium* *parochiale*. Въ соединеніи съ остальными прихожанами, этотъ совѣтъ образуетъ собою такъ-называемый *конвентъ* прихода.

Нѣсколько приходо́въ составляютъ округъ, или *сенюратъ*, во главѣ котораго стоятъ *сенюръ* изъ пасторо́въ и свѣтскій инспекторъ *сенюрата*.

Изъ нѣсколькихъ *сенюратовъ* слагается *суперинтенденция*. Въ суперинтенденствѣ есть также свой духовный предсто́ятель, суперинтенде́нтъ, и свѣтскій предсто́ятель, инспекторъ, или печитель суперинтенденства. Въ судебныхъ дѣлахъ *сенюратъ* составляетъ первую инстанцію, суперинтенденство — вторую. Суперинтенденствъ въ Венгріи четыре для аугсбургскаго исповѣданія, и четыре для гельветическаго.

Протестанты аугсбургскаго исповѣданія имѣютъ, кромѣ того, главѣ своей свѣтскаго генераль-инспектора, который избирается голосами отъ всѣхъ приходо́въ и предсѣдательствуетъ на генеральномъ конвентѣ всѣхъ четырехъ суперинтенденствъ аугсбургскаго исповѣданія. Этотъ генеральный конвентъ есть апелляціонный судъ въ церковныхъ дѣлахъ и имѣетъ право высшаго управленія всѣми церковными дѣлами. Но законодательная власть принадлежитъ, какъ у протестанто́въ аугсбургскаго исповѣданія, такъ и у реформато́въ исключительно синоду, то-есть общенуси́мъ представителямъ церкви.

Таково было устройство обѣихъ протестантскихъ церквей въ 1850 года. Оно было отмѣнено эдикто́мъ Гайнау. Всѣ суперинтенденты аугсбургскаго исповѣданія были уволены, а на ихъ мѣсто и на мѣсто инспекто́ровъ назначены новыя лица, по усмотрѣнію фельдмаршала. Кромѣ того, были измѣнены границы суперинтенденствъ, сообразно съ границами военныхъ округовъ. Протестанты обѣихъ вѣроисповѣданій подверглись несчастнымъ стѣсненіямъ, которыя описывать было бы слишкомъ долго. Стѣсненія были тѣмъ болѣе чувствительны протестантамъ Венгріи, что ни въ одной католической странѣ протестанты не могли такъ привыкнуть къ религіозной свободѣ, какъ въ Венгріи, гдѣ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ права ихъ были строго охраняемы, и католическое духовенство уживалось съ ними въ мирѣ. Протестанты утѣшали себя тѣмъ, что распоряженія фельдмаршала Гайнау были временныя, что они были вызваны военными соображеніями, и что съ минованіемъ надобности они будутъ отмѣнены, а протестантской церкви двухъ исповѣданій будетъ возвращена прежняя, на трактатахъ основанная свобода.

Императорскій патентъ 1-го сентября 1859 года разсѣлъ надежды. Онъ показалъ протестантамъ, что императоръ правитъ своимъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовными дѣлами графомъ Туномъ, исповѣдующимъ католицизмъ, право составленія законовъ, касающихся внутренняго устройства протестантской церкви, не только въ другихъ частяхъ имперіи, но и въ Венгріи.

ь 1-го сентября былъ изданъ для всей имперіи; было предно, чтобы приходы собрались и объявили, подчиняются ли патенту. Только цѣной этого подчиненія могли они освободиться отъ тягостнаго дѣйствія эдикта фельдмаршала Гайнау, и брѣсти право на то, чтобы ихъ пасторы и учителя получали жалованье изъ государственной казны.

Патентъ 1-го сентября давалъ протестантамъ множество правъ, которыхъ они были лишены, съ тѣхъ поръ какъ эдиктъ Гайнау послужилъ для нихъ церковнымъ закономъ. Патенту 1-го сентября нельзя было отказать въ нѣкоторомъ либерализмѣ, если смотрѣть на него какъ на общій законъ для всѣхъ протестантовъ Австрійской имперіи; въ другихъ коронныхъ земляхъ онъ даровалъ протестантамъ права, которыхъ они не имѣли, но отъ произвольнаго совершеннаго преобразованія въ устройствѣ венгерской протестантской церкви. Въмѣсто пресбитеріальнаго управления вводилъ консисторіальное управление; онъ усиливалъ вліяніе духовенства на дѣла церкви и стѣснялъ значеніе свѣтскихъ гражданскихъ властей и прихожанъ; возвышая такимъ образомъ достоинство и ставя его въ антагонизмъ съ мірянами, онъ съ другой стороны подчинялъ духовенство государственной власти. Онъ началъ пасторамъ казенное жалованье и требовалъ, чтобы каждое духовное лицо и каждый церковный сановникъ были утверждены правительствомъ. Наконецъ, если бы этотъ патентъ возымѣсилъ силу закона, онъ былъ бы прецедентомъ для дальнѣйшаго законодательныхъ мѣръ австрійскаго правительства по дѣламъ дѣламъ; венгерская протестантская церковь, подчинившись патенту 1-го сентября, тѣмъ самымъ отреклась бы отъ правъ законодательства, которое ей издавна принадлежало. Поэтому десятая часть протестантскаго народонаселенія Венгріи поднесла патенту; большинство предпочло оставаться подъ гнетомъ эдикта Гайнау, выжидая лучшаго будущаго.

Такимъ результатамъ дѣла пришло послѣ продолжительной борьбы. На словахъ правительство предоставляло протестантамъ право примкнуть или не примыкать къ патенту 1-го сентября. Но мѣстные чиновники не могли воздержать свое усердіе и стали оказывать мѣры къ побужденію протестантовъ воспользоваться правительственной милостью. Начались преслѣдованія и аресты, подъ предлогомъ, что сопротивленіе патенту есть дѣло партій, а не немногихъ зачинщиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣнское правительство смотрѣло довольно благосклонно на эти проявленія мѣстныхъ чиновничьяго усердія. Оно дозволяло начинать процессы противъ людей, позволявшихъ себѣ высказываться противъ патента на приходскихъ и окружныхъ конвентахъ. Первый изъ нихъ, собравшійся по обнародованію патента, былъ въ Кеш-

маркѣ, 27 сентября. На этомъ конвентѣ единогласно постановлено, что патентъ противорѣчитъ мирнымъ трактатамъ вѣнскому, линцскому и закону 1790 года, и опредѣлили просить императора о созваніи синода. На единодушіе этого рѣшенія имѣло сильное вліяніе рѣчь г. Жедени, и г. Жедени, съ быстротой, необыкновенною въ австрійскихъ судахъ, былъ тотчасъ же приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, потерявъ туда надворнаго совѣтника и пенсіона въ 4000 гульденовъ, въ которомъ онъ пользовался за свою службу. За тѣмъ открытъ протестъ *monstre* противъ 130 человекъ изъ числа лицъ, собранныхъ въ Кешмаркѣ; ихъ всѣхъ потянули по плохимъ осеннимъ дорогамъ въ Кашау къ суду, и многіе изъ нихъ приговорены къ казнямъ, которыя назначаются лишь законнымъ образомъ, нечувствительнымъ къ простому тюремному заключенію, такъ напримѣръ профессоръ Палькеви былъ приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію съ лишеніемъ по одному разу въ недѣлю. Кешмаркская исторія повторилась въ другихъ мѣстахъ Венгріи, и лишь послѣ восьмидесяти опытовъ этого рода, правительство убѣдилось, что протестантское движеніе не есть интрига немногихъ зачинщиковъ, и въ началѣ нынѣшняго года императоръ далъ наконецъ генералу недеку, генералъ-губернатору Венгріи, рескриптъ, разрѣшающій протестантамъ, не подчинившимся патенту 1-го сентября, ковыня сходки и избраніе церковныхъ властей на основаніи прежнихъ законовъ Венгріи.

Вопросъ о патентѣ былъ, какъ мы сказали, поводомъ къ всеобщему волненію въ Венгріи. Съ прошлаго сентября, при всякомъ случаѣ, ничтожномъ случаѣ, проявлялся оппозиціонный духъ націи, и мѣра полиціи вызывала въ обществѣ реакцію, заставлявшую правительство сожалѣть, что мѣра эта была принята. Запрещали собрания въ одномъ мѣстѣ, и тотчасъ же гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ происходило еще болѣе многолюдное собраніе. На видъ въ этихъ манифестаціяхъ было много дѣтскаго, но въ сущности онѣ имѣютъ очень серьезное значеніе, потому что цѣлю ихъ было не только возмущеніе правительства, до какой степени стало единодушно въ обществѣ. На невинныхъ мелочахъ, какъ напримѣръ носившія герскаго платья, пѣніе національной пѣсни *Sozamъ*, служившія ходить по графѣ Сечени, или по студентѣ, который былъ задержанъ пештскою полиціей,—на этихъ невинныхъ мелочахъ правительство должно было видѣть, что вся Венгрія принимаетъ участіе въ манифестаціяхъ, направленныхъ противъ Австріи, и что отъ участія въ этихъ манифестаціяхъ не уклоняются и тѣ, которые прежде считались наиболее преданными австрійскому правительству и служили ему противъ своей страны въ 1848 и 1849 годахъ.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что австрійское правительство наконецъ убѣдилось въ серіозности положенія дѣлъ и рѣшилось на серіозныя уступки. Въ скоромъ времени обстоятельства должны показать намъ, къ чему поведутъ эти уступки, дѣлаемые, когда уже наступилъ одиннадцатый часъ. Не думая предварять обитія, мы позволимъ себѣ высказать заключеніе, которое само собой представляется какъ результатъ прошедшей исторіи странъ, ежащихся около дунайскаго бассейна.

Эти страны населены народами, разнохарактерными по языку, нравамъ и историческимъ воспоминаніямъ, народами, которые такъ перемѣшаны между собой, что не можетъ быть серіозной мысли о къ раздѣльной политической жизни. Соединеніе ихъ въ одно политическое цѣлое составляетъ историческую необходимость, основанную и на самой ихъ разнохарактерности, и на географическихъ условіяхъ мѣстности, ими обитаемой. Въ то же время существованіе сильнаго государства въ этихъ мѣстахъ есть необходимая потребность европейскаго равновѣсія. Но для того чтобы эти разнородные элементы могли уживаться въ одномъ государствѣ, необходима совершенная децентрализація этого государства, не исключаяющая впрочемъ сильнаго политическаго единства. Это единственный путь, на которомъ Австрія можетъ вымнить свое историческое назначеніе и достигнуть прежняго своего могущества. Общественное мнѣніе, по скольку оно могло исказываться, давно уже указывало на него во всѣхъ углахъ Австрійской имперіи. Но вѣнское правительство оставалось глухо на эти голоса и тратило всѣ силы имперіи на производство централизаціонныхъ опытовъ, которые истощали австрійскіе финансы и раздражали подданныхъ противъ правительства. Теперь зараженіе дошло до крайнихъ своихъ предѣловъ, а между тѣмъ вѣнское законодательство, въ послѣдніа двѣнадцать лѣтъ, усло разрушить почти всѣ элементы децентрализаціи, сохранив- еся, какъ наслѣдіе исторіи, въ прежнемъ австрійскомъ государственномъ устройствѣ. Теперь уже нѣтъ старой Австріи, которую не трудно было бы преобразовать согласно требованіямъ ваго времени; теперь преобразованію подлежитъ уже не старая стрія, а Австрія обновленная, представляющая собой противоложн- ющий того, что требуется теперешними обстоятель- ями. Въ 1848 или 1849 году была бы возможна реформа, опп- ощаяся на существующій порядокъ; въ 1860 году нужна ко- ная реформа, которая должна состоять и въ возвращеніи къ жней исторіи, отъ которой новая Австрія оторвалась, и въ удо- твореніи настоятельнымъ требованіямъ новаго времени. Теперь (обно считаться и съ историческими правами, и съ національ- ями внутри имперіи, и съ самою централизаціей, которая

составляетъ существующій фактъ государственнаго устройства надобно, кромѣ того, устроиться такъ, чтобы привести къ добромъ исходу и разрѣшенію вопросовъ итальянскаго, и восточнаго, в ряду съ которыми не замедлитъ явиться и вопросъ о германскомъ единствѣ, уже теперь сильно агитируемый, и не могущій не возникнуть съ новою силой, когда Итальянцы достигнутъ политическаго единства, и примѣръ ихъ будетъ возбуждать нѣмецкія патриотическія чувства. Со всѣми этими вопросами Австрія должна будетъ управиться среди небывалаго прежде раздраженія большей части своихъ подданныхъ. Если коренныя реформы суть самое тяжкое испытаніе для государства даже при благопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ, то какъ выйдетъ на счастливый исходъ коренныхъ реформъ въ государствѣ котораго всѣ члены болѣютъ, и которое имѣетъ столько горючихъ элементовъ въ сосѣдствѣ? Внѣшнія дѣла требуютъ, чтобы Австрія содержала большую армію; бюджетный комитетъ австрийскаго государственнаго совѣта не нашелъ возможнымъ сократить расходы на австрийскія военныя силы, а между тѣмъ нельзя не видѣть, что равновѣсіе между государственными доходами и расходами все-таки не можетъ быть возстановлено безъ сокращенія военнаго бюджета. Если же будутъ уменьшены военныя силы, то не поведетъ ли это къ ослабленію Австріи и внѣ и внутри? Не ободрятъ ли это ея многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и не нарушитъ ли это европейскаго равновѣсія? Съ одной стороны, если австрийское правительство будетъ содержать по прежнему громадную армію, то когда будетъ конецъ хроническому австрийскому дефициту, и въ чемъ найдутъ австрийскія коронныя земли гарантію противъ возвращенія централизованной системы?

Весь этотъ рой сомнѣній, которыя сами собой представляются при взглядѣ на теперешнее положеніе Австріи, возбуждаетъ сильное опасеніе за успѣшность австрийскихъ реформъ и за продолжительность существованія Австрийской имперіи. Но если Австрія суждено распасться, какіе элементы завѣщаетъ она будущей дунайской конфедерации? Мы говоримъ: конфедерации, потому что никакая другая политическая форма невозможна въ этихъ circumstances. Свообразность отдѣльныхъ группъ и необходимость политическаго единства, эти два коренныя требованія, возникающія изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, могутъ быть примирены только конфедеративнымъ устройствомъ, въ родѣ того, на которое указываетъ баронъ Этвешъ въ книгѣ, не разъ уже упоминавшейся на страницахъ *Русскаго Вѣстника*: *Die Garantien der Einheit und Einheit Oesterreichs* (Lpz. 1859). Нельзя отрицать, что конфедеративное государство, уважающее историческую и национальную индивидуальность своихъ членовъ, является единственнымъ средствомъ къ достиженію политическаго единства въ Европѣ.

нѣльную своеобразность своихъ частей, и на столько единое и сильное, чтобы давать имъ полную защиту отъ властолюбія сосѣдей, нельзя отрицать, говоримъ, что такое федеративное государство было бы благотѣльнымъ явленіемъ для центральной Европы, что оно могло бы обезпечить европейское равновѣсіе и имѣло бы великую притягательную силу, не имѣя ни поужденій, ни возможности дѣйствовать властолюбиво. Западные славяне заняли бы въ этой дунайской конфедераціи то мѣсто, на которое они имѣютъ всѣ права, и которое обезпечило бы имъ возможность національной жизни. Нѣмецкіе элементы Австріи, выдѣлившись изъ теперешняго политическаго соединенія своего съ разноименнымъ населеніемъ нижняго Дуная, могли бы тѣснѣе прилечь къ остальной Германіи, и Германія, нашедши наконецъ свое національное единство, можетъ-быть успокоилась бы отъ тревожныхъ порывовъ къ захватамъ, которые, въ продолженіи дѣлаго почти тысячелѣтія, отвлекали ее отъ устройства ея собственныхъ дѣлъ. Такова блистательная перспектива, которая является теперь воображенію многихъ политическихъ людей въ Европѣ... Но нельзя не видѣть, что и къ ея осуществленію представляются многія препятствія, не легко преодолимые. Теперь нѣмецкій элементъ соединяетъ народы Австріи подъ своимъ политическимъ едводительствомъ. Если онъ будетъ элиминированъ, то что знеть на его мѣсто? что будетъ соединять Мадыровъ, Румыновъ, авянъ, которые и сами раздѣлены на нарѣчія, почти не понимающія другъ друга? Прежде въ Венгріи былъ одинъ общій политическій языкъ—латинскій. На немъ совѣщались въ венгерскомъ имѣ, онъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ. Пятьдесятъ лѣтъ ту назадъ, даже дамы говорили въ Венгріи по-латыни. Этотъ ятокъ средневѣковой старины имѣлъ очень большое значеніе томъ отношеніи, что благодаря всеобщему употребленію латинскаго языка, ни одинъ изъ живыхъ языковъ этихъ странъ не поддествовалъ надъ другими. Это, повидимому, малозначительное обстоятельство устраняло вражду или, по крайней мѣрѣ, соперничество народностей. Но это средство соглашенія народностей, бывшее въ свое время, теперь, при дальнѣйшемъ развитіи народной жизни, сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Политическимъ комъ въ наше время можетъ быть только живой языкъ, и доваѣтельно общимъ политическимъ языкомъ дунайскаго конвративнаго государства, языкомъ его правительства, его общаго ма, наконецъ его высшаго общества долженъ быть какой-нибудь изъ живыхъ языковъ, говоримыхъ племенами, живущими на аѣ. Но какой языкъ достигнетъ этой чести? Согласятся ли славяне и Румыны, чтобы этимъ общимъ политическимъ языкомъ былъ мадырскій языкъ? Еслибъ они и хотѣли того, то они не мо-

гутъ, потому что мадьярскій языкъ имъ неизвѣстенъ. Точно такъ славянскія нарѣчія не знакомы Мадьярамъ и Румынамъ, да и нехъ Славянами, живущими на Дунаѣ, едва ли возможно согласенъ насчетъ нарѣчія, которому должно быть отдано предпочтеніе. Болгаринъ и Чехъ могутъ разговаривать между собой развѣ только по-русски.

Исторія не допустила доселѣ, чтобъ изъ народовъ, живущихъ вдоль по нижнему теченію Дуная, сложился одинъ народъ, торый соединилъ бы ихъ въ себѣ какъ свои элементы. Всѣ славянскія народности показали неимовѣрную живучесть, сопротивляющуюся слиянію, несмотря на продолжительную совместную жизнь этой пестрой помѣси племенъ. Что они должны и въ будущемъ жить вмѣстѣ, составить одно государство, или одну тѣсную федерацию, это не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, но до сихъ поръ видна одна только прочная связующая сила, могущая служить основаніемъ политическаго единства въ этихъ странахъ: эта сила есть единство экономическихъ интересовъ, обусловленное географическими данными дунайскаго бассейна. Чѣмъ свободнѣе будетъ развиваться экономическая жизнь этихъ странъ, тѣмъ ближе будетъ ихъ единство, тѣмъ слабѣе будетъ антагонизмъ народностей, тѣмъ справедливѣе установится фактическое единство какой-нибудь одной изъ нихъ. Мы имѣемъ всѣ права думать, что на этомъ пути первенство должно достаться на славянскаго племени.

Великія потрясенія неизбѣжны въ этихъ странахъ. Сила исторической необходимости, до сихъ поръ поддерживавшая Австрію, должна или сохранить Австрію, преобразивъ ее, или замѣнить Австрію другою политическою формацией. И въ первомъ и въ другомъ случаѣ несомнѣнно, что наши соотечественники выиграютъ отъ новаго хода дѣлъ. Венгрія стоитъ на первомъ планѣ, какъ ближайшая внутренняя противница Австріи, но Венгрія не можетъ восторжествовать, не доставивъ Славянъ къ участию въ своемъ торжествѣ.

ИТАЛІАНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Второй актъ италіанскаго движенія конченъ. Гарибальди въ Миланѣ. Движеніе его отъ Реджіо на Козенцу и Салерно въ Неаполь было какимъ-то торжественнымъ шествіемъ. Народонаселеніе встрѣчало его съ восторгомъ и вооруженными толпами присоединилось къ его арміи; неаполитанскія войска таили на пути его, для

оружіе и разсылався по домамъ, или же переходя на сторону диктатора Обѣихъ Сицилій цѣлыми бригадами и дивизіями. Король авилъ тронъ свой тайкомъ. Вскорѣ послѣ своей несчастной ституціи, предвидя успѣхи Гарибальди и замѣчая непріязненное движеніе въ цѣломъ народонаселеніи, Францискъ могъ еще добровольно отречься отъ престола и предоставить народу брать себѣ достойнѣйшаго правителя: но на это у него не тало духу. Онъ могъ еще и защищаться до послѣдней минуты, и если пасть, то пасть на полѣ битвы, но и на это онъ не шлся, и заблаговременно отправилъ изъ Неаполя всѣ свои драгоценности. Вообще въ столицѣ и во всемъ королевствѣ, до прибытія ибальди, царствовалъ совершеннѣйшій хаосъ. Вслѣдъ за высадкой диктатора, кромѣ обѣихъ Калабрій, Капитанаты, Базиликаты и вспыхнуло возстаніе и въ сѣверныхъ провинціяхъ Неаполя, въ уццахъ. Войска, посылаемыя для подавленія этихъ возстаній, азывались идти подъ разными пустыми предлогами; генералы и перы отдавали королю свои шпаги, отказываясь командовать въ нѣ противъ итальянскихъ патріотовъ, и сажаемы были за это замокъ С.-Эльмо. Дядя короля, графъ Аквила, сильно выдвигій впередъ либерализмъ свой, высылается изъ Неаполя, и упааетъ теперь себѣ домъ въ Парижѣ. Другой дядя, графъ акузскій, пишетъ къ королю письмо, въ которомъ убѣждаетъ уступить волѣ народа и отречься отъ престола, а самъ ѣдетъ одственнику своему, королю Виктору-Эммануилу въ Туринъ, его и принимаютъ съ подобающими почестями. Самые жаркіе верженцы стараго порядка вещей становятся его злѣйшими ами: изворачивая пословицу и какъ бы утверждая, что «лежато и бить», дѣлаютъ *volte face* и протягиваютъ руку новымъ имъ и новому порядку. Бывшій министръ финансовъ, генералъ цiante, самый заклятой врагъ свободы и дѣятельнѣйшій слуга кней системы, старается самъ совратить войска, такъ недавно бывшія подъ его командой, съ пути долга и присяги: онъ пиеть къ нимъ воззваніе, гдѣ говоритъ, что былъ слѣпъ и теперь рѣлъ, что онъ былъ вѣрнымъ защитникомъ короля, пока Провиде терпѣло раздѣленную Италію, но что теперь его патріотъ, его покорность волѣ Провидѣнія повелѣваютъ ему, *подъ ихомъ стать измѣнникомъ*, покориться рѣшенію самого Бога. ого примѣровъ низости представляетъ собою исторія, гово. по этому поводу *Indépendance Belge*; особенно много вѣртва видѣли мы въ послѣднія десять лѣтъ; но, кажется, ни а ничего еще не было подобнаго тому, что совершается рь въ Неаполѣ. Напротивъ того, люди искренно и добростно преданные монархіи и династіи, но которыхъ она превала за либеральный образъ мыслей, являются теперь, въ та-

желую для династїи минуту, почти единственнымъ защитникомъ престола. Боско, напрімѣръ, котораго, несмотря на его блестящія способности, все время держали въ малыхъ чинахъ, и борется за всѣхъ. Другая личность, болѣе известная, герцогъ Уллоа, защитникъ Венеціи, всю жизнь свою проводившій въ службѣ, посвящаетъ погибающей династїи и способности свои, и всю свою жизнь.

«Паденіе неаполитанскаго королевства очень поучительно, ирѣчь *Revue des deux Mondes*, въ своей послѣдней хроникѣ. Напряженная и напряженная политика покойнаго неаполитанскаго короля совершила это разложеніе, которое теперь обнаруживается. Напряженная, до крайности напряженная политика всегда приводитъ къ этому результату. Она раздѣляетъ подавляемый ею народъ на двѣ части: съ одной стороны стоятъ безусловные и рабски преданные приверженцы и чиновники, а съ другой равная масса, осужденная оставаться равнодушною къ интересамъ страны, масса, составляющая столько же безмолвную, съ опытомъ оппозицію, предающуюся только своимъ подавленнымъ страстямъ. Пока какой-нибудь случай не выброситъ преступную машину изъ колесъ, льстецы провозглашаютъ въ силу и эгоистическіе интересы (если, замѣчаетъ въ своемъ французскій публицистъ, позволено намъ будетъ употребить это выраженіе, употребленное недавно императоромъ въ изъ его рѣчей, но только въ дополненіе къ эгоистическимъ интересамъ скажемъ еще: интересы слѣпые); они утѣшаются сохраненіемъ мнимаго порядка. Эти до крайности натянутыя вѣстельственныя системы не замѣчаютъ, что съ теченіемъ времени онѣ истребляютъ всѣ силы народа. Онѣ подрываютъ силу своего круга своихъ агентовъ, отучая ихъ отъ правильной конной борьбы, ослабляя ихъ обманчивымъ довѣріемъ въ всемогущество, и непрерывно подвергая ихъ возрастающему въ ширинѣ пренебрегаемой непопулярности. Эти системы съ тѣмъ вѣстѣ и далѣе отстояющія силы, оставляя ихъ въ политическомъ бездѣйствїи и не давая имъ возможности ознакомиться съ практическими условїями правительства, не допуская людей, которыми могло бы воспользоваться правительство, обрѣтать законный авторитетъ, вездѣ составляющій духъ патриотизма, соединеннаго съ талантомъ, и подвергая всѣхъ такимъ образомъ людей всѣмъ искушенїямъ нечестиваго мести... Поздно дѣлать уступки только тогда, когда уже всякое сопротивленіе. Правительства, о которыхъ говорю теперь, убѣждаются въ этомъ только тогда, когда они въ состоянїи оказывать никакого сопротивленїя, и когда не могутъ ожидать спасенїя ни отъ какихъ уступокъ. Разъ

этомъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что правитель-могутъ обновляться и укрѣпляться только въ томъ случаѣ, а система ихъ такова, что сама показываетъ имъ необходимость реформъ и пользу уступокъ. Способность улучшить реформъ должна быть слѣдствіемъ политическаго обычая. этой системы остается только жестокой выборъ между деспотомъ и революціей. Часто ли бываетъ, чтобы люди силы не соглашались на уступки? Часто ли бываетъ, чтобы ближние склонили ихъ къ тому своими совѣтами? Были когда, чтобы поклонники ихъ минувшей силы остались вѣрны имъ въ смутныя времена? Напротивъ, не они прежде всѣхъ оставляли ихъ и бѣжали, когда былъ рошительная часть ихъ паденія? Тогда-то открывается, какъ теперь Неаполь, во всей своей безобразной наготѣ, дѣло разрушенія, произведенное деспотизмомъ. Ничего не остается: ни администраціи, ни арміи, ни флота, ни націи. Всѣ посредствующія силы между народомъ и правительствомъ подавлены, парализованы, уничтожены; невозможна никакая сдѣлка, никакое соглашеніе. Правительство не находитъ себѣ агентовъ съ какою-нибудь авторитетомъ, потому что народъ не признаетъ никакихъ другихъ вождей, кромѣ возбужденныхъ органовъ собственныхъ страстей. Нѣтъ твердой опоры, отличающей дѣла, исполненныя жизненной силой, нѣтъ свободнаго довѣренія, почтенныя сомнѣнія становятся препятствіемъ, изъ добрыхъ вѣреній рождаются только трудности, доблесть обнаруживается только грустною немощю. Что касается до насъ, то при этомъ разрушеніи, происходящаго въ Неаполь, ничто не изумляетъ насъ, ни нерѣшительность короля подъ тяжестью доставшейся ему власти, ни сомнѣнія его совѣсти, которая, по выраженію короля II, сама злоселательствуетъ ему, ни непостоянство неаполитанскаго народа, этой демократіи ладзарони, на которой король думалъ основать свой деспотизмъ какъ на непобедимой основѣ. Намъ не удивляетъ также измѣна флота и арміи, бывшихъ безъ вождей, не удивляетъ слабость конституціоннаго министерства, хотя его члены умны, честны и одушевлены самыми лучшими наміреніями. Эти люди не имѣютъ никакого уваженія на лица и на вещи, и повинуются только чувству долга, гонимыя, безъ всякой надежды на успѣхъ, склонить Пиемонтъ къ сохраненію неаполитанской автономіи, очищенной свободными вѣженіями. Эти слова *Revue des deux Mondes* вызвали особую статью въ газетѣ *Constitutionnel*, гдѣ стараются всѣми способами доказать, что эта характеристика самымъ приличнымъ образомъ прилагается къ июльской монархіи. Можетъ-быть и

такъ, но публицистъ, пишущій въ *Revue des deux Mondes*, очевидно мѣтилъ не на Францію Людовика-Филиппа... Впрочемъ, мы вратимся къ Неаполю.

Сосѣднія государства смотрятъ на Неаполь, какъ на родъ, не имѣющій ни властей, ни правленія: сардинское правительство высаживаетъ въ столицу своихъ берсальеровъ, у которыхъ происходитъ столкновение съ неаполитанскими солдатами за что пьемонтскій кабинетъ, нисколько не церемонясь, требуетъ удовлетворенія и получаетъ его. Національная гвардія въ городѣ порядокъ, но не обнаруживаетъ ни малѣйшаго отвѣтственности къ династіи. Начальникъ національной гвардіи Кутрофіано и коммандантъ Кутрофіано возбуждаютъ неудовольствіе національной гвардіи, такъ и самого министерства; король предлагаетъ дать имъ отставку; король сначала не соглашается, тогда всѣ министры подають въ отставку, и король обращается къ братьямъ Уллоа; но имъ не удается составить новое министерство, и прежніе министры остаются при своихъ постахъ, а генералы Искителла и Кутрофіано сменяются господами Соже и Видья. Затѣмъ король обратился къ министерству предложеніемъ составить меморандумъ о положеніи дѣлъ въ Неаполѣ. Отвѣтомъ на это былъ коллективный со стороны министерства и всего генералитета совѣтъ королю оставить королевство. Францискъ не согласился. Тогда предложены были два плана обороны: встрѣтить непріятеля между Салерно и Капуей, или очистить Неаполь и дать сраженіе близъ Капуи. Выборъ палъ на послѣднее, потому что сама Гаэта и позиція Капуи гораздо вѣрнѣе и сильнѣе, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніи. Король оставилъ Неаполь. По отбытіемъ своимъ, онъ пытался было отправить свой флотъ въ Триестъ и отдать его во власть австрійскому императору; но министерство воспротивилось этому, а всѣ адмиралы, штабъ и офицеры флота объявили, что они въ такомъ случаѣ вину будутъ ослушаться короля, такъ какъ флотъ принадлежитъ Австріи вовсе не намѣренъ (1). Такимъ образомъ флотъ перешелъ къ Гарибальди. Капую и Гаэту, какъ мы знаемъ изъ послѣднихъ телеграммъ, столь же мало защищали, какъ Неаполь и Салерно. Король, какъ сообщено телеграфомъ, уже отправился въ Венецію. Министерство, однако, оставалось при своихъ постахъ до послѣдней минуты. 7-го сентября, Гарибальди, къ торжественной встрѣчѣ котораго Неаполь открыто готовился за нѣсколько

(1) Телеграфъ сообщаетъ извѣстіе, будто въ Неаполѣ найдено въ вѣстникѣ Гарибальди письменное повелѣніе короля бомбардировать и выпустить каторжниковъ на волю.

вступилъ въ столицу Обвизъ Сицилїи. Вся власть теперь въ его рукахъ; всѣ средства страны, ея армія и флотъ покорны его волѣ, которая, какъ всегда, рѣши тельна и въ то же время благоразумна. Тотчасъ по вступленіи въ городъ, онъ установилъ правленіе, и г. Либерио Романо удержалъ въ новомъ кабинетѣ свой портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней отдыха и необходимой организаціи войска и гражданского порядка, Гарибальди намѣренъ идти далѣе, и только съ высоты Квиринальскаго холма общается провозгласить дѣйствительное приложеніе освобожденныхъ областей къ Сардинскому королевству.

Генераломъ Ламорисьеромъ овладѣваетъ нѣкоторое сомнѣніе въ своей непобѣдимости; онъ поглядываетъ на крѣпости; онъ недоволенъ австрійскими укрѣпленіями Анконы, велитъ ихъ передѣлать, потомъ мѣняетъ мнѣніе и оставляетъ крѣпость какъ она была. Затѣмъ онъ стягиваетъ свои разноязычныя и чень не дружелюбныя между собою орды къ Анконѣ, причѣмъ города Урбино, Пезаро, Фано, Монтефельтро, остаются почти безъ гарнизона. Въ нихъ вспыхиваетъ возстаніе, и революціонное движеніе поддерживается волонтерскими отрядами генерала Розелли, того самаго Розелли, подѣ начальствомъ котораго Гарибальди былъ въ 1848 году при осадѣ Рима. Новое событіе общественной важности ставитъ Ламорисьера между двухъ огней: корпусъ сардинской арміи переступаютъ границу Папской области. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, повидимому и французское правительство нѣсколько потеряло голову; оно не знаетъ, какъ ему быть съ папой, съ Римомъ и съ своими обязательствами. Императоръ Французовъ общалъ Англіи дѣйствовать сообща съ нею, до послѣдней возможности держась на Апеннинскомъ полуостровѣ принципа невмѣшательства. Въ этомъ духѣ французское правительство и направляло до сихъ поръ свою итальянскую политику, стараясь въ то же время, черезъ обязанный ему какъ бы зависящій отъ него Пьемонтъ, сохранять свое тайное значеніе и преобладаніе въ дѣлахъ Италїи: подѣ его вліяніемъ сардинское правительство приняло нѣсколько мѣръ, которыя неслѣдственно поразили итальянскихъ патриотовъ и показались многимъ такъ бы производившіемъ генералу Гарибальди.

Министерство графа Кавура, съ самаго дня марсальской высадки, старалось держаться политики выжиданія, подѣ рукой сочувствующаго почти помогающаго предпріятію Гарибальди. Недавнія мѣры министерства противъ открытаго набирнаго волонтеровъ въ Генуѣ, противъ волонтеровъ Никотеры, равно какъ и высадка берсальеровъ въ Неаполѣ, главнѣйшимъ образомъ приняты были подѣ вліяніемъ французскаго правительства. Иные, впрочемъ, думаютъ, будто послѣднихъ дѣйствій министерства участвовала немного

и *jalousie de métier*, будто Кавуру было нѣсколько досадно, что не онъ управляетъ италіанскимъ движеніемъ, что не онъ стоитъ во главѣ его.... Какъ бы то ни было, сардинское правительство принято было нѣсколько мѣръ, повидимому репрессивныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Фарини, и самый Фарини, котораго прочли въ южно-италіанскіе диктаторы, циркуляромъ своимъ воспретилъ производить наборы волонтеровъ для сицилійскаго диктатора, вслѣдствіе чего докторъ Гарибальди оставилъ Геную. Другой циркуляръ министра Фарини зывалъ волонтеровъ въ сардинскую службу; впрочемъ, движеніе волонтеровъ въ Сицилію не прекратилось и правительство диктатору этому не препатствовало. Въ Тосканѣ, при участіи самого диктатора Риказоли, баронъ Никотера собралъ отрядъ волонтеровъ для экспедиціи противъ Папской области: сардинское правительство противилось этой экспедиціи; баронъ Никотера два раза былъ задержанъ подъ арестъ и два раза освобождается; Замбьанки, начальникъ первой экспедиціи въ Церковную область, и до сих поръ находится въ заключеніи во Флоренціи; въ Генуѣ было даже столкновеніе между волонтерами и войскомъ; изъ Ливорно экспедиція почти силой была отправлена въ Сицилію. Впрочемъ, и Гарибальди, понимая опасность преждевременной высадки и дѣльности дѣйствій, встрѣтивъ ночью ливорнскую экспедицію, самъ отвелъ ее къ острову Сициліи. Наконецъ, какъ мы уже сказали, въ Неаполь высаженъ былъ отрядъ берсальеровъ, и въ случаѣ отреченія Франциска, упрочить сардинское владѣніе королевствѣ; но Францискъ держался (хотя и бездѣйственно) до послѣдней минуты, и предпріятіе не удалось (1). Притомъ, и самъ Гарибальди не придавалъ этому предпріятію серіознаго значенія. Сардинское правительство измѣнило свою политику, или попросту говоря, шло наконецъ снять съ себя маску, вызвавъ открытымъ французскаго правительства и энергическій протестъ въ Англіи и Россіи. Ожидая съ часу на часъ вступленія Гарибальди въ Папскую область, сардинское правительство рѣшилось обратиться къ диктатору: два корпуса Чіальдини и Фанти перешли въ Сицилію; Фарини отправился туда управлять общимъ движеніемъ; самъ король приметъ начальство надъ войскомъ. Папское правительство совсѣмъ растерялось: самъ папа возлагалъ на

(1) Самъ Гарибальди, впрочемъ, по вступленіи своемъ въ Неаполь, послалъ другому отряду берсальеровъ, бывшему еще на судахъ, въ городъ, хотя въ то же время арестовалъ, за превышеніе власти, одного изъ членовъ комитета присоединенія, слишкомъ далеко зашедшаго въ усердіи къ сардинскому правительству. Съ другой стороны, Гарибальди назначилъ командира сардинской эскадры, Персано, начальникомъ неаполитанскаго флота.

на Ламорисьера, а кардиналъ Антонелли не давалъ ему ни денегъ, ни свободы дѣйствій. Теперь правительство святѣйшаго отца невольно чувствуетъ, что пробили его послѣдніе часы. Сардинское правительство, для введенія войскъ въ Папскую область, воспользовалось пустымъ предлогомъ, что римское правительство не распускаетъ иностранной арміи, содержаніе которой противорѣчитъ будто бы принципу невмѣшательства, а кардиналъ Антонелли оправдывается тѣмъ, что иностранныя дружины были набраны папскимъ правительствомъ, по совѣту Франціи и Австріи. Военныя дѣйствія уже открылись: 1.600 плѣнныхъ находится въ рукахъ Пиемонтцевъ, Перуджіа взята съ боя.

Популярность Гарибальди растетъ непрерывно. Онъ могущественно поднялъ италіанское движеніе; онъ стоитъ во главѣ его, онъ увлеченъ имъ, онъ весь преданъ ему. Боялись, чтобы Гарибальди не поддавался вліянію другихъ агитаторовъ, — боязнь такого вліянія выставлена была даже какъ одна изъ причинъ дѣятельнаго вмѣшательства сардинскаго правительства въ италіанское движеніе. Но вліяніе Мадзини, на которое боѣ всего указывала туринская офиціальная журналистика, оказалось призрачнымъ: самъ агитаторъ, въ нѣсколькихъ печатныхъ письмахъ своихъ, резко разграничиваетъ свой образъ дѣйствій съ образомъ дѣйствій калатафимскаго побѣдителя. У Мадзини и у Гарибальди одна общая мысль — освободить Италію; но затѣмъ пути ихъ расходятся далеко, и Гарибальди, нисколько враждуя съ Мадзини, вовсе не слѣдуетъ его совѣтамъ. Не менѣе призрачно и вліяніе другихъ лицъ на Гарибальди. Правда, такъ какъ нельзя болѣе коротокъ съ своими приближенными. Любовь ихъ и преданность къ нему превосходитъ минутами всякое ображеніе. Но нѣтъ человѣка по словамъ одного изъ корреспондентовъ газеты *Times*, съ которымъ онъ дѣлилъ бы свою верховную власть; нѣтъ человѣка, который былъ бы допущенъ къ самымъ тайникамъ его мыслей. Одно только сердце его раскрито для всѣхъ. Умомъ своимъ владѣетъ онъ одинъ, безразлично, и воля его не терпитъ ни сомнѣній, ни противорѣчій. До ры до времени онъ молчитъ и охотно выслушиваетъ замѣчанія совѣты; потомъ, взвѣсивъ все имъ слышанное, и подвергнувъ жія мнѣнія собственной критикѣ и соображенію, Гарибальди тогда настанетъ минута для дѣйствія, какъ будто осязая вдохновеніемъ, начинаетъ дѣлать свои распоряженія, одно другаго вѣдательнѣе по смѣлости и глубинѣ соображенія, тихимъ и окончательнымъ голосомъ отдавая свои приказанія, которыя, слѣдующимъ изумительной быстротѣ одно вслѣдъ за другимъ, хватаются бы на лету и исполняются непрекословно, имѣя весь характеръ изреченія судьбы и не допуская разсужденій.

Въ частной жизни Гарибальди добродушенъ, простъ, обходителенъ, любезенъ. Даже въ настоящую кампанію его были минуты, когда онъ весь отдавался друзьямъ, отдохновенію, веселымъ и задумчивымъ бесѣдамъ, воспоминаніямъ прошлаго, музыкѣ, пѣнію, литературѣ. Спеціальный корреспондентъ газеты *Трибуна* разказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что въ самую жаркую пору военныхъ приготовленій въ Фаро (Маякѣ), онъ застаётъ однажды Гарибальди въ самомъ поэтическомъ настроеніи. Генералъ, поздоровавшись съ своимъ англійскимъ гостемъ, декламировалъ ему извѣстную *Письмъ Смерти* (*Carne della Morte*) итальянскаго поэта Уго Фосколо (1776—1827), и за завтракомъ состоявшимся изъ чашки кофе и нѣсколькихъ сухарей, онъ продолжительно бесѣдовалъ о преимуществѣ бѣлыхъ и вольныхъ солдатъ (*versì sciolti*) передъ рюмованными. Другой корреспондентъ той же газеты передаетъ интересный разказъ объ одномъ днѣ, который проведенъ былъ диктаторомъ въ тишинѣ дружескаго разговора. 16-го августа, Гарибальди посѣтилъ Палермо. Въ это время уже было готово къ повѣторенію высадки гарибальдінскаго континента въ широкихъ размѣрахъ, и 17 числа Гарибальди явился въ Мессину отдать послѣднія приказанія. Передъ этимъ имѣлъ весь характеръ увеселительной поѣздки. На пароходѣ *Амазонка* собрались люди самыя близкіе Гарибальди, разлучные спутники и товарищи всѣхъ его экспедицій и вратностей его судьбы. Тутъ былъ, между другими, и Алессандро Векки, литераторъ, не разъ дававшій убѣжище Гарибальди въ своей виллѣ Спиньола, близъ Генуи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ сопутствовалъ Гарибальди въ его плаваніи въ южную часть континента и вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Апельсинномъ заливѣ (*golfo degli Aganci*), на сѣверо-восточномъ берегу Сардиніи, гдѣ приготовлена была экспедиція на Панскую бухту, но направленная диктаторомъ на островъ Сицилію. На пароходѣ было тоже нѣсколько дамъ. Гарибальди съ довольно селымъ и счастливымъ видомъ переходилъ отъ одной группы къ другой, находя для каждаго какое-нибудь любезное привѣтствіе. Какъ истинный знатокъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ игру и пѣніе одной изъ дамъ, высказывалъ присутствующимъ сожалѣніе, что Италія не имѣетъ еще одной общенациональной пѣсни, въ родѣ *Marseillaise* или *God save the King*, и, наконецъ, самъ пропѣлъ глубокимъ и мягкимъ голосомъ пѣсню, которой хоромъ вторили всѣ, кто только звалъ себя итальянцемъ. Италія обращается къ дѣтямъ своимъ между прочимъ слѣдующими словами :

- Via, toglietemi dal capo
La corona delle spine;

Che una volta almen sul crine
Splenda il serto del valor.

Son l'Italia e son risorta,
Le catene ho tutte infrante,
Sorgerò come gigante,
Al richiamo dell' onor.

Fui signora delle genti;
Poi fui schiava e piansi tanto;
Per piu secoli di pianto
Questo di compenso arrà.

Tutti all' armi, o figli miei!
Tutti uniti in una schiera!
Benedetta la bandiera
Che à pagnar li condurrà!

Dal Cenicio alla Sicilia,
A noi splenda libertà (1).»

Въ этотъ день Гарибальди посѣтилъ свой милый островъ Ка-
перу, близъ острова Магдалины, у входа въ проливъ Бонни-
чю, отдѣляющій Сардинію отъ Корсики. Взобравшись на кру-
й утесъ, диктаторъ внезапно окруженъ былъ со всѣхъ сто-
нъ вѣрноподанными своими — стадами овецъ и коровъ. Онъ
велъ спутниковъ по своимъ необширнымъ владѣніямъ, бро-
лся всюду, всѣмъ любовался, все расхваливалъ и всему радо-
лся какъ ребенокъ. Взглянувъ на островокъ насупротивъ Ка-
перы, Гарибальди убѣждалъ Векки промѣнять на него свою ге-
векскую виллу и мечталъ о томъ, какъ они устроятъ между со-
ю воздушную корреспонденцію изъ окна въ окно и пр. При-
имная по этому поводу Аристида, Фабриція, Цинцинната, кор-
респондентъ *Times* восторженно восклицаетъ, что ни въ древ-
нѣ, ни въ новомъ мѣрѣ не было и нѣтъ такого простаго, без-
ыстнаго и добродушнаго героя, какъ Гарибальди.

Въ отсутствіе диктатора было нѣсколько непріятныхъ столкно-
вѣн въ Мессинѣ. Со стороны запертаго въ цитадели неаполи-
скаго гарнизона было желаніе попытаться бомбардировать
юдь, были вооруженныя вылазки, кончавшіяся, впрочемъ, не-
значительными перестрѣлками. Еще непріятнѣе былъ случай съ
нимъ французскимъ пароходомъ: какое-то неаполитанское во-
е судно, прикрывшись французскимъ флагомъ, спокойно и

) - Далеко сбросьте съ головы моей вѣнецъ терновыхъ: пусть хоть разъ
засуется на челѣ моемъ вѣнецъ доблести. Я Италия, я воскресла; цѣпи
аны; гигантомъ поднимусь я на зовъ чести. Я была царницей на-
вь; потомъ была рабой и стонала долго; но послѣ столькихъ вѣковъ сте-
нѣ настаетъ время возмездія. Всѣ къ оружію, сыны мои! соединитесь въ
днѣ строй! Благословенно знамя, которое поведетъ васъ на брань.
Альповъ до Сициліи блещетъ намъ свобода.

безопасно подошло къ Фаро, гдѣ продолжались еще работы и вдругъ повернувшись бортомъ къ берегу, дало залпъ изъ своихъ орудій. Выстрѣлы съ береговыхъ батарей, впрочемъ скоро принудили его удалиться; но черезъ нѣсколько времени приблизилось еще военное судно подъ французскимъ флагомъ: подъ вліяніемъ досады за первый обманъ и не желая вѣстись въ новую ловушку, гарибальдійцы открыли огонь по раблю, который однако оказался дѣйствительно французскимъ. Ошибку открыли только послѣ выстрѣла. Г. Депретисъ, узнавъ о этомъ несчастномъ случаѣ, успѣшилъ объяснить дѣло французскимъ властямъ и самъ предложилъ удовлетвореніе за оскорбленіе дружескаго флага. Финансовое положеніе правительства очень затруднительно. Недавно министерство финансовъ прислало г. Депретису 500.000 франковъ вспомогательнаго вѣданія; но эта сумма совершенно ничтожна въ сравненіи съ огромными нуждами новаго правительства. Въ послѣднее время диктаторъ заключилъ, какъ мы говорили, внутренний заемъ на 68.000.000 фр. по 5% съ 95. Вѣроятно теперь, когда власть Гарибальди такъ значительно расширилась, когда онъ поведываетъ надъ всею южною Италію, кредитъ для него наконецъ открытъ и доктору Бертани, который былъ недавно въ Сициліи и встрѣчаемъ былъ восторженными восклицаніями народа и почестями со стороны волонтеровъ (не смотря на гражданское платье), удастся наконецъ заключить какой-нибудь серьезный внѣшній заемъ. Между тѣмъ новое сицилійское правительство встрѣчаетъ на пути своемъ не одни только затрудненія. Нѣсколько уже разъ, со времени вступленія Гарибальди въ Палермо, приходилось посылать отряды волонтеровъ внутрь Сициліи для подавленія безпорядковъ. Въ цѣлыхъ числахъ августа крестьяне Монтемаджіоре возмущены власти и духовенство, при чемъ, по словамъ туринскаго корреспондента французской газеты *Presse*, священники и двадцать дворянъ были убиты. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, нельзя винить италяинское движеніе: всѣ подобныя безпорядки впрочемъ очень рѣдкіе, легко объясняются грубымъ невежествомъ народной массы, которое, въ свою очередь, порождено давнимъ деспотизмомъ.

О главной высадкѣ гарибальдійцевъ 19 августа, подъ руководствомъ самого диктатора, у мѣстечка Спартивенто, дадимъ слѣдующія подробности у спеціальнаго корреспондента *Times*:

Все было готово къ отплытію (отъ Джіардини); войска были посажены на корабли, какъ вдругъ на пароходѣ Фран-

ылась течь. Людей нужно было снова высадить на берегъ искать попорченное мѣсто. Была ночь, и матросы колебались кинуться въ воду. Гарибальди объявилъ, что онъ самъ ищетъ это мѣсто. Тогда 20 человекъ мгновенно кинулись въ воду. Но поиски были тщетны и пришлось положиться на одну изъ помпъ. Кое-какъ выкачали воду, но не всю. Это, однако, установило Гарибальди: онъ снова посадилъ войска на пароходъ, напомнивъ имъ, что не такъ давно они еще и не на такихъ судахъ совершали свои экспедиціи, и оба парохода, *Франклинъ* и *Торино*, тронулись. *Торино*, тяжело нагруженный двумя тысячами человекъ и множествомъ снарядовъ, не выдержалъ и утонулъ у берега. Тамъ же высадка началась въ небольшой бухтѣ къ западу отъ мыса Спартивенто. И признака Неаполитанцевъ не было замѣтно на берегу; высадка совершилась совершенно незаметно. Но за то надежда, что облегченный неаполитанскій пароходъ удержится на поверхности, не осуществилась: *Торино* до половины погрузился въ воду. *Франклинъ* около полуночи успѣлъ спасти его, но безуспѣшно, и Гарибальди приказалъ *Франклину* вернуться въ Мессину. На пути своемъ, чтобы обойти мысъ Арми, этотъ пароходъ встрѣтился съ двумя неаполитанскими фрегатами, спѣшившими въ направленіи къ Мессинѣ. *Франклинъ* поднялъ свой американскій флагъ, прошелъ мимо и благополучно прибылъ въ Мессину. Неаполитанцы были сосредоточены совершенно какъ подъ Палермо. Они сосредоточили свои силы отъ Реджіо берегомъ моря вверхъ по мысамъ Пеццо, Миди-Кавалло, Сциллѣ, Баньярѣ, Пальми и до Монтелеоне, какъ видно, готовили они самое серьезное сопротивленіе. послали 1800 человекъ въ поиски за двумястами гарибальдцевъ, оставивъ прочую часть берега безъ защиты. Они какъ и не воображали, чтобы можно было окружить островъ и переплыть пролива. Даже насчетъ самаго Реджіо они были покойны, что оставили для его защиты всего только войска, въ томъ числѣ четыре стрѣлковыя. Вечеромъ, на 20 число, сигнальные огни на высотахъ вокругъ города, возвѣстили обоимъ берегамъ пролива, что Гарибальди двинулся. 20 числа Гарибальди былъ уже подъ Реджіо; городъ въ то время имѣлъ 1500 чел. національной гвардіи, которая готова была соединиться съ диктаторомъ; 700 чел. королевскаго гарнизона находились внѣ черты города, жители котораго настаивали на томъ, чтобы войска вышли изъ города, и чтобы сохранилась такимъ образомъ частная собственность и безопасность гражданъ. 21 числа, какъ только можно было замѣтить, началось движеніе подъ Реджіо, дивизія Козенца, согласно приказамъ диктатора, съѣхала на суда у Фаро при полномъ днев-

номъ свѣтѣ, въ виду четырехъ неаполитанскихъ крейсеровъ, и намѣреніи высадиться на континентъ. Неаполитанскіе пароходы приблизились тогда къ форту Фиумара, въ направленіи къ которому плыла экспедиція, и открыли по ней огонь, поддерживаемый огнемъ фортовъ Фиумары, Спиллы и Пеццо. Тогда, въ первый разъ открыли свой огонь и батареи Фаро. Въ то же время бригада дивизіи Тюрра, съѣзъ на пароходы *Англійская Королева Франклинь* и *Сидни Голлс* (1), готова была къ отплытію; большой неаполитанскій фрегатъ подошелъ къ самой бухтѣ и совершенно заградилъ выходъ изъ нея.

Высавивъ отрядъ свой (въ 5000 чел.), Гарибальди тотчасъ послалъ отыскивать тѣхъ 200 человекъ, которые первые пришли къ калабрійскому берегу и которые, какъ назалось корабельному денту, овладѣли будто бы фортомъ у мыса Пеццо. Ихъ отыскать въ трехъ часахъ пути отъ мѣста высадки, близъ Аспромонте. Когда въ началѣ августа, эта пробная, передовая высадка вышлась къ отплытію, руководителемъ ея вызвался быть итальянскій дворянинъ, баронъ де-Муссолино, общающійся и артиллеристовъ, и инженеровъ, и артиллеристовъ. Но первую же задачу экспедиціи было одно то, что высадка произведена была на той рѣкѣ (Fiumara), которая протекаетъ у самой крѣпости Вьянны Рьянны (Alta Fiumara), а на другой, нѣсколько пониже. Водниковъ не оказалось на мѣстѣ высадки; послали отыскивать ихъ направо и налево; посланные наткнулись на неаполитанскія патрули, завязалась перестрѣлка, поднялась общая тревога; отряду пришлось искать убѣжища въ горахъ. Часть его вышлась вверхъ по теченію рѣки и достигла уединенной скалы *Кашила де-Фарестани*, на одномъ изъ скатовъ Высокой Горы (Monte Alto), между Санта-Эмилія и Санъ-Стефано, куда спускались всѣ остальные, за исключеніемъ, впрочемъ, пяти человекъ, которые, вѣроятно, заблудились и попали въ руки Неаполитанцевъ. Отсюда отрядъ гарибальдскій пробовалъ предпринять какое-нибудь движеніе, чтобы только выйти изъ томительнаго бездѣйствія и доходить до Баньяры; но увидѣвъ полную невозможность дѣйствовать, не имѣя никакой точки опоры, и снова спускался въ своей *Фермъ* (cascina), гдѣ окрестные жители снабжали гарибальдцевъ всѣмъ нужнымъ.

Неаполитанская колонна въ 1.800 чел., долго и тщетно искавшая этотъ первый калабрійскій отрядъ гарибальдскій, наконецъ, на его слѣдъ и приблизилась къ Аспромонте; но погонять его въ горахъ не рѣшилась. Волонтеры отступили

(1) *Торинно*, кажется, захваченъ былъ Неаполитанцами прежде чѣмъ пароходъ *Карль-Альбертъ* успѣлъ спасти его, и сожженъ ими.

къ Санъ-Лоренцо, на южномъ склонѣ Аспромонте, въ окрестностяхъ Мелито. Не желая обременять небольшое населеніе мѣстечка (въ 3000 жит.) своимъ содержаніемъ, они посылали отъ себя партіи въ разныхъ направленіяхъ для «уражировки», и одна изъ такихъ партій случайно подошла къ аванпостамъ главнаго отряда гарибальдійцевъ. Тотчасъ же дано было знать въ Санъ-Лоренцо: но волонтеры Миссорри, какъ ни спѣшили, успѣли присоединиться къ диктатору только подъ Реджію, когда ужъ началась битва.

«Если, говоритъ корреспондентъ, неудача первой попытки взять фортъ Фіумару обезкуражила маленькій отрядъ волонтеровъ, то, съ другой стороны, ихъ высадка, повсемѣстнымъ приготовленіямъ Гарибальди, рекогносцировка отряда на Баньяру, столько же (если не болѣе) обезкуражили и Неаполитанцевъ: имъ казалось, еще за долго передъ тѣмъ какъ диктаторъ высадился въ Мелито, что гарибальдійцы высаживаются и въ Канителло (лѣво отъ Реджію), и въ Біанки, и въ Джераче Бовелина (на восточномъ берегу) и др., а когда высадка произведена ужъ была въ самомъ дѣлѣ, Неаполитанцевъ тутъ-то и не случилось, чтобъ ей воспрятствовать.»

Не теряя времени, Гарибальди изъ Мелито, черезъ Баньяру, отправился берегомъ моря, прямо къ Реджію. «Онъ раздѣлялъ свои силы на три колонны. Реджію, какъ и всѣ города, выстроены на бухтахъ, имѣютъ продолговатую форму, хотя и захватываетъ окружающіе холмы, которые надъ нимъ господствуютъ. Прежде всего, поэтому, надо было овладѣть высшими пунктами города и холмами. Главная атака, подъ предводительствомъ самого Гарибальди, поведена была именно въ этомъ направленіи, въ то время какъ Биксію дѣйствовалъ на центрѣ позиціи Неаполитанцевъ, у рѣки передъ городомъ, прямо на ведущій къ Реджію врезъ рѣку мостъ, а лѣвое крыло держалось берега. Рѣшено и было у Неаполитанцевъ не сражаться очень упорно, или они или обезкуражены какимъ-либо другимъ обстоятельствомъ— только они очень скоро подались въ центрѣ и на правомъ флангѣ. Только на лѣвомъ сдѣлана была ими попытка серьезнаго сопротивленія. Подоспѣвшій на помощь Гарибальди занялъ съ нѣсколькими солдатами одну изъ фермъ (casone) противъ неаполитанской позиціи, пока подошло подкрѣпленіе для атаки холоднымъ оружіемъ. При первомъ же натискѣ, Неаполитанцы уступили, и колонна гарибальдійцевъ вошла въ городъ, гоня передъ бою королевцевъ, которые въ страхѣ бѣжали на противоположный конецъ Реджію. Между тѣмъ Биксію, съ своей стороны, одиѣ по главной улицѣ на площадь собора (Piazza di Duomo) и отрѣзывалъ отступленіе Неаполитанцамъ, бѣжавшимъ ему

на встрѣчу. Бѣглецы бросились тогда къ верхней части горѣ и, на выходѣ изъ переходной улицы въ верхнюю улицу, идущую параллельно съ главной колонной, наткнулись на колонну Гарибальди (праваго фланга). Волонтеры хотѣли атаковать ихъ, но были удержаны генераломъ, который думалъ, что королю найдутъ выше: но они, вмѣсто того чтобы подыматься и идти, пустились бѣжать во все стороны, преслѣдуемые волонтерами и попадали въ плѣнъ кучками въ 20 и 30 человекъ; остальные разсыпались и бѣжали въ направленіи къ Санъ-Джіованни. Гаритакимъ образомъ былъ очищенъ менѣе чѣмъ въ два часа пространство отъ перваго выстрѣла. Удержался одинъ только фортъ.»

При первомъ же выстрѣлѣ у Реджіо, Козенцъ тронулся своею экспедиціей (въ 90 судовъ) отъ Фаро къ противоположному берегу. Неаполитанскіе пароходы послали при этомъ несколько безвредныхъ выстрѣловъ по возвращавшимся пароходамъ. Одновременно съ этимъ, Гарибальди блокировалъ гавань Реджіо, и послѣ непродолжительной перестрѣлки заставилъ гарнизонъ сдать на капитуляцію, выйти изъ форта съ оружіемъ и багажомъ, оставивъ въ немъ снаряды и продовольствъ. Военною добычей гарибальдійцевъ было 34 орудія, 500 пушекъ съ принадлежностями, множество угля аммуниціи, продовольствія, большое число лошадей и муловъ.

По взятіи Реджіо, часть неаполитанскихъ войскъ, державшихся Монтелеоне (къ сѣверу отъ Реджіо и Никотеры), какъ оборонительной линіи, а именно летучая колонна генерала Канганти, въ 2.000 человекъ, заняла позицію близъ форта Пелли между дорогой и высотами. «Еслибы, замѣчаетъ корреспондентъ неаполитанскій генералъ желалъ самъ быть взятымъ, то онъ могъ бы выбрать удобнѣйшаго для того мѣста: обойденной стороны высотъ у Санъ-Джіованни, онъ не только могъ бы отбить съ этой стороны, но и рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ линіи своего отступленія. Положеніе этого неаполитанскаго отряда становилось тѣмъ затруднительнѣе, что корпусъ Козенца, двинувшись на берегъ, занялъ въ это время высоты.» Гарибальди двинулся изъ Реджіо со всѣми, кто только могъ за нимъ следовать, занявъ главными силами линію холмовъ у Санъ-Джіованни, послалъ генуэзскихъ карабинеровъ и двѣ роты альпійскихъ стрѣлковъ на линію отступленія Неаполитанцевъ. Со всѣхъ сторонъ двинулись на врага волонтеры, приближавшись къ вооруженный выстрѣлъ. Неаполитанцы открыли по наступавшимъ пушечный и ружейный огонь: волонтеры не отвѣчали—цѣль была достигнута, такъ какъ королевцы были окружены со всѣхъ сторонъ, и имѣли только море позади себя. Въ началѣ они еще не понимали безвыходности своего положенія, и первыя

ь отъ Гарибальди, направлявшійся къ нимъ съ бѣлымъ фла-
 гомъ въ рукахъ, былъ пронзанъ ихъ пулями. Скоро, однако,
 она открылась, и былъ присланъ парламентаръ уже съ ихъ
 юны просить перемирія. Отвѣтомъ Гарибальди было катего-
 рическое требованіе, чтобы весь отрядъ сдался военнопленными.
 возвращеніи къ Неаполитанцамъ ихъ парламентаря, разка-
 иетъ корреспондентъ, въ отрядѣ замѣтно стало сильное вол-
 е; солдаты и офицеры говорили всѣ вдругъ, и сильно раз-
 ывали руками. Совѣщаніе тянулось довольно долго. Наконецъ
 ались крики: «Да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ
 ия!» Парламентаръ пришелъ принять отъ имени начальника
 а условия сдачи. Гарибальди вошелъ тогда самъ въ толпу
 олтанцевъ и былъ почти задушенъ ихъ объятіями; солда-
 офицеры и самъ генералъ Бриганти, всѣ перемѣшались въ
 ѣ общемъ порывѣ. Восторгъ Неаполитанцевъ дошелъ до выс-
 степени, когда имъ объявили, что они могутъ, если хотятъ,
 ратиться по домамъ. Всѣ бросили свое оружіе и пустились рас-
 ться кучками. Къ ночи весь отрядъ разбрѣлся во всѣ сторо-
 2.000 ружей съ зарядами, 4 полевыхъ орудія и 10 крепост-
 ь орудій въ фортѣ достались побѣдителю. Но важнѣе всего
 нравственное вліяніе этой военной сдачи цѣлаго отряда,
 раченіе домой 2.000 солдатъ, обожающихъ Гарибальди, и
 ное положеніе, занятое волонтерами насупротивъ, такъ какъ
 ы Сцилла и Фіумара тоже сдались гарибальдійцамъ.»

о словамъ корреспондента, приемъ Гарибальди въ Калабрію,
 юбенно въ Реджію, теплотой и задушевностью (cordiality),
 ко превосходитъ приемъ сицилійскій. «Ничто не можетъ сра-
 ься, говоритъ онъ, съ энтузіазмомъ, наивностью этихъ до-
 къ Калабрійцевъ. Они глядятъ на Гарибальди какъ на сво-
 мессію, и рѣшительно готовы идти за него въ огонь и воду,
 бы только они знали, что они могутъ сдѣлать для него и
 его сподвижниковъ, и какъ сдѣлать. Они безпомощны и не-
 жи до послѣдней степени; первобытность, патриархаль-
 ь ихъ идей, нравовъ, обычаевъ и образа жизни поража-
 вать, правда, удивленіемъ, но нельзя и сомнѣваться въ до-
 ность (excellence) ихъ натуры, въ неподдѣльность ихъ до-
 воли.» Красота калабрійской природы восхищаетъ коррес-
 ента не менѣе добраго характера ея обитателей. «Какая не-
 ая страна! восклицаетъ онъ: какіе великолѣпные и далекіе
 открываются при каждомъ поворотѣ! какія обширныя про-
 ства земли и моря! какая чистота воздуха въ прохладные,
 ь холодные часы утра, когда пылъ не вздымается еще копы-
 нашихъ коней! Съ каждымъ новымъ шагомъ нашимъ отъ
 ва, страна казалась все цвѣтуще; растенія отличаются

здѣсь невообразимою роскошью; стволы оливковыхъ деревьевъ выше здѣсь чѣмъ въ Генуэзской области, или на холмахъ Фракатти и Тиволи. Природныя богатства страны по истинѣ безсрѣдѣльны, и народъ живетъ очень хорошо, несмотря на старое правительство заглушить всѣ источники народнаго благосостоянія. За то торговля и промышленность въ такомъ упадкѣ, что и народъ совсѣмъ нѣтъ серебряной монеты. Мы должны были отказаться отъ всякихъ покупокъ и издержекъ, потому что не могли получать сдачи на *наполеондоры*, ни даже на неаполитанскія *пиастры*.

Подробности о дальнѣйшемъ движеніи Гарибальди на Капри, за неизмѣнимъ въ настоящую минуту подъ руками общеполитическихъ объ этомъ движеніи корреспонденцій, отлагаемъ слѣдующей книжкѣ, а теперь заключимъ нашу статью фактами, не лишенными значенія. Сардинскій министръ Фонтане, въ засѣданіи комиссіи государственнаго совѣта, произнесъ рѣчь о будущемъ устройствѣ соединенія Италіи, и въ рѣчи развилъ ту же идею о децентрализаціи, которую защищалъ г. Маттеучи (1). Это единомысліе передовыхъ людей италійскаго возрожденія, это видимое отвращеніе ихъ отъ бюрократической рутинной администраціи, не можетъ не порадовать всакаго, не равнодушнаго къ будущимъ судьбамъ Апеннинскаго полуострова. Съ другой стороны, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Италіи замѣтно сильное революціонное движеніе, которому, кромѣ прочаго, данъ былъ толчокъ секвестровкой имущества отлучившихся изъ имперіи безъ разрѣшенія правительства. Въ при этомъ приметъ серіозный характеръ и венгерское движеніе. Австріи, должно думать, придется плохо противъ соединенныхъ силъ свободной, независимой и восторженной Италіи...

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 13.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1860 ГОДЪ

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К°.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го іюля 1860 года.

Цензоръ *И. Гиллротъ-Платоновъ.*

ПОВОВЪ МИСТЕРА ГИЛЬФИЛЯ

ПОВѢСТЬ ДЖОРДЖА ЭЛИОТА (1)

ГЛАВА I.

гда, тридцать лѣтъ тому назадъ, умеръ старый мистеръ
илъ, весь Шеппертонъ искренно оплакивалъ его; и еслибы
и кафедра не были обтянуты чернымъ сукномъ, по рас-
сѣнію его племянника и главнаго наследника, прихожане
мѣнно бы сложились, для того чтобы не былъ упущенъ
знакъ уваженія къ его памяти. Всѣ фермеры облеклись
рную бумагею, и мистрисъ Дженингсъ, съ Верчи,
ргласъ строжайшему порицанію за то, что въ первое
скресенье послѣ смерти мистера Гильфиля явилась въ
въ въ розовыхъ лентахъ и зеленой шали. Конечно, мистрисъ
нгсъ была новопріѣзжая и горожанка, а потому и ожидае
ея нельзя было, чтобъ она имѣла ясное понятіе о томъ
слично и что неприлично; но, какъ справедливо замѣтила въ
юса мистрисъ Гиггинсъ, выходя изъ церкви и обращаясь
гтрисъ Парротъ, мужъ ея родился въ приходѣ, и могъ бы
гтъ, ей лучшія правила. Недостаточная готовность облекаться

*изъ Русскій Вѣстникъ № 9, приложенія, повѣсть Амось Бартокъ, того
ора.*

въ черное при первомъ удобномъ случаѣ, или слишкомъ большаю поспѣшность сбросить съ себя трауръ, свидѣтельствовали, на мнѣнію мистрисъ Гиггинсъ, о непростительномъ легкомыслии и нравственной закоснѣлости.

— Есть люди, продолжала она, — которые никакъ не могутъ разстаться съ цвѣтными своими нарядами, но въ моемъ семействѣ этого никогда не дѣлалось. Повѣрите ли, мистрисъ Парротъ со дня моей свадьбы до смерти мистера Гиггинса, чему въ Святеніе будетъ девять лѣтъ, мнѣ не случилось двухъ лѣтъ съходить не въ траурѣ.

Мистрисъ Парротъ вздохнула.

— Да, отвѣтила она, съ полнымъ сознаніемъ своей несостоятельности въ этомъ отношеніи: — не во всякомъ семействѣ столько смертныхъ случаевъ, какъ въ вашемъ, мистрисъ Гиггинсъ.

Мистрисъ Гиггинсъ, вдова почтенныхъ лѣтъ и не безъ образованія, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ согласилась съ мистрисъ Парротъ и подумала, что по всей вѣроятности мистрисъ Гиггинсъ принадлежитъ къ семейству, въ которомъ и понятіе имѣютъ о томъ, что такое порядочная и приличная похороны.

Даже замарашка мистрисъ Фрипъ, очень рѣдко посѣщая церковь, выпросила у мистрисъ Гакитъ лоскутокъ стариннаго крепа, и приколовъ этотъ знакъ сердечнаго сокрушенія своей безобразной шляпенкѣ, явилась въ церковь на похороны. Со стороны мистрисъ Фрипъ, это изъявленіе почтенія къ мистеру Гильфила не имѣло ни малѣйшаго богословскаго значенія. Причиной его былъ случай, приключившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и не побѣдившій, должно признаться, и подушія закоснѣлой старухи ко всякимъ религіознымъ истинамъ. Мистрисъ Фрипъ держала у себя пивокъ, и такъ была въ своемъ нравственнымъ вліаніемъ на этихъ своевольныхъ и своимъ умѣнемъ заставляя ихъ приниматься при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, что хотя ея собственныхъ пивокъ употребляли по подозрѣнію, что онѣ вялы и слабы, но ее всегда призывали, чтобы приставлять болѣе бодрыхъ пивокъ, исходившихъ изъ аптеки мистера Пилгрима, гдѣ (что случалось весьма часто) кто-нибудь изъ болѣзнего искуснаго мужа страдалъ отъ воспаления. Такимъ образомъ, мистрисъ Фрипъ, кромѣ своей земельки, приносившей по разчетамъ сосѣдей, никакъ не меньше полу-крони дѣлю, имѣла, благодаря своему искусству, еще другіе доходы, какіе именно, это никому не было извѣстно, — но очень порядочные по общему сужденію. Сверхъ того, она вела бойкую торговлю деицами и пряниками, искушая ими юныхъ сластолюбцевъ.

шихся у ея прилавка. И, несмотря на всѣ эти очевидные точники доходовъ, безстыдная старуха постоянно жаловалась свою бѣдность и выпрашивала всякую дрянъ у мистрисъ Гатъ, которая хотя и говорила про нее, что она лжетъ за двухъ азывала ее старою скрягой и язычницей, а въ душѣ все-таки бла-олила къ старой своей сосѣдкѣ.

— Вотъ опять эта старая жидовка идетъ ко мнѣ за чайными тьями, каждый разъ говорила мистрисъ Гакитъ; — а я, дура, даю ихъ ей, хотя они нужны для Салли, которая употребляетъ для метенья половъ.

Огу-то мистрисъ Фрипъ мистеръ Гильфиль, въ одинъ теплый красныи вечеръ, когда онъ возвращался послѣ службы изъ бляя, верхомъ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами, засталъ си-шею въ сухой канавѣ не вдалекѣ отъ своего коттеджа, ря-гъ съ огромною свиньей, которая съ довѣриемъ истинной дру-и положила ей голову на колѣни, и соннымъ хрюканьемъ, отъ-мени до времени, выражала ей свое удовольствие.

— Какъ, мистрисъ Фрипъ, сказалъ мистеръ Гильфиль, — я не-ль, что у васъ есть такая чудная свинья! У васъ къ Рожде-ну будутъ отличные окорока.

— Что вы! Богъ съ вами! Мнѣ ее два года тому назадъ далъ въ мой, и мы съ тѣхъ поръ не расстаемся съ нею. Да у меня когда на нее рука не поднимется, хотя бы мнѣ свиного сала о жизнь не пришлось отвѣдать.

— Что вы! да она совсѣмъ объѣстъ васъ. Слыханное ли дѣло ю держать свинью и прока отъ нея не ждать!

— О, она сама выкапываетъ себѣ кой-какіе корешки, и не-го мнѣ жалѣть ей крохъ и помоевъ? Мы съ нею питаемся чѣмъ-гъ послалъ. Куда я, туда и она; она хрюкаетъ, когда я говорю-нею; ни дать, ни взять, разумный человекъ.

Мистеръ Гильфиль расхохотался, и простился съ мистрисъ-ипъ, не спросивъ, надо признаться, отчего она не была въ-ривн, я не сдѣлавъ ни малѣйшаго усилія разсѣять мракъ, цар-ювавшій въ ея душѣ. Но на другой день онъ приказалъ слугъ-ему Давиду отнести ей большой кусокъ ветчины и сказать ей,-и пасторъ непременно хочетъ, чтобъ она еще разъ отвѣдала-рошаго свиного сала. И когда мистеръ Гильфиль умеръ, друшка Фрипъ выразила ему свою благодарность и свое ува-іе тѣмъ незатѣйливымъ и ненакладнымъ для себя образомъ, о-торомъ я говорилъ выше.

И чувствую, что въ читателяхъ моихъ уже зародилось подо-іе, что викарій не слишкомъ блисталъ исполненіемъ болѣе-ковныхъ своихъ обязанностей, и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ-вошеніи я могу сказать о немъ только то, что обязанности

эти онъ исправлялъ всегда не мѣшкотно. У него была цѣль кипа коротенькихъ проповѣдей, съ оборванными и пожелтѣвшими краями, и каждое воскресенье онъ, безъ разбора не обращая вниманія на содержаніе, бралъ двѣ изъ нихъ, прочитавъ одну утромъ въ Шеппертонѣ, садился на лошадь спѣшилъ въ Неблей, гдѣ онъ отправлялъ службу въ крошечной живописной церкви, устланной разноцвѣтными камнями, которымъ нѣкогда раздавались мѣрные шаги воинственныхъ монаховъ, гдѣ по высокимъ стѣнамъ висѣли старинныя и надъ блѣдными изображеніями двѣнадцати апостоловъ, и рыцари и ихъ жены съ отбитыми носами занимали болѣе часть свободнаго мѣста. Здѣсь, въ припадкѣ свойственной разсѣянности, мистеръ Гильфильтъ забывалъ иногда снять прежде чѣмъ надѣть столу, и только тогда замѣчалъ это, всходя на анвонъ, начиналъ чувствовать, какъ что-то сцеплялось за подолъ его одежды. Но неблейскимъ фермерамъ и въ голову не приходило критиковать своего пастора. Онъ считалъ ихъ такимъ же необходимымъ условіемъ жизни, какъ рѣшосейныя заставы и грязныя банковыя билеты; къ тому же онъ былъ викарій, и по этому права его на ихъ уваженіе и не приходили въ неприятое столкновение съ его правами на карманы. Нѣкоторые изъ нихъ, не пользовавшіеся роскошью таго фургона, пообедали получасомъ раньше, то-есть въ надцать часовъ, чтобъ успѣть къ двумъ часамъ по грязнымъ дорогамъ добраться до церкви и занять свое мѣсто въ то время, когда мистеръ Олдинпортъ и леди Фелисія, для которыхъ ледейская церковь была чѣмъ-то въ родѣ фамильнаго храма, собирались посреди поклоновъ и присѣданій фермеровъ, къ отдѣльной скамьѣ, съ рѣзными стѣнками и балдахинномъ пространіемъ на пути своемъ нѣжный запахъ фіалокъ и розъ, падавшій даромъ для грубаго обонянія присутствующихъ.

Жены и дѣти фермеровъ усаживались на темныя дубовыя скамьи, но мужья обыкновенно избирали болѣе почетныя и занимали отдѣльныя сѣдалища подъ которыми либо изъ двѣнадцати апостоловъ, гдѣ, какъ только кончалось пѣніе, молитвы и огласованіе наступало пріятное однообразіе проповѣди, можно было слышать, какъ почтенный отецъ семейства погружался въ сладкую дремоту, изъ которой онъ неминуемо пробуждался звукахъ заключительнаго славословія. И потомъ они шли тѣмъ же грязнымъ дорогамъ отправлялись домой съ пріятнымъ сознаніемъ, что исполнили свой долгъ, и ощущая, быть можетъ болѣе пользы отъ этой простой дани, принесенной тою же, они почитали хорошимъ и душеспасительнымъ чѣмъ, мѣсто мудрствующихъ посѣтителей церкви въ нынѣшнее время.

Мистеръ Гильфиля также въ послѣдніе годы своей жизни сталъ озвращаться домой тотчасъ же послѣ службы: онъ пересталъ по воскресеньямъ обѣдать въ Неблейскомъ аббатствѣ, по той причинѣ, что рассорился, и не на шутку рассорился съ мистеромъ Ольдинпортомъ, дядей и предшественникомъ того мистера Ольдинпорта, который процвѣталъ во времена преподобнаго ммоса Бартона. И нельзя было не пожалѣть объ этой ссорѣ, спомнивъ, сколько пріятныхъ часовъ, въ молодости своей, эти два челоѡвка провели, охотившись вмѣстѣ; въ тѣ давніе дни многіе любители охоты завидовали мистеру Ольдинпорту въ томъ, что онъ такъ ладно жилъ съ своимъ викаріемъ. «Послѣ жены нѣтъ никого, кто бы могъ быть для васъ такимъ божескимъ наказаніемъ какъ пасторъ, который сидитъ у васъ подъ носомъ на нашей землѣ,» часто говорилъ сэръ-Джасперъ Ситвелъ.

По всей вѣроятности, первоначальный поводъ къ ссорѣ былъ самый незначительный; но природа одарила мистера Гильфиля очень ѣдкимъ языкомъ, и насмѣшки его отличались тою живостью и оригинальностью, которой совершенно были лишены его проповѣди; и такъ какъ нравственная сторона мистера Ольдинпорта представляла много слабыхъ сторонъ, то колкія замѣчанія пастора нанесли ему вѣроятнѡ нѣсколько такихъ глубокихъ ранъ, какія трудно было простить. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ отчегъ, данный объ этомъ дѣлѣ мистеромъ Гакитомъ, который зналъ о немъ столько же, сколько и всякое постороннее лицо. Недѣлю послѣ ссоры, возсѣдая распорядителемъ за обѣдомъ, который ежегодно давался обществомъ преслѣдованія воровства и разбоя, въ гостиницѣ *Ольдинпортскій гербъ*, онъ не мало способствовалъ къ оживленію обѣда, объявивъ во всеуслышаніе, что пасторъ отлично отдѣлалъ мистера Ольдинпорта. Открытіе того или тѣхъ, которые угнали коровку мистера Паррота, врядъ ли было бы болѣе пріятною новостью для шеппертонскихъ фермеровъ: мистеръ Ольдинпортъ, какъ землевладелецъ, былъ у нихъ на самомъ дурномъ счету; несмотря на то, что цѣны очень упали, онъ не сбавилъ арендной платы, и остался совершенно равнодушенъ къ разнымъ статейкамъ въ провинціальныхъ газетахъ, извѣщавшимъ о томъ, что такой-то виконтъ или баронъ отказался отъ десятой части своихъ доходовъ. Дѣло въ томъ, что мистеръ Ольдинпортъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возсѣдать въ парламентъ, а былъ движимъ сильнымъ желаніемъ пріобрѣтать и улучшать свое, и безъ того, хорошее состояніе. Поэтому для шеппертонскихъ фермеровъ было истиннымъ удовольствіемъ узнать, что пасторъ ѣдко издѣвался надъ благотворительностью богатаго джентльмена, походящею на благотворительность того

человѣка, который укралъ гуся, а потроха роздалъ вширь. Нужно замѣтить, что относительно развитія Шеппертонъ далеко опередилъ Неблей; онъ имѣлъ и торныя дороги, и общественныя мѣшкіны, между тѣмъ какъ въ первобытномъ Неблей умъ и колеса ихъ фургоновъ двигались по самымъ глубокимъ колеямъ и рытвинамъ, и на землевладѣльца роптали только какъ на неодолимое и неотвратимое зло, подобное дождливой погодѣ, вѣтроду и докучливымъ комарамъ.

Итакъ, въ Шеппертонѣ, этотъ разрывъ съ мистеромъ Олпортъ не только не повредилъ пастору, но еще далъ ему силу доброму согласію, которое всегда царствовало между нимъ и всѣми остальными его прихожанами, начиная съ того поколѣнія, котораго онъ крестилъ дѣтей лѣтъ двадцать пять тому назадъ, кончая тѣмъ многообщающимъ поколѣніемъ, представителемъ котораго могъ служить маленькій Томми Бондъ, прозванный недавно блузу и шаровары на строгую простоту цѣльнаго костюма изъ рубчатата плица, сшитаго въ обтяжку и украшеннаго вышивными пуговицами. Томми былъ мальчикъ независимаго дѣла, признававшій никакихъ властей, и горячо любившій свои калески, которыми онъ имѣлъ привычку набивать вѣтряныя карманы своихъ кожаныхъ панталонъ.

Однажды, забавляясь на дорожкѣ сада своимъ волчкомъ, увидалъ, что пасторъ время идетъ на него, въ то самое время, когда волчокъ начиналъ великолѣпно гудѣть; Томми, не думавшійся, во все горло закричалъ: «Посторонитесь! Не мѣшайте что ли волчокъ?» Съ того дня «плисовая куртка» стала любимымъ мистера Гильфила, который ничего такъ не любилъ какъ драться и приводить его въ недоумѣніе вопросами, дававшими ему самое жалкое понятіе о его умственныхъ способностяхъ.

— А что, плисовая куртка, доили ли-сегодня гусей?

— Доили гусей! Развѣ доятъ гусей? Эки пустяки вы ворите!

— Неужто же ихъ не доятъ? А чѣмъ же питаются гуси?

Томми никогда не размышлялъ объ этомъ предметѣ, и потому не удостоивалъ своего собесѣдника отвѣтомъ, принимая зрительно-равнодушный видъ и тщательно начиналъ крутить свой волчокъ.

— А, я вижу, ты не знаешь, чѣмъ питаются гусеницы? А чѣмъ дѣлать ли ты, какъ вчера съ неба падали леденцы? (Здѣсь Томми наострилъ уши.) Попали они и въ мой карманъ. Попадутъ ли, правду ли я говорю или нѣтъ.

И Томми, не затрудняясь невѣроятностію источника, ооивидѣтельствовать его пріятные плоды: онъ имѣлъ смѣлость чинить вѣрять, что засунуть руку въ карманъ пастора

съ приятно и полезно. Мистеръ Гильфиль называлъ этотъ романъ свой чудотворнымъ, — оттого что, любилъ онъ говорить глупъ, всѣ пены, которыя онъ опускалъ въ него, немедленно ращались въ пряники, леденцы и другія сласти. И вслѣдствіе этой маленькая Бесси Парротъ, бѣлокурая толстуха, всегда была похвальную откровенность встрѣчать его вопросомъ: «А что у васъ сегодня въ калманѣ?»

По всему этому вы можете себѣ представить, что на крестьянскихъ обѣдахъ пасторъ не былъ лишнимъ гостемъ. Фермеры особенно любили его общество, оттого что онъ не только могъ, покуривая свою трубочку, пестрить разговоръ о хозяйскихъ дѣлахъ разными остроумными шутками и прибаутками, но былъ къ тому же знатокъ въ лошадахъ и рогатомъ скотѣ. У него были пастбищные луга миляхъ въ пяти отъ его дома, онъ держалъ на нихъ скотъ и нанималъ управляющаго, въ сущности все дѣло дѣлалъ самъ; и подъ конецъ жизни, да уже онъ былъ не въ силахъ охотиться, у него не было нишаго удовольствія какъ ѣздить на свой лугъ, заниматься покоей и продажей скота. Слушая, какъ онъ разсуждаетъ объ хозяйскихъ достоинствахъ разныхъ породъ рогатаго скота,

о послѣднемъ распоряженіи суда о какомъ-нибудь нищемъ, ревностный наблюдатель не замѣтилъ бы большой разницы, между пасторомъ и его деревенскими прихожанами, кромѣ развѣ только того, что первый былъ поостроумнѣе; онъ подлаживался къ ихъ слову и выговору, чтобы быть вполне понятнымъ имъ, и употреблялъ все тѣ же, не совсѣмъ правильные обороты и выраженія, которые были въ ходу въ Шеппертонѣ. Тѣмъ не менѣе, сами фермеры очень хорошо сознавали разницу между собой и пасторомъ, и не теряли уваженія къ нему, несмотря на его простое обращеніе и шуточный разговоръ. Мистрисъ Парротъ тщательно раскладывала передникъ и ленты чепца какъ только показывался изъ дома пасторъ, низко присѣдала передъ нимъ, и въ Рождество когда имѣла наготовѣ жирную индѣйку, которая посылалась къ ней съ почтеніемъ. И во время самыхъ веселыхъ, пересыщенныхъ сплетнями разговоровъ съ мистеромъ Гильфилемъ, можно было замѣтить, что и мужчины и женщины наблюдали за собою, и никогда не были равнодушны къ его мнѣнію о нихъ.

То же уваженіе встрѣчалъ онъ и при исполненіи чисто духовныхъ своихъ обязанностей. Польза крещенія тѣсно слилась въ глазахъ шеппертонскихъ жителей съ личностью мистера Гильфиля; метафизическое различіе между человекомъ и саномъ было чуждо уму добрыхъ шеппертонскихъ прихожанъ. Когда мистеръ Гильфиль былъ боленъ, миссъ Селина Парротъ на цѣлый годъ отложила свою свадьбу, чтобы только не быть обвиняемою Богомъ въ съѣсть кѣмъ и какъ.

— Славную мы нынче утромъ слышали проповѣдь, почти каждый разъ замѣчали прихожане, выслушавъ одну изъ старинныхъ пожелтѣвшихъ рѣчей, пріятную имъ именно потому, что слышали они ее въ двадцатый разъ: на умы этой степени размысленія повторенія дѣйствуютъ гораздо сильнѣе неожиданности и новизны, и обороты рѣчи, подобно напѣвамъ, не скоро пріобрѣтаются.

Проповѣди мистера Гильфила, какъ вы можете себя представить, не имѣли никакого особеннаго направленія; я долженъ сказать, что они даже не очень сильно затрогивали совѣсть: вслѣдствіе чего мистрисъ Паттенъ, тридцать лѣтъ внимательно слушающая, была несказанно оскорблена и возмущена, когда мистеръ Бартонъ намекнулъ ей, что она грѣшница и нуждается въ милости Божіемъ; но, съ другой стороны, онъ былъ удобенъ, развивая почти исключительно то простое предложеніе, что каждый человѣкъ, поступающій хорошо, найдетъ себѣ награду; что же значило поступать дурно, объяснялось въ отдѣльныхъ проповѣдяхъ о лжи, злословіи, гнѣвѣ, лѣности и т. п.; а хорошему поступать значило придерживаться честности, правдивости, трудолюбія и другихъ не затѣйливыхъ, будничныхъ добродѣтелей, не имѣющихъ ничего общаго съ тонкостями словескаго ученія. Мистрисъ Паттенъ понимала, что если бы на нее ея будутъ водянисты, она заплатитъ за это на томъ свѣтѣ; кажется, проповѣдь о злословіи вовсе не такъ была для нея важна. Мистрисъ Гакитъ осталась очень довольна проповѣдью о гнѣвѣ, гдѣ говорилось о невѣрныхъ вѣсахъ и лживомъ мѣрѣ, что стало для нея особенно ясно вслѣдствіе недавней ссоры съ лавочникомъ; но незамѣтно было, чтобы на нее очень сильно дѣйствовала проповѣдь о гнѣвѣ.

Но заподозрить чистоту ученія мистера Гильфила, по крайней мѣрѣ что-нибудь въ его приемахъ или способѣ выражаться, никому не приходило въ голову его шеппертонскихъ прихожанъ, а между самыми прихожанъ, которые, лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, выказали такую требовательность относительно мистера Бартона. Но въ это время, они успѣли вкусить опаснаго плода познанія—нововведеніе, открывающее, какъ извѣстно, новымъ дямъ глаза, но не всегда пріятнымъ для нихъ образомъ. Не только не смѣли же критиковать проповѣдь значило почти то же, что и дать на самую религію. Племянникъ мистера Гакита, мистеръ Томъ-Стоксъ, бойкій городской юноша, привелъ однажды къ ужасу своихъ почтенныхъ родственниковъ, объявивъ, что онъ можетъ написать проповѣдь не хуже проповѣдей мистера Гильфила; вслѣдствіе чего, мистеръ Гакитъ, желая охладить и устыдить дерзкаго юношу, предложилъ ему золотую медаль.

ъ исполнить то, чѣмъ хвастался. Проповѣдь, однако, была писана; и хотя никто не хотѣлъ допустить, чтобъ она сколь-нибудь была похожа на проповѣди мистера Гильфиля, она мѣ не менѣ такъ была похожа на проповѣдь вообще, имѣя и крѣсть, и три отдѣла, и заключительное поученіе, начинающееся словами: «А теперь, братія мои», что золотой, хотя онъ не лѣ выданъ изъ приличія, въ послѣдствіи очутился въ карманѣ людаго челоуѣка, и его проповѣдь была признана въ его отгествіе «мастерскою штукой».

Конечно, преподобный мистеръ Пикардъ, изъ диссентеровъ, проповѣди, произнесенной имъ въ Ротерби, о бѣдственномъ юженіи Новаго Сіона, выстроеннаго при избыткѣ вѣры и цѣстаткѣ капитала, выходцами изъ первоначальнаго Сіона, ѡъявилъ, что онъ живетъ въ приходѣ, гдѣ пастыръ «шестууетъ во актѣ»; и во время службы онъ молился объ оглашенныхъ и неосвѣщенныхъ свѣтомъ истины, намекая на прихожанъ мистера Гильфиля. Но мнѣ и говорить нечего, съ какимъ отвращеніемъ негодованіемъ эти прихожане смотрѣли на мистера Пикарда. И не только шеппертонскимъ фермерамъ было пріятно общеніе мистера Гильфиля, онъ былъ желаннымъ гостемъ во мноу изъ лучшихъ домовъ того края. Старый сэръ-Джасперъ Ситъ былъ бы радъ видѣть его у себя каждую недѣлю; и еслибы видѣли, какъ мистеръ Гильфиль велъ къ столу леди Ситвелъ, слышали съ какою старомодноу, но тѣмъ не менѣ изящною безностію онъ говорилъ съ ней, вы бы заключили, что онъ да-нибудь жилъ въ обществѣ другаго рода чѣмъ то, которое могъ найти въ Шеппертонѣ, и что его безцеремонные пріимы и разговоры спуска рукава не что иное какъ слѣды непоу на старомъ, мраморномъ памятникѣ, дозволяющіе еще кой-различить нѣжность и красоту первоначальнаго цвѣта. Но лѣтами эти выѣзды стали въ тягость старому джентльмену, го рѣдко можно было найти гдѣ-нибудь, кромѣ какъ въ преахъ его прихода, чаще всего у собственнаго камина, съ бкой въ зубахъ и стаканомъ джина съ водоу подлѣ.

дѣсь я замѣчаю, что подвергаюсь опасности возстановить тивъ себя всѣхъ своихъ прекрасныхъ читательницъ, и сошенно подавить въ нихъ всякое желаніе узнать подробно о любви мистера Гильфиля. Джинъ съ водоу! Фи! вы можетъ-ль захотите послѣ этого, чтобы мы заинтересовались ромау производителя сальныхъ свѣчъ, въ головѣ котораго образъ юбленной сливается съ мыслию о топленномъ салѣ и фити-ль.

о, .вопервыхъ, мноуоуважаемая читательница, позвольте вамъ гтвить, что джинъ съ водоу, подобно тучности, плѣшивоу

головѣ и подагрѣ, вовсе не исключаетъ самаго романческаго этическаго прошедшаго, точно такъ же какъ и накладки, вы, быть-можетъ, когда-нибудь надѣнете, не будутъ знать, у васъ никогда не было роскошной косы. Увы! мы, каменные, часто бываемъ ничѣмъ не лучше древеснаго пепла и слѣда не остается той свѣжей, сочной зелени, вѣкогдашей зеленую вѣтвь; но, глядя на него, мы знаемъ, что когда-то кипѣла молодая жизненная сила. Мнѣ, по крайнему рѣдко случалось видѣть согбеннаго старика или сморщенную рушку безъ того, чтобы передъ мимъ духовнымъ окомъ не стала картина того прошедшаго, которому они принадлежатъ. Недоконченная повѣсть свѣжихъ щекъ и блестящихъ волосъ, жетъ мнѣ иногда незначашею и незанимательною въ сравненіи съ тою длинною драмою, полною надеждъ и страсти, дошедшею до своей развязки и оставившею бѣдную душу пыльными и мрачными подмостки театра, съ разсыпанными мимъ въ беспорядкѣ напоминаніями о прежнемъ ихъ красотѣ.

Вовторыхъ, позвольте мнѣ васъ увѣрить, что мистеръ Гильфильдъ потреблялъ сей неблаговидный напитокъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Носъ его не былъ красенъ, бѣлые волосы не красили его лицо. Пилъ онъ джинъ, я полагаю, вѣроятно, что онъ былъ дешевъ; и здѣсь я нечаянно наткнулся на слабость викаріа, о которой, еслибъ я хотѣлъ его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, я быть-можетъ умолчалъ. Мнѣ было, что съ лѣтами мистеру Гильфильду становилось труднѣе и труднѣе выпускать изъ рукъ денежки, — жался мистеръ Гакитъ, — хотя наклонность эта притомъ, въ стремленіи уменьшить собственные расходы, томъ, чтобъ отказывать въ помощи людямъ нуждавшимся. Себѣ говорилъ онъ, какъ бы въ извиненіе, что когда-то для племянника, единственнаго сына сестры, которая, вѣроятно, нѣмъ одного только существа, была главною привязанностію жизни. Мое маленькое состояніе, думалъ онъ, поможетъ бороться въ жизни, и онъ когда-нибудь съ молодою женою пріѣдетъ на могилку старика дяди. Для его семейства быть-можетъ будетъ къ лучшему, что я жизнь свою проведу одноко.

— Итакъ мистеръ Гильфильдъ былъ холостякъ?

Вы б : вѣроятно дошли до этого заключенія, когда вы заглянули въ его столовую, гдѣ голые столы, неуклюжія жесткія кресла, изодранный турецкій коверъ, вѣчно пыльный табакъ, гласилъ, казалось, о жизни не женатой, и вѣроятно не было ничего такого, ни портрета, ни слѣда

вляя, ни изящной, ни нужной бездѣлушки, которыя могли бы сдѣлать это заключеніе. Здѣсь-то мистеръ Гильфиля прожил свои вечера, почти всегда наединѣ съ своимъ старымъ котомъ Понто, который лежалъ передъ каминомъ у ногъ его, вылизывая морду лапами, и только изрѣдка поднималъ ее, чтобы любовно взглянуть на своего хозяина. Но въ домѣ была одна комната, гласившая другое чѣмъ эта мрачная столовая,—куда никто не входилъ, кромѣ мистера Гильфиля и старой служанки Марты, составлявшей съ мужемъ своимъ Давидомъ, швейцаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грумомъ, всю прислугу. Двери въ этой комнатѣ были всегда затворены, кромѣ одного раза въ три мѣсяца, когда Марта входила въ нее, чтобы вымести въ ней пыль и впустить въ нее свѣжій воздухъ. Тогда спрашивала ключъ отъ нея у мистера Гильфиля, который запиралъ его въ своей конторкѣ, и, покончивъ свое дѣло, отдавала ему этотъ ключъ.

Каждый вечеръ густую картину озарялъ дневный свѣтъ, когда Марта входила въ комнату, закрывая занавѣси и открывая глубокое окно съ голубыми переплетомъ. На маленькомъ туалетномъ столикѣ стояло маленькое зеркало въ рѣзной золоченой рамѣ; въ придѣлѣ къ нему подсвѣчникахъ еще стояли низенькія восковыя свѣчки на ручкѣ одного изъ этихъ подсвѣчниковъ висѣлъ черненькій бархатный платочекъ; полинялая подушка для булавокъ, сшитая изъ вышитыхъ въ нее заржавѣвшими булавокъ, флаконъ для духовъ и большой зеленый вѣеръ лежали на столѣ; а на коммодѣ, стоявшей передъ зеркаломъ, стояла рабочая корзинка, съ недоконченнымъ, вышитымъ отъ времени, дѣтскимъ чепчикомъ. Два платья, забытаго покроя, висѣли у дверей, и пара миниатюрныхъ туфель, съ почернѣвшимъ серебрянымъ шитьемъ, стояли на столикѣ кровати. Два или три акварельные вида Неаполя украшали каминъ, а надъ каминомъ висѣли двѣ миниатюры въ овальныхъ рамкахъ: одна изъ нихъ представляла молодого человѣка двадцати семи, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, свѣжими, полными губами и яснымъ открытымъ взглядомъ. На другой—была изображена дѣвушка, не старше вѣроятно восемнадцати лѣтъ, съ тонкими чертами, блѣднымъ южнымъ цвѣтомъ лица, и большими черными глазами. Молодой человѣкъ былъ напудренъ; темные волосы дѣвушки были зачесаны назадъ, и крошечный чепчикъ былъ ярко-малиновымъ бантомъ, казалось, чуть держался на тоненькой головкѣ—кокетливый уборъ, но въ глазахъ можно было прочесть больше грусти чѣмъ кокетства.

Каждыхъ-то вещей Марта сметала пыль, четыре раза въ годъ, въ это время, когда она была еще цвѣтущею молодою дѣвушкой, а теперь, въ это послѣднее десятилѣтіе жизни мистера Гиль-

Филля, ей уже несомнѣнно было за пятьдесятъ лѣтъ. Такова была запертая комната въ домѣ мистера Гильфиля: словно наглядный образъ того тайнаго уголка въ его сердцѣ, гдѣ онъ давно скрѣпилъ всѣ надежды и горе своей молодости, всю поэзію своей жизни.

Не много, кромѣ Марты, было людей въ приходѣ, которые бы сохранили ясное воспоминаніе о женѣ мистера Гильфиля, или бы вообще знали о ней что-нибудь, кромѣ того, что въ перинѣ надъ пасторскою скамьей была мраморная плита съ латинскою надписью въ память ея. Тѣ изъ прихожанъ, которые помнили, не были одарены умѣньемъ краснорѣчиво излагать свои мысли, и отъ нихъ вы не узнали бы ничего, кромѣ того, что «мистрисъ Гильфиль» была иностранка, съ такими глазами, что вы не вѣрите, и голосомъ, отъ котораго васъ бросало то въ жаръ, то въ холодъ, когда она пѣла въ церкви. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи была мистрисъ Паттенъ, которая, благодаря своей отличной памяти и страсти разказывать была драгоценнымъ хранилищемъ грустныхъ преданій Шеппертона. Мистеръ Гакитъ, поселившійся въ Шеппертонѣ только десять лѣтъ послѣ смерти мистрисъ Гильфиля, часто предлагалъ старымъ мистрисъ Паттенъ, для того чтобы получать отъ нея старыя свѣдѣнія, имѣвшіе для него ту же прелесть, какую для болѣе-образованныхъ людей имѣютъ отрывки изъ любимой книги, или давно-знакомой комедіи.

— Такъ вы хорошо помните то воскресенье, когда мистрисъ Гильфиль въ первый разъ явилась въ церкви, мистрисъ Паттенъ?

— Еще бы! День былъ чудесный; въ самомъ началѣ сѣножатъ мистеръ Тарбетъ читалъ проповѣдь въ этотъ день, а мистрисъ Гильфиль сидѣла съ женой на своей скамьѣ. Я какъ теперь вижу его, какъ онъ велъ ее подъ руку: голова ея доходила немножко выше его локтя; сама она такая была блѣдная, а глаза у нея были черные-пречерные, но глядѣла она ими какъ-то странно, какъ-то разсѣянно въ даль.

— И вѣрно на ней было вѣнчальное платье? спрашивалъ мистеръ Гакитъ.

— Самый простой нарядъ: бѣлая шляпа, подвязанная подъ подбородкомъ, и прозрачное бѣлое кисейное платье. Но вы не можете себѣ не можете какъ въ тѣ дни былъ мистеръ Гильфиль! Къ тому времени, когда вы пріѣхали въ Шеппертонъ, онъ уже совершенно измѣнился. У него были тогда румяныя щеки и такіе блестящіе, смѣющіеся глаза, что весело было на него смотрѣть. Въ то воскресенье, казалось, онъ не помнилъ отъ радости, но, не знаю почему, я уже тогда имѣла предчувствіе, что не долго ему радоваться. Иностранцы—не надѣ-

ый народъ, мистерь Гакитъ: я путешествовала съ своими господами, и насмотрѣлась на ихъ мерзкую пищу и дурацкую изнь.

— Мистрисъ Гильфиль была Италиянка, не правда ли?

— Я полагаю, что такъ, но не знаю навѣрное. Съ мистеромъ Гильфильмъ никто никогда не смѣлъ говорить ей, а всѣ другіе нигде не знали кто она такая. Но должно-быть она съ самаго дѣтства спотывалась въ Англіи, оттого что на нашемъ языкѣ говорила она хужева съи меня. У этихъ Италиянокъ всегда отличные голоса, когда мистрисъ Гильфиль пѣла, нельзя было не заслушаться. Въ привезъ ее однажды ко мнѣ вечеркомъ и говоритъ мнѣ оимъ веселымъ, добродушнымъ голосомъ:—А вотъ, мистрисъ Паттенъ, я вамъ привезъ жену, чтобъ она отвѣдала лучшаго чаю всемъ Шеппертонѣ; а вы покажите ей вашу молочню и сыры, потомъ она вамъ что-нибудь споетъ. И она пѣла у меня, а тось ея то, казалось, наполнялъ всю комнату, то звучалъ тихо и жно, и такъ и хваталъ за сердце.

— И ужъ послѣ того вы не слышали ея?

— Да, она ужъ и тогда была больна, а черезъ нѣсколько мѣсяцъ и умерла. И всего-то она прожила въ приходѣ не болѣе полугоду. Она не весело смотрѣла въ тотъ вечеръ; я видѣла, что мало нужды до молочни и сыровъ, и что она разсматриваетъ только для того, чтобъ угодить мужу. А ужъ онъ—я и скажь не умѣю, какъ онъ былъ въ нее влюбленъ! не насмотрится, налюбуется на нее, радъ бы на рукахъ ее носить, чтобы только не дать ей бывало сдѣлать лишняго шага. Смерть ея чуть убила его, хотя онъ много бралъ на себя, не переставалъ възжати по приходу и исполнялъ всѣ свои обязанности. Но онъ превратился въ тѣнь, и въ большихъ его глазахъ было столько грусти и отчаянія, что вы бы не узнали его.

— Онъ не взялъ за ней состоянія?

— Нѣтъ. Все состояніе мистера Гильфиля перешло ему отъ эри. Съ этой стороны были и деньги и связи; жаль, что онъ не женился: съ его наружностью и состояніемъ ему нигдѣ не было бы отказа, и теперь бы вокругъ него играли внуки. А онъ же такъ любитъ дѣтей.

Какимъ образомъ мистрисъ Паттенъ обыкновенно заключала свои разказы о женѣ пастора, о которой, какъ вы замѣчаете, она знала такъ мало. Ясно было, что сообщительная старушка ничего не знала о жизни мистрисъ Гильфиль до ея пріѣзда въ Шеппертонъ, и что ей не были извѣстны подробности о любви мистера Гильфиля.

— Я, любезный читатель, такъ же болтливъ, какъ мистрисъ

Паттенъ, а свѣдѣній имѣю гораздо больше, и если вамъ любопытно узнать еще что-нибудь о романѣ мистера Гильяма, вамъ стоить только перенестись воображеніемъ въ конецъ прошлаго столѣтія и удостоить вашего вниманія слѣдующую главу.

ГЛАВА II.

Наступаетъ вечеръ 21-го іюня 1788 года. День знойный и ясный, и солнце еще далеко не село. Но ея пробиваясь сквозь густую листву высокыхъ вазовъ паряють свою жгучесть, и не мѣшаютъ двумъ дамамъ изъ дому свои подушки и работы, и уѣсться на лугу фасадомъ Чеверельскаго замка. Мягкая трава пригибается подь легкими шагами младшей изъ двухъ дамъ, которую, высокому ея росту и нѣжному складу, съ перваго взгляда было бы принять за ребенка. Она идетъ впереди съ подушкой и кладетъ ихъ на свое любимое мѣсто, у самаго спуска купой лавровъ, откуда дамы эти могутъ видѣть солнечныя играющіе между водяными лиліями, а сами могутъ быть видны изъ оконъ столовой. Она разложила подушки, а теща рачивается, и даетъ вамъ случай вполне рассмотреть ея обращенное къ медленно-подвигавшейся старшей дамѣ. тотчасъ же поражаютъ ея большіе черные глаза, напоминающіе свою безстрастную, невинную красотой глаза вы не съ разу обращаете вниманіе на совершенное отсутствіе румянца на ея молодыхъ щекахъ, и на южный, желтоватый рить ея нѣжнаго лица и шев, выглядывающей изъ-за кружевной косыночки, не допускающей слишкомъ близкаго зрѣнія между ея бѣлымъ кисейнымъ платьемъ и цвѣтомъ ея. Ея большіе глаза кажутся еще поразительнѣе отъ того, что ея волосы зачесаны назадъ, подь крошечный чепецъ, съ малиновымъ бантомъ съ одной стороны, надѣтый на самую хушку ея головки.

Другая дама ни въ чемъ не похожа на черноглазую дѣвушку. Она высока ростомъ, и кажется еще выше отъ того, что пудренныя волосы зачесаны кверху на высокой тулѣ, покрыты кружевами и лентами. Ей около пятидесяти лѣтъ, цвѣтъ ея лица еще свѣжъ и блестятъ колоритомъ молодой блондинки; ея гордыя, презрительныя губы, и нѣсколько нуталя назадъ голова, придають ея лицу выраженіе надменности, которому не противорѣчатъ ея хододные, сѣрые глаза. Ко-

засунутая под низкій воротъ ея узкаго голубаго корсажа, полнѣе обозначаетъ величественныя очертанія ея стройнаго стана, и глядя, какъ она плавно выступаетъ по лугу, невольно приходило на умъ, что это одна изъ величественныхъ дамъ Рейнгольдса, которая вздумала выйдти изъ своей рамки, чтобы пошпашать вечернею прохладой.

— Положите подушки ниже, Катерина; здѣсь слишкомъ много солнца, еще издали воскликнула она повелительнымъ голосомъ.

Катерина исполнила ея приказаніе, и онѣ усѣлись, составляя въ себя два яркія пятна, красное и голубое съ бѣлымъ на зеленомъ фонѣ лавровъ и луга, которыя на картинѣ были бы отъ него не менѣе красивы, что сердце одной изъ этихъ женщинъ было нѣсколько холодно, а сердце другой очень грустно.

И прелестную картину представилъ бы въ этотъ вечеръ Черерельскій замокъ, еслибы случился тутъ какой-нибудь англійскій Вато, чтобъ изобразить его на полотнѣ: домъ изъ бѣлаго камня въ старинномъ стилѣ, съ своими готическими окнами, пропускающими сквозь свои разноцвѣтныя стекла золотые солнечныя лучи, и огромный башня, закрывающій до половины боковую башню и разбивающій своими темными вѣтвями лишкомъ строгую симметрію фасада; широкая дорожка, усыпанная пескомъ, ведущая направо къ пруду вдоль ряда высокихъ сосенъ, налѣво вьющаяся среди зеленыхъ пригорковъ, порытыхъ группами деревьевъ, гдѣ красный стволъ шотландской ели горитъ на яркой зелени липъ и акацій; широкій прудъ, по которому лѣнливо плаваютъ два лебедя, засунувъ одну лапу и крыло, и гдѣ открытыя водяныя лиліи спокойно глядятъ на освѣщающіе ихъ солнечныя лучи; лугъ съ своею нѣжною, бархатною зеленью, отлого спускающійся къ болѣе грубой и мягкой травѣ парка, отъ которой незамѣтно отдѣляется ее маленький ручеекъ, вытекающій изъ пруда и исчезающій подъ каменнымъ мостикомъ, ведущимъ въ паркъ; и на этомъ лугу двѣ скамьи, которыхъ роль въ ландшафтѣ живописецъ, избравшій себѣ удобное мѣсто для общаго обзора картины, обозначилъ бы двумя-тремя красными, бѣлыми и голубыми точками.

Но изъ большихъ готическихъ оконъ столовой онѣ были видны нѣже, и представлялись глазамъ трехъ джентльменовъ, допившихъ послѣ обѣда свое вино двумя милостивыми женщинами, слышными каждому изъ трехъ по весьма различнымъ причинамъ. Эти двѣ женщины составили группу, на которую стоило взглянуть внимательно; но, при входѣ въ эту столовую, каждого бы, вероятно, сильнѣе поразила сама комната, до такой степени стоящая, что красотой своихъ размѣровъ она производила впечатление

чатлѣніе готическаго собора. Простая ковровая дорожка, ведущая отъ однихъ дверей къ другимъ, довольно истертый и неровный разостланный подъ столомъ, и буфетъ въ углубленіи стѣны, на минуту не отвлекали взгляда отъ высокихъ сводовъ и толка, съ его богатыми украшеніями; желтовато-блѣдныя, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, кой-гдѣ отбѣненнаго золотомъ. Съ одной стороны высокій потолокъ былъ поддержанъ столбами и арками, а съ другой стороны болѣе низкій потолокъ, миниатюрная копія большаго криваль квадратный выступъ, составившій съ своими остроконечными окнами середину фасада дома. Комната была похожа на изящную архитектурную модель чѣмъ-то ловую; и маленькій столъ съ сидѣвшими вокругъ него производилъ болѣе впечатлѣніе странной, не значащей ценности, нежели чего-нибудь стоящаго въ связи съ первоначальнымъ назначеніемъ комнаты.

Но кто внимательнѣе взглядѣлся бы въ этихъ людей, нашелъ бы ихъ незначущими; старшій изъ нихъ, читавшій отчетъ о послѣднихъ многозначительныхъ событіяхъ во Франціи и обращавшійся отъ времени до времени съ какими-то замѣчаніемъ къ своимъ молодымъ слушателямъ, былъ самымъ лучшимъ образцомъ англійскаго джентльмена того послѣдняго времени, когда процвѣтали кафтаны и пудра. Его глаза быстро глядѣли изъ-подъ навислыхъ и густыхъ бровей, но всякое подозрѣніе въ строгости, возбужденное этимъ пронизательнымъ взглядомъ и орлинымъ носомъ, при взглядѣ на добродушныя очертанія его рта, сохранило въ себѣ всѣ свои зубы и всю свою выразительность на зло шестидесяти годовъ. Лобъ, начиная съ бровей, нѣсколько подавался впередъ, и острая форма его головы становилась еще замѣтнѣе прической: напудренные волосы всѣ были зачесаны назадъ и сплетены въ косу. Онъ сидѣлъ на маленькомъ жесткомъ стулѣ, представлявшемъ ни малѣйшей возможности развалиться и не выказывавшемъ необыкновенную прямизну его стана. Однимъ словомъ, сэръ-Кристоферъ Чеверель былъ великолѣпнымъ образцомъ въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, кто войдетъ въ Чеверельскаго замка, гдѣ портретъ его во весь ростъ виситъ на стѣнѣ, съ него, когда ему было пятьдесятъ лѣтъ. Виситъ и портретомъ его жены, величественной дамы, усѣвшейся на тронѣ.

Глядя на сэръ-Кристофера, вамъ невольно пришло въ голову пожелать, чтобъ у него былъ взрослый сынъ и чтобъ онъ могъ быть-можетъ вы бы не захотѣли, чтобъ оказался молодой человѣкъ, сидѣвшій по правую руку отъ баронета, минавшій его очертаніемъ лба и носа. Еслибъ этотъ молодой человѣкъ не былъ самъ такъ изященъ отъ головы до ногъ,

бы непременно замѣтили по изяществу его костюма. Но совершенства его гибкаго, стройнаго стана были такъ поразительны, что никто, кромя портнаго, не замѣтилъ бы совершенствъ его бархатнаго кафтана; его маленькія бѣлыя руки, съ своими тонкими пальцами и голубыми жилками, совершенно затмевали красоту его кружевныхъ манжетъ. Лицо его, однако, не было пріятно, и трудно сказать почему. Ничего не могло быть нѣжнѣе вѣста его лица, свѣжесть котораго была еще поразительнѣе въ сравненіи съ его напудренными волосами, ничего не могло быть нѣжнѣе его синихъ, томныхъ вѣкъ, придававшихъ что-то лѣнивое выраженію его карихъ глазъ; ничто не могло быть тоньше и шире очертанія его прозрачныхъ ноздрей и верхней губы. Нѣтъ-можетъ, подбородокъ былъ бы слишкомъ коротокъ для эзукоризненнаго профиля, но этотъ недостатокъ только болѣе выдавалъ нѣжность и тонкость его лица, и шелъ къ общему его характеру. Невозможно было не согласиться, что лицо это необыкновенно красиво; и однако, для большей части мужчинъ и женщинъ, оно было лишено всякой прелести. Женщинамъ не нравились глаза, которые, казалось, сами лѣниво требовали еямиа лести, вместо того чтобы расточать его; а мужчины, особенно же если они не отличались стройностью и красотой, чувствовали сильное побужденіе назвать этого Антиноя въ пудрѣ «пошлымъ антикомъ.» Я подозреваю, что преподобный Менардъ Гильфилдъ, сидѣвшій противъ него за столомъ, совершенно раздѣлялъ мое мнѣніе, хотя въ его собственномъ складѣ и профилѣ не было ничего такого, что бы могло развить въ немъ особенное недобротельство къ красотѣ другихъ. Его свѣжее, открытое лицо и бойные члены были такіе, какихъ лучше не нужно для жизненнаго обихода, и, по мнѣнію мистера Бетса, шотландскаго саника, гораздо бы больше пришлось къ военному мундиру, чѣмъ «птичій» носъ и нѣжный складъ капитана Вибрау, не говоря на то, что этотъ молодой джентльменъ, какъ племянникъ зареченный наследникъ сэръ-Кристофера, имѣлъ сильнѣйшее уваженіе на уваженіе садовника и, что ни говори, былъ также не женъ природой. Но увы! въ желаніяхъ своихъ люди отличаются необыкновеннымъ упорствомъ; и человекъ, который желаетъ сика, не утѣшитъ самая великолѣпная морковь. Мистеръ Гильфилдъ вовсе не былъ чувствителенъ къ мнѣнію мистера Бетса, но онъ очень чувствителенъ къ мнѣнію о себѣ другой особы, которая вовсе не раздѣляла пристрастія къ нему мистера Бетса. Это была эта другая особа не трудно было бы отгадать, еслибы обратить вниманіе на взглядъ, какимъ мистеръ Гильфилдъ прощалъ молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, когда она прошла тугу съ подушками. Капитанъ Вибрау смотрѣлъ въ ту же

сторону, но на его красивомъ лицѣ не выразалось рѣшительнаго ничего.

— А, сказалъ сэръ-Кристоферъ, оторвавъ на минуту глаза отъ газеты, — вотъ гдѣ усѣлись наши дамы! Позвоните, Антоша, прикажите подать кофе; мы присоединимся къ нимъ, и попросимъ обезьянку Тину спѣть намъ что-нибудь.

Кофе не замедлилъ появиться, но противъ обыкновеннаго его не лакей, а старый дворецкій, въ потертомъ, но тщательно вычищенномъ черномъ кафтанѣ.

— Извините, сэръ-Кристоферъ, сказалъ онъ, поставивъ носъ на столъ, — вдова Гартопъ здѣсь; она плачетъ, и проситъ позволенія поговорить съ вашею милостью.

— Я уже далъ Маркгеу, всѣ нужныя приказанія вдовы Гартопъ, рѣшимъ, рѣшительнымъ голосомъ отвѣтить Кристоферъ. — Миѣ не зачѣмъ говорить съ нею.

— Ваша милость, смиреннымъ голосомъ продолжалъ дворецкій, — бѣдная женщина совершенно убита, и говоритъ, что будетъ въ состояніи ни спать, ни ѣсть, пока не поговоритъ съ вашею милостью, и проситъ васъ простить ей за то, что позволила себѣ беспокоить васъ въ такое время. Она плачетъ и ливается слезами.

— Знаю, знаю; слезы товаръ не покупной. Хорошо, продайте ее въ бібліотеку.

Покончивъ съ кофеемъ, молодые люди вышли въ отворенныя двери и направились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли дамы; Кристоферъ отправился въ бібліотеку, сопровождаемый Фрэнкомъ, его любимую гончею собакою, которая во время сидѣнья на своемъ обычномъ мѣстѣ, по правую руку баронессы отличалась своею вѣжливостью и любезностью; но какъ только принимали скатерть, она исчезала подъ столъ, находя въ томъ, что графини и рюмки составляютъ слабость человѣчества, и такую можно простить, но нельзя одобрить.

Библіотека находилась въ трехъ шагахъ отъ столовой на другую сторону устланнаго коврами корридора. Выступавшее окно находилось въ тѣни большаго бука, и отъ этого, и отъ отъ плоскаго потолка, покрытаго тяжелою рѣзбой, и отъ темнаго цвѣта книгъ, покрывавшихъ стѣны, комната казалась весьма мрачною, особенно же если войти въ нее изъ столовой съ воздушными сводами и съ тѣью бѣлыхъ, кой-гдѣ отблескивавшихъ лотомъ, украшеній. Когда сэръ-Кристоферъ отворилъ дверь, отъ болѣе яркаго свѣта упалъ на женщину въ глубокомъ тѣнѣ, которая стояла посреди комнаты и глубоко присѣла на полъ. Она была цвѣтущая женщина лѣтъ около сорока, съ глазами красными отъ слезъ, которая вѣроятно поглотила принявшій видъ сыраго комка въ ея рукѣ.

— Здравствуйте, мистрисъ Гартонъ, сказалъ сэръ-Кристоферъ, щелкнувъ пальцемъ по крышкѣ своей золотой табакерки; — что вы имѣете мнѣ сказать? Маркгеъ уже вѣроятно уведомилъ васъ, когда вамъ нужно будетъ оставить ферму.

— Да, сударь, за этимъ я и пришла. Я смѣю надѣяться, что наша милость передумаете и не выгоните меня съ бѣдными юными дѣтьми изъ фермы, за которую мужъ мой всегда платилъ исправно и въ срокъ.

— Пустяки! что вы выиграете, желалъ бы я знать, оставаясь на фермѣ и утрата на нее все, что оставилъ вамъ вашъ мужъ, вмѣсто того чтобы продать скоть и всѣ ваши запасы, и поселиться въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, гдѣ вы можете сберечь свои денежки. Всѣмъ живущимъ на моихъ земляхъ извѣстно, что никогда не позволяю вдовамъ оставаться на фермахъ, которыми управляли ихъ мужья.

— Ахъ, сэръ-Кристоферъ, вникните, ваша честь, въ мое положеніе, когда я продамъ и сѣно, и хлѣбъ, и всю живность, заплачу долги и обзаведусь новымъ хозяйствомъ, у меня развѣ останется только, чтобы мнѣ съ дѣтьми не умереть съ голоду? И какъ же нѣ тогда воспитать своихъ мальчиковъ и отдать ихъ въ ученіе? Придется имъ быть поденщиками, а отецъ ихъ былъ, можно сказать, примѣрнымъ фермеромъ: пшеницу никогда не мололъ акъ прямо съ поля, а всегда бывало напередъ уберечь ее въ кирды, соломы никогда не продавалъ съ фермы, и ничто такого. У кого хотите спросите, худаго про него никто не скажетъ. «Бесси, говорилъ онъ мнѣ, Бесси»,—это были послѣднія его слова,—не запускай фермы, если сэръ-Кристоферъ позволить тебѣ остаться въ ней.»

— Полно, полно, сказалъ сэръ-Кристоферъ, воспользовавшись минутой, когда рыданія прервали рѣчь мистрисъ Гартонъ,—выслушайте меня и постарайтесь понять, что я вамъ говорю. Вы столько же въ состояніи управлять фермой, какъ ваша лучшая дойная корова. Вы должны будете взять къ себѣ свѣдущаго по хозяйству словѣчка, а онъ или дочиста оберетъ васъ, или уговоритъ васъ ѣхать за него.

— О, сударь, не такая я женщина! за мной этого никогда не дѣлось.

— Не удивительно! Вамъ еще никогда не случалось быть вдовой. У женщины всегда много блажи въ головѣ, а ужъ особенно въ ту пору, когда имъ придется надѣть вдовой чепецъ. Ну, раздите же сами: если вы останетесь на фермѣ, черезъ два-три года хозяйство придетъ въ упадокъ, деньги всѣ уйдутъ у васъ возъ пальцы, и хорошо еще если за вами не будетъ недоимокъ; и, быть-можетъ, вы выйдете замужъ за какимъ-нибудь негодяемъ, который васъ и вашихъ дѣтей будетъ бить и притѣснять.

— Я знаю толкъ въ хозяйствѣ, сэръ-Кристоферъ; съ каменства, можно сказать, меня приучали къ этому дѣлу. Тетя моего мужа завѣдывала фермой двадцать лѣтъ и отдала капиталъ всѣмъ своимъ внучатымъ племянникамъ и племянницамъ, въ томъ числѣ и моему мужу, которымъ тогда была мена его мать.

— Должно-быть она была двѣнадцати вершковъ роста, съ могучими руками, гренадеръ въ юнкѣ. Не такая вдовушка какъ вы, мистрисъ Гартопъ.

— Никогда я не слыхала, сударь, чтобъ она была. Я знаю я, что еслибъ она закотѣла, такъ могла бы и выйти замужъ, и не за такихъ людей, которые бы только ея богатства.

— Да, да, всё вы это воображаете. Всякій, кто только нетъ на васъ, ужь непременно желаетъ на васъ жениться, даже былъ бы очень радъ, еслибъ у васъ еще вдвое больше дѣтей, и вдвое меньше денегъ. Но нечего тутъ рыдать и плакать. Я знаю, что я дѣлаю, и не дамъ ни слова. Я совѣтую вамъ думать теперь только о томъ, какъ бы вамъ выгоднѣе обить всю вашу движимость да высмотрѣть себѣ место, куда бы вамъ переселиться, когда придетъ срокъ покинуть ферму. А теперь ступайте къ мистрисъ Беллами, и скажите ей, чтобъ она собрала для васъ чай.

Мистрисъ Гартопъ, понявъ по рѣшительному тону сэръ-Кристофера, что просьбы ея ни къ чему не поведутъ, низко передъ нимъ и удалилась, а баронетъ сѣлъ за свой письменный столъ въ углубленіи окна, и написалъ слѣдующую записку.

«Мистеръ Маркгемъ, не хлопчите объ отдачѣ амантъскаго коттеджа; я хочу поселить въ немъ вдову Гартопъ, она оставитъ ферму. Если вы будете здѣсь въ субботу я поѣду съ вами, чтобы распорядиться насчетъ поправокъ, также будетъ прирѣзать полосу земли къ огороду, чтобы она могла держать корову и свиней. Преданный вамъ

Кристоферъ Чевортъ»

Пославъ письмо, сэръ-Кристоферъ вышелъ въ садъ, присоединиться къ обществу на лугу. Но на лугу не было ни одного покинутыя подушки, и отправился къ восточному концу дома, гдѣ большая стеклянная дверь зало открыла новую перспективу свѣжихъ луговъ и деревъ, оканчивавшихся въ отдаленіи готическими воротами. Дверь была отворена, и войдя въ нея, сэръ-Кристоферъ увидѣлъ тѣхъ, кого искалъ, занятыхъ разсматриваніемъ потолка. Потолокъ здѣсь былъ въ томъ же легкомъ, готическомъ

тлѣ, какъ и въ столовой, но отдѣлки еще болѣе тонкой; узоры го было точно окаменѣвшее кружево на полѣ самаго нѣжнаго и разнообразнаго колера. Около четверти потолка не было ще раскрашено, и подѣ этою частію его находились лѣса весь снарядъ живописца; вся же остальная комната была пуста какъ-то успокоительно обхватывала своими чистыми очертавленіи входившаго въ нее.

— Франческо сталъ нѣсколько поисправнѣе послѣдніе дни, казалъ сэръ-Кристоферъ.—Я не видывалъ такого лѣниваго челоука: я право начинаю думать, что онъ спитъ стоя, съ кистью въ рукѣ. Но я буду торопить его, а не то лѣса не будутъ прираны къ пріѣзду невесты: вы видите, Антони, я ожидаю, го вы военныя дѣйствія поведете быстро, и заставите крѣость скоро сдатьса.

— О, сэръ-Кристоферъ! дѣло извѣстное, что осада изо всѣхъ женныхъ дѣйствій самое трудное и скучное, сказала капитанъ ибра, съ улыбкою, говорившею совершенно иное.

— Но только не тогда, когда за стѣнами его есть предатель, въ идѣ нѣжнаго сердца; и вы найдете этого предателя, если только ать Беатрисы, кромѣ красоты своей, передала ей и свою ѣжность.

— Какъ вы думаете, сэръ-Кристоферъ, сказала леди Чеверель, оторой, казалось, эти воспоминанія мужа не совсѣмъ были иричны,—не хорошо ли было бы повѣсить «Сивилу» Гверчино надъ тою дверью. Она не довольно на виду въ моемъ кабинетѣ.

— Безподобно, душа мол, отвѣтилъ сэръ-Кристоферъ съ саю нѣжною вѣжливостію; — если вамъ не жаль разстаться съ тмъ украшеніемъ вашей комнаты, оно будетъ совершенно на вѣсть здѣсь. Наши портреты, писанные сэръ-Джошуа Рейнольдмъ, будутъ висѣть противъ окна, а «Преображеніе» на этой тѣнѣ. Вы видите, Антони, что мы на стѣнахъ не оставляемъ почетнхъ мѣсть для васъ и вашей жены. Мы ваши портреты постаимъ лицомъ къ стѣнѣ въ галлерей, а вы современемъ намъ отитите тѣмъ же.

Пока шелъ этотъ разговоръ, мистеръ Гильфилъ подошелъ къ терниѣ и сказалъ ей:

— Видъ изъ этого окна мнѣ особенно нравится.

Она ничего не отвѣчала, и видя, что глаза ея наполняются езами, онъ прибавилъ:

— Не пройдтисъ ли намъ немного? Сэръ-Кристоферъ и леди чеверель чѣмъ-то, кажется, занялись.

Катерина молча изъявила свое согласіе, и они свернули на паную дорожку, которая извивалась между высокими деревьями зелеными лужайками, и вела въ обширный огороженный цвѣт-

никъ. Оба они молчали: Менардъ Гильфильдъ зналъ, что Катерина далеки отъ него, а она давно привыкла не стѣснять его присутствіемъ.

Они дошли до цвѣтника и машинально завернули въ открывавшую взгляду такую роскошь всевозможныхъ цвѣтовъ, что онѣ какъ огонь поражали глазъ, особенно послѣ тѣни зелени сада. Къ полночь впечатлѣнія способствовало еще тѣмъ, что грунтъ чуть замѣтно спускался отъ калитки и потому она шла къ противоположному концу, гдѣ стояла оранжерея. Цвѣты горѣли во всемъ блескѣ вечерняго освѣщенія, всегеліотропы распространяли свое нѣжное благоуханіе въ воздухъ. Вся картина производила впечатлѣніе блестящаго праздника, гдѣ все ликовало и радовалось, гдѣ горе не могло себя почувствія. Это же самое почувствовала Катерина. Она шла между клумбами, и синими, и золотыми, и красными, и во всемъ блескѣ, вся эта красота, такъ тяжело подѣйствовала на нее, что одиночества съ такою силой овладѣло ею, что слезы, и поръ тихо катившіяся по ея блѣднымъ щекамъ, теперь вылились изъ ея глазъ, и она громко зарыдала. И, однако, рядомъ сердцемъ, билось любящее сердце, страдавшее за нее, минуту не забывавшее, что она несчастна и что оно хотѣло помочь ей. Но она была раздражена мыслию, что ея мысли не согласуются съ ея желаніями, что онѣ болѣе жалко, разсудствѣ ихъ нежели о томъ, что имъ не суждено осуществиться, и потому не могла находить утѣшенія въ его сочувствіи. Катерина, подобно всемъ намъ, съ досадою отворачивалась отъ чувствія, въ которомъ подозрѣвала тѣнь осужденія, и ребенокъ отворачивается отъ сластей, подозрѣвая въ нихъ ядъ.

— Милая Катерина, я слышу голоса, сказалъ мистеръ Гильфильдъ;—они кажется идутъ сюда.

Она тотчасъ же побѣдила себя,—видно было, что она привыкла скрывать свое волненіе,—и быстро побѣжала къ другому концу сада, гдѣ, казалось, занялась составленіемъ букета. Скоро за ней въ цвѣтникъ вошли леди Чеверель, опираясь на руку миссъ Вибрау, а за ней сэръ-Кристоферъ. Они остановились передъ рядомъ гераній у самаго входа, и къ тому времени Катерина возвратилась съ моховою, не совсѣмъ еще распустившася розой въ рукѣ.

— Вотъ, *padroncello*, сказала она, подходя къ сэръ-Кристоферу,—вотъ, вамъ роза въ вашу петличку.

— А, черноглазая обезьянка, сказалъ онъ, нѣжно поглядывая на нее по головѣ, — вы опять убѣжали съ Менардомъ, чтобы помешать ему или заставить его еще немножко больше влюбиться въ васъ.

сидеть; пойдёмъ, я хочу, чтобы вы мнѣ спѣли *No perduto*, прежде чѣмъ мы засядемъ за пикетъ. Антони уѣзжаетъ завтра, вы должны своимъ пѣніемъ привести его въ должное настроеніе, чтобы онъ въ Батѣ не ударилъ лицомъ въ грязь.

Онъ положилъ ея маленькую руку на свою руку, и позвавъ дядю Чеверель, направился къ дому.

Все общество вошло въ гостиную, которая съ своимъ выступающимъ окномъ и плоскимъ, украшеннымъ рѣзьбой и гербами голландомъ соотвѣтствовала библіотекѣ на противоположномъ концѣ дома; но отсутствіе тѣнистаго дерева передъ окномъ и нѣсколько красокъ и золотыхъ рамъ портретовъ, которыми были оклеены стѣны, придавали комнатѣ болѣе веселый видъ. Здѣсь висѣлъ портретъ сэръ-Антони Чевереля, возстановившаго въ царствованіе Карла II блескъ своего стариннаго рода, пришедшаго некогда въ упадокъ послѣ краткаго сіянія того Шевреля, который прибылъ въ Англію съ Завоевателемъ. Величественный дѣдъ имѣлъ этотъ сэръ-Антони, упершій одну руку въ бокъ выставившій красивую ногу съ видимымъ намбрениемъ удивить своихъ современниковъ и потомство. Вы могли бы снять съ него ликоупный парикъ, красный плащъ перекинутый за плечо, у него не убавилось бы ни на каплю величія. И сумѣлъ онъ даже выбрать себѣ подругу жизни: взгляните на леди Антони Чеверель, висающую противъ него, на ея темно-золотистые волосы, окаймляющіе ея кроткое, задумчивое лицо, и падающіе уми роскошными буклями на ея нѣжную шею, которая отдѣляется отъ ея бѣлаго атласнаго платья только болѣе мягкой бѣлой своею, и согласитесь, что она ему совершенная пара.

Въ этой комнатѣ пили чай, и здѣсь каждый вечеръ, какъ только бы на башнѣ били девять, сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель сидѣли за пикетъ до конца десятиаго часа, когда мистеръ Гильфильдъ начиналъ читать молитвы для всѣхъ, собиравшихся въ чаю, домашнихъ.

Но теперь до девяти часовъ еще было далеко, и Катерина была сѣсть за клавифорды и спѣть сэръ-Кристоферу его любимыя арии изъ *Орфел*, оперы, которую счастливые отцы наши въ всякомъ случаѣ часто слышатъ на лондонской сценѣ. Случилось этотъ вечеръ, что чувства, выраженные въ двухъ аріяхъ: *Сле senza Euridice?* и *No perduto il bel zombiante*, гдѣ Орфей напѣлъ, въ дивныхъ звукахъ, всю свою тоску по возлюбленной, совершенно пришлись къ душевному настроенію Катерины. Но не это ея, вмѣсто того чтобы пренятствовать ея нѣжнѣ, придало ей новую силу:

Она пѣла такъ; какъ никогда не пѣла; въ пѣніи былъ самый великій талантъ ея; въ пѣніи, вѣроятно, заключалось все

преимуществе ея надъ аристократическою красавицею, къ которой Антонъ вѣдалъ свататься; и ея любовь, ея ревность, ея гордость, ея бунтъ противъ судьбы, страстными потоками излились изъ ея стѣсненной груди. У нея былъ рѣдкій контральто, и леди Чеверель, большая любительница музыки, тщательно наблюдала и тѣмъ, чтобъ она не пѣла черезъ силу.

— Безподобно, Катерина, сказала леди Чеверель, когда умолкли послѣдніе, дивно-сладкіе звуки аріи. — Вы эту арію спѣли необыкновенно хорошо. Повторите ее.

Она повторила ее, и затѣмъ спѣла *No perduto*, которую сэръ Кристоферъ также заставилъ ее повторить, несмотря на то, что уже прошло девять часовъ.

— Ай-да искусная черноглазая обезьянка, сказалъ онъ, видя она кончила. — Ну теперь придвиньте намъ столъ для пикета.

Катерина придвинула столъ и достала карты; потому съ собственною ей дѣтскою быстротою движенія, она бросилась и колѣни передъ сэръ-Кристоферомъ и обняла его колѣни. Онъ нагнулся къ ней, погладилъ ее по щекѣ и улыбнулся.

— На что это похоже, Катерина? сказала леди Чиверель: — когда вы отвыните, отъ этихъ комедіантскихъ выходовъ?

Она вскочила на ноги, подошла къ клавикордамъ, убрала ноты и видя, что баронетъ и его жена занялись шикетомъ, усмѣхнулась въ дверь.

Пока она пѣла, капитанъ Вибрау стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, не вдалекѣ отъ клавикордъ, а капеланъ развалился на софѣ въ другомъ концѣ комнаты. Они теперь оба взяли въ книги. Мистеръ Гильямъ выбралъ послѣдній номеръ *Журнала для джентльменовъ*; капитанъ Вибрау расположился на оттоманѣ близь дверей и открылъ *Фоблаза*. Совершенное молчаніе царствовало въ комнатѣ, гдѣ за десять минутъ передъ тѣмъ раздавались страстные звуки молодого голоса Катерины.

Она быстро прошла по скудно-освѣщеннымъ корридорамъ, поднялась по широкой лѣстницѣ и очутилась въ галлерей, тянувшейся вдоль всего восточнаго фасада дома, куда она обыкновенно отправлялась, когда желала быть одна. Луна свѣтила въ окна и облекала въ странную свѣтло-тѣнь разнородные предметы, расположенные вдоль длинныхъ стѣнъ: здѣсь стояли и греческія статуи, и бюсты римскихъ императоровъ; низкіе шкапы, наполненные всевозможными рѣдкостями: тропическими птицами и большими причудливыми раковинами, стариннымъ оружіемъ и образами; латы, римскими лампами и миниатюрными моделями греческихъ храмовъ; а надъ всѣмъ этимъ красовались старинные, фамильные портреты — маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, составившихъ когда-то надежду фамиліи Чеверелей, съ гладко выстриженными

головами, съ крѣпко-накрахмаленными воротничками, — увядшихъ леди, съ рудиментарными чертами и высоко-развитыми головными уборами, — храбрыхъ, бородатыхъ джентльменовъ, съ высокими губами и высокими плечами.

Здѣсь, въ дождливые дни, сэръ-Кристоферъ, вмѣсто прогулки, прохаживался съ своею супругой, и здѣсь стоялъ бильярдъ; но вечеромъ никто не заходилъ сюда, кромѣ Катерины и иногда еще одного человѣка.

Она ходила назадъ и впередъ, и ея блѣдное лицо, бѣлое платье, воздушная поступь, придавали ей скорѣе видъ призрака чѣмъ киваго существа.

Она остановилась наконецъ передъ широкимъ окномъ надъ юртикомъ, и заглядѣлась на длинную перспективу луговъ и деревьевъ, озаренныхъ печально-таинственнымъ свѣтомъ луны.

Вдругъ что-то теплое, душистое, нахнуло на нее, чья-то рука тихо обняла ее и завладѣла ея пальчиками. Катерина здрогнула будто отъ электрическаго удара, и замерла на одно мгновение; потомъ она оттолкнула руку, обнявшую ее, бернула ее, и подняла на наклонившееся къ ней лицо глаза, исполненные вѣжности и упрека: безстрастность лани исчезла изъ нихъ, и въ этомъ взглядѣ обнаружилась вся основа существа бѣдной Катерины, ея страстная любовь и страстная ревность.

— Отчего ты отталкиваешь меня, Тина? полушепотомъ сказалъ капитанъ Вибрау: — неужели ты сердилъсь на меня за ою же горькую долю? Неужели ты хочешь, чтобъ я противилъ я дядѣ, столько сдѣлавшему для насъ обоихъ, въ самомъ дорогое его сердцу желаніе? Ты знаешь, что у меня есть обязанности, передъ которыми должны замолкнуть наши чувства.

— Да, да, сказала Катерина, отворачиваясь отъ него и нетерпѣливо топнувъ ножкой, — не повторяйте мнѣ того, что я уже давно гаю.

Но внутренній голосъ, который она напрасно старалась заглушить, безпрестанно повторялъ ей: — Зачѣмъ же заставилъ онъ зня полюбить его, зачѣмъ убѣждалъ онъ меня, что любить зня, если онъ зналъ, что онъ не въ состояніи ничѣмъ для меня жертвовать? А любовь на это отвѣчала: — Онъ увлекался митными чувствами, также точно, какъ и ты, Катерина; а теперь я должна ему помочь въ исполненіи долга. Но голосъ возражалъ: — Для него все это шутка. Ему вовеки не трудно отказаться зъ тебя. Онъ скоро полюбитъ эту красавицу, и забудетъ твое бѣдное, грустное личико.

Такимъ образомъ любовь, негодованіе и ревность боролись въ ей молодой душѣ.

— Къ тому же, Тина, продолжалъ капитанъ Вибрау самымъ мягкимъ и замскивающимъ голосомъ, — врядъ ли мнѣ это удастся. Миссъ Эсперъ, вѣроятно уже любитъ кого-нибудь, а ты знаешь, что я буду очень радъ встрѣтить неудачу. И я возвращусь горемычнымъ холостякомъ, и найду тебя быть-быть замужемъ за красивымъ капеланомъ, который по уши влюбленъ въ тебя. Сэръ-Кристоферъ уже давно рѣшилъ въ своемъ умѣ, что Гильфильдъ долженъ на тебѣ жениться.

— Зачѣмъ вы все это говорите? У васъ нѣтъ ни капли чести. Оставьте меня.

— Разстанемся друзьями, Тина. Все это можетъ произойти. Очень можетъ статься, что мнѣ не суждено никогда жениться. Эти сердцебіенія могутъ очень скоро свести меня въ гробъ, и ты тогда будешь имѣть удовольствіе знать, что я никогда не буду ничьимъ мужемъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться? Можетъ, я стану на свои ноги прежде чѣмъ попадусь въ бѣду, и буду тогда воленъ жениться на моей маленькой. Зачѣмъ намъ отчаиваться прежде времени?

— Вамъ легко говорить, вы ничего не чувствуете. Мнѣ же и тяжело теперь, я не думаю о томъ, что можетъ случиться послѣ. Но вамъ дѣла нѣтъ до моего горя.

— Нѣтъ дѣла, Тина? нѣжно сказалъ Антони, и опять схватилъ ее рукой и притянулъ къ себѣ. Этотъ голосъ, эта рука, эта всевластная надъ бѣдною Тиною. Негодование и горе, воспоминаніе о прошедшемъ и предчувствія будущаго, все исчезло, было забыто въ блаженствѣ той минуты, когда Антони притянулъ свои губы къ ея губамъ.

«Бѣдная Тина, подумалъ капитанъ Вибрау: какъ бы она была счастлива, еслибъ я женился на ней. Но у нея сумасшедшая головка.»

Въ эту минуту громкій звукъ колокола пробудилъ Елизавету изъ краткаго, сладостнаго забытья. Это былъ призывъ къ черной молитвѣ въ часовнѣ, и она поспѣшила туда, а капитанъ Вибрау медленнымъ шагомъ послѣдовалъ за ней.

Живописную картину представляло это семейство, собравшееся на молитву въ маленькой часовнѣ, освѣщенной нѣсколькими томъ двухъ-трехъ восковыхъ свѣчъ. У набои стоялъ Гильфильдъ, и лицо его было нѣсколько важнѣе чѣмъ обыкновенно.

По правую руку отъ него, на красныхъ бархатныхъ подушкахъ, стояли на колѣняхъ хозяйинъ и хозяйка дома, величественные въ своей старческой красотѣ. По лѣвую видѣлись блѣдныя лица Антони и Катерины, во всей поразительной противоположности своего колорита: онъ, съ своимъ классическимъ цветомъ и нѣжнымъ цвѣтомъ; она — черноглазая и темная, какъ и

тинное дитя юга. Далѣе, на красныхъ коврахъ, стояли, преклонивъ колѣна, слуги: женщины подъ предводительствомъ мистрисъ Беллами, опротивой старой домоправительницы, въ чепцѣ и передникѣ снѣжной бѣлизны, и мистрисъ Шарпъ, раздраженной камеристки леди Чеверель, съ лицомъ нѣсколько кислымъ; мужчины—подъ предводительствомъ мистера Беллами, дворецкаго, и мистера Уарена, почтеннаго камердинера сэръ-Кристофера.

Мистеръ Гильфиль обыкновенно читалъ нѣсколько отрывковъ изъ вечернихъ молитвъ, кончавшихся простымъ прошеніемъ: «Просвѣти мракъ нашъ.»

За тѣмъ всѣ поднялись, и слуги вышли, раскланявшись и присѣвъ въ дверяхъ. Семейство возвратилось въ гостинную, всѣ пожелали другъ другу покойной ночи и разошлись, и спокойный сонъ вскорѣ объялъ всѣхъ, за исключеніемъ двухъ. Катерина долго плакала и, заснувъ наконецъ отъ утомленія, какъ ребенокъ еще долго рыдала во снѣ. Менардъ Гильфиль заснулъ еще позже, и все думалъ о томъ: вѣрно она теперь плачетъ.

Капитанъ Вибрау, отпустивъ своего камердинера въ одиннадцать часовъ, скоро погрузился въ сладкій сонъ; его правильное лицо, какъ красивый камень, отдѣлялось отъ бѣлой подушки.

ГЛАВА III.

Предыдущая глава дала проникательному читателю достаточное понятие о томъ, что происходило въ Чеверельскомъ замкѣ, лѣтомъ 1788 года. Въ это лѣто, какъ извѣстно, великая французская нація находилась въ страстномъ броженіи, не предвѣщавшемъ ничего добраго. И въ душѣ нашей маленькой Катерины также происходила ужасная борьба. Бѣдная птичка начинала метаться и биться въ желѣзной клѣткѣ неумолимой судьбы, и очевидна была опасность, что если продлится эта борьба, то бѣдное трепещущее сердце не вынесетъ долге.

Но если, какъ я надѣюсь, ваше участіе нѣсколько возбуждено къ Катеринѣ и ея друзьямъ въ Чеверельскомъ замкѣ, то вы вѣроятно спрашиваете себя, какъ попала она сюда. Какими судьбами это нѣжное дитя юга, съ лицомъ, краснорѣчиво говорящимъ вамъ о темносинемъ небѣ, оливковыхъ роцахъ, таинственно освѣщенныхъ мадонахъ, очутилось въ этомъ величественномъ замкѣ, подлѣ гордой бѣлокурой леди Чеверель, словно яркій коллибри, сидящій въ паркѣ, на вѣткѣ вяза, рядомъ съ великолѣп-

нѣйшимъ бѣлымъ голубемъ? И говорила она къ тому же и англійски совершенно чисто, и могла бы по протестантскому обряду. Ее вѣроятно привезли въ Англію въ самомъ раннемъ вѣствѣ? Именно такъ.

Во время послѣдняго путешествія по Италіи сэръ-Кристоферъ и его жены, за пятнадцать лѣтъ до начала нашего разказа, они жили въ Миланѣ, гдѣ сэръ-Кристоферъ, который страстно любилъ готическую архитектуру и задумалъ превратить свой затѣливый деревенскій домъ въ образецъ готическаго замка, не только принялся изучать всѣ подробности этого искусства, но и чудомъ, собора. Здѣсь леди Чеверель, какъ во всѣхъ итальянскихъ городахъ, гдѣ ей случалось жить довольно долго, взяла себѣ учителя пѣнія: въ то время она не только не понимала музыку, но и была одарена прекраснымъ слухомъ, и самые богатые люди употребляли переписанные ею ноты, и много людей, не походившихъ ни въ чемъ другомъ на Жака, походили на него въ томъ, что снискивали себѣ пропитаніе «à copier la musique à tant la page.» Леди Чеверель добился переписчикъ, и маэстро Албани вызвался преподавать знакомаго ему *roveraccio*, отличавшагося четкостью и оригинальностью своего почерка. Къ несчастію, говорилъ маэстро Албани, этотъ *roveraccio* не всегда совершенно въ своемъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего дѣло его шло иногда довольно медленно, но прекрасная синьора сдѣлаетъ доброе дѣло, если дастъ бѣдному Сарту.

На другое утро, мистрисъ Шарпъ, въ то время дѣвѣ, видная женщина лѣтъ тридцати-трехъ, вошла къ своей матери и сказала ей:

— Извините, миледи, въ передней стоитъ какой-то разбитый, нечистоплотный человѣкъ, и говоритъ, что онъ послалъ къ вашей милости учитель пѣнія. Но я полагаю, что вы не захотите его видѣть. Онъ, вѣроятно, просто нищій.

— Нѣтъ, нѣтъ, приведите его сейчасъ сюда.

Мистрисъ Шарпъ удалилась, пробормотавъ что-то про себя и хуже того. Она вовсе не была охотницей до пріема Италіи и ея обитателей, и несмотря на глубокое свое уваженіе къ сэръ-Кристоферу и своей госпожѣ, не могла не жаловаться, чтобы не подивиться непостижимой прихоти своей матери, покинувшихъ родной край, чтобы толкаться въ чужбину, въ странѣ, гдѣ и бѣлья порядочно не умѣютъ стирать, и гдѣ отъ всѣхъ людей такъ и несетъ чеснокомъ.

Тѣмъ не менѣе, минутой спустя, она ввела въ комнату своего какаго худаго человѣка, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, и съ такимъ блуждающимъ взглядомъ, которымъ застѣнчиво, почти боязливо

поклонился леди Чеверель, что придавало ему видъ чело­вѣка, долго просидѣвшаго въ одиночномъ заключеніи. И однако, сквозь весь этотъ упадокъ и грязь проглядывали слѣды чего-то моло­даго и нѣкогда красиваго. Леди Чеверель, вовсе не сантимен­тальная и даже не очень чувствительная, была добра и любила расточать милости свои подобно богинѣ, благосклонно глядящей на колѣкъ и слѣпыхъ, поклоняющихся ей и зывающихъ къ ней. Она почувствовала состраданіе къ бѣдному Сарту, показавшемуся ей какимъ-то жалкимъ остаткомъ чего-то болѣе блестящаго; она ласково заговорила съ нимъ, объяснила ему, какія оперныя арии она желаетъ имѣть переписанными, и его, казалось, согрѣли лучи ея голубыхъ глазъ, и когда онъ удалился съ тетрадами нотъ подъ мышкой, поклонъ его, хотя все такой же почтительный, былъ менѣе робокъ.

Лѣтъ десять, по крайней мѣрѣ, Сарту не видалъ ничего столь блестящаго, величественнаго и прекраснаго какъ леди Чевериль: то время давно прошло, когда онъ выступалъ на под­мосткахъ, въ бархатѣ и перьяхъ, блестящимъ первымъ теноромъ одной короткой зимы. Увы! онъ совершенно лишился голоса на слѣдующую зиму, и съ тѣхъ поръ немногимъ былъ лучше над­треснувшей скрипки, годной только на растопку печи. Подоби­но большей части италіянскихъ пѣвцовъ онъ мало зналъ самъ, чтобъ учить другихъ, и не будь у его красиваго почерка, онъ и его молодая, безпомощная жена; могли бы умереть съ го­лода. Послѣ рожденія его третьяго ребенка, свирѣпствовавшая въ городѣ горячка выбрала себѣ въ жертвы болѣзненную мать и двухъ старшихъ дѣтей, и заразила самого Сарту; онъ всталъ съ одра болѣзни разслабленный умомъ и тѣломъ, и съ четырехъ-мѣ­сячною, чуть дышавшею малюткой на рукахъ. Онъ жилъ надъ овощною лавкой; лавку эту содержала женщина, которая не отли­чалась кротостію нрава, и своимъ ростомъ и громкимъ голосомъ могла отвѣчать за мушину; но она сама была мать, и вслѣдствіе того сжалилась надъ бѣднымъ желтымъ, черноглазенькимъ *bambinello*, и ухаживала за нимъ и за больнымъ его отцомъ. Здѣсь-то продолжалъ онъ жить, кой-какъ перебиваясь, благодаря маэстро Альбани, который доставлялъ ему работу. Вся жизнь его, казалось, заключалась въ этомъ ребенкѣ: онъ нянчился съ нимъ, игралъ съ нимъ, живя съ нимъ одинъ въ своемъ маленькомъ чуланчикѣ, и только тогда просилъ хозяйку дома присмотрѣть за его ма­люткой, когда ему случалось отлучиться изъ дому чтобы взять или отнести работу. Посѣтители лавочки часто могли видѣть ма­ленькую Катерину, какъ сживала она на кучѣ гороха и копалась съ ней, или подобно котенку, для совершенной безопасности, была опущена въ глубокую корзину.

Иногда, однако, Сартти оставлялъ свою малютку съ покровительницей другаго рода. Онъ былъ очень богомолецъ, и три раза въ недѣлю отправлялся въ соборъ, и всегда бралъ Катерину съ собою. Здѣсь, когда высокое утреннее солнце обогрѣвало ряды блестящихъ зубцовъ снаружи и боролось съ массою мглою внутри, тѣнь человека съ ребенкомъ на рукахъ прирасталась къ маленькой мишурной мадоннѣ, висѣвшей въ отдаленномъ уголку близъ хора. Посреди всѣхъ величественныхъ красотъ великолѣпнаго собора, бѣдный Сартти обращался къ этому божественнаго милосердія, словно ребенокъ, окруженный природой, и не видящій ни синяго неба, ни снѣжныхъ горъ, бьющимся сердцемъ слѣдящій за какимъ-нибудь легкимъ мотылькомъ или мотылькомъ, находящимся въ ту минуту въ поле зрѣнія съ его глазомъ. Здѣсь-то, Сартти, посадивъ подлѣ себя Катерину на каменныя плиты, молился и возносился духомъ; и если случалась ему надобность зайти куда-нибудь по близости, онъ садился къ ней здѣсь, передъ мадонной, и дѣвочка сидѣла совершенно смиренно, улыбаясь, и какъ птичка щебеча сама съ собою. Сартти возвращался, онъ всегда находилъ, что Благославленная въ женахъ сберегла его малютку.

Сартти такъ хорошо и скоро исполнилъ дѣло, заказанное леди Чеверель, что она опять отослала его съ кипой бумагъ. Теперь прошла недѣля, прошла другая, и Сартти не явился. Леди Чеверель отсылала въѣренныхъ ему ноть. Леди Чеверель уже хотѣла послать Уарена отыскать его по адресу, оставленному въ одно утро, когда она готовилась выѣхать, слуга принесъ маленькій клочокъ бумаги, оставленный для нея зеленымъ приходившимъ съ своею корзиной. На бумажкѣ были написаны на итальянскомъ языкѣ только три строчки дрожащею рукою:

«Не сжалится ли, *Eccellentissima*, Христа ради, надъ такимъ человекомъ, и не посѣтитъ ли его?»

Леди Чеверель узнала почеркъ Сартти. Она тотчасъ въ экипажъ, дала итальянскому кучеру адресъ Сартти, и просила его везти ее туда. Экипажъ остановился въ узкой улицѣ, противъ овощной лавочки, и широкой обрамленнаго пола тотчасъ же появился въ дверяхъ, къ великому удивленію Шарль, всегда отзывавшейся объ этой женѣ въ слѣдствіи съ отвращеніемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ. *Raxxini* (такъ звали лавочницу) впрочемъ улыбалась, садясь теперь очень любезно, и леди Чеверель, плававшая миланское нарѣчіе, успѣшила окончить разговоръ, попросивъ ее провести къ синьору Сартти. *La Razza*

наверх по узкой темной лестницѣ, и отворила дверь, въ которую попросила ее войти. Прямо противъ двери, на низкой тѣлой постели, лежалъ Сарти. Глаза его были открыты, но онъ сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, когда они вошли.

ногъ его, на постели, сидѣла крошечная дѣвочка, лѣтъ, какъ ось, около трехъ; холщевый неуклюжій чепецъ покрывалъ ея вѣнчую головку, ножки ея были обуты въ кожаные сапожки, въ которыхъ видѣлись ея худенькія желтыя икры; блузочка, сдѣланная изъ чего-то бывшаго прежде шелковою матеріей, уршала весь ея костюмъ. Ея черныя большіе глаза, на ея тонкомъ личикѣ, дѣлали впечатлѣніе двухъ драгоценныхъ жемчужинъ, вставленныхъ въ вырѣзанную изъ пожелтѣвшей слоновой кости каррикатурную головку. Она держала пустую сткланку и плакала тѣмъ, что то закупоривала, то откупоривала ее.

«*Razzi!* подошла къ кровати и сказала:—*Ecco la nobilissima ora!* но вслѣдъ за тѣмъ громко воскликнула:—Пресвятая Богородица! онъ умеръ!

а, бѣднякъ умеръ. Письмо его не дошло вовремя, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія, и попросить богатую англійскую леди не оставить его маленькой Катерины. Мысль эта не дала его слабой головы, съ тѣхъ поръ какъ онъ почувствовалъ, что болѣзнь его опасна. Она была богата, она была добра, непременно сдѣлаетъ что-нибудь для бѣдной сиротки. И потому онъ рѣшился послать этотъ клочокъ бумаги, благодаря которому не выговоренная еще его просьба была исполнена. Чеверель дала хозяйкѣ денегъ на похороны, и увезла Катерину, съ намѣреніемъ посоветоваться съ сэръ-Кристоферомъ на томъ, что съ нею дѣлать. Даже мистрисъ Шарпъ такъ тронута картиной, которую она увидѣла, когда ее позвали, чтобы снести Катерину въ экипажъ, что прослезилась, хотя вовсе не была подвержена этого рода слабости: она поставила себѣ за правило не дозволить себѣ плакать, оттого что слезы, какъ извѣстно, очень вредны для глазъ.

Возвращаясь въ гостиницу, леди Чеверель перебрала въ своимъ разные планы относительно Катерины, и наконецъ одинъ изъ нихъ одержалъ верхъ надъ всѣми другими,—почему бы имъ не ребенка не увести съ собою въ Англію и не воспитать у себя? Она уже была замужемъ двѣнадцать лѣтъ, и однако въ Честертонскомъ замкѣ не раздавалось дѣтскихъ голосовъ, а эти звуки бы и освѣтили бы старый домъ. Къ тому же, не было ли дѣло обратить эту маленькую папистку въ добрую протестантку, и привить по возможности англійскій плодъ къ итальянскому деревцу.

Сэръ-Кристоферу этотъ планъ очень понравился. Онъ любилъ

дѣтей и тотчасъ же пристрастился къ черноглазой обезьянкѣ — прозвище, которое онъ давалъ ей, въ продолженіи всей ея короткой жизни. Но ни ему, ни леди Чеверель и въ голову не пришло взять ее вмѣсто дочери, возвести ее до себя. Такая романтическая мысль не представлялась ихъ знатному уму. Нѣтъ! ребенокъ будетъ воспитанъ въ Чеверельскомъ замкѣ, съ тѣмъ цѣлю въ послѣдствіи быть полезнымъ въ домѣ, то-есть разнашивать шерсть, вести счеты, читать вслухъ, словомъ всячески занимать благодѣльницѣ своей очки, когда глаза ея начнутъ ослабѣть.

Итакъ, мистрисъ Шарпъ было поручено замѣнить колчанъ чепецъ, сапожки и шелковую юпочку болѣе прилично одеждѣ и теперь, странно сказать, маленькая Катерина, тридцатисѣмичное существованіе которой, казалось бы, далеко не было сносно, впервые испытала, что такое сознательное горе. «Неужто», сказала Аяксъ, есть зло безъ боли»; а также, полагаю я, и если судить по веселымъ лицамъ, соединеннымъ съ ней. Во всякомъ случаѣ чистоплотность часто бываетъ добромъ съ болью, и можетъ засвидѣтельствовать всякій, чье лицо подвергалось безпощадному тренію руки съ золотымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ. Если ты, читатель, не испыталъ этой пытки, я не могу требовать отъ тебя, чтобы ты составилъ себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, что приходилось Катеринѣ выносить отъ совершеннаго для нея расточительности мистрисъ Шарпъ на воду и мыло. Но къ счастію, это чистилище скоро смилось въ ея маленькой голубенькой немедленнымъ переходомъ въ блаженную обитель — диванъ кабинета леди Чеверель, гдѣ находились и игрушки, и обаяніе покорнаго нрава, безропотно переносившая маленькія мученія, гдѣ, въ довершеніе, сэръ-Кристоферъ сажалъ ее иногда на козлы и заставлялъ ее прыгать.

ГЛАВА IV.

Три мѣсяца послѣ этого важнаго въ жизни Катерины событія и именно, позднею осенью 1763 года, изъ трубъ Чеверельскаго замка такъ и валелъ дымъ, и вся прислуга дома съ воодушевленіемъ ожидала возвращенія своихъ господъ послѣ двухлѣтняго отсутствія. Сильно было удивленіе мистрисъ Беллами, когда мистеръ Уаренъ высадивъ изъ кареты черноглазую обезьянку, и сильно въ мистрисъ Шарпъ было сознание своего

восхода въ опытности и знаніи свѣта, когда она вечеромъ, въ комнатѣ экономки, за теплымъ стаканомъ грога, передавала собравшимся вокругъ нея, равнымъ ей по чину членамъ прислуги, какимъ образомъ Катерина попала къ нимъ въ домъ.

Уютная то была комната и пріятно въ ней было собираться въ холодный ноябрьскій вечеръ. Глубокій, обширный каминъ, съ горѣвшими посерединѣ его огромными полѣньями, съ милліонами искръ, летѣвшихъ въ темную трубу, уже одинъ представлялъ собою живописную картину; надъ нимъ красовалась надпись, тонко вырѣзанная старинными готическими буквами, на широкой деревянной доскѣ, вставленной въ стѣну: «Бойся Бога и чти царя». А за обществомъ, образовавшимъ полумѣсяцъ вокругъ пылающаго огня, что за глубокое пространство въ таинственномъ полусвѣтѣ, гдѣ воображенію былъ просторъ разыграться! Въ самой глубинѣ комнаты, что за высокій богатырскій столъ, на рѣзныхъ массивныхъ ножкахъ! а вдоль стѣнъ, какія шкапы и полки, говорящія уму о безконечныхъ запасахъ абрикосоваго варенья и другихъ хозяйственныхъ прелестей! Двѣ-три картины неизвѣстно какъ попали сюда, и составляютъ пріятныя темныя пятна на сѣрыхъ стѣнахъ. Высоко надъ скрипящею, тяжелою дверью виситъ что-то такое, что при сильномъ воображеніи и при сильной вѣрѣ можно было принять за кающуюся Магдалину; а гораздо ниже виситъ подобіе шляпы и перьевъ, съ отрывками фрезы, изображавшее, если вѣрить мистрисъ Беллами, сэръ-Франсисса Бекона, который изобрѣлъ порохъ, и, по ея мнѣнію, напрасно занимался такимъ дѣломъ.

Но въ этотъ вечеръ никто не вспоминаетъ о великомъ веруламскомъ мыслителѣ, и всѣ, кажется, того мнѣнія, что давно умершій и похороненный философъ гораздо менѣе интересенъ чѣмъ живой садовникъ, который занимаетъ видное мѣсто въ полукругѣ у каминна. Мистеръ Бетсъ, обычный вечерній посѣтитель этой комнаты, предпочиталъ дружескій разговоръ за стаканомъ грога своему одиокому креслу въ своемъ очаровательномъ, крытомъ соломой коттеджѣ, на островкѣ, гдѣ нельзя было услыхать никакихъ звуковъ кромѣ крика грачей и дикихъ гусей: звуки поэтическіе, безъ соціальнаго, но не располагающіе къ веселью.

Наружность мистера Бетса была очень замѣчательна въ своемъ родѣ. Онъ былъ здоровенный мужчина, лѣтъ около сорока, и, глядя на него, вы бы сказали, что природа вѣрно очень торопилась, окрашивая его лицо, и не успѣла позаботиться о тѣняхъ; ибо все то, что было видно надъ его галстукомъ, было покрыто одною безразличною красною краской; когда онъ находился отъ васъ въ нѣкоторомъ разстояніи, вамъ приходилось отъадывать, гдѣ именно въ пространствѣ между его носомъ и под-

бородкомъ находился его ротъ. Но, разсмотрѣнныи въблизи, губы его имѣли даже что-то совершенно особенное; и эта особенность, я полагаю, имѣла нѣкоторое вліяніе на его выговоръ, странности котораго нельзя было объяснить однимъ его сѣвернымъ происхожденіемъ. Кромѣ того, мистеръ Бетсъ отличался отъ большинства смертныхъ постояннымъ моргачемъ глазъ, и это, соединенное съ румянымъ цвѣтомъ его лица, и привычкой склонять голову на бокъ, а на ходу покачивать ее со стороны на сторону, придавало ему видъ Бахуса въ сивемъ нарядѣ, поставленнаго, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ Олимпа, въ грустную необходимость собственноручно вырывать свои лозы. Но, также точно, какъ обжоры часами валяютъ худы и блѣдны, люди воздержные часто бываютъ резчуръ румяны; и мистеръ Бетсъ, могу васъ увѣрить, человекъ воздержный, хотя, конечно, въ дружеской компаніи былъ не прочь выпить стаканчикъ-другой.

— Экая притча! замѣтилъ мистеръ Бетсъ, когда миссъ Шарпъ кончила свой разказъ: — не ожидалъ я отъ сэръ-Кристофера и нашей леди, что они привезутъ къ себѣ въ домъ въсть какого ребенка. Вспомните мое слово, доживемъ мы до этого или нѣтъ, а кончитъ эта дѣвочка дурно. У нашихъ господъ былъ Французъ лакей; онъ кралъ и шелъ чулки, и рубашки, и кольца, и все, что ни попадалось ему въ руку, и наконецъ стаянулъ шкатулку съ деньгами и бѣжалъ. иностранцы таковы: это у нихъ въ крови.

— Позвольте, сказала мистрисъ Шарпъ, съ спокойнымъ знаніемъ, что собесѣдникъ ея далеко отсталъ отъ ней въ бѣральности взглядовъ и понятій: — я не стану защищать странцевъ; я не хуже кого другаго знаю, что это за люди, и всегда скажу, что они тѣ же язычники, да и кушанья они готовятъ на такомъ мерзкомъ маслѣ, что иномучеловѣку гадко и въ ротъ взять. Но, несмотря на это, и на то, что всѣ заботы о ребенкѣ во время путешествія пали на меня, я не могу не сказать, что миледи и миссъ Стоферъ хорошо сдѣлали, что привзрѣли невиннаго ребенка въ правой своей руки не можетъ отличить отъ лѣвой, и везли его сюда, гдѣ онъ научится говорить полудевскимъ языкомъ, и воспитанъ въ нашей религіи. Сэръ-Кристоферъ, Бетсъ, почему, спитъ и бредитъ объ этихъ чужестранныхъ дѣтяхъ по мнѣ, такъ стыдно и грѣшно даже и войти въ ихъ комнату, нуть на картины, которыми обвѣшаны тамъ стѣны..

— А придется вамъ, однако еще повозиться съ иностранцами, сказалъ мистеръ Уаренъ, который любилъ подразнить сэръ-Кристофера. — сэръ-Кристоферъ нанялъ нѣсколько итальянскихъ работниковъ, чтобы помогать при передѣлкахъ въ домѣ.

— При передѣлкахъ! съ испугомъ воскликнула мистрисъ Беллами. — Какихъ передѣлкахъ?

— А развѣ вы не знаете, сказалъ мистеръ Уаренъ, — что сэръ-Кристоферъ хочетъ совершенно перестроить старый замокъ? За нами ѣдутъ портфели, биткомъ набитые рисунками и планами. Весь домъ будетъ выложенъ камнемъ въ готическомъ стилѣ, понимаете, въ родѣ нашихъ церквей; а потолки будутъ такіе, какихъ вамъ и въ жизнь свою не приходилось видѣть. Сэръ-Кристоферъ только и занимался этимъ въ чужихъ краяхъ.

— Боже милосердый! воскликнула мистрисъ Беллами: — насъ совсѣмъ задушатъ известью, работники будутъ строить курмы служанкамъ! Безпорядку не будетъ конца!

— Правда ваша, мистрисъ Беллами, сказалъ мистеръ Бетсъ. — Все-таки я не могу не сказать, что готическій стиль очень не дуренъ, и нельзя не подивиться, какъ похожи эти каменные листья, ананасы и розы на настоящіе. Сэръ-Кристоферъ, я увѣренъ, сумѣетъ украсить замокъ, и ужъ тогда другаго такого помѣстья не сыщешь во всей странѣ, — съ такими оранжереями, такимъ цвѣтникомъ и паркомъ.

— А по мнѣ, домъ не можетъ быть лучше теперешняго, будь онъ хоть разготическій, сказала мистрисъ Беллами: — я здѣсь уже четырнадцать лѣтъ завѣдываю всѣмъ хозяйствомъ. Но что на это говорить леди Чеверель?

— Леди Чеверель никогда не станетъ прекословить сэръ-Кристоферу, сказалъ мистеръ Беллами, которому не нравился вольнодумный тонъ разговора. — Сэръ-Кристоферъ что задумалъ, то и сдѣлаетъ. И онъ на это имѣетъ полное право. У него есть деньги, и онъ всегда ими распоряжался какъ джентльменъ. Допейте-ка свой стаканъ мистеръ Бетсъ и выпьемте за здоровье нашихъ господъ, а потомъ вы намъ что-нибудь споете. Сэръ-Кристоферъ и миледи не каждый вечеръ возвращаются изъ Италіи.

Противъ этого, конечно, ничего нельзя было сказать, и тостъ былъ тотчасъ же провозглашенъ; но мистеръ Бетсъ, находя въ-роютно, что пѣніе его не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ этому обстоятельству, не обратилъ вниманія на вторую часть предложенія мистера Беллами. Поэтому мистрисъ Шарпъ, сказавшая однажды, что она вовсе не думаетъ выйти замужъ за мистера Бетса, хотя онъ «обстоятельный, здоровый человекъ, котораго каждой женщинѣ было бы лестно подѣлать», повторила просьбу мистера Беллами.

— Что жъ, мистеръ Бетсъ, спойте же намъ *Жена Роя*. Мнѣ пріятнѣе будетъ послушать эту славную старинную пѣсню чѣмъ исъ эти италіянскіе переливы.

Мистеръ Бетсъ не устоялъ противъ такого любезнаго пригла-

шеніи: онъ засунулъ руки въ карманы, прислонился къ спинѣ своего стула, закинулъ голову такимъ образомъ, что глаза его прямо глядѣли въ зенитъ, и тонкимъ *staccato* спѣлъ всю пѣсню, именуемую: *Жена Роя изъ Альдивалокки*. Голосъ этой пѣсни, конечно, можно было бы обвинить въ нѣкоторой монотонности, но для присутствовавшихъ эта монотонность была главнымъ достоинствомъ пѣсни, помогая имъ подтягивать припѣвъ. Не ишло ихъ удовольствію также то, что единственная подробность относительно *Жены Роя* была та, что она «надула» его, хотя чѣмъ и какъ—это оставалось неизвѣстно до конца.

Пѣніемъ мистера Бетса заключилось вечернее дружеское застѣваніе, и общество скоро затѣмъ разошлось; мистрисъ Беллами въ эту ночь вѣроятно видѣла во снѣ известъ и мусоръ, слышавшіяся на ея варенья, и влюбленныхъ служанокъ, забывающихъ свои обязанности; а мистрисъ Шарпъ—пріятное житъе въ коттедѣ мистера Бетса, на свободѣ, посреди цѣлыхъ горъ овощей и фруктовъ.

Катерина скоро побѣдила всѣ предубѣжденія противъ ея чужестраннаго происхожденія, да и какія предубѣжденія могутъ устоять противъ безпомощности и дѣтскаго лепета? Она вскорѣ стала любимицей цѣлаго дома, и, благодаря ей, любимая гончая собака сэръ-Кристофера, канарейка мистрисъ Беллами и необыкновенныя куры мистера Бетса много утратили своего значенія въ домѣ. И вслѣдствіе этого, сколько разнообразныхъ удовольствій выпадало на долю маленькой Катерины въ продолженіи одного долгаго лѣтняго дня! Вырвавшись изъ доброжелательныхъ, но нѣсколько жестокихъ рукъ мистрисъ Шарпъ, она отправлялась въ кабинетъ леди Чеверель, гдѣ царствовало великое величіе, но гдѣ, за то, такъ лестно было сидѣть на коленяхъ сэръ-Кристофера; онъ игралъ съ ней и бралъ ее иногда съ собой въ конюшню, гдѣ Катерина скоро привыкла безъ слезъ слышать лай привязанныхъ собакъ и говорить отважнымъ видомъ, но прижимаясь къ ногъ сэръ-Кристофера «онѣ не глонуть Тину». Затѣмъ мистрисъ Беллами отправлялась бывать, собирать розовыя листья розъ, и Тина бѣжитъ за нею, и счастлива, если она ей позволить нести горсточку своимъ передникъ; и еще счастливѣе, если ей удастся втиснуть лапу подъ душистый дождь листьевъ, когда ихъ высыпаютъ на простыни для сушки. Другое, часто повторявшееся удовольствіе ея было совершать съ мистеромъ Бетсомъ путешествіе по фруктовымъ садамъ и оранжереямъ, гдѣ желтая ручка неволью протягивалась къ высоко-висѣвшимъ на ней сокровищамъ, и никогда не возвращалась домой пустая.

спокойномъ досугѣ этой однообразной деревенской жизни, всегда находился кто-нибудь, кому нечего было другаго дѣлать, какъ заниматься Тинной. Южная птичка нашла на сѣверѣ теплое и мягкое гнѣздышко, любовь и ласки. Природная нѣжность и чувствительность ребенка должны были при этой обстановкѣ перейти въ совершенную неспособность бороться съ трудностями жизни, тѣмъ болѣе что съ самаго дѣтства въ ней проявлялась такая-то необузданность при всякомъ сколько-нибудь рѣзкомъ или строгомъ обращеніи съ нею. Пяти лѣтъ она за какое-то непріятное запрещеніе отмстила мистрисъ Шарпъ тѣмъ, что вынула чернильницу въ ея рабочей ящикъ, и однажды, когда леди Чеверель, видя, что она съ любовію слизываетъ краску съ лица своей куклы, отняла ее у ней, злодѣйка тотчасъ же взлѣзла на стулъ и сбросила на полъ вазу, стоявшую на столѣ. Это былъ впрочемъ единственный случай, когда вспыльчивость ея одержала верхъ надъ обычною робостью въ присутствіи леди Чеверель, которая своимъ, всегда ровнымъ, нѣсколько холоднымъ обращеніемъ въ ней, пріобрѣла надъ ней большую власть.

Мистеръ Уаренъ сказалъ правду: вскорѣ счастливое однообразіе Чеверельскаго замка уступило мѣсто суетѣ и шуму. Тяжелые возы съ камнями изъ сосѣдней каменоломни изрыли дороги гарка, бѣлая пыль покрыла зеленый дворъ, и мирный домъ оглашался звукомъ топоровъ и пилъ. Въ продолженіи слѣдующихъ есяти лѣтъ сэръ-Кристоферъ былъ единственно занятъ архитектурнымъ преобразованіемъ своего стариннаго семейнаго жилища; лѣдуя единственно внушеніямъ своего вкуса, онъ опередилъ общую реакцію противъ безтолковаго подражанія греческому гиліу, въ пользу возстановленія готическаго, которую обозначилъ энецъ вѣсьманадцатаго столѣтія. Настойчивость, съ которою онъ гремился къ своей цѣли, возбуждала не малое презрѣніе къ ему со стороны его сосѣдей, не понимавшихъ другой страсти, юмъ охоты, и удивлявшихся тому, какъ человекъ съ такимъ именемъ и состояніемъ могъ до того сбиться съ толку, чтобы упиться на вина и держать всего двухъ старыхъ каретныхъ лошадей да одну верховую, ради какой-то непонатной затѣи. Ръны ихъ не находили очень предосудительными его дурныя ма и плохихъ лошадей, но краснорѣчиво выражали свое сожалѣніе о леди Чеверель, которая была поставлена въ грустную необходимость жить только въ трехъ комнатахъ, посреди шума, пы, въ дурномъ воздухѣ, отъ котораго непременно должно пострадать ея здоровье. Это было все равно, что имѣть ка, страдающаго одышкой. Отчего сэръ Кристоферъ не нанять для нея дома въ Батѣ или, если ему уже такъ хотѣлось по присматривать за работниками, гдѣ-нибудь въ окрестно-

ствахъ замка? Сожалѣнія эти были потрачены совершенно даромъ: леди Чеверель, хотя и не раздѣляла архитектурной страсти сэръ-Кристофера, имѣла однако такое строгое понятіе объ обязанности жены, и такое глубокое уваженіе къ сэръ-Кристоферу, то никакъ не тяготилась своею покорностію. Что же касается сэръ-Кристофера, то онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всякимъ осужденіямъ. «Упорный причудникъ», называли его сосѣди. Но, видѣвшій Чеверельскій замокъ такъ, какъ сэръ-Кристоферъ извѣщалъ его своимъ наследникамъ, я признаю искру гения въ этой настойчивости, съ которою онъ, не жалѣя трудовъ, отказавъ себѣ во всемъ, привелъ къ концу свое намѣреніе; и проломъ черезъ эти комнаты съ ихъ великолѣпными потолками и скудною мебелью, говоряща о томъ, что всѣ лишніе деньги были уже истрачены, когда наступила очередь позаботиться о комфортѣ, я чувствовалъ, что этого стараго англійскаго барона оживлялъ духъ, умѣющій отличить искусство отъ роскоши и безкорыстно поклоняющійся красотѣ.

Пока такимъ образомъ превращался и украшался Чеверельскій замокъ, росла, выѣживалась и хорошѣла также и Катерина. Положительно красотой она не отличалась, но какая-то воздушная нѣжность, соединенная съ ея большими черными трогательными глазами, и голосомъ, говорившимъ сердцу, придавали ей особенную, неизъяснимую прелесть. Но развитіе Катерины не было какъ превращенія въ замкъ, плодомъ систематическихъ и заботливыхъ трудовъ. Она росла, какъ растутъ дикія фіалки; садомъ радъ видѣть ихъ въ своемъ саду, но не печется и не заботится о нихъ. Леди Чеверель выучила ее читать и писать, и заставляла ее учить наизусть катехизисъ; по ея желанію, мистеръ Уаренъ давалъ ребенку уроки ариметики, а мистрисъ Шарпъ пручила ее къ разнымъ рукодѣліямъ. Но долго не было и мысли о томъ, чтобы дать ей болѣе тщательное воспитаніе. Я уверена, что до самой смерти своей Катерина воображала, что стоитъ на мѣстѣ, а солнце и звѣзды вращаются вокругъ нея, что касается до этого, то, вѣроятно, то же самое думала и Елена Дидона, и Дездемона, и Джуліетта; а потому, я надѣюсь, вы найдете, что изъ-за этого моя Катерина недостойна быть героиней повѣсти. Я долженъ признаться, что, за однимъ только исключеніемъ, небо не наградило ея никакими особенными дарованіями. Но за то она умѣла любить, и въ этой способности, я уверена, самая свѣдущая въ астрономіи дама не могла бы сравниться съ ней. Хотя она была сирота и воспитанница, но эта драгоценная способность находила себѣ богатую пищу въ Чеверельскомъ замкѣ, и Катеринѣ представлялось гораздо болѣе случать любить чѣмъ многимъ молодымъ леди и джентльменамъ, вос-

нымъ нѣжными родными и окруженнымъ попеченіями и за-
тами. Первое мѣсто въ ея дѣтскомъ сердцѣ занималъ, полагаю
сэръ-Кристоферъ; маленькія дѣвочки обыкновенно привязыва-
ся къ самому изящному въ домѣ джентльмену, тѣмъ болѣе что
рѣдко приходится вмѣшиваться въ дисциплину. За баронет-
ку слѣдовала Доркасъ, веселая, краснощекая дѣвушка, помощ-
ца мистрисъ Шарпъ въ дѣтской, игравшая такимъ образомъ
въ варенья въ ложкѣ ревеня. Грустный то былъ день для Ка-
рины, когда Доркасъ вышла замужъ за кучера, и съ гордымъ
удовольствіемъ отправилась въ городокъ Слупетеръ управлять
веденіемъ. Маленькій рабочій ящикъ съ надписью: «кого
блю, того дарю», присланный ей отъ Доркасъ, хранился ме-
сокровищами Катерины десять лѣтъ спустя.

Исключительное дарованіе, о которомъ я сказывалъ выше, было,—
отгадываете?—ея способность къ музыкѣ. Когда леди Чеверель
рвые замѣтила, что у Катерины не только замѣчательный слухъ,
и замѣчательный голосъ, это открытіе очень обрадовало и ее,
сэръ-Кристофора. Музыкальное воспитаніе ея очень заняло
леди Чеверель посвящала ему много времени, и успѣхи
ея были такъ неожиданно-быстры, что леди Чеверель почла
снѣмъ взять для нея италіянскаго учителя пѣнія, который
дѣй годъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣзжалъ въ замокъ. Это
жданное дарованіе очень измѣнило положеніе Катерины.
лѣт первыхъ годовъ, когда съ дѣвочками играютъ какъ съ
лами, настаетъ время, когда становится не такъ ясно, на что
могутъ быть годны, особенно же если онѣ, какъ Катерина,
обѣщаютъ быть особенно блестящими или красивыми; и не
вительно, что въ этотъ интересный періодъ никто не дѣлалъ
бренныхъ плановъ насчетъ ея будущности. Но теперь ея
кій голосъ крѣпче привязалъ къ ней леди Чеверель, страстно
жившую музыку, и поставилъ ее на другую ногу въ домѣ.
о-по-малу на нее привыкли смотрѣть какъ на настоящаго члена
ейства, и слуги поняли, что миссъ Сарті, какъ бы то ни было,
дено быть барыней.

- Оно такъ и слѣдуетъ, говорилъ мистеръ Бетсъ;—не на то
создана, чтобы самой себѣ зарабатывать насущный хлѣбъ.
нѣжна словно персикъ; куда ей трудиться и мыкаться по
у!

о задолго до того времени, о которомъ мы говоримъ, новая
наступила въ жизни Тины, благодаря прибытію въ домъ
е молодого товарища чѣмъ всѣ тѣ, которыми она была окру-
а. Ей не было еще восьми лѣтъ, когда питомецъ сэръ-Кри-
ера, Менардъ Гильфиль, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, началъ

проводить каникулы въ Чеверельскомъ замкѣ. Менардъ былъ добродушный мальчикъ, сохранившій страсть ко всему тѣмъ дѣтскимъ забавамъ, на которыя молодые джентльмены обыкновенно смотрятъ свысока. Онъ много занимался также ушейемъ и столярнымъ ремесломъ, почитая его однимъ изъ самыхъ благородныхъ искусствъ, а не изъ какихъ-нибудь низкихъ, прилическихъ цѣлей. И во всѣхъ этихъ забавахъ, для него было наслажденіемъ имѣть при себѣ маленькую Катерину, играть съ нею, отвѣчать на ея наивные вопросы и видѣть какъ она вслѣдуетъ за нимъ, точно маленькая левретка за большимъ теромъ. Каждый разъ, когда Менардъ возвращался въ школу, происходило трогательное прощаніе.

— Ты не забудешь меня, Тина? Ты будешь вспоминать мнѣ, когда меня не будетъ здѣсь? Я оставляю тебѣ всѣ вещи, которыя мы сучили, а ты, смотри, береги мою морскую свисту. Поцѣлуй же меня хорошенько и скажи, что не забудешь меня.

Съ лѣтами, когда Менардъ изъ школы перешелъ въ университетъ, и изъ тоненькаго мальчика превратился въ стройнаго высокаго юношу, его отношенія къ Катеринѣ необходимо должны были нѣсколько измѣниться, хотя по прежнему они остались дружескими и короткими. У Менарда эта дѣтская привязанность незамѣтно перешла въ страстную любовь. Первая любовь всегда бываетъ сильна, особенно тогда, когда она имѣетъ свое начало въ дружбѣ дѣтскихъ лѣтъ, когда страсть сливается съ привычкой, съ давнею привязанностью. Любовь Менарда была такого рода, что только бы ему видѣть Катерину, онъ съ радостію согласился бы принять отъ нея всякія мученія, и предпочелъ бы изъ самымъ заманчивымъ удовольствіямъ вдали отъ нея. Видно, что такова участь высокихъ, широкоплечихъ силачей, начиная съ Самсона до нашихъ временъ. Что же касается Тины, — плутомъ очень хорошо видѣла, что она вполне поработила Менарда; онъ былъ единственный человекъ на свѣтѣ, съ которымъ она могла дѣлать все, что хотѣла; и мнѣ нечего прибавлять, что то былъ вѣрный признакъ ея равнодушія къ нему: страстная женщина любить не иначе какъ съ трепетомъ и страхомъ.

Менардъ Гильфиль не обманывалъ себя насчетъ чувства къ нему Катерины; но его не покидала надежда, что когда-нибудь она привяжется къ нему на столько, что не будетъ отвергать его любви. Онъ терпѣливо ждалъ того дня, когда ему можно будетъ смѣло сказать: «Катерина, я люблю тебя!» Онъ хотѣлъ бы, какъ видите, довольствоваться очень малымъ, какъ всѣ люди не придающіе своей личности большаго значенія, не выставившіе своего драгоцѣннаго я, на каждомъ шагу, на показъ. Онъ воображалъ (очень ошибочно, какъ всегда влюбленные), что онъ

ного выигралъ, когда ему пришлось совершенно поселиться въ Чеверельскомъ замкѣ, въ качествѣ домашняго капелана и пастора сосѣдняго прихода; онъ судилъ по себѣ и думалъ, что привычка и дружескія отношенія—лучшій путь къ любви. Сэръ-Кристоферу было пріятно во многихъ отношеніяхъ помѣстить Менарда капеланомъ въ своемъ домѣ. Ему нравилось архаическое достоинство этого домашняго чина; онъ любилъ общество молодого человѣка, и думалъ, что Менардъ, съ своимъ малѣнькимъ состояніемъ, можетъ прожить очень счастливо и спокойно въ его домѣ, не убивая себя занятіями, пользуясь полною свободой, пока не очистится комбермурское куратство и въ навѣки не поселится въ сосѣдствѣ замка. «И женится, тогда Катеринѣ», также скоро началъ мечтать сэръ-Кристоферъ; хотя добрый баронетъ вовсе не былъ прозорливъ относительно того, то могло ему быть непріятно или противно его намѣреніямъ и надеждамъ, онъ очень скоро замѣчалъ то, что согласовалось съ его видами, онъ отгадалъ чувство Менарда и заставилъ его признаться въ нихъ. Онъ тотчасъ же порѣшилъ въ своемъ умѣ, что и Катерина раздѣляетъ эти чувства, или раздѣлитъ когда будетъ оstarше. Но въ то время она была такъ молода, что нельзя было ничего порѣшить.

Между тѣмъ обстоятельства сложились такимъ образомъ, что отъ намѣренія и планы сэръ-Кристофера остались тѣ же, Менарду Гильфилю пришлось убѣдиться, что не только сердце Катерины никогда, по всей вѣроятности, не будетъ принадлежать ему, но что оно уже совершенно отдалось другому; и всѣ его надежды обратились въ горькую тревогу.

Раза два, во время дѣтства Катерины, въ замокъ пріѣзжалъ другой мальчикъ, моложе Менарда, кудрявый, нарядный красавчикъ, а котораго Катерина смотрѣла тогда съ робкимъ восторгомъ. Онъ былъ Антони Вибрау, сынъ младшей сестры сэръ-Кристофера и объявленный наслѣдникъ Чеверельскаго замка. Баронетъ пожалѣлъ денегъ, стѣснилъ себя даже въ исполненіи своихъ архитектурныхъ замысловъ, чтобы, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, утвердить свои владѣнія за этимъ мальчикомъ; и побудила къ этому, долженъ я признаться, жестокая ссора съ старшей сестрой: способность прощать не была въ числѣ добродѣтелей сэръ-Кристофера. Наконецъ, послѣ смерти матери Антони, когда онъ самъ уже былъ взрослый молодой человѣкъ, съ чиномъ капитана, онъ сталъ проводить все свободное время въ Чеверельскомъ замкѣ. Катеринѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, и ничего мнѣ тратить много словъ, чтобъ объяснить вамъ то, что, какъ видите, было очень естественно.

Въ Чеверельскомъ замкѣ не много принимали гостей, и капи-

тану Вибрау гораздо было бы скучнѣе, еслибы не было тамъ Катерины. Приятно было заниматься ею, бросать ей нѣжные взгляды, и видѣть какъ она затрепещетъ отъ радости, вспыхнетъ, и робко взглянетъ на него своими большими, черными глазами, если онъ похвалитъ ея пѣніе или скажетъ ей ласковое слово. Приятно также было отбить ее у этого длинноногаго капитана. Какой праздный мужчина можетъ противустать искушенію очаровать женщину и затмить другаго мужчину, особенно если ему совершенно ясно, что у него нѣтъ дурныхъ намѣреній, если онъ увѣренъ, что въ самомъ короткомъ времени опять къ нему придетъ въ порядокъ? Однако, къ концу восемнадцати мѣсяцевъ, которые капитанъ Вибрау почти сполна провелъ въ домѣ дѣла, онъ вдругъ увидѣлъ что дѣла подвинулись гораздо далѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Нѣжные взгляды повлекли за собой нѣжныя смѣлыя и нѣжныя слова вызвали такіе краснорѣчивые взгляды, что невозможно было не идти впередъ *crescendo*. Видѣть себя предметомъ обожанія милой, черноглазой, нѣжной, невинной дѣвушки весьма пріятно, и было бы даже жестоко отвѣчать на эти чувства совершенною холодностію.

Вы, можетъ-быть, думаете, что капитанъ Вибрау, ухаживавшій за Катериной безъ всякаго намѣренія жениться на ней, былъ человекъ развращенный и безъ правилъ? Воссе нѣтъ. Онъ былъ одаренъ большимъ хладнокровіемъ, рѣдко увлекался и всегда зналъ, что дѣлаетъ; а слабая, нѣжная Катарина скорѣе могла вѣдѣствовать на воображеніе чѣмъ на чувственную сторону человека. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень нѣжно расположенъ къ ней и вѣроятно полюбилъ бы ее, еслибы только былъ въ состояніи полюбитъ кого бы то ни было. Но природа не одарила его этою способностью. Она даровала ему прямую носъ, бѣлыя руки, нѣжные цвѣтъ лица и немалую дозу спокойнаго самодовольства; но, какъ бы для того, чтобъ оградить это тонкое издѣліе свое отъ всякихъ опасностей, она позаботилась о томъ, чтобъ онъ не былъ подверженъ никакимъ страстямъ. Въ дѣтствѣ, въ молодости, онъ всегда велъ себя отлично; сэръ-Кристоферъ и леди Чеверсъ почитали его примѣрнымъ племянникомъ, самымъ удовлетворительнымъ наследникомъ, почтительнымъ къ нимъ, разсудительнымъ, и, что всего важнѣе, всегда повинующимся чувству долга. Капитанъ Вибрау всегда поступалъ самымъ пріятнымъ и удобнымъ для себя образомъ изъ чувства долга. Онъ одѣвался величаво, потому что онъ былъ обязанъ къ тому своимъ положеніемъ; изъ чувства же долга онъ покорялся непреклонной волѣ сэръ-Кристофера, бороться противъ которой было бы утомительно и бесполезно; онъ былъ слабаго сложенія, и изъ того же чувства долга, онъ берегся и возмался съ собой. Одно только

нмъ, его здоровье, безпокою и огорчало его друзей; и вслѣдствіе этого баронетъ очень желалъ пораньше женить племянника, тѣмъ болѣе что ему представлялась партія, которая во всѣхъ отношеніяхъ утѣшила бы сэръ-Кристофера. Антони вилъ миссъ Эшеръ, единственную дочь предмета первой обвѣнчкы сэръ-Кристофера, избѣнившаго ему, увы! для другаго баронета,—и плѣнился ея красотой. Отецъ миссъ Эшеръ умеръ давно и оставилъ ей очень порядочное состояніе. Если, что съма вѣроятно, Антони успѣлъ бы тронуть ея сердце, то ничто могло бы такъ обрадовать сэръ-Кристофера и успокоить его начетъ того, что его наслѣдство не попадетъ въ ненавистныя чуждыя руки. Антони уже былъ очень хорошо принятъ у леди Эшеръ, какъ племянникъ стариннаго друга; почему бы ему не съѣздить въ Лондонъ, гдѣ она жила съ дочерью, сблизиться съ ними и попытаться счастье?

Сэръ-Кристоферъ сообщилъ свои желанія племяннику, который тотчасъ же изъявилъ свое согласіе сообразоваться съ ними—изъ чувства долга. Онъ нѣжно извѣстилъ Катерину объ этой жертвѣ, требуемой отъ нихъ обоихъ непреодолимымъ востановомъ долга; и три дня спустя произошла та прощальная сцена, при которой вы присутствовали въ галлерей, наканунѣ отъѣзда капитана Вибрау.

ГЛАВА V.

Неумолимо-мѣрный бой часоваго маятника болѣзненно сжимаетъ раце, изнывающее подъ гнетомъ страшнаго ожиданія. Также точно дѣйствуетъ на него и однообразный ходъ величественнаго механизма природы. Весенніе цвѣты уступаютъ мѣсто волнующимся темнымъ травамъ, между которыми тепло краснѣетъ ивель; волнующіяся травы исчезаютъ, и луга, какъ яркіе изумруды, лежатъ между рамками цвѣтущихъ изгородей; бѣлѣющіе лосья начинаютъ поникать къ землѣ своими полнолѣсными головками; жнецы мелькаютъ между ними, и скоро связанные опы всѣ свезены съ поля; затѣмъ плугъ снова переворачиваетъ темную землю, готова ея къ принятію вновь вымолоченаго сѣмени. И эти переходы изъ одной красоты въ другую, побные переходы мелодій для счастливыхъ сердець, избѣряемыхъ для многихъ другихъ приближеніе ожидаемыхъ бѣдствій, какъ приближаютъ, для нихъ ту минуту, когда тѣнь страха уступитъ мѣсто дѣйствительности отчаянія.

Съ какою жестокою быстротой прошло для Катерины это 1798 года! Никогда, казалось ей, такъ быстро не отцвѣтали розы, такъ скоро не начинали краснѣть ягоды на старой рябине, все такъ и стремилось къ осени, когда должно было разразиться надъ ней несчастіе, когда ей придется видѣть, какъ все гниетъ, вся нѣжность Антони будутъ обращены на другую.

Еще до конца іюля, Антони писалъ, что «леди Эшеръ и ея дочь, желая отдохнуть отъ жара и суеты Бата, ѣдутъ въ помѣстье Фарлей и зовутъ его съ собой». Изъ писемъ его было видно, что онъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ обѣими дамами: соперникъ не было и помина, и сэръ-Кристоферъ становился все веселѣе и веселѣе. Наконецъ, въ концѣ августа, пришло извѣстіе, что предложеніе капитана Вибрау было принято, и послѣ многихъ писемъ, полныхъ любезностей и обоюдныхъ поздравленій, было рѣшено, что леди Эшеръ и ея дочь ѣдутъ въ сентябрѣ въ Чеверельскій замокъ, чтобы Беатриксъ могла познакомиться съ новыми родственниками, а старика можно переговорить о дѣлахъ. Капитанъ Вибрау долженъ былъ остаться до тѣхъ поръ въ Фарлей, и пріѣхать вмѣстѣ съ дамами.

Между тѣмъ всѣ жители Чеверельскаго замка были заняты приготовленіями къ пріѣзду гостей. Сэръ-Кристоферъ проводилъ дни въ совѣщаніяхъ съ управляющимъ и стряпчимъ, суетился, торопился Франческо. Мистеру Гильфилю было поручено выбрать дамскую лошадь: миссъ Эшеръ отлично ѣздила верхомъ. Леди Чеверель приходилось много разъѣзжать по знакомымъ, разсылать приглашенія. Дернъ, дорожки и клумбы мистера Бетса находились всегда на такой степени совершенства, что онъ для сада ничего необыкновеннаго не могъ сдѣлать, кромѣ развѣ только покричать лишній разъ на своихъ помощниковъ, что и не было имъ упущено.

Къ счастью для Катерины, у нея тоже было свое дѣло, занимавшее ей проводить долгіе тяжелые дни. Она кончала подушку для кресель, не достававшую еще къ собранію вышитыхъ подушекъ въ гостиной, — плодъ многолѣтней работы леди Чеверель и единственная чѣмъ-нибудь замѣчательная мебель въ домѣ. Надъ этимъ вышиваніемъ она сидѣла съ холодными губами и замиравшимъ сердцемъ, и благодарила Бога за то, что это нѣгостное ощущеніе въ продолженіе дня противодействовало ей въ необходимой потребности выплакаться, которая возвращалась къ ней съ темною ночью. Больше всего боялась она за себя, когда приходилъ къ ней сэръ-Кристоферъ. Баронетъ былъ бодрѣе, когда-либо, и ему казалось, что всѣ должны ликовать и радоваться съ нимъ. Добрый сэръ-Кристоферъ! Онъ столько въ жизни своей встрѣтилъ удачъ, что не мудрено, если онъ не мнилъ

ися; особенно же теперь, когда и послѣдній его замыселъ казался такимъ скорымъ успѣхомъ, когда онъ могъ мечтать о томъ, надѣяться увидѣть его стройнымъ юношей, съ пушкомъ на губѣхъ. Почему бы нѣтъ? Въ шестьдесятъ лѣтъ человѣкъ молодой человѣкъ.

сэръ-Кристоферъ всегда съ какою-нибудь шуткой подходилъ къ Катеринѣ.

«Вспомните же, обезьянка, что намъ надобно щегольнуть голосомъ въѣдь министрель нашего замка. И принарядиться надо: еще надо хорошенькое, ленточку новую. Не слѣдуетъ и птичкѣмъ ходить замарашкой.» Или: «Теперь за вами очередь, Тина. Будьте доброю дѣвочкой, не жеманьтесь и не важничайте. Я не хочу вамъ мучить моего Менарда.»

Въ такія минуты трудно было Катеринѣ не расплакаться; трудно было улыбаться, когда старый баронетъ гладилъ ее по волосамъ и ласково глядѣлъ ей въ глаза. Разговоръ и присутствіе леди Чеверель были менѣе тягостны для нея: леди Чеверель гордо и холодно радовалась этому семейному событію; къ тому же не совсѣмъ было пріятно то, что сэръ-Кристоферъ такъ радъ предстоящему свиданію съ леди Эшеръ, сохранившейся до памяти нѣжною шестнадцатилѣтнею красавицей, которой она была посвящена въ вѣчной любви. Леди Чеверель скорѣе бы умерла, созналась бы въ этомъ, но она въ душѣ питала надежду, что разочаруется въ леди Эшеръ и даже устыдится своей пристрастности къ ней.

Во время продолженіе этихъ дней, мистеръ Гильфиль наблюдалъ за Катериной съ чувствами, весьма различными. Страданія ея терзали его сердце; но онъ радовался за нее, что любовь, которая никогда бы не могла повести къ добру, не будетъ нагибать себя въ небыточныхъ надеждахъ. И удивлялся онъ, что онъ говорилъ себѣ: «Быть-можетъ, со временемъ, Катерина перестанетъ тосковать по этой бездушнѣйшей куклѣ, и...»

Вотъ наконецъ наступилъ давно ожидаемый день. Яркое солнце освѣтило пожелтѣвшія липы, когда карета леди Эшеръ подкатила къ дому. Катерина, сидѣвшая въ своей комнатѣ за работой, услышавъ стукъ колесъ и поднявшійся потомъ въ домъ говоръ и шумъ. Вспомнивъ, что леди Чеверель просила ее пораньше выйти въ гостиную, она поспѣшно одѣлась и съ удовольствіемъ встала, что она бодра и спокойна. Мысль, что Антониеттѣ, желаніе видѣть миссъ Эшеръ и показать, что и она не забыта, всѣ эти чувства вызвали румянецъ на ея блѣдныя щеки и помогли ей заняться своимъ туалетомъ. Вечеромъ непреодолимо попросить ее пить, и она будетъ пить очень хорошо.

Миссъ Эшеръ увидить, что ею нельзя совершенно пренебречь. И, занятая этими мыслями, она надѣла свое срѣе шелковое платье и малиновую ленту съ такою заботливостію, какъ будто она сама была невеста; не забыла она также круглыхъ жемчужныхъ серегъ, которыя подарила ей леди Чеверель, по жемчужный сѣръ-Кристофера, который находилъ, что у Тины прехорошкія ушки.

Въ гостиной она уже застала сѣръ-Кристофера и леди Чеверель, разговаривавшихъ съ мистеромъ Гильшлемъ, и говорившихъ ему, какъ хороша миссъ Эшеръ, но какъ мало она похожа на мать.

— Эге! сказалъ сѣръ-Кристоферъ, когда увидалъ Катерину, что вы скажете, Менардъ? Видали ли вы когда-нибудь такую нарядною и хорошенькою? Это платье, если я не забуюсь, выкроено изъ старой юбки леди Чеверель. Не нужно, чтобъ одѣть мою обезьянку.

Леди Чеверель, усившая уже удостовѣриться въ своемъ восторгѣ надъ леди Эшеръ, была въ отличномъ расположеніи духа, и ласково улыбнулась Катеринѣ, а на Катерину съ какое-то самообладаніе и равнодушіе, которое приходитъ будто приливъ морской, между припадками страсти. Она удивилась къ фортепіано и занялась своими нотами, не безъ чувства и вольности, что наружность ея произвела пріятное впечатлѣніе. Она думала о томъ, что будетъ въ состояніи совершенно спокойно заговорить съ капитаномъ Вибрау, когда онъ войдетъ въ комнату. Но когда она услышала его шаги, когда пахнулъ нѣе знакомымъ запахомъ розъ, сердце ея замерло, и она осталась только тогда, когда онъ уже стоялъ подлѣ нея, и взявъ руку ея, говорилъ своимъ спокойно-лѣнвымъ тономъ:

— Ну какъ вы поживаете, Катерина? Вы пополнѣли и хорошеѣли.

Она покраснѣла отъ негодованія на то, что онъ можетъ говорить съ нею и смотрѣть на нее съ такою совершеннѣйшею небрежностію. Увы! онъ былъ влюбленъ въ другую, и гдѣ же было вспомнить свое прежнее чувство къ ней? Но она тутъ же пошла на безразсудство. Развѣ онъ могъ выказать тутъ свое настоящее чувство? Эта внутренняя борьба продлила для нея тѣ мгновенія, которыя прошли, пока опять не отворилась дверь и взоры всѣхъ не обратились на двухъ входившихъ дамъ.

Дочь казалась еще красивѣе и величественнѣе по сравненію съ матерью, полною, невысокою женщиной, которая нѣкогда была непрочною красотою блондинки, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ, но неправильными чертами и расположеніемъ къ полнотѣ. Эшеръ была высока ростомъ и сложена граціозно и спрѣ...

хотя нѣсколько массивно; въ каждомъ движеніи ея была видна спокойная увѣренность въ себя; ея темные волосы, нетронутые мудрой, роскошными локонами падали вокругъ ея лица и лежали на ея бѣлыхъ плечахъ. Яркій и вмѣстѣ нѣжный румянецъ ея щекъ и чистое очертаніе ея прямого носа производили впечатлѣніе ослѣпительной красоты, несмотря на самые обыкновенные каріе глаза, узкій лобъ, и можетъ-быть слишкомъ тонкія губы. Она была въ траурѣ, и ея круглыя руки, обнаженныя до локтя, казались еще бѣлѣе отъ сравненія съ ея чернымъ креповымъ платьемъ. Первое впечатлѣніе красоты ея было поразительно, и когда она съ любезною улыбкой остановилась передъ Катериной, съ которою леди Чеверель знакомила ее, бѣдняжка только тогда вполне сознала все безразсудство своей мечты.

— Мы въ восторгѣ отъ вашего помѣстья, сэръ-Кристоферъ, сказала леди Эшеръ, стараясь принять величественный видъ, что вовсе не удавалось ей: — я увѣрена, что племянникъ вашъ былъ пораженъ безпорядкомъ въ нашемъ Фарлѣ. Бѣдный сэръ-Джонъ вовсе не заботился о томъ, чтобы поддерживать домъ и садъ. Я часто говорила ему объ этомъ, но онъ отвѣчалъ: «Вздоръ! какое дѣло моимъ друзьямъ, что мои потолки закопчены, лишь бы только я былъ въ состояніи угостить ихъ хорошимъ обѣдомъ и напоить хорошимъ виномъ.» Онъ былъ такой гостепріимный, сэръ-Джонъ.

— Мнѣ особенно понравился видъ на домъ изъ парка, какъ только мы проѣхали мостъ, довольно поспѣшно вступилась миссъ Эшеръ, какъ бы боясь, что мать ея скажетъ что-нибудь лишнее; — мы тѣмъ болѣе были поражены, что Антони ничего намъ не хотѣлъ описать напередъ. Онъ хотѣлъ удивить насъ, и это вполне удалось ему. Я очень желаю пройтись съ вами по замку, сэръ-Кристоферъ, и услышать отъ васъ всю исторію вашихъ архитектурныхъ замысловъ, на которые, какъ сказалъ мнѣ Антони, вы положили столько труда и времени.

— Не совѣтую вамъ, душа моя, наводить старика на разговоры о старинѣ, сказалъ баронетъ; — я надѣюсь, что вы найдете себя у насъ занятіе болѣе пріятное чѣмъ разбирать мои старые рисунки и планы. Другъ нашъ, мистеръ Гильфиль, отыскалъ для васъ отличную лошадь, и вы можете прогуливаться по окрестностямъ сколько вашей душѣ будетъ угодно. Мы знаемъ отъ Антони, что вы отличная наѣзница.

Миссъ Эшеръ обратилась къ мистеру Гильфилю съ самою обворожительною своею улыбкой и выразила ему благодарность съ изысканною любезностію особы, желающей очаровать собою и увѣренною въ успѣхъ.

— Не благодарите меня, сказалъ мистеръ Гильфиль, — прежде чѣмъ не испробуете лошадь. Леди Сара Линтеръ ѣздила на ней

последніе два года; но вкусъ одной дамы можетъ не согласоваться со вкусомъ другой насчетъ лошадей чуть ли не больше чѣмъ насчетъ всего другаго.

Пока шелъ этотъ разговоръ, капитанъ Вибрау стоялъ, прислонившись къ камину и довольствуясь отвѣчать лѣнливою улыбкой на взгляды, которые миссъ Эшеръ постоянно обращала на него, когда говорила. «Какъ она любитъ его,» подумала Катерина. Но ей было отраднo видѣть, что Антонн, казалось, скорѣе дозволялъ любить себя чѣмъ любилъ самъ. Ей показалось также, что онъ блѣднѣе и вялѣе обыкновеннаго. «Еслибъ онъ не очень любилъ ее, еслибъ онъ хоть иногда вспоминалъ о прошломъ съ сожалѣніемъ, я пожалуй помирилась бы съ нимъ, и стала бы радоваться радости сэръ-Кристофера.»

Во время обѣда, одно не значащее обстоятельство утвердило ее въ этихъ мысляхъ. Когда на столъ поставили десертъ, передъ капитаномъ Вибрау очутилось блюдо желе; почувствовать желаніе полакомиться самъ, онъ сперва подалъ блюдо миссъ Эшеръ: она покраснѣла и сказала нѣсколько рѣзкимъ тономъ:

— Неужели вы до сихъ поръ не узнали, что я не ѣмъ желе?

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ капитанъ Вибрау, котораго слухъ не былъ довольно тонокъ, чтобы почувствовать разницу полтона.—А я воображалъ, что вы любите его. Мнѣ помнится, что въ Фарлеѣ каждый день подавали желе.

— Нельзя сказать, чтобы вы обращали большое вниманіе на то, что я люблю или не люблю.

— Я слишкомъ занятъ отраднoю мыслию, что вы любите меня. былъ офиціальный, совершенно спокойный отвѣтъ.

Никто, кромѣ Катерины, не замѣтилъ этой маленькой сценки. Сэръ-Кристоферъ слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ разговоръ леди Эшеръ о последнемъ своемъ поварѣ, который соусы готовилъ мастерски, и по этой причинѣ нравился сэръ-Джону. «Онъ былъ такой взыскательный насчетъ соусовъ, сэръ-Джонъ, и поваръ оставался у насъ въ домѣ шесть лѣтъ, хотя онъ предурно пекъ пироги и дѣлалъ пуддинги.» Леди Чеверель и мистеръ Гильфиль улыбались гончей собацѣ, Руперту, который, просунувъ свою большую голову подъ руку сэръ-Кристофера, внимательно осматривалъ всѣ блюда на столѣ, обнюхавъ сперва тарелку своего хозяина.

Когда дамы перешли въ гостиную, леди Эшеръ принялась подробно излагать леди Чеверель свои убѣжденія насчетъ того, что не слѣдуетъ людей хоронить безъ бѣлья въ одной шерстяной одеждѣ.

— Конечно, нельзя обойтись безъ шерстянаго платья, потому что такъ заведено; но это вовсе не мѣшаетъ подъ низъ надѣть бѣлье.

[всегда говорила: «еслибы сэръ-Джонъ скончался завтра, я бы охоронила его въ бѣльѣ.» Я такъ и сдѣлала. Советую и вамъ дѣлать то же самое, если вамъ придется хоронить сэръ-Кристофера. Вы никогда не видали сэръ-Джона, леди Чеверель. Онъ былъ высокій, плотный мужчина; у него былъ точно такой же носъ, какъ у Беатрисы; и вы не повѣрите, какой онъ былъ зыскательный насчетъ бѣльи!

Миссъ Эшеръ между тѣмъ усѣлась подлѣ Катерины, и сказала ей съ тою снисходительною любезностію, говорившею казалось: Я право вовсе не горда, хотя бы я и имѣла на то причины.»

— Антони говорилъ мнѣ про ваше пѣніе. Я надѣюсь, что мы ась услышимъ сегодня вечеромъ.

— Да, тихо и серьезно отвѣтила Катерина;—я всегда пою, когда пожелають.

— Какъ вы счастливы и какъ я вамъ завидую! Вообразите себѣ, у меня вовсе нѣтъ слуха; я не могу напѣть самую простую мелодію, а между тѣмъ я такъ люблю музыку! Не несчастье ли то? Но за то мнѣ предстоитъ здѣсь истинное наслажденіе; капитанъ Вибрау говоритъ, что вы каждый день сколько-нибудь поете.

— Удивительно, если у васъ нѣтъ слуха, что вы любите музыку, совершенно просто отвѣтила Катерина, не сознавая сама, то сказала колкость.

— О, увѣряю васъ, я обожаю ее; да и Антони такъ любитъ ее! бы все отдала, чтобъ умѣть пѣть или играть, хотя онъ говоритъ, что онъ радъ тому, что я не пою, оттого что это не идетъ къ понятію, которое онъ себѣ составилъ обо мнѣ. Какой родъ узыки предпочитаете вы?

— Я люблю всякую хорошую музыку.

— А любите вы также ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ; я никогда не ѣзжу верхомъ. Мнѣ было бы страшно ѣсть на лошадь.

— Вы бы скоро привыкли. Я никогда не была боязлива. Антони гораздо больше боится за меня чѣмъ я сама за себя, и съ вѣхъ поръ, какъ я ѣзжу съ нимъ, я принуждена быть гораздо сторожнѣе: онъ такъ пугливъ за меня.

Катерина ничего не отвѣчала, но подумала про себя: «Я бы отдала, чтобъ она оставила меня въ покоѣ и не говорила со мною. Ей только хочется выказать передо мною свое добродушіе поговорить объ Антони.»

А миссъ Эшеръ думала про себя: «Эта миссъ Сартти, кажется, ростовата. Не даромъ же она музыкантша. Но она лучше собой емъ я ожидала. Антони сказалъ мнѣ, что она не хороша собой.»

Къ счастью, въ эту минуту леди Эшеръ заставила дочь обра-

тить вниманіе на вышитыя подушки, и мисль Эшеръ встала, дошла къ другому дивану, и между ней и леди Чезерель закипел оживленный разговоръ о разныхъ родахъ вышиванія; мисль видя, что теперь ей трудно будетъ вставить свое слово, перешла къ Катеринѣ.

— Я слышала, что вы превосходно шьете, было первое ея замѣчаніе.—Всѣ Италіянки поютъ необыкновенно рошно. Какъ только я вышла замужъ, сэръ-Джонъ повелъ насъ въ Италію, и мы были въ Венеціи, гдѣ всѣ, вы знаете, разгуливаютъ въ гондолахъ. Вы, какъ я вижу, не пудрите себѣ волосы. И вы также, хотя многіе думаютъ, что пудра очень бы шла вамъ. У нея необыкновенно густыя волосы, не правда ли? Прежде наша горничная причесывала ее гораздо лучше этой; и вы поставьте себѣ, она носила чулки Беатрисы передъ тѣмъ какъ давать ихъ въ мытье, и послѣ этого, вы понимаете, мы не можемъ держать ее у себя, не такъ ли?

Катерина приняла этотъ вопросъ за риторическую и не нашла излишнимъ отвѣчать; но леди Эшеръ повторила: «не такъ точно согласіе Тины было необходимо для спокойствія ея». Услышавъ наконецъ слабое: «нѣтъ,» она продолжала:

— Съ горничными такъ много хлопотъ, а Беатриса такъ и скатальна, что вы не повѣрите. Я часто говорю ей: «Думаю ты не найдешь совершенства.» Самое это платье, что на ней теперь надѣто,—оно конечно теперь сидитъ отлично,—было передъ тѣмъ знаю сколько разъ. Но она точный сэръ-Джонъ: вы не можете какъ на него трудно было угодить. А что леди Чезерель и скатальна она?

— Да. Но мистрисъ Шарпъ уже двадцатый годъ въ лондонѣ.

— Я очень желала бы, чтобы Грифинъ прожила у насъ много долго. Но я боюсь, что намъ придется разстаться съ ней и ровне ея очень слабо. А она къ тому же черезчуръ упряма: не слушается меня, не хочетъ пить декоктъ изъ горькихъ травъ. У нее тоже нездоровый видъ. Совѣтую вамъ пить ромашку утромъ и вечеромъ. Беатриса такъ здорова и крѣпка, что никогда не принимаетъ лѣкарствъ; но еслибъ у меня было двадцать болѣзненныхъ дочерей, я всѣхъ бы ихъ заставляла пить ромашку. Ничто не укрѣпляетъ, какъ ромашка. Общайтесь же мнѣ по утрамъ и вечеромъ пить ромашку.

— Благодарю васъ; я вовсе не больна, отвѣчала Катерина, и всегда была худа и блѣдна.

Леди Эшеръ продолжала убѣждать ее въ необыкновенно полезныхъ свойствахъ ромашки, и не переставала болѣе самаго появленія джентльменовъ. Тутъ она снова нашла на Кристофера, который, казалось, понялъ, что ради позвѣнія горничной

было бы ему не встрѣчаться съ предметомъ первой по прошествіи сорока лѣтъ.

Капитанъ Вибрау, разумѣется, подошелъ къ мистрисъ Эшеръ, геръ Гильфиль старался избавить Катерину отъ непріятнаго положенія сидѣть молча въ сторонѣ, подсѣвши къ ней и вшись ей разказывать, какъ одинъ изъ его пріятелей упалъ съ лошади и переломилъ себѣ руку, хотя онъ очень ясно въ, что она почти не слушаетъ его и смотритъ въ другую сторону. Одно изъ мученій ревности въ томъ именно и состоитъ, на никакъ не можетъ свести глазъ съ предмета, раздражающаго ее.

Они были довольны, когда сэръ-Кристоферъ, чтобы чѣмъ-нибудь прервать разговоръ свой съ леди Эшеръ, обратился къ ней съ словами:

Что жъ, Тина, развѣ вы намъ ничего не споете сегодня, не чѣмъ мы засядемъ за карты? Вы, кажется, играете въ карты, леди Эшеръ? прибавилъ онъ, спохватившись.

Какже! Мой бѣдный, дорогой сэръ-Джонъ, бывало, каждый вечеръ садился за вистъ.

Катерина тотчасъ же сѣла за клавикорды, и съ восхищеніемъ пѣла, что какъ только начала она пѣть, капитанъ Вибрау отодвинулся отъ невѣсты и сталъ на свое старое мѣсто у клавикордъ. Придало новую силу ея голосу; и когда она замѣтила, что леди Эшеръ вскорѣ послѣдовала за нимъ, видимо старающаяся скрыть лицу своему выраженіе восторга, ея заключительная фраза нисколько не пострадала отъ того, что маленькое торжествующее презрѣніе оживило ея душу.

Голосъ вашъ сталъ еще свѣжѣе и сильнѣе, Катерина, сказалъ капитанъ Вибрау, когда она кончила. — Это не то, что пѣе миссъ Гибертъ, которымъ мы восхищались въ вечеръ, неправда ли, Беатриса?

Еще бы! Какъ вы счастливы миссъ Сартти... Катерина... вы позволите васъ называть Катериной?.. Мнѣ столько говорилъ вамъ Антони, что я смотрю на васъ какъ на старинную знакомую. Вы не разсердитесь, если я васъ буду звать Катеринкой?

Ничуть, меня всѣ зовутъ Катериной, или просто Тиной.

Не гнѣйтесь, обезьянка, споите намъ еще что-нибудь, съ того конца комнаты закричалъ сэръ-Кристоферъ. — Мы еще не насытились музыкой.

Катерина охотно исполнила его желаніе: пока она пѣла, она сидѣла на царницѣ комнаты, и миссъ Эшеръ оставалось только наблюдать притворный восторгъ и удивленіе. Увы! вы видите, какъ тѣшила ревность въ этой бѣдной молодой душѣ. Катерина

эта неминная птичка, любящая и боязливая, поняла, что значило ненавидѣть и торжествовать надъ врагомъ.

Когда пѣніе кончилось, сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель съ вѣстъ съ леди Эшеръ и мистеромъ Гильфилемъ, а Катерина ушла подлѣ баронета, какъ бы для того чтобы слѣдить игрой: она не хотѣла стѣснять своимъ присутствіемъ жениха и невѣсту. Сперва она находилась еще подлѣ впечатлѣній минуты торжества, и ее поддерживала гордость; но глаза невольно устремились въ тотъ уголокъ комнаты, гдѣ капитанъ Брау ушелъ подлѣ миссъ Эшеръ и оперся рукой на спинку стула, въ позѣ самой приличной для жениха. Томительное чувство овладѣло Катериной. Она видѣла, почти не глядя, какъ онъ своей рукой своей невѣсты, чтобы разсмотрѣть ея браслетъ; голова склонилась все ближе и ближе другъ къ другу, кудри ея касались его щеки, онъ поднималъ ея руку къ своимъ губамъ... Катерина чувствовала, какъ вспыхнули ея щеки; она не могла выстоять долѣе. Она встала прошлась по комнатѣ, какъ бы ища чего-то и наконецъ скользнула въ дверь.

Въ корридорѣ она взяла свѣчу, быстро устремилась въ свою комнату, и заперла за собою дверь.

«О, это выше силъ моихъ, это выше силъ моихъ!» громко воскликнуло бѣдное дитя, ломая себѣ руки, и прижимая къ пылающему лбу.

Потомъ она быстро принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«И я должна это видѣть, должна это терпѣть, сколько, сколько еще дней!»

Она чувствовала потребность что-нибудь изорвать, взять въ своихъ рукахъ. На столѣ лежала кисейная косынка; она схватила ее и изорвала въ мелкіе кусочки, пока ходила по комнатѣ, и потомъ сжала ихъ въ твердые комки въ своей рукѣ.

«А Антонія, думала она: ему дѣла нѣтъ до того, что я должна чувствовать глядя на это. О, для него ничего не значитъ забыть все прошлое! Какъ онъ говорилъ, что любить меня, держалъ руку мою въ своихъ рукахъ, по цѣлымъ часамъ глядя мнѣ въ глаза!..»

«О, это жестоко, это жестоко!» опять громко вскрикнула она, когда всѣ эти сладкія мгновенія опять предстали п редъ ней. И слезы хлынули изъ ея глазъ, она бросилась на колѣни передъ своею кроватью, опустила голову и горько зарыдала.

Она сама не знала, какъ долго она провела въ этомъ положеніи, когда раздался колокольъ къ вечерней молитвѣ, и она вспомнила, что леди Чеверель можетъ хватиться ея и послать къ ней. Она встала и начала поспѣшно раздѣваться, чтобы ей не было

в никакой возможности сойти внизъ. Не успѣла она еще гести волосы и накинуть ночное платье, какъ раздался го- мистрисъ Шарпъ, которая постучалась въ дверь.

Миссъ Тина, кричала она,—леди Чеверель спрашиваетъ, не вы ли вы?

герина отперла дверь и сказала:

Благодарю васъ, милая мистрисъ Шарпъ; скажите, прошу леди Чеверель, что у меня очень разболѣлась голова.

Такъ отчего же, скажите на милость, вы еще не лежите въ постель, а стоите раздѣтая и дрожите отъ холода? На что это вамъ? Садитесь, я вамъ причешу волосы, а потомъ уложу и спать васъ хорошенько.

Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ; я сейчасъ лягу сама. Доброй ночи, милая Шарпочка; не ворчите на меня; я буду мнѣца и сейчасъ лягу спать.

герина расцѣловала своего стараго друга, но отъ мистрисъ Шарпъ не легко было отдѣлаться; она непременно хотѣла собственноручно уложить свою питомицу, и унесла съ собою подушку, безъ которой бѣдной дѣвочки стало еще тоскливѣе на душе.

Въ сердце ея такъ билось, она такъ была взволнована, что не могла долго вылежать въ постели; ей было пріятнѣе дрожать и трястись. Въ комнатѣ было довольно свѣтло: высоко въ небѣ мелькала между торопливо бѣжавшими тучами. Катерина отворила занавѣсь окна, приложила лобъ къ холодному стеклу, и отряслась на деревья и луга.

Вѣтъ мраченъ и печаленъ лунный свѣтъ, когда холодный, жемчужный вѣтеръ лишаетъ его нѣжности и спокойствія! Деревьямъ хоть бы какъ кажется отдохнуть, а ихъ то и дѣло беспокоятъ эти шумные толчки, забнувшая трава пригибается съ сочувственнымъ холодомъ, и ивы у пруда какъ-то безпомощно и жалобно играютъ свои бѣлѣющія вѣтви. Но картина эта пріятна Катеринѣ по самой своей мрачности: въ ней есть чувство жалости. Не то, что жестокое, беспощадное счастье влюбленныхъ, падающее надъ горемъ.

Катерина крѣпче прижала голову къ стеклу, и слезы обильнѣе хлынули изъ ея глазъ. Она рада была этимъ слезамъ: она сама была той бѣшеной страсти, которая наполняла ея душу пока ея были сухи. Какъ скрыть эти чувства, какимъ образомъ защитить себя?

Она вспомнила о сэрѣ-Кристоферѣ: какъ онъ былъ добръ къ ней и съ какою радостію ожидалъ онъ свадьбы Антони! И теперь на это, она могла питать въ своемъ сердцѣ такіа ужасныя мысли!

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! шептала она сквозь слезы.—Боже, сжапись надо мной!

Такимъ образомъ провела Тина долге часы этой холодной ночи; наконецъ силы измѣнили ей, она опять бросилась въ постель, и заснула тяжелымъ сномъ.

Пока это бѣдное сердечко билось, и страдало, и погибло въ неровной борьбѣ, все въ природѣ шло своимъ неизмѣннымъ, безпощаднымъ, величественнымъ порядкомъ. Звѣзды стремились по своимъ вѣчнымъ путямъ; солнце проливало свой яркій свѣтъ на народы и страны по другую сторону быстро движущейся земли; корабли разсѣкали темныя морскія волны; смерть своею холодною рукою безъ разбора касалась своихъ жертвъ: что значила наша маленькая Тина, что значили ея страданія въ этомъ величественномъ, безконечномъ движеніи? Они исчезали въ немъ, какъ исчезаютъ эти малѣйшіе центры жизни, трепещущей въ каждой каплѣ воды; они были также никѣмъ не замѣчены какъ біеніе тоски въ груди этой птички, которая спустилась къ своему гнѣздышку съ добытымъ кормкомъ, и нашла свое гнѣздышко разореннымъ и пустымъ.

ГЛАВА VI.

На слѣдующее утро, когда вошедшая въ комнату Марта будила Катерину отъ тяжелого сна, солнце свѣтило, вѣтеръ утихъ, и мучительные часы прошлой ночи казались ей чѣмъ-то недѣйствительнымъ, пригрезившимся ей, несмотря на ощущаемое ею утомленіе и боль въ глазахъ. Она встала и принялась одѣваться съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ совершеннаго душевнаго онѣмѣнія; ей казалось, что уже ничто на свѣтѣ не заставитъ ее заплакать; и она даже чувствовала нѣкоторую потребность поскорѣ сойти внизъ, быть не одной, чтобъ чѣмъ-нибудь избавиться отъ этой тягостной безчувственности.

Рѣдкій человекъ не чувствуетъ стыда и раскаянія въ своихъ грѣхахъ и сумазбродствахъ, когда ясное утреннее солнце глядитъ ему въ лицо, какъ бы пытаясь отвратить его отъ суетнаго пути, съ котораго онъ уже много разъ, но напрасно, старался сойти, и Тина горько раскаивалась въ своемъ вчерашнемъ безуміи. Сегодня она постарается быть доброю, и когда она ступитъ на колѣни, чтобы прочесть свою короткую молитву, ту самую молитву, которую она выучила нанзустъ еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, она прибавила:—О Боже! дай мнѣ силы перенести все это.

этотъ день, казалось, молитва эта была услышана: послѣ ака капитанъ Вибрау и миссъ Эшеръ предприняли дале-прогулку верхомъ, и Катерина провела утро спокойно. Вечеръ, къ обѣду, были гости; потомъ, Катерину заставили пѣть, эди Чеверель, вспомнивъ, что она нездорова, рано отослала ея комнату, гдѣ она скоро погрузилась въ глубокой. Для страданія, также какъ и для наслажденія, душа и тѣло ны возобновлять свои силы.

на слѣдующій день пошелъ дождь, и всѣ принуждены были въ дома. Было рѣшено, что сэръ-Кристоферъ употребить въ день нато, чтобы проводить гостей по всему дому, раз-гъ имъ всю исторію архитектурныхъ преобразованій, показать картины и семейные портреты. Все общество, за исключеніемъ ера Гильфия, было въ гостиной, когда предложеніе это о сдѣлано; и когда миссъ Эшеръ поднялась съ своего мѣста, взглянула на капитана Вибрау, видимо ожидая, что онъ по-уетъ за ней; но онъ остался въ своемъ креслѣ у каминна-лубился въ газету, которую до тѣхъ поръ разсѣянно дер- въ рукахъ.

- Вы не пойдете съ нами, Антони? сказала леди Чеверель, за-въ вопросительный взглядъ миссъ Эшеръ.

- Нѣтъ, если вы позволите, отвѣчалъ онъ, вставая съ своего га и отворяя дверь.—Мнѣ что-то не здоровится сегодня, и-юсь холодныхъ комнатъ и сквознаго вѣтра.

миссъ Эшеръ вспыхнула, но ни слова не сказала, и вышла изъ чаты съ леди Чеверель.

атерина сидѣла за своею работою въ углубленіи окна. Она первый разъ теперь оставалась наединѣ съ Антони; она е думала прежде, что онъ избѣгаетъ ея. Но теперь онъ но захотѣлъ поговорить съ ней, сказать ей ласковое слово. очно онъ всталъ съ своего мѣста и усѣлся на оттоманъ про- въ нея.

- Ну что, Тина, какъ же вы поживали все это время?

слова эти и голосъ, которымъ они были сказаны, были мой для нея. Голосъ такъ мало былъ похожъ на прежній голосъ, слова были такія холодныя и пошлыя. Она отвѣчала въ некоторую горечью:

- Я удивляюсь, что вы объ этомъ спрашиваете. Я полагаю, вамъ это совершенно все равно.

- Не слишкомъ же ласково встрѣчаете вы меня послѣ такой ой разлуки.

- Не знаю, почему вы ожидали отъ меня ласковой встрѣчи.

Капитанъ Вибрау замолчалъ. Онъ очень желалъ избѣгнуть на-въ и объясненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ быть въ хоро-

шихъ отношеніяхъ съ Катериной. Онъ очень радъ былъ бы ея ласкать ее, дѣлать ей подарковъ, убѣдить ее, что онъ отлично поступилъ съ ней. Но эти женщины такое капризное званіе! Нѣтъ никакого средства заставить ихъ смотрѣть на вещи разумно.

— Я надѣялся Тина, сказалъ онъ наконецъ, — что вы одобрите мое поведеніе, вмѣсто того чтобы сердиться на меня. Неужели вы не видите, что все устроилось къ лучшему для всѣхъ и къ лучшему для вашего счастья.

— О пожалуста не укаживайте для моего счастья и миссъ Эшеръ! отвѣтила Тина.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошли миссъ Эшеръ, чтобы взять свой, лежавшій на клавикордахъ, ридикюль. Она зорко взглянула на раскраснѣвшуюся Катерину, и презрительно сказавъ капитану Вибрау: — Если вы такъ боитесь холода, я удивляюсь, что вы выбрали себѣ мѣсто у окна, — въ ту же минуту вышла изъ комнаты.

Женихъ ея, казалось, не очень смутился, и послѣ короткаго молчанія взялъ стулъ, придвинулъ его къ Катеринѣ, и сказавъ ей за руку. — Полно, Тина, улыбитесь мнѣ и будемъ друзьями. Я всегда буду вашимъ другомъ.

— Благодарю васъ, сказала Катерина, освобождая свою руку. — Вы очень великодушны. Но отойдите отъ меня, сдѣлайте милость, Миссъ Эшеръ можетъ опять войти въ комнату.

— Чортъ ее возьми миссъ Эшеръ! сказалъ Антони, поднимая чашбніемъ навѣянныхъ ему, близостью Катерины, воспоминанія.

Онъ обнялъ рукой ея станъ, и притянулъ ее къ себѣ. Грудь его была губамъ ихъ не встрѣтиться послѣ этого, но въ слѣдующее же мгновеніе она вырвалась изъ его рукъ, и съ возмущеннымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

Катерина вырвалась изъ объятій Антони, съ отчаяннымъ крикомъ человѣка, сохранившаго ровно на столько самосознанія, чтобы чувствовать, что его удушить чадъ угля, если онъ не будетъ дѣлать шагъ вырваться на свѣжій воздухъ; но какъ она почувталась въ своей маленькой комнаткѣ, голова ея еще кружилась отъ этого минутнаго возвращенія къ прошлому, она еще такъ была взволнована внезапною нѣжностью Антони, что не могла отдать себѣ яснаго отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ.

яснить себѣ, горьки ли они, или сладки. Какъ будто чудо со-
шло въ маленькомъ мірѣ ея чувствованія, — утрення дым-
смутныхъ возможностей уступила мѣсто яснымъ и рѣзкимъ
эракамъ безнадежной извѣстности.

Она чувствовала потребность быстрого движенія. Бѣ необхо-
дно было пройти, несмотря на дождь. По счастію, свѣтло-го-
бое пятно на небѣ, между тучами, подавало надежду, что по-
на намѣрена разгуляться.

«Пойду я на островъ, подумала про себя Катерина, и от-
су я мистеру Бетсу шарфъ, который я связала для него, а если
ли Чеверель спросить зачѣмъ я вышла въ такую погоду, ужь я
иду что сказать.» Въ дверяхъ прихожей она встрѣтила Руперта,
сположившагося на коврикъ съ твердымъ намѣреніемъ осчастли-
ть своимъ обществомъ перваго человѣка достаточно чувствитель-
го, чтобы предпринять прогулку въ это утро. Когда онъ по-
кинулъ ей на руку свою косматую морду, и съ убѣдительнымъ
аснорѣчіемъ принялся махать хвостомъ, и наконецъ отъ из-
лишка чувствъ положилъ ей лапы на плечи и обливалъ ей лицо,
ходившееся именно въ уровень съ его мордой, Катерина была
въ души благодарна ему за его ласки. Животныя такіе пріятные
узя: они не дѣлаютъ вопросовъ, не осуждаютъ, не требуютъ
ясненій.

«Островъ» находился въ отдаленной части парка, и былъ окру-
женъ ручейкомъ, вытекающимъ изъ пруда. Конечно, по дождливому
ю, Катерина не могла бы выбрать менѣе удобнаго мѣста для про-
лки. Дорога шла по лѣсу, и хотя дождь скоро совершенно прекра-
лся, съ деревьевъ не переставало лить на нее. Но она нашла
менно то успокоеніе, котораго искала, пробираясь по мокрымъ
рогамъ съ зонтикомъ, слишкомъ тяжелымъ для ея маленькой
ки. Эта утомительная прогулка была для нея, что день, про-
денный на охотѣ, былъ для мистера Гильфия, который также
редко долженъ былъ бороться съ своими припадками ревно-
сти и тоски, и имѣлъ мудрую привычку прибѣгать въ такихъ
учахъ къ невинному опіуму природы — физическому утом-
нію.

Когда Катерина дошла до красиваго деревяннаго мостика,
ништеннаго хода на островъ для всякихъ, кромѣ лапчатыхъ
гъ, солнце одержало верхъ надъ тучами; оно свѣтило сквозь
тѣни высокихъ вѣзовъ, образовавшихъ глубокое гнѣздо для ко-
жда садовника, превращало капли въ алмазы, и побуждало
истурціи, покрывающія стѣны, снова приподнять свои огнен-
ныя головки. Грачи перекликались другъ съ другомъ, вѣроятно
ходя, въ согласіи съ людьми, обильный источникъ для разго-
ра въ переменѣхъ погоды. Мшистая трава, покрытая разными

полуболотистыми растеніями, доказывала, что гнѣздо мистера Бетса было сыро и въ хорошую погоду; но Мистеръ Бетсъ придерживался того мнѣнія, что маленькая наружная сырость не можетъ повредить челобѣку, принявшему внутрь должное количество, именно стаканчикъ рома съ водой.

Катерина любила это гнѣздо. Каждый уголокъ его, каждый звукъ, раздававшійся въ немъ, были ей знакомы и памяты, съ тѣхъ еще поръ какъ мистеръ Бетсъ на рукахъ приносилъ ее сюда, и она передразнивала грачей, засматриваясь на зеленыя лягушечки, выглядывавшихъ изъ сырой травы, и кормила бывшій пушистыхъ куръ садовника. Теперь этотъ уголокъ казался ей милѣе чѣмъ когда-либо; онъ былъ такъ далекъ отъ миссъ Эринъ, ея блестящей красоты и самодовольной любезности. Она думала, что мистеръ Бетсъ не вернулся еще къ обѣду, и хотѣла устыдить въ его комнаткѣ, чтобы дожидаться его.

Но она ошиблась. Мистеръ Бетсъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, покрывъ лицо носовымъ платкомъ, — самое приличное, къ дурной погоду, препровожденіе времени между завтракомъ и обѣдомъ. Пробужденный неистовымъ лаемъ привязаннаго будильника, онъ еще издали увидалъ маленькую свою любимицу, и встрѣтилъ ее въ дверяхъ, казавшихся, также какъ и весь интѣрьеръ, слишкомъ низкими въ сравненіи съ его ростомъ. Будильникъ, между тѣмъ, уволенный отъ строгости своей официальной роли, вступилъ съ Рупертомъ въ дружескій обменъ идей.

Мистеръ Бетсъ успѣлъ посѣдѣть со времени нашего знакомства съ нимъ, но держался по прежнему прямо, и лицо его было, если возможно, еще краснѣе; оно рѣзко отдѣлялось отъ его сераго галстука и бѣлага, какъ снѣгъ, передника.

— Что это вы, миссъ Тина, воскликнулъ онъ, — какъ это вы добрались до меня въ такую погоду? Развѣ вы гусенокъ, чтобы шлепать лапками по такой грязи? Но я радъ, очень радъ васъ видеть. Эсэиръ, закричалъ онъ горбатой своей ступкой, — выньте зонтикъ миссъ Тины и высушите его. Войдите, войдите, миссъ Тина, садьте къ огню, погрѣйте себѣ ножки, да выпейте чего-нибудь тепленькаго.

Мистеръ Бетсъ ввелъ ее въ маленькую гостиную, нагнулся, чтобы пройти въ низкія двери, поправилъ подушку кресла и придвинулъ его къ самому огню.

— Благодарю васъ, дядя Бетсъ (Катерина сохранила старинскія прозвища для друзей своихъ, а садовникъ принадлежалъ къ числу ихъ): — не такъ близко къ огню; я шла скоро и согрѣлась.

— Да, но башмаки ваши тонки и совсѣмъ промокли. Надо положить ноги на рѣшетку каминна. Ну, ужъ и ножки, ничего сказать! не больше столовой ложки. Удивляюсь какъ вы

на нихъ умудряетесь ходить и стоять. Но чѣмъ бы васъ напоить, чтобы согрѣть васъ хорошенько? Что скажите вы о капелькѣ теплаго винца?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно, я недавно завтракала, сказала Катерина, доставая шарфъ изъ своего глубокаго кармана: въ тѣ дни карманы были очень пемѣстительны.— Взгляните, дядя Бетсъ, вотъ зачѣмъ я пришла къ вамъ. Я сама связала его для васъ. Вы должны носить его зимой, а прежній вашъ, красный, отдать старому Бруксу.

— Красота, миссъ Тина, да и только. И вы сами трудились надъ этимъ для меня! Утѣшили же вы старика! Я буду носить его и всѣмъ буду хвастаться, что вы сами вязали его для меня. Эти полосы, бѣлыя и синія, прелесть какъ красивы.

— Да, этотъ шарфъ больше будетъ идти къ цвѣту вашего лица чѣмъ вашъ старый, красный. Я увѣрена, что мистрисъ Шарпъ еще сильнѣе влюбится въ васъ, когда увидитъ васъ въ этомъ шарфѣ.

— Цвѣтъ моего лица! да вы смѣетесь надо мной, плутовка! Но кстати о цвѣтѣ лица: что за чудный румянецъ на щекахъ нашей невѣсты! Кланусь честью, я такой красавицы не видывалъ. И какъ она мастерски ѣздитъ верхомъ! Мистрисъ Шарпъ обѣщалась поставить меня за дверь, когда господу будутъ проходить изъ гостиной въ столовую къ обѣду, чтобы я могъ поблизи разсмотрѣть невѣсту. Мистрисъ Шарпъ говоритъ, что она почти лучше нашей леди, когда она была молода, и я полагаю, что не много въ нашемъ краю найдется барынь, которыя могли бы сравниться съ ней.

— Да, миссъ Эшеръ очень хороша собой, чуть слышно проговорила Катерина, снова начиная чувствовать свое ничтожество, увидѣвъ какое впечатлѣніе производитъ на всѣхъ миссъ Эшеръ.

— Нужно надѣяться, что она къ тому же и добра, и будетъ корошею племянницей для нашихъ господъ. Мистрисъ Грифинъ, горничная ея, говоритъ, что насчетъ платьевъ и всякихъ нарядовъ на нее очень трудно угодить. Но она еще молода; все это пройдетъ, когда у нея будутъ мужъ, дѣти и разныя заботы. Сэръ-Кристоферъ ликуетъ и радуется. На дняхъ еще онъ говорилъ мнѣ: «Что жъ, Бетсъ, говоритъ, какъ вамъ нравится ваша будущая госпожа?» А я ему: — Да! говорю, ваша милость, какихъ нисанныхъ красавицъ не на каждомъ шагу встрѣтишь; я поздравляю капитана съ такою супругой, и желаю ему нажить съ ней много дѣтей, а вашей милости дожить до тѣхъ поръ, пока они подростутъ. Мистеръ Уаренъ говоритъ, что сэръ-Кристоферъ только и думаетъ о томъ, какъ бы сыграть свадьбу, и что вѣроятно ее сыграютъ до конца осени.

Пока болталъ такимъ образомъ мистеръ Бетсъ, Катерина чувствовала, что сердце ея все больше и больше сжимается.—Да, сказала она, поднимаясь съ своего мѣста:—сэръ-Кристоферъ ни о чемъ другомъ не думаетъ. Но мнѣ нужно идти домой, дядя Бетсъ; леди Чеверель можетъ хватиться меня, да и вамъ пора обѣдать.

— Нѣтъ, объ обѣдѣ моею не безпокойтесь; но я не стану васъ удерживать, если вы думаете, что леди Чеверель будетъ не довольна, хотя я еще мало поблагодарилъ васъ за этотъ чудесный шарфъ. Я на него насмотрѣться не могу. Но вы что-то блѣдны сегодня, миссъ Тина, здоровы ли вы? не простудились ли вы, гуляя по этой сырости?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Тина, спѣша изъ дому, и взявъ свой зонтикъ изъ кухни:—прощайте, дядя Бетсъ.

Она позвала Руперта и направилась къ замку, а добрый садникъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ, засунувъ руки въ карманы и задумчиво покачивая головой.

— Она съ каждымъ днемъ становится нѣжнѣе и блѣднѣе, сказалъ онъ вполонину про себя, вполонину обращаясь къ Эсэри.—Я не удивляюсь, если она завянетъ какъ тѣ цикламены, которые я недавно пересадила. Я вспоминаю о нихъ, глядя на нее: она такая же бѣленькая, слабенькая и нѣжная, какъ и они.

Бѣдняжка возвращалась домой, не жажда больше свѣжаго, сыраго воздуха, какъ противодѣйствія внутреннему волненію, но ошущая такой холодъ въ сердцѣ, что она содрагалась отъ каждаго свѣжаго вѣтерка. Золотые лучи солнца пробивались сквозь мокрую листву, птицы радостно чирикали, и голоса ихъ, такъ же какъ и воздухъ, казалось, очистились послѣ проливнаго дождя; но Катерина двигалась между всеми этими красотами, какъ бѣдная раненая ливретка, съ трудомъ ползущая по мягкой травѣ, которая стала жестка для нея. Слова мистера Бетса о радости сэръ-Кристофера, о красотѣ миссъ Эшеръ, о близости свадьбы, какъ бы облили ее холодною водою, пробудили ее изъ неясной дремоты и заставили ее взглянуть въ глаза дѣйствительности. Таковы всѣ впечатлительныя натуры: для нихъ слова имѣютъ значеніе чаръ и всевластны надъ ихъ слезами и улыбками, даже если онѣ имъ и не совсѣмъ вѣрятъ. Катерина возвратилась въ свою комнату, убитая по прежнему и болѣе чѣмъ когда-либо возмущенная противъ Антони. Его обращеніе съ ней утромъ было новымъ для нея оскорбленіемъ. Вынудить у нея выраженіе нѣжности въ такую минуту, когда она была въ полномъ правѣ ожидать слова раскаянія, сожалѣнія, сочувствія, значило издѣваться надъ ея горемъ, ни во что не ставить ее самое и ея чувство.

ГЛАВА VIII.

Въ этотъ вечеръ миссъ Эшеръ еще надменнѣе и величественнѣе обыкновеннаго закидывала свою хорошенькую головку, и своимъ холоднымъ взглядомъ слѣдила за всѣми движеніями Катерины. Было ясно, что готовилась гроза. Капитанъ Вибрау ни на что, казалось, не хотѣлъ обращать вниманіе, и вида, что невѣста его чуть отвѣчаетъ ему, на зло ей, болѣе обыкновеннаго, сталъ заниматься Катериной. Мистеръ Гильфиль уговорилъ ее сыграть съ нимъ партію въ шашки; леди Эшеръ и сэръ-Кристоферъ усѣлись за пикетъ; миссъ Эшеръ съ большимъ оживленіемъ о чемъ-то разговаривала съ леди Чеверель, и Антони, предоставленный такимъ образомъ самому себѣ, подошелъ къ стулу Тины, оперся на спинку его и сталъ слѣдить за игрой. Тина, еще находившаяся подъ впечатлѣніемъ утреннихъ воспоминаній, почувствовала, что ея блѣдныя щеки начинаютъ горѣть; наконецъ она сказала нетерпѣливо:

— Отойдите отъ меня, сдѣлайте милость.

Миссъ Эшеръ сидѣла противъ нихъ, и видѣла какъ Катерина покраснѣла, какъ она что-то нетерпѣливо проговорила, вслѣдствіе чего капитанъ Вибрау удалился отъ стола. И не она одна это замѣтила: еще другой человекъ съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ измѣненіемъ въ лицѣ Катерины, и видѣлъ къ тому же, что и миссъ Эшеръ наблюдала за ней. Этотъ человекъ былъ мистеръ Гильфиль, и ему стало еще страшнѣе за Катерину.

На другое утро, несмотря на ясную погоду, миссъ Эшеръ отказалась отъ прогулки верхомъ, и леди Чеверель, замѣчая, что что-то не ладилось между ею и Антони, позаботилась о томъ, чтобъ они остались наединѣ въ гостиной. Миссъ Эшеръ усѣлась на диванъ у камина, и съ ревностнымъ прилежаніемъ принялась за какое-то красивое шитье. Капитанъ Вибрау сидѣлъ противъ нея съ газетой въ рукахъ, и съ искусственно-развязнымъ видомъ читалъ ей отрывки изъ разныхъ статей, не подавая вида, что замѣчаетъ презрительное молчаніе, съ которымъ она продолжала быстро дѣйствовать иглой. Наконецъ почерпнувъ изъ газеты все, что было возможно, онъ положилъ ее на столъ, и миссъ Эшеръ тогда сказала:

— Вы, кажется, очень близки съ миссъ Сарти?

— Съ Тинной? Еще бы! Вѣдь вы знаете, что она всегда была

любимицей всѣхъ въ домѣ, и мы всегда были, съ ней какъ братъ съ сестрой.

— Сестры, обыкновенно, не краснѣютъ до ушей, когда къ нимъ подходятъ братья.

— Развѣ она краснѣетъ? Я этого не замѣчалъ. Но эта крошка такъ застѣнчива.

— Напрасно вы хитрите, капитанъ Вибрау. Я убѣждена, что между вами были какія-нибудь нѣжныя отношенія. Миссъ Сарті, въ своемъ положеніи, никогда бы не позволила себѣ говорить съ вами такъ вспылчиво, еслибы вы не дали ей на это права.

— Полноте, милая Беатриса, разсудите сами: статочное ли это дѣло, чтобъ я влюбился въ бѣдную Тину? Чтò въ ней можетъ возбудить такого рода чувство? Она ребенокъ, а не женщина. На нее нельзя смотрѣть иначе, какъ на маленькую дѣвочку, которую можно баловать, съ которою весело играть.

— Позвольте спросить, въ какую игру играли вы вчера утромъ, когда я неожиданно вошла и застала ее съ пылающими щеками и дрожащими руками?

— Вчера утромъ? Да, я припоминаю. Вы знаете, что я всегда дразню ее Гильфилемъ, который по уши влюбленъ въ нее, и она приходитъ тогда въ ярость, быть-можетъ оттого, что она не равнодушна къ нему. Они выросли вмѣстѣ, и одно изъ любимыхъ желаній сэръ-Кристофера—отдать ее за него.

— Капитанъ Вибрау, вы говорите не правду. Мистеръ Гильфильдъ былъ тутъ не при чемъ, когда она покраснѣла вчера вечеромъ и прогнала васъ отъ себя. Совѣтую вамъ быть откровеннымъ. Если вы начинаете раскаиваться въ своемъ выборѣ, не стѣсняйтесь, прошу васъ. Я охотно уступлю мѣсто прелестной миссъ Сарті. Поймите, что въ отношеніи ко мнѣ вы совершенно свободны. Я отказываюсь отъ всякихъ правъ на сердце человека, который не стыдится обманывать меня.

Сказавъ это, она встала и величественно направилась къ дверямъ, но Антони загородилъ ей дорогу и взялъ ее за руку.

— Милая, дорогая Беатриса, не горячитесь; не судите меня такъ строго. Сядьте сюда, дорогая моя,—и онъ привелъ ее къ дивану и сѣлъ подлѣ нея, не выпуская руки ея. Миссъ Эшеръ вовсе была не прочь возвратиться и выслушать его объясненія: но она, попрежнему, холодно и гордо смотрѣла на него.

— Неужели вы не довѣряете мнѣ, Беатриса? Неужели вы не можете повѣрить мнѣ, хотябы и были обстоятельства, которыя я не могу вамъ объяснить?

— Я не допускаю, чтобы могли быть такія обстоятельства. Порядочный человекъ никогда не поставитъ себя въ такія обстоятельства, которыя бы онъ не могъ объяснить своей невѣстѣ. Онъ

танеть просить ее *открыть*, что онъ поступает хорошо, но жетъ ей это на дѣлѣ. Позвольте мнѣ встать, сэръ.

Онъ обнялъ рукою ея стамъ и удержалъ ее.

Полю, милая Беатриса, сказалъ онъ умоляющимъ голо-
сомъ:—неужели вы не понимаете, что есть вещи, о которыхъ мнѣ не слѣдуетъ говорить, тайны, которыя онъ обязанъ знать не для себя, а ради другихъ? Все, что касается меня, я въ разказать вамъ, но не требуйте, чтобъ я открывалъ вамъ я тайны. Неужели вы и теперь меня не понимаете?

Если вы ухаживаете за женщиной, отвѣчала миссъ Эшеръ презрѣніемъ,—такъ это конечно ея тайна, которую вы обязаны знать. Но что попустому тратить слова, капитанъ Вибрау? Какъ день, что между вами и миссъ Сартъ существуютъ что-то странныя отношенія, которыя нельзя назвать просто кескими. Вы не хотите объяснить мнѣ ихъ, и я нахожу, что больше ничего не имѣемъ другъ другу сказать.

Чортъ побери, Беатриса! вы сведете меня съ ума. Вино-ли человекъ, если въ него влюбится дѣвушка? Такіе случаи яютъ на каждомъ шагу, но мужчины не разглашаютъ ихъ. Дѣвушки способны на такія минутныя увлеченія, особенно онѣ мало видятъ людей, и лучшее средство излѣчить —не обращать на это вниманія. Если вы могли полюбить я, вы не должны удивляться, что и другіе раздѣляютъ вашъ я; это должно, напротивъ, дать вамъ о нихъ хорошее мнѣніе.

Должна ли я понять изъ вашихъ словъ, что миссъ Сартъ билась въ васъ, хотя вы никогда не ухаживали за ней?

Не заставляйте меня говорить это, душа моя. Не довольно вамъ того сознанія, что я васъ люблю, что я весь принад-у вамъ? О, прекрасная моя повелительница! вы чувствуете о силу, и нарочно мучаете меня, терзаете мое бѣдное сердце. не будьте слишкомъ жестоки: вамъ извѣстно, что въ моемъ цѣ, кромѣ любви, таится еще другая болѣзнь, и такія сцены авляютъ его страшно биться.

Но вы должны мнѣ отвѣчать хоть на одинъ вопросъ, ска- миссъ Эшеръ, начиная нѣсколько смягчаться:—существо- ли, существуетъ ли съ вашей стороны любовь къ миссъ ти? Мнѣ дѣла нѣтъ до ея чувствъ, но я имѣю право требо- отчета въ вашихъ чувствахъ къ ней.

Я очень люблю Тину; кто бы не полюбилъ этой милой, рой крошки? Но такая любовь, какъ вы воображаете, никогда не приходила въ голову. Такихъ женщинъ, какъ Тина, лю- бы какъ братъ, но не имъ отдаешь все свое сердце.

Истинный взглядъ, поцѣлуй, запечатлѣнный на ея бѣлой рукѣ, жили краснорѣчивымъ поясненіемъ его словъ. Миссъ Эшеръ

была побѣждена. Такъ трудно было предположить, чтобъ Антони могъ полюбить эту блѣдную, незначашую дѣвочку,—такъ легко было представить себѣ, что онъ обожаетъ блестящую миссъ Эшеръ! Самолюбію ея даже начинала улыбаться мысль, что другія женщины вздыхаютъ по ея красавцу-женху; съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ сравниться. Бѣдная миссъ Сартъ! но она вѣрно скоро забудетъ его.

Капитанъ Вибрау видѣлъ, что она сдается.—Мы не станемъ больше говорить объ этомъ, дорогая моя, не правда ли? Я уверенъ, что вы будете щадить Тину, и будете ласковы къ ней, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Но не хотите ли вы теперь поѣздить верхомъ? Взгляните, какая чудная погода! Позвольте мнѣ велѣть подать лошадей. Мнѣ необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ. Такъ поѣзжайте же меня въ знакъ того, что прощаете мнѣ, и скажите, что вы поѣдете со мной.

Миссъ Эшеръ исполнила объ эти просьбы, и пошла готовиться къ прогулкѣ, въ то время, какъ женихъ ея отдавалъ приказанія и счетъ лошадей.

ГЛАВА IX.

Между тѣмъ мистеръ Гильфиль, не имѣвшій съ вчерашняго вечера ни минуты покоя, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы леди Чеверель и леди Эшеръ поѣхали кататься, надеясь, что онъ тогда застанетъ Катерину одну въ кабинетѣ у леди Чеверель. Дождавшись, чтобъ отѣхалъ экипажъ, онъ вошелъ на верхъ и постучался въ дверь.

— Войдите, сказалъ свѣжій, мягкій голосъ, всегда заставлявшій сердце его биться, какъ журчанье ручейка томное клядой сердце.

Онъ вошелъ, и нашелъ Катерину стоявшую посреди комнаты въ нѣкоторомъ смущеніи; она вздохнула свободнѣе, когда увидѣла Менарда, но въ слѣдующее же мгновеніе почувствовала досаду на него за то, что онъ прервалъ ея размышленія и испугалъ ее.

— А, это вы Менардъ! вы вѣрно хотите говорить съ леди Чеверель?

— Нѣтъ, Катерина, отвѣчалъ онъ грустно,—я хочу поговорить съ вами. Мнѣ необходимо сказать вамъ кое-что. Позвольте ли мнѣ посидѣть съ вами съ полчаса?

— Да, мой милый, старый наставникъ, сказала Катерина, съ видомъ утомленія опускаясь въ кресла.—Въ чемъ же дѣло?

Мистеръ Гильфильд усмѣлся противъ нея, и сказалъ:—Я надѣюсь, милая Катерина, что васъ не обидятъ мои слова. Меня обижаетъ говорить съ вами не иное какое-либо чувство, а только искреннее участіе къ вамъ и душевное безпокойство о васъ. Я прочемъ я умалчиваю. Вы знаете, что вы для меня дороже сего на свѣтѣ; но я не хочу навязывать вамъ чувство, на которое вы не можете отвѣчать. Я буду говорить съ вами какъ рать, какъ тотъ старый Менардъ, который десять лѣтъ тому назадъ носилъ васъ на рукахъ. Вы не подумаете, я надѣюсь, то я хочу говорить о предметѣ, тягостномъ для васъ, изъ какой-нибудь низкой, эгоистической цѣли?

— Нѣтъ; я знаю, что вы очень добры, разсѣянно сказала Катерина.

— То, что я видѣлъ вчера, продолжалъ мистеръ Гильфильд легка краснѣя, и нервнѣтельно:—возбудило во мнѣ опасеніе,—простите мнѣ Катерина, если я ошибаюсь,—что капитанъ Вибрау позволяетъ себѣ до сихъ поръ играть вашимъ сердцемъ, обращаться съ вами не такъ, какъ слѣдуетъ объявленному жениху ругой дѣвушки.

— Что вы этимъ хотите сказать, Менардъ? сказала Катерина, спыхнувъ и дрожа отъ волненія.—Хотите вы сказать, что я поощрала его ухаживать за мной... Какое право имѣете вы предполагать это? Что вы видѣли вчера? На что вы намекаете?

— Не сердитесь, Катерина. Я не подозреваю васъ ни въ чемъ урномъ. Я подозреваю только, что этотъ негодяй старается поддержать въ васъ чувство, которое не только пагубно для спокойствія вашего духа, но можетъ повлечь за собой много дурнаго и для другихъ. Я хотѣлъ предупредить васъ, что миссъ Шеръ зорко слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ между ами и капитаномъ Вибрау, и я увѣренъ, что она начинаетъ ревновать его къ вамъ. Будьте осторожны, Бога ради, Катерина, старайтесь обращаться съ нимъ вѣжливо, но равнодушно. Вы видите теперь, я увѣренъ, что онъ не стѣнитъ вашего чувства къ ему. Каждое лишнее біеніе его сердца тревожитъ его болѣе съхъ мученій, которымъ онъ подвергъ васъ.

— Не говорите о немъ такимъ образомъ, Менардъ, страстно осклинула Катерина.—Онъ не то, что вы думаете. Онъ думалъ обо мнѣ; онъ любилъ меня; онъ только покорился волѣмъ.

— Разумѣется! Я знаю, что онъ всегда, по самымъ добротельнымъ причинамъ, дѣлаетъ все то, что ему самому пріятно и полезно.

Мистеръ Гильфильд замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ оряться и можетъ этимъ испортить все дѣло.

— Я не стану высказывать моего мнѣнія о немъ, продолжалъ онъ потомъ спокойно и ласково. — Но любилъ ли онъ васъ или нѣтъ, его теперешнія отношенія къ миссъ Эшеръ такого рода, что ваша любовь къ нему можетъ повредить не вамъ одному. Поймите меня, я не ожидаю, чтобы вы разлюбили его разомъ въ одну ночь. Время, разлука и чувство долга—единственные лѣкарства. Еслибъ я не боялся, что сэръ-Кристоферъ и миссъ Чеверель удивятся и будутъ недовольны, я бы попросилъ васъ отпустить васъ на время къ моей сестрѣ. Она и мужъ ея добрые люди, и вы были бы у нихъ какъ дома. Но теперь именно вамъ этого безъ особенной какой-нибудь причины; и я больше всего боюсь возбудить подозрѣнія сэръ-Кристофера на счетъ вашихъ чувствъ и того, что было прежде. Вы согласны со мной, такъ?

Онъ опять замолчалъ, но Катерина ничего не отвѣчала ему. Она отвернулась отъ него, и со слезами на глазахъ смотрѣла въ окно. Онъ всталъ, ближе подошелъ къ ней и сказалъ, протягивая ей руку.

— Простите мнѣ, Катерина; я боюсь, что я огорчилъ васъ, и меня мучила мысль, что вы не замѣчаете, какъ часто глаза миссъ Эшеръ обращены на васъ. Помните, умоляю васъ, что спокойствіе цѣлаго семейства зависитъ отъ вашего умѣнья владѣть собой, отъ силы вашего духа. Скажите мнѣ только, что вы прощаете мнѣ, и я сейчасъ уйду.

— Милый, добрый Менардъ, сказала она сквозь слезы, и протягивая ему свою маленькую ручку,—не вамъ, а мнѣ приходится просить у васъ прощеніе. Но я измучилась. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Прощайте.

Онъ нагнулся къ ней, поцѣловалъ маленькую ручку и вышелъ изъ комнаты.

— Негодай! сквозь зубы проговорилъ онъ, когда дверь затворилась за нимъ.—Не будь сэръ-Кристофера, чего бы я не далъ, чтобы раздавить этого негодного червяка!

Г Л А В А X.

Въ этотъ вечеръ капитанъ Вибрау, послѣ длинной прогулки съ невестой, возвратился въ свою комнату, и съ видомъ сильнаго утомленія опустился въ кресла передъ зеркаломъ. Онъ испугался, увидѣвъ, что дорогое его сердцу лицо блѣднѣе и разстроенинѣе обыкновеннаго, и съ безпокойствомъ пощупалъ себѣ сперва пульсъ, а потомъ приложилъ руку къ сердцу.

«Я поставленъ въ чертовски-непріятное положеніе, — думалъ онъ, развалившись въ креслахъ и не сводя глазъ съ зеркала, — между двумя ревнивыми женщинами горячими и вспыльчивыми. И суждено же мнѣ такое наказаніе при моемъ здоровьѣ. Я радъ бы все бросить и бѣжать въ какую-нибудь теплую страну, хоть въ Индію, гдѣ лѣность и сонливость не дозволяютъ женщинамъ быть ревнивыми. А здѣсь хороша, нечего сказать, моя жизнь! Я ничего не дѣлаю пріятнаго для себя, всячески стараюсь дѣлать пріятное другимъ, и вся моя награда — разъяренные взгляды изъ женскихъ глазъ, и цѣлые потоки брани изъ ихъ милыхъ устъ. Если Беатриса приключится еще одинъ припадокъ ревности — а Гина такъ безразсудна, что по всему вѣроятію приключится, — она весь домъ способна поставить вверхъ дномъ. А всякая оставка въ этой свадьбѣ, особенно же такая, можетъ совершенно сравниться дядю. Я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы причинить ему это огорченіе. Да и нужно же человѣку, когда-нибудь жениться, а я не могъ выбрать себѣ невѣсты лучше Беатрисы. Она необыкновенно хороша собой, и я въ самомъ дѣлѣ очень люблю ее; она, конечно, не отличается большою кротостью, но я ни въ чемъ не буду перечить ей, и это не будетъ меня касаться. Такъ я буду радъ, когда эта свадьба будетъ дѣломъ поконченнымъ! Вся эта суета мнѣ страшно надоела. Да и чувствую я себя хуже это время. Эта исторія о Тинѣ сегодня утромъ совершенно разстроила меня. Бѣдная Тиночка! Экая она дурочка, что сердечко свое такъ крѣпко отдала мнѣ. Но она могла бы быть разсудительнѣе. Еслибъ она только поняла, что я желаю ей добра, стала бы смотрѣть на меня, какъ на друга! Но женщины на то не способны. Беатриса очень добра; я увѣренъ, что она была бы тогда ласкова къ бѣдняжкѣ. Какъ хорошо было бы, еслибъ Тина подлюблила Гильфила, хотя бы съ досады на меня! Онъ былъ бы отличнѣйшимъ мужемъ, и я отъ души порадовался бы счастію этой крошки. Еслибъ обстоятельства мои были другія, я, конечно бы, самъ женился на ней; но объ этомъ и думать было нельзя при моихъ отношеніяхъ къ сэръ-Кристоферу. Я полагаю, то дядя могъ бы уговорить ее пойти за Гильфила; я знаю, то она не въ состояніи противиться его желаніямъ. А какъ только ни будутъ перевѣщаны, — она такая любящая птичка, что скоро забудетъ обо мнѣ и души въ немъ не будетъ чаять. Для ея счастья, конечно, нужно желать, чтобы свадьба эта поскорѣе устроилась. Охъ! счастливы тѣ, въ кого не влюбляются женщины. Иди, потомъ раздѣлявайся!»

Тутъ, онъ нѣсколько повернулъ голову, чтобы съ другой точки зрѣнія полюбоваться своимъ лицомъ. Ясно было, что «*il dono infesse della bellezza*» причина всѣхъ его бѣдствій, и эта мысль есте-

ственно повлекла за собой ту, что пора ему позвать камердинера.

Въ продолженіи слѣдующихъ дней, однако, все шло такъ въ рошю, въ домѣ было такъ тихо, что капитанъ Вибрау и миссъ Гильфильмъ вздохнули свободнѣе. Минуты отдыха нужны не всего въ природѣ: даже въ тѣ ночи, когда бушуетъ самый яростный вѣтеръ, на мгновеніе воцаряется тишина, прежде вѣтеръ опять начнетъ съ трескомъ ломать вѣтви, неустойчиво бьются въ окна, со свистомъ врываются въ малѣйшія скважины.

Миссъ Эшеръ была въ отличномъ расположеніи духа; капитанъ Вибрау не отходилъ отъ нея, и очень былъ остороженъ въ своемъ обращеніи съ Катериной, къ которой миссъ Эшеръ была необыкновенно внимательна. Погода стояла отличная: утромъ приходилось ѣздить верхомъ, вечеромъ принимали гостей. Совѣщанія въ библиотекѣ между леди Эшеръ и сэръ-Кристоферомъ кончались, казалось, къ общему удовольствію, и было рѣшено, что недѣли черезъ двѣ леди Эшеръ и ея дочь простятся съ Чеверельскимъ замкомъ и возвратятся къ себѣ въ Фарингтонъ, чтобы дѣятельно заняться тамъ приготовленіями къ свадьбѣ. Вронетъ съ каждымъ днемъ казался счастливѣе. Привыкнувъ сътрѣть на людей, входившихъ въ его планы, въ пріятномъ самолюбіи, который бросали на будущее его сильная воля и крѣпкая уверенность, онъ видѣлъ только настоящія прелести и надежды будущихъ семейныхъ добродѣтелей въ миссъ Эшеръ, — глѣже больше всего что быстрота ея взгляда и вкусъ въ оцѣнкѣ наружнаго достоинства составляли дѣйствительную основу для симпатіи между нею и сэръ-Кристоферомъ. Леди Чеверель никогда не увлекалась ничѣмъ и никѣмъ, и какъ всѣ женщины не была очень очень снисходительна въ сужденіяхъ о своихъ сестрахъ, и потому она была болѣе умѣренного мнѣнія о достоинствахъ миссъ Эшеръ. Она подозрѣвала, что прекрасная Беатриса своенравна и властолюбива, и сама являя въ себѣ примѣръ покорной супруги, она съ неодобреніемъ замѣчала, что Беатриса принимаетъ очень частенько повелительный тонъ въ разговорахъ съ Антони. Гордая женщина, научившаяся покорности, всю свою гордость обращаетъ на себя, чтобы довести до совершенства эту покорность, и съ строгимъ порицаніемъ, свысока, смотритъ на всякія женскія притязанія. Впрочемъ, леди Чеверель только въ душѣ своей позволяла себѣ произносить эти осужденія, и, что можетъ даже показаться невероятнымъ, имѣла довольно власти надъ собой, чтобы не распространять своими сомнѣніями миръ души сэръ-Кристофера.

А Катерина? Какъ проводила она эти ясные осенніе дни, когда всѣ радовались, и даже солнце, казалось, улыбалось счастью всего семейства? Для нея перемена въ обращеніи миссъ Эшеръ была

непонятна. Эти вниманія, эти взгляды, полные состраданія, эта любезная предупредительность, терзали Катерину, которая съ трудомъ противилась желанію отвергнуть ихъ съ негодованіемъ. Должно быть, думала она, Антони просилъ ее быть ласковою съ бѣдною Тинной. Еще обидно! Онъ могъ бы понять, что самое присутствіе миссъ Эшеръ было мучительно для ней, что улыбки миссъ Эшеръ терзають ее, что ласковыя слова миссъ Эшеръ какъ ядовитыя укушенія воспаляютъ ее до бѣшенства. Антони! онъ видимо раскаивается въ своемъ невольномъ порывѣ нѣжности къ ней въ то памятное утро. Онъ удаляется отъ нея, онъ холоденъ и вѣжливъ съ нею, чтобъ успокоить Беатрису, и Беатриса можетъ теперь любезно улыбаться: она увѣрена въ полной преданности Антони. Но что дѣлать! все это было необходимо, и ей оставалось только покориться. Но все же онъ поступилъ съ ней жестоко, о! какъ жестоко! Она никогда не была бы способна заставить его столько страдать. Возбудить въ ней такую любовь къ себѣ, говорить ей такія нѣжныя слова, такъ ласкать ее,—и потомъ вести себя такъ, какъ будто никогда ничего подобнаго не бывало! Онъ заставилъ ее выпить ядъ, который казался ей такимъ сладкимъ, пока она пила его, и теперь ядъ этотъ смѣшался съ ея кровью и она погибала въ страданіяхъ.

Съ этою сдержанною въ груди бурей, бѣдная дѣвочка каждый вечеръ возвращалась въ свою комнату, и здѣсь только давала ей разразиться. Здѣсь она сквозь рыданія, громкимъ шепотомъ изливала все, что у него было на душѣ, ломала себѣ руки, даже лежала на холодномъ жесткомъ полу, призывая смерть, и находя наконецъ успокоеніе въ тяжеломъ снѣ, изъ котораго она пробуждалась въ какомъ-то нравственномъ онемѣніи, помогавшемъ ей кой-какъ прожить длинный день.

Изумительно, какъ долго можетъ молодое, слабое существо бороться съ тайнымъ горемъ, и не являть на себѣ никакихъ слѣдовъ этой непрерывной пытки, кромѣ какъ только для истинно-любящаго глаза. Самая нѣжность сложенія Катерины, ея обычная бѣдность, ея всегда тихіе и застѣнчивые приемы, дѣлали менѣ замѣтными признаки утомленія и страданія. А ея пѣніе — единственная сторона ея, въ которой она проявляла еще дѣятельность — не утратило ни капли своей силы. Она сама удивлялась тому, что какія бы чувствованія ни стѣсняли ея сердца, какъ бы ни терзали ея равнодушіе Антони, вниманія миссъ Эшеръ, она всегда находила успокоеніе въ пѣніи. Эти глубокія чудныя звуки, которые изливались прямо изъ ея сердца, казалось, уносили съ собой ея горе, ея негодованіе, ея безумную страсть.

Поэтому леди Чеверель не замѣчала никакой особенной перемены въ Катеринѣ, и только одинъ мистеръ Гильфиль съ

тоской и безпокойствомъ замѣчалъ лихорадочный румянецъ, горѣвшій иногда на ея щекахъ, темныя тѣни подъ ея глазами, и странный, разбѣянный взглядъ, неестественный блескъ мѣлкихъ ему глазъ.

Но, увы! дѣйствіе этихъ тревожныхъ ночей не ограничилось одними этими легкими наружными перемѣнами.

ГЛАВА XI.

На слѣдующее воскресенье, утро было дождливое; было рѣшено, что семейство не поѣдетъ, какъ обыкновенно, въ Бермурскую церковь, но что мистеръ Гильфиаль отправитъ вреннюю службу въ часовнѣ.

Въ назначенный часъ Катерина сошла въ гостиную; но она была блѣдна и разстроена, что леди Чеверель съ безпокойствомъ осведомилась о ея здоровьѣ, и узнавъ, что у ней сильно болитъ голова, рѣшила, что Катерина не должна идти въ часовню, и тутъ же уложила ее на диванъ у камина, прикрыла ее и вложила ей въ руки томъ проповѣдей Тилотсона, на случай если она почувствуетъ себя лучше и будетъ въ силѣ заняться назидательнымъ чтеніемъ.

Проповѣди добраго архіепископа могутъ быть отличными лекарствомъ для страждущей души, но эти лекарства не помогли по болѣзни Тины. Она сидѣла съ открытою на колымажѣ ногой, и съ глазами, обращенными на портретъ прелестной леди Чеверель, жены славнаго сэръ-Антони. Она глядѣла на портретъ не думая о немъ, и блѣкурая красавица казалось смотрѣла на нее съ этою доброжелательною бессознательностію, съ этимъ кроткимъ удивленіемъ, съ какимъ счастливыя и самообладательныя женщины смотрятъ на своихъ взволнованныхъ и слабыхъ сестеръ.

Катерина думала о близкомъ будущемъ, о предстоящей свадьбѣ, обо всемъ томъ, что ей придется перенести въ продолженіи слѣдующихъ мѣсяцевъ. «О, еслибъ я могла заболѣть и умереть отъ этой порѣ! думала она.—Когда человекъ очень боленъ, ничто его не тревожитъ и не заботитъ. Бѣдная Патти Ричардсъ казалась такою счастливою, когда умирала. Она уже не думала о своемъ женихѣ: она ни о чемъ не жалѣла; ей нравились только заботы и хлопоты, которые я приносила ей. О, еслибъ я могла только помѣшаться на что-нибудь, могла думать о чемъ-нибудь другомъ! Еслибъ я только могла избавиться отъ этихъ ужасныхъ чувствъ, я бы была рада съ своимъ несчастіемъ; я не стала бы роптать, я встала бы

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Катерина, — я не п
отнимать его у васъ.

— Увѣрю васъ, милая моя, онъ мнѣ вовсе не нуженъ:
непремѣнно должны взять его, продолжала убѣждать ее м
Эшеръ, протягивая ей флаконъ.

Тина покраснѣла, съ нетерпѣніемъ оттолкнула флаконъ
сказала: — Благодарю васъ; я никогда не употребляю этого. Я
люблю духовъ.

Миссъ Эшеръ положила флаконъ въ карманъ молча, въ
удивленіемъ и неудовольствіемъ во взглядѣ, и капитанъ Вибрау
на лицѣ котораго выразился нѣкоторый испугъ, поспѣшилъ
заявить: — Посмотрите, Беатриса, погода совершенно разгульна.
Мы успѣемъ прогуляться до завтрака. Надѣньте шляпу и
тилью, и походимъ по саду.

— Да, милая моя, не худо пройтись, сказала леди Эшеръ.
Я пойду посмотрѣть, не расхаживаетъ ли сэръ-Кристоферъ
галлерей.

Какъ только дверь затворилась за двумя дамами, капитанъ
Вибрау, стоявшій спиной къ камину, обратился къ Катеринѣ
сказавъ ей тономъ строгаго наставника: — Милая Катерина,
старайтесь побольше сдерживать себя, и не давать такой волю
своимъ чувствамъ. Вы просто невѣжливы съ миссъ Эшеръ.
Я вижу, что она удивлена и обижена. Подумайте только, как
странно ей должно казаться ваше поведеніе. Она будетъ
искать причины этихъ вспышекъ. Повѣрьте, милая Тина,
капитанъ Вибрау, подходя къ ней, и стараясь взять ея руку: —
я за васъ же самихъ желаю, чтобы вы вѣжливо отвѣчали на ея
замечанія. Она очень хорошо расположена къ вамъ, и я бы
хотѣлъ счастливымъ видѣть васъ друзьями.

Катерина уже и то находилась въ такомъ состояніи
сильнаго раздраженія, что самое невинное слово капитана
Вибрау заставило бы ее страдать, какъ жужжаніе самой ма
какой мошки заставляетъ страдать тяжело-больнаго. Но
благодаря благоклонно-увѣщательный тонъ былъ совершенно
невозможнымъ. Онъ такъ былъ виноватъ передъ нею, а говорилъ
теперь, какъ снисходительный наставникъ. Это было новое
испытаніе. Его увѣренія въ дружбѣ были самою обидною
застѣю.

Катерина вырвала изъ рукъ его свою руку, и сказала съ
неудовольствіемъ: — Оставьте меня, капитанъ Вибрау; я вамъ,
ничего не дѣлаю.

— Катерина, отчего вы такъ раздражительны, такъ
неудовольствительны? Я за васъ дрожу и беспокоюсь. Миссъ Эшеръ
замѣтила ваше странное обращеніе съ нею и со мной, и

ить меня въ очень непріятное положеніе. Чтò могу я сказать ей?

Чтò сказать? съ волненіемъ и горечью проговорила Катерина, вставая съ своего мѣста и направляясь къ дверямъ: — айте, что я глупая дѣвчонка, что я влюбилась въ васъ, и ую васъ къ ней; но что вы никогда не имѣли ко мнѣ дружелюбнаго чувства, кромѣ жалости, не показывали мнѣ ничего, кромѣ кбы. Скажите это ей, и она еще больше полюбитъ васъ.

она произнесла это какъ самую горькую насмѣшку, какъ она только могла себѣ представить, не подозрѣвая, что насмѣшка эта горька именно по своей истинѣ. Несмотря на все негодование, все ея бѣшенство, всю ея ревность, въ душѣ ея не совсѣмъ исчезла вѣра въ Антони; она все еще надѣялась, что въ сердцѣ его скрывается больше любви къ ней чѣмъ она показываетъ; ей въ голову не приходило подозрѣвать его въ вину противъ себя, которая всякой женщины обидѣла бы невѣрности. И она произнесла эти язвительныя слова только, что въ эту минуту не находила достаточно-сильнаго выраженія своему негодованію.

Когда она стояла такимъ образомъ посреди комнаты, дрожа отъ волненія и съ поблѣднѣвшими губами, дверь отворилась, и ей показалась миссъ Эшеръ, величественная и прелестная всегда. На устахъ ея играла та улыбка, съ которою обыкновенно являются въ комнату молодыя особы, убѣжденныя, что свиданіе ихъ самое пріятное событіе; но въ слѣдующее же мгновеніе она взглянула на Катерину съ изумленіемъ, а на желаніе своего съ недоувѣріемъ и неудовольствіемъ. Лицо капитана рау выражало сильное утомленіе и досаду.

— Быть-можетъ, вамъ некогда идти гулять со мной, капитанъ рау, я пойду одна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ждалъ васъ, отвѣчалъ онъ, спѣша къ ней и хватая ей руку.

они вышли изъ комнаты, не взглянувъ на бѣдную Катерину, которая все еще стояла посреди комнаты, уничтоженная и стыженная. Какъ горько она теперь раскаивалась въ своей необдуманной вспышкѣ!

ГЛАВА XII.

— Любопытно было бы знать, чтò теперь воспослѣдуетъ въ ней драмѣ съ миссъ Сарті? сказала миссъ Эшеръ капитану рау, когда они вышли въ садъ.—Я бы очень желала имѣть свѣдѣніе о томъ, чтò будетъ дальше.

Капитанъ Вибрау молчалъ. Онъ былъ невѣдучъ, онъ былъ утомленъ, и ему очень хотѣлось совершеннымъ молчаніемъ отстранить нападеніи разсерженной красавицы. «Чортъ побери, думай про себя, отбивайся теперь отъ другой!» И онъ мрачно уперъ глаза въ горизонтъ, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ его мать Беатриса, нахмурилъ брови.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго молчанія, она должна была еще болѣе надменнымъ тономъ.

— Надѣюсь, вы понимаете, капитанъ Вибрау, что я клонюсь къ объясненію.

— Я не могу вамъ дать другаго объясненія, милая Беатриса, сказалъ онъ наконецъ, дѣлая усміе надъ собой, — кромѣ того, которое вы уже слышали отъ меня. Я надѣялся, что мы уже возвратимся больше къ этому разговору.

— Но объясненіе ваше далеко не удовлетворительно. Я дамъ вамъ сказать, что обращеніе съ вами миссъ Сарті очень странно при вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ. А со мной она просто дерзнула. Я, конечно, не останусь въ этомъ домѣ при такихъ обстоятельствахъ; мать моя объяснить причины сэръ-Кристоферу.

— Беатриса, сказалъ капитанъ Вибрау, неудовольствие котораго уступило теперь мѣсто тревогѣ, — умоляю васъ быть такъ прѣливою и снисходительною. Я понимаю, что все это вамъ не пріятно, но я увѣренъ, что вы не захотите повредить бѣднѣшкѣ Катеринѣ и навлечь на нее гнѣвъ дяди. Вспомните, какъ она была тогда и безпомощна.

— Всѣ эти отговорки очень ловки, но я не дамъ себя обмануть ими. Миссъ Сарті никогда бы не позволила обращаться съ нею такимъ образомъ съ вами, еслибы вы не ухаживали за ней, еслибы она не имѣла причины думать, что вы любите ее. Она, впрочемъ, смотритъ на ваши отношенія ко мнѣ, какъ на позоръ себя. Вамъ очень благодарна за то, что вы сдѣлали меня совершеннѣе миссъ Сарті. Вы обманули меня, капитанъ Вибрау.

— Беатриса, клянусь вамъ, что Катерина для меня не что иное, какъ добрая дѣвочка, къ которой я привыкъ. Я радъ былъ бы сейчасъ обвинять ее съ Гильфилемъ, и это кажется мнѣ самымъ точнымъ доказательствомъ того, что я не влюбленъ въ нее. Что касается прошлаго, я быть-можетъ дѣйствительно немножко обидѣлся ею, а она придавала слишкомъ большое значеніе самому обыкновенному вниманію. Развѣ это не можетъ со всякимъ случаемъ случиться?

— Она не позволяла бы себѣ тогда такихъ дерзкихъ выходокъ. Что она говорила вамъ сегодня утромъ? Отчего она была такъ взволнована и блѣдна?

— Почему я знаю? Я ей сказалъ, что она не ведетъ себя такъ слѣдуетъ, а она по обыкновенію своему вспылала: она только кажется тихонькою, а въ самомъ дѣлѣ она ужасно горяча.

— Но нужно же, чтобы кто-нибудь ей объяснилъ, что поведеніе я совершенно неприлично и непростительно. Я удивляюсь, какъ это леди Черверель не замѣчаетъ ея невѣжливыхъ отвѣтовъ капризовъ.

— Прошу васъ, Беатриса, не намекайте на это тетушкѣ. Вы, бродячню, уже замѣтили, какія у нея чопорныя понятія. Ей и къ слову никогда не приходило, чтобы дѣвушка могла влюбиться въ человѣка, который не посватался къ ней.

— Въ такомъ случаѣ, я сама объяснюсь съ миссъ Сарти. Для я же пользы необходимо, чтобы кто-нибудь сказалъ ей правду.

— Нѣтъ, душа моя, изъ этого не произойдетъ ничего хорошаго. Вы не знаете Катерины. Самое лучшее было бы для васъ возможности не обращать на нее вниманія. Все это скоро забудется. Я увѣренъ, что она вскорѣ вылетитъ замужъ за Гильфию, и вся эта блажь вылетитъ изъ ея головы. Боже мой! какъ стучитъ мое сердце! Это проклятое біеніе все усиливается.

Такъ кончился этотъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ та часть о, которая относилась къ Катеринѣ; но капитанъ Вибрау не былъ этого разговора: онъ рѣшился во что бы то ни стало ѣхать изъ этого неприятнаго положенія, и на другой же день, оставшись наединѣ съ сэръ-Кристоферомъ, приступилъ къ дѣлу. Разговоръ шелъ, по обыкновенію, о предстоящемъ великомъ бытіи.

— Кстати, сказалъ Антони, съ самымъ беззаботнымъ видомъ саживая по комнатѣ: — когда же вы намѣрены сыграть адыбу Гильфию и Катерины? Во мнѣ теперь развилось сочувствіе ко всѣмъ влюбленнымъ. Почему бы скорѣе не осчастливить бѣднаго Менарда? Я полагаю, онъ уже объяснился съ ней.

— Гмъ! сказалъ сэръ-Кристоферъ:—я думалъ это дѣло отложить до смерти стараго Кричлея; этотъ бѣднякъ долго не пролетѣтъ, и тогда бы Менардъ могъ въ одно время вступить въ бракъ, и въ должность. Но впрочемъ, изъ-за этого нечего вѣдать. Они могутъ жить въ замкѣ. Обезьянкѣ нашей, дѣйствительно, пора замужъ. Уморительно будетъ видѣть ее степенною герью семейства, съ крохотнымъ ребенкомъ на рукахъ.

— По моему, такого рода дѣла никогда не должно откладывать. И если у васъ есть какія-нибудь виды насчетъ устройства личности Катерины, я съ истиннымъ удовольствіемъ исполню ваши желанія.

— Милый мой Антони, эта мысль дѣлаетъ вамъ честь. Но у Менарда есть свое состояніе, и я его довольно знаю; онъ предпочтетъ не быть обязаннымъ никому. Но теперь, какъ вы меня

навели на эту мысль, я начинаю себя упрекать за то, что прежде объ этомъ не подумалъ. Я такъ былъ занятъ вами, злодѣй и Бестарый, что совершенно забылъ о моемъ бѣдномъ Менардѣ. Онъ старше васъ: ему уже давно пора обзавестись семействомъ.

Сэръ-Кристоферъ замолчалъ, глубокомысленно поднесъ потку табаку къ носу, и потомъ прибавилъ почти про себя:

— Да, да! Мы разомъ покончимъ всѣ наши семейныя дѣла.

Во время прогулки съ миссъ Эшеръ, капитанъ Вибрау прочимъ сообщилъ ей, что сэръ-Кристоферъ желаетъ какъ можно скорѣе устроить свадьбу между Гильфишемъ и Катериной, и что онъ съ своей стороны очень будетъ радъ видѣть это дѣло поконченнымъ. Счастье Тины было очень дорого ему, и онъ ничего лучшаго не могъ бы пожелать ей.

Сэръ-Кристоферъ любилъ немедленно приводить въ исполненіе свои замыслы. Онъ рѣшалъ скоро и такъ же скоро дѣйствовать. Вставая послѣ завтрака изъ-за стола, онъ сказалъ миссъ Гильфилю:

— Приходите ко мнѣ въ библіотеку, Менардъ. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

— Менардъ, другъ мой, началъ онъ, какъ только они усѣлись съ лицомъ сияющимъ при мысли о неожиданной радости, которую онъ готовилъ своему собесѣднику.—Почему бы намъ, къ концу этой осени, не устроить счастье четырехъ сердецъ въ сто двухъ, а? А? повторилъ онъ, хлопая по крышкѣ табакерки и съ улыбкой подмигивая Менарду.

— Я не знаю, понялъ ли я васъ, сэръ, отвѣчалъ миссъ Гильфиль чувствуя самъ, что блѣднѣетъ.

— Не знаете, злодѣй, поняли ли вы меня? Акто, послѣ Анны мнѣ ближе и дороже всѣхъ? Вы уже давно повѣрили мнѣ секретъ тайну, и никакихъ признаній мнѣ уже теперь не нужно. Ты теперь въ лѣтахъ и будетъ отличною вамъ женой. Ректорскій домъ не очистился еще для васъ, но что за дѣло? Я и вы будемъ счастливы имѣть васъ при себѣ. Намъ слишкомъ было бы трудно разомъ разстаться съ нашею милою пѣвчею.

Мистеръ Гильфиль находился въ большомъ затрудненіи. Онъ боялся навлечь подозрѣнія сэръ-Кристофера на настоящее существо Катерины, и однако онъ долженъ былъ въ отвѣтъ основываться на этомъ чувствѣ.

— Не думайте, сэръ, проговорилъ онъ наконецъ съ усмѣшкою.—чтобъ я не чувствовалъ и не цѣнилъ вашей доброты, но чтобъ я не былъ вамъ благодаренъ за ваши отеческія заботы о моемъ счастьѣ; но я боюсь, что чувства ко мнѣ Катерины такого рода, чтобъ я могъ видѣть ея моею женой.

— Спрашивали вы ее объ этомъ?

Нѣтъ. Но такого рода дѣла часто узнаются очень хорошо въ разспросовъ.

Вздоръ и пустяки! Обезьянка *должна* васъ полюбить. Развѣ не были первымъ ея другомъ? Я помню, какъ она, бывало, плачется, когда вы обрѣжете себѣ палець. Къ тому она сама давно привыкла къ мысли, что вы ея женихъ. Я да въ этомъ духѣ говорилъ ей о васъ. Я былъ убѣжденъ, вы уже давно это дѣло порѣшили между собой; то же самое дѣлалъ и Антони. Антони полагаетъ, что она влюблена въ васъ, и его молодые глаза, онъ долженъ знать толкъ въ этомъ дѣлѣ. Я говорилъ мнѣ объ этомъ сегодня утромъ, и очень утѣшилъ дружескимъ участіемъ, которое онъ принимаетъ въ васъ и въ

этомъ дѣлѣ; и притомъ больше чѣмъ нужно, хлынула въ лицо мистера Гильфила; онъ стиснулъ зубы, крѣпко сжалъ кулаки, смялся сдержаннымъ порывъ негодованія. Сэръ-Кристоферъ замѣтилъ его волненье, но приписалъ его возбужденной въ немъ надеждѣ насчетъ вѣнчанія Катерины.

- Вы слишкомъ скромны, Менардъ, продолжалъ онъ.—Человѣкъ, которому, какъ вамъ, не почемъ перескочить черезъ самый высокій заборъ, не слѣдуетъ такъ падать духомъ. Если вы сами не хотите вѣнчаться, предоставьте это дѣло мнѣ. Сэръ-Кристоферъ, убѣдительно сказалъ бѣдный Менардъ, если вы въ самомъ дѣлѣ хотите оказать мнѣ благодѣяніе, не забывайте теперъ объ этомъ предметѣ Катерины. Я боюсь, что мое предложеніе, сдѣланное не вовремя, совершенно удалитъ меня.

Сэръ-Кристоферъ всегда сердило сэръ-Кристофера.

- Чтò заставляетъ васъ это думать? продолжалъ онъ нѣсколько минутъ.—какія причины можете вы привести мнѣ, кромѣ того ничемъ не основаннаго предположенія, что она васъ не довольно любитъ?

- Никакихъ, кромѣ моего личнаго убѣжденія, что я не достоинъ дорогъ ей, чтобъ она согласилась быть моею женой.

- Въ такомъ случаѣ я нахожу, что причина эта совершенно недостаточная. Я рѣдко ошибаюсь въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, и убѣжденъ, что Тина совершенно свыклась съ мыслию, что вы будете ея мужемъ. Повторяю вамъ, предоставьте мнѣ это дѣло, и будьте убѣждены, что мое вмѣшательство не повредитъ ему.

Мистеръ Гильфилъ, боясь сказать что-нибудь лишнее и вмѣстѣ съ тѣмъ страшась послѣдствій этого рѣшенія сэра-Кристофера, вышелъ изъ библіотеки съ душой, переполненною негодованіемъ и гнѣвомъ капитана Вибрау и отчаяніемъ за себя и за Катерину.

Что подумаетъ она о немъ? Она можетъ предположить, что сэръ-Кристоферъ дѣйствуетъ съ его вѣдома и согласія. Онъ, впрочемъ, не будетъ имѣть случая переговорить съ нею наединѣ; онъ напишетъ ей и отнесетъ записку въ ея комнату въ то время, какъ она будетъ одѣваться къ обѣду. Нѣтъ, это ее взволнуетъ, и ей будетъ тяжело высидѣть за обѣдомъ и скрыть свои чувства. Онъ положитъ до вечера. Послѣ вечернихъ молитвъ, онъ подошелъ къ ней, чтобы проститься съ нею и, незамѣченный никѣмъ, вручилъ ей записку. Она отнесла ее въ свою комнату, къ своему удивленна, и прочла слѣдующее:

«Милая Катерина, не подозрѣвайте меня, если сэръ-Кристоферъ станетъ говорить вамъ о нашей свадьбѣ. Я сдѣлалъ не то, что могъ, чтобы убѣдить его не тревожить васъ этимъ предметомъ и настоялъ бы на своемъ, еслибы не боялся дать поводъ къ вопросамъ, на которые я не могъ бы отвѣчать, не приготовивъ вамъ новыя огорченія. Пишу я это вамъ, чтобы приготовить васъ къ разговору съ сэръ-Кристоферомъ и чтобы еще разъ повторить вамъ (но надѣюсь вы не сомнѣваетесь въ этомъ), что чувства ваши священны для меня. Я скорѣе соглашусь отказаться отъ любимой мечты моей жизни чѣмъ доставить вамъ одну лишнюю горькую минуту.

«Никто иной какъ капитанъ Вибрау побудилъ сэръ-Кристофера взяться за это дѣло въ такую минуту. Я говорю вамъ это, чтобы вы могли скрыть свои чувства, если услышите это отъ сэръ-Кристофера. Вы видите теперь, что за подлое сердце бьется въ его груди. Полагайтесь всегда на меня, дорогая моя Катерина — что бы ни случилось въ послѣдствіи — какъ на преданнаго вамъ друга и брата.

«Менардъ Гильфиль.»

Катерина была такъ поражена и уязвлена тѣмъ, что узнала о капитанѣ Вибрау, что не могла думать объ угрожающей опасности, о томъ, что спросить у нея сэръ-Кристоферъ и что она ему отвѣтитъ. Ей было не до страха: она не думала о будущемъ, настоящее горе поглащало ее всю.

И Антони могъ это сдѣлать! Объяснить этотъ послѣдній поступокъ его нельзя было ничѣмъ, кромѣ какъ самымъ глубокимъ неуваженіемъ къ ея чувству, самую неблагоприятную неискренность въ отношеніи къ ней, на которую онъ рѣшился ради своего чувства, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ объясненій съ миссъ Эшеръ. Нѣтъ, это было хуже. Онъ съ умысломъ, безъ всякой пользы для себя, мучилъ и терзалъ ее. Онъ хотѣлъ доказать ей свое презрѣніе, заставить ее почувствовать до какой степени она была важна судна, вообразивъ, что онъ когда-либо могъ любить ее.

Последнія капли вѣры и нѣжности, воображала она, изсыхали въ ея душѣ; въ ней осталась только одна жестокая, жгучая ненависть. Ей уже нечего было долѣе скрывать свою ненависть, болѣзнь повредить ему; онъ игралъ ея чувствомъ, какъ-скажъ Менардъ; онъ издѣвался надъ ней; а теперь онъ поступилъ ней такъ жестоко, такъ низко! Она имѣла достаточныя причины ненавидѣть его; ненависть, наполнявшая ея душу, не касаясь уже ей такимъ грѣшнымъ чувствомъ, какъ прежде.

Иона мысли эти съ мучительною быстротою пронесли въ головѣ, она не пролила ни одной слезы. Она не могла стоять мѣстѣ, и крѣпко стиснувъ руки, съ огнемъ въ блуждающемъ ладѣ, быстрыми шагами ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. — Еслибъ я только могла поговорить съ нимъ, шептала она, сказать ему, какъ онъ отвратителенъ мнѣ!

Потомъ, какъ бы пораженная внезапною мыслию, она вынула изъ кармана ключъ, отперла выложенный мѣдью ящикъ, гдѣ инились ея маленькія сокровища, и достала изъ него крошечную миниатюру. Ее окружалъ узкій золотой обводокъ съ издѣланнымъ къ нему кольцомъ, назначеннымъ вѣроятно для почки; на другой сторонѣ, подъ стекломъ, виднѣлись двѣ пряди юсь, одна темная, другая свѣтлая, связанныя причудливымъ юмъ. То былъ тайный подарокъ Антони, полученный ею годъ ту назадъ, портретъ, заказанный имъ нарочно для нея. Въ проженіе послѣдняго мѣсяца, она не брала его въ руки: прошедшее и безъ того довольно живо припоминалось ей. Но теперь съ яростію стиснула его въ рукѣ, и изо всей силы швырнула на полъ.

Раздавить ли она его теперь ногой, уничтожить ли она до слѣдняго слѣда это жестокое, живое лицо?

Ахъ, нѣтъ! Она бросилась было къ тому мѣсту, гдѣ упалъ портретъ; но когда она увидѣла это лучшее сокровище свое, которое она такъ любила, такъ часто покрывала горячими поцѣлми и слезами, такъ часто вечеромъ клала подъ подушки, и съ воаргомъ рассматривала на другое утро—когда она увидѣла, что портретъ, все, что осталось ей отъ прошлаго счастія, лежить на полу, натреснувшій, съ разбитымъ стекломъ, рассыпавшимся волосами, въ ея чувствованіяхъ совершился переворотъ: лице ея смягчилось, и она залилась слезами.

Взгляните, съ какимъ стараніемъ собираетъ она теперь всѣ части своего сокровища, поднимаетъ всѣ до послѣдней волосинки и ладываетъ ихъ на мѣсто,—съ какою грустью она рассматриваетъ вещь, обезобразившую милая ей черты! Увы! теперь нѣтъ стекла, которое бы могло защитить и портретъ, и волосы; но гляните, какъ бережно она завертываетъ его въ мягкую

бумагу, и опять запираетъ въ ящикъ. Бѣдное, бѣдное дитя! Дай-то Богъ, чтобы всегда воздерживающее чувство являлось прежде невозвратнаго дѣйствія!

Она нѣсколько поуспокоилась и принялась перечитывать письмо Менарда. Она прочла его два или три раза, не отдавая себѣ отчета въ его содержаніи; голова ея была какъ въ туманѣ послѣ страстнаго волненія послѣдняго часа, и она съ трудомъ могла заставить себя вникнуть въ смыслъ письма. Но когда она наконецъ поняла какого рода ей предстоитъ свиданіе съ баронетомъ, она испугалась. Мысль разсердить сэръ-Кристофера внушала въ ней въ домѣ такой страхъ, до такой степени пугала ее, что ей казалось невозможнымъ противиться его желанію. Онъ воображалъ, что она любитъ Менарда; онъ всегда наекалъ ей на это. Какимъ образомъ теперь сказать ему, что онъ ошибался, и что отвѣтить ему, если онъ спроситъ, не любитъ ли она кого-нибудь другаго? Даже въ воображеніи ей невозможно было представить себѣ, чтобы сэръ-Кристоферъ могъ взглянуть на нее сердито. Онъ всегда былъ такъ добръ къ ней! Потому она начала думать о томъ, какъ она огорчить его, и эгоистическій страхъ уступилъ мѣсто страху опечалить любимаго человека. Слезы ея лились, но она теперь оплакивала не свои несчастія вмѣстѣ съ сочувствіемъ и любовью къ сэръ-Кристоферу, въ ея душѣ пробудилось также чувство благодарности къ мистеру Гильфилю за его неизмѣнное великодушіе и нѣжность.

— Милый, добрый Менардъ! Какъ я виновата передъ нимъ! Еслибъ я только могла полюбить его — но я никогда не буду въ состояніи ни о чемъ думать, ничего любить. Сердце мое разбито.

ГЛАВА VIII.

На другое утро настала эта ужасная для Катерины минута. Она сидѣла въ кабинетѣ леди Чеверель, слабая и утомленная страданіями прошлой ночи, и переписывала какіе-то благотворительные списки, когда въ комнату вошла леди Чеверель, и сказала:

— Тина, сэръ-Кристоферъ хочетъ поговорить съ вами; ступайте къ нему въ библіотеку.

Она сошла внизъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Какъ только она вошла въ комнату, сэръ-Кристоферъ, сидѣвшій у окна, обратился къ ней съ словами:

— Садитесь-ка сюда ко мнѣ, обезьянка; мнѣ нужно кой о чемъ переговорить съ вами.

Катерина взяла скамейку и усълась у ногъ баронета. Ей такимъ образомъ легче было скрыть отъ него свое лицо. Она обняла рукой его ногу, и прижала щеку къ его колѣну.

— Вы, кажется, сегодня не въ духѣ, Тина. Что съ вами, моя обезьянка?

— Ничего, *padroncello*, у меня только все болитъ голова.

— Бѣдная обезьянка! Послушайте, не полегче ли будетъ вашей головкѣ, если я обѣщаю вамъ милаго и добраго мужа, хорошенькое подвѣчное платьице, а со временемъ собственный домикъ, гдѣ вы будете молодою хозяйкой и будете иногда принимать и угощать своего *padroncello*?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу выходить замужъ. Я бы желала всегда оставаться у васъ.

— Вздоръ и пустяки, дурочка. Я скоро стану несноснымъ старикомъ, а дѣти Антони овладѣютъ всѣмъ домомъ и будутъ надѣяться на васъ. Вамъ нуженъ человекъ, который любилъ бы васъ больше всего на свѣтѣ, и нужны собственные дѣти, чтобы было вамъ кого лелѣять и любить. Я не потерплю, чтобы изъ васъ вышла сморщенная, старая дѣва. Я ненавижу старыхъ дѣвъ. Я не могу безъ отвращенія смотрѣть на эту Шарпъ. Черноглазая моя обезьянка не на то создана. А тутъ же подъ рукой Менардъ Гильфильдъ, отличнѣйшій, золотой человекъ, и любитъ онъ васъ больше самого себя. И вы тоже любите его, глупенькая обезьянка, и нечего говорить вздоръ будто вы не хотите за него замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, *padroncello*, не говорите этого; я никакъ не могу выйдти за него замужъ.

— Почему не можете, дурочка? Вы сами не понимаете своихъ чувствъ. Полно, всѣмъ ясно, что вы любите его. Мисс Чевель всегда говорила мнѣ, что вы влюблены въ него, она видѣла какъ вы распоряжаетесь бѣднымъ Менардомъ, и Антони думаетъ то же самое. Отчего вы забрали себя въ голову, что вы не хотите за него замужъ?

Слезы и рыданія не дали теперь Катеринѣ отвѣчать. Сэръ-Кристоферъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Полно, полно, Тина, вы вѣрно больны сегодня. Ступайте отдохните, милая крошка. Вы на все взглянете иначе, когда будете здоровы. Подумайте о томъ, что я сказалъ вамъ, и помните, что послѣ женитьбы Антони, мнѣ ничего такъ не хочется, какъ соединить васъ съ Менардомъ. Но вы не огорчайте меня причудами и капризами, и всѣми этими вздорами. — Эти послѣднія слова онъ сказалъ довольно строго, но тотчасъ же прибавилъ болѣе вѣжливымъ тономъ: — А теперь полно плакать, утрите свои черныя глазки, милая моя обезьянка. Ступайте, лягте въ свою постельку, и постарайтесь заснуть.

Катерина скользнула со скамейки къ ногамъ сэръ-Кристофера, схватила его руку, покрыла ее поцѣлуями и слезами, и потомъ убѣжала изъ комнаты.

Капитанъ Вибрау еще до вечера узналъ отъ дяди, чѣмъ кончился его разговоръ съ Тиной. «Еслибъ я могъ толкомъ переговорить съ ней, думалъ онъ, — я быть-можетъ убѣдилъ бы ее быть разсудительнѣе. Но въ домъ нѣтъ средствъ сказать ей два слова такъ, чтобы насъ не прервали, и если я встрѣчу ее въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, это ни какъ не скроется отъ Беатрисы.» Наконецъ онъ рѣшился откровенно обратиться къ миссъ Эшеръ, сказать ей, что желаетъ хорошенько переговорить съ Катериной, чтобы убѣдить ее не отвергать руки Гильяма и не отказываться отъ вѣрнаго счастія. Онъ былъ очень доволенъ этимъ благоразумнымъ и благородно-откровеннымъ шагомъ, и въ тотъ же вечеръ сообщилъ его миссъ Эшеръ, и получилъ отъ нея полное согласіе. «Пусть, думала она, Антонъ выскажетъ правду этой миссъ Сарті. Онъ показываетъ необыкновенное терпѣніе и снисхожденіе въ своемъ обращеніи съ нею.»

Тина весь этотъ день не выходила изъ своей комнаты, и леди Чеверель, которой сэръ-Кристоферъ сообщилъ всѣ подробности своего разговора съ Тиной, ухаживала за нею какъ за больною. Ея нѣжная заботливость была такъ тягостна для Катерины, ей такъ было неловко отвѣчать на вниманія и ласки, которыми, чувствовала она, была слѣдствіемъ недоразумѣнія, что на другой день она сдѣлала усиліе надъ собой и сошла внизъ къ трапу, хотя всѣ жилы ея бились и голова ея горѣла. Тяжело было отвѣчать на разспросы о здоровьѣ, но тяжелѣе было сидѣть одной въ своей комнатѣ. Она пугалась собственныхъ чувствъ; она пугалась силы и ясности, съ которою картины прошлаго и будущаго представлялись ей воображенію. Но, къ тому же, еще одно чувство заставляло ее желать быть внизу и двигаться по комнатамъ. Она надѣялась найдти случай поговорить наединѣ съ капитаномъ Вибрау, высказать ему все то, что накопилось у нея на душѣ. Случай этотъ представился самымъ неожиданнымъ для нея образомъ.

Леди Чеверель попросила ее принести изъ ея кабинета какіе-то узоры для вышиванія, и какъ только она вышла изъ гостиной, капитанъ Вибрау послѣдовалъ за ней, и встрѣтилъ ее, когда она сходила съ лѣстницы.

— Катерина, сказалъ онъ, останавливая ее за руку, когда она не глядя на него, спѣшила пройти мимо, — не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе быть сегодня въ двѣнадцать часовъ въ Гречевѣ? Мнѣ нужно поговорить съ вами; мы будемъ тамъ самъ. Я не могу говорить съ вами въ домѣ.

Къ удивленію его, на лицѣ ея выразилась радость, и она коротко и рѣшительно отвѣчала: «да», потомъ освободила руку свою, и сбѣжала съ лѣстницы.

Въ это утро миссъ Эшеръ, собиравшаяся перещеголять леди Чеверель своимъ вышиваніемъ, была занята разматываньемъ шелковъ, и леди Эшеръ была осуждена на скучную роль мотовильни. Леди Чеверель сидѣла за работой, и Катерина, видя, что она никому больше не нужна, пошла въ кабинетъ и сѣла за клавикорды. Ей казалось, что могучіе аккорды, величественные протяжные звуки, помогутъ ей провести томительныя минуты, остававшіяся еще до двѣнадцати часовъ. *Мессія* Генделя стоялъ раскрытый на хорѣ: *Подобно овцамъ, есъ мы*, и Катерина тотчасъ же погрузилась въ мощныя сплетенія этой великолѣпной «уги». Въ самыя счастливыя свои минуты она не могла бы сыграть ео такъ хорошо: борьба въ душѣ ея была въ ладу съ борьбой потрясающихъ сердце звуковъ.

Но въ половину одиннадцатаго, она были прервана леди Чеверель, которая вошла въ комнату и сказала:

— Тина, не сойдете ли вы въ гостиную, помотать шелкъ съ миссъ Эшеръ? Мы съ леди Эшеръ собираемся поѣхать показаться.

Катерина сошла внизъ, раздумывая про себя, какъ ей обратиться изъ гостиной, чтобы вовремя попасть въ Грачевню. Ничто на свѣтѣ не будетъ въ силахъ удержать ее, лишитъ ее этой послѣдней быть-можетъ отрадной минуты, когда ей можно будетъ излить всю свою душу. Послѣ этого она покорится, будетъ молчать и все сносить.

Но она не успѣла уѣсться и взять мотокъ желтаго шелка, какъ миссъ Эшеръ любезно улыбнулась ей и сказала:

— Я знаю, что на сегодняшнее утро у васъ назначено свиданіе съ капитаномъ Вибрау. Не стѣсняйтесь мною, пожалуйста.

«Такъ онъ говорилъ съ нею обо мнѣ,» подумала Катерина, и руки ея, державшія мотокъ, задрожали.

— Держать эти мотки очень скучно, продолжала миссъ Эшеръ тѣмъ же любезнымъ тономъ, — я вамъ очень благодарна, увирю васъ.

— Напрасно вы благодарите, отвѣчала Катерина, не въ силахъ долѣе превозмогать свое раздраженіе, — я дѣлаю это только по желанію леди Чеверель.

Настала, наконецъ, для миссъ Эшеръ удобная минута прочесть Катеринѣ назидательную проповѣдь о неприличіи ея поведенія. Съ непріятнымъ чувствомъ, скрывавшимся подъ видомъ сожалѣнія, она сказала ей:

— Миссъ Сартъ, мнѣ очень жаль за васъ, что вы не умѣете

лучше владѣть собою. Давая такую волю своимъ невинительнымъ чувствамъ, вы унижаете себя; да, вы очень унижаете себя.

— Какія невинительныя чувства? спросила Катерина, опуская руки и прямо глядя въ глаза миссъ Эшеръ.

— Не мнѣ объяснять вамъ ихъ. Вы должны понять, о чемъ я говорю. Вамъ бы слѣдовало призвать на помощь чувство долга и свою гордость. Вы очень огорчаете капитана Вибрау своимъ неумѣніемъ владѣть собою.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Да, конечно. Ему очень неприятно, что вы такъ враждебно смотрите на меня. Онъ очень желаетъ, чтобы вы сблизились со мной. Увѣрю васъ, что мы оба самымъ дружескимъ образомъ расположены къ вамъ, и отъ души жальемъ, что вы продолжаете питать такія чувства.

— Я вамъ очень благодарна, язвительно отвѣтила Катерина. — Въ какихъ же чувствахъ обвиняетъ онъ меня?

Раздраженіе миссъ Эшеръ усиливалось. Въ сердцѣ ея все еще таилось подозрѣніе, что капитанъ Вибрау обманулъ ее насчетъ своихъ чувствъ и отношеній къ Катеринѣ, и она рѣшилась и то бы то ни стало, узнать истину. Она не прочь была къ тому же проучить и уколоть Катерину.

— Я не люблю распространяться о такихъ вещахъ, миссъ Сарти. Скажу вамъ только, что я не понимаю, какъ женщина можетъ позволить себѣ питать страсть къ человѣку, который не подалъ ей къ тому ни малѣйшаго повода, какъ извѣстно мнѣ отъ капитана Вибрау.

— Онъ вамъ сказалъ это? точно сказалъ? внятно и тихо спросила Катерина, вставая съ своего мѣста.

— Да, онъ сказалъ мнѣ это. Онъ былъ обязанъ сказать мнѣ это послѣ всѣхъ вашихъ странныхъ выходокъ.

Катерина, ни слова не говоря, повернулась и быстро вышла изъ комнаты.

Она молча, безъ оглядки, побѣжала въ галерею. Нельзя было узнать кроткой Катерины въ этомъ блѣдномъ, разстроенномъ, разъяренномъ существѣ. Солнце освѣщало галерею, отблывалось на старинныхъ латахъ, на полированныхъ рукояткахъ мечей. Да, въ галереи было много смертоносныхъ оружій. Въ томъ ящикѣ лежитъ кинжалъ; она хорошо знала это, и прямо бросилась къ нему, открыла его, и кинжалъ опустила въ свой карманъ. Три минуты спустя, она уже была въ саду, и по песчанымъ извилистымъ дорожкамъ спѣшила въ отдаленную Гречевню. Она не чувствовала дождя завялыхъ листьевъ, которые сыпались на нее, она не чувствовала земли подъ своими ногами. Рука ея въ карманѣ сжимаетъ рукоятку кинжала, до половины вышедшаго изъ ноженъ.

Она достигла Грачевни, ее обняла тѣвъ густыхъ вѣтвей. Сердце ея то неистово билось, то замирало въ ея груди. Черезъ минуту онъ будетъ здѣсь, подойдетъ къ ней съ своею живою улыбкой, не подозрѣвая, что ей извѣстна вся его подлость, и она вонзитъ этотъ кинжалъ въ его грудь.

Бѣдное дитя! бѣдное дитя! она, которая, бывало, со слезами просила пустить пойманную рыбку обратно въ воду,—она, которая не въ состояніи была задавить муху, теперь въ бѣшенствѣ своей страсти думаетъ, что можетъ убить человѣка, одно слово, одинъ взглядъ котораго поражаетъ изнеможеніемъ ея нервы.

Но что же это такое лежитъ на дорогѣ, посерединѣ сырыхъ листьевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея?

Боже мой! это онъ — онъ лежитъ безъ движенія, шляпа свалилась съ его головы. Онъ вѣрно занемогъ, упалъ безъ чувствъ. Рука ея выпускаетъ кинжалъ, и она бросается къ нему. Глаза его открыты, но онъ не видитъ ея. Она опускается на колѣни, поднимаетъ милую ей голову, цѣлуетъ этотъ блѣдный, холодный лобъ.

— Антони, Антони! скажи мнѣ хоть слово — это я, это Тина! Боже, онъ умер!

ГЛАВА XIV.

— Да, Менардъ, говорилъ сэръ-Кристоферъ, весело болтая съ мистеромъ Гильфилемъ въ библіотекѣ, — это въ самомъ дѣлѣ замѣчательно: никогда въ жизни, мнѣ не случилось задумать плана и не привести его въ исполненіе. Я планы свои обдумываю хорошо, и никогда, ни на шагъ не отступаю отъ нихъ, — вотъ въ чемъ вся штука. Непреклонная воля, вотъ все мое волшебство. И послѣ удовольствія начертать себѣ замысловатый планъ, ничего нѣтъ лучше на свѣтѣ какъ видѣть его осуществленнымъ. Этотъ годъ будетъ самымъ счастливымъ въ моей жизни, исключая конечно 93-й, когда я вступилъ во владѣніе замкомъ и женился на Генриеттѣ. Старый домъ наконецъ отдѣланъ со всѣмъ; женитьба Антони, — самая задушевная моя забота, — устроилась совершенно по моему желанію; надѣюсь, скоро и вамъ придется заказывать вѣнчальное колечко для маленькой ручки нашей Тины. Не качайте головой съ такимъ грустнымъ видомъ, я уже говорилъ вамъ, что почти всѣ мои пророчества сбываются. Но вотъ, кажется, пробило четверть перваго; пора мнѣ съѣздить въ Гай-Эшъ переговорить съ Маркгемомъ насчетъ

рубки дѣса. Старые мои дубы поплачутъ объ этой свадьбѣ, но чтожь...

Вдругъ дверь растворилась, и Катерина, блѣдная какъ смерть съ глазами, помутившимися отъ ужаса, вбѣжала и кинулась шею къ сэръ-Кристоферу.

— Антони... Грачевнѣ... онъ умеръ... въ Грачевнѣ... проговорила она задыхаясь, и безъ чувствъ упала на полъ.

Въ одно мгновеніе, сэръ-Кристоферъ выбѣжалъ изъ комнаты и мистеръ Гильфиль нагнулся надъ Катериной, чтобы приподнять ее. Когда онъ взялъ ее на руки, онъ почувствовалъ что-то твердое и тяжелое у нея въ карманѣ. Что бъ это могло быть? Былъ бы ей не ушибиться... Онъ отнесъ ее на диванъ, отыскавъ въ карманъ и вынулъ оттуда кинжалъ.

Менардъ вздрогнулъ. Неужели она помышляла о самоубійствѣ? Или... или... Имъ вдругъ овладѣло ужасное подозрѣніе. «Онъ умеръ... въ Грачевнѣ...» Онъ вознегодовалъ самъ на себя за мысль, заставившую его вынуть кинжалъ изъ ноженъ. Нигдѣ не было на немъ слѣдовъ крови, и Менардъ готовъ былъ выщипать острое лезвіе за это доказательство его невинности. Онъ спряталъ кинжалъ къ себѣ въ карманъ, съ тѣмъ чтобы отвести его какъ можно скорѣе, на обычное, извѣстное ему мѣсто въ галлерей. Однако, для чего же Катерина взяла этотъ кинжалъ? Что произошло въ Грачевнѣ? Не въ бреду ли она говорила!

Онъ боялся позвонить, боялся позвать кого-нибудь къ ней на помощь. Мало ли что она могла сказать, очнувшись отъ обморока? Можетъ-быть возобновится бредъ... Онъ не могъ рѣшиться оставить Катерину, а между тѣмъ неволью упрямилъ себя за то, что не послѣдовалъ за сэръ-Кристоферомъ, чтобы дознаться истины. Все это въ одно мгновеніе промелькнуло въ его умѣ, но это мгновеніе показалось ему такъ безконечно долгимъ, что тотчасъ же потомъ онъ съ ужасомъ спохватился, что слѣдовало бы ему чѣмъ-нибудь помочь Катеринѣ, какъ-нибудь привести ее въ память. Къ счастью, на столѣ у сэръ-Кристофера стоялъ полный графинъ. Онъ попробуетъ сперва sprinkle ее холодною водою, можетъ-быть она очнется и безъ посторонней помощи.

Между тѣмъ, сэръ-Кристоферъ, не переводя духу сѣлалъ въ Грачевню; лице его, еще недавно сіявшее такимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, теперь помрачилось неяснымъ страхомъ.

Громкій, тревожный лай Руперта, побѣжавшаго за нимъ, раздражилъ мистера Бетса, въ это самое время возвращавшагося домой; онъ поспѣшно пошелъ по направленію звука, и у самого порога въ Грачевню встрѣтился съ баронетомъ. Ему достаточно было взглянуть на сэръ-Кристофера. Мистеръ Бетсъ, не сказавъ ни

на, пошелъ рядомъ съ нимъ, между тѣмъ какъ Рупертъ кинулся впередъ среди сухихъ листьевъ, обнюхивая землю. Не прошло минуты, какъ его порывистый лай возвѣстилъ имъ, что нашелъ что-то; и тотчасъ же потомъ онъ вернулся къ нимъ, вскочивъ черезъ высокую засаженную насыпь. Они свернули въ сторону, чтобы взобраться на эту насыпь; Рупертъ все алкалъ передъ ними, указывая имъ дорогу. Шумное, нестройное манье грачей, самый шелестъ сухихъ листьевъ подъ ихъ ногами, казались баронету какими-то зловѣщими звуками.

Наконецъ они взошли на насыпь и стали спускаться внизъ. Сэръ-Кристоферъ видитъ что-то темное, среди желтыхъ листьевъ покрывающихъ нижнюю дорожку. Невольный трепетъ пролетѣлъ по его могучимъ членамъ. Рупертъ подбѣгаетъ къ нему и беретъ его дрожащую руку, какъ бы желая приободрить его потомъ опять бросается обнюхивать тѣло.

А, это тѣло... тѣло Антони.

Его бѣлая рука съ брилліантовымъ перстнемъ, судорожно сжимающая горсть пожелтѣвшихъ листьевъ. Глаза полумертвы, они не чувствуютъ лучей солнца, прямо падающихъ на нихъ сквозь кусты.

Онъ можетъ-быть онъ только въ безпамятствѣ, можетъ-быть ему сдѣлалось дурно. Сэръ-Кристоферъ сталъ на колѣни, лизалъ галстукъ, разстегнулъ жилетъ и приложилъ руку сердцу. Можетъ-быть онъ въ обморокъ; невозможно, невозможно, чтобъ это была смерть. Нѣтъ, прочь эту страшную мысль!

- Бѣгите, Бетсъ, бѣгите за помощью, мы отнесемъ его въ коттеджъ. Отправьте кого-нибудь въ замокъ, увѣдомить герца Гильфия и Уаррена. Пусть они тотчасъ же пошлютъ докторомъ Гартомъ, и осторожно предупредить миледи и сэра Эшеръ, что Антони боленъ.

Мистеръ Бетсъ поспѣшилъ домой, и баронетъ остался одинъ; все еще стоялъ на колѣняхъ возлѣ тѣла племянника. Молодые гибкіе члены, свѣжія щеки, нижнія губы, гладкія бѣлыя руки, все было холодно, все оцѣпенѣло; лицо старика нагнуто надъ тѣломъ въ безмолвномъ отчаяніи; его старыя, жилистые пальцы трепетно искали какого-нибудь признака, что жизнь еще не улетѣла безвозвратно.

Рупертъ стоялъ тутъ же, какъ вѣрный сторожъ; онъ лизалъ руки, мертваго, то у живаго, вдругъ кидался вслѣдъ за мистеромъ Бетсомъ, какъ бы для того, чтобы привести его поскорѣе, тотчасъ же потомъ возвращался на прежнее мѣсто, чувствуя себя не въ силахъ покинуть своего господина въ минуту

ГЛАВА XV.

Странная бываетъ минута, когда, въ первый разъ, съ надъ человѣкомъ, лежащимъ безъ чувствъ, и видишь, какъ въ проблескъ сознанія озаряетъ безжизненныя черты, какъ лучу солнца на горныхъ вершинахъ, спавшихъ въ пасмурной мглѣ. Легкій трепетъ и оцѣпенѣвшіе глаза опять покрываются мглой; на мгновеніе отражается въ нихъ только полусознаніе денца, потомъ, съ судорожнымъ движеніемъ, они раскрываются совсѣмъ и начинаютъ *смотреть*; они видятъ *настоящее*, но является имъ какими-то чуждыми письменами; еще нѣтъ толкователя — памяти.

Трепетная радость наполнила сердце мистера Гильфильда, и эта перемена промелькнула на лицѣ Катерины. Онъ всталъ надъ нею, стараясь согрѣть въ своихъ рукахъ ея холодныя руки; онъ смотрѣлъ на нее съ нѣжнымъ состраданіемъ, когда она открыла глаза и устремила на него изумленный взоръ. Ему пришло въ голову, что онъ можетъ найти вина въ столовой. Онъ вышелъ изъ комнаты, и взглядъ Катерины обратился къ окну и упалъ на кресло сэръ-Кристофера. Вотъ зрѣлище, которое порвалась цѣпь ея сознанія, и всѣ происшествія жизни утра стали мало-по-малу возникать въ ея памяти, не ясно и не послѣдовательно, какъ плохо запомненный сонъ, когда снится Менардъ съ рюмкой вина. Онъ приподнялъ ее, и она пила глотокъ; но все еще она молчала, напрасно стараясь зажать свои воспоминанія; между тѣмъ дверь растворилась, и порогъ показался мистеръ Уарренъ, съ лицомъ, предвѣщающимъ что-то страшное. Мистеръ Гильфильдъ, боясь, чтобы онъ не говорилъ въ присутствіи Катерины, пошелъ къ нему на кухню, приложивъ палецъ къ губамъ и вывелъ его въ столовую на сторону коридора.

Катерина, нѣсколько оживленная возбуждающимъ дѣйствіемъ вина, стала ясно припоминать все, что произошло въ Гринвичѣ. Тамъ лежалъ Антонъ, бездыханный; она прибѣгла туда, чтобы позвать сэръ-Кристофера; ей нужно пойдти посмотреть, что они съ нимъ дѣлаютъ, можетъ-быть онъ еще не умеръ; можетъ-быть онъ лежалъ безъ чувствъ; вѣдь люди умираютъ безъ чувствъ. Пока мистеръ Гильфильдъ совѣтовался съ Уарреномъ, какимъ образомъ сообщить печальную вѣсть

Иверель и миссъ Эшеръ, а въ душѣ рвался вернуться къ Катеринѣ, бѣдная дѣвушка слабымъ шагомъ добрела до главнаго хода, который остался открытъ. Силы ея стали возвращаться лишь только она подышала свѣжимъ воздухомъ, а вмѣстѣ съ силами проснулась вся живость прежнихъ впечатлѣній, прежнее непреодолимое желаніе вернуться въ Грачевню, къ Антони. Она шла все быстрѣе и быстрѣе, и, наконецъ, найдя искусственную ялу въ своей страстной тревогѣ, пустилась бѣжать.

Но вотъ она слышитъ тяжелые шаги, и на деревянномъ мостикѣ, подъ тѣнью поблекшихъ деревь, видитъ людей неующихъ что-то. Вотъ она встрѣтилась съ ними лицомъ къ лицу. Антони уже не лежитъ въ Грачевнѣ; они несутъ его на выхваченной наскоро двери, а вотъ за нимъ идетъ сэръ-Кристоферъ; тиснутыя губы, смертельная блѣдность, выраженіе какого-то осредоточеннаго страданія въ глазахъ, все въ немъ высказываетъ съ трудомъ подавленное горе сильной натуры. Видъ этого лица, на которомъ Катеринѣ никогда еще не случилось подмѣтить слѣдовъ душевной муки, пробудилъ въ ней порывъ новаго увства, на минуту заглушившаго всѣ прочія. Она тихо приблизилась къ нему, молча взяла его руку и пошла рядомъ съ нимъ. сэръ-Кристоферъ не имѣлъ духу отослать ее, и такъ она шла вмѣстѣ съ печальною процессіей до коттеджа мистера Гетса, и тамъ присѣла молча, не сводя глазъ съ Антони, выжилая, не очнется ли онъ?

Она еще не замѣтила, что кинжалъ исчезъ изъ ея кармана; на даже не подумала о немъ. При видѣ Антони, лежавшаго безъ жизни, безъ движенія, непривычныя для нея чувства гнѣва и невинности мигомъ разсѣялись; въ ея душѣ осталась одна прежняя, вѣчная любовь.

Давнишнее настроеніе взяло свое; единственное воспоминаніе, связанное для нея съ этими потускнѣвшими, мутными глазами, было то, что они когда-то смотрѣли на нее съ любовью. Она была всѣ оскорбленія, забыла муки ревности, забыла всю его жестокость и всю свою жажду мести, какъ изгнанникъ забываетъ бурный переѣздъ, отдѣляющій его отъ родимаго олка, забываетъ грустную страну, въ которой онъ остался внокомимъ.

ГЛАВА XVI.

Еще до наступленія вечера исчезла всякая надежда. Докторъ Гртъ тотчасъ же объявилъ, что все кончено. Тѣло Антони перенесли въ замокъ, и всѣ узнали какое надъ ними рзразилось горе.

Докторъ Гэртъ спрашивалъ Катерину; она отвѣчала только, что нашла Антони, неподвижно лежавшимъ въ Грачевѣ. Никто конечно, кромѣ мистера Гильфиля, не могло поразить, что именно случилась тутъ. Послѣ этого краткаго отвѣта она уже прерывала молчанія. Она все сидѣла въ углу кухни садясь отрицательно качала головой, когда Менардъ сталъ ее упрашивать вернуться съ нимъ домой, и, повидимому, не въ состоянн думать ни о чемъ, кромѣ возможности, что Антони очнется. Но наконецъ тѣло понесли въ замокъ, она встала и опять пошла домой съ сэръ-Кристоферомъ, такъ тихо, что даже докторъ не возражалъ противъ ея присутствія.

Рѣшили положить тѣло въ библіотеку до завтра когда жень прїѣхать коронеръ производить слѣдствіе. Когда наконецъ заперли дверь, Катерина машинально завернула въ галлерею, чтобъ отправиться наверхъ, въ свою комнату, единственное мѣсто, гдѣ она могла спокойно предаваться своему горю. Въ этотъ разъ случилось ей проходить по галлерей послѣ той ужасной минуты; вся эта обстановка пробудила въ ней полудушные воспоминанія. Желѣзная броня уже не сверкала на утренней солнцѣ, она висѣла, мрачная и темная, надъ шкапомъ, изъ котораго она вынулъ кинжалъ. Да! теперь ей припомнилось все! и душевныя муки, и преступленіе! Но гдѣ же теперь кинжалъ? Она ошупала карманъ, кинжала тамъ не было. Неужели пригрезилось это ей все? Она открыла шкафъ; кинжала нѣтъ. Увы! все это не могло быть такъ; она точно виновата и преступна. Но гдѣ же онъ? Гдѣ кинжалъ? Неужели онъ могъ выпасть у нея изъ кармана? Ей слышались шаги на лѣстницѣ, и она опрометью бросилась въ комнату, и тамъ, упавъ на колѣни передъ кроватью и съ закрытымъ лицомъ отъ докучнаго свѣта, старалась припомнить всѣ подробности, всѣ волненія сегодняшняго утра.

Все съ новою ясностію возникло передъ нею; все, что сдѣлалъ Антони, все, что она почувствовала въ прошедшіе столько мѣсяцевъ съ самаго того іюньскаго вечера, когда у нихъ былъ разговоръ въ галлерей. Она прерывала всѣ бурныя порывы страсти, свою ревность, свою ненависть миссъ Эшеръ, свое желаніе отмстить Антони. О, сколько легло у нея на совѣсти! Она всему причиной; она довлеетъ надъ этими поступковъ и рѣчей, которыя такъ раздражали ее. Наконецъ, если онъ и виноватъ передъ нею, чтобъ она хотѣла отплатить ему? Она такъ преступна, что не можетъ надеяться на прощеніе. Ей бы хотѣлось признаться миссъ Эшеръ, чтобъ ее наказали; ей хотѣлось бы пасть на колѣни передъ всѣми, передъ самой миссъ Эшеръ. Сэръ-Кристоферъ

ы отослалъ; онъ не захотѣлъ бы имѣть ее на своихъ глазахъ, бѣ онъ узналъ все; но ей легче бы было видѣть его гнѣвъ и пере- и заслуженное наказаніе, чѣмъ попрежнему принимать его и, храня на душѣ ужасную тайну. Но за то, если сэръ-Кристо- , узнаетъ все, это еще усилитъ его горе; онъ станетъ еще частиѣе прежняго. Нѣтъ! ей невозможно признаться; вѣдь ей плось бы обвинять Антони. Но ей нельзя оставаться въ замкѣ; должна бѣжать, ей невозможно выносить взгляда сэръ-Кри- ера, видѣть всѣ эти вещи, напоминающія ей объ Антони и ея преступленіи. Можетъ-быть она скоро умретъ; она чув- етъ такую слабость! Не можетъ-быть, чтобы въ ней оста- много жизни. Она уйдетъ куда-нибудь, будетъ жить бѣдно ренно, и молить Бога, чтобъ Онъ простилъ ея согрѣшенія лъ ей скорѣе умереть.

дное дѣтя и не подумало о самоубійствѣ. Лишь только остыла ая вспышка гнѣва, вернулась вся ея природная нѣжность и сть; она могла только любить и тосковать. По неопытности ѣ, она не могла вполне сообразить всѣ послѣдствія своего га изъ замка; она не предвидѣла всего ужаса и тревоги, со- кенныхъ съ неминуемыми поисками.

дни подумаютъ, что я умерла, говорила она себѣ и мало-по- меня забудутъ. И Менардъ скоро утѣшится и полюбитъ ю.»

размысленія были прерваны легкимъ шумомъ у двери; кт- стучалась мистрисъ Беллами. Ее прислалъ мистеръ Гиль- , узнать о здоровьи миссъ Сарти и принести ей кушанья на.

Нездоровый у васъ видъ, душа моя, сказала старая экономка— какъ и трясетесь, какъ въ лихорадкѣ. Послушайтесь меня, е въ постель. Я пришлю Марту, нагрѣть ваши простыни и пить каминь. А вотъ, посмотрите какой славный арроруть авленный виномъ. Кушайте, кушайте, васъ это согрѣетъ. А опять нужно идти внизъ, некогда мнѣ здѣсь оставаться. ько тамъ дѣла! Миссъ Эшеръ все въ истерикахъ, а горнич- ея слегла въ постель; она такая жалкая, слабая; то и дѣло уютъ мистрисъ Шарпъ. Но я вамъ пришлю Марту, а вы раз- тесь-ка, да прилягте. Будьте умницей, поберегите себя.

Благодарю васъ, добрая мамочка, сказала Тина, дѣлуя смор- ную щеку старухи. Я съѣмъ арроруть, а вы больше обо не беспокойтесь сегодня вечеромъ. Мнѣ будетъ очень хо- р, когда Марта затопитъ каминь. Скажите мистеру Гильфилю, мнѣ лучше. Я сейчасъ лягу; такъ вы уже не приходите ко можетъ-быть я засну.

Хорошо, хорошо, берегите себя, будьте умницей; дай Богъ спокойно заснуть.

Катерина проглотила аррорутъ, пока Марта разводила огонь; ей хотѣлось подкрѣпить себя на дорогу, и она оставила в своей комнатѣ блюдо съ сухарями, чтобы спрятать къ себѣ въ карманъ. Она была поглощена мыслию какъ бы уйти изъ замка, и перебирала въ головѣ всѣ средства, которые представляла ей кратковременная опытность.

Уже стемнѣло; ей придется ждать до разсвѣта, потому что слишкомъ страшно отправиться въ путь въ темнотѣ; но ей прежде всего нужно уйти прежде чѣмъ кто-нибудь преслѣдуетъ ее до дому. Она знала, что будетъ сидѣть въ библиотекѣ надъ тѣломъ Антони, но надѣялась пробраться въ садъ черезъ маленькую дверь гостиной, по другую сторону дома.

Она приготовила бурнусъ, шляпку и вуаль; потомъ заглянула въ бюро и вынула изъ него разбитый портретъ, завернутый въ бумагу. Она завернула его вмѣстѣ съ двумя записочками Антони, завернутыми карандашомъ и спрятала къ себѣ на грудь. Тутъ были фарфоровый ящичекъ, подарокъ Доркаста, рядомъ съ жемчужными сережками, и шелковый кошелекъ съ пятнадцатью шиллинговыми монетками, которые сэръ-Кристоферъ дарилъ ей каждый годъ въ день ея рожденія, съ самыхъ тѣхъ поръ какъ взяли ее въ домъ. Брать ли ей съ собою серги и кошелекъ?

Тяжело было бы ей разстаться съ ними; они какъ будто сохраняли на себѣ отпечатокъ отеческой нѣжности сэръ-Кристофера. Ей бы хотѣлось, чтобы ихъ вмѣстѣ съ нею положить въ гробъ. Она надѣла кругленькія сережки и положила въ кошелекъ съ фарфоровымъ ящичкомъ. У нея былъ другой кошелекъ съ деньгами; она высыпала ихъ и стала пересчитывать. Семи-шиллинговія монеты она ни за что не хотѣла выдать. Оказалось, что у нея, кромѣ того, есть еще гиней и восемь шиллинговъ, - чего же больше!

Она присѣла, въ ожиданіи разсвѣта, боясь лечь въ постель, чтобы слишкомъ не заспать. Еслибы только она еще разъ увидѣть Антони, поцѣловать его холодный лобъ! Это невозможно. Она не достойна этого утѣшенія. Она не бѣжать отъ него, бѣжать отъ сэръ-Кристофера, отъ леди Рель, отъ Менарда, отъ всѣхъ, кто былъ такъ добръ къ ней, не подозревая ея вины.

ГЛАВА XVII.

На другое утро, почти первую мыслию мистрисъ Шарлотта забота о Катеринѣ, которую ей не удалось навѣстить въ тюрьму, несмотря на то, что, отчасти по истинной привязанности, а отчасти по сознанию своей собственной важности, она не могла

чала ее заботамъ мистрисъ Беллами. Въ половинѣ осьмага она авилась въ комнату Тины съ благимъ намѣреніемъ присовѣтъ ей строгую діету, напоить какимъ слѣдуетъ лѣкарствомъ и лечь на цѣлый день въ постель. Но, отворивъ дверь, она увидала, что постель пуста и даже не помята. Очевидно, Тина и не пришла. Что бѣ это значило? Неужели она просидѣла всю ночь на пролетъ, а теперь вышла въ садъ? Бѣдняжка! Немудрено, вчерашнія происшествія совершенно разстроили ей; каково было найти тѣло капитана, можетъ-быть она совсѣмъ лишилась разсудка.... Мистрисъ Шарпъ съ безпокойствомъ заглянула въ комнату, гдѣ обыкновенно хранились бурнусъ и шляпка Тины, ихъ не было тамъ, значить, у ней достало разсудка одѣться потеплѣе. Все же добрая женщина сильно встревожилась и поспѣшила къ мистеру Гильфилю, который сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Мистеръ Гильфиль, сказала она, затворивъ за собой дверь, видя что-то безпокоитъ миссъ Сарти.

Что такое? воскликнулъ бѣдный Менардъ, и въ головѣ его мелькнула мысль, что Катерина какъ-нибудь проговорилась на что-нибудь.

Ея нѣтъ въ ея комнатѣ; кровать даже не помята; ни солопа, ни шляпки я не нашла.

Въ минуту мистеръ Гильфиль не былъ въ состояніи выговорить слова. Онъ былъ убѣжденъ, что все кончено: Катерина ушла на себя руки. На лицѣ его вдругъ выразилось такое отчаяніе, что мистрисъ Шарпъ сама испугалась дѣйствія своихъ словъ.

О, сэръ, мнѣ, право, тяжело васъ такъ огорчать и безпокоить, но я рѣшительно не знала къ кому еще обратиться.

Нѣтъ, нѣтъ, вы очень хорошо сдѣлали.

Мое отчаяніе придало ему силы. Теперь, какъ все кончено, оставалось только страдать, терпѣть, и помогать другимъ выносить горе. Онъ продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ.

Ни слова никому обо всемъ этомъ. Мы не должны тревожить леди Чеверель и сэръ-Кристофера. Можетъ-быть, миссъ Шарпъ просто вышла погулять. Она была страшно разстроена, и немудрено, что волненіе не дало ей заснуть. Пройдите тихоньку по всѣмъ комнатамъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли ея въ саду. А я пойду поискать ее въ саду.

Онъ сошелъ внизъ и, чтобы никого не встревожить въ домѣ, зашелъ прямо на Островъ за мистеромъ Бетсомъ, котораго онъ нашелъ и встрѣтилъ. Ему онъ повѣрилъ свои опасенія насчетъ миссъ Шарпъ, объясняя ихъ тѣмъ, что вчерашнее событіе повидимому совершенно разстроило ее и даже подѣйствовало на ея умъ; онъ послалъ садовника послать людей отыскивать ее въ саду и въ

паркѣ, и освѣдомиться о ней во всѣхъ сторожкахъ; если во всѣ эти поиски ни къ чему не поведутъ, нужно будетъ немедленно спустить пруды.

— Боже упаси отъ такого несчастія, Бетсъ, но намъ же самимъ будетъ спокойнѣе, когда мы обобщемъ всѣ мѣста.

— Положитесь на меня, положитесь на меня, мистеръ Гильфиль. Эхъ! да я бы согласился пойти въ поденщики на всю остальную свою жизнь, только бы не случилось съ нею ничего дурнаго.

Добрый садовникъ печально пошелъ въ конюшню, чтобы послать верховыхъ по всѣмъ направленіямъ въ паркѣ.

Вторую мысль мистера Гильфиля было обыскать Грачевню: можетъ быть ее опять потянуло къ тому мѣсту, гдѣ умеръ капитанъ Вибрау. Онъ поспѣшно обошелъ всѣ насыпи, заглянулъ за каждое толстое дерево, прослѣдилъ всѣ изгибы дорожки. Собственно говоря, онъ едвали надѣялся отыскать ее здѣсь, но эта возможность удалала на время страшную, неотвязную мысль, что тѣло Катерины найдется въ водѣ. Обойдя всю Грачевню, онъ торопливо пошелъ вдоль рѣчки, окаймлявшей сѣверной стороны; рѣчка почти вездѣ обросла деревьями; въ одномъ мѣстѣ она становилась вдругъ гораздо шире и глубже обыкновеннаго; вѣроятнѣе было, что Катерина направилась скорѣе всѣмъ къ пруду. Онъ спѣшилъ впередъ, напрягая зрѣніе; безрассудно мерещилось ему то, чего онъ такъ боялся увидеть.

Вотъ что-то бѣлзется за этимъ кустомъ. Колѣни подкашиваются у него. Ему кажется, что онъ различаетъ ея платье, пришивающееся къ вѣткѣ, ея милое лицо опрокинутое навзничь. О, Боже, дай силы вынести непосланное тобою испытаніе! Вотъ онъ почти дошелъ до куста, и бѣлый предметъ зашевелился. Это водная птица, которая распустила свои бѣлыя крылья, улетѣла съ громкимъ крикомъ. Онъ самъ не знаетъ, отрадно ли ему или грустно, что онъ не нашелъ ея здѣсь. Мысль, что ея уже нѣтъ въ живыхъ, все лежитъ тяжелымъ камнемъ у него на душѣ.

Когда онъ дошелъ до большаго пруда, передъ фасадомъ моста, онъ увидѣлъ людей, столпившихся около него и приготовившихся къ страшному обыску, который долженъ былъ замѣнить всякой ужасъ опредѣленнымъ горемъ; старикъ-садовникъ, мучимый известностію, не могъ дожидаться, чтобъ испробовали всѣ другія средства отыскать Катерину. Прудъ уже не смѣлся, сверкая среди водяныхъ лилій. Его темныя воды смотрѣли какъ-то жестко неподвижно, какъ будто бы въ ихъ холодной глубинѣ нѣкогда сокрылись погибшія радости и надежды бѣднаго Менарда.

Въ его головѣ толпились мысли о томъ, какъ отзовется это несчастіе на другихъ. Всѣ окна и ставни въ фасадѣ замка были

закрыты, сэръ-Кристоферъ врядъ ли могъ замѣтить что происходило передъ домомъ; но мистеръ Гильфиль зналъ, что не долго можно будетъ отъ него скрывать отсутствіе Катерины. Скоро прійдетъ Коронеръ производить слѣдетвіе, за нею пошлютъ, чтобы распросить ее; и тогда необходимо будетъ объявить все баронету.

ГЛАВА XVIII.

Часовъ въ двѣнадцать, когда всѣ поиски оказались тщетными и коронера ожидали съ минуту на минуту, Мистеръ Гильфиль не могъ долѣе откладывать тягостнаго разговора съ сэръ-Кристоферомъ; баронетъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ узнать о новомъ несчастіи, постигшемъ его домъ; оставалось только по возможности приготовить его къ тому.

Сэръ-Кристоферъ сидѣлъ въ своей уборной; дневной свѣтъ едва пробивался сквозь темныя, опущенныя занавѣси оконъ. Мистеру Гильфилю въ первый разъ приходилось видѣть его въ это утро, и онъ былъ пораженъ, до какой степени бодрый старикъ постарѣлъ и опустился за одну ночь. Морщины на лбу и на щекахъ какъ-то глубже обозначились, цвѣтъ лица потускнѣлъ, вѣки распухли; самые глаза, недавно такъ быстро и проникательно глядѣвшія на все окружающее, теперь были безжизненны, неподвижны, какъ будто бы въ нихъ отражалось одно прошлое.

Онъ протянулъ руку Менарду, который молча пожалъ ее и молча сѣлъ подлѣ старика. Сердце сэръ-Кристофера какъ-то смягчилось отъ этого безмолвнаго сочувствія. Слезы выступили у него въ глазахъ, и готовы были покатиться по щекамъ крупными каплями. Первые его слезы, съ тѣхъ поръ какъ онъ возмужалъ, были пролиты надъ Антони.

Менардъ чувствовалъ, что азыкъ у него прилипъ къ гортани. Онъ не былъ въ силахъ самъ начать разговоръ: онъ рѣшился ждать, чтобы сэръ-Кристоферъ самъ промолвилъ что-нибудь, что бы дало ему поводъ сообщить грустную вѣсть.

Наконецъ баронетъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и проговорилъ:

— Я очень слабъ, Менардъ, да поддержишь меня Господь! Я не полагалъ, чтобы меня что-либо могло такъ сразить. Да, я всѣ свои надежды возложилъ на этого мальчика. Можетъ-быть, я виноватъ передъ сестрой; мнѣ бы слѣдовало простить ее. Она недавно скоронила одного изъ своихъ сыновей. Я былъ слишкомъ гордъ и упоренъ...

— Да, сказалъ Менардъ, — только горе можетъ насъ научить смирению и покорности; затѣмъ можетъ-быть Богъ и испосылаетъ намъ такіа тяжкіа испытанія. Вотъ сегодня намъ новая забота.

— Тина? тревожно проговорилъ сэръ-Кристоферъ. — Неужли Тина больна?

— Я очень беспокоюсь о ней. Она вчера была страшно взволнована... а съ ея слабымъ здоровьемъ... я, право, не знаю, каковы могутъ послѣдствія такого ужаснаго потрясенія.

— Бѣдняжка!... Неужли она въ бреду?

— Одинъ Богъ вѣдаетъ что съ нею. Мы не можемъ отыскать ее. Мистрисъ Шарпъ сегодня утромъ вошла въ ея комнату и нашла ее пустою. Шляпка и мантилья ея исчезли. Мы вездѣ искали ее, и въ домѣ, и въ саду, и въ паркѣ, и... въ водѣ. Никто ее не видалъ съ тѣхъ поръ какъ Марта развела у нихъ огонь, вчера вечеромъ, часовъ въ семь.

Пока говорилъ мистеръ Гильфиль, въ глазахъ сэръ-Кристофера устремленныхъ на него, опять блеснуло что-то похожее на проницательность; внезапно, какъ будто бы при новой, мучительной мысли, его взволнованное лицо еще болѣе помрачилось. Когда Гильфиль замолчалъ, онъ положилъ руку къ нему на плечо и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Менардъ, неужли бѣдняжка любила Антони?

— Да...

Менардъ остановился въ нерѣшительности; въ немъ боролось опасеніе еще болѣе огорчить сэръ-Кристофера съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, избавить Катерину отъ несправедливаго попрека. Глаза сэръ-Кристофера все еще неослабно были устремлены на него, а онъ невольно потупился, стараясь найти выраженія, которыя могли бы нѣсколько смягчить жестокую истину.

— Вы не должны несправедливо осуждать Катерину, проговорилъ онъ наконецъ. — Ради ея, я принужденъ сказать вамъ то, что въ иномъ случаѣ я бы никогда не рѣшился выговорить. Квинтанъ Вибрау овладѣлъ ея сердцемъ, оказывая ей вниманіе, отъ котораго ему бы слѣдовало воздерживаться. Прежде еще чѣмъ зашла рѣчь о его бракѣ съ миссъ Эшеръ, онъ увѣрялъ Катерину въ своей любви.

Сэръ-Кристоферъ выпустилъ руку Менарда и отвернулся отъ него. Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, повидимому стараясь превозмочь свое волненіе.

— Мнѣ нужно тотчасъ же поговорить съ Генриеттой, сказалъ онъ наконецъ, и въ голосѣ его зазвучала прежняя рѣшительность. — она все должна узнать; но отъ всѣхъ другихъ мы по справедливости скроемъ истину. Милый мой, продолжалъ онъ болѣе ин-

кимъ тономъ,—на вашу долю пало самое тяжкое испытаніе. Но, можетъ-быть, мы еще найдемъ ее; мы не должны отчаиваться; мы еще не имѣли времени принять надлежащія мѣры. Бѣдное мое дитя! Прости мнѣ, Господи! Я воображала, что знаю и вижу все, а между тѣмъ былъ слѣпъ и глухъ.

ГЛАВА XIX.

Наконецъ тяжелая недѣля дотянулась до конца. На основаніи произведеннаго слѣдствія, присяжные коронера произнесли приговоръ: скоростыжная смерть. Докторъ Гартъ, которому извѣстно было положеніе здоровья капитана Вибрау, приписывалъ ее давней болѣзни въ сердцѣ, прибавляя однако, что, вѣроятно, ее ускорило какое-нибудь необычайное волненіе. Одной миссъ Эшеръ былъ извѣстенъ поводъ, по которому капитанъ Вибрау отправился въ Грачевню, но она ни разу не произнесла имени Катерины, и вообще отъ нея старались удалить всѣ печальныя подробности слѣдствія. Мистеръ Гильфиль же и сэръ-Кристоферъ не безъ основанія предполагали, что причиной волненія было какое-нибудь свиданіе, назначенное Катеринѣ.

Всѣ поиски по ней были напрасны, да и не мудрено; всѣ руководились предположеніемъ, что она наложила на себя руки. Никто и не замѣтилъ отсутствіе бездѣлицъ, которыя она вынула изъ своего бюро; никто и не зналъ о существованіи портрета или о томъ, что она сохранила всѣ монетки, подаренныя ей въ дни рожденія; не могло также показаться страннымъ, что въ этотъ день на ней были надѣты жемчужныя сережки.

Всѣ думали, что она ушла, ничего не взявши съ собою, и такимъ образомъ не могла уйти далеко; къ тому же, при ея тревожномъ, напряженномъ настроеніи, всего вѣроятнѣе было, что она такъ или иначе положила конецъ своей жизни. Нѣсколько разъ обходили одни и тѣ же мѣста, шли за три или четыре вокругъ замка, осматрѣли каждый прудъ, каждую лужу по содѣйствию.

Иногда Менарду приходило въ голову, что смерть сама достигла ее вслѣдствіе холода и изнеможенія. Каждый день онъ бродилъ по сосѣднимъ лѣсамъ, разбрасывая кучи сухихъ листьевъ, какъ бы надѣясь найти подъ ними ея безжизненное тѣло. Потомъ имъ овладѣвала другая, страшная мысль, и онъ опять, день за днемъ, осматривалъ всѣ пустыя комнаты въ домѣ, заглядывая въ каждый чуланъ, за каждый шкапъ, мучимый страхомъ, что

онъ найдетъ ее гдѣ-нибудь съ безуміемъ во взглядѣ, открытымъ, но не распознающемъ ничего.

Но наконецъ прошли эти пять безконечныхъ дней; кареты кончились, кареты возвращались черезъ паркъ. Когда онъ выѣзжалъ изъ замка, шелъ крупный дождь; но теперь небо расчистилось и солнечный лучъ заигралъ на мокрыхъ кустарникахъ, осиявшихъ дорогу. Этотъ лучъ падалъ прямо на лицо всадника, медленно подвигавшагося по дорогѣ; въ немъ мистеръ Гильмиль тотчасъ же узналъ (несмотря на нѣсколько поубавившагося мужества) Данила Нотта, бывшаго кучера, женившагося гдѣ-то десять тому назадъ на краснощекой Доркасѣ.

Всякое новое обстоятельство пробуждало одну и ту же мысль въ умѣ мистера Гильмиля; лишь только взглядъ его упалъ на знакомое лицо Нотта, онъ спросилъ себя: «не пріѣхалъ ли онъ сообщить что-нибудь на счетъ Катерины?» Потомъ онъ вспомнилъ, что Катерина очень любила Доркасѣ, что она всегда присылала ей какой-нибудь подарокъ, съ Ноттомъ, когда ему случалось заѣхать въ замокъ. Не могло ли статься, что Тина отправилась къ Доркасѣ? Но сердце опять замерло у него при мысли, что вѣроятно Ноттъ пріѣхалъ только потому, что услышалъ о смерти капитана Вибрау и захотѣлъ узнать, какъ его старый господинъ перенесъ этотъ ударъ.

Какъ только карета доѣхала до дому, онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и началъ тревожно шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, и желая сойдти внизъ поговорить съ Ноттомъ, и боясь разрушить послѣднюю, слабую свою надежду. Всякій, взглянувъ на это лицо, обыкновенно дышавшее такимъ спокойнымъ добродушіемъ, увидѣлъ бы, что послѣдняя недѣля оставила на немъ тяжелые слѣды. Днемъ онъ все ходилъ или разѣзжалъ верховъ, отыскивая Катерину, или распоряжаясь поисками другихъ. По ночамъ онъ не смыкалъ глазъ, развѣ лишь иногда случалось ему впасть въ легкую дремоту, въ которой ему мерещилось, что онъ нашелъ Катерину мертвую, послѣ чего онъ просыпался, вздрагивая, и намѣсто страшнаго сна встрѣчалъ ту же неотвязчивую мысль, что точно все кончено, что точно онъ больше ея не увидитъ. Его свѣтлые сѣрые глаза ввалились и потускнѣли; полныя, беззаботныя губы какъ-то напряженно сжались; лобъ, прежде гладкій и открытый, болѣзненно сморщился. Онъ лишился не только предмета недавней страсти, онъ лишился существа, съ которымъ связаны были всѣ любящія силы его души; такъ ручеекъ, у котораго мы играли, и цвѣты, которые мы собирали въ дѣтствѣ, навѣки остаются связаны въ нашей душѣ съ чувствомъ прекраснаго. Для него слово *любовь* не значило ничего иного, кромѣ любви къ Катеринѣ. Въ

одожденіи многихъ лѣтъ, мысль о ней не покидала его, пришла и озаряла для него все, какъ воздухъ и свѣтъ, а теперь, когда онъ потерялъ ее, ему казалось, что исчезла для него возможность какого бы то ни было наслажденія: небо, земля, ежедневная прогулка, ежедневный разговоръ могли остаться, а то, что придавало имъ прелесть и отраду, погибло навсегда.

Но вотъ ему послышались шаги по корридору, и кто-то потучался къ нему въ дверь. Голосъ его дрожалъ, когда онъ проворилъ: «войдите», и новая внезапная вспышка надежды почти мѣлю отозвалась въ его сердцѣ, когда онъ увидѣлъ Уаррена, а вмѣстѣ и Данила Нотта.

— Вотъ пришелъ Ноттъ, сэръ, съ извѣстіями о миссъ Сарті. Онъ разсудилъ, что лучше провести его прямо къ вамъ.

Мистеръ Гильфиль не вытерпѣлъ, чтобы не схватить руку караго кучера и крѣпко пожать ее; но онъ не былъ въ силахъ говорить ни слова, и только рукой указалъ ему на стулъ; между тѣмъ какъ Уарренъ молча вышелъ изъ комнаты.

Онъ впился глазами въ круглое, добродушное лицо Данила, и въ то время прислушивался къ его тоненькому, пискливому голоску, съ какимъ же напряженнымъ, торжественнымъ ожиданіемъ, какъ будто бы передъ нимъ предсталъ грозный вѣстникъ изъ царства тѣней.

— Меня, сэръ, прислала Доркасъ; но мы ничего не знали о томъ, что случилось въ замкѣ. Она такъ тревожится о миссъ Сарті, что сегодня упросила меня осѣдлатъ моего *Воробья*, бросить пашню, и поѣхать сюда доложить обо всемъ сэръ-Крестову да миледи. Вы, можетъ-быть, слышали, сэръ, мы уже не одержимъ трактира въ Слоппетерѣ; дядя мой умеръ года три тому назадъ и оставилъ мнѣ наслѣдство. Онъ служилъ прикащикомъ у сквайра Рембла, знаете, у котораго большія такія фермы. Мы наняли маленькую ферму, акровъ въ сорокъ или коло, потому что моей Доркасъ наскучилъ трактиръ, когда ошли у насъ дѣти. Право, премилое мѣстечко, сэръ; и водопой ия скота въ двухъ шагахъ.

— Ради Бога, сказалъ Менардъ,—разкажите мнѣ про миссъ Сарті; я покамѣстъ не въ силахъ говорить ни о чемъ другомъ.

— Такъ вотъ же, сэръ, сказалъ Ноттъ, нѣсколько перепуганной горячностью молодого пастора:—она пріѣхала къ намъ въ звончичей телѣжкѣ, въ середу вечеромъ, часу уже въ десятомъ; Доркасъ выбѣжала на крыльцо, когда услышала, что тѣлѣжка остановилась передъ нашимъ домомъ, и миссъ Сарті бросилась обнимать Доркасъ, и говорить: «Возьмите меня къ себѣ, Доркасъ, возьмите меня къ себѣ!» и словно въ обморокъ упала. А Доркасъ меня зоветъ, кричитъ: «Даннелъ!» я выбѣжалъ и внесъ

въ комнату молодую леди; черезъ нѣсколько минутъ она очулась и раскрыла глаза, и Доркасъ дала ей выпить ложечку ромъ съ водой; у насъ славный ромъ, онъ остался у насъ еще отъ трактира, и Доркасъ никому не даетъ его пить. Она говоритъ, что бережетъ его про болѣзнь; а мнѣ кажется, что жаль пить хорошаго ромъ, когда нѣтъ ни аппетита, ни вкуса; ужъ все равно, лѣнства глотать. Ну, Доркасъ уложила ее въ постель, и съ тѣхъ поръ она и не вставала; все лежитъ, точно одурѣлая, и не молвить слова; ничего не ѣсть, и насилу иногда женъ удасть уговорить ее проглотить что-нибудь. Мы не могли придумать, отчего это она ушла изъ замка, и Доркасъ уже стала бояться, что что-нибудь да не такъ. А сегодня утромъ она не вытерпѣла, непременно захотѣла, чтобъ я отправился сюда разузнать, въ чемъ дѣло. Я проѣхалъ двадцать миль на своемъ Воробѣ, который все думаетъ, что онъ на пашнѣ, и вслѣдъ каждаго тридцати шаговъ все хочетъ завернуть назадъ, какъ будто бы онъ покончилъ борозду. Трудненько мнѣ съ нимъ приходилось, сэръ, могу сказать!

— Да наградить васъ Господь за то, что вы пріѣхали, Потт! сказалъ мистеръ Гильфиль, опять пожимая руку стараго кучера. — Теперь подите внизъ, покушайте чего-нибудь, да отдохните. Вы переночуете здѣсь; скоро я приду къ вамъ разузнать, кака ближайшая дорога въ вашу ферму. Я тотчасъ же отправлюсь туда, какъ только переговорю съ сэръ-Кристоферомъ.

Часъ спустя, мистеръ Гильфиль скакалъ на доброй лошади по дорогѣ къ грязной деревенькѣ, миль около пяти за Слоуптеренкъ. Опять ему показалось радостнымъ сіяніе вечерняго солнца, опять ему стало весело смотрѣть, какъ мимо него пролетаютъ деревья и кусты, чувствовать подъ собою ровный галопъ вороной Китти, и вдыхать свѣжій вѣтерокъ, прямо дующій ему въ лицо.

Катерина не умерла; онъ нашелъ ее; сила его любви и нежности велика; она должна возвратитъ ей жизнь и счастье. Послѣ этой недѣли мрачнаго отчаянія, внезапно пробудившаяся надежда уносила его далеко за предѣлы обычныхъ мечтаній. Катерина наконецъ полюбитъ его, она будетъ его женой. Они прошли черезъ всѣ эти муки и испытанія для того только, чтобъ она могла узнать всю глубину его любви. Какъ онъ будетъ ее беречь, какъ онъ будетъ любоваться своею милою птичкою, съ ласковыми, робкими глазами, какъ онъ будетъ вслушиваться въ ея сладкія пѣсни! Она прильнетъ къ нему, ея измученное сердечко отдохнетъ у его груди. Въ любви сильнаго и вѣрнаго чувства всегда есть отбѣнокъ любви материнской; въ душѣ его сохранился запасъ той покровительствующей нежности, которая нѣкогда сіяла на него изъ глазъ его матери.

Уже вечерело, когда онъ добралъ до деревушки Каллама, и спросилъ у какого-то работника, возвращавшагося домой, дорогу къ Данилу Нотту; ему сказали, что онъ живетъ рядомъ съ церковью, возвышавшею на небольшомъ пригоркѣ свою неуклюжую колокольню, обвитую плющомъ. Такимъ образомъ, онъ безъ труда нашелъ *красивое жилище*, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывался Данилъ; изъ двери велъ скотный домъ, наполненный отличнымъ удобреніемъ и не отдѣленный отъ жилища никакими загородками; хозяинъ былъ врагъ пустыхъ и бесполезныхъ украшеній.

Лишь только мистеръ Гильфиль подошелъ къ воротамъ, какъ его завидѣлъ блѣлокурый мальчикъ, лѣтъ девяти, преждевременно облеченный въ *toga virilis*, то-есть въ толстую, суровую блузу; онъ выбѣжалъ навстрѣчу къ необычному гостю. Вскорѣ и Доркасъ показала у дверей; розы на ея щекахъ нисколько не поблѣднѣли отъ сравненія съ четырьмя парами румяныхъ щечекъ, выглядывавшихъ изъ-за нея, и даже съ толстѣйшимъ малюткой, котораго она держала на рукахъ и который сосалъ корку хлѣба, прехладнокровно вытаращивъ глаза.

— Мистеръ Гильфиль, не правда ли? сказала Доркасъ, низко ему кланяясь, между тѣмъ какъ онъ осторожно пробирался по сырой соломѣ, привязавъ свою лошадь у воротъ.

— Да, Доркасъ; вы едва-едва меня узнаете. Какова миссъ Сарти?

— Все въ одномъ положеніи, сэръ; Даниелъ вамъ вѣрно разказалъ. Вѣдь вы приѣхали изъ замка? какъ это вы успѣли такъ скоро?

— Да, онъ прибылъ въ замокъ во второмъ часу, а я отправился тотчасъ же, какъ только переговорилъ съ нимъ. Но вѣдь ей не хуже, не правда ли?

— Никакой вѣтъ переменны, сэръ; ни къ лучшему, ни къ худшему. Да не угодно ли вамъ будетъ войти, сэръ? Она все лежитъ, не шевелится, и ничего не замѣчаетъ, точно ребенокъ двухъ-недѣльный; на меня она смотритъ такими страшными глазами, какъ будто бы меня не узнаетъ. О, скажите мнѣ, мистеръ Гильфиль, что это значитъ? Какъ это она ушла изъ замка? Что дѣлаютъ сэръ-Кристоферъ и миледи?

— Они въ большомъ горѣ, Доркасъ. Капитанъ Вибрау, знаете, племянникъ сэръ-Кристофера, умеръ скоропостижно. Миссъ Сарти нашла его мертвымъ въ саду; я боюсь, что этотъ испугъ подействовалъ на ея голову.

— Боже милосердый! Этотъ красивый молодой джентльменъ, про котораго всё говорили, что онъ будетъ наследникомъ. Я его помню маленькимъ, когда онъ приѣзжалъ погостить въ

замокъ. Да, истинное горе для баронета и миледи! А бѣдная миссъ Тина,—она нашла его мертвымъ? О, Боже мой, Боже мой!

Доркасъ между тѣмъ провела гостя въ парадную кухню, временную комнату, какъ обыкновенно бывають кухни въ замкахъ, гдѣ нѣтъ особой гостиной; огонь отражался на блестящемъ ряду желтыхъ тарелокъ и кастрюль; тщательно вылощенные столы были такъ чисты, что такъ и хотѣлось ихъ погладить; въ одномъ углу стоялъ ящикъ съ солью, въ другомъ треугольное кресло; стѣны были уставлены заготовленнымъ въ прокъ саломъ, а потолокъ украшался висѣвшими окороками.

— Садитесь, сэръ, сдѣлайте милость, сказала Доркасъ, передвигая треугольное кресло:—да извольте выкушать что-нибудь послѣ длиннаго переезда. Бекки, возьмите малютку.

Бекки, толстая, краснорукая дѣвушка, вышла изъ задней кухни и принялась нанчить малютку, который, по врожденному или по избытку жира, очень спокойно согласился перейти изъ рукъ въ руки,

— Чѣмъ же я могу попотчевать васъ, сэръ? Не угодно ли вамъ ветчины, или чаю, или, можетъ-быть, вамъ угодно будетъ выкушать стаканчикъ рому съ водою? Я знаю, что у насъ нѣтъ такихъ кушаній, къ которымъ вы привыкли, но все, что только есть въ домѣ, будетъ къ вашимъ услугамъ, и я за честь почту васъ чѣмъ-нибудь угостить.

— Благодарю васъ, Доркасъ: я не могу ни ѣсть, ни пить. Я ничуть не голоденъ и не усталъ. Поговоримъ о Тинѣ: неужели она ничего вамъ не сказала?

— Ничего, сэръ. Послѣ первыхъ словъ: «Милая Доркасъ, говоритъ, возьмите меня къ себѣ», она упала въ обморокъ и уже не открывала рта. Я иногда уговорю ее скушать какой-нибудь кусочекъ и выпить капельку, но она ни на что не обращаетъ вниманія. Иногда я къ ней приводила Бесси (дочь Доркасъ посадила къ себѣ на колѣни кудравую, трехлѣтнюю дѣвочку, которая давно уже вертѣла въ рукахъ уголь переднихъ матери, вытаращивъ глаза на гостя), думала, не займется ли она ребенкомъ, вѣдь это бываетъ съ больницами. Мы набрали въ огородѣ осеннихъ крокусовъ, и Бесси натаскала ихъ къ ней на постель. Я помнила, что миссъ Тина, когда была маленькая, очень любила цвѣточки. Но она смотрѣла на Бесси и на цвѣты точно какъ будто бы она и не видала ихъ. У меня сердце разрывается, когда я посмотрю на ея глаза; она какъ будто бы стала больше, и она смотритъ точно такъ же, какъ мой бѣдный малютка, который зачахъ и умеръ прошлаго года. Онъ такъ исхудалъ, что ручки у него стали совсѣмъ прозрачны. Но я надѣюсь, сэръ, что когда она васъ увидитъ, то вспомнитъ про замокъ, и, можетъ-быть, очнется немногою.

Менардъ самъ отчасти питалъ эту надежду; но слова Доркасѣ опять обдали холодомъ его сердце, въ которомъ недавно пробудилось столько радости при извѣстїи, что Катерина жива. Теперь ему невольно навязывалась мысль, что не хватитъ у нея силъ и нравственныхъ и тѣлесныхъ, чтобъ оправиться послѣ страшнаго потрясенія, что нѣжная ея жизнь надломлена невозвратно.

— Подите, Доркасѣ, узнайте, какова она; но не говорите ей, что я здѣсь. Можетъ-быть лучше будетъ, если я ей не покажусь до завтрашняго утра, хотя для меня очень тяжело провести еще ночь, не выдавши ея.

Доркасѣ поставила на полъ маленькую Бесси и вышла изъ комнаты. Остальныя три малютки, въ томъ числѣ молодой Даниль въ своей сермяжной блузѣ, стояли въ нѣкоторомъ отдаленїи отъ мистера Гильфила и украдкой поглядывали на него; робость ихъ еще увеличилась, когда ушла мать. Менардъ взялъ ручку Бесси и, притянувъ ее къ себѣ, усадилъ ее на колѣни. Малютка отряхнула свои свѣтлыя кудряшки, взглянула ему прямо въ лицо и спросила, картавя:

— Такъ ты прїѣхалъ къ чужой леди? Ты заставишь ее говорить? Чтѣ ты съ нею сдѣлаешь? Поцѣлуешь ее?

— А ты любишь, чтобы тебя цѣловали, Бесси?

— Нѣтъ, отвѣчала Бесси рѣшительно, и напередъ потупила головку, готовясь къ отчаянному сопротивленію.

— У насъ два щенка, сказалъ маленькій Даниль, ободренный любезнымъ обхожденіемъ гостя съ маленькою Бесси.—Показать ихъ вамъ? Одинъ съ бѣлыми пятнами.

— Какже, покажите.

Даниль выбѣжалъ изъ комнаты, и немного спустя, вернулся съ двумя слѣпыми щеночками, за которыми, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, прибѣжала и мать, повидимому весьма нѣжная; началась трогательная семейная сцена, когда Доркасѣ возвратилась и сказала:

— Въ ней ровно никакой нѣтъ переменъ. Миѣ кажется, что амъ нечего дожидаться завтрашняго дня, сэръ. Она лежитъ тихо, какъ всегда. Я внесла двѣ свѣчи къ ней въ комнату, чтобъ на могла хорошенько разглядѣть васъ. Надѣюсь, сэръ, что вы е взыщете насчетъ помѣщенія, и зато, что я на нее надѣла мой эпчикъ.

Мистеръ Гильфилъ молча кивнулъ головой, и пошелъ вслѣдъ Доркасѣ. Возбравшись на лѣстницу, она отворила первую же юрь; шаги ихъ почти не звучали по устланному полу. Перья занавѣски кровати были задернуты у изголовья, и Доркасѣ поставила свѣчки съ этой стороны такъ, чтобы лучи ихъ падали въ глаза Катеринѣ. Раскрывъ дверь, Доркасѣ шепнула:

— Не лучше ли, сэръ, мнѣ оставить васъ однихъ съ нею?

Мистеръ Гильфиль сдѣлалъ знакъ согласія, и приблизился къ кровати. Катерина лежала, съ глазами обращенными въ противоположную сторону, и, казалось, не замѣтила, что кто-то вошелъ въ комнату. Глаза ея, какъ говорила Доркасъ, казались еще больше врезанныхъ, оттого можетъ-быть, что лицо похудѣло и поблѣднѣло, а всѣ волосы были запрятаны подъ толстый чепцомъ. Маленькія ручки, лежавшія недвижно на одеждѣ, стали худы до прозрачности. Она казалась еще моложе чѣмъ была, и человекъ, взглянувшій въ первый разъ на это миниатюрное личико и эти крошечныя ручки, могъ бы подумать, что они принадлежатъ двѣнадцати-лѣтней дѣвочкѣ, близкой къ измѣненію отъ будущихъ, а не прошедшихъ горестей.

Какъ мистеръ Гильфиль подошелъ и сталъ противъ нея, свѣтъ прямо падалъ ему на лицо. Легкое выраженіе испуга промелькнуло на лицѣ Катерины; она внимательно посмотрѣла на него нѣсколько минутъ, потомъ сдѣлала движеніе рукой, какъ бы для того чтобы подозвать его поближе, и прошептала:

— Менардъ!

Онъ сѣлъ на кровать и нагнулся къ ней. Она шепнула опять

— Менардъ, вы видѣли кинжалъ?

Онъ послѣдовалъ первому своему движенію и отвѣчалъ ей откровенно; въ послѣдствіи онъ увидѣлъ, что хорошо сдѣлалъ.

— Да, сказалъ онъ тихо, — я нашелъ его въ вашемъ карманѣ и опять отнесъ въ галерею.

Онъ взялъ ея ручку и молча держалъ ее, выжидая, что она скажетъ? Сердце его такъ переполнилось благодарностью за то, что она узнала его, что онъ едва могъ удержаться отъ рыданій. Мало-по-малу глаза Тины стали спокойнѣе, взглядъ ихъ сдѣлался менѣе напряженъ. Слезы медленно выступали на нихъ и наконецъ крупными каплями покатались по ея щекамъ; видно было, что онѣ облегчаютъ ея душу; за ними послѣдовали тяжелыя рыданія, и такимъ образомъ она лежала цѣлый часъ, не говоря ни слова, но чувствуя, что растала ледяная кора, сжимавшая ея сердце.

Какъ драгоценны были эти слезы для бѣднаго Менарда, которого такъ долго преслѣдовалъ образъ Тины, глядѣвшей на него сухимъ и жгучимъ взглядомъ сумашествія!

Мало-по-малу рыданія утихли, она стала дышать спокойнѣе, и тихо лежала, закрывъ глаза. Менардъ терпѣливо сидѣлъ подлѣ нея, не замѣчая какъ проходитъ время, не обращая вниманія на старинныя часы, громко стучавшіе въ сѣняхъ. Но часу въ шесть Доркасъ не вытерпѣла, и вошла на цыпочкахъ, чтобы ускорить наконецъ дѣйствіе, произведенное повеленіемъ мистера

Гильфия. Не трогаюсь съ мѣста, онъ шепнулъ ей, чтобъ она подала ему новыхъ свѣчъ, велѣла бы кому-нибудь присмотрѣть за его лошадыю, а сама бы легла спать. Онъ же просидитъ ночь надъ Катериной—въ ней произошла большая перемѣна.

Немного спустя, губы Тины зашевелились :

— Менардъ! шепнула она опять; онъ нагнулся къ ней, и она продолжала:—Такъ вы знаете, какая я грѣшная, злая? Вы знаете, что я хотѣла сдѣлать этимъ кинжаломъ?

— Вы хотѣли себя убить, Тина?

Она тихо покачала головой, и потомъ молчала въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, наконецъ, взглянувъ на него какъ-то странно-торжественно, прошептала:

— Убить его.

— Тина, дорогая, безцѣнная моя Тина, вы бы этого не сдѣлали никогда: Господь видѣлъ всю вашу душу. Ему извѣстно, что вы неспособны добровольно причинить вредъ какому бы то ни было живому созданію. Онъ охраняетъ своихъ дѣтей и не допуститъ ихъ совершить поступокъ, противъ котораго возмущалась бы собственная ихъ душа. Въ вашемъ сердцѣ только на мгновеніе промелькнула гнѣвная мысль, и Онъ вамъ прощаетъ ее.

Она опять впала въ глубокое молчаніе, продолжавшесся почти до самой полночи. Видно было, что усталому, изнеможенному ея уму трудно было прослѣдить какую бы то ни было мысль. Наконецъ она опять заговорила шопотомъ, въ отвѣтъ на послѣднія слова Менарда:

— Да, во мнѣ такъ долго таились дурныя чувства! Я такъ сердилась, я такъ ненавидѣла миссъ Эшеръ, я и подумать не могла о чужомъ горѣ, потому что сама такъ страдала. Меня всю охватили дурныя страсти; я самое грѣшное созданіе въ мірѣ.

— Нѣтъ, Тина, многіе точно такъ же грѣшны, какъ вы. И меня часто осаждаютъ грѣшныя чувства, часто мнѣ приходитъ искушеніе дурно поступить; но я сильнѣе васъ тѣломъ, я лучше умѣю скрыть свои чувства, лучше умѣю противиться имъ. Они не берутъ верхъ надо мной. Вы видѣли маленькихъ птичекъ, когда онѣ еще очень молоды и только что начинаютъ летать: какъ всѣ ихъ перышки оцетинятся, когда онѣ разсердятся или испугаются чего-нибудь! Онѣ никакой не имѣютъ власти надъ собой, и могутъ упасть съ высоты отъ одного страха. Вы были похожи на такую птичку. Тоска и горе такъ овладѣли вами, что вы сами не знали, что дѣлали.

Ему не хотѣлось говорить долго, чтобы не утомить ея, не отяготить ея головки слишкомъ многими мыслями. Казалось, ей нужны были длинныя промежутки молчанія прежде чѣмъ она могла сосредоточить свои чувства и выразить ихъ словами.

— Но если я *хотѣла* это сдѣлать, проговорила она потомъ, — не все ли это равно какъ еслибъ я уже совершила преступленіе!

— Нѣтъ, моя Тина, отвѣчалъ Менардъ тихо, съ намѣренною разстановкой, — намъ иногда хочется совершить дурное дѣло, на которое, собственно, мы вовсе не способны, точно также какъ у насъ бываютъ и хорошія намѣренія, которыя мы не въ силахъ осуществить. Мысли наши не рѣдко бываютъ хуже насъ самихъ, точно также какъ онѣ часто бываютъ и лучше насъ. А Господь видитъ насъ вполне; Онъ не судитъ насъ, какъ наши ближніе по отдѣльнымъ чувствамъ и поступкамъ. Мы постоянно не справедливы другъ къ другу, постоянно ставимъ другъ друга или слишкомъ низко или слишкомъ высоко, потому именно, что видимъ и слышимъ только отдѣльныя дѣйствія и слова. Мы не можемъ окинуть взглядомъ всю душу нашего ближняго. Но Богу извѣстно, что вы неспособны совершить это преступленіе.

Катерина молча покачала головой. Минуту спустя она сказала:

— Я не знаю сама... мнѣ казалось, что я вижу его, что онъ ко мнѣ подходитъ, и... и я все-таки хотѣла его убить.

— Но когда вы увидѣли его, что тогда случилось съ вами, Тина?

— Я увидѣла, что онъ лежитъ на землѣ и подумала, что съ нимъ дурно. Я сама не знаю, что со мною случилось, я все забыла въ эту минуту. Я стала на колѣни подлѣ него, заговорила съ нимъ, а онъ... онъ не пошевелинулся, глаза у него были неподвижны и я стала думать, что онъ умеръ.

— И съ тѣхъ поръ не возвращался вашъ гнѣвъ?

— О нѣтъ, нѣтъ! Я сама хуже всѣхъ на свѣтѣ; я сама виновата во всемъ.

— Нѣтъ, моя Тина, вина не вся на вашей сторонѣ; *онъ* былъ виноватъ; *онъ* былъ первою причиною всему. Онъ дурно съ вами поступилъ; вслѣдствіе этого и вы стали къ нему питать дурное чувство, но вы извинительныѣ его. Я грѣшныѣ чѣмъ вы, Тина, и часто съ озлобленіемъ смотрѣлъ на капитана Вибрау, и еслибъ онъ меня такъ раздражалъ и оскорблялъ какъ васъ, я можетъ-быть сдѣлалъ бы что-нибудь хуже.

— О нѣтъ, онъ не былъ такъ виноватъ, онъ не зналъ, до какой степени мнѣ тяжело. Да могъ ли онъ меня любить какъ я его любила? И могъ ли онъ жениться на такой бѣдной дѣвчонкѣ какъ я?

Менардъ на это не отвѣчалъ, и опять настало молчаніе, потому Тина не сказала:

— А къ тому же, я всѣхъ обманывала. Никто не зналъ, какъ я дурная. *Padroncello* и не подозрѣвалъ ничего; онъ меня называлъ своею добренькою обезьянкой... А еслибъ онъ зналъ, что бъ онъ подумалъ обо мнѣ?

— Милая Тина, у всѣхъ насъ есть тайные грѣхи, и если мы оглянемся на нихъ, мы не станемъ жестоко осуждать ближнихъ. Самъ сэръ-Кристоферъ почувствовалъ, когда разразилось надъ нимъ это горе, что онъ былъ слишкомъ настойчивъ и упрямъ.

Такимъ образомъ, въ прерывистыхъ признаніяхъ и успокоительныхъ отвѣтахъ проходили часы, отъ темной ночи до колоднаго разсвѣта, и отъ разсвѣта до первыхъ лучей зари. Мистеру Гильфилю казалось, что въ эту долгую ночь, узы, связывавшіе его навсегда съ Катериной получили какую-то новую жгу, были освящены чѣмъ-то свыше. Такъ бываетъ во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, основанныхъ на глубокомъ, истинномъ сочувствіи: каждый новый день радости или горя становится новымъ источникомъ, новымъ освященіемъ любви, питающей не только надеждами, но и воспоминаніями, любви, для которой постоянное повтореніе—не скука, а потребность, для которой одинокая радость равняется страданію.

Запѣли пѣтухи; заскрипѣли ворота; на дворѣ послышался какой-то топотъ, и Доркасъ стала пошевеливаться въ своей комнатѣ. Эти звуки повидимому встревожили Катерину; она съ безукорыстностью взглянула на мистера Гильфиля, и спросила:

— Менардъ, вы уходите?

— Нѣтъ, я останусь здѣсь въ Калламѣ, пока вы не оправитесь, тамъ мы уѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не возвращусь въ замокъ! Я буду жить одна и зарабатывать себѣ хлѣбъ...

— Хорошо, дорогая Тина, вы будете дѣлать то, что вамъ поется лучше. Но куда мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы хоть немножко заснули. Постарайтесь успокоиться, а тамъ, Богъ дастъ, вы почувствуете себя лучше, и вамъ можно будетъ посидѣть на ровати. Господь сохранилъ вашу жизнь, несмотря на все это горе; грѣшно не пользоваться Его дарами. Милая Тина, вы себя удете беречь, неправда ли? Маленькая Бесси какъ-то разъ присохла вамъ цвѣточковъ, вы тогда и не посмотрѣли на нее. Но въ другой разъ вы ее приласкаете, не такъ ли?

— Я постараюсь, смиренно прошептала Тина и закрыла глаза.

Когда солнце поднялось на горизонтѣ, разсѣивая утреннія тучи, и золотя своими лучами маленькое, рѣшетчатое окошко, Катерина уже спала крѣпкимъ сномъ. Менардъ тихо высвободилъ свою руку изъ ея руки, обрадовалъ Доркасъ добрыми вѣстями, и отправился въ сосѣднюю гостиницу, внутренне благодаря Бога за то, что Тина по крайней мѣрѣ пришла въ себя. Повидимому, появленіе его отчасти прервало цѣпь мучившихъ ее воспоминаній, и навело ее на откровенное изліяніе, которое могло

означать начало благодѣтельнаго переворота. Но тѣло ея такъ ослабѣло, душа такъ истомилась, что требовалась крайняя заботливость и осторожность. Первымъ его дѣломъ было удостовѣриться обо всемъ сэръ-Кристофера и леди Чеверель; потомъ письмомъ же пригласить сюда свою сестру, которой онъ намѣревался поручить Катерину. Онъ зналъ, что ей не годится покуда возвращаться въ замокъ, даже еслибъ она могла на это охотно согласиться; тамъ каждый предметъ долженъ былъ снова растравлять душевную ея рану. Если же она останется нѣсколько времени съ его кроткою, доброю сестрой, которая живетъ такъ тихо и мирно, у которой такой миленькій, веселенькій мальчикъ, Тина, можетъ-быть, опять приважется къ жизни, и современемъ, хоть отчасти, оправится отъ страшнаго потрясенія, пошатнувшаго ея нравственныя и тѣлесныя силы. Написавъ оба письма и на скоро позавтракавъ, онъ опять сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Слоупетеръ, чтобы тамъ отдать ихъ на почту и сыскать доктора, которому онъ могъ бы вѣрить нѣжное здоровье Катерины.

ГЛАВА XX

Меньше недѣли спустя, Катерину уговорили отправиться въ путь, въ удобной каретѣ, подъ покровительство мистера Гильфила и его сестры, мистрисъ Геронъ. Ласковые голубые глаза послѣдней, ея кроткія манеры, успокоительно дѣйствовали на бѣдное, измученное дитя, тѣмъ болѣе, что мистрисъ Геронъ принимала съ нею тонъ сестринскаго равенства, совершенно новый для нея. Величественныя манеры леди Чеверель, при всей ея добротѣ, всегда держали Тину въ нѣкоторомъ принужденіи, а теперь ей отраднo было имѣть подлѣ себя такую милую молодую женщину, ухаживающую за нею съ нѣжностью старшей сестры и говорящую кроткимъ и ласковымъ голосомъ.

Менардъ почти негодовалъ на себя за то, что чувствовалъ себя такъ счастливымъ покуда не миновала еще опасность. вившій надъ жизнію Тины; но новое для него наслажденіе заботиться о ней ежечасно, охранять ее, не разставаться съ нею по цѣлымъ днямъ, такъ поглощало его, что не оставило мѣста для страха или сожалѣній.

На третій день, карета остановилась у воротъ Фоксгома пасторскаго дома; на ступеняхъ крыльца стоялъ самъ предобный Артуръ Геронъ, обрадованный прїѣздомъ своей Люси, и держалъ за руку широкоплечаго, бѣлокураго мальчика глѣтъ пяти, который усердно пощелкивалъ своимъ крошечнымъ бичомъ.

Нигдѣ нельзя было увидѣть лужайки, болѣе гладко подкошенной, дорожекъ чище выметенныхъ, навѣса живописнѣе опутаннаго вьющимися растеніями, чѣмъ здѣсь, въ жилищѣ фоксгомскаго пастора, расположенномъ среди березъ и каштановъ, на полускатѣ горы, на которой возвышалась церковь; внизу виднѣлась деревня, разсыпанная среди полей и луговъ, съ зелеными изгородами и раскидистыми деревьями, еще избавленная отъ благодѣяній улучшенной методы хозяйства.

Весело топился каминъ въ большой гостиной, и весело свѣтился огонь въ маленькой розовой спальнѣ, назначенной для Катерины, потому что изъ оконъ этой комнаты не было видно кладбища, а передъ ними рисовался хорошенькій коттеджъ, съ ульями, собранными въ кучку, мирно пасущимися коровами, со всею веселою суетой здоровой полевой работы. Мистрисъ Геронъ, съ тонкимъ чутьемъ впечатлительной души, написала мужу, чтобъ онъ приготовилъ эту комнату для Катерины. Добродушныя пестрыя куры, терпѣливо отыскивающія себѣ зернышка хлѣба, иногда благодѣтельнѣе дѣйствуютъ на измученное сердце чѣмъ роца съ соловьями; есть что-то невыразимо успокоительное въ незатѣйливой веселости хохлатыхъ цыплятъ, избалованныхъ дворняшекъ и терпѣливыхъ рабочихъ лошадокъ, съ наслажденіемъ пьющихъ изъ какой-нибудь лужи.

Не мудрено, что мистеръ Гильфиль надѣялся, что Катерина отдохнетъ душой въ этомъ уголкѣ, исполненномъ комфорта, безъ гнѣни пышности, могущей сколько-нибудь ей напомнить Чеверельскій замокъ; здѣсь она можетъ мало-по-малу страхнуть съ себя давящій гнетъ воспоминаній и оправиться отъ слабости и изнеможения, которыя въ ней были признаками душевнаго недуга. Слѣдующею его заботой было помѣниться на время занятіями съ кураторомъ мистера Герона, чтобъ имѣть возможность остаться при Катеринѣ и слѣдить за постепеннымъ ея выздоровленіемъ. Конечно, она рада была видѣть его подлѣ себя, каждый день съ негерпѣніемъ ждала его прихода, и хотя немного говорила съ нимъ, но чувствовала себя счастливѣе, когда онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и держалъ ея тоненькую, слабенькую ручку въ своей мощной рукѣ. Но Освальдъ, Оззи тожъ, широкоплечій мальчишкѣ, былъ можетъ-быть самымъ полезнымъ для нея товарищемъ. Въстѣ съ нѣкоторыми чертами лица дяди, онъ наследовалъ и дядину раннюю страсть къ домашнему звѣрincu и очень настоятельно требовалъ сочувствія Тины къ своимъ морскимъ свинкамъ, бѣлкамъ и суркамъ. Были минуты, когда, играя съ нимъ, она припоминала собственное свое беззаботное дѣтство, и вообще часы, проведенные въ комнатѣ маленькаго Оззи, производили для ней довольно скоро.

Мистрисъ Геронъ не занималась музыкой; у нея не было даже инструмента, но мистеръ Гильфиль уже позаботился о томъ, чтобы достать клавикорды; онъ поставилъ ихъ въ гостиную и распорядился, чтобы они постоянно были открыты, надѣясь, что какъ-нибудь проснется въ Катеринѣ прежняя любовь къ музыкѣ, и невольнo привлечетъ ее къ клавишамъ. Но прошла почти вся зима, и не сбылось его ожиданіе. Катерина, конечно, оправилась нѣсколько, но въ ней осталось то же томное равнодушіе ко всему окружающему; ласковая, благодарная улыбка, добродушная покорность прихотямъ Освальда, и минутное вниманіе къ тому, что происходило вокругъ нея—вотъ все, чего могли добиться отъ нея. Изрѣдка она бралась за какую-нибудь женскую работу, но слабенькіе ея пальчики почти тотчасъ же опускались сами собой, и она опять впадала въ молчаливую задумчивость.

Наконецъ настала перемѣна. Былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ февральскихъ дней, когда въ теплыхъ лучахъ солнца уже виденъ намекъ на приближающуюся весну. Менардъ гулялъ по саду съ нею и съ Освальдомъ и показывалъ имъ первые подснежники. послѣ прогулки она легла отдохнуть на диванъ. Оззи вертѣлся по комнатѣ, полусознательно отыскивая какое-нибудь запрещенное удовольствіе: случайно ему попались клавикорды, и онъ ручкой своего бича ударилъ по низкой, басовой нотѣ.

Звукъ этотъ потрясъ Катерину подобно электрическому толчку: ей казалось, что новая душа вселяется въ нее, что въ ней пробуждается новая жизнь, болѣе глубокая и полная. Она оглянулась вокругъ, встала съ дивана, и подошла къ клавикордамъ. Минуту спустя, ея пальцы пробѣгали по клавишамъ съ прежнею мягкостью и силой, ея душа потонула въ своей стихіи, гармоніи звуковъ, какъ водяная лилія, увядавшая на землѣ, опять распускается и оживаетъ, лишь только обмокнуть ее въ родную струю.

Менардъ поблагодарилъ Господа. Въ Катеринѣ пробудилась дѣятельная сила, она должна была произвести переворотъ въ ея недугѣ.

Вскорѣ мягкія, густыя ноты голоса смѣшались съ болѣе рѣзкимъ звукомъ инструмента, и мало-по-малу пѣніе взяло верхъ надъ клавикордами. Маленькій Оззи стоялъ посерединѣ комнаты, раскрывъ ротъ и растопыривъ ножки; на него почти навела ужасъ такая неожиданная способность со стороны «Тинъ-Тинъ», въ которой онъ привыкъ видѣть ничего болѣе, какъ товарища, не очень дажемышленнаго, и во многихъ отношеніяхъ сильно нуждавшагося въ его совѣтахъ и опытности. Волшебница, вылетѣвшая вдругъ изъ молочнаго кувшина, не могла бы больше удивить его.

Катерина выбрала ту же самую арію изъ *Орфеля*, которую она

шла въ послѣдній разъ, много мѣсяцевъ тому назадъ, при самомъ началѣ своего горя. То была любимая арія сэръ-Кристофера, и звуки ея какъ будто переносили Катерину въ то время, когда жизнь ея весело и беззаботно текла въ Чеверельскомъ замкѣ. Воспоминаніе о долгихъ ясныхъ дняхъ дѣтства и отрочества взяло верхъ надъ краткимъ промежуткомъ горя и вины.

Она остановилась и залилась слезами; то были первыя ея слезы съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась въ Фоксгомѣ. Менардъ не утерпѣлъ; онъ тихо подошелъ къ ней, обнялъ ея станъ и нагнулся, чтобы поцѣловать ее въ головку; она прижалась къ нему, и обвила руками его шею.

Нѣжному, слабому цвѣточку нужна была какая-нибудь опора. Сердце, вновь проснувшееся для музыки, проснулось и для любви.

ГЛАВА XXI.

Тридцатаго мая, 1790 г., жителямъ сосѣднихъ деревень, собравшимся около фоксгомской церкви, представлялась очень красивая картина. Зеленая травка, унизанная росой, весело сверкала на солнцѣ; въ воздухѣ раздавалось чириканье птичекъ и жужжаніе пчелъ, густолиственные каштаны, усыпанные цвѣтами, и бѣлющіе кусты боярышника какъ будто тѣснились вокругъ, чтобы узнать отчего такъ радостно звонятъ церковныя колокола, когда Менардъ Гильфиль съ лицомъ, сіявшимъ отъ счастья, показался у стариннаго готическаго входа, ведя подъ руку Тину. Ея личико все еще было блѣдно, на немъ лежалъ какой-то отгѣнокъ грусти, какъ у человѣка, который въ послѣдній разъ пируетъ съ друзьями, и знаетъ, что скоро ему придется распрощаться съ ними. Но ея маленькая ручка такъ радостно опиралась на руку Менарда, столько робкой любви сіяло въ ея глазахъ въ отвѣтъ на его взглядъ!

За молодою не слѣдовало длинной вереницы подругъ; шла голько хорошенькая мистрисъ Геронъ, опирающаяся на руку красиваго, черноволосаго молодаго человѣка, котораго до сихъ поръ никто не видалъ въ Фоксгомѣ; подлѣ нея шелъ маленькій Оззи, обрадованный не столько новымъ бархатнымъ своимъ платьемъ, сколько мыслию, что онъ играетъ важную роль пафера Тинъ-Тинъ.

Позади всѣхъ шла пара, на которую поселане смотрѣли еще съ бѣльшимъ любопытствомъ чѣмъ на молодыхъ; красивый старый джентльменъ, съ быстрымъ пронизательнымъ взглядомъ, на-

водившимъ невольный ужасъ на всѣхъ присутствующихъ шлюновъ, и величественная леди, въ голубыхъ съ бѣлыми роборахъ, навѣрное походившая на самое королеву Шарлотту.

— Да, вотъ это точно картинка, говорилъ мистеръ Форд, истый страффордширскій патриархъ, опираясь на свою палку и держа голову на бокъ, съ видомъ человека мало надбьющегося на новое поколѣние, но не хотащаго однако лишить его своихъ совѣтовъ и замѣчаній. «Нынѣшняя-то молодежь, совсѣмъ уже не то... на видъ-то бойка, да прочности нѣтъ никакой; ни одинъ изъ нихъ не подержится такъ, какъ сэръ-Крисъфера.»

— Бьюсь объ закладъ, сказалъ другой старикъ, — что этотъ молодецъ, чтò ведетъ подъ руку жену нашего пастора, сватъ сэръ-Крисъфера; онъ на него и похожъ.

— Ну, и останетесь въ дуракахъ. У сэръ-Крисъфера никогда не было сына. А это говорятъ, племянникъ, которому достанутся всѣ помѣстья. Кучеръ ихъ стоялъ въ гостиницѣ *Блэк-Коча* и сказывалъ мнѣ, что былъ другой племянникъ, да какинъ еще молодецъ и красавецъ! да умеръ вдругъ ни съ того ни съ сего; такъ сэръ-Крисъферъ и прискалъ себѣ новаго наследника.

У входа церкви стоялъ мистеръ Бетсъ, въ новехонькомъ костюмѣ, готовый привѣтствовать молодыхъ. Онъ нарочно приѣхалъ изъ Чевереда, чтобы полюбоваться на счастье миссъ Тины, и былъ бы въ совершенномъ восторгѣ, еслибъ его не смущала незначительность букетовъ въ сравненіи съ тѣми, какихъ можно было бы нарвать въ чеверельскихъ садахъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, да пошлетъ Онъ вамъ всаго счастья, дрожащимъ голосомъ проговорилъ добрый садовникъ.

— Благодарю васъ, дядя Бетсъ; не забывайте Тины, сказалъ нѣжный, мягкій голосъ, въ послѣдній разъ ласкавшій слухъ мистера Бетса.

Обычное свадебное путешествіе ихъ были не продолжительное, и они скоро очутились въ Шеппертонѣ, куда мистеръ Гильчиль уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ назначенъ викариемъ. Получилъ онъ это скромное мѣстечко по ходатайству друга, имѣвшаго какія-то права на благодарность семейства Олдинпортыхъ. сэръ-Кристоферъ раздѣлялъ радость Менарда, что онъ могъ поселиться съ Катериной вдали отъ Чеверельскаго замка. Бздоровье все было очень слабо, и всѣ были согласны въ томъ, что страшно было бы заставить ее возвратиться въ тѣ мѣста, гдѣ она столько страдала. Года черезъ два-три, къ тому времени когда не стало бы стараго мистера Кричлея, ректора коббермурскаго, и Катерина по всей вѣроятности была бы счастливою матерью, Менардъ могъ бы переселиться въ Коббермуръ, и Тина не почувствовала бы ничего кромѣ радости, если

бы увидѣла, что новая «черноглазая обезьянка», бѣгаетъ по галлереймъ и саду замка. Счастливая мать не страшится никакихъ воспоминаній,—всѣ призраки прошедшаго исчезли при первой улыбки ея малютки.

Въ этихъ надеждахъ, и въ наслажденіи робкою нѣжностью Кагеринны, мистеръ Гильфиль провелъ нѣсколько блаженныхъ мѣсяцевъ. Она нуждалась въ его любви, жила ею. Ея постоянно томный и утомленный видъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ ея слабого здоровья, и когда явилась надежда, что она будетъ матерью, всѣ друзья ея поразовались и стали надѣяться всего лучшаго для нея.

Но нѣжное растеніе было слишкомъ сильно помато жизнію, и уже не имѣло силы дать распуститься новому цвѣтку.

Тина умерла, и любовь Менарда Гильфиля вмѣстѣ съ нею сошла въ могилу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я передалъ вамъ въ точности все, что зналъ о любви мистера Гильфиля, этой любви, освѣтившей его жизнь за много, много лѣтъ до того времени, когда онъ драхлый, сѣдой и одинокій, сидѣлъ, задумавшись у огня, въ своемъ шеппертонскомъ домикѣ. Густые темные кудри, страстная любовь, глубокое сердечное горе, какъ ни далеки они кажутся отъ рѣдкихъ бѣлыхъ волосъ, равнодушнаго довольства, безстрастнаго спокойствія старости,—все это не что иное какъ нѣсколько бодрыхъ шаговъ по одному и тому же длинному жизненному пути; такъ точно цвѣтуція италіянскія долины, сладкозвучное *addio* дѣвушекъ ихъ, все это часть того же дневнаго переѣзда, переносящаго васъ на другую сторону горы гдѣ вы очутитесь посреди мрачныхъ утесовъ и гортанныхъ голосовъ Швейцаріи. Для тѣхъ, кто только зналъ сѣдаго викарія, нетерпѣливо развѣзжавшаго на своей старой, свовой клячѣ, трудно было бы повѣрить, что онъ же былъ тотъ самый Менардъ Гильфиль, который, съ сердцемъ, переполненнымъ нѣжностію и страстію, что есть духу скакалъ на ворономъ конѣ въ Калламъ, или, что этотъ старый острякъ, съ букомическими вкусами, съ разчетливыми привычками, извѣдалъ нѣкогда всѣ тайны преданной любви, боролся съ ея мученіями, наслаждался ея радостями. И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Гильфиль тѣхъ послѣднихъ шеппертонскихъ дней былъ подверженъ многимъ странностямъ, слабостямъ, которыхъ никто бы не сталъ подозрѣвать въ простомъ, любящемъ Менардѣ. Но съ людьми случается то же, что съ деревьями: если вы отсѣчете лучшія ихъ вѣтви, куда стремится весь молодой жизненный сокъ ихъ, раны

заживуть современемъ, но на мѣстѣ ихъ явится какой-нибудь грубый некрасивый наростъ; и то, чему слѣдовало бы быть высокимъ, вѣтвистымъ деревомъ, обратится въ уродливый, смѣшной пень. Много раздражающихъ недостатковъ, непріятныхъ странностей развиваются вслѣдствіе тяжкаго горя, сдавившаго и исказившаго природу именно въ то время, когда она распускалась во всей своей красотѣ; прѣмахи, ошибки, которые мы такъ строго осуждаемъ, часто не что иное, какъ нетвердая поступь человѣка, который лишился лучшаго своего члена.

Итакъ, старому нашему другу, хотя онъ во многомъ походилъ на узловатый изуродованный дубъ, отъ природы было назначено быть величественнымъ деревомъ. Сердце его было здорово, умъ свѣтелъ, и въ старикѣ, который набивалъ свои карманы пряниками для дѣтей, который отдѣлывалъ своимъ колкимъ словомъ дурные поступки богача и внушалъ къ себѣ самое глубокое уваженіе своимъ прихожанамъ, можно было найти всѣ основныя черты того благороднаго, прямаго и нѣжнаго юноши, влившая въ самыя лучшія, самыя свѣжія силы своей души въ первой и единственной любви — любви къ Тинѣ.

К о н е ц ъ .

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и Ко

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вышинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА „ЧИНОВНИКЪ“. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. Издавъ проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или **МАНЕРЫ** оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодезь, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезныя также для домладѣльцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисунковъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер.; съ пер. 1 р. 30 к. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ къ постройкѣ фабричныхъ и жилыхъ строеній и къ составленію для нихъ проектовъ и сѣтъ. Составленное А. Р. Съ 8-ю таблицами чертежей. М. 1859. Ц. 1 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАТОЛОГІЯ, основанная на теоріи ячеекъ (Целлулярная Патология) Рудольфа Вирхова. Ч. I и II. М. 1859. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ОСНОВАНІЯ КЛИМАТОЛОГІИ, или популярное изложеніе научныхъ свѣдѣній, относящихся къ теченію временъ года и измѣненіямъ погоды. Соч. I. Ж. Гузо. Переводъ съ французскаго. М. 1859. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

УРОСКОПІЯ. Руководство къ изслѣдованію почечнаго отдѣленія, помощію химіи и микроскопа, въ приложеніи къ распознаванію болѣзней. Доктора С. Смирнова. М. 1853. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для путешественника. М. 1858. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ. М. 1858. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ. Сочин. К. Ф. Фонтъ-Дейчь. Изд. 2-е. М. 1859. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 2 руб.

МЕМЕНТО MORI! Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ф. Б. МИЛЛЕРА. Кн. I. М. 1860. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ КРАСОВА. Изд. П. Шейна. М. 1859. Ц. 75 к. съ перес. 1 р. сер.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ВАНИ, подмосковнаго мужичка. Съ 31 литогр. картинками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПОДВИГИ ДѢТСКАГО МИЛОСЕРДІЯ. Повѣсть. Перев. съ Англ. Софьи Редингъ. М. 1859. Ц. 25 коп.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ. Повѣсть каноника Шмидта. Перев. Софьи Р. М. 1859. Ц. 25 коп.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

ЮЛЕ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ПРИБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ И ПО-
ЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ. I—V. К. П. ПОВѢДОНСКОГО
II.—ФАЛЬШИВЫЙ АККОРДЪ. Повѣсть. I—XII. ИДЫ БЕРГЕНЪ.
III.—ГОНЪ-КОНГЪ. I—III. А. В. ВЪШЕСЛАВЦЕВЪ
IV.—УГОЛОВНОЕ ПРАВО ВО ФРАНЦИИ. (Изъ
Law Magazine and Law Review.)
V.—ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ОЕ-
ДОРОВНЫ. Г. В. ЕСИПОВА.
VI.—КОМЕТА. Стихотвореніе. Н. Н. СТРАХОВА.
VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота. I—IV.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

ИМЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ПРИБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ И ПО-
ЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ. VI—IX (Окончаніе). К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.
- II.—СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ КОННОЗА-
ВОДСТВА ВЪ РОССІИ. Л. ИВАНОВА.
- III.—О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІ-
ЯХЪ. I—II. Ф. ГОЛОВАЧОВА.
- IV.—ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ.
Часть первая. I—III. В. КРЕСТОВСКАГО.
- V.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. Статья
Г. Г. Льюиса.
- VI.—«ЖАРКО СОХНУЩЕЙ ЗЕМЛѢ». Стихо-
твореніе. Вс. В. КРЕСТОВСКАГО.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Элиота. V—XII.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1860

АВГУСТЪ. КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. I.—III. С. М. СОЛОВЬЕВА.
II.—ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО. Романъ. Часть первая. IV—VI. (Продолженіе). В. КРЕСТОВСКАГО.
III.—О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. III—IV. (Окончаніе). Г. Ф. ГОЛОВАЧОВА.
IV.—АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. I. М. И. ЗАРУДНАГО.
V.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. II. Статья Г. Г. Льюса.
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
«Въ тиши моей жизни ничтожной». Н. Н. СТРАХОВА.
Штиль. (Изъ Гёте). Ф. Э. РОМЕРА.
VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ. (См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота. (Окончаніе.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

АВГУСТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ ЧЕРКЕССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ СЪВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. Н. КАРЛГОФА.
- II.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ ВО ФРАНЦІИ. IX. Департаменты Марны, Верхней-Марны и Обы. (Прежняя провинція Шампань). ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- III.—ОДИНЪ ИЗЪ МАГИКОВЪ XVIII ВѢКА. М. Н. ЛОЦГИНОВА.
- IV.—АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. II—III. М. И. ЗАРУДНАГО.
- V.—ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО. Романъ. Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). В. КРЕСТОВСКАГО
- VI.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. III. Статья. Г. Г. Льюиса.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотъ.)

Transf. to Pamphlet envelope

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

О податныхъ сословіяхъ и круговой поруки. По поводу вопроса о паспортахъ. И САЛЬНИКОВА.

Исторія русской литературы. *Лѣтописи русской литературы и френности.* А. Д. ГАЛАХОВА.

Прогулка въ Нижній-Новгородъ. Ш. М. СЕ—ВСКАГО.

На пути въ Италію. В. П. ЛЫЖИНА.

Политическое обозрѣніе и замѣтки:

I. Последній событія и общее положеніе дѣлъ.

II. Венгерскій вопросъ.

III. Италянское движеніе.

КОПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1860 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Преспектѣ, въ домѣ Эшгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкою во все мѣсто Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 гл г 3 грошей 3 пеннига.

Печатать дозволяется.

Сентября 10-го. Цензоръ Гиллровъ—Платоновъ

Цензоръ А. Петровъ.

